

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ VI

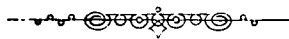
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ VI

1881

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1881

ГОДЪ ВТОРОЙ.

СЕНТЯБРЬ, 1881.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

СЕНТЯВРЬ, 1881 г.

	Стр.	
I. РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ ЗА ГРАНИЦЕИ ВЪ ПРОШЛОМЪ ВѢКѢ. (1771—1773 г.г.). А. П. Милюкова	5	
II. ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. III. Романтико-художественная украинская литература нынѣшняго вѣка. Н. И. Петрова	28	
III. МАЛОРОССІЯНЕ ВЪ ПОЛЬШѢ XVII ВѢКА. Ф. М. Уманца	55	
IV. КНЯЗЬ КУРЬСКІЙ НА ВОЛЫНИ. Ю. Бартошевича	65	
V. РАСКОПКИ НА ОСТРОВѢ КИПРѢ.	86	
VI. УМСТВЕННЫЙ И ПРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕССЪ ЕВРОПЕЙСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ТЕЧЕНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ ТРИДЦАТИ ЛѢТЪ. (1848—1878 г.г.). Ц. Канту . Переводъ съ французскаго съ очеркомъ жизни Канту Д. И. Лебедева	97	
VII. ПРУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ КРЫМѢ ВЪ СЕМИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ	125	
VIII. ИНОСТРАННАЯ ПУТЕШЕСТВЕННИЦА ПО РОССИИ. Д. А.	137	
IX. ТАЛЕЙРАНЪ НА ВѢНСКОМЪ КОНГРЕССѢ. Ф. Б.	148	
X. ВОСПОМИНАНІЯ О РОССИИ АРМАНА ДОМЕРГА. (1805—1813). Продолженіе. Главы VIII—IX	158	
XI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ: 1) Князь Н. Н. Голицынъ. Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ. Корректурное изданіе, не предназначенное для продажи. Кіевъ. 1880 г. I т. in 4°. V+224 стр. — А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Книга 1-я. Сиб., 1881 г., in 4°. VIII+545 стр., съ приложеніемъ герба Шереметевыхъ и 33 литограф. и хромолитограф. снимковъ съ рисунковъ изъ лѣтописныхъ сборниковъ XVI вѣка и съ грамотъ и актовъ того же вѣка. Д. И. Лебедева . — 2) Духовная школа въ Россіи до реформы 1808 года. Сочиненіе П. Знаменскаго. Казань, 1881 года. Д. И. Лебедева	185	
XII. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Именные указы императора Павла I. Сообщ. Г. В. Есиновымъ	203	
XIII. СМѢСЬ: Трехсотлѣтній юбилей Сибири. — Память о Ермакѣ въ Пермскомъ краѣ. — Столѣтіе Пермской губерніи. — Рукописное четвероевангеліе XVII вѣка.—Кавказскій музей	208	
XIV. ОТЪ РЕДАКЦІИ.	216	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Въ золотомъ вѣкѣ. Историческій романъ К. Френцеля . Продолженіе. Часть I. Главы: III (окончаніе), IV, V, VI (начало).— 2) Портретъ Н. А. Демидова . — 3) Объявленіе о подпискѣ на сочиненіе „ Нашъ вѣкъ “ и два пробныхъ листа этого изданія.		

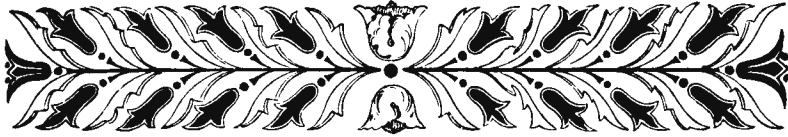

НИКИТА АХИНФІЕВИЧЪ ДЕМИДОВЪ.

Съ гравированнаго портрета, издавнаго въ 1786 году, рѣзалъ на деревѣ Панемаеръ
въ Парижѣ.

РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ ВЪ ПРОШЛОМЪ ВѢКѢ.

(1771—1773 гг.).

А О ПОЯВЛЕНІЯ путевыхъ писемъ Фонвизина и Карамзина, всѣ записки и рассказы русскихъ путешественниковъ, волей или неволей выѣзжавшихъ за предѣлы отечества, не столько знакомятъ насъ съ тѣми землями, которыя они посѣщали, сколько съ собственными ихъ нравами и понятіями. Это прежде всего можно видѣть въ сказаніяхъ нашихъ паломниковъ, или богомольцевъ, и въ такъ называемыхъ „хожденіяхъ“ за рубежъ и за море. Вы составите изъ нихъ весьма слабое понятіе о странѣ, видѣнной путешественникомъ, но вамъ хорошо представится его личность. Онъ почти не обращаетъ вниманія на природу, на исторію и бытъ народовъ, и немногія указанія на какія-нибудь особенно поразившія его черты въ этомъ отношеніи, рисуютъ намъ только его собственныя воззрѣнія. Если бы нашъ пилигримъ, игумень Данииль, посѣтившій Іерусалимъ вскорѣ послѣ перваго крестоваго похода, не упомянулъ въ своихъ запискахъ о томъ, какъ онъ лично просилъ у короля Бальдуина позволенія поклониться гробу Господню, мы не знали бы, въ какое время паломникъ былъ въ Палестинѣ; но зато мы ясно видимъ, съ какимъ полнымъ отрѣшеніемъ отъ всякихъ мірскихъ цѣлей, съ какою вѣрою и благоговѣніемъ вступалъ этотъ человѣкъ въ святую землю и какъ онъ любилъ свое отечество, принося въ храмъ лампаду съ молитвою за князей и всю русскую землю. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ, тверской купецъ Аванасій Никитинъ пробрался въ недоступную въ то время Индію, но по его запискамъ нельзя составить и поверхностнаго понятія о странѣ, которая должна была поразить пришельца своеобразными особенностями природы и быта. Онъ упоминаетъ только коротко о произведеніяхъ Индостана и говоритъ, что тамъ „перецъ

да краски дешевы“, а въ народѣ много вѣръ и „вѣра съ вѣрою ни пьеть, ни ѣсть“. Между тѣмъ, не смотря на всю сухость разсказа, можно составить понятіе о самомъ путешественникѣ, который стосковался въ басурманской землѣ, въ особенности оттого, что не зналъ „когда постъ, когда свѣтлое воскресенье“. Такимъ же характеромъ отличаются „статейные списки“, или отчеты о поѣздкахъ пословъ, которые отправлялись русскими государями съ различными порученіями къ иностраннымъ дворамъ. Обыкновенно кто-нибудь изъ бывшихъ при посольствѣ лицъ велъ дневникъ и записывалъ въ немъ не только то, что касалось государственнаго дѣла, но и всякаго рода замѣчанія о видѣнномъ на пути. Въ этихъ разсказахъ наблюдательность путешественниковъ останавливается на такихъ предметахъ, которые не столько рисуютъ нравы страны, сколько мелкія особенности быта, чуждаго нашимъ соотечественникамъ; а изъ того, что привлекаетъ ихъ вниманіе и возбуждаетъ любопытство, мы ясно видимъ ихъ собственный взглядъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ статейномъ спискѣ стольника Чемоданова, посланнаго въ 1656 г. въ Венецію, разсказано, что посла везли по водянымъ улицамъ „въ баркахъ, сдѣланныхъ по каретному, а нѣмецкіе люди съ женами и съ дѣтьми посланнику кланялись, и посланникъ вручилъ князю венеційскому царскую любительную грамоту, и князь его усердное хотѣніе къ любительному совѣту принялъ добрымъ афектомъ“. Послу показывали городъ, и онъ „смотрѣлъ мощей святыхъ и казны, ножъ, которымъ Петръ апостоль отрѣзалъ у Малха ухо, да камень, которымъ убить архидіаконъ Стефанъ, да шапку княжую, въ которой садится князь на княженіе, два кадила золотыя, да двѣнадцать вѣнцовъ съ корунами золотыя, да два рога инроговыхъ“. Вотъ что въ особенности замѣтили наши пришельцы въ великолѣпномъ и своеобразномъ городѣ дожей. Въ 1659 г., дворянинъ Лихачевъ ѣздилъ посломъ во Флоренцію. Въ отчетѣ о его поѣздкѣ находимъ нѣсколько больше подробностей. „Когда грандюкъ съ посланникомъ витался, стояли многіе служилые люди съ протазаны и съ алебарды, а во дворѣ княжомъ палаты о восьми жильяхъ, во всѣхъ запоны дорогіе и столы аспидные, а чернильница, изъ чего писали, золотая, фунтовъ въ тридцать, а вмѣсто песка руда серебряная, а отходы крыты бархатомъ флоренскимъ, выгружаютъ ихъ по вся дни. На дворѣ садъ рыбный, вода вверхъ взведена и устроены іорданъ, и выше іордана сажени двѣ безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли, а къ солнцу, что камень хрусталь“. Въ спискѣ встрѣчаются и замѣтки о мѣстныхъ обычаяхъ, которые въ особенности поразили русскихъ. „Извычай у жителей таковъ—говорится въ дневникѣ: мужи и жены честные ходятъ всѣ въ скуратахъ, сирѣчь въ личинахъ всякихъ цвѣтовъ, а у женъ сосцы голы и на головахъ нѣтъ ничего“. На обѣдѣ у великаго герцога „яствы были дѣланы съ вымысломъ мастерскимъ: орель сдѣланъ на сахарѣ, устроены жемчугомъ большимъ и каменіемъ драгимъ, въ серединѣ же онаго

изображенъ великій государь нашъ на аргамакѣ, въ рукѣ скипетръ держитъ; пили учтиво, въ то же время играли по музыкѣ и кимвалы и въ органы“. Русскихъ забавляли, какъ дѣтей: „князь принесъ на золотой мисѣ шелкъ и бумагу и велѣлъ жечь огнемъ, и шелкъ и бумага отъ огня не сгорѣли; а говорилъ князь: вамъ то мнится, что-де я волшебствомъ дѣлаю, а есть-де у меня камень, тѣмъ-де камнемъ шелкъ и бумагу потру, и огонь не зажжетъ“. Посла со свитою возили въ театръ, и вотъ какъ въ отчетѣ описывается спектакль: „Объявились палаты, и бывъ палаты и внизъ уйдуть, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилось море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли; а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялись въ верхъ за тѣми на небо. Да спущался съ неба же на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ; а князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ“. Не смотря на наблюдательность составителя этаго списка, можно ли вынести изъ него какое-нибудь понятие о величественной столицѣ Медичисовъ, которая блистала тогда всѣми сокровищами искусства и общественной жизни? Гораздо полнѣе статейный списокъ посольства стольника Потемкина въ Испанію и Францію въ 1667 году. Тутъ записаны уже и дорожныя впечатлѣнія, и свѣдѣнія о посѣщенныхъ странахъ, и замѣчанія о чужихъ обычаяхъ и образѣ жизни, но и въ этомъ мы меньше знакомимся съ иноземнымъ бытомъ, чѣмъ съ нравами и взглядомъ русскихъ людей той эпохи. Съ той минуты, какъ посланники „ударилъ челомъ и были у руки государя“ до возвращенія ихъ въ Россію, мы слѣдимъ за ними изо дня въ день. Главною заботою пословъ было поддерживать честь и достоинство цари, требовать, чтобы не только при переговорахъ о дѣлѣ, но и при питьѣ за его здоровье на обѣдахъ, произносился полный титуль, и наблюдать, стоя-ли и безъ шапки выслушивается иноземнымъ королемъ имя государя московскаго. Въ замѣткахъ о разныхъ случайностяхъ за границей и о томъ, что больше всего бросалось въ глаза нашимъ путникамъ, ярко выступаютъ черты тогдашней русской жизни. Въ бытность посольства въ Мадридѣ, у Потемкина украли яхонтъ съ иконы Казанской Божіей Матери и другія цѣнныя вещи, а у посольскаго священника обрѣзали на кафтанѣ серебряныя пуговицы. Воръ былъ пойманъ и приговоренъ къ казни, но посланникъ не пожелалъ этого и ходатайствовалъ о смягченіи ему наказанія. Русскихъ видимо поразило то, что „въ испанскомъ государствѣ люди во нравахъ своеобычны, высоки, непьюнчивы, хмѣльнаго питья пьютъ мало и ѣдятъ по малу... Посланники и всѣ посольскіе люди въ шесть мѣсяцевъ не видали пьяныхъ людей, чтобы по улицамъ валялись, или идучи по улицѣ, напився

пьяны, кричали“. При переѣздѣ изъ Испаніи во Францію, на границѣ произошла характерная сцена. Таможенный откущикъ, видя у пословъ иконы въ окладахъ съ жемчугомъ и дорогими камнями, потребовалъ съ нихъ пошлину. Потемкина поразило это. „Врагъ креста Христова! „сказалъ онъ“, какъ ты не утрашился такъ говорить, что съ образа Спасителя нашего и Господа Иисуса Христа, Сына Божія, и Пречистыя Его Матери, Пресвятыя Богородицы, что на тѣхъ святыхъ и честныхъ иконахъ утварь устроена по нашей благочестивой христіанской вѣрѣ, и ты съ того хочешь пошлину, скверный песъ, взяты? Видя твое безстыдство и нравъ звѣрскій, какъ неугладному или волку несыту, имущу гортань восхищати отъ пастырей овцы, такъ тебѣ бросаемо золото, какъ прахъ!“ И послѣ этой рѣчи, стольникъ бросилъ на землю сто двойныхъ золотыхъ дублоновъ. Какъ сильно высказался въ этомъ русскій человѣкъ! Широкая натура Потемкина развернулась и въ Парижѣ. Желая выразить благодарность маршалу де-Бельфону за радушный пріемъ посольства, онъ надѣлъ на него свою соболью шапку съ жемчужными петлями и запоной изъ дорогихъ камней, и когда французъ взамѣнъ подаль ему свою простую шляпу, посоль прінялъ ее и сказалъ: „На твоихъ, пріятеля моего, дарахъ кланяюсь усердно и за великое пріятство пріемлю“. Замѣтки о Франціи тоже очень характерны. Правда, путешественники наши интересуются больше внѣшностью и часто обращаютъ вниманіе на мелочи, но въ статейномъ спискѣ встрѣчаются и такого рода отзывы: „Люди во французскомъ государствѣ человѣчны и ко всякимъ наукамъ, къ философскимъ и къ рыцарскимъ, тщательны... Изъ иныхъ государствъ во французскую землю, въ городъ Парисъ и въ иные города, пріѣзжаютъ для науки философской и для ученія ратнаго строя королевичи, и великородные, и всякихъ чиновъ люди, потому что городъ Парисъ великій, и многолюдный, и богатый, и школъ въ немъ безмѣрно много“. Вообще, хотя въ старинныхъ описаніяхъ путешествія русскихъ людей по чужимъ землямъ встрѣчаются довольно мѣткія наблюденія и дѣльныя замѣчанія, но во всемъ этомъ выражаются больше наши собственные нравы и понятія. Постоянная забота путешественниковъ о томъ, чтобы не уронить достоинства своей страны, и вмѣстѣ съ тѣмъ готовность признать все хорошее въ чужой землѣ, умѣнье приноровиться къ иноземнымъ порядкамъ и стойкость въ своихъ собственныхъ народныхъ убѣжденіяхъ и обычаяхъ, наивное удивленіе передъ чуждыми нравами и отсутствіе всякаго глумленія надъ ними, способность переносить лишенія и въ то же время широко распорядиться своими средствами — все это очень живо рисуетъ нашихъ соотечественниковъ.

Какъ ни сильно было вліяніе петровской реформы на русское общество, какъ ни измѣнились съ тѣхъ поръ наши обычаи, понятія и взгляды, но характерныя особенности нашихъ путешественниковъ не скоро изгладились. Послѣ того, какъ Петръ Великій своими поѣзд-

ками по Европѣ широко распахнулъ двери за-границу, русскіе вельможи и богатые люди устремились на западъ, кто съ желаніемъ познакомиться короче съ жизнью цивилизованнаго общества, кто съ надеждой поправить здоровье въ мягкомъ климатѣ и на прославленныхъ цѣлебныхъ водахъ, кто съ цѣлью пріобрѣсть какія-нибудь заморскія рѣдкости, или, наконецъ, просто для того, чтобы не отстать отъ моды. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ рѣдкомъ изъ большихъ городовъ Европы не проживали русскіе туристы изъ болѣе или менѣе аристократическихъ и богатыхъ фамилій. Хотя эти чающіе движенія люди имѣли уже очень мало общаго не только съ нашими древними паломниками, но и съ послами московскихъ царей, однако и въ нихъ сохранились нѣкоторыя черты нашихъ старинныхъ путешественниковъ. Правда, это уже люди болѣе или менѣе образованные, знакомые съ условіями европейскаго быта, съ плодами наукъ и искусствъ, но въ запискахъ о ихъ странствіяхъ по Европѣ, даже во второй половинѣ XVIII вѣка, не столько мы можемъ почерпнуть точныхъ свѣдѣній и положительныхъ фактовъ о тѣхъ краяхъ, которые они посѣщали, и о томъ, что они видѣли, сколько видимъ характерныхъ подробностей, рисующихъ потребности и взгляды тогдашней русской интеллигенціи. Такихъ записокъ не мало. Можно указать, напримѣръ, на „Путевыя замѣтки князя Андрея Ивановича Вяземскаго“, въ изданномъ недавно графомъ С. Д. Шереметевымъ „Архивѣ князя Вяземскаго“. Но обращаемся прямо къ предмету настоящей статьи. Въ рукахъ нашихъ довольно рѣдка въ настоящее время книга, напечатанная въ Москвѣ, въ 1786 году: „Журналъ путешествія его высоко-родія господина статскаго совѣтника и ордена святаго Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова по иностраннымъ государствамъ“. Книга напечатана въ четвертую долю листа, и къ ней приложенъ гравированный портретъ нашего путешественника, точная копія съ котораго прилагается къ настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника“. Кто писалъ этотъ подробный подневный журналъ, изъ самаго сочиненія не видно, и въ другихъ источникахъ мы не нашли на это никакихъ указаній; во всякомъ случаѣ, роль составителя записокъ при Демидовѣ напоминаетъ тѣхъ посольскихъ людей, которые вели наши старинные статейные списки. Путешествіе это представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что оно только четырьмя годами предшествовало первой заграничной поѣздкѣ Фонвизина и было только съ небольшимъ пятнадцать лѣтъ раньше путешествія Карамзина. Считаемо нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о личности самого Демидова.

Родоначальникомъ Демидовыхъ былъ, какъ извѣстно, крестьянинъ Тульской губерніи, кузнечный мастеръ Демидъ Григорьевичъ Антуфьевъ. Сынъ его Никита Демидовичъ, также оружейникъ, успѣлъ своимъ искусствомъ и дѣятельностью обратить на себя вниманіе Петра Великаго, положилъ основаніе горнымъ заводамъ на Уралѣ и нажилъ

большое состояніе, а его сынъ Акинфій Никитичъ увеличеніемъ и распространеніемъ уральскаго горнаго дѣла, постройкою колыванскихъ и алтайскихъ заводовъ, открытіемъ мѣдныхъ и серебряныхъ рудъ и золотыхъ приисковъ въ Сибири, приобрѣлъ такое колоссальное богатство, что и послѣ его смерти, при раздѣлѣ имѣнія и огромныхъ пожертвованіяхъ на дѣло просвѣщенія и благотворительности, каждый изъ трехъ сыновей его могъ считаться въ числѣ самыхъ крупныхъ богачей въ Россіи. Меньшой сынъ его Никита Акинфѣевичъ родился въ 1724 г., на рѣкѣ Чусовой, во время поѣздки родителей въ Сибирь. О воспитаніи его нѣтъ свѣдѣній, но, судя потому, что онъ любилъ искусство и былъ почетнымъ членомъ Академіи Художествъ и Вольнаго Экономическаго общества, нельзя сомнѣваться въ его образованіи. Именнымъ указомъ императрицы Екатерины I онъ освобожденъ былъ отъ обязательной службы, а за различныя крупныя пожертвованія Екатерина II пожаловала ему чинъ статскаго совѣтника и орденъ св. Станислава. Никита Акинфѣевичъ былъ женатъ три раза, но имѣлъ дѣтей только отъ послѣдняго брака съ Александрой Евтихѣевной Сафоновой. Въ 1771 г., болѣзнь жены заставила Демидова, по совѣту врачей, ѣхать на минеральныя воды въ Спа, и больная вскорѣ поправилась, но они остались за-границей и больше двухъ лѣтъ путешествовали по Франціи, Англіи и Италиі. Подробности, которыя мы находимъ объ этихъ поѣздкахъ въ журналѣ, даютъ полное понятіе о томъ, какъ путешествовалъ русскій богачъ въ концѣ прошлаго вѣка, что было у него общаго съ старыми русскими боярами и какіе новые взгляды и потребности возникли у насъ послѣ реформы Петра Великаго.

Откланявшись императрицѣ Екатеринѣ, причемъ „удостоены были въ рукѣ“, Демидовы 17-го марта 1771 г. выѣхали изъ Петербурга на Красное Село и Нарву и наканунѣ пасхи прибыли въ Ригу. Кромѣ замѣчаній о наружномъ видѣ города и его торговлѣ, въ журналѣ видно, что путешественники обратили вниманіе на благотворительныя заведенія, особенно на домъ „для исправленія развращеннаго житія людей“. Болѣзнь Демидовой не позволяла скорой ѣзды, требовала болѣе или менѣе продолжительныхъ остановокъ и отдыховъ, но не мѣшала ни визитамъ, ни осмотру замѣчательныхъ мѣстъ и памятниковъ. Въ Митавѣ путешественники посѣтили свѣтлѣйшую герцогиню и приглашены были къ ея столу. Въ Кѣнигсбергѣ Никита Акинфѣевичъ купилъ разныя „янтарныя вещи съ насѣкомыми для своего натуральной исторіи кабинета“. Въ дневникѣ замѣчено при этомъ, гдѣ и въ какомъ видѣ добывается янтарь. Черезъ Данцигъ, Демидовы 1-го мая пріѣхали въ Берлинъ. Городъ понравился имъ, но пруссаки показались грубыми. Это отчасти, можетъ быть, зависѣло отъ того, что при самомъ въѣздѣ они должны были выдти изъ экипажа, который взяли въ пакгаузъ для таможеннаго осмотра. Путешественники съѣздили въ Потсдамъ, осмотрѣли дворцы Sans-Soucis и Mon-Vijou, гал-

лереи и фонтаны, и особенно понравился имъ гротъ, „выкладенный раковинами и кусками хрустальными изряднымъ рисункомъ“. Съ Берлина начинаются частыя встрѣчи съ русскими аристократами, которыхъ въ то время много проживало за границей. Между прочимъ, на обѣдѣ у нашего посланника Долгорукова, Демидовы познакомились съ Салтыковыми и вмѣстѣ съ ними черезъ нѣсколько дней выѣхали въ Ганноверъ. Въ Вольфенбюттелѣ обратила вниманіе нашихъ путешественниковъ „славная бібліотека, въ коей всѣ книги переплетены въ сафьянъ и по обрѣзу вызолочены; на одно сіе дѣло больше двадцати тысячъ ефимковъ издержано“. Какъ эта замѣтка напоминаетъ наши статейные списки! Въ Ганноверѣ Демидовы вмѣстѣ съ Салтыковыми ѣздили смотрѣть загородный королевскій садъ и въ оранжереѣ „между прочими деревьями видѣли и арборъ драконисъ, вышиною двадцать футовъ“. Впрочемъ, въ Вестфалии наши путники не нашли ничего замѣчательнаго, кромѣ дуба „преудивительной величины близъ Оснабрюка“. 4-го іюня Демидовы пріѣхали въ Ахенъ, и прожили здѣсь полтора мѣсяца. Въ журналѣ подробно описано, какъ они проводили время. Въ первые же дни по пріѣздѣ, были они на балу въ редутѣ, гдѣ съ ними „немалое время ласково и обходительно“ разговаривала курфирстина, ѣздили въ театръ смотрѣть комедію „Любовныя дурачества“, видѣли совершеніе миропомазанія при участіи „бішофа Фрезинскаго“ и посѣщали ассамблеи, концерты и маскарады. На обѣдѣ у епископа, въ день тезоименитства курфирстины, „при питіи за ея здоровье производилась пальба изъ пушекъ, а потомъ былъ маскарадъ“. Нѣсколько разъ наши гости прогуливались за городомъ и, между прочимъ, осматривали кабинетъ одного аптекаря, гдѣ имъ показывали „довольно хорошихъ вещей, а особенно окаменѣлыя штуки, раковины и агаты нарочитые“. 19-го іюля, Никита Акинфѣевичъ и Александра Евтихѣевна отправились въ Спа и, сдѣлавъ визиты „всѣмъ россійскимъ господамъ, тамъ находившимся“, начали „шариться въ теплыхъ ключахъ“ и кататься по окрестностямъ въ обществѣ „милордовъ съ ихъ супругами“. Въ числѣ русскихъ гостей въ то время, кромѣ Салтыкова, была и княгиня Е. Р. Дашкова. Почетные городскіе жители давали путешественникамъ обѣдъ. Здоровье Демидовой, сколько можно судить по образу жизни ея въ Германіи, не внушало никакихъ серьезныхъ опасеній: она ѣздила съ визитами, бывала часто на обѣдахъ и вечерахъ, участвовала почти въ ежедневныхъ прогулкахъ, а послѣ лечения минеральными водами, не смотря на приближавшуюся осень, рѣшилась ѣхать въ Голландію. Кажется, предлогомъ къ этой поѣздкѣ было желаніе посоветоваться о состояніи здоровья съ извѣстнымъ тогда лейденскимъ врачомъ Гобіусомъ.

Проведя почти полгода въ Германіи, Демидовы отправились въ началѣ сентября въ Антверпенъ. Они пробыли въ Голландіи слишкомъ два мѣсяца и во все это время дѣлали постоянные переѣзды, осматривали разныя мѣстности и памятники и почти въ каждомъ

городѣ, куда только заѣзжали, покупали какія нибудь „нужныя“ вещи, которыя потомъ отправляли черезъ комиссіонеровъ въ Россію. Въ журналѣ подробно записаны всѣ эти приобрѣтенія. Деньги разсыпались щедрой рукою. Въ Антверпенѣ путешественники осмотрѣли соборъ, украшенный „самою лучшею и пресовершенною Рубенсовою работою, а потомъ цѣлый день ѣздили къ продавцамъ рѣдкостей и художественныхъ произведеній. Никита Акинфѣевичъ былъ у семнадцати торговцевъ и купилъ двѣ картины, „одна плоды, а другая зайца изображающія, славнаго живописца Снаерса“. Любопытно, что нашъ богачъ, разсыпая обильно золото, любилъ иногда и поторговаться. При наймѣ яхты для переѣзда въ Роттердамъ, шкиперъ потребовалъ двѣнадцать червонцевъ; Демидову показалось это дорого, и онъ началъ спорить, но упрямый голландецъ, приподнявъ шляпу, сказалъ: „господа! сто словъ и одно слово—все равно!“ Надобно было согласиться. Въ Роттердамѣ наши путешественники видѣли на мосту бронзовую статую „славнаго и весьма ученаго мужа Еразма, который почти столько же голландцами почтенъ, какъ Конфуцій китайцами“. Въ Амстердамѣ Демидовы нѣсколько дней посвятили на осмотръ города и на приобрѣтеніе „нужныхъ вещей—индѣйскихъ матерій, японскихъ большихъ горшковъ, вазовъ разной величины и гротескскихъ раковинъ“. Въ Гарлемѣ наши туристы восхищались органами, „разные голоса живо изображающими, а особливо человѣческой голосъ столь естественно подведенъ, что обмануться можно, точно какъ бы пѣли многіе хорошіе пѣвцы и соло“. Памятный для всѣхъ русскихъ Саардамъ не былъ забытъ и Демидовыми: они осмотрѣли домъ Петра Великаго и „ѣли славное тутошное кушанье, ватеръ-соутъ называемое, для котораго нарочно изъ Амстердама ѣздить“. По приѣздѣ въ Лейденъ, прежде всего, конечно, обратились къ доктору Гобіусу совѣтоваться о здоровьѣ Александры Евтихievны, и онъ „велѣлъ ей пить ишачье молоко для наведенія тѣла“ и далъ, кромѣ того, рецепты и письменное наставленіе. Въ журналѣ замѣчено, что онъ очень помогъ больной, за что и получилъ „достойное награжденіе“. Возвратись въ Антверпенъ, Демидовъ опять принялся искать продажныхъ картинъ и, между прочимъ, приобрѣлъ „Франциска Морисову прекрасную картину весьма дешево, за 35 луидировъ“, и въ то же время отдали купленный въ Голландіи бархатъ перешить въ платье, „чтобы не безпокоиться отъ таможи, везя въ кускъ“. Въ Брюсселѣ купили картину „разрушеніе Трои, писанную съ великою окончательностью Брегелемъ де-Велуромъ“, и осматривали дворецъ, гдѣ „въ погребѣ есть такая съ ямою горница, что если закричишь, то эхо тридцать два раза повторяетъ“. Наши путешественники „награждали служанокъ и слугъ, выѣзжая изъ каждаго мѣста“. Понятно, что поѣздки такихъ людей, какъ Демидовъ, должны были распространить заграничей мнѣніе о неистощимыхъ сокровищахъ русскихъ „бояръ“ и, конечно, иностранцы,

гдѣ только могли, извлекали изъ этого свою пользу. Изъ Голландіи путешественники отправились во Францію.

Въ концѣ ноября, Демидовы пріѣхали въ Парижъ и остановились въ заранѣ нанятомъ помѣщеніи въ Сень-Жерменѣ. Разумѣется, въ журналѣ съ особенной подробностью описывается этотъ „наивеликолѣпный и славный городъ, гдѣ что ни родится, ни производится— все найти можно“, и который „знатенъ людьми проникательными и великій вкусъ имѣющими“. Едва успѣли пріѣзжіе пообѣдать, какъ явились торговцы съ разными товарами, „что они обыкновенно дѣлаютъ для всѣхъ новопріѣзжихъ, желая продать, покуда не узнаютъ настоящихъ цѣнъ, гораздо дороже“. Никита Акинфѣевичъ зналъ это, и „проникательнымъ людямъ“ на этотъ разъ не удалось его эксплуатировать. Первымъ дѣломъ нашихъ путешественниковъ было помолиться въ русской церкви и сдѣлать визиты какъ своимъ соотечественникамъ, проживавшимъ въ Парижѣ, такъ и иностраннымъ семействамъ, съ которыми желали познакомиться. Затѣмъ начались прогулки по городу, обозрѣніе замѣчательныхъ мѣстностей и памятниковъ, посѣщеніе театровъ, поѣздки въ окрестности и покупки „нужныхъ вещей“, которыхъ здѣсь было, конечно, больше, чѣмъ въ Германіи и Голландіи. Въ первые дни осматривали соборъ Богоматери, академію S. Luc, Лувръ, Тюльери, Елисейскія Поля, Палэ-Рояль, потомъ ѣздили въ Версаль, гдѣ въ звѣринцѣ „чуднѣе всѣхъ звѣрей“ показался имъ рыноцеровъ, у котораго кожа какъ бы въ запасъ сдѣлана претолстая и безъ шерсти, а на самомъ рылѣ и наверху головы по рогу“, а изъ звѣринца попали на какой-то аукціонъ и купили тамъ картину Діетриха за 25 луидоровъ. „Можно сказать—записано въ журналѣ,—что штука сего малера совершенно оконченная“. Зиму Демидовы проводили очень весело, часто бывали на званыхъ обѣдахъ и вечерахъ и сами принимали гостей. Между прочимъ, они приглашены были къ князьямъ Сангушко на ужинъ и концертъ, „составленный изъ лучшихъ музыкантовъ, по большей части изъ польскихъ дворянъ, охотниковъ до музыки, и первую скрипку игралъ отъ ихъ двора министръ, господинъ Велеурской, Бѣлаго Орла кавалеръ“. За ужиномъ гостей удивилъ необыкновенный сюрпризъ. „Незадолго передъ тѣмъ, какъ вставать, зажгли иллюминацію такъ искусно, что никто не могъ примѣтить; только увидѣли вдругъ весь столъ въ огнѣ, и всѣ десертныя фигуры обратились въ прекрасный и хорошо расположенный фейерверкъ, и изъ всѣхъ свѣчъ, подлѣ княжны Урусовой нарочно поставленныхъ, изъ однихъ полетѣли ракеты, а изъ другихъ начали высоко бить огненные фонтаны“. Съ началомъ новаго года, Никиту Акинфѣевича ожидала семейная радость: у него до сихъ поръ не было дѣтей, и теперь Александра Евтихѣевна оказалась въ интересномъ положеніи. Объ этомъ немедленно сообщили доктору Гобіусу, и онъ прислалъ „наставленіе, какимъ образомъ надлежитъ ей себя беречь“. Вѣроятно, это наставленіе не запрещало никакихъ свѣтскихъ

удовольствій, такъ какъ Демидова продолжала вести прежній образъ жизни. Наши путешественники часто бывали въ театрахъ. Прежде всего поѣхали они въ итальянскую комедію. Тамъ „представлена была сперва итальянская пьеса, въ которой игралъ арлекинъ, Карлейнъ называемый, нельзя смѣшнѣе; другая дана была опера комическая „Лосиль“, въ ней лучшая актриса была Ларуэтъ, славный Каіо и прочія играли чрезвычайно хорошо“. Въ другой разъ на этомъ театрѣ давали пьесу „Дезертиръ“, и она еще больше понравилась Демидову какъ содержаніемъ, такъ и игрою артистовъ. Въ журналѣ съ особеннымъ паѳосомъ говорится о томъ, какъ блистательно исполнила свою роль г-жа Триаль: „когда, получивъ отъ короля прощеніе своему любовнику, выбѣжала она на театръ отъ радости внѣ себя съ растрепанными волосами и блѣднымъ лицомъ и, выговоривъ только: Алексѣй (имя своего любовника)! упала въ обморокъ ему почти въ руки; она здѣсь столь натурально сыграла, что лучше желать невозможно“. Ѣздили и въ другіе театры, „пользовались представленіемъ оперы-комикъ“, а въ большой оперѣ понравилась имъ „пьеса „Касторъ и Поллуксъ“ называемая, въ которой декораціями и танцами отмѣнно хорошо представлены были адъ и рай“. Въ то же время путешественники продолжали осматривать городъ и окрестности: были въ королевской библіотекѣ, инвалидномъ домѣ, въ коллегіи Мазарина, смотрѣли Гобеленову фабрику, Севрскую фарфоровую фабрику, Ѣздили въ Сень-Клу и въ „королевское игуменство“ Сень-Дени, гдѣ „всѣхъ погребенныхъ тѣлъ, какъ государскихъ, такъ принцевыхъ и принцессъ считаютъ 46“, и наконецъ въ Булонскомъ лѣсу „гуляли въ рошѣ, на подобіе великаго звѣринца искусно расположенной; въ ней напущены дикія козы и олени для короля, который здѣсь забавляется охотою“. Съ самаго пріѣзда въ Парижъ, Демидовъ покупалъ разныя болѣе или менѣе цѣнныя вещи, часы, табакерки, картины. „Купцы,—говорится въ журналѣ—провѣдавъ о склонности Никиты Акинфіевича ко всѣмъ любительства достойнымъ вещамъ, касающимся до наукъ и художествъ, всякое утро приносили ихъ премножество; изъ всѣхъ получше были ящичекъ изъ окаменѣлаго дерева и рыноперосовъ рогъ, кои и куплены“. Кромѣ этихъ рѣдкостей, куплены были подсвѣчники, мѣдная курительница, „собачка мѣдная для накладки на книжки“. Были покупки очень цѣнныя: за „порцелиновыя“ вазы заплачено 120 луидоровъ, а за картиты „Снятіе со креста“ Вандерверта и „Цвѣты“ Миньона—600 луидоровъ. Кромѣ того, Никита Акинфіевичъ и Александра Евтихievна заказали свои портреты живописцу Рослейну и часто Ѣздили къ нему на сеансы. На страстной недѣлѣ, вмѣстѣ съ другими русскими, они каждый день отправлялись въ церковь, а въ свѣтлое воскресенье, 15-го апрѣля 1772 г., въ часъ ночи были у заутрени, потомъ у обѣдни, которую „всѣ пѣли сами“, и дома разговѣлись. На святой недѣлѣ обѣдали они у графа Строгонова и сами давали обѣдъ „всѣмъ русскимъ“. Между тѣмъ, Демидовы желали по-

сѣтитъ Англію, но сочли необходимымъ спросить доктора Гобіуса, не повредитъ ли это путешествіе здоровью Александры Евтихievны. На запросъ объ этомъ голландскій врачъ отвѣчалъ, что находитъ опаснымъ для нея переѣздъ черезъ проливъ Калэ. Поэтому Никита Акинфievичъ рѣшилъ ѣхать одинъ. Въ дорогу взялъ онъ самое необходимое, опасаясь строгости англійской таможни, на которой „съ парчевыхъ кафтановъ, камзоловъ и другихъ многихъ вещей не токмо берутъ большую пошлину, но тутъ же на мѣстѣ у кого бы то ни было передъ его глазами сжигаютъ“. Послѣ большаго парада, на которомъ присутствовалъ король, принцы и „дофинша съ другими принцессами крови“, Демидовъ съ княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ 12-го мая выѣхалъ изъ Парижа, нанявъ предварительно для жены болѣе удобную квартиру, недалеко отъ Палэ-Рояля.

Изъ Калэ путешественники переправились черезъ „морской переѣздъ“ въ Дувръ и поѣхали дальше по направленію къ Кентербери. Ихъ поразила и привела въ восхищеніе невиданная до тѣхъ поръ дорога. „Она не вымощена—пишетъ составитель журнала—а насыпана пескомъ съ мелкими камешками, гравье называемыми, и столь хорошо убита, что ни въ какое ненастное время грязна не бываетъ. Къ тому же всѣмъ телѣгамъ, для тягости употребляемымъ, запрещено имѣть возы узкіе для того, что широкіе ее убиваютъ и сглаживаютъ, а не портятъ и не дѣлаютъ колеи, которыя обыкновенно на немощеныхъ камнемъ дорогахъ видимы бываютъ; къ тому же положенъ и указной вѣсъ, сколько должно класть на телѣгу; для наблюденія сего въ воротахъ сдѣланы вѣсы, коими въ одну минуту узнать можно, сколько кто везетъ вѣсомъ; отъ сего происходитъ, что дорога никогда не портится, да и лошади не надсаживаются“. Понятно, что такіе порядки должны показаться русскому человѣку удивительными не только въ прошломъ столѣтіи, но и въ наше время. На четвертый день по выѣздѣ изъ Парижа, путешественники наши пріѣхали въ Лондонъ и остановились въ приготовленной для нихъ квартирѣ въ Кондить-стритѣ. Прежде всего ихъ поразили здѣсь двѣ особенности, которыхъ, очевидно, они нигдѣ еще не встрѣчали, именно то, что городскія улицы освѣщаются по ночамъ „поставленными на столбахъ фонарями“ и что за письма городскіе и иногородные платится около двухъ копѣекъ на русскія деньги. Это показалось имъ особенно замѣчательнымъ. Съ первыхъ же дней Демидовъ началъ вести въ Лондонѣ жизнь знатнаго и богатаго барина, любознательнаго человѣка и празднаго туриста: дѣлалъ визиты, заводилъ знакомства, осматривалъ достопримѣчательности города, ѣздилъ по театрамъ и разнымъ мѣстамъ общественныхъ собраній и увеселеній и часто обѣдалъ у англичанъ, гдѣ „былъ подчиванъ всѣми англійскими кушаньями“. Путешественники наши осмотрѣли церковь св. Павла, арсеналъ, морской госпиталь, „Вестминстерское игуменство“, гдѣ вниманіе ихъ обратили гробницы Ньютона, Мильтона и „посвящен-

ная безсмертному стихотворцу Шакеспиру, сооруженная на счетъ публики, хорошаго вымысленія“. Британскій музей описанъ въ журналѣ коротко и сухо, но зато много подробностей посвящено „башнѣ“, т. е. лондонскому Тоуэру. Авторъ замѣчаетъ, что тамъ находится „великое число государскихъ коронъ, скипетровъ, державъ; орель, гдѣ содержитсяъ масло для миропомазанія государей, штатская корона, которую король надѣваетъ, присутствуя въ парламентѣ; на ней изумрудъ въ семь дюймовъ въ окружности и красный неопѣненный яхонтъ, подаренный императоромъ Петромъ I. Въ оружейной палатѣ государя представлены на лошадяхъ, одѣтые въ самыя богатяя латы, чѣмъ дѣлаютъ хорошій видъ“. Не забыть и топоръ, „коимъ отрублена голова „Аннѣ Болонской“. Разумѣется, Демидовъ посѣтилъ академію художествъ, но тамъ ничто особенно не обратило его вниманія, и онъ замѣтилъ только, что англійскіе художники никакъ не могутъ соперничать съ французами. Гораздо болѣе занялъ его одинъ частный музей, въ которомъ „весьма искусно и удивительно сдѣланныя механическія штуки, автоматы, играющіе на флейтраверсахъ, птички на деревьяхъ поющія, гнѣзда съ маленькими птичками, питаемыми матерями, и кормъ, состоящій въ одной жемчужинѣ, такъ скоро оборачивается, будто онаго великое количество“. Понравился нашимъ пріѣзжимъ и Гайдъ-Паркъ, „привлекающій множество господъ обоюго пола прогуливаться верхомъ и въ каретахъ“. Они разѣзжались по разнымъ увеселительнымъ мѣстамъ—были въ Кенсингтонскомъ саду „съ китайской бесѣдкой, обвѣшанной колокольчиками, отъ которыхъ во время вѣтровъ бываетъ звонъ“; въ Воксалѣ „съ наипрекраснѣйшимъ садомъ, гдѣ поютъ пѣвцы и пѣвицы и даютъ концертъ, а какъ станетъ смеркаться, иллюминуются весь фонарями, развѣшанными на деревьяхъ и въ аллеяхъ гирляндами, изъ жести сдѣланный каскадъ, гдѣ все такъ живо уподоблено, что почти съ натурою распознать нельзя, что за рѣдкость почестъ можно“. Съ большимъ удовольствіемъ провели они время „въ домѣ, гдѣ ѣздить стоя на лошадяхъ разными образами, то есть скача на нихъ перепрыгиваютъ, становятся внизъ на сѣдло головою, заставляютъ иныхъ лошадей отгадывать карты, другія подають бичъ, иная сердится на портнаго и не хочетъ везть его въ парламентъ и проч.“ Передъ отъѣздомъ изъ Лондона, путешественники наши были во дворцѣ и удостоились видѣть короля и королевскую фамилію. Разсчитывая еще быть въ Англій, Демидовъ на этотъ разъ почти ничего не покупалъ тамъ. 17-го іюня онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ нашимъ лондонскимъ священникомъ обратно во Францію.

По возвращеніи въ Парижъ, Никита Акинфѣевичъ вскорѣ обрадованъ былъ рожденіемъ дочери Екатерины, которую немедленно и крестили „при смотрѣннн многихъ французовъ, любопытствующихъ видѣть образъ нашего совершенія сего таинства“. Александра Евтихѣвна, какъ только здоровье ея поправилось, начала сопровождать

мужа въ прогулкахъ по городу и окрестностямъ. Они снова ѣздили въ Версаль и осматривали его уже гораздо подробнѣе. Составитель журнала восхищается садомъ, дворцомъ, фонтанами, статуями, „живописью анфреско“, и подобно тѣмъ посольскимъ людямъ, которые писали наши статейные списки, говоритъ, что все это „легче видѣть, нежели описать можно“. Осенью съѣхалось въ Парижъ много русскихъ и англичанъ, въ разныхъ аристократическихъ домахъ постоянно давались обѣды и вечера, и Демидовы вели самую разсѣянную жизнь. Столица Франціи, обильная „людьми проникательными и великій вкусъ имѣющими“, увлекала въ свой выпучій водоворотъ своихъ сѣверныхъ гостей. Въ постоянныхъ выѣздахъ и пріемахъ прошло время до половины зимы. Не смотря на такую разсѣянную жизнь, нашъ сѣверный гость, повидимому, наблюдалъ парижскіе нравы, и въ журналѣ начали появляться по этому предмету разные замѣтки, напоминающія иногда наивный взглядъ нашихъ старинныхъ путешественниковъ, иногда саркастическій умъ Фонвизина. Вотъ какого рода отзывы находимъ мы въ книгѣ: „Хотя французскій государь запретилъ своимъ подданнымъ дуэли, но человекъ, повинующійся государеву приказанію, почитается за труса, и его убѣгаютъ... У книгопродавецъ есть сочиненія полезныя и безнравственныя, и послѣднія продаются дорогою цѣною и съ великою тайностью... Люди, которые хотятъ прослыть нѣжно воспитанными, выключая аббеевъ, питаются супомъ алоаньеномъ, оливками, зеленымъ горохомъ, произрастеніями и другимъ полуденіемъ, дабы не получить индигестіи... Народъ по большей части занимается операми и другими позорищами... Красота женскаго пола здѣсь подобно цвѣту рождается и умираетъ въ одинъ день. Все сіе дѣлается притираніемъ, окропленіемъ, убѣлѣніемъ, промываніемъ; надлежитъ сдѣлать бѣлую кожу, придать себѣ хорошую тѣнь, загладить морщины на лбу, въ порядокъ привести брови, дать блескъ глазамъ, розовыми учинить губы, словомъ, надобно до основанія переиначить лицо“. Между тѣмъ, у Демидова поселился пріѣхавшій изъ Рима русскій скульпторъ Шубинъ. Разказы его о римскихъ древностяхъ и памятникахъ искусства породили у Никиты Акинфіевича желаніе видѣть Италію, „которая изобильна была всѣми произведеніями и притомъ великими людьми, героями, чиновачальниками, гражданами, учеными и художниками“. Оставивъ новорожденную дочь съ кормилицей подъ надежнымъ присмотромъ въ Парижѣ, Демидовы съ Шубиннымъ и еще нѣсколькими русскими, 4-го декабря выѣхали по дорогѣ въ Туринъ. На пути, конечно, въ нѣсколькихъ мѣстахъ останавливались и отдыхали.

При переѣздѣ черезъ Монсенисъ, путешественниковъ поразила величественная природа Альповъ. „Сіи горы, замѣчаетъ журналъ, представляютъ тысячу удивительныхъ разнovidныхъ предметовъ, со всѣмъ отгѣнныхъ отъ долинъ, такъ что, не проѣзжая ими, и вообразить себѣ не можно, чтобъ они занимали съ такою пріятностью и

восхищеніемъ путешествующихъ“. Особенно замѣчательнымъ показалось имъ въ Савойѣ то, что „жители имѣютъ превеликіе зобы, висящіе отъ подбородка до груди; говорятъ, будто у нихъ почитаются за красавцевъ, которые имѣютъ оныя болѣе другихъ, наипаче щеголяютъ симъ женщины“. Черезъ монсенискій переваль одни ѣхали на мулахъ, „а другіе, также и Александра Евтиховна, несены были на носилкахъ“. Въ Италіи нашихъ путниковъ поразило множество монастырей; имъ сказали, что въ однахъ владѣніяхъ сардинскаго короля насчитываютъ ихъ до четырехсотъ. Въ Туринѣ Демидовы пробыли четыре дня и, между прочимъ, были въ оперѣ, „изображающей побѣду Александра Великаго надъ Даріемъ“, гдѣ привела ихъ въ восхищеніе пѣвица Бастарделли. „Голосъ ея столь высокъ, замѣчено въ запискахъ, что она тремя нотами брала выше всякаго инструмента и уподоблялась чрезъ то птицѣ, нѣжно поющей“. Осмотрѣвъ въ Миланѣ соборъ и амброзіанскую бібліотеку, путешественники черезъ Парму и Болонью, 1-го января 1773 года, пріѣхали во Флоренцію. Здѣсь Демидовы немедленно представлены были нашимъ посломъ герцогу и герцогинѣ тосканскимъ и получили отъ нихъ приглашеніе на балъ. Въ оперѣ были наши путешественники въ маскарадномъ костюмѣ, „ибо во всей Италіи, кромѣ папскаго владѣнія, съ самаго Рождества по первую недѣлю великаго поста, ходятъ даже и по улицамъ и по всѣмъ позорищамъ въ маскарадномъ платьѣ“. Знаменитая флорентинская галерея описана въ журналѣ подробно, и, конечно, больше всего обратила вниманіе нашего любителя искусствъ статуя Венеры Медицейской. Вотъ какъ онъ описываетъ ее: „Она представлена вся нагая; голова поворочена на лѣвое плечо; правую руку держитъ не дотрагиваясь надъ грудью, а лѣвою въ нѣкоторомъ разстояніи закрываетъ то, что благопристойность запрещаетъ показывать. Не можно лучше и совершеннѣе выдумать ни атитуды, ниже выбора въ натурѣ“. Но въ журналѣ еще съ большими подробностями описываются шкапы съ собраніями камней и камеевъ, фарфора и этрусскихъ вазъ. Въ палаццо Питти вниманіе русскихъ туристовъ привлекла картина „изображая Богородицу съ предвѣчнымъ младенцемъ, у коего глаза въ толикій пунктъ приведены, что съ которой стороны ни посмотрѣть, кажется всюду проницательно взирающимъ. Не можно ни нарисовать, ни придать совершеннѣе израженія“. Самый городъ понравился нашимъ соотечественникамъ, и составитель журнала говоритъ, что „вообще герцогство тосканское можетъ почесться наиблагополучнѣйшимъ, ибо земля его плодоносна, а жители самыя добрыя и честныя люди и къ воровству совѣмъ несклонны, ибо ограбленныхъ, а наипаче убитыхъ, рѣдко находятъ“. 17-го января путешественники пріѣхали въ Римъ.

Вѣчный городъ занялъ нашихъ путниковъ не меньше Парижа. Не говоря уже о томъ, что Никита Акинфѣевичъ, какъ любитель искусствъ, находилъ здѣсь удовлетвореніе для своей любознательности, онъ про-

водилъ здѣсь карнаваль, который въ то время отличался въ Римѣ особеннымъ обиліемъ разнообразныхъ зрѣлищъ и удовольствій и, наконецъ, тутъ представлялась возможность удовлетворить страсти къ покупкамъ художественныхъ произведеній и „нужныхъ вещей“. Если менѣе достаточные и вліятельные туристы считали въ тѣ времена несчастіемъ быть въ Римѣ и не видать папы, то, конечно, Демидовы не могли опасаться этого. Вскорѣ по пріѣздѣ они представлены были И. И. Шуваловымъ „святѣйшему папѣ Ганганеллію, который „принялъ ихъ благосклонно и ласково, разговаривалъ немалое время о дальнемъ разстояніи Россіи, о дорогѣ и о славно гремящемъ побѣдами отечества нашего оружіи, и при прощаніи надѣлилъ своимъ благословеніемъ и желалъ, чтобъ веселы и здоровы были“. Вообще, папа Климентъ XIV произвелъ на русскихъ гостей хорошее впечатлѣніе, и они нашли, что „въ сей духовной особѣ находились весьма хорошія качества и отгнѣнныя свойства разума и души“. Римъ наши путешественники осмотрѣли подробно. Прежде всего отправились они въ храмъ Св. Петра и пришли въ восторгъ, видя „повсюду зрѣнію встрѣчающуюся перспективу великолѣпной и огромной соразмѣрности во вкусѣ и въ драгоцѣнности сокровищъ“. О Ватиканѣ и Сикстинской капеллѣ, „для избѣжанія излишней подробности“, въ журналѣ упомянуто только слегка; о статуѣ Аполлона бельведерскаго сказано коротко, а о группѣ Лаокоона замѣчено только, что это „преславный группъ, сдѣланный въ натуральную величину и почитаемый за первый плодъ дарованій древности“. Нѣсколько подробнѣе описывается Коллизей, „великолѣпный амфитеатръ, издревле опредѣленный для сраженія гладиаторовъ, или поединщиковъ“, и Капитолій со статуями „естественной атитуды и хорошаго вымышленія“. Осматривали различныя церкви и палаццо: Пантеонъ, Scala Santa, дворецъ Барбарини, Palazzo Colonna, Palazzo Croce, Троянову коллону, на которой барельефы „увеличены по мѣрѣ ихъ возвышенія и удаленія изъ вида съ наблюденіемъ оптики, дабы всѣ означались наилучшимъ образомъ“. Изъ ближайшихъ окрестностей наши путешественники прежде всего посѣтили Фраскати и villa Panfilii, потомъ ѣздили въ Тиволи и видѣли „преславный каскадъ, который наводитъ страхъ и содроганіе“, а на villa Ludovisi обратили особенное вниманіе на „превратившіяся въ петрификацію, или окаменѣлость, человѣческія кости“. Больше всего восхищались наши гости карнаваломъ и удивлялись „множественному стеченію народа“ на эти увеселенія. Вотъ какъ разсказано это въ журналѣ: „Всѣ окна и балконы домовъ увѣшаны богатыми коврами и наполнены знатнѣйшими зрителями обоего пола; для пѣшеходовъ же сдѣланы по обѣимъ сторонамъ возвышенныя дороги, на коихъ для сего зрѣлища дѣлаютъ изъ досокъ подмостки; вездѣ видны сотнями полишинели, арлекины и другія странныя фигуры, говорящія народу и бросающія пряничные орѣхи въ мимоходящихъ. Кареты и разныя колесницы наполнены маскированныхъ господъ; а по прочимъ

улицамъ только и видны кукольные комедіи, толпы людей, стекающія какъ для смотрѣнія оныхъ, такъ и плисокъ, подъ выбиваніемъ пальцами по маленькому барабану, трескони называющемуся“. Разсказъ заключается описаніемъ скачки лошадей на Корсо. Разумѣется, Никита Акинфіевичъ не забывалъ ѣздить и по магазинамъ художественныхъ произведеній и накупилъ много картинъ, мозаикъ и разнаго рода антиковъ. Въ заключеніе составитель журнала говоритъ, что для описанія всего замѣчательнаго въ Римѣ нужно прожить въ немъ больше года.

Съ окончаніемъ карнавала, Демидовы рѣшились съѣздить въ Неаполь. 18 февраля они выѣхали съ тѣмъ, чтобы воротиться въ Римъ къ страстной недѣлѣ и присутствовать на папскомъ богослуженіи. На неаполитанской границѣ, въ Террачинѣ, видѣли они на мраморной доскѣ любопытную надпись на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ: „Чужестранецъ! здѣсь положены границы неаполитанскаго государства; если ты въ него ѣдешь какъ другъ, то всѣ вещи найдешь въ тишинѣ, а государство управляемо добрыми законами по изгнаніи изъ него худыхъ обыкновеній, лѣта Христова 1563“. На третій день путешественники пріѣхали въ Неаполь и тотчасъ же разослали рекомендательныя письма. Кромѣ того, что они нашли здѣсь много русскихъ, у нихъ завязалось знакомство съ мѣстными аристократами и знаменитыми иностранцами. Каждый день Демидовы или принимали у себя гостей, или сами ѣздили на званые обѣды и вечера. Между прочимъ, они приглашены были „на конверзацію“ къ принцессѣ Бельмонте, были на вечерѣ у принцессы Франковилле и у милорда Толнея, гдѣ были испуганы необыкновенной грозой. „Во время карточной игры, около полуночи, ударилъ громъ, „и въ передней оказался огненный шаръ, прошелъ по комнатамъ, даже и надъ головами всѣхъ гостей и едва посѣщеніемъ своимъ у многихъ не отнялъ дыханія“. У себя Демидовы принимали Шувалова, Бороздина, милордовъ Росси и Расборо, англійскаго посланника Гамильтона и нѣсколько знатныхъ итальянцевъ. Неаполь очень понравился нашимъ путешественникамъ; они часто гуляли по городу и любовались картиною моря и дымящагося Везувія и „прозрачностью его огненныхъ колеровъ“, осматривали королевскій дворецъ „съ аппаратами“ и многочисленныя церкви, а по утрамъ „ходили въ лавку ѣсть устрицы, такъ какъ это дѣлаютъ всѣ знатные люди“. Разумѣется, окрестности Неаполя не были забыты. Прежде всего туристы наши поѣхали смотрѣть Помпею и Геркуланумъ и замѣтили, что послѣдній „засыпанъ не скоростижно, ибо въ немъ найдено не много скелетовъ“. Оттуда отправились, конечно, на Везувій и поднимались къ кратеру сначала на мулахъ, а потомъ съ проводниками, „ухватившись за перевязки“. На вершинѣ горы наши туристы „преужаснымъ поражены были стукомъ, громкимъ, какъ выстрѣлъ изъ множества вдругъ пушекъ, съ коимъ повсеминутно выбрасывалось превеликое

пламя съ дымомъ“. Составитель записокъ прибавляетъ, что они изъ любопытства „совали въ трещины лавы палку, которая съ минуту тлѣвши загоралась... По сей землѣ шедши, чувствовали, что ноги въ ней вязли, и тѣмъ болѣе приходили въ несказанный страхъ“. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Демидовы ѣздили въ Пуццолы и осматривали такъ называемый собачій гротъ, гдѣ при нихъ и сдѣлали опытъ надъ собакой—привели ее въ безчувственное состояніе и потомъ оживили опять, бросивъ въ озеро. Проводникъ рассказывалъ имъ, что подобныя опыты дѣлались и съ преступниками, приговоренными къ смерти. Затѣмъ наши путешественники осматривали бани Нерона и спустились къ рѣчкѣ, „горячесть воды до такой степени имѣющей, что лишь только спустили въ нее принесенныя провожатыми нарочно куриныя яицы, то въ мгновеніе ока оныя сварились“. Последній вечеръ въ Неаполѣ Демидовы провели у Гамильтона; тамъ былъ концертъ, „и супруга его на клавикордахъ играла весьма искусно“. Распорядясь отправкою въ Петербургъ накупленныхъ деревьевъ и сдѣлавъ прощальныя визиты, Никита Акинфиевичъ 19 марта выѣхалъ обратно въ Римъ.

На этотъ разъ наши путешественники оставались въ Римѣ не долго, такъ какъ имъ хотѣлось видѣть только папскую службу, которая бываетъ особенно торжественна въ страстную недѣлю и въ первые дни пасхи. Дѣйствительно, все это время они проводили въ церквахъ, и составитель журнала подробно описываетъ всѣ религіозныя процессіи, какими въ эти дни столица католицизма привлекаетъ богомольцевъ и любопытныхъ туристовъ изъ всей Европы. Демидовы присутствовали при церемони перенесеніи св. тайнъ, на омовеніи ногъ и обѣдѣ бѣдныхъ священниковъ, которымъ служить при этомъ папа и кардиналы, и были при кардинальскомъ столѣ въ ватиканской залѣ и на вечернѣ въ великую пятницу въ капеллѣ, гдѣ „пѣли кастраты, а музыка была Перголезіева, сочиненная столь важно, что cadaго чувства трогаетъ до восхищенія“. Въ свѣтлое воскресенье, 1 апрѣля, послѣ заутрени и обѣдни въ греческой церкви, не смотря на то, что по старому стилю пасха еще не наступила, Демидовы разговѣлись и цесѣшли въ храмъ св. Петра къ парадному папскому выходу. Въ журналѣ описывается, какъ, по совершеніи литургіи, папа въ присутствіи кардиналовъ и избранной публики „несенъ былъ въ креслахъ на балконъ, или, какъ здѣсь именуютъ, ложу, обращенную на площадь, обставленную пѣшимъ и коннымъ войскомъ и наводненную многочисленною массою народа. Имѣя на головѣ тиару, сѣлъ онъ на сдѣланный подъ малиновымъ балдахиномъ престолъ, окруженный кардиналами, одѣтыми въ богатую одежду. По прочтеніи молитвы, привставъ, онъ благословилъ наклонившійся народъ троекратно, послѣ чего во мгновеніе ока слышна была стрѣльба изъ пушекъ съ крѣпости св. Ангела въ соотвѣтствіе здѣшняго сигнала“. Черезъ день послѣ этой церемоніи, путешественники выѣхали изъ

Рима въ сѣверную Италію. По дорогѣ въ Каррару случилось обстоятельство, которое могло имѣть прискорбныя послѣдствія. Карета, въ которой ѣхали Никита Акинфѣевичъ и Александра Евтихіевна, по неосторожности кучеровъ, опрокинулась въ канаву, но, къ счастью, наши путники отдѣлались только сильнымъ испугомъ. Изъ Леричи переправились они на фелюкахъ въ Геную, и выйдя на берегъ, взяли портшезы, на которыхъ и перенесли ихъ на почтовый дворъ. Путники любовались положеніемъ города, „поселеннаго амфитеатромъ“. Отсюда составитель журнала отправился съ Бороздинымъ въ Марсель, а Демидовы поѣхали черезъ Туринъ во Францію. Съѣхавшись снова въ Ліонъ, вздумали всѣ вмѣстѣ прокатиться въ Женеву. Кажется, причиной этой поѣздки не столько было желаніе видѣть Швейцарію, сколько намѣреніе осмотрѣть знаменитыя часовыя фабрики; покрайней мѣрѣ, Никита Акинфѣевичъ усердно объѣздилъ ихъ и купилъ много часовъ. Посмотрѣвъ городъ и полюбовавшись Женевскимъ озеромъ, путешественники возвратились опять во Францію и 10 мая пріѣхали въ Парижъ. По прежнему началась разсѣянная жизнь „въ городѣ, гдѣ царствуютъ разнаго рода веселости“. Не проходило дня, чтобы Демидовы не побывали „въ спектакляхъ, на гульбищахъ или въ загородныхъ увеселительныхъ домахъ“. Вмѣстѣ съ ними ѣздили графъ и графиня Строгоновы. Между прочимъ, они были „на ярмаркѣ, подлѣ Тюллери бываемой, гдѣ въ одномъ мѣстѣ видны комедіи, балансеры, всякаго рода музыка, ташень-шпилеры, кукольныя, обезьянныя и собачьи представленія; въ другомъ мѣстѣ механическія искусствомъ сдѣланныя фигуры къ удивленію публики исправляютъ человѣческія посредствомъ магнита дѣйствія“. Все это видимо занимало нашихъ путешественниковъ. Между-тѣмъ, Александра Евтихіевна получила изъ Англіи письма отъ тѣхъ лэди, съ которыми познакомилась въ Спа. Ее приглашали въ Лондонъ. Она въ это время была снова беременна, но не обратилась уже за совѣтомъ къ Гобіусу и рѣшилась ѣхать, пригласивъ со собою парижскаго доктора Пуасонье.

Въ половинѣ мая, Демидовы выѣхали въ Калэ. Здѣсь случилось обстоятельство, которое составитель журнала отмѣтилъ съ особеннымъ юморомъ. При переѣздѣ черезъ проливъ, „господинъ медикъ, вмѣсто того чтобы помогать на морѣ Александрѣ Евтихіевнѣ, самъ напротивъ того чуть было, замучившись рвотою, на тотъ свѣтъ не отошелъ“. По прибытіи въ Лондонъ 22 мая, Демидова послала извѣстить о своемъ пріѣздѣ лэди Керри и Суссексъ, извиняясь, что отъ сильной усталости не можетъ быть у нихъ раньше слѣдующаго дня, но англичанки предупредили ее и въ тотъ же вечеръ ее навѣстили до двадцати знатныхъ дамъ. Первое время посвящено было, конечно, визитамъ. Русскій министръ при лондонскомъ дворѣ Мусинъ-Пушкинъ представилъ Демидовыхъ королю и королевѣ. Гости наши приняты были очень внимательно, приглашены на придворный балъ и удостоились бесѣдовать съ высокими хозяевами. Особенно королева показала боль-

шее вниманіе къ Александрѣ Евтихievнѣ и много говорила съ нею. Послѣ того Демидовы получили множество приглашеній и каждый день ѣздили на завтраки, обѣды или вечера къ знатнымъ англичанамъ или бывали въ воксалахъ и ренела, а иногда въ театрахъ и общественныхъ садахъ. Никита Азинфievичъ не пренебрегалъ и такими зрѣлищами, какъ кулачные бои и пѣтушьи драки. Въ циркѣ наши путешественники „смотрѣли ѣздящихъ на лошадяхъ, и какъ скачутъ стоя на оныхъ верхомъ, помѣстивъ на сѣдло оловянную кружку, ничѣмъ не привязанную, на которой ѣздящій становится голую, держа ноги на воздухѣ, и скачетъ довольно прытко“. Въ журналѣ нашего путешественника находимъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній объ особенностяхъ лондонской жизни и нравовъ. „Госпожи здѣсь, — говорится въ дневникѣ, — носятя въ портшезахъ по сдѣланнымъ съ возвышенностью для пѣшеходовъ площадкамъ, которыя по вечерамъ освѣщаютъ поставленными на столбахъ фонарями, что дѣлаеть улицы весьма свѣтлыми и какъ бы иллюминированными... Мушоны ходятъ со двора по утру во фракахъ, иногда ѣздятъ верхомъ; убираться же надлежитъ только тогда, когда ѣдешь въ оперу или званъ будешь къ знатнымъ персонамъ обѣдать... Женщины здѣшнія не бѣлятся и не румянятся, не перенимая ни мало отъ размалеванныхъ французскихъ дамъ... Супруги перовъ имѣютъ почести отмѣнные въ церемоніальныхъ собраніяхъ“. Дворъ уѣзжалъ въ Портсмуть на смотръ флота, и королева пригласила Демидовыхъ „видѣть маневры, чинимыя двадцатью линейными кораблями, не считая фрегатовъ и другихъ судовъ“. Они воспользовались любезнымъ приглашеніемъ. Но зрѣлище это привлекло такое множество народа, что въ Винчестерѣ наши путешественники не могли достать лошадей, принуждены были идти пѣшкомъ до мѣстечка Саузбикъ и кое-какъ добрались въ Портсмуть. Тамъ однако жъ адмиралъ Эльфистонъ озаботился приготовить для нихъ квартиру и яхту, на которой они отплыли на рейдъ и хорошо видѣли всѣ эволюціи англійскаго флота. По возвращеніи въ Лондонъ, они присутствовали въ верхней палатѣ при торжественномъ закрытіи парламента, и церемонія эта подробно записана въ журналѣ. Съ окончаніемъ сезона, когда большинство англійской аристократіи разъѣзжается изъ столицы, Демидовъ предпринялъ поѣздку во внутренность страны. Прежде всего посѣтили они помѣстье лорда Гамилтона, въ двадцати миляхъ отъ Лондона, гдѣ въ особенности поразили ихъ огромный паркъ съ гротами и каскадами, „обсаженный не ординарными деревьями, лаврусъ-тинусомъ, цыпресами, арборвите и множествомъ большихъ тюлепифорныхъ“. Въ Батѣ наши путники встрѣтились съ Пушкинными, которые пользовались тамъ водами, и вмѣстѣ съ ними ѣздили въ Мальмсбери. Въ Оксфордѣ осмотрѣли они университетъ, потомъ ѣздили въ замокъ герцога Мальбурга и видѣли большой паркъ, который „столь натурѣ уподобленъ, что всѣ части прелестныхъ видовъ за множествомъ описать трудно“. Поѣзда

кончилась посѣщеніемъ помѣстья, „названнаго кабанъ“, принадлежавшаго лорду Кембелю. Послѣдніе дни въ Лондонѣ Демидовы посвятили на прощальные визиты оставшимся въ городѣ знакомымъ, и Никита Акинфіевичъ озаботился отправкою купленныхъ въ Ботаническомъ саду деревьевъ, въ числѣ которыхъ было, между прочимъ, „невиданное кокусовое преобладающаго рода молодое деревцо, которое изобильно вырастаетъ въ имперіи Сіамской“.

По возвращеніи во Францію, Демидовы прожили еще около шести недѣль въ Парижѣ. Состояніе здоровья Александры Евтихievны не позволяло ей часто выѣзжать и она изрѣдка только бывала въ оперѣ съ графиней Строгоновою, „дабы видѣть дофиншу“, и обѣдала у г-жи Жофренъ, „всѣми учеными людьми признаваемой за разумнѣйшую особу“, и у нея „съ нѣсколькими знатными учеными и искусными художниками проводила время съ удовольствіемъ, разсуждая о многихъ важныхъ матеріяхъ“. Готовясь къ отъѣзду въ Россію, Демидовы дѣлали прощальные визиты и принимали у себя посѣтителей, между прочимъ, Мармонтеля, „человѣка ученѣйшаго, котораго разумными разговорами довольно воспользовались“. По рекомендаціи знакомыхъ, наняли кухмистра Марсана и дѣвицу Фертонъ. Послѣдніе дни ѣздили по магазинамъ, дѣлали разныя закупки и занимались укладкою приобрѣтенныхъ вещей. Чего нельзя было взять съ собою, то отправлялось моремъ въ Петербургъ: это были книги, картины, статуи, стѣнные часы, мебель, математическіе инструменты, „паникадилы“ и проч. Немало времени потребовали окончательные расчеты съ „проницательными“ парижскими торговцами, которые, конечно, сумѣли воспользоваться любовью Никиты Акинфіевича къ „нужнымъ и достойнымъ примѣчанія вещамъ“. Наконецъ, 30-го августа наши путешественники выѣхали изъ „великолѣпнаго и славнаго города“, гдѣ, по отзыву путевого дневника, провели время съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и пользою.

Положеніе Александры Евтихievны заставляло спѣшить возвращеніемъ въ Россію; но, хотя поэтому наши путешественники и не позволяли себѣ нигдѣ долго останавливаться, однако же не отказывались отъ возможности осмотрѣть то, что казалось имъ интереснымъ, или побывать тамъ, гдѣ надѣялись провести время съ удовольствіемъ. Остановясь на три дня во Франкфуртѣ, они поѣхали въ Лейпцигъ, гдѣ въ это время была извѣстная ярмарка, и пригласили къ обѣду русскихъ студентовъ, которые слушали тогда лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ. 24-го сентября Демидовы пріѣхали въ Дрезденъ. Мать владѣтельнаго курфирста, съ которою они познакомились въ Ахенѣ, узнавъ о прибытіи гостей, прислала за ними „дугомъ заложенную пребогатую карету, и весьма милостиво принявши, приказала исправить всѣ ихъ надобности“. Путешественники осмотрѣли арсеналь и посѣтили кабинетъ, „въ коемъ великое собраніе рѣдкихъ каменьевъ, коралей, окаменѣлыхъ вещей, въ томъ числѣ и пень, превратившійся

въ камень, также серебряный, искусно вылитый въ натуральную величину олень, у коего внутри вмѣщена аптека... Удостоились также видѣть изъ слоновой кости точеніе блаженный и вѣчнодостойныя памяти императора Петра I-го, кое сохраняется и показывается за диковину". Что касается знаменитой дрезденской галлерей, въ которой тогда уже было много великихъ произведеній искусства, то наши русскіе гости отнесли къ ней не съ большимъ вниманіемъ: въ журналѣ замѣчено только, что видѣли „въ картинной галлерей собраніе наилучшихъ пензелей картинъ". Зато Никита Акинфиевичъ подробно осматривалъ фрейбергскіе серебряныя рудники, и вмѣстѣ съ провожавшимъ его офицеромъ, „надѣвъ данное отъ надзирателя горное платье, взяли по фонарю, повѣсили на груди, и по лѣстницѣ съ великою опасностію начали сходить въ преисподнюю и, держась за веревки, сошли пятнадцать лѣстницъ, но глубже спускаться не разсудили, посмотрѣвъ только, какъ выбиваютъ изъ твердаго камня жилу серебряной руды... Въ семъ мѣстѣ сырость, спершійся дымъ отъ свѣчи и какъ бы паръ въ угарной банѣ едва насъ отъ непривычки не задушилъ и столько обезпокоилъ, что мы поспѣшили вылѣзть вонъ". Здѣсь нашъ путешественникъ купилъ нѣсколько образчиковъ лучшихъ рудъ. Если Никита Акинфиевичъ былъ любителемъ искусствъ, то, очевидно, его еще больше интересовало горное дѣло. Какъ владѣтель богатыхъ заводовъ, онъ, безъ сомнѣнія, осматривалъ фрейбергскія рудокопни не изъ одного любопытства, но и въ видахъ практической пользы для своего дѣла. Это видно и изъ того, что, посѣщая разные кабинеты за-границей, онъ обращалъ всегда вниманіе на минералогическія коллекціи и покупалъ много образчиковъ минераловъ для своего собранія. Въ началѣ октября Демидовы пріѣхали въ Берлинъ. Здѣсь они сдѣлали визитъ нашему посланнику, князю Владиміру Сергѣевичу Долгорукову, обѣдали у него и потомъ вмѣстѣ съ нимъ осматривали фарфоровый заводъ, гдѣ „заказали за 320 червонныхъ десертный сервизъ". Въ Данцигѣ разбирали свои сундуки съ вещами, которыхъ набралось, повидимому, не мало; одни изъ нихъ взяли съ собою, а другіе отправили моремъ въ Петербургъ. На пути въ Кѣнигсбергъ съ нашими путешественниками случилось такое же несчастіе, какъ по дорогѣ въ Каррару, и на этотъ разъ не обошлось безъ печальныхъ послѣдствій. „Карета, гдѣ находилось дитя съ няньками, кормилицею и камердинеромъ, по оплошности извозчика, опрокинулась въ ровъ, чѣмъ Александра Евтиковна, какъ мать, болѣе всѣхъ испугана была; но по счастью дочь Катерина Никитишна, бывъ въ рукахъ у расторопнаго челоуѣка, осталась невредима". Нѣкоторыя женщины, однако же, были ушиблены и ранены, почему принуждены были провести ночь въ ближней корчмѣ, а по пріѣздѣ въ Кѣнигсбергъ, нужно было пригласить доктора. Вообще этотъ случай всѣхъ очень встревожилъ и, кажется, повліялъ на здоровье Демидовой, которая была въ послѣднемъ времени беременности. Въ Мемелѣ Ни-

кита Акинфіевичъ накупилъ опять много „янтарныхъ вещей съ на-
сѣкомыми“. Съ прїѣзда въ Ригу, куда прибыли 1-го ноября, начи-
нается рядъ непредвидѣнныхъ случайностей, которыя замедлили воз-
вращеніе въ Петербургъ на цѣлыя три недѣли. Сперва, за недостат-
комъ почтовыхъ лошадей, пришлось прожить три дня въ Ригѣ, по-
томъ три дня простояли передъ Нарвою изъ-за починки экипажей:
очевидно, что тутъ были уже не такія „битыми камешками успан-
ныя дороги“, по какимъ наши туристы катались въ Англїи. Нако-
нецъ, не доѣзжая восьмидесяти верстъ до Петербурга, Демидовы при-
нуждены были остановиться на двѣнадцать дней вотъ по какому
обстоятельству. Когда они прїѣхали въ село Чирковицы, утромъ 8-го
ноября, Александра Евтихїевна почувствовала приближеніе родовъ и,
при помощи жены почтмейстера, въ десятомъ часу, „къ неописанной
радости супруга, даровала ему сына, какъ бы въ награжденіе за его
столь дальнее и многотрудное путешествіе“. Больной приходилось
провести нѣсколько дней при самыхъ неблагоприятныхъ условїяхъ:
комнаты на станціяхъ были холодныя, безъ печей, а между тѣмъ
стояла уже глубокая осень. Никакое богатство не въ состоянїи было
измѣнить этого печальнаго положенїя; оставалось ждать первой воз-
можности выбраться изъ Чирковицъ, не рискуя здоровьемъ матери и
ребенка. Поэтому, какъ только больная начала нѣсколько поправ-
ляться, хотя и была еще слаба, ее вмѣстѣ съ новорожденнымъ по-
везли въ Петербургъ и, благодаря принятымъ мѣрамъ, они прибыли
туда благополучно 22-го ноября 1773 года. Составитель журнала
заключаетъ свой дневникъ тѣмъ, что Демидовы, „окончивъ счастливо
свое путешествіе по иностраннымъ государствамъ, привезли въ оте-
чество дочь и сына“.

Записки о заграничномъ путешествїи Никиты Акинфіевича Деми-
дова представляютъ замѣчательный историческій и литературный па-
мятникъ, любопытный во многихъ отношенїяхъ. Онѣ составляютъ
какъ бы связующее звено между старинными „хожденїями“ и новѣй-
шими путешествїями, которыми наша литература обогатилась со вре-
мени писемъ Карамзина и Фонвизина. Записки эти объясняютъ многія
черты въ характерѣ русскаго высшаго сословія во второй половинѣ
прошлаго столѣтїя и показываютъ, какъ въ нашихъ вельможахъ ека-
терининской эпохи слились характерныя особенности стараго рус-
скаго боярства и заимствованныхъ изъ Европы прїемовъ цивилизаціи
и образованїя. Съ одной стороны, журналъ Демидова напоминаетъ
статейные списки нашихъ пословъ до-петровскаго времени; какъ тамъ
находимъ мы рассказъ о личницѣ изъ строфокамилова яйца, такъ и
здѣсь видимъ наивныя замѣтки о какомъ-то славномъ ватеръ-соутѣ
и устрицахъ, которыми лакомятся по утрамъ ради мѣстнаго обычая.
Спектакли, на которыхъ Демидовы были въ Парижѣ, описываются съ
такимъ же простодушіемъ, какъ и комедїя, видѣнная бояриномъ Ли-
хачевымъ во Флоренціи. Въ замѣчанїяхъ о чужихъ нравахъ также

много общаго: подъѣхъ семнадцатаго вѣка удивляется, что въ Италіи у женщинъ ничего нѣтъ на головахъ, а лѣтописецъ поѣздки Демидова смѣется надъ парижанками, которыя поддерживаютъ красоту убѣленіемъ и промываніемъ. Широкая натура нашихъ бояръ немного измѣнилась послѣ петровской реформы: послы наши вездѣ щедро одаряютъ соборами и лисицами, и Демидовы съ неменьшею щедростью награждаютъ слуганокъ и слугъ, „выѣзжая изъ каждаго мѣста“. Разница въ томъ только, что русскіе посланники, какъ видно изъ статейныхъ списковъ, возили съ собой за-границу мѣха не для однихъ подарковъ, но и для продажи, а Демидовъ бралъ только чистыя деньги для покупки японскихъ горшковъ, гротескныхъ раковинъ и другихъ „нужныхъ вещей“. Съ другой стороны, въ журналѣ путешествія Демидова мы видимъ, что его занимаютъ не одни мелочи и внѣшній блескъ европейской жизни: онъ интересуется плодами цивилизаціи, произведеніями искусствъ и предметами науки. Не пропускаетъ случая побывать на гуляньяхъ и въ вокзалахъ, посмотрѣть пѣтушій бой и собачью комедію, онъ, однако же, больше обращаетъ вниманія на музеи и библіотеки, осматриваетъ фабрики, спускается въ рудники. Если и въ этомъ было, можетъ быть, больше любопытства празднаго богача, нежели серьезной пытливости образованнаго челоуѣка, то не должно забывать, что поѣздка эта происходила черезъ какія-нибудь семьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ русскіе бояре промѣняли свои охобни на европейскій костюмъ, и что нашъ путешественникъ былъ внукомъ тульского кузнеца. Наконецъ, журналъ путешествія Никиты Акинфѣевича ясно показываетъ намъ, какъ въ прошломъ вѣкѣ свозились въ Россію изъ-за границы дѣйствительно цѣнныя и сомнительныя произведенія искусства и природы, которыми наполнялись галереи и оранжереи въ городскихъ и деревенскихъ домахъ нашихъ богатыхъ баръ. Къ сожалѣнію, въ дневникѣ показаны цѣны только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ покупокъ и издержекъ, но нѣтъ указанія, на какую сумму приобрѣтено множество разнообразныхъ вещей и во что обошлось все это трехлѣтнее путешествіе.

А. Милюковъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ¹⁾.

III.

Романтико-художественная украинская литература нынѣшняго вѣка.

РОМАНТИЗМЪ—слово довольно неопредѣленное. Адамъ Мицкевичъ показываетъ существенныя черты романтизма путемъ историческимъ, сопоставляя его съ другими литературными явленіями. Во всемірной исторіи литературы онъ видитъ слѣдующія крупныя явленія: классицизмъ, средневѣковой романтизмъ новыхъ народовъ, французскій псевдоклассицизмъ и романтизмъ ново-европейскихъ литературъ. Творческій талантъ греческаго художника былъ слѣдствіемъ равновѣсія между воображеніемъ, чувствомъ и разсудкомъ; поэтому, художественныя произведенія грековъ имѣли изящную соотвѣтственную форму какъ въ построеніи, такъ и во внутреннемъ содержаніи,—и такое свойство и характеръ изящныхъ произведеній называется стилемъ греческимъ, или классическимъ. Новыя чувства и представленія, свойственныя только варварамъ, такъ называемый духъ рыцарскій и соединенныя съ нимъ уваженіе и любовь къ женщинѣ, чуждыя Греціи и Риму, строгое сохраненіе правилъ чести, религиозный экстазъ, миѳическіе вымыслы и представленія варварскихъ народовъ, прежде язычниковъ, а теперь христіанъ, перемѣшанныя между собою,—все это составляетъ въ средніе вѣка міръ романтическій, котораго поэзія называется тоже романтической. Поэзія эта имѣла свой опредѣленный характеръ, видоизмѣняемый только мѣстнымъ вліяніемъ суровыхъ и восторженныхъ норманновъ, веселыхъ

¹⁾ См. „Историч. Вѣстн.“, томъ V, стр. 697.

миннезенгеровъ, чувствительныхъ трубадуровъ. Французская псевдоклассическая поэзія, подавившая собою средневѣковой романтизмъ, только драпировалась въ классическую одежду, а въ сущности была поэзією разсудочною и формальною. Въ ней не могли найти мѣста никакіе смѣлые замыслы, никакія народныя басни; скорѣй искали предметовъ историческихъ, но если брали изъ старины, или изъ среднихъ вѣковъ, то всегда принаровляли къ французской знати. Наконецъ, новая романтическая поэзія явилась на смѣну французскому псевдоклассицизму и отчасти вызвана была его злоупотребленіями. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Великобритани, менѣе другихъ подчиненной чужимъ вліяніямъ, гдѣ въ Шотландіи до сихъ поръ сохраняются древнія народныя пѣсни. Великій Шекспиръ воспитался единственно на взглядахъ народныхъ. Преемниками его въ позднѣйшее время являются два британскіе генія: Вальтеръ-Скоттъ и Байронъ. Первый посвятилъ свой талантъ народной исторіи, издавая народныя повѣсти изъ міра романтическаго, обработанныя классически; онъ создалъ народныя поэмы и сдѣлался для англичанъ Аріостомъ. Байронъ, оживляя образы чувствомъ, создалъ новый родъ поэзіи повѣствовательной и описательной, въ которомъ онъ—то же, что Шекспиръ въ драматической поэзіи. Въ Германіи ново-романтизмъ осложнился вліяніями греческимъ, итальянскимъ, англійскимъ и другими и имѣетъ представителями своими Шиллера, Гете и др. ¹⁾ Сущность этого ново-романтизма, смѣшаннаго съ другими направленіями литературы и поэзіи, нѣкоторые новѣйшіе писатели понимаютъ какъ гармоническое сочетаніе въ новѣйшемъ художественномъ идеалѣ романтически глубокой жизни души и классической красоты формы. Поэтому, ново-романтизмъ вѣрнѣе слѣдуетъ назвать художественнымъ романтизмомъ. Нѣкоторые представители его вели борьбу противъ французскаго псевдоклассицизма, чтобы возстановить дѣйствительное классическое образованіе, какъ оно было въ Греціи. Греческая поэзія, греческая философія, въ дѣлѣ новоромантическаго движенія нерѣдко были руководительными началами.

Но гармоническое сочетаніе романтическаго содержанія съ классическою формою проявлялось не во всей ново-романтической литературѣ одинаково, смотря по различію національностей, стороннихъ вліяній и личнаго настроенія поэтовъ. Въ Англии романтизмъ, если представителями его признать Вальтеръ-Скотта, Борнса, Байрона, Мура, Вашингтона-Ирвинга, былъ прежде всего націоналенъ и соотвѣтствовалъ какъ историческому развитію народа, такъ и кореннымъ началамъ, лежавшимъ въ основаніи его умственной, нравственной и религіозной жизни, и потому пришелъ къ отраднымъ явленіямъ, изъ которыхъ очень многія по справедливости носятъ на себѣ признаки

¹⁾ „О поезіи romantycznej“ А. Мицкевича, — предисловіе къ первому изданію его стихотвореній, 1822 года.

классицизма. Англійская романтика получала мотивы для поэтическихъ созданій изъ „древней романтической страны“, но вмѣстѣ съ тѣмъ служила орудіемъ для рѣшенія вопросовъ современной жизни. Въ Германіи, ново-романтика, въ лицѣ Гете и Шиллера, опиралась на классическую древность и тоже имѣла въ виду насущныя потребности настоящаго времени. Но возникшая затѣмъ въ собственномъ смыслѣ романтическая школа, со Шлегелями и Тикомъ во главѣ, вся погрузилась въ отжившую старину, тосковала по утраченной родинѣ и сдѣлалась даже орудіемъ политической реакціи и застоя. Нѣмецкіе романтики этого рода искали высшаго единства жизни и обратились къ романтизму среднихъ вѣковъ, въ которомъ, по ихъ понятіямъ, христіанство связывало въ единство—государство, церковь, народъ, науку, искусство и жизнь. Громко было возвышено, что въ средніе вѣка всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ сопровождала и проникала всю разнообразную, многоцвѣтную жизнь; что, поэтому, въ средніе вѣка, не смотря на рѣзкое разъединеніе сословій феодальнаго государства, всѣ явленія жизни приобрѣли тѣсную связь съ народною жизнью, и такъ какъ эта народная жизнь есть единственный и неисчерпаемый источникъ поэзіи, то съ возстановленіемъ средневѣковаго романтическаго міра—въ церкви, государствѣ и народной жизни неминуче должна обновиться также поэзія и наука ¹⁾.

Хотя романтизмъ былъ, собственно, продуктомъ жизни западно-европейскихъ народовъ, но возобновленіе, или ново-романтизмъ, отразился и въ литературѣ славянскихъ народовъ, въ силу тѣснаго общенія ихъ съ западною Европою, и представителями этого ново-романтизма являются у поляковъ—Адамъ Мицкевичъ со школою украинно-польскихъ поэтовъ, самъ отчислившій себя къ разряду романтиковъ, а у русскихъ—Жуковский, Батюшковъ, Пушкинъ и Лермонтовъ. Но у поляковъ и русскихъ ново-романтизмъ выразился нѣсколько различными образомъ. Мицкевичъ, въ изданіи своихъ стихотвореній 1829 года—„Къ читателю о критикахъ и рецензентахъ варшавскихъ“, указывая на представителей ново-романтизма: Гете, Мура, Байрона и др., ссылается также на Шлегелей, Тика, Гизо, Вильмена и др., т. е. на авторитеты реакціоннаго романтизма, обращеннаго на давно-прошедшую жизнь и, слѣдовательно, является романтикомъ отчасти регрессивнымъ. Въ противоположность господствовавшему въ Варшавѣ псевдоклассицизму, онъ обратился къ народнымъ преданіямъ и баснямъ и открылъ для себя новую Шотландію, но нашелъ ее не между поляками, утратившими наивную прелесть первоначальной поэзіи, а въ русскомъ народѣ, который имѣлъ неизсякаемый источникъ народной поэзіи. Эти преданія онъ и разработывалъ съ романтической точки зрѣнія и образовалъ цѣлую школу польско-украинскихъ поэтовъ, къ

¹⁾ „Обзоръ англійской литературы XIX столѣтія“, Ю. Шмидта.

которой, между прочимъ, принадлежали—Мальчевскій, Богданъ За-
лѣскій, Одынецъ, Северинъ Гощинскій, Занъ и др. Но такъ какъ
Польша въ то время болѣе не существовало, то идеалы этихъ писа-
телей обращены были къ прошлымъ временамъ самостоятельнаго суще-
ствования Польши и освящали собой многія ненормальныя явленія
въ жизни этого безобразно-феодалнаго государства. Въ другомъ по-
ложеніи находилась Россія, могущественное и новое государство, ко-
торое, при своей молодости и сравнительномъ недостаткѣ образо-
ванія, было воспримчивѣе ко всякимъ литературнымъ влияніямъ во-
обще и въ частности къ ново-романтическому, быстро воспринимало
ихъ и примѣняло не столько къ прошедшей своей жизни, сколько къ
настоящей. Здѣсь мы видимъ чистѣйшій романтизмъ у Жуковскаго,
мотивы классической поэзіи древнихъ у Батюшкова, и соединеніе обо-
ихъ элементовъ у Пушкина и Лермонтова.

Что же касается собственно украинской литературы, то и она
не чужда была этого ново-романтическаго движенія и знакомилась съ
нимъ или непосредственно изъ первыхъ рукъ, или же при посредствѣ
польской и русской литературъ. Одинъ изъ профессоровъ харьков-
скаго университета, Кронебергъ, еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго
вѣка познакомилъ русскихъ съ важнѣйшимъ представителемъ ново-
романтической поэзіи—Шекспиромъ. Малорусскій писатель Кулишъ го-
воритъ за себя и за своихъ земляковъ, что, наравнѣ съ Пушкинымъ
и Гоголемъ, они поначитывались Байрона и Шиллера. К. Думитраш-
ковъ и П. П. Гулакъ-Артемовскій переводятъ нѣкоторыя стихотво-
ренія изъ Гете. Н. А. Маркевичъ перевелъ на русскій языкъ „Еврей-
скія мелодіи“ Байрона и свои „Украинскія мелодіи“ написалъ по об-
разцу „Ирландскихъ“ и „Еврейскихъ“ мелодій Томаса Мура и Байрона.
Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ) написалъ нѣсколько стихотвореній
въ подражаніе Байрону и съ эпиграмами изъ него, какъ напр., „До
жидивки“, „Журба еврейская“, „Місяць“, „Погибель Сеннахерибова“,
„Дика коза“ и проч.; а въ своихъ историческихъ драмахъ, и отчасти
историческихъ изслѣдованіяхъ, является послѣдователемъ Вальтеръ
Скотта. Марфа Писаревская переводитъ советы Петrarка, а Кулишъ
вдохновляется Дантомъ.

Но болѣе всего малороссы знакомились съ ново-романтизмомъ че-
резъ русскихъ и отчасти польскихъ представителей его и воспроизво-
дили ихъ мотивы въ своей литературѣ. Шерепера (С. Писаревскій)
подражаетъ въ одной пѣснѣ Жуковскому. Нѣкоторые признаютъ даже,
что первыя произведенія Т. Г. Шевченка—„Причинна“, „Утоплена“,
„Тополя“, написаны въ формѣ баллады въ романтическомъ вкусѣ
Козлова и Жуковскаго ¹⁾. Классическіе мотивы Батюшкова отчасти
воспроизводятся въ антологическихъ стихотвореніяхъ Я. Щоголева,

¹⁾ „Т. Г. Шевченко въ отзывахъ о немъ иностранной печати“, Одесса, 1879 г.,
стр. 6.

товарища поэта Щербини по университету. Но особенное вліяніе на украинскую литературу имѣли два наши великіе поэта—Пушкинъ и Лермонтовъ. „Больше всего мы полюбили изъ сосѣдней словесности Пушкина, говорить Кулишъ, и—негдѣ правды дѣть—поупивались его поэзіей, какъ будто тѣмъ старымъ медомъ, что называютъ пьяное чело. Онъ силой затащилъ насъ на пышный бенкетъ ¹⁾“. Мотивы пушкинской поэзіи мы видимъ у Шерепери, Макаровскаго, Н. А. Маркевича, Л. Боровиковскаго, П. Кореницкаго, Гребенки и др. Не меньшимъ почетомъ и уваженіемъ пользовался въ украинской литературѣ и нашъ Лермонтовъ. Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали уже о пародированномъ переложеніи П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ „Думы“ Лермонтова на украинскую рѣчь. Кромѣ того, ясны слѣды подражанія Лермонтову мы находимъ у малорусскихъ стихотворцевъ М. Петренка и С. Родыны (псевдонимъ). Но, что всего замѣчательнѣе, вліянію нашихъ двухъ знаменитыхъ поэтовъ русскихъ въ извѣстной мѣрѣ подчинился даже Т. Г. Шевченко. Кулишъ говоритъ, что Шевченко „Пушкина зналъ наизусть, даромъ что писалъ не его рѣчью, не его складомъ, а Шекспира возилъ съ собою, куда бы ни ѣхалъ ²⁾“. Изъ дневника же самаго Шевченка мы знаемъ, что онъ зналъ наизусть и многія изъ стихотвореній Лермонтова и называлъ его великимъ поэтомъ, а стихи его—очаровательными. Конечно, вліяніе русскихъ ново-романтическихъ поэтовъ на украинскую литературу принимало мѣстный отпечатокъ и характеръ; но нельзя не замѣтить, что мѣстному колориту этихъ вліяній немало помогли басни Крылова, которыя часто переводились и передѣлывались на украинскую рѣчь и украинскіе нравы, и притомъ украинскими писателями въ романтическомъ духѣ.

Менѣе замѣтно на украинской литературѣ вліяніе польскаго ново-романтизма, хотя оно все-таки есть, и притомъ иногда не маловажное. Харьковскій университетъ, на первыхъ порахъ своего существованія, былъ полу-русскимъ, полу-польскимъ; здѣсь даже профессорствовалъ братъ Адама Мицкевича, хотя и не раздѣлявшій убѣжденій своего знаменитаго брата. Въ харьковскомъ университетѣ преподавался польскій языкъ, и лекторъ этого языка П. П. Гулакъ-Артемовскій въ вступительной лекціи своей говорилъ, что „языкъ польскій есть столь новый и столь обильный для россійской словесности источникъ, котораго выразительность и сходство съ нашимъ россійскимъ языкомъ никакими другими языками замѣнена быть не можетъ“, и что „отечественной нашей литературѣ... польскій языкъ съ прочими единобратными можетъ содѣйствовать болѣе, нежели какой-либо иностранный ³⁾“. Въ виду этого, онъ переложилъ нѣкоторыя польскія

¹⁾ „Хата“, Кулиша, 1860 г., стр. VIII.

²⁾ „Основа“, январь, 1862 г., библиографія, стр. 60—61.

³⁾ Рѣчь эта—въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“, за февраль, 1819 года.

стихотворенія на малорусскій языкъ и, между прочимъ, „Пана Твардовскаго“ Мицкевича. Изъ послѣдующихъ украинскихъ писателей извѣстны своими переводами польскихъ романтическихъ образцовъ, или подражаніями имъ: Н. А. Маркевичъ, А. Метлинскій, Аванасьевъ-Чужбинскій, Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ), Кулишъ и Ломусъ, подъ которымъ скрывается, по всей вѣроятности, тотъ же Кулишъ. Между романтическими польскими писателями немаловажное значеніе имѣлъ для украинской литературы Богданъ Залѣсскій, избравшій специальностью для своей поэзіи малорусскія думы. Изъ его стихотвореній выбранъ эпилогъ къ „Русалѣ Днѣстровой“, 1837 года, освѣщающій идею этого русинскаго сборника. Украинскіе критики находятъ, что Богданъ Залѣсскій и другіе украинско-польскіе писатели имѣли въ свое время большое значеніе для правобережной Украины.

Нѣкоторые изъ украинскихъ романтическихъ писателей съ теченіемъ времени выросли изъ этого направленія и преслѣдовали другія цѣли и задачи,—и о нихъ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ. На этотъ разъ мы остановимся на такихъ украинскихъ писателяхъ, которые болѣе или менѣе оставались вѣрными романтико-художественному направленію. Это болѣею частію незначительные поэты, о которыхъ часто умалчиваютъ критики и историки украинской литературы, или отзываются о нихъ мимоходомъ и даже съ извѣстной долей пренебреженія. Таковы: Н. А. Маркевичъ, А. Метлинскій, А. Корсунъ, Я. Щоголевъ, Л. Боровиковскій, П. Кореницкій, В. Забѣлла, М. Петренко, С. Родыца и А. Аванасьевъ-Чужбинскій ¹⁾.

I.

Николай Андреевичъ Маркевичъ ²⁾.

Николай Андреевичъ Маркевичъ родился 26 января, 1804 года, въ Дунайцѣ, Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ г. Придубѣ, въ пансіонѣ извѣстнаго педагога по призванію и литератора Павла Павловича Белецкаго-Но-

¹⁾ Извѣстны еще сборники стихотвореній: 1) „До чумака“, Ф. С. Морачевскаго, 1855 г.; 2) „Українська Квітка“, Шишацкаго-Иллича, 1856 — 7 г.; 3) „Хохляцки спивки Крутоярченка“, С.-Петербургъ, 1858 года; 4) „Прочинокъ, вистачну М. Прибура“, Лейпцигъ, 1859 г., и 5) „Бандура. Думки и пісні, Думитрашка-Райча“, Кіевъ, 1858 г. Но, кромѣ стиховъ Крутоярченка, мы ихъ не видѣли. Судя по отзывамъ другихъ, они рѣшительно не стоятъ вниманія.

²⁾ Кромѣ сочиненій самаго Н. А. Маркевича, источниками для его біографіи и обзора сочиненій, служатъ: „Основа“, за январь и февраль, 1861 г.; „Московскій Телеграфъ“, 1832 г.; ч. 46, стр. 65—76; „Указатель источниковъ для изученія маѳороссійскаго краа“, А. М. Лазаревскаго, С.-Петербургъ, 1858 г.; см. 1876; „Полтавскія губернскія вѣдомости“ за 1861 г., № 16; „Русскій Архивъ“, 1864 г., 2 изд. стр. 1076; „Памятная книжка Полтавской губерніи на 1866 годъ“.

сенка, о которомъ вспоминалъ впоследствии, въ своихъ „Украинскихъ мелодіяхъ“, съ большимъ уваженіемъ (стр. 133). Въ 1817 году, Н. А. Маркевичъ былъ помѣщенъ во вновь открывшійся въ то время пансіонъ при „Педагогическомъ институтѣ“ въ Петербургѣ. Одинъ изъ преподавателей этого пансіона, В. К. Кюхельбекеръ, очень полюбилъ даровитаго юношу и много способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса. Ему Николай Андреевичъ обязанъ и знакомствомъ своимъ съ А. С. Пушкинымъ, съ барономъ Дельвигомъ, Баратынскимъ и съ В. Л. Пушкинымъ. Въ этомъ обществѣ молодой писатель проводилъ свои досуги во все время пребыванія своего въ Петербургѣ, до 1820 года, и подъ влияніемъ его началъ свое литературное поприще. Первые стихотворныя попытки Николая Андреевича начались еще въ весьма молодые годы: стихотвореніе его „Гробъ“, написанное гекзаметромъ, было уже напечатано В. А. Жуковскимъ въ „Невскомъ Зрителѣ“, 1817 года, когда Николаю Андреевичу было только 13 лѣтъ. Въ 1821 году, онъ поступилъ на службу въ драгунскій армейскій полкъ, который однако-же, стоялъ тогда въ Малороссіи, что много помогло ему въ изученіи родной стороны. „Объѣздивъ Малороссію изъ конца въ конецъ не въ одномъ направленіи, писалъ о себѣ Николай Андреевичъ,—стоявши съ полками не на одномъ мѣстѣ, родившись въ ней, имѣя въ ней всѣхъ родныхъ, собственность, и, наконецъ, зная здѣшній языкъ, кажется, я могъ узнать свое отечество, котораго пространство весьма ограничено“¹⁾. Вскорѣ, по желанію своего отца, жившаго въ своемъ малороссійскомъ селѣ и страстно любившаго сына, Николай Андреевичъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, гдѣ имѣлъ возможность еще ближе познакомиться съ малорусскою жизнью. Въ 1829 году, мы видимъ его опять въ столицѣ, въ Москвѣ, гдѣ Николай Андреевичъ велъ образъ жизни преимущественно свѣтскій, что, впрочемъ, не помѣшало ему приобрести много друзей въ кругу ученомъ и артистическомъ. Здѣсь, предавшись съ особенною страстью музыкѣ, онъ сдѣлался, подъ руководствомъ извѣстнаго Фильда, превосходнымъ пѣанистомъ. „Въ его чуткой талантливой натурѣ,—говоритъ его биографъ,—поэзія и музыка сжились такъ дружно, какъ въ украинской народной пѣснѣ“. Въ томъ же 1829 году, Николай Андреевичъ издалъ въ Москвѣ свои „Элегіи“, „Еврейскія мелодіи“ и „Стихотворенія эротическія“; потомъ, черезъ два года, тамъ же изданы „Украинскія мелодіи“. Въ 1830 году, Николай Андреевичъ женился въ Малороссіи и, наследовавъ, по смерти отца, довольно значительное имѣніе, предался, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, сельскому хозяйству. Но заботы семейныя и хозяйственныя не помѣшали ему заниматься науками. Запечатлѣннѣйшимъ трудомъ его деревенской дѣятельности была „Исторія Малороссіи“, изданная въ 5 томахъ, въ Москвѣ, 1842 года. Какъ

¹⁾ Предисловіе къ „Украинскимъ мелодіямъ“, 1831 г., стр. V.

исторія, какъ живое, критическое воспроизведеніе минувшаго, это сочиненіе не могло удовлетворить требованіямъ науки въ то время, но какъ собраніе и обнародованіе разныхъ историческихъ матеріаловъ, оно драгоцѣнно для всякаго, кто изучалъ южный край, и сохранило за Николаемъ Андреевичемъ имя полезнаго и трудолюбивѣйшаго дѣятеля. Ко времени окончанія этой „Исторіи“ относятся стихи Т. Г. Шевченка Н. А. Маркевичу, котораго онъ представляетъ здѣсь какъ бандуриста (пѣвца), любимца Украины.

Бандуристе, орле сизый!
Добре тобі, брате!
Маєшь крыла, маєшь силу;
Є коли літати.
Теперь летишь въ Украинну:
Тебе виглядають, и проч. ¹⁾.

Кромѣ исторіи, Николай Андреевичъ оказалъ неоцѣненную услугу своей родинѣ еще собраніемъ старинныхъ рукописей, актовъ и дѣлъ, въ числѣ 6000, и составленіемъ подробнаго каталога этому архиву. На составленіе каталога, который самъ по себѣ, независимо отъ архива, чрезвычайно полезенъ и любопытенъ, Николай Андреевичъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, сокрушаемый мучительнымъ и продолжительнымъ недугомъ, Николай Андреевичъ рѣшился разстаться съ своею драгоцѣнностью и продать ее помѣщику Полтавской губерніи Ивану Яковлевичу Лукашевичу ²⁾. Будучи членомъ многихъ ученыхъ обществъ и комитетовъ, Н. А. Маркевичъ въ послѣдніе годы своей жизни началъ прилежно заниматься статистикой и этнографіей и напечаталъ слѣдующіе труды: „О первыхъ гетманахъ малороссійскихъ“ и „Акты вновь открытыя и поясняющіе исторію Малороссіи“, въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“ за 1848 годъ; „О полковникахъ прилуцкихъ“, въ „Москвитянинѣ“ за 1849 г.; „Достопримѣчательныя урочища въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи“, въ „Географ. Изв.“ за 1848 г.; „О табакѣ вообще и въ Малороссіи въ особенности“; „О климатѣ Полтавской губерніи“ въ „Журналѣ сельскаго хозяйства“ за 1850 годъ; „Овцеводство Полтавской губерніи“, М. 1851 г.; „Историческое и статистическое описаніе города Чернигова“, 1852 года; „О народонаселеніи Полтавской губерніи“, Кіевъ, 1855 года; „О многоземельности въ степяхъ“, въ „Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ“ за 1855 г.; „Рѣки Полтавской губерніи“, въ запи-

¹⁾ Бандуристь, орель сизый!
Хорошо тебе, братъ!
Имѣешь крылья, имѣешь силу,
Есть—когда летать,
Теперь летишь въ Украинну,
Тебя ождають. (См. „Молодикъ“, 1843 г., ч. II, стр. 108—109).

²⁾ О Маркевичевскомъ архивѣ см. „Современникъ“, 1859, IV, стр. 352—356.

скахъ „Русскаго географическаго общества“ за 1856 г.; „О козакахъ“, въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“ за 1859 г.; „Горкуша, украинскій разбойникъ“ въ „Русскомъ Словѣ“ за 1859 г. Николай Андреевичъ умеръ 9-го іюня 1860 года. Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ его смерти, найдено множество неизданныхъ имъ работъ и сочиненій и между ними переводъ изъ Байрона первой пѣсни Донъ-Жуана въ стихахъ, переводы изъ разныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и переводъ почти всего Шиллера, по которому Николай Андреевичъ учился нѣмецкому языку, начало энциклопедическаго словаря и множество мелкихъ стихотвореній, замѣтокъ, эпиграммъ, описаній и путешествій. Нѣкоторые изъ его переводовъ Шиллера помѣщены Н. В. Гербелемъ въ изданіи „Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей“. По малорусской этнографіи, между посмертными трудами Н. А. Маркевича, остались: начало малорусскаго словаря и приготовленный къ изданію сборникъ пѣсенъ въ нотахъ, состоящій изъ 150 пѣсенъ, одной думы—„Савва Чалый“, „Вертепа“ съ аккомпаниментомъ изъ восьми нумеровъ, пяти свадебныхъ пѣсенъ и четырнадцати коровайныхъ. Этотъ сборникъ изданъ въ 1861 году въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ: „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ“.

Въ исторіи украинской литературы Н. А. Маркевичъ имѣетъ немаловажное значеніе, какъ одинъ изъ первыхъ представителей новоромантизма, который онъ старался пересадить на малорусскую почву, и вмѣстѣ—какъ посредникъ между русскою и украинскою литературою. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ его „Украинскія мелодіи“, 1831 года, гдѣ онъ выражаетъ свои теоретическіе взгляды на романтическую литературу и пытается осуществить ихъ на практикѣ. Въ предисловіи къ этому сборнику, онъ говоритъ о себѣ слѣдующее: „Ирландскія и еврейскія мелодіи Томаса Мура и лорда Байрона подали мнѣ первую мысль—приложить слова русскія къ прелестной музыкѣ пѣсенъ малороссійскихъ. Но я отдалился отъ того и отъ другаго, взявъ другую цѣль для пѣсенъ моихъ. Еврейскія мелодіи, изъ которыхъ я многія передалъ на нашъ языкъ и въ прошломъ году издалъ, суть ничто иное, кромѣ воспоминавія любви, или похвалы какой нибудь красавицѣ; иногда въ нихъ видна только философическая мысль, одѣтая въ одежду поэтическаго сравненія. Мелодіи Мура почти въ томъ же родѣ; различіе между ними происходитъ болѣе отъ различія геніевъ Байрона и Мура, нежели отъ различія предметовъ. У перваго и въ мелодіяхъ, какъ и во всѣхъ его сочиненіяхъ, видна глубокая печаль и мрачность, никогда съ нимъ не различавшаяся; у ирландскаго поэта блескъ воображенія несравненно разнообразнѣе. Горесть Байрона сгустилась въ тучу мрачную, обложившую сердце поэта; у Мура она производитъ тихія слезы, которыя родили эту живую, пламенную поэзію, подобную весеннему дождю, идущему изъ мрака облаковъ, но рождающему на небѣ дугу разноцвѣтную, сверкающую и необъятную въ измѣненіяхъ безчислен-

ныхъ красокъ своихъ... Я не хотѣлъ подражать, я не могъ подражать творцу Лалла-Рукъ, или творцу Чайльда-Гарольда. Мицкевичъ никогда не достигнулъ бы высоты, которой достигли поэты Альбіона и Ерина, если бы вздумалъ идти рабски по слѣдамъ ихъ, не прокладывая пути новаго; онъ избралъ тропу тѣмъ двумъ незнакомую и сошелся съ ними только уже подъ самымъ небомъ. Не говорю, чтобъ я надѣялся особымъ путемъ сойтись съ ними также, но хочу показать, какъ подражанія не далеко заводятъ. Переводить произведенія великихъ творцовъ—дѣло прекрасное; подражать имъ—дѣло смѣшное, вѣчно неудачное и доказывающее немощность въ большой степени. Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ—они шли своимъ путемъ, они новыя стези прокладывали, они заслужили славу, какъ большія рѣки заслуживаютъ извѣстность плавнымъ или бурнымъ теченіемъ въ руслѣ, имъ единственно принадлежащемъ. Но что случилось съ ихъ подражателями, которыхъ такое безчисленное множество!.. Они стали подобны застоившимся и заплѣснѣвшимъ озерамъ, которыя, оставаясь по лугамъ послѣ разлитія рѣкъ, извѣстны своими зловредными испареніями. Боясь поступить въ число таковыхъ озеръ — у насъ въ Россіи и безъ меня ихъ много—я искалъ чего нибудь новаго. „Утопленникъ“ А. Пушкина, „Дядя“ Мицкевича, „Erlkönig“ и „Fischer“ Гёте, „Свѣтлана“ Жуковскаго, „Иллирическія пѣсни“ Ипполита Маглановича, мнѣ подали мысль описать преданія, обычаи, обряды, историческія происшествія, повѣрья и красоты видовъ Малороссіи въ мелкихъ отрывочныхъ пьесахъ, приравливая каждую изъ нихъ къ напѣву малороссійскихъ пѣсень. Здѣсь я не боялся быть подражателемъ. Я взялъ цѣлью описанія то, что никѣмъ еще не было описано; и если бы мнѣ сказали, что я подражаю кому нибудь изъ людей, названныхъ мною, я могъ бы отвѣчать: согласенъ; но столько, сколько они слѣдовали Овидію, описывавшему предразсудки своихъ соотечественниковъ; ибо „Metamorphoseon“ Овидія — тоже описаніе повѣрье въ другой формѣ; „Erlkönig“ въ видѣ баллады описанъ; „Цейкъъ и Гальціона“ та же баллада въ отрывкѣ“.

Сколько, впрочемъ, ни открещивается Н. А. Маркевичъ отъ подражательности знаменитымъ романтическимъ поэтамъ,—новымъ у него является только малорусское содержаніе его мелодій, которое онъ, однако же, обрабатываетъ въ романтическомъ духѣ, стараясь воскресить украинскую мифическую древность въ переплетеніи ея съ христіанскими понятіями. Въ другомъ мѣстѣ своего предисловія къ „Украинскимъ мелодіямъ“ онъ прямо почти причисляетъ себя къ романтическимъ писателямъ. „Если повѣрья Украины—поэтическія,—говоритъ онъ,—если очевидно сходство ихъ съ древними мифологическими преданіями; то почему жъ намъ не взять ихъ цѣлью стихотворныхъ нашихъ описаній? Различіе есть одно: оно происходитъ отъ различія основаній, которыя суть христіанство и идолопоклонство; но что для идолопоклонника было написано, то не все понятно христіа-

нину. Мы постараемся въ болѣе свѣтъ показать эту истину для того, чтобъ она же намъ показала различіе классицизма и романтизма, чтобъ она открыла намъ, какого рода поэзія для насъ приличнѣе; ибо нѣтъ сомнѣнія, что, будучи главной пружиной всѣхъ дѣйствій и даже мыслей нашихъ, вѣра одинаково дѣйствуетъ и на поэзію, и на скульптуру, и на живопись“.

Въ сборникѣ „Украинскія мелодіи“ всего 36 стихотвореній. Хотя мысль написать ихъ подана „ирландскими“ и „еврейскими“ мелодіями Мура и Байрона, но нѣкоторыя изъ украинскихъ мелодій Н. А. Маркевича напоминаютъ заглавіемъ своимъ или содержаніемъ нѣкоторыя произведенія А. С. Пушкина и А. Мицкевича. Такъ напримѣръ, мелодіи „Примѣты по коню“ и „Домовой“ напоминаютъ собою соответствующія стихотворенія Пушкина „Примѣты“ и „Молитва домовому“. О послѣдней Н. А. Маркевичъ прямо замѣчаетъ, что онъ воспроизвелъ ее въ своей мелодіи „Домовой“. „Я здѣсь описаль—говорить онъ—фигуру, лицо и назначеніе домоваго, какъ оно есть въ преданіяхъ. А. С. Пушкинъ написалъ прелестную пьесу „Молитва домовому“, и проч. Мелодія „Поминальный день“ есть ничто иное, какъ поэма Мицкевича „Дзяды“ въ миниатюрѣ, примѣненная къ украинскимъ правамъ. По всей вѣроятности, выборъ содержанія для украинскихъ мелодій опредѣлялся у Н. А. Маркевича параллельными явленіями въ вѣрованіяхъ другихъ народовъ, получившими поэтическое выраженіе у лучшихъ романтическихъ писателей, особенно славянскихъ. Это, однако, не исключаетъ нѣкоторой доли самостоятельности и оригинальности „Украинскихъ мелодій“ Маркевича, по крайней мѣрѣ относительно содержанія и внѣшняго колорита ихъ. Авторъ вездѣ старается воспроизводить въ своихъ мелодіяхъ дѣйствительно существующія народныя вѣрованія и понятія, или непосредственно изъ первоисточника народной поэзіи, или изъ сочиненій другихъ писателей о Малороссіи, напримѣръ Порфирія Байскаго, И. П. Котляревскаго, и др. Такъ напримѣръ, мелодія „Плостки на казачьихъ крестахъ“ основана на дѣйствительно существовавшемъ казацкомъ обычаѣ; содержаніе баллады „Чума въ Кіевѣ“ взято изъ преданія, „котораго истину утверждаютъ многіе кіевляне“. Въ примѣчаніяхъ къ мелодіи „Чаровница“ Николай Андреевичъ ссылается, въ оправданіе нѣкоторыхъ строфъ ея,—на Порфирія Байскаго, Подолинскаго и И. П. Котляревскаго; но въ то же время употребляетъ въ этой мелодіи выраженія, заимствованныя изъ народныхъ украинскихъ пѣсень. Чаровница—это волшебница, собирающая чудесныя зелья и созывающая къ себѣ духовъ на помощь. Мелодія Маркевича изображаетъ, какъ, по вызову волшебницы, явилась жаба на землѣ.

Та жаба въ очи ей глядитъ,
И крикомъ гадъ къ себѣ манитъ,
Къ той жабѣ змѣи собрались,
И пьавки скользкія сползлись,
Стогами вьются, вкругъ ползуть,
И лучъ луны туманной пьютъ.

Вся эта строфа основана на повѣсти П. Байсаго (О. Сомова) „Русалка“ въ „Подснѣжникѣ“, за 1829 годъ; но въ ней есть нѣкоторые и чисто-народные мотивы. Въ объясненіе послѣднихъ двухъ стиховъ этой строфы, Н. А. Маркевичъ приводитъ изъ сборника „Малороссійскихъ пѣсень“ М. А. Максимовича, 1827 г., слѣдующіе народные стихи:

Ты не маты, чорна гадьна
Зыла сонце, зышь и мисяца,
Зышь и зырочки (т. е. ты не мать, ты черная змѣя, ты съѣла солнце, съѣшь и мѣсяцъ и звѣзды).

Подобные народные мотивы встрѣчаются и въ другой мелодіи Маркевича—„Воронные кони“.

Конечно, эти народные мотивы въ „Украинскихъ мелодіяхъ“ Н. А. Маркевича были только слабыми попытками художественнаго воспроизведенія украинской народной поэзіи, теперь совершенно забытыми; но эти попытки все-таки служатъ необходимыми звѣньями въ цѣпи историческаго развитія украинской литературы нынѣшняго вѣка и, въ свое время, пролагали путь къ болѣе глубокому изученію малорусской народной поэзіи и воспроизведенію ея въ болѣе или менѣе художественной формѣ. Самъ Н. А. Маркевичъ впоследствии серьезнѣе сталъ смотрѣть на украинскія народныя пѣсни и видѣлъ въ нихъ не только матеріалъ для стихотворныхъ своихъ передѣлокъ, но и самостоятельное достоинство ихъ. Ближайшимъ литературнымъ преемникомъ Н. А. Маркевича мы считаемъ А. Л. Метлинскаго, который и лучше знакомъ былъ съ народной украинской поэзіей, и вѣрнѣе воспроизводилъ ее въ своихъ стихотвореніяхъ, чѣмъ Н. А. Маркевичъ. При томъ же, А. Л. Метлинскій въ литературныхъ трудахъ своихъ преимущественно употреблялъ малорусскую рѣчь, тогда какъ Н. А. Маркевичъ писалъ больше на русскомъ литературномъ языкѣ своего времени.

II.

Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій ¹⁾, извѣстный также подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, родился въ 1814 году, въ Гадяцкомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ гадяцкомъ уѣздномъ училищѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго уже намъ украинскаго писателя М. М. Макаровскаго. Отсюда перешелъ онъ въ харьковскую гимназію, а потомъ въ харьковскій уни-

¹⁾ Главные источники, кромѣ сочиненій самаго Метлинскаго, слѣдующіе: 1) „Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ“, Іереміи Галки, въ „Молодикѣ“, за 1844 г., стр. 182—184; 2) „Поэзія славянъ“, Гербеля, 1871 г., стр. 193; 3) „Харьковскій университетъ и Д. Н. Каченовскій“, М. Де-Пуле, въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1874 г., т. I, стр. 100—104.

верситетъ, въ которомъ окончилъ полный курсъ наукъ. Затѣмъ, онъ занималъ нѣкоторое время мѣсто бібліотекаря университета, посвящая свободное отъ служебныхъ занятій время на приготовленіе къ магистерскому экзамену и сочиненію магистерской диссертаци. Въ качествѣ этой диссертаци явилась рѣчь его—„Объ истинномъ значеніи поэзіи“, 1843 года. Новый магистръ вошелъ въ среду профессоровъ харьковскаго университета и занялъ въ немъ кафедру русской словесности. Въ 1849 году, А. Л. Метлинскій изъ адъюнкты-профессоровъ былъ переведенъ ординарнымъ профессоромъ на ту же кафедру въ университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ и въ 1850 году издалъ въ Харьковѣ свою докторскую диссертацию—„Взглядъ на историческое развитіе теоріи прозы и поэзіи“. Въ Кіевѣ Амвросій Лукьяновичъ оставался не долго (до 1854 года). По возвращеніи въ Харьковъ, онъ онъ занялъ прежнюю свою кафедру и не оставлялъ ее до выхода въ отставку, въ 1858 г. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ на берегахъ Женевскаго озера и на южномъ берегу Крыма, въ Ялтѣ, гдѣ и умеръ въ концѣ іюня мѣсяца 1870 года, отъ раны, нанесенной собственной рукой въ припадкѣ меланхоліи.

Метлинскій собственно ученымъ никогда не былъ и не могъ быть, ни по своей натурѣ, ни по состоянію своего здоровья, весьма хилого, не допускавшаго возможности усидчивыхъ занятій. Даже его докторская диссертаци есть только передѣлка „Теоріи поэзіи въ ея историческомъ развитіи“, Шевырева. Плохой, по слабости легкихъ, чтець, профессоръ—не болѣе, какъ только удовлетворительный, Метлинскій своими лекціями, въ особенности же требованіемъ отъ слушателей сочиненій, былъ весьма полезенъ всѣмъ студентамъ первыхъ курсовъ, потому что въ это время въ гимназіяхъ еще дѣйствовали педагоги изъ литературной школы 20-хъ годовъ, писавшіе и заставлявшіе учениковъ писать разныя пѣснопѣнія и не признававшіе еще права гражданства въ литературѣ не только Гоголя, но даже самаго Пушкина. Другой типъ педагоговъ-словесниковъ представляли дѣйствительно литераторы по натурѣ, но забубенные, строчившіе гладкіе и звучные стихи, писавшіе поэмы и восторгавшіеся Пушкинымъ, не понимая его, но болѣе обожавшіе Бенедиктова, Марлинскаго и Нестора Кукольника. Весь этотъ литературный сумбуръ Метлинскому предстояло регулировать: надобно было отучить молодежь отъ дикихъ понятій, вычурности въ изложеніи мыслей, отъ самонадѣяннаго и черезчуръ легкаго отношенія къ литературѣ, и пріучить ее къ простотѣ изложенія и трезвости взгляда,—и Метлинскій вполнѣ этого достигалъ не лекціями, а разборомъ студенческихъ сочиненій. Взгляды самого Метлинскаго на литературу немногимъ отличались отъ взглядовъ Бѣлинскаго; профессоръ былъ знатокъ и почитатель тогдашнихъ корифеевъ нѣмецкой литературы и эстетики. Но всего благотворнѣе было вліяніе Метлинскаго, какъ человѣка. Онъ былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, поистинѣ рѣдкаго. Дверь его квар-

тиры была всегда открыта для студентовъ. Близость его къ студентамъ,—смыѣло можно сказать,—была идеальная, товарищеская. Приобрѣсти дружеское, товарищеское расположеніе Метлинскаго легко было тому, кто писалъ недурно, кто имѣлъ страстишку пописывать стишки, кто собиралъ или любилъ народныя пѣсни, кто даже, по его украинскому мнѣнію, отличался чистотою великорусскаго говора. Самъ Метлинскій писалъ преимущественно стихи украинскіе, да и то изрѣдка, и стихотворства вообще не поощрялъ; но онъ поощрялъ всякаго рода литературное направленіе, а въ томъ числѣ и проблески несомнѣннаго поэтическаго дарованія. Оставивъ замѣтный слѣдъ въ южно-русской литературѣ своими „Думками и пѣснями“, 1839 г., и „Южнымъ русскимъ сборникомъ“ 1848 г., Метлинскій еще болѣе сдѣлалъ для русской этнографіи. Онъ записывалъ не только пѣсни южно-русскія, но и ихъ мелодіи, по примѣру Н. А. Маркевича. Нерѣдкіе тогда въ Харьковѣ, но теперь почти исчезнушіе въ болѣе глубокой Малороссіи бандуристы, эти истые рапсоды казачества, были обычными гостями Метлинскаго. Студенты-малороссы, знатоки пѣннй и пѣсень украинскіхъ, чаще другихъ навѣщали его квартиру, услаждая душу звуками родныхъ мелодій. Перебравшись въ Кіевъ, онъ издалъ здѣсь въ 1854 году „Народныя южно-русскія пѣсни“ и вмѣстѣ съ княземъ Дабижею составилъ „Программу для этнографическаго описанія губерній кіевскаго учебнаго округа“, изданную въ томъ же году. Такимъ образомъ, учено-литературная дѣятельность Метлинскаго распадается на два отдѣла: собственную его стихотворную дѣятельность и собираніе этнографическаго матеріала, и особенно южно-русскіхъ народныхъ пѣсень ¹⁾).

Стихотворенія Метлинскаго помѣщались въ „Молодикъ“ Бецаго за 1843 годъ („Розмова зъ покойными“ и „Ридна мова“) и въ двухъ изданныхъ имъ сборникахъ: „Думки и пѣсни та ще де-що Амвросія Могили“, 1839 г., и „Южный русскій сборникъ“, 1848 года. Въ первый сборникъ, кромѣ оригинальныхъ произведеній, вошло собраніе его переводовъ изъ славянскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ; во второмъ сборникѣ помѣщены сочиненія М. Петренка, С. Александрова, М. Макаровскаго и Г. Квитки и только четыре стихотворенія самого Метлинскаго, да и то не новыя, а лишь немного передѣланныя изъ перваго сборника.

Какъ поэтъ, Метлинскій пользовался въ свое время большою извѣстностью. Малорусскіе критики видѣли во всемъ имъ написанномъ

¹⁾ Извѣстны еще мелкія статьи и брошюры Метлинскаго: „Красногорскій монастырь“, въ „Очеркахъ Россіи“, Пассека, „Дополненіе къ статьѣ Сементовскаго—„Замѣчанія о праздникахъ у малороссіянъ“, въ „Москвитянинѣ“ за 1843 г., и „Извѣстіе объ изданіи „Южнаго русскаго сборника“, съ перечнемъ явленій украинской литературы, 1848 г., изъ „Харьк. Губ. Вѣд.“. Кромѣ того, въ 1852 г. онъ издалъ въ Кіевѣ „Байки“,—Д. Боровиковскаго, будто бы безъ согласія на то автора.

большую глубину чувства, прекрасное пониманіе казацкой старины и художественное выполненіе. По поводу его „Думокъ и пѣсень“, Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ) писалъ слѣдующее: „Большая часть изъ его стихотвореній запечатлѣна истиннымъ дарованіемъ и отличается особенною художественностью. У Могилы нѣтъ того саморазвитія, какъ у Шевченка; онъ не создаетъ идеаловъ народной поэзіи, не выказываетъ чувствъ, которыя бы невольно лились изъ невѣдомаго источника: его чувство идетъ объ руку съ мыслью; онъ изучилъ сокровищницу поэтической стороны Малороссіи и является вездѣ, какъ талантъ, сознающій свой предметъ. Могила, по формѣ — поэтъ лирической, но субъективности въ немъ прорывается незамѣтно; вы узнаете его личность, когда будете проникнуты тѣмъ, что онъ вамъ объективно выражаетъ. Возьмите, на примѣръ, первое его стихотвореніе „Бандура“:

Про гетьмана, чи про гайдамаку,
Дидь засниває, въ бандуру заграє,—
Плаче бандура, мовь оживає,
Жаль визьме дитину, визьме и бурлаку.
Его бандура, схоче винь, завьме;
Его бандура й ворономъ закръає;
Мовь та дитина, жалбно плаче...
Слѣзы польються, серденько ние... ¹⁾.

„Собственныя чувства поэта высказываются тогда уже, когда явленіе, пробудившее ихъ, овладѣетъ вами, и вы сталкиваетесь съ его впечатлѣніями и признаете ихъ за свои. Онъ какъ будто не хочетъ высказать всего, что у него на душѣ, и дѣлится вмѣстѣ съ вами, не сознаваясь. Это—достоинство истиннаго художника, и нельзя не видѣть здѣсь малороссійскаго характера. Кто слѣдитъ за малороссійяниномъ въ минуты его сердечнаго восторга, въ тѣ минуты, когда онъ поднимается изъ сферы обыкновенной жизни, — тотъ можетъ повѣрить, какъ скупо малороссійское сердце на дѣлежъ своихъ движеній съ другими. Малороссійянинъ захочетъ васъ напередъ увлечь,—вы невольно выскажетесь, а онъ въ глубинѣ души будетъ дѣлиться съ вами и все-таки покажетъ на лицѣ улыбку равнодушія. Характеръ стихотвореній Могилы отличается глубокою грустью и вѣрными изображеніями древняго быта. Онъ прекрасно понялъ поэзію степной казацкой жизни; у него казакъ вездѣ является существомъ высокимъ,

¹⁾ Про гетмана, или про гайдамака
Дѣдъ запоеть, въ бандуру заиграетъ,—
Плачетъ бандура, будто оживаетъ,
Жалость возьметъ дитя, возьметъ и взрослоаго.
Его бандура, — захочетъ онъ, — завоеетъ;
Его бандура и ворономъ закаркаетъ;
Жалбно плачетъ, какъ дитя...
Слезы польются, сердечушко ноетъ...

но вмѣстѣ буйнымъ и дикимъ; сцена дѣйствія его покрыта туманомъ и слезами. Изъ лучшихъ его произведеній въ этомъ родѣ: „Чарка“, отличающаяся горькою ироніею, „Казачья смерть“, гдѣ представлена страшно-поэтическая картина смерти отца съ сыномъ, „Козакъ та буря“, гдѣ поэтъ изображаетъ сходство человѣческой природы съ физическою, и „Смерть бандуриста“, прекрасная по своимъ блестящимъ описаніямъ и звучнымъ стихамъ. Два стихотворенія — „Старець“ и „Дитина-сиротина“ — изображенія другой стороны жизни малороссійской — горькаго сиротства, безнадежной грусти, мірскаго несчастія. Языкъ въ „Думкахъ и пѣсняхъ“ правиленъ, благороденъ и особенно оригиналенъ. Стихи истинно малороссійскіе. Могила пишетъ болѣе силлабическимъ размѣромъ, который иногда подходитъ подъ метрической, часто перемѣняется въ одной и той же пьесѣ: въ каждой мысли своя форма. Поэтъ не стѣсняетъ себя опредѣленною мѣрою, и оттого у него все такъ вольно и непринужденно, и мысль выражена вполне, и гармонія стиха соотвѣтствуетъ гармоніи чувства“.

Такая похвала Метлинскому, кажущаяся слишкомъ преувеличенною для нашего времени, показываетъ, какъ высоко смотрѣли на поэтическую дѣятельность Метлинскаго его современники, оцѣнивая его преимущественно съ художественной точки зрѣнія. Онъ былъ для южноруссовъ почти тѣмъ же, чѣмъ были Пушкинъ и Лермонтовъ для русской литературы вообще. „Гетьманъ“ Могилы, повидимому, есть вольное подражаніе балладъ Лермонтова „Воздушный корабль“. Какъ и около Пушкина и Лермонтова, вокругъ Метлинскаго группируется цѣлая фаланга или равносильныхъ ему, или слабѣйшихъ талантовъ въ томъ же художественномъ направленіи и лирическомъ тонѣ, каковы, напримѣръ: Іеремія Галеа въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ, Петренко, Щоголевъ и др., бывшіе вмѣстѣ съ Метлинскимъ предтечами Шевченка.

Кромѣ художественнаго характера, стихотворенія А. Метлинскаго имѣютъ много и народнаго украинскаго элемента. Метлинскій воспиталъ свою музу на украинскихъ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, которыя собиралъ почти цѣлую жизнь, и нерѣдко влялъ ихъ въ основу своихъ стихотвореній. Таковы, напр. его стихотворенія: „Кладовище“, „Підземна церква“, „До гостей“, „Покотиполе“, послужившее также основой для повѣсти Квитки „Перекотиполе“, „Дитина-сиротина“ и др. Возьмемъ для примѣра послѣднее. Въ немъ изображается сиротка, не нашедшая для себя пріюта даже въ свѣтлый день Пасхи. Изъ церкви всѣ пошли по своимъ домамъ веселиться, но никто не пригласилъ сиротки. Она подошла къ играющимъ дѣтямъ, но и тѣ не отозвались къ ней ни однимъ словомъ. Сирота опять воротилась къ церкви, побрела дорогою къ кладбищу, поплакала надъ могилами, какъ будто нашла здѣсь родныхъ батька и матку и поговорила съ ними, и вечерней порой опять вошла въ цер-

ковъ. Это стихотвореніе своимъ содержаніемъ и тономъ напоминаетъ намъ слѣдующую народную южнорусскую пѣсню о сиротѣ:

Сталася на свѣті новина,
 Осталась отъ матери сирота една.
 Ой, згадала, якъ на свѣті жити,
 Пішла сирітка по свѣті блудити.
 Блукає сирітка, рочикъ минає,
 А мамуні своєї нігде не видає.
 Иде сирітка, здивавъ її Господь,
 Ставъ її питати:
 — Куди идешь, сирітко?
 — „Мамуні шукати!“
 — Вернися, сирітко, бо далеко зайдешь,
 Мамуні не знайдешь!
 Бо твоя мамуня на високій горі,
 Спочиває въ гробі...
 Пришла на той грібъ, стала ридати,
 Ажъ одзиваєця рідненькая мати ¹⁾).

Мать не можетъ взять сиротки къ себѣ во гробъ и отсылаетъ ее къ мачихѣ, чтобы она вымыла ей голову и сшила сорочку. Но сиротка отвѣчаетъ, что мачиха ей сорочки не шила, а уже ее здоровья лишила; что мачиха еще не заплела ей косы; а уже ею — сироткой всю хату замела. Господь послалъ ангеловъ взять сиротку въ ясное небо, а злую мачиху бросить въ адъ.

Но, воспроизводя въ своихъ стихотвореніяхъ народныя преданія и пѣсни, Метлинскій почти исключительно выбираетъ грустные тоны. Можетъ быть, они соотвѣтствовали личному настроенію поэта, такъ трагически окончившаго свою жизнь, но отчасти вызываемы были и современнымъ ему положеніемъ украинскаго языка и быта, отжившаго или доживавшаго, какъ ему казалось, свою жизнь. Метлинскій — пѣвецъ могилъ или дургановъ, этихъ памятниковъ минувшей казацкой, будто-бы, славы, откуда заимствовалъ и свой псевдонимъ

¹⁾ Случилась на свѣтѣ новость,
 Осталась послѣ матери сирота одна.
 Она подумала, какъ жить на свѣтѣ.
 Пошла сиротка по свѣту шататься;
 Бродитъ сиротка, годикъ проходить,
 А матери своей нигдѣ не находитъ.
 Идетъ сиротка, встрѣтился съ ней Господь,
 Ставъ ее спрашивать:
 — Куда идешь, сиротка?
 — „Искать матери.“
 — Вернись, сиротка! п. ч. далеко зайдешь,
 А матери не найдешь:
 Твоя мать на высокой горѣ —
 Почиваетъ въ гробѣ...
 Пришла на тотъ гробъ, стала ридать
 Какъ отзывается къ ней родная мать.

„Могила“. „Южно-русский языкъ, — говоритъ онъ, — со дня на день забывается и молкнетъ и, — придетъ время, — забудется и смолкнетъ... Но можетъ быть и то, продолжаетъ онъ, что въ эпоху пренебреженія русскаго языка любовь къ нему проснется. Кто же соберетъ, какъ добрый сынъ прахъ отцовъ своихъ, исчезающіе останки южно-русскаго слова? Они разсыяны отъ Вислы до Кубани“. Метлинскій обращаетъ взоры на Россію, какъ на представительницу славянскихъ племенъ, и приглашаетъ ихъ слиться съ нею въ общенародномъ чувствѣ:

Гей вы, самотніи співци!
Що никчемніи для краю
Всѣ самотніи пѣсни!
Той пустився въ синє море,
Той на темный чужій край:
Мовъ не вчули (щобъ имъ горе!)
Що мовлявъ розумный царь...

Е въ насъ вѣра, царь и мова,
И чп мало насъ словенъ,
Все свое въ насъ... ну, чого намъ
Ще шукати въ бусурмень? ¹⁾

На этомъ пунктѣ Метлинскій является однимъ изъ первыхъ представителей украинскаго славянофильства. Онъ перевелъ также на русскій и мало-русскій языкъ нѣсколько стихотвореній славянскихъ поэтовъ—Челяковскаго, Коляра, Вѣтвицкаго, Суходольскаго, Одицца, и изъ Краледворской рукописи и др.

Важнѣйшимъ трудомъ Метлинскаго по части малорусской литературы, которому онъ отдавался весь, въ теченіи всей почти своей жизни, начиная съ 1836 года, было собраніе малорусскихъ народныхъ пѣсень, которыхъ онъ собралъ до 800 и издалъ въ 1854 году въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ: „Народнія южнорусскія пѣсни“. Въ предисловіи къ нимъ онъ пишетъ слѣдующее: „проведши большую часть моей жизни на югѣ Россіи, я могъ трудиться надъ разработкою народнаго слова русскаго, преимущественно только на одной изъ нивъ обширнаго поля царства русскаго, южнорусской, или украинской. Усердно воздѣлывая то, что досталось въ удѣлъ, по волѣ промысла

¹⁾ Эй вы, одинокіе пѣвцы,
Что ничтожны для края
Всѣ одинокія пѣсни!
Тотъ пустился въ синє море,
Тотъ на темный чужой край,
Будто не слышали (чтобъ имъ горе!),
Что сказалъ разумный царь...
Есть у насъ вѣра, царь, языкъ
И достаточно славянъ.
Все свое у насъ... ну, чого намъ
Еще искати у бусурманъ?

на мою долю, я утѣшался и одушевлялся мыслию, что всякое нарѣчїе, или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова, есть необходимая часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный признакъ кровнаго единства и залогъ святой братской любви между единовѣрными, единопородными сынами и племенами. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальнѣйшихъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ, словно великая рѣка отовсюду, но болѣе всего изъ родной земли, почерпающая свои воды и восполняющая шумное море языковъ человѣческихъ. Такъ величіе цѣлаго зависитъ отъ правильнаго развитія частей. Словесныя произведенія каждаго русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа... Передавая свѣту этотъ памятникъ народной поэзіи, составленный многолѣтними трудами, желаю отъ всей души и молю Бога, да послужитъ эта простая народная поэзія на пользу науки языка русскаго во всѣхъ его отрасляхъ, еще болѣе обогатитъ нашъ общій и богатый языкъ русскій и его словесность и возвыситъ взаимное познаніе и любовь между всѣми племенами и сословіями нашего великаго отечества“.

О выборѣ пѣсень издатель замѣчаетъ въ предисловіи: „при окончательномъ пересмотрѣ пѣсень, оказалось весьма много или уже напечатанныхъ, или весьма сходныхъ между собою, или несохранившихся въ первоначальной красотѣ и силѣ и потому болѣе или менѣе слабыхъ по содержанію и формѣ. При ограниченнѣхъ средствахъ для изданія, я предпочелъ при окончательномъ выборѣ только то, что нигдѣ не напечатано (кромѣ немногихъ исключеній) и дѣйствительно достойно вниманія въ какомъ нибудь отношеніи. Не допуская произвола въ составленіи пѣсень изъ нѣсколькихъ вариантовъ (различій), я напечаталъ несходные стихи вариантовъ особо, указывая, куда, т. е. къ какому стихамъ главной пѣсни, они относятся. Если варианты казались особенно замѣчательными почему либо (напр., весьма различаясь, или относясь къ любимѣйшимъ пѣснямъ), то и вполне печатались, какъ образцы различной обработки одной первоначальной пѣсни“. Благодаря добросовѣстности и точности изданія и богатству содержанія сборника, онъ и доселѣ не утратилъ своего значенія.

III.

Александръ Корсунъ ¹⁾.

Александръ Корсунъ, по всей вѣроятности, изъ помѣщиковъ Полтавской губерніи, получилъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ. Изъ біографіи М. М. Макаровскаго, бывшаго воспитанника полтавской семинаріи, мы узнаемъ, что въ 1818 году онъ былъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ помѣщика Корсуна ²⁾; слѣдовательно, фамилія Корсунъ имѣла связи не только съ университетомъ харьковскимъ, но и духовно-учебными заведеніями того времени. Можетъ быть, вслѣдствіе этого Александръ Корсунъ, задумавъ въ 1841 году издавать свой „Сніпъ“ (снопъ), пригласилъ въ сотрудники себя какъ бывшихъ воспитанниковъ харьковскаго коллегіума, такъ и воспитанниковъ харьковскаго университета. Къ числу первыхъ относятся Порфирій Кореничій и Степанъ и Петръ Писаревскіе, стихотворенія которыхъ были помѣщены въ „Сніпъ“. Изъ воспитанниковъ харьковскаго университета сообщили Корсуну свои произведенія для его „Сніпа“ Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ) и Михаилъ Петренко. Кроме того, здѣсь помѣщенъ переводъ съ итальянскаго „Петраркиной пѣсни“ Марѳы Писаревской. Къ этому, г. Корсунъ присоединилъ и свои собственныя произведенія.

Изъ собственныхъ сочиненій Александра Корсуна помѣщены въ его „Сніпъ“: 1) „Украинські повір'я“ и 2) „Вирши“ (стихи), между которыми четыре болѣе или менѣе самостоятельныя и семь переведенныхъ съ чешскаго.

Между оригинальными стихотвореніями А. Корсуна есть пародированныя, въ родѣ пародированныхъ Гораціевыхъ одъ у Гулака-Артемовскаго. Такъ, на примѣръ, „Писулька до кума“ содержаніемъ и тономъ своимъ напоминаетъ посланія Гулака-Артемовскаго „До Пархима“, съ такими же комически-философскими увѣщаніями забыть горе, плевать на судьбу и пить водку:

Писавъ ти, куме, що лучилось
 Зъ тобою лихо: що й казать!
 Чи можно-жъ лихомъ те назвать,
 Що по приказу учинилось
 Відъ Бога? Годі-жъ сумувать!
 Бачь, „вмерла жинка“,—що-жъ тутъ дива!
 „Палашка гарна, бачь, була“,
 Зъ тобою тільки рікъ жила...
 Гай, гай!.. Та въ мене здохла сива
 Кобила...

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ главнымъ образомъ почерпаются изъ его альманаха „Сніпъ“, Харьковъ, 1841 года.

²⁾ См. „Южный русскій сборникъ“, А. Метлинскаго, Харьковъ, 1848 г.

Въ заключеніе авторъ обращается къ куму съ такимъ совѣтомъ:

Такъ такъ-то, куме, не журися!
 На долю плюй: нехай їй пекъ!
 Въ мене хочь трохи поучися:
 Якъ стане нудно—заразь глекъ
 Съ вишнівкою на стіль я ставлю,

Горілочки туди підбавлю,—
 Тамъ глекъ у руки та й у рїть...
 И заразь веселїше стане—
 Нудьга відь серденька відстане:
 На дворї—ничь, въ очицяхъ світъ...⁴⁾.

Въ „Українськихъ повір'яхъ“, изложенныхъ тоническими стихами, г. Корсунъ тоже допускаетъ много пародїи и даже цинизма, во вкусѣ „Энеиды“ Котляревскаго, такъ что нѣкоторые стихи, по этой причинѣ, не могли быть вполне напечатаны. Но основа этихъ украинскихъ повѣрій имѣетъ народный украинскій характеръ, или, по крайней мѣрѣ, удачно поддѣлывается подъ него. Всѣ эти повѣр'я приурочены у г. Корсуна къ похождениямъ Бѣлбога, въ котораго вѣрила тогдашняя русская наука о мифологіи, и Юрка и Петра. Эти похождения соотвѣтствуютъ извѣстнымъ обходамъ апостольскимъ, получившимъ начало свое еще въ Византіи. Здѣсь передаются въ обработанномъ видѣ повѣр'я о томъ, почему жида не ѣдятъ свинины, а также о происхожденіи медвѣдей, открытіи тютюна и табаку, происхожденіи черепахи, пугача, жабы, чапуръ и проч. О нѣкоторыхъ изъ нихъ можно сомнѣваться, не присочинены ли они, или не передѣланы ли очень сильно самимъ г. Корсуномъ; но есть между ними и такіа

⁴⁾ Писалъ ты, кумъ, что случилось
 Съ тобою горе: что я говорить!
 Развѣ можно горемъ назвать то,
 Что случилось по повелѣнію
 Господа? Полно-жъ горевать!
 Вишь, „умерла жена“, что-жъ тутъ удивительнаго?
 „Поляшка хороша, вишь, была“,
 Съ тобою только годъ жила...
 Ай, ай! Да у меня издохла свая
 Кобыла...

Такъ такъ-то, кумъ, не печалься!
 Плюнь на судьбу: ну ее!
 У меня хоть немного поучись:
 Какъ станетъ тяжко, тогчасъ кувшинъ
 Съ вишневкою на столъ я ставлю,
 Водочки туда подбавлю,
 Тамъ кувшинъ въ руки, да и въ ротъ
 И тогчасъ веселїе станетъ,
 Тоска отъ сердечушка отстанетъ,
 На дворъ почь, въ очахъ світъ...

повѣрья, которыя несомнѣнно заимствованы изъ народныхъ устѣ. Таково повѣрье о происхожденіи черепахи изъ двухъ мисокѣ, которыя закрыла отъ своей матери неблагодарная дочь жареную курицу, одинаково встрѣчающееся и въ народныхъ южно-русскихъ разсказахъ, и въ западномъ сборникѣ „Gesta Romanorum“¹⁾. Въ предисловіи къ послѣднему разсказу, г. Корсунъ высказываетъ свои патріотическія и славянофильскія убѣжденія. „И я, и вы, и всѣ мы, родились и выросли—говоритъ онъ—на Украинѣ. Она кормила насъ, дѣтей своихъ, и за то всѣ мы, сколько насъ ни есть, любимъ ее, какъ родную мать. Да только вотъ что: видите, она — мать, стало быть—женщина, а женское дѣло извѣстно: что она? женщина, да и все!.. Такъ видите, нужно еще намъ и батька... Дакъ такъ-то: благодарите Господа милосерднаго, что онъ не оставилъ насъ сиротами, что онъ далъ намъ роднаго отца, царя православнаго! Такъ видите: мы не сироты, у насъ есть мать, есть и отецъ. А была и для насъ тяжелая пора. Да вы, вѣроятно, слышали, какъ насъ уродовалъ дьявольскій ляхъ со своимъ невѣрнымъ королемъ: то былъ-таки хорошій батько!! Нѣтъ, ребята, нѣтъ: то не былъ нашъ родной батько; ибо гдѣ-жъ таки видано, чтобъ у правовѣрныхъ былъ батько католикъ?! Спасибо гетману Хмельницкому, что хорошо присовѣтовалъ дѣдамъ нашимъ; спасибо и дѣдамъ, что послушали гетмана! Такъ вотъ какъ! Только это было давнымъ давно... А еще прежде нашего бѣдованья подъ ляхомъ, у насъ были свои князья, цари стало быть: и тѣ цари были тоже крещеные, какъ и мы; и тогда братья наши, червоноруссы, сербы, чехи, и другіе, назывались, какъ и мы, славянами и жили вмѣстѣ. А потомъ, какъ нашъ народъ поддался ляху, то и они покорились нѣмцу; и съ того времени всѣ славяне поразползлись, какъ сверчки отъ чаду; ибо и у самихъ москвичей оказалась татарва межъ пальцами... Но только москвичи, да мы, и вымолили себѣ у Господа счастья, и теперь благоденствуемъ за царемъ православнымъ; а тѣ сердешные, что у нѣмца... Иные бѣдуютъ отъ католиковъ, другіе и сами совратились въ католичество, а нѣкоторые сдѣлались истыми нѣмцами. Вотъ такъ-то это было и есть; а еще вотъ что: у сербовъ, у чеховъ, да и у червоноруссовъ, всѣ простые люди говорятъ по старому, по-славянски; но такъ какъ и мы изъ славянъ, то и рѣчь ихняя очень смахиваетъ на нашу, и пѣсни и сказки тоже сходны съ украинскими“.

Въ этихъ словахъ высказывается идея возрожденія славянскихъ народностей, но въ связи съ русской народностью и даже въ нѣкоторой зависимости отъ нея. Вслѣдствіе этого, идея эта не была у Корсуна исключительно, не отзывалась сепаратизмомъ, но равно обнимала и російскую литературу, и нарѣчія славянскихъ племенъ, на-

¹⁾ См. „Малорусскія народныя преданія и разказы“, Кіевъ, 1876 г., стр. 190. и „Труды Кіев. Дух. Академіи“, за мартъ 1877 г., стр. 607—608.

ходившихся въ областяхъ Турціи и Австріи. Примѣняя эту идею къ Украинѣ, г. Корсунъ одинаково заимствовалъ и переносилъ въ украинскую литературу произведенія изъ литературы русской и западныхъ славянъ. Есть у него произведенія, писанныя въ духѣ Пушкина и Лермонтова, напримѣръ, „Блискавка“, „Відчого“, „Коханка“. Для примѣра приведемъ начало втораго изъ этихъ стихотвореній, написаннаго въ 1839 году:

Що се таке—відчого квітоньками
Гарнесенько та рожа розцвіта,
Й метеліківъ уранці слізоньками
Заманює, мовъ би коханка та?

Що се таке—чи поцілунокъ, може,
У річці гоне фили гарно такъ;
И соловейко той по-биля рожи
Звідчого такъ виспівує, козакъ?

Що се таке, що серденько такъ бється,
И сняться сні такі-собі чудні:
То-мовъ морозъ по тілу розільється,
То-мовъ огонь—и я горю въ огні? ¹⁾

Съ чешскаго переведены или передѣланы Корсуномъ стихи: „Роза“ (Роза) изъ Краледворской рукописи, „Велика Панихида“, „Горе“, „Серце“, „Про себе самого“ (Ганкѣ) и „Гарна дівчина“. Въ этихъ переводахъ Корсуна, какъ и вообще въ его взглядахъ на славянство, нельзя не видѣть сходства со взглядами и литературною дѣятельностью А. Метлинскаго, которое, по всей вѣроятности, произошло не безъ вліянія одного изъ этихъ писателей на другаго.

¹⁾ Что это такое—отчего цвѣточками
Хорошошенько та роза разцвіла,
И мотыльковъ раненько слезками
Заманиваетъ, какъ будто любовница?

Что это такое—быть можетъ—поцѣлуй
Такъ хорошо вздымаетъ волни въ рѣчкѣ;
И этотъ соловейко коло розы
Зачѣмъ поетъ такъ,—(скажи) казакъ?

Что это такое, что такъ сердечко бьется
И сняться сны какіе-то чудные:
То будто морозъ по тілу разольется,
То будто огонь,—и я горю въ огнѣ.

IV.

Я. Щоголевъ ¹⁾.

Я. Щоголевъ воспитывался въ харьковскомъ университетѣ въ началѣ 40-хъ годовъ нынѣшняго вѣка. М. де-Пуле, поступившій въ этотъ университетъ въ 1842 году, въ своихъ воспоминаніяхъ о харьковскомъ университетѣ говоритъ о профессорѣ А. Л. Метлинскомъ, что „онъ поощрялъ всякаго рода литературное направленіе, а въ томъ числѣ и проблески несомнѣннаго поэтическаго дарованія. Между студентами нашего времени — продолжаетъ де-Пуле — было такихъ двое: Щоголевъ, изрѣдка и тогда появлявшійся въ „Отечественныхъ Запискахъ“, но потомъ неизвѣстно гдѣ исчезнувшій, и Н. Ѳ. Щербина, впоследствии извѣстный лирикъ, одесситъ“. Дѣйствительно, о дальнѣйшей жизни Я. Щоголева мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; но онъ не исчезъ безслѣдно для литературы. Въ „Молодикъ“ Бецкаго, 1843—1844 годовъ, мы находимъ восемь его стихотвореній на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Это: „Мелодія“, „Яворъ“ (изъ греческой антологіи), „Чумацкія могилы“, „Мечты и пламень вдохновеній“, „Ноготокъ“, „Неволя“, „На згадуванье Климовскаго“ и „Могила“. Въ 1860 году, въ своей „Хатѣ“ г. Кулишъ издалъ еще пять малорусскихъ стихотвореній Я. Щоголева, а именно: „Гречко-сій“, „Поминки“, „Безталанне“, „Безрідні“ и „Покірна“. Въ предисловіи къ нимъ, Кулишъ говоритъ слѣдующее: „Вотъ попалась мнѣ въ руки поэзія какого-то господина Щоголева (вѣрно, не того героя Щоголева, что стрѣлялъ изъ пушекъ подъ Одессою). Обрадовался я, прочитавъ ее. Прочиталъ землякамъ-приятелямъ въ столицѣ, и они слушали ее съ похвалою. И обрадовались мы всѣ, что хоть одна струна прозвенѣла по-человѣчки на родной бандурѣ. Немного этихъ пѣсень, но это — чистый медъ, а не словесная шелуха. Правда, что нельзя ихъ равнять съ Шевченковыми, а все же и то настоящая родная поэзія. Это такъ, какъ иногда весною соловей въ саду громко да хорошо поетъ, а тутъ около тебя золотая пчелка вьется надъ цвѣточкомъ. Слушаешь соловья съ большимъ удовольствіемъ, но не скажешь и пчелкѣ: „лети себѣ прочь, не жужжи около меня“. Складъ у господина Щоголева истинно родной. Не Шевченковъ голосъ онъ перенимаетъ; перенимаетъ онъ голосъ народной пѣсни и изъ пѣсни беретъ основу своего произведенія. Между тѣмъ, какъ истинный поэтъ, а не подиѣвало, имѣетъ онъ въ голосѣ что-то свое особенное, какое-то собственное достоинство и красоту, которой

¹⁾ Источники: 1) „Харьковскій университетъ и Д. И. Качановскій“, М. де-Пуле, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1874 г., т. 1, стр. 103; 2) „Хата“, Кулиша, 1860 г., стр. 2—3; 3) „Молодикъ“, Бецкаго, 1843—1844 г.; 4) „Свѣточъ“, 1860 г., кн. IV: „Критическое Обзорѣніе“, стр. 78; 5) „Поэзія славянъ“, Гербеля, 1871 г., стр. 196.

ни въ пѣснѣ народной не покажешь, ни въ Шевченковыхъ стихахъ не увидишь; потому что не чужое добро онъ себѣ присвоилъ, а своимъ собственнымъ даромъ насъ чаруетъ. Это все равно, какъ вотъ иногда поютъ дѣвицы надъ водою, и вьется по водѣ ихъ чистый голосъ, и отдается въ лѣсу, какъ чарующіе напѣвы самой народной музыки, — отдается тихо, неясно, не такъ громко, а любо слушать, и слушаешь его съ удивленіемъ“. Кулишъ принималъ эти произведенія Щоголева за пробу пера и ждалъ отъ него чего-то болѣе важнаго для Украины. „Свѣточъ“, разбирая „Хату“ Кулиша, говоритъ о помѣщенныхъ здѣсь стихотвореніяхъ Щоголева, что они носятъ слѣды явнаго подражанія Шевченку. Въ „Поэзіи славянъ“ Гербеля, 1871 года, въ малорусскомъ отдѣлѣ, напечатана одна пѣсня Щоголева — „Гречкосій“, въ русскомъ переводѣ Мея. О самомъ Щоголевѣ здѣсь сказано только, что подъ этимъ именемъ было напечатано нѣсколько стихотвореній въ 1859 — 1861 годахъ, въ журналахъ „Народное Чтеніе“ и „Основа“; но въ „Основѣ“ мы не нашли ни одного изъ стихотвореній Щоголева. Во второмъ изданіи „Исторіи славянскихъ литературъ“ Пыпина и Спасовича, 1879 г., Щоголевъ едва только упомянуть.

Зная о мѣстѣ воспитанія и первыхъ литературныхъ впечатлѣніяхъ г. Щоголева, мы нѣсколько иначе можемъ судить о его стихотвореніяхъ. „Въ основѣ харьковскаго университетскаго образованія, по словамъ де-Пуле, лежалъ идеализмъ, лучшая сторона котораго выразилась въ литературномъ направленіи науки и въ литературномъ настроеніи студентовъ. Но литературное направленіе, отучая отъ усидчиваго труда и не имѣя органа для выраженія, вырождалось въ идеальничанье и мечтательность. Въ сороковыхъ годахъ начинается противодѣйствіе, реакція противъ этихъ недостатковъ“. Въ литературной сферѣ она выразилась въ болѣеи реальности представленія и пластичности изображенія и въ обращеніи къ антологическимъ и художественнымъ русскимъ поэтамъ. Щоголевъ, вмѣстѣ съ Щербиною, начинаетъ свою поэтическую дѣятельность стихотвореніями антологическими и въ этомъ отношеніи является продолжателемъ дѣятельности нашего Батюшкова, а можетъ быть, и подражателемъ его. Первое извѣстное намъ стихотвореніе Щоголева есть „Яворъ“ (изъ греческой антологіи), напоминающее намъ стихотвореніе Батюшкова „Яворъ къ прохожему“. У Щоголева „Яворъ“ тоже обращается къ прохожему, но, въ отличіе отъ явора Батюшкова, представляется въ полной красотѣ растительности и приглашаетъ путника подъ кровъ своихъ тѣнистыхъ вѣтвей:

Приди подъ сѣнь мою, припелець запоздалый!
 Когда наляжетъ мгла надъ доломъ и рѣкой,
 И горы темныя освѣтитъ отблескъ алыи зарницы золотой;
 Когда надъ темными, нѣмыми берегами
 Камышъ зашелеститъ зелеными листьями,
 Я, какъ вѣнцомъ, главу твою
 Въ вечернемъ сумракѣ уныло обовью

Широкими, тѣнистыми вѣтвями;
 При шумѣ вѣтерка ты будешь усыпленъ,
 И Панова свирѣль нашепчетъ ясный сонъ ⁴⁾.

И въ остальныхъ стихотвореніяхъ Щоголева, болѣе или менѣе оригинальныхъ, вслѣдъ за Батюшковымъ, поэзія прикрѣплялась „къ землѣ и тѣлу, выказывая свою очаровательную прелесть осязаемой сущности“. Господствующая форма въ стихотвореніяхъ Щоголева—элегія; но къ чувству грусти онъ не примѣшиваетъ ни меланхоліи, ни разсужденій, ни идеальнаго. Въ его элегіяхъ просто и ясно высказывается самая причина грусти, находящаяся въ дѣйствительной жизни. Все это у него—общія черты съ Батюшковымъ; но есть и большая разница въ содержаніи и складѣ стихотвореній Щоголева. Онъ воспитывался подъ руководствомъ и сильнымъ вліяніемъ Метлинскаго и приложилъ свои антологическія стремленія къ изображенію казацкой, преимущественно прошлой жизни, памятниками которой считались тогда могилы или курганы. Подобно Метлинскому, онъ не разъ воспѣваетъ казацкія могилы и преимущественно любитъ останавливаться на изображеніи казацкаго коня боеваго и казацкой удали. Исключеніе составляютъ развѣ только его стихотворенія „Безталанне“ и „Покірна“, изъ коихъ въ первомъ говорится о безталанномъ чумацѣ, который семь лѣтъ ходилъ въ Крымъ за солью и семь лѣтъ на Донъ за рыбою, но не нашелъ счастья ни дома, ни на чужой сторонѣ, а во второмъ—о молодой дивчинѣ, которая собирается умирать съ тоски отъ того, что мать хочетъ выдать ее за немилаго. Разумѣется, спускаясь изъ области антологіи въ сферу казацкой исторіи и украинской народной поэзіи, Щоголевъ долженъ былъ сдѣлать большую уступку народному украинскому элементу. Изъ 13-ти извѣстныхъ намъ его стихотвореній только пять написаны на русскомъ языкѣ, тогда какъ остальные всѣ—на украинскомъ. По словамъ Кулиша, Щоголевъ перенимаетъ голосъ народной пѣсни и изъ пѣсни беретъ основу своего произведенія. Это особенно нужно связать о казацкихъ пѣсняхъ Щоголева. По нашему мнѣнію, болѣе народнаго элемента въ бытовыхъ стихотвореніяхъ Щоголева „Безталанне“ и „Покірна“, въ которыхъ, можетъ быть, отразилось также и вліяніе Шевченка. Въ „Поэзіи славянъ“ Гербеля приведено, въ русскомъ переводѣ Мея, стихотвореніе Щоголева „Гречкосій“. Мы, съ своей стороны, приведемъ его украинское стихотвореніе „Покірна“, какъ болѣе народное, по нашему мнѣнію, и нѣсколько напоминающее собою стихотвореніе Гребенки „Украинска мелодія“:

Хоче мене мати
 За нелюба 'дати...
 Ой изовань, вінку,
 Вінку изъ барвінку!

⁴⁾ Это — переводъ изъ Гердера. Подобное стихотвореніе „Прекрсная сосна“ (изъ антологіи), изъ Гердера, Н. Левицкаго помѣщено было еще въ 1817 году въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“, ч. VIII, стр. 55.

Каже мині мати:
— Йди, доню, гуляти;
Ой будь веселенька,
Бо ти молоденька!

— И вже, моя мати,
Мені не гуляти!
Треба мені, мати,
Про инше гадати...

Мусишь мені, мати,
Худібоньку дбати.
Не дбай мені, мати,
Ні якого краму;

Купи мені скриню,
Скриню — домовину:
Віщує серденько,
Що швидко загину ¹⁾.

---

¹⁾ Хочеть мене мати
Отдать за вемляко...
Ой, завянь в'нонь,
В'нонь изъ барвинка!

Говорить мнѣ мати:
— Йди, дочь, гулять;
Ой, будь весела, —
Ты еще молода!

Но уже, моя мати,
Мнѣ не гулять!
Нужно мнѣ, мати,
Про другое думать...

Придется для меня, мати,
Имѣнье готовить.
Не готовь мнѣ, мати,
Никакого товару;

Купи мнѣ сундукъ,
Сундукъ — домовину:
Вѣщуєть сердечко,
Что скоро погибну.

(Окончаніє въ слѣдующей книжкѣ)

Н. Петровъ.

МАЛОРОССІЯНЕ ВЪ ПОЛЬШѢ XVII ВѢКА.

И СЛИ ПОЛЯКАМЪ, какъ исторической національности, только и остается жить въ прошломъ, то—надобно отдать имъ справедливость,—они „умѣютъ жить“. Въ 1836 г., графъ Рачинскій отыскалъ рукопись записокъ Яна Паска; теперь они выходятъ уже одиннадцатымъ изданіемъ ¹⁾). Каковы бы ни были недостатки современной польской народности, мы глубоко уважаемъ это стремленіе потомства возстановить нравственную связь съ своимъ прошедшимъ.

Стремленіе это, въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія, что въ немъ нѣтъ ничего тенденціознаго. Ни для ненависти къ Россіи, ни для теоріи польскаго мессіанизма, и, вообще, ни для одного изъ современныхъ польскихъ увлеченій, записки Паска не могутъ служить арсеналомъ. Онъ признаетъ военные достоинства московскихъ людей („каждый, говоритъ Пасекъ, кто имѣлъ дѣло съ Москвою, долженъ согласиться, что московскія войска такъ страшны, какъ ни одинъ народъ въ свѣтѣ; какъ посмотришь на ихъ бороды, такъ и кажется, что идешь на святыхъ отцевъ ²⁾“) и не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о польскомъ мессіанизмѣ. Слѣдовательно, если современный полякъ зачитывается надъ паномъ Паскомъ, то это дѣлается ради историческаго интереса его записокъ, а не въ тѣхъ видахъ, чтобы подлить масла въ жгучую ненависть къ Россіи или почерпнуть новый аргументъ въ пользу предъизбранія польскаго народа для какихъ то сверхъестественныхъ цѣлей.

Пасекъ принадлежалъ къ мелкой шляхтѣ равскаго воеводства и имѣлъ обширное родство между рядовой шляхтой по всей Польшѣ и

¹⁾ Pamiętniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska z czasow panowania Jana Kazimierza, Michala Koributa i Jana III przeiral dr. Zigmunt Węclewski.

²⁾ Idem. 116.

Литвѣ. Отзубривъ латынь въ какой нибудь іезуитской школѣ, люди этого сорта рано выходили на подножный кормъ или въ дворнѣ какого нибудь магната, или въ роли „товарища“ одной изъ херугвей, на которые дѣлилось польское войско. Имъ случалось—и коня почистить, и бѣсѣдовать съ королями; смотря по обстоятельствамъ, они то принимались за ремесло мародера, то выступали въ политической роли.

Про этихъ людей, вообще, говорится, что они „плаваютъ мелко“. Но не надобно забывать, что при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ и нѣкоторой наблюдательности, эти маленькіе люди стоятъ ближе къ корню событій, видятъ болѣе, чувствуютъ сильнѣй, лучше отражаютъ обстановку эпохи, чѣмъ многіе дипломаты, генералы и епископы.

Эти качества усугублялись въ Паскѣ тѣмъ, что значительную часть своей жизни онъ провелъ, такъ сказать, на самомъ бойкомъ мѣстѣ Польши, подъ командой Чарнецкаго, одного изъ наиболѣе типичныхъ польскихъ военачальниковъ этого времени. Про знаменитаго „русскаго воеводу“ (пожалованнаго этимъ званіемъ, вѣроятно, потому, что ни кто изъ его современниковъ не разорялъ такъ русскій народъ, какъ самъ русскій воевода) можно сказать то же, что сказалъ солдатъ о Валленштейнѣ:

Und ging's nur nicht aus seiner Kassen
Sein Spruch war leben und leben lassen. (Шиллеръ).

(если только ему не приходилось развязывать своего кошелка, онъ держался правила: живи и давай жить другимъ).

Помимо своего военного таланта, Чарнецкій былъ замѣчательнъ тѣмъ, что, не получая изъ казны ни копѣйки жалованья, ни для себя, ни для своей дивизіи, умѣлъ содержать ее въ блестящемъ видѣ... конечно, на счетъ враговъ и союзниковъ.

Понятно, что „товарищи“, служившіе подъ командой такого начальника, должны были въ высшей степени развить въ себѣ способность стеречь, высматривать и пользоваться минутой. И по тому, если каждый польскій шляхтичъ этого вѣка „видалъ виды“, то никто не могъ въ такой степени прочувствовать свой вѣкъ, какъ шляхтичъ, служившій подъ знаменами Чарнецкаго; если cadaго поляка этого времени несла волна общественной жизни, то дивизія Чарнецкаго стояла въ самомъ водоворотѣ. Отсюда—богатство содержанія записокъ Паска.

Въ особенности хороша ихъ первая половина. Здѣсь онъ почти не замѣчаетъ того, что пишетъ. На сценѣ постоянно добрый товарищъ, бутылка хорошаго вина, военная добыча, шелканье курковъ на пріятельской попойкѣ, Чарнецкій, король Янъ Альбрехтъ, ксендзъ, и случай подраться. Потомъ уже является болѣе разсужденій. Но все таки, до конца, не смотря на лѣта и іезуитское воспитаніе, Пасекъ остается „натурой не посредственной“. Въ сценѣ съ стихами въ честь Текели (непередаваемой въ цензурномъ отношеніи), Пасекъ такъ же

„молодъ“, какъ и въ тѣ дни, когда въ февралѣ, впасть перешель морской проливъ, мокрый бросился на шведовъ и отбилъ у нихъ островъ Эльзень. Разсказъ очень часто ведется съ большимъ юморомъ. Если бы не польская рѣчь, можно бы иногда подумать, что какой нибудь Рудый Панько воспользовался перомъ Гоголя для того, чтобы описать старинное сватовство, „посполитое рушеніе“, свои хозяйственныя недуги и знаменитую „выдру“, плѣнившую Яна Собѣскаго. Нельзя не пожелать, чтобы записки Паска скорѣе нашли хорошаго переводчика и комментатора на русскомъ языкѣ.

Въ своемъ зеркальномъ отраженіи польской дѣйствительности, разсказъ Паска, между прочимъ, представляетъ намъ положеніе тѣхъ малороссіянъ, которые, болѣе или менѣе искренно, по расчету, или по увлеченію, переходили въ это время на сторону Польши. Такихъ малороссіянъ было не мало. Ихъ переходъ въ польскій лагерь обусловливался почти непреодолимымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Правобережная Украина, по отношенію къ остальной Малороссіи, представляла въ это время одну важную особенность. Въ то время, когда на лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ предѣловъ Воронежской губерніи до устьевъ Ворсклы, нашествіе татаръ смело всѣ остатки древнерусской удѣльной цивилизаціи и разогнало на сѣверъ и западъ всѣхъ потомковъ княжескихъ дружинъ, въ дебряхъ Волны сохранялись остатки стариннаго русскаго княжества и боярства; въ то время, когда лѣвобережная Украина выходила на историческую сцену, какъ будто совершенно новая, только что образовавшаяся страна, воеводства русскія (теперешнія Кіевская, Подольская и Волынская губерніи) сохраняли непрерывную связь съ своимъ удѣльнымъ прошлымъ. Прямыхъ потомковъ древнихъ удѣльныхъ князей здѣсь нерѣдко окружали прямые потомки ихъ древнихъ бояръ; новая общественная жизнь не только занималась на развалинахъ старой, но и вытекала изъ старыхъ формъ. Отдавъ свою аристократію католицизму и польской народности, остатки русскаго боярства, все-таки, составляли въ Волыни XVI и XVII вѣка весьма видный общественный классъ.

Какую же политическую программу долженъ былъ выработать себѣ этотъ классъ? Онъ не имѣлъ подъ собою почвы для того, чтобы образовать самостоятельную политическую силу; въ то же время, матеріальный расчетъ не позволялъ ему окончательно, всѣмъ сердцемъ и душой, применить къ народному движенію. Не забудемъ, что въ эту минуту, по словамъ лѣтописца, „великая печаль одолѣвала всѣхъ людей высшаго сословія и было имъ большое наруганіе отъ черни, такъ что если какой добрый человекъ и не хотѣлъ приставать къ казацкому войску, то долженъ былъ это сдѣлать, чтобы избавиться отъ насмѣшекъ и нестерпимыхъ обидъ въ побояхъ и чрезвычайныхъ налогахъ ¹⁾. Внутренняя рознь между общественными классами Мало-

¹⁾ Туга великая людямъ всякаго стану значнымъ была и наруганіе отъ посло-

россии, кромѣ матеріальныхъ причинъ, увеличивалась еще причинами нравственными. Какъ и всякій социальный переворотъ, казачье возстаніе на минуту выдвинуло подонки общества. Не могли же наследники старинныхъ боярскихъ именъ сблизиться съ людьми, которые „склепы съ трупами откапывали, мертвыхъ тѣла съ гробовъ выкидали и въ томъ одѣяніи ходили ¹⁾...“

Итакъ, тогдашнему малороссійскому дворянству оставалось выбирать изъ двухъ золъ меньшее — Россію, или Польшу. Но полутатарская Россія представляла слишкомъ мало привлекательнаго для людей, въ душѣ склонявшихся къ олигархіи; могучіе инстинкты клонили высшее сословіе тогдашней Малороссіи къ Польшѣ. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ то самое время, когда Польша, вслѣдствіе своей политической косности, теряла Малороссію, въ самой Малороссіи, безъ всякихъ стараній польскаго правительства, образовалась значительная партія, готовая идти на всевозможныя уступки, для того только, чтобы сохранить за собою право считать Польшу съ ея шляхетскими порядками своимъ отечествомъ. Извѣстны минуты, когда Хмѣльницкій, даже къ явному ущербу своей популярности, медлил нанести Польшѣ рѣшительный ударъ; измѣна Выговскаго, Тетери, Юрія Хмѣльницкаго и другихъ были только отголосками этого чувства. При бездарности московской дипломатіи, при неопредѣленности влеченій въ малороссійскомъ простонародѣ этого времени, при отсутствіи государственной организаціи въ самой Малороссіи, Польшѣ — если бы ея шляхта обладала хотя нѣкоторой проницательностью — стоило только эксплуатировать это готовое чувство для того, чтобы снова привести Малороссію въ союзъ съ Польшей. Какъ же поступала въ этомъ случаѣ Польша? Пасекъ описываетъ слѣдующій случай.

Въ ноябрѣ 1661 года, въ селѣ Зеленая Пуца, за столомъ у пана Станиславскаго, чашника варшавскаго и дворянина короля Яна Казимира (нѣчто въ родѣ камеръ-юнкера), Пасекъ встрѣтился съ малороссіяниномъ, уроженцемъ Волыни, потомкомъ стариннаго русскаго рода, всегда бывшаго преданнымъ польской республикѣ. Въ образованіи и внѣшности этого малороссіянина было такъ много польскаго, что, десятки лѣтъ спустя, его называли польскимъ шляхтичемъ; умъ, способность войти въ душу, громадная житейская опытность, заставляли забыть въ немъ всякую національность, увлекали къ откровенной бесѣдѣ. Словомъ — это былъ былъ будущій гетманъ Малороссіи, Иванъ Степановичъ Мазепа, въ настоящую минуту владѣлецъ не-

---

литыхъ людей, а наибольше отъ гультайства, то есть отъ броварниковъ, винниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, же любя лкій человекъ значный и не хотѣлъ привязываться до того казачьаго войска, тилько мусълъ за для позбнтя того насмѣвиска и нестерпимыхъ бѣдъ въ побояхъ, на поляхъ и кормахъ чрезвычайныхъ. Лѣтописъ самовидца, 11.

¹⁾ Ibid, 12.

большаго имѣнія на Воляни, недавно получившій польское шляхетство (нобилитацію) и небольшую придворную должность — королевскаго покоеваго.

Вопросомъ дня, въ это время, была конфедерация войска, отказывавшагося биться съ Россіей и, подъ предлогомъ неполученія жалованья, завладѣвшаго королевскими имѣніями. Дивизія Чарнецкаго, устроившая свои финансовыя дѣла въ датскомъ и другихъ походахъ, не пристала къ конфедерации. Однако, была минута нерѣшительности, и изъ разсказа самого Пасека видно, что, одно время, онъ готовился играть роль между конфедератами. Даже рѣшившись порвать съ конфедерацией, Пасекъ не всѣмъ говорилъ объ этомъ, и не далѣе, какъ за нѣсколько дней до встрѣчи съ Мазепой, будучи въ гостяхъ у своихъ родственниковъ, служившихъ въ одной изъ хоругвей, приставшихъ къ конфедерации, Пасекъ не сказалъ имъ, что ѣдетъ къ Чарнецкому для того, чтобы выступить противъ московскихъ войскъ, а увѣрялъ, что хочетъ посѣтить дядю, тыкоцинскаго коменданта. Понятно, что у пана Станиславскаго, камеръ-юнкера короля Яна Казимира, Пасекъ держалъ себя совершенно иначе.

Но провести Мазепу было не легко. Онъ видѣлъ, что Пасекъ разыгрывалъ предъ нимъ какую-то роль. „Можетъ быть, онъ обманываетъ его точно такъ-же, какъ, за день передъ этимъ, обманулъ своихъ знакомыхъ въ хоругви Касаковскаго“. Разставшись съ Пасекомъ, Мазепа поспѣшилъ въ Гродно, къ королю, и донесъ въ томъ смыслѣ, что случайно встрѣтился съ человѣкомъ, который, по всѣмъ признакамъ, служитъ тайнымъ агентомъ конфедерации, что, по всей вѣроятности, онъ ѣдетъ къ войскамъ, стоящимъ противъ Россіи; можетъ быть, ему поручено втянуть ихъ въ конфедерацию. По приказанію короля и находившихся при немъ сенаторовъ, Пасека на дорогѣ арестовали, отобрали бумаги и вещи и посадили подъ стражу.

Чтобы установить правильную точку зрѣнія на поступокъ Мазепы, не надобно забывать, что если малороссіяне этого времени ненавидѣли поляковъ, то всѣ они, начиная съ Хмѣльницкаго, были преданы польскому королю и, насколько отъ нихъ зависѣло, старались поддержать его въ борьбѣ съ польской анархіей.

Пасекъ блистательно оправдался и не только сдѣлался, благодаря своему аресту, лично извѣстнымъ Яну Казимиру, но и получилъ отъ него въ подарокъ значительное количество золотыхъ. Впереди предстояли другія выгоды.

Надобно замѣтить, что обязанности тогдашнихъ дипломатическихъ приставовъ не были такъ просты, какъ теперь, когда ихъ роль, очень часто, ограничивается однимъ только показываніемъ достопримѣчательностей города знатымъ иностранцамъ, а ихъ доходы — получениемъ болѣе или менѣе значительнаго иностраннаго ордена. Польскій и московскій приставъ XVII вѣка почти произвольно требовалъ подводы и съѣстные припасы отъ городовъ, черезъ которые проѣз-

жали послы, а если жители не давали, то брали насильно; мѣщане по мѣрѣ силъ откупались; и потому, послѣ каждого посольства, въ карманѣ пристава оставалась довольно круглая сумма. Чтобы лучше вознаградить своего любимца за неприятности ареста, Чарнецкій поручилъ Паску проводить отъ границы до Варшавы русскихъ пословъ. Пасекъ чуть было не продалъ эту выгодную статью за сто талеровъ; но, разобравъ въ чемъ дѣло, притворился пьянымъ, напоилъ конкурента и, не ожидая пока тотъ проспится, уѣхалъ встрѣчать посольство.

Черезъ нѣсколько дней, Пасекъ привезъ въ Варшаву 17,000 злотыхъ, не считая той суммы, которую ему подарилъ король при освобожденіи изъ подъ ареста. Онъ зажилъ весело, сблизился съ придворными, въ томъ числѣ и съ Мазею. Компанія кутила чуть-ли не ежедневно.

Такъ какъ глубокое уваженіе поляковъ къ королевскому сану существовало только въ теоріи, на практикѣ же они, при первомъ удобномъ случаѣ, обращались съ королемъ за-панібрата, то даже Паску случалось на-веселѣ приходить во дворецъ. Встрѣтившись здѣсь однажды съ Мазею, ему пришло въ голову подразнить его. „Czolem panie asawulo!“ (здравствуйте, панъ есаулъ), сказалъ онъ Мазеѣ. Такъ какъ въ польской іерархіи не было есауловъ и это былъ чинъ исключительно казацкій, то обращеніе Паска заключало въ себѣ намекъ на мало-россійское происхожденіе Мазеи. Если эти слова, сами по себѣ, не заключали ничего обиднаго, то тонъ, вѣроятно, соответствовалъ оскорбительному намѣренію Паска. Мазея отвѣтилъ ему въ томъ же духѣ: „Czolem panie sarogal“. Это имѣло такой смыслъ. Въ національномъ польскомъ войскѣ не было капраловъ. Но во время гродненскаго ареста, Паска стерегли нѣмцы, состоявшіе на службѣ короля, начальникомъ которыхъ былъ капраль. Жалую Паска нѣмецкимъ чиномъ, Мазея напоминалъ ему время ареста. При другихъ обстоятельствахъ, такое напоминаніе было бы неумѣстно, но послѣ вызова, сдѣланнаго самимъ Паскомъ, отвѣтъ Мазеи былъ вполне законной шуткой.

Пасекъ вспылилъ и ударилъ Мазею въ лицо; хватились за сабли, но случившіеся здѣсь придворные поспѣшили ихъ разнять. За стѣной сидѣлъ король, а по польскимъ законамъ, кто прибѣгнетъ во дворцѣ къ оружію, наказывался смертию.

„Никто изъ придворныхъ, добавляетъ Пасекъ, не заступился за Мазею, потому что не слыхомъ съ нимъ знались; онъ былъ немного пройдоха (szalbiarz), а къ тому-жъ и казакъ, недавно получившій шляхетство; также всѣ принимали къ сердцу обиду, нанесенную мнѣ Мазею, а я съ придворными подружился и на каждой вечеринкѣ не былъ для нихъ скупъ“¹⁾.

¹⁾ Pam., 210.

Хотя самъ король принялъ участіе въ примиреніи Мазепы съ Паскомъ, хотя послѣ этой стычки имъ не разъ приходилось участвовать въ попойкахъ, но Мазепа все-таки не могъ удержаться при дворѣ. Черезъ годъ или два онъ выѣхалъ изъ Польши въ свое волынское имѣніе. Здѣсь случилась извѣстная любовная исторія съ пани Фальбовской, когда ревнивый мужъ привязалъ его къ лошади, которая полумертвымъ принесла его домой. Около этого времени, подъ предводительствомъ гетмана Дорошенко, слагалась національная партія, стремившаяся образовать изъ Малороссiи самостоятельное государство подъ верховной властью султана. Мы скоро увидимъ Мазепу въ рядахъ казаковъ Дорошенко.

Въ запискахъ Паска есть еще небольшая, но очень характеристическая сцена, рисующая, какъ трудно было казаку стоять въ рядахъ гонимой шляхты. При томъ же королѣ Янѣ Казимирѣ возникъ рокошъ Любомірскаго. Казацкій полковникъ Чопъ, какъ все вообще малороссiяне, всегда преданные польскимъ королямъ, держалъ сторону короля. Здѣсь же находился и Пасекъ. Ёдутъ рокошане; „ты нашъ, или не нашъ?“ — кричатъ они Паску (такъ какъ обѣ стороны были одѣты одинаково, то не всегда можно было узнать, кто свои и кто чужіе). „Вашъ“, въ шутку отвѣчаетъ Пасекъ. „Нѣтъ, не нашъ; убирайся-жь себѣ, когда не нашъ, или переходи къ намъ...“ Въ это время одинъ изъ рокошанъ подѣхалъ къ Чопу. Малороссiянинъ, вѣроятно ожидая, что и съ нимъ будутъ такъ-же пріятельски бесѣдовать, какъ съ Паскомъ, не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности; полякъ выстрѣлилъ въ упоръ и положилъ его на мѣстѣ ¹⁾.

Если Мазепа, лично приближенный къ королю, уже втершійся въ придворную жизнь, повидимому, уже пріобрѣвшій нѣкоторыя связи въ польскомъ обществѣ, при всемъ его умѣ и тактѣ, не могъ завоевать себѣ положенія среди поляковъ и при первомъ случаѣ все они напоминали ему, что онъ пришлецъ въ этой сферѣ; если даже Мазепу напыщенная польская шляхта, даже въ ту минуту, когда она болѣе всего нуждалась въ малороссiянахъ, не хотѣла ставить съ собою на равной ногѣ; если даже Мазепу, въ случаѣ обиды, они не хотѣли защищать отъ кореннаго поляка, то что же сказать о другихъ малороссiянахъ, которые, вслѣдствіе политическихъ превратностей того времени, были принуждены переходить на сторону Польши? Поляки эксплуатировали малороссiянъ, пока это было для нихъ выгодно, и бросались на нихъ же, когда въ малороссiянахъ прекращалась надобность. Безъ казаковъ не обходится ни одинъ походъ. Мы видимъ ихъ и въ вѣнскомъ походѣ Собѣскаго и въ датской экспедиціи Чарнецкаго; и Пасекъ, и Собѣсскій, не хвалятся ихъ службой; но, какъ только миновала надобность въ малороссеѣ, и въ лагерѣ, и во дворцѣ ему тотчасъ напоминаютъ, что онъ только ка-

¹⁾ Рам., 261.

закъ. Въ критическую минуту, ни одинъ малороссіянинъ, каковы бы ни были его таланты, образование и заслуги, не смотря на единство нѣкоторыхъ интересовъ высшаго сословія Польши и Малороссіи, не могъ найти защитника въ польскомъ обществѣ. Заслуги Выговскаго Польшѣ очевидны; но ея общественное мнѣніе осталось равнодушно, когда ничтожный Маховскій совершенно произвольно разстрѣлялъ „сенатора Выговскаго“; то же случилось съ Тетерей, по всей вѣроятности—съ Гедеономъ Хмѣльницкимъ и со многими другими, менѣе извѣстными, малороссіянами. Если они не погибали въ польскихъ застѣнкахъ, то должны были уйти изъ Польши, благодаря тому нравственному отчужденію, въ которое ихъ ставило высококобріе поляковъ.

Послѣ этого нечего удивляться, почему поляки всегда ошибались въ своихъ расчетахъ на малороссіянъ и почему тѣ малороссіяне, которые старались найти въ Польшѣ точку опоры для своей политики, всегда оказывались въ проигрышѣ.

Въ русской исторической литературѣ принято отзываться съ улыбкой о „Гадячской комиссіи“, „Чудновской комиссіи“ и вообще о всѣхъ договорахъ Малороссіи съ Польшей. Эта манера только вводитъ въ заблужденіе. „Гадячская комиссія“ (договоръ въ сентябрѣ 1658 года)—возвращавшая Польшѣ отторгнувшуюся страну и, на правахъ ягеллонской униі, гарантировавшая „войску запорожскому“ полную автономію—сама по себѣ, не представляетъ ничего противнаго здравому смыслу и обоюднымъ интересамъ. Но то общество, отъ котораго зависѣло ея примѣненіе въ Польшѣ, тѣ люди, въ глазахъ которыхъ Мазепа и Чопъ были виноваты только потому, что они, казаки, дѣлали невозможнымъ исполненіе гадячскаго договора и выставили его автора Выговскаго—одного изъ умнѣйшихъ людей своего вѣка—какимъ-то мечтателемъ и фразеромъ. То же надо сказать и о „Чудновской комиссіи“ (7-го октября 1660 г.). Она оказалась непрактичной и неисполнимой потому, что въ польскомъ обществѣ не было элементовъ, дававшихъ возможность ее исполнить. Послѣ „Чудновской комиссіи“, малороссіяне до того извѣрились въ полякахъ, что, не смотря на новыя укаживанія съ польской стороны, отказывались отъ всякихъ сколько нибудь серьезныхъ переговоровъ. Образчикомъ этихъ послѣднихъ отношеній служить „Острожская комиссія“ 1670 года, на которую малороссіяне, въ лицѣ гетмана Дорошенко, даже отказались послать своихъ уполномоченныхъ. Король Михаилъ, чтобы дать какой нибудь внѣшній видъ этому акту примиренія, крайне необходимаго для Польши, долженъ былъ, во-первыхъ, создать подставнаго гетмана (Ханека), съ которымъ, для виду, можно было заключить нѣчто въ родѣ договора, во-вторыхъ, по необходимости, долженъ былъ облечь этотъ документъ въ форму простого извѣщенія отъ имени верховной власти.

Понятно, какъ много подобныя отношенія къ Малороссіи вредили самой Польшѣ и какъ часто малороссіянинъ этого времени, не ради

симпатій къ Москвѣ, но изъ простой невозможности равноправно сойтись съ поляками, долженъ былъ обращаться къ Москвѣ. Намъ скажутъ, что и съ Москвой дѣла шли не лучше. Если Иванъ Выговскій былъ разстрѣлянъ въ Бѣлой Церкви, то его братъ Данило былъ замученъ въ Москвѣ; если поляки заточили одного гетмана въ Мальборгъ, то москвичи сослали двухъ гетмановъ въ Сибирь; если поляки не умѣли цѣнить заслугъ малороссіянъ, то гетманъ Дорошенко имѣлъ полное право, въ письмѣ къ Тяпкину, упрекать Москву въ огорченіяхъ, нанесенныхъ Богдану Хмѣльницкому, въ убійствѣ Самка и другихъ, „многотрудно и усердно его царскому пресвѣтлому величеству работавшихъ“¹⁾. Но счеты Малороссіи съ Москвой были ведены на совершенно иныхъ основаніяхъ. Малороссія этого времени склонялась къ Москвѣ не ради ея добродѣтелей, а вслѣдствіе той же стихійной силы, которая заставляетъ шаръ катиться по наклонной плоскости, не смотря на то, правится ли ему это, или нѣтъ. Здѣсь событія шли вопреки желаніямъ большинства. Судьба какъ будто сама вела все дѣло „на неизвѣстный конецъ“ (выраженіе Мазепы).

Отношенія Малороссіи къ Польшѣ были совершенно иныя. Она являлась малороссіянину во всемъ обаяніи ягеллонской уни. „Вѣсть же его королевская милость—пишетъ Дорошенко—что предки наши и мы сами равные къ равнымъ, вольные къ вольнымъ, приступивъ во едино тѣло, сложився подъ единымъ государемъ, волею себѣ избраннымъ“²⁾. Она выступала во всемъ блескѣ западной цивилизаціи, предъ которой преклонялся даже ближайшій повѣренный царя—Ордынъ-Нащокинъ; наконецъ, за Польшу говорили цѣлые вѣка вмѣстѣ пережитой исторіи. Полякамъ надобенъ былъ особенный фанатизмъ и какое-то политическое топоуміе для того, чтобы, при этихъ условіяхъ, имѣя за собой всѣ шансы, вопреки могущественнѣйшимъ государственнымъ интересамъ самой Польши, вопреки всѣмъ расчетамъ самихъ малороссіянъ, оттолкнуть Малороссію въ объятія сначала Москвы, потомъ Турціи.

Надобно замѣтить, что не всегда такъ было. Ягеллонскій періодъ польской исторіи отличается необыкновенной способностью ассимилированія чуждыхъ элементовъ путемъ распространенія правъ національности, послужившей основаніемъ государства, на національности присоединяемыхъ. Послѣ того какъ Польша рѣшила задачу сліянія съ литовско-русскимъ государствомъ, надобно было коренное измѣненіе въ инстинктахъ польской національности, для того чтобы сдѣлать ее неспособной рѣшить несравненно болѣе легкую задачу: сохранить въ союзѣ Малороссію, которая сама хотѣла этого союза.

Разсказъ Паска о знакомствѣ съ Мазепой даетъ поводъ для нѣкоторыхъ соображеній о лѣтахъ гетмана Мазепы. Адлерфельдъ³⁾ го-

¹⁾ Бятышъ-Каменскій, „Исторія Малой Россіи“, II, прим. 60.

²⁾ Ibid.

³⁾ Histoire militaire de Charles XII, t. III, 364.

ворить, что Мазепѣ было 64 года, когда онъ представлялся Карлу XII въ Горкахъ. Но въ такомъ случаѣ онъ родился въ 1644 году и 17-лѣтнимъ юношей сидѣлъ въ гостяхъ у пана Станиславскаго, донесъ на Паска королю, кутилъ съ придворными и ссорился съ Паскомъ во дворцѣ. Общій тонъ разсказа и общій характеръ происшествія противорѣчатъ такому предположенію. Очевидно, что съ Паскомъ или ссорился другой Мазепа, а не тотъ, который впоследствии былъ гетманомъ Малороссіи, или же Мазепа-гетманъ былъ уже въ это время сверстникомъ съ Паскомъ и по лѣтамъ, и по положенію. Перваго предположенія нельзя допустить потому, что подробности, сообщаемыя Паскомъ о своемъ знакомомъ Мазепѣ (служба при королѣ, любовная исторія, разгнѣванный мужъ, привязываніе къ лошади и переходъ къ казакамъ), какъ нельзя болѣе согласны со всѣмъ, что приписывается гетману Мазепѣ; слѣдовательно, остается только принять второе — гетманъ Мазепа былъ, приблизительно, однихъ лѣтъ съ авторомъ мемуаровъ. А такъ какъ Паску, въ 1661 году, было отъ 25 до 30 лѣтъ (издатель относитъ его рожденіе между 1630—1636 гг.), то, слѣдовательно, и Мазепа родился около этого времени. Въ такомъ случаѣ, есть основаніе повѣрить Стебельскому, который говоритъ, что Мазепа умеръ восьмидесяти одного года ¹⁾.

Какимъ же образомъ Адлерфельдъ далъ восьмидесятилѣтнему старику только шестьдесятъ четыре года? Надо думать, что человѣкъ, только что влюбившійся въ Матрену Кочубей, не имѣлъ особеннаго интереса выставить свои восемьдесятъ лѣтъ. Если въ глазахъ Петра Мазепа умѣлъ притвориться дряхлымъ и больнымъ, то ему было гораздо легче возвратитъ свою естественную бодрость въ глазахъ Карла.

О. Уманецъ.

¹⁾ Бантышъ-Каменскій. III, прим. 16.

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ НА ВОЛЫНИ ¹⁾.

НРЕЗВЫЧАЙНО важнымъ приобрѣтеніемъ для польской исторической литературы являются изданные стараніемъ покойнаго профессора Иванишева, бывшаго члена временной комиссіи, учрежденной при генераль-губернаторѣ кievскомъ, волынскомъ и подольскомъ, официальные акты, собранные въ судебныхъ архивахъ, въ городахъ Луцкѣ, Владимірѣ-Волынскомъ и Кременцѣ, — акты, представляющіе жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волини.

Курбскій былъ замѣчательною личностью въ московскомъ государствѣ въ то время, когда въ Польшѣ королевствоваль Сигизмундъ-Августъ. Курбскій родился въ 1528 году и происходилъ отъ князей Ярославскихъ. Будучи храбрымъ воиномъ, онъ одержалъ блестящія побѣды подъ Казанью и въ Лифляндіи. Онъ пользовался особымъ расположеніемъ царя, и когда дѣла въ Инфлантахъ ²⁾ приняли однажды дурной оборотъ, царь сказалъ князю:

— Я долженъ или самъ поѣхать въ Инфланты, или послать тебя, моего любимца, чтобъ ободрить мое войско. Поѣзжай туда и служи мнѣ вѣрно.

Курбскій отправился и сталъ наносить пораженія меченосцамъ, но на Литвѣ его постигло несчастье, о которомъ такъ наглядно сооб-

---

¹⁾ Статья эта представляетъ переводъ изъ сочиненій извѣстнаго польскаго писателя г. Юліана Бартошевича. Для русскихъ читателей она любопытна въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ взглядъ польскаго историка на одну изъ замѣчательнѣйшихъ личностей въ нашей исторіи. Кромѣ того, статья эта дополняетъ до нѣкоторой степени изданное покойнымъ профессоромъ Иванишевымъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Жизнь князя Курбскаго на Волини“. Ред.

²⁾ Старинное польское названіе Ливоніи. Ред.

щаетъ Бѣльскій, говоря, что на варшавскій сеймъ пришла очень радостная вѣсть о томъ, что князь Курбскій раненъ.

Впослѣдствіи, однако, между Курбскимъ и царемъ Иваномъ Грознымъ произошли нелады; князь уѣхалъ въ Литву и подъ знаменами послѣдняго изъ Ягеллоновъ, а также и Стефана Баторія, сражался противъ своего отечества. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, профессоръ Устряловъ издалъ въ Петербургѣ „Сказанія князя Курбскаго“, которыя раскрыли жизнь этого замѣчательнаго человѣка и опредѣленно указали его значеніе въ исторіи. Курбскій посылалъ изъ Литвы письма къ царю Ивану, наполненныя упреками, а иногда и угрозами. Письма эти и издалъ Устряловъ. Судя по нимъ, Курбскій убѣждалъ изъ Россіи, опасаясь царскаго гнѣва и мщенія со стороны Ивана Грознаго. Затѣмъ, освободясь на Литвѣ отъ его преслѣдованій, Курбскій свободно и смѣло заговорилъ съ царемъ о его политикѣ и правленіи; поэтому, каждое слово Курбскаго, каждый его укоръ, является слѣдомъ мысли, отголоскомъ общественнаго мнѣнія.

Въ польскихъ историческихъ источникахъ о Курбскомъ упоминается весьма глухо. Несѣцкій въ своемъ „Гербовникѣ“ не умѣя даже правильно написать его прозваніе и подъ фамилію „Курпскихъ“ слегка упоминаетъ о немъ самомъ и объ его дѣтяхъ, жившихъ въ Польшѣ, такъ какъ ему, Несѣцкому, было извѣстно, что убѣжавшій изъ Москвы русскій князь поселился между поляками не временно только, но навсегда. Сыновья его были земскими представителями въ Литвѣ, дочери его повыходили замужъ за литовскихъ пановъ. Прошло сто лѣтъ, и родъ Курбскихъ совершенно ополячился, а потомъ совершенно угасъ, точно также какъ ополячились князья Шуйскіе, которые существовали на Литвѣ до нашихъ дней, между тѣмъ какъ въ Великой Россіи ихъ уже давно не было. Какъ Шуйскіе, такъ и Курбскіе, были выходцами изъ Москвы, но они окончательно осѣли въ Польшѣ и тамъ процвѣтали нѣкоторое время. Въ извѣстномъ сочиненіи „Старобытная Польша“ упоминается о Курбскомъ только по Карамзину, а именно лишь о томъ, что онъ отъ Сигизмунда-Августа получилъ Ковель (т. II, стр. 886). Изданные же въ Кіевѣ акты сообщаютъ множество важныхъ подробностей объ этомъ краснорѣчивомъ и ученомъ мужѣ, который такъ же хорошо владѣлъ саблею, какъ и перомъ. Лѣтъ двадцать прожилъ Курбскій на Волыни, женился тамъ два раза, громилъ татаръ, участвовалъ въ тамошнихъ сеймикахъ, короче сказать—былъ настоящимъ обывателемъ Рѣчи-Посполитой. Упомянутые акты обрисовываютъ передъ нами его домашнюю жизнь, касаются многихъ польскихъ фамилій и представляютъ быть, а также и событія около половины XVI столѣтія. Акты эти относятся не только къ Курбскому, но и къ Волыни. Мы еще такъ мало знаемъ о бытѣ старинной Руси во времена Ягеллоновъ, что съ большимъ сочувствіемъ должны привѣтствовать изданіе кіевскихъ актовъ. Панскіе роды Ярославскихъ, Кмитовъ, Шидловѣцкихъ,

Тарновскихъ, какъ жившіе вблизи Кракова, очень замѣтно отразились въ прошедшемъ Рѣчи-Посполитой. Но существовавшіе на Волини такіе роды, какъ, напримѣръ, роды князей Острожскихъ, Гольшанскихъ, Четвертинскихъ, доставили еще очень мало вкладовъ въ сокровищницу польской исторіи. Помѣстныя права этихъ князей требуютъ еще окончательнаго разъясненія. Послѣ любельской уніи, именно въ царствованіе дома Ваза, въ особенности въ послѣдующія за тѣмъ времена, замѣтно выдаются особенности тогдашняго положенія этого края, такъ какъ въ ту пору Волинь и Подолія были воеводствами Рѣчи-Посполитой, но до 1569 года тамъ возникали княжества почти самостоятельныя, едва лишь подвластныя Литвѣ и Польшѣ. Когда же обрисовалось ясно положеніе этого края, то мы уже не встрѣчаемъ на Руси старыхъ княжескихъ родовъ. Послѣ Острожскихъ все угасло, все вымерло, все разлетѣлось въ прахъ, а потому жизнь Курбскаго и очередь Волини во время Сигизмунда-Августа имѣютъ двоякую важность.

Курбскій является теперь совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. Онъ убѣжалъ изъ Москвы не изъ страха казни, но по собственнымъ своимъ расчетамъ: онъ надѣялся найти для себя въ Польшѣ болѣе блестящую будущность.

Сигизмундъ-Августъ самъ началъ тайную переписку съ Курбскимъ. Быть можетъ, короля прельстила слава знаменитаго побѣдителя татаръ, а быть можетъ—онъ желалъ приобрѣсть себѣ въ лицѣ Курбскаго сильнаго сторонника въ государствѣ московскомъ. Какъ бы то ни было, но Сигизмундъ-Августъ приглашалъ Курбскаго къ себѣ въ Литву. Въ то же самое время и съ тою же самою цѣлью писали къ нему гетманъ Николай Радзивилль и подканцлеръ Евстафій Воловичъ. По всей вѣроятности, отвѣтъ князя былъ благопріятный, такъ какъ король и Радзивилль, спустя нѣкоторое время, вторично просили Курбскаго пріѣхать въ Литву. Сигизмундъ общался Курбскому свое расположеніе, а гетманъ увѣрялъ, что Курбскій въ Польшѣ не будетъ чувствовать недостатка ни въ чемъ. Наконецъ, князь рѣшился покинуть свою родину и съ „желѣзнымъ“, т. е. охраннымъ листомъ, полученнымъ имъ отъ короля, убѣжалъ въ Литву.

Изъ всѣхъ этихъ подробностей можно заключить, что Курбскій долго колебался, но, наконецъ, немилость къ нему царя вынудила его на такой поступокъ, исходъ котораго онъ не предвидѣлъ заранее. Иванъ Грозный ненавидѣлъ Курбскаго, какъ сторонника Адашева, который правилъ нѣкогда московскимъ государствомъ, и царская неприязнь была такъ сильна, что Иванъ забылъ и о побѣдахъ, одержанныхъ Курбскимъ, и о полученныхъ имъ ранахъ. Узнавъ о гнѣвѣ и угрозахъ царя, Курбскій сказалъ своей женѣ:

— Хочешь ли ты видѣть меня мертвымъ, или же разстаться со мною навѣки?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ не труденъ и князь предугады-

валъ его. Онъ простился съ женою и сыномъ и тайно уѣхалъ изъ Дерпта, гдѣ былъ царскимъ намѣстникомъ; городскіе ключи онъ бросилъ въ колодець и съ своимъ вѣрнымъ слугою Василиемъ Шибановымъ отправился въ путь, убѣгая отъ царской злобы. Дорога ему лежала на Вольмаръ, занятый тогда литовцами. Изъ Вольмара онъ написалъ царю свое первое угрожающее письмо, въ которомъ припоминалъ Ивану, что онъ, царь, предстанетъ когда нибудь передъ судомъ Божиимъ за свои прегрѣшенія и поступки. Несчастнѣйшій Шибановъ долженъ былъ ѣхать съ этимъ письмомъ въ Москву, хотя и хорошо зналъ, что тамъ его ожидаетъ, но въ государствѣ московскомъ установилась уже безусловная покорность. На Красномъ крыльцѣ встрѣтилъ вѣрный слуга царя, окруженнаго придворными, и подалъ ему письмо.

— Кто ты такой и кто прислалъ тебя?

— Я холопъ твоего измѣнника, князя Курбскаго, отвѣчалъ Шибановъ.

Иванъ задрожалъ отъ гнѣва, а Шибанова отвели на пытку, но и среди мученій онъ не отрекся ни отъ чего и хвалилъ своего господина.

Съ этого времени началась письменная полемика между царемъ и княземъ, въ которой оба противника не щадили другъ друга. Иванъ приказалъ въ отвѣтъ на письмо Курбскаго написать цѣлую книгу, въ которой обвинялъ его во лжи, въ богоотступничествѣ, въ святотатствѣ, за то, что Курбскій смѣлъ возстать противъ него. Царь Иванъ былъ хорошимъ богословомъ и весьма удачно подводилъ отрывки изъ священнаго писанія, а нѣкоторыя мѣста диктовалъ самъ. Курбскій на это широкое и надменное посланіе кратко отвѣчалъ, что споры на словахъ непристойны для великодушнаго человека. Достаточныя подробности относительно этой полемики находятся въ исторіи Карамзина. Для насъ же важны не письменныя пререканія между царемъ и княземъ, но важны тѣ свѣдѣнія о Волыни и тогдашнемъ общественномъ бытѣ Литвы, которыя сообщаетъ князь Курбскій.

То, о чемъ мы сейчасъ говорили, происходило въ 1564 году. вмѣстѣ съ Курбскимъ пріѣхали къ полякамъ его сторонники и пріятель, съ юныхъ лѣтъ сражавшіеся подъ его предводительствомъ, или принадлежавшіе къ тѣмъ московскимъ родамъ, которые казались подозрительными царю Ивану. Спутниковъ у Курбскаго было не мало. Въ актахъ, изданныхъ Иванишевымъ, упоминаются они въ числѣ двухсотъ человекъ поименно, но сколько же могло быть при этомъ еще и другихъ дворянъ и слугъ¹⁾, которые не вошли въ этотъ перечень?

¹⁾ Дворянами назывались въ Польшѣ бѣдные шляхтичи, служившіе при дворахъ богатыхъ магнатовъ. Они не исполняли черныхъ работъ, но на нихъ возлагались разныя порученія и они входили въ составъ надворныхъ панскихъ войскъ. Ред.

Вскорѣ по прибытіи своемъ на Литву, Курбскій получилъ отъ короля привилегію на королевскія имѣнія. Привилегія эта была выдана 4 іюля 1564 г., въ Бѣльскѣ. Сигизмундъ-Августъ не отдавалъ эти имѣнія въ полную собственность князя, но пожаловалъ ихъ ему только въ видѣ „крулевщизны“¹⁾. Поэтому Курбскій не имѣлъ права ни продать Ковеля, ни завѣщать его въ наслѣдство своимъ дѣтямъ. Для обращенія коронныхъ имѣній въ частныя, необходимо было добыть согласіе сейма, а привилегія, полученная княземъ, была выдана только отъ королевскаго имени, а не отъ государственныхъ чиновъ, почему и пожалованное имѣніе не считалось собственностью, но такой разницы Курбскій, однако, не понималъ. Кромѣ Ковеля, Курбскій получилъ еще старѣство²⁾ Кревское, въ Виленскомъ воеводствѣ. Щедро наградила король бѣглеца-князя, но этотъ послѣдній желалъ еще вступить въ королевскую службу. Въ это время возобновилась война въ Бѣлоруссіи и Курбскій принялъ въ ней участіе. Въ главѣ отряда, состоявшаго изъ двухсотъ пяти человѣкъ, и своихъ спутниковъ, выведенныхъ имъ изъ Москвы, Курбскій бился подъ стѣнами Полоцка, а когда возвратился изъ похода, то былъ введенъ установленнымъ порядкомъ во владѣніе имѣніями ковельскимъ и кревскимъ.

Ковель былъ нѣкогда главнымъ городомъ одного изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ населенныхъ княжествъ, существовавшихъ въ Литвѣ, но, обмѣненный Сангушками на другое имѣніе, былъ обращенъ въ „крулевщизну“. Королева Бона устроила въ Ковелѣ хозяйство и улучшила этотъ городъ развитіемъ въ немъ торговли и промышленности. Курбскій имѣлъ тамъ замокъ; другой, принадлежавшій ему замокъ, находился въ мѣстечкѣ Выжвѣ, въ Милановичахъ былъ у него дворецъ и сверхъ того ему принадлежали двадцать восемь деревень. Изъ Ковеля лѣсъ и хлѣбъ сплавляли въ Данцигъ и Эльбингъ по рѣкамъ Бугу и Вислѣ. Въ Гойтырѣ копали желѣзную руду, и кромѣ того, въ пользу владѣтеля Ковеля поступали огромные доходы съ пчеловодства и охоты. Населеніе въ имѣніяхъ, пожалованныхъ Курбскому, было громадное. Объ этомъ можно заключить изъ того, что когда приходилось нападать на богатаго сосѣдняго пана, то ковеляне могли выставить слишкомъ трехтысячный отрядъ съ пушками, пищалями, рогатинами и т. д. Курбскій раздѣлилъ свое старѣство на три волости, соотвѣтственно числу мѣстечекъ, то есть, на волости: ковельскую, выжвовскую и милановичскую. Для управленія каждою волостью онъ назначилъ особаго урядника изъ своихъ земляковъ, при чемъ

¹⁾ Земли, принадлежавшія казнѣ Рѣчи-Посполитой, которыми распорядился король и которыя онъ имѣлъ право отдавать во временное владѣніе или за заслуги, или по личному своему расположенію къ какому нибудь пану. Ред.

²⁾ Старѣства были такія жалуемыя королемъ имѣнія, въ которыхъ владѣлецъ ихъ былъ правителемъ отъ имени короля и, кромѣ того, исполнялъ обязанности присвоенныя должности комменданта. Ред.

управитель самого Ковеля считался намѣстникомъ или представителемъ князя, собиралъ съ волости доходы и представлялъ князю общій отчетъ о приходѣ и расходѣ.

Курбскій, устроивъ такимъ образомъ пожалованное ему старѣство, отправился зимою 1566 года снова на войну съ Москвою. Онъ сражался въ области Великолуцкой наряду съ королевскимъ войскомъ, состоявшимъ изъ 15,000 литовцевъ. Король Сигизмундъ изъявилъ ему похвалу за его мужество въ бояхъ, а также за вѣрную и полезную службу и, чтобы еще болѣе ободрить его, посылалъ къ нему особыя письма изъ канцелярїи великаго княжества Литовскаго и за печатью этого княжества. Когда Курбскій возвратился съ войны, то нашелъ свое ковельское имѣніе въ страшномъ разстройствѣ. Сосѣди, пользуясь его отсутствіемъ, захватили огромныя пространства пограничной земли, принадлежавшей къ ковельскому старѣству, и поселили на нихъ подвластныхъ имъ людей. Такимъ образомъ, Курбскому предстояли тяжбы съ сосѣдями, да и о самомъ Ковелѣ приходилось ему сильно беспокоиться. Въ помѣстьяхъ его, кромѣ крестьянъ, жила еще помѣстная шляхта и бояре ¹⁾, мѣщане, а также и жида. Шляхта и бояре пользовались правами помѣщиковъ; они владѣли участками земли и деревнями или на ленномъ — временномъ — правѣ, или на правѣ полной собственности, и права эти восходили ко временамъ королевы Боны и князей Сангушковъ.

Шляхта и бояре должны были вооружаться при объявленіи каждаго похода. Мѣщане пользовались магдебургскимъ правомъ и были свободны и лично, и по имуществу. Ремесленники составляли изъ себя цехи, изъ которыхъ каждый имѣлъ свои уставы, свое вооруженіе и свою казну. Жиды, на основаніи королевскихъ привилегій, пользовались также свободою въ мѣстѣ ихъ жительства. Сигизмундъ-Августъ не могъ, ради Курбскаго, отмѣнить преимущества, пожалованныя его предшественниками-королями, и даже не имѣлъ права поступить такимъ образомъ. Поэтому, король предоставилъ ему такую власть, какая была присвоена прежнимъ старѣстамъ—Богдану Симашко, или Франциску Фальчевскому. Однако, князь Курбскій считалъ себя наслѣдственнымъ владѣтелемъ Ковеля, и въ его глазахъ шляхтичъ, мѣщанинъ и жидъ, столь же мало значили, сколько и подвластный ему крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ. Такъ, на примѣръ, въ Милановичахъ онъ запретилъ мѣщанамъ выбирать войта и самъ назначилъ его. Рѣшалъ Курбскій дѣла не на основаніи „Литовскаго Статута“, но на основаніи „Судебника“ царя Ивана. Отсюда происходили безпрестанныя пререканія, почему король, желая положить разомъ конецъ и тяжбамъ и жалобамъ, нашелъ нужнымъ дать Курбскому новую привилегію, которая объясняла бы привилегію перво-

¹⁾ Въ Литвѣ боярами назывались вольные люди, считавшіеся среднимъ сословіемъ между шляхтою и хлопствомъ. Ред.

начальную. Эта новая привилегія помѣчена 24-мъ ноября 1567 года. Въ ней король заявляетъ, что онъ пожаловалъ Курбскому ковельское старѣство только пожизненно, какъ крулевщизну, а не въ наследственное полное владѣніе. Отсюда слѣдовало, что князь не имѣлъ права нарушать привилегіи, данныя ковелянамъ въ прежнее время, такъ какъ онъ только управлялъ коронными имѣніями, которыя даны ему какъ средство для его содержанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ на него возложены были и обязанности и, между прочимъ, онъ обязанъ былъ являться для отправленія военной повинности, какъ и каждый бояринъ, или шляхтичъ литовскій. Курбскій не имѣлъ права ни продать, ни заложить ковельскаго имѣнія. Въ случаѣ его смерти (король и здѣсь оказывалъ князю-бѣглецу особенную милость), старѣство прямо должно было перейти къ его сыну, а въ случаѣ еслибы сыновей не было, то оно возвращалось въ казну. Что же касается привилегій, которыми пользовались жители ковельскаго старѣства, то Курбскій въ этомъ отношеніи былъ только представителемъ короля, съ тою верховною властью, какую имѣлъ король надъ всею Литвою. Но затѣмъ, если самъ Сигизмундъ не имѣлъ право отбирать привилегіи, пожалованныя мѣщанамъ, напримѣръ, жидамъ, то, конечно, тѣмъ еще менѣе властенъ былъ сдѣлать это князь Курбскій.

Понятно, что князь не былъ доволенъ пожалованными ему на такихъ условіяхъ имѣніями, которыя должны были служить замѣнъ принадлежавшихъ ему въ Московскомъ государствѣ громаднѣхъ помѣстій. Въ Литвѣ онъ сталъ только зауряднымъ арендаторомъ. Король, однако, увеличивалъ имѣнія, пожалованныя Курбскому. Такъ, привилегіею, данною 27-го іюня 1568 года, онъ утвердилъ за нимъ ленное право на имѣнія въ Унитской волости, состоявшей изъ 10 деревень и 4000 морговъ ¹⁾ земли, а 23-го ноября того же года пожаловалъ Курбскому деревню Смедынскую.

Вскорѣ Сигизмундъ-Августъ убѣдился, что онъ нашелъ въ Курбскомъ подданнаго съ неуживчивымъ характеромъ, непослушнаго законамъ, надменнаго и безпокойнаго. Быть можетъ, король и раскаявался, но уже поздно, въ томъ, что онъ сманилъ его въ Литву. Курбскій самовольно сталъ именоваться княземъ Ковельскимъ и желалъ имѣть на Волыни такое же значеніе, какое имѣли тамъ князья Острожскіе и Корецкіе. Онъ началъ управлять своимъ старѣствомъ, словно родовымъ имѣніемъ, какъ будто онъ получилъ Ковель въ наследство послѣ Гедеминовичей. Онъ раздавалъ своимъ землякамъ въ собственность деревни и земли безъ всякихъ съ ихъ стороны обязательствъ и, такимъ образомъ, отчуждилъ отъ старѣства Секунь, Шушки и Борки. Изъ подданцевъ своихъ онъ составлялъ свое надворное войско, которое посылалъ въ „наѣзды“ по окрестностямъ. Отъ этого происходили на Волыни постоянныя вооруженныя побоища. Паны

¹⁾ Моргъ—пространство земли, равняющееся почти десятинѣ.

оборонялись отъ Курбскаго, но бѣдная шляхта вынуждена была терпѣть, и Курбскій даже сталъ грозою для нее, а въ отношеніи къ королю оказался неблагодарнымъ. Еще въ 1566 году, царь Иванъ требовалъ отъ короля его выдачи, но благородный сердцемъ король отвѣчалъ, что онъ только тогда выдастъ одного Курбскаго, когда царь возвратитъ королю всѣхъ подобныхъ Курбскому бѣглецовъ изъ Литвы въ Москву, которые тамъ уже давно поселились, какъ, на примѣръ, князей Глинскихъ, Бѣльскихъ, Трубецкихъ, Одоевскихъ, Мосальскихъ и множество другихъ. Курбскій зналъ объ этихъ пререканіяхъ, но тѣмъ не менѣе порочилъ короля, не любилъ состоящихъ въ его дворѣ поляковъ и изъ ненависти къ нимъ порицалъ весь польскій народъ, будто бы выродившійся въ сравненіи съ его славными предками.

На сеймѣ, происходившемъ въ Люблинѣ въ 1569 году, послы обратились къ королю со множествомъ жалобъ на Курбскаго и даже просили, чтобы у него было отобрано старѣство Ковельское. При этомъ раздавались противъ короля голоса за то, что онъ отдалъ такую богатую крулевщизну бѣглому иноземцу—но послѣдній изъ Ягелловъ не поддался ни жалобамъ, ни просьбамъ. Хотя онъ и запретилъ Курбскому дѣйствовать самовольно, но при этомъ заявилъ посламъ, что онъ, король, отдалъ Ковель и Кревь иноземцу только въ временное владѣніе, по весьма важнымъ государственнымъ соображеніямъ. Пользуясь снисходительностію короля, Курбскій невѣжливо, какъ пріѣзжихъ не въ пору гостей, принималъ посланцевъ, пріѣхавшихъ къ нему отъ Сигизмунда-Августа съ королевскими приказаніями.

Въ 1571 году, Курбскій вступилъ въ бракъ съ княжною Марією Гольшанскою, послѣ того какъ узналъ о смерти первой своей жены, оставленной имъ въ Москвѣ. Вслѣдствіе этого, онъ породнился съ знаменитымъ домою Альгимунтовъ, изъ котораго происходилъ извѣстный Павель, епископъ волынской, ревностный защитникъ католичества.

Отецъ Маріи, князь Юрій Гольшанскій, былъ въ супружествѣ съ Марією, урожденною Сангушко. Кіевскіе акты не сообщаютъ о числѣ дѣтей, родившихся отъ этого брака, но зато мы въ нихъ находимъ очень любопытный и занимательный очеркъ жизни княжны Маріи, сдѣлавшейся впослѣдствіи княгиней Курбской. Этотъ очеркъ носитъ на себѣ отпечатокъ романа изъ временъ Сигизмунда-Августа. Извѣстія эти тѣмъ драгоцѣннѣе, что они явились совершенно неожиданно и относятся къ такой личности, которая прежде не была вовсе извѣстна въ исторіи.

Марія Гольшанская была въ первомъ бракѣ за Андреемъ Монтольтомъ и отъ этого брака родила двухъ сыновей, Андрея и Яна. Фамилія Монтольтовъ не встрѣчается въ средѣ волынскаго шляхетства и, по всей вѣроятности, она, какъ литовская, писалась не Монтольтъ, а Монтотъ.

Послѣ смерти перваго мужа, Марія вступила въ супружество съ Михаиломъ Тышковичемъ-Козинскимъ, кастеляномъ луцкимъ, отъ котораго имѣла дочь Варвару, выданную впоследствии за князя Юрія Збаражскаго. У Несѣцкаго эти родственныя связи изложены нѣсколько иначе, но кievскіе акты представляютъ съ своей стороны несомнѣныя доказательства, и потому имъ приходится вѣрить безусловно. Юрій Збаражскій, староста пинскій и сокальскій, былъ женатъ два раза: сперва на Неселовской, дочери воеводы витебскаго, а потомъ на княжнѣ Варварѣ Козинской, изъ рода Сангушковыхъ. По матери же своей Варвара происходила отъ Тышковичей-Козинскихъ. Козинскіе издавна поселились на Волыни и одинъ изъ нихъ былъ кастеляномъ волынскимъ ¹⁾.

Марія Гольшанская, послѣ смерти своего втораго мужа, осталась богатою невѣстою. Отъ Монтольта она получила Жырмоны и Болтеники въ лидскомъ повѣтѣ и Орловкишки въ опшмянскомъ, а отъ Козинскаго — Осмиговичи, близъ Владиміра-Волынскаго. Такимъ образомъ, Марія принесла въ приданое третьему своему мужу, князю Курбскому, обширныя недвижимыя имѣнія, сверхъ богатой движимости, разныхъ драгоценностей, серебра и дорогихъ одеждъ. Въ ея имѣніяхъ — Дубровицахъ и Болтеникахъ, находились огромныя табуны лошадей, которыхъ считалось до 500 штукъ, и кромѣ того, безчисленное множество рогатаго скота и овецъ. Марія была уже не молода и Курбскій женился на ней не по любви, но по расчету; можетъ быть—потому, что молодость уже миновала,—Марія была чрезвычайно набожна. Она всегда имѣла при себѣ евангеліе въ богатомъ, превосходно отдѣланномъ переплетѣ, а также псалтырь, какіянибудь проповѣди, октоихъ и книгу, которую называла „соборникомъ“. Она постоянно носила съ собою ковчежець изъ кипарисоваго дерева; въ ковчежцѣ этомъ хранились образки и частицы мощей. Предметы эти были наслѣдственною святынею князей Гольшанскихъ, которую они получили отъ патріарховъ іерусалимскихъ, пославъ имъ за это большія суммы денегъ, а князь Юрій, по духовному завѣщанію, отдалъ всю эту святыню дочери своей Маріи.

Вступая въ бракъ со вдовою кастеляна Козинскаго, Курбскій роднился съ множествомъ литовскихъ фамилій и такое родство было для него чрезвычайно важно. Онъ входилъ теперь въ близкія родственныя связи съ Сангушками, Збаражскими, Соколинскими, Сапѣгами, Монтольтами и Воловичами. Курбскій женился собственно для обезпеченія своей будущности, не предвидя, что онъ отяготитъ ее этимъ бракомъ. Онъ не разгадалъ своей жены, которая при своей набожности и богатствѣ была свѣтской женщиной и умѣла жить безъ мужа. Въ семействѣ Гольшанскихъ происходили постоянныя столкновенія и

¹⁾ Кастелянъ, владѣлецъ имѣнія, предводительствовалъ мѣстнымъ ополченіемъ; впоследствии должность кастеляна обратилась въ почетное званіе. Ред.

нескончаемые споры объ имѣніяхъ. У Маріи была родная сестра Анна, съ которой она, послѣ смерти родителей, подѣлила пополамъ княжество Дубровицкое. Не могли, однако, сестры поладить между собою на счетъ окончательнаго раздѣла этого имѣнія и, вслѣдствіе этого, у нихъ происходили ссоры и тяжбы.

Понятно, что въ дѣла Анны вмѣшивался мужъ ея Олизарь-Кирдей-Мыльскій. Непріятности возрастали все болѣе и болѣе и повлекли за собою судебное разбирательство по упомянутому имѣнію. Янъ и Андрей Монтольты, сыновья Маріи Гольшанской отъ перваго ея брака, имѣли также право на наслѣдство послѣ нея; они держали сторону своей матери, и такъ какъ были люди предприимчивые и отважные, то не обращали никакого вниманія на тетку и очень часто дѣлали вооруженныя нападенія на ея имѣніе. Они нападали и на своихъ сосѣдей, отыскивая свои права посредствомъ „наѣздовъ“. Въ свою очередь и панъ Олизарь „наѣзжалъ“ на деревни панны Козинской. Кромѣ того, обѣ родныя сестры вели между собою войну, предводительствуя сами вооруженными молодцами. Въ особенности часто предпринимала Анна нападенія на волости своей сестры. Однажды она встрѣтила ее на дорогѣ, напала на нее со своею вооруженною челядью и до-чиста ограбила.

Таково было семейство, съ которымъ теперь князь Курбскій входилъ въ самыя близкія связи. Онъ не предвидѣлъ, что съ 1571 года начнется для него жизнь, полная домашнихъ тревогъ, такъ какъ женитьба его на Маріи еще болѣе усилила раздоры въ семьѣ Гольшанскихъ.

Передъ свадьбою, Курбскій, соблюдая старинный обычай, записалъ въ пользу своей будущей супруги Милановичи и унитскія деревни взаимнѣе принесеннаго ему невѣстою приданаго. Запись эта въ 17,000 копѣ литовскихъ грошей ¹⁾. Съ своей стороны Марія записала въ пользу Курбскаго почти всѣ свои недвижимыя имѣнія, но сдѣлала она это уже послѣ свадьбы, потому что она—какъ сама говорила—убѣдилась въ любви и дружбѣ къ ней своего мужа. Записала она ему Осмиговичи, добровицкія имѣнія, шешельскую волость и Крошты; отдала даже ему всѣ прежнія дѣла и бумаги по этимъ имѣніямъ, что должно было свидѣтельствовать о переходѣ этихъ имѣній въ собственность Курбскаго. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался владѣтелемъ обширныхъ родовыхъ имѣній, часть которыхъ принадлежала къ составу наслѣдства послѣ Гольшанскихъ, а часть наслѣдникамъ Козинскаго. Съ этого времени начинается кровавый споръ между родственниками Маріи и Курбскимъ. Олизарь и жена его Анна стали оказывать Курбскому полное пренебреженіе, нападали на его дворовую

¹⁾ Копѣ называется у поляковъ 60 штукъ однородныхъ предметовъ. Цѣнность литовскихъ грошей была не одинакова въ разное время. Около того времени цѣнность серебрянаго гроша полагалась въ 16 злотыхъ, т. е., въ 15 копѣекъ по нашему монетному счисленію. Ред.

челядь и на его земли, обращались къ нему съ угрозами, выдумывали множество нелѣпостей на него самого и на его жену и даже злоумышляли на его жизнь. Съ этой поры князь сталъ намѣченною жертвою, а имѣнія его сдѣлались мѣстомъ семейной войны.

Курбскій не сумѣлъ погасить начавшагося пожара. Своими поступками онъ не только усилилъ семейные раздоры, но и постоянно надѣдалъ королю. Съ сосѣдами онъ жилъ не въ ладахъ. Однажды, неизвѣстно на какомъ основаніи, онъ учинилъ „наѣздъ“ на Тулицевъ, имѣніе Красинскихъ, вѣроятно, изъ рода Борзобогатыхъ, которые были русскаго происхожденія и не имѣли ничего общаго съ существовавшею въ Мазовіи фамиліею Корвиновъ-Красинскихъ. Обиженные обратились съ жалобою къ королю и добились отъ него рѣшенія, въ силу котораго Курбскій обязанъ былъ немедленно возвратить Тулицевъ Красинскимъ. Курбскій получилъ такое королевское повелѣніе въ ту именно пору, когда король Сигизмундъ-Августъ умеръ въ Кнышинѣ. Вольскій, королевскій посланецъ, долго разъѣзжалъ по Ковельскому староству съ королевскимъ указомъ. Онъ искалъ князя, слуги котораго посылали его изъ одной деревни въ другую, говоря, что князь находится то здѣсь, то тамъ. Въ Милановичахъ гонецъ наткнулся на толпу княжеской дворни, состоявшей изъ московскихъ бѣглецовъ, которые ни за что не хотѣли сказать, гдѣ находился Курбскій. Одинъ изъ этой толпы, Кирилъ Зубцовскій, даже кинулся съ яростью на Вольскаго и допытывался у него—по какому праву онъ разъѣзжаетъ по княжескому имѣнію и что значать эти разъѣзды? При этомъ онъ даже грозилъ королевскому гонцу палкою. Только послѣ множества хлопотъ, Вольскій нашелъ, наконецъ, Курбскаго въ Турейскѣ и хотѣлъ ему вручить королевскій приказъ. Князь при этой встрѣчѣ не обнаружилъ, повидимому, никакого неудовольствія. При немъ въ эту пору былъ князь Константинъ (Василій) Острожскій, воевода кievскій, и много другихъ знатныхъ лицъ изъ волынской шляхты. Курбскій въ присутствіи своихъ гостей сказалъ королевскому посланцу: „Ты, панъ Вольскій, являешься ко мнѣ съ мертвыми указами, потому что если самъ король умеръ, то и всѣ его указы умерли. Вотъ когда ты ко мнѣ прійдешь съ указами отъ живого еще короля, то я ихъ приму отъ тебя съ величайшимъ уваженіемъ, а этихъ мертвыхъ листовъ я отъ тебя не возьму. Впрочемъ, если бы ты даже и отъ живого короля прійхалъ ко мнѣ съ указами, то все же я ни тебѣ, никому другому, Туличева не уступлю“.

Такимъ образомъ, Курбскій въ короткое время научился въ Польшѣ имѣть собственную волю.

Въ то время, когда князь-изгнанникъ проводилъ жизнь среди семейныхъ хлопотъ, не было войны на восточныхъ предѣлахъ Польши. Мечъ Курбскаго покоился въ ножнахъ, да и самъ Курбскій съ своей стороны мало былъ занятъ дѣлами своего новаго отечества. Извѣстно только, что въ 1573 году онъ находился въ Брестѣ на сеймѣ, среди

многочисленнаго собранія волинскихъ пановъ, и что тамъ онъ былъ избранъ посломъ на варшавскій сеймъ, собиравшійся для элекціи новаго короля. Не видно, однако, чтобы Курбскій ѣздилъ на берега Вислы, а также чьей стороны онъ въ это время держался. Спустя два года послѣ этого, онъ во главѣ отряда сѣвшилъ на бой съ татарами, напавшими на Волюнь.

Въ это время домашняя война начала принимать неблагопріятный оборотъ для Курбскаго. Янъ и Андрей Монтольги подбучили одного изъ княжескихъ слугъ (Гинейку) украсть и отдать имъ бланкеты съ печатью и за подписью князя, а также и его жены, матери Монтольтовъ. Они хотѣли устроить вотчиму какой нибудь подвохъ, такъ какъ совершенно потеряли надежду одолѣть его наѣздами или какою либо другою съ нимъ расправою. Ненависть съ обѣихъ сторонъ еще болѣе усилилась, когда въ 1576 году княгиня Курбская написала завѣщаніе, которымъ подтвердила всѣ свои прежнія распоряженія относительно своихъ имѣній и всѣ принадлежавшія ей на нихъ права перевела на мужа. Княгиня, такимъ образомъ, лишила наслѣдства и своихъ дѣтей, и своихъ родственниковъ, заявивъ въ завѣщаніи, что она никогда не записывала и никогда не запишетъ своихъ имѣній никому другому, какъ только своему мужу. Дѣтямъ она оставляла одну только деревеньку въ Литвѣ, передавъ ее своему сыну Андрею; она же оставляла также обоимъ сыновьямъ еще двѣ другіе деревни, Жирмоны и Орловкишки, бывшія, впрочемъ, въ закладѣ. Деревни эти она разрѣшила сыновьямъ выкупить и управлять ими, но не иначе, какъ сообща, безъ всякаго раздѣла между обоими братьями.

Такимъ образомъ, Курбская отдала во власть мужа не только всѣ свои имѣнія, но и самую себя, въ чемъ вскорѣ ей привелось раскаяться. Мужъ ея, какъ изгнанникъ, вель на Волюни печальную жизнь, какъ онъ самъ выражался, среди людей тяжелыхъ и крайне негостепріимныхъ. Онъ никоимъ способомъ не могъ сжиться съ шляхтою и освоиться съ тѣмъ положеніемъ, какое ему теперь предстояло; онъ тосковалъ о родинѣ, оплакивалъ потерю матери и жены, которыхъ онъ оставилъ въ Москвѣ и которыя умерли изъ-за него въ заключеніи. Оплакивалъ онъ и единственнаго сына, умершаго также въ неволѣ. Не находя никакого развлеченія, Курбскій посвятилъ свою жизнь наукамъ. Онъ началъ обучаться латинскому языку, заниматься философіею Аристотеля и переводилъ на церковно-славянскій языкъ проповѣди Іоанна Златоуста. Сотрудникомъ своимъ онъ принялъ московскаго, какъ и онъ самъ, выходца, князя Михаила Оболенскаго, который обучался въ Краковской академіи; но и Оболенскій не сошелся съ Курбскимъ и, оставивъ домъ, жену и дѣтей, поѣхалъ въ Италію для дальнѣйшаго занятія науками.

Понятно, что образъ жизни Курбскаго скоро наскутилъ его женѣ Маріи, женщиной свѣтской. Чтобы освободить себя изъ подъ тяжелой неволи угрюмаго москаля, княгиня Курбская отважилась на рѣши-

тельный шагъ, и съ этою цѣлью ночью, взломавъ ящики, похитила документы на Дубровицкое имѣніе и отослала ихъ къ своему сыну Яну Монтольту. Это означало, что княгиня хотѣла уничтожить силу прежней записи, сдѣланной ею на имя мужа. Курбскій обшарилъ весь дворецъ, но нигдѣ не нашелъ пропавшихъ бумагъ. Онъ нашелъ только мѣшечекъ съ пескомъ, волосами и другими чародѣйскими снадобьями, которыя держала при себѣ княгиня для того, чтобы мужъ любилъ ее. Талисманъ этотъ она достала отъ какой-то старухи. Княгиня имѣла сношенія съ своими сыновьями, и поэтому Курбскаго ожидали новыя непріятности и потери. Князь посадилъ свою жену въ темницу, находившуюся въ ковельскомъ замкѣ, но это нисколько не помогло. Марія, которая уже окончательно сошлась со своими сыновьями, прискала способъ, чтобы черезъ одного игумена изъ Вежбца (небольшой деревни, входившей въ составъ Ковельскаго старѣства) и черезъ нищихъ передать Андрею Монтольту свою просьбу, чтобы онъ освободилъ ее изъ темницы или хитростію, или силою. Сынъ, тронутый несчастіемъ матери, рѣшился убить вотчима въ открытомъ бою, но, тѣмъ не менѣе, опасаясь послѣдствій своего нападенія на Ковельскій замокъ. Поэтому онъ, собравъ толпу своихъ слугъ, развѣзжалъ по всѣмъ окрестнымъ дорогамъ, отыскивая намѣченную имъ жертву. Но ему что-то не везло: или князь былъ слишкомъ остороженъ, или Монтольтъ былъ такъ несчастливъ, но онъ никакъ не могъ наткнуться на желанную добычу. Онъ, впрочемъ, сдѣлалъ наѣздъ на Скулинскую волость, принадлежавшую его вотчиму, ограбилъ деревни, сжегъ запасы лѣса, приготовленные для сплава въ Данцигъ, нахваталъ крестьянъ и мучилъ ихъ, допытываясь, гдѣ находится князь Курбскій. Въ то же время онъ потребовалъ своего вотчима къ суду, а владимірскому градскому суду заявилъ, что изъ дошедшимъ до него извѣстій узналъ, что Курбскій билъ свою жену, мучилъ ее и морилъ голодомъ въ ужасной темницѣ. Чтобы убѣдиться въ справедливости такого заявленія, судъ послалъ въ Милановичи вознаго съ свидѣтелями ¹⁾. Курбскій былъ въ это время такъ нездоровъ, что даже лежалъ въ постели, а жена сидѣла близъ него на лавкѣ. Возный вошелъ къ князю и объявилъ причину своего пріѣзда.

— Вѣдь видишь ты, панъ возный,—отвѣчалъ ему Курбскій—что жена моя сидитъ въ добромъ здоровьѣ, а дѣти ея взводятъ на меня небывальщину. Затѣмъ, обращаясь къ женѣ, онъ сказалъ: — отвѣчай же сама, княгиня.

Марія, проговоря что-то, такъ отозвалась на слова мужа: „да что же мнѣ говорить, князь, вѣдь возный и самъ видитъ, что я сижу“.

Тогда Курбскій, въ свою очередь, добавилъ: „давно ужъ Мон-

¹⁾ Должность вознаго соответствуетъ должности нынѣшнихъ судебныхъ приставовъ. Ред.

толыты морять свою мать, а она все-таки жива, да и меня еще похоронить“.

Когда сдѣланное суду заявленіе не помогло, то Янъ Монтольтъ принесъ жалобу королю. Онъ жаловался на то, что Курбскій жестоко обращается со своею женою, что неправильно овладѣлъ ея движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, что принудилъ ее дать ему нѣсколько десятковъ бланкетовъ съ ея печатью и подписью и, освободивъ себя такимъ образомъ отъ всякой отвѣтственности, теперь самъ распоряжается ея имѣніями по собственному своему произволу. Курбскій былъ вызванъ къ королевскому суду и въ 1578 году долженъ былъ, вмѣстѣ съ женою, явиться во Львовъ. Въ то же самое время, княгиня Курбская вела съ сестрою своею Анною и Олизаромъ-Кирдеемъ-Мыльскимъ тяжбы по 200 выписямъ изъ актовъ, касавшихся Дубровицкаго княжества. Не дожидаясь по этимъ дѣламъ королевскаго рѣшенія, обѣ стороны покончили дѣло полюбовнымъ между собою соглашеніемъ.

Королевскій судъ высказалъ мнѣніе, что Курбскій долженъ развестись съ своею женою. Разводы въ ту пору въ Литвѣ были не затруднительны. Если мужъ и жена взаимно соглашались расторгнуть заключенный между ними брачный союзъ, то разводъ устанавливался самъ собою. На этомъ основаніи, Курбскій безъ труда достигъ расторженія брака отъ владимірскаго епископа Феодосія, хотя, собственно, по каноническому правилу, никакихъ причинъ къ разводу не существовало. Покончивъ такимъ образомъ семейный раздоръ, Курбскій очень учтиво выпроводилъ изъ дому Марію въ повозкѣ, запряженной четверкою ретивыхъ коней. Но разводъ не примирилъ Курбскаго съ жениною роднею и не прекратилъ споровъ, поводы къ которымъ возникали безпрестанно.

По каноническимъ правиламъ, Курбскій не могъ вступить въ новый бракъ до тѣхъ поръ, пока была жива его жена. Не смотря, однако, на это, Курбскій въ 1579 году обручился съ дочерью Петра Симашки, Александрю, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года справилъ свою свадьбу во Владимірѣ. На другой день послѣ этого, онъ подарилъ женѣ половину одной изъ принадлежавшихъ ему волостей, такъ какъ онъ взялъ за нею въ приданое только 800 копѣ грошей. Устарѣвшій уже Курбскій былъ очень доволенъ своею молодою женою. Въ завѣщаніи своемъ онъ постоянно называетъ ее „любезною супругою“ и пишетъ, что Александра служила ему усердно, была вѣрна и вела себя честно. Дѣйствительно, во время болѣзни Курбскаго, молодая княгиня заботливо ухаживала за своимъ мужемъ и не жалѣла денегъ, чтобъ возстановить его здоровье.

Не долго, однако, привелось Курбскому пользоваться наступившимъ для него супружескимъ счастьемъ. Въ 1579 году, онъ сталъ готовиться къ походу на Москву. Курбскій долженъ былъ отправиться слѣдомъ за королемъ со своими боярами и московскими перебѣжчи-

ками. Въ апрѣлѣ онъ вѣнчался, а въ іюлѣ былъ уже готовъ идти на войну. Курбскій нанялъ 86 казаковъ и 14 гусаръ и этотъ вооруженный конвой онъ присоединилъ къ отряду, составленному изъ княжескихъ слугъ и бояръ. Предводительствуя этою дружиною, Курбскій, на ряду съ польскимъ войскомъ, сражался подъ Полоцкомъ и вмѣстѣ съ поляками праздновалъ побѣды Баторія. Радость, какую Курбскій чувствовалъ вслѣдствіе этихъ побѣдъ, онъ выразилъ въ двухъ письмахъ, отправленныхъ имъ къ царю Ивану послѣ взятія поляками Полоцка и Сокола. Письма эти были отвѣтомъ на новое, въ 1577 году, задирательство царемъ Курбскаго, которому Иванъ грозилъ гнѣвомъ Божиимъ.

Упомянутыя побѣды были для Курбскаго послѣднимъ торжествомъ. Съ этого времени и до самой смерти онъ испытывалъ горе и неудачи. Король приказалъ произвести воинскій наборъ въ староствѣ Ковельскомъ. Князь увидѣлъ теперь ясно свои отношенія къ государю, такъ какъ оказалось, что въ Ковелѣ онъ былъ только старостою, управителемъ, арендаторомъ, а собственникомъ этого имѣнія была Рѣчь-Посполитая. Курбскій былъ весьма чувствительно затронутъ упомянутымъ королевскимъ распоряженіемъ, которое ставило его въ уровень съ безпомѣтною шляхтою, такъ какъ ему не были предоставлены наслѣдственные права на пожалованное имѣніе. Онъ оказалъ рѣшительное сопротивление королевской волѣ, не допустивъ отправленнаго въ Ковель ротмистра набирать въ староствѣ копейщиковъ. Онъ хотѣлъ быть наслѣдственнымъ господиномъ въ волости, данной ему Сигизмундомъ-Августомъ. Тогда король отправилъ, 20-го іюля 1580 года, къ Курбскому грозный приказъ безъ обычнаго въ то время вѣжливаго и ласкательнаго привѣтствія. Король называлъ князя „державцемъ“, а Ковель отчиною короны. Стефанъ Баторій требовалъ ослушника къ суду, грозилъ ему лишеніемъ всѣхъ правъ и отнятіемъ помѣстья за непокорность передъ закономъ и за умыселъ причинить ущербъ Рѣчи-Посполитой. Неизвѣстно, какимъ способомъ Курбскій успѣлъ умиловать Баторія; извѣстно только, что въ 1581 году князь снова сражался съ русскими въ рядахъ королевскихъ войскъ. Онъ вооружилъ значительный отрядъ на свой собственный счетъ, а не на счетъ тѣхъ податей, которыя онъ вносилъ въ казну съ Ковельскаго старобства. Съ своей стороны, король отъ 20-го іюля 1581 года приказалъ судамъ приостановить на время похода всѣ тяжбы дѣла Курбскаго. Отправляясь на войну, князь, уже состарѣвшійся и удрученный ранами, написалъ свое первое завѣщаніе 5-го іюля 1581 года. Согласно съ разъясненіемъ привилегій, сдѣланнымъ Сигизмундомъ Августомъ въ 1567 году, Ковель могъ перейти только по мужскому колѣну, т. е., отъ Курбскаго къ его сыну, но Курбскій имѣлъ въ ту пору только одну дочь Марину, родившуюся отъ княгини Александры въ 1580 году. Въ противность упомянутому королевскому распоряженію, Курбскій завѣщалъ Ковель дочери, хотя, послѣ смерти

его и при неимѣнии у него сыновей, старѣство это должно было быть возвращено въ казну. Милановичи онъ отдалъ въ пожизненное владѣніе своей женѣ, также въ противность закону. Опекуномъ своей семьи Курбскій назначилъ князя Константина Острожскаго, который былъ великимъ кравчимъ литовскимъ, и отдавалъ ему по завѣщанію, въ знакъ дружбы, свое вооруженіе: панцырь, шпашакъ и позолоченные наручники, а своему пріятелю и слугѣ Зубцовскому, перебѣжчику изъ Москвы, саблю, оправленную въ серебро. Распорядившись на случай своей смерти будущностью своей семьи, Курбскій, во главѣ своего отряда, поспѣшилъ къ Пскову, подъ которымъ стоялъ въ то время Баторій. Но, достигнувъ границы Руси, онъ тяжело захворалъ и принужденъ былъ лечь въ постель въ Криницахъ, своемъ литовскомъ помѣстьи; отрядъ свой онъ отправилъ впередъ подъ начальствомъ Кирилы Зубцовскаго, который долженъ былъ направиться къ Полоцку и принять участіе въ осадѣ этого города. Отрядъ Курбскаго бился мужественно подъ стѣнами этого города, но самъ Курбскій не могъ уже сражаться противъ царя Ивана.

Въ это время на Курбскаго обрушилась новая бѣда. Марія Гольшанская, воспользовавшись нерасположеніемъ короля къ ея бывшему мужу, привлекла его къ суду. Она подала Стефану Баторію жалобу, въ которой обвиняла Курбскаго въ неправильномъ разводѣ съ нею, требовала съ князя удовлетворенія за нанесенную ей обиду и возвращенія самовольно присвоеннаго имъ собственнаго ея имѣнія. Она представила подробную опись всего недвижимаго имущества, оставленнаго въ Ковелѣ, не позабывъ перечислить въ подробности даже горшковъ, рожновъ и сквородъ. По вопросу о разводѣ король направилъ Гольшанскую къ митрополиту на судъ духовный, а относительно суда по имущественному иску приказалъ воздержаться до рѣшенія дѣла о разводѣ, такъ какъ дѣло это зависѣло отъ мнѣнія, какое выскажетъ кievскій владыка. Курбскій очутился теперь въ страшномъ положеніи: онъ развелся съ одною женою безъ всякой причины и вступилъ въ новый бракъ въ противность каноническихъ правилъ. Поэтому, рѣшеніе, постановленное митрополитомъ, могло имѣть для Курбскаго и для его дѣтей самыя плачевныя послѣдствія. Очевидно было, что Гольшанская домогалась не того, чтобы были восстановлены ея супружескія права, но хотѣла только досадить князю, разлучивъ его силою закона съ Александромъ. Въ день, назначенный для явки на судъ митрополита, Курбскій заявилъ, что онъ боленъ и что, поэтому, въ судъ прибыть не можетъ. Возный, отправленный для освидѣтельствованія его, представилъ удостовѣреніе, что князь дѣйствительно лежитъ въ тяжкой болѣзни. Передъ вознымъ Курбскій, находясь въ постели, заявилъ, что онъ на походѣ захворалъ въ Криничинѣ, что онъ съ трудомъ былъ привезенъ въ Милановичи и что до сихъ поръ онъ выздоровѣть не можетъ. Марія снова пожаловалась королю, а митрополитъ написалъ большой докладъ по

этому дѣлу и отправилъ его къ Стефану Баторію съ нарочнымъ гонцомъ. Въ то время митрополитомъ былъ Онисифоръ Дѣвочка, по гербу Сырокомля. Митрополитъ заявлялъ, что, по его мнѣнію, разводъ Курбскаго съ Марією былъ незаконный, въ противность основаніямъ св. писанія и правиламъ отцовъ церкви, такъ какъ ни мужъ, ни жена не представили достаточныхъ, т. е. каноническихъ, причинъ для расторженія брака, и что Курбскій, во всякомъ случаѣ, не имѣлъ права жениться до тѣхъ поръ, пока была жива прежняя его жена Марія Гольшанская.

Подвластные Курбскому бояре заявили также противъ него свои давнишнія неудовольствія и обратились къ королю съ жалобами. Они говорили, что Курбскій не имѣетъ права отнимать у нихъ земли, но что онъ дѣлаетъ это и отнятыя земли роздаетъ своимъ боярамъ; они злобились на него за то, что онъ увеличилъ прежнія и налагаетъ еще новыя на нихъ повинности. Король, выслушавъ эти жалобы, постановилъ, чтобы безъ малѣйшаго промедленія послать Курбскому приказъ, уже въ послѣдній разъ пригрозивъ ему. Король Стефанъ не любилъ допускать какого либо беззаконія.

Королевскій указъ пришелъ къ Курбскому въ то время, когда даже дворяне, приведенные имъ изъ Москвы, начали измѣнять ему и покидать его. Курбскій уже чувствовалъ приближеніе смерти, и 24-го апрѣля 1583 года написалъ вторичное завѣщаніе. Въ этомъ завѣщаніи говорилось, прежде всего, о погребеніи и поминкахъ, а потомъ шла просьба къ королю Стефану. Курбскій, подавленный горемъ и предвидя тѣ несчастія, которыя угрожали въ будущемъ его семьѣ, оставшейся безъ опеки и защиты, упалъ духомъ. Онъ, нѣкогда до того гордый князь, что называлъ указы Сигизмунда Августа мертвыми листами, въ завѣщаніи своемъ подписался „нижайшимъ подножіемъ и слугою королевскимъ“. Въ это время князь Курбскій имѣлъ сына, родившагося въ 1582 году отъ княгини Александры. Все свое имѣніе онъ раздѣлил между женою и сыномъ и поручилъ ихъ, какъ сиротъ, опекѣ короля; при этомъ онъ напомнилъ Стефану, что получилъ Ковель и другія имѣнія не какъ бѣглець, выпросившій себѣ подаваніе, но въ слѣдствіе предварительнаго условія съ королемъ и взаимнѣ наслѣдственныхъ волостей, которыя принадлежали ему въ Московскомъ государствѣ и къ оставленію которыхъ его склонили слова Сигизмунда-Августа и присяга литовскихъ сенаторовъ. Написавъ завѣщаніе, Курбскій отправился въ Ковель, гдѣ онъ и умеръ въ половинѣ мая мѣсяца 1583 года. Тѣло его было погребено въ Вежбцѣ, въ монастырѣ св. Троицы, гдѣ и былъ найденъ его надгробный памятникъ.

Закончимъ нашъ рассказъ о жизни князя Курбскаго на Волыни краткимъ извѣстіемъ о судьбѣ его дѣтей, рожденныхъ въ Польшѣ. При этомъ мы воспользуемся гербовникомъ Несѣцкаго, дополненнымъ Кояловичемъ.

Устрялову не было ничего извѣстно о двукратныхъ бракахъ Курбскаго на Волыни. Онъ зналъ только, что Курбскій жилъ неладно со своею женою-литвинкою и развелся съ нею. Онъ называетъ эту жену не княжною Гольшанскою, но княжною Дубровицкою, и говоритъ, что она была двоюродною сестрою Евстафія Воловича, знаменитаго канцлера въ королевствованіе Стефана Баторія. Мы не можемъ справиться объ этомъ по имѣющимся у насъ источникамъ, но самое показаніе Устрялова, что жена Курбскаго была княжна Дубровицкая и владѣла Дубровною, какъ наслѣдственной собственностью, дало намъ поводъ предполагать, что Гольшанскіе могли быть одного рода съ князьями Дубровицкими и получить послѣ нихъ наслѣдственныя имѣнія на Волыни. Впослѣдствіи догадка эта подтвердилась вполне.

У Несѣцкаго о Дубровицкихъ находится только десять строкъ, а родословія ихъ онъ даже вовсе не касается. Такъ какъ объ фамилии, и Гольшанскіе и Дубровицкіе, были одного происхожденія, то ничего нѣтъ удивительнаго, если князья Гольшанскіе называются въ хроникахъ князьями Дубровицкими. На такомъ основаніи и Марія Курбская называлась княжною Дубровицкою, по имени принадлежавшей ей наслѣдственной волости, хотя она и была дочь Юрія Гольшанскаго. У Несѣцкаго не встрѣчается князя Юрія, отца Маріи, и потому мы не можемъ указать съ достовѣрностью степень родства, существовавшая между ними и епископомъ виленскимъ Павломъ, но въ родословной Дубровицкихъ, хотя и очень краткой, встрѣчаются два Юрія. Изъ нихъ одинъ былъ воеводою кievскимъ, а потомъ трокскимъ, и назывался также Янушемъ. Онъ умеръ въ 1549 году. Другой былъ убитъ татарами въ 1503 году. Быть можетъ, одинъ изъ нихъ и былъ отцомъ Маріи ¹⁾).

Устряловъ, слѣдуя Несѣцкому, говоритъ, что у князя Андрея Курбскаго было три сына и одна дочь; сыновья назывались Дмитрій, Андрей и Янъ, но имени дочери онъ привести не могъ. Въ кievскихъ же актахъ упоминается только дочь Марина и сынъ Дмитрій; о двухъ же младшихъ сыновьяхъ Курбскаго, изъ которыхъ одинъ— Андрей-на-Краничинѣ, былъ маршалкомъ упитскимъ, а другой— Янъ судьбою въ той же мѣстности, мы не можемъ сказать ничего достовѣрнаго. Дочь Курбскаго Марина, имени которой не знали ни Несѣцкій, ни Устряловъ, вышла замужъ за Михаила Кунцевича, по гербу Лабендзь, который былъ сынъ конюшаго литовскаго Якуба отъ брака съ Сапегою. Это свѣдѣніе встрѣчается у Несѣцкаго втѣстѣ съ родословіемъ Кунцевичей. Дмитрій былъ, по словамъ Нѣсецкаго и Устрялова, маршалкомъ упитскимъ. Кажется, что дѣти Курбскаго переимѣнили греческую вѣру на латинскую, но они, какъ и ихъ отецъ,

¹⁾ По всей вѣроятности, Марія была дочь перваго изъ упомянутыхъ князей, такъ какъ трудно допустить, что Марія была старше Курбскаго по крайней мѣрѣ 25 годами. Ред.

постоянно тосковали о Москвѣ и, вѣроятно, тоску о родной сторонѣ они усвоили себѣ вмѣстѣ съ воспитаніемъ, хотя и родились на Волыни, а по своимъ должностямъ и родственнымъ связямъ были литовцы. Хотя одинъ изъ сыновей Дмитрія носилъ латинское имя Каспара, но тѣмъ не менѣе, онъ 15 февраля 1687 года, писалъ къ князю Голицыну, любимцу царевны Софіи, отправляя къ нему двоихъ сыновей на царскую службу. Сыновья Каспара назывались Якубъ и Александръ. Оба они уѣхали въ Москву; тамъ они умерли, а съ ними угасъ знаменитый родъ князей Курбскихъ. Объ Александрѣ намъ извѣстно, что онъ принялъ снова вѣру своихъ праотцовъ и сталъ называться Яковомъ.

Что касается второй жены князя Курбскаго, Александры, то кievскіе акты сообщаютъ на счетъ ея нѣкоторыя подробности. Молодая и красивая княгиня, по смерти мужа, предалась удовольствіямъ; она какъ будто желала вознаградить скучную и однообразную жизнь, проведенную ею у изголовья старца. Курбскій оставилъ послѣ себя долги. Вдова его не думала вовсе объ уплатѣ ихъ, и когда у нея оказался недостатокъ въ деньгахъ, то она умѣла отнимать у слугъ и дворянъ земли, данныя имъ ея мужемъ. Повидимому, со стороны Гольшанской Александра не испытывала никакихъ хлопотъ, такъ какъ Курбскій въ своемъ завѣщаніи заявилъ, что онъ окончательно примирился съ первою своею женою. Духовныя власти не поднимали вопроса о незаконности втораго брака Курбскаго, по той причинѣ, что князя не было уже на свѣтѣ.

Вдовѣ его жилось весело при Стефанѣ Баторіи. Но Сигизмундъ III нанесъ семьѣ Курбскаго жестокой ударъ. Въ 1588 году, онъ взялъ въ казну имѣніе Борки, входившее въ составъ Ковельскаго старѣства, а вскорѣ послѣ того объявилъ, что покойному Курбскому было предложено только ленное право на упомянутое старѣство, которое никоимъ образомъ не могло перейти къ его сыну, почему оно и было признано коронною собственностью.

О судьбѣ сотоварищей Курбскаго встрѣчается немало любопытныхъ подробностей, которыя представляютъ интересъ для польской шляхты и бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на положеніе польско-русскихъ земель въ концѣ XVI столѣтія.

Первымъ товарищемъ и пріятелемъ Курбскаго былъ Иванъ Калыметъ. Курбскій въ своихъ письмахъ не разъ отзывался о немъ съ большими похвалами. Онъ далъ Калымету двѣ деревни и назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ Ковелѣ. Калыметъ былъ богатъ; одѣвался щегольски и постоянно носилъ саблю въ позолоченой оправѣ. Саблю эту онъ купилъ въ Константинополѣ. Бархатъ, атласъ, дорогіе каменья, покрывали его съ головы до ногъ. Калыметъ былъ храбръ и вмѣстѣ съ Курбскимъ сражался подъ Полоцкомъ и Великими-Луками. Онъ не признавалъ надъ собою ничьей власти, кромѣ власти Курбскаго. Когда однажды возный привезъ ему королевскій указъ,

то Калыметъ закричалъ: „зачѣмъ ты привезъ мнѣ этотъ указъ? Я королю не служу, а служу князю, моему господину“. Этотъ вѣрный слуга очень часто ѣздилъ во Владиміръ по дѣламъ князя и по своимъ собственнымъ. Тамошніе горожане ненавидѣли его и одинъ разъ, въ 1571 году, всѣ они, съ войтомъ во главѣ, возстали противъ Калымета. Забили въ набать, заперли городскія ворота и хотѣли убить Калымета, который едва спасся отъ смерти. Затѣмъ, 9-го марта, напалъ на него князь Дмитрій Булыга и убилъ его. Курбскій очень горевалъ по этому случаю и привлекъ Булыгу къ суду. Дѣло это пошло въ ходъ обыкновеннымъ порядкомъ и, наконецъ, 5-го мая Курбскій лично явился во владимірскій судъ. Неявившійся же Булыга былъ заочно приговоренъ къ уплатѣ 1655 копъ, 50 грошей и 4 шелѣнговъ за содѣянное имъ преступленіе и за ущербъ, понесенный вслѣдствіе этого родственниками убитаго. Кромѣ того, его отправили въ королевскій судъ, по приговору котораго Булыга могъ быть очень легко подвергнутъ смертной казни. Но обѣ стороны примирились между собою при посредничествѣ князя Константина Острожскаго, воеводы кіевскаго. Примиренію этому весьма много способствовали Василій Захаровскій, кастелянъ брацлавскій, и Николай Лысковскій, кастелянъ хельмскій. Булыга заплатилъ Курбскому 600 копъ литовскихъ грошей и вдобавокъ отсидѣлъ годъ и шесть мѣсяцевъ во владимірской тюрьмѣ.

Послѣ смерти Калымета, братъ его Михайлъ получилъ отъ Курбскаго привиллегію на имѣнія Секунъ и Шушки. Михайлъ служилъ также подъ начальствомъ Курбскаго и сражался подъ Полоцкомъ и Великими Луками. Въ Литвѣ онъ былъ казначеемъ Курбскаго. Жена у него была на Екатеринѣ, дочери ковельскаго войта Матыза Трушеовскаго. Въ Секунѣ онъ построилъ церковь во имя Михаила Архангела и умеръ въ 1588 году. Въ завѣщаніи своемъ онъ просилъ князя Константина Острожскаго быть помощникомъ и опекуномъ его осиротѣлой семьи, въ награду за усердную и полезную службу Рѣчи-Посполитой. Умеръ Михайлъ Колыметъ въ нуждѣ. Онъ вынужденъ былъ заложить два свои серебряные пояса жидовкѣ Вихнѣ, а третій серебряный вызолоченный—какому-то жиду.

Не посчастливилось въ Польшѣ и Кирилу Зубцовскому. Приѣхавъ на Волынь, онъ вступилъ въ бракъ съ княжною Марією Полубенскою, и вслѣдствіе этого брака породнился съ княземъ Курбскимъ. Послѣ смерти Ивана Калымета, Зубцовскій управлялъ ковельскимъ староствомъ. Въ завѣщаніи своемъ, Курбскій назначилъ его главнымъ управителемъ своихъ литовскихъ имѣній и завѣщалъ ему свою саблю. Въ то время Зубцовскій сражался подъ Псковомъ, предводительствуя отъ имени Курбскаго его дружиною. Стефанъ Баторій назначилъ Зубцовскаго за оказанное имъ мужество чуцкимъ городничимъ. Онъ оставался на этой должности до самой смерти и даже однажды предсѣдательствовалъ въ земскомъ судѣ по случаю отсутствія настоящаго

судьи. Умеръ онъ въ 1595 году и былъ погребенъ въ Веждѣ рядомъ съ Курбскимъ.

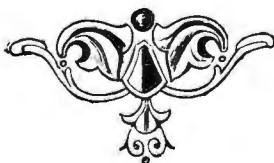
Петра Вороновецкаго убилъ Иванъ Посникъ-Туровицкій. Оба они были дворянами Курбскаго и убійца не избѣгнулъ кары. Однажды онъ вмѣстѣ съ женою Ѳедорою былъ въ гостяхъ у своего тестя, волынскаго шляхтича Яна Перевѣскаго, и въ то время, когда онъ въ свѣтлицѣ спокойно бесѣдовалъ съ другими гостями, вдругъ съ толпою вооруженныхъ людей появился шляхтичъ Зенько Човгаръ Тупальскій и, какъ бѣшеный, бросился на Посника, который упалъ отъ сдѣланнаго въ него выстрѣла. Напрасно Ѳедора обороняла своего мужа: пуля пробила ему грудь на вылетъ, ему отрубили ноги, а голова у него была пробита въ двухъ мѣстахъ. Въ такомъ видѣ 12-го мая 1585 года нашель возный тѣло Посника.

Андрея Барановскаго, который жилъ въ Боркахъ, на самой сѣверной границѣ ковельскаго старѣства, подвластные ему крестьяне заперли въ клѣтъ и тамъ сожгли съ женою, дѣтьми и челядью, за что и были, по приговору суда, казнены смертью.

Прочіе московскіе выходцы окончили жизнь также неестественною смертью—одни изъ нихъ прекратили ее самоубійствомъ, а другіе умерли искалѣченными. О нѣкоторыхъ же изъ нихъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Такимъ образомъ, съ 1564 и по 1588 годъ, слѣдовательно въ теченіе двадцати лѣтъ, Курбскіе владѣли ковельскимъ старѣствомъ. Это совершенно новый фактъ для мѣстной исторіи.

Интересны свѣдѣнія, сообщаемыя Несѣцкимъ о гербѣ Курбскаго. Въ гербѣ этомъ былъ изображенъ левъ, стоящій на заднихъ лапахъ съ поднятыми вверхъ передними лапами и обращенный головою и всѣмъ тѣломъ въ лѣвую сторону. Кояловичъ говоритъ, что Курбскіе были однородцами съ Огинскими и Пузинами ¹⁾.

¹⁾ Въ томъ смыслѣ, что обѣ польскія фамиліи—Огинскіе и Пузины — происходятъ отъ Рюрика, замѣчаніе Кояловича вѣрно, но тѣмъ не менѣе, Курбскіе представляли собою отдѣльную самостоятельную отрасль Рюриковичей. Ред.

РАСКОПКИ НА ОСТРОВѢ КИПРѢ.

АМЕРИКАНСКОМУ консулу на островѢ КипрѢ — Людвигу ПальмѢ, родомѢ изъ Чеснолы (Cesnola), удалось собрать замѣчательную коллекцію предметовъ античнаго искусства и быта, найденныхъ имѢ путемъ раскопокъ на КипрѢ. Благодаря его неутомимой энергіи и трудолюбію, эти сокровища не остались погребенными для историко-археологической науки. Заслуги Чеснолы въ этой области оцѣнены глубокими знатоками. По словамъ Георга Эберса, „приведеніемъ въ извѣстность древностей Кипра наука обязана главнымъ образомъ ЧеснолѢ. ЧтѢ сдѣлано Лэйардомъ для Вавилона и Ниневіи, Маріеттомъ для Египта, Шлиманомъ для Иліона и Микенъ, то Чеснола сдѣлалъ для Кипра. Въ дѣлѢ раскопокъ, его имени принадлежитъ почетное мѣсто“.

Вотъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній объ этомъ дѣятелѢ на поприщѢ исторической науки.

Людвигъ Пальма еще въ молодыхъ лѣтахъ переселился изъ своей родной деревеньки, Чеснолы, въ Соединенные Штаты. Онъ скоро успѣлъ достигнуть виднаго положенія. Во время войны за освобожденіе невольниковъ, онъ служилъ въ американскихъ войскахъ и получилъ чинъ генерала. Назначенный въ 1866 году, при ЛинкольнѢ, американскимъ консуломъ на островъ КипрѢ — постъ незначительный, такъ какъ американцы имѣютъ очень мало дѣлъ на КипрѢ — въ тиши и уединеніи, съ любимой и побуждавшей его къ дѣятельности женой, онъ долго не находилъ работы для своего предпримчиваго ума, пока, наконецъ, не пристрастился къ изученію древностей. Десять лѣтъ сряду занимался онъ изслѣдованіями и раскопками. Первую, большую часть своихъ находокъ, онъ продалъ антикварному музею въ Нью-ЙоркѢ, другая часть потонула во время пожара на австрійскомъ кораблѢ, третья приобрѣтена раз-

личными музеями; лучшими золотыми вещами, насколько извѣстно, до сихъ поръ владѣть самъ Чеснола.

До какой степени онъ былъ самоучкой, видно изъ того, что во время десятилѣтняго пребыванія на Кипрѣ, онъ не зналъ ни одного изъ важнѣйшихъ сочиненій о древностяхъ острова и его природѣ, то есть, ни о книгѣ Энгеля, ни о книгахъ Унгера и Котчи. Такъ какъ добытыя имъ сокровища возбуждали громадный интересъ и еще больше зависти въ средѣ ученыхъ, то и не замедлили возникнуть подозрѣнія на счетъ того, что его раскопки велись наугадъ, безъ всякой системы и предосторожностей, безъ основательнаго изученія и снятія мѣстности, которыя дали бы какую нибудь точку отправления для дальнѣйшихъ ученыхъ изысканій. На эти толки Чеснола отвѣчалъ книгой, въ которой многочисленные рисунки давали понятіе о лучшихъ образцахъ вырытыхъ имъ древностей; въ книгѣ заключалось подробное описаніе всѣхъ его разысканій и раскопокъ, такъ что она могла послужить основаніемъ для позднѣйшихъ изслѣдователей. Кромѣ того, въ книгѣ заключалось нѣсколько интересныхъ и поучительныхъ свѣдѣній о нынѣшнемъ состояніи острова Кипра, въ особенности въ эпоху турецкаго владычества. Далѣе помѣщено извѣстіе о городахъ, гробницахъ и храмахъ древняго Кипра, затѣмъ обстоятельная замѣтка о финикійскихъ, кипрскихъ и греческихъ надписяхъ; наконецъ, трактаты К. В. Кинга объ открытыхъ въ Куріумѣ перстняхъ и геммахъ, и А. С. Муррея о кипрскихъ глиняныхъ сосудахъ.

Людвигъ Штернъ издалъ недавно переводъ этой книги, дополнивъ его многими примѣчаніями. Другое преимущество нѣмецкаго изданія состоитъ въ томъ, что рисунки помѣщены не въ самомъ текстѣ, а на особомъ мѣстѣ, причемъ при каждомъ изъ нихъ имѣются поясненія. Работа Людвигъ Штерна, обличающая въ авторѣ основательное знакомство съ богатой литературой предмета, пересмотрѣна Георгомъ Эберсомъ и снабжена имъ дополненіями ¹⁾.

Кипръ, по величинѣ не превосходящій Виртембергскаго королевства, напоминаетъ Индію въ миниатюрѣ, по своему плодородію и обилію на немъ строеваго лѣса, металловъ, хлѣба и топлива всякаго рода. По своему положенію, природѣ и народонаселенію, онъ принад-

¹⁾ Вотъ заглавіе нѣмецкаго изданія: „Cypern, seine alte Städte, Gräber und Tempel. Bericht über zehnjährige Forschungen und Ausgrabungen auf der Insel von Louis Palma di Cesnola. Tutorisirte deutsche Bearbeitung von Ludwig Stern. Mit einleitendem Vorwort von Georg Ebers. Mit mehr als fünfhunder in den Text und auf sechsundenzig Tafeln gedruckten Holzschnittillustrationen, zwölf lithographirten Schrifttafeln und zwei Karten. Zwei Bände. Iena, Hermann Costenoble. 1879.“ (Кипръ, его древніе города, гробницы и храмы. Письма о десятилѣтнихъ изысканіяхъ и раскопкахъ на островѣ, Людвигъ Пальма ди-Чеснола. Одобренная авторомъ нѣмецкая обработка Людвигъ Штерна. Съ предисловіемъ Георга Эберса. Съ приложеніемъ болѣе шестисотъ рѣзанныхъ на деревѣ рисунковъ, размѣщенныхъ въ текстѣ и на девяносто шести таблицахъ, двѣнадцати литографій и двухъ картъ. Два тома. Iena, Германъ Костенобль. 1879).

лежитъ тремъ частямъ свѣта: онъ привлекалъ потокъ колонистовъ и владѣтелей, являвшихся попеременно то съ сирийскихъ, то съ египетскихъ, то съ греческихъ, то съ итальянскихъ береговъ. Только въ теченіи самаго незначительнаго счастливаго промежутка времени, Кипръ пользовался самостоятельностью, а затѣмъ шесть разъ поддавалъ подъ владычество восточныхъ народовъ и четыре раза управлялся европейцами. Нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ другаго пункта, гдѣ бы въ такой степени сталкивались, сблжались и смѣшивались духъ, нравы и искусство семитовъ, хамитовъ и арійцевъ.

Въ глубокой древности Кипръ, по всей вѣроятности, былъ населенъ арамейскимъ племенемъ. Противъ него лежитъ густонаселенный финикійскій берегъ съ знаменитыми во всемирной торговлѣ городами Тиромъ и Сидономъ. Такимъ образомъ, финикійцы, какъ думалъ и Страбонъ, „первые внесли на Кипръ культуру, воздѣлали поля и занялись разработкой металловъ“. Когда, послѣ паденія Трои, мелкіе морскіе владѣтели Греціи со своими дружинами разбрелись по всѣмъ направленіямъ и основали всюду свои колоніи, Кипръ въ то время тоже подпалъ подъ власть грековъ. Тогда-то именно и началась эпоха процвѣтанія острова; тутъ греки и финикіяне мирно обмѣнивались лучшими плодами своей образованности. Затѣмъ послѣдовали захваты богатаго острова то египетскими, то персидскими царями, во власть которыхъ онъ переходилъ поочередно. Персы внесли сюда ассирійскую культуру, а египтяне—свою, съ береговъ Нила. Когда возникла борьба грековъ съ восточными народами, она нерѣдко переносилась на равнины и на берега Кипра. Послѣ того, Кипръ вошелъ въ составъ владѣній Птоломеевъ, которые изъ чисто политическихъ видовъ, чтобы не дать сирийскимъ царямъ вырвать изъ своихъ рукъ важный островъ, старались его культивировать. Кипрскій культъ Адониса былъ перенесенъ въ Александрію и отправлялся тамъ съ величайшею пышностью. Въ то время, когда римляне овладѣли Кипромъ и вынесли послѣ перваго же похода на островъ такое количество звонкой монеты, какого до тѣхъ поръ и не видывали въ Римѣ, въ то время „изобилующій всякими драгоценностями островъ“ переживалъ вторую эпоху своего процвѣтанія. Разнообразный и неисчерпаемый вывозъ съ острова достигъ своего полнаго развитія. Амміанъ Марцелинъ говорилъ: „На кипрскихъ верфяхъ можно судно и построить, и снабдить всѣмъ, что только требуется при устройствѣ его, находя все необходимое тутъ же на самомъ островѣ“. Греко-римскія искусство и образованность пустили корни на всемъ протяженіи острова.

Въ такомъ порядкѣ слѣдовали въ исторіи Кипра одна культурная эпоха за другой. Эти эпохи и въ самой почвѣ острова оставили каждая свой слѣдъ и рѣзко обозначены въ ней особыми пластами. Заслуга Чеснолы прежде всего состоитъ въ томъ, что онъ изслѣдовалъ и изучалъ до тѣхъ поръ, пока не достигъ умѣнья почти безошибочно опредѣлять любое мѣсто на почвѣ Кипра, гдѣ глубоко, подъ слоями щебня

и камня, оказывались сокрытыми памятники искусства. Но чтобы достигнуть до нихъ, нужно было пробуровать переслоившіеся между собою самые разнообразныя культурныя пласты. Затѣмъ нужно было со всевозможными предосторожностями проложить шахту, а это требуетъ и кропотливаго труда, и стоитъ не дешево.

Лучше всего вознаграждался трудъ отъ гротовъ, которые въ теченіи тысячелѣтій служили мѣстомъ погребенія мертвыхъ и постепенно заполнялись землей. Снявши землю, находили здѣсь гробницы съ предметами домашней утвари, а въ иныхъ мѣстахъ и скелетами.

Такими средствами Чеснола добылъ безчисленное множество памятниковъ древняго искусства и промышленности, которые свидѣтельствовали: 1) что въ древности на Кипрѣ процвѣтали финикійское, ассирійское и египетское искусства; 2) что рядомъ съ ними существовали искусства: первобытное древне-греческое, греческое періода процвѣтанія и римско-греческое, и 3) что изъ смѣшенія этихъ отдѣльныхъ типовъ возникло самостоятельное кипрское искусство, достигшее развитія еще въ древнѣйшія времена и продолжавшее существовать до конца римскаго владычества.

Несомнѣнно, что Чеснола въ сущности—искатель кладовъ; онъ разыскиваетъ античныя серебряныя и золотыя вещи и предметы искусства, имѣющіе высокую цѣнность. Но несомнѣнно и то, что его одушевляетъ въ этихъ розыскахъ благородное побужденіе доставить наукѣ невѣдомыя ей сокровища, проливающія свѣтъ на самую глубокую древность искусства и образованности.

Чеснола, какъ и прочіе консулы, живетъ въ Марина Ларнака. На близъ-лежащихъ холмахъ находятся статуи изъ терракотты, имѣющія какое-то странно ^с сходство со статуями Мадонны. (См. рис. 1, 2, 3).

Рис. 1, 2 и 3.

Эти изображенія были, несомнѣнно, греческаго происхожденія и относятся къ тому времени, когда финикійская Астарта, эта всеразрушающая богиня темныхъ силъ природы, превращалась подъ облагораживающимъ рѣзцомъ греческихъ художниковъ въ свѣтлую и непорочную прекрасную мать Афродиту. (См. рис. 4, 5, 6, 7).

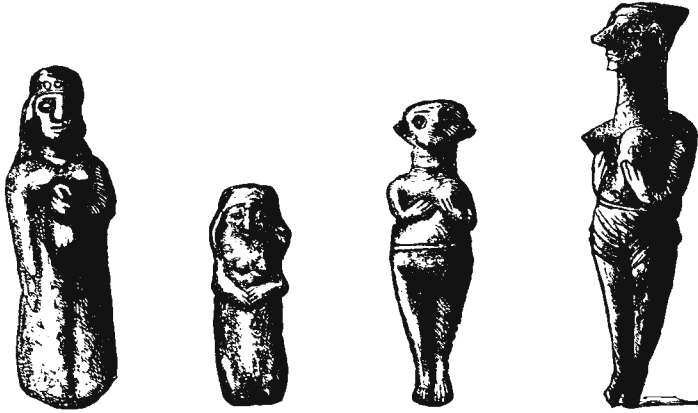

Рис. 4, 5, 6 и 7.

Подобныя находки побудили Чеснолу проникнуть въ полуоткрытыя могилы, которыхъ много встрѣчается около Ларнака. Окружный начальникъ, каймакамъ, запретилъ ему производить работы, потому что у него не было на это фирмана отъ Высокой Порты. Тогда Чеснола, чтобы досадить каймакаму, принялъ въ число своихъ кавасовъ (вооруженная консульская стража) одного турка, котораго каймакамъ за что-то преслѣдовалъ. Когда же каймакамъ вслѣдъ за тѣмъ арестовалъ этого турка, какъ дезертира, и посадилъ его въ тюрьму, Чеснола сумѣлъ такъ искусно накричать объ этомъ въ Константинополь и такъ кстати и своевременно вытребовать къ берегамъ Кипра два американскихъ военныхъ судна, что турки не замедлили дать ему полное удовлетвореніе и оставили его въ покоѣ съ его раскопками.

Лѣтомъ приходилось выѣзжать изъ душной Ларнаки, и семья Чеснолы находила пріютъ въ палаткѣ изъ ковровъ, раскинутой въ тѣни могучихъ платановъ. Случилось, что онъ расположился съ своимъ шатромъ около Дали, на мѣстѣ древняго Идаліона, гдѣ находился знаменитый храмъ Венеры. Здѣсь разстилалось обширное кладбище. Чеснола немедленно принялся за работу, осмотрѣлъ въ теченіи трехъ лѣтъ до десяти тысячъ могилъ и добылъ оттуда безчисленное множество вазъ, утвари и предметовъ искусства. Внутри этихъ, похожихъ на хлѣбопечкарную печь, гробницъ, нижняя часть которыхъ сдѣлана изъ кирпича, а стѣны изъ глины, смѣшанной съ соломой, находится обыкновенно по три скелета въ каждой.

Въ одной изъ такихъ гробницъ было найдено старое, но хорошо сохранившееся мѣдное блюдо, украшенія котораго ясно показываютъ, до какихъ предѣловъ достигло на Кипрѣ смѣшеніе ассирійскаго и египетскаго элементовъ искусства. Здѣсь приносились богинѣ жертвы, сопровождаемыя музыкой и танцами. На лицахъ фигуръ рѣзко запечатлѣнъ семитическій типъ, а цвѣты лотоса напоминаютъ Египетъ. (См. рис. 8).

Рис. 8.

Вначалѣ гробницы оказывались постоянно на глубинѣ отъ пяти до восьми футовъ; но вдругъ попали на другія могилы, лежащія всего на три съ половиной фута въ землѣ; эти могилы содержали въ себѣ уже не финикійскія и не древне-кипрскія вещи, а греко-римскія, въ томъ числѣ различныя золотыя украшенія. Такимъ образомъ, случилось, что позднѣйшее поколѣніе, не имѣвшее привычки по своему легкомыслію зарывать своихъ покойниковъ на достаточную глубину, клало ихъ какъ разъ надъ прахомъ предъидущаго поколѣнія. За часъ ходьбы отъ Дали найдены были восемьдесятъ двѣ самыя древнія могилы, содержащія въ себѣ копья, топоры, ножи, какъ и въ другихъ случаяхъ, мѣднѣе, и множество мелкихъ статуетокъ,

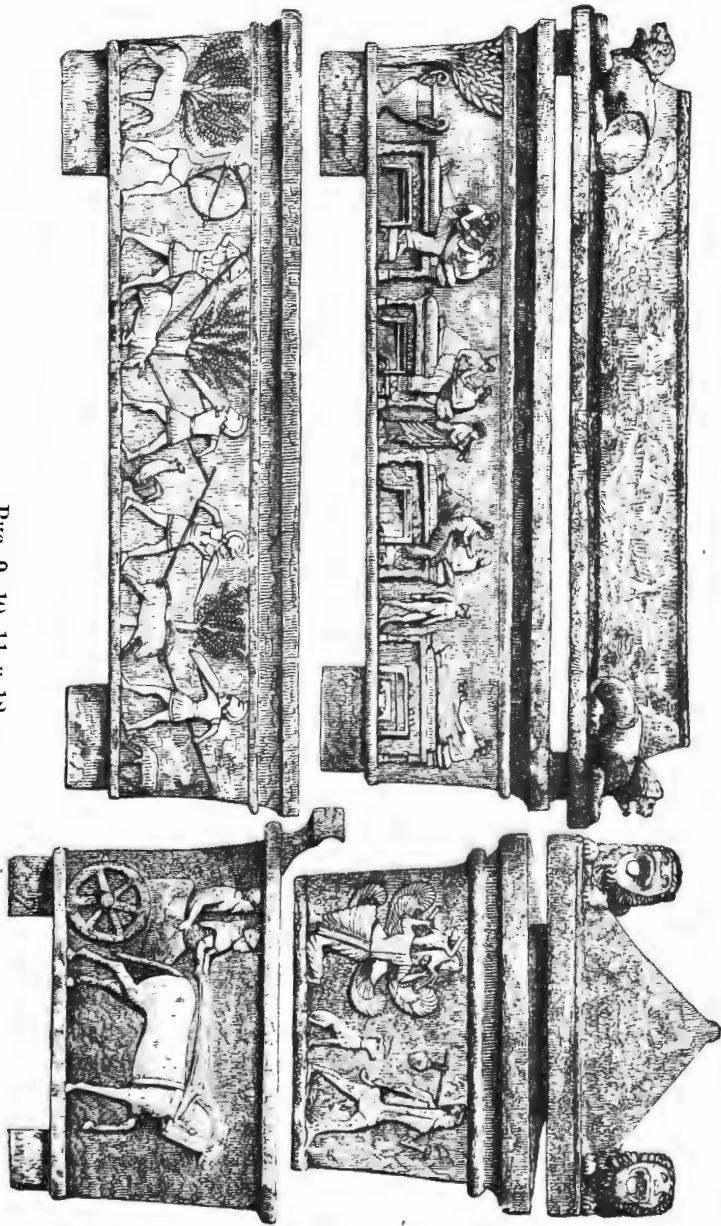

Рис. 9, 10, 11 и 12.

представлявшихъ собою самыя древнія и грубыя изображенія Астарты или кипрской Венеры.

Успѣхи Чеснолы заставили грековъ, турокъ и французовъ энергически заняться раскопками. Французскій консулъ не имѣлъ, впрочемъ, особенной удачи; тѣмъ важнѣе показалась находка директора англійскаго банка Ланга, который открылъ развалины древняго храма и на нихъ надпись, передававшую одни и тѣ же слова старо-кипрскими и греческими буквами. Теперь удалось, наконецъ, расшифровать такъ называемое эпихорійско-кипрское письмо, долго остававшееся непонятнымъ; оно оказалось памятникомъ первобытнаго греческаго нарѣчія, занесеннаго на Кипръ, вѣроятно, аркадскими выходцами.

Другое мѣсто находокъ составляли окрестности Аѳену—городка, основаннаго, какъ полагаютъ, венеціанцами и промышленяющаго въ настоящее время поставкою муловъ для торговли и для путешественниковъ. Особенно важнымъ оказывается найденный здѣсь саркофагъ. на боковыхъ стѣнахъ котораго изображены сцены охоты и пиршествъ. двуконный экипажъ и обезглавленіе Медузы Персеемъ, который уходитъ съ отрубленной головой, въ то время какъ у обезглавленной Медузы вырастаютъ въ мѣсто головы разныя другія фигуры. (См. рис. 9, 10, 11, 12).

Еще любопытнѣе статуи жрецовъ и богинь, съ которыхъ здѣсь прилагаются три снимка.

Первая фигура представляетъ собою, по всей вѣроятности, Венеру.

Богиня эта, по природѣ своей и тираническая, и лстящая чувствамъ въ одно и то же время, должна была соединять въ себѣ оба пола. Грудь и весь станъ закутаны, какъ у жреца; въ рукахъ богини держитъ своего священнаго голубя и раковину съ его кормомъ,— символъ умно придуманный. (См. рис. 13).

Другая статуя изображаетъ египетскаго Геркулеса съ палицей и львиной шкурой. (См. рис. 14).

Третья статуя—жрица Венеры, съ символомъ своего служенія въ одной рукѣ и орудіями жертвоприношенія въ другой. Символомъ служить щепотка соли, которую несли въ рукахъ всѣ входившіе въ храмы Венеры, или посвященныя ей рощи. (См. рис. 15).

Въ Амафусѣ, Чеснола открылъ на глубинѣ 40—55 футовъ прекраснопостроенныя гробницы. Онъ и тутъ не преминулъ пустить въ ходъ буровую скважину для изслѣдованій и затѣмъ шахту для выемки находокъ, и излекъ на свѣтъ божій много золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ вещей, кружекъ, вазъ и великолѣпный мраморный саркофагъ.

Всего счастливѣе былъ американскій генералъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности стоялъ греческій городъ Куріонъ. Здѣсь онъ открылъ мозаичный помостъ, подъ которымъ на семь футовъ глубже,

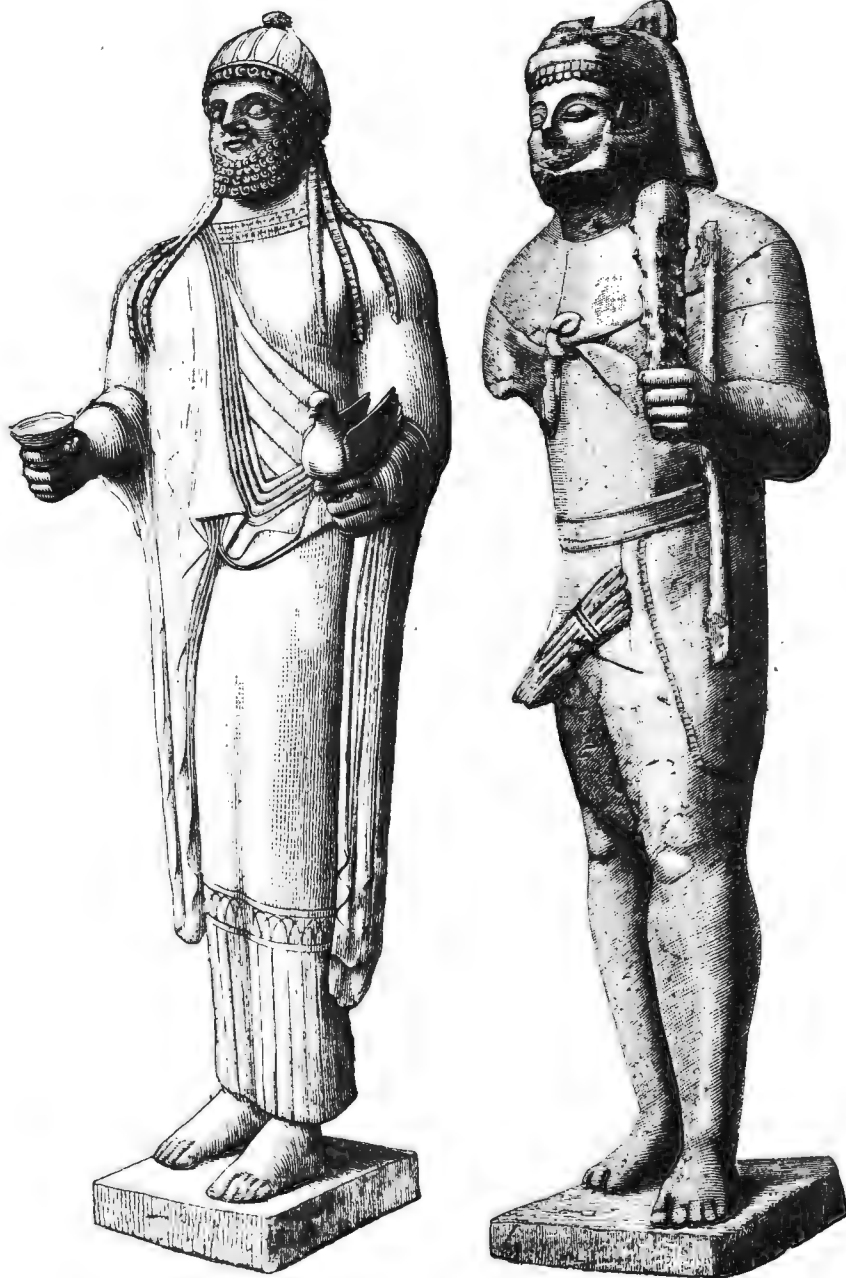

Рис. 13 и 14.

еще до него рылся какой-то искатель кладовъ. Чеснолъ показалось, что въ одномъ мѣстѣ подь помостомъ раздается звукъ, какъ отъ пустоты: онъ приказалъ прорыть еще на 27 футовъ въ глубину и дошелъ до пробитаго въ скалѣ хода, въ концѣ котораго каменная плита закрывала входъ въ сводъ, сдѣланный въ видѣ печнаго. Когда выкопали до трехъ тысячъ корзинъ земли, обнаружилась комната, въ которой найдены золотыя вещи; за этой комнатой другая, третья, четвертая комнаты. Оказалось, что попали на сокровищницу древняго храма! Всѣ комнаты были наполнены обвалившейся землей и въ ней находили цѣлыми массами золотыя и серебряныя вещи: діадемы, шейныя украшенія, серьги, кольца, амулеты, украшенные горнымъ хрусталемъ или драгоценными камнями, цѣнныя маленькія вазы и блюда, великолѣпныя геммы и множество другихъ подобнаго рода предметовъ. Одна пара браслетъ вѣсила около фунта и цѣна ея еще увеличилась находившейся на ней надписью. Какъ роскошно убиралась въ древности женская красота, можно видѣть изъ прилагаемыхъ снимковъ шейныхъ и ушныхъ украшеній. (См. рис. 16, 17, 18).

Рис. 15.

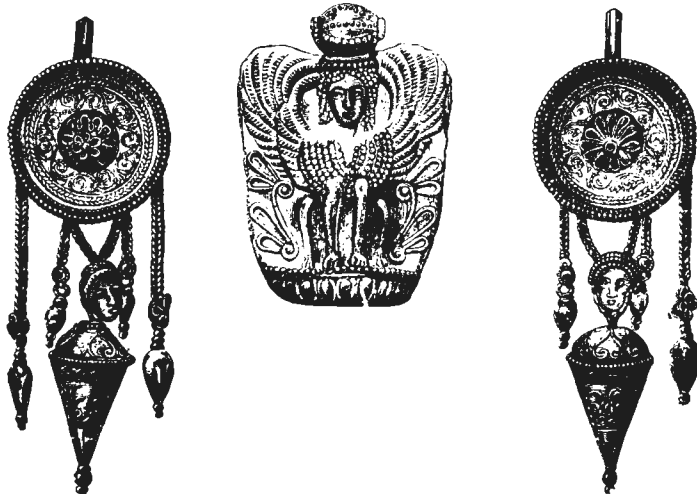

Рис. 16, 17 и 18.

Вѣроятно, этого рода украшенія были весьма распространены въ греко-римскомъ дамскомъ кругу.

Какимъ путемъ такая масса женскихъ украшеній попала въ храмы, трудно разгадать. Можетъ быть, во время нашествія непріятелей всѣ драгоцѣнности сдавались туда на сохраненіе, а можетъ быть, просто это объясняется тѣмъ, что древніе жрецы обладали умѣньемъ выманивать у добрыхъ женщинъ ихъ бездѣлушки въ видѣ жертвъ богамъ.

Турки были внѣ себя отъ злости, когда услышали, какъ разбогатѣлъ Чеснола. Наша выхлопоталъ изъ Константинополя указъ, запрещающій американскому консулу вывозить съ острова предметы, добытые имъ при раскопкахъ. Турецкій корветъ пришелъ къ берегамъ и остановился какъ разъ у консульскаго дома. А кому же неизвѣстно, къ какимъ мѣрамъ способны прибѣгать турецкія власти? Чеснола, къ счастью, припомнилъ, что онъ исправляетъ должность русскаго консула. Разумѣется, русскій консулъ могъ вывести съ острова все то, чего нельзя было вывести консулу американскому.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ тѣхъ вещей, которыя погибли на австрійскомъ суднѣ, при перевозкѣ въ Сирію, всѣ остальные находки Чеснолы спасены и вывезены съ острова и, вмѣстѣ съ другими, найденными въ разныхъ мѣстахъ остатками древне-греческаго міра, будутъ способствовать наукѣ къ разсѣянію того мрака, который въ теченіи тысячелѣтій покрывалъ до-христіанскую древность, въ особенности прольютъ свѣтъ на передвиженія и смѣшенія культуры и искусства древнихъ народовъ.

УМСТВЕННЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕССЪ ЕВРОПЕЙСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ТЕЧЕНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ ТРИДЦАТИ ЛѢТЪ.

(1848—1878 г.).

РЕДАГАЕМАЯ читателямъ статья есть отрывокъ изъ послѣдняго сочиненія современнаго намъ итальянскаго историка Цезаря Канту— „Тридцать послѣднихъ лѣтъ“ (1848—1878 г.). Заглавіе статьѣ дано нами на основаніи содержанія отрывка. Нѣкоторыя свѣдѣнія о сочиненіи читатель найдетъ въ небольшомъ очеркѣ жизни и дѣятельности Канту, который мы предпосылаемъ нашему переводу.

Цезарь Канту—одинъ изъ плодовитѣйшихъ современныхъ итальянскихъ историковъ—родился 5-го декабря 1807 г., въ Бривіо, въ миланскомъ округѣ и получилъ гимназическое образованіе въ Миланѣ. Въ 1824 году, онъ сдѣлался преподавателемъ итальянскаго языка и литературы въ Сондріо, а въ 1832 году перешелъ въ Миланъ, гдѣ получилъ мѣсто директора архива. Еще въ молодости онъ приобрѣлъ извѣстность какъ поэтъ и историкъ. Не останавливаясь на этихъ раннихъ литературныхъ и ученыхъ трудахъ его, я назову однако жъ сочиненіе, которое имѣло важное вліяніе на его судьбу. Это— „La Lombardia nel secolo XVI“,—комментаріи на „Обрученныхъ“ Манцони. Вотъ небольшой отрывокъ, который дастъ читателю понятіе о духѣ цѣлаго. „Когда же“, говоритъ авторъ, „софизмъ и штыки торжествовали надъ истиной, — самой неодолимой изъ всѣхъ возможныхъ

«истор. вѣстн.», годъ II, томъ VI.

силъ? Молодые люди, дайте созрѣть плодамъ нашего вѣка; оставайтесь вѣрными нравственности, истинѣ, имѣя въ виду разстояніе между тѣмъ, что уже совершено, и что остается еще совершить. Какого прогресса нельзя ожидать, если религія и свобода, нравственность общественная и частная, право и политика, соединившись между собою и освободившись отъ всякаго рода путъ, перейдутъ изъ области отвлеченнаго знанія въ область совершившихся фактовъ! И если вы, досадуя на медленность, съ какой идетъ дѣло, будете приводить мнѣ новыя сожалѣнія, новыя обвиненія, новыя упреки, дѣлаемые цивилизаціи со стороны тѣхъ, которые закрываютъ глаза на успѣхи вѣка въ его прогрессивномъ движеніи,—я напому вамъ то, что „обрученный“ Рензо, сдѣлавшись счастливымъ мужемъ, любилъ рассказывать,—исторію печальныхъ годовъ, когда совершенно исчезла надежда, когда все казалось потеряннымъ, для того чтобы можно было снова бросить утѣшительный взглядъ на настоящее, и сохранить твердую вѣру въ будущее“.

Патріотическій духъ, въ которомъ написано сочиненіе, разумѣется, не понравился австрійскимъ властямъ. Президентъ спеціальной наблюдательной миланской комиссіи, тиролецъ по рожденію, выразился по поводу сочиненія такъ: „Если Цезарь Канту сдѣлалъ одинъ шагъ къ славѣ, то онъ сдѣлалъ два къ галерамъ“. Разумѣется, президентъ позаботился объ исполненіи своего предсказанія. Въ концѣ концовъ, Канту долженъ былъ поплатиться за книгу тринадцатимѣсячнымъ заключеніемъ. Въ темницѣ онъ пишетъ историческій романъ,—„Magherita Pusterla“, предметъ котораго—тюремная жизнь. Но главное сочиненіе, доставившее Канту громкую извѣстность не только въ Италіи, но и за предѣлами ея, это его знаменитая „Всемирная исторія“ (35 томовъ), начавшая выходить въ 1838 и законченная въ 1847 году. Мы скажемъ ниже о научномъ значеніи этого труда, а теперь остановимся еще нѣсколько на вѣдншихъ фактахъ жизни Канту.

Когда въ Миланѣ, въ 1842 году, вспыхнула революція, Канту спасся отъ ареста послѣднимъ бѣгствомъ въ Туринъ, а по окончаніи революціи, возвратился снова въ Миланъ, и съ того времени отдался всецѣло научнымъ занятіямъ. Изъ приведенныхъ нами біографическихъ данныхъ не трудно замѣтить, что жизнь историка далеко не была чужда тревогъ и страданій. Особенно тяжело отозвались на немъ тринадцать мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, о которомъ мы сейчасъ упомянули. „Надобно знать“, говоритъ его біографъ, „нервную натуру Канту, чтобы понять, что онъ долженъ былъ испытать во время продолжительныхъ допросовъ, на которыхъ имѣлъ причины бояться не только за свою свободу и свое будущее, но за самые священные интересы и личность дорогихъ ему людей“. Лучшее понятіе о вынесенныхъ имъ въ заключеніи страданіяхъ даетъ написанная имъ въ это время книга—упомянутый сейчасъ историческій романъ, къ ко-

тому онъ прибралъ слѣдующій эпитафъ: „Читатель, ты страдалъ?“—
Нѣтъ.—„Въ такомъ случаѣ эта книга написана не для тебя“. Романъ
этотъ составляетъ исторію души самого автора въ теченіе тринад-
цати мѣсяцевъ его тюремнаго заключенія. Упомянемъ здѣсь о дру-
гомъ, неменьше, если не больше, интересномъ эпизодѣ изъ полити-
ческой жизни Канту. Эпизодъ этотъ, впрочемъ, совершенно другого
рода. Здѣсь мы видимъ нашего историка уже не какъ политическаго
страдальца, гонимаго за убѣжденія, а какъ человѣка, который, въ
силу своихъ патріотическихъ и ученыхъ заслугъ, завоевалъ себѣ право
на всеобщее уваженіе и приобрѣлъ довѣріе даже коронованныхъ лицъ.
Я хочу говорить о свиданіи Канту въ 1859 году, во время итальян-
ской войны, съ Наполеономъ III послѣ Сольферино. Вотъ какъ раз-
сказываетъ объ этомъ свиданіи самъ Канту. „Императоръ черезъ од-
ного изъ общихъ знакомыхъ выразилъ свое желаніе видѣть меня.
Вслѣдствіе этого приглашенія, я отправился къ нему въ лагерь—въ
Валеджіо. Въ разговорѣ со мною онъ показалъ, что знаетъ мою жизнь,
также какъ и то, что я мало сочувствую личности Наполеона I. Онъ
сказалъ мнѣ по этому случаю, что только недостатокъ времени помѣ-
шалъ его дядѣ создать Италію. Естественно, что я сталъ увѣщевать
его осуществить наполеоновскія идеи. Тогда онъ рассказалъ мнѣ
подробно о томъ, что онъ уже сдѣлалъ, равно какъ и о томъ, что
разсчитывалъ сдѣлать: его двоюродный братъ Геронимъ (который
только что прибылъ) долженъ былъ осадить Мантуу, король сардин-
скій—Пещіеру, самъ онъ долженъ былъ направиться къ Веронѣ, кото-
рая была, по его словамъ, *un os bien dur à ronger*; 40,000 чело-
вѣкъ должны были высадиться въ Венеціи. Въ этотъ же день импе-
раторъ приказалъ потребовать къ нему Кошута и вступилъ съ нимъ
въ бесѣду по вопросу—можно ли разсчитывать на возбужденіе дви-
женія въ Венгрии? Этотъ послѣдній, какъ обыкновенно поступаютъ
въ подобныхъ случаяхъ эмигранты, началъ давать большія обѣщанія,
но императоръ стоялъ насторожѣ. Легко можетъ статься, что един-
ственною цѣлью его было вывѣдать тайны Кошута, но какъ бы то
ни было, послѣднія, обращенныя къ нему слова императора были
слѣдующія: „Если Австрія будетъ продолжать борьбу, я буду имѣть
нужду въ вашемъ содѣйствіи; будьте готовы“. Во время разговора
вошелъ Пиетри, префектъ полиціи, прибывшій изъ Парижа. Онъ обмѣ-
нялся съ императоромъ нѣсколькими словами. Изъ разговора можно
было вывести заключеніе, что Франція въ то время не была совер-
шенно спокойною, и что присутствіе императора можетъ быть будетъ
необходимо. Я хотѣлъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ, но
императоръ объявилъ, что не покинетъ Италіи, прежде чѣмъ испол-
нить свою задачу.

„Затѣмъ мы говорили относительно будущности этой прекрасной
страны... „Италія“, сказалъ Наполеонъ, „будетъ представлять союзъ
государствъ съ римскимъ первосвященникомъ во главѣ“. Я указалъ

въ отвѣтъ на это на тѣ движенія въ противномъ смыслѣ, которыя уже начались. „Вотъ это-то мнѣ и не нравится“, возразилъ императоръ, и когда я напомнилъ ему о вѣтрахъ, освободившихся отъ цѣпей въ то время, когда Эолъ спалъ, то онъ возвысилъ голосъ и улыбаясь произнесъ: „Я скажу въ отвѣтъ на это: quos ego!“ — Вы не будете въ состояніи этого сдѣлать, возразилъ я. Извѣстно, что не дальше какъ на другой день послѣ этого разговора, Наполеонъ отказался отъ своего предпріятія, заключилъ перемиріе, оставилъ въ рукахъ Австріи Венецію и возвратился во Францію“.

Два приведенные эпизода изъ жизни Канту представляютъ намъ историка въ двѣ совершенно различныя по характеру эпохи его жизни. Въ молодости онъ терпитъ гоненіе за убѣжденія; въ зрѣлыя годы ему довѣряютъ важнѣйшія политическія тайны вѣнценосецъ, располагавшій судьбами государствъ. Наполеонъ III въ изложенномъ разговорѣ не показалъ, конечно, искренности; въ словахъ его видимо звучитъ желаніе — успокоить ревнивыя подозрѣнія папскаго престола, замаскировавъ до времени свои настоящія намѣренія; но если онъ избралъ повѣреннымъ своихъ тайнъ—истинныхъ, или мнимыхъ, все равно—Канту, то это показываетъ степень того значенія въ политическихъ сферахъ, которымъ пользовался нашъ историкъ какъ въ Италіи, такъ и за предѣлами ея.

Разумѣется, что не одна ученая слава создала ему такое блестящее положеніе и такую громкую популярность. Мы видѣли, что Канту въ ранней молодости заявилъ себя на дѣлѣ, какъ истинный патріотъ, и сдѣлался страдальцемъ идеи. Нравственныя качества его, такимъ образомъ, естественно должны были поставить его въ общемъ мнѣніи такъ же высоко, какъ и его ученые заслуги. Не будемъ говорить о другихъ, менѣе, такъ сказать, рельефныхъ событіяхъ жизни историка, чтобы имѣть возможность тѣмъ съ большею подробностью остановиться на его ученыхъ трудахъ. Я привелъ въ началѣ статьи небольшой отрывокъ изъ его комментарій на Манцони. Приведу другой изъ другого сочиненія, о которомъ также было упомянуто. Это—романъ „Маргарита Пустерла“. Молитва, вложенная авторомъ въ уста дитяти, котораго Маргарита качаетъ на колѣняхъ, сдѣлалась народною въ Италіи. Русскій читатель, конечно, раздѣлитъ въ этомъ случаѣ мнѣніе итальянца...

„Благой Иисусъ! Ты, который также былъ дитятей и началъ свои страданія съ этой поры, возрастая лѣтами и мудростью, покорный твоимъ родителямъ, приобретаая каждый день большую и большую милость у Бога и людей,—будь хранителемъ моего дѣтства! Сдѣлай такъ, чтобы я не осквернилъ никогда одежды моею невинности, и дѣйствовалъ бы всегда сообразно съ твоею волею, для того, чтобы оставаться надеждою моихъ родителей и моихъ согражданъ.“

„Благой Иисусъ! Ты, который такъ любилъ твоихъ родителей, поручаю тебѣ моихъ; благослови ихъ; дай имъ терпѣніе въ испыта-

ніяхъ, силу въ повиновеніи и утѣшеніе видѣть меня возрастающимъ согласно ихъ желаніямъ въ страхъ твоемъ.

„Благой Иисусъ! Ты, который такъ любилъ свое отечество, не смотря на его неблагодарность, который изливался въ слезахъ, види въ будущемъ несчастія, ему угрожавшія,—вдохни въ меня пламенную любовь къ моему отечеству; утѣшь его въ несчастіи, обрати сердца тѣхъ, которые дѣлаютъ ему зло обманомъ, или насиліемъ; умножь вѣру добродѣтельнаго человѣка и даруй, чтобы я сдѣлался нѣкогда гражданиномъ благороднымъ, уважаемымъ и преданнымъ“.

А вотъ образчикъ философіи той же книги, образчикъ сужденій и взглядовъ автора:

„Зная въ совершенствѣ слабыя стороны общества, посѣщавъ салоны вельможъ, точно такъ же, какъ мастерскія рабочіихъ и палатку солдата, монахъ (Буонвичино) умѣлъ найти лекарство. Другъ свободы страны, потерявъ нестолько по причинѣ торжества тирановъ, сколько по причинѣ испорченности поработенныхъ подданныхъ, онъ не находилъ ничего лучше, какъ проповѣдывать евангеліе,—школу истинной свободы, истинный щитъ противъ тиранніи и узду противъ мятежа подданныхъ, книгу, которая содержитъ настоящее разрѣшеніе самой важной изъ соціальныхъ проблемъ,—дѣлать довольными немущихъ и обезпечивать покой имущихъ“.

Стѣсненное въ то время положеніе Милана подъ игомъ австрійскаго владычества дѣлало невозможнымъ существованіе литературнымъ трудомъ. Вдохновеніе, продиктовавшее нашему историку приведенную молитву, спасло его. По примѣру Фенелона, онъ начинаетъ писать для дѣтей и юношества. Не останавливаясь на другихъ сочиненіяхъ его въ этомъ родѣ, я назову небольшую книгу его—„Разказы школьнаго учителя“,—выдержавшую въ Миланѣ 35 изданій. Огромный, неожиданный для самого автора, успѣхъ послѣдняго сочиненія, разширилъ сферу стремленій Канту. Онъ начинаетъ писать для народа и издаетъ „Права и обязанности“—курсъ народной морали. О духѣ, въ какомъ написано послѣднее сочиненіе, можно судить по слѣдующему отрывку.

„Свобода! Это слово не значить: дѣлайте все, что вамъ приходится въ голову, но дѣлайте то, что вы должны дѣлать. Никто не имѣетъ права мѣшать намъ направлять наши способности къ той цѣли, для которой онѣ даны намъ; и человѣкъ не можетъ запрещать человѣку ничего, кромѣ дѣйствій, нарушающихъ равенство.“

Среди всѣхъ этихъ второстепенныхъ работъ, Канту продолжалъ съ любовью занятіе сочиненіемъ, которое составило трудъ всей его жизни. Я разумю его всеобщую исторію. Какой громадный успѣхъ имѣло это сочиненіе въ Италіи и въ Европѣ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Издатель исторіи, Помба, въ предисловіи къ одинадцатому изданію ея говоритъ, что первыя десять разошлись въ

количество 18,000 экземпляров, или 600,000 томов, только в одной Италии. Во всей же Европе это сочинение обращается в количестве не меньше миллионов томов, так как оно переведено на английский, на немецкий, на испанский, на венгерский и на польский языки. Французский перевод его выдержал четыре издания. Что касается оценки научного достоинства труда Канту, то она должна принадлежать перу специалиста-историка и, конечно, никаким образом не может быть заключена в тесные рамки беглого очерка. Не принимая поэтому на себя труда, для которого — сознаемся откровенно — не чувствуем в себе достаточно сил, мы представим нашему читателю общую характеристику произведения Канту, которую дает нам один из французских его критиков. „Историк“, говорит он, „не излагает только события; он представляет и оценивает самые учения; и так как он придает религиозным вопросам ту важность, которая им, действительно, принадлежит, так как он имеет твердые начала и глубокие убеждения, он подходит к этим вопросам с уважением, но вместе с тем и смелостью; он делает решения положительные и определенные. Этот метод, который, по нашему мнению, составляет главное достоинство и оригинальность его сочинений, естественно приводит его вместе с тем к тому, что он не различает оттенков и впадает в ошибки, неотделимые, впрочем, от каждого человеческого труда.“ Вообще говоря, строгая религиозность и глубокое уважение к католицизму составляет едва ли не самую характеристическую черту исторического взгляда Канту. Скажу больше. Католические увлечения нашего историка доходят во многих случаях до крайности, решительно необъяснимой в человеке с таким светлым, глубоким умом. Как лучшее доказательство этого, я приведу отрывок из речи, говоренной Канту в 1865 году, когда итальянское правительство задумало уничтожение религиозных собраний и конфискацию церковных имуществ. „Мы должны“, говорил оратор, „многому учиться у средних веков и, быть может, много у них заимствовать. Как не желать, чтобы общество нашего времени было основано на врованиях, на уважении авторитета; чтобы безоружный первосвященник мог и в настоящее время призывать к суду императора из глубины Германии и требовать у него отчета в нарушении конституционного закона?“ Идти дальше в увлечении церковно-иерархической идеей, как видит читатель из последних строк приведенного отрывка, невозможно...

Из других сочинений Канту, я назову его „Историю еретиков в Италии“ — труд оригинальный и отличающийся философским безпристрастием. Понятие о церкви, как о хранительнице вечных истин, проходит через всю книгу и составляет основную ее идею.

Теперь я долженъ перейти къ сочиненію, изъ котораго заимствовать настоящій отрывокъ, обнимающій нѣсколько главъ подлинника. Сочиненіе это, озаглавленное „Тридцать послѣднихъ лѣтъ“ (1848—1878 г.), представляетъ послѣднее произведеніе, вышедшее изъ подъ пера Канту. Не смотря на то, что оно явилось менѣе полутора года назадъ (въ декабрь 1879 года), оно достигло четвертаго изданія. Такой необыкновенный успѣхъ книги лучше нежели что нибудь свидѣтельствуешь о ея достоинствѣ. Нѣтъ нужды говорить о томъ глубоко интересѣ, который она представляетъ для насъ, современниковъ изображенной историкомъ эпохи, своимъ содержаніемъ. Европа испытала громадныя перевороты съ 1848 года. Паденіе старой французской монархіи и младшей линіи орлеанскаго дома, вторая республика и общее революціонное потрясеніе Европы въ 48 году, вторая имперія, восточная война и переходъ европейской гегемоніи отъ Россіи къ Франціи, объединеніе Италіи и паденіе свѣтской власти папы, уничтоженіе невольничества въ Америкѣ и крѣпостного права въ Россіи, наконецъ, разрушеніе въ потокахъ крови второй имперіи и возникновеніе въ центрѣ Европы могущественной имперіи германской—вотъ тѣ великія, міровыя событія, которыя совершились на нашихъ глазахъ, и которыя влияніе такъ или иначе отзывалось на насъ самихъ. Появленіе этого сочиненія въ печати, помимо желанія историка изобразить современную намъ эпоху, обусловилося отчасти внѣшними обстоятельствами, какъ это объясняетъ авторъ въ предисловіи. Послѣ выхода въ свѣтъ и перевода на разные иностранныя языки его „всеобщей исторіи“, нашлись непрощенныя услужливыя издатели и переводчики, которые, принявшись за продолженіе „исторіи“, позволяли себѣ видоизмѣнять сужденія автора по вопросамъ политики, эстетики, права и т. д. Такое чрезчуръ неделикатное посягательство на нравственныя права человека и писателя вынудило Канту, не смотря на его глубокую старость, приняться снова за перо и завершить свою всеобщую исторію изображеніемъ событій послѣднихъ тридцати лѣтъ.

Въ предисловіи же, авторъ приводитъ обвиненія, которыя взвѣсила на него критика и отвѣчаетъ на нихъ. „Критика благосклонная ко мнѣ“, говоритъ онъ, „отзывалась съ похвалою о моемъ умѣннѣ признавать заслуги даже въ моихъ противникахъ. Критика нерасположенная упрекала меня въ томъ, что я сужу о великихъ личностяхъ съ такимъ высокоуміемъ, какъ будто бы и включалъ и себя въ число ихъ“. „Но я имѣю“, продолжаетъ онъ, „голову и сердце, и имѣю право судить на основаніи чувствъ моего сердца и выводовъ разсудка дѣйствія людей правой, такъ-же какъ и лѣвой стороны, монархистовъ, такъ же какъ республиканцевъ, социалистовъ, такъ же какъ клерикаловъ.“

Этими немногими замѣчаніями мы оканчиваемъ нашъ бѣглый очеркъ жизни и сочиненій Канту. Читатель ближе уяснитъ себѣ воззрѣнія итальянскаго историка, прочитавъ предлагаемую нами его

статью объ умственномъ и нравственномъ прогрессѣ Европы за послѣдніа тридцать лѣтъ.

Первая половина этого вѣка, безъ сомнѣнія, представляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ по своему умственному движенію. Естественныя науки получили громадное развитіе; науки социальныя всецѣло обновились; нѣкоторыя, повидимому второстепенныя и придаточныя, обратили на себя вниманіе и разработаны какъ самостоятельныя отрасли знанія. Всѣ вообще стремятся къ отысканію первыхъ началъ.

I.

Физика и астрономія.

Движеніе физики и астрономіи шло вдаль и расширялось, обогащая насъ массою новыхъ фактовъ и удивительныхъ открытій. Пространство увеличивалось по мѣрѣ того, какъ изслѣдовали все далѣе и далѣе небесную твердь. Съ помощью шестифутоваго телескопа Росса разложили двойныя звѣзды и даже туманный Оріонъ; съ помощью спектроскопа, физическій составъ солнца и другихъ небесныхъ свѣтилъ былъ подвергнутъ анализу Бунзенемъ, Кирхгофомъ, Секши (Secchi), которые изучили составъ 3000 звѣздъ, и подтвердили теорію единства космической матеріи; найдены новые металлы — цезій, рубидій, таллій, индій; открыли другихъ спутниковъ Урана, Марса, Сатурна съ новымъ кольцомъ и большую планету Нептунъ (1846 г.), не говоря уже о планетахъ за орбитой Меркурія (intra-mercurielles) и астероидахъ, серія которыхъ постоянно увеличивается; опредѣлили и подвели подъ извѣстные законы кометы и волосяныя звѣзды (Шіапарелли, Бабине, Литровъ); создали новую науку — физическую астрономію (Донати, Целлеръ, Гюйгенсъ, Янсенъ, Рейе, Таршини); Ле-Верье представилъ полный и окончательный сводъ астрономическихъ вычисленій, таблицы видимаго движенія солнца, теорію внутреннихъ и внѣшнихъ планетъ, и когда онъ дописалъ послѣднюю страницу своего сочиненія, то, сказавъ, подобно евангельскому старцу Симеону: „нынѣ отпускаеши раба твоего, владыко“ — *nunc dimittis servum tuum, Domine*, — умеръ. Въ настоящее время считаютъ 20,374,304 видимыхъ звѣздъ; есть между ними такія, свѣтъ отъ которыхъ доходитъ до насъ въ 24,192 года.

Затмѣніе 1860 года, которое было видимо въ Испаніи, было первое, въ которомъ солнечная физика изучала затмѣнія; за нимъ послѣдовали затмѣнія 1868 г. въ Индіяхъ, и другія въ 1870 и 1871 г. Прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца въ декабрѣ 1874 года помогло опредѣлить паралаксы и форму планетъ и земли. Фотографія, одно изъ самыхъ удивительныхъ изобрѣтеній нашего вѣка, хотя

находится въ общемъ употребленіи, не ограничивается, однако, тѣмъ, чтобы служить нашимъ привязанностямъ и помогать искусству рисованія; она имѣетъ примѣненіе въ искусствахъ и наукахъ; ею пользуются для того, чтобы переводить на бумагу внезапныя явленія неба, точно такъ же, какъ высоту и форму морскихъ волнъ.

Метеорологія стремится если не привести въ опредѣленную систему, то, по крайней мѣрѣ, предвидѣть атмосферическія перемѣны и даже установить законы для бурь (Мори, Дове, Паддингтонъ), которыя иногда обусловливаются солнечными измѣненіями (*perturbations solaires*). Анализъ не останавливается болѣе на трехъ измѣреніяхъ; для него самое высшее знаніе есть наука количествъ времени, пространства и силы. Ариѳметика, благодаря графическимъ методамъ, представляетъ трудныя числовыя проблемы и находитъ примѣненіе даже въ социальныхъ явленіяхъ (арифметика политическая, арифмографія). Физика и химія согласились между собою относительно лучшей находки нашего вѣка—единства и обмѣна силъ (*conversion*). По этой теоріи, всякое явленіе міра матеріальнаго состоитъ въ движеніи; существуютъ только сообщенія и превращенія движенія, которыя мы обозначаемъ названіями свѣта, теплоты, электричества, магнетизма.

Это предполагаетъ дѣйствительное существованіе частицъ, которыя перемѣняютъ свое взаимное положеніе; для того чтобы ихъ познать, наблюденіе нуждается въ принятой уже напередъ идеѣ бытія. Но какое безконечное подраздѣленіе работъ необходимо для того, чтобы изучить неизмѣримое пространство небесной тверди и народную ибсю или дѣтскія сказки, гіероглифы и колебанія земной оси, линіи солнечнаго спектра Фрауенгофера, и полиповъ (*foraminiferes*). Для каждого изъ этихъ родовъ занятій мы имѣемъ помощь инструментовъ, изъ которыхъ одинъ совершеннѣе другого: хронографъ, клепсисометръ, эклинометръ, счетный винтъ, метеорографъ, сифонографъ, барометръ-анероидъ.

II.

Изобрѣтенія.

Мы никогда не кончили бы, если бы задались задачею перечислить изобрѣтенія новаго времени и ихъ приложенія. Бреустеръ (*Brewster*, 1781 — 1858 г.) открылъ поляризацию свѣта; Фарэдей (*Faraday*), котораго называютъ *le grand electricien* — электрическій свѣтъ; Реньо (*Regnault*) — специфическую теплоту и ея механическій эквивалентъ; другія явленія были открыты Беккерелемъ, Пейеномъ, Авогадро, Поггендорфомъ, Румкорфомъ. Жераръ создалъ теорію типовъ, которой Вюрцъ противопоставилъ понятіе объ атомности (*atomiticé*); химія приобрѣла озонъ, феноловую или карболовую кислоту, савтонинъ, стеаринъ, нитроглицеринъ, гремучій хлопокъ,

алюминій, динамитъ; она проникла въ тайну частичныхъ сочетаній, надѣясь достигъ открытія сущности той силы, которой повинуются простыя тѣла. Перренсъ открылъ средство дистиллировать морскую воду; Либихъ открылъ—хлораль, хлѣбъ и бульйонъ, приготовляемые экономическимъ образомъ. Изъ смолы извлекли нѣжныя эссенціи и блестящіе цвѣта индиго.

Электричество получило неслыханныя доселѣ примѣненія. Въ числѣ другихъ вещей, нужно отмѣтить телеграфы Казелли и д'Арленкуръ, дающіе около шестидесяти словъ въ секунду; приборы Коупера (Cowper), которые печатаютъ и воспроизводятъ рисунки на разстояніи 600—800 километровъ. Его примѣнили также къ агрикультурѣ и зоотоміи; имъ пробовали пользоваться для движенія кораблей и вообще употребляютъ его какъ силу; въ настоящее время его стараются подраздѣлять такъ, что оно приноситъ въ каждый домъ свѣтъ, теплоту и силу.

Сплошныя горнила Гоффмана и Сименса и барометръ этого послѣдняго начинаются съ нашего времени, такъ же, какъ гидравлическій цементъ, стекло радужное и стекло закаленное. Употребленіе желѣза получило широкое развитіе; его употребляютъ для того, чтобы строить дворцы, очень обширныя своды, мосты; чтобы утвердить быки этихъ мостовъ, употребляютъ съ пользою сжатый воздухъ, который сдѣлался также источникомъ движенія. Бесемеръ нашелъ возможность при помощи воздушнаго тока собирать углеродъ при плавкѣ и потомъ возвращать его стали. Въ высокихъ горнахъ утилизируютъ горячій воздухъ, и тамъ, гдѣ нѣкогда получали отъ 3-хъ до 5,000 килограммовъ желѣза въ день, въ настоящее время получаютъ 50,000. Предполагаютъ примѣнить паръ для того, чтобы согрѣвать цѣлые города (Голли).

Кѣнигъ изобрѣлъ стетоскопъ, Эдисонъ — телефонъ, электрическое перо и много другихъ приборовъ въ этомъ родѣ; Ленуаръ открылъ двигателя въ газѣ; Костъ упростилъ рыбоводство. Къ кораблямъ примѣнили архимедовъ винтъ и стальныя кирасы; оптика пріобрѣла стереоскопъ и телестеороскопъ; фонографъ, телефонъ Белли и Гроуера, микрофонъ Гюгеса и сонометръ пришли на помощь голосу; тысячи очень полезныхъ изобрѣтеній служатъ пользѣ людей. Эриксонъ (1805—1869 г.) сдѣлалъ открытія менѣе убійственныя, нежели его страшныя мониторы. Въ то время, какъ искусная вязальщица чулокъ производитъ 80 стежекъ въ минуту, круглый ткацкій станокъ выводитъ ихъ 480,000; въ то время, когда швея дѣлаетъ ихъ отъ 25 до 30—швейная машина Гоуэ (Howe—1846) производитъ 800. Такимъ образомъ, свободныя силы природы облегчаютъ тяжелый трудъ человѣка. Чтобы достигъ ручной работой того результата, котораго достигаетъ Англія съ помощью своихъ станковъ, вертящихся заразъ тысячи веретенъ, потребовалось бы 91,000,000 человѣкъ. Еще въ недавнее время типографія, казалось, дѣлала много, печатая 6,000 листовъ въ

часть, теперь она даетъ въ часъ 150,000 листовъ журнала. Для земледѣлія утилизируютъ фосфорно-кислыя соли, птичій пометъ (guano), копролиты, хлористые металлы. Чудныя приложенія сдѣланы въ кораблестроеніи, въ искусствѣ печатанія, въ земледѣліи, въ устройствѣ тюремъ, потому что другая черта нашего времени есть стремленіе распространять знанія и открытія, которыя переходятъ въ наше время чрезвычайно быстро изъ кабинета ученаго въ мастерскую ремесленника. Такимъ образомъ, промышленность, переставая быть эмпирическою для того, чтобы сдѣлаться раціональною, служить по-вѣрною годности теорій.

Медицинская діагностика достигла изумительной точности; самыя трудныя хирургическія операціи исполняются въ настоящее время съ полнымъ успѣхомъ (Гюнтеръ 1866 г., Пармаппъ, Нелатонъ, Вирховъ, Пуччинотти). Въ физиологическихъ изслѣдованіяхъ узнали съ помощью микроскопа внутреннее строеніе клѣточекъ, живыя ячейки, элементарныя начала мозговой организаціи, наконецъ, сложность всего черезъ присутствіе во всемъ частицъ. Въ микроскопическихъ организамахъ (les microbes) искали причинъ заразительныхъ болѣзней. Бенжаменъ Ричардсонъ устранялъ боли приводящими въ безчувствіе средствами; упростили фармакопею, хотя въ одно время существуетъ мода на ослабляющія, а въ другое—на возстанъвляющія средства,—сегодня камфора, пепсинъ, мышьякъ; завтра—іодъ, смола, деготь. Занялись новыми изслѣдованіями болѣзней мозга, въ послѣднее время сильно развились, золотухи, тифа, отравленія табакомъ, наконецъ, общаго разслабленія, по поводу котораго стали прописывать кровопусканія.

Между натуралистами мы встрѣчаемъ имена Букланда, Бертолони († 1869 г.), Мурчисона, Седвига, Денотариса; Лисль поставилъ на мѣсто идеи геологическихъ переворотовъ идею развитія. Агазисъ утверждаетъ, что ледники Альпъ распространяются даже на равнинахъ верхней Италіи.

Въ Англіи, гдѣ всегда разрабатывали доктрину Бекона, Стюартъ Милль далъ свою систему логики, построенной съ помощью индуктивнаго и дедуктивнаго метода, а Уэвель (Whewell)—исторію и философію индуктивныхъ наукъ, и Novum organon renovatum, который поставилъ себѣ задачею сдѣлаться полнымъ кодексомъ естественныхъ наукъ.

Цивилизація пожелала представить доказательство своихъ успѣховъ во всемірныхъ выставкахъ — парижскихъ, (1855, 1867, 1878), лондонскихъ (1852, 1861), вѣнской (1873) филадельфійской (1877 г.). Это — мирныя торжества нашего времени, которыя служатъ въ одно и то же время данью удивленія, воздаваемой промышленности, и доказательствомъ солидарности народовъ, потому что на эти выставки являются даже японцы, обитатели Океаніи, бедуины, самоѣды. Каждая изъ нихъ оказывалась до того великолѣпною, что уничтожила желаніе организовать новую, а между тѣмъ, каждую изъ нихъ послѣдующая

всегда превосходила той гармоніей, съ которой каждая нація примыкала ко всеобщему прогрессу.

Возгордившись такими многочисленными и важными открытіями, съ помощью которыхъ человѣкъ подчинилъ себѣ природу, онъ хотеть вызвать въ наукѣ наступательное движеніе противъ вѣры, и простираетъ въ этомъ случаѣ свою смѣлость до утвержденія того, что единственнымъ божествомъ будущаго сдѣлается наука.

Прилагая эти знанія къ наукамъ нравственнымъ, обновили научное изслѣдованіе человѣка, его прошедшаго, его дѣйствій личныхъ и производимыхъ сообща, его отношеній къ обществу и міру внѣшнему; установили лучше прежняго различіе расъ въ ихъ физическихъ склонностяхъ, также какъ и въ ихъ способностяхъ; опредѣлили механику мысли не при посредствѣ метафизическихъ отвлеченностей, но въ ея конкретныхъ проявленіяхъ и особенно въ словѣ, съ помощью котораго мысль проявляется, становится чѣмъ то существующимъ внѣ (*s'exteriorise*), сообщается, и безъ котораго быть можетъ невозможны идеи, и ужъ конечно невозможенъ прогрессъ.

III.

Физиологія.

Жизнь изучали не только съ помощью анатоміи и сѣченія живыхъ организмовъ, но также съ помощью опытной психологіи (Фехнеръ, Дондерсъ, Гельмольцъ, Спенсеръ, Веберъ); физиолого-психологическія наблюденія простираются до самыхъ глубокихъ изгибовъ животнаго механизма, слѣдя тотъ скрытый и, слѣдовательно, бессознательный процессъ, съ помощью котораго грубая матерія приходитъ отъ чувства къ дѣйствіямъ сознающей мысли. Прежде всего подвергли анализу органы, которые представляютъ мость между мыслящимъ я и внѣшнимъ міромъ, особенно двѣ несимметрическія лопасти мозга; измѣрили быстроту ощущеній и продолжительность мозговыхъ дѣйствій. Въ союзѣ съ метафизикой физиологія анализировала мысль въ ея мѣсто-пробываніи, въ ея проявленіяхъ, въ ея колебаніяхъ. Субъективная психологія размышляетъ о феноменахъ, сознаваемыхъ нашимъ я, проникая въ глубь человѣческой природы, съ цѣлью познать наиболѣе существенныя ея особенности. Психологія объективная изучаетъ различныя состоянія души въ ихъ внѣшнемъ проявленіи, а не въ сознаніи,—видимое проявленіе страстей, языкъ, историческія событія, извѣстныя душевныя состоянія, какъ галлюцинація, безуміе, инстинктъ, сравненіе человѣка съ животными.

Психологія физиологическая наблюдаетъ физическія явленія въ ихъ соотношеніи съ соотвѣтствующими имъ явленіями физиологическими—движеніе, мысль. Она можетъ, такимъ образомъ, ихъ опредѣ-

лять и измѣрять ихъ продолжительность. Если каждая изъ этихъ вѣтвей физиологіи считаетъ свое существованіе единственно законнымъ, то психологія физиологическая предъявляетъ въ этомъ случаѣ притязанія болѣе другихъ. Она обращаетъ вниманіе исключительно на органическія условія, не задаваясь внутреннимъ анализомъ явленій. Этотъ родъ физиологіи предпочтительно любятъ нѣмцы, точно такъ, какъ французы психологію внутреннюю, а англичане—психологію внѣшнюю, хотя пока еще нѣтъ возможности соединить результаты опыта и анализа. Въ ожиданіи этого, разъяснили составные элементы ощущенія, на которое прежде смотрѣли, какъ на простое явленіе. Опредѣлили продолжительность физическихъ феноменовъ и нашли физиологическое объясненіе совѣсти (Вундтъ). Какъ бы всѣ тѣ, которые не далѣе нѣсколькихъ лѣтъ назадъ прославились въ области психологіи—Кузенъ, Мэнъ де-Биранъ, Жоффруа, Адольфъ Гарнье, были изумлены и смущены, слыша живыхъ еще писателей нашего времени — Фехнера, Гельмольца, Герберта Спенсера, Бэна, Стюарта Милля, Вундта; глядя на эти методы, на предметы занятій и на результаты столь разнообразныя, слыша, что психическіе феномены не только подвержены закону времени, но что они могутъ быть подводимы подъ формулы вычисленія, какъ всѣ вообще явленія движенія, такъ что германская школа измѣряетъ актъ мысли, какъ электрическій потокъ или свѣтовую волну, и произноситъ вслѣдствіе этого, согласно съ Фехнеромъ, слѣдующую формулу: „ощущеніе возрастаетъ болѣе медленно, чѣмъ возбужденіе; оно есть въ нѣкоторомъ смыслѣ логарифмъ возбужденія“. Русскій ученый Герценъ пошелъ далѣе. Онъ свелъ умственную дѣятельность къ измѣненіямъ въ нервной системѣ; тождество, такимъ образомъ, той или другой человѣческой личности превращается въ чисто собирательное единство психическихъ явленій; такимъ образомъ, исчезаетъ понятіе о личности, въ которой мы до того всѣ убѣждены, что софизмы школы не могутъ насъ смущать.

Физиологи съ помощью самыхъ утонченныхъ наблюденій стремятся показать, что всѣ вообще вещества образовались изъ атомовъ одной и той же природы, соединившихся между собою силою движенія, въ двухъ актахъ его — перемѣщенія и круженія, и пользуются послѣдними изысканіями относительно построенія микроскопическихъ элементовъ и органовъ для того, чтобы провозгласить борьбу за существованіе (*struggle for life*), съ помощью которой клѣточка развивается до полнаго организма, при чемъ они принимаютъ одну присутствующую предметамъ механическую силу. Законы природы заключаютъ въ себѣ нѣчто роковое. Животныхъ приносили въ жертву мучительнымъ опытамъ для того, чтобы доискаться не способа дѣйствія извѣстнаго органа, но самой тайны и причины жизни. Пришли къ тому, что человѣкъ есть не что иное, какъ усовершенствованное животное, что онъ и начинаетъ и оканчиваетъ, какъ животное.

IV.

Матерія и разумъ.

Гордость, самая не философская изъ страстей, говоритъ: „какимъ образомъ тотъ или другой предметъ можетъ существовать, когда я его не понимаю?“ Въ силу этого, принимаютъ за дѣйствительное только то, что можно видѣть или осязать, такъ что, слѣдовательно, нѣтъ другихъ наукъ, кромѣ физики и химіи. Въ популярныхъ книгахъ намъ сообщаютъ, что народы волнуются или бываютъ спокойны, сильны или физически слабы, мужественны или робки, умны или ограничены, смотря по тому, питаются ли они мясомъ или картофелемъ, что рука, языкъ, сердце, суть органы мысли, которая не могла бы проявляться безъ ѣды и питья, что фосфоръ есть сила, творящая все, что есть самаго благороднаго въ человѣкѣ — мысль, волю; что дѣйствія человѣка суть выраженіе состоянія его мозга, — продуктъ внѣшнихъ дѣятелей, дѣйствующихъ роковымъ образомъ. „Мысль есть движеніе“, сказалъ Молашотъ. Но какимъ образомъ возможно привести къ механикѣ дѣйствія сознанія: пониманіе, чувство, волю, вниманіе, которое вы мнѣ оказываете, стараніе, которое я прилагаю, чтобы соединить въ одно цѣлое эти разсужденія, одобреніе или неодобреніе, которое вы мнѣ дѣлаете? Движеніе ли обладаетъ способностью понимать само себя?

Не смотря на все значеніе истины, какъ бы она ни была мала, не смотря на достоинство науки, даже когда она представляется намъ неважною, можемъ ли мы отказаться отъ наблюденія внутренняго и непосредственнаго, которое происходитъ изъ сознанія? Можемъ ли мы свести нашъ умъ къ тому, чтобы сдѣлать его атрибутомъ животности, подвести подъ разрядъ наукъ физическихъ тѣ отрасли знанія, которыя, подъ названіемъ нравственныхъ наукъ, облагораживаютъ человѣка и создаютъ общество? Какъ не распознать подъ анатомическимъ ножомъ чего-то особеннаго, отличнаго отъ матеріи — жизненной динамики? Мыслящій человѣкъ замѣчаетъ дѣйствіе человѣка на окружающіе его предметы; онъ отсюда выводитъ понятія и желанія; онъ ихъ отличаетъ отъ инстинкта (Флоренсъ, Мильнъ Эдвардсъ, Пейнъ, Вирховъ, Фарне, Карю, Клодъ Бернаръ); онъ признаетъ эту первую причину всякой дѣятельности подчиненной, которая есть переходъ отъ случайнаго къ необходимому, отъ относительнаго къ абсолютному, отъ конечнаго къ безконечному, суживая поле таинственныхъ роковыхъ влияній. Какъ скоро однажды остановились на первоначальной клѣточкѣ, начали изслѣдовать, какимъ образомъ совершается переходъ отъ однородности къ разнородности, отъ единства къ разнообразію, какимъ образомъ отъ монеръ (первичныхъ организмовъ, сохраняющихъ способность размножаться дѣленіемъ)

и вибрионовъ (растительныхъ монеръ) дошли до эмбриона (живительнаго вещества); когда за періодомъ изверженія матеріи наступаетъ періодъ покоя; когда интеграція заступаетъ мѣсто дифференцірованія. Но идеи справедливаго, истиннаго, но принципы порядка нравственнаго, не могутъ быть даны чувствами, и выводить ихъ изъ преданія, изъ привычекъ—это значитъ отдалять рѣшеніе вопроса.

V.

Ф и л о с о ф і я.

Тамъ, гдѣ мысль останавливается передъ этими идеями — начинается царство философіи. Какъ скоро предубѣжденія метафизики и трансцендентализма были отброшены — Бэконъ, Ньютонъ, Галилей, признали въ наблюдени и индукціи, которая возводитъ факты къ общимъ идеямъ, единственно законный путь нашихъ познаній, предполагая, что вселенная существуетъ въ самой дѣйствительности, такъ какъ это представляется нашимъ чувствамъ; потому что очевидность этого не можетъ быть доказана. Но Кантъ и его подражатели, ловко владея искусствомъ разрѣзывать волосъ на четыре части, пробовали доказывать, что наблюдение приводитъ къ нелѣпости, потому что оно допускаетъ объективную реальность вселенной, тогда какъ матерія имѣетъ бытіе только въ нашемъ сознани.

Отсюда — двѣ школы. Одна основывается на естественномъ порядкѣ явленій, изъ котораго вытекаютъ онтологическіе принципы, къ которымъ обращаются всѣ здравые умы, и законы, независимые отъ человѣческихъ умозрѣній; другая, которая наблюдаетъ только самое себя и приводитъ къ спорнымъ идеямъ, теряющимся въ облакахъ и потому бесплодныхъ. Въ изслѣдованіяхъ этого рода теряютъ стремленіе къ идеалу, презираютъ слово божіе, также какъ слово человѣческое, и даже самый здравый смыслъ.

Философія въ Германіи отличалась по преимуществу метафизическимъ направленіемъ въ первую половину настоящаго столѣтія; но теперь она является послѣдовательницею реализма и эмпиризма, какъ во Франціи и въ Англій, и знаменитые натуралисты (Дюбуа Реймонъ, Гельмгольцъ) занимались философіей, какъ Окенъ, Шеллингъ и Гегель занимались естественной исторіей, не имѣя большой помощи опыта и положительныхъ наукъ. Революція, непримиримый врагъ спокойнаго обсужденія, имѣетъ въ виду единственно благо политическое и экономическое. Точно такъ-же забываютъ Платона, Лейбница и святаго Ому, для того чтобы идти къ гегельянцамъ, провозглашая позитивизмъ, и не вводя между первоначальной влѣткою и мыслящимъ, свободнымъ существомъ, другого посредствующаго начала, кромѣ силы, дѣйствующей въ теченіе безначальныхъ и безконечныхъ

вѣковъ. „Чѣмъ больше философіи, чѣмъ больше метафизики, тѣмъ больше всѣхъ этихъ утонченностей; тѣ, которые допускають бытіе чего бы то ни было, кромѣ матеріи и силы—невѣжды и лицемѣры“. Такимъ образомъ, отрицаніе доводятъ до отрицанія принципа причинности, который такъ-же очевиденъ въ логикѣ, какъ теорема тождества очевидна въ наукахъ математическихъ; утверждаютъ никогда не прекращающееся движеніе предметовъ; на мѣсто древняго положенія, принимавшаго за первую аксіому то, что извѣстный предметъ не можетъ въ одно и то же время быть и не быть—поставили новое положеніе, признающее тождественность утвержденія и отрицанія. Ученіе Фейербаха строго логически происходитъ отъ Гегеля, хотя современный пантеизмъ не есть гегельянскій идеализмъ, но грубый реализмъ. Гегель предполагаетъ единичную сущность, которая развивается въ природѣ и въ человѣчествѣ и доходитъ съ помощью ума до познанія самой себя. Итакъ, не существовало, слѣдовательно, ни безконечнаго ума, ни всесильной воли, раньше образованія міра; не существуетъ свободной причины бытія міра; нѣтъ провидѣнія, чтобы имъ управлять. Даже въ этой безконечной сущности отрицають знаніе совершенное и равное ей самой. Изъ этихъ отрицаній вытекаетъ, что нѣтъ истины, независимой отъ того идеала, который развивается въ человѣчествѣ; что не существуетъ предмета ни опасеній, ни надеждъ; что нѣтъ другого закона, кромѣ человѣческой воли, другой религіи, кромѣ свободы, другого Бога, кромѣ человѣческаго ума.

Это — гуманизмъ.

Максимиліанъ Стирнеръ пошелъ еще далѣе. Онъ превратилъ человѣчество въ отвлеченность; если что нибудь существуетъ, то это—индивидуальный человѣкъ; въ силу этого, Стирнеръ творитъ индивидуализмъ, отрицаетъ общество, ставитъ на мѣсто филантропіи эгоизмъ, провозглашаетъ индивидуальное господство. Если человѣкъ существуетъ для себя, то онъ и зависитъ только отъ самого себя.

Главную изъ проблемъ: „существуетъ-ли что нибудь?“ одинъ изъ этихъ философовъ объявилъ: „самою большею странностью, самою бессмысленною нелѣпостью, загадкою, которая дѣлала бы изъ божества нѣчто лишенное смысла и нравственнаго значенія, если бы существовало самосознающее божество“. Отвергая эту идею, которая, по нашимъ понятіямъ, предшествуетъ всякому дѣйствію, происходящему изъ сознанія и воли, не стѣсняя себя ничѣмъ въ дѣйствіяхъ своей фантазіи, они отрицають (какъ нѣкогда аверроисты) существованіе матеріи; но вмѣстѣ съ тѣмъ вселенная является у нихъ проникнутою извѣстными душами, которыя суть не что иное, какъ соединеніе силъ; они обмѣливають силу на Бога, что однако же въ прижизненіи своемъ возвращается къ тому, что вмѣсто его снова является сила; они отождествляютъ физическую дѣятельность и жизненные свойства; они устанавливаютъ самый строгій детерминизмъ (*déterminisme*) въ опредѣленіи непосредственныхъ причинъ жизни. Для того,

чтобы что нибудь опредѣлить, нужно наблюдать; а они, напротив— принимаютъ факты, которыхъ они никогда не видѣли, напр. внутреннее возобновленіе — постоянное и всецѣлое, при посредствѣ мускульнаго всасыванія и выдѣленія остатка, въ то время, какъ жизненный потокъ проникаетъ организмъ, возобновляя субстанцію, всецѣло сохраняя форму частицъ.

VI.

Матеріализмъ.

Школа Огюста Конта, которой далъ широкое развитіе Литтрé, отрицаетъ все, что не есть опытъ и наблюденіе. Поставляя Бэкона на мѣсто Спинозы и Гегеля, она пришла путемъ позитивизма къ идеѣ пантеизма, которая исключаетъ Бога изъ управленія міромъ. Агностицизмъ хочетъ, чтобы все, заключающееся въ нашей мысли, было не другимъ чѣмъ, какъ простымъ впечатлѣніемъ, не имѣющимъ ничего соответствующаго себѣ въ самой дѣйствительности. Короче сказать, исторія и науки управляются въ наше время философіей скептической, которая не допускаетъ мыслей, не признаетъ ума какъ опредѣленнаго начала, парализуетъ волю, ищетъ нравственности, лишенной основы (*indépendante*), ищетъ религіи, состоящей въ томъ, чтобы не имѣть никакой религіи; наконецъ, смотритъ на небо и не видитъ въ немъ Бога.

На мѣсто философіи исторіи, которая опирается на метафизическія идеи, какъ періодическія революціи и постоянный прогрессъ, поставили социологію, науку явленій, которая думаетъ объяснять жизнь рода человѣческаго, какъ объясняютъ всякое органическое сочетаніе, то есть, посредствомъ всеобщихъ условій жизни, и формулируя ближайшія причины и законы социальныхъ явленій. Такимъ образомъ, къ наукамъ нравственнымъ, къ развитію духа человѣческаго, прилагаютъ систему естественныхъ наукъ не въ метафизическихъ или догматическихъ идеяхъ, но черезъ примѣненіе опыта, не ставя въ зависимость отъ идеи явленія, которое есть продуктъ превращенія силъ одного тѣла въ другое тѣло. Такъ объясняетъ наука явленіе, лучше сказать—она приводитъ его къ свойствамъ, или ко всеобщей дѣятельности тѣлъ, которыхъ оно есть продуктъ. Все во вселенной связано между собою, и общество, которое наиболѣе приближается къ обществу человѣческому, есть ассоціація животныхъ; но животныя лишены началъ гражданской жизни, которая выражается въ нравственности, въ правѣ, въ религіи, въ понятіяхъ объ изящномъ, въ наукѣ. Науку этой жизни составляетъ социологія, которая видитъ въ ней совершенное развитіе, изслѣдуетъ не только акты фізіологическіе, но также инстинкты и дѣйствія чисто рефлекторнаго

характера, умъ, волю, однимъ словомъ, общество, общество—способное имѣть исторію, нравственность, право; общество, у котораго находимъ преданія, религиозный культъ, государство, и которое, наконецъ, поставляетъ себѣ цѣлью извѣстный идеаль, понятіе о которомъ ему присуще.

Кто отдается исключительно одной наукѣ, тотъ поглощается ею. Физиологъ все возводитъ къ мѣрнымъ сотрясеніямъ мозга; мысль есть выдѣленіе, точно такое же, какъ и каждое другое,—результатъ того или другаго физиологическаго процесса. Геометръ требуетъ математическихъ доказательствъ; теологъ повсюду находитъ чудо; политикъ вездѣ видитъ пользу; діалектикъ добивается достиженія истины, безъ помощи вѣры; матеріалистъ останавливается на объектѣ, не обращая вниманія на субъектъ, то есть на свойства; для него тѣло представляетъ только нѣчто химическое, физическое, физиологическое. Гэкель искалъ на днѣ морскомъ произвольнаго рожденія въ монарахъ — сочетанія углерода, лишеннаго организма, которыя однако жъ питаются, движутся, и производятъ себѣ подобныхъ. Но Вирховъ, какъ рационалистъ, утверждаетъ, что всѣ факты свидѣтельствуютъ противъ произвольнаго рожденія и развитія; онъ смѣется надъ батиліемъ (bathylus), открытымъ Гексли (Huxley) въ ряду предшественниковъ человѣка.

Въ сравнительной филологіи, Веберъ, Максъ Мюллеръ, Ренанъ, думали отыскать исторію міра, противорѣчащую памятникамъ; они превратили факты въ идеи, при которыхъ факты были бы только логическимъ развитіемъ; религіи сдѣлались бы въ такомъ случаѣ только продуктомъ этого развитія. Гумбольдтъ написалъ весь свой „Космосъ“, не произнося имени Бога, не находя въ мірѣ ничего, кромѣ безформенной матеріи, слѣпыхъ законовъ и силъ, которыми обладаетъ матерія въ себѣ и черезъ себя; жизнь является тамъ, гдѣ для ея рожденія образуются частичныя сочетанія. Чѣмъ больше разумъ обожаетъ самъ себя, тѣмъ глубже его упадокъ. Лучшіе умы негодуютъ на злоупотребленіе, которое дѣлаютъ изъ естественныхъ наукъ противъ высокаго отраелей знанія, и требуютъ защиты этихъ послѣднихъ помощью доказательствъ, даваемыхъ науками спеціальными. Человѣкъ можетъ коснѣть въ своемъ сомнѣніи; но тотъ, кто является наставникомъ другихъ въ книгахъ или на кафедрѣ, не имѣетъ на это права.

И пусть не говорятъ, что философскія умозрѣнія неумѣстны въ такую эпоху, характеръ которой составляетъ индефферентизмъ. Хорошо по меньшей мѣрѣ относиться съ сомнѣніемъ къ эмпирическимъ аксіомамъ, и какъ бы эти умозрѣнія ни являлись отвлеченными,—онѣ оказываютъ на общественную жизнь дѣйствіе, медленное, можетъ быть, и скрытое, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное. Изъ этого отрицанія индивидуальности мыслящаго субъекта проистекаетъ всеобщее уменьшеніе нравственной свободы, уменьшеніе отвѣтственности, а въ слѣдствіе этого нашъ вѣкъ находитъ извиненія для всевозможныхъ

заблуждений и всевозможных преступлений. Материализм прокрадывается даже въ такую науку, которая касается ближе всего человѣческихъ страданій, и здѣсь онъ производитъ разладъ, внося въ нее выводы, заимствованные изъ теорій развитія и пантеизма; съ независимой моралью онъ поставляетъ человѣка одного передъ человѣкомъ; чувство долга остается въ сторонѣ; понятие нравственной свободы объявляется химерою; наслѣдственность и инстинктъ дѣлаютъ человѣка преступникомъ и героемъ. Далѣе, переходя отъ идей къ дѣйствіямъ, возводя фактъ въ принципъ, говорятъ, что единственный прогрессъ общества заключается въ прогрессѣ науки, что достоинство и право личности должны приноситься въ жертву требованіямъ рода, улучшенію расы, или расширенію царства; закрываютъ библію и надѣются утѣшиться съ помощью книгъ и изящныхъ искусствъ страдающія души; хотять насытить неимущіе классы изобиліемъ программъ; смотреть на умъ, а не на чувство, на голову, а не на сердце; стремятся обновить человѣка и общество посредствомъ правилъ и законовъ, переродить совѣсть индивидуумовъ, отрѣшая ее отъ преданія, такимъ образомъ, чтобы самая совѣсть сдѣлалась единственнымъ закономъ, единственною моралью будущаго. На мѣсто древняго права, вѣчнаго, основаннаго на разумѣ, на справедливости, на договорахъ—поставили другое, которое полагаетъ въ основу время, пространство, матерію вмѣсто вѣчнаго, безпредѣльнаго, вмѣсто—ума. Это право имѣло адептовъ и проповѣдниковъ, но оно не имѣетъ еще теорій, равно какъ не имѣетъ другой санкціи, кромѣ санкціи совершенія дѣла, въ силу чего все, что исполнено съ успѣхомъ, признается хорошимъ.

Если наука, изучая исключительно явленія, думаетъ, что она превратила матерію въ силу, тогда какъ она разсматривала только одинъ изъ элементовъ матеріи; съ другой стороны, когда она хочетъ уничтожить всякое различіе не только въ матеріи, но даже между формою органическою и формою неорганическою, то она отъ этихъ положеній приходитъ вмѣстѣ съ Гегелемъ къ утверженію, что нравственныхъ погрѣшностей не существуетъ, что человѣкъ совершаетъ преступленіе точно такъ, какъ рвотное производитъ изверженіе. Нѣтъ, это не такъ. Пусть совѣсть подчинена законамъ органическаго механизма,—она тѣмъ не менѣе не исчезаетъ поэтому подъ вліяніемъ механическихъ дѣйствій, какъ будто бы она представляла не что иное, какъ сцену, на которой механическіе дѣятели разыгрываютъ свою роль; и если бы мозгъ нашъ представлялъ не что иное, какъ фисгармонію, то не нужна ли рука и дуновение для того, чтобы производить звукъ и видоизмѣнять его, смотря по степени ловкости того, кто сталъ бы на ней играть?

Нѣтъ, руководимые лучшею философіею—здравымъ смысломъ, призовемъ человѣка къ неизмѣнному вѣрованію въ его нравственную свободу. Свободная въ своихъ самоопредѣленіяхъ наша душа можетъ дѣлать выборъ между добромъ и зломъ, принимать истину, или увле-

катся заблужденіемъ, противиться божественному порядку, или при-
мыкать къ нему, и тамъ, гдѣ прекращается могущество человѣка,
признавать могущество безконечнаго. Истины существуютъ, даже если
человѣкъ ихъ не понимаетъ.

Философія, которая есть разумная религія, и религія, которая есть
сознаніе истины, имѣютъ одно и тоже начало и одну и ту же цѣль:
чувство божественнаго и нравственное благо.

Предразсудокъ, что достоинство человѣка состоитъ между про-
чимъ въ умѣннѣ читать и писать, привелъ къ тому, что школа сдѣ-
лалась обязательною, подобно курсу бумажныхъ денегъ. Азбукою и
гимнастикою занимаются гораздо больше, чѣмъ душою народа; поже-
лали передать въ руки правительства монополію общественнаго обра-
зованія, которое получило значеніе господствующей силы, до того, что
изъ него сдѣлали антитезу древнихъ вѣрованій.

VII.

Л и т е р а т у р а .

Литература, которая есть изученіе истины въ ея научныхъ и ре-
лигіозныхъ проявленіяхъ, неисчерпаемый источникъ умственныхъ удо-
вольствій, утѣшеніе, когда насъ сломила жизнь или разочаровала
соціальная борьба, литература, которая сообщаетъ человѣку чувство
его собственнаго достоинства и сознаніе его божественнаго происхож-
денія,—эта литература не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ изящ-
наго чувства (*délicatesse*); ея нельзя надѣяться найти тамъ, гдѣ без-
вѣріе въ модѣ, гдѣ не существуетъ другого десятеловія, какъ только
производить и продавать, выигрывать и наслаждаться, все переносить
трепеща и произнося хулы въ одно и то же время, отказаться отъ
независимости мысли, торговать собственнымъ униженіемъ! Теперь
уже не разсуждаютъ больше о классикахъ и романтикахъ, какъ
обыкновенно бываетъ, когда задача разрѣшена; но пусть же, подъ
вліяніемъ маніи къ новизнѣ, не сводятъ къ нулю преданій, не превра-
щаютъ въ отвлеченность истины и достоинства. вмѣсто великихъ
образцовъ мысли и изящества изложенія, мы находимъ стремленіе
проводить въ жизнь множество лишенныхъ основательности идей,
которыя не представляютъ ни мѣры, ни порядка, и выказываютъ явное
неуваженіе къ читателямъ и публикѣ.

Тьма нашего рабства разсѣвалась по мѣрѣ того, какъ являлись
L'histoire d'Italie, *Les Hymnes Sacrés*, *Les Fiancés*, *Les Lombards croi-
sés*, *Le Primato d'Italia*, *l'Origine des idées*, *Mes Prisons* и другія книги,
которыя пробуждали чувство и заставляли размышлять. Вообще, до
1848 г. были имена, которыя потомство будетъ повторять, хотя въ
настоящее время они въ презрѣннѣ или забыты. Въ настоящее же

время, хотя количество писателей возрастает со дня на день, чрезвычайно трудно встрѣтить людей, за которыми можно было бы признать талант; и такъ какъ встрѣчается множество чтецовъ, а не читателей (*des liseurs et non des lecteurs*), то критика, лишенная прочныхъ эстетическихъ основаній, которая на нашихъ глазахъ превращается изъ трибунала въ магазинъ, заставляетъ всѣхъ плясать по своей дудкѣ; издають въ свѣтъ прежде времени разрозненные отрывки, безъ связи съ прошедшимъ и безъ вліянія на будущее, гдѣ объявляютъ идеи зрѣлыми, взвѣшиваютъ и контролируютъ ихъ, или ослабляютъ ихъ значеніе посредствомъ возвышенныхъ созерцаній, необходимыхъ каждый разъ, какъ скоро приходится разбирать какой нибудь социальный или религіозный вопросъ. Въ изслѣдованіе причинъ не входятъ съ должнымъ вниманіемъ, не идутъ отъ мелочно кропотливаго анализа къ могущественному синтезу. Отказавшись отъ изящества грековъ, отъ величія римлянъ, отвыкая отъ спокойствія искусства, отъ благородной тревоги мысли, отъ склонности къ предметамъ возвышеннымъ, поставили литературу остроумныхъ произведеній на мѣсто литературы, всецѣло отданной идеямъ, которая находится въ согласіи съ прошедшимъ, вдумывается вмѣстѣ съ настоящимъ, размышляетъ о будущемъ и осмѣливается имѣть мнѣніе, независимое отъ мнѣнія общепринятаго. Такимъ образомъ, арена остается открытою для посредственности, для промышленности, для состязаній самолюбія, для маневровъ партій. Прежде поприщемъ литературы были академіи; теперь она бросилась въ адвокатскія пренія и увлеклась рѣчами въ избирательныхъ собраніяхъ и парламентахъ; и тамъ, точно такъ же какъ и въ академіяхъ, реторика заступаетъ мѣсто анализа, слово замѣняетъ идею, наглое увѣреніе—солидное доказательство. Краснорѣчіе и исторія часто являлись орудіями политики; послѣдняя всегда вліяла на нихъ. Было бы несправедливо сказать, что новаго ничего нѣтъ, что всѣ идеи исчерпаны. Время предало забвенію много благородныхъ мыслей и благородныхъ трудовъ; и духъ человѣческой созданъ такимъ образомъ, что онъ можетъ повторять мысли и дѣла прошлаго времени, лишь бы только это прошлое представляло общее съ настоящимъ, и чтобы въ настоящемъ нашли ту благовременность, которой обстоятельства не представляли прежде, или которой проницательность автора не могла замѣтить.

Среди развращающихъ чувствъ и выходящихъ изъ границъ бредней, являются грязныя произведенія, кровавыя эпиграммы, оскорбительныя личности, скандалы, нескромности, съ нескрываемымъ намѣреніемъ сдѣлать зло, безъ уваженія и стыда; насмѣхаются надъ благородствомъ, гениемъ, даже надъ самымъ крестомъ; клеветуютъ на прошлое, развращаютъ настоящее и компрометируютъ будущее. Шуточная, пытливая, подозрительная и клеветущая полемика—оружіе убійственное въ рукахъ дѣтей—пустила въ жодъ абсолютизмъ, распутство, скандалъ, для того чтобы вербовать читателей среди

оглушительнаго шума мнѣній, формулированныхъ въ словѣ, олицетворенныхъ въ человѣкѣ, проповѣдуемыхъ въ обществѣ, въ которомъ царять пошлыя чувства и рабскія страсти. Полемика эта всегда показываетъ уваженіе къ человѣку, умѣющему ее обмануть.

Газеты сдѣлались единственнымъ интеллектуальнымъ элементомъ, единственнымъ вдохновеніемъ въ такое время, которое не хочетъ или не можетъ думать и рѣшать само за себя, и когда перомъ сороки или попугая замѣнено перо орла или лебедя. Новые Лазари, которые изъ-за крохъ грызутся съ собаками, обречены удовлетворять каждый день развращенному любопытству; они соперничаютъ между собою въ шпіонствѣ, въ выдумкахъ, въ постыдной мести; они презрѣнны въ ихъ панегирикахъ, они презрѣнны въ ихъ порицаніяхъ; они прокрадываются во всѣ семейства, даже въ походный лагерь; они присвоили себѣ привилегію—создавать іерархію заслугъ по своему усмотрѣнію и замѣнять общественную совѣсть искусственно вызванными желаніями, съ цѣлью обмануть ближняго и представлять факты въ видѣ, несогласномъ съ истиной.

Добиваясь такимъ образомъ и достигая безграничнаго владычества надъ человѣкомъ, называемымъ, въ противоположность другимъ, животнымъ разумнымъ, газета потеряла свое достоинство, сдѣлавшись, въ концѣ концовъ, выразительницею личности или обычныхъ посятителей кафѣ; а коноводы народа разрушили ее своею многочисленностью и проистекающими отсюда противорѣчіями. Какую огромную заслугою обладаютъ тѣ, которые могутъ похвалиться, что они никогда не осмѣивали честнаго дѣла, никогда не приводили въ отчаяніе добродѣтели!

Какъ скоро свѣтлое настроеніе умовъ исчезло, начали искать ужаснаго, необыкновеннаго. Это уже не психологія, это — патологія; уже не хотятъ возбуждать интереса честностью, благородствомъ; простое и изящное представляется пошлымъ подлѣ преувеличенія и атлетическихъ позъ; Касти предпочитаютъ Парини, восковую Венеру—„Моисею“ Микель-Анджело, адамову голову—Жонкилю, клоаку—источнику. Романы, которые появляются каждый день, какъ грибы, представляютъ міръ чѣмъ-то въ родѣ госпиталя, темницы или развратнаго дома. Легкомысленно рисуя подробности, изображая страсти въ ихъ наготѣ, исключительные характеры, вздорныя ученія, планы всеобщаго уравнинія состояній, клеветы, чувственныя влеченія, скандалы, вторя неизлечимой наклонности, влекущей насъ внизъ, — они стремятся льстить инстинктамъ разнузданнаго общества и наглости выскочекъ, давать возбуждающія средства ослабѣвшей чувственности, оскорблять женщину въ ея достоинствѣ, въ ея преимуществахъ, въ ея счастіи для того, чтобы эманципировать ее, говорить они, отъ подчиненія ея чувству вѣры и стыда, для того, чтобы сдѣлать міръ свободнымъ до коммунизма включительно. Если же кто нибудь, негодую на то, что эти стоки оставляютъ безъ воздухоочистительныхъ

средствъ, жалуется на это публично, издатель отвѣчаетъ: „это продается“.

Не здѣсь нужно искать средствъ имѣть людей, которые могли бы воззвать свое отечество къ новой жизни, когда оно умираетъ, оплакивать и любить его даже тогда, когда оно пало. Точно такъ же гибельно, что эти оскорбленія вѣрѣ и нравственности не могутъ происходить, не вредя языку и искусству. Созерцаніе прекраснаго возводитъ насъ къ познанію истины и осуществленію блага, и превращаетъ прекрасное въ орудіе порчи, значить отводить его отъ его конечной цѣли и сущности и не стремиться къ тому, чтобы развивать путемъ изящной литературы въ душахъ человѣчность.

Выдѣляя себя изъ числа тѣхъ, которые разсматриваютъ эстетику со стороны матеріальной, со стороны полезнаго или пріятнаго, мы желаемъ видѣть въ ней стремленіе къ истинному, прекрасному, къ благу; мы желаемъ, чтобы она дѣлала народъ серьезнымъ, искреннимъ, трудолюбивымъ. Поэзія была прежде прелестью жизни, средствомъ возвышать чувства, школою нравственности и вѣжливости. Прекрасное, хотя оно отличается отъ истиннаго, представляетъ собою тѣмъ не менѣе нѣчто божественное. Его нужно принимать, не зная, какъ оно образуется. Одно истинное прекрасно, но не всякое истинное въ то же время прекрасно: его нужно одухотворить; не нужно надѣяться найти его въ общихъ мѣстахъ, въ изнѣженномъ сладострастіи, въ тривіальности положеній и языка.

Кто ищетъ только истиннаго, тотъ не болѣе какъ подражаетъ: тотъ, кто ищетъ одного прекраснаго, производитъ карикатуры, или что нибудь фантастическое. Слишкомъ близкое подражаніе природѣ не могло бы производить совершенства въ искусствѣ; прекраснаго можно достигнуть только изучая пропорціональности и гармоніи истиннаго.

И такъ какъ Франція продолжаетъ давать тонъ—особенно потому, что во Франціи столько же стараются возвышать всѣхъ вообще писателей, сколько въ Италіи заботятся о томъ, чтобы ослабить или уничтожать ихъ вліяніе,—необходимо охарактеризовать здѣсь патріарха этого рода литературы, потому что онъ безсмертенъ, и пережилъ всѣхъ своихъ учениковъ. Весь въ антитезахъ и блестящемъ исчисленіи качествъ, матеріализируя нематеріальное и спиритуализируя матерію, ища эффекта въ ущербъ истинѣ, желая не истины, не морали, не искусства, а силы, онъ поставляется въ необходимость, благодаря своимъ антитезамъ, искать постоянно необыкновеннаго. Изъ тысячи шутивыхъ заглавій, которыя ему представляются, онъ избираетъ *Qui qu'en grogne*; между тысячами героинь выбираетъ Борджію, между тысячами революціонеровъ—Гавроша, между тысячами людей безобразной наружности онъ выбираетъ человѣка, лицо котораго покрыто рубцомъ такимъ образомъ, что онъ представляется вѣчно смѣющимся; изъ числа столькихъ героическихъ словъ, онъ избираетъ слово Кам-

броня; между столькими карательными (coercitives) законами, онъ увлекается закономъ, осуждающимъ на галеры несчастнаго, котораго голодъ заставляетъ красть кусокъ хлѣба.

По слѣдамъ Виктора Гюго шель Герацци. Мы находимъ у него большую несоразмѣрность между воображеніемъ и силою сужденія, декламацію, а не краснорѣчіе, образы, а не мысли. Онъ точно такъ же, при непрекращаемыхъ обвиненіяхъ противъ общества, изображаетъ человѣка, какъ существо по природѣ злое, неистовое, гнѣвное, отчаянное, въ войнѣ противъ достоинства человѣческой души, сардонически насмѣхаясь надъ лицемѣріемъ и низостью новѣйшихъ героевъ. И въ настоящее время другой искусный живописецъ народныхъ нравовъ, выставя на показъ дрянность тѣла и души человѣка, производитъ въ насъ отвращеніе не къ порокамъ, которые изображаетъ, но къ той картинѣ, которую рисуетъ въ изображеніи ихъ, показывая, что онъ не признаетъ ни злобы, ни добродѣтели, ни возможности раскаянія или исправленія въ той клоацѣ, куда, какъ ему представляется, упали эти обездоленные судьбою классы.

Вслѣдъ за ними другіе писатели любятъ оскорблять стыдъ и вѣру, любятъ свидѣтельствовать о своей симпатіи не къ народу, но къ одной части народа, развращенной городами и мастерскими; любятъ хулить Бога, прославляя сатану, который никогда не любилъ; наконецъ, стараются отклонять отъ исповѣдальни и монастыря, для того чтобы толкать въ таверны и развратные дома.

VIII.

Т е а т р ъ.

Театръ занимаетъ доселѣ главное мѣсто между искусствами, и когда газеты говорятъ объ искусствѣ и артистахъ, они разумѣютъ комиковъ, пѣвцовъ и корь-де-балетъ. Драматическое искусство не вызывается такого же всеобщаго сочувствія, не представляетъ тѣхъ же значительныхъ выгодъ, ни такого количества труппъ, которыя посвящали бы себя ему, ни тѣхъ рукоплесканій, которыя награждали бы актеровъ. Но оно сдѣлало успѣхъ, поставивъ себѣ цѣлью — изображать истинное. Тѣмъ не менѣе однако жъ оно даетъ намъ, и даже часто, карикатуры воображаемаго общества, страсти и событія, входящія изъ обыкновеннаго порядка вещей; оно гораздо менѣе благопристойно въ языкѣ, нежели въ чувствахъ, которыя выражаетъ, и въ положеніяхъ, которыя намъ даетъ.

Французамъ принадлежитъ пальма первенства въ драматическомъ родѣ. Александръ Дюма-сынъ проложилъ путь; анализъ его утонченъ; но его положенія слишкомъ смѣлы и ложны. Онъ часто вредитъ естественности своего діалога, желая блеснуть умомъ или оригиналь-

ностью мысли. Въ слѣдъ за нимъ явились Ожье, Фейé (Feuillet), Сарду. Этотъ послѣдній плодovitъ въ изобрѣтеніи сложной интриги, которая всегда у него оживлена и подробности которой разнообразны. Нѣкоторые привели комедію къ тому, что она сдѣлалась выраженіемъ социальныхъ положеній; другіе вслѣдъ за великимъ корифеемъ, вмѣстѣ съ неблагопріистойностями извращаемой исторіи, вмѣстѣ съ чувствами, удалившимися отъ истины и дошедшими до послѣднихъ границъ крайности, предприняли возстановленіе нравственнаго авторитета Мессалины, Клеопатры. Нѣкоторые, въ небольшомъ впрочемъ числѣ, пробовали удержать комедію въ ея роли нравственнаго изображенія съ благоразумными положеніями и примѣрами обыкновенныхъ добродѣтелей, которыя слишкомъ презираются.

IX.

Музыка.

Музыка продолжаетъ владычествовать. Кромѣ театра, она имѣетъ общества хораловъ и орфеоновъ; вмѣсто того, чтобы утишать страсти, она возбуждаетъ ихъ при посредствѣ гимновъ и музыкальныхъ трубъ, и это еще счастье, когда она оказываетъ помощь героизму и правому дѣлу, а не возбуждаетъ къ насилию и рѣзнѣ. Блескъ, который сообщили оперѣ внѣ Италіи, и огромныя употребленныя на нее издержки отняли у Аппенинскаго полуострова первенство, которое принадлежало ему въ этой области. Послѣ Бетховена и Баха и Lieder Мендельсона, Мейерберъ соединилъ гармонію и мелодію. Шуманъ, Литольфъ, Шопень († 1849 г.), Листъ, составили себѣ славу въ программной музыкѣ. Тальбергъ сдѣлался извѣстнымъ своими фантазіями; Вагнеръ ввелъ новую систему исключительной гармоніи. Составивъ себѣ извѣстность своимъ „Логенгриномъ“ и своимъ „Тангейзеромъ“, онъ хочетъ сдѣлать изъ музыки искусство, независимое отъ сцены, отъ mezzo termine, отъ обычаевъ, отъ пути всякаго рода, устанавливая въ ней драму—симфонію, музыкальную декламацію, которая была бы далека отъ речитатива, какъ отъ ари, и поставляя въ ней на мѣсто прекраснаго чувственнаго—высокое умственное. Естественно, что французы пренебрегаютъ этимъ родомъ, предпочитая ему драматическій (Обе, Гуно), равно какъ и итальянцы, предпочитающіе Верди, Риччи, Пончіелли, Пачини, Донизетти, Матцукато. Священная музыка, конечно, не позволяетъ себѣ заглушать слово потоками гармоніи.

X.

Изящныя искусства.

Что касается изящных искусствъ, то архитектура, которая представляетъ самое замѣчательное соединеніе ихъ, неизбѣжно должна была обновиться, благодаря введенію матеріаловъ, прежде мало употреблявшихся, какъ желѣзо и стекло, а равно и потому, что пужно было служить новымъ нуждамъ — желѣзныхъ дорогъ, станцій, магазиновъ, зданій для выставокъ.

Но въ государствахъ вновь созданныхъ архитекторъ уступаетъ первенство инженеру, карандашъ уступаетъ компасу; мало умѣли соединять прекрасное съ полезнымъ. Нѣмецъ Земпе († 1879 г.), англичанинъ Барри († 1860 г.), французъ Віоле-ле-Дюкъ († 1879 г.), итальянцы Полетти († 1869 г.), Самбертоло († 1869 г.), принадлежатъ къ школѣ прошедшаго. Какъ обыкновенно случается въ эпохи перехода, пробуютъ или смѣшиваютъ всѣ стили.

Скульптура также можетъ указать на нѣсколько славныхъ именъ. Англичанинъ Гибсонъ († 1866 г.), французъ Давидъ д'Анжеръ. У итальянцевъ послѣ Бартолини, который искалъ воспроизведенія истиннаго, удивлялись Спартаку Вела, Авелю Дюпре, Дженнеру Монтеверде, Сократу Магни. Мода ищетъ между тѣмъ группъ дѣтей, масокъ, раздражающей чувственность наготы.

Въ живописи оставляютъ реторику и академическій родъ, объективность изображенія, позы школы. Теперь желаютъ перейти отъ пластическаго совершенства древнихъ и спиритуалистическаго пуризма XIV-го вѣка къ изображенію истиннаго. Но въ образцахъ истиннаго никогда не было недостатка, а особенно въ священныхъ картинахъ, гдѣ нужно было изображать дѣйствительныхъ людей и домашнія сцены. Въ свѣтской живописи достаточно указать на Бонапарта, посѣщающаго зачумленныхъ въ Яффѣ, гдѣ классически изображены лохмотья и облагорожены страданія. Во всякомъ случаѣ, нельзя допускать изображенія природы безъ мысли и чувства артиста, какъ это бываетъ въ фотографіи. Внимательнымъ изученіемъ истиннаго долженъ управлять критическій духъ нашей эпохи.

Съ нимъ могли первоначально сообразоваться въ изображеніи пейзажа, цвѣтовъ, раскаленной земли Неаполи, и вообще обыкновенной, повседневной жизни. Такъ какъ теперь не существуетъ уже большихъ заказовъ для церквей и дворцовъ и нужно приспособляться къ малымъ аппаратамъ, то представляются рѣдко удобные случаи изображать предметы въ большихъ размѣрахъ, съ хорошо задуманной идеей, вѣрностью костюмовъ, серьезностью сценъ, величіемъ въ исполненіи рисовки, движеніемъ чувствъ въ дѣйствіяхъ благородно чело-вѣческихъ.

Между тѣмъ, парижская выставка представила образцы этого рода — въ Австріи, въ Испаніи и особенно во Франціи. Между ними Давидъ, Гро, Делакруа, Дюваль, Мюле, Жерико, Энгръ (Ingres), который говорилъ: „рисунокъ—это душа искусства“,—имѣютъ достойныхъ преемниковъ въ лицѣ Лоранъ, Беккера, Сильвестра, Буланже, Делоне, Флери, Ролль, Глезъ. Это художники съ огромнымъ талантомъ въ изображеніи сценъ древней, или современной исторіи, или въ изображеніи предметовъ новыхъ, большею частію патріотическихъ, всегда серьезныхъ, иногда трагическихъ.

Значительное количество живописцевъ перешло отъ философскаго рода Деларошъ, д'Ари-Шефферъ, Фландренъ, къ идолопоклонству передъ формой, а потомъ, чтобы отрѣшиться отъ итальянцевъ, на которыхъ, однако-жъ, они воспитались, они предались напыщенности, перешедши къ изображенію страшныхъ событій или непріятной правдивости изображенія. Немногіе сохранили свою художественную самобытность и остались оригинальными, какъ наприѣръ, Реньо, Бугеро, которыхъ характеръ—сила, или какъ граціозный Коро.

Англичанинъ Рускинъ увлекся любовью къ XIV вѣку и занялся отыскиваніемъ другихъ сюжетовъ, помимо собственно изящныхъ (delicat).

Въ Германіи также создаютъ глубоко обдуманныя картины, какъ напр. „Лютеръ“ Кольбаха и „Карлъ Пятый“ Макара.

Но вообще говоря, живопись не имѣетъ въ настоящее время характера оригинальности. Если она представляла суровый и строгій характеръ въ XIII вѣкѣ, правильный и спиритуалистическій въ XIV съ оттѣнкомъ мира и любви, свободный и изящный въ XV вѣкѣ, своеобразный и неправильный въ XVI, если она была сначала подражательною, а потомъ классическою въ теченіе послѣдняго столѣтія и въ началѣ нашего, то въ настоящее время она имѣетъ характеръ эклектическій, какъ это существуетъ теперь во всемъ. И даже въ Италіи знаменитыя имена Бертини, Де-Нитти, Пазини, Пагліано, де-Зона, д'Индунно и нѣкоторыя другія не представляютъ исключенія изъ этого общаго направленія. Гэйе (Hayez) развилъ любовь къ драматическому. Въ возвышенныхъ предметахъ, однако жъ, все еще чувствуется академическій родъ; нужно исключить јѳоноclastes Морелли и аѳинскаго правителя Усси. Маріани и Фракассини соперничали съ лучшими живописцами фрескъ. На выставкахъ находятъ въ большомъ количествѣ пейзажи, портреты, шуточные сцены, нежели сюжеты, которые обдумывались бы въ теченіе годовъ. Въ картинахъ религіознаго содержанія, чувствуется упадокъ вѣры: святые имѣютъ слишкомъ человѣческій характеръ.

Фотографія отняла много портретовъ у живописи, но она также помогла сильно распространенной модѣ къ иллюстраціямъ. Съ помощью литографіи и гравированія на деревѣ, иллюстрировали огромное количество книгъ. Назовемъ въ числѣ ихъ Данте и „библію“ Густава

Доре, „путешествіе вокругъ свѣта“ Картона, третье вторженіе Верона, съ рисунками Огюста Лансона. Мы могли бы прибавить къ этому, что всѣ историческія сочиненія и всѣ романы иллюстрировались.

Прекрасный карандашъ. Шама († 1879 г.) никогда не будетъ забытъ.

Большое количество писателей занималось исторіею изящныхъ искусствъ, исправляя иногда съ помощью новыхъ документовъ то, что сообщали ихъ предшественники. Эту задачу исполнили по отношенію къ Вассари миланцы—Кроуэ и Кавалькасель, историки итальянской живописи, какъ Любеке. Мюнцъ описалъ памятники Рима. Послѣ подробной біографіи, Пассаванъ, Гриммъ, Форстеръ, Спрингеръ, писали въ Германіи о Рафаэлѣ, а въ отечествѣ послѣдняго образовалось общество, носящее имя великаго художника. Новыя идеи легли въ основаніе критики; но онѣ отличаются иногда характеромъ положительнаго сумасбродства. Послѣ Рю и Катремера, нужно назвать во Франціи Віардо, Лаборда, Куанде, Грюйе, Сире, Клеманъ, Веронъ. Нѣмецкая эстетика представляетъ отвлеченности, которыя не служатъ искусству.

Вообще, искусство вошло въ сдѣлку съ главнымъ порокомъ нашего вѣка: оно вульгаризировалось. Современный прогрессъ облегчилъ выполнение, создавъ приемы, дающіе возможность производить съ большею быстрою въ большемъ количествѣ и пріобрѣтать популарность. Но въ этомъ способѣ производства нѣтъ принципа для твореній оригинальныхъ, ни условій для прогресса. Кромѣ того, есть искусство, которое укрѣпляетъ, возвышаетъ, облагораживаетъ человѣческую природу; и есть другое, которое ее унижаетъ, низводитъ съ высоты, портитъ. Этотъ послѣдній родъ искусства имѣетъ своихъ адептовъ, также какъ и первый.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ КРЫМЪ ВЪ СЕМИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ ¹⁾.

СЕМИЛѢТНЯЯ война, о которой навсегда остались лишь одни горькія воспоминанія и которая, возникнувъ изъ-за сѣверо-германской провинціи, распространилась до Африки, до лѣсовъ Канады, и береговъ Ганга, была хорошо изучена и много разъ описана. Она поглотила богатства всей Европы; многія сотни тысячъ людей погибли въ ней. Фридрихъ II, вышедшій изъ этой войны побѣдителемъ, нѣсколько разъ въ теченіи ея находился на краю гибели, а Франція вынесла изъ борьбы ужасный трактатъ 1763 года.

Эти воспоминанія слишкомъ тяжки и на нихъ нѣтъ охоты останавливаться. Но въ ряду битвъ, опустошеній и рѣзни, наполнявшихъ собою эти годы, выдѣляется одинъ странный эпизодъ, который переноситъ насъ со скучныхъ равнинъ Силезіи на свѣтлыя поля Тавриды и является какой-то восточной сказкой, среди суровой прозы войны. Впрочемъ, этотъ эпизодъ совсѣмъ не сказка а страница истинной исторіи, только мало извѣстная. Мы попытаемся воспроизвести ее.

Это случилось въ 1761 году. Всякому извѣстно, какъ Фридрихъ II, заручившись англійской субсидіей и располагая лишь средствами своего маленькаго прусскаго королевства, въ которомъ въ то время считалось не болѣе пяти милліоновъ населенія, возимѣлъ дерзость бороться съ европейской коалиціей, въ составъ которой входили Фринція, Австрія, Саксонія, Швеція и Россія. Всякому извѣстны блестящіе успѣхи его первыхъ кампаній, его вторженіе въ Саксонію, въ

---

¹⁾ Une ambassade prussienne pendant la guerre de sept ans. Nouveaux recits de voyage; par Xavier Marmier. Paris. 1879.

Богемію, капитуляція Пирны, битва при Прагѣ и несчастная для Франціи Росбахская битва, которую Вольтеръ такъ постыдно увѣковѣчилъ въ одной изъ своихъ льстивыхъ одѣ.

Но счастливые дни быстро миновали и смѣнились днями неудачъ. Французы вторглись въ Вестфалію и Ганноверъ. Герцогъ Ришелье на берегахъ Эльбы разбилъ, преслѣдовалъ и заставилъ положить оружіе войска, которыя были посланы Георгомъ II на помощь Фридриху. Герцогъ де-Брольи, дѣдъ и отецъ котораго были маршалами Франціи, достигъ того же званія на поляхъ Бергена, имѣя сорокъ два года отъ рода. Русскіе завладѣли сѣверной частью Пруссіи, и въ то время какъ разоренныя наслѣдственныя владѣнія Фридриха находились подъ управленіемъ непріятельскихъ отрядовъ, самъ онъ, неизмѣнно энергичный, неустрашимый и проворный, претерпѣвалъ въ другихъ мѣстахъ неудачу за неудачей.

Онъ былъ разбитъ австрійскимъ маршаломъ Дауномъ, русскимъ генераломъ Салтыковымъ, Лаудономъ, котораго онъ не принялъ въ свою армію, находя черезчуръ непривлекательными его рыжіе волосы и тщедушную фигуру.

Въ дѣлѣ при Коллекѣ онъ бѣгалъ, какъ помѣшанный, среди оробѣвшихъ солдатъ, стараясь собрать ихъ и крича имъ съ яростью: „Негодяи! Не думаете ли вы жить вѣчно!“

Послѣ битвы при Гохкирхенѣ, гдѣ непріятель отбилъ у него сто пушекъ и тридцать знаменъ, онъ узналъ о смерти вѣжно-любимой сестры своей, маркграфини Байрейтской. Въ тотъ же вечеръ его видѣли читающимъ проповѣди Бурдалу въ своей палаткѣ. Горе побѣдило въ немъ скептицизмъ; король-вольтерьянецъ искалъ утѣшенія въ книгѣ католическаго патера.

Жесточайшею изъ его неудачъ было дѣло подъ Кунесдорфомъ.

Истоцивъ всѣ усилія, чтобы ободрить къ новому бою своихъ солдатъ, падавшихъ отъ утомленія и разгромленныхъ австрійскими и русскими пушками, онъ въ отчаяніи бродилъ посреди мертвыхъ и умирающихъ. Кто-то изъ офицеровъ увелъ его съ поля битвы и пріютилъ въ крестьянской избушкѣ. Тутъ онъ занялся своимъ завѣщаніемъ и написалъ въ Берлинъ министру Финкенштейну слѣдующія слова: „Я думаю, что все потеряно. Я не переживу гибели моего королевства“.

И въ самомъ дѣлѣ, если бы непріятельскіе полководцы сумѣли какъ слѣдуетъ воспользоваться своей побѣдой, то можно было бы сказать, что для Фридриха все потеряно. Но раздоры и медлительность ихъ дали ему возможность вновь собрать остатки своей арміи и возобновить боевые запасы. Въ слѣдующемъ же году онъ бросился на австрійцевъ и одержалъ надъ ними блестящую побѣду. Но денежные средства были истощены; большая часть его владѣній подверглась полному разоренію; житницы были разграблены, деревни выжжены, поля и лѣса опустошены. Англія все еще продолжала выплачивать

ему 670,000 фунтовъ стерлинговъ ежегодной субсидіи. Въ этомъ и заключался основной источникъ его доходовъ. Съ помощью еврея Эфраима, директора монетнаго двора въ Берлигъ, Фридрихъ, по словамъ Э. Фезе, чеканилъ изъ этихъ полновѣсныхъ англійскихъ фунтовъ около девяти милліоновъ низкопробныхъ талеровъ. Народъ вопилъ, но король невозмутимо продолжалъ свою, какъ онъ выражался „вынужденную продѣлку“. Эти фальшивые талеры давали ему возможность платить самымъ настойчивымъ изъ кредиторовъ и даже усиливать личный составъ своихъ батальоновъ. Вербовщики доставляли ему солдатъ по пятнадцати талеровъ съ души; правда, между этими новобранцами попадались бродяги и преступники, но суровая дисциплина живо исправляла ихъ.

Въ 1760 году Георгъ II умеръ. Энергичный заступникъ Пруссіи, Питъ, былъ замѣщенъ лордомъ Бьютомъ и субсидія въ 670,000 фунт. прекратилась. Фридрихъ продалъ свои наслѣдственные брилліанты. Онъ захотѣлъ мира. Могучіе противники его, считая его дѣло погибшимъ, не соглашались ни на какую уступку. Русскіе угрожали Берлину. Въ 1761 году, они завладѣли крѣпостью Кольбергомъ и расположились лагеремъ въ Помераніи. Австрійцы, подъ предводительству неутимимаго Лаудона, взяли приступомъ укрѣпленія Глатца, крѣпостцу Швейдницъ и командовали оттуда цѣлой половиной Силезіи.

Для того, чтобы защищать до послѣдней возможности эту провинцію, Фридрихъ расположился въ ней на зимнія квартиры. Его лагерь находился въ Штреленѣ, на равномъ разстояніи отъ Бреслава и Швейдница; резиденціей своей онъ избралъ деревню Войсельвитцъ.

Въ то время какъ онъ жилъ тамъ, окруженный непріателемъ и лишенный послѣдняго союзника, послѣ такой продолжительной борьбы. его военная слава подготовляла ему вдали новаго союзника.

Это былъ крымскій ханъ Керимъ-Гирей, татаринъ, обладавшій склонностью къ литературѣ и искусствамъ, природной хитростью и пониманіемъ возвышеннаго; храбрый солдатъ, который, благодаря своимъ блестящимъ подвигомъ, сдѣлался ханомъ, вассаломъ султана, то-есть, въ сущности, полнымъ властелиномъ поэтической страны.

Во время войны за австрійское наслѣдство, онъ отправилъ къ Фридриху посольство, чтобы выразить ему свое восхищеніе. Спустя нѣсколько лѣтъ, Фридрихъ пытался заключить торговый договоръ съ Турціей, и прусскій дипломатъ, Рексинъ, которому была ввѣрена эта миссія, получилъ въ то же время приказаніе разузнать, что окажется возможнымъ, о характерѣ и положеніи татарскаго владѣтеля, питавшаго, повидимому, такой живой интересъ къ нѣмецкимъ войнамъ.

Въ Константинополѣ Рексинъ встрѣтился съ однимъ голландцемъ, по имени Боскампомъ, который, при всей своей молодости, успѣлъ уже испытать не мало приключеній. Сначала онъ былъ студентомъ богословскаго факультета и, казалось, ни о чемъ другомъ не меч-

таль, какъ сдѣлаться скромнымъ пасторомъ въ какой нибудь деревенькѣ. Любовное приключеніе отклонило его отъ этого благого намѣренія. Въмѣсто мирной духовной дѣятельности, онъ избралъ военную, поступивъ въ австрійскій гусарскій полкъ. Въ одно прекрасное утро, утомленный военщиной, онъ отправился въ столицу султановъ и, облекшись въ турецкій костюмъ, былъ готовъ каждую минуту сдѣлаться настоящимъ туркомъ.

Рексинъ принялъ его къ себѣ на службу въ должность министерскаго курьера и поручилъ отвезти депеши въ Силезію.

Фридрихъ, побесѣдовавъ съ нимъ, счелъ его достойнымъ болѣе высокаго поста. Онъ послалъ Боскампа въ качествѣ дипломатическаго агента ко двору Керимъ-Гирея, и былъ обязанъ этому странному посреднику новымъ доказательствомъ почтенія со стороны могучаго властителя, выразившимся въ посольствѣ, которое въ 1761 году прибыло въ Штреленъ.

Любопытно было видѣть шествіе по бѣдной силезской деревушкѣ этихъ восточныхъ пословъ, въ ихъ роскошныхъ костюмахъ, шитыхъ золотомъ, въ шолковыхъ поясахъ, съ оружіемъ изъ дамасской стали.

Начальникъ этой блестящей толпы передалъ Фридриху, при посредствѣ переводчика, въ самыхъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ, привѣтъ отъ своего властелина, великаго, мудраго Керимъ-Гирея, хана крымскаго и всѣхъ европейскихъ татаръ. Послѣ этого, онъ проговорилъ свои собственныя имена и титулы. Его звали Мустафа-Ага и онъ съ гордостью именовалъ себя брадобреемъ хана.

При этихъ словахъ, сардоническая улыбка, тотчасъ же подавленная, промелькнула на губахъ короля. Генералы, присутствовавшіе при этой аудіенціи, также улыбнулись. Фридрихъ съ важностью замѣтилъ имъ, что на востокѣ нѣтъ наслѣдственной знати, что тамъ простой ремесленникъ можетъ дойти до высшихъ должностей и всякій цирюльникъ можетъ попасть въ дипломаты, если властелинъ питаетъ къ нему довѣріе.

Послѣ того, Мустафа, взявъ отъ одного изъ своихъ подчиненныхъ письмо, запечатанное большою печатью, опустилсѣ на колѣни и подалъ его королю. Въ этомъ письмѣ Керимъ-Гирей предлагалъ прусскому герою предоставить въ его распоряженіе шестнадцать тысячъ татаръ за особое денежное вознагражденіе, цифра котораго можетъ быть опредѣлена въ послѣдствіи по добровольному соглашенію.

Понятно, съ какой радостью принялъ Фридрихъ такое предложеніе, въ виду одолѣвавшихъ Пруссію противниковъ. Въ это мгновеніе тщеславный брадобрей вдругъ, совершенно неожиданно, заговорилъ на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ.

— Какъ, вскричалъ съ изумленіемъ король, вы изучали нѣмецкій языкъ!

— Я ребенкомъ попалъ въ плѣнъ къ русскимъ, при осадѣ Очакова, сказалъ Мустафа. Меня отправили въ Голштинію, откуда я по

прошествіи нѣкотораго времени нашель возможность убѣжать и вернуться на родину.

Отвѣтъ казался благовиднымъ; однако же король выслушалъ его съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Надутыя, театральныя манеры цирюльника сразу возбудили въ немъ подозрѣніе. Онъ спрашивалъ себя, не есть ли все это восточное посольство простая продѣлка со стороны его противниковъ, задуманная съ цѣлью глумиться надъ нимъ, или не кроется ли тутъ какой нибудь серьезной каверзы?

Рѣшившись не попадаться въ ловушку, онъ поручилъ двумъ своимъ офицерамъ приготовить помѣщеніе для Мустафы и принять всѣ мѣры, чтобы сдѣлать для него пребываніе въ лагерѣ возможно пріятнымъ; но въ то же время быть на сторожѣ и не терять его изъ виду ни на одну минуту, слѣдя за каждымъ его словомъ и шагомъ.

Въ тогдашнемъ затруднительномъ положеніи Фридриха никакая мѣра предосторожности не могла быть излишней. Убѣдившись, однако же, съ теченіемъ времени, что посольство изъ Тавриды, при всей его видимой странности, было дѣломъ серьезнымъ, онъ пустился въ соображенія о планахъ новыхъ кампаній, въ расчетѣ на предлагаемую поддержку.

Онъ намѣревался уговорить храбраго татарина сдѣлать набѣгъ на русскихъ, увлечь въ то же движеніе Турцію и этимъ неожиданнымъ натискомъ принудить русскихъ очистить Померанію и покинуть Бранденбургъ.

Онъ надѣялся добиться отъ Керимъ-Гирея подкрѣпленія въ шесть или восемь тысячъ человекъ, которыхъ хотѣлъ присоединить къ своей арміи.

Для того, чтобы облегчить осуществленіе своихъ проектовъ, онъ избралъ молодаго, умнаго офицера, Гольтца, далъ ему словесныя и письменныя инструкціи и вѣрительныя грамоты къ хану и ко всему этому прибавилъ золотую, усыпанную брилліантами шкатулку.

Говорливый брадобрей пустился въ обратный путь, совершенно счастливый тѣмъ, что удостоился лицезрѣть великаго короля, а съ нимъ вмѣстѣ отправился и Гольтцъ, заранѣе восхищавшійся предстоящимъ путешествіемъ. Заманчивое, въ самомъ дѣлѣ, путешествіе для человѣка молодаго, впечатлительнаго, не видавшаго въ своей жизни ничего, кромѣ песчаныхъ равнинъ и мрачныхъ лѣсовъ сѣверной Германіи!

Медленно проѣхавши Польшу, Молдавію и Валахію, онъ достигъ, наконецъ, въ началѣ зимы, поэтического Крыма и его столицы Бахчисарая.

Не блестящихъ пословъ отправилъ прусскій король въ эту восточную столицу, ко двору наслѣдниковъ Чингисхана: сначала какого-то полуренегата, голландскаго студента, а потомъ простаго кавалерійскаго поручика! Но и при всей ихъ внѣшней незначительности, имъ приходилось еще соблюдать всевозможныя предосторож-

ности. Въ Бахчисараѣ находились въ это время русскіе агенты и французскій консулъ; нужно было старательно скрывать отъ нихъ замыслы Фридриха. Посовѣтовавшись съ Воскампомъ и Мустафой, особенно интересовавшимся прусскими дѣлами, Гольтцъ рѣшился объявить себя ремонтеромъ, которому поручено закупить въ Крыму лошадей и который, для облегченія своего дѣла, желалъ бы заручиться ханскимъ фирманомъ.

Съ этой именно цѣлью онъ и попросилъ аудіенціи у хана. Вѣрный ханскій брадобрей предупредилъ своего властелина объ уловкѣ прусскаго посла и послѣдній былъ приглашенъ во дворецъ.

Пройдя нѣсколько дворовъ, освѣжаемыхъ струями фонтановъ, нѣсколько садовъ, полныхъ цвѣтами, нѣсколько дверей, покрытыхъ поэтическими надписями, и рядъ покоевъ, разрисованныхъ и раззолоченныхъ, какъ дворцы калифовъ въ „Тысячѣ и Одной Ночи“, онъ вступилъ въ залъ, разукрашенный роскошнѣе всѣхъ другихъ. Тутъ, среди сановниковъ, одѣтыхъ въ самые пышные костюмы, возсѣдалъ самъ ханъ, бравый сорокалѣтній мужчина, съ умной и вмѣстѣ съ тѣмъ внушающей уваженіе фізіономіей.

Выслушавъ съ величественнымъ видомъ привѣтственное слово молодого офицера, ханъ приказалъ подать ему кальянъ и кофе и пустился разговаривать съ нимъ, хотя и въ фамиллярномъ тонѣ, но не безъ достоинства. Онъ говорилъ о Фридрихѣ, въ которомъ его восхищали не однѣ только военныя доблести и тактическія познанія, но и вкусъ къ музыкѣ и литературѣ. Чтобы блеснуть своими познаніями, ханъ упомянулъ въ разговорѣ имена кое-какихъ европейскіхъ писателей, между прочимъ, Монтескье. Потомъ онъ сказалъ послу:

— Приглашаю васъ на мои концерты. Вы увидите, что мой дворъ не забытъ музами, и когда вы будете писать вашему повелителю, не забудьте упомянуть, что его татарскій другъ и почитатель не совсемъ ужъ варваръ. У меня есть оркестръ музыкантовъ, играющихъ на разныхъ инструментахъ, и труппа актеровъ, разыгрывающая французскія пьесы; онѣ не всегда понятны для меня, но очень мнѣ нравятся.

На этотъ разъ, по условію съ Мустафой, одобренному и самимъ ханомъ, Гольтцъ ограничился просьбой о фирманѣ, разрѣшающемъ покупку лошадей. Но на другой день вечеромъ, онъ былъ тайно введенъ въ кабинетъ хана и опредѣленно высказалъ ему истинныя цѣли своего посольства. Онъ произнесъ великолѣпную рѣчь, въ которой ярко выставилъ всѣ преимущества союза между Турціей и Пруссіей. Такъ какъ большая часть войскъ русской царицы находилась въ это время въ Бранденбургѣ и Помераніи, то, по его словамъ, набѣгъ на Россію представлялся самымъ легкимъ дѣломъ. Фридрихъ убѣждалъ могучаго Керимъ-Гирея предпринять эту экспедицію, и просилъ его въ то же время прислать на помощь Пруссіи нѣсколько тысячъ человекъ, для осуществленія другаго многообѣщающаго предпріятія.

Ханъ, выслушавъ молча и съ видимымъ удовольствіемъ рѣчь молодого посланника, отвѣчалъ, что онъ искренно преданъ брату своему, королю прусскому, и съ большой охотой окажетъ ему содѣйствіе.

— Но прежде чѣмъ двинуть въ походъ мои войска, прибавилъ онъ, мнѣ придется принять нѣкоторыя предосторожности и добиться сначала одобренія со стороны Турціи.

Гольтцъ, изумленный такимъ уклончивымъ отвѣтомъ, спросилъ, что-же нужно сдѣлать, чтобы ускорить походъ.

— О, возразилъ Керимъ-Гирей, со свойственной ему хитрой и насмѣшливой миной,—тутъ возникаетъ одинъ вопросъ, очень неприятный и досадный, но требующій точнаго и опредѣленнаго рѣшенія—именно, денежный вопросъ. Мнѣ пришлось сдѣлать огромныя затраты на поправку этого стараго дворца моихъ предковъ и украшеніе его тѣми богатыми коврами и диванами, которые вы видѣли. Моя власть обязываетъ меня къ безпрестаннымъ и крупнымъ издержкамъ. Кромѣ того, надо вамъ признаться, что я былъ вовлеченъ въ нѣкоторое роковое и рискованное предпріятіе. Одинъ жившій здѣсь французъ увѣрилъ меня, что Таврическія горы содержатъ въ своихъ нѣдрахъ драгоцѣнныя металлы. Я потерялъ немало пиастровъ на раскопкахъ и развѣдкахъ, которыя не принесли мнѣ ни одной крупинки золота. Теперь моя казна пуста и я обремененъ долгами.

— Если бы добиться заключенія мира, сказалъ Гольтцъ, Европа въ скоромъ времени пришла бы въ состояніе благоденствія, которое, несомнѣнно, способствовало бы и обогащенію Крыма; а лучшее средство добиться мира—это напасть на Россію и побѣдить её.

— Да, вскричалъ ханъ, поднимаясь во весь ростъ, я ненавижу русскихъ, ненавижу ихъ съ первыхъ дней моей жизни, съ того дня, когда я видѣлъ, какъ они подъ предводительствомъ Миниха вторглись въ нашъ славный Крымъ, разграбили наши города и опустошили деревни. Я поклялся, что заставлю ихъ искупить эти звѣрства, и сдержу свою клятву. Уговорите же вашего повелителя помочь мнѣ вооружиться, попросите его прислать ко мнѣ кого нибудь изъ его ученыхъ врачей, и вы увидите, какую войну поведу я противъ русскихъ!

Говоря такимъ образомъ, Керимъ-Гирей высказывалъ свою задушевную мысль. Онъ на самомъ дѣлѣ былъ очень храбръ и дѣйствительно восторгался прусскимъ королемъ. Но къ его храбрости примѣшивалась немалая доля любостыжанія, и энтузіазмъ его не былъ свободенъ отъ матеріальныхъ расчетовъ.

— Денегъ, денегъ, твердилъ онъ.

Денегъ у Фридриха не было; къ тому же, провинціи, опустошенныя русскими и австрійцами, требовали немедленной помощи. Но такъ какъ онъ придавалъ огромное значеніе успѣху своихъ переговоровъ съ Керимъ-Гиреемъ, то и предоставилъ въ распоряженіе Гольтца очень крупную сумму денегъ, пославъ въ то же время по-

рядочное количество шелковых тканей, бархата, превосходнаго оружія, табакерокъ, золотыхъ часовъ и другихъ блестящихъ бездѣлушекъ въ подарокъ татарскому вождю. Сверхъ того, онъ извѣщалъ, что одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ медиковъ немедленно отправляется изъ Берлина въ Бахчисарай.

— О! воскликнулъ ханъ, услышавъ обо всемъ этомъ и съ восторгомъ любясь присланными подарками,—теперь Фридрихъ увидитъ, что я умѣю быть другомъ его друзей и врагомъ его враговъ. Скоро я соберу свои войска въ Бессарабіи и оттуда мы нападёмъ на русскихъ. Но я не могу ни къ чему приступить до рамазана.

Керимъ-Гирей былъ еще не вполне доволенъ. На слѣдующій же день онъ попросилъ подарковъ для своихъ приближенныхъ, а потомъ для себя сто тысячъ піастровъ. Наконецъ, послѣ всевозможныхъ колебаній и отсрочекъ, дѣло было рѣшено. Ханъ занялся приготовлениями къ войнѣ. Онъ обѣщалъ въ самомъ непродолжительномъ времени двинуться въ походъ, а Гольцъ долженъ былъ поджидать его въ Яссахъ.

Боскампъ остался въ Бахчисараѣ, совершенно довольный отъѣздомъ молодого офицера, старшинство котораго надъ собой онъ обязанъ былъ признавать, въ восторгѣ отъ мысли, что отнынѣ онъ остается единственнымъ представителемъ Пруссіи при ханѣ.

Такимъ образомъ, все, наконецъ, устроилось и Фридрихъ могъ поздравить себя съ тѣмъ, что не напрасно испытывалъ свое терпѣніе во время всѣхъ этихъ безконечныхъ переговоровъ, потому что ему удалось таки добиться весьма существенной поддержки. И вдругъ, какъ на счастье, совершенно неожиданное событіе даетъ ему и другую не менѣ существенную поддержку, и даже заставляетъ во многомъ измѣнить уже составленные планы.

Въ одно прекрасное утро, онъ самымъ веселымъ тономъ объявилъ своимъ офицерамъ:

— Господа, чортъ прибралъ, наконецъ, старую шельму.

Особа, которой онъ отчиталъ такую оригинальную заупокойную молитву, была никто иная, какъ императрица Елизавета, его непримиримый врагъ. Онъ оскорбилъ ее и г-жу Помпадуръ эпиграммами. И кто можетъ счесть, сколько крови стоили Европѣ эти двѣ эпиграммы?..

Елизавета умерла на пятьдесятъ третьемъ году, не простивъ Фридриху обиды, а ея племянникъ и преемникъ Петръ III питалъ къ тому же Фридриху безграничное уваженіе. Онъ называлъ его „король, мой учитель“. Онъ не могъ воспрепятствовать теткѣ посылать противъ короля безчисленные полки, но насколько могъ, какъ наслѣдникъ престола, онъ смягчалъ жестокость этой войны. Министры и генералы, повинувшись своей государынѣ, щадили въ то же время слабость ея наслѣдника. На другой день послѣ побѣды при Кунерсдорфѣ, Салтыковъ отвѣчалъ тѣмъ, которые совѣтовали ему воспользоваться вполне плодами своей побѣды:

— Я вовсе не намѣренъ въ конецъ уничтожить короля.

По восшествіи на престолъ, Петръ III началъ съ того, что приказалъ заключить перемиріе между русскими и прусскими войсками. Потомъ онъ освободилъ прусскихъ офицеровъ и солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ генералами Елизаветы. Онъ далъ имъ денегъ на возвращеніе въ отечество, роздалъ вспомошествованіе жителямъ Помераніи, приказалъ русскимъ войскамъ очистить Бранденбургъ, который они занимали уже три года сряду и, наконецъ, заключилъ съ Фридрихомъ оборонительный и наступательный союзъ.

Направляясь въ Бессарабію, Керимъ-Гирей получилъ увѣдомленіе, что ему придется драться уже не съ русскими, а съ австрійцами. Непріятно пораженный этой перемѣной, онъ сначала замедлилъ свой путь, а потомъ и вовсе пріостановился близъ Бендеръ въ своемъ пышно разукрашенномъ замкѣ. Боскампъ и берлинскій врачъ находились при немъ.

Скоро явился Гольтцъ съ новыми инструкціями. Ханъ дружескимъ тономъ сказалъ ему:

— Благодаря стараніямъ ученаго врача, котораго прислалъ ко мнѣ братъ, прусскій король, я возстановилъ свое здоровье и очень радуюсь этому. Одно меня непріятно и неожиданно поразило,—это то, что вы примирились съ русскими, моими исконными врагами, и что мнѣ приходится воевать съ австрійцами, которыхъ я считаю народомъ храбрымъ и честнымъ. Меня мучить мысль, что придется сворачивать съ дороги, которая вела меня прямо къ цѣли, въ тотъ моментъ, когда я могъ бы нанести русскимъ страшный ударъ. Но я люблю вашего короля; я уступаю его желаніямъ. Если онъ приметъ мои условія, то я пошлю къ нему въ Силезію восемь тысячъ человекъ, а самъ поведу пятьдесятъ тысячъ въ Венгрію.

За предоставленіе въ распоряженіе Пруссіи этихъ двухъ отрядовъ, Керимъ-Гирей требовалъ прежде всего новую субсидію въ четыреста пятьдесятъ мѣшковъ золота. Сверхъ того, онъ требовалъ, чтобы Россія воздерживалась отъ всякой враждебной демонстраціи противъ Турціи и чтобы крѣпости, построенныя русскими на татарскихъ границахъ, были разрушены, а казаки, занявшіе татарскія земли, немедленно очистили бы ихъ.

— Я надѣюсь, отвѣчалъ Гольтцъ, что мой августѣйшій повелитель заключить съ вами въ скоромъ времени прочный договоръ.

— Да, возразилъ ѣдкимъ тономъ ханъ,—письменный договоръ, не правда ли? Мы, дѣти природы, не имѣемъ надобности записывать нашихъ обѣщаній. Наша религія предписываетъ намъ исполнять ихъ, и простаго нашего слова достаточно, чтобы объявить войну или заключить миръ. Но западные народы не вѣрятъ одинъ другому; имъ во всякомъ дѣлѣ нужно письменное условіе. Бумага не красѣя принимаетъ на себя всякую ложь, тогда какъ съ устъ правовѣрнаго лжъ сойти не можетъ. Вы будете вѣрить мнѣ на слово, а мнѣ при-

дется изучать ваши письма день и ночь, при блескѣ солнца и при свѣтѣ луны.

Отвѣтъ Фридриха былъ доставленъ черезъ курьера. Во многихъ пунктахъ отвѣтъ этотъ былъ вполне ясенъ, но въ другихъ темновать; что касается самой сути — уплаты четырехсотъ пятидесяти мѣшковъ золота, Фридрихъ обѣщалъ произвести ее только тогда, когда вооруженіе обѣщанныхъ отрядовъ будетъ окончено.

Ханъ остался недоволенъ.

Фридрихъ, этотъ могучій король, казавшійся ему идеаломъ всяческихъ доблестей, являлся вдругъ какимъ-то мелочнымъ и расчетливымъ. Въ то время какъ ханъ предавался этимъ меланхолическимъ думамъ, онъ получилъ изъ Константинополя не очень утѣшительныя вѣсти; его увѣдомляли, что переговоры о союзѣ, начатые Пруссіей съ султаномъ, были парализованы французскимъ посланникомъ.

Тогда онъ велѣлъ позвать къ себѣ обоихъ пословъ Фридриха и держалъ къ нимъ такую рѣчь:

— Пока я не дождусь опредѣленныхъ рѣшеній со стороны Высокой Порты, до тѣхъ поръ я принужденъ прекратить переговоры съ вашимъ повелителемъ и вы перестаете быть его официальными представителями. Вы остаетесь моими гостями, я приглашаю васъ попрежнему посѣщать мои концерты и спектакли.

У галантнаго татарскаго хана и въ Бессарабію взяты были съ собой музыканты и актеры. Впрочемъ, дипломатическіе вопросы не интересовали занимать его по прежнему; но вдругъ одинъ неожиданный случай, уже совершенно не дипломатическаго характера, разжегъ его гнѣвъ.

У главнаго бахчисарайскаго толмача была дочь, дѣвушка необычайной красоты. Керимъ-Гирей любилъ ее и страстно желалъ привлечь ее въ свой гаремъ. Но на всѣ его пышныя подарки и обѣщанія она отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Кажется, еще не было случая, чтобы татарскій владыка когда нибудь потерпѣлъ такое фіаско въ любовныхъ дѣлахъ. Отыскивая причины своей неудачи, онъ не замедлилъ убѣдиться въ томъ, что очаровательная Сейнебъ, такая недоступная въ отношеніи его пресвѣтлаго величества, далеко не такъ безчувственна къ другимъ искушеніямъ. Боскамль тоже, какъ оказалось, строилъ ей куры, и она весьма внимательно выслушивала изліянія бывалаго студента.

Коранъ формально осуждаетъ на смерть всякаго невѣрнаго, осмѣлившагося соблазнить мусульманку, если только онъ самъ не переходитъ въ исламъ. Но Керимъ-Гирей не захотѣлъ воспользоваться этимъ закономъ. Онъ только приказалъ пылкому голландцу оставить свои ухаживанья и далъ себѣ самому слово не искать болѣе любви той, которая предпочла ему подобное ничтожество. Не смотря на всю свою страсть къ ней, онъ ни разу не искалъ случая увидѣть ее

и былъ увѣренъ, что голландецъ съ своей стороны тоже держится даннаго обѣщанія.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

У хана была привычка прогуливаться по ночамъ переодѣтымъ, на манеръ Гарунъ-Альрашида. Разъ ночью, когда онъ бродилъ вокругъ своего бессарабскаго замка, слухъ его пораженъ былъ мелодическими звуками женскаго голоса, напѣвавшего татарскую пѣсенку. Онъ приблизился къ тому мѣсту и убѣдился, что находится передъ домомъ, въ которомъ жилъ Боскампъ. Въ одной изъ залъ этого дома, сквозь полуоткрытыя окна, онъ увидѣлъ—кого же?—прелестную, соблазнительную Сейнебъ, показавшуюся ему въ эту минуту еще болѣе прекрасной и соблазнительной, потому что онъ ни на одну минуту не переставалъ любить ее. Онъ заставилъ себя отказаться отъ обладанія ею, въ надеждѣ, что и его мизерный соперникъ сдѣлаетъ то же самое, и вдругъ онъ видитъ ее около этого злодѣя, кокетливо разодѣтую, веселую, поющую и танцующую!

При такомъ зрѣлищѣ страсть и ревность овладѣли имъ. Разъяренный спѣшить онъ къ себѣ въ замокъ, зоветъ своего вѣрнаго Муштафу и приказываетъ немедленно, волей или неволей, доставить Сейнебъ въ гаремъ, а обоихъ иностранцевъ завтра же представить во дворецъ.

На другой день, въ указанный часъ, Гольцъ и Боскампъ предстали передъ ханомъ. Чтобы предупредить упреки, Боскампъ первый отважился заговорить:

— Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, сказалъ онъ, жилище посланника считается неприкосновеннымъ. А въ мой домъ ворвались насильно солдаты и похитили дорогую мнѣ особу.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, вперивъ въ молодого голландца суровый взглядъ, Керимъ-Гирей отвѣтилъ:

— Вы заблуждаетесь, если полагаете, что имѣете право на преимущества, которыми пользуются посланники. Я уже объявилъ это вамъ самымъ опредѣленнымъ образомъ. Вы у меня простой гость, и въ этомъ качествѣ съ вами обращались съ должнымъ почетомъ. Я надѣялся, что вы не позволите себѣ ничего противнаго обычаемъ страны и не забудете должнаго мнѣ уваженія, а вы, между тѣмъ, оскорбили меня вашимъ поведеніемъ и нарушили данное вами слово. Поэтому, я повелѣваю вамъ оставить этотъ городъ, не сегодня, и не черезъ часъ даже, а сію же минуту и никогда не появляться впредь въ моихъ владѣніяхъ. Дѣло идетъ о вашей жизни.

Боскампъ, не говоря ни слова, вышелъ.

Тогда ханъ обратился съ благосклонной улыбкой къ Гольцу и сказалъ, что надѣется еще долго видѣть его при своемъ дворѣ.

Но Гольцъ тоже долженъ былъ отправиться; его миссія окончилась; король отзывалъ его.

Заключивъ союзъ съ Россіей, король болѣе не нуждался въ под-

держкѣ султана. Онъ принудилъ своихъ враговъ къ миру, и по Гурбертсбургскому трактату Силезія, о которой онъ такъ сильно хлопоталъ, досталось ему въ вѣчное владѣніе.

Когда онъ, наконецъ, вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы и при радостныхъ кликахъ народа вступилъ въ свою столицу, то забылъ совершенно о татарскомъ владѣтелѣ, помощи котораго такъ добивался. А между тѣмъ, храбрый татаринъ, по капризу султана, лишень былъ его милостей, смѣщенъ съ крымскаго трона и изгнанъ въ Румелию.

Три года спустя, тотъ же султанъ возвратилъ ему все его прежнія достоинства и довѣрилъ главное начальство надъ арміей, предназначенной къ нападенію на Россію.

Керимъ-Гирей мужественно кинулся въ эту новую войну, но во время одной стоянки въ Бессарабіи, умеръ отравленный.

Народное преданіе добавляетъ, что прекрасная Сейнебъ, привязанность которой стоила ему такихъ усилій, не могла утѣшиться въ его потерѣ и вскорѣ вслѣдъ за нимъ умерла отъ горести.

ИНОСТРАННАЯ ПУТЕШЕСТВЕННИЦА ПО РОССИИ ¹⁾.

Г-ЖА КАРЛА СЕРЕНА, какъ она сама объясняетъ въ предисловіи книги, заглавіе которой выписано ниже, стала писательницей случайнымъ образомъ. Она присутствовала на одномъ благотворительномъ праздникѣ въ Лондонѣ; ее просили сдѣлать описаніе этого праздника, которое затѣмъ и появилось въ газетѣ; ее пригласили сотрудничать; она, „чье время дотолѣ—по ея собственному выраженію—было раздѣлено между семейными обязанностями и требованіями свѣта“, сначала удивилась, потомъ приняла предложеніе. Вскорѣ заглавныя буквы ея имени и фамиліи, которыми она подписывала свои статейки, получили извѣстность; ей случалось слышать похвалы своимъ статьямъ, и это служило для нея поощреніемъ.

Въ 1874 году, г-жа Карла Серена почувствовала себя нездоровой; ей было предписано путешествіе; она выѣхала изъ Лондона 1-го августа, надѣясь возвратиться домой къ новому 1875 году, но путешествіе ея, по какимъ-то непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, затянулось на долго, и даже очень на долго.

Прежде всего, она отправилась въ Швецію, оттуда въ Норвегію; въ октябрѣ 1874 года, путешественница сѣла на пароходъ, который отправлялся изъ шведской столицы въ Петербургъ, заходя по пути въ финляндскіе порты. Черезъ недѣлю она была въ Петербургѣ. Въ Швеціи г-жа Серена встрѣтила весьма радушный приемъ, была представлена королю, осталась въ восторгѣ отъ его ума, образованности и любезности и получила дозволеніе посвятить его величеству свои путевыя замѣтки, которыя и были изданы въ Стокгольмѣ

¹⁾ Carla Seréna. Mon voyage. Souvenirs personnels. 1-re série. De la Baltique à la mer Caspienne. Paris, 1881. Maurice Dreyfous, éditeur. 1 v. in 18. 359 p.

подъ названіемъ „Lettres scandinaves“. Видъ Петербурга нѣсколько смутилъ нашу путешественницу. Что-то ждетъ ее въ сѣверной столицѣ?—вотъ вопросъ, который она задавала себѣ.

На набережной г-жа Серена увидѣла голубей, что ей напомнило площадь Святаго Марка въ Венеціи. Одинъ голубь сѣлъ на ея чемоданы, сложенные на верху кареты, и это показалось ей добрымъ предзнаменованіемъ. Дѣйствительно, путешественница осталась довольна своимъ недолгимъ, на первый разъ, пребываніемъ въ Россіи.

Какъ всюду, гдѣ она ни бывала, она вскорѣ составила себѣ обширное знакомство въ высшемъ кругу общества и была представлена многимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Пріемъ, какъ и вездѣ, былъ самый сочувственный.

„Я пріятно проводила время, говоритъ путешественница,—днемъ осматривая все интересное, а вечеромъ—въ гостяхъ. Я не стану описывать подробно прекрасныхъ праздниковъ, ночныхъ поѣздокъ на тройкахъ большимъ обществомъ, пикниковъ, за которыми слѣдовали ужины за городомъ, оживленные пѣніемъ, танцами и шампанскимъ: въ московитской столицѣ живутъ весело. Тамошній образъ жизни, особенно зимою, можно по справедливости сравнить съ этой народной запряжкой, которая уноситъ, увлекаетъ въ своемъ бѣшеномъ бѣгѣ богатыхъ горожанъ, столь же беззаботныхъ, какъ и страстныхъ. Въ общественномъ отношеніи, Россія пріятна; тамъ нѣтъ натянутости, тонъ общества простъ. Нѣтъ страны, гдѣ бы такъ ухаживали за иностранцами.“

Москва понравилась г-жѣ Серена своимъ хлѣбосолецствомъ; правда, она замѣчаетъ, будто бы „тамъ общество держится въ сторонѣ отъ иностранцевъ, особенно москвичи, приверженные къ старинѣ,“ но это, конечно, ошибочно, ибо и въ Москвѣ, какъ извѣстно,

Дверь открыта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ.

Изъ Москвы г-жа Серена отправилась въ Кіевъ, который она называетъ сѣвернымъ Иерусалимомъ; знанія ея въ русской исторіи простираются до того, что ей извѣстно, что въ Днѣпрѣ произошло крещеніе Руси, но святаго Владиміра она именуетъ московитскимъ княземъ. Изъ Кіева путешественница проѣхала въ Одессу, гдѣ также весело провела время. Снѣжныя мятели задержали ее на тринадцать дней на послѣдней станціи передъ Одессой, и тутъ она развлекала пассажировъ устройствомъ живыхъ картинъ и концертовъ.

Любопытно слѣдующее вѣрное замѣчаніе г-жи Серена: „Измѣняютъ обычно только свои же. Передъ моею поѣздкой въ Россію, одинъ русскій нагналъ на меня страхъ разказами о своей странѣ. Во время моего пребыванія тамъ, русскіе совѣтовали мнѣ скрывать, что я записываю свои впечатлѣнія. На это я отвѣчала, что слишкомъ люблю правду, чтобъ скрывать такое обстоятельство. Послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Россіи, одинъ русскій опять страдалъ меня своимъ

отечествомъ. Почему же хотѣли мнѣ внушить эти страхи? Я видѣла Россію съ хорошей стороны, а меня даже о ней хотѣли заставить думать дурно“. Несмотря, однако, на такія внушенія, путешественница осталась при своемъ добромъ мнѣніи о нашемъ отечествѣ.

Изъ Россіи г-жа Серена отправилась на Востокъ. Ея маршрутъ лежалъ черезъ Бессарабію, Яссы, Бухарестъ, Журжево, Рущукъ, Варну, и оттуда моремъ въ Константинополь. Затѣмъ она побывала въ Египтѣ, Греціи и снова воротилась въ Царьградъ. Мы не станемъ слѣдить за нею на этомъ пути, описанномъ, впрочемъ, весьма кратко въ ея книгѣ. Первый выпускъ „Путешествія“ г-жи Серена посвященъ, главнымъ образомъ, ея двукратной поѣздкѣ по Закавказью, которое она буквально исколесила во всѣхъ направленіяхъ.

Прежде чѣмъ входить въ подробности, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ книги г-жи Серена. Во всемъ „Путешествіи“ господствуетъ спокойный и благосклонный тонъ, даже тамъ, гдѣ г-жа Серена описываетъ свои злоключенія, о которыхъ скажемъ ниже. Книга читается легко, несмотря на нѣкоторую растянутость, сентиментальныя отступленія и повторенія. Русскій читатель встрѣтитъ въ ней мало для себя новаго, но отдастъ справедливость вѣрности и простотѣ описаній, наблюдательности и остроумію автора.

Г-жа Серена знаетъ по-русски, но не настолько, чтобы не смѣшать порою ямщика съ извощикомъ, или вѣрно рассказать содержаніе „Бахчисарайскаго фонтана“; литература наша ее, повидимому, не занимала. Она отзывалась о русскомъ народѣ съ уваженіемъ, особенно о солдатахъ, но у нея порою замѣчается та надменность, которая такъ свойственна западно-европейской цивилизаціи. „Я была въ восторгѣ—замѣчаетъ она, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ, — что встрѣтила, противъ всякаго ожиданія, казаковъ съ человѣческой совѣстью, между людьми, которыхъ считаютъ полу-варварами“. Къ мусульманамъ она относится съ меньшимъ предубѣжденіемъ и не прочь порою похвалить ихъ на счетъ христіанъ, впрочемъ, довольно осторожно и умѣренно.

Послѣ поѣздки на Востокъ, г-жа Серена намѣревалась возвратиться въ Лондонъ къ 1-му января 1876 г. Она хотѣла направиться черезъ Вѣну, но ей замѣтили, что дорога изъ Анатолиі на Кавказъ, изъ Тифлиса черезъ Владикавказъ въ Варшаву и Вѣну гораздо любопытнѣе и что такой крюкъ не займетъ слишкомъ много времени. По увѣренію г-жи Серена, такой совѣтъ ей, между прочимъ, будто-бы далъ генералъ Игнатьевъ, бывший тогда посланникомъ въ Константинополь. Мы отмѣчаемъ это обстоятельство потому, что, по разсказу г-жи Серена, подобные совѣты, порою данные людьми ей мало знакомыми и даже такими, кого она видѣла въ первый разъ, заставляли ее не разъ измѣнять свой маршрутъ.

Итакъ, наша путешественница отправилась въ Батумъ, отуда въ Поти и затѣмъ по желѣзной дорогѣ прибыла въ Тифлисъ, гдѣ ея

ждалъ обычный радушный и блестящій пріемъ. Въ тотъ годъ на Кавказѣ была поздняя весна; военно-грузинская дорога черезъ горы была несомнѣнно безопасна по случаю обваловъ. Такова была причина, по словамъ г-жи Серена, почему она не поспѣшила въ лоно своего семейства. Въмѣсто Лондона, она отправилась на перекладной въ Кутаисъ. Такъ какъ Имеретія и Мингрелія граничатъ между собой, то нашей путешественницѣ вздумалось „увидѣть древнюю Колхиду, родину Медеи“. Затѣмъ ей посовѣтовали посѣтить Абхазію, и г-жа Серена „увлеклась мыслью видѣть народъ въ его естественномъ состояніи, народъ, къ которому не проникла еще никакая цивилизація“. Сдумано—сдѣлано. Наша путешественница счастливо добралась до Сухумъ-Кале. Жары и усталость утомили ее, ей слѣдовало отдохнуть; ей посовѣтовали отправиться въ Керчь, чтобъ купаться въ морѣ, но на пароходѣ она встрѣтила тифлисскихъ знакомыхъ, которые убѣдили ее остановиться въ Новороссійскѣ, гдѣ купанье будто бы лучше, чѣмъ въ Керчи. Въ Новороссійскѣ г-жа Серена столкнулась съ однимъ, несомнѣнно ей безызвѣстнымъ, марсельскимъ французомъ, живущимъ въ Екатеринодарѣ, и познакомилась съ его женою, русскою. Жена оставалась въ Новороссійскѣ, чтобъ купаться; мужъ же возвращался въ Екатеринодаръ, чтобъ оттуда, въ сопровожденіи переводчика, ѣхать по дѣламъ въ черкесскіе аулы. Г-жѣ Серена было предложено сопутствовать французу, на что она охотно согласилась, забывъ цѣль, ради которой высадилась въ Новороссійскѣ; притомъ, у французъ былъ четырехмѣстный тарантасъ, и наша путешественница охотно согласилась ѣхать съ нимъ, зная, что не стѣснить своего попутчика. Поѣздка по черкесскимъ ауламъ, однако, не состоялась, потому что г-жа Серена заболѣла въ дорогѣ отъ несносныхъ жаровъ.

Изъ Екатеринодара она поѣхала въ Керчь, оттуда въ Ялту, Севастополь и Симферополь, очевидно, забывъ о своемъ желаніи возвратиться въ Лондонъ.

Черезъ Лазовую и Таганрогъ г-жа Серена пріѣхала въ Владикавказъ и оттуда явилась снова въ Тифлисъ. Что заставило путешественницу предпринять эту новую, не малую поѣздку? Ей сказали, что она еще многого не видѣла на Кавказѣ и что ея описанія поэтому будутъ неполны!

На Кавказѣ уже начались приготовленія къ войнѣ съ Турціей. Г-жа Серена видѣла Кавказъ мирнымъ, ей захотѣлось посмотрѣть на него во время войны. Изъ Тифлиса она отправилась въ Ахалцыхъ, оттуда думала проѣхать въ Александрополь; но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Боясь обваловъ по дорогѣ, гдѣ вдобавокъ было черезъ-чуръ сильное движеніе, въ силу котораго проѣзжіе надолго задерживались на станціяхъ по недостатку лошадей, г-жа Серена снова воротилась въ Тифлисъ. На сей разъ, она „не нашла въ немъ властей, столь услужливыхъ, какъ прежде“. Такую

неуслужливость она приписываетъ обстоятельствамъ. Г-жа Серена, по возвращеніи въ Тифлисъ, объѣздила во всѣхъ направленіяхъ Кахетію. Послѣ этого, казалось, ничто уже не удерживало путешественницу на Кавказѣ; ей стоило возвратиться въ Тифлисъ и, взявъ свои оставленныя у итальянскаго консула вещи, перебраться черезъ горы и отправиться въ Лондонъ. Но, по ея словомъ, „она не могла рѣшиться оставить Кавказъ, не видавъ Арарата“.

Русскіе войска, между тѣмъ, перешли границу. Г-жа Серена пожелала снова отправиться въ Александрополь; для этого она сочла нелишнимъ заручиться покровительствомъ августѣйшаго намѣстника. Въ отвѣтъ на свое письмо, она получила телеграмму, гласившую „что въ виду трудности сообщеній, было бы желательно, чтобъ она отказалась отъ своего путешествія въ Александрополь“. Отказъ она приняла за отсрочку и вмѣсто того, чтобъ возвратиться въ Лондонъ, вздумала посѣтить Лезгистанъ, гдѣ, кстати, ожидалось тогда возмущеніе. Безстрашная путешественница не испугалась. Она отправилась въ Лагадекъ, хотя дорога была далеко небезопасна. Тутъ она узнала, что мѣста, которыя она посѣтила ровно годъ назадъ, были опустошены: Сухумъ-Кале разрушенъ, вся Абхазія въ огнѣ и крови. По приѣздѣ въ Лагадекъ, г-жа Серена узнала, что и возвращеніе, и движеніе впередъ равно опасны. Ея девизъ—„впередъ“, и потому наша путешественница очутилась въ Закаталахъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ ея отъѣзда изъ Лагадека, на него напали Лезгини. Они сожгли школу, казармы, дома. Возвратиться въ Лагадекъ не было никакой возможности. Движеніе впередъ было также затруднительно; чтобъ быть внѣ опасности, надо было доѣхать до мѣстностей, гдѣ живутъ татары-шіиты. „Въ силу ненависти къ туркамъ—замѣчаетъ г-жа Серена—они стали сторонниками русскихъ, хотя и для нихъ христіанинъ равенъ собацѣ“.

Жизнь въ Закаталахъ была не веселая; крѣпость была на осадномъ положеніи; ворота затворены день и ночь; всюду двойные караулы. Комендантъ былъ любезенъ къ путешественницѣ; онъ ей все показалъ. „Я присутствовала при обѣдѣ солдатъ, рассказываетъ она. Я пробовала ихъ пищу, раціонъ которой состоитъ изъ полу фунта мяса, похлебки или каши и хлѣба; хорошая пища, особенно народная похлебка съ капустой (то есть щи). Порой также я пила чай съ солдатами, которые хотѣли, чтобъ я пила въ накладку; несмотря на мою нелюбовь къ сахару, они великодушно превращали мой чай въ сиропъ. Я люблю русскій народъ, особенно солдатъ. Ихъ добродушіе, веселость, наивность—замѣчательны. Ихъ привязанность къ начальству напоминаетъ собачью“.

Между Закаталами и Нухой значительное торговое движеніе, но въ виду обстоятельствъ не было охотниковъ предпринимать опасную поѣздку. Г-жѣ Серена удалось, наконецъ, отправиться съ почтой, хотя, какъ она замѣчаетъ, это и запрещено закономъ. Она сумѣла обойти

законъ и прибыла въ Нуху 17-го іюня 1877 года. Изъ Нухи она переехала въ Елизаветполь, древнюю Ганжу; оттуда въ Шушу, гдѣ пробыла нѣсколько недѣль и снова возвратилась въ Елизаветполь. Оттуда, съ разными приключеніями, добралась, наконецъ, до Александрополя, куда, какъ помнятъ читатели, начальство не совѣтовало ѣздить г-жѣ Серена. Куда ей нельзя было проѣхать прямымъ путемъ, она добралась окольнымъ. Въ Александрополь у нашей путешественницы были знакомые, у которыхъ она и остановилась. Она желала попасть на театръ войны, но получила изъ лагеря при Кара-Ялѣ официальную телеграмму, извѣщавшую, что женщинамъ запрещено переѣзжать границу и что изъ этого правила не можетъ быть сдѣлано исключенія.

Г-жа Серена увѣряетъ, будто бы сестры „Краснаго Креста“ предлагали ей отправиться съ ними на войну переодѣтой въ ихъ платье, но что она не согласилась на это, предпочитая дѣйствовать всегда прямо и открыто.

Нашей путешественницѣ ничего не оставалось, какъ возвратиться въ Тифлисъ, но ей необходимо было свернуть на прежнюю дорогу, чтобъ захватить свои вещи, оставленныя въ Дилижанѣ. Изъ Дилижана, о чемъ расскажемъ ниже, г-жѣ Серена пришлось слѣдовать хотя и по ея избранному маршруту, но несовсѣмъ добровольно. Она возвратилась въ Елизаветполь, откуда направилась въ Баку, чтобы видѣть Каспійское море. Въ Баку она заболѣла и въ это время оттуда ушелъ послѣдній пароходъ въ Астрахань. Ѣхать въ экипажѣ въ Тифлисъ не позволяло г-жѣ Серена состояніе ея здоровья, климатъ же Баку былъ для нея вреденъ. Ей совѣтовали отправиться въ Ленкорань. Помощникъ капитана парохода посоветовалъ ей вмѣсто того отправиться въ Мешидезерь, одинъ изъ ближайшихъ портовъ Персіи, съ неаполитанскимъ климатомъ. Такое обстоятельство послужило началомъ путешествія г-жи Серена въ Персію. На обратномъ пути оттуда она могла надѣяться увидѣть, наконецъ, Араратъ. Возвратилась она изъ Персіи, однако, моремъ; побывала въ Ленкоранѣ и Дербентѣ и затѣмъ изъ Петровска на пароходѣ переѣхала въ Астрахань. Въ ноябрѣ 1878 г., г-жа Серена была уже въ Москвѣ, откуда черезъ Петербургъ, Варшаву, Вѣну, отправилась въ Римъ и, наконецъ, въ Парижъ, чтобъ обнародовать свои путевыя замѣтки.

Такимъ образомъ, путешествіе г-жи Серена длилось, вмѣсто нѣсколькихъ мѣсяцевъ, нѣсколько лѣтъ. Чѣмъ же обусловилось такое долгое странствованіе? На Кавказъ г-жа Серена, какъ сама говоритъ, попала почти случайно; во второй разъ, она уже поѣхала туда, впрочемъ, добровольно. Путешествіе, говорятъ, втягиваетъ. Г-жа Серена собрала по пути богатые матеріалы для этнографіи разныхъ кавказскихъ туземцевъ; эти матеріалы, впрочемъ, не составляютъ предмета разбираемой книги, посвященной, какъ уже замѣчено, личнымъ воспоминаніямъ путешественницы. Изъ этихъ личныхъ воспо-

минаній мы выберемъ самыя интересныя, по крайней мѣрѣ, для русскихъ читателей.

Въ своемъ „Путешествіи“ г-жа Серена перѣдко вспоминаетъ о своемъ семействѣ; въ заключеніи книги, написанной въ Парижѣ, она говоритъ, что самое пламенное ея желаніе состоитъ въ томъ, чтобы увидѣть, наконецъ, семью, „гдѣ истинное мѣсто женщины“. Одна ли любознательность, случайно зародившаяся уже во время путешествія, такъ долго удерживала г-жу Серена отъ „истиннаго мѣста всякой женщины“? Не было ли иныхъ причинъ, заставившихъ ее съ такими лишеніями проѣхать всю Абхазію, желать посѣтить черкесскія аулы и, наконецъ, такъ добиваться и поѣздки въ Александрополь, и пребыванія въ русскомъ лагерѣ за турецкой границей? Г-жа Серена, въ своемъ сочиненіи, много разъ и усиленно повторяетъ, что она постоянно дѣйствуетъ прямо и откровенно; не всѣ, однако, довѣряли ей; нѣкоторые позволяли себѣ сомнѣваться какъ въ ея личности, такъ и въ цѣли ея путешествія.

Еще во время перваго пребыванія г-жи Серена въ Петербургѣ, въ 1874 году, подобное сомнѣніе мелькнуло въ умѣ генерала Потапова, тогдашняго начальника III Отдѣленія. Едва пробивъ нѣсколько недѣль въ нашей столицѣ, г-жа Серена вздумала просить о дозволеніи посвятить свои будущія замѣтки о Россіи имени покойнаго государя императора и даже удостоиться счастья быть ему представленной. Въ послѣднемъ ей было, впрочемъ, отказано. По случаю этихъ ходатайствъ, г-жа Серена была дважды въ одинъ и тотъ же день приглашаема къ генералу Потапову. При вечернемъ посѣщеніи, послѣ продолжительнаго разговора о тряпкахъ, генераль спросилъ путешественницу: не англичанинъ ли ея мужъ?

— Англичанинъ? отвѣчала она.—Разумѣется, нѣтъ. Вѣдь его фамилія—Серена.

Генераль согласился, и затѣмъ сознался, что вопросъ, ради котораго его высокопревосходительство пригласилъ къ себѣ вторично г-жу Серена и который онъ, будто бы, позабылъ предложить ей утромъ, былъ именно относительно національности ея мужа. Г-жа Серена, для наставленія генерала, добавила, что фамилія „Серена“ первоначально была „Сирена“.

— Слушая васъ, невольно вѣришь этому,—любезно отвѣтилъ генераль.

Г-жа Серена не осталась въ долгу. Она любезно распространяется о томъ, что покойное III Отдѣленіе было во многихъ отношеніяхъ полезно. Любопытно, что пользу его она видитъ, между прочимъ, въ томъ, что „при посредствѣ этого учрежденія раздавались пенсіи, подъ видомъ вспоможенія, такимъ лицамъ, которыя не имѣли права просить о томъ правительствомъ“.

Второй разъ, г-жа Серена возбудила подозрѣнія на счетъ цѣли своей поѣздки въ Екатеринодаръ, куда, какъ сказано выше, отправи-

лась съ цѣлью объѣздить черкесскіе аулы въ сопровожденіи марсельскаго француза. За болѣзнью, она осталась въ главномъ городѣ черноморскихъ казаковъ. Французъ уговорилъ нашу путешественницу дожидаться его возвращенія, обѣщая ей показать затѣмъ хотя ближайшіе аулы; начальство также обѣщало ей показать черкесскій праздникъ.

Г-жа Серена, впрочемъ, уѣхала изъ Екатеринодара, не видавъ праздника. Свою неудачу она приписываетъ чиновнику атаманской канцеляріи, родомъ сербу, котораго она величаетъ „мужикомъ необразованнымъ“. Вообще спокойный рассказъ г-жи Серена въ этомъ мѣстѣ отличается раздражительностью. Исторія разыгралась въ Керчи. Секретарь итальянскаго консула отправился получать ея письма, адресованныя, по рекомендаціи екатеринодарскаго француза, на имя агента русскаго общества пароходства и торговли. Агентъ, отдавая письма, замѣтилъ секретарю: „эта госпожа искательница приключеній; она шпионъ, а вовсе не та почтенная дама, чье имя носить“. Эти слова были сказаны въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ; произошла сцена. Путешественница, узнавъ о томъ, потребовала агента къ себѣ, но онъ отказался явиться. „Я узнала“, говоритъ она, „что онъ былъ сербъ, другъ екатеринодарскаго. Я поняла все. Въ то время только и разговору было, что о войнѣ Россіи съ Турціей. Умы были возбуждены борьбою въ Сербіи. Въ Керчи большинство капитановъ и экипажа судовъ русскаго общества были сербы; тамъ существовала, поэтому, группа болѣе возбужденная, чѣмъ сами русскіе. Раздавались проклятія Турціи, и раньше чѣмъ была объявлена война Россіей, она была уже объявлена сербами“.

Благодаря нѣкоторымъ мелочнымъ обстоятельствамъ, слухи о неблагонадежности г-жи Серена разрослись. Утверждали, что она „важное политическое лицо, тайный эмиссаръ въ юбѣ, посланный непосредственно лордомъ Дерби отъ имени его правительства; что ей было поручено, до объявленія войны, купить Кавказъ (у кого?) на имя Джона Булля, который намѣревался передать его своимъ друзьямъ оттоманамъ“. Дѣло дошло до того, что отъ г-жи Серена потребовали паспортъ; явился и неизбѣжный адвокатъ, предлагавшій путешественницѣ начать дѣло о диффамациі, но она, зная, что въ Россіи на этотъ счетъ очень строгіе законы, пожелала быть великодушною и оставила клевету безъ наказанія. Догадываясь, однако, что въ виду будущей войны, такіе слухи могутъ навлечь на нее неприятели, г-жа Серена приняла мѣры: она написала своему другу, русскому консулу въ Лондонѣ, который счелъ долгомъ рекомендовать ее мѣстнымъ властямъ. Изъ этого можно заключить, что путешественница, попавшая проѣздомъ на Кавказъ, уже въ это время раздумала скоро возвратиться туда, гдѣ „истинное мѣсто всякой женщины“.

Третій неприятный случай выпалъ на долю г-жи Серена при возвращеніи ея изъ Александрополя; тутъ ей часть дороги пришлось

проѣхать подъ стражей. Еще при отъѣздѣ изъ Александрополя, ея пріятельница итальянка, жена полковника, въ домѣ котораго она останавливалась, предупредила путешественницу не быть слишкомъ довѣрчивой и умоляла ее не заѣзжать за вещами въ Дилижанъ, а ѣхать прямо въ Тифлисъ. Г-жа Серена не послушалась благого совѣта. Далѣе приводимъ ея подлинныя слова.

„Въ Дилижанѣ, у моихъ хозяевъ, господствовалъ ужасъ. Дамы были однѣ. Ихъ родственники, военные, стояли на постахъ вдоль Эриванской дороги, гдѣ курды таились въ горныхъ ущельяхъ, разбойничая и совершая преступленія. Они ограбили почту и убили ямщиковъ. Готовилось второе нападеніе, но оно было предупреждено властями.

„Итакъ, было предопредѣлено не видѣть мнѣ вблизи Арарата! Сила обстоятельствъ заставила меня отказаться отъ путешествія въ Эривань, да если бъ я и захотѣла превозмочь ее, то это было бы все равно невозможно: на станціяхъ не давали лошадей. Я рѣшилась завтра же отправиться въ Баку, въ Елизаветполь. Но было суждено иначе. Около полуночи, въ ту минуту, когда одна изъ дамъ семейства желала мнѣ покойной ночи, ей доложили, что жандармскій начальникъ желаетъ немедленно говорить съ нею „по дѣлу службы“. Не подозрѣвая, что дѣло касается меня, я заснула и спала сномъ праведника, безо всякой заботы о завтрашнемъ днѣ. Я проснулась чуднымъ утромъ и почувствовала, какъ всѣ мои способности возбуждены и оживлены великолѣпнымъ солнцемъ первыхъ осеннихъ дней. Ударъ, направленный злобой, поранилъ меня въ самое сердце.

„Отдохнувъ, съ улыбкой на устахъ, я пошла здороваться съ дамами, сидѣвшими за завтракомъ. Но моя улыбка какъ бы замерзла подъ взглядами тѣхъ, для кого она назначалась; такъ отъ суроваго вѣтра вянетъ только что распустившійся цвѣтокъ.

„Я искала вокругъ себя причину этой холодности. Я замѣтила за семейнымъ столомъ жандармскаго офицера. Всѣ молчали; то было затишье передъ бурей, долженствовавшей поразить меня. Быть можетъ, желали, чтобъ я собралась съ силами; быть можетъ, всѣ, желая объяснить мнѣ, не знали, кому заговорить первому. Я прервала это странное молчаніе.

„— Что съ вами со всѣми сегодня? Или вы получили дурное извѣстіе?

„— Да, отвѣчала та, которую позвали, когда я вчера шла спать. Жандармскій начальникъ получилъ приказъ арестовать васъ. Вчера онъ приходилъ за этимъ. Я настояла, чтобы васъ оставили на ночь въ покоѣ. Вотъ сегодня онъ воротился; у крыльца стоитъ тройка и казаки съ дорожной, подписанной (?) жандармскимъ управленіемъ. Они васъ свезутъ въ Тифлисъ.

„Я отвѣчала откровеннымъ взрывомъ смѣха и поздравила г-жу З..., что у нея шутливый и изобрѣтательный умъ. Я прибавила, что ради

шутки, она взяла такой вѣрный тонъ, что просто должна дѣлать чудеса, заставляя другихъ вѣрить своимъ выдумкамъ; что я сама, не будь только я увѣрена въ противномъ, могла бы повѣрить ее словамъ, сказаннымъ такимъ серьезнымъ тономъ.

„— Право, я вовсе не шучу, отвѣчала печально г-жа З... и я замѣтила на ея глазахъ слезы, которыя, какъ обледенѣвшія капли, падали на мое сердце.

„— Поглядите, вотъ доказательство того, что я сейчасъ сказала.

„И она мнѣ показала телеграмму, посланную наканунѣ изъ Александрополя и содержащую по-русски слѣдующій приказъ начальника тайной полиціи: „Немедленно удалить г-жу Серена съ театра войны. Должна отправиться изъ Дилижана. Запрещается ѣхать въ Эривань. Выдать подорожную въ Тифлисъ“.

Здѣсь мы на минуту остановимся. Изъ словъ г-жи Серена видно, что мысль „видѣть Араратъ вблизи“ не покидала ее и послѣ недозволенія переѣхать за границу. Ясно также, что начальство увѣдомилось, что г-жа Серена повернула на Дилижанъ не за одними вещами, а съ цѣлью инымъ путемъ пробраться за границу. Вещи, по справедливому замѣчанію александропольской хозяйки нашей путешественницы, могли быть и пересланы ей въ Тифлисъ. Теперь снова представляемъ слово самой г-жѣ Серена.

„Приди какъ разъ ко времени моего вставанья, жандармскій начальникъ требовалъ, чтобъ я повиновалась. Мнѣ повиноваться жандармамъ! Меня арестовать! Я была точно подъ вліяніемъ страшнаго кошмара. На мгновеніе я лишилась мысли. За что меня арестовывали? Чтò я сдѣлала? вмѣсто всякаго отвѣта, жандармскій офицеръ указывалъ на телеграмму, твердя, что я должна повиноваться. Но я возражала, что не могу повиноваться непонятному приказу, не узнавъ о его причинѣ. Я предлагала отдаться въ плѣнъ. Я хотѣла, для полученія объясненія, телеграфировать въ Александрополь и итальянскому консулу въ Тифлисъ. Офицеръ объявилъ мнѣ, что въ Дилижанѣ мнѣ воспрещены всякія ходатайства; что по его приказу, отъ меня не примутъ телеграммъ; что я и безъ того его плѣнница и не могу сдѣлать ни шагу изъ дому, развѣ сѣсть на перекладную и возможно скорѣе удалиться съ театра войны. Дамы, боясь для себя дурныхъ послѣдствій отъ моихъ попытокъ, вслѣдъ за офицеромъ хоромъ убѣждали меня ѣхать.

„Я энергически протестовала противъ горячихъ уговариваній этого женскаго стада, лишеннаго своихъ пастуховъ. Словно трепетныя овечки окружали онѣ меня, оплакивая свою безопасность. Самая умная, полковница З, оказалась самой лучшей ¹⁾. Вся моя энергія возвратилась въ эту минуту, когда я поняла все мое безсиліе. Въ безмы-

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ авторъ дѣлаетъ слѣдующее, не совсѣмъ понятное, примѣчаніе въ выноскѣ: „У полковника З... была карта Эриванской дороги“.

ходномъ, спаянномъ властью кругѣ, я дѣйствительно почувствовала себя плѣнницей. Сила надѣла кандалы на мою волю. Я хотѣла позвать себѣ на помощь начальника уѣзда, которому я была рекомендована губернаторомъ.

„На такое справедливое (?) мое требованіе, офицеръ отвѣчалъ:

„— Если вы не поѣдете добровольно, я употреблю силу.

„При этой угрозѣ, мой взглядъ далъ почувствовать слишкомъ ревностному чиновнику, что онъ зашелъ черезъ-чуръ далеко, и онъ прибавилъ:

— Пожалуйста, сударыня, уѣзжайте. Я отецъ семейства, и въ случаѣ ослушанія, лишусь мѣста.

„Я поняла, что оставаюсь на мѣстѣ, я ничего не въ силахъ сдѣлать.

„Направленіе на Тифлисъ уклонило меня отъ моего маршрута (?). У меня все еще были причины отправиться въ Баку, и я оказала сопротивленіе. Ласковыми убѣжденіями мнѣ удалось склонить на свою сторону офицера.

„Онъ, подвигнутый духомъ терпимости—да простить ему это его начальникъ—вычеркнулъ въ подорожной Тифлисъ и написалъ Елизаветполь. Затѣмъ онъ подалъ мнѣ руку и помогъ мнѣ вскарабаться на перекладную“.

Такъ г-жа Серена была удалена съ театра войны. Она пускается въ догадки о причинѣ такого удаленія, догадки, болѣе похожія на сплетни, чѣмъ на правду. Казаки, сопровождавшіе ея, говорили своимъ товарищамъ при смѣнахъ, что везутъ „турецкаго шпіона“.

Г-жа Серена, несомнѣнно, права, утверждая въ началѣ своей книги, „что нигдѣ такъ не ухаживаютъ за иностранцами, какъ въ Россіи“. Всюду, если бѣ было сочтено нужнымъ удалить ее съ театра войны, это было бы сдѣлано безо всякихъ излишнихъ церемоній. Сама путешественница, надо думать, всюду, кромѣ Россіи, покорилась бы своей участи безо всякой декламации, и ужъ конечно ее повезли бы не туда, куда ей угодно, а въ то мѣсто, куда сочтено было бы за благо удалить ее. Затѣмъ же г-жѣ Серена требовалось непременно въ Баку?

Съ свойственной ей прямою и откровенностью, неутомимая путешественница рассказываетъ, что въ Баку она заболѣла, пропустила чрезъ это послѣдній пароходъ, переѣздъ же въ Тифлисъ въ экипажѣ сталъ для нея невыносимъ въ виду состоянія ея здоровья: малѣйшій толчекъ могъ снова сложить ее въ постель. Такое обстоятельство не помѣшало, однако, ей отправиться въ Персію, гдѣ, надо полагать, экипажи покойнѣе и дороги ровнѣе. Прямая и откровенная путешественница тутъ, очевидно, что-то путаетъ. Вотъ что значитъ страстно желать „увидѣть Араратъ вблизи“.

Д. А.

ТАЛЕЙРАНЪ НА ВЪНСКОМЪ КОНГРЕССѢ.

ДѢЯ ТALEИРАНА связано съ двумя величайшими актами новейшей исторіи, которыми отмѣчены начало и конецъ революціонной эры въ Европѣ: „états-généraux“ во Франціи и Вѣнскимъ конгрессомъ. Здѣсь знаменитый дипломатъ былъ на первомъ планѣ и имѣлъ рѣшительное вліяніе на ходъ дѣлъ; здѣсь же обрисовалась существеннѣйшая сторона въ характерѣ этого человѣка XVIII вѣка. Но, безспорно, блестящія дипломатическія способности Талейрана развернулись въ особенности въ періодъ Вѣнскаго конгресса. Исторія его политической дѣятельности въ это время представляетъ, дѣйствительно, большой интересъ, и потому-то мы полагаемъ нелишнимъ ознакомить съ нею читателей на основаніи, доселѣ оставшейся неизданною, переписки Талейрана и Людовика XVIII въ періодъ Вѣнскаго конгресса. Переписка эта обнародована недавно Жоржемъ Пеллэномъ въ Парижѣ: „Correspondance inédite du prince de Talleyrand et de Louis XVIII“. Любопытство французскихъ ученыхъ было задѣто и раньше сознаниемъ важности этой переписки. Ею пользовались Тьеръ въ своей „Исторіи имперіи“, Вильмэнъ въ „Воспоминаніяхъ ста дней“, де-Вьель-Кастель—въ своей „Исторіи реставраціи“, а д’Оссонвилль издалъ даже нѣкоторыя извлеченія. Но только благодаря упомянутому изданію Пеллэна ученая любознательность въ данномъ случаѣ можетъ считать себя удовлетворенной. Новѣйшая исторія въ такомъ изданіи пріобрѣтаетъ капитальные документы, а дипломатія—одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ образцовъ своей литературы.

Письма Талейрана изложены по преимуществу великосвѣтскимъ языкомъ восемнадцатаго столѣтія. Талейранъ, какъ собесѣдникъ,

едва ли имѣлъ себѣ равнаго. Онъ не заставлялъ себя ждать отвѣтомъ или выраженіемъ, всегда былъ находчивъ, обладалъ быстротою сообразительности и способностью въ одной фразѣ формулировать самый сложный вопросъ, въ одномъ словѣ цѣлую мысль; онъ прекрасно владѣлъ перомъ утонченнаго стилиста и тактомъ государственнаго челоуѣка. Въ перепискѣ своей съ Людовикомъ XVIII, который не чуждъ былъ бахвальства своимъ литературнымъ образованіемъ, Талейрану естественно приходилось заботиться о томъ, чтобы понравиться и угодить претензіямъ государя. Отсюда въ его письмахъ необыкновенная изысканность стили, утонченность ироніи и изящество въ выраженіяхъ. Наоборотъ, ничего подобнаго не видно въ письмахъ претензіознаго короля. Драгоцѣнныя для исторіи, быть можетъ, болѣе драгоцѣнныя, чѣмъ письма Талейрана, письма Людовика XVIII не отличаются литературными достоинствами. Такъ и видно, что надъ ихъ составленіемъ слишкомъ напряженно работалъ авторъ писемъ. Посланникъ и король словно кокетничаютъ другъ передъ другомъ; но тамъ, гдѣ посланникъ кажется совсѣмъ развязнымъ и непринужденнымъ, тамъ король постоянно встрѣчаетъ затрудненія. Людовикъ XVIII всюду злоупотребляетъ латинскими цитатами, которыми и до него еще немало людей успѣли всѣмъ наскучить. Талейранъ этого не дѣлаетъ, разумѣется; такіе люди, какъ онъ, не приводятъ цитатъ, они сами пишутъ, чтобы ихъ цитировали другіе. Объ этой сторонѣ писемъ Талейрана мы считаемъ нужнымъ упомянуть, съ цѣлью показать, что настоящее изданіе представляетъ не только историческій интересъ, но и образецъ литературнаго стили дипломата, стили, напоминающаго красоты Вольтеровскаго языка.

Еще одна важная отличительная сторона писемъ Талейрана. Ихъ трудно читать безъ подготовки. Они писаны не для публики, а для короля, которому извѣстны были тайныя пружины дипломатическихъ переговоровъ его посланника. Цѣлый рядъ фактовъ, о которыхъ Талейранъ не упоминаетъ, представляется, однако, необходимымъ знать, чтобы понимать эту переписку. Цѣлый рядъ идей, принятыхъ обоюдно Людовикомъ XVIII и знаменитымъ дипломатомъ, который никогда не возвращается къ нимъ, необходимо привести въ извѣстность, чтобы вполне уразумѣть смыслъ ихъ переписки. Поэтому намъ кажется вполне умѣстнымъ здѣсь же выдѣлить указанную сторону корреспонденціи и тѣмъ облегчить читателямъ оцѣнку значенія писемъ Талейрана. Впрочемъ, такую работу исполнилъ уже по поводу разсматриваемаго изданія извѣстный французскій публицистъ-историкъ Альбертъ Сорель и намъ остается только воспользоваться его прекрасной статьёй, помѣщенной недавно въ „Temps“.

I.

Въ 1814 году, когда „союзники“, т. е. Англія, Австрія, Пруссія и Россія вошли въ Парижъ, они безусловно и формально были согласны

насчетъ условій, какія слѣдовало бы предложить Франціи при заключеніи мира. Въ результатѣ такихъ условій должно было явиться возвращеніе къ тому положенію дѣлъ, какое предшествовало войнѣ, продолжавшейся двадцать два года, т. е. къ границѣ 1792 года. Англія еще съ 1793 года объявила, что безъ этого не могъ бы состояться продолжительный миръ, Австрія поддерживала то же предложеніе со времени Люневильскаго трактата, такова же была постоянная мысль и Меттерниха. Къ ней присоединилась и Россія послѣ 1812 года. Пруссію, которая желала отнять у Франціи, по крайней мѣрѣ, Эльзасъ и Лотарингію, убѣдили присоединиться ко взглядамъ „союзниковъ“. Было условлено, сверхъ того, что Франція не приметъ участія въ переговорахъ, которые должны послѣдовать въ виду раздѣленія ея владѣній. По отношенію къ Наполеону, устраненіе его отъ переговоровъ признавалось необходимымъ всѣми рѣшительно; относительно Бурбоновъ, считали нужнымъ сдѣлать уступку лишь формальную. Подписывая миръ, Франція предварительно должна была согласиться на главныя условія вознагражденія Европы. Только при такомъ обязательствѣ съ ея стороны рѣшались допустить ея участіе въ конгрессѣ, который имѣлъ въ виду регламентировать всеобщій миръ. Подъ тѣмъ же условіемъ допускались на конгрессъ Испанія, Португалія и Швеція, подписавшія Парижскій миръ. Такимъ образомъ, держава, съ которой намѣревались заключить продолжительный миръ, являлась на конгрессѣ связанной по рукамъ. Ей предоставлялось только росписаться въ фактахъ совершившихся. Союзники, какъ теперь уже не тайна, строго говоря, были согласны лишь въ одномъ неизмѣнно: въ стремленіи раздавить Францію, но насчетъ будущей участи Европы, единенія между ними не существовало. Рѣшившись поддерживать союзъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не увѣрились бы въ мирныхъ намѣреніяхъ французской націи, четыре державы не желали, разумѣется, чтобы Франція подозрѣвала тайное несогласіе между ними и чтобы она воспользовалась этимъ, съ цѣлью возстановить свое вліяніе въ Европѣ, а быть можетъ—и разорвать даже ихъ коалицію.

Несогласіе, однако же, существовало и не преминуло вскорѣ обнаружиться. Дѣло въ томъ, что союзники, при составленіи своей коалиціи въ 1813 г., приняли на себя обязательства, которыя, наконецъ, приходилось привести въ исполненіе. Главное изъ обязательствъ—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи разсматриваемаго предмета—заключалось въ томъ, чтобы предѣлы Пруссіи до 1806 года были возстановлены. Въ это время, какъ извѣстно, Пруссіи принадлежала территорія Польши вплоть до праваго берега Вислы. Наполеонъ отнялъ эти польскія земли, чтобы образовать изъ нихъ герцогство Варшавское. Возвращенію ихъ снова Пруссіи воспротивился русскій императоръ. Нѣтъ надобности останавливаться здѣсь, какія намѣренія питалъ императоръ Александръ I относительно Польши. Его непремѣнное желаніе возстановить Польшу съ либеральными учрежденіями

хорошо извѣстно и, слѣдовательно, поступиться хоть частью территоріи ея императоръ не могъ. Отсюда было необходимо вознаграждать Пруссію инымъ способомъ. Комбинація не заставила себя ждать. Король Саксоніи оставался вѣренъ Франціи и его владѣнія поступили въ распоряженіе „союзниковъ“. Ихъ передали Пруссіи. Такое рѣшеніе затруднительнаго вопроса пришлось очень по вкусу Пруссіи, ибо изъ государства полуславянскаго, какимъ она была до 1806 года, новая комбинація дѣлала ее нѣмецкой, да притомъ еще первенствующимъ въ средѣ государствъ Германіи. Между королемъ Пруссіи и русскимъ императоромъ создалось формальное соглашеніе, ихъ связывала самая тѣсная дружба и интересы ихъ стали солидарными. Но послѣдніе не согласовались съ интересами ихъ союзниковъ. Австрія не могла, не компрометируя себя, допустить у самыхъ воротъ своихъ опасное для себя усиленіе Россіи, господствующей надъ славянскимъ міромъ, и Пруссіи, стоящей во главѣ нѣмцевъ. Англія соглашалась, правда, на присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи, но ни за что не хотѣла примириться съ отдачей Россіи всей Польши. Александръ I стоялъ, однако, на своемъ рѣшительно, объявивъ, что въ данномъ пунктѣ онъ не уступитъ. Соглашеніе представилось невозможнымъ: Пруссія отдавала Варшаву только подъ условіемъ получить взаменъ Дрезденъ, а Россія соглашалась передать Дрезденъ не иначе, какъ получивъ Варшаву; Англія уступала Дрезденъ, но не отдавала Варшавы. Австрія противилась и тому, и другому. Такимъ образомъ составились три партіи между четырьмя союзниками. Лѣто 1814 года прошло въ напрасныхъ переговорахъ. Русский императоръ настаивалъ на своемъ, Англія оспаривала его требованіе. Конгрессъ пришлось отложить до осени. Франція не преминула воспользоваться такимъ разногласіемъ. Главнѣйшій интересъ для нея состоялъ въ томъ, чтобы разъединить коалицію и выйти изъ положенія изолированнаго, стать въ которое ее вынудили. Но коалиція образовалась съ цѣлью задержать расширеніе Франціи, опасеніе могущества ея служило связью коалиціи. Значитъ, давать какой бы то ни было предлогъ къ новому возбужденію подобныхъ опасеній и подозрѣній для Франціи было равносильно тому, чтобы самой же содѣйствовать болѣе тѣсному сближенію между союзниками. Единственный же шансъ ихъ разъединить, это — разувѣрить ихъ насчетъ справедливости опасеній. „Союзники“ налагали на нее обязательство быть безкорыстной, и въ этомъ самомъ условіи, которымъ думали ее совсѣмъ стѣснить, Франція нашла средство сначала выпутаться, а затѣмъ возстановить въ Европѣ свое вліяніе, котораго хотѣли лишить ее. Союзники организовали ученую систему предосторожностей противъ ея честолюбія и двусмысленнаго образа дѣйствій: они запретили ей политику дѣйствія, а держались сами, такъ сказать, политики принциповъ. Людовикъ XVIII и Талейранъ это поняли и ихъ искусство сводилось къ тому, чтобы

воспользоваться трудностями положенія, въ которе поставили Францію, какъ источникомъ и орудіемъ дѣйствія, чтобы въ самыхъ обязательствахъ, предписанныхъ ей, найти себѣ права, которыхъ не могла оспаривать Европа, такъ какъ сама же она приняла ихъ за основаніе своихъ трактатовъ съ Франціей. И дѣйствительно, коалиція дѣйствовала во имя общественнаго права Европы, принудивъ Францію подписать Парижскій миръ. Во имя того же права, Франціи оставалось вмѣшаться въ конгрессъ, требуя отъ всѣхъ выполнения принциповъ, какіе къ ней примѣнялись, и доказывая свое уваженіе къ условеннымъ обязательствамъ самой энергіей, съ которою она всюду выдвигала бы важность принципа. „Франція“, писалъ Талейранъ 10-го декабря 1814 г. къ Меттерниху, „не намѣрена вносить въ дѣло конгресса честолюбивые планы или личные интересы. Оставленная въ своихъ прежнихъ предѣлахъ, она не думаетъ расширять ихъ, подобно морю, которое выходитъ изъ своихъ береговъ только тогда, когда оно взволновано бурями. Но ей остается желать, чтобы дѣло возстановленія границъ исполнилось также и для всей Европы, какъ для нея самой. Это желаніе Франціи должно питать каждое изъ европейскихъ государствъ, которое не считаетъ себя ослѣпленнымъ“. „Послѣдніе годы,—такъ заканчивались инструкціи Людовика XVIII,—оставили впечатлѣнія, которыя необходимо изглаживать. Франція—государство настолько сильное, что другіе народы могутъ быть обезпечены лишь идеей ея умѣренныхъ желаній, идеей, которую они усвоятъ тѣмъ легче, что вмѣстѣ съ нею Франція даетъ имъ еще болѣе великую, идею своей справедливости“. Такіе взгляды внушались обстоятельствами положенія и, наконецъ, самими обязательствами, предписанными Франціи, и они же были выдвинуты ею на первый планъ во время конгресса.

II.

8-го октября 1814 года, посланники великихъ державъ собрались у Меттерниха. Рѣчь шла о своевременности объявить Европѣ объ открытіи Вѣнскаго конгресса. Рѣшили, что въ деклараціи будетъ указано 1-е ноября. Талейранъ потребовалъ, чтобы были добавлены слова: „конгрессъ будетъ устроенъ на принципахъ общественнаго права“. Такое предложеніе подняло цѣлую бурю.

— Нѣтъ-съ, сказалъ Гарденбергъ, вставая, сжавъ кулаки, почти угрожая.—Нѣтъ-съ, „общественное право“, это—безполезно.

— Что означаетъ здѣсь общественное право? воскликнулъ Гумбольдтъ.

— Оно означаетъ, что вы здѣсь, отвѣчалъ Талейранъ.

Оба прусскихъ посланника успокоились. Всѣ казались смущенными.

— Для чего же упоминать, что мы будемъ дѣйствовать на основаніи общественнаго права? заявляетъ Гарденбергъ. Это понятно и безъ оговорки.

— Если это ясно безъ оговорки, отвѣчалъ Талейранъ, то еще яснѣе станетъ, какъ скоро это будетъ оговорено.

Рѣшили, что можно упомануть объ этомъ, ибо нельзя себѣ объяснить, почему бы съ самаго начала и отказываться непремѣнно отъ того, чтобы упомануть объ „общественномъ правѣ“. Нѣсколько дней спустя, Талейранъ, отдавая Людовику XVIII отчетъ объ этомъ засѣданіи, писалъ: „предполагаютъ, что мы одержали побѣду, внесе выраженіе „общественное право“. Такое мнѣніе можетъ дать вамъ понятіе о духѣ, какой направляетъ конгрессомъ“.

Уже по этой маленькой стычкѣ, дѣйствительно, можно было судить о характерѣ предстоявшей баталіи. Дипломаты, собравшіеся у Меттерниха, всѣ были въ глубинѣ души скептики насчетъ права общественнаго. Въ тайнѣ своихъ интимныхъ преній они всѣ дешево цѣнили это право, но не могли признаться въ этомъ открыто. Тутъ-то и провелъ ихъ Талейранъ. По данному поводу, Генцъ, который насъвозъ зналъ этихъ опекуновъ Европы, весьма не двусмысленно о нихъ отзывается: „Широковѣщательные фразы о возстановленіи нравственнаго порядка, о возрожденіи политической системы Европы, о продолжительномъ мирѣ, основанномъ на справедливомъ распредѣленіи силъ и пр. и пр. фигурировали собственно въ видахъ успокоенія народовъ и съ цѣлью придать этому торжественному собранію обликъ достоинства и величія; но дѣйствительная цѣль конгресса заключалась въ томъ, чтобы подѣлить между побѣдителями остатки, отнятыя у побѣжденнаго“. Дипломаты не вѣрили серьезно въ фразы, которыми они пользовались, чтобы возстановить народы противъ наполеоновской имперіи. Зато народы, сражавшіеся во имя этихъ фразъ, считавшіе убитыхъ и раненыхъ, вѣрили въ дѣйствительность обѣщаній и мечтали о томъ золотомъ вѣкѣ независимости, свободы, мира, какой, по предвѣщаніямъ коалиціи, долженъ былъ послѣдовать за вѣкомъ жельза и крови, отъ котораго столько вынесла Европа. Поэтому, народы съ готовностью вѣрили себя и свою участь въ руки правителей. Столкновеніе государственныхъ интересовъ мало занимало народы, да они и плохо понимали значеніе этихъ интересовъ. Глубоко въ своемъ сердцѣ носили они то, чему въ свою очередь правители придавали меньше всего значеніе, именно—принципъ, который регулировалъ бы право Европы и общую систему, въ ней примѣнимую. Одинъ изъ современниковъ, Црадтъ, прекрасно характеризуетъ это чувство: „европейцы не спрашивали конгресса объ употребленіи, какое онъ находилъ нужнымъ сдѣлать изъ своихъ верховныхъ правъ; но они хотѣли знать, наступитъ ли, наконецъ, спокойствіе послѣ столькихъ грозъ, будетъ ли конецъ волненіямъ, останется ли что нибудь твердымъ, послѣ столькихъ перемѣнъ, будетъ ли, наконецъ, обезпечена

безопасность собственности, послѣ столькихъ покушеній на нее... Они не только спрашивали о томъ, подъ чьимъ владычествомъ имъ придется жить, подъ какой формой правленія, но и о томъ, будетъ ли, наконецъ, какое бы то ни было правительство, какой бы то ни былъ образъ правленія, который далъ бы имъ возможность жить“.

„Союзники“ не переставали нарушать принципъ, во имя котораго они дѣйствовали. Когда армія Наполеона была уничтожена, а его наслѣдство осталось безъ распорядителя, они питали только одну мысль, только одно намѣреніе: продолжать дѣло императора, обративъ его противъ Франціи, идти по слѣдамъ имперіи послѣ того, какъ они же ее уничтожили. Но имъ все-таки нужно было оправдать свой образъ дѣйствій передъ Европой. И точно: Россія, Австрія и Пруссія могли третировать Европу, какъ вымороченное имѣніе, на которое они имѣли право, могли сказать себѣ: „Европа — это мы“, могли втайнѣ дѣлать свои расчеты, бросать жребии, кому что достанется, а потомъ, когда торгъ оконченъ, отвѣчать неугомоннымъ допрощикамъ, подобно тому, какъ Талейрану отвѣтилъ императоръ Александръ I: „условія Европы составляютъ право (т. е. общественное)“. Но бѣда для нихъ заключалась въ томъ, что одинъ изъ союзниковъ принужденъ былъ высказываться публично и не могъ спрятаться за циничные софизмы, какіе преобладали въ тайныхъ собраніяхъ. Это — именно тотъ изъ нихъ, которому стойкость политики, твердость въ намѣреніяхъ и во взглядахъ предоставили первое мѣсто въ союзѣ. Это — Англія. Безъ сомнѣнія и ея представитель въ Вѣнѣ, Касльриффъ (Castleregh), подобно своимъ коллегамъ, былъ равнодушенъ и къ принципамъ, и къ общественному праву. Но не такъ относился къ дѣлу англійскій парламентъ. Въ Англіи особенно рельефно заявлялись тѣ чувства, которыя выше намѣчены Генцомъ и Прадтомъ, но заявлялись они не такъ, какъ во всей Европѣ, боязливо и въ тѣни. Они были ключемъ въ газетахъ и выражались на общественной трибунѣ. И только потому, что въ Англіи была свободная трибуна, гдѣ обсуждалась англійская политика, тайныя засѣданія Вѣнскаго конгресса имѣли по необходимости общественную санкцію; конгрессъ являлся отвѣтственнымъ передъ мнѣніемъ Европы и не могъ снять съ себя этой отвѣтственности. Это хорошо понималъ Талейранъ и это же придавало силу его знаменитымъ нотамъ, которыя онъ редижировалъ не столько для дипломатовъ, засѣдавшихъ въ Вѣнѣ, сколько для обнародованія ихъ въ Лондонѣ и обсужденія ихъ въ парламентѣ.

Нужно было, однако, непременно нужно было, чтобы конгрессъ, каковы бы ни были его дѣйствія, нашелъ средство сообразовать ихъ съ принципомъ коалиціи и общимъ интересомъ Европы. Здѣсь-то и обнаружались затрудненія. Не смотря на всю ловкость сторонниковъ коалиціи, имъ не удалось примирить съ принципомъ общественнаго права Европы поползновенія Пруссіи на Саксонію и Россіи на Польшу.

Коалиція объявила два принципа: право династій на традиционное наслѣдіе, право націй—на независимость. Конгрессъ одобрилъ второй принципъ и отвергъ первый, а нарушилъ ихъ оба, отдавъ пруссакамъ Саксонію, не смотря на протесты саксонскаго народа, требовавшаго независимости, и протесты короля Саксоніи, требовавшаго своей короны. При отсутствіи принципа оставалось выдвинуть на сцену интересъ. Но этотъ мотивъ, единственный, который направлялъ дѣйствіями конгресса, былъ непохваленъ и, направляя конгрессъ, не преминулъ вызвать въ немъ расколъ. Такимъ образомъ, засѣдавшіе въ конгрессѣ могли вдвойнѣ подвергнуться упреку. „Ихъ затрудненіе,“ говоритъ Талеяранъ, „вытекаетъ изъ иллюзіи, какой они держатся, вѣря въ возможность направлять дѣло Европы на тѣхъ основаніяхъ, которыя они насъ заставили принять и которыя, однако, не были таковыми.“ Самому тонкому искусству не удалось бы долго скрывать столь непримиримыя несогласія. Участники же коалиціи выказывали очень мало искусства и слишкомъ много страстности. Талеяранъ употребилъ всю свою ловкость, чтобы снять съ нихъ маску. Ему удалось это, потому что онъ былъ чуждъ ихъ разногласіямъ и ничто не нарушало его хладнокровія. Онъ могъ владѣть собою, судить со стороны и свысока. Въ этомъ—преимущество его положенія.

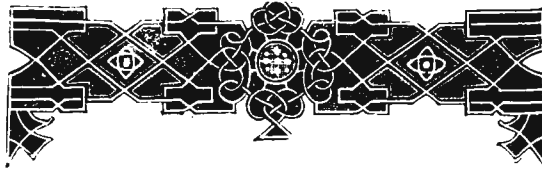
Стараясь доказать свое безкорыстіе фактически, Франція на конгрессѣ была неуязвима. Ея роль была самая простая и лучшая изъ всѣхъ. Положеніе, ею занятое, было таково, что, несмотря на затрудненія во внутреннихъ дѣлахъ, ея политика должна была преобладать въ Вѣнѣ и, дѣйствительно, преобладала. Этимъ она обязана исключительно роли, которую принялъ на себя Талеяранъ. Нужно было показать воочію правоту принциповъ, которые онъ отстаивалъ, чтобы Европа забыла, что они провозглашены имъ. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ оставался въ глазахъ Европы одинъ виновникомъ актовъ, требовавшихъ мщенія и возмездія. Но кто же, въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ участниковъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ могъ бросить ему въ лицо обвиненіе и упрекать его прошлымъ? Если эти акты были преступны, всѣ въ нихъ принимали участіе, или дѣйствовали, какъ онъ. Пруссіи онъ могъ бы отвѣтить Ганноверомъ, Австріи—Венеціей, Россіи—Тильзитомъ. Одна изъ державъ еще могла бы третировать его свысока. Это—Англія, но она не желала этого. Другія молчали. Всѣ какъ бы условились набросить покрывало на свое прошлое. Теперь они преобразились въ неопитовъ общественнаго права. Въ такомъ добровольномъ перерожденіи прежній епископъ Отэня имѣлъ возможность выйти самымъ чистымъ и незапятнаннымъ. Онъ заявлялъ очень громко то, что другіе могли отрицать лишь про себя. Никто изъ нихъ не осмѣливался издѣваться надъ нимъ, потому что принципы, которые онъ провозглашалъ съ такою силою, ни одинъ изъ нихъ не могъ ни отрицать публично, ни отвергнуть. Отсюда и вышло, что Талеяранъ съ первой же встрѣчи съ ними разъединилъ

ихъ совершенно. „Вмѣшательство Талейрана“, писалъ Генцъ, „нанесло серьезное поражение нашимъ планамъ. Князь Меттернихъ не сознаетъ, подобно намъ, всего, что только есть труднаго и даже ужаснаго въ нашемъ положеніи.“ Меттернихъ и Касльрифъ отказывались признать это, пока только могли. Они испробовали всѣ средства, чтобы разъединить Пруссію отъ Россіи; всѣ средства изсякли и, послѣ жаркаго сопротивленія, имъ пришлось прибѣгнуть къ Талейрану. Для него это было триумфомъ. Мало-по-малу, ему удалось выйти изъ своего изолированнаго положенія, удалось разсѣять предубѣжденія и подозрѣнія, сломить упорство самыхъ недовѣрчивыхъ людей насчетъ безкорыстія и законнаго образа дѣйствій Франціи, убѣдить всѣхъ, кромѣ, конечно, Пруссіи и Россіи, что Франція должна была показать хорошій примѣръ, послѣ столькихъ дурныхъ, какъ нужно быть хорошимъ европейцемъ, примѣръ умѣренности, и добиваться лишь справедливаго равновѣсія. Въ концѣ концовъ ему удалось склонить Англію и Австрію подписать съ нимъ тайный трактатъ 9 января 1815 года, который касался главнаго предмета его политики: разорвать коалицію, приобрести союзниковъ Франціи и выдвинуть на сцену интересы, которые онъ считалъ одинаково и своими, и всей Европы. „Теперь“, писалъ онъ Людовику XVIII 4-го января 1815 г., „коалиція разорвана, и навсегда. Не только Франція не изолирована болѣе въ Европѣ, но ваше величество обладаетъ уже такою федеративною системою, какой въ пятьдесятъ лѣтъ переговоровъ не удалось бы обезпечить за ней. Она идетъ въ союзъ съ двумя сильнѣйшими державами. Она будетъ по истинѣ главою и душою этого союза, составленнаго для защиты принциповъ, которые она первой провозгласитъ.“

Талейранъ не рассчитывалъ при этомъ на возможность возвращенія Наполеона съ острова Эльбы. Это событіе его изумило, разрушило всѣ его планы, уничтожило всѣ его комбинаціи. Главный интересъ корреспонденціи здѣсь останавливается. Роль, какую пришлось ему играть въ Вѣнѣ во время „ста дней“, была незавидная. Его сила зависѣла отъ обстоятельствъ, его преимущество заключалось въ правильной оцѣнкѣ этихъ обстоятельствъ и въ умѣнѣ воспользоваться ими. Разъ у него не было поддержки, онъ потерялъ свою силу и остался не болѣе, какъ человекъ съ большимъ апломбомъ, необыкновенной ловкости, которая, однако, поколеблена была въ своихъ расчетахъ. „Талейранъ здѣсь играетъ роль министра Людовика XIV“, говорилъ русскій императоръ въ октябрѣ. Въ апрѣлѣ онъ былъ министромъ развѣ Іакова II. Въ его письмахъ этого періода, въ самомъ его стилѣ, видна двусмысленность его положенія. Его личная досада, злоба, ненависть, смѣшаны, съ весьма впрочемъ законными, опасеніями за Францію. Словомъ, страсть преобладаетъ надъ здравымъ смысломъ, и потому, быть можетъ, письма эти не отличаются тѣми качествами, о которыхъ упомянуто выше. Издатель, повидимому, не же-

лалъ оставить читателя подъ неприятымъ впечатлѣніемъ. Въ концѣ своего сборника онъ прибавилъ статью, которая напоминаетъ лучшія страницы въ сборникѣ. Это—отчетъ, составленный въ іюнѣ Талейраномъ объ итогахъ работъ конгресса и о положеніи на немъ Франціи. Здѣсь, разумѣется, видна апологія себѣ, но апологія, въ которой общіе взгляды преобладаютъ надъ личными, дипломатъ выступаетъ въ роли историка. Какъ въ перепискѣ Талейрана въ періодъ его торжества, такъ и здѣсь, любовь къ Франціи и интересы ея выступаютъ на первомъ планѣ и, безъ сомнѣнія, заставляютъ простить ему многое. Какимъ ни были личныя пожеланія и заднія мысли этого дипломата, связаннаго съ его дѣятельностью, но на Вѣнскомъ конгрессѣ Талейранъ служилъ одной только Франціи и служилъ ей блистательно, успѣвъ разоблачить домогательства политики захвата, какъ всегда замаскированныя гуманными принципами и видимыми заботами о благѣ народовъ.

Ө. В.

ВОСПОМИНАНІЯ О РОССИИ АРМАНА ДОМЕРГА ¹⁾.

ГЛАВА VIII.

Нарушеніе перемирія.—Раздача денег.—Размѣнъ денегъ. — Крестъ на колокольнѣ Ивана Великаго.—Наполеонъ оставляетъ Москву.—Генераль Винценгероде.—Сожженіе артиллерійскаго парка.—Взрывъ Кремля.—Избіеніе отсталыхъ французовъ. — Тутолминъ и Кривцовъ. — Возвращеніе Ростопчина въ Москву.—Награжденіе поджигателей. — Осужденіе на работы. — Виллерсъ.—Указъ императора Александра.—Новыя извѣстія.—Актриса Вергейль. — Пѣвецъ Тарквинію.—Мое безпокойство о семьѣ.—Мученія въ тюрьмѣ.—Предсказанія мужика.—Макаръевская ярмарка.—Уходъ изъ тюрьмы.—Доносъ.—Наказаніе часоваго.—Характеристика нашихъ солдатъ. — Новое вымогательство.—Первая отправка арестантовъ.

НАДЕЖДЫ на миръ, которыя питаль Наполеонъ, исчезли послѣ нарушенія перемирія... Кутузовъ, видя, что уже нельзя долѣе обманывать Наполеона, рѣшился 18-го октября сдѣлать нападеніе. Произошло дѣло при Тарутинѣ. Выведенный, но слишкомъ поздно, изъ своей непостижимой безопасности, императоръ хотѣлъ отвѣчать громовымъ ударомъ на вѣроломство своего врага. Въ ту минуту, какъ пришло извѣстіе отъ неаполитанскаго короля о нападеніи Кутузова, Наполеонъ дѣлалъ смотръ. Внезапно къ нему возвратилась энергія юныхъ годовъ. Во всѣ стороны были посланы приказанія, чтобы сосредоточить армію, которая въ тотъ же день должна была расположиться бивуаками на калужской дорогѣ. Мортъе съ нѣсколькими батальонами былъ оставленъ въ Кремлѣ. Наполеонъ объявилъ, что намѣренъ дать большое сраженіе и черезъ нѣсколько дней возвратится, но не иначе, какъ уничтоживъ непріятеля. Въ этомъ не было ничего невѣроятнаго: онъ столько

¹⁾ Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ V, стр. 862.

разъ предсказывалъ свои побѣды. Но что могъ сдѣлать теперь его геній противъ грозившихъ бѣдствій!

Французская армія уменьшилась вчетверо противъ своихъ первоначальныхъ размѣровъ (около 100,000 чел.) и продолжала ежедневно уменьшаться отъ лишеній и болѣзней. Особенно кавалерія понесла невознаградимыя потери. вмѣстѣ съ ослабленіемъ росла дерзость враговъ: казаки, рысая въ окрестностяхъ, отбивали людей и фуражъ у самыхъ воротъ Москвы. Объявляя о скоромъ возвращеніи въ столицу, не предвидѣлъ ли Наполеонъ неизбѣжность посидѣшнаго отступленія?

Можно, пожалуй, видѣть это рѣшеніе еще раньше событій 18-го октября въ большой раздачѣ денегъ, которая въ предшествовавшіе дни была произведена, по приказу императора, всѣмъ частямъ арміи. Грабежъ былъ допущенъ только въ той мѣрѣ, чтобы смягчить ропотъ. Надо было предупредить то, что могло быть вызвано отступленіемъ. Вслѣдствіе этого, кромѣ ассигнацій, арміи были розданы большія суммы мѣдною монетою, которую нашли закопанною въ подвалахъ дворца. Множество другихъ драгоценностей, доставшихся солдатамъ, и невозможность унести съ собою монету, напоминавшую деньги, введенныя у спартапцевъ Ликургомъ, заставляли французовъ продавать мѣдъ мужикамъ. По странной прихоти, народъ предпочиталъ ее ассигнаціямъ, серебру и даже золоту, столь рѣдкому въ Россіи. Лишь только распространился слухъ о размѣнѣ, какъ Никольская улица, гдѣ находились главныя мѣняльныя лавки, была наводнена покупателями. Это были московскіе грабители, тѣ самыя, которые, пренебрегая опасностью, принимали участіе въ грабежахъ нашихъ солдатъ. Это была жадная, гнусная толпа, которую надежда на корысть вызвала и теперь изъ груди развалинъ! Размѣнъ мѣди на золото и серебро производился при 84%, 90% и даже 98% скидки для покупателей. Судите теперь о жадности, объ упорныхъ усиліяхъ народа пробраться къ мѣсту размѣна. Грызущіяся собаки, терзающія другъ друга изъ-за кости, брошенной въ ихъ голодную стаю, не представляли бы болѣе отвратительнаго зрѣлища: крики, ругань, безконечныя драки, оканчивавшіяся даже смертью слабѣйшихъ. Женщины и дѣти, отваживавшіяся кидаться въ волны черни, брались за непосильное дѣло: падая подъ тяжестью роковой добычи, онѣ погибали подъ ногами толпы. Продавцы, покупатели, русскіе, нѣмцы, французы, все это смѣшалось въ ужасной свалкѣ. Послѣдніе должны были прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, чтобы прекратить или сдержать волненіе. Сильные удары прикладами и нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ на воздухъ, были достаточны, чтобы разсѣять толпу. Но вскорѣ, узнавши, что это была только чужая демонстрація, она нахлынула съ новою яростію. Наши придумали тогда загородить баррикадами входъ въ Китай-городъ у Воскресенскихъ воротъ, которыя отдѣляютъ его отъ Бѣлаго-города.

Мѣдную монету разложили по мѣшкамъ, заключавшимъ въ себѣ по 25 рублей. Солдаты, получивши предварительно слѣдующую сумму, бросали изъ оконъ дворца, или черезъ баррикады, эти громадные мѣшки въ ненасытную толпу.

Наполеонъ былъ готовъ къ отъѣзду. Садясь на лошадь, онъ узналъ отъ одного польскаго генерала, свѣдущаго въ русской исторіи, что народное повѣрье приписываетъ особую силу главному кресту Ивана Великаго. Говорили, что пока онъ стоитъ на колокольнѣ этой церкви, непріятель не можетъ войти въ Москву. Пользуясь всѣми средствами, какія только могли поразить воображеніе суевѣрнаго народа, Наполеонъ приказалъ тотчасъ же сбить крестъ.

На другой день послѣ отъѣзда Наполеона, караулы французской дивизіи, оставленной въ Москвѣ, отступили къ бульвару Бѣлаго-города. На ночь они огораживались и принимали мѣры предосторожности, какъ въ военное время. Ихъ отступательное движеніе заставило генерала Винценгероде думать, что городъ очищенъ совершенно. Онъ неосторожно проникъ до Тверской, гдѣ вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ Нарышкинымъ былъ взятъ въ плѣнъ. Напрасно генералъ, окруженный вмѣстѣ со своими кавалеристами, хотѣлъ заставить вѣрить, что явился въ качествѣ парламентаря и махалъ своимъ платкомъ... На это справедливо замѣтили, что парламентары не ѣздятъ, подобно ему, во главѣ отряда казаковъ, что впереди долженъ быть трубачъ... Генерала не отпустили.

Отъѣздъ Наполеона совершился 20-го октября. 22-го, французскія войска, оставшіяся въ Москвѣ, сожгли артиллерійскій паркъ, расположенный на равнинѣ сосѣдней съ гульбищемъ перваго мая. При этомъ разорвало нѣсколько бомбъ. Взрывъ ихъ заставилъ иностранцевъ, которые еще были въ Москвѣ, думать, что идутъ казаки, предавая все огню и мечу. Въ страхъ одни покидали городъ, не позаботясь запастись средствами для столь далекаго путешествія; другіе, предпочитая попытать счастья при возстановленіи прежняго порядка, чѣмъ подвергаться опасностямъ отступленія, бѣжали въ Воспитательный Домъ. Скопленіе народа здѣсь было такое, что скоро негдѣ было повернуться.

Французы, не зная того, что сами же были причиною тревоги, еще болѣе стянулись въ одно мѣсто. Усиливъ караулы по дорогамъ, которыя вели въ Бѣлый-городъ, они выслали сильныя патрули въ разныя стороны для защиты передовыхъ постовъ.

Шайки московскихъ грабителей, которыхъ загналъ въ подземелья страхъ уличной стычки между двумя арміями, теперь опять появились. Они соединились съ окрестными мужиками и грабежъ начался снова. На этотъ разъ алчность грабителей обратилась на соляные магазины: всѣ другіе склады и лавки были уже разбиты. Мужики торопливо нагружали телѣги, которыя затѣмъ уѣзжали въ сопровожденіи шаекъ человѣкъ въ 15—20 мужиковъ, бабъ и ребятъ. Это

продолжалось два дня и двѣ ночи. Повторились отвратительныя сцены, бывшія при размѣнѣ денегъ. Еще нѣсколько мѣшковъ съ пятаками оставалось у солдатъ той дивизіи, которая должна была охранять городъ. Они бросали ихъ въ толпу для промѣна. Теперь насиліе и остервенѣніе народа увеличились тѣмъ больше, что никто не заботился сдерживать ихъ.

Въ четвергъ, 23-го октября, маршалъ герцогъ Тревизскій и Лесепсъ послали письмо Тутолмину, поручая челоувѣколюбію русскихъ раненыхъ французовъ, которыхъ приходилось оставить въ госпиталѣ Воспитательнаго Дома. Тутолминъ, какъ извѣстно, былъ директоромъ помянутаго заведенія. Этотъ почтенный челоувѣкъ оправдалъ довѣріе, которое имѣли къ его благородной попечительности. Принявъ эти предосторожности, герцогъ Тревизскій во главѣ молодой гвардіи вышелъ изъ Кремля, который по его приказу былъ подоженъ.

Русскій баринъ, изъ разказа котораго мы уже заимствовали нѣкоторыя мѣста, въ тѣхъ случаяхъ, когда это могло сколько нибудь способствовать для приданія колорита изложенію, такъ разказывалъ объ этомъ пожарѣ.

„Я искалъ убѣжища вмѣстѣ съ испуганною толпою въ Воспитательномъ Домѣ. 23-го числа, около 8 часовъ вечера, яркій свѣтъ, показавшійся въ сторонѣ Кремля, возвѣстилъ намъ о новомъ пожарѣ. Но такъ какъ онъ произошелъ въ крѣпости и не было причины опасаться, что огонь сообщится по сосѣдству, то тревога утихла. Что касается до меня, то, привыкнувъ къ этому вслѣдствіе столькихъ бѣдствій, я заснулъ въ креслѣ, стоявшемъ у окна. За восемь слишкомъ дней до этого, меня предупреждалъ одинъ честный французъ, докторъ, чтобъ я не оставался въ Москвѣ въ то время, когда изъ нея будутъ уходить французы. „Вы сами были въ военной службѣ“, сказалъ онъ мнѣ „и понимаете, что я не могу быть откровеннымъ, но ваша проницательность должна вамъ открыть, что я разумѣю“. Ожидая какой нибудь новой катастрофы, я не совсѣмъ понималъ смыслъ его предсказанія. Скоро мы узнали, въ чемъ дѣло.

„Около 4 часовъ утра, страшный ударъ и стекла, посыпавшіяся на голову, внезапно меня разбудили. Домъ заколебался въ своихъ основаніяхъ. Предсказаніе хирурга сбылось. Подъ Кремль былъ подведенъ подкопъ. Пожаръ дошелъ до минъ. Одну изъ нихъ взорвало. Счастье еще, что взрывало ихъ поочередно: случись это сразу, пропали бы мы и всѣ зданія, которыя еще уцѣлѣли отъ большаго пожара въ столицѣ. Испугъ былъ всеобщій. Крики женщинъ, страхъ быть погребеннымъ подъ развалинами дома и въ то же время невозможность найти другое убѣжище, увеличивали смятеніе и ужасъ. При каждомъ взрывѣ, повторявшемся почти черезъ полчаса, мебель падала; уцѣлѣвшія стекла разбивались въ мелкіе дребезги. Послѣдній взрывъ, не столь уже сильный, какъ прежніе, случившійся подъ утро,

и крики казаковъ, которые въ безпорядкѣ проникли въ городъ, показали намъ, что французы оставили Москву.

„День едва начинался. Наибольше отважные пошли разузнавать. Подошли къ Кремлю, ворота котораго были заложены. Только тѣ, что вели на Петровскій мостъ, были отворены: черезъ нихъ вышли французы. Пожаръ, который все еще продолжался, и опасеніе новаго взрыва помѣшали проникнуть въ Кремль. Однако можно было уже и теперь видѣть поврежденія, причиненныя пожаромъ и послѣдовательными взрывами. Колокольна Ивана Великаго еще стояла, но дала значительныя трещины. Стѣны арсенала противъ Никольской исчезли совершенно. На мѣстѣ башни, которая была на углу Кремля у Петровскихъ воротъ, виднѣлась огромная дыра, а кругомъ валялись обломки. Двѣ небольшія башни на берегу Москвы рѣки также были разрушены. Вскорѣ казаки овладѣли всѣмъ городомъ. Соединившись съ шайками мужиковъ, они искали отсталыхъ отъ непріятельской арміи. Всѣ пойманные были безошадно убиваемы. По примѣру французовъ, которые хоронили своихъ мертвыхъ въ колодцахъ Воспитательнаго Дома, народъ бросалъ трупы убиваемыхъ имъ въ сточныя трубы. Въ субботу утромъ, 25 октября, явилась наконецъ полиція и порядокъ сталъ мало по малу водворяться...“

Этотъ разсказъ и послѣдующія событія не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ участи несчастныхъ иностранцевъ и въ особенности французовъ, которые не ушли отъ ярости мстителей.

Признательный за многочисленныя благодѣянія, которыми онъ былъ обязанъ Наполеону, Тутолминъ не ограничился тѣмъ, что собралъ иностранцевъ, оставшихся въ Москвѣ. При вступленіи русскихъ, вліяніе его и уваженіе, внушаемое благороднымъ характеромъ, помогли ему спасти немалое число жертвъ отъ мщенія народа. Благодаря его попеченіямъ, женщины были ограждены отъ оскорбленій со стороны казаковъ, а большинство нашихъ раненыхъ спасены отъ вѣрной смерти. „Французы покровительствовали моимъ дѣтямъ“, отвѣчалъ Тутолминъ Ростовчину, который порицалъ его за излишнюю заботливость. „Они пеклись о нашихъ раненыхъ наравнѣ со своими. Я обязанъ въ свою очередь оказать имъ помощь и покровительство. Никакія соображенія, никакая опасность, не отклонятъ меня отъ исполненія обязанности, забвеніе которой наложило бы печать неблагоустройства и безчестія на мое чело, убѣленное годами“.

Оставаясь вѣрнымъ разсказчикомъ, я долженъ былъ упоминать о преступныхъ дѣяніяхъ. Съ такою же точностью, но съ большимъ удовольствіемъ, упомянемъ о такихъ поступкахъ, которые служатъ къ чести нашихъ враговъ.

Одинъ русскій офицеръ, Кривцовъ, поручикъ Егерскаго гвардейскаго полка, благородно подражалъ рвенію Тутолмина. Раненый въ сраженіи при Москвѣ-рѣкѣ, Кривцовъ былъ отданъ на попеченіе французскихъ хирурговъ. При приближеніи казаковъ, забывая о соб-

ственныхъ страданіяхъ, онъ прибѣжалъ въ одну изъ залъ, гдѣ находилось нѣсколько сотъ французскихъ раненныхъ.

— Солдаты! воскликнулъ онъ, французская армія ушла. Будьте моими плѣнными—и вы спасены!..

— Мы не сдаемся, отвѣчали раненные, которые не поняли намѣренія благороднаго офицера.—У насъ есть еще оружіе.

Большинство ихъ, дѣйствительно, поднялись съ кроватей, одѣлись и взяли за свои сабли и ружья. Напрасно Кривцовъ противился этому отчаянному рѣшенію и указывалъ имъ на опасность, которой они подвергнутся, переступивъ за порогъ двери.

— Мы хотимъ лучше умереть, какъ храбрые, чѣмъ быть зарѣзанными въ нашихъ постеляхъ.

Съ этими словами многіе изъ нихъ выбѣжали и тотчасъ же пали подъ ударами казаковъ и народа, толпы котораго уже наполняли всѣ дворы больницы. При видѣ избіенія своихъ товарищей, сражавшихся съ бесполезною храбростью, прочіе уступили, наконецъ, голосу русскаго офицера. Но опасность еще не миновала: казаки взобрались на лѣстницу, испуская ужасные крики.

— Никто не имѣетъ права входить сюда, закричалъ храбрый Кривцовъ, становясь въ дверяхъ. Крики и угрозы разъяренныхъ не испугали его. Начальникъ казаковъ хотѣлъ употребить силу. Кривцовъ схватилъ его за мундиръ и, назвавъ свое имя и званіе, сказалъ:

— Извольте сами смотрѣть, чтобъ ни одинъ изъ вашихъ солдатъ не вошелъ въ эту залу, иначе вы отвѣчаете головою за малѣйшую каплю крови, пролитую здѣсь...

Слова эти, сказанныя вдохновенно и съ рѣшимостью какого-то высшаго наитія, произвели желанное дѣйствіе. Казаки и чернь удалились и раненные французы были спасены.

16 сентября графъ Ростопчинъ возвратился въ Москву. Тотчасъ же онъ собралъ всѣхъ священниковъ, которыхъ можно было найти въ городѣ, и приказалъ имъ освятить церкви, оскверненныя присутствіемъ французовъ. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ собралъ преступниковъ, содержавшихся въ острогѣ, и заставилъ ихъ поклясться передъ святыми иконами въ томъ, что они принесутъ въ жертву все, даже свою жизнь, чтобы усилить убійства и пожары. Этимъ, по его словамъ, они должны были искупить передъ Богомъ грѣхи прежней своей жизни. Теперь Ростопчинъ собралъ въ церкви Пресвятой Богородицы всѣхъ тѣхъ острожниковъ, которые пережили великую народную жертву.

— Вы заслужили передъ Господомъ Богомъ и передъ отечествомъ, сказалъ онъ имъ. Вы хорошо исполнили мои приказанія. Царство небесное и вѣчная память тѣмъ изъ вашихъ храбрыхъ товарищей, которые пали за спасеніе государства. Небо имъ наградою. Усгѣхъ увѣнчалъ ваши старанія: поганые французы бѣгутъ въ безпорядкѣ, но мѣры приняты; ни одинъ не уйдетъ живымъ изъ этихъ обширныхъ

равнинъ, и священная земля нашего государства, которую они осмѣлились осквернить своимъ присутвіемъ, будетъ ихъ могилою...

Затѣмъ Ростопчинъ сталъ разыскивать тѣхъ русскихъ и иностранцевъ, особенно послѣднихъ, которые послѣ пожара занимали какую либо должность во французской администраціи. Извѣстно, что нужда заставила большинство этихъ бѣдняковъ записаться въ число лицъ, которыя получали раціоны; безъ этого они умерли бы съ голоду. Всѣхъ уличенныхъ заключали сначала въ тюрьму, откуда они выходили не иначе, какъ на уличныя работы. Если губернатору хотѣлось возбудить движеніе въ народѣ противъ тѣхъ, которыхъ онъ старался унижить, выставляя ихъ виновниками всѣхъ бѣдствій отечества, то онъ обманулся въ ожиданіяхъ. Первая минута народнаго увлеченія прошла. Привыкнувъ смотрѣть на насъ, какъ на господъ, и даже любить насъ за доброе обращеніе со слугами, рабы не выказывали ничего кромѣ сожалѣнія при видѣ несчастныхъ, которыхъ водили по улицамъ связанными.

Одинъ молодой французъ, Виллерсъ, бывшій учителемъ въ Москвѣ, исправлялъ, во время занятія города французами, должность полицеймейстера. Его посадили въ тюрьму, откуда онъ какимъ-то чудомъ вышелъ живъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Все это время онъ содержался на хлѣбѣ и на водѣ, переносил самое грубое обращеніе тюремщиковъ. Только ужъ когда генералъ Тормасовъ сдѣлался московскимъ губернаторомъ вмѣсто графа Ростопчина, несчастный былъ выпущенъ изъ гнусной тюрьмы. Обросшій бородою, съ грязными растрепанными волосами, исхудалый, онъ казался всѣмъ какимъ-то привидѣніемъ, вышедшимъ изъ могилы. Авторъ этихъ „Воспоминаній“ самъ видѣлъ его въ Москвѣ, два года спустя послѣ описаннаго случая. Самыя старательныя заботы и вся помощь искусства не могли изгладить слѣдовъ бывшихъ мученій, суровость которыхъ навсегда сломила его крѣпкое здоровье.

1812 годъ приходилъ къ концу. Русская зима давно уже наступила со своими бѣлыми спутниками—снѣгомъ и инеемъ. Начиная съ ноября мѣсяца, морозы усилились и лютость ихъ, небывалая даже въ этомъ холодномъ климатѣ, заставляла насъ съ ужасомъ представлять себѣ судьбу французовъ во время отступленія. За французскую армію слѣдовали наши семейства. Что случилось съ ними? Обманувшись въ надеждѣ на поддержку, которая оказалась безсильною, наши жены и дѣти пали, быть можетъ, отъ казацкой пики, и снѣгъ покрываетъ ихъ трупы, лишеныя погребенія. Если же онѣ остались въ живыхъ, то цѣною какихъ мученій сохранили они жизнь?

Мучась неизвѣстностью относительно того, что было намъ всего дороже, мы проводили дни въ самой ужасной тоскѣ. Взаимная трогательная заботливость избѣгать всякаго повода, который могъ напомнить о несчастіи намъ близкихъ, разбивалась объ это постоянное настроеніе нашего духа: довольно было намека, одного какого-нибудь

слова, вырвавшася въ разговорѣ, чтобы въ глазахъ у всѣхъ забли- стали слезы.

Въ это время явился императорскій указъ, объявлявшій полную амнистію даже тѣмъ изъ подданныхъ, которые обратили оружіе про- тивъ своего отечества. Казалось, что это должно было бы облегчить, если не вовсе расторгнуть наши оковы... не тутъ-то было! Участвуя въ отступленіи французовъ, жены нѣкоторыхъ изъ макарьевскихъ плѣнниковъ находились въ Вильнѣ. Ихъ хлопоты и просьбы передъ особою императора Александра, когда государь прибылъ въ этотъ городъ, остались безъ успѣха. Одинъ только пруссакъ, товарищъ въ нашемъ несчастіи, получилъ въ видѣ милости позволеніе жить не въ тюрьмѣ, а въ самомъ городѣ Макарьевѣ. Въ довершеніе всего, точно бремя нашихъ несчастій было еще недостаточно велико, этотъ указъ объявлялъ о конфискаціи имущества всѣхъ иностранцевъ, которые покинули русскую территорію.

Извѣстіе о бесплодныхъ стараніяхъ, употребленныхъ въ нашу пользу, было принесено нѣсколькими женщинами, спасшимися какимъ- то чудомъ отъ бѣдствій при отступленіи изъ Москвы. Онѣ пріѣхали съ разныхъ концовъ имперіи, но главнымъ образомъ изъ Литвы. Черезъ нихъ-то многіе изъ насъ узнали кто о спасеніи, кто о гибели близ- кихъ; но дурныхъ извѣстій было гораздо больше. Пріѣздъ этихъ дамъ былъ какъ бы знакомъ скорби и слезъ для несчастныхъ изгнанниковъ. Одинъ оплакивалъ судьбу жены, покинутой среди дорожныхъ снѣговъ; другой—безчестіе своей,—жертвы грубости казаковъ.

Большинство нашихъ знакомыхъ, отправившихся вмѣстѣ съ фран- цузами изъ Москвы, погибло отъ холода, голода, или меча русскихъ. Преимущественно женщины, несчастныя матери, находили смерть среди самыхъ ужасныхъ страданій. И моя жена, мой сынъ были тамъ!.. Мадамъ Вертейль, хорошенькая актриса, отважилась отправиться въ путь съ двумя дѣтьми, беременная третьимъ. Одного изъ нихъ она лишилась въ суматохѣ около Вязьмы, другой умеръ на дорогѣ отъ истощенія. Тронутый несчастнымъ положеніемъ этой женщины, ви- контъ де-Тюрень взялъ ее подъ свое покровительство. Прибывши въ окрестности Смоленска, онъ скорѣе донесъ еѣ, чѣмъ довелъ до города, но входъ въ него женщинамъ былъ запрещенъ особымъ указомъ. Когда Тюрень и госпожа Вертейль хотѣли войти насильно, безжалостный часовой пронзилъ ее штыкомъ. Смертельно раненая, бѣдняжка, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упала въ сани, гдѣ выкинула и умерла...

Моя сестра, Аврора Бюссе, выказала въ эти ужасныя минуты свой поэтическій энтузіазмъ. Она шла нѣкоторое время пѣшкомъ, когда пушечное ядро разбило ея карету. Сестра принуждена была продол- жать путешествіе, помѣстившись на артиллерійскомъ ящикѣ. Первою мыслью ея, когда карета разбилась, было взять оттуда свои рукописи, которыя она затѣмъ переложила въ одинъ изъ императорскихъ фур- гововъ. Но черезъ нѣсколько времени императоръ, первый подавая

примѣръ пожертвованія, отдалъ приказъ съечь этотъ фургонъ со всѣмъ находящимся въ немъ. Аврора Бюссе бросается тогда съ своего съдалища и, удерживая за руку солдата, уже вооружившагося факеломъ, восклицаетъ: „Сжальтесь, мои друзья! отдайте мое сочиненіе: „Le bonheur de la médiocrité“ съ эпиграфомъ изъ Горачія „augere quisquis mediocritatem diligit...“ Рукопись въ желтой оберткѣ... прекрасный почеркъ... мой братъ, плѣнникъ Ростовчина, переписывай ее!“

Знаменитый итальянскій пѣвецъ Тарквиніо, котораго можно было слышать на концертахъ въ Кремль, обязанъ былъ спасеніемъ наружной неопредѣленности своего пола. Когда Тарквиніо попался въ руки казаковъ, то пріятность лица, серебристый голосъ и округлость формъ, заставили ихъ принять его за переодѣтую женщину. Между варварами произошла даже остервенѣлая драка изъ-за обладанія такими прелестями. Тарквиніо достался сильнѣйшему. Побѣдитель далъ ему лошадь и съ самою предупредительною любезностію проводилъ до воротъ Вильны. Тутъ одна изъ нашихъ дамъ видѣла его окруженнаго попеченіями и уваженіемъ башкиръ. Каждый вечеръ на дорогѣ, или на бивакахъ, Тарквиніо услаждалъ своимъ мелодическимъ пѣніемъ досугъ казаковъ, которые иногда присоединяли грубые свои голоса къ великолѣпному сопрано этого ровера Calpigi.

Я узналъ объ участи моей сестры, но не имѣлъ никакого указанія, никакого извѣстія о женѣ и сынѣ. Разсчитывая возбудить болѣе довѣрія, я притворно выказывалъ спокойствіе, которое далеко было отъ моей души. Но напрасно я спрашивалъ каждую изъ нашихъ обязательныхъ вѣстницъ, напрасно я слѣдилъ за малѣйшимъ выраженіемъ въ ихъ лицѣ, стараясь прочесть въ ихъ глазахъ, насколько могъ я довѣрять ихъ словамъ: всѣ онѣ казались мнѣ чистосердечны въ своемъ невѣдѣніи. Прибавьте теперь къ мученіямъ неизвѣстности еще доходившіе до насъ ужасные слухи о результатѣ кампаніи этого года. Сверхъ того, наши тюремщики, какъ уже сказано выше, съ величайшею строгостію препятствовавшіе тому, чтобы всякое другое извѣстіе не дошло до насъ извнѣ, радовались, что могли увеличить наше горе. Остатки храброй французской арміи постепенно ретировались отъ Нѣмана къ Вислѣ, отъ Вислы къ Одери, отъ Одера къ Эльбѣ. Отступленіе французовъ и постепенное отпаденіе ихъ союзниковъ, казалось, отдаляли срокъ нашего освобожденія.

Наступила весна 1813 года. Истошивъ всѣ ресурсы нашего досуга, мы задумали преобразить довольно просторный дворъ тюрьмы въ садъ. Съ этою цѣлью мы достали земледѣльческія орудія и, пріобрѣтя за деньги благосклонность стражей, ходили подъ ихъ приглядомъ въ сосѣдній лѣсъ за молодыми деревьями. Вскорѣ совершилось полное превращеніе: на площадкѣ двора, старательно выровненной, явились дорожки и изящныя куртины. Создавъ себѣ полезное занятіе и въ то же время прогулку, мы, такимъ образомъ, оста-

вили жителямъ Макарьева прочный памятникъ нашего плѣна и изобрѣтательности.

Вскорѣ сама природа вооружилась, повидимому, противъ бѣдныхъ плѣнниковъ. Едва наступило лѣто, какъ мириады мошекъ прогнали насъ изъ сада. Прогулка сдѣлалась невозможна. Потомъ онѣ стали преслѣдовать насъ и въ комнатахъ, гдѣ ихъ докучная назойливость противилась всякимъ куреніямъ, которыми мы пытались ихъ истребить. Насѣкомыя проникали даже черезъ занавѣски, устроенныя нами. Наконецъ, когда мы, пробывъ цѣлый день безъ свѣта и воздуха, рѣшались выдти изъ этой преждевременной могилы, то едва могли вѣтками защититься отъ ихъ опаснаго жала. Было отъ чего сойти съ ума. Глядя на этихъ разгуливающихъ людей, выходящихъ изъ себя, раздраженныхъ и яростно махающихъ вокругъ головы вѣтками, всякій сказалъ бы, что это толпа сумасшедшихъ на дворѣ больницы умалишенныхъ.

— Когда мы избавимся отъ этой невыносимой муки? спросили мы разъ у одного изъ обывателей, приносившаго намъ квасъ.

— Къ Петрову дню, отвѣчалъ онъ увѣренно.

Мы подумали, что это равносильно выраженію: „послѣ дождичка въ четвергъ“, но, къ величайшему удивленію, предсказаніе исполнилось вполнѣ точно. Мошки, которыя еще наканунѣ, казалось, удвоили свою ярость, совершенно исчезли въ Петровъ день.

Нашъ пророкъ явился къ намъ снова для продажи нѣкоторыхъ вещей.

— Да ты колдунъ! сказали мы ему.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ общною флегмою; но природа самая лучшая изъ всѣхъ книгъ мудрецовъ. Она пишетъ свои наставленія вокругъ насъ, и каждый годъ въ одно и то же время мы читаемъ на ея великихъ страницахъ, которыя она перевертываетъ передъ нами. Разлитіе Волги и обширные окрестные лѣса производятъ такое множество насѣкомыхъ. Вотъ, вы избавились теперь отъ этихъ мошекъ. Черезъ 15 дней ихъ смѣнятъ тучи другихъ мухъ, покрупнѣе, но безвредныхъ. За ними пойдутъ другія, весьма мелкія, но кусающія еще сильнѣе первыхъ. Наконецъ, когда вы увидите, что стѣны вашихъ комнатъ покрылись черными роями обыкновенныхъ мухъ — значитъ, зима близко.

Пророческій тонъ макарьевского жителя имѣлъ въ себѣ что-то поразительное. Мы спросили его, кто онъ такой. Онъ отвѣчалъ, что въ молодости былъ пастухомъ, а въ Россіи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, опытность простыхъ людей, посвятившихъ себя созерцанію природы, считается пророческимъ даромъ и колдовствомъ.

Последнія предсказанія исполнились съ такою же точностью, какъ и первыя. Чтò мы терпѣли отъ осеннихъ мухъ — невозможно пересказать! Ничто не могло спасти насъ отъ этихъ неотвязныхъ насѣкомыхъ, которыя жужжа лѣзли въ уши, въ носъ и ротъ.

Цѣлый почти годъ прошелъ съ того времени, какъ мы находились подъ арестомъ, а ничто еще не предвѣщало минуты освобожденія. Изъ оконъ тюрьмы мы печальнымъ взоромъ слѣдили за маневрами веселыхъ матросовъ, которые вдали рисовались на большихъ трехугольныхъ парусахъ судовъ, плывшихъ по Волгѣ; или дивились ловкости всадника, который галопомъ удалялся въ лѣсную просѣку. Пѣшеходы, путешественники, купцы, сновали по площади во всѣхъ направленіяхъ: въ это время была знаменитая макарьевская ярмарка. Налѣво видѣнъ былъ базаръ—громадное зданіе, крыша котораго рисовалась на горизонтѣ. Люди со всѣхъ концовъ міра сходились сюда. Какое движеніе, какая дѣятельность оживляла эту толпу! Повсюду довольство, жизнь, свобода! Но увы! Скоро всѣ покинули насъ, и давно уже они увидѣли свои семьи, свое отечество, а мы все еще оставались тутъ на одномъ мѣстѣ, лишеныя свободы.

Побуждаемый желаніемъ переступить хоть разъ порогъ тюрьмы, я, подъ какимъ-то предлогомъ, приобрѣлъ за деньги благосклонность одного изъ нашихъ татаръ, который согласился сопровождать меня на прогулку около тюрьмы. Но предвкушеніе свободы, нисколько не удовлетворивъ меня, только усилило непобѣдимую потребность прогулки и движенія. Постигнутые лѣтними бѣдствіями, которыя смѣнялись одно другимъ, мы жили взаперти въ нашихъ кельяхъ, какъ въ ящикѣ. Необходимо было расправить онѣмѣвшіе члены, а мѣста не было. Что тутъ дѣлать? Изобрѣтательность и ловкость явились намъ на выручку. Я давно уже замѣтилъ, что въ заборѣ, выстроенномъ изъ барочнаго лѣса, тамъ и сямъ были продѣланы дырки, очевидно, предназначавшіяся для болтовъ. Если бы сохранились послѣдніе, то вышло бы нѣчто въ родѣ лѣстницы, по которой легко можно было бы влѣзть. Дѣло состояло только въ томъ, чѣмъ замѣнить болты? Можно представить себѣ, съ какимъ жаромъ принялся я за работу. Новые болты, приготовленные потихоньку, замѣнили недостающіе и, такимъ образомъ, всѣ средства къ побѣгу были готовы.

Не желая пользоваться одинъ плодами своей изобрѣтательности, я сообщилъ свой планъ Ламиралу, ловкому балетмейстеру московскаго театра. Съ нимъ-то мы, послѣ полудня, во время отдыха нашей стражи, совершили первую вылазку, которая удалась, какъ нельзя лучше. Чтобы не оставить никакого знака, который могъ бы изобличить нашу шалость, мы постепенно вынимали болты, которые служили намъ для спуска на другой сторонѣ. Моя собака, свидѣтельница этихъ необычайныхъ маневровъ, чуть было не выдала насъ своимъ лаемъ, но по данному знаку замолкла. Такъ какъ ей не былъ запрещенъ обыкновенный выходъ, то она вскорѣ присоединилась къ намъ внѣ тюрьмы. Да, мы были уже не въ тюрьмѣ, а въ лѣсу, въ зелени, на травѣ, которую топтали съ наслажденіемъ. Мы были свободны. Упоенные счастіемъ, мы шалили, валялись на свѣжей травѣ съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ прежде на роскошныхъ диванахъ

въ Москвѣ. О! вы, которые не сидѣли подъ замкомъ, можете ли вы понять это невыразимое блаженство?

Набравъ различныхъ травъ, которыя могли освѣжить вкусъ, утомянный однообразною пищею, мы возвратились такъ же таинственно, какъ и вышли.

Новое дополненіе къ обѣду—зелень, которой завидовали всѣ арестанты, возбудила любопытство нашихъ товарищей. Откуда могъ взяться аппетитный крессъ, зеленый и свѣжій щавель? Кто ихъ принесъ и продалъ? Наши простые отвѣты и хитрыя увертки никого не обманули. Изъ арестантовъ особенно одинъ такъ приставалъ съ распросами и настойчивыми просьбами, что мы поневолѣ приняли его въ свой союзъ. Это былъ неутомимый ходокъ, сгаравшій желаніемъ принять участіе въ нашихъ экскурсіяхъ, о которыхъ онъ догадывался, но не зналъ ихъ секрета. На другой день мы съ нимъ отправились въ лѣсъ наслаждаться свободою. При нашемъ возвращеніи, вторичное появленіе предательской зелени опять вызвало удивленіе въ арестантахъ. Новые распросы съ ихъ стороны и, естественно, новыя сообщенія секрета, такъ что четвертая или пятая часть плѣнниковъ узнала его, и вскорѣ, какъ въ „Панурговомъ стадѣ“, открылась манія подражанія. Всѣ захотѣли походить по полямъ. Дошло до того, что изъ опасенія быть открытыми пришлось организовать наши прогулки и раздѣлить гуляющихъ на отряды, которые поочередно перелѣзали черезъ заборъ.

Не смотря на всѣ предосторожности, случилось то, чего и слѣдовало ожидать: насъ поймали, но не глупые сторожа, и подавно не тяжелый на подъемъ городничій, а мѣстные обыватели. Разъ, во время одной изъ обычныхъ прогулокъ, мы встрѣтили нѣсколько человѣкъ мужиковъ. Они самымъ любезнымъ образомъ поклонились намъ, но затѣмъ тотчасъ же побѣжали къ городничему донести о нашемъ побѣгѣ. Привыкнувъ съ давняго времени не довѣрять этимъ хитрымъ бездѣльникамъ, мы поспѣшили возвратиться домой, такъ что, въ то время, когда нашъ главный тюремщикъ торжественно шелъ по двору, всѣ уже были на своихъ мѣстахъ. На сей разъ городничій былъ въ мундирѣ, чтобы не быть неузнаннымъ арестантами, но послѣдніе приготовили ему новую шутку.

Прежде чѣмъ начать допросъ, городничій, желая вести дѣло послѣдовательно, приказалъ выпороть сторожа, совершенно, разумѣется, неповиннаго въ нашихъ проказахъ. Покорность, рабское самоотреченіе несчастныхъ солдатъ, выказалось при этомъ вполнѣ. Ни одного слова, ни одной жалобы, не вырвалось изъ устъ бѣдняка; кажется, онъ и не зналъ, за что его бьютъ. Совершивъ наказаніе, городничій съ важнымъ видомъ направился къ намъ. Но мы, заранѣе условившись, притворились, будто заняты игрою въ перебѣжку. Надо было видѣть гнѣвъ и усилія толстяка, который переходилъ отъ одного къ другому, напрасно стараясь поймать его и заговорить, но каждый изъ насъ,

прикидываясь, будто весь занятъ игрою, убѣгалъ отъ городничаго, или быстрымъ толчкомъ заставлялъ его вертѣться на одномъ мѣстѣ. Истощивъ порядкомъ терпѣніе городничаго, мы, наконецъ, остановились и подошли къ нему, какъ бы удивляясь его присутствію, а онъ, принявъ оффиціальную позу, подбоченясь одною рукою, а другую положивъ на набалдашникъ трости, нѣсколько минутъ тяжело дышалъ.

— Вы хотѣли убѣжать? сказалъ онъ съ выраженіемъ скрытаго гнѣва.

— Никто не убѣжалъ, потому что всѣ здѣсь.

— Васъ видѣли гуляющими въ лѣсу.

— Прогулка не побѣгъ.

— Но эта прогулка можетъ завести васъ и далѣе.

— Положимъ, но не такъ далеко, чтобы нельзя было возвратиться.

— Къ чему обманывать мою бдительность?

— Должность тюремщика предписываетъ вамъ принимать всякія мѣры, чтобы устеречь насъ, наше дѣло—обманывать ихъ, какъ только возможно.

— Ей-Богу, не легкое дѣло съ десятью человѣками устеречь сорокъ настоящихъ чертей, которые лазаютъ, какъ кошки... Но я приму свои мѣры: напишу, кому слѣдуетъ, и ваша выходка даромъ не пройдетъ!..

Послѣднія слова, которыя проворчалъ городничій, нѣсколько встревожили насъ: можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ любовь къ свободѣ и наши проказы зашли черезчуръ далеко... Но, если мы прекратили прогулки, то не вслѣдствіе опасенія мщенія со стороны городничаго, а съ цѣлью на будущее время избавить отъ наказанія сторожей. Наше человѣколюбіе пропало, однако, попусту, какъ увидимъ впослѣдствіи. Слѣдующая черта вполнѣ характеризуетъ продажность русскихъ.

Незаслуженное наказаніе часоваго возбудило въ насъ состраданіе къ несчастному. Мы сдѣлали складчину и собранныя деньги вручили ему, чтобы до нѣкоторой степени вознаградить за то, что онъ страдалъ изъ-за насъ.

— Какой счастливецъ! воскликнули его товарищи при видѣ этого подарка.—Мы съ удовольствіемъ согласились бы, чтобы насъ каждый день пороли за такую цѣну.

И дѣйствительно, всякій разъ, какъ мы, гуляя по двору, проходили мимо воротъ, часовой отворачивался отъ насъ, говоря: „Подите, господинъ, подите, гуляйте: я васъ не видалъ“. Онъ хорошо зналъ, что будетъ за это бить плетями, но надѣялся на подачку деньгами.

Страшный городничій сдержалъ свое слово: онъ написалъ, кому слѣдовало, о нашихъ ежедневныхъ прогулкахъ и прибавилъ, что не можетъ препятствовать имъ съ ничтожнымъ карауломъ и въ такой плохой тюрьмѣ. Этотъ доносъ повлекъ за собою посѣщеніе двухъ губернаторскихъ чиновниковъ, которые явились собрать свѣдѣнія на

мѣстѣ происшествія. Увида, что широкія ворота стоятъ настезь, а мы спокойно занимаемся каждый своимъ дѣломъ—одни читаютъ, или гуляютъ, другіе подрѣзаютъ деревья въ аллеяхъ, или присматриваютъ за котломъ, чиновники засмѣялись въ лицо городничему. Дѣйстви-тельно, можно ли было сомнѣваться въ такихъ безвредныхъ и смир-ныхъ людяхъ?..

Чиновники оказались хоть и не такъ придиричвы, но зато ко-рыстолюбивы. Послѣ нѣкоторыхъ любезностей, тѣмъ болѣе неумѣст-ныхъ, что онѣ противорѣчили цѣли ихъ порученія, они намекнули, что можно бы улучшить наше положеніе за нѣкоторое вознагражде-ніе... Ловушка была очевидна, даже груба: имъ просто хотѣлось де-негъ. Возмущенный такимъ предложеніемъ, которое напоминало преж-нія несносныя вымогательства, я поклялся, что скорѣе готовъ уме-реть въ ссылкѣ, чѣмъ согласиться на него. Всѣ раздѣляли мое не-годованіе, но не всѣ оказались такъ тверды. Лучшая участь въ бу-дущемъ и надежда на болѣе удобное помѣщеніе вытянули около ты-сячи рублей изъ наиболѣе тугихъ кошельковъ. Половина моихъ то-варищей, благодаря этому, получили возможность переселиться въ Нижній-Новгородъ. На другой же день они отправились. Я глядѣлъ на ихъ отъѣздъ съ сожалѣніемъ, но безъ зависти. При мысли о томъ, какую цѣною они купили свое освобожденіе, я готовъ былъ воскликнуть, какъ римлянинъ, изгнанный изъ своего отечества: „О, Россія! продажная страна! Ты будешь продана, если только най-дется достаточно богатый покущикъ“.

IX.

Отъѣздъ изъ Макарьева. — Прибытіе въ Нижній-Новгородъ. — Мой страхъ. — Трехцвѣтная кокарда. — Соотечественникъ. — Генералъ Партуно. — Контрдансъ. — Цѣнные французы въ трактирѣ. — Крестное знаменіе. — Потеря друга. — Г. Ле-жаль. — Нижегородскій госпиталь. — Генералъ Вандамъ. — Человѣколюбіе импе-ратора Александра. — Графъ Толстой—мой должникъ. — Солдатъ Мартень. — Сто рублей. — Положеніе французовъ въ Россіи. — Мое знакомство съ г. Крю-ковымъ. — Переѣздъ къ вице-губернатору. — Князь Черкасскій. — Деликатность моего хозяина. — Князь Дадіанъ. — Письмо изъ Петербурга. — Русскія дамы.

Мы были уже давно свободны, по указу императора Александра, но находились въ неволѣ единственно потому, что такъ было угодно господину городничему. Въ нашемъ освобожденіи онъ нашелъ пред-логъ къ новымъ вымогательствамъ, и первые, для кого открылись двери тюрьмы, были тѣ, которые пріобрѣли себѣ это право за взятку, при чемъ на долю городничаго пришлась немалая часть ея. Я считалъ долгомъ предостеречь товарищей отъ подобныхъ вымогательствъ. Твердо рѣшившись не подчиняться этимъ незаконнымъ поборамъ и будучи притомъ увѣренъ, что не существовало никакихъ исключительныхъ

для насъ постановленій, мы стали выжидать событій. Намъ только пришлось поплатиться терпѣніемъ за то, чего не желали пріобрѣсти другимъ путемъ.

Черезъ нѣсколько дней, вторая партія арестантовъ послѣдовала за первою. Моя очередь все еще не приходила, и я безропотно покорялся этому. Такъ продолжалось до половины сентября 1813 года. Только 24 числа того же мѣсяца, городничій, утомясь тщетнымъ ожиданіемъ взятки, рѣшилъ окончательно отпустить послѣднихъ арестантовъ. Распоряженіе объ отправкѣ было принято съ восторгомъ и выраженіями безумной радости. Быть можетъ, намъ предстояло воротиться въ объятія семьи, въ отечество, на свободу!.. Надо подышать тяжелымъ воздухомъ тюрьмы, провести томительные дни въ четырехъ стѣнахъ, надо испытать власть тюремщика и всѣ лишенія, всѣ неудобства заключенія, чтобы понять слово „свобода!“

Надо признаться, отъѣздъ показалъ намъ, что и узникъ, оставляющій мѣсто своего заключенія, можетъ сожалѣть о немъ. Разумѣется, мы жалѣли не о городничемъ, не объ унтеръ-офицерѣ-татаринѣ, не о деревянномъ макарьевскомъ госпиталѣ. Мирный образъ жизни, аккуратный платежъ за потребленіе, которое поддерживало разныя отрасли промышленности въ городѣ; наконецъ, доброе отношеніе къ жителямъ—все это способствовало къ ослабленію враждебныхъ чувствъ населенія и даже пріобрѣло намъ нѣкоторое съ ихъ стороны расположеніе, такъ что нашъ отъѣздъ вызвалъ самыя горячія выраженія сожалѣнія. Намъ пріятно было забыть, что въ этихъ сожалѣніяхъ значительную долю игралъ интересъ. Но хорошо и то, что не было уже ни злобы, ни ненависти къ намъ. Мы съ своей стороны забыли бѣдствія и униженія, которымъ подвергались здѣсь: свобода примирила насъ съ нашими врагами. Прощаніе жителей Макарьева вознаграждало насъ за тотъ оскорбительный пріемъ, который былъ сдѣланъ при нашемъ прибытіи туда.

Мы покинули Макарьевъ 24 сентября 1813 года, и хотя еще не знали, что ожидаетъ насъ впереди, но пока чувствовали только удовольствіе, дыша свѣжимъ воздухомъ полей. Взгромоздившись на телеги, ужаснѣйшіе толчки отъ которыхъ не только не вызывали жалобъ, но еще возбуждали шумные взрывы веселости и радостные крики, мы оглушали другъ друга, распѣвая хоромъ веселыя пѣсни. Мы не достигли еще желанной пристани, но, какъ моряки, издали привѣтствующіе землю, мы привѣтствовали приближающееся освобожденіе. Хотя мы и не обращали вниманія на неудобства дороги, тѣмъ не менѣе она не казалась намъ отъ этого короче. Наше путешествіе совершалось подъ вліяніемъ злобнаго городничаго, который далъ свои инструкціи начальнику конвоя. Мы употребили четыре дня на переѣздъ, который обыкновенно дѣлается въ одинъ день, и прибыли, такимъ образомъ, въ Нижній-Новгородъ только 28 числа.

Начальникъ конвоя высадилъ насъ на дворѣ нѣмецкаго трактира

въ Нижнемъ-Новгородѣ. Онъ хотѣлъ уже удалиться, когда я подошелъ къ нему и спросилъ, надо ли намъ за нимъ слѣдовать.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ грубо.

Ни мало не смутясь рѣзкостью тона, къ которому мы уже привыкли, я продолжалъ:

— Куда же мнѣ идти?

— Куда хочешь, сказалъ онъ съ досадою.

Думая, что не обманываюсь ли, я до трехъ разъ повторилъ свой вопросъ.

— Не понимаешь ты меня, что-ли! отвѣтилъ полицейскій еще грубѣе.—Сказано, что ты и всѣ вы можете идти, куда хотите: ваша тюрьма—цѣлый городъ.

Слова эти произвели магическое дѣйствіе. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ и оставался неподвижно нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ. Только тогда я убѣдился въ ихъ справедливости, когда увидѣлъ, что полицейскій скрылся.

— О, скотина! вскричалъ я, приходя въ себя,—какъ пріятны твои слова!

Полный радости, я бросился на улицу.

Первыя движенія узника, вдругъ выпущеннаго на свободу, бываютъ странны. Идя по улицѣ, я украдкой поглядывалъ, желая убѣдиться, что я не во снѣ и что за мною не слѣдятъ, но, къ величайшему удивленію, никто не преслѣдовалъ меня. Я сказалъ—къ величайшему удивленію, потому что шелъ какъ во снѣ, не смѣя еще вѣрить такому счастью. Этотъ промежутокъ сомнѣнія между отчаяніемъ и счастіемъ казался мнѣ всегда полезнымъ переходомъ, необходимымъ для несчастнаго, котораго можетъ убить избытокъ радости.

По мѣрѣ того какъ я приходилъ въ себя, безпокойство уступало мѣсто любопытству: все мнѣ казалось новымъ; я шелъ, каждую минуту останавливаясь и съ жадностью смотря на самыя обыкновенныя вещи. Вдругъ, позади раздались голоса нѣсколькихъ человѣкъ, окликавшихъ меня по имени. Я оледенѣлъ отъ ужаса; на меня это произвело такое впечатлѣніе, которое долженъ испытывать преступникъ, схваченный въ ту самую минуту, когда уже считалъ себя спасеннымъ отъ рукъ палача.

Крики продолжались. Я пошелъ тише. Боязнь, что я худо понялъ, или не такъ растолковалъ слова нашего начальника, боязнь увидѣть его снова передъ собою, парализовала всѣ мои чувства и лишила силъ. Ужасъ достигъ крайнихъ предѣловъ, когда я почувствовалъ, что меня схватили за илеча и три человѣка закричали подъ самое ухо въ одно и то же время по русски, по нѣмецки и по французски: „Оглохли вы, что-ли? Ошалѣли, или съумашедшій?“

Блѣдный, дрожащій, взглянулъ я на своихъ преслѣдователей и узналъ въ нихъ извозчика, привезшаго меня, трактирщика и своего попутчика. Всѣ трое совершенно основательно стали упрекать меня

за то, что я ушелъ, бросивъ свои вещи на дворѣ гостинницы. Оправившись не безъ труда отъ страха, я грубо приказалъ нѣмцу убрать поклажу, поблагодарилъ, сколько возможно вѣжливо, француза и отъ чистаго сердца послалъ ко всѣмъ чертямъ русскаго мужика. Далѣе меня ожидали волненія другаго рода.

Я продолжалъ путь, стараясь ободриться, какъ вдругъ, при видѣ трехцвѣтной кокарды, почувствовалъ, что слезы полились изъ моихъ глазъ. Я задрожалъ отъ восторга. Невольное чувство, независящее ни отъ какихъ политическихъ убѣжденій, но происходящее единственно отъ любви къ родинѣ, заставило меня броситься къ офицеру съ трехцвѣтною кокардою.

— Ахъ, милостивый государь, сказалъ я ему съ чувствомъ восторга, — позвольте мнѣ поцѣловать эту кокарду. При видѣ ея, я воображаю себя въ это время во Франціи. Если-бъ вы знали, какъ дорого сердцу изгнанника всякое напоминаніе объ отечествѣ!

При этихъ словахъ, офицеръ ласково протянулъ мнѣ руку. Не знаю, какая-то невѣдомая сила привлекла насъ: мы сжали другъ друга въ взаимныхъ и сладкихъ объятіяхъ. Офицеръ оказался военноплѣннымъ. Много лѣтъ пронеслось надъ моей головой послѣ этой встрѣчи, но воспоминаніе о ней неизгладимо сохранилось во мнѣ, и по сіе время я не могу безъ особеннаго чувства вспомнить нижегородскаго плѣнника.

Между плѣнными, за тысячу верстъ отъ родины, знакомство завязывается скоро. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ мы уже были старыми друзьями. Рискавъ быть замѣченнымъ и подвергнутымъ всѣмъ послѣдствіямъ этого, я, гражданскій плѣнникъ, завладѣлъ плѣнникомъ военнымъ. Держась за руки, мы спустились съ крутаго возвышенія, отдѣляющаго верхній городъ отъ нижняго и ведущаго на базаръ. Дорогою я узналъ отъ офицера, какимъ образомъ онъ попалъ въ руки русскихъ, а также подробности о послѣднихъ военныхъ операціяхъ французской арміи. Напрасно бы я старался воспроизвести рассказъ, который его рѣзкое прямодушіе, энергическая рѣчь и какая-то особенная манера выражаться дѣлали вполне оригинальнымъ. Офицеръ сказалъ мнѣ, что онъ находился въ отрядѣ генерала Портауно, обреченномъ Наполеономъ въ жертву для спасенія остальной арміи: императоръ поставилъ этотъ отрядъ подъ выстрѣлы Витгенштейна, пока другая часть арміи совершала знаменитый переходъ черезъ Березину. Подавленный численностью, этотъ отрядъ принужденъ былъ положить оружіе и сдаться на капитуляцію, чтобы избѣжать поголовнаго истребленія. Мой офицеръ нарисовалъ поистинѣ ужасную картину войны.

— Представьте, — говорилъ онъ, число мертвыхъ было такъ велико на пространствѣ отъ Москвы и до самой границы, что, хотя русскіе и позаботились погребать въ глубокихъ ямахъ трупы людей и лошадей, засыпая ихъ известью, но эта предосторожность не могла, не смотря на

суровость зимы, спасти Литву отъ смертоносной эпидеміи. Прибавьте къ этому холодъ, который свирѣпствовалъ съ такою силою, что даже Кутузовъ увидѣлъ себя вынужденнымъ приостановить движеніе своихъ войскъ.

Въ этотъ день мнѣ суждено было испытать самыя разнообразныя ощущенія; на мою долю выпали самыя нечаянныя встрѣчи. Мы съ офицеромъ зашли на базаръ къ одному мѣняль, гдѣ мой новый другъ хотѣлъ размѣнять нѣсколько золотыхъ на русскія ассигнаціи. Въ это время звуки скрипки, долетавшіе до насъ издалека, отвлекли мое вниманіе, устремленное на нашу небольшую финансовую операцію, и сладостно взволновали мою душу. Наклонивъ туловище, поднимая правую руку, какъ бы давая знакъ молчанія мѣняль, который хотѣлъ говорить, я стоялъ неподвижно, какъ статуя, внимательно вслушиваясь и силясь уловить отдаленные звуки. Я все еще думалъ, что нахожусь во снѣ подъ влияніемъ обманчиваго очарованія.

— Слышите! вскричалъ офицеръ, хватая меня за руку, — слышите! Французскій контрдансъ!

Достаточно было этого свидѣтельства моего новаго друга, чело-вѣка весьма положительнаго и очень мало доступнаго иллюзіямъ, чтобы удостовѣрить меня, что я не сплю и музыка эта — не сонъ.

На этотъ разъ я совершенно забылъ, что нахожусь въ плѣну, на чужбинѣ. Я торопился размѣномъ и стремительно увлекъ своего со-отечественника въ ту сторону, откуда неслись очаровавшіе меня звуки. Они привели насъ къ русскому трактиру, въ обширной залѣ котораго находилось множество военноплѣнныхъ французовъ. Здѣсь эти бѣдняки старались въ минутномъ удовольствіи забыть страданія долгаго плѣна. Что касается меня, то я былъ такъ счастливъ, услышавъ въ кабацкѣ, въ центрѣ Россіи, французскій контрдансъ, что не могъ отказать себѣ въ удовольствіи пригласить обѣдать музыканта, и считалъ, что этимъ только слабо выражу свою признательность артисту, доставившему мнѣ такое наслажденіе. Воспоминаніе объ этой минутѣ заставило меня понять все то могущество, которое заключается въ аккордахъ и пѣсняхъ, напоминающихъ далекую родину.

Вечеромъ я возвратился въ нѣмецкую гостинницу за своими вещами, и давно, болѣе двѣнадцати лѣтъ, не бывши такъ счастливъ, погрузился въ пріятный сонъ. Мнѣ казалось, что я провелъ этотъ день во Франціи.

На другой день я переѣхалъ изъ гостинницы къ одному изъ нашихъ изгнанниковъ, который предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ помѣщеніе и столъ, на что я согласился, съ условіемъ раздѣлить также и расходы. Несмотря на экономію хозяйки, расходы превышали мои денежныя средства, и я, хотя и съ сожалѣніемъ, долженъ былъ оставить моего хозяина и перенести свое маленькое имущество къ одному нѣмецкому кушцу, гдѣ я платилъ очень дешево.

Одно происшествіе, само по себѣ очень маловажное, доставило мнѣ особенное уваженіе со стороны моего домохозяина, русскаго. Попы шли соборовать какого-то умирающаго, въ ту самую минуту, какъ я намѣревался войти въ свою комнату. Я снялъ весьма почтительно шляпу. Этотъ поступокъ вызвалъ искренне удивленіе у домохозяина и его прислуги.

— Какъ! воскликнули они почти всѣ въ одинъ голосъ,—такъ вы не язычникъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, французы исповѣдуютъ ту же вѣру, что и русскіе.

Эти добрые люди тогда только перестали сомнѣваться, когда увидѣли, что я сдѣлалъ крестное знаменіе. Случай этотъ, какъ видите, весьма ничтожный, пріобрѣлъ мнѣ, однако, дружбу домохозяина, уваженіе прислуги и благосклонность всѣхъ женщинъ въ домѣ.

Живя долгое время въ обществѣ товарищей, я привыкъ къ нимъ и къ тѣсной связи нашихъ макарьевскихъ артелей. Уединеніе, въ которомъ я вдругъ теперь очутился, усилило глубокую тоску, принимаемую мнѣ полнымъ невѣдѣніемъ о судьбѣ близкихъ мнѣ лицъ. А тутъ ко всему прибавилось еще новое горе: я лишился своего лучшаго, послѣдняго и самаго вѣрнаго друга—того, который не покидалъ меня въ продолженіе долгихъ бѣдствій и въ самой тюрьмѣ. Я говорю о моей бѣдной собагѣ.

Ее укралъ у меня одинъ жидъ, ярморочный торговецъ, который уѣхалъ въ Арзамасъ. Потеря эта была для меня невыразимо прискорбна.

Около этого времени, счастливый случай связалъ меня тѣсною дружбою съ г. Лежалемъ, моимъ сосѣдомъ, учителемъ нижегородской гимназіи. Онъ былъ уроженецъ Люттиха, человекъ честный, исполненный самыхъ возвышенныхъ душевныхъ качествъ. Къ нему влекла меня симпатія. Въ этой дружбѣ я нашелъ полезное развлеченіе отъ горестей и скуки. Мало я зналъ людей, которые соединяли бы въ себѣ въ такой степени знанія и добродѣтели. Его челоувѣколюбіе и благодѣянія пріобрѣли ему почетъ и уваженіе со стороны несчастныхъ плѣнныхъ, для которыхъ онъ былъ истиннымъ Провидѣніемъ. Онъ въ равной степени владѣлъ всѣми прекрасными качествами и только скромность превосходила всѣ другія. О, если бы могла эта похвала, возданная его памяти и благороднымъ добродѣтелямъ, дойти до семьи его и послужить свидѣтельствомъ признательности стараго нижегородскаго друга!

Болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ французы покинули русскую территорію, а между тѣмъ съ нашими плѣнными обходились не лучше прежняго. Ихъ продолжали переводить изъ одной губерніи въ другую почти голыхъ, лишенныхъ всѣхъ средствъ, зимою, которая была столь же сурова, какъ и предыдущая. Едва половина этихъ несчастныхъ достигла по назначенію: одни умирали въ дорогѣ отъ хо-

лода, другіе, которыхъ изъ чловѣколюбія помѣщали въ больницы, умирали въ нихъ безъ всякой помощи, вслѣдствіе обычнаго взяточничества русскихъ чиновниковъ. Въ нижегородскомъ госпиталѣ производили слѣдствіе, или показывали видъ, что производятъ, но воровство осталось безъ наказанія, и больные по прежнему продолжали быть жертвами гнуснаго лихоимства.

Чловѣколюбіе императора Александра явилось, наконецъ, на помощь плѣннымъ. По его приказанію, офицеры получили каждый по 100 рублей на одежду. Но надо признаться, что это великодушіе не вполне уничтожило источникъ ихъ бѣдствій. Щедроты, исходившія изъ монаршихъ рукъ, не останавливали непристойнаго обращенія, которое исполнители власти оказывали съ своей стороны плѣннымъ. Ссылки въ Сибирь все продолжались, и несчастные плѣнники, предоставленные въ распоряженіе неблагонамѣренныхъ властей, постоянно подвергались самому возмутительному производу.

Но всѣ эти нарушенія чловѣческихъ правъ должны же были, наконецъ, имѣть предѣлъ. Просвѣщенная заботливость, которую трудно было ожидать отъ русскаго правительства, явилась, наконецъ, на помощь военноплѣннымъ и немало способствовала замѣтной перемѣнѣ какъ во мнѣніи населенія, такъ и въ недоброжелательствѣ исполнителей власти. Рескриптъ императора назначалъ каждому офицеру по 50 копѣекъ на дневное пропитаніе. Это было почти роскошью, ибо, при небольшихъ отдѣльныхъ артеляхъ, плѣнники находили возможность жить весьма дешево въ странѣ, представлявшей богатныя средства.

Солдаты получали только 10 копѣекъ въ день, но, благодаря подобнымъ же артелямъ, и имъ было можно жить. Изобрѣтательная способность выдѣлывать кольца изъ волосъ, разныя вещи изъ соломы и тысячи другихъ бездѣлушекъ, которыя они продавали крестьянамъ, доставляла имъ, кромѣ того, возможность нѣсколько увеличить свои расходы, а иногда даже и дѣлать небольшія сбереженія. Поэтому поводу я припомню одинъ случай, который расскажу тѣмъ охотнѣе, что это дастъ мнѣ возможность посвятить нѣсколько строкъ воспоминаній одному честному солдату, преданность котораго была мнѣ не разъ полезна.

Хотя въ теченіе двухъ лѣтъ я соблюдалъ строжайшую экономію и терпѣлъ самыя ужасныя лишенія, но, не смотря на это, видѣлъ, что мои 500 дукатовъ приходятъ къ концу. Принужденный мѣнять ихъ во время моего заключенія въ Макарьевѣ, я понесъ нѣкоторую потерю, которая была тѣмъ чувствительнѣе при моихъ печальныхъ обстоятельствахъ. Мой приборъ и серебряный кубокъ были проданы. Всѣ мои требованія, обращенныя къ графу Толстому, казанскому губернатору, которому въ былое время я далъ 3000 на экипировку его сына, не повели ни къ чему. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, я увидѣлъ себя въ необходимости отблагодарить и отпустить отъ

себя солдата, который каждое утро приходилъ ко мнѣ для мелкихъ услугъ.

— Любезный Мартенъ, сказалъ я ему,—я съ сожалѣніемъ принужденъ отказаться отъ вашихъ обязательныхъ услугъ. Истощившіяся средства не позволяютъ мнѣ вознаграждать за услуги, и поэтому я не могу долѣе принимать ихъ отъ васъ. При этомъ я подалъ ему два рубля—всю мелочь, что оставалась у меня.

— Вы смѣтаетесь, возразилъ Мартенъ.—Развѣ вы принимаете меня за казака? Мнѣ отнять ту малость, которая остается у васъ?.. Возьмите назадъ ваши два рубля. Это не помѣшаетъ мнѣ приходиться каждое утро исполнять свою обычную обязанность. Вотъ, прибавилъ онъ улыбаясь и засовывая руку въ карманъ, возьмите, присоедините мои два рубля къ вашимъ, а потомъ, когда выйдутъ, еще найдется. Съ этими словами онъ положилъ двѣ монеты на столъ и ушелъ.

На другой день Мартенъ явился ко мнѣ по своему обыкновенію.

— Любезный Мартенъ, весело сказалъ я ему, теперь вы нисколько не обдерете меня, подобно казаку; ваши деньги принесли мнѣ счастье. Я ихъ вамъ возвращаю и желаю, съ своей стороны, чтобы онѣ плодились въ вашихъ рукахъ такъ же, какъ въ моихъ.

Мартенъ готовъ былъ разсердиться и обвинить меня въ гордости. Видя по его лицу, что онъ не вѣритъ моимъ словамъ, я долженъ былъ употребить всѣ усилія для убѣжденія его въ томъ, что не имѣю болѣе нужды въ деньгахъ, которыя онъ мнѣ предлагалъ. Я показалъ ему сумму въ сто рублей, и несмотря на это, мнѣ не легко было заставить его взять свои два рубля и еще небольшое вознагражденіе.

Надо объяснить читателю маленькую перемѣну въ моихъ обстоятельствахъ, которою я обязанъ былъ также благодѣянію. Это былъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ случаевъ, который безъ моего вѣдома доставила мнѣ рука друга.

На другой день, послѣ того какъ Мартенъ такъ великодушно предложилъ мнѣ свои сбереженія, я былъ удивленъ, когда, убирая постель, нашелъ подъ подушкою четыре двадцатипятирублевыхъ бумажки. Я мучился, отыскивая виновника столь деликатнаго поступка. Разумѣется, это не могъ быть Мартенъ, хотя, по нравственнымъ качествамъ, былъ весьма способенъ на подобное дѣло. Но какъ можно предположить, чтобы онъ владѣлъ такою суммою? Одинъ изъ нашихъ изгнанниковъ, старикъ почти совсѣмъ дряхлый, котораго пятьдесятъ лѣтъ жизни въ Россіи и немощи не могли спасти отъ Ростовчинской проскрипціи, г. Жиле, былъ у меня. Но самъ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которымъ мы помогали. Однако, я не могъ отдѣлаться отъ сомнѣній и на всякій случай отправился къ нему. Послѣ многихъ уклончивыхъ отвѣтовъ, я увѣрился, что именно ему обязанъ этими ста рублями. Я благодарилъ его въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ.

— Ахъ, отвѣчалъ добрякъ Жиле, не благодарите меня! Я только

заплатилъ долгъ. Потомъ онъ прибавилъ:—я получилъ давнишній долгъ, который считалъ уже пропавшимъ, и братски подѣлился съ вами. Я не могъ лучше распорядиться своими деньгами. Это—долгъ справедливости. Развѣ вы забыли опасности, которыя презрѣла ваша супруга, принося мнѣ на барку, при нашемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вещи, безъ которыхъ я не могъ бы вернуть и своего долга?

Я пожалъ ему руку и внутренно молилъ небо даровать мнѣ, какъ особенную милость, возможность когда нибудь достойно отблагодарить за этотъ великодушный поступокъ.

Названіе ссыльныхъ, а въ особенности страхъ навлечь неудовольствіе Ростопчина, удаляли отъ насъ дворянское населеніе Нижняго, и это удаленіе дѣлало существованіе плѣнныхъ весьма неприятымъ. И въ самомъ дѣлѣ, оно не только лишало насъ средствъ, которыя мы могли найти около знатныхъ, предлагая къ ихъ услугамъ свои способности, но еще и побуждало тотъ классъ народа, который привыкъ сообразовать свое поведеніе съ поведеніемъ своихъ господъ, къ полному разрыву съ нами. Мы были настоящими паріями среди населенія Нижняго-Новгорода.

Но если значительное большинство дворянства было противъ насъ, то находились, какъ исключеніе, нѣкоторыя лица, столь же выдающіяся какъ по своему положенію, такъ и по образованію, которыя не гнушались поддерживать съ нѣкоторыми изъ насъ сношенія, исполненныя деликатности и благосклонности. Къ числу ихъ принадлежалъ г. Крюковъ, нижегородскій вице-губернаторъ, котораго, къ догадѣ его начальника, губернатора, всѣ осыпали заслуженными похвалами. Если репутація добраго человѣка заставила меня уважать его заочно, то я не могъ не полюбить г. Крюкова и не удивляться его добродѣтелямъ, приблизившись къ нему. О людяхъ надо судить по частной жизни. Тутъ, какъ увидимъ, я могъ оцѣнить прекрасную душу г. Крюкова.

Безпокоясь о продолженіи неопредѣленной ссылки, я начиналъ чувствовать опасенія за будущее, тѣмъ болѣе основательныя, что, будучи лишень всякаго способа добывать себѣ средства къ жизни, я видѣлъ, какъ мои сто рублей уменьшаются съ каждымъ днемъ. Я рѣшилъ спастись отъ нищеты, которая видимо мнѣ угрожала и, не медля болѣе, принялся искать мѣсто учителя. Но всѣ мои хлопоты и старанія не привели ни къ чему, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ причинъ. Я рѣшился тогда попытать счастья въ мастерствѣ весьма невиннаго свойства и, будучи убѣжденъ, что большинство людей предпочитаетъ пріятное полезному, рѣшился забавлять ихъ, за неимѣніемъ возможности поучать. Я смастерилъ маленькій театръ и рѣшилъ поднести его г. Крюкову въ день его именинъ. Наканунѣ я отправилъ вице-губернатору посланіе въ стихахъ, въ которомъ просилъ позволенія подарить ему плодъ досуга моей ссылки. Я былъ еще занятъ окончательною отдѣлкою своей работы, какъ вдругъ двери моей ком-

натки отворились и явился г. Крюковъ, въ сопровожденіи другаго господина, Улянина. Вице-губернаторъ съ привѣтливостью, поистигъ трогательною, выразилъ, какъ ему пріятно мое желаніе, заставившее предпринять меня эту работу. Онъ нѣсколько разъ благодарилъ меня и пожелалъ предварительно посмотрѣть картины. Но я сказалъ ему, что это уничтожить дѣйствіе сюрприза, и онъ уже болѣе не настаивалъ.

Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы я обѣдалъ у него въ тотъ же день, хотя я и отговаривался, подъ предлогомъ, что необходимо кончить работу. Но онъ не ушелъ, покуда не заставилъ меня дать слово, что приду на его приглашеніе. Я проводилъ его до кареты, и на прощаніе онъ любезно пожалъ мнѣ руку. Это благосклонное обращеніе при моемъ положеніи было такою честью, которая не могла укрыться отъ взоровъ толпы, собравшейся изъ любопытства, и жильцовъ дома, которые столпились на дворѣ. Подобное обстоятельство, надо полагать, высоко подняло меня во мнѣніе этихъ добрыхъ людей, потому что отъ многихъ изъ нихъ я получилъ самыя вѣжливыя привѣтствія, особенно, когда въ часъ обѣда, вслѣдствіе деликатнаго вниманія г. Крюкова, за мною пріѣхала карета четвернею, чтобы отвезти въ домъ вице-губернатора. Съ этой минуты я пересталъ быть просто м-г Арманомъ, а мгновенно превратился въ уважаемую особу съ аристократическимъ прибавленіемъ, — Антоничъ, и даже Антоновичъ. Вотъ до чего я возвысился! И надо признаться, въ этой услужливости, въ этихъ знакахъ уваженія, было что-то такое, льстившее моему тщеславію. Испытавъ нищету и перенеся много презрительныхъ насмѣшекъ отъ враждебнаго народа, я вообразилъ, что достигъ значительнаго положенія. Я наивно радовался этому случайному возвышенію, которымъ былъ обязанъ добрѣйшему г. Крюкову. Если это слабость, я не думаю оправдываться въ ней: сколько людей на моемъ мѣстѣ подверглись бы тому же самому искушенію!

Я нашелъ у г. Крюкова семейство такое же любезное и ласковое, какъ и его глава. Госпожа Крюкова, хотя и была англичанка, воспитанная въ Россіи, но не обнаруживала никакого непріязненнаго чувства, которое одушевляло обѣ эти страны противъ нашей, и въ разговорѣ избѣгала малѣйшаго выраженія, могущаго, хотя издалека, задѣть мою національную щекотливость. Самъ вице-губернаторъ, старшій сынъ котораго былъ въ военной службѣ, никогда не говорилъ объ успѣхахъ русскаго оружія, щадя, такимъ образомъ, нашу гордость, которая и безъ того страдала отъ столькихъ неудачъ. Однимъ словомъ, гостепріимство въ соединеніи съ пріятнымъ и дружескимъ вниманіемъ замѣнили собою мрачныя политическія страсти. Князь Черкасскій, незадолго передъ тѣмъ женившійся на молодой и интересной дочери г. Крюкова, одинъ, казалось, не раздѣлялъ благосклонности, которую всѣ оказывали мнѣ и Этьеню, одному изъ нашихъ ссыльныхъ, котораго пріятели и держали въ домѣ раньше меня въ каче-

ствѣ учителя. Но при всей холодности, манеры князя отличались деликатностью. Передъ уходомъ я получилъ новое приглашеніе на завтрашній день, отъ котораго мнѣ нельзя было отказаться. Я былъ отвезенъ домой въ каретѣ г. Крюкова.

Довольный проведеннымъ днемъ и находясь еще подъ впечатлѣніемъ двукратнаго торжественнаго выѣзда въ каретѣ четвернею, я заснулъ, лелѣемый самыми блестящими мечтами, какъ вдругъ, среди ночи, внезапно проснулся, услыхавъ сильный стукъ въ дверь. Я поднялся, чтобы посмотрѣть, какая могла быть причина этого шума. Но едва я приотворилъ дверь, какъ, не успѣвъ отомыться, почувствовалъ себя крѣпко схваченнымъ. Это была моя собака, мой старшій другъ, мой вѣрный товарищъ, которая, послѣ 15 дней отсутствія, возвратилась изъ Арзамаса, куда была уведена жидомъ, укравшимъ ее у меня.

На другой день, въ сумерки, карета г. Крюкова снова приѣхала за мною. Я взялъ съ собою свой маленькій театръ и устроилъ его во время обѣда, извинившись передъ хозяевами въ невозможности сѣсть за столъ по случаю приготовленій, которыя долженъ былъ сдѣлать. Послѣ обѣда, все общество перешло въ залу, которую я устроилъ, какъ могъ лучше, на подобіе театральной залы, и тогда уже могъ начать показывать свои картины. Успѣхъ былъ громаднѣйшій: меня привѣтствовали единодушными аплодисментами. Короче сказать, мое представленіе ни въ чемъ не уступало самымъ лучшимъ драматическимъ спектаклямъ. Пріятно было видѣть, какъ зрители вскрикивали отъ удивленія при видѣ этихъ новыхъ для нихъ диковинокъ. Самыя лестныя похвалы раздавались въ обществѣ и сопровождали каждую изъ моихъ картинъ. Портретъ императора Александра, котораго прекрасный образъ дѣйствія относительно французскихъ плѣнныхъ внушилъ мнѣ признательность, появился среди самыхъ шумныхъ возгласовъ. Но что еще болѣе удивило—такъ это портретъ, весьма схожій, самого вице-губернатора. Этотъ сюрпризъ произвелъ удивительное дѣйствіе. Я долженъ сказать, какимъ образомъ добылъ себѣ этотъ портретъ.

Составивши свой проектъ, я свелъ знакомство съ вице-губернаторскимъ камердинеромъ, который, подъ предлогомъ вставить новое стекло въ рамку, взялъ портретъ и принесъ мнѣ, чтобы наскоро снять съ него копію. Г. Крюковъ и не подозрѣвалъ, что мнѣ удалось достигъ такого сходства, благодаря обману, впрочемъ весьма невинному, его камердинера. Въ концѣ концовъ, успѣхъ моего произведенія былъ такъ великъ, что мнѣ пришлось, по общей просьбѣ, возобновлять представленіе до трехъ разъ.

Едва кончилось представленіе, какъ вице-губернаторъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ гостей, прибѣжалъ благодарить меня и звать за полученіемъ поздравленій отъ всего общества. Я просилъ позволенія надѣть только платье, которое снялъ, чтобы свободнѣе

управлять своею машиною. Но напрасно. Меня потащили безъ сюртука въ огромную галерею, гдѣ я очутился посреди двухсотъ или трехсотъ особъ. Я извинялся, какъ могъ, ссылаясь на дружеское насилие, мнѣ причиненное, и не могъ уже на этотъ разъ отказаться отъ участія въ ужинѣ и последовавшемъ за тѣмъ балѣ.

Съ этого дня, я былъ принятъ у Крюковыхъ, какъ другъ. Черезъ нѣсколько дней, вице-губернаторъ явился ко мнѣ и сказалъ:

— Любезный г. Арманъ, я очень желалъ бы окончательно завладѣть вами, но, право, не знаю, куда васъ помѣстить. Посмотримъ, однако, и если вы не слишкомъ прихотливы (онъ посѣтилъ меня на чердакѣ), мы найдемъ, быть можетъ, маленькій уголокъ.

Мы осмотрѣли домъ, для виду, разумѣется, ибо трудно находимый маленькій уголокъ былъ не что иное, какъ просторная, прекрасная комната, заранѣе приготовленная, гдѣ, по требованію вице-губернатора, я сейчасъ же и долженъ былъ помѣститься. Этотъ великодушный поступокъ былъ тѣмъ болѣе трогателенъ, что, оказывая его въ отношеніи одного изъ сорока изгнанныхъ Ростопчинимъ, г. Крюковъ подвергался опасности навлечь неодобреніе своихъ согражданъ. И такъ, я промѣнялъ свою низенькую коморку на великолѣпный домъ вице-губернатора. Настала, наконецъ, пора, когда дружеская рука явилась мнѣ на помощь: всѣ мои средства скоро должны были истощиться, и перспектива участи, меня ожидавшей, была ужасна. И такъ, я вторично перемѣнилъ квартиру, и съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что каждый день подвергался насмѣшкамъ хозяина, въ домѣ котораго жилъ. Каждое утро этотъ несносный вѣстовщикъ преслѣдовалъ меня до моей комнаты словами:

— Ну вотъ, мы теперь во Франціи, на дорогѣ въ Парижъ, мы пойдемъ въ Парижъ и возьмемъ его...

Мнѣ надоѣла хвастливость моего хозяина и однажды я ему сказалъ:

— Когда русскіе возьмутъ Парижъ, я однимъ прыжкомъ перескачу черезъ Волгу...

Черезъ нѣсколько времени мучитель явился звать меня къ обѣду.

— Ну, сказалъ онъ мнѣ, показывая газетное извѣстіе, — когда же совершится фокусъ, обѣщанный вами?

Дѣйствительно, извѣстіе о вступленіи союзниковъ въ Парижъ было возвѣщено всѣми публичными листками и сопровождалось большимъ торжествомъ на всемъ протяженіи имперіи.

Каждый день я находилъ какое-нибудь новое достоинство въ моемъ благородномъ покровителѣ, доброта котораго проявлялась въ малѣйшихъ мелочахъ. Слѣдующій случай дастъ возможность судить, съ какою деликатностью этотъ превосходный человѣкъ избѣгалъ всего, что могло оскорбить мое патріотическое чувство.

Однажды вечеромъ, одинъ изъ его служителей прибѣжалъ спросить меня, не желаю ли я ѣхать въ театръ вмѣстѣ съ его господи-

номъ. Я поспѣшилъ согласиться на любезное приглашеніе. Но въ ту минуту, когда я пришелъ къ вице-губернатору, лицо его выражало смущеніе и нерѣшительность, что заставило меня призадуматься. Предполагая въ немъ заднюю мысль и боязнь дурнаго впечатлѣнія, которое произвело бы на публику мое присутствіе около него, я сейчасъ же отыскалъ предлогъ отказаться сопровождать его. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ мы находились въ неловкомъ положеніи, когда, наконецъ, онъ заговорилъ первый.

— Извините ли вы меня, что я необдуманно пригласилъ васъ ѣхать въ спектакль, не сообразивъ, что даютъ пьесу, въ которой французы, ваши соотечественники, весьма дурно трактуются?

Я поблагодарилъ вице-губернатора за такую деликатность. Онъ протянулъ мнѣ руку и простился со мною, бросивъ взглядъ, исполненный доброты.

Среди доказательствъ вниманія, оказываемыхъ мнѣ семействомъ г. Крюкова, одинъ только князь Черкасскій упорствовалъ въ своей системѣ осторожности и сдержанности, когда одинъ случай произвелъ совершенную перемѣну въ его чувствахъ относительно меня.

Однажды утромъ, сидя у окна своей комнаты, я увидѣлъ князя Черкаскаго внизу, на балконѣ, разговаривающаго съ какимъ-то русскимъ офицеромъ, котораго раны заставляли опираться на костыли. Я въжливю поклонился князю, а онъ, по обыкновенію, холодно отвѣчалъ на мой поклонъ. Его движеніе заставило офицера поднять голову. Увидѣвъ меня, онъ закричалъ: „А, любезный!“ Тотчасъ же я сбѣжалъ съ лѣстницы, прыгая черезъ четыре ступеньки, а раненый офицеръ при помощи своихъ костылей пошелъ ко мнѣ на встрѣчу. Мы бросились въ объятія другъ къ другу. Офицеръ оказался никто иной, какъ князь Дадіанъ, съ которымъ я былъ близко знакомъ уже много лѣтъ. Эта нечаянная встрѣча, знаки дружбы, выказанные мнѣ офицеромъ, торопливые распросы о нашихъ общихъ друзьяхъ— все это способствовало тому, чтобы зять г. Крюкова возымѣлъ лучшее обо мнѣ мнѣніе. Съ этихъ поръ князь Черкасскій постоянно оказывалъ мнѣ знаки самой искренней привязанности. Что же касается г. Крюкова, то, если эта встрѣча и ничего не прибавила къ уваженію, которое онъ питалъ ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, она показала ему, что я пользовался нѣкоторымъ значеніемъ въ Москвѣ и не былъ недостойнъ его благосклонности.

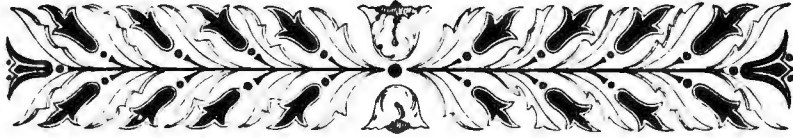
Несчастье, уставъ преслѣдовать меня, казалось, уступило мѣсто лучшимъ днямъ. Со времени нашего отъѣзда изъ Макарьева, я убѣдился на самомъ дѣлѣ, что суровость моей судьбы мало-по-малу смягчалась. За исключеніемъ одного только, хотя и очень чувствительнаго безпокойства, я жилъ почти счастливо среди гостепріимнаго семейства. Вдругъ, послѣ двухъ лѣтъ горя и бесплодныхъ поисковъ, совершенно неожиданное счастье довершило мое благополучіе: я по-

лучилъ случайно извѣстiе о томъ, что Провидѣнiе сохранило дни моей жены и сына среди разыгравшейся великой драмы.

Письмо изъ Петербурга, которое возвѣщало мнѣ эту утѣшительную новость, пришло ко мнѣ не прямо. Нужна была не одна остроумная уловка и настоящее самопожертвованiе, чтобы обмануть бдительность правительства. Адресованное первоначально къ одной дамѣ въ Москву, это письмо было переслано въ Нижнiй-Новгородъ другою дамою, и уже изъ рукъ послѣдней я получилъ его. Три русскiя женщины, считая при этомъ и ту, которая писала мнѣ изъ Петербурга, принимали участiе въ этомъ благородномъ поступкѣ. Чувствительныя и отважныя, онѣ презрѣли опасности, которымъ подвергала ихъ эта хитрость, для того, чтобы доставить отцу и несчастному супругу самое сладкое утѣшенiе, которое онѣ только могъ испытать въ своемъ несчастiи. Мы открыто должны заявить, что во все время этой роковой московской кампанiи, русскiя дамы показали себя вообще на высотѣ призванiя, которое Провидѣнiе назначило ихъ полу на землѣ: ангелы кротости и утѣшенiя, онѣ осушили немало слезъ, и не одинъ плѣнникъ обязанъ имъ облегченiемъ своихъ мученiй. Въ ту минуту, о которой мы говоримъ, всѣ наши надежды обращались только на нихъ: эти женщины однѣ могли способствовать тайной перепискѣ, которая сдѣлалась единственною отрадою плѣнниковъ. Самыя суровыя наказанiя ожидали ихъ и насъ въ случаѣ, если-бы, не смотря на принятую предосторожность, наши письменныя сношенiя были открыты. Но ихъ самоотверженное человѣколюбiе не отступило ни передъ какою опасностью, ни передъ какимъ самопожертвованiемъ.

(Окончанiе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Князь Н. Н. Голицынъ. Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ. Корректурное изданіе, не предназначенное для продажи. Кіевъ. 1880 г. 1 т. in 4°. V+224 стр.

А. П. Варсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Книга I-я. Спб., 1881 г., in 4°. VIII+545 стр., съ приложеніемъ герба Шереметевыхъ и 33 литограф. и хромофотограф. снимковъ съ рисунковъ изъ лѣтописныхъ сборниковъ XVI в. и съ грамотъ и актовъ того же вѣка.

АЗРАБОТКА русской исторіи усиливается съ каждымъ годомъ; но далеко не всѣ явленія нашей прошлой жизни освѣщены съ достаточной ясностью научнымъ свѣтомъ: много еще темныхъ угловъ въ русской исторіи! Намъ не достаетъ частныхъ, монографическихъ работъ для того, чтобы должнымъ образомъ обобщить явленія, чтобы сдѣлать изъ этихъ обобщеній болѣе или менѣе правильные выводы. Сравнительно — какъ ни покажется это для многихъ страннымъ — болѣе разработана древнѣйшій, такъ называемый удѣльно-вѣчевой, періодъ русской исторіи, но чѣмъ ближе исторія подходитъ къ нашему времени, чѣмъ болѣе она представляетъ интереса, тѣмъ менѣе она разработана, тѣмъ менѣе въ ней ясности. Такъ напримѣръ, мы несовсѣмъ удовлетворительно знакомы со многими вопросами изъ исторіи Московскаго періода (не говорю уже объ исторіи XVIII в.). Къ числу недостаточно выясненныхъ вопросовъ принадлежатъ вопросъ о политическомъ значеніи московскаго боярства. До сихъ поръ, когда рѣчь зайдетъ о боярствѣ, мы не можемъ еще вполне отрѣшиться отъ предвзятыхъ идей и съ представленіемъ о немъ у насъ неразрывно связывается представленіе о своекорыстной олигархіи, о крамолѣ, объ измѣнѣ. Между тѣмъ, боярство есть явленію исчезнувшее, отжившее, не имѣющее никакихъ корней въ современной намъ дѣйствительности—поэтому, казалось бы, что наступило, наконецъ, время относиться къ нему вполне безпристрастно.

Боярство есть продуктъ исторической жизни Россіи и имѣетъ свою спеціальную исторію, въ которой свѣтлыя явленія чередуются съ мрачными, какъ вездѣ и всегда. Не безслѣдно просуществовало оно въ Московскомъ государ-

ствѣ и имѣть все право на серьезное научное вниманіе историка. Въ виду всего вышезложеннаго, нельзя обойти молчаніемъ книгъ князя Голицына и г. Барсукова, подробное заглавіе которыхъ выписано нами въ началѣ статьи; онѣ представляютъ весьма важные матеріалы для исторіи боярства, открывая изслѣдователю новое освѣщеніе извѣстныхъ уже фактовъ, указывая на неизвѣстные прежде.

И Шереметевы, и князья Голицыны, принадлежатъ къ такъ называемымъ „выѣзжимъ“ московскимъ боярскимъ родамъ, т. е. не исконнымъ боярамъ Московскаго княжества, а пріѣхавшимъ туда изъ другихъ государствъ. Предокъ Шереметевыхъ, бояринъ московскаго великаго князя Симеона Ивановича Гордаго, Андрей Ивановичъ Кобыла (полов. XIV в.), по позднѣйшимъ преданіямъ XVII вѣка, былъ выходцемъ изъ Пруссіи.

Предки Голицыныхъ, князья Патрикѣевы, ведущіе свой родъ отъ великаго князя литовскаго Гедимина, выѣхали въ Москву изъ Литвы въ началѣ XV вѣка. Собственно фамиліи Шереметевыхъ и князей Голицыныхъ возникаютъ почти одновременно: первая въ концѣ XV вѣка, вторая въ первой половинѣ XVI вѣка. Родоначальникомъ Шереметевыхъ былъ Андрей Константиновичъ Шереметь, родоначальникомъ князей Голицыныхъ — князь Иванъ Михайловичъ Булгаковъ-Гдлица († 1558 г.). Во всѣ послѣдующіе вѣка было немало замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей и изъ князей Голицыныхъ и изъ Шереметевыхъ; имена тѣхъ и другихъ памятны и въ мрачную пору царствованія Іоанна Грознаго, и въ смутное время московскаго безнарядья, и въ правленіе первыхъ Романовыхъ, и въ тяжелую годину Петровыхъ преобразованій.

Имя общую задачу — представить исторію двухъ старѣйшихъ боярскихъ родовъ, книги князя Голицына и г. Барсукова существенно различаются одна отъ другой, какъ по собранному матеріалу, такъ и по плану его распредѣленія, и по степени его обработки, а слѣдовательно, имѣютъ совершенно различную, такъ сказать, научную цѣнность.

Книга князя Голицына есть лишь корректурное изданіе матеріаловъ для полной родословной росписи князей Голицыныхъ и обнимаетъ собою почти шесть столѣтій отъ Гедимина до настоящаго времени, а полная родословная роспись должна лечь въ основаніе предпринимаемаго составителемъ „Матеріаловъ“ труда по исторіи рода князей Голицыныхъ, которой князь Н. Н. Голицынъ занимается уже болѣе 20-ти лѣтъ. Онъ желаетъ, чтобы „настоящее изданіе было принято скорѣе за рядъ вопросовъ, спорныхъ пунктовъ и недоумѣній, чѣмъ за собраніе положительныхъ фактовъ“ (Пред., с. IV) и, недѣлая его пока достояніемъ публики, разсылаетъ занимающимся русской исторіей для поправокъ и дополненій. Такимъ образомъ, книга князя Голицына — не законченный трудъ, а отпечатанная предварительная работа. Она представляетъ историкъ рядъ весьма любопытныхъ, но разрозненныхъ фактовъ изъ исторіи князей Голицыныхъ. Это очень интересная и полезная справочная книга. Совершенно иной характеръ имѣетъ книга А. П. Барсукова. „Родъ Шереметевыхъ“ является исполненіемъ тѣхъ *ria desideria*, къ которымъ только стремится князь Н. Н. Голицынъ и достичь которыхъ, кажется, не надѣется въ скоромъ будущемъ. Первымъ томомъ „Рода Шереметевыхъ“ открывается прагматическое изложеніе его исторіи; томъ этотъ заключаетъ въ себя событія отъ половины XIV вѣка до смерти царя Іоанна Грознаго. Г. Барсуковъ воспользовался свидѣтельствами не только общезвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ

исторических источников, но внесъ въ свой трудъ очень много совершенно новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ въ рукописяхъ и въ архивныхъ документахъ, въ особенности изъ семейнаго архива одного изъ современныхъ намъ представителей фамилиі Шереметевыхъ, графа Сергѣя Дмитриевича Шереметева. Правда, иногда новыя данныя, приводимыя г. Барсуковымъ, слишкомъ спеціальны, даже мелочны, но тѣмъ болѣе они драгоцѣнны для бытовыхъ подробностей прошлой русской жизни, которыми столь бѣдна наша археологическая литература. Таковы, напримѣръ, свѣдѣнія о вотчинахъ и помѣстьяхъ Шереметевыхъ, о ихъ тяжбахъ изъ-за этихъ вотчинъ и помѣстій, и нѣсколько касающихся до нихъ новыхъ грамотъ и актовъ, приложенныхъ къ книгѣ въ фотолитографическихъ снимкахъ. Къ этому же разряду данныхъ относятся: 6 снимковъ съ картинъ изъ „Царственной книги“, — одного изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи эпохи Іоанна Грознаго, — изданной въ 1769 году княземъ М. М. Щербатовымъ безъ рисунковъ, и 16 снимковъ съ раскрашенныхъ картинъ неизданнаго лѣтописца XVI в., близкаго по редакціи къ „Царственной книгѣ“. Всѣ эти 22 картины изображаютъ преимущественно военные подвиги разныхъ Шереметевыхъ, съ 1534 по 1556 годъ включительно, противъ казанцевъ, крымцевъ и шведовъ, представляя весьма важный источникъ для изученія русской живописи XVI в. и тогдашнихъ московскихъ костюмовъ и вооруженія войскъ.

Г. Барсуковъ передаетъ исторію Шереметевыхъ въ связи съ общими политическими событіями современнаго имъ Московскаго государства, вставляя въ рамки этихъ событій иногда весьма подробныя въ фактическомъ отношеніи свѣдѣнія о дѣятельности того или другаго изъ Шереметевыхъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти не всегда очерчиваютъ съ желаемой ясностью личности, къ которымъ они относятся. По нимъ можно только догадываться, что подъ сухимъ перечнемъ разныхъ службъ и посольствъ скрывается иной разъ сильная личность, независимый и твердый характеръ. Но странно было бы винить за это почтеннаго бытописателя рода Шереметевыхъ, — онъ тщательно собралъ всѣ свѣдѣнія, какія только могъ собрать, и освѣтилъ ихъ должнымъ образомъ, на сколько позволяли ему это самые источники и приемы исторіописанія! Источники московской эпохи представляютъ крайне скудный матеріалъ для характеристики личностей. Сказаній современниковъ — русскихъ и частной переписки даже отъ позднѣйшихъ эпохъ этого періода — отъ XVI и XVII вв., — дошло до насъ весьма немного, да и въ томъ, что дошло, не всегда рельефно выступаетъ личность. Московскіе люди не отличались экспансивностью и въ частной перепискѣ ограничивались дѣловыми сношеніями, выражаясь притомъ крайне сжато. Переписка Іоанна Грознаго съ Курбскимъ, письма царя Алексѣя Михайловича и нѣкоторыхъ бояръ XVI и XVII в. составляютъ исключеніе. Въ официальныхъ актахъ и грамотахъ московскіе служилые люди весьма естественно являются только съ внѣшней, официальной стороны. Съ тенденціозной окраской заносятся повѣствованія о разныхъ отдѣльныхъ лицахъ въ московскіе лѣтописцы, которые, какъ извѣстно, велись почти исключительно людьми духовнаго званія и подъ сильнымъ правительственнымъ вліяніемъ; поэтому-то лѣтописцы удѣляютъ много мѣста подробнымъ характеристикамъ святыхъ мужей и панегирикамъ іерархамъ, князьямъ и царямъ; государственныя и общественныя дѣятели были, въ глазахъ составителей лѣтописцевъ, пассивными исполнителями велѣній преобладающей власти, а тѣ изъ нихъ, которые проявляли независимый характеръ, представлялись имъ или „сосудомъ дѣя-

вола“, или „строптивыми рабами“ и „крамольниками“. Лишь современники-иностранцы даютъ въ своихъ сказаніяхъ характеристики той или другой крупной личности изъ бояръ и воеводъ; но эти характеристики слѣдуетъ принимать съ большою осторожностью, потому что онѣ составлялись подь весьма случайными и произвольными впечатлѣніями.

Первый томъ „Рода Шереметевыхъ“ и „Матеріалы“ князя Голицына возбуждаютъ очень много общихъ историческихъ и археологическихъ вопросовъ. Позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Первымъ изъ этихъ вопросовъ будетъ вопросъ объ иноземномъ происхожденіи русскихъ „выѣзжихъ“ старинныхъ родовъ.

Возвышеніе Москвы и „собираніе Руси“ произошло, какъ извѣстно, при взаимодействіи трехъ главнѣйшихъ факторовъ: 1) личнаго характера и весьма ловкой политики московскихъ князей, „собирателей земли русской“, 2) дѣятельности московскихъ митрополитовъ и монастырей, 3) роли московскихъ бояръ. Первые два фактора изслѣдованы въ русской исторической наукѣ съ достаточнымъ вниманіемъ и полнотой, послѣдній—ждетъ тщательной научной проработки.

Въ настоящее время мы знаемъ, что если не во всѣхъ земляхъ удѣльно-вѣчевой Руси, то по крайней мѣрѣ во многихъ изъ нихъ, кромѣ княжескихъ бояръ-дружинниковъ, были бояре земскіе, не находившіеся на службѣ князя, но имѣвшіе большую силу на вѣчѣ. Въ нѣкоторыхъ земляхъ, какъ напримѣръ, въ Галичѣ-южномъ и въ Новгородѣ Великомъ, эта сила переходила нерѣдко въ главенство, въ господство на вѣчѣ. При торжествѣ той или другой вѣчевой партіи, члены и сторонники побѣжденной удалялись отъ дѣлъ, уѣзжали въ свои вотчины, или отѣзжали въ другія земли, точно также какъ отѣзжали отъ одного князя къ другому бояре-дружинники. Прямымъ указаніемъ объ отѣздѣ изъ одного княжества въ другое земскихъ бояръ весьма немного, но есть основаніе предполагать, что въ числѣ бояръ, приходившихъ изъ разныхъ русскихъ земель къ первымъ московскимъ князьямъ, были не одни бояре княжескіе, но и земскіе. Этими послѣдними были бояре, отѣзжавшіе изъ Новгорода, или же могли быть многіе изъ бояръ, явившихся въ Москву съ юга; въ числѣ послѣднихъ, по всей вѣроятности, находились земскіе бояре Галичскіе, какъ напримѣръ, Родіонъ Нестеровичъ, пріѣхавшій къ Ивану Даниловичу Калитѣ съ юга, съ своей собственной дружиной, или волынской Боброкъ, главный воевода Дмитрія Донскаго на Куликовомъ полѣ. XIV вѣкъ отмѣченъ въ исторіи Россіи особенно сильными проявленіями земскихъ нестроений.

Княжескія междоусобія осложнились вмѣшательствомъ татаръ, и въ этомъ осложненномъ видѣ въ особенности тяжело отзывались на востокѣ и юго-востокѣ Руси; усобицы вѣчевыя раздирали сѣверозападные земли—Новгородъ и Псковъ; Галичъ, вслѣдствіе своеобразной земской организаціи, страдалъ всѣми нестроеніями заразы: и княжеской распрей, и татарскими опустошеніями, и вѣчевой усобицей; только въ одномъ весьма небольшомъ по пространству уголкѣ средней Россіи, по выраженію летописи—бысть тишина. Этимъ уголкомъ является княжество Московское, въ которое и стремятся изъ разныхъ русскихъ земель всѣ ищущіе тишины. До южнаго Галича, по всей вѣроятности, доходили смутные и преувеличенные слухи объ удобствахъ жизни въ этомъ отдаленномъ уголкѣ; южная фантазія галичанъ, быть можетъ, идеализировала „мирное житіе“ у ласковыхъ хозяевъ-скопидомовъ московскихъ князей, и бояре-земцы уходили изъ Галича въ Москву искать мирной жизни. Конечно,

это только одни предположенія относительно мотивовъ земско-боярской эмиграціи изъ Галича въ Москву, такъ какъ прямыхъ свидѣтельствъ о ней мы не имѣемъ; относительно новгородской эмиграціи мы располагаемъ болѣе положительными свѣдѣніями. Двинская земля, богатая Новгородская колонія, — въ которой были особенно сильны земскіе бояре, не всегда и не вполнѣ признававшіе власть господина-Великаго-Новгорода, — имѣла издавныя пограничныя поземельныя споры съ князьями ростовскими, а послѣ подчиненія Ростова Москвѣ, и съ московскими. Споры изъ-за земель заставляли нѣкоторыхъ богатыхъ двинскихъ вотчинниковъ, земскихъ бояръ, искать покровительства усиливающихся московскихъ князей и держать ихъ сторону какъ въ землѣ Двинской, такъ и на новгородскомъ вѣчѣ.

Въ XIV в. въ Двинской землѣ образовалось двѣ партіи среди бояръ — сторонниковъ и противниковъ Москвы; смотря потому, какая партія одерживала верхъ, Двинская земля являлась то въ дружескихъ, то во враждебныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, сторонники Москвы отъѣзжали въ нее и отдавались подъ руку московскаго князя съ своими вотчинами. Это обстоятельство дало поводъ московскимъ князьямъ заявлять притязанія на богатства Двинской земли и изъ всѣхъ новгородскихъ колоній прежде всего завладѣть ею, что подготовило паденіе и самаго Новгорода-Великаго.

Большинство московскихъ бояръ состояло изъ „бояръ выѣзжихъ“, такъ какъ мѣстныхъ бояръ, вслѣдствіе незначительнаго объема первоначальнаго Московскаго княжества, было, по всей вѣроятности, весьма немного. Припомнимъ, что въ Московскомъ княжествѣ вѣчевой строй былъ почти неизвѣстенъ, а дружинное начало, столь сильное на югѣ Руси, было совершенно чуждо Руси сѣверо-восточной, — не можемъ ли мы предположить, что обычай московскихъ князей „думать“ съ боярами возникъ до нѣкоторой степени подъ влияніемъ выѣзжихъ князей и земскихъ бояръ? Если принять это предположеніе, то можно допустить, въ свою очередь, другое, а именно, что „выѣзжіе“ бояре вносили въ московскій княжеско-вотчинный распорядокъ не смуту и крамолу, а дружинное и земско-вѣчевое совѣщательное начало. Поэтому-то московскіе князья и создавали очень хорошо силу и значеніе бояръ и умѣли цѣнить ихъ по достоинству. Симеонъ Гордый завѣщаетъ братьямъ слушаться старыхъ бояръ; умирающій Дмитрій Донской говоритъ своимъ дѣтямъ: „бояры своя любите, безъ воли ихъ ничто же не творите“, а къ самимъ боярамъ обращается со слѣдующими словами: „предъ вами родихся и при васъ възрастохъ; съ вами и царствовахъ и землю русскую държахъ 27 лѣтъ, отчину свою съ вами соблюдохъ, къ вамъ честь и любовь имѣхъ, вы же нарекошеся у меня не бояре, но князи земли моея“.

Со второй половины XV вѣка, въ московское боярство начинаютъ постепенно входить новые пришлые элементы, вслѣдствіе „собранія“ русскихъ земель около двухъ центровъ: на сѣверо-востокѣ — Москвой, и на западѣ — Литвой; московское боярство пополняется князьями Рюриковичами медиатизированныхъ сѣверо-восточныхъ и южныхъ удѣловъ и князьями Гедиминовичами, выѣзжавшими изъ Литвы на службу къ московскимъ великимъ князьямъ по такимъ же побужденіямъ, по какимъ нѣкогда пріѣзжали къ ихъ предкамъ земскіе бояре изъ Новгорода. Князья Рюриковичи приносятъ въ Москву воспоминанія о своихъ предкахъ, еще недавно бывшихъ независимыми, владѣтельными князьями; нѣкоторые изъ князей Рюриковичей считаютъ себя и своихъ предковъ гораздо „честнѣе“, т. е. почетнѣе, великихъ князей москов-

скихъ, которымъ, вслѣдствіе обстоятельствъ, должны служить. Гедиминовичи-литовскіе заносятъ въ Москву польско-литовскіе шляхетско-аристократическія тенденціи. Такъ образуются мало-по-малу среди московскаго боярства аристократическія воззрѣнія. Иоаннъ III, вслѣдствіе брака съ византійской царевной, усвоиваетъ традиціи византійскаго монархизма, и между воззрѣніями монархическимъ и аристократическимъ возникаетъ борьба, которая достигаетъ своего апогея при Иоаннѣ Грозномъ. Подъ вліяніемъ этой борьбы, слагается среди бояръ не княжескаго происхожденія стремленіе приравнять себя къ потомкамъ Рюрика и Гедимина: они начинаютъ производить свой родъ отъ „честныхъ мужей“, выѣхавшихъ на службу къ прежнимъ московскимъ князьямъ изъ Литвы и изъ „Нѣмецъ“. Они скрываютъ свое настоящее происхожденіе, потому что имѣть предкомъ галичскаго или новгородскаго земскаго боярина не только не составляетъ почета, но можетъ быть даже опасно. Галичъ принадлежалъ въ то время Польскому королевству, враждебному московскому правительству, а новгородцы, съ самаго новгородскаго „взятія“ Иоанномъ III, считались бунтовщиками, „вѣчниками“ и „крамольниками“; знатнѣйшіе новгородскіе бояре томилась при немъ въ тюрьмахъ, а Иоаннъ IV выразилъ явно свою опалу на Новгородъ въ извѣстномъ погромѣ 1570—1571 г. ¹⁾). Послѣ смутнаго времени, въ теченіе XVII вѣка, вслѣдствіе близкихъ сношеній съ польскими магнатами и знакомства съ польскими историческими хрониками и компіляціями, у московскаго не княжескаго боярства развивается еще болѣе склонность производить себя отъ знаменитыхъ предковъ изъ Литвы и изъ нѣмцевъ. Уничтоженіе разрядныхъ книгъ открываетъ этой склонности обширное поле для фантастическихъ родословныхъ ²⁾).

Какъ Родіонъ Нестеровичъ, пріѣхавшій къ Ивану Даниловичу Калитѣ съ „юга“, могъ быть галичскимъ земскимъ бояриномъ, такъ предокъ Шереметевыхъ, Андрей Ивановичъ Кобыла, могъ быть земскимъ бояриномъ новгородскимъ. На новгородское происхожденіе Андрея Кобылы указываютъ, между прочимъ, большія земельныя владѣнія, принадлежавшія ему въ Новгородской области („Родъ Шереметевыхъ“, стр. 15—16; 84—85). Извѣстно, какъ новгородцы усердно заботились, чтобы князья, княжившіе у нихъ, не раздавали селъ и земель новгородскихъ своимъ боярамъ и дворянамъ; раздача новгородскихъ земель московскимъ боярамъ и служилымъ людямъ произошла только при Иоаннѣ III, но тогда уже давно не было въ живыхъ не только Андрея Кобылы, но и его внуковъ, а правнуки его назывались Кошкиными, Голтяевыми, Беззубцовыми и т. д. Кобылинскія же вотчины близъ Вологды, перешедшія по наслѣдству къ правнуку Андрея Кобылы, Марьѣ Ѳеодоровнѣ Голтяевой (въ XV вѣкѣ), о чемъ подробно говоритъ г. Барсуковъ (стр. 16), еще болѣе подтверждаютъ нашу догадку о предкѣ Шереметевыхъ. Вологодскій край, колонія новгородская и его исконная волость, граничили

¹⁾ Ту же мысль высказываетъ въ своемъ любопытномъ рефератѣ въ археологическомъ институтѣ П. Н. Петровъ. Къ сожалѣнію, въ протоколахъ института рефератъ этотъ переданъ въ столь краткой редакціи, что нельзя подмѣтить подробностей доводовъ почтеннаго референта (Засѣданіе 6 марта 1879 г. См. „Сборн. Археолог. Института“, кн. III, стр. 49—50). Весьма бы желательно видѣть поскорѣе въ печати рефератъ г. Петрова вполнѣ.

²⁾ Мы ничего не говоримъ здѣсь о выходцахъ изъ татаръ, потому что это не относится къ занимающему насъ вопросу—выяснить настоящее происхожденіе лишь тѣхъ выѣзжихъ бояръ, которые являлись изъ Новгорода и съ юга.

съ Двинской землей и заключалъ въ себѣ, по всей вѣроятности, много вотчинъ двинскихъ бояръ; край этотъ постоянно былъ яблокомъ раздора между Новгородомъ и ростовскими князьями, а затѣмъ между Новгородомъ и Москвою, и окончательно былъ присоединенъ къ Москвѣ лишь при великомъ князѣ Василии Васильевичѣ Темномъ (30 года XV вѣка), когда Андрей Кобыла уже умеръ, а боярами московскими были его внуки, сыновья Феодора Кошки, которые владѣнія свои на Вологдѣ скорѣе могли бы назвать кошкинскими, чѣмъ кобылинскими.

Посмотримъ теперь, какъ, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, постепенно складывается легенда объ иноземномъ происхожденіи Андрея Кобылы.

Въ XVI вѣкѣ, знаменитый политическій противникъ Іоанна Грознаго, князь Андрей Михайловичъ Курбскій, гордившійся своимъ происхожденіемъ отъ ярославскихъ князей, сообщаетъ молву, что предокъ Шереметевыхъ выѣхалъ изъ „Нѣмецкой земли“ и былъ изъ рода „Рѣшскихъ“, т. е. имперскихъ князей, называя его Михаиломъ. Въ родословныхъ XVII вѣка предокъ Шереметевыхъ называется Андреемъ Кобылой. Въ 1686 г., черезъ четыре года послѣ сожженія разрядныхъ книгъ, бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ подаетъ въ разрядъ поколѣнную роспись своего рода, производя Андрея Кобылу изъ „Пруссъ“ и называя его владѣтелемъ. Въ такомъ видѣ родословная Шереметевыхъ заносится въ „Бархатную книгу“ и происхожденіе Кобылы изъ Пруссъ является для послѣдующихъ генеалогистовъ несомнѣнной истиной. Въ 1722 году, герольдмейстеръ С. А. Колычовъ, происходящій также отъ Андрея Кобылы, составилъ о своихъ предкахъ „исторіографію, вкратцѣ собранную изъ разныхъ хроникъ и лѣтописцевъ“, въ которой Андрея Кобылу (Glandos Cambila) производитъ отъ прусскаго Прутено, жившаго въ IV вѣкѣ по Р. Х. Свѣдѣнія какъ объ этомъ королѣ, такъ и о его потомствѣ, до „Glandos Cambila“ включительно, Колычовъ заимствовалъ изъ хроникъ Длугоша, Кромера и разныхъ польскихъ хронистовъ-компиляторовъ XVII вѣка („Родъ Шереметевыхъ“, стр. 1—8). Расужденія Колычова должны быть отнесены къ области историко-фантастической, потому что изъ несомнѣнныхъ историческихъ источниковъ мы знаемъ, что пруссы, даже въ XII—XIII вѣкахъ, были племенемъ совершенно дикимъ, лишеннымъ почти всякой культуры, и не могли управляться королями въ смыслѣ позднѣйшихъ государей-монарховъ, а имѣли лишь племенныхъ старшинъ и князей ¹⁾.

Въ связи съ вопросомъ о происхожденіи боярскихъ родовъ, находится вопросъ о личныхъ прозвищахъ нѣкоторыхъ изъ ихъ членовъ. Обыкновенно принято думать, что эти прозвища выражали физическія или нравственныя качества того лица, которому давались. Г. Барсуковъ сообщаетъ любопытныя подробности о происхожденіи прозвища „Шереметь“, родоначальника Шереметевыхъ.

Андрей Константиновичъ Шереметь былъ вторымъ сыномъ Константина Александровича Беззубцева, побѣдителя казанскихъ татаръ въ 1450 году. Въ

¹⁾ Впрочемъ, какъ всякая легенда имѣетъ въ основаніи реальный фактъ, то и легенда о происхожденіи изъ Пруссіи какъ Шереметевыхъ, такъ и другихъ боярскихъ и дворянскихъ родовъ, въ дѣйствительности происходящихъ отъ новгородцевъ, можетъ имѣть нѣкоторое историческое основаніе. Извѣстно, что въ Новгородѣ издавна было очень много выходцевъ изъ Пруссіи—прушанъ. Очень можетъ быть, что предки Андрея Кобылы первоначально происходили изъ Пруссіи, но обрусѣли въ Новгородѣ окончательно къ XIV столѣтію, когда появляется Андрей Кобыла.

1453 г. на Балканскомъ полуостровѣ произошло мировое событіе, произведшее потрясающее впечатлѣніе на умы современниковъ: Царь-градъ былъ завоеванъ турками. Однимъ изъ военачальниковъ султана Магомета II былъ Шереметь-бей, отличавшійся необыкновенной храбростью, но потерѣвшій поражение отъ албанцевъ и взятый ими въ плѣнъ (1463 г.). По турецки слово шереметь значитъ проворный, живой, быстрый на бѣгу. Очень возможно, что К. А. Беззубцевъ, замѣчая въ своемъ второмъ сынѣ живость и проворство, назвалъ его Шереметомъ, желая сохранить въ своемъ семействѣ память о грозномъ врагѣ христіанства, все таки осиленномъ христіанами-патріотами; при этомъ Беззубцевъ сопоставлялъ, очевидно, свои подвиги противъ невѣрныхъ съ подвигами албанцевъ. („Родъ Шереметевыхъ“, стр. 45 — 47). Такимъ образомъ, въ лицѣ Андрея Шеремета мы видимъ обычай московскихъ бояръ и другихъ родовитыхъ людей давать прозвища своимъ дѣтямъ въ честь замѣчательныхъ современниковъ. Существованіе этого обычая подтверждается еще другимъ примѣромъ, приводимымъ г. Барсуковымъ, и болѣе знаменательнымъ, чѣмъ прозвище Шеремета. Современникъ и сородичъ Беззубцева, И. А. Колычовъ, намѣстникъ новгородскій, назвалъ своего сына Степана—Стенстуромъ, въ честь извѣстнаго въ XV вѣкѣ правителя Швеціи Стенъ-Стура („Родъ Шереметевыхъ“, стр. 47—48). Этотъ Степанъ былъ отцомъ Федора Колычова, впоследствии знаменитаго митрополита московскаго Филиппа. Не наводитъ ли прозвище Степана Колычова на мысль, что не всѣ московскіе бояре даже XV вѣка были отдѣлены отъ запада китайской стѣной и что вліяніе на многихъ изъ нихъ Швеціи и шведскихъ государственныхъ порядковъ было сильнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ обыкновенно привыкли думать? Новгородскія событія смутнаго времени показываютъ, что призваніе на престолъ московскаго государства одного изъ сыновей Карла IX шведскаго—Густава-Адольфа, или Филиппа, не было случайностью. Быть можетъ, впоследствии, когда мы будемъ знать лучше подробности нашего прошлаго, когда будетъ больше выходить такихъ специальныхъ монографій, какъ книга А. П. Барсукова, многое выяснится изъ русскихъ событій XVI и XVII вѣковъ, между прочимъ, и западно-европейское вліяніе посредствомъ ближайшихъ нашихъ сосѣдей—Польши, Ливоніи и Швеціи. Конечно, не безъ участія этого вліянія взята, напримѣръ, боярами съ царя Михаила Федоровича Романова извѣстная записка, самое существованіе которой оспаривается многими историками; но для пишущаго эти строки „записка“ есть бесспорный фактъ, подтверждаемый какъ самымъ ходомъ событій, такъ и несомнѣнными свидѣтельствами современными и позднѣйшими.

Позволимъ себѣ остановиться еще на одномъ вопросѣ, по нашему мнѣнію недостаточно разъясненномъ, на вопросѣ о вольномъ и невольномъ постриженіи въ монашество московскихъ бояръ.

Изъ предковъ князей Голицыныхъ видное мѣсто въ исторіи умственнаго движенія въ Россіи конца XV и первой половины XVI вѣковъ занимаетъ князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ насильно постриженный Іоанномъ III въ монахи Кирило-Бѣлозерскаго монастыря. Усвоивъ созерцательно-религіозное ученіе Нила Сорскаго, которое находило себѣ много послѣдователей среди монаховъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря, князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, въ монашествѣ Вассіанъ, является рѣзкимъ противникомъ деспотизма и насиліи въ дѣлѣ вѣры и совѣсти: онъ возстаетъ противъ монастырскаго крѣпостнаго права, противъ преслѣдованія еретиковъ, и требуетъ полнаго невмѣшательства государства въ дѣла церкви,

и наоборотъ — всецѣлаго отрѣшенія церкви отъ мірскихъ государственныхъ дѣлъ.

Традиціи ученія Нила Сорскаго и Вассіана Патрикѣева крѣпко держались въ Кирило-Бѣлозерскомъ монастырѣ, въ которомъ добровольно постригались бояре, желавшіе удалиться отъ ужасной московской общественной жизни XVI в. Послѣ этого понятно, почему Іоаннъ Грозный такъ злобился на бояръ, постриженниковъ этого монастыря, и распространялъ на нихъ клевету въ своемъ знаменитомъ „Посланіи въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь“. Однимъ изъ такихъ добровольныхъ постриженниковъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря былъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, нѣкогда человекъ весьма близкій къ царю Іоанну IV, пользовавшійся его довѣріемъ, а затѣмъ подвергшійся опалѣ— заключенію въ тюрьмѣ и пыткѣ. Изъ фактовъ, приводимыхъ А. П. Барсуковымъ, видно, что Иванъ Васильевичъ Шереметевъ былъ сильнаго и независимаго характера; онъ не отъѣхалъ въ Литву, какъ А. М. Курбскій: онъ былъ старъ для того, чтобы искать лучшей доли на чужбинѣ, а, изнемогши подъ бременемъ страшныхъ и кровавыхъ оргій и казней Іоанна Грознаго, искалъ нравственнаго успокоенія въ поэтической обстановкѣ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря. Незадолго до постриженія въ монашество И. В. Шереметева, былъ лишенъ сана и заключенъ въ тверской Отрочъ монастырь сородичъ Шереметева, знаменитый московскій митрополитъ Филиппъ Колычовъ, этотъ достойный и независимый пастырь церкви и рѣзкій обличитель деспотизма, кровожадности и кощунства Іоанна Грознаго.

Мы думаемъ, что отмѣченные факты достаточно указываютъ на извѣстную долю участія московскихъ бояръ въ почтенномъ служеніи великорусскаго монашества на пользу русскаго просвѣщенія и русской церкви, а также и на то обстоятельство, что среди бояръ находились личности, чуждыя олигархіи и крамолѣ.

Но мы долго бы не кончили, если бы захотѣли останавливаться на всѣхъ вопросахъ, возбуждаемыхъ книгами князя Голицына и А. П. Барсукова. Пожелаемъ отъ всей души князю Н. Н. Голицыну поскорѣе привести къ окончанію повѣрку собранныхъ имъ матеріаловъ и подарить русскую науку и литературу столь же полнымъ и обстоятельнымъ трудомъ по исторіи князей Голицыныхъ, какимъ является начатый трудъ А. П. Барсукова по исторіи Шереметевыхъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ послѣдующихъ томовъ „Рода Шереметевыхъ“. Вѣроятно, второй томъ будетъ посвященъ царствованію Бориса Годунова, а третій—Смутному времени. Судя по первому тому, надо думать, что А. П. Барсуковъ представитъ немало новыхъ подробностей о борьбѣ Бориса съ боярствомъ, о царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ, о Тушинѣ, о дѣятельности Феодора Ивановича Шереметева въ Смутное время, объ избраніи въ цари Михаила Феодоровича Романова.

Д. К—овъ.

Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Сочиненіе П. Знаменскаго. Казань, 1881 года.

Гдва ли можно указать не только въ Европѣ, но на всемъ земномъ шарѣ страну, гдѣ бы вопросъ о правильной постановкѣ духовнаго образованія и установленіи правильныхъ, нормальныхъ отношеній духовенства къ массѣ на-

селенія представлятъ такую глубокую, всеобъемлющую важность, какъ въ Россіи, гдѣ огромное большинство, едва ли не $\frac{9}{10}$ всего народонаселенія—составляютъ сословія не городскія, а сельскія. Россія — это по преимуществу страна селъ и деревень и только въ незначительной—относительно разумѣется—степени—страна городовъ. Села и деревни ея населены „святителями и хранителями русской земли“—русскими крестьянами. Здѣсь, лишенный часто даже элементарной школы, облагоуживающаго вліянія искусства, соприкосновенія съ цивилизованными сословіями и тѣхъ нравственныхъ выгодъ, которыя доставляетъ подобное общеніе, — русскій крестьянинъ имѣетъ одну только руководительницу и наставницу, одну нравственную силу, подъ вліяніемъ которой складывается и вырабатывается въ немъ вся его интеллектуальная и моральная жизнь—церковь. Религія въ жизни крестьянина—это его наука, его міросозерцаніе, кодексъ его жизненныхъ правилъ, его утѣшеніе въ скорбяхъ, наконецъ, стимулъ въ его гражданской дѣятельности. Прислушайтесь, какими побужденіями мотивируются въ большинствѣ случаевъ его поступки, чѣмъ онъ измѣряетъ нравственное достоинство дѣла, и вы увидите, что нравственность русскаго крестьянина опирается главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ, на идеѣ награды и наказаній въ загробной жизни. „Богъ за это наградитъ, Богъ за это накажетъ“—эти слова крестьянскій мальчишкѣ безпрестанно, на каждомъ шагу, слышитъ отъ своей матери-крестьянки. Научившись благоговѣть передъ религіей съ дѣтства, привыкнувъ сообразовать съ ея предписаніями свои дѣйствія, русскій крестьянинъ сохраняетъ эту полноту религіознаго чувства до могилы. Этими же чувствами опредѣляются и всѣ его гражданскія понятія, его отношенія и дѣйствія. Русскій крестьянинъ благоговѣетъ передъ священнымъ именемъ государя, онъ видитъ въ немъ намѣстника Бога на землѣ... Какъ сложилось въ немъ такое чистое понятіе о предметѣ? Прежде всего—подъ вліяніемъ религіи. Въ церкви, при богослуженіи онъ слышитъ постоянныя молитвы за государя, онъ знаетъ, что церковь чтитъ въ его лицѣ помазанника Божія. Переводя слышанныя имъ выраженія на обыкновенный языкъ, онъ говоритъ: „царь—земной Богъ“, и это убѣжденіе какъ нельзя болѣе твердо и опредѣленно выражается во всей его жизни. Посмотримъ далѣе. Русскій крестьянинъ, превратившись въ солдата, показываетъ себя героемъ изъ героевъ на поляхъ битвъ. Въ какую нибудь севастопольскую кампанію борьба Россіи съ коалиціею чуть не всѣхъ государствъ Европы, собственно говоря, была невозможна. Все было безусловно на сторонѣ союзниковъ. Превосходство численности войскъ, превосходство искусства и знанія, превосходство оружія, путей сообщенія, финансовыхъ средствъ, однимъ словомъ—безусловное превосходство во всемъ. На нашей сторонѣ было одно — сверхъестественный, невозможный героизмъ арміи, и благодаря этому одному, Севастополь одиннадцать мѣсяцевъ противостоялъ неслыханнымъ доголъ средствамъ разрушенія. А зимній переходъ черезъ Балканы, совершившійся на нашихъ глазахъ въ послѣднюю турецкую войну? Не вся ли Европа кричала и увѣряла до пехода, что онъ невозможенъ? И однако же, это чудо самоотверженія, совершенное русскимъ человѣкомъ—не мифъ, а дѣйствительность, которой мы были свидѣтелями. Что же создаетъ въ русскомъ человѣкѣ этотъ геройскій духъ, какая сила движетъ имъ въ его дивномъ самоотверженіи? Поговорите съ русскимъ простолудинномъ, сумѣйте донскаться сути дѣла въ томъ, что онъ будетъ говорить вамъ, и вы увидите, что будущій русскій солдатъ, прежде всего и выше всего, цѣнитъ „идти въ службу за вѣру“. Наши добровольцы, усѣяв-

шіе пять лѣтъ назадъ русскими костями сербскую землю, сражались не по приказанію и не за дѣло родины. Что же влекло ихъ на вѣрную смерть на поляхъ чуждой имъ Сербіи? „Обижаютъ нашихъ, обижаютъ христіанъ“, говорилъ русскій простолюднѣй-доброволецъ, готовясь умереть за то, что для него дороже всѣхъ сокровищъ міра — за вѣру. Вотъ тотъ чистый, высокій, святой идеалъ русскаго крестьянина, съ которымъ онъ прожилъ столько вѣковъ своей исторической жизни, и подъ влияніемъ котораго развивались, главнымъ образомъ, и его гражданская доблесть и его героизмъ. Миросозерданіе нашего народа исключительно религіозное; философскихъ принциповъ въ немъ рѣшительно нѣтъ. Религія — это то начало, которое создастъ духовную жизнь русскаго крестьянина, которое даетъ ему, такъ сказать, извѣстную нравственную форму. Онъ почтительный сынъ потому, что онъ слышалъ съ дѣтства, что уваженія къ родителямъ требуетъ религія, церковь; онъ безгранично преданъ своему государю, зная, что церковь чтитъ въ лицѣ государя помазанника Божія; онъ герой на поляхъ битвъ, прежде всего потому, что, согласно ученію церкви, „часть жизни будущаго вѣка“ за труды и подвиги, понесенные имъ ради защиты святыни вѣры. При такомъ огромномъ, правильнѣе сказать, всеобъемлющемъ значеніи религіи въ жизни русскаго крестьянина, при томъ обстоятельстве, что исключительно церковь до сихъ поръ воспитываетъ въ немъ его природныя добрыя начала, вопросъ о степени образованія сельскаго духовенства, его нравственности, его направленіи, большей или меньшей степени его матеріальной обеспеченности, наконецъ, вопросъ о его положеніи, правахъ и значеніи въ обществѣ — все это вопросы глубочайшей, безпредѣльной важности. Такое или другое, правильное или неправильное, всестороннее или одностороннее разбѣшеніе ихъ важно не для духовенства или крестьянства только, а для государственной жизни Россіи, для всѣхъ слоевъ и классовъ русскаго общества, для разширенія и улучшенія народной производительности, для развитія экономическаго богатства страны. Какъ ни преувеличеннымъ можетъ показаться это съ перваго раза, но это дѣйствительно такъ. Въ настоящее время и правительство и печать сильно заняты вопросомъ объ экономическомъ улучшеніи быта русскаго крестьянина. Этотъ же самый вопросъ близко и горячо принимаютъ къ сердцу не только всѣ пишущіе и печатающіе дѣятели, но все, что только есть добраго, честнаго, благородно мыслящаго въ Россіи.

Глубокая благодарность правительству, глубокая благодарность литературѣ наконецъ, всѣмъ сочувствующимъ такому святому дѣлу, какъ улучшеніе быта русскаго земледѣльческаго класса. Дѣло это — одно изъ необходимѣйшихъ условій благоденствія Россіи. Русское крестьянство составляетъ $\frac{9}{10}$ населенія страны. Улучшить бытъ русскаго крестьянина значитъ, слѣдовательно, прежде всего улучшить бытъ огромнаго большинства русскаго народа... Но какъ достигнуть этого наиболѣе надежнымъ и прочнымъ образомъ? Стараясь развить въ народѣ богатство — начать прямо съ экономическихъ мѣръ, съ примѣненія къ быту крестьянина, на сколько это осуществимо, той или другой экономической теоріи? Да, пожалуй — на извѣстное время это поможетъ. Но, если мы хотимъ создать народное богатство на прочныхъ началахъ, то нужно начинать не съ заботы о богатствѣ, которое, очевидно, составляетъ результатъ чего-то, не съ экономическихъ мѣръ, а начинать съ начала. Съ чего же? Что нужно для развитія матеріальнаго благосостоянія русскаго крестьянина? Отвѣчаемъ: для достиженія этой цѣли нужно, прежде всего, чтобы русскій крестьянинъ сдѣ-

жался умѣе. „И это все?“—Нѣтъ, нужно, чтобы онъ еще сдѣлался добрѣе.— „Только?“—Нѣтъ, еще нужно чтобы онъ сдѣлался вообще нравственнѣе въ жизни. Добейтесь осуществленія этого, и вы непремѣнно поднимите экономическое благоденствіе народа, разовьете въ средѣ его богатство, которое есть результатъ умѣлаго, постоянного, честнаго труда. Доказывать это едва ли нужно. Что трудъ умѣлый производитъ много, а то пожалуй и очень много тамъ, гдѣ неумѣлый даетъ мало или очень мало, это—азбучная истина. При развитіи добрыхъ свойствъ въ народѣ, крестьянинъ, очевидно, будетъ больше заботиться... ну хоть бы, положимъ, прежде всего о семьѣ, а слѣдовательно и о томъ, чтобы больше обезпечить ее, больше для нея заработать. Честность всегда вызываетъ довѣріе и къ производителю, и къ продукту его труда, а приобрѣтеніе довѣрія со стороны общества—одно изъ важнѣйшихъ условій въ дѣлѣ промышленныхъ предприятий. Сдѣлайте крестьянина нравственнѣе—и то, что онъ проповѣдуетъ, теперь будетъ идти на удовлетвореніе нуждъ его и его семьи, или же въ запасъ про черный день. Прописываемые теперь рубли будутъ оставаться у него въ карманѣ, а прописываемое теперь время, обращенное на трудъ, будетъ давать извѣстный продуктъ, и, слѣдовательно, увеличивать въ соответствующей пропорціи его матеріальное благосостояніе. „Ищите прежде царствія божія и правды его (т. е. заботьтесь прежде о честной, трудолюбивой жизни), и это все (такъ называемыя внѣшнія блага) приложится вамъ“—это общезвѣстное евангельское выраженіе заключаетъ въ себѣ несравненно болѣе глубокой практически-жизнейской смыслъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

На основаніи всего сказаннаго нами, мы имѣемъ полное право сдѣлать слѣдующій выводъ. Улучшеніе экономическаго быта народа, увеличеніе народнаго благосостоянія, находится въ прямомъ отношеніи къ улучшенію народной нравственности. Средній уровень народнаго богатства всегда и непремѣнно будетъ обуславливаться общимъ уровнемъ развитія нравственныхъ качествъ въ народѣ—его трезвостью, честностью, трудолюбіемъ. И такъ, все-таки тотъ же вопросъ — что нужно, прежде всего, для улучшенія матеріальнаго благосостоянія народа? — Разумѣется образованіе, слѣд., прежде всего — школы, школы, школы. Но, увы! Осуществленіе этой завѣтной, дорогой для каждого интеллигентнаго русскаго человѣка мечты, судя по всему, еще очень, очень далеко. Можетъ быть, пройдетъ еще столѣтіе, а пожалуй и больше, прежде чѣмъ теперешнія любимѣйшія, популярнѣйшія надписи нашихъ русскихъ селъ и деревень: „на выносъ и распивочно“ замѣнятся надписями: „школа для мальчиковъ“, „школа для дѣвочекъ“. Желанная эпоха, повторяемъ, судя по всему, еще очень далека. Но, если у насъ нѣтъ пока того, что въ высшей степени желательно было бы видѣть въ интересахъ нашего народа, — нѣтъ школь, то тѣмъ болѣе нужно хранить, развивать и совершенствовать то, что у насъ есть хорошаго и что, также правильно и разумно направляемое, можетъ давать наилучшіе результаты. Совершенствованіе религиозныхъ понятій нашего народа, очищеніе ихъ отъ разнаго рода дополненій къ догматамъ, болѣею частью его собственнаго изобрѣтенія, очищеніе ихъ отъ крайней приверженности къ буквѣ и формѣ, наконецъ возможно большее проведеніе въ жизнь массъ, въ жизнь русскаго крестьянина нравственныхъ предписаній религіи, — вотъ въ чемъ заключается пока наша задача по отношенію къ воспитанію народа, вотъ что намъ пока нужно. Но для этого, въ свою очередь, нужно, чтобы духовенство, какъ ближайшій руководитель народа, поставлено было въ хорошія условія.

Всѣмъ, любящимъ русскій народъ, интересно и любопытно познакомиться ближе съ тѣмъ, какъ поставлено у насъ духовное образование, удовлетворяетъ ли принятая въ этомъ случаѣ система тому, чтобы умственное и нравственное приготовление будущихъ воспитателей народа—священниковъ—было цѣлесообразно. Говорятъ, что нынѣшнее состояніе нашихъ духовно-учебныхъ заведеній несравненно выше, чѣмъ это было до послѣдняго ихъ преобразованія. Мы охотно этому вѣримъ, хотя должны откровенно сознаться въ маломъ знакомствѣ нашемъ съ предметомъ именно съ этой стороны, для произнесенія самостоятельнаго сужденія. Что же касается до характера, съ какимъ являются наши духовныя училища въ прошлое время, то, не говоря уже о многомъ другомъ, я бы отмѣтилъ въ нихъ прежде всего одну черту, до того рѣзко бросающуюся въ глаза, что не замѣтить ея было невозможно. Это—господство полнаго, абсолютнаго, безграничнаго произвола въ веденіи дѣла какъ воспитательнаго, такъ и чисто учебнаго. Произволъ былъ во многихъ случаяхъ такъ великъ, что уставъ какъ будто бы вовсе не существовалъ. Подъ влияніемъ такого принципа, въ духовныхъ училищахъ прошлаго времени происходили иногда явленія, положительно немыслимыя, непредставляемыя, ни при какихъ условіяхъ невозможныя въ нашихъ гражданскихъ заведеніяхъ. Приведу нѣкоторыя, извѣстныя мнѣ изъ весьма достовѣрныхъ источниковъ, случаи, показывающіе, какъ иногда внушалась семинаристамъ релігіозное чувство, преподавалась наука, наконецъ, производился выборъ преподавателей для того или другого предмета. Въ сороковыхъ годахъ, въ *** семинаріи инспекторомъ былъ одинъ іеромонахъ. Лично его, конечно, никто не будетъ винить за то, что онъ насквозь былъ проникнутъ самымъ своеобразнымъ,—аскетическимъ взглядомъ на вещи; но дѣло въ томъ, что этотъ свой исключительный взглядъ, выражавшійся притомъ иногда на практикѣ уму непостижимыми странностями, онъ всячески старался проводить въ школу, прививая его къ семинаристамъ. Въ четвергъ страстной недѣли великаго поста онъ устраивалъ обыкновенно, частнымъ образомъ, умовеніе ногъ. Но, зная напередъ, что это нѣсколько показалось бы страннымъ со стороны, онъ придавалъ этому характеръ отчасти келейный, и потому являлся къ назначеннымъ имъ напередъ юношамъ ночью, въ дортуаръ, когда тѣ уже спали. Инспекторъ будилъ и начиналъ поливать ноги проснувшихся въ испугѣ учениковъ только что принесенною изъ холоднаго коридора, слѣдовательно очень холодною, водою. Можно легко себѣ представить, что должны были испытывать бѣдныя жертвы умовенія. Стоны, вопли, крикъ, визгъ, мольбы о пощадѣ!.. Это—по части практическаго развитія релігіознаго чувства. А вотъ—слышанный мною изъ самаго достовѣрнаго источника—разсказъ о томъ, какъ иногда преподавалась въ нашихъ семинаріяхъ наука. Учитель или, какъ называютъ въ семинаріяхъ семинарскихъ преподавателей, профессоръ (право, не помню чего) вздумалъ превратить свою науку въ практическое упражненіе юношей въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Выходя изъ положенія, что молчаніе есть добродѣтель (въ монашескомъ смыслѣ, конечно), что, по извѣстному выраженію, „хорошая рѣчь серебро, а молчаніе—золото“, онъ вздумалъ періодически превращать свой классъ въ училище молчанія. Придетъ, усядется на кафедрѣ и обращается къ ученикамъ съ такою рѣчью: „А что, не хотите ли сегодня поупражняться въ молчаніи?—Хорошо.—Ну, и хорошо“. Начиналось молчаніе. Учитель молчитъ и ученики молчатъ. Проходитъ полчаса—гробовая тишина; слышно, какъ въ классѣ муха пролетитъ. Еще проходитъ полчаса—классъ по прежнему дремлетъ съ открытыми

глазами, точно въ заколдованномъ снѣ. Никто не шелохнется, никто не повернетъ въ сторону головы. Уже и полтора часа прошло, а классъ по прежнему безъ признаковъ жизни! Но, вотъ загремѣлъ звонокъ—ура! Крикъ, шумъ, гамъ, восторгамъ нѣтъ конца! Профессоръ молчанія выходитъ, наконецъ, изъ класса посреди бушующей, на всѣ возможные лады и тоны кричащей и хочущей толпы. Это—преподаваніе науки! А вотъ какъ иногда выбирались наставники на извѣстный предметъ. Одно высокопоставленное лицо, имѣвшее притомъ близкое отношеніе къ духовнымъ училищамъ, посѣтило однажды семинарію. Запедши на лекцію математики, ревизоръ замѣтилъ, что учитель знакомъ съ предметомъ или столько же, сколько его ученики, или нѣсколько меньше. Между тѣмъ, этого самаго преподавателя ревизоръ зналъ какъ превосходнаго знатока латинскаго языка, который онъ прежде и читалъ въ семинаріи. Ревизоръ обратилъ на это обстоятельство вниманіе высшаго начальника семинаріи, объявивъ ему прямо, что учитель ровно ничего не знаетъ самъ, и что напрасно у него взяли латинскій языкъ, который онъ знаетъ хорошо.

— Ваше сіятельство, сказалъ начальникъ, довольнымъ тономъ и улыбаясь,—это-то и хорошо, что онъ ничего не знаетъ; я именно по тому и перемѣстилъ его съ латинской каеэдры; я сдѣлалъ это съ весьма разумною цѣлью.

— Въ такомъ случаѣ, извините—я рѣшительно не понимаю, что можетъ быть хорошаго въ томъ, что человѣкъ, который учитъ другихъ, самъ ничего не знаетъ, и какая можетъ быть разумная цѣль въ томъ, чтобы отнять у человѣка предметъ, который онъ знаетъ, и дать ему другой, котораго онъ совсѣмъ не знаетъ?

— А вотъ видите ли, графъ, профессоръ, о которомъ вы со мной заговорили, точно—хорошо знаетъ латинскій языкъ. Но онъ такъ возмечталъ о себѣ черезъ это знаніе, что ни на что не похоже. Гордыня обуяла его до того, что онъ даже начальства знать не хотѣлъ. Такъ вотъ, я и далъ ему читать математику въ послушаніе¹⁾. Вотъ какъ онъ покажетъ свое невѣжество раздругой въ классъ, да увидитъ, что ничего не знаетъ, такъ и научится смиренію.

Не знаемъ, научился ли этимъ путемъ смиренію наставникъ, но что ученики его должны были отличатся безпредѣльнымъ смиреніемъ—въ математикѣ, это, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію.

Разсказанные мною случаи, конечно, слишкомъ исключительны; можетъ быть, соотвѣствующихъ имъ другихъ нельзя и указать; но что духовныя училища наши прошлаго времени, то есть, до послѣдняго преобразованія ихъ, представляли немало курьезныхъ аномалій въ дѣлѣ какъ умственнаго, такъ и нравственнаго развитія кандидатовъ на духовныя должности—это неоспоримо.

Вышедшее въ нынѣшнемъ году въ Казани сочиненіе г. Знаменскаго знакомитъ насъ именно съ тѣмъ вопросомъ, правильное разрѣшеніе котораго такъ существенно важно для нашего сельскаго населенія. Я разумію образованіе духовенства. Книга, о которой идетъ рѣчь, не касается, впрочемъ, не только послѣдней реформы духовныхъ училищъ, но даже эпохи, предшествовавшей ей. Интересъ ея, слѣдовательно, не практическій, а чисто научный,

¹⁾ Послушаніемъ въ монастыряхъ называлась исправленіе самыхъ низшихъ работъ—рубить дрова, носить воду, стряпать, etc.

историческій. Авторъ довелъ свою исторію духовныхъ школъ до 1808 года. Остановимся же, въ виду интереса самаго предмета, на его сочиненіи, и познакомимся ближе съ его содержаніемъ.

Авторъ раздѣлилъ свой трудъ на три отдѣла. Послѣ коротенькаго вступленія, въ которомъ онъ излагаетъ исторію нашихъ духовныхъ школъ до Петра Великаго (которыя, впрочемъ, не имѣли исключительно цѣлью образованіе только одного духовенства), онъ посвящаетъ весь первый отдѣлъ—исторію духовнаго образованія въ Россіи при Петрѣ, до учрежденія и послѣ учрежденія св. синода. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ состояніе духовныхъ школъ при преемникахъ Петра; третій—состояніе духовныхъ школъ въ царствованіе Екатерины Великой. „Первоначальное открытіе духовныхъ школъ“, говоритъ авторъ, „относится ко времени реформы Петра Великаго и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ ея услугъ для православной русской церкви, дотолѣ крайне нуждавшейся въ образованныхъ кандидатахъ на церковныя должности“. Приходскія школы, существовавшіе до Петра Великаго, имѣли исключительно элементарный характеръ. Сверхъ того, онѣ не имѣли спеціальнымъ своимъ назначеніемъ готовить къ духовной профессіи. Самые преподаватели въ нихъ, или такъ называемые „мастера“, были изъ мірянъ. Если эти школы и отличались по преимуществу церковнымъ характеромъ, то это зависѣло отъ преобладанія религіознаго элемента въ тогдашнемъ нашемъ воспитаніи вообще, такъ что духовными училищами въ тѣсномъ смыслѣ онѣ не были. Здѣсь учились мальчики безъ различія сословій. Само собою разумѣется, что для образованія порядочныхъ священниковъ, школы эти были крайне недостаточны, потому что курсъ ихъ, какъ мы сейчасъ сказали, былъ элементарный. Неудовлетворительность этого элементарнаго образованія для духовенства раньше всего была сознаана въ юго-западной Руси, подъ вліяніемъ выпавшей въ то время на долю православія задачи — бороться съ католицизмомъ. За возвышеніе уровня этого начальнаго образованія принялись братства, вступившія сначала въ тѣсную связь съ Греціею и положившія начало преобладанію греческаго элемента въ южно-русскомъ образованіи. Обращеніе къ православной Греціи считалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что главною цѣлью, ради которой старались поднять уровень образованія — была борьба съ латинствомъ, съ католичествомъ. Знаменитый Петръ Могила, не симпатизируя однако этому славяно-еллинскому направленію, принялъ другой путь, обратившись къ іезуитской учености и органу ея—латинскому языку. Онъ преобразовалъ кievскую братскую школу на манеръ іезуитскихъ коллегій; разумѣется, что схоластическій элементъ сдѣлался господствующимъ. Представители юго-западнаго образованія, казаки и кievское посольство возстали противъ реформы, за которой признавали антинаціональный характеръ, но Могила съ твердостью отстоялъ ее, и латинское образованіе сдѣлалось господствующимъ на всемъ юго-западѣ. Но эти вновь возникшія школы, какъ и школы приходскія, не были духовными въ тѣсномъ смыслѣ. Главною цѣлью ихъ, и до и послѣ реформы кievской коллегіи, оставалось образованіе общее: а не приготовленіе молодыхъ людей къ церковнымъ должностямъ.

Въ половинѣ XVII вѣка, потребности въ болѣе широкомъ образованіи пробуждаются и въ Московскомъ государствѣ. Здѣсь явилось два типа учебныхъ—прежняго, братскаго, и послѣ-могилинскаго—схоластическаго направленія. Послѣднее, впрочемъ, и здѣсь было встрѣчено неблагоклонно, главнымъ образомъ московскими начетчиками, какъ нѣкогда въ Кіевѣ. Въ виду этого несочув-

ствія, рѣшено было войти въ ближайшее, непосредственное сношеніе съ Греціею. Въ 1682 году, для предположенной къ открытію московской академіи вызваны были изъ Греціи знаменитые братья Іоанникии и Софроній Лихуды. Латинское направленіе было окончательно заподозрѣно въ неправославіи, и представители его должны были покинуть Москву. Московская академія съ ея лихудовскимъ направленіемъ осталась единственнымъ органомъ солиднаго для того времени образованія. Но подозрительность московскихъ начетчиковъ повредила и здѣсь. Лихуды были заподозрѣны въ неправославіи и заточены въ Ипатьевскій монастырь. Но вотъ, наступаетъ эпоха Петра. Нуждаясь въ образованномъ духовенствѣ, которое могло бы служить посредствующимъ органомъ для проведенія его реформаторскихъ идей въ массы народа, Петръ остановился на мысли создать специально-духовное образованіе. Приверженецъ старины, патриархъ Адрианъ, преслѣдовалъ кіевскія ученія кіевлянъ въ Москвѣ. По смерти его, мѣстоблюститель патриаршаго престола Стефанъ Яворскій получилъ въ свое специальное завѣдываніе московскую академію. Какъ питомецъ академіи кіевской, Стефанъ сталъ вводить въ московской кіевскіе порядки и „латинскія ученія“, на что и выпросилъ у государя даже особый дозволительный указъ. Между Кіевомъ и Москвою установились самыя тѣсныя связи. Борьба прежняго еллинно-славянскаго направленія съ латинскимъ тянулась, впрочемъ, еще долгое время, и при Петрѣ, и даже послѣ него. Энергія духовенства, главнымъ образомъ іерарховъ изъ малоруссовъ, сдѣлала то, что духовное образованіе прочно прицѣпилось на великорусской почвѣ почти въ одно царствованіе Петра. Впрочемъ, общее направленіе школъ при Петрѣ Великомъ было профессиональное. Заботясь о московской академіи, великій „реформаторъ“ желалъ, чтобы ученики происходили изъ нея въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовать, знати строеніе и докторское врачевское искусство“. Собственно говоря, законодательство того времени опредѣляло достоинство образованія соответствіемъ его одной цѣли—годностью его для той или другой профессіи, для того или другого рода службы. Понятія службы и образованія смѣшивались.

Въ полномъ и опредѣленномъ видѣ сословность духовенства, какъ извѣстно, формируется только въ 20-хъ годахъ XVIII-го столѣтія. Но еще съ 1708 г., фактическая наследственность церковнаго служенія начинаетъ переходить въ юридическую, и притомъ такъ, что уже стѣсняетъ наследникамъ выходъ въ другія профессіи. Для полученія той или другой церковной должности, необходимо было окончить курсъ въ греческой или латинской школѣ, которыя, такимъ образомъ, получаютъ профессиональный характеръ. Съ первыхъ годовъ XVIII-го столѣтія, по разнымъ епархіямъ стали возникать школы. Раньше всѣхъ, въ 1700 г., въ Малороссіи возникла черниговская семинарія, устроенная при кафедрѣ черниговскимъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ. Въ Великороссіи раньше другихъ открыта школа при архіерейскомъ домѣ въ Ростовѣ, обязанная своимъ существованіемъ знаменитому іерарху изъ малоруссовъ, св. Димитрію Ростовскому. Преобладающимъ предметомъ въ школѣ былъ латинскій языкъ, усиленное занятіе которымъ не благопріятствовало даже чистотѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Курсъ своей школы лучше всего опредѣляетъ самъ Димитрій, называя ее грамматической. Почти одновременно съ ростовской школой (въ 1703 или 1704 г.), открыта была школа другимъ архіереемъ малоруссомъ, Филоеемъ Лещинскимъ въ Тобольскѣ. Здѣсь латинскій языкъ не преподавался до 1728 года и школа оставалась съ однимъ

славянскимъ курсомъ. Школа эта процвѣтала и при преемникахъ Филоея. Послѣ ростовской и тобольской, третьей великорусской школой при архіерейскомъ домѣ является новгородская, основанная уже іерархомъ великоруссомъ, митрополитомъ Іовомъ, и имѣвшая особенно важное значеніе въ началѣ XVIII-го вѣка. Любовь къ просвѣщенію и образованнымъ людямъ, которою всегда отличался новгородскій святитель, особенно обнаружилась въ томъ, что, когда въ Москвѣ воздвигнуто было гоненіе на малороссійскихъ ученыхъ и они должны были послѣшно выѣзжать изъ Московскаго государства, онъ одинъ не гнушался ими и радушно принималъ у себя въ Новгородѣ, желая употребить ихъ образованіе и таланты на пользу своей епархіи. Начавши, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, подозрительно относиться къ кіевскимъ школамъ, онъ устроилъ школы въ Новгородѣ съ помощію Лихудовъ, на основахъ славяно-еллинскаго образованія. Митрополитъ былъ очень занятъ своими школами и оказывалъ имъ особенное вниманіе. Отношенія его къ Лихудамъ были самымъ дружескія. Понятно, послѣ этого, какъ онъ долженъ былъ огорчиться, когда, на другой же годъ по открытіи новгородскихъ школъ, у него вздумали взять въ Москву для вновь открывавшейся тамъ греческой школы самихъ Лихудовъ. Всѣ просвѣдательные планы его могли бы черезъ это рушиться окончательно; къ счастью, взяли только одного изъ братьевъ, Софронія, а Іоанніиіи оставили въ Новгородѣ. Послѣ смерти митрополита Іова, школы его стали упадать, несмотря на то, что онъ съ клятвой завѣщалъ управителямъ своего дома поддерживать ихъ въ заведенномъ порядкѣ.

Вслѣдъ за новгородскими школами, около 1714—1715 г., митрополитъ Доросей Короткевичъ открылъ школу въ Смоленскѣ. По отчету 1727 г., учениковъ въ смоленской школѣ значилось всего 19, а ученіе ихъ ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и пініемъ.

Кромѣ перечисленныхъ школъ, при архіерейскихъ домахъ еще, кажется, не было открываемо ни одной для образованія духовенства за все время отъ 1700 до 1721 гг. Со времени учрежденія св. синода, распространеніе духовнаго образованія пошло успѣшнѣе. Къ этому времени правительство оправилось отъ тяжелой войны и получило возможность сосредоточеніе заняться дѣлами государства. Наибольше видными дѣятелями, двигавшими вопросъ о духовномъ образованіи, были Стефанъ Яворскій и особенно Феофанъ Прокоповичъ. Послѣдній сдѣлался правою рукою Петра во всѣхъ церковныхъ реформахъ, въ томъ числѣ и въ организаціи духовнаго просвѣщенія. Весьма важнымъ дѣломъ въ этомъ случаѣ было изданіе духовнаго регламента. Для дѣтей духовенства, обязанныхъ къ духовному служенію своихъ отцовъ, духовная школа объявлена регламентомъ обязательною. „Должны всѣ протопопы“, сказано въ регламентѣ, „и богатіи и иные священники дѣтей своихъ присылать въ академію. Мощно то-ежъ указать и градскимъ лучшимъ приказнымъ людямъ“. Сообразно съ новымъ специальнымъ характеромъ духовныхъ школъ, для нихъ организовалось и новое специальное управленіе. Прежнее подчиненіе ихъ свѣтской власти, въ формѣ монастырскаго приказа, оказалось теперь уже неумѣстнымъ, и высшее управленіе ими духовный регламентъ поставилъ въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ новому духовному коллегіуму. Помѣщеніе школъ назначено при архіерейскихъ домахъ, и архіереи призваны къ попеченію о всѣхъ подробностяхъ школьной жизни. Иждержки на школы предположены весьма значительныя. „Дабы не было роптанія отъ родителей ученическихъ“, сказано въ статьѣ объ обязанностяхъ епископскихъ, „за великій оныхъ коштъ на учи-

теля и на покупаніе книгъ, такожде и на цѣпитаніе сыновъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся, подобаетъ, чтобы ученики и кормленье и ученье были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ". Оеофанъ Прокоповичъ опредѣлялъ, между прочимъ, объемъ и составъ духовнаго курса—и въ частности академическаго. Курсъ всего ученія назначенъ былъ въ 8 лѣтъ. Изъ него на богословіе, какъ главную науку въ духовномъ образованіи, отчислено два года. Преподавать богословіе было положено въ послѣдніе годы, чтобы имъ завѣнчать весь курсъ. Изъ остальныхъ гуманитарныхъ наукъ болѣе всего, по году времени, назначено на тѣ, которыя считались наиболѣе свойственными духовному образованію: 1) на логику или діалектику, 2) риторику съ лѣтникомъ, 3) физику съ метафизикой, составлявшую существенную часть тогдашнихъ философскихъ системъ, 4) политику краткую пуффендорфову, наконецъ, 5) на арифметику съ геометрией.

Мы желали бы прослѣдить и дальнѣйшую исторію духовныхъ школъ, открытыхъ при Петрѣ Великомъ послѣ учрежденія св. синода, но объемъ статьи не позволяетъ намъ этого. Тѣмъ не менѣе, однако, читатель имѣетъ возможность познакомиться съ главнѣйшими данными, касающимися исторіи нашихъ духовныхъ школъ и вообще духовнаго образованія въ эпоху Петра Великаго. Изъ этого же коротенькаго очерка, сдѣланнаго нами на основаніи сочиненія г. Знаменскаго, мы надѣемся, читатель получитъ нѣкоторое понятіе и о его книгѣ. Вообще, надобно сказать, что трудъ г. Знаменскаго представляетъ въ высшей степени серьезный, добросовѣстный трудъ. Авторъ цитируетъ множество источниковъ, поддѣрживая каждый скольконибудь значительный фактъ ссылкой или указаніемъ. О полнотѣ, съ какою авторъ разсматриваетъ свой предметъ, можно судить уже по одному объему книги. Не смотря на то, что онъ довелъ исторію духовныхъ училищъ только до 1808 г., книга заключаетъ въ себѣ болѣе 800 страницъ.

Дмитрій Лебедевъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Именные указы императора Павла I.

I.

ГОСПОДИНЪ тайный совѣтникъ и рижскій губернаторъ баронъ Кампенаузенъ. Съ удивленіемъ извѣстился я о встрѣчѣ и другихъ почестяхъ, сдѣланныхъ мѣщанствомъ рижскимъ князю Зубову при проѣздѣ его чрезъ Ригу. Какъ подобные почести никому изъ частныхъ людей не принадлежать, то я и требую отъ васъ отвѣта, для чего вы допустили дѣлать оныя мѣщанство, въ поступкѣ коего видится одна лишь подлость, что вы имъ и объявите“.

26 февраля, 1797 г.

II.

„Господинъ прапорщикъ Краузе. Женившись вы безъ моего позволенія, поступили противу устава, за что и подвергли себя наказанію; но я вамъ то прощаю, а впрочемъ, до брака вашего и до тяжбы по случаю онаго мнѣ дѣлать“.

7 марта, 1797 г.

III.

„Господинъ генералъ-лейтенантъ и московскій военный губернаторъ Архаровъ. Видѣвъ изъ донесенія вашего до какой степени простираются полковницы Паниной и боровской помѣщицы Головиной жестокости къ людямъ своимъ, повелѣваю вамъ имѣть надъ ихъ поступками бдительное наблюденіе и при первомъ случаѣ, что можетъ та или другая изъ нихъ оказать дѣйствіе злости своей, взять ее безъ всякой огласки изъ дому, засадить въ какой либо женскій монастырь и мнѣ о томъ донести. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный“.

Въ городѣ Павловскѣ.

8 марта, 1797 г.

IV.

„Господинъ генералъ-лейтенантъ Апраксинъ. Я считалъ, что время исправило васъ отъ тѣхъ проступковъ, въ кои вы прежде впадали, и что наконецъ сдѣлались благоразумнѣе; но изъ просьбы, которую вы мнѣ подали, имѣю причину заключить противное тому и вижу, что тѣ, кои оуждали во многихъ случаяхъ поведеніе ваше, умѣли справедливо цѣнить оное. Я ожидаю, что вы будете стараться лучше себя впредь вести и въ семъ только упованіи сохраняю къ вамъ мое благоволеніе“.

Въ городѣ Павловскѣ.
9 марта, 1797 г.

V.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и костромской губернаторъ Островскій. Съ неудовольствіемъ извѣстился я чрезъ рапортъ генералъ-лейтенанта графа Декастро-Лаперда, что вы отказали ему квартиры для кордегардіи и карауловъ Старонингермонландскаго мушкетерскаго полка; дѣлая вамъ за сей поступокъ выговоръ, надѣюсь, что вы не доведете себя до такой смѣны, каковая въ Москвѣ съ вами послѣдовала, и чтобъ предупредить подобное событіе, совѣтую вамъ лучше исполнять должность вашу“.

Въ Петровскомъ дворцѣ.
27 марта, 1797 г.

VI.

„Господинъ генералъ-лейтенантъ Нумсень. Рапорты ваши отъ 28 марта не содержатъ ничего инаго, какъ пустые и не дѣльные предложенія о перемѣнѣ непремѣнныхъ квартиръ кавалерійскимъ полкамъ Лифляндской дивизіи, и для того оныя съ наддраніемъ возвращаю, дѣлая вамъ выговоръ за таковыя неосновательныя представленія, и повелѣвая воздержаться впредь отъ подобныхъ, огранича себя исполненіемъ только того, что отъ меня предписано и чему васъ научаеъ уставъ военный. Что касается до гусарскаго Зоричева полка, онъ весьма поступилъ похвально, занявъ квартиры, ему назначенныя, а вы и тутъ находили сумнѣнія, совсѣмъ невѣстныя, чтобъ имѣть лишь предлогъ тяготить меня понапрасну пустословіемъ“.

Въ Москвѣ.
12 апрѣля, 1797 г.

VII.

„Господинъ тайный совѣтникъ и курляндскій губернаторъ Ламздорфъ. Находя пустымъ представленіе ваше отъ 31 марта, я оное съ наддраніемъ вамъ возвращаю и принужденъ вамъ сказать въ послѣднее, что если вы не воздержитесь отъ подобныхъ не дѣльныхъ представленій, то сами причиною будете, лишась мѣста своего“.

Въ Москвѣ.
12 апрѣля, 1797 г.

VIII.

„Господинъ генералъ отъ инфантеріи и смоленскій военный губернаторъ Философовъ. Пріѣхавъ въ Пневу слободу, съ крайнимъ неудовольствіемъ увидѣлъ я тутъ чрезъ всю сію слободу сдѣланный безъ всякой надобности новый мостъ, на которой работъ три недѣли находилсъ какъ здѣшніе, такъ и околныхъ деревень ямщики, упустиа чрезъ то столь удобное время къ хлѣбопаше-

ству; да и покупка дѣсу по скорости заготовленія обошлась имъ слишкомъ въ девять сотъ рублей къ немалому ихъ отягощенію. А какъ всѣ подобныя приготовленія къ моему пріѣзду и всякія по сему случаю съ крестьянъ сборы и наряды строго были запрещены, то и повелѣваю вамъ изыскать виновныхъ, преступившихъ вышеозначенное запрещеніе, и предать ихъ суду, взымая съ ихъ все то, что ямщиками на сдѣланіе въ Пневой слободѣ ненужнаго мосту издержано; во ожиданіи же такового взысканія я приказалъ выдать имъ изъ своей казны двѣ тысячи пятьсотъ рублей; впрочемъ, кто именно заставилъ таковую производить работу, по пріѣздѣ моемъ въ Смоленскъ мнѣ донести“.

Въ Пневой слободѣ.
5 мая, 1797 г.

IX.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генераль-прокуроръ князь Курявинъ. Изъ приложенной при семъ копіи указа моего къ бѣлорусскому губернатору, вы увидите, что за всѣми повелѣніями и запрещеніями моими о нечиненіи никакихъ нарядовъ по случаю путешествія моего, въ Бѣлорусской губерніи выслано было множество людей на дорогу для расчищенія оной. Имѣя справедливую причину къ негодованію на такой поступокъ, я требую чтобы для удовлетворенія обывателей, которые въ таковую ненужную работу употреблены были, у губернатора и вице-губернатора бѣлорусскихъ оставлено было у каждаго за третью жалованье, на счетъ коего выдано тѣмъ обывателямъ изъ собственной моей казны тысячу рублей“.

8 мая, 1797 г.

X.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и минскій губернаторъ Каріевъ. Во время, когда я остановился для ночлега въ деревнѣ Начѣ, жители оной во многомъ числѣ мужскаго и женскаго пола, собравшись скопомъ и заговоромъ, въ противность законовъ, подавали мнѣ въ собственные руки какую-то бумагу. Трехъ человѣкъ изъ сего сборища я велѣлъ взять капитану исправнику подъ караулъ и отослать къ суду; а вамъ предписываю наблюдать, дабы дѣло надъ ними немедленно рѣшено было и виновные, въ страхъ другимъ, на мѣстѣ преступленія наказаны были“.

8 мая, 1797 г.

XI.

„Преосвященный митрополитъ новгородскій и санктпетербургскій Гавріиль. Нашедъ въ нынѣшнее мое путешествіе, что въ нѣкоторыхъ церквахъ, во время причастія, вмѣсто концерта, поютъ стихи, сочиненные по произволению, желаю чтобы отъ синода предписано было всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, дабы никакихъ выдуманыхъ стиховъ въ церковное пѣніе не употребляли, но вмѣсто концерта пѣли бы или приличной псаломъ, или же обыкновенный каноніи“.

Въ Минскѣ.
10 мая, 1797 г.

XII.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и минскій губернаторъ Каріевъ. Въ проѣздѣ нашемъ черезъ Минскую губернію, усмотрѣли мы, что хотя во многихъ селеніяхъ бывшія унитскія церкви превращены въ благочестивыя и къ нимъ опредѣлены священники, но жители въ тѣ церкви ходятъ

и требы священныя получать уклоняются, предъявляя при этомъ, что большая изъ нихъ часть никогда не имѣли добровольнаго желанія оставить унию. А какъ церковь наша православная не иначе въ сообщество свое приемлетъ иновѣрныхъ, какъ по непринужденному каждому изъ нихъ въ совѣсти убѣжденію о святости закона нашего, съ другой же стороны не меньше наблюдать должно, чтобъ страхъ, или какіе либо нечистойныя вымыслы, со стороны духовныхъ и свѣтскихъ иновѣрныхъ не стѣсняли, иначе простолюдиновъ въ обращеніи ихъ добровольномъ ко благочестію, для того въ предупрежденіе всякаго безпорядка признали мы за нужное, чтобъ вы самолично, а гдѣ успѣть не можете, чрезъ исправныхъ и надежныхъ изъ губернскихъ чиновниковъ природныхъ російскихъ объѣхали всѣ тѣ селенія, въ коихъ подобныя настоятъ обстоятельства, и безъ огласки самымъ кроткимъ и ласковымъ образомъ вопрошили обывателей оныхъ, для чего уклоняются они отъ церкви благочестивой, ибо легко быть можетъ, что тутъ, какъ вышесказано, содѣйствуютъ или страхъ притѣсненія, или ухищреніе иновѣрныхъ духовныхъ и помѣщиковъ, и буде между поселянами найдутся такіе, что пожелаютъ добровольно держаться благочестія, о таковыхъ снеситися съ архіепископомъ минскимъ, дабы церкви ихъ снабжены были добрыми священниками, помѣщая тутъ еще и преимущественно бывшихъ унитскихъ поповъ, кои сами вѣру нашу воспріять похотятъ, а которые изъ нихъ, оставшись унитами, лишатся приходовъ своихъ, таковымъ опредѣлять пропитаніе, смотря по тѣмъ приходамъ отъ пятидесяти и до ста рублей на годъ изъ тамошнихъ доходовъ; гдѣ же найдется, что жители добровольно желанія къ присоединенію ихъ къ церкви нашей сами не объявили и всегда желали оставаться въ униі, тамъ имъ ни препятствія, ниже принужденія никакого чинить нигдѣ не дозволять; однимъ словомъ, стараться возстановить спойкойствіе каждого въ его совѣсти и отвратить раздоръ и ссоры. О подробностяхъ исполненія сихъ нашихъ предписаній мы будемъ ожидать отъ васъ увѣдомленія“.

Въ Слонимѣ.
13 мая, 1797 г.

XIII.

„Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генераль-прокуроръ князь Куракинъ. Надворнаго совѣтника и бывшаго моголевскаго верхняго земскаго суда стряпчаго Стахорскаго, который приносилъ намъ жалобу на бѣлорусскаго вице-губернатора, что онъ назначилъ его комисаромъ въ Рогачевскій уѣздъ, и что онъ униженіемъ мѣста огорчается, повелѣваемъ за таковыя притворливыя желанія выключить изъ службы“.

Въ Гроднѣ.
14 мая, 1797 г.

XIV.

„Указъ нашему Сенату.“

„Тайнаго совѣтника графа Чернышева, который, надѣлавъ долговъ, отказывается отъ платежа оныхъ неимѣніемъ денегъ, повелѣваемъ изъ службы нашей исключить, а во взисканіи съ него долговъ поступить по закону“.

11 августа, 1797 г.

XV.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и с.-петербургскій губернаторъ Алексѣевъ. Видя изъ донесенія вашего, что тайный совѣтникъ графъ

Чернышевъ, признавая себя должнымъ иностранцу Гамбихлеру пятьсотъ во-семь червонныхъ, отказался однако жъ отъ платежа оныхъ за немѣнимъ де-негъ, мы не можемъ иначе признать такового поступка, какъ средствомъ противнымъ чести и совѣсти, за что и исключили его изъ службы нашей, а вамъ повелѣваемъ во взысканіи не только вышесказаннаго, но и прочихъ долговъ его, графа Чернышева, употребить законную строгость, поступа съ имѣніемъ его и съ самимъ имъ по точности законовъ“.

Въ Павловскомъ.
11 августа, 1797 г.

XVI.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и новгородскій губернаторъ Митусовъ. Послѣ всего того, что мною сдѣлано для Наума Чеголова, долженъ бы онъ считать себя довольнымъ и остаться спокойнымъ; но онъ безпрестанно меня обременяетъ пустыми и недѣльными просьбами, изъ числа каковыхъ послѣднюю мною отъ него полученную при семъ прилагаю для отдачи ему обратно. Поступки такового роду я не могу иначе признавать, какъ началомъ тѣхъ несправедливостей, за которые онъ лишенъ былъ и вольности; и для того, сказавши ему все сіе моимъ именемъ, подтвердите, чтобъ онъ воздержался отъ всякихъ непристойностей и жилъ бы спокойно тамъ, гдѣ онъ теперь есть; а вы, съ своей съ своей стороны, не оставьте имѣть за поведе-ніемъ его должнаго наблюденія“.

24 сентября, 1797 г.

XVII.

„Господинъ статскій совѣтникъ Поновъ. Изъ письма вашего видѣвши затруднительное состояніе ваше въ разсужденіи пятерыхъ дочерей вашихъ, не имѣющихъ приданаго, я позволяю вамъ, по мѣрѣ какъ женихи къ нимъ станутъ свататься, писать объ нихъ ко мнѣ, и тогда я общаю дѣлать имъ нѣкоторое вспомошествованіе, пребывая впрочемъ вамъ благосклонный“.

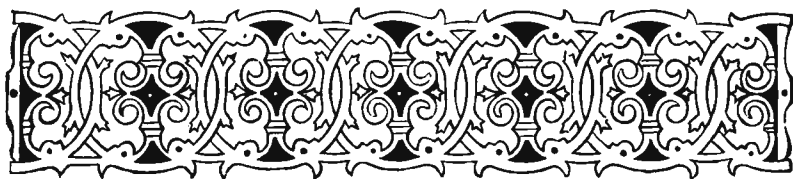
15 декабря, 1797 г.

XVIII.

„Господинъ генералъ отъ кавалеріи Нумсенъ. Съ удивленіемъ получилъ я рапортъ вашъ, видя изъ него, что вы осмѣлились судить неспособности къ службѣ дворянъ, которые по точному моему приказанію опредѣлены въ Стародубовскій кирасирскій полкъ эстандартъ-юнкерами. Если они не умѣютъ грамотѣ, то ваше дѣло ихъ выучить вмѣстѣ съ тѣмъ, что для службы знать имъ нужно“.

22 декабря, 1797 г.

Сообщено В. Г. Есиновымъ.

СМѢСЬ.

ТРЕХСОТЛѢТНІЙ юбилей Сибири. Въ октябрѣ нынѣшняго года предлагается отпраздновать трехсотлѣтній юбилей культурной жизни Сибири. Съ понятіемъ о какомъ бы то ни было юбилеѣ обыкновенно связываютъ представленіе о суммѣ данныхъ за извѣстный періодъ жизни общества, учрежденія, или лица. Какія же данныя представляетъ Сибирь? Три вѣка минуло, какъ тамъ началась русская колонизація, а съ нею занялась заря просвѣщенія туземцевъ. И что же мы видимъ? Сибирь — страна взятки, страна ссылки, хотя и золотое дно пока лишь для всевозможныхъ видовъ „ташкентцевъ“. Прискорбна исторія этой страны, занимающей двѣ трети территоріи Россійской имперіи. Первые искатели земли подъ великую „осудареву“ руку являлись тамъ носителями грабежа и насилій. Водворившійся затѣмъ строй воеводскаго управленія, извѣстный своимъ лихоимствомъ и подъ Москвой, въ коренной Руси, за „Камнемъ“ былъ продолжателемъ хищенія и самоуправства. Эра петербургской бюрократіи подарила Сибири перваго губернатора (князя Матвѣя Гагарина), черезъ нѣсколько лѣтъ повѣшеннаго за должностныя злоупотребленія. Потомъ цѣлый рядъ намѣстниковъ и губернаторовъ ознаменовали свою дѣятельность не только лихоимствомъ, но и жестокостями. Посылаемые изъ Петербурга слѣдователи превосходили ихъ въ томъ и другомъ (напр., Крыловъ), а ничуть не искореняли злоупотребленій. Ихъ не могъ унять даже человекъ, облеченный чрезвычайною властью, притомъ умный и гуманный—Сперанскій. Составленные имъ „Сибирскія учрежденія“, какъ и полный сводъ законовъ имперіи, представляли, разумѣется, великое дѣло, но хищники-исполнители сумѣли обратить законъ въ мертвую букву, и понынѣ продолжается безнаказанное хищничество почти во всѣхъ слояхъ сибирскаго суда и администраціи. По газетнымъ извѣстіямъ, есть слухъ о назначеніи сенаторской ревизіи въ Восточной Сибири, но подобныя ревизіи уже были въ Сибири и по Зауралью (Сперанскій, Клушинъ). Въ результатъ получалось лишь то, что, по отъѣздѣ ревизора, назначай хоть черезъ мѣсяцъ новую ревизію. Нѣтъ сомнѣнія, что плодомъ сенаторскихъ ревизій являются нѣкоторыя преобразования, но для Сибири, послѣ ея трехсотлѣтняго роста (въ смыслѣ русской колонизаціи), необходимы тѣ же реформы, какими пользуется Европейская Россія, даже болѣе, ибо кромѣ „взятки“, у Сибири есть еще ужасная болячка—ссылка, задерживающая и растлѣвающая нравственный ростъ громадной и богатой страны. Ссылка почти два столѣтія бурнымъ, грязнымъ и отвратительнымъ потокомъ наводняетъ этотъ благодатный уголъ нашего государства.

Чего же, однако, ждутъ сибиряки? Отвѣтить не трудно: земства, судебныхъ учреждений, отгѣны безконечной вереницы административныхъ инстанцій, очевидно, теряющихъ смыслъ со введеніемъ судебныхъ уставовъ, облег-

ченія условий колонизаціи вообще,—переселенія въ Сибирь изъ внутреннихъ малоземельныхъ губерній, уничтоженія ссылки, улучшения быта инородцевъ, особенно сѣверныхъ, поставленныхъ въ невѣроятно-дурныя экономическія условия, желѣзной дороги... Словомъ, цѣлой системы коренныхъ преобразованій. На все это сибиряки питаютъ надежды, ожидая отъ юбилея, что послѣ трехъ-вѣкового существованія ихъ, на нихъ перестанутъ смотрѣть, какъ на малыхъ ребятъ, и дадутъ, наконецъ, права взрослому. Исполнятся ли ихъ желанія или нѣтъ—Богъ вѣсть, а пока нельзя не отмѣтить того факта, что день празднованія 300-лѣтняго юбилея Сибири все еще не рѣшенъ и—странное дѣло—нашимъ ученымъ до сихъ поръ невѣдомо, когда бы подобало назначить это празднество. По крайней мѣрѣ, московскіе ученые собиравлись не такъ давно для рѣшенія такого вопроса, по просьбѣ генераль-губернатора Западной Сибири, и не пришли ни къ какому соглашенію. Вотъ отчетъ объ этомъ любопытномъ, и для сибиряковъ, разумѣется, весьма неутѣшительномъ засѣданіи. Собраніе происходило въ архивѣ министерства юстиціи, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова. Кромѣ лицъ, служавшихъ въ архивѣ, въ засѣданіи принимали участіе еще весьма немногіе, а именно: служащій въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ г. Пуцилло, бібліотекари Румянцевскаго музея, гг. Викторовъ и Барсовъ, и доцентъ университета Анучинъ. Прежде всего, былъ предложенъ на обсужденіе вопросъ, къ какому году, мѣсяцу и числу всего естественнѣе приурочить празднованіе юбилея и какому событію придавать рѣшающее значеніе въ исторіи завоеванія Сибири. Если такимъ событіемъ считать побѣду Ермака надъ Кучумомъ при Искерѣ, то юбилей долженъ былъ бы праздноваться 26-го октября нынѣшняго 1881 года, потому что упомянутое сраженіе происходило 26-го октября 1581 года; но вѣрнѣе было бы считать присоединеніе Сибири съ того времени, когда послы Ермака Тимофеева явились въ Москву и близи цѣломъ Ивану Грозному царствомъ Сибирскимъ. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени еще не найдено никакого указанія въ лѣтописяхъ, когда состоялось это принятіе Грознымъ Ивана Кольца и другихъ посланцевъ Ермака. Извѣстно только, что Ермакъ отправилъ своихъ пословъ 22-го декабря 1581 г. и велѣлъ имъ идти обходною дорогою, чтобы не пошатъся въ руки царскихъ служилыхъ людей, которые были посланы для поимки своевольныхъ казаковъ. Съ другой стороны, извѣстно также, что Кольцо могъ прибыть въ Москву не ранѣе конца 1582 года, потому что отъ 16-го ноября того же года была послана Иваномъ Грознымъ опальная грамота Строгоновымъ въ Пермь, съ жалобой на своеволія Ермака съ товарищами, вслѣдствіе коихъ татары, черемисы и другіе инородцы стали учинять нападенія на русскіе предѣлы. Грозный приказывалъ Строгоновымъ воротить Ермака и охранять восточную границу отъ нападеній инородцевъ. Очевидно, слѣдовательно, что 16-го ноября 1582 года Грозный еще не имѣлъ свѣдѣній о завоеваніяхъ Ермака и не принималъ отъ него пословъ. Далѣе, изъ сибирской лѣтописи видно, что послы Ермака возвратились въ Сибирь 1-го марта 1583 года, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, прибыли и московскіе воеводы съ войскомъ. Такимъ образомъ, оказывается, что день принятія въ подданство Сибири въ точности неизвѣстенъ, хотя и можно предполагать, что это произошло вскорѣ послѣ написанія упомянутой грамоты, т. е. въ концѣ ноября или началѣ декабря 1582 года. Впрочемъ, и тутъ является затрудненіе, именно, въ томъ, что послы Ермака вернулись, слѣдовательно, назадъ въ какіе-нибудь два мѣсяца, что при тогдашнихъ средствахъ сообщенія едва ли возможно, тѣмъ болѣе, что въ Москву они шли около года. Засѣданіе, поэтому, пришло къ заключенію, что опредѣлить въ точности день трехсотлѣтняго юбилея Сибири, при настоящихъ свѣдѣніяхъ, затруднительно и что слѣдовало бы предварительно сдѣлать новыя розысканія въ архивахъ, не будетъ ли найдено гдѣ нибудь указанія на день принятія Грознымъ посольства Ермака. вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе выразило мысль, что было бы желательно отпраздновать юбилей въ Сибири, именно въ Томскѣ, какъ центральномъ пунктѣ, гдѣ въ настоящее время воздвигается университетъ и куда могли бы быть приглашены депутаты отъ университетовъ и ученыхъ обществъ Россіи. Если бы эта мысль была принята, то всего удобнѣе было бы праздновать юбилей лѣтомъ и придать этому торжеству не только административный, но и ученый характеръ, устроить засѣданія, выставку мѣстныхъ древностей, этнографическихъ предметовъ,

продуктовъ промышленности и торговли, пригласивъ къ участію на выставѣ всѣхъ интересующихся сибиряковъ.

Когда же нужно праздновать 300-лѣтіе Сибири? Господа ученые отказались рѣшить; сами же сибиряки убѣждены, что юбилею всего приличнѣе состояться 23 или 26-го октября нынѣшняго года. Газета „Сибирь“ стоитъ за второе изъ этихъ чиселъ, какъ за точный день занятія Ермакомъ столицы Сибири—Искера. Но „Сибирская Газета“ считаетъ день рожденія Сибири 23 октября, когда была рѣшена судьба царства Кучума, послѣ сраженія между дружиною Ермака и войскомъ Кучума на урочищѣ „Чувашскій носъ“, недалеко отъ нынѣшняго Тобольска. Мы полагаемъ, что тутъ не трудно примирить разногласіе, изъ-за котораго не подобало бы откладывать юбилей въ ожиданіи, пока господа ученые удосужатся собрать неопровержимыя доказательства въ архивахъ.

Память о Ермакѣ въ Пермскомъ краѣ. По случаю предстоящаго празднованія трехсотлѣтія со времени завоеванія Сибири, г. Калашниковъ сообщилъ намъ нѣсколько не лишенныхъ интереса свѣдѣній о тѣхъ мѣстностяхъ Пермскаго края, гдѣ донинѣ сохранилась память о Ермакѣ.

Ермаково городище на рѣкѣ Сылвѣ, гдѣ Ермакъ съ дружиною своей провелъ зиму 1578—1579 года. Объ урочищѣ съ такимъ названіемъ на Сылвѣ, въ „Сибирской исторіи“ Миллера сказано, что Ермакъ, отправляясь изъ Строгановскихъ вотчинъ въ Сибирь, вверхъ по Чусовой, своротилъ изъ нея, по ошибкѣ, въ Сылву, 26-го сентября 1578 года (по сказанію „Сибирской Лѣтописи“). „Ежели-бы Ермакъ (говоритъ Миллеръ) свое заблужденіе узналъ заблаговременно, то, можетъ быть, онъ назадъ-бы воротился и производилъ-бы надлежащій путь по рѣкѣ Чусовой; а онъ шелъ все вверхъ по рѣкѣ Сылвѣ, пока наступившая зима отъ того не удержала. То мѣсто, гдѣ онъ тогда зимовалъ, называется и понинѣ Ермаково городище“.

На рукописной лѣсной картѣ дачи Суксунскаго и Тисовскаго заводовъ значится на лѣвомъ берегу Сылвы, повыше села Тохтарева, у устья рѣчки Шатлыка, деревенька Хуторы Ермаковы. Происхожденіе этого названія неизвѣстно. Впрочемъ, можетъ быть, есть и еще гдѣ нибудь на Сылвѣ урочище, сохранившее донинѣ названіе Ермакова городища.

Ермаково городище, другое урочище этого имени, въ сѣверовосточной части Кунгурскаго уѣзда, на рѣкѣ Серебрянкѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Кокуя. Тутъ Ермакъ съ казаками своими остановивался на зиму 1579—1580 г., а по наступленіи весны, перешедши черезъ Уралъ и идя далѣе берегомъ рѣки Жаравника, достигъ до рѣки Баранчи, по которой уже плылъ на плоткахъ въ рѣку Тагиль.

Въ екатеринбургскомъ горномъ архивѣ хранится весьма любопытное, по заключающимся въ немъ топографическимъ свѣдѣніямъ, дѣло 1738 года: „Оѣздѣ на Кушвинскій заводъ бергмейстера Клеопина“. Никифоръ Клеопинъ, весьма дѣльный и знающій горный офицеръ, въ дневникѣ пишетъ: „Отмедъ отъ наслѣга (т. е. отъ мѣста ночлега) версты 4, осматривали при устьѣ Кокуя рѣчки, впадающей въ Серебрянку съ лѣвой стороны, мѣсто, по объявленіямъ работниковъ, гдѣ зимовалъ Ермакъ, когда шелъ изъ Камы вверхъ по Чусовой, и изъ нея по Серебрянкѣ, оттуда-жь перешедъ сухимъ путемъ до рѣчки Баранчи, впадающей въ Тагиль, для взятія Сибири. По осмотру видно, что онъ стоялъ въ крѣпкомъ мѣстѣ, между двухъ рѣчекъ въ мысу, и отъ свободной стороны было два рва, кон (и) нынѣ значать, шириною не меньше 3 аршинъ, глубиною 1½ аршинъ. Внутри ихъ и по всему мысу великій ельникъ и березникъ выросъ. Тутъ же копаны бывали ямы, знатно для какихъ кладей“.

Ермаково городище, третье урочище этого имени, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ округѣ Нижне-Тагильскихъ заводовъ, на лѣвомъ берегу рѣки Тагила, въ 16-ти верстахъ отъ Нижне-Тагильска, на возвышенномъ холмѣ, 4-мя верстами ниже впаденія въ Тагиль рѣки Баранчи, при устьѣ рѣчки Медвѣдки.

Тутъ виднѣн ровъ, который тянется параллельно съ рѣкою на 36 аршинъ, а потомъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ и идетъ въ томъ направленіи на 24 аршина. Внутри находится 5 ямъ. По преданію, тутъ было укрѣпленіе, построенное Ермакомъ съ дружиною его послѣ того, какъ онъ, перешедши че-

резь Уралъ, поплылъ на плотахъ по Баранчѣ и достигъ Тагила. Говорятъ, что въ этомъ самомъ мѣстѣ казаки его стронли, для дальнѣйшаго путешествія въ Сибирь, новые большаго размѣра плоты.

Академикъ Палласъ, во время путешествія своего, осматривалъ, въ іюлѣ 1770 года, Ермаково городище, и пишетъ о немъ: „Перешедши гору (т. е. Уралъ) и достигши Тагила, Ермакъ, для препровожденія остальныхъ дней зимы и для сооруженія себѣ новыхъ судовъ, сдѣлалъ яко-бы на томъ мѣстѣ другую крѣпостку и нѣсколько зимовьевъ; но нынѣ на ономъ болѣе ничего не видно, какъ прямоугольный ровъ въ двѣ сажени шириною и нѣсколько аршинъ глубиною; онъ вырытъ на отстоящемъ отъ Тагила сажень на пять мысъ, такимъ образомъ, что 14-ти-саженная фланка къ сѣверу и 10-ти-саженная къ востоку проведена. Внутри рва выкопана четырехугольная двухсаженная яма полтора аршина глубиною, а двѣ, кажется, на подобіе погребовъ или подземныхъ жилищъ, вырыты одна близъ самаго рва, а другая сажень въ 25-ти отъ ручья Медвѣдки и сажень въ 40 отъ Тагила. Послѣднія сажени три шириною и аршина три глубиною, конечно, кладовымъ погребомъ служила, въ коемъ при отъѣздѣ прятали добычу и тяжелые припасы.“

Но слышанное Палласомъ преданіе, будто тутъ Ермакъ провелъ часть зимы, несогласно съ лѣтописными сказаніями, по которымъ онъ зимовалъ на западной сторонѣ Урала, на рѣкѣ Серебрянкѣ, при устьѣ рѣчки Кокуя, а черезъ Уралъ перешелъ уже весною и въ рѣку Тагилъ приплылъ на плотахъ по рѣкѣ Баранчѣ.

Ермаковскій рудникъ въ западной части округа Гороблагодатскихъ заводовъ, въ дачѣ Серебрянскаго завода, по правую сторону рѣки Чусовой, на берегу малаго праваго притока ея Ермаковки. Руда — бурый желѣзнякъ. Рудникъ считается весьма хорошимъ, но не разрабатывается по отдаленности отъ чугуноплавильныхъ заводовъ Гороблагодатскаго округа.

Ермакъ-камень, береговая извѣстняковая скала, на правой сторонѣ рѣки Чусовой, въ 34-хъ верстахъ ниже Кыновскаго завода, при устьѣ рѣчки Ермаковки. Образуетъ вертикальную стѣну около 25-ти сажень высоту и 30-ти сажень длиною. По срединѣ стѣны, обращенной къ рѣкѣ, въ 10-ти сажень отъ поверхности воды, находится входъ въ обширную пещеру, раздѣленную на множество гротовъ. По мѣстному преданію, Ермакъ зимовалъ въ этой пещерѣ во время похода своего въ Сибирь и похоронилъ въ ней сокровища свои. Поэтому гора и пещера носятъ названіе Ермаковыхъ. Церреверъ говоритъ, что Ермакъ-камень тянется вдоль по берегу по крайней мѣрѣ футовъ на 350, что высота его около 200 футовъ, и что въ немъ находится Ермакова пещера, въ которой онъ укрывался нѣкоторое время отъ нападеній вогуловъ. Между тѣмъ, въ „Хозяйственномъ описаніи“ Пермской губернии, Попова, сказано, что Ермакова пещера находится не въ скалѣ, называемой Ермакъ, а въ находящейся нѣсколько западнѣе, въ Пермскомъ уже уѣздѣ, по ту же правую сторону Чусовой, въ 5-ти верстахъ отъ деревни Ермаковки, горѣ, называемой Ермаковскою-же.

Но въ справедливости словъ Попова заставляетъ усумниться слѣдующее мѣсто въ „Сибирской исторіи“ Миллера (стр. 101): „Ежели словесному преданію тамошнихъ жителей вѣрить, то Ермакъ до похода своего въ Сибирь уже такъ богатъ былъ, что онъ за потребное не разсудилъ всѣ свои сокровища съ собою вести, но оныя сохранилъ въ пещерѣ, которая въ камнѣ при рѣкѣ Чусовой около половины вышины его находится, въ томъ намѣреніи, что онъ то возьметъ опять, когда изъ Сибири возвратится. Сей камень и нынѣ, для памяти того дѣла, называется Ермаковъ-камень. Онъ лежитъ по правую сторону, или на сѣверномъ берегу рѣки Чусовой, въ 3-хъ верстахъ отъ устья выдающейся съ той же стороны небольшою рѣчки Сылвицы и въ 7 верстахъ ниже деревни Кошчика, въ которой живутъ строгановскіе крестьяне и вогуличи Верхотурскаго уѣзда. Я спрашивалъ людей, которые въ той пещерѣ были, и получили объ оной слѣдующее извѣстіе: „понеже камень стоитъ утесомъ, а отверстіе пещеры есть отъ рѣчки, то они сверху того камня, до самаго отверстія на веревкахъ спустились, и, вошедши, нашли пещеру весьма пространну, токмо слѣдовъ находившагося тамъ сокровища никакихъ не видали“. Ясно, что Миллеръ говоритъ именно о Ермакъ-каменѣ, а не о другой горѣ, находящейся западнѣе.

Академикъ Георги, посѣтивши въ январѣ 1771 года рогульскія деревушки Бабенки и Копчикъ, ѣхалъ оттуда въ Кусье-Александровскій заводъ мимо скалы (не названной имъ по имени въ путевыхъ запискахъ), въ которой находится Ермакова пещера. Онъ говоритъ: „Ермакова пещера заключается въ отвѣсной скалѣ изъ сѣраго известняка, которая тянется по правому берегу рѣки сажень на 50 и имѣетъ высоты 28 сажень. Почти въ срединѣ — пещера, въ которой Ермакъ скрывался нѣсколько разъ отъ вогуловъ и которая поэтому носить его имя. Она находится въ гладкой стѣнѣ и попасть въ нее можно только по свѣщенной сверху веревкѣ. Да притомъ нужно имѣть ловкость и навыкъ кровельщика, чтобы влѣзть внутрь ея съ веревки, такъ какъ передъ входомъ въ пещеру нѣтъ въ скалѣ никакого уступа. Четыре года тому назадъ, ее посѣтилъ одинъ священникъ, а нынѣ студентъ Лебедевъ (спутникъ Георги). Въ ней ровно нѣтъ ничего примѣчательнаго. Въ ней сводъ, подобный своду пекарной печи, длина ея около 2 сажень“.

Г. Чупинъ съ своей стороны полагаетъ, что временное пребываніе Ермака въ этой пещерѣ есть просто мнѣе. Какая была нужда Ермаку прятаться отъ вогуловъ, не имѣвшихъ „огненного бою“, (т. е. огнестрѣльнаго оружія), когда онъ шелъ съ порядочной и хорошо вооруженной ратью воевать Сибирское царство?

Нѣсколько пониже Ермака-камня, на Чусовой, находится мель, называемая Ермаковымъ переборомъ.

Столѣтіе Пермской губерніи ¹⁾. 18-го октября текущаго года, исполнится столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовало торжественное открытіе Перми и Пермскаго намѣстничества и раздѣленіе его на двѣ провинціи и на 15 уѣздовъ. Считаемо не лишнимъ привести по этому поводу краткія историческія свѣдѣнія объ этой губерніи.

Впервые имя „Пермь“ упоминается въ лѣтописяхъ Нестора, при перечисленіи финскихъ племенъ, населявшихъ сѣверъ и востокъ Россіи. Но подробныхъ свѣдѣній объ этомъ не существуетъ; извѣстно только, что Пермская губернія издревле была населена племенами финскими, къ которымъ въ послѣдствіи, съ юго-восточной части пермскаго края, присоединились племена турецко-татарскаго происхожденія. Элементы нынѣшняго населенія губерніи состоятъ изъ 3-хъ племенъ: 1) финскаго, которое исторія застала обладателемъ большей части края, 2) русскаго (колонисты) и 3) пришельцевъ-татаръ. Древнѣйшее финское племя называлось чудь или чудаки, которые, по преданію, вели грубую жизнь въ лѣсахъ, были богаты, сильны физически и истребили сами себя съ поселеніемъ русскихъ. Богатство края привлекло сюда новгородцевъ, которые и овладѣли имъ; но Иоаннъ III послалъ въ 1443 г. воеводу Нелидова въ Пермь, который и отнялъ этотъ край у новгородцевъ.

Утвердителемъ христіанства въ краѣ и насадителемъ православной вѣры и нравственности былъ св. Стефанъ съ своими учениками, жившій во второй половинѣ XIV столѣтія. Много употребилъ онъ усилій противъ чародѣйства и вражды язычниковъ-чермяковъ; спустя столѣтіе послѣ проповѣди Стефана, язычество еще не переставало существовать: поклоненіе кумирамъ, незаконныя браки между близкими родственниками и т. п. нарушенія законныхъ постановленій были обыкновенными явленіями, и лишь съ покореніемъ края Иоанномъ III, успѣхи христіанства стали значительнѣе.

Важнѣйшимъ событіемъ, имѣвшимъ огромное вліяніе на заселеніе и распространеніе гражданственности въ краѣ, было поселеніе Строгановыхъ, которыми Иоаннъ Грозный воспользовался какъ орудіемъ прочнаго господства русскихъ въ отдаленномъ и малонаселенномъ, но богатомъ Пермскомъ краѣ. Нѣкто Аника Строгановъ, житель сольвычегодскій, торговалъ съ зауральскими народами; онъ обогатился этой торговлей и первый обратилъ вниманіе на важность солянаго богатства въ краѣ (до него солевареніе находилось въ первобытномъ состояніи); сынъ его Григорій, съ дозволенія Грознаго, началъ заводить поселенія людьми „вольными и неписменными“. Царь подарилъ Строгановымъ землю по обѣ стороны Камы, отъ Лысвы и Пыскора до Чусовой, а затѣмъ и по Чусовой; Строгановы основали на этой землѣ нѣсколько городовъ и остроговъ. Вся почти сѣверо-западная часть края нынѣш-

¹⁾ Замѣтка эта доставлена намъ г. П. Калашниковымъ.

ней Пермской губернии перешла во владѣніе Строгановыхъ и была заселена ихъ стараніями; въ числѣ поселянъ находились нѣмцы, литовцы и татары. Съ этихъ поръ, Строгановы становятся на стражѣ сѣверо-восточной Руси и играютъ самую видную роль въ ея цивилизаціи; защищая страну отъ набѣговъ инородцевъ, они способствуютъ ея заселенію, развитію въ ней торговли и промышленности, утверженію христіанства и, вообще, упроченію гражданственности. Чѣмъ болѣе время приближается къ нашей эпохѣ, тѣмъ важнѣе становятся заслуги Строгановыхъ для Пермскаго края. Въ 1579 году, они пригласили къ себѣ волжскихъ казаковъ—Ермака съ товарищами, производившихъ разбой по Волгѣ, и затѣмъ, снабдивъ ихъ ружьями и припасами, отправили въ 1581 воевать Сибирское царство. Въ 1560 г., Анника Строгановъ основалъ Пыскорскій монастырь и около того же времени Вознесенскій и много приходскихъ церквей. Къ началу XVII вѣка, Пермская область представляла уже страну совершенно русскую, жившую общей народной русской жизнью.

Металлическое богатство края издавна обращало на себя вниманіе правительства, но начало горному дѣлу положено было Петромъ I, который въ 1701 году разослалъ многихъ иностранныхъ рудокоповъ по разнымъ частямъ Россіи. Немаловажную услугу въ разработкѣ горнаго дѣла въ Пермскомъ краѣ оказала фамилія Демидовыхъ. Никита Ангуфьевъ, прозванный по отчеству Демидовымъ, тульскій оружейникъ по ремеслу, былъ посланъ Петромъ I въ Пермскій край, гдѣ и открылъ множество рудниковъ; съ тѣхъ поръ основано было много казенныхъ и частныхъ заводовъ. Сынъ Никиты, Акинфій Никитичъ Демидовъ, основалъ на Уралѣ и Алтаѣ 23 завода. Въ 1798 году въ Пермской губерніи дѣйствовало 8,339 фабрикъ и заводовъ, при 84,448 рабочихъ; производствомъ достигало до 44.159,014 руб. Производительность каждаго рабочаго, слѣдовательно, равнялась 523 руб. Вообще, горное богатство служило однимъ изъ могучихъ двигателей благосостоянія обитателей Пермскаго края. Открытіе заводовъ содѣйствовало заселенію странъ приуральскихъ, утверженію христіанства, развитію промышленной дѣятельности и улучшенію матеріальнаго быта жителей.

Начало народному образованію въ Пермскомъ краѣ было положено церковью въ 1702—11 г. Фамиліи Демидовыхъ и Строгановыхъ принимали дѣятельное участіе въ народномъ образованіи въ краѣ. Въ 1786 году въ Перми было открыто главное народное училище, преобразованное въ 1808 году въ гимназію. Въ 1800 году открыта духовная семинарія. Въ 1859 году, въ Пермской губерніи находилось до 180 учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ, съ 11,000 учащихя. Въ настоящее время число всѣхъ училищъ въ губерніи, за исключеніемъ среднихъ учебныхъ заведеній, 621, съ 39,773 учащимися, на населеніе въ 2.435,379 человекъ. Изъ всего числа училищъ, собственно народныхъ до 560, съ 34,446 учащимися, изъ которыхъ 27,796 мальч. и 7,650 дѣв. Сравнивая количество учащихя въ Пермской губерніи съ другими внутренними губерніями Россіи, оказывается превышеніе въ Пермской, чему, конечно, много способствуютъ заводы, мастерские которыхъ вообще представляютъ изъ себя народъ обтертый, смысленный, переимчивый, готовый сочувствовать всякой реформѣ, всякому улучшенію; за то нравственность заводскаго населенія далеко разнится отъ нравственности простаго, деревенскаго мужика той же губерніи.

Родоначальникомъ гор. Перми слѣдуетъ считать бывшій Ягошихинскій заводъ, основанный въ 1723 году. Мѣстность Ягошихинскаго завода пользовалась недоброю славою: вблизи его ютились коренной притонъ разбойниковъ, шайки которыхъ громили всю провинцію. Разбойничали по камскому и чусовому побережью. Въ 1730 году, воевода гор. Соликамска, отправившійся противъ разбойниковъ, былъ взятъ шайкою въ плѣнъ, жестоко высѣченъ и отпущенъ подъ угрозою смерти, въ случаѣ новыхъ поисковъ. Разбойники грабили и причиняли бѣдствія монастырямъ и заводамъ, а равно и купеческимъ караванамъ, шедшимъ съ товарами по рѣкамъ Чусовой и Камѣ.

Въ іюль 1773 г. былъ на Ягошихѣ академикъ Георгіи и вотъ что пишетъ о ней: „Ягошиха—настоящій горный городокъ. Она расположена на лѣвомъ берегу Камы, по обѣимъ сторонамъ рѣчки Ягошихи и отчасти на берегу Камы и заключаетъ въ себѣ болѣе 400 домовъ, когорые всѣ деревянные; только церковь каменная. На рынкѣ до 100 торговыхъ лавокъ, гдѣ нѣтъ недостатка ни

въ какихъ болѣе требуемыхъ товарахъ. Своей значительностью Ягошиха обязана пермскому горному начальству, находившемуся въ ней до раздачи казенныхъ заводовъ частнымъ лицамъ. Теперь значеніе это поддерживается проходящею черезъ заводъ дорогою изъ Россіи въ Сибирь, проѣзжаемою въ особенности торговыми людьми, которые здѣсь выгружаютъ на Камѣ свои русскіе и макарьевскіе товары и грузятъ сибирскіе. Жители, за исключеніемъ немногихъ заводскихъ людей, суть крестьяне и купцы. Послѣдніе занимаются торговлей и въ довольно отдаленныхъ верхнихъ камскихъ и чусовскихъ заводахъ и селеніяхъ“.

Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что въ числѣ жителей Ягошихинскаго завода были рудопромышленники, имѣвшіе свои собственные мѣдные рудники, руду съ которыхъ поставляли, за уговорную плату, на заводъ. Въ изданномъ въ Перми въ 1801 г. „Историческо-географическомъ описаніи Пермской губерніи“ сказано: „Когда была оставлена дорога въ Сибирь черезъ Соликамскъ и Верхотурье и продолжена черезъ Кунгуръ, то разные товары, слѣдующіе въ оную, привозимы были на судахъ къ Ягошихинскому заводу, откуда сухимъ путемъ везены были и далѣе“.

Слѣдовательно, въ 1770 годахъ селеніе Ягошихинскаго завода было уже важнымъ населеннымъ пунктомъ по своей судовой пристани и по торговлѣ. Но его ожидала еще болѣе блистательная будущность. Предположено было открыть новую губернію, Пермскую, и намѣстничество (генераль-губернаторство) Пермское и Тобольское. Понадобилось мѣсто для главнаго города новой губерніи, который служилъ бы и резиденціей намѣстника. По преданію, еще въ концѣ 1770 годовъ казанскому губернатору князю Мещерскому повраилось мѣстоположеніе Ягошихинскаго завода (западная часть нынѣшней Пермской губерніи принадлежала тогда къ Казанской) и онъ рекомендовалъ его для переименованія въ губернской городъ предполагавшейся губерніи. Изъ официальныхъ документовъ видно только слѣдующее:

Въ 1780 г., 7-го мая, данъ императрицею Екатериною II именной указъ сенату, въ которомъ сказано: „Предполагая въ будущемъ 1781 году устроить Пермское намѣстничество, повелѣваемъ генераль-поручику Евгенію Кашкину, опредѣленному въ должность генераль-губернатора пермскаго, объѣхать мѣста, назначаемыя къ составленію намѣстничества; по данному отъ насъ приимѣнному росписанію, удобность раздѣленія его на двѣ области, Пермскую и Екатеринбургскую, и оныхъ на уѣзды, на мѣстѣ освидѣтельствовать; и какъ о семъ, такъ равно и какіе вновь города, для приписанія къ нимъ уѣздовъ назначить нужно будетъ, намъ самолично представить“. (Полн. собр. зак. № 15,013).

Кашкинъ, также какъ и князь Мещерскій, остановилъ свой выборъ для основанія губернскаго города на Ягошихинскомъ заводѣ.

27-го января 1781 г., послѣдовалъ именной указъ сенату объ учрежденіи Пермскаго намѣстничества и о раздѣленіи его на двѣ провинціи и на 15 уѣздовъ; а 18-го октября того же года происходило торжественное открытіе города Перми и Пермскаго намѣстничества.

Большая и красивая каменная церковь Ягошихинскаго завода названа была пермскимъ Петропавловскимъ соборомъ и въ 1801 и 1802 годахъ украшена, вмѣсто одной, пятью главами и покрыта желѣзомъ. Она существуетъ и въ настоящее время.

Къ 1801 г., по свидѣтельству „Историческо-статистическаго описанія Пермской губерніи“, мѣсто Ягошихинскаго селенія на столько перемѣнилось, что немногіе уже дома оставались отъ стараго строенія, а всѣ вновь выстроенные расположены были по подтвержденному плану. Деревянный заводскій гостинный дворъ еще существовалъ, но былъ уже оставленъ (вѣроятно, за ветхостью). Въ 1802 г. онъ со многими, близкими къ нему, лавками и амбарами весь разломанъ.

Д. И. Планеръ въ 1859 г. писалъ: „въ настоящее время отъ бывшаго Ягошихинскаго завода остались только заводская лабораторія, расположенная за городовымъ магистратомъ, вверхъ по проулку, называемому Чердынскимъ, и плотина, требующая небольшого возобновленія и ожидающая предприимчиваго человѣка, для устройства на ней какого либо механическаго заведенія“.

Въ настоящее время, по случаю прохода сибирской желѣзной дороги, отъ

Ягошихинскаго завода остались только однѣ воспоминанія, въ видѣ нѣсколькихъ деревянныхъ домиковъ.

Нельзя, въ заключеніе, не вспомнить изустнаго преданія про мѣстнаго литератора, учителя гимнази, Феонова, писавшаго, уже очень давно, ѣдкія сатиры на должностныхъ лицъ края. Вотъ отрывки одной изъ такихъ сатиръ, заимствованныя нами изъ „Пермскаго Сборника“, издававшагося въ Перми въ 1859 году:

„О, чудотворецъ нашъ Кирилль!
 Въ Перми ты много натворилъ:
 Отъ Ягошихи и до Слудки построилъ тротуары въ сѣтки,
 Наставилъ бутокъ среди улицъ,
 Ведѣлъ братъ въ часть коровъ и куриць,
 Вкопалъ столбы для фонарей,
 Завелъ пожарныхъ лошадей
 (Возить питомиць на гулянье),
 И подавать ведѣлъ сигналъ,
 Когда пожаръ ужъ пересталъ...
 Воздвигъ ротонды, пирамиды —
 Ну, просто прелесть, что за виды!..
 Неаполь, Греція и Римъ,
 Мы знать васъ больше не хотимъ;
 У насъ своихъ затѣй не мало,
 Какихъ у васъ и не бывало...“

(„Пермскій Сборникъ“, 1859 г., I кн., стр. 1—45).

Рукописное четвероевангеліе XVII вѣка. „Общество любителей древней письменности“ получило недавно въ даръ отъ П. С. Кашменскаго рукописное четвероевангеліе, съ изображеніемъ евангелистовъ. Рукопись эта представляетъ любопытный памятникъ астраханскаго письма и искусства XVII вѣка. Въ послѣсловіи означено: „Начата бысть сіа богодуховенная книга святое евангеліе свѣтомъ Отца свыше и помощію Сына, а совершена послѣшніемъ святаго Духа въ лѣто 7183 (1675 г.) мѣсяца января въ 1-й день, на память иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго, при царѣ, государѣ и великомъ князѣ Алексіе Михайловичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Іоакимѣ, въ пустынѣ на Марахѣ, при строптелѣ іеромонахѣ Игнатіи Карсаковѣ. А совершено сіе святое евангеліе въ лѣто 7186 года, мая въ 4-й день, на память святыя мученицы Целагии, въ царствующемъ градѣ Астрахани, въ обители живоначальныя Троицы, при великомъ архіереи Пароеніи, а при (арх)имандритѣ Силвестрѣ во уединеніи, а писалъ себе ради и душевныя. А труды и тѣчаніе многогрѣшнаго и непотребнаго раба черноризца Петра, а діакона Моровскаго ради пользы“. Сверхъ того, рукопись весьма замѣчательна и своимъ наружнымъ видомъ: имѣя чрезвычайной малый форматъ (in 32°), она переплетена въ парчу; на верхней доскѣ сребропозлащенный окладъ, по угламъ котораго вычеканены символы четырехъ евангелистовъ: человѣкъ, орелъ, левъ и телець. Средникъ заняты рѣзнымъ изъ слоновой кости распятіемъ, которое прикрѣплено къ окладу; за распятіемъ изображеніе города.

Навизскій музей. Въ Тифлисѣ ожидается открытіе кавказскаго музея къ 8 сентября настоящаго года, т. е. ко дню открытія здѣсь 5-го археологическаго съѣзда. Газета „Кавказъ“ высказываетъ надежды, что зтотъ музей займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди музеевъ вообще и представитъ со временемъ прекрасное подспорье для лицъ, интересующихся кавказовѣденіемъ. Одно изъ главныхъ его достоинствъ будетъ заключаться въ томъ, что онъ посвященъ исключительно Кавказу, что коллекціи всѣхъ представителей животнаго, растительнаго и минеральнаго царствъ края будутъ чрезвычайно богаты и разнообразны и что самая внѣшняя отдѣлка комнатъ будетъ вполне соответствовать мѣстному вкусу. Напр., мебель музея обита разнообразными матеріями мѣстнаго производства, ковры—тоже, стѣнная живопись и фрески взяты изъ древней жизни края, карнизы, оконныя украшенія, занавѣси и пр.—все представляетъ собою то или другое мѣстное произведеніе, тотъ или другой типъ мѣстнаго вкуса, создавагося подъ вліяніемъ восточныхъ народовъ и въ послѣднее время все болѣе и болѣе утрачивающаго свой характеръ, вслѣдствіе

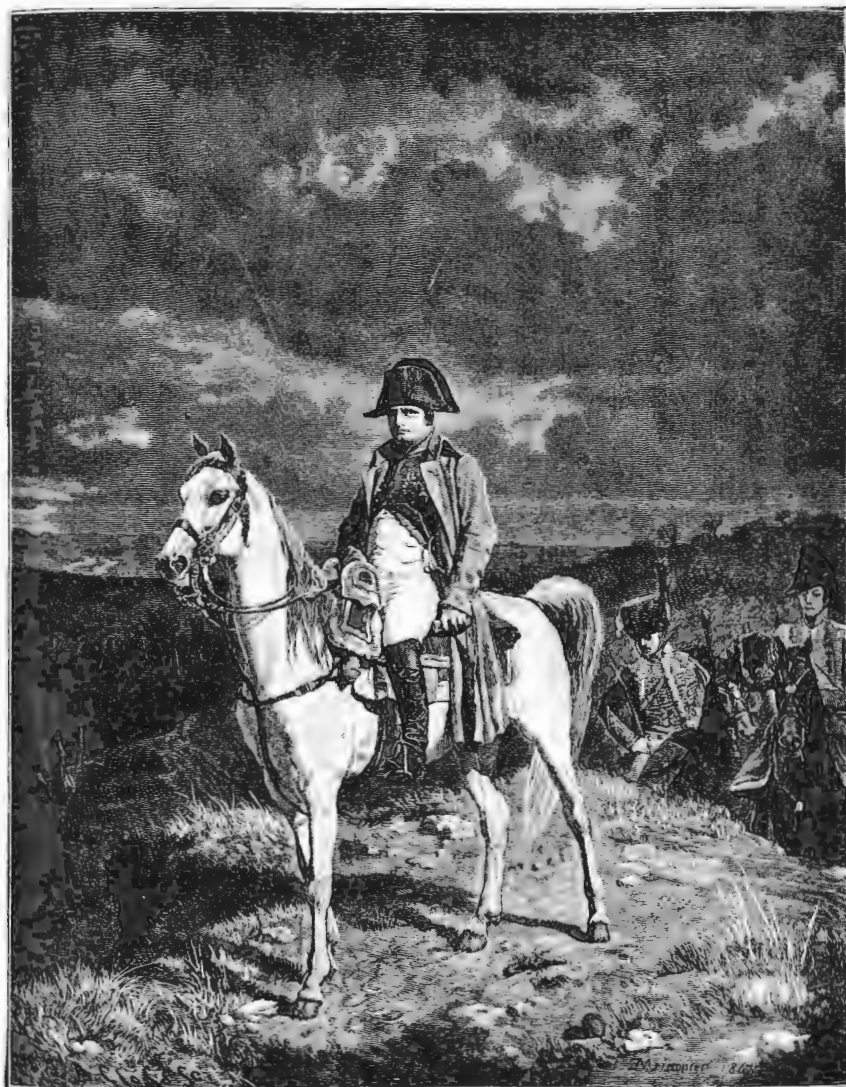
тиготѣнія къ Западу. Независимо роскошно обставленныхъ группъ народностей Кавказа, представителей животнаго царства, массы фотографій и научныхъ коллекцій и рисунковъ, виѣшнее украшеніе музея дополнять нѣсколько превосходныхъ картинъ кавказской жизни и природы.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ Германіи предпринято изданіе обширнаго сочиненія, посвященнаго обзору важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности, въ теченіи послѣдняго столѣтія, подъ заглавіемъ „НАШЪ ВѢКЪ“. Подобнаго изданія, которое давало бы въ связномъ разсказѣ и въ ясной общедоступной формѣ полный обзоръ нашего времени и обнимало бы не только политическую и соціальную исторію, но также поэзію, искусство, важнѣйшія открытія въ области знанія и техники, развитіе журналистики и т. д., не существуетъ ни въ одной европейской литературѣ. Не ограничиваясь текстомъ, составленнымъ извѣстнымъ въ Германіи ученымъ Лейкнеромъ, издатель „НАШЕГО ВѢКА“ придалъ роскошную виѣшность этому изданію, украсивъ его множествомъ превосходно гравированныхъ на деревѣ портретовъ, картинъ, рисунковъ, автографовъ, чертежей и другихъ иллюстрацій. Понятно, что такое изданіе обратило на себя вниманіе за-границей и одновременно переводится на нѣсколько языковъ. Съ текущаго мѣсяца оно будетъ выходить и по-русски, такъ какъ А. С. Суворинъ приобрѣлъ исключительное право на изданіе „НАШЕГО ВѢКА“ въ русскомъ переводѣ.

Мы имѣемъ въ виду помѣстить въ „ИСТОРИЧЕСКОМЪ ВѢСТНИКѢ“ нѣсколько отрывковъ изъ „НАШЕГО ВѢКА“, а къ настоящей книжкѣ прилагаемъ объявленіе о подпискѣ на это сочиненіе и два пробныхъ листа, чтобы читатели могли ознакомиться съ его виѣшностью.

1814

Napoleon

ВВЕДЕНИЕ.

Изображеніе какого бы то ни было историческаго періода времени въ настоящее время должно представлять картину культурнаго развитія. Давно прошло то время, когда войны и мирные договоры, жизнеописанія правителей и полководцевъ, придворныя празднества и интриги составляли исключительное содержаніе исторіи; съ прошлаго столѣтія все больше и больше созрѣваетъ убѣжденіе въ томъ, что дѣйствительная и настоящая исторія человѣчества, такъ же какъ и отдѣльныхъ народовъ, состоитъ главнымъ образомъ въ изображеніи ихъ духовнаго развитія. О вѣчномъ мирѣ могутъ говорить пока только утописты, которые разсматриваютъ человѣческую природу и условія, при которыхъ образуются тѣ или другія формы государственной жизни, сообразно тому идеалу хорошаго, осуществленіе котораго они желали бы видѣть, или же просто подъ вліяніемъ какихъ нибудь сумасбродныхъ теорій, имъ

самимъ неясныхъ. Какъ бури составляютъ физическую необходимость, такъ неизбежны войны, потому что онѣ имѣютъ основаніе въ жизни народовъ, вліяютъ на эту жизнь, и потому будутъ представлять постоянно, или по крайней мѣрѣ долгое еще время, нѣкотораго рода ударъ, разрѣшающій то или другое историческое хитросплетеніе. Но чѣмъ больше возрастаетъ сознаніе достоинства духовныхъ приобрѣтеній, тѣмъ больше будетъ утверждаться возрѣваніе, что благосостояніе всего общества обусловливается возросшею духовною мощью индивидуума, что эта мощь можетъ выказываться разнообразнымъ образомъ въ мирномъ трудѣ. Въ области науки и искусства, въ промышленной дѣятельности, въ учрежденіяхъ, которыхъ требуетъ человѣчество и человѣчность, въ уединенномъ кабинетѣ мыслителя, въ лабораторіи ученаго, изслѣдующаго таинственныя проявленія силъ природы, въ огромныхъ мастерскихъ и на выставкахъ, куда стекаются народы со всѣхъ концовъ міра на мирное состязаніе,—повсюду сказывается въ настоящее время исторія человѣческаго прогресса. Многія открытія нашего столѣтія болѣе измѣнили отношенія народовъ и видъ земнаго шара, чѣмъ это могло бы совершиться съ помощію цѣлой сотни войнъ и конгрессовъ; наконецъ, они создали „духъ времени“, который, не смотря на всѣ свои болѣзненные явленія, тѣмъ не менѣе однако приведетъ человѣчество къ лучшему состоянію. По мѣрѣ того какъ возрастаетъ оцѣнка cadaго духовнаго приобрѣтенія, каждой новой плодотворной идеи, по мѣрѣ того какъ эта оцѣнка получаетъ болѣе и болѣе широкое распространеніе въ массахъ, по преимуществу среди нѣмцевъ *), — стремленіе къ духовнымъ интересамъ увеличивается. Ни одна научная область не можетъ въ настоящее время оградить себя настолько высокими стѣнами, чтобы за ними въ идиллическомъ покоѣ предаваться изслѣдованіямъ и чувствамъ. Публичность приобрѣла значеніе огромной рѣшающей силы, которая отъ cadaго труда требуетъ отчета и съ неутомимою жаждою любознательности допытывается отвѣта на тысячи вопросовъ. Исторія въ смыслѣ „исторіи войнъ“ не удовлетворяетъ уже болѣе даже малообразованныя сословія; даже эти послѣднія стремятся теперь—приобрѣсти болѣе

---

*) Это говорятъ авторь-нѣмецъ, и говорить, пожалуй, не безъ основанія.

Примѣч. перев.

Луиза; королева прусская (изъ 3-го выпуска).

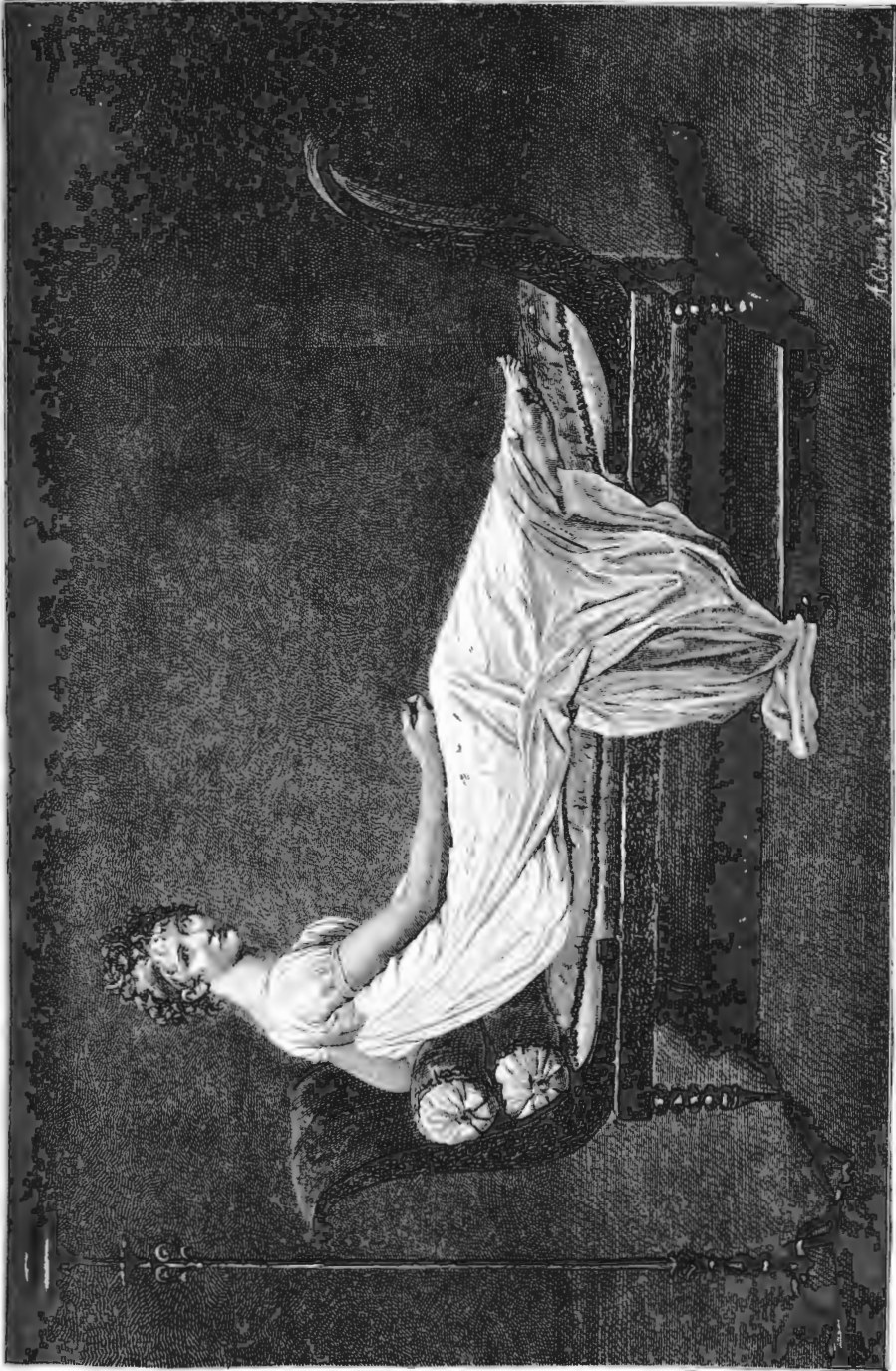
широкій взглядъ на культурную жизнь и внести извѣстный порядокъ въ массу единичныхъ явленій, напирающихъ со всѣхъ сторонъ.

Черта естественная и вполнѣ законная въ такой вѣкъ, который во всѣхъ сферахъ жизни произвелъ такія глубокія перемѣны. Сколько личностей представляетъ намъ одна государственная жизнь съ начала нынѣшняго столѣтія!

Отъ Наполеона I до императора Вильгельма, въ относительно короткій періодъ времени, проходятъ одинъ за другимъ ряды необозримаго множества замѣчательныхъ людей; новыя идеи—истинныя и ложныя—поднимаются на поверхность изъ кипящаго котла революціоннаго періода исторіи, тревожатъ и возмущаютъ, направляютъ и объединяютъ жизнь и стремленія народовъ. Быстро обнаруживающійся повсюду прогрессъ, напряженныя политическія стремленія, неясныя мечты и возобновляемое повременамъ движеніе назадъ—всѣ эти явленія смѣняются одно другимъ и приводятъ къ благодѣтельнымъ перемѣнамъ, такъ же какъ къ безумнымъ дѣйствіямъ. Старыя государственныя формы рушатся для того, чтобы уступить мѣсто новымъ; ополченная идея всемірнаго гражданства исчезаетъ подъ вліяніемъ пробуждающагося національнаго самосознанія, сила котораго, медленно освобождаясь отъ оковъ, большія государства потрясаетъ до глубины, малыя уничтожаетъ, и соединяетъ все тѣснѣе и тѣснѣе одноплеменные народы. Нѣкогда чтимое „царство нѣмецкой націи“, представлявшее въ послѣднее время поблекшій, лишенный силы и значенія образъ прошлаго, распадается; борьба за національное главенство между старой Австріей, на сторонѣ которой въ данномъ случаѣ—авторитетъ преданія, и преслѣдующей тѣ же цѣли Пруссією тянется въ томъ или другомъ видѣ черезъ цѣлыя десятки лѣтъ, разрѣшаясь иногда дипломатическими бумагами, а иногда на поляхъ сраженій *). Дважды сталкиваются Германія и Франція въ кровопролитныхъ битвахъ; на югѣ возникаетъ, — больше благодаря поражению, нежели побѣдамъ — объединенная Италія; Турецкая имперія, — нѣкогда ужасъ всего Запада, — становится привидѣніемъ, страшнымъ только для дѣтей, и вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ раздоровъ и

*) Въ настоящее время эта борьба, какъ извѣстно, уже рѣшенный и поконченный вопросъ.

Примѣч. перев.

Юлія Рекамье (ізъ 5-го выпуска).

войнъ, исхода которыхъ, въ смыслѣ разрѣшенія вопроса, невозможно предвидѣть; короче сказать, куда бы мы ни обратились, всюду намъ представляется нѣчто незаконченное, кружащееся въ видѣ какого то хаоса, масса фактовъ и явленій, внушающихъ опасенія.

Глубокія политическія движенія не могутъ совершаться безъ того, чтобы не возбудить сочувствія въ другихъ сферахъ жизни. Борьба различныхъ воззрѣній среди одного народа, точно такъ же какъ среди многихъ, оказываетъ свое вліяніе на то или другое временное настроеніе умовъ; это послѣднее вліяетъ, въ свою очередь, такъ или иначе на фантазію и мысль современниковъ. Поэзія и образовательныя искусства, религія и философія, даже науки, имѣющія болѣе реальную почву, какъ, напр., исторія и естествознаніе, неминуемо подвергнутся вліянію господствующихъ воззрѣній, и отнесутся къ нимъ дружелюбно, или враждебно. Такъ съ начала нынѣшняго столѣтія образовались глубокія теченія, которыя, подобно романтизму, увлекли въ свою область всѣ культурныя народы и опредѣлили всѣ проявленія творческаго духа, въ какомъ бы то ни было родѣ. Вліяніе одного народа на другой должно увеличиваться, по мѣрѣ того какъ изобрѣтательность человѣческаго духа открываетъ новыя средства облегчать общеніе народовъ и идей и расширять объѣмъ всякаго рода произведеній. Паръ, электричество и пресса наиболѣе содѣйствовали тому, чтобы уничтожить искусственныя племенные грани и привести народы во взаимное общеніе, которое въ настоящее время не можетъ уже больше быть стѣсняемо ничѣмъ. Все это расширяло болѣе и болѣе кругозоръ послѣднихъ поколѣній и создало множество общихъ всѣмъ воззрѣній и интересовъ, которые, несмотря на развивающееся больше и больше національное самосознаніе, сглаживаютъ особенности расъ,—явленіе, которое совершается съ возрастающимъ успѣхомъ въ каждое новое десятилѣтіе. Какъ въ политической жизни, такъ точно въ области искусства и поэзіи, изобиліе произведеній духа человѣческаго поразительно; оно дѣлаетъ все болѣе и болѣе необходимымъ отдѣленіе прочнаго отъ эфемернаго, дѣлаетъ необходимымъ внесеніе порядка въ хаосъ явленій.

Естественныя науки могутъ указать на громадныя результаты; съ самаго начала нашего столѣтія одно богатое стѣдствіями открытіе слѣдуетъ за другимъ; ученые всѣхъ странъ всецѣло отдались научной дѣятельности и работаютъ все глубже и глубже,

имѣя въ виду положить твердыя основы изученію природы на началахъ наблюденія. Усилія практиковъ, стремящихся примѣнить общіе принципы къ нуждамъ и пользамъ жизни, являются только отчасти въ зависимости отъ чисто научныхъ изслѣдованій. И въ самомъ дѣлѣ, колоссальное развитіе техники и приложеніе машинъ, благодаря которымъ десятки тысячъ человѣческихъ рукъ сдѣлались свободны, произвело излишекъ капитала человѣческой силы, который, однакожь, не можетъ долго оставаться безъ обращенія, не сдѣлавшись силою, враждебно существующему общественному порядку.

Въ тѣснѣйшей связи со всѣми великими и мало-примѣтными движеніями находятся многія другія, которыя ускользаютъ отъ взора поверхностнаго наблюдателя, или же обращаютъ на себя вниманіе его только тогда, когда какое нибудь историческое событіе, или стеченіе особеннаго рода обстоятельствъ, выдвигаетъ ихъ на сцену. Движенія подобнаго рода въ настоящемъ столѣтіи совершились въ церкви, такъ же какъ и въ области социальныхъ явленій; стремленія іерархіи снова получить нѣкогда принадлежавшее ей владычество надъ умами, постепенное образованіе четвертаго сословія и многія другія явленія относятся къ этой категоріи. Всѣ подобнаго рода движенія развиваются въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій—невидимыя, или мало примѣчаемыя, какъ противники, или, наоборотъ, какъ порожденія духа времени, имѣющія серьезное значеніе, или же никуда не годныя, какъ созидающія, или разрушающія силы,—развиваются до той минуты, пока не вступятъ, во всеоружіи силы, въ жизнь народовъ, для того, чтобы пробудить друзей и враговъ и вызвать борьбу, которой никто не предвидѣлъ.

Какъ послѣдній результатъ всѣхъ культурныхъ движеній является образованіе опредѣленнаго міросозерцанія, которое въ извѣстный данный періодъ времени удовлетворяетъ большую часть рода человѣческаго, облагораживая и направляя такъ или иначе его духовное и нравственное бытіе и полагая въ основу для всего міра и человѣчества какой нибудь возвышенный принципъ. Наше время доселѣ не выработало себѣ міросозерцанія, которое могло бы удовлетворить всѣ болѣе серьезные и глубокіе умы и которое находилось бы въ согласіи со всѣми несомнѣнными истинами новой науки. Новое міросозерцаніе все еще ищетъ для себя опредѣленной формы; едва-едва выступаютъ замѣтныя очертанія

изъ этого носящагося передъ нашими глазами тумана. Исторически извѣстныя религіозныя вѣрованія всѣхъ родовъ, естественно, должны были развиваться въ опредѣленныхъ формахъ и тѣмъ сильнѣе должны были оказывать вліяніе на умы вѣрующихъ, чѣмъ менѣе уступали прогрессивно развивающимся идеямъ времени. Твердость, кажущаяся законченность всѣхъ этихъ вышнихъ религіоз-

Маіоръ фонъ-Шиль (изъ 3-го выпуска).

ныхъ формъ, кажущаяся неопровержимая достовѣрность, съ какою было выражено въ догматахъ то, что по глубинѣ своей сущности не можетъ быть доказано съ полною очевидностью, которая исключала бы всякое сомнѣніе,—все это взятое вмѣстѣ составляетъ причину продолжительности существованія каждой отдѣльно взятой религіи. Особенно въ тѣ времена, когда человѣческій духъ,

съ его движущей силой—сомнѣніемъ, приобрѣлъ массу познаній, которыя оказываются несогласными съ какимъ нибудь церковнымъ преданіемъ, милліоны людей, слишкомъ слабыхъ для того, чтобы самимъ составить себѣ ясныя убѣжденія въ руководство для своей нравственной жизни, удаляются отъ этой путаницы отовсюду проникающихъ въ жизнь идей въ безопасную гавань историческихъ преданій, которыя разрѣшаютъ неразрѣшенные вопросы съ помощью успокоивающей вѣры. Съ другой стороны, самыя вѣроисповѣданія,

ПІИ VII (изъ 5-го выпуска).

для утвержденія своего владычества надъ умами, стараются о томъ, чтобы изгнать изъ обращенія и опровергнуть каждую мысль, которая угрожаетъ ихъ основному воззрѣнію, причемъ они хватаются иногда за такія средства, которыя должны приобрести имъ враговъ въ ихъ собственномъ лагерѣ, точно такъ же какъ умножить число противниковъ ихъ лагеря. Этимъ путемъ долженъ былъ развиваться въ извѣстной степени грубый матеріализмъ, который принималъ за неоспоримую истину все, что легкомысленные или поверхностные естествоиспытатели выдавали за без-

условно достовѣрное, и на этомъ основаніи требовали отъ большинства, не обладающаго въ подобныхъ случаяхъ самостоятельнымъ сужденіемъ, той же самой „слѣпой вѣры“, которую они такъ осмѣивали въ церковныхъ вѣрованіяхъ; этимъ путемъ должно было образоваться гибельное равнодушіе ко всякаго рода внутренней религіозной жизни,—равнодушіе, которое получило такое широкое развитіе въ человѣческомъ родѣ; этимъ путемъ долженъ былъ, наконецъ, образоваться пессимизмъ, который относится враждебнымъ образомъ къ жизни во всѣхъ ея сферахъ и потребляетъ нѣкоторую часть здоровой народной силы.

Въ глубокой связи съ этою невидимою духовною борьбою находится пренебреженіе идеальныхъ жизненныхъ воззрѣній, склонность къ пріобрѣтенію безъ труда и чувственному наслажденію жизнью,—склонность, которая въ настоящее время является господствующею въ немалой части европейскаго общества, и только въ самое послѣднее время начинаетъ постепенно уступать болѣе серьезному направленію; въ тѣсной связи съ этими духовными проявленіями находится полуобразование, составляющее отличительную черту большинства общества. Духъ человѣческій произвелъ въ теченіи послѣдняго столѣтія слишкомъ много новаго, и народы не были въ состояніи все это воспринять и переработать въ плоть и кровь; тысячи людей должны были довольствоваться опаснымъ полужнаниемъ и дѣлали на основаніи его гибельные выводы, которые полагали потомъ въ основу своей нравственной жизни.

Рядомъ съ материалистическимъ направленіемъ постѣпенно развивалось другое, которое, находясь въ противорѣчій съ ложными воззрѣніями перваго, искало удовлетворенія сверхъестественныхъ стремленій чловѣка—въ суевѣріи. Это—спиритизмъ, развитіе котораго относится именно къ тому самому времени, когда апостолы самаго поверхностнаго материализма торжествовали самые блистательные свои триумфы; суевѣріе, которое съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ пріобрѣтало новыхъ послѣдователей и будетъ пріобрѣтать еще, такъ какъ люди, уклонившись отъ зова науки, отдались разнаго рода мечтаніямъ, вслѣдствіе чего обазываютъ честь и уваженіе тому, что само по себѣ очень сомнительно и неясно.

Каждому, кто хочетъ достигъ пониманія нашего вѣка, необходимо обнять во взаимной связи всѣ наиболѣе замѣчательныя явленія его во всѣхъ сферахъ. Авторъ настоящаго сочиненія задался

трудною задачею—представить всѣ подобнаго рода явленія въ ясномъ и, насколько только это возможно, краткомъ изложеніи. Нѣтъ недостатка въ сочиненіяхъ, имѣющихъ содержаніемъ своимъ этотъ самый предметъ и трактующихъ о немъ съ огромнымъ запасомъ ума и учености, но въ сочиненіяхъ этихъ преобладаетъ научный интересъ. Всѣ эти труды въ своемъ родѣ превосходны, но предполагаютъ уже предварительно въ читателѣ болѣе или менѣе значительную массу свѣдѣній; они слишкомъ обширны для того, чтобы могли получить доступъ въ обширный кругъ общества; они требуютъ постояннаго, часто труднаго занятія *).

Авторъ настоящаго сочиненія имѣлъ въ виду написать книгу, которая обнимала бы важнѣйшіе факты и явленія различныхъ сферъ знанія, представила бы все это въ формѣ, доступной даже для малообразованнаго круга читателей, дала бы ему перечень всего этого и руководящую нить, которая могла бы вести его въ лабиринтъ явленій. Въ сочиненіи не опущено ничего, что наиболѣе вліяло на развитіе нашего вѣка вообще, но авторъ избѣгалъ слишкомъ большимъ количествомъ матеріала утомлять и затруднять читателя. Къ изображенію политическихъ отношеній, въ разные періоды времени, будутъ присоединяться въ особыхъ отдѣлахъ измѣненія и успѣхи въ области литературъ, образовательныхъ искусствъ, наукъ, изобрѣтеній, открытій, прессы, всемірной торговли и т. д.

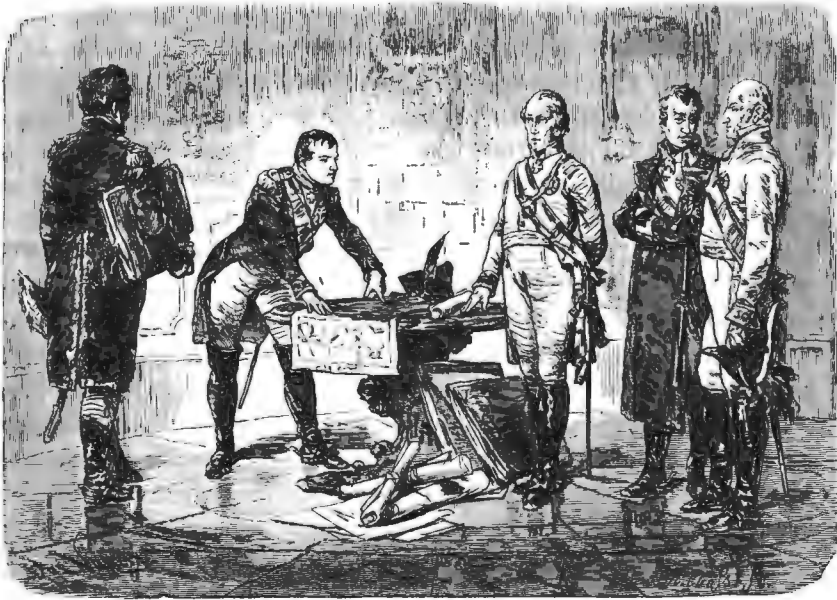
Какъ въ деревѣ мы видимъ стволъ, вѣтви, листья и цвѣты, но не видимъ корня, такъ точно бываетъ и въ эпохахъ исторіи. Числа, которыми мы обозначаемъ столѣтія, представляютъ только чисто внѣшнее раздѣленіе времени, вызываемое необходимостью, но они не отдѣляютъ дѣйствительнымъ образомъ одинъ періодъ времени отъ другого. То же самое нужно сказать и о настоящемъ столѣтіи: корни его утверждаются прочнымъ и несомнѣннымъ образомъ въ предъидущемъ, которое произвело такое сильное и богатое послѣдствіями возбужденіе во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Періодъ времени 1800—1880 гг. не можетъ быть понятенъ, если не уяснить себѣ значенія предшествующей эпохи. Полное пониманіе нашего, современнаго намъ, настоящаго возможно только при условіи пониманія ближайшаго къ нему прошедшаго, потому

---

*) Не надо забывать, что это говорить нѣмецъ. Русская литература не имѣетъ подобнаго рода сочиненій. Примѣч. перев.

что не только начало нашего столѣтїя, но очень многія мысли настоящаго имѣютъ корень въ томъ полномъ возбужденнаго движенія періодѣ, который обнимаетъ время между Сѣверо-американскою войною за освобожденіе и концомъ Французской революціи. Такимъ образомъ, для насъ было дѣломъ безусловной необходимости изобразить политическія и умственныя движенія той эпохи. Мы можемъ ограничиться всего нѣсколькими словами относительно исходной точки, принятой авторомъ. Онъ старается не приставать ни къ одной партіи (*strebt nach Parteilosigkeit*), насколько это ми-

Наполеонъ и императоръ Францъ въ Пресбургѣ (изъ 2-го выпуска).

рится съ его собственными убѣжденіями, и стоитъ на почвѣ свободы, доколѣ она не переходитъ въ необузданность и не удаляется отъ законовъ разума.

Наше время запечатлѣно характеромъ, который во многихъ отношеніяхъ представляетъ нѣчто прямо враждебное всему идеальному. Болѣе серьезные умы различныхъ націй задались задачею—вооружиться противъ него для того, чтобы спасти идеалы человечества отъ напора новѣйшаго варварства. Германія также приняла

участіе въ этой благородной борьбѣ, которую продолжаютъ и донынѣ наиболѣе замѣчательные умы. Располагая небольшимъ запасомъ знаній и при небольшихъ силахъ, авторъ „Нашего Вѣка“ тѣмъ не менѣе считаетъ себя обязаннымъ сражаться съ подобнымъ врагомъ, — съ духомъ безсодержательнаго матеріализма, который рѣшительно не имѣетъ должнаго уваженія ко всѣмъ вообще художественнымъ, какъ и нравственнымъ идеаламъ, который въ послѣднихъ своихъ результатахъ долженъ привести къ яростной борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, и достояніе человѣчества, добытое исторіей,

Наполеонъ въ Москвѣ (изъ 3-го выпуска).

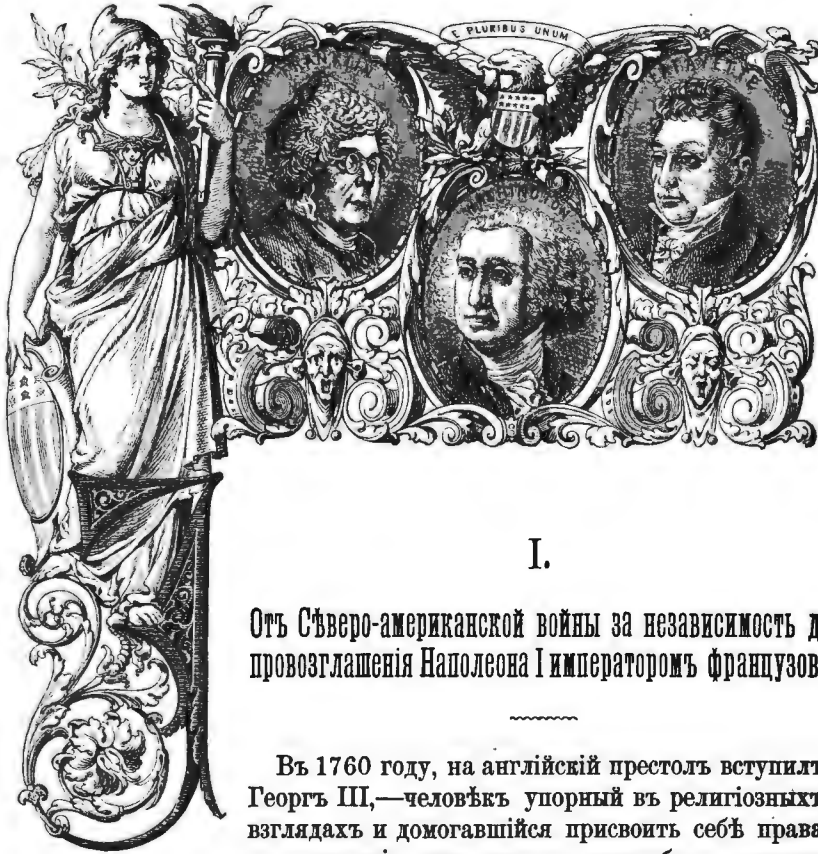
похоронить подъ пустынными развалинами. Точно также должно вести борьбу противъ того несчастнаго пессимизма, который, точно ракъ, глубоко вѣлся въ образованные круги общества и уже совершенно овладѣлъ одною частью молодежи. Поколѣніе, которое сомнѣвается въ самомъ себѣ, такъ же какъ въ цѣломъ мірѣ, должно совершенно потерять живую силу дѣятельности, непоколебимое чувство долга, способность съ радостію приносить жертвы, и жалкимъ образомъ пасть, когда неумолимый духъ исторіи возложить на его плечи трудныя задачи. Вслѣдствіе этого, всегда и во

всѣхъ случаевъ необходимо вести борьбу съ этимъ пессимистическимъ духомъ времени, который, точно такъ же какъ и духъ матеріализма, сдѣлался болѣзнью вѣка и который тѣмъ опаснѣе, что эгоизмъ отдѣльныхъ личностей, такъ же какъ и партій, во всѣхъ сферахъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Не только каждый отдѣльно взятый человѣкъ, но и цѣлыя народы могутъ достигать величія только тогда, когда они стараются подавить въ себѣ эгоизмъ, подавить равнодушіе къ идеаламъ духовной и нравственной жизни и съ неослабѣвающей энергіей посвящать себя задачамъ своего времени. Исторію часто называютъ предсказательницей, но, къ сожалѣнію, она слишкомъ часто является Кассандрой, зова которой не хотять слушать; обязанность культурныхъ народовъ настоящаго времени состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствительно научиться чему нибудь изъ прошедшаго, чтобы достичь умѣнья распознавать безуміе и гибельныя стороны такого умственнаго движенія, которое въ настоящее время разрушаетъ спокойствіе государствъ, чтобы, въ противоположность этому, вызвать изъ состоянія дремоты всѣ благородныя и возвышенныя мысли человѣчества протекшихъ вѣковъ и осуществить ихъ въ дѣлахъ, за которыя когда нибудь ихъ поблагодарятъ самыя отдаленныя потомки.

I.

Отъ Сѣверо-американской войны за независимость до провозглашенія Наполеона I императоромъ французамъ.

Въ 1760 году, на англійскій престолъ вступилъ Георгъ III,—человѣкъ упорный въ религиозныхъ взглядахъ и домогавшійся присвоить себѣ права самодержавія, что меньше всего было согласно съ преданіями англійской исторіи. Въ царствованіе его обнаружилось сильное демократическое движеніе, которое нашло поддержку не только въ большинствѣ народа, но и въ общемъ духѣ времени. Довольно незначительный самъ по себѣ случай сдѣлался причиною событій первостепенной важности. Еще весною 1764 г. парламентъ и министерство Гренвиля сдѣлали постановленіе—измѣнить положеніе сѣверо-американскихъ колоній относительно метрополи. Торговля и промышленность подвергались разнаго рода стѣсненіямъ; многіе привозимые изъ-за границы товары были оплачиваемы пошлиною, высокой размѣръ которой вредилъ нѣкоторымъ отраслямъ торговли, начинавшимъ процвѣтать. Въ слѣдующемъ году была установлена новая штемпельная пошлина, которая подала поводъ къ серьезнымъ усложненіямъ. Представители главнѣйшихъ штатовъ союза, собравшись на конгрессъ, высказались энергически противъ новой мѣры

и твердо рѣшили оказать ей сопротивление. Новое министерство, съ маркизомъ Рокингемомъ во главѣ, ввело въ свою министерскую программу отмену новой пошлины, чтобы успокоить колоніи, и въ этихъ видахъ избрало посредникомъ Вениамина Франклина, который, въ качествѣ депутата Пенсильваніи, находился въ это время въ Лондонѣ. Франклинъ, сынъ бѣднаго мыловара, родившійся 17-го января 1706 года въ Бостонѣ, пользовался большимъ вліяніемъ въ колоніяхъ. Его практическій взглядъ на вещи, равно какъ и его знакомство съ сѣверо-американской жизнью дѣлали его въ глазахъ маркиза человекомъ, наиболѣе способнымъ возстановить миръ. Въ одномъ изъ засѣданій парламента Франклинъ представилъ взаимныя отношенія метрополи и колоній и этимъ склонилъ правительство къ отменѣ пошлины. Но такой образъ дѣйствій министерства и парламента очень мало соответствовалъ видамъ короля и придворной партіи. Рокингемъ долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ; образовалось новое, болѣе стоворчивое министерство, въ которомъ вмѣстѣ съ Питтомъ Старшимъ, получившимъ теперь титулъ графа Чатама, засѣдали уклончивые царедворцы и котораго главою сдѣлался герцогъ Графтонъ. Но это министерство встрѣтило сильную оппозицію какъ въ новой сессіи парламента, такъ и въ народѣ, особенно по выходѣ въ отставку Чатама. Среди разгара этого движенія, въ лондонской газетѣ „Public advertiser“ появились статьи, съ именемъ „Юніуса“, изъ которыхъ первая была напечатана 21-го января 1769 г., а послѣдняя—около трехъ лѣтъ спустя. Съ возрастающей смѣлостью и остроуміемъ, представлявшимъ всевозможныя ступени и оттѣнки, отъ легкой насмѣшки до язвительнаго сарказма,—полнымъ прелести, бойкости и ясности языкомъ, изображалъ неизвѣстный авторъ событія той эпохи, нападалъ на вліятельныхъ лицъ, не исключая самого короля, и защищалъ права англійской конституціи противъ самовластнаго нарушенія ея правящими сферами, и особенно—неприкосновенность выборнаго начала, свободу прессы и судъ присяжныхъ. Въ этихъ письмахъ,—авторомъ которыхъ, какъ это положительно доказано только въ послѣднее время, былъ сэръ Филиппъ Франсисъ (род. 1740, ум. 1818 г.),—господствовалъ нерѣдко революціонный тонъ; въ нихъ говорилось рѣшительнымъ образомъ о равноправности гражданъ, о правильномъ распредѣленіи налоговъ; все это получило тѣмъ большее значеніе, что идеи автора встрѣтили живой отголосокъ не только въ обществѣ, но, благодаря Чатаму, въ самомъ парламентѣ. Первымъ послѣдствіемъ возникшаго движенія былъ выходъ въ отставку кабинета Графтона; въ концѣ января 1770 года лордъ Нортъ сталъ во главѣ новаго министерства, но разногласіе между свободолобивыми горожанами

(Bürgerthum) и народомъ—съ одной стороны, и королевской и аристократической партіей съ другой не только сохранило свою суровость, но еще больше обострилось. Въ это время вмѣстѣ съ Юніусомъ выступилъ на сцену другой политической писатель Эдмундъ Бурке, родившійся въ 1730 г., съ 1765 г. членъ парламента. Въ 1770 году онъ издалъ сочиненіе, въ которомъ съ крайней рѣзкостью нападалъ на стремленія абсолютизма обратить парламентъ въ учрежденіе, лишенное значенія, и уничтожить конституціонную англійскую свободу.

Равнымъ образомъ и въ колоніяхъ волненіе не прекращалось. Старація Графтона—навязать имъ новый налогъ—не имѣли успѣха; Нортъ возобновилъ попытку. Налагая небольшую пошлину на чай, онъ думалъ, по крайней мѣрѣ, защитить подобнаго рода материнское право Англій относительно ея дочери—Америки. Первое проявленіе народнаго возбужденія было въ Бостонѣ, гдѣ вооруженные граждане сбросили въ море чайный грузъ, находившійся на нѣсколькихъ корабляхъ (18-го декабря 1773 г.). Тогда Англія заперла бостонскую гавань и послала войска, предводитель которыхъ генераль Гедонъ, уполномоченный королемъ и парламентомъ, уничтожилъ демократическую конституцію Массачуссета и распустилъ его законодательное собраніе. Слѣдствіемъ этой мѣры былъ конгрессъ въ Филадельфій, на который почти всѣ колоніи прислали своихъ депутатовъ. На конгрессѣ было рѣшено, что колоніи вправѣ защищаться, что онѣ въ этомъ случаѣ вступаютъ за древнюю англійскую конституцію противъ покушеній на нее короля и, слѣдовательно, могутъ разсчитывать на участіе англійскихъ гражданъ. Отдѣльно изложенная статья трактовала о томъ, что неотъемлемо принадлежитъ человѣку по природѣ; статья была названа „права человѣка“—понятіе до такой степени эластическое и скользкое, что врядъ ли можно найти другое подобное. Еще до окончанія этого конгресса было рѣшено созваніе второго; народъ въ штатѣ Массачуссетъ вооружился; въ февралѣ и апрѣлѣ 1775 года, дошло до столкновенія съ англійскими войсками. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ рѣшенія конгресса, встрѣтившія большое сочувствіе въ Европѣ, были приняты неблагоклонно Георгомъ и министерствомъ. Второй филадельфійскій конгрессъ послалъ новую просьбу королю, но въ то же время выставилъ союзное войско, предводителемъ котораго былъ назначенъ Георгъ Вашингтонъ; вѣрность долгу и сила характера составляли его отличительныя черты. Задача была не легка—вывести въ поле противъ дисциплинированныхъ войскъ массы, которымъ по большей части не доставало военной выправки. Ненависть къ Англій и твердая рѣшимость сѣверо-американцевъ не доставили бы имъ,

впрочемъ, побѣды, несмотря на военныя дарованія ихъ предводителя, если бы самонадѣянность англійскихъ полководцевъ не явилась на этотъ разъ ихъ союзницей. Эта самонадѣянность испытала униженіе уже въ половинѣ іюня 1775 года, при Бункергиллѣ.

Но ни кабинетъ, ни обѣ палаты парламента не хотѣли даже слышать о примиреніи. Это вполнѣ отвѣчало тайнымъ видамъ Франклина, который желалъ придать этой борьбѣ съ Англіей характеръ вынужденной самозащиты. Кромѣ того, онъ имѣлъ въ виду воспользоваться въ благоприятную минуту симпатіями, которыя питали къ дѣлу колоній во Франціи. Высшее французское общество мечтало въ это время о свободѣ и всемірномъ гражданствѣ; настроеніе умовъ очень благоприятствовало американскому дѣлу. Въ маѣ, еще до сраженія при Бункергиллѣ, Франклинъ возвратился домой и настаивалъ на продолженіи борьбы. Весною 1776 года Вашингтонъ принудилъ запершагося въ Бостонѣ генерала Гоуэ къ сдачѣ; въ іюнѣ собрался новый конгрессъ, а 4-го іюля была торжественно провозглашена независимость Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Основаніемъ для этого провозглашенія были положены упомянутыя уже „права человѣка“. „Всѣ люди равны между собою; Творецъ даровалъ имъ безгранично высокія права—право жизни, свободы и стремленія къ счастью. Законно только то правительство, которое охраняетъ эти права, а законное правительство является только вслѣдствіе согласія управляемыхъ. Если правительство не отвѣчаетъ этой цѣли, то народъ имѣетъ право смѣнить его“. Этими положеніями былъ подготовленъ вѣкъ революцій.

Въ сентябрѣ, американское войско потерпѣло сильное пораженіе, но Вашингтонъ, нѣсколькими удачными стычками послѣ перехода черезъ Делаваръ, покрытый пловучимъ льдомъ, придалъ новую бодрость союзникамъ. Между тѣмъ конгрессъ послалъ своего сочлена Франклина въ Парижъ, чтобы онъ употребилъ тамъ всѣ усилія для заключенія союза съ Франціей: Франклинъ былъ всюду принимаемъ съ величайшимъ восторгомъ. Дворянство ухаживало за нимъ; ученые и писатели, вскормленные тѣми идеями, которыя теперь въ Америкѣ были прилагаемы къ дѣлу, смотрѣли на этого умнаго и такъ просто державшаго себя гражданина, какъ на оракула: наивно и беззаботно шутили съ огнемъ революціонныхъ идей. Немногіе были дѣйствительно убѣждены въ глубинѣ души въ истинности этихъ идей; къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ молодой маркизъ Марія Жозефъ де-Лафайетъ (род. въ 1757 г.) Еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ онъ снарядилъ на собственные средства отборный отрядъ вмѣстѣ съ фрегатомъ, на которомъ въ апрѣлѣ пустился въ море и благополучно достигъ

цѣли. Вашингтонъ принялъ его дружески; конгрессъ произвелъ юношу въ генераль-майоры, впрочемъ больше по чувству вѣжливости, нежели по убѣжденію. Осенью 1777 года, война приняла благопріятный для союза оборотъ; англійскій отрядъ вынужденъ былъ сдаться при Саратогѣ (10 окт.). Этотъ счастливый случай рѣшили образъ дѣйствій французскаго министерства, которое 8 февраля 1778 года подписало, наконецъ, два договора съ Франклиномъ, въ силу которыхъ Франція признавала независимость сѣверо-американцевъ и обѣщала имъ дѣятельную помощь для достиженія полной независимости. Спустя двѣ недѣли послѣ заключенія договора, Франклинъ и его спутники были торжественно представлены ко двору. Этотъ моментъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ въ историческомъ смыслѣ. Въ среду общества, которое, при всѣхъ своихъ теоретически-отвлеченныхъ мечтахъ о всемірномъ гражданствѣ и свободѣ, не уступило бы самой незначительной доли изъ своихъ аристократическихъ преимуществъ и держало себя высокомѣрно относительно народа,—въ эту среду вступали три простыхъ гражданина, въ простыхъ, длинныхъ сюртукахъ, не напудренные, но у которыхъ выражались во всемъ разсудительность и прямота, такъ непохожія на легкую и легкомысленную, хотя и блестящую внѣшность парижскаго двора. Когда они приближались къ королю черезъ блестящіе ряды придворныхъ, ихъ встрѣтили рукоплесканія. Но еще оживленнѣе былъ восторгъ, съ которымъ народъ, сновавшій взадъ и впередъ передъ Тюльери, привѣтствовалъ трехъ американцевъ. Все это, взятое вмѣстѣ, представляло невинную, повидимому, прелюдію къ великой революціи, потому что въ народѣ жили уже тѣ идеи, которыя въ тиши подготавливали такую опасность.

Война тянулась съ перемѣнчивымъ счастіемъ, пока Вашингтону не удалось, наконецъ, нанести англичанамъ рѣшительный ударъ тѣмъ, что онъ отрѣзалъ отъ сообщеній и взялъ Йорктаунъ. Это было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ жертвы, которыхъ требовала война, до крайности истощили силы колоній, особенно въ финансовомъ отношеніи, чему главнымъ образомъ способствовали неблагоприятный выпускъ бумажныхъ денегъ и тѣсно связанный съ войною застой въ торговлѣ.

Англійское министерство увидѣло, наконецъ, невозможность снова подчинить своей власти колоніи, тѣмъ болѣе, что невозможно было разсчитывать на одинаковый повсюду успѣхъ, такъ какъ приходилось въ то же время бороться съ Франціею и держать себя на-готовѣ противъ болѣе и болѣе возраставшей оппозиціи внутри государства; наконецъ, стала грозить еще болѣе опас-

Переходъ Вашингтона черезъ Делаваэръ, картина Лейдце.
(Изъ гравюры, изданной Уинслетъ въ Парижѣ).

ность, когда Карлъ III испанскій принялъ сторону Франціи. Положеніе дѣлъ сдѣлалось еще труднѣе, когда, по инициативѣ Россіи, проектированъ былъ союзъ нейтральныхъ морскихъ государствъ; союзъ этотъ имѣлъ цѣлью охрану торговыхъ русскихъ и нидерландскихъ судовъ отъ нападеній воюющихъ державъ. Тогда Англія объявила войну Нидерландамъ. Такимъ образомъ, британскому могуществу въ Европѣ стали грозить трое противниковъ. Внутри государства больше и больше развивалась оппозиція противъ Норта, во главѣ которой стояли Ричардъ Бринслей Шериданъ, сынъ актера, родившійся въ 1751 году въ Дублинѣ, извѣстный, между прочимъ, какъ поэтъ, Вильямъ Питтъ Младшій, третій сынъ лорда Чатама, оба избранные въ 1780 году въ члены парламента. До марта 1782 года продолжалась борьба оппозиціи противъ Норта, пока, наконецъ, этотъ послѣдній, будучи не въ силахъ болѣе отражать удары, не вышелъ въ отставку. Георгъ III поставленъ былъ въ необходимость образовать новое министерство изъ членовъ ненавистой ему партіи. Въ составъ его вошли: Рокингамъ, Шериданъ и Бурке—люди, которые давно уже высказывались въ пользу признанія независимости колоній и внесли разрѣшеніе этого вопроса въ этомъ смыслѣ въ свою программу. Морская война между тѣмъ принесла англичанамъ много потерь: островъ Минорка былъ отнятъ у нихъ Испанією; только Гибралтаръ, гарнизономъ котораго начальствовалъ лордъ Эллиотъ, удержался, несмотря на всѣ нападенія, а равно и попытки французскаго флота овладѣть островами въ Вестъ-Индіи не удалось. Въ послѣднее время войны, въ Парижѣ начались переговоры о мирѣ, которые, наконецъ, 3 сентября 1783 года, окончились Вестфальскимъ миромъ. Франклинъ добился теперь признанія независимости колоній даже со стороны Англіи; Испанія удержала за собою часть завоеваній, но должна была отказаться отъ Гибралтара. Франція получила вознагражденіе. Въ самомъ дурномъ положеніи очутилась Голландія. Хотя такимъ образомъ Англія уничтожила усилія европейскихъ морскихъ державъ—поколебать ея могущество на морѣ, тѣмъ не менѣе однако миромъ были недовольны, и борьба противъ министерства снова началась, прежде чѣмъ послѣдовало подписаніе Версальскаго договора. Это движеніе повело къ образованію такъ называемаго коалиціоннаго министерства, въ которомъ рядомъ съ лордомъ Нортомъ занялъ мѣсто республиканецъ Чарльсъ Джемсъ Фоксъ, нѣкогда бывший его противникомъ. Цѣли коалиціи были однако эгоистичны и разоблачились скоро; 19 декабря 1783 года Георгъ отставилъ министерство; во главѣ управленія сталъ теперь Питтъ, противникъ коалиціи и демократическаго движенія, поборникъ аристократиче-

скихъ правъ, человѣкъ, кажется, родившійся государственнымъ дѣятелемъ и дипломатомъ, обладавшій ровностью въ характерѣ, разсудительностью и самообладаніемъ. Въ Англии такимъ образомъ одержало побѣду консервативное направленіе въ то самое время, когда въ государствахъ континента Европы—во Франціи, Бельгіи и Голландіи, началъ развиваться революціонный духъ и все больше и больше овладѣвалъ умами.

Періодъ нѣмецкой литературы, обнимающій время пробужденія народнаго самосознанія и борьбы противъ установившихся понятій въ поэзіи, также какъ въ сферѣ общественной жизни и нравственности, можетъ быть обозначенъ именемъ драмы поэта Максимилиана Клингера *Sturm und Drang*. Это названіе, въ большей или меньшей степени, можетъ быть примѣнено къ настроенію всѣхъ культурныхъ народовъ Европы въ періодъ времени, предшествовавшій французской революціи. Въ началѣ XVIII столѣтія, духовная жизнь великихъ европейскихъ народовъ или почти замерла, какъ это было у южно-романскаго племени, или, какъ въ Англии, Франціи и Германіи, была проникнута духомъ трезвой разсудительности, которая однако-жъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, соединялась съ неестественностью, господствовавшей всюду — въ поэзіи, въ образовательныхъ искусствахъ, въ пріемахъ обращенія. Собственно такъ-называемый народъ стоитъ больше или меньше вдали отъ духовной и политической жизни націй; князья, дворянство, духовенство и ученые представляли почти единственные круги общества, обладавшіе правами; масса же народа, за исключеніемъ Англии, стояла какъ бы внѣ духовной и политической жизни. Но уже мало по малу подготовлялась перемѣна во взглядахъ, которая частію шла изъ Англии. Англійскій мыслитель Джонъ Локкъ (ум. 1704 г.), въ главномъ сочиненіи своемъ, указалъ на чувственное воспріятіе и рефлексію, какъ на единственные источники человѣческаго знанія, и рѣшительно отрицаетъ знаніе, которое не основано на опытѣ или умозаключеніи отъ частнаго къ общему. Точно такъ же онъ боролся съ ученіемъ о божественномъ происхожденіи монархической власти, указывалъ, какъ на основу всего — на первоначальную свободу человѣка и требовалъ не только полной терпимости религіозныхъ мнѣній, но и гражданской равноправности для всѣхъ исповѣданій. Мысли, которыя высказываетъ философъ въ ученомъ сочиненіи, естественно не могутъ оказать скорого дѣйствія; онѣ нуждаются для этого во времени и въ популярной формѣ, которая сдѣлала бы ихъ доступными. Эту задачу относительно Локка

выполнилъ отчасти Антони, графъ Шефстбюри (ум. 1713 г.), который въ сочиненіяхъ своихъ, отличающихся популярнымъ и яснымъ изложеніемъ, слѣдовалъ ученію Локка. Но онъ рѣзче, чѣмъ Локкъ, возставалъ противъ религіи, отрицалъ обязательное значеніе откровенія и требовалъ совершенной свободы во всѣхъ родахъ изслѣдованія. Такъ какъ онъ отличался увлекательнымъ изложеніемъ, часто глубокомысліемъ, являясь въ то же время остроумнымъ и насмѣшливымъ, то сочиненія его приобрѣли обширный кругъ читателей въ высшихъ слояхъ общества, изъ среды котораго вышло потомъ еще два вліятельныхъ писателя: лордъ Генрихъ Болингброкъ (ум. 1751 г.) и графъ Филиппъ Честерфильдъ (умеръ 1773 г.). Первый еще болѣе язвительно издѣвался надъ религіею; онъ не отрицаетъ божества, но видитъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ не больше какъ орудіе государственныхъ цѣлей. Народъ, по мнѣнію его, должно воспитывать на вѣрованіяхъ государственной религіи, но для людей развитыхъ, то есть для высшаго класса гражданъ, всякаго рода предрасудки стѣснительны и лишены значенія. Отсутствие всякаго нравственнаго идеала отличаетъ его еще больше, чѣмъ Честерфильда.

Почти одновременно съ этими учеными дѣйствовала серьезнымъ научнымъ образомъ фаланга людей, которые защищали деизмъ—вѣру въ единаго Бога, но вѣру, которая отвергаетъ всякое сверхъестественное откровеніе и основываетъ свое вѣроученіе только на разумѣ. Многие изъ этихъ деистовъ, или „свободныхъ мыслителей“, доходили до отрицанія религіи вообще. Понятно, что подобнаго рода возрѣнія встрѣчали сильное противодѣйствіе какъ со стороны строгихъ ревнителей вѣры, такъ и со стороны болѣе спокойныхъ, но тѣмъ не менѣе убѣжденныхъ послѣдователей какого нибудь вѣроисповѣданія; этимъ способомъ однако возрѣнія не были уничтожаемы въ умахъ, потому что преслѣдованія создаютъ мучениковъ, а мученики находятъ себѣ адептовъ даже въ томъ случаѣ, когда они проповѣдуютъ полуистины, или поверхностное ученіе.

Несмотря однако на все, движеніе этого рода ограничилось тѣснымъ кругомъ общества и совершенно не коснулось народа. Во Франціи идеи этого рода впервые получили ту форму, благодаря которой они скоро могли проникнуть и въ низшіе слои общества. Изъ другихъ родовъ англійской литературы огромное вліяніе на континентѣ производили нравоучительныя еженедѣльныя газеты, изъ которыхъ одну Ричардъ Стиль издавалъ одинъ, а другую—очень замѣчательную—„Зритель“, вмѣстѣ съ поэтомъ Іосифомъ Аддиссономъ; еще большее значеніе приобрѣли сантиментальныя и юмористическія романы и сочиненія цѣлаго ряда поэтовъ, которые

FRANÇOIS, MARIE,
ARQUET, DE VOLTAIRE.
Né à Paris le 21 Novembre 1694.

Вольтеръ.

были направлены противъ вялыхъ и холодныхъ подражаній классическимъ образцамъ и высказывали ту мысль, что поэзія должна обратиться къ природѣ и слѣдовать только такимъ образцамъ, которые представляютъ вѣрный отпечатокъ природы, какъ напримѣръ у грековъ Гомеръ. Въ 1760 году поэтъ Макферсонъ издалъ отрывки мнимыхъ пѣсень „Оссіана“, а нѣсколько лѣтъ позже епископъ Перси—остатки старинныхъ англійскихъ пѣсень и балладъ. Больше и больше развивалось стремленіе къ естественности; больше и больше предъявлялись на нее требованія. Съ другой стороны раздавался призывъ къ освобожденію отъ устарѣвшихъ, установленныхъ преданіемъ правилъ; чувство должно быть свободно отъ всякаго стѣсненія. Съ глубокимъ убѣжденіемъ указывали на старинныхъ поэтовъ — Шекспира и Мильтона, автора „Потеряннаго Рая“. Много писали о „геніѣ“ и его правахъ на свободу.

Особеннаго упоминовенія заслуживаетъ то, что фантазія писателей отвернулась отъ прежнихъ сюжетовъ. Пастушескій міръ и греко-римскій Олимпъ, аллегорическія стихотворенія съ сатирическими намеками въ нихъ на политическія замѣшательства того времени, декламаторскія героическія трагедіи—остатки рыцарской поэзіи,—всѣ подобнаго рода произведенія сдѣлались слишкомъ модными и потому долго держаться не могли. Затѣмъ измѣненіе эстетическаго вкуса явилось въ тѣснѣйшей связи съ политическими отношеніями: чѣмъ больше пробуждалось въ Англій самосознаніе гражданъ, тѣмъ болѣе дѣлалась гражданская жизнь предметомъ поэзіи, хотя на первыхъ порахъ съ моральными тенденціями, которыя высказывались прямо. вмѣстѣ съ развитіемъ вкуса къ изображенію семейной жизни, чувство должно было получить большую глубину, которая на первыхъ порахъ однако стала выражаться „сантиментальностію“. Въ 1740 году, вышелъ романъ „Памела, или награжденная добродѣтель“ Самуила Ричардсона (род. 1689 г.). Произведеніе это обратило на себя всеобщее вниманіе безпримѣрной правдивостію разсказа, тщательнымъ, до малѣйшихъ отлѣнковъ, изображеніемъ чувствъ, наконецъ, строго нравственнымъ принципомъ, который всюду руководилъ авторомъ. Успѣхъ второго, еще болѣе чувствительнаго произведенія того же писателя: „Кларисса“, превзошелъ успѣхъ перваго. Но въ томъ и другомъ романѣ добродѣтель и порокъ являются въ преувеличенномъ изображеніи—первая въ черезчуръ ангельскомъ, второй—въ черезчуръ демонскомъ видѣ; въ обоихъ сантиментальность доведена до послѣднихъ границъ; въ обоихъ господствуетъ нравственная точка зрѣнія и исправительная тенденція до забвенія всего остальнаго. Всѣ эти недостатки еще рѣзче выступаютъ въ третьемъ и послѣднемъ ро-

манѣ Ричардсона: „Сэръ Чарльсъ Грандиссонъ“ (1753 г.). Здѣсь герой является невозможнымъ образцомъ всѣхъ возможныхъ добродѣтелей, а черезъ это романъ, несмотря на прекрасное развитіе цѣлаго, лишенъ истины въ самой основѣ.

Эти романы съ жадностью поглощались публикой и открыли собою тѣ потоки сантиментальныхъ слезъ, которыми вскорѣ залились почти всѣ литературы Европы. Несмотря на успѣхъ этихъ романовъ, параллельно съ этимъ развилось и другое направленіе эстетическаго вкуса, которое явилось отчасти въ противорѣчій съ мѣщанскою моралью Ричардсона и строгостью его воззрѣній. Сначала это направленіе выступило съ средствами комизма, какъ это было у Генриха Фильдинга, котораго главныя произведенія являются сознательнымъ осмѣяніемъ его современниковъ и поэтому въ основѣ своей являются несравненно болѣе истинными. Но и въ этихъ романахъ заключается всетаки не малая доля сантиментальности. Еще болѣе стояли на почвѣ дѣйствительности сатирическіе романы Георга Смолла (род. 1721 г.), изъ которыхъ первый, „Родерикъ Рендомъ“, вышелъ въ 1746 году. Хотя онъ изображаетъ свои характеры въ чертахъ нѣсколько преувеличенныхъ, тѣмъ не менѣе однако въ основѣ у него является дѣйствительность.

Но наиболѣе оживленнымъ образомъ выступаетъ для насъ эта эпоха въ произведеніяхъ живописца Уильяма Гогарта († 1764 г.), который въ язвительно сатирическихъ листкахъ своихъ изобразилъ частную жизнь той эпохи („Жизнь развратной женщины“, „Жизнь развратнаго человѣка“).

Каждая эпоха, богатая противоположностями, даетъ обильную пищу сатирѣ и юмору. И здѣсь на ряду съ язвительными сатириками встрѣчаются люди болѣе мягкіе, какъ представители въ основѣ серьезнаго и потому слегка улыбающагося юмора. Этимъ направленіемъ по преимуществу отличался Лоренцъ Стернъ (1713—1768), котораго слава основана на двухъ романахъ: „Тристамъ Шанди“ и „Сантиментальное Путешествіе“. Предметъ рассказовъ крайне скученъ; самые рассказы слишкомъ обременены эпизодами, замѣчаніями,—правда, иногда остроумными,—всякаго рода разсужденіями, трогательными, иногда даже слезливыми, разнаго рода придѣлками и причудливыми уклоненіями отъ предмета. Стернъ, давъ второму изъ своихъ романовъ заглавіе „Сантиментальное Путешествіе“, ввелъ въ литературу слово, которымъ впослѣдствіи стали обозначать цѣлый періодъ.

Намъ необходимо нѣсколько обстоятельнѣе остановиться на умственномъ движеніи въ Англіи, такъ какъ оно въ разныхъ отношеніяхъ имѣло громадное значеніе какъ для Франціи, такъ и для

Германіи. Идеи начинаютъ бродить и ищутъ для себя новаго отечества, гдѣ одушевляются его духомъ, который часто значительно видоизмѣняетъ ихъ первоначальную форму.

Развитіе духовной жизни въ Англіи указывало на склонность—подвергнуть критикѣ анализирующаго ума всякаго рода преданія въ области политики, философіи и религіи; съ другой стороны оно указывало на постепенное пробужденіе индивидуальнаго чувства. Первое изъ этихъ двухъ главныхъ направленій явилось прежде всего во Франціи, подъ непосредственнымъ влияніемъ идей, развившихся въ Англіи, гдѣ оно нашло представителя во Франсуа, Мари, Аруэ де-Вольтерѣ (род. 1694 г. въ Шатенѣ, ум. 1778 г. въ своемъ помѣстьѣ Ферней, въ Швейцаріи). Онъ не былъ творческимъ гениемъ, но былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ и остроумныхъ писателей, какихъ только представляетъ вся вообще исторія всемірной литературы. Остроумный, иногда до наглаго цинизма непримиримый врагъ религіозныхъ вѣрованій и суевѣрій, отвергавшій всякій авторитетъ, опиравшійся исключительно на преданіе, деистъ, но при этомъ смертельный врагъ положительнаго христіанства и духовенства, легкомысленный и жадный къ приобрѣтенію, развратный и, несмотря однако-жъ на все это, — особенно въ послѣдніе годы своей жизни, — великодушный, онъ былъ неутомимымъ бойцомъ за свободу духа и защитникомъ всѣхъ невинно угнетенныхъ.

Какъ Вольтеръ направлялъ свои острия стрѣлы главнымъ образомъ противъ господствовавшей церковной системы, такъ Шарль де-Монтескье (ум. 1755 г.) возставалъ противъ тогдашняго политическаго устройства Франціи. Въ „Персидскихъ письмахъ“ онъ въ формѣ романа раскрылъ съ безпощадною откровенностью гнилость всего тогдашняго государственнаго и общественнаго строя. Въ другомъ сочиненіи своемъ онъ указывалъ на общественныя отношенія Англіи и превозносилъ учрежденія этой страны, которая обезпечивала народу самоуправленіе. Онъ порицалъ деспотическій образъ правленія, какъ причину упадка челоѣчества, порчи нравовъ, и указывалъ на конституціонные порядки, какъ на такія учрежденія, къ которымъ должны стремиться всѣ народы Европы. Остроуміе и ясность изложенія содѣйствовали очень много распространенію его идей, которыя всѣ вообще заключали въ себѣ революціонныя начала. Совершенно въ другомъ родѣ были сочиненія Жанъ Жака Руссо (род. 1712 г. въ Генѣѣ, ум. 1778 г.), явившіяся плодомъ не столько сатирическаго ума, сколько переполненнаго сердца. Но и въ немъ жило глубокое негодованіе противъ существующихъ отношеній, и рядомъ съ нимъ фанатическое увлеченіе природой. Преданіе рассказываетъ, что онъ даже въ послѣднія

минуты своей жизни приказалъ открыть окно своей комнаты въ Эрменонвиллѣ, чтобы насладиться видомъ мѣстности. Онъ выходилъ изъ той точки зрѣнія, что въ культурѣ коренится всякаго рода зло, и что спасеніе возможно только черезъ возвращеніе къ природѣ. Въ испорченности рода человѣческаго заключается причина безправности угнетенныхъ и произвола господствующихъ. Если эти идеи дѣйствовали увлекательно, благодаря тому энтузіазму, съ которымъ выражались, то онѣ тѣмъ сильнѣе должны были проникать въ массы, что Руссо облекалъ ихъ въ форму романовъ. И въ нихъ также онъ противопоставлялъ искусственнымъ отношеніямъ требованіямъ природы, показывалъ противоположность между пошлостью и ложью и простымъ человѣческимъ благоуравненіемъ. Наиболѣе глубокое впечатлѣніе произвелъ его романъ „Эмиль“, трактовавшій о воспитаніи и религіи. Руссо остроумно нападалъ на неестественность господствовавшей въ его время системы воспитанія дѣтей и ставилъ на мѣсто ея свой собственный идеалъ. Съ глубокимъ энтузіазмомъ превозносилъ онъ религію, которая коренится въ тайникахъ души, какъ нѣчто возвышенное и священное, хотя не признавалъ ни откровенія, ни чудесъ.

Матеріалистическое воззрѣніе достигло своей вершины у составителей „Энциклопедіи“—сборника, который, по мысли издателей, долженъ былъ сдѣлать лишними всѣ другія книги. Духъ, которымъ проникнута „Энциклопедія“, представлялъ начало, отрицающее все старое. Онъ отвергалъ всякое религіозное преданіе, какъ скоро не подвергался предварительному изслѣдованію вопросъ—можетъ ли оно быть оправдано въ основѣ или нѣтъ; онъ отрицалъ дѣйствіе какого бы то ни было духовнаго принципа въ жизни человѣчества, какъ и отдѣльнаго лица, не имѣя, однако-жъ, возможности поставить на мѣсто этого что-нибудь твердое. Сообразно такому взгляду, нравственность энциклопедистовъ и ихъ кружка имѣла совершенно матеріалистическій характеръ. Мѣсто нравственнаго чувства и долга заступили эгоизмъ и погоня за наслажденіями.

Добродѣтель, нравственность, нравственная свобода, обузданіе пошлыхъ стремленій были признаны глупостями. Нѣтъ нужды говорить, какое вліяніе должны были производить подобнаго рода идеи на высшіе, уже и безъ того глубоко деморализованные, классы общества. И въ этихъ сочиненіяхъ также слышится тихое вѣяніе революціи, такъ какъ въ нихъ нанесены были тяжкіе удары тираніи и совершенно открыто высказываются демократическіе принципы. Чѣмъ больше готовили революцію политическія отношенія, тѣмъ рѣзче проявлялись разрушительныя тенденціи въ литературѣ. Съ одной стороны въ обществѣ развилось легкомысліе,

Гедвига ничего не скрыла отъ нея. Одно только заинтересовало ее, что Гедвига не раздѣляла ея восхищенія Ренатой и откровенно призналась, что никогда не чувствовала особеннаго довѣрія къ молодой графинѣ.

— Развѣ вы узнали что нибудь дурное о ней? спросила Корона.

— Нѣтъ, я ничего не слыхала. Но во всякомъ случаѣ мнѣ неприлично разсуждать о поступкахъ графини. Я всегда видѣла ее только мелькомъ. Мнѣ не нравился ея холодный взглядъ и сжатія губы. Я никогда не рѣшилась бы говорить съ нею такъ откровенно, какъ съ вами. Если кто не нравится намъ, то это еще не значитъ, что онъ дурной человѣкъ! Но одни люди такіе, что такъ и хочется броситься имъ на шею и вылить передъ ними все, что у тебя на сердцѣ, а другіе однимъ взглядомъ леденятъ нашу кровь. Говорятъ, что у каждаго на лицѣ написана его душа, только не всякій умѣетъ читать эту надпись, а только тотъ, кому это дано свыше.

— Вѣроятно, вы считаете себя въ числѣ этихъ избранныхъ? — спросила со смѣхомъ Корона.

— По крайней мѣрѣ, мое чувство не обмануло меня относительно графини Ренаты.

Это заявленіе дубродушной и умной дѣвушки еще болѣе убѣдило Корону въ виновности Ренаты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ невиннѣе и несчастнѣе казался графъ, тѣмъ болѣе онъ влигивалъ въ ея мнѣніи. Быть можетъ, онъ увлекся Ренатой съ горячностью первой любви и нашелъ въ ней гордую сдержанность и чопорность святоши, годную для монастыря, а не для супружеской жизни. Примиреніе графа съ его женой показалось Коронѣ еще труднѣе, но тѣмъ выше будетъ ея заслуга, если это удастся ей. Она, вѣроятно, отлично исполнила бы свою роль посредницы, если бы могла тотчасъ же вызвать передъ собою обоихъ супруговъ съ помощью волшебнаго жезла. Но она должна была поневолѣ отложить свое предпріятіе до слѣдующаго утра, потому что дождь еще больше усилился и, по замѣчанію Гедвиги, врядъ ли можно было ожидать возвращенія графа изъ отдаленныхъ фермъ при худыхъ дорогахъ, которыя, вѣроятно, стали еще хуже отъ дождя. Корона покорила необходимости, но ея нетерпѣніе выразалось въ полусловахъ и возгласахъ, которые становились тѣмъ чаще, чѣмъ больше подвигалась стрѣлка на фарфоровомъ циферблатѣ, изображавшемъ знаки зодіака. Наконецъ, Коронѣ показалось настолько невыносимымъ оставаться долѣе въ комнатахъ, что она рѣшила выйти изъ замка на свѣжій воздухъ, несмотря на бурю и дождь.

День уже склонялся къ вечеру и замѣтно было приближеніе сумерекъ, когда дѣвушки вышли на главное крыльцо. Старая служанка, завѣдывавшая кухней и погребами, предостерегала ихъ отъ прогулки въ сырую погоду, но обѣ дѣвушки со смѣхомъ убѣждали отъ добродушныхъ увѣщаній старухи къ развалинамъ сгорѣвшей башни. Онѣ повязали себѣ головы теплыми платками; Корона, кромѣ того, накинула

на себя плащъ. Она шла впереди, выплясывая крестьянскій танецъ по камнямъ мощенаго двора и выбивая тактъ своими толстыми деревянными башмаками. Она чувствовала себя въ радостномъ настроеніи ребенка при видѣ новой игрушки; рана, нанесенная ей любовью, еще не зажила, но неособенно беспокоила ея, потому что воображеніе ея было занято чудесами, ожидавшими ее за темнымъ покровомъ тумана. Замокъ имѣлъ видъ сѣрой тяжелой массы, нагроможденной тремя этажами. Крыша, украшенная зубцами, и три гранитныя статуи, стоявшія на стѣнѣ между фронтонами—все это исчезало въ бѣловатомъ облакѣ тумана перемѣшаннаго съ дождемъ. Въ тѣ времена, когда Валдштейнъ построилъ себѣ замокъ у подножья укрѣпленнаго императорскаго дворца въ Прагѣ, воздвигнуть былъ и этотъ замокъ, который долженъ былъ представлять собою слѣпое подражаніе стилю Бернини, но при дальнѣйшей постройкѣ окончательно потерялъ первоначальный характеръ и цѣльность архитектурнаго плана. Теперь это было старое, обветшалое зданіе, почернѣвшее отъ времени и непогоды. Желѣзная рѣшетка соединяла его съ башней и садомъ. По толщинѣ и прочности стѣнъ, длинѣ свода надъ воротами, можно было видѣть, что замокъ построенъ былъ въ суровый, воинственный вѣкъ, и нѣкогда служилъ крѣпостью; то же назначеніе имѣла и сгорѣвшая башня. Стѣны ея съ одной стороны были почти нетронуты и надъ главнымъ ходомъ виднѣлся каменный барельефъ съ тремя головами; двѣ изъ нихъ были по бокамъ стариннаго герба, одна надъ нимъ. Послѣдняя особенно обратила на себя вниманіе Короны. Эта голова съ оскаленными зубами производила такое впечатлѣніе, что, глядя на нее, казалось, что она насмѣхается надъ геральдическими звѣрями герба и надъ серьезными вытянутыми лицами своихъ товарищей.

— Что означаютъ эти головы? спросила Корона, вскочивъ въ нишу стѣны, гдѣ она была нѣсколько защищена отъ дождя.

— Это головы трехъ дураковъ, отвѣтила Гедвига.

— Мы не умѣе ихъ! сказала со смѣхомъ Корона.—Кто, кромѣ насъ двухъ, вздумаетъ любоваться ими въ такую погоду!

— Можетъ быть, эти барельефы имѣютъ и другое значеніе, продолжала Гедвига,—но я ничего не слыхала объ этомъ. Отецъ предполагаетъ, что это портреты трехъ любимыхъ шутовъ герцога Рауднитца, которому нѣкогда принадлежалъ замокъ, а крестьяне говорятъ, что кто поживетъ въ замкѣ, тотъ поглупѣетъ.

— Значить, кузень Эрбахъ долженъ благодарить небо, что башня сгорѣла, потому что это спасло его отъ идиотизма.

— Одно несомнѣнно, что въ этой башнѣ творились странныя вещи, сказала Гедвига убѣжденнымъ тономъ.

— Кто лучше васъ можетъ знать тайны старой башни! сказала ласково Корона, положивъ руку на плечо своей новой подруги.

— Если бы графиня въ тѣ времена поднялась ночью по винтовой лѣстницѣ, продолжала Гедвига,—то услыхала бы шорохъ, шепотъ,

свистъ; все казалось, что кто-то идетъ за вами; шаги останавливались вмѣстѣ съ вами и опять раздавались, когда вы шли дальше. Наверху была большая зала съ куполомъ, посреди котораго было продѣлано окно; ночью его отворяли и черезъ него можно было видѣть небесныя свѣтила. У графа были подзорныя трубы и онъ все наводилъ ихъ на луну, въ надеждѣ открыть на ней моря и горы. Я также много разъ смотрѣла въ эти трубы, но ничего не видѣла, кромѣ блестящаго золотого тумана.

Обѣ дѣвушки дошли до другой стороны воротъ и вышли на небольшую дворъ, нѣкогда принадлежавшій башнѣ. Здѣсь былъ полуразрушенный колодець, а кругомъ среди мусора виднѣлись ступени лѣстницы, разбросанные въ беспорядкѣ балки, камни и обломки четырехъ гранитныхъ статуй, которыя, по словамъ Гедвиги, нѣкогда подерживали куполь.

Корона молчала, задумчиво опустивъ голову. Разказы о старой башнѣ производили на нее впечатлѣніе чего-то сказочнаго. Она почти завидовала свѣдѣніямъ Гедвиги, которая казалась ей волшебницей, властвовавшей въ этомъ заколдованномъ мѣстѣ. Все здѣсь представлялось молодой графинѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ: плющъ, обвивавшій своими усиками и листьями уцѣлѣвшія стѣны, шиповникъ, росшій у воротъ, по ея мнѣнію были выше и крупнѣе видѣннаго ею до сихъ поръ плюща и шиповника. Она вошла въ башню, но тотчасъ же вернулась назадъ, чтобы избѣжать сквознаго вѣтра, который охватилъ ее со всѣхъ сторонъ или, быть можетъ, отъ тайнаго ужаса, сжимавшаго ея сердце. Въ это время у конюшенъ на противоположной сторонѣ послышалось ржаніе и топотъ лошадей; Корона вздохнула свободнѣе.

— Это непріятное мѣсто, сказала она. — Я не понимаю, какъ вы не боились оставаться здѣсь!

— Мы вѣдь не жили въ башнѣ; я только изрѣдка ходила сюда, когда здѣсь ночевалъ отецъ, по вечерамъ или утромъ, пока меня не заинтересовало узнать, что дѣлаютъ въ башнѣ трое мужчинъ.

— Какіе мужчины? Вы говорили мнѣ только о трехъ шутахъ?

Храбрость опять вернулась къ молодой графинѣ; дождь пересталъ, а на западѣ красноватая полоса свѣта опоясывала небосклонъ.

Лицо Гедвиги приняло насмѣшливое выраженіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ она казалась смущенной.

— Я не знаю, имѣю ли я право рассказывать это...

— Назовите мнѣ только имена трехъ мужчинъ; надѣюсь, что въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго!

— Извольте, я назову ихъ. Эти мужчины были: графъ, мой отецъ и одинъ молодой французъ, котораго графъ встрѣтилъ во время своего путешествія и привезъ съ собой. Его звали Франсуа Бланшаръ.

— Бланшаръ? Я никогда не слыхала его имени.

— Можетъ быть! Но тѣмъ не менѣе вы, графиня, два года тому назадъ отъ души восхищались имъ.

— Я! Бланшаромъ!..

— Это было за нѣсколько дней до пожара, на одномъ празднествѣ, которое устроилъ графъ. Я тогда въ первый разъ любовалась вами, графиня. Я стояла въ верхней галлерей около музыкантовъ и смотрѣла на разряженныхъ кавалеровъ и дамъ, среди которыхъ были и вы; я не стану распространяться о томъ, какъ вы были красивы въ этотъ вечеръ и какъ хорошо танцовали. Когда всѣ стали разѣзжаться и вы подъ руку съ братомъ вышли на крыльцо, я побѣжала вслѣдъ, чтобы еще разъ взглянуть на васъ. Вы остановились отъ удивленія, потому что вся башня была объята зеленымъ и краснымъ свѣтомъ отъ безчисленнаго множества пестрыхъ шкаликовъ. Многіе, глядя на это, говорили, что это дурное предзнаменованіе, а вы, графиня, съ восхищеніемъ воскликнули: кто устроилъ это?

— Теперь я знаю, что это сдѣлалъ Бланшаръ! Если бы я его увидѣла въ этотъ вечеръ, то на радости обняла бы его и поцѣловала. Я навѣрно сдѣлала бы это, такъ хорошо было освѣщеніе. А теперь башня сгорѣла и бѣдный Бланшаръ лишился моего поцѣлуя. Что это былъ за чудный вечеръ! Я чуть не плачу отъ досады при мысли, что съ этого времени я состарѣлась и сдѣлалась слишкомъ серьезна...

Гедвига отворила рѣшетку сада. Дождь еще покрывалъ изъ нависшихъ тучъ, хотя усилившійся вѣтеръ уже началъ разгонять ихъ. У входа съ обѣихъ сторонъ были лужайки; между ними стояла старая каменная ваза. Въ былыя времена она была окружена клумбами цвѣтовъ; теперь онѣ заросли сорной травой, но мѣстами еще виднѣлись астры и резеда, наполнявшая воздухъ своимъ ароматомъ. Длинная аллея сосенъ и елей, конецъ которой исчезалъ изъ глазъ при наступившихъ сумеркахъ и туманѣ, проходила черезъ весь садъ, спускаясь къ подножью холма, на которомъ стоялъ замокъ до того мѣста, гдѣ садъ соединялся съ лѣсомъ.

При вечернемъ полумракѣ и дождливой погодѣ, видъ этихъ спокойныхъ деревьевъ съ опущенными вѣтвями и верхушками, гордо поднятыми къ небу, производилъ подавляющее впечатлѣніе. Они стояли неподвижно въ своемъ серьезномъ величїи и торжественности и, казалось, оплакивали несчастную людскую судьбу. Дождевыя капли падали съ ихъ вѣтвей на лица и плечи дѣвушекъ.

Онѣ медленно шли между высокими мрачными деревьями. Корона, чувствуя непонятное для нея волненіе, взяла за руку Гедвигу и не отпустила ее.

— Такъ это былъ Бланшаръ! сказала она. — Что случилось съ нимъ?

— Вскорѣ послѣ этого праздника, и даже чуть ли не черезъ два дня, онъ уѣхалъ отсюда. Это былъ какой-то чудакъ, такъ что многіе боялись его. Злые языки утверждали, будто онъ поджегъ башню. Но

это ложь! Графъ очень любилъ Бланшара и при прощаніи обнялъ его, а Бланшаръ даже плакалъ, уѣзжая.

— Зачѣмъ же онъ уѣхалъ?

— Я слышала, какъ онъ говорилъ, что его мать при смерти въ Парижѣ и что онъ хочетъ еще разъ увидѣть ее. Онъ былъ недурной головою, и если онъ велъ иногда на своемъ языкѣ безбожные разговоры, то мы только на половину понимали ихъ, а Господь врядъ ли слушалъ эту пустую болтовню. Отецъ видѣлъ многихъ французовъ въ Росбахѣ и говорить, что они похожи на мѣхи: раздуются сразу, а черезъ минуту опять пусты. Французы все дѣлаютъ на вѣтеръ...

— Но они умѣютъ устраивать отличные фейрверки, которые нравятся молодымъ дѣвушкамъ и воспаляютъ ихъ сердца, замѣтила Корона. — Я вижу, что вы были равнодушны къ этому Бланшару, Гедвига, и втайнѣ благоговѣли передъ нимъ.

Краска неудовольствія выступила на лицѣ Гедвига.

— Я не знаю, почему у васъ составилось такое дурное мнѣніе о моей особѣ? сказала она.

— Не сердитесь, возразила молодая графиня съ лукавой улыбкой. — Всѣ мы болѣе или менѣе самолюбивы. Если мужчины находятъ насъ красивыми, то мы невольно обращаемъ на нихъ вниманіе...

— Мысли Бланшара были заняты болѣе серьезными вещами, нежели ухаживаніемъ за бѣдной дѣвушкой! замѣтила угрюмо Гедвига, но видя, что Корона продолжаетъ улыбаться, она добавила съ досадой:—Бланшару некогда было заниматься такими пустяками; онъ хотѣлъ придумать какой нибудь способъ летать по воздуху.

— Летать по воздуху? Да вѣдь это колдовство! замѣтила Корона, широко раскрывъ глаза отъ удивленія.

— Онъ надѣялся достигнуть этого, не прибѣгая къ колдовству... Если графиня дастъ честное слово не выдавать меня...

— Нѣтъ, будь спокойна...

— Графъ и Бланшаръ хотѣли устроить такую машину въ башнѣ, чтобы съ помощью ея подниматься на высоту и летать по воздуху, какъ птицы...

— Вы рассказываете такія страшныя вещи, что я больше не хочу слышать о нихъ. Это своего рода колдовство, и вдобавокъ, самого опаснаго свойства!

— Но вѣдь дѣло не дошло до летанія; машина не была окончена... возразила Гедвига въ оправданіе графа и Бланшара.

— Разумѣется, нѣтъ! Господь сжегъ башню, въ которой подготавлилось нечестивое дѣло... Если бы Богу угодно было, чтобы мы летали, то онъ далъ бы намъ для этого крылья! Развѣ человѣкъ имѣетъ право нарушать порядокъ, установленный Всевышнимъ?

Монастырское воспитаніе пустило такіе глубокіе корни въ сердцѣ молодой графини, что всякое стремленіе переступить границы, установленныя католической вѣрой и церковными преданіями, казалось ей

предосудительнымъ и безбожнымъ. Она скорѣе готова была простить нарушеніе нравственныхъ обязательствъ и объяснить это любовью и общечеловѣческой слабостью. Въ монастырѣ послушаніе считалось первою добродѣтелью, а подчиненіе людскихъ сужденій высшимъ соображеніямъ церкви не только необходимымъ, но и пріятнымъ Богу, такъ какъ наша душа, блуждающая во мракѣ сомнѣній, только этимъ путемъ можетъ достигнуть мира и спокойствія. Въ силу этого взгляда, привитаго воспитаніемъ, Корона старалась подавить въ себѣ всякое, поползновеніе къ свободомыслию. Предпріятіе графа Эрбаха казалось ей дѣвольскимъ навожденіемъ, побуждавшимъ его преступить предѣлы возможнаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, она невольно увлекалась его поэтической мечтой: летать по небу взапуски съ орлами и, стряхнувъ съ себя тяжесть земнаго бытія, погрузиться въ безконечное море воздуха и эира!.. Образъ графа Эрбаха все выше и грандіознѣе представлялся ей воображенію. Онъ не былъ похожъ ни на одного изъ тѣхъ легкомысленныхъ господъ, преданныхъ суетнымъ удовольствіямъ, которыхъ ей приходилось встрѣчать до сихъ поръ; она глубже заглянула въ его внутреннюю жизнь и почувствовала себя ослѣпленный его нравственнымъ превосходствомъ.

Дѣвушки дошли до конца сада.

Низкая стѣна, поросшая живой изгородью, отдѣляла садъ отъ лѣса, покрывавшаго равнину. Въ саду, у самой стѣны, была сдѣлана искусственная насыпь, съ которой открывался видъ на просѣку въ лѣсу и крутой склонъ горы, по которому струился ручей, стекавшій въ равнину.

Когда онѣ поднялись на вершину насыпи, то увидѣли крестьянскаго парня, который, выйдя изъ лѣсу, направился къ нимъ. Съ перваго взгляда трудно было рѣшить, очутился ли онъ тутъ случайно и хотѣлъ спуститься съ горы вдоль садовой стѣны, или поджидалъ когонибудь въ этомъ уединенномъ мѣстѣ. Последнее казалось правдоподобнѣе, потому что Гедвига, увидя его, слегка вскрикнула.

— Что съ вами? спросила съ удивленіемъ Корона.

— Это Зденко! отвѣтила Гедвига дрожащимъ голосомъ.— Въ деревнѣ его зовутъ дикаремъ... Уйдемте скорѣе отсюда!

— Слишкомъ много чести для крѣпостнаго человѣка. Неужели онъ заставитъ меня обратиться въ бѣгство? отвѣтила молодая графиня, гордо закинувъ голову.

— Онъ не крѣпостной. Его отецъ Непомукъ— богатый человѣкъ и выкупился на волю при покойномъ графѣ.

— Крѣпостной или свободный, но крестьянинъ все-таки останется крестьяниномъ. Какое намъ дѣло до мужика! возразила Корона.

Она подняла сосновую вѣтку, лежавшую на землѣ, и размахивала ею по воздуху.

Гедвига встала на колѣни за стѣной въ надеждѣ, что Зденко не узналъ ее въ туманѣ. Вечерняя мгла все болѣе и болѣе увеличива-

лась. Погасла красноватая полоса на горизонтѣ; надъ равниной поднялся сплошной сѣрый туманъ, который то сгущался въ гигантскія фигуры, похожія на привидѣнія, то снова рѣдѣлъ, разгоняемый вѣтромъ.

Корона не могла разглядѣть лица крестьянина, который шель медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ. На головѣ его была надѣта шляпа съ широкими полями, закрывавшая ему лобъ. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечій и сильнаго тѣлосложенія; въ его походкѣ и всей фигурѣ не было слѣда униженія и робости.

— Объясните мнѣ, пожалуйста, почему его прозвали дикаремъ,—у него такой спокойный видъ? спросила шепотомъ Корона.

— Онъ вспыльчивъ до бѣшенства и необыкновенно силенъ. Теперь онъ злится на всѣхъ, кто живетъ въ замкѣ, и поклялся отомстить за то, что ему не удалось жениться на мнѣ.

Страхъ побудилъ Гедвигу сдѣлать это признаніе, которое, однако, не произвело желаемого дѣйствія. Въмѣсто того, чтобы скорѣе вернуться въ замокъ, куда Зденко не могъ послѣдовать за ними, Корона не только осталась на прежнемъ мѣстѣ, но еще ближе подошла къ стѣнѣ.

— Чего вы боитесь, Гедвига! воскликнула она. — Мы спровадимъ непростеннаго жениха.

Когда Зденко подошелъ къ ней на такое близкое разстояніе, что они могли видѣть другъ друга въ лицо, Корона громко крикнула ему: „Остановитесь!“—такимъ тономъ, въ которомъ легко можно было различить привычку отдавать приказанія. При этомъ она повелительно махнула ему вѣтвой, которую держала въ рукахъ, и еще плотнѣе закуталась въ свой плащъ.

Зденко, услыхавъ, что его зовутъ, быстро поднялъ голову; изъ подъ густыхъ бровей сверкнули два черныхъ блестящихъ глаза. Густая борода придавала еще большую мужественность загорѣлому лицу, верхняя часть котораго, благодаря высокому и хорошо очерченному лбу, носила на себѣ отпечатокъ благородства и сознанія собственнаго достоинства, между тѣмъ какъ большой ротъ, толстыя губы и выдающийся подбородокъ служили доказательствомъ суровой и чувственной натуры.

— Ого! крикнулъ онъ. — Ты, кажется, вздумала распорядиться мной, незнакомая красавица! Совѣтую тебѣ уйти отсюда; мнѣ нужно переговорить съ Гедвигой.

— Гедвига въ замкѣ! Убирайся прочь!.. Чего ты шатаешься здѣсь, точно воръ? Тебѣ не видать Гедвиги, какъ своихъ ушей...

Зденко однимъ прыжкомъ очутился у стѣны. Обезумѣвъ отъ бѣшенства, онъ осыпалъ Корону бранными словами по-чешски, изъ которыхъ она не поняла и половины. Но она не двигалась съ мѣста и даже не крикнула, когда онъ ухватился рукою за стѣну, съ очевиднымъ намѣреніемъ перелѣзть черезъ нее.

— Убирайся прочь, или я ударю тебя! сказала она, возвысивъ голосъ.

Не обращая вниманія на угрозу, онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы вырвать вѣтку изъ ея рукъ.

— Дерзкій мужикъ! вотъ тебѣ,—воскликнула Корона, и съ этими словами она ударила сосновой вѣткой по лицу своего противника.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, если бы Гедвига, при видѣ опасности, грозившей молодой графинѣ, не вскочила на ноги и не загородила ее собою.

Зденко заскрежеталъ зубами отъ боли и злости, но не рѣшился употребить насилія. Внутренній голосъ шепталъ ему, что рука, нанесшая ударъ, считала себя вправѣ наказать его; долгая привычка къ повиновенію удержала его отъ дикаго проявленія ярости. Это было тѣмъ болѣе кстати для него, что въ этотъ моментъ изъ лѣсу показался всадникъ, ѣхавшій крупной рысью, и топотъ лошади послышался за спиной Зденко. Въ почтительномъ отдаленіи отъ перваго всадника ѣхали двое другихъ: одинъ изъ нихъ былъ кавалеристъ, судя по длинной шпагѣ, висѣвшей у его пояса, другой — слуга. По наружному виду, трудно было опредѣлить общественное положеніе перваго всадника. Онъ осадилъ свою лошадь у садовой стѣны. Зденко быстро отскочилъ въ сторону; обѣ дѣвушки стояли прижавшись другъ къ другу. Гедвига казалась смущенной и низко наклонила голову; Корона, раскраснѣвшаяся отъ волненія, смѣло встрѣтила взглядъ своего неожиданнаго избавителя.

Незнакомецъ, въ видѣ поклона, приложилъ руку къ своей шляпѣ съ приподнятыми полями, обшитыми золотымъ галуномъ и стоячей бахромой изъ бѣлыхъ перьевъ.

— Добрый вечеръ, прекрасная амазонка! сказалъ онъ.—Вы храбро расправились съ этимъ неучемъ!

— Тѣмъ не менѣе, я должна благодарить васъ, что вы вывели меня изъ затруднительнаго положенія, возразила Корона. — Къ несчастью, сосновая вѣтка не шпага; съ нею довольно трудно было бы защитить себя.

Говоря это, она съ невольнымъ любопытствомъ взглянула на своего собесѣдника.

Это былъ чловѣкъ лѣтъ тридцати, или даже нѣсколько старше, съ тонко очерченнымъ продолговатымъ лицомъ, голубыми глазами и правильнымъ носомъ. Онъ былъ покрытъ съ головы до ногъ сѣрымъ плащемъ, на которомъ видны были слѣды продолжительной верховой ѣзды. Подъ плащемъ виднѣлся зеленый офицерскій мундиръ съ красными обшлагами и золотыми пуговицами; широкій, богато вышитый кушакъ опоясывалъ его станъ; съ боку у него висѣла шпага.

— Я не сомнѣваюсь, что вы сами защитили бы себя, если бы въ вашихъ рукахъ была шпага вмѣсто вѣтки, отвѣтилъ онъ съ улыбкой. — Но я во всякомъ случаѣ благословляю судьбу, которая свела

насъ. Странствующіе рыцари и мужественныя красавицы всегда чувствовали взаимную симпатію и выручали другъ друга изъ бѣды.

— Мнѣ не вѣрится, чтобы вамъ когда нибудь понадобилась моя помощь. Это было бы слишкомъ странно!

— Нисколько! Вы сами убѣдитесь въ этомъ... Мы сбились съ дороги и, доѣхавъ до опушки лѣса, остановились, не зная, въ какую сторону мы должны направиться. Но тутъ я увидѣлъ васъ и „вашу зеленую шагу, прорѣзывающую со свистомъ воздухъ“...

— Вижу, что вы читали Аріосто; но я не Брадаманте и не Анжелика!

— Я также не имѣю ничего общаго съ Роландомъ... Но дѣло въ томъ, что я желалъ бы узнать ближайшую дорогу съ Лейтмерицъ.

Онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ съ улыбкой; Корона шутя отвѣчала ему, и только тогда, когда онъ вторично спросилъ ее о дорогѣ, она убѣдилась, что онъ говоритъ серьезно. Но ей пришлось сознаться въ своемъ полномъ невѣдѣніи мѣстности; хотя она бывала въ Лейтмерицѣ съ своей бабушкой, но не обратила вниманія на дорогу, по которой онѣ ѣхали. Отвѣты Гедвиги были опредѣленнѣе; тѣмъ не менѣе, она посовѣтовала, въ виду наступавшей ночи, взять съ собой проводника и указала на Зденко, который стоялъ неподвижно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, скрестивъ руки на груди. Неизвѣстно, хотѣлъ ли послѣдній воспользоваться случаемъ, чтобы полюбоваться Гедвигой, или незнакомецъ имѣлъ для него такую притягательную силу; только онъ тогда пришелъ въ себя, когда услышалъ, что Гедвига предлагаетъ его въ проводники всадникамъ, и сообразилъ, что ему придется провести два или три часа въ сырости, на мокрой дорогѣ. Чтобы избавиться отъ подобной неприятности, онъ рѣшился искать спасенія въ бѣгствѣ. Выбравъ удобную минуту, онъ неожиданно бросился къ лѣсу; но это не удалось ему: всадникъ съ длинной саблей схватилъ его за воротникъ рубашки.

— Остановись, пріятель! крикнулъ онъ:—если не хочешь попроволать палецъ.

На лицѣ Зденко промелькнуло неуловимое выраженіе съ такою же быстротою, какъ молнія на небѣ. Врядъ ли можно выразить на словахъ то, что происходило въ эту минуту въ его душѣ. Онъ мысленно проклиналъ свою судьбу, но долженъ былъ покориться необходимости. На то они были господа, чтобы распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію; съ дѣтства у него составилось представленіе, что они родятся съ особенными правами и преимуществами и что назначеніе крестьянина быть вьючнымъ животнымъ. Онъ молча повиновался и ожидалъ съ равнодушнымъ видомъ, пока господамъ угодно будетъ двинуться въ путь. Одна Гедвига понимала тяжелое нравственное состояніе своего поклонника и сочувствовала ему; всѣ остальные настолько привыкли смотрѣть на простой народъ, какъ на

послушных слугъ, что не обращали никакого вниманія на расположеніе духа молодаго крестьянина.

Незнакомецъ вложилъ ноги въ стремяна.

— Прощайте, прекрасная амазонка, сказалъ онъ: — теперь вамъ извѣстна цѣль моего путешествія.

— Разумѣется! вы, вѣроятно, хотите провести ночь въ капуцинскомъ монастырѣ.

— Я не зналъ, что въ Лейтмерицѣ есть капуцинскій монастырь.

— Какже!

— Странно! Вы случайно подали мнѣ отличную мысль. Тамъ, у капуциновъ, я найду желанный отдыхъ, и для меня, наконецъ, наступитъ ночь и непробудный сонъ.

Онъ пристально посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, какъ будто хотѣлъ найти на ея лицѣ отвѣтъ на свои мысли. Корона, при всей своей самоувѣренности, невольно опустила глаза передъ его смѣлымъ взглядомъ.

— Мнѣ хотѣлось бы знать имя прелестной особы, образъ которой запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ и будетъ сопровождать меня къ капуцинамъ.

— Мою подругу зовутъ Гедвигой; а мое имя означаетъ то, что есть выспаго на землѣ.

Незнакомецъ засмѣялся.

— Я постараюсь разгадать эту загадку къ моему возвращенію, такъ какъ расчлывваю вернуться сюда дней черезъ пять. Надѣюсь опять застать васъ обѣихъ на этомъ мѣстѣ. Быть можетъ, мнѣ дозволено будетъ тогда засвидѣтельствовать свое почтеніе прекрасной обитательницѣ этого замка, въ качествѣ ея гостя.

— Черезъ пять дней я буду въ Парижѣ — подумала Корона и, услышавъ, что незнакомецъ обратился къ Зденко съ вопросомъ: какъ зовутъ замокъ? она отвѣтила, улыбаясь:

— Этотъ замокъ называется Таннбургъ, или гостинница трехъ бронзовыхъ шутовъ.

— Однако, намъ пора двинуться въ путь, сказалъ незнакомецъ, прикоснувшись рукой къ шляпѣ, въ видѣ поклона обѣимъ дѣвушкамъ.

— Счастливаго пути, странствующій рыцарь,—сказала Корона.

Зденко шелъ скорымъ шагомъ; за нимъ слѣдовали всадники. Нѣкоторое время дѣвушки смотрѣли имъ вслѣдъ, потому что дорога шла вдоль стѣны. Наконецъ, они исчезли изъ виду, а вслѣдъ затѣмъ замокъ и стукъ копытъ.

— Кто этотъ господинъ? Какой у него величественный видъ! сказала вполголоса Корона, закрывъ лицо руками. Она была въ самомъ печальномъ настроеніи духа, такъ какъ боялась послѣдствій своего необдуманнаго поступка, и чувствовала глубокое раскаяніе, что не послушалась совѣта графа Эрбаха и вышла изъ своей комнаты. Ей

казалось опаснымъ оставаться долѣе въ этой части сада, и она пошла такъ поспѣшно по сосновой аллеѣ, что Гедвига съ трудомъ могла слѣдовать за нею. Дойдя до двора замка, она вздохнула свободнѣе и окончателно успокоилась, когда узнала, что графъ еще не возвращался. Ей не хотѣлось, чтобы онъ видѣлъ ее въ такомъ взволнованномъ состояніи. Присутствіе Гедвиги не могло стѣснять ее, потому что та была еще въ большемъ безпокойствѣ, нежели она сама, и настолько погружена въ свои размышленія, что не обращала никакого вниманія на то, что происходило вокругъ нея.

Г Л А В А IV.

Деревня, расположенная у подошвы горы, на которой стоялъ замокъ, протягивалась къ югу длиннымъ рядомъ домовъ и считалась одной изъ самыхъ большихъ и значительныхъ деревень въ окрестностяхъ. По своему красивому мѣстоположенію и плодородной почвѣ, она была поставлена въ наилучшія условія и вполне заслуживала названія „земнаго рая“. Но обитатели ея только отчасти пользовались богатыми дарами природы, несмотря на льготы въ податяхъ и барщинѣ, которыми они были обязаны великодушію графа Эрбаха. До этого, они наравнѣ съ своими сосѣдями страдали подъ тяжелымъ гнетомъ крѣпостнаго права и отъ послѣдствій продолжительной войны. Тутъ проходили главныя массы войскъ послѣ битвы при Ловозицѣ, Прагѣ и Коллинѣ. Тѣмъ не менѣе, крестьяне графа Эрбаха составляли предметъ зависти для окрестныхъ жителей, такъ какъ, по общему мнѣнію, имъ жилось лучше, нежели крѣпостнымъ людямъ другихъ чешскихъ дворянъ. Послѣдніе называли графа Эрбаха выскочкой и филантропомъ, который своими нововведеніями возмущаетъ народъ и подрываетъ старыя порядки. Но такой отзывъ можно было слышать только въ тѣсномъ кружкѣ завзятыхъ консерваторовъ, потому что правительство, начиная отъ бургграфа въ Прагѣ и кончая самой императрицей, относилось благосклонно къ графу Эрбаху. Ему прощали даже его лютеранско-еретическія убѣжденія, хотя, по мнѣнію благочестивой Маріи Терезіи, никакія добродѣтели и достоинства не могли спасти его душу отъ вѣрной гибели. Подобная благосклонность объяснялась, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что предки графа Эрбаха всегда вѣрно служили Габсбургскому дому и никогда не злоупотребляли милостями императорскаго дома.

Отецъ и дѣдъ графа Эрбаха, прожившіе большую часть жизни въ замкѣ Таннбургѣ, были въ наилучшихъ отношеніяхъ съ католическими священниками своего прихода. При всѣхъ счастливыхъ и вы-

дающихся событіяхъ въ своей семьѣ, они дѣлали богатые вклады въ церковь и при этомъ щедро награждали самого священника. Такой способъ дѣйствій принесъ свои плоды: даже самый упорный изъ борцовъ за католическую церковь, который являлся въ Таннбургъ съ твердымъ намѣреніемъ искоренить гнѣздо еретиковъ, или обратить ихъ въ католичество, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отказывался отъ своихъ благочестивыхъ плановъ. Примѣръ предшественниковъ и опытъ убѣждали его, что выгоднѣе быть почетнымъ гостемъ за столомъ графа, нежели хлопотать о спасеніи двадцати лютеранскихъ душъ.

Но теперь графъ узналъ отъ своего вѣрнаго Рехбергера, что дѣла идутъ далеко не такъ хорошо, какъ прежде. Во время его отсутствія, умеръ старшій священникъ, а новый, присланный изъ Праги, отличался крайнимъ фанатизмомъ. Не прошло и десяти мѣсяцевъ, какъ онъ вступилъ въ свою должность, но уже успѣлъ посеять плевелы раздора среди своей паствы. До этого католики жили въ полномъ согласіи съ лютеранскими слугами замка, съ управляющимъ и нѣсколькими ремесленниками, которые переселились изъ Франконіи по приглашенію графа. Благодаря прояскамъ новаго священника, уже нѣсколько разъ возникали ссоры между представителями обѣихъ вѣроисповѣданій не только по воскресеньямъ въ шинкахъ, но и во время рождественскихъ праздниковъ, а въ Троицынъ день нѣсколько челоувѣкъ католиковъ сдѣлали попытку помѣшать лютеранскому богослуженію въ замкѣ, хотя безъ успѣха, потому что болѣе достаточные крестьяне воспротивились этому. Все это, по мнѣнію Рехбергера, ясно доказывало, что нужно принять мѣры противъ „ядовитаго“ священника. Рехбергеръ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ тѣмъ, что какой нибудь приходскій священникъ осмѣливается стѣснять религиозную свободу имперскаго графа священной римско-германской имперіи. Хотя графъ относился гораздо равнодушнѣе къ этому вопросу, нежели его управляющій, но, тѣмъ не менѣе, счелъ нужнымъ написать письмо священнику и умѣрить его излишнее усердіе.

Священникъ, прочитавъ это письмо, расхаживалъ большими шагами по саду, находившемуся за его домомъ. Неожиданный пріѣздъ графа нанесъ чувствительный ударъ его планамъ. Онъ смѣло началъ борьбу противъ графскихъ слугъ, въ надеждѣ найти поддержку у своего начальства; но состязаться съ самимъ графомъ было гораздо труднѣе и опаснѣе. Теперь врядъ-ли его усилія увѣнчаются успѣхомъ; быть можетъ, вмѣсто славы и увеличенія церковныхъ доходовъ, его ожидаетъ участь мученика.

Григорій Гасликъ—такъ звали священника—воспитывался въ знаменитой іезуитской школѣ въ Прагѣ, извѣстной подъ названіемъ Клементинума; онъ былъ ревностный поборникъ церкви, строгій къ себѣ и настолько же нетерпимый относительно другихъ, скрывавшій подъ личиной христіанскаго смиренія чрезмѣрное честолюбіе и ненасытную жажду власти. Въ уничтоженіи іезуитскаго ордена онъ ви-

дѣлъ приближеніе царства лжи и антихриста. Не даромъ, въ минуты набожнаго созерцанія, ему представлялся Іисусъ Христосъ съ краснымъ знаменемъ войны, окруженный легіонами ангеловъ и попирающій сатану и духовъ ада. Онъ мысленно становился подъ божественное знамя и давалъ обѣтъ оставаться вѣрнымъ борцомъ Пресвятой Богородицы и Іисуса Христа. Для такой борьбы всѣ средства казались ему дозволительными: хитрость, обманъ, насиліе и слѣпой произволь, въ одномъ случаѣ сила убѣжденія, въ другомъ мечъ. Лѣта и жизненный опытъ еще не научили Гаслика, что свѣтъ за стѣнами іезуитской коллегіи движется совсѣмъ на иныхъ началахъ и что здѣсь нѣтъ такого затишья, какъ на монастырскомъ дворѣ съ его кустами бузины и старыми тѣнистыми деревьями. Онъ считалъ своей главной задачей возвратить еретиковъ Таннбурга въ лоно церкви, а въ случаѣ надобности — изгнать ихъ изъ страны, тѣмъ болѣе, что онъ надѣялся этимъ путемъ перейти первую ступень іерархической лѣстницы, которая можетъ приблизить его къ престолу апостольскаго намѣстника.

Гаслику и въ голову не приходило, что, помимо церковныхъ постановленій, существуетъ гражданскій законъ, которому всѣ обязаны повиноваться, какъ свѣтскіе, такъ и духовные. При своемъ исключительномъ положеніи священника, отдѣленнаго отъ остальнаго міра своимъ духовнымъ саномъ, онъ считалъ своимъ долгомъ послушаніе церкви и чувствовалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ другихъ обязательствъ. Тѣмъ не менѣе, житейскій опытъ скоро научилъ его, что, помимо государства, которое во многомъ добровольно подчинялось церкви, существуютъ еще двѣ силы, которыхъ онъ не могъ игнорировать, а именно, богатство и высшее дворянство. Напрасно расточалъ онъ свое краснорѣчіе; крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, упорно отказывались преслѣдовать лютеранскихъ слугъ своего господина.

— Какая намъ выгода отъ этого? возражали они на его увѣщанія, — хотя и не мѣшало бы изгнать еретиковъ, но что ожидаетъ насъ, если графъ уѣдетъ отсюда и продастъ землю? Новый господинъ обложитъ насъ еще болѣе тяжелыми повинностями. Мы довольны своимъ настоящимъ положеніемъ и не желаемъ лучшаго.

Подобное антирелигіозное настроеніе, исключительно направленное къ земнымъ благамъ, по мнѣнію Гаслика, служило явнымъ доказательствомъ сильнаго распространенія невѣрія и еретическихъ воззрѣній. Онъ написалъ длинное посланіе своему покровителю, пражскому епископу, и обрисовалъ яркими красками печальное нравственное состояніе своей паствы и принятія имъ мѣръ для искорененія ереси и восстановленія церковнаго вліанія. Полученный имъ отвѣтъ былъ далеко неутѣшительнаго свойства. Приближенные архіепископа, отдавая полную справедливость его усердію и желанію обратить лютеранъ на путь истины, вмѣстѣ съ тѣмъ, просили его не переходить границъ умѣренности и избѣгать всякихъ столкновеній съ прислугой

замка. Совѣтъ этотъ мотивировался тѣмъ, что графъ имѣлъ высокопоставленныхъ друзей и покровителей, и архіепископъ не желалъ навлечь на себя ихъ непріязнь изъ-за „нѣсколькихъ еретиковъ“.

Такая неудача заставила Гаслика впервые обратить вниманіе на міръ дѣйствительности и фактовъ. Онъ увидѣлъ въ немъ полную противоположность съ прошлымъ величіемъ церкви, когда властелины на колѣняхъ вымаливали прощеніе грѣховъ у св. отца, а еретиковъ жгли на кострахъ. Эта противоположность ошеломила его на нѣкоторое время, но онъ мало-по-малу пришелъ къ сознанію, что до сихъ поръ онъ жилъ въ области пустыхъ мечтаній и напрасно рассчитывалъ на всемогущество церкви и на людей, готовыхъ всѣмъ пожертвовать во имя религіи. Мечтатель долженъ былъ обратиться въ практика и, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, перейти изъ одной крайности въ другую и не видѣть иныхъ побужденій въ поступкахъ людей, кромѣ себялюбія и удовлетворенія страстей.

Но Григорій Гасликъ былъ новичкомъ на этомъ пути; онъ не умѣлъ пользоваться слабостями людей для своихъ цѣлей. Письмо графа поставило его въ величайшее затрудненіе.

Тонъ письма былъ сдержанно-серьезный: графъ Эрбахъ просилъ его не нарушать согласія между прихожанами своими совѣтами и проповѣдями и отложить всѣ попытки обращенія его лютеранскихъ слугъ въ католичество. Въ противномъ случаѣ, графъ будетъ вынужденъ лишить безпокойнаго пастыря своего покровительства и попросить архіепископа послать въ Таннбургъ другого священника.

Гасликъ не зналъ, долженъ ли онъ уступить въ настоящемъ случаѣ, или вести борьбу до послѣдней крайности. Разсерженный и недовольный, ходилъ онъ взадъ и впередъ по саду.

Это былъ худощавый человѣкъ со впалыми глазами, грубымъ, мужиковатымъ лицомъ и коротко обстриженными волосами. На немъ было поношеное домашнее платье; онъ жестикулировалъ своими большими руками, бормоталъ вполголоса невнятные слова и, сбиваясь съ дорожки, топталъ цвѣты, растущіе въ клумбахъ. Григорій Гасликъ не былъ любителемъ цвѣтовъ, и садомъ завѣдывала его кухарка Людмила. Когда онъ доходилъ до конца сада, онъ всякій разъ останавливался, тяжело вздыхалъ и смотрѣлъ черезъ заборъ на поле, которое растилалось на далекомъ пространствѣ сѣровато-черною степью, такъ какъ хлѣбъ былъ давно убранъ и нигдѣ не видно было и слѣда красивыхъ золотистыхъ колосьевъ.

Онъ, видимо, ждалъ кого-то, и напрасное ожиданіе еще больше усиливало его нетерпѣніе. Послѣобѣденное солнце припекало ему голову своими горячими лучами; крупныя капли пота выступали на его лбу. Наконецъ, на церковныхъ часахъ пробилъ четыре часа, и въ то же время на полѣ показался человѣкъ въ темномъ одѣяніи и трехугольной шляпѣ; онъ держалъ въ рукахъ книгу и весь углубился въ чтеніе. Но, когда Гасликъ отворилъ ему садовую калитку, онъ

поспѣшно опустил книгу въ боковой карманъ своей длинной одежды, спускавшейся до самыхъ башмаковъ, и сказалъ:

— Благословенъ Господь Богъ нашъ Иисусъ Христосъ!

Это былъ патеръ Ротганъ.

— Во вѣки вѣковъ, аминь! отвѣтилъ священникъ.

Послѣдній спѣшилъ окончить обычные привѣтствія и вопросы, чтобы заговорить о предметѣ, наиболѣе занимавшемъ его въ эту минуту. Онъ усадилъ желаннаго гостя въ бесѣдѣ изъ дикаго винограда, гдѣ Людмила приготовила имъ закуску.

Ротганъ отломилъ кусокъ хлѣба и медленно выпилъ стаканъ мѣстнаго краснаго вина, между тѣмъ какъ священникъ не въ состояннн былъ ѣсть отъ нетерпѣннн и только пилъ вино большими глотками.

— Извините меня, если я немного запоздалъ, началъ патеръ Ротганъ.—Но когда я займусь своими камнями, то время проходитъ для меня незамѣтно. Вдобавокъ, лошадь шла шагомъ, благодаря жарѣ, и я слишкомъ рано вышелъ изъ экипажа. Кстати, объясните, пожалуйста, почему вы потребовали отъ меня, чтобы я пришелъ къ вамъ тайкомъ черезъ поле, подобно тому, какъ нѣкогда Никодимъ ходилъ къ Иисусу Христу, изъ боязни, чтобы евреи не увидѣли его.

Григорій Гасликъ началъ длинное повѣствованнн о своей борьбѣ съ ересью и о принятыхъ имъ мѣрахъ къ ея искорененн, и особенно подробно распространился о томъ затруднительномъ положенн, въ какомъ онъ очутился послѣ прнѣзда графа.

— Его неожиданное появленн настолько озадачило и смутило меня, добавилъ онъ, — что я рѣшился обратиться къ вамъ за совѣтомъ, многуважаемый патеръ, тѣмъ болѣе, что вы были моимъ неизмѣннымъ покровителемъ въ иезуитской коллегн и всегда наставляли меня на путь истины. Не угодно ли вамъ прочесть это письмо, которое я получилъ сегодня отъ графа Эрбаха.

— Вотъ счастливое совпаденн, отвѣтилъ съ улыбкой патеръ Ротганъ, прочесть письмо.—Я намѣревался наднхъ посѣтить графа и думаю, что вы не откажетесь отъ моего посредничества.

— Безконечно благодаренъ вамъ. Но я не могу придти въ себя отъ удивленн... Вы знакомы съ графомъ, съ этимъ безбожникомъ, и хотите ему сказать...

— Что я знакомъ съ вами и читалъ его письмо!.. Вы, кажется, совсемъ забыли все то, о чемъ я говорилъ съ вами въ тотъ самый вечеръ, когда изъ Рима получено было извѣстнн, что папа Ганганелли намѣревается уничтожить нашъ орденъ. Мы шли съ вами около императорскаго дворца; у нашихъ ногъ разстилалась Прага...

— Какъ же! Помню!..

— Если помните, то почему не слѣдуете моимъ совѣтамъ? Не папа Ганганелли, а мы сами были наихудшими врагами нашего иезуитскаго братства. Мы съ воловьимъ упорствомъ шли наперекоръ всѣмъ желаннямъ коронованныхъ особъ, между тѣмъ какъ намъ легко было

управлять ими, дѣлая нѣкоторыя необходимыя уступки. Своими мелкими интригами, хитростью, ложью, мы только раздражали противника, не нанося ему смертельнаго удара. Вотъ и теперь вы хотите утаить отъ графа наше знакомство, хотя сами убѣждены, что онъ узнаетъ объ этомъ черезъ слугъ или отъ своей возлюбленной. Вотъ вся ваша мудрость!

— Вы совершенно правы, многоуважаемый патеръ! отвѣтилъ Гасликъ, опуская голову.—Но не всякій обладаетъ вашей ловкостью и умомъ. Я не болѣе, какъ кулачный боецъ, и не гожусь въ предводители. На вашу долю выпала болѣе почетная и высшая задача...

Въ справедливости этихъ словъ могъ убѣдиться всякій, кто взглянулъ бы въ эту минуту на умную и выразительную физиономію Ротгана и сравнилъ ее съ топорнымъ и пошлымъ лицомъ Гаслика. Таковую же противоположность составлялъ убѣдительный вкратчивый тонъ одного изъ собесѣдниковъ съ грубымъ крикливымъ голосомъ другого. Насколько наружность Гаслика казалась грязной и неряшливой, настолько у Ротгана все доведено было до педантичной опрятности и изящества.

Ротганъ хорошо зналъ своего прежняго ученика и тотчасъ-же замѣтилъ, что въ его униженномъ тонѣ скрывается затаенное тщеславіе и жажда почестей.

— Вооружитесь терпѣніемъ, мой другъ! придетъ и ваша очередь повелѣвать. Послѣ Моисея и Иисуса Навина власть перешла къ Самсону. Вы всего болѣе похожи на него характеромъ, и если научитесь владѣть собой, то тѣмъ выше будетъ ваша заслуга передъ Господомъ и церковью...

Патеръ замолчалъ и, вынувъ изъ кармана небольшую книгу съ золотымъ обрѣзомъ, задумчиво разсматривалъ ее; наконецъ, онъ сказалъ:

— Если вы хотите послушать моего совѣта, то вы постараетесь умѣрить себя и будете избѣгать всего, что можетъ быть неприятно графу. Въмѣсто того, чтобы раздражать его, вы поступили бы гораздо благоразумнѣе, если бы постарались заслужить его довѣріе...

— Неужели я долженъ оставить непотушеннымъ тлѣющій огонь ереси?

— Въ самомъ непродолжительномъ времени зажжены будутъ и другіе огни, и вамъ не потушить ихъ! Мы переживаемъ тяжелые годы. Скоро власть окончательно перейдетъ въ руки Іосифа II-го; дни его благочестивой матери сочтены. Какими средствами думаете вы обуздать молодого льва?

— Если мы всѣ возвысимъ голосъ противъ новаго Юліана Отступника, то неужели христіанскіе народы не захотятъ защитить алтари Господни и нашу святую вѣру?

— Врядъ ли можно разсчитывать на это, потому что противъ насъ наука и ученые. Школа — вотъ змѣя, которую мы должны раз-

давить, но, разумѣется, не проклятіями и не отлученіемъ отъ церкви, на что вы всѣ особенно щедры. Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, міромъ управляла вѣра; теперь надъ нимъ властвуетъ наука. Но и здѣсь намъ представляется исходъ. Мы ни въ какомъ случаѣ не должны бороться противъ новыхъ изобрѣтеній и взглядовъ, а напротивъ того, намъ слѣдуетъ пользоваться ими по мѣрѣ возможности. Въ послѣднее время ни одна секта не была такъ опасна для церкви, какъ масоны; почему намъ не применить къ ней, не научиться ея тайнамъ и обрядамъ и не раздѣлить ея вліяніе и богатства? Нашъ императоръ молодъ, проникнутъ страстнымъ стремленіемъ къ дѣятельности; голова его переполнена разными реформами и улучшеніями; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ человѣкъ въ высшей степени своевольный и сознающій свое могущество. Какая польза раздражать его преждевременно и вселять въ немъ мысль, что мы его враги! Воздайте должное кесарю и направляйте его волю къ добру—вотъ задача, достойная ордена, который уже болѣе не имѣетъ имени...

Патеръ Ротганъ остановился. Въ порывѣ увлеченія онъ высказалъ свои затаенныя мысли, что вовсе не входило въ его планы; но, взглянувъ на своего собесѣдника, онъ тотчасъ-же успокоился, убѣдившись, что тотъ не понимаетъ его. Это обстоятельство побудило его перемѣнить тонъ и перейти къ болѣе обыденнымъ предметамъ.

— Я хотѣлъ только сказать—продолжалъ онъ,—что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, намъ необходима змѣная мудрость. Въ данномъ случаѣ, мой дорогой другъ, вы должны поступать съ возможною осторожностью. Провидѣнію угодно было возложить на васъ великій подвигъ.

На лбу Гаслика выступили еще болѣе крупныя капли пота. Онъ не спускалъ глазъ съ патера, который безпокойно оглядывался по сторонамъ.

— Здѣсь никто не можетъ подслушать насъ. Вы можете говорить совершенно свободно, многоуважаемый патеръ,—сказалъ священникъ голосомъ дрожащимъ отъ волненія.

Въ саду царила мертвая тишина. Въ бесѣдѣ было душно отъ палящихъ лучей солнца; птицы лѣниво перелетали съ дерева на дерево. Въ домѣ слышался стукъ перемываемой посуды, такъ что не могло быть никакого опасенія, что Людмила можетъ подслушать ихъ.

Тѣмъ не менѣе, Ротганъ счелъ нужнымъ понизить голосъ.

— Говорятъ, что этотъ графъ Эрбахъ, съ которымъ васъ свела судьба, находится въ какихъ-то тайныхъ, но очень близкихъ сношеніяхъ съ императоромъ. Я не могу ничего болѣе сообщить вамъ, потому что, не смотря на всѣ старанія, намъ не удалось узнать, какого рода эти сношенія. Извѣстно только, что въ прошломъ году императоръ и его братъ, герцогъ Тосканскій, провели нѣсколько дней

въ Венеціи во время карнавала, когда тамъ былъ и графъ Эрбахъ.

— Прислуга замка рассказывала мнѣ, что графъ совершилъ эту поѣздку со своей молодой женой.

— Совершенно вѣрно. Супруги разстались тамъ; но мы до сихъ поръ не узнали, что было причиной разрыва.

Ротганъ сказалъ послѣднія слова такимъ тономъ, какъ будто ожидалъ отвѣта. Священникъ послѣшилъ удовлетворить его любопытство съ видимымъ самодовольствомъ.

— Причина самая простая! Благочестивая Рената Шварценбергъ вышла замужъ за графа, въ надеждѣ возвратить его въ лоно католической церкви, такъ какъ графъ обѣщалъ ей отречься отъ лютеранской ереси. Когда Рената убѣдилась, что всѣ ея надежны напрасны, она отказалась отъ супружества, которое, въ сущности, было фиктивное. Наконецъ—добавилъ Гасликъ съ двухсмысленной улыбкой, придавшей его лицу выраженіе языческаго фавна, — она могла быть довольна имъ, какъ женщина...

— Какъ женщина? спросилъ съ недоумѣніемъ патеръ Ротганъ.

— Не знаю; быть можетъ, графъ перемѣнилъ теперь свой образъ мыслей!... Насколько мнѣ извѣстно, онъ не только вольнодумецъ, но еще эпикуреецъ и сластолюбецъ. Онъ привезъ съ собой изъ путешествія молодую дѣвушку, которую скрываетъ въ замкѣ.

— Болтовня прислуги!.. Мнѣ не случалось видѣть ни одного господина, о которомъ прислуга не болтала бы всякой всячины!

— Разумѣется; Вотъ я, напримѣръ, не вѣрю, что дочь управляющаго была, когда нибудь, его возлюбленной...

— Не хотятъ ли приписать ему, что онъ содержитъ цѣлый гаремъ! Можетъ быть, мнѣ удастся убѣдить васъ съ помощью фактовъ, что все это вздоръ. Я самъ встрѣтилъ графа на границѣ, оставался съ нимъ до поздняго вечера и видѣлъ собственными глазами, какъ онъ уѣхалъ изъ города съ однимъ слугой въ легкомъ охотничьемъ экипажѣ.

— Значитъ, тутъ замѣшалась сверхъестественная сила!—возразилъ Григорій Гасликъ тономъ убѣжденія. — Вы говорите, что онъ уѣхалъ изъ города въ охотничьемъ экипажѣ, между тѣмъ какъ онъ пріѣхалъ сюда въ великолѣпной дорожной каретѣ. Таинственную красавицу видѣлъ одинъ человекъ, которому я исполнѣ довѣряю. У него на лицѣ царянины, такъ какъ она ударила его сосновой вѣткой...

Ротганъ обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ скрывать свои ощущенія, но, тѣмъ не менѣе, въ эту минуту удивленіе и неудовольствіе придали еще болѣе непріятное выраженіе его лицу.

— Я не ожидалъ ничего подобнаго отъ графа,—сказалъ онъ. — Кто могъ предполагать въ немъ столько хитрости и скрытности! Я непромѣнно отправлюсь въ этотъ заколдованный замокъ. Если моя догадка справедлива, то я хорошо знаю эту красавицу... Во всякомъ

случаѣ, вы должны убѣдиться изъ этого, что графъ далеко не такъ добродушенъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Но я все-таки надѣюсь съ его помощью заслужить милость императора и рано или поздно добиться своей цѣли! Разумѣется, я имѣю тутъ въ виду только интересы нашего ордена и церкви!..

— Изъ вашихъ словъ, многоуважаемый патеръ, можно вывести такое заключеніе, что мы должны ухаживать за еретиками вмѣсто того, чтобы карать ихъ!

— Мы только тогда овладѣемъ ими, если будемъ нѣкоторое время ухаживать за ними и говорить ихъ языкомъ. Не даромъ провидѣнію угодно было продлить жизнь благочестивой Маріи Терезіи и положить этимъ преграду широкимъ планамъ императора. Да сохранить ее Господь на благо намъ и всѣмъ христіанскимъ народамъ! Мы должны воспользоваться благопріятными обстоятельствами и сдѣлать попытку переимѣнить образъ мыслей Іосифа II. Онъ находится въ періодъ нравственнаго броженія, и тѣмъ легче будетъ овладѣть имъ. Онъ ненавидитъ совѣтниковъ своей матери и ищетъ новыхъ людей для своихъ нововведеній. Графъ Эрбахъ имѣетъ за собой всѣ данія, чтобы привлечь на себя его вниманіе; поэтому, намъ необходимо склонить его на свою сторону. Согласно правиламъ нашего ордена, вы обязаны безпрекословно исполнять волю старшихъ, но я счелъ нужнымъ объяснить вамъ причины, которыя побуждаютъ насъ принять относительно графа Эрбаха извѣстный способъ дѣйствій.

— Безконечно благодаренъ за ваше довѣріе, сказалъ Гасликъ, цѣлуя руку патера.—Священное писаніе предписываетъ намъ смиреніе, и я готовъ употребить всѣ усилія, чтобы заслужить расположеніе этого безбожника и соблазнителя невинныхъ дѣвушекъ...

— Оставьте въ покоѣ бабъ! замѣтилъ съ нетерпѣніемъ Ротганъ.—Проповѣдуйте вашу узкую мораль простому народу, но когда дѣло касается знатныхъ господъ, то на ихъ поступки нужно смотрѣть съвозъ пальцы.

— Тѣмъ не менѣе, я считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ, что въ замкѣ живетъ довольно опасная особа; она сводитъ съ ума молодыхъ деревенскихъ парней своей необычайной красотой и совершенно овладѣла волей графа. Я говорю о дочери управляющаго.

— Фамилія управляющаго Рехбергеръ, не такъ-ли?

Гасликъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на своего собесѣдника.

— Развѣ вы знаете его? спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ зовутъ эту молодую дѣвушку?

— Гедвигой. Она очень хороша собой и велика ростомъ.

Патеръ улыбнулся. Восторженные отзывы священника о молодой дѣвушкѣ казались ему подозрительными.

— Вы не знаете, жила она въ замкѣ во время женитьбы графа?

— Да, она жила въ это время въ замкѣ.

— По моему мнѣнію, было бы весьма желательно соединить обоихъ супруговъ.

— Но вся семья и родственники Шварценберговъ благодарятъ Бога, что этотъ союзъ расторгнуть, по крайней мѣрѣ, фактически.

— Какое значеніе имѣютъ желанія одной семьи, когда дѣло идетъ объ интересахъ церкви? Намъ необходимо обсудить надлежащимъ образомъ этотъ вопросъ. Вы должны поставить себя за правило распространяться о добродѣтеляхъ Ренаты всякій разъ, когда вамъ придется разговаривать съ ея супругомъ. Равнымъ образомъ, въ своихъ письмахъ къ дядѣ молодой женщины въ Версаль...

Гасликъ замѣтно поблѣднѣлъ при этихъ словахъ и хотѣлъ возражать, но патеръ Ротганъ остановилъ его повелительнымъ жестомъ руки и продолжалъ свою наставительную рѣчь:

— Мнѣ достоверно извѣстно, что вы пишете иногда въ Версаль; и поэтому я совѣтую вамъ избѣгать въ своихъ письмахъ всякихъ непріязненныхъ отзывовъ о графѣ. Раздоръ между супругами достаточно силенъ, и вы не должны увеличивать его своими неумѣстными замѣчаніями. Что же касается письма графа Эрбаха, то отвѣчайте ему почтительно и извинитесь въ своей горячности, объяснивъ ее полнымъ незнаніемъ мѣстныхъ условій. Затѣмъ, вы будете подробно извѣщать меня о томъ, что дѣлается здѣсь; только избавьте меня отъ всякихъ любовныхъ исторій! Глаза патера какъ-то странно прищуривались при этихъ словахъ, и онъ слегка улынулся.

— Я не вижу, добавилъ онъ,—особенной бѣды въ томъ, если графъ, въ видѣ развлеченія, будетъ ухаживать за той или другой крестьянской дѣвушкой и, во всякомъ случаѣ, совѣтую вамъ въ точности исполнить мои приказанія; я думаю остаться здѣсь до зимы. Однако, мнѣ пора двинуться въ путь. До свиданія...

Ротганъ поднялся съ своего мѣста и взялъ свою палку. Въ эту минуту онъ казался совершенно не тѣмъ человѣкомъ, какимъ всѣ привыкли видѣть его; это былъ не прежній ловкій и утонченный священникъ, напоминающій римскаго прелата или свѣтскаго французскаго аббата. Онъ вытянулся во весь ростъ и, благодаря гордому выраженію своего морщинистаго лица и повелительному тону голоса, скорѣе имѣлъ видъ главнокомандующаго, отдающаго приказанія солдату. Григорій Гасликъ почтительно проводилъ его до воротъ своего дома; но пока они шли, строгость исчезла съ лица патера, которое опять приняло обычное ласковое выраженіе. Онъ простился съ своимъ хозяиномъ не какъ начальникъ съ подчиненнымъ, а какъ простой знакомый, и дружески пожалъ ему руку.

Григорій Гасликъ съ тяжелымъ вздохомъ вернулся въ свой садъ; онъ убѣдился, что напрасно рассчитывалъ на поддержку своего прежняго учителя.—Какой у него странный образъ мыслей,—есть чему могутъ повести всѣ эти уступки свѣтской власти? думалъ Гасликъ.— Если моя горячность и излишнее рвеніе могли показаться неумѣстными

высшему начальству, то неужели они находятъ болѣе желательнымъ равнодушіе, съ какимъ Ротганъ относится къ своимъ духовнымъ обязанностямъ? Они вѣчно толкуютъ о церкви и о своей преданности ей, а во всякомъ единичномъ случаѣ жертвуютъ ея интересами и цѣлыми годами подчиняются капризамъ деспота, въ тщеславномъ самообольщеніи властвовать надъ нимъ. Что даетъ право патеру имѣть такое высокое мнѣніе о своей мудрости? Неужели онъ считаетъ себя умнѣ святыхъ и мучениковъ, пострадавшихъ за святую церковь!..

Григорій Гасликъ тѣмъ болѣе возмущенъ самонадѣянностью своего бывшаго наставника, что не менѣе его былъ зараженъ гордостью и высокоуміемъ. Онъ не могъ забыть оскорбительнаго обхожденія Ротгана, который едва выслушалъ его и выбранилъ, какъ школьника. — Неужели, думалъ онъ, этотъ человекъ воображаетъ, что его ученость выше христіанскаго смиренія и простоты душевной!.. Павлинъ, который наряжается въ блестящія перья и думаетъ затмить бѣлоснѣжнаго голубя.

Эти мысли и сравненія настолько поглотили вниманіе самолюбиваго священника, что онъ совершенно забылъ о томъ, что наступилъ часъ, назначенный имъ для исповѣди. Къ нему подошла Людмила и напомнила, что пора идти въ церковь и что „навѣрно его давно ожидаютъ тамъ“.

Между тѣмъ, патеръ Ротганъ, пройдя деревню, сталъ подниматься въ гору по широкой аллеѣ, ведущей къ замку, по обѣимъ сторонамъ которой росъ густой орѣшникъ, посаженный дѣдомъ графа Эрбахъ. Никто не вышелъ къ нему на встрѣчу и онъ могъ на свободѣ обдумать планъ дѣйствій.

Графъ Эрбахъ, не подозрѣвая приближенія гостя, сидѣлъ въ это время съ Короной у окна, обращеннаго въ садъ, и велъ съ нею серьезный разговоръ.

Затруднительное положеніе, въ которое онъ поставилъ себя, давъ приютъ молодой дѣвушкѣ въ своемъ замкѣ, усложнилось еще болѣе. Она жила шесть дней подъ его кровомъ. Вчера старая графиня послала ему сказать, что ея внучки не оказалось въ Дрезденѣ, что Росси пріѣхалъ одинъ и въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, такъ что, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ Короной случилось несчастіе, или она уѣхала въ Прагу. Графъ Эрбахъ хотѣлъ было немедленно увезти туда молодую дѣвушку, такъ какъ въ Прагѣ у ней были близкіе родные, у которыхъ она могла помѣститься, не возбуждая никакихъ толковъ. Но въ это время года всѣ они находились еще въ своихъ имѣніяхъ, а графъ Турмъ, отецъ Короны, уѣхалъ въ Миланъ къ своему сыну Прокопу. Между тѣмъ, графъ Эрбахъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ его отношенія къ молодой дѣвушкѣ становятся все болѣе и болѣе натянутыми. Ему нужно было призвать на помощь весь свой умъ и самообладаніе, чтобы казаться равнодушнымъ

и удалить отъ этой страстной юной души мысли и ощущенія, которыя могли омрачить ея веселое настроеніе духа. Но даже это кажущееся спокойствіе не могло болѣе продолжаться. Слухъ о пребываніи Короны въ замкѣ легко могъ дойти до старой графини Турмъ, но даже въ томъ случаѣ, если тайна будетъ соблюдена, благодаря скромности Рехбергера и другихъ слугъ, то врядъ ли ему удастся оградить ее отъ празднаго любопытства и злословія сосѣдей. Могъ ли онъ разсчитать всѣ послѣдствія своего рыцарскаго поступка въ тотъ моментъ, когда спасалъ ее отъ необдуманнаго шага, съ полнымъ сознаниемъ, что исполняетъ свою прямую обязанность? Онъ надѣялся, что, послѣ двухъ-трехъ дней ея пребыванія въ замкѣ, ему будетъ не трудно отпратить ее въ Прагу въ сопровожденіи Гедвиги и Рехбергера. Но вмѣсто трехъ дней, прошло цѣлыхъ шесть и, вѣроятно, пройдетъ еще столько же времени, пока представится удобный случай увести Корону въ болѣе безопасное убѣжище. Къ бабушкѣ она не хотѣла возвращаться ни подъ какимъ видомъ. Везти ее въ Миланъ было слишкомъ далеко и затруднительно и, вдобавокъ, ходили упорные слухи о серьезной ссорѣ отца Короны съ сыномъ, и графъ считалъ себя не вправѣ подвергать дѣвушку новымъ неприятностямъ, заставляя ее быть невольной свидѣтельницей тяжелыхъ и даже, быть можетъ, бурныхъ сценъ. Что дѣлать и на что рѣшиться?—спрашивалъ онъ себя много разъ въ продолженіи послѣднихъ шести дней, глядя на граціозную фигуру молодой графини, которая беззаботно шла на встрѣчу своей сомнительной будущности. Онъ съ грустью думалъ о томъ, что, быть можетъ, ни одной изъ ея блестящихъ надеждъ не суждено осуществиться. Замокъ и садъ напоминали ему на каждомъ шагу его собственныя обманутыя ожиданія. Съ какой радостью онъ избавилъ бы ее отъ горькихъ разочарованій и подѣлился съ нею хладнокровіемъ и спокойствіемъ, которыя онъ приобрѣлъ тяжелымъ опытомъ. Почему примѣръ другихъ не предостерегаетъ насъ и всѣ мы должны заплатить дань тѣмъ же самымъ заблужденіямъ ослѣпленной фантазіи? Что мѣшаетъ намъ во-время соразмѣрить наши желанія и требованія, вмѣсто того, чтобы отказываться отъ нихъ впоследствии въ силу печальной необходимости?..

Такого рода мысли всецѣло поглощали графа Эрбаха; онъ не въ состояніи былъ думать ни о комъ другомъ, кромѣ красивой дѣвушки, присутствіе которой обаятельно дѣйствовало на него. Два года тому назадъ, увлеченный другой любовью, онъ не обращалъ никакого вниманія на Корону; теперь онъ былъ въ полномъ восторгѣ отъ ея красоты и ума. Онъ невольно сравнивалъ ее съ Ренатой, и сравненіе не всегда было въ пользу его жены. Мало по малу онъ пришелъ къ убѣжденію, что жизнь его была бы несравненно полнѣе и счастливѣе, если бы онъ женился на Коронѣ, потому что у нихъ было много общаго во взглядахъ, характерѣ и даже вкусахъ. Оба они одинаково

любили музыку, и по вечерамъ, когда она разыгрывала на фортепiano пѣсы молодого композитора Гайдена, только что входившаго тогда въ славу, онъ аккомпанировалъ ей на виолончели. У Короны не было и слѣда строгаго благочестія и нетерпимости, которыми проникнуто было все существо Ренаты. Хотя многое въ разговорахъ графа казалось ей несогласнымъ съ догматами католической церкви, но она не думала упрекать его за это, или обращать на путь истины. Она съ живымъ интересомъ слушала его рассказы о чудесахъ природы, и даже нечестивая машина для летанія по воздуху, которую онъ устраивалъ съ Бланшаромъ, показалась ей не такой ужасной при его объясненіяхъ. У ней было столько вопросовъ, о которыхъ ей казалось необходимымъ переговорить съ нимъ, и она была такъ занята новизной окружавшей ее обстановки, что отълаживала со дня на день длинную чувствительную, рѣчь съ которой хотѣла обратиться къ нему по поводу его ссоры съ женой. Ей было трудно произнести въ его присутствіи имя Ренаты, и всякій разъ, когда она вспоминала свою бывшую подругу, онъ тотчасъ же мѣнялъ разговоръ и старался обратить ея вниманіе на что нибудь другое.

Но сегодня они случайно разговорились на эту тему.

Корона, сидя у окна и подперевъ голову рукой, смотрѣла въ садъ. Ничто не могло быть прелестнѣе ея хорошенькаго лица, сіявшаго безмятежною радостью и весельемъ молодости.

Графъ Эрбахъ сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и жѣрно покачивалъ правой ногой, какъ бы въ надеждѣ, что это однообразное движеніе утишитъ мучительное безпокойство, наполнявшее его сердце.

— Какъ хороша эта мѣстность, этотъ садъ и замокъ! оказала Корона.—Еслибъ все это принадлежало мнѣ, то я не стала бы ескитаться по свѣту, какъ вы, кузень!

— Давно ли одна знакомая мнѣ особа хотѣла уѣхать отсюда на край свѣта?

— Я тогда не имѣла никакого понятія объ этомъ домѣ! отвѣтила она съ живостью,—я не подозрѣвала, что спокойствіе—величайшее счастье для человѣка. Здѣсь я въ первый разъ въ моей жизни распоряжаюсь временемъ, какъ мнѣ вздумается. Ни утромъ, ни вечеромъ, я не обязана дѣлать то, или другое... Вы не браните меня, не принуждаетесь молиться по четкамъ. Нѣтъ, вы не можете понять, какъ мнѣ весело и легко на душѣ! Вы мужчина, и у васъ никогда не было бабушки!

— У меня была строгая мать. Повѣрьте мнѣ, Корона, что для всѣхъ насъ рано или поздно наступаетъ день, когда мы дорогой цѣной хотѣли бы вернуть прошлое и услышать еще разъ милый бранчивый голосъ. Быть можетъ, это своего рода наслажденіе—быть независимымъ отъ родителей и родныхъ, но такая независимость большею частью идетъ рука объ руку съ полнымъ одиночествомъ, а хуже этого ничего нѣтъ въ мірѣ.

— Я помирилась бы съ одиночествомъ, если бы это могло доставить мнѣ независимость. Вы вспоминаете съ сожалѣніемъ о своей матери, но я не могу испытывать ничего подобнаго! Моя мать умерла прежде, чѣмъ я была въ состояніи обнять ее. Отецъ мой поручилъ мое воспитаніе бабушкѣ. Меня отвезли въ Прагу и отдали въ Урсунинскій монастырь, гдѣ я прожила нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ съ другими дѣвушками, принадлежащими къ высшему дворянству. Сестры-монахини обходились съ нами ласково, но онѣ не могли сдѣлать меня ручной, и я осталась такой-же дикою птицей, какъ была въ дѣтствѣ. Когда кончилось ученіе, я опять вернулась къ бабушкѣ въ ея скучный замокъ. Вы не можете понять меня, кузень, потому что никогда не бывали въ подобномъ положеніи! Когда вамъ становится невыносимо, вы имѣете возможность уѣхать, куда хотите, а я, несчастная, должна была поневолѣ остаться въ замкѣ Турмъ, въ этомъ царствѣ скуки, гдѣ пѣніе было моимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Я готова была рѣшиться на что угодно, чтобы избавиться отъ такой жизни!..

— Я желалъ бы ошибиться, моя дорогая Корона, но мнѣ кажется, что никакое положеніе не удовлетворитъ васъ. Ваше поверхностное знакомство со свѣтомъ только развило вашу фантазію. Подъ вліяніемъ самообольщенія вы, приписываете свѣту то очарованіе, какимъ онъ не обладаетъ въ дѣйствительности. Вы ищете чего-то необыкновеннаго, а васъ ожидаетъ повседневная жизнь или, другими словами, вѣчное повтореніе однихъ и тѣхъ же дѣлъ, заботъ и радостей. Я былъ бы совершенно счастливъ, если бы моя опытность могла невредимо перенести васъ черезъ пропасть, которая открывается передъ вами, и доставить васъ на другой берегъ.

— На другой берегъ?

— Гдѣ у васъ не будетъ напрасныхъ желаній, и вы не станете составлять великихъ плановъ, которые можетъ разрушить первое дуновеніе вѣтра и гдѣ, наконецъ, у васъ не будетъ неопредѣленныхъ стремленій на гибель себѣ и другимъ!

— Какъ пріятно слышать такіа мудрыя рѣчи, достойныя чело-вѣка, убѣленнаго сѣдинами! Не воображаете ли вы, кузень, что уже достигли „другаго берега?“

— Нѣтъ, но я употребляю всѣ усилія, чтобы устоять на пути самоотреченія...

— Я готова держать пари, что для васъ опять наступитъ время надеждъ и желаній.

— Это было бы несчастіемъ для обоихъ насъ! подумалъ графъ Эрбахъ, бросивъ на молодую дѣвушку нѣжный взглядъ, въ которомъ горе и радость выразились въ одно и то же время и придали его лицу особенную привлекательность. Занятый своими мыслями, онъ ничего не отвѣтилъ и молча любовался Короной, которая, краснѣя, отвернулась отъ него.

Въ комнатѣ на пянуту наступила мертвая тишина, какъ это нерѣдко бываетъ съ влюбленными, разговоръ которыхъ иногда прерывается безъ всякой видимой причины.

Графъ Эрбахъ первый прервалъ молчаніе.

— Мнѣ сообщили сегодня непріятную новость, сказалъ онъ.—Его величество императоръ Іосифъ находится по сосѣдству. Сдѣлавъ смотръ войскамъ въ Пардубицѣ и Кениггрецѣ, онъ отправился верхомъ въ Лейтмерицъ.

— Въ Лейтмерицъ? спросила нерѣшительно Корона.

Она невольно вспомнила объ офицерѣ, который разговаривалъ съ ней у садовой стѣны, и ей пришло въ голову, что это кто нибудь изъ приближенныхъ императора.

— Да, Іосифъ намѣревается построить крѣпость въ Лейтмерицѣ, или Терезіенштадтѣ, вѣроятно, на случай новой войны съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ. При другихъ обстоятельствахъ, я считалъ бы за счастье увидѣть императора и привѣтствовалъ бы его съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, но въ настоящее время его пріѣздъ встревожилъ меня, потому что изъ-за этого мнѣ придется, быть можетъ, разстаться съ вами, Корона.

Она съ испугомъ посмотрѣла на него.

— Вы хотите прогнать меня! Неужели мое присутствіе стало въ тягость вамъ? спросила она взволнованнымъ голосомъ.

— Я хочу прогнать васъ! Зачѣмъ вы употребляете такія выраженія? Дѣло въ томъ, что я считаю своей обязанностью сберечь вашу честь отъ всякихъ нареканій. Императору можетъ прійти фантазія послѣтить этотъ замокъ, или сдѣлать визитъ вашей бабушкѣ. Кто поручится, что ваше пребываніе въ моемъ домѣ останется тайной и что злые языки не объяснятъ его извѣстнымъ образомъ?..

Эти слова еще болѣе смутили Корону. Онъ тотчасъ же замѣтилъ это и добавилъ для ея успокоенія:

— Я не считаю посѣщеніе императора неизбѣжнымъ; можетъ быть, блестящая комета минуетъ насъ. Но мнѣ кажется нелишнимъ принять нѣкоторыя мѣры на случай пріѣзда императора, чтобы насъ не застали врасплохъ.

Корона печально опустила руки на колѣни.

— Мнѣ приснился чудный сонъ, сказала она. — Вотъ и конецъ ему! Я буду кротка и послушна. Какъ рѣшили вы распорядиться моею особой?

— Зачѣмъ вы говорите со мной этимъ тономъ? Какое я имѣю право распоряжаться вами! Если вы позволите, то мы обсудимъ вдвоемъ, гдѣ вамъ будетъ удобнѣ помѣститься на первое время и гдѣ вы будете чувствовать себя всего лучше.

— Гдѣ мнѣ можетъ быть лучше, чѣмъ у тебя? подсказывало ей сердце, но она не рѣшилась высказать этой мысли и молча опустила голову.

— Я хотѣлъ было увезти васъ къ графини Кински, моей большой пріятельницѣ, которая постоянно проводитъ зиму въ Прагѣ; но я узналъ, что она все еще въ своемъ помѣстьѣ. Затѣмъ я вспомнилъ о вашемъ отцѣ...

— Я всего охотнѣе поѣхала бы къ отцу; онъ проститъ мнѣ мое бѣгство, я на колѣняхъ буду умолять его не выдавать меня бабушкѣ...

— Къ несчастью, вашего отца нѣтъ въ Вѣнѣ. Онъ уѣхалъ въ Миланъ. Мы должны найти какой нибудь другой исходъ...

Корона чувствовала себя глубоко несчастной въ эту минуту; мужество уже начинало оставлять ее; но тутъ взгляды ея случайно упали на стекло окна, на которомъ были ясно нацарапаны буквы, вѣроятно, рукою графа, потому что она прочитала имя Ренаты. Это незначительное обстоятельство тотчасъ дало иное направленіе ея мыслямъ; прежняя веселость вернулась къ ней; она кокетливо поправила свои локоны и, вскочивъ съ мѣста, встала передъ Эрбахомъ.

— Я нашла исходъ, кузень! сказала она.— Отоплите меня въ Парижъ къ Ренатѣ! Этимъ способомъ я буду удалена отъ бабушки, которая хочетъ выдать меня замужъ за отвратительнаго человѣка, или запрятать въ монастырь. вмѣстѣ съ тѣмъ, я избавлю отъ моего присутствія добродѣтельнаго кузена, который не можетъ выносить женщины въ своемъ замкѣ. Ренета—любимая подруга моей юности; она приметъ меня съ распростертыми объятіями. Ея покровительство избавитъ меня отъ нареканій и клеветы. Я воображаю себѣ, сколько будетъ у насъ разговоровъ, жалобъ и слезъ! Я непременно поѣду къ Ренатѣ. Тамъ мнѣ будетъ покойно, и я исправлюсь отъ своихъ пороковъ. Вы, кузень, должны уступить моему желанію, потому что, въ противномъ случаѣ, я убѣгу отсюда и на зло вамъ поступлю на сцену.

— Вы несетесь, какъ вихрь, Корона, я съ трудомъ успѣваю слѣдить за полетомъ вашей мысли! замѣтилъ графъ Эрбахъ, взявъ ее за обѣ руки.

Она стояла передъ нимъ съ веселой улыбкой, такъ какъ видѣла, что на половину заручилась его согласіемъ. Какъ ни страннымъ казалось ея предложеніе съ перваго взгляда, но графъ Эрбахъ рѣшилъ воспользоваться имъ. Отправивъ Корону въ Парижъ, онъ не только избавлялся отъ тяготившихъ его заботъ, но и отъ обвиненій, которыя были бы неизбѣжны, если бы старая графиня узнала, какую роль онъ взялъ на себя во всей этой исторіи. Вдобавокъ, онъ пріобрѣталъ въ лицѣ Короны краснорѣчивую заступницу, которая, несомнѣнно употребитъ, всѣ усилія, чтобы оправдать его въ глазахъ Ренаты.

— Я поѣду къ Ренатѣ не только съ цѣлью просить ея покровительства для себя лично, сказала она, какъ бы угадывая его мысли,— но въ качествѣ посланной отъ васъ съ оливковой вѣткой примиренія.

Онъ въ смущеніи отошелъ отъ окна, чтобы пройти по комнатѣ. Корона остановила его.

— Скажите мнѣ, любите ли вы еще Ренату? спросила она.

— Люблю ли я ее? повторилъ онъ нерѣшительно.

Въ глубинѣ своего сердца онъ не находилъ яснаго отвѣта на этотъ вопросъ, такъ какъ образъ Ренаты въ послѣдніе дни затмился для него. Мысли его были исключительно заняты очаровательной дѣвушкой, которая стояла передъ нимъ съ ласковой улыбкой на губахъ.

— Вы задали мнѣ довольно затруднительный вопросъ! продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Что такое любовь? Съ этимъ словомъ связываютъ обыкновенно какой-то таинственный смыслъ, но каждый понимаетъ его по своему. Вы еще дитя, Корона, и любовь представляется вамъ въ видѣ поэтической прогулки по лѣсу, покрытому весенней зеленью.

— Развѣ любовь не утренняя заря жизни?

— Нѣтъ, она слишкомъ часто раздражается грозой въ полдень.

— Кузень, у васъ есть тайна отъ меня, хотя я открыла вамъ всю мою душу. Неужели молодость можетъ внушать недовѣріе людямъ! Я скорѣе умру, нежели измѣню вамъ. Не думайте, чтобы только пустое любопытство понуждало меня спрашивать васъ о томъ, что вы хотите скрыть отъ меня. Моя подруга, выходя замужъ, казалась такой счастливой; вы съ такою нѣжностью ухаживали за ней... Что могло разъединить васъ? Я не вѣрю, чтобы кто нибудь изъ васъ былъ виноватъ въ этомъ, а скорѣе предполагаю, что тутъ произошло какое нибудь несчастное недоразумѣніе. Я всегда считала Ренату благороднымъ и кроткимъ существомъ, а вы... Въ цѣломъ мірѣ не найти человѣка, у котораго было бы столько сердечной теплоты въ соединеніи съ умомъ и съ веселымъ характеромъ. Тѣмъ не менѣе, вы чувствуете себя несчастнымъ...

— Только не въ эту минуту, моя дорогая Корона!

Онъ прижалъ ея руку къ своему сердцу. Щеки ея слегка зарумянились, но она смѣло смотрѣла ему въ лицо. Въ эту минуту она была вся проникнута высокой задачей примиренія супруговъ, между тѣмъ какъ онъ мысленно отказался отъ своего намѣренія сдѣлать ее посредницей между собой и Ренатой, такъ какъ чувствовалъ, что Корона, помимо своей воли, можетъ навсегда разъединить его съ женой.

Онъ довелъ молодую дѣвушку до ея прежняго мѣста у окна и всталъ около нея, облокотившись на спинку кресла.

— Вы требуете отъ меня откровеннаго признанія, Корона, но я не въ состояніи сдѣлать его. Въ чемъ могу я исповѣдываться передъ вами? Въ поступкахъ и мысляхъ, которые были прямымъ результатомъ извѣстной страсти!.. Кто объяснить всѣ противорѣчія влюбленнаго сердца... Какъ вамъ извѣстно, я любилъ Ренату и женился на ней; въ этомъ заключалась главная причина всѣхъ моихъ позднѣй-

шихъ несчастій, потому что, по мнѣнію умныхъ людей, нужно жениться только по разсудку. Вы высказали самое лестное мнѣніе о моей особѣ; Рената, вѣроятно, не подтвердитъ и половины вашего панегирика, — она имѣетъ на это право! Въ прошломъ году я былъ не тѣмъ человѣкомъ. Постигшее меня несчастіе принесло извѣстную пользу; не даромъ говорятъ, что страданія исправляютъ людей...

— Мнѣ остается только преклониться передъ вашимъ великодушнымъ желаніемъ оправдать, во что бы то ни стало, Ренату.

— Нѣтъ, я хотѣлъ бы только поставить васъ на настоящую точку зрѣнія, чтобы вы могли составить себѣ вѣрное понятіе о нашей супружеской жизни. Въ тѣ времена мое увлеченіе ничѣмъ не сдерживалось; я твердо вѣрилъ въ непогрѣшимость моихъ мнѣній и мечталъ о преобразованіи міра и людскихъ отношеній. Я принималъ необузданность моихъ чувствъ за проявленіе божественнаго огня; сознавая честность моихъ намѣреній и мое полное безкорыстіе, я не выносилъ никакого противорѣчія и требовалъ, чтобы всѣ раздѣляли мои взгляды и убѣжденія. Существующій порядокъ вещей казался мнѣ устарѣлымъ и никуда не годнымъ, а всѣ общепринятые правила нравственности ненужными оковами, связывающими свободу чувствъ. Рената была воспитана на совершенно иныхъ началахъ; она съ благоговѣніемъ относилась къ старинѣ и въ точности придерживалась строгихъ правилъ, внушенныхъ ей съ дѣтства. Когда я дѣлалъ попытки нарушить однообразный строй ея жизни, то это разстраивало и пугало ее. Отецъ и мать Ренаты были очень счастливы въ бракѣ, и со словъ матери, она создала себѣ идеалъ богобоязненнаго дворянскаго супружества, который намѣревалась осуществить со мной. Я оказался самымъ плохимъ актеромъ для роли, которая была назначена мнѣ! Моимъ порывамъ страстнаго увлеченія она противопоставляла умѣренность и невозможное спокойствіе. Между прочимъ, она употребляла значительную часть дня на исполненіе благочестивыхъ обязанностей, и я напрасно тратилъ свое краснорѣчіе, доказывая ей, что это несовмѣстимо съ ея молодостью и вредно дѣйствуетъ на здоровье. Она возражала мнѣ избитыми фразами, какъ будто каждый изъ насъ не знаетъ, что всѣ мы должны умереть рано или поздно и что часъ смерти можетъ застать насъ врасплохъ. Мысль о загробной жизни никогда не оставляла Ренату и отравляла ея существованіе, убивая всякое ощущеніе радости и удовольствія. Я полюбилъ земную женщину, но, вмѣсто этого, нашелъ воплощеннаго ангела, или вѣрнѣе сказать, монахиню, мечтающую о мученическомъ вѣнцѣ... Еслибы эта исторія не случилась со мной лично, то, быть можетъ, она представилась бы мнѣ только съ комичной стороны, особенно въ эту минуту, когда я гляжу на васъ, Корона, и на этотъ роскошный садъ, украшенный пестрыми красками осени. Но въ тѣ времена я переживалъ тяжелыя минуты. Мнѣ до сихъ поръ кажется невѣроятнымъ, какъ могли мы до такой степени ошибиться другъ

въ другѣ. Повѣрьте мнѣ, дорогая Корона, что свѣтъ—это та же игра въ прятки! Счастливы тотъ, кто успѣетъ во-время снять повязку съ глазъ; это можетъ спасти его отъ неминуемой бѣды...

Корона задумчиво опустила голову. Она не ожидала услышать ничего подобнаго. Благодаря своей живой фантазiи, она увѣрила себя, что какія нибудь особенно трагическія событія нарушили счастье этого супружества. Но убѣдившись, что главной причиной разрыва была существенная разница во взглядахъ и характерахъ обоихъ супруговъ, она усумнилась въ успѣхъ своего посредничества.

— Неужели вы разошлись, не сдѣлавъ никакой попытки объясниться и сблизиться другъ съ другомъ?..

Этотъ наивный вопросъ вызвалъ улыбку на лицѣ графа Эрбаха.

— Сдѣлана была не только одна, а тысяча попытокъ къ сближенію, — отвѣчалъ онъ, — мы еще любили другъ друга. Но всѣ эти попытки оказались неудачными, потому что въ данномъ случаѣ мы изображали изъ себя неумѣлыхъ скрипачей, которые, не смотря на всѣ усилія достигнуть хорошей игры, разстраиваютъ свои скрипки. Такъ и наши старанія добиться гармонiи въ нашихъ отношеніяхъ только раздражали насъ и вели еще къ большимъ диссонансамъ. Супружеская жизнь—самая трудная музыкальная пьеса, и не всякому дано выполнить ее, а мы оба были плохіе музыканты.

— Можетъ быть, Рената, послѣ вынесенныхъ ею несчастій, пришла къ такому взгляду на бракъ, какъ и вы!

— Тѣмъ лучше. Тогда она будетъ вспоминать обо мнѣ безъ гнѣва и пойметъ, что главной причиной разрыва было полное несходство нашихъ характеровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если она придетъ къ этому убѣжденію, то увидитъ всю невозможность возврата къ прежнимъ отношеніямъ. Чѣмъ мучительнѣе были пережитыя нами страданія, тѣмъ меньше можетъ быть желаніе вновь испытывать ихъ. Вѣроятно, Рената мучилась болѣе меня, потому что, въ увлеченіи своего фанатизма, она надѣялась обратить меня на путь истины и спасти мою душу отъ мукъ ада. Сначала я полушутя отклонялъ ея просьбы и увѣщанія; но она настойчиво возобновляла ихъ, такъ что, благодаря ея упорству и моему противодѣйствію, въ нашихъ отношеніяхъ произошелъ крутой поворотъ. Религіозное усердіе ея навело меня на подозрѣніе, что ея любовь была не болѣе какъ маска и одно изъ средствъ обратить меня въ католичество. Подобное подозрѣніе не могло способствовать нашему супружескому счастью. Я сдѣлался холоднѣе и сдержаннѣе въ своемъ обращеніи съ Ренатой, которая была глубоко огорчена этой переменой. Затѣмъ мы отправились въ Венецію и прибыли туда во время карнавала. Случайно, или на наше несчастье, мы встрѣтили тамъ ея дядю, князя Адама Лобковича, родного брата ея матери, въ домѣ котораго она жила послѣ смерти родителей и гдѣ я познакомился съ нею. Она часто бывала у него и, вѣроятно, жаловалась на меня. Старикъ и прежде

не особенно любилъ меня, а теперь мы стали открыто ненавидѣть другъ друга...

Графъ Эрбахъ замолчалъ и, быстро отвернувшись отъ своей собесѣдницы, подошелъ къ окну.

— Зачѣмъ стану я волновать васъ и разстраивать дальнѣйшимъ разсказомъ о нашей ссорѣ? сказалъ онъ отрывисто и съ видимымъ усиленіемъ. — Произошли таковаго рода событія, которыя должны остаться тайной для постороннихъ людей. Судьбѣ угодно было бросить между нами тѣнь. Вотъ все, что я могу сообщить вамъ...

— Значитъ, мое предчувствіе не обмануло меня, прервала его молодая дѣвушка, закрывъ лицо руками. — Рената была виновницей вашей разлуки съ нею!

— Вы доброе, милое дитя, Корона, сказалъ онъ, положивъ ей руку на голову. — Но не осуждайте ни котораго изъ насъ за несчастный исходъ этой исторіи. Если мы огорчали другъ друга, то безъ всякаго предвзятаго намѣренія; мы поступали извѣстнымъ образомъ въ силу взглядовъ, привитыхъ воспитаніемъ, въ силу внѣшнихъ вліяній и разныхъ случайностей. Между тѣмъ, все сплотилось такимъ образомъ, какъ будто ходомъ событій управляла чья-то невидимая рука... Въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ глубоко сознаетъ свое ничтожество и невольно задаетъ себѣ вопросъ о цѣли своего существованія...

Г Л А В А V.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ слуги, который доложилъ, что патеръ Ротганъ въ замкѣ и проситъ дозволенія представиться его сіятельству.

Корона съ испугомъ вскочила съ своего мѣста. Графъ Эрбахъ попытался успокоить ее, говоря, что патеръ умный и ловкій человѣкъ и что его опасаться нечего; но посоветовалъ ей, во избѣжаніе какой нибудь непріятной случайности, удалиться наверхъ, въ свои комнаты.

Корона тотчасъ-же обратилась въ бѣгство и графъ отдалъ приказаніе слугѣ ввести патера.

Между тѣмъ, прошло довольно много времени прежде, чѣмъ патеръ вошелъ въ комнату съ извиненіемъ, что заставилъ ждать его сіятельство. По его словамъ, почтенный Рехбергеръ показалъ ему на дворѣ столько достопримѣчательностей и древностей, что онъ невольно увлекся и не замѣтилъ, какъ прошло время.

Предусмотрительность вѣрнаго слуги вызвала улыбку на лицѣ графа и привела его въ хорошее расположеніе духа.

— Добрый вечеръ, многоуважаемый патеръ, сказалъ онъ ласковымъ голосомъ, отвѣчая на поклонъ неожиданнаго гостя.—Но я не совсѣмъ доволенъ вами. Почему вы вздумали посѣтить меня вечеромъ? Я рассчитывалъ, что вы подарите мнѣ цѣлый день. Но вы можете поправить свою вину,—останьтесь почевать у меня!

Ротганъ ничего не отвѣтилъ на приглашеніе графа, но объяснилъ свой поздній приходъ визитомъ, который онъ долженъ былъ отдать священнику Гаслику по его приглашенію.

При послѣднихъ словахъ графъ наморщилъ лобъ.

— Это невыносимый человѣкъ, сказалъ онъ;—посоветуйте ему умѣрить свое пастырское усердіе и не испытывать долѣе моего терпѣнія.

— Ваше сіятельство, Гасликъ не дурной человѣкъ! Я хорошо знаю его. Онъ былъ моимъ ученикомъ въ Клементинумѣ; это не болѣе какъ упрямый и суевѣрный фантазеръ, который, несмотря на свой духовный санъ, всегда останется мужикомъ. Онъ глубоко огорченъ письмомъ вашего сіятельства, и вы не можете сомнѣваться въ томъ, что я употребилъ всѣ старанія, чтобы еще болѣе усилить его раскаяніе и миролюбивое настроеніе духа.

— Благодарю васъ, патеръ. Я отношусь съ должнымъ уваженіемъ къ католической церкви и желалъ бы, чтобы мои лютеранскіе слуги пользовались въ религіозномъ отношеніи такими же правами, какъ и католики. Я ненавижу церковныя распри; всѣ порядочные люди согласны въ основныхъ чертахъ религіи. Добродѣтельные люди, по моему мнѣнію, достойны уваженія, въ какой бы формѣ и подъ какимъ бы именемъ они ни поклонялись Всевышнему; и наоборотъ, порочные люди нисколько не выигрываютъ въ моихъ глазахъ тѣмъ, что ежедневно посѣщаютъ святые алтари.

Ротганъ одобрительно кивнулъ головой. — Не подлежитъ сомнѣнію, сказалъ онъ,—что безупречная нравственность выше наружнаго благочестія. Къ сожалѣнію, люди слишкомъ долго пренебрегали ею, забывая, что именно она должна служить основой семьи и государства, а не одни сухіе догматы. Я, разумѣется, говорю о просвѣщенной части общества. То, что прилично господину, не всегда дозвоительно слугѣ. Даже Аристотель проводитъ разницу между человѣкомъ благороднаго происхожденія и рабомъ; одного можно убѣдить доводами, другого только палочными ударами.

— Я не сторонникъ тѣлеснаго наказанія, возразилъ графъ сухимъ тономъ,—хотя, быть можетъ, оно необходимо, когда имѣешь дѣло съ такимъ дикимъ народомъ, какъ чеки.

— Мы отстали отъ другихъ странъ чуть-ли не на цѣлое столѣтіе, сказалъ патеръ. — Человѣку, который такъ много путешествовалъ, какъ вы, графъ, разница эта должна казаться еще поразительнѣе, нежели кабинетному ученому. Но теперь, по крайней мѣрѣ, есть надежда, что мы нагонимъ исполинскими шагами потерянное время.

— Вы, вѣроятно, намекаете на молодого императора. Его вступленіе на престолъ можно считать началомъ новаго столѣтія; но врядь-ли онъ будетъ въ состояніи провести свои широкіе планы, потому что у него нѣтъ достойныхъ помощниковъ!

— Такой помощникъ былъ-бы найденъ, еслибы императоръ зналъ всѣ тѣ улучшения, какія сдѣланы графомъ Эрбахомъ въ его помѣстьяхъ.

— Надѣюсь, вы не намѣрены осудить меня на государственную службу. Я не способенъ исполнять роль придворнаго лакея...

— Я не говорилъ о придворной службѣ и имѣлъ въ виду только одно государство. Если дворяне будутъ оставаться въ бездѣйствіи, то кто же поддержитъ молодого императора въ его великихъ начинаніяхъ и приведетъ насъ къ желанной цѣли? Неужели человѣкъ знатнаго происхожденія можетъ думать, что онъ исполняетъ свой долгъ гражданина, управляя патріархальнымъ образомъ своими помѣстьями?

— Многоуважаемый патеръ, я всегда придерживался того мнѣнія, что на долю каждаго изъ насъ выпали разныя задачи, какъ въ мелкихъ, такъ и великихъ дѣлахъ. Государство вправѣ требовать извѣстныхъ услугъ отъ всѣхъ гражданъ, но другія могутъ быть выполнены только по собственной инициативѣ. Одинъ, поступая на государственную службу, думаетъ только о своей выгодѣ, другой—объ удовлетвореніи тщеславія. Вамъ угодно жертвовать своей личностью для общаго блага; я считаю себя неспособнымъ на такое самоотреченіе. Я хочу располагать своими поступками по собственному усмотрѣнію — дѣлать добро, когда найду нужнымъ, а не по предписанію законодателя. Я дорожу свободой выше всего на свѣтѣ! Быть можетъ, — добавилъ онъ шутя — я годился бы для роли кесаря, но роль перваго министра мнѣ не по душѣ.

— Если не ошибаюсь, то вы лично знакомы съ императоромъ? спросилъ патеръ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, отчасти. Я видѣлъ его молодымъ человѣкомъ въ Франкфуртѣ, гдѣ онъ короновался въ качествѣ римско-германскаго императора. Затѣмъ я имѣлъ честь представляться ему въ Вѣнѣ...

— Странно! замѣтилъ Ротганъ съ удивленіемъ, которое онъ не старался скрыть.—Я былъ увѣренъ, что вы часто встрѣчались съ его величествомъ во время своего путешествія по Италіи. Если вы позволите мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе, то я долженъ сказать, что нахожу рѣдкое сходство въ чертахъ лица между вами и императоромъ, которое поразило меня при нашей первой встрѣчѣ. Въ часы досуга я занимался фізіономикой; въ настоящее время это самая модная наука; всякій рисуетъ носы, вырѣзываетъ силуэты. Сравнивая профили выдающихся личностей, выгибъ бровей, форму лба, я стараюсь объяснить себѣ ихъ характеры и взаимныя отношенія. Теперь я убѣждаюсь, насколько обманчива эта наука. Благодаря вашему сходству

съ императоромъ, я вывелъ заключеніе, что между вами обоими съ первой встрѣчи должна была завязаться самая тѣсная дружба.

— Можетъ быть, патеръ, ваши наблюденія были совершенно правильны, и я не сошелся съ императоромъ, вслѣдствіе несчастной случайности. Кто поручится, что ваше предсказаніе не исполнится въ будущемъ...

Разговоръ продолжался на эту тему. Собесѣдники высказали свое мнѣніе относительно новомодной науки, о той незначительной долѣ правды, какая могла заключаться въ ней, и той массѣ лжи, преувеличеній и сумасбродствъ, которая грозила заглушить эту науку въ самомъ зародышѣ. Графъ Эрбахъ, во время своего пребыванія въ Цюрихѣ, посѣтилъ изобрѣтателя и главнаго жреца новаго вѣрованія, Лафатера; впоследствии, во время своихъ путешествій, онъ также имѣлъ немало случаевъ познакомиться съ его учениками и приверженцами. Это знакомство было не въ пользу фізіономистовъ и сильно поколебало вѣру графа Эрбаха въ искусство распознавать характеръ людей и ихъ будущее по ширинѣ переносья, очертанію губъ, или строенію скулъ. Сумасброды и обманщики своими откровеніями дурачили людей, пользуясь ихъ легковѣріемъ. Графъ, по этому поводу, рассказалъ много комическихъ случаевъ. По его мнѣнію, новѣйшіе фізіономисты только замѣнили собою астрологовъ прошлаго столѣтія, которые такъ долго обманывали людей своими гороскопами.

Патеръ Ротганъ, занятый своими научными изслѣдованіями и высшими соображеніями, ничего не слышалъ о приверженцахъ Лафатера, странствовавшихъ въ западной Германіи, ихъ безчинствахъ и о томъ вліяніи, какое они имѣли въ окрестныхъ бюргерскихъ кружкахъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ впервые познакомился съ книгой Лафатера, которую купилъ въ Дрезденѣ, и не подозрѣвалъ, что выводы и взгляды фізіономистовъ могли проникнуть изъ кружковъ знати и ученыхъ въ народъ и что цѣлыя толпы ходятъ на поклоненіе въ Цюрихъ, какъ въ Римъ или Мекку. Странствующие проповѣдники и учителя, масоны и представители другихъ тайныхъ обществъ, которые стали обычнымъ явленіемъ въ Германіи, были совершенно неизвѣстны въ Австріи. Между тѣмъ, всѣ путешествія патера Ротгана ограничивались Австріей, Богеміей и сѣверной Италіей, и онъ зналъ только понаслышкѣ объ умственномъ движеніи за предѣлами этихъ странъ. Теперь онъ получилъ ясное понятіе о размѣрахъ и силѣ этого движенія изъ безпристрастнаго разсказа очевидца. Онъ видѣлъ въ словахъ графа подтвержденіе своихъ опасеній и еще болѣе убѣдился въ правильности своего взгляда, что церковь должна себя поставить въ уровень стремленій новаго времени. Безплодное сопротивленіе нововведеніямъ казалось ему безумнымъ и гибельнымъ, тѣмъ болѣе, что государственная власть, которая до сихъ

поръ поддерживала колеблющееся зданіе церкви, отшатнулась отъ нея.

Патеръ Ротганъ, принимая живое участіе въ разговорѣ, въ то же время внимательно осматривалъ комнату, чтобы составить себѣ возможно полное представленіе о характерѣ хозяина дома. Обстановка, среди которой мы живемъ, нерѣдко выдаетъ болѣе рельефнымъ образомъ тайны нашего внутренняго міра, нежели выраженіе лица, которому каждый изъ насъ умѣетъ подчасъ придать тотъ оттѣнокъ, какой считаетъ нужнымъ.

Между тѣмъ, патеръ не нашелъ ничего особеннаго въ обстановкѣ графскаго кабинета.

Стѣны были обиты кожаными обоями съ потемнѣвшими золотыми арабесками; шкафы и письменный столъ выложены разноцвѣтнымъ деревомъ и украшены вычурными золотыми замками. На каминѣ, какъ во всѣхъ дворянскихъ домахъ того времени, стояли китайскія вазы и расписанныя фигуры; между ними пастухъ и пастушка изъ саксонскаго фарфора, панъ, играющій на флейтѣ, и другія дорогія вещицы, принадлежавшія, повидимому, матери графа Эрбаха, Аннѣ Шёнбрунненъ. Ея эмалевый портретъ красовался надъ диваномъ, обтянутымъ шелковой зеленой матеріей съ золотыми кистями. На письменномъ столѣ стояли красивые бронзовые часы. Въ углу поставлена была віолончель. Кромѣ дивана, въ комнатѣ находилось еще нѣсколько креселъ и табуретовъ безъ спинокъ, также обтянутыхъ зеленой матеріей. На противоположной стѣнѣ висѣли большіе портреты покойнаго графа и графини, писанные масляными красками.

Изъ всего этого патеръ Ротганъ не могъ вывести никакихъ заключеній, потому что, кромѣ превосходной гипсовой головы Аполлона Бельведерскаго, придѣланной къ стѣнѣ и, очевидно, привезенной изъ Италіи, кабинетъ графа Эрбаха имѣлъ самый обыденный характеръ. Единственно, что обратило на себя его вниманіе,—это полное отсутствіе портретовъ графини Ренаты, доказывающее отчужденіе супруговъ. Патеръ мысленно рѣшилъ, что онъ долженъ быть остороженъ относительно этого пункта въ разговорѣ съ графомъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ пунктъ всего болѣе занималъ его. Все, что онъ слышалъ отъ приходскаго священника, въ высшей степени возбудило его любопытство. Ему казалось несомнѣннымъ, что Корона скрывается въ замкѣ и что дочь управляющаго играла непослѣднюю роль въ супружеской трагедіи графа и Ренаты. Патеръ былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы осуждать знатнаго человѣка за слабости и пороки, какъ его бывшій ученикъ Гасликъ, но онъ всегда старался уяснить ихъ, чтобы при случаѣ воспользоваться этимъ для своихъ цѣлей. Настойчивость, съ какою Рехбергеръ задержалъ его на дворѣ, подѣлгома указать ему разныя особенности въ архитектурѣ замка, навели его на мысль, что управляющій намѣренно занимаетъ его разговорами, изъ боязни, чтобы онъ не засталъ врасплохъ хозяина замка.

Взволнованное лицо графа еще болѣе утверждало его въ догадкѣ, что онъ помѣшалъ нѣжному свиданію своимъ неожиданнымъ приходомъ. Онъ еще разъ оглядѣлъ комнату и увидѣлъ въ углу на крестѣ небрежно брошенную соломенную шляпу съ зеленымъ вуалемъ. На несчастье патера, графъ Эрбахъ взглянулъ въ ту же сторону и увидѣлъ шляпу, забытую Короной. Глаза ихъ невольно встрѣтились.

Графъ Эрбахъ сохранилъ полное присутствіе духа и улыбаясь продолжалъ свой рассказъ. Но патерь чувствовалъ себя пристыженнымъ и сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, чтобы доказать свое усиленное вниманіе и изгладить неприятное впечатлѣніе, которое онъ долженъ былъ произвести на графа своимъ неумѣстнымъ любопытствомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ очень доволенъ, когда графъ всталъ съ своего мѣста и, ссылаясь на душный комнатный воздухъ, пригласилъ его прогуляться по саду.

— Вы увидите, какія у меня превосходныя сосны и буковыя деревья! сказалъ графъ. — Я убѣжденъ, что вы придете отъ нихъ въ полный восторгъ. Тамъ, на чистомъ воздухѣ, мы можемъ продолжать нашъ споръ о томъ, гдѣ кончается грань земнаго и начинается область сверхъ-естественнаго...

Съ этими словами они вышли изъ комнаты. Графъ, встрѣтивъ въ корридорѣ слугу, отдалъ ему приказъ приготовить комнату для гостя, но тотъ вѣжливо отказался отъ этой чести:

— На-дняхъ я воспользуюсь гостепріимствомъ вашего сіятельства—сказалъ онъ—и явлюсь къ обѣду; но сегодня я общалъ приходскому священнику ночевать у него и не желалъ бы измѣнить данному слову.

Въ то время, какъ графъ Эрбахъ и патерь вошли въ калитку, Гедвига уже стояла на другомъ концѣ сада. Она видимо ожидала кого-то на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, нѣсколько дней тому назадъ, Корона разговаривала съ проѣзжавшимъ офицеромъ. Она пришла сюда не по собственному желанію, потому что послѣ того вечера она ни разу не была въ этой сторонѣ сада, отчасти изъ боязни встрѣтить Зденко, и частью вслѣдствіе робости, которая находила на нее при воспоминаніи о статномъ всадникѣ. При встрѣчѣ съ нимъ она была настолько смущена, что едва пробормотала нѣсколько словъ, и онъ, занятый Короной, мелькомъ взглянулъ на нее своими голубыми, ясными глазами; но съ тѣхъ поръ весь міръ получилъ для нея новое значеніе. Теперь, когда взглядъ ея разсѣянно блуждалъ по полянѣ и деревьямъ, растущимъ на опушкѣ лѣса, она невольно вспомнила тотъ вечеръ со всѣми подробностями. Она не могла дать себѣ яснаго отчета въ волновавшихъ ее чувствахъ и въ глубинѣ души завидовала Коронѣ, которая такъ спокойно разговаривала съ незнакомцемъ и такъ скоро забыла объ его существованіи, а сегодня, по какому-то странному капризу, отправила ее въ садъ сторожить его.

Въ сущности, Корона вспоминала о привлеченіи у садовой стѣны

только вслѣдствіе разговора съ графомъ и, вернувшись въ свою комнату, съ ужасомъ думала о томъ, что слухъ объ ея пребываніи въ Таннбургѣ можетъ дойти до ея бабушки. Императоръ въ Лейтме-рицѣ!.. можетъ быть, этотъ незнакомый офицеръ одинъ изъ его адъютантовъ!.. Тогда она имѣетъ еще больше поводовъ для опасеній, такъ какъ старая графиня Турмъ, вѣроятно, уже написала всѣмъ своимъ знакомымъ въ Вѣну объ исчезновеніи ея внучки. Корона хотѣла сначала сама идти въ садъ, чтобы удостовѣриться собственными глазами, не пройдетъ ли обратно незнакомый офицеръ въ назначенный имъ вечеръ, такъ какъ это должно было ускорить ея отъѣздъ изъ Таннбурга. Но она не рѣшилась на это, изъ боязни встрѣтить патера Ротгана, и упросила Гедвигу отправиться вмѣсто нея и ожидать у насыпи загадочнаго незнакомца.

Хотя Гедвига не раздѣляла опасеній своей подруги, но чувствовала какой-то неопредѣленный страхъ. Минутами она желала никогда не видѣть человѣка, нарушившаго ея душевное спокойствіе, но вслѣдъ затѣмъ ей хотѣлось крикнуть и вызвать его изъ глубины лѣса. Она знала заранѣе, что отвѣтить на его вопросы займется и даже, быть можетъ, ничего не скажетъ ему. Тѣмъ не менѣе, томленіе ея усиливалось съ каждой минутой и она не могла представить себѣ бѣльшаго счастья, какъ вновь увидѣть его.

Прямая и стройная, стояла она у стѣны, съ лицомъ, обращеннымъ къ лѣсу. Окружающія ея сосны и ели образовали мрачный фонъ, на которомъ рельефно выдѣлялась ея высокая фигура въ свѣтломъ платьѣ, съ густыми, бѣлокурыми волосами, освѣщенными вечернимъ солнцемъ. Она была необыкновенно эффектна въ этой позѣ, и всякій, кто увидѣлъ бы ее въ эту минуту, невольно залюбовался бы ею. Она стояла нѣкоторое время неподвижно, но потомъ быстро бросилась въ сторону, чтобы спрятаться за стѣной. Однако, это не удалось ей, потому что было слишкомъ поздно, если она желала остаться незамѣченной. Какъ и въ тотъ вечеръ, изъ лѣсу выѣхалъ статный всадникъ, на бѣлой лошади, которая мѣрно выступала впередъ, какъ бы гордясь своимъ сѣдокомъ. Сзади ѣхали двое провожатыхъ. Они держались въ почтительномъ отдаленіи отъ перваго всадника, который въ своемъ зеленѣномъ мундирѣ съ золотыми пуговицами и богатомъ кушагѣ, украшенномъ драгоценными камнями, сверкавшими на солнцѣ, казался еще красивѣе, нежели въ свѣромъ плащѣ, при мрачной дождливой погодѣ. Онъ узналъ издали Гедвигу и, приложивъ руку къ шляпѣ въ видѣ поклона, пронесся въ карьеръ по полянѣ и осадилъ лошадь около садовой стѣны.

— Вотъ я опять пріѣхалъ къ вамъ! сказалъ онъ съ веселой улыбкой.—Отцы капуцины не сдѣлали мнѣ никакого зла; тебѣ нечего бояться меня, глупая дѣвочка... Подыми голову и взгляни на меня. Гдѣ твоя барышня?

— Она не могла придти сегодня, отвѣтила краснѣя Гедвига, дѣ-

лая надъ собой усиліе, чтобы взглянуть на всадника. Но она не могла выдержать его пристальнаго взора и опять опустила глаза.

— Какая ты хорошенькая! сказалъ онъ. — Но что съ тобой? ты чѣмъ-то смущена. Не случилось ли какого нибудь несчастія съ твоей барышней?

— Да, она нездорова, отвѣтила Гедвига, пользуясь тѣмъ, что нашелся благовидный предлогъ объяснить отсутствіе Короны. — У ней болитъ голова...

Всадникъ сдѣлалъ недовольную мину и недовѣрчиво посмотрѣлъ на молодую дѣвушку и на мрачную сосновую аллею, ведущую въ глубину сада. Онъ увидѣлъ издали двухъ мужчинъ, которые медленно шли по аллеѣ.

— Жаль, продолжалъ онъ, — что мнѣ не удастся проститься съ твоей барышней. Но я долженъ былъ бы знать, что женщины рѣдко держатъ свое обѣщаніе и что ихъ расположеніе духа мѣняется, какъ вѣтеръ, безъ всякой видимой причины.

— Надѣюсь, вы не говорите серьезно, сказала Гедвига, задѣтая за живое этимъ замѣчаніемъ.

— Прости меня, я былъ несправедливъ относительно тебя, сказалъ всадникъ и его лицо приняло прежнее привѣтливое выраженіе. — Ты не забыла моей просьбы. Носи это въ память о всадникѣ, которому ты указала дорогу въ Лейтмерицъ. Я привезъ тебѣ этотъ подарокъ изъ города.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана небольшой золотой крестикъ, усыпанный брилліантами и рубинами, висѣвшій на шелковой лентѣ, и ловко накинулъ его на шею Гедвиги.

— Да благословить тебя Господь! — сказалъ онъ, любуясь смущеніемъ молодой дѣвушки и густой краской стыдливости, покрывавшей ея щеки. Затѣмъ, кивнувъ ей слегка головой, пришпорилъ свою лошадь и крикнувъ провожатымъ: — Въ деревню! У шинка мы дадимъ отдыхъ нашимъ лошадямъ!

Гедвига наклонилась черезъ стѣну, чтобы еще разъ взглянуть на всадника. Въ эту минуту она почувствовала, что кто-то слегка прикоснулся до ея плеча.

— Кто этотъ офицеръ? спросилъ графъ Эрбахъ, который подошелъ къ ней вмѣстѣ съ патеромъ.

Они видѣли издали, что молодая дѣвушка разговаривала со всадникомъ.

Первымъ движеніемъ Гедвиги было схватиться за золотой крестъ, какъ бы изъ боязни, что у ней отнимутъ эту вещь, которая имѣла для нея двойную цѣну. Она была въ такомъ волненіи, что не могла выговорить ни одного слова, и только случай вывелъ ее изъ затрудненія. Всадникъ, улыбаясь, повернулся къ ней лицомъ.

— Я не ошибся! сказалъ графъ Эрбахъ. — Это императоръ!

Слова эти странно отозвались въ сердцѣ Гедвиги; но ей некогда

было обдумывать ихъ, потому что она должна была сосредоточить все свое вниманіе, чтобы выслушать распоряженія графа. Онъ приказалъ ей открыть парадныя комнаты, приготовить спальню для императора, на случай, если его величеству угодно будетъ принять его приглашеніе и переночевать въ замкѣ.

Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, графъ обратился къ патеру и сказалъ:

— Прошу извинить меня, если я оставлю васъ на нѣкоторое время. Садъ и бібліотека къ вашимъ услугамъ; я вернусь сюда черезъ нѣсколько минутъ и буду опять мучить васъ своимъ разговоромъ. Императоръ на моей землѣ; я обязанъ явиться къ нему, въ качествѣ вассала; надѣюсь, что онъ снизойдетъ на мою просьбу остановиться въ замкѣ.

— Развѣ ваше сіятельство не позволитъ мнѣ удалиться на сегодняшній вечеръ? спросилъ патерь. — Моя одежда не достаточно прилична для такого высокаго посѣтителя и, вдобавокъ, при моемъ неповоротливомъ умѣ и неловкости, я буду только стѣснять васъ своимъ присутствіемъ.

— Что за фантазія! Неужели вы добровольно упустите случай, который можетъ доставить вамъ положеніе, соотвѣтствующее вашему уму и знаніямъ? Я долженъ предупредить васъ, что намѣренъ познакомить съ вами императора, и увѣренъ, что его величество поблагодаритъ меня со временемъ за такую рекомендацію.

— Ваше сіятельство!..

— Если императоръ ненавидитъ іезуитскій орденъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не могъ оцѣнить единичной вполне достойной личности, хотя бы она принадлежала къ обществу іезуитовъ. Онъ долженъ желать, чтобы въ его государствѣ было побольше такихъ духовныхъ лицъ, какъ вы, многоуважаемый патерь...

Съ этими словами графъ Эрбахъ поспѣшно вышелъ изъ садовой калитки, а патерь молча направился къ сосновой аллеѣ съ равнодушнымъ видомъ человѣка, который отдаетъ себя на произволъ судьбы и не намѣренъ сдѣлать ни одного шага для улучшенія своей участи.

Въ это время невольный виновникъ суеты, происходившей въ замкѣ, доѣхалъ до деревенскаго шинка и, соскочивъ съ лошади, бросилъ поводья конюху. Другой, сопровождавшій его пожилой всадникъ въ офицерскомъ мундирѣ, почтительно отворилъ ему дверь гостинницы, но онъ, окинувъ бѣглымъ взглядомъ первую комнату, сказалъ:

— Прикажете хозяину принести сюда кружку краснаго вина, а останусь на дворѣ подъ этимъ орѣшникомъ.

— Ваше величество...

— Не забывайте, что меня зовутъ графъ Фалькенштейнъ! Мы отдохнемъ здѣсь немного. Какъ для насъ, такъ и для лошадей, это будетъ не лишнее.

Пожилой офицеръ вошелъ въ домъ, а тотъ, который называлъ себя графомъ Фалькенштейномъ, остался на дворѣ, гдѣ подъ вѣтвистымъ деревомъ, покрытымъ спѣлыми орѣхами, поставленъ былъ длинный деревянный столъ и двѣ скамьи. На одной изъ нихъ расположился только что прибывшій путешественникъ, щедро заплативъ деревенскому парню, который несъ его тяжелый чемоданъ. Увидя незнакомаго офицера, онъ вѣжливо поклонился ему и, подвинувшись на скамьѣ, уступилъ ему свое мѣсто. Этотъ поблагодарилъ его легкимъ наклоненіемъ головы и сѣлъ у стола, не спуская глазъ съ молодого путешественника, который заинтересовалъ его съ перваго взгляда. Для странствующаго ремесленника онъ былъ слишкомъ хорошо одѣтъ и, судя по щедрой платѣ носильщику, не нуждался въ деньгахъ. Покрой его голубаго суконнаго сюртука съ блестящими стальными пуговицами представлялъ нѣчто среднее между дорожнымъ пальто и городскимъ платьемъ. На немъ былъ длинный жилетъ изъ полупелкувой матеріи съ большими затканными цвѣтами, желтые нанковые панталоны, только что вошедшія тогда въ моду, и черные башмаки съ стальными пряжками. Изъ кармана, какъ бы для соблазна дорожныхъ бродягъ, висѣла серебряная цѣпочка съ печатью; но путешественникъ, вѣроятно, рассчитывая на свою физическую силу, чувствовалъ себя въ безопасности отъ какихъ бы то ни было нападеній. Спокойствіе, съ какимъ онъ взялъ чемоданъ изъ рукъ деревенскаго парня и положилъ на скамью вмѣстѣ съ плащомъ и палкой, бросилось въ глаза офицеру, называвшему себя графомъ Фалькенштейномъ. Вѣжливый поклонъ, съ которымъ встрѣтилъ его путешественникъ, навелъ его на мысль, что онъ, вѣроятно, изъ Саксонскаго курфиршества, гдѣ жители славилась своей учтивостью, между тѣмъ какъ желтоватые волосы незнакомца, старательно заплетенные въ косичку, связанную черной лентой, его сѣрые глаза, сильная фигура и добродушное выраженіе лица, носившаго отпечатокъ духовной жизни, ясно указывали въ немъ сѣвернаго уроженца. Но что могло привести его сюда, въ далекую чешскую деревню? Этотъ вопросъ особенно занималъ офицера, но онъ не рѣшался заговорить съ незнакомцемъ, пока не пришелъ хозяинъ со стаканами и двумя бутылками, такъ какъ путешественникъ также приказалъ подать себѣ вина. Вслѣдъ затѣмъ появился спутникъ офицера и, обмѣнявшись съ нимъ многозначительнымъ взглядомъ, молча сѣлъ рядомъ.

Офицеръ налилъ себѣ вина и, взявъ стаканъ, сказалъ:—Извините меня, милостивый государь, но, по моему мнѣнію, вино особенно прилично, когда оно приправлено разумной бесѣдой.

— Само собою разумѣется! отвѣтилъ путешественникъ съ привѣтливой улыбкой.—Но я не зналъ, угодно ли будетъ знатному господину разговаривать съ человѣкомъ, занимающимъ скромное положеніе въ свѣтѣ...

— Пью за его благополучное прибытіе въ Богемію, отвѣтилъ

офицеръ, чюкаясь съ незнакомцемъ, который поблагодарилъ его почтительнымъ поклономъ.

— Желаю вамъ успѣха въ дѣлахъ, которыя побудили васъ посѣтить нашу страну. Вы изъ Саксоніи?

— Я выѣхалъ вчера водой изъ Дрездена и, по прибытіи въ Теченъ, рѣшилъ продолжать свое путешествіе пѣшкомъ, чтобы немного ознакомиться съ мѣстностью.

— Вы, вѣроятно, любитель природы?

— Да. Къ тому же это первыя горы, которыя я вижу въ моей жизни. Съ ранняго дѣтства я мечталъ когда нибудь побывать въ нихъ. Я уроженецъ Бранденбурга, и мнѣ постоянно приходилось видѣть однѣ равнины.

— Вы изъ Бранденбурга? слѣдовательно, подданный прусскаго короля! По странному стеченію обстоятельствъ, ваши соотечественники до сихъ поръ не иначе являлись въ Богемію, какъ въ качествѣ враговъ.

— Война давно окончилась, а нашъ король и австрійскій императоръ—друзья и союзники. Я не понимаю, почему австрійцы и пруссаки должны ненавидѣть другъ друга? Говоримъ мы на одномъ языкѣ, и чего не достаетъ одной странѣ, то находимъ мы съ избыткомъ въ другой.

— Вы убѣждены въ этомъ?

— Подобный вопросъ можетъ всякаго поставить въ затрудненіе. Быть можетъ, я слишкомъ откровенно высказываю свое мнѣніе; простому бюргеру неприлично разсуждать о политикѣ... Я пріѣхалъ сюда съ цѣлю усовершенствованія въ моемъ ремеслѣ, такъ какъ Австрія въ этомъ отношеніи пользуется заслуженной славой...

— Я съ удивленіемъ слушаю васъ! Насколько мнѣ извѣстно, пруссаки глубоко убѣждены въ своемъ превосходствѣ надъ другими націями.

— Въ каждой странѣ можно встрѣтить самодовольныхъ глупцовъ, но умные люди смѣются надъ ними и не придаютъ этому особеннаго значенія. „И по ту сторону горъ живутъ такіе же люди, какъ мы,“ говаривалъ мой покойный отецъ... Однимъ словомъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я долженъ сказать вамъ, милостивый государь, что намѣренъ совершить путешествіе въ Ломбардію для изученія способовъ разведенія шелковичныхъ червей въ Миланѣ и на Комо.

— Неужели вы думаете, что разведеніе шелковичныхъ червей возможно въ Бранденбургѣ? спросилъ офицеръ тономъ, въ которомъ слышалось искреннее участіе. Онъ почувствовалъ невольное уваженіе къ молодому челоуѣку, который ради жажды знанія рѣшился совершить такое далекое и небезопасное путешествіе изъ равниъ своей холодной песчаной родины въ гористую Италію. — Хотя вашъ король и назначилъ серебряныя медали въ видѣ награды луч-

шимъ шелководамъ, но я слышалъ, что дѣло это идетъ несовсѣмъ успѣшно на вашей родинѣ.

— Вы правы, милостивый государь,—до сихъ поръ все это не болѣе, какъ попытки. Тутовыя деревья плохо растутъ у насъ, и мы не имѣемъ никакого понятія объ уходѣ за шелколичными червями. Мы должны предварительно изучить это дѣло. Вотъ причина, побудившая меня ѣхать въ Италию. Я надѣюсь, что прибрѣтенныя мною свѣдѣнія принесутъ пользу, если не мнѣ лично, то моему отечеству.

— Какъ счастливъ вашъ король, что у него есть люди, которые ставятъ общее благо выше своей собственной выгоды. Только при этомъ условіи можетъ процвѣтать государство. Сильно ошибаются тѣ монархи, которые возлагаютъ всѣ надежды на чиновниковъ и ничего не ждутъ отъ остальныхъ подданныхъ, среди которыхъ только и могутъ быть истинные граждане.

— Я самъ нахожу, что въ Пруссіи не мѣшало бы предоставить больше свободы бюргерскому сословію. Нашъ король слишкомъ строгъ и хочетъ всѣхъ держать на помочахъ. Но торговля и промышленность, насколько я могъ убѣдиться изъ собственного опыта, слѣдуютъ своеобразнымъ законамъ, требующимъ изученія. Королевскіе декреты безсильны въ этомъ случаѣ.

— Можетъ быть, вы и правы, но люди не могутъ обойтись безъ руководителя. Этимъ только и поддерживается порядокъ, хотя я самъ нахожу, что вашъ король немного суровъ. Случалось ли вамъ видѣть его?

— Много разъ! Наши сады и фабричныя строенія находятся по близости его дворца въ Потсдамѣ. Онъ былъ настолько милостивъ, что позвалъ меня къ себѣ, когда услышалъ о моемъ намѣреніи совершить путешествіе. Ему все извѣстно, и онъ постоянно вмѣшиваемся въ чужія дѣла...

Послѣдняя фраза вызвала тѣнь неудовольствія на лицѣ офицера. Онъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ ее.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ гостинницы была небольшая деревенская церковь. Изъ дверей ея неожиданно появился человекъ съ всклокоченными волосами и разстроеннымъ лицомъ; ломая руки, онъ побѣжалъ вдоль деревни.

— Если не ошибаюсь, это тотъ самый крестьянинъ, который провожалъ насъ въ Лейтмерицъ? спросилъ офицеръ своего товарища, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ на скамьѣ.

— Да, это тотъ самый. Его не скоро забудешь!

— Что вы хотите сказать этимъ, Гаррахъ? Говорите прямо, безъ обиняковъ.

— Лицо этого крестьянина и тогда произвело на меня самое непріятное впечатлѣніе; я убѣжденъ, что онъ способенъ совершить какое угодно преступленіе. Онъ не безъ умысла вывелъ насъ тогда на

ложную дорогу. Вѣроятно, и теперь у него на умѣ какое нибудь злодѣяніе.

— Какъ могло это вамъ придти въ голову! Онъ, вѣроятно, только что вышелъ отъ исповѣди.

— Одно другому не мѣшаетъ. Развѣ не бываютъ такіе примѣры? отвѣтилъ Гаррахъ вполголоса.

— Изъ васъ вышелъ бы самый строгій судья. Но я вижу, вы чѣмъ-то недовольны.

— Личная безопасность и лежащая на насъ обязанности побуждаютъ насъ зорко слѣдить за подобными субъектами. А въ томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ я нахожусь въ настоящее время, я долженъ всѣми способами охранять священную особу...

Офицеръ громко захохоталъ.

— Такъ вы не шутя воображаете, что мы были въ опасности, или...

Онъ не окончилъ своей фразы, и лицо его приняло прежнее задумчивое выраженіе.

— Особенно, когда мы подвергаемъ себя опасности безъ малѣйшей необходимости, отвѣтилъ сухо Гаррахъ.

— Не хотите-ли осмотрѣть церковь? спросилъ офицеръ, вставая съ мѣста и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по дорогѣ въ церковь. — Развѣ вамъ не угодно идти съ нами? спросилъ онъ, обращаясь къ путешественнику, сидѣвшему у стола.— Впрочемъ вы, безъ сомнѣнія, лютеранинъ!..

— По моему убѣжденію, каждая церковь одинаково обязываетъ насъ относиться къ ней съ уваженіемъ.

— Ну, такъ пойдемте вмѣстѣ съ нами и, вдобавокъ, не обращайтесь со мной такимъ церемоннымъ образомъ. Мы оба ничто иное какъ путешественники, и неизвѣстно, которому изъ насъ предстоитъ совершить труднѣйшій путь. Скажите мнѣ ваше имя?

— Фрицъ Бухгольцъ, отвѣтилъ молодой бюргеръ, слѣдуя за своимъ новымъ знакомымъ.

Церковь была пуста. Церковный сторожъ сметалъ пыль съ алтаря; вечернее солнце ярко свѣтило въ окна; золотыя полосы свѣта протягивались по полу. Дверь исповѣдальни, устроенной въ темномъ углу около ризницы, была открыта настежь.

Офицеръ и молодой бюргеръ дошли молча до алтаря. Первый набожно перекрестился, но вслѣдъ затѣмъ, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе, онъ указалъ своему спутнику на картину, висѣвшую на стѣнѣ. На ней былъ изображенъ Спаситель, умершій на крестѣ; голова его была опущена на грудь; изъ облака выступали ликъ и рука Бога Отца, которая прикасалась къ ранѣ, нанесенной Спасителю копьемъ римскаго воина. Алая кровь текла изъ раны въ золотую чашу, поддерживаемую ангелами, и лилась черезъ ея края въ глубину ада, гдѣ души грѣшниковъ, горѣвшія въ огнѣ, съ открытыми ртами, жадно ловили падающія капли.

— Можеть ли быть что безобразнѣе подобнаго извращенія святыхъ!—сказалъ офицеръ взволнованнымъ голосомъ. — Какія нелѣпныя представленія должна возбуждать эта картина въ воображеніи бѣднаго народа. Какъ охотно сорвалъ бы я ее со стѣны и бросилъ въ кучу сора. Посмотрите на всѣ эти бесполезныя украшенія, на которыя такъ щедро наша католическая церковь. Необходимо вымести все это, но другой метлой, чѣмъ та, которую держитъ въ рукѣ этотъ церковный сторожъ! Кто повѣсилъ эту картину? спросилъ онъ, обращаясь къ послѣднему.

— Нашъ новый священникъ выписалъ ее изъ Праги, отвѣтилъ съ гордостью сторожъ, опираясь на метлу.—Самъ архіепископъ Антонъ освящалъ ее! Сколько бы вы ни путешествовали, ваша милость, но вамъ нигдѣ не удастся увидѣть такой картины. Посмотрите, какъ томятся эти души въ огнѣ! Языкъ повисъ у нихъ изо рта, точно у собакъ въ жаркій лѣтній день. Что почувствуетъ каждый изъ насъ, когда наступитъ часъ страшнаго суда! Сколько голосовъ будутъ съ воплемъ молить Господа, чтобы онъ ниспослалъ имъ каплю святой крови, хотя при жизни никто изъ нихъ не хлопоталъ о спасеніи души путемъ покаянія и воздыханій...

Потокъ краснорѣчія благочестиваго сторожа былъ неожиданно прерванъ, такъ какъ въ дверяхъ ризницы показалась голова священника, который позвалъ его къ себѣ, хотя, повидимому, съ единственною цѣлью узнать, кто такъ громко разговариваетъ въ церкви? Но въ то время, какъ съ одной стороны выглянуло широкое, грубое лицо Гаслика, изъ противоположныхъ дверей появилась величественная фигура имперскаго графа въ голубомъ бархатномъ кафтанѣ, вышитомъ серебромъ, съ богато украшенной шпагой и крестомъ св. Стефана на красной лентѣ съ зелеными полосами. Гаррахъ первый замѣтилъ его и послѣшно подошелъ къ нему; они вполголоса обмѣнялись нѣсколькими словами, и графъ Эрбахъ, снявъ шляпу, подошелъ къ офицеру послѣ трехъ почтительныхъ поклоновъ.

— Дозволено ли мнѣ будетъ привѣтствовать графа Фалькенштейна на моей землѣ? спросилъ онъ.

На лицѣ офицера выразилось удивленіе и какъ бы тѣнь недовѣрія и досады. Наступила минута молчанія; онъ провелъ рукой по лбу и сказалъ:

— Если не ошибаюсь, вы графъ Эрбахъ? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время моей поѣздки въ Франкфуртъ, я встрѣтилъ васъ въ Гейсенштамѣ у графа Евгенія Шенборна... Очень радъ, что опять встрѣтился съ вами! Мы осматривали церковь; нѣкоторыя вещи намъ не особенно понравились въ ней.

— Слѣдовательно, я могу рассчитывать, что ваше сіятельство не откажетъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи, если мнѣ придется жаловаться архіепископу на здѣшняго священника?

— Разумѣется!.. Чѣмъ скорѣе выметемъ мы весь этотъ соръ, тѣмъ лучше!..

Онъ произнесъ эти слова съ видимымъ усиленіемъ. Съ самаго момента, когда графъ Эрбахъ вошелъ въ церковь, онъ чувствовалъ непреодолимое желаніе разспросить его о нѣкоторыхъ вещахъ и уяснить одинъ вопросъ, но чувство собственнаго достоинства и боязнь оскорбить графа не позволяли ему коснуться прошлаго. Два раза встрѣтилъ онъ этого человѣка въ Венеціи. Въ первый разъ онъ увидѣлъ графа Эрбаха, идущаго рядомъ съ дамой, которую велъ подъ руку старикъ черезъ толпу масокъ, наполнявшихъ площадь св. Марка. Во второй разъ они встрѣтились ночью передъ однимъ дворцомъ на лѣстницѣ, ведущей къ каналу. Одинъ изъ нихъ, при видѣ другаго, ухватился за рукоятку своей шпаги. „Неужели графъ не узнаетъ меня“? спрашивалъ онъ себя съ безпокойствомъ, „или онъ забылъ ту памятную для меня ночь“!

Графъ Эрбахъ, какъ бы угадывая его мысли, сказалъ:

— Я узналъ отъ конюха въ гостинницѣ, что ваше сіятельство остановились здѣсь проѣздомъ. Меня привела къ вамъ не только обязанность вассала засвидѣтельствовать свое почтеніе властелину, но и надежда, что ваше сіятельство снизойдетъ къ моей просьбѣ и согласится провести ночь въ моемъ замкѣ.

Офицеръ видимо колебался и въ первую минуту хотѣлъ отвѣтить отказомъ, но, послѣ нѣкотораго раздумья, сказалъ:

— Очень благодаренъ вамъ, графъ, за ваше любезное приглашеніе и съ удовольствіемъ принимаю его. Вашъ замокъ славится своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ. Я найду въ немъ тишину и спокойствіе, которыя всегда полезны такому безпокойному человѣку, какъ я.

Съ этими словами онъ подаль руку графу Эрбаху, который почтительно поцѣловалъ ее.

— У вашего сіятельства много преданныхъ вамъ вассаловъ, но ни одного изъ нихъ вы не могли болѣе осчастливить, чѣмъ меня, принявъ мое приглашеніе! сказалъ графъ Эрбахъ.

— Не думайте, чтобы ваше приглашеніе не налагало на васъ нѣкоторыхъ обязательствъ, сказалъ офицеръ съ веселой улыбкой.—Я не одинъ здѣсь. Помимо Эрнеста Гарраха, который, повидимому, знакомъ съ вами, я хочу навязать вамъ еще одного гостя. Но куда дѣвался мой новый знакомый? Пойдемъ отыщемъ его.

Они нашли молодаго бюргера на прежнемъ мѣстѣ подъ орѣшникомъ. Онъ говорилъ съ хозяиномъ гостинницы относительно лошадей и экипажа для своего дальнѣйшаго путешествія. Но теперь ему пришлось поневолѣ уступить настоятельному приглашенію знатныхъ господъ, которымъ онъ видимо понравился, за исключеніемъ Гарраха, смотрѣвшаго на него съ недовѣріемъ.

Графъ Эрбахъ ласково протянулъ ему свою руку и немного смутился, когда молодой бюргеръ, намѣренно или случайно, отвѣтилъ ему

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскіе и иностранные (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель-редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ОКТЯБРЬ, 1884.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ОКТАВРЬ, 1881 г.

	Стр.
I. КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ КАКЪ ЧЛЕНЪ БОЛЬШОЙ КОМИССИИ 1767 г. А. Г. Брикнера	217
II. ПОЪЗДКА ВЪ ПЕРУСАЛИМЪ. Наброски дорожныхъ впечатлѣній. Гл. I—IV. Д. Л. Мордовцева	250
III. ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. III. Романтико-художественная украинская литература пинѣннаго вѣка. (Окончаніе). Н. Н. Петрова	299
IV. ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. Гл. I—III. Н. С. Маевского	324
V. ВОСПИТАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II. Д. П. Лебедева	341
VI. МАТЕРІАЛЫ КЪ БІОГРАФІИ ВЪЛИНСКАГО И ЛЕРМОНТОВА. Н. Рыбкина	365
VII. ЗАКАЗНАЯ ЛИТЕРАТУРА. (Нѣсколько замѣчаній по поводу образцовой народной книжки). Н. С. Дѣкова	379
VIII. УМСТВЕННЫЙ И ПРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕССЪ ЕВРОПЕЙСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ТЕЧЕНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ ТРИДЦАТИ ЛѢТЪ. (Окончаніе). И. Канту . Переводъ съ французскаго съ очеркомъ жизни Канту. Д. П. Лебедева	393
IX. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. Спб. 1881. Ив. Е. Забѣлина .— 2) Архивъ князя Вяземскаго. Князь Андрей Ивановичъ Вяземскій. Изданіе графа С. Д. Шереметева. 1881 г. Сиб. Б—ова .—3) Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Лекціи чтанія въ копенгагенскомъ университетѣ Г. Брандесомъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Б. Невѣдомскаго. Москва, 1881. А. М. .—4) Русскій Архивъ. 1881 г. II книга. А. .—5) Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владимира. Выпуски I, II, III. Кіевъ. 1881. А.	423
X. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Любопытная житейская записка 1706 года. Сообщ. А. В. Арсеньевымъ . — Грамота царя Ѳедора Алексѣевича чарондскому воеводѣ Данилову, 1679 года, о розметѣ бѣглою крестьянкой Аграфенки. Сообщ. А. Е. Мерцаловымъ . — Письмо генераль-прокурора Обольянинова тамбовскому губернатору Литвинову. Сооб. Н. Н. Дубасовымъ . — Встрѣча епископа Лаврентія вятскимъ духовенствомъ въ 1733 г. Сообщ. Н. В. Добролюбовымъ . — Разбой въ Тамбовской губерніи въ 1798 году. Сообщ. Н. Н. Дубасовымъ . — Неприятное, только не литературное приключеніе съ Ѳ. В. Булгаринымъ. Сообщ. Д. Л. Мордовцевымъ	441
XI. СМѢСЬ: Воспоминанія о Лермонтовѣ. — Открытіе памятника Гоголю въ Нѣжинѣ. — Памятникъ на могилѣ А. Ѳ. Погосскаго. — Памятникъ на могилѣ Н. А. Некрасова. — Справочный и объяснительный словарь къ новому завѣту. — Императорское Русское Географическое Общество въ 1880 году.	448
XII. ЗАМѢТКА О ПОРТРЕТѢ ВЪЛИНСКАГО.	456
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Въ золотомъ вѣкѣ. Историческій романъ К. Френцеля . Продолженіе. Окончаніе I части и части II главы I и II (начало).— 2) Портретъ В. Г. Бѣлинскаго .	

ВИССАРИОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БЪЛИНСКІЙ.

Съ портрета, рисованнаго съ натуры акварелью въ 1837—1838 г. и принадлежащаго
П. Г. Моравену.

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ

какъ членъ Большой Комисси 1767 г.

I.

Введеніе.

НЕ СМОТЯ на видное мѣсто, занимаемое княземъ М. М. Щербатовымъ въ исторіи публицистики прошедшаго вѣка, мы пока не имѣемъ біографіи этого замѣчательнаго дѣятеля. Щербатовъ заслуживаетъ вниманія какъ историкъ; однако, до настоящаго времени его труды по этой части недостаточно оцѣнены. Въ концѣ царствованія Екатерины II, онъ игралъ довольно важную роль, какъ публицистъ, рѣзко осуждавшій образъ дѣйствій правительства, нападавшій на Потемкина, подвергавшій строгой критикѣ характеръ и дѣйствія Екатерины; однако, эти сочиненія Щербатова, изданныя большею частью лишь въ 1856—1861 годахъ, остались какъ-то мало извѣстными, мало замѣченными. Наконецъ, Щербатовъ можетъ быть разсматриваемъ какъ общественный дѣятель, какъ государственный человѣкъ; онъ подѣ-часъ могъ имѣть—и имѣлъ дѣйствительно—нѣкоторое вліяніе на дѣла; занимаясь вопросами законодательства, онъ обнаруживалъ обширную эрудицію, богатое историческое образованіе, строго опредѣленные политическія воззрѣнія.

Предметомъ настоящаго очерка служить участіе Щербатова въ законодательномъ собраніи, созданномъ императрицею Екатериною II въ 1767 году. Во всемъ этомъ дѣлѣ онъ игралъ самую важную роль. Онъ безспорно былъ замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ депутатовъ, бывшихъ въ „Большой Комисси“. Никто не участвовалъ съ такою силою воли, съ такою ясностью политическихъ убѣжденій, съ такимъ краснорѣчіемъ и съ такими глубокими и многосторонними познаніями

въ преніяхъ собранія, какъ князь М. М. Щербатовъ. Поэтому, разработка исторіи его дѣятельности въ „Большой Комиссіи“ можетъ быть полезнымъ пособіемъ при изученіи исторіи этой чрезвычайно любопытной, хотя не вполнѣ удавшейся, попытки создать проектъ новаго уложенія.

Пока мы еще не имѣемъ полной монографіи объ исторіи екатерининской комиссіи. Статьи г-на Бланка (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1876 года) не могутъ считаться полною разработкою богатаго матеріала, изданнаго г. Д. Полъновымъ въ 4, 8 и 14 томахъ „Сборника Императорскаго Историческаго Общества“. Здѣсь и тамъ этотъ вопросъ былъ затрогиваемъ историками-юристами. Правильной и всесторонней оцѣнки историческаго значенія этого факта еще явилось. Мы укажемъ, по крайней мѣрѣ, на ту долю, которую имѣлъ въ этомъ предпріятіи князь Щербатовъ.

Щербатовъ родился въ 1733 году. Значить, въ то время, когда появился манифестъ императрицы о созваніи „Большого Собранія“ для составленія проекта новаго уложенія, когда начались выборы депутатовъ, ему было 33 года. Щербатовъ еще не былъ тогда замѣчательнымъ писателемъ и не успѣлъ еще составить себѣ репутаціи ученаго историка. Изданіе „Журнала Петра Великаго“ явилось въ 1770 году. Тогда началось и печатаніе „Исторіи Россіи“ Щербатова. Публицистическія сочиненія его, между которыми, какъ извѣстно, самое видное мѣсто занимаетъ записка „О поврежденіи нравовъ“, были написаны большею частью въ концѣ жизни Щербатова. Онъ умеръ въ 1790 году.

Зато онъ уже въ началѣ царствованія императрицы Екатерины игралъ довольно важную роль въ высшихъ сферахъ русскаго общества. Принадлежа къ одной изъ древнѣйшихъ и именитѣйшихъ на Руси фамилій, ведущей свой родъ отъ князя Михаила Черниговскаго, отъ фамиліи, многіе члены которой занимали высокіе посты, получивъ въ родительскомъ домѣ самое тщательное образованіе — онъ, между прочимъ, обучался „французскому и итальянскому языкамъ и разнымъ наукамъ“, — Щербатовъ пользовался самыми благопріятными условіями для блестящей политической карьеры. Военная служба его продолжалась не долго. Онъ былъ въ гвардіи унтеръ-офицеромъ, въ концѣ 1761 года былъ произведенъ въ прапорщики; въ 1762 году, мы его видимъ капитанъ-поручикомъ и въ томъ же году — тогда же, какъ извѣстно, кончилась обязательная служба дворянъ — отставленъ капитаномъ. Служебная карьера Щербатова началась около того самаго времени, когда онъ сдѣлался депутатомъ законодательнаго собранія. Въ 1767 году, онъ сдѣлался камеръ-юнкеромъ ¹⁾, въ 1768

¹⁾ Вѣроятно, въ качествѣ камеръ-юнкера Щербатовъ долженъ былъ весною 1768 года, когда были избираемы члены для специальныхъ комиссій при „Большомъ Собраніи“, сообщать императрицѣ о результатахъ выбора. См. записку императрицѣ къ

году, назначенъ присутствовать въ комиссіи о коммерціи, въ 1771 г., онъ сдѣланъ герольдмейстеромъ, въ 1773 году—дѣйствительнымъ камергеромъ, въ 1778 г.—тайнымъ совѣтникомъ и президентомъ камеръ-коллегии, въ 1779 г.—сенаторомъ.

Щербатовъ, принадлежавшій по своимъ фамильнымъ связямъ къ высшей аристократіи, былъ скорѣе дворяниномъ, чѣмъ царедворцемъ. Та же самая кичливость родомъ, которою проникнуты нѣкоторые изъ его сочиненій, проявлялась, безъ сомнѣнія, и въ его обращеніи съ людьми разныхъ сословій. Оставаясь, главнымъ образомъ, сторонникомъ сословныхъ интересовъ, онъ не могъ сдѣлаться особенно популярнымъ въ другихъ сферахъ. Будучи человекомъ партіи, онъ не могъ не сталкиваться съ другими лицами. Тонъ его полемики довольно часто становился весьма рѣзкимъ. И въ его позднѣйшихъ публицистическихъ сочиненіяхъ, и въ его рѣчахъ, произнесенныхъ въ „Большомъ Собраніи“ 1767 года, замѣтны нѣкоторая раздражительность, нѣкоторое увлеченіе. Односторонность его взглядовъ и выводовъ, нѣкоторая ограниченность его убѣжденій и воззрѣній, исключали возможность настоящей политической карьеры для князя Щербатова. Есть основаніе думать, что онъ умѣлъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, скрывать то сильное нерасположеніе къ императрицѣ Екатеринѣ, которое высказывается особенно въ его запискѣ „о поврежденіи нравовъ“. Но все-таки эта жесткость въ характерѣ Щербатова, это нѣсколько враждебное отношеніе къ лицамъ другихъ партій, страсть къ полемикѣ, нѣкоторая угрюмость въ его нравѣ, нѣкоторый пессимизмъ въ его образѣ мыслей—все это не могло ускользнуть отъ вниманія императрицы. Немудрено, что Щербатовъ при такихъ обстоятельствахъ не сдѣлался дипломатомъ, не игралъ особенно важной роли между царедворцами, не занималъ какого либо министерскаго поста. Зато роль депутата въ законодательномъ собраніи 1767 года вполне соответствовала сколько наклонностямъ, столько и способностямъ князя Щербатова. Тутъ онъ могъ отстаивать интересы своихъ собратій-дворянъ, тутъ онъ могъ занять самое видное мѣсто въ ожесточенной борьбѣ между различными сословіями; тутъ онъ имѣлъ случай выказать свою богатую эрудицію, воспользоваться своими широкими свѣдѣніями въ области исторіи, права, народной экономіи и пр. Будучи слишкомъ пристрастнымъ партизаномъ аристократіи, чтобы годиться къ участию въ управленіи дѣлами вообще, Щербатовъ былъ какъ бы созданъ для роли вожака парламентской оппозиціи. И вотъ манифестъ 14-го декабря 1766 года, въ которомъ все общество приглашалось къ участию въ выборахъ депутатовъ для „Большой Комиссіи“ и въ составленіи депутатскихъ наказовъ, доставилъ Щербатову случай, хотя бы, такъ сказать, въ видѣ

маршалу собранія, Библикову, отъ 26-го апрѣля 1768 г. въ „Сборникѣ Ист. Общ.“, X, стр. 285.

исключенія, временно примѣнить къ дѣлу свои необычайныя парламентскія способности.

II.

Выборъ въ депутаты. Наказъ отъ дворянъ Ярославскаго уѣзда Московской губерніи.

Манифестъ о созваніи „Большой Комиссіи“ явился 14-го декабря 1766 года. Число на депутатскомъ наказѣ отъ дворянъ Ярославскаго уѣзда, представителемъ которыхъ былъ князь М. М. Щербатовъ, показано 19-е марта 1767 года. Можно полагать, что выборъ въ Ярославлѣ происходилъ около половины марта. Немного позже мы застаемъ Щербатова въ Москвѣ, гдѣ онъ, въ апрѣлѣ, участвовалъ въ выборѣ депутата отъ города Москвы. Тутъ, значитъ, онъ принадлежалъ къ числу домовладѣльцевъ, которые сначала должны были выбрать повѣренныхъ, выбиравшихъ затѣмъ депутата. Когда 19 апрѣля происходило собраніе домовладѣльцевъ отъ 5-й и 6-й частей въ домѣ П. А. Татищева, явилось 131 человекъ; между 16-ю повѣренными, выбранными въ этомъ собраніи, былъ „лейбъ-гвардіи капитанъ, князь Михайло Щербатовъ“; онъ получилъ 69 голосовъ ¹⁾.

О процедурѣ выбора Щербатова депутатомъ отъ ярославскаго дворянства не сохранилось никакихъ данныхъ. Однако, изъ числа подписей на депутатскомъ наказѣ можно заключить, что число съѣхавшихся въ городъ Ярославль для участія въ выборѣ дворянъ было весьма значительно. Немногіе изъ сдѣлавшихся понынѣ извѣстными депутатскихъ наказовъ отличаются такимъ количествомъ подписей. Между тѣмъ какъ въ разныхъ случаяхъ встрѣчается не болѣе пяти подписей, депутатскій наказъ отъ ярославскаго дворянства подписанъ семьюдесятью лицами, которыя, какъ видно, участвовали въ выборѣ депутата.

Согласно съ предписаніемъ въ порядкѣ выборовъ, составленіе депутатскаго наказа должно было быть поручено особой комиссіи, состоявшей изъ пяти членовъ, и должно было быть окончено въ нѣсколько дней. Есть основаніе считать весьма вѣроятнымъ, что князь Щербатовъ имѣлъ сильное вліяніе на составленіе наказа. Такъ какъ мы изъ записокъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова, бывшаго депутатомъ отъ костромскаго дворянства, знаемъ, что депутатскій наказъ былъ составленъ самимъ и однимъ Бибиковымъ, мы считаемъ возможнымъ, что авторомъ депутатскаго наказа въ Ярославлѣ также былъ самъ депутатъ, князь Щербатовъ, который, какъ видно, пользовался въ уѣздѣ всеобщимъ довѣріемъ и превосходилъ чуть ли не всѣхъ своихъ товарищей въ уѣздѣ познаніями и литературными способностями.

¹⁾ („Сб. И. О.“ IV. 22.

Характеръ и содержаніе ярославскаго наказа вполне соотвѣтствовали убѣжденіямъ и взглядамъ князя Щербатова. Важнѣйшею мыслью въ этомъ наказѣ было восхваленіе заслугъ дворянства. „Общество дворянское“, сказано въ введеніи, „въ толикихъ случаяхъ древнихъ временъ и недавно минувшихъ, яко во время общихъ безпокойствъ Россіи, въ бывшихъ войнахъ, для сохраненія монаршихъ интересовъ и расширенія пространства имперіи, съ пролитіемъ своей крови и крайняго ущерба имѣній, услуги свои показало; и милости, равно и удовольствіе отъ своихъ монарховъ заслужило“ и пр.

Ярославскій наказъ отличается отъ многихъ другихъ документовъ этого рода ясностью группировки разныхъ предметовъ, вошедшихъ въ составъ изложенія. Онъ раздѣленъ на три части; въ каждой изъ нихъ насчитывается нѣсколько пунктовъ, на которые ярославское дворянство желаетъ обратить вниманіе законодательнаго собранія.

Въ первой части, въ двѣнадцати пунктахъ говорится о правахъ и преимуществахъ дворянства, причемъ, однако, дѣлается замѣчаніе, что многія права дворянства пришли въ забвеніе, или „затушены подкочами подъ законъ“; депутату отъ ярославскаго дворянства вмѣняется въ обязанность „стараться, чтобы чинъ дворянства, яко вѣрнѣйшій и усерднѣйшій своему государю и отечеству, какъ для общей пользы всего государства, такъ и для дворянскаго благополучія, на прежнюю степень преимуществъ своихъ былъ возведенъ“.

Затѣмъ, требуется раздѣленіе всѣхъ дворянъ на различныя группы, смотря по происхожденію дворянства. Главное различіе должно существовать между древнимъ и новымъ дворянствомъ. Ярославское дворянство требуетъ прекращенія пріобрѣтенія дворянскихъ правъ путемъ военной или гражданской службы, какъ это было введено при Петрѣ Великомъ табелью о рангахъ. Далѣе, изъявлялось желаніе, чтобы было дозволено настоящему дворянству „учредить ежегодныя собранія дворянства во всякой провинціи и при нихъ учредить списки дворянскіе того уѣзда“. По мнѣнію ярославскаго дворянства, только это сословіе должно было имѣть право „имѣть земли и деревни“. Оно требуетъ, чтобы купцамъ-фабрикантамъ было запрещено покупать земли и деревни; далѣе, чтобы винокурение и устройство фабрикъ, „сочиняющихся изъ льна и изъ пеньки и изъ прочихъ земляныхъ экономическихъ произращеній“, были бы предоставлены исключительно дворянству; чтобы дворянству было дозволено участвовать въ заграничной торговлѣ, чтобы купечеству было запрещено у крестьянъ по домамъ хлѣбъ закупать. Далѣе, ярославское дворянство просило, чтобы дворяне, поступающіе въ военную службу, прямо производимы были изъ солдатъ въ подпрапорщики, сержанты и офицеры, и чтобы „и въ наказаніяхъ отличать дворянъ отъ простыхъ людей“, иначе „дворянство отъ неразличія наказаній можетъ лишиться знатныхъ мыслей, которыя чрезъ долгое время родители въ нихъ тщились вложить“. Дворянство изъявило желаніе, „дабы дворянинъ,

впадшій въ прегрѣшеніе, не подверженъ былъ къ пыткѣ и ко всякому публичному наказанію, безъ лишенія прежде чина его дворянскаго; дабы сей корпусъ не подверженъ былъ и пятну, чтобы съ симъ достоинствомъ кто въ ономъ пытанный и наказанный находился“.

Весьма важно встрѣчающееся не только въ ярославскомъ наказѣ, но и во многихъ другихъ наказахъ дворянства, желаніе, чтобы „малыя ссоры были суждены учрежденными на то годовыми во всякомъ стану выбранными комиссарами отъ дворянства“. По мнѣнію ярославскаго наказа, нужно было возложить на этихъ „комиссаровъ“ и кое-какія полицейскія обязанности.

Во второй части наказа говорится довольно подробно о необходимости реформъ въ области судопроизводства.

Въ третьей части наказа ярославское дворянство обращаетъ вниманіе на тѣ права, которыми должны пользоваться крѣпостные крестьяне въ отношеніи къ участию въ дѣлахъ торговли и промышленности ¹⁾.

Таково содержаніе ярославскаго наказа, составленнаго для депутата этого уѣзда, князя М. М. Щербатова. Какъ видно, въ этомъ документѣ не столько говорится о мѣстныхъ, сколько объ обще-словныхъ нуждахъ. Въ немъ были затронуты всѣ важнѣйшіе вопросы, сдѣлавшіеся предметомъ весьма оживленныхъ преній въ „Большой Комиссіи“. Въ немъ преобладали чисто корпоративные интересы. При такихъ воззрѣніяхъ, борьба между различными группами русскаго общества, представители котораго должны были участвовать въ составленіи проекта новаго уложенія, была неминуема. Можно было ожидать столкновенія между дворянами въ болѣе тѣсномъ и дворянами въ болѣе широкомъ смыслѣ, т. е. между представителями старыхъ дворянскихъ фамилій и сторонниками правъ тѣхъ дворянъ, которые, путемъ военной и гражданской службы, сдѣлались дворянами. Можно было ожидать столкновенія между дворянствомъ и купечествомъ. Во всемъ этомъ князь М. М. Щербатовъ принималъ дѣятельное участіе.

III.

Первое время участія Щербатова въ занятіяхъ Вольшой Комиссіи.

Засѣданія „Большой Комиссіи“ начались 31 іюля 1767 года. Въ первомъ засѣданіи приступили къ выбору маршала, или предсѣдателя собранія. Между кандидатами на эту важную должность мы встрѣчаемъ и князя Щербатова, хотя число голосовъ, поданныхъ въ его пользу при этомъ случаѣ, было незначительно. Результатъ баллотировки былъ слѣдующій. Всѣхъ депутатовъ, участвовавшихъ въ баллотировкѣ, было 428. Бѣдшее число голосовъ получили:

¹⁾ „Сб. И. О.“ IV. 297—314.

Иванъ Орловъ	278
Григорій Орловъ	228
Захаръ Чернышевъ	179
Алекс. Ильичъ Бибиговъ	165
Федоръ Орловъ	159
М. Волконскій	147
Петръ Панинъ	137
Н. Муравьевъ	97
М. М. Щербатовъ	90

Разумѣется, князь Щербатовъ не могъ при такомъ числѣ голосовъ сдѣлаться маршаломъ. Такъ какъ оба Орловы и Чернышевъ отказались отъ предлагаемой имъ должности, Бибиговъ сдѣлался маршаломъ. Если, однако, принять во вниманіе, что въ собраніи было около 150 дворянъ, что между ними находились, и кромѣ только-что названныхъ кандидатовъ на должность маршала, люди замѣчательные и своимъ положеніемъ и своими способностями, занимавшіе довольно видное мѣсто, мы едва-ли ошибемся, считая этотъ хотя-бы скромный результатъ баллотировки доказательствомъ нѣкоторой популярности Щербатова въ кругахъ депутатовъ, въ особенности-же въ кругахъ дворянскихъ депутатовъ.

Зато по случаю выборовъ членовъ дирекціонной комиссіи въ пятomъ и шестомъ засѣданіяхъ, мы не встрѣчаемъ Щербатова между избранными въ эту должность. Дирекціонная комиссія была какъ-бы центромъ всего дѣла, руководила общимъ ходомъ всего предпріятія; она имѣла громадное значеніе. Членами ея были: митрополитъ Димитрій, графъ Чернышевъ, Н. Муравьевъ, Дм. Волковъ, графъ Иванъ Орловъ. Однако между тремя кандидатами сдѣлаться членами дирекціонной комиссіи, въ случаѣ выбытія кого-либо изъ названныхъ членовъ, мы встрѣчаемъ на ряду съ М. Мордвиновымъ и графомъ Петромъ Панинымъ—князя М. Щербатова ¹⁾.

Какъ кажется, однако, Щербатовъ сдѣлался кандидатомъ на должность члена дирекціонной комиссіи не въ началѣ сессіи, въ то время, когда впервые была учреждена дирекціонная комиссія, а уже при закрытіи „Большаго Собранія“, въ декабрѣ 1768 года, когда было сдѣлано распоряженіе, чтобы члены частныхъ комиссій—послѣднихъ было 19—продолжали свою работу и чтобы для каждой частной комиссіи, сверхъ полнаго числа членовъ, были выбраны изъ „Большаго Собранія“ по три человека, „дабы, если впередъ въ которой либо частной комиссіи сдѣлають упалія мѣста, тобъ оныя неотмѣнно заступлены были“ ²⁾. Мы основываемъ наше предположеніе на томъ обстоя-

¹⁾ См. списокъ депутатовъ и членовъ комиссій въ „Р. Вѣстн.“ дек. 1861 г., приложеніе, стр. 68.

²⁾ Зап. Бибигова, 2-е изд. Приложенія, стр. 29.

ствѣ, что въ протоколахъ тѣхъ собраній, въ которыхъ происходили выборы членовъ дирекціонной комиссіи въ августѣ 1767 г., не упомянуто о Щербатовѣ ¹⁾).

Зато Щербатовъ, когда, 18 октября 1767 года, была учреждена „комиссія о среднемъ родѣ людей“, былъ выбранъ въ члены ея. Товарищами его въ этой комиссіи были: графъ Эрнстъ фонъ-Минихъ, сынъ фельдмаршала, князь Иванъ Вяземской, Семенъ Нарышкинъ и М. Степановъ ²⁾).

Настоящія занятія собранія начались въ восьмомъ засѣданіи чтеніемъ и обсужденіемъ нѣкоторыхъ депутатскихъ наказовъ отъ однодворцевъ и инородцевъ. Не разъ, въ продолженіе этихъ преній, Щербатовъ дѣлалъ замѣчанія и возраженія. Онъ говорилъ о подушныхъ деньгахъ, о земледѣліи и лѣсоводствѣ, о мельницахъ, о земляхъ пахатныхъ солдатъ и пр. Его замѣчанія относительно всего этого были кратки и незначительны; они касались болѣе технической стороны затронутыхъ вопросовъ. Вскорѣ, однако, князю Щербатову, любившему обобщенія и охотно останавливавшемуся на теоріи вопросовъ, представился случай дѣлать болѣе важныя замѣчанія. Такъ, напр., когда былъ затронутъ вопросъ объ огражденіи пахатныхъ солдатъ отъ обидъ, причиняемыхъ имъ помѣщичьими крестьянами, онъ изъявилъ надежду, что настоящая комиссія не преминетъ составить такое положеніе, по которому никто, сдѣлавшій обиду, не могъ бы уклониться отъ правосудія. При другомъ случаѣ онъ объяснилъ различіе между судомъ и слѣдствіемъ и выразилъ мнѣніе, что ни съ однимъ гражданиномъ не должно поступать такъ, какъ съ обвиненнымъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ изобличенъ, и что дѣло, по которому подсудимому слѣдуетъ отвѣчать, не только должно быть ему показано, но и по возможности объяснено, дабы онъ отъ несовершеннаго пониманія не былъ напрасно обвиненъ ³⁾).

Когда со стороны нѣкоторыхъ депутатовъ отъ городовъ было сдѣлано предложеніе запретить крестьянамъ на торгахъ продавать свои сельскіе продукты, Щербатовъ заступился за крестьянъ и сказалъ слѣдующую рѣчь: „Начало даннаго намъ отъ ея императорскаго величества наказа научаетъ насъ непремѣнному правилу христіанскаго закона послѣдовать, т. е. взаимно дѣлать другъ другу добра, сколько можно; естественное же право подтверждаетъ, что мы столько добра другому желать должны, сколько себѣ желаемъ, а можно ли сказать, чтобы вышеписанное предложеніе сходствовало съ такими святыми правилами, когда полагаетъ оно неволю на бѣднаго земледѣльца, пріобрѣтшаго чрезъ тяжкую работу и кровавый потъ лица своего нѣко-

¹⁾ „Сб. И. О.“ IV. 62—67.

²⁾ „Р. Вѣстн.“, 1861. дек., прил., стр. 71.

³⁾ „Сб. И. О.“ IV. 73, 81, 96—97.

торое излишество, чтобы и того онъ продать не могъ, какъ ему свободнѣе будетъ“¹⁾.

Вотъ уже образчикъ того краснорѣчія князя Щербатова, которое дышало филантропіею и свидѣтельствовало о нѣкоторомъ вліяніи на оратора литературы просвѣщенія. Щербатовъ не ставилъ высоко нравственныхъ качества Екатерины; на этотъ разъ, однако, какъ вообще во время засѣданій „Большой Комиссіи“, онъ ссылается на наказъ императрицы и изъявляетъ полное свое согласіе съ выраженными въ этомъ сочиненіи чувствами и мыслями. И Екатерина и Щербатовъ любили ссылаться на „естественное право“, которое во всей литературѣ просвѣщенія играло весьма важную роль. И во Франціи любили говорить о такъ называемыхъ „droits naturels“ и этимъ путемъ дошли до опредѣленія во время революціи такъ-называемыхъ „droits de l'homme“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Щербатовъ оставался во многихъ отношеніяхъ сторонникомъ стараго порядка (*ancien régime*) и отстаивалъ права и привилегіи аристократіи. Въ борьбѣ между различными сословіями, начавшейся скоро послѣ открытія „Большой Комиссіи“, онъ былъ не только партизаномъ, но даже нѣкоторымъ образомъ вожакомъ дворянской группы депутатовъ.

Довольно любопытнымъ симптомомъ, предвѣщавшимъ сильное столкновение между различными классами общества въ „Большой Комиссіи“, былъ эпизодъ, случившійся съ депутатомъ отъ дворянъ Обоинскаго уѣзда, М. Глазовымъ. Тутъ мы видимъ князя Щербатова на сторонѣ провинившагося предъ всѣмъ собраніемъ аристократа. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Въ засѣданіи 31-го августа, М. Глазовъ началъ читать возраженіе на нѣкоторые пункты депутатскаго наказа каргопольскихъ крестьянъ и на рѣчь депутата отъ однодворцевъ Елецкаго уѣзда, М. Давыдова. Записка Глазова оказалась до того неприличною, грубою и придиричивою, что маршалъ остановилъ чтеніе ея и даже предложилъ собранію рѣшить вопросъ о наказаніи М. Глазова за то, что онъ въ собраніи позволилъ себѣ обидѣть другихъ депутатовъ. Съ разныхъ сторонъ было сдѣлано предложеніе исключить Глазова изъ собранія. Однако, нѣкоторые депутаты изъ дворянъ, между которыми мы возлѣ графа Брюса, генеральнаго войсковаго эсаула Скоропадскаго, князя Оболенскаго и пр. встрѣчаемъ и князя Щербатова, стали объяснять маршалу, что Глазовъ погрѣшилъ еще въ первый разъ и что поэтому можно ограничиться менѣе строгимъ наказаніемъ. Такимъ образомъ, собраніе рѣшило, что Глазовъ долженъ просить у обиженныхъ при всемъ собраніи прощенія, что онъ долженъ заплатить пени 5 рублей и что поданный имъ голосъ долженъ быть возвращенъ ему съ выговоромъ. Такъ и случилось, и Глазовъ остался членомъ собранія²⁾.

¹⁾ „Сб. И. О.“ IV. 100.

²⁾ „Сб. И. О.“ IV. 112.

IV.

Пренія о правахъ дворянства.

Уже въ сентябрѣ 1767 года, „Большая Комиссія“ занялась чтеніемъ и обсужденіемъ законовъ о дворянствѣ. Мы уже знаемъ, какое видное мѣсто вопросы, относящіеся къ этой части законодательства, занимали въ депутатскомъ наказѣ ярославскаго дворянства. Нельзя было пойти во всемъ собраніи болѣе ревностнаго защитника преимуществъ настоящей аристократіи, какъ князя Щербатова. По поводу преній о правахъ дворянства онъ долженъ былъ играть самую важную роль. Тутъ онъ могъ всецѣло заявить о своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, сообщить свое политическое вѣроисповѣданіе, развить свою широкую программу о необходимости построенія всего государства главнымъ образомъ на дворянствѣ. Тутъ онъ не могъ не возставать противъ законодательства Петра Великаго, ограничившаго значеніе стараго аристократическаго элемента въ Россіи.

Вліяніе табели о рангахъ, замѣчаетъ Романовичъ-Славятинскій въ своемъ сочиненіи „Дворянство въ Россіи“, на послѣдующія судьбы дворянства неисчислимо. Какъ ни старалось послѣ него наше шляхетство замкнуться въ отдѣльное сословіе, какъ ни обособлялось отъ народа, какъ ни усваивало изящный жаргонъ сенжерменскаго предмѣстья, бюрократическое начало табели побивало аристократическое начало, такъ непослѣдовательно прививаемое къ нашему шляхетству правительствомъ и съ такою жадностью усваиваемое высшими классами. Табелъ о рангахъ водворила въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ перевѣсъ чина надъ породой, обусловила чиномъ внѣшніе знаки почестей, и отличій и пр. Этого не могли не замѣтить иностранцы, посѣщавшіе Россію. Шлецеръ въ своихъ письмахъ изъ Россіи говоритъ: „дворянинъ здѣсь не имѣетъ никакого значенія“. Коксъ удивляется, что въ Россіи благородный ничего не значитъ безъ ранга, безъ должности; что старшіе сыновья важнѣйшихъ лицъ въ государствѣ не имѣютъ никакихъ правъ въ силу своего рожденія, какъ пэры Англіи и Франціи, гранды Испаніи, что значеніе аристократической фамиліи упадетъ со смертію ея главы и т. п. Табелъ о рангахъ широко раскрыла дверь, чрезъ которую члены всѣхъ общественныхъ классовъ, при посредствѣ чина, могли входить въ шляхетство. Всѣ фендрики и констапели, а впослѣдствіи прапорщики и мичманы, и другіе оберъ-офицерскіе чины съ ихъ потомствомъ, всѣ коллежскія ассесоры съ ихъ потомствомъ, сдѣлались потомственными дворянами; всѣ гражданскіе чины низшихъ 6 классовъ, сдѣлались личными дворянами. Дворянство почти слилось съ офицерствомъ и бюрократіей. Чѣмъ болѣе увеличивалось число оберъ-офицеровъ, чѣмъ болѣе умножалось число гражданскихъ чиновниковъ, тѣмъ меньшій процентъ, въ этомъ многочисленномъ, и вслѣдствіе дробленія наслѣдствъ, отчасти крайне бѣдномъ дворянствѣ,

составляла настоящая аристократія. Къ Рюриковичамъ по происхожденію, къ богачамъ по состоянію, къ потомкамъ столбовъ государства, думцевъ, великихъ князей и царей московскихъ, присоединились плебеи по крови, бѣдняки по состоянію, потомки прапорщиковъ или кавалерійскихъ корнетовъ, и составляли съ ними одну общественную группу, между правами и преимуществами членовъ которой не было никакой разницы по закону. Чистая аристократическая кровь болѣе и болѣе разбавлялась кровью крестьянской, мѣщанской и поповской: процентъ дворянства *de la vieille souche* въ цѣломъ словіи болѣе и болѣе уменьшался ¹⁾).

Все это возмущало князя Щербатова, принадлежавшаго именно къ истой аристократіи и надѣявшагося на восстановление прежняго значенія послѣдней и въ государствѣ и въ обществѣ. Для этого однако нужно было дѣйствовать противъ существовавшаго въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій законодательства; приходилось, такъ сказать, протестовать противъ духа реформъ Петра Великаго въ этомъ отношеніи. Созваніе „Большой Комиссіи“, смѣлое предпріятіе составленія новаго уложенія, могло казаться, какъ нельзя болѣе удобнымъ случаемъ для такого рода заявленій, въ пользу правъ и преимуществъ коренной аристократіи. Щербатовъ взялся за рѣшеніе этой задачи съ обычною энергіею, съ соотвѣтствующею его обширнымъ историческимъ свѣдѣніямъ риторикою. Рѣчи, произнесенныя имъ въ „Большой Комиссіи“ по этому предмету, могутъ считаться самыми любопытными эпизодами, самыми важными моментами въ исторіи этого русскаго парламента 1767 года.

Въ засѣданіи 11 сентября, читались законы, относящіеся къ дворянству. На другой день уже начались пренія по этому предмету. Послѣ того, какъ депутатомъ отъ елецкаго дворянства было сдѣлано предложеніе опредѣлить закономъ, чтобы дворяне не были никогда подвергаемы пыткѣ, князь Щербатовъ сдѣлалъ предложеніе вообще отмѣнить законы Петра Великаго, относящіеся къ дворянству, причемъ онъ, однако, замѣтилъ, что дѣлаетъ это не потому, чтобы сердце его недовольно было проникнуто благодѣяніями Петра Великаго, но потому что со времени послѣдняго, какъ полагалъ Щербатовъ, совершенно измѣнились обстоятельства времени, заставившія этого государя дать эти законы. О законахъ Петра Щербатовъ замѣтилъ, что они даже послѣ перемѣны въ нравахъ общества, происшедшей въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій, могутъ быть не только не полезными, но даже вредными.

Даровать поступавшимъ на службу дворянское достоинство, продолжалъ Щербатовъ, было нужно тогда, когда дворяне неохотно вступали въ службу. „Нынѣ же, когда уже мы видимъ, что руссійское дворянство, по единой любви къ отечеству и славѣ, и по усердію къ

¹⁾ Рощиновичъ-Славатинскій, стр. 16, 19, 24.

своимъ монархамъ, достаточно наклонно и къ службѣ и къ наукамъ, то кажется, что право, сравнивающее это сословіе со всякимъ, кто бы, какимъ бы то ни было образомъ, ни достигъ до офицерскаго чина, должно отмѣнить. Одинъ государь, по своему соизволенію, можетъ награждать этимъ правомъ за важныя услуги не только того, кто окажется достойнымъ, но и его потомство“.

Для подкрѣпленія своего предложенія, Щербатовъ считалъ нужнымъ сообщить собранію, слѣдующій краткій историческій очеркъ о происхожденіи дворянства. „Если разсмотримъ происхождение имени дворянинъ, то выраженное мною предложеніе будетъ еще яснѣе. Извѣстно, что первое различіе между состояніями произошло отъ отличной доблести нѣкоторыхъ лицъ изъ народа. Потомки ихъ равномерно отличались отъ другихъ, оказывая услуги тѣмъ обществамъ, которыхъ они были членами; такимъ образомъ, повторяемая въ теченіе многихъ лѣтъ заслуги, склонили народы и государи къ одному имени и къ чести происходить отъ столь доблестныхъ предковъ, присовокупить почтеніе дворянскаго званія. Итакъ, первымъ объясненіемъ имени дворянина будетъ то, что онъ такой гражданинъ, корраго, при самомъ его рожденіи, отечество, какъ бы принимая въ свои объятія, ему говоритъ: ты родился отъ добродѣтельныхъ предковъ; ты, не сдѣлавшій еще ничего мнѣ полезнаго, уже имѣешь знатный чинъ дворянина; поэтому ты, болѣе чѣмъ другіе, долженъ показать мнѣ и твою добродѣтель и твое усердіе. Тебя обязываютъ къ тому данныя законами моими права, предшествовавшія твоимъ заслугамъ; тебя побуждаютъ къ тому дѣла твоихъ предковъ; подражай имъ въ добродѣтели и будешь мнѣ угоденъ. Рожденный въ такомъ положеніи, воспитанный въ такихъ мысляхъ, человѣкъ не будетъ ли употреблять сугубыя усилія, дабы сдѣлаться достойнымъ имени своего и званія? Одно это имя и припоминаніе о славныхъ дѣлахъ своихъ предковъ довольно сильно, чтобы побудить благородныхъ людей ко всякимъ великимъ подвигамъ. Эта политика у римлянъ столь далеко простиралась, что они приписывали начало знатныхъ родовъ своимъ героямъ¹⁾; о чемъ, по свидѣтельству блаженнаго Августина, знаменитый римскій писатель Варронъ говорилъ, что для государства весьма полезно, чтобы знаменитые люди почитали себя происшедшими отъ героев; хотя это и неправда, но уже одна мысль о такомъ происхожденіи можетъ побудить ихъ предпринимать и оканчивать величайшія дѣла. Таковы были мысли сего просвѣщеннаго народа обо всемъ, что содѣйствовало къ умноженію его силы и славы. Самый естественный разсудокъ убѣждаетъ насъ, какъ то признаютъ и всѣ лучшіе писатели, что честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ въ дворянскомъ сословіи; поэтому, сіи качества имѣютъ болѣе вліяніе на тѣхъ, которые почти съ са-

¹⁾ Въ подлинникѣ здѣсь и нѣсколько ниже, вмѣсто этого стояло: богамъ, но слово это зачеркнуто и сверху написано рукою князя Щербатова—героямъ.

мага рожденія своего слышатъ о знатныхъ дѣлахъ своихъ предковъ, видятъ ихъ изображенія, вспоминаютъ тѣ подвиги, какими они прославились, чѣмъ на тѣхъ, которые, смотря на отцовъ своихъ, дослужившихся до первыхъ офицерскихъ чиновъ по старшинству службы, или по проiscaмъ, а не по отличнымъ заслугамъ, не видятъ ничего такого, что могло бы его склонять къ славнымъ дѣламъ; а имена предковъ ихъ уже скрываются во тьмѣ. Не могу при семъ случаѣ не припомнить мнѣнія знаменитаго наукою и своимъ знаніемъ въ законахъ барона Пуффендорфа, который говоритъ: „обыкновенно чины сами собою не даютъ дворянства, но государь даетъ титулъ дворянина, кому заблагоразсудитъ“ и проч.

Затѣмъ, Щербатовъ говорилъ о легкой возможности разныхъ злоупотребленій при существованіи закона о пріобрѣтеніи дворянства путемъ гражданской или военной службы. „Такіе люди“, замѣтилъ онъ, „дабы дослужиться до офицерскаго чина и чрезъ то пріобрѣсти званіе дворянина, зная, что это зависитъ отъ власти каждаго командира, не откажутся льстить его страстямъ и употреблять другіе низкіе способы для снисканія его благоволенія, что, конечно, послужитъ ко вреду нравовъ ихъ самихъ и ихъ начальниковъ. Достигши до офицерскаго чина и видя себя дворяниномъ, эти люди уже теряютъ побужденіе къ достиженію высшихъ чиновъ, а только желаютъ пріобрѣсти себѣ имѣніе, которымъ бы они могли пользоваться; пріискиваютъ всѣ пути, не отвергаютъ ни единого, который бы могъ скорѣе довести его до желаемого конца; отъ того порождается мздоимство, похищенія, и всякое подобное ему зло“.

Свою рѣчь князь Щербатовъ кончилъ нѣкоторыми ссылками на „Большой Наказъ“ императрицы, въ которомъ говорилось о дворянствѣ, а затѣмъ формулировалъ въ нѣсколькихъ пунктахъ свое предложеніе о законахъ, относящихся къ этому предмету ¹⁾.

Такъ какъ пренія въ „Большой Комиссіи“ происходили почти исключительно письменно, въ видѣ читаемыхъ мнѣній или „голосовъ“, т. е. записокъ, возраженія на мнѣнія Щербатова могли явиться лишь нѣсколько позже. Сначала еще нѣкоторые депутаты отъ дворянства, напримѣръ, муромскій депутатъ Чаадаевъ, говорили совершенно въ духѣ князя Щербатова въ пользу строгаго отличія стараго дворянства отъ тѣхъ, которые „не изъ дворянъ дослуживаются до офицерскихъ чиновъ“. Зато депутатъ отъ города Енисейска, Степанъ Самойловъ, требовалъ уравниенія правъ сибирскихъ дворянъ съ правами прочаго дворянства, причемъ онъ указывалъ на заслуги этихъ служилыхъ людей при строеніи городовъ, участіе въ кровопролитныхъ битвахъ и пр. Допуская при этомъ, что служилые люди въ Сибири сначала принадлежали къ скромнымъ сословіямъ, или даже „ведутъ свой родъ отъ сосланныхъ за вины“, Самойловъ замѣтилъ относи-

¹⁾ „Сб. Н. О.“ IV. 149—153.

тельно послѣднихъ, что и „тѣ въ настоящее время добрыми своими поступками заслуживаютъ похвалы“.

Не вытерпѣвъ князь Щербатовъ, раздраженный этимъ предложеніемъ Самойлова, и тотчасъ же въ слѣдующемъ засѣданіи сообщилъ свое довольно рѣзкое мнѣніе противъ этого предложенія. Какъ обыкновенно, онъ сначала говорилъ объ исторіи вопроса и, указавъ на главные моменты колонизаціи Сибири, старался доказать, что „понятіе сибирскій дворянинъ не есть состояніе, но чинъ, который и отъ отца къ сыну не переходитъ“, что сибирскіе дворяне „ни званіемъ, ни дѣломъ, не суть дворяне“, и что поэтому требованіе о дарованіи имъ дворянскихъ правъ не можетъ быть принято. Нѣкоторая желчность оратора обнаружилась особенно въ возраженіяхъ Щербатова на замѣчанія Самойлова о заслугахъ такъ-называемыхъ сибирскихъ дворянъ. „Я не вижу“, сказалъ онъ, „какія великія и славныя заслуги оказаны дворянами сибирскими, чтобы съ основательностью предлагать такое для нихъ требованіе? Сборъ ясака, отъ котораго, можетъ быть, они и себѣ получаютъ прибыль; храненіе соли, сопровожденіе казны и подобныя заслуги, суть ли довольно важны, дабы домогаться себѣ и своимъ потомкамъ такой отличной степени, какъ дворянство? Они также напрасно хвалятся заслугами и великими дѣлами своихъ предковъ. Если сіи послѣдніе были въ числѣ тѣхъ, которые своею храбростью покорили Сибирь, то въ этомъ еще нѣтъ великихъ заслугъ, ибо вся Европа гласитъ и искуснѣйшіе въ воинскихъ дѣяніяхъ народы свидѣтельствуютъ, что всѣ россіяне храбры, и арміи россійскія непобѣдимы; а въ храбрости и въ послушаніи состоитъ должность всякаго солдата. Побѣды же, какъ плоды мудраго предводительства, должны быть приписаны предводителямъ; поэтому, и находившіеся подъ ихъ начальствомъ храбрые воины, покорившіе Сибирь, сдѣлали это не сами собою, а подъ предводительствомъ воеводъ, которые тогда же и награждены были милостію монарховъ; да и тѣ, которые соутствовали воеводамъ, имѣли возданіе въ полученіи земель, спокойныхъ жилищъ и, наконецъ, жалованья“.

Щербатовъ, впрочемъ, хотя не хотѣлъ и слышать объ уравниніи сибирскаго дворянства съ прочимъ дворянствомъ имперіи, уже потому, что онъ имѣлъ въ виду коренное преобразование дворянства вообще въ пользу старыхъ фамилій, изъявилъ свое согласіе на учрежденіе настоящаго „дворянскаго корпуса“ въ Сибири. Отъ этого учрежденія онъ ожидалъ весьма важныхъ выгодъ для всего края: „гдѣ есть дворяне“, говорилъ онъ, имѣя въ виду, разумѣется, старое дворянство, „тамъ есть и ихъ подданные; гдѣ есть дворянскіе подданные, тамъ заводится земледѣліе, мануфактуры и, слѣдовательно, богатство; а гдѣ есть богатство, тамъ рождаются и науки и художества“. На основаніи этой аргументаціи, князь Щербатовъ изложилъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, какъ бы должно приступить къ дѣлу для рѣшенія этой задачи.

Въ этомъ же собраніи онъ говорилъ о нѣкоторыхъ постановленіяхъ, заключающихся въ герольдмейстерской инструкціи, о необходимости учрежденія регулярныхъ дворянскихъ собраній, и пр. ¹⁾

Вопросъ о правахъ дворянства становился во время этихъ засѣданій все болѣе и болѣе важнымъ. Пренія дѣлались все болѣе и болѣе оживленными. Сторонники кореннаго дворянства, напр. депутатъ отъ ростовскаго дворянства, Ѳедоръ Языковъ, требовали строгаго разграниченія различныхъ группъ дворянства; представители новаго дворянства, какъ напр. депутатъ отъ дворянъ Бахмутскаго гусарскаго полка, Авраамъ Рошковичъ, или депутатъ Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ отъ шляхетства, Николай Мотонисъ, отстаивали понятіе о дворянствѣ въ болѣе широкомъ смыслѣ, изъясняя свое убѣжденіе въ томъ, что не должно уничтожать результатовъ законодательства Петра Великаго. Особенно краснорѣчиво и удачно говорилъ Мотонисъ: „Всякое поколѣніе дворянъ имѣло и имѣетъ свое начало, съ тѣмъ только различіемъ, что одно получило его ранѣе, другое позже; всѣ же сходствовали въ томъ, что добродѣтели и заслуги возводили ихъ на ту степень достоинства. Эти два похвальныя качества могутъ быть оказаны не только во время войны, но и во время мира“... Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи, Мотонисъ замѣтилъ: „Государь, какъ отецъ, любитъ равномѣрно всѣхъ своихъ подданныхъ; люди всѣхъ-состояній суть его дѣти. Онъ же смотритъ на любовь къ отечеству каждаго, на ревность его къ службѣ и вѣрность къ своей особѣ и за отмѣнныя добродѣтели и заслуги награждаетъ возведеніемъ изъ низшаго чина въ высшій. Такимъ образомъ, учредилось отъ древнихъ временъ вездѣ и у насъ въ Россіи дворянство... Императоръ Петръ Великій, издавъ узаконеніе, чрезъ которое оберъ-офицерскій чинъ въ военной, а штабъ-офицерскій въ гражданской службѣ, возводитъ на степень дворянства, какъ кажется, не сдѣлалъ что либо новое, но только утвердилъ давнее въ Россіи обыкновеніе“. Говоря о не дворянахъ, Мотонисъ выразился такъ: „Никто ихъ подлыми не называетъ! Подлаго нѣтъ у меня никого! Земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякій изъ нихъ честенъ и знатенъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонавіемъ. Подлы тѣ только, которые имѣютъ дурныя свойства, производятъ дѣла, противныя законамъ“, и пр. ¹⁾

Какъ видно, вопросъ о происхожденіи дворянства становился особенно интереснымъ. Въ разныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ при этомъ случаѣ, ораторы останавливались на этомъ вопросѣ. Иногда читались даже какія-то историческія лекціи по этому предмету. Мы видѣли, что Щербатовъ говорилъ о древнихъ римлянахъ, ссылаясь на сочиненіе Варрона, на мнѣніе Пуффендорфа. Также депутатъ отъ рома-

¹⁾ „Сб. И. О.“ IV. 158—162.

²⁾ „Сб. И. О.“ IV. 169.

новскаго дворянства, князь Николай Давыдовъ, сообщилъ очеркъ исторіи дворянства у древнихъ народовъ, говорилъ о римлянахъ, египтянахъ и египтянахъ, о Пизистратѣ, Мезандрѣ и Поликратѣ, о мнѣніяхъ Платона и Аристотеля, и изъ всѣхъ этихъ историческихъ данныхъ вывелъ заключеніе, что нужно „раздѣлить дворянство по древности рода, т. е., сколько у кого степеней предковъ по прямой восходящей линіи окажется дѣйствительными дворянами ¹⁾). При всемъ томъ, однако, Давыдовъ находилъ, что и новое служилое дворянство должно пользоваться извѣстными дворянскими правами. При этомъ Давыдовъ заявилъ, что его мысли вполне соглашаются со взглядами избравшихъ его въ депутаты дворянъ.

Наказъ романовскаго дворянства напечатанъ въ изданіи г. Полѣнова. Его подписали около тридцати дворянъ: почти всѣ подписавшіеся были офицерами; тутъ мы встрѣчаемъ секундъ-майоровъ, капитановъ, подпоручиковъ, сержантовъ и пр. ²⁾). Очевидно, эти люди были сторонниками законовъ Петра, защитниками табели о рангахъ; они должны были отстаивать дворянскія права служилаго сословія. Въ этомъ духѣ долженъ былъ говорить въ собраніи ихъ депутатъ, князь Давыдовъ, хотя онъ самъ, быть можетъ, принадлежалъ къ настоящему древнему дворянству.

Вообще, въ собраніи было много представителей военнаго класса. Нѣкоторые изъ нихъ сильно и мѣтко возражали на предложенія отмѣнить законы Петра Великаго. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны были мнѣнія депутата изюмской провинціи отъ дворянства, Ивана Заруднова, и депутата Днѣпровскаго пикинернаго полка, Якова Козельскаго. Оба они весьма удачно ссылались на законы Петра, доказывали, что законы эти были плодотворными, приводили въ пользу своего мнѣнія разныя статьи наказа императрицы. Козельскій выставлялъ на видъ, что отнятіе дворянскаго достоинства у служилаго сословія можетъ имѣть пагубныя слѣдствія. „Дворянство“, говорилъ онъ между прочимъ, „умноживъ высокоуміе своего достоинства, будетъ пренебрегать служащими какъ по гражданской, такъ и по военной части“, и пр. ³⁾). Рѣчь Козельскаго, въ которой чрезвычайно ловко затрогивались и вопросы о воспитаніи и объ экономическомъ состояніи дворянства, не могла не произвести глубокаго впечатлѣнія на собраніе; она, какъ видно, особенно сильно подѣйствовала на князя Щербатова.

Обыкновенно, какъ уже было сказано, мнѣнія подавались письменно, возраженія читались въ слѣдующемъ засѣданіи. На этотъ разъ, однако, князь Щербатовъ въ томъ же самомъ засѣданіи 21 сентября, въ которомъ Козельскій прочиталъ свое мнѣніе, объявилъ чрезъ

¹⁾ „Сб. Н. О.“ IV. 180.

²⁾ „Сб. Н. О.“ VIII. 159.

³⁾ „Сб. Н. О.“ 188.

держателя дневной записки маршалу о своемъ желаніи сдѣлать возраженіе и, получивъ на то дозволеніе, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Депутатъ Днѣпровскаго пикиернаго полка въ мнѣніи своемъ говоритъ, что всѣ древнія російскія дворянскія фамиліи произошли отъ низкихъ родовъ, и что теперь эти древніе дворяне, по надменности своей, не желаютъ допустить въ сіе званіе людей, того достойныхъ. Весьма удивляюсь, что этотъ г. депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія російскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію его словъ мнѣ довольно указать на историческія событія. Одни російскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго князя Рюрика, и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго князя Владиміра; другіе выѣхавшіе знатные люди берутъ свое начало отъ коронованныхъ главъ; многія фамиліи, хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые, выѣхавши въ службу къ великимъ князьямъ російскимъ, считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканіе подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги! Какъ не вспомнить она пролитую кровь сихъ достойнѣйшихъ мужей! Будь мнѣ свидѣлемъ, дражайшее отечество, въ услугахъ, тебѣ оказанныхъ вѣрными твоими сынами—дворянами древнихъ фамилій! Вы будьте мнѣ свидѣтели, самыя тѣ мѣста, гдѣ мы, по волѣ нашей монархини, матери отечества, для нашего благополучія собраны! Не вы ли были во власти хищныхъ рукъ? Вы, божественные храмы, не были ли посрамлены отъ иновѣрцевъ? Кто же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи? То вѣрные твои чада, древніе російскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнію, они пріобрѣли тебѣ прежнюю вольность. Мнѣ мнится зрѣть еще текущу кровь достойныхъ сихъ мужей и напоминающу ихъ потомкамъ то же исполнять и такъ же жертвовать своею жизнію отечеству, какъ они учинили! Вотъ первое право требованія дворянъ древнихъ родовъ, чтобы никто съ ними безъ высочайшей власти не былъ сравненъ. Но они, сего любовію побужденные, не затворяютъ надменностію врата для доблести, а хотятъ, чтобы желающіе войти къ нимъ въ братство удостоились того истинною добродѣтелью, которую бы самъ монархъ увѣнчалъ дворянскимъ званіемъ“.

Щербатовъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи. „Сію рѣчь“, замѣчаетъ дневная записка, „говорилъ онъ и окончилъ съ крайнимъ движеніемъ духа, что по произношенію его голоса примѣтить было можно ¹⁾“.

¹⁾ „Сб. И. О.“ VI. 192—193.

«истор. вѣсти», годъ II, томъ VI.

Обыкновенно, по окончаніи чтенія какого либо болѣе подробно изложеннаго мнѣнія, или произнесенія какой-либо рѣчи, нѣкоторые депутаты изъявили свое согласіе съ только что высказаннымъ мнѣніемъ. Такъ напр., послѣ чтенія мнѣній Заруднова и Козельскаго отъ двадцати до тридцати депутатовъ, большею частью представители военнаго сословія, отчасти и купцы и крестьяне, изъявили свое согласіе съ мнѣніями этихъ ораторовъ. У князя Щербатова оказалось болѣе многочисленная партія. Какъ скоро онъ только успѣлъ кончить свою рѣчь, „съ этимъ мнѣніемъ согласились“ чрезвычайно многіе депутаты; ихъ было около ста, въ томъ числѣ всѣ депутаты Московской и Нижегородской губерній. Эффектъ рѣчи Щербатова былъ замѣчательнъ. Засѣданіе кончилось этою аристократическою демонстрацію. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ продолжались пренія объ этомъ предметѣ вообще, но никто не возражалъ прямо на историческую реторику, на краснорѣчивую аргументацію князя Щербатова.

Недавно было сдѣлано замѣчаніе, что „судьба отказала князю Щербатову совершенно въ талантѣ и широтѣ взгляда ¹⁾“. Едва ли съ этимъ отзывомъ можно согласиться. О широтѣ взгляда, при многихъ предразсудкахъ князя Щербатова, не можетъ быть и рѣчи въ обыкновенномъ смыслѣ. Но мы увидимъ, что онъ отличался многосторонностью образованія, энциклопедическими познаніями, и что эта богатая эрудиція доставляла ему возможность, по случаю преній о разныхъ вопросахъ, играть первенствующую роль въ „Большой Комиссіи“. Нельзя отрицать таланта Щербатова; именно въ его употребленіи исторіи, какъ источника для публицистической аргументаціи, обнаруживается необычайный талантъ этого замѣчательнаго оратора. Тутъ, однако, въ то же самое время болѣе всего бросается въ глаза предвзятость мнѣній, тутъ встрѣчаются натяжки; взглядъ Щербатова на историческія событія, о которыхъ онъ говоритъ, оказывается совершенно одностороннимъ, и потому невѣрнымъ.

Есть основаніе думать, что во всей „Большой Комиссіи“ не было, за исключеніемъ развѣ одного академика Гергарда-Фридриха Миллера, ни одного депутата, котораго историческая эрудиція могла бы быть сравниваема съ ученостью въ этомъ отношеніи князя Щербатова. Вообще, русскую исторію въ то время знали весьма немногіе. Событія смутнаго времени, эпоха борьбы съ поляками до вступленія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, были мало извѣстны. Иначе, можно бы было выставить цѣлый рядъ сильныхъ аргументовъ противъ рѣчи князя Щербатова. Судя по его изложенію, можно было думать, что въ самомъ дѣлѣ высшему сословію въ 1612 году принадлежала исключительно честь и слава подвига освобожденія Россіи

¹⁾ Редакція „Русской Старины“, по случаю изданія записки „О поврежденіи правовъ“. Но, при всемъ томъ, тутъ отдается полная справедливость учености Щербатова, его трудолюбію и его любви къ исторіи.

отъ польскаго ига, или отъ опасности превращенія Московскаго государства въ провинцію Польши. Нынѣ же мы знаемъ, какую важную долю имѣли въ дѣлѣ освобожденія другія сословія—духовенство и средній классъ. О заслугахъ городскаго сословія при этомъ случаѣ Щербатовъ не сказалъ ни слова. Можно удивляться тому, что никому не вздумалось вспомнить о Мининѣ.

Мало того: можно было указать на далеко не патриотическій образъ дѣйствій высшаго класса въ послѣднее время царствованія Василія Шуйскаго, въ отношеніяхъ въ Жолкѣвскому, по случаю выбора Владислава въ цари московскіе. Между тѣмъ какъ народу было страшно видѣть иностранца на престолѣ, бояре находили для себя чрезвычайно выгоднымъ имѣть польскаго королевича государемъ. Бояре называли себя вѣрными подданными короля Сигизмунда, даже надѣялись на разныя выгоды для себя и для всего сословія чрезъ возведеніе на престолъ Владислава; образъ дѣйствій бояръ былъ причиною многихъ бѣдствій, постигшихъ Московское государство и въ первое время царствованія Михаила.

Обо всемъ этомъ не говорили въ „Большомъ Собраніи“. Никому не вздумалось сдѣлаться оппонентомъ Щербатова, начать историческій диспутъ. Въ собраніи 1767 года, въ Россіи не было столь замѣчательныхъ сторонниковъ интересовъ „третьяго“ класса, какимъ былъ Мирабо въ собраніи 1789 года во Франціи. Иначе, Щербатовъ относительно временнаго, такъ сказать, нравственнаго эффекта, не остался бы побѣдителемъ. Собраніе, не привыкшее къ такому пафосу, сдѣлалось нѣкоторымъ образомъ жертвою увлеченія и таланта князя Щербатова. Оно невольно находилось подъ вліяніемъ этой, свидѣтельствовавшей о нѣкоторой односторонности, выходки знаменитаго оратора. Геніальность краснорѣчія князя Щербатова скрывала грубую историческую ошибку, безсознательно имъ сдѣланную.

Въ преніяхъ о правахъ дворянства, продолжавшихся еще до октября, Щербатовъ, сколько намъ извѣстно, не принималъ болѣе участія. Можно однако думать, что на него сильно подѣйствовали нѣкоторые „голоса“ депутатовъ въ пользу дворянства въ самомъ широкомъ смыслѣ. Такъ, на примѣръ, въ засѣданіи 2-го октября было читано мнѣніе депутата отъ города Рузы, Ив. Смирнова, предлагавшаго самую коренную реформу: отмѣнить вообще наслѣдственное дворянство и оставить только личное, которое должно быть даруемо исключительно за заслуги. Это предложеніе казалось до того радикальнымъ, что къ мнѣнію Смирнова присоединился только одинъ депутатъ отъ города Путивля, Василій Рожновъ. Депутатъ отъ города Мензелинска, Иванъ Кузнецовъ, объяснялъ между прочимъ, что „дворянину быть въ командѣ у офицеровъ, хотя бы они были не изъ дворянъ, нисколько не можетъ быть постыдно“; онъ же доказывалъ, что въ Уфимской провинціи „есть дворяне, которые никакимъ иностраннымъ наукамъ не обучаются, а только одной російской грамотѣ, тогда какъ

драгунскія дѣти, живущія при отцахъ и взятыя въ школы, кромѣ русской грамоты, обучены и ариѳметикѣ. Изъ этихъ уфимскихъ дворянъ и шляхтичей есть довольно такихъ, что не знаютъ и русской грамоты, надѣясь на то, что они, по званію дворянства, могутъ получить послѣ недолговременной службы увольненіе, а притомъ и награжденіе чиномъ; драгунскія же дѣти продолжаютъ военную службу безъ опредѣленнаго срока до престарѣлыхъ лѣтъ“.

Уже то обстоятельство, что въ этотъ споръ о правахъ дворянства вмѣшивались представители средняго, городского сословія, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Чрезвычайно любопытно, что въ этихъ дебатахъ даже участвовалъ депутатъ отъ однодворцевъ Воронежской провинціи, Ефимъ Ѳефиловъ. Намъ уже знакомый депутатъ отъ обоянскаго дворянства, Глазовъ, завзятый защитникъ правъ высшаго дворянства, значитъ, единомышленникъ князя М. М. Щербатова, предложилъ между прочимъ, чтобы не только въ офицеры, но даже и въ нижніе чины, т. е. въ унтеръ-офицеры, ни изъ какого другаго званія, кромѣ дворянъ, не принимать. На это Ѳефиловъ возражалъ, во-первыхъ, что такого ограниченія никогда не было и что такое нововведеніе было бы „несообразно съ самымъ естественнымъ закономъ“, во-вторыхъ же, Ѳефиловъ совершенно справедливо замѣтилъ, что одно дворянство не можетъ занять въ цѣлой имперіи не только всѣ унтеръ-офицерскіе, но даже и всѣ оберъ-офицерскіе чины. Ссылаясь на законы Петра I и Екатерины II, Ѳефиловъ замѣтилъ не безъ нѣкоторой желчности: „Г. депутатъ Глазовъ въ мнѣніи своемъ не объяснилъ, за какое преступленіе не производить разночинцевъ въ нижніе чины“, а затѣмъ онъ говорилъ: „Премудрая наша монархія не съ тѣмъ оказываетъ матернее свое попеченіе о вѣрныхъ сынахъ отечества, чтобы одинъ родъ возвысить, а другой унижить, но по вдохновенной въ сердцѣ ея отъ Всевышняго премудрости, она распространяетъ на всѣхъ своихъ вѣрнопоподанныхъ милосердія щедроты и всѣхъ желаетъ видѣть въ такомъ благополучіи, до какого счастье человеческое достигнуть можетъ. Поэтому, въ ея намѣреніи нѣтъ не только того, чтобы своихъ подданныхъ не жаловать въ чины, но напротивъ, она соизволила обнадѣжить возведеніемъ чрезъ заслуги на степень дворянства, какъ о томъ въ „Большомъ Наказѣ“ въ 363 и 364 статьяхъ показано“¹⁾.

Недаромъ однодворецъ Ѳефиловъ ссылался на императрицу. Въ статьѣ 363 „Большаго Наказа“ было сказано: „Добродѣтель и заслуги возводятъ людей на степень дворянства“. Вообще, весь вопросъ о дворянствѣ былъ рѣшенъ вполнѣ въ духѣ предложеній Щербатова, Глазова, Чаадаева и Языкова, а въ духѣ Заруднова, Козельскаго, Кузнецова и Ѳефилова.

Пренія о правахъ дворянства были прерваны осенью 1767 г., по

¹⁾ „Сб. И. О.“ IV. 218—219.

рѣшенію собранія, принявшаго предложеніе маршала перейти къ разбору о правахъ кучества. Зато въ слѣдующемъ году вопросъ о дворянствѣ опять сдѣлался предметомъ весьма оживленныхъ преній. Именно, въ іюлѣ 1785 года, маршалъ Бибиковъ объявилъ „Большому Собранію“, что изъ дирекціонной комиссіи былъ присланъ проектъ правамъ благородныхъ. Этотъ проектъ обсуждался весьма подробно. Къ сожалѣнію, эта часть протоколовъ пока еще не издана. Нельзя не думать, что князь Щербатовъ въ этихъ преніяхъ принималъ участіе. О томъ, какъ былъ рѣшенъ вопросъ о двухъ важнѣйшихъ видахъ дворянства, мы знаемъ случайно изъ донесенія англійскаго посланника Каскарта (Cathcart), который былъ свидѣтелемъ одного засѣданія „Большой Комиссіи“ въ августѣ 1768 года. Онъ пишетъ: „Маршалъ сказалъ депутатамъ, что, такъ какъ на предъидущемъ засѣданіи былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы за всѣми лицами, достигнувшими офицерскаго чина, было признано дворянство, основанія къ чему были изложены письменно, а въ настоящее засѣданіе было подано противоположное тому мнѣніе, вмѣстѣ съ изложеніемъ его причинъ, прочитаннымъ собраніемъ, то онъ обязанъ рѣшить этотъ вопросъ большинствомъ голосовъ посредствомъ баллотировки... По перечисленію голосовъ, оказалось, что согласныхъ было двѣсти сорокъ два, а несогласныхъ—признаюсь, къ удивленію моему—двѣсти тридцать“¹⁾.

Значитъ, большинство рѣшило вопросъ въ пользу новаго дворянства. Но меньшинство, къ которому принадлежалъ князь Щербатовъ, оказалось чрезвычайно многочисленнымъ. Въ его партіи оказалось не менѣе 213 голосовъ, значитъ—почти половина всѣхъ голосовъ, поданныхъ въ этомъ засѣданіи. Недоставало только ничтожнаго числа 15 голосовъ, чтобы доставить побѣду воззрѣніямъ князя Щербатова.

Разумѣется, баллотировка вопроса въ „Большомъ Собраніи“ не могла ни въ какомъ случаѣ имѣть окончательно рѣшающаго значенія. Комиссія имѣла и могла имѣть лишь совѣщательный голосъ. Пренія въ собраніи доставляли для правительства не болѣе не менѣе, какъ матеріалъ, или средство для всесторонняго обсуждения вопроса. Если бы князь Щербатовъ и одержалъ побѣду въ собраніи, настоящая законодательная власть, т. е. императрица, едва ли рѣшила бы вопросъ въ его духъ.

Правительство хорошо умѣло цѣнить значеніе олигархическихъ и феодальныхъ стремленій дворянства. Ему, безъ сомнѣнія, было извѣстно, какъ на этотъ вопросъ смотрѣли въ различныхъ классахъ общества. Литература уже въ то время указывала на такого рода притязанія, какъ на анахронизмъ. Кичливость князя Щербатова могла считаться даже нѣсколько странною.

¹⁾ „Сб. И. О.“ XII, стр. 359—360.

Сатирики не разъ ополчались противъ феодальныхъ возрѣній шляхетства на другіе общественные классы. Уже Кантемиръ въ своихъ сатирахъ доказываетъ, что „та же и въ свободныхъ и въ холопахъ течетъ кровь, та же плоть, тѣ жъ кости“, что „пахарь и вельможа равны въ судѣ“, что „плоть въ судѣ однолична“, что „Адамъ дворянъ не родилъ“, а „Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ“ и т. п. ¹⁾.

Въ 1767 г. Щербатовъ въ „Большой Комиссіи“ разыскалъ свою теорію о превосходствѣ дворянства, объ отмѣнныхъ заслугахъ старыхъ фамилій и пр. Есть основаніе думать, что знаменитый сатирикъ Новиковъ имѣлъ возможность слѣдить за этими преніями. Вотъ что онъ писалъ въ своемъ журналѣ „Трутень“ (листъ XXIII, сентября 29-го) подъ заглавіемъ: „Рецептъ для его превосходительства г. Недоума“: „Сей вельможа ежедневную имѣетъ горичку величаться своею породою. Онъ производитъ свое поколѣніе отъ начала вселенной, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего по крайней мѣрѣ за пять сотъ лѣтъ доказать не могутъ; а которые сдѣлались дворянами лѣтъ за сто или меньше, съ тѣми и говоритъ онъ гнушается. Тотчасъ начинаетъ его трести лихорадка, если кто предъ нимъ упомянетъ о мѣщанахъ или крестьянахъ. Онъ ихъ въ противность моднаго нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ... Онъ желаетъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ, и чтобы простой народъ совсѣмъ былъ истребленъ; о чемъ неоднократно подавалъ онъ проекты, которые многими, ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей, были похвалены“, и пр. Рецептъ, предложенный Новиковымъ для г. Недоума, слѣдующій: „Надлежитъ большому довольную мѣру здраваго привить разсудка и человѣколюбія, что истребить изъ него кичливость и высокоумное презрѣніе къ другимъ людямъ: ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество; но она всегда будетъ обезчещена, когда не подкрѣпится достоинствомъ и знатными къ отечеству заслугами ²⁾).

V.

Пренія о правахъ купечества.

Уже въ депутатскомъ наказѣ, съ которымъ князь Щербатовъ, въ качествѣ депутата отъ ярославскаго дворянства, пріѣхалъ въ Москву, были помѣщены неблагоприятные отзывы о купечествѣ. Тутъ мы, между прочимъ, встрѣчаемъ упрекъ, что кунцы-фабриканты, покупая

¹⁾ См. Романовича-Славатинскаго, стр. 77.

²⁾ „Трутень“, изд. Ефремова, Спб. 1865, стр. 139—142.

деревни, употребляютъ крестьянъ въ работу на фабрикахъ „за толь малую плату, что насилу дневное пропитаніе могутъ имѣть“. „Черезъ то“, сказано въ наказѣ, „умноженію народа чинится препона и земледѣліе оскудѣваетъ, да и сами крестьяне толико отъ работы замучимы бывають, что часто бунты производять“. Въ другомъ мѣстѣ наказа указывалось на необходимость предоставить дворянству также право участвовать въ дѣлахъ вѣншей торговли, причемъ о купечествѣ говорилось довольно рѣзко. „Уже почти всѣ ученѣйшіе народы признали, что право торговли вѣ государству, если и дворяне въ оную вступятъ, полезно государству, а въ Россіи, еще не столь изученной ни чужестраннымъ языкамъ, ниже самаго исчисленія въ купечествѣ ¹⁾, дворянству бы сего, съ заплатою нѣкоей суммы на купечество, не запретить; ибо (не въ хулу сему купечеству, но должность вѣрныхъ подданныхъ принуждаетъ сказать) понынѣ еще російское купечество, хотя пользуясь и великими привилегіями и имѣя внутри своего отечества самонужныя вещи, для чужестранныхъ народовъ еще нигдѣ ни консулей, ни конторъ не учредило; и всю прибыль, какую бы могло отъ вывоза изъ заморской продажи имѣть, торгующимъ народамъ оставляетъ; а можетъ быть російское дворянство потщится нѣчто и болѣе сдѣлать“ и пр. ²⁾.

Высшее дворянство, желая предоставленія этому сословію особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ мы видѣли, должно было ратовать противъ узаконеній Петра Великаго. То же самое происходило въ спорѣ между дворянствомъ и купечествомъ. Послѣднее постоянно ссылалось на законы Петра, старавшагося поддерживать развитіе торговли и промышленности, даровавшаго разныя монополіи и привилегіи и защищавшаго купцовъ отъ нападений и притѣсненій другихъ сословій. Дворянство же указывало на необходимость измѣненія важнѣйшихъ на этотъ счетъ постановленій Петра, отстаивая при этомъ и свои интересы, и интересы крѣпостныхъ крестьянъ.

Разумѣется, князь Щербатовъ въ этихъ преніяхъ долженъ былъ играть самую важную роль. Нѣсколько разъ онъ читалъ спеціальныя мнѣнія, относящіяся къ этимъ вопросамъ, и произносилъ рѣчи, опять-таки столько же обнаруживавшія глубокое знаніе дѣла, сколько отличавшіяся блестящею реторикою.

Въ засѣданіи 8-го октября 1767 года, депутатъ отъ рыбо-слободскаго (т. е. города Рыбинска) купечества, Алексѣй Поповъ, сообщилъ подробное мнѣніе о состояніи торговли въ Россіи. Онъ началъ свою рѣчь панегирикомъ, восхвалявшимъ заслуги Петра относительно успѣшнаго развитія торговли, говорилъ о необходимости поддержанія всѣхъ правъ купечества, протестовалъ противъ участі

¹⁾ Т. е. коммерческой арифметикѣ и бухгалтеріи.

²⁾ „Сб. И. О.“ IV. 300—301.

дворянъ въ фабричной промышленности, противъ участія крестьянъ въ дѣлахъ торговли и пр.

Въ собраніи было много купцовъ. Почти всѣ депутаты отъ городовъ принадлежали къ этому сословію. Нельзя удивляться тому, что рѣчь Попова была принята хорошо въ этой средѣ. Неменѣе 69 депутатовъ объявили, что они вполне согласны съ заявленіемъ Попова ¹⁾).

Въ засѣданіи 8-го октября, князь Щербатовъ возражалъ купцу Попову. Въ введеніи онъ опять не могъ не указать на значеніе и заслуги дворянства. „Государство“, сказалъ онъ, „становится прочно, когда оно утверждается на знатныхъ и достаточныхъ фамиліяхъ, какъ на твердыхъ и непоколебимыхъ столбахъ, которые не могли бы снести тяжести обширнаго зданія, если бы были слабы, не взирая на свою многочисленность. Дѣйствительно, мы видимъ, что величіе французскаго и испанскаго государствъ основано на знатныхъ родахъ“ ²⁾).

Возражая Попову, князь Щербатовъ прежде всего указывалъ на весьма благопріятныя условія, которыми пользовалось дворянство при устройствѣ разныхъ фабрикъ и заводовъ, хвалилъ гуманное обращеніе дворянъ съ крестьянами, работавшими на фабрикахъ, принадлежавшихъ дворянамъ, и протестовалъ противъ возможности лишить дворянство права заниматься фабричною промышленностью. „Сохрани меня Боже“, воскликнулъ Щербатовъ, „и подумать, чтобы въ такое время, когда милость и правосудіе царствуютъ на престолѣ, дворянство, вмѣсто приобрѣтенія какихъ либо правъ, могло что либо изъ оныхъ утратить!“

Разумѣется, князь Щербатовъ всегда оставался въ предѣлахъ приличія и учтивости, даже и тогда, когда онъ довольно рѣзко нападалъ на своихъ противниковъ. Иные изъ оборотовъ въ его рѣчи, направленной противъ Попова, свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ раздраженіи. Такъ напр., онъ говоритъ: „Не безъ удивленія вижу я, что господинъ депутатъ, въ мнѣніи своемъ, упоминаетъ такъ часто о земледѣліи, тогда какъ въ самомъ его началѣ онъ изъявляетъ желаніе пресѣчь всякое оному усовершенствованіе“ и пр., или въ другомъ мѣстѣ: „Желательно было бы, чтобы господинъ депутатъ благоволилъ доказать, отъ чего дворяне не могутъ дѣлать такую же исправную поставку вина, какъ купцы“, или далѣе: „я не постигаю его способовъ къ подтвержденію имъ сказаннаго“ и т. д.

Щербатовъ старался доказать, что чрезъ ограниченіе въ пользу купцовъ правъ дворянства заниматься торговлею и промышленностью, купцы ничего не выиграютъ, между тѣмъ какъ дворянство будетъ

¹⁾ „Сб. Н. О.“ VIII. 37—45.

²⁾ Въ настоящее время намъ можетъ показаться довольно страннымъ такое мнѣніе о значеніи дворянства во Франціи наканунѣ революціи. Тогда, однако, трудно было предвидѣть событія 1789 года. И императрица была чрезвычайно высокого мнѣнія о французскомъ дворянствѣ.

приведено „къ величайшей бѣдности“. „Русскіе купцы“, замѣтилъ онъ, „вообще не весьма тщательные ко внѣшней торговлѣ, будутъ, чрезъ разореніе дворянъ и земледѣлія, получать деньги, чтобы отдавать ихъ торгующимъ чужестраннымъ народамъ. И конечно, види повсюду у себя открытые пути къ своему обогащенію, они не захотятъ покуситься ни на малѣйшую опасность въ иностранномъ торгѣ. Отъ этого вся дѣйствительная торговля, обогащающая государство, останется въ рукахъ чужеземцевъ; а чрезъ сіе мы только болѣе и болѣе будемъ удаляться отъ предначертаній Петра Великаго“.

Столь же энергично Щербатовъ возставалъ противъ ограниченія правъ крестьянъ заниматься торговлею. При этомъ случаѣ посыпались самыя сильныя упреки на купцовъ. Щербатовъ, указавъ на стремленія Петра привести внѣшнюю торговлю Россіи въ цвѣтущее состояніе, продолжалъ: „Отвѣчали ли русскіе купцы такимъ попеченіямъ? учредили ли они конторы въ другихъ государствахъ? имѣютъ ли корреспондентовъ для узнанія, какіе куда цотребны товары и въ какомъ количествѣ? послали ли они своихъ дѣтей учиться торговлѣ? Нѣтъ! Они ничего этого не сдѣлали. Поэтому, напрасно господинъ депутатъ Рыбной слободы и жалуется, что будто бы крестьяне и прочіе разночинцы отнимаютъ у купцовъ всѣ способы къ торговлѣ. Повторяю, вся внѣшняя торговля остается у нихъ въ рукахъ. Пусть взглянуть они на плодоносную Россію. Они увидятъ со всѣхъ странъ свѣта прочія части вселенной, отверзающія врата русскимъ произведеніямъ, лишь бы только были охотники, которые пожелаю бы брать чужестранныя сокровища за наши продукты. На западѣ—Балтійское море, гдѣ многіе порты открываютъ намъ путь и торговлю во всѣ европейскія страны. Въ эти порты чужестранные купцы, имѣя нужду въ нашихъ товарахъ, пріѣзжаютъ къ намъ ихъ брать и, тѣмъ обогащаясь сами, обогащаютъ и насъ. Но насколько бы прибыльъ этотъ умножился, если бы мы сами возили наши товары въ чужіе края и на промѣнъ брали бы чужестранные товары изъ первыхъ рукъ. На востокѣ—Каспійское море, которое, чрезъ посредство устроеннаго между Волгой и Невой канала, сообщается съ Финскимъ заливомъ. Этимъ путемъ мы можемъ торговать съ большою выгодною съ Персією, съ узбекскими татарами, съ царствомъ варгапскимъ (?), съ туркменами и съ неподвластными татарами. На югѣ Черное море, чрезъ призваніе купцовъ франковъ изъ Константинополя на турецкихъ корабляхъ, откроетъ путь нашей торговлѣ даже до Египта. Упомяну ли про сѣверъ, гдѣ Ледовитое море представляетъ для нашихъ промысловъ неистощимое богатство ловлею рыбы и биеніемъ китовъ. Вотъ отрасли торговли, на которыя купцы должны себя употребить, чтобы съ приобрѣтеніемъ богатства доставить благосостояніе себѣ и дорогому отечеству. И не стыдно ли намъ, здѣсь собраннымъ россіянамъ, слышать, что гамбургцы и голландцы, будучи отдаленнѣе отъ Ледянаго моря, чѣмъ мы отъ Колы, на 15 или на 18 градусовъ

по прямой линіи, кромѣ обхода Норвегіи, приходятъ бить китовъ и получать себѣ прибыль почти у нашихъ береговъ, не смотря на то, что вооруженіе судовъ и договоры съ матросами обходятся имъ весьма дорого. У нихъ платятъ чиновнымъ людямъ корабля по 137 рублей въ мѣсяцъ; матросамъ, которыхъ бываетъ иногда до двадцати человекъ на кораблѣ, отъ 6 до 10 рублей въ мѣсяцъ каждому; подарковъ, какъ у нихъ такое обыкновеніе, чиновнымъ людямъ по 140 руб. А такъ какъ путешествіе сихъ кораблей для ловли рыбы продолжается иногда до пяти мѣсяцевъ, то на одно жалованье и подарки служащимъ на кораблѣ выходитъ до 1600 рублей, кромѣ того, что за каждую убитую рыбу еще платится по 10 рублей. Какъ же было бы прибыльно русскимъ купцамъ предпринять такой торгъ и по близости мѣста, и по дешевизнѣ найма матросовъ, и по дешевизнѣ дровъ для перетопки сала. Вотъ истинные ключи богатства купцовъ! Пусть они обратятся къ опытамъ, и тогда увидятъ, что дѣйствительная польза отечества сопряжена съ ихъ обогащеніемъ“.

Свою рѣчь Щербатовъ заключилъ, по своему обыкновенію, изложеніемъ въ нѣсколькихъ пунктахъ „нѣкоторыхъ купеческихъ и мѣщанскихъ правъ ¹⁾“.

Какъ видно, и при обсужденіи этого вопроса Щербатовъ оказался весьма замѣчательнымъ ораторомъ. Упреки, сдѣланные имъ русскимъ купцамъ, не были лишены основанія. Ему были хорошо извѣстны многія частности исторіи и статистики торговли. Онъ лучше русскихъ купцовъ былъ знакомъ съ коммерческими дѣлами гамбургцевъ и голландцевъ. Но при всей широтѣ эрудиціи, при всѣхъ фразахъ о дорогомъ отечествѣ и т. д., въ рѣчи князя Щербатова проглядываетъ главнымъ образомъ его желаніе обезпечить выгоды своихъ собратій—дворянъ. И при обсужденіи вопроса о купечествѣ, какъ при преніяхъ о правахъ дворянства, онъ былъ прежде всего представителемъ сословныхъ интересовъ, что, впрочемъ, вполне соответствовало положенію дѣла.

Пренія о правахъ купечества были продолжительны. Между прочимъ, возникъ вопросъ: можно ли дозволить купцамъ покупку крѣпостныхъ крестьянъ поодиночкѣ? Мы укажемъ ниже на прекрасную рѣчь Щербатова, относящуюся къ этому предмету, и ограничимся здѣсь указаніемъ на старанія Щербатова доказать, что такая покупка крестьянъ для купцовъ не представляетъ особенныхъ выгодъ, а далѣе, что ею причиняется сильный вредъ земледѣлію. И при этомъ случаѣ Щербатовъ сообщалъ множество статистическихъ цифръ, которыми онъ доказывалъ, что вообще число крестьянъ, занимающихся земледѣліемъ, не превышало 3,300,000 человекъ, и что поэтому дальнѣйшее убавленіе числа пахарей, чрезъ дозволеніе купцамъ покупать крестьянъ

¹⁾ „Сб. И. О.“ VIII. 55—65.

для употребленія ихъ на фабрикахъ, произвело бы крайне пагубное вліяніе на состояніе всего государства ¹⁾.

Немного позже обсуждался вопросъ, можно ли представить исключительно купцамъ право заводить фабрики. Мы уже знаемъ, что Щербатовъ отстаивалъ право дворянства также заниматься промышленностью. Въ засѣданіи 18 октября онъ прочиталъ объ этомъ предметѣ особенное мнѣніе, въ введеніи къ которому мы встрѣчаемъ краткое изложеніе теоріи вопроса о фабрикахъ вообще. Тутъ говорилось о первобытномъ матеріалѣ, объ измѣненіи его формы, о кустарной промышленности, а въ заключеніе были предложены нѣкоторые пункты о „правѣ дворянъ на фабрики ²⁾“.

Щербатовъ любилъ при своей аргументаціи ссылаться на философское право, на статистическія данныя, на обще-экономическія понятія. Противники его не располагали этими орудіями, ограничиваясь по преимуществу въ борьбѣ съ нимъ ссылками на наказъ императрицы Екатерины и на положительное законодательство. На этотъ счетъ достоинъ вниманія упрекъ, сдѣланный князю Щербатову купцомъ Солодовниковымъ въ засѣданіи 23 октября. Онъ началъ свои возраженія на разныя предложенія князя слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Я замѣтилъ, что въ мнѣніяхъ, поданныхъ господиномъ депутатомъ княземъ Михайломъ Щербатовымъ, онъ очень рѣдко основывается на прежнихъ узаконеніяхъ, и эти мнѣнія онъ подкрѣпляетъ весьма разумными разсужденіями, которыми онъ отмѣнно одаренъ отъ Бога ³⁾“. Затѣмъ Солодовниковъ приступилъ къ анализу предложеній Щербатова; однако его аргументація была построена на доказательствѣ, что мнѣнія Щербатова не соглашаются съ такимъ-то указомъ царя Алексѣя Михайловича, или съ такимъ-то закономъ Петра Великаго. Противники Щербатова находили для себя выгоднымъ держаться консервативнаго положенія, между тѣмъ какъ онъ подчасъ производилъ впечатлѣніе доктринера, предлагавшаго черезчуръ смѣлыя нововведенія. Нельзя при этомъ отрицать ловкости противниковъ князя. Рѣчь Солодовникова замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Нельзя удивляться тому, что число депутатовъ, изъявившихъ согласіе съ мнѣніемъ тихвинскаго купца, было неменѣе семидесяти. Разумѣется, всѣ партизаны Солодовникова были городскими депутатами ⁴⁾.

Наконецъ, нашелся даже, хотя и довольно поздно, депутатъ-купецъ, рѣшившійся возражать на упреки, сдѣланные всему купечеству Щербатовымъ. Депутатъ отъ города Кронштадта, Иванъ Рыбниковъ, въ засѣданіи 29 октября, сказалъ: „Русское купечество находится въ совершенно отличномъ состояніи отъ купцовъ другихъ

¹⁾ „Сб. И. О.“ VIII. 108 и слѣд.

²⁾ „Сб. И. О.“ VIII. 136—138.

³⁾ „Сб. И. О.“ VIII. 152.

⁴⁾ Тамъ же, 155—156.

европейскихъ государствъ. Наше купечество не имѣеть ни надлежащей свободы, ни достаточныхъ привилегій, и несетъ службу при казенныхъ сборахъ, простирающихся на многія тысячи; но что русское купечество не радѣеть о внѣшней торговлѣ, то сіе нареканіе не справедливо. Многіе купцы ведутъ торговлю съ разными государствами, въ чемъ легко могутъ удостовѣрить и портовые пограничныя таможи ¹⁾“. Однако, хотя не менѣе сорока депутатовъ отъ городовъ согласились съ мнѣніемъ Рыбникова, князь Щербатовъ былъ правъ: внѣшняя торговля находилась большею частью въ рукахъ иностранцевъ и число русскихъ купцовъ, имѣвшихъ связи съ другими государствами, было ничтожно.

Только одинъ разъ еще, во время преній о торговлѣ, излагая мнѣніе при обсужденіи законовъ о торговлѣ на торжкахъ и ярмаркахъ, Щербатовъ сдѣлалъ замѣчаніе, что внутренняя торговля служитъ вѣрнѣйшимъ способомъ для побужденія къ земледѣлію и къ распространенію внѣшней торговли и пр. ²⁾.

VI.

Вопросъ о крестьянахъ.

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ о Екатеринѣ II встрѣчается замѣчаніе, что закрытіе засѣданій „Большой Комиссіи“ сдѣлалось необходимымъ потому, что въ собраніи было предложено приступить къ освобожденію крестьянъ. Мнѣніе это, какъ кажется, лишено основанія. Объ освобожденіи крестьянъ заговорили въ маѣ 1768 года, а не раньше какъ въ декабрѣ послѣдовало закрытіе собранія. Къ сожалѣнію, мы пока еще не располагаемъ архивнымъ матеріаломъ, относящимся къ позднѣйшимъ мѣсяцамъ существованія „Большой Комиссіи“; поэтому намъ остаются неизвѣстными подробности всѣхъ этихъ преній.

Однако, и въ той части исторіи „Большой Комиссіи“, къ которой относятся документы, изданные „Императорскимъ Историческимъ Обществомъ“, довольно часто говорилось о крестьянахъ, и въ этихъ преніяхъ принималъ участіе князь Щербатовъ.

Не разъ онъ имѣлъ случай играть роль защитника крестьянъ. Только свободные крестьяне, однодворцы, пахотные солдаты и пр. имѣли депутатовъ въ собраніи. Крѣпостныхъ крестьянъ въ немъ не было. Тѣмъ важнѣе могло быть для крестьянъ вообще, а для крѣпостныхъ крестьянъ въ особенности, заступничество столь знатнаго вельможи, столь талантливаго оратора, каковъ былъ князь Щербатовъ. Нельзя сказать, чтобы онъ въ этомъ отношеніи въ „Большой Ко-

¹⁾ „Сб. И. О.“ VIII. 222.

²⁾ „Сб. И. О.“ VIII. 222.

мисси“ имѣлъ значеніе, такъ сказать, народнаго трибуна, или чтобы онъ игралъ ту роль въ „Большой Комисси“, какую игралъ въ національномъ собраніи 1789 года графъ Мирабо. Но все-таки князь Щербатовъ оказался сторонникомъ нѣкоторыхъ либеральныхъ началъ, защитникомъ гуманности, благородно мыслящимъ человѣкомъ, филантропомъ.

Достойно вниманія при этомъ случаѣ, что въ преніяхъ „Большой Комисси“, какъ скоро только заговорили о фабрикахъ, тотчасъ же былъ затронутъ вопросъ о пролетаріатѣ. Недаромъ, именно въ первой половинѣ царствованія императрицы Екатерины, бунты заводскихъ крестьянъ имѣли большое значеніе. Въ этомъ отношеніи законодательство Петра Великаго, позволявшаго „приписывать“ крестьянъ къ фабрикамъ, имѣло довольно пагубныя слѣдствія.

Сравнивая фабрики дворянъ съ фабриками купцовъ, Щербатовъ относительно рабочихъ на нихъ находилъ большую разницу. Онъ былъ убѣжденъ въ гуманности обращенія дворянъ съ заводскими крестьянами, между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, купцы-фабриканты со своими заводскими крестьянами обращались безчеловѣчно. Между прочимъ, онъ замѣтилъ: „Заведенныя дворянами въ своихъ деревняхъ фабрики держатъ крестьянъ въ безпрестанномъ трудолюбіи. Сіи же послѣдніе получаютъ отъ господъ своихъ достаточную плату и свое собственное благосостояніе находятъ въ прибыли своихъ господъ. Мнѣ могутъ возразить, что многіе господа таковой платы крестьянамъ своимъ не даютъ. Но я не думаю, чтобы были такіе жестокосердые, которые захотѣли бы этихъ подвластныхъ имъ людей лишить достойной mzды за то, что они имъ самимъ дѣлаютъ прибыли. Сверхъ того, я осмѣлюсь сказать, что такой поступокъ не будетъ соответствовать хорошему управленію фабрикою. Здѣсь нельзя, чтобы челоѣкъ невольнич и почти изъ-подъ палки хорошо работалъ“, и пр.

Положеніе заводскихъ крестьянъ у дворянъ, значить, казалось Щербатову совершенно удовлетворительнымъ. Онъ не видѣлъ, или не хотѣлъ видѣть, какихъ либо недостатковъ въ образѣ жизни этихъ людей. Совсѣмъ иначе представлялась ему картина житія-бытія заводскихъ крестьянъ, принадлежавшихъ купцамъ. „Теперь“, замѣтилъ онъ, „если разсмотримъ самое употребленіе и жизнь этихъ работниковъ, то увидимъ, что кромѣ небольшого числа мастеровъ, которые, для того, чтобы они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники, кромѣ, говорю, этихъ мастеровъ, прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности. Самый этотъ столичный городъ можетъ свидѣтельствовать о распутномъ состояніи сихъ людей, оставленныхъ безъ всякаго попеченія о нравственной ихъ сторонѣ. Въ нихъ, по большей части, пьянство и пороки такъ вкоренились, что они ни мало не думаютъ объ усовершенствованіи себя въ своемъ мастерствѣ. Отъ этого поврежденія ихъ правовъ умень-

шается многонародіе и нерѣдко происходятъ безпорядки въ деревняхъ. Посему было бы весьма полезно всѣхъ находящихся уже на фабрикахъ приписныхъ людей переписать и болѣе покупать ихъ фабрикантамъ запретить, предоставивъ имъ довольствоваться тѣми, которые у нихъ уже есть, и ихъ потомствомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, надлежало бы внушить фабрикантамъ, чтобы они принадлежащихъ къ фабрикамъ людей старались мало-по-малу дѣлать вольными“ и пр. ¹⁾.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ засѣданій, депутатъ отъ города Серпейска, Родіонъ Глиновъ, не смотря на изложенія князя Щербатова, упрекнулъ дворянство въ томъ, что оно заставляетъ работать крестьянъ на фабрикахъ безденежно и пр. ²⁾. Щербатовъ обидѣлся. Онъ возразилъ на это: „Не могу оставить безъ упоминанія о мнѣніи господина депутата отъ города Серпейска, который сказалъ, какъ дворяне, при постройкѣ фабрикъ, отягощаютъ своихъ крестьянъ, и притомъ въ рабочую пору. Какъ ни чуднымъ кажется это его мнѣніе, но, почитая въ господинѣ депутатѣ избравшее его общество, я не думаю, чтобы онъ, послѣ принесенной имъ торжественной присяги, сказалъ что либо несправедливое. Итакъ, я за должность считаю предполагать, что можетъ быть ему случилось видѣть на свѣтѣ такія беззаконія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы чей либо непристойный поступокъ могъ служить доказательствомъ для обвиненія всего общества. Въ самомъ дѣлѣ, такой поступокъ, какой онъ представляеть, противорѣчитъ самъ себѣ“ и пр. ³⁾.

Щербатовъ, какъ видно, вѣрилъ твердо въ высокую нравственность своихъ собратій-дворянъ. Оптимизмъ его въ этомъ отношеніи доходилъ до наивности. Свидѣтельствомъ можетъ служить слѣдующая весьма замѣчательная рѣчь князя, въ которой онъ ратовалъ противъ одиночной продажи крѣпостныхъ крестьянъ. Говоря противъ права купечества покупать крестьянъ вообще, князь находилъ, что одиночная продажа крестьянъ состояла въ тѣсной связи съ содержаніемъ купцами фабрикъ. При этомъ случаѣ онъ оказался защитникомъ принципа свободы, правъ человѣчества; филантропическія возрѣнія его доходили до крайняго либерализма. Онъ поднялъ вопросъ: „Прилично-ли, чтобы равный равнаго могъ имѣть у себя въ неволѣ“? На этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

„Обратимъ взоры наши на человѣчество и устыдимся объ одномъ помышленіи дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и поодиначѣ былъ продаваемъ. Древнія времена, не просвѣщенные чистымъ правоученіемъ, приводятъ насъ въ ужасъ, когда вспомнимъ, что людей, какъ скотину, по торгамъ продавали. Если невольнику приключался какой либо вредъ,

¹⁾ „Сб. Н. О.“ VIII. 58--60.

²⁾ „Сб. Н. О.“ VIII. 93.

³⁾ „Сб. Н. О.“ VIII. 137.

то не болѣзнь его и страданіе, но убытокъ господскій принимался во вниманіе, и за него законы приуждали къ платежу. Мы люди, и подвластные намъ крестьяне суть подобны намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако, мы не должны забывать, что и они суть равное намъ созданіе. Но съ этимъ неоспоримымъ правиломъ будетъ-ли сходствовать такой поступокъ, когда господинъ, единственно для своего прибытка, возьметъ отъ родителей, отъ родственниковъ, или отъ дома, кого-либо мужескаго или женскаго пола и, подобно скотинѣ, продастъ его другому? Какое сердце не тронется, глядя на истекающія слезы несчастнаго проданнаго, оставляющаго и мѣсто своего жилища, и тѣхъ, къмъ рожденъ, и къмъ воспитанъ, и съ къмъ привыкъ всегда жить, и еще находящагося въ неизвѣстности о будущемъ своемъ состояніи! Кто не сжалится на вошь, на слезы и на сожалѣнія остающихся! Отъ одного этого изображенія вся кровь во мнѣ волнуется, и я, конечно, не сомнѣваюсь, что почтенная комиссія узаконить запрещеніе продавать людей поодиночкѣ безъ земли“¹⁾.

По тону и характеру этого заявленія князя Щербатова, можно-бы думать, что въ то время одиночная продажа крестьянъ происходила, во-первыхъ, въ видѣ какаго-то исключенія и что, во-вторыхъ, крестьяне, купленные по-одиночкѣ, безъ земли, главнымъ образомъ употребались на фабрикахъ. Между тѣмъ, изъ самаго достовѣрнаго источника, изъ тогдашнихъ газетъ, мы можемъ заключить, какъ тогдашняя публика относилась къ этому вопросу. Мнѣніе князя Щербатова оставалось гласомъ вопиющаго въ пустынь.

Въ извѣстіяхъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, за 1796 г., наряду съ объявленіями о сбѣжавшихъ собакахъ, о потерянныхъ вещахъ, за возвращеніе которыхъ обѣщаются награды, мы читаемъ объявленія и о сбѣжавшихъ дворовыхъ людяхъ и крестьянахъ, за возвращеніе которыхъ обѣщается также довольноное награжденіе. Вслѣдъ за объявленіями о продажѣ коровъ, жеребцовъ, малосоленной осетрины, лиссабонскихъ апельсиновъ — объявленія о продажѣ крѣпостныхъ семьями и порознь, и чаще всего—о продажѣ молодыхъ дѣвокъ, собою видныхъ. Вотъ образчики такихъ объявленій. Въ № 73 читаемъ: „Нѣкто, отъѣзжая изъ Петербурга, продаетъ 11 лѣтъ дѣвочку и 15 лѣтъ парикмахера, за котораго даютъ 275 р., да сверхъ того столы, 4 кровати, стулья, перины, подушки, платяной шкафъ и пр.“ № 75: „Продаются: малой 17 лѣтъ и мебели“. № 79: „Продаются: мужской портной, поваръ и башмачникъ, тамъ же вѣнской прочной работы коляска и хорошо выѣзжанная верховая лошадь“; или въ другихъ №№: „Продается 18 лѣтъ деревенская дѣвка“, „Продаются двѣ деревенскія дѣвки“, „продается 20-ти лѣтъ, собою видная и къ исправ-

¹⁾ „Сб. И. О.“ VIII. 108. Въ этомъ-же духѣ говорилъ депутатъ Томковичъ, „Сб. И. О.“ VIII. 222.

ленію горничной работы способная, дѣвка. Тутъ же можно извѣститься о продающемся домѣ". Вслѣдъ за объявленіемъ о продажѣ 7 цуговъ сивыхъ въ яблокахъ мериновъ, мы читаемъ объявленіе о продажѣ семи людей—мужа съ женою. Послѣ извѣстія о продажѣ новопрігонныхъ холмогорскихъ стельныхъ коровъ, двухъ козъ и бѣлаго козла, читаемъ извѣстіе о продажѣ семи людей. Послѣ объявленія о продажѣ пары молодыхъ гнѣдошѣгихъ и пары сѣрыхъ каретныхъ лошадей и шубы, напечатано о продажѣ дѣвки 20 лѣтъ. „Продается лѣтъ 30 дѣвка и молодая гнѣдая лошадь. Ихъ видѣть можно тамъ-то и тамъ-то“. „Продается пожилыхъ лѣтъ дѣвка и экипажъ“, „продается портной, зеленый забавный попугай и пара пистолетовъ“, „продается за излишествомъ 16-лѣтняя дѣвка“ и пр. и пр. ¹⁾.

Напрасно князь Щербатовъ обвинялъ по преимуществу купцовъ, покупающихъ крестьянъ для своихъ фабрикъ. Крѣпостныхъ не только продавали, но проигрывали въ карты, платили ими долги, давали ими взятки, платили ими врачамъ за леченіе, иногда продавалось на свозъ все крѣпостное населеніе деревни и пр. ²⁾.

Вопросъ этотъ довольно часто былъ затрогиваемъ въ „Большой Комиссіи“. На предложеніе, напр., депутата Толмачева запретить продажу крестьянъ порознь, а не семействами, депутатъ отъ дворянъ Курмышскаго уѣзда, Алфимовъ, отвѣчалъ въ засѣданіи 10-го марта 1768 г. „Между дворянами есть весьма не мало, которые имѣютъ за собою не болѣе двухъ или трехъ крестьянскихъ семей, а другіе и того еще менѣе. Между тѣмъ, какой-нибудь изъ дворянъ по обстоятельствамъ задолжаетъ такую сумму, которую не иначе можетъ уплатить, какъ продажею изъ тѣхъ имѣющихся за нимъ крестьянъ одного человѣка, и этимъ онъ сохраняетъ въ своемъ владѣніи остальное свое имѣніе“. Далѣе Алфимовъ предлагалъ оставить одиночную продажу, какъ наказаніе нерадивыхъ и склонныхъ къ преступленіямъ крестьянъ и пр. ³⁾.

Какъ видно, обвинять особенно купцовъ въ негуманномъ обращеніи съ крестьянами было несправедливо. И тутъ, какъ вообще, князь Щербатовъ оказался неполнѣй безпристрастнымъ. Онъ стоялъ выше многихъ дворянъ въ отношеніи таковой нравственности при обращеніи съ крестьянами, но былъ склоненъ гораздо болѣе къ обличенію пороковъ другихъ сословій, нежели къ справедливой оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ своихъ собратій-дворянъ.

Таковъ былъ князь Щербатовъ какъ членъ „Большой Комиссіи“. Нельзя не признать въ его дѣятельности ума, эрудиціи, истиннаго

¹⁾ Романовичъ-Славатинскій, стр. 339—340.

²⁾ Романовичъ-Славатинскій, стр. 341.

³⁾ „Сб. И. О.“ XIV. 133—134.

благородства души; нельзя, однако, въ то же время не сознаться въ нѣкоторой односторонности его взглядовъ. Онъ постоянно и при каждомъ случаѣ говорилъ pro domo, оставался защитникомъ не интересовъ всего народа, или всего государства, а выгодъ дворянскаго сословія.

А. Врикнеръ.

ПОЪЗДКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Наброски дорожныхъ впечатлѣній.

Я понимаю теперь то, что разказываютъ историки и путешественники объ удивленіи крестоносцевъ и пилигримовъ при первомъ взглядѣ на Іерусалимъ. Я могу подтвердить, что тотъ, кто имѣлъ терпѣніе прочесть около двухсотъ новѣйшихъ разказовъ о святой землѣ, избранная мѣста изъ раввиническихъ сочиненій и произведеній древнихъ писателей объ Іудеѣ — еще ровно ничего не знаетъ. Я стоялъ, устремивъ взоры на Іерусалимъ и измѣряя высоты его стѣнъ. Въ моемъ умѣ возстановлялись всѣ историческія воспоминанія отъ Авраама до Готфрида Бульонскаго: я думалъ о цѣломъ мірѣ, измѣненномъ появленіемъ Богочеловѣка, и напрасно искалъ тотъ храмъ, отъ котораго не осталось камня на камнѣ. Если бы я прожилъ еще тысячу лѣтъ, то и тогда не забылъ бы этой пустыни, которая, кажется, до сихъ поръ дышетъ величіемъ Іеговы и ужасами смерти.

Шатовриганъ.

I.

Отъ Александріи до Портъ-Саида.

ВЪ НАЧАЛѢ мая нынѣшняго года (1881), я выѣхалъ изъ Петербурга, чтобы посѣтить далекій Востокъ — собственно Египетъ и Палестину съ Іерусалимомъ, съ которыми болѣе чѣмъ со всѣмъ остальнымъ міромъ связываютъ cadaго изъ насъ самыя близкія намъ, самыя дорогія историческія воспоминанія, свѣтлыя образы первыхъ нашихъ вѣрованій, поэтическія картины далекаго, таинственнаго прошлаго. Мнѣ хотѣлось видѣть ту страну, гдѣ

„... вѣчно чуждый тѣни
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленные ступени
Царственныхъ могиль...“

Меня влекло желаніе видѣть и самому побродить по тѣмъ священнымъ мѣстамъ, которыя, такъ сказать, исходили вдоль и поперегъ босми ноги божественнаго Учителя и его учениковъ-апостоловъ, побродить по той именно странѣ, о которой тотъ же поэтъ, что говорилъ о Нилѣ и царственныхъ могилахъ, сказалъ:

„Вотъ у ногъ Ерусалима
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима,
Мертвая страна...“

Мнѣ хотѣлось видѣть Египетъ, гдѣ когда-то томились въ „работѣ египетской“ потомки Израиля,—напитаться воды изъ „желтаго Нила“, изъ того Нила, который поилъ и Фараоновъ, и прекрасную, но вѣтрную Клеопатру—это погибшее, но милое созданье древности, а раньше поилъ и „Юсифа прекраснаго“ съ женою Пентефрія, и маленькаго, брошеннаго въ его воды, Моисея; хотѣлось видѣть тѣ пирамиды, съ высоты которыхъ глядятъ на міръ „сорокъ вѣковъ“, а можетъ быть и больше, и не только видѣть, но взобраться на ихъ вершину. вмѣсто того чтобы томиться въ душномъ Петербургѣ, или, кутаясь въ пледъ и съ помощію калошъ и иныхъ подобныхъ орудій, спасаясь отъ насморка и тифа, слушать въ сыромъ и холодномъ павловскомъ вокзалѣ музыку Пуфгольдта, или, наконецъ, смотрѣть съ елагинскаго „пуэнта“ на погружающееся въ лужу солнце и воображать, что оно погружается въ море,—вмѣсто всего этого мнѣ захотѣлось посмотрѣть, какъ погружается это солнце въ Средиземное море у Патмоса и въ песчаный океанъ Сахары за пирамидами, или же встаетъ изъ-за Елеонской горы надъ Иерусалимомъ, изъ-за каменистой пустыни Мертваго моря и Иордана...

Изъ Петербурга я направился въ Одессу, гдѣ сѣлъ на одинъ изъ русскихъ пароходовъ и, посѣтивъ Константинополь, проѣхалъ Мраморное море, Дарданеллы и Геллеспонтъ; походивъ по землѣ, на которой когда-то стояла Троя, и по той землѣ, которая, говорятъ, была родиною Гомера (Смирна въ Малой Азій), побывавъ потомъ въ Египтѣ—въ Александріи и Каирѣ, налюбовавшись Ниломъ и его богатою равниною и, наконецъ, взобравшись на пирамиды и полюбовавшись на восходъ солнца надъ Каиромъ и Ниломъ,—я черезъ Портъ-Саидъ и Суэзскій перешеекъ направился на австро-венгерскомъ пароходѣ „Saturno“ къ Палестинѣ, гдѣ и вышелъ на берегъ въ Яффѣ, въ предѣлахъ бывшаго „поморія Тирскаго и Сидонскаго“.

Первая часть моего путешествія—къ пирамидамъ—составляетъ предметъ особаго описанія; здѣсь же я постараюсь передать въ бѣглыхъ очеркахъ впечатлѣнія моихъ странствій отъ Александріи до Портъ-Саида и Яффы, а потомъ по „святой землѣ“, по тѣмъ мѣстамъ, которыя освящены для насъ и божественнымъ словомъ Искушителя, и его божественною кровью.

Я не буду вдаваться въ описаніе того, что всё́мъ давно извѣстно изъ прежнихъ многочисленныхъ описаній святыхъ мѣстъ; я передамъ лишь вкратцѣ мои личныя впечатлѣнія, летучіе наброски того, что какъ бы скользило по моей душѣ, по моимъ нервамъ, по памяти, когда я лично видѣлъ то, чего милліонамъ желающихъ изъ насъ, и читателямъ и писателямъ, не суждено, быть можетъ, никогда видѣть.

Начинаю съ того момента, когда я покинулъ Александрію, чтобы ѣхать въ Яффу. Я буду передавать мои впечатлѣнія такъ, какъ они записывались мною въ мою памятную книжку на мѣстѣ, часто въ виду того, что я видѣлъ, и конечно въ тотъ же день, подъ обаяніемъ видѣннаго, передуманнаго и перечувствованнаго.

Я разстался съ поэтическимъ Египтомъ 22-го мая, но еще долго находился подъ обаяніемъ того, что видѣлъ и перечувствовалъ въ этой чудной, болѣе чѣмъ какая либо другая въ мірѣ исторической странѣ, съ остатками великихъ, вѣчныхъ памятниковъ—живыхъ свидѣтелей былой жизни человѣчества за сорокъ и пятьдесятъ вѣковъ,—памятниковъ, передъ которыми безсиленъ былъ даже тотъ „полетъ временъ“, который, по выраженію величайшаго поэта нашего времени (Байронъ, „Чайльдъ-Гарольдъ“), „все старить на землѣ“, который „превратилъ имперіи въ руины“ и который разрушилъ древній Римъ и Колизей,—даже этотъ всесильный разрушитель оставилъ нетронутыми египетскія пирамиды, обелиски, сфинксовъ и тысячи другихъ реальныхъ и наглядныхъ проявленій могучей дѣятельности человѣческаго духа за четыре и пять тысячелѣтій.

Дивныя картины Египта не разставались съ моей душой. Я то и дѣло вспоминалъ:

„Сѣрой гремячей змѣею,
Безконечныя кольца влача чрезъ плъ,
Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ;
Городъ многочисленной семьею
Улеглись на зланныхъ его берегахъ;
Блещутъ синія воды Мериды;
Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще... на широкихъ стопахъ
Опершись, поднялися высоко;
Обелисковъ идетъ непрерывная цѣпь;
Полногрудые сфинксы раскинулись, въ степь
Устремляя гранитное око...“

Изъ Россіи до Египта я ѣхалъ на русскомъ пароходѣ „Нахимовъ“, и потому вокругъ меня главнымъ образомъ звучала русская рѣчь, хотя отъ самаго Константинополя пароходомъ, можно сказать, завладѣли иноплеменники—турки и греки, еіюпы и фараоны, „аравляне и мидяне“, „критяне и парфяне“, и не покидали его вплоть до Александріи. Едва потомъ я вступилъ на африканскій берегъ, въ столицу нѣкогда прекрасной и обаятельной Клеопатры, какъ все родное точно въ воду кануло, и я очутился одинъ какъ персть среди

этихъ египтовъ и фараоновъ, феллаховъ и коптовъ, нубійцевъ и мамелюковъ, среди „аравльчнъ и мидянъ“.

Теперь я ѣду на пароходъ „Saturno“, австро-венгерскаго „Ллойда“, капитанъ—Мариновичъ; но я еще не знаю его имени. Кругомъ, въ пароходной командѣ и среди матросовъ, звучитъ уже мелодическій языкъ Данта и Петрарки—такой пѣвучій, благозвучный, отзывающійся сценой, оперой; то-и-дѣло выкрикиваются звучными голосами—*sopra, presto, mezzo, basta, aqua bianca, per Vacco!* Но самая палуба вся вповалку завалена арабами, турками, сирійцами, друзьями, маронитами, сирійскими, палестинскими и іерусалимскими евреями, совѣмъ не похожими на нашихъ (преслѣдуемыхъ свирѣпыми хохлами), хотя и выдающими ту же неизмѣнную, характерную, какъ бы застывшую историческую типичность, противъ которой такъ же безсиленъ „полетъ времени“, какъ противъ вѣковѣчныхъ пирамидъ, быть можетъ—да и по всей вѣроятности—сооруженныхъ этими же самыми вѣковѣчными сынами Израиля во времена „египетскаго рабства“. И на палубѣ поэтому господствуетъ вавилонская смѣшеніе языковъ, говоровъ, мелодій, диссонансовъ, типовъ, костюмовъ, начиная отъ библейскихъ, съ покроями самыхъ райскихъ фасоновъ, употреблявшихся до грѣхопаденія, и кончая европейскими, стирающими всякую типичность, всякую національность, все историческое.

Пока мы выходили изъ александрійскаго порта и вступали въ открытое море, на капитанской площадкѣ, какъ и во время прихода „Нахимова“ къ Александріи, съ капитанской важностью рассказывалъ арабъ, но уже не молодой франтъ, какъ прежде, а старый арабище въ бѣлой чалмѣ на красной фесѣ, въ арабской курткѣ и широкихъ шальварахъ, и въ башмакахъ на-босу ногу. Это былъ мѣстный лоцманъ, знавшій всѣ подводные изъяны и мели, которыя служатъ продолженіемъ „дельты Нила“, своими маскированными отмелями заполняющей подъ фіолетовыми волнами далеко въ Средиземное море. За пароходомъ же слѣдовала лоцманская легкая парусная морская лодка съ тремя подручными арабами, даровитыми вообще, и въ мореплаваніи въ особенности.

Наконецъ, мы въ открытомъ морѣ. Арабская лоцманская лодка, словно плавающая и ныряющая въ фіолетовыхъ волнахъ бѣлая чайка, исчезаетъ изъ нашихъ глазъ, какъ мало-по-малу исчезаетъ въ дымчатой дали и прекрасная, шумная, кипящая жизнью, столица Клеопатры.

Я не свожу глазъ съ низменнаго берега Африки, давшей моей душѣ столько очарованій, заставившей меня такъ много и такъ глубоко переживать безконечную вереницу дивныхъ, и тягостныхъ и заставлявшихъ усиленно биться въ груди сердце, историческихъ воспоминаній. Я мысленно прощаюсь съ этимъ первымъ, если можно такъ выразиться, историческимъ учителемъ челоуѣчества, и жалѣю, что уже больше не увижу его, не буду бродить по этой чарующей землѣ—по великому историческому кладбищу.

А капризное море, между тѣмъ, дѣлаетъ свое дѣло. Оно уже мечетъ нашъ громадный пароходъ съ одной фіолетовой съ сѣрою гривною волны на другую, какъ легкую досточку— „лелѣть“ нашу массивную, капитально сколоченную махину, словно орѣховую скорлупу, какъ нѣкогда „Двѣпръ-славутичъ“ лелѣялъ, по словамъ Ярославны, легкія лодочки ея лада милаго, князя Игоря. А пароходъ нашъ, прелестный, массивный, роскошно отдѣланный „Saturno“, дѣйствительно капитально сколоченъ. Это не то, что нашъ милѣйшій, добродѣтельнѣйшій и вѣчно моему сердцу памятный старичекъ „Нахимовъ“, котораго какъ ни фабричь и ни подмалевываетъ добрѣйшій капитанъ Томасъ, какъ ни старается загладить его многолѣтніе служебные изъяны, сгладить его старческія морщины, укрѣпить его ослабѣвшіе отъ многолѣтнаго напряженія мускулы и нервы, но все-таки нельзя не видѣть, что онъ—дряхлый-предряхлый старичекъ, сильно скрипящій и кашляющій и уже давно выслужившій не только полную пенсію, но и Владиміра въ петлицу. „Saturno“, между тѣмъ, въ полной силѣ и красотѣ: на немъ все прилажено прекрасно, заново, все выглядитъ капитально, прочно; каждая веревка его, каждая снасть, каждая малѣйшая служебная штучка—все это такъ красиво, прочно, надежно, изящно. Даже пушки, пріютившіяся у боковъ рубки, смотрятъ такъ солидно, внушительно. И невольно вѣрится въ его морскую правоспособность, и робкая передъ грознымъ моремъ мысль невольно успокоивается на сознаниі, что плаваніе на немъ къ священнымъ предѣламъ, къ „поморію тирскому и сидонскому“, будетъ безопасное, благополучное, что бессмысленно-злая фіолетовая стихія

„...къ облакамъ

Не броситъ насъ своей волной сердитой,
Не выкинетъ на берегъ африканскій...“

Долго, однако, видѣвъ былъ этотъ плоскій историческій берегъ съ симпатичною столицей Клеопатры, все болѣе и болѣе лишаемою драгоценныхъ памятниковъ, напоминающихъ священную древность города, имя котораго исторически связано съ громкимъ именемъ „сына Юпитера-Аммона“. Такъ, недавно лишили городъ Клеопатры главнаго памятника, напоминавшаго эту прекрасную, но легковѣрную историческую женщину: британскіе стерлинги купили и увезли ея послѣднюю безсмертную „иглу“, которую, говоря игриво, но исторически вѣрно, благодарные египтяне потому, вѣроятно, соорудили прекрасной африканкѣ, что эта красивая фараонка ловко сумѣла „пошить въ дураки“ не одного римскаго героя. Не достаетъ только, чтобы—какъ я говорилъ это въ другомъ мѣстѣ—современные египтяне размѣняли на британскіе стерлинги и послѣдніе свои безсмертные памятники—колонну Помпея и даже великія пирамиды и позволили современнымъ пиратамъ Альбіона перевезти эти послѣднія историческія святыни Египта въ свое пиратское гнѣздо—въ Вестминстерское аббатство.

И я долго глядѣлъ, сидя на высококомъ ютѣ, какъ изъ глазъ моихъ удалялась поэтическая родина Хеопса, Рамзеса и Моисея, котораго вспоили мутныя воды Нила, нѣсколько дней поившія и меня пополамъ съ „medoc St.-Julien“, — глядѣлъ, когда ее уже давно покрыла дымка дали.

О, благосклонный читатель! — что значить суета человѣческая! Мнѣ, пишущему это, доставляетъ какое-то гордое и отрадное утѣшеніе одна мысль о томъ, что я пилъ воду изъ той рѣки, изъ которой пила, быть можетъ, воображаемая умница и красавица Уарда, изъ рѣки, въ которой купалась дочь Фараона въ тотъ день, когда нашла плавающего въ тростникахъ Нила, въ корзинкѣ, маленькаго еврейчика — Моисеюшку, и въ которой, конечно, купала и охлаждала свое тѣло похотливая супруга Пентефрія, чуть не погубившая прекраснаго Іосифа за его чисто еврейское кокетство, помогшее ему сдѣлать наивыгоднѣйшій гешефтъ — стать почти самовластнымъ владыкою земли фараоновъ. Да, я самодовольно утѣшаюсь сознаниемъ, что пилъ воду этой исторической рѣки, въ которой, между тѣмъ, купаются нынѣ и мои пріатели — любезныя черномазые египтячки „саисы“ и ихъ умные, о, какіе умные ослики — краса и рабочая сила Востока. Я не знаю, кто выдумалъ, что осель глупъ. Это — чистѣйшая клевета. Напротивъ, осликъ — это умнѣйшее животное, хотя нѣсколько упрямое и съ чувствомъ собственного достоинства. А что ослики умны, они доказываютъ это тѣмъ, что очень хорошо помнятъ добро и справедливость по отношенію къ нимъ, за то очень ловко и умно умѣютъ мстить тѣмъ, кто ихъ обидѣлъ: ударьте вы ослика незаслуженно, сгоряча, и будьте увѣрены, что онъ обдеретъ до крови ваши колѣнки, прижавъ ваши ноги къ стѣнѣ, или нарочно упадетъ на переднія ноги какъ разъ передъ лужей, съ тѣмъ чтобы вы шлепнулись прямо въ грязь — что ослики постоянно и практикуютъ.

И развѣ, въ самомъ дѣлѣ, сознание того, что человѣкъ видѣлъ историческія, тысячелѣтніи прославленныя мѣстности, видѣлъ и осязалъ памятники, какъ бы освященные вниманіемъ и поклоненіемъ десятковъ и тысячъ человѣческихъ поколѣній, ходилъ по этимъ мѣстамъ, какъ бы пріобщаясь духомъ къ великому историческому прошлому и къ его безсмертнымъ дѣяніямъ, — развѣ сознание всего этого не есть уже само по себѣ великое утѣшеніе? Развѣ я не былъ правъ, говоря, послѣ восхожденія на пирамиды, что меня допустило взглянуть на себя историческое безсмертіе, что и я удостоился аудіенціи у такого міроваго историческаго величія, даже болѣе — историческаго величества? И развѣ не съ тѣми же высокими чувствами я буду созерцать другія историческія мѣста — „святія мѣста“, къ которымъ теперь несетъ меня сердитая фіолетовая волна? Вѣдь люди иногда всю жизнь свою мечтаютъ, какъ бы имъ удостоиться посѣтить „святія мѣста“, поклониться священнымъ реликвіямъ, облобызать землю,

освященную ея историческимъ прошлымъ. Оттого въ описаніяхъ „святыхъ мѣстъ“ вы читаете постоянно: если вы посѣтили такую-то историческую святыню и поклонились ей, то получаете отпущеніе грѣховъ, или „семь лѣтъ прощенія“, или „полное прощеніе“, хотя я, впрочемъ, посѣтивъ исторической Египетъ и величайшій исторической памятникъ—пирамиды, и не рассчитываю на „полное прощеніе“ всѣхъ моихъ историческихъ прегрѣшеній, хотя бы только по отношенію къ моимъ историческимъ романамъ, за которые я получилъ наказаніе уже на землѣ отъ критики, большею частью наказаніе даже незаслуженное, измышленное недостаточными развитыми критиканами,—однако, мнѣ доставляетъ глубокое утѣшеніе сознаніе того, что я видѣлъ величайшіе изъ историческихъ памятниковъ на землѣ и какъ бы лично пережилъ самые рельефные, могучіе историческіе моменты...

Вонъ чуть-чуть маячатся на далекомъ горизонтѣ какія-то бѣлыя зданія и башни, точно утопающія въ африканской мглѣ... Это—Розетта. Розетскій рукавъ Нила сильно отгѣсняетъ здѣсь въ море низменный африканскій берегъ... Бѣлѣютъ далекія парусныя суда, словно бѣлыя египетскіе голуби...

Море, однако, сильно разыгралось. Дуетъ съ запада. Это—великій Атлантический океанъ посылаетъ свое послѣднее дыханіе къ берегамъ Африки... Нѣтъ, я не хочу восклицать вмѣстѣ съ геніальнымъ безумцемъ Байрономъ:

„Волнуйся же, глубокій океанъ!“

— я скорѣе смиренно повторю вмѣстѣ съ нимъ:

„О! зеркало, гдѣ отразился Богъ!
Въ лучахъ зари, подъ сумракомъ тумана,
Въ спокойствіи, или среди тревогъ,
Взволнованный набѣгомъ урагана,
У полюсовъ, въ бронѣ изъ вѣчныхъ льдинъ,
У тропиковъ подъ атмосферой жгучей—
О, океанъ! повсюду ты одинъ—
Великій, безграничный и могучій“.

Пароходъ порядочно мечетъ, не смотря на его громадность. „Saturno“ постоянно, какъ маятникъ, то подниметъ носъ къверху, точно спѣсивый или не по разуму чиновный дурень, то, подобно пьяницѣ, клюется носомъ и кувиркается. То тамъ, то сямъ на палубѣ слышатся болѣзненные выкрики страдающихъ отъ разыгравшагося моря. Все прячется по каютамъ, по угламъ. А я бодро выношу эти заигрыванія фіолетовой, теперь позеленѣвшей и посѣдѣвшей волны—я уже не новичекъ. На югъ уже ходить невозможно—мечетъ, да и сидѣть неудобно—отъ качающихся передъ глазами мачтъ, снастей и палубы не отвяжешься, даже на вѣтру папиросу закурить нельзя. Я схожу съ юта и, стараясь не глядѣть на слабыя и жалкія существа, отдающія невольную и пренепріятную дань Нептуну, уса-

живаюсь въ затишье, на лафетѣ правой пушки, и закуриваю свою египетскую папиросу съ пирамидами и джизехскимъ сфинксомъ на этикеткѣ. П спички египетскія—сѣрники—съ бедуиномъ и верблюдомъ на коробочкѣ, а другія съ аистомъ и змѣею въ клювѣ этой нильской птицы.

За бортомъ не видать уже ни Розетты, ни Даміетты. Мы далеко забрали лѣвѣе по направленію къ сирійскому берегу...

Изъ рубки 1-го класса вышелъ высокій, массивный мужчина въ формѣ пароходнаго начальства и, поглядывая на меня съ улыбкой добродушія, казалось, какъ бы про себя прощѣлъ: „nach Jerusalem?“

— Ja, nach Jerusalem und so weiter, тоже шутя отвѣтилъ я.

— Sind sie nicht ein Deutscher? спросилъ онъ, конечно, догадавшись по моему славяно-россійскому акценту, что я не tedesco, да и не нѣмецъ.

— Non—отвѣчалъ я, мѣняя рѣчь:—mais je ne suis pas aussi ni un tedesco, ni un français.

На этомъ пароходѣ я старался говорить, т. е. ломать, и французскій и нѣмецкій языки, не зная, на какомъ придется объясняться, а по-итальянски, на которомъ говорилъ экипажъ парохода, я зналъ только то, что осталось у меня отъ Виргилія, Тацита и другихъ моихъ школьныхъ учителей, тоже плохихъ итальянцевъ.

— Такъ вы русскій, сказалъ онъ увѣренно и тоже порусски.

— Да, русскій.

— Я давно это замѣтилъ... П нигилистъ, конечно?

— О, нѣтъ! просто бродяга — только съ законнымъ паспортомъ.

Это и былъ капитанъ „Saturno“—г. Мариневичъ, милѣйшій братъ славянинъ, черногорецъ, но только живущій въ Катарро (Бока-ди-Батарро), и какъ катарріецъ—морякъ до мозга костей. Мы тотчасъ же съ нимъ разговорились. Показывая на волнующееся море, я шутя продекламировалъ изъ извѣстной сербской пѣсни:

„Мили Боже, чуда големога!
Или грми, ил' се земља гресе,
Ил' удара море у брегове...“

— О! это изъ Вука Стефановича.

— Да, изъ Караджича.

— А ви како его знаете?

— Да я когда-то въ университетѣ учился сербскому языку по Караджичу.

— Я зналъ лично старика Вука—еще мальчикомъ.

— Да?

— Да, онъ былъ добрымъ пріятелемъ, другомъ моего отца; въ большомъ дружествѣ находились... Вы откуда же и камо?

— Теперь изъ Египта, а раньше изъ Петербурга... На пирамиды лазилъ.

— О! это большое дѣло — мужественно... А теперь въ Иерусалимъ?

— Да, хотѣлось бы и тамъ помыкаться.

Мы съ нимъ много говорили о Россіи, о современномъ положеніи ея дѣль, обо всемъ томъ, отъ чего я бѣжалъ за синія моря, вотъ къ этимъ африканскимъ и сирійскимъ берегамъ, подъ тропическое солнце Египта, къ вѣковѣчнымъ пирамидамъ, чтобъ хоть на берегахъ Нила или Иордана найти свой сонъ, который я потерялъ на берегахъ Невы и Мойки... И я нашелъ этотъ сонъ въ морѣ: оно принесло его ко мнѣ на своей страшной, фіолетовой, но подчасъ убаюкивающей, какъ колыбельная пѣсня, волнѣ... Можетъ быть, на морѣ и Макбетъ нашелъ бы свой сонъ, который онъ самъ же „зарѣзалъ“...

Добрѣйшій и сердечнѣйшій славянинъ много говорилъ мнѣ о своей родинѣ, о своей семьѣ, которую онъ страстно, какъ и родину, любить, о своей „старой майкѣ“ — маменькѣ, которую этотъ гигантъ доселѣ боготворить, о своемъ недавно погибшемъ братѣ, бывшемъ правою рукою князя Черногоріи, о своемъ дѣтствѣ, о давнишнемъ, дружескомъ знакомствѣ съ княземъ Николаемъ—еще съ ранней молодости. Онъ показалъ мнѣ и портретъ князя, подаренный ему лично, съ собственноручною, любезною подписью „кнѣза Николая“...

— И вотъ онъ теперь князь, а я только капитанъ...

— Что-жъ! каждому своя доля.

— Да, своя—и я не жалуюсь.

Онъ горячій славянскій патриотъ. Страстно любить море и знаетъ его съ дѣтства.

— У насъ, у катаррійцевъ, нѣтъ земли—есть токмо море... Оно и есть наша землѣя и наше полѣе.

Говорить онъ порядочно по-русски, конечно, съ сербизмами—„смо“, „сте“ въ глаголахъ, а также—„трипутъ“ (трижды), „сваки данъ“ (всякій день), „савъ“ (весь), „сва Россія“ (вся Россія), „писао“ (писалъ), „читао“ (читалъ).

— А знаете, тутъ на пароходѣ есть русскіе.

— Какіе? богомольцы?

— Да... Пойдемте—я ихъ вамъ покажу.

Шибко пошатываясь и лавируя, точно пьяные, боясь наступить на несчастныя, валяющіяся по палубѣ жертвы волнующагося моря, мы добрались до передней палубы и нашли закутанныя въ темныя „свитки“, видимо перемаянныя моремъ и долгимъ непривычнымъ путемъ славянскія тѣни: такъ они исхудали, такъ измучила ихъ фіолетовая волна... Приподнимаются при видѣ капитана и моей сѣдой бороды, жалобно улыбаются... Всего только двое ихъ среди еѳіоповъ.

— Вотъ вамъ землѣакъ, добрые люди.

— Добрыдень, землячки! откуда Богъ несетъ? спрашиваю.

— Съ Галичины... съ-подъ Коломіи...

— О! далекомъ-таки... А какимъ путемъ съ Галичины шли?

- Та на Видень (это Вѣна).
- А оттуда на Триестъ до моря?
- Та до ёго жь... до моря...

Вѣдныя хохлики! Это галицкіе червонорусскіе землячки, австрійскіе подданные. Сейчасъ видно, что не потомки запорожскихъ казаковъ, для которыхъ всякое море—„наплевать!..“ „Море— что баба: ему повадки не давай—въ руки забереть“. Вотъ оно и забрало этихъ галицкихъ хохликовъ—совсѣмъ раскисли.

- До Іерусалима, добрые люди, мандруете?
- Та до Ерусалима-жь, коли Богъ...
- Ну, такъ еще тамъ увидимся.
- Коли Богъ...

Трудно говорить имъ—перемаялись совсѣмъ, точно та несчастная горленка, что на Черномъ морѣ шкваломъ занесло на нашъ пароходъ... Шутка ли! изъ Коломиі да на „Видень“, да на Триестъ, да въ Египетъ, а теперь къ Суэзскому каналу уже подбиваемся...

Звонятъ къ обѣду, приглашая этимъ звономъ пассажировъ 1-го и 2-го классовъ въ каютъ-компаніи къ табль-д'оту. Немногимъ, вѣроятно, пойдетъ въ горло роскошная и вкусная пища, когда море играетъ.

Я иду обѣдать. Въ каютъ-компаніи 1-го класса нахожу только пароходнаго доктора, чахоточнаго нѣмчика, кончившаго курсъ въ пражскомъ университетѣ и постоянно кашляющаго—это подь тропическимъ-то солнцемъ! и старшаго помощника капитана—итальянца.

— Вы англичанинъ? спрашиваетъ меня, между прочимъ, докторъ, думая, конечно, что только шального англичанина понесетъ лѣтомъ въ Египетъ и въ Палестину.

— Нѣтъ, я русскій, отвѣчаю (разговоръ идетъ по-нѣмецки).

— Значить—нигилистъ?

— О, нѣтъ! посмотрите на мою бѣлую бороду.

— А что?

— Нигилисты все народъ молодой.

Дались имъ эти нигилисты! Кто бы ни провѣдалъ, что я русскій, гдѣ бы ни обнаружилась моя національность—въ Александріи, въ Каирѣ, у пирамидъ, у Суэзкаго канала—всѣ интересуются, не нигилистъ ли я. Вотъ нашумѣли на весь міръ.

Къ закату солнца море нѣсколько улеглось и я вышелъ на ютъ вмѣстѣ съ капитаномъ, чтобы видѣть, какъ погружался въ далекое море этотъ огромный огненный шаръ. Онъ медленно окунается въ золотимыя имъ волны, очень медленно, точно ему противно сходить съ лазурной выси и утопать въ этой холодной, непривѣтливой стихіи... Его видно до послѣдняго, едва замѣтнаго сегмента, до послѣдняго прощальнаго луча...

Я вспоминалъ при этомъ, какъ въ Петербургѣ, лѣтомъ, аристо-

краты ѣздять на „пуэнтъ“ Елагинскаго острова, чтобы видѣть, какъ петербургское солнце погружается quasi въ море... только не въ море, а въ болото и въ лѣсъ за Лахтою... А вотъ отсюда, отъ Суэзскаго перешейка, среди открытаго моря, все это — и Петербургъ, и его острова зеленые, и красавица Нева, и садящееся за Лахтой солнце—все это кажется такимъ милымъ, роднымъ, но далекимъ, недостижимымъ...

За мимолетной зарей, которой въ тропическихъ широтахъ почти не бываетъ совсѣмъ, на море тотчасъ же спустилась ночь. Въ Египтѣ я уже началъ было привыкать снова къ землѣ — проводить ночи въ покойной постели. А здѣсь опять начиналось морское житіе, полное неизвѣстности и смутныхъ опасеній за каждый грядущій моментъ. Но надо было снова привыкать.

Посидѣвъ на ютѣ съ капитаномъ и докторомъ, я отправился въ каютъ-компанію, чтобы передъ сномъ записать въ свой дорожный дневникъ всѣ впечатлѣнія пережитого дня. Изъ этого моего „синодика“, въ который занесено мною все, что я буду поминать всю мою жизнь, когда мысль моя будетъ уноситься на далекій Востокъ, и изъ „синодика“ моей памяти, въ которой яркими, ничѣмъ невытравимыми красками нанесены отрывки, клочки, сцены и цѣлыя картины изъ моихъ далекихъ скитаній, я извлекаю теперь то, что набрасываю вотъ на этой бумагѣ моимъ жалкимъ, неумѣлымъ перомъ, и что такъ, конечно, блѣдно, сухо и безжизненно въ сравненіи съ тѣмъ, что я видѣлъ яркаго, живаго и дивнаго на самомъ дѣлѣ и что я пережилъ и перечувствовалъ въ этомъ волшебномъ, такъ сказать, скитаніи по невѣдомымъ землямъ.

II.

Историческій перешеекъ и каналъ Лессепса.

Солнце только-что поднялось изъ-за песчаной равнины Суэзскаго перешейка, а уже печетъ. Но въ тѣни, на ютѣ, подъ палаточной тентой — чудесно: даже какъ-то не хочется вѣрить, что пароходъ нашъ уже почти „въ Чермнѣ морѣ“, какъ поютъ дьячки въ тропаряхъ, что вотъ эта, раскинувшаяся передъ моими глазами, песчаная равнина есть именно та, по которой когда-то „по суху пѣшествова израилъ“, уходящій изъ Египта. Вѣтерокъ съ юга, отъ Краснаго моря и отъ Тихаго океана, повѣваетъ какъ-то ласково, привѣтливо. Изъ-за этой ровной, песчаной косы такъ, кажется, и видишь, какъ робкіе, но умные евреи, съ свойственною имъ умною храбростью, ошибочно и несправедливо называемою трусостью, а вѣрнѣе благоразумною осторожностью, какъ эти умнѣйшіе изъ всѣхъ историческихъ людей—„люди Божіи“, претолчно улепетываютъ по

этой вотъ ровной, песчаной косѣ, улепетываютъ во всѣ іерусалимскія лопатки отъ глухихъ, то-есть храбрыхъ, хотя честныхъ и поэтическихъ еѳіоповъ—„фараонитскаго воинства“, и какъ сѣдой, съ длинною раздвоенною бородой, гениальнѣйшій и даровитѣйшій изъ историковъ всего міра — историкъ, поэтъ и законодатель, а вдобавокъ и гениальнѣйшій полководецъ бенъ-Мойше, поднявъ свой камышевый—непремѣнно камышевый—жезлъ, сдѣланный изъ того нильскаго тростника, въ которомъ его, маленькаго гениальнаго Мойше, когда-то нашла въ корзинкѣ прелестная дочь Фараона,—изъ тростника, который я недавно видѣлъ и самъ срѣзывалъ на берегу Нила и который ростомъ выше дома, — какъ сѣдой, гениальный Мойше, махнувъ этимъ тростниковымъ жезломъ въ самый моментъ прилива моря, призываетъ его волны на храбрыхъ, но глухихъ фараоновъ, и топить ихъ съ конями и колесницами вонъ въ томъ, что за песчаную косую, „Чермвѣ морѣ“...

А оно, это море, только не Чермное, а Средиземное, такъ вонъ и набѣгаетъ на эту ровную, песчаную косу, на Суэзскій перешеекъ, такъ и обдаетъ его на десятки сажень пѣнистою волною и опять убѣгаетъ... А странны эти набѣганья моря на землю—и покойно оно, тихо, гладко, совсѣмъ, кажется, нѣтъ вѣтерка, а одинъ лишь зephyръ, а море все-таки силится лизать землю своими волнообразными языками, все шлеть на нее волну за волной, и одна волна обгоняетъ другую, спшибаются у берега, пѣнятся и снова уходятъ назадъ, оставляя на землѣ все, что не принадлежитъ морю... Кажется, что и само море скучаетъ по землѣ, какъ я скучаю по ней...

Да, тутъ, вотъ именно тамъ, за этою песчаную равниною море потопило „фараонитское воинство“, гнавшееся за „народомъ Божиимъ“, ведомымъ пророкомъ и вождемъ Моисеемъ...

Такъ думалось мнѣ, когда, раннимъ утромъ 23-го мая, „Saturno“ тихо входилъ въ гавань Портъ-Саидъ. Очарованная новыми историческими мѣстами мысль моя блуждала и въ далекомъ прошедшемъ, и по далекимъ равнинамъ милой родины.

— А-мама! экко-эколя барка пикколя! лепечетъ маленькая, лѣтъ четырехъ-пяти дѣвочка, черномазенькая итальяночка, сѣвшая съ матерью на нашъ пароходъ въ Александрію и отправлявшаяся къ отцу въ Сингапуръ.

— Си-си...

— Экко барка... эколи барка—экко-экко—тутти пикколи...

Шлюпочки и шлюпки большія, какъ акулы, въ ожиданіи добычи, такъ и спуютъ по бокамъ парохода. Тутъ же и большія суда, нагружающіяся углемъ. Шныряетъ и пытитъ „Pilote“, буксируя то ту, то другую баржу.

— Мама! мама! эколи барка гранде! лепечетъ дѣвочка.

— Си-си-си...

У самаго носа „Saturno“ ползетъ огромная баржа, вся нагружен-

ная до верху углерабочими, медленно переползая черезъ Лессепсовъ каналъ. Какъ она не пойдетъ ко дну!.. Рабочіе всё запачканы углемъ, точно черти—чернѣ еѳіоповъ.

— Мама! мама! экко карбонари... тутти нери...

— Си-си...

„Saturno“, останавливаясь въ самомъ каналѣ, страшно вспѣнилъ воду—около парохода пошли огромные коловороты бѣлой воды, сливавшейся съ зелено-фіолетовою.

— Мама! мама! экко-экко! аква біанка!

Не успѣлъ пароходъ остановиться, какъ цѣлыя толпы еѳіоповъ ворвались на пароходъ и, разсыпавшись по палубѣ и по юту, тащъ и облѣпили пассажировъ. Но какъ я былъ единственнымъ пассажиромъ, котораго всё почему-то принимали за ротозѣя „аглича“ съ дырчавымъ карманомъ, набитымъ скукою и стерлингами, то еѳіопы и обсыпали меня, какъ мухи верблюда, предлагая на вавилонскихъ опять-таки языкахъ, но здѣсь почему-то болѣе на итальянскомъ, свои барки, барочки и шляпки.

— Барка бэля! барка грандэ!

— Барка пикколя! барка граціоза!

Одинъ предлагалъ барку для переѣзда въ городъ и отель, другой для катанья по каналу, устроенному геніальнымъ чудакомъ Лессепсомъ, задумавшимъ подвергнуть кровосмѣшенію всё моря и океаны и соединить всякими каналами то, что почему-то Господь Богъ захотѣлъ или не хотѣлъ соединить.

Желая отдѣлаться отъ еѳіоповъ—ибо я не хотѣлъ ѣхать въ Портъ-Саидъ и на каналъ тотчасъ же, во время общей сумятицы, а по обыкновенію думалъ поѣхать послѣ, когда все поутихнетъ, вальготнѣе чтобы было,—я рѣшился озадачить этихъ милыхъ, но надобдливыхъ муриновъ. До сихъ поръ я поддѣлывался въ этихъ странахъ, съ трудомъ подлаживался ко всемъ сколько нибудь доступнымъ мнѣ человеческимъ языкамъ и глаголамъ, и меня всё, хоть съ трудомъ пополамъ, понимали; но тутъ я захотѣлъ озадачить ихъ русскимъ языкомъ, какъ это нерѣдко продѣлывалъ и прежде съ поражающимъ эффектомъ—и былъ озадаченъ самъ...

— Барка граціоза, синьоре!

— Барка бэля, привчипэ!

— Отвяжитесь отъ меня, черномазые, вдругъ заговорилъ я по-русски,—не хочу я вашихъ ни барка бэля, ни барка граціоза! не хочу!

— Захчэмъ нэ вхочу! ошпарилъ меня одинъ изъ еѳіоповъ.

— Какъ! Ахъ ты шельмецъ! такъ ты и по-русски лепечешь! удивился я, пріятно изумленный родною рѣчью почти-что „въ Чермнѣ морѣ“, чуть не подъ горою Синаемъ.

— Я и порусску знай.

— Какъ? откуда?

— Отъ русска матлотъ.

— Молодецъ, еѳіопъ! хвалю!..

Еѳіопъ скалилъ зубы и добродушно улыбался. Я начиналъ видѣть въ немъ почти соотечественника, чуть не татарина, продающаго халаты.

Я невольно разсмѣялся, глядя на его улыбающуюся рожу. Засмѣялись и другіе еѳіопы, обступившіе насъ и глазѣвшіе на меня, какъ на выходца съ того свѣта.

— Ахъ вы, еѳіопики милые! какіе вы всѣ добрые, глупые!

Смѣются, ничего не понимая, и заглядываютъ мнѣ въ ротъ, точно оттуда птичка вылетитъ.

— Ахъ, еѳіопики, еѳіопики! ничего-то вы, кромѣ своей Африки, не видали... А свѣту-то Божьяго еще сколько!.. И я васъ скоро не буду видѣть...

Мнѣ даже какъ-то грустно стало: и эти добродушныя лица, и это жаркое солнце, и этотъ берегъ, гдѣ столько тысячелѣтій оставались сросшимися два близнеца — Африка и Азія, сіамскіе близнецы, разрѣзанные гениальнымъ Лессепсомъ — и все то, что я видѣлъ, и то, что еще жажду увидѣть — все это пронесется мимо меня, какъ сонъ, какъ видѣніе, какъ греза „въ тонцѣ снѣ“...

— Слушай! мой шлюпка вонъ — балшой...

Ужъ и „шлюпка“ наплась, и „балшой“, вмѣсто прежнихъ „барка грандэ“, „барка граціоза“.

— Нэ тгэпэръ поѣдышь на бэрэгъ?

— Нэ тгэпэръ, еѳіопъ ты эдакій!

— А на каналъ нэ поѣдышь?

— И на каналъ поѣду, черномазый фараонъ! но не теперь.

— Нэ тгэпэръ... кгарашо...

— Отлично!

Прелестные фараоны! я былъ совсѣмъ очарованъ ими.

Но удивительное дѣло: фараоны скоро оставили меня въ покоѣ, почтительно и какъ-то робко ослабляясь... Не на „аглича-де“, не на „инглиза“, сорящаго стерлинги по своей прихоти ради разогнанія сплина, не на придурковатаго-де инглиза наскочили... Это-де „урусъ“ — кремень: ужъ коли „урусъ“ самого падишаха задѣлъ по затылку и черезъ Балканы перешель, какъ черезъ порогъ кабака онъ переходитъ трезвый, такъ съ этимъ-де держи ухо востро... Этотъ дастъ таѳого шлепка, что очутишься въ Красномъ морѣ...

Портъ-Саидъ смотритъ совсѣмъ не восточнымъ городомъ: дома большею частью съ покатыми крышами, галереями и навѣсами отъ солнца. Видны кресты вмѣсто полумѣсяца. Лодочки неустанно скользятъ отъ африканскаго берега канала къ азіятскому. Здѣсь и я расстаюсь уже съ Африкой, чтобы вновь плыть по азіятскимъ водамъ Средиземнаго моря къ предѣламъ Сиріи. Всѣ лодки здѣсь имѣютъ надъ собою бѣлую тенту въ видѣ продолговатаго четырехугольника,

который такъ устроенъ, что откуда печетъ солнце, на ту сторону онъ и наклоняется съ помощью приспособленныхъ къ тому веревокъ. Я ѣздилъ на всевозможныхъ азиатскихъ и африканскихъ лодкахъ, но портъ-саидскіе „кайки“ устроены проще и едва ли не удобнѣе всѣхъ. Въ Константинополѣ и Александріи „кайки“ часто бываютъ изукрашены самыми хитрыми, яркими и блестящими измышленіями Востока. Сидѣнья въ нихъ обиты яркою, чаще красною матеріею съ разными цвѣтными обшивками. Роскошные балдахины блестятъ кистями и разными позументами. И способъ сидѣнья въ нихъ восточный. Однажды, возвращаясь изъ Стамбула на свой пароходъ, я сѣлъ случайно въ такой именно „каикъ“, и сѣлъ по-европейски, т. е. на сидѣнье, а ноги опустилъ въ самый „каикъ“, дно котораго было тоже устлано ковромъ и подушками. Тогда турокъ-лодочникъ объяснилъ мнѣ, что я долженъ сѣсть по-турецки, на дно „каика“, и поджать ноги калачикомъ, что я и исполнилъ, но только изъ ногъ калачика не дѣлалъ, а просто протянулъ ихъ. Но возвращусь къ Портъ-Саиду.

Сижу я на ютѣ въ ожиданіи поѣздки въ каналъ, смотрю на купающихся въ гавани и весело кричащихъ арабчатъ, а буксирные пароходики въ родѣ „Pilote“ такъ и снуютъ туда и сюда.

— Прощай, безсмертное царство Тутмосиса и Рамзесовъ, думается мнѣ: не видать ужъ мнѣ тебя больше.

Къ югу, черезъ песчаную равнину, тянется узкою, длинною зеленовато-голубою ниткою безсмертный памятникъ Лессепса — каналъ, соединяющій два великихъ океана, которые, быть можетъ, раздѣлены были между собою этою песчано-каменною полоскою земли еще тогда, когда образовывалась поверхность нашей планеты. А благодаря этой голубой ниткѣ, Африка стала островомъ.

Подходитъ капитанъ.

— Вотъ и Портъ-Саидъ, большой городъ, а прежде было здѣ само море, говоритъ онъ, показывая на городъ.

— Какъ море?

— Море... Здѣ засыпали море землѣю—и вотъ выросъ городъ.

— И хорошій городокъ.

— Да, будетъ богатый городъ...

Дельфины медленно, систематически показываютъ свои изогнутыя спины и стоячее спинное перо, и опять ныряютъ.

— Наши пріятелѣ, говоритъ капитанъ, показывая на дельфиновъ.

— Какъ пріятелѣ?

— Пріятелѣ моряковъ... Они не такія поганскія рыбы, какъ рыба канина—псиная рыба...

— Какая канина? недоумѣваю я.

— Собачья рыба—канина—зубы въ три града... поганская рыба! Я догадываюсь, о какой собачьей рыбѣ идетъ рѣчь.

— Акула?

— Да, да, акула—поганская рыба!

— Развѣ и акулы здѣсь есть?

— О! како много теперъ ихъ стало! Поганско племја зашло и въ Адриатикъ... Теперъ у насъ въ Триестѣ нельзя ужъ и купаться въ морѣ отъ нихъ: строятъ въ морѣ желѣзницу—заграду отъ этой поганской рыбы для купанья—скверная рыба.

— Такъ, значить, во всемъ Средиземномъ морѣ есть теперъ акулы?

— Есть... Поганско племје и въ Чорное море залази.

— И все черезъ этотъ каналъ?

— Да... Завсѣмъ собака!.. Мы грузили тамъ у каналъ овце, такъ померло много овца, мы ихъ кидалисмо въ море — такъ разомъ поганска рыба трехъ овца глота... А како большая!—вогъ отъ здѣ до мачты—больше двадцати ногъ („ногъ“—футовъ? шаговъ? сажень?)... А дельфины—это пріятелји моряковъ. Наши которцы жалѣю ихъ — не стрѣляю, бо они плачу као человекъ — као джете:—а! о! о! — тако плачу дельфини... Добра рыба, сердечна. А кадъ человекъ потони и егово тјело найду дельфини, они его носомъ све къ земли, све къ земли тычу, подгоняю... Добра, сердечна рыба!

Когда мы плавали еще на Черномъ морѣ и потомъ шли Средиземнымъ на „Нахимовъ“, то къ намъ на пароходъ два раза попадали залетные пассажиры — птицы, спасавшіяся отъ бури. А на „Saturno“ оказались невольные крылатые пассажиры. Сердобольные матросики-итальянцы захватили гдѣ-то въ дорогѣ, на одномъ изъ острововъ Адриатики, пару молодыхъ галчатъ-сиротокъ, и изъ жалости пріютили ихъ на пароходѣ, помѣстивъ въ особую клѣтку. И нѣсколько разъ на день то тотъ, то другой матросикъ навѣдывается къ своимъ питомцамъ, напоминающимъ имъ про далекую родину, про Италію, кормятъ ихъ всевозможными поварскими обрѣзками, даютъ даже вишни—и прожорливые птенцы орутъ въ истошный голосъ. Но все же съ ними веселѣй при томительномъ однообразіи моря, которое какъ-то особенно располагаетъ къ нѣжнымъ чувствамъ по отношенію къ беззащитнымъ существамъ и къ дѣтямъ.

Мимо насъ, бортъ-о-бортъ, вошелъ въ каналъ громадный французскій пароходъ „Sakhaline“, и я долго слѣдилъ за нимъ, какъ онъ двигался по каналу. Вслѣдъ затѣмъ стоявшій почти рядомъ съ нами пароходъ, кажется, испанскій, „Cadiz“, снялся и пошелъ какъ-бы вдогонку за французскимъ. Долго, очень долго виднѣлись ихъ мачты, трубы, свасти, даже огромные кузовы изъ-за песчаного, ровнаго, скучнаго, какъ пустыня, берега канала... Вотъ, думаю, долго придется этимъ пароходамъ трепаться въ океанѣ...

Скучная равнина! скучный каналъ!.. А этотъ скучный каналъ зарабатываетъ отъ 4 до 5 миллионъ франковъ въ мѣсяць. О, Лессепсъ, Лессепсъ! могу я воскликнуть, какъ воскликнулъ когда-то Крезъ на кострѣ: „О, Солонъ, Солонъ“!

А какая кипучая жизнь теперъ тутъ—все стономъ стонетъ около истор. вѣстн., годъ 11, томъ vi.

этой узенькой ленточки воды, соединяющей два міровые океана—восточный и западный!

Странно смотрѣть на этихъ гигантовъ—на пароходы „Sakhaline“ и „Cadiz“, идущіе каналомъ: издали кажется уже, что они двигаются не по водѣ, а по песчаной равнинѣ, по этой однообразной, желто-сѣрой полосѣ, словно верблюды въ Сахарѣ.

Капитанъ уходитъ отдавать какія-то приказанія, а я опять остаюсь одинъ на верху юта, чтобы наблюдать кипящую кругомъ жизнь. Но самая эта песчаная равнина, болѣе чѣмъ все другое, заставляетъ меня задумываться надъ прошлымъ этой полосы земли. А у этой полосы такъ много историческаго прошлаго—не меньше, чѣмъ у пирамидъ. Тутъ, этой полосой, египетскіе купцы провозили когда-то проданнаго въ плѣнъ своими братьями юнаго Іосифа, любимѣйшаго сына престарѣлаго вожди еврейскаго народа; тутъ, этою равниною, евреи возвращались изъ египетскаго плѣна и потопили фараоновы войска; тутъ же потомъ, черезъ много вѣковъ, проѣзжала на осликѣ съ младенцемъ на рукахъ женщина, породившая міру въ этомъ младенцѣ величайшій примѣръ божественности въ человѣкѣ... И что удивительно! — только увидавъ Африку и присмотрѣвшись къ формамъ ея жизни, къ способамъ ѣзды тамъ женщинъ и дѣтей, стариковъ и юношей—я понялъ, почему и Богородица убѣгала въ Египетъ на осликѣ въ сопровожденіи Іосифа, который изображалъ изъ себя ничто иное, какъ „саиса“ съ палкою, и почему Христосъ вѣхалъ въ Іерусалимъ „на жребяти осли“. Все это — неизмѣнно установившіяся здѣсь отъ вѣковъ формы жизни, а Востокъ ихъ почти не мѣняетъ тысячелѣтіями.

А пароходы „Sakhaline“ и „Cadiz“ все двигаются по песку, по той равнинѣ, по которой проникли когда-то въ Африку и въ Европу арабы и, воодушевляемые фанатическимъ ученіемъ своего пророка, завоевали и Африку и западъ Европы, а за ними турки-османы завоевали весь юго-востокъ Европы и дали этой Европѣ кровавой работы на 300—400 лѣтъ, вплоть до Плевны и Санъ-Стефано... А Лесепсъ на вѣки разрѣзалъ эту песчаную шею Азии и Африки...

Чѣмъ дальше двигались по Суэзу шедшіе въ Красное море французскій и испанскій пароходы, тѣмъ, казалось, они выше поднимались, отдѣляясь отъ земли, и точно плыли по воздуху. Это было что-то въ родѣ миража въ пустынѣ; но я видѣлъ ихъ за десятки верстъ отъ Портъ-Саида, чуть ли не до самаго Краснаго моря, пока оба великана не превратились въ темныя точки на горизонтѣ. И мнѣ было жаль ихъ, когда они проплывали мимо насъ: съ ихъ бортовъ и ютовъ смотрѣли на насъ незнакомыя лица, мужчины и женщины, и казалось, прощались съ нами, пускаясь въ далекій путь, мимо знойныхъ береговъ Аравіи. Часа черезъ три, мы сами двинемся дальше, но только не къ Аравіи, а къ Сирии и Палестинѣ, къ тѣмъ удивительнымъ странамъ, откуда, какъ изъ Палестины, такъ и изъ Аравіи,

вышли въ міръ двѣ новыя религіи, раздѣлившія весь этотъ міръ на двое—на міры христіанскій и мусульманскій, на два враждующія между собою человѣческія вѣрованія...

И опять невольно вспоминается геніальный французъ, который своимъ каналомъ отрѣзалъ отъ Африки, а также и отъ Европы, эти страны, откуда вышли главныя человѣческія вѣрованія, какъ-бы желая показать современному практическому человѣчеству, что и оно давно отрѣзало себя, въ жизни, отъ этихъ вѣроученій, а ищетъ въ себѣ самомъ источникъ для новаго, современнаго, практическаго вѣрованія... А какое это вѣрованіе? Знаніе, наука, но не какъ роскошное блюдо на столѣ пресытившагося богача, а какъ хлѣбъ насущный и у бѣднаго, и у богатаго... А это и было бы единственною формою, въ которой современное человѣчество могло бы осуществить главнѣйшій завѣтъ своего божественнаго учителя: „возлюби ближняго, какъ самого себя“...

Такъ фантазировалъ я съ карандашомъ въ рукѣ, сидя на ютѣ своего парохода и, провожая глазами пароходы, уходившіе все дальше и дальше по каналу.

На ютѣ опять показался еѳіопъ, котораго нѣсколько „обрусили“ наши матросики. Онъ дружески улыбался.

— Тгэпэръ паѣдэпшъ, гаспадынъ?

— Тгэпэръ паѣду, еѳіопъ.

Я спустился въ лодочку и черезъ нѣсколько минутъ уже бродилъ по Портъ-Саиду. Видѣлъ церковь, жилища, консульствъ—все это новенькое и не представляетъ никакого интереса для путешественника. „Hôtel au bon marché“ смотритъ совсѣмъ по-европейски; но „Hôtel de France“ кажется солиднѣе его.

Портъ-Саидъ — главный складочный и передаточный пунктъ, откуда англійскій каменный уголь идетъ во всѣ азіатскія страны, омываемые Индійскимъ и Тихимъ океанами. Тутъ же грузятся хлопковъ для Европы и другія произведенія Аравіи.

Съ часъ потомъ ѣздивъ я по каналу, удивляясь геніальной простотѣ его сооруженія, и при этомъ не могъ не вспомнить великаго Галилея, который, не совладавъ съ регулированіемъ теченія одной изъ рѣчекъ Италіи, откровенно признался, что ему легче было открыть законы тяготѣнія вселенной, чѣмъ законы движенія воды и образованія мелей въ какой-нибудь пустой рѣченкѣ. А Лессепсъ, между тѣмъ, урегулировалъ объединеніе водъ двухъ океановъ.

Когда я катался по каналу, надѣясь увидѣть хоть одну „поганскую рыбу“—акулу, столь ненавистную для капитана, матросы тѣмъ временемъ успѣли наловить удочками прямо съ парохода какихъ-то невѣдомыхъ мнѣ, можетъ быть, океанійскихъ рыбъ, и тутъ же вручили ихъ пароходному повару для изготовленія имъ Валтазарова пира.

Сидя потомъ на ютѣ и предаваясь разнымъ мечтаніямъ о томъ, что мнѣ еще предстоитъ увидѣть послѣ Африки, я замѣтилъ, что

по тентѣ одного судна, стоявшаго у африканскаго берега канала, бѣгаетъ какая-то птица, за которою гоняются матросы. Птица снялась съ тенты, перелетѣла часть гавани и спаслась на нашемъ пароходѣ между ютомъ и спасательными лодками. Боясь, что, судя по небыстрому и неловкому полету, несчастная птичка эта не осилитъ перелетѣть на другой берегъ—на сирийско-азиатскую сторону, я подкрался къ ней и осторожно схватилъ ее. Многіе на пароходѣ увидѣли это и заинтересовались пойманною мною крылатою бѣглянкою, которая совершенно успокоилась у меня на колѣняхъ и, какъ я замѣтилъ, стала-было уже задрѣмывать, по крайней мѣрѣ закрывала свои красноватые глаза подъ широкими пунцовыми бровями. Она перьями и складомъ напоминала собой куропатку и величиной была нѣсколько больше крупнаго голубя—вся сѣрая, на красныхъ, довольно длинныхъ ногахъ, съ довольно длинною шейкою. Между матросиками слышались похвальные отзывы насчетъ ловкости „синьора“—это меня-то — въ качествѣ Генриха-Птицелова.

— Экко! экко, синьоре!—пѣрдика сиріака...

Это и была сирийская куропатка. Не зная, что съ ней дѣлать, но желая сохранить жизнь бѣдной птичкѣ и даже привезти ее въ Россію, я передалъ ее одному матросику, прося посадить ее въ клѣтку вмѣстѣ съ галчатами и дать ей чего-нибудь „манджаре“—покушать. Но, или онъ не понялъ моего вавилонскаго языка, или—злѣдѣй эдакій! притворился, что не понялъ, но только, сказавъ мнѣ неоднократно—„си-си, синьоре“ и разныя „грація“,—утащилъ мою плѣнницу. Послѣ уже я понялъ свою оплошность: пароходный докторъ объяснилъ мнѣ, что они—варвары матросы—погубили мою бѣдную птичку: они сами ее „манджаре“, добавилъ онъ, сдѣлавъ въ воздухѣ рукой гильотинное движеніе. Бѣдная сирийская куропатка!

При выходѣ изъ Портъ-Саида, чуть не остались на берегу два нашихъ матросика. Они отводили тамъ душу, бѣдные... Пароходъ просвисталъ послѣдній разъ—нѣтъ матросиковъ! Капитанъ черногорецъ звенитъ, какъ труба!—весь пароходъ заволновался отъ его энергическаго голоса. Ну, думаю, разнесетъ онъ бѣдняковъ — какъ левъ рыщеть по своей высокой площадкѣ!.. Послали на берегъ лодку... Всѣ ждуть трепетно, смотреть на берегъ... Матросы хмуро суетятся, убирая снасти... Но вотъ и виновные показались — бѣгутъ къ берегу, прыгаютъ въ лодку, какъ кошки, усиленно гребутъ, весь пароходъ смотритъ на нихъ напряженно... Подъѣхали, блѣдные такіе, не глядя ни на кого, взлетѣли на бортъ, раздалась рѣзкая команда, и пароходъ двинулся... Но капитанъ не сказалъ имъ ни слова. Что было послѣ—не знаю.

Солнце приближалось къ закату. Капитанъ, страстно любившій море, по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на него безмолвно... И что въ немъ хорошаго!

Я сидѣлъ на ютѣ, тоже созерцая море и кутаясь пледомъ — въ-

теперь свѣжѣль и я забѣ, это въ Африкѣ-то!.. Думы мои, впрочемъ, витаютъ далеко отъ этого моря... Входитъ на югъ и капитанъ.

— Вы, капитанъ, даже не курите.

— Да, четвертый мѣсяцъ бросил...

— А черногорецъ немислимъ безъ трубки: чибукъ, мрки брки (чорные усы), бритка саблѣа (острая сабля) и хрта караманы (и гончія собаки).

Онъ улыбунулся: „Да и пушка съ ятаганомъ“...

Я, чтобы сдѣлать ему пріятное и развлечь (онъ тосковалъ по своемъ недавно погибшемъ братѣ, любимцѣ кн. Николаѣ), сталъ декламировать ему на память нѣкоторыя сербскія народныя думы — про „Косовку джевојку“, про „старого Югъ-Богдана“... Онъ повторялъ мои слова и поддакивалъ, видимо довольный.

— О! красна наша поэзія! („красна“ — прекрасная).

Я продекламировалъ извѣстную народную пѣсню:

Умре Конда једини у мајке,
Жао мајце Конду законати,
Законати далеко од дому...

Онъ слушалъ со слезами на глазахъ. Когда я дошелъ до того мѣста, какъ плачетъ о Кондѣ его возлюбленная — „Кад заплаче—и Богу је жао“—онъ, чтобы скрыть слезы, отвернулся.

— О! красна пјесма! тако красна!

Скоро на землю сошла ночь. Завтра съ разсвѣтомъ я буду уже въ Яффѣ, и солнце, которое недавно погрузилось въ море, завтра глянетъ на меня уже изъ-за іерусалимскихъ горъ, или изъ-за Сіона... Я мечталъ, какъ ребенокъ...

III.

Яффа—преддверіе святой земли.

Когда „Saturno“, слѣдуя отъ Портъ-Саида, ночью на 24-е мая приближался уже къ берегамъ Палестины, я легъ спать очень рано, чтобы на другой день встать до зари и во всякомъ случаѣ до прихода къ Яффѣ, по крайней мѣрѣ, за полчаса. Мнѣ хотѣлось издали видѣть берега Палестины, нѣкогда славное „поморіе тирское и сидонское“—мѣста, гдѣ когда-то выросли и отцвѣли два роскошнѣйшихъ цвѣтка богатства и цивилизаціи древняго міра, могущественныя Тиръ и Сидонъ, столь часто упоминаемые въ священномъ писаніи и столь упорно сопротивлявшіеся дикому разрушителю древней цивилизаціи—Тамерлану классическаго міра—Александру Филипповичу, по прозванію Македонскому.

Я вышелъ на палубу, когда изъ-за сирійскихъ береговыхъ, болшею частью песчаныхъ и плоскихъ возвышенностей, уже глядѣло на

фіолетовую поверхность Средиземнаго море привѣтливое утро, но свирѣное въ полдень солнце еще было ласково и не жгло, а только грѣло и радовало. Яффа, въ видѣ гигантскаго холма, усѣяннаго бѣлыми, высокими зданіями восточнаго архитектурнаго типа, съ башнями и башенками и съ причудливою каменною набережною, амфитеатромъ высилась надъ моремъ, какъ-бы подвигаясь къ нему, чтобы ринуться въ его фіолетовыя волны, какъ когда-то ринулись въ него вонъ тѣ зубчатыя скалы, что торчали изъ воды и точно грызлись съ налетающими на нихъ морскими пѣнящимися валами.

Я оглянулъ берега—близкія и далекія окрестности Яффы... Такъ вотъ гдѣ тотъ берегъ, на которомъ, во все протяженіе его, древніе финикійяне—эти „агличы“ первобытнаго міра—исощряли свой умъ и свои таланты для эксплуатаціи полудикарей древности, и близкихъ и самыхъ отдаленныхъ странъ, до которыхъ только могли доплыть финикійскіе корабли. Вотъ гдѣ та Яффа, черезъ которую проходили когда-то крестоносцы, чтобы погубить свои молодыя силы за обладаніе гробомъ Спасителя, и все-таки оставившіе въ рукахъ мусульманъ не только этотъ гробъ, но и столицу восточнаго христіанства—Византію! Вотъ та Яффа, на которую столько милліоновъ и милліардовъ взоровъ смотрѣли съ умиленіемъ—въ чааніи скоро увидѣтъ землю, которую всю исходили и искрестили босыя ноги Искупителя...

Историческая древность, освященная вниманіемъ милліоновъ послѣдующихъ поколѣній, имѣетъ въ себѣ что-то неотразимо обаятельное—и я невольно поддаюсь этому чарующему чувству. Но я одного не зналъ... Я видѣлъ, что за Яффою, туда, дальше къ востоку, у самаго горизонта, въ утреннемъ туманѣ синѣлись горы... Я видѣлъ ихъ хорошо; но я не зналъ, что это уже—горы Іерусалима, что вотъ-вотъ тутъ, сейчасъ за ихъ синей верхушкой, даже на этой самой верхушкѣ, уже начинается святой городъ, что съ этой синей горы не разъ смотрѣли на него божественные глаза того, котораго „никогда не видѣли смѣющимся, хотя часто видѣли плачущимъ...“

Я не зналъ, что съ палубы „Saturno“ смотрю уже на преддверіе святаго города, хотя находился отъ него на разстояніи 60-ти верстъ.

Не удивительно, что въ старину существовало такое убѣжденіе, что тѣ изъ паломниковъ или пилигримовъ, которые, не имѣя возможности дойти до Іерусалима, достигали только Яффы и въ ней могли облобызать священную землю, получали полное прощеніе своихъ грѣховъ, все равно, какъ бы они были въ самомъ Іерусалимѣ и лобызали гробъ Искупителя. Вѣрованіе это существовало и триста лѣтъ назадъ. Такъ, знаменитый польскій вельможа, князь Радзивиллъ-Сиротка, совершившій паломничество въ 1582 году, говоритъ въ своемъ „Похожденіи въ землю святую“ (привожу его слова въ старинномъ русскомъ переводѣ съ польскаго): „убо которые нибудь странники здѣ прѣзжаютъ, якоже прямо изъ Кипру и изъ иныхъ мѣстъ христіанскихъ множество ихъ прибываетъ,—хотя бѣ и добрѣ иныхъ Святой земли

мѣсть не посѣщали, только бы на берегу Іошѣ (Яффа) стали, воспріимуть всякаго прощенія тако, како бы тамъ тѣ мѣста лицами своими навѣщали. Поволено сіе для того, что войны, арапской разбой, повѣтрія, болѣзни, скудости, многихъ странниковъ задерживаютъ и далѣ имъ итти оттолѣ не допущаютъ“.

Пока я съ высоты парходнаго юта разсматривалъ этотъ историческій берегъ и этотъ сползающій къ морю странный, точно выросшій на скалѣ городъ, парходъ нашъ остановился. До берега было еще очень далеко; но подойти ближе было опасно, ибо въ этомъ мѣстѣ море скрывало въ своей фіолетовой глубинѣ, невидимо для глазъ, такія скалы и камни, объ которые парходъ могъ разбиться.

Началась всеобщая суетня. Послышались крики, мало того—какое-то дикое, неистовое вопленіе человѣческихъ голосовъ, смѣшивавшееся съ шумомъ разбивавшихся о парходъ морскихъ волнъ. Вопль этотъ поднимали арабы и сирійцы, уже давно сторожившіе парходъ и приплывшіе теперь съ берега на своихъ массивныхъ лодкахъ съ парусами, чтобы вырывать другъ у друга свои жертвы—несчастныхъ пассажировъ, которые должны были сходить на берегъ. Они набрасывались на оторопѣвшихъ путешественниковъ съ яростію голодныхъ волковъ, терзающихъ умирающую овцу.

Я уже достаточно видѣлъ и даже пресытился видомъ подобныхъ сценъ, и потому равнодушно смотрѣлъ на все, что около меня происходило: все это я видѣлъ и въ Константинополѣ въ виду Золотого Рога и святой Софіи, въ Смирнѣ—на родинѣ Гомера, въ Александріи—въ виду дворца хедива и колонны Помпея. Но здѣсь было еще что-то свое, особенное. Здѣсь, какъ я сказалъ, у береговъ Яффы, на днѣ моря скрываются опасные камни и скалы, и парходы должны останавливаться въ открытомъ морѣ. Кругомъ стояла, или скорѣе, ходила по фіолетовому морю такая зыбь, что волны бросали и колодили арабскія лодки одну о другую словно щепки, и казалось, что эти жалкія щепочки вели между собою ожесточенную морскую баталію. Каждая изъ нихъ силилась пристать и уцѣпиться за парходную лѣстницу. Арабы съ ловкостью пиратовъ взбирались на бортъ, словно бы они брали нашъ парходъ на абордажъ, и буквально забирали пассажировъ въ плѣнъ.

При такомъ волненіи моря, злополучнымъ странникамъ не легко и не безопасно было попадѣть съ высоты парходнаго борта въ лодки: можно было попасть прямо въ море, въ эту фіолетовую, пѣнившуюся глубь, которая была такъ прекрасна. Особенно жалкіи были женщины—арабки и турчанки съ своими дѣтьми. Европейскихъ женщинъ на парходѣ не было. Злополучныя турчанки и арабки, тщательно скрывавшія чадрами и покрывалами свои сомнительныя прелести, теперь, въ ужасѣ и отчаяннѣ, забывали всякій стыдъ и всякое восточное приличіе, и съ открытыми не только лицами, но и тѣми частями тѣла, которыя тщательно закрываютъ не только дикарки, но даже деколь-

тированныхъ европейскія женщины—съ воплемъ падали на руки арабовъ и негровъ лодочниковъ, и блѣдныя, трепещущія, цѣпляясь за края лодокъ, за весла, за мачты, за скамьи, за чьи попало руки и ноги—въ изнеможеніи падали на дно барокъ, колотившихся словно въ лихорадкѣ.

Капитанъ, о которомъ я уже говорилъ выше, любезно представилъ мнѣ не особенно черномазаго еѳіопа, который увѣрялъ, что онъ якобы „русскій“ и готовъ быть моимъ проводникомъ... Кто же изъ нихъ не готовъ на этотъ подвигъ!.. Вѣдь затѣмъ они и грызлись другъ съ другомъ, точно акулы около утопленниковъ...

— Русскій! какъ это васъ угораздило!

— Руска! умѣй по руска...

— Ладно... орудуй...

Я догадался, какой это былъ „русскій“ еѳіопъ. Чистѣйшій сиріецъ изъ Яффы, лодочникъ и носильщикъ, онъ нахватался отъ русскихъ богомольцевъ кое-чего, что нужно для обиходнаго разговора, и перевиралъ все страшно, комкая въ одинъ клубокъ и русскія слова, и итальянскія, и французскія, и англійскія, и все это такъ бойко, точно у него во рту былъ цѣлый мѣшокъ гороху, которымъ онъ и обсыпалъ васъ. Съ помощью этого вавилонскаго языка и выразительныхъ жестовъ, этотъ русскій еѳіопъ сообщилъ мнѣ новость, о которой я, впрочемъ, зналъ еще въ Петербургѣ. Онъ торжественно объявилъ мнѣ, что здѣсь, около Яффы, стоятъ два русскихъ военныхъ фрегата и что уже четвертый день какъ русскіе „грань-дуки“, прибывшіе въ Палестину на этихъ фрегатахъ, гостятъ въ Іерусалимѣ.

— Два синъ стараго цѣра руска, пояснилъ онъ.

— Знаю... Великіе князья Павелъ и Сергій Александровичи.

— Вуй... Оба братъ молодого цѣра...

— Точно—братья.

Я при этомъ машинально поправилъ свою бороду, которую трепалъ морской вѣтеръ, и мой русскій еѳіопъ послѣшилъ схватиться за свой подбородокъ и показать, что у „братевъ русскаго цѣра“ нѣтъ бородъ и что они молоды и высоки ростомъ.

— О! большой такой—и уса такой...

— Знаю, знаю...

Ясно, что мой жестъ—прикосновеніе къ бородѣ—еѳіопъ принялъ за то, будто бы я показываю, что у великихъ князей такія же сѣдыя бороды, какъ моя, и что они совсѣмъ на меня похожи... Какова еѳіопская сметка! Я послѣшилъ, конечно, разувѣрить его и успокоить, показавъ, что у великихъ князей есть только усы и нѣтъ бородъ и что они двумя или тремя головами выше меня.

Еѳіопы счастливы—тащатъ мой багажъ въ свою лодку. Я прощаюсь съ добрѣйшимъ капитаномъ, благодарю его за любезность, за вниманіе, которое онъ оказывалъ мнѣ за все время переѣзда нашего отъ Александріи до Яффы.

— Здравствуйте! здравствуйте! любезно жметъ онъ мою руку— здравствуйте! По сербски это значитъ: „желаю вамъ здоровья“.

— Прощайте! благодарю васъ за все, за все, добрѣйшій капитанъ, отвѣчаю я, пожимая его богатырскую руку, которой приличнѣе держать ятаганъ, чѣмъ маленькій капитанскій свистокъ и бинокль.

— Здравствуйте! здравствуйте!

Съ опасностью ринуться въ море, я вскочилъ въ лодку. Ее метало, какъ орѣховую скорлупу. Но я уже приглядѣлся къ морю, обтерпѣлся, и оно уже не пугало меня такъ, какъ пугало когда-то въ Кронштадтѣ, когда я ѣхалъ на одинъ военный фрегатъ, или даже, какъ трусилъ я иногда на Невѣ, переѣзжая ее на разрисованныхъ яликахъ... И страшное въ мірѣ страшно только относительно...

— Вы французъ, или англичанинъ? спрашиваетъ меня какаля-то феска по-французски, любезно держа свой зонтикъ такъ, чтобы меня не пекло солнце, которое уже начинало свирѣпо припекать и лицо и голову.

— Нѣтъ, я русскій, отвѣчаю я.

— О! въ Россіи теперь не хорошо живется...

— Почему не хорошо?

— А револютъ?..

— Да... печально... но революта никакого нѣтъ...

— А нигилисты? (Опять нигилисты! Я объ нихъ слышалъ всю дорогу—и въ Египтѣ, и подъ пирамидами).

— Нигилисты?.. Кто жъ ихъ знаетъ!.. я по крайней мѣрѣ не знакомъ съ ними.

Лодка, управляемая искусными сирійцами, можетъ быть, прямыми потомками финикіянъ, или тѣхъ моряковъ, на кораблѣ которыхъ плылъ когда-то по бурному морю пророкъ Іона, легко боролась съ волнами, которыя становились все болѣе и болѣе сердитыми по мѣрѣ приближенія къ берегу. Изъ воды высывались камни, острия зубья скрытыхъ скалъ, точно обломки зданій, а можетъ быть—и въ самомъ дѣлѣ зданія, поглощенные моремъ вмѣстѣ съ сползшею въ него горою. Лодка врѣзалась въ фіолетовую зыбь, лавируя среди этихъ каменныхъ зубьевъ невидимаго чудовища, и быстро миновала эту Сциллу и Харибду, бросаемаю сверху сердитою зыбью и прибоями. Одно неловкое движеніе—и она грохнулась бы объ камни.

Но вотъ мы у берега, у каменной лѣстницы, высѣченной въ скалѣ. Камни до того протерты милліонами человѣческихъ ногъ, взбравшихся, въ теченіе многихъ столѣтій, по этимъ каменнымъ уступамъ на берегъ священной земли, что надо было остерегаться, чтобы не соскользнуть назадъ въ море. Желѣзныя шины, проложенныя по этимъ уступамъ, и тѣ протерты милліонами ногъ...

„Много ногъ протирало эти каменные уступы... и ноги Трифона Коробейникова, и князя Радзивилла-Сиротки, и хромяя нога Авраама Сергѣевича Норова...“

Нѣсколько рукъ протянулись, чтобы поддержать меня...

— Не трошь, еѳіопы... самъ взойду, отстранялъ я черныя руки. Еѳіопы ослабляются... „Бакшишь... бакшишь...“

— Это за что бакшишь? За то, что мѣшаєте, мурины вы эдакіе?

Опять ослабляются: они видятъ, что я шучу — и улыбаются... Народу на набережной—прорва: рыло на рылѣ, а костюмы—что-то невообразимое...

— Духана багажъ, шепчетъ мнѣ что-то мой „русскій“ еѳіопъ.

— Какая духана? Дуана развѣ, таможня?

— Дуана... бакшишь...

— Ладно, знаю—безъ башкиша нельзя...

Думаю, что въ самомъ дѣлѣ таможня.

— Гдѣ же она, ваша дуана? тутъ и кабака не видать.

Однако, лѣзу въ карманъ за ключамъ, чтобъ отпереть мой сундукъ, и вытаскиваю изъ кармана паспортъ—предъявить въ таможнѣ.

— Дуана... бакшишь...

— Да слыхалъ ужъ!.. Сколько?

— Деми франкъ... поль франкъ...

— Ладно... не много же... Не дороги, я вижу, законы Абдуль-Гамида...

Услыхавъ имя Абдуль-Гамида, мой еѳіопъ радостно ослабляется.

— Царь... падишахъ...

— Знаю... кому же бакшишь-то?

— Иси... эффенди...

Подвергивается какой-то чумазый турокъ, не то сиріецъ, и что-то машетъ рукой на мой багажъ.

— Да, это мой... А вотъ бакшишь...

При всемъ глазѣющемъ на меня народѣ я сую въ руку чумазаго представителя падишаха не полфранка, а цѣлый франкъ. Чумазый видимо доволенъ.

Меня обступаютъ, какъ цыгане лошадь на ярмаркѣ. И не удивительно: съ парохода съѣхалъ только я одинъ въ качествѣ путешественника—и вотъ меня и хотятъ разорвать на части.

— Отель Жерюзалемъ, мось! подаетъ мнѣ карточку какой-то загорѣлый европеецъ съ tropical helmet на головѣ (это—свѣтлая шляпа съ продушинами для воздуха; такая шляпа была и у меня на головѣ),—отель Жерюзалемъ...

— А отель Гоуардъ? спрашиваю я.

Этотъ „Howards-Hôtel“ былъ рекомендованъ мнѣ еще въ Одессѣ, и я хотѣлъ остановиться въ немъ.

— Отель Жерюзалемъ, угодно? повторяетъ мой новый мучитель-

— Гоуардъ отель! настаиваю я.

Мой мучитель притворится не понимающимъ.

— Ну все равно, говорю я своему еѳіопу,—катай въ „Отель Жерюзалемъ“.

Потащили мой багажъ двое черномазыхъ, а мы съ „драгоманомъ“ пошли за ними. „Драгоманъ“ оказался австрійскимъ нѣмцемъ, вѣроятно, изъ іерусалимскихъ австрійцевъ, и состоялъ чѣмъ-то въ родѣ комиссіонера при „Jerusalem Hotel“.

Улицъ нѣтъ отъ набережной, а есть какіе-то каменные проходы, точно щели между домами невиданной архитектуры. Тѣснота и толкотня ужасная. Тутъ и базаръ крытый, темный, узкій, и фонтанъ, весь залитый водой и уставленный кувшинами и козьими шкурами вмѣсто водопосовъ... Вся жизнь кипитъ въ этихъ узкихъ щеляхъ— продаютъ, жарятъ, курятъ, орутъ... Тутъ и ослики тащатъ на спинахъ горы корзинъ, кувшины, уголь... Верблюды жуютъ жвачку и неистово орутъ—на ихъ горбы грузятъ бревна...

Съ крышъ сметають на эти улицы-дыры соръ, траву, листья какіе-то зеленые, недоѣденные огурцы... Все де разнесутъ правовѣрные на головахъ, на ногахъ, а что съѣдомое—съѣдятъ козы, овцы, собаки, тутъ же бродящія по улочкамъ и нюхающія землю... И верблюды, и люди глазѣютъ на меня, на мою шляпу-получалму, на мою сѣдую бороду...

- Инглизь... инглизь...
- Жокъ-жокъ... франкъ... инглизь...
- Попали въ небо, отшучиваюсь я.
- Русь... русь...

Изъ узкихъ и крытыхъ улочекъ мы выходимъ на болѣе открытое мѣсто. Подъ ногами—все камень, да камень, но какой-то странный: онъ весь состоитъ изъ тѣсно сплотившихся круглыхъ ракушекъ, величиною не болѣе абрикоса. Все это—морскіе осадки, точно море съ умершими и окаменѣвшими раковинами само выбросило свое каменистое ложе на песчаный берегъ Палестины.

Здѣсь, на открытомъ мѣстѣ, солнце печетъ уже такъ, что движеніе становится невыносимымъ. А надо идти къ отелю, къ окраинѣ города.

Подъ ногами уже не каменные плиты съ раковинами, а раскаленный песокъ. И могильныя плиты раскалены—мы проходимъ мимо кладбища. На самой уpekъ лежатъ верблюды съ грузами на спинахъ. Тутъ же, растянувшись на пескѣ, ничѣмъ не защищенные отъ солнца, спятъ арабы. Страшно видѣть, какъ жгучее солнце палитъ ихъ головы, грудь, руки.

То тамъ, то здѣсь, торчатъ кактусы, пальмы. Кактусы превращаются въ цѣлый лѣсъ, въ заборы. Пальмы, въ сравненіи съ африканскими великанами, кажутся жалкими. Куда ни упадетъ взоръ—все чужое, незнакомое...

Но вдругъ, недалеко отъ верблюдовъ, на самой уpekъ голубѣетъ что-то знакомое... Подхожу... Это голубые цвѣточки цикорія — наши украинскіе „Петровы батоги...“

„Какъ вы сюда зашли, бѣдненькіе?“ — „А какъ ты зашелъ, сѣдая борода?..“

Я срываю нѣсколько цвѣточковъ и прячу въ свою дорожную книжку... Чуднымъ это кажется моимъ еѳіопамъ.

Но вотъ я и въ „Jerusalem-Hôtel“. Рядомъ съ нимъ, ближе къ городу, красуется „Howards-Hôtel“, смотритъ красиво, представительно. Но мнѣ все равно—не жить же въ этой Яфѣ.

Мнѣ отводятъ номеръ съ двумя двухспальными кроватями, со всѣхъ сторонъ, какъ и въ Египтѣ, завѣшенными прозрачною кисеею для предохраненія отъ москитовъ — это маленькіе, но презлые комарики. Окна закрыты зелеными рѣшетками—полумракъ вездѣ: такъ боятся здѣсь солнца... Я выглянулъ въ окно: синее небо, синее, столь надоѣвшее мнѣ безбрежное море, пальмы, кактусы, смоковницы, виноградъ, невѣдомыя растенія и невѣдомые цвѣты... Хоть бы что-нибудь напоминало далекій сѣверъ... Ахъ, нѣтъ—знакомые голоса напоминаютъ его: гдѣ-то оретъ пѣтухъ; подъ окномъ, на листѣ пальмы, чирикаетъ „знакомый“ воробей... „Здравствуй, пріятель... здравствуй, палестинскій воробышекъ... не ты ли чирикалъ на крестѣ, на которомъ былъ распятъ Искупитель: „живъ-живъ?..“

Я отвелъ глаза отъ моря. Пугаетъ оно меня. Ужъ довольно я исколесилъ его, а придется еще долго, очень долго, колесить по его страшной синевѣ...

„Ишь разорали палестинскій пѣтушище—алекторъ эдакій... Вѣдь это тотъ „пѣтель“, что „возгласилъ“ въ ту страшную ночь, когда Петръ, „исшедъ вонъ со двора Каіафы, плакалъ горько“...

— Вамъ угодно кафѣ?

— Да, пожалуйста.

— Кафѣ о-лэ?

— Да, кафѣ о-лэ...

Принесли кофе и пару яицъ въ смятку... „Отъ палестинской курицы яйца...“

Мнѣ даже смѣшно стало... А потомъ тоска напала какая-то—я не знаю, какъ сказать—историческая, что-ли, тоска... Чего-же стало жаль... жаль ли этого далекаго, невозвратнаго историческаго прошлаго, этихъ мертвецовъ, о которыхъ я думалъ, или—моего собственнаго прошлаго, моихъ мертвецовъ?

Я пошелъ бродить по городу, чтобы размыкать эту историческую тоску. Я много и долго бродилъ, присматривался ко всему... На всемъ эта печатъ прошлаго, слѣды безсмертныхъ мертвецовъ...

Нѣтъ, скорѣй туда, къ цѣли моихъ блужданій! Скорѣе за эти синія горы!..

Я воротился въ отель. Драгоманъ привелъ мнѣ маленькаго, невзрачнаго, морщинистаго человѣчка. Съ нимъ я долженъ былъ створиться относительно переѣзда изъ Яфѣ въ Іерусалимъ.

Этотъ морщинистый человѣчекъ былъ одинъ изъ „евреевъ по-

ваго времени“, одинъ изъ всесвѣтныхъ гражданъ, или „всечеловѣкъ“, попросту—нѣмецъ. „Всечеловѣкъ“ этотъ содержалъ дилижансы, ходившіе между Яффою и Іерусалимомъ, и жилъ въ этомъ послѣднемъ... И зачѣмъ нѣмцу жить въ Іерусалимѣ? А затѣмъ, что надо же гдѣ-нибудь зарабатывать хлѣбъ, ибо „честные маклеры“ да громкія побѣды соотечественниковъ и пять миллиардовъ, отбитые храбрыми „всечеловѣками“ у французовъ, отбили послѣдній кусокъ хлѣба у бѣднаго нѣмца—и онъ ищетъ этого куска въ Іерусалимѣ, въ Каирѣ, въ Батавіи, на Суматрѣ, въ Сант-Франциско, въ Іеддо, въ Іокагамѣ... Бѣдный, глухой „всечеловѣкъ!..“

Сначала мнѣ предложили ѣхать въ Іерусалимъ на осликѣ. Это дешевле всего. Но трястись 60 верстъ на осликѣ, подъ знойнымъ солнцемъ, по горамъ—это мнѣ казалось ужаснымъ. Ѣхать же въ дилижансѣ стоило 50 франковъ: это въ томъ случаѣ, если я поѣду одинъ, занявъ весь дилижансѣ; если же набралось бы до пяти путешественниковъ, то это стоило бы каждому по 10 франковъ. Но гдѣ набрать спутниковъ? Притомъ же мнѣ и ждать было нельзя... Что дѣлать! Я рѣшился пожертвовать двумя наполеондорами: вѣдь такая поѣздка—первая и послѣдняя въ жизни...

Сойдя внизъ, я засталъ за табль-дотомъ двухъ нѣмцевъ, одну нѣмочку, кажется, учительницу въ мѣстномъ нѣмецкомъ училищѣ въ Яффѣ, и двухъ англичанъ. Такъ-какъ хозяинъ отеля, г. Гардеггъ, старался поддѣлываться подъ англичанъ, не хотѣвшихъ иначе говорить, какъ на своемъ птичьемъ языкѣ, да и не понимавшихъ никакого другого, то и я, наскучивъ ломать свой родной языкъ и поддѣлываться подъ всѣ эти дьявольскія чужія рѣчи, упрямо началъ говорить по-русски и тѣмъ заставилъ хозяина признаться — но уже по-русски, хотя прескверно—что двѣнадцать лѣтъ назадъ и онъ жилъ въ Россіи, но теперь все позабылъ.

— Такъ мы, русскіе, заставимъ васъ вспомнить, засмѣялся я.

— О да... это хорошо...

— Мы заставимъ васъ выучиться по-русски, какъ англичане заставили всѣхъ говорить по-собачьи...

— О да, да! только чаще пріѣзжайте къ намъ...

— Ладно—будемъ...

IV.

Отъ Яффы до родины „благообразнаго“ Іосифа.

— Вотъ вамъ и русская тройка! гордо сказалъ г. Гардеггъ, провозжая меня къ моему экипажу.

— А это, вѣрно, лихачъ? улыбнулся я, указывая на возившуюся около дилижанса загорѣлую феску.

— Ликачь?.. О! это фурманъ... и русская тройка...

— Не достаетъ только бубенчиковъ и барынь, а то совсѣмъ было бы похоже на то, что я ѣду не въ Иерусалимъ, а на Черную рѣчку— къ „Доротъ“, или въ „Самаркандъ...“

— О, да, да!

Г. Гардеггъ не понялъ моей горькой ироніи... А мнѣ дѣйствительно стало горько... Русская тройка въ Палестинѣ... Но не это, конечно, было горько: я бы охотно желалъ вѣхатъ въ Иерусалимъ на настоящей русской тройкѣ, и съ валдайскимъ колокольчикомъ подъ дугой, и съ „лихимъ ямщикомъ“ на облучкѣ... Но мнѣ не это пришло на мысль, не та „тройка удалая“, о которой поется въ пѣснѣ, и не тотъ „ямщикъ лихой“, что „всталъ съ полночи“, и наконецъ не тотъ „колокольчикъ — даръ Валдая“, что „гудитъ уныло подъ дугой...“ Нѣтъ, мнѣ вспомнился Петербургъ съ его тройками, съ ликачами, съ бубенчиками, съ поѣздками къ „Доротъ“ и въ „Самаркандъ“, хоть я лично самъ не дѣлалъ этихъ увеселительныхъ поѣздокъ...

Мнѣ стало безотчетно грустно, хотя я тотчасъ же понялъ, что это переплыло со мною черезъ синія и фіолетовныя моря то горькое чувство, которое изъ Петербурга загнало меня къ пирамидамъ, бродило со мною подъ жгучимъ солнцемъ Египта, не покидало меня и на родинѣ Гомера, и тамъ, гдѣ „по суху путешествовалъ“ когда-то Израиль и гдѣ погибло „фараонитское воинство...“

Моя палестинская тройка оказалась просто нѣмецкою тройкою. Въ небольшой дилижансѣ запряжены были три лошади: двѣ въ дышло, по-городскому, по-кадетному, а третья болталась на пристяжкѣ. Дилижансѣ оказался экипажемъ довольно своеобразнымъ, чисто нѣмецкимъ фургономъ, раздѣленнымъ на три отдѣленія, или собственно, на два: въ каждомъ изъ двухъ заднихъ отдѣленій были сидѣнья съ кожаными подушками, по два мѣста на каждое сидѣнье; послѣднее мѣсто было рядомъ съ фурманомъ. Надъ дилижансомъ растянуть былъ полотняный пологъ, не отъ дождя, конечно, котораго тамъ лѣтомъ и весной никогда не бываетъ, а отъ солнца, которое тамъ печетъ усердно, точно по заказу.

Когда я сѣлся въ экипажъ, факторъ-драгоманъ спросилъ у меня деньги за дорогу впередъ. Я сказалъ, что отдамъ ихъ на мѣстѣ, въ Иерусалимѣ. Мнѣ сказали, что содержатель дилижансовъ живетъ здѣсь, въ Яффѣ, а фурманъ — простой ямщикъ, и потому деньги должны быть вручены хозяину. Я не рѣшался на такой компромиссъ въ виду ожидавшей меня неизвѣстности.

— А что будетъ служить гарантіей, что меня довезутъ? спросилъ я,—я все-таки предпочелъ бы отдать деньги въ Иерусалимѣ.

— Вы напрасно боитесь...

— За себя я не боюсь, а не желаю дразгъ.

— О! положитесь на нашу гарантію... Будьте покойны.

— Хорошо. Вотъ вамъ деньги... А себя я гарантирую вотъ чѣмъ...

И я вынулъ изъ кармана незаряженный револьверъ. Почему онъ не былъ заряженъ—это объяснено у меня въ первой части.

При видѣ револьвера, и Гардегъ и драгоманъ засмѣялись: такъ имъ казалось страннымъ опасаться чего-нибудь по дорогѣ въ Іерусалимъ, все равно какъ нашему петербургскому извозчику показалось бы дикимъ всякое опасеніе по дорогѣ въ Лахту.

Я взобрался на свое сидѣнье. Мнѣ пожелали добраго пути и благополучнаго возвращенія въ Яффу.

Хлопнулъ по воздуху бичъ возницы и палестинская тройка понеслась среди заборовъ изъ кактусовъ, узенькими улочками, въ клубахъ пыли Обѣтованной земли, черезъ безобразные лабиринты—не то базара, не то просто нелѣпо расположенныхъ строеній. Все чумазое, азіатское, дикое, дико кричащее и не кричащее, глазѣло на меня, какъ у насъ глазѣютъ ребятишки на медвѣдя. Бичъ возницы, длинный и гибкій, ярко выкрашенный и напоминавшій уду рыболова, хлопалъ презвонко, какъ не умѣютъ хлопать наши „лихіе ямщики“.

Едва мы проѣхали нѣсколько трущобныхъ закоулковъ, какъ я увидалъ впереди какихъ-то бѣлыхъ всадниковъ. То не были арабы—не арабскіе бурнусы и не арабскія головныя повязки. Я догадался, что это были русскіе офицеры или матросы съ тѣхъ фрегатовъ, что привезли въ Палестину великихъ князей.

Мы ихъ обогнали, потому что одинъ изъ нихъ, чуя у себя на затылкѣ лучи свирѣпаго солнца (это было въ 4-мъ часу пополудни а раньше этого часу на Востокѣ европейцамъ не совѣтуютъ выѣзжать изъ опасенія подвергнуться солнечному удару),— такъ одинъ изъ русскіхъ всадниковъ, ощущая на своемъ затылкѣ свирѣпое свѣтило Востока, остановился, чтобы закутать голову пестрымъ фуляромъ или чѣмъ-то въ родѣ легкой шали. Я узналъ родныя лица—не чумазыя.

Въ одномъ мѣстѣ насъ остановили египетскія рыла. Меня позвали въ какую-то каменную избушку безъ дверей, гдѣ сидѣлъ старій турецкій чиновникъ въ родѣ продавца табаку или алвы и вырѣзывалъ какіе-то талоны съ арабскими надписями изъ книги, прикладывая къ нимъ печать, висѣвшую у него на шеѣ на серебряной цѣпочкѣ, и вручалъ эти талоны разнымъ черномазымъ рыламъ.

— Билье, билье! возился около меня такой же черномазый мальчишка.

— Какой тебѣ билье, чертенокъ!

А все-таки я вынулъ было свой паспортъ, хотѣлъ подать его этому продавцу не алвы, а талоновъ; но на мой паспортъ даже не взглянули. Мальчишка продолжалъ теребить меня за рукавъ.

— Да чего тебѣ нужно, бѣсенокъ?

Мальчишка тащилъ меня назалъ къ дилижансу, и я охотно пошелъ за нимъ.

— Бакшишъ, бакшишъ! показывая на свою грязную ладонь, бормоталъ мальчуганъ,—бакшишъ...

— А! понимаю... давно бы сказалъ, лупоглазый еѳіопѣнокъ...

— Бакшишъ... эффенди...

— Знаю, знаю—давно бы такъ...

Я уразумѣлъ, что мальчишка собираетъ „бакшиши“ въ пользу своего „эффенди“, и сунулъ ему въ руку два піастра.

— Карашо! неожиданно удивилъ меня малецъ.

— Я самъ знаю, черномазый чертенокъ, что хорошо, только зачѣмъ меня даромъ останавливали?

Сказавъ эти слова по-русски громко, я вдругъ услыхалъ за собою смѣхъ. Оглядываюсь... ба!—наши солдатики-матросики, да все въ бѣлыхъ кителяхъ—и видимо-невидимо ихъ...

— Ишь—должно землякъ,—слышу знакомую рѣчь.

— Землякъ, братцы, отвѣчалъ я,—куда Богъ несетъ?

— Въ Ерусалимъ, сударь.

— Отлично, и я туда-жъ... До свиданья... Катай, черномазый, по всѣмъ по тремъ!—это я къ своему возницѣ—катай, еѳіоп!

Опять одобрительный хохоть.

Снова захлопалъ бичъ, и я понесся вскачь, гремя дилижансомъ и постоянно раскланиваясь съ матросиками.

— Пропустите, землячки, христіанскую душу, пропустите! кланяюсь я по сторонамъ направо и налево.

— Пропусти! дай дорогу!

— Эй, Хвѣдоръ! не видишь — христіанская душа ѣдетъ!

— Сторонись, братцы!

— Ишь—тоже тройка—ахъ, кума да и только!

И „христіанской душѣ“ отрадно слышать родную рѣчь послѣ всѣхъ этихъ еѳіопскихъ, арабскихъ, нубійскихъ, абиссинскихъ и всякихъ невозможныхъ языковъ—такъ опротивѣли мнѣ всѣ эти невѣдомые „языцы“.

Въ одномъ мѣстѣ, притенувъ своихъ лошадокъ къ кактусамъ, возились юные офицерики, стараясь укрыть свои головы и лица отъ палящаго солнца.

— Въ черномъ жарко, господа! кланяюсь я имъ.

— А! здравствуйте! удивленно и радостно отвѣчаютъ мнѣ.

— До свиданья—въ Ерусалимѣ!

— До свиданья!

Дорога запружена пѣшими матросиками и вьючными осликами.

— Пропустите, землячки!

— Ребята, дай дорогу! пропусти! любезно помогаютъ мнѣ юные офицерики.

— Благодарю васъ! бросаю я имъ свой привѣтъ.

— Сторонись, братцы!.. Эй, Хвилипъ! дай дорогу!

— Въ Ерусалимъ? спрашиваютъ офицерики.

— Да... И вы туда же?

— Да—поклониться гробу Господню.

— Чудесно... И я затѣмъ же... До свиданья...

Землячки улыбаются, а мой возница, види, что меня будто бы знаетъ вся эта орава страшныхъ для нихъ „русовъ“, совѣмъ опалѣлъ отъ испуга и хлопалъ бичомъ точно изъ крупнаго пистолета.

Скоро я обогналъ матросиковъ и поѣхалъ среди оливковыхъ, масличныхъ, померанцевыхъ и гранатовыхъ садовъ, огороженныхъ, вмѣсто заборовъ и плетней, сплошными стѣнами гигантскихъ кактусовъ въ цвѣту. Толстые листы кактусовъ представляли подобіе массивныхъ жирныхъ ладоней со множествомъ толстыхъ, короткихъ, обрубковатыхъ пальцевъ: это почки не распустившихся еще цвѣтовъ, вообще желтыхъ, а въ самомъ бутонѣ — розоватыхъ... Впрочемъ, у кого не росли въ горшкахъ эти колючіе кактусы? а здѣсь они растутъ цѣлыми лѣсами.

Это тѣ самые кактусы, которые своимъ обиліемъ и массивностью поражали меня и въ Египтѣ. Здѣсь они тянутся, при выѣздѣ изъ Яффы, вдоль дороги въ Іерусалимъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, составляя собою самые прочные и недоступные ни для кого заборы или загороди садовъ, дачъ и всякихъ какъ городскихъ, такъ и загородныхъ помѣщеній. Въ это время кактусы были въ цвѣту, или только что собирались цвѣсти, и то, что на ихъ массивныхъ, жирныхъ и толстыхъ листьяхъ-ладоняхъ представлялось мнѣ обрубковатыми пальцами, какъ-бы выраставшими изъ оконечностей гигантскихъ колючихъ ладоней—это и были нераспустившіеся бутоны цвѣтовъ. Почему такая живая изгородь можетъ составлять собою самый неприступный и непроникновенный, такъ-сказать, заборъ—объ этомъ я скажу сейчасъ ниже.

По песчано-каменистому грунту, на которомъ росли заборами эти гиганты кактусы, постоянно шныряли огромныя, значительно большія, чѣмъ наши европейскія, ящерицы, съ большими, какъ-бы распухшими ушей и затылка головами. Только за Кавказомъ меня поражали ящерицы еще большихъ размѣровъ, достигавшія длины полуаршина и болѣе (экземпляръ таковаго чудовища закавказской ящерицы можно видѣть въ превосходномъ тифлисскомъ музеѣ г. Радде) и походившія скорѣе на крокодиловъ, чѣмъ на ящерицъ. Здѣсь, въ Палестинѣ, эти змѣеобразные гады попадаются всѣхъ цвѣтовъ, начиная отъ пепельно и блѣдно-сѣрыхъ и кончая совершенно черными, и я замѣтилъ, что ящерицы эти какъ-бы принимали цвѣтъ той почвы, на которой встрѣчались, и черныя изъ нихъ чаще попадались на темныхъ, какъ-бы обожженныхъ, скалахъ и камняхъ, которыми усѣяна почти вся Палестина и въ особенноти Іудея около Іерусалима и Мертваго моря. Гады эти, заслышавъ стукъ колесъ экипажа, стремительно мчались подъ гигантскіе кактусы, или подъ камни, а болѣе смѣлые изъ нихъ и самые крупныя часто, спрятавшись за камень, высовывали оттуда

только одну свою распухшую голову и какъ-бы съ любопытствомъ осматривали васъ и напугавшій ихъ своимъ стукомъ экипажъ.

Я сначала думалъ, не мѣстные ли это хамелеоны, которыхъ много въ Египтѣ и которые водятся также и въ Палестинѣ.

— Какъ у васъ зовутъ этихъ гадовъ? спросилъ я своего возницу по-нѣмецки.

— Это—*kleine Schlange*—маленькія змѣи.

Другого названія я отъ него не могъ добиться.

Сначала я принималъ своего черномазаго чичероне за мѣстнаго уроженца—за сирійца или за араба, ибо южное солнце достаточно побронзировало его выразительное лицо и придало немало жгучаго огня его красивымъ чернымъ глазамъ; но оказалось, что я ошибался: онъ былъ мѣстный уроженецъ, но не сиріецъ и не арабъ.

— Вы сиріецъ, или арабъ? спросилъ я его, удивляясь его правильному нѣмецкому выговору,—а можетъ быть турокъ?

На головѣ у него была турецкая феска, и потому мой послѣдній вопросъ былъ вполне уместенъ.

— Нѣтъ, я нѣмецъ, былъ отвѣтъ.

— Какъ! изъ Германіи?

— Нѣтъ, я родился въ Иерусалимѣ.

Оказалось, что онъ родился въ іерусалимской нѣмецкой колоніи и никогда не видалъ своего далекаго „фатерланда“, хотя много слышалъ о немъ отъ своихъ родителей, давно переселившихся въ Палестину изъ Виртемберга.

Какъ почти всѣ здѣшніе обитатели, собственно тѣ, которымъ приходится имѣть дѣло съ путешественниками-европейцами, и этотъ возница говоритъ по-нѣмецки и по-французски, а вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется—по-арабски и по-турецки. Кромѣ того, подобно нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ обитателей, которыхъ нѣсколько коснулась европейская цивилизація, онъ носитъ почти европейское платье, а между тѣмъ на головѣ у него традиціонная турецкая феска, которая все-таки не изгнала еще восточнаго головного убора—чалмы съ повязкою, бѣлою, цвѣтисто-пестрою и зеленою—убора, котораго строго придерживаются только истые правовѣрные старики и народъ—турки, сирійцы, арабы и иные обитатели Палестины.

Мой палестинскій нѣмецъ постоянно хлопалъ своимъ щегольскимъ бичомъ, которымъ онъ, повидимому, гордился, и хлопаньемъ этимъ нарушалъ тихое однообразіе нашего путешествія по святой землѣ.

Едва мы выѣхали изъ области кактусовъ на открытую, спускающуюся къ востоку, холмистую равнину, какъ передъ моими глазами открылась полная картина Палестины, неизгладимо вѣзавшаяся въ мою память. Прямо передо мною, вдали, за десятки верстъ, вдоль голубого горизонта тянулась цѣпь высокихъ горъ, которыя издали не казались мнѣ особенно высокими. Своимъ всхолмленнымъ видомъ, своею каменистостью и кое-гдѣ темною зеленью по ребрамъ и скло-

намъ, они напоминали отчасти подобныя картины, видѣнныя мною давно и при другой обстановкѣ: казалось, что я ѣду возвышенною, отчасти степною равниною средняго поволжья—отъ Казани до Саратова, и передо мною встаютъ правобережныя поволжскія горы, начиная отъ Жигулей и кончая саратовскими шиханами. Но скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что это были другого рода горы—именно, своеобразныя, съ ихъ строгою и дикою красотою, горы обѣтованной земли, составляющія какъ-бы продолженіе финикійскаго хребта Ливана и Антиливана. Вправо, влѣво и за нами видѣлось, что тутъ еще замѣтна близость моря, надъ которымъ стояли небольшія облачка, казалось, тянувшіяся вдоль всего сирійскаго берега, начиная отъ береговъ Палестины—Іудеи и доходя до „поморія тирскаго и сидонскаго“. Глубокое чувство и сознаніе важности историческаго прошлаго всей этой открывавшейся моимъ изумленнымъ глазамъ картины невольно настраивали душу торжественно и наводили на грустное раздумье о быломъ этой колыбели—колыбели и нашей первобытной цивилизаціи, и нашихъ современныхъ вѣрованій... Мнѣ казалось, что духъ этого прошлаго вѣтетъ надо мною, носится вонъ надъ тѣми синими горами.

По сторонамъ каменистаго, кочковатаго шоссе раскидывались палестинскія пашни—то полосы сжатой уже (въ 20-хъ числахъ мая) пшеницы, а мѣстами желтѣвшей еще не сжатыми колосьями, колымавшимися отъ перебѣгавшаго по нимъ вѣтерка—и мнѣ вспоминались прекрасныя мысли поэта, выраженные въ стихотвореніи:

„Когда волнуется желтѣющая нива...“

То тянулись вдоль дороги вспаханныя равнины и чернѣющіе пригорки, засѣянные арбузами, и ихъ зеленая, кудреватая густая листва („огудина“) напоминала мнѣ почему-то мою далекую родину и дѣтство—такія-же пашни въ „Землѣ войска донскаго“, и я на мгновеніи забывалъ, что я въ Палестинѣ, за далекими морями, въ той Палестинѣ, съ которою для cadaго изъ насъ связано столько жизненныхъ воспоминаній, столько чарующей исторической поэзіи и какого-то, не умирающаго съ годами и реализмомъ жизни, глубокаго вѣрованія во что-то прекрасное, чистое и глубоко-симпатичное...

И многое, многое думалось и чувствовалось при видѣ этого неба Палестины, этихъ холмовъ и равнинъ, этого голубого неба, съ котораго глядѣло все еще жгучее солнце...

Хотя это знойное солнце и сожженная трава заставляли думать, что кругомъ переживается уже та пора года, которая въ средней Россіи начинается августомъ и кончается сентябремъ, однако многое и тутъ показывало, что еще продолжается май—пора цвѣтовъ и зелени, ибо среди густой листвы палестинскихъ бакчей виднѣлись очень мелкіе, зелененькіе арбузики, не болѣе какъ въ кулакъ и менѣе,—между тѣмъ какъ въ Египтѣ мы уже давно ѣли и спѣлыя арбузы, и прекрасныя ананасныя дыни.

Было, однако, что-то такое въ природѣ Палестины, по крайней мѣрѣ въ этой ея половинѣ, что нѣтъ-нѣтъ да и напомнить мнѣ природу южной Россіи. Я видѣлъ, какъ зеленые щуры гонялись за бабочками и пчелами и другою летающею мелочью, какъ бѣгали вдоль дороги сѣренькія, чубатенькія „сусидочки“, которыхъ нѣтъ въ сѣверной Россіи, какъ выпархивали изъ-за камней мелкіе черные дроздики и рѣяли въ воздухѣ кобчики, высматривая въ травѣ свою добычу.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ одно отъ другого, виднѣлись какія-то квадратныя, скорѣе кубическія зданія, сложенныя изъ неровныхъ камней, почти первобытной кладки, съ прорѣзами впереди вмѣсто дверей и съ задними узкими прорѣзами вмѣсто оконъ. Надъ ними возвышались небольшія подобія башенъ, какія здѣсь часто можно видѣть надъ домами, а около этихъ зданій паслись обыкновенно одна или двѣ лошади. Я спросилъ моего возницу, что означаютъ эти зданія, и онъ объяснилъ, что это сторожевыя башни—турецкая вахта, которая оберегаетъ дорогу въ Іерусалимъ. Я самъ потомъ видѣлъ, какъ изъ башенъ выходили иногда турецкіе солдаты, или баши-бузуки въ своихъ характерныхъ одѣяніяхъ и посматривали на дорогу.

— А у васъ въ Россіи есть на дорогахъ подобныя вахты? спросилъ меня возница.

— Ничего такого у насъ нѣтъ.

— Развѣ у васъ нѣтъ разбойниковъ?

— Да, теперь, кажется, нѣтъ.

Тутъ только я вспомнилъ, что проѣзжаю по пути, который еще недавно былъ очень небезопасенъ и слѣдовать по которому дѣйствительно составляло подвигъ со стороны лицъ, отправлявшихся въ святныя мѣста для поклоненія историческимъ реликвіямъ христіанства. Давно ли происходили тутъ грабежи, убійства? Да и для чего было бы ставить здѣсь вахту, если бъ путь былъ совершенно безопасенъ?..

Мною начало овладѣвать чувство нѣкотораго страха, чувство, которое особенно доступно человѣку въ незнакомой ему землѣ и притомъ съ традиціями не особенно успокоительнаго свойства. Но безпечный видъ моего возницы, а равно попадавшіеся на пути прохожіе, большею частью арабы съ осликами, и иногда позвякивавшіе колокольчиками караваны нагруженныхъ всякою кладью верблюдовъ съ лѣнливо слѣдующими впереди ихъ вожатыми—скоро успокоивали мое воображеніе.

Передъ закатомъ солнца, которое во второй половинѣ мая садится здѣсь въ 7-мъ часу, мы пріѣхали къ небольшому селенію Рамле, имѣющему чисто восточный видъ: каменные дома безъ крышъ, странно расположенныя оконныя прорѣзы и возвышающіяся башни не то минаретовъ, не то другихъ какихъ сооруженій, наконецъ, кое-гдѣ торчавшія пальмы говорили мнѣ, что я на дальнемъ Востокѣ, въ царствѣ пальмъ, кипарисовъ и жгучаго солнца. Какъ-бы въ подтвержденіе

этого, изъ-за кактусовыхъ заборовъ, масличныхъ и фиговыхъ деревьевъ, выскочили арабчата, черные, какъ обожженная земля, и почти голые, и стали бѣжать за экипажемъ, протягивая руки за бакшишомъ. Мой возница махнулъ на нихъ бичомъ, и они, подхвативъ на лету брошенныя имъ мною нѣсколько мѣдныхъ монетокъ, скоро опять скрылись за кактусами. Въ сторонѣ отъ дороги пробирались три какія-то фигуры, видимо европейцы: одинъ мужчина въ свѣтломъ лѣтнемъ одѣяніи и двѣ женщины, изъ которыхъ одна—дѣвочка лѣтъ тринадцати-четырнадцати, — и всѣ въ tropical helmet на головахъ. Увидѣвъ меня и, конечно, узнавъ во мнѣ европейца, неизвѣстный мужчина поклонился мнѣ: такъ сближаетъ совершенно незнакомыхъ людей сознание отдаленности отъ родины и видъ всего чужого и незнакомаго. Я отвѣтилъ имъ такимъ-же привѣтомъ. При вѣздѣ въ самое селеніе, навстрѣчу намъ шли два католическихъ монаха въ коричневыхъ плащахъ, съ бѣлыми поясами въ видѣ веревокъ у пояса, съ чотками и полубосикомъ—на деревянныхъ подошвахъ съ ремнями, и мы также обмѣнялись поклонами. Подобныя привѣтствія здѣсь въ обыкновеніи и между туземцами: часто, проходя или проѣзжая мимо какой-нибудь чалмы или фески и глядя на нее, вы видите, какъ у чалмы поднимается рука къ груди и къ головѣ—и вы отвѣчаете ей тѣмъ-же.

Я съ особеннымъ—историческимъ и, такъ-сказать, поэтическимъ интересомъ всматривался въ селеніе, въ которое вѣзжалъ, ибо Рамле, по преданію и по свидѣтельству нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ писателей, есть ничто иное какъ Аримаѳія, родина Іосифа Аримаѳейскаго, о которомъ такъ привыкъ каждый изъ насъ слышать глубоко-поэтической церковной стихъ, возглашающей: „благобразный Іосифъ, снявъ со креста тѣло Христово и чистою плащаницею обвивъ, во гробъ положилъ“. Существуетъ также преданіе, что здѣсь жилъ и Никодимъ, посѣщавшій Христа по ночамъ и впоследствии окончательно увѣровавшій въ него.

Kennst du das Land, wo die Citronen blühen?

Мнѣ пришелъ на мысль этотъ—въ сущности глупый, безсодержательный—стихъ, когда я вѣзжалъ въ Рамле, какъ бы преслѣдуемый видѣніями прошлаго...

„Нѣтъ, ты не знаешь этой страны, на которую смотреть вотъ это заходящее солнце Палестины... Ту страну всѣ знаютъ... На нее уже наложили печать пошлости, какъ на всѣ эти Висбадены, Эмсы, Киссингены, Карльсбады, Трувили... А этой никто не знаетъ... Ее топтали только лапти и босня ноги богомольцевъ и къ ней не прикасался ни одинъ аристократическій ботинокъ, слѣдъ котораго вы найдете во всѣхъ „новыхъ святыхъ мѣстахъ“ — въ Ниццѣ, въ Ментонѣ, въ Баденъ-Баденѣ“...

Узенькая улочка, обросшая кактусами. Пальма, позолоченная заходящимъ солнцемъ. А вонъ тѣ горы, за которыми прачется городъ,

втеченіи почти двухъ тысячелѣтій бывшій, такъ-сказать, сердцемъ вселенной...

Вотъ эта самая природа, на которую я теперь смотрю, возрастила „благообразнаго“ Иосифа... И онъ видѣлъ эти заборы гигантскихъ кактусовъ, и на него глядѣли эти позолоченныя солнцемъ пальмы, эти лѣса цвѣтущихъ олеандровъ, и та далекая гористая окраина, за которую бьется сердце вселенной...

Хотя въ Рамле имѣется православный страннопріимный домъ съ номерами для богомольцевъ и другихъ путешественниковъ, но мой возница провезъ меня прямо на постоялый дворъ, который носитъ громкое названіе „Hôtel Frank“ и надъ высокимъ бѣлымъ домомъ котораго развѣвается трехцвѣтный французскій флагъ — знакъ французскаго преобладанія въ Палестинѣ. Тутъ мы должны были покорить лошадей и дать имъ отдохнуть одинъ часокъ.

Я потянулся было къ высокимъ кактусамъ, чтобъ сорвать на память одинъ изъ распутившихся цвѣтковъ, но возница предупредилъ меня, чтобъ я берегъ руки. Я, слѣдуя его совѣту, сбилъ цвѣтокъ вмѣстѣ съ его толстою почкою своею кавказскою палкою (подаренною мнѣ на память, въ 1879 году, въ Пятигорскѣ однимъ молодымъ другомъ моимъ и слутникомъ по тамошнимъ горамъ и трущобамъ), и взялъ было его не голою рукою, а облеченною въ фильдекосовую перчатку, но тотчасъ же бросилъ, почувствовавъ острую, жгучую боль во всѣхъ пальцахъ и въ ладони: тонкія, едва видимыя глазомъ иглы впились въ мои руки такъ, что я долго потомъ вынималъ ихъ какъ занозы, совсѣмъ невидимыя для глазъ, но страшно чувствительныя, и только на третій день, уже въ Іерусалимѣ, почувствовалъ, что избавился отъ нихъ совершенно.

Я вошелъ въ отель. Большая комната со столомъ на серединѣ, покрытымъ бѣлою скатертью, и съ эстампами на стѣнахъ. Это были не палестинскіе, а все европейскіе виды, напоминавшіе далекія, покинутыя мною страны. Меня встрѣтилъ нѣмчикъ въ tropical helmet и на вопросъ мой—могу ли я чегонибудь у нихъ перекусить?—позвала нѣмочку, которая сказала, что мясного у нихъ ничего нѣтъ, а что она можетъ угостить меня только яичницей. Я былъ радъ палестинской яичницѣ съ перцомъ и нашелъ ее очень вкусною. Откуда-то взялась и жареная печенка. Я и печенку нашелъ превкусною—вѣдь это печенка отъ палестинскаго агнца.

Когда я такимъ образомъ занялъ былъ палестинскою яичницею и печенкою отъ аримаѣйскаго агнца, въ открытыя сѣни и окна показались бѣлыя фигуры и, къ удивленію моему, я услыхалъ русскую рѣчь.

- Да у ихъ окромя хлѣба ничего нѣтъ.
- Вотъ тѣ и тѣтя!
- Такъ коньячку да водицы попьемъ...
- Идетъ!—вадай!

— Пошла битва въ ходъ!..

Въ новыхъ гостяхъ я узналъ тѣхъ же матросиковъ, которые пріѣхали въ Яффу съ великими князьями на фрегатахъ „Жемчугъ“ и „Герцогъ Эдинбургскій“ и которые теперь въ нѣсколькихъ фургонахъ и пѣшкомъ направлялись къ Іерусалиму. Я и съ этими, какъ и съ тѣми, которыхъ обогналъ у Яффы, радостно поздоровался. Они также съ удивленіемъ узнали во мнѣ земляка и радушно здоровались со мной.

— Давно, братцы, въ Яффѣ? спрашиваю.

— Да ужъ давненько.

— Изъ Италіи прямо?

— Нѣтъ, ваше высокородіе, въ Валжиръ заходили.

— Ого! порядочно-таки... Это дальше, чѣмъ я.

— А вы откелева путь держите? Изъ Россей?

— Да... а теперь изъ Египта...

— Египта... Это гдѣ же?

— Тамъ же—въ Африкѣ.

— Мы въ Ахрику не заходили—не по пути...

— Ахрика намъ не рука...

— Изъ Валжира мы прямо въ Пырей прошли...

— А! и въ Пирей были?

— Были... въ самомъ Пырей стояли...

— А Вахрика у насъ осталась вправо...

— А въ Аѳинахъ были?

— Нѣту, ваше-скородіе... Въ Ахвины господа офицеры ѣздили...

— А мы только въ Пырей...

Видно, что „Пырей“ (пырей—любимая скотиною трава въ Россіи) вѣрно засѣлъ въ головы солдатиковъ... А „Вахрика“ имъ была не по пути...

Имъ поставили на дворѣ столъ и подали мелко наръзанныхъ кусковъ сыру и хлѣба.

Когда я вышелъ за ворота, чтобъ садиться въ дилижансъ, какой-то черномазый малый уже тащилъ скамейку и тыкалъ мнѣ ее подъ ноги, помогая сѣсть въ экипажъ. Я опустилъ ему въ руку неизбѣжный „бакшишъ“.

— Вы также изволите въ Іерусалимъ? окликнулъ меня чей-то голосъ по-русски.

— Въ Іерусалимъ, отвѣчалъ я.

Передо мною стоялъ европейскій обликъ въ европейскомъ костюмѣ и съ выговоромъ не то польскимъ, не то нѣмецкимъ.

— Вѣроятно, тамъ встрѣтимся?

— А вы туда же?

— Да... Я провожаю туда матросовъ.

Это былъ, конечно, мѣстный факторъ, переводчикъ и руководитель для солдатиковъ. Но я замѣтилъ, что солдатики ни въ немъ и

ни въ чемъ не нуждались: они прямо по-русски объяснялись съ нѣмчикомъ, требуя отъ него „чего-нибудь покусать“, и когда тотъ не понималъ ихъ, снисходительно трепали его по плечу.

— Эхъ, голова! ничего-то ты не понимаешь:—вѣтъ я тебѣ русскимъ языкомъ говорю—покусать...

— Да мокренькаго бы чего...

— Эхъ! бѣднота!..

Такъ русская рѣчь звучала на родинѣ „благообразнаго“ Иосифа...

V.

Отъ Рамле до Іерусалима.—Долина Давида и Голіаѳа.

Я выѣхалъ изъ Рамле, когда солнце уже сѣло.

Какъ всегда бываетъ на югѣ, скоро начало темнѣть, заря погасла почти мгновенно, и я опять сталъ чувствовать мою отчужденность отъ всего міра, мое полное одиночество подъ чужимъ небомъ—и что-то въ родѣ чувства тоски и страха заползало въ мою душу...

Какъ далеко Петербургъ!.. Надъ нимъ теперь, и надъ Невой, и надъ островами, и надъ Павловскомъ—еще стоитъ солнце... Пуфгольдтъ еще не начиналъ своего воскреснаго концерта—а это было воскресенье...

А здѣсь уже ночь спускается на плечи...

Іерусалимскія горы все еще синѣлись передо мною и такъ, казалось, близко, а мы уже ѣдемъ къ нимъ часа четыре, а они все синѣются, все не приближаются къ намъ... И безъ того закутанныя прозрачною дымкою дали, они темнѣли все болѣе и болѣе...

Въ сторожевыхъ башняхъ начиналъ блестѣть огонекъ, точно глаза волка въ темнотѣ. Попадавшіеся навстрѣчу намъ караваны верблюдовъ издали казались какими-то высокими, двигающимися въ полумракѣ ходячими башнями. Горы превращались во что-то облачное, темное, далекое. На небѣ показались звѣзды—и опять-таки-какъ-будто не наши, не тѣ созвѣздія, къ которымъ глазъ привыкъ съ дѣтства, не то ихъ расположеніе, совсѣмъ не наше небо—какъ будто бы и свое, да незнакомое, какъ измѣнившееся отъ лѣтъ и горя дорогое лицо близкаго...

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ горахъ, заблестѣли огоньки, но такъ ярко, такъ отчетливо, точно это были костры... Чьи? зачѣмъ костры?.. И опять что-то вродѣ чувства страху сказывается въ душѣ... Не такъ ярко горять у насъ и костры: это конечно отъ прозрачности южнаго горнаго воздуха.

— Что это за огни? спрашиваю.

— Это арабскія деревни въ горахъ.

Но мѣсяцъ, ярко свѣтившій на небѣ, нѣсколько оживлялъ и наступившую ночь и дорогу, по которой стучали колеса моего дилижанса

Я опять вспомнил Россію, ея мѣсячныя ночи— не такія онѣ здѣсь... И Шевченка вспомнилъ, и „мисяць круторогій“...

Зазвенѣли милліоны голосовъ полевыхъ сверчковъ, которые и въ Египтѣ звенятъ всю ночь неумолкаемо. По сторонамъ дороги, между камней и травы, кое-гдѣ свѣтились какіе-то мелкіе огоньки, какія-то искорки, да такъ ярко, что казалось, будто-бы кто-то бросилъ туда недогорѣвшую спичку и она всныхивала и потухала. Я догадался, что это червяки-свѣтляки; но ихъ здѣсь такъ много и они казались мнѣ болѣе яркими, чѣмъ у насъ, такими яркими, что такъ и хотѣлось закурить отъ нихъ папироску.

Вдругъ я вижу летающія въ воздухѣ искры. Думаю, что это мой возница курить свою рулетку и искры летятъ отъ движенія дилижанса.

— Что это летаетъ? огоньки какіе-то...

— Это летающіе черви...

Все это пустяки, все это вездѣ можно встрѣтить; но мнѣ становилось страшновато... Меня пугала эта тишина, это безмолвіе ночи... Слышался иногда пугающій воображеніе крикъ ночной птицы... Чего она кричитъ?..

Душу гнететъ это безмолвіе... Не даромъ-же поставлены вдоль дороги сторожевыя башни съ башни-бузуками. Значить, опасность не невозможна. Но и башенъ я больше не вижу. Мы вѣзжаемъ въ горы. Воображеніе работаетъ... Мракъ все отчетливѣе вырѣзывается тамъ, куда не достигаешь свѣтъ мѣсяца. То, что было видно и естественно днемъ, ночью принимаетъ фантастическіе образы, и воображеніе создаетъ новыя очертанія предметовъ, новое ихъ размѣщеніе... Самыи мѣсяцъ и его свѣтъ наводятъ страхъ, давая матеріалъ для пугливой фантазіи...

„Мѣсяцъ свѣтитъ,
Мертвецъ ѣдетъ...“

Откуда это?.. А—помню... Мертвецъ везетъ дѣвушку при лунномъ освѣщеніи...

Глазъ давно привыкъ, привыкъ еще съ дѣтства видѣть известной постройки дома, домики, избышки, церкви... Что-то видится во мракѣ, освѣщенное мѣсяцемъ, бѣлѣетъ что-то—бѣленькій домикъ съ мезониномъ и окнами—всматриваешься въ него, видишь его, ибо видишь по рефлексамъ памяти и чувства зрѣнія, которое такъ привыкло рефлективно передавать душѣ картины и образы привычныхъ и знакомыхъ очертаній и формъ, и вдругъ вмѣсто домика—гигантскіе камни съ расщелинами и какія-то тѣни вмѣсто двери и оконъ...

„Мѣсяцъ свѣтитъ,
Мертвецъ ѣдетъ,—
Чи не боишься ты, дѣвонько?...“

Фу! отвязись ты! пропади... Чего мнѣ бояться?.. А своихъ нервовъ...

Возница вдругъ останавливаетъ лошадей и вглядывается во что-то впереди. У меня дрогнуло сердце...

Онъ указываетъ рукою впередъ. Что-то чернѣется у самой дороги... Возница говоритъ что-то тихо, какъ-бы испуганно...

— Что тамъ такое?

— Todt... Kameel...

Я различаю только „todt“—„убитый“, „мертвый“, а можетъ быть убійца, разбойникъ...

— Кто такой?

— Kameel...

Ужъ не имя ли разбойника?.. „Kameel“... „todt“... Слова все-такія страшныя... Вѣдь у страха не только глаза велики, но и уши... А у меня въ этотъ моментъ — я чувствовалъ это — уши были огромныя, ослиныя...

— Pferde... fürchten...

Я самъ вижу, что лошади боятся, фыркаютъ, пятятся назадъ... „Todt“—смерть и убійство... Кто-то залегъ у дороги... Меня охватываетъ страхъ... Вотъ-вотъ послѣдуетъ выстрѣлъ или нападеніе арабовъ...

Возница проситъ меня выйти изъ экипажа...

— Въ фургонѣ опасно оставаться...

Я моментально догадываюсь въ чемъ дѣло: вмѣсто „разбойника Камеля“ близъ дороги лежитъ околѣвшій верблюдъ—Kameel... Лошади могутъ испугаться его, понести съ дороги въ оврагъ, могутъ разбить экипажъ и убить тебя самага...

Смѣйтесь, читатель. Но вы не были въ эту ночь въ полусвѣщенномъ луною преддверіи горъ Палестины, не были такъ одиноки, какъ я, уже побывавшій на пирамидахъ, уставшій, вы не видали этой фантастической ночи и ея чаръ... Вы не поймете меня...

Конечно, ко мнѣ разомъ воротилось самообладаніе, хотя по голосу возницы я и замѣтилъ, что и безъ „разбойника Камеля“ дѣло тутъ дѣйствительно опасное; но это все же не то, что могла разомъ нарисовать мнѣ возбужденная безмолвіемъ ночи и неизвѣстностью фантазія. Я не только вышелъ изъ дилижанса, но успѣшилъ закурить папиросу и съ этимъ знаменемъ моей храбрости въ зубахъ пошелъ впередъ, прямо къ трупу верблюда, какъ бы силясь заслонить его собою отъ лошадей, не перестававшихъ храпѣть, и какъ бы показывая имъ своимъ безпечнымъ видомъ, что тутъ-де нѣтъ ничего страшнаго, пустыяки-де... Къ удивленію моему и возницы, лошади нѣсколько еще пофыркали, попятились, но понукаемая возницею, который сошелъ съ козелъ и взялъ ихъ подъ-устцы, быстро прошли мимо напугавшаго и насъ и ихъ предмета.

Мой палестинскій нѣмецъ радостно вздохнулъ и объяснилъ мнѣ, что изъ ста случаевъ—это одинъ, что мы отдѣлались ничѣмъ: по его словамъ, почти никогда не проходитъ безъ того, чтобы, проѣзжая мимо павшаго верблюда, лошади не изломали экипажа, не избились сами, не переломали пассажирамъ и возницамъ костей, а то и голову, что было и въ данномъ случаѣ, какъ я объясню ниже.

Близко къ полночи уже въ сторонѣ отъ дороги засвѣтился огонекъ, и мой возница сказалъ, что это—отель, попросту—арабскій ночлегъ, и что въ немъ надо будетъ часокъ-другой отдохнуть и покормить лошадей. Я былъ радъ этому, потому что тряская дорога порядочно разбила меня и я нуждался въ отдохновеніи. Скоро лошади остановились около какого-то высокаго зданія, совсѣмъ одинокаго, въ-родѣ сторожевой башни, около которой, по другую сторону дороги, въ открытомъ каменномъ сарайчикѣ съ плоскою крышею и тутъ же на воздухѣ, на землѣ, сидѣло и лежало нѣсколько арабовъ, фантастически освѣщенныхъ огнемъ изъ сарайчика. Нѣкоторые изъ нихъ курили „наргилѣ“ (кальянъ) и убійственно хрипѣли длинными, змѣеобразными плетеными чубуками, пропуская воздухъ сквозь воду резервуара. Одинъ подбѣжалъ къ дилижансу, перекинулся на непонятномъ для меня языкѣ съ моимъ возницею и помогъ мнѣ выйти изъ экипажа. Провожаемый этимъ арабомъ, я при свѣтѣ фонаря взобрался по вѣшной каменной лѣстницѣ на башню и вступилъ въ просторную комнату съ яркими коврами и такими же яркими подушками на низенькихъ восточныхъ диванахъ и съ длиннымъ по срединѣ комнаты столомъ, накрытымъ скатертью и даже какъ бы чѣмъ-то сервированнымъ. Комната освѣщалась лампою.

Арабъ, видя мою усталость, знакомъ пригласилъ меня лечь на диванъ, но мой палестинскій нѣмецъ, узнавъ отъ меня, что я желалъ бы отдохнуть въ особой комнатѣ, сказалъ о томъ арабу, и меня провели черезъ сѣни въ другую комнату, тоже освѣщенную лампою и съ двумя окнами, завѣшанными кисеей. Въ комнатѣ было четыре кровати, по кровати на каждую стѣну и уголь (ужь не для четырехъ ли женъ араба?); всѣ кровати имѣли занавѣски, со всѣхъ сторонъ защищавшія ихъ отъ москитовъ. Занавѣски—неотъемлемая принадлежность кроватей на Востокѣ. Въ этой комнатѣ съ четырьмя кроватями и пришлось мнѣ ночевать. Я вспомнилъ всѣ кровати, на которыхъ мнѣ приходилось спать на Востокѣ, и нашелъ нѣкоторую прогрессию въ этомъ отношеніи: въ Каирѣ мнѣ дали громадную двухспальную кровать съ блестящими вызолоченными ножками и балдахиномъ—и я воображалъ себя на этой кровати чуть ли не Клеопатрою и по малой мѣрѣ женою Пентефріа. Въ Александріи дали кровать еще массивнѣе—и тоже со стойками и другими орнаментами съ сусальнымъ золотцемъ. Въ Яфѣ уже отвели мнѣ двѣ кровати съ пунцовыми одѣялами и съ тѣми же герметическими, восточными занавѣсками. Здѣсь, въ Палестинѣ, на арабскомъ постояломъ дворѣ даютъ мнѣ уже разомъ четыре кровати со столомъ и складнымъ табуретомъ около каждой. Разбитый дорогою, я, не смотря на мимическія предложенія араба угостить меня неизбѣжнымъ кофе, отказался отъ этого наслажденія, сказавъ нѣмцу, что кофе помѣшаетъ моему сну, и не разбирая гдѣ я, куда выходятъ изъ моей комнаты окна, зачѣмъ на одномъ изъ нихъ лежитъ огромный бумажникъ, куда открывается дверь

кавъ-разъ въ ногахъ моей кровати, не смотря, наконецъ, на то, что комната была не заперта и на мнѣ находились всѣ мои деньги—снопомъ повалился на жесткую, но покрытую чистою простынею и съ такою же безусловно чистою, хотя бумажною, другою простынею, со стеганнымъ, яркимъ ситцевымъ одѣяломъ и длиннѣйшею, по крайней мѣрѣ для трехъ головъ рядомъ подушкою—уснулъ какъ убитый...

„Спите прочее и почивайте—приспѣ конецъ—приде часъ...“

Чьи это слова?.. А—помню, помню ихъ... Но я еще не сплю, я только усталъ...

Кто это около меня? Кто меня толкаетъ?

„Спите прочее и почивайте...“ Ахъ, какъ хорошо спать!..

Я открываю глаза. Передо мною стоитъ мой нѣмецъ и говоритъ, что пора ѣхать. Въ сосѣдней черезъ сѣни комнатъ слышатся оживленные голоса и русская рѣчь. Но съ просонья я не могу сообразить даже, что тутъ, гдѣ я ночую, въ глуши Палестины, русской рѣчи не полагается.

— Кто это тамъ шумить?

— Русскіе матросы на четырехъ фургонахъ приѣхали.

— А! который часъ?

— Второй—пора ѣхать.

Арабъ принесъ мнѣ миниатюрную чашечку кофе и я выпилъ ее съ наслажденіемъ. Надо отдать честь Востоку: онъ понимаетъ толкъ въ кофе и умѣетъ пить его. Вамъ приносятъ всегда дымящійся миниатюрный мѣдный кофейничекъ съ длинною ручкою и при васъ вливаютъ въ чашечку величиною съ добрый наперстокъ ароматическое питье вмѣстѣ съ гущей. Повидимому, здѣсь кофе варится вмѣстѣ съ сахаромъ, и вы тотчасъ пьете его маленькими глотками, гомеопатически—иначе вамъ будетъ непонятна вся прелесть, свѣжесть и ароматность этого восхитительнаго питья. Выпивается только двѣ трети чашки, т. е. чашечки, а остальную треть составляетъ гуща. На этотъ разъ кофе былъ очарователенъ—лучше чѣмъ въ Константинополь, Смирнѣ, Александріи, Каирѣ, Портъ-Саидѣ, Яфѣ.

Заплативъ „меджидіе“—болѣе четырехъ франковъ—за ночлегъ и кофе, я уже не зашелъ къ своимъ шумно разговаривавшимъ землячкѣмъ, а прошелъ прямо къ экипажу. Изъ комнаты матросскаго пира доносились до меня родныя, знакомыя фразы...

— Да ты что все родительницу поминаешь?

— А тебѣ что? не свою чать...

— А святыя мѣста близко.

— Тамъ-то и поминать родителей...

— Ну! дай-ко разоукъ затынуться.

— А ты не сглони совсѣмъ...

— Эй ты, который!

— Плеваль на тебя который!

Ночь была прелестьна. Отъ послѣдняго вчлега начинались уже

иерусалимскія горы. Дорога потянулась зигзагами между нависшими по бокамъ ея камнями и строгими очертаніями горъ, темнѣвшихъ какою-то невѣдомою зеленью, а мѣстами сѣрѣвшихъ и бѣлѣвшихъ своими каменными ребрами. Было свѣжо, но не холодно, и не слышно уже было этого противнаго, свистящаго въ снастяхъ парохода вѣтра, который такъ надоѣдаетъ на морѣ. Было что-то нѣжное, чарующее въ этой южной ночи. Слышны были безконечныя трели земляныхъ сверчковъ, иногда доносились откуда-то звонкія подергиванія коростеля („дергачъ“, „дергунъ“ по-донскому и „деркачъ“ по-украински). Свѣтящіяся червячки разнообразили ночную темь.

Часа черезъ два ѣзды по горнымъ вершинамъ и по узкимъ между скалъ пробоинамъ, я опять увидалъ вблизи дороги огонекъ и что-то похожее на каменное, въ-родѣ сторожевой башни, зданіе.

Навстрѣчу намъ шель кто-то, освѣщаемый свѣтомъ фонаря. Двигались двѣ бѣлыя фигуры, приглядываясь къ намъ и освѣщая дорогу и экипажъ.

— А! здравствуйте! это вы?

Я опять удивился, услыхавъ родную рѣчь... Палестина ли это!..

— Здравствуйте, отвѣчаю я, не зная кому.

— Не узнаете развѣ?

— Нѣтъ, не вижу... Мнѣ все чудятся еѳіопы...

— Это мы—свои... Вы насъ обогнали подѣ Яффою.

— А! узнаю теперь... Здравствуйте... Еще вы любезно велѣли солдатикамъ дать мнѣ дорогу.

— Да, это мы...

Милый офицерикъ неистово кусалъ огромный огурецъ и усердно трещалъ молодыми зубами.

— А мы вотъ закусываемъ, проголодались...

— А я у Іосифа Аримаѳейскаго яичницу ѣлъ, отвѣчалъ я.

— А у черномазыхъ кромѣ огурцовъ ничего нѣтъ.

— Какъ же вы успѣли обогнать меня?

— Да мы верхами и не останавливались...

— Напрямки иногда катали—не по дорогѣ... А нашихъ не обогнали?

— Кого?

— Офицеровъ.

— Не знаю... Четыре фургона съ матросами я оставилъ на послѣднемъ ночлегѣ.

— Нѣтъ, то фургонъ съ офицерами...

— Не видалъ... на дорогѣ вездѣ пусто.

Позади насъ, по каменистой дорогѣ, что-то застучало... Ближе и ближе...

— А! да это они и есть, весело сказалъ милый офицерикъ, хрустя огурцомъ.

Подъѣзжалъ дилижансъ съ полотняными наверху и по бокамъ занавѣсами.

— Наконецъ-то! насилу дождались...

— Еще бы—вамъ легко.

— А вутка хочешь?

— Что?

— Хочешь вутка? Вутка есть, зажаримъ.

Офицерикъ подражалъ гортанному говору арабовъ.

— А! вутка!

— Балшой вутка, хочешь?

— Прекрасно—давай вутку.

Мой экипажъ тронулся. Намъ ждать было некогда.

— Прощайте, господа! Кушайте на здоровье вутку...

— Прощайте, увидимся у гроба Господня.

— Надѣюсь...

— Всѣ тамъ будемъ...

И опять застучали колеса моего дилижанса по каменному полотну, то въ ущельяхъ между горами, то на вершинахъ этихъ гигантскихъ камней, нагроможденныхъ прихотливою рукою подземныхъ силъ, выдвигавшихъ эти горы и скалы и вдавливавшихъ въ глубь земли темныя пропасти у подножя этихъ угрюмыхъ скалъ.

— Скоро ли кончатся горы? спрашиваю.

— Нескоро... Они и Иерусалимомъ не кончаются.

— А гдѣ же Поклонная гора?

О Поклонной горѣ, съ которой странники въ первый разъ обозрѣваютъ священный городъ, я давно читалъ когда-то, и мнѣ всегда казалось дѣтскимъ капризомъ благочестивыхъ москвичей, а за ними и петербуржцевъ—назвать возвышенности подъ Москвою и гдѣ-то за Шуваловымъ, на землѣ чухонъ — тоже Поклонными горами и даже создать „Новый Иерусалимъ“.

— Гдѣ же Поклонная гора?

На это мой нѣмецъ отозвался незнаніемъ. Рожденный въ Иерусалимѣ и всю жизнь проведеній въ извозѣ между Яффою и священнымъ городомъ, онъ, повидимому, мало интересовался историческою и поэтическою стороною мѣста своего рожденія.

Но горамъ не было конца. Мы въѣхали въ какую-то глубокую долину. По ребрамъ горъ и по впадинамъ, у самой дороги, темнѣли деревья. Съ лѣвой стороны опять возвышалась башня, не то причудливый домъ въ палестинскомъ стилѣ, и въ открытыхъ окнахъ его свѣтился огонь. Мы проѣхали мимо и остановились тутъ же, около какого-то овражка, сбоку къ которому лѣнилось что-то въ родѣ каменной, пелагійской кладки, хижины. Въ овражкѣ что-то плескалось и бѣлѣло, а на дорогѣ стояли вьючные ослики.

— Что, отдыхать лошадямъ?

— Да, надо немножко отдохнуть... Скоро утро.

Дѣйствительно, брезжилось что-то въ родѣ ранняго утра.

Скоро я разглядѣлъ, что въ овражкѣ, у колодца или у естественнаго водоема изъ камней, сидѣли фигуры въ бѣломъ и, повидимому, умывались. Я узналъ арабовъ. Умывшись и положивъ на землю свои бѣлые бурнусы, они становились на колѣни, или скорѣе, садились, прикладывали руки къ груди и къ лицу и кланялись, но не на востокъ, не къ Иерусалиму, а куда-то на югъ или на юго-западъ. Я понималъ, что они кланяются туда, гдѣ стоитъ ихъ Иерусалимъ, гдѣ бьется сердце мусульманскаго Востока: они кланялись невидимой Меккѣ.

Мой нѣмецъ вошелъ въ хижинку, постучавъ въ нее и что-то проговоривъ непонятное для меня, а потомъ вскорѣ вынесъ оттуда скамеечку, поставилъ ее передъ своими лошадьми, положилъ на нее нѣчто въ родѣ корытца или ночѣвокъ и насыпалъ на эти ночѣвки овса.

Я выдѣзъ изъ дилижанса и началъ шагать по каменистому шоссе, разминая свои члены и ноги, все еще несовсѣмъ свободно двигавшіяся послѣ восхожденія на пирамиды...

А какъ далеко теперь эти пирамиды!.. Не видать ужъ ихъ мнѣ больше... Вонъ куда занесло мою сѣдую голову—въ Палестину, подъ самый Иерусалимъ...

Я начиналъ чувствовать холодъ и спросилъ своего нѣмца—не могу-ли я чѣмъ-нибудь согрѣться здѣсь, виномъ что-ли, ибо вино, взятое мною изъ Яффы для питья дорогою съ водой, уже все вышло. Мнѣ кто-то вынесъ на подносѣ стаканъ краснаго вина, и я выпилъ его не безъ содроганія: оно было слишкомъ, до противности сладимо. Это было палестинское вино... Неужели такимъ виномъ поили гостей и на свадьбѣ въ Канѣ-Галилейской? Не даромъ архитриевлинъ сказалъ тамъ жениху, отвѣдавъ вина, превращеннаго Христомъ изъ воды въ прекрасный напитокъ: „всякъ человѣкъ прежде доброе вино полагаетъ, и егда упіются, тогда худшее: ты же соблюлъ еси доброе вино доселѣ“ (Еванг. отъ Іоанна, гл. 2, ст. 10).

Я чувствовалъ, что мнѣ дали этого „худшаго“, а не „добраго“...

Слишу въ полумракѣ топотъ лошадиныхъ копытъ. Молившіеся у источника арабы уже угнали своихъ осликовъ по направленію къ Иерусалиму.

Къ намъ подѣхали два всадника въ бѣломъ.

— А! смотри, опять тотъ русскій...

— Это опять вы? здравствуйте!

Я узналъ голоса милыхъ офицеровъ.

— Здравствуйте, господа!

— Еще здравствуйте! Кормите?

— Кормимъ, а я грѣюсь.

— А мы ужъ и „вутку“ съѣли тамъ—помните?

— Скоро же... По-военному... Когда-же вы все это успѣли продѣлать и опять догнать меня?

— Да мы верхомъ, не все по дорогѣ, а часто сокращаемъ путь, гдѣ можно, тропочками, напрямикъ.

Они сошли съ лошадей. Совсѣмъ юные.

— Недавно въ морѣ? спрашиваю.

— Съ прошлаго года—въ ноябрѣ вышли.

— Однако! съ ноября... Да такъ съ ума сойти можно въ вашемъ противномъ морѣ... Брр!..

Смѣются... „Да, надоѣдаетъ таки“...

— А изъ училища давно?

— Недавно... Пока еще гардемаринами значимся.

— А Чижова знавали?

— Какъ-же... Онъ раньше насъ кончилъ.

— Хорошій юноша.

— Да, работаетъ въ Кронштадтѣ.

— А Цыловъ?

— Этотъ въ кругосвѣтномъ.

— А вы гдѣ плавали?

— Въ Алжирѣ были, въ Итали, въ Греціи...

— Въ Пиреѣ?

— Да—поскучали...

— И въ Ахвинахъ?

Смѣются...

— А вотъ теперь въ Иерусалимъ плывемъ...

— Прекрасно. Сегодня мнѣ кажется, что Палестина становится русскою землею: вездѣ слышу русскую рѣчь.

— Да... Однихъ нашихъ матросовъ человекъ семьсотъ будетъ—двѣ перемѣны, и всѣ отправляются въ Иерусалимъ.

— Чудесно... Будете къ Мертвому морю и къ Иордану?

— Нѣтъ, некогда—надо въ среду опять скакать въ Яффу.

— Да говорятъ, въ Иерусалимѣ есть какая-то высокая гора, съ которой видно и Мертвое море и Иорданъ... Такъ мы забережся туда и хоть издали посмотримъ... А вы?

— Я думаю махнуть туда—затѣмъ и по свѣту мыкаюсь: съ пирамидъ въ Иерихонъ, отъ Иерихона въ Питеръ.

— А вы и на пирамиды лазили?

— Продѣлалъ и эту штуку... До сихъ поръ ножки болятъ...

Начинало совсѣмъ свѣтать. По дорогѣ отъ Яффы простучалъ фургоны, и я узналъ въ немъ тотъ экипажъ, въ которомъ къ предыдущей станціи пріѣхали морскіе офицеры, чтобы скушать арабскую „вутку“. Они вышли изъ экипажа и присоединились къ нашему обществу. Ихъ было трое: среднихъ лѣтъ полный бронецъ въ капитанскомъ, кажется, сюртукѣ и двое молодыхъ людей, изъ коихъ одинъ, повидимому, весельчакъ и комикъ, хотя говорящій постоянно серьезно и какъ-то лѣнливо, и другой, красивый юноша, котораго называли Котляревскимъ.

- Отдыхаете?
- Да, отдыхаю и согрѣваюсь, да только вина дали противнаго.
- И намъ-бы согрѣться... Эй! что у васъ есть?
- Румъ, коньякъ...
- Давайте... А вы откуда? Какъ попали въ Яффу?
- Прямо съ пирамидъ.
- Ого! по пути...
- Разговорились. Новые знакомые оказались очень милыми, пріятными собесѣдниками. Звали къ себѣ на пароходъ—„Duc d'Edimbourg“. Я благодарилъ ихъ. Помѣнялись карточками съ старшимъ.
- Извините, карточка назначалась для бусурманъ—не по-русски.
- Ничего—разберемъ... маракуемъ малость...
- Читаю: „I. Ivanoff. S. M. I. la frégate Duc d'Edimbourg“.
- А вотъ и моя—россейская.
- Благодарю. Очень пріятно познакомиться... Навѣстите на пароходъ.
- Съ удовольствіемъ.
- Эй! Котляревскій! да ты ужъ спать повалился...
- Отстаньте...
- Бѣдный юноша, дѣйствительно, прикурнулъ на какой-то каменной свамѣ. Видимо усталъ—поблѣднѣлъ даже при загарѣ.
- А вутка дать?
- Отстань... не хочу...
- Хозяинъ! получайте деньги... Сколько вамъ?.. Вотъ вамъ русскій гельдъ—послѣдній.
- Все двугривеннички—жалость, полуфранки...
- Пусто-бъ имъ! весь жилетный карманъ изодралъ, таская эти двугривеннички...
- Лишь-бы ходили...
- Плохо ходятъ, хромаютъ, не всѣ берутъ наше серебро.
- Баста! все дочиста...
- Да и у меня кромѣ наполеониковъ да леопольдиковъ ничего не осталось, копаюсь я въ своемъ жилетѣ.
- На пирамидахъ разсорили?
- Вездѣ, все бакшиши... Glas Wein... wie viel kostet?
- Ein Frank...
- Herr Fuhrmann! geben sie mir ein Frank—im Ierusalem alles bezahlt wird... До свиданія, господа.
- До свиданія, на Голгоѣ...
- Въ саду Гаесиманскомъ...
- Эй! Котляревскій! вставай... Махнемъ впередъ...
- На жребяти осли?
- Нѣтъ, на арабчикахъ...
- И юноша, не смотря на усталость, вскочилъ на лошадь и дѣй-

ствительно махнулъ впередъ. Фургонъ тоже собирались двигаться. Мы уѣхали раньше моряковъ нѣсколькими минутами.

Живописная долина, въ которой мы сейчасъ отдыхали, была, по преданію, тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Давидъ поразилъ Голиаѳа... Я нѣсколько разъ оглядывался на эту долину „славы“, съ которою связано въ исторіи человѣчества такое рельефное и поэтическое воспоминаніе...

Вотъ и камни, которые бросалъ Давидъ изъ своей пращи... Можетъ быть, вотъ этотъ, что пошелъ на щебень для шоссе, и поразилъ богатыря...

Совсѣмъ разсвѣтало. Утро было чудное. Но солнца изъ-за горъ еще не было видно. Приходилось въ послѣдній разъ подниматься, зигзагами, на крутизну. Иерусалимъ былъ сейчасъ за горою.

Пользуясь медленностью подъема, я постоянно выскакивалъ изъ экипажа, какъ только замѣчалъ у дороги какой-либо цвѣтокъ, и срывалъ его въ свою памятную книжку. Это были іерусалимскіе цвѣты — „кринны сельные“ — эти милыя полевныя лиліи, и всякое другое цвѣтущее биліе, о которомъ говорилъ когда-то божественный учитель: „и о одеждѣ что печетесь? Смотрите кринь сельныхъ, како растутъ: ни труждаются, ни прядутъ. Глаголю-же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеса, яко единъ отъ сихъ. Аще-же сѣно сельное днесъ суще, и утрѣ въ пещь вметаемо, Богъ тако одѣваетъ, не много ли паче васъ, маловѣри“? (Еванг. отъ Матвѣя, гл. 6, ст. 28—30).

Да, и Соломонъ не лучше одѣвался, чѣмъ эти „кринны сельные“ и это „сѣно“...

Чувство глубокой радости и умиленія охватывало мою душу, когда я видѣлъ эти „кринны сельные“, которые когда-то видѣлъ и Христось, это „сѣно“—травку, по которымъ ходили его босыя ноги и ноги его учениковъ... Я видѣлъ въ камняхъ, нагроможденныхъ рукою природы, тѣ „норы и язвины“, о которыхъ говоритъ Христось и которыя служили убѣжищемъ для звѣрей—для волковъ и лисицъ, въ то время, когда „Сынъ человѣческій не имѣлъ гдѣ голову приклонить“...

„Только въ странѣ поэта узнаешь его героев“, сказалъ одинъ изъ великихъ современныхъ поэтовъ—и въ странѣ апостоловъ я глубоко уразумѣлъ ихъ умиленную поэзію и ихъ божественнаго героя, какъ человѣка среди вотъ этихъ людей и вотъ этой природы, которая теперь смотрѣла на меня во всѣ глаза, какъ и я пожиралъ ее моими умиленными очами...

„Лисы язвины имуть“—колотилось у меня въ сердцѣ: „Сынъ-же человѣческій не имать гдѣ главу приклонити“...

Проищала птичка, перелетѣла черезъ дорогу и спряталась въ „язвину“...

— Вотъ-вотъ сейчасъ и Иерусалимъ: я чувствую его—онъ близко...

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

III. Романтико-художественная украинская литература
нынѣшняго вѣка ¹⁾.

V.

Левъ Боровиковскій ²⁾.

ЛЕВЪ БОРОВИКОВСКІЙ, воспитанникъ и кандидатъ харьковскаго университета, былъ сначала учителемъ латинскаго языка, потомъ русской словесности и инспекторомъ полтавской гимназіи; теперь находится въ отставкѣ. О характерѣ своемъ онъ самъ говоритъ въ своей байкѣ— „Веселій“:

Чого ти, Левку, все веселій та шутливій?
Мене приятель раз спитав;
А я йому сказав:
Такий я зроду вдався, и вид того щасливій.

Сочиненія Л. Боровиковскаго слѣдующія: 1) Шесть малороссійскихъ народныхъ балладъ, переданныхъ на русскомъ языкѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1840 годъ; 2) переводъ „Фариса“ Мицкевича на малорусскій языкъ; 3) „Народныя пословицы“, 10 басенъ и 6 стихотвореній въ альманахѣ Е. Гребенки „Ластовка“, 1841 года. Стихотворенія эти: „Черноморець“. „Выводка“, „Палій“, „Волохъ“, „Зимній вечиръ (зъ Пушкина)“ и „Розставання (зъ писень)“. 4) „Байки

¹⁾ Окончаніе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VI, стр. 28.

²⁾ Источники: 1) „Отечественныя Записки“, 1840 г., кн. 2. Смѣсь, стр. 42—51; 2) „Ластовка“, Гребенки, 1841 г.; 3) „Байки и прибаутки“, Кіевъ, 1852 г.; 4) „Москвитянинъ“, 1852 г., ч. VI. Критика и библиографія, стр. 81—84, и др. Уже по составленіи этого очерка обнародованы (въ „Историч. Вѣстникъ“, май, 1881 г.) еще письма Л. И. Боровиковскаго къ М. А. Максимовичу, заключающія нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ нашего автора.

и прибаютки“, изданныя Метлинскимъ въ Кіевѣ, въ 1852 году, въ составъ которыхъ, однако, не вошло до 5 басенъ, помѣщенныхъ въ 1841 году въ „Ластовкѣ“.

Малороссійскія простонародныя баллады Л. Боровиковскаго заимствованы изъ запаса народной памяти. „Занимаясь постоянно нѣсколько лѣтъ собираніемъ всего—говорить Л. Боровиковскій—чтоъ выражаетъ характеръ, языкъ, бытъ, понятія и суевѣрія молороссіянъ, я, между прочимъ запасомъ, имѣю нѣсколько народныхъ балладъ и легендъ: представляю здѣсь любознательнымъ читателямъ нѣкоторыя изъ нихъ, по-русски, обѣщаясь, современемъ, передать и другое, что есть любопытнаго въ моемъ запасѣ“. Въ подтвержденіе народнаго происхожденія этихъ балладъ, можно указать на лучшую изъ нихъ—о „двухъ доляхъ“. Въ „Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ“, 1876 г., мы встрѣчаемъ разсказъ о „доля богатаго и бѣднаго“ (стр. 182—184). Здѣсь говорится, что бѣдный братъ однажды ночью замѣтилъ, что какая-то богато убранная женщина ходитъ по полю, собираетъ колоски на его нивѣ и носитъ ихъ къ богатому брату. То была доля богатаго брата. Бѣднякъ поймалъ ее, вывѣдалъ у нея, гдѣ живетъ его собственная доля, нашелъ послѣднюю и, получивъ отъ нея три рубля, началъ торговать рыбою и разбогатѣлъ. Тогда и богатый братъ захотѣлъ быть еще богаче и тоже началъ торговать рыбою, но разорился совсѣмъ. Содержаніе баллады Л. Боровиковскаго въ общемъ сходно съ приведеннымъ разсказомъ; но у Боровиковскаго, очевидно, этотъ разсказъ значительно исправленъ и округленъ. Самое изложеніе баллады отличается искусственностью; она написана мѣрною рѣчью, какъ будто бѣлыми стихами. Вотъ для примѣра отрывокъ изъ разсказа о томъ, какъ меньшій братъ, позавидовавъ счастью старшаго, хотѣлъ выкопать кладъ и выкопалъ „Злыдни“. „Роетъ да роетъ. Вотъ колъ застучалъ, показался: алчной рукою онъ дернулъ, и брызнули разомъ фонтаномъ... червонцы? нѣтъ: злыдни! Остолбенѣлъ мой кладокопатель! Домой прибѣгаетъ—ужь домъ его заняли гости нежданые—злыдни“. Въ такомъ же родѣ баллады Боровиковскаго: „Хромой скриначъ“, „Великанъ“, „Ружье—совсѣмъ“, „Лыхо“ и „Кузнецъ“. Послѣдняя имѣетъ отношеніе къ повѣсти Гоголя „Ночь наканунѣ Рождества“ и свидѣтельствуетъ о народной основѣ этой повѣсти.

Продолженіемъ этнографическихъ работъ Л. Боровиковскаго служатъ „Народны пословицы“, изданныя въ альманахѣ „Ластовка“, 1841 года. Нѣкоторыя изъ нихъ легли въ основу его „Баякъ и прибаютки“ и должны быть разматриваемы въ связи съ послѣдними. „Байки и прибаютки“ Л. Боровиковскаго пользовались въ свое время значительною извѣстностью. Онѣ восполняли собою литературу южнорусскаго языка такую отраслью произведеній, которая дотолѣ почти не существовала на этомъ языкѣ. „Басни Боровиковскаго—говоритъ рецензентъ „Москвитянина“—частію заимствованы изъ Кры-

лова и других баснописцев, частью принадлежать самому автору; но всё болѣе или менѣе вѣрны духу народа, исполнены юмора, шутливости, остроумія, и нерѣдко могутъ служить вѣрнымъ зеркаломъ народныхъ обычаевъ. Часто мысль басни, или нравоученіе, выражается формою народной пословицы, какъ напримѣръ: „поки богат, то поты й сват“; „пьяному море по коліна“; „хто мовчыть, той двох навчыть“; „хто голодко живе, той трько умирає“, и т. д. Иногда басня составляетъ не болѣе, какъ развитіе и объясненіе народной пословицы“. Изъ Крылова, по видимому, переведены басни: „Суддя“, „Разбійник“, „Коник (стрекоза) и Муравей“, „Лев и Миш“, „Брехня“, „Вовк та Вивчари“, и др. Басня „Судь“ заимствована или изъ повѣсти о „Шемакиномъ судѣ“, или изъ „Смѣющагося Демокрита“ (Democritus ridens), и рассказываетъ о томъ, какъ Петро, взявши у Федора кобылу для работы, оторвалъ у нея хвостъ, и какъ судья присудилъ Петру держать у себя чужую кобылу до тѣхъ поръ, пока у нея не вырастетъ хвостъ. Изъ „Смѣющагося же Демокрита“ заимствована басня о „Климѣ пьяномъ“, который выставилъ впередъ ключъ, думая, что къ нему придуть двери. Есть между „байками“ Боровиковскаго и такія, которыя обнаруживаютъ его литературныя связи съ предшествовавшими украинскими писателями и особенно съ П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ. Байки Боровиковскаго „Щука и Плитонка“ и „Горохъ“ есть не что иное, какъ сокращеніе сказовъ П. П. Гулака-Артемовскаго—„Плиточка“ и „Соловій та Хивря, або горох при дорози“. Басня „Дорожній стовпъ“ воспроизводитъ стихотвореніе П. Кореницкаго „Панько та Верства“. Но есть у Боровиковскаго много и такихъ басенъ и особенно „прибаютокъ“, которыя представляютъ развитіе и даже близкое переложеніе народныхъ пословицъ и поговорокъ. Такова напр. байка „Сидир“, развитая изъ пословицы „Оженився та й зажурився“:

Веселій Сидир оженився
 Та й зажурився.
 Край гаю сидячи, побачив вин телят —
 И скачуть, и шалять,
 Та й каже: добре ви, телята, расходились —
 Запевно ще ви не женились;
 А вас щоб присмирить —
 Женить ¹⁾.

Содержаніе подобной басни мы слышали изъ народныхъ устъ. Пословицы „Сова хочъ спыть—та бурей бачыть“ и „Тогда деры лубья,

¹⁾ Веселый Сидоръ женился
 Да и запечалился.
 Сидя около лѣсу, онъ увидѣлъ телятъ —
 И скачуть, и шалять —
 И говорить: хорошо вы, телята, разыгрались,
 Наверно, вы еще не женились;
 А чтобъ васъ усмирить —
 Женитъ.

якъ дерутся“, записанныя самимъ Боровиковскимъ, легли въ основу его басенъ „Курча“ и „Хома“. Нечего и говорить, что подобныя басни имѣли и имѣютъ полную цѣну, какъ памятники народнаго творчества. Даже и переводныя басни принимаютъ у Боровиковскаго народный характеръ до того, что иногда трудно распознать ихъ чужеземное происхожденіе. Такова, напр., басня „Чорт“:

Козись у Полци чорт на сейми так возився,
 Що вовся там хвоста лишився.
 От втикши, до дяка просився в грубник жить,
 И став дякови говоритъ:
 Що миром, без хвоста, не буде вже мутить.
 Дяк думае, що чорт вже зовсим другим стався,
 Став ладономъ курить —
 Так чорт в болото швидче вбрався!..

Хоть вовк линяе,
 Та норов не переминяе ¹⁾.

Не смотря на специально-украинскій этнографическій колоритъ басни, вся она есть не что иное, какъ варьяція Эзоповой басни „Кающійся волкъ“ (*Lupus roenitens*).

Съ появленіемъ басенъ Глѣбова на украинскомъ нарѣчїи, „Байки и прибаутки“ Л. Боровиковскаго стали терять свое прежнее значеніе. Кулишъ въ 1857 году назвалъ басни Л. Боровиковскаго даже „тупыми“ ²⁾.

Болѣе имѣютъ для насъ интереса мелкія лиро-эпическія стихотворенія Л. Боровиковскаго, частію переводныя, частію оригинальныя, каковы „Фарисъ“ (изъ Мицкевича), „Чорноморець“, „Вывідка“, „Палій“, „Волохъ“, „Зимній вечеръ (зъ Пушкина)“, „Розставання (зъ писень)“. Въ нихъ, по крайней мѣрѣ, яснѣе обозначились литературныя симпатїи Боровиковскаго. Его „Розставання (зъ писень)“ по содержанію и тону похоже на пѣсню Писаревскаго—Шерепери „За Нѣманъ иду“ и, по всей вѣроятности, написана подъ вліяніемъ этой послѣдней. Стихотвореніе „Палій“, не обрисовывая этого историческаго героя малорусской исторїи индивидуальными чертами, мѣстами

¹⁾ Когда-то въ Польшѣ чортъ на сеймѣ такъ возился,
 Что вовсе тамъ хвоста лишився.
 Вотъ, убѣжавъ, къ дячку просился въ трубу жить
 И сталъ дячку говорить,
 Что міромъ, безъ хвоста, не будетъ ужъ мутить.
 Дячекъ думаетъ, что чортъ уже совсѣмъ сдѣлался другимъ—
 Сталъ ладономъ курить —
 Такъ чортъ въ болото поскорѣй убрался!..

Хоть волкъ линяетъ,
 Да норовъ не перемѣняетъ.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1857 г., т. XII. „Современная лѣтопись“, стр. 230.

напоминает Державина и особенно его оду „Атаману и Войску Донскому“, 1807 года. Здѣсь Боровиковскій говоритъ, между прочимъ, о Паліѣ:

Хто якъ стрілка изъ майдану
Вихрець мчѣтся за Украйну?
Ярѣ, лѣсь, рѣчка, туча синя,
Козакови не запина;

Хто въ травѣ — вривни съ травою;
Хто въ водѣ — вривни зъ водою;
Хто у лѣси — вривни зъ лѣсомъ,
Ничю — перевертнемъ бѣсомъ?
Палій ⁴⁾.

Особенно важны стихотворные переводы Боровиковскаго изъ Мицкевича и Пушкина, именно—„Фарисъ“ и „Зимній вечеръ“, свидѣтельствующіе о его романтическихъ наклонностяхъ. Къ этимъ пьесамъ нужно прибавить еще стихотвореніе „Волохъ“, которое есть не что иное, какъ переложеніе отрывка изъ „Цыганъ“ Пушкина. Стихотворенія „Вывідка“ и „Чорноморець“ воспроизводятъ въ художественной формѣ народные сюжеты. Изъ нихъ стихотвореніе „Чорноморець“ основано на народной пѣснѣ, одинаково встрѣчающейся и въ южной и въ сѣверной Россіи, и напоминаетъ нѣсколько стихотвореніе нашего поэта Некрасова: „Среди пошлостей жизни и прозы“. Боровиковскій говоритъ въ этомъ стихотвореніи объ убитомъ черноморцѣ, къ которому три ласточки

Прыгортаются: перша ластивка
Маты ридна рыда;
А другая — сестра;
Третья ластивка — жинка покійного.
Де матуса рыда,
Тамъ кровава рика
Протикае до моря глубокого;
Де ридненька сестра,
То вже рѣчка пройшла
И просохла, не вльвшись до моря;
А де жинка була

---

⁴⁾ Кто какъ стрѣлка съ чиста поля
Вихрець мчѣтся за Украйну?
Ярѣ, лѣсь, рѣчка, туча синя
Козаку не помѣха;

Кто въ травѣ — съ травою ровень,
Кто въ водѣ — съ водою ровень,
Кто въ лѣсу — съ лѣсомъ ровень,
Ночью перевертнемъ бѣсомъ?
Палій.

И росыци нема
И завьяла трава край покойного ¹⁾.

VI.

Порфирій Кореницкій ²⁾.

Порфирій Кореницкій написалъ „Вечерниці, сатирицьку поэму“, и басню „Панько та Верства“. Изъ перваго произведенія можно заключить, что авторъ былъ воспитанникомъ одной изъ бурсъ, какъ назывались тогда духовно-учебныя заведенія, и, вѣроятно, харьковской семинаріи. Въ этой поэмѣ авторъ прямо называетъ себя бурсакомъ:

Ні! Вамъ соромъ буде въ хаті
Зъ бурсакомъ такимъ, якъ я,
Що въ смальцѣванімъ халаті
Влізе въ хату, мовъ свиня ³⁾.

Въ другомъ мѣстѣ поэмы, дѣякъ, къ которому заходитъ авторъ, называетъ его поповичемъ: „Ні, поповичу, не ждавъ!“

Первое изъ произведеній П. Кореницкаго представляетъ замѣчательную помѣсь приемовъ Котляревскаго въ его перелицованной „Энеидѣ“ съ мотивами Пушкинскаго стиха и поэзии, тѣмъ болѣе, что тѣ и другіе не срослись въ поэмѣ органически и живутъ своимъ домомъ. Сама поэма, очевидно, написана по подражанію Энеидѣ Котляревскаго. Тотъ же сатирической или, точнѣе, пародированный складъ и тонъ; такимъ же образомъ у Кореницкаго выводятся на сцену классическіе боги и богини въ карикатурномъ видѣ, — гуляютъ въ шинелѣ, дуютъ сивуху и ругаются послѣдними словами, — хотя основное содержаніе поэмы заимствовано не изъ классическаго міра. Вос-

¹⁾ Увиваюся: первая ласточка —
Мать родная рыдаєть;
А другая — сестра;
Третья ласточка — жена покойнаго.
Гдѣ матеръ рыдаєть,
Тамъ кровавая рѣка
Протекаєть до моря глубокаго;
Гдѣ родная сестра,
То ужъ рѣчка прошла
И просохла, не влившия въ морє;
А гдѣ жена была,
Тамъ нѣтъ и росы,
И завьяла трава близъ покойнаго.

²⁾ Стихотворенія его помѣщены въ альманахахъ „Снітъ“ Корсуна и „Ластовка“ Е. Гребенки, 1841 г.

³⁾ Нѣтъ, вамъ стыдно будетъ въ хатѣ
Съ бурсакомъ такимъ, какъ я,
Что въ засаленномъ халатѣ
Влізєтъ въ хату, какъ свинья.

пользовавшись безчувственнымъ состояніемъ пьянаго Орфея, авторъ поэмы укралъ у него кобзу и на ней воспѣваетъ свои вечерниці. Онъ говоритъ:

А я кобзу лишъ настрою,
 Ту, въ Орфія що укравъ
 Підъ Парнаською горою,
 Якъ въ шинку изъ нимъ гулявъ.
 Гей, Орфію, любій пане,
 Музикантівъ атамане!
 Ти й не думавъ, не гадавъ,
 Щобъ бурсакъ, школяръ поганій,
 Безталанній, голодрабій,
 Такъ швиденько кобзу вкравъ;
 А тебе-бъ заставивъ спати
 Чуть живого била хати —
 На посмішище людямъ
 И парнаськимъ всімъ богамъ ¹⁾.

Самое описаніе народныхъ вечерниці написано безъ серьезнаго сочувствія къ народному быту и изображаетъ только разгулъ и расщепенность молодаго крестьянскаго поколѣнія, едва ли встрѣчающіеся въ такомъ видѣ на вечерницахъ въ дѣйствительной жизни крестьянства. Есть въ поэмѣ и хронологическіе промахи. Вечерниці, соотвѣтствующія сѣвернорусскимъ бесѣдамъ или посидѣнкамъ, обыкновенно бывають глубокою осенью и зимою; между тѣмъ, Кореницкій рассказываетъ, будто бы парни, идя на вечерниці, залѣзають въ чужіе сады и крадутъ здѣсь яблоки, сливы и груши для дѣвокъ, а дѣвки и молодицы располагаются на ночлегъ въ садахъ.

Но къ этой безобразной поэмѣ приставлена голова, мало соотвѣтствующая туловищу. Введеніе къ поэмѣ есть не что иное, какъ сшивышъ изъ стихотвореній Пушкина „Зимній вечеръ“ и „Утопленникъ“. Вотъ начало предисловія:

Хмара хмару швидко гоне,
 Грімъ по небу торохтить;
 Вітеръ плаче, вітеръ стогне;

¹⁾ А я кобзу лишъ настрою,
 Ту, что укралъ у Орфея
 Подъ Парнасскою горою,
 Какъ гулялъ съ нимъ въ шинкѣ.
 Ой, Орфей, любезный панъ,
 Музыкантовъ атаманъ!
 Ты и не думалъ, не гадалъ,
 Чтобъ бурсакъ, школяръ поганій,
 Безталанный, ободранный,
 Такъ проворно кобзу укралъ,
 А тебя оставилъ спать
 Чуть живаго коло хаты
 На посмѣшище людямъ
 И парнасскимъ всімъ богамъ.

Дожчь по вікнахъ порошить.
 Підъ чмалену сю незгоду,
 Мовъ побиті люди сплять;
 И хрещеного народу
 На сели вже не видать.
 Тількі де-коли скотина
 Чуха боки коло тина
 И на все село реве,
 Наче звірь іи дере.
 То собака инде гавняе,
 То захрюкае свиня,
 То шкюдлива кішка нявняе,
 То цвірінькне горобя;
 То відъ ляку сичъ стрипнеться,
 Якъ блискавка заблищить;
 То дитина въ сні жажнеться,
 Грімъ якъ въ небі затріщить ⁴⁾.

Надобно полагать, что самая поэма составлена была раньше предисловія.

Серьезнѣе посодержанію другое произведеніе Кореницкаго— „Панькота Верства“, помѣщенное въ „Ластовкѣ“ Гребенки и представляющее, повидимому, сатиру на сельское духовенство. Здѣсь разсказывается, что проживавшій въ Липцахъ „швецъ“ (сапожникъ) Панько однажды отправился въ городъ за товаромъ, сѣлъ отдохнуть около верстового столба и сталъ спрашивать его, почему онъ постоянно стоитъ на одномъ мѣстѣ и не подвинется немного къ городу. Верста отвѣчала:

„Мене уткнули тутъ небогу,
 Щобъ я казала всимъ дорогу,
 Хто скільки вихавъ и пройшовъ,
 Та-й скільки треба мандрувати,

⁴⁾ Туча тучу быстро гонить,
 Громъ по небу грохочеть,
 Вѣтеръ плачетъ, вѣтеръ стонетъ,
 Дождь по окнамъ порошить.
 Подъ такую непогоду,
 Какъ убиты, люди спятъ,
 И крещенаго народу
 На селѣ ужъ не видать.
 Только гдѣ-когда скотина
 Треть бока около тина
 И на все село реветъ,
 Будто волкъ ее деретъ.
 То собака индѣ гавкнетъ,
 То захрюкаетъ свиня,
 То блудлива кошка мяукнетъ,
 То чарикнетъ воробей;
 То отъ страху сичъ встрепенется,
 Когда заблеститъ молнія;
 То ребенокъ испугается во снѣ,
 Когда громъ затрещитъ на небѣ.

Щобъ що у городи узяти:
Чи брмь кому, чи подошовъ.

Но хочь усимъ я произжалымъ
И всимъ по шляху прохожалымъ
Дорогу въ городъ и кажу,—
Сама-жь стою, та все куняю,
Иты у городъ не бажаю,
Та и николи не хожу“.

— „Такихъ въ сели у насъ багацько!
Сказавъ Панько їй скорохвацько,—
Що учуть насъ, а самы сплять;
Що намъ велеть добро робити,
Мовлять туды й сюды ходити,
Сама-жь у хатахъ все сидати! 1)“

Это стихотвореніе Кореницкаго Л. Боровиковскій воспроизвелъ въ своей баснѣ „Дорожній стовпъ“.

VII.

Михайло Николаевичъ Петренко 2).

Михайло Николаевичъ Петренко родился въ 1817 году и большею частію проживалъ и узналъ языкъ и бытъ народный въ г. Славянскѣ и его окрестностяхъ, Изюмскаго уѣзда; окончилъ курсъ ученія въ харьковскомъ университетѣ въ 1841 году, и потомъ опредѣлился

1) Меня воткнули тутъ бѣдняжку,
Чтобъ я показывала всѣмъ дорогу,
Кто сколько проѣхалъ и прошелъ,
Да сколько нужно еще тащиться,
Чтобы взять что нибудь въ городѣ:
Шляну ли кому, или подошвы.

Но хотя я всѣмъ проѣзжимъ
И всѣмъ проходящимъ по дорогѣ
И указываю путь въ городъ,
Сама же я стою да все дремлю,
Идти въ городъ не желаю,
Да никогда и не хожу.—

— „Такихъ въ селѣ у насъ много,—
Сказавъ ей быстро Панько,
Что учать насъ, а сами спять;
Что намъ велеть добро творить,
Говорятъ туды и сюды ходить,
А сами все по домамъ сидать.

2) Источники: 1) „Сніпъ“, 1841 г.; 2) „Молодизъ“ Бедкаго, на 1843 г., и 3) „Южный русскій сборникъ“, Метлинскаго, 1848 года.

на службу по гражданскому вѣдомству. Онъ написалъ одну оперу, нигдѣ не напечатанную, и нѣсколько лирическихъ стихотвореній, которыя помѣщались въ альманахѣ „Сніпъ“ Корсуна, 1841 г., въ „Молодикъ“ Бецаго на 1843 годъ и въ „Южномъ русскомъ сборникѣ“ А. Метлинскаго, 1848 года. Въ послѣднемъ перепечатаны и прежнія стихотворенія Петренки. Извѣстны слѣдующія его стихотворенія: „Недоля“, „Вечірній дзвінъ“, „Смута“, „Думи та стєви“, „Брови“, „Вечирь“, „Батькивська могила“, „Небо“, „Весна“, „Славьянскъ“, „Иванъ Кучерявий“, „Недугъ“ и „Дума про батька“.

Нѣкоторыя стихотворенія Петренки напоминаютъ собою пѣсни Котляревскаго въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“ и написаны подъ тонъ знаменитой его пѣсни—„Віють витры“. Такова, наприм., пѣсня Петренки „Минулися мои ходи“, въ которой, между прочимъ, поется:

...Другими счастья и коханья.
 А я только плачу,
 Сльозамъ, горю, тоскованью
 И кинья не бачу.
 Мене милый чернобриной
 На-лихо не любе;
 Суше мене, псуе мене,
 Дарма сердце губе ¹⁾.

Но другія стихотворенія Петренки скорѣе напоминаютъ собою Козлова и Лермонтова и несомнѣнно написаны подъ ихъ вліяніемъ. Къ такимъ стихотвореніямъ относятся: „Вечірній дзвінъ“, „Недоля“, „Вечирь“, „Думка“, „По небу блакитнімъ очима блукаю“, и др. Изъ нихъ „Вечірній дзвінъ“ свидѣтельствуетъ объ отношеніяхъ Петренки къ Пушкинской поэзіи, и именно къ Козлову, одному изъ представителей Пушкинской школы, а остальные три стихотворенія написаны по подражанію Лермонтову.

„Вечірній дзвінъ“ Петренки напоминаетъ намъ стихотвореніе Козлова подъ тѣмъ же заглавіемъ и, вѣроятно, написано подъ его вліяніемъ.

Як в сумерки вечерний дзвиг
 Під темний вечир сумно дзвоне,
 Як з вітром в поли плаче вин,
 А у диброви тяжко стогне,
 Тоди душа моя болять
 Вид смуги плачу по невирний,
 А думка все туди летить,

¹⁾ Другимъ счастье и любовь,
 А я только плачу,
 Слезажь, горю и тоскѣ
 И конца не вижу.
 Меня милый чернобровый
 На-горе не любить;
 Сушить меня, мучить меня,
 Даромъ сердце губить.

Де вперш почув я дзвин вечирний,
 Де вперше так я полюбив
 Поля привольни та диброви,
 Де вперше свит и радисть вздрив,
 Та карі очі й чорні брови!
 Проснеться все в душі тоді,
 Вечерній дзвин усе розбуде;
 Сльоза пробне и вид нудьги
 Душа всі радости забуде..
 О! тяжкий, дзвоне, твій привит
 Тому, хто милої не має;
 Душа болить и меркне свит
 А серце гірше занймає ¹⁾.

Стихотвореніє „Недома“ въ первый разъ напечатано было съ эпиграфомъ изъ „Молитвы“ Лермонтова и поддѣльвается подъ ея тонь:

Дивлюся на небо та й думку гадаю:
 Чому я не соколъ, чому не літаю?
 Чому мені, Боже, Ти криля не давъ?
 Я бь землю покинувъ и въ небо злітавъ..
 Далеко, за хмари, подальше відъ світу,
 Шукать собі доли, на горі привіту,
 И ласки у сонця, у зірокъ прохати,
 И у світі ихъ яснімъ себе покохати,
 Бо долі ще змалку кажусь я недлюбій,
 Я найміть у неї, хлопцюга прибудній:
 Чужій я у долі, чужій у людей..
 Хиба хто кохає неріднихъ дітей?..
 Кохаюся лихомъ и щастя не знаю.
 И гірко безъ долі свій вікъ коротаю;
 Й у горі спізнавъ я, що тільки одна
 Далеке небо—моя сторона...

¹⁾ Какъ въ сумерки вечерній звонъ
 Подъ темный вечеръ уныло звонитъ,
 Какъ съ вѣтромъ въ полѣ плачуть онъ,
 А въ дубравѣ тяжело стонетъ,—
 Тогда душа моя болитъ,
 Съ печали плачу по невѣрной,
 А душа все туда летитъ,
 Гдѣ впервые услышалъ я вечерній звонъ,
 Гдѣ впервые такъ я любилъ
 Поля привольны и дубравы,
 Гдѣ впервые увидѣлъ свѣтъ и радость,
 Да карія очі и черныя брови!
 Проснетъся все въ душѣ тогда,
 Вечерній звонъ разбудитъ все;
 Слеза пробьетъ и отъ тоски
 Душа всѣ радости забудетъ..
 О, звонъ! тяжелый твой привѣтъ
 Тому, кто не имѣетъ милой;
 Душа болитъ и меркнетъ свѣтъ,
 А сердце хуже занывается.

И на світі гірко! Якъ стане ще гірше,
 Я очи на небо!—мені веселіше,
 И въ думкахъ забуду, що я сирота—
 И думка далеко, високо літа!..
 Такъ дайте же крилля, орлячого крилля!
 Я землю покину—и на новосілля
 Орломъ бистрокрилимъ у небо полynu
 И въ хмарахъ відъ світу на-вікъ утону ¹⁾.

Лермонтовскіе мотивы и приемы замѣтны также въ стихотвореніи Петренки „Вечір“ . Оно ближе всего подходитъ къ стихотворенію Лермонтова „Выхожу одинъ я на дорогу“. Петренко также наблюдаетъ ночное небо и спрашиваетъ его о причинѣ своей грусти:

Схилившись на руку, дивлюся я
 Въ вечерне край небо далеко и глубоко,
 И чую, проситься душа моя
 Туди, де потонуло в хмарахъ око.
 И тьохка сердце у мени,
 А в очихъ темно, темно, мутно..
 Чого ж в души становиться такъ смутно,
 Коли дивлюсь, вечерне небо, на тебе?
 Покрите хмарами, мов хвилями те море,
 Що ти там мовиши в вишини?
 Чи перши радости, чи тяжке горе
 Ти шлеш самотному мени?
 Чого твоя журлива мова
 Моей души недовидома?
 И мова ся, й велика рич

¹⁾

Смотрю я на небо, да думу думаю:
 Отчего я не соколъ, зачѣмъ не летаю?
 Зачѣмъ, Боже, не далъ ты мнѣ крыльевъ?
 Я бы покинулъ землю и слеталъ бы на небо..
 Далекое, за тучи, подальше отъ свѣту
 Искать себя счастья, въ горѣ привѣту,
 И ласки у солнца, у зорекъ просить
 И въ свѣтъ ихъ ясномъ себя пожелѣвать.
 Я долъ издѣтства кажусь нелюбимымъ,
 У ней я батракъ, мальчишка прилудный:
 Чужой я у счастья, чужой у людей..
 Развѣ кто любитъ неродныхъ дѣтей?
 Связался я съ горемъ и счастья не знаю,
 И горько безъ доли свой вѣкъ коротаю;
 И въ горѣ узналъ я, что только одна
 Далекое небо—моя сторона..
 И горько на свѣтъ! Какъ еще горше станетъ,
 Я очи на небо, и мнѣ веселѣе,
 И въ мысляхъ забуду, что я сирота—
 И дума далеко, високо летаетъ!..
 Такъ дайте же крылья, орлиныя крылья!
 Я землю покину и на новоселье
 Орломъ бистрокрилымъ полечу на небо
 И въ облакахъ отъ свѣту на вѣкъ утону.

Для мене темна такъ, мов тая нич.
 Ти, може, мовиш те, що так як хмари
 Покрили крайнебо, краси твои,
 Такъ потемниють дни мои
 Безъ радости и видъ людской кари?
 И те, що мий сиритський сляд
 Зальється на свити сльозами,
 А доля зла, и хмари бидь
 На бидну голову посипляться громами?
 Тебе я не пойму, якъ и того, що буде,
 А тилько важко так мени,
 Неначе небо все и хмари ти
 Мени схилилися на груди ¹⁾.

Но, при несомнѣнномъ подражаніи Лермонтову, поэзія Петренки отличается еще болѣе грустнымъ тономъ, постоянно вздыхаетъ о чемъ-то и порывается отъ земли къ небу. Къ Петренку болѣе, чѣмъ къ кому либо другому, идутъ слѣдующіе стихи П. П. Гулака-Артемовскаго въ его пародированномъ переложеніи „Думы“ Лермонтова— „Упадокъ вѣка“:

Не ззли, ні спиди, та все, небораки,
 На хмари дивлячись, здихають важче й важче ²⁾.

- ¹⁾ Склонившись на руку, смотрю я
 Въ вечерній небосклонъ далеко и глубоко
 И чую, просится душа моя
 Туда, гдѣ потонуло въ тучахъ око,
 И бьется сердце у меня,
 А въ очахъ темно, темно, мутно...
 Отчего-жъ въ душѣ становится такъ смутно,
 Когда смотрю, вечернее небо, на тебя?
 Покрытое тучами, какъ волнами море,
 Что ты тамъ говоришь въ вышинѣ?
 Первыя ли радости, или тяжкое горе
 Ты шлешь одинокому мнѣ?
 Отчего твоя печальная рѣчь
 Невѣдома душѣ моей?
 И бесѣда эта и великая рѣчь
 Для меня темна, какъ ночь.
 Ты, можетъ, говоришь о томъ, что какъ тучки
 Покрыли горизонтъ, красу твою,
 Такъ потемнѣють дни мои
 Безъ радости и отъ людскаго мщенья?
 О томъ, что мой сиротскій слѣдъ
 Зальется на свѣтѣ слезами,
 А судьба зла, и тучи бѣдъ
 На бѣдную голову посыплются громами?
 Тебя я не пойму, какъ и того, что будетъ,
 А только тяжело такъ мнѣ,
 Какъ будто небо все и тучи тѣ
 Склонилися ко мнѣ на грудь.
- ²⁾ Не випили, не сѣли, да все, бѣдняги,
 Смотри на тучи, вздыхають тяжелѣй и тяжелѣй.

VIII.

С. М. Родына.

С. М. Родына—псевдонимъ южнорусскаго писателя, истинная фамилія котораго обозначена только буквою К. Съ именемъ Родыны извѣстенъ только одинъ сборничекъ сочиненій на южнорусскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Мова зъ Украины. Кіевъ, 1858 г.“. Изъ предисловія къ этому сборничку можно видѣть, что авторъ его съ малолѣтства жилъ въ южной Россіи, собиралъ народныя украинскія пѣсни для сборника А. Л. Метлинскаго и состоялъ членомъ императорскаго русскаго географическаго общества, отъ котораго получалъ, за свои сообщенія, „самыя лестныя отзывы благодарности“. Цѣль сборника состояла въ содѣйствіи народному образованію, которое, по словамъ автора, „не должно уже заключаться въ отдѣльныхъ какихъ-либо слояхъ общества, но охватывать должно собою, болѣе или менѣе, судя по потребностямъ, и всѣ низшіе классы въ общественной жизни... Види, продолжаетъ онъ, что въ недавнее время стали издаваться для чтенія простолюдиновъ, при воспитаніи ихъ въ сельскихъ школахъ, книги на языкѣ понятномъ имъ, приспособленномъ къ ихъ разговору, я рѣшился въ этой книгѣ изложить нѣкоторые предметы, необходимые и полезныя при религіозно-нравственномъ образованіи простаго народа тѣхъ губерній, гдѣ для него великорусскій языкъ не столько повятенъ, сколько бы это нужно, а употребляется нарѣчіе южно-русское“. Не смотря, однако, на свое народолубіе, авторъ все-таки обнаруживаетъ свои барскія наклонности и взгляды, и порой довольно наивно высказываетъ ихъ. Въ стихотвореніи „Начатокъ весны“, описывая прелести этого пріятнѣйшаго времени года, онъ говоритъ:

Пойдутъ пахари съ плугамы,—
 Раскыдають по нывахъ зѣрно
 Зъ молитвами до Бога урожаю;
 Садкы запахнуть, пташки защебечуть;
 И ранкомъ теплымъ, напывпись чаю,
 Панъ выйде весело къ своимъ крестьянамъ.
 Проснецца все, що спало, що замерло;
 И мушка й чоловікъ, все славить Бога стане.

Такъ и припоминается тутъ взяточникъ-чиновникъ съ своимъ идиллическимъ взглядомъ на весну, когда пчелка съ cadaго цвѣточка беретъ себѣ взяточку!

Ни по содержанію и технику стиховъ, ни по языку, ни по общественнымъ взглядамъ автора, сборникъ его не заслуживалъ бы вниманія; но онъ интересенъ для насъ по той прозрачности, съ какою отразились на немъ разныя литературныя вліанія. Въ предисловіи

къ своему сборнику, Родина говоритъ, что его стихотворенія суть подражанія чисто народнымъ произведеніямъ. И дѣйствительно, между 24 стихотвореніями его сборника можно указать нѣсколько такихъ, которыя передѣланы изъ народныхъ произведеній. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ по слѣдамъ А. Л. Метлинскаго и даже иногда повторялъ его сюжеты, напримѣръ, въ стихотвореніи „Сиритка“. Но чаще подражанія эти состояли только въ южнорусскомъ языкѣ и дѣйствительными оригиналами своими имѣли не народные пѣсни, а произведенія Пушкина и особенно Лермонтова, перенимая ихъ виѣшніе приемы и даже слова и выраженія. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія его стихотворенія: „Осннь“, „Печаль невыннхъ душъ про свить земный“, „Дытына“ и „Пидъ небомъ литае хмаронька високо“. Первое изъ названныхъ стихотвореній начинается такъ:

Небо крыють хмары темни,
 Бура вые, скрызъ литае,
 Листы зъ дерева зелени
 Осннь хмурна осыпае;
 Сонце въ хмары заховалось,
 И, день-недесъ, часомъ гяне:
 Чи-то холоду злякалось?
 Чи-то журыцца, що вьяне,
 Те, що въ весну, литомъ землю розкрашало?.. ¹⁾

Эти стихи есть подражаніе „Зимнему вечеру“ Пушкина. Стихотвореніе—„Печаль невыннхъ душъ про свить земный“, повидимому, развиваетъ мысли „Пророка“ и „Поэта“ Пушкина и Лермонтова; но въ срединѣ почти буквально повторяетъ стихотвореніе Лермонтова „Ангель“:

Ще зъ дитку ихъ душъ
 Святую писню ангель проспывавъ;
 Та писня на души осталась вичне:
 И земный сей мырь турмою мовъ имъ ставъ.
 И часто думка ихъ лита на небо ²⁾.

Стихотвореніе „Дытына“ рисуеъ дитя такими же красками, какими изображена Тамара въ „Демонѣ“ Лермонтова. Наконецъ, стихи

¹⁾ Небо покрывають тучи темныя,
 Бура воетъ, вездѣ летаетъ;
 Листья съ дерева зеленые
 Осыпаетъ пасмурная осень;
 Солнце спряталось за тучи
 И гдѣ-негдѣ порой выглядываетъ:
 Испугалось ли оно холоду?
 Или печалится, что вянетъ
 То, что украшало землю весной, лѣтомъ?

²⁾ Еще въ дѣтствѣ ихъ душъ
 Святую пѣсню ангель пропѣлъ;
 Та пѣсня на душѣ осталась вѣчно:
 И земной сей міръ сталъ для нихъ какъ бы тюрьмой,
 И часто мысль ихъ летаетъ на небо.

Родны— „Пидь небомъ литае хмаронька високо“ есть слабое подражаніе стихотворенію Лермонтова „Тучки“, съ примѣненіемъ его къ человѣческой судьбѣ. Вотъ это стихотвореніе Родны:

Пидь небомъ литае хмаронька високо,
Литае по-вѣтру, куда вѣнь несе:
Хочь близько, далеко, —
Чи знать їй про се?..
Такъ я молодой:
Не знаю, де мѣсце соби обберу, —
Якій на жыття мене прыйме край,
Въ якій сторони я умру!..—и проч. ¹⁾.

При всей слабости стихотвореній Родны, они небезынтересны въ томъ отношеніи, что показываютъ хронологическія границы вліянія Лермонтова на украинскую литературу, которое, начавшись съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, продолжалось до конца пятидесятихъ годовъ.

IX.

Викторъ Забѣлла ²⁾.

Единственныя свѣдѣнія о жизни Забѣллы, доселѣ здравствующаго украинскаго писателя, мы имѣемъ въ „Запискахъ М. Н. Глинки“. Говоря о пребываніи своемъ въ 1838 году въ Каченовкѣ, въ помѣстьи Григ. Степ. Тарновскаго, Борзненскаго повѣта, Глинка, между прочимъ, рассказываетъ слѣдующее: „Сосѣдь Тарновскихъ, мой пансіонскій товарищъ Н. А. Маркевичъ, помогъ мнѣ въ балладѣ Финна: онъ сократилъ ее и поддѣлалъ столько стиховъ, сколько требовалось для округленія пьесы... Малороссійскій поэтъ Викторъ Забѣлла иногда также гостилъ въ Каченовкѣ. Двѣ его малороссійскія пѣсни: „Гуде витеръ вельми въ поли“ и „Не щебечи, соловейко“ я положилъ тогда же на музыку. Этотъ Забѣлла былъ необыкновенный мастеръ представ-

¹⁾ Подъ небомъ летаетъ тучка високо,
Летаетъ по вѣтру, куда онъ несесть:
Хоть близко, далеко, —
Развѣ знать ей про это?
Такъ я молодой:
Не знаю, гдѣ выберу себѣ мѣсто,
Какой край приметъ меня на жытьє,
Въ какой сторони я умру.

²⁾ Источники: 1) „Русская Старина“, 1870 г., т. 2, стр. 278—9, и 2) „Дястовка“ Е. Гребенки, 1841 г. Увѣряютъ, что о В. Забѣллѣ говорится еще въ статьѣ П. М—са „Эпизоды изъ жизни Шевченка“, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Югозападной и Западной Россіи“ за 1863 годъ, но безъ означенія его имени и фамиліи.

лять въ лицахъ; въ особенности хорошо представлялъ слѣпцовъ. Первый скрипачъ, Калиничъ, однажды былъ приведенъ отъ такого представленія въ столь сильный восторгъ, что воскликнулъ: „Это, сударь мой, волшебство, совершенный антикъ“. Хозяинъ, который говорилъ такимъ же ломанымъ языкомъ, какъ и первый скрипачъ его, былъ чрезвычайно аккуратенъ, и всѣ наши удовольствія и сюрпризы непременно оканчивались до полуночи и ранѣе, причѣмъ хозяинъ вѣжливо раскланивался, и гости расходились. Но не всѣ предавались сну: у меня въ оранжереѣ собирались Марьевичъ, П. Своропадскій, Забѣлла и Штернбергъ... Играли русскія и малорусскія пѣсни, представляли въ лицахъ и бесѣдовали дружески иногда до трехъ и четырехъ часовъ по полуночи, къ нѣкоторой досадѣ аккуратнаго хозяина. Эти сцены повторялись часто, и Штернбергъ удачно изобразилъ наши сходки, равно какъ ловко потрафилъ Забѣллу“. Этотъ портретъ Забѣллы находится въ альбомѣ Л. И. Шестаковой, принадлежащемъ нынѣ императорской публичной библиотекѣ.

Кромѣ указанныхъ Глинкою двухъ пѣсенъ В. Забѣллы, намъ извѣстны его стихотворенія, помѣщенные въ „Ластовкѣ“ Гребенки: „Голубъ“, „Писня“ и безымянная, начинающаяся словами— „Повіяли витры буйны“.

Въ поэтической дѣятельности В. Забѣллы г. Чупрына видитъ подражаніе Шевченку и А. Метлинскому. „Счастливые опыты въ стихахъ автора „Думъ“,—говоритъ онъ,—поэзія котораго пришлось такъ по сердцу украинцамъ, и Амвросія Могила указали другимъ тотъ путь, на которомъ встрѣчаемъ талантливаго Забѣллу, отчасти Чужбинскаго“¹⁾. Не смотря на веселый характеръ В. Забѣллы, какимъ изображаетъ его Глинка, стихотворенія нашего автора всѣ почти отличаются глубокою грустью человѣка, навсегда потерявшаго радости любви и семейнаго счастья. Можетъ быть, грустный тонъ его стихотвореній навѣянъ Метлинскимъ и отчасти Шевченкомъ, но, можетъ быть, онъ найдетъ свое объясненіе и въ обстоятельствахъ жизни самаго автора. Нѣкоторое исключеніе представляетъ только его „Писня“, въ которой, по крайней мѣрѣ, не высказывается безнадежность любви. Проѣхавъ дважды мимо двора милой и не видѣвъ ея въ очи, герой пѣсни мысленно обращается къ ней со слѣдующими словами:

Чи й ты такъ скучаешь?
 Коли мене вирно любишь,
 То й бачыть бажаешь.
 Ой, якъ вирно мене любишь,
 Будемъ жыть зъ тобою
 Цилый вийъ, мое серденько,
 Якъ рыба зъ водою!²⁾

¹⁾ Литературный отдѣлъ „Москов. Вѣдомостей“, 1865 г., № 41: „Литературныя замѣтки, Скубенга Чупрына“.

²⁾ Скучаешь ли и ты такъ?
 Коли меня вѣрно любишь,

Стихотвореніе „Повіялы витры буйны“ жалуется на разлуку съ дивчиною:

Повіялы витры буйны
 Зъ холоднаго краю:
 Розлучылы зъ дивчиною,
 Котру я кохаю.
 Та не витры, люде злыи
 Мини се зробылы;
 Самы мене звелы зъ нею,
 Самы й разлучылы ¹⁾).

Въ стихотвореніи „Голубъ“ молодой казакъ плачетъ по своей несчастной долѣ, разлучившей его съ подругою жизни и разрушившей его семейное счастье. Казакъ спрашиваетъ голубя, зачѣмъ онъ такъ тяжело стонетъ, и голубь высказываетъ передъ нимъ такую же печаль-тоску, какая грызла и самого казака:

Того, козаченьку,
 Того, кучерявый,
 Що я спаруався,
 Та не поживъ лѣта
 Зъ сызою своею:
 Ястрыбы убылы.
 И дитокъ прыдбалы
 Двойко малюсенькихъ,
 Згодувать не вспиды;
 Погынулы й диткы
 За мылою швидко,
 Я стогнать остався ²⁾).

-
- То и видѣть желаешь.
 Ой, какъ вѣрно меня любишь,
 Будемъ жить съ тобою
 Цѣлый вѣкъ, мое сердечко,
 Какъ рыба съ водою.
- ¹⁾ — Повіялы вѣтры буйны
 Съ холоднаго краю,
 Разлучили съ дѣвицею,
 Которую я люблю.
 Да не вѣтры, люди злые
 Сдѣлали мнѣ это;
 Сами меня свели съ нею,
 Сами и разлучили.
- ²⁾ Оттого, казакъ,
 Оттого, кудреватый,
 Что я нашель пару,
 Да не пожилъ лѣта
 Съ сызою своею:
 Ястребы убили.
 И дѣтокъ имѣли
 Двухъ малютокъ,
 Не успѣли выкормить;
 Погыбли и дѣтви
 За милою скоро,
 Я стонать остался.

Онъ не хочетъ уже летѣть въ поле, чтобы тамъ найти стадо и прогнать свое горе:

Що стадо поможе
Мини бидоласи?
Тамъ усе чужин.
Одняли у мене
Голубку и ридныхъ
Ворогы лыхин...
Колы суха витка,
Котра пидо мною,
Зновъ зазеленіе,
Тогди сыза буде
Зъ ридными до мене,
И сердце зрадіе. —
Та й застогнавъ дуже,
И сплеснувъ крылами,
Ажъ лись стрепенувся,
Полетивъ по пущи...
Бильшь на тую витку
Винъ и не вернувся... ¹⁾

Такого же грустнаго тона и пѣсна Забѣллы „Не щибечи, соловейку“, переложенная Глинкою на музыку. Благодаря этому обстоятельству, она получила большую извѣстность въ Малороссіи и стала почти народною. Мы приводимъ ее здѣсь въ томъ видѣ, какъ она записана для насъ на Волыни:

Не щибечи, соловейку,
На зорі раненько!
Не щибечи, малюсенькій,
Підъ вікномъ близенько!
Твоя пісьня дуже гарна,
Ти гарно співаєшь;
Ти щасливий спаровався

---

¹⁾ Чтò стадо поможетъ
Мнѣ бѣднягѣ?
Тамъ все чужіе.
Отняли у меня
Голубку и родныхъ
Вороги лихіе.
Когда сухая вѣтка,
Что подо мною,
Вновь зазеленѣтъ,
Тогда сивая будетъ
Съ родными ко мнѣ,
И сердце обрадуется. —
Да и застогналъ сильно,
И всплеснулъ крылами,
Инда хѣсь встрепенулся,
Полетѣлъ по пущѣ.
Больше на ту вѣтку
Онъ и не вернулся.

И гніздечко маешь,
 А я бідний, безталанний
 Безъ пари, безъ хати;
 Не судилось мнѣ в свѣтѣ
 Весело співати.
 Ой, літи ж ти къ тимъ людямъ,
 Котри веселятся!
 Вони пісьнею твоєю
 Будуть забавляться.
 Мнѣ пісенька така
 Серце разриває;
 Гірше бѣця въ груді
 И духъ замирає.
 Мнѣ пугачъ такъ згодився,—
 Стогне, не співає.
 Нехай стогне коло мене
 И смерть возвѣщає! ¹⁾

¹⁾ Не щєбєчи, соловушєкъ
 На зарѣ ранєнько!
 Не щєбєчи, малєнькій,
 Подъ окномъ близко!
 Твоя пісня хороша очєнь,
 Ты хорошо поєшь;
 Ты счастливый живєшь въ парѣ
 И имѣєшь гвѣздышко,
 А я бѣдний, безталанний,
 Безъ пари, безъ хати;
 Не судилось мнѣ въ свѣтѣ
 Піть весело.
 Ой, лєти жє ты къ тѣмъ людямъ
 Кои веселятєся!
 Они пісьнею твоєю
 Будуть забавлятєся.
 А мнѣ пісенка така
 Сердєє разриваєтє;
 Горше бѣтєся въ грудєи
 И духъ замираєтє.
 Мнѣ такъ филинъ вторитє,
 Стонєть, не поєтє.
 Пускай стонєть коло мєня
 И смєрть возвѣщаєтє.

По всей вѣроятности, есть у Забѣллы и другія стихотворєнія; но онъ пишєть ихъ про себя и скупо дѣлится ими съ публикою.

Х.

Александръ Степановичъ Аванасьевъ (Чужбинскій) ¹⁾.

Александръ Степановичъ Аванасьевъ родился въ 1817 году, въ Лебединскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, гдѣ отецъ его владѣлъ небольшимъ населеннымъ имѣніемъ. Въ 1829 году, онъ былъ отвезенъ въ Нѣжинъ и отданъ въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко. Здѣсь онъ квартировалъ у профессора Соловьева, человѣка весьма замѣчательнаго, вмѣстѣ съ Е. П. Гребенкою, впоследствии приобрѣвшимъ извѣстность въ качествѣ повѣствователя. Вскорѣ по вступленіи Аванасьева въ число воспитанниковъ гимназіи, это заведеніе было преобразовано въ лицей, и онъ окончилъ курсъ наукъ уже съ званіемъ студента лицея и правомъ на чинъ XIV класса. Отдохнувъ около года въ деревнѣ, Аванасьевъ, по приглашенію одного изъ бывшихъ своихъ товарищей, описавшаго ему свой бытъ самими поэтическими красками, поступилъ, въ 1836 году, юнкеромъ въ Бѣлгородскій уланскій полкъ, но на первыхъ же порахъ встрѣтилъ самое горькое разочарованіе, и въ 1843 году вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика. Въ 1847 году, онъ снова поступилъ на службу въ канцелярію воронежскаго гражданскаго губернатора и въ томъ же году назначенъ редакторомъ неофициальной части „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; но и здѣсь онъ прослужилъ всего два года, послѣ чего снова вышелъ въ отставку; умеръ въ Петербургѣ 6-го сентября 1875 года.

Аванасьевъ началъ писать очень рано, еще въ лицей, гдѣ въ то время вѣялъ литературный духъ. Первымъ напечатаннымъ его произведеніемъ было стихотвореніе „Кольцо“, помѣщенное въ „Современникѣ“ (1838 г., т. XI), съ подписью: Чужбинскій. Подъ этимъ псевдонимомъ онъ продолжалъ писать до 1851 года, т. е. до появленія въ свѣтъ двухъ первыхъ его изданій — „Галерея польскихъ писателей“ и „Русскій солдатъ“, подписанныхъ уже его настоящимъ именемъ. Съ тѣхъ поръ Аванасьевъ началъ выставлять подъ своими статьями и стихотвореніями попеременно то фамилію, то псевдонимъ, а съ 1853 года сталъ соединять фамилію съ псевдонимомъ, т. е. подписывался: Аванасьевъ-Чужбинскій. Изъ многочисленныхъ его статей, которыя онъ печаталъ почти во всѣхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, можно указать на слѣдующія: „Словарь малорусскаго нарѣчія“ въ „Извѣстіяхъ академіи наукъ“ за 1856 г. (т. IV), „Безыменные тицы“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1856 г. (№ 23), „Замѣтки о Ма-

¹⁾ Источники: 1) „А. С. Аванасьевъ“, В. Толбина, въ изданіи „Лицей князя Безбородко“, С.-Петербургъ, 1859 года, отд. II, стр. 3—4 и 163—165; 2) „Поэзія славянъ“, Гербеля, С.-Петербургъ, 1871 года, стр. 193—194. Другіе источники, мѣже важныя, будутъ указаны въ примѣчаніяхъ къ тексту.

лороссіи“, въ „Экономическомъ указателѣ“ за 1857 г. (№ 13) и въ особенности на собраніе мелкихъ его стихотвореній на малороссійскомъ языкѣ, изданныхъ имъ въ 1855 году, подъ заглавіемъ — „Що було на серци“. Въ 1856 году, Аванасьевъ вмѣстѣ съ другими нашими писателями—Островскимъ, Писемскимъ, Максимовымъ и Михайловымъ, былъ приглашенъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ составить описаніе правовъ, обычаевъ и занятій приморскихъ и прирѣчныхъ жителей Россіи. Аванасьевъ избралъ низовья Днѣпра, какъ предѣлы, болѣе ему извѣстныя. Плодомъ его дѣятельности во время этой поѣздки былъ цѣлый рядъ статей, помѣщавшихся въ „Морскомъ Сборникѣ“ въ теченіе 1856—1860 годовъ и вышедшихъ потомъ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ „Поѣздка въ южную Россію“¹⁾.

Большая часть сочиненій А. С. Аванасьева-Чужбинскаго писана на обще-русскомъ литературномъ языкѣ. На украинскомъ нарѣчій написано имъ только нѣсколько лирическихъ стихотвореній, помѣщавшихся въ „Ластовкѣ“ Гребенки, 1841 г., „Молодикѣ“ Вецкаго, 1843 г., въ „Основѣ“ за 1861 и 1862 г. и особенно въ его книгѣ „Що було на серци“, 1855 года, которая собственно и должны войти въ исторію украинской литературы. Въ 4 № „Москвитянина“ за 1855 годъ мы читаемъ объ этой книгѣ слѣдующій отзывъ: „Эта изящная книжка, превосходно отпечатанная, заключаетъ въ себѣ всего 15 стихотвореній, на 44 страницахъ. Видъ ея — самый скромный, и критика, быть можетъ, пройдетъ ее безъ сочувствія. Но въ ней столько теплоты, свѣжести и самобытныхъ красокъ, какъ мы давно уже не встрѣчали этого въ украинскихъ изданіяхъ со временъ „Гайдамаковъ“ и „Присказокъ“ Гребенки. Книжка неизвѣстнаго автора далеко обойдетъ уголки, гдѣ читались Квитка и Котляревскій, и не одну слезу вырветъ изъ глазъ панночекъ, расплывающихся на берегахъ

¹⁾ О „Словарѣ“ и „Поѣздкѣ въ южную Россію“ см. въ „Основѣ“, за январь, 1862 г. Перечень сочиненій его, по 1857 годъ, помѣщенъ въ книгѣ „Лицей князя Безбородко“, 1859 г. и отчасти въ „Поэзіи славянъ“, Гербеля, 1871 года. Кромѣ того, извѣстны еще слѣдующія сочиненія Аванасьева-Чужбинскаго: 1) „Нѣсколько словъ по поводу гласности“, въ „Русскомъ Дневникѣ“, 1859 г., № 101; 2) „Мельница близъ села Ворошилова“, 1856 г.; 3) „Дорожныя Записки“, въ „Русск. Словѣ“, 1860 г. №№ 1 и 8; 4) „Бѣглыя замѣтки на пути по Малороссіи“, въ „Сѣв. Пчелѣ“, 1860 г., № 288; 5) „Сказки и новѣсти Г. П. Данилевскаго“, въ „Основѣ“, за январь 1861 г.; 6) „Землякамъ. Надъ гробомъ Т. Г. Шевченка“, „Русск. Слово“, 1861 г., № 2; 7) „Воспоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ“, тамъ же, № 4; 8) „Изъ корнетской жизни“, „Современникъ“, 1861 г., № 7; 9) „Конокрады“, „Время“, 1862 г., № 4; 10) „Бабушка“, „Отеч. Записки“, 1862 г., № 6; 11) „Очерки прошлаго“, 4 ч., С.-Петербургъ, 1863 г.; 12) „Тысяча и одна ночь“, съ французскаго, С.-Петербургъ, 1866 года; 13) „Разборъ журнала „Основы“, въ „Русск. Словѣ“, 1868 года, № 1; 14) „Фана“, С.-Петербургъ, 1872 г.; 15) „Петербургскіе игроки“, 4 ч., С.-Петербургъ, 1872 г.; 16) „Исторія Наполеона I, П. Ланфре“, переводъ съ французскаго, Сиб. 1873 г.; 17) „Листопадъ“, гр. А. Ржевусскаго, перев. съ польскаго, Сиб., 1873 г.; 18) „Пущечное мясо“, М. Л. Ганьберъ, перев. съ французскаго, Сиб. 1874 г.

Днѣпра, Ворсклы и Грунь-Тихой: „Ой, у поли могила“ и „Віють витры“. Перепечатавъ стихотвореніе „Прощання“, рецензентъ прибавляетъ: „Кто бы могъ ожидать, чтобы столько свѣжести, силы и теплоты заключала элегія во вкусѣ Байрона, на языкѣ дегтярниковъ и чумаковъ?“ Стихотворенія Аѳанасьева-Чужбинскаго отзываются сильнымъ субъективизмомъ и составляютъ какъ бы исторію внутренней жизни самаго поэта. Онъ часто жалуется на свою скитальческую жизнь и на одиночество на чужбинѣ, откуда, кажется, заимствовалъ и свой псевдонимъ Чужбинскаго. Въ этомъ отношеніи характерно его стихотвореніе „Товарышеві“, гдѣ онъ говоритъ:

Жывіть, голубъ зъ голубкою,
Щастя наживайте,
Та и часомъ колы небудь
Козака згадайте,
Котрый десь-то на чужині,
Сердега убогий,
Шіде шукать помежъ людми
Своеі дороги,
Котрый вікъ свій промандруе
Зъ пустыми руками,
Вставаючы й лягаючы
Вмыетьця слѣзами... ⁴⁾

Благодаря задушевности и теплотѣ чувства, стихотворенія Аѳанасьева-Чужбинскаго сдѣлались любимыми пѣснями въ нѣкоторыхъ кружкахъ украинскаго общества. Въ предисловіи къ своей книжкѣ „Що було на серци“, онъ самъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Пѣль и я, братцы, выливалъ въ пѣснѣ то, чтѣ было на сердцѣ, чтѣ роилось на умѣ, и, видя, какъ иногда чернобровыя дѣвушки перенимають мои пѣсни, подумалъ: пускай же не пропадаютъ золотыя мгновенья, которыя, Богъ ихъ святой знаетъ откуда, вторгались въ душу и громко вырывались на волю“. Въ „Старосвѣтскомъ Бандуристѣ“ Закревскаго, 1860 г., между народными пѣснями помѣщена и нижеслѣдующая пѣсня Аѳанасьева-Чужбинскаго (стр. 29):

Ой у поли на роздолы
Шовкова травиця;

⁴⁾ Живите, голубъ со голубкою,
Щастя наживайте,
Да и порой когда нибудь
Вспомните о казакѣ,
Который гдѣ-то на чужбинѣ,
Бѣдняга несчастный,
Пойдетъ искать межъ людьми
Своей дороги,
Который вікъ свой прошатается
Съ пустыми руками,
Вставая и ложась
Умоется слезами.

Середъ неї край тополи
 Чистая криница.
 Тільки туды кониченька
 Мини не водить,
 Изъ тїей криниченьки
 Водици не пити.
 Травка звяне, травка зсохне
 Коню вороному,—
 Огрутою вода стане
 Мини молодому!
 На тїй шовковій травци
 Багато отруты:
 А зъ тїей криниченьки
 Пивъ мій ворогъ лютий ¹⁾.

Стихотвореніе „Евгенію Павловичу Гребенѣ“ положено на ноты и тоже помѣщается между народными пѣснями ²⁾. Это — самое популярное стихотвореніе Чужбинскаго. Вотъ оно:

Скажи мині правду, мій добрый козаче,
 Що діяты серцю, колы заболить,
 Якъ сердце застогне и гірко заплаче
 И дуже безъ щастя воно защемить?
 Якъ горе, мовъ терень, всю душу поколе,
 Колы одцуралось тебе вже усе,
 И ты, якъ сухое перекоты-поле,
 Не знаешъ, куды тебе вітеръ несе?
 „Э, ни! кажешъ мовчки: скоснвши былину,
 Хочъ ранокъ и вечеръ водою полмай,
 Не зазеленіє;—вохай сиротыну,
 А матері й батька не бачити їй“.
 Оттакъ и у світі: хто рано почуе,
 Якъ сердце заплаче, якъ сердце здыхне,
 Той рано й заплаче... А доля шуткує—
 Поманить, поманить, та й геть полыне“.

¹⁾ Ой, въ полѣ на раздолѣ
 Шелковая травка;
 Среди нея, коло тополи
 Чистый колодезь.
 Только туда коня
 Минѣ не водить,
 Изъ того колодца
 Воды не пить.
 Травка завянетъ, травка засохнетъ
 Коню вороному,—
 Отравою вода станетъ
 Минѣ молодому!
 На этой шелковой травушкѣ
 Много отравы:
 А изъ того колодца
 Пивъ мой ворогъ лютий.

²⁾ См. „Народни українські пісні зъ голосомъ“, О. Гулака-Артемовскаго, вып. 1
 Кіевъ. 1868 г. № 52.

А можна жъ утерпѣть—якъ яснее сонце
 Блмсе и засяе для миру всёго
 И гляне до тебе въ убоге виконце?..
 Ослѣнешь, а дымься все на ёго ¹⁾.

Кромѣ того, ходили по рукамъ стихотворенія: „Безталанна“, „Дівочька правда“ и двѣ „думки“. Они напечатаны были въ журналѣ „Основа“ за ноябрь и декабрь 1861 года и за августъ 1862 г., съ предположеніемъ, что это—первые опыты Т. Г. Шевченка. Между тѣмъ, оказалось, что всѣ эти стихи написаны Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ и два первыхъ стихотворенія уже отпечатаны были въ его книжкѣ „Що було на серци“ ²⁾. Эта мистификація всего лучше обнаружила внутреннее достоинство стихотвореній Аѳанасьева-Чужбинскаго, которыя признаны были первыми слабыми опытами Шевченка.

Н. Петровъ.

¹⁾ Переводъ Гербеля:

Скажи мнѣ всю правду, мой добрый, мой милый,
 Что съ сердцемъ мнѣ дѣлать, когда заболитъ,
 Застонетъ, забьется съ удвоенной силой
 И станетъ безъ устали плакать и вить?
 Когда неискходное горе по волѣ,
 Какъ тернъ тебѣ сердце въ куски изорветъ,
 И ты, какъ сухое перекасти-поле,
 Не знаешь, куда тебя вѣтеръ несетъ?
 „Увы! ты отвѣтишь: скосивши былинку,
 Хотя-бъ ее сто разъ ты полилъ водой,—
 Не цвѣсть ей ужъ болѣ: люби сиротинку,
 А ей не видать ни отца, ни родной.
 Вотъ такъ и на свѣтѣ! кто рано почуветь,
 Какъ сердце рыдаетъ, какъ сердце болитъ,
 Тотъ рано заплачетъ... А доля плутуетъ—
 Поманить, поманить, и прочь улетитъ.
 Ужели утеришь—какъ ясное солнце
 Взойдетъ и заблещетъ для міра всего
 И въ очи заглянетъ къ тебѣ сквозь оконце?
 Ослѣнешь, а будешь глядѣть на него.

²⁾ См. журналъ „Основа“, за октябрь 1862 года. Библиографія.

ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

ПРАДѢДЪ мой по матери былъ генераль-поручикъ Дмитрій Михайловичъ Буткевичъ, о котромъ не разъ упоминается въ журналѣ „Русская Старина“. Такъ, извѣстный А. Т. Болотовъ въ своихъ запискахъ говорить, что знавалъ его въ 1752 году секретаремъ конной гвардіи ¹⁾, а въ историческихъ анекдотахъ Карабанова разсказывается про его неудачную рѣчь императрицѣ Екатеринѣ II, при открытіи Новгородской губерніи, гдѣ онъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства ²⁾. Отецъ его, Михаилъ Ивановичъ, полковникъ петровскихъ дружинъ, скончался схимникомъ въ Кіево-печерской лаврѣ и какъ будто наложилъ какую-то печать резигиозности на все свое потомство. По примѣру отца, прадѣдъ мой былъ великій богомоль и постникъ и не зналъ лучшаго препровожденія времени, какъ чтеніе церковныхъ книгъ, или писаніе въ огромную переплетенную въ кожу книгу церковно-философскихъ афоризмовъ.

Прабабка моя, Татьяна Алексѣевна, урожденная Балкъ, была въ молодости красавицей. Тонкія подвижныя черты ея лица и ротъ, у котораго почти не было губъ, изобличали въ ней страшную раздражительность, о которой и до сихъ поръ сохранилось семейное преданіе; всѣ въ домѣ трепетали передъ ней. Она принесла моему прадѣду значительное состояніе, которое сдѣлалось колоссальнымъ для того времени, такъ что о немъ ходили баснословныя легенды. Но, не смотря на супружеское счастье, прадѣдъ мой и прабабка оставались бездѣтны и уже начинали старѣться, когда, послѣ 10 лѣтъ

¹⁾ „Записки Болотова“, т. I, стр. 179.

²⁾ „Русская Старина“, т. V, стр. 134, анекдотъ № 52.

брачной жизни, въ 1759 г., у нихъ родился сынъ Александръ. Приписывая это молитвамъ святаго Нила Столбенскаго, обрадованные родители пожертвовали въ Столбенскій монастырь, близъ Осташкова, имѣніе въ 1000 душъ крестьянъ.

Прадѣдъ души не слышалъ въ сынѣ, но воспитывалъ его въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ. Не довольствуясь своей домовою церковью, прадѣдъ мой построилъ еще въ своемъ имѣннѣ каменную приходскую, съ придѣломъ во имя Александра Свирскаго, патрона своего сына, а подъ церковью устроилъ склепъ, чтобы не, разлучаться съ сыномъ и послѣ смерти.

Сестра моей прабабушки, Екатерина Алексѣевна, была замужемъ за генераломъ Болтинымъ, и родовыя имѣнія этихъ двухъ семействъ тянулись по берегамъ рѣкъ Поли и Ловати почти на всемъ протяженіи теперешняго Старорусскаго уѣзда. Прадѣдъ мой былъ большой хозяинъ; какъ Болотовъ и многіе ихъ современники, во время своихъ заграничныхъ походовъ, онъ изучилъ прусское хозяйство и хотѣлъ его перенести въ наши новгородскія дебри. Много слезъ, крови и пота стоили крестьянамъ эти агрономическія затѣи; заведенъ былъ хуторъ, совершенное подобіе нѣмецкой фермы; каналы, мѣстами глубокиа, какъ рвы, тянулись на цѣлыя десятки верстъ.

Прадѣдъ мой занимался также и коммерціей; онъ торговалъ дровами: десятки барокъ гонялъ онъ Полой, Ильменемъ и Волховомъ въ Петербургъ, самъ сопутствуя своему каравану съ женой и всѣмъ домою на особой лодкѣ, въ родѣ Ноева ковчега, до того удобно устроенной, что путешествіе нисколько не нарушало обычнаго теченія домашней жизни. Старался онъ приучить и своего наслѣдника къ хозяйству и возилъ его съ собою на всѣ работы; но будущій баринъ смотрѣлъ на нихъ съ отвращеніемъ, и когда, бывало, отецъ отвернется, онъ толкуетъ крестьянамъ, что вступленіе его въ управленіе имѣніемъ будетъ концемъ ихъ египетской работы. И дѣйствительно, въ самый годъ смерти своего отца, дѣдъ мой уничтожилъ хуторъ, бывшую усадьбу заселилъ крестьянами, а самъ поселился въ маленькой, имъ же купленной, мызенкѣ, оставивъ на барщинѣ одну лишь деревню, а всѣхъ прочихъ крестьянъ перевелъ на оброкъ. До конца своей жизни онъ не любилъ деревенской тишины и не зналъ, какъ дотянуть до Александрова дня, чтобы, справивъ свои именины и оставивъ семейство еще на мѣсяць въ деревнѣ, одному спѣшить въ Петербургъ, гдѣ онъ только и могъ жить.

Весело и шумно прошла молодость богатаго наслѣдника; онъ былъ изъ первыхъ красавцевъ того времени—высокій, статный, стройный, замѣчательно ловкій и сильный. Князь Репнинъ взялъ его къ себѣ въ ординарцы. Въ этотъ день государыня кушала у князя и молодому ординарцу, по тогдашнему этикету, пришлось исполнять должность форшнейдера. Обѣды того времени отличались простотой, которая теперь немислима и въ мѣщанскихъ семействахъ: на жаркое

подали гуся, но едва онъ попалъ подъ прозекторскую операцію моего дѣда, какъ въ неразрѣзанномъ видѣ и вмѣстѣ съ блюдомъ отправился подъ столъ. Подали другаго гуся, и на этотъ разъ операція совершилась вполне благополучно. Императрица, зная, что отъ суроваго Решнина за такую неловкость могло порядкомъ достаться моему дѣду, обратясь къ хозяину, выпила за здоровье его новаго ординарца. Съ этихъ поръ и началась его карьера, хотя при жизни императрицы онъ неособенно быстро двигался по службѣ: лихой гусарскій полковникъ, онъ имѣлъ Георгіевскій крестъ за Очаковъ и золотую саблю, а при воцареніи Павла Петровича былъ ужъ бригадиромъ. Но лично императрица была стольже милостива къ юному вѣтренику сыну, какъ и къ его степенному и богомольному отцу: я еще помню большую фарфоровую чашку съ портретомъ государыни, пожалованную ему изъ ея собственныхъ рукъ. Никогда дѣдъ мой не снималъ перстня съ необыкновенной по величинѣ бирюзой—тоже личный подарокъ императрицы. Теперь эта бирюза красуется на иконѣ Тихвинской Божіей матери, которая была пожертвована моимъ покойнымъ дядей Николаемъ Александровичемъ въ Тихвинскій монастырь.

Когда пришла пора, какъ тогда говорили, остепенить молодца, его женили, или онъ самъ женился—навѣрное не знаю—на Екатеринѣ Александровнѣ Кошелевой. Отъ этого брака родилась дочь Варвара, и вскорѣ затѣмъ дѣдъ мой овдовѣлъ. Дѣвочку взяли къ себѣ мои прадѣдъ и прабабка и отдались ей съ тою старческою, беззавѣтною преданностью, на которую способны только дѣды и бабки къ своимъ внучатамъ. Какое ей давали воспитаніе, можно судить изъ того, что когда ребенокъ плакалъ, то вся дворня, а ея было до 100 человекъ, обязана была сбѣгаться въ комнату барышни, пѣть, плясать, ѣздить верхомъ на метлахъ и помеллахъ, стучать въ сковороды и не прерывать этого адскаго шабаша до тѣхъ поръ, пока дитя не засыпало или, по крайней мѣрѣ, не переставало плакать. Такъ росла моя старшая тетка. Прабабушкѣ моей не пришлось окончить воспитанія милой внучки—она скончалась ранѣе. Дѣдъ мой, еще много лѣтъ спустя, рыдалъ до истерики, вспоминая мать. Прадѣдъ мой дожилъ до исполненія своего завѣтнаго желанія — пристроить сироту, какъ онъ говорилъ. Варвару Александровну отдали замужъ за ея дальняго родственника, Александра Ивановича Татищева, тогда еще маіора, но которому предстояло сдѣлаться генераломъ отъ инфантерій, графомъ, военнымъ министромъ и предсѣдателемъ верховнаго уголовного суда въ 1826 году.

Дѣдъ мой снова зажилъ холостою жизнью, вскорѣ влюбился и женился на извѣстной тогда красавицѣ Аннѣ Ивановнѣ фонъ-Моллеръ. Говорятъ, на эту парочку молодыхъ весь тогдашній Петербургъ любовался. У нихъ родилось трое дѣтей: сынъ Алексѣй и двѣ дочери—Софья и Вѣра. Но не продолжительно было ихъ счастье: взаимная ревность погубила его. Что было въ дѣйствительности—сказать

трудно; говорили мнѣ тѣ, которые слышали это отъ моего дѣда, будто онъ засталъ въ спальнѣ жены своей одного изъ своихъ товарищей (весьма впоследствии извѣстнаго генерала, но кого именно, не упомяну, а потому и называть не смѣю), и выкинулъ его за окошко. Но нѣкоторые старше слуги наши, до смерти благоговѣнно преданные Аннѣ Ивановнѣ, увѣряли меня, что это гнуснѣйшая клевета, что ни прежде, ни послѣ, она до самой смерти не оскверняла брачнаго ложа, а если позволила себѣ кокетство, то потому, что, до глубины души оскорбленная въ своей любви и женскомъ достоинствѣ охлажденіемъ и явною измѣною мужа, она кокетствомъ и ревностью надѣялась возвратить себѣ любовь его.

Какъ бы то ни было, но только супруги разстались на вѣки и, не ограничиваясь этимъ, дѣдъ мой отрекся и отъ обѣихъ дочерей, признавая своимъ только сына. Положеніе Анны Ивановны, съ тремя дѣтьми и безъ всякихъ средствъ къ жизни, было по истинѣ ужасное; своего у нея ничего не было, а дѣдъ мой о ней и дочеряхъ и слышать не хотѣлъ. На ихъ счастье, вскорѣ вступилъ на престолъ императоръ Павелъ, который, по просьбѣ тетокъ Анны Ивановны, пожаловалъ ей маленькое имѣніе въ Лужскомъ уѣздѣ¹⁾. Она немедленно построила тамъ себѣ домъ, но пожалованные ей государственные крестьяне не хотѣли становиться крѣпостными и сожгли домъ. Но и барыня у нихъ была энергичная, вполне барыня того вѣка; призвавъ крестьянъ, она обругала ихъ за поджогъ самыми непечатными выраженіями и привадила въ наказаніе выстроить ей новый домъ на ихъ счетъ. Это было исполнено, и съ тѣхъ поръ крестьяне уже не ссорились съ своей барыней до самой ея кончины. Да и какъ было съ нею ссориться, когда у нея росли не двѣ барышни, а два земные ангела, двѣ сироты живыхъ родителей, неизвѣстно за что отверженные отцомъ и всѣмъ міромъ. Съ дѣтства не знавшія ничего, кромѣ позора и горести, приобщенныя къ страданіямъ нѣжно любимой матери, онѣ жили не для себя, а для другихъ, и если не могли дать этимъ другимъ счастья, то довольствовались и тѣмъ, что облегчали ихъ страданія.

Императоръ Павелъ былъ еще милостивѣе къ моему дѣду, чѣмъ покойная императрица; вскорѣ по своемъ вступленіи на престолъ, онъ произвелъ его въ генералы и назначилъ шефомъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка. Однажды дѣдъ ѣхалъ въ саняхъ съ адъютантомъ и поравнялся съ каретой, въ которой ѣхала дама, какъ вдругъ въ концѣ улицы показался ѣхавшій тоже въ саняхъ императоръ. Ислуганная дама, выскочивъ изъ кареты, искала спасенія въ первыхъ попавшихся воротахъ, но, на бѣду, они были заперты; она бросилась

¹⁾ См. указы Павла I-го о пожалованіи имѣнія женѣ бригадира Буткевича. „Русская Старина“, т. VII, 1875 года; указы отъ 7-го и 30-го декабря 1796 г. и 7-го января 1797 года.

въ подворотню, но, пролѣзши благополучно до пояса, зацѣпилась юбками, и не имѣя возможности подвинуться ни взадъ, ни впередъ, замерла, оставивъ на улицѣ цѣлую половину своего туловища. Адъютантъ, желая выскочить изъ саней, зацѣпился и упалъ; дѣдъ мой ловко перепрыгнулъ черезъ него и, спустивъ шинель съ праваго плеча, вытянулся во фронтъ. Это понравилось государю. „Ты молодецъ, генералъ“, закричалъ ему Павелъ и, указавъ рукою на смѣшную фигуру, торчавшую изъ подворотни, прибавилъ: „а она дура“.

Командованіе дѣда полкомъ было согласно съ тогдашними обычаями: неумолимо суровое къ нижнимъ чинамъ, оно было патріархально добродушное съ дворянами офицерами. Всѣ они ежедневно и неуклонно должны были являться къ шефу полка на обѣдъ; провинившійся въ чемъ нибудь получалъ секретное приглашеніе явиться нѣсколько ранѣе и отправлялся прямо въ кабинетъ, гдѣ, при закрытыхъ дверяхъ, получалъ надлежащую головомойку, смотря по рангу своей вины. До какихъ предѣловъ доводилъ головомойку мой дѣдъ—не знаю, но слышалъ я отъ А. П. Ермолова слѣдующій рассказъ. Однажды получилъ онъ отъ родителей одного офицера слезное письмо не губить ихъ сына, котораго приходилось выгнать со службы за шалости, нетерпимыя и для того времени, а наказать его по-отечески. Не думая долѣе того, сколько понадобилось чтобъ сдѣлать нужныя распоряженія, Ермоловъ послалъ за юношей. Едва успѣлъ онъ войти, какъ его схватили, повалили и отодрали на славу. Ермоловъ былъ увѣренъ какъ въ себѣ, такъ и въ нижнихъ чинахъ, которые производили экзекуцію; дѣйствительно, никто не проронилъ ни слова. Однако же дѣло открылось, и вотъ какимъ образомъ: офицеръ сразу остепенился, попалъ на хорошую дорогу и кончилъ службу генераломъ; однажды товарищи пристали къ нему съ вопросомъ, какимъ образомъ произошла въ немъ такая крутая и почти невѣроятная перемѣна. Онъ объяснилъ имъ, что обязанъ ею своему благодѣтелю Ермолову и чистосердечно рассказалъ, какъ и чѣмъ былъ онъ облагодѣтельствованъ. Если первый изъ передовыхъ генераловъ Александровскаго времени считалъ возможнымъ прибѣгнуть къ такой мѣрѣ въ экстренномъ случаѣ, то позволительно думать, что для большинства начальствующихъ Екатерининскаго и Павловскаго царствованій такой способъ дѣйствій не казался даже исключительнымъ. Но что происходило въ кабинетѣ, оставалось для всѣхъ непроницаемою тайною; когда *tête à tête* кончался, двери кабинета растворялись настежь, и дѣдъ мой выходилъ въ собравшемуся обществу подъ руку съ своимъ юнымъ подчиненнымъ. Подводя его къ бабушкѣ, онъ говорилъ обыкновенно: „вотъ, мой другъ Марья Семеновна, представляю тебѣ образцоваго молодого человѣка, Ивана Ивановича“ или „Петра Петровича, (въ то время начальники звали подчиненныхъ не иначе, какъ по имени и отчеству). Не такъ, какъ нынѣшніе молодые люди, онъ не обѣгаетъ насъ стариковъ: не поскучалъ зайти ко мнѣ посидѣть да побесѣдовать“.

Кстати, приведу еще отзывъ А. П. Ермолова. Вспоминая моего дѣда, онъ говорилъ мнѣ: „не могу тебѣ сказать, чтобы я былъ съ нимъ знакомъ, потому что онъ былъ уже полковникомъ, когда я былъ только прапорщикомъ; въ то время разстоянія между чинами были громадныя, но зато старшіе считали себя обязанными оказывать младшимъ такую учтивость, которая сглаживала всѣ разстоянія“.

На всѣхъ тогдашнихъ отношеніяхъ лежалъ какой-то семейно-патріархальный отпечатокъ; на примѣръ, дѣду приходилось учить полкъ на площади передъ губернаторскимъ домомъ. Новгородскимъ губернаторомъ былъ тогда Митусовъ, у котораго былъ малютка-сынъ (впоследствии сенаторъ). Иногда, едва начиналось ученье, губернаторша присылала сказать дѣду, что ея Гришенька еще спитъ и барабаны могутъ разбудить его, и дѣдъ выводилъ полкъ съ площади.

Императоръ Павелъ успѣлъ произвести дѣда моего въ генералъ-лейтенанты. По вступленіи на престолъ императора Александра Павловича, дѣдъ, видя возраставшій фаворъ Аракчеева, котораго глубоко презиралъ и съ которымъ находился не въ ладахъ, вышелъ около 1804 года въ отставку. Къ характеристикѣ того времени прибавлю, что у дѣда моего не было ни одной звѣзды; кромѣ Георгія, онъ имѣлъ лишь на шеѣ Владиміра и Анну съ брилліантами; но еще въ 20-хъ годахъ считали, что онъ *etait très-bien décoré*. Тогда ордена были рѣдки и цѣнились высоко.

II.

Въ 1795 году, дѣдъ, уже разойдясь со второю женою, служилъ въ войскахъ Суворова и участвовалъ въ штурмѣ и взятіи Праги. Здѣсь побѣдители разгромили монастырь кармелитокъ, бывшій училищемъ благородныхъ дѣвицъ, которыя достались храбрецамъ въ качествѣ военной добычи. На долю дѣда моего досталась его третья жена, а моя родная бабка, Марья Семеновна Бинкевичъ; ей было тогда 15 лѣтъ—самый расцвѣтъ ея замѣчательной красоты. Много горя и страданій ожидало ее впереди, а пока этому полуробенку, далеко не окончившему своего образованія и воспитанія, приходилось становиться во главѣ большаго дома, дѣлаться подругою жизни своего грознаго завоевателя и матерью его дѣтей. За періодъ времени до 1804 года, ихъ было у нея восемь человѣкъ, и хотя далеко не все для нея было розовымъ въ новой обстановкѣ, но она кое-какъ свыкалась съ нею, благодаря тому, что влюбленный мужъ взялъ къ себѣ ея мать, а мужа ея старшей сестры, польской службы майора А. Г. Радзиковскаго, опредѣлилъ на службу въ Петербургъ. Во время командованія дѣда Бѣлозерскимъ полкомъ, 6-го августа 1799 года, родилась моя тетка Екатерина Александровна, а 15-го февраля 1881 г.— моя мать, любимица дѣда, его милая Любушка.

«Истор. вѣстн.», годъ II, томъ VI.

Разрывъ дѣда со второю женою поколебаль его общественное положеніе и связи. Знаменитый Екатерининскій генераль-аншефъ, графъ Николай Алексѣевичъ Татищевъ, вовсе прекратилъ свои посѣщенія, хотя дѣдъ мой приходился ему двоюроднымъ племянникомъ, и потому, согласно духу того времени, не смѣлъ не являться къ нему въ извѣстные торжественные дни. Старшая тетка моя Татищева и ея мужъ, хотя и оставались по прежнему обычными посѣтителями отчаго дома, но худо скрывали нелюбовь къ мачихѣ и ея дѣтямъ.

Дѣти дѣда отъ третьей жены были какъ бы обречены служить искупленіемъ за грѣхи отца. Съ тѣхъ поръ какъ они стали приходить въ тотъ возрастъ, когда начинаютъ понемногу понимать то, что видятъ глаза, этимъ дѣтямъ пришлось знакомиться со всякаго рода огорченіями. Жили они вмѣстѣ съ бабушкой, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ деревнѣ, въ верхнемъ этажѣ дома; нижній весь былъ занятъ самимъ дѣдомъ. Бабушка завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ; ея искусству и бережливости дѣти обязаны были тѣмъ, что никогда ни въ чемъ не нуждались и что до нихъ дошли хоть ничтожные остатки громаднаго состоянія ихъ дѣда и бабки. Въ гувернерахъ и гувернанткахъ не было недостатка, но на непоказную, хотя и самую существенную часть ихъ содержанія, дѣдъ удѣлялъ слишкомъ мало: англійскій клубъ и *train de maison* не только поглощали всѣ доходы, но ихъ не хватало, и дѣдъ мой никогда не выходилъ изъ долговъ.

Старшая дочь, Катенька, будущая красавица, уже съ самаго ранняго возраста выказывала и свой будущій характеръ; съ дѣтства величественная и безстрастная, она не принимала участія въ дѣтскихъ играхъ младшихъ сестеръ и брата, и только изрѣдка, въ минуты особаго къ нимъ благоволенія, позволяла имъ заперчя въ ея маленькія сани и катать ее. Сестра ея Любушка, моя будущая мать, была совершенною противоположностью старшей сестры; эта порывистая, нервная, подвижная натура, съ огненнымъ воображеніемъ и страстнымъ темпераментомъ, была кумиромъ отца. Никому, конечно, знавшему ее въ дѣтствѣ не пришло бы въ голову, на что она употребитъ свои жгучія страсти и пламенный пылъ необузданнаго воображенія.

У дѣда собирались два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ; въ 4 часа обѣдали, потомъ играли въ карты. У моей бабушки и у матери сохранились очень живо воспоминанія объ этомъ обществѣ. Кромѣ родныхъ и друзей дѣда, Лихачева и А. С. Хвостова, извѣстнаго тогдашняго остряка, чаще другихъ бывали: прославленный Березиной адмираль Чичаговъ, псковскій архіепископъ Иринеи и горемычный писатель графъ Хвостовъ—цѣль всѣхъ эпиграммъ своего остроумнаго однофамильца. Извѣстно, что, кромѣ несчастной страсти къ писательству, онъ имѣлъ и другую—къ танцамъ, въ которыхъ его можно было принять за пляшущаго медвѣдя. Разъ,

все общество чинно и попарно гуськомъ направлялось въ столовую; въ дверяхъ торжественное шествіе было остановлено Хвостовымъ, который, растопыривъ руки и обратясь къ своему однофамильцу, продекламировалъ:

„Скажу я графу не въ укорь:
Танцуетъ, какъ Вольтеръ, а пишетъ, какъ Дюпоръ“.

Дюпоръ былъ тогдашнимъ балетмейстеромъ. Когда графъ Хвостовъ напечаталъ „Андромаху“, А. С. Хвостовъ продекламировалъ:

„Господа, пожалуйте Андромаху:
Хвостовъ ее ведетъ на плаху“.

Преосвященный Ириней, личность также весьма извѣстная, въ свое время слылъ за человѣка необыкновенной учености, потому что зналъ языки латинскій и греческій и перевелъ нѣсколько твореній святыхъ отцовъ. Онъ былъ большой самодуръ, но самодурство значительно смягчалось въ немъ образованіемъ, которымъ онъ такъ рѣзко отличался отъ своихъ современниковъ. Ириней былъ задушевнымъ другомъ моего дѣда, самымъ дорогимъ и частымъ его гостемъ и подарилъ ему свой поясной портретъ въ натуральную величину; онъ висѣлъ въ нашей столовой надъ закуснымъ столикомъ, гдѣ царилъ богомольный и степенный буфетчикъ Афанасій Ѡаддеевъ, фанатическій поклонникъ покойнаго, память котораго составляла любимый предметъ его разсказовъ. Этотъ портретъ остался неизгладимымъ въ моей памяти: величавый красавецъ-старикъ, съ бѣлымъ и румянымъ лицомъ, въ мантии и черномъ клобуцѣ, на которомъ красуется брилліантовый крестъ на александровской лентѣ; въ одной рукѣ держитъ онъ посохъ, другою посылаетъ благословеніе, которое вмѣстѣ съ его привѣтливой улыбкой и кроткимъ выраженіемъ умныхъ карихъ глазъ такъ и навѣваетъ чувство какого-то задушевнаго, чисто родственнаго привѣта.

Разсказы „Ѡадеича“ восхищали меня въ дѣтствѣ своею наивною задушевностью. Припомню нѣкоторые изъ нихъ.

Разъ, подаль онъ архіерею какое-то скоромное кушанье, но опомнился, и думаетъ: какъ-же, молъ, архіерея-то оскоромить? Ириней взялся уже за кусокъ, а Ѡадеичъ шепчетъ ему: „скоромное, ваше преосвященство“. Гость съ сердцемъ оттолкнулъ блюдо, крикнувъ:—коли скоромное, такъ зачѣмъ, дуракъ, и подаешь! „Ну ужъ и было-же мнѣ, батюшка, отъ вашего дѣдушки, вѣкъ не забуду“, прибавлялъ Ѡадеичъ. Въ другой разъ онъ былъ по-умнѣе: когда Ириней безъ съ кухни блюда съ поросенкомъ, онъ подаль его прямо Ириню безъ всякихъ объясненій; за столомъ никого чужихъ не было, все свои, интимные. Ириней ласково взглянулъ на Ѡафеича, перекрестилъ блюдо большимъ крестомъ, сказавъ: „сіе пороса да обратится въ караса“ и, не дождавшись превращенія, принялся ѣсть съ такимъ аппетитомъ, что и у другихъ слюнки потекли.

„Вотъ, мой миленькій ангельчикъ, не привелъ васъ Господь послушать его святыхъ словесъ“, говорилъ мнѣ, бывало, Ѳадеичъ, показывая на портретъ Иринея. „Привычка у него была: какъ встанеть изъ за стола, такъ въ извѣстное мѣсто и пойдетъ; ну я, конечно, за нимъ, бумагу несу; вотъ, онъ войдетъ, а я за дверьми стою, бумагу держу; такъ повѣрите ли, мой миленькій ангельчикъ, что какъ только войдетъ и покуда бумагу не спроситъ, все мнѣ поученіе говорить, и какъ, и что, и какъ мнѣ жизнь располагать, и все какъ есть. Даже подумаете, что просто, а такъ все отъ писанія; молодъ я еще тогда былъ, а и то слеза прошибала; истинный былъ златоустъ!“

Домъ дѣда въ Петербургѣ находился въ Коломнѣ, въ приходѣ Покрова, на углу Большой Садовой и Фонтанки. Настоятель покровской церкви, о. Борисъ Албенскій, былъ другимъ духовнымъ лицомъ, весьма близкимъ къ дѣду; онъ былъ духовникомъ всего семейства, вѣнчалъ мою старшую тетюшку и мою мать, крестилъ мою двоюродную сестру, графиню Стройновскую, и меня. Онъ отличался непреклоннымъ, довольно рѣзкимъ характеромъ. Прежде отецъ Борисъ служилъ въ Гатчинѣ; вскорѣ по воцареніи императора Павла, пришлось ему идти въ облаченіи со св. дарами къ больному мимо дворца; государь сидѣлъ на балконѣ; при видѣ шествія онъ всталъ и положилъ земной поклонъ. Дьячекъ, дергая священника за рукавъ, сталъ шептать ему, что государь на нихъ смотритъ. „И слѣдуетъ ему смотрѣть на св. дары“, отвѣчалъ о. Борисъ, „а тебѣ слѣдуетъ по сторонамъ не зѣвать“, и прошелъ мимо, неподнимая глазъ. Черезъ часъ послѣ этого, о. Борисъ былъ переведенъ въ Петербургъ, а дьячекъ посаженъ на гауптвахту.

Однажды, за обѣдомъ у дѣда, о. Албенскій чѣмъ-то прогнѣвалъ мою старшую тетку, гр. Татищеву; дѣлая видъ, что его не узнаетъ, она громко спросила у сосѣда: „Что это за попь?“ „Не попь, графиня“, отвѣчалъ о. Борисъ, „а протопопь“.

Одинъ изъ гостей дѣда, кто именно—не помню, вздумалъ спросить о. Бориса, откуда пошло повѣрье, что встрѣча съ священникомъ предвѣщаетъ несчастье. „Отъ временъ христовыхъ“, сказалъ онъ; „когда Христу встрѣчались бѣсноватые, то вопили и метались во всѣ стороны; находившіеся въ нихъ бѣсы чувствовали, что встрѣтить Христа есть величайшее для нихъ несчастье, потому что онъ ихъ изгонялъ изъ людей и посылалъ въ бездну“.

Вообще, эта замѣчательная по энергіи и находчивости личность мало располагала къ неумѣстнымъ шуткамъ надъ собою.

Въ числѣ прочихъ постоянныхъ посѣтителей дѣда, былъ также сосѣдъ его по дому и старый сослуживецъ, генералъ-лейтенантъ графъ Ивличъ, извѣстный въ то время оригиналь. Про него въ тогдашнемъ обществѣ ходило множество самыхъ смѣшныхъ анекдотовъ; увѣряли, напр., что смолоду онъ былъ страшно ревнивъ, но разъ какъ-то вынужденъ былъ свезти на балъ свою хорошенькую жену, которая ни

за что не хотѣла ѣхать, боясь его ревности. Онъ успѣлъ таки уговорить ее и всю дорогу старался успокоить завѣреніями, что не имѣетъ ничего даже противъ того, чтобы она танцевала, лишь бы не съ кавалерами, а только съ дамами. Въ карты гр. Ивличъ игралъ каждый вечеръ, но столь же худо, какъ и оригинально: при малѣйшемъ проигрышѣ, происходившемъ большею частію по его же винѣ, онъ осыпалъ своего партнера непечатною бранью, не стѣсняясь ничѣмъ присутствіемъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе говорить всѣмъ, за весьма не многими исключеніями, „ты“.

Старшая дочь этого оригинала, графиня Екатерина Марковна, была задушевымъ другомъ моей матери. Некрасивая лицомъ, она отличалась замѣчательнымъ остроуміемъ; ея прозвища и эпиграммы дѣйствовали, какъ ядовитыя стрѣлы. До конца жизни оставалась она въ дѣвцахъ и не любила, когда ея подруги выходили замужъ. Когда любимая изъ нихъ, моя мать, сдѣлалась женою моего отца, онъ сталъ ненавистенъ графинѣ; маленькій, толстый генераль, вѣчно суетившійся и говорившій постоянно скороговоркой, такъ что иногда нельзя было разобрать слова, мой бѣдный отецъ не могъ быть особенно симпатиченъ никому изъ членовъ этого важно-медлительнаго и чопорнаго кружка. Графиня Ивличъ прозвала его „арбузомъ на двухъ вилкахъ“.

Въ послѣдствіи, членомъ этого общества сдѣлался еще сенаторъ Андрей Ивановичъ Абакумовъ, миллионеръ и старый холостякъ. Происходилъ онъ изъ чьихъ-то крѣпостныхъ псарей и сданъ былъ въ солдаты за пьянство, потомъ попалъ въ писаря; служилъ въ интенданствѣ, наконецъ, сдѣлался генераль-провіантмейстеромъ, нажилъ миллионы и былъ назначенъ въ сенатъ доживать свой вѣкъ. Жилъ онъ по-барски, открыто, и имѣлъ великолѣпный столъ; но его маленькая, отвратительная фигура и еще болѣе отвратительныя замашки, напоминали въ немъ прежняго писаря; вдобавокъ, онъ страдалъ запоемъ.

На обѣдахъ и вечерахъ Абакумова бывалъ иногда и баснописецъ Крыловъ; разъ онъ зашелъ вечеромъ и засталъ нѣсколько человѣкъ приглашенныхъ на ужинъ. Абакумовъ и его гости пристали къ Крылову, чтобы онъ непременно съ ними отужиналъ; но онъ не поддавался, говоря, что дома его ожидаетъ стерляжья уха. Наконецъ, удалось уговорить его подъ условіемъ, что ужинъ будетъ поданъ немедленно. Сѣли за столъ; Крыловъ съѣлъ столько, сколько все остальное общество вмѣстѣ, и едва успѣлъ проглотить послѣдній кусокъ, какъ схватился за шапку. „Помилуйте, Иванъ Андреевичъ, да теперь-то куда же вамъ торопиться?“ закричали хозяинъ и гости въ одинъ голосъ, „вѣдь вы поужинали“.— Да сколько же разъ мнѣ вамъ говорить, что меня дома стерляжья уха ожидаетъ; я и то боюсь, чтобы она не перекипѣла, сердито отвѣчалъ Крыловъ и удалился со всею послѣпностью, на которую только былъ способенъ.

Для такихъ игроковъ, какъ гр. Ивличъ, нужны были и особые партнеры; въ этой должности безсмѣнно состоялъ нѣкто капитанъ

Мерлини. Откуда онъ происходилъ, гдѣ служилъ, былъ ли дѣйствительно капитаномъ и точно ли назывался Мерлини, объ этомъ никто никогда не зналъ, да никто никогда и не заботился; все прошлое его такъ и осталось покрыто непроницаемой тайной. Настоящее же его заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ собственномъ крошечномъ деревянномъ домикѣ на Фонтанкѣ, напротивъ нашего дома, имѣлъ карету и четверку лошадей, приспособленныхъ съ ранняго утра до поздней ночи развозить его особу по всему Петербургу, который былъ росписанъ весь по очереди, гдѣ и у кого ему завтракать, обѣдать и ужинать. Апломбъ капитана Мерлини былъ изумительный: въ продолженіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, являясь къ дѣду преакуратно два раза въ недѣлю, онъ всякій разъ протягивалъ руку, хотя дѣдъ мой съ такою же акуратностью и въ теченіи того же времени всякій разъ засовывалъ свои руки въ карманы. Ивличъ ругалъ его всевозможною и даже невозможною бранью, чуть ли не бивалъ его, но эти маленькія непріятности не могли даже измѣнить вѣчно-пріятной улыбки Мерлини, а тѣмъ болѣе разстроить его аппетитъ.

Разъ въ годъ, въ какой именно день—не знаю, Мерлини давалъ обѣдъ всѣмъ своимъ кормильцамъ. Кто изъ моихъ современниковъ, подобно мнѣ, помнитъ важныя и церемонныя обѣды старцевъ отжившаго поколѣнія, помнитъ и то, какую они наводили убійственную скуку; даже тогдашнія „меню“ не отличались особымъ разнообразіемъ; за обѣдомъ вино пилось рюмками съ лицемѣрною чопорностью и только послѣ обѣда старческія языки развязывались за пуншемъ. Во время обѣда разговоръ велся тоже по правиламъ благочинія и замѣняли теперешніе официальные отдѣлы „Русскаго Инвалида“ и „Правительственнаго Вѣстника“; такіе разговоры наводили тоску и на слушающихъ и на самихъ говорившихъ и всѣ бѣжали за карты, чтобы заставить себя замолчать.

Несомнѣнно, что удовольствія обѣда Мерлини ни въ чемъ не отступали отъ общепринятой программы; однако-же, за недѣлю до его обѣда начинали о немъ толковать и толковали еще цѣлыхъ три дня по его окончаніи. Фонтанка чуть не до Египетскаго моста была запружена экипажами. Мерлини привѣтствовали при входѣ, чествовали какъ амфитріона за обѣдомъ, церемонно прощались и благодарили за угощеніе при отъѣздѣ. А капитанъ Мерлини на слѣдующее же утро пускался въ свое годовое путешествіе собирать желудкомъ чужія свѣди, тыкать рукою въ пустое пространство и выслушивать всякія обидныя рѣчи.

Случалось, однако, обществу дѣда иногда сбрасывать съ себя этикетъ и повеселиться; подходящимъ субъектомъ для этого былъ нѣкто Галченковъ, надворный совѣтникъ, служившій чѣмъ-то въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ, а у дѣда моего—шутомъ. Все общество въ минуты веселья набрасывалось на него; его привязывали къ креслу и на веревкѣ въ лютый морозъ спускали изъ окна и возвращали въ

комнату тѣмъ же порядкомъ. Вся соль этой потѣхи заключалась въ томъ, что во время этой экскурси Галченковъ ругалъ своихъ гонителей чортовыми перечницами.

Конечно, почтенные старцы не всегда были такъ чопорны и чинны, какъ у себя дома и на виду у своихъ дамъ; въ Петербургѣ были свои особыя холостыя собранія, гдѣ за пуншемъ вспоминалась золотая молодость, а въ деревнѣ дѣдъ мой пировалъ иногда на распахку у своего двоюроднаго брата Александра Николаевича Болтина и у себя дома. Дворня плясала и пѣла пѣсни подь акомпанементъ домашняго гуслиря; развеселившійся баринъ ставилъ имъ одно ведро воды за другимъ и разливное море и общій разгулъ продолжались нѣсколько дней сряду. Въ деревнѣ съѣздъ сосѣдей и офицеровъ близъ стоявшихъ полковъ былъ такъ великъ, что овса съ собственныхъ полей не хватало для лошадей приѣзжихъ; всякій годъ приходилось прикупать у крестьянъ рублей на 1000 и болѣе.

III.

Дядя мой отъ втораго брака дѣда, Алексѣй Александровичъ, былъ исполинскаго роста и соотвѣтственной силы. Когда другому дядѣ моему Николаю Александровичу было лѣтъ 7 или 8, онъ вздумалъ прыгнуть со стола въ ботфортъ старшаго брата и ушелъ въ него съ головой; только пришедшіе на крикъ ребенка люди вытащили его изъ ботфорта, какъ изъ западни. Этотъ великанъ любилъ бороться; передъ нимъ ставили, обыкновенно, 12 человекъ стѣной, одного въ затылокъ другому; толкнувъ передняго, дядя разбивалъ, а иногда и валилъ всю стѣну.

Въ 1812 году онъ былъ подполковникомъ Стародубскаго кирасирскаго полка и влюбился въ какую-то бѣдную деревенскую барышню; была она, говорятъ, очень недурна, но не получила никакого образованія и воспитанія и съ грѣхомъ пополамъ умѣла читать. Ни Анна Ивановна, ни дѣдъ мой не хотѣли и слышать объ этомъ бракѣ, но дядя, уѣзжая къ полку, находившемуся въ арміи, женился противъ воли родителей; во время вѣнчанія, свѣчи у жениха и невѣсты погасли и тогдашнее суевѣріе предсказало имъ обоимъ скорую смерть. Немедленно послѣ свадьбы молодой заболѣлъ, а шесть недѣль спустя, положили въ гробъ только скелетъ и кожу этого силача исполина; онъ высохъ, какъ мумія. Полагали, что теща хотѣла его приворожить и по неумѣлости отравила.

Смерть Алексѣя Александровича прекратила всѣ отношенія дѣда къ его второй женѣ; о дочеряхъ же своихъ отъ нея онъ, какъ я уже сказалъ, не хотѣлъ и слышать. Нѣсколько лѣтъ спустя, почувствовавъ приближеніе смерти, Анна Ивановна, черезъ посредство знакомыхъ, стала умолять дѣда моего посѣтить ее на смертномъ одрѣ и

выслушать ея предсмертныя признанія; она клялась въ своей невинности и поручала ему дѣтей своихъ; но дѣдъ мой остался неумолимъ и не согласился даже присутствовать на ея погребеніи. По ея кончинѣ, онъ взялъ себѣ пожалованное ей императоромъ Павломъ имѣніе; дочери его остались безъ крова и куска хлѣба, но безропотно и безпрекословно подчинились родительской волѣ. Не знаю, гдѣ провела Софья Александровна первые годы своего горькаго сиротства; но въ послѣдствіи она жила въ Троицко-Сергіевской лаврѣ у старшей сестры своей, графини Татищевой, и тамъ же скончалась. Младшая сестра, Вѣра Александровна, похоронивъ мать и ожидая изгнанія изъ дома, сама изъ него скрылась неизвѣстно куда.

Изъ молодежи, увивавшейся около разцвѣтавшихъ барышень, дочерей дѣда отъ третьяго брака, чаще и усерднѣе всѣхъ посѣщали домъ дѣда сыновья графа Николая Алексѣевича Татищева. Старшій изъ нихъ, графъ Александръ Николаевичъ, былъ страстно влюбленъ въ мою тетку Екатерину Александровну и считался ея женихомъ. Но, когда дѣло пришло къ развязкѣ, старый графъ запретилъ сыну и думать объ этой невѣстѣ. Ни одна, говорятъ, свадьба не совершается безъ препятствій; можетъ быть, состоялась бы и эта, если бы гордость дѣда моего не была потрясена такъ глубоко; онъ сразу прервалъ всѣ отношенія къ старому графу, а сыновьямъ его запретилъ являться къ себѣ въ домъ. Положеніе семьи было затруднительное: изъ имѣнія моего прадѣда оставалось только 600 душъ въ Новгородской губерніи, дававшихъ едва столько, сколько могло хватать на личныя нужды дѣда и на *train de maison*. Вывозить дѣвухекъ было не на что, да и какъ вывозить, когда разошлась свадьба, о которой говорилъ весь городъ и которую всѣ считали несомнѣнною; по тогдашнимъ понятіямъ, дѣвушка, хотя и ни въ чемъ неповинная, считалась опозоренною, а въ данномъ случаѣ необыкновенная красота невѣсты только увеличивала злословіе и злорадство соперницъ, ихъ матушекъ и тетушекъ.

Всѣми дѣлами дѣда завѣдывалъ сенатскій оберъ-секретарь, Левъ Ивановичъ Кохановскій. Жена его, Бригитта Григорьевна, задушевный другъ бабушки, шепнула, что мужъ ея ведетъ дѣла вдовца милліонера, сенатора графа Стройновскаго, что, конечно, графъ не молодежь, но... и бралась устроить дѣло. Кохановскіе, большіе хлѣбосолы, жили открыто и принимали радушно; тетки мои были безъ ума отъ старушки Бригитты Григорьевны, которая и сама ихъ очень любила, и отъ самого Льва Ивановича, который тѣшилъ ихъ своею слоноподобною фигурою, балагурствомъ и обжорствомъ à la Крыловъ. Приглашеніе на завтракъ у Кохановскихъ нисколько не могло удивить дѣвухекъ своею необычностью; ихъ одѣли, причесали, пригладили, лишнюю сотню разъ напомнили имъ, чтобы не смѣялись и держали себя прямо, посадили въ карету и повезли. Воспитанныя въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ, три сестры съ почтеніемъ, если

не съ подобострастіемъ, смотрѣли на маститаго сенатора, внучка котораго, графиня Тарновская, въ послѣдствіи графиня Малаховская, была ихъ ровестницей; тотъ, кто вздумалъ бы увѣрить ихъ, что этотъ старецъ—женихъ, показался бы имъ сумасшедшимъ.

Графъ, однако, думалъ иначе: смолоду красавецъ и обладатель громаднаго состоянія, онъ, говорятъ, имѣлъ громадный успѣхъ у женщинъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Европѣ, особенно въ Австріи, гдѣ находилась большая часть его имѣній. Неголько европейски образованный, но ученый, онъ былъ докторомъ правъ, медицины, тонкимъ знатокомъ и цѣнителемъ искусствъ и — поклонникомъ женской красоты до конца своихъ дней. Красота моей тетки Екатерины Алексѣевны, правильная и холодная, какъ красота греческой богини, поразила его; онъ тутъ же рѣшилъ добиваться руки ея. Согласіе родителей было заранѣе обезпечено, но какъ добиться согласія невѣсты? Это было не такъ легко: во-первыхъ, 18-ти-лѣтней красавицѣ выдти замужъ за почти 70-ти-лѣтняго старца казалось почти самоубійствомъ, во-вторыхъ, она далеко еще не забыла своей первой любви, своего милаго кузена, графа Татищева.

Дѣдъ держалъ себя въ сторонѣ; онъ объявилъ только бабушкѣ, что не допуститъ ни малѣйшаго насилія надъ дочерью и дастъ свое согласіе лишь тогда, когда убѣдится въ полномъ ея согласіи; остальное же предоставляетъ благоусмотрѣнію бабушки. Запершись наединѣ съ своей дочерью, несчастная мать, обливаясь слезами, объяснила ей ужасъ положенія семьи во всей его наготѣ. Бѣдная дѣвушка уже давно догадывалась о многомъ, хотя ея молодость и неопытность и не дозволяли ей постичь всю суть дѣла. Признанія матери раскрыли подъ ея ногами бездну. Сама смущенная не менѣе дочери, бабушка опустилась передъ нею на колѣна и, покрывая ея руки горячими поцѣлуями, умоляла принести себя въ жертву для спасенія всей семьи. Дочь дала это согласіе; дала его просто, безусловно, безъ паясничанья и гримасъ, съ достоинствомъ, какъ и все, что она ни дѣлала. Мать облила слезами это восхитительное личико, потомъ стерла слѣды ихъ съ ея чудныхъ синихъ глазъ и пошла къ дѣду объявить о ея согласіи.

Дѣдъ не повѣрилъ и потребовалъ, чтобы его Катенька сама подтвердила ему свое рѣшеніе. Холодно и безстрастно молодая дѣвушка отвѣтила, что она находитъ партію вполне выгодною, что, не смотря на разность лѣтъ, она надѣется быть счастливою съ графомъ, благодаря его рѣдкимъ качествамъ, и потому, если папенька изволить дать свое согласіе на этотъ бракъ, то и она согласна. Желѣзный старикъ дрогнулъ; онъ почувствовалъ, сколько преданности и самоотверженія скрывается въ этихъ фальшивыхъ нотахъ, и понялъ, что она не желаетъ даже признавать себя жертвой, щадя его гордость и глубоко оскорбленное самолюбіе. Взволнованный и растроганный, онъ привлекъ дочь къ себѣ на грудь и сквозь слезы далъ ей свое бла-

гословеніе. Съ этихъ поръ родители благоговѣли передъ своею дочерью, а младшія сестры и братъ почитали ее второю матерью, и она оправдала ихъ довѣріе.

Съ тою же безстрастною улыбкою, съ тѣмъ же горделиво-покойнымъ взглядомъ, съ которыми она въ дѣтствѣ каталась на саночкахъ, запряженныхъ удалою тройкою изъ брата и двухъ сестеръ, но на этотъ разъ съ яснымъ сознаниемъ свято выполненнаго долга, 18-тилѣтняя красавица пошла къ брачному алтарю съ своимъ почти 70-тилѣтнимъ женихомъ. Брачный обрядъ совершилъ въ церкви Покрова отецъ Борисъ Албенскій.

Богъ благословилъ этотъ союзъ. Тетка моя нашла въ немъ возможное счастье. Мужъ ея былъ чрезвычайно уменъ и образованъ, и умъ его былъ одинаково пріятенъ какъ для гостинныхъ, такъ и для тихой домашней жизни. Онъ тѣшилъ жену всѣми средствами, какія давало ему его громадное состояніе, никогда ничѣмъ не стѣснялъ ее; дѣйствуя авторитетомъ не власти, а совѣтовъ, онъ сумѣлъ сдѣлаться ея другомъ и такъ овладѣлъ ею, что она сама прежде всего желала знать его мнѣнія и образъ мыслей. Онъ искренно и горячо полюбилъ ея семейство; дѣдъ и бабка любили и почитали его, какъ ихъ лучшаго друга, младшіе члены семьи видѣли въ немъ втораго отца. Чтобы не разлучать тетки съ ея родителями, онъ купилъ ей сосѣднее имѣніе въ 2000 душъ и построилъ тамъ каменный домъ.

Были свои странности и у графа Стройновскаго: недугомъ сочинительства онъ болѣлъ еще болѣе графа Хвостова, потому что не умѣлъ вовсе писать по-русски, а сочинялъ по-польски, съ примѣсью латино-французскаго языка. Словомизверженія его и безъ того страдали непомерною длиннотою, а онъ еще отдавалъ переводить ихъ разнымъ лицамъ, плохо владѣвшимъ русскимъ языкомъ, такъ что многотомные трактаты его по политической экономіи положительно невозможно было читать. Другая страсть его была — лечить: будучи докторомъ медицины, онъ считалъ себя и великимъ врачомъ-практикомъ; его родственники, друзья и знакомые должны были терпѣть его длиннѣйшія консультаціи, послѣ которыхъ онъ писалъ такіе же длиннѣйшіе рецепты, хотя и сознавалъ въ глубинѣ души, что едва ли ему удастся найти когда нибудь пациента, который простеръ бы свою преданность до употребленія прописанныхъ имъ лекарствъ.

Въ 1823 году родилась моя двоюродная сестра, графиня Ольга Валерьяновна Стройновская. Дѣдъ и бабка, казалось, помолодѣли отъ радости; это была ихъ первая внучка; молодые тетушки просто влюбались въ племянницу. Но эта всеобщая любимица, портретъ отца, съ рожденія носила какой-то странный отпечатокъ старческой дряхлости: поставивъ рядомъ портреты отца и дочери, въ самомъ юномъ ея возрастѣ, зритель поражался ихъ сходствомъ. Въ 1842 году, моя двоюродная сестра вышла замужъ за тогдашняго командира Гродненскаго гусарскаго полка, князя Д. Г. Баграціона-Имеретинскаго.

Въ ноябрѣ 1845 года, умеръ князь, оставивъ молодую вдову съ двумя малолѣтними сыновьями. Въ 1853 г., умерла и она сама въ Парижѣ отъ чахотки, оставивъ матери своей двухъ малолѣтнихъ внуковъ. Миръ ея дорогому праху. Это была одна изъ лучшихъ женщинъ своего времени, подобно отцу своему обладавшая твердымъ, свѣтлымъ умомъ и страстно любившая искусства и литературу.

Въ первую зиму послѣ свадьбы, графъ Стройновской попробовалъ вывезти свою жену. Не помню теперь, куда былъ ея первый выѣздъ; помню только, что первый контрдансъ она протанцевала съ государемъ Александромъ Павловичемъ, а затѣмъ весь вечеръ танцевала съ страшнѣйшимъ изъ довеласовъ того времени, графомъ, (впослѣдствіи свѣтлѣйшимъ княземъ) Чернышевымъ. Произведенный ею эффектъ доходилъ до фурора и испугалъ стараго графа; первый выѣздъ моей тетки былъ и послѣднимъ. Она, впрочемъ, никогда и не возбуждала объ этомъ вопроса, все болѣе и болѣе погружаясь въ свой величавый индифферентизмъ.

Была ли счастлива молодая красавица? Пушкинъ не былъ съ нею знакомъ, но ходилъ, говорятъ, въ церковь Покрова, что въ Коломнѣ, полюбоваться ею; тамъ ее можно было видѣть каждый воскресный и праздничный день. Затѣмъ появился „Домикъ въ Коломнѣ“, гдѣ тетка моя, подъ названіемъ графини, изображена съ поразительною вѣрностью. Знакомые съ прелестнымъ произведеніемъ Пушкина не нуждаются въ моихъ поясненіяхъ.

Вслѣдъ за рожденіемъ дочери, супруговъ постигло тяжкое горе: графъ всю молодость занимался адвокатурой, въ которой стяжалъ громкую славу и которой былъ обязанъ значительною частью своего громаднаго состоянія. Привычка процессовать сдѣлалась страстью его старости, и страстью крайне неудобною для сенатора, ведущаго дѣла въ томъ же сенатѣ. По тогдашнему, теперь уже непонятному намъ обычаю, повѣренными были сенатскіе же оберъ-секретари; дѣла графа Стройновскаго велъ, какъ я уже сказалъ, Кохановскій, а дѣла его противниковъ Леляновскій; чтобы задобрить послѣдняго, и ему давали кое-какія дѣлишки, а иногда просто выплачивали субсидіи. На одной изъ дружескихъ попоекъ, которыя тогдашнимъ дѣльцамъ замѣняли теперешнія совѣщанія публичныя и частныя, Леляновскій объявилъ Кохановскому, чтобы онъ передалъ своему графу, что, если онъ не уплатитъ ему столько-то, то будетъ его вѣкъ помнить. Кохановскій исполнилъ порученіе; графъ заупрямился; прошелъ мѣсяць, успѣли уже объ этомъ позабыть, какъ вдругъ Стройновскій былъ уволенъ отъ службы.

Оказалось, что Леляновскій написалъ отъ имени своего довѣрителя прошеніе, которое направилъ въ комиссію прошеній. Въ немъ говорилось, что проситель не можетъ ожидать себѣ отъ сената правосудія, такъ какъ ведетъ дѣло противъ сенатора, который, вдобавокъ, самъ же участвуетъ въ рѣшеніи собственныхъ дѣлъ. Это возмутило

императора Александра и онъ не только безъ суда и слѣдствія, но даже безъ спроса обвиняемаго, позорно отставилъ его отъ службы.

Бѣда не приходитъ одна: отставка повлекла за собою и потерю процесса; не помню хорошенько, съ кѣмъ—если не ошибаюсь—съ графомъ Чапскимъ; но дѣло въ томъ, что Стройновскому пришлось заплатить что-то около милліона рублей. Онъ продалъ свой петербургскій домъ, знаменитую коллекцію картинъ и статую Кановы, вывезенную изъ Италіи, и многое другое, и для поправленія обстоятельствъ отправился въ деревню.

Длинна и тяжела показалась эта зима моей бѣдной теткѣ, въ первый разъ въ жизни разлученной съ своей семьей. Мужъ ея не скучалъ, онъ вездѣ находилъ себѣ развлеченія: книги и сочиненія новыхъ трактатовъ, заботы о дочери, обширная переписка, хлопоты по устройству новой усадьбы и сада, распоряженія по имѣнію и бесѣды съ замѣчательно умнымъ бурмистромъ, Мирономъ Григорьевичемъ, поглощали время стараго графа. Но главнымъ его развлеченіемъ было—лечить, лечить и лечить; хотя онъ держалъ для крестьянъ нѣмца-лекаря Либенау, но, очевидно, не съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ собственной практики. Мужики скоро смекнули, что для того, чтобы добиться всякихъ милостей отъ добраго и богатаго барина, стоитъ только сдѣлаться его паціентомъ.

На лѣто, дѣдъ съ бабушкой и дочерьми пріѣхалъ въ деревню къ графу и общая семейная жизнь потекла прежней колеей.

Н. Маевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПИТАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

НЕМНОГО личностей можно указать въ исторіи, чья судьба была бы запечатлѣна такимъ глубоко трагическимъ характеромъ, на чью долю выпало бы такъ много скорбей, какъ это было въ жизни недавно почившаго императора Александра II. Провидѣніе, казалось, начало испытывать его съ первой минуты его царствованія... Онъ вступаетъ на престолъ и поднимаетъ бремя царственныхъ заботъ въ такую минуту, которая, по трудности своей для народа и государства и страшно грозному характеру, имѣетъ мало подобныхъ себѣ въ нашей исторіи. Съ Россією ведутъ гигантскую борьбу четыре державы, изъ которыхъ двѣ, стоящія во главѣ цивилизаціи, вооружены и неистощимыми финансовыми средствами, и невиданными прежде, по числу параходовъ и вооруженію ихъ, флотами, и неслыханными дотолѣ средствами разрушенія. Всѣ выгоды на сторонѣ союзниковъ. Коалиція грозитъ каждую минуту найти себѣ новыхъ союзниковъ, увеличить свои и безъ того уже страшныя силы новыми врагами Россіи. Молодой государь, только что потерявшій отца, убитый горемъ какъ сынъ, не имѣетъ времени, не имѣетъ возможности даже оплакать вдали отъ всѣхъ свою потерю, отдохнуть, такъ сказать, отъ подавлявшихъ его въ то время чувствъ... Не далѣе какъ на другой день, онъ долженъ отдаться весь, посвятить себя всецѣло упавшимъ на него царственнымъ заботамъ. На благопріятный для Россіи исходъ войны—надежды никакой! Нужно было выбрать между геройскимъ, но исполненнымъ бѣдствій, которыя не трудно было предвидѣть, сопротивленіемъ до конца, и между позоромъ—исполнить безъ борьбы требованія союзниковъ, собственными руками срыть укрѣпленія Севастополя... Императоръ Александръ избираетъ то, что ему указываетъ честь, и какъ достойный сынъ непоколебимаго духомъ отца, продол-

жасть мужественно страшно неравную борьбу. Севастополь падаетъ... Миръ долженъ быть заключенъ не въ пользу Россіи... Оба событія, и паденіе славнаго города, обезсмертившаго себя безиримѣрно геройской защитой, и Парижскій трактатъ, почти уничтожившій вѣковое вліяніе Россіи на востокъ и отнявшій у нея Черное море, — не могли не сжимать болѣзненно сердца императора Александра и какъ патріота, и какъ верховнаго распорядителя судебъ своего народа. Государство успокоилось извнѣ; наступаетъ эпоха внутреннихъ реформъ. Императоръ Александръ освобождаетъ крестьянъ. Съ какими чувствами встрѣтило русское общество колоссальную реформу, повліявшую безусловно на всѣ стороны нашего общественнаго быта? Слышится глухой гулъ неодобренія, (явно порицать конечно не посмѣли бы) слышится ропотъ со стороны многихъ изъ тѣхъ, которые предпочитали крупныя цифры дохода съ имѣній—благу Россіи, вопіющей государственной необходимости. Александръ стоитъ одинъ съ великою мыслью среди людей, изъ которыхъ одни дѣйствительно не понимали, а другіе просто не хотѣли понять величія и святости задуманнаго имъ дѣла и необходимости для этого жертвъ. Императоръ начинаетъ, продолжаетъ и доводитъ до конца величайшее изъ преобразованій своего царствованія — одинъ. Горячо сочувствующихъ великой реформѣ людей, которые помогали бы ему въ этомъ случаѣ всѣми силами души, вокругъ него нѣтъ. Колоссальная реформа окончена; слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ, менѣе важныхъ, но тѣмъ не менѣе, въ высшей степени благотѣльныхъ преобразованій, обновившихъ весь общественный строй Россіи.

Имя императора Александра II начинаютъ произносить съ благоговѣніемъ всѣ лучшіе русскіе люди того времени, рѣшительно всѣ, у кого только билось въ груди человѣческое сердце, кто пламенѣлъ душою за величіе и благо Россіи, кто любилъ дѣйствительною, искреннею любовью меньшую братію... Но, рядомъ съ этими восторгами, которыми были встрѣчены реформы императора Александра II въ лучшей части русскаго общества, въ русскомъ обществѣ выросло и то, о чемъ не иначе, какъ съ крайне болѣзненнымъ и мучительнымъ чувствомъ, будетъ вспоминать каждый благомыслящій историкъ той эпохи. Въ столицѣ русскаго царства раздается выстрѣлъ, отъ котораго содрогнулся весь народъ. Выстрѣлъ направленъ въ грудь русскаго царя... Несомнѣнно болѣзненно настроенный фанатикъ задумалъ облагодѣтельствовать Россію съ помощію невинно пролитой царственной крови, съ помощію измѣны, звѣрства. Злодѣйство не удастся... Провидѣніе спасаетъ императора Александра II. Проходитъ едва годъ съ небольшимъ—выстрѣлъ повторяется снова. На этотъ разъ стрѣляетъ уже не русскій, а польскій фанатикъ, стрѣляетъ не для осуществленія политической утопіи, а изъ мщенія за мнимую обиду. Злодѣйство не удастся... Провидѣніе спасаетъ императора Александра II. Проходятъ годы. Въ царственной дѣятельности Александра Николаевича настаетъ новая эпоха. Царь-освободитель внутри государства

является освободителем извнѣ. Рождается новое славянское государство, которое создаетъ, освободивъ болгарскій народъ изъ-подъ ига, императоръ Александръ II. Но въ то время, какъ русскій государь весь отдается своей великой освободительной миссіи на поляхъ Болгаріи, среди родныхъ ему славянъ, въ его собственной странѣ поднимается голову измѣна, зрѣвшая въ незамѣтной тишинѣ многие и многие годы. Въ одной части русскаго общества развивается революціонное движеніе, вызванное, какъ кажется, главнымъ образомъ—по крайней мѣрѣ, у насъ—болѣзненнымъ настроеніемъ вѣка. Кинжалъ, револьверъ, динамитъ, удавление—все призвано на помощь людьми, стремящимися утвердить царствіе Божіе на землѣ съ помощію омерзительнѣйшихъ злодѣйствъ, всевозможной нравственной грязи. Государь не избѣгаетъ покушеній, направленныхъ дѣятелями революціоннаго террора противъ правительственныхъ лицъ. Быстро слѣдуетъ событіе за событіемъ — попытка Соловьева, подконъ Гартмана, взрывъ во дворцѣ... Какъ должны были дѣйствовать всѣ эти покушенія на императора Александра? До нѣкоторой степени онъ самъ намъ это открылъ въ обращеніи своемъ къ московскому дворянству, непосредственно вслѣдъ за покушеніемъ Гартмана. „Въ моихъ заботахъ о благѣ Россіи“ сказалъ государь, „я отдался въ руки Провидѣнія, и оно хранитъ меня“. Эту глубокую, непоколебимую увѣренность, что небесный Промыселъ сохранитъ Россію отъ тѣхъ невообразимыхъ ужасовъ, которые приготавливаютъ ей красильники, покойный государь сохранялъ до самой трагической кончины своей. Но, отдаваясь въ руки Провидѣнія какъ государь, Александръ Николаевичъ, въ виду всѣхъ этихъ ужасовъ, не могъ не скорбѣть душою какъ человѣкъ. Если мы примемъ во вниманіе природу человѣка вообще и самые общіе психическіе законы, то можемъ, не рискуя произвольностью догадокъ, утверждать, что скорби сердца при мысли о чисто демонскомъ ожесточеніи, хотя бы только горсти фанатиковъ, объ этой превосходящей всякое представленіе ненависти ихъ къ нему, послѣ всѣхъ благодѣяній, излитыхъ имъ на народъ, не могли не отравлять минутъ отдохновенія отъ царственныхъ трудовъ, не могли не вносить по временамъ глубокой печали въ его сердце. Дѣйствительно, трудно даже вообразить судьбу болѣе трагическую и менѣе заслуженную. Что же было причиною всѣхъ этихъ демонскихъ преслѣдованій? За что именно злодѣи такъ упорно искали убить его? Лучшій отвѣтъ на это—всемирная исторія, однородные факты прошедшаго... „Много я вамъ дѣлалъ добра, за какое именно добро мое вы хотите убить меня?“ спрашивалъ нѣкогда Величайшій Наставникъ и Благодѣтель человечества смертельно ненавидѣвшихъ его книжниковъ и фарисеевъ. Этотъ же самый вопросъ съ безупречно чистою совѣстью могъ предложить своимъ врагамъ и покойный государь Александръ Николаевичъ. За что? Рассматривая его царствованіе, я вижу цѣлый рядъ гуманнѣхъ, коренныхъ преобразованій, пересоздавшихъ нашу жизнь. Въ ряду этихъ

реформъ я отмѣчаю одну, о которой могу говорить не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Эта реформа — освобожденіе изъ подъ ига крѣпостной зависимости болѣе 20 милліоновъ людей, дарованіе всѣмъ этимъ милліонамъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ. 19-е февраля 1861 года, это — вѣчный, нерукотворный памятникъ души, сердца, мысли, энергіи, труда, самоотверженія, наконецъ, безпредѣльной любви къ народу императора Александра II. Это тотъ великій, драгоценный день, о которомъ, по выраженію покойнаго историка-публициста ¹⁾ „радовались ангелы“; это на вѣки завѣтный въ нашей исторіи день прекращенія истязаній, заложений, дареній, промѣна, продажъ и проигрыша людей! Пройдутъ годы, десятки, наконецъ сотни лѣтъ, — реформы императора Александра II сдѣлаются фактомъ далекаго прошлаго; многое измѣнится, многое замѣнится новымъ, сообразно новымъ требованіямъ времени; но великая реформа „освобожденія“ будетъ жить, пока живетъ русскій народъ, пока существуетъ Россія.

Люди, которые не умѣютъ, или по чему нибудь не хотятъ воздавать должнаго заслугамъ историческихъ дѣятелей, или же наконецъ просто зараженные моднымъ либерализмомъ, отнимаютъ въ этомъ случаѣ заслугу у императора Александра II, говоря, что „эманципаторомъ“ собственно говоря, былъ не онъ, а духъ времени. Но, говоря такимъ образомъ, эти люди забываютъ, или же, просто не умѣютъ опредѣлить, — въ чемъ состоятъ обыкновенно заслуги каждаго историческаго дѣятеля вообще? Не потому ли въ одномъ дѣятелѣ мы видимъ отрадное, а въ другомъ — противоположное явленіе, что одинъ дѣйствовалъ сообразно съ духомъ времени и удовлетворялъ его потребностямъ, а другой шелъ ему наперекоръ? Александръ II понялъ, что источникомъ всѣхъ бѣдствій и золь, сказавшихся такъ ясно въ Крымскую войну, было закрѣпощенное состояніе народа, и что освобожденіе крестьянъ въ эпоху его вступленія на престолъ было потребностью, о которой вопіяли камни... Убѣдившись въ этой истинѣ, въ неотступномъ требованіи духа времени, Александръ II не отступилъ ни на шагъ ни передъ колоссальностью задачи, ни передъ безчисленными трудностями, съ которыми было соединено ея разрѣшеніе. Онъ энергически началъ, неуклонно продолжилъ и благополучно окончилъ святое дѣло освобожденія. Вотъ его подвигъ на пользу народа, вотъ его заслуга передъ исторіей, его неотъемлемое право на вѣчную признательность потомства.

Увижу ль, о друзья, народъ освобожденный,
И рабство павшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря? ²⁾

Такъ восклицалъ когда-то великій національный русскій поэтъ, подавляемый сознаніемъ, что въ его эпоху крѣпостное право въ Россіи

¹⁾ М. П. Погодина.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, Сиб. 1880 г., т. 1, р. 222.

стояло несокрушимо какъ скала, что не только освобожденія, но даже признаковъ близкаго освобожденія рѣшительно ни въ чемъ не было видно. Поэтическое ясновидѣніе Пушкина не обмануло его. Рабство въ Россіи исчезло именно тѣмъ путемъ, какъ онъ предсказалъ, — „по манію царя“, и славою этого безконечно-благодѣтельнаго для Россіи дѣла Богъ благословилъ Александра II.

И этотъ государь, положившій въ основу дальнѣйшаго развитія своего государства начало свободы, палъ какъ мученикъ среди бѣлаго дня, на улицѣ собственной столицы! „Онъ палъ отъ святотатственной руки убійць, неоднократно покушавшихся на его драгоцѣнную жизнь ¹⁾“. Александръ II раздѣлилъ въ этомъ случаѣ участь многихъ свѣтлыхъ личностей въ исторіи, благодѣтелей родныхъ имъ странъ. Генрихъ IV, полагавшій свое личное счастье въ благосостояніи своего народа, и Линкольнъ, которому великая заатлантическая республика обязана уничтоженіемъ у себя рабства, — погибли отъ руки убійць... Освободитель русскаго крестьянства Александръ II также сдѣлался жертвою столь же мрачнаго, сколько и отвратительнаго по своимъ подробностямъ, злодѣйства.

Въ двухъ недавно вышедшихъ томахъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ (томъ XXX и XXXI) помѣщены матеріалы, касающіеся воспитанія и ученія императора Александра Николаевича. Нечего говорить о томъ, какой высокой интересъ представляютъ для насъ эти матеріалы.

Отроческіе и юношескіе годы будущаго освободителя милліоновъ людей, разрѣшеніе вопроса, какъ развивались въ немъ тѣ гуманныя начала, которыя потомъ, по вступленіи его на престолъ, руководили имъ въ его реформахъ—все это представляетъ не только спеціально историческій, но и глубокій общественный интересъ. Я назову здѣсь нѣкоторыя изъ статей, помѣщенныхъ въ двухъ вышедшихъ томахъ. Первые три представляютъ планы ученія великаго князя Александра Николаевича. Собственно говоря, это одинъ и тотъ же планъ, имѣющій большій или меньшій объемъ и то или другое спеціальное назначеніе. Послѣдній изъ трехъ плановъ былъ составленъ Жуковскимъ, для представленія государю императору Николаю Павловичу. Какъ одинъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, я назову: „Мысли законоучителя, протоіерея Герасима Петровича Павскаго, о религіозномъ воспитаніи и ученіи наследника цесаревича Александра Николаевича, изложенныя въ 1828 году“. Непосредственно за эту статью слѣдуютъ „Отрывки изъ бесѣдъ законоучителя протоіерея Павскаго“. Далѣе весьма интересны двѣ статьи о томъ, какъ продолжалось религіозное воспитаніе царственнаго питомца при его новомъ наставникѣ въ религіи, протопресвитерѣ Василии Борисовичѣ Бажановѣ. Статьи эти—„Свѣденія о преподаваніи курса по закону Божию“

¹⁾ Выраженіе Высочайшаго манифеста, 1 марта 1881 г.

«истор. вѣстн.», годъ II, томъ VI.

законоучителемъ, имя котораго мы сейчасъ назвали, и „Отрывки изъ курса, читаннаго (имъ) наслѣднику цесаревичу—объ обязанностяхъ христіанина въ состояніи гражданскомъ и церковномъ и объ обязанностяхъ государя“. По русской исторіи мы находимъ двѣ статьи: а) „Введеніе въ исторію государства російскаго. Обзоръніе російской имперіи“ и б) „Черты исторіи государства російскаго. Древняя исторія“, В. А. Жуковскаго. Далѣе слѣдуютъ программы и курсы болѣе специальныхъ наукъ. „Основанія артиллерійскаго искусства“, изъ курса, читаннаго Весселемъ, и статья „О законахъ“—бесѣды съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ М. М. Сперанскаго.

Какъ интересныя дополненія въ этомъ томѣ я назову классное сочиненіе великаго князя на русскомъ и другое — на французскомъ языкѣ; послѣднее на тему: „Христофоръ Колумбъ“, снимокъ съ автографа Александра Николаевича, наконецъ, два рисунка, исполненные имъ въ 1833 году. Второй томъ представляетъ двѣ спеціальныя статьи, заключающія въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для преподаванія великому князю „финансовъ“, изъ которыхъ вторая—„Краткое обзоръніе російскихъ финансовъ“ принадлежитъ бывшему министру финансовъ графу Канкрину. Третья заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для ознакомленія великаго князя съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ — „Обзоръніе прежняго и нынѣшняго состоянія министерства иностранныхъ дѣлъ“; наконецъ, четвертая и послѣдняя: „Aperçu des principales transactions du Cabinet de Russie sous les règnes de Catherine II, Paul I et Alexandre I“, барона Брунова, 1838 г.

Прежде нежели перейти къ главному предмету моей задачи—воспитанію наслѣдника престола, цесаревича Александра Николаевича, я считаю необходимымъ остановиться на личности наставника, которому ввѣрено было главное руководство всѣхъ другихъ наставниковъ великаго князя — на личности В. А. Жуковскаго. Направленіе его поэзіи хорошо извѣстно каждому русскому, знакомому съ отечественной литературой, и потому я не буду останавливаться на этомъ предметѣ, точно такъ же какъ не буду касаться тѣхъ фактовъ его жизни, которые не имѣютъ близкаго отношенія къ его дѣятельности по званію главнаго наставника Александра Николаевича. Жуковскій былъ назначенъ на этотъ высокій постъ въ 1826 году, и кажется что на выборъ его повліяло главнымъ образомъ то обстоятельство, что поэтъ имѣлъ случай близко узнать еще съ 1817 года самъ императоръ Николай Павловичъ, бывшій въ то время великимъ княземъ. Удостоившись быть принятымъ въ самый близкій кружокъ императрицы-матери Маріи Ѳеодоровны и состоя при ней чтецомъ, Жуковскій былъ указанъ ею, какъ учитель русскаго языка для ея молодой невѣстки, великой княгини Александры Ѳеодоровны. Извѣстіе о назначеніи его наставникомъ наслѣдника престола пришло къ нему во время его болѣзни. Какое впечатлѣніе произвело на него это назначеніе и съ какими чувствами онъ его принялъ,—это можно

видѣть изъ письма, которое онъ писалъ по этому случаю къ племянницѣ своей Авдотѣ Петровнѣ Елагиной. Вотъ что онъ, между прочимъ, говоритъ въ немъ: „Работы у меня много; на рукахъ моихъ важное дѣло! Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю права и возможности употреблять ни минуты на что нибудь другое“. „У меня въ душѣ“, продолжаетъ далѣе Жуковский, говоря о своей новой дѣятельности, „одна мысль; все остальное только въ отношеніи къ этой царствующей. Могу сказать, что настоящая положительная моя дѣятельность считается только съ той минуты, въ которую я вошелъ въ тотъ кругъ, въ которомъ теперь заключенъ“.

Этотъ небольшой отрывокъ изъ семейной переписки поэта достаточно знакомитъ насъ съ его взглядомъ на тогдашнее его положеніе, и съ какими чувствами онъ готовился проходить свое новое, великое служеніе... Приведу еще одинъ отрывокъ изъ письма его къ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, который познакомитъ насъ съ тѣми идеальными требованіями, которыя Жуковский предъявлялъ относительно личности самого наставника наслѣдника престола. „Чтобы преподавать цесаревичу науку“, писалъ онъ государынѣ, „недостаточно быть только ученымъ. Слѣдуетъ быть ученымъ въ наукѣ человѣчества съ точки зрѣнія всѣхъ временъ, и въ особенности настоящей эпохи, наблюдать его во всѣхъ положеніяхъ, испытать борьбу человѣческихъ страстей, въ особенности на поприщѣ политическомъ, гдѣ онѣ въ нашъ вѣкъ бываютъ такъ сложны и такъ бурны; слѣдуетъ пройти этотъ курсъ наукъ не по книгамъ, но по событіямъ, и выработать изъ этихъ практическихъ наблюденій нравственныя правила“.

Назначивъ Жуковскаго главнымъ руководителемъ наслѣдника цесаревича еще въ 1826 году, императоръ Николай, въ февралѣ 1828 года, собралъ комитетъ изъ приближенныхъ къ нему лицъ для обсужденія вопроса, кому поручить преподаваніе наукъ наслѣднику цесаревичу. При этомъ онъ указалъ для исторіи на извѣстнаго ему лично, и вообще извѣстнаго въ то время, преподавателя этого предмета въ инженерномъ училищѣ—Арсеньева. Государь Николай Павловичъ, бывши великимъ княземъ, завѣдывалъ этимъ училищемъ и тамъ имѣлъ случай узнать и оцѣнить нашего статистика. Другими учителями наслѣдника цесаревича были слѣдующія лица: французскаго языка и географіи—Флоріанъ Антоновичъ Жиль; нѣмецкаго—Иванъ Павловичъ Шамбо, секретарь государыни императрицы; англійскому языку училъ его Альфри; польскому—Юрьевичъ; ариметикѣ—академикъ Эдуардъ Давидовичъ Коллинсъ при релетированіи Юревича. Теперь я долженъ упомянуть о назначеніи еще одного наставника для великаго князя, которое принадлежало лично государю Николаю Павловичу и которое привело въ живѣйшій восторгъ Жуковскаго. Назначеніе это, дѣйствительно въ высшей степени удачное, въ данномъ случаѣ представляло тѣмъ большую важность, что дѣло ка-

салось преподаванія предмета первостепенной важности — преподаванія религіи, правилъ жизни, образованія души и сердца будущаго самодержавнаго государя перваго, по своей обширности, государства въ мірѣ. Выборъ законоучителя для высокаго питомца былъ сдѣланъ, повторяемъ, необыкновенно удачно, такъ что трудно представить себѣ другой болѣе счастливый. Законоучителемъ къ великому князю былъ опредѣленъ человѣкъ глубокой и разносторонней учености, переводчикъ библии съ еврейскаго подлинника, знаменитый авторъ „Филологическихъ наблюденій надъ составомъ русскаго языка“, докторъ богословія, священникъ Андреевскаго собора — Герасимъ Петровичъ Павскій. Назначеніе это было произведено, какъ мы сейчасъ сказали, по выбору самого государя, которому были извѣстны глубокая ученость и высокія нравственныя качества Павскаго. Воспитатель наслѣдника цесаревича, генераль Мёрдеръ, пригласилъ его къ себѣ и, по приказанію Николая Павловича, поручилъ ему составить планъ религіознаго воспитанія высокаго питомца. Павскій написалъ „Мысли о законоученіи“ и копію съ этой записки своей послалъ Жуковскому. Какое впечатлѣніе произвелъ планъ, составленный ученымъ законоучителемъ, на поэта-наставника и, вообще, назначеніе Павскаго въ законоучители къ наслѣднику—объ этомъ мы можемъ судить по отрывку изъ письма поэта къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. „Въ особенности“, говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, „дѣлаетъ меня счастливымъ изложеніе плана обученія закону Божію, сообщенное мнѣ почтеннымъ Павскимъ. Сердце мое очень сильно билось при чтеніи его сочиненія, изложеннаго съ ясностью, простотою и послѣдовательностью. Въ немъ сіяетъ свѣтъ прекрасной души. Мы можемъ поздравить себя съ сдѣланнымъ выборомъ“. Отвѣчая на присылку записки самому Павскому, поэтъ-наставникъ писалъ ему, между прочимъ, слѣдующее: „Скажу однимъ словомъ: чтеніе... порадовало меня за нашего воспитанника: ваша религія—другъ просвѣщенія, такая именно, которая должна жить въ государѣ“.

Съ 1832 года, въ составѣ преподавателей послѣдовали перемѣны. Въ этомъ году для нѣмецкаго языка былъ приглашенъ Эртель, а для англійскаго—Варрандъ. Первый, извѣстный учебникомъ англійскаго языка, былъ бібліотекаремъ двухъ академій — академіи наукъ и художествъ; второй получилъ спустя нѣсколько лѣтъ званіе лектора при петербургскомъ университетѣ. Естественныя науки преподавали цесаревичу: естественную исторію—академикъ Триніусъ, и физикѣ—академикъ Коллинсъ. Преподавателемъ исторіи былъ назначенъ докторъ правъ берлинскаго университета Ѳедоръ Ивановичъ Липманъ, продолжавшій чтеніе своего историческаго курса до окончанія воспитанія цесаревича.

Въ видахъ облегченія дѣла преподаванія, каждый преподаватель пользовался правомъ печатать свои записки или курсы, назначавшіеся для августѣйшаго питомца. Книжки эти печатались въ типо-

графіи главнаго штаба безъ цензуры, въ количествѣ не болѣе пятидесяти экземпляровъ.

Изложивъ внѣшніе факты, касающіеся воспитанія наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, его, такъ сказать, педагогическую обстановку, перейдемъ теперь къ внутренней сторонѣ дѣла. Изданные „Историческимъ Обществомъ“ матеріалы не даютъ намъ внѣшней исторіи воспитанія, фактовъ самаго хода дѣла. Они представляютъ планы воспитанія, мысли, замѣтки и программы преподавателей по разнымъ предметамъ, наконецъ, отрывки изъ читанныхъ ими курсовъ. Къ разбору этого драгоцѣннаго матеріала мы теперь и перейдемъ.

Подробный планъ воспитанія цесаревича Александра Николаевича былъ составленъ самимъ Жуковскимъ. Онъ заключаетъ въ себѣ весьма обстоятельное изложеніе взгляда наставника на то, какъ нужно было вести дѣло умственнаго и нравственнаго развитія высокаго питомца. Здѣсь мы знакомимся съ основною мыслью предположенной системы, ея разными частностями и подробностями, наконецъ, съ тѣми внѣшними средствами и условіями, которыя были признаны необходимыми для удовлетворительнаго разрѣшенія задачи. И такъ, первый вопросъ: какъ понималъ составитель плана свою основную задачу, — задачу воспитанія вообще—какія начала онъ полагалъ въ основу его, и какія цѣли въ этомъ случаѣ предполагалъ? Отвѣтъ на это мы находимъ въ первыхъ же строкахъ проэкта.

„Цѣль воспитанія вообще и ученія въ особенности“, говоритъ составитель плана, „есть образованіе для добродѣтели“. Цѣль воспитанія, такимъ образомъ, опредѣляется прежде всего какъ нѣчто безусловное, независимое отъ общественнаго положенія того или другаго лица. Планъ признаетъ прежде всего необходимость воспитанія чловѣка, его сердца, развитіе въ немъ тѣхъ началъ добра, которыя даетъ чловѣку природа. Совершенно подобный же взглядъ на цѣли воспитанія вообще мы находимъ и въ небольшой статьѣ Жуковскаго, посвященной этому вопросу ¹⁾. Такъ какъ для насъ въ данномъ случаѣ чрезвычайно важно уяснить себѣ взглядъ Жуковскаго на этотъ предметъ съ возможно болѣею полнотою, то я приведу нѣкоторыя мѣста изъ этой статьи. Вотъ какъ онъ понималъ значеніе воспитанія для жизни. „Что такое воспитаніе? Этотъ вопросъ разрѣшится тогда, когда будетъ разрѣшенъ слѣдующій: что такое здѣшняя жизнь? Здѣшняя жизнь есть приготовленіе земнаго чловѣка къ жизни высшей. Воспитаніе есть приготовленіе души чловѣка къ принятію уроковъ здѣшней жизни. Какову форму ни имѣли бы сіи уроки, ихъ смыслъ всегда одинъ и тотъ же. Открытіе этого смысла, независимо отъ формы, которая зависитъ отъ Промысла, есть высшій предметъ воспитанія. Для сего предмета должно быть образованіе въ здоровомъ тѣлѣ здоровой

¹⁾ Сочиненія Жуковскаго, Спб. 1869 г., томъ VI, стр. 556.

души, вѣрно мыслящей, свободно дѣйствующей, чисто чувствующей, наконецъ—смиренно вѣрующей“. Приведенный отрывокъ представляетъ опредѣленіе воспитанія, а вотъ — объясненіе его цѣли и задачъ. „Человѣкъ образуется здѣсь воспитаніемъ не для счастья, не для успѣха въ обществѣ, не для особеннаго какого нибудь званія, даже не для добродѣтели; онъ образуется для вѣры въ Бога (для вѣры христіанской) и для безусловнаго преданія воли своей въ высшую волю (въ чемъ истинная человѣческая свобода). Изъ этого истекаетъ всякое другое счастье, успѣхъ, нравственность, добродѣтель ¹⁾. Воспитаніе, продолжаетъ авторъ статьи, должно образовать человѣка, гражданина, христіанина. Человѣкъ—здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ. Гражданинъ—нравственность, просвѣщеніе, самостоятельность. Христіанинъ—подчиненіе всего человѣка вѣрѣ“ ²⁾. Итакъ основу воспитанія, по взгляду Жуковскаго, должна составлять религія. Но мы видѣли выше, что привело Жуковскаго въ восторгъ, при чтеніи записки, о религіозномъ воспитаніи наслѣдника, представленной ему Павскимъ. „Ваша религія“, писалъ ему въ отвѣтъ своемъ Жуковский, — „другъ просвѣщенія“. Мы видѣли сейчасъ, какъ Жуковский опредѣляетъ понятіе гражданина. „Гражданинъ“, говоритъ онъ, „нравственность, просвѣщеніе, искусство, самостоятельность“. Итакъ, религія, то-есть образованіе сердца, и неразрывно соединенное съ ней просвѣщеніе, то-есть образованіе ума—вотъ идеаль воспитанія, по понятіямъ Жуковскаго. Считаю излишнимъ говорить, что взглядъ этотъ не можетъ возбуждать возраженій въ здравомыслящемъ человѣкѣ, такъ какъ истинность его очевидна для каждаго. Посмотримъ теперь далѣе—какъ Жуковский считалъ нужнымъ вести дѣло умственнаго развитія великаго князя, какъ именно, въ какомъ объемѣ и формѣ предполагалъ онъ сообщать своему высокому питомцу то просвѣщеніе, которое, по его понятіямъ, въ данномъ случаѣ было неотдѣлимо отъ религіи, и вмѣстѣ съ воспитаніемъ религіознымъ представляло идеаль цѣльнаго общечеловѣческаго воспитанія. „Его высочеству“, говоритъ Жуковский, „нужно быть не ученымъ, а просвѣщеннымъ. Просвѣщеніе должно познакомить его со всѣмъ тѣмъ, что въ его время необходимо для общаго блага, и въ благѣ общемъ—для его собственнаго. Просвѣщеніе, въ истинномъ смыслѣ, есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностью“. Нравственный элементъ, такимъ образомъ, является неотдѣлимою стороною просвѣщенія, точно такъ же, какъ неотдѣлимой стороною самаго просвѣщенія является религія. Продолжая объяснять далѣе значеніе нравственнаго элемента въ дѣлѣ образованія вообще, Жуковский говоритъ: „Человѣкъ знающій, но не нравственный, будетъ вредить, ибо худо употребить извѣстные ему способы дѣйствія. Человѣкъ нравственный, но невѣжда — будетъ вредить, ибо и

¹⁾ Сочиненія Жуковскаго, Спб. 1869 г., томъ VI, стр. 556.

²⁾ Ibid., стр. 557.

съ добрыми намѣреніями не будетъ знать способовъ дѣйствія“. Разсматривая образовательное значеніе предметовъ собственно въ воспитаніи будущаго государя, Жуковскій полагалъ, что главною наукою для наслѣдника престола должна быть исторія, „объясняющая настоящее и предсказывающая будущее“. „Она“ (исторія), говоритъ Жуковскій, „знакомитъ государя съ нуждами его вѣка и его страны. Она должна быть главною наукою наслѣдника престола. Исторія, освѣщенная религіею, воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству, и дастъ ему высокое понятіе о его санѣ. Изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности царской“. Признавая просвѣщеніе какъ многообъемлющее знаніе, какъ всестороннее знакомство съ нуждами вѣка, важнѣйшимъ, первымъ послѣ религіи элементомъ въ дѣлѣ воспитанія, Жуковскій указываетъ также на просвѣщеніе, какъ на лучшее средство нравственнаго воспитанія народа.

Вотъ что онъ говоритъ, между прочимъ, въ своемъ планѣ, мысленно обращаясь къ лицу государя вообще: „Люби и распространяй просвѣщеніе: оно — сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти“. Продолжая развитіе той же мысли, Жуковскій высказываетъ необычайно свѣтлый взглядъ на дѣло, говоря, что истинное образованіе народа есть лучшее средство охраны государства противъ мятежей и революцій. „Изъ слѣпыхъ рабовъ“, говоритъ авторъ плана, „легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣвшихъ цѣнить благо порядка и законовъ“.

Въ проектѣ ученія великаго князя, поданномъ императору Николаю Павловичу, Жуковскій дѣлаетъ предложеніе преподавать великому князю латинскій языкъ. Приводимъ безъ пропусковъ, цѣликомъ, это мѣсто: „Почитаю“, говоритъ составитель проекта, „необходимымъ ученіе латинскаго языка: на семь ученій будетъ основано ученіе всѣхъ другихъ языковъ и оно весьма, весьма имъ облегчится, ибо латинскій языкъ есть отецъ большей части европейскихъ. Прошу убѣдительно высочайшаго на сіе соизволенія. Смѣю увѣрить, что метода будетъ избрана самая легчайшая, и что ученіе латинскаго языка, вмѣсто того, чтобы обременить великаго князя скучнымъ трудомъ, послужитъ къ его образованію. Въ необходимости сего ученія я увѣренъ. Я не считаю для великаго князя нужною ученость, но онъ долженъ имѣть основательное просвѣщеніе; латинскій языкъ есть одно изъ дѣйствительныхъ средствъ развитія умственныхъ способностей, а въ классикахъ латинскихъ—источникъ истиннаго просвѣщенія. Все дѣло состоитъ въ выборѣ учителя. Мнѣ говорили въ Берлинѣ о прекрасномъ учителѣ. Если ваше величество позволите, то напишу объ немъ; а такой человѣкъ будетъ намъ полезенъ и во многомъ другомъ“.

Предложеніе Жуковскаго относительно преподаванія великому князю латинскаго языка не было, однако, принято; по крайней мѣрѣ, въ обоихъ томахъ матеріаловъ о преподаваніи его рѣшительно нигдѣ не упоминается. Вѣроятно нашли, что, при значительномъ количествѣ чисто спеціальныхъ предметовъ, необходимыхъ въ учебномъ курсѣ великаго князя какъ будущаго государя, преподаваніе языка, который, по общепринятымъ понятіямъ, считается очень труднымъ и требующимъ долгаго изученія,—было бы слишкомъ обременительно.

Въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, посвященномъ разнымъ вопросамъ, касающимся воспитанія великаго князя, Жуковскій разсуждаетъ, между прочимъ, о необходимости чтенія для великаго князя. „Я ничего такъ не желаю“, говоритъ онъ, „какъ вселить въ великомъ князѣ охоту къ чтенію. До сихъ поръ еще не было и начала ея. Боюсь, чтобы пристрастіе къ военному не зашло къ намъ въ душу и многому не помѣшало. А хорошія книги—вѣрнѣйшіе друзья частнаго человѣка и настоящіе совѣтники государей; онѣ не льстятъ, а заставляютъ мыслить и возбуждаютъ уваженіе ко всему человѣческому“.

Этою цитатой я заканчиваю разсмотрѣніе плана Жуковскаго. Все остальное въ немъ касается или матеріальной стороны дѣла—исчисления издержекъ, необходимыхъ на воспитаніе великаго князя, или же вещей второстепенной важности—распредѣленія времени, учебныхъ часовъ, пособій для преподаванія и т. д. Мы познакомились съ основною мыслью плана Жуковскаго вполне. Религія, просвѣщеніе, нравственность—вотъ что составляетъ, по его взгляду, основу и вмѣстѣ съ тѣмъ суть дѣла въ правильно понимаемомъ, нормальномъ общечеловѣческомъ воспитаніи. Въ научномъ отношеніи онъ требуетъ образованія основательнаго, прочнаго, и въ этихъ видахъ проситъ ввести въ учебный курсъ великаго князя латинскій языкъ. Наконецъ, онъ заботится о развитіи въ своемъ питомцѣ охоты къ чтенію, желаетъ, чтобы онъ полюбилъ хорошія книги, которыя во всякомъ случаѣ гораздо больше говорятъ правду и менѣе льстятъ, чѣмъ люди. Говоритъ о высокомъ нравственномъ и педагогическомъ достоинствѣ изложеннаго мною теперь вполне плана Жуковскаго, я считаю излишнимъ. Каждый читатель оцѣнитъ его по достоинству самъ.

Теперь передъ нами спеціальнѣйшій планъ религіознаго воспитанія великаго князя,—записка, представленная законоучителемъ высокаго питомца, протоіереемъ Г. П. Павскимъ. Это изложеніе взгляда его на предметы, въ связи съ отрывками, напечатанными изъ его бѣсѣдъ, при всей краткости заключаетъ въ себѣ такъ много необыкновенно свѣтлыхъ и глубокихъ мыслей, обнаруживаетъ въ Павскомъ такую широту взгляда и на безусловное и на общественное значеніе религіи, на ея отношенія къ исторической жизни человѣчества, къ наукѣ, наконецъ къ прогрессу,—что я считаю долгомъ остановиться

подробнѣе на этихъ документахъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что самый предметъ, которому они посвящены — религія — составляетъ обыкновенно, какъ это и должно быть на самомъ дѣлѣ, фундаментъ въ дѣлѣ правильного, нормальнаго воспитанія. Мнѣ по необходимости придется дѣлать при этомъ значительныя выписки, которыя я буду приводить съ буквальною точностію, опасаясь вольною передачею ослабить силу, или обезобразить красоту несравненнаго подлинника. Итакъ, я прежде всего остановлюсь на запискѣ (на „Мысляхъ“, какъ она названа самимъ авторомъ). Вотъ какъ Павскій опредѣляетъ въ самомъ началѣ записки значеніе религіи и то, какъ ее должно преподавать. „Религія, говоритъ онъ, есть чувство, которымъ духъ человѣческой внутренно объемлетъ Невидимаго, Вѣчнаго и Святаго, и въ немъ блаженствуетъ. И слѣдовательно, ученіе религіи состоитъ только въ томъ, чтобы чаще пробуждать, оживлять и питать сіе святое чувство, дабы оно, укрѣпляясь, просвѣтляясь и воспламеняясь внутри человѣка, давало отъ себя силу, свѣтъ и жизнь всему человѣку, всѣмъ его понятіямъ, всѣмъ его мыслямъ, желаніямъ и дѣйствіямъ“. Приведу еще новый отрывокъ, выражающій взглядъ Павскаго на отношеніе внутренней религіи — чувство благоговѣнія передъ Высочайшимъ Существомъ и стремленіе приближаться къ нему черезъ непрерывное нравственное самоусовершенствованіе — къ религіи внѣшней, къ тѣмъ формамъ и символамъ, въ которыхъ выражается безконечная, необъемлемая человѣческимъ разсудкомъ, идея божества. Вотъ это мѣсто: „Ни понятія разсудка о религіозныхъ идеяхъ, ни частныя правила, въ которыхъ выражается религіозно нравственное дѣйствованіе, ни обряды, вполнѣ не изображаютъ всей глубины религіи. Они суть только частное, опредѣленное и ограниченное представленіе того, что неограничено. Они только даютъ намекъ, и тѣмъ могутъ пробудить, или въ опредѣленномъ видѣ представить внутреннее живое чувство религіи, а сами въ себѣ не имѣютъ жизни. Такое различеніе религіи, яко чувства отъ внѣшнихъ формъ, въ которыхъ представляется религія положительная, крайне необходимо. Сіе именно различеніе предохранить отъ смѣшенія внѣшнихъ формъ съ внутреннею жизнью, и дать надлежащую цѣну формамъ временнымъ, не поставляя ихъ, однако же, наравнѣ съ самою религіею, которая вѣчна, свята и неизмѣнна“.

Приведу еще одно мѣсто записки, гдѣ Павскій разсуждаетъ о томъ, въ какой степени царствіе Божіе достижимо на землѣ, и какое вліяніе оказываетъ религія вообще на ходъ исторіи и благоприятное разрѣшеніе великихъ задачъ человѣчества. „Царство небесное не есть принадлежность земли. Люди и общества человѣческія могутъ только приближаться и стремиться къ царству небесному, а вполнѣ принять его не въ силахъ. Благотворная идея царства Христова можетъ усовершеншать, просвѣтлять и возвышать человѣка и человѣческія общества, и всегда представляясь вдали, можетъ возводить человѣка и

человѣческія общества до возможной высоты и совершенства“. Разсуждая о церкви, какъ представительницѣ и хранительницѣ идеи религии во всей ея полнотѣ и чистотѣ, Павскій указываетъ на необходимость соглашать и примирять традиционность и историческую наслѣдственность церковныхъ формъ съ духомъ времени. Вотъ его подлинныя по этому поводу слова: „Церковь“, говоритъ онъ, „равно какъ и гражданское общество, должна беречь свои старыя формы, чтобы имѣть постоянство и степенность, и только непримѣтно, изрѣдка поступать впередъ. А всякая охота къ поповленію не оставитъ ничего прочнаго и степеннаго“. „Одни правители общества гражданского и духовнаго легкою рукою непримѣтно могутъ управлять мыслями и направлять установленія и обычаи къ духу времени. Мирить мысли и обычаи народа съ духомъ времени есть дѣло не легкое, но для благосостоянія крайне нужное. Вслушиваться въ духъ времени и постигать его—значитъ вслушиваться въ волю Промысла и постигать ее“. Свѣтлость и глубина взгляда, сказавшіяся въ приведенномъ отрывкѣ и особенно въ заключительныхъ его строкахъ, не могутъ не остановить на себѣ вниманія... Хотите ли знать, какъ Павскій смотрѣлъ на отношеніе религии къ наукѣ, и какъ онъ относился къ легкомысленному обвиненію въ атеизмѣ и невѣріи тѣхъ людей, которые въ объясненіи фактовъ науки не были иногда согласны со взглядомъ на тотъ же самый предметъ библіи? Вотъ что онъ по этому поводу говоритъ: „Грѣшить противъ здраваго разума и худо знаетъ религію тотъ, кто древнія оныя дѣтскія понятія о природѣ, сохранившіяся въ библіи, и нынѣ хочетъ поставить въ основаніе наукамъ, изъясняющимъ природу. Такой безразсудный ревнитель мѣшаетъ небо съ землею, не умѣя различить благоговѣйнаго чувства отъ прозорливаго разума. Священные писатели не учатъ насъ астрономіи, физикѣ и химіи, но возбуждаютъ и питаютъ благочестивыя чувства, и языкомъ своего народа говорятъ намъ о потребностяхъ нашего безсмертнаго духа. Религія не препятствуетъ разуму роста и простирается въ своихъ наблюденіяхъ далѣе и далѣе“.

По поводу этой послѣдней мысли, опять не могу не замѣтить, какимъ удивительно свѣтлымъ, всесторонне глубокимъ взглядомъ смотрѣлъ Павскій на религію вообще, и какой урокъ преподаетъ этотъ достойнѣйшій пастырь русской церкви тѣмъ младенчески невѣжественнымъ читателямъ религии, которые видятъ въ ней начало полнѣйшаго абсолютизма, врага изслѣдованія и свободной мысли. Между тѣмъ—увы! не безъ краски въ лицѣ за свое очень недавнее прошлое, мы можемъ припомнить, что еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ у насъ запрещались профессорскія лекціи за то, что взглядъ геолога-профессора на тотъ или другой фактъ науки расходился иногда съ тѣмъ, что говорилось по этому поводу въ Книгѣ Бытія. Эти, можетъ быть, достойные всякаго уваженія въ другихъ отношеніяхъ, но въ данномъ случаѣ немножко странные люди, забывали, что, ста-

новьясь на ихъ точку зрѣнія, приходилось бы запретить безусловно, и притомъ цѣликомъ, напр. космографію, такъ какъ наука, утверждающая движеніе не солнца, а земли, состоитъ очевидно въ противорѣчьи съ библейскимъ „стой солнце!“ Иисуса Навина. Не могу удержаться, чтобы не привести еще одного прекраснаго, поэтическаго отрывка, въ которомъ Павскій излагаетъ взглядъ на природу человѣка, просвѣтленнаго религіей, проникнутаго высокими истинами христіанства. Вотъ этотъ отрывокъ: „Мы, воспитанные словомъ Божиимъ христіане, не благоговѣемъ передъ ея (природы) существами, силами и явленіями, какъ благоговѣли нѣкогда язычники. Не страшимся грозы ея, потому что духъ нашъ знаетъ свое родство съ духомъ вѣчнымъ и чувствуетъ свое предъ нею превосходство. Мы восхищаемся ею, какъ твореніемъ Божиимъ, какъ отблескомъ вѣчной славы Его. Но сей восторгъ не походитъ на то слѣпое благоговѣніе къ силамъ природы, которое нѣкогда стѣсняло умы и не давало свободы изслѣдованіямъ. Нынѣ духъ нашъ дѣйствуетъ въ подвластной ему природѣ свободно; даетъ разуму полную волю разсмѣрять ея силы, разсѣкать и дробить ея существо и проникать въ самое сердце ея. И это не препятствуетъ ему въ каждомъ явленіи природы, въ каждомъ деревцѣ, въ каждомъ цвѣточкѣ, въ каждой каплѣ воды, видѣть лучи славы Божіей“. „Такими очами“, продолжаетъ авторъ далѣе, „смотрѣлъ на природу Спаситель. Въ ней какъ на картинѣ онъ видѣлъ величіе Божіе. Посмотрите, говорилъ онъ слушающему его народу,—Соломонъ во всей славѣ своей такъ не одѣвался, какъ всякая изъ нихъ“.

Какія цѣли, общія и частныя, поставлялъ протоіерей Павскій въ дѣлѣ преподаванія религіозныхъ истинъ своему высокому питомцу? Онъ желалъ „отъ всего сердца, чтобы во всю дѣятельную жизнь его религія была душою его дѣлъ и начинаній, но такъ, чтобы религія не останавливала прочаго дѣйствованія въ общежитіи, а только давала внутреннюю силу—въ счастіи быть умѣреннымъ и ненадменнымъ, въ несчастіи—бодрымъ и покорнымъ Промыслу“.

Павскаго замѣнилъ въ званіи законоучителя наслѣдника престола протоіерей, нынѣ протопресвитеръ и духовникъ ихъ императорскихъ величествъ, Василій Борисовичъ Бажановъ. Краснорѣчивый проповѣдникъ, занимающій высокій постъ въ русской духовной іерархіи, такъ извѣстенъ своими заслугами всей образованной части русскаго общества, что я считаю всякую характеристику въ данномъ случаѣ совершенно излишнею. Довольно вспомнить одно то, съ какимъ уваженіемъ, съ какою глубокою любовью, воспоминалъ о протопресвитерѣ В. Б. Бажановѣ уже на смертномъ одрѣ императоръ Николай Павловичъ ¹⁾).

¹⁾ Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о проповѣдяхъ протопресвитера В. Б. Бажанова. Каждому, кто съ ними знакомъ, извѣстны ихъ высокія достоинства. Не

Курсъ закона Божія, читанный великому князю Александру Николаевичу протоіереемъ Павскимъ, имѣлъ болѣе общій характеръ, — насколько мы можемъ, по крайней мѣрѣ, составить себѣ объ этомъ понятіе изъ его записки и бесѣдъ съ своимъ высокимъ питомцемъ. Законоучитель старается утвердить въ умѣ великаго князя прежде всего идею религіи вообще, и выяснить ему ея отношеніе къ различнымъ сферамъ жизни и дѣятельности человѣческой вообще, а также развить въ немъ и согрѣть религіозное чувство. При этомъ, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, онъ разъясняетъ великому князю практически, въ формѣ бесѣдъ, множество вопросовъ, относящихся къ религіи, религіознымъ обычаямъ и проч. Новый, смѣлившій Павскаго, законоучитель преподаетъ своему высокому воспитаннику систематическій курсъ религіи, проходитъ обыкновенно преподаваемые у насъ отдѣлы закона Божія—пространный катехизисъ и церковную исторію. Какъ предметъ высшаго курса, онъ преподаетъ догматическое богословіе (по „запискамъ“), ученіе о религіи (по печатному) и, наконецъ, ученіе объ обязанностяхъ христіанина вообще и государя. Я приведу нѣкоторые общія положенія и частныя мысли законоучителя собственно относительно послѣдняго предмета. Взглядъ преподавателя въ данномъ случаѣ не можетъ не интересовать насъ глубоко, такъ какъ дѣло шло о специальномъ приготовленіи августѣйшаго питомца къ тому высокому служенію, которое указало ему Провидѣніе. Вотъ какъ объяснялъ великому князю Бажановъ величіе и святость сана государя. „Высоко званіе государя; велики и обязанности, сопряженныя съ симъ званіемъ. Всевышній правитель міра, облекая его могуществомъ и силою, ввѣряетъ попеченію и руководству его милліоны людей, братьевъ его; и потому въ отношеніи къ подданнымъ онъ есть намѣстникъ Божій на землѣ, орудіе всеблагаго провидѣнія о нихъ. Изъ сего высокаго понятія о царскомъ достоинствѣ открывается какъ то, съ какимъ страхомъ и трепетомъ государь долженъ принимать отъ Бога сіе священнѣйшее изъ всѣхъ званій на землѣ, съ какимъ глубокоимъ смиреніемъ, съ какою ревностью и напряженіемъ всѣхъ силъ долженъ проходить его; такъ изъ сего же открываются и самыя обя-

буду ничего говорить объ искренности и силѣ убѣжденія въ самомъ проповѣдникѣ, что положительно выражается въ каждомъ его словѣ; обращу вниманіе на ту сторону ихъ, которая невольно бросается въ глаза, и на которой нельзя не остановиться. Это—совершенная, идеальная простота изложенія и внѣшней формы вообще. Въ проповѣдяхъ протопресвитера В. Б. Бажанова невозможно найти — не говорю половин или четверти страницы — а одного выраженія, рассчитаннаго на эффектъ, которое говорило бы о желаніи проповѣдника поразить слушателей внѣшнимъ блескомъ. Я зналъ многихъ ученыхъ людей въ средѣ нашего духовенства, священниковъ и протоіереевъ, занимавшихъ иногда мѣста профессоровъ богословія при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и слѣдовательно, людей въ данномъ случаѣ вполне компетентныхъ, которые, отдавая полную справедливость ораторскому блеску многихъ проповѣдей Иннокентія и глубокомыслию Филарета,—въ совершенной, чисто фенеловской простотѣ и безыскусственности формы отдавали предпочтеніе протопресвитеру В. Б. Бажанову.

занности его". Это — выраженіе понятія о царскомъ достоинствѣ и общее опредѣленіе священннхъ обязанностей государя относительно своихъ подданныхъ. Вотъ другія болѣе частныя обязанности, принадлежащія тому же высокому служенію: „Издавая законы и требуя отъ своихъ подданныхъ непрекословнаго повиновенія онымъ,—читаемъ мы далѣе, — государь самъ долженъ служить для нихъ примѣромъ уваженія къ онымъ и, пользуясь неограниченною властію, никакъ не долженъ позволять себѣ произвольныхъ дѣйствій и несправедливости въ отношеніи къ своимъ подданнымъ; ибо ничто столь не раздражаетъ народъ и не охлаждаетъ его любви и преданности къ престолу, какъ несправедливость въ государѣ, отъ котораго всѣ ожидаютъ защиты и покровительства противъ несправедливости. Правосудіе и милость составляютъ самую крѣпкую опору и утвержденіе престола царскаго“. Отвѣтственность лица, носящаго самое священное на землѣ званіе, одна—передъ Богомъ. „Не будучи обязанъ“, читаемъ мы далѣе въ курсѣ В. Б. Бажанова, „никому изъ людей давать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, онъ (государь) тѣмъ болѣе имѣетъ нужды повѣрять ихъ съ книгою Закона Божія“. Лицо, облеченное высочайшею властію и носящее высочайшее въ мірѣ званіе, болѣе каждаго другого подвергается опасности самообольщенія, вслѣдствіе высоты своего положенія. Вотъ что говорилъ по этому поводу своему высокому питомцу Бажановъ: „Обладая верховною властію и могуществомъ, онъ (государь) долженъ опасаться надменія и гордости, къ чему такъ склонно человѣческое сердце, особенно при дѣйствіи хитрой лести, и что можетъ ослабить въ немъ любовь къ подданнымъ и ревность—трудиться для блага ихъ, и для сего онъ часто долженъ напоминать себѣ, что по природѣ онъ равенъ со всѣми своими подданными, что многіе изъ нихъ, можетъ быть, превосходятъ его душевными и тѣлесными силами, что своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ благодати Всевышняго, и что нѣкогда предстанетъ предъ судилище Его въ равномъ безсиліи съ ними.“ Какъ на одну изъ первенствующихъ въ кругу высокнхъ обязанностей государя, законоучитель наслѣдника престола указываетъ на необходимость больше всего другого заботиться объ утвержденіи въ народѣ религіи и доброй нравственности. Вотъ его подлинныя относительно этого слова: „Особенное долженъ обращать вниманіе (государь) на чистоту нравовъ и на утвержденіе истиннаго благочестія въ своемъ народѣ, полагая оное въ основаніе его просвѣщенія, могущества и благоденствія, въ томъ сердечномъ убѣжденіи, что истиннымъ сыномъ государя и отечества, готовымъ положить за нихъ жизнь свою и свято исполняющимъ свои обязанности можетъ быть только тотъ, кто любитъ и боится Бога, а въ царѣ чтить Его помазанника, — только истинный христіанинъ.“ Приведу въ заключеніе всего прекрасныя строки, въ которыхъ Бажановъ говоритъ о томъ, какъ государь долженъ относиться ко внѣшней политикѣ и войнѣ: „Заботясь“, читаемъ мы въ курсѣ, „о внутреннемъ

благоустройствѣ своего государства, (государь) долженъ ограждать и внѣшнюю безопасность его миролюбивыми отношеніями съ другими государствами; въ случаѣ же необходимости, защищать его силою оружія. Но какъ эта необходимость самая жестокая для сердца царя-христіанина, то онъ долженъ стараться ревностнымъ, сугубымъ попеченіемъ о внутреннемъ благоустройствѣ и постоянною готовностію къ войнѣ предотвращать всѣ непріязненныя нападеныя и покушенія извнѣ“.

Наставленія въ религіи, которыя были преподаваемы высокому питомцу обоими законоучителями, какъ читатель могъ видѣть изъ приведенныхъ нами цитатъ, нѣсколько различались по своему характеру. Курсъ Г. П. Павскаго имѣлъ характеръ болѣе теоретическій; курсъ В. Б. Бажанова—болѣе практической. Павскій старается развить въ царственномъ отрокѣ религіозное чувство, подѣйствовать на сердце и въ то же время на умъ, уясняя ему идею религіи и ея отношеніе къ различнымъ сторонамъ человѣческой жизни и дѣятельности. В. Б. Бажановъ преподаетъ наслѣднику престола въ болѣе практической формѣ вѣроученіе христіанское, и объясняетъ ему съ точки зрѣнія религіи обязанности его будущаго высокаго служенія¹⁾. Это различіе въ направленіи преподаванія обусловливалось впрочемъ какъ различіемъ возраста высокаго питомца, такъ и тѣмъ, какая часть вѣроученія должна была преподаваться въ данный періодъ времени. Г. П. Павскій начиналъ, В. Б. Бажановъ продолжалъ и окончилъ преподаваніе. Оба законоучителя со всею полнотою любви и къ предмету и къ высокому питомцу, ввѣренному ихъ попеченіямъ, стремились къ одной цѣли—утвердить въ сердцѣ и умѣ будущаго государя Россіи святыя истины вѣры такъ, чтобы онѣ, воспріятыя непосредственно сердцемъ и усвоенныя сознательно умомъ, освѣщая и согрѣвая его жизнь, давали ему твердую точку опоры въ его будущемъ, столько же высококомъ и святомъ, сколько и многотрудномъ служеніи. Усилія обоихъ благородныхъ тружениковъ принесли Россіи въ этомъ дѣлѣ наилучшіе результаты. Всѣмъ извѣстно, какимъ глубокимъ религіознымъ

¹⁾ Не должно, впрочемъ, сказанное относительно Павскаго принимать въ строгомъ смыслѣ. Я полагаю, основываясь на его запискѣ и принимая во вниманіе принятый способъ преподаванія каждаго предмета вообще, что онъ въ самомъ началѣ курса долженъ былъ познакомить высокаго питомца съ идеей религіи вообще и съ разными сторонами этой идеи въ томъ, разумѣется, объемѣ и формѣ, въ какихъ могъ это воспринять дѣтскій умъ. Изъ записки о занятіяхъ цесаревича, составленной въ 1832 году, видно, что Павскій проходилъ съ своимъ высокимъ воспитанникомъ обыкновенные предметы христіанскаго вѣроученія — курсъ Закона Божія: священную исторію ветхаго и новаго завіта, исторію церкви, катехизисъ и ученіе о христіанской нравственности. Нѣтъ сомнѣнія, что В. Б. Бажановъ, преподававшій впоследствии времени цесаревичу тѣ же предметы, излагалъ ихъ, сообразно съ возрастомъ и болѣе уже развитыми въ то время понятіями царственнаго отрока, въ болѣе обширномъ объемѣ и съ большими подробностями.

чувствомъ и какою чистотою нравственныхъ началъ отличался покойный государь Александръ Николаевичъ.

Я изложилъ планъ воспитанія цесаревича Александра Николаевича, на основаніи записки Жуковскаго, и затѣмъ разсмотрѣлъ, какъ велось дѣло его религіознаго воспитанія. Теперь нужно перейти къ тому, какъ преподавались цесаревичу разнаго рода науки, входившія въ кругъ его образованія. Но здѣсь я буду говорить очень коротко по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, я предположилъ себѣ ограничиться только той общей идеей, которая была положена въ основу воспитанія царственнаго питомца; слѣдовательно, для меня существенно важно въ данномъ случаѣ исключительно то, въ какомъ духѣ и направленіи руководители и наставники великаго князя, принимая, безъ сомнѣнія, за основу общія указанія по этому предмету самого императора Николая Павловича, — вели дѣло умственнаго и нравственнаго развитія будущаго государя Россіи. Во-вторыхъ, входитъ въ подробности по преподаванію другихъ предметовъ кромѣ религіи я затрудняюсь и потому, что матеріалы по преподаванію этихъ чисто научныхъ предметовъ въ двухъ вышедшихъ теперь томахъ сравнительно скуднѣе, — по крайней мѣрѣ, не даютъ возможности составить общее понятіе объ идеѣ, которая полагалась въ основу той или другой науки. Въ-третьихъ, наконецъ, для разсмотрѣнія плановъ и курсовъ по предметамъ чисто спеціальнымъ, какъ напр. юриспруденціи и военнымъ наукамъ, я не считаю себя компетентнымъ судьей. Оцѣнка въ этомъ случаѣ должна принадлежать непременно спеціалистамъ. Итакъ, я ограничусь при обзорѣ преподаванія наукъ великому князю общими замѣчаніями.

По русской исторіи мы имѣемъ въ матеріалахъ „Сборника“ двѣ, или собственно даже три статьи. Первая, озаглавленная „Введеніе въ исторію государства Россійскаго“, относится впрочемъ въ строгомъ смыслѣ не къ исторіи, а къ географіи и статистикѣ Россіи. Вторая — „Хронологическія таблицы исторіи государства Россійскаго“ (изъ періода удѣловъ, времена татарскаго владычества) безъ всякаго сомнѣнія ничто иное, какъ пособіе при выучиваніи и повтореніи уроковъ. Третья — „Черты исторіи государства Россійскаго“, принадлежащая Жуковскому, даетъ нѣсколько общихъ взглядовъ на главные событія русской исторіи. Взгляды эти, впрочемъ, не отличаются ни глубиною, ни оригинальностью. Особенно замѣчательнаго въ нихъ рѣшительно ничего нѣтъ. Говоря о введеніи въ Россію христіанства, Жуковскій не отмѣчаетъ той необыкновенно для насъ важной, въ высшей степени характеристической особенности этого событія, что мы приняли христіанство по обрядамъ греческой церкви, что сообщило особенный характеръ и самостоятельность всему нашему дальнѣйшему развитію. Два столѣтія, протекшія отъ призванія варяговъ до смерти Ярослава, Жуковскій называетъ періодомъ могущественнаго единовластія, а въ раздробленіи Россіи на удѣлы справедливо ви-

дять причину ея тогдашней слабости. Говоря объ отношеніяхъ древнихъ русскихъ князей къ народу, Жуковскій дѣлаетъ слѣдующую прекрасную ихъ характеристику. „И что же“, говоритъ онъ, „сіи властители? Въ чемъ ихъ отношеніе къ подданнымъ? Князья почитаютъ народъ своею собственностью; цѣль власти ихъ—единая власть, и благо народа въ одной безусловной его покорности; нѣтъ государя для подданнаго, есть только подданный для государя; но гражданинъ, безопасный подъ защитою закона, еще не существуетъ и связь между повелителемъ и рабами, основанная на притѣснительной, корыстолюбивой силѣ пераго, должна вмѣстѣ съ нею легко и разрушаться“. Закончивъ фактическое разсмотрѣніе періода удѣловъ, авторъ записки задаетъ себѣ вопросъ: „Что представляется намъ, когда обращаемъ глаза на сіи неполные два вѣка, протекшіе отъ смерти Ярослава до истребительнаго Батыева нашествія? Печальное зрѣлище великой державы, влекомой самими властителями ея къ безднѣ гибели“. Приведу еще одно мѣсто, выражающее взглядъ Жуковскаго на тѣ условія, которыми опредѣляется благосостояніе народа и государства. „Что утверждаетъ могущество государства?“ спрашиваетъ авторъ записки. „Устройство внутреннее, плодъ долговременнаго мира. Подъ сѣнію мира мужаетъ власть верховная, обезпечиваются установленіями права народа, становятся ясны взаимныя отношенія между государемъ и подданными: первый узнаетъ, что его сила во благо общему и неприкосновенности закона; послѣдніе, благоденствующие подъ защитою власти, убѣждаются, что покорность закону и свобода—одно и то же“.

Для того, чтобы составить понятіе, какъ преподавалась великому князю исторія литературы, мы имѣемъ въ сборникѣ одинъ только документъ. Это — „Хронологическій списокъ русскихъ сочинителей и библиографическія замѣчанія о ихъ произведеніяхъ“. Таблицы начинаются съ самыхъ древнихъ временъ—съ перевода священнаго писанія на славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, и продолжаются до времени, когда онѣ составлялись. Въ таблицахъ мы находимъ имена писателей съ важнѣйшими данными, касающимися дѣятельности каждаго, годы рожденія и смерти писателя, перечень его литературныхъ трудовъ, наконецъ, общія замѣчанія о его значеніи въ нашей литературѣ. Взгляда составителя этихъ таблицъ на то или другое частное явленіе, на тотъ или другой періодъ нашей литературы, мы не видимъ, а потому и не можемъ сѣдить, какая общая идея была проводима при преподаваніи великому князю исторіи русской литературы. Впрочемъ, надобно сказать и то, что настоящая литература находилась у насъ тогда въ періодѣ едва ли не зарожденія. Значеніе Пушкина, Грибоѣдова и Гоголя въ то время еще не было опредѣлено критикою и не установилось въ общественномъ сознаніи. Естественно, что и преподаваніе этого предмета особеннаго значенія въ воспитаніи великаго князя имѣть не могло. Для насъ гораздо лю-

бопытіе были бы свѣдѣнія о томъ, какъ преподавался русскій языкъ, но къ сожалѣнію матеріаловъ собственно по этому предмету въ „Сборникъ“ нѣтъ. О направленіи преподаванія всеобщей исторіи составить определенное понятіе въ данномъ случаѣ также нѣтъ возможности, такъ какъ изъ историческаго курса мы имѣемъ всего одинъ отрывокъ Липмана: „Введеніе въ исторію революціи“ (на французскомъ языкѣ). Затѣмъ дальнѣйшіе помѣщенные въ „Сборникъ“ курсы и отрывки изъ нихъ принадлежатъ наукамъ специальнымъ—артиллеріи, химіи, юриспруденціи, политической экономіи и дипломатіи. Оцѣнку достоинства этихъ курсовъ, равно какъ и началъ, положенныхъ въ основу ихъ, мы предоставляемъ специалистамъ. Считаемо необходимымъ сдѣлать подробный перечень наукъ и предметовъ, которые преподавались великому князю въ теченіе всего времени его учебныхъ годовъ. Предметы эти были слѣдующіе: Законъ Божій, всеобщая исторія, русская исторія, математика, естественная исторія, географія и статистика Россіи, начала фортификаціи и артиллеріи, военная исторія, тактика и стратегія, технологія, юриспруденція, политическая экономія и высшая политика. Языки въ воспитаніе великаго князя входили слѣдующіе: русскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и польскій. Послѣднимъ двумъ, впрочемъ, по свидѣтельству самаго Жуковскаго, не придавалось особенно важнаго значенія. И это понятно: предметовъ, безусловно необходимыхъ въ воспитаніи будущаго государя, было и безъ того слишкомъ много. Расширеніе программы каждаго предмета до полнаго его объема не могло не быть обременительно и, пожалуй, отозвалось бы вредными послѣдствіями на здоровье великаго князя. Независимо отъ разныхъ учебныхъ предметовъ и языковъ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ учился и разнаго рода искусствамъ. Гимнастика, ручныя работы, танцы, рисованіе и музыка, также входили въ воспитаніе великаго князя, послѣднія—какъ искусства, доставляющія удовольствія въ жизни, а нѣкоторыя, какъ гимнастика и танцы, полезныя сверхъ того и въ гигиеническомъ отношеніи. Что касается самыхъ занятій преподавателей разныхъ предметовъ и языковъ съ августѣйшимъ воспитанникомъ, то нужно замѣтить, что уроки раздѣлялись на часовые и получасовые; послѣднихъ впрочемъ было всего четыре въ недѣлю, а всѣхъ вообще уроковъ по наукамъ и языкамъ великій князь каждый день имѣлъ шесть.

Мы видѣли, какое разностороннее образованіе получилъ императоръ Александръ Николаевичъ. Это было солидное образованіе общее, въ духѣ гуманныхъ началъ; это было разностороннее образованіе специальное, примѣнительно къ его будущимъ разностороннимъ обязанностямъ. Что же служило объединяющимъ началомъ этихъ разнообразныхъ занятій царственнаго питомца, что представляло собою общій центръ, въ которомъ бы всѣ разнородные предметы ученія освѣщались одной общей идеей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ даетъ главный на-

ставникъ и руководитель всѣхъ другихъ наставниковъ — Жуковскій. Вотъ что онъ писалъ, между прочимъ, въ письмѣ къ своей племянницѣ. „По плану ученія великаго князя, мною сдѣланному, все лежитъ на мнѣ. Всѣ его лекціи должны сходиться въ моей, которая есть для всѣхъ пунктъ соединенія; другіе учителя должны быть только дополнителями, репетиторами“. Замѣтимъ, что Жуковскій говоритъ не о лекціяхъ, читанныхъ имъ великому князю, а о лекціи, объ одной только лекціи, которую однако же всѣ другіе преподаватели должны были постоянно дополнять. Какая же это могла быть такая длинная лекція? Можно догадываться, что Жуковскій читалъ великому князю эту одну лекцію до окончанія своего великаго дѣла, до конца ученія августѣйшаго питомца. Что же это была за лекція? О чемъ она читалась, и почему такъ долго читалась? Жуковскій не даетъ намъ отвѣта на эти вопросы, но содержаніе этой длинной, читавшейся много лѣтъ сряду, лекціи не трудно угадать. Ключъ къ этой разгадкѣ даетъ намъ стихотвореніе, которое поэтъ-наставникъ написалъ въ честь своего царственнаго питомца. Вотъ это стихотвореніе:

Съ душой на все прекрасное готовой,
 Наставленный: достойнымъ счастья быть,
 Великое съ величіемъ сносить,
 Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
 И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
 Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
 Откинувши младенчества забавы,
 Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
 Да встрѣтитъ онъ обильный чество вѣтъ!
 Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудетъ
 Святѣйшаго изъ званій: человекъ.

Итакъ, вотъ ключъ къ рѣшенію вопроса. Если Жуковскій выше всего въ мірѣ цѣнилъ счастье быть человекомъ, то о чемъ же другомъ онъ могъ читать высокому питомцу свою длинную лекцію, какъ не объ этомъ счастьи и средствахъ достигъ его?

Припомнимъ при этомъ и то мѣсто изъ письма Жуковскаго къ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, на которое мы уже ссылались выше. „Чтобы преподавать цесаревичу науку,“ писалъ Жуковскій, „не достаточно быть только ученымъ. Слѣдуетъ быть ученымъ въ наукѣ человечества съ точки зрѣнія всѣхъ временъ, и особенно настоящей эпохи, наблюдать его во всѣхъ положеніяхъ, испытать борьбу человеческихъ страстей, въ особенности на поприщѣ политическомъ, гдѣ онѣ въ нашъ вѣкъ бывають такъ сложны и такъ бурны; слѣдуетъ пройти этотъ курсъ не по книгамъ, но по событіямъ, и выработать изъ этихъ практическихъ наблюденій нравственныя правила“. Кому же Жуковскій поручалъ, или кого онъ указывалъ для преподаванія цесаревичу этой науки? Никого, — потому что онъ преподавалъ ее самъ. Это и составляло содержаніе той лекціи, о которой онъ упоминаетъ въ

вышеприведенномъ письмѣ къ племянницѣ, и къ которой всѣ другія лекціи должны были составлять только дополненіе. Мы видѣли, на какое званіе, какъ на идеально высокое, указывалъ царственному питомцу поэтъ-наставникъ, Жуковскій. Это званіе — святѣйшее изъ званій— „человѣкъ!“

Замѣчу мимоходомъ, что этого же самага счастья—счастія быть въ высочайшей степени человѣкомъ, и только этого одного, пророчески желалъ Александру Николаевичу и другой поэтъ, который хотя и понесъ наказаніе за свои политическія заблужденія, но котораго семейство, ради высокихъ, сердечныхъ, человѣческихъ достоинствъ, поэта, императоръ Николай Павловичъ осыпалъ милостями.

„Будь человѣкъ для человѣка!“

восклицалъ этотъ поэтъ, привѣтствуя съ днемъ тезоименитства пятилѣтняго малютку Александра Николаевича, тогда еще не бывшаго наслѣдникомъ престола. Реформы Александра Николаевича—лучшій отвѣтъ на то, исполнились ли желанія обоихъ поэтовъ, и въ какой мѣрѣ благородныя усилія Жуковскаго увѣнчались успѣхомъ. Освобожденіе двадцати трехъ милліоновъ людей и дарованіе имъ человѣческихъ правъ, отмѣна безчеловѣчныхъ уголовныхъ наказаній, въ родѣ клеймленія человѣческаго тѣла, смягченіе суровыхъ наказаній въ арміи, введеніе элемента милости въ новые суды,—что показываютъ всѣ эти и многія другія реформы покойнаго государя? — Мягкость его сердца, гуманность, человѣчность началъ, которыя онъ полагалъ въ основу своихъ преобразованій. Всѣ эти гуманныя, имѣвшія въ виду счастье людей, реформы свидѣтельствуютъ о томъ, что для Александра Николаевича имѣло глубокое значеніе: „святѣйшее изъ званій—человѣкъ!“.

Безконечно больно думать, что современники, хотя бы въ лицѣ самой ничтожной горсти, не умѣли оцѣнить Александра II. Ему заплатили отнятіемъ у него жизни за то, что онъ цѣлымъ рядомъ самыхъ гуманныхъ реформъ воззвалъ къ новой жизни свой народъ! Исторія, воздающая каждому по дѣламъ, оцѣнитъ по достоинству дѣятельность честнаго, благороднаго государя Россіи... Ее оцѣнили отчасти уже и теперь всѣ честные, безпристрастные русскіе люди, которымъ дорого истинное благо нашей родины; ее оцѣнили не въ одной Россіи... Царь-освободитель, царь-преобразователь, царь-страдалецъ получилъ неотъемлемое право на любовь и симпатіи цѣлага человѣчества и своими заслугами и своими страданіями. Благодарный русскій народъ, неповинный въ пролитой крови вѣнценоснаго страдалца и неотвѣтственный за преступленіе горсти злодѣевъ, ставить въ настоящее время не одинъ памятникъ своему доброму государю... Но, сколько бы мы ни создавали ему памятниковъ, какъ бы ни были эти памятники богаты и драгоцѣнны сами по себѣ,—ни одинъ изъ нихъ не сравнится по своему значенію съ тѣмъ колос-

сальнымъ нерукотворнымъ памятникомъ, который императоръ Александръ II-й воздвигъ себѣ самъ. Памятникъ этотъ—освобожденіе изъ подъ ига крѣпостной зависимости двадцати трехъ милліоновъ русскихъ крестьянъ.

Дмитрій Лебедевъ.

МАТЕРИАЛЫ КЪ БЮГРАФИИ БЪЛИНСКАГО И ЛЕРМОНТОВА.

I.

ОКОЛО двадцати лѣтъ назадъ, мнѣ случилось пробыть нѣсколько недѣль по своимъ дѣламъ въ городѣ Чембарѣ и его уѣздѣ, Пензенской губерніи. Небольшой городокъ, окруженный черноземными полями, ничего не представлялъ на видъ замѣчательнаго. Но я зналъ, что здѣсь провелъ дѣтство свое Бѣлинскій, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ селѣ Тарханахъ, воспитывался у бабушки своей Лермонтовъ. Хозяинъ моей квартиры въ Чембарѣ былъ человѣкъ торговый и въ то же время проводившій цѣлыя дни, въ лавкѣ и дома, за газетами, которыя онъ тщательно перечитывалъ неоднократно и всегда переплеталъ погодно въ отдѣльные томы. Въ городѣ моего хозяина считали начѣтчикомъ. Я рассчитывалъ, что этотъ начѣтчикъ обогатитъ меня разными преданіями о Бѣлинскомъ и Лермонтовѣ, а потому и началъ осаждать его распросами о замѣчательныхъ его землякахъ.

— Есть ли какія достопримѣчательности въ вашемъ городкѣ? спрашиваю хозяина.

— Ни малѣйшихъ-съ — отрѣзываетъ онъ.

— Да у васъ Бѣлинскій родился и учился и домъ его долженъ быть здѣсь...

— Это, теперича, кто-жъ такой онъ напримѣръ Бѣлинскій былъ?

— Извѣстный писатель и критикъ.

— Наврядъ. Такой фамиліи у насъ никогда и не было и по сейчасъ нѣтъ. Слышу-съ впервой.

— А далеко ли Тарханы, гдѣ Лермонтовъ воспитывался?

— А кто-жъ это такой, теперича, Лермонтовъ къ примѣру?

— Извѣстнѣйшій поэтъ и, можетъ быть, даже здѣшній, бывшій помѣщикъ.

— Не слыхалъ-съ. Хлѣбъ тарханскіе мужики сюда на базаръ возягъ. А что бы писатель тамъ какой жилъ, или воспитывался, я теперича вотъ сколько годовъ живу здѣсь—не слыхивалъ и въ вѣдомостяхъ даже не читывалъ. Нѣтъ-съ. Такихъ здѣсь помѣщиковъ не было. Крыловъ помѣщикъ есть. Можетъ быть, сынъ того, что басни сочинилъ. А впрочемъ наврядъ-съ.

Послѣ неоднократныхъ распросовъ въ этомъ родѣ, начетчикъ наконецъ договорился, что въ Чембарѣ сохранился домъ, гдѣ императоръ Николай Павловичъ лечился цѣлый мѣсяцъ, получивъ переломъ ключицы при паденіи изъ экипажа на дорогѣ въ Чембаръ. Въ этомъ домѣ, принадлежащемъ уѣздному училищу, устроена церковь въ память выздоровленія государя. Здѣсь царская комната и мебель сохраняются со времени проживанія государя въ томъ же видѣ, какъ были при немъ.

— Осмотрѣть все это стоить, настаивалъ хозяинъ.

Черезъ нѣсколько дней, хозяинъ познакомилъ меня съ мѣстнымъ смотрителемъ училища. Фамиліи его не помню, кажется—Ивановъ. Оказался онъ человѣкомъ очень обязательнымъ и умнымъ. Въ его завѣдываніи находился такъ называемый царскій домъ. Съ полною охотою онъ содѣйствовалъ мнѣ потомъ и въ моихъ изысканіяхъ относительно Бѣлинскаго и Лермонтова. Разказы его подробно были мною записаны, но по несчастью сгорѣли. Въ памяти моей уцѣлѣло очень немногое, что я и передаю здѣсь лишь приблизительно вѣрно. Что же касается до фамилій разныхъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ критику и поэту, то онѣ всѣ мною позабыты. Прежде всего г. Ивановъ повелъ меня въ такъ называемый царскій домъ и здѣсь показалъ мнѣ прекрасную церковь, устроенную въ бывшемъ кабинетѣ государя.

Въ тридцатыхъ годахъ, когда государь ѣхалъ изъ Пензы въ Чембаръ, рассказывалъ Ивановъ, недоѣзжая двѣнадцати верстъ до городка, коляска его на кособорѣ опрокинулась и государь сломалъ руку. Этотъ самый домъ, гдѣ приготовлена была ему квартира, былъ тогда просторнѣе всѣхъ домовъ въ городѣ, и при томъ одноэтажный, такъ какъ въ двухъэтажныхъ зданіяхъ государь не любилъ останавливаться по дурному устройству въ нихъ лѣстницъ. Состоявшій при государѣ лейбъ-медикъ приказалъ тотчасъ, по приѣздѣ въ домъ, вытребовать сюда мѣстнаго врача, человѣка хотя и знающаго свое дѣло, но робкаго, нерѣшительнаго и, кажется, малосильнаго. Однако-жъ, выпивши водки, этотъ чембарскій эскулапъ всегда проявлялъ будто бы и энергію, и ловкость, и особенную находчивость. И вотъ этотъ провинціальный врачъ осмѣлился, какъ говорятъ, явиться на помощь къ больному, хвативъ стаканъ вина, чтобы придать себѣ смѣлости. Лейбъ-медикъ былъ крайне смущенъ и растерянъ по случаю болѣзни государя. При

осмотрѣ руки и плеча больного, покрытыхъ опухолью, лейбъ-медикъ будто бы, хотѣлъ скрыть отъ государя вывихъ его ключицы, но эскулапъ чембарскій рѣзнулъ прямо предъ больнымъ, что здѣсь не ушибъ и что необходимо сію же минуту вправить ключицу и причинить этимъ государю еще большее страданіе. Больной, не сомнѣвавшійся въ вывихѣ, далъ эскулапамъ полную свободу. Явилась мыльная вода, разныя мази, теплыя припарки, и не болѣе, какъ въ двѣ минуты, чембарскій медикъ, при пособіи лейбъ-медика, очень акуратно вставилъ ключицу государя на свое мѣсто. Какъ ни тяжело страдалъ государь, но отъ его пронизательности не укрылись смѣлость и ловкость провинціального врача. Все это происходило въ вечерни и больной ночью уснулъ, а чембарца медика оставили при немъ на всю ночь дежурить. Черезъ два-три дня государю стало легче, но доктора не выпускали его изъ комнаты и съ постели. Когда государь сталъ поправляться, то приближенные рассказали ему, что чембарскій медикъ дѣлалъ операцію, т. е. вправлялъ ключицу, выпивъ водки. Больной на этотъ рассказъ только улыбнулся. Онъ чувствовалъ, что дѣло сдѣлано вполне хорошо и ласкалъ чембарца медика, державшаго государя на строгой діетѣ, которую больной выполнялъ безпрекословно. Но, соблюдая всѣ строгости діеты, государь вымѣщалъ, будто бы, свою досаду на одномъ чембарцѣ врачѣ, заставляя его у себя каждый день завтракать и обѣдать. При этомъ государь приказывалъ гостю для смѣлости выпивать чаще и вообще подчинялъ его преусердно. Смущеніе чембарскаго врача при этихъ угощеніяхъ было необычайное. Медикъ, будто бы, долго не могъ привыкнуть къ царскимъ завтракамъ, благодарилъ государя и постоянно увѣрялъ, что онъ ничего не хочетъ, что очень доволенъ, но государь постоянно настаивалъ на необходимости подкрѣплять ему медицинскія его силы. Сцены, говорятъ, были чрезвычайно комичныя; но больного онѣ развлекали, и поэтому врачу провинціи приходилось иногда играть и первую роль, а лейбъ-медику вторую. Впрочемъ, чембарецъ, будто бы, далъ самъ поводъ къ угощеніямъ. Онъ былъ всегда строже лейбъ-медика въ предписаніяхъ относительно діеты больного. При отъѣздѣ, выздоровѣвшій государь щедро наградилъ чембарскаго врача и предлагалъ ему мѣсто въ Петербургѣ, но тотъ изъ скромности отъ всего отказался. Другое же преданіе утверждаетъ, что медикъ этотъ былъ вскорѣ переведенъ на лучшей постѣ. Одни увѣряютъ, что чембарскій врачъ, лечившій государя, былъ отецъ Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго, другіе же доказываютъ, что въ это время отца Бѣлинскаго уже не было въ живыхъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ подобныя преданія были возможны, такъ какъ подробныя изслѣдованія по біографіи Бѣлинскаго вышли только въ половинѣ семидесятыхъ годовъ и помѣщались они по частямъ въ „Вѣстникъ Европы“, „Русской Старинѣ“ и другихъ изданіяхъ.

Здѣсь же отъ другихъ лицъ мнѣ привелось слышать послѣ, что отецъ Бѣлинскаго, въ бытность свою чембарскимъ врачомъ, хотя и зналъ свое дѣло, но относился къ нему весьма апатично, любя болѣе водку, нежели медицину и практику. Ему ставятъ въ упрекъ то, что онъ всѣхъ и каждого накачивалъ однимъ александрійскимъ листомъ и причину всякихъ болѣзней чаще относилъ къ обжорству чембарцевъ. Они-де, обыватели Чембара, ѣдятъ и овощи, и ягоды, и въ особенности капустные кочерыжки безъ мѣры; у нихъ-де даже устраиваются особые праздники при сборѣ огурцовъ, рубкѣ капусты и проч., гдѣ все это сырьѣ вмѣстѣ съ свининою и тогдашнимъ пѣнникомъ или полугаромъ потреблялось безъ всякой осторожности и производило въ народѣ повальный параличъ желудка. Отсюда и александрійскому листу предоставлялась первенствующая роль. Во всемъ этомъ, можетъ быть, только одна крупица правды. А съ другой стороны необходимо, замѣтилъ мнѣ смотритель, принять во вниманіе и то, что во времена врача Бѣлинскаго не было въ Чембарѣ и аптеки. По этому самому александрійскій листъ, привозимый пудами вмѣстѣ съ желѣзомъ, кожей и прочимъ товаромъ, долженъ былъ употребляться при всѣхъ болѣзняхъ по неволѣ, какъ товаръ единственный, замѣняющій здѣсь всѣ аптечные медикаменты, и притомъ товаръ по цѣнѣ не дорогой.

Мѣстный протоіерей, человѣкъ весьма старый, къ разсказу о посѣщеніи государемъ Чембара прибавлялъ, что оба первые дня и обѣ первыя ночи народъ стоялъ толпою подъ окнами квартиры, гдѣ остановился царь, что доктора, опасаясь за сонъ его, требовали, чтобъ гудѣвшая толпа отогнана была прочь. Тутъ нетолько толпились горожане, но ежечасно народъ прибывалъ и изъ деревень. Повсюду разнеслась вѣсть: государь „убился“, вмѣсто „ушибся“. Это простонародное выраженіе встревожило рѣшительно всю округу, тѣмъ болѣе, что царь нѣсколько дней не показывался на балконъ и у оконъ. Когда полицейскіе отгоняли толпу отъ оконъ царской квартиры, то плачущій народъ и женщины клялись и увѣряли, что всѣ будутъ стоять молча и не произведутъ ни малѣйшаго шума. Дѣйствительно, всѣ ночи и дни толпа стояла здѣсь какъ окаменѣлая. Никто не позволялъ себѣ разговаривать иначе, какъ шепотомъ; никто здѣсь не проѣзжалъ въ экипажахъ. „Самъ я, не смотря на предстоящій праздникъ“, разсказывалъ старецъ, „рѣшился служить тогда безъ звона, такъ какъ церковь наша отстояла отъ царской квартиры на нѣсколько шаговъ. Но свитскій генераль, кажется князь Волконскій, узнавъ о моемъ намѣреніи не производить звона, призвалъ меня къ себѣ и объяснилъ мнѣ, что государю не понравится это, что онъ знаетъ о завтрашнемъ большомъ праздникѣ, и можетъ замѣтить, если не услышитъ звона. „Божіе Богови“, сказалъ онъ мнѣ, а „Кесарево Кесареви. Не дѣлайте только звонъ очень продолжительнымъ, иначе въ комнатахъ при немъ трудно разговаривать; онъ у васъ оглушительнѣ...“ Государь послѣ узналъ также, что народъ день и ночь стоитъ у его

окопъ, не смотря на то, что полиція безпрестанно отгоняетъ его и что я, не взирая на праздникъ, хотѣлъ служить безъ звона. Все это его очень тронуло и онъ запретилъ и народъ беспокоить, и похвалилъ генерала за совѣтъ, мнѣ данный—править службу праздничнымъ порядкомъ. Впрочемъ, звонъ я дозволилъ всего на двѣ минуты. Но медики и на это роптали, потому что государь въ этотъ часъ будто бы спалъ. Послѣ государь укорялъ ихъ за излишнюю ревность, именно за удаленіе толпы и за ропотъ на звонъ. Черезъ недѣлю, или около того, меня позвали служить у государя всеобщую въ его залѣ. Перепуганные и смущенные, мы пѣли съ моимъ причтомъ очень плохо и вообще постоянно конфузились. Видя нашу оплошность и ошибки въ пѣніи, кто-то изъ свитскихъ генераловъ, какъ мнѣ показалось тогда, началъ подтягивать намъ прекраснымъ баритономъ и тѣмъ наше оплошное пѣніе поправлять. Когда пришло время мнѣ кадить и обернуться къ публикѣ, я съ великимъ удивленіемъ увидѣлъ, что намъ подиѣваетъ такъ стройно самъ государь, стоявшій у стѣны съ подвязанною рукою. Народъ слушалъ царскую всеобщую у дома его квартиры въ раскрытыя окна и когда читался царскій титулъ, то толпа падала на колѣна. Въ церквахъ мы ежедневно молебствовали о здравіи государя и церкви были полны и въ будни и въ праздникъ. Царскія врата мы оставляли на ночь отворенными и лампы не гасили во все время болѣзни государя. Такъ требовала и публика. Такой обычай у насъ для всѣхъ трудно-больныхъ. Всю первую недѣлю болѣзни государя народъ ничего не дѣлалъ, ходя по городу, какъ потерянный. У всѣхъ была и радость и горе. Радость потому, что посѣтилъ царь народъ свой; горе потому, что онъ заболѣлъ отъ неисправности дорогъ нашихъ. Цѣлые дни люди толпились на Косогорѣ, гдѣ опрокинулась коляска царская, хотя Косогоръ тотчасъ же былъ скрытъ и дорога выровнена. При вѣсти о выздоровленіи, народъ опять началъ собираться въ городокъ. Всѣ ликовали. При отъѣздѣ, государь благодарилъ всѣхъ гражданъ и начальство за усердіе къ нему и сочувствіе къ его недугу“. Таковъ приблизительно рассказъ очевидца.

Послѣ осмотра церкви и царскаго дома, Ивановъ отправился со мною въ домъ Бѣлинскаго-отца, предоставленный одному изъ братьевъ Бѣлинскаго, служившаго въ то время въ какомъ-то казенномъ чембарскомъ учрежденіи. Это былъ бѣдный флигель въ одной изъ глухихъ улицъ. Сколько припомнить могу, отцу Бѣлинскаго здѣсь принадлежала только усадьба, а флигель выстроенъ послѣ него на мѣстѣ стараго дома. Одинъ изъ обывателей флигеля, блѣдный, хотя и довольно красивый мальчикъ около 13—14 лѣтъ, Бѣлинскій же, встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Мальчикъ этотъ—тогдашній ученикъ уѣднаго училища, своего зрителя и меня почему-то принялъ съ очень смущеннымъ видомъ. Г. Ивановъ объяснилъ ему цѣль нашего прибытія. Успокоясь, юный хозяинъ показалъ намъ портретъ своего

дяди Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго и нѣсколько его рукописей, относящихся къ періоду ученичества. Одну изъ нихъ съ поѣткою 1828 года онъ подарилъ мнѣ. Разсматривая портретъ критика, я нашель, что своимъ продолговатымъ лицомъ и проницательными глазами племянникъ походилъ на дядю. Обстановка комнатъ была очень бѣдна и въ домѣ кромѣ юнаго Бѣлинскаго не было никого.

Когда мы вышли отъ него, то смотритель сказалъ мнѣ, что мальчикъ—Бѣлинскій учится у нихъ въ училищѣ прекрасно и ведетъ себя весьма скромно и вообще трудолюбивъ; только бѣдность и сиротство заѣдаютъ бѣднягу. Отецъ его больной и слабый и, кажется, теперь уже безъ должности; матери нѣтъ.

— Я не однажды принимался хлопотать, продолжалъ смотритель, чтобы приняли этого Бѣлинскаго въ гимназію на казенный счетъ, но успѣха все еще не достигъ. Начальство спрашиваетъ всякій разъ меня:

— За какія благодѣянія слѣдуетъ воспитать племянника Бѣлинскаго на казенный счетъ и что такое былъ дядя его Бѣлинскій?

— „Образцовый критикъ и литераторъ“, говорю я...

— А—а, отвѣчаютъ мнѣ,—это шелкоперъ, душитель возникающихъ русскихъ талантовъ... благодаримъ покорно! мы это давно знаемъ. Такихъ у насъ очень много, и денегъ не хватаетъ, если всю ихъ родню воспитывать за-даромъ. Будь это знаменитый воинъ, или администраторъ, или что нибудь подобное, тогда, конечно,—по чувству патріотизма было бы основаніе. А то, помилуйте, журналистъ, ругатель, зомль, такъ сказать, либераль изступленный... да это неудобно и переписку заводить.

— „В—во, говорю я, прекрасныя дарованія у мальчика“.

— Иллюзіи, отвѣчаютъ мнѣ...

Помолчавъ, Ивановъ прибавилъ:

— Я, право, не знаю, что и дѣлать мнѣ дальше. А вѣдь Бѣлинскій—здѣшній потомственный дворянинъ... онъ, т. е. мальчикъ этотъ, теперь единственный представитель фамиліи и все-таки племянникъ полезнѣйшаго для русской литературы челоуѣка. Помилуйте, уже пять томовъ его книгъ вышло отдѣльнымъ изданіемъ и, кажется, вторымъ, и никто ихъ здѣсь не читаетъ... да и въ губернскомъ нашемъ городѣ едва ли кто читаетъ творенія Бѣлинскаго... Развѣ теперь что будетъ... тамъ заводятъ бібліотеку...

Сожалѣя о судьбѣ мальчика, мы оба въ то время не знали, что, благодаря твореніямъ Бѣлинскаго, раскупаемымъ публикою, его супруга въ Москвѣ поправила свое состояніе и даже отказалась отъ пособій литературнаго общества послѣ двѣнадцати лѣтъ нужды. Въ утѣшеніе я тогда только и могъ сказать доброму смотрителю нѣчто въ родѣ того, что „нѣсть пророкъ пріятенъ во отечествіи своемъ“.

Изъ біографіи Бѣлинскаго извѣстно, это бездолье заѣдало его всю

жизнь. Дѣтство его было горькое; отецъ—человѣкъ недостаточный, обремененный семьей, слабый; дома постоянно неприятности. Уцѣлѣвшая рукопись свидѣтельствуеъ, что юноша весь, такъ сказать, уходилъ въ чтеніе, собирая и записывая больше такіа стихотворенія, въ которыхъ проглядывало горе-злосчастье, тоска и отчаяніе. Какъ видно, онъ читалъ почти все и лучшее въ прочитанномъ умѣлъ отличать отъ хлама. Такъ, въ тетрадкѣ находятся, между прочимъ, слѣдующія стихотворенія: „Демонъ“ и „Нереида“ Пушкина; „Посланіе къ Карамзину“ Батюшкова; „Первые цвѣты“ Плетнева; „Отрывокъ изъ Илліады“ Гнѣдича; „Родина“ Языкова и т. п. На тетрадкѣ двѣ слѣдующія надписи:

„Разныя стихотворенія, собранныя Виссаріономъ Бѣлинскимъ; принадлежатъ К. Бѣлинскому“. Другая надпись гласитъ: „Записная книжка Виссаріона Бѣлинскаго; свидѣтельствую Арсеній Аваевъ“. 1828 годъ.

Среди стихотвореній Пушкина, Вяземскаго, Гнѣдича и др. встрѣчается, между прочимъ слѣдующее:

ДѢВУШКѢ, КОТОРОЙ ИМЯ АВРОРА.

Видь, дохни насъ упоеньемъ,
Соплешица зарі,
Всѣхъ румянымъ появленьемъ
Оживи и озари!
Пылкій юноша не сводитъ
Взоровъ съ милой и порой
Мыслить съ тихою тоской,
Для кого она выводитъ
Солнце счастья за собой.

Б—ій.

Эти стихи, какъ кажется, принадлежатъ самому Бѣлинскому, скромно поставившему только начальную букву своей фамиліи. Въ молодости онъ, какъ извѣстно, воображалъ себя поэтомъ, даже писалъ трагедіи...

II.

Черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ въ Чембарь, я началъ посѣщать мѣстный клубъ, гдѣ шла игра, музыка, танцы. Кстати подошли святки. Чембарцы народъ привѣтливый, безхитростный, а потому и къ допросамъ о Лермонтовѣ я приступилъ прямо. Многіе ничего о немъ не знали и даже не слыхивали, что поэтъ воспитывался въ здѣшнемъ уѣздѣ. Однако-жь мои розысканія не остались напрасны. Я началъ на одного стараго капитана съ вѣчной трубкою во рту и съ кисетомъ въ рукахъ, въ томъ же клубѣ. Съ нимъ-то я и повелъ бесѣду о поэтѣ.

— Знали Лермонтова?

— Помню-съ.

— А въ домѣ его бабушки бывали въ Тарханахъ, когда поэтъ еще былъ мальчикомъ?

— Бывалъ, и даже не однажды-съ. Бывъ еще молодымъ офицеромъ, лѣтъ 25-ти, въ сообществѣ своихъ товарищей время тамъ провождалъ...

— Значитъ, Лермонтова знали еще съ дѣтства?

— Видалъ-съ... но мало вниманія обращалъ. Больше игра въ карты насъ занимала. Старуха Арсеньева была хлѣбосольная, добрая. Рота наша стояла недалеко, я и бывалъ-съ. Помню и какъ учить его начинали. Отъ азбуки отбивался. Вообще былъ баловень; здоровьемъ золотушный, жидкій мальчикъ; нянькамъ много отъ капризовъ его доставалось... Нѣженка, извѣстно-съ.

— Ну, а книги его читали?

— Мало. Это послѣ, когда его гробъ съ Кавказа сюда привезли... точно, все заговорили—поэтъ, высокій умъ съ высокими чувствами, и все такое. А собственно говоря, одинъ вздоръ... Онъ былъ просто франтикъ, гвардеецъ, модникъ, французскія книжки переводилъ и оттуда выбиралъ мысли для своихъ стихковъ. Поучительнаго ничего. Какъ не читать?.. читывалъ-съ. Товарищамъ его, господамъ офицерамъ, лучше знать, каковъ онъ человекъ. Они съ Кавказа сюда писали о немъ, а которые изъ нихъ и завертывали въ наши края... Все тогда въ одинъ голосъ увѣряли—былъ несносный человекъ, задира, гордецъ, словомъ—издѣватель. Будь онъ добрый товарищъ, помилуйте, развѣ бы ему снесли голову? развѣ плакать бабушку онъ заставилъ бы? Жилъ бы навѣрное и сейчасъ, и генераломъ былъ бы... все имѣнье бабушки ему пошло бы... А вотъ, человекъ пропалъ и пропалъ, одно слово, изъ-за задору-съ! Стало быть—мелочь... и книжки его, одно слово, такъ сказать, пустота-съ.

Такимъ образомъ, капитанъ меня совершенно обезкуражилъ, отбивъ всякую охоту дѣлать ему дальнѣйшіе разспросы.

Черезъ часъ, въ этомъ же клубѣ, встрѣтясь съ знакомцемъ своимъ Ивановымъ, я слушалъ о Лермонтовѣ совершенно противоположные отзывы,—что это былъ великій поэтъ-мыслитель, человекъ высококаго и глубоко чувствительнаго сердца, и т. п.

— А цѣль ли домъ, гдѣ поэтъ воспитывался? спросилъ я Ивана.

— Цѣлехонекъ. Поѣзжайте и осмотрите, пока онъ пустой, и вы, взглянувъ на мѣстность села Тарханы и на часовню, гдѣ могила поэта и могилы его матери и бабки, останетесь въ большомъ влигршѣ... время ваше потеряно не будетъ.

Вскорѣ послѣ клубнаго вечера, я уже былъ въ с. Тарханахъ. Бурмистръ далъ мнѣ въ проводники деревенскаго парня, который и повелъ меня въ пустой барскій домъ. Это было большое зданіе съ ан-

тресолями; кругомъ его садъ, спускавшійся къ оврагу и пруду. По оврагу бѣжалъ ключъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не замерзавшій и зимою. За оврагомъ видѣлась огромная гора и по ней тянулся лѣсъ, и лѣсъ этотъ казался безъ конца, утопая гдѣ-то вдали. Меня интересовали въ домѣ антресоли, гдѣ была помѣщена дѣтская комната поэта. Здѣсь оказалось нѣсколько комнатокъ и всѣ онѣ были весьма невысоки и уютны. Разумѣется, какъ домъ былъ необитаемъ, то въ немъ всюду царствовала пыль и паутина. Въ дѣтской спальнѣ поэта красовалась изразцовая лежанка; близъ нея стояли кровать, дѣтскій студиокъ на высокихъ ножкахъ, образокъ въ углу, диванчикъ и кресла. Мебель обита шелковой желтой матеріей съ узорами, какихъ нынѣ уже не дѣлаютъ. Домъ мнѣ показался весьма старымъ. Очень могло быть, что со времени дѣтства поэта въ немъ не было коренныхъ передѣлокъ. Проводникъ мой ничего не зналъ о юномъ жильцѣ антресолей въ двадцатыхъ годахъ и объяснилъ мнѣ только, что, „до-прежде, давно еще, здѣсь жили господа, а тепереча не живутъ“. Больше ни отъ него, ни отъ другихъ охранителей имѣнія, я ничего не могъ добиться. Въ часовню, гдѣ находится могила Лермонтова, меня уже провожалъ другой человекъ—не то дворовый, не то крестьянинъ—довольно пожилой. Внутренность часовни украшена прекрасными иконами; по срединѣ ея большой крестъ и плита съ надписью, что здѣсь покоится Лермонтовъ; рядомъ могила его матери и, кажется, бабушки. Зданіе часовни каменное, съ желѣзною крышею и вообще весьма красивое. Приведшій меня въ часовню объяснилъ, что тутъ ихъ господа похоронены и что всѣхъ ихъ Пугачевъ перебилъ еще въ старину. Тутъ-же-де положенъ и молодой барчукъ, котораго на войнѣ убили черкесы, и что только этого одного, когда его желѣзныя гробы привезли съ Кавказа, онъ нѣсколько и помянуть.

— Вотъ какъ удѣлано, вздыхалъ онъ. Всѣ господа наши во едино мѣстечко собраны и келійка имъ поставлена чудесная.

Вообразивъ почему-то, что у поэта была такая же няня, какъ и у Пушкина, я спросилъ проводника, жива ли она, и получилъ въ отвѣтъ, что барская нянька жила долго и только надняхъ ее похоронили. „Она много знала про барчука, что убить на войнѣ. Рѣчей отъ нея объ немъ шло довольно... Да только нашему брату нелюбопытно. Я все, что слыхалъ, позабылъ“.

— Точно ли недавно умершая старуха была нянею Михаила Юрьевича? переспросилъ я проводника.

— Надо быть, она самая. А впрочемъ, доподлинно завѣрить не могу. Ей бы надо это и быть... а чтобы до точности, такъ кто-жъ ихъ вѣдаетъ—сказать нельзя, потому давно дѣла эти были, какъ съ Кавказа доставляли сюда гробы...

Вечеромъ того же дня былъ я въ имѣніи полковника Шангирея, престарѣлаго и больнаго человѣка. Онъ охотно говорилъ о Лермонтовѣ, который былъ, кажется, племянникомъ полковника.

— Нѣсколько рукописей поэта, говоритъ Шангирей, у меня хранилось. Но всѣ онѣ розданы уже разнымъ лицамъ, посѣщавшимъ с. Тарханы и интересовавшимся манускриптами поэта, какъ и вообще его биографіей. У меня остался только альбомъ Марьи Михайловны, матери Михаила Юрьевича. Но въ немъ вы ничего, кромѣ русскихъ и французскихъ стиховъ разныхъ знакомыхъ ея 1814—1820 годовъ, не найдете. Только одно достовѣрно, что Лермонтовъ, будучи ребенкомъ и даже взрослымъ, рисовалъ кое-что въ этотъ альбомъ. На нѣкоторыхъ рисункахъ Лермонтовъ ставилъ въ альбомѣ годъ и заглавныя буквы своего имени и фамилии такъ: М. Л—въ, 1829, или 1836, или 1825. Всѣ изслѣдователи его жизни, розыскивавшіе манускрипты поэта, видѣли этотъ альбомъ и, ничего въ немъ не найдя, не могли имъ интересоваться. Я храню его, какъ памятникъ родственницы.

Черезъ нѣсколько времени, изъ другой комнаты онъ вынесъ мнѣ небольшую книжку въ сафьянѣ и, раскрывъ ее, объяснилъ мнѣ всѣ рисунки. Альбомъ онъ вручилъ мнѣ съ тѣмъ, чтобы я занялся подробнымъ его изученіемъ, и для этого повидался въ Пензѣ съ Х—мъ, составляющимъ новое изданіе твореній Лермонтова. Спустя годъ, я узналъ, что полковникъ Шангирей умеръ, а г. Х—въ, къ которому я обращался не однажды съ альбомомъ, объяснилъ мнѣ, что онъ его уже видѣлъ, но въ немъ ничего нѣтъ особеннаго для биографіи поэта. Затѣмъ прошло около двадцати лѣтъ со времени моей поѣздки въ с. Тарханы. Я переѣхалъ изъ Пензенской губерніи въ другую и въ числѣ книгъ своихъ и рукописей сохранилъ и альбомъ Марьи Михайловны. Послѣ того вышло нѣсколько изданій Лермонтова и, кажется, 12 томовъ твореній его земляка—Бѣлинскаго. Благодаря русской литературѣ, оба эти дѣятеля въ наши дни поставлены на подобающее имъ мѣсто. Читающей публикѣ вполне раскрыты литературное значеніе и таланты этихъ писателей сороковыхъ годовъ, а поэтому и все, что относится до ихъ памяти, должно составлять теперь общественный интересъ. Въ этихъ видахъ я и рѣшился напечатать отрывокъ изъ моихъ воспоминаній о Чембарѣ и с. Тарханахъ и описать содержаніе альбома матери поэта — альбома, мимо котораго прошли всѣ изслѣдователи рукописей Лермонтова.

Внѣшность альбома М. М. Лермонтовой довольно изящна. Онъ переплетенъ въ красный сафьянъ, по краямъ его золотой бордюръ, застегивается онъ серебряною застежкой и застежка эта не простая, а имѣетъ форму бабочки, на головку которой падаетъ застежка.

Все содержаніе альбома состоитъ болѣе изъ нѣжныхъ стихотвореній, часть на французскомъ, а большею частью на русскомъ языкѣ. Стихи эти писались съ 1811 года подругами и знакомцами Марьи Михайловны и въ Москвѣ, и на Кавказѣ, и въ Петербургѣ, и въ деревнѣ. Конечно, въ нихъ господствуютъ любовь, благожеланія и т. д. Есть стихи, написанные и рукою самой Марьи Михайловны, есть и строки ея мамыши, т. е. бабушки и воспитательницы поэта, Елиза-

веты Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпной. Но дѣло все въ томъ, что этимъ альбомомъ, какъ оказывается, поэтъ забавлялся и въ младенчествѣ, и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Бывъ десяти лѣтъ, онъ, напримѣръ, нарисовалъ здѣсь, разумѣется, съ дозволенія бабушки, кавказскія горы и изъ подписи, сдѣланной его дѣтскою рукою, видно, что этотъ альбомъ мальчикъ-поэтъ возилъ съ собою въ дорогу. Въ зрѣлые годы поэтъ отсюда бралъ мысли для своихъ поэмъ и сюда торопливою рукою набрасывалъ картины природы, его вдохновлявшія. По всему видно, что поэтъ любилъ книжку, нѣкогда принадлежавшую его покойной матери.

Перечислю здѣсь подробно всѣ рисунки и стихи въ альбомѣ, принадлежащіе перу М. Ю. Лермонтова, его матери и бабушки.

На страницѣ 1-й изображенъ перомъ черкесъ съ винтовкою за плечами. Лицо злое и рѣшительное. Оно напоминаетъ Казбича въ повѣсти „Бѣла“. Подписи поэта подъ этимъ рисункомъ нѣтъ.

На страницѣ 7-й изображенъ розовый купидонъ съ крыльями и лукомъ. Онъ присѣлъ на одну ногу и прицѣливается въ алтарь стрѣлою, а на алтарѣ стоитъ пылающій кувшинъ, на подобіе сердца, или сердце, подобное кувшину.

Страница 8-я заключаетъ въ себѣ акrostихъ съ подписью „Марія Лермонтова“. Вотъ его содержаніе:

ACROSTICHE.

V me de l'existence toi dont la douceur
M ontre à l'etre sensible une route au bonheur
I mmuable plaisir... epanchement de l'ame
L oi seule porte en nos cause cette puissable flamme
I nconnue aux mortels qui vivent sans amis
E n puisent tristement des jours sémès d'encens.

M. L.

На 13-й страницѣ помѣщена элегія на русскомъ языкѣ, писанная рукою М. М. Лермонтовой:

О злодѣй, злодѣй — чужая сторона,
Разлучила съ другомъ милымъ ты меня,
Разлучила съ сердцемъ радость и покой,
Помрачила ясный взоръ моихъ очей,
Какъ туманы въ осень солнышко мрачатъ...
Но съ любовью ты не можешь разлучить,
Она въ сердцѣ глубоко лежитъ моею,
Съ ней разстанусь развѣ только лишь тогда,
Какъ опустятъ въ мать-сыру землю меня.

Для того-ль, мой другъ, свыкались мы съ тобой,
Для того-ль я сердцу радость далъ вкусить,
Чтобы бѣдное изныло отъ тоски
Такъ, какъ быліе безъ дождичка въ степи.

Ахъ, я видѣлъ какъ ручей катилъ струи
 По долинь межъ цвѣтушихъ береговъ;
 Вдругъ повѣялъ вѣтеръ буйный съ стороны,
 Отдѣлилася потокомъ полоса,
 Понесло ее по камнямъ внизъ горы,
 Раздробилася на мелкія брызги
 И изсохла, удаляясь отъ ручья.
 Видно, участь ждетъ подобная меня,
 Такъ изноетъ сердце въ горести, въ тоскѣ
 Живучи безъ милой въ дальней сторонѣ.

М. ЛЕРМОНТОВА.

Страница 15-я. Надпись бабушки Лермонтова для Марьи Михайловны: „Милой Машенькѣ. Чего пожелать тебѣ, мой другъ? Здоровья— вотъ единственная вещь, которой недостаетъ для счастья друзей твоихъ. Прощай и увѣрена будь въ истинной любви Елизаветы Арсеньевой“.

На 17-й страницѣ слѣдующіе стихи по-русски:

Въ разлукѣ сердце унываетъ,
 Надежда-жъ бѣдному твердитъ—
 На время рокъ насъ разлучаетъ,
 На вѣки дружба соединитъ.

М. ЛЕРМОНТОВА.

На оборотѣ 17-й страницы рукою Марьи Михайловны Лермонтовой написано:

„Вы пишете потому, что хотите писать. Для васъ это забава, развлеченіе. Но я, искренно любящая васъ, пишу только для того, чтобы сказать вамъ о своей любви. Я люблю васъ. Эти слова стоятъ поэмы, когда сердце диктуетъ ихъ“.

На 18-й страницѣ Лермонтовъ нарисовалъ тушью черкеса, или татарина въ ермолкѣ. Лицо звѣрское, напоминающее опять Казбича, но въ лучшемъ видѣ, т. е. болѣе тщательной отдѣлки.

Страница 21-я опять съ рисункомъ поэта. Кисть его изобразила здѣсь красками какого-то нечесанаго господина въ неуклюжемъ сюртукѣ.

На 24-й страницѣ нарисовано поэтомъ море, взборожденное волнами, и на немъ бѣлѣетъ парусъ одинокій, а надъ нимъ темно-голубое небо съ просвѣтомъ мѣсяца. Этотъ рисунокъ повторяется здѣсь и на дальнѣйшихъ страницахъ. Образъ одинокаго паруса на бурной стихіи очень рано поразилъ собою юнаго поэта.

На этой же страницѣ Лермонтовъ кровавыми красками изобразилъ свѣрѣпаго черкеса въ чалмѣ и подписалъ подъ рисункомъ: „1836 годъ, М. Л—овъ“.

На страницѣ 30-й изображенъ какой-то сербъ съ лицомъ суровымъ и рѣшительнымъ. Сдѣланъ рисунокъ тушью и притомъ такъ хорошо и отчетливо, что поэтъ подписалъ здѣсь свою фамилію: М. Л—въ, 1836 годъ.

На 48-й страницѣ поэтъ началъ какой-то городъ и не докончилъ. На оборотѣ 49-й страницы онъ же изобразилъ тушью битву черкесовъ съ русскими, но прекрасную картину эту тоже не докончилъ.

На оборотѣ 53-й страницы изображенъ лихой осѣдланный конь, подобный коню Казбича въ „Бѣлѣ“. Этотъ конь и бѣжитъ, и оглядывается назадъ, должно полагать—подумываетъ о всадникѣ. Характеръ кисти одинаковый съ тѣми рисунками, которые подписаны именемъ поэта въ томъ же альбомѣ.

На страницѣ 62-й поэтъ нарисовалъ холмъ. На немъ двѣ бѣлѣющія березы; затѣмъ синее небо и въ немъ полный мѣсяцъ, который отражается въ прудѣ, лежащемъ подъ холмомъ. За прудомъ на островкѣ свѣжій еловый лѣсъ. Это—одна изъ картинъ природы села Тарханъ. Она писана, очевидно, съ натуры.

На 65-й страницѣ одиннадцатилѣтнй поэтъ нарисовалъ одну изъ картинъ природы, видѣнныхъ имъ на Кавказѣ, и подъ этой картинкой подписалъ дѣтскою, нетвердою рукою: „М. Л., юня 13-го дня, 1825 года, теплыя воды“. Нужно думать, что рисунокъ поправленъ болѣе опытною кистью, потому что онъ очень хорошъ. Здѣсь изображено море, окруженное горами, и на этомъ морѣ бѣлѣетъ вдали одинокий парусъ; невдалекѣ отъ берега небольшой зеленѣющій островокъ. По берегу тянется почтовая дорога съ верстовымъ столбомъ; проходитъ съ палочкою женщина, и оить чета бѣлѣющихъ березъ.

Страница 83. Здѣсь рукою поэта нарисованъ черкесъ съ знаменемъ, сидящй на отличномъ гнѣдомъ конѣ. Рисунокъ сдѣланъ красками; вдали видны синѣющія горы. Рукою Лермонтова поставлено: „1836 годъ“.

Страница 84. Опять рисунокъ Лермонтова. Ночь въ лѣсу. Синее небо и полная луна. Вооруженный всадникъ падаетъ съ коня отъ ножа разбойника, ухватившаго одною рукою лошадь за удила, а другою пронзающаго всадника. На оборотѣ картины помѣчено рукою художника-поэта: „1829 годъ“.

Страница 90. Эта страница въ альбомѣ послѣдняя. На ней Марья Михайловна Лермонтова собственноручно написала слѣдующее:

„Кто любитъ тебя болѣе, тотъ пусть напишетъ свое имя на слѣдующей страницѣ“.

Альбомное остроуміе ввело обычай писать, по замѣчанію Пушкина, на послѣдней страницѣ альбомовъ слѣдующія слова:

„Кто любитъ болѣе тебя
Пусть пишетъ далѣе меня“.

Нужно полагать, что мать поэта знала этотъ обычай, а потому нашла необходимымъ занять послѣдній листъ альбома, минуя всѣ предыдущіе свободные листы, собственнымъ манускриптомъ и тѣмъ предупредить избитый комплиментъ армейскихъ и другихъ пиотовъ.

Затѣмъ, на синей бумагѣ 91-й страницы нарисованъ дѣтскою рукою памятникъ, окруженный цвѣтами. На памятникѣ изображена урна и на ней слова: „19 декабря 1820 года“.

Кажется, это день и годъ смерти Марьи Михайловны Лермонтовой, умершей отъ чахотки на 22 году жизни, когда поэту, родившемуся въ 1816 году, было всего четыре года. Говорять, что мать поэта очень рано предчувствовала свою преждевременную смерть.

Это, впрочемъ, не остановило ее видти замужъ по выбору собственнаго сердца и вопреки желанію своей семьи. Въ данномъ случаѣ, не смотря на молодость свою, она обнаружила твердость характера и настойчивость. Такое обстоятельство однако-жъ не препятствовало всѣмъ близкимъ воспѣвать въ альбомѣ доброту, кротость, умъ и красоту обладательницы описаннаго нами альбома. Сонеты, стансы, мадригалы, наполняющіе ея малую книжку, представляютъ намъ образъ ея въ самомъ привлекательномъ видѣ. Здѣсь же и собственныя ея записки весьма много говорятъ въ ея пользу. Конечно, альбомная литература для біографа и историка—документъ не первостепенный; но тѣмъ не менѣе, она все-таки документъ, и пройти мимо нея—нѣтъ основаній. Альбомъ свидѣтельствуетъ, что обладательница его была натура не заурядная, не дюжинная, что она, по своему времени, получила прекрасное воспитаніе и развитіе.

Николай Рыбкинъ.

ЗАКАЗНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Нѣсколько замѣчаній по поводу образцовой народной книжки).

„Corruptio optime-pessima“.

I.

ТЕПЕРЬ идутъ очень оживленные толки о народной литературѣ, которыми нельзя не интересоваться. Эти толки если не могутъ рѣшить самого вопроса, то они, безъ сомнѣнія, могутъ сдѣлать кое-что для его выясненія. Къ сожалѣнiю, всѣ они держатся болѣе однихъ общихъ мѣстъ, между тѣмъ какъ ихъ можетъ быть полезнѣе было-бы свести въ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ, послѣ которыхъ разсужденія могутъ принять нѣсколько болѣе доказательный характеръ.

Мнѣ кажется, какъ будто я могу нѣсколько послужить этому, и я считаю долгомъ это испробовать.

По моему мнѣнiю, въ толкахъ о народной литературѣ особенно вѣски два указанiя, сдѣланныя двумя московскими газетами,—именно „Русью“ и „Современными Извѣстiями“. „Русь“ не обинуясь указала на очень вредную черту нашихъ народныхъ изданiй, пользующихся правительственною поддержкою—это на ихъ ревность не по разуму. Заправители покровительствуемыхъ изданiй (всегда люди не большихъ литературныхъ дарованiй, но большой покладливости) стараются опередить одинъ другого въ заявленiи своей безупречной преданности правительству и въ этомъ стремленiи часто дѣйствуютъ до того неразборчиво, что наносятъ сугубый вредъ тѣмъ самымъ началамъ, которыя они взялись защищать, подъ условiемъ извѣстной поддержки. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что въ этомъ отношенiи покровительство, вызывающее соревнованiе въ выраженiи безупречной

преданности, вызываетъ также большое лицемеріе и самую вредную утрировку. Судя по многимъ условіямъ, въ зависимость отъ которыхъ становятся субсидіальные издатели, это и не можетъ быть иначе. „Издатель, говорить „Русь“ (25-го іюля 1881 г., № 37), ставоваясь въ положеніе зависимое, утрачиваетъ искренность въ словѣ, подлаживается, поддѣлывается, и все это отражается фальшью, которая инстинктивно чувствуется читателями“. „Наши народные писатели, по справедливому замѣчанію „Руси“, говорятъ съ взрослыми людьми рабочаго класса по-дѣтски, присаживаются на корточки и умышленно картавятъ, какъ дѣти“. „Такой литературѣ, продолжаетъ московскій журналъ, является поддержка со стороны многихъ церковныхъ проповѣдниковъ. Послѣдніе, напримѣръ, касаясь въ своихъ проповѣдяхъ отношеній подданнаго къ царю, излагаютъ иногда цѣлую доктрину низкаго идолопоклонства и своими кощунственными сравненіями царскаго достоинства съ свойствами божескими, своею омерзительною лестью — только смущаютъ истинно вѣрующей и истинно вѣрноподанный нашъ народъ“. Такими усиліями дѣйствиительно дѣло не поправляется, а еще сильнѣе портится.

Противъ всего этого, кажется, нельзя привести ни одного слова въ возраженіе. Дѣйствиительно, если бы приложить критику ко всѣмъ народнымъ изданіямъ и къ большому числу проповѣдей, не исключая тѣхъ, изъ коихъ многія въ послѣднее время получили особенное распространеніе посредствомъ печати, то изъ нихъ не много нашлось бы такихъ, о которыхъ по справедливости возможно было отозваться иначе ¹⁾.

Не безъ основанія опасаясь, что всякое покровительствованіе литературныхъ дѣлъ мастерамъ, которые явятся съ предложеніями правительству своихъ услугъ, вызоветъ дѣятелей только подобныхъ же нравственныхъ свойствъ и дарованій, „Русь“ подаетъ голосъ за изданіе народной газеты непосредственно самимъ правительствомъ. Мысль эта, кажется, имѣетъ за себя нѣчто,—по крайней мѣрѣ съ той стороны, что само правительство, конечно, не станетъ прибѣгать къ неумѣстному тону субсидіантовъ, способныхъ, по замѣчанію „Руси“, „компрометировать“ дѣло одинаково недостойными утрировками и раздраженіями.

При этомъ „Русь“ очень кстати приводитъ „остроумное изреченіе французскаго романиста Шербюлье—*que Dieux aime mieux seux qui le repient, que seux qui le compromettent*, т. е., что Богъ охотнѣе терпитъ тѣхъ, которые его совсѣмъ отрицаютъ, чѣмъ тѣхъ, которые его

¹⁾ По части такого курьеза въ настроеніи церковныхъ проповѣдниковъ, мыѣ известны весьма тщательно веденыя замѣтки недавно скончавшагося въ Локачинскомъ погостѣ, близъ Полтавы, благороднаго труженика Ивана Даниловича Павловскаго. Любопытный матеріалъ этотъ вѣроятно не пропасть и не будетъ потерянъ для исторіи нашего церковнаго витійства.

компрометируют“. Выводъ изъ этого, разумѣется, тотъ, что надо беречься неразумныхъ услужниковъ, которые, вмѣсто ожидаемой отъ нихъ маленькой пользы, скорѣе всего способны принести очень большой вредъ.

Думается, что и это совершенно справедливо, но другія газеты тоже не безъ основаній ставятъ „Руси“ на видъ, что и отъ лица правительства народный органъ тоже будутъ издавать люди, мажорные, такъ сказать, тѣмъ же самымъ муромъ, какъ и рядчики, которые зарываются въ соревнованіи, чтобы перехватить подрядъ; и при томъ это будутъ люди такъ или иначе прикосновенные къ канцеляріямъ, стало быть—опять не свободные, а напротивъ, еще болѣе зависимые отъ другихъ лицъ, которыя будутъ судить и оцѣнивать ихъ писательство. Одна же изъ московскихъ газетъ, именно „Современныя Извѣстія“, прямо прочихъ говоритъ, что она совсѣмъ „сомнѣвается въ успѣхѣ“ предпріятія, о которомъ идетъ наша рѣчь. По мнѣнію московской газеты, предпріятіе это „способно оборваться именно по причинѣ своей благонамѣренности“, ибо „будутъ распространять скучныя книги, и въ этомъ ихъ смертный приговоръ“. („Русь“ № 39). Впрочемъ, „Соврем. Изв.“ оставляютъ открытымъ вопросъ: „кто будетъ направителями и судьями образцоваго народнаго издательства?“

Вопросъ, открытый „Современными Извѣстіями“, въ общемъ едва ли не ясенъ: направителями дѣла (если оно можетъ состояться) конечно будутъ должностныя лица, служащія правительству обязательнымъ образомъ, т. е. его чиновники. Отсюда вытекаетъ другой, болѣе частный вопросъ: изъ какого же вѣдомства и учрежденія могутъ быть взяты эти лица? Но и на это можно отвѣчать, по крайней мѣрѣ—предположительно. Куда бы мы ни обращали наши взоры, едва ли мы увидимъ учрежденіе болѣе свѣдущее въ издательскомъ дѣлѣ, какъ главное управленіе по дѣламъ печати. Оно одно въ Россіи произносить компетентный судъ и оцѣнку духа и направленія литературы, и сами министры внутреннихъ дѣлъ, въ случаяхъ примѣненія зависящихъ отъ нихъ каръ и взысканій, всегда дѣйствуютъ „согласно заключеніямъ“ упомянутаго учрежденія. Ни въ какомъ иномъ учрежденіи нѣтъ такихъ свѣдѣній объ издательствѣ, какъ здѣсь, и потому едва ли судьи могутъ быть розыскиваемы гдѣ либо „индѣ“. Стало быть, этимъ соображеніемъ открытый вопросъ „Совр. Изв.“, кажется, уясняется, а ниже мы представимъ доказательство, что практически онъ уже и былъ рѣшенъ именно такъ, а не иначе. Что же касается предвѣдѣній или предчувствій московской газеты на тотъ счетъ, каковы будутъ произведенія патронируемаго народнаго издательства, будутъ ли они непременно „скучны“ и „оборвутся ли отъ благонамѣренности“, то объ этомъ, кажется, нѣтъ нужды говорить гадательно, потому что для такихъ сужденій мы имѣемъ матеріалъ. Мы имѣемъ образцовое народное изданіе, къ которому свѣдующіе въ издательствѣ должностныя лица относились съ руководительною иници-

тивою, и можемъ разсматривать это изданіе именно какъ образецъ того, что надо считать хорошею народною литературою, т. е. не такою литературою, которая только терпима правительствомъ, но такою, которая достойна его поддержки, которая, такъ сказать, имъ вызывается къ жизни.

II.

У этого дѣла есть своя исторія, изъ которой нѣчто можетъ быть разсказано.

Мысль о народномъ издательствѣ, при содѣйствіи учрежденныхъ отъ правительства нарочитыхъ особъ—совсѣмъ не новая. Объ этомъ уже говорится, болѣе или менѣе съ долгими перерывами, много лѣтъ (первымъ и весьма энергическимъ выразителемъ этой мысли былъ, если не ошибаюсь, графъ П. А. Валувевъ еще въ бытность его министромъ внутреннихъ дѣлъ), и въ теченіи сихъ лѣтъ о такихъ намѣреніяхъ появлялись извѣстія въ печати (напр., въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“). Говорили объ этомъ, впрочемъ, преимущественно только „при грозѣ“, когда чувствовалось что либо тревожное, а потомъ, чуть на горизонтѣ немножко разгуливалось,—опять замолкали. Такъ и вели это дѣло, какъ безкрылый корабль по погодѣ. Роковыя событія прошлаго года дали поводъ перейти отъ разговоровъ къ дѣлу, и рѣшено было немедленно издать для народа нѣсколько такихъ литературныхъ произведеній, которыя могли бы сразу положить конецъ злонамѣреннымъ наущеніямъ и „дать народу типъ добраго крестьянина ¹⁾“. Заказъ, о которомъ идетъ рѣчь (какъ только о немъ заговорили), быстро вызвалъ обильное предложеніе благонамѣренныхъ сочиненій, ставленныхъ въ простонародномъ вкусѣ ²⁾. Между всѣми писаніями, которыя были представлены, немного оказалось дѣльнаго, но тѣмъ не менѣе создалась возможность выбора, и вниманіе г. бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Макова было остановлено на произведеніи, которое не только оказалось возможно дозволить напеча-

¹⁾ Это выраженіе принадлежит не мнѣ, а одному высокопоставленному лицу, которое удостоивало меня чести выслушивать соображенія „о созданіи оздоровляющей русской народной литературы“. Тогда при высшемъ государственномъ учрежденіи засѣдала коммиссія, которая была много озабочена этимъ дѣломъ, и нѣкоторые ея члены обращались даже за мнѣніями и содѣйствіемъ къ нѣсколькимъ литераторамъ; но приглашаемые къ сему писатели, имѣя свой взглядъ на литературу, не могли принять участія въ предлагаемомъ заказѣ, и за исполненіе его взялись мастера съ воли,—люди, литературѣ неизвѣстные. Въ нихъ за то заказчики находили то преимущество, что они были „свѣжіе“, т. е. вичего до тѣхъ поръ не писали, да можетъ быть и никогда не въ состояніи будутъ написать ничего дѣльнаго.

Н. Л.

²⁾ Въ этотъ разъ мысль о заказѣ пользовалась вниманіемъ со стороны графа Д. А. Толстаго, князя А. П. Ширинскаго-Шихматова, генерала Седиверстова и другихъ лицъ высшаго положенія.

Н. Л.

татъ, но которое было признано полезнымъ и нужнымъ напечатать и какъ можно шире распространить въ народѣ.

Сочиненіе это называется „Святость царскаго имени—книжка для народнаго чтенія“. Оно появилось въ 1880 году, въ то время, когда имѣли мѣсто особыя заботы объ „оздоравливающей народной литературѣ“, и въ тотъ именно моментъ, когда начали авторствовать крестьяне—настоящіе или подставные (какъ Достоевскій звалъ ихъ—„ряженные“). Авторомъ упомянутой книги названъ „крестьянинъ села Соловьевки, Радомысльскаго уѣзда, Иванъ Савченковъ“. Издателемъ книги на этикетѣ ея значится редакція народнаго журнала „Сельская Бесѣда“, которую „Русь“ и „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ упоминаютъ въ числѣ такихъ плохихъ изданій, отъ которыхъ и впередъ нельзя ожидать никакого проку. Однако не излишне сказать, что редакторомъ и издателемъ „Сельской Бесѣды“ состоитъ В. В. Кардо-Сысоевъ, помѣщикъ и даже извѣстный земскій дѣятель, а авторъ книги—крестьянинъ, стало быть—оба люди земскіе; слѣдовательно, сочиненіе вышло изъ довольно благонадежныхъ рукъ, а при томъ, какъ сейчасъ увидимъ, оно и просмотрѣно въ редакціонномъ отношеніи съ особеннымъ вниманіемъ.

Крестьянинъ Савченковъ, написавъ свое сочиненіе, представилъ его въ рукописи бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, г. Макову, „для напечатанія“. Статсъ-секретарь Маковъ поручилъ цензурному комитету рассмотреть рукописи Савченкова; комитетъ читалъ рукописи и нашелъ, что „содержаніе и изложеніе рукописи вполне удовлетворяютъ цѣли автора: возбудить въ читателяхъ чувство патріотизма, любовь и уваженіе къ своему государю“. Лицу, стоявшему во главѣ обширнаго вѣдомства, ничего не оставалось, какъ положиться на такой докладъ столь степенныхъ должностныхъ лицъ, какъ гг. цензоры; но статсъ-секретарь Маковъ не удовольствовался этимъ, а спрашивалъ о сочиненіи Савченкова еще другое цензурное учрежденіе, именно комитетъ цензуры духовной. Оттуда пришелъ еще лучшій отвѣтъ: отцы духовные цензоры, прочитавъ рукопись крестьянина Савченкова, „выразили съ своей стороны, что это сочиненіе по основательности выводовъ, ясности изложенія и правильности пониманія дѣла вполне можетъ быть одобрено“.

Когда, такимъ образомъ, свѣтская и духовная цензуры аттестовали министру сочиненіе Савченкова одна другой лестнѣе, министръ внутреннихъ дѣлъ „сдѣлалъ распоряженіе о напечатаніи сочиненія Савченкова“, что и исполнено ¹⁾, т. е. сочиненіе, пройдя самую основа-

---

¹⁾ Такъ это изъяснено въ официальныхъ сношеніяхъ главнаго управленія по дѣламъ печати о содѣйствіи другихъ вѣдомствъ къ возможно большому распространенію апробованной книги среди народа и въ школахъ. Сношенія эти, если не ошибаемся въ точности, имѣли свое мѣсто, главнымъ образомъ, около 26 числа августа 1880 г., которымъ помѣчены пушенные на сей счетъ бумаги.

тельную критику должностныхъ лицъ, отпечатно по распоряженію министра, значитъ—оно прекрасно и мы имѣемъ право принимать его за образцовое и по немъ умозаключать, какова можетъ быть народная литература при такомъ благонадежномъ издательствѣ. Здѣсь мы увидимъ, имѣютъ ли достаточную вѣроятность опасенія „Современныхъ Извѣстій“, что такая литература будетъ „скучною“, или она, на оборотъ, въ состояніи представить довольно много любопытнаго.

III.

При первомъ взглядѣ на книгу, насъ въ началѣ останавливаетъ слѣдующая странность: мы знаемъ, что книжка издается „по распоряженію г. министра“, а между тѣмъ на этикетѣ ея обозначено, что это „изданіе „Сельской Бесѣды“ г. Кардо-Сисоева!“ Отчего это произошло — мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ весьма странно, съ какой стати столь неожиданно является издательская фирма народнаго журнала г. Кардо-Сисоева на книгѣ, „издаваемой по распоряженію г. министра?“ Однако, оставимъ это, какъ будто чей-то маленькій секретъ, и обратимся къ самому грузу этого крестьянской подѣлки струга, спущеннаго въ народное море съ тщательною оснасткою подъ несомнѣннымъ яснымъ флагомъ.

Въ книгѣ, сочиненной крестьяниномъ Савченковымъ, дѣйствительно говорится о любви и преданности русскаго народа своему государю, о заслугахъ покойнаго императора родинѣ, внушается негодованіе къ людямъ, не оцѣнившимъ его доброй попечительности и оскорбившихъ народное чувство многократными покушеніями на жизнь Александра II. Таковъ духъ книги, дѣйствительно патріотической. Въ изложеніи же ея приняты двѣ манеры: одна въ богословскомъ родѣ, другая въ повѣствовательномъ. Въ первомъ родѣ мы встречаемся съ подборомъ текстовъ св. писанія, которыми выводится божественное происхожденіе царской власти и внушается долгъ повиновенія ей со стороны подданныхъ, а во второй, въ видѣ иллюстрацій къ первой, идутъ народные разговоры, въ которыхъ развивается мысль, какъ народъ любитъ государя, а „ученые“ его будто-бы не любятъ. Отъ этого сопоставленія дѣлаются разныя послылки къ разнымъ событіямъ нашего времени (до преступленія 1-го марта).

Богословская сторона сочиненія крестьянина Савченкова безъ всякаго сравненія слабѣе того, что уже было напечатано въ этомъ родѣ для чтенія народа въ 1802 году по повелѣнію императора Александра Павловича. Я говорю о переведенной съ французскаго языка книгѣ Боссюета— „Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte“, которая у насъ вышла подъ заглавіемъ „Политика изъ самыхъ словъ священнаго писанія, почерпнутая Іаковомъ Бенигномъ Боссюетомъ“ (эта книга по-русски „напечатана по Высочайшему повелѣнію въ

С.-Петербургѣ, въ 1802 году, въ императорской типографіи“ и посвящена имени государя Алескандра I-го). У Боссюэта порядокъ единодержавія выведенъ изъ св. писанія съ большимъ знаніемъ и несравненно съ большимъ тактомъ, чѣмъ у крестьянина Савченкова, и чтобы сдѣлать это доказательнымъ для читателя, укажемъ хотя на одно мѣсто, по которому можно судить о разницѣ въ пониманіи и приемахъ Боссюэта и Савченкова.

Въ книгѣ, которую у насъ давали народу въ 1802 году (тогда еще безграмотному), авторитетъ подчиненія Іисуса Христа законной власти доказывался, напимѣрь, тѣмъ, что Іисусъ Христосъ „при всемъ всемогуществѣ своемъ допустилъ себя взять безъ всякаго сопротивленія“; что онъ „укорилъ Петра, ударившаго ножемъ Малха“ и „исцѣлилъ этого раба“; что онъ „давалъ кроткіе отвѣты и не проносилъ никакихъ жалобъ на судившихъ его несправедливо“. Указанія, въ самомъ дѣлѣ, очень ясны и вразумительныя, — тутъ видѣнъ Боссюэтъ — умный и образованный „придворный проповѣдникъ“, который, когда брался за свое дѣло, то зналъ, какъ его надо сдѣлать. У Савченкова же центръ тяжести всей мысли о подчиненіи Христа „царскимъ установленіямъ“ опирается главнымъ образомъ на то, что Христосъ (65 стр.) заплатилъ подать въ полсикля и сказалъ фарисею „воздадите божіе Богови, а кесарево кесареви“. Но оба эти мѣста Евангелія, по смыслу всѣхъ лучшихъ толкователей св. писанія древнихъ и новыхъ (отъ Златоуста и Теофилакта до Фаррара и Берсье) не приводятся въ томъ смыслѣ, будто Христосъ этимъ внушительно доказалъ свое почтеніе къ „царскимъ установленіямъ“. Тутъ видно только, что онъ въ первомъ случаѣ не хотѣлъ становиться на сторону противника платежа, а во второмъ онъ отразилъ коварную дилемму разставлявшаго ему сѣти казуиста, и въ обоихъ случаяхъ вмѣстѣ давалъ чувствовать, что его ни мало не занимала и не влекла къ себѣ никакая политика „царствъ отъ міра сего“.

А потому, кажется, безспорно, что Боссюэтъ умѣлъ лучше доказать свою мысль, чѣмъ крестьянинъ Савченковъ, и для дѣла лучше было бы просто повторить сказанное въ книгѣ, изданной въ 1802 году по высочайшему повелѣнію. Мысль отъ этого выиграла бы.

То же самое можно сказать и обо всей остальной текстуализаціи, — обильной, громоздкой, но безсистемной. Въ этомъ авторъ покровительствуемой книги не мастеръ, — перейдемъ теперь къ свѣтской части, гдѣ онъ дѣйствуетъ смѣлѣе и которая болѣе доступна критикѣ.

IV.

Весь патріотическій трактатъ крестьянина Савченкова веденъ въ формѣ собесѣдованія крестьянъ на сельской „площадѣ“ (настоящій крестьянинъ, не „ряженный“, вѣроятно, сказалъ бы „на выгонѣ“).

Крестьяне собраны передъ крыльцомъ сельской управы 30 числа августа 1880 года. Дѣло происходитъ гдѣ-то въ Малороссіи и разговоры ведутся смѣшанными репликами, то по-великорусски, то по-малороссійски. „Тутъ были и благоразумные старцы, напоминавшіе собою древнихъ патріарховъ“, и старухи, и „наше будущее поколѣніе—дѣти, засунувъ два пальца въ ротъ“ (5). Позволительно замѣтить, что всѣ патріархи были длинноволосые и съ бородами, а малороссійскіе крестьяне всѣ брѣются,—стало быть, сходство ихъ съ патріархами по наружности не очень сильно. Всѣ эти люди собрались здѣсь послѣ молебна о здравіи государя (6). День былъ прекрасный; „казалось, сама природа подражала народному празднеству. Зеленыя вербы такъ кажется и вслушивались въ торжественный звонъ колоколовъ и, подобно сельскимъ красавицамъ, гордо улыбались“. „На краю прудка стоитъ величественная старая верба, напоминающая собою сельскую сгорбленную старушку,—она такъ и кажется, что стремится въ объятія бабы Палашки, величаво идущей по-надъ прудомъ“. Въ такомъ балагурномъ тонѣ начинается и такъ же и продолжается повѣствованіе, мѣстами гуще, а мѣстами рѣже пересыпанное малороссійскими словами, для слуха великорусскаго крестьянина непривычными и иногда вовсе непонятными. Читаемъ „що“, или даже „шо“, вмѣсто что; „люды веселятця неначе на велик-дѣнь“... „Винъ (государь) за насъ журытця“, „якъ намъ іого ни жалить“. (Послѣднее слово напечатано безъ тяжкаго знака ударенія надъ буквою ѣ, отчего великорусскій народный грамотѣй непремѣнно прочтетъ не жалить, а жалить). Вообще языки, и русскій, и малороссійскій, очень нехорошо повинуются крестьянину Савченкову, и въ этомъ смыслѣ похвальный отзывъ о достоинствахъ изложенія—съ литературной точки зрѣнія—представляется неосновательнымъ. Съ крестьянами-малороссами собесѣдуетъ „псаломщикъ“, по просту говоря — дьячекъ, который имѣетъ тутъ резонирующую роль. Это лицо говоритъ другимъ языкомъ, именно плохимъ книжнымъ. Такъ это и идетъ во всю книгу, вслѣдствіе чего рачей дьячка должны быть непонятны крестьянамъ-малороссамъ, а разговоры этихъ послѣднихъ останутся „неявственными“ для всѣхъ простолюдиновъ великорусскихъ. Послѣдніе, конечно, должны будутъ становиться въ тушкѣ, встрѣчая въ изданной для нихъ книжкѣ такія слова, какъ „бильшь“, „дилить“ (8), „цилувавъ“ (12), „усими, усюею Ивропою“ (18), „удовжь“ (19) и т. п. Еще труднѣе будетъ великорусскому грамотнику уразумѣть помѣщенныя здѣсь стихи (78), въ которыхъ читаемъ: „По узирьяхъ правда сѣя“; „нехай судить бидолашныхъ“; „нехай хилятця пидъ іого дыкѣ людъ“; „пэрэдънымъ углолуть землю вси цари пэрэдъ потужнымъ (79); „якъ Лыванъ сади буяють, у изгинья укрывають“ и т. п.

Языкъ книжный, которымъ говоритъ псаломщикъ, слѣдующаго пошиба: (стр. 9) „эти враги Россіи разными путями стараются похитить у насъ то, что такъ укрѣпило, возвысило и прославило наше

отечество; они думаютъ разорвать тотъ живой внутренній союзъ, который соединилъ и соединяетъ насъ всѣхъ въ одинъ могущественный государственный организмъ“.

Очевидно, что это языкъ не для простыхъ людей; для того же, чтобы понять приведенныя выше мѣста малороссійской прозы и поэзи, всѣмъ великороссіянамъ надо будетъ подучиться малороссійскому нарѣчію, а это и затруднительно, да и бесполезно. Стало быть, и этотъ языкъ тоже негодится, и притомъ распространеніе малороссійскаго языка въ Великороссіи не входитъ въ виды правительства. По крайней мѣрѣ, до сего времени извѣстны распоряженія правительства объ обученіи русскому государственному языку въ малороссійскихъ народныхъ школахъ, а книги съ малороссійскимъ текстомъ не допускаются въ народныя школы даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ народъ говоритъ по-малороссійски. Знаменуетъ ли что нибудь новое появленіе книги Савченкова съ малороссійскимъ текстомъ — понять не можемъ.

Какъ несоотвѣтствененъ языкъ, имѣющій очень важное значеніе въ народной книгѣ, такъ же необстоятельно и изложеніе. Укажемъ примѣры. Дьячекъ говоритъ (21): „У предковъ нашихъ славянъ такого правленія, какъ теперь, не было. Тогда въ каждой семьѣ дѣлами заправлялъ старшій“. Думается, что и теперь, какъ и въ былыя времена, во всемъ русскомъ народѣ, „въ каждой семьѣ дѣлами заправляетъ старшій“, но это характера правленія государственнаго не выясняетъ.

„Для важныхъ дѣлъ, продолжаетъ псаломщикъ, старшіе сходились на вѣче (мірскую сходку)“. Во-первыхъ, „рѣче“ совсѣмъ не то, что нижшняя мірская сходка, а во-вторыхъ, вѣчевыя собранія имѣли мѣсто въ Россіи не только до призыва варяговъ, но и гораздо позже, уже при своихъ „прирожденных“ князьяхъ, напр., во Псковѣ, въ Новгородѣ и въ Кіевѣ.

На 22 стр. псаломщикъ объясняетъ крестьянамъ образованіе разныхъ языковъ едва ли надлежащимъ и съ извѣстной точки зрѣнія даже еретическимъ способомъ. Упомянувъ о размноженіи людей послѣ потопа, онъ говоритъ: „мало по малу у нихъ началъ мѣняться самый языкъ“. Очень можетъ быть, что это такъ и произошло, но крайней мѣрѣ, очень основательные ученые новаго времени держатся мнѣнія о постепенности образованія разныхъ языковъ „мало по малу“, но въ библіи, т. е. въ томъ самомъ св. писаніи, на которомъ желаетъ все основать крестьянинъ Савченковъ и его псаломщикъ, дѣло о языкахъ, какъ мы знаемъ, изъясняется иначе. Тамъ мы читаемъ, что „смѣшеніе языковъ“ произошло вдругъ, а не „мало по малу“. „Богъ сошелъ и смѣсилъ языки ихъ и они перестали понимать другъ друга“. Такъ это стоитъ въ священныя книгахъ, по которымъ простолюдины слушаютъ церковное чтеніе, такъ пишется и въ азбучкахъ и священныя исторіяхъ, которыя предлагаются въ

школахъ, и духовная цензура ни въ одной изъ этихъ книжекъ не допускаетъ иного толкованія въ духѣ новѣйшихъ гипотезъ, которыя, повторяемъ, можетъ быть и очень основательны, но въ народныхъ-то русскихъ изданіяхъ все-таки встрѣчаются только впервые, именно въ этой одобренной книгѣ крестьянина Савченкова.

На 23 страницѣ авторъ считаетъ, будто „фараонъ“ есть собственное имя какого-то одного египетскаго царя, и ставитъ это имя въ ряду перечисляемыхъ имъ собственныхъ именъ, тогда какъ фараонами назывались вообще египетскіе цари до Псамметиха.

На 33 страницѣ читаемъ: „Кромѣ Давида (псалмопѣвца), и наши братья, русскіе, явили себя достойными сынами Россіи“, и тутъ названы Гермогенъ, Мининъ и „Иванъ Сусанинъ, бывший староста села Домнина, что нынѣ во Владимірской губерніи“. На самомъ дѣлѣ село Домнино, откуда производятъ родъ Сусанина, находится не во Владимірской губерніи, а на рѣкѣ Шачѣ, въ Буйскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, и всѣ наши простолюдины, которымъ извѣстенъ рассказъ о патріотическомъ подвигѣ Сусанина, знаютъ, что это было „въ костромскихъ лѣсахъ“, а не во Владимірской губерніи. Какая же это „обстоятельность“?

На 36 и 37 страницахъ говорится, будто въ смутное время „города сносились одинъ съ другимъ, пересылая грамоты патріарха, не хотѣли признавать царями ни Сигизмунда, короля польскаго, ни его сына Владислава“. Этого нельзя сказать въ отношеніи Владислава. Можно говорить, что призваніе на русскій престолъ польскаго королевича было далеко не единодушно; что оно по преимуществу было дѣломъ одной боярскаго партіи, именно партіи кн. Мстиславскаго, но нельзя и нѣтъ никакой нужды скрывать въ историческомъ рассказѣ, что 17 августа 1610 года былъ писанъ договоръ съ Жолкевскимъ о призваніи Владислава на русское царствованіе, а потомъ была война и Вяземскій миръ, на коемъ Владиславъ отрекся отъ русскаго престола, но приобрѣлъ Смоленскъ, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ и др. города. Патріотическое настроеніе въ хорошей народной книгѣ не должно расходиться съ историческою истиною.

Высчитывая покушенія, которыя были сдѣланы на жизнь императора Александра Николаевича (до преступленія 1 марта), Савченковъ насчитываетъ (стр. 72) всего три покушенія, тогда какъ ихъ было пять, или даже шесть (Каракозовъ, Березовскій, Соловьевъ и два взрыва въ Москвѣ и въ Петербургѣ и еще неудавшійся взрывъ на югѣ). Народъ теперь хорошо знаетъ этотъ печальный счетъ.

Рассказывая о покушеніи Каракозова (57), крестьянинъ Савченковъ говоритъ, что въ этотъ разъ „для спасенія драгоцѣнной жизни государя императора Господь избралъ вѣрнаго сына царя и отечества Осипа Ивановича Комисарова-Костромскаго“, а въ другой разъ, въ Парижѣ, при покушеніи Березовскаго (58), Господь „уже не рукою

вѣрнаго сына, а собственною десницею отвелъ ударъ отъ избранника своего, поразивъ самого преступника: пистолетъ разорвало и преступникъ лишился руки“. Въ этомъ разсказѣ случай спасенія жизни государя Александра Николаевича переданъ неточно и несогласно съ тѣми описаніями, которыя въ свое время подавались народу черезъ правительственные же органы. Пистолетъ дѣйствительно разорвало и поранило Березовскаго, но чтобы онъ „лишился руки“, — это не правда. Кромѣ того, разсказъ снабженъ обиліемъ чудеснаго элемента въ ущербъ исторической правдѣ, въ которой, вдобавокъ, есть много трогательнаго, любопытнаго и даже поучительнаго. Орудіемъ Высшей воли и на этотъ разъ, какъ и у Лѣтняго сада, былъ смертный же человекъ и при томъ еще иностранецъ, шталмейстеръ Наполеона III, г-нъ Рамбо. Во всеобщее свѣдѣніе возвѣщалось, что при выстрѣлахъ Березовскаго, французскій придворный Рамбо подвинулъ свою лошадь на дыбы и собственнымъ тѣломъ старался защитить государя. Самоотверженіе г. Рамбо не только было замѣчено, но оно оцѣнено въ Россіи, и наши русскіе грамотѣи, живо интересующіеся всѣмъ, касающимся царскаго дома, въ свое время читали о пожалованіи г. Рамбо орденомъ Станислава и о подаркахъ, сдѣланныхъ ему членами царскаго семейства. Слѣдовательно, они объ этомъ случаѣ знаютъ гораздо болѣе основательно, чѣмъ сообщаетъ имъ изданная для нихъ въ 1880 г. нарочитая книга.

На 72 стр., негодуя на злоумышленниковъ, авторъ называетъ ихъ „негодьями, нашими цивилизованными разбойниками“, а на 73 стр. „нашими европейскими цивилизаторами“. Негодованіе понятно и законно, но отождествлять убійцъ съ „европейскими цивилизаторами“ — едва ли не безразсудно. Было бы большою и вредною ошибкою внушать простымъ людямъ, будто европейская цивилизація чужда христіанскихъ началъ, неоправдывающихъ насилій и убійствъ, и нельзя забывать, что въ нецивилизованныхъ странахъ Востока крамолы и предательскія царевубійства встрѣчаются чаще, чѣмъ въ цивилизованной Европѣ.

„Прослѣдивъ всѣ сказанія о древнихъ царяхъ христіанскихъ“, говоритъ авторъ (74), „вездѣ увидимъ, что всѣ эти цари царствовали не по своей волѣ, а по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ. Вотъ великій царь израильскій Давидъ“, и т. д. Но царь Давидъ не былъ царемъ „христіанскимъ“ и жилъ до Рождества Христова. „Потомъ Іосифъ прекрасный царствовалъ во Египтѣ (75)“, но Іосифъ прекрасный совсѣмъ никогда не царствовалъ. Правда, у двухъ-трехъ писателей говорится, что Іосифъ „царствовалъ“, но это говорится только въ смыслѣ обширности полномочій, данныхъ ему отъ фараона; у насъ же о „царствованіи Іосифа прекраснаго“ заговорили только въ угоду Борису Годунову, чтобы поддержать его этимъ, какъ примѣромъ царедворца, достигшаго престола. Стараніе это теперь не имѣетъ никакой цѣны и напоминаетъ старинный вздоръ.

Перечисляя лучшихъ и достойныхъ похвалы государей, авторъ называетъ (75) не только равноапостольнаго Константина и Θεодосіа Великаго, но и „Маркіана Великаго, Іустина младшаго и Тивирія“. Авторъ народной книги говоритъ, что „все это были государи славные благочестіемъ, вѣрою, храбростію и мудростію“.

Говоря это, авторъ дѣлаетъ большой рискъ потому, что—снова напомнимъ—въ Россіи между простолюдинами, особенно среди старовѣровъ, есть начетчики, которымъ персоналъ лицъ, сидѣвшихъ на византійскомъ престолѣ, не безъизвѣстенъ. Наши начетчики знаютъ о византійскихъ императорахъ и по стариннымъ хронографамъ, перешедшимъ въ наши лѣтописи, и по „Четимъ Минеемъ“. Положимъ, что эти источники порою весьма не свободны отъ тенденціозности, но все-таки начитаннымъ въ нихъ людямъ нельзя говорить зря, что вздумается, о византійскихъ правителяхъ. Что касается Константина и Θεодосіа Великаго, то эти два лица въ указанныхъ источникахъ представлены такими же, какъ ихъ называетъ авторъ, т. е. „славными благочестіемъ, вѣрою, храбростію и мудростію“, но про Маркіана Великаго, Іустина „малаго“ и Тиверія извѣстно совсѣмъ другое. О Маркіанѣ, напр., читаемъ, что онъ „воцареніемъ своимъ обязанъ Пульхеріи, сестрѣ императора Θεодосіа“ (младш.), которая, по свидѣтельству Амартола, „руководила своимъ братомъ во всемъ, ибо онъ, будучи лѣнивъ, ни во что не вникалъ и имѣлъ обычай не читая подписывать подаваемыя ему хартіи“. Узнавъ объ этомъ, „мудрѣйшая“ сестра премудро „подложила ему для подписи дарственную грамоту, по которой закрѣпощалась въ рабство жена Θεодосіа, Евдокія. Царь подписалъ и въ послѣдствіи терпѣлъ горькую обиду отъ сестры своей, Пульхеріи (Амарт. 505. Этой „мудрѣйшей сестрѣ“ у насъ подражала царевна Софія; см. Забѣлинь и Ф. Терновскій); и вотъ она-то, уничтоживъ всякое значеніе брата и жены его Евдокіи, которую у насъ сравниваютъ съ Ириною, женою царя Оедора Ивановича („Изборникъ“ А. Попова 186), выбрала себѣ Маркіана въ мужья и сдѣлала его царемъ. „Великимъ“ онъ названъ въ разсматриваемой книжкѣ, вѣроятно, потому, что льстивыя греки имѣли обычай давать титулы „великихъ“ тѣмъ императорамъ, при которыхъ собирались вселенскіе соборы.

Тиверій (конечно византійскій) царствовалъ всего четыре года (съ 578 по 582) и ни о какихъ его христіанскихъ и государственныхъ добродѣтеляхъ земля славой не исполнена. Извѣстно, что избравшій его Іустинъ (младш.) передъ смертію завѣщалъ ему „не принимать участія въ убійствахъ; людей немужественныхъ и неразумныхъ не приближать къ себѣ: пусть не сбиваютъ тебя съ толку примѣрами прежнихъ царей“ (Амарт. 552). Но, несмотря на эти прекрасные совѣты гадко проведеншаго свою жизнь Іустина, Тиверій не явилъ знаковъ большой мудрости и благочестія, и въ „Историческомъ словарѣ“ значится съ самою краткою аттестаціею: „ничѣмъ не замѣчательнъ“.

Третій изъ поминаемыхъ въ нашей народной книгѣ мудрецовъ и благочестивцевъ — Іустинъ младшій — замѣчательнѣе Тиверія, но въ какомъ родѣ? Это („Историч. словарь“, т. IV, стр. 399 и 400) былъ „неспособный управлять скипетромъ, слабодушный, склонный къ роскоши, лѣнивый, робкій, глухой и жестокой государь. Онъ приказалъ удавить родственника своего Іустина, который могъ имѣть право на престолъ, и дошелъ до такой подлости (sic) и жестокости, что приказалъ принести голову удушеннаго и топталъ ее ногами...“ И вотъ этого-то человѣка наша народная книга не только прославляетъ благочестивымъ и мудрымъ, но еще, упомянувъ его на ряду съ Константиномъ и Θεодосіемъ, ставитъ такое разсужденіе: „кто ихъ надѣлилъ высокими дарами, если не самъ царь славы, Христосъ, истинный Богъ нашъ“?

Можно ли сдѣлать болѣе плохую услугу христіанству, какъ приписывать вліяніе Христова, „духъ Христовъ“, такому человѣку, который, по свидѣтельству исторіи, былъ и плохъ, и подлъ, и глухъ, и убійца? Не даетъ ли такая неловкость возможности съ успѣхомъ нападать на неразборчивость христіанскихъ народныхъ писателей, между коими можетъ быть числимъ и крестьянинъ Савченковъ, какъ лицо, сочиненіе котораго встрѣтило особенное сочувствіе начальства?

V.

Но есть въ разсматриваемой нами образцовой народной книгѣ еще такое мѣсто, которое удивительнѣе всего, на что пришлось указать выше.

Авторъ желаетъ показать русскому народу, какъ и въ какомъ видѣ появилась царская власть, и изъясняетъ это исторією избранія Саула. Онъ говоритъ: (26) „Жребій палъ на Саула. Тогда Самуиль изложилъ народу права царя, написалъ ихъ въ книгу и положилъ передъ Господомъ“. И вслѣдъ за симъ, кратко очеркнувъ дѣла Саула, авторъ совершенно неожиданно объявляетъ: (27) „Такова въ короткихъ словахъ исторія нашихъ богохранимыхъ государей“.

И переходъ, и заключеніе одинаково неожиданны и неумѣстны. Саулъ былъ избранъ по жребію и при томъ послѣ многихъ доводовъ пророка Самуила, противъ поставленія царя во Израилѣ (1-я Кн. Царствъ, гл. VIII, ст. 5 — 22). Ничего подобнаго не было на Руси, куда князья были единодушно призваны „володѣти“. Самуиль, поставляя Саула противъ своихъ убѣжденій, „излагаетъ права царя и пишетъ ихъ въ книгу“. Весьма просто и очевидно, что такое это значить. Обозначеніемъ „правъ“ и писаніемъ ихъ „въ книгу“ конечно ограничивалась независимость царственной власти избраннаго „по жеребью“ Саула¹⁾.

¹⁾ „Былъ (въ первый разъ) помазанъ изъ хрупкаго сосуда“. См. Катаевъ, академическое разсужденіе „О св. миропомазаніи царей“. С. П. Б. 1847 г.

Тутъ имѣеть мѣсто характеръ договорный и ясно видѣнъ первообразъ такъ называемыхъ конституцій, какъ это и принимаетъ критика. Между тѣмъ, этого-то именно, т. е. никакой условности и договорности съ царями, никакихъ „правъ, писанныхъ въ книгу“, въ русскомъ быту не было и нѣтъ. Русскіе государи самодержавны и права ихъ безъ сравненія превышаютъ права Саула, который, поэтому, въ правовомъ отношеніи никакъ не подходитъ къ нашимъ неограниченнымъ государямъ, и несоотвѣтственное сравненіе это мы, признаться сказать, съ удивленіемъ въ первый разъ встрѣчаемъ въ разсматриваемой нами народной книгѣ.

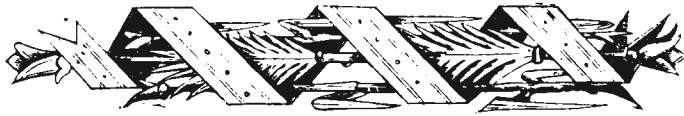
Но кромѣ этого, Саулъ не идетъ въ сравненіе съ русскими наслѣдственными государями еще по другой причинѣ: онъ былъ избранъ лично и пожизненно. Наслѣдственнымъ престолъ израильскій становится только въ династіи Давида, и это совершилось при большихъ усиліяхъ, послѣ многихъ неудачъ и при томъ съ распаденіемъ царства. Наши же русскіе государи съизначала наслѣдственны и это имъ не стоило борьбы и усилій, какія выпали на долю Давида. Вотъ какова въ истинномъ свѣтѣ исторія русскихъ государей, а не такова, какою была исторія царя Саула, ограниченная „правами“, власть котораго выпала изъ его рукъ при его жизни и перешла въ другой родъ. Слѣдовательно, примѣръ этотъ совершенно неумѣстенъ.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнная нами образцовая народная книжка убѣждаетъ насъ, что заказная литература, при всемъ изобиліи встрѣчаемой въ ней благонамѣренности, можетъ имѣть большіе и грубые недостатки, которые дѣлаютъ ее совершенно неспособною служить тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ она главнымъ образомъ предназначается. Мы видимъ, что книга эта не только скучна (чего опасаются „Современныя Извѣстія“), но она также лишена всякой основательности, и при томъ она дурно изложена, а вдобавокъ еще несвободна отъ самыхъ неудачныхъ обобщеній, черезъ которыя въ ней, словно по какой-то злой ироніи, въ самомъ завершеніи свода всего зданія, вдругъ неожиданно оказываются такіе несоотвѣтственные матеріалы, что остается подивиться: зачѣмъ ихъ поднимали на такую высоту, откуда только яснѣе видна ихъ непригодность.

Все вышесказанное можетъ быть достойно вниманія тѣхъ, кто будетъ имѣть обязанностью цѣнить силы лицъ, усердно предлагающихъ свои услуги для заготовленія литературныхъ заказовъ, но не всегда способныхъ удовлетворительно исполнить то, что отъ нихъ требуется.

Н. Лѣсковъ.

УМСТВЕННЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕССЪ ЕВРОПЕЙСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ТЕЧЕНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ ТРИДЦАТИ ЛѢТЪ ¹⁾.

XI.

Науки историческія.

ИЗЪ ВСѢХЪ этихъ разнообразныхъ манеръ, не всегда относясь съ уваженіемъ къ здоровымъ идеямъ, образовали критику органическихъ явленій въ жизни народовъ и человечества. Въ кругу нравственныхъ наукъ, наука, которая произвела наибольшій переворотъ, есть, можетъ быть, исторія, — статистика прошедшаго, точно также какъ статистика есть исторія настоящаго въ области тѣхъ явленій, которыя могутъ быть приведены къ числамъ. Нѣкоторые посвятили свои труды тому, чтобы собрать ту огромную массу матеріаловъ, которую оставило намъ прошедшее, и которую перестали уже ревниво таить. Здѣсь нужно отмѣтить Перца, Яффѣ, Равке, Шталя, Бетманна, Вальца, Бомера—въ Германіи, Жизебрехта — для прибалтійскихъ странъ, Фикера и Зибеля — для Австріи, Горвата—для Венгріи, Гахарда—для Бельгіи, Герколано—для Португаліи, Тейнера—по дѣламъ церковнымъ; наконецъ, большое количество историческихъ обществъ для Италіи. Всѣ эти писатели менѣе извѣстны, нежели самый незначительный романистъ.

XII.

Археологія.

Всѣ науки, имѣющія отношеніе къ исторіи, пришли къ ней на помощь. Благодаря трудамъ Ліона, Эмили Ботты, графа Сиракузскаго, Шлимана, Чеснолы, Гермудъ-Рассама, открыты развалины Ни-

¹⁾ Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ VI, стр. 97.

«Истор. вѣстн.», годъ II, томъ VI.

неви, Корсабада, Трои, Сибариса, Кипра; открыты сокровища Приама и Атрея, драгоценности Елены и—чего прежде не знали—катакомбы Рима, гробницы Этрурии, подземная кладбища Болоньи, развалины Ацерры, Селинонта, а въ настоящее время и русло Тибра. Стѣнные надписи дали во многихъ случаяхъ возможность воскресить хронологію и исторію, благодаря изслѣдованіямъ Роулинсона (Rawlinson), Тальбо, Сейля, Смита, Опера, Ленормана, Лейяра, Шрадера, Делича. Дознано, что клинообразныя надписи Батуна и Персеполя согласны съ библейскими сказаніями, или по-крайней мѣрѣ не противорѣчатъ разсказу Моисея, хотя и не могутъ претендовать на совершенное согласіе. Очень большой папирусъ, написанный гіероглифическими и демотическими письменами, и найденный въ 1866 г., доказалъ вѣрность того объясненія таинственнаго языка египтянъ, которое дѣлали до сихъ поръ. Знаменитая статуя Уафры, считавшаяся самою древнею въ мірѣ, смѣнена деревянною фигурою, найденною въ Сахарѣ, которая не имѣетъ ничего условнаго. Бронзовыя таблицы, надписи, восковыя досечки, объяснили римское право и возстановили греческое. Какими успѣхами обязана археологія Кампанари, Момзену, Бунзену, Герарду, Росси, Киршофу, Корсену, Фабретти! Миѳологія разъяснена съ помощью сравнительной филологіи и даже психологіи. Генеалогія боговъ часто связывается съ происхожденіемъ басни. Доказано тождество греческихъ божествъ съ божествами другихъ арійскихъ народовъ. Они представляли явленія или силы природы, и въ этомъ олицетвореніи исчезло ихъ первоначальное значеніе! Ученые переходили отъ одного божества къ другому, отъ миѳа къ миѳу, слѣдя ихъ переплетеніе и ихъ развитіе, изучили вліяніе ихъ на развитіе народовъ, и это — спустя пятнадцать столѣтій. Такимъ образомъ, уничтожили вкоренившіеся предрасудки и систематическія преувеличенія; установили большія этнографическія раздѣленія; узнали, какъ различно понимали разные народы великія религіозныя проблемы, какъ каждой особенности въ характерѣ народовъ соотвѣтствовала особенность религіозная, которую нужно отыскивать не столько въ символахъ, сколько въ этимологіи.

ХІІІ.

Филологія.

Бѣкъ († 1867 г.) такъ опредѣлилъ филологію: историческій методъ для того, чтобы воспроизводить социальную и политическую жизнь народа въ опредѣленный періодъ времени. Онъ раздѣляетъ ее на филологію герменевтическую и на филологію критическую. Но, что касается до ея тѣснаго смысла сравнительнаго языкознанія, то здѣсь доказано, что мы обязаны іезуитамъ знаніемъ китайскаго языка, точно

также как санскрита, и что существенные элементы языка восходят къ незапамтнымъ временамъ. Бошпъ († 1867 г.) расширилъ границы изученія сравнительной грамматики; Гриммъ († 1863) продвинулъ впередъ грамматику и лексиконъ древне-германскаго языка. Ему слѣдовали Газе († 1867 г.), Мункъ († 1867), Арнольдъ († 1869 г.), Виндишманъ. Занятіе діалектами относится къ болѣе позднему времени; въ этомъ отдѣлѣ пріобрѣли извѣстность Асколи и Горицъ, содѣйствовавшіе возстановленію древняго ирландскаго языка.

Такимъ образомъ, въ словѣ видятъ теперь не исключительно органическое дѣйствіе съ опредѣленнымъ развитіемъ, но хотятъ отыскать его начало, прослѣдить его въ вѣкахъ и его переходахъ, и дѣлать заключенія относительно постоянства корня слова и родства народовъ, помимо всякаго преемственнаго сообщенія.

Тибо, Савиньи, освободили политику и право отъ отвлеченностей идеализма для того, чтобы приблизить ихъ къ дѣйствительности. Шаль и Иерингъ дали намъ новыя теоріи ихъ.

XIV.

Географія.

Легкость путешествій много содѣйствовала успѣхамъ исторіи, позволяя посѣщать древности исчезнувшихъ государствъ и любопытныя рѣдкости странъ новыхъ. Путешественникъ не можетъ уже больше рассказывать басень, какъ это было въ тѣ времена, когда онъ былъ единственный свидѣтель, иначе его завтра же могутъ обличить во лжи, потому что теперь производятъ наблюденія, не встрѣчая препятствій въ той неясности, которую представляетъ отдаленность или системы.

Географія не есть больше наука второстепенная,— она получила большіе размѣры; она расширила свой объемъ, вступивъ въ тѣсный союзъ съ статистикой, лингвистикой, этнографіей, психологіей и заключивъ въ свои рамы жизнь дикихъ народовъ. Она сообщаетъ намъ знаніе отношеній человѣка къ природѣ, знаніе постепенной организациі общества въ послѣдовательности временъ и разнообразіи мѣстъ, наконецъ знаніе богатствъ, создаваемыхъ трудомъ, который разрабатываетъ естественныя произведенія. За великимъ произведеніемъ Санта-рема (1849 г.)— „Объ успѣхахъ географіи при помощи памятниковъ“— послѣдовали труды Перга, Бергауса, Шнидера, Швитцера, Лаборда, Петермана. Большое число обществъ посвящали себя занятіямъ географіей и имѣли достопамятный съѣздъ. Изучили климаты, осадочныя формациі, представляющія наиболѣе важную составную часть земнаго шара, температуру, глубину, геологическое свойство океановъ; въ ихъ безднахъ открыли особеннаго рода флору и фауну; опредѣлили те-

ченія моря, точно также какъ и воздуха. Черезъ это доказали, что весь міръ переменяетъ рѣки, материкъ, горы. Наконецъ, опредѣлили точнымъ образомъ пространство земной поверхности, исправивъ таблицы Бесселя на сжатіе земли, что составило число 152,888.

Кромѣ путешественниковъ, о которыхъ мы уже говорили, Андерсонъ, Ельтонъ, Бэнъ, Моръ, Россъ, Галь, отыскивали у полюса проходъ, соединяющій два океана, черезъ который недавно проникъ на „Вегѣ“ Норденшильдъ, направляясь въ Японію; пробовали даже аэростаты, чтобы достигъ полюса. Тѣ, которые изслѣдуютъ страны ближайшія и также мало извѣстныя, имѣютъ не менѣе заслугъ, напр. Фошоу (Fawschaw), Тоцеръ — для горъ Турціи (Highlands of Turkey), Ганъ—для Албаніи, Боре—для европейской Турціи, и сотрудники Эдуарда Картона—для кругосвѣтнаго путешествія.

И отношу къ числу очень пошлыхъ предрассудковъ—не признавать героизма, который представляютъ миссіонеры (пусть это будутъ даже иезуиты), и тѣхъ чудесъ неустранимости и самоотверженія, которыя представляютъ эти герои, этотъ авангардъ цивилизаціи, описаніе дѣятельности которыхъ представляетъ интересъ не меньшій, чѣмъ самый привлекательный романъ. Они предпринимаютъ свой трудъ, движимые любовью къ народамъ, которыхъ не знаютъ, у которыхъ находятъ только страданія, обиды и часто мученическую смерть; но они приобрѣтаютъ души для Христа.

XV.

Статистика.

Статистика идетъ рядомъ съ исторіей и географіей, какъ вспомогательная наука; у насъ (въ Италіи) она получаетъ значеніе въ практическихъ приложеніяхъ; но въ другихъ странахъ возвышается на степень науки самостоятельной.

Шубаръ (Statistique de l'Europe de 1835 à 1848) помѣщаетъ ее въ числѣ основныхъ знаній, давая ей одинаковыя права съ географіей и политикой, и отдѣляясь отъ Мальтуса, онъ пользуется ею для того, чтобы изложить истинное состояніе государства, не восходя къ причинамъ и не нисходя къ послѣдствіямъ. Его методъ получилъ значеніе типическаго. Большое значеніе имѣетъ „статистика Европы“ Госнера (1865 г.). Но настоящее научное направленіе и объемъ, которые должны принадлежать статистикѣ, даны ей статистикой Гюссмильха, а въ популярной формѣ—Кетле. Этотъ послѣдній употреблялъ математическіе приемы, для того чтобы выразить съ помощью цифръ и линій какъ то, что касается предметовъ матеріальныхъ, такъ и области явленій нравственныхъ. Онъ прибѣгалъ также къ методу наблюденія, какъ въ наукахъ естественныхъ, обращая въ

свою пользу огромные успѣхи этихъ наукъ, и извлекая изъ фактовъ ихъ философскія послѣдствія, то есть ихъ законы. Онъ занимается по преимуществу человѣкомъ; онъ допускаетъ, что явленія человеческой жизни подчинены вѣдшимъ причинамъ, не отрицая однако при этомъ свободаго начала. Онъ дѣлаетъ также изъ статистики важный элементъ антропологіи. Онъ выходитъ изъ закона всеобщей причинности, въ силу которой совершаются въ мірѣ явленія одно за другимъ, такъ что все послѣдующее должно имѣть обуславливающее его предыдущее. Онъ принимаетъ этотъ законъ за основу механизма природы, точно также какъ развитія человѣчества; онъ ищетъ постоянного въ измѣняемомъ, правильнаго въ случайномъ, отыскивая это съ помощью теоріи среднихъ величинъ и закона большихъ чиселъ, введеннаго Бернулли и развитаго Пуассономъ, который рассчитывалъ вѣроятность даже въ уголовныхъ и гражданскихъ судахъ.

Въ силу этого, хотѣли исключить все случайное не только въ области міра вещественнаго, но и въ явленіяхъ соціальныхъ, даже до отрицанія свободно дѣйствующаго начала, какъ будто бы въ дѣйствіяхъ человеческихъ нѣтъ ничего, кромѣ опредѣленнаго періодическаго возврата. Человѣчество свели съ его поэтическаго пьедестала съ помощью цифръ, какъ будто съ помощью атомистическихъ сочетаній, или фантастической роковой неизбѣжности. Но самъ Гёте выражался объ этомъ такъ: „Говорятъ, что цифры управляютъ міромъ; онѣ положительнымъ образомъ доказываютъ, что міръ управляется“.

Такимъ образомъ, географія, хронологія, статистика — могущественныя средства для образованія тѣхъ или другихъ предположеній — даютъ исторіи возможность опредѣлять не только начало, способъ, эпоху, но и количество.

XVI.

Исторія.

Благодаря этой легкости изслѣдованій и свободѣ рѣчи, благодаря путешествіямъ, открытіямъ, ученымъ обществамъ, матеріаламъ въ архивахъ, открытыхъ для любопытства и болтливости, благодаря наконецъ національнымъ собраніямъ историческихъ документовъ, — пролилъ новый свѣтъ не только на событія уже извѣстныя и на изслѣдованія, имѣющія характеръ болѣе частный и достовѣрный, но вызваны на свѣтъ искусства, языки, наконецъ, такого рода знанія, о которыхъ прежде не имѣли понятія, или которыя забыли. Біографія перестала быть ребяческимъ разсказомъ о дѣлахъ отдѣльной личности; она оставила некрологамъ или рабской лести панегирики, которыхъ не провѣрило время, и въ которыхъ принимаютъ за небесную звѣзду пылинку, упавшую на стекло телескопа. Какъ скоро каждая страна пожелала имѣть свою исторію не

только политическую, но юридическую, литературную, нравственную, усвоили новыя точки зрѣнія, изслѣдовали факты, повѣрили прежнія сужденія, пересоздали прошедшее; наконецъ, занялись тѣми сложными проблемами, которыя исторія должна разрѣшить, какъ скоро она хочетъ быть критической, а не догматической. Но отсюда явилась манія повѣрять преданія, уничтожать значеніе похвалъ и порицаній, которыя расточали прежде. Этимъ способомъ содѣйствовали развитію маніи сводить съ пьедестала великія личности, или покровительствовали неумѣренному патріотизму, льстили мертвымъ для возвеличенія династіи, наконецъ, унижали обыкновенную добродѣтель и даже героизмъ для того, чтобы возвести на пьедесталъ торжествующую несправедливость.

Много ли можно найти историковъ, которые, не ограничиваясь описаніемъ борьбы одного государя съ другимъ, арміи съ арміей, или возстановленія національностей, заставляютъ играть въ массѣ событій настоящее дѣйствующее лицо, а хочу сказать человека — такого, какимъ онъ дѣйствительно является въ настоящее время въ мірѣ тѣлесныхъ существъ, доступнымъ вліянію и впечатлѣніямъ чувственныхъ предметовъ, съ игрою страстей и борьбою душевныхъ движеній? Много ли такихъ, которые видятъ сквозь частныя бѣдствія великія идеи, связующіяся между собою и взаимно себя дополняющія?

Посреди столькихъ ужасныхъ потрясеній, при послѣдовательномъ разрушеніи того, что считали безсмертнымъ, въ положеніяхъ, черезъ которыя мы прошли,—историкъ болѣе чѣмъ въ талантѣ нуждается въ характерѣ, для того чтобы сохранить неизмѣнную любовь къ истинѣ, къ истинѣ полной, къ одной только истинѣ. Надобно, чтобы онъ имѣлъ терпѣніе отыскивать эту истину въ ея источникѣ, равно какъ и вѣрный взглядъ среди волненій политическихъ и религіозныхъ страстей; надобно, чтобы онъ имѣлъ мужество—тамъ, гдѣ она будетъ наиболѣе ненавидима, или гдѣ на нее будутъ наиболѣе нападать, — выражать ее открыто, говоря о ней чистосердечнымъ языкомъ, безъ увлеченія предразсудками, не боясь клеветы со стороны ученыхъ, или непопулярности въ обществѣ; надобно, чтобы онъ отказался отъ защиты дѣла съ помощью дерзкихъ утверженій и отрицаній, или увертокъ. Какъ свободный человекъ не можетъ быть льстецемъ, такъ историкъ не можетъ быть скептикомъ; онъ не можетъ колебаться между небрежными похвалами и робкимъ порицаніемъ; онъ долженъ изображать съ чувствомъ личности, любимыя имъ, и безпристрастно — нелюбимыя; онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы не удовлетворять только любопытству, но служить нравственному усовершенствованію людей. Не позволяя себѣ возбужденія страстей, онъ долженъ выставять друзей и враговъ, какъ свидѣтелей, изображать заслуги и вины на страницахъ, въ которыхъ могъ бы надѣяться представить интересъ для потомства. Современники отказываются видѣть этотъ интересъ въ писателѣ, достойномъ уваженія и по таланту и по ха-

рактору, но который съ спокойной важностью, приобрѣтенной долгимъ обращеніемъ съ людьми, безстрашно клеймитъ все достойное порицанія.

Исторія новаго времени часто фабрикуется подъ вдохновеніемъ свѣжей ненависти или мадригаловъ, съ энтузіазмомъ больше поддѣльнымъ, нежели способнымъ дѣйствовать на другихъ (*persuasif*). На страницы подобной исторіи едва допускаютъ стоны страдальцевъ; тамъ льстятъ деспотизму демократическому, который смѣнилъ деспотизмъ монархическій; государи, и еще болѣе толпа, обоготворяются въ стихахъ, съ помощью монументовъ, на монетахъ, въ то же самое время какъ они унижаются сикофантами, которымъ платятъ. Мало этого; исторія сдѣлалась почти невозможною, благодаря вздорнымъ рассказамъ, которые передаются каждый день въ публичныхъ мѣстахъ, по телеграфу, въ корреспонденціяхъ—безъ повѣрки, безъ очныхъ ставокъ, безъ уваженія къ здравому смыслу, при чемъ не принимаютъ въ соображеніе ни правдоподобія фактовъ, ни побудительныхъ причинъ для дѣйствія, не считая для себя обязательнымъ отказаться на другой день отъ ложнаго извѣстія и часто не имѣя гарантіи въ вѣрности сообщаемого имени. Съ помощью разсужденій, которыя отзываются политическими или философскими страстями минуты, превращаютъ науку въ помощницу партій. И находятся люди, которые, перебирая подобнаго рода матеріалы съ сигарою во рту, фабрикують памфлеты, которымъ даютъ потомъ названія исторій, мартирологовъ, откровеній. Тѣ, которые были дѣйствующими лицами въ этихъ событіяхъ, или наблюдали ихъ вблизи, могли бы имѣть авторитетъ очевидцевъ—свидѣтелей; но какъ соблюсти безпристрастіе тамъ, гдѣ личность наслаждалась или дѣлала успѣхи, и когда еще дымятся кровью раны, причиненныя завистью и несправедливостью? Какъ достигнуть того, чтобы надъ ложью и легендами тридцати лѣтъ одержала побѣду истина, полная истина, одна только истина? Дипломатія съ того времени, какъ она увидѣла обнародованными свои тайны въ разнаго рода желтыхъ, зеленыхъ, красныхъ и синихъ книгахъ, не отваживается болѣе говорить всю истину, не будучи увѣренною, что этихъ тайнъ не раскроютъ безъ тѣхъ измѣненій, которыя обыкновенно не только измѣняютъ то, что въ нихъ заключается, но представляютъ совершенно въ другомъ видѣ.

Все это дѣлаетъ задачи исторіи болѣе серьезными. Дѣлать изъ философіи науки отдѣльную науку и устанавливать различіе между исторіей и философіей исторіи,—это значить приходитъ къ слишкомъ смѣлымъ гипотезамъ и ложнымъ заключеніямъ (Бокль, Левесъ, Милль). Фихте и Шеллингъ видятъ въ историческихъ эпохахъ торжество субъективной способности, тождественной съ своимъ объектомъ, какъ идея тождественна съ феноменами, и идеальное сознаніе съ практическимъ дѣйствіемъ. Гегель разсматривалъ исторію какъ проявленіе (*extrinsecation*) верховнаго разума, который управляетъ міромъ, принося свободу въ жертву требованіямъ діалектическаго процесса, которымъ обус-

ловливаются всё явленія порядка физическаго и порядка нравственнаго. Когда задумали приложить къ міру нравственному теоріи развитія, введенныя въ міръ физическихъ явленій, Гербертъ Спенсеръ нашелъ въ жизни человѣка и общества приложеніе началъ, управляющихъ біологіею матеріальныхъ существъ. Бокль видитъ причины историческаго прогресса націй въ условіяхъ ихъ климата и почвы.

Послѣдователи ученія церкви (*les orthodoxes*) въ слѣдъ за Орозомъ, св. Августиномъ, св. Ѳомою, признали Творца, который предназначилъ насъ къ жизни семейной въ чувствѣ инстинктивной любви, къ жизни общественной—въ чувствѣ любви къ себѣ подобнымъ, въ необходимости взаимной помощи и въ языкѣ, къ равенству правъ—въ единствѣ происхожденія, къ неравенству іерархическому—въ неравномъ распредѣленіи способностей, къ труду—во врожденномъ стремленіи къ дѣятельности и необходимости воздѣлывать землю для своего пропитанія; къ постоянному совершенствованію—въ желаніи совершенствоваться и способности достигать совершенства. Писатели этого направленія утверждаютъ, что человѣчество идетъ впередъ подъ руководствомъ провидѣнія, образуя (*en cultivant*) человѣческую свободу въ духѣ началъ порядка и справедливости. Законъ прогресса относится не къ тому или другому человѣческому обществу, но вообще къ человѣческому обществу; здѣсь нѣтъ упадка,—результата сложенія или разложенія; здѣсь есть развитіе постоянное.

Дарвинъ признаетъ, что процессъ подбора имѣлъ очень большую силу въ началѣ человѣческаго общества; но, говоритъ онъ, эта сила начала уменьшаться, по мѣрѣ того какъ человѣкъ переставалъ быть рабомъ природы и обреченнымъ на борьбу за существованіе. Тогда разумъ увлекъ его на путь инстинктовъ.

Но какимъ образомъ могъ дѣйствовать этотъ процессъ вначалѣ въ томъ смыслѣ, чтобы преобразовать животное въ человѣка?

Между сообществами животныхъ и обществами человѣческими существуетъ различіе не только относительно большаго или меньшаго, но различіе во внутренней организаціи. Первые неспособны къ развитію, тогда какъ во вторыхъ можно наблюдать послѣдовательное и непрерывное вліяніе, которое поколѣнія оказываютъ одни на другія. Изученіе этого рода вліяній составляетъ исторію, которая, изслѣдуя различныя общественныя пласты, лежащія одинъ на другомъ, старается открыть, какія матеріальныя, интеллектуальныя, нравственныя условія благопріятствуютъ этому прогрессу, и какія другія даютъ ему обратное движеніе?

Въ исторіи все тѣсно связано. Настоящее предполагаетъ прошедшее, относительно котораго оно представляетъ собою развитіе, и указываетъ на будущее, котораго оно есть предзнаменованіе (*présage*). Въ исторіи мы находимъ мысли народовъ, человѣческую сущность въ отношеніяхъ ея къ различнымъ свойствамъ (*determinations*) природы; она представляетъ то, что различнымъ образомъ развивается и

совершается, согласно божественному указанію. Ея данныя разъясняют тайны совѣсти, приводятъ къ изслѣдованію труднѣйшихъ человѣческихъ вопросовъ и разрѣшенію важнѣйшихъ философскихъ и социальныхъ проблемъ въ борьбѣ слѣдующихъ силъ природы и противорѣчивыхъ элементовъ человѣчества, и въ разнообразныхъ системахъ трехъ формъ общественности: церкви, государства, общины (cité). Но мы желали бы, чтобы исторіи предоставлено было свободное человѣчество, гдѣ человѣкъ является способнымъ утверждать съ сознаниемъ и размышленіемъ, и свободно желать; мы желали бы, чтобы исторія обнимала субъектъ и объектъ, мыслящее и мыслимое.

XVII.

Геогенія.

Тотъ, кто захотѣлъ бы написать въ настоящее время всеобщую исторію, не могъ бы начать ее семью днями творенія: палеонтологія, до-историческая археологія, новая теорія образованія земли, требуютъ отъ историка, чтобы онъ умѣлъ перенести свой взоръ за границы времени и преданій, для того чтобы ему можно было уцѣпиться за генеалогическое дерево природы.

Какимъ образомъ матерія наиболѣе тонкая—свѣтовая, комбинируется для того, чтобы образовать туманную, а изъ этой туманной образовались тысячи солнцъ и планетъ, кружащихся вокругъ той и другой? Это—таинство, передъ которымъ наука становится втупикъ, а вѣра преклоняется. Еще болѣе удивительная вещь: какимъ образомъ эта туманная матерія заключала въ себѣ свойства всѣхъ вещей, и даже человѣка съ его интеллектуальными и нравственными способностями? Какимъ образомъ, безъ предварительно задуманнаго плана, могли эти атомы помощью своего взаимодействія, которое оставляло существованіе только наиболѣе полезнымъ между ними, произвести тотъ удивительный порядокъ, который мы видимъ?

Есть слова, которыхъ наука не объясняетъ, и которыхъ, тѣмъ не менѣе, имѣютъ значеніе. Къ числу такихъ словъ принадлежитъ твореніе, соединяющее конечное съ безконечнымъ, признающее прежде всякаго другаго бытія Существо, которое не можетъ не быть, которое вполнѣ незасимо отъ міра явленій и которое сначала мыслило, а потомъ хотѣло. Только дѣйствіемъ этой воли матерія могла явиться изъ ничтожества, потомъ выдти изъ своего покоя, и земная персть—одушевиться. Это, конечно, непроницаемая тайна для ума, но если уничтожить необходимую, вѣмѣрную (surnaturel) причину бытія, конечную дѣйствующую причину, то всякое право тотчасъ исчезаетъ, такъ какъ идея права основывается на нравственныхъ понятіяхъ, которыхъ мы принимаемъ уже какъ нѣчто готовое

(une notion préexistante); сила въ такомъ случаѣ являлась бы единственною распорядительницею и мѣриломъ человѣческихъ дѣйствій.

Одна изъ этихъ планетъ, которыя въ теченіе неизмѣримаго продолженія вѣковъ изъ газообразныхъ превратились въ плотныя, — это наша земля. Сначала она была огнемъ, потомъ льдомъ, и среди этихъ превращеній похоронила въ своихъ нѣдрахъ огромныя массы, неизмѣримыя груды кремня, громадныя пласты раковинъ и пресмыкающихся, развѣнчаныхъ владыкъ исчезнувшаго міра, превратившихся въ уголь лѣсовъ, остатки флоры и фауны, отличныхъ отъ нашихъ, расположеніе которыхъ ясно показываетъ, сколько уже сотенъ вѣковъ существуютъ организмъ и жизнь.

Ученіе о міровомъ развитіи, данное еще Аристотелемъ, было формулировано болѣе яснымъ образомъ Лейбницемъ и наконецъ организовано въ науку Жоффруа Сентъ-Илеромъ. Этотъ послѣдній представилъ съ очевидностью единство, присущее устройству животныхъ организмовъ. Для насъ уже является доказанною та истина, что во всей этой непрерывной цѣпи существъ можно находить первоначальный планъ, господствующую идею, которая соединяетъ эти существа въ царства, въ классы, въ порядки, въ семейства, въ виды, какъ и во столько другихъ методическихъ кадровъ. То, что Дарвинъ заставляетъ принять („Происхожденіе видовъ“ 1859 г.), это — необходимость, чтобы наука эмпирическая допускала аналогіи; но путемъ этихъ самыхъ аналогій можно достигнуть только той области, въ которой царствуетъ представляющій единое существо (unіque) Творецъ, и тѣ, которые слѣдовали Дарвину (Гекслей, Уэллесь, Агазисъ), объясняютъ неизвѣстное неизвѣстнымъ; они заключаютъ себя въ границы опыта, который не можетъ дать идеи необходимаго бытія. Одинъ планъ, одна воля, управляютъ существами въ ихъ чудномъ, но опредѣленномъ развитіи, возвышая ихъ посредствомъ незамѣтныхъ переходовъ отъ самой низкой ступени животности; тѣмъ не менѣе, однако, каждый основной пластъ имѣетъ границу, которая не позволяетъ одному виду переходить въ другой. Классъ позвоночныхъ животныхъ, гдѣ болѣе очевиднымъ образомъ выражается единство плана, не можетъ быть соединенъ ни съ какимъ другимъ, вопреки всѣмъ усиліямъ, которыя были сдѣланы для достиженія этой цѣли. Между самымъ совершеннымъ изъ позвоночныхъ животныхъ и человѣкомъ существуетъ неизмѣримое разстояніе, которое дѣлаетъ изъ человѣка отличное существо, отдѣльное царство, благодаря присутствію въ немъ мысли, способности обобщать, представлять, благодаря языку.

Самая юная изъ наукъ — геологія, медлитъ еще произнести свое сужденіе относительно продолжительности періода наслоеній нашей планеты и начала произведенныхъ потокомъ формаций; отъ теоріи разрушеній Кювье и Эли де-Бомонъ она переходитъ къ дарвиновской и спенсеровской теоріи развитія при посредствѣ постоянно дѣйствующихъ причинъ; отъ системы антропологическаго центра она пришла

къ ученію о всеобщемъ совершенствованіи; при этомъ, однако, всегда существовало согласіе относительно іерархическаго восхожденія существъ низшихъ къ существамъ высшимъ, и вся непрерывная цѣпь организмовъ заканчивается человѣкомъ.

Изъ этихъ наслоеній различныхъ формацій съ фауною и флорою, которыя онѣ представляютъ, умные и чуждые предразсудковъ наблюдатели надѣялись опредѣлить продолжительность существованія, климатъ земли, виды живыхъ существъ, которыя населяли различные страны, виды отличные отъ нашихъ, и изъ которыхъ нѣкоторые уже исчезли.

Наступило время—кто знаетъ, послѣ сколькихъ періодовъ предшествовавшаго?—когда наше полушаріе покрылось отчасти льдомъ; послѣ того какъ онъ растаялъ—началась четвертая эпоха. Можетъ быть, только тогда явился человѣкъ; но тщетно изучали обломки скелетовъ, найденныхъ въ пещерахъ, или въ формаціяхъ періода, древности котораго не умѣли опредѣлить; достичь точности, которой требуетъ наука въ этихъ изслѣдованіяхъ, не могли.

Думали находить указанія на дикое состояніе первобытнаго человѣка въ озерныхъ селеніяхъ, построенныхъ на сваяхъ посреди болотъ и озеръ, гдѣ еще находятъ остатки его пищи вмѣстѣ съ грубыми орудіями, которыя онъ производилъ, какъ-то: стрѣлы, ножи, кремневые молоты, съ помощью которыхъ онъ иногда вырѣзывалъ на востяхъ, которыя предварительно оттачивалъ, фигуры животныхъ очень древней эпохи.

Особенно тщательно изучаютъ окаменѣлыя раковины Бразиліи, парадеро Патагоніи, тепъ Персіи, обломки поваренныхъ принадлежностей въ Даніи, а въ аналогическомъ родѣ террамары, толщи глинистой земли между Аппенинами, Адриатическимъ моремъ и По, въ которыхъ находятъ въ изобиліи остатки животныхъ и слѣды промышленности самыхъ отдаленныхъ эпохъ.

На основаніи этихъ данныхъ, рѣшили установить отдѣльный періодъ грубаго каменнаго вѣка (archeolítica), когда умѣли употреблять одинъ только кремнь. Потомъ наступилъ болѣе цивилизованный каменный вѣкъ (neolítica), въ которомъ на ряду съ молотками, ножами и стрѣлами, находятъ глиняные сосуды, высушенные на солнцѣ, веревки, сдѣланныя изъ древесныхъ лыкъ, грубую мебель, сухія каменные стѣны, и наконецъ челны, предназначенные для плаванія и рыбной ловли. Все это, взятое вмѣстѣ, пробуждало дѣятельность людей, которые упражнялись въ охотѣ, занимались рыбною ловлею и войною. Въ болѣе позднія времена они начали употреблять мѣдь, которой придали твердость, смѣшивая ее съ оловомъ. Отъ этого вѣка, который называютъ бронзовымъ, намъ остались булавки, вазы, женскія украшенія и оружіе. Не далѣе какихъ нибудь приблизительно 2,000 лѣтъ до начала нашей эры, начинаютъ употреблять для статуекъ, монеты и колесницъ—желѣзо, которое въ настоящее время

такъ обыкновенно и составляетъ уже необходимую принадлежность цивилизаціи. Переходя отъ бронзоваго къ желѣзному вѣку, мы подходимъ уже къ этрускамъ, за 300 лѣтъ до основанія Рима, или за 30 вѣковъ до нашего времени. Для Скандинавіи первый періодъ каменнаго вѣка считаютъ за 3,000 лѣтъ до Р. Х.

XVIII.

До-историческій человѣкъ. Единство человѣческаго рода.

Что значить: до-историческій человѣкъ? Означаетъ ли это: человѣкъ болѣе древній, чѣмъ всѣ вообще воспоминанія? Но что мы знали объ Австраліи прежде Кука, объ Америкѣ прежде Христофора Колумба и даже объ Италіи прежде Гомера? Америка находилась въ дикомъ состояніи въ то время, когда Италія торжествовала мирныя побѣды въ золотомъ вѣкѣ искусствъ. Грубость не служитъ еще доказательствомъ древности. Если даже принять, что эти остатки доказываютъ относительно человѣческаго рода болѣе глубокую древность, чѣмъ недавно предполагали, то все-таки ихъ недостаточно для того, чтобы доказать, что человѣкъ жилъ всюду въ дикомъ состояніи, въ качествѣ людоѣда, потому что еще и въ настоящее время цѣлыя народы въ Полинезіи и Новой Каледоніи находятся не въ лучшемъ положеніи. На островахъ Огненной земли и Магелланова пролива находятся племена совершенно нагія, не смотря на крайнюю суровость климата, или же—что въ данномъ случаѣ самое большее—одѣвающиеся въ мѣха морского волка, кожа котораго такъ легко превращается въ платье. У этихъ дикарей находятъ бѣдность и грубость, которыя трудно себѣ представить. На лицѣ ихъ выражается тупоуміе, они худоцавы, съ крѣпкими мускулами; весь языкъ ихъ представляетъ рядъ носовыхъ звуковъ, на которыхъ они сильно ударяютъ; они умѣютъ приготовить орудія рыбной ловли, охоты, войны; ихъ логовища едва ли заслуживаютъ названія хижинъ; на ширѣгахъ, сдѣланныхъ изъ древесныхъ лыкъ, или вырытыхъ изъ земли пней, они выдерживаютъ бури Архипелага; они питаются исключительно моллюсками, которые собираютъ на морскихъ берегахъ; а занятіе женщинъ заключается въ томъ, чтобы поддерживать на этихъ лодкахъ огонь; крайне необходимый по причинѣ жестокихъ холодовъ.

Каменное оружіе находятъ на уровнѣ земли, или лучше—похороненнымъ вмѣстѣ съ оружіемъ изъ бронзы, оточенными вазами, финифтьевыми издѣліями (des enaux), монетами, драгоценностями; нашли экземпляры каменныхъ стрѣлъ въ подземельѣ Фивъ эпохи лагидовъ; извлекали ихъ и изъ другихъ гробницъ, гдѣ они лежали вмѣстѣ съ отдѣльными металлами. Имѣли привычку класть вмѣстѣ съ мертвыми тѣлами предметы, связанные съ какими нибудь очень древними

преданіями. Многія вещи кажутся древними только потому, что онѣ были забыты; другія сохранились въ религіозномъ употребленіи; такъ, евреи употребляютъ каменные ножи при совершеніи обряда обрѣзанія; а церковь требуетъ, чтобы употребляли масло и воскъ, хотя въ домашнемъ употребленіи роль ихъ замѣняютъ стеаринъ и петролеумъ. Если бы который нибудь изъ нашихъ городовъ былъ похоропень, въ немъ нашли бы нѣкогда дворцы подлѣ хижинъ, фарфоровую и глиняную посуду, паровыя машины и грубые плуги, питье и лохмотье, серебряныя ложки и оловянные или деревянныя, тыквенныя бутылки и мѣха для вина и бутылки, отвратительныя трубки и благовонныя воды, экономическій столъ и кашницу изъ маисовой муки. Бревна моста Сублиція, перваго моста, переброшеннаго римлянами черезъ Тибръ, были утверждены съ помощью деревянныхъ болтовъ. Два послѣдніе класса гражданъ, на основаніи раздѣленія, сдѣланнаго Сервіемъ Тулліемъ, не имѣли мечей, а дротики, а когда увидѣли первый щитъ, сдѣланный изъ металла, то подумали, что онъ упалъ съ неба (*ancilia*); въ первобытныхъ религіозныхъ обрядахъ отказались отъ употребленія бронзовыхъ сосудовъ въ пользу глиняныхъ; они были сдѣланы руками и высушены на огнѣ подъ открытымъ небомъ. Титъ Ливій рассказываетъ, что между обрядами феціаловъ существовало закланіе жертвы *cum saxo siliceo* и замѣчаетъ, что до временъ Сервія Туллія оружіе было *omnia ex aere*. А между тѣмъ, мы находимъ желѣзо уже въ египетскихъ пирамидахъ.

Италія представляетъ удивительное сочетаніе временъ до-историческихъ и временъ новыхъ. Въ озерныхъ жилищахъ, построенныхъ на сваяхъ, открывали вазы и домашнюю утварь изъ мѣди и бронзы, стаканы, надписи; *aes rude* находили въ Перузѣ и Гонзано; на станціяхъ Бодіо, на озерѣ Варезѣ, нашли вмѣстѣ съ кусками камней и мѣди сотню монетъ послѣднихъ временъ римской республики. Въ гротѣ Тибра, между Имолой и Фаензой, черепки первобытныхъ сосудовъ находили вмѣстѣ съ бронзовыми фигурками. Въ террамарахъ Эмилиі находятъ близкое отношеніе съ торфяными ямами Даніи и озерными жилищами Швейцаріи, а между тѣмъ тамъ уже встрѣчаютъ и обыкновенный дубъ и издѣлія изъ бронзы, которыя находятся на подземномъ кладбищѣ *Villanova*, равно какъ на кладбищѣ *Marсаботто*, гдѣ обнаруживается высокая этруская цивилизація. Римскіе геологи создали хронологическую таблицу для накопившихся пластовъ въ *Acque Appollinari*, гдѣ покоятся одно на другомъ приношенія, сдѣланныя по обѣту, которыя набожныя люди бросали въ эти спасительные источники; прежде всего мы находимъ тамъ камни, потомъ *aes rude*, далѣе *aes grave*, и наконецъ разныя вещи языческаго культа *ex voto*.

Когда Мэрветъ производилъ раскопки въ Абидосѣ, рабочіе употребляли каменные орудія. Даже еще въ настоящее время въ Японіи употребляютъ каменные стрѣлы, точно также какъ у значительнаго

числа бедуиновъ находимъ такія же копыя. Итакъ, вѣроятно въ ту же эпоху жили одновременно и другіе народы, которые были далеки отъ состоянія дикости и которые, переселяясь на извѣстныя мѣстности, водворяли тамъ искусства, нравы, жилища, семью, религіозныя церемоніи, однимъ словомъ—гражданское общество, которое совершенствовалось мало-по-малу, потому что прогрессъ у людей можетъ сообщаться; итакъ, въ силу этого человѣкъ не есть животное.

Не доказано ли, что месопотамскіе пастухи и китайскіе ученые были больше знакомы съ астрономіей, чѣмъ мудрецы Эфеса и Афинъ? Дикія племена циклоповъ и полифемовъ жили въ Италиі, когда Греція пѣла уже Одиссею, но образованіе быстро привилось къ нимъ, какъ скоро тесмофоріи принесли имъ изъ странъ, опередившихъ ихъ въ цивилизаціи, постоянный бракъ, законы и религіозныя обряды.

XIX.

Гипотезы.

Въ этихъ произведеніяхъ мы узнаемъ скорѣе дѣйствіе человѣческаго духа, чѣмъ возрастъ міра, или переходъ отъ состоянія животности къ цивилизаціи. Какъ бы они ни были грубы, они свидѣтельствуютъ о превосходствѣ человѣка надъ животными прежде всего тѣмъ, что онъ умѣетъ готовить орудія, трудиться для извѣстной цѣли, то есть размышлять. Потомъ, даръ слова не только возвышаетъ человѣка надъ всѣми, но и отличаетъ его ото всѣхъ; на основаніи этого свойства его, можно признать, что человѣкъ происходитъ отъ одного родоначальника, не смотря на измѣненія, послѣдовавшія въ племенахъ кавказскомъ, черномъ, желтомъ, темномъ. Языкъ есть сокровищница мудрости, превышающей всякое размысленіе; онъ отнюдь не обязанъ своимъ происхожденіемъ размысленію, или сознанію, потому, что въ первомъ употребленіи слова находятъ такое богатство метафизическихъ понятій и логической силы, что этого нѣтъ возможности объяснить; и тѣмъ болѣе, что послѣ того, какъ языкъ достигаетъ извѣстной степени совершенства, и въ эпохи, когда больше дѣйствуетъ разсужденіе, нежели произволь, всякій языкъ, кажется, склоняется къ упадку относительно богатства, формъ и изыска, хотя цивилизація подвигается впередъ. При такомъ богатствѣ и сложности, языкъ не можетъ быть произведеніемъ одного человѣка; а при такомъ единствѣ—онъ не можетъ быть твореніемъ многихъ. Существенныя различія разныхъ группъ языковъ не мѣшаютъ извѣстной степени однородности въ ихъ общемъ развитіи; есть какъ будто бы нѣкоторый, общій всему человѣчеству инстинктъ, который управляетъ развитіемъ различныхъ языковъ по однимъ законамъ.

Новѣйшая наука, наиболѣе независимая отъ вліянія фізіологовъ и філологовъ, подтверждаетъ единство происхожденія человѣческихъ расъ и языка, такъ что даже тогда, когда у Моисея отнимаютъ его божественное вдохновеніе, въ немъ не отвергаютъ достоинства удивительнаго и безпристрастнаго наблюдателя.

Единство языка показываетъ единство природы и единство мысли, то есть способность познавать Верховное существо. И между тѣмъ, мы находимъ различныя вѣрованія. Не есть ли это доказательство разсѣянія рода человѣческаго—другой библейскій фактъ,—какъ и разнообразіе, явившееся въ языкахъ, послѣ того какъ преемственно передаваемая истина смѣнилась заблужденіемъ?

Но тотъ или тѣ, которые изобрѣли языкъ, то есть тѣ, которые увидѣли, что словомъ можно выражать идеи, послѣ того какъ замѣтили, что идеи въ насъ существуютъ, — эти люди должны быть высочайшіе гени. Но какъ согласить это съ грубостью до историческихъ временъ? Какимъ образомъ объяснить, что языки тѣмъ болѣе бывають синтетическими, чѣмъ болѣе они древни, и что даже у варваровъ они представляютъ красоты, отъ которыхъ отвыкла идущая впередъ цивилизація.

Человѣкъ любознательный не долженъ оставаться въ невѣдѣніи относительно изысканій и догадокъ этихъ великихъ изслѣдователей, которые съ настойчивостью, смѣшанной съ нѣкотораго рода грустью, не перестаютъ доискиваться безконечнаго, до котораго они не въ силахъ дойти. Но онъ воздержится отъ постройки зданія на основаніи системъ, несогласныхъ и даже противорѣчивыхъ между собою, и какъ скоро дѣло касается вѣчности матеріи, произвольнаго рожденія, эмбриологической цѣпи Ламарка, превращенія видовъ Дарвина, борьбы за существованіе, подбора,—онъ не соглашается принимать за истину неизвѣстное, претендующее на объясненіе неизвѣстнаго, но видитъ въ этихъ системахъ гипотезы, которыя отнимаютъ у опыта его права, и которыя могутъ быть отвергнуты завтра на основаніи новыхъ фактовъ, или новыхъ соображеній. Такъ, не далѣе какъ вчера поддерживали вмѣстѣ съ Ренаномъ ту мысль, что монотеизмъ—врожденное чувство семитическаго племени; сегодня вмѣстѣ съ Сури готовы доказывать, что евреи были политеисты. Въ послѣднее время самыя великія физики разсуждали о невѣсомыхъ тѣлахъ. Вмѣсто теоріи неизмѣняемости небесныхъ тѣлъ, утвердившейся столѣтіе назадъ, приняли прекрасную теорію Лапласа, которая находитъ въ этихъ тѣлахъ послѣдовательныя перемѣны и извѣстные періоды ихъ существованія, о которыхъ свидѣтельствуетъ спектральный анализъ. Всякій, кто увлекается системами, является часто вынужденнымъ перемѣнять завтра то, что онъ написалъ вчера. Такимъ образомъ, линія, которая проходитъ черезъ солнце, приближаясь отъ созвѣздія Геркулеса, кажется линією прямою, потому что мы опредѣляемъ (calculons) только небольшую часть ея необъятнаго эллипса. А какимъ образомъ имѣть увѣренность относительно

временъ, когда не было существа, которое одно имѣть представленіе и мѣру времени?

Исторія не можетъ имѣть дѣла съ человѣкомъ фантастическимъ, а только съ дѣйствительнымъ. Собственный и настоящій предметъ ея есть духовное развитіе человѣчества,—развитіе, въ которомъ всѣ индивидуальныя воли, хотя и направляемыя къ частнымъ цѣлямъ, соединяются въ прогрессъ цѣлаго общества.

Этотъ прогрессъ является непрерывно-последовательнымъ (continui), но его нужно отличать отъ счастья отдѣльныхъ личностей. Въ этомъ прогрессѣ есть нѣчто, опредѣляющее различіе въ судьбѣ индивидуумовъ; это универсальная воля, которой индивидуумы не знаютъ и которая соединяетъ въ одну душу отдѣльныхъ личностей съ міровой душою. Древніе называли эту волю судьбою; это было безусловное предопредѣленіе причинной связи; христіане назвали ее Провидѣніемъ, то есть премудрымъ подчиненіемъ всѣхъ средствъ одной цѣли; новые ученые придумали имя эмпирическаго рационализма, по которому исторія есть результатъ дѣятельности индивидуумовъ, дѣйствующихъ безусловно въ силу психологическихъ законовъ, но безъ Бога и отрицая все, что составляетъ предметъ вѣрованія и любви. Когда на мѣсто непонятныхъ фактовъ поставляютъ непонятныя фантазіи, замѣняя одну тайну другой, то всегда лучше держаться такой идеи, которая больше гармонируетъ съ другими истинами и представляетъ больше согласія съ достоинствомъ въ поведеніи.

XX.

Превосходство человѣка.

Если бы фізіологи не показывали даже фізіологическихъ отличій, характеризующихъ человѣка, — человѣкъ обладаетъ огнемъ, который дала ему премаэtha (куски дерева, которые трутъ одинъ объ другой) или Прометей, похитившій его съ неба.

Человѣкъ обладаетъ умственными свойствами, способными въ безконечному усовершенствованію. Онъ обладаетъ языкомъ, который даетъ возможность одному поколѣнію передавать другому приобретенныя познанія; онъ носитъ въ себѣ сверхъ-чувственные идеи, необходимыя для жизни нравственной и религіозной; онъ умѣетъ различать право и обязанность, заслугу и вину; въ немъ есть чувство отвѣтственности, вѣрованіе въ существа невидимыя и жизнь за предѣлами могилы. Инстинетъ не обманываетъ животныхъ;—если въ животныхъ таковы инстинкты, то почему же предчувствіе и надежда на будущее должны обманывать человѣка?

Можно превозносить понятливость животныхъ, не спускаясь для этого внизъ до признанія безсознательности въ человѣкѣ, не прини-

мая унижительной для человѣка генеалогіи, отрицаемой ископаемыми видами, такъ же какъ видами существующими теперь, фактами палеонтологическими, точно также какъ современною фауною, при чемъ, утверждая противное, опираются исключительно на морфологию. Юдаизмъ и христіанство равно отвращаются отъ этого братства съ безсловесными; они дѣлаютъ различіе между восприимчивостью и умомъ, они признаютъ въ Богѣ вѣчность, въ Адамѣ время, въ человѣкѣ— моментъ этической, то есть происхождение и природу; моментъ юридическій, то есть свободу, и слѣдовательно— отвѣтственность за свои дѣйствія; моментъ политическій, то есть употребленіе, которое человѣкъ дѣлаетъ изъ своихъ правъ и своихъ общественныхъ склонностей.

XXI.

Книга Бытія.

Однако-жъ, пусть не пугаются истинъ, которыя, повидимому, компрометируютъ наши религиозныя убѣжденія. Ссылки на матерію не отрицаютъ существованія ума, совѣсти; это истины различныхъ рядовъ, которыя тѣмъ не менѣе согласны между собою. Тѣ погрѣшаютъ противъ здраваго разсужденія, которые изъ всякаго открытія дѣлаютъ оружіе противъ вѣры; точно также было бы заблужденіемъ выставять какъ доказательство правдивости библейскихъ сказаній такого рода открытія, которыя могутъ быть выставлены какъ возраженіе противъ библии. Все, что заключаетъ въ себѣ библия — истина, но — чтобы ни говорили протестанты, — библия не заключаетъ въ себѣ всѣхъ истинъ, и божественное вдохновеніе творцевъ ея ограничивается исключительно пунктами догматики и морали. Держась такого взгляда, вмѣсто того, чтобы торопиться съ выводами, будемъ терпѣливо ожидать, не пугаясь и не раздражаясь. Открытія въ области естественныхъ наукъ или философскіе аргументы кажутся противурѣчащими библии? Нужно не только оправдывать ея увѣренія, но и смотрѣть, хорошо ли понять библейскій текстъ, нужно отдѣлить его отъ народныхъ легендъ, съ которыми его смѣшиваютъ и которыми его часто обезображиваютъ. Церковь имѣетъ своимъ назначеніемъ истолковывать все, что касается вѣры, нравственности, спасенія душъ, внушая свое вѣрованіе, какъ результатъ согласія отцовъ церкви и вѣбовъ; но исторія, географія и археологія могутъ въ своихъ изслѣдованіяхъ выступать изъ предѣловъ обыкновеннаго толкованія текста. Зачѣмъ лишать себя помощи, которую можетъ оказать намъ въ этомъ случаѣ наука?

Съ тѣхъ поръ, какъ наука показала, что вселенная, тѣла и даже наше нравственное и интеллектуальное начало, гораздо больше подчинены механическому принципу, чѣмъ это предполагали, то даже

строгіе защитники церковнаго ученія (les orthodoxes) вмѣстѣ съ умственнымъ прогрессомъ измѣнили свой языкъ. Прежде Книгу Бытія понимали въ строгомъ смыслѣ; потомъ въ ней начали видѣть рассказъ отца, который говоритъ дѣтямъ, и поэтому выражается языкомъ извѣстнаго времени, но который вмѣстѣ съ тѣмъ одарилъ ихъ способностями; эти послѣднія развиваются, и этимъ обуславливаютъ для нихъ возможность принятія въ послѣдствіи времени болѣе ясныхъ откровеній. Разумные и вмѣстѣ интеллигентные люди утверждаютъ, что біблія не опредѣляетъ времени сотворенія человѣка, но что она рассказываетъ о твореніи, какъ о фактѣ, касающемся всего рода человѣческаго. Что касается до послѣдующихъ событій, то она понимаетъ ихъ относительно избраннаго народа, напр. когда она говоритъ, что потопъ былъ всеобщій, что всѣ народы строили вавилонскую башню. Вѣра даетъ намъ твореніе, исторія— перваго человѣка; мы всѣ происходимъ отъ Адама; но можетъ быть не всѣ происходимъ отъ Ноя. Обыкновенно помѣщаютъ колыбель рода человѣческаго на большой плоской возвышенности Азіи, ограничиваемой съ юго-востока и юго-запада Гималайскимъ хребтомъ, съ запада Болоромъ, съ сѣверо-запада Ала-Тау, съ сѣвера — горами Алтая, съ востока Кингъ-Каномъ, съ юга—Фелинаномъ и Кюенъ-Лунь. Здѣсь встрѣчаютъ три типа человѣческихъ расъ, три основныя формы языка—форму моносиллабическую китайскаго и сіамскаго, форму, представляющую приставки (agglutinante)—малайскаго и японскаго, и форму, представляющую флексіи (flexive) языковъ иранійскихъ. Отсюда перешли къ намъ домашнія животныя и разные роды хлѣба; отсюда вышли различныя расы, которыя подъ вліяніемъ наслѣдственности, смѣшенія, климата, сдѣлались различны по качествамъ наружнымъ, анатомическимъ, фізіологическимъ, патологическимъ.

И всеобщая исторія, показывая, что человѣкъ совершенствуется, останется самымъ твердымъ протестомъ противъ атеизма, который неосновательно утверждаетъ необходимую вѣчность матеріи, и противъ ученія объ атомахъ, созданнаго нѣмецкою школою, которой вторятъ нѣкоторые итальянцы и французы. Мы не думаемъ представлять здѣсь богословскаго трактата, но намъ кажется, что ни исторія, ни цивилизація невозможны, если не признавать единства рода человѣческаго, которымъ обуславливаются всеобщее братство, право, справедливость. Уничтожьте это, и останется одинъ только произволъ сильнаго. Отвергните постоянство человѣческаго вида, и будутъ искать только наилучшихъ средствъ усовершенствовать типы и расы—законы экономическіе и нравственныя исчезаютъ; духъ милосердія предается осужденію, этотъ духъ, который составляетъ лучшую славу нашего времени и который противопоставляетъ правилу: „каждый для себя“ заповѣдь: „люби ближняго, какъ самаго себя“. Если нашъ родъ достигъ случайно, путемъ развитія, того состоянія, въ которомъ онъ находится теперь, перешедъ къ нему отъ состоянія животнаго, и надъ которымъ онъ

возвысится опять съ помощью жизненной борьбы, то я не больше связанъ съ подобными себѣ, чѣмъ съ обезьяной или жабой; я не буду приходить на помощь нуждамъ; я буду беречься помогать увѣчнымъ, нищимъ, которые производили бы на свѣтъ бѣдняковъ и вызвали бы на завтра другихъ несчастныхъ; надобно будетъ совершенствоваться въ такомъ случаѣ не людей съ незначительнымъ положеніемъ, но высшіе классы. Не при подобнаго рода доктринахъ исторія будетъ имѣть возможность помогать реорганизаціи, къ которой общество нетерпѣливо стремится, среди безпрерывныхъ потрясеній экономическихъ, промышленныхъ, политическихъ и религиозныхъ.

XXII.

Виблейская исторія.

Въ виду успѣховъ науки, должно ли отбросить эту книгу, на которой въ теченіе столькихъ вѣковъ основываются вѣрованія наиболѣе цивилизованныхъ народовъ? Оставляя въ сторонѣ ея божественный авторитетъ, нужно ли намъ оправдываться въ томъ, что мы приняли эту книгу, какъ главный историческій документъ? Вотъ рассказъ, который она намъ сообщаетъ.

Такъ какъ ничто не творится изъ ничего, библія даетъ намъ Бога, личнаго творца, который творитъ вселенную по извѣстному плану и для извѣстной цѣли. Дни этого творенія суть тысячи вѣковъ, но порядокъ, въ которомъ они изложены, не противурѣчитъ даннымъ науки. Въ первый день является хаосъ; потомъ, какъ и въ новыхъ системахъ, является свѣтъ, который облекаетъ солнце и звѣзды; мало-по-малу образуются животныя, выходя изъ элементовъ первоначальнаго творенія, пока наконецъ не былъ сотворенъ человекъ вмѣстѣ съ своею подругой. Это—единственный въ своемъ родѣ стволъ дерева, котораго вѣтви должны покрыть землю.

Богъ приводитъ животныхъ къ человеку, и этотъ послѣдній даетъ каждому соответствующее ему имя. Человекъ упражняетъ такимъ образомъ свой разумъ и свой языкъ, которые составляютъ двѣ отличительныя его черты. Размышляя, онъ признаетъ творца; созерцая твореніе, онъ примѣчаетъ, что существуетъ нѣчто внѣ его.

Человекъ былъ существо разумное и свободное; онъ долженъ былъ дѣйствовать не по инстинкту, но на основаніи сознанія и воли. Онъ былъ свободенъ, но подчиненъ порядку, онъ долженъ былъ хотѣть того, чего хочетъ Богъ. Богъ, въ видѣ испытанія его, даетъ ему одну только заповѣдь. Человекъ нарушаетъ ее; тогда знаніе его потемняется, сила ума слабѣетъ, воля уклоняется въ сторону. Съ этой минуты начинается трудъ, который долженъ быть для него возвращеніемъ потеряннаго; въ потѣ лица человекъ подчиняетъ себѣ при-

роду, совершенствуя самого себя и окружающіе его предметы и ожидая обѣщаннаго ему избавителя.

Нѣкоторыя первоначальныя преданія, какъ напр., о великомъ потопѣ, о ковчегѣ, который спасаетъ остатки рода человѣческаго и животныхъ, перенося ихъ на высокія горы, сохранились также въ очень древнихъ документахъ, явившихся въ наше время.

Въ кругу патриарховъ сохраняется вѣра въ Творца и промыслителя; существуетъ естественный законъ и вѣра въ наказаніе за неповиновеніе; есть установленныя церемоніи, умиловительныя приношенія, жертвы всесоженія, освященіе субботы. Эта вѣра, вся проникнутая довѣріемъ и повиновеніемъ относительно Бога и его откровенія, первоначально даннаго и повторяемаго ежедневно, является помощницей разума, какъ память — помощницей знанія; это — свободное согласіе знанія съ откровеннымъ словомъ; это вѣра въ чудеса, къ которымъ теряютъ антипатію, какъ скоро допустили первое чудо.

Но идея творенія помрачилась. Человѣкъ, съ помощью одного только разума, не способенъ возвыситься до понятія о существѣ первоначальномъ, абсолютномъ, необходимомъ; созерцая явленія, удивляясь великолѣпію неба, онъ устремляется къ причинамъ второстепеннымъ; вопреки преданію, всеобщее чувство божества становится всеобщимъ заблужденіемъ, разрѣшаясь въ натурализмъ, или въ дуализмъ, для объясненія добра и зла, въ ученіе эманации, въ антропоморфизмъ, въ пантеизмъ; Бога начинаютъ представлять подобнымъ человѣку, или міру; даютъ душу существамъ матеріальнымъ; олицетворяютъ Бога въ твореніи, обоготворяютъ свѣтила. Но при всемъ этомъ всегда является высшее божество, не исключая даже наименѣе сообразнаго съ разумомъ политеизма, какъ напр. политеизмъ Овидія. Но для ума человѣческаго было недостаточно познанія блага и истины, познаваемой въ Богѣ, въ самомъ себѣ и въ мірѣ; необходимо было, чтобы высшій авторитетъ внушилъ ему явственнымъ образомъ правила добродѣтели; это—десятословіе.

Вотъ другое историческое преданіе; и трудно понять, почему бы его могли отчислить люди, осмѣивающіе это огромное накопленіе всякаго рода гипотезъ, съ помощью которыхъ наука устааетъ, наконецъ доискиваться начала не только міра, но начала мысли, знанія, начала я и не я.

Мысль человѣка на Востокѣ, который не знаетъ границъ времени и пространства, пришла къ пантеизму, то-есть къ отождествленію субстанціи съ разнообразіемъ формъ; тамъ—все Богъ, кромѣ Бога.

Въ греческомъ міросозерцаніи естественное развитіе получило символическій характеръ черезъ бракъ, сѣмя, яйцо; но тамъ не восходятъ къ понятію о первоначальномъ существѣ; оно является тамъ, какъ результатъ неясности представленій или недѣльностей. Болѣе глубокіе умы принимали силы, присущія матеріи—воду, огонь, числа; но какимъ образомъ каждый элементъ могъ найти свое мѣсто и роль,

которыя ему принадлежали? Различныя школы принимались за изслѣдованіе этого вопроса и кончили Деміургомъ, который организовалъ матерію и привелъ въ порядокъ хаосъ, не задаваясь однако вопросомъ—откуда явился самъ Деміургъ? Тогда еще не дошли до пониманія времени и пространства; вѣчности и неизмѣримости не знали; но всѣ вообще представляли золотой вѣкъ, послѣ котораго люди начали уклоняться отъ прямого пути (*non daturus progeniem vitiosorem*); но всѣ вообще возвышали природу человѣка,—черта, противоположная философія современной, которая производитъ человѣка отъ обезьяны, или отождествляетъ его качества съ качествами безсловеснаго животнаго.

Такимъ образомъ, мы приходимъ наконецъ ко временамъ историческимъ, къ хронологіи, гдѣ уже не имѣемъ болѣе нужды въ вѣрѣ. Но, держась этой книги, мы встрѣчаемъ и часто разрѣшаемъ проблемы самой большой важности. Какъ происходитъ идея справедливости? Какимъ образомъ человѣкъ могъ отъ эгоизма, который, говорятъ, ему врожденъ, перейти къ альтруизму, для котораго придумали имя, но не умѣютъ найти основанія? Если существуютъ одни только біологическіе законы, то нѣтъ права постояннаго, твердаго, независимаго отъ обычаевъ, стоящаго выше этихъ обычаевъ, отличнаго отъ нихъ и способнаго ихъ судить. Индивидуумъ въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ расахъ сдѣлался цивилизованнымъ человѣкомъ. Это была случайность; этого могло не случиться, и человѣкъ могъ вѣчно оставаться между безсловесными животными, или же какая нибудь другая порода могла подняться на эту высоту. Но какимъ же образомъ возможна была безусловная нравственность для рода животныхъ, подверженнаго такимъ превращеніямъ? Очевидно, что въ такомъ случаѣ не оставалось бы другого принципа, кромѣ полезности рода; побѣда—вотъ право; обязанность—это необходимость жить сообразно требованіямъ рода. Общество превратило въ законы нравственности эти органическія нужды рода. Но кто обязываетъ насъ къ этимъ законамъ?

Если допустить непрерываемое продолженіе силъ и явленій отъ первой минеральной кристаллизаціи до человѣческаго героизма, продолженіе, управляемое механической и динамической необходимостью, то нѣтъ справедливости, которая управляла бы общественнымъ дѣломъ и вмѣнялась человѣку въ обязанность; нѣтъ въ такомъ случаѣ ни объекта, ни субъекта, для какаго бы то ни было права; нѣтъ исторіи, если исторія человѣчества не есть отдѣлъ физики, если человѣкъ представляетъ только феноменъ природы, при чемъ этотъ атомъ имѣетъ не больше правъ и обязанностей, чѣмъ минеральная песчинка, которая кристаллизуется при извѣстныхъ условіяхъ; порядокъ нравственный смѣшивается съ порядкомъ физическимъ, отъ котораго въ такомъ случаѣ производится.

Съ перваго раза представляется, что люди серьезные должны придти въ этомъ случаѣ къ одному убѣжденію—тѣмъ болѣе, что здѣсь именно

обнаруживаются ошибки умовъ, въ другихъ случаяхъ здравыхъ,—а между тѣмъ, споры становятся болѣе оживленными, потому что съ обѣихъ сторонъ воображеніе извращаетъ аргументацію противника, которая въ такихъ случаяхъ дополняется къ ея невыгодѣ и выгодѣ нашей. Обсужденіе предмета выиграетъ, если мы откажемся отъ духа преній, рѣзкости слова, преувеличенія; если мы соединимъ усилія для того, чтобы открыть заблужденіе, найти истину и достичь того, чтобы меньше и меньше ошибаться въ опредѣленіи конечныхъ причинъ. Постоянство конечно существуетъ, но для конечныхъ отдѣльныхъ сущностей; иначе говоря, разнообразіе существъ и различныхъ классовъ явленій сохраняется неизмѣнно въ однообразномъ развитіи закона.

Мы представили здѣсь эти элементы всей соціальной исторіи не столько для оправданія себя, сколько въ видѣ изложенія трудовъ новаго времени; но если бы стремленіе ко всякаго рода новизнѣ привело наше поколѣніе къ отрицанію заслугъ нашихъ предшественниковъ, то эти послѣдніе поднялись бы изъ своихъ гробовъ, для того чтобы обратить къ намъ восклицаніе: „неблагодарные!“

XXIII.

Политика и нравственность. Общественныя работы.

Послѣ 1877 года, пробовали посылать большіе корабли прямо изъ Лондона въ Мельбурнъ и Сидней, безъ перевозки пассажировъ. Съ этою цѣлью въ Глазговѣ построили „Востокъ“, который по величинѣ соперничаетъ съ „Большимъ Восточнымъ“ (Great Eastern) и съ „Сити Берлина“ (City of Berlin). Съ грузомъ въ 9,500 тоннъ, „Востокъ“ проходитъ черезъ Сенъ-Винцентъ и мысъ, проникая черезъ Суэцкій каналъ; онъ имѣетъ четыре мачты, три желѣзныхъ моста, 113 отдѣленій; онъ можетъ принимать 120 пассажировъ перваго класса, 130 втораго и 300—третьяго. Удивительная легкость сообщеній расширила житейскія сношенія; мысль стала летать на крыльяхъ телеграфа, или проходитъ по проволокамъ его въ глубинѣ океана; люди сблизились; получилась возможность помогать нуждамъ, идти на встрѣчу болѣе части несчастій; но еще доселѣ не открыли способъ предупреждать наводненія, появленіе эпидемій, или неправильности временъ года. Успѣхи механики дали возможность совершить изумительныя работы, покорить природу и подчинить ее челоуѣку и превратили нашу эпоху въ эпоху гигантскихъ предпріятій.

Теперь уже думаютъ о томъ, чтобы избороздить желѣзными дорогами Африку и Океанію и провести каналъ между Каспійскимъ и Азовскимъ морями. Въ Англии, подъ вліяніемъ Генриха Стенли, проѣхавшаго всю Африку для отысканія Ливингстона, образуется обще-

ство съ капиталомъ въ 60 милліоновъ для проведенія желѣзной дороги, которая, начинаясь отъ рѣки Замбези, доходила бы до берега Занзибара, представляя протяженіе въ 400 миль, къ которымъ нужно прибавить длинныя пути черезъ озера. Занимаются отысканіемъ средствъ соединить тригонометрическую сѣть (réseau) Испаніи съ африканскимъ континентомъ. Не говоря уже о томъ, что такимъ образомъ могли бы исправить карты обоихъ континентовъ, работа эта могла бы послужить къ опредѣленію наибольшей дуги меридіана, которая отъ Шетлендскихъ острововъ на сѣверѣ Шотландіи оканчивалась бы въ Сахарѣ. осушеніе Зюдерзе можно приравнять къ осушенію Фуцинскаго озера.

Для подобнаго рода работъ нужно было отказаться отъ экономіи, которая составляла главную заботу прежнихъ правительствъ; начали уже называть благоденствующимъ то государство, или общину, которая больше тратятъ, то есть больше угнетаютъ своихъ подданныхъ; хвалили министра, который съ помощью новыхъ налоговъ, составляющихъ ужасъ для народа и причину порчи нравовъ, достигъ баланса государственнаго дохода съ издержками, не говоря уже объ установленіи кредита подвижнаго, земледѣльческаго, національнаго, о займахъ, лотерейхъ. Этимъ путемъ возбуждали жадность къ выигрышу, которая заразила все общество, начиная отъ низшихъ классовъ до импровизированныхъ милліонеровъ. Дѣла банка дѣлались причиною войнъ,—какъ напр. мексиканская,—и общественныхъ волненій; спекуляція сдѣлалась предметомъ занятій для юношества; биржа превратилась для него въ гимназію; бюллетень процентныхъ бумагъ сдѣлался журнальнымъ отдѣломъ, о которомъ больше всего заботятся. Спекуляція произвела денежный деспотизмъ; правда, что она можетъ иногда препятствовать столкновеніямъ и предотвращать революціи.

XXIV.

Прогрессъ и улучшенія.

Образованіе распространилось, на земледѣліе стали обращать большее вниманіе, промышленность развивается; хлѣбъ обрабатывается безпошлинно; истязанія уничтожены, точно также какъ тяжелыя работы и позорящія наказанія; стали прилагать большія заботы объ индивидуальномъ благосостояніи; общественныя работы стали расширяться, довольство сдѣлалось болѣе общимъ, основываются общества рабочихъ и взаимной помощи, строятся жилища для бѣдныхъ. Мы чувствуемъ себя въ настоящее время больше людьми, чѣмъ это возможно было сто лѣтъ назадъ. Сельское населеніе стало больше прилежать къ работѣ; оно понимаетъ, что есть мысль, цѣль, душа, и хочетъ, чтобы честная бѣдность была уважаема.

Женщина сознает свое достоинство, вопреки тѣмъ, которые желали бы ее осудить на исполненіе суровыхъ обязанностей мужчинъ,—обязанностей, отъ которыхъ ее освобождаютъ заботы о домѣ, о воспитаніи дѣтей, обязанность ихъ утѣшать и любить.

Великіе умы рѣдки, но крайнее невѣжество также составляетъ рѣдкость; извѣстный уровень посредственности—удѣлъ большинства. Если существуютъ произведенія мысли, созданныя на-скоро, безъ приготовленія, если журналистика не имѣетъ уваженія ни къ себѣ, ни къ публикѣ, если идеи, которыя разбираютъ на перекресткахъ улицъ, на биржѣ, въ харчевнѣ, или въ изящныхъ салонахъ, потемняютъ умы, или развиваютъ въ нихъ легкомысліе, то все-таки нѣтъ недостатка въ мыслителяхъ, которые спасаютъ драгоценныя надежды рода человѣческаго, и показываютъ, что противорѣчія между свободой и религіей нѣтъ. Если литература, которая разсуждаетъ объ утилитаризмѣ, которая дѣлается посредницею въ дѣлѣ порчи, представляетъ разнаго рода тривіальный или пошлый вздоръ, то другаго рода литература—благородная, благожелательная, возвышенная, безкорыстная, дѣлается апостоломъ блага, истины, красоты. Послѣ столькихъ разрушеній, надобно думать, что мы увидимъ, наконецъ, эпоху возсозданія; нѣкоторые думаютъ, что она уже началась.

Швейцарія, возстановивъ смертную казнь, возвѣщаетъ эру исправленія. Въ нѣкоторыхъ странахъ клерикалы, освободившись отъ гнета, налажавшаго на нихъ молчаніе, равно какъ и отъ того, что епископъ орлеанскій клеймилъ именемъ „мирной покорности безсилію“, не рѣшаясь еще ввѣрять управленіе движеніемъ лучше епископамъ, нежели сборищу писакъ, рѣшились, однако, не только требовать, но вынуждать свободу преподаванія, дѣлъ милосердія, богослуженія. вмѣсто того, чтобы пренебрегать прошедшимъ, изучаютъ его характеръ, возстановляютъ нѣкоторыя изъ его учрежденій, видоизмѣняя ихъ, какъ напр. рабочія ассоціаціи, не обращая вниманія на то, что часто служатъ къ ущербу предпринимателей. Парламентскою болтовнею стали скучать, сохраняя между тѣмъ вполне любовь къ краснорѣчію, которое имѣетъ задачу служить нравственности. Стараясь найти средства помѣшать прессѣ оставаться въ ея роли—единственнаго, безграничнаго могущества. Видя, что тамъ, гдѣ народъ—царь, чернь бываетъ царицей,—боятся больше тѣхъ опасностей, которыя представляетъ подобный порядокъ вещей, нежели тѣхъ, которыя можетъ принести свобода,—эта эгоистическая свобода, которой имя деспотизмъ. Провозгласивъ начало безусловной свободы въ торговлѣ, стали возвращаться къ системѣ протекціонизма для промышленности; Смуту противопоставляютъ Кольбера; теоріямъ, имѣющимъ характеръ всеобщности—особенныя условія каждой страны. Канада своими протекціонными правами гарантирована противъ наплыва мануфактуръ Соединенныхъ Штатовъ; а эти, въ свою очередь, думаютъ непомятымъ умноженіемъ тарифовъ помочь превзошедшей всякія границы произ-

водительности. Меньше заботятся о томъ, чтобы съ помощью желѣзныхъ дорогъ доставить сбытъ этимъ искусственнымъ продуктамъ, нежели о томъ, чтобы увеличить естественную производительность помощью ирригаціи и усиленнаго земледѣльческаго труда. Полагаютъ границы лихвѣ; къ праву, въ которомъ видѣли единственное правило, стали прибавлять обязанность; это—единственное средство ограничить притязанія индивидуальности, которую хотѣли выдавать за единственный законъ человѣчества.

Мнѣніе, которое изъ прогрессивнаго сдѣлалось революціоннымъ и съ наглостью и высокоуміемъ начало борьбу противъ религіознаго авторитета, желало школы безъ Бога, брака безъ благословія, погребенія безъ креста, обезьянъ въ родоначальницы человѣку,—это мнѣніе представляется въ настоящее время или утомившимся насилиемъ, съ которымъ предъявляло свои права, или потерявшимъ стремленіе къ насилию вслѣдствіе его неэффективности. Оно замѣчаетъ, что угроза приходитъ отъ тѣхъ, которые имѣютъ власть въ рукахъ, а не отъ тѣхъ, которые наставляютъ, помогаютъ несчастнымъ и молятся, прося, чтобы перестали смущать совѣсть и низпровергать права, чтобы позволено было сообразовать свои дѣйствія съ закономъ божественнымъ и предписаніями церкви, и что если хотятъ отнять у нихъ ихъ богадѣльни, ихъ пристанища, ихъ сиротскіе пріюты, то пусть имъ, по крайней мѣрѣ, предоставятъ основывать новыя.

Философы, которые, желая стоять во главѣ школы, объявляли ложнымъ всякое умозрѣніе, противорѣчащее результатамъ эмпирическихъ изслѣдованій, покидаютъ туманныя отрицанія нѣмецкія и французскій эклектизмъ для того, чтобы возвратиться къ схоластической аргументаціи. Міръ не является уже для нихъ, какъ для Гегеля, точной и строгой діалектикой абсолютной идеи, или какъ для Шопенгауера—печальнымъ даромъ слѣпой и безразсудной воли, или какъ для Гартмана—совершенствомъ идеи, извращенной прихотью; отъ печальной и эгоистической философіи разувѣренія они нашли прибежище въ утѣшительныхъ преданіяхъ рода человѣческаго; они видятъ въ порядкѣ вселенной Того, который всецѣло и постоянно присутствуетъ въ каждомъ изъ своихъ твореній, не будучи въ то же время тождественнымъ съ ними,—видятъ Бога, сознающаго себя и свое твореніе. Если еще недавно Бога искали только для того, чтобы не воздавать ему должнаго почитанія, то въ настоящее время понимаютъ, что наилучшее средство обузданія представляетъ религія, потому что тотъ, кто позволить себѣ оскорблять божество, будетъ легко угрожать власти. Въ кембриджскомъ университетѣ, не далѣе двухъ лѣтъ назадъ, 88-ю голосами противъ 60 провозгласили, что уничтоженіе религіозныхъ корпорацій, произведенное Генрихомъ VIII, было жестокимъ несчастіемъ для Англіи, и что настоящія обстоятельства настоятельно требуютъ учрежденій, аналогичныхъ съ этими корпораціями. Сѣверная Америка соперничаетъ съ Южною въ по-

строении церквей; въ Петербургѣ основываютъ католическую семинарію. Австрія посылаетъ миссіонеровъ въ Боснію. Въ Пруссіи Бисмаркъ отказывается отъ Kulturkampf, отрекается отъ Фалька, а вмѣстѣ съ нимъ отъ преслѣдованія мирныхъ католиковъ; онъ вступаетъ въ соглашеніе съ папою, не имѣя нужды являться въ Каноссу, чтобы цѣловать ему туфлю; онъ ограничиваетъ парламентскія привилегіи, дѣлается протекціонистомъ, желая помочь національной промышленности, и учреждаетъ таможи для вывоза товаровъ. Даже въ Италіи министръ говоритъ о свободномъ обученіи и свободныхъ корпораціяхъ.

XXV.

Настоящее положеніе дѣлъ въ политическомъ мірѣ.

Пруссія не осуществила вполне своей программы германскаго объединенія; Австрія борется съ національностями, входящими въ ея составъ, и по мѣрѣ того, какъ она расширяется на востокъ, она можетъ служить преградой для панславизма, соединясь для этой цѣли съ Франціей, которой не внушаетъ опасеній.

Скандинавскій полуостровъ, Бельгія, Швейцарія, Дунайскія княжества, доказываютъ важное значеніе существованія маленькихъ государствъ, которыя, находясь между большими, держатъ ихъ въ равновѣсіи.

Національность поднимаетъ многочисленныя проблемы въ Даніи, въ Германіи, и даже въ Италіи, границы которой представляются опредѣленными такъ точно: задаются вопросомъ, должна ли она простираться до Вара, до Бреннера, до Карникскихъ и Жюльенскихъ Альпъ. Неопредѣленность наиболѣе велика со стороны Дунайскихъ княжествъ и въ Греціи, гдѣ половина населенія состоитъ изъ албанцевъ, которые первые страхнули съ себя оковы рабства и доставили героявъ и вождей въ войнѣ за освобожденіе. Но исключительному эгоизму настоящаго времени противопоставить всеобщую солидарность.

Франція, въ которой можно бы видѣть предметъ большой симпатіи для цѣлой Европы, вызываетъ слишкомъ часто бурю, какъ кормчаго; и міръ идетъ вслѣдъ за нею, и ея республика, угрожаемая имперскою демократіей и демагогіей городовъ, внушаетъ мало вѣры къ себѣ, тогда какъ она могла бы быть надеждой, если бы не была извращена дѣйствіями партій и страстей. Открытая на пространствѣ 50-ти лье между Арденскими горами и Бельфоромъ, она съ потерей Эльзаса потеряла страну, которая ей давала храбрыхъ солдатъ и способныхъ офицеровъ. То же самое постигло Италію съ потерей Савойи,—потерю, которая сдѣлала ее открытою съ этой стороны.

Англія, съ тѣхъ поръ какъ нерѣшительная политика Пальмерстона дала возможность образоваться большимъ угрожающимъ госу-

дарствамъ, съ того времени какъ пріобрѣтеніе Афганистана поставило ее въ соприкосновеніе съ Россіей, — Англія перестанетъ насильно навязывать другимъ народамъ то благосостояніе, котораго не имѣетъ сама; она наполнитъ міръ своими мануфактурами, какъ своими образцами, она воспрепятствуетъ господству грубой силы. У нея всѣ свободны, и однако же всѣ повинуются; не ожидая инициативы правительства, тратятъ милліоны на построеніе мостовъ, дорогъ, на земледѣліе; въ то же время, объявляя справедливое притязаніе на то, что они могутъ удовлетворять сами всѣмъ своимъ нуждамъ, англичане измѣряютъ всѣ моря и всѣ рѣки, вводятъ систему орошенія въ своихъ колоніяхъ, и опредѣляютъ сумму въ 13 милліоновъ на работы по сооружеиію дороги между Калькуттой и дефилеями Кибора.

XXVI.

В о й н а.

Манія къ войнамъ сдѣлалась сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, и самыми популярными именами сдѣлались имена Елачича, Радецакаго, Гарибальди, Кочута, Урбана. Въ то время какъ твердятъ о филантропіи и любви къ миру, арміи возрастаютъ безъ мѣры, становясь главною заботою и предметомъ самыхъ большихъ издержекъ для правительствъ; если оказывается недостаточнымъ 6 милліоновъ солдатъ, возвращаются ко временамъ первобытнымъ (*à l'age barbare*), обязывая каждаго гражданина къ военной службѣ. Успѣхи наукъ и механики были направлены къ усовершенствованію оружія, съ помощью котораго Наполеонъ I наводилъ ужасъ на Европу; изобрѣли гремучій хлопокъ, динамитъ, игольчатые ружья, пушки Армстронга, Кейнера, Варендорфа, Круппа, которыя вѣсятъ до 100 тоннъ, имѣютъ 10 метровъ въ длину, выбрасываютъ ядра въ тонну, посредствомъ 250 килограммовъ пороху и съ начальною скоростью 500 метровъ въ секунду, на разстояніе 17 километровъ.

Сѣверная Америка имѣла возможность научить насъ болѣе полезнымъ вещамъ; мы ее приняли за образецъ, когда она, во время междуособной войны, ввела мониторы—желѣзныхъ гигантовъ, которые бьютъ и топятъ непріятельскіе корабли, когда она доказала важность желѣзныхъ дорогъ, для которыхъ учредили сопровождавшій армію корпусъ въ 15,000 человекъ, разрушали, строили, или возобновляли линіи для того, чтобы поддерживать сообщенія, подвозить жизненные припасы, боевые снаряды, перевозить больныхъ.

Франція употребила уже эти новыя средства въ итальянской войнѣ, но Пруссія извлекла изъ нихъ большую пользу; въ борьбѣ съ Австріей, къ каждому корпусу арміи она присоединила отдѣленіе рабочихъ для желѣзныхъ дорогъ; такимъ-то образомъ могла она въ 1870 году, устроивъ новыя линіи, перевести съ 24 іюля по 5 августа

384,000 человекъ и весь боевой матеріалъ на границы Франціи. Другія государства послѣдовали данному примѣру, и обшитые броней корабли и торпеды давали побѣду тому, кто первый умѣлъ ими пользоваться. Стараются придумать еще болѣе убійственные снаряды; бросаютъ огромныя бомбы, которыя пробиваютъ толстую броню кораблей.

Послѣ всего этого, нужно было измѣнить способъ вести пѣхоту въ атаку, уменьшивъ глубину и число линій и уничтожить время остановокъ. Впрочемъ, каждая нація ищетъ безопасности въ количествѣ солдатъ. Чтобы имѣть солдатъ, нарушаютъ равновѣсіе бюджета; обязываютъ гражданъ раздѣлять свое имущество съ правительствомъ; учредили займы, лотереи, банки; мало того, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ звонкая монета возрасла на три милліарда—оказался еще нужнымъ принудительный курсъ бумажныхъ денегъ.

Бисмарку приписываютъ слѣдующія слова. „Я сдѣлалъ несчастными много людей. Безъ меня не было бы трехъ большихъ войнъ; 80,000 нѣмцевъ не пали бы на поляхъ битвъ; отцы, матери, братья, сестры, вдовы, невѣсты, не были бы въ траурѣ. Во всемъ этомъ я долженъ дать отвѣтъ Богу“. Въ настоящее время, говорятъ, Бисмаркъ ведетъ переговоры съ министрами великихъ державъ на счетъ разоруженія, что, конечно, было бы экономическимъ благомъ для Европы.

XXVII.

Международное право.

Тѣмъ не менѣе однако жъ, собранія государей превозгласили, или санкціонировали предположенія, благопріятныя для человѣчества; ученые продолжали проповѣдывать подобнаго же рода теоріи; образовали союзы мира, ассоціацію для преобразованія международного права, институтъ международного права, который занимается вопросами о морской добычѣ, о военныхъ госпиталяхъ, о кодексѣ войны, и въ то же время о рабствѣ, о монетѣ, о паспортахъ, о перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ.

Россія, въ собраніи дипломатовъ въ Брюсселѣ въ 1874 году, предложила родъ международного кодекса, въ которомъ, не касаясь нѣкоторыхъ тягостей, наложенныхъ на побѣжденныхъ, есть мѣры гуманныя; въ кодексѣ этомъ на войнѣ различаются тѣ, которые сражаются, отъ тѣхъ, которые не сражаются; запрещается употребленіе средствъ бесполезныхъ и безчеловѣчныхъ; при осадахъ и бомбардировкахъ предлагаются правила, проникнутыя чувствомъ законности и милосердія; относительно военноплѣнныхъ провозглашается такое обращеніе, которое уважаетъ въ солдатѣ чувство чести и его несчастіе. Предположенія очень похвальныя, хотя подобнаго рода законодательство было признано несостоятельнымъ, въ смыслѣ посредничества

между гордостью побѣдителей и неудовольствіемъ побѣжденныхъ. Сколько страданій еще предстоитъ человѣчеству, вслѣдствіе разногласія между политикой и моралью!

Тѣмъ не менѣе однако, международное право идетъ впередъ, преобразуясь и совершенствуясь; международныя отношенія устроены на лучшихъ основаніяхъ; вопіющія несправедливости исчезли; произведены большія исправленія. Испанія сокрушаетъ деспотизмъ Наполеона; Германія подаетъ сигналъ освобожденія народовъ; Франція возвращаетъ себѣ свободу, потерянную ею черезъ революцію; Англія эманципируетъ католиковъ и избавляетъ Ирландію отъ тиранніи господствующей церкви; Греція свергаетъ мусульманское иго; Италія стремится къ независимости; варварійскіе разбойники принуждены уважать европейскій флагъ; трактатъ касательно негровъ отмѣненъ; колониальное рабство исчезло во многихъ странахъ и, наконецъ, въ Соединенныхъ Штатахъ. Терпимость различнаго рода культовъ и вѣрваній обезпечена, личная безопасность болѣе гарантирована; благоденствіе (*bien-être*) представляетъ больше ручательствъ; предотвращаютъ значительное число болѣзней, неурожай; принимаютъ мѣры противъ суровости временъ года; открываютъ сберегательныя кассы для обола бѣдняка; заключеніе въ тюрьму за долги исчезаетъ; смягченіе нравовъ и даже самый эгоизмъ умѣрили дѣйствіе страстей, какъ скептицизмъ укротилъ ярость партій; публичность обязываетъ каждого жить нѣкоторымъ образомъ на глазахъ у всѣхъ. Мелкая промышленность, которая развивается и совершенствуется, вслѣдствіе распространенія знаній изъ области естественныхъ наукъ и покровительства правительствъ, увеличиваетъ въ неслыханныхъ доселѣ размѣрахъ средства продовольствія; благодаря свободѣ, развитіе богатствъ совершается быстрѣе, распределеніе справедливѣе, а употребленіе пріятнѣе.

Хотя этика колеблется на базисѣ утилитаризма, положенномъ Бентамомъ и укрѣпленномъ Стюартомъ Миллемъ и Остеномъ, она тѣмъ не менѣе извлекаетъ большую пользу изъ ученій экономистовъ, которые показали, какимъ образомъ благо каждой отдѣльной личности обуславливается общимъ благомъ, — что трудъ есть назначеніе рода человѣческаго и источникъ для него всѣхъ благъ на землѣ; что нѣтъ другого рода полезнаго, кромѣ добраго.

XXVIII.

Политическая экономія.

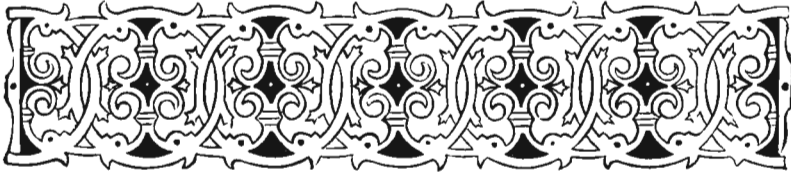
Политическая экономія, которая научилась у классиковъ считать только цѣнности, цѣны, спросъ и предложеніе, стоимость производства, принципъ населенія, законъ задѣльной платы, проценты, прибыль, доходъ, больше и больше выясняла себѣ вопросы о населеніи,

кредитъ, капиталъ (Макъ Колло, Кетле, Жевонъ, Уорлэ (Warlas) Мель). Она старалась основать свое учение на положительныхъ данныхъ, и между тѣмъ доктрины ея часто оказываются противорѣчащими, потому что законъ Карэ (Caréu, † 1879 г.) и гармоніи Бастіа противорѣчатъ теоріи дохода Рикардо.

Но, при разумномъ взглядѣ на дѣло, нельзя смотрѣть на число, какъ на начало, представляющее силу; справедливость представляетъ права и интересы; при этомъ взглядѣ изучаютъ не вершину только, но основаніе соціальной пирамиды; такой порядокъ вещей не создается жалкимъ честолюбіемъ, унижительной завистью, дурными связями, расчетами финансовыхъ гарпій, вакханаліями трибуны. Этого порядка вещей нельзя достигъ, называя прогрессомъ вѣка фальшивое направленіе въ наукѣ, неразуміе въ администраціи, неблагопріистойность въ искусствѣ, вольность въ поведеніи. Для этого не нужны поблажки, или рукоплесканія; нужны усилія, потому что всякое зачатіе совершается въ болѣзни; нужно имѣть мужество, благоговѣніе передъ справедливостью, уваженіе къ свободѣ и совѣсти. Недостаточно выдвигать отвлеченные догматы, формулы а priori; заставить вѣрить въ откровенія, въ универсальное лекарство, въ могущество безусловныхъ правилъ, во фразы, которыя тѣмъ лучше принимаются, чѣмъ меньше онѣ опредѣленны, и которыя не научаютъ, что должно дѣлать, какъ направлять дѣятельность индивидуума и цѣлаго общества между безразсудствами неопытности и интригами эгоизма. Намъ скажутъ: „любите ваше отечество, умѣряйте ваши желанія, будьте честны“. Зачѣмъ внушать любовь и стремленіе къ добру, если у человѣка будетъ оказываться недостатокъ въ разсудкѣ, который бы научалъ его распознавать это добро? Развивать способности такъ-же полезно для цѣлей нравственныхъ, какъ и для цѣлей матеріальныхъ интересовъ, и только развивая мужественныя качества народа, полагаютъ основу будущности націй. Націи суть живые организмы, измѣнчивыя, какъ индивидуумы; физиологія, психологія и ихъ исторія— вотъ единственныя вещи, которыя представляютъ прочную основу и гарантію противъ безразсудныхъ опытовъ и экзальтированныхъ программъ.

Тѣмъ не менѣе однако-жь, обманываются, или лучше сказать—хотятъ обманываться тѣ, которые думаютъ, что одного образованія достаточно для совершенствованія націй. Разумная сущность въ чело-вѣкѣ должна опираться на сущность нравственную, а эта послѣдняя основываться на началѣ релігіозномъ. Человѣкъ подчиняетъ себѣ природу, но онъ долженъ самъ подчиняться закону и порядку; тотъ, кто умѣетъ сообразовать свою жизнь съ требованіями долга, будетъ и лучшимъ производителемъ.

Съ французскаго Д. Лебедевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. Спб. 1881. Описаніе картинокъ: книга 1, стр. 509, книга 2, стр. 530, книга 3, стр. 750. Изслѣдованіе: книга 4, стр. 788, книга 5, стр. 567, съ алфавитнымъ указателемъ. Атласъ въ большой листъ, содержащій въ себѣ болѣе 1780 №№ картинокъ.

ПРИВѢТСТВУЕМЪ съ восхищеніемъ это громадное и чудесное изданіе—плодъ почтенныхъ, многолѣтнихъ, неутомимыхъ, настойчивыхъ трудовъ, заботъ, исканій, изслѣдованій, благодаря которымъ русская наука и любители русской народности и старины получаютъ теперь цѣлый, громадный, и въ своемъ составѣ, покрайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, почти законченный отдѣлъ любопытнѣйшихъ матеріаловъ для изученія русскаго народнаго быта въ той его средѣ, которую вообще можно разсматривать какъ особый кругъ художественныхъ созерцаній народа, ибо русскія народныя картинки по своему существу есть русская народная картинная галлерей.

Имя Д. А. Ровинскаго давно пользуется весьма почтенною извѣстностью, какъ перваго знатока и изслѣдователя исторіи русскаго искусства въ отдѣлахъ иконописанія и гравированія, гдѣ по справедливости его можно почитать основателемъ или первымъ строителемъ правильной, строго научной разработки этихъ предметовъ, крѣпко и твердо стоящей на почвѣ вполне здравыхъ и исключительно практическихъ приемовъ въ раскрытіи и объясненіи каждаго факта. Добываніе чистаго, такъ сказать, сыраго материковаго факта, съ устраненіемъ всякихъ преждевременныхъ обобщеній и выводовъ, а тѣмъ болѣе разнородныхъ фантазій дешевой учености—вотъ основное достоинство всѣхъ трудовъ почтеннаго автора. Въ его трудахъ нѣтъ длинныхъ разсужденій вокругъ-да-около по предмету главной задачи изслѣдованія: въ нихъ мы прямо и непосредственно знакомимся съ самымъ дѣломъ и, такъ сказать, съ самымъ веществомъ изслѣдуемаго предмета, раскрываемаго въ стройныхъ группахъ твердыхъ, неколебимыхъ фактовъ.

Въ такомъ строго фактическомъ и дѣловомъ направленіи разработана авторомъ „Исторія русскихъ школъ иконописанія“. Здѣсь этотъ новый, долготѣ неиспытанный способъ изслѣдованія, имѣлъ очень важное значеніе, такъ какъ въ этомъ отдѣлѣ русскихъ древностей больше, чѣмъ гдѣ либо, господствовало невообразимое смѣшеніе фактовъ съ голословными разсужденіями и обобщеніями и необходимо требовалось именно отдѣлнить вещество предмета отъ выспренности многихъ преждевременныхъ сужденій и заключеній. Въ замѣчательномъ изслѣдованіи, о которомъ мы только что упомянули, изданномъ еще въ 1856 году, авторъ не только со славою достигъ помянутой цѣли, но и самую исторію иконописи, со стороны особыхъ ея школъ, представилъ въ такой, можно сказать, реальной, осязательной полнотѣ и круглотѣ, о какой до того времени никто не могъ и помышлять. Существовавшія весьма неясныя и смѣшныя показанія прежнихъ изслѣдователей объ иконописныхъ пошибахъ или стилихъ съ ихъ различною техникою, какъ и о самыхъ способахъ техники, собраннѣмъ въ изобиліи и совсѣмъ новымъ матеріаломъ были здѣсь выяснены съ полною точностью и обстоятельностью, и притомъ въ сравненіи съ западными образцами относительно даже и самаго состава иконныхъ изображеній, чего въ то время нѣкоторые присяжные цѣнители и судьи никакъ не могли переваривать въ своемъ умѣ. Отъ ихъ особаго усердія и полнѣйшей ученой ограниченности, превосходное изслѣдованіе безжалостно было искалѣчено сколько въ видахъ цензурной напасти, столько же, если еще не больше, мудрованіемъ невѣжественной учености. Изъ изслѣдованія были совсѣмъ исключены не только иные выводы и заключенія, основанные на непрерываемыхъ фактахъ, но и простые сырые матеріалы. Откинуты замѣчанія автора: 1) о вліяніи иностранцевъ на наше иконописаніе; 2) о греческомъ и корсунскомъ иконномъ письмѣ; 3) простой перечень всѣхъ древнихъ извѣстныхъ русскихъ иконъ; 4) даже мѣры всѣхъ упоминаемыхъ въ изслѣдованіи иконъ; 5) указанія объ иконахъ, находящихся въ собраніяхъ старовѣровъ и самыя имена лицъ, у которыхъ онѣ находятся; 6) цѣлая глава объ иконописцѣ Рублевѣ и о древнихъ московскихъ иконахъ; 7) глава о Палеховской иконописи; 8) цѣлая глава о характерѣ старой и новой починки иконъ; 9) письмо (сырой матеріалъ) изографа Юсифа къ иконописцу Симону Ушакову и другіе весьма любопытные документы; 10) цѣлый отдѣлъ иконографіи и всѣ приложенные иконные прописи и рисунки; 11) глава объ иконописныхъ подлинникахъ (оригиналь) для руководства въ иконописаніи,—и такъ далѣе. Въ большинствѣ случаевъ исключены самыя невинныя вещи, да и виноватыя предметы казались таковыми только по случаю тогдашняго (въ 50-хъ годахъ) гоненія на старообрядство, которое главнымъ образомъ и сохранило до нашихъ дней въ цѣлости всѣ наиболѣе дорогіе для науки и изслѣдователя памятники древняго иконописанія.

Несмотря на эти безсовѣстныя и варварскія опустошенія почтеннаго труда, книга г. Ровинскаго и до сей поры остается образцомъ изслѣдованія, какую желалось бы встрѣчать во всѣхъ отдѣлахъ нашей молодой науки о русскихъ древностяхъ. Въ археологической литературѣ по исторіи русскаго искусства это изслѣдованіе не имѣетъ ничего равнаго себѣ и на долгія лѣта останется лучшимъ и единственнымъ руководствомъ для изученія исторіи русскаго иконописанія. Надо желать, чтобы авторъ издалъ, наконецъ, вполне свой классическій трудъ.

Въ послѣднее время г. Ровинскій сосредоточилъ свои изысканія на русской гравюрѣ. И здѣсь такимъ же образомъ онъ положилъ первое и твердое основаніе ея исторіи въ изслѣдованіяхъ и изданіяхъ: „Русскіе гравёры и ихъ произведенія, М. 1870; „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, Спб. 1872“; „Русскій гравёръ Чемесовъ, Спб. 1878“. Кромѣ того, онъ готовилъ между прочимъ къ изданію изслѣдованіе о знаменитомъ Уткинѣ, съ атласомъ его гравюръ. Созидая такіе превосходные подарки охотникамъ художественной гравюры, почтенный авторъ не оставилъ безъ особаго вниманія и ея низменный, не художественный слой. Изданныя теперь „Русскія народныя картинки“ составляютъ громаднѣйшій атласъ русской гравюры въ ея народномъ, такъ сказать, обиходномъ, или собственно фабричномъ производствѣ. Не имѣя достоинства настоящаго искусства, эта гравюра исполнена интереса и очень важна и любопытна въ бытовомъ отношеніи. Мы уже упоминали, что ее можно разсматривать какъ народную картинную галерею.

Громадный объемъ атласа, заключающаго въ себѣ болѣе 1780 номеровъ картинокъ и пять увѣсислыхъ томовъ (болѣе 3000 стр.), ихъ описанія съ подлиннымъ текстомъ, съ объясненіями, изысканіями и даже цѣлыми изслѣдованіями не только о картинкамъ, но по ихъ поводу и вообще о разныхъ сторонахъ народнаго быта,—все это уже достаточно свидѣтельствуетъ объ обширности исполненнаго труда. Но трудъ изданія былъ только заключеніемъ, завершеніемъ невидныхъ, но безчисленныхъ и долгодѣльныхъ трудовъ собиранія, которое, какъ намъ извѣстно, продолжалось около 30 лѣтъ и увѣнчалось желанною полнотою все-таки благодаря особенной настойчивости, неутомимости и страстности горячаго охотника-собиранья. Для такого собранія, кромѣ средствъ и безпокойствъ, всегда требуется еще и время и, какъ говорятъ, особенное счастье, которое впрочемъ всегда само является на помощь неутомимому изыскателю. Зато теперь, послѣ 30-лѣтнихъ непрестанныхъ исканій, почтенный авторъ могъ основательно сказать, что его „атласъ представляетъ очень полное собраніе всего, что существуетъ по части народныхъ картинокъ самаго древняго и замѣчательнаго“, что „въ атласѣ скопировано все, что могло представлять интересъ для русскаго человѣка въ какомъ бы то ни было отношеніи“. Обладая собственнымъ, очень богатымъ и во многихъ отношеніяхъ единственнымъ собраніемъ народныхъ картинокъ, которыя и вошли въ составъ атласа, авторъ кромѣ того помѣстилъ въ немъ все, сколько нибудь замѣчательное и любопытное и изъ всѣхъ другихъ собраній, находящихся у частныхъ лицъ, или въ казенныхъ учрежденіяхъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ атласѣ мы имѣемъ теперь самое полное собраніе народной русской гравюры, отъ перваго ея появленія въ началѣ XVII столѣтія и до наступленія надъ нею цензурной опеки въ 1839 году. Такого собранія нѣтъ ни у одного любителя. Все рѣдкое и рѣдчайшее, что обыкновенно составляетъ предметъ любительскаго хвастовства и тщеславія, сдѣлалось теперь достояніемъ общимъ, стало доступнымъ каждому изслѣдователю, поступило въ оборотъ научныхъ свѣдѣній. Цѣлью автора по преимуществу и были задачи науки, и на это мы должны обратить особое вниманіе, такъ какъ и до сего дня у насъ есть еще любители, которые съ нарочитою цѣлью издають рѣдкія книги, хотя и очень бы полезныя для науки, для общаго оборота полезныхъ и даже очень необходимыхъ свѣдѣній, но все-таки назначаемыя исключительно для удовольвенія любительскаго тщеславія, для немногихъ избранныхъ, а потому и „недоступныя для простыхъ смертныхъ“, какъ очень

справедливо выражается г. Ровинскій, напримѣръ, объ изданіяхъ „Общества Любителей Древней Письменности“. Достоуважаемый изслѣдователь и издатель русскихъ народныхъ картинокъ идетъ по иной дорогѣ и столько уважаетъ достояніе науки, что не присвоиваетъ его какъ бы въ личную собственность однихъ только избранныхъ. Въ своемъ изданіи онъ отдѣлилъ подобающее мѣсто и для охотниковъ-любителей, устроивъ имъ двойной экземпляръ атласа, черный и весь раскрашенный; но затѣмъ все изданіе назначено для простыхъ смертныхъ, то есть поступило въ общій оборотъ для всѣхъ желающихъ, съ удешевленіемъ цѣны до послѣдней возможности. Очень желательно, чтобы его примѣру слѣдовали и упомянутые охотники издавать книги исключительно для рѣдкости. Лично для себя можно, и наука позволяетъ, соорудить какой угодно рѣдчайшій экземпляръ; но все изданіе, хотя бы и въ ограниченномъ количествѣ, должно принадлежать обществу.

Составъ атласа русскихъ народныхъ картинокъ по содержанію распределяется на нѣсколько особыхъ отдѣловъ. Очень значительный по объему отдѣлъ составляютъ листы духовнаго содержанія, святые иконныя изображенія, лики Спасителя, Богоматери, святыхъ, священныя иносказательныя изображенія, и затѣмъ въ лицахъ легенды, притчи, поученія, сказанія, молитвы, псалмы и т. п.

Къ этому отдѣлу примыкаетъ отдѣлъ видовъ, монастырей и городовъ, нѣкоторые планы (киевскихъ пещеръ) и космографическія карты и т. п. Далѣе слѣдуетъ отдѣлъ портретовъ по преимуществу царскихъ и отдѣлъ историческихъ изображеній въ родѣ Мамаева побойща, битвы Александра Македонскаго съ индійскимъ царемъ Поромъ и т. п. Сюда же примыкаетъ отдѣлъ портретовъ богатыхъ и сказокъ въ лицахъ, причемъ портреты большихъ богатыхъ, доселѣ никому невѣдомые, появляются въ первый разъ. Особый отдѣлъ составляютъ листы смѣхотворныя, забавныя, или по древнему названію потѣшныя, къ которымъ принадлежатъ сатирическіе листы, одинъ на монастырскіе порядки, нѣсколько листовъ на Петра-Преобразователя, въ томъ числѣ всѣмъ извѣстный листъ: „Мыши kota погребаютъ“; сатиры на судопроизводство и рядъ смѣхотворныхъ картинокъ, представляющихъ порядки стариннаго быта; наконецъ, каррикатуры Наполеоновскаго погрома въ 1812 году.

Для воспроизведенія въ своемъ изданіи каждой картинки, авторъ всегда избиралъ древнѣйшій ея переводъ (оригиналъ), по преимуществу гравированный на деревѣ; воспроизводились и позднѣйшіе переводы той же картинки, въ томъ случаѣ, если они представляли значительную разницу съ древнимъ оригиналомъ. Такимъ образомъ, въ атласѣ воспроизведено шесть разныхъ переводовъ вышеупомянутой замѣчательной сатирической картинки на Преобразователя—Мыши kota погребаютъ, три перевода „Бабы яги“, дерущейся съ крокодиломъ и пляшущей съ плѣшивымъ мужикомъ, три перевода разсужденія о женитбѣ и по два перевода картинокъ—точильщикъ носовъ, помѣха въ любви, азъ емъ хмѣль, разговоръ жениха съ свахою, реестръ о домахъ, Савоська и Парамошка, Тарасъ плѣшивый съ его чудодѣйственною выдѣлкою розовой воды и т. д.

Копированіе картинокъ для изданія производилось разными способами, смотря по удобству: одни изъ нихъ, грубой работы на деревѣ, переведены простымъ литографическимъ способомъ; имѣющія болѣе художественное значеніе исполнены посредствомъ фотолитографіи; для нѣкоторыхъ употреблена даже фотогравюра по способу г. Скамони, передающая оригиналъ въ полнѣйшей

точности; при этомъ бумага для всего изданія отлита ручная, на манеръ старинной, въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. Раскраска картинокъ, въ виду ограниченаго числа экземпляровъ, производилась отъ руки; такая раскраска представляетъ значительное превосходство передъ раскраской хромо-литографическимъ способомъ, хотя и обходится нѣсколько дороже этой послѣдней. Замѣчательно, что раскраска древнихъ народныхъ картинокъ производилась встарину несравненно тщательнѣе, чѣмъ въ послѣдующее и особенно въ наше время.

Цѣна атласу, издаваемому въ количествѣ 250 экземпляровъ, въ томъ числѣ три-четыре десятка любительскихъ двойныхъ, разočтена по числу листовъ бумаги, потраченныхъ на изданіе, считая за каждую листовую (въ размѣръ листа писчей обыкновенной бумаги) нераскрашенную картинку по 10 копѣтъ; за картинку двухлистовую 20, за полуторную 15 и т. д. Такимъ образомъ, сказки, изданныя въ большинствѣ случаевъ въ полуторномъ размѣрѣ, обойдутся покупателю въ 15 коп. каждая, то есть почти въ ту же самую цѣну, какъ они продавались въ свое время. Многодѣльный Брюсовъ календарь, всѣ шесть листовъ, покупатель получитъ за 1 р. 50 коп.; азбуку каррикатуръ 1812 г. за 45 коп.; рѣдчайшую книжечку притчи о блудномъ сынѣ въ 64 листка—за 80 коп. Раскрашенные листы оцѣнены вдвое. При большемъ числѣ экземпляровъ, цѣна за экземпляръ могла бы значительно понизиться, но при этомъ послѣднемъ условіи цензура не разрѣшила бы печатаніе картинокъ безъ пропусковъ, а такое требованіе, конечно, значительно ослабило бы ученый интересъ и народность изданія. Въ настоящемъ видѣ всѣ экземпляры атласа одинаково полны и всѣ помѣщенные въ нихъ картинки напечатаны безъ пропусковъ въ текстѣ. Затѣмъ разница въ цѣнѣ экземпляровъ зависитъ единственно отъ большаго или меньшаго числа раскрашенныхъ картинокъ, находящихся въ каждомъ экземплярѣ.

Русскія народныя картинки, какъ мы упоминали, можно разсматривать какъ русскую народную картинную галерею, имѣвшую то же самое значеніе для поселянъ и простыхъ небогатыхъ людей, какъ и всякая знаменитая или незнаменитая картинная галерея богатыхъ любителей. Грубо исполненныя рѣзцомъ на деревянной, оловянной, или мѣдной доскѣ, грубо раскрашенныя грубыми красками,—эти картинны въ глазахъ народа все-таки представляли своего рода художественныя произведенія, вызывавшія восторги и восхищенія, затрогивавшія чувство красоты уже только потому, что они были—изображенія. Народъ, какъ и ребенокъ, живо чувствуетъ красоту не столько въ изищномъ художественномъ исполненіи, сколько въ самыхъ чертахъ, въ самыхъ очеркахъ того или другаго образа, какъ бы ни были они исполнены по-дѣтски слабо, безобразно и грубо. Въ этомъ случаѣ много помогаетъ ему его собственное воображеніе, всегда съ избыткомъ восполняющее для него то живство, котораго совсѣмъ не оказывается въ грубомъ очеркѣ. На этомъ основаніи и всякая раскраска въ картинкѣ, хотя бы и несоотвѣтствующими колерами, является для него полнѣйшею живописью, такъ какъ въ его понятіи самая красота, красивость, есть непремѣнно краски. Вотъ по какой причинѣ народныя картинки въ народномъ употребленіи спрашивались только раскрашенныя; черныхъ же и достать было не возможно, развѣ по особому заказу на фабрикѣ, какъ составилъ себѣ собраніе въ XVIII вѣкѣ Олсѣфьевъ.

Такимъ образомъ, не смотря на низменность искусства, народная картинка все-таки отвѣтствовала потребностямъ изящнаго, возвышеннаго, хотя бы въ простотѣ и неразвитости деревенскаго пониманія. По этой причинѣ и въ жилищѣ, какъ его украшеніе, она всегда занимала казистое мѣсто. Картинами духовнаго содержанія селянинъ оклеивалъ и доселѣ оклеиваетъ передній, красный уголь своей избы или хаты, гдѣ у него стоятъ иконы. Но здѣсь же, подлѣ духовныхъ, онъ помѣщаетъ и портреты царскихъ особъ, и листы историческаго содержанія. Нѣсколько подальше отъ почетнаго угла, но все-таки на видныхъ мѣстахъ, наклеиваются листы и забавнаго содержанія. Кому что приходило по мысли, тотъ то и покупалъ изъ этихъ листовъ и всегда съ цѣлью украсить, разцвѣтить ими свой жилой уголь, кромѣ цѣлей имѣть святое изображеніе, или поученіе, или премудрую и назидательную притчу, какъ и бытовой пошлый анекдотъ.

Когда впервые украсилось картинкою жилище нашего поселянина, объ этомъ мы можемъ только гадать. За положительное знаемъ, что отъ 30-хъ годовъ XVII столѣтія печатные листы фряжскіе (итальянскіе) и нѣмецкіе были уже въ общемъ употребленіи и продавались въ Москвѣ въ Овощномъ ряду по денгѣ за штуку, а судя по одному указанію пріѣзжавшаго въ Москву итальянца—Барберини, можемъ допустить, что еще въ половинѣ XVI стол. печатныя картинки составляли въ Москвѣ предметъ торговли, что и обозначаетъ уже распространенную потребность въ нихъ. Но нельзя сомнѣваться что печатныя иноземныя листы, какъ болѣе дешевые по производству, явились на смѣну домашнимъ рукописнымъ листамъ, точно также изстари служившимъ, какъ можемъ предполагать, украшеніемъ даже и деревенскихъ жилищъ, не упоминаемая о городскихъ. Въ томъ же Овощномъ ряду и въ тѣхъ же 30-хъ годахъ XVII стол., рядомъ съ нѣмецкими писаными продавались и русскіе писаные листы.

Но можетъ быть здѣсь слово писанный обозначаетъ раскрашенный, что во всякомъ случаѣ служить свидѣтельствомъ о народной продажѣ съ нѣмецкими и русскими листовъ, были ли то печатные, или писаные, рукописные. Въ пользу употребленія въ прежнее время писаныхъ листовъ очень выразительно свидѣтельствуеетъ вся наша древность. Иконы и стѣнописи въ первыхъ у насъ христіанскихъ храмахъ должны были подать первый и благой примѣръ для украшенія богомольнаго угла богомольными предметами и въ жилищѣ. Иконы исключительно писались на доскахъ, и въ позднее время это ставилось какъ бы за церковный догматъ для иконныхъ изображеній. Но первыя христіанскія жилища, по всему вѣроятію, могли украшаться святыми изображеніями, писанными и на пергаменныхъ листахъ. Отъ святыхъ изображеній къ свѣтскимъ, мірскимъ, переходъ былъ нечувствителенъ по случаю библейскихъ и евангельскихъ, такъ сказать, историческихъ изображеній, изображеній быта. Фрески Кіево-софійскаго собора, относимыя къ XIII в., даютъ положительное свидѣтельство, что даже и въ зданіи собора на стѣнахъ изображались различныя бытія мірскія. Отъ того же времени имѣемъ указаніе, что и повадуши—тогдашнія жилища достаточныхъ людей—также украшались стѣннымъ письмомъ, хотя бы только изображеніями цвѣтовъ, травъ, звѣрей, птицъ и т. д. Въ небогатомъ жилищѣ подобное могло являться именно на рукописныхъ листахъ. Древность очень любила всякаго рода изображенія и съ особымъ стараніемъ помѣщала ихъ повсюду, гдѣ находила для нихъ приличное мѣсто, производя ихъ различными способами: письмомъ, тканьемъ, вышиваньемъ, рѣзбою

на деревѣ, камнѣ, металлѣ, металлическими сплавами (эмаль, финифть), повсюду—на платьѣ, въ головномъ, шейномъ и ручномъ уборѣ, на сосудахъ, на оружіи и т. д. не упоминая о книгахъ. Если такимъ образомъ древность почитала картинку наилучшимъ украшеніемъ всякаго своего убора и всякихъ обиходныхъ вещей, то было бы очень несообразно предполагать, что она не употребляла подобныхъ же картинокъ и для украшенія жилыхъ стѣнъ. Если, на примѣръ, на серьгахъ и перстняхъ въ X и XI столѣтіяхъ изображались птицы Сирия, Алконошь и различныя другія фантастическія животныя, то почему жъ бы древность не помѣстила такихъ же птичьихъ портретовъ и на стѣнѣ кѣлти? По нашему мнѣнію, именно такіе портреты, которыхъ довольно встрѣчаемъ и въ атласѣ г. Ровинскаго, принадлежатъ къ числу первыхъ картинокъ, какія стали появляться не только у богатыхъ горожанъ, но и въ деревенскихъ жилищахъ. За ними слѣдовали портреты героевъ — людей въ родѣ Александра Македонскаго и сказочныхъ богатырей. Замѣчательно, что въ народѣ по мѣстамъ и всѣ дубочныя картинки прозывались богатырями, а это обстоятельство явно можетъ указывать, что первѣйшій ихъ слой, поступившій въ народное обращеніе, составляли портреты богатырей. Ихъ очень мало сохранилось, да и о существованіи ихъ мы впервые узнаемъ изъ атласа г. Ровинскаго, но это нисколько не служитъ доказательствомъ, что ихъ мало было. Вторая половина XVIII стол. новыми картинками, болѣе, такъ сказать, пикантными, отбила вкусъ къ старымъ и вотъ причина, почему онѣ уже тогда ходили въ маломъ числѣ. Какъ ни полно изданное теперь собраніе этихъ картинокъ, но мы все-таки не можемъ утвердительно сказать, что въ атласѣ г. Ровинскаго имѣемъ все, что существовало въ народномъ обращеніи. Печатаемыя и въ послѣднее время сотнями тысячъ экземпляровъ народныя картинки имѣютъ удивительное свойство исчезать въ народѣ безъ слѣда. Въ настоящее время уже не возможно собрать тѣхъ листовъ, какіе, на примѣръ, печатались десятками тысячъ лѣтъ 20—30 тому назадъ. Г. Ровинскій года два тому назадъ приобрѣлъ отъ одного сибирскаго купца 400 листовъ; многіе изъ нихъ были до того времени неизвѣстны и почти всѣ не тѣхъ изданій, какія уже были описаны въ атласѣ. „Изъ этого можно заключить, замѣчаетъ почтенный издатель атласа, въ какомъ огромномъ числѣ печатались наши народныя картинки и какое множество мѣдныхъ досокъ было выгравировано для ихъ печатанія“. Еще въ 1674 г. былъ возбужденъ запретительный походъ противъ картинокъ съ священными изображеніями, который между прочимъ, а быть можетъ и главнымъ образомъ, былъ поднятъ по той причинѣ, что картинки стали вытѣснять иконы,— такъ было ихъ много. Но что осталось отъ этого множества? Какъ летучіе листы, картинки и въ то время исчезали подобно листамъ теперешнихъ газетъ и объявленій. Можно полагать, что такимъ образомъ въ народныхъ картинкахъ исчезли цѣлые слои любопытнѣйшихъ предметовъ, особенно изъ листовъ духовнаго содержанія. Несомнѣнно, что и въ ихъ изготовленіи, время отъ времени, принимала немалое участіе такъ называемая мода, то есть болѣшая или меньшая потребность на тотъ или другой сортъ печатаемыхъ изображеній. Само собою разумѣется, что время Петровскихъ преобразованій въ этомъ случаѣ произвело большое опустошеніе въ тѣхъ слояхъ картинокъ, которыя уже во-все не отвѣчали новымъ понятіямъ и потребностямъ, по крайней мѣрѣ въ городскомъ населеніи, которое, впрочемъ, всегда и давало извѣстное направленіе въ выборѣ картинокъ, такъ какъ оно всегда было ближайшимъ ихъ потребителемъ.

Надо замѣтить, что средоточіемъ и главною силою производства печатныхъ картинокъ съ перваго и до послѣдняго времени оставалась Москва. Первое произведеніе, еще въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія, судя по сохранившимся картинкамъ, съ именами мастеровъ и съ годами издѣлій, началось въ Кіевѣ. О московской печати этого времени вообще ничего неизвѣстно. Въ теченіе второй половины XVII столѣтія, Москва работаетъ уже на равнѣ съ Кіевомъ и собственно для народности несравненно больше Кіева. Затѣмъ, именно въ эпоху преобразованій, уже въ ней одной сосредоточивается весь кругъ этого производства, чему много способствуютъ выученные у нѣмцевъ граверы. Казалось бы это дѣло, усвоенное отъ Европы, должно было перейти въ руки новаго, уже европейскаго города, Санктъ-Петербурга. Но такъ какъ оно было дѣло въ полномъ смыслѣ народное, то и осталось тамъ, гдѣ народность больше всего чувствовала свой корень, и тѣмъ болѣе, что еще за цѣлое столѣтіе до преобразованій, печатная летучая картинка въ Москвѣ составляла уже предметъ кровной народной потребности.

Въ XVIII столѣтіи, народная картинка одинаково распространена и въ царскомъ дворцѣ, и въ посадской и крестьянской избѣ. Царскій дворецъ при этомъ самъ занимается составленіемъ такихъ картинокъ. Сначала, подъ именемъ потѣшныхъ листовъ, во дворцѣ ее употребляютъ для забавы, да и для полезнаго наученія при воспитаніи царевичей и царевенъ. Маленькій царь Алексѣй Михайловичъ, будущій родитель великаго преобразователя, и маленькія царевны уже восхищались такими картинками, приносимыми имъ изъ Овощнаго ряда, гдѣ вмѣстѣ съ фряжскими и нѣмецкими листами продавались, какъ упомянуто, и русскіе. Для обученія царевича Алексѣя Алексѣевича, изъ картинокъ рукописныхъ были составлены дѣльныя учебныя потѣшныя книги, гдѣ различныя бытовья изображенія были расположены въ систематическомъ порядкѣ, и представляли своего рода энциклопедію для нагляднаго познанія повседнежнаго мірскаго бытія. Картинки одной такой книги въ началѣ изображали военное дѣло, потомъ изображали городъ съ подробностями городскаго быта, рыболовство и птичью охоту съ портретами разнородныхъ птицъ, море съ кораблями, китовый промыселъ, ловлю жемчуга; затѣмъ людей разныхъ націй въ ихъ нарядѣ, звѣриную и псовую охоту. Книга заключалась картинками сельскаго хозяйства и особымъ отдѣломъ картинокъ о дѣтяхъ, ихъ ученіи и забавахъ. Такихъ книгъ, сколько извѣстно, не сохранилось, но остались росписи ихъ картинокъ, въ которыхъ, между прочимъ, описывается, напр., отдѣлъ сельскихъ занятій. Онъ начинался изображеніемъ птицы павы, за нею слѣдовали: Курица и пѣтухъ индійскіе. Пѣтухъ русскій и курица. Свиныи въ корытѣ ѣдятъ, пастухъ гладить. Сѣно косятъ. Сѣно возятъ. Пашутъ землю. Боронуютъ землю. Сѣютъ хлѣбъ. Жнутъ хлѣбъ. Возятъ рожь въ снопахъ и т. д.

По поводу птичьей и звѣриной охоты изображены различныя птицы и звѣри: Птица орелъ. Птица попугай. Птица неясыть. Птица ѡниксъ. Птица сирийск. Птица гамаюнъ. Птица строюкамилъ. Птица соколъ. Птица ястребъ. Птица лебедь. Гусь. Журавль. Звѣри: Левъ. Единорогъ. Грифъ. Слонь. Вепреслонъ. Медвѣдъ. Волкъ. Лисица и Заяцъ. Обезьяна. Кроводилъ. Ехидна. Василискъ. Змѣй. Полозь. Черепаха. Въ числѣ рыбъ были изображены „человѣкъ морской и дѣвица морская“. Кромѣ простыхъ портретовъ, картинки изображали и дѣйствія, наприм., „медведь пляшетъ, обезьяны обуваются, левъ обезьяну ѣстъ“ и т. под. ⁴⁾.

⁴⁾ Подробнѣе объ этихъ книгахъ см. въ нашей статьѣ „Домашній бытъ русскихъ царей“, „Отч. Зап.“, т. ХСVII.

По всему вѣроятію, эти картинки для царевича списывались по большей части съ печатныхъ же фряжскихъ и нѣмецкихъ листовъ, и въ своей чередѣ, съ присоединеніемъ русскаго текста, служили оригиналами для печатанія русскихъ, собственно народныхъ картинокъ. Въ атласъ г. Ровинскаго мы находимъ, напр., картинку № 282 съ подписью „Охотникъ медвѣдя колетъ, а собаки грызутъ“ и другую № 283—„Охотникъ стрѣляетъ медвѣдя на деревѣ“,—которыя, несомнѣнно, входили нѣкогда въ составъ дѣтскихъ потѣшныхъ книгъ. Въ одной изъ книгъ царевича Алексѣя Алексѣевича находилась картинка съ обозначеніемъ: „Человѣкъ стрѣляетъ по медвѣдю на деревѣ“, вполнѣ сходная съ уомяпуютою подъ № 283.

Такимъ же образомъ, всѣ рисунки птицъ и звѣрей, изданные теперь въ атласѣ № 250—268, какъ равно и нѣкоторыя сцены: медвѣдь пляшетъ, люди борются и т. п., по преимуществу тѣ, которые рѣзаны на деревѣ, суть бывшіе листы потѣшныхъ дѣтскихъ книгъ царскаго обихода. Извѣстно также, что лицевыя сказки—Петръ златые ключи, Бова Королевичъ и т. п. составляли другой разрядъ потѣшныхъ дѣтскихъ книгъ, изготовляемыхъ для чтенія малолѣтнимъ царевичамъ и царевнамъ.

Все это какъ нельзя лучше объясняетъ, что народная картинка въ допетровское время, даже и въ царскомъ дворцѣ, служила службою нашей теперешней художественной и нехудожественной литературы, то есть удовлетворяла умственнымъ и нравственнымъ, изящнымъ и неизящнымъ потребностямъ общества и народа. Какъ пища для ума и сердца, она, конечно, должна была отразить въ себѣ всѣ свойства и характеръ тогдашней образованности, или общественнаго и народнаго развитія, его стремленій и направленій. Вотъ по какой причинѣ нельзя было сомнѣваться, что наибольшее количество народныхъ картинокъ будетъ принадлежать изображеніямъ предметовъ религиозныхъ или духовныхъ. Изъ всего числа картинокъ, таковыхъ изображеній приблизительно насчитывается двѣ трети. Для мірскихъ или свѣтскихъ предметовъ остается только третья доля, а для потѣшныхъ изображеній всего десятая доля. Таковъ приблизительно составъ народной картинной галлерей по атласу г. Ровинскаго.

Этотъ составъ картинной галлерей яснае всего обозначаетъ, куда главнымъ образомъ стремилась народная дума и мысль и гдѣ народъ искалъ и находилъ отвѣты на запросы своего міросозерцанія. Религиозныя идеи преобладали въ народной культурѣ; онѣ явились преобладающими и въ картинной галлерей народа. Нравственно религиозное поученіе—вотъ главный излюбленный предметъ, который въ различныхъ видахъ проходитъ по всей галлерей очень замѣтною и сильною чертою, причемъ не должно забывать, что въ выборѣ изображеній по этому предмету, вообще говоря, не участвовало никакое руководство со стороны духовенства, или со стороны церковной проповѣди. Народъ самъ избиралъ для своего назиданія все то, что наиболѣе подходило къ его чувству и разумѣнію. Здѣсь, между прочимъ, и кроется причина, почему въ народныхъ картинки больше всего попадали различныя апокрифическія отреченныя сказанія и изображенія. Духовная власть въ этомъ случаѣ только отрицала и запрещала, вовсе не помышляя о томъ, чтобы взять въ свои руки это могущественное средство для распространенія въ народѣ истинныхъ вѣрованій и истиннаго познанія предметовъ вѣроученія.

Излюбленный выборъ или разрядъ картинокъ, который пользовался наибольшимъ почетомъ и расходился въ безчисленномъ множествѣ, раскрываетъ идеалы особенно свойственные и любезные народному быту.

Вѣчная бѣдность и скудость, вѣчная истома отъ налоговъ, отъ власти сильныхъ, отъ ихъ неправоты, отъ тяжелой работы,—весь этотъ трудный и безотраднѣйшій жизненный подвигъ народа естественно направлялъ мысли и чувства въ таинственную неисповѣдимую даль будущаго вѣка, гдѣ правда и справедливость, наконецъ, восторжествуютъ и каждому послѣдуетъ воздаяніе по его дѣламъ. Множество размышленій по этому поводу успокоивала и приводила въ порядокъ притча о Лазарѣ богатомъ и о Лазарѣ убогомъ, которою г. Ровинскій и начинаетъ отдѣлъ духовныхъ картинокъ. Глубокое и обширное нравственное значеніе этой притчи народъ понималъ въ полнотѣ, потому что она въ полнотѣ рисовала его собственную общественную и политическую долю, рисовала величіе смиренія и тѣнь и тѣту всякой земной высоты и гордости, глубоко трогала, возстановляла и утверждала чувство милосердія, которое въ бѣдномъ и угнетенномъ положеніи жизни всегда воспитывается съ особою любовью и почитается наилучшимъ подвигомъ. Притчи о добромъ самарянинѣ, о блудномъ сынѣ, о блаженствахъ, сама милостыня—№ 755, изображены въ лицахъ все съ тою же мыслью, дабы глубже, сильнѣе и величественнѣе воспроизвести дѣла и подвиги милосердія. Одна картинка—№ 768 носитъ заглавіе „Въ темницѣ быхъ и приидоста ко мнѣ“. На картинкѣ представленъ дворъ темницы и самая внутренность ея. На дворѣ „милостивецъ“ подаетъ милостыню узнику, прикованному цѣпью за ноги къ скамьѣ. Другой милостивецъ подаетъ милостыню тремъ узникамъ черезъ окно темницы. Внутри темницы сидятъ два узника; у одного изъ нихъ руки въ колодкѣ, а ноги прикованы цѣпями къ скамьѣ; у другаго въ колодкѣ ноги, а руки скованы въ кольца. Послѣ этого изображенія представленъ страшный судъ Божій съ подписью: „И пойдуть праведницы въ животъ вѣчный, грѣшницы же въ муку вѣчную“. Въ третьемъ отдѣленіи изображенъ Товія—„мертвыя погребаетъ“, да же Іоаннъ Милостивый даетъ нищимъ милостыню. Въ пятомъ отдѣленіи „Лазаря гнойна богатъ презираетъ“. На картинкѣ представленъ пиръ у богатаго Лазаря; бѣдный лежитъ на дворѣ, слѣва; двѣ собаки лижутъ его раны. Тутъ же представлена кончина его, а повыше кончина богатаго; вдали видѣнъ адъ, въ которомъ мучится богатый, а вверху убогіи Лазарь, на лонѣ Авраама. Наконецъ, въ шестомъ отдѣленіи картинка изображенъ „богачъ, ему же убогизиса нива“. Онъ сидитъ за столомъ и считаетъ деньги; пять плотниковъ рубятъ новую житницу. Вдали видна нива, жнецы убираютъ хлѣбъ. Вся картинка представляетъ краткую, но глубоко содержательную лицевую повѣсть, оставляющую несравненно большее впечатлѣніе въ народномъ чувствѣ, чѣмъ сухая обычная словесная проповѣдь. Вотъ почему такая картинка въ своемъ родѣ есть изящное литературное произведеніе для народа, служившее, какъ мы упомянули, ту же службу, какъ и художественныя произведенія современной литературы.

Многія притчи раскрывали въ лицахъ Божьи казни, какими подвергались на томъ свѣтѣ всѣ немилосердые и немилостивые, и лихонимы, и скупые сребролюбцы, служители дьявола, который по этому случаю и прозывался особымъ именемъ—Замкни Калита (№ 721), то есть не развязывая кошелька для нищаго.

Благороднѣйшая и возвышенная мысль о загробной жизни, о томъ свѣтѣ, простому человѣку, конечно, болѣе всего представлялась, такъ сказать, въ земномъ веществѣ, какъ Божье милосердіе за жизнь праведную, какъ Божій гнѣвъ и наказаніе за грѣхи; поэтому картина страшнаго суда всегда бывала

источникомъ самыхъ поучительныхъ бесѣдъ въ народномъ быту и составляла украшеніе почти каждой, сколько нибудъ достаточной крестьянской избы. Картинка страшнаго суда представляла общее цѣльное изображеніе всего того, что ожидало человѣка въ будущей жизни; но она развивалась подробнѣ многими особыми сказаніями и притчами въ особыхъ картинкахъ. Возмездіе на томъ свѣтѣ за всякій грѣшный шагъ безъ покаянія, какъ и за всякій подвигъ праведный—вотъ основная мысль всѣхъ картинокъ, развивавшихъ ученіе о страшномъ судѣ.

Грѣхъ и его живое олицетвореніе—дьяволъ, бѣсъ, занимаютъ въ картинкахъ очень видное мѣсто, разъясняя въ лицахъ очень назидательно всякіе случаи, какъ можно попадать въ ихъ сѣти, и какъ избавляться отъ ихъ напасти. Этотъ кругъ картинокъ—№№ 759—780 и др., составлялъ доброе, самое практическое поученіе для устройства праведной жизни, а въ общежительномъ смыслѣ—разумной и порядочной, какова, напр., картинка—„Трапеза благочестивыхъ и нечестивыхъ“, руководящая къ устройству благопрістойности за обѣденнымъ столомъ.

Во множествѣ изображеній и текстовъ по поводу неизбежнаго смертнаго часа, нельзя не замѣтить особаго ударенія народной мысли на то обстоятельство, какъ безжалостная, неумолимая смерть равняетъ всякое людское земное неравенство, какъ передъ нею превращается въ ничтожество всякая власть и сила, всякая гордыня какими бы то ни было земными превосходствами. Царь и князь, немилосердый властитель и судья, богачъ-роскошникъ и скупецъ-сребролюбецъ, и самый Аника-воинъ,—чѣмъ бы ни хвастали въ своей земной высотѣ, всѣ подъ косою смерти равняются съ послѣднимъ нищимъ, убогимъ Лазаремъ, который изъ земнаго приниженаго и угнетенаго бытія восходитъ на томъ свѣтѣ превыше всѣхъ высокихъ, великихъ и сильныхъ сего міра. Въ этой религіозной идеѣ народное чувство всегда находитъ полное успокоеніе и утѣшеніе отъ всѣхъ злобъ и напастей своей угнетенной и порабощенной жизни.

Вообще говоря, духовный отдѣлъ народныхъ картинокъ въ своихъ подробностяхъ представляетъ полный кругъ народнаго мирозерцанія, и какъ особый родъ народной литературы, требуетъ внимательнаго изученія. Само собою разумѣется, что литературнымъ источникомъ этого отдѣла служила исключительно церковная книжность, которой тексты, каковы, напр., цѣлыя слова—проповѣди, притчи, сказанія, даже молитвы, всегда и служили основой для изображенія ихъ содержанія въ лицахъ. Что касается свѣтскаго отдѣла народныхъ картинокъ, то здѣсь, за исключеніемъ свѣтской, такъ сказать, гражданской книжности, уже господствуетъ если не народное въ тѣсномъ смыслѣ, то вообще простонародное слово, какъ и простонародный складъ мысли. Обзоръ этого отдѣла мы намѣреваемся представить въ свое время въ особой статьѣ.

Почтенный трудъ г. Ровинскаго, соединяя въ себѣ громадный матеріалъ со множествомъ любопытныхъ и новыхъ изысканій и изслѣдованій по исторіи народнаго быта, составляя вообще полновѣсный цѣнный вкладъ въ науку о русской народности, на долгое время будетъ служить источникомъ для выясненія многихъ сторонъ русскаго народнаго развитія.

Ив. Забѣлинъ.

Архивъ князя Вяземскаго. Князь Андрей Ивановичъ Вяземскій.
Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1881 г.

Въ ряду извѣстныхъ частныхъ фамильныхъ архивовъ, такъ называемому Остафьевскому принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ по богатству и разнообразію заключающихся въ немъ матеріаловъ. Одновременно съ предпринятымъ изданіемъ графа Шереметева полного собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго, изъ того же архива извлекаются документы, относящіеся вообще до исторіи рода князей Вяземскихъ. Родословная ихъ представляетъ большой историческій интересъ, но она настолько запутана, что потребуются, вѣроятно, много кропотливой работы, чтобы привести ее въ законченный видъ. Сколько намъ извѣстно, надъ этой трудной задачей работаетъ самъ нынѣшній владѣлецъ Остафьевскаго архива, сынъ поэта, князь П. П. Вяземскій. Но, не дожидаясь, пока это будетъ исполнено, князь Вяземскій весьма основательно не пожелалъ откладывать въ долгій ящикъ изданіе семейныхъ документовъ, уже приведенныхъ въ порядокъ. Вышеназванный томъ и составляетъ собраніе такихъ документовъ, характеризующихъ личность и дѣятельность дѣда князя П. П. Вяземскаго. Для своего времени—это, дѣйствительно, типическая личность. Вольтеріанецъ по образованію, князь Андрей Ивановичъ былъ въ то же время строгихъ правилъ служака, чуждавшійся фаворитизма, царившаго, какъ извѣстно, въ ту эпоху. Несмотря на то, что кн. А. И. и по воспитанію, и по образу мыслей, былъ человѣкъ екатерининскаго времени, онъ не принадлежалъ къ числу „екатерининскихъ орловъ“. Въ это время онъ былъ близокъ къ наслѣднику престола, Павлу Петровичу. Но настало новое царствованіе, и князь Вяземскій попалъ въ разрядъ обойденныхъ по службѣ, сколько можно заключить изъ относящихся сюда изданныхъ документовъ, потому что, вслѣдствіе независимости своего характера, „ни у кого величайшихъ отличностей не искалъ“. Служебный *point d'honneur*, однако, не позволялъ ему долго сносить этой обиденности и, пробывъ въ чинѣ генераль-поручика одиннадцать лѣтъ, князь Андрей Ивановичъ обратился къ государю съ просьбою объ отставкѣ. Прошеніе его весьма характерно.

„Тридцать лѣтъ—пишетъ Вяземскій,—какъ я имѣю счастье пользоваться милостями Вашими и тридцать лѣтъ, какъ моя преданность Вашему Императорскому Величеству извѣстна, дабы первой сдѣлаться достойнымъ я все въ моемъ повѣденіи употребилъ, чтобы могло меня до онаго предмѣта довести. Вѣроятно, но скоро послѣ главнѣйшею причиною моего притесненія и почтай гоненія въ то время, когда исканія и кривыя дороги были единственными способами къ достиженію покровительства, или лучше сказать, отданіе справедливости.

„При вступленіи Вашего Императорскаго Величества на Престолъ былъ я девять лѣтъ генераль-поручикомъ и пятой по старшинству, угодно было Вамъ меня помѣстить въ сенатъ и въ первыхъ мѣсяцахъ царствованія Вашего. Мои сверстники, князь Голицынъ и Левашевъ, пожалованы были въ генераль отъ инфантеріи, полгода послѣ онаго человѣкъ съ лишкомъ десять бѣвъ моложе меня произведены, и я взялъ смѣлость мою всеподданнѣйшую прозбу принести съ изъясненіемъ страха, не имѣлъ ли я не счастья прогнѣвить моего Государя, но скоро послѣ того ошастливленъ былъ отвѣтомъ, что гнѣва нѣтъ. А что люди въ другомъ родѣ службы по своей линіи достигли повышенія чинами такъ, какъ и я онаго въ свое время надѣяться могу на ряду съ тѣми,

съ коими теперь въ одномъ званіи служу и старшинствомъ щисляюсь. Послѣ онаго еще человекъ съ пятнадцать разныхъ службъ произведено моложе меня, а въ послѣднее время господа тайные совѣтники, и сенаторъ графъ Румяновъ и господинъ Валуевъ гораздо меня моложе взысканы милостію Вашего Императорскаго Величества, то имѣвъ нещастіе быть отдалену отъ моего Государа, занимавъ мѣсто, гдѣ вся моя ревность и усердіе къ службѣ не могутъ удостоиться замѣчанія одинадцатой годъ въ такомъ чинѣ, гдѣ мои прежнія подъ командующія были мѣньше двухъ лѣтъ, скорбящею душею нахожусь вынужденнымъ всеподданнѣйше просить уволить меня отъ службы“.

Другая сторона въ отношеніяхъ князя Вяземскаго къ службѣ, это—стремленіе вложить свою инициативу. Служилъ ли онъ въ военной конторѣ въ Москвѣ, управлялъ ли Пензенскимъ и Нижегородскимъ намѣстничествомъ, производилъ ли ревизію московскихъ конторъ въ качествѣ сенатора,—вездѣ такое стремленіе проявляется въ указаніи мѣропріятій, нововведеній и преобразованій. Тѣмъ, кто не понималъ его, или былъ недоволенъ суровостію и педантизмомъ въ обращеніи Вяземскаго, оно представлялось затѣей ума, испорченного западными „предрасудками“. Но уцѣлѣвшія записки по нѣкоторымъ вопросамъ показываютъ, что подобныя „затѣи“ далеко не отличались безжизненностью. Такова, между прочимъ, напечатанная въ разсматриваемомъ томѣ „Записка военная“. Въ ней изложены взгляды князя Андрея Ивановича на организацію арміи. Важнѣйшія стороны наиболѣе практичной организаціи войска выдвинуты авторомъ на первый планъ,—соблюденіе казенныхъ интересовъ и сбереженіе здоровья арміи. Въ этихъ видахъ, князь Андрей Ивановичъ предлагаетъ держать подъ ружьемъ лишь меньшую часть всего состава арміи; большая же часть ея, по минованіи военнаго времени, должна быть распущена по мѣстамъ родины. Практичность такого плана организаціи сознава была тольکو въ позднѣйшее время. Однаково и нововведенія въ обмундированіи, предлагаемая въ запискѣ князя Андрея Ивановича, были допущены въ нашей арміи лишь послѣ Наполеоновскихъ войнъ.

Но самый интересный отдѣлъ въ вышеприведенномъ томѣ составляютъ дружескія письма къ князю Андрею Ивановичу. Онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Нелединскимъ-Мелецкимъ, Ханыковымъ, Карамзинимъ, И. И. Дмитріевымъ, съ Зубовыми (въ особенности любопытны исполненныя драматизма письма графа Валеріана Зубова), графомъ Н. С. Мордвиновымъ, графомъ А. Р. Воронцовымъ и другими. Самая обширная переписка велась съ графомъ Воронцовымъ, и письма его изобилуютъ данными, интересными для историка конца царствованія Екатерины II и Павла I.

Особенность настоящаго изданія—та же, что и всѣхъ изданій, какими заявилъ себя князь П. П. Вяземскій. Это—такъ сказать, документальность. Издатель предпочитаетъ искусственному изложенію, составленному по матеріаламъ, печатаніе самихъ матеріаловъ. Въ общедоступности, разумѣется, проигрываетъ подобнымъ образомъ изготовленное изданіе, но за то выигрываетъ въ подлинности и исторической достовѣрности. Тутъ уже не можетъ встрѣтиться намѣреннаго искаженія документальныхъ свидѣтельствъ, для красоты слога или, вообще, въ видахъ наибольшей занимательности, какъ иногда случается у насъ съ архивными матеріалами. Въ научныхъ цѣляхъ, безъ сомнѣнія, помянутая документальность предпочтительнѣе популярности изданія.

В—овъ.

Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Лекціи читанныя въ копенгагенскомъ университетѣ Г. Брандесомъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе В. Невѣдомскаго. Москва, 1881.

Самое содержаніе этой книги въ настоящее время не представляетъ большаго интереса для русскихъ читателей. Задача датскаго лектора—изобразить противодѣйствіе французской литературѣ восемнадцатаго вѣка со стороны новаго романтическаго движенія, возникшаго въ началѣ настоящаго столѣтія—давно уже выяснена въ нашей наукѣ и представляетъ теперь, можно сказать, анахронизмъ. Мы не сказали бы этого, если бы въ лекціяхъ проводился какой нибудь новый взглядъ или выяснилось съ какой нибудь новой, нетронутой еще стороны, значеніе того или другаго литературнаго направленія; но читатели не найдутъ здѣсь почти ничего подобнаго. Ни въ общей характеристикѣ искусственно-классической литературы и романтической англо-германской школы, ни въ частныхъ разборахъ различныхъ представителей той и другой, авторъ не представляетъ фактовъ, которые могли бы измѣнить или даже пополнить понятія, установившіяся на этотъ предметъ въ современной наукѣ. Сказать теперь что нибудь новое для читателей, знакомыхъ съ сочиненіями Шерра, Ю. Шмидта, Шлоссера, Геттнера, Тэна, о Руссо и Вольтерѣ, о Мольерѣ и Шекспирѣ, о Гете и Байронѣ, объ античной поэзіи, нѣмецкомъ романтизмѣ и позитивной школѣ—очень не легко. И дѣйствительно, во всемъ, что говоритъ объ этомъ г. Брандесъ, русскіе читатели не найдутъ почти никакихъ новыхъ для нихъ выводовъ. Но въ лекціяхъ копенгагенскаго профессора есть сторона, которая можетъ интересовать даже людей, знакомыхъ съ литературою настоящаго столѣтія: онѣ даютъ понятіе о взглядѣ на этотъ предметъ современныхъ датскихъ ученыхъ, что, конечно, извѣстно у насъ не многимъ. Въ этомъ отношеніи, книга г. Брандеса, насколько она въ особенности касается самой датской литературы, несомнѣнно заслуживаетъ вниманія.

Извѣстно, что тѣ народы, которые играютъ невесьма выдающуюся роль въ политической и умственной жизни Европы, не чужды самовосхваленія и желанія представить свою духовную и литературную дѣятельность въ преувеличенномъ видѣ. Послушать, напримѣръ, грековъ, португальцевъ или венгерцевъ—можно подумать, что ихъ новѣйшія литературы чрезвычайно обильны талантами богатыми и самостоятельными. Ничего подобнаго не найдете вы въ лекціяхъ профессора Брандеса: взглядъ его на родную датскую литературу отличается крайней скромностью, даже, можно сказать, не всегда справедливою строгостью. Съ самаго начала вступленія къ своей книгѣ, авторъ утверждаетъ, что Данія по собственному почину никогда не вызвала никакого крупнаго умственнаго движенія, что въ ея жизни есть длинныя періоды, не ознаменовавшіе себя никакимъ достойнымъ вниманія поэтическимъ или научнымъ памятникомъ, и что страна обыкновенно черпала идеи изъ Германіи или Франціи. „Наша литература, говоритъ онъ, похожа на маленькую часовню въ большой церкви: у нея есть свой алтарь, но главный алтарь—въ другомъ мѣстѣ“. Если въ датской литературѣ въ началѣ настоящаго столѣтія и обнаружилась реакція противъ господствовавшихъ въ ней идей восемнадцатаго вѣка, то первый толчекъ къ этому данъ былъ извнѣ. Копенгагенскій профессоръ сѣтуетъ на то, что эта романтическая реакція противъ идей прошлаго столѣтія продолжается въ Даніи до сихъ поръ, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ она давно уже совершенно исчезла. Съ цѣлью показать, какъ мало по малу положенъ былъ конецъ

этой реакціи у другихъ народовъ, г. Брандесъ и читалъ свои лекціи въ копенгагенскомъ университетѣ. Въ литературномъ движеніи начала нынѣшняго вѣка онъ видитъ „большую драму“, которая, по его мнѣнію, представляетъ „шесть группъ“, соотвѣтствующихъ шести актамъ пьесы. „Въ первой, французской группѣ, въ литературѣ эмигрантовъ, получившей вдохновеніе отъ Руссо, начинается реакція, но въ ней реакціонныя стремленія еще постоянно перемѣшиваются съ революціонными. Во второй группѣ, въ склоняющейся къ католицизму нѣмецкой романтической школы, реакція усиливается и все болѣе отделяется отъ стремленій вѣка къ свободѣ и прогрессу. Третья группа заключаетъ писателей, которые во времена реставраціи были опорами легитимистовъ, и клерикаловъ, какъ Жозефъ де-Мэстръ, Ламартинъ и др. Четвертую группу составляетъ Байронъ и его послѣдователи. Пятую группу образуетъ французская романтическая школа и новое либеральное движеніе, къ которому примыкали Ламеннэ, Гюго, Жоржъ-Зандъ. Наконецъ, въ шестой группѣ движеніе переходитъ въ Германію, гдѣ явились Гейне, Берне, Ауэрбахъ и пр.“. Обращаясь отъ этой главной группировки идей къ датской литературѣ, профессоръ доказываетъ, что въ теченіи настоящаго столѣтія она подчинялась постоянно ихъ вліянію. Общей отличительной чертой своей литературы считаетъ онъ наивность, переходящую въ отвлеченный идеализмъ, котовый видѣнъ, будто бы, у всѣхъ датскихъ поэтовъ, начиная съ Эленшлегера и Ингемана и кончая Андерсеномъ и Гострупомъ. Изъ краткой характеристики нѣкоторыхъ представителей датской литературы ясно видно, что Брандесъ принадлежитъ къ послѣдователямъ новѣйшаго реализма и опредѣляетъ значеніе и важность искусства только по степени его прямаго отношенія къ жизни. Говоря, напримѣръ, о романахъ Ингемана, онъ считаетъ ихъ незначительными потому, что они не имѣютъ непосредственной связи съ жизнью, и при этомъ показываетъ крайне узкое пониманіе историческаго романа. „Они принадлежатъ къ тому, заимствованному изъ Шотландіи, не имѣвшему успѣха и теперь уже покинутому жанру историческаго романа, говоритъ онъ, который былъ изобрѣтенъ однимъ чистокровнымъ торіемъ и исходилъ изъ такого умственнаго настроенія, которое, подобно нашему, брало всѣ свои идеалы изъ прошедшихъ временъ. Такое умственное настроеніе отталкиваетъ отъ себя всѣ великія событія вѣка“. Изъ этого видно, какъ односторонне смотритъ лекторъ на родъ искусства, созданный Вальтеръ-Скоттомъ. вмѣстѣ съ неправильными понятіями, отвергаемыми современной наукой, мы встрѣчаемъ еще у Брандеса такія странности, которые должны озадачить всякаго читателя, мало-мальски знакомаго съ европейскими литературами. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ профессоръ въ началѣ своей книги: „Война за греческую независимость, которая послужила въ другихъ странахъ сигналомъ къ великимъ переворотамъ въ литературѣ, которая нанесла во Франціи и Германіи смертельный ударъ цѣлымъ школамъ и вызвала появленіе новыхъ школъ, которая заставила цѣлую массу писателей измѣнить свое направленіе и перейти въ оппозицію, не оставила въ датской поэзіи почти никакого слѣда“. Мы недоумѣваемъ, какой именно переворотъ въ литературѣ произвела греческая война за независимость и какія она вызвала гдѣ нибудь новыя школы въ искусствѣ, кромѣ развѣ самой Греціи. Въ характеристикѣ современной датской литературы г. Брандесъ высказываетъ, будто въ ней нѣтъ ничего типичнаго ни въ какой формѣ, за исключеніемъ отвлеченно-идеальной или отвлеченно-карикатурной. „Нигдѣ во всей Европѣ, говоритъ онъ, не было такихъ экзальтированныхъ идеаловъ, какъ въ Даніи, и

въ немногихъ странахъ встрѣчалась болѣе сдвѣнная духовная жизнь“. Мы имѣемъ поводы сомнѣваться въ справедливости такого суроваго приговора и, по смыслу самыхъ лекцій профессора, полагаемъ, что такой пристрастный отзывъ зависить отъ его либеральнаго воззрѣнія или, лучше сказать, отъ его политическихъ убѣжденій. Подобный взглядъ не новъ и въ русской литературѣ; у насъ были свои критики въ такомъ же точно направленіи, для которыхъ нормою при оцѣнкѣ писателей служило только отношеніе ихъ къ чисто реальной сторонѣ жизни, при чемъ самое искусство принималось въ соображеніе въ видѣ простой оболочки для прикрытія иныхъ дѣлей. Чтобы понять, на какую основную базу ставить датскій лекторъ свой обзоръ „теченіи литературы“ девятнадцатаго столѣтія, стоитъ прочесть послѣднія строки его вступленія. Говоря о желательной будущности своей страны, онъ ставитъ слѣдующую программу: „Требуется измѣненіе не столько виѣшнихъ законовъ,—хотя и оно необходимо — сколько всѣхъ общественныхъ понятій, которыя должны быть преобразованы и развиты молодымъ поколѣніемъ, прежде чѣмъ станеть возможнымъ возникновеніе новой литературы. Главная работа должна заключаться въ томъ, чтобы направить многочисленными каналами въ нашу сторону тѣ теченія, которыя исходятъ изъ революціи и идей прогресса, и въ томъ, чтобы приостановить реакцію на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ ея задача исторически уже выполнена“. Мы думаемъ, что для блага страны не слѣдовало бы, если это и возможно, направлять теченій прогресса никакими искусственными каналами, а нужно предоставить ему развиваться свободно и послѣдовательно: насильственными толчками и понужденіями нельзя оживить литературы, которая въ наше время представляетъ картину упадка и изнеможенія не въ одной Даніи.

А. М.

Русскій Архивъ. 1881 г. II книга.

Вторая книга „Русскаго Архива“ за нынѣшній годъ не представляетъ большаго интереса. Добрая половина ея занята перепечаткой „Донесенія Слѣдственной Комиссіи по дѣлу декабристовъ“. Издатель оговариваетъ свою перепечатку замѣчаніемъ, что „Донесеніе Слѣдственной Комиссіи“ нынѣ сдѣлалось книжною рѣдкостью; дѣйствительно, въ настоящую минуту довольно трудно найти „Донесеніе“ въ книжной лавкѣ, но еще весьма недавно оно продавалось почти за бездѣнокъ, и потому врядъ ли можно утверждать, что тотъ, кому понадобилась бы названная брошюра для справокъ, встрѣтитъ особое затрудненіе въ отысканіи ея. Во всякомъ случаѣ, причина, выставленная издателемъ, не оправдываетъ перепечатки брошюры на страницахъ историческаго журнала. Мѣсто такой перепечатки—въ особомъ сборникѣ, или же въ приложеніи къ журналу.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ разбираемой книгѣ, обращаютъ на себя вниманіе записки декабриста Г. С. Батенкова, озаглавленные авторомъ: „Данія. Повѣсть собственной жизни“; затѣмъ—бумаги князя В. Ѳ. Одоевскаго и записка митрополита Иннокентія о воспитаніи дѣтей.

Записки покойнаго Г. С. Батенкова интересны болѣе по имени автора, чѣмъ по своему содержанію. Онѣ распадаются рѣзко на двѣ части, мало между собою связанныя. Въ первой, авторъ, рассказывая о своемъ дѣствѣ, старается анализировать событія своего отрочества и свои первыя впечатлѣнія, какъ дан-

ныя, изъ которыхъ сложились его взгляды и даже дальнѣйшая жизнь. Этотъ анализъ нельзя, впрочемъ, назвать удачнымъ. Во второй части записокъ, авторъ пытается характеризовать реформаторскую дѣятельность Сперанскаго. Въ его реформахъ онъ видитъ опытъ „опредѣленія самодержавія черезъ него самого“. Гораздо вѣрнѣе, однако, видѣть въ образованіи государственнаго совѣта подражаніе наполеоновскимъ государственнымъ учрежденіемъ. Нельзя также согласиться съ авторомъ, что реформы Сперанскаго не повели къ усилению бюрократіи; напротивъ, бюрократическое управленіе получило вслѣдствіе ихъ сильнѣйшее развитіе; правда, Сперанскій установленіемъ экзаменовъ на чины думалъ возвысить чиновничество, но онъ никоимъ образомъ не способствовалъ ни его уменьшенію, ни созданію какого либо противовѣса бюрократіи.

Между бумагами князя В. Ѳ. Одоевскаго любопытна записка, поданная имъ въ 1861 году покойному государю по случаю конституціоннаго движенія, обнаруживавшагося въ средѣ московскаго дворянства. Такое движеніе князь приписываетъ недовольству уничтоженіемъ крѣпостнаго права. „Они (дворяне) говорятъ“, пишетъ онъ, „если даются новыя права крестьянамъ, то слѣдуетъ дать новыя права и дворянству“. Авторъ записки, на основаніи исторіи, доказываетъ, что дворянство наше никогда не имѣло никакихъ „особыхъ“ правъ, въ силу своего рода, развѣ права мѣстничества. „Сердце царево“, говоритъ князь, „не возмутится малодушнымъ голосомъ людей, которые подъ словомъ стараго порядка разумѣютъ лишь свою монополію на землѣ государевой и средство предаваться бездѣйствію, или своимъ затѣямъ. Подобные голоса раздавались и въ то время, когда крестьяне были отобраны отъ монастырей, когда было отбѣнено пожалованіе въ камеръ-юнкеры съ колыбели, съ правомъ на чинъ 5-го класса, когда потребовались для службы университетскіе аттестаты“...

Записка митрополита Иннокентія о воспитаніи дѣтей заслуживаетъ особаго вниманія. Дѣло идетъ въ ней объ установленіи при церквяхъ воскресныхъ бесѣдъ съ дѣтьми. Покойный митрополитъ считаетъ необходимымъ, чтобы всѣ дѣти съ 4—5 лѣтъ были обязаны посѣщать такія бесѣды. „Начинать ученіе“, говоритъ онъ, „надлежитъ именно съ того, чѣмъ начинается добрая мать, на примѣръ—съ того, какъ изображать на себѣ крестное знаменіе ¹⁾, какъ стоять на молитвѣ, какъ входить въ церковь, какъ въ ней стоять и т. д.“. Затѣмъ, онъ совѣтуетъ занимать дѣтей рассказами о житіи святыхъ, или изъ священнои исторіи съ объясненіями и нравоученіями. Хорошимъ пособіемъ при этомъ авторъ считаетъ иконы и священныя изображенія; бесѣды должны быть непродолжительны: иначе дѣти заскучаютъ. Нельзя не пожалѣть, что планъ покойнаго архипастыря московскаго доселѣ не приведенъ въ исполненіе.

А.

Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра. Выпуски I, II, III. Кіевъ. 1881.

Полезно ли и слѣдуетъ ли печатать студенческія сочиненія?—вогъ вопросъ, который нерѣдко слышится, когда заходитъ рѣчь объ изданіяхъ, подобныхъ „Сборнику сочиненій студентовъ университета св. Владиміра“. Возраженіе противъ

¹⁾ При этомъ митрополитъ замѣчаетъ, что дѣтей, приученныхъ къ двуперстному сложенію, нѣтъ надобности переучивать, дабы не возбуждать напраснаго недовольства въ родителяхъ.

нихъ всегда сводятся къ одному, а именно, что если сочиненіе студента достойно печати, то оно будетъ напечатано и помимо спеціальнаго сборника. На дѣлѣ, однако, студенческое сочиненіе должно значительно выходить изъ ряду, чтобы появиться на страницахъ какого либо журнала; какъ извѣстно, ему всегда будетъ предпочтено сочиненіе, хотя часто и не большаго ученаго достоинства, но автора, имѣющаго нѣкоторую ученую извѣстность. Къ студенческимъ сочиненіямъ не слѣдуетъ прилагать строго ученой мѣрки; они то же, что для учениковъ академіи художествъ такъ называемыя программы. Они должны свидѣтельствовать не объ учености авторовъ, а объ ихъ умѣннѣ взятыя за дѣло, о ихъ знакомствѣ, такъ сказать, съ ученой техникой. И сочиненія кievскихъ студентовъ вполне удовлетворяютъ такимъ требованіямъ.

Изданіе университета Св. Владиміра не первое въ своемъ родѣ. Въ немъ помѣщаются статьи, одобренныя профессорами, преимущественно удостоенныя награды медалями, и кандидатскія сочиненія. Не можетъ быть сомнѣнія, что видѣть свое сочиненіе въ печати—весьма лестная награда для молодаго чловека: она не можетъ не поощрить его къ дальнѣйшимъ трудамъ. Весьма желательно, чтобы и другіе университеты послѣдовали въ этомъ примѣру своего кievскаго собрата. Черезъ это установилось бы соревнованіе между учащимися различныхъ университетовъ; конечно, студенты одного университета явились бы самыми прилежными и строгими читателями сочиненій своихъ сотоварищей по наукѣ въ другихъ университетахъ.

Перечислимъ въ трехъ первыхъ выпускахъ разбираемаго изданія статьи, имѣющія отношеніе къ русской исторіи: 1) Исторія Льва Дьякона, какъ источникъ для русской исторіи, ст. Багалъя; 2) Хроника Дитмара въ томъ же отношеніи, ст. Голубовскаго; 3) Хроника Кадлубла въ томъ же отношеніи, ст. Ярмаховича; 4) Свѣдѣнія о Руси, встрѣчающіяся въ хроникѣ польскаго лѣтописца Мартина Галла, ст. Врублевскаго; 5) Записки о Московіи Іоанна Бернштейна (Кобенцеля) и принца Даніила Бухау, ст. Багалъя; 6) Исторія Сѣверной земли до половины XIV столѣтія, ст. Голубовскаго; 7) Вѣче въ кievской области, ст. Линниченки.

А.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Любопытная житейская запись 1706 года.

ИЖЕПРИВОДИМЫЙ документъ ярко характеризуетъ давно пережитую Русью эпоху. Поставленный въ ненормальныя отношенія къ помѣщику, крестьянинъ сильно страдалъ и нравственно, и экономически. Онъ не могъ ничего противопоставить эксплуататорскимъ стремленіямъ помѣщика, власть котораго была почти неограничена. Трудъ мужика цѣнился очень дешево, да и вообще цифры прежняго денежнаго вознагражденія за человѣческій трудъ поражаютъ насъ теперь своею ничтожностью, въ сравненіи съ теперешними цѣнами труда, даже самаго не сложнаго и не требующаго никакихъ познаній, кромѣ снаровки. Еще хуже было положеніе тѣхъ, которые, въ силу какихъ либо обстоятельствъ, принуждены были давать на себя кабальныя записи, т. е. поступать къ другому въ кабалу, или отдаваться вполнѣ на произволъ владѣтеля. Положеніе кабальныхъ людей живо напоминаетъ древнія времена рабства—илотовъ.

Житейская запись была, какъ вообще видно, тоже нѣчто въ родѣ кабалы, только съ болѣ ограниченными правами владѣтеля. Приводимая нами „житейская запись“, данная вольнымъ человѣкомъ Михайломъ Матвѣевымъ съ женою нѣкому Григорью Петрову Языкову (вѣроятно, изъ ярославскихъ помѣщиковъ), совершенная вполнѣ законнымъ образомъ и на гербовой бумагѣ, воочию показываетъ намъ, какъ дешево былъ человѣческій трудъ за сто восемьдесятъ лѣтъ до нашего времени.

На гербовомъ листѣ петровскихъ временъ, съ грубо-оттиснутымъ гербомъ (орелъ въ кругѣ въ видѣ вѣнка; надпись а ко, т. е. одна копейка), читается слѣдующее (сокращенія выпущены):

„Лѣта тысяща семь сотъ шестаго, генваря въ двадесятый день, волной человѣкъ Михайло Матвѣевъ женою своею Марьею Ѳедоровою дочерью даль сію житейскую запись Григорью Петрову сыну Языкову втомъ: занялъ я, Михайло, у него, Григорья, денегъ десять рублей, и тѣхъ денегъ платить мнѣ нѣчемъ, и за тѣ деньги жить мнѣ, Михайлу, женою своею у него, Григорья, и у детей ево вдоме, в Пошехонскомъ уѣздѣ, в селѣ Погорѣломъ, или гдѣ

«истор. вѣстн.», годъ II, томъ VI.

15

велятъ, тридцать лѣтъ. И живучи, своровскими людьми незнатца и никакимъ дурномъ не промышлять, и никуда отнихъ пезбежать, и ничего непокрасть, и низакого иного незаложитца. А напередъ сего я, Михайло, и жена моя Марья иному никому никакой на себя крѣпости не давали; а буде я, Михайло, и жена моя чего противъ сей житейской записи неисполнимъ—и ему, Григорью, и сдѣтямъ ево волно нанасъ бити челомъ великому государю. А указъ великаго государя на насъ безъ суда и безъ допросу по ихъ челобитью, какъ надлежитъ кабальнымъ и по житейскимъ записямъ людямъ, и крестьянамъ, и дворникомъ по записямъ.

„А у сей записи свидѣтель преображенскаго полку драгунъ Иванъ Алексѣевъ Дедевшинъ, а житейскую записъ ипсалъ пошехонской крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщикъ Петръ Грязновъ“.

На оборотѣ:

1755 г. генваря въ 6 д. попллины денегъ десять алтынь взято, и сія житейская записъ въ вингу записана. Подписалъ Петръ Грязновъ.

„Къ сей житейской записи троицкой попъ Григорей Гвановъ вмѣсто волново челоуѣка Михайла Матѣева и жены ево Марьи Ѳедоровы дочери, поихъ велѣнію руку приложилъ.

„У сей записи преображенскаго полку драгунъ Иванъ Дедевшинъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ“.

Впрочемъ и гораздо позже, въ 1756 году, трудъ челоуѣка немного повысился въ цѣнѣ: въ дѣлахъ ярославскаго магистрата встрѣчается интересное показаніе обвиненнаго въ волшебствѣ крестьянина Панова, что онъ жилъ въ Ярославлѣ у отставнаго солдата Партазанова „изъ найму по копѣйкѣ въ недѣлю, другой годъ“).

Сообщено А. В. Арсеньевымъ.

Грамота царя Ѳедора Алексѣевича чарондскому воеводѣ Данилову, 1679 года, о розыскѣ бѣглой крестьянки Аграфенки.

„Отъ царя и великаго князя Ѳедора Алексѣевича всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца—на Чаронду ²⁾ воеводѣ нашему Денису Ивановичу Давилону. Въ нынѣшнемъ во 187 году былъ челомъ намъ, великому государю, Иванъ Хлуденевъ, а въ челобитной ево написано: въ прошломъ де во 185 году поступился ему, Ивану, Василій Степановъ сынъ Неустроевъ вотчинные своей крестьянки Аграфенки Ивановны дочери Олешкинскою женою. А нынѣ де та ево крестьянка въ бѣгахъ вышла замужъ въ Чарондской округѣ въ Вожезерской волости, въ Пречистенской приходѣ, въ деревню Сокотню, за крестьянина за Мирюшку Естеева. И ты де безъ нашего великаго государя указу и безъ грамоты тое ево крестьянку не отдаешь и указу никаково не чпнишь... И намъ, великому государю, пожаловать бы ево Ивана велѣти тебѣ дать нашу великаго государя грамоту... И противъ нашего великаго государя указу и соборнаго уложенья и новыхъ статей, тое ево крестьянку Аграфенку и съ мужемъ отдать ему, Ивану, по крѣпостямъ.“

¹⁾ „Др. и Нов. Россія“, 1877 г., № 3, стр. 286. „Ярославль при Елизаветѣ Петровнѣ“.

²⁾ Чаронда — волость и село Новгородской губерніи, близъ Воже-Озера, въ 160 верстахъ отъ города Вологды.

А буде ты учнешь дѣлать напротивъ нашего великаго государя указу, а крестьянкѣ ево Ивановой съ мужемъ учнешь наровить, а ево, Ивана, волочить, и велѣть-бы то дѣло и крестьянку ево съ мужемъ выслать къ намъ великому государю къ Москвѣ, въ приказъ Устюжскіе чети съ нимъ, Иваномъ, къ очной ставкѣ. И какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ, и ты-бъ противъ челобитья Ивана Хлуденева въ Чарондѣ бѣглую ево крестьянку Аграфенку Иванову дочь велѣлъ сыскать, а сыскавъ, далъ бы судъ и розыскалъ доподлинно, а по суду и по сыску нашъ великаго государя указъ учинилъ по нашему великаго государя указу и по соборному уложенію и по крѣпостямъ.

„Писанъ на Москвѣ, лѣта 187 года, октября въ день.

Сообщено А. Е. Мерцаловымъ.

Письмо генераль-прокурора Оболянинова тамбовскому губернатору Литвинову.

Извѣстно, что императоръ Павелъ I съ особенною строгостію слѣдилъ за костюмами своихъ поданныхъ. При этомъ болѣе всего доставалось военнымъ, но и гражданскіе чины, даже отставные, повсемѣстно подвергались весьма строгому надзору. Письмо генераль-прокурора Оболянинова тамбовскому губернатору Литвинову касается именно вопроса объ одеждѣ гражданскихъ чиновъ. Вотъ это письмо:

„28-го февраля 1800 года.

„Милостивый Государь!

„По высочайшему повелѣнію подтверждается о строгомъ и неупустительномъ наблюденіи, дабы штатскіе чины и приказные служители и всѣ отставные, отнюдь не носили жилетовъ, куртокъ, панталоновъ и толстыхъ галстуконъ, и никакихъ фраконъ и другихъ платьевъ, кромѣ мундировъ по высочайше апробованнымъ образцамъ, гдѣ кто служить. А буде по мѣсту оныхъ не положено, то той губерніи мундиры, гдѣ пребываніе, или жительство и вотчины кто имѣтъ; а кафтаны нѣмецкіе не запрещаются. Непремѣнное чего исполненіе возлагается на точный отвѣтъ господъ губернаторовъ“.

Сообщено И. И. Дубасовымъ.

Встрѣча епископа Лаврентія вятскимъ духовенствомъ въ 1733 г.

Въ октябрѣ 1733 г., епископъ рязанскій Лаврентій, по указу императрицы Анны Ивановны, былъ перемѣщенъ изъ Рязани въ Вятку, „за нѣкія продерзости“, какъ замѣчено въ „Рязанскихъ Достопамятностяхъ“ ⁴⁾. Превосходя многихъ изъ своихъ собраній ученостію и даромъ слова, епископъ Лаврентій, какъ истый малороссъ, отличался необыкновенною вспыльчивостію своего характера, что и послужило причиною его перемѣщенія изъ одной епархіи въ

⁴⁾ Рукописный сборникъ конца прошлаго столѣтія, извѣстный подъ именемъ „Рязанскихъ Достопамятностей“, снабженный объясненіями, дополненіями и разнаго рода примѣчаніями, въ непродолжительномъ времени приготовленъ будетъ къ изданію.

другую²⁾. Понятно, какъ должно было отнестись къ назначенію такого начальника вятское духовенство, привыкшее въ четырнадцатилѣтнее управленіе добраго и слабохарактернаго еп. Алексѣя къ своеволю, безшабашному разгулу и всякаго рода безчинствамъ. При посредствѣ ближайшихъ къ святительской каедрѣ лицъ вятскихъ соборянъ, оно на первыхъ же порахъ рѣшилось устроить враждебную демонстрацію своему новому владыкѣ. Для первой же встрѣчи, по прибытіи епископа Лаврентія въ г. Котельничъ, соборяне, какъ говорить самъ преосвященный въ донесеніи своемъ синоду, привезли ему „мантію гадкую, всю изодранную, въ которой и мертваго архіерея гадко положить, съ тѣмъ умысломъ, чтобы ему въ той мантіи въ день рожденія ея высочества (цесар. Елисаветы Петровны, которая родилась 18-го декабря) молебень отправлять и въ той же мантіи въ градъ престольный (Вятку) всенародно, аки на поруганіе, шествовать“. По прибытіи епископа Лаврентія въ г. Вятку, соборяне и пѣвчіе постоянно пьянствовали и „въ противность преосвященному много чинили“, въ надеждѣ своею дерзостью и наглостью вывести вспыльчиваго владыку изъ границъ терпѣнія; но всѣ ихъ выходки онъ „терпѣніемъ своимъ заглаждалъ“. Января 6-го, когда слѣдовало идти на іорданъ и „обыкновенную для поповъ повѣстку великимъ звономъ учинить и рано при благовѣстѣ перезвонъ, какъ ведется, въ ходъ дѣлать“, но соборный ключарь Никита, будучи пьянъ, всего того не дѣлалъ до одиннадцатаго часа и такимъ коварствомъ своимъ „весь народъ въ сумнительство привелъ—будетъ ли обѣдня и ходъ на іорданъ“, почему освященіе воды было совершено уже вечеромъ. За такіе поступки ключарь, по распоряженію епископа Лаврентія, былъ взятъ въ духовный приказъ, гдѣ онъ, „будучи смертно пьянъ, много свирѣпѣлъ и скаредно матерными словами много бранился“. Послѣ того какъ ключарь былъ взятъ въ приказъ, протопопъ и прочіе соборяне „съ шумомъ пришли въ келью архіерейскую и говорили, „за что де ключаря нашего въ приказъ взяли?“ Января 8-го, ключарь Никита, во время панихиды по Θεодору Іоанновичу, „шумъ въ церкви учинивши, бросилъ ея императорскаго величества указъ съ табелью на столъ, на которомъ кутья стояла, и, сброся съ себя ризы, ушелъ изъ церкви съ шумомъ“. Виповные, однако, вскорѣ принесли епископу Лаврентію повинную, кромѣ ключаря Никиты, который куда-то скрылся. Его, по доносу преосвященнаго, указомъ святѣйшаго синода велѣно сыскать и „прислать въ С.-Петербургъ на его кошты за крѣпкимъ карауломъ, скована“. (Указъ 1734 г., 15-го іюня, въ архивѣ рязанской консисторіи). Пребываніе епископа Лаврентія въ вятской епархіи было непродолжительно: сраженный параличемъ, онъ чрезъ четыре года и три мѣсяца, по переходѣ изъ Рязани, скончался.

Сообщено И. В. Добролюбовымъ.

Разбои въ Тамбовской губерніи въ 1798 году.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Тамбовской губерніи довольно часто происходили случаи разбоевъ и убійствъ по большимъ дорогамъ, несмотря на извѣстное повелѣніе императора Павла по поводу разграбленія почты въ Костромской губерніи, по которому губернаторы должны были отвѣчать за всякій случай подобнаго грабежа своимъ имуществомъ, съ удаленіемъ отъ должности.

Печальный примѣръ костромскаго губернатора Кочетова, конечно, приводилъ въ постоянный трепетъ всѣхъ русскихъ губернаторовъ, но горю не по

соблялъ. Въ 1798 году, особенно опасно было проѣзжать по Кирсановскому уѣзду, въ которомъ наводила ужасъ на жителей разбойничья шайка изъ 19 человекъ. Однажды, въ окрестностяхъ Чембара, принадлежавшаго въ царствованіе императора Павла къ Кирсановскому уѣзду, проѣзжалъ обозъ съ разнымъ хлѣбомъ. И вотъ на этотъ обозъ напала шайка, состоявшая изъ 8 человекъ. Разбойники отняли у проѣзжавшихъ все: и лошадей, и хлѣбъ, и денегъ 150 рублей. Извозчикъ Кудановъ, вздумавшій было сопротивляться, былъ немедленно убитъ.

И это былъ далеко не единственный случай въ Кирсановскомъ уѣздѣ. По словамъ кирсановскаго уѣзднаго предводителя дворянства Мартынова, опасно было жить даже дома; и туда разбойники могли проникнуть неожиданно и во всякое время.

Слова предводителя Мартынова едва ли преувеличиваютъ тогдашнюю панику отъ разбойниковъ. Изъ переписки генераль-прокурора Оболянинова съ тамбовскимъ губернаторомъ Бахметевымъ видно, что только въ двухъ уѣздахъ Тамбовской губерніи было поймано разомъ 77 человекъ бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ. Въ то же время въ одномъ Козловскомъ уѣздѣ поймали 60 бѣглыхъ крестьянъ изъ разныхъ губерній. Нѣкоторые изъ этихъ бѣглыхъ проживали у пристанодержателей-помѣщиковъ, Ознобишина и Матвѣева. Бѣглыхъ крестьянокъ Матвѣевъ выдавалъ замужъ за своихъ крѣпостныхъ, хотя бы у нихъ были живы мужья. Въ Шацкомъ уѣздѣ были пойманы въ лѣсу, около такъ называемаго Теплаго стану, 8 разбойниковъ, которые напали на проѣзжихъ. Начальникомъ шайки былъ заштатный церковникъ Герасимъ Васильевъ. „Многое количество“ бѣглыхъ захвачено было также въ Липецкомъ уѣздѣ, на фабрикѣ Гарденина.

Вскорѣ кирсановскіе разбойники были пойманы въ Кирсановѣ засѣдателемъ Булатовымъ. Объ этихъ разбойникахъ дано было знать въ Петербургъ, и вотъ что писалъ генераль-прокуроръ Оболяниновъ тамбовскому губернатору И. С. Литвинову.

„По всеподданнѣйшему вашего превосходительства рапорту государю императору, что стараніемъ и расторопностію кирсановскаго нижняго земскаго суда засѣдателя Булатова поймано 15 разбойниковъ, и что остается по ихъ показаніямъ еще 4 человекъ, обязываюсь сообщить вашему превосходительству, чтобы вы, милостивый государь мой, съ пойманными злодѣями приказавъ поступить по всей строгости законовъ, приложили всевозможное стараніе къ отысканію остальныхъ сообщниковъ ихъ и о послѣдствіяхъ меня увѣдомили“.

19 марта Литвиновъ получилъ по этому дѣлу благодарственный рескриптъ отъ самого государя такого содержанія:

„Видя изъ рапорта вашего, отъ 20 февраля, какое усердіе и расторопность употребили вы при приложенномъ отысканіи виновниковъ по случаю открытыхъ вами смертоубійствъ и грабительствъ, въ Тамбовской губерніи происшедшихъ, объявляю вамъ мое благоволеніе, въ коемъ при такомъ долгу службы вашей исполненіи увѣрены вы быть можете.

„Павелъ“.

Однако, не смотря на разныя мѣры администраціи, порядковъ въ Тамбовской губерніи долго не водворялся. Въ 1800 г., съ 1-го мая по 1-е ноября, въ одномъ Тамбовѣ было поймано 709 человекъ бѣглыхъ, въ томъ числѣ 24 дезертира, 1 церковникъ, 1 послушникъ и 1 канцеляристъ.

Такимъ образомъ, Тамбовскій край еще недавно по праву могъ быть названъ „воровскимъ краемъ“, какъ его называли въ XVI и XVII столѣтїяхъ.

Сообщено И. И. Дубасовымъ.

Непрїятное, только не литературное приключеніе съ Ѳ. В. Вулгаринимъ.

„Въ нарвскую городовую полицію.

„Отставнаго коллежскаго ассесора
„Фаддея Венедиктова Булгарина
„Донесеніе.

Проѣзжая изъ Дерпта въ С.-Петербургъ, въ разстояніи около 200 шаговъ отъ Нарвскаго предмѣстья, жена моя увидѣла, что чужой человѣкъ сидитъ за нашимъ экипажемъ и работаетъ, чтобъ отвязать пакъ. Это было между 7 и 8 часами вечера, въ сумерки. Жена моя закричала: „воръ“,—но человѣкъ не слезъ, а когда я приказалъ остановиться и соскочилъ съ линейки, то воръ соскочилъ вмѣстѣ со мною. Это случилось въ концѣ фурштата. Я схватилъ вора за грудь. Онъ былъ въ бѣломъ нагольномъ тулупѣ и въ черной барашковой шапочкѣ, на подобіе фески. Воръ, отрываясь отъ меня и таща меня за собою, послизнулся и упалъ въ ровъ. Я не пускалъ его, крича караулъ, но хотя въ домѣ противолежащемъ было множество народу и на крикъ мой человѣкъ 20 показалося въ открытыя окна, но никто не двинулся съ мѣста. Воръ также звалъ на помощь какого-то Александра. Явился человѣкъ въ сибирскѣ, блѣдный и худощавый, безъ бороды. Воръ, пользуясь моею усталостью, вырвался изъ рукъ моихъ и бросился на меня какъ бѣшеный, сперва ухватилъ меня за лицо и разпаралъ, потомъ, не давъ опомниться, нанесъ чѣмъ-то крѣпкимъ,—вѣроятно, камнемъ, ударъ въ голову, отъ котораго я почти за-мертво упалъ на землю. Ко мнѣ прибѣжалъ на помощь находящійся при мнѣ частнымъ секретаремъ дворянинъ Игнатьевъ, но получилъ отъ вора такой ударъ въ грудь, что едва перевелъ духъ. Въ это время почтовые лошади, испугавшись крика, убѣжали съ экипажемъ, и я остался среди большой дороги, почти безъ чувствъ, въ рукахъ двухъ разбойниковъ, которые продолжали бить меня въ голову, вѣроятно имѣя желаніе умертвить. По счастью, на мнѣ была шапка, туго набитая ватой, а сверхъ того, я, по инстинкту, вида смерть предъ глазами, накрылъ голову сюртукомъ на ватѣ, а потому черепъ не пробить разбойниками. Между тѣмъ, возвратился мой экипажъ и жена моя привезла на помощь двухъ солдатъ, неизвѣстно какой команды, которые вмѣсто того, чтобы помогать мнѣ, посмотрѣли въ лицо вору и приняли его сторону. Воръ еще болѣе ободрился и сказалъ мнѣ, какъ я смѣлъ назвать его мошенникомъ, когда онъ хозяинъ дома. Но фамиліи своей не сказывалъ. Женщина, стоявшая на улицѣ въ нагольномъ тулупѣ, шепнула мнѣ, что пойманный мною воръ называется Сельскій. Онъ спокойно пошелъ въ домъ, отворилъ окно и смотрѣлъ на насъ, произнося ругательства. Я подошелъ къ нему подъ окно, чтобы всмотрѣться въ него, а народъ сказалъ мнѣ, что это точно Сельскій. Онъ былъ полуцыганъ и съ удивительною дерзостью ругался и призывалъ охотниковъ убивать нѣмцевъ, почитая меня нѣмцемъ, потому что я говорилъ по-нѣмецки съ женою.

²⁾ „Истор. обзор. іерархіи рязанской“, стр. 241.

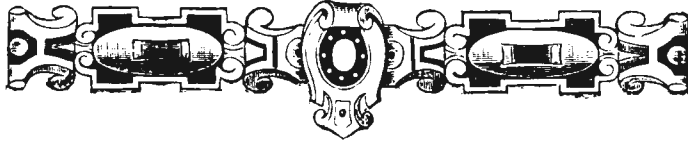
„Надо быть лишеннымъ ума, чтобы остановиться на большой дорогѣ и броситься на человѣка, обвиняя его въ воровствѣ. Слѣдовательно, невозможно даже предполагать, что я напрасно обвинялъ Сельскаго, когда б особь, бывшихъ въ экипажѣ, видѣли, какъ онъ сидѣлъ за экипажемъ. Говорятъ здѣсь, что одна дочь Сельскаго въ замужествѣ за священникомъ, а другая за богатымъ купцомъ, и хотя онъ извѣстенъ, какъ человѣкъ дурной нравственности, но что онъ выпутается, хотя уличенъ въ намѣреніи отрѣзать пакъ и въ разбоѣ на большой дорогѣ. Надѣясь на правосудіе Нарвской полиціи, я долгомъ поставлю извѣститься о сдѣланномъ Сельскимъ преступленіи и по пріѣздѣ въ Петербургъ доведу о случившемся до свѣдѣнія господъ шефа жандармовъ, министра внутреннихъ дѣлъ, военного генералъ-губернатора и гражданского губернатора, чтобы удаленіемъ Сельскаго изъ города и примѣрнымъ наказаніемъ его за увѣче дворянина и покушеніе къ воровству избавить другихъ проѣзжихъ отъ угрожающей имъ опасности. Въ городѣ Нарвѣ, 18-го сентября 1837 года.

„Подписать коллежскій ассесоръ Фаддей Булгаринъ“.

„Примѣчаніе. Женщина, сказавшая мнѣ что пойманный мною воръ есть Сельскій, называется Авдотья. Я и вышеупомянутый дворянинъ Игнатьевъ видѣли Сельскаго въ окнѣ его собственнаго дома и узнали его. Все показанное готовъ я утвердить присягою. Авдотью мы нашли потомъ въ домѣ Сельскаго. Кромѣ причиненнаго мнѣ Сельскимъ увѣчья, отъ котораго стражду и совершенно боленъ, Сельскій разорвалъ на мнѣ и на дворянинѣ Игнатьевѣ шинели и скюртки“.

Сообщено Д. Л. Мордовцевымъ.

СМѢСЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ о Лермонтовѣ. Госпожа Шанъ-Гирей сообщаетъ въ газетѣ „Новое Время“ слѣдующія любопытныя воспоминанія о поэтѣ М. Ю. Лермонтовѣ:

„Въ послѣднее время въ газетахъ были описанія происходившаго въ Пятигорскѣ, 15-го іюля, чествованія памяти М. Ю. Лермонтова; въ сообщеніяхъ этихъ вкрались нѣкоторыя неточности. Современниковъ происшествія 1841 года, бывшихъ тогда въ Пятигорскѣ, осталось немного, кромѣ меня, я же еще и потому считаю себя въ правѣ высказаться, что мое имя нерѣдко упоминается при разсказахъ о кончинѣ Лермонтова. Между прочимъ, печатью, съ чьей-то легкой руки, распространено мнѣніе, что я послужила Лермонтову прототипомъ княжны Мери; при этомъ меня называютъ по фамиліи—Верзилина. Фамилія моя Клингенбергъ; вышла я замужъ за родственника Лермонтова, Акима Павловича Шанъ-Гирей, который жилъ и воспитывался вмѣстѣ съ Лермонтовымъ у общей ихъ бабушки Арсеньевой и оставался близокъ и бабушкѣ, и славному внуку ея, до конца ихъ жизни.

„Я познакомилась съ М. Ю. Лермонтовымъ лишь въ послѣдній прїѣздъ его въ Пятигорскъ, въ 1814 году, слѣдовательно, спустя два года послѣ того, какъ былъ напечатанъ его романъ; поэтому напрасно мнѣ приписываютъ роль, которой я никакъ не могу принять.

„Между находящимися въ императорской публичной библіотекѣ рукописями, подаренными мужемъ моимъ, писанными Михаиломъ Юрьевичемъ, а частью и рукою мужа моего, которому Лермонтовъ иногда диктовалъ свои творенія, находится и рукопись „Герой нашего времени“; мужу извѣстны нѣкоторыя изъ лицъ, служившихъ оригиналами героевъ этого романа, и объ этомъ въ свое время будетъ сказано; могу только завѣрить, что прямо Лермонтовъ ни съ кого не списывалъ, а собиралъ въ герояхъ своихъ черты, раскинутыя въ разныхъ встрѣчаемыхъ имъ лицахъ. Напрасно стараться видѣть въ образахъ его непременно то или другое лицо: это также невѣрно, какъ и предположеніе, будто Печоринъ—самъ Лермонтовъ, о чемъ говоритъ и авторъ въ предисловіи къ своему 2-му изданію: „...тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... старая и жалкая штука! Но видно, Русь ужъ такъ сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ глупостей“.

„Въ Пятигорскѣ появился „гротъ Лермонтова“. Въ мѣстномъ „Листкѣ“ (19-го іюля 1881 г.) даже говорится о „живописномъ гротѣ Лермонтова, гдѣ онъ такъ любилъ сидѣть, и который вдохновилъ его; въ этомъ гротѣ Лермонтовъ познакомился съ особой, имѣвшей вліяніе на все его будущее“. Лермонтовъ дѣйствительно описывалъ, какъ въ гротѣ этомъ встрѣчается съ Вѣрою Печоринъ, но самъ онъ здѣсь не знакомился съ особой, имѣвшей вліяніе на все его будущее. Эта особа частью, лучшими красками, изображенная въ характерѣ Вѣры, никогда не была въ Пятигорскѣ. Самъ Михаилъ Юрьевичъ въ гротѣ этомъ бывалъ не чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, а слухи, будто онъ здѣсь писалъ „Демона“, уже совершенно лишены всякаго основанія. Гротъ

этотъ лучше было бы назвать „гротъ Печорина“. Другой гротъ, находящійся теперь въ пренебреженіи, „гротъ Діаны“, служилъ Лермонтову и друзьямъ его мѣстомъ, въ которомъ они собирались и даже устраивали вечеринки съ иллюминаціей и музыкой.

„Что касается до грота, называемаго „гротомъ Лермонтова“, то нельзя не высказать глубокаго сожалѣнія о его изуродованіи. Натуральный гротъ испорченъ искусственною правильною аркою изъ тесаннаго камня, образующею теперь входъ въ него. Самый гротъ закрытъ высокою желѣзною рѣшетчатою дверью, чтобы охранить поставленную въ немъ черную доску со стихами; надъ гротомъ лира и надпись изъ листового желѣза съ позолотой. Романическій этотъ гротъ до обидности испорченъ, и почитатели Лермонтова съ негодованіемъ отворачиваются отъ этого безобразія. За рѣшеткой поставили теперь бюстъ поэта и окружили его вѣнками и лентами, свидѣтелями послѣдняго торжества. Бѣдный Лермонтовъ! Желѣзная рѣшетка съ огромнѣйшимъ замкомъ невольно приводитъ на память стихи его:

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая съ замкомъ...

„По счастью, за рѣшетку посаженъ не Лермонтовъ, а какой-то истуканъ, вымазанный подъ бронзу, съ пошлѣйшимъ выраженіемъ лица, ни мало даже не напоминающій осмысленной фізіономіи поэта ни чертами, ни выраженіемъ. Конечно, мы не обвиняемъ этимъ распорядителей чествованія: они выписали бюстъ изъ Петербурга—какой высланъ, такой и поставили.

„Мужъ мой, какъ родственникъ Лермонтова, хотя и былъ почтенъ распорядителями приглашеніемъ участвовать въ чествованіи памяти поэта, но по нездоровью не могъ прибыть къ церемоніи прибитія доски къ домику, гдѣ жилъ Лермонтовъ; неосновательно, слѣдовательно, сообщеніе, будто имъ вбитъ первый гвоздь.

„Напрасно въ статьѣ „Новостей“ говорится, что домикъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ, никому неизвѣстенъ: его всѣ знаютъ въ Пятигорскѣ. Уголь его двора касается моего, и мнѣ самой не разъ случалось указывать его посѣтителямъ. Постыдное назначеніе, приписываемое ему статьей—совершенная неправда; какъ ближайшая сосѣдка, могу о томъ свидѣтельствовать. Уважаемый В. И. Чилаевъ, бывший нашъ предводитель дворянства, никогда бы не рѣшился запятнать свое имя подобнымъ поступкомъ.

„Дуэль происходила на полянѣ въ лѣсу, верстахъ въ трехъ отъ Пятигорска, вправо отъ дороги въ вѣмецкую колонію Карась. Мѣсто, гдѣ лежалъ трупъ поэта, въ точности неизвѣстно; приблизительно же оно на двѣхъ опредѣлено біографомъ Лермонтова, профессоромъ П. А. Висковатовымъ, съ помощью всѣхъ собранныхъ показаній и на основаніи встрѣтившихся съ этими показаніями увѣреній Чухнина, бывшего извозчика и брата того Чухнина, который привезъ тѣло Лермонтова съ поединка. Чухнинъ не разъ возилъ посѣтителей къ тому мѣсту, о чемъ свидѣтельствуетъ и самъ Мартыановъ („Всемирный Трудъ“) 1870 г., № 19). Мѣсто было опредѣлено въ присутствіи вице-губернатора, г. Явобсона, а контрагентомъ кавказскихъ минеральныхъ водъ, г. Байковымъ, на собственный счетъ ставится чугунный ажурный крестъ, который уже зазанъ.

„Изъ шести соучастниковъ кровавой драмы, теперь въ живыхъ одинъ лишь князь Александръ Илларионовичъ Васильчиковъ, которому и извѣстны ея подробности. Лермонтовъ былъ пораженъ на вылетъ въ правый бокъ, повыше пояса; пуля вышла въ спину, ниже лѣвой лопатки. Одинъ изъ секундантовъ, Глѣбовъ, дня черезъ два послѣ дуэли, лично рассказывалъ мнѣ, что, когда князь Васильчиковъ поскакалъ верхомъ за докторомъ и извозчикомъ, то онъ, Глѣбовъ, оставался подъ проливнымъ дождемъ и непрерывными ударами грома, держа на кобьняхъ убитаго поэта, и такъ провелъ мучительнѣйшій часъ, пока пріѣхали дрожки и увезли бездыханное тѣло въ домъ г. Чилаева.

„Похороненъ Лермонтовъ былъ въ Пятигорскѣ протоіереемъ, отцомъ Павломъ, а на общемъ кладбищѣ, по обряду православной церкви, и не въ одинокой, а во временной могилѣ, такъ какъ всѣ предполагали, что тѣло будетъ перевезено въ имѣніе Арсеньевой, Тарханы, что и было высочайше разрѣшено. Никакихъ наущеній со стороны мѣстной аристократіи не было; да и кого авторъ статьи разумѣетъ подъ этимъ названіемъ, понять трудно. Вся публика, мѣстная и пріѣзжая, съ искреннимъ сожалѣніемъ, а частію и со сле-

зами, провожала на кладбище тѣло поэта, котораго всѣ уважали и почитали за великій талантъ.

„Съ тѣхъ поръ прошло 40 лѣтъ, и вотъ, съ разныхъ сторонъ стали слышаться какъ бы упреки Пятигорску въ невниманіи къ памяти поэта; но что же могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи небольшой уѣздный городокъ съ ничтожными своими средствами? Притомъ Лермонтовъ, какъ писатель, принадлежитъ кажется, не одному Пятигорску, а всей Россіи; однако, не представителямъ отечественной интеллигенціи, въ лицѣ столичной прессы или разныхъ кружковъ россійскихъ литераторовъ, принадлежитъ починъ въ дѣлѣ сооруженія памятника Лермонтову, а Пятигорску, и именно, стоящему во главѣ контрагентства кавказскихъ минеральныхъ водъ г. Байкову; уже болѣе 10 лѣтъ, какъ, вслѣдствіе его ходатайства, Высочайше разрѣшена подписка на это сооруженіе, а до послѣдняго чествованія собрано, къ прискорбію, не болѣе 18 тысячъ вмѣстѣ съ процентами, и первую ленту принесли два крестьянина Тамбовской губерніи.

„Нѣсколько молодыхъ людей захотѣли и съ своей стороны помочь этому дѣлу и, не жалѣя ни хлопотъ, ни трудовъ, которыхъ было очень немало, устроили первое торжественное чествованіе памяти великаго поэта въ сороковую годовщину его кончины, 15-го іюля; день его рожденія, 3-е октября, приходится тогда, когда Пятигорскъ совершенно пустѣетъ. Торжество вышло удачно и доставило въ собираемый капиталъ двѣ тысячи рублей; если же при этомъ и случались нѣкоторыя эксцентричности, то онѣ скорѣе могли бы вызвать лишь легкую улыбку строгаго цѣнителя приличій, чѣмъ

...Желѣзныи стихъ,
Облитый горечью и злостью!

какъ заявили „Московскія Вѣдомости“.

„Поэтому нельзя не пожалѣть, что періодическая печать наша встрѣтила такъ враждебно манифестацію, по мысли заслуживающую полнѣйшаго сочувствія. Въмѣсто глумленія, достойнѣе было бы ей своимъ вліяніемъ содѣйствовать осуществленію мысли сооруженія памятника великому поэту.

Открытіе памятника Гоголю въ Нѣжинѣ. Заимствуемъ изъ газеты „Кіевлянинъ“ описаніе торжественнаго открытія въ Нѣжинѣ, 4-го сентября, памятника Гоголю, сооруженнаго комитетомъ, образовавшимся въ этомъ городѣ.

„Особыхъ приглашеній къ участию въ торжествѣ почти не разсылалось, поэтому собравшіеся на празднество почетные гости и депутаты были по преимуществу изъ Кіева и ближнихъ мѣстъ.

„Всѣ эти лица, а также масса публики какъ мѣстной, такъ и пріѣзжей, и нѣжинскія учебныя заведенія in corpore собрались къ 9 ч. утра въ зданіе филологическаго института. Туда же депутаты различныхъ учреждений, корпорацій и обществъ, принесли вѣнки и эмблемы, приготовленные для увѣнчанія бюста. Въ 9½ ч. утра въ церкви института отслужена была обѣдня, панихида и молебствіе, причемъ настоятелемъ институтской церкви, протоіереемъ А. Θ. Хойнацкимъ, была произнесена проповѣдь. По окончаніи богослуженія, изъ двора института двинулась торжественная процессія, составленная въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ шли воспитанницы мѣстной женской гимназіи, далѣе воспитанники мужской гимназіи и нѣжинскаго филологическаго института, затѣмъ почетные гости, представители г. Нѣжина съ и. д. городского головы во главѣ, профессорская корпорація института и учителя мѣстныхъ учебныхъ заведеній; наконецъ, за ними двигались группа депутатовъ въ числѣ 14-ти мушкетеровъ и 3-хъ дамъ, съ вѣнками и различными эмблемами, дѣлясь на ряды, причемъ въ началѣ помѣщались депутатки отъ женскихъ учебныхъ заведеній, за ними слѣдовали депутаты отъ мужскихъ учебныхъ заведеній Нѣжина и Кіева, общества драматическихъ писателей, редакцій 3-хъ кіевскихъ газетъ, служащихъ кіевского земельного банка, кіевскихъ, нѣжинскихъ и житомирскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Каждая отдѣльная группа въ процессіи имѣла во главѣ особый значекъ, на подобіе знамени. Въ числѣ почетныхъ гостей находились: черниговскій губернаторъ, кн. Шаховскій, супруга кіевского губернатора Екат. Мих. Гессе, нѣжинскій предводитель дворянства В. В. Тарновскій съ супругою, кн. Рѣпинъ, П. А. Кочубей, графъ Мусинъ-Пушкинъ и другіе. Хотя кіевскій университетъ не посылалъ депутаціи, тѣмъ не менѣе представителями университета явились профессоры: Н. К. Ренненкампфъ, Ю. Д. Сидоренко, П. В. Павловъ, В. А. Бецъ, Д. И. Пихно, И. В. Лучицкій и Ф. Г. Мищенко.

При звукахъ военного оркестра, игравшаго „Коль славленъ“, процессія двинулась среди толпы народа по улицамъ, ведущимъ къ городскому саду. Дома на пути движенія процессіи были украшены флагами и повсюду въ окнахъ, на балконахъ, мѣстами даже на крышахъ и колокольняхъ, лѣнился народъ, любяща на торжественное шествіе.

„По прибытіи въ городской садъ, процессія, при колокольномъ звонѣ и звукахъ музыки, прошла по аллеямъ, украшеннымъ флагами, и остановилась у бюста, помѣщавшагося внутри цвѣточной арки, декорированной флагами и транспарантами съ названіями сочиненій Гоголя. Памятникъ, освобожденный отъ покрывала, явился глазамъ въ видѣ гранитной четырехъ-угольной колонны, стоящей на небольшомъ холмикѣ. На вершинѣ колонны — бронзовый бюстъ Гоголя, а на одной ея сторонѣ—надпись: „Родился въ Малороссіи 19 марта 1810 г., поступилъ въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко въ 1821 г. кончилъ въ 1828 г. Умеръ въ Москвѣ 21-го февраля 1852 года и погребенъ въ московскомъ Донскомъ монастырѣ“. Съ другой стороны вырѣзано: „И долго еще опредѣлено мнѣ чудною властью озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“. Предсѣдатель комитета по сооруженію памятника, г. Дейкунъ, войдя на обитую краснымъ сукномъ эстраду, устроенную у подножія бюста, прочелъ актъ передачи монумента въ вѣдѣніе города. Послѣ этого городской голова прочелъ заявленіе о принятіи городомъ памятника, причѣмъ музыка заиграла національный гимнъ и громкое „ура“ огласило площадь и близъ-лежащія улицы. Вслѣдъ за этимъ депутаты начали поочередно входить на эстраду и вѣнчать вѣнки и эмблемы къ подножію монумента. Порядокъ возложенія былъ слѣдующій: прежде всего шли депутаты отъ города Нѣжина, затѣмъ депутатки отъ женскихъ учебныхъ заведеній, за ними—депутаты отъ газетъ и т. д. Каждое возложеніе вѣнка сопровождалось громкимъ „ура“ громадной толпы, сливавшимся со звуками оркестра. По окончаніи этой церемоніи, часть вѣнчовъ была отправлена въ залу торжественныхъ собраній института, гдѣ они послужили декорацией портрету Гоголя, помѣщавшемуся надъ кафедрой, съ которой должны были читаться рѣчи. Въ этой залѣ въ 1 ч. дня собрались всѣ почетные гости, депутаты и публика, не вмѣстившаяся вся въ залѣ и наполнившая сосѣднее помѣщеніе. Тогда г. Дейкунъ прочиталъ поздравительныя телеграммы, полученные отъ разныхъ учреждений, редакцій и лицъ, и два стихотворенія, написанныя одно студентомъ, другое г-жей Львовой. По прочтеніи телеграммъ и стихотвореній, Н. Я. Гротъ прочелъ отчетъ комитета по сооруженію памятника.

„Затѣмъ директоръ института г. Лавровскій прочелъ прекрасную рѣчь, въ которой изложилъ біографію Гоголя и нарисовалъ передъ слушателями нравственный образъ великаго писателя.

„Послѣ еще двухъ рѣчей, торжественное собраніе закрылось при звукахъ національнаго гимна.

„Въ 6 час. вечера, нѣжинскимъ предводителемъ дворянства, В. В. Тарновскимъ, былъ устроенъ въ большомъ залѣ института обѣдъ слишкомъ на сто персонъ. Въ обѣдѣ этомъ участвовали почетные гости, многіе иногородные депутаты и приглашенные изъ мѣстныхъ жителей.

„Вечеромъ громадная масса мѣстныхъ жителей, не смотря на дождь, гуляла въ городскомъ саду, гдѣ играла музыка возлѣ недурно иллюминированнаго вновь воздвигнутаго памятника.

„Хоръ гимназистовъ и студентовъ института пѣлъ возлѣ памятника до поздней ночи національный гимнъ, а толпа сопровождала его криками „ура“.

„Въ день торжества, а равно и въ слѣдующій день, занятія въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ были пріостановлены.“

Сооруженіе памятника обошлось въ 5025 р. такъ что въ распоряженіи комитета остается еще слишкомъ 3000 р. Комитетъ предполагаетъ обсудить вопросъ о томъ, на что лучше употребить этотъ остатокъ: на дешевое ли изданіе сочиненій Гоголя, на учрежденіе ли стипендіи его имени въ заведеніи, гдѣ онъ воспитывался, или на какое другое дѣло, связанное съ его именемъ.

Бюстъ Гоголя исполненъ художникомъ Забѣлой, а скульптурныя и бронзовыя украшенія на памятникѣ—въ мастерскихъ Ботта и Шопена.

Памятникъ на могилѣ А. Ѳ. Погоессаго. Недавно, на петербургскомъ Волковомъ кладбищѣ, надъ прахомъ извѣстнаго народнаго писателя А. Ѳ. Погоессаго соору-

женъ скромный, но изящный памятникъ. Мысль о постановкѣ памятника возникла еще въ день погребенія Погоесскаго, 29-го августа 1874 года, когда однимъ изъ присутствовавшихъ, въ виду свѣжей могилы безвременно умершаго талантливаго писателя, было предложено открыть подписку на памятникъ. Небольшой кружокъ членовъ петербургскаго комитета грамотности, на пользу которой всю жизнь честно и неутомимо работалъ А. Ф. Погоескій, взялъ на себя организацию задуманнаго дѣла, и въ довольно короткое время сборъ пожертвованій достигъ 769 рублей. Въ числѣ жертвователей первое мѣсто принадлежитъ покойному государю Александру Николаевичу, который зналъ и любилъ Погоесскаго, какъ неподражаемаго писателя для солдатъ и издателя народныхъ журналовъ. Къ собранной суммѣ добавлено было изъ средствъ самого комитета грамотности до 600 руб., и тогда же приступлено къ началу работъ по сооруженію памятника. Онъ сдѣланъ по проекту архитектора Горностаева, изъ бѣлаго мрамора, въ мастерской скульптора Ботта. На цоколѣ изъ темнаго гранита высится усѣченный обелискъ съ крестомъ на вершинѣ и лавровымъ рельефнымъ вѣнкомъ на лицевой сторонѣ; внутри вѣнка надпись славянскою вязью: „Народному писателю“; по бокамъ цифры: „1816—1874 г.“; на верху—„Попеченіемъ комитета грамотности Александру Фомичу Погоесскому“, а внизу извѣстное четверостишіе:

„Друзья, могила здѣсь сокрыла
 „Того, чье имя не умереть,
 „Того, чье сердце такъ любило
 „Солдата и простой народъ“.

Вокругъ памятника—изысканная желѣзная рѣшетка и нѣсколько деревьевъ. Памятникъ, несмотря на свои скромные размѣры, все же представляетъ отрядный фактъ общественнаго признанія заслугъ одного изъ наиболее видныхъ дѣятелей на поприщѣ служенія умственнымъ интересамъ русскаго простолюдина.

Памятникъ на могилѣ Н. А. Некрасова. 13 сентября, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, произошло открытіе памятника надъ могилой Некрасова. Публики собралось по меньшей мѣрѣ до 2,000 человекъ, и вдали отъ могилы Некрасова было такъ тѣсно, что громадному большинству едва возможно было видѣть верхнюю часть памятника. Дамы, студенты, старые друзья и почитатели поэта, литераторы и журналисты, составляли главную массу въ этой разнообразной толпѣ. Памятникъ представляетъ пирамидальную съ уступами колонну изъ чернаго мрамора, на которой высится бронзовый грудной бюстъ поэта, замѣчательно похожий, работы Чиждова. На лицевой сторонѣ постамента высѣчена на мраморѣ надпись: „Некрасовъ“, а пониже—„1821—1877“—годы рожденія и смерти поэта. Еще ниже виднѣтся надпись изъ извѣстныхъ стиховъ Некрасова:

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное...
 „Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
 „Русскій народъ...“

Все подножіе, равно какъ и всѣ углы памятника, исчезли подъ множествомъ вѣнковъ и цвѣтовъ, принесенныхъ публикою. Въ сторонѣ, на высокихъ древкахъ, виднѣлся громадный вѣнокъ, съ надписью по срединѣ, изъ бѣлыхъ цвѣтовъ: „Отъ студентовъ сиб. университета“. Послѣ панихиды было произнесено нѣсколько рѣчей, изъ которыхъ многія были встрѣчены очень радужными привѣтствіями.

Справочный и объяснительный словарь къ новому завѣту. Г. Гильтебрандтъ издалъ недавно объяснительную записку къ предпринятому имъ обширному труду подъ заглавіемъ „Справочный и объяснительный словарь къ новому завѣту“. Составитель излагаетъ предварительно исторію вопроса, а затѣмъ знакомитъ и съ своимъ предпріятіемъ.

Идея подобнаго труда не нова. Она давно уже имѣетъ свою исторію. Выѣстъ съ распространеніемъ христіанства, стала распространяться и библія, т. е. священное писаніе, въ двухъ его половинахъ, ветхозавѣтной и новозавѣтной. Благочестивое чтеніе и изученіе библіи первыми христіанами, только что слагавшійся обиходъ первоначальнаго христіанства — вызвали письменность апостольскаго и вселенскихъ соборовъ, письменность свято-отеческую, письменность отцевъ и учителей церкви. Съ теченіемъ времени, обіиѣ и разнообразіе толкованій побудили искать истиннаго и законнаго истолкователя неясныхъ мѣстъ священнаго писанія въ самомъ же священномъ писаніи, въ мѣстахъ его болѣе ясныхъ и полныхъ, въ мѣстахъ параллельныхъ, въ такъ называемыхъ параллелизмахъ.

Указанія на эти параллельныя мѣста дѣлались или въ особыхъ изданіяхъ библии, снабженныхъ цитатами, или въ такъ называемыхъ „симфоніяхъ“ и „конкорданціяхъ“, трудахъ лексикографическихъ, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ. Симфонія или конкорданція въ переводѣ на русскій языкъ значить согласіе, т. е. согласованіе, собраніе во-едино, въ алфавитномъ порядкѣ, всѣхъ рѣченій, всѣхъ словъ въ священномъ писаніи, причемъ цитаты, относящіяся къ тому или другому рѣченію, производятся или въ цѣломъ предложеніи, или въ отдѣльной фразѣ, въ порядкѣ книгъ, ихъ главъ и стиховъ.

Потребность въ этихъ симфоніяхъ, или конкордаціяхъ, была сознаана еще задолго до книгопечатанія. Антоній Падуанскій, жившій на рубежѣ XII и XIII вѣковъ, одинъ изъ первыхъ составилъ „Concordantiae morales sacrae scripturae“. Это былъ первый опытъ справочнаго словаря къ св. писанію, восполненный въ томъ же XIII вѣкѣ извѣстнымъ доминиканомъ Гуго де-Санто-Каро, при содѣйствіи, можно сказать, цѣлой арміи монаховъ-доминикановъ, арміи, насчитывавшей въ себѣ 500 человекъ лексикографовъ.

Послѣ средневѣковаго схоластическаго гнета не только религіи, но и науки, когда послѣдовала знаменитая эпоха возрожденія, когда зародились новыя идеи,—печатный станокъ былъ посвященъ воспроизведенію св. писанія, печатанію симфоній и конкорданцій, какъ первыхъ, необходимыхъ пособій при чтеніи и изученіи священнаго писанія.

Въ каждой странѣ и у cadaго народа, еще на зарѣ книгопечатанія, стали появляться изъ-подъ печатныхъ станковъ, во-первыхъ, библии, затѣмъ — толкованія и различныя и многообразныя пособія, въ видѣ конкорданцій, симфоній и другихъ словарей. Даже и самыя толкованія на библию, отъ времени размножившіяся, сдѣлались предметомъ особой разработки, въ видѣ такъ называемыхъ „Catena“ или сводовъ. Эта любовь къ чтенію и изученію священнаго писанія, достигшая громаднхъ и важныхъ результатовъ, перешла въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ замѣчательно-ревностную любовь къ распространенію слова Божія. Любовь эта растетъ и множится, даже въ наши дни, особенно въ Англии. Уже въ исходѣ XVII вѣка тамъ основалось библейское общество; но исполнскіе замыслы въ англійскомъ библейскомъ обществѣ опредѣленно обозначились лишь въ 1804 году, и черезъ двадцать лѣтъ вся Англія покрылась тысячами (даже болѣе) филиальныхъ отдѣленій, устроивши почти во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣхъ государствахъ свои лавки и склады ¹⁾.

И въ Россіи такъ-же, какъ и въ другихъ славянскихъ странахъ, и на западѣ, первыя книгопечатныя произведенія были посвящены текстамъ священнаго писанія. Послѣ частей библии, напечатанныхъ Францискомъ Скориною въ Прагѣ и въ Вильнѣ, на языкѣ нѣсколько отгнѣнномъ отъ церковно-славянскаго,—первая полная библия была издана княземъ Острожскимъ въ Острогѣ въ 1580 году. Этою библиею почти сто лѣтъ пользовались православныя и грамотныя люди Руси западной и восточной, пока царь Алексѣй Михайловичъ не увидѣлъ „великій недостатокъ сихъ божественныхъ книгъ въ державѣ царства своего, ниже бо рукописныя отнюдь обрѣтахуся, вмалѣ же и едва гдѣ уже печатнымъ Острожскимъ обрѣтися, ниже отъ многа времени оскудѣти“. Замѣчая этотъ „великій недостатокъ“, царь Алексѣй Михайловичъ „повелѣ въскорѣ издати съ готоваго перевода, князя Константина Острожскаго печати, неизмѣнно кромѣ орѳографіи и нѣкихъ вмалѣ именъ и рѣченій нужнѣйшихъ и яственныхъ погрѣшеній“. Такимъ образомъ, въ 1663 году вышло второе изданіе острожской библии, съ исправленіемъ явныхъ погрѣшностей, въ родѣ слѣдующихъ: „и изыдоша семь нравъ“ (Быт. гл. 14), нужно: „и изыдоша седми нравъ“; „егда глаголюще“ (кн. Судей, гл. 1), нужно: „Господа глаголюща“. Петръ Великій, еще съ 1712 года, обратилъ особенное вниманіе на исправное изданіе библии; работы долго длились, именныя указы неоднократно повторялись; но даже и желѣзный характеръ и твердая воля великаго царя не могли сломить спячки и мѣшкотности исполнителей его воли. Онъ скончался, не узрѣвъ изданія библии. Супруга его, хотя и подтвердила прежде изданные указы, но скончалась, также не узрѣвъ библии. Подтверждала эти указы и Анна Ивановна, и при ней уже было приступлено къ перепечатанію библии царя Алексѣя Михайловича, съ подстрочными цитатами и поправками. Но

¹⁾ Подобная лавка есть и въ Петербургѣ, у Николаевскаго моста, гдѣ можно прибрѣтать прекрасно-изданныя книги, по замѣчательно-дешевой цѣнѣ.

дѣло остановилось въ 1739 году на 19-мъ стихѣ 15-й главы третьей книги Ездры: „не умилосердится человекъ къ искреннему своему“. Черезъ тридцать лѣтъ повелѣно было уничтожить экземпляры этой библіи, такъ-что Аннинская библія 1739 года стала величайшею рѣдкостью. Третье изданіе Острожской библіи, съ необходимыми исправленіями, было напечатано при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1751 году, въ Петербургѣ ¹⁾.

Что „касается симфоній“, т. е. вышеобъясненныхъ лексикографическихъ справочныхъ трудовъ, то они появились въ русской старопечати довольно поздно, въ отрывкахъ, такъ сказать. Первая по времени симфонія появилась въ 1727 году; ее составилъ на псалмы князь Антиохъ Кантемиръ. Вторая симфонія (Ильинскаго—на четвероевангеліе и дѣянія) выдержала три изданія (1733, 1761 и 1821). Третья симфонія (Богданова — на посланія и апокалипсисъ) имѣла два изданія (1737 и 1821). Были также симфоніи и на ветхозавѣтныя книги, хотя и не на всѣ, изданныя въ нынѣшнемъ столѣтіи. Симфоніи эти въ настоящее время сдѣлались библіографическою рѣдкостью и въ продажѣ являются въ исключительныхъ, единичныхъ случаяхъ.

Въ виду недостатковъ этихъ симфоній, у г. Гильдебрандта и родилась мысль составить полный, подробный, не только справочный, но и объяснительный словарь сперва къ новому завѣту, имѣющему особенно-важное и первое значеніе для насъ, христіанъ, а затѣмъ—и къ ветхому ²⁾.

Нынѣ словарь къ новому завѣту уже оконченъ, вмѣщаетъ въ себѣ 95,000 карточекъ, которыя въ печати займутъ свыше 1000 страницъ.

Изъ уваженія къ труду своихъ предшественниковъ, Ильинскаго и Богданова, г. Гильдебрандтъ сравниваетъ шагъ за шагомъ, слово за словомъ, свой словарь съ составленными ими новозавѣтными симфоніями, и въ его экземплярахъ этихъ симфоній отмѣчено значительное количество пропущенныхъ цитатъ, иногда даже цѣлыхъ рѣченій; попадаются также ошибки въ ссылкахъ; что же касается систематизаціи рѣченій въ этихъ симфоніяхъ, то она болѣе чѣмъ неудовлетворительна, и благодаря ей—нѣкоторыхъ рѣченій совсѣмъ нельзя найти. Всѣхъ этихъ, такъ сказать, „симфоническихъ“ недостатковъ г. Гильдебрандтъ постарался избѣжать въ своемъ словарѣ; ввелъ въ него разныя улучшения и облегченія, въ системѣ ссылокъ отъ одного рѣченія на другое, для удобства отыскиванія формъ, необычныхъ для русскаго уха; разныя лица, носящія одно и то же имя, въ словарѣ г. Гильдебрандта различены и поставлены каждый отдѣльно; отглагольныя прилагательныя отдѣлены отъ глаголовъ; орфографія и всѣ ея отбѣнки строго выдержаны, и пр. и пр. Кромѣ всего этого, словарь, г. Гильдебрандта помимо справочной части, имѣетъ и объяснительную, непретендующую на истолкованіе, а ограничивающуюся необходимымъ, самымъ первымъ объясненіемъ того или другаго рѣченія, причемъ каждый разъ принимался во вниманіе и синодальный переводъ священнаго писанія на русский языкъ. Для церковно-славянскаго текста г. Гильдебрандтъ пользовался синодальнымъ изданіемъ библіи 1862 года, въ большую восьмушку, напечатаннымъ „въ Богоспасаемомъ царствующемъ градѣ святаго Петра ³⁾“. Наконецъ, къ церковно-славянскимъ рѣченіямъ онъ прибавлялъ параллели изъ греческаго текста, а также и латинскаго. Для греческихъ словъ составилъ пользовался прекраснымъ изданіемъ новозавѣтной библіи П. И. Саввантова.

Императорское Русское Географическое Общество въ 1880 году. Не многіе изъ русскихъ ученыхъ обществъ отличаются такою энергическою дѣятельностью, какую постоянно обнаруживаетъ наше географическое общество. Мало того, немногія изъ географическихъ обществъ другихъ странъ Европы — а этихъ учрежденій развилось теперь немалое количество— могутъ поспорить съ нашимъ,

¹⁾ Мы не касаемся другихъ изданій Елисаветинской библіи, печатавшейся въ Петербургѣ и Москвѣ, а равно и прочихъ позднѣйшихъ изданій.

²⁾ Издавъ словарь къ новому завѣту, г. Гильдебрандтъ уже приступилъ къ составленію такового же для всего ветхаго завѣта.

³⁾ Это изданіе, въ своемъ выходномъ листѣ, такъ аттестовано: „Библия, свръхъ книги священнаго писанія, вѣтхаго завѣта, греческому богомудрымъ седмицати двохъ толковниковъ переводу, новаго же, самоначальному святыхъ апостоловъ писмени, тшательнѣе и вѣрнѣе отъ прежде печатанной 1663 года, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, на славянскомъ языкѣ во всемъ соглашенная, и въ чемъ потреба бѣ, исправленная“.

какъ по объему своихъ работъ, такъ и по важности добытыхъ результатовъ. Поэтому-то русское географическое общество и пользуется такою широкою извѣстностью во всемъ мѣрѣ, и повсюду его труды ставятся въ ряду важнѣйшихъ научныхъ работъ нашего вѣка.

Недавно вышедшій отчетъ русскаго географическаго общества за 1880 годъ даетъ намъ возможность сообщить нѣкоторыя данныя о дѣятельности общества въ минувшемъ году.

Какъ и въ предшествующіе годы, въ 1880 г. обществомъ исполнено было нѣсколько болѣе или менѣе важныхъ, ученыхъ экспедицій. Въ самомъ концѣ 1880 г. и въ началѣ нынѣшняго, возвратились въ Петербургъ трое путешественниковъ, отправленныхъ обществомъ во внутреннюю Азію: Г. Н. Потанинъ, Н. М. Пржевальскій и М. В. Пѣвцовъ. О поѣздкѣ послѣдняго въ сѣверо-западную Монголію уже было говорено въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, при обзорѣ дѣятельности географическаго общества за 1879 годъ. Равнымъ образомъ была въ свое время рѣчь и о неутонченныхъ изслѣдованіяхъ Н. М. Пржевальскаго. Поэтому, скажемъ здѣсь только о результатахъ работъ г. Потанина. Онъ, подобно г. Пѣвцову, также странствовалъ по сѣверной Монголіи, но характеръ его работъ былъ иной: между тѣмъ, какъ г. Пѣвцовъ занимался преимущественно тригонометрическими наблюденіями и географическимъ опредѣленіемъ разныхъ пунктовъ, г. Потанинъ производилъ изслѣдованія геологическія, ботаническія и этнографическія. Главная часть путешествія г. Потанина относится еще къ 1878 и 1879 гг.; въ 1880 же году имъ осмотрѣно озеро Додъ-Норъ, близъ русско-монгольской границы, и кромѣ того, уже въ предѣлахъ Россіи, изслѣдованы буряты въ Балаганскомъ округѣ Иркутской губерніи, съ цѣлью сравнительнаго изученія ихъ быта съ бытомъ монголовъ. Собранные г. Потанинымъ матеріалы чрезвычайно богаты и вносятъ совершенно новый свѣтъ въ пониманіе внутренней жизни монгольскихъ племенъ.

Средняя Азія уже издавна сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе русскихъ изслѣдователей. Въ 1880 г., по порученію географическаго общества, въ предѣлахъ ея дѣйствовали князь А. Э. Гедроицъ и Н. А. Маевъ. Первый изучалъ геологическое строеніе сухихъ руслъ Аму-Дарьи, а второй — бухарское ханство въ экономическомъ отношеніи.

Къ числу азиатскихъ же экспедицій географическаго общества нужно отнести поѣздку А. В. Григорьева. Отправленный въ поиски за знаменитымъ Норденшильдомъ, въ то время, когда послѣдній на своей Вегѣ еще не обогнулъ Чукотскаго носа, и возникали опасенія—не подвергся ли онъ гибели, г. Григорьевъ долженъ былъ встрѣтиться со шведскимъ мореплавателемъ при выходѣ его изъ Сѣвернаго океана въ Берингово море; но случилось такъ, что судно, на которомъ плылъ г. Григорьевъ, само разбилось у японскихъ береговъ, и путешественникъ остался въ Японіи: онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для изслѣдованія японскихъ морей и для осмотра остатковъ каменнаго вѣка въ Японіи.

Еще двѣ экспедиціи предприняты были географическимъ обществомъ съ цѣлями антропологическими и этнографическими. Одна изъ нихъ совершена была г. Мережковскимъ, а другая—г. Малаховымъ. Первому, уже въ 1879 году поручали изслѣдованіе каменнаго вѣка въ Крыму. Въ 1880 г. онъ снова совершилъ туда поѣздку съ тою же цѣлью, при чемъ объѣхалъ почти весь полуостровъ отъ Перекопа, до южнаго берега и отъ Евпаторіи до Карасубазара, осмотрѣлъ на этомъ пространствѣ 21 пещеру и въ четырехъ изъ нихъ нашелъ слѣды каменнаго вѣка разныхъ эпохъ, начиная съ мамонтовой. Кромѣ того, г. Мережковскій дѣлалъ наблюденія и надъ современнымъ татарскимъ населеніемъ Крыма.

Г. Малаховымъ посѣщены были мѣстности средняго Урала, въ предѣлахъ Пермской губерніи, при чемъ произведенныя имъ раскопки также доставили важныя данныя о древнѣйшей культурѣ этого края, какъ каменнаго, такъ и бронзоваго періода; этнографическія же наблюденія г. Малахова имѣли предметомъ немногочисленныхъ уже въ настоящее время представителей финскаго племени пермяковъ, и въ этомъ отношеніи дали также интересныя результаты.

Кромѣ названныхъ ученыхъ экспедицій, въ географическомъ обществѣ, въ теченіе 1880 года, подготовлялся рядъ еще новыхъ подобныхъ же предпріятій,

и обсужденіе программъ ихъ, а также способовъ ихъ осуществленія, составляло одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ совѣщаній въ засѣданіяхъ общества.

Предоставляя себѣ сказать объ этихъ будущихъ работахъ общества, когда онѣ найдутъ себѣ осуществленіе, упомянемъ здѣсь о другомъ отдѣлѣ его дѣятельности—о его ученыхъ изданіяхъ. Въ теченіе 1880 года, обществомъ изданы слѣдующіе труды:

1) „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи“, сборникъ, составленный извѣстнымъ ориенталистомъ нашимъ И. П. Минаевымъ и заключающей въ себѣ сводъ всѣхъ имѣющихся въ европейской литературѣ данныхъ о центральномъ азиатскомъ плоскогоріи на пространствѣ отъ Балка на западѣ до Памира включительно на востокѣ.

2) „Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской общины“, важное пособіе для знакомства съ общиннымъ землевладѣніемъ и хозяйственными порядками общиннаго устройства въ Россіи.

3) „Записки по отдѣленію этнографіи“, томъ VI, заключающей въ себѣ нѣсколько любопытныхъ статей по этнографіи и исторической географіи Востока.

4) „Извѣстія Общества“, томъ XII, содержащей въ себѣ лѣтопись его дѣятельности за минувшій годъ, и сверхъ того, нѣсколько статей по разнымъ отраслямъ географическихъ знаній.

Таковы главныя черты дѣятельности географическаго общества въ 1880 г. Изъ этого, хотя и краткаго, обзора видно, что оно съ успѣхомъ продолжаетъ трудиться въ томъ кругѣ знаній, который составляетъ его спеціальность, и слѣдя за общимъ движеніемъ науки, старается направлять изысканія своихъ членовъ именно на тѣ вопросы, которые стоятъ на очереди. Никто болѣе географическаго общества не оказалъ услугъ географическому изученію внутренней Азіи, и въ этихъ трудахъ его вѣрно сказалось сознание тѣхъ требованій, которыя поставлены были современному землевѣденію еще А. Гумбольдтомъ и К. Кеттеромъ.

Равнымъ образомъ, въ новѣйшее время обращеніе общества къ вопросамъ антропологической исторической археологій, что какъ нельзя болѣе уместно. Будемъ надѣяться, что и предпринимаемая имъ по нѣ изученіе сельской общины стануть началомъ цѣлаго ряда полезныхъ работъ въ области социологій.

Портретъ Бѣлинскаго.

Оригиналъ портрета Бѣлинскаго, прилагаемаго къ настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, обязательно доставленъ намъ Павломъ Густавовичемъ Моравекомъ при слѣдующемъ сообщеніи:

„Посылаемый мною вамъ портретъ В. Г. Бѣлинскаго составляетъ большую рѣдкость. Онъ достался мнѣ отъ покойнаго дяди моего, князя П. Д. Козловскаго, бывшаго, въ 1837—1838 гг., инспекторомъ Межеваго института въ Москвѣ, директоромъ котораго былъ въ то время С. Т. Аксаковъ. Какъ и когда дядя мой познакомился съ Бѣлинскимъ, мнѣ неизвѣстно, но онъ говорилъ мнѣ, что въ концѣ тридцатыхъ годовъ Бѣлинскій часто бывалъ у него до самаго отъѣзда своего въ Петербургъ въ 1839 году. Въ это время и былъ написанъ, по желанію дяди, портретъ съ Бѣлинскаго однимъ изъ воспитанниковъ Межеваго института, отличавшимся умѣньемъ рисовать съ натуры. По словамъ дяди, портретъ былъ очень похожъ“¹⁾.

Получивъ отъ г. Моравека портретъ, о которомъ идетъ рѣчь, мы показывали его А. А. Краевскому, какъ лицу, близко знавшему Бѣлинскаго, начиная съ 1839 года. Г. Краевскій не только удостовѣрилъ намъ сходство портрета, но прибавилъ, что въ немъ схвачены черты Бѣлинскаго гораздо вѣрнѣе, нежели во всѣхъ извѣстныхъ до сего времени портретахъ и бюстахъ его.

Воспроизводя съ этого портрета точную копію, считаемъ необходимымъ сказать, что оригиналъ сдѣланъ акварелью и очень полинялъ отъ времени, но тѣмъ не менѣе обличаетъ искусную руку. Ред.

¹⁾ Бѣлинскій родился въ 1811 г., слѣдовательно, въ 1838—1839 гг., когда съ него былъ списанъ этотъ портретъ. Ему было 27—28 лѣтъ.

многозначительнымъ пожатіемъ руки. Онъ ласково улыбнулся своему новому знакомому и въ свою очередь крѣпко пожалъ ему руку.

ГЛАВА VI.

Австрія переживала смутное время. Все еще царствовала умная Марія Терезія, которая, послѣ смерти Фердинанда II, сплотила въ одно государство обширныя земли, различные племена и народы, и держала ихъ подъ властью католической церкви и аристократіи. Но въ этомъ государствѣ не было внутренней связи; составныя его части, насильственно соединенныя между собою, распадались все болѣе и болѣе. Шаткость общественнаго строя была не столько ощутительна для сельскаго населенія, гдѣ масса, угнетенная крѣпостнымъ правомъ, жила безмысленной жизнью день за день, и также не для городскихъ ремесленниковъ, которые были почти исключительно поглощены своими матеріальными интересами. Всего болѣе сознавалъ ее интеллигентный классъ, къ которому принадлежало большинство дворянъ, и бюргеры, выдающіеся своимъ образованіемъ, какъ то: доктора, юристы, богатые купцы, владѣльцы фабрикъ и пр.

Рядомъ съ приверженцами старины, можно было встрѣтить и новаторовъ, которые пока выражали свой образъ мыслей въ разговорахъ и письмахъ, такъ какъ время дѣятельности еще не наступило для нихъ. Броженіе окватило все населеніе обширной имперіи, предвѣщая близкій переворотъ, настоящіе поводы къ которому оставались тайной для большинства. Въ то время, какъ одни открыто высказывали свое недовольство существующимъ порядкомъ вещей, другіе были убѣждены, что скоро наступитъ золотой вѣкъ и что стоитъ только терпѣливо выждать его. При этомъ весьма немногіе понимали, чего собственно могутъ они ожидать отъ будущаго и въ чемъ должна состоять новизна, къ которой всѣ такъ жадно стремились. Либеральные дворяне не подозрѣвали, что камень, который они хотѣли выломать изъ стѣны, повлечетъ за собой паденіе всего зданія, и что, въ силу новаго порядка вещей, имъ придется пожертвовать всѣми своими правами. Равнымъ образомъ, несчастные поденщики и крестьяне, страдавшіе подъ гнетомъ крѣпостнаго права, вѣроятно, проклинали бы то блестящее будущее, къ которому они такъ жадно стремились, еслибы знали, что они мѣняють свое жалкое существованіе еще на худшее и что плодами реформъ воспользуются только ихъ внуки и правнуки!

Всѣ были въ томительномъ ожиданіи и вѣрили въ исполненіе своихъ несбыточныхъ надеждъ; всѣхъ одинаково ослѣпляла далекая туманная картина земнаго рая, гдѣ люди, руководимые разумомъ и

нравственностью, будут наслаждаться невозмутимым счастьем и спокойствием. Еще непригляднее казалась тяжелая действительность, идѣ на каждомъ шагу встрѣчались остатки средневѣковаго варварства, которые нужно было искоренить, во что бы то ни стало, хотя никто не зналъ, какъ приняться за дѣло и съ чего начать. Для всѣхъ было ясно, что Австрія, въ смыслѣ прогресса, далеко отстала даже отъ незначительной Пруссіи, къ которой она относилась всегда съ такимъ пренебреженіемъ, и что она должна теперь идти гигантскими шагами, чтобы занять свое прежнее мѣсто на материкѣ.

Упорные приверженцы политическихъ традицій, освященныхъ многолѣтнею давностью, жаловались, что Марія-Терезія уже не такъ милостива къ нимъ, какъ въ былыя времена, и что она недостаточно довѣряетъ мудрости почетныхъ представителей духовенства. Но что значили эти жалобы сравнительно съ тѣмъ безпокойствомъ и боязнью, которыя внушала имъ сынъ Маріи-Терезіи, римско-германскій императоръ Іосифъ II. Пока онъ довольствуется скромнымъ титуломъ сопровителя и не осуществилъ насильственно ни одной реформы изъ опасенія возбудить неудовольствіе своей матери; но въ мелочахъ онъ уже проявилъ такія черты характера, которыя наполнили тяжелымъ предчувствіемъ сердца старыхъ придворныхъ и совѣтниковъ Маріи-Терезіи. Въ немъ замѣтна была ненасытная жажда дѣятельности и отвращеніе отъ наружнаго блеска, этикета и пышности, которые считались обязательными при австрійскомъ дворѣ. „Страсть къ нововведеніямъ, которая впервые появилась у насъ послѣ смерти Карла IV“, писалъ своему пріятелю князь Кевенгиллеръ, одинъ изъ приближенныхъ Маріи-Терезіи, „возрастаетъ теперь съ каждымъ днемъ, и настолько сильна въ молодомъ императорѣ, что скоро мы дойдемъ до полного отсутствія порядка или этикета при австрійскомъ дворѣ. Одна мать имѣетъ извѣстное вліяніе на этого господина, который считаетъ старые обычаи за пустые предразсудки; она могла бы помѣшать многимъ сомнительнымъ реформамъ, но она сама отчасти склонна къ нимъ, а съ другой стороны, ей часто недостаетъ для этого необходимаго мужества и настойчивости...“ Придворные съ неудовольствіемъ покачивали головами, когда Іосифъ II отмѣнилъ торжественные приемы, сталъ за просто бесѣдовать съ народомъ и въ офицерскомъ мундирѣ принималъ иностранныхъ пословъ. Вѣна приходила въ ужасъ отъ подобныхъ нововведеній; между тѣмъ, это были только слабыя проблески тѣхъ реформъ, которыми была полна голова императора.

Здѣсь, въ Богеміи, вдали отъ чопорнаго двора императрицы-матери и непріязненныхъ и любопытныхъ взоровъ, онъ не считалъ нужнымъ облюдовать какія бы то ни было правила придворнаго этикета, тѣмъ болѣе, что путешествовалъ инкогнито, подъ именемъ графа Фалькенштейна. Сознвая превосходство своего ума, онъ не боялся унижить все императорское достоинство и охотно вмѣшивался въ народную

толпу, чтобы узнать ея привычки нужды и потребности, увѣренный въ томъ, что онъ не останется незамѣченнымъ.

Ему нравилось общество, которое случайно собралось вокругъ него въ богемскомъ замкѣ; здѣсь онъ чувствовалъ себя свободнѣе, нежели среди своей обычной обстановки въ императорскомъ дворцѣ. Уваженіе, съ какимъ относился къ нему имперскій графъ и его гости, болѣе льстило самолюбію Іосифа II, нежели всѣ увѣренія въ вѣрности и преданности, которыя онъ такъ часто слушалъ отъ своихъ придворныхъ, не обращая на нихъ никакого вниманія.

Пріятная прохлада царилъ въ небольшой залѣ, гдѣ былъ приготовленъ роскошный ужинъ. Легкій вѣтеръ, врываясь время отъ времени въ открытыя окна, пронесся надъ восковыми свѣчами, горѣвшими въ канделябрахъ; пламя наклонялось то въ ту, то въ другую сторону, и попеременно освѣщало лица собесѣдниковъ. Патеръ Ротганъ незамѣтно овладѣлъ вниманіемъ небольшого общества, благодаря своему краснорѣчію и разнообразнымъ свѣдѣніямъ. Графъ Эрбахъ представилъ его высокому посѣтителю съ лестнымъ отзывомъ объ его достоинствахъ и учености.

Іосифъ вѣжливо отвѣтилъ на поклонъ патера и заговорилъ съ нимъ.

— Когда я встрѣчаю представителя католическаго духовенства въ миролюбивыхъ отношеніяхъ съ лицами другого исповѣданія, сказалъ онъ, — то это обстоятельство всегда располагаетъ меня въ его пользу!..

Патеръ употребилъ всѣ усилія, чтобы поддержать пріятное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на императора. Онъ старался дать такое направленіе разговору, чтобы послѣднее рѣшительное слово оставалось за Іосифомъ, который охотнѣе слушалъ, нежели говорилъ, и всегда высказывалъ свое мнѣніе короткими отрывистыми фразами. Предстоящее путешествіе Бухгольца въ Ломбардію послужило богатой и разнообразной темой для бесѣды случайно собравшагося общества; говорили о городахъ, чрезъ которые будетъ проѣзжать молодой бюргеръ, объ его родинѣ, достопримѣчательностяхъ Берлина, великомъ королѣ и возможности новой войны съ Пруссіей.

— Я признаю необходимость войны въ извѣстныхъ случаяхъ, сказалъ Іосифъ, — но, къ несчастью, не гошусь въ полководцы.

— Не одна война даетъ безсмертіе монархамъ, скромно замѣтилъ патеръ. Многіе изъ нихъ, по справедливости, считаются благодѣтелями своего народа, благодаря тому, что издали хорошіе законы и заботились о благѣ своего государства. Послѣ воинственнаго Трояна, слѣдовали миролюбивые императоры, которые пользуются не меньшей славой: Адріанъ, Антоній и Маркъ Аврелій. Такому незначительному монарху, какимъ былъ прусскій король до своихъ побѣдъ, ничего не оставалось, какъ взяться за шпагу. Но властелинъ обширнаго, хорошо устроеннаго государства, найдетъ и въ мирныхъ заня-

тіяхъ источникъ неувыдаемой славы и полную возможность дѣлать добро.

— Я вполнѣ согласенъ съ вами, почтенный патеръ, но, въ сожалѣнію, не мы одни управляемъ міромъ,—и у насъ есть молодые безпокойные сосѣди! сказалъ Іосифъ, указывая на Бухгольца, который въ это время безпокойно поворачивался на стулѣ.

Это замѣчаніе вызвало громкій смѣхъ остальнаго общества и увеличило смущеніе молодаго бюргера; но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ отвѣтилъ съ улыбкой:—Что касается меня лично, то я, въ качествѣ скромнаго ремесленника, искренній врагъ всякой войны. Въ воинственномъ государствѣ рабочая сила всегда играетъ самую жалкую роль. Я считаю это вполнѣ естественнымъ. Солдаты, защищая отечество, жертвуютъ своей жизнью, и по этому едва ли можно ставить имъ въ вину, что они всюду желаютъ быть первыми и относятся съ презрѣніемъ къ шелкопрядамъ.

— Да здравствуютъ шелкопряды! сказалъ Іосифъ, чокаясь съ Бухгольцемъ.

— Это слово имѣеть у насъ растяжимое значеніе, сказалъ графъ Эрбахъ.—Не даромъ сравниваютъ ученыхъ съ шелковичными червями. Они также прядутъ нити драгоцѣнной ткани, которой пользуются отдѣльныя личности. Я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: для кого собственно существуютъ искусства и науки? Изъ миллионовъ людей едва ли тысячи наслаждаются ихъ сокровищами; они недоступны ни для крестьянъ, ни для бѣдняковъ вообще, а составляютъ достояніе однихъ богачей и такъ называемаго образованнаго класса...

— Я нахожу такой порядокъ вещей абсолютно вреднымъ, замѣтилъ патеръ Ротганъ.—Мы должны устранить его по мѣрѣ возможности. Не подлежитъ сомнѣнію, что высоты и пропасти существуютъ вездѣ и горы не могутъ сдѣлаться долинами. Но, по примѣру нашего Спасителя, который не дѣлалъ различія между богатыми и бѣдными, мы обязаны употребить всѣ усилія, чтобы знаніе получило наибольшее распространеніе въ народѣ.

— Дайте намъ какъ можно больше школъ! воскликнулъ Іосифъ. Школа—наше единственное спасеніе! Если бы всѣ духовные думали, какъ вы, патеръ. Но, къ сожаленію, наше католическое духовенство видитъ въ каждомъ школьнигѣ будущаго еретика. Вотъ главная причина, почему Австрія отстала въ дѣлѣ образованія отъ другихъ нѣмецкихъ земель. Нашъ календарь переполненъ праздничными днями, которые способствуютъ лѣни и невоздержанію. Наша жизнь должна представлять, прежде всего, непрестанный трудъ.

— Для большинства—несомнѣнно, но не для отдѣльныхъ личностей: съ досугомъ связано творчество! возразилъ патеръ Ротганъ. Но и помимо этого, неужели вы не признаете за человѣкомъ права бѣжать отъ суеты мірской и жить созерцательной жизнью?

— Нѣтъ! отвѣтилъ Іосифъ рѣзкимъ тономъ.—Кто живетъ въ го-

сударствѣ, тотъ обязанъ служить ему. Немало такихъ занятій, гдѣ работа не мѣшаетъ созерцанію и гдѣ, молясь Богу, можно помогать меньшей братіи. Въ монастыряхъ подъ словомъ созерцаніе обыкновенно скрывается лѣнь и бездѣліе!..

— Мнѣ кажется, что служеніе Богу, прежде всего, должно состоять въ заботѣ о благѣ людей и облегченіи ихъ страданій, сказалъ графъ Эрбахъ.— Неужели заслуги врача, который съ опасностью жизни посвящаетъ все свое время чумнымъ больнымъ, менѣе угодны Всевышнему, чѣмъ молитва, которую бессознательно бормочетъ монахъ, или проповѣдь нашего католическаго священника передъ заспанной паствой?

— Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе, сказалъ Іосифъ, пожимая руку хозяину дома.— Кто любитъ людей, тотъ любитъ Бога!

— Если такой взглядъ будетъ когда нибудь осуществленъ монахомъ, то это доставитъ счастье миллионамъ людей! сказалъ патеръ.— Даже въ самомъ стремленіи его подавить зло и доставить побѣду добру я вижу своего рода героизмъ и преклоняюсь передъ нимъ.

Іосифъ всталъ съ своего мѣста и съ волненіемъ прошелся по комнатѣ.

— Человѣкъ самъ по себѣ безсиленъ, сказалъ онъ;—чтобы сдѣлать что-либо, онъ долженъ имѣть за собою большинство. Въ противномъ случаѣ, онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу всевозможныя препятствія, которыя парализуютъ его волю и способность дѣйствовать. Что было хорошо и полезно сто лѣтъ тому назадъ, то теперь кажется намъ бессмысленнымъ, хотя въ то же время мы не рѣшаемся сдвинуть одинъ камень ветхаго зданія, изъ боязни, чтобы оно не обрушилось на насъ. Въ этомъ весь трагизмъ нашего положенія, мой дорогой графъ!

— Развѣ мы не переживаемъ то же самое въ нашей личной жизни? отвѣтилъ графъ Эрбахъ.—Рано или поздно каждый изъ насъ вынужденъ отказаться отъ понятій и отношеній, съ которыми было связано его личное счастье, и мы испытываемъ такое же тяжелое чувство, какъ будто сами зажигаемъ нашъ собственный домъ. Но проходятъ годы, и когда мы спокойно оглянемся на прошлое, то видимъ, что пережитая драма была необходима и что въ этомъ заключается прогрессъ. Какъ въ частной жизни, такъ и въ жизни цѣлаго государства, ничто не дается безъ труда и тяжелыхъ жертвъ.

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ Іосифъ вполголоса и, замѣтивъ, что молодой бюргеръ слушалъ рѣчь графа съ усиленнымъ вниманіемъ, онъ ласково спросилъ его:

— Что скажете вы на это, г. Бухгольцъ? Случалось ли вамъ испытывать то, о чемъ говоритъ графъ или, другими словами, приходилось ли вамъ самому наносить раны своему сердцу въ силу необходимости?

— Да, я испытывалъ это два раза въ моей жизни, отвѣтилъ съ

смущеніемъ Бухгольцъ. — Но можетъ ли интересовать моя темная судьба такихъ знатныхъ и образованныхъ господъ!..

— Вы не должны стѣсняться этимъ, замѣтилъ съ живостью графъ Эрбахъ. — Вдобавокъ, я убѣжденъ, что въ вашей жизни нѣтъ такихъ тайнъ, которыя вы считали бы нужнымъ скрывать. И такъ, начинайте свой рассказъ!

— Я готовъ исполнить ваше желаніе, сказалъ Бухгольцъ, — хотя мнѣ придется въ короткихъ словахъ рассказать вамъ мою біографію. Мой отецъ былъ достаточный человѣкъ и, замѣтивъ во мнѣ хорошія способности, рѣшилъ посвятить меня ученой карьерѣ. Между тѣмъ, съ дѣтства моей любимой мечтой было сдѣлаться живописцемъ, или скульпторомъ, но отецъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, такъ какъ считалъ всякое искусство пустымъ препровожденіемъ времени, не приносящимъ дохода. Онъ также не особенно уважалъ ученыхъ, но видѣлъ, по крайней мѣрѣ, что нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ чиновъ и почета. Такимъ образомъ, на семейномъ совѣтѣ рѣшено было, что я сдѣлаюсь юристомъ, хотя я не имѣлъ къ этому ни малѣйшей склонности. Избѣгая ссоры съ отцомъ, я рѣшился навсегда отказаться отъ карьеры художника и, бросивъ живопись съ отчаяніемъ въ сердцѣ, отправился въ университетъ въ Галле. Это былъ мой первый искусъ. Второй наступилъ скорѣе, чѣмъ я могъ ожидать. Мой старшій братъ помогалъ отцу въ дѣлахъ; два года все шло хорошо. Въ надеждѣ доставить радость отцу и современемъ приносить пользу государству, я работалъ усердно, несмотря на то, что законовѣдѣніе по прежнему нисколько не занимало меня. Но тутъ пришло извѣстіе, что братъ поссорился съ отцомъ и уѣхалъ изъ Бранденбурга; дѣла были разстроены; силы начали измѣнять отцу, онъ не въ состояніи былъ заботиться одинъ о многочисленной семьѣ... Я рѣшился вторично пожертвовать собой, такъ какъ увидѣлъ необходимость разстаться съ моими умственными занятіями, и обратиться въ дѣловаго человѣка. Новая непривычная работа ждала меня; я долженъ былъ обуздать свое сердце и покориться долгу. Мнѣ не пришлось раскаться въ принесенныхъ жертвахъ, но я не знаю, хватило ли бы у меня силъ пережить вновь тѣ мученія, которыя я испыталъ въ этихъ двухъ случаяхъ...

Простой рассказъ молодого бюргера глубоко тронулъ присутствующихъ, хотя въ немъ было много недосказаннаго.

— Я радуюсь за васъ, сказалъ Іосифъ, — что вы теперь ѣдете въ Италію. Прежняя страсть къ живописи, вѣроятно, не оставила васъ. Вы тамъ насмотритесь на картины и статуи, которыхъ не забудете во всю свою жизнь. Какая дивная природа будетъ окружать васъ! голубое небо, море...

— Какъ счастливы тѣ, которые имѣютъ возможность путешествовать! добавилъ графъ Эрбахъ. — Я всегда жалѣлъ бѣдняковъ, которые всю жизнь должны оставаться на какомъ нибудь клочкѣ земли. Мо-

жетъ ли что сравниться съ наслажденіемъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, посѣщать чужія земли, знакомиться съ чужими народами! Я вижу по выраженію лица патера Ротгана, что онъ не согласенъ съ этимъ; но это не мѣшаетъ мнѣ остаться при моемъ мнѣніи. Сидя на одномъ мѣстѣ, мы слишкомъ предаемся нашимъ личнымъ заботамъ и страданіямъ, между тѣмъ какъ во время путешествія, подлѣ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, притупляется всякое горе. Если бы я былъ могущественнымъ государемъ, то проводилъ бы всю жизнь въ путешествіяхъ, подобно императору Адріану.

— Я предполагаю, что Адріанъ путешествовалъ не для одного развлеченія, замѣтилъ Іосифъ. — Его главная цѣль была — познакомиться съ подвластными ему землями и своими подданными, чтобы доставить имъ возможное счастье.

— Мудрецы у всѣхъ народовъ, сказалъ патерь, — смотрѣли на человеческую жизнь, какъ на вѣчное странствованіе отъ мрака къ свѣту, отъ заблужденій къ истинѣ и отъ скорби къ блаженству... Путешествіе, предпринятое государемъ и выполненное имъ съ тою цѣлью, о которой говоритъ графъ Фалькенштейнъ, напоминаетъ ходъ блестящей звѣзды, которая на своемъ пути распространяетъ свѣтъ и тепло. Благодарные люди радостно привѣтствуютъ ее, какъ предвѣстницу лучшей будущности...

— Да здравствуетъ Адріанъ, великій путешественникъ! сказалъ графъ Эрбахъ, поднимая свой стаканъ: — такъ какъ мы не имѣемъ права назвать того государя, о которомъ такъ поэтически выразился многоуважаемый патерь.

Іосифъ, улыбаясь, чокнулся съ хозяиномъ дома и, подозревая патера къ окну, сказалъ ему что-то вполголоса.

Разговоръ императора съ бывшимъ іезуитомъ продолжался всего нѣсколько секундъ.

— Рано или поздно наступитъ мой часъ, добавилъ вслухъ Іосифъ, желаю, чтобы онъ былъ и вашимъ. До свиданія,

Патерь низко поклонился императору и, простившись съ хозяиномъ дома и Гаррахомъ, вышелъ вонъ. Фрицъ Бухгольцъ послѣдовалъ его примѣру. Графъ Эрбахъ проводилъ своихъ гостей до передней, отдавъ приказъ слугѣ отвести молодого бюргера въ назначенную ему комнату въ верхнемъ этажѣ.

Между тѣмъ, патерь медленно спустился по лѣстницѣ, ведущей на дворъ.

Со стороны развалинъ башни слышалось пѣніе прекраснаго женскаго голоса. Патеру показалось, что это голосъ Короны; но вслѣдъ затѣмъ раздалось сопрано менѣе искусное и слабѣе перваго. На грудѣ развалинъ появилась стройная фигура Гедвиги; лунный свѣтъ скользнулъ по ея лицу; она указывала рукой на освѣщенные окна залы, гдѣ только что кончился ужинъ.

Длинная тѣнь патера отчетливо обрисовалась на камняхъ вымо-

ценнаго двора, который въ это время былъ ярко освѣщенъ луной. Гедвига отскочила въ испугъ и скрылась за развалинами. Пѣніе умолкло.

Сторожъ отворилъ ворота палату и снова заперъ ихъ. На дворѣ царилъ мертвая тишина. Гедвига вернулась на прежнее мѣсто, осторожно оглядываясь по сторонамъ.

Извѣстіе, сообщенное Гедвигой, что императоръ въ замкѣ и что онъ тотъ самый всадникъ, съ которымъ онѣ разговаривали у садовой стѣны, возбудило любопытство Короны; ей захотѣлось увидѣть его. Можетъ быть, онъ подойдетъ къ окну, или выйдетъ въ садъ... Рассчитывая на это, она вышла съ Гедвигой изъ своей комнаты, какъ только графъ сѣлъ за ужинъ съ своими гостями, и поспѣшила къ развалинамъ, откуда можно было отчасти видѣть то, что дѣлалось въ столовой, благодаря открытымъ окнамъ.

Графъ Эрбахъ и Іосифъ остались одни въ залѣ. Слуги, убравъ ужинъ, удалились. Эрнстъ Гаррахъ вышелъ, чтобы сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія въ спальнѣ его величества. Чѣмъ менѣе обращалъ вниманія императоръ-философъ на внѣшность и всякія формальности, тѣмъ важнѣе казались они Гарраxu, который считалъ себя отвѣтственнымъ передъ императрицей-матерью за всѣ странности ея сына. Сегодняшняя встрѣча съ незнакомымъ господиномъ у шинка обошлась счастливѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Общество за ужиномъ держало себя по всѣмъ правиламъ придворнаго этикета. Императрица, вѣроятно, не нашла бы ничего дурнаго въ знакомствѣ ея сына съ бывшимъ іезуитомъ. Что же касается Бухгольца, то онъ думалъ, что отдавая отчетъ ея величеству, можно будетъ умолчать о нѣкоторыхъ подробностяхъ и выдать его за торговаго агента прусскаго короля...

Размышляя такимъ образомъ, Гаррахъ съ безпокойствомъ думалъ о завтрашнемъ днѣ, но надѣялся, что при его бдительности ему удастся предупредить всякое отступленіе отъ придворнаго церемоніала.

Между тѣмъ, императоръ Іосифъ, отпустивъ палатера, съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда онъ останется наединѣ съ графомъ Эрбахомъ. Ему казалось, что слуги слишкомъ долго убираютъ ужинъ и что Гаррахъ медлитъ съ своимъ уходомъ. Онъ не хотѣлъ удалить его раньше времени, изъ боязни возбудить этимъ подозрѣніе графа и помѣшать его откровенности.

Наконецъ, Гаррахъ молча вышелъ изъ комнаты.

Когда шумъ его шаговъ затихъ въ передней, Іосифъ отошелъ отъ окна.

Графъ Эрбахъ задумчиво стоялъ среди залы, облокотившись на спинку кресла. Свѣтъ восковыхъ свѣчей прямо падалъ на его лицо, на которомъ не видно было и тѣни смущенія или неудовольствія.

— Неужели я ошибся? спрашивалъ себя съ недоумѣніемъ Іосифъ. — Но, такъ или иначе, я постараюсь вызвать его на откровенность...

— Благодарю васъ за пріятный вечеръ, сказалъ онъ, обращаясь къ графу Эрбаху.—Теперь я надѣюсь, что вы, въ свою очередь, доставите мнѣ удовольствіе и посѣтите меня въ Вѣнѣ.

— Я только что вернулся изъ Италіи и былъ проѣздомъ въ Вѣнѣ.

— Вы были въ Италіи? Герцогъ тосканскій писалъ мнѣ, что въ прошлую зиму графъ Эрбахъ очаровывалъ флорентинское общество своимъ остроуміемъ и любезностью:

— Великій герцогъ былъ очень милостивъ ко мнѣ. Я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ во Флоренціи, и съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ городѣ, гдѣ нѣтъ ни такого формализма, какъ въ Римѣ, ни такой распушенности, какъ въ Венеціи. Веселье въ этомъ городѣ уживается съ серьезнымъ настроеніемъ, что, судя по описаніямъ, составляло отличительную черту средневѣковаго общества...

Иосифъ не слышалъ послѣдней фразы, потому что былъ весь поглощенъ занимавшимъ его вопросомъ.

— Вы упомянули о Венеціи, сказалъ онъ. — Долго ли вы прожили тамъ?

— Я былъ тамъ во время карнавала.

— Вы говорите это какимъ-то страннымъ, недовольнымъ голосомъ! Дѣйствительно, венеціанскіе игроки издавна славились своими проделками. Представители высшихъ классовъ во времена республики содержали банки и занимались шулерствомъ...

— Вы, вѣроятно, предполагаете, что я попалъ въ руки игроковъ и они очистили мои карманы. Въ этомъ не было бы ничего особеннаго; я въ долгахъ чуть ли не съ пеленокъ и до смерти не избавлюсь отъ нихъ. Долги—наслѣдственное зло нѣмецкаго дворянства, и нисколько не беспокоятъ меня.

— Или, быть можетъ, вамъ измѣнила возлюбленная въ ненавистной для васъ Венеціи съ ея таинственными гондолами?

— Этого не могло случиться, потому что я былъ въ Венеціи съ моей женой!

До сихъ поръ они разговаривали въ шутовомъ тонѣ холостяковъ, бесѣдующихъ о карточной игрѣ, маскахъ и любовныхъ приключеніяхъ, когда даже серьезное чувство выражается въ легкомысленной и хвастливой формѣ. Но послѣднія слова графа Эрбаха, и въ особенности интонація его голоса, были слишкомъ серьезны, чтобы видѣть въ нихъ тѣнь шутки.

Иосифъ измѣнился въ лицѣ и едва могъ удержаться отъ восклицанія удивленія и даже отчасти испуга.

— Вы женаты! Мой братъ въ своихъ письмахъ ни разу не писалъ мнѣ о вашей женѣ... Извините за откровенность, но, по моему мнѣнію, вы представляете собою такой законченный типъ холостяка, что мнѣ трудно убѣдиться въ противномъ.

Послѣдняя фраза была сказана тономъ вопроса, и графъ Эрбахъ долженъ былъ отвѣтить на нее.

— Я женатъ на графинѣ Шварценбергъ. Моя жена живетъ теперь въ Парижѣ съ своимъ дядей, княземъ Лобковичемъ, при дворѣ вашей сестры, французской королевы.

— Въ Версали! Урожденная Шварценбергъ!..

— Да, Рената Шварценбергъ.

— Это была его жена, я принялъ ее за дѣвушку! промелькнуло въ головѣ Іосифа, но онъ овладѣлъ собой и сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Я не помню, чтобы графиня Шварценбергъ когда нибудь была при нашемъ дворѣ.

— Едва ли не въ тотъ самый день, какъ ее представили императрицѣ, она выѣхала изъ столицы и жила постоянно въ Богеміи. Послѣ нашей свадьбы, мы проѣзжали черезъ Вѣну, но не являлись ко двору, такъ какъ въ это время вы были въ отсутствіи, равно и ея величество императрица.

— Простите меня, дорогой графъ! воскликнулъ Іосифъ, протягивая руку графу Эрбаху. — Если бы я могъ предчувствовать такое усложненіе... Но я не виноватъ въ томъ горѣ, которое готовится вамъ... Какое странное совпаденіе! Въ настоящую минуту вы не поймете меня, и я слишкомъ взволнованъ, чтобы дать вамъ объясненіе, которое вы вправѣ требовать отъ меня... Въ другой разъ! Одно несомнѣнно, что я никогда больше не отпущу васъ отъ себя. Вы не должны покидать меня!

Онъ отошелъ отъ графа быстрыми шагами, закрывъ лицо рукою, быть можетъ, вслѣдствіе инстинктивнаго желанія скрыть волненіе, выразившееся въ чертахъ его лица.

Но эта предосторожность была лишняя, потому что графъ былъ настолько встревоженъ, что не въ состояніи былъ обращать вниманія на то, что дѣлалось вокругъ него. Мысли путались въ его головѣ; онъ молча стоялъ на мѣстѣ, опустивъ голову на грудь.

Іосифъ опять подошелъ къ нему.

— Позвольте мнѣ сдѣлать еще одинъ вопросъ, если вы общаете мнѣ вашу дружбу, о которой я прошу васъ не въ качествѣ императора, а какъ простой человѣкъ, который съ первой минуты нашей встрѣчи почувствовалъ къ вамъ искреннюю симпатію...

— Спрашивайте, ваше величество!

— Ваше супружество было несчастливо?

Графъ почти ожидалъ этого вопроса.

— Могу ли я, вмѣсто отвѣта, рассказать вамъ небольшую исторію? Одинъ изъ моихъ предковъ, владѣвшій этимъ замкомъ, имѣлъ трехъ сыновей и объявилъ, что онъ назначить своимъ наслѣдникомъ того изъ нихъ, который отыщетъ трехъ шутовъ такой непроходимой глупости, что они въ этомъ отношеніи превосходили бы всѣхъ дураковъ Римско-Германской имперіи. Младшему изъ сыновей удалось выполнить это странное условіе завѣщанія и получить наслѣдство.

Въ память этого событія, надъ входомъ старой башни высѣчены были изъ камня головы трехъ величайшихъ дураковъ имперіи, хотя ихъ лица настолько уродливы, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, они скорѣе принадлежатъ фантазіи художника, нежели дѣйствительности.

— Кто были эти дураки по своему общественному положенію?

— Одинъ изъ нихъ, какъ рассказываетъ хроника, былъ богатый баронъ, который хотѣлъ разомъ все передѣлать въ своихъ помѣстьяхъ. Онъ велѣлъ разорить свой замокъ, чтобы вмѣсто него построить новый, болѣе красивый; затѣмъ онъ приказалъ срубить лѣсъ, чтобы имѣть пахатную землю, обратилъ свои поля въ луга, крестьянамъ далъ свободу и обращался съ ними, какъ съ равными, хотѣлъ уничтожить собственность и бракъ... Наконецъ, его собственные крестьяне поймали его и доставили роднымъ, которые рѣшили на семейномъ совѣтѣ лишить его свободы. Наслѣдникъ моего предка познакомился съ нимъ въ Швабіи; съ другимъ дуракомъ онъ встрѣтился на границѣ Тироля. Этотъ жилъ въ прекрасномъ замкѣ, стоявшемъ на высокой горѣ, и пользовался общимъ уваженіемъ въ странѣ. Нѣсколько лѣтъ онъ слылъ даже за мудреца, но подъ конецъ глупость его все-таки обнаружилась. Ему пришла фантазія дѣлать ручными лисицъ и волковъ и приучать орловъ къ охотѣ за мелкими птицами. Никакая неудача не останавливала его и онъ продолжалъ свои попытки. Между прочимъ, онъ купилъ у одного странствующаго цыганскаго табора пятилѣтнюю дѣвочку, которая, по его предположенію, была украдена въ венеціанской области. Не имѣя дѣтей, онъ воспитывалъ ее, какъ своего собственнаго ребенка, берегъ и наряжалъ, какъ принцессу. Дѣвочка выросла и обратилась въ стройную красавицу, по никакое воспитаніе не могло обуздать ея дикой природы. Напрасно добрые люди совѣтовали ея пріемному отцу запереть ее во-время въ монастырь; онъ не хотѣлъ никого слушать, въ томъ убѣжденіи, что его воспитаніе принесетъ, рано или поздно, свои плоды. Онъ строго охранялъ молодую дѣвушку; ни одному молодому человѣку не было доступа въ замокъ; онъ не иначе отпускалъ ее изъ дому, какъ въ закрытомъ портшезѣ, и самъ всегда сопровождалъ ее верхомъ. Но что вышло изъ всего этого? Молодая цыганка усвоила себѣ всѣ пороки и притворство культурныхъ людей. Когда она увидѣла, что ничего не достигнетъ открытымъ сопротивленіемъ, то неожиданно перемѣнила обращеніе и усыпила бдительность безумнаго старика ласками и покорностью. Затѣмъ, выбравъ удобное время, она украла всѣ деньги и драгоценности, какія были въ домѣ, и убѣжала съ какимъ-то юношей. Своего пріемнаго отца она привязала веревками къ постели и заткнула ему ротъ платкомъ изъ боязни, чтобы онъ своими криками не поднялъ на ноги слугъ. Къ разряду этихъ дураковъ слѣдуетъ причислить и меня; я также хотѣлъ воспитывать другихъ, забывая, что обоюдныя уступки составляютъ необходимое условіе брака. Я не считалъ нужнымъ слѣдить за собою, а только думалъ о томъ

чтобы исправить характер моей жены и изменить ее взгляды. Къ несчастью, сознание нашихъ ошибокъ большею частью приходитъ къ намъ слишкомъ поздно.

— Невсегда, возразилъ Иосифъ. Если смерть не отняла у насъ любимаго существа, то мы имѣемъ еще возможность исправить передъ нимъ нашу вину. Для меня лично все кончено! Я лишился навсегда любимой женщины, которая для меня была дороже всего на свѣтѣ. Вы страдаете отъ временной разлуки, потому что никогда не испытали другой разлуки—вѣчной! Можетъ ли вѣра въ загробную жизнь поддержать кого бы то ни было и уменьшить тоску осиротѣвшаго сердца? Я не считаю это возможнымъ. Когда опускается крышка гроба надъ дорогимъ покойникомъ и священникъ утѣшаетъ васъ общаніями рая, вы слышите злобный голосъ, который упорно нашептываетъ вамъ: ты никогда не увидишь его болѣе! никогда...

Со двора послышалось пѣніе молодыхъ женскихъ голосовъ.

Иосифъ замолчалъ и сталъ прислушиваться.

Немного погодя, обѣ дѣвушки вышли изъ развалинъ, успокоенныя тишиной, царившей въ замкѣ.

— Я долженъ быть въ претензіи на васъ, мой дорогой графъ, сказалъ Иосифъ.—Вы спрятали отъ меня вашихъ дамъ!

— Ваше величество!..

— Да будетъ вамъ извѣстно, что я познакомился съ обѣими красавицами, хотя совершенно случайно. Въ наказаніе за вашу скрытность, вы должны доставить мнѣ удовольствіе и пригласить ихъ сюда. Нѣтъ ли у васъ скрипки? мы могли бы заняться музыкой... Я особенно люблю ее въ тяжелыя минуты жизни, такъ какъ въ звукахъ ее заключается успокоительная сила, которая благотворно дѣйствуетъ на взволнованную душу.

Графу Эрбаху пришло въ голову, что онъ долженъ воспользоваться случаемъ и заручиться покровительствомъ императора для Коронны, такъ какъ ее родные не посмѣютъ отказаться отъ подобнаго посредничества. Въ виду этого онъ разсказалъ своему гостю исторію молодой дѣвушки, не упоминая о пѣвцѣ. Но Иосифу уже было все извѣстно, такъ какъ старая графиня послала довѣренныхъ людей отыскивать свою внучку въ ближайшихъ женскихъ монастыряхъ и, между прочимъ, въ Лейтмерицѣ, во время его пребыванія въ этомъ городѣ. Узнавъ объ этомъ, онъ невольно вспомнилъ о красивой дѣвушкѣ, видѣнной имъ въ саду Таннбурга, и мысленно рѣшилъ, что это бѣжавшая графиня Турмъ.

— Теперь, когда я окончательно убѣдился въ ее знатномъ происхожденіи, продолжалъ улыбаясь Иосифъ, — мнѣ кажется, что мы сами должны сдѣлать ей визитъ, а не приглашать ее сюда. Судя по ее веселому пѣнію, она не будетъ въ претензіи, если мы явимся къ ней въ такой поздній часъ ночи.

По желанію Иосифа, немедленно былъ посланъ слуга къ Короннѣ

на противоположную сторону замка съ докладомъ о посѣщеніи господъ. Въ ожиданіи его возвращенія, графъ Эрбахъ сообщилъ императору о своемъ намѣреніи отправить Корону въ Парижъ, такъ какъ считаетъ несомнѣннымъ съ рыцарской честью выдать ее на руки старой графинѣ Турмъ, которая, вѣроятно, исполнитъ свое обѣщаніе и запретъ молодую дѣвушку въ монастырь.

— Въ виду этого, добавилъ графъ, — я рѣшился прибѣгнуть къ милости вашего императорскаго величества и просить васъ написать нѣсколько словъ ея величеству Маріи Антуанетѣ, чтобы она взяла Корону подъ свое высокое покровительство.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, возразилъ Іосифъ.—Само собою разумѣется, что ее не слѣдуетъ запирать въ монастырь; она слишкомъ молода, чтобы проводить жизнь въ заключеніи среди нашихъ испорченныхъ католическихъ монахинь!.. Но въ данную минуту я не способенъ соображать что-либо. Все, что вы рассказали, кажется мнѣ какимъ-то сновидѣніемъ!..

Вошелъ слуга съ докладомъ, что фрейлейнъ ожидаетъ господъ.

Іосифъ взялъ подъ руку графа Эрбаха; они шли по длиннымъ корридорамъ, едва освѣщеннымъ восковой свѣчей, которую слуга несъ передъ ними; шаги ихъ глухо раздавались по каменному полу.

— Ваша исторія о трехъ дуракахъ въ высшей степени поучительна, продолжалъ Іосифъ. — Сколько мудрости и безумія въ ихъ желаніи преобразовать свѣтъ, пересилить природу... Не можете ли вы сообщить мнѣ, когда жили эти чудаки, хотя подобныхъ идеалстовъ можно встрѣтить во всѣ времена...

— Башня построена въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія, отвѣтилъ графъ;—на гербѣ, украшенномъ головами трехъ дураковъ, даже выставленъ 1468 годъ. Я нашелъ рассказъ объ этой исторіи въ рукописи, хранившейся въ замкѣ и написанной по окончаніи Тридцатилѣтней войны.

— Но вы говорили мнѣ только о двухъ дуракахъ; кто же былъ третій?

Въ эту минуту слуга отворилъ дверь, которая вела въ комнату Короны.

Молодая дѣвушка въ ожиданіи гостей преобразила ее въ небольшую концертную залу, убранную цвѣтами. Фортепьяно было открыто, виолончель стояла у стола; скрипка покойнаго графа, перешедшая во владѣніе Рехбергера, лежала на низкомъ табуретѣ; на пюпитрахъ разложены были ноты. Вся комната была ярко освѣщена восковыми свѣчами.

Корона встрѣтила гостей привѣтливой улыбкой. Гедвига стояла въ углу съ опущенными глазами; на щекахъ ея горѣлъ яркій румянецъ.

— Добрый вечеръ! сказалъ Іосифъ. — Какъ хорошо и уютно у васъ. Съ какимъ вкусомъ убрали вы комнату! Въ этомъ отношеніи женщины всегда останутся феями...

— Вы приказали благодарить насъ за наше пѣніе въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ, отвѣтила Корона,—что мы сочли своимъ долгомъ употребить всѣ усилія, чтобы принять достойнымъ образомъ такихъ любителей музыки!

— Вы, повидимому, желаете, фрейлейнъ, чтобы мы занялись музыкой?

— Да, если вамъ будетъ угодно, возразила Корона.

Съ этими словами она сѣла у фортепіано и взяла нѣсколько аккордовъ. Графъ Эрбахъ послѣдовалъ ея примѣру и провелъ смычкомъ по струнамъ віолончели. Іосифъ перелистывалъ ноты.

— Вотъ тріо Гайдена для віолончели, скрипки и фортепіано сказалъ императоръ, взявъ ноты съ пюпитра.—Я мало знакомъ съ этимъ композиторомъ, но слышалъ о немъ самыя восторженныя похвалы отъ Николая Эстергази, капеллой котораго онъ уже дирижируетъ нѣсколько лѣтъ. Если вы согласны, то мы сыграемъ это тріо, только заранѣе прошу снисхожденія. Судя по вашему пѣнію, фрейлейнъ, вы настоящая артистка; графъ, вѣроятно, хорошо владѣетъ віолончелью; но я принадлежу къ числу самыхъ посредственныхъ скрипачей.

Онъ взялъ скрипку и нѣсколько смутился, потому что въ эту минуту въ комнатѣ раздался веселый смѣхъ Короны.

— Посмотрите, кузень Эрбахъ, сказала она, указывая на окно.

На выступающемъ карнизѣ сидѣла кошка и жалобно мяукала. Испуганная смѣхомъ молодой дѣвушки, она соскочила на лугъ, освѣщенный серебрянымъ свѣтомъ луны, и продолжала мяукать.

Іосифъ настроилъ свою скрипку.

— Какой превосходный инструментъ! сказалъ онъ.—Кремона не даромъ славится своими скрипками. Если у насъ выйдетъ кошачья музыка, то въ этомъ виноваты будутъ сами музыканты, а не инструменты!

Гедвига поставила пюпитры по обѣимъ сторонамъ фортепіано и встала за стуломъ Короны, чтобы перелистывать ноты.

Раздалась тихая, плавная музыка. Звуки были такъ же торжественно спокойны, какъ голубоватое ночное небо, смотрѣвшее въ окна. Великій композиторъ совмѣстилъ въ этихъ мелодіяхъ серьезное направленіе Баха съ смѣлымъ полетомъ Глюка и придалъ имъ столько игривости, наивной прелести и полноты. Время отъ времени съ звуками музыки сливался порывъ вѣтра и шелестъ листьевъ. Всѣ трое были настолько поглощены игрой, что сознаніе времени и пространства исчезло для нихъ; они чувствовали себя какъ бы перенесенными въ другой лучший міръ. Задумчиво прислушивалась Гедвига къ мягкимъ ласкающимъ звукамъ, не рѣшаясь оглянуться въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Іосифъ.

— Bravo! Пьеса выполнена превосходно, сказалъ онъ, положивъ скрипку на стоявшее возлѣ него кресло и обращаясь къ Коронѣ.

— Иначе и быть не могло, когда такіе искусные пальцы прика-

саются къ клавишамъ. Эту пьесу вы должны проиграть въ Версали; французская королева вполнѣ оцѣнитъ вашу игру!

— Въ Версали! воскликнула Корона,—неужели, графъ...

Она не окончила своей фразы, потому что Іосифъ, съ свойственною ему живостью, обратился къ Гедвигѣ:

— Вы добрая и скромная дѣвушка; всегда оставайтесь такою!.. Желаю всѣмъ покойной ночи.

Съ этими словами онъ пожалъ руку графу и, сдѣлавъ легкій поклонъ обѣимъ дѣвушкамъ, вышелъ изъ комнаты.

Г Л А В А VII.

Прошло четыре дня съ того памятнаго вечера, когда Іосифъ посѣтилъ Таннбургъ, но толки объ этомъ не прекращались въ замкѣ и въ деревнѣ. На слѣдующее утро, прежде чѣмъ разнеслась молва, что офицеръ въ зеленомъ мундирѣ, который останавливался у гостиницы, говорилъ со сторожемъ въ церкви и ночевалъ въ замкѣ—былъ императоръ Іосифъ,—онъ уѣхалъ другой дорогой, не заѣзжая въ деревню съ своими обоими спутниками—пожилымъ офицеромъ и слугой. Графъ Эрбахъ провожалъ своего гостя около мили; крестьяне видѣли, какъ они выѣхали шагомъ изъ замка и были оба такъ заняты разговоромъ, что не обратили никакого вниманія на ихъ почтительные поклоны. Тѣмъ не менѣе, императоръ не забылъ о нихъ; въ тотъ же день Рехбергеръ передалъ приходскому священнику отъ имени графа Фалькенштейна пятьдесятъ дукатовъ, изъ которыхъ половина назначена была на сельскую школу, а другая для раздачи бѣднымъ крестьянамъ.

Григорій Гасликъ выразилъ свою благодарность въ самыхъ превеличенныхъ похвалахъ, въ надеждѣ, что слова его хотя отчасти будутъ переданы императору. Въ глубинѣ сердца онъ былъ недоволенъ случившимся и завидовалъ патеру Ротгану, который такъ ловко воспользовался прїѣздомъ его величества. Почему онъ не узналъ высокаго посѣтителя въ ту минуту, когда выглянулъ изъ дверей ризницы и не подошелъ къ нему? Затѣмъ не пришло ему въ голову показать достопримѣчательности церкви знатнымъ господамъ? Онъ бранилъ себя мужикомъ и неучемъ, и въ то же время готовъ былъ приписать причину своей неудачи патеру Ротгану, который, вѣроятно, такъ очернилъ его передъ графомъ Эрбахомъ, что тотъ даже не удостоилъ пригласить его къ своему столу.

„Земные владыки дурны сами по себѣ, думалъ Гасликъ, и праведникамъ много приходится терпѣть отъ нихъ. Но еще опаснѣе лице-

мѣрные священники, которые ради тщеславія отвергаютъ все, что есть лучшаго въ религіи, и въ угоду свѣтскимъ людямъ поднимаютъ на-смѣхъ набожность своихъ собратій“...

Если бы Гасликъ не былъ приученъ съ дѣтства къ непрекословному послушанію и самой строгой дисциплинѣ, то, быть можетъ, онъ поссорился бы съ Ротганомъ въ ту же ночь, какъ патерь вернулся изъ замка. Неувѣренный въ томъ, что ему удастся сохранить спокойствіе и присутствіе духа, онъ легъ въ постель ранѣе обыкновеннаго и увидѣлъ своего гостя только на другой день за завтракомъ. Патерь съ своимъ обычнымъ тактомъ сообщилъ ему до малѣйшихъ подробностей все, что говорилось въ замкѣ.

Если этотъ разговоръ еще болѣе усилилъ зависть приходскаго священника, то во всякомъ случаѣ онъ не могъ пожаловаться на недостатокъ довѣрія со стороны своего бывшаго наставника.

Патерь упомянулъ, между прочимъ, что видѣлъ дочь управляющаго, добавивъ, что ея красота должна обаятельно дѣйствовать на мужчинъ и что поэтому не мѣшаетъ привлечь ее на сторону католической церкви. Что же касается другой дѣвушки, то онъ не встрѣчалъ ея въ замкѣ, и думаетъ, что тутъ произошло какое нибудь недоразумѣніе. Но трудно было убѣдить въ этомъ священника, который упорно стоялъ на своемъ мнѣніи, и патерь, не считая нужнымъ распространяться далѣе на эту тему, удалился въ другую комнату подъ предлогомъ, что онъ долженъ написать нѣсколько писемъ. Въ сущности, патерь искалъ уединенія, чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ событіяхъ прошлаго вечера и записать ихъ въ своемъ дневникѣ, Дѣйствительность превзошла самую смѣлѣя его ожиданія; ему не нужно будетъ искать окольныхъ путей, чтобы найти доступъ къ трону. Онъ вошелъ на первую ступень лѣстницы, ведущей къ власти и почестямъ; онъ еще не зналъ, какимъ образомъ ему удастся подняться на высоту, но ему было достаточно очутиться на дорогѣ къ цѣли.

Окончивъ свои занятія, онъ вернулся въ первую комнату, гдѣ засталъ хозяина дома на прежнемъ мѣстѣ и былъ пораженъ его печальной и разстроенной физиономіей. Онъ догадывался, что причина этого заключается отчасти въ невниманіи императора и графа Эрбаха къ честолюбивому священнику, но въ то же время ясно видѣлъ, что тутъ скрывается и нѣчто другое. Григорій Гасликъ хранилъ относительно этого упорное молчаніе и только мало-по-малу, благодаря лѣткимъ вопросамъ, Ротгану удалось выпытать отъ него, что его душа обременена сомнѣніями по поводу одной важной и опасной тайны, которую ему открыли на исповѣди. При этомъ священникъ горько жаловался, что судьба привела его въ Таннбургъ, гдѣ вліяніе еретиковъ, масоновъ и богоотступниковъ должно породить тѣ же преступленія и пороки, отъ которыхъ нѣкогда погибли Содомъ и Гоморра...

Въ полдень патеръ Ротганъ отправился въ замокъ. Онъ нашелъ графа Эрбаха въ веселомъ расположеніи духа и въ хлопотахъ.

— На дняхъ я намѣреваюсь послать Рехбергера въ Парижъ, сказалъ онъ. У меня теперь столько всякихъ дѣлъ, что я не знаю, какъ и справлюсь съ ними! Императоръ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Я убѣжденъ, что Австрія можетъ ожидать всего лучшаго со вступленіемъ на престолъ Іосифа II. Какой сильный и ясный умъ! Сколько искренняго желанія принести пользу государству!..

Патеръ и присутствовавшій при этомъ Бухгольцъ охотно подтвердили восторженныя похвалы, расточаемыя графомъ Эрбахомъ.

Четыре слѣдующихъ дня прошли въ дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Вскорѣ всѣмъ сосѣдямъ стало извѣстно, что графъ посылаетъ своего вѣрнаго слугу Рехбергера въ Парижъ за графиней Ренатой и что Гедвига ѣдетъ съ отцомъ во избѣжаніе дурныхъ слуховъ, которые могли бы подняться въ томъ случаѣ, если бы молодая дѣвушка осталась въ замкѣ наединѣ съ графомъ. Все это казалось настолько естественнымъ, что никто не сомнѣвался въ правдивости этого извѣстія. Григорій Гасликъ по окончаніи воскресной проповѣди пригласилъ даже свою паству усердно молить Пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ о благополучномъ возвращеніи графини Эрбахъ, которая всегда была матерью для набожныхъ и бѣдныхъ людей Таннбурга. Патеръ Ротганъ въ это время молча слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ замкѣ, остерегаясь высказать кому бы то ни было свои мысли. Онъ не сомнѣвался въ присутствіи Короны и въ томъ, что графъ откровенно признался во всемъ императору, который бытъ можетъ и посоветовалъ ему послать молодую дѣвку въ Парижъ. Это предположеніе само по себѣ могло принудить патера къ молчанію, тѣмъ болѣе, что онъ былъ многимъ обязанъ семейству Турмъ и не хотѣлъ безъ крайней необходимости навлечь на себя гнѣвъ старой графини, или повредить репутаціи ея внучки. Поэтому онъ съ своей стороны не сказалъ ни одного слова, которое могло бы опровергнуть, или подтвердить ходившіе слухи. Графъ былъ очень доволенъ осторожностью патера въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ и ежедневно приглашалъ его къ себѣ въ гости.

Визиты патера Ротгана были тѣмъ безопаснѣе, что обѣ дѣвушки, запятая шитьемъ нарядовъ, сидѣли безвыходно въ своихъ комнатахъ. Надежда увидѣть Парижъ, оперу, французскій дворъ, и насладиться полной свободой—все это могло отуманить голову Короны. Самыя смѣлыя ея мечты и представленія должны были осуществиться и принять опредѣленную форму. Жизнь, которая до сихъ поръ была такъ пуста и однообразна, получала смыслъ; далекое путешествіе не только могло доставить ей удовольствіе, но и умственное развитіе.

Въ то время какъ Корона шумно выражала свою радость, Гедвига молча наслаждалась счастьемъ, наполнявшимъ ея сердце. Повидимому,

ничто не измѣнилось въ ея личности и обращеніи; но ласковое слово и вниманіе человѣка, который казался ей олицетвореніемъ всѣхъ нравственныхъ достоинствъ, придали новое выраженіе ея лицу. Она не задавалась мыслью о безцѣльности своей любви и не могла себѣ представить большаго счастья, какъ снова увидѣть того, котораго она не смѣла даже мысленно назвать своимъ возлюбленнымъ. Предстоящее путешествіе отчасти пугало ее. Чтò, собственно, былъ для нея Парижъ? Громкое названіе, съ которымъ связывалось представленіе о громадномъ городѣ, гдѣ люди говорятъ непонятнымъ языкомъ и живутъ чуждой для нея жизнью. Корона должна была употребить все свое краснорѣчіе, чтобы успокоить Гедвигу и заинтересовать ее описаніемъ чудесъ, которыя ожидаютъ ихъ въ Парижѣ. Съ другой стороны, забота о нарядахъ и укладка вещей мало-по-малу поглотили все вниманіе взволнованной дѣвушки и отогнали послѣднюю тѣнь боязни, которую внушало ей неопредѣленное будущее. Она должна была отправиться въ Лейтмерицъ съ отцомъ, чтобы сдѣлать разныя покупки для дальней дороги, и провела цѣлый день въ лавкахъ. Въ деньгахъ не было недостатка, такъ какъ графскій управляющій въ его отсутствіе продалъ по высокой цѣнѣ дрова и хлѣбъ прусскимъ торговцамъ. Такимъ образомъ, графъ къ общему удивленію заплатилъ за все во-время и чистыми деньгами. Рехбергеръ, который въ обыкновенное время проповѣдывалъ бережливость и умѣренность въ расходахъ, на этотъ разъ не жалѣлъ никакихъ тратъ, чтобы поддержать достойнымъ образомъ честь своего господина.

Графиня Рената и ея дядя должны были убѣдиться, по мнѣнію Рехбергера, что графъ Эрбахъ вовсе не въ такомъ безвыходномъ положеніи, какъ они воображаютъ, и что у него, помимо шварценбергскихъ дукатовъ, достаточно денегъ, чтобы снарядить барышню ко двору. Управляющій обратилъ также вниманіе и на свой туалетъ, потому что не хотѣлъ явиться жалкимъ бѣднякомъ въ столицу французовъ, на которыхъ смотрѣлъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и за которыми гнался при Росбахѣ послѣ блестящей побѣды, одержанной прусскимъ королемъ. Большая дорожная карета, которая привезла графа въ замокъ его предковъ, была выдвинута изъ сарая на дворъ; каретникъ и кузнецъ усердно трудились надъ нею, чтобы сдѣлать нужныя поправки и изготовить ее для предстоящаго далекаго путешествія.

Графъ написалъ нѣсколько писемъ, которыя могли пригодиться Рехбергеру по приѣздѣ въ Парижъ, но откладывалъ со дня на день письмо къ женѣ съ просьбой позаботиться о молодой дѣвушкѣ. Между тѣмъ, другая рекомендація, имѣвшая еще большее значеніе для Короны, была уже въ рукахъ послѣдней. Это была коротенькая записка Іосифа II къ французской королевѣ, слѣдующаго содержанія:

„Моя дорогая сестра Антуанета! Рекомендую вамъ фрейлейнъ Корону фонъ-Турмъ, мою хорошую пріятельницу и талантливую артистку, и прошу полюбить ее ради меня“.

Графъ Эрбахъ вложилъ записку въ золотой медальонъ, заказанный для этой цѣли, и надѣлъ его на шею Короны, которая не разставалась съ нимъ. Она съ радостью думала о томъ, что наконецъ исполнится ея завѣтная мечта—быть принятой при французскомъ дворѣ.

Сердце ея было переполнено радостью. Однажды утромъ, сидя за шитьемъ, она сказала своей подругѣ съ веселой улыбкой:

— Теперь уже никто не остановитъ меня! Всѣ препятствія устранены; я буду пѣть и танцовать въ Версали!..

Гедвига, занятая своими мыслями, слегка вздрогнула при этихъ словахъ, какъ будто проснувшись отъ сна и уколола себя палецъ иглой.

— Чтò съ вами! воскликнула со смѣхомъ Корона. Ужъ не влюбились ли вы въ императора! или, быть можетъ, мечтаете о нѣжномъ свиданіи съ французскимъ королемъ?

Гедвига ничего не отвѣтила и еще ниже наклонила голову надъ работой. Она чувствовала, какъ кровь прилила ей къ сердцу, которое усиленно билось.

Шутки Короны мучительно дѣйствовали на нее. Но когда ее оставляли въ покоѣ, она предавалась сладкимъ мечтамъ, не замѣчая ухаживанія Бухгольца, ни тѣхъ нѣжныхъ взглядовъ, которые онъ бросалъ на нее при встрѣчѣ въ корридорахъ и на лѣстницѣ.

Между тѣмъ, молодой бюргеръ полюбилъ ее съ перваго взгляда всѣми силами своей души. Послѣ ночи, проведенной имъ въ замкѣ, онъ увидѣлъ ее утромъ на дворѣ, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи и съ этой минуты ея цѣломудренная красота и стройная фигура навсегда запечатлѣлись въ его сердцѣ. Онъ же ухаживалъ въ продолженіи дня и, уступая своему затаенному желанію, съ радостью согласился на предложеніе графа остаться еще нѣкоторое время въ замкѣ. Онъ не былъ связанъ никакими обязательствами и пользовался независимымъ состояніемъ; что могло мѣшать ему поддаться чувству, которое впервые овладѣло имъ съ такой непреодолимой силой? Съ другой стороны, въ качествѣ купца и дѣловаго человѣка, онъ привыкъ взвѣшивать свои поступки и, не довѣряя первому впечатлѣнію, рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы познакомиться съ своей возлюбленной въ ея повседневной жизни. Его спокойная, ровная натура не была способна на дикіе порывы страсти. Безсознательная любовь не могла удовлетворить его; онъ не признавалъ привязанности безъ уваженія.

На этотъ разъ судьба покровительствовала ему; онъ не могъ испытывать и тѣни той двойственности чувствъ, которая такъ пугала его. Красота Гедвиги вполне соответствовала ея нравственнымъ достоинствамъ, такъ какъ она представляла собою рѣдкое соединеніе ума, кротости, сильнаго характера и искренняго стремленія къ добру. Внѣшнія обстоятельства также сложились самымъ благоприятнымъ

образомъ для Бухгольца; между имъ и молодой дѣвушки не было рѣзкаго различія въ общественномъ положеніи, которое бы раздѣляло ихъ, такъ что трудно было ожидать какого либо препятствія со стороны родственниковъ. Управляющій, вѣроятно, съ радостью отдалъ бы свою дочь приличному и образованному человѣку съ обеспеченнымъ состояніемъ.

Весь вопросъ заключался въ согласіи самой Гедвиги на бракъ; но Бухголецъ терялся въ ея присутствіи и не находилъ ни удобнаго случая, ни подходящихъ выраженій, чтобы сдѣлать ей предложеніе. Онъ придумывалъ на досугъ цѣлыя рѣчи и былъ убѣжденъ, что сумѣетъ выразить свои чувства въ приличной формѣ; но, встрѣчаясь наединѣ съ дочерью управляющаго, онъ могъ только молча любоваться ею и, заикаясь, съ трудомъ произносилъ нѣсколько словъ. Ему казалось неудобнымъ подойти къ молодой дѣвушкѣ съ любовнымъ объясненіемъ въ такое время, когда голова ея занята предстоящимъ путешествіемъ, а на рукахъ масса всякой работы. Онъ иногда спрашивалъ себя: не лучше ли ему тотчасъ же посвататься къ ней и увезти съ собою въ Италію? Но вслѣдъ за тѣмъ онъ отказывался отъ этой мысли, потому что всякая внезапная женитьба представлялась ему въ родѣ скачка съ башни въ бурное море. Тѣмъ не менѣе, онъ съ безпокойствомъ думалъ о продолжительномъ отсутствіи Гедвиги. Ему приходили въ голову разные примѣры, когда разлука влюбленныхъ кончалась полнымъ разрывомъ.

Фрицъ Бухголецъ, какъ всѣ сѣверные уроженцы, былъ склоненъ къ мечтательности, и чѣмъ больше предавался онъ раздумью, живя въ уединенномъ замкѣ, вдали отъ своей обычной дѣятельности, тѣмъ болѣе грустилъ онъ о близкомъ отъѣздѣ Гедвиги.

Во время одной изъ своихъ обычныхъ прогулокъ съ графомъ, онъ замѣтилъ, что и тотъ чѣмъ-то сильно озабоченъ. Послѣ пожатія руки при первой встрѣчѣ, когда молодой бюргеръ прикоснулся трижды мизинцемъ правой руки къ указательному пальцу графа, на что послѣдній отвѣтилъ ему такимъ же пожатіемъ, и они убѣдились, что оба одинаково принадлежатъ къ числу масоновъ,—между ними установились самыя искреннія отношенія. Оставшись наединѣ, они сообщили другъ другу о духовномъ состояніи и трудахъ своихъ ложъ, такъ какъ Эрбахъ былъ посвященъ въ масоны въ Гамбургѣ, а Бухголецъ — въ Берлинѣ. Каждый изъ нихъ откровенно высказалъ другому свои завѣтныя мечты; графъ Эрбахъ, между прочимъ, выразилъ желаніе, чтобы масонскій союзъ занялся изслѣдованіемъ силъ природы и изысканіемъ способовъ продолжить человѣческую жизнь. Молодой бюргеръ находилъ совершенно достаточнымъ, если союзъ будетъ заботиться о соблюденіи мира и согласія, сблизитъ между собою членовъ разныхъ сословій и поддержитъ дѣломъ и словомъ возвышенныя цѣли свободы и братства. При этомъ Бухголецъ, повидимому, не подозрѣвалъ, что политическія цѣли усердно преслѣдуются

масонами въ Англіи и Франціи. Графъ не считалъ себя вправѣ сообщать ему опасной тайны, такъ какъ у масоновъ строго соблюдалось правило не посвящать вновь поступавшихъ братьевъ въ тѣ тайны, которыя могутъ быть открыты имъ только черезъ нѣкоторый промежутокъ времени и послѣ извѣстныхъ испытаній.

Бесѣда о дѣлахъ союза между графомъ и его гостемъ нерѣдко переходила къ ихъ личнымъ дѣламъ. Поэтому весьма естественно, что и на этотъ разъ графъ Эрбахъ откровенно сообщилъ молодому бюргеру свои опасенія относительно будущности Короны. Поѣздка въ Парижъ была рѣшена; она освобождала молодую дѣвушку и его самого отъ тягостнаго и неопредѣленнаго положенія, которое давало поводъ къ разнымъ непріятнымъ толкамъ на ихъ счетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ надѣялся съ помощью Короны помириться съ женой, что было весьма желательно какъ для его душевнаго спокойствія, такъ и въ виду того положенія, которое онъ занималъ въ свѣтѣ. Но чѣмъ ближе наступало время отъѣзда, тѣмъ болѣе видѣлъ онъ поводовъ къ серьезнымъ опасеніямъ. Рехбергеръ нигдѣ не бывалъ, кромѣ Франконіи, Саксоніи и Шлезвига, и можетъ очутиться въ безвыходномъ положеніи на чужой сторонѣ въ большомъ незнакомомъ городѣ. Если Рената откажется принять Корону подъ свое покровительство, то будетъ ли Рехбергеръ надежнымъ защитникомъ молодой дѣвушки?..

Бухгольцъ, не выдавая своей тайны, откровенно сознался, что вполне раздѣляетъ опасенія графа. Такимъ образомъ, слово за слово, переходя отъ одного предположенія къ другому, они пришли къ одной и той же мысли.

— Если вы, графъ, ничего не имѣете противъ этого, сказала Бухгольцъ,—то я попросилъ бы у васъ позволенія проводить обѣихъ дѣвушекъ.

— Это будетъ жертва съ вашей стороны, и я не считаю себя вправѣ принять ее!

— Вы напрасно придаете такое значеніе моему предложенію. Я давно намѣревался посѣтить шелковыя фабрики въ Лионѣ. Говорятъ, что тутовныя деревья лучше всего растутъ въ Провансѣ; поэтому я считаю весьма полезнымъ для себя, если мнѣ удастся посѣтить эту мѣстность. Что же касается Парижа, то всякій купецъ долженъ познаться съ нимъ; къ тому же онъ будетъ мнѣ почти по дорогѣ.

Всѣ возраженія графа были бессильны и не могли поколебать Бухгольца, который въ душѣ былъ очень доволенъ своимъ рѣшеніемъ. Путешествіе должно было доставить ему возможность доказать Гедвигѣ свою любовь. Къ-тому же этимъ достигнута была его главная цѣль: онъ былъ избавленъ отъ печальной необходимости разстаться съ возлюбленной.

Обѣ дѣвушки приняли съ благодарностью предложеніе молодого бюргера и шутя обѣщали безпрекословно слушаться его во время путешествія. Рехбергеръ, узнавъ, что онъ хочетъ ѣхать верхомъ, самъ

вызвался отыскать ему хорошую лошадь. Маршрутъ былъ назначенъ изъ Эгера въ Бамбергъ, а оттуда на Франкфуртъ и Страсбургъ.

День отъѣзда еще не былъ назначенъ, когда патеръ Ротганъ явился въ замокъ съ прощальнымъ визитомъ и объявилъ о своемъ намѣреніи вернуться домой. Выразивъ графу свою глубокую благодарность за оказанное имъ гостепріимство, онъ сдѣлалъ тонкій намекъ, что въ саду графини Турмъ есть много ботаническихъ рѣдкостей, съ которыми не мѣшало бы познакомиться его сіятельству. Графъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и, ласково простившись съ патеромъ, обѣщалъ навѣстить его и старую графиню Турмъ не позже будущей недѣли. Затѣмъ патеръ Ротганъ пожелалъ счастливой дороги путешественникамъ и особенно Гедвигѣ, къ которой онъ относился съ видимымъ участіемъ, и вышелъ изъ замка.

При настоящемъ положеніи дѣлъ, патеръ искренно желалъ, чтобы путешественники благополучно достигли Парижа и чтобы Корона избавилась отъ опеки своей бабушки. Онъ надѣялся, что Корона, соединивъ обоихъ супруговъ, вернется ко двору въ Вѣну и вмѣстѣ съ графомъ Эрбахомъ пріобрѣтетъ вліяніе на императора.

Патеръ Ротганъ настолько увлекся своими планами, что ему и въ голову не приходило, чтобы они могли быть нарушены какимъ либо непредвидѣннымъ случаемъ. Поэтому онъ былъ вдвойнѣ озадаченъ, заставъ неожиданнаго гостя въ домѣ приходскаго священника, и ему необходимо было все самообладаніе, которое онъ пріобрѣлъ въ продолженіи двадцатилѣтней службы въ іезуитскомъ орденѣ, чтобы сохранить присутствіе духа.

Когда онъ отворилъ дверь, то увидѣлъ издали писаря Венцеля, который сидѣлъ въ задней комнатѣ и велъ таинственный разговоръ съ Григоріемъ Гасликомъ. Людмила стояла насторожѣ, чтобы какой нибудь непрощенный посѣтитель не подслушалъ ихъ. Патеръ, взглянувъ на лица обоихъ собесѣдниковъ, тотчасъ же догадался, что обитателямъ замка готовится несовѣмъ пріятный сюрпризъ.

— Извините, я кажется помѣшалъ вамъ, сказалъ Ротганъ и хотѣлъ уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ Гасликъ, удерживая его за платье.— Вы должны дать намъ совѣтъ, многоуважаемый патеръ. Здѣсь совершаются ужасы, вопіющіе къ небу!..

Въ эту минуту въ углу комнаты, гдѣ висѣлъ образъ святаго Непомука въ почернѣвшей золотой рамкѣ, поднялась съ колѣнъ мрачная фигура съ взъерошенными волосами и лицомъ, искаженнымъ отъ гнѣва; руки, только что сложенные для молитвы, были сжаты въ кулаки.

Это былъ Зденко.

— Рѣшите же чѣмъ нибудь, сказалъ онъ раздраженнымъ голосомъ, подходя къ столу.—Вы позвали меня. Что вамъ нужно?

Въ то время какъ священникъ уговаривалъ его успокоиться,

Венцель Свобода рассказывалъ патеру съ ядовитой улыбкой, что найденъ слѣдъ убѣжавшей графини Турмъ.

— Знаете ли вы, гдѣ отыскалась эта благовоспитанная барышня? воскликнулъ писарь, разводя руками.—Она проживаетъ въ Таннбургѣ у графа Эрбахъ, этого богоотступника, обремененнаго долгами...

— Совѣтую вамъ быть умѣреннѣе въ вашихъ выраженіяхъ! замѣтилъ патерь.—Не забывайте, что вы на землѣ графа, и стоитъ ему только поднять мизинецъ, чтобы васъ выгнали отсюда палкою.

— Я присланъ сюда, какъ официальное лицо, возразилъ писарь, вытянувшись во весь ростъ, но изъ благоразумія понижая голосъ.— Дѣло идетъ о нарушеніи супружеской вѣрности и насильственномъ похищеніи невинной дѣвушки! Эти уголовныя преступленія предусматрѣны законами, изданными ея величествомъ императрицей въ 1769 году. Согласно статьѣ 77, нарушеніе супружеской вѣрности должно быть наказано смертью; равнымъ образомъ, по статьѣ 79, смертная казнь признается достойнымъ наказаніемъ за похищеніе невинной...

— Къ чему вся эта болтовня! воскликнулъ Ротганъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ, прерывая оратора.

— Этотъ почтенный человѣкъ употребляетъ слишкомъ сильныя выраженія, замѣтилъ священникъ, вмѣшиваясь въ разговоръ,—но факты, къ несчастью, совершенно вѣрны. Графъ Эрбахъ соблазнилъ графиню Корону фонъ-Турмъ. Можетъ ли быть что ужаснѣе этого! Еретикъ совращаетъ съ истиннаго пути католическую дѣвушку, невѣсту, обреченную небу!.. Сладкія рѣчи и вѣжливость этого господина ввели васъ въ заблужденіе, многоуважаемый патерь, но это волкъ въ овечьей шкурѣ и сердце его полно злобы... Когда вы вступили на порогъ моего недостойнаго дома, я не скрылъ отъ васъ моихъ подозрѣній относительно графа...

— Въ настоящемъ случаѣ это не только подозрѣнія, но увѣренность! прошипѣлъ писарь, ударивъ рукой по своему желтому жилету.—У насъ тонкій слухъ и мы все знаемъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые люди не хотятъ ничего видѣть и слышать! Вотъ письмо милостивой графини Елизаветы Турмъ къ оберъ-бургграфу, князю Евгенію Фюрстенбергу въ Прагѣ, въ которомъ она проситъ его принять законныя мѣры противъ этого разбойника и соблазнителя дѣвушекъ...

— Государство и церковь должны строго наказывать подобныхъ преступниковъ, пробормоталъ Гасликъ.

Патерь Ротганъ, не смотря на все свое негодованіе, старался сохранить наружное спокойствіе.

— Вамъ, господа, извѣстны такія удивительныя исторіи,—сказалъ онъ насмѣшливымъ тономъ,—что мое общество должно стѣснять васъ. Мнѣ не приходилось видѣть графини Коровы въ замкѣ, хотя я лично знакомъ съ нею; можетъ быть, она уѣхала верхомъ съ офицеромъ въ

зеленомъ мундирѣ, которому г. священникъ забылъ поклониться вовремя. Не думаетъ ли Григорій Гасликъ заглазить непочтительное обращеніе съ императоромъ тайными доносами и интригами противъ своего господина и патрона? Пусть Венцель Свобода отправится въ Прагу и убѣдится на опытѣ, кому больше повѣрить оберъ-бургграфъ—ему, или графу Эрбаху? Что касается меня лично, то я не имѣю никакого желанія вмѣшиваться въ подобныя исторіи.

— Въ этой распрѣ, замѣтилъ скромно священникъ,—Господу угодно было отвергнуть сильныхъ и избрать своимъ орудіемъ мелкихъ людей.

— Давидъ убилъ великана Голиаѳа, пробормоталъ писарь, вынимая изъ кармана запечатанное письмо.

Въ дверяхъ появилась голова Людмилы, которая громко крикнула, что передъ домомъ остановился Рехбергеръ съ экипажемъ и ожидаетъ г-на патера.

— Намъ измѣнили! воскликнулъ съ испугомъ писарь, оглядываясь по сторонамъ въ надеждѣ отыскать выходъ.

— Господь да благословитъ васъ, сказалъ патерь. Добрый вечеръ! Священникъ проводилъ своего гостя до крыльца, не столько изъ учтивости, сколько изъ желанія узнать, съ какою цѣлью пріѣхалъ Рехбергеръ? Патерь на минуту вошелъ въ комнату, служившею ему спальней, и вернулся оттуда съ небольшимъ узломъ въ рукахъ.

— Omnia mea pesum porto, сказалъ онъ, обращаясь съ улыбкой къ священнику, стоявшему на крыльцѣ.

Они пожали другъ другу руки. Въ это время Людмила, считая нелишнимъ усилить наблюденіе за патеромъ, выглянула изъ окна верхняго этажа.

Однако, противъ ожиданія, не случилось ничего подозрительнаго. Рехбергеръ соскочилъ на землю, предложилъ патеру сѣсть въ кабриолетъ, посланный ему графомъ, чтобы ѣхать въ городъ.

Ротганъ съ благодарностью воспользовался приглашеніемъ и, усѣвшись въ экипажъ, еще разъ поклонился священнику.

— Не хотите ли на прощанье понюхать табаку, г-нъ Рехбергеръ! сказалъ онъ громкимъ голосомъ, обращаясь къ управляющему и протягивая ему свою табакерку.—Это настоящій испанскій табакъ; я слышалъ, что испанскій король постоянно употребляетъ его.

Рехбергеръ, опустивъ пальцы въ табакерку, почувствовалъ у себя въ рукахъ небольшой клочекъ свернутой бумаги. Ротганъ, заходя въ свою комнату за вещами, наскоро написалъ нѣсколько словъ графу. Старый солдатъ тотчасъ же догадался, чего желаетъ патерь, и крѣпко захвативъ пальцами бумажку, медленно поднесъ къ носу и съ видимымъ наслажденіемъ принялся нюхать.

Экипажъ уѣхалъ. Гасликъ вернулся домой къ своему гостю.

— Ну, теперь мы избавились отъ этого измѣнника! воскликнулъ онъ раздраженнымъ голосомъ.—Намъ не удалось ничего узнать отъ него. Да будутъ прокляты эти служители Христа, которые отожест-

вляють слово божіе съ діавольской наукой! Они занимаются ухаживаніемъ за дочерьми ханаанскими и поклоняются филистимскимъ идоламъ. Дайте мнѣ слово, г-нъ Венцель, что при вашемъ первомъ свиданіи съ архіепископомъ и почтенной графиней Турмъ, вы опишете имъ надлежащимъ образомъ этого порочнаго еретика.

— Само собою разумѣется, что я не стану щадить его! Я уже давно слѣжу за нимъ. Онъ принадлежитъ къ поклонникамъ новизны, которые съ нетерпѣніемъ ждутъ смерти нашей благочестивой императрицы. Они хотятъ всѣхъ насъ обратить въ пруссаковъ. Говорятъ, что молодой императоръ заключилъ союзъ съ старымъ прусскимъ королемъ, чтобы водворить новые порядки въ своемъ государствѣ, отмѣнить десятину, барщину, уничтожить религію... Но меня все таки беспокоитъ это дѣло, добавилъ шепотомъ писарь. Дѣйствительно ли вы увѣрены въ томъ, что молодая графиня скрывается въ замкѣ?

— Клянусь всѣми святыми, что да; вы можете спросить этого человѣка, котораго она ударила вѣткой по лицу, отвѣтилъ священникъ, указывая глазами на стоявшаго въ углу Зденко.

— Мы должны овладѣть ею во что бы то ни стало! продолжалъ Венцель вполголоса. Старая графиня получила письмо изъ Милана отъ своего сына. Дому Турмъ грозитъ полное раззореніе. Молодой графъ Прокопъ завелъ дурныя знакомства, надѣлалъ пропасть долговъ, которые необходимо выплатить сполна. Въ виду этого, рѣшено отдать развратную дѣвушку въ монастырь. Медлить нечего! Послѣ всѣхъ этихъ приключеній или, лучше сказать, скандаловъ, ни одинъ богатый или знатный человѣкъ не захочетъ жениться на ней *sine dote*, т. е. безъ приданого, потому что ея почтенный братецъ всѣхъ ихъ пуститъ по міру. А она еще вдобавокъ *sine согопа*—безъ дѣвичьяго вѣнка!

Сказавъ эти слова, Венцель громко расхохотался, вѣроятно, находя ихъ крайне остроумными.

— Вы пріѣхали во-время, замѣтилъ Гаслигъ;—мнѣ говорили, что она должна черезъ нѣсколько дней отправиться въ Парижъ, но я не вѣрю этому, и предполагаю, что графъ увезетъ ее въ свое франконское помѣстье.

— Я долженъ спѣшить въ Прагу, сказалъ Венцель.—Благодарю васъ за все то, что вы сообщили мнѣ. Этотъ человѣкъ поѣдетъ со мною. Могу ли я довѣрять ему?

— Какъ самому себѣ! отвѣтилъ священникъ.—Онъ будетъ вѣрно служить намъ, такъ какъ я связалъ его церковнымъ обѣтомъ; вдобавокъ онъ чувствуетъ непримиримую ненависть къ обитателямъ замка...

Въ то время какъ этотъ разговоръ происходилъ въ домѣ священника, Рехбергеръ задумчиво шелъ по дорогѣ, ведущей въ деревню. Свернувъ въ сторону, онъ прочиталъ записку, переданную ему Ротганомъ.

На клочкѣ бумаги были написаны три слова: „Здѣсь Венцель Свобода“.

Рехбергеръ не считалъ возможнымъ, чтобы присутствіе какого нибудь ничтожнаго писаря могло быть опаснымъ для графа. Онъ скорѣе готовъ былъ допустить, что убѣжище Короны сдалось извѣстно ея бабушкѣ и что Ротганъ хочетъ предупредить объ этомъ его господина и избавить отъ непріятныхъ хлопотъ.

— Не лучше ли мнѣ самому расправиться съ этимъ негодяемъ, чтобы отбить у него охоту вмѣшиваться въ чужія дѣла, подумалъ Рехбергеръ, выходя опять на почтовую дорогу. Съ того мѣста, на которомъ онъ стоялъ, никто не могъ выйти незамѣченнымъ изъ дома приходскаго священника. Онъ радовался въ душѣ, что на этотъ разъ вмѣсто охотничьяго ножа съ нимъ была толстая трость изъ испанскаго тростника, и съ удовольствіемъ размахивалъ ею по воздуху.

— Такихъ уродовъ, какъ этотъ Венцель, бормоталъ онъ вполголоса, можно привести въ страхъ божій только съ помощью палки! „Люди пропали бы безъ палки“, сказалъ великій король Фридрихъ. Они до сихъ поръ бродили бы по лѣсамъ, какъ дикіе звѣри. Палка создала королей и государствъ. Она же научитъ этого горбатаго лакея старой графини вести себя какъ слѣдуетъ!..

Наконецъ, открылась дверь священническаго дома. Вышелъ широкоплечій паренѣ и, окинувъ внимательнымъ взглядомъ дорогу, прямо направился къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Рехбергеръ. Это былъ Зденко. Старый управляющій, зная его необузданный характеръ, охотно избѣжалъ бы этой встрѣчи, предчувствуя, что молодой крестьянинъ опять обратится къ нему съ своимъ сватовствомъ къ Гедвигѣ, но чувство собственнаго достоинства не позволяла ему уйти. Онъ рѣшился еще разъ выслушать назойливаго жениха.

Зденко, подойдя къ нему на нѣсколько шаговъ, вопросительно посмотрѣлъ на него своими черными глазами изъ подъ широкихъ полей шляпы.

— Добрый вечеръ, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія нерѣшительнымъ голосомъ.

— Спасибо за привѣтъ! отвѣтилъ сурово Рехбергеръ, махнувъ тростью съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: ну, убирайся прочь, мнѣ съ тобой разговаривать нечего!

Молодой крестьянинъ видимо колебался. Въ немъ боролись двѣ страсти: гордость побуждала его уйти, любовь къ Гедвигѣ удерживала на мѣстѣ и подстрекала сдѣлать еще одну попытку къ достиженію цѣли. Последняя одержала верхъ.

— Г-нъ Рехбергеръ, не угодно ли вамъ будетъ выслушать меня?

— Только, пожалуйста, избавь отъ исповѣди; на то у васъ есть попъ!

— Почему вы третій годъ отказываете мнѣ въ рукѣ вашей дочери?

— Чортъ побери, неужели нѣтъ другихъ дѣвушекъ помимо Гедвиги

— Вы постоянно говорите мнѣ это. Сначала вы находили, что Гедвига слишкомъ молода и что мнѣ также не мѣшаетъ быть годомъ постарше. Затѣмъ, я опять пришелъ къ вамъ; вы отвѣтили мнѣ—поговори съ Гедвигой...

— Сегодня я скажу тебѣ то же самое. Если дѣвушка согласна, то господь съ вами! Сдѣлай одолженіе, не корчи такой постной физиономіи, какъ будто волею отнялъ у тебя ягненка. Пойми разъ навсегда, что вы не годитесь другъ для друга. Я воображаю, какой шумъ поднялъ бы вашъ попъ, если бы самый богатый его прихожанинъ женился на лютеранкѣ. А ты теперь высиживаешь цѣлые дни въ домѣ священника... Ужъ не намѣренъ ли ты поступить къ нему въ пономари?

— Вы еще насмѣхаетесь надо мной! Совѣтую не выводить меня изъ терпѣнія, г-нъ Рехбергеръ, иначе вамъ придется раскаяться въ вашихъ словахъ.

— Я буду раскаиваться! воскликнулъ бывший вахмистръ, выпривившись во весь ростъ и хватая трость.

Но эта вспышка гнѣва продолжалась всего одну секунду. Рехбергеръ добродушно засмѣялся.

— Ты теперь влюбленный дуракъ, Зденко, а людямъ въ этомъ положеніи прощается многое, такъ какъ они сами не знаютъ, о чемъ толкуютъ. Не даромъ говорятъ, любовь болтлива...

— Съ какой бы радостью я убилъ этого еретика! подумалъ Зденко, но, пересиливъ себя, сказалъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Я не хочу ссориться съ вами, г-нъ Рехбергеръ. Выслушайте меня; я не стану больше беспокоить васъ. Отдайте мнѣ Гедвигу; отецъ мой богатый человекъ; я его единственный сынъ. Вы презираете меня, потому что я чехъ и крестьянинъ, но я свободѣ васъ, потому что у меня нѣтъ господина. У меня достаточно денегъ, чтобы купить лучшій домъ въ городѣ. Какое мнѣ дѣло до того, что Гедвига нѣмка и служанка графа! Говорятъ, что эта любовь—смертный грѣхъ, но я не въ состояніи пересилить ее. Изъ за Гедвиги я готовъ пожертвовать вѣчнымъ блаженствомъ.

Зденко проговорилъ послѣднія слова глухимъ прерывающимся голосомъ; лицо его приняло еще болѣе мрачное и непріятное выраженіе.—Рано или поздно я добьюсь своей цѣли! добавилъ онъ съ яростью, ухватившись за ножъ, спрятанный въ его карманѣ. Я ставлю ни во что спасеніе моей души и вашу собственную жизнь...

Рехбергеръ не сдвинулся съ мѣста. Онъ стоялъ такъ-же прямо, какъ на парадѣ; его платье, треугольная шляпа, штилеты—все это было тщательно вычищено; пуговицы блестѣли; косичка лежала прямо на его спинѣ. Онъ представлялъ собою образецъ нѣмецкой выдержки, аккуратности и чистоплотности. Совсѣмъ иная была личность Зденко. Шляпа съ широкими полями была надѣта на бекрень на темныхъ взъерошенныхъ волосахъ; куртка, хотя изъ тонкаго сукна, была по-

крыта пятнами и мѣстами разорвана; подъ нею виднѣлась грязная рубашка; платье сидѣло неловко и какъ-то обвисло; во всемъ сказывалась славянская лѣнь, грубость и неряшливость.

Одинъ былъ цивилизованный человѣкъ съ нѣсколькими чопорными манерами, другой—дикий сынъ природы.

— Гмъ!.. сказалъ Рехбергеръ, — если дѣло дошло до угрозы, то не лучше ли намъ разойтись разъ навсегда. Я поѣду съ дочерью въ Парижъ, а ты...

— Ты хочешь увести Гедвигу въ Парижъ? Этому не бывать! крикнулъ Зденко; въ рукахъ его блеснулъ клинокъ ножа.

— На лѣво кругомъ, маршъ! сказалъ Рехбергеръ повелительнымъ голосомъ и, схвативъ молодаго крестьянина за шиворотъ, тряхнулъ его съ такой силой, что у того слетѣла шляпа съ головы.—Убирайся прочь! Ищи себѣ невѣсть между крѣпостными, тамъ твое мѣсто!.

Быть можетъ, Зденко не ожидалъ такой силы отъ старика, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, онъ былъ отброшенъ на нѣсколько шаговъ и упалъ на землю.

Задыхаясь отъ злости, онъ поднялся на ноги и погрозилъ ножомъ Рехбергеру.

— Я отплачу тебѣ за все, твоему графу и вѣдьмѣ, съ которой онъ любезничаетъ! Я зажгу вашъ домъ! Да будутъ прокляты всѣ эти еретики и нѣмцы...

Онъ отыскалъ шляпу и, спрятавъ ножъ, бормоталъ угрозы и проклятія на чешскомъ языкѣ. Горе и ярость искажали его лицо. Это былъ опасный врагъ, способный подстеречь свою жертву на дорогѣ и напасть на нее врасплохъ. Но Рехбергеръ, сознавая свою силу спокойно пошелъ впередъ. Онъ считалъ несомнѣннымъ съ чувствомъ собственного достоинства отвѣчать на брань побѣжденнаго непріятели.

Записка патера произвела мимолетное впечатлѣніе на обитателей замка. Графъ Эрбахъ тотчасъ же остановился на рѣшеніи, которое, по его мнѣнію, должно было устранить всѣ непріятности, какія могли произойти отъ присутствія писаря. Путешественники должны были выѣхать на другой же день рано утромъ; въ полдень онъ приметъ писаря и задержитъ его въ замкѣ хитростью, или силой, до тѣхъ поръ, пока они не достигнутъ франконской границы. При распросахъ у городскихъ воротъ, Бухгольцъ долженъ былъ выдавать Корону за свою сестру, и такъ какъ его бумаги и Рехбергера были въ полномъ порядкѣ, то съ этой стороны нельзя было предвидѣть никакихъ затрудненій.

— На всякій случай, я считаю не лишнимъ, чтобы вы ускорили свой отъѣздъ, сказалъ графъ во время обѣда, обращаясь къ Коронѣ и Бухгольцу,—хотя не думаю, чтобы старая графиня рѣшилась на серьезное преслѣдованіе. Она не захочетъ окончательно поссориться со мной, а если начнетъ интриговать противъ меня, то это не

въ первый и не въ послѣдній разъ. Что же касается васъ моя, дорогая Корона, то вашъ отъѣздъ въ Парижъ положить конецъ пустымъ разговорамъ, тѣмъ болѣе, что всѣ приличія были соблюдены. Желаю вамъ счастливаго пути! Хорошая погода, вѣроятно, продержится еще нѣкоторое время. Пью за наше радостное свиданіе!

Обѣдъ былъ оконченъ. Бухгольцъ, отвѣтивъ на тостъ хозяина дома, вышелъ изъ комнаты, подъ предлогомъ, что ему нужно уложить свои вещи.

Молодой бюргеръ чувствовалъ себя въ самомъ блаженномъ настроеніи духа. Напѣвая пѣсню, онъ пошелъ къ Рехбергеру, который чистилъ свои пистолеты, считая ихъ самою необходимою вещью въ дорогѣ, между тѣмъ какъ Гедвига усердно занималась укладкой ящиковъ. Подъ вліяніемъ разсказовъ Короны, она взглянула иными глазами на предстоящее путешествіе, которое все болѣе и болѣе начинало интересовать ее. Она съ нетерпѣніемъ ожидала минуты отъѣзда, но ей оставалось уложить еще столько вещей, что она охотно приняла помощь, предложенную ей Бухголцемъ.

Между молодыми людьми завязался незамѣтно оживленный разговоръ, въ который только изрѣдка вмѣшивался старый Рехбергеръ, вставляя острое слово, или анекдотъ. Сердце Бухгольца усиленно билось, когда во время укладки онъ случайно дотрагивался до плеча или руки своей возлюбленной; какъ хороша казалась она ему, съ ея раскраснѣвшимся личикомъ и умными кроткими глазами!..

Но въ то время какъ молодой бюргеръ безмятежно наслаждался настоящимъ, мечтая о будущемъ счастьѣ, графъ Эрбахъ и Корона молча сидѣли у стола. Въ ихъ отношеніяхъ было много недосказаннаго, что болѣе занимало ихъ, нежели всякій разговоръ.

— Развѣ судьба не назначила меня быть актрисой? сказала наконецъ Корона.—Я пріѣхала въ вашъ замокъ крестьянкой и уѣзжаю отсюда въ костюмѣ бюргерской дѣвушки.

На ней было надѣто платье изъ сѣрой шерстяной матеріи, приподнятое съ обѣихъ сторонъ голубыми бантами изъ шелковыхъ лентъ; лифъ былъ изъ голубой шелковой матеріи съ четырехъ-угольнымъ вырѣзомъ; сверху накинута легкая газовая косыночка, концы которой были приколоты на груди крестъ-на-крестъ. Изъ подъ нижней юбки, отороченной голубыми фестонами, выглядывали маленькія ножки, обутыя въ башмаки изъ тонкой коричневой кожи съ голубыми бантами и красными каблуками.

Графъ Эрбахъ, любясь молодой дѣвушкой, мысленно сравнивалъ ее съ граціозными женскими фигурами на картинахъ Буше и Греза.

— Вы такъ удачно выполнили роль крестьянки, отвѣтилъ онъ, что вамъ не трудно будетъ выдать себя за сестру Бухгольца.

— Что за польза идти противъ судьбы! продолжала задумчиво Корона.—Все побуждаетъ меня поступить на сцену. Смотрите, кузень, не пропустите моего перваго дебюта. У меня тонкій слухъ; горе

вамъ, если не раздастся вашъ голосъ среди общихъ криковъ одобренія.

— Дорогая моя, можно-ли изъ нѣсколькихъ прожитыхъ вами дней волненія и тревоги дѣлать какія либо заключенія о вашей дальнѣйшей жизни! Я надѣюсь, что въ обществѣ Ренаты вы опять примиритесь съ средой, къ которой принадлежите по рожденію и воспитанію. Тяготѣвшій надъ вами гнетъ былъ невыносимъ для вашего живаго характера и побудилъ васъ искать свѣта и свободы. Кто поставитъ въ вину молодой и неопытной дѣвушкѣ, если она сбилась съ пути въ своемъ справедливомъ стремленіи выйти изъ тяжелаго положенія! Рената поддержитъ васъ при французскомъ дворѣ, гдѣ женщина всегда имѣла больше значенія, нежели у насъ. Тамъ васъ оценятъ по достоинству, и вы сами почувствуете себя счастливой возлѣ Маріи Антуанеты, которая такъ ласкова и привѣтлива со всѣми окружающими ее.

— Я знаю, съ кѣмъ я была-бы еще счастливѣе—подумала Корона, но вмѣсто этого сказала съ нѣкоторой досадой:

— Развѣ вы все еще считаете меня ребенкомъ, котораго нужно водить на помочахъ? Что за непомѣрное мужское самолюбіе! Неужели мы, женщины, никогда не будемъ имѣть права распоряжаться нашей будущностью и устроить жизнь по собственному усмотрѣнію! Неужели отцы всегда будутъ смотрѣть на насъ, какъ на товаръ, который нужно сбить съ рукъ, а мужа какъ на свою собственность!..

— Что касается васъ, Корона, возразилъ улыбаясь графъ Эрбахъ, вы не имѣете права жаловаться на деспотизмъ мужчинъ. Вы изъявили желаніе ѣхать въ Парижъ—императоръ даетъ вамъ рекомендательное письмо французской королевѣ, имперскій графъ сажаетъ васъ въ карету,—надѣюсь, что завтра мнѣ позволено будетъ оказать вамъ эту услугу; честный бюргеръ сопровождаетъ васъ верхомъ!.. Всѣ готовы служить вамъ по мѣрѣ силъ и возможности!..

— Позвольте вамъ замѣтить, мой прекрасный кузень, что вы впадаете въ преувеличеніе. Я вполне цѣню милостивое отношеніе ко мнѣ императора и доброту имперскаго графа, но развѣ вы не замѣтили, что вашъ новый другъ, этотъ скромный, застѣнчивый бюргеръ, будетъ сопутствовать другой звѣздѣ...

— Какъ! Фрицъ Бухгольцъ...

— Новый примѣръ мужской слѣпоты! И вы еще хотите управлять міромъ!..

Съ этими словами Корона вскочила съ мѣста и кокетливо встряхнула своими напудренными локонами.

— Бухгольцъ влюбленъ въ Гедвигу, продолжала она. Понимаете ли вы это, кузень? и какъ порядочный человѣкъ, онъ не желаетъ разстаться съ ней и отпустить ее безъ себя въ такое далекое путешествіе!

Не косвенный ли это упрекъ? подумалъ графъ Эрбахъ, глядя пристально на пламя свѣчи, вокругъ котораго кружилась ночная бабочка.

— Если вы не ошибаетесь, кузина, относительно чувствъ моего молодого друга, то я вполне сознаюсь въ своей слѣпотѣ. Любовь этого добраго и разумнаго бюргера можетъ осчастливить всякую дѣвушку. Врядъ ли Гедвига могла найти въ этой мѣстности человѣка, который лучше подходилъ бы къ ней во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что отецъ слишкомъ хорошо воспиталъ ее по ея скромному положенію въ свѣтѣ.

— Въ этомъ помогъ ему графъ Эрбахъ, который давалъ уроки астрономіи молодой дѣвушкѣ, замѣтила Корона, останавливаясь передъ нимъ.

— Можетъ быть, отвѣтилъ онъ добродушно. У меня положительно страсть къ педагогикѣ; если бы я не родился имперскимъ графомъ, то вѣроятно занималъ бы должность школьнаго учителя.

Наступила минута молчанія. Корона, по своей привычкѣ, спокойно ходила взадъ и впередъ по комнатѣ; графъ Эрбахъ продолжалъ смотрѣть на голубоватое пламя свѣчи.

— Позвольте ли вы мнѣ писать вамъ, кузень? спросила она нерѣшительнымъ голосомъ.

— Позволить вамъ! Я искренно желаю этого, милая Корона, и если не говорилъ вамъ объ этомъ, то, быть можетъ, вслѣдствіе излишней самоувѣренности...

— Вы были убѣждены, что я во всякомъ случаѣ буду писать вамъ, не такъ ли?

Она стояла въ темномъ углу комнаты, такъ что онъ не могъ видѣть ея лица.

— Зачѣмъ стану я скрывать отъ васъ, что я дѣйствительно надѣялся получить отъ васъ письма. Мы сблизились съ вами при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, что нелегко прервать дружбу, которую мы чувствуемъ другъ къ другу. Что касается меня лично, то я искренно дорожу нашими отношеніями. Мнѣ пріятно было заботиться объ васъ; я такъ привыкъ къ мысли, что вы въ замкѣ! Вы уѣдете, Корона, а я въ ваше отсутствіе часто буду ходить по саду и по всѣмъ комнатамъ, отыскивая васъ. Привѣтъ отъ васъ издали воскреситъ въ моей памяти воспоминаніе о счастливыхъ часахъ, проведенныхъ съ вами...

— А что будетъ со мной! сказала она глухимъ голосомъ, отступая еще болѣе въ тѣнь. Какую страшную пустоту буду я чувствовать, когда уѣду изъ этого дома. Что останется у меня тогда въ цѣломъ мірѣ, кромѣ воспоминанія!

— Вы не должны грустить, Корона! сказалъ онъ, вставая съ мѣста и подходя къ ней.— Васъ ожидаютъ новыя впечатлѣнія, другіе люди. Берите отъ нихъ все то, что они могутъ дать вамъ; прошлое невозвратно; намъ не удержать его. Взгляните на будущее смѣлыми глазами; вы должны привыкнуть къ мысли, что нѣтъ радости безъ горя и лишеній. Изъ уединеннаго замка вы вступите въ блестящій дво-

рець. Сначала жизнь покажется вамъ легкой и веселой; но слишкомъ скоро наступитъ время, когда вамъ придется собрать всю свою душевную силу чтобы примириться съ томительнымъ однообразіемъ свѣта...

Онъ взялъ ее за обѣ руки и вывелъ на средину комнаты, освѣщенную восковыми свѣчами, горѣвшими на столѣ въ позолоченныхъ канделябрахъ. Но онъ напрасно старался уловить ее взглядъ. Она щурила глаза, какъ будто огонь былъ непріятенъ ей. Она чувствовала съ тонкимъ чутьемъ женщины, что его мудрствованія ничто иное, какъ фразы, подъ которыми онъ хочетъ скрыть возрастающее горе разлуки.

— Если свѣтъ дѣйствительно такъ однообразенъ, какъ вы говорите, то я знаю заранѣе, что почувствую себя несчастной, и у меня опустятся руки...

— Тогда вы призовете меня.

— Ахъ, если бы вы поѣхали со мной! воскликнула она, но въ слѣдующую минуту вырвала отъ него свои руки и, бросившись къ окну, открыла его настежь. Рѣзкій прохладный вѣтеръ, въ которомъ слышалось вѣяніи осени, охватилъ ее горячій лобъ.

Напрасныя, несбыточныя желанія! Жизнь такъ же безощадно уноситъ наши мечты, какъ порывъ бури листья съ деревьевъ.

— Посмотрите, какъ вѣтеръ гонитъ листья, сказала Корона.— Неужели природа создала ихъ для того, чтобы вѣтеръ разнесъ ихъ по неизмѣримому пространству?

— Ничто не исчезаетъ безслѣдно, моя дорогая Корона, но только принимаетъ другую форму. Не думайте, чтобы событія этого дня не имѣли никакого значенія—они образуютъ для насъ зерно новой жизни.

Онъ подошелъ къ ней; она взглянула на него своими блестящими карими глазами.

— Новой жизни... сказала она со вздохомъ и снова задумалась, глядя на темную ночь и бѣжавшія по небу облака.

Не слышно было ни одного человѣческаго голоса. У ногъ ихъ шумѣли деревья въ саду; на небѣ въ голубоватомъ сіяніи блестѣла одинокая звѣзда.

Графъ Эрбахъ закрылъ лицо руками. Не почувствовалъ ли онъ, что земля колеблется подъ его ногами, или съ нимъ сдѣлалось головокруженіе? Онъ все шелъ впередъ, не замѣчая пропасти, которая раскрывалась передъ нимъ. Что человѣчнѣе—поддаться ли пылу страсти, или отступить назадъ, руководствуясь холоднымъ разсудкомъ? Все проходитъ безслѣдно: опьянѣніе страсти и отреченіе... И то и другое безразлично для гармоніи вселенной... А долгъ, честь?.. Нѣтъ, нужно положить конецъ этому!

— Моя хорошенькая кузина, сказалъ онъ своимъ обыкновеннымъ шутливымъ тономъ, — какъ жаль, что не удалась моя машина для летанья по воздуху! Она унесла бы насъ отъ скучной земли на небо,

къ этой блестящей звѣздѣ, гдѣ, быть можетъ, властвуетъ блаженной памяти греческій богъ Аполлонъ и красавица Венера. Какъ мы были бы счастливы и свободны тамъ въ необъятномъ пространствѣ!.. Но теперь, моя дорогая Корона, васъ медленно увезутъ обыкновенныя лошади; вы должны покориться необходимости. А что всего важнѣе—вамъ нуженъ отдыхъ, чтобы ваши глаза завтра утромъ смотрѣли такъ же весело, какъ всегда. Покойной ночи, милое дитя! Въ насъ есть нѣчто неуловимое, какъ бы отголосокъ лучшаго міра, которому мы не даемъ имени, но чувствуемъ его въ счастливыя минуты нашей жизни. Мы пережили такую минуту. Сохранимъ воспоминаніе о ней въ глубинѣ нашего сердца. До свиданія!..

Онъ пожалъ ей руку; она рыдая бросилась ему на шею.

— Злой, милый, дорогой! воскликнула она, увлеченная порывомъ страсти, цѣлуя его въ губы.

Онъ невольно прижалъ ея нѣжный гибкій станъ къ своему сердцу, но она быстро вырвалась изъ его объятій и выбѣжала изъ комнаты. Дверь съ шумомъ захлопнулась за ней отъ сильнаго порыва сквознаго вѣтра, задувашаго свѣчи, горѣвшія на столѣ. Графъ Эрбахъ очутился въ темнотѣ. Онъ услышалъ въ корридорѣ ея нѣжный голосъ. Она пѣла—„Прости на вѣчную разлуку!“... Звуки все болѣе и болѣе удалялись, слабѣли и, наконецъ, совсѣмъ замолкли. Изъ окна дулъ холодный осенній вѣтеръ...

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

МОЛОДАЯ королева Марія Антуанета только-что въѣхала во дворъ версальскаго дворца въ открытой коляскѣ. Ее сопровождала пестрая веселая толпа дамъ и кавалеровъ, тѣлохранителей въ ихъ великолѣпныхъ мундирахъ и пажей; одни ѣхали верхами на англійскихъ лошадяхъ, другіе въ каретахъ, украшенныхъ гербами. Дворъ возвращался съ прогулки по лѣсу Сатори.

Былъ теплый апрѣльскій день. Весело свѣтило солнце; привѣтливо улыбалось лицо молодой королевы и окружавшихъ ее придворныхъ. Пробужденіе земли послѣ продолжительнаго зимняго холода, деревья, покрытыя распускающейся зеленью и цвѣтомъ, наполняли сердца ихъ радостнымъ ожиданіемъ. Ясное голубое небо, которое разстилалось надъ ихъ головами, казалось имъ завѣсой, скрывающей счастливую будущность. Они ожидали, что скоро наступитъ эта желанная будущность; на землю снизойдетъ миръ и благодать, и человѣчество избавится отъ оковъ суевѣрія и деспотизма. Но если бы одинъ изъ тѣхъ, которые такъ безмятежно наслаждались яснымъ небомъ, вѣяніемъ весны и кроткимъ сіяніемъ полуденнаго солнца, зналъ то, что думала и чувствовала шумная и пестрая толпа, двигавшаяся взадъ и впередъ мимо позолоченной рѣшетки огромнаго двора, въ глубинѣ котораго возвышался величественный дворецъ, то врядъ ли онъ могъ бы раздѣлять подобныя радостныя ожиданія.

Но вблизи великолѣпіе, окружавшее королевскую чету, обаятельно дѣйствовало на массу. Цѣлая толпа народа стояла у воротъ и около рѣшетки и громко привѣтствовала появленіе королевы. Одни удивля-

лись роскошной одеждѣ графа д'Артуа, другіе расхваливали вороного коня, на которомъ ѣхалъ графъ Провансальскій. Немало также было толковъ о новой ливреѣ конюховъ и соломенной шляпѣ Маріи Антуанеты съ тремя красиво развѣвающимися перьями.

— Все это недурно и довольно красиво, сказалъ пожилой человекъ съ напудренными волосами и въ платьѣ покроя 1750-хъ годовъ, стоявшій въ толпѣ зрителей; — но при дворѣ покойнаго короля я видѣлъ еще большее великолѣпіе.

— Не потому ли, что вы тогда были придворнымъ камердинеромъ, m-eur Клеманъ?

Это замѣчаніе вызвало веселый хохотъ среди окружающей толпы.

— По крайней мѣрѣ, благодаря моей должности, я имѣлъ больше случаевъ узнать, что прилично королю, нежели тотъ, кто всю жизнь занимался слесарствомъ, возразилъ старикъ, поправляя бѣлое жабо на своей груди, сложенное красивыми складками.

— Вы забываете, что нашъ король учится у мосея Гамэна этому благородному ремеслу!

— Въ этомъ-то вся и разница! замѣтилъ Клеманъ презрительнымъ тономъ.—Мой король—Людовикъ XV — не унижалъ своего достоинства и ничему не учился.

— Но онъ моталъ деньги, соблазнялъ дѣвушекъ! возразилъ одинъ изъ толпы.

— Въ этомъ никто не могъ сравниться съ нимъ! Онъ обложилъ бѣдный народъ чрезмѣрными податями. Это былъ тиранъ въ полномъ значеніи этого слова. Развѣ не изъ-за его любовницы, маркизы Помпадуръ, начата была эта злополучная война съ Фридрихомъ Великимъ? Нечего сказать, хороша война, гдѣ мы терпѣли одно поражение за другимъ! А знаете ли вы, добрые люди, что послужило поводомъ къ войнѣ? Одна удачная острота короля Фридриха надъ маркизой! Слыханное ли это дѣло, чтобы когда нибудь французы проливали свою кровь изъ-за такихъ пустяковъ!

— Что такое сказалъ король Фридрихъ? спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Онъ сказалъ, что „Франціей управляютъ юбки, а не Людовикъ XV.

— Какъ юбки? Этого сразу не поймешь!

— Герцогиня Шатору была юбка номеръ первый, маркиза — номеръ второй...

— Графиня Дюбарри была юбка номеръ третій, замѣтилъ кто-то.

— Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ! Каждый послѣдующій номеръ хуже предыдущаго.

— Да ужъ нечего сказать, можетъ ли быть что безнравственнѣе этой Дюбарри! Видали ли вы ее когда нибудь? Какой у нея роскошный домъ въ Люсьеннѣ! Это позоръ для всей націи! А чьи богатства проматываетъ она самымъ безсовѣстнымъ образомъ? Несчастнаго,

раззореннаго народа!.. Говорять, нынѣшній король приказаль запереть ее въ монастырь...

— Да, если бы все дѣлалось по вашему, сказалъ съ досадою старый камердинеръ, возвысивъ голосъ. — Просто уши вянутъ, слушать всѣ ваши клеветы! Но, къ счастью, короли разсуждаютъ иначе, нежели простые буржуа. Они еще, слава Богу, не унизились до такой степени!.. Желаль бы я знать, за что вы браните эту благородную даму? Мало ли она раздала денегъ вашимъ бѣднякамъ? Не дальше, какъ три года тому назадъ, вы цѣловали шлейфъ ея платья!..

— Всѣмъ извѣстно, что m-eug Клеманъ не дастъ и заикнуться о мадамъ Дюбарри! Видно, вы до сихъ поръ ея правая рука.

— *Sacre tonnerre*, что это была за прелестная женщина! воскликнулъ чей-то голосъ въ толпѣ.—Я видѣлъ ее всего одинъ разъ; она ѣхала въ своемъ фаэтонѣ...

— Сегодня Марія Антуанета доставила намъ отличное зрѣлище!

— Мнѣ не нравятся англійскія скаковыя лошади; онѣ слишкомъ худощавы и ноги у нихъ такія тонкія.

— Я терпѣть не могу англійскихъ лошадей и самихъ англичанъ. Если бы спросили моего совѣта, то завтра же у насъ была бы война съ Джонъ Булемъ!

— Это случится само собой, и въ самомъ непродолжительномъ времени. Говорять, въ Парижъ пріѣхала депутація изъ Америки...

— Можеть ли это быть? Неужели индѣйцы рѣшились пріѣхать къ намъ?

— Разумѣется, нѣтъ! Какъ могло это прійти вамъ въ голову! Пріѣхаль типографщикъ изъ одного города... у него такое мудреное имя, что никто не запомнить.

— Типографщикъ? Что ему нужно отъ насъ?

— Онъ хочеть заключить съ нами союзъ.

— Типографщикъ!..

Раздался дружный хохоть.

— Г-нъ мыловаръ разсказываетъ басни. Французскій король не станетъ вести переговоровъ съ простымъ типографщикомъ!

— Это не болѣе какъ мистификація, сказалъ толстый господинъ, слывшій за политика между своими сосѣдями, нахмуривъ съ важностью лобъ.—Высокопоставленныя особы часто путешествуютъ подъ чужими именами и въ простомъ платьѣ. Это называется у нихъ инкогнито. Въ Парижѣ носится слухъ, что ожидаютъ пріѣзда германскаго императора Юсифа, брата императрицы...

Ораторъ намѣренно растягивалъ слова съ таинственнымъ видомъ, чтобы возбудить до послѣдней степени любопытство своихъ слушателей, такъ что нѣкоторые съ нетерпѣніемъ воскликнули:

— Въ чемъ дѣло? Сообщите же скорѣе вашу тайну, m-eug Жильберъ!

— Кто говоритъ о тайнѣ? Развѣ умные люди толкуютъ о госу-

дарственныхъ тайнахъ на улицѣ! Я не имѣю ни малѣйшаго желанія, чтобы меня заперли въ Бастилію...

— Кончайте, по крайней мѣрѣ, то, что вы хотѣли сказать!

— Я уже говорилъ вамъ, что ожидаютъ прїѣзда императора въ Парижъ. Но можетъ ли кто изъ васъ сообщить мнѣ, когда онъ прїѣдетъ—сегодня, завтра или послѣ-завтра? Разумѣется, нѣтъ, потому что этого никто не знаетъ. Ну, а если онъ уже въ Парижѣ инкогнито и выдаетъ себя за типографщика! Поняли ли вы, наконецъ?

— Вотъ еще что выдумали! Императоръ Іосифъ въ Парижѣ! Гдѣ же триумфальныя ворота, торжественная встрѣча? Мы не знали, что вы фокусникъ, m-eug Жильберъ; вы должно быть провезли императора по воздуху?

— Въ машинѣ, которую хочетъ изобрѣсти добрякъ Бланшаръ, который живетъ на площади въ домѣ съ зелеными рѣшетчатыми ставнями? Въ дворцѣ живетъ другой Бланшаръ, но онъ такой же помѣшанный, какъ его старая мать!

— Императоръ въ Парижѣ, заговорили другіе. Если это правда, то нужно ожидать большихъ переменъ въ государствѣ и при дворѣ! У насъ, вѣроятно, будетъ война съ англичанами... Императоръ филантропъ и поддержитъ мѣры новаго министра...

— Вотъ, народъ опять заболталъ о политикѣ, пробормоталъ бывшій придворный камердинеръ, обращаясь къ прилично одѣтому господину, который, по его мнѣнію, только одинъ и былъ способенъ рассуждать о дѣлахъ государства.

На немъ было изящно шитое платье изъ тонкаго голубаго сукна съ золотыми пуговицами, темный вышитый жилетъ англійскаго покроя, узкіе панталоны и круглая шляпа съ загнутыми полями. M-eug Клеманъ, выдавшій немало людей на своемъ вѣку, рѣшилъ съ перваго взгляда—не столько по одеждѣ, сколько по манерѣ держать себя,—что незнакомецъ занимаетъ видное положеніе въ свѣтѣ и что это, вѣроятно, иностранецъ. Онъ стоялъ на хорошемъ мѣстѣ у самыхъ воротъ, такъ что могъ видѣть весь дворъ. Стража не осмѣлилась прогнать его, и онъ могъ надосугѣ разглядѣть дамъ въ каретахъ и дворянъ, ѣхавшихъ верхами. Когда въ толпѣ произнесены были имена Іосифа и Бланшара, онъ обернулся и глаза его встрѣтили пристальный взглядъ стараго камердинера, устремленный на него.

— Развѣ вы находите что нибудь дурное въ томъ, что народъ толкуетъ о прибытіи австрійскаго императора? спросилъ незнакомецъ вѣжливымъ тономъ. Это событіе выходитъ изъ ряда происшествій обыденной жизни. Императоръ самаго древняго государства стараго свѣта встрѣтится съ республиканцемъ новаго свѣта! Любопытное и поучительное зрѣлище, которое должно каждого навести на извѣстныя размышленія...

Бывшій придворный камердинеръ внимательно прислушивался къ словамъ незнакомца; его тонкій слухъ сразу различилъ въ нихъ нѣ-

мецкій акцентъ. Въ его головѣ явились извѣстныя соображенія и дали богатую пищу его живой фантазіи. Онъ невольно вспомнилъ то время, когда онъ жилъ при дворѣ стараго короля и принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ интригахъ и любовныхъ приключеніяхъ. Съ восшествіемъ на престолъ Людовика XVI, онъ былъ оставленъ отъ должности, къ величайшему своему огорченію; быть можетъ, при встрѣчѣ съ этимъ незнакомцемъ ему представляется неожиданно давно желанный случай возобновить тѣмъ или другимъ способомъ связь съ дворомъ и узнавать изъ вѣрнаго источника государственныя тайны и любовныя приключенія высшаго общества. При этой мысли старое сердце m-eur Клемана усиленно забилося отъ удовольствія подь коричневымъ бархатнымъ камзоломъ.

— Вполнѣ согласенъ съ вами, милостивый государь, что это будетъ любопытная встрѣча, отвѣтилъ Клеманъ.—Но я не думаю, чтобы его императорское величество вступилъ добровольно въ сношенія съ типографщикомъ изъ Филадельфіи. Неужели онъ станетъ обращать вниманіе на какого-нибудь Франклина?

— Почему вы это думаете? Германскій императоръ охотно знакомится съ людьми разныхъ сословій. Говорятъ, онъ ѣдетъ сюда съ цѣлью изучить Францію. Неужели онъ не пожелаетъ взглянуть на величайшую рѣдкость, какую когда либо видѣли ваши соотечественники? Можетъ ли быть что любопытнѣе, какъ встрѣтить американцевъ при версальскомъ дворѣ!

— Вы шутите, милостивый государь... сказалъ вѣжливо бывшій камердинеръ и остановился, такъ какъ не зналъ, какой титулъ дать незнакомцу.

— Я слышалъ, что васъ зовутъ m-eur Клеманъ; называйте меня m-eur Поль, возразилъ улыбаясь господинъ въ круглой шляпѣ.

Это былъ графъ Эрбахъ, который какъ будто немного постарѣлъ послѣ того, какъ мы его видѣли въ Таннбургѣ; надъ бровями рѣзко обозначилась глубокая морщина.

Старикъ почтительно поклонился.

— Если вамъ угодно, то я буду называть васъ такимъ образомъ. Но позвольте выразить вамъ мое удивленіе: какъ это случилось, что вы, не смотря на шумъ и на то, что все ваше вниманіе было повидимому обращено на королеву и придворныхъ дамъ, могли слышать мое имя и запомнили его?

— Совершенно случайно, m-eur Клеманъ. Путешественникъ скорѣе, чѣмъ кто либо другой, замѣтитъ личность выдающуюся изъ толпы.

— Вы конфузите меня! Я не рѣшаюсь принять ваши слова на свой счетъ.

— Въ моихъ словахъ нѣтъ и тѣни лести. Среди этихъ новыхъ людей,—графъ указалъ на слугъ, сновавшихъ взадъ и впередъ передъ главнымъ входомъ,—которые чванятся великолѣпіемъ двора, вы одни напомнили мнѣ доброе старое время.

— Но вы сами, м-еиг Поль, все-таки принадлежите къ молодому поколѣнію.

Толпа передъ дворцомъ разсѣялась мало-по-малу; мѣстами оставались еще группы людей и разговаривали. Самая значительная изъ нихъ образовалась около Жильбера, такъ какъ къ ней присоединились егеря и конюхи по удаленіи своихъ господъ.

Графъ Эрбахъ медленно прохаживался съ старымъ камердинеромъ передъ рѣшеткой дворца.

— Нѣтъ, по моимъ годамъ я уже не могу назвать себя юношей, м-еиг Клеманъ! сказалъ онъ. Благодаря этому, быть можетъ, я съ удовольствіемъ думаю о прошломъ. При видѣ этого гордаго замка, мною невольно овладѣваетъ мысль о непрочности всего земнаго. Одни сходятъ со сцены, другіе тотчасъ-же занимаютъ ихъ мѣсто. А эти стѣны, порталы, позолоченныя рѣшетки, развѣ они вѣчно будутъ существовать? Все это рано или поздно должно рушиться и обратиться въ развалины...

— Вы правы, я самъ представляю развалину добраго стараго времени, возразилъ со вздохомъ старикъ.—Хорошіе дни безвозвратно прошли для меня!..

— Почему вы называете себя развалиной, м-еиг Клеманъ? Вы еще такъ бодро держитесь на ногахъ и сохранили такой свѣжій цвѣтъ лица.

— Но мнѣ уже за шестьдесятъ, м-еиг Поль...

— Вы были камердинеромъ покойнаго короля?

— До послѣдней минуты его жизни. О немъ говорятъ много дурнаго, но я никогда не забуду, какъ онъ былъ милостивъ ко мнѣ. Въ сущности, я доволенъ, что получилъ отставку; мнѣ было бы трудно привыкать къ новымъ порядкамъ и новымъ людямъ.

— Теперь вы живете на покоѣ и у васъ, вѣроятно, много свободнаго времени. Почему вы не запишете все то, что вамъ приходилось видѣть на своемъ вѣку? Сколько я могъ замѣтить, у васъ есть склонность къ философіи.

Клеманъ самодовольно улыбнулся при послѣдней фразѣ и сказалъ:

— Да, чего только не видѣли мои глаза! Еслибы я вздумалъ, на примѣръ описать поѣздки въ Компьень, или представленіе графини Дюбарри ко двору... Но извините меня, милостивый государь, я кажется надоѣдаю вамъ своей болтовней.

— Вы сами, вѣроятно, убѣждены въ противномъ, м-еиг Клеманъ. Можетъ ли быть что интереснѣе и поучительнѣе для иностранца, какъ слушать васъ...

Занятые разговоромъ, они незамѣтно удалились отъ дворца и, свернувъ въ боковую улицу съ правой стороны, вышли на площадь.

— Вы уже давно здѣсь? спросилъ бывшій королевскій камердинеръ, которому любезность путешественника придала нѣкоторую храбрость.

— Пять дней. Я живу въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, отвѣтилъ графъ Эрбахъ, указывая рукой на домъ съ зелеными ставнями.

Клеманъ сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто хотѣлъ поблагодарить своего новаго знакомаго за оказанное ему довѣріе, и слегка прищурилъ свои умные сѣрые глаза, между тѣмъ какъ на губахъ его появилась лукавая улыбка.

— Значитъ, вы остановились у Франсуа Бланшара! Мать его зовутъ Маделеной... У нихъ довольно красивые комнаты и, если не ошибаюсь, есть также маленькій садъ.

— Они скромные и услужливые люди. По прибытіи моемъ въ Версаль, верхній этажъ ихъ дома оказался случайно незанятымъ...

— Случайно ли? спросилъ многозначительно старикъ, понизивъ голосъ.

— Чтò вы хотите этимъ сказать, m-eur Клеманъ?

— Ничего особеннаго! Давно забытая исторія... Время летитъ такъ незамѣтно! Два года тому назадъ, или больше—не могу сказать навѣрно... съ этихъ поръ комнаты, въ которыхъ вы теперь живете, стояли пустыя. До васъ въ нихъ жилъ маркизь Пьерфонъ...

— Меня нисколько не интересуетъ, кто жилъ въ этихъ комнатахъ и что случилось въ нихъ. Онѣ свѣтлы и удобны, а до всего остальнаго мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

Клеманъ кивнулъ головой въ знакъ согласія. Но чѣмъ больше бесѣдовалъ онъ съ своимъ новымъ знакомымъ, тѣмъ находилъ его загадочнѣе и таинственнѣе и тѣмъ сильнѣе разгоралось въ немъ любопытство. Онъ съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что ихъ разговору скоро наступитъ конецъ; они почти дошли до дома Бланшара съ остроконечной черепичной крышей и маленькими окнами нижняго этажа. Въ верхнемъ этажѣ окна были больше; дубовая дверь, выходившая на улицу, была обита листовымъ желѣзомъ; изъ всѣхъ домовъ, виднѣвшихся за каштановыми деревьями, этотъ казался всѣхъ уединеннѣе.

Иностранцу стоило сдѣлать два или три шага до порога своего жилища, и любопытство Клемана могло навсегда остаться неудовлетвореннымъ.

Но къ его удовольствію графъ Эрбахъ вынулъ часы, посмотрѣлъ на солнце и сказалъ:

— Повидимому, будетъ прелестный вечеръ; слѣдовало бы провести его на открытомъ воздухѣ.

— Что касается меня лично, возразилъ камердинеръ, то мнѣ предстоитъ еще далекій путь; я долженъ идти въ Люсьеннъ.

— Теперь уже пятый часъ; вы не успѣете дойти до солнечнаго заката, m-eur Клеманъ.

— Я самъ убѣжденъ въ этомъ. Мнѣ слѣдовало гораздо раньше двинуться въ путь. Но, милостивый государь, если птица гдѣ либо совѣтъ себѣ гнѣздо, то она опять прилетаетъ вить его на томъ-же мѣстѣ. Я не могу пройти мимо дворца, не заглянувъ на дворъ,

сегодня мнѣ такъ хотѣлось выждать возвращенія королевы съ прогулки. Разумѣется, это было глупо, потому что я видалъ въ былыя времена еще болѣе парадныя выѣзды и дамъ, которыя были несравненно красивѣе тѣхъ, какими вы любовались сегодня. Какъ я ни браню себя, но это ни къ чему не ведетъ, и завтра можетъ повториться то же самое. Что за странное созданіе человѣкъ!

— А я еще вдобавокъ задержалъ васъ своими разговорами; постараюсь загладить свою вину и провожу васъ, возразилъ графъ Эрбахъ.

Пройдя площадь и нѣсколько уединенныхъ улицъ, они вышли на дорогу, окаймленную тополями и каштановыми деревьями, которая тянулась отъ Версаля до замка и деревни Люсьеннъ вдоль холмовъ, виноградниковъ, полей и по опушкѣ лѣса. Кругомъ разстилался живописный ландшафтъ, покрытый первою весеннею зеленью. Поля прерывались красивыми садами и огородами, доходившими мѣстами до самаго лѣса. За деревьями и кустами бузины виднѣлись маленькіе сельскіе домики и величественныя замки. Съ холма, на который вошли путники, открывался широкій видъ: на восточной сторонѣ тянулась огромная масса домовъ съ возвышающимися кое-гдѣ башнями и куполами церквей; надъ ними поднимались облака дыма, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ, и мало по малу исчезали въ прозрачномъ воздухѣ; это былъ Парижъ. На западѣ виднѣлся Марли съ замкомъ и гигантской машиной, поднимающей воду въ фонтаны Версаля; къ сѣверу, на самомъ горизонтѣ, извивалась Сена серебристой лентой. Всюду холмы перемежались долинами, полями, лѣсами; мѣстами первобытная прелесть нетронутой природы представляла пріятный контрастъ съ произведеніемъ садоваго искусства. Рядомъ съ крошечными кижинами возвышались грандіозныя замки, постройки различныхъ временъ, ознаменованныя историческими событіями.

Графъ Эрбахъ не могъ найти лучшаго путеводителя въ этой мѣстности. Камердинеръ Людовика XV зналъ исторію чуть ли не каждаго замка на нѣсколько миль кругомъ. Въ продолженіи тридцати лѣтъ, не произошло, повидимому, ни одного сколько нибудь важнаго событія въ жизни высшаго придворнаго общества, которое было бы неизвѣстно Клеману. Нѣкоторыя вещи онъ зналъ по слухамъ, другія, наоборотъ съ такими подробностями, которыя ясно указывали на его близость къ высокопоставленнымъ лицамъ.

Онъ сообщилъ своему внимательному слушателю много забавныхъ исторій и приключеній, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, съ примѣсю шутокъ, остротъ и пустыхъ анекдотовъ.

Это были большею частью какіе-то безсвязныя отрывки, но настолько рельефныя, что изъ нихъ нетрудно было составить цѣлую историческую картину. Разсказчикъ упоминалъ вскользь и съ крайнею осторожностью о мрачныхъ, трагическихъ событіяхъ, видимо стараясь смягчить краски и объяснить ихъ съ точки зрѣнія своей лакейской.

морали. Но тѣмъ не менѣе, въ его словахъ не было и тѣни намѣренной лжи, преувеличенія, или пристрастія.

Такъ, напримѣръ, описывая представленіе графини Дюбарри—одно изъ наиболѣе памятныхъ для него событій, въ которомъ онъ игралъ видную роль и стоялъ на сторонѣ графини противъ герцога Шуазеля, который хотѣлъ воспрепятствовать этому представленію, считая его оскорбительнымъ для дворянства,—Клеманъ расхваливалъ герцога, какъ государственнаго человѣка.

Графъ Эрбахъ слушалъ съ возрастающимъ любопытствомъ болтовню старика. Если она не отличалась остроуміемъ, то все-таки изъ массы рассказанныхъ фактовъ онъ могъ почерпнуть для себя много полезныхъ свѣдѣній, которыя могли пригодиться ему на новой и скользкой почвѣ, гдѣ онъ не находилъ для себя точки опоры.

Серьезная забота угнетала его. Исчезли радостныя надежды, воодушевлявшія его въ послѣдній вечеръ, проведенный имъ съ Короной. Внезапно налетѣвшая буря унесла безслѣдно дорогое существо, которое онъ любилъ всѣми силами своей души.

Всѣ его старанія отыскать Корону оказались напрасными. Не постигла ли ее насильственная смерть и она навсегда потеряна для него? Или она все еще заперта въ монастырѣ, въ который всегда можно найти доступъ при извѣстномъ упорствѣ, съ помощью денегъ, или даже открытой силы?

Графъ Эрбахъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ въ Богеміи, отправился въ Парижъ, въ надеждѣ получить отвѣтъ на мучившіе его вопросы. Корона столько разъ говорила ему о своей завѣтной мечтѣ поступить на парижскую сцену, что онъ окончательно остановился на мысли отыскивать ее въ столицѣ Франціи.

Сколько мучительныхъ думъ и опасеній пережилъ онъ съ того утра, какъ Корона, Гедвига, Рехбергеръ и Бухгольцъ выѣхали изъ уединеннаго богемскаго замка съ первыми лучами восходящаго солнца. Онъ проводилъ ихъ до большой дороги и, вернувшись домой, ожидалъ посѣщенія Венцеля и только вечеромъ узналъ отъ слуги, что писарь еще наканунѣ выѣхалъ изъ приходскаго дома.—Одной заботой меньше! подумалъ графъ, и съ этой минуты мысленно слѣдилъ за путешественниками черезъ лѣса, долины и города, которые имъ приходилось проѣзжать. Всѣ они были знакомы ему и теперь живо воскресали въ его памяти въ самыхъ яркихъ краскахъ. Прошло десять дней; онъ не получилъ отъ нихъ ни одного письма; но это неособенно беспокоило его. Они напишутъ изъ Франкфурта, когда минуютъ всѣ опасности, утѣшалъ онъ себя. Впрочемъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи о какой либо опасности...

На двѣнадцатый день получено было письмо отъ оберъ-бургграфа Евгенія Фюрстенберга. Онъ дружески приглашалъ графа пріѣхать въ Прагу, чтобы оправдаться отъ обвиненія, взводимого на него старой графиней Турмъ.

Графъ Эрбахъ не ожидалъ ничего подобнаго, но, убѣжденный, что путешественники благополучно переѣхали границу и съ каждымъ часомъ приближаются къ Франціи, отправился въ Прагу.

Оберъ-бургграфъ принялъ его нѣсколько официальнымъ образомъ, и графъ, не отвѣчая на вопросы, спросилъ:

— Я желалъ бы прежде всего узнать, съ кѣмъ я имѣю дѣло: съ судьей, или другомъ?

— Съ человѣкомъ, который искренно расположенъ къ вамъ, возразилъ Фюрстенбергъ.

Графъ Эрбахъ подробно рассказалъ ему, какъ онъ нашель Корону, привезъ въ Таннбургъ, а затѣмъ по ея просьбѣ отправилъ въ Парижъ къ своей женѣ. Въ его словахъ былъ такой отпечатокъ правдивости, что оберъ-бургграфъ объявилъ себя удовлетвореннымъ и, послѣ нѣкотораго колебанія, сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Кто могъ ожидать, что эта невинная исторія кончится такимъ трагическимъ образомъ! Къ несчастью, я долженъ сообщить вамъ печальное извѣстіе... Сюда привезли трушъ убитаго; если не ошибаюсь, это вашъ управляющій Рехбергеръ. Не угодно ли вамъ послѣдовать за мной...

Хотя тѣло уже начало разлагаться, но графъ Эрбахъ съ перваго взгляда узналъ въ немъ своего вѣрнаго слугу и рыдая наклонился къ нему. Бывшій вахмистръ погибъ отъ руки убійцы; двѣ предательскія пули поразили его въ спину и лишили жизни.

Молча, съ сжатыми губами и съ жгучимъ желаніемъ мести въ сердцѣ, выслушалъ графъ Эрбахъ краткое показаніе о печальномъ происшествіи, которое прочиталъ ему секретарь суда изъ составленнаго акта. Остальное онъ узналъ изъ разсказа самого оберъ-бургграфа.

Писарь Венцель Свобода передалъ ему письмо графини Елизаветы Турмъ, въ которомъ была изложена ея жалоба на графа Эрбаха. Одновременно съ этимъ, писарь сообщилъ ему на словахъ о предполагаемой поѣздкѣ графини Короны въ Парижъ и просилъ именовъ своей госпожи воспрепятствовать ей. Оберъ-бургграфъ оставилъ эту просьбу безъ вниманія, хотя пражскій епископъ обратился къ нему съ тѣмъ-же требованіемъ и увѣщевалъ его, во имя религіи я въ силу данной ему власти, вмѣшаться въ такое явное и насильственное похищеніе невинной дѣвушки. Но тутъ присланы были одна за другой двѣ эстафеты изъ Вѣны, собственноручно написанны императрицей, въ которыхъ ея величество грозила оберъ-бургграфу своей высочайшей немилостью, если онъ не пошлетъ погони за бѣглецами и не вернетъ ихъ во что бы то ни стало. Во второй эстафетѣ на графа прямо указывали, какъ на масона и тайнаго заговорщика; не подлежало сомнѣнію, что кто-то сильно оклеветалъ его передъ императрицей. Въ виду всего этого, оберъ-бургграфу ничего не оставалось, какъ отправить погоню за путешественниками и арестовать ихъ. Ихъ настигли у

франконской границы, за милю отъ Эгера; они не выказали никакого сопротивленія и добровольно отдали себя въ руки посланнаго офицера и сопровождавшихъ его солдатъ. Во избѣжаніе огласки, фрейлейнъ оставили въ каретѣ и свезли въ монастырь по желанію старой графини.

— Что-же касается Рехбергера и его дочери, добавилъ бургграфъ, то они были отправлены въ Эгеръ подъ конвоемъ нѣсколькихъ солдатъ. Если вѣрить рассказамъ этихъ людей, то они заблудились въ лѣсу; дѣвушка удалось убѣжать отъ нихъ, а старикъ отецъ былъ неожиданно убитъ двумя выстрѣлами изъ-за кустовъ. Мнѣ лично эта исторія кажется вообще весьма сомнительною; я могу сообщить вамъ какъ достовѣрный фактъ, что военнымъ судомъ въ Эгерѣ назначено строгое слѣдствіе по этому дѣлу.

Графъ Эрбахъ поневолѣ долженъ былъ довольствоваться неопредѣленными свѣдѣніями, которыя сообщилъ ему почтенный оберъ-бургграфъ. Что могъ онъ предпринять при тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ очутился такъ неожиданно? На него смотрѣли, какъ на подозрительное лицо, и обвиняли чуть ли не въ государственномъ преступленіи. Оберъ-бургграфъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ на его просьбу видѣться съ фрейлейнъ въ монастырской приемной, въ присутствіи свидѣтелей, и даже не хотѣлъ назвать монастырь, въ который она была увезена. Графъ Эрбахъ могъ только узнать отъ него, что Корона больна и находится подъ строгимъ надзоромъ.

Въ Эгерѣ также было трудно собрать сколько нибудь точныя свѣденія. Офицеръ, командовавшій отрядомъ, который былъ посланъ за бѣглецами, отправился въ Вѣну, по приказу императрицы, для словеснаго доклада. Венгерскіе гусары, составлявшіе его отрядъ, хотя и были всѣ на-лицо, но плохо говорили по-нѣмецки и давали сбивчивыя, противорѣчивыя показанія. Наконецъ графу Эрбаху удалось съ помощью золота расположить къ откровенности аудитора военного суда. По его мнѣнію, нѣкоторые изъ солдатъ были подкуплены Рехбергеромъ и взялись способствовать его побѣгу съ дочерью; молодая дѣвушка скрылась при первомъ удобномъ случаѣ, а старика постигла неожиданная смерть. Кто сдѣлалъ эти два выстрѣла—вѣроятно, навсегда останется тайной; лѣсная чаща и вечернія сумерки покрыли злодѣяніе двойнымъ покровомъ. Аудиторъ сообщилъ также графу Эрбаху, что Бухгольцъ высидѣлъ цѣлыя сутки въ тюрьмѣ, послѣ чего онъ былъ выпущенъ на свободу съ обязательствомъ немедленно удалиться за границу. Молодую графиню увезли въ монастырь урсулинокъ въ Прагѣ.

Такимъ образомъ, если можно было узнать вѣрныя подробности отъ котораго нибудь изъ свидѣтелей происшествія, то развѣ отъ одного Бухольца. Но гдѣ найти несчастнаго бюргера, который случайно попалъ въ такую трагическую исторію и, быть можетъ, навсегда сбился

съ покойной колеи своей жизни? Прошло еще нѣсколько недѣль мучительнаго ожиданія и безпокойства для графа Эрбаха, прежде чѣмъ онъ получилъ письмо отъ Бухгольца черезъ одного дрезденскаго купца.

„Многоуважаемый графъ“, писалъ Бухголецъ изъ Франкфурта на Майнѣ, „надѣюсь, что это письмо будетъ передано вамъ, потому что я поручаю его собрату нашей ложи. Два моихъ первыхъ письма—одно изъ Неймарка, другое изъ Вюрцбурга,—вѣроятно, не дошли до васъ, потому что до сихъ поръ я не получилъ на нихъ отвѣта, хотя я убѣдительно просилъ васъ помочь мнѣ совѣтомъ по поводу ужаснаго, неслыханнаго несчастія, которое постигло насъ и, по всей вѣроятности, извѣстно вамъ въ общихъ чертахъ. Графиня Корона арестована, Гедвига спаслась бѣгствомъ! Я не знаю, гдѣ она и что съ ней. Равнымъ образомъ, я не могу сообщить вамъ никакихъ подробностей о смерти Рехбергера. Я лишень возможности дѣйствовать и могу только жаловаться и проклинать свою судьбу. Однако, не стану больше утруждать вашего вниманія и расскажу въ короткихъ словахъ то, что случилось съ нами въ злополучный день 9 сентября.

„Мы безъ всякихъ приключеній выбрались изъ Эгера и уже были въ недалекомъ разстояннн отъ французской границы, когда Рехбергеръ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я ближе подѣхалъ къ каретѣ. Она была закрыта наглухо, такъ какъ шелъ дождь.—Будьте насторожѣ, г-нъ Бухголецъ, сказалъ мнѣ Рехбергеръ,—намъ грозитъ опасность! У городскихъ воротъ я видѣлъ знакомую рожу; мнѣ показалось, что это негодяй Свобода. Онъ погубить насъ. Спасите дѣвушекъ! Въ погоню за нами посланъ цѣлый отрядъ солдатъ. Вы разговаривали съ королемъ Фридрихомъ и, вѣроятно, не струсите передъ какимъ нибудь австрійскимъ офицеромъ. Отстаньте отъ экипажа; если они нападутъ на васъ, то постарайтесь задержать ихъ какъ можно долѣе. Когда они начнутъ разсматривать ваши бумаги, то говорите имъ о вашемъ королѣ Фридрихѣ; у нихъ еще не прошелъ страхъ къ нему. Выдавайте себя за агента его величества; они сочтутъ васъ самой важной добычей и займутся вами, а мы въ это время дадимъ тягу...

„Вы, вѣроятно, улыбнетесь, графъ, читая эти строки; выдумка почтеннаго Рехбергера мнѣ самому представляется теперь крайне наивной; но утошающн хватается за соломенку... Экипажъ уѣхалъ впередъ; я остался одинъ на дорогѣ. Но вышло совершенно иначе, нежели предполагалъ старикъ. Шесть солдатъ окружили меня и, схвативъ подъ-устцы мою лошадь, потащили назадъ въ Эгеръ; остальные погнались за каретой. Я высидѣлъ двадцать четыре часа въ отвратительной тюрьмѣ; на другія сутки меня выпустили на свободу и солдаты проводили меня до границы, угрожая смертью, если я вздумаю возвратиться назадъ. Предупрежденн это было совершенно излишне, потому что я не имѣлъ ни малѣйшаго же-

ланія оставаться въ Австріи. Относительно себя лично я былъ совершенно покоенъ, но меня тревожила судьба моихъ спутниковъ; съ каждымъ шагомъ мнѣ дѣлалось тяжелѣе на сердцѣ. Наконецъ, одинъ изъ провожавшихъ меня солдатъ сжалился надо мной и за два гульдена разсказалъ то, о чемъ я подробно писалъ вамъ въ двухъ моихъ письмахъ. Цѣлую недѣлю бродилъ я по деревнямъ вдоль границы, чтобы напасть на слѣдъ Гедвиги; но это былъ напрасный трудъ: никто не видалъ дѣвушки, которая подходила бы по наружности къ моему описанію. Наконецъ, я отправился во Франкфуртъ, продолжая по дорогѣ поиски, но безъ всякихъ результатовъ. Теперь все кончено для меня! Я въ такомъ отчаяніи, что начинаю терять вѣру въ Бога, и не имѣю достаточно силы воли, чтобы рѣшиться на что нибудь. У меня нѣтъ ни одного человѣка, съ которымъ бы я могъ говорить о своей невозвратной потерѣ, кромѣ васъ, графъ. Простите, если я утомилъ васъ своими жалобами, но не оставьте меня въ горѣ и напишите хотя нѣсколько строкъ...

Графъ Эрбахъ, прочитавъ письмо, грустно улыбнулся. Къ нему обращались за совѣтомъ и словомъ утѣшенія! Развѣ онъ не испытывалъ такое же отчаяніе подъ гнетомъ безвыходнаго горя, отъ котораго у него бессильно опускались руки? Между тѣмъ, онъ ясно сознавалъ, что его единственное спасеніе заключается въ усиленной работѣ, которая потребовала бы напряженія всѣхъ его духовныхъ силъ и отвлекла бы отъ мучительныхъ бесплодныхъ думъ.

Въ этомъ смыслѣ онъ отвѣтилъ Бухгольцу и совѣтовалъ ему не оставлять первоначальной цѣли своего путешествія и посѣтить Парижъ и Ліонъ, пока не выяснится тайна, связанная съ печальнымъ событіемъ. „Что касается Гедвиги“, писалъ онъ, „то особенно беспокоится нечего; она умная и рѣшительная дѣвушка и, вѣроятно, нашла себѣ убѣжище у своихъ родственниковъ въ Франконіи въ окрестностяхъ Кульмбаха. Я убѣжденъ, что она напишетъ одному изъ насъ въ самомъ непродолжительномъ времени, и тогда ничто не можетъ помѣшать вамъ отправиться къ ней и просить ея руки. Только не падайте духомъ и вѣрьте, что все устроится къ лучшему, и вы будете наслаждаться полнымъ безмятежнымъ счастьемъ“...

Утѣшая такимъ образомъ своего молодого друга, графъ Эрбахъ еще глубже чувствовалъ свое собственное несчастіе. Обстоятельства сложились для него далеко не такъ благопріятно, какъ для молодого бюргера; онъ не имѣлъ опредѣленнаго занятія, которое могло бы хотя до извѣстной степени смягчить горе разлуки съ любимымъ существомъ. Съ другой стороны, онъ болѣе чѣмъ когда нибудь видѣлъ все безуміе своей любви къ Коронѣ. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ вернулся онъ въ Танибургъ, куда вслѣдъ за нимъ привезли изъ Праги тѣло Рехбергера и похоронили по распоряженію графа въ саду подъ вѣковыми соснами.

Къ тоскѣ одиночества скоро примѣшались новыя непріятности,

которыя дѣйствовали раздражающимъ образомъ на его расположеніе духа, такъ какъ онъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы удержать извѣстное положеніе въ свѣтѣ. Ему былъ закрытъ доступъ къ старой графинѣ Турмъ и во многіе другіе дворянскіе дома; остальные принимали его сухо и съ принужденіемъ, какъ непрошеннаго гостя. Григорій Гасликъ становился все смѣлѣе и заносчивѣе въ своихъ проповѣдяхъ, находя поддержку въ высшемъ духовенствѣ. Чиновники не считали болѣе нужнымъ ухаживать за еретикомъ и при случаѣ беспокоили его исполненіемъ разныхъ формальностей. Враги, повидимому, задались мыслью выжить его изъ страны, или погубить тѣмъ или другимъ способомъ. Но всѣ ихъ преслѣдованія еще болѣе усилили упорство графа, которое Гасликъ называлъ дьявольскимъ навожденіемъ.

Между тѣмъ, борьба съ каждымъ днемъ становилась труднѣе для графа Эрбаха, въ виду его запутанныхъ денежныхъ обстоятельствъ; онъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что ему скоро придется уступить поле битвы своимъ врагамъ. Но судьба совершенно неожиданно избавила его отъ этой печальной необходимости. Одна дальняя родственница, всегда дружелюбно относившаяся къ нему при жизни, оставила ему послѣ своей смерти большое состояніе, доходившее, по слухамъ, до нѣсколькихъ милліоновъ. Если молва была преувеличена, то во всякомъ случаѣ наслѣдство было настолько велико, что сразу вывело графа изъ его затруднительнаго положенія и поставило на ряду съ самыми богатыми магнатами Богеміи. Противники графа, предвѣщавшіе его близкое паденіе, видѣли въ этой перемѣнѣ судьбы вмѣшательство нечистой силы. Они распустили слухъ, что родственница, отъ которой онъ получилъ наслѣдство, была ярая протестантка и завѣщала ему свои сокровища подъ условіемъ, чтобы онъ посвятилъ свою жизнь неустанной борьбѣ съ католической церковью. Этотъ слухъ быстро распространился не только между дворянами, но между бюргерами и крестьянами, и получилъ еще большую силу, когда сдѣлалось извѣстно, что графъ намѣренъ возобновить сгорѣвшую башню.

Онъ началъ постройку зимой, въ большихъ размѣрахъ. На первое время, несмотря на хорошую плату, между мѣстными жителями нашлось мало охотниковъ работать надъ сооруженіемъ „богомерзкаго идольскаго храма“, какъ выражался Гасликъ въ своихъ бесѣдахъ съ прихожанами. Онъ грозилъ всѣми мученіями ада тому изъ нихъ, кто принесетъ хотя одинъ камень на постройку новой башни, гдѣ, по его словамъ, графъ намѣревался приносить жертвы злымъ божествамъ и заниматься богопротивными науками и гдѣ набожныя души будутъ введены въ обманъ и соблазнъ княземъ тьмы. Однако недостатокъ рабочихъ не могъ остановить графа Эрбаха при томъ озлобленіи, которое онъ чувствовалъ противъ всѣхъ окружающихъ, вслѣдствіе упорнаго и мелочнаго преслѣдованія своихъ недоброжелателей. Онъ вызвалъ изъ Франконіи плотниковъ и каменщиковъ,

которые дѣятельно принялись за сооруженіе башни. Эта мѣра и расточаемое имъ золото произвели свое дѣйствіе. Тѣ самые люди, которые такъ настойчиво отказывались служить ему, мало-по-малу начали предлагать свои услуги, сначала робко, потомъ смѣлѣе и, наконецъ, съ навязчивою назойливостью. Но графъ Эрбахъ наотрѣвъ отказался отъ всѣхъ подобныхъ предложеній.

Въ это время между графомъ и друзьями семейства Турмъ существовала, какъ и прежде, открытая вражда. Изъ всѣхъ людей этого кружка одинъ патеръ Ротганъ сохранилъ съ нимъ хорошія отношенія и нѣсколько разъ посѣщалъ его въ Таннбургѣ. Какъ бы створившись, они никогда не касались прошлаго въ своихъ бесѣдахъ, которыя большею частью ограничивались толками объ естественныхъ наукахъ—ботаникѣ и минералогіи, и о новыхъ замѣчательныхъ опытахъ и открытіяхъ въ области химіи. Только однажды патеръ Ротганъ упомянулъ мелькомъ въ разговорѣ, что графиня Корона выздоровѣла и, вѣроятно, не долго останется въ монастырѣ. Графъ Эрбахъ поблагодарилъ его за это извѣстіе молчаливымъ пожатіемъ руки.

Хотя онъ, повидимому, былъ весь поглощенъ постройкой башни, но втайнѣ продолжалъ розыски, чтобы уяснить себѣ загадочное происшествіе, имѣвшее для него такой печальный исходъ. Онъ еще два раза ѣздилъ въ Эгеръ и послѣ тщательныхъ разспросовъ пришелъ къ убѣжденію, что Рехбергеръ не былъ убитъ солдатами.

Но кѣмъ?

Неужели смерть стараго слуги входила въ планы его враговъ? Или Рехбергъ палъ жертвой личной мести?

Венцель Свобода былъ слишкомъ трусливъ, чтобы совершить такое смѣлое злодѣяніе. Графъ Эрбахъ скорѣе считалъ способнымъ на это священника Гаслика, но тотъ все время находился неотлучно въ деревнѣ. Судьба дочери была покрыта такимъ-же мракомъ неизвѣстности, какъ и смерть отца. Гедвиги не оказалось ни въ франконскихъ помѣстьяхъ графа, ни у ея родныхъ. Нигдѣ не найдено было ни малѣйшаго слѣда, по которому можно было бы отыскать ее, не смотря на тщательный осмотръ лѣса по близости Эгера.

Графъ Эрбахъ терялся въ догадкахъ, и его все неотвязчивѣе преслѣдовала мысль, что онъ долженъ отыскивать главную причину гоненія на него при вѣнскомъ дворѣ, тѣмъ болѣе, что сама императрица враждебно относилась къ нему. Развѣ ему не было извѣстно, что письмо Маріи-Терезіи побудило нерѣшительнаго Фюрстенберга послать погоню за бѣглецами?

Желая разъяснить себѣ это обстоятельство, графъ Эрбахъ отправился въ Вѣну и на слѣдующій день по приѣздѣ получилъ аудіенцію у ея величества.

Марія-Терезія встрѣтила его упреками.

— Кто могъ ожидать, что вы окажетесь такимъ безпокойнымъ человѣкомъ, графъ Эрбахъ! сказала она съ свойственной ей живостью.—

Вы знаете, что я до послѣдняго времени снисходительно смотрѣла на вашу лютеранскую ересь и неблаговидныя нововведенія, которыя вы позволяли себѣ въ своихъ помѣстьяхъ, хотя изъ-за этого можетъ произойти возстаніе крестьянъ во всей Богеміи. Я дѣлала это ради вашего отца, который былъ богобоязненнымъ человѣкомъ и вѣрнымъ подданнымъ, и отчасти въ надеждѣ, что вы образумитесь рано или поздно! Но, повидимому, вамъ неугодно понять, насколько я была милостива къ вамъ. Помимо скандальныхъ любовныхъ похиженій, вы участвуете въ тайныхъ обществахъ... Вы масонъ! Не вздумайте смущать императора вашими безбожными бреднями!..

Графъ Эрбахъ, склонивъ голову, молча выслушалъ обвиненія, которыя сыпались на него одни за другими, и наконецъ, выждавъ минуту, когда Марія-Терезія остановилась, утомленная длинною рѣчью, онъ почтительно замѣтилъ:

— Ваше императорское величество, не считите это дерзостью съ моей стороны, но позвольте мнѣ напомнить вамъ, что я, къ качествѣ имперскаго графа, добровольно служу вашему величеству и до нѣкоторой степени считаю себя въ правѣ располагать собою и своими дѣйствіями.

Аудіенція кончилась. Вечеромъ того же дня у графа Эрбаха было тайное свиданіе съ императоромъ на уединенной аллеѣ сада Шенбрунненъ. Іосифъ сообщилъ ему, что недавно между матерью и имъ опять произошла непріятная сцена. Онъ хотѣлъ сложить съ себя соправительство, такъ какъ находилъ невыносимымъ свое положеніе при дворѣ, гдѣ повидимому могъ повелѣвать, а въ дѣйствительности долженъ былъ только повиноваться. За нимъ слѣдили шагъ за шагомъ. Такъ, напримѣръ, его пребываніе въ Таннбургѣ до малѣйшихъ подробностей было доведено до свѣдѣнія императрицы матери, и въдобавокъ въ самомъ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ. Вѣроятно вслѣдствіе этого она сочла нужнымъ излить свой гнѣвъ на графа и несчастную Корону, которая, по ея мнѣнію, была настолько правдиво испорчена, что только строгій монастырскій надзоръ можетъ исправить ее. Онъ самъ ни слова не говорилъ матери о томъ, что молодая дѣвушка находится въ Таннбургѣ; старая графиня съ своей стороны слишкомъ заботилась о репутаціи своей внучки, чтобы сообщать кому бы то ни было подробности ея бѣгства. Въ заключеніе Іосифъ просилъ графа Эрбаха ѣхать въ Парижъ и ждать тамъ его прибытія. Онъ хотѣлъ совершить это путешествіе, чтобы познакомиться съ Франціей, увидѣть сестру, а главное, чтобы нарушить однообразіе своей жизни и удовлетворить мучившую его жажду дѣятельности.

— Я чувствую себя свободнымъ только во время путешествія, сказалъ Іосифъ.— Здѣсь я связанъ всевозможными обязанностями, отношеніями, сыновнимъ почтеніемъ къ матери и, наконецъ, все напоминаетъ мнѣ на каждомъ шагѣ, что я не болѣе какъ подданный. Вы

не можете себя представить, мой дорогой графъ что это за мученіе сознавать, что имѣешь полную возможность и право властвовать, и въ то же время быть осужденнымъ на полное бездѣйствіе! Когда я переѣзжаю съ мѣста на мѣсто изъ одной страны въ другую, сегодня провожу день въ замкѣ, завтра вхожу въ хижину, помогаю людямъ словомъ и дѣломъ, въ эти минуты я какъ бы предвкушаю мое будущее могущество. Въ Вѣнѣ я не болѣе какъ призранный государь и такъ-же безсиленъ, какъ послѣдній изъ моихъ подданныхъ!..

Такимъ образомъ, у графа Эрбаха впервые явилась мысль о поѣздкѣ во Францію. Помимо тайной надежды встрѣтить Корону въ Парижѣ, были и другіе поводы, побуждавшіе его предпринять это путешествіе. Онъ получилъ письмо, въ которомъ его извѣщали, что родственники графини Ренаты и во главѣ ихъ дядя ея Лобковичъ намѣрены подать просьбу о разводѣ и что нѣсколько духовныхъ лицъ и папскій нунцій въ Парижѣ находятъ необходимымъ расторженіе этого брака, который не существуетъ болѣе ни передъ Богомъ, ни передъ людьми. Что же касается Ренаты, то было неизвѣстно, на сколько она принимала участія въ этомъ дѣлѣ и вообще соглашалась на разводъ, или нѣтъ.

Въ томъ настроеніи духа, въ какомъ находился графъ Эрбахъ, для него было своего рода наслажденіе сорвать маску лжи и лицемерія съ людей, которые еще такъ недавно кичились своимъ нравственнымъ превосходствомъ надъ нимъ. Онъ представлялъ себя съ возрастающимъ удовольствіемъ испугъ стараго Лобковича и благочестивую мину покаявшейся грѣшницы Ренаты при его внезапномъ появленіи въ Версали. Онъ мысленно сравнивалъ себя съ героемъ Мольеровской комедіи Альсестомъ, которому также измѣнили друзья, возлюбленная и лицемѣрное, лживое общество. Онъ рѣшился навсегда удалиться въ уединеніе своего богемскаго замка, но хотѣлъ подобно Альсесту предварительно высказать горькую правду ненавистнымъ для него людямъ и излить весь гнѣвъ, накопившій въ его сердцѣ. Въ виду этого онъ ни кому не сообщилъ о своей поѣздкѣ въ Парижъ, кромѣ Бланшара, у котораго онъ хотѣлъ остановиться, и Бухгольца, путешествовавшаго въ это время на югъ Франціи.

Внимательно слушая многословную рѣчь стараго камердинера и изрѣдка прерывая его какимъ нибудь вопросомъ или замѣчаніемъ, онъ шелъ за нимъ узкими тропинками, избѣгая пыльной большой дороги, ведущей изъ Версаля въ Марли и къ холму Люсьеннѣ. Что побуждало его идти въ незнакомое для него мѣсто за человѣкомъ, котораго онъ случайно встрѣтилъ на улицѣ? Онъ самъ не отдавалъ себя въ этомъ отчету. Въ тишинѣ вечера, въ лазури неба, которое становилось все прозрачнѣе при отблескѣ заходящаго солнца, было такое очарованіе, которое невольно манило его въ неопредѣленную даль.

Если эта прогулка имѣла какую нибудь цѣль, то о ней зналъ

одинъ Клеманъ, котораго сердце было переполнено гордымъ сознаниемъ одержанной побѣды. Бодбро и увѣренно выступалъ онъ впередъ въ своихъ башмакахъ съ прижками, бархатныхъ панталонахъ по колѣно и палкой съ серебрянымъ набалдашникомъ, служившей для него скорѣе предметомъ щегольства, нежели необходимости.

Издали виднѣлись липы Люсьенна, освѣщенные красноватыми лучами солнца, среди которыхъ выступалъ остроконечный фронтоны замка и часть балюстрады, окружавшей висячую галерею павильона.

— Вы знакомы съ этимъ замкомъ, m-eur Поль? спросилъ неожиданно старый камердинеръ.

— Нѣтъ, я никогда не бывалъ въ немъ.

— Онъ прекрасно бранъ картинами и мраморными статуями. Графиня Дюбарри большая любительница предметовъ искусства... Развѣ вамъ никогда не случалось видѣть графини, m-eur Поль? Я заключилъ изъ вашихъ словъ, что вы не въ первый разъ въ Парижѣ.

— Я видѣлъ ее мелькомъ на одномъ празднествѣ въ Версали, лѣтъ пять тому назадъ. Она проходила мимо меня, такъ что я любовался ею не болѣе двухъ-трехъ секундъ. Впрочемъ,—добавилъ графъ Эрбахъ, цитируя стихи Вольтера,—мы, смертные, должны довольствоваться силуэтомъ—оригиналъ составляетъ достоянiе боговъ.

Старый камердинеръ недовѣрчиво взглянулъ на своего спутника.

— Можеть быть—вы и правы, сказалъ онъ со вздохомъ.—Но вѣдь и боги умираютъ! Эта потеря тяжело отозвалась на бѣдной графинѣ, но она съ ангельскою кротостью переносила свою судьбу и удаленiе отъ двора. Она вела себя, какъ святая въ монастырѣ Pont aux Dames, и набожностью превзошла самихъ монахинь. Только недавно король оказалъ ей милость и позволилъ жить въ Люсьеннѣ. Здѣшній павильонъ составляетъ чудо архитектурнаго искусства; Леду построилъ его въ три мѣсяца... Повѣрьте мнѣ, m-eur Поль, вы не будете раскисаться, если посѣтите замокъ.

— Надѣюсь, не сегодня вечеромъ? замѣтилъ съ улыбкой графъ Эрбахъ.

— Почему вы находите это невозможнымъ? Меня всѣ знаютъ въ замкѣ...

— Охотно вѣрю этому, m-eur Клеманъ, но вы забываете, что я незнакомъ съ хозяйкой дома.

— Ты напрасно думаешь провести меня, подумалъ камердинеръ и, взглянувъ искоса на графа, добавилъ вслухъ:—ваше посѣщенiе никому не покажется страннымъ, потому что сюда часто являются иностранцы, и во всякое время дня, чтобы полюбоваться знаменитымъ павильономъ и взглянуть на липу, подъ которой Людовикъ XV пилъ кофе. Въ добавокъ графиня ведетъ такую уединенную жизнь, что мы, вѣроятно, даже не увидимъ ее.

Послѣднее показалось весьма сомнительнымъ графу Эрбаху. Онъ былъ убѣжденъ, что какъ только они войдутъ въ садъ, случай, а еще

болѣе, Клеманъ, помогутъ ему встрѣтить графиню Дюбарри. Онъ хорошо помнилъ эту послѣднюю любовницу Людовика XV—блондинку съ розовыми щеками, одѣтую въ бѣлое, развѣвающимся, полупрозрачное платье; онъ много слышалъ о ней дурнаго и много хорошаго; но сирена не привлекла его. Если бы изъ этихъ густыхъ деревьевъ, или миртовыхъ кустовъ, къ которымъ онъ приближался, неожиданно послышалась ея пѣсня, то она не тронула бы его сердца. Теперь его всего болѣе интересовала настойчивость, съ какою старикъ уговаривалъ его войти въ замокъ. Онъ не могъ понять причины, побуждавшей Клемана желать его встрѣчи съ графиней Дюбарри, и невольно спрашивалъ себя: случайно ли завязалось ихъ знакомство, или все было подготовлено заранѣе и онъ попалъ въ ловушку?

— Графинѣ пришлось много вынести горя въ молодости, продолжалъ старикъ съ прежнимъ беззаботнымъ видомъ.—Клевета постоянно преслѣдовала ее! Тѣ самые люди, которые сегодня цѣловали ея руки, рассказывали о ней на слѣдующій день самыя отвратительныя вещи. Негодяи, которыхъ она осыпала благодѣяніями, писали ласквели на ея жизнь. Но это не могло озлобить доброй графини. Я слышалъ собственными ушами, какъ покойный король сказалъ ей однажды: „Для чего существуетъ Бастилія, если вы никого не хотите отправить туда!“ Это были подлинныя слова моего господина...

Бесѣду такимъ образомъ, они дошли до деревни Люсьеннъ. Маленькіе красивые домики, стѣны обвитыя виноградомъ, огороды съ грядами малины и клубники, тянулись вдоль дороги, которая постепенно поднималась къ старому замку временъ Людовика XIV. Каштановыя деревья только что начинали покрываться молодою зеленью; около кустовъ бузины, въ полисадникахъ, щебетали птицы. Высокая стѣна изъ сѣраго плитняка съ рѣшетчатыми воротами по срединѣ отдѣляла замокъ отъ деревни и группы строеній, въ которыхъ помѣщались сараи для экипажей, конюшни и т. п. Графиня Дюбарри по своей склонности къ романтизму, хотѣла устроить изъ своего жилища волшебный пріютъ любви, недостижимый для непосвященныхъ, куда не могли бы проникнуть никакія земныя заботы и нужды.

Но сегодня калитка рѣшетчатыхъ воротъ была открыта. Около нихъ стоялъ негръ Заморъ въ полномъ парадѣ, съ шпагой, привѣшанной къ поясу, и въ шляпѣ, украшенной галуномъ; руки его были опущены въ карманы красныхъ бархатныхъ шароваръ. Людовикъ XV, проснувшись однажды въ веселомъ расположеніи духа, назначилъ чернокожаго слугу своей возлюбленной губернаторомъ Люсьенна, и канцлеръ Франціи вынужденъ былъ дать ему патентъ на эту должность. Заморъ столько же гордился своимъ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ, сколько своей красотой, такъ какъ цвѣтъ его кожи можно было сравнить съ чернымъ деревомъ, а зубы бѣлизной не уступали слоновой кости. Поэты, которые пользовались щедротами графини, въ напыщенныхъ мадригалахъ не разъ называли глаза Замора чер-

ными брилліантами, а художники въ своихъ картинахъ изображали его въ видѣ генія ночи, стерегущаго богиню Аврору съ золотистыми волосами.

Тѣмъ не менѣе, лицо Замора было въ высшей степени непріятно и поражало своимъ злымъ и нахальнымъ выраженіемъ съ оттѣнкомъ лукавства и чувственности.

Графиня Дюбарри назвала его Заморомъ въ честь героя Вольтеровской трагедіи „Alzire“ и нарядила въ пестрый костюмъ, въ которомъ обыкновенно являются мавры въ операхъ и балетахъ передъ парижанами.

Графъ Эрбахъ внимательно разглядывалъ негра; тотъ съ своей стороны не спускалъ глазъ съ незнакомца. Ихъ раздѣляло всего нѣсколько шаговъ.

— Половина этихъ домовъ построена на деньги графини, продолжалъ Клеманъ.—Въ деревнѣ почти нѣтъ бѣдныхъ, такъ какъ графиня щедро расточала свои благодѣянія. Она готова помочь всякому несчастному; вотъ и теперь она ухаживаетъ, какъ родная сестра, за однимъ молодымъ нѣмцемъ.

— За нѣмцемъ! воскликнулъ графъ Эрбахъ.

— Что, попался, братъ! подумалъ старикъ и добавилъ вслухъ:— Въ сущности это большой секретъ...

— Какъ же вы узнали объ этомъ?

— Моя племянница—горничная графини. Само собою разумѣется, что я не сталъ бы рассказывать каждому объ этой удивительной исторіи; но вамъ, m-sieur Поль...

— Чѣмъ я заслужилъ такое предпочтеніе?

— Я почувствовалъ къ вамъ довѣріе съ перваго взгляда, и вдобавокъ мнѣ пришло въ голову, что бѣдный раненый, можетъ быть, нуждается въ совѣтѣ своего соотечественника.

— Онъ раненъ! какъ это случилось? да говорите-же, наконецъ! воскликнулъ съ нетерпѣніемъ графъ.

— Восемь дней тому назадъ, графиня возвращалась поздно вечеромъ домой изъ Парижа; въ недалекомъ разстояніи отъ деревни Буживаль, она увидѣла молодаго человѣка, лежащаго на дорогѣ въ полусознательномъ состояніи. Она приказала остановить экипажъ и подошла къ нему; онъ сталъ умолять ее о помощи, такъ какъ у него на горлѣ и затылкѣ были три раны и онъ истекалъ кровью. Его безвыходное положеніе и тонъ голоса тронули сострадательное сердце графини; она привезла его въ замокъ и послала въ городъ за докторомъ.

— Добрая и благородная женщина! воскликнулъ графъ.

— Съ тѣхъ поръ, продолжалъ Клеманъ,—она нѣжно заботится о больномъ, который оказывается вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ...

— Не знаете-ли вы, кто онъ? Какъ его зовутъ? спросилъ съ живостью графъ Эрбахъ, прерывая своего собесѣдника.

— Одна графиня знает его имя. Я слышалъ, что онъ подданный прусскаго короля Фридриха.

— Это онъ, Фрицъ Бухгольцъ! мелькнуло въ головѣ графа Эрбаха.

— Я долженъ видѣть его! Доложите графинѣ, что я прошу ее принять меня, добавилъ онъ вслухъ рѣшительнымъ тономъ.

— Какъ прикажете вы мнѣ доложить о васъ? Я не знаю вашего имени, возразилъ старый камердинеръ съ напускной наивностью.

Графъ Эрбахъ вложилъ золотой въ руку старика, который счелъ нужнымъ выказать нѣкоторое сопротивление, и сказалъ:—доложите, что я другъ того молодого человѣка, которому она дала убѣжище въ своемъ домѣ.

Клеманъ прищурился и внимательно разглядывалъ золотой, на которомъ была вычеканена голова германскаго императора.

— Я такъ и думалъ, пробормоталъ онъ съ самодовольствомъ и поспѣшно направился прямымъ путемъ къ рѣшетчатымъ воротамъ замка Люсьеннъ.

Г Л А В А II.

Заморъ съ вычурною вѣжливостью снялъ шляпу съ своихъ черныхъ и курчавыхъ волосъ, когда графъ Эрбахъ приблизился къ нему и пригласилъ его войти движеніемъ руки, которое годилось бы для актера любой оперной сцены. Онъ былъ даже настолько услужливъ, что проводилъ графа къ замку, въ приемную залу нижняго этажа, между тѣмъ какъ Клеманъ поспѣшилъ въ павильонъ графини, чтобы доложить о неожиданномъ посѣтителѣ.

Графъ Эрбахъ, очутившись одинъ въ небольшой залѣ, гдѣ было всего нѣсколько столовъ и стульевъ, имѣлъ достаточно времени, чтобы подумать о странномъ случаѣ, который привелъ его въ домъ послѣдней любовницы Людовика XV-го, навлекшей на себя немилость Маріи-Антуанеты и ея приближенныхъ. Онъ спрашивалъ себя: что могло побудить стараго камердинера, который, повидимому, служилъ на посылакахъ у графини Дюбарри и приносилъ ей вѣсти изъ Версаля, хлопотать о томъ, чтобы ввести его въ замокъ Люсьеннъ? Какой интересъ могъ онъ представлять для женщины, которая, вѣроятно, никогда не слыхала его имени? Еще страннѣе казалось ему сдѣланіе обстоятельствъ, побудившихъ его самого искать знакомства съ Дюбарри. Если его догадка справедлива и Бухгольцъ нашелъ убѣжище въ ея домѣ, то какимъ образомъ попалъ онъ на большую дорогу окровавленный, покрытый ранами? Разбойники не могли напасть на него.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскіе и иностранные (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель-редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

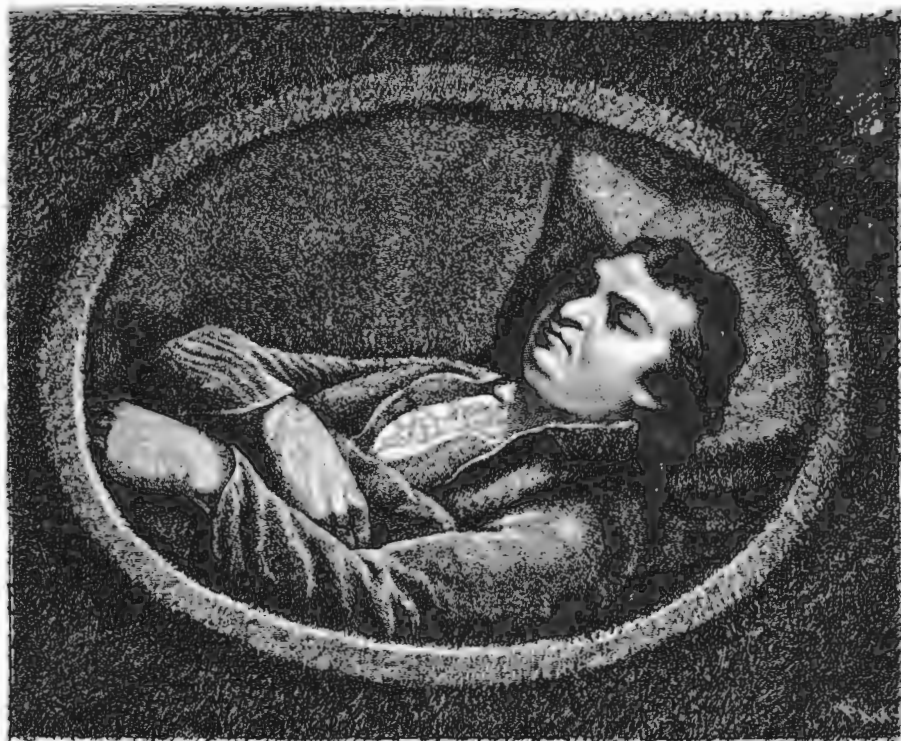
НОЯБРЬ, 1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯВРЬ, 1881 г.

	Стр.
I. ПОѢЗДКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ. Наброски дорожныхъ впечатлѣній. Гл. VI—XIV. (Окончаніе). Д. Л. Мордовцева	457
II. НЕУДАЧНЫЙ КАРЬЕРИСТЪ. (Мнимый заговоръ на жизнь императора Александра I). А. В. Арсеньева	531
III. ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. Гл. IV — VI. (Окончаніе). Н. С. Маевского	548
IV. КРАЙ ПОГИБЕЛИ. Н. С. Лѣскова	568
V. СИБИРЬ И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ ВСЕМІРНОЙ ТОРГОВЛИ. Н. П. Устьянцева	586
VI. РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И НИГИЛИЗМЪ. Д. П. Лебедева	604
VII. ВОСПОМИНАНІЯ О РОССИИ АРМАНА ДОМЕРГА. Продолженіе. Гл. X.	620
VIII. КЪ СЛОВУ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РОМАНѢ И ЕГО КРИТИКѢ. (Письмо въ редакцію). Д. Л. Мордовцева	642
IX. БЛАГОНАМЪРЕННАЯ БЕЗТАКТНОСТЬ. Н. С. Лѣскова	652
X. КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ: 1) Русская народная поэзія. Сборникъ сказаній, былинъ, историческихъ и бытовыхъ пѣсенъ, обрядовъ, пословицъ и загадокъ и др. Составилъ В. Воскресенскій. Спб. 1881. И. Б—ва .—2) Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать первая. Москва, 1881. Бумаги княгини Дашковой. Е. Г—на .—3) Отечественная исторія въ картинахъ для школы и дома. Составилъ и издалъ С. Рождественскій примѣнительно къ своимъ учебникамъ. Спб. 1881 И. Б—ва .—4) Послѣдній потомокъ Чингисъ-хана.—Леонидъ, или черты изъ жизни Наполеона I.—Таинственный монахъ. Историческіе романы Р. М. Зотова. Спб. 1881 г. М—ва .—5) Іоакимъ патриархъ московскій. Свящ. П. Смирнова. М. 1881 г. А. С—сваго .—6) Грузинскіе церковные гуджари (грамоты). Составилъ Д. Пурцеладзе. Тифлисъ. 1881 г.—Грузинскія дворянскія грамоты. Его же. Тифлисъ. 1881 г. В. В—ва .—7) Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи вятскаго края, т. II. Вятка. 1881 г. А. С. .—8) Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ 1-й. Тифлисъ. 1881 года. В. В—ва .—9) Происхожденіе „Артикула воинскаго“ и изображеніе процессовъ Петра Великаго, по уставу воинскому 1716 г. Историческое исследование П. О. Бобровскаго. Изд. 2-е. Спб. 1881. В. П.	656
XI. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Письмо графа Я. А. Брюса къ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому о кончинѣ его матери. Сообщ. Г. В. Есиповымъ .—Записка канцлера графа Н. П. Румянцева о еврейхъ. Сообщ. А. И. Коломнинимъ .—Собственноручная записка Потемкина къ неизвѣстному лицу. Сообщ. Н. Я. Дашковымъ .—Письмо А. П. Бибикова къ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Сообщ. Г. В. Есиповымъ .—Сумма пенсій, отпущавшихся въ 1799 году. Изъ бумагъ М. Д. Хмырова	674
XII. СМѢСЬ: Пушкинская бібліотека.—Заявленіе комисіи для изданія писемъ и бумагъ Петра Великаго.—Присужденіе премій графа Уварова.—Некрологъ А. А. Котляревскаго	678
XIII. ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ: Замѣтка о портретѣ князя Г. А. Потемкина.—Отъ редакціи.—Поправка	680
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Въ золотомъ вѣкѣ. Историческій романъ. К. Френцеля . Продолженіе. Часть II. Гл. II (окончаніе), III и IV (начало). 2) Портретъ князя Г. А. Потемкина . 3) Пробный листъ сочиненія „Естественная исторія племенъ и народовъ“. 4) Объявленія.	

КНЯЗЬ Г. А. ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Съ рѣдкой гравюры Скородумова, рѣз. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозв. ценз. спб., 26 окт. 1881 г.

ТИП. А. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.

О ПОДПИСКѢ НА ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
ВЪ 1882 ГОДУ.
(ТРЕТІЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1882 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе два года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Въ виду постоянно увеличивающагося объема журнала, годовое изданіе его будетъ раздѣлено не на три, а на **четыре тома**, каждый объемомъ до **50 печатныхъ листовъ**.

Къ „Историческому Вѣстнику“ 1882 г. будутъ прилагаться **портреты** русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, **картины** историческаго содержанія, и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Изъ числа разнообразнаго матерьяла, находящагося въ распоряженіи редакціи, въ первыхъ книжкахъ 1882 года будутъ, между прочимъ, напечатаны:

Жизнь и сочиненія Афанасія Прокофьевича Щапова. **Н. Я. Аристовъ**. — Историческое значеніе сочиненій Гоголя. **Его же**. — Дневникъ **В. И. Аскоченскаго** *). — Самосудъ. Историческая повѣсть. **А. В. Арсеньева**. — Василий Львовичъ Пушкинъ. Биографическій очеркъ. **В. П. Авенаріуса**. — Жертва російской схоластики. **Ф. П. Булгакова**. — Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. **Д. Ф. Кобеко**. — Историческіе очерки и рассказы. **Н. П. Костомарова**. — Иезуитъ Антоній

*) Дневникъ этотъ, по разнымъ причинамъ, не могъ быть помѣщенъ въ 1881 году; печатаніе его начнется съ январской книжки 1882 г.

Коньяшъ, литературный инквизиторъ. **А. А. Кочубинскаго.** — Нѣсколько зимнихъ дней въ Чешскомъ селѣ. **Его же.** — Отрывки изъ воспоминаній генераль-лейтенанта **В. Д. Кренке.** — Перегудинскій пустолясъ. Разсказъ. **Н. С. Лѣскова.** — Плавня. Разсказъ. **С. В. Максимова.** — Лихолѣтїе. (Смутное время). Историческїй романъ. **В. Л. Маркова.** — Отрывки изъ воспоминаній Петербургскаго старожила. **П. Медвѣдовскаго.** — Отрывки изъ литературныхъ воспоминаній. **А. П. Милокова.** — Женское правленіе и его прогивники. (Характеристическая подробность въ русской исторїи XVIII столѣтія). **В. О. Михневича.** — Соціалістъ прошлаго вѣка. Историческая повѣсть. **Д. Л. Мордовцева.** — Бытовые эскизы XVIII столѣтія. **Его же.** — П. И. Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости (по неизданнымъ документамъ). **А. И. Незеленова.** — Рѣка лѣсныхъ пустынь. (Изъ поѣздки на Уралъ). **В. П. Немировича-Данченко.** — По тюрьмамъ. Дневникъ заключеннаго. **О-ва.** — Очерки изъ Украинской литературы нынѣшняго столѣтія. **П. И. Петрова.** — Записки ссыльнаго **Алоизія Песляка.** — Художникъ Каравакъ. **П. П. Собко.** — Старья были. Историческіе разсказы. **В. С. Соловьева.** — Польша при императорѣ Александрѣ I. **Ф. М. Уманца.** — Закулисная исторія Царижской коммуны. **В. Р. З-ва.** — Торквато Тассо и его вѣкъ. **М. С. Корелина.** — Женщины профессора Болонскаго университета. **С. А. Тѣшко.** — Суевѣрія чловѣчества. **М. К. Цебриковой,** и др.

Въ приложеніи, съ ливарской книжки, начнется печатаніе записокъ **А. Ешероль,** подъ заглавіемъ: **Судьба одной дворянской сѣмьи во время террора.**

Главная контора „**Историческаго Вѣстника**“ въ Петербургѣ: книжный магазинъ „**Новаго Времени**“, Невскій проспектъ, № 58; въ Москвѣ: московское отдѣленіе книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, домъ Ремесленной управы.

ПОБѢДКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ ¹⁾.

Наброски дорожныхъ впечатлѣній.

VI.

Іерусалимъ съ „птичьяго полета“.

ИЗЪ ГЛУБОКИХЪ горныхъ впадинъ и разщелинъ выползала туманъ и застилала собою каменистыя, совсѣмъ почти обнаженныя отъ всякой растительности горы.

И откуда онъ взялся?.. И зачѣмъ ему тутъ быть? А затѣмъ, чтобъ напоить росою эти блѣдныя чашечки „криновъ сельныхъ“ ...

Но онъ застилала только-что выкатившееся изъ-за Елеонской горы солнце, и волнующимися, точно живыми, клубами плыла къ югу, въ землю бывшихъ филистимлянъ. Я боялся, что онъ помѣшаетъ мнѣ видѣть священный городъ во всей скромной красотѣ при яркомъ утреннемъ освѣщеніи.

Но я напрасно боялся...

Все выше и выше взбирались мы. Это былъ послѣдній подъемъ, какъ подъемъ на пирамиды. У ногъ нашихъ лежали пропасти, все еще задернутыя туманомъ. Онъ тихо продолжалъ колебаться, всползалъ выше и выше и уносился къ югу, къ филистимлянамъ.

Но южное солнце брало свое — противъ его могучихъ стрѣлъ не устоять туману...

¹⁾ Окончаніе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VI, стр. 250—298.

«истор. вѣсти.», годъ II, томъ VI

Показались окрестности святого города; но Поклонной горы, какъ отдѣльнаго возвышенія, съ котораго бы можно было видѣть Іерусалимъ, подѣзжая къ нему отъ Яффы, я не замѣтилъ. Я помнилъ только, что сейчасъ проѣхалъ мимо груды развалинъ и камней, которые были когда-то городкомъ и въ которомъ родился „добрый разбойникъ“, вмѣстѣ съ Христомъ висѣвшій на крестѣ и не одобрявшій другого разбойника, ругавшагося надъ умирающимъ Богочеловѣкомъ... „Городокъ добраго разбойника“ — какъ много звучало для меня въ этихъ трехъ словахъ!.. Но указываютъ этотъ „городокъ“ и ближе къ Рамле.

Я проѣхалъ и мимо того мѣста, гдѣ, говорятъ, находятся могилы Маккавеевъ... Какая глубокая и священная древность!..

Проѣзжалъ я и мимо тѣхъ грудъ камней, гдѣ, по преданію, былъ гробъ пророка Самуила... Все обратилось въ кучу камня и щебня, и, быть можетъ, проѣзжая по іерусалимско-яффскому шоссе къ священному городу, мы давили колесами тотъ самый щебень, въ который попали частицы камней отъ гроба пророка, какъ раньше отъ пращи Давида, поразившей Голиаѳа... Все это волновало и наполняло мою очарованную мысль какою-то горечью—сознаніемъ историческаго всеразрушенія и историческаго безсмертія...

Такъ вотъ тотъ городъ, который уже почти два тысячелѣтія, такъ сказать, лежитъ у самаго сердца всего человѣчества, мало того—онъ составлялъ это самое сердце вселенной, которое и доселѣ колотится въ тысячахъ, въ милліонахъ... А другія воспоминанія, связанныя съ этимъ городомъ и съ этими мѣстами, восходятъ въ древность болѣе чѣмъ за 4, за 5, за 7 тысячелѣтій...

Вотъ вправо высоты, гдѣ были когда-то позиціи крестоносцевъ, именно Готфрида Бульонскаго, когда онъ бралъ Іерусалимъ, а вонъ глубокая ложбина, потокъ Геонскій, который тянется по южной окраинѣ города до самой „Силоамской купели...“ А тамъ — „Овчая купель...“ И я вижу: по склонамъ горъ, спускающихся въ ложбину, бродятъ овцы и „пастырь“ виднѣется на камнѣ — все, какъ было за 2000 лѣтъ... Здѣсь, на Востокѣ, жизнь и ея колоритъ не мѣняются даже тысячелѣтіями: вѣдь въ Египтѣ и около пирамидъ я видѣлъ живыхъ людей, которые казались мнѣ сфинксами или живыми фигурами, сошедшими съ мемфисскихъ горельефовъ... Я понимаю теперь, почему „овцы“ и „пастыри“ ихъ такую замѣтную роль играютъ во всемъ евангеліи и во всѣхъ божественныхъ притчахъ Спасителя...

Все ближе и ближе святой городъ...

Въ эпиграфѣ къ настоящей книгѣ я привелъ слова Шатобріана, которыми онъ хотѣлъ выразить впечатлѣніе, произведенное на него видомъ Іерусалима.

„Я понимаю теперь—говоритъ онъ—то, что рассказываютъ историки и путешественники объ удивленіи крестоносцевъ и пилигримовъ при первомъ взглядѣ на Іерусалимъ. Я могу подтвердить, что

тотъ, кто, подобно мнѣ, имѣлъ терпѣніе прочитатъ около двухъ сотъ новѣйшихъ разсказовъ о святой землѣ, выбранныя мѣста изъ раввиническихъ сочиненій и произведеній древнихъ писателей объ Іудеѣ,— тотъ еще ровно ничего не знаетъ... Я стоялъ, устремивъ взоры на Іерусалимъ и измѣряя высоты его стѣнъ. Въ моемъ умѣ возстановлялись всѣ историческія воспоминанія отъ Авраама до Готфрида Бульонскаго, — я думалъ о цѣломъ мірѣ, измѣненномъ появленіемъ Богочеловѣка, и напрасно искалъ тотъ храмъ, отъ котораго не осталось камня на камнѣ... Если бы я прожилъ еще тысячу лѣтъ, то и тогда не забылъ бы этой пустыни, которая, кажется, до сихъ поръ дышетъ величіемъ Іеговы и ужасами смерти“.

Нашъ путешественникъ, Муравьевъ, видѣвшій Іерусалимъ въ 1830 году, такъ передаетъ впечатлѣнія, волновавшія его въ моментъ появленія передъ его изумленными очами безсмертнаго города: „Кто выразитъ всѣ чувства, волнующія грудь при внезапномъ появленіи святого града! И можно ли изъяснить рѣчами то тайное бореніе радости и страха, которыми попеременно движется сердце въ сіе торжественное мгновеніе, когда всѣ дивныя имена—Сіона, и Голгофы, и Елеона, съ юныхъ лѣтъ и только во святыхъ храмовъ поражавшія слухъ нашъ, внезапно олицетворяются предъ очарованными глазами: когда пылкія мечты младенца сбываются въ видѣніяхъ юноши, и всѣ звуки псалмовъ и пророчествъ сливаются въ одну живую картину отвергшаго ихъ Іерусалима! Тщетно приготовляешь издали духъ свой къ зрѣлищу града, мысленно представляя себѣ, какъ мало-по-малу онъ станетъ проясняться изъ туманной дали и какъ мало-по-малу станутъ привыкать къ нему взоры и мысли. Онъ вдругъ, какъ-бы изъ-подъ земли, является смятеннымъ глазамъ, на скатѣ той самой горы, на площади коей пролегалъ трудная стезя. Вѣсь и внезапно возстаетъ онъ, въ полной красѣ обновленныхъ стѣнъ своихъ и башенъ, во всемъ величій ветхаго завѣта, издали — несокрушенный, какъ-бы еще въ ожиданіи новаго, и такъ, какъ онъ всегда рисуется воображенію, со всѣми своими бойницами и вратами. Гора Елеонская въ яркихъ лучахъ вечера и пустыня Мертваго моря въ туманахъ ограничивали за нимъ священный горизонтъ, — и я стоялъ въ безмолвномъ восторгѣ, теряясь въ ужасѣ воспоминаній!“

Норовъ, совершившій путешествие въ Іерусалимъ черезъ пять лѣтъ послѣ Муравьева, говоритъ о такомъ же глубокомъ умиленіи при видѣ вѣчнаго города. „Поднимаясь съ горы на гору — пишеть онъ — я былъ въ безпрестанномъ ожиданіи открытій Іерусалимъ, но горы все вставали передо мною, перемѣнивъ прежнюю отгѣнку свою на красноватую. „Горы окрестъ его“, сказалъ Давидъ, говоря о Іерусалимѣ. Я началъ приходить въ уныніе, что не увижу святого города при свѣтѣ дня; далеко опередилъ я своихъ спутниковъ; въ самое это время встрѣтился мнѣ прохожій арабъ, и, конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, по-

равнявшись со мною, закричалъ мнѣ: „бедри! бедри!“ — скоро, скоро! — Такое предвѣдѣнне поразило меня удивленіемъ: я ему сказалъ все, что я зналъ по-арабски нѣжнаго, за радостное извѣстіе. Я поднимался на высоту — вдругъ предсталъ Іерусалимъ! Я кинулъ поводъ лошади и бросился на землю съ сладкими слезами. Я узналъ и гору Елеонскую по ея священнымъ маслинамъ; вздохи стѣснили грудь мою. Спутники мои нагнали меня и также повергнулись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ и не сводя глазъ съ этого священнѣйшаго мѣста земной планеты, мы спускались уже пѣшкомъ по размѣтанымъ камнямъ...”

Колеса моего фургона стучать уже по каменистому грунту предмѣстья Іерусалима. Звонятъ гдѣ-то къ ранней обѣднѣ. Одному звону отвѣчаютъ другіе. Солнце уже ярко горитъ надъ вершинами восточныхъ зданій, церквей, мрачныхъ стѣнъ, башенъ, мечетей и минаретовъ—тумановъ какъ не бывало. Попадаютъ русскія богомолки въ черныхъ платкахъ и со свѣчечками въ рукахъ: онѣ плетутся въ городъ изъ страннопримнаго дома къ обѣднямъ... А по сторонамъ уже торчатъ эти глубоко возмущающіе душу кабаки — эти французскія грязныя кафѣ—„Café Jourdain...” Мимо!..

— Та я-жъ торговалась, торговалась, матинко моя...

— Ужъ что и говорить, матушка...

— Давѣ нашихъ у гроба-то и-й...

— Людно таки...

— А арапъ какъ глянеть на меня своими зѣнками...

Нагналъ и своихъ милыхъ офицериковъ. Все, что было на улицѣ— длиннопейсые евреи, арабы, настоящіе еѳіопы, старое и молодое — все глазѣло на юныхъ русскихъ гардемариновъ, столь непохожихъ на привычныхъ богомолковъ.

Я велѣлъ везти себя въ „городъ“, т. е. внутрь стѣнъ, въ Яффскія ворота, и, окруженный цѣлою стаею всевозможныхъ предлагателей услугъ, которые вырывали у меня изъ рукъ даже мою кавказскую палку, приказалъ остановиться у „Miditerannean-Hôtel“ — почти у самыхъ стѣнъ и недалеко отъ древней башни Гиппиуса.

Въ узенькихъ воротахъ, черезъ которыя я проѣзжалъ, стоялъ въ кительѣ турецкій солдатъ и добродушно смотрѣлъ на снующихъ около него народовъ всѣхъ націй и типовъ, по преимуществу, конечно, восточныхъ—то съ ношами на головахъ и плечахъ, то съ осликами, то съ верблюдами, съ козликами и крашенными ярко красною краскою бѣлыми овечками — и между ними русскія богомолки въ черныхъ платкахъ, съ блаженными отъ умиленія лицами и дикими подчасъ отъ изумленія глазами. Добрый солдатикъ стоялъ тутъ словно отъ нечего дѣлать—отъ скуки, и я даже боялся, чтобъ въ этой узкой каменной щели мой дилижансъ не задавилъ или этого скучающаго солдатика, или одной изъ крашеныхъ овечекъ. Выѣзъ подъ гору тянулась улица—не улица, а нѣчто среднее между узенькою улочкой

и такую же узкою крытою галлереею. Казалось, эта каменная разщелина, запруженная снующимъ народомъ, крашеными овечками, козликами, осликами — все это казалось такимъ жалкимъ, малымъ и бѣднымъ послѣ Константинополя, Смирны, Александрии, Каира, — казалось, что эта запруженная разщелина вела куда-то въ темный подвалъ, кое-гдѣ освѣщенный сверху жаркимъ лучемъ солнца, пробивавшимся сквозь отверстіе въ крышахъ этой галлерей... И между тѣмъ, это была одна изъ главныхъ улицъ Іерусалима — улица Патріаршая.

Передать на бумагѣ внутреннюю фізіономію восточнаго города, а тѣмъ болѣе Іерусалима — это выше силъ человѣческихъ и недостижимо для пера писателя: для этого не достанетъ ни словъ, ни терминовъ общепонятныхъ, ни красокъ самой художественной кисти — такъ все это не похоже на то, что у насъ принято называть городами. Одно разнообразіе лицъ, одѣяній, типовъ, предметовъ торга, поражающая, неслышанная дисгармонія голосовъ — кричащихъ, просящихъ, воющихъ, ссорящихся — оглушаютъ сразу, переносятъ въ невѣдомый міръ, полный иллюзій...

При помощи множества услужливыхъ рукъ я высадился изъ дилижанса и вступилъ на крыльцо отеля — и опять-таки это было не крыльцо, а каменный открытый корридоръ, отъ улицы загороженный зелеными створчатыми рѣшетками и внутри обвитый по стѣнамъ виноградною лозою и другою невѣдомою ползучею зеленью. Изъ корридора влѣво вела узкая каменная лѣстница, совсѣмъ не похожая на наши европейскія лѣстницы, которая извивалась вверхъ невѣдомо по какимъ законамъ архитектуры и вела не къ комнатамъ, не къ номерамъ, стоявшимъ въ сторонѣ, и притомъ отдѣленнымъ отъ лѣстницы новыми ступеньками и лѣсенками изъ камня, а куда-то въ верхнюю подъ стеклянными крышами галлереею, съ которой Іерусалимъ открывался какъ на ладони, а съ галлерей — внѣшнею каменною лѣстницею на плоскую крышу, гладкую, чисто выбѣленную, съ каменными по краямъ стѣнками, чтобъ не свалиться съ этой огромной высоты. Крыша отеля господствовала надъ всѣмъ городомъ и надъ окружающими его горами.

Ввелъ меня въ отель самъ содержатель его — черный, съ живыми, умными, но сухими какими-то глазами „человѣкъ нѣкій“. Это былъ герръ Ааронштейнъ.

Герръ Ааронштейнъ, конечно, одинъ изъ прямыхъ потомковъ тѣхъ Аароновъ, которые, въ невѣдѣніи того, что говорили, усердно кричали: „распи, распи его! кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ“, — этотъ герръ Ааронштейнъ оказался до нѣкоторой степени русскимъ человѣкомъ, какъ и m-me Romand, содержательница „Hôtel Royal“ въ Каирѣ. Герръ Ааронштейнъ жилъ въ Одессѣ лѣтъ тридцать тому назадъ. Изъ прежней жизни его въ качествѣ русскаго гражданина сохранились у него весьма немногія, совершенно спе-

ціальныя воспоминанія: именно, по международной части—о томъ, что русскіе люди любятъ чай, а по дѣловой, практической—это названіе русскихъ денегъ, ихъ цѣнность, значеніе словъ „купить“, „продать“, „дорого“, „дешево“, „счетъ“, „золото“ и т. п.

Утомленный ночнымъ весьма труднымъ переѣздомъ и недоспаною ночью, я, конечно, прежде всего нуждался въ подкрѣпленіи силъ и въ оживленіи разбитыхъ нервовъ, а для русскаго человѣка въ этомъ случаѣ первое лекарство — чай. Я попросилъ у герра Ааронштейна чаю, и онъ тотчасъ же мнѣ его предоставилъ, и даже mit Milch, т. е. съ молокомъ отъ одной изъ іерусалимскихъ коровъ, или иного палестинскаго млекопитающаго, и съ масломъ — полагаю—отъ одной изъ тѣхъ козъ или овецъ, которыхъ купали въ „Овчей купели“, ибо масло оказалось особеннаго вкуса и необыкновенно вѣжное, пріятное, и вообще какое-то невиданное.

Пока, впрочемъ, готовили чай, я постѣшилъ обозрѣть внѣшность Іерусалима почти-что съ „птичьяго полета“, т. е. сначала съ балкона отведеннаго мнѣ въ третьемъ этажѣ номера, а потомъ съ самой возвышенной площадки крыши.

По планамъ и описаніямъ я, до поѣздки моей въ Святую Землю, порядочно изучилъ топографію священнаго города и, зная его назусть лучше, пожалуй, Петербурга и даже Саратова, зналъ, конечно, гдѣ что искать.

И я жадно искалъ и съ трепетомъ сердца находилъ то, чего искалъ...

Я не вѣрилъ себѣ, что вижу все это: это казалось мнѣ сномъ, точно бы продолжались мои ночныя грезы... Но это не были грезы.

Едва я вышелъ на балконъ, какъ увидѣлъ прямо передъ моими глазами—Сіонъ!—этотъ священный Сіонъ, столько вѣковъ и тысячелѣтій живущій во всей еврейской и христіанской религіозной поэзіи, Сіонъ, съ которымъ кровно, и плотію и духомъ, связано столько глубоко-поэтическихъ представленій.

Точно ли это Сіонъ?—Да, другого Сіона нѣтъ...

Теперь онъ весь занятъ христіанскими храмами, и мечетями. Самой горы вы уже не видите, какъ не видите „семи холмовъ“ подъ тысячелѣтними зданіями вѣчнаго Рима... Но Римъ и его холмы — дѣти передъ старцемъ Сіономъ. Но тутъ же, на этомъ Сіонѣ, нашла себѣ мѣсто и одна изъ турецкихъ казармъ... Что-жъ удивительнаго въ этомъ! Туда, гдѣ томился въ заключеніи и умеръ отъ яду Сократъ, еще недавно греки сваливали нечистоты... Тамъ, гдѣ погибла Клеопатра, современные египтяне пьютъ кофе и курятъ наргиле...

Я долго смотрѣлъ на эту историческую святыню, вспоминая весь лиризмъ, которымъ проникнута библейская поэзія по отношенію къ этой горѣ. Я вспомнилъ, конечно, и о „градѣ Давидовомъ“, бывшемъ на этой самой горѣ — о дворцѣ царя Давида, царя и поэта еврейскаго,—который съ высоты этого дворца, конечно съ крыши (крыши

замѣняютъ здѣсь и наши европейскія галлерей, и дворы, и балконы) нескромно любовался, какъ прекрасная Вирсавія, сосѣдка его, купалась у себя въ пруду, въ „писцинѣ“, которую и теперь еще показываютъ. Съ этой крыши Давидъ соблазнился красотой Вирсавіи и похитилъ ее, а мужа красавицы, бывшаго въ то время, какъ это извѣстно изъ священнаго писанія, на войнѣ, предоставилъ вѣрной смерти. Мнѣ тогда же пришелъ на память знаменитый стихъ сына этого царя-поэта, не менѣе знаменитаго же царя и поэта Соломона, стихъ изъ „Пѣсни пѣсней“: „Прекрасна ты, возлюбленная моя, прекрасна ты! Глаза твои точно голубки подъ покрываломъ твоимъ; волоса твои точно стадо козъ на горѣ Галаадской; зубы твои точно стадо бѣлыхъ овецъ; губы твои точно червленая лента; високъ твой точно гранатовое яблоко; шея твоя точно Давидовъ столпъ...“ Какая глубокая старина!..

Собственно говоря, даже „Miditeranean-Hôtel“, съ балкона котораго я глядѣлъ на Сіонъ, стоитъ на сѣверной отлогости этой священной горы, но ближе къ Голгоѣ.

Затѣмъ я вышелъ на открытую галлерей, а съ нея на крышу. Прежде всего, что мнѣ бросилось въ глаза — это была священная, еще болѣе священная чѣмъ Сіонъ гора, столь часто упоминаемая въ евангеліи — „гора Елеонская“, съ вершины которой Христось, по своемъ воскресеніи, на глазахъ своихъ учениковъ вознесся на небо.

Солнце, еще не высоко поднявшееся надъ окружавшими Иерусалимъ съ востока горами, косыми, но уже жгучими лучами палило самую вершину Елеонской горы съ бѣлѣвшими на ней церквами, золотило кудрявыя масличныя деревья, которыя точно сходили съ горы и доходили до Геосиманскаго сада, темнѣвшаго ввиду, словно у меня подъ ногами, своими столѣтними и тысячелѣтними маслинами, подъ которыми когда-то спали апостолы, отягченные сномъ, когда Христось тутъ же, вонъ подъ тѣми камнями, освѣщаемыми солнцемъ и отбняемыми темною зеленью маслинъ, молился „о чашѣ...“ Вотъ—вижу все это, все это такъ близко... Я вижу даже какія-то фигуры между рѣдкими стволами маслинъ... Тутъ же извиваются узенькія каменныя дорожки, по которымъ такъ часто когда-то Христось спускался къ Иерусалиму.

Я не могъ оторвать глазъ отъ этой чудной картины. Передо мною вставали тысячелѣтніе, тысячелѣтніе призраки...

Вонъ ниже, подъ самымъ Геосиманскимъ садомъ, отчасти заслоненный мрачною, тоже тысячелѣтнею городскою стѣною, извивается Кедронскій потокъ. Жгучее солнце высушило его до капли, выпило послѣднюю въ немъ влагу, и онъ уже не течетъ совсѣмъ, такъ что въ немъ даже нельзя бѣлья вымыть, какъ когда-то Богородица мыла въ немъ свои ризы и ризочки своего божественнаго Младенца...

Съ высоты крыши моего отеля я вижу даже, тамъ же, у Кедрон-

скаго потока и Геосиманскаго сада, нѣсколько правѣе — еврейскую „Юдоль Плача“, или Иосафатову долину, на которой, по христіанскому преданію (его, конечно, надо понимать не въ прямомъ, а въ духовномъ, иносказательномъ смыслѣ), будетъ происходить страшный судъ.

Еще ближе — подо мною разстилался весь Иерусалимъ, но я искалъ глазами и тотчасъ же нашелъ, чего искалъ — именно, Голгоѳу, мѣсто распятія Христа. Голгоѳа теперь уже совершенно находится въ городской чертѣ и вся застроена церквами и другими зданіями.

Наконецъ, подъ самыми моими ногами открывалась еще большая библейская древность, неволью поражающая тѣмъ, что всецѣло сохранилась до послѣдняго времени. Это источникъ, скорѣе „купель“ по евангельски (ρίζινα) — купель пророка Іезекии: она состоитъ изъ длиннаго четырехугольника, длиною и шириною въ нѣсколько сажень. Она омываетъ подножія зданій, служащихъ для нея какъ бы набережною и самою обшивкою. Вода въ ней довольно темная, зеленая, и — не думаю — чтобъ очень чистая. Но я видѣлъ, какъ изъ окна одного высокаго, трехъ-этажнаго зданія, фундаментъ котораго омывается этою „купелью“ пророка, спускался на длинной веревкѣ кувшинъ и, зачерпнувъ воду изъ „купели“, вновь былъ втннутъ въ окно. Съ крыши и съ галереи моего отеля можно было дойти до этой купели по крышамъ, ибо меня и водоемъ пророка раздѣляли всего два уступа крыши.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о крышахъ іерусалимскихъ зданій. На всемъ Востокѣ плоскія крыши составляютъ для ихъ обитателей и дворъ (ибо тамъ иногда хранятся хозяйственныя принадлежности), и галерею (на крышахъ восточныя женщины гуляютъ и пользуются воздухомъ, особенно по ночамъ, укрываемыя ночью тѣнью; тамъ же онѣ и работаютъ, и веселятся, и пляшутъ, какъ плясала, помнится, Тамара на крышѣ дома своего отца Гудала), и даже путь, посредствомъ котораго сосѣди сносятся между собою. Но Иерусалимъ особенно поражаетъ тѣмъ, что надъ всѣмъ имъ, повидимому, устроена сплошная крыша, конечно самой разнообразной высоты, съ безконечными подъемами и со множествомъ куполовъ. Онѣ буквально весь покрыты крышею, и эти крыши перекинуты даже черезъ всѣ почти іерусалимскія улицы. Если какая улица не имѣетъ надъ собою покрывки съ просвѣтами для воздуха, а также и для свѣта, то это, навѣрное, новая улица. Когда вы идете по Иерусалиму, протискиваетесь вдоль его узенькихъ, мрачныхъ, извилистыхъ улочекъ и переулочковъ, лежащихъ въ самыхъ разнообразныхъ плоскостяхъ, часто у васъ надъ головою или подъ ногами — ибо иногда улочка проходитъ по крышамъ ниже лежащихъ домовъ — и имѣетъ вновь свою покрывку — вы почти никогда не увидите солнца, и весьма рѣдко клочекъ голубого неба.

Такъ по этимъ-то крышамъ съ уступами и я могъ бы добраться до купели пророка Іезекіи, ибо она лежала подъ моими ногами, въ разстояніи отъ меня сажени на четыре, на пять, много на семь. Мало того — этимъ путемъ я могъ бы добраться пожалуй и до Голгоѣы.

Взглянувъ опять выше, на гору Елеонскую, я вправо отъ нея увидѣлъ синюю даль, какъ бы въ какомъ-то углубленіи, словно далекое синее море, ибо высоты іерусалимскія господствуютъ надъ южными и восточными его окрестностями, а за этою далью синѣлось что-то возвышающееся, холмистое, точно гряды неподвижныхъ облаковъ, — то была другая, болѣе отодвинутая къ востоку даль, гдѣ въ углубленіи лежало Мертвое море и протекалъ Іорданъ, а гряды синихъ неподвижныхъ облаковъ — это лежація за ними Аммонитскія и Моавитскія горы, составляющія уже аравійскія пустыни, гдѣ сорокъ лѣтъ блуждали евреи послѣ египетскаго плѣненія, ища обѣтованную землю.

Глубоко взволнованный, радостный и скорбный въ одно и то же время, я сошелъ съ крыши и воротился въ свой номеръ къ ожидавшему меня чаю.

Меня обступали видѣнія прошлаго... Отъ меня не отходилъ этотъ чудный видъ Елеонской горы, Геосиманскаго сада, Кедронскаго потока, Іосафатовой долины, и эта синяя даль съ Мертвымъ моремъ и Іорданомъ...

Едва я расположился у себя и началъ чаепитіе, какъ въ комнату ко мнѣ просунулась чья-то голова въ фескѣ.

— Это вы, Мустафа? (Мустафа — номерной).

— Нѣтъ... Не беспокою ли я господина? спросила по-французски феска, отодвигая дверную занавѣску.

Надо замѣтить, что въ „Mediterranean-Hôtel“, какъ это часто можно видѣть на Востокѣ, и двери и окна закрываются двумя, а окна — часто и тремя способами. Двери бываютъ обыкновенныя, деревянныя, съ замками, и закрываются обыкновеннымъ способомъ. Но когда закрыты эти двери, то комната лишается притока свѣжаго воздуха и сквозного вѣтерка, которымъ на Востокѣ, при жгучемъ солнцѣ и удушливомъ воздухѣ, не брезгаютъ, какъ у насъ на сѣверѣ. Для спасенія отъ духоты, деревянныя двери остаются открытыми настежь, а вмѣсто нихъ служитъ одна сплошная занавѣсъ на кольцахъ, которая и закрываетъ комнату отъ посторонняго глаза. Окна же имѣютъ тройное прикрытие: обыкновенныя рамы со стеклами, занавѣски, болшею частью прикрѣпленныя къ самымъ рамамъ и вмѣстѣ съ ними открывающіяся и закрывающіяся, и, наконецъ, рѣшетчатыя, какъ и у насъ на югѣ, зеленныя — жалюзи, что-ли.

— Можно войти?

— Прошу, войдите.

Феска вошла. Костюмъ на фескѣ — европейскій.

— Желаетъ господинъ видѣть достопримѣчательности и окрестности Іерусалима?

— Желаяю, непременно.

— Виодемъ, Виоанію, Іерихонъ, Іорданъ, Мертвое море, монастырь св. Саввы?

— Да — затѣмъ и пріѣхалъ.

Феска, съ типичнымъ восточнымъ выраженіемъ, съ живыми и умными сѣрыми глазами (послѣ оказалось, что это не турокъ и не арабъ, а природный іерусалимскій уроженецъ, сиріецъ, прямой потомокъ разныхъ Суровъ и Ассуровъ, когда-то правившихъ одною изъ древнѣйшихъ монархій вселенной — Ассирійскою или Ассурійскою: и донинѣ на Востокъ часто называютъ Сирію Сурією) подала мнѣ свою карточку, напечатанную довольно изящно.

На карточкѣ значилось: „Gabriel Habash, natif de Jérusalem. Drogman et guide pour la Syrie, parlant l'anglaise, le français, l'italienne et l'arabe. Muni de tout le nécessaire pour le voyage et de bons certificats.

Каковъ полиглотъ! всѣ языки знаетъ, кромѣ русскаго.

То же самое повторено на той же карточкѣ и по-англійски, а подъ всѣмъ этимъ значится: Jérusalem и еще что-то по-арабски, конечно—подпись самого Габріеля Габаша.

— Что же вы возьмете съ меня за сопровожденіе къ Іордану и Мертвому морю?

— А когда господинъ намѣренъ отправиться?

— Пожалуй сегодня же.

— Но теперь нельзя — господинъ не вынесетъ зноя.

— Я знаю. Я не сейчасъ намѣренъ ѣхать — прежде осмотрю городъ и его святыни.

— Конечно. Вояжъ можно начинать здѣсь только вечеромъ, или ночью.

— Что-жъ, мы вечеромъ и отправимся.

— А когда господинъ намѣренъ возвратиться въ Іерусалимъ?

— Полагаю, не раньше какъ на другой день.

— О, это слишкомъ скоро.

— Почему-же скоро?

— Трудно... Господинъ не выдержитъ...

— Выдержу... Вы не смотрите на мою сѣдую бороду... Менѣ чѣмъ недѣлю назадъ, я взбирался на пирамиды... У меня ноги молодыя. Габашъ недовѣрчиво улыбается.

— А солнце?

— Выдержу и солнце.

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ выѣхать вечеромъ, часу въ 4-мъ (на Востокъ вечеромъ считается все послѣобѣденное, т. е. послѣ полудня, время)... Ночлегъ будемъ имѣть въ Іерихонѣ, а раннимъ утромъ, до солнца — къ Іордану и Мертвому морю.

— Отлично. А сколько часовъ ѣзды ко всѣмъ этимъ мѣстамъ?
— До Іерихона — шесть часовъ и болѣе, отъ Іерихона до Мертваго моря—около трехъ, къ Іордану — часъ съ четвертью, да назадъ... Всего часовъ 15—16 ѣзды, не считая ночлега... Въ два дня оборотиться нельзя.

— Почему-же?

— На другой день нельзя будетъ возвратиться днемъ — господинъ не вынесетъ зноя: господинъ можетъ получить солнечный ударъ.

Я задумался. Перспектива солнечнаго удара пугала меня.

— А на чемъ мы поѣдемъ? Въ какомъ экипажѣ?

— О! господинъ вѣрно первый разъ въ Іерусалимѣ! засмѣялся мой Габашиъ.

— Конечно первый разъ... А что?

— Здѣсь экипажей нѣтъ, да тамъ и нельзя въ экипажахъ ѣздить — горы да тропинки, по которымъ могутъ ходить только ослы да мулы.

— Я бы не хотѣлъ ѣхать на ослѣ, замѣтилъ я, зная, что, хоть это животное и очень мило, умно и симпатично, и что на немъ ѣздилъ Христосъ и Богородаца, однако ѣзда на немъ для непривычнаго очень неудобна.

— Такъ если господину угодно, можно и на лошадяхъ.

— Лучше на лошадяхъ.

— Очень хорошо.

— А что все это будетъ стоить?

— Всего сто двадцать франковъ.

— Это дорого.

— Но господинъ долженъ знать, что въ эту цѣну входятъ всѣ мои расходы: лошади, кормъ для нихъ, пища для насъ, стоимость ночлега въ Іерихонѣ, плата шейху Іерихона и, наконецъ, эскортъ.

— А въ чемъ будетъ состоять эскортъ?

— Мы съ господиномъ ѣдемъ не одни: впереди насъ будетъ ѣхать вооруженная стража — вашъ тѣлохранитель, а за нами—особо—провизія и питье.

„Вооруженный тѣлохранитель“ — признаюсь, мнѣ стало неловко: я вспомнилъ прежніе рассказы путешественниковъ, когда поѣздка къ Іордану требовала много отваги и считалась большимъ рискомъ, подвигомъ. Во мнѣ шевельнулись опасенія, и воображеніе подоспѣло на помощь воспоминаніямъ и моимъ впечатлительнымъ нервамъ.

— А развѣ опасенъ путь, что вы берете вооруженную стражу?

— Нѣтъ... но для успокоенія господина... на всякій случай...

„На всякій случай...“ Эти слова заскребли по моему далеко не мужественному сердцу. Но я давно думалъ объ этой поѣздкѣ, давно рѣшился на все... что Богъ дастъ — не возвращаться же назадъ.

Другого случая въ жизни не представится видѣть то, что рѣдкимъ счастливымъ удалось видѣть... Была не была!.. Надежда же въ насъ всегда очень живуча: она — нѣчто безсмертное въ насъ.

Я сдѣлалъ надъ собою усиліе — и рѣшился въ послѣдній разъ.

— Такъ сверхъ 120-ти франковъ съ меня уже больше ничего не потребуется — ни въ пути, ни на ночлегѣ?

— Ни піастра, господинъ.

— Ни бакшишей, ничего?

— Ничего... Все это будетъ лежать на мнѣ.

— Хорошо. Я подумаю. Приходите послѣ, а я долженъ отправиться осматривать городъ и его святыни.

Быль часъ седьмой утра. Габашъ вышелъ, а я тотчасъ же отправился бродить по городу, по церквамъ, по святынямъ... Меня неудержимо тянуло — собственными ногами побродить по улицамъ, на каменномъ ложѣ которыхъ, казалось, остались еще слѣды святыхъ ногъ, слѣды, которыхъ не въ силахъ вытравить ни солнце, ни вѣтеръ, ни мимо идущія столѣтія...

VII.

„Аще ли сіи умолкнутъ—каменіе возопіють“...

Выйдя изъ отеля, я пошелъ внизъ по Патріаршей улицѣ. Мнѣ казалось, что я опускаюсь въ подваль—такъ узка и тѣсна была эта улица, спускавшаяся съ горы куда-то внизъ. Солнечные лучи, пробиваясь въ эту расщелину между неизобразимаго вида и типа строепіями и лавчонками, фантастически освѣщали снующія по ней взадъ и впередъ такого же неизобразимаго вида толпы.

Я не буду останавливаться на описаніи видѣнныхъ мною святынь Иерусалима, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ изъ подробныхъ спеціальныхъ описаній путешественниковъ, которыхъ было не мало въ Россіи, начиная отъ „Книги глаголемой странникъ“ игумена Даніила, моего соименника и современника Нестора лѣтописца, и отъ „Хожденія“ Трифона Коробейникова и кончая путешествіями Муравьева и Норова. Я не съ этою цѣлью поѣхалъ бродить по дальнему Востоку, какъ и объяснилъ это выше. Я намѣренъ передать читателю только мои личныя, субъективныя мимолетныя впечатлѣнія, безъ всякой попытки вдаваться въ спеціальныя подробности, интересующія богомольца христіанина и археолога. Все это онъ найдетъ въ упомянутыхъ „Странникахъ“, „Хожденіяхъ“ и „Путешествіяхъ“. Я—туристъ любитель. Я искалъ удовольствованія моему чувству, сердцу и воображенію, напитаннымъ съ дѣтства описаніями того, что я хотѣлъ теперь самъ увидѣть, и воспитаннымъ на библейской и евангельской, глубоко трогательной поэзіи. И потому—повторяю—я хочу передать читателю

только мои бѣглыя, совершенно личныя наблюденія и ощущенія, которыя можетъ провѣрить на себѣ всякій, кто захочетъ самъ посѣтить мѣста, мною видѣнныя, и прочувствовать то, что чувствовалъ я и слабо изобразилъ въ настоящихъ моихъ наброскахъ, или же прочувствовать что-либо другое, сообразно своимъ личнымъ, субъективнымъ склонностямъ, воззрѣніямъ, знаніямъ, подготовкѣ и душевному настроенію.

Признаюсь, я вынесъ изъ осмотра самого Іерусалима скорбное, удручающее впечатлѣніе, чувство слишкомъ острое и жгучее, чтобы быть ему успокаивающимъ, смиряющимъ, по-меньшей мѣрѣ—примиряющимъ. Я видѣлъ кругомъ смерть во всѣхъ ея отбѣнкахъ, если можно такъ выразиться—полную историческую смерть, которая кладетъ свою разрушительную руку на все, даже какъ-бы на самое безсмертіе.

На каждомъ шагу я вспоминалъ слова Спасителя, обращенныя имъ къ этому вѣчному городу, когда онъ, незадолго до смерти, сходилъ къ нему съ горы Елеонской... „И яко приближися, видѣвъ градъ, плакася о немъ, глаголя: яко аще бы разумѣлъ и ты въ день сей твой, еже къ смиренію твоему, нынѣ же скрыся отъ очію твоею: яко приидутъ дніе на тя, и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ, и обыдутъ тя, и обымутъ тя отвсюду, и разбѣютъ тя и чада твоя въ тебѣ, и не оставятъ камень на камени въ тебѣ, понеже не разумѣлъ еси времени посѣщенія твоего“ (Еванг. отъ Луки, гл. XIX, ст. 41—44).

Я проходилъ тѣмъ путемъ, которымъ вели Христа на судилище, а потомъ—обремененнаго тяжелымъ крестомъ изъ масличнаго дерева (кажется, изъ масличнаго, ибо другого, такого прочнаго и крупнаго дерева здѣсь нѣтъ)—вели на мѣсто распятія, на гору Голгоѳу, гдѣ, говорятъ, когда-то погребены были кости перваго на землѣ человѣка, нашего прародителя—Адама. Я прослѣдовалъ этимъ путемъ съ его закоулками, спусками и подъемами на гору и съ начертанными на стѣнахъ латинскими надписями: „*via dolorosa*“ — „крестный путь“, или „скорбный путь“; весь этотъ путь видѣлъ я и топталъ своими петербургскими сапогами, какъ топтали его, послѣ Христа, милліоны и милліарды человѣческихъ ногъ...

Слѣдуя этимъ мрачнымъ путемъ, облитымъ когда-то кровью Богочеловѣка, Муравьевъ говоритъ, что „искупленные Имъ не должны бы дерзвать преступною стопою безопасно поспирать священные слѣды Его страсти (мѣки). На колѣняхъ, съ разбитымъ сердцемъ, съ поникшею главою, должны бы они протекать сіе страдальческое поприще, гдѣ подъ бременемъ мученій изнемогъ сидѣвшій одесную Бога; должны бы священнымъ прахомъ посыпать преступную главу свою, трепещущими устами къ нему прикасаться и въ сокрушенномъ духѣ просить пощады на той стезѣ, гдѣ шедшій на закланіе влачилъ на раменахъ всѣ ихъ протекшіе, всѣ ихъ грядущіе грѣхи... А нынѣ дикій арабъ быстро по немъ несется на бурномъ конѣ своемъ, влудами подымая

за собою священный прахъ его (грѣшенъ—прибавлю я отъ себя—и я тамъ не разъ проѣзжалъ и на осликѣ, и на конѣ, хотя не бурномъ, и не неся, а ѣхалъ тихо, ибо очень усталъ ходить пѣшкомъ, колеса изъ конца въ конецъ городъ). Нынѣ презрѣнный, поробощенный еврей малодушно идетъ по сему цоприщу, гдѣ его преступныя предки призывали ему на главу ту священную кровь, которою нѣкогда оно дымилось (но чѣмъ же виноватъ этотъ бѣдный еврей?). Робко идетъ онъ, какъ бы по острию меча, заглядывая украдкою на открывающійся съвозъ арки зданій зеленый лугъ древняго Соломонова храма, вѣчный предметъ его тщетныхъ слезъ и желаній“.

А Норовъ, проѣзжая вмѣстѣ со множествомъ богомольцевъ этимъ „путемъ скорби“ къ Иордану, говоритъ: „Съ стѣсненнымъ сердцемъ ѣхалъ я на хорошо убранномъ конѣ, среди шумной толпы пѣшихъ и конныхъ, безпечно попиравшихъ путь глубоко трогательный, на вѣки освященный! И я далъ себѣ внутренній обѣтъ—не проходить по немъ отнынѣ иначе какъ пѣшему“.

Вотъ домъ Пилата, въ одно изъ оконъ котораго, въ аркѣ, этотъ умывшій свои руки судья показалъ Христа народу, говоря: „се человекъ“ (ессе homo!)..

Я долго стоялъ противъ этихъ оконъ, на этой узенькой каменной мостовой... Тутъ, именно, стоялъ тогда народъ, безумно кричавшій въ своемъ невѣдѣннн: „распи, распи его!..“

И теперь въ своемъ вѣковѣчномъ невѣдѣннн люди кричатъ нерѣдко почти то же самое, чтобъ понять потомъ свою ошибку, когда уже будетъ поздно...

Теперь на этомъ мѣстѣ, ближе къ дворцу Ирода, поставлено католиками новое, чистое, совсѣмъ красивое, современное зданіе, и даже „via dolorosa“ написано на стѣнѣ золотомъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ „крестнаго пути“ эти великія слова намазаны чѣмъ-то чернымъ, точно ваксою или дегтемъ, какъ у насъ въ деревняхъ мажутъ на воротахъ или на самодѣльныхъ вывѣскахъ...

Но пусть лучше останутся эти черныя надписи вмѣсто новыхъ золотыхъ, а то такія золотыя надписи будутъ напоминать надпись на одномъ домѣ въ Одессѣ: „Здѣсь жилъ Пушкинъ въ 1823 году“...

Съ какимъ чувствомъ я смотрѣлъ на эти черныя „via dolorosa“—я не умѣю передать... Сложное, глубокое, грустное чувство шевелилось у меня въ душѣ, которую такъ разбередили эти надписи: такъ много горькаго въ исторіи этой бѣдной земли и въ исторіи бѣдныхъ, глупыхъ, живущихъ на ней людей...

Отъ дома Пилата, стоящаго на возвышеніи (весь Иерусалимъ, построенный на каменныхъ горахъ, состоитъ изъ возвышеній и спусковъ) „путь скорби“ сначала спускается узкою улочкою внизъ. Тутъ, говорить, Богородица, видя сына своего въ терновомъ вѣницѣ, худого и измученнаго, съ синимъ и окровавленнымъ лицомъ и съ величайшими усиліями влекущаго на себѣ тяжелый крестъ, не вынесла личныхъ

страданій за свое „чадо“— „чадо величайшее изъ всѣхъ человѣкъ“— и безъ чувствъ упала на камень...

Грязна и вонюча эта улочка, почти лишенная свѣта... Я долженъ былъ переступить черезъ помои и всякую нечистоту, стекавшую на „*via dolorosa*“ изъ нѣкоторыхъ щелей и каменныхъ подъемовъ, ведущихъ въ безобразные старинные дома, которыми обставлена эта улочка „скорби“.

Улочка эта подь острымъ угломъ, внизу, выходитъ въ другую, одну изъ самыхъ длиннѣйшихъ въ Іерусалимѣ, и такую же, если еще не болѣе чѣмъ первая, узкую и мрачную, всю сплошь скрытую отъ солнца и свѣта, идущую отъ Дамаскинскихъ воротъ внизъ, подь гору, и возмутительно грязную, зловонную... Я видѣлъ тутъ все, чѣмъ только можетъ проявиться грязь и гадость человѣка и животныхъ, и немало попадалось мнѣ подь стѣнами дохлыхъ котятъ и кошекъ, видимо тутъ же и околѣвшихъ и никѣмъ не подобранныхъ. Тутъ же курили восточные человѣки свои „наргиле“, сидя у стѣнъ улочки и у открытыхъ лавчонокъ съ зеленью, плодами, съ козьими и ослиными кожами и деревяннымъ масломъ, и тутъ же дрались еврейта съ арапчатами. Тутъ, въ этой мрачной и вонючей улочкѣ, находится доселѣ домъ Симона Кириинейскаго, котораго евреи, видя, что Христось упалъ подь тяжестью креста, заставили помочь божественному страдальцу нести его тяжелую ношу къ мѣсту смерти...

„И егда поругашася ему, совлекоша съ него препяду (багряницу) и облекоша его въ ризы своя, и изведоша его, да пропнуть его: и задѣша мимоходящу нѣкоему Симону Кириинею, градущу съ села, да возьметь крестъ его“. (Еван. отъ Марк. гл. XV, ст. 20—21).

Таковы воспоминанія въ этой улочкѣ.

Я шелъ дальше „путемъ скорби“... Новыя воспоминанія... Вотъ домъ того немилосерднаго богача, у котораго бѣдный Лазарь питался крохами отъ стола, когда этотъ богачъ, по обычаю восточныхъ людей, ѣлъ, пилъ и наслаждался жизнью не въ домѣ, а на самой улочкѣ, на открытомъ углубленіи, выходящемъ на эту торную улочку. Конечно, этотъ Лазарь созданъ воображеніемъ Христа, его образною притчею; но что мнѣ за дѣло!—я ребенкомъ этому вѣрилъ, и теперь глубоко потрясенъ... Тутъ же показываютъ домъ и мѣсто, гдѣ, по апокрифическому преданію, еврей Агасферъ отыскался помочь изнеможенному Христу и за то осужденъ вѣчно ситаться по землѣ и не находить себѣ пристанища и успокоенія. Это — „вѣчный жидъ“ — легенда не евангельская, апокрифическая, но полная глубокой поэзіи...

Тутъ, почти подь прямымъ угломъ, „путь скорби“, оставляя Дамаскинскую улицу, поворачиваетъ въ третью, въ послѣднюю, какъ бы назадъ, которая и ведетъ уже прямо въ гору, къ „лобному мѣсту“, къ Голгоѣ; и тутъ-то на углу опять намазано благочестивымъ усердіемъ— „*via dolorosa*“... Какъ все это бѣдно и жалко! Таково оно — истинное величіе человѣческое...

И я поворотилъ въ эту узкую улочку къ Голгоѣ... Миѣ казалось, что я шелъ за Нимъ, по Его слѣдамъ... Здѣсь рѣдко кто попадался на пути—тихо, мрачно...

Вотъ домикъ Вероники—весь застроенъ другими домами... Но Вероники имя осталось безсмертнымъ, какъ безсмертенъ и ея добрый, чисто женскій поступокъ... Вероника—это та добрая женщина, которая, увидавъ склоненную подъ крестомъ кроткую голову учителя и текущую по лицу его кровь, жалостливо отерла это святое лицо убрusомъ—полотенцемъ...

А тутъ же, немного выше,—то мѣсто, гдѣ женщины, всегда болѣе чуткія чѣмъ мужчины къ истинному горю и къ истинному величію, плакали, глядя на ведомаго на смерть добрѣйшаго и незлобивѣйшаго изъ всѣхъ людей и гдѣ этотъ незлобивый обратился къ нимъ съ словами: „Дщери іерусалимски, не плачитесь о мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ: яко се дніе грядуть, въ няже рекутъ: блаженны неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнутъ глаголати горамъ: падите на ны, и холмомъ: покройте ны. Зане, аще въ суровѣ дровѣ сія творить, въ сусѣ что будетъ?“ (Еванг. отъ Луки, гл. XXIII, ст. 28—31).

А дальше — этотъ самый Утѣшитель — самъ не вытерпѣлъ и во второй разъ упалъ подъ крестомъ. Это—передъ самыми уже „судными вратами“.

А вотъ и Голгоѣа—узкія воротца во дворъ—камень, гдѣ въ третій разъ упалъ Христосъ подъ тяжестью дерева, служившаго ему ложемъ смерти, и тутъ же самый храмъ — церковь гроба Господня, заключившій въ себѣ самую возвышенную и самую дорогую святыню христіанства...

Храмъ этотъ, онъ же и храмъ Воскресенія, слишкомъ хорошо извѣстенъ всякому читателю, чтобы его еще разъ описывать.

Это и есть то мѣсто, которое можно назвать сердцемъ вселенной. Въ старину, да и доселѣ въ народѣ, мѣсто это называется „пупомъ земли“. Такъ, игумень Даніилъ въ своемъ „Странникѣ“ говоритъ: „И ту есть возлѣ стѣны за олтаремъ—пупъ земный. Создана жъ надъ нимъ камора, а горѣ написанъ Христосъ мусією. И глаголетъ грамота: „се пядью моею измѣрилъ небо, а дланью землю“. А отъ пупа земнаго до распятія Господня есть Крайнево (лобное) мѣсто“... „(Путеш. рус. люд. по Св. зем.“ Спб. 1839, ч. I, стр. 32).

Еще замѣчательнѣе свидѣтельство объ этомъ мѣстѣ другого древняго путешественника—„діакона Арсенія Селунскаго“, который говоритъ: „А отъ гроба Господня 5 сажень — ту есть пупъ земли, а величество его — три обоймища около его. Съ лѣвую страну гроба Господня есть пропасть велика, гдѣ спелъ Христосъ во адъ. Стоять весь годъ запечатана, только во Воскресеніе Христово отпадаютъ печати, и приходитъ патріархъ съ діаконъ, и приклонивъ свою главу надъ пропастью, и діаконъ также свою главу, и слышатъ чвекотъ

въ пропости, и потомъ обратится ко гробу Господню патриархъ съ попы и со всѣми народы... И ту знаменіе сходить съ небеси—молнія на гробъ Господень. Во гробъ Господни суть три свѣщи горять, что мирносицы поставили“ (Тамъ же, ч. II, стр. 75—76).

Я, конечно, ничего этого не видѣлъ—я видѣлъ только то, что и другіе теперь видятъ.

Съ Голгоѳомъ я опять вернулся къ Сіону, къ южнымъ окраинамъ города. Прошелъ и тѣмъ путемъ, которымъ вели Христа изъ Геесиманскаго сада къ Аннѣ и Каиафѣ. Я стоялъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заушали „самаго кроткаго изъ всѣхъ человекъ“, гдѣ его били тростью по головѣ, и, казалось, самъ переживалъ „страсти“, какъ переживалъ ихъ когда-то въ дѣтствѣ, слушая въ церкви двѣнадцать евангелій...

Кто докажетъ, что все это именно тѣ мѣста? Но что мнѣ за дѣло! Я хочу думать, что все это тутъ было... Да, было!

И удивительно, какъ Востокъ сохраняетъ цѣлыя тысячи лѣтъ неизмѣнными формы своей жизни: онѣ точно застываютъ въ своей первобытности. Какъ когда-то грѣлся апостолъ Петръ у огня ночью, когда его допрашивала любопытная рабыня и по языку подозрѣвала въ немъ ученика Христова, такъ и теперь тамъ, свѣжею южною ночью, грѣются арабы, турки и евреи, раскладывая огонекъ прямо на улицѣ или на дворѣ, на камняхъ—тамъ вѣдь все камни.

И то мѣсто и дерево—масличное, гдѣ Петръ грѣлся у огонька, и то другое дерево—померанцевое, на которомъ „трикраты алекторъ“ или „пѣтель возгласилъ“, обличая отреченіе апостола отъ Христа, и, наконецъ, то мѣсто, гдѣ Петръ, „изшедъ, плакася горько“—все это тутъ, все цѣло, какъ цѣль шаръ земной...

Еще князь Радзивиллъ-Сиротка видѣлъ эти деревья, триста лѣтъ тому назадъ; и я видѣлъ тамъ старья, дуплястыя деревца, но они ли это—я не знаю... Мнѣ совѣстно было спрашивать кого-либо объ этомъ... Но для меня было все равно: я стоялъ на тѣхъ мѣстахъ, видѣлъ ихъ—и поэзія того, о чемъ я давно думалъ, глубоко волновала мою душу... Вѣдь за тѣмъ, вотъ за этими глубокими ощущеніями, я и исколесилъ моря, жарился подъ солнцемъ Египта, взбирался на пирамиды, изнывалъ отъ палестинскаго солнца на Сіонѣ и на Елеонской горѣ... Этихъ глубокихъ ощущеній искалъ я и нашелъ ихъ, когда глядѣлъ на холмы бывшей Трои, на „затуманенную Иду“...

Все это, пожалуй, скажутъ, одно легкомысліе... Пускай такъ! Но я не промѣняю его ни на какое глубокомысліе... Тутъ много грусти—глубокой и исторической грусти, не смотря на то, что это святое чувство возмущается на каждомъ шагѣ наглымъ шарлатанствомъ.

Іерусалимъ—совсѣмъ небольшой городокъ, меньше многихъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ средней руки, или меньшихъ изъ губернскихъ, съ населеніемъ тысячъ въ двадцать, и притомъ довольно скученнымъ въ много-этажныхъ съ узкими улочками домахъ. Его можно

пройти очень скоро изъ конца въ конецъ, особенно при помощи добраго ослика, быстро выносящаго васъ съ низовъ города наверхъ, съ Сиона на Голгоѳу, и обратно. А съ Елеонской горы и съ ея подножія по пути въ Виванію—онъ весь на ладони, весь съ его древними мрачными стѣнами, воротами, башнями, церквами и мечетями... И его легко весь обозрѣть со всѣми его священными памятниками, превращенными въ храмы, алтари, часовни... Жаль даже, что многое застроено — потеряло свою первобытную драгоцѣнность...

Но что осталось неприкосновеннымъ и глубоко поражаетъ васъ своею тысячелѣтнею неизмѣняемостью—это окрестности Іерусалима. Я смотрѣлъ на нихъ не одинъ разъ и не два, любовался ихъ скромною и, пожалуй, мрачною, угрюмою картинностью и при утреннемъ, и при полуденномъ, знойномъ освѣщеніи, и тогда, когда они бросали отъ себя фантастическія вечернія тѣни, или получали тѣ же фантастическія тѣни отъ другихъ возвышенностей. Мой взоръ постоянно возвращался то къ Елеонской горѣ съ ея кудрявыми, приземистыми маслинами, то къ Кедронскому потоку — собственно къ овражку — съ пасущимися по его каменистымъ бережкамъ горными козлятами и овцами; то опять къ Геосиманскому саду, который тутъ же, немножко выше, за этимъ овражкомъ, темнѣетъ своими старыми-престарыми, тоже масличными деревьями; то къ мѣсту, гдѣ жила и погребена Богородица — у этого самаго овражка, у потока Кедронскаго, въ которомъ она сама свои „ризѣ прала“, т. е. попросту — бѣлье мыла; то опять къ Іосафатовой долинѣ, къ „юдоли плача“, сплошь занятой еврейскими гробами — точно они насѣяны тутъ, и при этомъ вспоминалъ другую „Іосафатову долину“, въ Крыму, за Бахчисараемъ, у Чуфуть-вале—поэтическое воспоминаніе крымскихъ евреевъ объ ихъ далекомъ іерусалимскомъ кладбищѣ или „юдоли плача“; то снова къ селу Скудельничьему, купленному за цѣну того, котораго міръ оцѣнить не могъ... И все это цѣло, на всемъ этомъ, среди камней, растутъ то маслины, то прижатая солнцемъ травка, то смоковницы—и я напрасно ищу ту неплодную смоковницу, которая не могла дать алкавшему Христу ни одной ягодки... И при видѣ всего этого, такъ и кажется, что вотъ еще вчера бродили тутъ знакомыя, вѣчно живыя въ душѣ, типичныя фигуры величайшихъ поэтовъ всего міра, именно великихъ въ своей божественной простотѣ...

Нѣ въ то же время, при видѣ всего этого, едва вы становитесь, въ умѣ, на почву исторической критики, какъ въ душу неизбѣжно тѣснятся мучительныя сомнѣнія: такъ ли это? тутъ ли это было? кто видѣлъ? Конечно, никто! Видитъ одно ваше сердце, напоенное глубочайшею поэзіею вселенной. Достаточно того, что я вижу тѣ мѣста, тѣ горы, тѣ долины, гдѣ все это, нѣчто величайшее въ мірѣ, произошло. И я глубоко понимаю тѣ же сомнѣнія, смутившія душу Ламартина въ этомъ самомъ дивномъ мѣстѣ, въ виду этого мертваго города: „Умъ неуверенно скользитъ по этому городу, по его дета-

лямъ и памятникамъ, не зная, на чемъ остановиться съ увѣренностью; но самый городъ, расположенный на опредѣленномъ возвышеніи и окруженный долинами, и въ особенности глубокою долиною Кедронскою — это дѣйствительно памятникъ, который не обманетъ взора. Тутъ именно находился Сіонъ—странное и несчастное мѣсто для столицы великаго народа. Это скорѣе природная крѣпость маленькаго народца, изгнаннаго изъ своей земли и нашедшаго себѣ убѣжище съ своимъ храмомъ на почвѣ, которую у него никто не захочетъ оспаривать: на утесахъ, которыхъ никакія дороги не могутъ сдѣлать доступными, въ безводныхъ долинахъ, въ безплодномъ и знойномъ климатѣ, среди пустыни, окруженной со всѣхъ сторонъ мѣловыми, вулканическими горами Аравіи и Іерихона и не имѣющей ничего, кромѣ безбрежнаго, несудоходнаго, гнилаго Мертваго моря“.

Когда я, послѣ всѣхъ глубокихъ потрясеній, испытанныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ теперь говорю и которыя не выходятъ изъ души, и послѣ всѣхъ проклятыхъ разочарованій, еще болѣе потрясающихъ душу, благодаря позорному шарлатанству людей религіозной аферы, — когда я уже въ Петербургѣ прочелъ въ лѣтнихъ книгахъ „Revue des Deux Mondes“ описаніе того, какое впечатлѣніе произвелъ Іерусалимъ на одного французскаго путешественника, посѣтившаго Палестину нѣсколькими мѣсяцами раньше меня, — я понималъ, почему въ церкви Гроба Господня, на Голгоѣѣ, я грубо, съ болью въ сердцѣ, отвѣчалъ какому-то навязчивому монаху въ высокомъ,верху расширенномъ на подобіе тарелки клобулкѣ: „я хочу видѣть не то, что вы тутъ понагадили на святыхъ мѣстахъ, а только то, что еще не осквернено вами“ (хорошо, что онъ, кажется, не все понималъ: судя по выговору, онъ былъ грекъ, или армянинъ).

„Когда вы—говоритъ этотъ путешественникъ, Gabriel Charmes— съ какой нибудь высоты осматриваете святой городъ, весь въ одно и то же время, когда отбрасываете въ сторону всѣ подробности, когда позволяете взору свободно бродить по стѣнамъ, куполамъ, террасамъ и домамъ, когда отдаете душу свою тѣмъ чувствамъ, которыя этотъ видъ возбуждаетъ,—тогда воображеніе и умъ начинаютъ такъ сильно работать, что бывають въ состояніи представить себѣ все свѣтлое видѣніе протекшихъ эпохъ. Но едва лишь вы спускаетесь въ городъ, какъ только услышите болтовню монаховъ, какъ только проникните въ ризницы и часовни, гдѣ, по ихъ словамъ, имъ удалось собрать священныя воспоминанія, — воображеніе, подавленное невѣроятною дѣйствительностью, испытываетъ такое разочарованіе, которое не оставливается на скептицизмъ, но доходитъ почти до злобнаго, раздражительнаго отрицанія... Жалкія украшенія святилищъ, которыя только позорять тѣ мѣста, гдѣ они воздвигнуты, еще болѣе способствуютъ живости подобнаго впечатлѣнія. Все, что дурной вкусъ могъ выдумать самаго ужаснаго въ картинахъ, тканяхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, расположено здѣсь съ такимъ притязаніемъ на

вкусъ, что этимъ нельзя не оскорбляться. Это удивительное смѣшеніе самаго безвкуснаго, рѣжущаго глазъ, итальянскаго стиля съ стилемъ восточнымъ, самымъ вычурнымъ. Я не знаю ничего, что бы производило болѣе грустное и отталкивающее впечатлѣніе, какъ видъ геосиманскихъ воротъ или Масличный садъ (Елеонскій), не говоря уже о другихъ примѣрахъ, которыхъ я могъ бы привести множество. Изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, съ которыми народное преданіе связываетъ воспоминаніе о событіяхъ жизни Иисуса Христа, эти послѣднія могутъ считаться наименѣе спорными. Если бы утесъ, который образуетъ гротъ, остался голымъ, если бы семь вѣковыхъ оливковыхъ деревьевъ, находящихся на небольшомъ разстояніи одно отъ другого, не были окружены странными клумбами цвѣтовъ, то можно было бы повѣрить безъ труда, что божественный прологъ „страстей“ произошелъ именно на этомъ дикомъ мѣстѣ, очень подходящемъ для божественной агоніи. Глубокая грусть (именно грусть какая-то царитъ надъ этою долиною) Кедронской долины, бесплодность Елеонской горы, колеблющіяся и фантастическія формы масличныхъ деревьевъ, опустошенный видъ этого уголка земли, на который падаетъ одинокая тѣнь городскихъ стѣнъ,—все это способствуетъ тому, чтобы повѣрить, что здѣсь дѣйствительно Иисусъ, предъ тѣмъ какъ испытать ужасы пытокъ, почувствовалъ, что Его сердце ослабѣваетъ и что Его чело покрывается кровавымъ потомъ. Въ эту торжественную ночь, когда Ему измѣнили и предали Его въ руки враговъ, Онъ испытывалъ то единственное въ своемъ родѣ страданіе, которое выше силъ не только человѣка, но даже Бога — страданіе бесполезной любви и непонятаго самопожертвованія. Отсюда эти божественные стоны, эта дивная слабость Богочеловѣка, это высшее усиліе, чтобы отдалить отъ себя чашу горести—„да мимо идетъ чаша сія!“ — стоны, которые пронеслись черезъ всѣ вѣка, какъ крикъ скорби, какъ раздирающее душу отчаяніе за все человѣчество. Къ несчастью, когда входилъ въ геосиманскую пещеру, волненіе, вызываемое подобными воспоминаніями, не можетъ устоять противъ того зрѣлища, которое возникаетъ передъ глазами посѣтителя. Позорное шарлатанство заставило нечестивыя руки нарисовать красныя пятна на почвѣ пещеры. Эта фальсификація вводитъ въ заблужденіе множество пилигримовъ. Вы видите, какъ набожно цѣлуютъ они эти окрашенные отпечатки. Многіе плачутъ горькими слезами, увѣренные, что это дѣйствительно кровь Иисуса, къ которой они съ невыразимой любовью прижимаютъ свои губы. Этотъ видъ возмущаетъ душу. Монахъ, весь сопровождающій, слѣшитъ предложить вамъ камень, отломанный будто бы отъ пещеры. Если бы эта скала была каменоломней, то и тогда безъ особаго чуда она не могла бы удовлетворить тому безчисленному количеству камней, которое изъ нея извлекается. Стараешься убѣжать съ камушкомъ въ рукѣ изъ этого, по меньшей мѣрѣ оскверненнаго, мѣста. Но едва выйдешь изъ Геосиманскаго сада, какъ попадешь въ Елеонскій—

и разочарованіе еще болѣе жестоко. Семь деревьевъ съ сучковатыми стволами и обнаженными вѣтвями, едва покрытыми листьями, съ нѣсколькими маслинками, еще дали бы вамъ забыть, благодаря своей древности. Но зачѣмъ же ихъ владѣльцы, францисканскіе монахи, окружили ихъ бѣлой стѣной и исписали ее картинами крестнаго пути съ фигурами, выкрашенными красной, зеленой, желтой и фіолетовой красками и похожими на безобразныя восковыя куклы! Зачѣмъ они обратили пространство между этими деревьями въ цвѣтникъ, въ которомъ цвѣты расположены звѣздами, розетками, арабесками и другими фигурами, точно въ садикѣ зажиточнаго фермера? Чтобы сдѣлать это сходство еще болѣе разительнымъ, монахъ въ заткнутой за поясъ рясѣ, съ веселымъ лицомъ, съ соломенной шляпой на затылкѣ, съ лейкой въ одной рукѣ и садовымъ ножомъ въ другой, личность, вполнѣ похожая на тѣхъ, которыя такъ живо изображаются на картинахъ Вибера, приготовляетъ вамъ букетъ, пока вы обходите садикъ. Онъ позаботился вложить въ середину букета маленькую вѣточку отъ неизсякаемыхъ масличныхъ деревьевъ. Когда онъ предлагаетъ вамъ все это съ улыбающейся фізіономіей, то вы едва удерживаетесь отъ желанія задушить его! Вотъ что сдѣлали люди, считающіе себя христианами, изъ того мѣста, гдѣ Іисусъ всего болѣе приблизился къ человѣчеству, гдѣ Онъ былъ слабъ и взволнованъ, гдѣ Онъ упалъ духомъ, гдѣ Онъ, какъ человѣкъ, былъ подавленъ тяжестью скорби! Карриатура монаха поливаетъ цвѣты мака на землѣ, которую Христосъ полилъ слезами и кровью! Никогда богохульство не доходило до большаго шутовства и болшей возмутительности. Это поруганіе, нанесенное вещамъ, распроспостраняется и на идеи, съ ними связанныя, которыя — увы! искажены такъ же, какъ поруганы эти святые предметы. Что случилось съ мыслями, чувствованіями и правилами, преподанными Іисусомъ? Развѣ они не обезображены и не передѣланы на тысячи ладовъ? Развѣ легче узнать ихъ, чѣмъ тѣ мѣста, среди которыхъ они были открыты человѣчеству?"

Правда, лично я, при видѣ Геосиманскаго сада и Елеонской горы съ ихъ священными деревьями и каменистыми тропками, какъ бы задавленными этою ненужною церковностью, никого не желалъ задушить, подобно горячему французу, но и у меня невольно срывалась съ языка фраза — „все подлецъ загадили“, и я съ болью въ сердцѣ отворачивался отъ этихъ оскверненныхъ людьми святыхъ и успокаивалъ свой очарованный взоръ на сосѣднихъ горахъ, на этихъ мрачныхъ камняхъ, на всей этой угрюмой, мертвой природѣ, которую люди пока еще безсильны исказить, осквернить, опозилить.

Но я постараюсь передать все мною видѣнное въ послѣдовательномъ порядкѣ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ все это проходило по моей душѣ, по моимъ нервамъ.

Меня особенно влекло ближайшее ознакомленіе съ окрестностями

Иерусалима, гдѣ каждый камень такъ много говоритъ воображенію и чувству.

И правда!—именно камни говорятъ, какъ бы исполняя божественную волю того, который на требованіе евреевъ — „рцы ученикомъ своимъ, да умолчатъ“, отвѣчалъ: „аще ли сіи умолкнутъ, каменіе возопіють“... И камни дѣйствительно говорятъ — только не то, что монахи...

Возвратившись въ отель послѣ обзорѣнія святынь внутри города, я засталъ новыхъ предлагаемыхъ всевозможныхъ услугъ и продавцовъ всего, что только можетъ напоминать собой Палестину, Иерусалимъ, мѣста и обстоятельства, связанные съ жизнью и смертью Спасителя и его учениковъ: тутъ были и виды Иерусалима и всѣхъ достопримѣчательностей святынь мѣстъ, и всевозможныя чотки, кресты, крестники, іерусалимскіе цвѣты, особенно тѣ „мертвые цвѣтки“, которые кажутся совсѣмъ мертвымъ, засохшимъ бурьяномъ, или колючкой, а будучи положены въ воду, черезъ полчаса или менѣе какъ бы воскресаютъ, оживаютъ—расправляютъ свои засохшія и скорчившіяся вѣточки, распускаютъ свернувшіеся цвѣточки съ темновато-сиреневыми чашечками и пестиками, и проч. и проч. Часть этихъ мѣстныхъ рѣдкостей—рѣдкостей, конечно, для Европы—я приобрѣлъ, разумеется, на память; но отъ многого, само собой, отказался.

Тутъ же вмѣсто Габріеля Габаша явился новый проводникъ по окрестностямъ іерусалимскимъ, гидъ-драгоманъ Jean Aïad. Этотъ также подавъ мнѣ свою французскую рекомендательную карточку, нѣсколько иного содержанія, чѣмъ карточка Габаша.

Безпристрастіе обязываетъ меня познакомить будущихъ туристовъ, желающихъ посѣтить Иерусалимъ, и съ карточкой Аюада. Вотъ ея содержаніе:

„Jean Aïad, natif de Jérusalem, guide-drogman pour la Palestine et la Syrie. Parlant le français, l'italien et l'arabe. Muni des bons certificats des personnes distinguées, possédant des bonnes tentes et attirail confortable d'ustensiles de I-ère classe“. Слѣдуетъ арабская подпись.

Аюадъ тоже просилъ 120 франковъ за экскурсію къ Мертвому морю и къ Иордану. Но я сказалъ, что Габашъ сдѣлалъ мнѣ свое предложеніе раньше, первымъ, и если я рѣшусь ѣхать, то, конечно, долженъ отдать предпочтеніе Габашу.

Г. Ааронштейнъ съ своей стороны увѣрилъ меня, что и Габашъ и Аюадъ—оба вполне достойные довѣрія гиды-драгоманы, и что на нихъ вполне можно положиться; но если предложенная ими цѣна кажется мнѣ слишкомъ высокою, то это потому, что я, не имѣя съ собою никого товарищемъ по экскурсіи, долженъ взять на себя и всѣ ея издержки.

Такъ какъ нельзя было думать, чтобы мои случайные знакомые, милые

морячки, рѣшились на эту экскурсію, а если и пожелаютъ совершить ее, то, конечно, имъ удобнѣе будетъ сдѣлать это въ составѣ свиты великихъ князей, которые тоже около этого времени намѣревались посѣтить Іерихонъ, Іорданъ и Мертвое море, и такъ какъ, наконецъ, мнѣ ждать было нельзя—я слишкомъ дорожилъ временемъ, отпущеннымъ добрымъ рокомъ въ мое распоряженіе,—то я и рѣшился ѣхать одинъ съ своимъ Габашемъ и его эскортомъ.

Собираясь пуститься въ эту новую экскурсію и желая испытать—вынесу ли я тотъ зной, котораго боялся даже мой проводникъ-сиріецъ, я невольно вспомнилъ письмо одного моего пріятели, полученное мною изъ Ялты въ тотъ моментъ, когда въ Одессѣ я уже собирался ѣхать на пароходъ, долженствовавшій доставить меня въ Африку.

„Экъ угораздило васъ въ какую пору ѣхать въ святую землю!“ писалъ мнѣ, между прочимъ, мой пріятели: „Да вѣдь теперь тамъ самое пекло, солнце на тропикѣ, печетъ прямо въ темя; все засыхаетъ и поджаривается. Въ Египтѣ — тожь. Коли ѣхать туда, то ѣхать зимою. Только тогда тамъ и можно дышать... Не ждалъ я отъ разумнаго человѣка такой штуки. Развѣ хочется ему испытать, до чего жарко бываетъ?“

Что-жь! египетскій зной я испыталъ и вынесъ мужественно его на берегу Нила и въ Каирѣ. А на пирамидахъ, въ виду Сахары, мнѣ было даже холодно, и я, сидя на вершинѣ одного изъ „чудесъ свѣта“, кутался въ пледъ, ибо взошелъ на пирамиду Хеопса до восхода солнца и не чувствовалъ надъ собой его убійственныхъ полуденныхъ лучей.

А теперь—думаю—попробую, „до чего бываетъ жарко“ въ Іерихонѣ и у Мертваго моря. Послѣ петербургскаго солнца даже пріятно будетъ чувствовать себя подъ солнцемъ Іордана, въ виду знойныхъ пустынь и каменныхъ горъ Аравіи...

VIII.

Мѣсто „плача Іереміи“.—Кедронскій потокъ.—Геосиманскій садъ.—Визанія.

Въ часъ, назначенный для отправленія въ путь, именно въ 3 часа по полудни, въ мой номеръ вошелъ Габашъ. Я сразу не узналъ его и даже какъ бы немного испугался неожиданнаго появленія незнакомаго въ видѣ нѣкоего Ринальдо-Ринальдини: изъ обыкновеннаго восточнаго человѣка, или сирійца въ турецкой фескѣ, онъ превратился въ чистѣйшаго бедуина — „сына степей“. Цвѣтная, почти вся бѣлая на головѣ повязка, или платокъ съ шнурами, опоясывающими голову и спускающимися на плечи; бѣлый легкій бурнусъ на плечахъ, широкія бѣлыя шаровары, убранныя въ восточныя полусапожки съ одною шпорою на правой ногѣ, пистолеты за поясомъ — все это такъ,

казалось, и выхвачено прямо из аравійскихъ пустынь, изъ Каменной или Песчаной Аравіи, и необыкновенно было эффектно своею натуральностью. Видно было, что Габапу самому легче дышется въ этомъ широкомъ и разлетающемся отъ вѣтра или на скаку одѣяніи „сыновъ степей“, гораздо легче, чѣмъ въ узкомъ, тѣсномъ и темномъ костюмѣ полуевропейца.

— Господинъ готовъ?

— Готовъ совсѣмъ.

— Что господинъ беретъ съ собой?

— Вотъ этотъ пледъ, а въ немъ папка—для цвѣтовъ и растений, да вотъ вино для питья съ водой.

— Отлично... Чѣмъ меньше—тѣмъ лучше.

Папку я бралъ съ собою специально для „вѣтокъ Палестины“. Я уже говорилъ, кажется, прежде, въ первой части своихъ набросковъ, что когда я задумалъ ѣхать на пирамиды и въ Палестину, то почти всѣ мои петербургскіе знакомые просили меня привезти имъ на память по „вѣткѣ Палестины“ и хоть по маленькому камешку съ пирамидъ. Камни съ пирамидъ я уже имѣлъ въ своемъ дорожномъ баулѣ; оставалось набрать въ разныхъ мѣстахъ Палестины ея „вѣтокъ“.

— Можетъ быть, господину угодно будетъ взглянуть на лошадей?

— На какихъ лошадей?

— Которыя приготовлены для войяжа.

— Хорошо. А гдѣ онѣ?

— Вонъ тамъ—ихъ можно видѣть съ балкона отеля.

Я вышелъ на балконъ. Подъ нимъ стояли три привязанныхъ лошади и нагруженный всякимъ багажомъ мулъ. Тамъ же былъ и „эскортъ“—черномазый, живой, съ превеселыми сѣрыми глазами арабъ, молодой и ловкій, въ своемъ характерномъ цвѣтномъ уборѣ, съ капишономъ на головѣ, чѣмъ-то ярко-полосатымъ на спинѣ и на груди, съ огромными пистолетницами за широкимъ цвѣтнымъ поясомъ и съ ружьемъ, заряжавшимся съ казенной части. Сѣдло на его лошади было такое, какія имѣютъ баши-бузуки: съ длинными космами лошадиныхъ волосъ на сбруѣ—для защиты лошади отъ надоедливыхъ мухъ. Стремена восточнаго типа—въ родѣ огромныхъ туфель.

Другой черномазый „срацинь“, принадлежавшій къ моему эскорту и завѣдывавшій муломъ и провизіей, имѣлъ при себѣ тоже какія-то смертоносныя орудія.

Въ виду всего этого, я начиналъ было уже думать, что всей этой смертоносностью они только рисуются передо мной, дурачатъ меня, чтобъ придать себѣ важность и тѣмъ оправдать довольно-таки высокую цѣну, заломленную съ меня за экскурсію, и съ этимъ отчасти чувствомъ вышелъ изъ отеля.

Послѣ уже я горько разочаровался въ моихъ подозрѣніяхъ: смертоносныя орудія очень пригодились мнѣ въ дорогѣ... Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Мнѣ подвели бѣлую лошадь, довольно красивую на видъ и, какъ мнѣ казалось, неособенно смирную, потому что она не хотѣла подходить ко мнѣ, чѣмъ и возбудила во мнѣ — увы! — что-то въ родѣ суетвѣрной трусости... Какъ человѣкъ, предрасположенный къ разнаго рода опасеніямъ, способный подчиняться воображенію и позволять суетвѣрному страху пугать себя, я въ этомъ сопротивленіи лошади готовъ былъ видѣть дурное предзнаменованіе. Стыдно сознаться, но я не хочу скрывать отъ читателя того, что въ дѣйствительности было: я чувствовалъ въ глубинѣ души что-то похожее на суетвѣрный страхъ, какое-то глупое, бессмысленное вѣрованіе, что животное можетъ предчувствовать и предугадывать то, чего не въ силахъ предсказать ни разумъ человѣческой, ни наука... Глупо, а было именно такъ...

Но оказалось, что лошадка была вполне добрымъ, смирнымъ животнымъ и даже достаточно лѣнливымъ. А мнѣ, природному донцу, хотя и не донскому казаку, болѣе тридцати лѣтъ не упражнявшемуся въ кавалерійскихъ хитростяхъ и въ послѣдній разъ испытанному въ этихъ хитростяхъ свои силы только въ 1879 году, при поѣздкѣ на Чатырдагъ,—мнѣ лѣнливая лошадка, признаться, была на руку: не понесетъ и не разобьетъ...

Іерусалимскіе мальчишки, увидавъ на бѣломъ конѣ сѣдую бороду и tropical helmet съ бѣлымъ покрываломъ въ видѣ чалмы, а за ними и не мальчишки, съ любопытствомъ обступили меня.

— Инглизъ, инглизъ, слышалось въ разныхъ мѣстахъ.

— Угадали, лупоглазые, улыбнулся я черномазымъ ребятишкамъ.

— Бакшишъ, бакшишъ, повторялась вѣчная восточная пѣсня.

Мнѣ самому казалось, что я, мужъ съ сѣдой бородой и почти въ чалмѣ и притомъ на бѣлой лошади, какъ двѣ капли воды похожъ на Магомета.

Мы двинулись. По улицѣ лихо, молодецки проскакалъ мой сѣроглазый и чернолицый оруженосецъ, обгоняя насъ, такъ что я невольно вздрогнулъ, не узнавъ сразу своего тѣлохранителя. Но онъ дико и любезно оскалилъ мнѣ свои бѣлые зубы и сталъ въ головѣ поѣзда.

Мы выѣхали въ Яффскія ворота. Попадались богомолки и наши матросики съ характерными синими капишонами.

— На базаръ такъ на базаръ!

— И то на базаръ, братцы, а то никакого хрѣна тутъ не найдешь.

— Ай да землячки! здравствуйте!

— Здравія желаемъ!

И землячки двинулись въ какую-то каменную разщелину.

Изъ воротъ мы повернули направо, вдоль мрачной стѣны съ узкими прозорами. Много вѣковъ прошло надъ этими камнями и много видѣли эти гребни стѣнъ, подновленныхъ римлянами.

Первое, мимо чего намъ пришлось проѣзжать—это каменная гора, влѣво отъ Дамасскихъ воротъ,—гора, каменные пласты которой расположены такъ систематически и такими ровными линиями, что мнѣ показалось сначала, что это искусственныя сооруженія. Гора не высокая, но съ нея можно видѣть лежащій ниже Иерусалимъ. Внизу каменныхъ пластовъ виднѣлось что-то похожее на пещеры.

— Это гора, въ которой жилъ пророкъ Иеремія и на которой онъ плакалъ, пояснилъ мнѣ мой гидъ.

Съ чувствомъ глубокаго умиленія я остановился передъ этими каменными пластами, вздувшимися какимъ-то горбомъ недалеко отъ того мѣста, откуда впоследствии римляне громили своими желѣзными таранами священный городъ, а раньше—свирѣпый Навуходоносоръ...

Такъ вотъ гдѣ то мѣсто, о которомъ мнѣ такъ часто еще въ дѣтствѣ думалось, когда я читалъ пророка Иеремію, его глубоко-поэтическій „плачъ“...

„Бысть повнегда отведенъ Иерусалимъ въ плѣнъ и разсѣянъ народъ израильскій, сѣдѣ Иеремія на горѣ надъ градомъ своимъ и горько плакася“, невольно повторялось у меня въ умѣ, когда я стоялъ и думалъ надъ мѣстомъ „плача Иереміи“...

Передъ моими очарованными глазами сами собой вставали видѣнія прошлаго. Пророкъ, самъ предсказавшій паденіе своего города,—когда это паденіе совершилось. когда священный и дорогой ему городъ представлялъ груды пепла и развалинъ,—этотъ горькій пророкъ остался одинъ на развалинахъ своей опустошенной родины и, прячась вотъ въ этой пещерѣ, плачетъ надъ совершеніемъ того, что самъ же онъ предрекалъ:

„Какъ одиноко сидитъ градъ, кипѣвшій людьми! Сильный во языцѣхъ, нынѣ сталъ вдовою; владѣвшій странами—самъ подъ данію.

„Плачемъ-плачетъ онъ ночью, и не высыхаютъ слезы на ланитахъ его...

„Улицы сіонскія рыдаютъ, ибо нѣтъ по нимъ ходящихъ въ праздникъ; врата его разорены, жрецы вздыхаютъ, уведены дѣвицы, и самъ онъ о себѣ крушится...

„Изнемогли его ограды, врата ея врастаютъ въ землю, царь и князья въ иноплеменныхъ, нѣтъ болѣе закона, и пророки не видятъ отъ Господа видѣній.

„Восплескали о тебѣ руками всѣ мимоидущіе, посвистали и покивали главами о дщери іерусалимской: тотъ ли это градъ — спросили они—вѣнецъ славы, веселіе всей земли?..“

Слѣдуя далѣе мимо мѣста расположенія боевой позиціи крестовосцевъ, слѣды которой остались доселѣ въ длинныхъ земляныхъ, перемѣшанныхъ съ камнями валахъ, я вновь былъ остановленъ Габашемъ.

— Прошу господина взглянуть направо, на стѣны.

— Я смотрю на нихъ все время.

— Замѣчаетъ господинъ вонъ то мѣсто? — камни иначе положены...

— Да, правда, и, кажется, камни другіе...

— Да... Это дворецъ Ирода, по приказанію котораго было убито до 14,000 младенцевъ.

Я опять невольно остановился... Осталась только память объ Иродѣ—память о его дѣянiяхъ, а никто даже не знаетъ, гдѣ его прахъ... Можетъ быть, мы попираемъ его вмѣстѣ съ прочею іерусалимскою пылью копытами нашихъ лошадей, а камни, среди которыхъ онъ жилъ и наслаждался жизнью, доселѣ цѣлы и говорятъ о немъ, какъ тотъ листокъ бумаги, „трипка“, на которой писалъ Байронъ...

Мы спускались въ ложбину. Это было верховье Кедронскаго потока, который огибаетъ Іерусалимъ преимущественно съ сѣверной и восточной стороны. За этой ложбиной—опять подъемъ въ гору, которая своимъ продолженіемъ къ востоку соединяется съ горою Елеонскою. На планѣ—это *mons Scori*.

Но мы повернули правѣе, вдоль стѣнъ, и продолжали ѣхать между потокомъ Кедронскимъ и городской стѣной. Оборванные дѣти, дѣвочки и мальчики, тащили откуда-то по узкой дорожкѣ снопы недавно сжатой пшеницы. Полные колосья свѣшивались съ дѣтскихъ плечъ и колотили ихъ по полуголымъ спинамъ.

„Это потомки тѣхъ колосевъ—„класовъ“, думалось мнѣ, которые апостолы, слѣдуя за Христомъ по несжатымъ полямъ, срывали съ нивы и, растирая въ ладоняхъ, жевали немолотыя зерна, чтобъ утолить свой голодь... Многимъ изъ ихъ послѣдователей и теперь приходится такимъ же образомъ утолять свой голодь...“

— Вотъ мѣсто, гдѣ первомученикъ Стефанъ былъ побитъ камнями, указалъ мнѣ мой гидъ на груды камней, лежащихъ недалеко отъ бывшихъ Золотыхъ воротъ.

И эти камни, которыми побили Стефана, остались цѣлы...

— Вы христіанинъ, или мусульманинъ? съ удивленіемъ спросилъ я своего гида.

— Христіанинъ.

— То-то... Вы такъ хорошо, кажется, изучили священное писаніе.

— Это моя профессія, скромно отвѣчалъ сиріецъ.

„Золотыя ворота“ вотъ уже много столѣтій стоятъ задѣланными—заложены камнями. Это тѣ ворота, въ которыя Христось, незадолго до своей смерти, торжественно вѣхалъ въ Іерусалимъ на „жеребяти осли“, привѣтствуемый кликомъ народа — „Осанна!..“ По преданію, ворота эти отворятся сами собой только тогда, когда Христось вторично придетъ на землю, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ, которые всѣ соберутся въ Іосафатовой долинѣ.

Надо было переѣзжать потокъ Кедронскій, чтобъ достигнуть Геесиманскаго сада. Все это—и потокъ Кедронскій, и Золотыя ворота, и Геесиманскій садъ, и то мѣсто, гдѣ Богородица бѣлье мыла, и

мѣсто убіенія Стефана—все это находится такъ близко одно отъ другого, что вполне понятно, какъ Христосъ приходилъ молиться въ оливковый садикъ, перейдя только кедронскій овражекъ, и какъ легко отыскали его тамъ враги и привели къ Аннѣ и Каиафѣ—все это можетъ быть расположено на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ. Этотъ жалкій, лѣтомъ безводный овражекъ кедронскій съ пасущимися вдоль его бережковъ нѣсколькими козами; этотъ небольшой клочекъ каменной земли, тутъ же, у самаго овражка засѣянный пшеницею, уже давно созрѣвшіе (26 мая); этотъ маленький садикъ Геосиманскій на склонѣ или у подножія Елеонской горы; эти рѣдкія масличныя деревца „садика молитвы“, растущія между камнями; эти слѣпые нищіе, сидящіе вдоль дорожки, спускающейся къ Кедронскому овражку—все это до поразительной ясности воскрешаетъ въ вашемъ умѣ евангельское время, евангельскую обстановку и самого Христа, испѣляющаго, кажется, вотъ этихъ самыхъ слѣпыхъ нищихъ... Около нихъ стоятъ жестыя кружки, а они, не видя васъ, а только слыша топотъ вашей лошади, протягиваютъ къ вамъ руки именемъ того самаго Христа, который нѣкогда бродилъ между ними и котораго преслѣдовали, какъ злодѣя... Да, это тѣ евангельскіе нищіе, я узнаю ихъ... Христа только не вижу...

Проѣзжая мимо нихъ, я бросилъ имъ по монеткѣ, но не попалъ въ кружки. Мои проводники объяснили имъ какъ найти брошенное имъ мною.

Сколько разъ Христосъ и апостолы прошли по этой тропѣ, по которой я теперь ѣхалъ!.. Именно по этой, ибо другой тамъ нѣтъ и не было, судя по тому, что въ каменистыхъ горахъ Палестины не проводятся дороги, а протаптывается болѣе или менѣе широкая тропа, которая и живетъ изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе.

— Вонъ тамъ Христосъ молился, а тутъ апостолы уснули...

— Вижу... Мнѣ кажется, что на этой колючей и сухой травѣ я вижу слѣды—это слѣды Христа и его апостоловъ...

Умный сиріецъ улыбнулся...

— Ихъ давно затерли...

— Годы?

— Нѣтъ—богомольцы да монахи...

— А деревья?

— Маслины, подъ которыми спали апостолы, остались тѣже—отъ старыхъ корней пошли...

— Я хочу этому вѣрить...

Мы двинулись дальше по ту сторону потока, минуя Геосиманію.

— Я хочу нарвать масличныхъ вѣтокъ („вѣтки Палестины!“).

— Лучше на обратномъ пути, чтобъ не возиться съ ними.

— И то правда.

По тому же склону Елеонской горы и Геосиманіи, гдѣ я хотѣлъ

рвать „вѣтки Палестины“, правѣ Геѳсиманіи, вся земля укрыта мѣдными плитами, которыя сходятъ внизъ въ долину.

— Это Іосафатова долина.

— Знаю... Я давно это зналъ.

— А вонъ то—знаетъ господинъ?

— То село Скудельничье... Акельдама...

— Да... И мѣсто показываютъ, гдѣ Іуда удавился...

Вираво отъ насъ, когда мы стали огибать Елеонскую гору, другія возвышенія, господствующія надъ Іерусалимомъ съ юго-востока и юга.

— Видитъ господинъ эту гору, прямо передъ нами?

— Да—это гора Соблазна... *Mont de scandale*...

— О! господинъ все самъ знаетъ.

— Да... Съ хорошимъ планомъ не мудро узнать.

— Такъ господинъ знаетъ и эту гору, правѣ?

— Догадываюсь—это гора проклятаго или нечестиваго совѣщанія, гдѣ архіереи, книжники и князья людскіе совѣтъ сотворили на Іисуса.

— Да, это она.

Я постоянно останавливалъ лошадь, оглядывался на Іерусалимъ, весь встававшій у насъ подъ ногами по мѣрѣ подъема на Елеонскую гору, часто сходилъ съ сѣдла и рвалъ попадавшіеся на пути рѣдкіе цвѣточки... „крины сельныя“. Нѣкоторые я сорвалъ въ самомъ Кедронскомъ потокѣ.

Мы огибали Елеонскую гору съ южной стороны. Вдали, внизу, все еще видѣлись нищія, сидѣвшіе у дороги. И чѣмъ выше поднимались мы въ гору, тѣмъ красивѣе раскидывалась за нами панорама священнаго города, охваченнаго со всѣхъ сторонъ стѣнами, съ лѣпящимися по спускамъ отъ стѣнъ масличными садами или огородами.

— Отсюда Христосъ смотрѣлъ на городъ и оплакивалъ его.

— Да... но камни остались... Я помню это мѣсто въ евангеліи.

Зато передъ нами все болѣе и болѣе открывалась даль востока и юга, когда мы уже переваливали черезъ Елеонскую гору, все явственнѣе поднималась отъ далекаго горизонта облачная, какая-то неподвижная синева Моавитскаго хребта, охватывавшаго съ востока Мертвое море и Іорданъ, какъ-бы спрятавшіеся отъ насъ въ глубокую разсѣлину между горами.

Впереди насъ поднимались по той же тропѣ въ гору какіе-то два босые путника съ посохами въ рукахъ, оба старые, сморщенные, зацепшіеся подъ лучами палестинскаго солнца, и своимъ видомъ и одѣяніемъ положительно напоминали тѣ фигуры апостоловъ, которыхъ иногда изображаютъ идущими въ Эммаусъ, или къ озеру Тиверіадскому. Такъ типичны были ихъ фигуры въ этой евангельской обстановкѣ и такъ велико было очарованіе общей картины, что я невольно почувствовалъ себя перенесеннымъ въ міръ далекаго, поэтическаго, евангельскаго прошлаго. И эти смоковницы по сторонамъ дороги, масличныя деревья, каменныя ребра горъ, снопы сжатой и

полоски не сжатой пшеницы, даже этотъ брошенный въ сторонѣ мельничный жерновъ—этотъ „камень осельный“, видъ священнаго города и горъ, ознаменованныхъ незабываемыми событіями, и вдали синева, стоящая надъ Иорданомъ и Мертвымъ моремъ—отъ всего вѣяло духомъ того времени, о которомъ говорилось: „Бысть человекъ посланъ отъ Бога“ и т. д.

— Такъ близко Мертвое море — я вижу его! невольно вырвалось у меня.

— Это такъ кажется господину.

— Но неужели цѣлыхъ шесть часовъ ѣзды до этихъ синихъ горъ?

— Больше, господинъ. Ночью мы только достигнемъ Иерихона.

На другомъ склонѣ Елеонской горы, обращенномъ къ Мертвому морю, а не къ Иерусалиму, влѣво отъ нашей дорожки, виднѣются развалины высокихъ каменныхъ стѣнъ и домовъ. Видно по способу грубой, самой первобытной кладки, что это развалины чего-то очень древняго. Мы слѣдуемъ мимо стѣнъ. Загорѣлые ребятишки пасутъ козъ и, увидѣвъ меня, подбѣгаютъ съ протянутыми руками.

— Бакшишъ, бакшишъ.

Я даю одному, маленькому глазуни, а другому, большому олуху, не даю.

— Бакшишъ, бакшишъ!

— Тебѣ, верзилѣ, стыдно просить — работай.

Незнакомая, совсѣмъ незнакомая рѣчь удивляетъ верзилу и онъ слѣдуетъ за мною издали. Въ какой-то поломанной изгороди, на сжатой нивкѣ, загорѣлая и почти не прикрытая женщина съ ребенкомъ на рукахъ собираетъ оставленные на нивкѣ колосья.

Странники, которые все шли рядомъ съ нами и напоминали мнѣ евангельскія фигуры, скрылись между камнями, за развалинами.

— Это Виѳанія.

— Виѳанія! невольно воскликнулъ я,—эти развалины и эти каменные хижинки—Виѳанія!

— Да, господинъ видитъ передъ собой Виѳанію, гдѣ жилъ Лазарь.

Я остановился. Меня приковала къ себѣ эта древность, вся пронизанная поэтическими образами. Это такъ близко отъ Иерусалима!—только подняться нѣсколько сажень на гору, къ маслинамъ—и Иерусалимъ подъ ногами.

Такъ вотъ гдѣ жилъ Лазарь, не дождавшійся своего друга, Христа, и умершій на горе своимъ сестрамъ.

— Тутъ и домъ Марѳы и Маріи.

— Конечно...

„Марѳо, Марѳо!“ звучали въ моихъ ушахъ эти простые слова... Хлопотливая хозяйка эта Марѳа... А безпечная, но поэтическая Марія сидитъ у ногъ говорящаго это и жадно слушаетъ.

И я, поднявшись на стремена, осматриваю эту поэтическую древность. Совсѣмъ жалкая деревенька, бѣдная. Нѣсколько хижинъ сла-

дено изъ цѣлыхъ, угловатыхъ камней почти безъ всякаго цемента. Види́ются дверки въ камняхъ, щелки вмѣсто оконъ, труха отъ обмолоченной пшеницы, и тутъ же огородцы съ маслинами, гранатами и смоковницами. Такъ все это бѣдно и первобытно-просто, какъ бѣдно и просто былъ тогда, когда вонъ у того порога, на камнѣ, сидѣлъ другъ Лазаря, а у босыхъ его ногъ, пыльныхъ и потрескавшихся отъ ходьбы по камнямъ, по тѣмъ камнямъ, по которымъ стучать копыта нашихъ лошадей, сидѣла безпечная Марія... Ей такъ хотѣлось обмыть эти потрескавшіяся, запыленные, усталыя ноги, не только обмыть, но и масломъ помазать и волосами своими обтереть вмѣсто убруса... А волосы у Маріи роскошныя, какъ вонъ у той женщины, передъ хижинкой которой, у двери, остановился нашъ сѣроглазый оруженосецъ и жадно пьетъ поданную ему этою женщиною въ глиняномъ кувшинѣ воду... Такъ и Христу подавала свой кувшинъ жена самарянка, а сама смотрѣла, какъ онъ, измученный зноемъ и ходьбой, пилъ воду.

— Не желаетъ ли и господинъ напиться?

— Непремѣнно желаю!.. Еще бы — въ Виваніи, изъ рукъ этой Маріи...

Умный сиріецъ улыбнулся.

Я приблизился къ хижинкѣ и привѣтствовалъ воображаемую Марю, или Марію. Она робко, но ласково глянула своими ясными сѣрыми глазами въ мои умиленные глаза, на мою сѣдую бороду, на загорѣлыя руки, и протянула кувшинъ, отплеснувъ изъ него нѣсколько капель воды на камни.

Вокругъ меня собрались любопытствующія дѣти. Откуда-то взялся и худой, совершенно высохшій старикъ, въ которомъ мнѣ такъ хотѣлось видѣть Лазаря, стараго брата этой сѣроглазой, что подавала мнѣ кувшинъ.

Глупый, робкій современный человѣкъ!.. Гигіена научила насъ бояться многого и въ томъ числѣ холодной воды послѣ утомленія. Я усталъ и мнѣ было жарко—и я побоялся пить поданную мнѣ воду прямо изъ кувшина, не смѣшавъ ее съ виномъ— побоялся, глупый, пить ту воду, которую пилъ Христосъ и апостолы... Мнѣ отлили въ жестяную кружку, и я жадно выпилъ поданное мнѣ, спустивъ въ руку сѣроглазой Маріи серебряную монету, которую она неперемѣнно навѣситъ себѣ на загорѣлую шею, ибо на этой шеѣ у ней нацѣплено уже всякихъ монетъ цѣлое нумизматическое собраніе.

— Домъ Симона Прокаженнаго, показывалъ мнѣ гидъ на остатки стѣнъ и камни.

— Благодарю—я искалъ его.

— Лязъръ! Лязъръ!.. Франки, Лязъръ! бормотали около меня почти голые ребятишки.

— Самъ знаю, черномазики! улыбнулся я имъ, — всѣ-то вы Лязъры...

— Бакшишь...

— Ну ужь непремѣнно... И Лазарь баышишь просилъ?

Ребятишки оскалили свои широкіе зубы.

Только на мѣстѣ вы можете понять всю гениальную простоту и непосредственную прелесть евангельскаго разсказа о Виѳаніи — и я именно въ Виѳаніи понялъ и прочувствовалъ его.

Настроенный поэтически, почти мистически, я былъ глубоко тронутъ простымъ, самымъ обыденнымъ обстоятельствомъ, сопровождавшимъ мой выѣздъ изъ Виѳаніи.

Когда, выѣхавъ изъ этихъ живыхъ развалинъ, мы опять вступили на тропу, ведущую къ Иордану и Мертвому морю и проѣзжали вдоль виѳанскихъ огородцевъ съ маслинами и смоковницами, вдругъ изъ-за овражка опять показались тѣ два старца, которые слѣдовали рядомъ съ нами изъ Иерусалима и въ которыхъ рисовались моему воображенію евангельскія фигуры, и одинъ изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, съ улыбкою подаль мнѣ свѣже отломанную отъ куста гранатовую вѣтку. Я охотно взялъ ее—это была первая „вѣтка Палестины“, и притомъ полученная при такихъ умиляющихъ обстоятельствахъ — вѣтка изъ сада Виѳаніи...

— Это онъ привѣтствуетъ господина, пояснилъ мнѣ гидъ.

— Благодарю.

— Чтобъ подгонять лошадь...

— Нѣтъ, я оставлю ее себѣ на память.

Въ этой „вѣткѣ Палестины“, въ этой гранатовой „ваи“ изъ Виѳаніи, мнѣ хотѣлось видѣть позднѣйшее потомство тѣхъ „ваи“, которыя народъ бросалъ на пути вѣзда Христа въ Иерусалимъ.

„Осанна! Осанна! Благословенъ грядый во имя Господне“...

И въ руку незнакомаго странника я опустилъ небольшую монету. Хотя все это поднесеніе „ваи“, все это привѣтствованіе дѣлалось исключительно для этой монеты, для „бакшиша“—я зналъ это очень хорошо, — но я съ суевѣрною радостью оставилъ у себя гранатовую вѣтку. Мнѣ казалось, что она будетъ моимъ талисманомъ, что она сохранитъ меня въ пути... О, воображеніе! какъ оно податливо сочинять то, къ чему предрасполагаютъ впечатлительность и нервность... А я былъ предрасположенъ ко всему чудесному, хотя реальный умъ и говорилъ мнѣ, что это глупо... Пускай!

Но мнѣ непремѣнно хотѣлось сохранить эту вѣтку. Когда мы потомъ ѣхали далѣе подъ знойнымъ солнцемъ, я съ горестью замѣчалъ, какъ зеленые, нѣжные листочки моей „ваи“ постепенно увядали, сжимались, теряли свою свѣжую, молодую упругость. Но я все-таки берегъ ее, не смотря на то, что меня ожидало дальше... Но объ этомъ послѣ.

IX.

Отъ Виваніи къ „доброму самарянину“. — Опасная пустыня. — Іерихонъ.

Начался каменистый спускъ въ междугорья. Лошади осторожно ступали по камнямъ, выискивая болѣе удобныя тропы для своихъ копытъ. Я совсѣмъ отдался на волю моего умнаго бѣлаго коня и только иногда, оберегая одною рукой мою гранатовую вѣтку изъ Виваніи, другою придерживался за сѣдло, или поправлялъ ноги въ стременахъ. Моавитская даль, горы, глубокая долина Мертваго моря и Іордана скрылись изъ моихъ глазъ. По сторонамъ, между камнями, видѣлись небольшія полоски зрѣлой пшеницы и свѣжераспускающаяся зелень арбузныхъ маленькихъ баштановъ, или бахчей. Среди этихъ же камней, по взгорьямъ, бродили овцы, а гдѣ-нибудь на обломкѣ гранита, на самой адской припекѣ, не укрываясь вовсе отъ свирѣпаго солнца, сидѣлъ пастухъ...

„Пастыръ добрый... пастыръ добрый душу свою полагаетъ за овцы“... Эти слова отсюда взяты, вотъ съ этой картины—взяты прямо съ натуры...

Все ниже и ниже спускается зигзагами каменистый путь. Однообразно стучатъ копыта нашихъ лошадей, наступая на камни, сбивая ихъ и осторожно ощупывая каменистый спускъ. Тихо кругомъ, мертво, пустынно — солнце безжалостно выжгло всю жизнь и зелень въ этой теперь мертвой, но зимой и ранней весной прекрасной, хотя строго-солидной глуши... Евангельская, много говорящая глушь... Слышенъ только трескъ кузнечиковъ да неумолкаемое сюрчанье земляныхъ сверчковъ... Не этими ли пустынными обитателями—акридами¹⁾—питался тотъ, который считалъ себя недостойнымъ развязать ремни сапогъ другого?.. А этотъ другой ходилъ босикомъ...

Въ самомъ низу спуска, въ междугорья, — каменный „кладезъ“. Это — каменная часовенка, съ сѣверной стѣнки которой, изъ узкаго отверстия сочится вода, столь спасительная въ знойной пустынѣ. Такія часовенки попадаются и ближе къ Іерусалиму. Въ нихъ утоляли свою жажду апостолы. Сколько разъ они пили вотъ изъ этого источника, у котораго мы остановились! Что они именно изъ этого источника пили, въ этомъ убѣдится всякій, кто хоть разъ бывалъ въ безводной Іудеѣ. Многія тысячелѣтія живутъ эти источники, и ихъ оберегаютъ, какъ святыню, ибо безъ нихъ горная пустыня была бы вѣрною смертью для странника.

— Желаетъ господинъ напиться?

— Да... Тутъ когда-то пили апостолы.

¹⁾ Хотя „акридами“ называютъ и ягоду, вродѣ колючато боярышника, растущую у Іерихона.

— И Христось... Другого пути нѣтъ къ Іерусалиму отъ Іордана и отъ пустыни, гдѣ постился Іисусъ.

— А мы будемъ тамъ?

— О да... Она скоро начнется.

Мы напились. Мой оруженосецъ вложилъ патроны въ свое ружье и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Я послѣдовалъ. Но, проѣхавъ низменными извилинами между горъ съ четверть версты и не видя моего гида и другой половины эскорта съ муломъ и провизіей, я усомнился—слѣдовать ли далѣе... Глупый, но естественный страхъ въ такой странѣ и притомъ для совершенно одинокаго, заѣзжаго изда- лека, никому невѣдомаго франка, русса, инглиза—все равно... Я оста- новился подождать прочихъ.

Я вспомнилъ, что, когда я выходилъ съ Габашемъ изъ номера отеля, онъ сказалъ мнѣ: „не берите съ собой денегъ“.— Я не беру.— Но не все ли равно—съ деньгами или безъ денегъ убьютъ?.. Сѣрогла- зый же хорошо видѣлъ, что я дорогой раздавалъ бакшиши и мило- стыню нищимъ: значить, у меня есть съ собой деньги.

Скоро подѣхали и остальные.

Мѣстность становилась все угрюмѣе. Прежде попадались на взгорьяхъ овцы, да по сторонамъ нашей тропы скошенныя нивки пшеницы, а теперь ничего, кромѣ угрюмаго молчанья кругомъ, камней, колючекъ- травъ по берегамъ высохшаго ручья съ каменнымъ русломъ, и дикихъ птичекъ, дроздовъ и многихъ невѣдомыхъ мнѣ, при нашемъ прибли- женіи прятавшихся въ расщѣлины. Но что удивило и порадовало меня—это знакомый крикъ удода, желтопестрой съ хохломъ потатуйки. Но и ея знакомый крикъ показался мнѣ чужимъ.

Постоянно попадались еще на тѣневой сторонѣ нашей тропы ка- кіе-то невиданные мною черные, длинные, многоногіе черви. Всѣ они двигались къ камнямъ и отъ камней. Длинной они были отъ трехъ верхковъ до четверти и даже болѣе, были поразительно черны и имѣли, повидимому, необыкновенно много едва замѣтныхъ для глаза ногъ.

— Что это за черви?

— Ихъ называютъ „жезломъ Моисея“—batons de Moïse.

Библейская страна!—даже пресмыкающіяся въ ней имѣютъ истори- ческія, библейскія названія. Есть „жезлъ Моисея“, есть „содомскія яблоки“, „дерево вѣнца Христова“... Я ихъ тоже видѣлъ.

Мы уже ѣдемъ часъ, другой, третій. На высокомъ, темно-бирюзовомъ небѣ хоть бы тѣнь облачка. Я чувствую усталость и истому отъ жару. Ѣдемъ молча, только слѣдующій въ арьергардѣ не то арабъ, не то сиріецъ, не то маронитъ, усѣвшисъ съ ногами на вьючномъ мулѣ, иногда лѣниво затягиваютъ какую-то унылую, тоскливую пѣсню, съ одними и тѣми-же словами. Ея однообразіе и непривычныя для уха мелодіи разстраиваютъ нервы, заставляютъ тосковать о чемъ-то да- лекомъ, миломъ, какъ-бы навсегда утраченномъ... А Моавитскія горы,

прежде синѣвшія на горизонтѣ, ложбина Іордана и Мертваго моря— все исчезло и ужъ болѣе не показывалось, точно мы и не приближались къ нимъ. Когда-же конецъ!

— Половину пути проѣхали?

— Нѣтъ, господинъ.

— Вотъ тѣ камни на горахъ, точно развалины— не половина?

— Тамъ скоро и половина будетъ.

Еще только половина будетъ! а я такъ уже изнемогъ... Напиться, что-ли? Пью изъ кувшина, заткнутаго листьями смоковницы и привѣшеннаго къ сѣдлу мула рядомъ съ переметными сумами. Тоска!

Слышны тоскливо звякающіе колокольчики. Это идутъ на встрѣчу караваны верблюдовъ. Ужъ эти мнѣ колокольчики! Когда въ первый разъ я услыхалъ ихъ въ Смирнѣ, они и тогда нагнали страхъ и тоску на мою душу: мнѣ представилась ужасающая пустыня—пустыня смерти и караванъ съ гробами, отправляемыми въ Мекку на похороны, какъ я видѣлъ на одномъ эстампѣ... Кое-гдѣ валяются кости павшихъ въ пустынѣ верблюдовъ... Предвѣстники чумы... только на Востокѣ я понимаю причины ея ужасающей свирѣпости.

Пустыня становится все угрюмѣе. Оглядываюсь назадъ—ничего кромѣ горъ. Впереди—горы, голые камни, огромныя ящерицы, прячущіяся отъ стука копытъ, и кое-гдѣ—птицы пустыни.

Изъ междугорья опять начинается подъемъ въ горы. Окрестность становится еще мертвѣе. Что же дальше?

И этимъ путемъ ходили апостолы, Христось!.. И это—обѣтованная земля...

Подъемъ все выше и круче. По сторонамъ все угрюмѣе. Проѣхали скалы, стоявшія торчкомъ и издалека видѣнные мною. Скоро половина. Еще только половина.

Съ горы на гору, зигзагъ за зигзагомъ—пустыня принимаетъ видъ чего-то угрожающаго. А между тѣмъ, она должна быть прекрасна, когда, послѣ зимнихъ дождей, въ этихъ разсѣлинахъ между камнями и среди этихъ сѣрыхъ колючекъ затемнѣетъ зелень, запестрѣютъ робкіе, скромные „крины сельные“, которыми самъ Христось любовался.

Въ камняхъ зяютъ глубокія щели, пещеры, точно вырвенныя руками человѣка. Какъ свободно было когда-то гнѣздиться здѣсь сынамъ пустыни, разбойникамъ. Они могли высматривать путниковъ и нападать на нихъ... Что имъ была за охота нападать на нищихъ, на босыхъ, на апостоловъ? И они не нападали на нихъ...

На горномъ взлобьѣ, влѣво, развалины стѣнъ и башенъ.

— Это что, m-eur Габашъ?

— Это была крѣпостца рыцарей-крестоносцевъ.

— Зачѣмъ крѣпость въ пустынѣ?

— Здѣсь прежде гнѣздились разбойники.

— А теперь?

— Э! не слышно ничего.

Это уже ясно искусственныя пещеры у самой дороги, по обѣ стороны. Видны слѣды огня, копоти. Влѣво—почти цѣлыя стѣны. Камни хорошо вытесаны—и въ стѣнахъ, и у входовъ въ пещеры.

— Это то мѣсто, которое называютъ „Гостинницей добраго самарянина“.

— Какъ? это самое?

— Да... на этомъ мѣстѣ, вотъ тутъ, лежалъ тотъ раненый, о которомъ говорилъ Христось... Его ранили разбойники и бросили на дорогѣ... Никто не хотѣлъ поднять его...

— Знаю, знаю... Одинъ только добрый самарянинъ сжалился надъ нимъ и поднялъ.

— Да, да... это и есть половина пути къ Іерихону.

Не даромъ я видѣлъ въ этой пустынѣ и въ этихъ пещерахъ признаки того, что въ самомъ дѣлѣ и было здѣсь... Такъ вотъ то мѣсто, гдѣ разбойники бросили раненаго... Евангельское мѣсто, хотя все это, можетъ быть, только поэзія.

— Выкуримъ же здѣсь по папирискѣ въ память добраго самарянина, сказалъ я.

— Выкуримъ... Половина пути за нами.

Солнце садилось за горы. Мы находились почти на самой главной высотѣ перевала къ Іордану и Мертвому морю. Я мечталъ объ Іерихонѣ, объ отдыхѣ, но меня все-таки безпокоило, что въ дорогѣ насъ застанетъ ночь.

— А вѣдь скоро будетъ темно.

— Ничего... намъ будетъ свѣтить луна (мы будемъ имѣть луну, говоря словами Габаша).

Темнѣть начинало быстро, и мы начали ускорять ходъ нашихъ лошадей. Я, въ тридцать пять лѣтъ отвыкнувъ отъ верховой ѣзды, чувствовалъ себя разбитымъ; а между тѣмъ, впереди еще почти три часа ѣзды.

Южная ночь спускается быстро на землю, особенно между горами. Вершины горъ еще явственнѣе виднѣлись, а у насъ уже темнѣло.

Вдругъ впереди, влѣво отъ дороги, на самомъ высококомъ голомъ шиханѣ, освѣщаемомъ отсвѣтомъ зари, затемнѣлись какія-то фигуры. Видно было, что онѣ одѣты въ темное что-то. Я обрадовался: ужъ не европейцы ли? Здѣсь все видишь больше бѣлыя фигуры, цвѣтныя, точно женщинъ, и издали признаешь ихъ за женщинъ; но обманъ скоро обнаруживается, и женскіе головные уборы оказываются или чалмами, или обыкновенными восточными повязками. Встрѣтить въ пустынѣ европейцевъ—это уже была радость, иллюзія кака-то.

Нашъ оруженосецъ уѣхалъ далеко впередъ и былъ уже подъ самымъ этимъ шиханомъ, на которомъ виднѣлись темныя фигуры. Внизу шихана, отъ дороги, какія-то двѣ другія темныя фигуры торпливо взбирались на гору, таща и подгоняя что-то черное. То

была или овца, или коза. Навстрѣчу имъ такъ же торопливо спу-
скались съ горы другія темныя фигуры. Нашъ оруженосецъ остано-
вился. Видно было, что фигуры переговаривались съ нимъ. Поска-
калъ къ тому мѣсту и Габашъ, а мы съ заднимъ арабомъ двигались
за нимъ, на довольно значительномъ разстояніи. Мнѣ казалось из-
дали, что у спустившихся съ горы фигуръ виднѣлось въ рукахъ
что-то похожее на ружья. Сердце у меня сжалось безотчетнымъ стра-
хомъ. Что это за люди въ пустынѣ и притомъ вооруженные?

Но я продолжалъ двигаться. Скоро мой конь поровнялся съ со-
шедшими съ горы темными фигурами, и я узналъ въ нихъ турец-
кихъ солдатъ. Я приложилъ руку къ своему tropical-helmet'у; они
сдѣлали тоже, прикоснувшись къ фескамъ.

Мы миновали ихъ.

— Что это за люди? спросилъ я Габаша, ободренный видомъ сол-
датъ.

— Турецкая стража.

— Развѣ здѣсь пикетъ или фортеца?

— Нѣтъ... А на-дняхъ появились здѣсь бедуины, такъ для этого.

Опять мое сердце сжалось, да ужъ и не разжималось до самаго
Іерихона.

— А что, развѣ опасно? спрашиваю, и слышу, что это несовсѣмъ
мой голосъ.

— Нѣтъ, теперь не опасно... солдаты здѣсь...

— Развѣ разбойники? грабятъ?

— Да, недавно убили вотъ тутъ одного проѣзжаго, такъ изъ
Іерусалима и прислали солдатъ.

Я чувствовалъ что-то очень острое на сердцѣ; но надо было ѣхать,
не возвращаться же: все равно наступала ночь... О, какимъ раемъ
показался мнѣ въ этотъ моментъ Петербургъ съ его Столярнымъ пе-
реулкомъ!..

Надо было спускаться въ мрачную ложбину. Камни такъ и сы-
пались подъ ногами.

— Вотъ гдѣ его убили... вотъ то мѣсто...

Я глянулъ по указанію. Справа, у самой дороги, собственно на
правой ея половинѣ, какъ разъ рядомъ со мною, на природномъ ка-
менномъ помостѣ лежала гряда камней въ родѣ могилы.

— Вотъ подъ этими камнями, поясняетъ Габашъ.

Сердце заохлодѣло во мнѣ. Я думалъ, что самый трупъ убитаго,
по какому нибудь арабскому обычаю, прикрытъ камнями. Такъ какъ
каменный помостъ былъ изъ черно-кроваваго, точно горѣлаго гра-
нита, который въ Палестинѣ попадается часто, то эту темную крас-
ноту я принялъ за запекшуюся кровь. Тупой, бессмысленный ужасъ
разомъ охватилъ всего меня. Рѣдко въ жизни я испытывалъ такой
полный ужасъ—не боязнь, не страхъ... страхъ я понимаю гдѣ нибудь
у себя, на родинѣ, гдѣ всегда ждешь чего-то спасительнаго; а здѣсь,

въ невѣдомой странѣ, одинъ видъ которой и испытанныя впечатлѣнія—и впечатлѣнія морей, и впечатлѣнія Египта, пирамидъ, и эти послѣднія, сильныя впечатлѣнія евангельской страны — здѣсь мои нервы, мое мужество все разомъ разбилось, истрепалось, и я чувствовалъ только ужасъ и ужасъ...

А эскортъ уже спускался внизъ, въ темное ущелье, громыхая камнями... Спускаться туда, въ глубь, мнѣ показалось ужаснымъ... Здѣсь хотъ солдаты на горѣ; хотъ ихъ ужъ и не видать, а все же тутъ будетъ лучше, чѣмъ тамъ, между горами, среди ночи и мрака пустыни, гдѣ, можетъ быть, уже поджидаютъ бедуины, убившіе этого несчастнаго... Я остановился...

— Нѣтъ, я дальше не могу ѣхать, вырвалось у меня.

— Какъ же? опасности теперь нѣтъ... солдаты...

— Нѣтъ, нѣтъ, переночуемъ лучше съ солдатами... я не могу... остановите ихъ...

Габашъ крикнулъ уѣхавшимъ товарищамъ.

— Но къ солдатамъ нельзя проѣхать на гору, туда нѣтъ ходу, замѣтилъ онъ.

— Но вѣдь они же прошли...

— Но они безъ лошадей...

— И мы одни полземъ къ нимъ.

— А какъ же лошади?

— Наша жизнь дороже лошадей.

Меня стали успокаивать, уговаривать, приводить разные доводы.

— Если господину дорога жизнь, то она дорога и мнѣ... Она дорога и имъ: жизнь равно дорога и христіанину, и мусульманину, возразилъ Габашъ.

— Но вы не дорожите ею.

— Нѣтъ, дорожимъ... Но теперь всякая опасность миновала, когда поставлены здѣсь солдаты... Разбойники едва прослышали о нихъ, такъ тотчасъ же ушли.

Доводы его казались мнѣ слабыми. Ужасъ все заглушалъ во мнѣ; но разумъ не потерялъ своихъ логическихъ заключеній.

— Что могутъ сдѣлать пѣшіе солдаты, хотъ бы ихъ была и сотня, когда они взобрались на недоступную гору? Если насъ сейчасъ будутъ убивать и мы станемъ кричать, солдаты не услышатъ насъ... А услышать, не успѣютъ прійти на помощь... На насъ могутъ напасть дальше, нечаянно...

Но какъ ни были логичны доводы страха, который всегда умнѣе безстрашія, я долженъ былъ покориться необходимости: взбираться на гору къ солдатамъ было физически невозможно съ той стороны, гдѣ мы находились.

— Мы бережемъ и господина, и себя; если бы была малѣйшая опасность, мы бы не рискнули.

Но, повторяю, страхъ всегда умнѣе и дальновиднѣе безстрашія,

храбрости. А я не хочу хвалиться храбростью, какъ не похваюсь и трусостью. Я видѣлъ, что доводы ихъ не успокоиваютъ меня. Хоть они могли быть въ тотъ моментъ и искренни со мной, но, въ случаѣ дѣйствительной опасности, каждый, конечно, сталъ спасать бы только себя. Бедуины потому, конечно, появились на іерихонской дорогѣ, что прослышали о скоромъ проѣздѣ къ Мертвому морю нашихъ великихъ князей, а съ ними и другихъ богатыхъ „урусовъ“, „франковъ“ и „инглизовъ“. А такого „уруса“ имъ и лестно было бы подцѣпить. Я былъ убѣжденъ, что напади они на нашу маленькую кавалькаду, они сначала высмотрѣли бы, гдѣ въ ней „урусъ“. Что имъ было бы за охота убивать своихъ голяковъ-арабовъ, или сирійцевъ-проводниковъ? а имъ лестно бы было подсидѣть стараго сѣдого „уруса“, и они узнали бы меня по костюму. Притомъ мои спутники, какъ сыны степеней, легко могли ускакать и спастись; они браво держались на коняхъ и иногда ловко пускались вскачь. Но я, измученный, разбитый, я остался бы на мѣстѣ съ своимъ бѣлымъ конемъ...

Я все это сразу сообразилъ, благодаря логикѣ моего страха; но что дѣлать! я долженъ былъ покориться необходимости: все равно, въ случаѣ опасности, меня не спасутъ солдаты; такъ надо идти впередъ, не останавливаясь же ночью въ пустынѣ, чтобъ потомъ быть изжареннымъ на жгучемъ огнѣ солнца, ибо тогда приходилось бы или возвращаться въ Іерусалимъ, ничего не выдавъ, или, достигнувъ Іерихона и Іордана, опять возвращаться въ самую упеку...

Съ холоднымъ отчаяніемъ я рѣшился продолжать путь въ Іерихонъ. Дорога шла внизъ, въ глубь междугорья, и хотя чѣмъ больше надвигалась на горы и ущелья ночь, тѣмъ ярче свѣтилъ мѣсяцъ и тѣмъ болѣе отгѣнялъ и придавалъ мраку ущельямъ, освѣщая каменные взлобья горъ и нашу дорогу, однако, при моей близорукости я уже почти не различалъ неровностей и каменистыхъ преградъ на пути, и вполне положился на зрѣніе и умъ лошади.

Что, между прочимъ, казалось зловѣщимъ, это то, что днемъ еще попадались намъ иногда караваны верблюдовъ и вьючныхъ ословъ и оглашали мертвую пустыню неприятнымъ, но все же напоминающимъ движеніе и жизнь звономъ колокольчиковъ; а теперь — хоть бы одно живое существо. Кругомъ — и впереди, и за нами, и по сторонамъ — мертвая, гнетущая тишина. Даже земляные сверчки умоляли, да, быть можетъ, они и не водятся въ этой мертвой пустынѣ. Ни птичьяго крика, ни звука — только топотъ лошадей.

Чтобы не разбиваться въ пути, я постоянно напоминалъ своимъ проводникамъ не растягиваться, ѣхать вмѣстѣ, гуськомъ.

— Гамедь! слышался иногда возгласъ главнаго гида, и топотъ лошади показывалъ, что Гамедь ускорялъ своего мула.

И странное дѣло! Я всю дорогу берегъ поданную мнѣ неизвѣстнымъ старцемъ въ Виваніи гранатовую вѣтку; но тутъ, въ серьезномъ опасеніи неизвѣстнаго будущаго, я хотѣлъ было бросить ее,

чтобы ничто не занимало моихъ рукъ, кромѣ уздечки. И — велика сила вѣры во что-то несознаваемое, но чаемое суевѣрнымъ сердцемъ: мнѣ стало страшно бросить эту случайно попавшуюся мнѣ вѣтку — какъ будто она дана была мнѣ именно на этотъ случай... Мнѣ казалось, что безъ нея можетъ случиться несчастье... И я сберегъ эту вѣтку.

Чтобы развлечься въ этой мертвой тишинѣ, или ободрить меня, оба крайніе проводника мои, чумазый Гамедъ и сѣроглазый оруженосецъ, затягивали пѣсни; но мнѣ становилось еще страшнѣе и отъ голоса этихъ пѣсень, отъ ихъ чуждой европейскому уху мелодіи, и отъ мысли, что это они сами себя подбодряютъ, какъ это дѣлаетъ человекъ въ темнотѣ, чтобы своимъ собственнымъ голосомъ придать себѣ храбрости — куражу, какъ говорится.

Заговаривать уже съ гидомъ я не смѣлъ. Я думалъ, что если за нами слѣдятъ въ темнотѣ разбойники, то, не слыша ничего, кромѣ арабскаго пѣнія, они могутъ подумать, что всѣ мы арабы; а услышавъ мой разговоръ съ Габашемъ, они поняли бы, конечно, что это ѣдетъ „франкъ“, „инглизъ“ — однимъ словомъ, ихъ добыча.

Мы проѣзжали мимо глубочайшихъ пропастей, въ которыхъ я слышалъ глухой гулъ воды. Этотъ признакъ — присутствіе воды — нѣсколько ободрилъ меня: ясно, что мы приближались къ Іерихону, что отсюда, отъ этихъ ключей, текущихъ въ пропастяхъ, когда-то были проведены римлянами, какъ объяснилъ мнѣ гидъ, водопроводы въ Іерихонъ... Я ихъ послѣ и видѣлъ, когда былъ уже въ Іерихонѣ.

Я сталъ замѣчать, что мы начинаемъ спускаться съ горъ, хотя кругомъ насъ предметы — горы и пропасти — казались при лунномъ освѣщеніи и при сгущеніи тѣней въ углубленіяхъ все болѣе и болѣе фантастическими, то мрачными, то грандіозными.

Вдругъ въ тишинѣ я явственно услышалъ, впереди, крикъ осла. Хотя, какъ извѣстно, это милое животное не отличается мелодичностью своего голоса, но на этотъ разъ крикъ неизвѣстнаго осла показался мнѣ очень мелодичнымъ. Значить, или люди близко, или жилище — разбойники не станутъ ѣздить на ослахъ.

Но опять все стихло.

— Что это, изъ Іерихона донеслось? спросилъ я тихо.

— Нѣтъ... Вѣрно ночуетъ караванъ.

— А далеко до Іерихона?

— Очень близко... Скоро начнется послѣдній спускъ, а тамъ равнина и Іерихонъ.

Спуски начинались и кончались, но ни равнины, ни Іерихона не было.

Вдругъ впереди послышались голоса, повидимому, обращенные къ нашему сѣроглазому оруженосцу и тѣлохранителю, слѣдовавшему передъ нами за нѣсколько десятковъ сажень. Казалось, голоса кричали и бранились — такова вообще восточная манера говорить.

„Значить, не разбойники, если говорятъ, подумаль я,—а если и разбойники, то не сразу стрѣляютъ или бьютъ, а идутъ на переговоры... Все же это лучше... Пусть возьмутъ часы и все, что со мною есть—я сопротивляться не буду“...

Оказалось, что это былъ дѣйствительно караванъ, остановившійся на ночлегъ. У меня постепенно начинало отлегать отъ сердца... И люди попадаютъ, и Іерихонъ ужъ недалеко — скоро выѣдемъ въ равнину.

Но опять ѣдемъ, а равнины нѣтъ. Не то скалы, не то развалины: отъ нихъ падаютъ на дорогу причудливыя тѣни.

— Что это?

— Это была вахта—крѣпостца—въ ней стояла стража... Теперь одни развалины остались.

А равнины все нѣтъ какъ нѣтъ...

Вдругъ впереди выстрѣлъ. Я вздрогнулъ. Но скоро узналъ, что это выстрѣлилъ нашъ тѣлохранитель, чтобы показать, кому вѣдать надлежитъ, что у насъ есть чѣмъ попотчевать непрощенныхъ гостей, если они придутъ. Да и недалеко ужъ, въ самомъ дѣлѣ, оставалось—можно было выпустить одинъ зарядъ.

— Надо сойти съ лошади—начался послѣдній спускъ...

— А равнина, Іерихонъ?

— Тутъ прямо... вонъ и горы ужъ за Іорданомъ.

Я съ наслажденіемъ сошелъ съ лошади послѣ трехъ часовъ пригвожденія къ сѣдлу. Я думаль, что ноги откажутся мнѣ служить — и ошибся: я шель съ горы отлично, даже бѣжалъ — я чувствовалъ глубокое душевное облегченіе...

— А вотъ гора Испытанія.

— Гдѣ? покажите.

Онъ указаль на-лѣво. Я обернулся по указанію. Освѣщенная луной, впереди высилась крутая, остроконечная гора. Каменистый обрывъ ея, обращенный къ равнинѣ Іорлана и прорытый темными бороздами, бѣлѣлъ, какъ ребра мертвеца гиганта. Гора эта видимо господствовала надъ всею этою мѣстностью, надъ равниною Іордана, Мертваго моря и надъ заіорданьемъ, надъ пустынею Моавитскою...

Такъ вотъ гдѣ я былъ сейчасъ!.. Вотъ въ какой пустынѣ ужасъ сковаль мою душу... Это та самая пустыня, та самая мертвая область, гдѣ сорокъ дней постился Христось, не видя ни одного живого существа, кромѣ камней, скалъ и пропастей. Даже растеній нѣтъ въ этой пустынѣ. Вотъ почему такъ страшна показалась она мнѣ... А это—гора искушенія, испытанія...

Ко мнѣ вдругъ разомъ опять воротились силы — силы воспринимать впечатлѣнія всею глубиною духа и чувства...

„Исусъ же, исполнь Духа свята, возвратися отъ Іордана—звучали сами собой въ душѣ моей слова евангелія — и ведящеса духомъ въ пустыню, дній четыредесять искушаемъ отъ діавола. И не ясть ни-

чесо же въ дни тыя, и скончавшимся имъ, послѣди взалка. И рече ему дiаволь: аще сынъ еси Божій, рци каменеви сему, да будетъ хлѣбъ. И отвѣща Иисусъ къ нему, глаголя: писано есть, яко не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ Божіи. И возведъ его дiаволь на гору високу (это она и есть, которую я вижу, освѣщаемую луною), показа ему вся царствія вселенныя въ часѣ временнѣ. И рече ему дiаволь: тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ, яко мнѣ предана есть, и ему же аще хощу дамъ ю: ты убо, аще поклонишися предо мною, будутъ тебѣ вся. И отвѣщавъ рече ему Иисусъ: иди отъ меня, сатана; писано есть: поклонишися Господу Богу твоему и тому единому послужиши... И отошелъ отъ него дiаволь...“

Я долго и съ невыразимымъ чувствомъ глубокаго удовлетворенія глядѣлъ на эту „гору високу“ и вспоминалъ „пустыню“, черезъ которую сейчасъ только проѣхалъ... Никогда не забуду я этого момента...

Видѣтъ съ евангельскимъ текстомъ мнѣ припоминался прекрасный стихъ поэта:

На горѣ первозданной стояли они
И надъ ними кругомъ разлилися
Океаномъ лазурныя выси,
А подъ ними земля—вся въ туманѣ, въ тѣни.
И Одинъ былъ блистательнѣй неба:
Благодать изливалась изъ кроткихъ очей
И сіялъ надъ главою вѣнецъ изъ лучей.
А другой былъ мрачнѣе зрѣба:
Изъ глубокихъ зеницъ вылетали огни,
На челѣ его злоба пылала,
И подъ нимъ вся гора трепетала.
И сказалъ сатана Иисусу:

„Смотри!

Отъ заката свѣтилъ до востока,
Землю всю, во мгновение ока,
Покажу я тебѣ...“

И десницу простеръ.
Прояснилася даль... Изъ тумана
Засниѣлася зыбь океана,
Поднялися громады маститыя горъ,
И земли необъятной равнина,
Вся въ свѣту и въ тѣни подъ небеснымъ шатромъ
Разостлалася круглымъ, цвѣтистымъ ковромъ.
Каменистая степь... Палестина...
Вотъ сѣдой Араратъ, вотъ угрюмый Синай,
Почернѣлыя кедры Ливана,
Серебристая битъ Иордана,
И десницей карающей выжженный край,
И возлюбленный градъ Саваоа:
Здѣсь Сіонъ въ тощей зелени маслинъ, а тамъ
Купы низкихъ домовъ съ плоской кровлею, храмъ,
Мѣсто лобное...

— Пора ѣхать, близко Иерихонъ.

— Я готовъ—я пѣшкомъ пойду.

— Нѣтъ, тамъ нужно будетъ переѣзжать черезъ воду.

Мы двинулись. Нашъ сѣроглазый тѣлохранитель опять выстрѣлилъ, и эхо выстрѣла прокатилось въ горы и смолкло въ пустынѣ.

Скоро донеслись до насъ крики людей, удары бичами по землѣ. Это перегоняли черезъ воду—небольшой ручей, вытекающій изъ горъ и служившій нѣкогда цѣлямъ римскаго водопровода, теперь же питающій жалкое населеніе Иерихона и вливающійся въ Іорданъ— черезъ этотъ ручеекъ перегоняли стадо нагруженныхъ осликовъ. Мы разминулись съ ними у самаго Иерихона. Въ темнотѣ, при лунномъ освѣщеніи, я видѣлъ арки и галереи, уцѣлѣвшія отъ римскихъ водопроводовъ.

Въ темнотѣ мы пробирались между какими-то колючими плетнями. Только это не были кактусы, а что-то мелкое, кустарное, сухое.

Равнина Иерихона звенѣла безчисленными живыми голосами. Въ пустынѣ было все мертво, а здѣсь все жило и трепетало: концерты лягушекъ, неумолкаемое сюрчанье земляныхъ сверчковъ, какіе-то незнакомые мнѣ ночные голоса—отъ всего этого такъ и вѣяло жизнью.

Залаяла собака. Впереди блеснулъ огонекъ. Мы подѣвхали къ чему-то рѣшетчатому. Кругомъ, между деревьями и другою зеленью, бѣлѣлись груды камней.

Габашъ постучался въ рѣшетку и кого-то окликнулъ. На голосъ его изъ темноты отозвался другой голосъ. Послышались шаги по камнямъ. Собака, залаявшая было, смолкла. Въ темнотѣ надъ нашими головами рѣяли летучія мыши.

Мы вѣвхали не то на дворъ, не то въ садъ. Виднѣется круглый каменный бассейнъ. Въ немъ выкрикиваетъ лягушка. Далѣе, между зеленью и цвѣтами индійскаго камыша и цѣлыми шапками олеандровъ въ самомъ роскошномъ цвѣту, тихо журчитъ ручей.

Меня подвели къ крыльцу каменнаго дома и посадили на невысокую каменную ограду... Въ домѣ видимо готовились меня принять. Это былъ домъ шейха Иерихона, брата, кажется, моего гида. Въ домѣ замѣчались огни, трещали дрова.

А я сидѣлъ на каменной оградѣ, чувствуя такое глубокое и полное душевное успокоеніе, какого я, кажется, никогда не испытывалъ въ жизни... Что за божественная южная ночь! Что за воздухъ! Какъ глубоко и полно дышется!.. И это послѣ столькихъ ужасовъ!

Я сижу на каменной, не болѣе фута вышиной оградѣ, и чувствую, что подо мной—историческіе камни, камни отъ стѣнъ Иерихона, отъ тѣхъ стѣнъ, что сами рухнули при звукахъ трубныхъ, когда Іисусъ Навинъ велѣлъ евреямъ трубить въ виду стѣнъ Иерихона... чу! выстрѣлъ въ горахъ... это караванъ пугаетъ разбойниковъ... Я слышу, какъ по мелко-журчащему черезъ дворъ шейха ручью, среди темной зелени, проскакала, плеща водой, лягушка. Летучія мыши, которыхъ

такое множество и въ Египтѣ и въ Палестинѣ, конечно, благодаря характеру построекъ, большею частью каменныхъ и прячущихся отъ солнца — летучія мыши такъ и шныряютъ надъ головою, задѣвая крыльями вершины олеандровъ. Среди слабо мерцающихъ звѣздъ и отыскиваю полярную звѣзду, которая во все мое путешествіе по Востоку служить мнѣ путеводительницей, маякомъ. По ней я узнаю, гдѣ мой дорогой, далекій сѣверъ.

Вонъ она, надъ горами, немного правѣ горы Искушенія.

Какъ, однако, далеко мой милый сѣверъ!.. Что-то теперь въ Петербургѣ, въ Саратовѣ, въ Крейцнахѣ, Дѣдовцахъ?.. Сегодня 25-е мая.. Я сижу на развалинахъ стѣнъ Іерихона, и послѣ мучительно знойнаго дня, послѣ острыхъ тревогъ переѣзда по страшной горной пустынѣ, я теперь вдыхаю въ себя чудный воздухъ долины Иордана.. А въ третьемъ году, 25-го мая, я выѣзжалъ изъ Петербурга на Кавказъ, въ Закавказье и въ Крымъ — и то казалось такъ далеко.. А теперь!.. Тогда былъ пасмурный, ненастный день въ Петербургѣ и хлесталъ дождь...

— Прошу господина въ комнату—покушать.

— Я ничего не хочу, хочу только пить.

— Чай готовъ.

— Какъ чай? въ Іерихонѣ—русскій чай!

— Да, я зналъ, что русскіе, какъ и англичане, послѣ усталости путешествія всему предпочитаютъ чай, и я приготовилъ господину чай.

— Благодарю! очень, очень благодарю васъ!

Черезъ открытыя обширныя стѣны—онѣ же и первая комната, наиболѣе любимая восточными людьми, ибо они въ ней курятъ свой наргиле и кейфуютъ—черезъ этотъ покой я вошелъ въ домъ шейха, въ приготовленную для меня комнату. Комната была большая, на двѣ стѣны, и имѣла три рѣшетчатыхъ окна съ занавѣсками. По стѣнамъ стояли низкіе диваны, покрытые яркими коврами и подушками. На полу тоже былъ коверъ.

Круглый столъ накрытъ бѣлою скатертью. На столѣ блюдечко съ сахаромъ, моя бутылка съ виномъ, стаканъ, сливки, и для чая миниатюрная чашечка, въ которой на Востокѣ пьютъ кофе. Комната освѣщена стѣнною лампочкою съ керосиномъ. Въ общемъ — смѣсь Азіи и Европы, ибо г. Габашъ видалъ виды и не разъ бывалъ, въ качествѣ драгомана, въ Парижѣ и во всей Европѣ.

Мнѣ прислуживаетъ самъ Габашъ. Я съ наслажденіемъ пью чай изъ металлическаго чайника, конечно, захваченнаго гидомъ въ одномъ изъ отелей Іерусалима собственно для меня. Но чай необыкновенно крѣпокъ—совсѣмъ настойка.

Въ передней комнатѣ слышится женскій голосъ и голоса моихъ проводниковъ. Я слышу монотонный храпъ наргиле. Это ужасно противный храпъ, скорѣе хрипъ — точно хрипитъ зарѣзанный. А послѣ ночнаго переѣзда по пустынѣ, подъ впечатлѣніями ужаса, мои нервы сильно разгулялись.

Я выпилъ что-то безъ числа маленькихъ чашечекъ, и только тутъ немного оправился и передохнулъ.

Теперь только я чувствовалъ наслажденіе и внутреннее удовлетвореніе всѣмъ моимъ существомъ. Я въ долину Іордана и Мертваго моря. Завтра съ восходомъ солнца увижу ихъ.

Габашъ предлагаетъ мнѣ ужинъ. Томимый жаждою и разбитый дорогою, я сначала думалъ было, что ничего не могу ѣсть; но послѣ вкуснаго рисоваго супу я почувствовалъ аппетитъ и воспользовался отличнымъ іерихонскимъ ужиномъ—превкусною личницею съ огромною дозою перцу, хорошею курицею съ какою-то невѣдомою мнѣ приправою изъ невѣдомыхъ плодовъ, можетъ быть, даже изъ „содомскихъ яблокъ“, бараньими котлетами изъ тѣхъ іерихонскихъ барашковъ, которые, быть можетъ, были позднѣйшими потомками барашковъ, служившихъ пищею Аврааму и Исааку, а потомъ и Иисусу Навину. Потомъ были какія-то іерихонскія пирожныя, отъ которыхъ уже я отказался.

Габашъ любезно, собственноручно приготовилъ мнѣ комнату для спанья, съ восточною постелью подъ баддахиномъ — ничего не забылъ на ночь, къ чему привыкъ европеецъ, и самъ затворилъ мнѣ окно, чтобы спасти меня отъ москитовъ. Я уснулъ какъ убитый, уснулъ такъ, какъ никогда не засыпаю въ Петербургѣ... Я даже забылъ, что засыпаю у шейха въ Іерихонѣ! . . . . .

X.

Отъ Іерихона къ Мертвому морю и Іордану.—Вѣтка Палестины.—Обратный путь къ Іерусалиму.

Стукъ-стукъ-стукъ въ дверь.

— Господинъ! три часа...

— Благодарю... слышу...

— Пора собираться къ Мертвому морю.

— Сейчасъ буду готовъ.

Утро было божественное, когда я всталъ и вышелъ изъ дома шейха на дворъ. Было около половины четвертаго. На востокѣ, за Іорданомъ, чуть-чуть только начинало сѣрѣть небо надъ Моавитскими горами.

— Посмотрите, господинъ, какъ необыкновенно ярко горитъ звѣзда Востока, указалъ Габашъ на востокъ, когда мы вышли на дворъ.

У Габаши, какъ видно, есть чувство пониманія красотъ природы. Не знаю, свойство ли это палестинскаго неба вообще, необыкновенно прозрачнаго, или въ это время, въ 20-хъ числахъ мая, Венера особенно ярко свѣтила, но я первый разъ замѣтилъ ея не-

обыкновенный блескъ, когда, 25-го мая, передъ разсвѣтомъ подъѣзжалъ къ Иерусалиму. Сначала я даже не понялъ было, что это звѣзда, а думалъ, что на горахъ поставленъ маякъ, или какой-нибудь особенный фонарь. Дѣйствительно, когда эта звѣзда, при приближеніи моемъ къ Иерусалиму, блеснула изъ-за горъ, я пораженъ былъ ея яркостью и спросилъ своего возницу: „что это за огонь?“—и получилъ лаконическій отвѣтъ: „das ist Morgenstern“.

Теперь самъ Габашъ обратилъ мое вниманіе на эту звѣзду. Она поразительно-ярко горѣла за Иорданомъ, надъ Моавитскими горами. Мнѣ вспомнилась другая яркая звѣзда, явившаяся на небѣ Востока 1881 годъ тому назадъ и приведшая восточныхъ царей въ Вифлеемъ на поклоненіе новорожденному божественному младенцу.

Я оборотился назадъ. Изъ утренней полумгли-полусвѣта выступала гора Искушенія и господствовала надъ всѣми окружающими ее горами пустыни. Дѣйствительно, это было что-то мрачно-величавое, угрюмое, какъ бы отъ всего свѣта отчужденное.

— Не угодно ли господину пройти въ садъ и посмотрѣть его, пока готовятъ чай и закуску, а между тѣмъ осѣдлаютъ лошадей.

— Охотно, тѣмъ болѣе, что я хочу сорвать здѣсь, въ Иерихонѣ, нѣсколько мѣстныхъ цвѣтовъ на память, да взять съ собою нѣсколько вѣтокъ („вѣтокъ Палестины“) отъ здѣшнихъ деревьевъ.

Габашъ улыбнулся своею умною улыбкой.

— Господинъ не первый это дѣлаетъ... Англійскіе и французскіе путешественники также всегда берутъ на память цвѣты и вѣтки Иерихона и Иордана.

— Я хочу также взять нѣсколько камушковъ отъ бывшихъ стѣнъ Иерихона.

— И это можно... Всѣ эти камни (онъ указалъ на домъ шейха, на ограду, на внутренній водоемъ и ручеекъ, журчавшій по камнямъ)— всѣ эти камни взяты изъ развалинъ Иерихона.

Мы вошли въ садикъ. Это небольшой садъ-цвѣтникъ, огороженный сухими колючками отъ того дерева, изъ котораго, по мѣстному преданію, евреи устроили для Христа колючій вѣнецъ, называемый у насъ „терновымъ“. Но, по мѣстному преданію, вполне достоверному, онъ не былъ „терновый“, ибо въ Палестинѣ я не видалъ терновника, да здѣсь его, кажется, и нѣтъ совсѣмъ. То деревцо, изъ котораго дѣйствительно могъ быть сдѣланъ „вѣнецъ позора и славы“, нѣсколько напоминаетъ намъ колючій боярышникъ, какъ своими листьями, такъ и ягодами, которыя теперь уже созрѣвали. Но дерево это имѣетъ необыкновенно острия и жгучія колючки. Я совершенно искололъ объ нихъ свои руки, срывая нѣсколько вѣтвей себѣ на память. Но, къ сожалѣнію, отдавъ ихъ на сбереженіе во время пути нашему Гамеду, слѣдовавшему за нами съ багажомъ, я позабылъ потомъ въ Иерусалимѣ взять ихъ обратно къ себѣ и спрятать. Такъ они и остались у Гамеда.

Въ саду были смоковницы, уже почти созрѣвшія. олеандры въ поразительно обильномъ цвѣту, такъ что вся земля подъ ними была буквально устлана розовымъ ковромъ осыпавшихся цвѣтовъ. лимоны, померанцы, бальзамины, виноградъ, которымъ особенно хвалился Габашъ, и другія деревья, которыхъ я не умѣю назвать.

Нѣсколько вѣтокъ я сорвалъ въ свою пашку, полюбовался поразительно богатою растительностью этого крохотнаго клочка земли среди каменныхъ развалинъ и заустѣнія, и вышелъ изъ сада, чтобъ взять нѣсколько камушковъ отъ развалинъ стѣнъ и города, нѣкогда богатаго и цвѣтущаго.

Чай и закуска были готовы, и я воротился въ домъ шейха. Совсѣмъ разсвѣло, когда мы сѣли на лошадей и двинулись въ путь.

Очутившись на открытомъ мѣстѣ, я съ высоты своего кавалерійскаго сѣдалища могъ обстоятельнѣе обозрѣть какъ развалины—одни только слѣды — древняго Іерихона, такъ и ютящіяся на восточной окраинѣ этихъ памятниковъ старины нѣсколько каменныхъ — не домиковъ, не лачужекъ, а какихъ-то каменныхъ кучекъ, складенныхъ изъ древнихъ камней якобы въ жилища и составляющихъ настоящій Іерихонъ, просто жалчайшую деревушку изъ нѣсколькихъ каменныхъ норъ, трущобъ и „язвинъ“,носящую даже особое названіе. Самый Іерихонъ, какъ видно, занималъ всю эту обширную равнину, въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, ограниченную съ одной стороны, съ западной, горами пустыни и въ томъ числѣ горою Искушенія, съ другой—къ востоку—доходящую почти вплотъ до Іордана, да, вѣроятно, прежде Іерихонъ и занималъ все это пространство и восточной своей половиной стоялъ у самой рѣки, у Іордана. Тутъ его и нашли евреи, когда изъ египетскаго плѣненія возвращались въ обѣтованную землю черезъ Іорданъ, перешли его по-суху и наткнулись на стѣны Іерихона.

Вся равнина представляла величественный видъ. Съ горъ, когда здѣсь кипѣла жизнь, это должна была быть чарующая картина, вставленная въ угрюмыя рамки — съ одной стороны горы іудейской пустыни, съ другой—горы пустыни Моавитской или заіорданья, вмѣстѣ съ угрюмыми горами замертвоморья или Асфальтиды.

Слѣдуя между цвѣтущихъ огородовъ жалкой деревушки, мы наткнулись на небольшой отрядъ турецкихъ кавалеристовъ и башибузуковъ въ ихъ характерныхъ костюмахъ и съ длинными космами на груди лошадей, да съ длинными кистями, спускавшимися отъ сѣделъ—все это, конечно, для предохраненія лошадей отъ мухъ, которыя на Востокѣ — въ Африкѣ и Палестинѣ — необыкновенно докучливы, хотя здѣсь я не замѣтилъ ни оводовъ, ни слѣпней, лѣтнихъ мучителей и скота и людей въ средней полосѣ Россіи.

Габашъ перекинулся нѣсколькими словами съ солдатами и башибузуками. Тѣ прівітствовали меня любезно и что-то говорили Габашу, указывая на горы, на тотъ путь, по которому мы наканунѣ съ такимъ страхомъ прслѣдовали въ Іерихонъ.

— Что говорятъ они? спросилъ я Габаша, когда мы минули кавалеристовъ.

— Они ѣдутъ охранять дорогу, по которой мы ѣхали.

— Значить, опасность есть?

— Нѣтъ, теперъ нѣтъ... Но сегодня ждутъ сюда вашихъ великихъ князей, и потому для пикетовъ по пути и выслали отрядъ солдатъ.

Ясно, опасность была—и не призрачная.

Впереди бѣлѣлъ небольшой европейскій домикъ съ русскимъ флагомъ надъ крышею и съ роскошною зеленью вокругъ.

— Что это такое?

— Это русскій домъ... Часть этой земли принадлежитъ Россіи.

Я душевно порадовался и русскому трехцвѣтному—бѣлое, синее, красное—флагу, и русскому бѣленькому домику, и этой прелестной зелени вокругъ него.

Но я только впоследствии узналъ, что это русскій домикъ. Сначала Габашъ сказалъ мнѣ: „с'est une maison grecque“, конечно grecque—православный.

Опять встрѣтилась партія солдатъ и баши-бузуковъ.

— Это тоже туда—для пикетовъ?

— Да, господинъ.

О, подумалъ я, сегодня было бы безопаснѣе и веселѣе ѣхать по горной пустынѣ въ Иерихонъ... Да что дѣлать! я впередъ не могъ знать этого, да и милые офицеры, съ которыми я познакомился по пути въ Иерусалимъ изъ Яффы, ничего не сказали мнѣ объ этомъ, потому что, конечно, саміе ничего не знали.

Вокругъ русскаго домика я нашелъ оживленіе и возню. Спереди, у фасада, турецкіе солдаты и еще какія-то личности возились надъ какими-то тюками и саками. Около нихъ солидно суетилась какая-то черная женщина не въ восточномъ одѣяніи.

— Это багажъ для великихъ князей... Отчего господинъ не съ ними?

— Я не имѣю чести принадлежать къ ихъ свитѣ.

— Вы, значить, отъ себя?

— Да, я свободный туристъ.

— Гэ-та руска! гэ-та руска! криливо ругался какой-то турокъ, или сиріецъ, возясь около одного тюка и угрожающе тыча пальцемъ въ черную женщину. Та хладнокровно смотрѣла на него.

— Какъ видно, здѣсь не очень любятъ русскихъ, замѣтилъ я Габашу.

Тотъ оглянулся, улынулся, но ничего не отвѣчалъ.

Около деревушки, по пути къ Мертвому морю и Иордану, арабы молотили и вѣяли пшеницу. Ихъ было немного. Двѣ-три женщины таскали на головахъ—кто корзину съ навозомъ, кто мѣшокъ съ соломённой трухой—съ „полóвой“.

Одна дѣвушка изъ-подъ мѣшка обдала меня своими черными глазищами и, оскаливая бѣлые зубы, протянула руку. Я сунулъ ей монетку.

— Лишнее, оглянулся не меня Габашъ.

Арабы смотрѣли на меня недоувѣрчиво и, казалось, злоувѣще между собой переглядывались. Ужъ не опасаются ли они, что русскіе возьмутъ Палестину и ихъ пустыни, какъ взяли Болгарію?

Солнце только что выкатилось за Иорданомъ изъ-за Моавитскихъ горъ и уже жгло безжалостно. Здѣсь оно еще свирѣпѣе, чѣмъ въ Иерусалимѣ, по ту сторону горъ пустыни. Тамъ хоть немножко сѣверный вѣтерокъ отъ Средиземнаго моря и Яффы, пробравшись равниною Іудеи и Иерусалимскими горами, хотя и накаленный по дорогѣ солнцемъ, можетъ иногда продувать и освѣжать раскаленный воздухъ. А сюда, черезъ горы пустыни, этотъ вѣтерокъ уже не доходитъ. Тутъ своя самостоятельная атмосфера — атмосфера Мертваго моря, бывшихъ Содома и Гоморры, и атмосфера пустынь аравійскихъ и моавитскихъ.

Мы оставили за собой Иерихонъ и двигались прямо къ Мертвому морю, немножко на юго-востокъ. Переѣхали сухую ложбину или безводный потокъ, т. е. песчаное его русло, по сторонамъ поросшее кустарникомъ, листьями напоминающимъ нашу вербу, или верболозы, только съ болѣе мелкими, продолговатыми листочками и съ обильнымъ цвѣтомъ, въ-родѣ сиреневаго, хотя совсѣмъ другой формы, напоминающей нѣкоторыя наши луговныя бурьянныя растенія въ цвѣту.

Габашъ назвалъ мнѣ по-арабски это растеніе.

— Въ Иерусалимѣ я его, кажется, не видалъ, замѣтилъ я.

— Да, это собственно іорданское растеніе.

— А какъ же тамъ, гдѣ сходятся поклонники на берегу Иордана, находятъ цѣлую рощу олеандровъ, ивъ и тамариндовъ?

— О! это уже насаженная, разведенная рощица. А собственно около Иордана растутъ вотъ эти кусты.

Что Габашъ былъ правъ, я вспомнилъ это по разсказамъ старинныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Иорданъ. Такъ, между прочимъ, знаменитый польскій магнатъ, князь Николай-Христофоръ Радзивилль-Сиротка, видѣвшій Иорданъ ровно за 300 лѣтъ раньше меня (въ іюнѣ 1582 года), говоритъ, что онъ нашелъ на берегу Иордана одно только то растеніе, о которомъ я говорю. У Радзивилла-Сиротки (по старинному русскому переводу, изданному нашимъ географическимъ обществомъ) значится такъ: „По правую страну рѣки, которая часто луковата течеть, у котораго мѣста, идѣже Христось крестися, есть лѣсокъ темный, вдоль на полтретья поприщи (poł mili), а въ ширину на перестрѣль изъ лука, по берегу вдоль идетъ. Имѣеть древа, ихъ же листіе подобно есть вербѣ, но однако инѣки суть, яко отъ сучья познать можно, которое съ собою привезохъ“ (привезъ и я).

За сухимъ ручьемъ, черезъ который мы переѣхали, начиналось голое, песчано-каменистое пространство, которое и приводило къ самому Мертвому морю. Растенія, даже сухія травки—все разомъ исчезло: это были уже берега Мертваго моря. Оно тихо, неподвижно синѣло передо мною. Хоть бы растеньице, хоть бы птичка. Одни сѣрые камни. Съ этой, съ іерихонской стороны, берега его плоски, но съ той, съ моавитской стороны, мрачныя, каменистыя горы на- двигались надъ нимъ, и, будучи сами мертвы и безжизненны, дѣлали и самый видъ моря ужасающе мертвымъ.

Влѣво лентою извивался и синѣлъ Іорданъ, сверкая изъ-за песчаныхъ бугровъ. И около него, близъ впаденія въ море, не видится жизни, и только выше, лѣвѣе, темнѣлась вышеупомянутая рощица.

Я молча смотрѣлъ на эту чарующую своей дикостью картину. Солнце поднялось порядочно и жгло уже нестерпимо. Мой tropical-helmet накалялся, не смотря на драпировавшую его бѣлую чалму съ текстомъ изъ Алькорана на концахъ; и я принужденъ былъ приколоть сверху helmet'a еще бѣлый полотняный платокъ.

Что же будетъ днемъ, въ полдень, когда въ пятомъ часу уже та- кой адъ лется съ моавитскаго неба? думалось мнѣ; а мнѣ еще предстоитъ возвращеніе въ Іерусалимъ, другою только, южною тропею, къ знаменитому монастырю св. Саввы.

Когда я это раздумывалъ, гидъ показалъ мнѣ на мѣстность у самаго моря, гдѣ нѣкогда стоялъ монастырь св. Герасима. У этого угодника жилъ левъ, на которомъ Герасимъ и возилъ изъ Іордана воду. Но когда умеръ угодникъ, левъ затосковалъ о немъ и въ скоромъ времени околѣлъ. Таковы преданія этихъ суровыхъ береговъ Іордана и Мертваго моря! Львы и тигры и теперь заходятъ сюда изъ-за Іордана.

Несмотря на спокойно проведенную ночь, я чувствовалъ страшное истомленіе—слѣды утомительнаго переѣзда накануне и нравствен- ныхъ потрясеній. Впечатлѣнія были слишкомъ велики: они не успокоивали душу и нервы, а вновь все перетраживали. Я боялся заболѣть въ этой пустынѣ, вдали отъ всякой помощи. А предстоялъ еще дале- кой путь по зною и по мѣстности, уже не оберегаемой пикетами.

Мы поворотили отъ моря влѣво, вверхъ по теченію Іордана. Изъ кустовъ тѣхъ растеній, которыя одни можно назвать іорданскими и о которыхъ я сейчасъ говорилъ, выставились три подозрительныя арабскія рожки и плотоядно осматривали меня. У каждаго изъ нихъ было по ружью, со стволами очень длинными и во многихъ мѣстахъ пере- тянутыми мѣдными широкими пластинами. Приклады были прямые, какъ вообще у арабскихъ винтовокъ.

Куда направлялись они—я не зналъ; но наружность ихъ была подозрительна. Не шли же они любоваться берегами Іордана и Моавитскими горами и не для охоты были у нихъ эти ружья. На кого

тамъ охотиться, кромѣ проѣзжихъ „франковъ“, если таковыя есть. А одинъ такой франкъ—я—былъ на-лицо.

Замѣтивъ однако, что я срываю вѣтки съ іорданской вербы (назову ее такъ: не даромъ она похожа на нашу вербу и не даромъ явилось у христіанъ „Вербное воскресенье“), они наломали ихъ цѣлую охапку и любезно подали мнѣ. Я поблагодарилъ ихъ и опустилъ въ ихъ жесткія, какъ щетки, ладони по бакшину; монетки, казалось, звякнули объ эти сухія ладони, какъ о камень. Эти вѣтки, данныя мнѣ арабами у Іордана, я и везу въ Россію. Глядя на нихъ, я вспоминалъ извѣстную всѣмъ поэтическую „вѣтку Палестины“:

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты расла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Іордана... и т. д.

Да, у этихъ именно водъ, хотя они „чисты“ только духовно, поэтически, а въ сущности, по природѣ—мутны.

Я чувствовалъ, что если я еще дозволю себѣ дольше оставаться здѣсь и дамъ утомленію еще болѣе овладѣть мною, я рискую или расхвораться, или остаться вдали отъ Іерусалима и отъ всякой помощи на неопредѣленное время. Меня пугала эта перспектива. Пугали и эти любезныя оборванцы, преподнесшіе мнѣ охапку іорданскихъ вербъ и такъ же любезно могущіе, вдали отъ жилья, преподнести мнѣ моавитскую пулю. Я поглядѣлъ на Габаша.

— Не пора ли намъ возвращаться? спросилъ я.

— Если господину угодно... Но только прежней дорогой.

— Да?.. а не тамъ? (я указалъ влѣво).

— Нѣтъ... Здѣсь безопаснѣе... Отсюда ждуть великихъ князей, и по дорогѣ будутъ стоять пикеты.

— Такъ съ Богомъ!

Я еще разъ поглядѣлъ на мрачное море и на пески, скрывавшіе Іорданъ. Моя рука невольно поднялась, и я перекрестилъ и синюю поверхность моря и іорданскій берегъ. Крестъ—это самый подходящий, историческій привѣтъ Іордану и морю, куда онъ вливаетъ свои воды.

— Прощайте! Я больше не увижу васъ! сказалъ я по-русски.

Габашъ сочувственно поглядѣлъ на меня своими умными глазами, а сѣроглазый тѣлохранитель только весело, точно насмѣшливо сверкнулъ этими глазами. Гамедъ же вмѣстѣ съ своимъ муломъ и багажемъ ждалъ нашего возвращенія въ домъ шейха.

Мы опять направились къ Іерихону. Арабы продолжали молотить хлѣбъ, а одна молоденькая арабочка съ кучей сухого хвороста на головѣ (хворостъ отъ іорданской вербы) протянула мнѣ руку. Я подаль ей мѣдную турецкую монетку, кажется „пару“, и она, увидавъ ее

въ рукѣ, повидимому осталась недовольна такимъ „бакшишомъ“. Она забормотала что-то, показывая монетку.

— Будетъ съ тебя, лупоглазая! отвѣчалъ я по-русски.

У русскаго домика по-прежнему суетились, распаковывались. Въ садикѣ разбивали шатры, на одномъ изъ коихъ я замѣтилъ надпись: „Alexandre Second“.

— Не посмотритъ ли господинъ на приготовленія? спросилъ меня гидъ.

— Зачѣмъ?.. Скорѣе въ Іерусалимъ—становится невыносимо жарко.

Мимо лачужекъ изъ камня мы пробрались къ дому шейха, къ мѣсту моего ночлега. Я сошелъ съ лошади и вошелъ на дворъ. Дѣлать въ немъ мнѣ уже было нечего, ибо камушки отъ развалинъ Іерихона были уже у меня въ карманѣ, и пока Гамедъ готовилъ своего мула и вьючилъ его, я присѣлъ на каменную ограду и уложилъ въ свою папку іорданскія вербы и другія вѣтки, отломленные въ Іерихонѣ на память.

Ко мнѣ изъ дому вышла старуха съ непокрытымъ лицомъ, повидимому хозяйка дома, которую я замѣтилъ распорядившеюся въ домѣ еще вечеромъ. Я привѣтствовалъ ее, какъ умѣлъ, и благодарилъ за гостепримство. Хотя Габашъ завѣрилъ меня еще въ Іерусалимѣ, что онъ беретъ на себя всѣ расходы по ночлегу и всѣ мелкіе бакшиши въ дорогѣ, въ счетъ полученныхъ отъ меня 110 (вмѣсто запрошенныхъ 120) франковъ; но я видѣлъ по глазамъ старой арабки, что она не прочь что нибудь получить отъ „уруса“. Я далъ ей два франка—и она бросилась цѣловать мою руку. Уходя затѣмъ къ своей лошади, я сунулъ въ руку одному молодому, почти голому ободранцу, повидимому батраку въ домѣ шейха, полфранка; но злая арабка залалакала что-то и отняла у несчастнаго его жалкій бакшишъ... Вѣроятно, бѣдный батрачекъ не имѣлъ права на собственность по арабскимъ обычаямъ, которые вполне отвѣчаютъ Прудоновскому социалистическому афоризму: „la propriété—c'est la vol“...

Наконецъ, мы двинулись въ обратный путь. Въ числѣ разныхъ колючихъ растений, которыя замѣняютъ здѣсь заборы и въ числѣ которыхъ едва ли не главную роль играетъ растеніе, послужившее мучительнымъ вѣнцомъ для Спасителя, я замѣтилъ одно, похожее на яблочное дерево, или скорѣе—на лимонное, на которомъ было много плодовъ, зеленыхъ и желтыхъ, величиною болѣе сливы.

— Это что за яблоки? спросилъ я Габаша.

— Это содомскія яблоки.

— А! я читалъ объ нихъ... Я хочу сорвать для себя вѣтку съ этими яблоками.

Я остановилъ свою лошадь и нагнулся, чтобъ отломить вѣтку содомской яблони.

— Осторожнѣе, господинъ,—не дотрогивайтесь до этого дерева, предостерегалъ меня Габашъ,—оно страшно колется.

Но я не послушался его и былъ наказанъ. Едва моя рука прикоснулась къ ближайшей вѣткѣ, какъ я почувствовалъ ужасную боль въ пальцахъ и отдернулъ руку. Но было уже поздно: пальцы, особенно указательный, были сильно уязвлены. Острые шипы вонзились въ тѣло, и я до сихъ поръ чувствую присутствіе ихъ въ пальцахъ, такъ что съ трудомъ держу перо, хотъ и старался извлечь изъ тѣла и выдавить зловредныя жала.

Любезный Габашъ осторожно отломилъ одну вѣтку съ яблоками и такъ же осторожно подалъ мнѣ.

— Эти яблоки очень ядовиты, предупредилъ онъ.

Но я опять укололся, и Габашъ взялъ у меня ядовитую вѣтку на сохраненіе, чтобъ отдать въ Іерусалимѣ, да такъ, злодѣй, и не отдалъ—забылъ въ переметной сумѣ Гамеда какъ ее, такъ и вѣтку того растенія, изъ котораго Христу сплетали мученической вѣнецъ.

Опять намъ пришлось пробираться по грудамъ камней отъ развалинъ и проѣзжать мимо арокъ, оставшихся отъ римскихъ водопроводовъ. Что за прочность въ постройкѣ всѣхъ римскихъ ирригаціонныхъ сооруженій! Передъ ними безсильно даже время.

Гора Испытанія высилась впереди во всей ея мрачной красотѣ.

— Вонъ, вправо, источникъ Елисея.

— Знаю... Это тотъ, что имѣлъ горькую воду, какъ въ Мертвомъ морѣ, а Елисей посыпалъ въ нее соли—и вода стала сладкая.

— Господинъ самъ все хорошо знаетъ.

— Затѣмъ я и ѣхалъ сюда.

— На водѣ изъ этого источника господинъ и чай пилъ.

— Тѣмъ лучше—я очень радъ.

Начинался пологій подъемъ въ гору. Нашъ тѣлохранитель, замѣтивъ въ сторонѣ какую-то бѣлѣвшуюся на солнцѣ огромную птицу, сталъ подкрадываться къ ней, чтобъ застрѣлить ее.

— Это орель, кажется?

— Нѣтъ, это особая птица... Зовутъ ее...

Какъ зовутъ—я не понялъ по-арабски. Но умная птица, расправивъ громадныя крылья, улетѣла, оставивъ нашего оруженосца съ приподнятымъ ружьемъ.

— Влѣво—колодезь Моисея... Только онъ засыпанъ.

— Но, кажется, Моисей не переходилъ за Іорданъ.

— Не знаю... Такъ говорятъ... А вотъ этотъ курганъ разрывалъ одинъ англичанинъ... У него было нѣсколько сотъ рабочихъ.

— А нашель чтонибудь?

— Не могу сказать.

Я увидѣлъ, что курганъ разрытъ былъ по всѣмъ правиламъ археолого-гробоконательскаго искусства, которое сдѣлало бы честь Самовасову, Ивановскому и самому графу Уварову. Мы поднимались все выше и выше. Я оглянулся еще разъ на Іерихонъ, на Іорданъ, на Мертвое море, на всю эту мрачную пустыню. Мнѣ вспомнились глу-

боко поэтическия слова нашего путешественника при созерцаніи этихъ видовъ: „Пустыня іорданская! гдѣ растворившееся небо свидѣтельствовало о Сынѣ человѣческомъ, гдѣ горы, возбужденныя гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, уготовали стези свои прежде нежели исправились сердца смертныхъ, гдѣ быстрый Іорданъ, дрогнувшій при погруженіи въ него Богочеловѣка, съ трепетомъ помчалъ свои священные волны, и гдѣ на вершинѣ горы Испытанія Спаситель побѣдилъ духа тьмы и соблазна,—пустыня іорданская! все въ твоёмъ пространномъ объемѣ исполнено величія необычайнаго; все носитъ отпечатокъ событій, въ которыхъ земля была только поприщемъ, а дѣйствовали не земные. И все нынѣ пусто и безмолвно въ сей нѣкогда столь одушевленной долинѣ... Въ сосѣднихъ горахъ утихнулъ отголосокъ, вторившій сладкимъ рѣчамъ Іоанна и горнему гласу: „Сей есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ!“—Земля оглохла, а небо закрыло уста свои надъ Іорданомъ“...

Подъемъ въ горы становился все круче, и потому дорога шла зигзагами. Лошадиныя копыта скользили по камнямъ, и солнце жгло въ спину немилосердно. Я замѣтилъ одну фигуру, взбирающуюся по этой дорогѣ въ горы. Оказалось, что это турецкій солдатъ съ ружьемъ и весь въ грубомъ синемъ сукнѣ—въ полной формѣ. Онъ видимо тащился отъ источника Елисея, потому что волокъ на спинѣ черную козью шкуру, наполненную водою. Козья шкура—это и есть здѣшній современный и евангельскій „водоносъ“. Солдатикъ, какъ оказалось послѣ, тащилъ воду въ горы къ своимъ товарищамъ, которые недалеко оттуда содержали конный пикетъ—первый пикетъ, встрѣченный нами въ это утро и ожидавшій проѣзда великихъ князей.

Мнѣ стало веселѣе ѣхать. Хоть разбойники могли и не посмотрѣть на пикетъ и изъ-за какой нибудь скалы могли удобно убить насъ, обратъ и скрыться въ ущельяхъ и недоступныхъ никакому пикету труппахъ, однако вчерашнее чувство полной безпомощности уже не возвращалось ко мнѣ.

И Габашъ сталъ разговорчивѣе. Онъ разспрашивалъ меня о Россіи о ея величинѣ, о томъ, холодно ли у насъ, и особенно о черкесахъ и казакахъ. Послѣдніе особенно изумляли его своею необыкновенною, сказочною храбростью. Когда я ему сказалъ, что и я родился между донскими казаками (in Arkadien geboren!), онъ ни за что не хотѣлъ вѣрить мнѣ.

— Господинъ такъ осторожно (гдѣ ужъ осторожно!—совсѣмъ трусливо) ѣздитъ на лошади, а казаки, говорятъ,—о! чистые дьяволы.

— Да я ужъ больше тридцати пяти лѣтъ не садился на коня.

Потомъ онъ разспрашивалъ меня о великихъ князьяхъ, какъ они~ приходятся государю, какъ велика царская семья и пр. При этомъ сказалъ, что когда покойный Сергѣй Максимиліановичъ былъ въ Іерусалимѣ, то онъ былъ его гидомъ.

— А какъ по-русски monsieur?

— Господинъ.

— О! вос-вос-восдинъ...

Слово „господинъ“ было для него ужасно: его языкъ, какъ ни мучился, не могъ выговорить этого ужаснаго „восдина“.

— И тамъ восдинъ?—онъ указалъ на небо.

— Тамъ Господь.

— О! Восподь!

Зато произнести „человѣкъ“—было выше его силъ.

Но мнѣ было не до болтовни... Я изнемогъ отъ зноя и усталости. Теперь я всего болѣе опасался солнечнаго удара.

Однако, минуя пикетъ за пикетомъ, которымъ я иногда, замскивая изъ трусости, давалъ по папирокѣ, мы опять доѣхали до „добраго самарянина“, гдѣ нашли послѣдній пикетъ и остановились на роздыхъ. Я поздоровался съ баши-бузуками и отдохнулъ въ тѣни пещеры. На этотъ разъ, вдоль всего пути я видѣлъ не одно возвышеніе изъ набросанныхъ въ кучу камней; камни эти обозначали мѣста убійствъ на дорогѣ. Значить, по этому опасному пути погибъ не одинъ тотъ несчастный, о которомъ говорилъ Христосъ въ притчѣ о добромъ самарянинѣ.

Съ половины пути уже начала виднѣться вершина Елеонской горы. Хотя я и вздохнулъ свободнѣе и ночныя опасенія мои совсѣмъ прошли, однако я все еще боялся солнечнаго удара.

Въ первомъ часу, напившись послѣдній разъ у колодца недалеко отъ Виаіани, я снова съ бокового откоса Елеонской горы увидаль Іерусалимъ, гору Соболазна, гдѣ Соломонъ поклонился идоламъ, а Іуда удавился, село Скудельничье, гору Совѣта нечестивыхъ, Іосафатову долину и, наконецъ, Геесиманскій садъ. Здѣсь на полугорѣ наломалъ я цѣлый ворохъ вѣтвей отъ тамошнихъ маслинъ, и мимо дома Пилата, „крестнымъ путемъ“ или „via dolorosa“ возвратился въ свой отель. На этотъ разъ, въ ожиданіи, конечно, проѣзда великихъ князей, крестный путь подметали и посыпали песочкомъ. Но безобразная надпись на стѣнѣ, у самаго поворота къ Голгоетѣ,—„via dolorosa“—оставалась все тою же... Да и зачѣмъ ее подновлять!..

— Здравствуйте! кто-то окликнулъ меня по-русски, едва я, проѣхавъ ворота св. Стефана, вступилъ „на крестный путь“.

Я осмотрѣлся и увидѣлъ, среди толкущихся іерусалимлянъ, на конѣ или на осликѣ—не помню хорошенько—уже знакомаго читателю милаго офицера. Теперь онъ смотрѣлъ чистымъ арабомъ: бѣлое покрывало на головѣ, весь въ бѣломъ и даже широкій, щегольской цвѣтной поясъ—совсѣмъ бедуинъ.

— Вы ужъ отъ Мертваго моря?

— Да, оттуда.

— Что? какъ?

— Страшно усталъ, и опасно было.

— А стоить поѣхать туда?

— Какъ! стоитъ ли? если вамъ нужны или желательны самыя глубокія, суровыя впечатлѣнія, даже большіе, то, конечно, стоитъ... Еще бы!

— Я не знаю... Меня приглашалъ великій князь...

— О! въ такомъ случаѣ ваша поѣздка не составитъ даже подвига—это будетъ прогулка, *partie de plaisir*... А вы бы по-моему...

— Но мнѣ завтра опять придется скакать верхомъ въ Яффу.

— Да, это трудненько.

Я тронулъ своего коня и уже больше не встрѣчалъ этого добраго юноши.

Воротившись въ отель, я, какъ ни чувствовалъ себя разбитымъ, однако, хотѣлъ еще побродить по городу и посмотрѣть его поближе, ибо не надѣялся уже увидѣть его во второй разъ.

Я на-скоро напился чаю и пустился въ лабиринтъ іерусалимскихъ улицъ, закоулковъ, каменныхъ щелей и „язвинъ“, въ которыхъ могутъ обитать, по евангельскимъ словамъ, только лисы и волки—иначе нельзя назвать нѣкоторыя іерусалимскія улицы. Замѣчательно, что вездѣ, въ самыхъ недоступныхъ тущобахъ, я встрѣчалъ русскіе типы—богомолокъ и богомольцевъ всевозможныхъ покровевъ. Россійскій элементъ положительно преобладаетъ въ священномъ городѣ. Если гдѣ начинается господство русскаго народа—исключительно народа, а не интеллигенціи и не правительства—такъ это именно въ Іерусалимѣ. Въ каждой лавочкѣ вы натолкнетесь на черный платокъ—національное знамя богомолокъ; онѣ вездѣ неистово торгуются и непремѣнно по-русски, или по-украински, съ помощью мимики и пальцевъ. И вліяніе этихъ черныхъ платковъ уже сказывается: какъ англійскіе туристы во всѣхъ концахъ свѣта научили отельную прислугу и даже арабовъ на пирамидахъ говорить по-англійски, а французы заставили весь цивилизованный міръ понимать ихъ и объясняться на ихъ языкѣ,—такъ черный русскій платокъ богомолки завоевываетъ Іерусалимъ и учитъ его говорить по-русски.

— Почтенная! слышится изъ какой нибудь свѣчной и ладонной лавочки,—воротитесь, уступлю.

Это говоритъ грекъ, сиріецъ, арабъ. А „почтенная“ и усомъ не ведеть: знаетъ, что ее зазовутъ въ другую лавочку и такъ же будутъ поддѣлываться подъ ея рѣчь.

Черный платокъ, такъ или иначе, кормитъ Іерусалимъ; а не будь чернаго платка, не будь богомолокъ, ему погибать бы пришлось: вѣдь это буквально „мертвый городъ“.

Когда вы идете по Іерусалиму и съ вами заговариваютъ на неизвѣстномъ вамъ языкѣ, а вы ничего не отвѣчаете, съ вами заговариваютъ на другомъ, на европейскомъ, и, наконецъ, добираются до русскаго: „почтенный, купите, дешево“. Въ числѣ богомолокъ, бродившихъ по узкимъ и темнымъ улочкамъ Іерусалима и прицѣпивавшихся то къ огурцамъ, то къ финикамъ, то къ кругѣ, или орѣхамъ,

я узналъ и тѣ лица, которыя приглядѣлись мнѣ во время переѣзда на пароходѣ „Нахимовъ“ изъ Константинополя въ Александрію.

А матросики въ этотъ день попадались уже на каждомъ шагу: они видимо были какъ дома, хохотали, фамиллярно и даже дружески разговаривали со всякою фескою или чалмою и даже поучали ихъ.

— Экой ты безтолковый, любезный! я тебѣ русскимъ языкомъ говорю, а онъ все но-но...

— Нашъ Хвилипъ, братцы, конемъ сталъ: но да но ему кричать.

— А ты, любезный, скажи ему тирру!

Общій хохотъ. Смѣется и ничего не понимающій іерусалимлянинъ.

— Да какъ же они, братцы, городъ святой загадали!

— Страхъ! хуже Сѣнной...

— Куда! Сѣнная не въ примѣръ чище...

— То-то дикой народъ...

— И какъ въ экомъ городѣ да Христось явился—удивительно только!

Но ни находчивые матросики, ни завоевательницы Іерусалима — богомолки—не въ состояніи были подавить во мнѣ чувства глубокой тоски, съ которою я бродилъ по священному городу и задумывался надъ его памятниками и святынями. Съ такимъ настроеніемъ долго оставаться въ немъ было бы невозможно. Вы чувствуете кругомъ себя смерть, при всемъ суточномъ шумѣ и гамѣ уличной жизни,—смерть дорогого вамъ существа; вы какъ будто чувствуете его присутствіе, но не видите его: его давно нѣтъ, оно давно умерло. Все, что вы съ дѣтства думали объ этихъ мѣстахъ, что воображали о нихъ—все это вы видите; но видите, что все это одна великая могила, и вамъ становится невыразимо тяжело и грустно...

Скорѣй, скорѣй изъ этого царства смерти, хотя вамъ и жаль разстаться съ Геосиманскимъ садикомъ, съ Кедронскимъ потокомъ, съ Іосафатовою долиною, которые сохранились именно такими, какими жили всегда въ вашемъ воображеніи. Но прежней Голгоѣ нѣтъ — нѣтъ запечатлѣнной въ вашей душѣ Голгоѣ... Вы не видите горы, не видите Лобнаго мѣста: вы видите ее только въ воспоминаніи, какъ и тѣхъ двухъ женщинъ, которыя стоятъ у креста и плачутъ...

. . . . .

XI.

Опять на родину.

Ночь. Божественная ночь Палестины. Іерусалимъ уже далеко за мной, за горами, за тѣми долинами, гдѣ Давидъ побѣдилъ Голиаѳа, гдѣ апостолы въ глубокомъ смущеніи пробирались въ Эммаусъ, тихо бесѣдуя о событіяхъ послѣднихъ, мучительно горестныхъ для нихъ

дней. Палестинская луна смотритъ во всё глаза на священные холмы и доли. Кругомъ опять фантастическія тѣни и видѣнія. Въ воздухѣ по временамъ носятся искры, или свѣтятся огоньки въ разсѣлинахъ камней. Слышатся неумолкаемые голоса кузнечиковъ, иногда пугающій воображеніе крикъ ночной птицы. Прочныя колеса дилижанса стучать ровно по каменистому шоссе. Вдоль дороги мелькаютъ телеграфныя столбы и проволока... Телеграфъ въ Палестинѣ... Телеграфъ, гдѣ Христось и апостолы измѣряли пространства Палестины—Иудеи, Самаріи и Галилеи—своими босыми ногами!..

Все чудесное и поэтическое далеко за мною. Со мною остались только воспоминанія о томъ, что я недавно видѣлъ и надъ чѣмъ переболѣла моя душа, какъ надъ чудною поэзіею прошлаго. Кедронскій и Геонскій потоки, „весь Геосиманіи“ съ своими зелеными маслинками, „неплодная смоковница“, съ которой я недавно срывалъ зеленые листья, Юдоль плача, Овчая купель; а тамъ Виванія съ хлопотливою Мареою и поэтической Маріею, два странника, подающіе мнѣ гранатовую „вѣтку Палестины“; колодець, у котораго Христось бесѣдовалъ съ самарянкою; „гостинница добраго самарянина“, гдѣ въ тѣни пещеры я курю папироску, кушленную въ Каирѣ въ виду пирамидъ; а далѣе, ужасы пустыни съ камнями, которые дьяволъ совѣтовалъ Христу превратить въ хлѣбы; дикая вершина горы Испушенія; камни историческаго Іерихона и чудная ночь въ зелени современнаго, жалкаго, но полнаго очарованія Іерихона; угрюмыя картины Мертваго моря, Іордана, Моавитскихъ горъ—все это проносится передо мною въ видѣніяхъ этой божественной ночи Палестины...

Мнѣ уже жаль того, что я покинулъ съ такою болью въ сердцѣ. А ѣхать еще далеко, очень далеко къ родному сѣверу. Цѣлыя моря отдѣляютъ меня отъ него...

Вонъ слабо мигаетъ знакомая звѣздочка, моя путеводительница—это Полярная звѣзда. Какъ низко опустилась она, далеко, тамъ гдѣ то, надъ родными равнинами...

Мой новый возница, тоже нѣмецъ изъ Виртемберга, много лѣтъ мыкавшій горе въ Америкѣ и теперь успокоившійся въ Іерусалимѣ въ качествѣ ямщика, равномерно покачивается подъ однообразный стукъ колесъ дилижанса и подъ далекое, тоскливое позвякиванье колокольчиковъ въ невидимомъ караванѣ верблюдовъ. Мнѣ кажется, что нѣмецъ дремлетъ послѣ вкусной, густо проперченной яичницы, которою угостили меня арабы на послѣднемъ роздыхѣ и которою я угостилъ своего нѣмца.

— Вы спите, мейнъ геръ?—это возница ко мнѣ; а я думалъ, что онъ дремлетъ.

— Нѣтъ, не могу спать.

— А читали вы библію?

— Читалъ много разъ.

— А знаете, гдѣ мы теперь ѣдемъ?

— Знаю... Мы уже давно проѣхали то мѣсто, гдѣ былъ Эммаусъ, а теперь ѣдемъ къ Рамле, гдѣ, говорятъ, жилъ Іосифъ отъ Аримаѳи.

— Да... Но эта равнина, мейнъ геръ?

— Не знаю.

— Здѣсь Іозуа Нафинъ...

— По нашему, по-русски, Іисусъ Навинъ.

— Да, Іозуа Нафинъ... Здѣсь Іозуа остановилъ солнце...

— Какъ здѣсь! я думалъ, что это гдѣ нибудь у Іордана, или Іерихона.

— Нѣтъ, мейнъ геръ, именно здѣсь...

— Почему вы знаете?

— Я знаю, я хорошо знаю библію... Здѣсь, на этой равнинѣ, на Іозуа напали филистеръ (такъ онъ называетъ филистимлянъ) и Іозуа остановилъ солнце.

— О! вы знатокъ не хуже Ренана...

— Кто, мейнъ геръ?

— Одинъ поэтъ-историкъ...

— О! я знаю лучше его... Здѣсь стояли филистеръ (онъ ткнулъ вѣвѣ своимъ длиннымъ бичомъ), а здѣсь—Іозуа...

— Благодарю васъ, я этого не зналъ.

— Да, за этими горками Іозуа остановилъ солнце... Я это знаю...

— Вы все знаете...

— Да... А зимой я возилъ одного англичанина на то мѣсто, гдѣ филистеръ Сампсона держали на вахтѣ, а онъ разрушилъ вахту.

— А французы, подобно Сампсону, не разрушатъ вашу Wacht am Rhein? пошутить я.

Нѣмецъ засмѣялся и стегнулъ лошадей.

— О, ја! разрушатъ... Пруссаки давно стали филистеръ для Германіи...

— Вы ихъ не любите, кажется?

— О, ја! они наши филистеръ.

Изъ этого разговора съ ямщикомъ я понялъ, что здѣсь, въ Палестинѣ, сама атмосфера пропитана историческими—библейскими и евангельскими—воспоминаніями.

До чего все въ этихъ мѣстахъ поразительно напоминаетъ евангельскую старину и на каждомъ шагѣ рисуетъ передъ вами евангельскія картины, я припоминаю простой случай, бывшій со мною около Виваніи, когда я, томимый зноемъ и усталостью, возвращался въ Іерусалимъ изъ Іерихона.

Взбираясь съ восточнаго, съ вивеемскаго спуска на Елеонскую гору, я издали увидѣлъ, какъ три дѣвочки, почти полуголыя, двѣ лѣтъ девяти или десяти, а одна лѣтъ четырехъ или пяти, завидѣвъ меня, стремительно пустились въ гору изъ другой ложбины, гдѣ онѣ, ходя по слѣдамъ овечьяго стада, собирали овечій пометъ въ имѣвшіяся у нихъ на головахъ плетенки. Двѣ старшія были съ пле-

тенками на головахъ, а маленькая, почти совсѣмъ голая, безо всего. Онѣ видимо обрадовались, увидавъ меня, конечно, разчитывая на бакшишъ. Я положительно удивлялся, съ какою легкостью эти дѣвочки, точно козочки, съ корзинками на головахъ, весело лѣтели въ гору по такому зною, который въ состояніи былъ бы убить лошадь. Добѣжавъ до меня, онѣ стали идти рядомъ съ моею лошадью, весело болтая и не обращая вниманія на то, какъ солнце жгло ихъ полуголыя бронзовыя тѣла. Видимо я ихъ очень интересовалъ. Но, къ моему удивленію, онѣ не просили у меня ничего, даже не произносили слова „бакшишъ“.

— Что, козлята лупоглазые, глазѣте на меня? смѣлся я.

Смѣялись и онѣ. „Не возбраняйте дѣтемъ приходите ко мнѣ — вспомнились мнѣ незабвенныя слова—ихъ бо есть царствіе Божіе“...

Когда уже мы вѣхали въ Виѳанію, именно, приблизились къ тому мѣсту, гдѣ наканунѣ чернокосяя виѳаніанка напоила меня водой, я увидѣлъ, что мой Габашъ повернулъ свою лошадь вправо, какъ бы въ обходъ Виѳаніи, къ самой крутизнѣ Елеонской горы, а сѣроглазый тѣлохранитель и Гамедъ ѣхали вчерашней тропой, ближайшей къ Іерусалиму. Я чувствовалъ, что не смогу вновь взбираться на крутизну и потому не желалъ слѣдовать за Габашемъ.

— Габашъ! Габашъ! куда вы ѣдете! кричалъ я ему.

— Лязаръ! Лязаръ! скакали около меня дѣвочки, показывая по направленію къ Габашу и силясь что-то объяснить мнѣ.

— Что, козлята, кричите! я усталъ, я ужъ видѣлъ Лязара...

— Лязаръ... эль-арабъ... эль-адей...

— Отстаньте, пучеглазья!

Я таки воротилъ Габаша на вчерашнюю дорогу и замѣтилъ, что дѣвочки были въ отчаяніи. Оказалось, что въ Виѳаніи, въ домѣ своего родственника, около самаго „Лязара“, онъ намѣревался устроить изъ меня зрѣлище для знакомыхъ: угостить меня послѣ дороги, показать роднымъ и знакомымъ, чтобы и на ихъ долю перепала отъ меня часть „бакшиша“. Но я рѣшительно не могъ исполнить его желанія— я изнемогалъ.

И вдругъ, обогнувъ Виѳанію и спускаясь между маслинами съ горы Елеонской къ Геѳсиманіи, я натыкаюсь на совершенно евангельскую картину: на осликѣ взбирается въ гору женщина, хорошо одѣтая и драпированная, совсѣмъ какъ рисуютъ на иконахъ Богородицу, ѣдущую въ Египетъ съ младенцемъ, а рядомъ съ нею старичекъ съ посохомъ, которымъ онъ слегка подгоняетъ ослика—ну, точь въ точь Іосифъ, мужъ Маріи... Они приѣхали у колодца, у самой дороги, гдѣ уже стояла какая-то бѣдно закутанная женщина и черпала воду. Когда къ ней подошелъ старичекъ, она и его напояла водой... Положительно евангельская сцена...

Когда я поравнялся съ ними, Габашъ поздоровался съ женщиною

на осликѣ, а она долго и съ любопытствомъ взглядывалась въ мою бороду и въ мой tropical-helmet.

— Кто эта женщина?

— Жена моего брата съ ребенкомъ.

Оказалось, что она ѣхала изъ Іерусалима въ Виѳанію на зрѣлище— у своихъ знакомыхъ, куда меня хотѣлъ заманить Габашъ „Лязаромъ“, посмотрѣть на меня, на страннаго „уруса“.

Но возвратимся къ Аримаѳеѣ. Любознательный возница, сообщившій мнѣ такія интересныя вещи „объ Іозуа“ и о библейскихъ „филистерахъ“, замолчалъ и уже дѣйствительно сталъ дремать, предоставивъ привычнымъ лошадямъ везти насъ къ родинѣ Іосифа аримаѳейскаго, куда мы и прибыли около полуночи. Но я не спалъ, не смотря на страшную усталость и почти совсѣмъ безсонныя предшествующія ночи. Я переживалъ все видѣнное и почувствованное въ послѣдніе дни. Въ усталой головѣ моей картины видѣннаго смѣнялись одна другой: то я сижу на вершинѣ пирамиды, кутаюсь въ пледъ отъ пронзительнаго вѣтра съ сѣвера, который далеко загналъ въ степь Сахары ея убійственныя, жгучіе вѣтра—„самумъ“ и „хамсинъ“, и я созерцаю угрюмую пустыню, разстилающуюся безбрежно за рядомъ пирамидъ; то я всхожу на Елеонскую гору, минуя историческія маслины Геѳсиманіи и высохшій Кедронскій потокъ съ сидящими у дороги нищими; то слѣдую по темному, грязному „крестному пути“, и мнѣ уже неприятно видѣть, какъ на новомъ, прекрасномъ домѣ, замѣнившемъ домъ Пилата, блестятъ золотомъ написанныя слова— „via dolorosa“, а другія слова, болѣе историческія— „esse homo“—совсѣмъ стерлись... Вотъ Іерихонъ и ночные звуки... Нѣтъ, это я дремлю...

Мы въ Аримаѳеѣ. Возница останавливаетъ лошадей у того же „Hôtel Frank“—и я просыпаюсь.

— Гдѣ мы?

— Въ Рамле... Надо покормить лошадей...

— Хорошо, кормите.

— Войдите, мейнъ геръ, въ отель и усните съ часокъ.

Я машинально вхожу въ отель, въ ту комнату, гдѣ я закусывалъ по дорогѣ въ Іерусалимъ и бесѣдовалъ съ матросиками о „Валжирѣ“ и „Пыреѣ“. Меня встрѣчаетъ нѣмчикъ.

— Что угодно вамъ?

— Спать, спать...

— Вотъ диванъ и подушка.

Въ пальто и въ шляпѣ я прислонился къ углу дивана и тотчасъ же погрузился въ море сна и грезъ...

„Земля Завулони, и земля Невѳалимля, путь моря обь-онполъ Іордана, Галилеа языкъ, людіе сѣдѣяци во тмѣ видѣша свѣтъ велій...“

„И филистеръ напали на Іозуа, а Іозуа остановилъ солнце и побѣдилъ филистеръ“...

Я вижу себя въ пустынѣ, кругомъ одни камни, а воды нѣтъ...

Меня жажда мучить... Но вотъ передо мною Ниль... какъ много въ немъ воды.. Я у Дамангура на паромѣ переѣзжаю черезъ Ниль и, наклонившись къ водѣ, хочу пить ничкомъ... Но изъ воды показывается крокодилъ—и я вздрагиваю...

— Мейнъ геръ, мейнъ геръ!

Я открываю глаза. Передо мной не крокодилъ, а нѣмчикъ, и я не на паромѣ переѣзжаю Ниль у Дамангура, а сплю на диванѣ въ „отель Франкъ“ въ Аримаеѣ.

— Пора ѣхать, лошади готовы.

— А—сейчасъ; благодарю... Нѣтъ ли воды?

— Вотъ на столѣ.

— Благодарю.

— Полфранка... Halbe-Franke...

— Что? Hôtel Frank?

— Полфранка за постой...

— А—извольте, благодарю...

— Битте...

Я опять въ дилижансѣ. Аримаея осталась за нами. Лошади бѣгутъ мѣрною рысцою, постукивая копытами о каменистое шоссе. Мнѣ дремлетъ. Мѣсяцъ только что скрылся за горизонтомъ. Звенять кузнечики. Мнѣ видится, что я сижу въ Павловскѣ, а оркестръ Пуффгольда усердно наигрываетъ что-то изъ „Königin von Saba“... А—это Савская царица изъ евангелія, и вдругъ—въ Павловскѣ!..

— Мейнъ геръ не спить?

— Нѣтъ... дремлю...

— А вонъ, вправо, виднѣется городъ Людде...

— Какой Людде?

— А развѣ мейнъ геръ забылъ? Тамъ апостоль Петръ былъ и исцѣлилъ Энеаса.

— Такого не помню.

— Какъ же! Потомъ изъ Людде онъ пришелъ въ Юппе—въ Яффѣ, куда мы ѣдемъ.

— Да, что-то такое вспоминаю... Еще Корнилій сотникъ упоминается тамъ.

— Вѣрно... Въ Яффѣ апостоль Петръ жилъ у сапожника Зимонъ и воскресилъ Тобиту.

— Помню, помню... Однако, вы прекрасно знаете евангеліе.

— Это не въ евангеліи, мейнъ геръ, а въ дѣянїяхъ апостоловъ.

Дѣйствительно, утромъ, уже въ Яффѣ, я справился въ имѣвшемся со мною библейскомъ изданіи „Новаго Завѣта“, и въ главѣ IX-й „Дѣянїи Апостольскихъ“ прочелъ: „И бысть Петру, посѣщающу всѣхъ, свити и ко святымъ, живущимъ въ Лиддѣ. Обрѣте же тамъ чловека нѣкоего именемъ Енеа, отъ осми лѣтъ лежаща на одрѣ“ и т. д. А ниже значится: „Во Юппїи же бѣ нѣкая ученица именемъ Тавмеа, яже сказаема глаголется Серна...“ Она умерла и Петръ воскресилъ

ее, и дѣйствительно въ Яффѣ онъ проживалъ „у нѣкогого Симона усмаря, ему же есть домъ при мори“...

Удивительный богословъ этотъ ямщикъ!

Но все-таки я до самой Яффы уже дремалъ. Къ утру дневной зной смѣнился холодомъ, чего я не замѣтилъ по ту сторону іерусалимскихъ горъ, въ долину Іордана и Іерихона. Я совершенно прозябъ и простудилъ себѣ зубъ. Оно и понятно,—послѣ страшнаго зноя и утомленія.

Въ Яффѣ мы пріѣхали на-разсвѣтъ, когда было еще почти темно; но, не смотря на это, полуногіе и лѣнныя сирийцы, подобно уличнымъ собакамъ, не спали и бродили, ничего не дѣлая. Заслыша экипажъ, они облѣпили меня со всѣхъ сторонъ и, по восточному обычаю, гурьбой бѣжали за дилижансомъ до самага „Jerusalem's-Hotel“, гдѣ я опять остановился.

Усталый и полубольной, я въ первый разъ не вынесъ присутствія цѣплявшейся за меня оравы и уже обругалъ ихъ по-русски.

— Бакшишъ! бакшишъ!

— Убирайтесь вы къ чорту, черномазые дармоѣды! Мнѣ совсѣмъ не до васъ!

Услыхавъ совсѣмъ сердитый голосъ и незнакомую рѣчь, они, по-видимому, догадались, что это ѣдетъ не „инглизъ“ и не „франкъ“, а сердитый „урусъ“, цѣпля сотни которыхъ они видѣли все это время въ лицѣ нашихъ матросиковъ и офицеровъ, и, вѣроятно, струсили меня не-на-шутку, потому что послѣ двухъ-трехъ окриковъ совсѣмъ оставили меня одного съ возницей.

. . . . .

XII.

На пароходѣ „Aglaja“—отъ Яффы до Портъ-Саида и Александріи.

28-го мая въ моемъ дорожномъ дневникѣ записано:

Вотъ я и опять въ морѣ. Нашъ пароходъ— „Aglaja“, австро-венгерскаго Ллойда, стоитъ въ виду Яффы. „Aglaja“—превосходный во всѣхъ отношеніяхъ и прелестный по внѣшности пароходъ: онъ, можно сказать, почти „съ иголки“—построенъ только въ 1879 году, и притомъ необыкновенно прочно во всѣхъ своихъ частяхъ, изящно и даже роскошно. Это цѣлый пловучій городъ. Вы смотрите съ него на фіолетовое море, точно съ высоты трехъ-этажнаго дома. На такомъ пароходѣ почти не страшно это противное, проклятое, вѣчно колышущееся море, которое такъ омерзѣло мнѣ.

Но даже и это противное море теперь спокойно, поразительно неподвижно: вонъ разстилается передо мной его зеркальная, безбрежная равнина... Туда, дальше, ничего не видать, кромѣ неба... И

небо, столь прелестное съ земли, кажется такимъ противнымъ, когда вы смотрите на него съ моря...

Лучше не буду на него смотрѣть — вѣдь такъ долго еще придется мыкаться по немъ, пока попадешь на милую, далекую родину... Да и попадешь ли?..

Ужъ лучше не думать объ этомъ... Лучше смотрѣть на Яффу.

Вѣдь это городъ, древнѣ котораго нѣтъ во всей вселенной—онъ древнѣ Иерусалима, древнѣ Мемфиса, Трои, Вавилона, уже не существующихъ. Вонъ та баснословная скала у края моря, гдѣ Персей избавилъ Андромеду отъ морского чудовища и вмѣстѣ съ нею попалъ на небо въ число созвѣздій. Тутъ Іона пророкъ былъ поглощенъ китомъ. Помпоній Мела и Плиній говорятъ, что Яффа, или Яфа, принадлежитъ къ городамъ, построеннымъ до потопа! Здѣсь, по еврейскимъ преданіямъ, Ной строилъ свой ковчегъ. Здѣсь сынъ его Іафетъ основалъ свою резиденцію и назвалъ городъ своимъ именемъ Іафа, Іоппе. Сюда Гирамъ, царь роскошнаго Тира, выслалъ на плотяхъ лѣсъ для храма Соломона. Съ именемъ Яффы неразлучно связаны имена Маккавеевъ, Помпея, Веспасіана, крестоносцевъ, Саладина и Наполеона!..

Вонъ, недалеко отъ насъ, стоятъ въ морѣ и наши русскіе фрегаты—„Жемчугъ“ и „Принцъ Эдмбургскій“. Тихо, совсѣмъ тихо на нихъ: не видать на палубахъ ни жизни, ни движенія—всѣ теперь въ Иерусалимѣ вмѣстѣ съ великими князьями.

Не смотря на то, что солнце уже почти готово погрузиться въ море, въ воздухѣ, даже здѣсь на морѣ, духота страшная и дышать положительно тяжело. Я сижу на палубѣ, на верху юта, и въ послѣдній разъ смотрю на Яффу. Не удивительно, что ее всегда, и въ особенности въ прежнія времена, считали преддверіемъ Иерусалима, и если пришедшіе съ далекаго запада пилигримы не могли достигнуть священнаго города по случаю всевозможныхъ опасностей отъ „срацинъ“ и отъ моровыхъ повѣтрій, то ограничивались тѣмъ, что цѣловали береговую землю Яффы, вѣря, что цѣлуютъ священную землю, орошенную кровью Искупителя — вѣдь отсюда, съ моря, у Яффы, очень отчетливо виденъ весь горный хребетъ, на восточномъ склонѣ котораго стоитъ Иерусалимъ, и если-бъ можно было нѣсколько усилить зрѣніе, то можно было бы, думаю, увидѣть отсюда верхнія, нагорныя зданія святаго города.

Да, я кажется вижу ихъ...

Прощай же, земля столькихъ думъ, мечтаній и чаяній почти всего человечества втеченіе двухъ тысячъ лѣтъ! Я не увижу тебя больше, никогда не увижу, какъ не увижу никогда болѣе и этого песчанаго берега, видѣвшаго когда-то финикіянъ, Александра Македонскаго, крестоносцевъ, Наполеона I...

Внизу, въ залѣ каютъ-компаніи кто-то играетъ на роялѣ... Это „Requiem“ Моцарта—какъ кстати!..

И какъ не встаетъ люлюкаетъ гдѣ-то на палубѣ, за переднею мачтою, несчастная флейта, наигрывающая что-то изъ оперы...

Портъ-Саидъ, 29 мая. Вотъ я опять на рубежѣ Азіи и Африки. Когда, 23 мая, я уѣзжалъ изъ Портъ-Саида на пароходѣ „Saturno“ въ Яффу, чтобъ оттуда слѣдовать въ Іерусалимъ, я прощался съ Африкой, думая, что никогда больше въ жизни не увижу ее. Я предполагалъ изъ Іерусалима воротиться въ Яффу и оттуда продолжать плаваніе правымъ, круговымъ рейсомъ, черезъ Бейрутъ, Триполи, Александретту. Но обстоятельства сложились такъ, что я вотъ опять въ Портъ-Саидѣ, смотрю на эту песчаную равнину Суэзскаго перешейка, на Суэзскій каналъ—на эту воданую нитку въ Тихій океанъ—нитку, при которой путь въ Индію вокругъ Африки и Мыса Доброй Надежды, открытый когда-то съ такими трудностями Васко-де-Гамою, становится уже путемъ второстепеннымъ, какъ многое въ исторіи стало второстепеннымъ и ненужнымъ, когда явились новыя формы и требованія жизни и отмѣнили старыя, отжившія...

Опять я сижу на ютѣ и слушаю, но уже не „Requiem“, а опротивѣвшій мнѣ до одуренія неумолкаемый скрипъ „лебедки“ (элеваторъ-блокъ), нагружающей въ люкъ нашего парохода безконечное число тюковъ хлопка, перекрученныхъ желѣзными полосами; опять вижу этихъ систематически выныряющихъ изъ моря и съ сапомъ и плескомъ погружающихся въ него громадныхъ дельфиновъ съ ихъ торчащими изъ спины плавательными гребнями; опять мнѣ видится цѣлая вереница историческихъ картинъ и лицъ, проходившихъ когда-то этимъ Суэзскимъ перешейкомъ—и Іосифа, проданнаго братьями и ведомаго въ Египетъ еоіопскими купцами, и толпы израильтянъ, уходящихъ изъ египетскаго плѣна съ Моисеемъ, и погибающихъ въ Черномъ морѣ фараоновъ, и Богородицу на осликѣ съ Предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ и съ Іосифомъ „древодѣлю“ вмѣсто „саиса“ (какъ объяснено въ „Поѣздкѣ къ пирамидамъ“), а тамъ—массы временныхъ побѣдителей западнаго міра—арабовъ и турокъ съ ихъ калифами во главѣ...

Вонъ въ числѣ рабочихъ арабовъ, негровъ-нубійцевъ и сирійцевъ и египтянъ, грузящихъ хлопокъ, я вижу зулуса — крѣпкаго, массивнаго, работающаго дикаря... Эка куда занесла его судьба съ мыса Доброй Надежды!—точно меня изъ Петербурга...

Сегодня насъ окуривали чиновники, конечно египетскіе, пріѣзжавшіе изъ Портъ-Саида... Боятся, что мы завеземъ въ Египетъ и въ Европу чуму изъ Месопотаміи и Сиріи...

Утро 31-го мая. Вблизи египетскихъ береговъ.

Скучно. Порядочная качка. Море—фу, какое противное!

«истор. вѣстн.», годъ II, томъ VI.

Слышу, какъ сосѣдка моя по каютѣ, какая-то англійская леди, мучится морскою болѣзнью... Бѣдная!.. Только на меня, счастливца, не дѣйствуетъ ни море, ни качка.

Тоска какая! Пора бы домой...

1-е июня. Я опять въ Египтѣ, въ Александріи. Когда нашъ пароходъ остановился въ портѣ и къ намъ налетѣли на палубу драгоманъ изъ разныхъ александрійскихъ отелей съ надписями на груди— „Hôtel Abbat“, „Hôtel des Messageries“, „Hôtel Europe“ и др., драгоманъ изъ „Messageries“ узналъ меня, потому что я у нихъ останавливался, когда возвратился въ первый разъ изъ-подъ пирамидъ въ Александрію. Драгоманъ этотъ былъ слугою у Лессепа и потому не разъ бывалъ въ Европѣ.

Когда я уже теперь стѣзжалъ на берегъ въ Александрію, таможенные чиновники узнали меня и даже не смотрѣли мой паспортъ. Они удивлялись быстротѣ, съ какой я успѣлъ побывать вездѣ—и на пирамидахъ, и въ Иерусалимѣ. Я отвѣчалъ, что потому именно и торопился вездѣ быть и все видѣть, что боялся—не выдержу массы глубокихъ впечатлѣній, слишкомъ глубокихъ, чтобы не поражать своею интенсивностью и разнообразіемъ новизны для меня и контрастовъ,—боялся быть подавленнымъ этою массою впечатлѣній и захворать гдѣ-либо въ пути. Вѣдь все время я былъ одинъ—я былъ слишкомъ одинокъ въ незнакомыхъ для меня странахъ—и вся тяжесть впечатлѣній, не раздѣленная ни съ кѣмъ, ложилась на меня одного и подавляла меня, буквально подавляла своею массивностью. Вѣдь это не по Европѣ фланировать, не по Висбаденамъ, Эмсамъ и Крейцнахамъ, гдѣ все знакомо и какъ-бы свое; здѣсь все поражаетъ васъ своею невиданностью и тяжестью—суровостью, такъ-сказать, тысячелѣтнихъ историческихъ воспоминаній, и все это не похоже на то, что вы знали и видѣли прежде. Раздѣлять же всю эту массу впечатлѣній съ бумагой, съ перомъ и чернильницей, передать все это своему дорожному дневнику—легко сказать!—Это значило бы—„измѣрить пядью небо и дланью землю“, или помѣстить Средиземное море въ стаканъ...

XIII.

2—3—4 июня, на пароходѣ „Aglaja“, въ Средиземномъ морѣ, между Египтомъ и Архипелагомъ.

Море, все море, безъ конца море!.. Хоть бы клочекъ земли гдѣнибудь, хоть бы птица пролетѣла въ воздухѣ, хоть бы облачко проплыло по небу—ничего, кромѣ этой безконечной, безбрежной синевы надъ головою и этого убійственно однообразнаго, наводящаго смертную тоску моря...

Третій уже день мы плывемъ отъ Александріи, не видя ничего, кромѣ неба и воды. Все осталось назади, какъ прожитая жизнь, какъ сонъ, какъ видѣніе — и „желтый“, скорѣе мутно-сѣрый Нилъ, и сѣрыя громады пирамидъ, и исчезающіе въ синей дали парходы, пробирающіеся Суэскимъ каналомъ въ Тихій океанъ, и эта дымчатая палестинская даль, и холмы Іерусалима, и облачная синева Моавитскихъ горъ съ Мертвымъ моремъ и Іорданомъ—все осталось назади, словно далекія воспоминанія молодости... И жаль становится всего этого — жаль, что уже никогда больше въ жизни не видать мнѣ ни Нила, ни пирамидъ, ни жалкаго Кедронскаго поточка съ Геэсианскимъ садикомъ...

А морю все нѣтъ конца!

Въ этомъ томительномъ однообразіи я не нахожу себѣ мѣста — то слоняюсь какъ тѣнь по обширной площадкѣ парходнаго юта, въ сотый разъ созерцая закутанныя въ полосатныя, яркія ткани несуразныя фигуры турчанокъ-аристократокъ, сидящихъ на разостланныхъ коврикахъ, или прислушиваясь къ безсвязному говору пассажировъ всевозможныхъ восточныхъ типовъ и національностей, то отъ утра до полудня, отъ завтрака до обѣда пишу въ каютъ-компаніи подъ однообразное покачиванье пархода и трепетанье висячихъ лампъ, пишу не разгибая спины, то опять созерцаю безконечное море, пѣвныя позади пархода фіолетово-изумрудныя волны...

Горланить вдали пѣтухъ — это нашъ парходный „алекторъ“; и ему, какъ видно, надоѣло море...

Турки, арабы, феллахи, абиссинцы, нубійцы, сирійцы, греки, гречанки, турчанки, арабки—все это точно въ бреду какомъ-то видишь и слышишь, все это—чужое, и все это, кажется, такъ уже надоѣло, утомило, приглядѣлось...

Вездѣ, каждую минуту, на палубѣ, въ каютѣ, за завтракомъ, за обѣдомъ, все слышишь чужое: чужую рѣчь — рѣчь о чужихъ, далекихъ странахъ, о чуждыхъ намъ интересахъ... Калькутта, Бейрутъ, Дамаскъ, Іеддо — хоть-бы намекъ на Россію, хоть-бы слово русское!..

Даже дельфиновъ не видать давно — они хоть бы Черное море напоминали, Кавказъ, Крымъ — все-же свое...

Солнце и встаетъ изъ моря и погружается опять въ то же противное море, чтобы потомъ опять выползти изъ воды и безъ конца, тысячи безконечныхъ минутъ и секундъ ползти по этому скучному небу надъ этимъ скучнымъ моремъ...

Хоть-бы парходъ вдали, хоть-бы дымокъ на горизонтѣ!..

Однако, земля должна быть близко. Вонъ показались птицы — чайки начинаютъ летать вслѣдъ за парходомъ и оглашать воздухъ жалобными криками, словно въ „Ифигеніи въ Тавридѣ“...

А пароходъ все бурлить огромнымъ винтомъ и вздрагиваетъ, разсѣвая фіолетовую влагу...

Гдѣ же земля? Солнце печетъ въ самое темя — на небѣ все такъ-же ни облачка, ни тѣни...

Я ухожу въ каюту и опять пишу, вспоминая видѣнное, котораго уже никогда не видать мнѣ больше...

Опять выхожу на ютъ. Все то же море, море и только море...

Но вотъ вдали, изъ-за горизонта, медленно, чуть замѣтно, выплываютъ синеваго-гуманныя облачка... Греки узнаютъ свою родную землю...

— Архипелагось... Родось... Прассонисось...

— Кось... Астропалия...

— Калимни! Калимни!

Какою радостью горятъ ихъ черные глаза, свѣтятся оживленные лица!.. Точно воротились на пароходъ времена Перикла и Фукидида... Вонъ и хорошенькія черноволосыя Аспазіи...

Пароходъ, послѣ одуряющаго однообразія открытаго моря, затесался въ цѣлую группу прелестнѣйшихъ острововъ. Всѣ грекосы высыпали на ютъ... Я глубоко понимаю ихъ... Какіе радостные крики!.. Такъ и кажется, что я самъ участвую въ „Анабазисъ“ Ксенофонта — и мнѣ слышатся восторженные „та́ласса! та́ласса!..“

— Николаки! Васили!.. Кали, кали!.. Калимера...

— Кирие елейсонъ!.. Проскомень... Параску — икуси... Прагмата...

Чувствуешь себя точно въ церкви, за богослуженіемъ... Запѣли на палубѣ грекосы — и пѣніе ихъ кажется церковною службою, литією, проскомидією...

А острова все прелестнѣе и прелестнѣе то съ того, то съ другого боку парохода... Даже грекосы не могутъ разобраться въ нихъ — такъ ихъ много!..

Оставляя въ сторонѣ, то справа, то слѣва, безчисленныя группы то маленькіихъ, голыхъ какъ лысина старца, то зеленыхъ большіихъ острововъ — Родось, Кось, Тилось, Нисирось, Астропалею, Калимонь, мы къ полудню 4-го іюня приплыли къ городу Леросу на островѣ того же имени. Что за очаровательный видъ съ моря! Городокъ, весь бѣлый, словно пашки домино, разставленные по горамъ и скаламъ среди кипарисовъ, маслинъ и лимонныхъ группъ, такъ и сверкаетъ своею чистотой и классическимъ очарованіемъ.

И лица, налетѣвшія съ берега на пароходъ, не тѣ уже, что были въ Африкѣ, въ Египтѣ, въ Сириі, въ Палестинѣ: все это уже эллины, потомки Гомеровъ, Солоновъ, Аристидовъ — не тѣ типы, не тотъ языкъ, не та мелодія рѣчи...

Потомъ, минуя Фурни, Самось, Икарію — не тутъ ли леталъ бѣдный Икаръ на своихъ крыльяхъ и не тутъ ли упалъ онъ въ это

фіолетовое море? — мы пристали къ Хіосу... Какъ страшны еще тутъ слѣды разрушенія и смерти послѣ ужаснаго землетрясенія!

Послѣ Хіоса, къ утру, мы приплыли къ Смирнѣ... Я опять на родинѣ Гомера... Опять брожу по берегу, по городу, плутаю въ узкихъ улочкахъ, слушаю звяканье колокольцовъ на длинныхъ шеяхъ верблюдовъ — это караваны ихъ отправляются въ глубину Азіи, въ Дамаскъ, въ Месопотамію, въ Аравію, въ Мекку и Медину... Какъ далеко осталась назади наша священная Мекка!..

Прощай и родина Гомера — мы плывемъ дальше.

Ночью мы пристаемъ къ острову Митилены. Видны только огоньки по берегу, по горамъ. Смутно виднѣются очертанія горъ. Но вотъ пароходное начальство дѣлаетъ намъ сюрпризъ: оно наводитъ на городъ электрическое солнце — и передъ нами во мракѣ ночи открывается волшебная картина... Чудный городъ, облитый бѣло-голубоватымъ электрическимъ свѣтомъ, словно идетъ по водѣ къ намъ на встрѣчу... Бѣлые дома, окна, зелень садовъ, набережная, горные утесы — все движется и трепещетъ по мѣрѣ движенія электрическаго солнца, льющаго отъ себя бѣлый, молочно-голубоватый свѣтъ...

XIV.

Мимо Трои.—Константинополь.—Опять Черное море.—На родинѣ.

На другой день мы уже входимъ въ преддверіе троянской земли. Теведось, Лемносъ, Имбросъ, а вправо холмистая Троя — только тѣнь, память Трои! — и вѣчная, безсмертная, вѣчно „затуманенная Ида“, на которой помѣщались когда-то безсмертные боги Олимпа и которую въ своемъ поэтическомъ вдохновеніи созерцалъ „слѣпецъ-всевидающій“, безсмертный Гомеръ...

Въ 1830 году, когда я еще не родился на свѣтъ Божій, проѣзжалъ здѣсь, по пути въ Египетъ и Палестину, Муравьевъ, о которомъ я уже говорилъ выше, и вотъ какія ощущенія проходили по его душѣ при видѣ троянскихъ береговъ: „Взоры мои были обращены къ полямъ Иліады, они искали прибрежныхъ кургановъ Аякса и Ахилла и водъ Симоиса, и жадно приняли къ дальнимъ развалинамъ Александровой Трои, еще раскинутымъ на поморіи въ заливѣ иліонскихъ. Легкія высоты синимъ амфитеатромъ возставали за ними, быть можетъ высоты Каликолонны, на которыя стекались боги Омра возбуждать своимъ присутствіемъ витязей, коихъ страстями распались сами и, бурные, вторгались въ битву, вооруженные своимъ несохранительнымъ безсмертіемъ.

Страшно гремѣлъ всемогущій отецъ людей и безсмертныхъ
Съ неба; внизу колебалъ Поссейдонъ необъятную землю;
Горы тряслись; отъ подошвы богатой потоками Иды

Все до вершины ея и Пергамъ съ кораблями дрожало.
 Въ царствѣ глубокой, подземныя тьмы Айдоной возмущенъ:
 Блѣдень съ престола сбѣжалъ онъ и громко воскликнулъ, чтобъ свыше
 Твердой земли не пронзилъ Посейдонъ сокрушитель, чтобъ оку
 Смертныхъ людей и боговъ неприступный Андъ не открылся,
 Страшный, мглистый, пустой и безсмертнымъ самимъ ненавистный.

„Быль вечеръ—продолжаетъ онъ—и усталыя облака ложились
 около Иды, какъ птицы, летающіяся въ обычному своему пріюту;
 одно запоздавшее еще носилось надъ дивнымъ полемъ брани и от-
 тѣняло на немъ одинокій высокій холмъ,—я привѣтствовалъ холмъ
 сей именемъ Ахилла. Мнѣ казалось, что на его лишь вершинѣ дол-
 женъ былъ стоять въ мрачномъ величїи роковой витязь, выражая въ
 пѣснахъ судьбу свою:

Отъ Скироса вдаль влекомый
 Поплыветь Неоптолемъ,
 Брегъ увидить незнакомый
 И зеленый холмъ на немъ.
 Кормчїй юношѣ укажетъ,
 Полный думы, на курганъ:
 „Вотъ Ахилловъ гробъ, онъ скажетъ,
 Тамъ вблизи былъ греховъ станъ!
 Вкругъ ужъ пусто, смолкли бои,
 Тихи Ксантъ и Симоисъ,
 И уже вкругъ башенъ Трои
 Плющъ и тернїи обвились...
 Обойдешъ долину брани;
 Тамъ, гдѣ ратовалъ Ахиллъ,
 Ужъ стадаются робки лани
 Вкругъ оставленныхъ могиль...
 Вспомни тогда Ахилла!..“

Да, и я вспомнилъ его съ тою глубокою, сладкою грустью, съ
 какою воспоминается золотое дѣтство.

Прощай же, тѣни Трои! прощай, не умирающїй Скамандеръ!.. Только
 тѣни Ахилла, Патрокла, Гекубы и Андромахи будутъ слѣдовать за
 мною въ мою далекую родину... А тебя, священная память Иліона,
 разрытый Шлиманомъ безсмертный холмъ, тебя мнѣ уже не видать
 больше...

Черезъ Гелеспонтъ, мимо Галиполи мы входимъ Дарданеллами въ
 Мраморное море. Это уже 7-е іюня — воскресенье. Въ Смирнѣ на
 нашъ пароходъ сѣлъ „князь Самоса“, какъ его называли на паро-
 ходѣ, „принчипе“, съ своею массивною черноглазою „принчипессою“
 и огромнымъ семействомъ и свитой. Это старый паша въ фескѣ и
 въ европейскомъ костюмѣ. У него хорошенькія дочери.

Въ Мраморномъ морѣ необыкновенно тихо, такъ тихо, что моло-
 денкія самотянки, дочки самоссаго князя, затѣяли музыку, плясъ,
 а потомъ и пѣвіе въ помѣстительной, роскошно отдѣланной залѣ ка-
 ютъ-компанїи. Нашлись и молодые мужчины, тоже грекосы. И вотъ

молодыя Фрины и Аспазіи вмѣстѣ съ молодыми Периклами и Алкивіадами, наплясавшись досыта, запѣли разныя патріотическія греческія пѣсни подъ аккомпанементъ рояля. Но голоса пѣсенъ такъ скучны, монотонны. Только одна, очень живая и бойкая пѣсня мнѣ понравилась, и я отъ души апплодировалъ юнымъ Аспазіямъ и Перикламъ.

На другой день, утромъ, мы были уже въ Константинополѣ. Я опять любовался прелестнымъ видомъ береговъ Босфора, Золотымъ Рогомъ, Стамбуломъ съ его массивными мечетями, стройными минаретами и святою Софією, тоже съ иглообразными минаретами.

Здѣсь я простился съ прекрасною „Аглаею“, съ ея любезнымъ капитаномъ, съ помощниками и услужливою прислугою, а равно съ итальянскимъ языкомъ, мелодія котораго тѣшила мой слухъ отъ Яффы вплоть до Золотого Рога, втеченіе двѣнадцати сутокъ, что я не сходилъ съ австрійскаго парохода: все на немъ — и команда, и обиходный разговоръ, и болтовня и шутки матросовъ—все происходило на пѣвучемъ языкѣ Данта и Петрарки.

Я пересѣлъ на русскій пароходъ „Александръ“, и въ первый разъ послѣ Палестины и Египта опять услыхалъ родную рѣчь. Но зато какъ стыдно мнѣ было и горько смотрѣть на русскій пароходъ! Это былъ старый хлѣвъ въ сравненіи съ роскошными пароходами „Saturno“ и „Aglaja“: маленькій, жалкенькій, старенькій, хотя его и держали въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ... Но развѣ поможетъ чистота тамъ, гдѣ все устарѣло и отжило свой вѣкъ!.. Чѣмъ-то нищенскимъ отдавало отъ этого парохода... Воображаю, какъ стыдно смотрѣть милому, любезному капитану „Александра“ на блестящіе пароходы другихъ націй, даже на турецкіе и египетскіе. За Россію стыдно!

Передъ нашимъ отходомъ изъ Константинополя, къ пароходу приплыла съ берега большая лодка, нагруженная, точно багажомъ, русскими богомольцами и ихъ котомками. Все это большею частью странники, посѣщавшіе Аѳонъ. Жалко смотрѣть на ихъ лохмотья и изможденность; но они счастливы по — своему: они видѣли то, чего искали... Они видѣли даже то, чего мы, люди сомнѣнія, видѣть уже не можемъ...

- Съ Аѳона, милый человѣкъ?
- Съ Аѳона, родимый.
- А что видѣли?
- И-и! и не говори, родимый.
- И Царьградъ осматривали?
- Какъ же, родимый... И Софѳю премудрость видѣли, и мѣднаго змія изъ пустыни, и у змія главы отрублены, и столпъ царя Константина и матери его Елены... И-и!

Этимъ людямъ вѣры все видится такъ, какъ видѣлось когда-то игумену Даніилу, либо іеродіакону Зосимѣ...

„И оттолѣ идехомъ ко адовымъ вратамъ, и видѣхомъ врата адовы“... Вотъ что видѣли наши предшественники — „врата адовы!“ Все это видать и наши страннички...

Такъ и мой собесѣдникъ, воротившійся съ Аеона и видѣвшій въ Константинополѣ „мѣднаго змія изъ пустыни“ и „столпъ царя Константина и матери его Елены“ — онъ все видѣлъ глазами XI вѣка, не XIX-го.

Развѣ это не то же самое, что когда-то видѣли игумень Даниль либо іеродіаконъ Зосимъ? „Предъ дверьми же святой Софіи столпъ стоитъ, на немъ царь Юстиніанъ стоитъ на конѣ: конь мѣдьянъ, и самъ мѣдьянъ вылить, правую же руку держитъ распростерту, а зритъ на востокъ, а самъ хвалится на срацинскіе цари; а срацинскіе цари противъ ему стоятъ, всѣ болваны мѣдьяны, держатъ въ рукахъ своихъ дань, и глаголятъ ему: „а не хвалися на насъ, господине; мы бо ся тебѣ ради, и потягнемъ противу ти не иножды, но многократно“. Въ друзій же руцѣ держитъ яко яблоко злато, а на яблоцѣ крестъ. А отгуду есть, яко съ стрѣловище, еже ся мѣсто зоветь—Подорожье („Гипподромъ“), урыстаніе конское, и тутъ поставленъ столпъ на спѣ, а сопъ есть вышины человѣка съ три, а на спѣ томъ лодыги четыре мраморены, а на лодыгахъ тѣхъ поставленъ столпъ, а высота его есть шесть сажень, а ширина его одна сажень, единъ камень безъ става. И ты бо, человѣче, читавый хожене се, не моги тому подивитися — кто тое бо есть ставилъ? Какіе бо се были людіе? И возлѣ стоитъ столпъ, три главы аспидовы мѣдьяны сплетены вмѣсто одной главы, а въ нихъ запечатлѣнъ ядъ змійнъ: тотъ, кого охабитъ змія внутри града, и тиі прикасають бо ся и исцѣлевають; аще ли внѣ града, то нѣсть исцѣленья. Пovyше же гипподрома стоитъ столпъ, и вверху крестъ, гдѣ былъ дворъ царя Константина, и въ немъ запечатлѣны акруги Христовы дванадесять, и Ноева ковчега сѣкира, чѣмъ Ной ковчегъ дѣлалъ, и камень, илъ изъ него Моисей воду источи“...

Намъ, людемъ сомнѣнія, не видать этого...

Въ 3 часа пополудни, 8-го іюня, нашъ пароходъ вышелъ изъ Золотого Рога и пошелъ вверхъ по Босфору. Я обошелъ весь пароходъ, чтобъ ознакомиться, такъ сказать, съ характеромъ его населенія, и нашелъ, что ничто уже не напоминало Востока: куда дѣвались эти грекосы, турки, сирійцы, бѣлые и черные арабы, еіопы, фараоны, мурины! все исчезло, осталась одна Русь православная. Я чувствовалъ себя почти на родинѣ. Капитанъ, природный украинецъ—пресимпатичнѣйшая личность, его помощники — очень милые молодые люди, старшій машинистъ съ южно-славянскою фамилією—чрезвычайно обязательный славянинъ и хорошій собесѣдникъ; двѣ молодыя путешественницы изъ Николаева—все это было и по душѣ, и по обхожденію русское, доброе, внимательное. Матросы и третьеклассники—второклассниковъ у насъ совсѣмъ не было—всѣ русскіе.

Было еще два грека съ семействами, но и они какъ-то поглощались русскимъ элементомъ.

Противъ Буюкъ-Дере пароходъ остановился на полчаса, чтобы принять въ число своихъ пассажировъ нашего посланника въ Константинополь, нѣкогда извѣстнаго литератора и ученаго, а нынѣ еще болѣе извѣстнаго въ политическомъ мѣрѣ дипломата — Е. П. Новикова. Онъ пріѣхалъ на пароходъ на военномъ паровомъ катерѣ въ сопровожденіи своего семейства и болѣе десятка молодыхъ людей, по всей вѣроятности, состоящихъ при посольствѣ.

Я не видѣлъ г. Новикова съ пятидесятихъ годовъ, съ того золотого времени, когда я былъ еще студентомъ, а г. Новиковъ уже работалъ, въ качествѣ молодого дипломата и литератора, и перомъ начинающаго государственнаго мужа, и перомъ талантливаго беллетриста, подъ псевдонимомъ Данковскаго. Съ того времени онъ, конечно, постарѣлъ, но очень немного: онъ смотритъ вполне бодрѣмъ, живѣмъ, хотя много поработавшимъ человѣкомъ, и держитъ себя такъ просто, такъ деликатно внимателенъ ко всѣмъ, что невольно располагаетъ къ себѣ cadaго.

Молодежь, проводивъ его на пароходъ, возвратилась въ Буюкъ-Дере, и мы продолжали плаваніе.

Путешествіе и одиночество, особенно на морѣ, скоро сближаютъ людей—и мы совершенно случайно разговорились. Я считаю нахальствомъ заговаривать съ людьми, поставленными въ положеніе, въ которомъ нынѣ находится г. Новиковъ, о политикѣ, и потому старался тщательно избѣгать подобныхъ разговоровъ. Я напомнилъ ему о его прежнихъ ученыхъ работахъ, о его массивномъ трудѣ о „Гуссѣ“, надѣлавшемъ въ свое время столько шуму въ ученомъ мѣрѣ и въ особенности между славистами. Но что поразило его изумленіемъ и порадовало — это напоминаніе о томъ, что я зналъ его когда-то какъ г. Данковскаго и читалъ его юношескія произведенія, теперь ставшія библиографическою рѣдкостью.

— Но откуда вы это узнали?

— Я—старый литераторъ, и нѣсколько знакомъ съ литературнымъ прошлымъ...

— А я думалъ, что этого никто не знаетъ, что всѣ позабыли о моихъ юношескихъ прегрѣшеніяхъ.

— Печать не должна забывать своего прошлаго: въ этомъ ея задача и жизнь... Ваши же „юношескія прегрѣшенія“ были хорошими попытками—дать въ литературѣ гражданство народному языку.

— Да... Но я все-таки думалъ, что Данковскій забытъ...

— Нѣтъ... Пока существуютъ литературные сплетники—библиофилы и библиографы—а они будутъ существовать вѣчно—г. Данковскій не умретъ.

О другихъ нашихъ бесѣдахъ, не литературныхъ, я не считаю себя вправѣ говорить...

Во все время плаванія нашего отъ Константинополя до Одессы, погода выдалась прелестная — хоть бы малѣйшая качка. Маленькій сынчикъ капитана, очень живой мальчуганъ, вздумалъ было развлечься среди морского однообразія пусканіемъ змѣя; но и змѣй не хотѣлъ летать надъ Чернымъ оремъ—такъ оно, противъ своего обыкновенія, было тихо, ласково и гостеприимно...

Далекій Востокъ отходилъ все далѣе и далѣе въ моихъ воспоминаніяхъ—и многоводный мутный Нилъ съ „царственными могилами“, и эти „царственные могилы“—пирамиды, и „бедуины“, которые „забыли наѣзды для цвѣтныхъ шатровъ и поютъ, считая звѣзды, про дѣла отцовъ“, и гигантскія пальмы, выросшія изъ праха Клеопатры и фараоновъ, и живые фараоны и еѳіопы, и эти ходячіе сфинксы съ кувшинами на головахъ, и свѣжіе бананы за десертомъ, и тропическое солнце, и „святая святыхъ“ всего цивилизованнаго міра—Голгоѳа, Кедронскій потокъ и Геѳсиманскій садъ съ его „кринями сельными“, и Виѳанія съ хлопотливою Марѳою и поэтической Марією, изъ которыхъ первая напоила и меня водою, и дикая пустыня, гдѣ я провелъ столько мучительныхъ часовъ въ страхѣ за свою жизнь и гдѣ даже „акриды“ не трещатъ въ глухую ночь, и камни отъ стѣнъ Іерихона, и „вербы“ Іордана, и источникъ пророка Елисея, изъ воды котораго мнѣ дѣлали чай у іерихонскаго шейха, и эта божественная ночь вблизи Мертваго моря, — все, все становилось для меня прошлымъ, далекимъ, недосягаемымъ, какъ звѣзды небесныя...

И мнѣ вспомнилось „послѣсловіе“ игумена Даниила, написанное въ концѣ его путешествія: „Буди же всѣмъ, почитающимъ написаніе сіе съ вѣрою и любовію, благословеніе отъ Бога и отъ святаго гроба и отъ всѣхъ мѣстъ святыхъ: примутъ бо мзду отъ Бога равну съ ходившими до святаго града Іерусалима и съ видѣвшими мѣста сіи святія. Блаженни бо видѣвшіе и вѣровавшіе, и треблаженни, иже не видѣша—и вѣроваша... Но, Бога ради, братіе и отцы и госнодіе мои, сынове рустіи! не зазрите моему худоумію и грубости моей, и да не будетъ ми въ похуленіе написаніе сіе, не меня ради грубаго, но святыхъ ради мѣсть... Прочитайте все сіе съ любовію и вѣрою, да мзду примите отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и Богъ мира да будетъ со всѣми вами во вѣки вѣковъ, аминь...“

Утромъ 10-го іюня, на разсвѣтѣ, я вступилъ на русскую землю въ карантинной гавани въ Одессѣ. Мнѣ казалось, что приставшая къ моимъ подошвамъ историческая пыль пирамидъ и частицы священной земли отъ „*via dolorosa*“, которую не загрязнить никакая человѣческая нечисть,—еще оставались на моихъ ногахъ и смѣшались съ землею моей родины, когда ноги мои коснулись ея, а сердце раскрылось настежь, чтобы принять въ себя все, что въ ней есть дорогаго и милаго, и все, что еще осталось въ ней горькаго и обиднаго...

Д. Мордовцевъ.

НЕУДАЧНЫЙ КАРЬЕРИСТЪ.

(Мнимый заговоръ на жизнь императора Александра I).

I.

ПОРУЧИКЪ Семеновскаго полка Алексѣй Петровичъ Шубинъ, потомокъ елизаветинскаго „сержанта-фаворита“ Шубина, проснулся въ самомъ скверномъ настроеніи духа и съ головною болью послѣ вчерашняго кутежа. Накинувъ халатъ, поручикъ крикнулъ камердинера и спросилъ крѣпкаго кофе.

На подносѣ, вмѣстѣ съ кофе, камердинеръ принесъ ему два письма.

— Кой еще тамъ чортъ! проворчалъ хриплымъ голосомъ поручикъ и порывисто сорвалъ печать съ одного пакета. Это было приглашеніе одного изъ товарищей-офицеровъ о подпискѣ между семеевцами на ужинъ „съ дамами“. При этомъ сообщалось, что по случаю предстоящаго полковаго праздника затѣвается особенное пиршество. „Вообще, ты въ послѣднее время—говорилось въ письмѣ—какъ-то особенно рѣдко появляешься на товарищескихъ попойкахъ. Скучъ сталъ ты, что-ли, или заважничаль?.. И то, и другое нехорошо относительно товарищей, и можетъ быть истолковано ими въ худую сторону. Предупреждаю тебя по-дружески. Подписныя деньги можешь внести хоть сегодня-же, но никакъ не позже трехъ дней“.

— Чортъ подери! Этого еще не доставало! зарычалъ поручикъ и бросилъ письмо далеко отъ себя.—Гдѣ я возьму эти деньги?.. И такъ кругомъ въ долгу — кредиторы грозятъ жаловаться, и тогда мнѣ не сдобровать!

Другое письмо было отъ отца.

„Любезный сынъ Алексѣй!

„Я съ прискорбіемъ замѣчаю, что ты, не внимая совѣтамъ родителей твоихъ, ведешь въ Петербургѣ жизнь развратную и раззорительную. Таковое непокорство твое весьма огорчительно намъ, а наипаче потому, что ты оказываешь мнѣ дерзость и неуваженіе и словесно и письменно. Ты пишешь, что гвардейская служба требуетъ большихъ расходовъ, а я скажу тебѣ, что я самъ служилъ побольше твоего и знаю, что съ умомъ можно жить на тѣ деньги, что мы съ матерью посылаемъ тебѣ. Всѣ же твои долги я платить не могу и объявляю тебѣ, что съ сего времени ты не получишь отъ меня ни денежки сверхъ того, что я посылалъ и долговья записки твои платить не буду. Помни это и будь благоразумнѣе. Времена нонче тугія, хлѣбу былъ недородъ, да и скотскій падежъ былъ у насъ, и я продалъ двадцать душъ безъ земли на выводъ генеральшѣ Зинаидѣ Федоровнѣ“...

Поручикъ злобно фыркнулъ и, также недочитавъ письмо, швырнулъ его и схватился руками за голову...

— Ахъ я несчастный, несчастный! шепталъ онъ, склоняся надъ столомъ... И что онъ, старый дуракъ не убирается! вдругъ вскочилъ поручикъ съ мѣста, — давно бы пора ему на покой, а онъ кряхтитъ, какъ кикимора, надъ деньгами, а тутъ вывертывайся, какъ хочешь!.. Не дасть! ни гроша не дасть, коли ужъ сказалъ—я его знаю! разсуждалъ самъ съ собою поручикъ, ходя изъ угла въ уголъ... Вотъ когда бѣда-то!.. настоящая бѣда пришла!.. Надо что нибудь придумать, надо вывернуться, наконецъ, изъ этой нужды, а то хоть выходи въ отставку...

Поручикъ Шубинъ глубоко задумался.

Черезъ часъ, онъ, гремя саблею, уже спускался съ лѣстницы, сѣлъ въ ожидавшуюся у подъѣзда линейку и поѣхалъ „обдѣлывать дѣла“, чтобы не ударить въ грязь лицомъ передъ товарищами, которые начали уже поговаривать что-то о скупости и заносчивости.

Поручикъ зналъ, что это значитъ, понималъ, что этимъ самымъ ему дается косвенный намекъ на отставку или переводъ въ армію, и самолюбіе его страдало неимоვნно. Молодой и гордый Шубинъ не могъ допустить мысли о позорномъ переводѣ въ армію...

— По бѣд-но-сти!.. шевелилась въ его головѣ неотвязная мучительная мысль,—скажутъ: „коли ты нищій, такъ чего и совался въ гвардію... не мараль бы мундира... Честь гвардейскаго мундира дороже всего!“

— Нѣтъ, я не допущу себя до этого позора! Я покажу себя, чего бы мнѣ это ни стоило!

Поручикъ велѣлъ кучеру остановиться у моднаго портного, гдѣ заказывала себѣ платье вся военная знать, и вошелъ туда. Добрыхъ полчаса пробился онъ съ хозяиномъ полужидомъ-полуфранцузомъ, убѣждая повѣрить въ кредитъ и увѣряя, что черезъ двѣ недѣли онъ

получить „со своихъ земель“ чуть ли не сотни тысячъ и, наконецъ, уладивъ кое-какъ дѣло, весь красный и злой вышелъ изъ магазина. Предстояло еще труднѣйшее дѣло: достать денегъ.

Около гвардейскихъ офицеровъ всегда трется цѣлая орава разныхъ ростовщиковъ, готовыхъ за огромные проценты ссудить нѣсколько сотенъ рублей, но для Шубина и этотъ источникъ былъ почти совсѣмъ закрытъ. Онъ задолжалъ уже всѣмъ и никому не платилъ какъ слѣдуетъ, да кромѣ того, чуткіе ростовщики пронюхали, что поручикъ бѣденъ, а отецъ его не платитъ долговъ сына, владѣя незначительнымъ имѣніемъ.

Они не могли рассчитывать пожитья хорошо даже и послѣ смерти отца, и потому Шубину было труднѣе, чѣмъ кому либо изъ его товарищей побогаче, достать отъ этихъ негласныхъ благодѣтелей денегъ на предстоящіе расходы.

Онъ зналъ это, понималъ, какое униженіе долженъ будетъ вынести, уговаривая этихъ іудеевъ ссудить ему рублей двѣсти триста, и все-таки ѣхалъ къ нимъ, гонимый фатальной необходимостью „поддержать честь гвардейскаго мундира“... О, проклятая необходимость! сколько ты погубила молодыхъ и недужинныхъ силъ! сколько полезныхъ дѣятелей родной страны превратила въ преступниковъ, сколько отцовскихъ дворянскихъ капиталовъ пересыпала въ руки темныхъ изъ грязи вылѣзшихъ людей гешефта. Какія роскошныя имѣнія рухнули и разнесены по бревну, подточенныя тобою!.. Ты сыграла въ числѣ другихъ факторовъ свою большую историческую роль въ дѣлѣ пресловутаго „смѣшенія сословій“!..

У шикарнаго подвѣзда на Большой Морской Шубинъ остановился и отправился къ одному „благодѣтелю“, занимавшемуся ростовничествомъ не гласно и не отъ своего имени. Тутъ поручику пришлось пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе и всю дипломатію, и черезъ два часа лжи и униженія онъ добылъ драгоценныя двѣсти рублей, давъ заемное письмо на четыреста.

Съ облегченнымъ сердцемъ сѣлъ поручикъ на дрожки, чтобы сейчасъ же истребить добытыя деньги. Подписная сумма была внесена, а черезъ нѣсколько времени поручика Шубина можно было уже видѣть въ модномъ ресторанѣ весело шутившимъ среди офицерской молодежи.

— Чортъ возьми, господа! а не устроить ли намъ завтра вечеромъ катанье и жженку? сказалъ кто-то изъ офицеровъ.

— Отлично, господа! прихватимъ дамъ! подхватили другіе голоса и вечеръ тотчасъ же былъ организованъ. Всѣ наличные офицеры должны были къ вечеру съѣхаться въ назначенное мѣсто.

Кошки скребли на душѣ поручика, но... noblesse oblige!.. Мысль о будущемъ онъ старался гнать какъ можно дальше.

На другой день окна ресторана, гдѣ происходилъ кутежъ офицеровъ, гремѣли отъ восклицаній и тостовъ, а на скрещенныхъ шпагахъ

пылали головы сахару, облитыя ромомъ. Роскошная бѣлокурая французенка, любовница одного изъ участниковъ, вся раскраснѣвшаяся отъ выпитаго вина, разливала пылающую жженку изъ большой серебряной чаши по стаканамъ...

Неприглядное „будущее“ далеко-далеко исчезло изъ глазъ Шубина подъ обаяніемъ ароматнаго и возбуждающаго настоящаго..

Въ пріятномъ полузабытій фхаль онъ домой уже когда совѣтъ разсвѣло и бросился на постель, но ему попалось подъ руку письмо отца, полученное утромъ и онъ съ яростью разорвалъ его въ мелкіе куски...

II.

Поручикъ Шубинъ сталъ часто задумываться и часто, даже въ пріятельской компаніи, отвѣчалъ невпопадъ, вызывая взрывы смѣха и шутки.

— Влюбился ты, что ли? спрашивали товарищи-офицеры.

— Нѣтъ, господа! онъ выдумываетъ новую машину!

— Вѣрнѣ всего, что влюбился, господа! Я за нимъ кое-что замѣчаю: съ недавняго времени онъ что-то томно посматриваетъ на одни окна...

Шубинъ при этомъ пріободрился и старался казаться веселымъ, но чрезъ нѣсколько времени тайная дума снова овладѣвала имъ помимо его воли...

— Сважи пожалуйста, въ самомъ дѣлѣ, обратился разъ къ нему, по окончаніи ученья, его товарищъ по полку, полковой адъютантъ Константинъ Марковичъ Полторацкій,—что ты въ послѣднее время сталъ какъ-то особенно разсѣянъ и задумчивъ?.. Конечно, это не любовь, какъ шутятъ,—что же это такое?

— Ахъ, Костя, отвѣчалъ Шубинъ, у меня есть важная причина задуматься... И ты на моемъ мѣстѣ задумался бы...

— Чортъ возьми! вотъ никогда бы не задумался, а обрубилъ бы сразу: влюбленъ—женится бы, не отдають—силой увезъ бы... Да и что съ тобой сдѣлалось? ты никогда не любилъ особенно задумываться...

— Совѣтъ особаго рода обстоятельства!.. Самыя необыкновенныя... я увѣренъ, что тебѣ и въ голову не придетъ догадаться!..

— Да что такое?.. Ты меня интригуешь!.. Расскажи пожалуйста!

Шубинъ замаялся, а Полторацкій началъ приставать къ нему, прося посвятить его въ тайны своихъ думъ о необыкновенныхъ обстоятельствахъ...

— Тутъ, братъ, Костя, такая исторія, что волосъ дыбомъ встанетъ, какъ услышишь! говорилъ Шубинъ съ разстановкою.

Полторацкій размѣялся.

— Ну, братъ, я чувствую уже, какъ моя фуражка начинаетъ шевелиться на головѣ! Ха, ха, ха!.. За большого же труса ты считаешь меня!..

— Ты смѣешься!.. а я тебѣ скажу, что дѣйствительно ты поблѣднѣешь, если я тебѣ сообщу о томъ, что мучить меня, сказалъ твердо Шубинъ, смотря прямо въ глаза Полторацкому...

Тотъ отшатнулся отъ него, раскрывъ глаза отъ удивленія...

— Ужъ не рехнулся ли? промелькнуло у него въ умѣ.—Ну, перестань шутить, прибавилъ онъ,—и говори, коли хочешь, дѣло.

Въ это время они подошли къ квартирѣ Шубина.

— Зайдемъ ко мнѣ, и я тебѣ расскажу все дѣло, но дай мнѣ слово сохранить это въ тайнѣ!.. Пусть это будетъ наша тайна, сказалъ Шубинъ съ самымъ серьезнымъ видомъ и протянулъ руку Полторацкому, подымаясь на лѣстницу.

— Даю слово! отвѣтилъ Полторацкій, не зная еще — въ шутку или серьезно принимать таинственный тонъ товарища.

Когда товарищи остались одни въ комнатѣ передъ топящимся каминомъ, за бутылкою вина, Шубинъ придвинулся къ Полторацкому и въ полголоса произнесъ:

— Слушай, Костя, что меня мучаетъ... Я знаю заговоръ на жизнь императора!.. Понимаешь—на жизнь императора!

Полторацкій вскочилъ, какъ ужаленный, весь поблѣднѣвъ.

— Шубинъ! произнесъ онъ строго, ты или съ ума сошелъ, или простираешь свои глупыя шутки слишкомъ далеко!.. Берегись!

— Клянусь тебѣ, что это правда! торжественно увѣрялъ Шубинъ товарища.

Блѣдность Полторацкаго мгновенно смѣвилась яркимъ румянцемъ.

— А если это правда, вскричалъ онъ, сжимая кулаки и подступая къ Шубину,—то какъ же медлишь и не даешь знать кому слѣдуетъ, или самъ не препятствуешь злоумышленію?.. Вѣдь пока ты размышляешь да раздумываешь — злоумышленники могутъ привести свой замыселъ въ исполненіе!.. И вѣдь тогда ты... измѣнникъ! ты...

— Успокойся, Полторацкій, успокойся! Жизни императора пока не грозитъ еще опасность,—взявъ за руку товарища Шубинъ,—сядь и выслушай спокойно, что я тебѣ скажу; мы вмѣстѣ съ тобою обдумаемъ средства помѣшать этому...

— Какое тутъ къ чорту спокойствіе! волновался молодой адъютантъ,—нужно сейчасъ же ѣхать къ военному губернатору!.. А онъ говорить—спокойствіе!..

— Выслушай, Полторацкій, сначала, прошу тебя! Своей горячностью ты только испортишь дѣло — и дѣйствительно подвергнешь драгоценную жизнь императора опасности!.. Сядь и слушай!

Полторацкій сѣлъ, тяжело дыша и вперивъ глаза въ Шубина.

— Ну, ну, говори! только короче и яснѣе!..

— Заговоръ еще далекъ отъ исполненія... Я узналъ объ немъ

совершенно случайно... Какъ? — это другой вопросъ — рассказывать долго... но достаточно того, что я узналъ объ этомъ заговорѣ... и знаю лицо, руководящее имъ...

— Кто это? спросилъ Полторацкій.

— Это... это... нѣкто Григорій Ивановъ, находившійся прежде въ свитѣ великаго князя Константина Павловича...

— Офицеръ?

— Офицеръ... И я, для того, чтобы лучше прослѣдить всѣ нити заговора, прикинулся сочувствующимъ ихъ замыслу и теперь имѣю возможность раскрыть его, покуда никакая опасность еще не грозитъ государю...

— Отчего же ты не сдѣлалъ этого раньше?.. отчего же не сейчасъ, какъ только узналъ объ этомъ, ты не полетѣлъ съ донесениемъ?..

— Да пойми ты, прежде я и самъ ничего не зналъ и могъ сдѣлать ложную тревогу, а злодѣй тѣмъ временемъ избѣгнулъ бы кары...

— Ну, ну, дальше!..

— Теперь злодѣй въ нашихъ рукахъ!.. Ты мнѣ далъ слово держать это въ тайнѣ, ну — такъ помоги немного и мы поймаемъ его завтра же... Слушай: завтра этотъ Григорій Ивановъ назначилъ мнѣ свиданіе въ Лѣтнемъ саду, въ сумерки... Мы съ тобой завтра поѣдемъ туда вмѣстѣ — и злодѣй не избѣгнетъ нашихъ рукъ!.. Понимаешь, мы его поймаемъ живьемъ!.. воскликнулъ Шубинъ, вскочивъ съ мѣста и дѣлая жестъ рукою въ воздухъ, какъ будто бы злодѣй уже былъ въ его рукахъ.

— Правда это, Шубинъ? строго спросилъ Полторацкій, въ упоръ глядя на него.

— Клянусь тебѣ честью офицера!.. Такъ рѣшено: завтра мы ѣдемъ вмѣстѣ въ Лѣтній садъ... ты вооружись парой пистолетовъ...

— Но зачѣмъ же только двое?.. можно оцѣпить весь садъ, чтобы злодѣи не убѣжали.

— Не надо этого!.. тамъ будетъ всего одинъ, и если мы будемъ принимать какія нибудь чрезвычайныя мѣры, онъ увидитъ это и скроется... Такимъ образомъ, мы потеряемъ послѣднюю возможность схватить злоумышленника, а онъ, этотъ Григорій Ивановъ, душа заговора; схвативъ его, мы разстраиваемъ всю ихъ махинацію... Тутъ надо дѣйствовать осторожно и спокойно! Пойми хорошенько: спо-кой-но! иначе испортишь все дѣло...

— Да, пожалуй, ты и правъ, согласился Полторацкій; — завтра я буду готовъ къ твоимъ услугамъ и — горе злодѣямъ! погрозилъ онъ кулакомъ въ воздухъ, — горе подлецу, носящему офицерскій мундиръ!.. Завтра утромъ мы съ тобой увидимся въ полку, переговоримъ еще объ этомъ...

— Да, да! только повторяю тебѣ, не горячись покуда и держи языкъ за зубами — отъ этого зависитъ успѣхъ дѣла и даже жизнь императора!..

— Хорошо, даю слово... но какъ ты это узналъ?

— О, это длинная исторія, которую ты узнаешь послѣ, а теперь я слишкомъ взволнованъ, чтобы рассказывать. Я на тебя надѣялся болѣе, чѣмъ на кого другого, и потому избралъ тебя для участія въ этомъ дѣлѣ.

— Благодарю, благодарю, Алексѣй! пожалъ ему руку Полторацкій, — извини, если я погорячился; теперь я вижу, что ты правъ... Ну, такъ до завтра...

— До завтра, прощай и помни!..

Словно въ чадѣ, съ бьющимися какъ въ лихорадкѣ висками, вышелъ Полторацкій изъ квартиры Шубина и тихо направился по пустынной улицѣ. Лицо его горѣло, а по всему тѣлу проступалъ холодный потъ. Мысль о затѣваемомъ ужасномъ дѣлѣ и о его роли въ немъ овладѣла всѣмъ его существомъ, и онъ шелъ, почти ничего не видя передъ собою.

— Кто бы могъ подозрѣвать!.. Заговоръ!.. Григорій Ивановъ, офицеръ!.. проносилось въ его головѣ, — и завтра мы раскроемъ эту адскую махинацію, завтра въ рукахъ нашихъ будетъ злодѣй, покушавшійся на жизнь обожаемаго монарха!.. Это... это, однако, можетъ довольно хорошо для насъ кончиться! — и мысль о наградѣ за такое важное открытіе вдругъ озарила умъ адъютанта...

— Хорошо, что Шубинъ выбралъ именно меня для содѣйствія въ этомъ дѣлѣ, продолжалъ мечтать Полторацкій, тихонько подвигаясь къ дому... — право, хорошо!.. Но, однако, какой ужасъ!.. Здѣсь же, между нами, кроется адскій замыселъ — и никто объ этомъ не знаетъ!.. Ужасъ, ужасъ!..

Волнуемый такими разнородными мыслями, Полторацкій дошелъ до дому, но, несмотря на поздній часъ, лечь спать не могъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, осматрѣлъ и зарядилъ пару прекрасныхъ пистолетовъ и, уложивъ ихъ бережно въ ящикъ, началъ, наконецъ, раздѣваться.

Сонъ не скоро сомкнулъ его глаза.

Неменѣе тревожную ночь провелъ и поручикъ Шубинъ.

Завтрашній день долженъ былъ сдѣлать крутой переломъ въ его жизни: конецъ лишеніямъ бѣдности, конецъ насмѣшкамъ товарищей!.. Съ завтрашняго дня должна начаться для него новая жизнь — блестящая карьера, большія средства и всеобщее уваженіе къ нему за важное открытіе преступнаго замысла...

III.

Стоялъ свѣтлый, теплый день. Фешенебельный Петербургъ весь высыпалъ на Невскій проспектъ и пѣшкомъ, и на лошадаяхъ, прогуляться, раскланяться съ обычными въ этотъ часъ знакомыми, за-всегдатаями Невскаго. Блестѣли наряды, кровные рысаки мчались

взадъ и впередъ. Двери блестящихъ магазиновъ отворялись и затворялись за нарядными дамами; ливрейные лакеи стояли, вытянувшись въ струнку, у нѣкоторыхъ магазиновъ. Пестрая толпа прогуливалась, волнуемая своими мелкими радостями и горестями, наслаждаясь хорошимъ днемъ. Веселый день фешенебельнаго Петербурга долженъ былъ окончиться еще болѣе веселымъ вечеромъ—съ балами, ужинами и спектаклями. Это и было всеобщемою темою разговоровъ вѣчно праздной фешенебельной толпы.

Шубинъ съ Полторацкимъ увидѣлись утромъ на Семеновскомъ плацу и обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ, а послѣ ученья поѣхали вмѣстѣ, сначала на квартиру Полторацкаго—захватить пистолеты, а потомъ въ гостиницу—обѣдать.

— А знаешь, Шубинъ, началъ Полторацкій, когда они усѣлись въ отдѣльной комнатѣ ресторана, — вѣдь мы съ тобою у дверей въ храмъ счастья и славы! вѣдь за этотъ подвигъ насъ съ тобой озолотятъ...

— Перестань говорить объ этомъ! перебилъ его Шубинъ,—точно мы въ ожиданіи награды только беремся раскрыть и уничтожить гнусный замыселъ, грозящій опасностью всему государству... Тутъ оскорблено и чувство русскаго, и честь офицера, и даже человѣческое чувство! Мы должны во что бы то ни стало, хотя бы мы шли на вѣрную смерть, поймать злодѣя и спасти монарха. Тутъ не должна закрадываться ни одна корыстная или честолюбивая мысль!..

— О, чортъ возьми! вспыхнулъ Полторацкій,—да развѣ я сказалъ что нибудь противъ этого, что ты мнѣ читаешь нотации!.. Не думаешь ли ты, что я менѣе, чѣмъ кто другой, дорожу честью и русскаго, и офицера, и вѣрнопопданнаго?.. Я сумѣю доказать противное!.. Да я жизни моей не пожалѣю, если этого потребуетъ безопасность государя!..

— Не сердись, Костя, не сердись! Никто не сомнѣвается ни въ твоей храбрости, ни въ твоей готовности хоть сейчасъ умереть за императора! успокоивалъ Шубинъ пріятеля, — я говорилъ это вовсе не относительно тебя, а вообще... Конечно, въ случаѣ успѣха—а въ немъ я не сомнѣваюсь—насъ награждать... А теперь вышьемъ за успѣхъ предпріятія! Мы докажемъ, что истинно русскій человѣкъ не потерпитъ въ средѣ своей злодѣя, умышляющаго на жизнь монарха, и что офицерство готово пойти за государя въ огонь и въ воду!..

— Вѣрно, другъ Шубинъ, вѣрно! и мы сегодня же докажемъ это самымъ блестятельнымъ образомъ! съ увлеченіемъ воскликнулъ Полторацкій, крѣпко чокнувшись съ Шубиннымъ и залпомъ выпивая стаканъ.

До самыхъ сумерекъ Полторацкій съ Шубиннымъ не разставались, а когда немного стемнѣло, оба отправились къ Лѣтнему саду. У обоихъ сильно бились сердца передъ важностью наступающаго момента; слова застывали на губахъ, а по тѣлу проходила лихорадочная дрожь. Сзади

за ними слѣдовали дрожки, которымъ они велѣли остановиться у Михайловскаго замка.

— Мы войдемъ не вмѣстѣ, не сразу, сказалъ Шубинъ Полторацкому, — ты слѣдуй за мною на нѣкоторомъ разстояніи, но не теряй меня изъ виду; въ саду мы сойдемся, какъ бы случайно встрѣтятся.

— Хорошо, я войду даже другими воротами.

Надвигались уже густыя сумерки; подъ лиственными сводами аллеи было довольно темно; садъ былъ пустыненъ. Отъ Невы и съ пруда несло холодною сыростью; Шубинъ поплотнѣе завернулся въ шинель—его била настоящая лихорадка: зубы стучали, едва попадая одинъ на другой. Голова горѣла, какъ въ огнѣ... Наступалъ рѣшительный моментъ, отъ котораго зависѣла вся его будущность, или розовая и богатая, или... Вѣтка хрустнула подъ его ногами, Шубинъ вздрогнулъ и оглядѣлся. На концѣ аллеи чернѣла какая-то человѣческая фигура; Шубинъ пошелъ къ ней, пристально взглядываясь.

— Полторацкій! это ты?.. окликнулъ его Шубинъ.

— Я!.. отвѣтилъ адъютантъ,—видѣлъ ты его?.. здѣсь онъ?..

— Нѣтъ еще, надо подождать; вѣроятно, скоро придетъ.

— А ну, какъ онъ вовсе не придетъ? спросилъ Полторацкій, — что тогда дѣлать? Знаешь, я думаю, тогда нужно донести военному губернатору... чего еще тутъ ждать!..

— Хорошо, тогда можно будетъ и донести... но онъ непремѣнно долженъ придти сюда, говорилъ Шубинъ, тихо идя рядомъ съ Полторацкимъ и сжимая судорожно пистолеть въ боковомъ карманѣ шинели. Они приближались снова къ Михайловскому замку, вокругъ котораго чернѣли ветхія деревянныя лачужки рабочихъ, еще не сломанныя со времени постройки замка.

Вдругъ Шубинъ порывисто схватилъ Полторацкаго за руку.

— Слышишь? слышишь?.. кто-то идетъ... хрустнуло... вонъ тѣнь, смотри!..

Полторацкій вздрогнулъ отъ неожиданности; нервы его сильно были напряжены ожиданіемъ; онъ устремилъ глаза по направленію, указанному Шубинымъ, и въ чащѣ кустовъ ему показалось—мелькнула какая-то тѣнь и послышался хрустъ сломанной вѣтки... Онъ схватилъ пистолеты...

— Слышу, слышу!.. вижу!.. вонъ тамъ!..

— Да!.. Это онъ!.. Подожди здѣсь! Я пойду къ нему одинъ... потомъ позову тебя... будь готовъ!..

Шубинъ порывисто пошелъ впередъ и скрылся въ темнотѣ аллеи; Полторацкій взвелъ курки обоихъ пистолетовъ и остался неподвиженъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ, вперивъ глаза по направленію, куда ушелъ Шубинъ... Руки его тряслись... Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Ничего не было слышно. кромѣ слабаго хруста вѣтвей, да набѣ-

жавшей свѣжей ночной вѣтеръ зашумѣлъ вершинами деревьевъ въ саду...

Полторацкій тихо началъ подвигаться по аллеѣ, держа пистолеты на-готовѣ...

Вдругъ раздался выстрѣлъ и гулко прокатился по безмолвному саду, отдавшись и на Царицыномъ лугу... послышался хрясть вѣтвей, всплескъ воды и затѣмъ стонъ... Полторацкій бросился бѣжать по направленію выстрѣла, не разбирая дороги, черезъ кусты и скамейки. Въ темнотѣ онъ спотыкался, вѣтви хлестали ему въ лицо, сучки царапали руки...

— Сюда... сюда!.. Костя! помоги!.. послышался снова стонъ.

Полторацкій, наконецъ, продрался къ мѣсту происшествія, на опушѣ Лѣтняго сада, у самой канавки. Шубинъ лежалъ на землѣ и слабо стоналъ.

— Что съ тобой, Шубинъ!.. что случилось?.. Ты раненъ?.. воскликнулъ Полторацкій, бросившись на колѣни передъ товарищемъ и наклоняясь къ нему.

— Убилъ!.. убилъ меня, злодѣй, простоналъ Шубинъ.

— Гдѣ, гдѣ онъ?.. куда онъ побѣжалъ?.. и Полторацкій снова вскочилъ на ноги, оглядываясь во всѣ стороны.

— Карауль!! вдругъ закричалъ Полторацкій во весь голосъ, — сюда!.. карауль!!..

Эхо громко разнесло по саду мощный крикъ офицера, но въ отвѣтъ на него не слышалось ни звука... Шубинъ продолжалъ стонать, а растерявшійся адъютантъ не зналъ, что дѣлать... Скоро задрезжали дрожжи поджидавашаго ихъ кучера; онъ подбѣжалъ со стороны Царицына луга и ихъ раздѣляла канавка.

— Смотри, не бѣжить ли гдѣ ктонибудь, крикнулъ кучеру Полторацкій,—и лови, гони лошадь во весь духъ!..

— Никого не видно, ваше благородіе! отвѣтилъ кучеръ, пристально осмотрѣвшись во всѣ стороны,—темно, худо видно...

— Оббѣжай сюда, кругомъ! скомандовалъ Полторацкій, а самъ началъ разстегивать мундиръ Шубина, который продолжалъ стонать.

— Охъ!.. умираю... злодѣй замѣтилъ, что за нимъ слѣдять — и убилъ меня за измѣну!.. Ой!..

Тѣмъ временемъ на выстрѣлъ и крикъ Полторацкаго начали сбѣгаться къ Лѣтнему саду съ разныхъ сторонъ люди, между прочимъ, два-три буточника прибѣжали съ аллебардами, и солдаты изъ баракковъ кругомъ Михайловскаго замка. Весь этотъ народъ толпился и шумѣлъ, не зная, куда броситься и что дѣлать.

— Сюда! крикнулъ еще разъ Полторацкій изъ сада, и всѣ бросились въ садъ.

— Ищите по всѣмъ кустамъ и закоулкамъ—здѣсь скрылся злодѣй, убившій офицера, скомандовалъ адъютантъ.

Всѣ разсыпались въ разные стороны; нѣкоторые остались, чтобы

поднять Шубина и снести на дрожки, въѣхавшія въ садъ. По шинели поручика текла кровь; кровь была и на рукахъ Полторацкаго.

— Вези въ Михайловскій замокъ! велѣлъ Полторацкій, выѣхавъ изъ сада и завидѣвъ огонь въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа.

Раненаго Шубина внесли въ комнаты, занимаемыя бывшимъ кастелляномъ дворца, и приступили къ осмотру раны; она оказалась не смертельною: прострѣлена была лѣвая рука выше локтя. Шубинъ отъ потери крови впалъ въ забытье, а Полторацкій тотчасъ-же распорядился послать за докторомъ.

Перепуганный кастеллянтъ спрашивалъ адъютанта, что это значить? но Полторацкій только рукой махнулъ на это.

— Послѣ! узнаете послѣ, что случилось, — а теперь, пожалуйста, смотрите за нимъ; мнѣ нужно тотчасъ-же ѣхать къ государю съ докладомъ!.. Пожалуйста!..

— Хорошо, хорошо! будьте покойны!.. Да что это такое?..

— Покушеніе на жизнь государя императора! сказалъ адъютантъ, выходя на улицу. Кастеллянтъ онѣмѣлъ...

— На Каменный островъ, во дворецъ! крикнулъ Полторацкій, и рысакъ сорвался съ мѣста во весь опоръ.

— Нашли? спросилъ адъютантъ, на минуту остановясь у Лѣтнаго сада, гдѣ толпилась и галдѣла куча народу, — нашли когонибудь?

— Ищутъ тамъ, ваше благородіе! да никого, кажись, еще нѣту...

— Ищите хорошенько — это важный преступникъ! сказалъ адъютантъ и снова, какъ стрѣла, помчался по пустыннымъ улицамъ на Каменный островъ, гдѣ имѣлъ въ это время пребываніе Императоръ Александръ Павловичъ.

IV.

Полиція въ Петербургѣ, во времена Александра I, была организована самымъ жалкимъ образомъ. „Кварталы“ тогдашняго времени, какъ и нынѣшніе участки, были непомерно завалены посторонними дѣлами, до надзора за порядкомъ не относящимися; переписка съ разными присутственными мѣстами занимала всѣ руки и всѣ головы; обиліе дѣлъ, возложенныхъ на полицію разными учрежденіями, вызывало то, что для своего „настоящаго“ дѣла — надзора за порядкомъ въ городѣ, ей недоставало времени совсѣмъ, да и остальные дѣла она старалась только какъ бы поскорѣе сбыть съ рукъ. Въ разныхъ мѣстахъ города полиціею были выстроены плохенькія и тѣсныя будки, лишеныя всякихъ приспособленій для жизни — даже печи тамъ не полагалось, и зимой онѣ промерзали насквозь. Выстоять холодную ночь въ такой будкѣ съ длинною аллебардою въ рукахъ было дѣломъ тяжелымъ.

„Бутарей“ для этихъ будокъ каждый окологородъ долженъ былъ выбирать изъ своей среды, содержать ихъ и платить жалованье.

Если же который околודокъ отказывался найти бутаря, т. е. внести эту полицейскую повинность „натурою“, то долженъ былъ платить въ кварталъ деньгами — девять рублей. На эти деньги уже самъ кварталъ нанималъ бутаря. Но ничтожность такой платы за мѣсячное денно-нощное бодрствование въ холодной будкѣ, да еще съ рискомъ подвергать себя опасности при ловлѣ мазуриковъ и разнятїи уличныхъ дракъ, понятно, не могла привлечь много охотниковъ. Кварталы сами не могли найти охотниковъ идти въ бутари, и поэтому многія будки круглый годъ стояли пустыми.

Въ бутари, при такихъ условїяхъ, шелъ самый низкій пролетарїатъ—люди, которымъ ничего не нашлось лучшаго, загнанные крайностью. Понятно, что о нравственномъ качествѣ такихъ стражей общественной безопасности не могло быть и рѣчи — рады были всякому желающему, и нерѣдко сами бутари были первыми пособниками воровъ и мазуриковъ.

Уличная безопасность въ плохо освѣщенномъ и плохо вымощенномъ Петербургѣ, съ улицами, состоявшими нерѣдко силошъ изъ заборовъ, была ничѣмъ не обезпечена. Грабежи и насилїя самыя наглїя были весьма обыкновенны и случались чуть не ежедневно.

Незадолго до описываемаго нами событїя, случилось два происшествїя, которыя доказали плохое устройство полиціи и обратили на это вниманїе государя. Чья-то карета, мчавшаяся во весь опоръ съ Васильевского острова, наѣхала на какого-то англичанина и изуродовала его. Кучеръ успѣлъ уѣхать, неудержанный, и полиція никакъ не могла отыскать ни самой кареты, ни того, кому она принадлежала.

Другой случай былъ еще хуже и наглѣе. У самаго Михайловскаго замка былъ ограбленъ и страшно избитъ нѣкто Ушаковъ, братъ служившаго при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ Ушакова. И это совершилось около самаго замка, гдѣ онъ жилъ съ братомъ своимъ, и куда возвращался ночью. Грабители также успѣли скрыться, и полиція не могла розыскать ихъ, не смотря на всѣ старанїя въ силу строгихъ приказовъ.

Такими порядками императоръ Александръ Павловичъ былъ крайне недоволенъ...

Уже ночью, когда всѣ спали, прискакалъ на Каменный островъ Полторацкїй и бросился съ докладомъ прямо къ оберъ-гофмаршалу, графу Николаю Александровичу Толстому. Встревоженный графъ вышелъ къ адъютанту и съ ужасомъ услышалъ страшную вѣсть о разговорѣ на жизнь императора.

— Мы слѣдили за злоумышленникомъ въ Лѣтнемъ саду... онъ выстрѣлилъ въ Шубина и скрылся... теперь его ищутъ...

Голосъ Полторацкаго прерывался, руки со слѣдами крови на нихъ дрожали.

— Боже мой, какое несчаствїе! воскликнулъ графъ Толстой,—я

сейчасъ же доложу его величеству... Погодите немного здѣсь, сядьте... вы не равны?..

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не ранень... А у Шубина докторъ; рана не опасная...

Страшная вѣсть мигомъ разнеслась по резиденціи императора и надѣлала ужаснаго переполоха. Черезъ нѣсколько времени Полторацкаго потребовали къ императору, и онъ подробно рассказалъ ему все происшедшее.

Съ Каменнаго острова полетѣли курьеры въ разныя стороны. Весь Петербургъ всполошился; Лѣтній садъ оцѣпили войсками, произведенъ былъ тщательный обыскъ всякаго кустика и уголка, но никого найти не удалось.

Когда Полторацкій воротился въ Михайловскій замокъ къ Шубину, около него уже хлопоталъ докторъ; рана была перевязана, а подъ утро Шубина перевезли на его собственную квартиру.

Государь прислалъ своего доктора и флигель-адъютанта справиться о здоровьи раненаго. Шубинъ отвѣчалъ, что его здоровье—пустяки, лишь бы былъ безопасенъ императоръ.

На другое утро, въ квартирѣ Шубина и около нея на улицѣ, было огромное скопленіе знати—все осведомлялись о его здоровьи, спрашивали о происшедшемъ и развозили эти рассказы по городу.

Семеновскій поручикъ Шубинъ сталъ героемъ дня; во всемъ городѣ только и говорили о немъ и о Полторацкомъ, хвалили его самоотверженіе и жалѣли о несчастіи и о побѣгѣ преступника. Все сулили Шубину блестящую карьеру.

Заря новой жизни, о которой такъ долго мечталъ гвардейскій поручикъ, уже занималась на его горизонтѣ, и ни одного облачка покуда не туманило его.

На другой же день послѣ исторіи съ Шубинимъ, въ правительственныхъ сферахъ были сдѣланы нѣкоторыя перетасовки. Главнокомандующимъ въ Петербургѣ былъ назначенъ фельдмаршалъ графъ Каменскій, а начальникомъ петербургской полиціи—энергичный и дѣятельный Е. Ѳ. Комаровскій, въ слѣдующемъ 1803 году получившій графскій титулъ Римской имперіи.

Ему было поручено произвести строжайшій розыскъ по дѣлу Шубина и отыскать во что бы то ни стало злодѣя. Кромѣ того, по этому же дѣлу была назначена комиссія изъ генералъ-адъютантовъ: Уварова, князя Волконскаго и сенатора Макарова.

Въ первый же день слѣдствія по дѣлу Шубина, у Комаровскаго, служившаго прежде адъютантомъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, закралось сомнѣніе въ дѣйствительномъ существованіи Григорія Иванова, такъ какъ такого имени не было въ числѣ служившихъ при великомъ князѣ Константинѣ. Примѣты его, данныя Шубинимъ, не подходили ни къ одному изъ служившихъ при вели-

комъ князь, однако по всѣмъ трактатъ было оповѣщено о задержаніи такого, если окажется.

— Il me semble que ce prétendu Григорій Ивановъ n'est qu'un fantôme! (Мнѣ кажется, что этотъ предполагаемый Григорій Ивановъ есть ничто иное какъ призракъ!) сказалъ новый начальникъ полици, Комаровскій, при посѣщеніи военнаго губернатора М. Л. Кутузова.

— Vous avez raison, mon général, ce n'est qu'un fantôme! (Вы правы, генераль, это призракъ!) согласился военный губернаторъ, и эти слова послужили исходнымъ пунктомъ, для раскрытія таинственной исторіи Шубина.

Новый начальникъ полици круто взялся за дѣло, познакомился со всѣми служащими полиціймейстерами и частными приставами и изъ этихъ послѣднихъ выбралъ одного, нѣкоего Гейде, своимъ ближайшимъ сотрудникомъ.

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, что исторія съ господиномъ Шубинимъ довольно подозрительна, сказалъ Гейде при представленіи новому начальнику.

— Гм! мнѣ и самому такъ кажется, отвѣчалъ начальникъ,—но на чемъ вы основываете ваше подозрѣніе?

— Да на томъ, ваше превосходительство, что рана сдѣлана на лѣвой рукѣ,—рана неопасная, и ее легко можно было нанести самому.

— Да, это такъ, это подозрительно!.. Ну, а знаете вы о двухъ послѣднихъ исторіяхъ съ англичаниномъ и Ушаковымъ, которыя остались нераскрытыми?

— Какъ-же-съ, ваше превосходительство, знаю.

— Не можете ли вы раскрыть ихъ?.. Если вамъ это удастся—я васъ награжу!

— Постараюсь, ваше превосходительство; только осмѣлюсь просить васъ дозволить мнѣ производить розыски въ партикулярномъ платѣ... Полицейская форма мнѣ будетъ мѣшать.

— Хорошо, это я вамъ позволяю... Ну, такъ постарайтесь.

Гейде откланялся и на другой день явился съ докладомъ въ Комаровскому объ успѣхѣ своихъ розысковъ.

— Нашелъ, ваше превосходительство,—карета принадлежала извозику, который арестованъ уже, а господинъ Ушаковъ былъ ограбленъ бѣглыми солдатами... Я ихъ тоже поймалъ, ваше превосходительство!..

— Прекрасно, прекрасно, г-нъ Гейде! похвалилъ его начальникъ,—я вижу, вы необыкновенно способный человекъ... Это дѣлаетъ вамъ честь. Согласно моему обѣщанію, я сдѣлаю о васъ представленіе—вы будете произведены въ высшій чинъ... А теперь вы помогите мнѣ раскрыть исторію съ Шубинимъ—и тогда ваша карьера упрочена.

— Не имѣю словъ выразить мою благодарность вашему превосходительству, разсыпался счастливый Гейде;—а исторія съ поручикомъ Шубинимъ—довольно призрачная исторія-съ.

— Призрачная-то призрачная, но нѣтъ вѣсскихъ улыкъ!.. Сыщите мнѣ эти улыки... Распутайте этотъ узель.

— Всѣ силы употреблю! отвѣчалъ Гейде съ глубокимъ поклономъ...

Надъ головой бѣднаго Шубина собиралась гроза...

А онъ лежалъ дома, въ увѣренности что зардѣвшаяся заря скоро разгорится для него въ сіяющій день и обогрѣетъ его, такъ много страдаваго.

Онъ пріятно улыбался, оставаясь одинъ, и все ждалъ отъ царя милостей за свое самоотверженіе. Совѣсть не поднимала своего голоса въ его душѣ.

Но милости и награды что-то не торопились сыпаться на него, а черезъ нѣсколько дней вокругъ него рой добрыхъ знакомыхъ и пріятелей значительно порѣдѣлъ. Въ городѣ стали упорно разноситься насчетъ его разные неблаговидные и подозрительные слухи. Полторацкому запрещено было видѣться съ нимъ... Но счастливый въ своей мечтѣ поручикъ еще ничего не замѣчалъ и не подозрѣвалъ...

V.

А между тѣмъ, запутанная исторія, при содѣйствіи пристава Гейде, обладаваго, дѣйствительно, замѣчательными смысльными способностями, все болѣе и болѣе день ото-дня распутывалась.

Черезъ нѣсколько дней, Гейде принесъ къ начальнику полиціи пистолетъ, найденный однимъ истопникомъ Михайловскаго замка въ канавѣ, когда онъ ловилъ рыбу. Пистолетъ оказался отъ офицерскаго сѣдла.

— Надо, ваше превосходительство, показать его лакею поручика Шубина—не признаетъ ли онъ его? сообщилъ Гейде.

— Да, да! это непременно надо!.. Пошлите за нимъ, мы его здѣсь и допросимъ, согласился генераль Комаровскій.

Камердинеръ Шубина былъ представленъ генералу, и Гейде началъ опросъ:

— Ты давно служишь у поручика Алексѣя Петровича Шубина?

— Да мы, ваше высокоблагородіе, ихніе крѣпостные будемъ; я у ихъ благородія служу съ самага поступленія въ полкъ.

— А скажи, пожалуйста, не было ли у твоего барина сѣдла какого нибудь?

— Какъ-же-съ! и по сейчасъ есть сѣдло у насъ... Это еще когда баринъ былъ полковымъ адъютантомъ, такъ съ тѣхъ поръ сѣдло.

— Въ сѣдлѣ этомъ и пистолеты есть?

— Есть-съ, какъ слѣдуетъ, по формѣ-съ.

Гейде показалъ ему пистолетъ, вытасенный изъ канавы у Лѣтнаго сада.

— Не признаешь ли ты этого пистолета?.. Былъ ли у барина такой?

Камердинеръ внимательно осмотрѣлъ пистолетъ.

— Кажись—и нашъ, а можетъ быть—и не нашъ... всѣ они на одинъ фасонъ.

— Сѣдло у васъ гдѣ находится? дома?

— Дома гдѣ-то завалено—барину теперь не требуется...

— Ну, такъ ступай сейчасъ же домой; я пошлю съ тобой полицейскаго, и отыщи сѣдло съ пистолетами... Да барину ни слова, а не то—худо будетъ!

Сѣдло было отыскано; въ немъ недоставало одного пистолета въ кобурѣ, а оставшійся былъ какъ разъ подъ пару найденному...

— Ну, теперь ясное дѣло, что онъ самъ себя ранилъ и что весь заговоръ не болѣе, какъ выдумка съ корыстной цѣлью! заключилъ генераль вмѣстѣ съ Гейде.

— Только теперь вотъ еще примѣты этого Григорія Иванова? продолжалъ допытываться Гейде;—откуда онъ ихъ, ваше пр-во, взялъ?..

— Ахъ, съ этими примѣтами скандалъ вышелъ, сказалъ смѣясь Комаровскій.—Онѣ замѣчательно совпали съ наружностью П. В. Кутузова, и онъ страшно обижается... Да, да, это правда—откуда онъ ихъ взялъ?.. разыщите.

— Надобно допросить опять его лакея—не знаетъ ли онъ кого съ этими примѣтами.

Когда лакею прочитали примѣты Григорія Иванова, лакей отвѣчалъ:

— Да, былъ у насъ, ваше высокоблагородіе, ровно бы какъ такой... тоже изъ крѣпостныхъ барина, лакеемъ служилъ.

— Гдѣ-жъ онъ теперь?

— А Богъ его знаетъ, гдѣ!.. Бѣжалъ онъ отъ барина неизвѣстно куда.

— Бѣжалъ? переспросилъ генераль,—ну что-жъ, объявку въ полицію подавали?

— Какъ-же-съ, безпремѣнно подавали!.. въ 3-ю Адмиралтейскую часть баринъ самъ и посылалъ меня съ объявкой, я носилъ, да не нашли до сихъ поръ.

Навели справки въ 3-й Адмиралтейской части, потребовали эту объявку о бѣжавшемъ слугѣ, и прописанныя тамъ примѣты оказались тѣ же самыя, какъ и у выдуманнаго Григорія Иванова!..

— Однако, это ужъ черезъ-чуръ!.. Это ужъ слишкомъ смѣло и наивно! воскликнулъ генераль, когда открылась эта послѣдняя улика,—онъ не потрудился даже выдумать новыхъ примѣтъ, а взялъ да и списалъ примѣты своего бывшего слуги!.. Это уже черезъ-чуръ глупо!..

Шубина арестовали. Начальникъ полиціи составилъ докладъ со всѣми уликами для внесенія въ учрежденную для разслѣдованія этого дѣла комиссію, и дѣло приняло крутой и грозный для поручика оборотъ...

На розовомъ горизонтѣ вдругъ скопилась страшная буря и въ прахъ разсѣяла всѣ мечты.

Призванный въ комиссію, Шубинъ сначала продолжалъ утверждать свою выдумку, но когда ему представили всѣ улики, онъ упалъ на колѣни и со слезами признался, что выдумалъ все это для того, чтобы заслужить милость и награду государя императора, вынужденный стѣсненными обстоятельствами и чрезмѣрными требованіями гвардейской службы.

Онъ сознался также и въ томъ, что увлекъ своею выдумкою и К. М. Полторацкаго, который повѣрилъ его клятвамъ...

Страшный заговоръ оказался пуфомъ, волненіе и страхъ всего высшаго начальства и даже императорскаго семейства—напрасными, благодаря недостойной продѣлкѣ поручика, слишкомъ нетерпѣливаго въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ...

Дѣло это имѣло худой конецъ для Шубина: его лишили чиновъ и сослали въ Сибирь безъ срока... Потомокъ елизаветинскаго сержанта пошелъ по той же дорогѣ и въ тѣ же страны, какъ и его предокъ...

Легковѣрный и увлекающійся Полторацкій отдѣлялся довольно дешево: ему дали строгій выговоръ за легковѣріе, но на его служебную карьеру дѣло это, повидимому, не имѣло сильнаго вліянія ¹⁾).

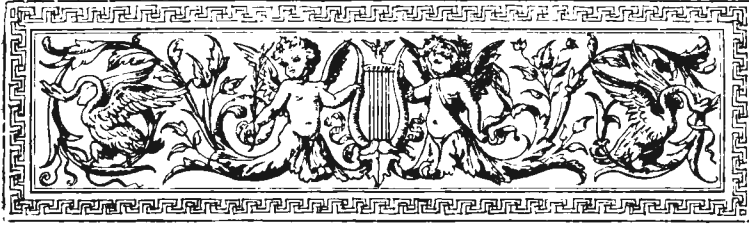
Гейде за свои заслуги былъ вскорѣ пожалованъ чиномъ подполковника, и назначенъ начальникомъ преобразованной драгунской команды...

Шубинъ дорого заплатилъ за свою выдумку, всполошившую всю Россію. Онъ провелъ тринадцать лѣтъ въ ссылкѣ, но милостивый императоръ возвратилъ его изъ Сибири въ 1815 году, во время извѣстнаго смотра при Вертю... Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

А. Арсеньевъ.

¹⁾ Въ 1837 году, К. М. Полторацкій былъ ярославскимъ губернаторомъ.

ИЗ СЕМЕЙНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾.

IV.

ВЪ ОПИСЫВАЕМОЕ время моя мать была уже вполне степенной, умной, энергичной и очень миловидной дѣвушкой, любимицей дѣда и всего дома за свой веселый нравъ и ласковость обращенія.

Отъ прежней рѣзвой дѣвочки въ ней осталась только нетерпѣливость, сохранившаяся до конца ея жизни. Другой отличительной чертой моей матери была необыкновенная физическая сила, которую дѣдъ мой передалъ большинству своихъ потомковъ. Помню случай, бывшій съ нею тогда, когда ей было уже 40 лѣтъ; у насъ былъ громадный старинный комодъ, сверху до низу нагруженный бѣльемъ; понадобилось его переставить; позвали 4 человекъ мужчинъ и началась возня. Можно было снять верхнюю часть комода, еще удобнѣе было вынуть ящички, но такая процедура была выше мѣры терпѣнья моей матери; комодъ, однако, не двигался; отстранивъ рукою выбивавшихся изъ силъ слугъ, моя мать уперлась обѣими руками въ стѣну, а спиной въ комодъ, и разомъ сдвинула его въ сторону.

Первымъ обожателемъ моей матери былъ ея родственникъ, сынъ двоюроднаго брата моего дѣда, какъ и онъ, стараго павловскаго генерала, Болтина, о которомъ я уже упоминалъ. Илья Александровичъ Болтинъ служилъ тогда въ лейбъ-уланскомъ полку и, подобно Бурцеву, воспѣтому Д. Давыдовымъ, славился въ гвардіи всѣми пороками, которые тогдашнее офицерство ставило выше всѣхъ добродѣтелей: онъ 12 разъ дрался на дуэли, увезъ нѣсколькихъ женщинъ

¹⁾ Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ VI, стр. 324—340.

и перебивалъ всѣхъ, кто только осмѣливался тягаться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ этихъ качествъ, приобрѣтенныхъ благодаря ложному воспитанію и поощряемыхъ въ товарищескомъ кружкѣ, Болтинъ имѣлъ и другія: онъ былъ чрезвычайно добръ, безусловно честенъ и благороденъ; но, какъ обыкновенно бываетъ, хорошія природенныя качества скрывались за дурными, которыми притомъ же можно было щеголять, благо на нихъ былъ тогда спросъ. Дѣдъ и бабушка, знавшіе его съ рожденія, любили его, но на всѣ его домогательства отвѣчали прямо, что отдать дочь за бретера, буяна и пьяницу—значитъ загубить ее. Онъ обѣщаль исправиться, и послѣ долгихъ переговоровъ, было наконецъ рѣшено назначить ему годъ на испытаніе. Не прошло и трехъ дней, какъ одна изъ бабушкиныхъ пріятельницъ сообщила ей, что наканунѣ уланы, подъ предводительствомъ Болтина, разбили Красный Кабачекъ у увезли оттуда арфьянокъ. Прошло еще три дня, явился Болтинъ съ видомъ младенца и прямо наткнулся на бабушку; она попросила его рассказать, если онъ знаетъ, подробности крушенія Краснаго Кабачка; онъ увѣрялъ, что не только не знаетъ, но даже ничего и не слышалъ. „Ну, такъ я знаю“, сказала бабушка, „и прошу васъ забыть и думать о моей Любушкѣ“. Тѣмъ это сватовство и кончилось. Болтинъ былъ потомъ женатъ на А. А. Скалонѣ, командовалъ Дерптскимъ конно-егерскимъ полкомъ и умеръ совѣтникомъ конюшеннаго правленія. Когда въ 1852 г. скончалась моя мать, то нѣсколько часовъ спустя послѣ ея кончины пріѣхалъ Болтинъ, которому, какъ впрочемъ и всѣмъ мужчинамъ, домъ моей матери былъ закрытъ при ея жизни. По его непритворному горю и горькимъ слезамъ, видно было, что онъ не забылъ усопшей, не смотря на 30 слишкомъ лѣтъ прошедшія съ тѣхъ поръ. Онъ выказался тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, и когда спала съ него маска напускнаго молодечества, онъ остался человѣкомъ съ честною душою и нѣжнымъ сердцемъ.

Другимъ женихомъ моей матери былъ молодой флигель-адъютантъ Шеміотъ. Онъ очень нравился матери, но дѣдушка не влюбилъ его и ни за что не соглашался на эту свадьбу. Нерасположеніе дѣда въ этому жениху оправдалось: вскорѣ послѣ этого, молодому флигель-адъютанту было поручено слѣдствіе по высочайшему повелѣнію, но онъ такъ поусердствовалъ, что былъ преданъ суду и разжалованъ въ солдаты.

Съ 1823 года, кругъ деревенскихъ гостей дѣда увеличился генералами и офицерами открытыхъ въ этомъ году военныхъ поселеній. Начальникомъ старорусскаго отряда, на правахъ начальника дивизіи, былъ генераль-маіоръ Сергѣй Ивановичъ Маевскій, въ то время женатый уже 10 лѣтъ на Марьѣ Александровнѣ Возницкой, дочери польскаго наполеоновскаго сенатора.

Родъ Маевскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ дворянскихъ фамилій въ Польшѣ и получилъ свое названіе отъ родоваго

имѣнія Мае въ Минской губерніи. Дѣдъ мой по отцу, въ концѣ семидесятихъ годовъ прошлаго вѣка, былъ ротмистромъ „народовой гвардіи“ польской. Влюбившись въ свою двоюродную сестру, Анну Маевскую, онъ увезъ ее изъ монастыря, гдѣ она воспитывалась. Едва успѣла влюбленная чета обвѣнчаться, какъ должна была бѣжать изъ Польши, гдѣ ихъ ожидало тяжкое уголовное наказаніе, но бѣгство еще болѣе увеличивало ихъ преступность, и польское правительство конфисковало все имѣніе моего дѣда, а тестъ его и теща пожертвовали все приданое своей дочери въ тотъ монастырь, въ которомъ она воспитывалась и изъ котораго была увезена.

Не радости ожидали бѣглецовъ и въ Россіи. Когда Польша была самостоятельнымъ государствомъ, чинъ ротмистра „народовой гвардіи“ давалъ право на поступленіе въ русскую службу съ чиномъ генераль-маіора. Но послѣ раздѣла, Польша утратила свое значеніе государства и не приобрѣла правъ русскихъ земель; ротмистръ Маевскій былъ принятъ въ русскую службу маіоромъ.

У молодой четы, 7-го октября 1779 г., родился сынъ Серафимъ, который въ самомъ юномъ возрастѣ былъ, однако, записанъ въ сержанты гвардіи. Это все, что могъ сдѣлать для него отецъ, который вскорѣ умеръ, оставивъ молодую вдову безъ всякихъ средствъ къ жизни и съ малюткой сержантомъ на рукахъ. Едва успѣлъ мой отецъ подрости, какъ его отдали въ училище, которое содержали іезуиты. Послѣдователи Лойолы имѣли вездѣ и всегда одну и ту же систему воспитанія, но не на всѣхъ она дѣйствовала одинаково. Усерднѣйшимъ пособникомъ іезуитовъ въ дѣлѣ отвращенія ребенка отъ религіи была его мать, которая до самой смерти не теряла своихъ монастырскихъ привычекъ и не позволяла сыну другаго отдыха отъ ученія, какъ хожденіе съ нею изъ костела въ костель. Это обстоятельство развило въ отцѣ моемъ крайній индифферентизмъ, имѣвшій послѣдствіемъ переходъ его въ православіе, при чемъ ему было дано имя Сергія.

Жизнь моего отца была довольно подробно описана имъ самимъ въ запискахъ его, напечатанныхъ въ журналѣ „Русская Старина“, 1872 и 1873 гг., а потому въ моихъ воспоминаніяхъ я скажу о немъ лишь нѣсколько словъ. Служба моего отца была настолько оригинальна, что не могла его не сдѣлать тѣмъ, чѣмъ онъ вышелъ впоследствии: въ концѣ царствованія императрицы Екатерины, Суворовъ произвелъ юнаго сержанта въ офицеры, но вскорѣ воцарившійся императоръ Павелъ отставилъ отъ службы всѣхъ офицеровъ, произведенныхъ фельдмаршаломъ, а не императрицей, въ томъ числѣ и моего отца. Онъ поступилъ въ гражданскую службу, которая вскорѣ ему опротивѣла, и онъ возвратился въ полкъ аудиторомъ; въ 1805 г. онъ былъ уже генераль-аудиторомъ у князя Багратіона, въ 1808 г. дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ корпусѣ Маркова, въ 1811 и 1812 г.г. дежурнымъ генераломъ въ арміи Багратіона. Послѣ Бородинской битвы,

директоръ канцеляріи князя Кутузова, И. Н. Скобелевъ, былъ назначенъ шефомъ Рязанскаго пѣхотнаго полка, и отецъ мой заступилъ его мѣсто. Хотя онъ носилъ гражданскій чинъ военнаго совѣтника, но заслужилъ Владимира съ бантомъ и золотую шпагу за военные подвиги. По кончинѣ князя Кутузова, отецъ мой, все еще гражданскій чиновникъ, назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ главный штабъ подъ начальство кн. Волконскаго. Послѣ перехода чрезъ Рейнъ, государь по собственному почину переименовалъ моего отца въ полковника и назначилъ шефомъ 13-го егерскаго полка.

Такимъ быстрымъ повышеніемъ отецъ мой былъ обязанъ своимъ рѣдкимъ природнымъ способностямъ, развитымъ воспитаніемъ, и солиднымъ для того времени образованіемъ.

Если бы я вздумалъ увѣрять, что отецъ мой былъ командиромъ гуманнымъ въ современномъ смыслѣ этого слова, то сказалъ бы ложь: онъ былъ вполнѣ человѣкомъ своего времени, не только не гнушался тѣлесными наказаніями, но не прочь былъ и отъ ручной расправы; тѣмъ не менѣе, подчиненные, какъ офицеры, такъ и солдаты, любили его за доступность, теплое участіе ко всѣмъ ихъ нуждамъ, добрый и прямой, хотя и вспыльчивый характеръ и рѣдкое безкорыстіе.

Въ доказательство этого, позволю себѣ рассказать здѣсь слѣдующій случай, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ свидѣтелей его, мой бывшій начальникъ, теперь командиръ 21-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ Петровъ, еще живъ.

Въ 1854 году, я былъ юнкеромъ Нижегородскаго драгунскаго полка, и жилъ въ д. Каракилисѣ, на одной квартирѣ съ моимъ эскадроннымъ командиромъ, капитаномъ Батьевскимъ, и держалъ съ нимъ столъ; вмѣстѣ мы встрѣчали и угощали офицеровъ войскъ, проходившихъ мимо насъ прямо въ Александрополь. Первымъ проходилъ двухбаталіонный эшелонъ Тульскаго пѣхотнаго полка подъ командою престарѣлаго полковника Тимофея Григорьевича Кохно. Обѣдая у насъ, почтенный старецъ, между прочимъ, началъ рассказывать о нѣкоторыхъ эпизодахъ войны 1813 г. противъ Наполеона, въ которой принималъ онъ участіе. Когда онъ заговорилъ о битвѣ при Краонѣ, я весь обратился въ слухъ и вниманіе и, воспользовавшись первой паузой, спросилъ его, зналъ-ли онъ тогдашняго шефа 13-го егерскаго полка, полковника Маевского. „Конечно зналъ, потому что служилъ въ этомъ полку“, отвѣтилъ онъ. Я поспѣшилъ ему представиться, какъ сынъ его стараго сослуживца. Старикъ вскочилъ, и прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, бросился ко мнѣ на шею и, крѣико стиснувъ меня въ объятіяхъ, сталъ покрывать все лицо мое горячими поцѣлуями. Наконецъ, усѣвшись и задыхаясь еще отъ сильнаго волненія, онъ воскликнулъ: „и кто бы подумалъ, что здѣсь, на Кавказѣ, я встрѣчу сына моего стараго командира, друга и благодѣтеля“. Затѣмъ онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее событіе изъ своей жизни:

По окончаніи войны съ французами, Кохно, еще молодой офицеръ и полковой адъютантъ, отпраился въ отпускъ на родину, влюбился тамъ и воротился въ полкъ лишь затѣмъ, чтобы подать просьбу объ отставкѣ. Отецъ мой и слышать объ этомъ не хотѣлъ, доказывая своему юному адъютанту, что женитьба ни мало не помѣшаетъ такому отличному офицеру, какъ онъ, продолжать службу въ полку. Кохно возражалъ, что это невозможно уже потому, что ему тотчасъ по окончаніи одного отпуска не дадутъ другого и свадьба его должна будетъ разстроиться. Благодаря хлопотамъ отца, это препятствіе было устранено. Счастливый женихъ пришелъ проститься и въ послѣдній разъ пообѣдать, по тогдашнему обычаю, вмѣстѣ съ другими офицерами полка у командира; обѣдъ прошелъ весело, шумно, пили за будущую молодую чету, желая имъ всевозможнаго счастья; послѣ обѣда, отпустивъ прочихъ офицеровъ, отецъ мой просилъ Кохно остаться на нѣсколько словъ. Уведи его къ себѣ въ кабинетъ, отецъ началъ говорить, какъ прискорбно ему, что не можетъ быть на свадьбѣ посаженнымъ отцомъ, чтобы лично благословить молодыхъ; при этомъ онъ открылъ шкатулку и, взявъ всѣ хранившіяся въ ней деньги, просилъ Кохно принять ихъ, какъ его благословеніе. Долго Кохно отговаривался, но наконецъ долженъ былъ уступить настояніямъ отца, который, успокоившись, прибавилъ: „здѣсь двѣ тысячи рублей; желалъ бы, милый Кохно, дать тебѣ гораздо болѣе, но, ей Богу, это все, что я успѣлъ накопить за все время моей службы“. Другіе, болѣе его практичные полковые командиры, возвращались изъ французскаго похода съ сотнями тысячъ рублей.

Когда отецъ мой получилъ бригаду, то офицеры 13-го егерскаго полка поднесли ему золотую шпагу, которая вмѣстѣ съ его портретомъ хранится въ дежурной комнатѣ л.-гв. Егерскаго полка, въ составъ котораго включены въ 1828 году въ полномъ комплектѣ 13-й и 14-й егерскіе полки.

Кстати, приведу здѣсь еще одинъ разсказъ почтеннаго Т. Г. Кохно, характеризующій степень умственнаго развитія тогдашнихъ офицеровъ. Кохно поступилъ на службу въ 1805 г. въ 13-й егерскій полкъ, по окончаніи курса въ приходскомъ училищѣ. Вскорѣ по зачисленіи въ полкъ, юный подпорщикъ былъ посланъ въ составъ небольшой команды подъ начальствомъ офицера принимать палатки. Начался приемъ; смотритъ Кохно и дивится: принявъ палатку, офицеръ вынетъ изъ кармана бобину и положитъ на столъ. Юноша, еще не привыкшій держать языкъ за зубами, осмѣлился доложить, что напрасно его благородіе изволитъ трудиться, что по положенію слѣдуетъ двѣ палатки на взводъ, а на трехбаталіонный полкъ приходится 48. „Откуда ты это знаешь? спросилъ офицеръ, „вотъ еще знахарь проявился“. Подпорщикъ доложилъ, что онъ обучался въ приходскомъ училищѣ и знаетъ таблицу умноженія. „Это еще что за таблица?“ спросилъ офицеръ. Вынувъ изъ кармана карандашъ и бумагу,

Кохно написалъ ему таблицу; офицеръ пристально ее разглядывалъ, но понять, разумѣется, не могъ. Окончивъ пріемку и убѣдясь въ вѣрности расчета Кохно, онъ возымѣлъ къ нему глубокое уваженіе, пригласилъ къ себѣ обѣдать и сталъ обращаться уже по товарищески. Возвратясь въ полкъ, офицеръ доложилъ баталіонному командиру, что у нихъ появился ученый подпрапорщикъ Кохно, который можетъ сосчитать что угодно безъ помощи не только бобовъ, но даже счетовъ. Баталіонный командиръ бросился къ шефу полка донести о такомъ происшествіи. Шефъ потребовалъ Кохно къ себѣ и, убѣдясь, что онъ дѣйствительно обладаетъ такою ученостію, прикомандировалъ его къ полковой канцеляріи и затѣмъ, по производствѣ въ офицеры, о чемъ хлопотало все начальство, онъ былъ назначенъ шефскимъ адъютантомъ, т. е. по нынѣшнему полковымъ адъютантомъ.

Мудрено-ли послѣ этого, что отецъ мой, воспитанникъ іезуитовъ, жадно прочитывавшій все, что только появлялось на единственныхъ ему доступныхъ языкахъ, русскомъ и польскомъ, казался своимъ современникамъ ученымъ и возбуждалъ даже сомнѣнія, не годится ли онъ скорѣе въ профессора, нежели въ полковые командиры. Сомнѣнія эти были очень сильны и разсѣялись только послѣ битвы при Краонѣ.

Императоръ Александръ Павловичъ любилъ моего отца и, считая его образцовымъ полковымъ командиромъ, предназначалъ въ командиры Прусскаго полка, т. е. короля прусскаго Фридриха Вильгельма III-го. Вызванный по этому случаю въ Петербургъ, отецъ мой уже представлялся государю, какъ вдругъ все измѣнилось и онъ былъ назначенъ командиромъ вновь сформированнаго тогда старорусскаго отряда военныхъ поселеній.

Причина такой неожиданной перемѣны, а равно и служба отца въ военныхъ поселеніяхъ, разсказаны имъ въ его запискахъ. Въ 1826 году, отецъ лишился своей первой жены, Марьи Александровны, съ которою былъ счастливъ 11 лѣтъ. Тяготясь вдовствомъ и имѣя трехъ малолѣтнихъ дѣтей на рукахъ, онъ рѣшился жениться и сдѣлалъ предложеніе моей матери. Предложеніе было принято, и 16-го октября 1827 года, въ церкви Покрова Богородицы, что въ Коломнѣ, о. Борисъ Албенскій совершилъ бракосочетаніе моихъ родителей. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать этой четѣ, что ихъ супружеская жизнь не будетъ счастливою. Съ медоваго мѣсяца молодые уже начали чувствовать взаимную неловкость и тяготиться другъ другомъ. Между ними никогда не происходило окончательной размолвки, но не было и той душевной интимности, безъ которой немислимы никакія близкія, а тѣмъ болѣе супружескія отношенія. Скоро соскучившись своимъ новымъ супружествомъ, отецъ мой сталъ проситься на войну, какъ только она была объявлена; но служба въ военномъ поселеніи совсѣмъ загубила его карьеру. Ему не только не дали дивизіи, но впродолженіе двухъ войнъ, съ 1828 по 1831 г.,

закаленному въ бояхъ ветерану не нашлось другого назначенія, какъ директора чумныхъ госпиталей.

V.

Дѣдъ мой доживалъ послѣдніе годы своей долгой и счастливой жизни. Онъ видимо старѣлся—оглохъ, часто болѣлъ, но вель по-прежнему дѣятельный образъ жизни, ѣздилъ верхомъ, читалъ безъ очковъ, изумлялъ своимъ аппетитомъ всѣхъ, кто видѣлъ его за столомъ; не смотря на это, онъ не былъ толстъ, держалъ себя прямо, былъ бодръ и до конца сохранялъ необыкновенную тѣлесную силу. Конечно, онъ имѣлъ всѣ пороки людей екатерининскаго времени, но выкупалъ ихъ многими хорошими чертами характера, благодаря которымъ пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ, почти не имѣя враговъ. Вольтерьянизмъ, которымъ всѣ люди этой эпохи были пропитаны, производилъ въ нихъ нравственную распущенность, за что, впрочемъ, ихъ нельзя осуждать съ тою строгостью, какъ людей послѣдующихъ поколѣній; распущенность нашихъ дѣдовъ прививалась къ нимъ въпродолженіе всей ихъ жизни, какъ при дворѣ, такъ и дома, въ деревнѣ, при крѣпостной обстановкѣ.

Извѣстно, что вольтерьянизмъ не произвелъ въ нашихъ дѣдахъ ни малѣйшаго смягченія нравовъ. И въ этомъ отношеніи дѣдъ мой былъ вполнѣ человѣкомъ своего времени: строгость его близко подходила къ жестокости. Однако, не взирая на это, какъ свои крестьяне, такъ и сосѣдніе военные поселяне, любили и почитали его, какъ отца. Постараюсь выяснитъ этотъ, повидимому, странный фактъ, которому суждено было оказать въ послѣдствіи такую громадную услугу всему нашему семейству. Дѣдъ мой былъ безусловно честенъ; внѣ положенныхъ разъ навсегда повинностей, онъ не бралъ съ крестьянъ ничего иначе, какъ за наличныя деньги, и если уплату приходилось производить чрезъ бурмистра, то онъ въ послѣдствіи все-таки призывалъ крестьянъ къ себѣ и спрашивалъ ихъ, довольны ли они расчетомъ и все ли сполна получили. Дворовые, если не всѣ, то самые заслуженные, получали жалованье, что очень льстило ихъ самолюбію. Далеко не такъ относилось къ своимъ крестьянамъ и дворовымъ большинство тогдашнихъ помѣщиковъ, такъ что дѣдъ мой поневолѣ долженъ былъ казаться своимъ подвластнымъ человѣкомъ, выходящимъ изъ ряда вонъ. При этомъ, строгость, хотя бы и граничившая съ жестокостью, не была въ то время какимъ нибудь необыкновеннымъ явленіемъ для крестьянъ. Наконецъ, люди того вѣка стояли ближе къ народу, лучше понимали его и умѣли съ нимъ говорить, а этого уже было достаточно для упроченія ихъ нравственнаго авторитета; двое моихъ старыхъ слугъ убѣдили меня въ этомъ; они говорили о дѣдѣ моемъ съ благоговѣніемъ, выставляя его идеаломъ човѣческой

мудрости, понимая, разумѣется, эту мудрость по-своему. Помню, на-примѣръ, рассказъ приказчика Кирилла Никоновича о томъ, какъ дѣдъ мой отдавалъ приказанія. Понадобилось ему разъ послать кому-то письмо; назначили перваго попавшагося барщеника, именно Кирилла, тогда еще совершеннаго мальчика, и привели къ дѣду. Вручивъ ему письмо, дѣдъ медленно, съ разстановками, объяснилъ свое порученіе и, повторивъ его два раза, отпустилъ мальчика; но едва посланный успѣлъ запереть за собою дверь, какъ дѣдъ воротилъ его, спросилъ, какъ его зовутъ и что именно ему поручено. Посланецъ повторилъ слово въ слово; дѣдъ погладилъ его по головѣ и отпустилъ, прибавивъ: „ты, я вижу, Кирило, парень неглупый, изъ тебя толкъ выйдетъ“. „И вотъ, прибавилъ рассказчикъ, не мимо, сердечная головушка, слова ронялъ: тридцать лѣтъ вашей бабушкѣ въ старостахъ выходилъ, да теперича и у васъ въ приказчикахъ служу“. Лѣсничій мой, Карпъ Ивановичъ, тоже не могъ нахвастаться, что дѣдъ мой любилъ его, что онъ, какъ выражался баринъ, вороватъ, да честенъ. Ныѣшнему поколѣнію и не выдумать, пожалуй, такой похвалы.

Кромѣ этого, дѣдъ былъ чрезвычайно простъ и ласковъ въ обращеніи; доступъ къ нему былъ для всѣхъ свободенъ; родился ли у кого ребенокъ, онъ крестилъ его; заболѣлъ ли ктонибудь, онъ посылалъ къ бабушкѣ, которая страстно любила лечить и давала лекарства; всякую обиду дѣдъ готовъ былъ разобрать и вступался за обиженнаго. Онъ обращался такимъ образомъ не съ одними своими крестьянами, но и съ сосѣдними, которыхъ защищалъ и отъ властей, а иногда и отъ ихъ собственныхъ помѣщиковъ, которымъ часто говорилъ свою любимую пословицу: „не все-то хлыстомъ, а побольше свистомъ“. Вотъ за эти-то качества и любили крестьяне моего дѣда и уважали, признавая за нимъ только одинъ порокъ, что когда приходили къ нему въ постный день, то съ кухни несло „скороминю“. Въ то время это казалось простому народу не порокомъ, а преступленіемъ, и прощалось только моему дѣду.

Моя мать, по отбѣздѣ отца, оставалась жить въ арендованной ею крошечной усадьбѣ, единственнымъ достоинствомъ которой было то, что, живя въ ней, мать моя находилась въ двухъ верстахъ отъ своихъ родителей и въ трехъ отъ своей старшей сестры.

Между тѣмъ, въ военномъ поселеніи происходило нѣчто въ родѣ того, когда лѣтній удушливый жаръ сгущается до такой степени, что невозможно дышать, когда всякая искра производитъ пожаръ, когда гроза неминуема и ожидается, какъ избавленіе отъ томящей духоты.

Однимъ изъ существенныхъ и, можно даже сказать, непреодолимыхъ препятствій къ развитію военныхъ поселеній въ Старорусскомъ уѣздѣ былъ расколъ, къ которому принадлежить болѣе половины крестьянъ этого уѣзда. По своей практичности, графъ Аракчеевъ по-

нималь, что прямое столкновение съ расколомъ поведетъ къ крушенію всей его системы и старался обойти его за невозможностью совершенно уничтожить. При Аракчеевѣ, въ управленіи военными поселеніями соблюдался строгій порядокъ; но съ удаленіемъ его и его ближайшихъ помощниковъ (отецъ мой былъ въ Яссахъ, а фонъ-Фрикенъ въ Августовѣ), начались вопіющія злоупотребленія: взяточничество развилось до ужасающихъ размѣровъ и грозило поселянамъ совершеннымъ разореніемъ; жестокость стала еще большею и доходила иногда до свирѣности. Мнѣ рассказывалъ очевидецъ, какъ однажды собрали цѣлый транспортъ ребятъ отъ 7-ми до 12-ти лѣтъ и погрузили ихъ въ лодку для отправленія въ Новгородъ въ кантонисты. Этихъ несчастныхъ дѣтей окружала цѣпь солдатъ, какъ преступниковъ; матери ихъ съ раздирающими душу воплями просили позволенія проститься съ сыновьями и дать имъ на дорогу хлѣба; но солдаты разгоняли ихъ прикладами. вмѣстѣ съ тѣмъ, новые правители вздумали еще присоединить ко всѣмъ прелестямъ поселенной системы и гоненіе на раскольниковъ. Духовенство стало засѣдать въ комитетѣ каждаго округа и приобрѣтать все больше и больше вліянія; его взяточничество присоединилось къ взяточничеству прямыхъ начальниковъ. Тѣ, которые не хотѣли ходить въ церковь, подвергались истязаніямъ, напоминавшимъ, по своей жестокости, пытки первыхъ христіанъ, но, если и эти пытки не помогали, несчастныхъ отправляли въ Русу, гдѣ ихъ обращеніемъ въ православіе специально завѣдывалъ полиціймейстеръ, католикъ Манжосъ, сдѣлавшійся одною изъ первыхъ жертвъ бунта. Обращаемыхъ старались доставить въ страдную пору, когда жара и забота о полевыхъ работахъ увеличивали ихъ страданія; ихъ запирали въ такомъ числѣ, что они едва могли только улечься на голомъ полу; ѣсть давали только хлѣбъ да сеledку, для возбужденія жажды; но пить не давали. Вечеромъ на солнечномъ закатѣ на нихъ надѣвали недоуздки и на арканахъ вели по всему городу на водопой къ рѣкѣ; тутъ они должны были становиться на четверенки и пить воду прямо ртомъ изъ рѣки, какъ звѣри.

Помѣщики, вообще говоря, были чужды фанатизма и никогда не доходили до преслѣдованія раскольниковъ потому, что это было противно ихъ интересамъ: раскольники въ Старорусскомъ уѣздѣ, какъ и вездѣ, были самыми домовитыми хозяевами. Менѣе всѣхъ былъ гонителемъ раскола мой дѣдъ уже по своему нѣсколько скептическому взгляду на религію: въ его усадьбѣ приказчикомъ былъ раскольникъ, не только никогда не переступавшій порога домовой церкви, но и прятавшійся во время крестныхъ ходовъ. Дѣдъ былъ большимъ пріателемъ съ раскольниковымъ начетчикомъ Аксеномъ Ульяновичемъ, челоуѣкомъ, какъ мнѣ говорили, ума замѣчательнаго; дѣдъ сажалъ старика съ собой и они бесѣдовали по нѣскольку часовъ. Вообще, Аксентъ Ульяновичъ былъ любимцемъ мѣстнаго дворянства и потому оставался недоступенъ для полиціи.

Въ іюлѣ 1831 года, наши люди были удивлены, встрѣчая въ самый разгаръ полевыхъ работъ военныхъ поселянъ, шедшихъ въ одиночку и кучками; всѣ они были вооружены чѣмъ поало: рогати-нами, вилами, косами; у каждаго былъ топоръ за поясомъ. На распросы, они отвѣчали неохотно, что идутъ на общественныя работы. Черезъ нѣсколько дней возникъ бунтъ, быстро разлившійся по всему военному поселенію.

Извѣстіе это поразило тетку мою, графиню Стройновскую, какъ громовой ударъ, и она слегла въ постель. Графъ не растерялся: призвавъ своего бурмистра Мирона Григорьевича, онъ приказалъ ему собрать всѣхъ своихъ крестьянъ, вооружить ихъ чѣмъ можно, вездѣ разставить караулы и учредить надзоръ посредствомъ разъѣздовъ. Кучеру онъ приказалъ ѣхать на бѣговыхъ дрожкахъ къ моей матери и извѣстить ее о болѣзни сестры.

Посланный пріѣхалъ такъ поздно, что братъ мой Сергѣй, отъ перваго брака отца, оставленный имъ у матери, уже спалъ. Моя мать по природѣ была неспособна къ долгому раздумью, когда требовалась ея помощь. Перекрестивъ и поцѣловавъ соннаго ребенка, котораго любила, какъ роднаго сына, накинувъ шляпку и салопъ, она, въ чемъ была, сѣла на бѣговыя дрожки спиной къ кучеру и велѣла везти ее немедленно къ больной сестрѣ. Всю дорогу лошадь фыркала и насто-раживала уши; впослѣдствіи, люди наши узнали, что весь лѣсъ, по которому они проѣзжали, былъ занятъ бунтовщиками; но никто ихъ не остановилъ и даже не показался. На другое утро братъ мой, ко-торому было тогда 8 лѣтъ, раскричался, узнавъ что мачиха, которую онъ боготворилъ, уѣхала къ тетѣ. Улучивъ минуту, когда люди за-зѣвались, онъ бросился бѣжать такъ быстро, что его не могли догнать, и совершенно безпрепятственно въ нѣсколько минутъ пробѣжалъ три версты и явился въ усадьбу Стройновскаго, которая по имени графа названа была Валерьянскимъ.

Около усадьбы дѣда, Милохова, происходили въ эту ночь грозныя явленія. Въ двухъ верстахъ отъ нея, въ поселенной деревнѣ Россинѣ собиралась сходка со всѣхъ поселенныхъ деревень 14-го округа, нахо-дившихся на правой сторонѣ Полю; главнымъ ораторомъ и подстре-кателемъ былъ молодой парень, одинъ изъ многочисленныхъ крест-никовъ моего дѣда, настаивавшій на томъ, чтобы прежде всего идти въ Милохово и убить его крестнаго „старога Бунтеева“, какъ звали дѣда крестьяне. Мать зачинщика съ гнѣвомъ и ужасомъ прислуши-валась къ рѣчамъ сына, но не посмѣла вмѣшаться, а ждала, когда онъ вернется домой; едва онъ показался на порогѣ, какъ она спро-сила его, куда это онъ ведетъ толпу; когда онъ хладнокровно отвѣ-тилъ ей, что въ Милохово, старога Бунтеева бить, она неистово закричала: „это крестнаго-то отца!...“ и разразилась противъ сына страшнѣйшими проклятіями. Каждому извѣстна нервность всѣхъ при-митивныхъ натуръ, въ томъ числѣ и русскаго простонародія; роди-

тельская клятва убила бунтовщика; онъ упалъ мертвый къ ногамъ матери, обливаясь кровью, которая фонтаномъ хлынула у него изъ горла; по всѣй вѣроятности, у него произошелъ разрывъ сердца.

Эта трагическая смерть должна была потрясающимъ образомъ подѣйствовать на толпу, которая, не смотря на это, отправилась-таки въ Милохово и наткнулась на камердинера и любимица моего дѣда, Моисея Савельича, который спросилъ, что имъ надо. „А гдѣ твой анараль?“ спросили мужики. — Спать еще — лаконически отвѣчалъ Савельичъ. „Да, какъ-же, спать; небось рубаха его спать, а самъ онъ въ лѣсу гдѣ нибудь запрятавши; ты намъ лучше скажи безъ грѣха, гдѣ онъ есть“. Савельичъ посмотрѣлъ на нихъ свсимъ умнымъ пристальнымъ взглядомъ и сказалъ: „Хорошо, если хотите непременно, то я пожалуй разбужу генерала, только не прогнѣвайтесь, если вамъ не придется тогда и ногъ унести“. Его спокойный, увѣренный тонъ подѣйствовалъ; въ этихъ возбужденныхъ умахъ стала воскресать привычка уваженія и страха къ грозному барину и они, одинъ по одному, разошлись.

Едва успѣлъ дѣдъ мой проснуться и узнать объ этомъ происшествіи, какъ прискакалъ гонецъ изъ Валерьянскаго сообщить объ испугѣ и болѣзни тетки и о томъ, что при ней находится и моя мать. Заложили карету и дѣдъ съ бабушкой отправились въ опасный путь, совершенно при той обстановкѣ, какъ и всегда, и совершили его вполне благополучно. Въ Валерьянскомъ дѣдъ нашелъ цѣлое крестьянское ополченіе; поблагодаривъ крестьянъ за ихъ преданность къ господамъ, сказавъ имъ, и въ особенности ихъ бурмистру Мирону Григорьевичу, нѣсколько ласковыхъ словъ, дѣдъ, окруженный почти всей своей семьей, успѣлъ возратить ей совершенное спокойствіе и самоувѣренность однимъ своимъ пріѣздомъ. Въ этотъ же, или на слѣдующій день, командиръ округа, маіоръ Отрощенко, окруженный съ горстью преданныхъ ему солдатъ толпою поселянъ въ нѣсколько тысячъ человекъ, успѣлъ дать знать въ Валерьянское о своемъ отчаянномъ положеніи. Ему была послана на встрѣчу помощь, благодаря которой онъ прибылъ въ усадьбу безъ столеновенія съ поселянами. Оставивъ у себя Отрощенко съ его солдатами, гр. Стройновскій поблагодарилъ и угостилъ своихъ крестьянъ и затѣмъ распустилъ ихъ по домамъ. Во время пребыванія этого ополченія на барской дворѣ, произошелъ эпизодъ, едва не навлекшій на нашу семью страшнаго бѣдствія: нѣмецъ, лекарь Либенау, о которомъ я уже упоминалъ, отъ испуга заболѣлъ, но успѣлъ зарыть въ саду всю свою аптеку. Два крестьянина, содержа караулъ въ саду, увидали свѣже-взрыхленную землю и, разрывъ ее, нашли и аптечку; къ счастью, въ это время подошелъ къ нимъ Миронъ Григорьевичъ; они показали ему свою находку и онъ успѣшилъ объяснить имъ все это глупостью и трусостью нѣмца, а для вѣщаго доказательства безвредности лекарствъ перепробовалъ ихъ тутъ же почти всѣ. Пере-

пуганные караульщики успокоились и поклялись никому объ этомъ не рассказывать, а Миронъ Григорьевичъ далъ имъ обѣщаніе, что если они не сдержатъ своей клятвы, то онъ обоимъ имъ размозжитъ головы изъ пистолета, который былъ у него за поясомъ.

Уѣзжая изъ дома, мать моя наказала своимъ людямъ, въ случаѣ прихода поселянъ, отнюдь ихъ не раздражать, а удовлетворять по возможности ихъ требованія. Они дѣйствительно пришли, выпили весь небольшой запасъ столоваго вина и ушли, поблагодаривъ за угощеніе и прибавивъ, что напрасно мать моя отъ нихъ спряталась, что они ничего бы худаго ей не сдѣлали. Увидавъ же висящій на стѣнѣ портретъ моего отца, нѣкоторые погрозили ему кулакомъ и прибавили, что если бы они его нашли, то растерзали бы на клочки. Нѣсколько дней спустя, когда тетка моя совершенно успокоилась, вся семья наша разѣхалась по домамъ и жизнь снова пошла по прежнему.

Когда послѣ бунта началось грозное слѣдствіе, то у дѣда моего и у графа Стройновскаго отобрали маленькіе фальконетики, служившіе для стрѣльбы во время семейныхъ торжествъ; не знаю, кѣмъ и для чего это было сдѣлано, только эти миниатюрныя пушечки были возвращены лишь въ 40-хъ годахъ.

Въ концѣ того же тяжелаго 1831 года, возвратился отецъ мой. Оскорбленный и раздосадованный тѣмъ, что ему не удалось участвовать ни въ одной изъ двухъ веденныхъ тогда войнъ, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Въ это время старшій братъ мой былъ уже въ пажескомъ корпусѣ, а сестра въ харьковскомъ институтѣ. Супружеская жизнь моихъ родителей и безъ того была неособенно счастлива, а тутъ отецъ отъ скуки и бездѣлья сталъ вмѣшиваться во всѣ мелочи домашней жизни и женскаго хозяйства, вслѣдствіе чего разладъ усилился еще болѣе.

Дѣдъ мой дряхлѣлъ и опускался; его начала мучить бессонница до того, что зимою приходилось по ночамъ катать его въ саняхъ, гдѣ онъ только и могъ уснуть; къ веснѣ ему сдѣлалось настолько худо, что онъ послалъ нарочнаго въ деревню за моею матерью. Весенняя распутица задержала ея пріѣздъ; въ нетерпѣливомъ ожиданіи любимой дочери, больной вымѣщаль сердце на моей бѣдной бабушкѣ, упрекая ее въ томъ, что она загубила Любушку неравнымъ бракомъ; когда пріѣхала мать, умирающій со слезами на глазахъ просилъ у нея прощенія за несчастное согласіе, данное имъ на ея бракъ. 9-го апрѣля 1832 года, въ великую субботу, дѣдъ мой скончался. О. Борисъ, отслуживъ панихиду, сѣлъ у трупа и долго глядѣлъ на безжизненное лицо своего стараго друга. „Се истинный израилтянинъ“, сказалъ онъ, „въ немъ же лести нѣсть“, и онъ былъ правъ: лицемѣріе, какъ и страхъ, были равно недоступны этой широкой натурѣ.

Осиротѣлая бабушка пригласила къ себѣ жить зятя и дочь, но этимъ семейное счастье не было возвращено. По смерти дѣда, домъ

продолжалъ, такъ сказать, жить его памятью и традиціями, хотя изъ шумнаго и веселаго преобразился при бабушкѣ въ тишайшую изъ всѣхъ женскихъ обителей. Отецъ мой жаловался, что теща безвинно заключила его въ монастырь; бабушка находила, что зять ея неспособенъ къ тихой семейной жизни и бываетъ счастливъ лишь въ лагерномъ шумѣ подъ гулъ барабановъ и солдатскихъ пѣсенъ. Въ домѣ бабушки не переставала царить самая строгая, самая чопорная обрядность: вставаніе и чай, прогулка и обѣдъ происходили по самому строгому чину, какъ будто при дворѣ Людовика XIV. Отецъ мой внѣ службы не хотѣлъ знать никакихъ стѣсненій и называлъ ихъ глупыми китайскими церемоніями; его солдатская простота, веселось и балагурство были вѣчными источниками всевозможныхъ безпорядковъ и неустройствъ для дома, гдѣ даже чахлы снимались съ мебели и надѣвались на нее обратно не иначе, какъ по однажды установленному порядку. Онъ былъ въ тягость и женѣ и тещѣ, и самъ еще болѣе тяготился ими, и снова рвался на службу.

Незнакомая почти съ постомъ въ родительскомъ домѣ, моя мать немедленно по выходѣ за мужъ начала соблюдать постъ во всѣ пятницы для того, чтобы не имѣть дѣтей. Но это не помогло, и вскорѣ по кончинѣ дѣда она испытала горе: оказались первые признаки беременности. Долго не хотѣла она этому вѣрить; бабушка, страстно любившая лечить, въ сообществѣ съ графомъ Стройновскимъ находила въ ней то ту болѣзнь, то другую; прописывали ей моціонъ и діету и довели до того, что скоро мать моя стала неузнаваема и едва могла волочить ноги. Въ концѣ сентября, родители мои отправились въ Петербургъ; мать на свободѣ стала кушать и спать, и силы быстро къ ней воротились. Въ день Покрова, 1 октября, въ церкви она почувствовала первыя утробныя движенія; всѣ сомнѣнія ея исчезли и она простояла всю обѣдню, обливаясь слезами.

Къ общему удовольствію, своему и своего семейства, отецъ мой получилъ дивизію въ окупационномъ корпусѣ гр. Киселева и въ концѣ декабря уѣхалъ въ Молдавію, а шесть недѣль спустя, 13 февраля 1833 года, я родился на свѣтъ. Съ этихъ-же поръ мы съ матерью окончательно поселились у бабушки въ Милоховѣ.

VI.

Разстроенныя обстоятельства моего дѣда не позволяли ему дать много моей матери; какъ любимой дочери, онъ отдалъ ей свою родовую усадьбу Богородицкое, а собственно приданое сдѣлала ей моя тетка. Бабушка принялась за устройство имѣнія своей Любушки, чтобы обезпечить и Николушку, который мало по малу сталъ цѣлью жизни и матери и бабушки. На деньги, занятыя у Абакумова, бабушка безпрестанно прикупала что нибудь для моей матери, такъ что къ 1840 г.

долгъ былъ уплаченъ и будущность наша обезпечена. Постъ по пятницамъ продолжался, но уже для того, чтобы Господь сохранилъ мою жизнь.

Ни страстная любовь ко мнѣ, ни тѣмъ менѣе практическія заботы о хозяйствѣ, не могли всецѣло поглотить страстную и восторженную душу моей матери: величавый образъ екатерининскаго старца, ея отца, былъ вѣчно присущъ ей; любовь и почитаніе отца доходили у нея до какого-то культа. Но какъ ни старалась она сама себя обманывать, представляя его страсти и пороки въ видѣ чуть ли не добродѣтелей, она, строгая и чистая христіанка, не могла примириться съ своею совѣстью; страхъ за участь отца на томъ свѣтѣ, за то, что она въ будущей жизни будетъ разлучена съ нимъ, сталъ овладѣвать ею все болѣе и болѣе. Любовь ко мнѣ и къ дѣду, эти двѣ страсти ея жизни, сдѣлались исходною точкою, съ которой началась и кончилась ея новая жизнь.

Въ январѣ 1835 г., скончался дядя мой, графъ Стройновскій; вся семья его жены оплакала его не менѣе горькими слезами, чѣмъ моего дѣда. Онъ умеръ, какъ жилъ, тихо и спокойно. За нѣсколько дней до его смерти, воспитательница дочери его пожелала ему поскорѣе поправиться; онъ отвѣтилъ, что это такъ же невозможно, какъ невозможно горѣть лампѣ, въ которой выгорѣло все масло. И дѣйствительно, онъ не умеръ, а угасъ. Память о немъ свято чтилась въ нашемъ семействѣ.

По окончаніи траурнаго года, тетка моя по любви вышла замужъ за генерала Зурова, тогдашняго тульскаго губернатора, переведеннаго въ 1841 г. въ томъ же званіи въ Новгородъ.

Мы остались втроемъ; мать и бабушка принялись за мое воспитаніе сообща; въ остальномъ же онѣ были раздѣльны: бабушка, богомольная и домовитая, была Марѳой, цекшейся не о многомъ, но рѣшительно обо всемъ, касавшемся всего земнаго благосостоянія нашего, а мать моя все болѣе и болѣе становилась сосредоточенною и восторженною Марією, избравшею себѣ только небесное.

Теперь я долженъ коснуться одной свѣтлой личности, имя которой до сихъ поръ произносится новгородскими сторожилами съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, именно—графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской.

Мнѣ пришлось вращаться въ кругу лицъ, весьма близкихъ къ покойной графинѣ; выслушивая множество о ней разказовъ, я составилъ себѣ ея обликъ, который постараюсь передать какъ можно объективнѣе. Графиня Анна Алексѣевна была единственною дочерью знаменитаго героя Чесменскаго, графа Алексѣя Григорьевича Орлова, единственной радостью и утѣхой его старости. Онъ особенно любилъ видѣть ее въ характерныхъ танцахъ; но, выдѣлывая въ угоду отцу самыя страстныя тѣлодвиженія и выполняя ихъ въ совершенствѣ, сама она оставалась безстрастною, потому что была флегматическаго тем-

перамента и лимфатическаго тѣлосложенія. Недостаточное образованіе, которое въ то время давали знатнымъ дѣвицамъ, закрыло ей другой возможный источникъ страстей—воображеніе, которое до конца жизни оставалось у нея, если не угнетеннымъ, то, по крайней мѣрѣ, одно-сторонне направленнымъ. Тѣмъ свободнѣе было ея сердце, которое всю жизнь билось одною любовью—любовью къ отцу. Вислѣдствіи, подъ вліяніемъ столь извѣстнаго Фотія, эта страсть обратилась въ страданіе всей ея жизни, или, лучше сказать—всю жизнь свою она принесла въ жертву этой всеобъемлющей замогильной любви. Но необходимо рассказать, какъ это случилось.

До сихъ поръ еще невыяснено, что такое былъ Фотій,—простой ли интригантъ, у котораго религія служила только средствомъ для достиженія самыхъ мірскихъ, подчасъ и грѣховныхъ, цѣлей, или же мрачный фанатикъ, у котораго цѣль освящала всѣ средства. Я склоняюсь къ послѣднему мнѣнію, въ виду безупречнаго личнаго безкорыстія Фотія и упорнаго отказа его отъ всѣхъ предлагаемыхъ ему архіерейскихъ каедръ и всякихъ почестей.

Началь онъ карьеру свою послушникомъ знаменитаго въ свое время пензенскаго епископа Иннокентія, прославленнаго своею борьбою съ тогдашнимъ масонствомъ; умирая и, какъ тогда полагали, отравленный масонами, Иннокентій на смертномъ одрѣ завѣщалъ продолженіе борьбы своему послушнику и обязалъ его въ томъ клятвою. Чтобы убить масонскія ложи, Фотію необходимо было имѣть ихъ списоки, но единственный списокъ русскихъ ложъ былъ у ихъ великаго мастера, графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, и послѣ его кончины находился въ рукахъ его дочери, которую Фотій и намѣтилъ своей жертвой. О томъ, какъ онъ достигъ своей цѣли, въ Новгородѣ сохраняется слѣдующая легенда: онъ былъ представленъ графинѣ, которая была еще въ полномъ цвѣтѣ молодости и красоты, что при ея несмѣтномъ богатствѣ дѣлало ее первою тогдашнею невѣстою. Недостатка въ искателяхъ ея руки, конечно, не было, и легко могло статься, что графиня вышла бы замужъ. Но ей предстояла другая судьба.

Въ это первое свиданіе Фотій не произвелъ на графиню рѣшительно никакого особеннаго впечатлѣнія; она пригласила его къ себѣ, какъ приглашала и всѣхъ извѣстныхъ ей духовныхъ лицъ, но приняла далеко не съ особымъ почетомъ, потому что заставила дожидаться довольно долго, пока оканчивала свой туалетъ. Вдругъ до ея уборной сталъ доноситься такой шумъ и трескъ, какъ будто разрушались стѣны ея дома. Въ испугѣ выбѣжала она и увидѣла Фотія, который разбивалъ одну за другою великолѣпныя древнія статуи—знаменитую коллекцію ея отца, вывезенную изъ Италіи.

— Анна, сказалъ изувѣръ, я посланъ къ тебѣ самимъ Богомъ, и застаю у тебя капище идольское; прежде чѣмъ говорить съ тобой, я долженъ очистить твой домъ отъ непотребства языческаго. И сказавъ это, онъ сбросилъ съ пьедестала послѣднюю статую.

Графиня была совершенно уничтожена; она рѣшительно не понимала того, что видѣла. Воспользовавшись ея растерянностью, Фотій началъ говорить ей все тѣмъ же вдохновеннымъ тономъ пророка, что посланъ Богомъ объявить ей, что душа ея отца обречена на вѣчное мученіе за участіе въ гибели Петра III и сватотатство, такъ какъ въ его руки перешла значительная часть имѣній, отнятыхъ у церквей и монастырей. Опомнясь нѣсколько, графиня спросила, что же она должна сдѣлать для спасенія души своего отца? Фотій сказалъ, что разъяснить ей это впоследствии, а теперь она должна вручить ему списокъ масоновъ и ихъ ложъ, какъ единственныхъ побудителей всѣхъ преступленій ея несчастнаго отца. Получивъ книгу, Фотій посѣдшилъ отправиться съ нею къ императору Александру, входъ къ которому ему уже былъ открытъ. Съ этихъ поръ начинается совмѣстная дѣятельность Фотія съ Аракчеевымъ и Магницкимъ съ цѣлями обурантизма и полнѣйшей реакціи.

Съ этого же несчастнаго дня, жизнь графини Орловой обратилась въ одно страданіе: почитая Фотія за святаго, одно слово котораго можетъ извести грѣшную душу ея отца изъ ада, или погрузить ее на самое дно тартара, графиня стала рабой своего духовника. Онъ заставлялъ ее бѣгать босою по его порученіямъ, звалъ просто Анною, обращался съ нею, какъ съ простою служанкою, и приучилъ ее къ мысли, что она болѣе чѣмъ чужая въ собственномъ имѣніи, что она не имѣетъ даже права отъ него отказаться, а должна хранить, чтобы мало-по-малу передавать церкви, отъ которой эти богатства были отторгнуты. Подавленная и разбитая горемъ, подъ вліяніемъ вѣчнаго мучительнаго страха за участь отца, графиня жила одними благодѣяніями и совершала ихъ съ ангельской простотою, высокимъ тактомъ и рѣдкою деликатностью.

Другимъ мученикомъ Фотія былъ князь Ширинскій-Шихматовъ, извѣстный въ Юрьевомъ монастырѣ іеромонахъ Аникита, получившій это имя для того, чтобы праздновать день своего монашескаго ангела вмѣстѣ съ Фотіемъ, такъ какъ 12-го августа церковь празднуетъ память мучениковъ Фотія и Аникиты. Положеніе этого добровольнаго мученика вполне обрисовывается анекдотомъ, хорошо извѣстнымъ каждому истому новгородцу. Разъ, къ Фотію, какъ благочинному монастырей, пришли двѣ монахини съ жалобою на свою игуменью. Не отвѣчая имъ ни слова, Фотій послалъ за Аникитой; тотъ явился немедленно: „Какъ смѣлъ ты“, закричалъ грозно Фотій, „такъ долго не являться на мой зовъ?“ и ударилъ бывшаго князя по щекѣ. Тотъ палъ къ его ногамъ и со слезами умолялъ отпустить ему его невольное прегрѣшеніе. „Вонъ!“ закричалъ Фотій, — и Аникита смиренно удалился. Едва заперлась за нимъ дверь, какъ Фотій спросилъ монахинь, знаютъ ли онѣ, кто этотъ истинный рабъ Христовъ. На отрицательный ихъ отвѣтъ, онъ объяснилъ имъ, что это князь Ширинскій-Шихматовъ, родственникъ того и того, бывшій самъ тѣмъ-то

и тѣмъ, и вотъ онъ, невинно заушаемый, не только не оправдывается, но, какъ агнецъ Божій, идущій на закланіе не прерѣкая, ниже вопія, падаетъ къ его ногамъ и слезно умоляетъ отпустить ему несовершенный имъ грѣхъ. А онъ, простые мужички, смѣютъ еще жалобу подавать на свою игуменью. Говорятъ, что монахини плакали отъ умиленія и раскаялись.

Общая идѣе fixe должна была установить между графиней Орловой и моею матерью нѣчто въ родѣ того, что отцы наши именовали напыщеннымъ названіемъ сродства душъ. И дѣйствительно, графиня была идеаломъ для матери втеченіе всей ея жизни; но всѣ усилія моей тетки свести личное знакомство между ними остались безуспѣшны. Происходило ли это отъ страха къ Фотію, или отъ опасенія, что личное знакомство, уничтоживъ идеаль, сведетъ ея кумиръ съ пьедестала, или что другое, не знаю; но только, избѣгая личнаго знакомства съ графиней, мать не переставала до самой смерти чтить ее, какъ существо неземное. Но это идеальное почитаніе нисколько не стѣсняло ея независимости; можетъ быть, именно вслѣдствіе примѣра графини, она избѣгала вліянія духовниковъ, избирая ихъ послѣ смерти о. Бориса Албенскаго изъ заурядныхъ священниковъ Покровской церкви. Законоучитель и духовникъ училища правовѣдѣнія, въ которомъ я воспитывался, М. И. Богословскій, былъ другомъ матери и имѣлъ на нее большое вліяніе во всемъ, что касалось меня и моего воспитанія; но зато онъ никогда не былъ ея духовникомъ. Она желала сама избрать себѣ путь духовный и идти имъ подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Бога.

Дѣтская кроватка моя стояла плотно примкнутою къ кровати моей матери; я былъ еще очень малъ и не могу съ точностью опредѣлить моего тогдашняго возраста; вѣроятно, мнѣ было около 5-ти лѣтъ, такъ какъ съ этихъ поръ я началъ кое-что запоминать. Въ одну ночь я былъ разбуженъ рыданіями, раздававшимися у самой моей кровати; раскрывъ немного глаза, я увидалъ бѣлую колѣнопреклоненную фигуру и, испугавшись, заплакалъ самъ. Въ ту же минуту я почувствовалъ мягкую, нѣжную руку матери; она гладила меня по лицу, приговаривая: „не бойся, Николаша, это я“. Я расплакался еще больше, мнѣ стало жаль моей матери,—отчего это она такъ горько плачетъ? она встала, взяла меня на руки, начала обнимать, цѣловать и утѣшать, говоря, что плачетъ потому, что молится за меня. Мы поплакали вмѣстѣ и она снова положила меня въ мою кроватку и я спокойно заснулъ до утра. Часто потомъ приходилось мнѣ по ночамъ присутствовать при ея восторженныхъ моленіяхъ, но я уже не смѣлъ прерывать ее и съ бессознательнымъ дѣтскимъ любопытствомъ глядѣлъ и молчалъ.

Такъ проходило мое дѣтство. Тетка моя проводила лѣто въ своемъ имѣніи съ тѣхъ поръ, какъ мужъ ея былъ назначенъ новгородскимъ губернаторомъ; самъ онъ пріѣзжалъ въ субботу и уѣзжалъ въ поне-

дѣльникъ; по прежнему, они бывали у насъ въ воскресенье, а мы у нихъ по четвергамъ. Въ одно изъ воскресеній, тетка или ея мужъ— не помню, рассказывали, что полиція донесла губернатору, что въ лѣсу, въ Валдайскомъ уѣздѣ, въ совершенно уединенной кельѣ, вдали отъ всякаго жилья, проживаетъ какая-то странница. Когда вошли къ ней и потребовали ея документы, она бросила въ топившуюся печь цѣлую связку бумагъ; на разспросы она отказалась отвѣчать, но написала, что зовутъ ее Вѣрою Александровною и что говоритъ она не можетъ, потому что наложила на себя обѣтъ молчанія. Ее доставили поэтому въ Новгородъ и, полагая, что имѣютъ дѣло съ сумасшедшею, подвергли освидѣтельствованію въ губернскомъ правленіи; тамъ на вопросъ губернатора, кто она, она четкимъ полууставомъ и славянскими буквами написала:

Я прахъ, я червь, ничто, земля,
Предъ Богомъ же, что ты, то я.

Не добившись ничего, ее для испытанія отдали въ Колмовской домъ умалишенныхъ; тамъ она рисовала священныя картинки, писала своимъ четкимъ, красивымъ полууставомъ молитвы и разныя изреченія изъ священныхъ книгъ. Въ Колмовѣ, какъ и въ губернскомъ правленіи, никто не слышалъ ея голоса.

Я былъ такъ занятъ бесѣдой съ моими маленькими двоюродными братьями и сестрой, что не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на разговоры старшихъ, которыхъ еще не понималъ; не обратилъ бы я вниманія и на этотъ рассказъ, если бы мать моя не измѣнилась вдругъ въ лицѣ такъ, что это стало замѣтно и мнѣ. Помню, тотчасъ послѣ обѣда она увлекла свою сестру въ отдѣльную комнату и между ними произошелъ какой-то очень оживленный разговоръ, потому что обѣ онѣ вышли очень растроганныя и взволнованныя; помню, какъ при прощаньи мать о чемъ-то умоляла тетку, а та успокаивала ее своими обѣщаніями.

На другой день утромъ, или въ тотъ же самый вечеръ—не помню, мать позвала меня къ себѣ и, поставивъ передъ образомъ, торжественно объявила, что желаетъ открыть мнѣ великую семейную тайну. „Помнишь ли ты, Николаша, спросила она, что тетенька вчера рассказывала о той странницѣ, которую нашли въ кельѣ въ лѣсу?“ По моей глупой физиономіи видно было, что я ничего не понимаю и не помню. Она повторила мнѣ рассказъ и, убѣдясь, что я его понялъ, сказала: „Помни, Николай, помни это, какъ завѣтъ мой и не забывай во всю жизнь твою: эта странница—твоя родная тетка, а моя сестра Вѣра Александровна“.

Съ этихъ поръ, забывая мой возрастъ, мать сдѣлала меня повѣреннымъ всѣхъ тайнъ своей внутренней, духовной жизни, какъ мало я ни былъ способенъ понимать ихъ.

Тетка моя сдержала свое слово: Вѣра Александровна была переведена въ новгородскій женскій Сырковъ монастырь. Никакія убѣж-

денія не могли заставить ее произнести хотя бы одно слово: на всѣ просьбы она писала: „молчаніе есть вѣчное Христу предстояніе“; столь же безуспѣшны были и попытки уговорить ее постричься; единственною уступкою было то, что она, нося постоянно бѣлое платье и бѣлый трех-этажный чепецъ, какой носила моя прабабушка Татьяна Семеновна, измѣнила цвѣтъ своего одѣянія на черный, не измѣнивъ покроя: тѣ же старомодные капотъ и чепчикъ, только черные, носила она до своей смерти. Въ церкви она стояла всегда на клиросѣ и пѣла, но такъ тихо, что голосъ ея могли слышать только рядомъ стоявшія съ нею монахини, но и тѣмъ ни разу не пришлось слышать ни одного слова. Взятая подъ особое покровительство графини А. А. Орловой, Вѣра Александровна не нуждалась ни въ чемъ, имѣла свою келью и особую послушницу, которая ей прислуживала; впоследствии, слухъ объ ея подвижничествѣ сдѣлалъ ее предметомъ особаго почитанія какъ въ самомъ монастырѣ, такъ и за его стѣнами; къ ней приходили толпы богомольцевъ, прося ея благословенія; однихъ она надѣляла сухариками, которые сама сушила изъ монастырскаго хлѣба, другимъ, особенно излюбленнымъ, давала собственноручныя записочки съ изреченіями изъ священнаго писанія.

Мать моя, сдѣлавшаяся по образу жизни совершенной монахиней, скончалась въ 1852 г. 19-го ноября. Она заболѣла легкимъ разстройствомъ желудка; въ полночь пришлось уже пригласить ея друга и домашняго врача, Н. Ѳ. Арндта; онъ послалъ за двумя специалистами на консультацію; оказалось, что у матери была холера. Въ полдень 20-го, мы положили ее на столъ, а 22-го похоронили на кладбищѣ Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря.

Тихо и спокойно шла между тѣмъ жизнь Вѣры Александровны и только однажды была прервана болѣзью—горячкой; въ бреду она говорила, рассказывала про свое дѣтство на берегу Поля, про богатство своего дѣда. Прошла болѣзнь—и уста молчальницы снова закрылись, и уже на вѣки. Но она не чуждалась общества монастырскихъ сестеръ, которыя окружали ее любовью и всевозможными попеченіями. Однажды, въ глубокомъ молчаніи, гуляла она съ ними, прислушиваясь къ ихъ бесѣдѣ; въ рукахъ у нея были двѣ палочки; расколовъ одну изъ нихъ, она сдѣлала крестъ и воткнула его въ землю. Когда, въ 1861 году, она скончалась, стали рыть ей могилу, но встрѣтилось какое-то неожиданное препятствіе; пришлось бросить работу и перейти на другое мѣсто. Когда могила была уже выкопана, монахини вспомнили, что это самое мѣсто, на которомъ Вѣра Александровна водрузила крестъ.

Съ жизнью этой замѣчательной женщины не прекратилось почитаніе: многочисленные богомольцы посѣщаютъ ея могилу до сихъ поръ и служатъ надъ нею панихиды. Многіе ея почитатели имѣютъ у себя портретъ ея, снятый уже послѣ смерти; когда и я, при обя-

зательномъ посредствѣ матери Лиди, игуменѣ новгородскаго Звѣринаго монастыря, получилъ копію этого портрета, то былъ пораженъ: въ полу-монашескомъ оригинальномъ одѣяніи въ гробу лежитъ какъ бы моя мать. Немало труда стоило мнѣ убѣдить себя, что это обманъ чувствъ; но съ тѣхъ поръ портретъ Вѣры Александровны сталъ мнѣ еще болѣе дорогъ—онъ замѣнилъ мнѣ портретъ моей матери, котораго у меня не было, такъ какъ она ни за что не хотѣла позволить срисовать себя.

Н. Маевскій.

КРАЙ ПОГИБЕЛИ.

„Достойтъ убо здѣ корабль разума управити ко пристанищу безмолвія и словесѣхъ весла свѣсити. И всякъ прочитай сїа полезнымъ да ревнуетъ“.

Умильная повѣсть о Византіи.

I.

ИЗВѢСТНО, что Византія имѣла огромное вліяніе на складъ русской жизни: предки наши были „переимчивы у грековъ“ и перенимали у нихъ все съ чрезвычайною охотою и притомъ почти безъ всякой критики, къ которой, они конечно, были и неспособны по своему тогдашнему развитію. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ составляла Русь юго-западная, гдѣ, вслѣдствіе раннихъ сношеній съ католическими сосѣдями, поневолѣ выработывалась привычка относиться къ идеямъ и словамъ съ критикою, чего въ московской Руси не замѣчается почти ни въ комъ, кромѣ еретиковъ. Въ самомъ фактѣ такой „переимчивости“ у грековъ, разумѣется, для предковъ нашихъ нѣтъ ничего укоризненнаго, ибо людямъ меньшаго образованія всегда свойственно „перенимать“ понятія высшаго порядка у людей большаго образованности, съ которыми они приходятъ въ тѣсное соприкосновеніе; такъ какъ для насъ, въ силу историческихъ обстоятельствъ, такими людьми были греки, то и нѣтъ ничего естественнаго, что мы заняли у нихъ много. Есть мнѣніе, что въ нашихъ обычаяхъ и взглядахъ теперь даже весьма нелегко отдѣлится, что исконно русское и что византійское.

Профессоръ кievской духовной академіи Ф. А. Терновскій избралъ наши византійскія позаимствованія темою для своего докторскаго сочиненія и выпустилъ въ свѣтъ два тома подъ заглавіемъ— „Изу-

ченіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси“ (Кіевъ. 1875 и 76 гг.). Сочиненіе это полно живаго интереса, ни на минуту не ослабѣвающаго по причинѣ курьезности сдѣланныхъ авторомъ сводокъ и сопоставленій, большею частію чрезвычайно любопытныхъ и вѣрныхъ, но иногда тоже и въ свою очередь тенденціозныхъ. Книга профессора Терновскаго уже не составляетъ новости, но для критической оцѣнки ея еще не ушла пора, и мы думаемъ, что хотя у насъ нѣтъ серьезной критики, однако когда будетъ готовъ новый томъ, надъ которымъ теперь трудится г. Терновскій, наша историческая наука не можетъ пройти молчаніемъ это любопытное сочиненіе. Мы же съ своей стороны скажемъ здѣсь à propos—для чего намъ нужно было навести его на справку. Разсужденіе г. Терновскаго о византійскомъ тенденціонизмѣ въ Россіи возбудило безпокойство среди тѣхъ русскихъ партизановъ восточной культуры, которые по вкусамъ и наклонностямъ одобряютъ византійскія начала и, видя въ нихъ идеаль гражданственности, стремятся воззвать къ жизни византійскую тенденціозность, павшую въ Россіи во время „царственнаго нигилиста“, т. е. Петра I. Сочиненіе Терновскаго (какъ историческіе труды гг. Знаменскаго и Голубинскаго) принесли уже ту большую пользу, что возбудили интересъ къ подробному изученію всего, что характеризуетъ такъ называемый византійзмъ, и особенно тѣ его черты, въ которыхъ русскіе, по прежней неразборчивости, усматривали какъ бы свои народныя начала, и укрѣплялись въ этомъ, будучи не въ состояніи отличать своего народнаго отъ крѣпко привитаго чужеземнаго. Вотъ почему въ настоящую пору, по недостатку другихъ болѣе живыхъ темъ для исторической критики, вопросъ о достоинствѣ византійзма представляетъ живой и даже страстный интересъ для двухъ противомыслящихъ лагерей—восточниковъ и западниковъ. А потому, всякое изслѣдованіе, способное дать что нибудь новое для уясненія этого вопроса, теперь не лишено значенія, и по преимуществу обязываетъ ко вниманію. Въ этихъ соображеніяхъ мы считаемъ долгомъ познакомить читателей „Историческаго Вѣстника“ съ совершенно неизвѣстнымъ доселѣ любопытнымъ документомъ о византійской морали, изданіемъ котораго профессоръ петербургскаго университета В. Г. Васильевскій сдѣлалъ превосходный вкладъ въ русскую литературу. Документъ этотъ весьма обширенъ и носитъ въ русскомъ переводѣ такое заглавіе: „Совѣты и рассказы византійскаго боярина XI вѣка“. Онъ напечатанъ въ „Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія“ за іюнь, іюль и августъ 1881 г.; а какъ изданіе это публикѣ мало извѣстно и почти не имѣетъ въ ней никакого распространенія, то мы думаемъ послужить общей любознательности, сдѣлавъ изъ „Совѣтовъ византійскаго боярина“ извлеченія, способныя характеризовать достоинства византійскаго ума и морали.

II.

Вотъ что начертала рука боярина въ завѣты его дѣтямъ:

Параграфъ 2. „Пусть правда твоя не будетъ отчаянною, а со смиреніемъ и любовію. Во всемъ заступайся за бѣднаго, ибо богатый есть Богъ бѣдному, для того, чтобы ему благодѣтельствовать: почему болгары и называютъ зажиточнаго богатымъ,—что означаетъ богоподобнаго“.

Пар. 65. „Если нападетъ какой нибудь народъ и война сдѣлается неотвратимою, то пошли подарки ихъ вождю, усыпляя его энергію, ибо приманка уловляетъ рыбу, а людей чаще всего принятіе подарковъ и блескъ золота“.

Пар. 70. „Если сосѣдній съ тобою топархъ (самостоятельный владѣлецъ) вздумаетъ тебѣ пакостить, не поступаай съ нимъ рѣзко, а хитри съ нимъ, показывая притворное миролюбіе и простодушіе. Найди себѣ друзей въ его землѣ, чтобы черезъ нихъ узнавать его намѣренія. Посылай имъ дары потихоньку, посылай также открыто подарки самому топарху, обманывая его. Когда же онъ ради твоихъ подарковъ и притворной твоей любви размякнетъ, тогда собери тайкомъ своихъ людей и наступай на него“.

Пар. 72. „Разоривъ страну, возвращайся съ Божіею помощію, не имѣя печали, радуясь и веселясь“.

Ниже видимъ, что грани коварствамъ не полагалось даже до кощунственнаго обращенія съ тѣмъ самымъ церковнымъ таинствомъ, которое эти люди считали „священнѣйшимъ“. Въ 74 пар. читаемъ: „Стратигъ (Катаколонъ) захотѣлъ поставить себѣ трофей посредствомъ притворной дружбы (хотѣлъ схватить сосѣднаго топарха). Онъ вступаетъ съ нимъ въ дружбу, начинаетъ посылать ему подарки, думая обмануть его. Но тотъ, хотя и былъ варваръ, однако имѣлъ умъ отъ природы и опытность: онъ принималъ подарки и притворялся, будто сдѣлался слугою императора“. „У топарха былъ новорожденный сынъ и стратигъ вызвался быть его восприемникомъ отъ св. крещенія. Топархъ отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ— пусть онъ пріѣдетъ къ нему въ домъ; но стратигъ не пожелалъ того, и они условились заключить кумовство по срединѣ между округомъ воеводы (стратига) и волостію топарха. Стратигъ приготовилъ скороходныя суда, чтобы, когда онъ подастъ знакъ, люди выскочили, схватили топарха и втащили его на судно. Но такой же планъ имѣлъ и топархъ“. Случай помогъ варвару перехитрить добровольно вызвавшагося крестителя, и „когда они сошлись, размѣнялись привѣтствіями и сѣли“, стратига „связали и увели“, да еще въдобавокъ захватили его сына. Такъ и кончилось это святое крещеніе, при которомъ одинъ кумъ желалъ погубить на крестинахъ другого.

А вотъ другая исторія, напоминающая троянскаго коня, и въ то же время особенно драгоцѣнная потому, что въ ней, по словамъ проф. Васильевскаго, „разсказывается неизвѣстный намъ до сихъ поръ эпизодъ изъ исторіи нашествія Симеона болгарскаго на Грецію въ 919 году.

III.

„Быль одинъ многолюдный городъ въ Эладѣ. Симеонъ, князь болгарскій, тогдашній тиранъ, много употребляетъ стараній овладѣть имъ, но трудъ его былъ вотще. Тогда онъ придумываетъ заключить любовь съ гражданами и посылаетъ посланцевъ, какъ будто имѣющихъ передать вѣсти отъ него (его предложенія); посланы были люди самые догадливые, въ высшей степени смѣлые и сильные. Соображая (?), они увидѣли, что городскія ворота имѣютъ высокія петли и отстаютъ отъ земли. Замѣтивъ, они донесли объ этомъ до ушей тирана. А онъ избралъ пять человекъ храбрыхъ и послалъ ихъ въ городъ подъ предлогомъ какой-то службы; между тѣмъ, онъ велѣлъ имъ имѣть съ собою топоры за поясомъ сзади, и какъ скоро вступать въ ворота, покончить съ привратною стражей и разрубить воротныя петли. Они такъ и сдѣлали. Когда петли были разрублены, ворота упали на землю. Тогда посланные подали знакъ, какой имъ былъ указанъ ранѣе, и тѣмъ заставили какъ можно скорѣе поспѣшить другихъ людей, которые на тотъ случай были приготовлены тираномъ. Между гражданами произошло смятеніе по поводу такого происшествія, а между тѣмъ люди тирана проскочили внутрь воротъ и овладѣли городомъ безъ пролитія крови“.

Въ пар. 82 византійскій практикъ учитъ „не вѣрять клятвѣ“. „Если иноплеменный народъ сдѣлаетъ нашествіе на твой городъ и дастъ тебѣ клятву—не вѣрь ему“. Ниже приводится и примѣръ почему не надо вѣрять,—разсказывается о нѣкомъ Тирѣ Калабрійцѣ, стражѣ города Базиньяно—„человѣкъ богатомъ и благородномъ“. Онъ по благородству души сдѣлался жертвою своей довѣрчивости, и византійскій бояринъ называетъ его за это „чудакомъ“.

Весьма живы и интересны также черты, опредѣляющія сугубо обуревающую насъ нынѣ „страсть къ наживѣ“, или, какъ мы нынче говоримъ, къ „хищенію“, которое было особенно хорошо знакомо нашимъ византійскимъ учителямъ.

„Отецъ мой (говоритъ бояринъ) имѣлъ племянника, протоспафорія и страгига Іоанна Майя, умнаго и дѣятельнаго человѣка, богатаго деньгами и многими имуществами“. Но всего, что имѣлъ этотъ господинъ, ему было мало; его соблазнило „хищеніе“, и вотъ онъ пожелалъ пуститься въ откупъ. Отецъ дѣписателя хотѣлъ удержать отъ этого своего родственника, но духъ хищничества былъ такъ всеобщъ между благородными греками, что молодой аристократъ „указалъ ему на

дома согражданъ и сказалъ: всѣ эти дома выстроены на счетъ казенной службы“,—и затѣмъ онъ преспокойно взялъ себѣ откупъ.

Надо признаться, что эти черты несомнѣннѣ намъ незнакомы, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ и—Богъ вѣсть—не останется ли для нихъ еще достаточнаго приложенія и въ будущемъ.

IV.

Но еще живѣе и интереснѣе взгляды византійскаго боярина на жизнь домашнюю и на проявленіе въ ней разныхъ добродѣтелей, сердечной теплоты и душевной доблести. Цѣлый пар. 101 трактуетъ „о другѣ, чтобы ему не останавливаться въ твоёмъ домѣ“.—„Если имѣешь друга въ иномъ мѣстѣ и онъ проѣзжаетъ городомъ, въ которомъ ты живешь, не помѣщай его въ твоёмъ домѣ“. Иначе „ни жена твоя, ни дочери твои, ни снохи твои, не будутъ имѣть свободы выходить изъ комнаты. А если имъ будетъ необходимая нужда выйти, то другъ твой вытянетъ шею и устремитъ на нихъ свои глаза. Если онъ найдетъ удобный случай, онъ будетъ дѣлать любовные знаки твоей женѣ, будетъ на нее смотрѣть безстыдными глазами; если можетъ, то и соблазнитъ ее; если же нѣтъ, то все-таки похвастаетъ“.

За женщинами (п. 102) вообще надо смотрѣть, потому что и вѣрная, и благочестивая изъ нихъ все-таки неблагонадежна. Бояринъ рассказываетъ на этотъ случай слѣдующее романическое происшествіе, отъ котораго вначалѣ отдаетъ сначала чѣмъ-то библейскимъ—во вкусъ происшествія съ Уріей.

„Одинъ богатый человѣкъ изъ знати, отличавшійся высокимъ саномъ и благородствомъ происхожденія, проживавшій въ столицѣ, имѣлъ супругою женщину хорошаго рода, у которой братъ былъ стратигомъ, красивую лицомъ; но еще болѣе привлекательна была она душою, ибо была украшена разумомъ и добродѣтелью, научена и въ священномъ писаніи. Услышалъ о ней царь и часто присылалъ къ ней, желая имѣть съ нею связь, обѣщая ей и мужу ея всякіе чины и многія другія блага; впрочемъ, мужъ ея этого не зналъ. Потому царь послалъ его судьей въ одно воеводство но, не успѣвъ склонить ее, умолкъ“. Кажется, какъ-бы уже не вѣрить женщинѣ, выдержавшей такое серьезное испытаніе? Но послѣдуемъ далѣе за повѣствователемъ и увидимъ, что и надъ этою прекрасною гречанкою, даже послѣ выдержаннаго ею сильнаго испытанія отъ соблазнительныхъ искуствъ царя, все-таки надо было не ослаблять надзора. „Воротившись чрезъ нѣсколько лѣтъ изъ своего воеводства, мужъ веселился въ дому своемъ. Между тѣмъ, одинъ юноша, тоже хорошаго рода и красивой наружности, притворно заявилъ притязаніе на родство съ нею (женою), и говорить во дворцѣ ея мужу: „я состою въ родствѣ съ твоею госпожею судейшею“; сверхъ того, наговорилъ ему еще много другого и навязался ему въ дружбу, такъ что судья позвалъ его къ

себѣ. Онъ поддѣлался къ нему и сталъ ихъ домашнимъ человѣкомъ. Чтò много говорить! Онъ вступилъ въ связь съ этою нѣкогда блаженною, а теперь несчастною женщиной. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, то мужемъ ея и родными овладѣло уныніе и печаль, или даже отчаяніе; а юноша хвалился тѣмъ, какъ будто какимъ подвигомъ Геркулеса, и чего не могли сдѣлать общія чины и богатства, то сдѣлали близкое знакомство и другъ“.

Такіе совѣты и примѣры, въ изобиліи встрѣчаемые въ греческой морали, по мнѣнію пр. Терновскаго, безъ сомнѣнія имѣли очень большое вліяніе на образованіе нравовъ въ московской Руси, гдѣ по этой причинѣ развилась та теремная замкнутость женщины, которая не встрѣчается въ южной Россіи.

Совѣты боярина о должникахъ — сдается будто писаны въ ближайшее къ намъ время и мы въ нихъ *volens-nolens* не можемъ не узнавать знакомыя родимыя черты.

„Остерегайся тѣхъ, которые съ коварствомъ хотятъ у тебя сдѣлать заемъ, ибо многіе такимъ образомъ потеряли хлѣбъ свой. Послушай, какъ (это бываетъ). Не съ перваго раза попросить у тебя одолженія тотъ, кто хочетъ занять такимъ образомъ: онъ пошлетъ тебѣ сначала что нибудь съѣстное—зайца, либо куропатокъ, либо рыбы, и еще чтò, пожалуй—даже благоуханій; потомъ и во второй, и въ третій разъ сдѣлаетъ то же. Затѣмъ онъ пригласитъ тебя къ себѣ, какъ будто любя тебя, и разъ, и два. Онъ покажетъ тебѣ много золота, которое онъ завалъ тоже у кого нибудь другого, и скажетъ тебѣ, что это онъ приготовилъ для такого-то и такого-то предпріятія, но только не хотятъ брать такой монеты (такого чекана), а требуютъ вонъ такой-то, той, которая, по его мнѣнію, есть у тебя. „Я знаю“, скажетъ онъ, „что ты имѣешь такую, и если меня любишь, дай мнѣ, чтобы мнѣ не потерять хорошей сдѣлки, которая можетъ принести мнѣ много барыша; завтра, или вечеромъ въ воскресенье, ты получишь свои деньги обратно съ прибавкою большихъ подарковъ“. А если онъ не скажетъ этого, то скажетъ что нибудь другое, напримеръ: что у него есть подъ руками такія, какія видишь, деньги, но что либо потерялся ключъ отъ ларца, либо пришелъ вчера его другъ, и онъ отдалъ ему столько-то лиръ, и вотъ теперь самъ нуждается; дай ему, съ нимъ, де, ничего не потеряешь. Когда онъ наговоритъ тебѣ такихъ рѣчей, увлечетъ, или лучше, размягчитъ тебя, ты съ большою готовностію дашь ему займы, такъ какъ ты вспомнишь и о присланномъ тебѣ отъ него съѣдномъ, и о тѣхъ роскошныхъ трапезахъ; и притомъ еще будешь надѣяться на обѣщанное. А онъ возьметъ и сочтетъ за свой выигрышъ; онъ скажетъ: „благословенны тѣ зайцы и прочія блюда, которыя я посылалъ ему, благословенны обѣды, которые доставили мнѣ это золото“. Потомъ мало-по-малу онъ начнетъ отдаляться отъ тебя; а если ты напомнишь ему объ отдачѣ, онъ отдѣлается словами. Затѣмъ онъ будетъ скрываться отъ тебя“.

Найдемъ въ „Совѣтахъ византійскаго боярина“ XI вѣка нѣчто и такое, что можетъ намъ объяснить, съ какими взглядами въ Византіи познакомились наши предки по отношенію къ медицинскій наукѣ,— взглядами, которые столь прочно привились на землѣ русской, что еще и сейчасъ не составляетъ диковины.

Пар. 125. „Молись о томъ, чтобы не впасть въ руки врача, хотя бы и знающаго, ибо онъ скажетъ тебѣ не то, что слѣдуетъ. Желая отъ тебя поживиться, онъ велитъ тебѣ ѣсть то, что противно твоей болѣзни, и раздражитъ еще болѣе твою болѣзнь; потомъ опять будетъ лечить и затягивать недугъ“. Такъ точно думали объ этомъ и у насъ, да и теперь подобныя мнѣнія еще не вывелись.

V.

Немного доблестныхъ чертъ замѣчаетъ „византійскій бояринъ“ и въ вѣрноподданическихъ чувствахъ своихъ современниковъ, людей высшаго общественнаго положенія. „Служащіе царямъ говорятъ согласно съ ихъ желаніями, но нѣтъ въ нихъ прямоты; ложь и неправда на устахъ ихъ“. Очевидно, что въ Византіи это шло безъ всякаго сравненія хуже того, какъ велъ у себя тѣ же дѣла свободный „Володимеровъ вѣжливый дворъ“ въ Кіевѣ; даже и въ царской Москвѣ, съ ея приниженностью и крамольными происками все таки хотъ въ комъ ни будь жилъ духъ лучшій. Богатырь Илья, ѣдучи чрезъ боръ, который „пахнетъ и смолой и земляникой“, объясняетъ себѣ свой разрывъ съ „Краснымъ Солнышкомъ“ просто и свободно:

„Но обнесъ меня ты чарой въ очередь мою,
Такъ шагай же мой чубарый,—уноси Илью“.

А протопопъ Аввакумъ, при всѣхъ своихъ обидахъ и раздраженіи, еще находить въ себѣ силу бросить въ глаза лукавымъ грекамъ: „идите къ намъ учиться, у насъ Божіею благодатію самодержавство...“ Совсѣмъ иныя отношенія увидимъ сейчасъ у византійскаго боярина, умѣющаго заворачивать свою мысль въ „пестрыя слова“, болѣе пестрыя, чѣмъ была „пестра ихъ вѣра“, по мнѣнію Аввакума.

Въ 184 пар. говорится, что когда воцарился Романъ-Диогенъ „мужъ памятующій дружбу“, то онъ велѣлъ пустить въ Византію нѣкоего Никулицу—лицо, пользовавшееся дружбою покойнаго императора. Онъ даже самъ написалъ ему слѣдующее письмо: „Радуйся и веселися, ибо Богъ возвысилъ меня и далъ мнѣ царскую власть; приходи скорѣе, чтобы быть облагодѣтельствованнымъ мною“. Тотъ такъ и сдѣлалъ: скоро прибылъ въ столицу, поклонился ему (императору) и поблагодарилъ за то, что вспомнилъ о немъ. Но только царь не сдѣлалъ ему ничего хорошаго, кромѣ того, что сына его произвелъ въ протопаѳарія, а брату Панкратію увеличилъ содер-

жаніе. Вслѣдствіе людской зависти, онъ велѣлъ ему удалиться домой и дѣлать тамъ, что хочетъ. Этого мало, по византійской логикѣ:

„Мы чуть пожертвуемъ какачь,
Сейчасъ же дай намъ рубль на водку...“

Правда, „совѣтами византійскаго боярина“ внушается дѣтямъ преданность государю, но какаья это низкопробная преданность, на чемъ она основана и чѣмъ руководима? Бояринъ говоритъ: „никогда не бывало, чтобы кто нибудь осмѣлился поднять бунтъ противъ царя и не погнѣзл бы самъ“. А „потому увѣщаваю васъ, дѣти мои возлюбленныя, стоять всегда на сторонѣ царя и быть его слугами, ибо царь, сидящій въ Константинополѣ, всегда остается побѣдителемъ“. Вотъ главнѣйшая причина, почему не надо участвовать въ бунтѣ: это опасно, потому что „царь, сидящій въ Константинополѣ“, т. е. держащій власть въ рукахъ, „побѣдитъ“. Тутъ, очевидно, нѣтъ мѣста чувствамъ чистой преданности „не за страхъ, а за совѣсть“, а просто покорность тому, кто успѣлъ взять въ руки власть и силу— „ибо онъ побѣдитъ“. Но если онъ не въ силѣ, если за него требуется постоять, не руководясь страхомъ, что „онъ побѣдитъ“,—какъ тогда поступить византійская мудрость и византійская совѣсть?

Черезъ нѣсколько строкъ мы подведемъ нѣкоторые примѣры, способные освѣтить эти недомолвки византійскаго боярина; а пока пойдемъ за его разсказами, не нарушая ихъ нити.

VI.

Бояринъ дѣлаетъ очень любопытныя характеристики двухъ недавно возстановившихъ свое государственное существованіе народностей—именно, румыновъ и болгаръ. Что это за люди были въ его время, можно себѣ представить по одному тому, что византійскій бояринъ—человѣкъ, который безъ малѣйшаго стѣсненія подаетъ совѣты самаго жестокаго вѣроломства—считаетъ валаховъ образцомъ вѣроломства нестерпимаго и посвящаетъ ихъ характеристикѣ отдѣльный 186 параграфъ. „Заповѣдую вамъ и вашимъ внукамъ слѣдующее (говоритъ онъ): родъ валаховъ—родъ совершенно невѣрный и развращенный, не сохраняющій прямой вѣрности ни Богу, ни царю, ни сроднику, ни другу, но старающійся всѣхъ провести; они большіе лгуны и страшные воры; они готовы каждый день клясться самыми ужасными клятвами передъ своими друзьями и легко нарушаютъ клятву. Они никогда и ни къ кому не соблюдали вѣрности. Они трусливы, обладаютъ злыми сердцами, обнаруживаютъ иногда дерзость, но я это отъ трусости. Не довѣряйте имъ, и если они будутъ притворно высказывать любовь и вѣрность и будутъ давать клятву передъ Богомъ—не вѣрйте имъ. Лучше совсѣмъ не приводить ихъ къ присягѣ; развѣ только

изъ притворства будь ихъ другомъ“. Не лучше валаховъ считалъ бояринъ и соплеменныхъ намъ болгаръ, о которыхъ онъ пишетъ такъ: „Если когда поднимется мятежъ въ Болгаріи и если они заявляютъ себя твоими друзьями, то и въ томъ случаѣ, если они даютъ клятву, не вѣрь имъ“.

В. Г. Васильевскій справедливо считаетъ эту любопытную характеристику „драгоцѣнною“ какъ по тому, что она сдѣлана современникомъ, такъ и по тому, что она „будетъ считаться теперь самымъ древнимъ свидѣтельствомъ по данному вопросу“.

VII.

Въ подтвержденіе къ выводу, который мы сдѣлали нѣсколько строкъ выше изъ совѣтовъ византійца на счетъ характера рекомендуемой имъ преданности императору, слѣдуетъ привести параграфы 218 и 219, гдѣ мы читаемъ такіа рацеи: „Если ты имѣешь собственную область, или даже село, то да не соблазняетъ тебя богатство, или титулы, или обѣщанья царей; не отдавай своей земли царю: ты будешь почтенъ, пока ты самъ и дѣти твои въ твоей власти. Но какъ скоро лишишься своей власти, то сначала полюбишься царю, затѣмъ скоро будешь пренебреженъ царемъ и ни во что вмѣнешъ, и узнаешь, что ты теперь рабъ, а не другъ. Тогда и твой прежній подручникъ будетъ тебѣ страшень, потому что, если ты досадишь ему, онъ отправится къ царю и обвинитъ тебя, что ты замышляешь что либо злое, хотя тебѣ, можетъ быть, и на умъ не всходило того, въ чемъ ты будешь обвиняемъ. Тогда наряженъ будетъ надъ тобою грозный судъ и будутъ тебя допрашивать какъ лукаваго и злоумышленнаго раба. Ты будешь говорить правду, но тебѣ не повѣрятъ, а твой прежній подручникъ съ своей ложью явится говорящимъ нѣчто достовѣрное и получить отъ царя почести. Будетъ провозглашено, что ты ничего не могъ отвѣтить и вынесенъ будетъ противъ тебя приговоръ отъ правительствующаго объ ослѣпленіи, или же въ такомъ родѣ, что—„царственность моя даруетъ тебѣ помилованіе...“ Но ты лишишься своего имущества и будешь отправленъ въ ссылку, или заключенъ въ темницу. Можетъ быть, послѣ царь и пойметъ, что ты былъ обвиненъ ложно, но такъ какъ онъ (уже) взялъ за себя то, что тебѣ пожаловалъ, и что обѣщалъ — онъ уже не посмотритъ на правду“. Далѣе этого бояринъ въ положительныхъ совѣтахъ не идетъ. Онъ еще во 2 параграфѣ написалъ, что не надо доходить до „отчаянной правды“, и теперь остается въ ладу съ современной ему пословицей: „не надо плыть дальше предѣловъ Гидарскихъ“. Бояринъ лукавъ и знаетъ, что дѣти его будутъ таковы же, и когда имъ доведется читать эти „совѣты“, они будутъ въ состояніи смѣтить, до чего онъ не доплылъ, „обвѣсивъ весла у Гидары...“

Конечно, бояринъ завѣщаетъ въ своихъ совѣтахъ оказывать государю почтеніе и преданность, но, опять повторяемъ, онъ основываетъ это не на иныхъ причинахъ, какъ на личной безопасности, и только... А когда есть выборъ обезопасить себя сохраненіемъ независимости „своей волости“, то онъ отдаетъ несомнѣнное предпочтеніе сохраненію возможно бѣльшей независимости отъ царя и отнюдь не внушаетъ того довѣрія къ власти государевой, какое мерещится нѣкоторымъ изъ нашихъ „тенденціозныхъ византійцевъ“. Напротивъ, византійскій бояринъ даже внушаетъ своимъ дѣтямъ самыя запугивающія опасенія на счетъ признательности со стороны государя, и эти опасенія, конечно, никакъ ни могли способствовать укорененію въ юношахъ чувствъ искренняго вѣрноподданничества. Да мы сейчасъ ниже увидимъ, что это автора „Совѣтовъ“ дѣйствительно ни мало не озабочивало.

VIII.

Въ совѣтахъ византійскаго боярина находимъ нѣчто о современномъ ему придворномъ ласкательствѣ, въ которомъ на весь свѣтъ прославились греки. Бояринъ не желаетъ видѣть своихъ дѣтей льстцами, хотя, впрочемъ, опять не потому, чтобы „лганье передъ царемъ“ представлялось ему низкимъ и безсовѣтнымъ, а потому, что на его практическій взглядъ и это придворное средство ненадежно, или, по крайней мѣрѣ, уснѣхъ „лганья“ не бываетъ продолжительнымъ. Бояринъ разсуждаетъ, что какъ цѣлью ласкательства бываетъ всегда выпрашивание себѣ чего нибудь, то рано или поздно это попрошайство докучаетъ царямъ и при повтореніяхъ часто смѣняется царскимъ нерасположеніемъ. Бояринъ взываетъ къ благоразумію своихъ дѣтей: „Если ты разумный человѣкъ (онъ не говоритъ, если ты человѣкъ честный, а только „разумный“), — не думай лгать передъ царемъ и правдоподобными словами обманывать его, чтобы получить подарки, ибо это не кончится добромъ для тебя!“ И сейчасъ же, сряду, для иллюстраціи этой практической мысли, бояринъ приводитъ въ примѣръ (пар. 220) нѣкоего не знавшаго мѣры топарха Добронью, который пожелалъ приласкаться къ императору Роману Аргиру. „Тотъ благосклонно его принялъ, осыпалъ дарами и почестями и отпустилъ домой съ большимъ богатствомъ“. Это разлакомило топарха, и онъ, „обнадеженный благодѣяніями“, поплылъ дальше предѣловъ Гидарсвихъ: онъ припожаловалъ къ Аргиропулу „въ другой разъ и опять нашелъ благосклонный пріемъ, хотя (уже) не такой щедрый, но нѣсколько скудный, и возвратился домой“. Но и этого ему было мало: чуть воцарился на мѣсто „забывчиваго къ должностямъ супружества“ Романа досужій въ этомъ служеніи любовникъ вдовы его Зои, Михаилъ Пафлогонянинъ, старій льстецъ и попрошайка „опять явился“. Онъ притекъ поздравить воцарившагося фаворита Зои, но былъ встрѣченъ

пренебрежительно. Михаилъ Пафлогонянинъ, происходившій, по опредѣленію Манассіи, „изъ худородныхъ людей и пріявшій скипетръ въ награду за тайную любовную связь“ съ женой долго нѣжившагося въ разслабляющихъ баняхъ Романа, понималъ толкъ въ людяхъ и всеконечно умѣлъ отличать друга отъ ласкателя. При прямой склонности къ добру, которую Михаилъ оказывалъ всѣмъ, по свидѣтельству Манассіи,—онъ, однако, прогналъ попрошайку, а тотъ, какъ обыкновенно между людьми этого сорта водится, „огорчился и началъ роптать“, вѣроятно, касаясь въ разговорахъ вещей болѣе или менѣе щекотливыхъ для самолюбія выскочки. Придворные донесли царю, что неудовольствованный имъ ласкатель обижается и ворчитъ, и предложили Михаилу подходящій совѣтъ: „такъ какъ онъ самъ, т. е. Добронья, находится въ нашихъ рукахъ“, то не лучше ли всего завладѣть теперь и его собственною волостію... Какъ внималъ такому совѣту Михаилъ,—бояринъ не рассказываетъ. Если вѣрить Манассіи, который писалъ исторію стихами, то это, вѣроятно, стоило большой борьбы Михаилу, а если болѣе вѣры дать „византійскому боярину“, который писалъ (пр. 191) „не для кого нибудь другаго, а для дѣтей его утробы, ихъ же далъ ему Богъ“, то дѣло это должно быть обошлось коротко и просто. „И дѣйствительно“, говоритъ бояринъ, „заклучивши Добронью въ темницу,“ захватили его землю, а жену его и сына выселили и привели въ преторій, гдѣ они и оставались въ темницѣ втеченіе всей ихъ жизни. Добронья и его жена умерли въ преторіи, а сынъ его, „презираемый и считаемый ни во что“, дожилъ до того счастливаго для себя случая, когда красивый Михаилъ, смѣнившій при Зоѣ ослабѣвшаго силами Романа, вскорѣ и самъ сталъ хворать, „падать, вращать глазами и блеять по-овечьи“. Тогда судьба его устроилась тѣмъ, что Зоѣ, „желавшей назваться матерью“, былъ доставленъ съ Лесбоса свѣжій красавецъ Константинъ Мономахъ, который имѣлъ все нужное, чтобы возобладать и царицей и царствомъ. Только при непомѣрной суетѣ, которая происходила въ придворныхъ сферахъ въ то время, когда Зоя, по свидѣтельству Манассіи, „уподоблялась древу, орошаемому двумя садовниками и все-таки засыхающему“, всѣ порядки ослабѣли и политическихъ узниковъ стали караулить слабо. Тогда „презираемый“ сынъ погибшаго ласкателя воспользовался туманомъ этого эротическаго повѣтрія и нашелъ средства спастись бѣгствомъ.

IX.

Въ 230 пар., адресованномъ „къ царю“, византійскій практическій мудрецъ рассуждаетъ такъ: „Если нѣкоторые говорятъ, что царь не подлежитъ закону, но самъ есть законъ, то и я говорю то же самое; но только пусть все, что онъ ни постановляетъ, онъ дѣлаетъ хорошо, и тогда мы повинемся этому“...

Такъ какъ намъ уже достаточно знакома логика этого византійца, а при томъ нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что знатокъ предмета, подобный В. Г. Васильевскому, непременно даетъ намъ переводъ отгнанныхъ достоинствъ, въ которомъ соблюдены всѣ тоны и полутоны греческаго подлинника XI вѣка, то мы не вправѣ не остановимъ нашего вниманія на оговоркахъ и другихъ тонкостяхъ, замѣчаемыхъ въ хитрой редакціи этого совѣта. „Если нѣкоторые говорятъ“... „то и я говорю то же самое, но только пусть онъ дѣлаетъ такъ-то, и тогда мы повинемся“. Конечно, всѣ эти оговорки поставлены не случайно и не для того, чтобы сильнѣе выразить безусловное признаніе бояриномъ законность абсолютнаго принципа, а напротивъ, нельзя не чувствовать, что онѣ стоятъ здѣсь для того, чтобы дать всему понятію совсѣмъ иные отгннки... Какъ вы ни истолковывайте этихъ „тогда“ и „если“—они отнимаютъ вѣру въ искреннюю преданность автора принципу византійскаго монархизма, о которомъ онъ, въ своей семьѣ, разсуждаетъ безъ пламеннаго восторга, а съ извѣстными уловками, какъ будто поневолѣ,—какъ бы только потому, что „если“ другіе такъ хотятъ говорить, „то“ тогда и онъ, обладая большою житейскою опытностью, не говоритъ иного. То есть, онъ уступаетъ необходимости—по русской пословицѣ: „отъ міра не прочь и на міръ не челобитчикъ“, „но“ и тутъ онъ покоряется этой необходимости все-таки только условно и даже очень рѣзко обозначаетъ грани, дальше которыхъ его покорность не идетъ, да и не должна идти покорность его дѣтей. Византіецъ резонируетъ на этотъ счетъ такимъ образомъ: „Если онъ (царь) скажетъ тебѣ: выпей яду, то ты, конечно, не исполнишь этого. Или, если онъ скажетъ: войди въ море и переправься впадь на ту сторону, то и этого ты не можешь исполнить. Отсюда познай, что царь—человѣкъ и подлежитъ благочестивымъ законамъ“.

Не смѣемъ судить—не вѣрнѣ ли было бы послѣднюю мысль передать такъ, что „и царь подлежитъ законамъ благочестія“—единственнымъ законамъ, которые во всѣхъ случаяхъ авторъ желаетъ поставить выше царской власти. Но, во всякомъ случаѣ, и въ оборотѣ, принятомъ В. Г. Васильевскимъ, къ переводу котораго было бы недостойно относиться съ неполнымъ довѣріемъ, послѣдняя фраза можетъ имѣть тотъ смыслъ, что слѣдуетъ покоряться только тѣмъ велѣніямъ царя, которыя согласны съ законами благочестія и не требуютъ отъ подданнаго самоотверженія,—по крайней мѣрѣ оправдываемаго личнымъ разумнѣемъ послѣдняго. Кубка въ родѣ того, который выпивали у насъ при Грозномъ, дѣти, наученные византійскимъ бояриномъ, выпивать ни обязывались, и въ воду они по царской волѣ идти не должны...

Если мы сравнимъ относительное достоинство вѣриподданнической преданности византійца съ чувствами, воодушевлявшими нашихъ предковъ, то, разумѣется, легко увидимъ, что у насъ на власть „самодержства“ и на обязанность подданничества смотрѣли совсѣмъ иначе.

Наши предки, какъ прославленные исторіею, такъ и тѣ, которые не попали на ея страницы, считали долгомъ не только „служить и прямиць царю не щадя живота и крови“, но даже грѣхомъ ставили „осуждать волю цареву“. „Нашъ народъ царелюбивый“ не ставилъ никакихъ увертокъ, въ родѣ „если“ уже другіе такъ, „то и я, но только“ подѣ непремѣннымъ условіемъ доброты и благочестія со стороны государя. Напротивъ, русскіе патриоты считали святымъ долгомъ повиноваться царямъ „аще и зли суть“, и были въ этомъ настроеніи столь стойки, что даже удивляли міръ своимъ терпѣніемъ. Въ Россіи царь былъ „отъ Бога всажденъ на престолѣ“, и потому у насъ самую „превосходящую звѣрство“ лютость Ивана IV народъ принималъ „какъ заслуженное отъ Бога наказаніе за грѣхи и нечестіе“, которые у насъ достигали высшихъ размѣровъ по мѣрѣ того, какъ получалъ на Руси бѣльшее преобладаніе византизмъ. При Грозномъ это дошло до того, что цѣлая рать, облежавшая Казань, предавалась содомскому грѣху, съ которымъ освоилась, отъ челоуѣкъ, приходившихъ въ фодудьяхъ и въ шляпахъ земли греческой“, гдѣ, по свидѣтельству Амартола, разумѣмая гнусность была распространена не только между мірянами и иноками, но даже и между архіереями, изъ коихъ „многихъ казнили колесованіемъ и посаженіемъ на колы, дабы страхомъ уцѣломудрить остальныхъ“. Понятно, какъ это должно было пугать нашихъ людей благочестивыхъ, но неспособныхъ разобрать—„откуда толикая мерзость двизааетъ“, и отсюда снова понятно, какъ всю лютость Иванову они принимали только за справедливое наказаніе за грѣхи своей „изблудодѣйствовавшей земли“...

Нѣсколько въ меньшихъ размѣрахъ то же самое благочестиво-смирненное возрѣніе видимъ и въ другія эпохи позднѣйшей русской исторіи, (напр., при Петрѣ I, при Биронѣ); итакъ, эта благопріимчивость зла, какъ возмездія за грѣхи, словно локальный тонъ покрываетъ почти всѣ картины исторической жизни нашей деликатной въ отношеніи своихъ государей родины.

То ли видимъ въ Византіи?

Что касается деликатности, то ужъ конечно намъ ей не учиться въ растлѣнной и падшей Византіи! Такъ-какъ здѣсь у мѣста будутъ нѣкоторыя сравненія, то и не станемъ избѣгать ихъ. Пусть, на примѣръ, читатель возьметъ для образца, чтѣ византійскій хроникеръ написалъ объ „орошеніи двумя садовниками усыхающей Зои“, и сравнитъ, какъ скромно и даже стыдливо отмѣчаютъ русскіе лѣтописцы и историки романическія приключенія тѣхъ изъ занимавшихъ престолъ женщинъ, о которыхъ историческая правда обязываетъ сдѣлать такія отмѣтки. О самой Софѣ Витовтовнѣ сильнымъ, но краткимъ штрихомъ черкнуто: „не сыта бѣ блуда“. Правда, что это очень рѣзко, но сравните это съ „древомъ, орошаемымъ двумя садовниками“, и вы охотно дадите предпочтеніе русской рѣзкости передъ византійскою фигураль-

ностью. Нашъ простой и прямой отзывъ цѣломудреннѣе, и въ немъ во всякомъ случаѣ нѣтъ и тѣни насмѣшки...

Но это всего только одна черта, и при томъ не самая главная— а вотъ и другіе образцы византійской искренности и почительности къ государямъ, которыхъ „телѣги“ эти люди ставили въ алтаряхъ, а „порты“ вѣшали на стѣны. Зажившагося на свѣтѣ старика Михаила Стратіотика они называютъ то „вороною“, то „безлиственной кочерыжкой“ (Манас. 6225—25); Романа Діогена—„ревущимъ быкомъ“, Михаила VII—„устрицею“, и т. п. Развѣшиванье въ церквахъ „портъ“ и обращеніе алтаря въ каретный сарай для „серебряной телѣги“ Константина не мѣшаетъ имъ слагать слѣдующія, хитро мѣтающія, пословицы: „Тотъ, кто отгоняетъ волковъ, самъ собирается растерзать овцу“; „Изъ одной глины и тазъ и бокаль, изъ одного куста и метла и кропило“. Однако и это пока еще слова, но у нихъ есть и прегнусныя дѣла, изъ коихъ одни можетъ быть имѣютъ гдѣ нибудь подобіе, а другія ни гдѣ не повторялись. Въ первомъ родѣ извѣстно, напримѣръ, удушеніе царя въ его собственной мыльнѣ; а про вторыя, которымъ нѣтъ подобія, страшно и рассказывать. Мы разумѣемъ погребеніе Анастасія Дирахита (разноглазаго) въ летаргическомъ снѣ. Конечно, онъ былъ положенъ въ гробъ каменномъ и покрытъ каменною же крышею, подобною той, которую видимъ въ Кіевѣ на гробѣ Ярославъ. Какимъ приспособленіемъ эти тяжелыя крыши помѣщали на гробъ—неизвѣстно, но это очевидно составляло трудъ сложный; послѣ же крышу примазывали какимъ-то цементомъ, или замазкою, которая и соединяла ее со стѣнками гроба. Амарголь (518—519) рассказываетъ, что „когда Анастасій внезапно оказался мертвымъ въ своей спальнѣ“, его отпѣли и похоронили, а „черезъ нѣсколько дней онъ кричалъ изъ гроба: „помилуйте меня, выпустите!“ . Но ему отвѣчали: „теперь уже другой царствуетъ“.— „Ничего мнѣ не нужно“, стоналъ изъ гроба Анастасій, „отведите меня въ монастырь“, но его оставили въ прежнемъ положеніи... „Спустя немного времени, гробница была открыта, и оказалось, что царь изгрызъ свои руки и туфли“.

Но пусть лучше „слово наше увидетъ въ пристань молчанія“,— и станемъ дослушивать совѣты боярина.

Х.

Въ изъясненіе „благочестивыхъ законовъ“, которымъ, по мнѣнію боярина, должны покоряться цари, византіецъ пишетъ (пар. 230) „посланіе къ слѣдующимъ благочестивымъ и христіанскимъ царямъ“, которое весьма интересно. „Святой господинъ!“ ставитъ онъ въ началѣ предлагаемыхъ царю совѣтовъ: „Смотри на всѣхъ одинаковыми глазами и поступаай сообразно съ тѣмъ со всѣми одинаково—съ находящимися во власти и съ прочими, а не такъ, чтобы однихъ даромъ обижать, а дру-

гимъ благодѣтельствовать сверхъ всякаго справедливаго основанія.—Не внимай ложнымъ доносчикамъ.—Благодѣянія твои пусть будутъ обдуманны и пусть ихъ получаютъ отъ тебя достойные. Милости, оказываемыя царями людямъ недостойнымъ, суть милости, оказываемыя комедіантамъ и публичнымъ шутамъ. Если хочешь пожаловать (такихъ), то жалуй ихъ небольшимъ количествомъ денегъ, а не достоинствомъ или саномъ, ибо достоинство, какъ показываетъ самое слово, принадлежитъ достойному. Иноплемениковъ, если они происходятъ не отъ царскаго рода страны своей, не возводи въ высокіе чины и не ввѣрай имъ важныхъ должностей, ибо, дѣлая это, ты унизишь своихъ... Пусть не говоритъ твоя царственность: „я для того ихъ пожаловалъ, чтобы и другіе, узнавъ объ этомъ, приходили сюда“. Не хорошии это разсчитать. Если желаешь, то за хлѣбъ и одежду я приведу тебѣ такихъ иноплемениковъ сколько угодно.—Не желай нажиться на счетъ находящейся подъ твоей властью страны. Одинъ старый и неразумный человѣкъ совѣтовалъ порфирородному Кирь-Василію, желая ему погибели: „держи народъ въ бѣдности“. Держи народъ въ бѣдности—и онъ возненавидитъ тебя, или даже возстанетъ противъ тебя, ибо ты имѣешь дѣло не съ безсловесными, но съ людьми, одаренными разумомъ и способными разсуждать и понимающими, дѣлаютъ ли имъ добро, или зло“. Совѣтуя государю жить благочестиво, византійскій бояринъ очень наглядно представляетъ, какъ образъ жизни царя отражался въ его время въ народѣ. (Пар. 251). „Всѣ смотрятъ на царя и и подражаютъ его жизни; если она хороша, то и они стремятся достигнуть хорошаго, а если дурна и достойна порицанія, то и они ведутъ себя такимъ же образомъ“. Здѣсь проф. Терновскій, кажется, дѣйствительно могъ бы найти черты, обобщающія византійцевъ съ русскими даже самыхъ недавнихъ временъ: такъ напр., русскіе при Грозномъ богословствуютъ и каверзничаютъ, при Петрѣ европейничаютъ, при Екатеринѣ II щеголяютъ и вольнодумствуютъ, при Александрѣ I пускаются въ мистику, при Николаѣ Павловичѣ вытягиваются и получаютъ увѣренность, будто Россія „государство не земледѣльческое, и не торговое, а по преимуществу военное“, при Александрѣ II освобождаютъ крѣпостныхъ лучше, чѣмъ это сдѣлано во всемъ свѣтѣ, а при Александрѣ III, едва онъ вступилъ на престолъ, единодушно называютъ молодаго государя „хозяйственнымъ“ и собираются вытравить одолѣвающія край „хищенія“,—въ чемъ и да помогутъ имъ святыя силы неба.

XI.

Общіе совѣты царю византійскій бояринъ заключаетъ предостереженіемъ отъ лжецовъ и клеветниковъ: „Не допускай, говоритъ онъ, себѣ льстить никого, а лучше пріобрѣсти друзей, которые бы обличали тебя. Найди такого человѣка и дай ему свободу обличать тебя.

Не говори: „я обладаю умомъ, я все знаю“. Я тебѣ на это отвѣчу: „многое ты знаешь, но еще большаго не знаешь“.

Есть, кромѣ этого, совѣты уже не общаго государственнаго характера, а частные, такъ сказать спеціальныя, по отдѣльнымъ отраслямъ управления, — напр., слѣдующій (пар. 256 — 258): „Старайся, чтобы флотъ всегда находился въ цвѣтущемъ положеніи и обращай вниманіе на флотскихъ начальниковъ. Пусть они будутъ исправны въ своихъ обязанностяхъ, а если они пойдутъ на взятки, то вразуми ихъ сѣченіемъ и остриженіемъ волосъ и денежнымъ штрафомъ. Оставаясь долгое время при флотѣ, флотскіе начальники обыкновенно приучаются къ небрежности, покою и распущенности. Поэтому тебѣ слѣдуетъ быть внимательнымъ къ флоту, и если увидишь, что они въ самомъ дѣлѣ такъ живутъ и дѣйствуютъ, то гнать ихъ отъ флота, съ тѣмъ, чтобы поставить другихъ вмѣсто нихъ во главѣ, и если ты такъ это сдѣлаешь, то не только отъ этого не будетъ тебѣ ущербъ, напротивъ—ты будешь въ прочной безопасности“.

Не знаю — какъ кому кажется, но, при извѣстной точкѣ зрѣнія, желая отыскивать аналогіи, можетъ быть иной и здѣсь найдетъ что либо удобное для сопоставленія...

XII.

Совѣты заключаются указаніемъ на „вредный обычай“, чтобы царь не посѣщалъ странъ, находящихся подъ его властію, но оставался, какъ будто въ какой-то темницѣ, въ Константинополѣ. „Если бы кто въ самомъ дѣлѣ заставилъ тебя жить въ видѣ ссылки только въ одномъ городѣ, то, подвергшись этому, ты сталъ бы мучиться и скучать; что же сказать о томъ, если бы ты самъ это съ собою сдѣлалъ? Итакъ, путешествуй, смотри, не терпятъ ли обидъ бѣдныя, и исправляй всякія несправедливости“.

Этимъ заключается книга совѣтовъ византійскаго практика, адресованная отъ него какъ обыкновеннымъ смертнымъ—не низшаго впрочемъ ранга (простонародіе не получаетъ отъ византійскаго боярина никакихъ вразумленій),—такъ и государямъ. О достоинствѣ совѣтовъ перваго рода мы уже отчасти говорили: имъ, по нашему мнѣнію, часто недостаетъ человѣколюбія и искренности, а многіе изъ нихъ исполнены такого коварства, что даже трудно вѣрить, какъ могъ это напечатать христіанинъ, и при томъ „для дѣтей утробы своея, ихъ же даде ему Богъ“. Многими изъ этихъ совѣтовъ конечно оскорблялась бы языческая совѣсть не самаго высокаго культа, но не должно забывать, что христіанинъ, предлагающій эти совѣты, есть христіанинъ византійскій.

Совѣты, преподанные по адресу государя, кажутся лучшими и многіе изъ нихъ (кромѣ предложенія сѣчь флотскихъ офицеровъ,

берущихъ взятки), можетъ быть, не утратили всего своего достоинства и до сихъ поръ; но какой смыслъ и какое вліяніе могли имѣть эти совѣты на императоровъ, достигавшихъ трона случайностями, большею частію безъ всякой цѣлесообразной воспитательной подготовки,— а мы сейчасъ увидимъ, что доброй воспитательной подготовки для византійскихъ принцевъ нѣгдѣ было достать именно по причинѣ общественаго растлѣнія. Даже такой человѣкъ, какъ Θεодосій, который понималъ цѣну образованности, не могъ добыть для сыновей своихъ— Аркадія и Гонорія—ни одного достойнаго учителя во всемъ царствѣ. Амарголь говоритъ: „царь всячески старался сыскать пригоднаго наставника, разослалъ повелѣнія объ этомъ по всему государству, но нигдѣ не могли найти по мысли царя; находили или философа, но не боголюбца, или боголюбца, но не философа“. Таково было положеніе вещей, по видимому мало отличающееся отъ нынѣшняго положенія на Востокѣ, ибо тамъ и теперь философы мало боголюбивы, а боголюбцы малознаючи. Но горе еще увеличивалось оттого, что и воспитанный человѣкъ, появясь въ этой средѣ, сбивался съ толку и вмѣсто пользы усугублялъ вредъ. Затрудненіямъ Θεодосія, какъ извѣстно, помочь „гнилой Западъ“, гдѣ достали требуемаго наставника, „хотя съ перевѣсомъ благочестія надъ ученостію“. Наставникъ для принцевъ былъ отысканъ въ лицѣ римскаго дьякона Арсенія, но „будучи смиренномудръ, (онъ) относился къ Аркадію и Гонорію какъ къ царямъ, а не какъ къ ученикамъ; сажалъ ихъ на двухъ тронахъ, а самъ стоя преподавалъ имъ...“ Услужливые люди указали на это царю и тотъ разгнѣвался на учителя. Тогда Арсеній, чтобы поправить свою репутацію, услужилъ въ другомъ родѣ: онъ „за дѣтскій проступокъ Аркадія нанесъ ему такой тяжкій ударъ, что слѣды побоевъ оставались на тѣлѣ его до смерти“, а Аркадій, призвавъ своего спафарія, велѣлъ убить своего наставника „какимъ хочетъ способомъ, только чтобы никто не провѣдалъ объ убійствѣ“. Это послѣднее обстоятельство дало незадачливому педагогу поводъ сбѣжать въ пустыню и прославиться тамъ другимъ образомъ.

Чего можно было ожидать отъ людей, приготовляемыхъ къ прохожденію царственнаго поприща такимъ способомъ, котораго держался Арсеній, „философъ съ перевѣсомъ благочестія?“ Очевидно, можно было ожидать того, что и дѣйствительно происходило при растлѣнномъ дворѣ растлѣннаго народа, и вотъ почему достойны вниманія совѣты византійскаго боярина государю.

Подавая ихъ, византіецъ XI вѣка, очевидно, старался подвигнуть царя къ противодѣйствию такимъ явленіямъ, которыя происходили, и это въ самомъ дѣлѣ такъ и было. Для доказательства этого даже не нужно отрывать отъ листовъ книги византійскаго боярина и копаться въ исторіи, которая не замедлила бы подтвердить наши соображенія. Византійскій бояринъ самъ представляетъ картину нравовъ, сколь возмутительную, столь же и отвратительную. Онъ пока-

зываетъ намъ общество, въ которомъ не было мѣста ни дружбѣ, ни довѣрью,—коварство съ одной стороны сталкивается съ коварствомъ другой и обманъ находитъ себѣ мѣсто даже въ поученіи отца дѣтямъ (какое представляютъ собою прочитанные нами совѣты); лучшаго друга нельзя было пускать въ домъ, чтобы онъ не обезчестилъ жены хозяина, или по крайней мѣрѣ не нахвасталъ своими у нея усѣхами... Въ государственной жизни царитъ ложь и высматриваніе— „какъ другіе“: „если другіе такъ, то и я такъ, а если они иначе, то и я по другому“; судъ былъ, очевидно, такъ дурень, что обиженныхъ неправоудіемъ приходилось защищать посредствомъ личныхъ разѣздовъ императоровъ, но это очень эффе́ктивное средство къ сожалѣнію не приносило той пользы, которой ожидалъ бояринъ. Императоры объѣзжали части своей обширной имперіи, и во время своихъ путешествій они убѣждались, что и въ дорогѣ были такъ же искусно обманываемы, какъ и во дворцѣ. Да и могло ли въ этомъ морѣ лжи быть иначе? „Я это видалъ часто“, говоритъ бояринъ (пар. 240) и добавляетъ, что онъ видалъ: „судей, достойныхъ смѣха и благоденствующихъ, а другихъ, разумныхъ и благихъ, но презираемыхъ царями; равнымъ образомъ достойныхъ воиновъ, пренебрегаемыхъ царями, а лжецовъ въ благополучіи, и возстеналъ я въ сердцѣ моемъ“. Онъ „возстеналъ“ при той относительно не высокой морали, съ которою, конечно, не помирилась бы даже довольно сговорчивая совѣсть въ наше время, а между тѣмъ, въ наши именно дни у насъ находятся люди, которые усиливается спасти Россію отъ увлеченій гнилымъ Западомъ посредствомъ отвода ея глазъ на здоровую Византію... Они даже какъ будто забываютъ, что самъ пропитанный византійскимъ духомъ Грозный отстранялъ этотъ примѣръ, „намъ пагубный“, и пророчилъ „горе сему царству, понами владомому“. Но, къ сожалѣнію, историческія званія въ нашемъ обществѣ до жалости слабы, исторической критики нѣтъ, а замѣняющая ее недостойная брань ни кому не внушаетъ довѣрья, и для всякой тенденціозной лжи открытъ просторъ безбрежный...

И въ это-то самое время, университетскій профессоръ, имѣющій имя въ литературѣ, является съ такимъ интереснымъ трудомъ, который даетъ самый яркій образчикъ византійской морали... Это, по истинѣ, очень хорошій выкладъ въ литературу и добрая услуга обществу, которому теперь является много охотниковъ привить византійскіе идеалы. Настоящій отблескъ византизма, развитый въ „совѣтахъ боярина“, можетъ быть, въ состояніи убѣдить cadaго, что вышеупомянутое стремленіе не можетъ принадлежать здравомысленнымъ людямъ, руководящимся уроками исторіи, а оно есть дѣло направленныхъ фантазеровъ, которые создаютъ себѣ идеалы „отъ вѣтра главы своя“ и потомъ отстаиваютъ ихъ „слово плетуще и слово плеще, словомъ почтита мнѣше и отъ словесъ похваленіе собирающе“.

Николай Лѣсковъ.

СИБИРЬ И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ ВСЕМІРНОЙ ТОРГОВЛИ.

СЪВЕРНАЯ часть азіатскаго материка, извѣстная подъ именемъ Сибири, только съ недавняго времени начала обращать на себя всеобщее вниманіе. Поводомъ къ этому послужили отважныя путешествія одного изъ самыхъ энергичныхъ, неутомимыхъ и счастливыхъ изслѣдователей въ области землевѣдѣнія — Норденшильда. Втеченіе своей послѣдней и важнѣйшей экспедиціи, ему первому удалось пройти Ледовитый океанъ до Тихаго, т. е. вполнѣ объѣхать европейско-азиатскій материкъ. Ровно тысяча лѣтъ прошла съ тѣхъ поръ, какъ одинъ мореплаватель отправился съ сѣвера Европы на сѣверо-востокъ. То былъ Отере, принадлежавшій къ племени отважнѣйшихъ мореходовъ своего времени — нормановъ. Въ 877 году, онъ проплылъ вдоль береговъ Норвегіи, обогнулъ Сѣверный мысъ и достигъ Бѣлаго моря. Семь столѣтій спустя, т. е. во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ, англичане и голландцы, желая расширить свои торговыя сношенія, тщетно пытались открыть черезъ Ледовитый океанъ болѣе короткій морской путь въ богатыя культурныя страны юго-восточной Азіи и только нашему времени было суждено разрѣшить давнишній вопросъ о сѣверо-восточномъ пути.

Норденшильдъ достигъ по Ледовитому океану Берингова пролива, прошелъ въ Тихій океанъ и, такимъ образомъ, значительно обогатилъ науку землевѣдѣнія въ смыслѣ болѣе полнаго познанія нашей планеты; но не научные результаты, не богатыя и многообразныя свѣдѣнія о климатѣ, гидрографіи, зоологіи и ботаникѣ сѣверныхъ морей Азіи, а практическія цѣли, которыя преслѣдовалъ Норденшильдъ во время своихъ экспедицій, приковали къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Самъ Норденшильдъ не разъ высказывалъ убѣжденіе, что онъ, своими первыми путешествіями изъ Скандинавіи въ Карское море и къ Енисею, указалъ торговый путь для сбыта произведеній средней и сѣверной Азіи. Во время своей послѣдней большой экспедиціи, Норденшильдъ, какъ это видно изъ его доклада королю шведскому, задался мыслью доказать возможность воспользоваться для практическихъ цѣлей морскимъ путемъ, соединяющимъ сѣверные порты Европы съ Енисеемъ и Обью, а также съ Тихимъ океаномъ и одною изъ громаднѣйшихъ рѣкъ Сибири—Леною.

Насколько высоко цѣнится научное значеніе путешествій Норденшильда, настолько же разнятся воззрѣнія насчетъ ихъ практической пригодности, а слѣдовательно—и насчетъ самой возможности проложить въ Сибирь торговые пути. Съ одной стороны, недовѣрчиво относясь къ естественной производительности страны, многіе не цѣнятъ по достоинству достигнутыхъ Норденшильдомъ результатовъ, съ другой — считаютъ возможнымъ предсказать для Сибири эру величайшаго благосостоянія и торговаго развитія, не придавая большого значенія тѣмъ, кроющимся въ естественныхъ свойствахъ самой страны, препятствіямъ и затрудненіямъ, которыя ставятъ преграды подобному обороту дѣлъ.

Въ виду всего вышесказаннаго, считаемъ не лишнимъ сдѣлать краткій очеркъ природы страны и ея производительныхъ силъ, чтобы, такимъ образомъ, придти къ окончательному выводу о значеніи, которое уже имѣетъ теперь Сибирь для всемірной торговли и котораго она еще можетъ достигнуть въ будущемъ въ силу новыхъ отношеній, возникшихъ изъ путешествія Норденшильда.

Если взглянуть на рельефную карту Азіи, то окажется, что въ центрѣ этой обширнѣйшей части свѣта громадная масса приподнятой почвы выдѣляется изъ окружающихъ ихъ равнинъ въ видѣ отдѣльнаго цѣлага и являются, такимъ образомъ, материкомъ на материкѣ. Ограниченная на югѣ цѣпью Гималайскихъ горъ, а на сѣверѣ системою Тянь-Шана, центральная Азія простирается на востокъ отъ водораздѣла на Памирскомъ плоскогорьи до истоковъ громадныхъ рѣкъ Китая и до Кангангскихъ горъ, представляя собою угрюмую, пустынную и однообразную горную страну, охваченную поясомъ полныхъ жизни и роскошной растительности странъ.

Фердинандъ Рихтгофенъ первый указалъ на рѣзкое различіе, существующее между центральными и периферическими странами азіатскаго материка. По его мнѣнію, центральная Азія занимаетъ внутренность древняго, лишеннаго истоковъ, водоема; къ периферическимъ же частямъ относятся всѣ страны, окружающія центральную Азію и несущія свои воды въ океанъ, или въ мореподобныя озера, каковы Каспійское и Аральское моря. Этимъ, повидимому, лишь внѣшнимъ и незначительнымъ различіемъ въ способѣ изліянія водъ обуславливается чрезвычайно рѣзкая и обильная послѣдствіями про-

твояположность между центральными и периферическими частями материка, противоположность, выражающаяся, по словамъ Рихтгофена, не только въ характерѣ страны, но и въ условіяхъ жизни органическаго міра, а также въ образѣ жизни населенія, въ распространенности различныхъ племенъ, въ ихъ исторіи и ходѣ развитія.

Сибирь принадлежитъ къ числу периферическихъ странъ материка. Прилегая къ сѣвернымъ склонамъ громаднаго средне-азиатскаго горнаго хребта, Сибирь заключаетъ въ себѣ всю страну до Ледовитаго океана, до горъ, отдѣляющихъ Европу отъ Азіи—до Урала на западѣ и, наконецъ, до окаймленныхъ островами береговъ Тихаго океана на востокѣ. Такимъ образомъ, она представляетъ площадь въ 227,000 кв. м., т. е. занимаетъ около четверти пространства всего азиатскаго материка.

По укоренившимся изстари и теперь еще существующимъ понятіямъ, большую часть Сибири, именно—сѣверную ея часть отъ Урала до Берингова пролива и Охотскаго моря, считаютъ сплошною болотистою низменностью. На такой характеръ страны указываетъ и монгольское слово „Sibirij“, что значитъ болотистая низменность. Понятіе это, однако, ошибочно. Новѣйшія карты показываютъ, что, въ отношеніи устройства поверхности, страна распадается на двѣ различныя части, что низменность, т. е. западная Сибирь собственно, заканчивается бассейномъ рѣки Оби и что примыкающая къ Енисею горная область, замыкающая упомянутую низменность, простирается до Тихаго океана, слѣдовательно заключаетъ въ себѣ большую часть Сибири.

Западная сибирская низменность непосредственно соединяется, въ южной части Урала, съ сѣверо-восточною европейскою и вмѣстѣ съ нею образуетъ обширнѣйшую низменную страну земнаго шара, которая, занимая 200,000 кв. м. пространства, тянется отъ устьевъ Рейна до устьевъ Енисея и арало-каспійскаго углубленія, возвышаясь, по большей части, лишь на 200 фут. надъ уровнемъ океана. Только одинъ довольно значительный горный хребетъ поднимается на этой громадной равнинѣ—именно, направляющаяся съ сѣвера на югъ цѣпь Уральскихъ горъ, но и она прорѣзана столь глубокими впадинами, что, по мѣткому выраженію Гумбольдта, отъ равнинъ сѣвернаго Брабанта можно достигъ дальней Сибири по Енисею, перейдя Ураль у Екатеринбурга и ни разу не поднявшись выше 400 метровъ надъ уровнемъ океана.

Западно-сибирская часть этой европейско-азиатской низменности представляется, вообще, въ видѣ чрезвычайно плоской, воронкообразной котловины, направленной узкимъ концемъ къ сѣверу, къ Ледовитому океану. Краины ея образуетъ съ одной стороны крутой восточный склонъ Урала, съ другою—начинающаяся на Енисеѣ горная страна. Съ юга ее ограничиваютъ отроги Алтайскихъ горъ, поднимающіеся далеко за предѣлы вѣчныхъ снѣговъ, и плоскій водораз-

дѣль со стороны притоковъ Аральскаго моря. Лѣниво и медленно протекаетъ здѣсь Обь, такъ какъ высота паденія ея весьма незначительна, и только во время весенняго разлива рѣка вздувается и быстрѣе катитъ свои воды. У Барнаула, при выходѣ изъ Алтайскихъ горъ, русло Оби лежитъ всего на высотѣ 129 метровъ надъ уровнемъ океана, а между тѣмъ, отсюда до конечной своей цѣли—Ледовитаго океана—рѣкѣ предстоитъ совершить путь еще въ нѣсколько сотъ миль. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется фактъ, что собственно въ западной Сибири нѣтъ глубокихъ долинъ. Для размывающей силы воды не представлялось сопротивленія; только тамъ образуются отвѣсныя берега, гдѣ рѣки примыкаютъ къ грядамъ холмовъ, тянущихся по равнинамъ и имѣющимъ до 50 метровъ вышины. Въ западной Сибири не встрѣчается болѣе значительныхъ возвышенностей и только многочисленныя (нерѣдко съ соленой водой) озера и пруды, болота и лѣса, нарушаютъ однообразіе этой громадной низменности. Твердый, плотный камень попадаетъ лишь на горныхъ окраинахъ низменности, почва которой вездѣ состоитъ изъ наносныхъ образованій позднѣйшихъ формаций, изъ горизонтальныхъ слоевъ песка, глины, суглинка и изъ большихъ полосъ чернозема, подобнаго чернозему южныхъ степей Россіи и по плодородію соперничающаго съ послѣднимъ.

Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ страна за Енисеемъ—восточная Сибирь. Уже на нижней Тунгускѣ начинается горная система, состоящая изъ многихъ, по большей части крутыхъ, скалистыхъ плоскогорій, которыя возвышаются надъ уровнемъ океана на 600—700 метровъ. Далѣе встрѣчаются постоянно смѣняющіеся одинъ другимъ горные края и цѣпи, высокія плоскогорья, болотистыя низменности, глубокия, крутыя ущелья и обширныя долины съ отлогими склонами. Такое разнообразіе въ очертаніяхъ почвы преобладаетъ во всей странѣ за Енисеемъ до Саянскаго хребта, до Байкальскаго озера—обширнѣйшаго водоема прѣсной воды на европейско-азиатскомъ материкѣ и до Становаго хребта на востокѣ, котораго длинныя, почти непрерывныя гряды, столь пагубныя для климата и торговли восточной Сибири, отвѣсно высятся изъ прибрежныхъ областей Охотскаго моря, простираясь до Камчатки съ ея горячими ключами, съ ея 12 потухшими и 26 дѣйствующими сопками, изъ которыхъ самая значительная—Ключевская—достигаетъ высоты Монблана, т. е. 4885 метровъ. На крайнемъ сѣверѣ восточной Сибири тоже замѣчается разнообразіе въ очертаніяхъ почвы и только у береговъ моря тянется относительно узкая полоса низменностей, прерываемая на востокѣ отрогами внутреннихъ горъ, которые, постепенно понижаясь, отвѣсными утесами въ нѣсколько сотъ метровъ вышины врѣзываются въ воды Ледовитаго океана.

Сибирь, какъ видно изъ ея вертикальнаго и горизонтальнаго строенія, образовалась въ позднѣйшіе геологическіе періоды. Морскія раковины, найденныя въ киргизскихъ степяхъ и въ окрестностяхъ Петропавловска, геологическій составъ Обской низменности и ея волно-

образное строение, множество мелких соленых озеръ, расположенныхъ нерѣдко рядами среди песчаныхъ дюнъ, наконецъ, животныя арктическихъ морей, попадающіяся въ Каспійскомъ морѣ, — все это доказываетъ, что еще въ періодъ не столь отдаленнаго геологическаго прошлаго Европа отдѣлялась отъ Верхней Азіи широкимъ, хотя и мелкимъ, морскимъ рукавомъ. Послѣдній тянулся отъ Ледовитаго океана до Каспійскаго моря, до Понта и до существовавшаго въ третичный періодъ европейскаго Средиземнаго моря, покрывавшаго нѣкогда сѣверныя части Балканскаго полуострова и Венгрію, а также соединялъ послѣднее съ другимъ внутреннимъ моремъ, давно уже высохшимъ и находившимся на дальнемъ востокѣ, въ центральной Азіи.

Изысканія Рихтгофена несомнѣнно доказываютъ, что еще въ позднѣйшей третичный періодъ, въ большой котловинѣ, лежащей на высотѣ около 600 метровъ надъ уровнемъ океана, въ горныхъ частяхъ центральной Азіи, между Куэнь-Люномъ и Тянь-Шаномъ, ходили валы обширнаго внутренняго моря. Тамъ, гдѣ нынѣ протекаетъ Иртышъ, между Тянь-Шаномъ и Алтаемъ, находился нѣкогда проливъ, подобный Гибралтарскому, который соединялъ древнее Средиземное море центральной Азіи съ океаномъ, покрывавшимъ тогда западную Сибирь. Океанъ этотъ простирался далеко за предѣлы западной Сибири, до самаго Байкальскаго озера, которое можно назвать, въ виду водящихся въ немъ морскихъ животныхъ, прѣсноводнымъ остаткомъ упомянутаго океана, или заливомъ у тогдашнихъ береговъ сѣверной Азіи.

Только незначительная часть Сибири, т. е. горная страна на востокѣ, возвышалась въ то время надъ уровнемъ океана, но съ теченіемъ геологическихъ періодовъ, мало-по-малу поднимался изъ лона водъ сѣверо-азиатскій материкъ и, повсюду отгѣсняя волны океана, все ближе и ближе придвигался къ сѣверу. Прежде всего центральное азиатское море нашло себѣ истокъ въ рѣкѣ Иртышѣ, и дно его выступило изъ подъ воды. Это высохшее дно моря, которое китайцы, а за ними и Рихтгофенъ, называютъ „Нан-хай“ т. е. „сухое море“, нынѣ занято песчаными пустынями Тарыма и Шамо. Затѣмъ прервалась связь Байкальскаго залива съ арктическимъ моремъ, заливъ превратился въ прѣсноводное озеро, и наконецъ, съ теченіемъ времени, когда морское дно, ставъ сушею, соединило Европу съ Азією, Сибирь получила, въ главныхъ чертахъ, свой нынѣшній видъ.

Подобнаго рода поднятіе почвы продолжалось и въ относительно недавнее время, что доказывается большими массами раковинъ, которыя попадаютъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ отъ нынѣшнихъ береговъ моря, на высотѣ 18 — 62 метровъ. Раковины эти принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя и донынѣ встрѣчаются въ арктическихъ моряхъ. Онѣ превосходно сохранились — ясный признакъ, что, по смерти своихъ обитателей, онѣ были покрыты рыхлымъ пескомъ и уже потомъ лишь приподняты на-верхъ вмѣстѣ съ мор-

скимъ дномъ. Кромѣ того, во многихъ мѣстностяхъ сѣвернаго прибрежья Сибири найдены массы наплавного лѣса, имѣющаго большое значеніе для переселяющихся туда на лѣто кочевниковъ. Очевидно, этотъ наплавной лѣсъ, занесенный нѣкогда сибирскими рѣками изъ внутреннихъ мѣстностей страны, прибоемъ волнъ былъ скопленъ у береговъ. Теперь же онъ встрѣчается на дальнемъ разстояніи отъ моря, высоко надъ поверхностью океана, и вмѣстѣ съ упомянутыми массами раковинъ несомнѣнно доказываетъ, что поднятіе сѣверо-азиатскаго материка совершилось не въ столь отдаленныя эпохи.

Причина дурной славы, которой вообще пользуется Сибирь, заключается въ ея климатѣ. До среднихъ вѣковъ господствовало мнѣніе, что на сѣверѣ Азіи находится страна, необитаемая вслѣдствіе ея чрезвычайно суроваго климата — „Zona ex frigore inhabitabilis“. Новѣйшія изслѣдованія, конечно, опровергли подобное мнѣніе, но все-таки за Сибирью осталась слава чрезвычайно холодной страны, хотя словамъ „сибирскій холодъ“, „сибирская зима“, и придаютъ теперь болѣе соответствующее истинѣ значеніе.

Большая часть Сибири лежитъ въ холодномъ поясѣ, такъ какъ изотермическая линія 0° проходитъ отъ средняго Урала, сѣвернѣе Тобольска, черезъ Томскъ и Байкальское озеро къ устьямъ Амура. Во всѣхъ странахъ, лежащихъ на сѣверѣ отъ этой линіи, преобладаетъ средняя годичная температура ниже 0° . Въ Якутскѣ, напр., она доходитъ до $-10,9^{\circ}$ Ц., въ Нижне-Колымскѣ до -10° Ц., а въ Усть-Янскѣ до $-12,44^{\circ}$ Ц. Не слѣдуетъ забывать, однако, что средняя температура года не даетъ точнаго понятія о климатѣ страны и что для этого необходимо принимать въ расчетъ еще разницу между средней температурой лѣта и средней температурой зимы. Если же слѣдовать подобному правилу, то окажется, что громадная разница между крайнею степенью холодовъ и крайнею степенью тепла составляетъ отличительную черту климата Сибири и сводитъ его къ типу континентальныхъ климатовъ. Ограниченная съ двухъ сторонъ материками Азіи и Европы, Сибирь, далеко превосходящая по величинѣ нашу часть свѣта, только на сѣверѣ и востокѣ приходитъ въ соприкосновеніе съ океаномъ. Но Сѣверный Ледовитый океанъ, круглый годъ покрытый массами льда, не можетъ производить смягчающаго дѣйствія на климатъ прилегающей къ нему страны, а вліяніе Охотскаго моря ослабляется высокими отвѣсными склонами Станового хребта, который начинается у самаго побережья.

Такимъ образомъ, въ Сибири, вслѣдствіе сильнаго охлажденія почвы и близости Ледовитаго океана, развиваются такіе холода, какіе нигдѣ болѣе не встрѣчаются на земномъ шарѣ. Въ Якутскѣ, напр., температура понижается въ январѣ мѣсяцѣ до $-40,9^{\circ}$ Ц., но это, надо замѣтить, лишь средняя температура перваго мѣсяца года, а въ сущности термометръ показываетъ иногда -60° Ц. Въ Иркутскѣ, лежащемъ подъ 52° сѣверной широты, средняя мѣсячная температура

понижается въ январѣ до — 21,2° Ц., а въ Барнауль до — 19,8° Ц. При подобныхъ холодахъ воздухъ сгущается чрезвычайно, осѣдаетъ на поверхность земли и стремится въ мѣстности, въ которыхъ не существуетъ столь сильнаго атмосферическаго давленія.

Западная Сибирь, по причинѣ своей ровной поверхности, не представляетъ особыхъ препятствій истеченію холоднаго и тяжелаго воздуха, который изъ области сильнаго атмосферическаго давленія стремится на сѣверъ, къ Ледовитому океану, на западъ—въ Европу, и на югъ—къ арало-каспійскому углубленію. Но эти центробѣжные вѣтры перѣдко смѣняются другими воздушными теченіями, именно южными и юго-западными, которыя смягчаютъ зимніе холода западной Сибири и приносятъ ей болѣе или менѣе обильныя испаренія, лежащая толстымъ слоемъ снѣга на почву.

Совершенно иначе идетъ дѣло въ восточной Сибири. Горный характеръ страны препятствуетъ свободному истеченію воздуха, и онъ, тяжелый и холодный, скопляется въ глубинѣ долинъ и среди окружающихъ ихъ горъ. Благодаря этому, здѣсь находится максимумъ зимнихъ холодовъ, а на долю области Байкальскаго озера и верхнихъ притоковъ Амура приходится максимумъ атмосфернаго давленія, именно 778 миллиметровъ т. е. на 8 миллим. больше, чѣмъ въ какой либо другой мѣстности земнаго шара. Кромѣ того, горная мѣстность восточной Сибири оказываетъ еще другое, чрезвычайно важное вліяніе на климатъ страны. Вслѣдствіе препятствій, полагаемыхъ горами свободному движенію холоднаго и тяжелаго воздуха, въ восточной Сибири господствуютъ зимою, при ясномъ небѣ, частыя безвѣтрія, и только эти два обстоятельства—сухость воздуха и преобладаніе безвѣтрій—даютъ людямъ и животнымъ возможность переносить ту страшную стужу, при которой ртуть, замерзая, дѣлается ковкою, обрабатывается при помощи молотка и рѣжется, какъ свинець. „Желѣзо—говоритъ Миддендорфъ—при чрезмѣрномъ холодѣ дѣлается хрупкимъ и топоры разлетаются въ дребезги, какъ стекло; дерево, вслѣдствіе замерзанія содержащейся въ немъ влаги, становится тверже желѣза и не поддается топору, такъ что можно рубить и колоть только совершенно сухой лѣсъ. При обыкновенныхъ условіяхъ, пламя сторожевыхъ костровъ высоко поднимается въ воздухъ, но въ восточной Сибири, во время сильныхъ холодовъ, оно только лижетъ своими языками костеръ и стелется по немъ, словно самъ огонь боится жестокой стужи. И дѣйствительно, вслѣдствіе охлажденія питающихъ огонь газовъ, онъ тотчасъ же потухнетъ, какъ только осмѣлится подняться выше костра. Далеко слышится даже каждый шагъ по хрупкому снѣгу; малѣйшій трескъ въ первобытномъ лѣсу раздается какъ пушечный выстрѣлъ, и ему вторить, подобно грому орудій далекой батареи, подземный гулъ, потрясающій землю и производимый трескомъ лопающихся покрововъ льда и глубоко промерзшей почвы“.

Съ мая мѣсяца, когда солнце выше поднимается на небосклонѣ,

почва и воздухъ Сибири начинаютъ быстро нагрѣваться. По ночамъ, правда, бывають еще частые заморозки, но все таки температура постоянно повышается и во многихъ мѣстностяхъ страны іюль мѣсяцъ бываетъ жарче, чѣмъ у насъ. Въ Якутскѣ, напримѣръ, средняя температура лѣта достигаетъ почти $+15^{\circ}$ Ц. Въ іюль же мѣсяцъ она доходитъ въ Якутскѣ и Тобольскѣ до $+17,4^{\circ}$ Ц. Въ области Аральскаго моря термометръ поднимается до $+24,5^{\circ}$ Ц., а въ Хивѣ, подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, почва накаляется такъ сильно, что зарытыя въ песокъ яйца свариваются въ самое короткое время. Южныя части западной Сибири, по близости озера Балхаша, этого внутренняго моря, часто называются сибирскою Італіею, причемъ, однако, упускають изъ вида, что тамъ, какъ и вездѣ въ Сибири, теплое и даже знойное лѣто продолжается очень недолго и смѣняется холодною, суровою зимою. Мало того—весною и осенью температура измѣняется чрезвычайно быстро, такъ сказать, скачками. Замѣчено, напримѣръ, что въ Барнауль, впродолженіе нѣсколькихъ дней, термометръ понизился съ $+2^{\circ}$ до -55° Ц. Такими внезапными измѣненіями температуры необходимо нарушается равновѣсіе атмосферы; они же являются главной причиною тѣхъ страшныхъ снѣжныхъ мятелей, которыя извѣстны подъ именемъ бурановъ. Съ ужасною силою проносятся бураны надъ безлѣсными равнинами сѣверной Сибири и безпредѣльными степями юго-запада, взвивая, кружа передъ собою массы снѣга, ниспровергая все на своемъ пути и засыпая всѣ окрестности толстымъ снѣжнымъ покровомъ. Во время одного изъ такихъ бурановъ, въ 1827 году, въ киргизской степи погибло 10,000 верблюдовъ, около 300,000 лошадей и свыше 1,000,000 овецъ.

Вслѣдствіе сильныхъ лѣтнихъ жаровъ, на югъ отъ Сибири, надъ возвышенною плоскостію центральной Азіи, происходитъ сильное разрѣженіе воздуха. Такъ какъ минимумъ атмосферическаго давленія доходитъ тамъ до $748''$, то образуется воздушное теченіе, идущее снизу вверхъ и массы воздуха, какъ бы подъ дѣйствіемъ громаднаго насоса, стремятся съ запада, сѣвера и востока Сибири на югъ, въ область слабаго атмосферическаго давленія. Поэтому лѣтомъ въ Сибири преобладають сѣверныя, западныя и восточныя воздушныя теченія. Конечно, вѣтры эти приносятъ съ собой дождь, но все таки количество выпадающей воды вообще весьма незначительно. такъ какъ западные вѣтры, дующіе отъ Атлантическаго океана, теряють, проносясь надъ Европою, большую часть своей влажности, а восточные и сѣверо-восточные вѣтры, задержанные на своемъ пути Становымъ хребтомъ, тоже не могутъ принести много влаги. Тѣмъ не менѣе, количества выпадающихъ дождей достаточно для развитія во многихъ мѣстностяхъ Сибири роскошной растительности.

Выше уже упомянуто, что большая часть Сибири лежитъ за изотермической линіей 0° , вслѣдствіе чего ея почва, на основаніи за-

коновъ земной теплоты, должна ежегодно замерзать до извѣстной степени глубины. По наблюдениямъ Миддендорфа, глубина эта достигаетъ въ Якутскѣ, полюсѣ сибирскихъ холодовъ, до 200 метровъ, и если развитіе растительности оказывается при такомъ условіи возможнымъ, то лишь благодаря тому обстоятельству, что верхніе слои земли успѣваютъ оттаивать подѣ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей на глубину, достаточную для развитія растительности.

На крайнемъ сѣверѣ, въ прибрежныхъ областяхъ Ледовитаго океана, земля оттаиваетъ на столь незначительную глубину, что произрастаніе высшихъ растительныхъ формъ является положительно невозможнымъ. Тамъ встрѣчаются громадныя пространства, совершенно лишеныя деревьевъ и покрытыя только низкою травой, мохомъ и лишаями. Это—извѣстныя сибирскія тундры. Слово тундра означаетъ на зырянскомъ языкѣ „безлѣсное пространство“, и было бы поэтому ошибочно непремѣнно соединять со словомъ „тундра“ представленіе о болотистой низменности. Какъ бы, однако, ни было, подобныя „низменныя тундры“ раскинуты на большомъ протяженіи въ Сибири, особенно въ западной, въ области устьевъ Оби и Енисея. „На сколько можно объять взоромъ—говоритъ Миддендорфъ—ничего тамъ не видно, кромѣ безпредѣльныхъ, изчерна-желтыхъ, буроватыхъ, покрытыхъ мохомъ равнинъ, или поросшихъ чахлымъ, низкимъ березнякомъ пространствъ, которыя прерываются столь же однообразными, сѣроватыми и блѣдно-желтыми грядами холмовъ. Безцвѣтна, блѣдна и уныла та картина, подѣ впечатлѣніемъ которой скитающійся на крайнемъ сѣверѣ кочевникъ превращается въ туага, замкнутаго въ самомъ себѣ самоѣда. Путешественника, который только на время посѣщаетъ тундры, охватываетъ такое же, какъ на морѣ, чувство „безпредѣльности“. Лишь множество большихъ и малыхъ озеръ производятъ на глазъ отрадное впечатлѣніе лазурью своихъ водъ и своими окаймленными низкимъ ракитникомъ берегами. Къ тому же скуденъ міръ животныхъ, населяющихъ тундру. Только изрѣдка оживляются озера стаями плавающихъ утокъ-нырковъ; только изрѣдка свистъ зуйка, или рѣзкій крикъ вспугнутаго тетерева нарушаютъ глубокое безмолвіе природы“.

Въ странѣ за Енисеемъ „низменныя“ тундры смѣняются сухими, „возвышенными“, которыя хотя и отличаются отъ первыхъ гористыми очертаніями своей почвы, но, вообще, сходны съ ними въ отношеніи растительности. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, нѣтъ деревьевъ и земля покрыта только лишаями, мхомъ и скудною травой. Съ трудомъ открываетъ глазъ путешественника то тамъ, то сямъ, тощій верескъ, уродливую малорослую иву, на половину закрытую зеленою целеною мха, или изящныя формы ранункула.

Лишь вдали отъ береговъ Ледовитаго океана начинается полоса, климатическія условія которой допускаютъ произрастаніе деревьевъ. Сначала сибирская лиственница появляется отдѣльно уродливыми,

кустообразными экземплярами, которые вскорѣ соединяются въ рощи; къ красивымъ лиственницамъ начинаютъ примыкать сосны, тополи, ели и березы; лѣсъ становится мало-по-малу все гуще и гуще и начинаются сибирскія дебри, тайга, которая зеленымъ поясомъ тянется поперегъ Сибири отъ Урала до Тихаго океана. Въ этихъ дебряхъ, однако, нечего искать ни бука, ни дуба. Первый не переходитъ за линію, проведенную отъ Кенигсберга до Чернаго моря, а распространеніе втораго ограничивается линіей Урала. На крайнемъ востокѣ, впрочемъ, по ту сторону Яблоноваго хребта, въ области Амура, встрѣчается разновидность дуба, такъ называемый монгольскій дубъ, но это—дерево малорослое, ни въ какомъ случаѣ не выдерживающее сравненія съ нашими дубами. Почти то же самое можно сказать и о липѣ, которая доходитъ, правда, до Енисея, но принимаетъ тамъ уродливую, кустообразную форму. Что касается до сибирскихъ лѣсовъ вообще, то ихъ главную красу составляетъ, помимо исполинскаго роста деревьевъ, частый, густой кустарникъ, который покрываетъ землю непроходимую чащею, а весною красуется въ роскошномъ убранствѣ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Тутъ встрѣчаются дикая роза, боярышникъ и калина, нисколько не уступающіе растущимъ въ Европѣ.

Непроходимыя чащи кустарника, о которыхъ сказано выше, служатъ превосходнымъ убѣжищемъ для многочисленныхъ представителей міра животныхъ, особенно для пушныхъ звѣрей, столь важныхъ для торговли Сибири. Въ густыхъ дебряхъ этой страны водятся медвѣди, росомахи, лисицы, соболи, горностаи, куницы и хорьки, а ближе къ сѣверу начинаютъ попадаться, рядомъ съ дикими козами, и олени; на югѣ же встрѣчаются сайги и лоси. По мѣрѣ приближенія къ горамъ, составляющимъ южную границу Сибири, лѣсъ рѣдѣетъ все болѣе и болѣе, и хотя сосна и лиственница поднимаются по горнымъ склонамъ до высоты 1300 метровъ надъ уровнемъ океана, но принимаютъ тутъ ту же жалкую, уродливую форму, какъ и на крайнемъ сѣверѣ. Выше же 1300 метровъ начинается альпійская флора, доходящая до линіи вѣчнаго снѣга и отличающаяся, при маломъ ростѣ растений, роскошью своихъ цвѣтовъ.

На юго-западѣ Сибири, гдѣ равнины области Оби незамѣтно переходятъ въ арало-каспійскую низменность, лѣса тоже становятся все рѣже и рѣже; на мѣсто ихъ появляются перелѣски и начинаются степи западной Сибири. Слово „степь“, однако, лишь до известной степени можетъ быть примѣнено къ этимъ равнинамъ, такъ какъ хотя и попадаются нерѣдко совершенно безлѣсныя, покрытыя одною травю пространства, но все-таки встрѣчаются довольно часто и значительные лѣса, состоящіе изъ сосенъ и березъ, а по берегамъ рѣкъ растутъ еще тополь, ольха и синильникъ. Все это, вмѣстѣ съ многочисленными озерами, оживленными стаями водяныхъ птицъ, нарушаетъ вѣчное однообразіе степи и производитъ на путешественника

отрадное впечатлѣніе. Только на крайнемъ югѣ, у Аральскаго озера, степной характеръ является преобладающимъ и начинаются настоящія степи, переходящія, на востокъ отъ Каспійскаго моря, въ песчаная пустыни.

Такова, въ главныххъ чертахъ, картина природы и почвы Сибири, отъ которыхъ мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію естественныхъ произведеній этой страны, насколько послѣднія имѣютъ значеніе для всемірной торговли.

Въ числѣ этихъ произведеній первое мѣсто занимаютъ, конечно, произведенія горнозаводской промышленности. Даже въ настоящее время, когда значительная часть Сибири еще не изслѣдована въ геологическомъ отношеніи, страна эта оказывается чрезвычайно богатою различнаго рода рудами и минералами. Уралъ, Алтайскія горы и Нерчинская область въ бассейнѣ рѣки Амура, справедливо причисляются, по своему минеральному содержанію, къ богатѣйшимъ странамъ земнаго шара и, что всего важнѣе, въ нихъ еще долго можно будетъ добывать золото, серебро, платину, мѣдь, свинецъ и желѣзо, такъ какъ естественныя богатства почвы далеко не истощились.

Въ Уральскихъ горахъ горнозаводская промышленность сосредоточивается въ средней ихъ части, въ пермскомъ Уралѣ, который, по обилію скрытыхъ въ его нѣдрахъ металловъ и драгоценныхъ камней, представляетъ настоящій рай для минералога и горнозаводчика и вполне заслуживаетъ названіе „металлоноснаго“. Надо замѣтить, однако, что рудосодержащія каменные породы, граниты и порфиръ, встрѣчаются почти исключительно на восточномъ склонѣ Урала, причисляемому, конечно, въ политическомъ отношеніи, къ Европейской Россіи, но въ сущности принадлежащемъ, по своему географическому положенію, къ Сибири. Въ силу этого обстоятельства, на восточномъ склонѣ расположены важнѣйшіе рудники и заводы, а также центры горнозаводской промышленности: Екатеринбургъ, Кушва, Нижне-Тагильскъ и Міускъ. Горнозаводское дѣло, впрочемъ, стало развиваться на Уралѣ сравнительно не особенно давно, именно—со времянь Петра Великаго, когда за него принялись Никита Демидовъ, родоначальникъ извѣстной фамиліи князей Демидовыхъ, и нѣмецъ Генингъ.

Среди минеральныхъ произведеній Урала первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, желѣзу. Въ 1872 году, дѣйствовало на Уралѣ 66 плавильныхъ печей, изъ которыхъ 53 составляли собственность частныхъ лицъ. Около этихъ плавильныхъ печей расположено много другихъ заведеній, въ которыхъ добытое желѣзо подвергается дальнѣйшей обработкѣ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, добывалось ежегодно до 220,000,000 килогр. желѣза превосходнаго достоинства, т. е. Уралъ доставлялъ болѣе $\frac{2}{3}$ всего получаемаго въ Россіи желѣза, на сумму въ 50,000,000 руб. При этомъ было замѣчено, что богатства двухъ главныхъ мѣстонахожденій желѣза—Высокой Горы при Нижне-Тагильскѣ и Гороблагодатска близъ Кушвы, хватитъ еще на много по-

кояній. Въ 1876 году, число плавильныхъ печей дошло до 71, а число заводовъ до 43. Что касается до золота, то оно получается на Уралѣ, какъ равно и во всей Сибири, главнымъ образомъ посредствомъ промыванія и только начиная съ двадцатыхъ годовъ стали прибѣгать къ новѣйшимъ способамъ его добыванія. Съ той поры и до 1869 года, т. е. впродолженіе 50 почти лѣтъ, добыто на казенныхъ золотыхъ приискахъ 84960 килогр. золота, на сумму до 100,000,000 р. Расходы по добыванію золота достигли 44,000,000 руб., такъ что чистаго барыша осталось около 56,000,000 руб. На частныхъ золотыхъ приискахъ добыто въ тотъ же промежутокъ времени 146912 килогр. золота, за что уплачено казнѣ около 23,000,000 руб. пошлины, слѣдовательно, одни частныя прииски дали своимъ владѣльцамъ, втеченіе послѣднихъ 50 лѣтъ, до 78,000,000 руб. чистаго барыша.

Не смотря, однако, на такую значительную массу добытаго металла, золотыя россыпи Урала нисколько не истощились; напротивъ того, каждый годъ получается все болѣе и болѣе золота, особенно съ тѣхъ поръ, какъ казенныя золотыя прииски перешли въ частныя руки. Вообще, мнѣніе, что золотое производство Сибири приходитъ въ упадокъ, совершенно ошибочно, что вполне ясно доказывается статистическими данными. Такъ, въ 1868 году въ Сибири было лишь 993 золотыхъ прииска; на нихъ работало 56261 человекъ и добыто золота 27376 килогр., на сумму 32—35 милліоновъ рублей. Въ 1877 же году, получено золота около 39000 килогр., на сумму въ 59,000,000 руб., а число рабочихъ еще въ 1876 году поднялось до 66127 человекъ.

Въ сравненіи съ золотымъ производствомъ Урала, количество добываемой тамъ платины оказывается довольно незначительнымъ. Тѣмъ не менѣе, ее все-таки добыто въ 1876 г. около 1550 килогр. Большая часть получаемой платины, впрочемъ, стала уходить въ необработанномъ видѣ за-границу съ тѣхъ поръ, какъ наше правительство прекратило чеканку платиновой монеты.

Рядомъ съ желѣзной рудой и вышеупомянутыми благородными металлами встрѣчается на Уралѣ еще богатая мѣдная руда, тоже доставляющая значительный доходъ. Объ обширности горнозаводской промышленности Урала всего лучше свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что на тамошнихъ заводахъ и рудникахъ работало, въ 1876 году, 133573 человекъ, т. е. болѣе половины тѣхъ 220,000 рабочихъ, которые занимались горнымъ дѣломъ въ томъ же самомъ году, во всѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества.

Въ гораздо худшемъ положеніи находится горная промышленность въ Алтайскихъ горахъ, гдѣ она сосредоточивается вокругъ Барнаула, Салаира, Зырянска и Змѣиной горы. Здѣсь, какъ и на Уралѣ, встрѣчаются богатыя залежи свинцовой руды, содержащей въ себѣ серебро, но горное дѣло замѣтно пришло въ упадокъ. Съ 1745 по 1845 годъ, т. е. втеченіе столѣтія, въ алтайскихъ серебряныхъ и золотыхъ рудникахъ добыто около 1,232,000 килогр. серебра и до

34856 килогр. золота, всего на сумму свыше 138,000,000 р. Теперь же большая часть рудниковъ не разрабатывается, такъ какъ ихъ залило водою, а горное управленіе, повидимому, боится сдѣлать необходимыя затраты для приведенія запущенныхъ рудниковъ въ годное для разработки состояніе. Тѣмъ не менѣе, естественное богатство Алтая еще далеко не истощилось, и въ 1876 году, наиримѣръ, все-таки добыто, несмотря на упадокъ горной промышленности, около 10,000 килогр. серебра и 936,000 килогр. свинца, а частныя золотыя прииски даютъ ежегодно отъ 8000 до 9500 килогр. золота. Мало того, геологическое строеніе горныхъ долинъ внутри Алтая совершенно сходно съ геологическимъ строеніемъ горныхъ округовъ на его сѣверной окраинѣ, и это доказываетъ, что внутри Алтайскихъ горъ еще долго будутъ находить много серебра, золота и свинцовой руды.

Обширныя залежи серебряной, свинцовой и мѣдной руды найдены далѣе въ киргизской степи, близъ Баянаула, между Алтаемъ и Ураломъ, но до настоящаго времени разрабатывается только незначительная часть ихъ, такъ какъ нѣтъ удобныхъ путей сообщенія и чувствуется недостатокъ въ необходимыхъ на первоначальныя затраты капиталахъ.

Помимо благородныхъ металловъ и различнаго рода руды, одно изъ главныхъ богатствъ Сибири составляетъ уголь, обширныя залежи котораго расположены самымъ благопріятнымъ образомъ для будущаго развитія промышленности и торговли. Вблизи каждой изъ трехъ названныхъ металлоносныхъ областей находится каменный уголь, необходимый для плавки руды. Такъ, на восточномъ склонѣ Урала открыты недалеко отъ тамошнихъ рудниковъ и заводовъ богатыя залежи угля, а въ киргизской степи, вблизи баянаульскихъ мѣстонахожденій руды, найдена цѣлая система каменноугольныхъ копей; къ сѣверному же склону Алтая примыкаетъ кузнецкая каменноугольная система, простирающаяся до окрестностей Томска и выходящая во многихъ мѣстахъ на поверхность земли. По направленію къ востоку каменноугольныя копи встрѣчаются у Байкальскаго озера, въ Нерчинской области, при устьѣ Амура, и на островѣ Сахалинѣ. Всѣ онѣ, считая въ ихъ числѣ и недавно открытыя по нижней Тунгускѣ залежи каменнаго угля, расположены вблизи большихъ сибирскихъ рѣкъ и потому будутъ имѣть громадное вліяніе на развитіе пароходства. Покуда же каменный уголь добываютъ лишь въ незначительныхъ размѣрахъ и ему предстоитъ играть важную роль лишь въ будущемъ.

Что касается до другаго минерала, однороднаго съ каменнымъ углемъ—графита, то онъ уже съ давнихъ поръ составляетъ важный предметъ вывоза. Высоко на склонахъ Саянскаго хребта находятся рудники, въ которыхъ добывается главная масса сибирскаго графита, отправляемаго потомъ въ Европу, преимущественно въ Нюрнбергъ, гдѣ онъ идетъ на карандаши. При этомъ, несмотря на громадное разстояніе, отдѣляющее мѣстонахожденіе графита отъ мѣстъ его окончателной

обработки, сибирскій графитъ все болѣе и болѣе поднимается въ цѣнѣ. Дѣло въ томъ, что его начинаютъ употреблять теперъ для выдѣлки плавильныхъ тиглей, такъ какъ англійскія мѣстонахожденія графита у Боройдала почти совершенно истощились, а найденныя у Пассау доставляютъ слишкомъ посредственный матеріалъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, можно смѣло предсказать блестящую будущность залежамъ графита, открытымъ г. Сидоровымъ въ 1859—62 годахъ въ Туруханскомъ округѣ, вблизи нижняго Енисея, изъ которыхъ въ одной только залежи находится, какъ увѣряютъ, до 5 милліоновъ центнеровъ графита. Впрочемъ, отдаленность найденныхъ залежей отъ удобныхъ путей сообщенія мѣшаетъ разрабатывать ихъ въ обширныхъ размѣрахъ, а экспедиція, предпринятая, по почину г. Сидорова, лейтенантомъ Крузенштерномъ въ 1862 году, для открытія морскаго пути отъ устья Печоры черезъ Карское море къ мѣстонахожденіямъ графита, какъ извѣстно, не удалась. До сихъ поръ весь добытый графитъ приходится перевозить сухимъ путемъ черезъ западную Сибирь до Печоры, откуда онъ уже можетъ идти моремъ, и только благодаря Норденшильду, доказавшему возможность пройти черезъ Карское море отъ гаваней Европы до самаго Енисея, открывается удобный путь для перевозки сибирскаго графита.

Кромѣ соли, добываемой въ Сибири въ значительныхъ размѣрахъ, частью въ видѣ каменной соли (на Уралѣ около 20,000,000 килогр.), а частью при помощи испаренія, изъ соляныхъ озеръ, и могущей служить весьма важнымъ предметомъ вывоза въ сѣверныя страны Европы, заслуживаютъ, въ числѣ минеральныхъ произведеній Сибири, еще особаго вниманія каменные породы, отличающіяся своей окраской, строеніемъ, годностью къ полировкѣ и давшія поводъ основать обширныя спеціальныя заведенія въ Колывани на Алтаѣ и въ Екатеринбургѣ на Уралѣ. Въ эти заведенія доставляется, въ видѣ громадныхъ глыбъ, гранитъ, діоритъ, порфиръ, порфиритъ и различнаго рода мраморъ, а тамъ изъ нихъ выдѣлываютъ колонны, вазы, каминны и столешницы. Величайшія подобнаго рода произведенія искусства, сдѣланныя въ Колывани и хранящіяся у насъ въ Эрмитажѣ, это — яшмовая ваза (длиною въ 5 и шириною въ 3 метра) и чаша, имѣющая 3 метра въ поперечникѣ. Выдѣлка изъ камня разнаго рода вещей хотя и продолжается иногда по нѣскольку лѣтъ, но не представляетъ особыхъ затрудненій благодаря ничтожности заработной платы; всего-же труднѣе оказывается перевозка готовыхъ вещей, которыя, по большей части, доставляются зимою за Уралъ на особо устроенныхъ для этого саняхъ и уже потомъ перевозятся далѣе по желѣзной дорогѣ или на пароходахъ.

Естественныя богатства Сибири не ограничиваются, впрочемъ, одними минералами; много хлѣба и лѣса могла-бы доставлять эта страна, но только, конечно, при совершенно иныхъ условіяхъ.

Сѣверная граница хлѣбныхъ растений идетъ въ Сибири отъ Оби

до Лены подь 66 — 62° сѣв. шир. и опускается потомъ на югъ, къ Охотскому морю. Такимъ образомъ, хотя большая часть Сибири и оказывается, вслѣдствіе климатическихъ условій, недоступной для земледѣлія, но все-таки остается еще обширная полоса, годная для воздѣлыванія хлѣбныхъ растений и простирающаяся отъ вышеупомянутой сѣверной границы далеко на юго-западъ, въ степи западной Сибири, и глубоко во внутрь горныхъ странъ южной окраины. Даже на высотѣ 1100 метровъ надъ уровнемъ океана отлично произрастаютъ въ Алтайскихъ горахъ пшеница, овесъ, рожь, ленъ и конопля. Въ этомъ обширномъ, открытомъ для земледѣлія пространствѣ, встрѣчаются громадныя полосы плодородной земли, но чувствуется недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, да и не замѣчается особенной охоты къ труду. Жители Сибири не умѣютъ еще пользоваться естественнымъ богатствомъ почвы; кое-какъ воздѣлываютъ они свои поля и безъ сожалѣнія мѣняютъ одинъ участокъ земли на другой, обѣщающій имъ большую выгоду, оставляя первый на произволь судьбы.

Скотоводство, подобно земледѣлію, тоже далеко не доставляетъ тѣхъ выгодъ, которыя оно могло-бы приносить при болѣе рациональныхъ условіяхъ. По словамъ Латкина, Сибирь могла-бы доставлять ежегодно сотни тысячъ кожъ и шкуръ, также до 80,000,000 килограммовъ сала, масла, мяса и овечьей шерсти, а теперь, хотя и пасутся на роскошныхъ пастбищахъ юго-сибирскихъ степей и горныхъ странъ безчисленныя стада овецъ, лошадей и рогатаго скота, но не представляется возможности для сбыта произведеній скотоводства — итъ удобныхъ путей сообщенія.

Не смотря, однако, на всѣ неблагопріятныя условія, урожаи въ окрестностяхъ Омска, Томска и въ Алтайскихъ горахъ бывають превосходны. Сбраннаго хлѣба оказывается не только достаточно для прокормленія жителей Сибири, но его даже вывозятъ за предѣлы страны, хотя и въ незначительныхъ, правда, размѣрахъ. Такъ, Финчъ сообщаетъ, что зыряне, уже впродолженіе многихъ лѣтъ, доставляютъ сибирскій хлѣбъ зерномъ и мукою къ Печорѣ, къ Бѣлому морю и даже въ Норвегію. Впрочемъ, въ среднюю Россію, по словамъ генерала Богдановича, тоже ввозится изъ Сибири, черезъ горныя проходы у Екатеринбургa, до 70,000,000 кил. хлѣба, сала и масла, а подобная цифра ясно доказываетъ, какое значеніе можетъ получить со временемъ сибирское земледѣліе. Главное условіе для развитія послѣдняго — болѣе удобный и выгодный сбытъ земледѣльческихъ произведеній, т. е. внизъ по рѣкамъ Сибири въ Ледовитый океанъ, а оттуда въ густо населенныя страны средней и сѣверной Европы, получающихъ теперь хлѣбъ изъ гораздо болѣе отдаленныхъ источниковъ.

Рядомъ съ хлѣбомъ, заслуживають особаго вниманія, въ качествѣ предметомъ вывоза, ленъ и конопля, превосходно родящіеся въ Сибири. Въ настоящее время Россія, какъ извѣстно, производитъ около 300,000,000 кил. конопли и льна и изъ нихъ болѣе половины выво-

зится за-границу, преимущественно въ англійскія гавани. Такимъ образомъ, въ отношеніи производства двухъ вышеназванныхъ предметовъ, наше отечество занимаетъ преобладающее положеніе, которое стало бы еще болѣе прочнымъ, въ случаѣ развитія сибирскаго земледѣлія.

Что касается до лѣсныхъ богатствъ Сибири, то они не имѣютъ въ настоящее время никакого значенія для внѣшней торговли и лѣсъ расходуется, главнымъ образомъ, лишь внутри страны, на заводахъ. Такъ, въ 1872 году, на всѣхъ находящихся въ Россіи плавильныхъ заводахъ вышло 2,216,895 кубическихъ сажень дровъ и 1,638,769,600 килогр. угля, причемъ большую часть этого древеснаго топлива доставила Сибирь. Впрочемъ, правленія горныхъ заводовъ истребляли лѣса самымъ безжалостнымъ образомъ, нисколько не заботясь объ обрѣженіи вырубленныхъ пространствъ, такъ-что на среднемъ Уралѣ и въ Алтайскихъ горахъ вокругъ заводовъ далеко простирается совершенно безлѣсная полоса.

Изъ мѣховъ пушныхъ звѣрей, населяющихъ лѣса Сибири, всего болѣе идутъ въ продажу мѣха горностаевъ, соболей, чернобурыхъ лисицъ и бѣлокъ. Статистическія данныя показываютъ, однако, что въ отношеніи дорогихъ мѣховъ сибирская пушная торговля пришла въ сильный упадокъ. Такъ, на ирбитскую ярмарку привезли, въ 1850 году, 108,000 мѣховъ горностаевъ, въ 1860-же году число это упало до 56,000, а въ 1870 до 24,000. То же самое можно сказать и о мѣхахъ соболей. Въ 1850 году, ихъ привезли на ирбитскую ярмарку 43600 штукъ, въ 1860 — 10200, а въ 1870 всего 5150. Число же идущихъ въ продажу бѣличьихъ шкурокъ увеличилось, напротивъ того, съ 3,490,000 (1850) до 4,175,000 (1870). Вообще, пушной товаръ уже давно пересталъ быть однимъ изъ главныхъ предметовъ нашей отпускной торговли. Въ 1874 году, наприм., изъ европейской Россіи вывезено мѣховъ на сумму около 2,250,000 руб., а привезено ихъ изъ-за границы почти на 6,000,000 руб. Въ азіатскія государства, преимущественно въ Китай, тоже стало вывозиться гораздо меньше пушнаго товара, тогда какъ еще въ сороковыхъ годахъ его отпускалось на сумму до 2,000,000 руб. ежегодно. Впрочемъ, академикъ Бееръ доказалъ уже въ 1838 году, что торговля свиной щетиной оказывается для Россіи гораздо выгоднѣе, чѣмъ пушнымъ товаромъ. Если же начать отыскивать причину подобнаго явленія, то останется предположить, что вся вина кроется въ неудовлетворительности нашихъ способовъ выдѣлывать и красить мѣха, что, въ свою очередь, лишаетъ насъ возможности успѣшно конкурировать съ иностранными издѣліями.

Тутъ, кстати, не мѣшаетъ упомянуть о довольно значительной торговлѣ шкурками водяныхъ птицъ, безчисленными стаями покрывающихъ озера и пруды западной Сибири. Высчитано, напримѣръ, что этихъ шкурокъ ежегодно пускается въ продажу въ одномъ Тукалинскомъ округѣ на сумму свыше 18,000 руб.

Изъ другихъ произведеній животнаго царства представляетъ особый интересъ не только въ коммерческомъ, но и въ научномъ отношеніи, слоновая кость—клыки мамонта, исполинскаго допотопнаго представителя нашихъ слоновъ. Весьма вѣроятно, что мамонты, снабженные густою шерстью для защиты отъ холода, многочисленными стадами населяли сѣверныя области Азіи, такъ какъ въ мерзлой почвѣ находятъ массу хорошо сохранившихся скелетовъ этихъ животныхъ, иногда даже съ мясомъ. Вычислено, что втеченіе двухъ послѣднихъ столѣтій открыто не менѣе 22,000 мамонтовъ. Клыки ихъ вѣсятъ вдвое болѣе клыковъ африканскихъ слоновъ, въ рѣдкихъ случаяхъ достигающихъ вѣса 1^{1/2} центнеровъ, и составляютъ большую часть находящейся въ продажѣ слоновой кости, изъ чего уже можно заключить о важности этихъ допотопныхъ останковъ для отпускной торговли столь скудно надѣленныхъ природою сѣверныхъ странъ.

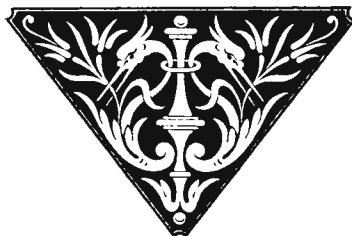
Въ заключеніе нельзя не сказать нѣсколько словъ и о рыбномъ богатствѣ Сибири. Съ незапамятныхъ временъ тысячи остяковъ, тунгусовъ, самоѣдовъ, якутовъ и киргизовъ отправляются каждое лѣто на рыбную ловлю, а между тѣмъ богатства сибирскихъ озеръ и рѣкъ нисколько не истощились и въ нихъ продолжаютъ попадаться самыя дорогіе роды рыбы, но только заготовленіе ихъ (просолка) отличается такой первобытностью приемовъ, что даже богатые сибиряки не ѣдятъ рыбу туземнаго приговленія, а предпочитаютъ получать ее съ Волги и съ береговъ Средиземнаго моря. Такимъ образомъ, рыбное богатство Сибири имѣетъ покуда значеніе лишь для небогатыхъ жителей этой страны; а какую важность оно могло бы получить при иныхъ условіяхъ, доказывается примѣромъ другихъ странъ—хоть Англии, въ которую въ 1876 году ввезли изъ Голландіи, Норвегіи, Франціи, Канады и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ рыбныхъ товаровъ болѣе, чѣмъ на 10,000,000 руб.

Въ настоящее время пытаются открыть торговые пути въ Сибирь, столь богато надѣленную природою, съ двухъ сторонъ: съ сѣвера — устройствомъ сообщенія съ сѣверными портами Европы, и съ запада, при посредствѣ желѣзной дороги. Сибирь, однако, благодаря своему географическому положенію, естественно должна сбывать свои произведенія на сѣверѣ, и хотя ея исполинскіе водяные пути, могущіе смѣло поспорить съ Амазонской рѣкой и Миссисипи, и покрыты льдомъ втеченіе большей половины года, но все-таки Обь, Енисей и Лена бывають доступны для судовъ втеченіе 4—5 мѣсяцевъ, почему на нихъ уже теперь перевозятъ людей и товары не только сотни барокъ, лодокъ и карбасовъ, но и много рѣчныхъ пароходовъ, число которыхъ доходитъ на одной Оби до 40 штукъ. Главное препятствіе, затрудняющее развитіе рѣчнаго судоходства Сибири—боязнь Карскаго моря—разрушено Норденшильдомъ, и теперь начинаютъ не только изслѣдовать глубину рѣкъ, чтобы опредѣлить фарватеръ для болѣе глубокосидящихъ судовъ, но и намѣреваются прорыть каналъ отъ Кети

до Енисея, для устройства непрерывнаго водянаго пути черезъ всю южную Сибирь отъ верхняго Енисея до Урала.

Понятно само собою, что какъ прорытія упомянутаго канала, такъ и окончанія постройки сибирской желѣзной дороги, доходящей въ настоящее время лишь до Екатеринбурга, нельзя ожидать въ близкомъ будущемъ; но уже одно открытіе морского пути черезъ Карское море должно отозваться самымъ благоприятнымъ образомъ на промышленности и торговлѣ западной Сибири. Подобный переворотъ, конечно, не можетъ произойти быстро и внезапно, такъ какъ этому мѣшаетъ, не говоря уже о другомъ, малочисленность населенія страны, но и это препятствіе, несомнѣнно, устранится съ теченіемъ времени, и тогда Сибирь пріобрѣтетъ для всемірной торговли то значеніе, которое ей принадлежитъ по праву.

Н. Устьянцевъ.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И НИГИЛИЗМЪ.

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ году, въ Парижѣ, начало выходить отдѣльнымъ изданіемъ печатавшееся сперва въ журналѣ „Revue des deux mondes“ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „L'empire des Tsars et les russes. Par Anatole Leroy-Beaulieu. Tome 1. Le pays et les habitants“. Авторъ этого сочиненія, г. Леруа-Больё, принадлежитъ къ извѣстнымъ и весьма основательнымъ знатокамъ Россіи. По выходѣ въ свѣтъ всего сочиненія, мы постараемся дать о немъ подробный отчетъ, а теперь познакомимъ читателей лишь съ содержаніемъ двухъ главъ перваго тома, касающихся вопроса, который не можетъ не быть интересенъ для современнаго русскаго читателя—именно, вопроса о развитіи нигилизма въ нашемъ обществѣ. Но, такъ какъ авторъ видитъ одну изъ причинъ развитія у насъ нигилизма въ самыхъ свойствахъ нашего народнаго характера, на который, по его мнѣнію, сильно вліяютъ нашъ климатъ и тѣ особенности, съ какими являются у насъ времена года, то необходимо взять вопросъ о нигилизмѣ въ связи съ тѣми условіями, которыми, съ точки зрѣнія Леруа Больё, опредѣляется главнымъ образомъ его развитіе въ нашемъ обществѣ. Предметъ—въ высшей степени любопытенъ какъ по близкому отношенію его къ нашей современности, такъ и по оригинальности взгляда на него французскаго писателя, наблюдавшаго и изучавшаго нашу жизнь.

Вопросъ о развитіи въ нашемъ обществѣ въ послѣднее время нигилизма принадлежитъ къ числу тѣхъ мучительныхъ, жгучихъ вопросовъ, которые заставляютъ глубоко задумываться каждого русскаго человѣка, любящаго свою родину. Является многочисленная группа

людей, отрицающихъ религію, государство, начало жизни общественной, принципъ семьи, собственности, права, наконецъ—всѣ нравственныя понятія, которыя сама природа утвердила въ насъ на одномъ великомъ, всеобъемлющемъ началѣ—любви къ подобнымъ себѣ, къ существамъ одной съ нами природы. Эти люди проповѣдуютъ разрушеніе ради разрушенія, наконецъ, объявляютъ безпощадно истребительную войну всему, что несогласно съ ихъ личными воззрѣніями, которыхъ однако никому не позволяютъ анализировать и провѣрять; эти люди не знаютъ другого способа дѣйствовать на умы и совѣсть, кромѣ нравственнаго насилія, не имѣютъ другого знамени, кромѣ фанатизма, другого правосудія, кромѣ кинжала, револьвера, сѣрной кислоты и подобныхъ средствъ. Они стремятся разрушить весь нашъ будто бы дряхлый и гнилой общественный организмъ, чтобы дать мѣсто новому, никому невѣдомому царству, въ которомъ, по ихъ увѣренію, осуществятся вполнѣ завѣтные идеалы человѣчества—идеалы истины и правды. Во имя осуществленія этого святого и высокаго идеала, составляющаго цѣль тысячелѣтнихъ усилій человѣчества, они позволяютъ себѣ измѣну, насиліе, возмущенія, всякаго рода обманы, казнокрадство, грабежъ, поджоги, убійства, всевозможныя злодѣянія. Это путь, которымъ они надѣются свести человѣчество въ обѣтованную землю новаго, идеально совершеннаго общества, развить и облагородить человѣческія души и сдѣлать ихъ способными къ новой жизни въ новомъ, идеальномъ царствѣ безусловной истины и общаго блага. Какимъ же образомъ легче и удобнѣе всего противодѣйствовать этому злу—такому глубоко несчастному направленію умовъ и такимъ въ одно и то же время печальнымъ и преступнымъ стремленіямъ одной части нашего общества? Вопросъ стѣитъ того, чтобы о немъ подумать и подумать серьезно. Въ шестидесятихъ годахъ, мы добродушно смѣялись, читая обращеніе къ нигилистамъ извѣстнаго въ то время поэта:

Нигилисты по названью,
По значенію своему,
Сущій nihil вы по знанью,
Сущій nihil по уму.

Въ шестидесятихъ годахъ, Базаровъ не видѣлъ въ мірѣ другого интереса, кромѣ рѣзанья лягушекъ, и хохоталъ во все горло, слушая, какъ отецъ Кирсанова пѣлъ положенный на музыку романсъ Пушкина. Современные намъ Базаровы стали, кромѣ лягушекъ, рѣзать и людей и смѣяться не при звукахъ романса, а на ступеняхъ висѣлицы, въ виду приготовленной для нихъ веревки. Какимъ же образомъ, повторяемъ, можно излечить одну часть нашего общества, зараженную страшною болѣзнью? Дѣло правительства и закона принимать предупредительныя или карательныя мѣры противъ людей, стремящихся утверждать въ обществѣ владычество тѣхъ или другихъ началъ путемъ кровавыхъ преступленій. Дѣло человѣка мысли—ана-

лизировать извѣстныя явленія общественной жизни и, выясняя по возможности все, относящееся къ нимъ, указывать на лучшіе способы гарантировать ихъ существованіе, или же противодѣйствовать имъ. Въ настоящемъ случаѣ, въ вопросѣ о нигилизмѣ, это необходимо въ данномъ случаѣ потому, что мы до сихъ поръ еще знаемъ слишкомъ мало, что такое нашъ современный русскій нигилизмъ; по крайней мѣрѣ, знаемъ слишкомъ поверхностно очень многое, что имѣетъ близкое и непосредственное къ нему отношеніе. А между тѣмъ, лечить болѣзнь можно только тогда, если мы предварительно опредѣлили ея сущность, поняли ее. Въ большинствѣ случаевъ, говоря печатно о нигилизмѣ, мы или смѣемся надъ нимъ, или проклинаямъ его. Ни то, ни другое не должно имѣть мѣста при здоровомъ взглядѣ на предметъ. Проклітія бесполезны. Этимъ способомъ такъ же не можешь горю, какъ и слезами. Смѣяться надъ явленіемъ—каково бы ни было его нравственное достоинство — выросшимъ историческимъ путемъ на почвѣ общественной жизни — это показываетъ въ смѣющихся дѣтское настроеніе мысли. Не говорю о томъ, что если мы ограничимся въ данномъ случаѣ смѣхомъ, то послѣ, пожалуй, придется плакать, какъ пришлось намъ еще недавно оплакать страшное событіе 1-го марта. Не смѣяться и проклинать, а изучать, изучать всесторонне и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ нужно намъ теперь то безконечно печальное разившееся у насъ направленіе, которое называютъ обыкновенно нигилистическимъ. „Познай самого себя“— это исполненное глубочайшей мудрости изреченіе великаго философа древней Греціи—должно быть завѣтнымъ правиломъ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ же какъ и цѣлаго общества. Сдѣлаться лучшимъ можетъ только тотъ, кто предварительно созналъ, что онъ нравственно дурень. Статья Леруа Больё о развитіи нигилизма въ современномъ русскомъ обществѣ представляетъ весьма замѣчательный опытъ многосторонняго и связнаго изученія этого вопроса. Для насъ она любопытна тѣмъ болѣе, что это взглядъ иностранца, хорошо знающаго Россію, и по положенію своему вполне безпристрастнаго.

Разсматривая причины сильнаго развитія въ нашемъ обществѣ нигилизма, авторъ сочиненія „L'empire des tsars“, какъ мы замѣтили, видитъ одну изъ причинъ, обусловившихъ это развитіе, частью въ свойствахъ нашего народнаго характера, на особенности котораго, по его мнѣнію, сильно вліяютъ нашъ климатъ, наша природа, наконецъ, характеръ временъ года въ Россіи.

„Въ Россіи“, говоритъ Леруа Больё, „разнообразіе и связанныя съ нимъ живописность и красота мѣстоположенія обусловливаются больше временемъ, нежели характеромъ территоріи, больше смѣною временъ года, чѣмъ переменною мѣстъ. Это совершенно обратно тому, какъ бываетъ въ странахъ полуденныхъ и особенно тропическихъ, гдѣ произрастенія и ви́шній видъ земли и неба мало измѣняются, гдѣ,

при томъ обстоятельстве, что времена года представляютъ различіе между собою только въ оттѣнкахъ, жизнь течетъ среди этой однообразной обстановки ровнымъ и монотоннымъ теченіемъ. На сѣверѣ, въ мѣстности континентальной, какъ великая Россія, времена года представляютъ крайнія противоположности одно другому; они одѣваютъ попеременно землю одѣяніемъ самыхъ рѣзкихъ цвѣтовъ. Благодаря такому характеру временъ года, русскій человѣкъ, вмѣстѣ съ разнообразіемъ видовъ, получаетъ то разнообразіе впечатлѣній и чувствъ, въ которыхъ ему отказала природа его страны. Не покидая своей деревни, онъ проводитъ шесть промежуточныхъ мѣсяцевъ, настолько различныхъ между собою по климату и картинамъ, которыя они представляютъ, какъ будто бы онъ поочередно переходилъ между полюсомъ и экваторомъ отъ 25 къ 30 градусамъ широты. Подобнаго рода перемены неизбежно вліяютъ на характеръ, точно такъ же какъ и на темпераментъ, на воображеніе, равно какъ и на умъ. Въ Россіи каждое время года имѣетъ свои работы, свои праздники и свои удовольствія; каждому соотвѣтствуютъ свои пѣсни и даже иногда свои особенныя пляски; времена года играютъ такую роль въ жизни и народной русской поэзіи, что ихъ можно принимать за основу классификаціи пѣсенъ, распѣваемыхъ крестьяниномъ. Чтобы изобразить Россію, недостаточно изобразить страну; ее нужно изобразить въ разные времена года. Въ климатѣ Франціи, гдѣ контрастъ зимы и лѣта такъ ощутителенъ, ничто не можетъ сообщить правильной идеи о противоположности ихъ на берегахъ Волги, или Невы: кто видѣлъ Россію только въ одномъ изъ этихъ двухъ видовъ, тотъ ея не знаетъ“.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изображенію годовыхъ временъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, и поочередно рисуетъ намъ картины русской зимы, весны, лѣта и осени. Вотъ какое впечатлѣніе производитъ на него наша русская зима. „Изъ русскихъ временъ года“, говоритъ онъ, „зима—самое длинное и самое оригинальное; даже въ самой монотонности своей она, быть можетъ, представляетъ картину наиболѣе живописную и наиболѣе прекрасную. При яркомъ солнечномъ свѣтѣ, какой часто бываетъ въ прекрасные зимніе дни, глазъ съ трудомъ выноситъ этотъ ровный, однообразный блескъ снѣжнаго поля; и на сѣверѣ, гдѣ свѣтъ пять или шесть мѣсяцевъ сряду покрываетъ землю, можно встрѣчать столько же больныхъ глазами, столько же слѣпыхъ, какъ и въ странахъ полуденныхъ“. Красота русской зимней ночи, особенно въ лѣсу, при яркомъ лунномъ свѣтѣ, приводитъ автора въ восторгъ. „Ночью эти пейзажи“, продолжаетъ онъ, (блескъ снѣга и видъ деревь) „представляютъ торжественное величіе. На деревьяхъ и памятникахъ свѣтъ принимаетъ фантастическій отблескъ и вѣнчаетъ куполы церквей въ Петербургѣ и Москвѣ мистическимъ ореоломъ“. Описавъ удовольствія нашихъ зимнихъ ночей въ петербургскомъ обществѣ—наши ночныя катанья на трой-

кахъ,—авторъ не забылъ упомянуть и объ удовольствіяхъ зимы въ русскихъ селахъ и деревняхъ — о вечернихъ посидѣнкахъ женщинъ и дѣвушекъ при свѣтѣ лучины и пляскахъ молодыхъ крестьянокъ подъ звуки балалайки.

Но вотъ наступаетъ весна; длинные зимніе вечера оканчиваются, начинаются хоробы на открытомъ воздухѣ. Русская весна не производитъ впрочемъ, особенно благоприятнаго впечатлѣнія на нашего автора. Въ числѣ особенностей ея онъ отмѣчаетъ ея краткость и быстрое, почти внезапное появленіе изъ земли растительности. Первое мая едва ли не во всей Россіи—народный праздникъ; русскіе отправляются на гулянья въ лѣсъ и, подобно голубицѣ ковчега, приносятъ оттуда молодыя вѣтви деревъ, въ знакъ возвращенія зелени и минованія зимы. Упомянувъ о кратковременности русской весны, авторъ прибавляетъ далѣе, что въ старину русскіе не считали даже этой короткой своей весны за отдѣльное время года и принимали, такимъ образомъ, годовыхъ временъ только три.

Русское лѣто, представляющее много неудобствъ, свойственныхъ странамъ полуденнымъ, жаръ,—иногда тягостный, соединенный съ пылью и часто съ засухой, сообщаетъ въ то же время русской природѣ многія прелести юга—красоту атмосферы и неба, теплоту воздуха, туманную прозрачность горизонта, свѣжесть тѣни и водъ, наконецъ, очаровательную свѣжесть ранняго утра, или послѣднихъ часовъ вечера. Оригинальная прелесть русской ночи на крайнемъ сѣверѣ не могла не поразить иностранца, полуденнаго жителя. Вотъ какъ изображаетъ ея красоту Леруа Больё. „Южныя лѣтнія ночи съ ихъ мягкой температурой и прозрачнымъ небомъ прекрасны; сѣверныя лѣтнія ночи не меньше прекрасны, но возбуждаютъ большее удивленіе. Никакая кисть не могла бы передать изящества (delicatesse) ихъ оттѣнковъ, или незамѣтности ихъ исчезанія“. „Эти таинственныя ночи“, продолжаетъ онъ далѣе, „столь покойныя для глазъ и воображенія, иногда дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на нервы: онѣ, кажется, прогоняютъ сонъ. Оканчивается лѣто, и вмѣстѣ съ нимъ оканчиваются свѣтлыя сѣверныя ночи. Съ возвращеніемъ обыкновенныхъ, настоящихъ ночей, наступаетъ осень, которую авторъ называетъ наименѣ замѣчательнымъ (essentielle) и наименѣ оригинальнымъ, но все таки прекраснымъ въ Россіи временемъ года. Лѣса принимаютъ разнообразныя цвѣта, съ которыми лѣто не можетъ сравниться въ богатствѣ. Частыя перемѣны въ атмосферѣ сообщаютъ небу характеръ мрачной, измѣчивой красоты, а первый морозъ и первый иней на вѣтвяхъ деревъ и на степной травѣ, представляютъ прелесть, знакомую только охотнику, который охотится въ ранніе часы утра. Въ постепенномъ уменьшеніи дней и увяданіи растеній есть нѣчто печальное, какая-то еротно-меланхолическая поэзія, которая хорошо идетъ къ этой сѣверной природѣ. Осень въ Россіи часто бываетъ продолжительна;

дни становятся короче и короче, листья падаютъ, птицы переселяются на югъ.

Мы представили читателямъ картину русскихъ временъ года, изображенную французскимъ писателемъ, посвятившимъ много лѣтъ изученію Россіи. Мы останавливались на предметахъ, каждому изъ насъ близкихъ и знакомыхъ, имѣя при этомъ въ виду особенную цѣль. Авторъ сочиненія—„L'empire des tsars“, какъ мы уже упоминали, признаетъ сильное вліяніе нашихъ климатическихъ условій и характера нашихъ годовыхъ временъ на образованіе особенностей нашего національнаго характера, а въ этихъ особенностяхъ онъ видитъ одну изъ причинъ развитія у насъ въ послѣднее время нигилизма.

„Всѣ эти смѣны временъ года“, продолжаетъ Леруа Болье, „живо чувствуются русскими, и никто лучше ихъ не умѣетъ ихъ изображать. Ни одинъ оттѣнокъ этой блѣдной природы, никакое отраженіе неба, никакая тѣнь на землѣ не ускользнетъ отъ ихъ глазъ, ни одинъ малѣйшій звукъ или шепотъ — отъ ихъ слуха. Если безпредѣльность заставляетъ взоръ теряться въ пространствѣ горизонта, то за то каждая едва замѣтная мелочь неотразимо привлекаетъ вниманіе. Ничто не можетъ передать прелести заходящаго солнца въ южныхъ степяхъ, напр., между Каспійскимъ и Азовскимъ морями“.

Приводимъ цѣликомъ мѣсто о вліяніи этихъ особенностей и разнообразія въ характерѣ годовыхъ временъ на особенности нашего народнаго характера, такъ какъ это въ данномъ случаѣ представляетъ суть дѣла, разумѣется—съ точки зрѣнія Леруа Болье. „Вліяніе рѣзкаго различія въ русскихъ временахъ года“, говоритъ онъ, „особенно сильно ощущается въ темпераментѣ и національномъ характерѣ. Не другому чему, а именно этому рѣзкому различію, русскій человѣкъ обязанъ гибкостью, эластичностью органовъ, которые приспособлены у него рѣзкими противоположностями зимы и лѣта ко всѣмъ климатамъ; благодаря именно этой рѣзости, русскіе обладаютъ измѣнчивостью и легкостью въ переходѣ отъ одного чувства къ другому, отъ одной идеи къ другой,—способность, представляющая аналогію съ первой, и которая дѣлаетъ русскаго человѣка способнымъ всюду акклиматизироваться—нравственно, такъ же какъ и физически.

„Этимъ рѣзкимъ противоположностямъ климата, я думаю, можно приписать то, что есть въ характерѣ русскихъ ненормальнаго (déréglé), чрезмѣрнаго, беспорядочнаго, поражающаго (heurté). Ихъ часто упрекаютъ въ недостатокѣ оригинальности; надобно условиться относительно точнаго значенія этого упрека и самаго слова. Если они, дѣйствительно, имѣютъ мало оригинальности въ понятіяхъ, въ идеяхъ, за то они часто имѣютъ ея много въ характерѣ, въ складѣ ума, въ выраженіи. Чего имъ дѣйствительно недостаетъ, правильнѣе—то, въ чемъ они по краткости времени и характеру своего воспитанія не успѣли еще представить образцовъ,—это даръ изобрѣтенія. Далеко не лишенный своеобразности во всемъ, русскій человѣкъ об-

ладаетъ ею иногда въ большой степени въ чувствахъ, вкусахъ и привычкахъ. Онъ часто оригиналенъ въ новѣйшемъ, вульгарномъ значеніи этого слова, оригиналенъ не мыслью и пониманіемъ, но вкусами и манерами. Эта оригинальность доходить въ немъ иногда до причудливости, до эксцентричности, или до безумія. Иванъ Грозный, Петръ Великій, Павелъ I, представляютъ блестящія доказательства этого между государями. Не трудно было бы указать много чертъ русской оригинальности, и втеченіе двухъ послѣднихъ столѣтій не одинъ изъ русскихъ вельможъ, не одинъ Суворовъ, или Ростовчинъ, составили себѣ въ такомъ смыслѣ европейскую извѣстность. Причудливость и странность составляютъ, впрочемъ, всюду меньшую рѣдкость въ сѣверныхъ странахъ, нежели въ южныхъ — въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ этого рода качества встрѣчаются чаще, нежели въ Италіи и Испаніи. Въ Россіи, со временъ крѣпостнаго права, причудливость и странность, которыя могли также зависѣть отъ скопленія богатствъ въ небольшомъ числѣ рукъ, отъ необузданной вольности, которая обуславливается большимъ состояніемъ, при чемъ обыкновенно позволяли себѣ все,—эта причудливость и странность скоро пресыщаются, какъ скоро исчерпываютъ для своего развлеченія всевозможныя затѣи.

„Сближенія между человѣкомъ и климатомъ превращаются легко въ фантазію и произволь. Между національнымъ темпераментомъ и русской природой, какой она выказывается въ разнообразіи и противоположности годовыхъ временъ, есть черта сходства, которой трудно не признать. И тотъ и другая отличаются чрезмѣрностью и легко переходятъ изъ одной крайности въ другую. Въ этомъ случаѣ русскій характеръ часто представляетъ явленія аналогическія съ русскимъ климатомъ. Рѣзкія пережвны во всемъ—въ расположеніи духа, въ мысляхъ, въ чувствахъ, у русскихъ весьма замѣтны; измѣненія въ настроеніи ума или расположеніи сердца представляютъ явленія весьма обыкновенныя; разные часы, или различные періоды жизни, у нихъ представляютъ часто больше различія, чѣмъ гдѣ нибудь. Душа русскаго человѣка легко переходитъ отъ бездѣйствія къ дѣятельности, отъ спокойствія къ гнѣву, отъ покорности къ возстанію, и вообще легко увлекается крайностями во всемъ. Попережвно терпѣливый и раздражительный, безстрастный и горячій, веселый и угрюмый, русскій человѣкъ знакомъ болѣе всякаго другого народа съ пережвнами холода и жара, тишины и грозы. Русскій человѣкъ подверженъ увлеченіямъ, легко отдается чему нибудь до самозабвенія; онъ часто бываетъ весь во власти своихъ капризовъ, весь отдается стремленіямъ, или внезапнымъ переходамъ къ предмету серьезному, или ничтожному, къ мнѣнію, къ писателю, къ пѣвцу, къ танцовщицѣ, къ модѣ. Это настроеніе русскаго характера даетъ себя замѣтно чувствовать въ жизни публичной, какъ и частной, въ жизни народа, также какъ и отдѣльныхъ лицъ.

„Эта гибкость характера, эта впечатлительность, такъ часто наблюдаемая у славянъ вообще, и особенно у русскихъ и поляковъ, это отсутствіе мѣры, отсутствіе равновѣсія, которыя такъ часто оплакиваютъ въ своихъ соотечественникахъ русскіе писатели, — все это имѣетъ слишкомъ близкое отношеніе къ климату; вліяніе климата несомнѣнно здѣсь оказывается, и эти особенности русскаго характера до извѣстной степени обусловливаются климатомъ. Смѣняющія одна другую противоположности видовъ природы, кажется, оставляютъ отпечатокъ на умѣ, на характерѣ человѣка, даже иногда на его дѣйствіяхъ. Въ силу этого, не надобно удивляться, если въ русскомъ человѣкѣ встрѣчается столько противорѣчій, и если, говоря о немъ, мы постоянно подвергаемся опасности противорѣчить сами себѣ.

„Если потребуютъ историческаго типа, живого образца этого русскаго характера, которому гнетъ событій долгое время не позволялъ проявляться въ великихъ людяхъ,—я укажу на Петра Великаго. Среди своего полуварварства, въ своихъ крайностяхъ и даже своихъ противорѣчій, съ своими слабостями и склонностями, съ своими смѣлыми преобразованіями и здравымъ практическимъ смысломъ, съ своимъ презрѣніемъ къ опасностямъ и своими положительными инстинктами, съ своими богатыми умственными способностями и удивительною ловкостью рукъ, съ своей универсальною способностью ко всѣмъ искусствамъ и ремесламъ,—Петръ представляетъ собою по преимуществу національный русскій типъ. Немного можно указать русскихъ недостатковъ, которыхъ нельзя бы было найти въ великомъ преобразователѣ, и изъ которыхъ многіе доходили до крайности; немного можно найти хорошихъ русскихъ качествъ, которыя бы въ немъ не проглядывали, и изъ которыхъ многія восходили въ немъ до степени гѣніальности. Царственный плотникъ Саардама отличается болѣе сильнымъ и упорнымъ закаломъ, нежели большая часть его соотечественниковъ, но металлъ—тотъ самый. Въ великомъ реформаторѣ двѣ національныя противоположности, двое русскихъ, до сихъ поръ еще такъ между собою противоположны, что одинъ какъ будто не всегда происходитъ отъ другого,—мужикъ и цивилизованный русскій человѣкъ высшаго сословія, первый съ своимъ непонятливымъ и тяжелымъ упрямствомъ, второй съ своею смѣтливой и проворной гибкостью,—оба эти экземпляра какъ будто бы нарочно соединены и связаны, чтобы умѣряться взаимнымъ вліяніемъ. Петръ Великій показывалъ, что гибкость русскаго человѣка не уменьшаетъ въ немъ энергіи, и что славянская растяжимость соединяется съ солидностью.

„Если бы кто нибудь сталъ изумляться, что у одного и того же народа встрѣчается столько чертъ въ характерѣ различныхъ, или противоположныхъ, то на Петрѣ Великомъ можно видѣть, какъ всѣ эти черты могутъ соединяться и сосредоточиваться въ одномъ человѣкѣ. Это—концентрированіе въ одномъ лицѣ столькихъ качествъ и недостатковъ, столькихъ чертъ, разсѣянныхъ въ націи, создало человѣка

страннаго, почти чудовищнаго, но въ то же время одного изъ самыхъ энергичныхъ и предприимчивыхъ людей, одного изъ людей, наиболее надѣленныхъ для жизни и дѣятельности, какихъ когда нибудь видѣлъ мѣръ. Немногимъ народамъ выпало на долю преимущество—имѣть у себя великаго человѣка, который бы ихъ олицетворялъ и который бы въ самыхъ недостаткахъ своихъ являлся воплощеніемъ ихъ народнаго генія. Петръ, воспитанникъ и подражатель иностранцевъ, Петръ, который какъ будто задалъ себѣ задачу насиловать природу своего народа, на котораго многіе въ тогдашнемъ московскомъ царствѣ смотрѣли какъ на антихриста, этотъ Петръ—русскій, великороссъ по преимуществу. Въ лицѣ его, можно сказать, государь и народъ объясняются другъ другомъ. Народъ, который представляетъ черты сходства съ такимъ человѣкомъ, имѣетъ полное право рассчитывать на великую будущность. Если онъ кажется лишеннымъ нѣкоторыхъ возвышенныхъ, или изящныхъ качествъ, которыми гордится человѣчество, то зато онъ обладаетъ тѣми, которыя даютъ народу могущество и величіе въ мѣрѣ политическомъ“.

Мы передали во многихъ мѣстахъ цѣликомъ и словами самого Леруа-Болье въ близкомъ переводѣ взглядъ его на нашу русскую территорію, нашу природу и характеръ, съ какимъ являются у насъ времена года. Теперь мы переходимъ къ вопросу о нигилизмѣ, на развитіе котораго въ русскомъ обществѣ, какъ мы уже не разъ замѣчали, но мнѣнію Леруа-Болье, вліяютъ главнымъ образомъ крайности и противоположности явленій нашей сѣверной природы, создающія крайности и противоположности въ народномъ характерѣ.

„Русскій климатъ, говоритъ онъ, благодаря своей суровости и нуждамъ, которыя онъ создаетъ для человѣка, направляетъ мысль его къ реализму, къ практическимъ задачамъ; русская природа величіемъ и однообразіемъ своихъ равнинъ, своею необъятностью и бѣдностью располагаетъ человѣка къ мистицизму и грусти. Здѣсь нужно искать разгадки многихъ противоположностей въ русскомъ темпераментѣ. Въ этой борьбѣ или, пожалуй, въ этомъ соединеніи стремленій, часто противоположныхъ и повидимому несогласимыхъ между собою, надобно искать объясненія многого, что замѣчается въ народномъ характерѣ, въ невѣжественныхъ сектахъ Великой Россіи“.

Переходя затѣмъ къ опредѣленію начала и зарожденія у насъ нигилизма, стараюсь уловить первый моментъ его проявленія во взглядахъ одной части нашего общества, опредѣлить, такъ сказать, характеръ и происхожденіе первыхъ нигилистическихъ сѣмянъ, посѣянныхъ на русской землѣ, авторъ сочиненія говоритъ слѣдующее: „Какъ всѣ почти теоретическія понятія русскихъ, нигилизмъ въ основѣ своей составляетъ пришлое явленіе Запада. Изъ Европы и главнымъ образомъ изъ нѣмецкой философіи явились въ Россію, въ царствованіе императора Николая, первыя сѣмена того духа отрицанія и политическихъ переворотовъ, которыя въ вѣковомъ русскомъ

абсолютизмъ нашли благопріятную для себя почву. Относительно идей и взглядовъ, духа отрицанія и мечтательныхъ надеждъ, русскій нигилизма есть не что иное, какъ испорченный плодъ европейской философіи, европейской критики, европейскихъ соціальныхъ школъ. Интересъ и оригинальность русскаго радикализма заключаются не здѣсь, не въ теоріяхъ и отвлеченностяхъ, чуждыхъ большей части молодыхъ адептовъ современнаго нигилизма. То, въ чемъ русскій нигилизмъ является дѣйствительно оригинальнымъ, обусловливается политическимъ и экономическимъ, соціальнымъ и религіознымъ положеніемъ Россіи; онъ обусловливается, быть можетъ, главнымъ образомъ народнымъ темпераментомъ.

Въ сущности своей, нигилизмъ есть русская форма отрицательнаго и революціоннаго духа вѣка; не будучи спеціально русской болѣзью, онъ представляетъ нравственную эпидемію, которой зародышъ принесенъ извнѣ, и которой въ большей или меньшей степени подверглась вся Европа, весь цивилизованный міръ; но у каждаго народа характеръ и проявленіе этого зла видоизмѣняются сообразно возрасту, положенію, привычкамъ больного. Если на низменныхъ равнинахъ Невы, или Волги, припадки этой революціонной горячки, въ настоящее время получившей характеръ эпидеміи, представляютъ своеобразные симптомы, то это зависитъ отъ свойствъ и политическаго положенія народа.

Подвергая болѣе подробному анализу характеръ нигилизма, Леруа-Болье указываетъ на то обстоятельство, что онъ не всегда выражается политическими преступленіями, дѣйствіями террора. Наряду съ нигилизмомъ дѣятельнымъ, принимающимъ форму насилія и заговора, существуетъ нигилизмъ теоретическій, нигилизмъ часто неопредѣленный, простодушный и безсознательный, наиболѣе давній по происхожденію и наиболѣе распространенный въ школахъ, въ обществахъ, иногда даже въ салонахъ и канцеларіяхъ. Въ области философіи нигилизмъ—ни что иное, какъ грубый, шумно заявляющій о себѣ матеріализмъ, лишенный всякой научной подготовки. Въ политикѣ это—соціальный радикализмъ, который не столько заботится о средствахъ улучшить нравственное и матеріальное благосостояніе массъ, сколько стремится къ полному разрушенію современнаго намъ общественнаго и политическаго строя. Название нигилизма, которое также хорошо выражаетъ его научное ничтожество, какъ и его разрушительныя стремленія, есть не что иное, какъ остроумное, насмѣшливое прозваніе, отвергаемое большинствомъ тѣхъ, кого оно обозначаетъ.

Это имя, которымъ иногда злоупотребляютъ, обозначая имъ весьма различныя ученія и стремленія, русскій радикализмъ заслуживаетъ по преимуществу отношеніемъ своимъ къ западно-европейской цивилизації. Такое замѣчаніе важно для генеалогіи идей, какъ и для опредѣленія склада русскаго ума. Отрицанія нигилизма прежде всего от-

носятся къ классической и христіанской культурѣ, какою она явилась у народовъ германо-латинскихъ. То, противъ чего онъ направляетъ удары и что отрицаетъ — гораздо меньше Россія, чѣмъ Западъ. Въ Россію съ ея обычаями и преданіями русскій человѣкъ новаго времени давно пересталъ вѣрить; съ этой стороны онъ давно уже сдѣлался нигилистомъ. Онъ положилъ всю свою вѣру въ западно-европейскую культуру, къ которой стремился всѣми своими силами. Въ началѣ царствованія Николая, какъ и въ XVIII столѣтіи, цивилизація, которую Петръ Великій и Екатерина II могли привить къ Россіи только внѣшнимъ образомъ, эта цивилизація была для образованныхъ русскихъ религіею, относительно которой, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отсталыхъ консерваторовъ, въ Россіи не было ни людей не вѣрующихъ, ни равнодушныхъ. Русская молодежь вѣрила съ большою горячностью, чѣмъ сами европейцы, въ просвѣщеніе и свободныя учрежденія Запада; она вѣрила съ пламеннымъ чувствомъ новообращеннаго въ достоинство и здравый характеръ принциповъ 1789 года, въ непогрѣшимость человѣческаго откровенія, принесеннаго въ міръ революціей.

Въ половинѣ настоящаго столѣтія, въ русскихъ понятіяхъ совершился вnezашный и рѣшительный поворотъ. Разсмотрѣвъ ближе ту цивилизацію, отъ которой русскій человѣкъ ожидалъ своего спасенія, и познакомившись съ ея недостатками, слыша, какъ ее отрицали и проклинали многіе изъ тѣхъ, которые пользовались ея плодами и были ею вскормлены, русскій человѣкъ началъ въ ней сомнѣваться. Онъ увидѣлъ, что для того, чтобы придти на помощь скорби и бѣдности, Западъ обладаетъ обманчивыми средствами, или безплодными палліативами, и европейская свобода, европейская наука, европейскія богатства, явились въ его глазахъ ложью, обманомъ. Всѣ учрежденія и образцы, которые внушали ему благоговѣйное уваженіе, представились ему теперь лицемѣрной и святотатственной профанаціей истинъ, которыя онъ предвидѣлъ въ дни своего наивнаго, юношескаго увлеченія. Скивоу новаго времени думаетъ, что онъ разоблачилъ ничтожество этой греко-латинской культуры, блескъ которой ослѣпилъ его зрѣніе, и съ обыкновенной способностью русскаго человѣка бросаться изъ одной крайности въ другую, съ горькимъ негодованіемъ разочарованнаго въ своей вѣрѣ вѣрующаго, и стыдясь, что онъ такъ долго и такъ легко всему этому вѣрилъ,—онъ началъ унижать то, что нѣкогда обожалъ. Русскій второй половины XIX вѣка отказался отъ культа своего дѣтства, какъ отъ младенческаго суевѣрія; онъ считаетъ теперь долгомъ и находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы поносить идоловъ, въ ожиданіи достиженія возможности—разрушить кумиры ложныхъ божествъ, передъ которыми онъ курилъ оміамъ; онъ низвергъ съ пьедесталовъ то, что его руки поставили на нихъ, всѣхъ этихъ блестящихъ и суетныхъ идоловъ, очаровательная красота которыхъ прельщала его юность; онъ поклялся разрушить величественный

храмъ, воздвигнутый въ честь этихъ лживыхъ новыхъ божествъ, которыя, украшаясь незаконно присвоенными себѣ именами свободы, равенства, братства, поддерживаютъ между людьми обманъ, раздоръ и отвратительное рабство, создаваемое бѣдностью.

Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, нигилизмъ является не продуктомъ Запада, или европейской заразой, а составляетъ родъ нѣкотораго протеста Россіи противъ Европы, нѣкотораго рода трагическую эманципацію русскаго сознанія. Если принимать во вниманіе не логическую связь и историческое происхожденіе идей, а чувства, служація возбуждающимъ для нигилизма началомъ, иногда незамѣтно для него самого, то русскій нигилизмъ является какою-то насильственной реакціей противъ долгаго интеллектуальнаго владычества Европы, противъ западно-европейскаго общества, западно-европейской науки и, наконецъ, вообще противъ стараго міра. Русскій нигилизмъ—это возстаніе дитяти, раздраженнаго тѣмъ, что его учитель такъ долго его обманывалъ, и чѣмъ долѣе длилось его послушаніе, чѣмъ болѣе оно было довѣрчиво и почтительно, тѣмъ болѣе печальный характеръ принимаетъ его возстаніе и тѣмъ большими оно выражается крайностями.

Европа, къ которой русскій человѣкъ неизмѣнно обращалъ свои взоры и желанія, какъ мусульманинъ къ Меккѣ,—онъ теперь въ ней отчаялся, онъ провозгласилъ ее дряхлою и отжившею, онъ повернулся къ ней спиною и началъ искать въ другомъ мѣстѣ земли обѣтованной, другого помѣщенія на болѣе свѣжей почвѣ, для Иерусалима новаго, для земнаго, человѣческаго райа, который должна создать революція. Быстро повернувъ въ другую сторону—что такъ согласно съ національнымъ характеромъ, всегда расположеннымъ къ быстрымъ перемѣнамъ,—русскій человѣкъ перемѣнилъ тезисъ и превратилъ свою теорію. Роль инициатора и спасителя, которая въ его глазахъ еще недавно принадлежала Западу,—эту самую роль онъ внезапно перенесъ на свое полуобразованное отечество. Теряя вѣру въ Западъ, онъ снова началъ вѣрить въ Россію. Въ этомъ отечествѣ, такъ имъ презираемомъ, онъ вдругъ нашель скрытое превосходство, нашель его въ самой его отсталости.

И это совершенно логично. Какъ скоро цивилизація и новѣйшія формы общества осуждены, то страню самую удобною для будущихъ созиданій является та, гдѣ прошедшее оставляетъ свободное поле настоящему, гдѣ почву легко расчистить. Какъ скоро русскій человѣкъ возвратился къ признанію значенія своей родины и ея прославленію, восторгаясь ея наготою и ея бѣдностью, революціонный духъ въ Россіи получилъ необычайную энергію и смѣлость и вмѣстѣ съ тѣмъ черты оригинальности; онъ принялъ національный, такъ сказать, характеръ даже въ самомъ отрицаніи національности и отечества.

Въ политикѣ и общественномъ устройствѣ, какъ и въ философіи, нигилизмъ представляетъ мало оригинальности. Среди всѣхъ своихъ

преувеличеній, онъ есть не что иное, какъ питомецъ революціонныхъ школъ Запада, питомецъ, который льститъ себя надеждою превзойти своихъ учителей, и который утрируетъ самыя безразсудныя ихъ ученія. Не смотря на то, что онъ имѣетъ тысячи ревностныхъ и убѣжденныхъ послѣдователей, нельзя сказать, чтобы это была доктрина. или школа; какъ изученіе, такъ и наука, или научные методы, которые онъ любитъ выставлять иногда на-показъ, въ сущности имѣютъ мало въ немъ мѣста.

Анализируя причины, вліявшія на развитіе въ Россіи нигилизма, Леруа-Болье представляетъ характеристику агитаторовъ революціи въ области нашей литературы, какъ эмигрировавшихъ изъ Россіи, такъ и писателя, не покидавшего отечества. Герценъ, Бакунинъ и Чернышевскій находятъ у него сжатую, но очень мѣткую характеристику. Настоящимъ законодателемъ въ области нигилизма и вообще социалистическихъ утопій онъ считаетъ послѣдняго, въ которомъ видитъ достойнаго соперника представителямъ того же направленія на западѣ Европы.

Охарактеризовавъ русскихъ дѣятелей въ сферѣ мысли и печатнаго слова, которые по преимуществу содѣйствовали развитію въ обществѣ отрицательнаго направленія, Леруа Болье снова возвращается къ характеристикѣ нигилизма и указываетъ на нѣкоторыя частныя замѣчательныя въ немъ явленія. „Разсматривая нигилизмъ съ точки зрѣнія психологической—говоритъ онъ—можно сказать, что онъ развился изъ двухъ противоположныхъ склонностей русскаго характера—склонности къ абсолютному и склонности къ реализму. Изъ этого противоестественнаго сочетанія родилось это отвратительное чудовище, — одно изъ самыхъ печальныхъ порожденій духа новаго времени. Съ точки зрѣнія нравственной и политической, нигилизмъ есть, прежде всего, пессимизмъ, полу-инстинктивный, полу-сознательный, пессимизмъ, на который вліяли въ извѣстной степени природа и климатъ страны и развитію котораго благопріятствовала исторія Россіи и существующій порядокъ вещей. Видя всюду лишь одно только зло, онъ стремится все ниспровергнуть—правительство, религію, общество, семью, для того, чтобы создать во всѣхъ отношеніяхъ лучшей міръ. Нигилизмъ безусловно чуждъ характера критическаго скептицизма, который сравниваетъ и изслѣдуетъ, который сохраняетъ свое сужденіе и свою свободу. Это—отрицаніе, которое заявляетъ о себѣ и не допускаетъ изслѣдованія, которое представляетъ собою родъ догматизма съ обратной стороны, столько же узкаго и слѣпнаго, сколько и повелительнаго, неменьше нетерпимаго, какъ и тѣ традиціонныя вѣрованія, которыхъ авторитетъ онъ отвергаетъ“.

Леруа Болье переходитъ къ характеристикѣ русскаго ума и вообще способностей русскаго человѣка такъ, какъ онъ заявляетъ себя своими склонностями къ извѣстнымъ родамъ знанія. Французскій ученый находитъ, что врожденныя стремленія русскаго человѣка на-

правлены къ реализму, къ положительнымъ знаніямъ, и что съ этой стороны преподаваніе естественныхъ наукъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ временъ императора Николая соотвѣтствовало характеру русскаго ума. Затѣмъ онъ говоритъ объ утвержденіи у насъ классицизма въ министерство графа Толстого, замѣчая при этомъ, что надежды русскихъ правительственныхъ сферъ—найти въ классицизмѣ средство противодѣйствія крайнему развитію духа матеріализма въ молодомъ поколѣніи не осуществились и что древніе классики не могли обуздать радикальныхъ стремленій современнаго русскаго юношества. Заканчивая характеристику нигилизма, Леруа Больё указываетъ въ заключеніе всего на тотъ энтузіазмъ, который возбуждаетъ въ одной части русской молодежи идея революціи.

„Токвиль—говоритъ онъ—замѣтилъ, что въ наши дни революціонный духъ представляетъ какъ будто бы какой-то религіозный духъ. Въ современной Россіи эта истина болѣе очевидна, чѣмъ гдѣ нибудь. У нигилистовъ революція получила значеніе религіи, въ догматахъ которой такъ же мало сомнѣваются, какъ вѣрующіе въ откровеніе, которой заповѣди также обязательны, какъ и повелѣнія, издаваемыя во имя Бога. Отрицаніе приняло между нигилистами видъ и характеръ вѣры; оно возбуждаетъ среди нихъ энтузіазмъ, оно представляетъ у нихъ характеръ мрачной и приличивой экзальтации. Нигилизмъ имѣетъ своихъ пѣтистовъ и своихъ иллюминатовъ, своихъ исповѣдниковъ и мучениковъ, точно такъ же, какъ свои божества и своихъ идоловъ. Съ этой точки зрѣнія извѣстное мнѣніе, по которому за границей принимали когда-то нигилизмъ за секту, не такъ ложно, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Съ духомъ абсолютизма, не допускающимъ никакой критики, съ слѣпою вѣрою и пламеннымъ самоотверженіемъ, которыя онъ внушаетъ такому громадному количеству своихъ повсюду разбросанныхъ адептовъ, — нигилизмъ въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою родъ какого-то культа. По духу безусловной и пламенной преданности своей вѣрѣ, по духу упорнаго отверженія всего, что чуждо ихъ доктринѣ, по исключительности и фанатизму—нигилисты чрезвычайно близко подходятъ къ грубымъ народнымъ сектамъ. Леруа Больё представляетъ характеристику одного изъ весьма замѣчательныхъ явленій нигилизма — нравственнаго воздержанія между молодежью обоюго пола и характеристику фиктивныхъ браковъ. „Нигилизмъ—говоритъ онъ—считаетъ въ числѣ своихъ прозелитовъ дѣвственницъ, и многія изъ заговорщицъ, арестованныхъ и сосланныхъ въ послѣднее время, перенесли съ собою въ Сибирь добродѣтель, тѣмъ болѣе заслуживающую удивленія, чѣмъ меньше ее цѣнятъ ихъ доктрина. Странное явленіе! Нигилизмъ имѣетъ свои мистическіе или платоническіе союзы, свои супружескія четы, которыя, однако же, не имѣютъ супружескихъ отношеній, которыя, будучи открыто соединены въ глазахъ свѣта, любятъ вести такую жизнь, какъ будто бы они не были супругами. Это и есть то, что у ниги-

листовъ называется фиктивнымъ бракомъ. Со времени Нечаевского процесса въ 1871 году, мало можно назвать политическихъ дѣлъ, которыя не раскрыли бы нѣсколькихъ подобныхъ оригинальныхъ сочтаній. Трудно понять, что заставляетъ враговъ общества заключать союзы, представляющія подобіе супружества. Для многихъ, а особенно для молодыхъ дѣвушекъ, подобнаго рода бракъ составляетъ средство пріобрѣтенія независимости, которая облегчаетъ политическую пропаганду. Молодой дѣвушкѣ, завербованной „для святаго дѣла“, предлагаютъ мужа для того, чтобы дать ей свободу замужней женщины; иногда этимъ мужемъ бываетъ человѣкъ, который преподавалъ ей ученіе нигилизма и обратилъ ее; чаще это бываетъ другъ, иногда вовсе неизвѣстная ей личность. Подобнаго рода бракъ заключилъ Соловьевъ, виновникъ одного изъ покушеній на жизнь императора Александра II въ 1879 году. Въ дѣйствительности дѣвушка обручается съ сектой, ея небольшое приданое поступаетъ въ общую кассу, и часто въ самый день свадьбы оба супруга разлучаются для того, чтобы отдѣльно отправиться въ далекую пропаганду. Такъ поступилъ Соловьевъ, и когда онъ и его жена покинули провинцію для Петербурга, они жили въ Петербургѣ отдѣльно. Для нѣкоторыхъ фиктивный бракъ представляетъ собою ассоціацію, нѣчто въ родѣ рабочаго союза двухъ товарищей“.

Большая часть нигилистовъ, по крайней мѣрѣ изъ числа тѣхъ, которые фигурируютъ въ процессахъ,—очень молодые люди, очень молодые дѣвушки. Между молодыми людьми болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, правильнѣе сказать, между подростками—революціонная пропаганда вербуетъ неофитовъ. Между всѣми этими заговорщиками, обвиненными и обвиняемыми, тридцатилѣтній возрастъ составляетъ рѣдкость; многіе перешли за черту двадцати пяти лѣтъ; многіе принадлежатъ къ несовершеннолѣтнимъ.

Разсмотрѣвъ разностороннимъ образомъ причины возникновенія и развитія въ нашемъ обществѣ нигилизма, Леруа Болье приводитъ еще одну причину, которая, по нашему мнѣнію, въ данномъ случаѣ вліяетъ едва ли не сильнѣе другихъ. Это — незрѣлость нашего образованія, наша политическая молодость, и общественная незрѣлость вообще. „Нигилизмъ, русскій радикализмъ, говоритъ Леруа Болье, чаще всего есть дѣло возраста; можно сказать, что это болѣзнь молодости, и это относится не къ отдѣльнымъ только личностямъ, но къ націи вообще. Интеллектуальная и политическая молодость, отсутствіе историческаго опыта въ жизни Россіи—вотъ что дѣлаетъ русскаго человѣка такимъ поспѣшнымъ въ составленіи разнаго рода смѣлыхъ проектовъ, столь пренебрежительнымъ къ опытамъ другихъ, столь вѣрющимъ, что общественныя преобразованія производятся легко. Къ этому взгляду примѣшивается и самолюбіе. Русскій человѣкъ даже и тогда, когда усваиваетъ себѣ идеи Запада, любить ихъ утрировать; онъ находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы торжествовать надъ европейцами, пре-

взойти ихъ въ революціи, какъ и во всемъ другомъ. Начавши рости послѣ другихъ народовъ Европы, обязанный быть ихъ ученикомъ, и будучи имъ въ дѣйствительности, русскій человѣкъ стремится во всемъ опередить своихъ учителей. Позже другихъ пришедшій, онъ не затрудняется находить робкими и отсталыми тѣхъ, которые старше его. Русскій человѣкъ часто относится къ Западу съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ молодые люди относятся къ людямъ зрѣлыхъ лѣтъ, или старикамъ; даже тогда, когда онъ пользуется западно-европейскими уроками, или идеями, онъ склоненъ думать, что европейцы еще только идутъ къ цѣли, и онъ заявляетъ намѣреніе идти до конца того пути и тѣхъ идей, которыя раскрываютъ передъ нимъ другіе. Многие русскіе рассчитываютъ на великую будущность своего отечества, какъ на нѣчто такое, что должно явиться въ свое время, какъ плодъ, созрѣвающій на деревѣ; многіе другіе, презирая возможное, и осмѣивая какъ неудовлетворительныя тѣ политическія гарантіи, которыхъ образецъ представляетъ Западъ, останавливаются на скептицизмѣ; третьи, наконецъ, самые нетерпѣливые, мечтаая преобразовать свое отечество однимъ ударомъ революціоннаго жезла, беззастѣнчиво прибѣгаютъ къ самымъ безумнымъ и самымъ омерзительнымъ дѣйствіямъ.

Дмитрій Лебедевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О РОССИИ АРМАНА ДОМЕРГА ¹⁾.

Х.

Разсказъ объ отступленіи французьвъ.—Выходъ изъ Москвы.—Напрасная тревога.—Малоярославецъ.—Полковникъ Белами.—Маршалъ Ней.—Поле битвы подъ Москвою.—Несчастливая мать.—Генераль Лабордъ.—Герцогъ Тревизскій.—Тюрень.—Смоленскъ.—Генераль Раппъ.—Благосклонность императора.—Охотничья свора.—Стычка съ казаками.—Красный.—Неожиданное возвращеніе маршала Ней.—Березина.—Понтонеры.—Чрезвычайный ходъ.—Вильна.—Недостатокъ посреди изобилія.—Варварство русскихъ.—Великодушіе императора Александра.—Генераль Эртель.—Болѣзнь.

ПИСЬМО, которое я получилъ изъ Петербурга, не содержало въ себѣ никакихъ подробностей. Обязательная корреспондентка сообщала только, что, узнавъ положительно о пребываніи моей семьи въ Вильнѣ, она успѣшила увѣдомить меня объ этомъ, извѣстивъ въ то же время мою жену о теперешнемъ моемъ мѣстожителствѣ. Я послалъ отвѣтъ тѣмъ же путемъ и въ возможной скорости, какъ это всякій пойметъ, но не всѣ поймутъ, не испытавъ сами, моего нетерпѣнія въ ожиданіи столь медленныхъ результатовъ этой корреспонденціи, шедшей окольными путями. Не смотря на положительныя завѣренія, я все еще сомнѣвался въ своемъ счастіи, но письмо жены, къ которому былъ присоединенъ обстоятельный разсказъ о ея несчастныхъ приключеніяхъ, положило, наконецъ, предѣлъ моему безпокойству.

Изобразивъ сцены раззоренія, котораго она была свидѣтельницею и жертвою, жена моя продолжала такимъ образомъ:

¹⁾ Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ VI, стр. 158.

„Слезы женщины, бѣгущей среди пламени съ ребенкомъ на рукахъ; горе матери, у которой несчастіе истощило жизненныя силы, которая энергически боролась съ бѣдою, чтобы спасти свое дитя отъ смерти,—все въ моемъ несчастномъ положеніи возбуждало жалость и уваженіе даже среди общаго разрушенія. Но что могло меня погубить, то меня и спасло.

„Самъ Наполеонъ, съ которымъ мы встрѣтились на пути, тронулся видомъ материнскихъ страданій. Его благосклонному покровительству я обязана была тому вниманію, съ которымъ меня приняли въ Петровскомъ дворцѣ. Но вскорѣ голодъ далъ себя почувствовать, и я принуждена была подвергнуться общему бѣдствію. Не будучи въ состояніи дѣлиться хлѣбомъ, котораго сами не имѣли, французскіе солдаты кормили моего сына сахаромъ, спасеннымъ отъ пожара рынка. Нужно перенестись въ тѣ ужасныя минуты, чтобы оцѣнить подобное вниманіе. Я не знала, какъ благодарить этихъ великодушныхъ людей, предъ которыми я не имѣла другаго посредника, кромѣ слезъ для выраженія своей признательности. Но что значили эти заботы сравнительно съ тою помощью, которую солдаты должны были оказывать бѣдной матери, среди долгихъ испытаній, предстоявшихъ въ будущемъ!

„Не смотря на наружное спокойствіе Наполеона, нѣкоторые признаки и секретныя сообщенія давали возможность иностранцамъ предвидѣть, что французская армія вскорѣ принуждена будетъ покинуть Москву. Вслѣдствіе этого, каждый изъ насъ въ тайнѣ приготовлялся спастись отъ мщенія русскихъ. И дѣйствительно, приказъ выступать былъ отданъ внезапно утромъ 18-го октября, а тотчасъ же послѣ полудня началось отступленіе.

„Герцогъ Тревизскій, оставаясь и въ несчастіи благодѣтелемъ нашего семейства, какимъ онъ былъ и въ счастливыя его времена, въ Ганноверѣ, въ 1804 году, предложилъ мнѣ мѣсто въ своемъ экипажѣ.

— „Я не долженъ, однако, скрывать отъ васъ, сударыня“, прибавилъ онъ, „что приказанія, полученныя мною, строги: я обязанъ защищать городъ до назначеннаго времени и, уходя, взорвать Кремль...“

„Я поблагодарила генерала за доброе предложеніе; одна я, быть можетъ, и приняла бы его, но съ ребенкомъ не рѣшилась подвергаться такимъ случайностямъ.

„При извѣстии о выступленіи, г. Пти, съ семействомъ котораго я соединила свою судьбу со времени пожара, успѣшилъ купить трехъ лошадей, которыхъ онъ добылъ цѣною золота и то съ величайшимъ трудомъ. Ихъ вырягли въ дорожную коляску, куда помѣстились мы съ его женою и двумя дѣтьми, а онъ сѣлъ вмѣсто кучера на козлы. Такъ мы слѣдовали за корпусомъ маршала Нея, который составлялъ арріергардъ.

„Къ пяти часамъ вечера того-же дня мы удалились едва на шесть верстъ отъ Москвы: до такой степени дорога была загромож-

дена экипажами, отступающими и иностранцами. Какъ и мы, послѣдніе думали избѣгать смерти и—увы! почти все шли ей навстрѣчу!..

„Наше шествіе, или, скорѣе, бѣгство представляло самое странное зрѣлище. Много генераловъ, которые до сихъ поръ довольствовались однимъ экипажемъ, имѣли теперь нѣсколько, а большинство офицеровъ, у которыхъ ихъ вовсе не было, обзавелись ими, прибывъ въ Москву. Маркитантки, вмѣсто съѣстныхъ припасовъ, везли награбленныя вещи. Экипажи частныхъ лицъ, артиллерійскіе фургоны, провіантскія и лазаретныя повозки, были переполнены добычею, награбленною въ древней московитской столицѣ. Кавалеристъ нагружалъ добычею лошадь; пѣхотинецъ, жертва жадности, гнулъсь подъ тяжестью своей ноши. Невѣроятная вещь! Я видѣла солдатъ, которые везли передъ собою тачки, наполненныя цѣнными предметами. Безумцы! Пускаясь въ путь въ 800 лье, они везли на ручныхъ телѣжкахъ бесполезныя богатства, и это среди опасностей и лишеній, неразлучныхъ съ отступленіемъ! Какъ назвать подобное ослѣпленіе?

„Мы расположились бивакомъ съ арміею на старой Калужской дорогѣ. Случай помѣстилъ насъ подлѣ экипажей одного генерала, который, я видѣла, самъ варилъ себѣ супъ. Взглядъ генерала былъ устремленъ на меня въ ту минуту, когда я кормила грудью сына, проливая слезы. Онъ послалъ мнѣ со своимъ братомъ бульону.

— „Возьмите, сударыня“, сказалъ мнѣ вѣжливо послѣдній, „покуда мы еще имѣемъ возможность предложить вамъ; вы не всегда будете имѣть это...“

„Его предсказаніе сбылось, къ несчастію, слишкомъ точно, и я зачастую, сидя на грудѣ человѣческихъ труповъ, должна была довольствоваться во время отступленія небольшимъ количествомъ жареной конины.

„Въ ту минуту, какъ я готовилась воспользоваться предложеннымъ супомъ, столь необходимымъ для возстановленія моихъ истощенныхъ силъ, крикъ позади бивака поразилъ меня до глубины души. Отсталые бѣжали запыхавшись изъ Москвы, крича: „Спасайтесь! Русскіе идутъ!“ Внезапно сдѣлалось общее смятеніе, и весь бивакъ представлялъ изъ себя ужасную сумятицу. Одни спасались пѣшіе, другіе на лошадахъ; иные торопливо садились въ экипажи. Я тоже хотѣла сѣсть въ нашъ, но снѣ исчезъ!..

„Рискуя быть смятой испуганною толпою, или раздавленною подъ колесами экипажей, которые толпились на дорогѣ, я бросилась вмѣстѣ съ другими, унося съ собою единственное богатство, которое у меня оставалось,—мое дитя: съ коляскою исчезло и то небольшое имущество, которымъ я владѣла. Я осталась, такимъ образомъ, позади отступающей арміи, безъ всякихъ средствъ, въ жалкой одеждѣ, лишенная всякой поддержки, всякой защиты. Но видъ ребенка, котораго я прижимала къ груди, казалось, возвышалъ мое мужество про-

порціонально окружавшимъ опасностямъ. Только чудо могло спасти меня, и Богъ сотворилъ его.

„Провидѣніе послало мнѣ того самаго генерала съ братомъ, о которыхъ я только что упоминала. Какъ я жалѣю, что не могла узнать ихъ фамиліи! Тронутые моимъ несчастіемъ, они предложили мнѣ мѣсто въ ихъ экипажѣ до тѣхъ поръ, пока я не найду своего. Мы ѣхали цѣлую ночь. Каждую минуту я надѣялась встрѣтить семейство Пти, но ни на слѣдующій день, ни во все остальное время пути я не слыхала болѣе о немъ.

„Едва прошло нѣсколько дней, какъ присутствіе посторонней женщины начало становиться въ тягость моимъ спутникамъ. Я видимо стѣсняла ихъ—не тѣмъ, что занимала мѣсто въ каретѣ, хотя оно было предложено мнѣ только на время, но тѣмъ, что я была для нихъ лишнимъ ртомъ, а трудность доставать стѣстные припасы порождала эгоизмъ. Отступленіе началось. Что будетъ съ нами дальше?

„Не желая долѣе злоупотреблять любезностью этихъ господъ, я просила ихъ отправить меня къ графу Тюреню, гдѣ надѣялась найти мою невѣстку и быть въ болѣе безопасности, чѣмъ въ арріергардѣ. Генераль охотно согласился на мое желаніе, и я, сѣвъ въ телѣжку, отправилась подъ конвоемъ вѣстового и жандарма на лошади. Но каково было мое огорченіе, когда, послѣ двухчасовой ѣзды, мы нашли опустѣлымъ то мѣсто, которое раньше занимала главная квартира императора: Наполеонъ двинулся далѣе, къ Малоюрославцу. Мы поспѣшили вернуться назадъ, откуда пріѣхали, и нашли генерала на томъ же мѣстѣ, гдѣ его оставили. Съ какою радостью увидѣла я издали знамена и мундиры арріергарда! Видъ страшныхъ атрибутовъ войны, который въ другое время испугалъ бы меня, теперь доставлялъ мнѣ инстинктивную радость: тамъ находились всѣ мои надежды на спасеніе.

„Несовсѣмъ, разумѣется, довольный въ душѣ моимъ возвращеніемъ, генераль былъ, однако, настолько гуманенъ, что не прогналъ меня. Но въ тотъ же день, обратившись ко мнѣ съ фізіономією, на которой холодность уступила мѣсто заботливости, онъ объявилъ, что нашелъ случай, который мнѣ дастъ возможность путешествовать съ болѣшимъ удобствомъ, чѣмъ теперь. „Полковникъ Белами“, сказалъ онъ, „беретъ на себя заботу о васъ. У него есть карета, кучеръ, слуга и провізія. Вамъ было бы всего лучше принять его предложеніе.“

„Я поблагодарила генерала вдвойнѣ и за прежнія его услуги, и за ту, которую онъ мнѣ оказалъ, передавъ меня полковнику.

„Г. Белами былъ по происхожденію итальянецъ; онъ принялъ меня довольно хорошо и поручилъ своему слугѣ, мальчику лѣтъ 15.

„24-го октября, съ того мѣста, гдѣ мы стояли въ тылу арміи, мы услышали пушечные выстрѣлы, которые не переставали гремѣть съ разсвѣта до ночи. Постоянно будучи насторожѣ и ожидая каждую

минуту приказанія выступить, мы вскорѣ увидѣли Малоярославецъ весь въ огнѣ.

„Нечего бояться“, говорили кругомъ насъ солдаты. „Тамъ принцъ Евгений съ четвертымъ корпусомъ...“

„Должно быть вѣра въ вице-короля была сильна, потому-что, хотя онъ боролся съ непріятелемъ вдвое сильнѣе его, никто, казалось, не сомнѣвался въ исходѣ битвы. И дѣйствительно, вечеромъ мы вступили въ городъ, который двѣ арміи оспаривали другъ у друга съ остервенѣніемъ впродолженіе цѣлаго дня. Какое зрѣлище для робкой женщины, только что оставившей мирныя занятія хозяйствомъ!.. Тутъ цѣлыя улицы, уничтоженныя пожаромъ; тамъ мертвые, умирающіе, перевязочные пункты съ ихъ раздирающими душу криками и картиною жестокихъ страданій. Среди этихъ ужасовъ, наша карета должна была пролагать свой путь, давя и попирая не только трупы, но и умирающихъ, которымъ колеса ея или удваивали, или прекращали страданія.“

„Мы остановились среди дымящихся развалинъ дома. Прошло всего нѣсколько минутъ, какъ прибѣжалъ полковникъ Белами затѣмъ, чтобы приказать своимъ людямъ снова убрать какъ можно скорѣе вещи и быть въ готовности ѣхать по первому знаку. Хотя я была утомлена долгимъ хожденіемъ пѣшкомъ, такъ какъ я желала облегчить экипажъ, но мнѣ не дали отдохнуть. Полковникъ до разсвѣта приказалъ отправляться въ путь, но въ ту минуту, какъ я готовилась сѣсть въ карету, онъ сказалъ мнѣ:

— „Сударыня! я въ отчаяніи!.. Мои лошади слишкомъ устали для того, чтобы я могъ васъ везти далѣе. Не скрою отъ васъ, что мы находимся въ затруднительномъ положеніи... Императора ждуть сюда на разсвѣтѣ. Вы имѣете знакомыхъ въ главной квартирѣ; они вамъ, безъ сомнѣнія, помогутъ, да и тамъ вы будете менѣе подвергаться опасности, чѣмъ съ нами, которые должны отступать...“

„Убитая этими словами, на которыхъ мой онѣмѣвшій языкъ не позволилъ даже ничего отвѣтить, я пошла, плача, съ ребенкомъ на рукахъ. Я бродила нѣсколько времени среди этого несчастнаго города, который представлялъ мнѣ на каждомъ шагу картины разрушенія и смерти. Въ это время явился мой спаситель, генераль, и предложилъ мнѣ поддержку, въ которой всѣ отказывали.“

— „Кто вы и о чемъ плачете? кротко спросилъ онъ, останавливая меня рукою.“

— „Я ищу императора, отвѣчала я въ какомъ-то забытіи... Я скажу ему, что полковникъ меня прогналъ, бросилъ въ жертву русскимъ, которые убьютъ меня и мое бѣдное дитя... Наполеонъ самъ супругъ и отецъ, онъ сжалится надо мною...“

— „О какомъ полковникѣ говорите вы, сударыня?“

— „О полковникѣ Белами.“

— „Полковникъ Белами! О, это подло! воскликнулъ маршалъ Ней, потому что это его послало мнѣ небо.

„Маршалъ велѣлъ позвать итальянца полковника. Послѣдній объяснилъ ему, кто я такая и какія причины заставили его бросить меня. Приведенный въ негодавнiе его словами, маршалъ отвѣчалъ съ живостью:

— „Я вамъ приказываю, милостивый государь, взять эту даму. Когда вашу карету нельзя будетъ везти, тогда вы оставьте ее и посадите эту несчастную женщину на лошадь. Я знаю, что вы не любезны съ дамами, но, клянусь Богомъ, то, чего я требую отъ васъ, вовсе не есть любезность, ни даже вѣжливость, а человѣколюбіе къ матери и ея ребенку...

„Белами поклонился и вмѣсто всякаго отвѣта приказалъ подавать карету. Въ это время маршалъ, взявъ меня за руку, утѣшалъ слѣдующими ласковыми словами:

— „Ободритесь, сударыня! берегите себя для вашего сына. Когда нибудь и онъ будетъ солдатомъ; пусть тогда приходитъ ко мнѣ: я позабочусь о немъ...“ Маршалъ самъ помогъ мнѣ войти въ карету, и когда мы поѣхали, онъ, возвыся голосъ, обратился къ полковнику Белами:

— „Милостивый государь! я узнаю завтра, исполнили ли вы вашъ долгъ.

„На другой день, отступая къ Боровску, мы нашли главную квартиру императора. Наполеонъ расположилъ свой бивуакъ при Лужской равнинѣ. Кругомъ стояла императорская гвардія. На другой день мы достигли Можайска, а вскорѣ послѣ того проходили равнины, которыя находятся подъ Бородинымъ. Почти два мѣсяца прошло со времени битвы, происшедшей здѣсь, а ужасный видъ этихъ полей нисколько не измѣнился. Тысячи труповъ людей и лошадей валялись еще безъ погребенія на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ были убиты; земля была покрыта на далекое разстояніе обломками оружія, сбруею, ядрами, какъ въ день самаго сраженія. Мы видѣли раненыхъ, которые, собранные съ того времени въ большомъ количествѣ въ одномъ монастырѣ на дорогѣ, являлись въ окнахъ, какъ блѣдные призраки, чтобы оживить эти сцены смерти. Я женщина, я закрыла глаза... Но когда, проведя ночь на бивакѣ, я увидала себя днемъ среди труповъ, мнѣ стало дурно. Въ ужасѣ я чувствовала, какъ во мнѣ боролись голодъ и отвращеніе. Желудокъ не принималъ грубой пищи, которую нужда подносила ко рту.

„Холодъ становился чувствителенъ. Днемъ солнце, сохранявшее еще свою силу, и ходьба достаточны были для того, чтобы согрѣться, но ночи были ужасны. Недалеко отъ Вязьмы измученныя лошади отказались везти нашу карету. Ее оставили на дорогѣ; только вынули нѣкоторыя мелкія вещи, которыми нагроузили тѣхъ же лошадей, вопреки приказаніямъ маршала Ней. Никто не обращалъ болѣе на

меня вниманія. Я еще разъ очутилась одна, покинутая среди толпы, гдѣ у каждаго было слишкомъ много своего горя, чтобы сочувствовать бѣдствіямъ другаго. Много дней прошло такимъ образомъ, впродолженіе которыхъ я была обязана своимъ существованіемъ только состраданію солдатъ. Сидя на ихъ бивакѣ, я раздѣляла съ ними нѣсколько кусковъ жареной конины. Однажды вечеромъ, послѣ цѣлаго дня ходьбы, мои окровавленныя ноги отказались служить мнѣ. Я сѣла на краю дороги, на снѣгу, который сталъ выпадать. Умирая съ голоду и околѣнѣвъ отъ стужи, я чувствовала въ это время такую слабость, что отчаяніе овладѣло мною, и я думала, что пробилъ мой послѣдній часъ.

„Наступила ночь, а я все сидѣла на томъ же мѣстѣ, къ которому приковали меня утомленіе и отчаяніе, какъ вдругъ мое имя, произнесенное женскимъ голосомъ, привело меня въ себя. Та, которая звала меня такимъ образомъ, находилась въ каретѣ на дорогѣ, но сумерки не позволяли мнѣ узнать ее. Я собралась съ силами, подошла и увидела госпожу Антони (Antony).

— „Въ какомъ положеніи вижу я васъ, мадамъ Арманъ! воскликнула она... „Что съ вами случилось?“

„Когда я ей рассказала въ нѣсколькихъ словахъ бѣдствія, которыя одно за другимъ обрушились на меня, она прибавила:

— „Но нельзя же вамъ оставаться въ такомъ ужасномъ положеніи!.. Скоро вы умрете. Если бы это была моя карета, я дала бы вамъ мѣсто въ ней, но я сама здѣсь изъ милости... Боже мой! Боже мой! Что тутъ дѣлать?..“

„Кучеръ придержалъ лошадей, чтобы уровнять мою нетвердую походку съ ходомъ кареты. Мадамъ Антони, желая облегчить меня, взяла къ себѣ на колѣни моего сына. Но едва экипажъ поѣхалъ по прежнему, какъ бѣдное дитя, потерявъ меня изъ вида, принялось пронзительно кричать. Съ минуту я колебалась, не оставить ли его на попеченіе доброй пріятельницы; не лучше, чтобъ онъ пропалъ тамъ, чѣмъ заставлять раздѣлять его подобныя страданія, а моя смерть, безъ сомнѣнія... Но новые крики пробудили во мнѣ чувства матери, и я бросилась, лучше сказать, полетѣла, не смотря на кровь, лившуюся изъ моихъ разбитыхъ ногъ, и, вскочивъ на подножку кареты, схватила моего сына въ объятія, рѣшившись по крайней мѣрѣ умереть подлѣ него...“

„Этотъ порывъ отчаянія, крики ребенка, къ которымъ присоединились мои рыданія, возбудили въ свидѣтеляхъ этой сцены такое состраданіе, что, рискуя заслужить упреки владѣльца кареты, они посадили кучера верхомъ на лошадь, а меня на его мѣсто на козлы. Только что сѣла я на эту скамеечку, высота которой и колебанія заставляли меня каждую минуту бояться, что я упаду внизъ, какъ подошелъ хозяинъ экипажа. Это былъ старый генералъ, графъ Лабордъ.“

— „Кто посадил наверхъ эту женщину?“ сурово спросилъ онъ. „Совершенно растерявшись, такъ-же какъ и я, мадамъ Антони, дрожа, рассказала генералу мои похождения.

— „Эта женщина не можетъ оставаться тамъ“, продолжалъ онъ тономъ еще грубѣе прежняго. „Отчего было не посадить ее рядомъ съ вами, сударыня, въ карету?“

— „Генераль! я не посмѣла сдѣлать этого безъ вашего позволенія.“

— „Тьфу пропасть! А развѣ вы ждали этого позволенія, чтобы посадить наверхъ мать съ ребенкомъ, гдѣ оба могутъ сломить себѣ шею?..“

— „Но, генераль, карета занята боченкомъ съ ромомъ, принадлежащимъ вашимъ адъютантамъ...“

„При этихъ словахъ вспыльчивость графа Лоборда превзошла границы.

— „Какъ! закричалъ онъ съ проклятіями, „беречь боченокъ съ ромомъ, а бѣдная, измученная женщина пойдетъ пѣшкомъ и умретъ на дорогѣ со своимъ ребенкомъ!.. Выкиньте ромъ за окно: мои адъютанты, подобно мнѣ, будутъ пить воду... Ромъ! Я имъ покажу ромъ!..“

„Приказанія генерала были немедленно исполнены: боченокъ съ ромомъ выкинули за дверцы, и я заняла мѣсто внутри кареты. Принося благодарность этому добрѣйшему человѣку за его любовь къ ближнему, не могу не благословлять небо, всемогущее покровительство котораго еще разъ самымъ чудеснымъ образомъ спасло меня въ несчастіи.

„Счастливая перемѣна, совершившаяся въ моемъ положеніи, не сдѣлала, однако, меня равнодушною къ жестокимъ страданіямъ, окружавшимъ меня. Недалеко отъ Смоленска по дорогѣ было много отсталыхъ и безоружныхъ солдатъ. Одни сворачивали въ сторону, чтобы поискать продовольствія въ окрестныхъ деревняхъ; другіе шли впереди главной квартиры и самого авангарда, въ надеждѣ найти болѣе средствъ въ мѣстахъ, гдѣ еще не проходила армія. Но и тѣ и другіе почти всегда ошибались въ своихъ расчетахъ: дорога была давно раззорена постоянно проходившими войсками и самими русскими, вѣрными своей системѣ опустошенія. Видъ этихъ бѣдствій возбуждалъ во мнѣ тѣмъ живѣйшее чувство жалости, что, спасшись чудеснымъ образомъ отъ ужасной гибели, я сама была обязана великодушной сострадательности бѣдныхъ солдатъ. Какое сочувствіе, сколько знаковъ вниманія вызывала я въ нихъ, когда шла по дорогѣ всѣми оставленная, безъ хлѣба, безъ защитника, проливая слезы! Одинъ старался меня ободрить надеждою, хотя самъ не имѣлъ ея; другой вызывался нести моего ребенка, чтобы облегчить меня, или предлагалъ палку для опоры. Когда они приходили къ берегу рѣки и разбивали ледъ, чтобы утолить свою жажду, всѣ, которые не помогали работать, были отгоняемы, но когда приходила я, то по трогательному исключенію, они всегда наполняли водою сосудъ бѣдной матери.

„Каждый вечеръ во время привала графъ Лабордъ приказывалъ вытаскивать изъ своего фургона матрацъ и требовалъ, чтобы я отдыхала на немъ, покуда варили супъ, разумѣется, когда было изъ чего варить его. Самъ Лабордъ, старый и больной, укрывался подъ импровизированною палаткою изъ плащей, куда ему подавали кушанье. Генераль, его адъютанты, люди, которыхъ призрѣлъ генераль, и его слуги садились вокругъ огня и, отбросивъ лишній этикетъ, ѣли по просту всѣ вмѣстѣ. Горе было неблагоразумному, который опаздывалъ: никогда французская пословица „les absens ont tort“ не примѣнялась лучше, чѣмъ въ данномъ случаѣ. Послѣ ѣды, графъ Лобордъ приказывалъ подавать себѣ стаканъ вина, половину котораго онъ всегда отдавалъ мнѣ. Въ первый разъ я хотѣла отказаться, но генераль сказалъ съ обычнымъ своимъ грубымъ добродушіемъ:

— „Извольте пить, чортъ возьми! Я не для васъ отнимаю у себя: вы довольно молоды и сильны, чтобы обойтись и безъ этого, но вамъ нужны силы, чтобы кормить этого маленькаго шалуна, который совершаетъ свой первый походъ, имѣя пять мѣсяцевъ отъ роду. Можетъ быть, онъ тоже будетъ когда нибудь генераломъ, и тогда онъ сдѣлаетъ такъ-же, какъ я: раздѣлитъ свое вино съ бѣдною матерью... У меня всего только три бутылки; когда онѣ опустѣютъ, я ужъ не буду вамъ предлагать; я стану обходиться безъ вина, какъ эти господа (при чемъ генераль показалъ на своихъ адъютантовъ) обходятся безъ рому“. И онъ смѣялся во все горло, повторяя. „А! я вамъ покажу ромъ“!

„Герцогъ Тревизскій приходилъ иногда къ намъ на бивакъ.

— „Ага, старикъ!“ сказалъ онъ генералу Лаборду, увидѣвъ меня въ первый разъ въ свитѣ графа. „Вы приобрѣли новую добычу?..“

— „Я, чортъ возьми, и безъ нихъ хорошо обошелся бы“, отвѣчалъ генераль. „Это слабыя женщины: вотъ она все плачетъ о своемъ мужѣ, плѣнникѣ этого кочегара Ростопчина, который навѣрно укукошилъ его... Мужъ! какъ будто не найдется мужей въ цѣлой арміи“.

— „Въ этомъ не можетъ быть затрудненія: я удовольствовался бы матерью, даже съ ребенкомъ“, подхватилъ какой-то солдатъ съ сосѣдняго бивака.

— „Еще бы“, возразилъ графъ Лабордъ. „Приходи сюда потереться, товарищъ; я тебѣ отрублю оба уха“. И старый генераль, и герцогъ Тревизскій, и всѣ присутствовавшіе стали смѣяться при этомъ. Они могли еще смѣяться и шутить среди неслыханныхъ лишеній! Между тѣмъ, бѣдствія арміи увеличивались ужасающимъ образомъ. Холодъ становился съ каждымъ днемъ сильнѣе. Солнце, которое до сихъ поръ показывалось, вдругъ закрылось густымъ туманомъ. Снѣгъ, съ силою гонимый сѣвернымъ вѣтромъ, покрылъ землю густымъ слоємъ, который представлялъ утомленному глазу только безграничную равнину ослѣпительной бѣлизны. Французы не были, подобно русскимъ, приготовлены къ такой перемѣнѣ погоды. Ихъ лошади не были под-

кованы по-зимнему, скользили, падали и изнемогали отъ чрезмѣрныхъ усилій на дорогѣ, которая становилась все труднѣе отъ постоянного движенія людей и экипажей. Тогда стали бросать все, что по слѣпой жадности хотѣли сберечь изъ награбленнаго въ Москвѣ. Дорога была усѣяна драгоценными обломками. Одна мысль занимала всѣхъ въ это время: поѣсть и погрѣться. Всѣ средства казались хороши для удовлетворенія этихъ двухъ настоятельныхъ потребностей. Чувство самосохраненія порождало ужасный эгоизмъ, невѣроятную жестокость: другъ не узнавалъ болѣе своего друга; смерть не вызвала уже слезъ. Каждый укрывался тѣмъ, что находилъ, чтобы спастись отъ суровости стужи. Начали снимать одежду съ мертвыхъ и даже съ умирающихъ, сокращая такимъ образомъ страданія послѣднихъ. Хватали лошадей и рѣзали ихъ, не смотря на упорное сопротивленіе и страшную ругань ихъ владѣльцевъ. Когда животное было убито, толпы собирались около трупа и дрались, вырывая другъ у друга эти жалкіе остатки. Тѣ, которые были на столько счастливы, чтобы овладѣть нѣсколькими кусками подобной добычи, старательно сберегали ихъ на ужинъ. Горе было отставшимъ, горе тому, кто отбился отъ своей артели и, истомленный голодомъ и ходьбою, долженъ былъ при наступленіи ночи вымаливать себѣ мѣстечка у разбитаго уже бивака. Его безжалостно отгоняли и онъ уходилъ умирать въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе.

„Что касается меня, то я особенно боялась ночей, не только по тому, что онѣ увеличивали наши страданія, но и по другой причинѣ. Дѣлается приваль. Всѣ собираются, жмутся около бивачнаго огня, если только удавалось развести его. Вдругъ посреди тишины, общаго унынія и отчаянія раздавался слабый, глухой шумъ, который повторялся каждую минуту; ужасное воспоминаніе объ этомъ преслѣдуетъ мое воображеніе до такой степени, что мнѣ кажется, что я еще и теперь его слышу. Отчего же происходилъ онъ?.. Отъ паденія на мерзлую землю людей и лошадей, которые лишились силъ отъ голода и холода. Такимъ образомъ, всякое утро, когда французы пускались въ путь, поднимались не всѣ: земли оставалась усыпанною трупами, и непріятель, преслѣдовавшій насъ, легко могъ сосчитать по этимъ печальнымъ доказательствамъ число остановокъ нашей несчастной арміи.

„Съ такими-то ужасными потерями достигли мы, 9 ноября, Смоленска. Безчисленное множество бѣглецовъ и солдатъ безъ оружія уже толпилось около его стѣнъ. Еще съ 7 числа, мѣсто это было наполнено лицами, которыя шли впереди арміи и которыхъ напрасно заставляли продолжать ихъ путь. Съ этихъ поръ, для того чтобы не увеличивать безпорядка, никого не пускали въ городъ безъ особаго приказанія. Наполеонъ, котораго я видѣла во время вступленія въ Смоленскъ, около 4 часовъ вечера, въ день нашего приѣзда, могъ видѣть своими глазами эту громадную дезорганизованную массу людей.

„Предвидя, что генералу Лаборду вскорѣ придется бросить свою карету, и желая получить доступъ въ главную квартиру, я пошла

искать герцога Тревизскаго. Я просила маршала узнать у графа Тюрена, не дастъ ли онъ мнѣ мѣста въ одной изъ каретъ своей свиты. Тюрень былъ такъ обязателенъ, что самъ отыскалъ меня въ предмѣстьѣ города, гдѣ мы остановились. Первые слова его возбудили во мнѣ надежду.

— „Я думаю, сударыня, прибавилъ онъ, что у насъ найдется вамъ мѣсто въ экипажѣ генерала Раппа“.

„Онъ взялъ моего сына на руки и мы пошли, какъ вдругъ услышали голосъ старика Лаборда.

— „Хорошо! Такъ-то вы уходите, ничего не сказавши“, кричалъ онъ мнѣ. Я обернулась къ нему и бросилась со слезами въ его объятія, благодаря за его доброту. Онъ по обыкновенію пошутилъ надъ моими слезами, и я оставила его съ сожалѣніемъ, какое испытываютъ, расставаясь съ благодѣтелемъ и отцемъ.

„Совершивъ путь въ 90 лѣе среди столькихъ опасностей и бѣдствій, мы пламенно желали добраться до Смоленска. Онъ представлялся нашему воображенію какъ пристань матросу, гонимому бурей. Безпрестанно раздавались вопросы о томъ, сколько еще осталось до города, на средствахъ котораго основывались самыя большія надежды вознаграждать бѣдствія арміи. Каждый поэтому считалъ себя спасеннымъ (я помню это выраженіе всеобщей радости), завидя издали высокія, черныя укрѣпленія этого города. Но—увы! Заблужденіе было не продолжительно. Исключая нѣсколькихъ полковъ, которые были впущены въ Смоленскъ, армія нашла въ немъ весьма мало средствъ: безпорядокъ, разстройство, были уже слишкомъ велики. Смоленскъ имѣлъ весьма мало запасовъ. Единственная правильная раздача пришла на долю императорской гвардіи. Отсюда—ропотъ остальнаго войска, отсюда отчаяніе всѣхъ этихъ несчастныхъ, умиравшихъ съ голода, которые, разсыпавшись вокругъ города, рѣзали артиллерійскихъ лошадей и грабили рѣдкіе отряды русскихъ партизановъ, доходившіе до того мѣста.

„Графъ Тюрень изъ предосторожности заставилъ меня сдѣлать длинный обходъ, для того, чтобы войти въ городъ, въ который мы проникли чрезъ потайную дверь. Приказъ, отданный часовымъ, былъ весьма строгъ, и одна женщина, которую наканунѣ камергеръ хотѣлъ ввести въ городъ, была безпощадно приколота штыкомъ часоваго. Когда мы пришли къ генералу Раппу, послѣдній былъ занятъ писаніемъ. Увидя меня, онъ прежде всего спросилъ:

— „Не голодны ли вы, сударыня?“

„Въ такихъ обстоятельствахъ этотъ вопросъ дѣйствительно имѣлъ все значеніе самой изысканной любезности. На мой утвердительный отвѣтъ, онъ приказалъ своему повору, котораго позвалъ, подать мнѣ обѣдать.

— „Но, ваше превосходительство, замѣтилъ послѣдній, всѣ уже откушали и ничего не осталось.“

— „Пусть поищутъ и найдутъ,“ возразилъ хозяинъ.

„Черезъ полчаса поваръ снова явился, неся мнѣ рисовый супъ, вареной дичи, варенья, вина и бѣлаго хлѣба. Бѣлый хлѣбъ!.. Мнѣ, когда я впродолженіе цѣлаго мѣсяца ѣда одну конину... И еще этотъ человѣкъ извинялся, что нельзя было лучше приготовить въ одну минуту. Я съ изумленіемъ смотрѣла на него, желая знать, не смѣется ли онъ надо мною: такъ показалось мнѣ страннымъ такое изобиліе послѣ моихъ прежнихъ лишеній и среди неслыханныхъ бѣдствій, удручавшихъ армію.

„Въ Смоленскѣ мы пробыли всего нѣсколько дней; 14 ноября, мы покинули этотъ городъ въ свитѣ Наполеона. Находясь при главной квартирѣ, я часто видала императора. То пѣшкомъ, то верхомъ на конѣ, онъ отдавалъ приказанія своимъ адъютантамъ. Постоянно владѣя собою, какъ и въ счастіи, онъ держалъ себя серьезно и спокойно. Его костюмъ переимѣнился. Наполеонъ носилъ родъ польской шубы, отороченной куньимъ мѣхомъ, которая покрывала обыкновенно его сѣрый сюртукъ. Маленькая шляпа была тоже замѣнена зеленою бархатною шапкою, убранною мѣхомъ, съ которой спускалась золотая кисть. Этотъ головной уборъ былъ прикрѣпленъ двумя черными лентами, которыя сходились подъ подбородкомъ. Я, какъ женщина, и притомъ суевѣрная, была поражена зловѣщимъ признакомъ, увидя эти ленты мрачнаго цвѣта и не находя болѣе на его головѣ той магической шляпы, которая, казалось, охраняла его чело и его геній. Маршалъ Бертье слѣдовалъ почти всегда за императоромъ; подлѣ него видѣли также всегда мамелюка Рюстана. Костюмъ маршала тоже былъ польскій, обшитый мѣхомъ.

„Помню я, что, когда мы выѣзжали изъ Смоленска, императоръ, увидя меня сидящую на лафетѣ, печальную и старающуюся унять плачь ребенка, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— „Вы очень страдаете, сударыня... да? Но мужайтесь; вы увидите съ вашимъ мужемъ, и я васъ вознагражу за ваши несчастія.“

— „Ваше величество, отвѣчала я, въ эту минуту ваша доброта заставляеть меня забывать о нихъ.

„Онъ потрепалъ щеку моего сына своими пухлыми длинными пальцами и отошелъ вздохнувши. Наполеонъ былъ отецъ; видъ моего ребенка всегда напоминалъ ему его сына, котораго онъ не могъ надѣяться увидѣть, находясь среди ужасныхъ бѣдствій и будучи окруженъ непріятельскими войсками, которыя все росли вокругъ остатковъ его арміи.

„Такъ какъ генералъ Раппъ почти постоянно находился при Наполеонѣ и жилъ на счетъ главной квартиры, то я ѣхала одна въ каретѣ въ сопровожденіи фургоновъ и подъ конвоемъ изъ 14 человѣкъ прислуги. Тутъ были: мажордомъ, камердинеръ, дворецкій, егеръ, наконецъ лакеи, ведшіе свору... Свора въ этомъ погребальномъ шествіи!..

„Впродолженіе нѣсколькихъ дней послѣ нашего отъѣзда изъ Смоленска, мы держали корову, которая давала немного молока моему сыну. Но такъ какъ трава была занесена снѣгомъ, а фуражъ, который иной разъ приходилось искать за цѣлую милю отъ дороги, сталъ рѣдкостью, то вскорѣ я лишилась этого продовольствія. Корова была убита и съѣдена. Тогда я стала кормить ребенка сахаромъ, шеколадомъ, вареньемъ, однимъ словомъ—всеми излишествами роскошнаго стола.

„Среди подобныхъ лишеній, свора, о которой мы говорили выше, лакеи, пышная обстановка, однимъ словомъ, всё эти неумѣстные остатки минувшаго величія, не были однако совершенно бесполезны. Постоянно будучи на сторожѣ, охотникъ генеральской свиты нѣсколько разъ пускалъ своихъ собакъ. Послѣ долгихъ загоновъ, они намъ пригнали однажды странную дичь — свинью необыкновенной толщины. Это была пріятная находка для главной квартиры. Но черезъ нѣсколько дней послѣ того, голодъ достигъ крайнихъ предѣловъ и сами собаки вмѣстѣ съ другими домашними животными подверглись общей участи: ихъ съѣли.

„Свора другого рода и не менѣ жадная до добычи—казаки—тревожили насъ безпрестанно. Подъ Краснымъ, мы увидали недалеко отъ насъ отрядъ этихъ варваровъ, который расположился на дорогѣ. Тотчасъ былъ отданъ приказъ остановиться экипажамъ, которые направились затѣмъ въ деревню, находящуюся вправо. Впередъ двинули баталіонъ старой гвардіи и часть кавалеріи, чтобы разсѣять это трусливое скопище. Генералы Клапаредъ и Латуръ-Мобуръ участвовали въ этой экспедиціи. Какъ и можно было предвидѣть, отряды кочеваго войска не устояли передъ нашими старыми солдатами. Но въ то время, какъ экипажи спокойно въѣзжали въ деревню, о которой я уже сказала, другой отрядъ казаковъ, засѣвшій здѣсь, вдругъ напалъ на насъ. Карета, въ которой я сидѣла, одна изъ первыхъ подверглась нападенію. Покуда одинъ изъ варваровъ, взобравшись на верхъ, сбрасывалъ на дорогу находившіяся тамъ вещи, другой старался изо всѣхъ силъ отворить дверцу, механизма которой онъ, къ счастью, не зналъ. Въ то же время третій, вставши на подножку съ противоположной стороны, запустилъ руки внутрь кареты и уже схватилъ моего сына, за котораго я уцѣпилась со всею силою отчаянія. Бѣдное дитя, сдавленное желѣзною рукою казака, издавало жалкіе стоны, которымъ я отвѣчала своими криками. Въ эту критическую минуту раздались нѣсколько выстрѣловъ, и я потеряла сознание.

„Я пришла въ себя отъ глухихъ протяжныхъ стоновъ ребенка, котораго мои руки, все еще сжатая, крѣпко прижимали къ моей груди. Желая спасти, я его душила. Между тѣмъ, карета быстро ѣхала. Я не знала, нахожусь ли я во власти друзей, или враговъ. Вдругъ кто-то снова показался въ окнѣ. Съ ужасомъ я бросилась въ противоположную сторону кареты, потому что напуганное воображеніе

ослѣпляло меня. Но страхъ тотчасъ же совершенно прошелъ, когда я услышала голосъ камердинера:

— „Успокойтесь, сударыни! говорилъ онъ мнѣ.—Мы, слава Богу, вѣтъ опасноси, мы счастливо отдѣлались. Хорошо, что никто изъ насъ не растерялся. Выстрѣломъ изъ ружья егеръ положилъ мертвымъ казака, который такъ васъ преслѣдовалъ. Другого я отправилъ на тотъ свѣтъ выстрѣломъ изъ пистолета; третій, изрубленный однимъ изъ нашихъ лакеевъ, упалъ съ верха кареты на землю. Покуда мы защищали такимъ образомъ карету, кучеръ сильно погналъ лошадей и мы переѣхали по животу этого негодяя.

„Между тѣмъ, прибылъ генералъ Рапшъ. Узнавъ о храбрости своихъ людей, онъ щедро наградилъ ихъ. Но какую пользу могло принести золото среди этихъ пустынь? Къ чему могло служить бесполезное богатство, когда дѣло шло о существованіи, и жизнь каждую минуту находилась въ опасности?...

— „Вы, разумѣется, порядочно стухнули, сударыни“ — сказалъ мнѣ генералъ, поровнявшись съ каретою, но, не получая отвѣта отъ женщины еще безгласной отъ страха, прибавилъ: „Ба! Это еще небольшая стычка, а на войнѣ надо привыкать ко всему“... Хотя генералъ могъ такъ говорить и хотя я значительно привыкла къ войнѣ со времени отъѣзда изъ Москвы, но эта стычка, какъ онъ ее называлъ, кровь варвара, брызнувшая на меня, когда его убивали, наконецъ, страхъ безчестія или смерти, которыя меня ожидали, попадись я къ казакамъ,—все способствовало придать этой сценѣ ужасный характеръ, воспоминаніе о которомъ заставляетъ меня еще и теперь содрагаться.

„Мы пробыли въ Красномъ 16-го и 17-го ноября. Впродолженіе этого времени, кононада не переставала раздаваться по направленію къ Смоленску. Войска и самъ Наполеонъ, отступая, двинулись на встрѣчу французскимъ корпусамъ, которымъ русская армія преградила путь. Безпокойство овладѣло мною: раненые, которыхъ приносили каждую минуту, и русскія колонны, которыя двигались длинными черными извилинами по холмамъ, покрытымъ снѣгомъ, показывали, какъ думала я, что французская армія находится въ самомъ критическомъ положеніи.

„Послѣ того, какъ всѣ корпуса соединились, кромѣ корпуса герцога Эльхингенскаго, Наполеонъ отправился изъ Краснаго вечеромъ 17-го числа, и я вмѣстѣ съ главною квартирою провела ночь того же дня въ Лядахъ. Во время этого печальнаго перехода, только и говорили, что про маршала Нея, котораго, вслѣдствіе жестокой необходимости, пришлось поставить противъ всей русской арміи. Его считали безвозвратно погибшимъ, но изумительная энергія маршала спасла его отъ этой крайней опасности.

„22-го ноября, мы расположились въ Оршѣ въ одномъ домѣ на Витебской дорогѣ. Вдругъ сильный шумъ, который мы услышали около трехъ часовъ утра, вызвалъ насъ на улицу. Чтобы быть готовыми ко

всякой случайности, мы рѣдко раздѣвались, ложась спать. Выйдя какъ можно скорѣе, мы узнали о причинѣ радостныхъ криковъ: намъ сказали, что маршалъ Ней „отыскался“. Это образное выраженіе употребилъ одинъ солдатъ, разговаривавшій со мною. Оно какъ нельзя лучше выражаетъ это неожиданное возвращеніе. Проникнутая признательностью къ благодареніямъ маршала Нея, оказаннымъ мнѣ имъ, я не менѣе другихъ радовалась среди всеобщаго ликования. Я чувствовала, что глаза мои были мокры отъ слезъ, когда на разсвѣтѣ увидѣла возвращавшихся по Витебской дорогѣ Ней и принца Евгенія, которые братски держались за руки.

„26-го ноября, въ 10 часовъ утра, мы достигли береговъ Березины. Здѣсь надо другое перо, а не перо женщины, чтобы нарисовать съ надлежащею силою колорита картину этой переправы, пользующейся такою печальною извѣстностью, и въ то же время изобразить твердость и геройскую храбрость, которыми она ознаменовалась.

„Наполеонъ наканунѣ еще прибылъ въ Борисовъ, лежащій на лѣвомъ берегу рѣки. Главная квартира, съ которою я слѣдовала, должна была расположиться на этотъ день бивакомъ, потому что Борисовъ былъ почти совершенно уничтоженъ пожаромъ.

„Въ слѣдующую ночь намъ было приказано выступить, соблюдая тишину. Пройдя вверхъ по теченію около 2 часовъ, мы достигли небольшой деревни, имени которой не помню. Много генераловъ, инженерныхъ командъ и артиллеріи прибыло сюда раньше насъ. Работали безъ отдыха надъ постройкою понтоновъ. Время было дорого: положеніе становилось критическимъ, потому что въ то время, какъ неприятель сильно тѣснилъ нашъ арріргардъ, другой русскій корпусъ ожидалъ насъ на правомъ берегу Березины. Хотя я, какъ женщина, знала не много толку въ стратегическихъ дѣйствіяхъ, но неминуемая гибель была столь очевидна, что на сей разъ не могла ускользнуть отъ меня. Впрочемъ, еще наканунѣ, слова самого генерала Раппа дали мнѣ понять опасность нашего положенія. 27-го ноября, послѣ полудня, генераль, прискакавъ на лошади, приказалъ своимъ людямъ какъ можно скорѣе освободиться отъ лишнихъ фургоновъ, нагрузить одинъ припасами, а остальные сжечь со всѣмъ находящимся въ нихъ. Такъ какъ слуги казались не очень расположенными жертвовать своимъ имуществомъ, или, лучше сказать, своею добычею, то генераль повелительно повторилъ свое приказаніе.

— „Вы знаете волю императора“, сказалъ онъ. „Надо уничтожить все, что не составляетъ крайней необходимости. Кто знаетъ, можетъ быть, сегодня же мы принуждены будемъ сжечь все!“...

„Таковы были слова генерала, который удалился только тогда, когда все было истреблено на его глазахъ.

„Если что поразило меня и заслуживаетъ жить въ памяти столько же, сколько и самая березинская переправа,—то это самоотверженіе саперовъ. Представьте себѣ людей, истомленныхъ лишеніями, которыя

они переносили вмѣстѣ со всею армією; эти люди въ сильнѣйшій холодъ идутъ въ рѣку, по которой несутся громадныя льдины, и остаются по грудь въ водѣ, для того чтобы кончить постройку моста. Разумѣется, они погибли почти всѣ жертвою своего самоотверженія, но они спасли армію: ихъ цѣль была достигнута...

„27-го ноября, въ первомъ часу пополудни, Наполеонъ, сѣвъ на коня, переѣхалъ черезъ Березину по одному изъ мостовъ, которые были наведены. Мы слѣдовали за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Французскія войска, которыя шли впереди императора, заняли позицію на другомъ берегу рѣки и отбивали атаки русскихъ. Тогда я еще не знала, какой опасности подвергаюсь... Березина! На ея роковыхъ берегахъ, въ ея льдистыхъ водахъ, суждено было погибнуть послѣ долгой агоніи отступленія большинству семействъ, бѣжавшихъ изъ Москвы. Здѣсь должна была прекратить свое существованіе, въ военномъ смыслѣ, великая армія, заставлявшая нѣкогда трепетать Европу

„Сраженіе продолжалось весь слѣдующій день. Пушечныя ядра долетали до насъ. Въ это время, приблизившись въ рѣкѣ, чтобы укрыться отъ артиллерійскаго огня, я увидѣла ужасное зрѣлище, которое представлялъ противоположный берегъ. Русскіе атаквали арріргардъ, которымъ командовалъ маршалъ Викторъ. Паническій страхъ овладѣлъ этою изолированной толпою солдатъ и лицъ всякаго состоянія, которымъ давка на мостахъ, или собственная апатія, помѣшали переправиться черезъ рѣку. Картечь попадала въ нихъ. Вскорѣ на лѣвомъ берегу образовалась толпа людей и лошадей, которая представляла изъ себя сплошную массу. Непріятельскіе выстрѣлы, дѣлая брешь въ этой живой стѣнѣ, производили ужасъ и страшное опустошеніе. Одни падали, задохнувшись или раздавленныя; другіе, столкнутыя въ Березину, находили тамъ смерть. Нѣкоторые спасались вплавъ и, достигнувъ моста, старались ухватиться за сваи. Многіе, охваченные морозомъ и придавленные льдинами, оставались въ рѣкѣ и погибали. Я помню, какъ неподалеку отъ меня одинъ докторъ, проплывъ часть рѣки, поднялся на рукахъ, чтобы достигъ до настилки моста. Въ то мгновеніе, какъ онъ висѣлъ такимъ образомъ, пушечное ядро, ударивъ въ середину его тѣла, оторвало обѣ ноги. Несчастный, изуродованный такимъ образомъ, держался еще съ полминуты на локтяхъ, но скорѣ силы оставили его: онъ упалъ и исчезъ въ водѣ.

„Слѣдующій день представлялъ картины неменѣ печальныя. Тѣснимый, подавляемый силами вчетверо большими, французскій арріергардъ принужденъ былъ, наконецъ, отступить. Но входы на мосты были загромождены людьми, экипажами, лошадьми и трупами. Надо было ударами топора прорубать траншею черезъ живую преграду.

„Послѣ прохода французскихъ войскъ, мосты оставались свободными часть ночи: никто не думалъ ими пользоваться. Погруженное въ уныніе, или ослабленное болѣзнями, большое число солдатъ, чи-

новниковъ, прислуги, маркитантовъ и бѣжавшихъ семействъ, оставалось на правомъ берегу рѣки, не рѣшаясь переправиться. Но 29-го числа, на разсвѣтѣ, когда начали жечь мосты, увидѣвъ, что отступление будетъ отрѣзано, толпа несчастныхъ бросилась впередъ и произвела новое смятеніе при переправѣ.

„Этимъ и закончился страшный переходъ черезъ Березину. Около 5000 человекъ обоого пола и всякаго возраста, изъ которыхъ многіе спаслись изъ пламени Москвы, попались во власть непріятеля, а вмѣстѣ съ ними и безчисленная, богатая добыча.

„Нашъ путь до Вильно представлялъ повтореніе тѣхъ бѣдствій, о которыхъ я такъ много говорила, съ тою разницею, что потери и страданія увеличивались пропорціонально скорости похода и силѣ холода, который достигъ крайняго предѣла. Смерть похищала уже не единичныя жертвы, но цѣлыя тысячи.

„Усталость, или какое нибудь препятствіе, въ родѣ лежащей на дорогѣ повозки, не рѣдко дѣлало перерывъ въ длинной вереницѣ бѣглецовъ. Тогда образовывался большой промежутокъ, въ который казаки, постоянно рыскавшіе около насъ, осмѣливались иногда врываться, хватая на лету добычу. Одинъ полякъ, артистъ, котораго я знала въ Москвѣ, очутился со своимъ семействомъ въ такомъ пустомъ мѣстѣ. Во время одного нападенія, онъ былъ схваченъ и убитъ на глазахъ своей семьи. Несчастной супругѣ удалось убѣжать, но она сошла съ ума отъ этой ужасной сцены, а ихъ ребенокъ умеръ отъ голода и холода. Потеря разсудка дала ей новыя силы: она шла за арміею и всѣ видѣла, какъ несчастная безумная мать несла то на груди, то на рукахъ, охладѣвшій трупъ своего ребенка...

„Наполеонъ оставилъ насъ за два дня до нашего прихода въ Вильно. Онъ прибылъ туда раньше арміи и главной квартиры, къ которой, благодаря моей счастливой звѣздѣ, я была въ нѣкоторомъ смыслѣ прикомандирована. Я видѣла императора въ ту минуту, какъ онъ отправлялся въ путь. Было 7 часовъ вечера. Его сопровождали сани, въ которыхъ были два генерала; я замѣтила также мамелюка Рюстана, сидѣвшаго на козлахъ кареты, въ которой былъ Наполеонъ. Императора сопровождалъ небольшой отрядъ кавалеріи.

„8-го декабря, въ 10 часовъ вечера, я пріѣхала въ Вильно. Да и давно было пора, потому что тощія, измученныя лошади не могли бы далѣе тащить карету. Въ городѣ царствовало большое смятеніе. Мы очень долго стояли у Минскихъ воротъ по причинѣ столпившихся каретъ и фургоновъ.

„Здѣсь, какъ и въ Смоленскѣ, надѣялись найти средства продовольствія. Думали, что Наполеонъ соберетъ въ Вильно достаточно средствъ, чтобы остановить русскихъ и доставить нѣкоторый отдыхъ своей арміи. Но и эта надежда не оправдалась. Огромные запасы продовольствія и фуража были, дѣйствительно, собраны въ столицѣ Литвы, но провіантскіе чиновники, желая выполнить всѣ формальности при

раздачѣ, принудили армию голодать посреди изобилія. Нѣкоторые разъяренные солдаты бросились на водочные и хлѣбные магазины и разграбили ихъ. Тогда дома и лавки были заперты изъ боязни общаго грабежа.

„Случай, или скорѣе, Провидѣніе—потому что грѣшно было бы отрицать промыслъ Божій, который постоянно поддерживалъ меня въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ—привело меня къ одному нѣмцу. Такъ какъ я сама тоже нѣмецкаго происхожденія, то названіе соотечественницы и мои несчастія дали мнѣ право на пріемъ вдвойнѣ благосклонный. Здѣсь я, наконецъ, вкусила въ первый разъ послѣ 52-хъ дней отдыхъ, въ которомъ такъ нуждалась. Но мои бѣдствія еще не кончились: это спокойствіе вскорѣ было нарушено новыми испытаніями.

„Въ 2 часа утра, мажордомъ генерала Раппа пришелъ объявить мнѣ, что его господинъ, получивъ приказаніе сейчасъ же отправляться въ Данцигъ, не имѣетъ болѣе возможности заботиться обо мнѣ. „Генералъ“, прибавилъ этотъ добрый человѣкъ, „поручилъ мнѣ выразить вамъ свое живѣйшее сожалѣніе, которое онъ чувствуетъ при этомъ рѣшеніи. Вы не можете, сударыня, сомнѣваться, что и я проникнуть тѣмъ же чувствомъ. Позвольте предложить вамъ отъ графа Раппа сумму, на которую вы можете удовлетворить ваши первыя потребности, и пусть Богъ довершитъ остальное“. При этихъ словахъ онъ подалъ мнѣ пять наполеондоровъ и удалился со слезами.

„Я вспомнила тогда герцога Тревизскаго, о его покровительствѣ, которое онъ предлагалъ мнѣ при нашемъ отправленіи изъ Москвы. Вслѣдствіе этого, едва разсвѣтало, я вышла изъ дому въ сопровожденіи моего хозяина. Не смотря на сильный, свыше 20-ти градусовъ, морозъ, мы обошли весь городъ, отыскивая домъ, гдѣ остановился маршалъ. Цѣлый день прошелъ въ безуспѣшныхъ поискахъ среди толпы вновь прибывшихъ, которые приходили еще со вчерашняго дня. Наконецъ, я нашла герцога Тревизскаго. Онъ выказалъ участіе къ моему несчастному положенію. „Если вы въ продолженіе двухъ часовъ можете достать сани и лошадей, я вамъ дамъ въ провозатые одного изъ моихъ людей... Какая бы опасность ни угрожала намъ, я буду вамъ помогать, насколько позволятъ обстоятельства... Вотъ, возьмите это на покупку, о которой я сказалъ...“ Тутъ онъ вручилъ мнѣ десять наполеондоровъ. Но я напрасно истощала силы въ поискахъ и хлопотахъ: не было никакого средства уѣхать. Я рѣшилась остаться у честнаго ремесленника, который съ такимъ участіемъ принималъ меня.

„Французскій арріергардъ, или, скорѣе, горсть солдатъ подъ начальствомъ неустрашимаго Нея очистилъ Вильно утромъ 10-го декабря. Русскіе немедленно вступили въ городъ. Въ Вильнѣ находилось около 20,000 раненыхъ, больныхъ, или пострадавшихъ отъ холода.

Все, что ни попадалось, было убиваемо неприятелемъ, который овладѣлъ также богатыми складами и огромнымъ количествомъ запасовъ, къ которымъ французы не успѣли и прикоснуться. Жестокости, совершаемыя русскими войсками въ первое время, наводили трепеть. Спрятавшись за ставни, я была свидѣтельницею ужасныхъ сценъ, хотя мнѣ было видно только очень ограниченное пространство. Я видѣла казака, который пригвоздилъ пикую къ стѣнѣ одного маркизанта, молившаго о пощадѣ. Варваръ наслаждался, жестоко издѣваясь надъ мученіями своей жертвы. Далѣе, нѣсколько русскихъ солдатъ, изранивши какого-то несчастнаго француза, подняли его на штыки, затѣмъ, повернувъ лицомъ къ сѣверу, кричали съ громкимъ смѣхомъ: „А, проклятый француз! ты видалъ Москву, такъ вотъ посмотри теперь на Петербургъ!

„За убійствами послѣдовалъ грабежь. Въ домъ, въ которомъ я получила гостепрѣимство, также пришли русскіе. Они увидѣли меня и стали спрашивать. Я отвѣчала на все по-нѣмецки и еще разъ спаслась отъ смерти, благодаря находчивости моихъ хозяевъ, которые выдали меня за свою сестру. Безъ этого счастливаго обмана мнѣ, при всѣхъ правахъ матери и очевидной безвредности, не избѣгнуть бы роковой участи всѣхъ французовъ. Женщины, дѣти, старики, однимъ словомъ, все, что только носило французское имя или одежду, все было безжалостно убиваемо. Дома и улицы вскорѣ переполнились трупами...

„Императоръ Александръ прибылъ въ Вильно 22-го декабря. Слухъ о его добротѣ и рассказы о его челоуѣколюбіи въ отношеніи несчастныхъ плѣнныхъ, которыми былъ наполненъ монастырь св. Василя, внушили мнѣ мысль просить государя о помощи. Вслѣдствіе этого, я отправилась во дворецъ, гдѣ встрѣтила одну знакомую французенку, которую привела туда та же причина. Взаимно ободряя себя своимъ присутствіемъ, мы ожидали императора внизу большой лѣстницы. Въ это время появился великій князь Константинъ. Я быстро приблизилась къ нему съ просьбою въ рукѣ. Онъ догадался о моей ошибкѣ и сказалъ ласково, что было ему несвойственно:

— „Это не ко мнѣ, сударыня, вы имѣете дѣло, вѣроятно, къ моему брату... Онъ идетъ за мною...

„Русскій императоръ, дѣйствительно, не замедлилъ сойти; онъ отправлялся на парадъ, окруженный своимъ штабомъ. Увидя насъ, онъ остановился, чтобы принять бумаги, которыя мы ему подали, и сказалъ лицамъ, которыя тѣснились около него: „Господа, уступите мѣсто дамамъ!..“ Затѣмъ, взявши самъ наши просьбы, онъ прибавилъ съ обычною любезностью: „Сударыня, я вамъ дамъ отвѣтъ..“

„Цѣлыя сутки прошли со времени подачи нашихъ просьбъ, когда явился за нами полицейскій офицеръ отъ генерала Эртеля, начальника полиціи. Хотя до меня доходили слухи о зѣрской жестокости генерала, я, ободренная милостивымъ пріемомъ русскаго императора, отправилась полная надежды и довѣрія. Моя подруга сопровождала

меня. Едва мы переступили порогъ первой комнаты, какъ услышали смѣшанный шумъ, похожій на сильную ссору. Пройдя далѣе, мы нашли генерала Эртеля посреди двадцати мужиковъ, которыхъ онъ ругалъ сильнѣйшимъ образомъ. Не довольствуясь самими грязными выраженіями, генералъ билъ мужиковъ по лицу... Несчастные были покрыты кровью. Вся ихъ вина состояла въ томъ, что они послѣдовали за своими господами, бѣжавшими, какъ и мы, съ французскою арміею. Послѣ такого поступка, достойнаго той страны, гдѣ рабы приравниваются къ домашнимъ животнымъ, генералъ Эртель подошелъ къ намъ. Судорожное искаженіе лица, быстрая походка и побои, которымъ онъ только что подвергнулъ этихъ несчастныхъ рабовъ, все способствовало къ возбужденію во мнѣ ужаса. Я почти безъ чувствъ упала на стулъ. Мой страхъ былъ основателенъ, потому что, не обращая никакого вниманія на мое состояніе, онъ тотчасъ же разразился бранью на насъ и, поднеся кулакъ къ самому лицу моей подруги, сказалъ ей по-русски:

— „Подлая чертова! ты смѣла писать къ государю!.. Хорошо, полиція покажетъ обѣимъ вамъ, какъ наказывается подобная дерзость...“

„Болѣе испуганная его словами, чѣмъ кулаками, которыми онъ грозилъ намъ, я, зная, что этотъ ужасный человѣкъ былъ по происхожденію нѣмецъ, рѣшилась обратиться къ нему на нѣмецкомъ языкѣ. Я говорила ему о моемъ ребенкѣ, котораго онъ лишитъ моихъ попеченій, разлучивъ насъ; я говорила о смерти обѣихъ насъ, причиною которой будетъ онъ, тогда какъ Провидѣніе столь часто и чудесно спасало насъ среди опасностей отступленія. Ничего не отвѣчая на мои мольбы, жестокой человѣкъ этотъ указалъ намъ пальцемъ на дверь и велѣлъ убираться домой, строго запретивъ выходить оттуда... Вотъ какую личность избралъ императоръ Россіи, великодушный Александръ, въ исполнители своихъ милостей и благодѣяній...“

„Я пришла свободною, вышла плѣнницею, и въ какомъ состояніи, великій Боже! Ни нравственная сила, ни крѣпость молодости, не могли устоять противъ потрясеній, такъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ. Я испытала ихъ такъ много и столь жестокихъ съ того дня, какъ спаслась отъ пожара! Бѣшенныя угрозы генерала Эртеля нанесли мнѣ послѣдній ударъ. Кажется, молоко бросилось мнѣ въ голову. Когда я вернулась домой, голова моя горѣла, потомъ начался бредъ и вскорѣ я впала въ совершенное безуміе. Впослѣдствіи, мнѣ рассказывали, что въ припадкахъ его я рвала на себѣ одежду, отталкивала отъ себя и срывала съ тѣла всѣ лекарства, которыя прикладывали мнѣ снаружи, чтобы облегчить страданія. Порой, среди конвульсивнаго смѣха, я требовала ножъ, чтобы отрѣзать на рукѣ палецъ и послать его вмѣстѣ съ обручальнымъ кольцомъ мужу. Въ иные минуты я не узнавала своего сына и, по жалкому контрасту безумія и нѣжности, то осыпала его ласками, то хотѣла задушить.“

„Снѣгъ и иней покрывали землю, когда я лишилась разсудка; лучезарное весеннее солнце свѣтило и деревья снова одѣлись своимъ уборомъ, когда я пришла въ себя. Возвращеніе разсудка произошло такъ же быстро и неожиданно, какъ и безуміе. Но я еще не узнавала ни мѣста, ни лицъ, которыя были около меня. Видъ моего сына, который находился подлѣ меня и, улыбаясь, протягивалъ свои руки, и обильныя слезы, которыя облегчили грудь, окончательно привели меня въ себя. Это случилось только тогда, когда бѣдная прачка, пріютившая меня, рассказала мнѣ, гдѣ я нахожусь и что случилось во время моего продолжительнаго безумія. Тотъ добрый человекъ, у котораго я наняла квартиру по пріѣздѣ въ Вильно, умеръ отъ эпидеміи. Бѣдная женщина была родственница этого честнаго ремесленника. Видя, что вдова его, впавшая въ нищету и отчаяніе, не могла болѣе смотрѣть за мною, она воспротивилась тому, чтобы меня увезли въ больницу умалишенныхъ. Слишкомъ сильныя средства, по ея словамъ, убили бы тамъ меня. Она перевезла меня къ себѣ и, примѣняясь къ моему безумству, своими внимательными заботами и человеколюбіемъ достигла того, что спасла меня. Я узнала также отъ нея, что на другой день послѣ роковой аудіенціи, генераль Эртель присылалъ за мною. Не смотря на удостовѣренія, которыя сдѣланы были посланному о томъ, что я безъ памяти, онъ хотѣлъ видѣть меня. Сбивчивость отвѣтовъ на предлагаемыя вопросы, блуждающій взглядъ—все заставило его повѣрить свидѣтельству моихъ хозяевъ. Онъ могъ возвратиться къ своему начальнику и отдать отчетъ о результатѣ его жестокихъ поступковъ.

„Когда мои силы мало-по-малу возстановились, я послѣ перваго моего выхода отправилась къ виленскому губернатору, человеку справедливому и гуманному, какъ о немъ говорили, справиться объ отвѣтѣ, который императоръ Александръ обѣщалъ дать на мою просьбу. Весьма удивленный моимъ вопросомъ, генераль увѣрялъ меня, что, по приказанію государя, мнѣ должны были быть выданы 400 рублей для проѣзда въ Петербургъ. Значить, нашелся человекъ настолько жадный и низкій, что воспользовался благодѣяніемъ Александра въ ущербъ несчастной матери, бѣдной, безумной. Я не стала розыскивать виновника этого двойнаго преступленія: даже въ томъ случаѣ, если бы и могла открыть его и уличить, я навлекла бы на свою голову только новыя преслѣдованія.

„Одна тяжелая мысль мучила меня—это невозможность расплатиться съ моею благодѣтельницею. Какъ отплатить за всѣ заботы, за постоянныя пособія, которыя дѣлались еще болѣе неопѣненными при бѣдности той, которая ихъ оказывала мнѣ? Желая, по крайней мѣрѣ, уменьшить ея бремя и издержки, я рѣшила употребить свое время на какую нибудь работу за извѣстное вознагражденіе, и была на столько счастлива, что могла вручать ей ежедневно около 15 копѣекъ—плату за усидчивую 18-ти-часовую работу. Въ настоящее

время я нашла себѣ занятія полегче и нѣсколько лучше оплачиваемыя, но всегда съ тою же радостью и горячею признательностью я каждый вечеръ отдаю мой скромный даръ той, которой я обязана жизнью.

„Здѣсь оканчивается бѣглый и далеко не полный очеркъ моихъ прошедшихъ страданій. Но какъ бы ни была сурова моя судьба, я все-таки благодарю небо, которое, сохранивъ моего сына, сберегло ему и его отца“...

Таковъ былъ рассказъ моей жены.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КЪ СЛОВУ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РОМАНѢ И ЕГО КРИТИКѢ,

(Письмо въ редакцію).

МИЛОСТИВЫЙ государь! Препровождая къ вамъ при этомъ мою историческую повѣсть—„Соціалистъ прошлаго вѣка ¹⁾“, содержаніемъ для которой послужилъ одинъ характеристическій эпизодъ изъ исторіи гоненій на раскольниковъ, найденный профессоромъ В. И. Ламанскимъ въ дѣлахъ государственнаго архива и опубликованный имъ въ свое время въ печати, я считаю не лишнимъ объяснить, при этомъ случаѣ, принципиально по поводу историческаго романа и его критики.

Изъ исторіи гоненій на раскольниковъ... Опять раскольники, опять лица, сцены и картины изъ исторіи „незаконныхъ людей“ русскаго православія.

Да, дѣйствительно, опять они: опять историческое повѣствованіе изъ былой жизни русскаго раскола, за который, какъ и за многое другое, пишущему это и ученая и неученая критика высказала немало горькихъ истинъ, а еще болѣе—горькихъ неправдъ въ лицѣ не многихъ почтенныхъ ученыхъ и — извините — болѣе значительнаго числа неучей. Начиная отъ г. Михайловскаго (въ „Отечественныхъ Запискахъ“) и г. Субботина (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“), и кончая г. Буренинымъ (въ „Новомъ Времени“), и цѣлою ратью неизвѣстныхъ критиковъ и рецензентовъ въ „Вѣстникѣ Европы“, въ „Дѣлѣ“, „Порядкѣ“, въ „Молвѣ“, въ „Новостяхъ“, въ „Голосѣ“, въ „С.-Петербур-

¹⁾ Повѣсть эта будетъ напечатана въ одной изъ первыхъ книжекъ „Историческаго Вѣстника“ 1882 года.

бургскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Газетѣ А. Гатцука“, даже въ „Стрекозѣ“ и чуть ли не во всѣхъ органахъ нашей печати, всѣ явные и тайные наши Брандесы почтили мои скромные труды своимъ вниманіемъ.

Но я почти никому не отвѣчалъ изъ моихъ критиковъ. Единственно, кто стоилъ бы отвѣта—это г. Субботинъ, серьезный ученый и знатокъ исторіи раскола; но именно потому, что къ оцѣнкѣ такого произведенія, какъ историческій романъ, онъ примѣнилъ узко-ученый методъ, при помощи котораго онъ съ „документальной точностью“ такъ же легко могъ обвинить знаменитаго Эберса въ кругломъ невѣжествѣ по отношенію знанія исторіи и археологіи Египта за то, что онъ вывелъ въ своемъ романѣ не историческую личность Уарды и парасхита, какъ обвинилъ меня за то, что я не пользовался, или игнорировалъ, какъ ему показалось, его учеными трудами по расколу, потому, наконецъ, что г. Субботинъ по отношенію ко мнѣ обнаружилъ полное отсутствіе въ немъ всякаго писательскаго такта и деликатности, я, „историкъ-беллетристъ“, и не отвѣчалъ ему, какъ не отвѣчалъ и другимъ критикамъ почти по такимъ же причинамъ—изъ приличія.

Но я не о томъ хочу говорить. Указывать недостатки писателей, намѣчать идеалы, къ которымъ они въ своихъ работахъ должны бы стремиться, и пути, которые вели бы къ идеаламъ—это призваніе критики, ея святая задача. Въ такомъ случаѣ, отъ критика, кромѣ ума, таланта, познаній, чуткости къ идеаламъ и требованіямъ читателей, кромѣ знанія степени подготовки и развитости аудиторіи, которую имѣетъ въ виду писатель,—отъ всякаго критика требуется еще честность обращенія съ печатнымъ словомъ. Но эти условія, къ сожалѣнію, не всѣ мои критики совмѣщаютъ въ себѣ, а нѣкоторые не имѣютъ и ни одного изъ нихъ.

Но опять-таки я не объ этомъ собственно хочу сказать.

Съ историческими романами, какъ конечно должно быть извѣстно моимъ критикамъ и, вѣроятно, извѣстно нѣсколько и читателямъ, я выступилъ въ свѣтъ недавно. Лѣтъ двадцать до того я больше работалъ надъ исторіею, но не надъ историческимъ романомъ, работалъ сколько могъ, и хотя въ сущности почти ничего не сдѣлалъ для исторіи какъ науки (это дѣланіе совершается вѣками), но тогда критика была ко мнѣ значительно благосклоннѣе. Но зато аудиторія моя была тогда несравненно малочисленнѣе, чѣмъ какою она стала, когда я выступилъ съ историческими романами. Это ясно указывало мнѣ, какъ писателю, какой путь я долженъ былъ избрать въ моихъ послѣдующихъ работахъ. Я его и избралъ. Если тогда, когда я работалъ для исторіи, я приносилъ хотя скрупулезную долю пользы двумъ-тремъ тысячамъ читателей, то теперь я приношу эту пользу, хотя, быть можетъ, еще въ меньшихъ, даже микроскопическихъ размѣрахъ, но уже значительно большому—на многія тысячи большому числу читателей.

Вопросъ теперь въ томъ: дѣйствительно ли я своими романами приношу пользу? А можетъ быть я приношу вредъ, извращая и ложно освѣщая исторію, ея дѣятелей и разные историческія эпохи. Можетъ быть. Въ такомъ случаѣ я приносивъ бы вредъ и тогда, когда бы занимался исторіею, какъ исторіею, извращая ее и ложно освѣщая. Но, по мѣрѣ силъ и знаній, я стараюсь этого не дѣлать, а если иногда и ошибаюсь, то въ силу того же закона, что ошибаться такъ же свойственно романистамъ, какъ и историкамъ.

Я, какъ романистъ, могу предвидѣть еще одно обвиненіе. Романисты—можетъ сказать несообразительный критикъ—развращаютъ и отвращаютъ отъ исторіи читателей, давая легкую пищу неподготовленнымъ къ серьезному чтенію субъектамъ. Но на это я возражу, что неподготовленные субъекты все равно не станутъ читать скучной исторіи, а напротивъ, приобрѣтя навыкъ на легкомъ историческомъ чтеніи, они охотнѣе перейдутъ и къ серьезному, и я полагаю, что историческій романъ не только не развращаетъ своихъ читателей и не отвращаетъ ихъ отъ историческаго чтенія, а скорѣе — наводитъ на путь серьезныхъ знаній.

Это о субъектахъ, неподготовленныхъ къ серьезному историческому чтенію. Но я имѣю въ рукахъ немало, даже очень много, письменныхъ доказательствъ, что мои историческіе романы съ пользою читаются и вполне подготовленными людьми — людьми высокаго образованія и серьезными учеными. Я не хочу хвалиться этимъ, хотя мнѣ и пріятно имѣть въ рукахъ такіе дипломы моей полезности; но я только защищаюсь, или вѣрнѣе — я предоставляю моимъ читателямъ защищать себя отъ критики, какою бы она, для пользы дѣла, не должна быть. Напримѣръ, въ мартѣ этого года, я получилъ изъ Москвы отъ одного извѣстнаго профессора, имени котораго, безъ его разрѣшенія, я не смѣю здѣсь назвать, но который много поработалъ на своемъ вѣку для науки, много далъ Россіи полезныхъ дѣятелей въ своихъ ученикахъ, который не только обстоятельно знаетъ исторію Россіи и ея внутренній смыслъ, но, долго живя для ученыхъ цѣлей въ Европѣ и особенно въ Америкѣ, очень хорошо ознакомился съ требованіями исторической науки на Западѣ,— такъ отъ этого ученаго я получилъ письмо на 11 листахъ почтовой, мелко исписанной, большого формата бумаги, замѣчательное письмо, въ которомъ онъ высказываетъ много очень дѣльныхъ, очень глубокихъ мыслей по исторіи Россіи и Запада вообще, и по исторіи раскола въ частности, и, между прочимъ, собственно о моемъ романѣ „Великій расколъ“ говорить:

„Я съ величайшимъ удовольствіемъ и пользою прочелъ вашъ романъ „Великій расколъ“. Вопросъ — почему расколъ такъ жизненъ, меня крайне сильно и постоянно интересовалъ, но время не позволило мнѣ искать разрѣшенія этого вопроса въ историческихъ трудахъ, и потому вашъ романъ не только доставилъ мнѣ наслажденіе,

но уяснилъ и разъяснилъ для меня вопросъ, который занималъ меня давно и весьма интересовалъ. Дѣйствительно, если основатели вѣроученія являются столь высокими по нравственнымъ своимъ качествамъ личностями, какъ Аввакумъ, княгиня Урусова, Морозова и проч., то если бы даже это вѣроученіе было въ тысячу-сто-кратъ нелѣпѣе, оно необходимо должно было получить прочность и жизненность, тѣмъ болѣе сильныя, чѣмъ жесточе и упорнѣе являются преслѣдованія служителей этого вѣроученія, съ своей стороны не употреблявшихъ оружія и никакого насилія, а наоборотъ — при изъясненіи своего подчиненія мірской власти, искавшихъ добровольно принять отъ своихъ духовныхъ враговъ и гонителей мученія и принести свою жизнь и имущество въ жертву своимъ убѣжденіямъ. Такъ какъ вашъ рассказъ, въ существенныхъ его обстоятельствахъ, основывается вами на историческихъ источникахъ и документахъ, то, прочтя его, я нашелъ себѣ разъясненіе и рѣшеніе давно занимавшего меня вопроса: почему раскольники наши такъ сильны въ своей вѣрѣ и почему наши православные, наоборотъ, такъ безразличны къ религіи, и духовенство наше — такъ апатично въ дѣлѣ ученія вѣрѣ и въ то же время такъ корыстно и жадно до стяжанія всякихъ благъ земныхъ. Въ первыхъ, очевидно, живетъ и теперь остатокъ духа Аввакума, Морозовой и проч., а во вторыхъ, продолжаетъ дѣйствовать духъ придворныхъ бояръ Алексѣя Михайловича и духъ безсердечнаго эгоиста — Никона, этого перваго творца ненужнаго и, во всякомъ случаѣ, неосторожнаго и несвоевременнаго шага исправленія богослужебныхъ славянскихъ книгъ по греческимъ и южно-русскимъ книгамъ“.

Да не подумаетъ читатель, что это говоритъ раскольникъ, или просто коренной москвичъ „самобытникъ“: нѣтъ — онъ даже не москвичъ, а помѣщикъ и дворянинъ одной изъ поволжскихъ губерній, еще въ пятидесятыхъ годахъ кончившій курсъ въ университетѣ, и даже не въ московскомъ, а въ казанскомъ, а потомъ долго учившійся въ Европѣ и Америкѣ и теперь давно возглашающій высшія научныя истины съ профессорской кафедрѣ въ Москвѣ.

„Отъ души желаю — говоритъ онъ далѣе, — чтобы вы продолжали, пользуясь историческими данными и источниками, писать по той же эпохѣ рассказы и романы и чтобы они произвели на общество и на лицъ, власть имѣющихъ, такое же впечатлѣніе, какое въ свое время произвели романы и рассказы Бичеръ-Стоу по вопросу объ освобожденіи невольниковъ. Если негры имѣли право и можно было желать ихъ освобожденія, то не съ меньшимъ, а съ большимъ еще основаніемъ можно желать скорѣйшаго освобожденія раскольниковъ въ ихъ вѣроисповѣданіи отъ насилій нашего духовенства“.

Я не смѣю, да и не считаю умѣстнымъ, приводить здѣсь все его огромное и замѣчательное письмо, полное глубокихъ, цѣнныхъ историческихъ замѣчаній, въ которыхъ авторъ преклоняется предъ могу-

чимъ гениемъ Петра и его великими реформами, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести хотя нѣсколько строкъ изъ окончанія письма.

„Оканчивая—говоритъ онъ—мое длинное вамъ посланіе, я прошу васъ извинить меня за то, что отнимаю ваше время, если только вы будете имѣть это время, чтобы дочитать письмо до конца. Но впечатлѣніе вашего романа явилось тѣмъ болѣе сильнымъ, чѣмъ менѣе я ожидалъ встрѣтить въ романѣ затронутымъ и достаточно реально выясненнымъ одинъ изъ такихъ важныхъ историческихъ и общественныхъ вопросовъ, скорѣйшее разрѣшеніе котораго крайне желательно“.

Вообще, это письмо слѣдовало бы напечатать цѣликомъ, если бы авторъ его изъявилъ на то согласіе. Въ немъ такъ много здравыхъ, трезвыхъ историческихъ и политическихъ сужденій, что жаль, если они будутъ погребены въ моей частной корреспонденціи.

Другой мой корреспондентъ, личность также высоко-почтенная, писатель, одна книга котораго, изданная еще въ 50-хъ годахъ за границею, произвела громадное впечатлѣніе на всю Россію и на правящіе классы, достойный ветеранъ печати, и доселѣ ратующій за истину какъ даровитый публицистъ, но лично мнѣ незнакомый, приноситъ мнѣ величайшія похвалы за „Идеалистовъ и реалистовъ“, и проситъ работать по исторіи въ томъ же направленіи. Между прочимъ, онъ благодаритъ меня за безпристрастное и вѣрное освѣщеніе личности Петра. „Въ вашихъ штрихахъ—говоритъ онъ—фигура его обрисовывается вполне, какъ есть живая, — и что за потрясающее впечатлѣніе!..“

И это говорятъ не мальчишки, не неучи, а люди серьезно поработавшіе для науки и ужъ, конечно, многое перечитавшіе на своемъ вѣку. То же говорили мнѣ много разъ лично и другіе, дѣйствительно, серьезно ученые люди, лучше меня знающіе эпохи и личности, рисуемые мною въ романахъ, — и вотъ лестнымъ мнѣніемъ этихъ-то знатоковъ я дорожу болѣе, чѣмъ мнѣніемъ большинства моихъ почтенныхъ критиковъ. Что дѣлать! я все еще вѣрю научнымъ авторитетамъ, равно какъ и эстетическому и нравственному чутью другихъ моихъ читателей и корреспондентовъ.

Я имѣю въ рукахъ цѣлыя благодарственные адреса отъ читателей, коллективныя заявленія того, констатируемаго ими, факта, что наша современная критика что-то просмотрѣла въ процессъ роста общественной мысли, что общественная мысль переросла эту критику, утратившую довѣріе общества и упавшую на биржѣ общественнаго мнѣнія до стоимости бумажнаго рубля. Эти адреса говорятъ, что современное общество въ выборѣ чтенія не желаетъ болѣе руководствоваться указаніями такой критики, которая напоминаетъ собою отвѣты дурака Осрика Гамлету о погодѣ, или практикуетъ критическіе приемы „пѣтуха“ и „кукушки“ въ ихъ отзывахъ о пѣніи того и другой. Въ

публикѣ, вслѣдствіе этого, составилось даже такое страшное убѣжденіе, что именно то, что настойчиво бранить критика, особенно нѣкоторые критики—это-то и есть хорошее, это и надо читать, подобно тому, какъ такимъ же логическимъ процессомъ общество дошло до пониманія истиннаго смысла критики Цитовича, сожегшаго уже свои корабли на „томъ берегу“, послѣ того, какъ отъ него отвернулись всѣ читатели.

Подкрѣпляясь, такимъ образомъ, съ одной стороны сознаниемъ, что историческія работы въ избранномъ мною направленіи не только не бесполезны въ коллективной работѣ общественной мысли, но прямо полезны и желательны, съ другой — очевиднымъ обнаруженіемъ въ обществѣ самостоятельности мысли и зрѣлости сужденій, которыя критика, вообразившая себя трибуномъ общественной мысли и симпатій, къ сожалѣнію, проглядѣла,—я и не слагаю оружія къ ногамъ своихъ непризнанныхъ судей, въ большинствѣ случаевъ притомъ неправедныхъ.

Когда я уже кончалъ повѣсть „Соціалистъ прошлаго вѣка“, по поводу которой пишу это, я прочелъ въ одной изъ нашихъ газетъ небольшую критическую замѣтку, подписанную инициалами А. Вв.— молодого критика, помѣщающаго въ помянутой газетѣ еженедѣльный критическій обзоръ выдающихся явленій нашей печати. Г. А. Вв. сколько я могъ познакомиться съ этимъ молодымъ дарованіемъ, относится къ своему дѣлу вполне серьезно и честно и понимаетъ критику какъ необлыжное служеніе высшимъ задачамъ челоѣческаго духа и слова, а не какъ роль урядника въ литературѣ, „поставленнаго затѣмъ только, чтобы выслѣживать, ловить и составлять протоколы“.

Мнѣ было пріятно встрѣтить въ замѣткѣ г. А. Вв. мысли, которыя давно навѣяны были на меня современнымъ состояніемъ русской критики и которыя мимоходомъ высказаны мною здѣсь, но которыя у г. А. Вв. получаютъ болѣе широкое историческое обобщеніе.

Онъ говоритъ: „La critique est aisée,“ — говорятъ французы. Въ переводѣ на русскій языкъ и въ переложеніи, такъ сказать, на русскіе литературные нравы, это мудрое правило будетъ значить: „насъ ничѣмъ не удивишь“. Такова, дѣйствительно, современная наша критика. Намъ, въ большинствѣ случаевъ, рѣшительно ничего не стоить „раскритиковать“ все, что вамъ угодно. Практика выработала для этого довольно ловкіе приемы, передъ которыми ничто не можетъ устоять. Если-бы Гёте, напримѣръ, написалъ своего „Фауста“ въ наше время и на русскомъ языкѣ, мы нашли-бы, что сказать! И во-первыхъ, откуда взялъ Гёте своего героя? Какимъ образомъ изъ собаки могъ вдругъ выдти Мефистофель, и какимъ образомъ этотъ послѣдній могъ сдѣлаться, хотя бы на время, собакою? Далѣе, мы поставили бы вопросъ: возможно-ли, чтобы Фаустъ могъ изъ старика вдругъ, ни съ того ни съ сего, превратиться въ молодого челоѣка?

Мы нашли бы невозможнымъ, что Маргарита, эта чистая душою дѣвушка, могла такъ легко пасть, особенно при извѣстной нѣмецкой чистотѣ нравовъ и благовоспитанности нашей героини, при благочестіи ея матери, брата и многихъ знакомыхъ. Словомъ сказать, Гёте не одобровать-бы передъ анализомъ русской критики. Но самый страшный вопросъ, это—къ чему, зачѣмъ, написалъ Гёте свое произведение? Мы не говоримъ уже о такихъ, очевидно, не выдерживающихъ русской критики, произведенияхъ, какъ „Отелло“ Шекспира (ибо—возможенъ-ли въ дѣйствительности такой ревнивецъ? Очевидно, нѣтъ! и т. д.).

Все это очень справедливо по отношенію къ русской критикѣ. А далѣе—еще справедливѣе.

„Если вамъ удастся—говорить г. А. Вв.—просмотрѣть два критическихъ отзыва объ одномъ и томъ же литературномъ произведеніи, вы будете поражены страннымъ, ни съ чѣмъ несообразнымъ разногласіемъ гг. критиковъ, приходящихъ почти къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ. Вы должны будете придти къ несомнѣнному выводу, что твердыхъ, болѣе или менѣе осмысленныхъ, принциповъ въ современной литературной критикѣ не существуетъ. Выводъ этотъ будетъ и правиленъ, и ошибоченъ. Принципы критики, конечно, есть и—что всего страннѣе—находятъ поддержку только почти въ публикѣ. Чтò бы ни писали гг. критики, публика мѣтко отличаетъ талантъ, дарованіе, относясь совершенно равнодушно къ соображеніямъ критиковъ.“

„Откуда это странное явленіе? — спрашиваетъ далѣе г. А. Вв.—Почему критика, которая должна бы, по настоящему, быть руководительницей публики въ дѣлѣ литературныхъ мнѣній, которая, разумѣется, и претендуетъ на это, въ дѣйствительности остается въ хвостѣ общественнаго мнѣнія? И почему это такая постоянная исторія?“

Г. А. Вв. объясняетъ это такъ: „Во-первыхъ, за дѣло литературной критики у насъ берется рѣшительно всякій, кто умѣетъ держать перо въ рукахъ. Чтобы быть публицистомъ, чтобы быть экономистомъ, юристомъ, математикомъ, инженеромъ, богословомъ, нужно учиться, нужно знать, знать многое. Что касается до литературнаго критика, то ему нужно только умѣть прочесть романъ или повѣсть, и этого совершенно достаточно для того, чтобы сейчасъ же печатно высказать свое мнѣніе о немъ или о ней. Понятно, что толку отъ такой критики ждать было бы странно, и въ результатѣ получаются дѣйствительно разнообразныя толки и вкривь и вкось, которые, къ счастью, скоро забываются публикою, если и обратятъ на себя ея вниманіе“ и т. д.

Совершенно вѣрно!

Но я укажу еще на одну черту въ нашей бѣдной критикѣ, черту, не подмѣченную г. А. Вв., но уже давно указанную въ печати мо-

имъ старымъ другомъ, мистеромъ Плюмуддингомъ:—онъ эту черту назвалъ „интендантскимъ приемомъ“ критики, когда какойнибудь неосторожный служитель этой послѣдней, изъ усердія къ „своему складу“, вдругъ, совершенно неожиданно для самого себя, является передъ публикой „безъ трико“ (выраженіе это понимается не грубо, а въ переносномъ смыслѣ). Такъ напр., одинъ изъ моихъ историческихъ романовъ подвергся жесточайшей „критикѣ“ отъ чиновника одного „склада“ потому, что я, просто по невѣдѣнію, сдалъ этотъ мой литературный провіантъ не въ „этотъ складъ“, разсчитывавшій на него (о чемъ я узналъ впослѣдствіи), а въ „другой“. Или: въ другомъ интенданствѣ я нажилъ себѣ жесточайшаго „критика“ на всю, кажется, жизнь за то, что указалъ на отсутствіе въ критикѣ этого художника „доброй совѣсти“. Я бы могъ привести массу примѣровъ изъ сферы явленій просто завѣдомой недобросовѣстности въ области „критики“, еслибъ уваженіе къ самой печати не останавливало меня отъ разоблаченія этихъ ея язвъ: ужъ и безъ того ее, бѣдную, третируютъ, какъ нѣчто терпимое только по недосмотру.

Наконецъ — еще черта: самыми безпощадными у насъ критиками являются обыкновенно анонимы, таинственные незнакомцы, которые въ то же время обнаруживаютъ громадный запасъ невѣжества. Съ именемъ, съ псевдонимомъ, наконецъ съ буквами, т. е. инициалами, еще можно имѣть дѣло, съ ними можно войти въ объясненіе по поводу того или другого принципа, вопроса и т. д.; но съ этими милыми шалунами изъ-за заборовъ печати ничего не подѣлаешь, какъ съ подметчикомъ анонимнаго письма, ибо не знаешь—кому и куда отвѣчать въ пространство. Подпись автора—это своего рода гражданское мужество, котораго оцѣнка и дѣлается печатью и обществомъ по достоинству: я отвѣчаю самъ за то, что я говорю публично; но сокрытіе имени критика (кромѣ весьма уважительныхъ, хорошо извѣстныхъ печати причинъ) — это тоже своего рода мужество, но только цѣнимое и оплачиваемое *incognito*, какъ вообще оплачиваются извѣстные *facta incognita*.

Что же касается собственно отношеній нашей критики къ историческому роману, то очевидно, что и тутъ критика что-то проглядѣла. Она забыла, что историческій романъ — по крайней мѣрѣ какъ я его понимаю — имѣетъ свою задачу изображать россійскихъ „предковъ“ и ихъ дѣянія въ силу того соображенія, что изображеніе ихъ „потомковъ“, „по нонѣшнимъ временамъ“, было бы неудобно. А какъ, по теоріи Дарвина, рога и клыки предковъ хотя въ рудиментахъ остаются иногда и у самаго позднѣйшаго потомства, въ силу, конечно, извѣстныхъ условій жизни, то очевидно, что историческій романъ не можетъ не служить задачамъ современности. Критика этого, повидимому, не знала. На незнаніи вотъ этого именно, самаго обыкновеннаго, обстоятельства критика и строила доселѣ

свои, по малой мѣрѣ шаткія, обвиненія моихъ историческихъ романовъ и повѣстей.

Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ главнымъ образомъ лежали эти обвиненія? Съ чего они возникли и къ чему, наконецъ, клонились?

Основа обвиненій главнымъ образомъ лежала въ томъ, что я будто бы не достаточно преклоняюсь предъ гениемъ Петра-преобразователя, не симпатизирую будто бы его стремленіямъ—обновить Россію, изгнавъ изъ нея московскій духъ и вдохнувъ въ нее душу новой жизни вмѣстѣ съ знаніемъ.

Само собою разумѣется, что обвиненіе это ни на чемъ не основано: оно вытекало изъ самаго простого, тоже совсѣмъ обыденнаго обстоятельства—изъ того—скажу откровенно—что критики мои совсѣмъ не занимались исторіей и никогда объ ней серьезно не думали. Въ своихъ историческихъ работахъ, какъ прежнихъ, монографическихъ, такъ и въ послѣдующихъ, историко-беллетристическихъ, я неуклонно пробивалъ тропу въ одномъ направленіи, именно — къ принципиальному рѣшенію нѣкоторыхъ, самыхъ притомъ существенныхъ, историческихъ вопросовъ. Одинъ изъ такихъ вопросовъ меня занималъ постоянно, это—на сторонѣ какого историческаго процесса развитія человѣческихъ обществъ лежитъ залогъ будущаго, успѣхи знаній, добра и правды, какой исторической ростъ человѣческихъ группъ дѣйствительно двигаетъ впередъ человѣчество—свободный, или насильственный? Мнѣ всегда казалось, что послѣдній не имѣетъ будущаго, а если и имѣетъ, то очень мрачное.

Съ такимъ пониманіемъ исторіи и ея законовъ я и приступалъ всегда къ моимъ историческимъ работамъ. Оттого моимъ критикамъ и казалось, что я не симпатизирую нѣкоторымъ историческимъ личностямъ. Но это не такъ: мнѣ не симпатичны въ нихъ только ихъ ошибки.

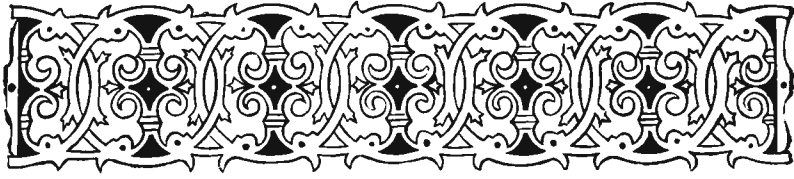
Относясь принципиально къ царю-работнику, какъ къ историческому дѣятелю, я не забываю выставленныхъ выше и всегда носимыхъ мною въ душѣ тезисовъ о свободномъ и насильственномъ ростѣ въ исторіи. Я всегда стоялъ и буду стоять за первый, и боюсь, что съ этой стороны никогда не буду понять критикою. Такъ, съ точки зрѣнія моихъ историческихъ тезисовъ, я относился и къ Петру, и къ Мазепѣ, и къ Никону, и къ Аввакуму, и къ Алексѣю Михайловичу, и ко всѣмъ прочимъ историческимъ дѣятелямъ, выводимымъ въ моихъ романахъ и повѣстяхъ. Принятый мною тезисъ не позволяетъ мнѣ, поэтому, согласиться и съ г. А. Вв., который, будучи выбитъ изъ своего собственнаго критическаго сѣдла стопудовою шлепугою г. Субботина, направленною противъ моего „Великаго раскола“, и повѣривъ на слово безспорной компетентности этого ученаго въ знаніи исторіи раскола, но не въ пониманіи духа исторіи и ея дѣятелей, какъ-то разъ выразился по поводу моего „Раскола“, будто бы я „маленько наклеветалъ“ на Петра. Впрочемъ, я скорѣе

помирюсь съ этимъ обвиненіемъ, чѣмъ, подобно моимъ легкомысленнымъ и жидко подготовленнымъ по исторіи критикамъ, стану клеветать на непреложные законы исторіи, законы, нарушаемые иногда даже такими великанами въ этой самой исторіи, какъ Петръ, и непонимаемые такими великанами въ критикѣ, какъ а, b, с, d.

Я не боюсь ошибиться, если буду настаивать, что только такое отношеніе къ исторіи и ея дѣателямъ (а оно болѣе возможно въ историческомъ романѣ, чѣмъ въ исторіи — этой кошницѣ съ остатками евангельскихъ хлѣбовъ и рыбъ, недоѣденныхъ вѣками и архивными крысами), что только такое принципиальное отношеніе къ прошлому даетъ историческому роману силу воспитательнаго фактора въ жизни общества, которое по клямкамъ и рогамъ „предковъ“ можетъ судить о родовыхъ и видовыхъ рудиментахъ этихъ украшеній у „потомковъ“ и о ихъ общественной роли. Способствовать окончательному вырожденію на землѣ этихъ видовыхъ признаковъ и есть, я полагаю, задача историческаго романа, какъ и всякаго другого творчества въ области духа.

Д. Мордовцевъ.

БЛАГОНАМѢРЕННАЯ БЕЗТАКТНОСТЬ.

ВЪ ПРОШЛОЙ книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, въ статьѣ „Заказная литература“, мы имѣли случай показать, что произведенія печати, направленные къ искорененію революціонныхъ ученій, по несовершенству всѣхъ дѣлъ чело-вѣческихъ, къ сожалѣнію, сами могутъ быть, и дѣйствительно иногда бывають, причиною недоразумѣній, и вообще попадають не туда, куда мѣтятъ. Мы въ своей статьѣ говорили все это по поводу одной книги, именно—„Святость царскаго имени“, и только слегка упомянули, что такихъ произведеній немало, ибо въ издательствѣ этого рода теперь замѣтно очень оживленное соревнованіе. Книгъ и брошюръ подобнаго содержанія втеченіе послѣдняго времени вышло такъ много, что ихъ всѣхъ не перечестъ и даже не вспомнить, а многія изъ нихъ пріобрѣли авторамъ особое вниманіе, выразившееся въ той или другой формѣ. Но, къ сожалѣнію, мы не знаемъ изъ всѣхъ этихъ брошюръ ни одной такой, которая бы отличалась обстоятельностью и серьезностью, гдѣ бы твердо и въ подобающемъ тонѣ рассказано было происшествіе, раскрыта его преступность и произнесено ему такое достойное осужденіе, чтобы потомъ постоянное возвращеніе на этотъ грустный предметъ стало болѣе ненужнымъ. Напротивъ, брошюры въ упомянутомъ родѣ тянутся одна за другою вальми нитями, напоминающими тѣ тучки, для которыхъ, по выраженію поэта, „нѣтъ ни родины, ни изгнанія“. У творцовъ подобныхъ произведеній, очевидно, утрачено то, что называется чувствомъ мѣры, и это можно сказать не обо всѣхъ, а только о тѣхъ изъ нихъ, которые издають брошюры названнаго рода безъ разсчета спекулировать на счетъ своей ребромъ поставленной на видъ благонамѣренности. Тѣ же, которые множатъ листы

подобной литературы съ расчетомъ сдѣлать изъ этого аферу, конечно прямо наносятъ обиду для общей всѣмъ намъ скорби по жертвѣ злодѣянія 1-го марта. Частое упоминаніе о такомъ ужасномъ событіи, и притомъ всегда почти съ какимъ-то апломбомъ и хватскою развязностью, не издѣляетъ тоскующую душу, а напротивъ, смущаетъ ее нецѣломудреннымъ шумомъ и гамомъ, который такъ неумѣстенъ въ траурномъ домѣ, гдѣ еще въ воздухѣ какъ бы слышны вопли надгробнаго рыданія. Около такихъ ранъ, какъ та, которую пріяла въ свое сердце Россія, надо ходить осторожно и самыя цѣлебныя лѣкарства прилагать къ нимъ рукой самой искусной и нѣжной. Между тѣмъ, у насъ съ этимъ очень многіе обращаются совершенно не такъ: со дня печальнаго событія до сей поры являются бойкіе люди, которые съ налету хватаются за больное мѣсто и растравляютъ его такъ, что становится страшно за здоровое. И. С. Аксаковъ въ своей „Руси“ съ благороднымъ тономъ истиннаго гражданина, въ немъ же нѣтъ лести, и патріота, не опасаящагося никакихъ подозрѣній для своей искренности, попробовалъ остепенить эту немѣрность, насколько она получила выраженія въ церковной проповѣди; но еще не успѣли позабыться трезвыя слова „Руси“, какъ сама же Москва уже опять даетъ намъ новое доказательство, что тамъ намѣрены продолжать непрерывныя опыты надъ разворачиваніемъ и заворачиваніемъ одной и той же мрачной матеріи. Даже горше того: искушаясь раскидывать по одному и тому же черному полю различные разводы, чтобы не повторять цѣлкомъ много разъ прежде сказанное, въ Москвѣ положили смѣлою стопкою перейти очень дальнія границы приличнаго и возможнаго.

Передъ нами лежитъ только-что полученная въ Петербургѣ московская книжечка, о которой не стоило бы говорить, если бы она, касаясь извѣстнымъ образомъ траурнаго вопроса нашей родины, не довела дѣло до такой благонамѣренной безтактности, которая отчасти способна характеризовать данный историческій моментъ. Брошюра называется „Избави Боже отъ грѣха и отъ недобраго человѣка“, авторъ ея неизвѣстенъ, а издало ее „Общество распространенія полезныхъ книгъ“ (подъ № 306). Брошюра рассказываетъ о томъ, какъ въ село Тарасково пришли „внушитель“ съ „внушительницею“ и, толкуя, крестьянамъ о ихъ правѣ на землю, начали подбивать молодыхъ людей изъ поселянъ съечь помѣщичью усадьбу. Старый крестьянинъ негодуетъ на внушителей за то, что они „господь обижаютъ“ (8) и доходитъ своимъ умомъ до причины, за что идетъ господамъ эта обида отъ внушителей. Причина эта въ томъ, что „господа къ государю близки и царь нашъ ихъ на совѣтъ собираетъ“.

Крестьянинъ полонъ преданности господчинѣ и съ чувствомъ воспоминаетъ о прежнемъ времени, когда, бывало, (10) „объ одномъ только (рассказываетъ) и молишь, чтобы не выскочилъ достаться. То ли дѣло настоящей баринъ!“ Теперь это прошло; злодѣйски умерщ-

вленный государь нашъ, измѣнивъ многое въ строѣ Россіи къ ея благу и возвышенію, измѣнилъ и прошенія крестьянской молитвы, преложивъ ее въ тонъ болѣе возвышенный и достойный существъ, одаренныхъ Творцомъ свободою волею. Пришедшій въ с. Тарасково внушитель бываетъ „хмѣлень“, что вовсе не похоже на эту породу, которая хмѣльнымъ не зашибается. Потомъ оказывается, что и внушитель, и внушительница — бѣглые уголовные каторжники; но это еще меньше похоже на правду, потому-что бѣглые уголовные каторжники политическимъ внушительствомъ не занимаются,—имъ это вовсе не съ руки и ненужно; они усматриваютъ для себя на волѣ иные, гораздо менѣе рискованные и болѣе прибыльные промыслы. Это значитъ, что авторъ, взявшись писать на задачку, самъ вовсе незнакомъ съ дѣломъ, и потому онъ не смущаясь подобралъ въ одинъ мѣхъ совѣмъ несродное звѣрье, и тѣмъ поставилъ всю свою повѣсть на веретено, которымъ стоитъ трихнуть, какъ все и разсыпается. Но „Общество распространенія полезныхъ книгъ“ не замѣтило этой фальши и издало бесполезную книгу, авторъ которой даже не умѣетъ взять соотвѣтственнаго тона, и потому, напр., говоря о нашемъ несчастіи 1-го марта, пишетъ: „добрались и до самого Божія помазанника“. Ни авторъ, ни издатели, повидимому не чувствуютъ, какъ нехорошо звучитъ это словосочетаніе—„добраться до помазанника Божія“. Но и это все еще пока только меньшія неловкости, о которыхъ бы можно и промолчать, въ виду того, что такія вещи встрѣчаются въ сочиненіяхъ подобнаго рода очень часто, но вотъ чего уже не слѣдуетъ оставлять незамѣченнымъ. Рассказывая о „бомбѣ“ (такъ здѣсь называютъ разрывной снарядъ), авторъ помѣщаетъ слѣдующее ненужное и неудобное разсужденіе: (3) „Бомба, которая убила покойнаго царя, была брошена мѣщаниномъ Рысаковымъ. Да развѣ за него отвѣчаетъ все мѣщанство? Крестьяне Михайловъ и Желябовъ бомбы отливали,—да развѣ отвѣчаетъ за нихъ все православное крестьянство?—Дворянка Софья Перовская была тоже изъ зачинщицъ,—развѣ дворянство въ этомъ дѣлѣ повинно? Оно теперь у царя на совѣтѣ и всѣ силы напрягаетъ, чтобы только истребить крамолу. Николай Кибальчичъ, сынъ священника, отливалъ бомбы на убійство,—такъ неужели же за него отвѣчаетъ все духовенство, когда оно стоитъ передъ престоломъ Божиимъ? Не всѣ преступники еще открыты: можетъ, между ними попадетса и купеческій сынъ,—да развѣ честное кушечество будетъ держать за то отвѣтъ, когда оно теперь свои заработки несетъ на сооруженіе церкви въ память покойнаго царя?“ Спрашивается: зачѣмъ все это наговорено въ книжкѣ, напечатанной обществомъ, имѣющимъ особія средства широко распространять свои изданія въ народѣ? Развѣ кто нибудь думалъ привлекать цѣликомъ какое бы то ни было сословіе къ общей отвѣтственности за дѣла тѣхъ преступныхъ лицъ, мрачныя тѣни которыхъ еще разъ вовсе безъ нужды вызваны передъ очи народа, еще не отдохнув-

шаго отъ этого ужаснаго видѣнія? Къ чести нашей родины и къ чести человѣчества, не было даже и намека на какое нибудь сословное обвиненіе. Зачѣмъ же эта развязная болтовня о томъ, чего нѣтъ? Развѣ такихъ необъяснимыхъ словъ требуетъ какой нибудь особый интересъ? Или—что это за предположеніе о купеческомъ сынѣ!.. Купеческаго сына не было въ крамольномъ счетѣ,—и слава Богу, что его не было. Къ чему же его, такъ сказать, какъ будто выкликать на очередь; точно какой комплектъ того требуетъ; зачѣмъ строить такое предположеніе, что хотя купеческаго сына до сихъ поръ еще и не было, но онъ все-таки „можетъ быть, попадется...“ „Давайте, молъ, впередъ установимъ надлежащій взглядъ на всякій случай“... Какое беззастѣнчивое и безтактное пустословіе!

Н. Лѣсковъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русская народная поэзія. Сборникъ сказаній, былинь, историче-
скихъ и бытовыхъ пѣсень, обрядовъ, пословиць и загадокъ и др.
Составилъ В. Воскресенскій. С.П.В. 1881.

МЫ ВСЕГДА съ особеннымъ удовольствіемъ и особеннымъ внима-
ніемъ останавливаемся на произведеніяхъ литературы, имѣющихъ
непосредственное отношеніе къ знакомству съ народомъ. Какое ве-
λικое слово—народъ! и какъ часто злоупотребляютъ этимъ словомъ,
произнося его безъ малѣйшаго пониманія, что это—дѣйствительно
великое слово, съ которымъ надобно обращаться осторожно и съ особеннымъ
сосредоточеннымъ вниманіемъ. Если бы многія лица, поставленныя въ непо-
средственныя отношенія къ народу, которымъ или управляютъ, или который
воспитываютъ, отдавали должное значеніе ему и сознавали, кѣмъ они управ-
ляютъ и кого воспитываютъ, то, безъ сомнѣнія, стремились бы и изучать на-
родъ, его нравы, обряды, повѣрья, чтобы такимъ образомъ болѣе разумно, бо-
лѣ увѣренно вліять на него. Вотъ причины, вслѣдствіе которыхъ мы не
могли не остановить вниманія на книгѣ г. Воскресенскаго. Она затрогиваетъ
очень важный вопросъ—народъ въ его думахъ, преданіяхъ, вѣрованіяхъ, въ
его знанія исторіи родной земли.

Къ глубокому сожалѣнію, въ этой книгѣ мы нашли лишь то, что намъ
давнымъ давно извѣстно изъ различныхъ „сборниковъ“, несравненно болѣе пол-
ныхъ, чѣмъ „Сборникъ“ г. Воскресенскаго. Затѣмъ, подобный „Сборникъ“,
назначается ли онъ для публкии, или какъ пособіе при классныхъ заня-
тіяхъ русской исторіею и литературой (последнюю цѣль имѣлъ г. Воскре-
сенскій)—во всякомъ случаѣ, только при томъ условіи и можетъ быть поле-
зень, т. е. или познакомитъ общество съ народной жизнью, или дать ясныя
и определенныя свѣдѣнія о свойствахъ народнаго духа молодому учащемуся
поколѣнію, если составитель приложитъ къ нему надлежащія научныя объяс-

ненія. Иначе былина, напримѣръ, о Садко, и останется сказкой, до внутренняго смысла которой читателю, мало подготовленному, конечно никогда не добраться. Внутренній же смыслъ всѣхъ народныхъ сказаній лежитъ глубоко. Только путемъ анализа, строгой критики, читатель можетъ усвоить задушевные думы народа. Но книга г. Воскресенскаго таковыхъ объясненій не прилагаетъ, если не считать объясненіями небольшія толкованія словъ, скорѣе—переводъ, чѣмъ толкованія.

Составитель возразить намъ, что для подобныхъ толкованій и объясненій есть учитель, что „Сборникъ“ даетъ лишь матеріалъ для объясненій учителя. На такое возраженіе отвѣчаемъ, что учителю и безъ того достаточно работы, даже и при томъ, если бы были объясненія. Затѣмъ, важно и то, что ученики всегда будутъ имѣть предъ глазами готовый конспектъ, по которому легко вспомнить малѣйшія подробности, сообщенныя имъ учителемъ во время урока. Двѣ строки составителя сборника воспроизведутъ въ ихъ памяти цѣлую и большую лекцію преподавателя.

Отсутствію упомянутыхъ объясненій мы даемъ такое большое значеніе, что рѣшительно не знаемъ, для кого г. Воскресенскій издалъ свою книгу. Остается сдѣлать одно предположеніе: для чтенія тому, кому случай пошлетъ ее въ руки. Подобная безцѣльная задача, кажется, всего менѣе можетъ быть допущена по отношенію къ изданію народныхъ преданій, вѣрованій, былинъ.

Въ отдѣлѣ историческихъ пѣсенъ мы нашли кое что новое, не встрѣчавшееся намъ въ другихъ подобныхъ сборникахъ. Такова пѣсня, озаглавленная у автора: „Суворовъ въ Италіи и противъ французовъ“. Пѣсня эта—чисто солдатскаго склада, что прямо видно изъ ея содержанія:

„Выходитъ да онъ, все нашъ родной батюшка, братцы, ахъ, да нашъ графъ Суворовъ,

Ахъ, да нашъ графъ Суворовъ!

Онъ своею да генеральской палочкой, братцы, ахъ, да онъ командируетъ,

Ахъ, да онъ командируетъ!

Ой вы братцы, да братцы вы солдатушки, братцы, бейте не робейте,

Ахъ, бейте, не робейте“ и проч.

Начало этой пѣсни бросается въ глаза поддѣлкой подъ обычный любимый приемъ всѣхъ нашихъ народныхъ пѣсенъ. Она начинается обычнымъ поэтичскимъ сравненіемъ:

„Не двѣ тученьки, братцы, не двѣ грозныя, братцы, ахъ изъ горъ выказалпсь, Ахъ, изъ горъ выказались:

Выходила да наша сила армія, братцы, ахъ во чисто поле“ и т. д.

Давно замѣчено кѣмъ-то, что всѣ пѣсни о Суворовѣ—солдатскаго склада. Въ народѣ имя Суворова не могло пустить крѣпкихъ корней, по причинѣ очень понятной, во всякомъ случаѣ, объясняемой довольно вѣрно: народъ былъ далеко отъ войнъ, которыя велъ Суворовъ; ни причина этихъ войнъ, ни многія фазы ихъ, не были ему извѣстны. Суворовъ со всей своей оригинальностью, со всѣми фокусами, которые онъ продѣлывалъ, являлся чистымъ типомъ солдатскаго героя, каковымъ только и могъ быть. Мы подмѣтили лишь одну очень важную черту въ народныхъ воспоминаніяхъ о великомъ полководцѣ: въ Боровицкомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, слѣдовательно, въ мѣстѣ бывшаго жительства Суворова, ходитъ сказаніе, что онъ никогда не начиналъ битвы до начала и конца обѣдни; что онъ предъ всякой битвой прикладывалъ ухо къ землѣ и слушалъ обѣдню, совершавшуюся на небесахъ. Когда на небесахъ

кончалось богослужение, то онъ вскакивалъ съ земли, творилъ крестное знаменіе и давалъ знакъ къ началу сраженія. Очень возможно, что подобная черта религіозности Суворова въ преданіяхъ народа объясняется дошедшимъ до послѣдняго слухомъ, что Суворовъ любилъ звонить въ колокола, пѣть на клиросѣ и исполнять другія церковныя дѣйствія. Наше предположеніе имѣетъ тѣмъ большее вѣроятіе, что упомянутую черту религіозности, приписываемую народомъ Суворову, мы подмѣтили въ мѣстахъ, въ которыхъ всѣ малѣйшія дѣйствія нашего знаменитаго полководца совершались на глазахъ народа. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Боровицкомъ уѣздѣ быстро распространялись всѣ обыденныя проявленія домашней жизни знаменитаго полководца, жившаго, во время постигшей его опалы, въ родовой деревнѣ, въ Боровицкомъ уѣздѣ.

Солдатамъ могли правиться выходки Суворова, вносящія разнообразіе въ ихъ тяжелую жизнь, въ извѣстной степени они могли оживлять ихъ, но народъ, не пуждавшійся ни въ томъ, ни въ другомъ, чуждъ по крѣпко развитому въ немъ чувству правды, что поддѣлка Суворова подъ разные народныя обычаи, вѣрованія, его прибаутки, поговорки, дѣйствительно не болѣе, какъ поддѣлка, баловство, каковымъ все это, если говорить справедливо, и было на самомъ дѣлѣ.

Въ первый же разъ мы въ „Сборникѣ“ г. Воскресенскаго встрѣчаемъ пѣсню о раззореніи Москвы, въ которой, между прочимъ, говорится:

„Французъ Москву раззоряетъ,
Съ того конца зажигаетъ,
Въ палонъ дѣвокъ забираетъ;
Одна дѣвка слезно плачетъ,
Французъ дѣвку унимаетъ:
„Не плачь, дѣвица, не плачь, красна!
„Куплю тебѣ три подарка:
„Первый подарокъ—алу ленту въ косу,
„А другую голубую“,
„А третью разноцвѣтну.
— Не надо мнѣ твоихъ трехъ подарковъ:
— Пусти меня въ свою землю,
— Мнѣ съ батюшкой повидаться,
— Мнѣ съ матушкой распроститься“—

Останавливая особенное вниманіе на историческихъ пѣсняхъ, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу той роли, которую онѣ могутъ играть въ дѣлѣ преподаванія исторіи въ народной школѣ, и вообще въ значеніи родной исторіи въ жизни нашего народа.

Внимательное изученіе историческихъ пѣсенъ приводитъ къ твердому убѣжденію, что нашъ народъ въ своемъ сознаніи сохранилъ память почти о всѣхъ многознаменательныхъ событіяхъ родной земли; особенно древній и средній періоды нашей исторіи крѣпко запечатлѣлись въ народномъ сознаніи. Татарщина, время Грознаго, Петра Великаго, весь періодъ новгородской исторіи, событія собственно московскія,—все это перешло въ историческія пѣсни. Замѣчательно также и то обстоятельство, что, перепутавъ и смѣшавъ въ пѣсняхъ многія личности, имена и приурочивъ ихъ къ временамъ не тѣмъ, въ которыхъ онѣ дѣйствовали и къ которымъ относятся, народъ необыкновенно вѣрно воспроизводитъ въ своихъ историческихъ пѣсняхъ духъ эпохи и отличительныя черты личностей, выдавшихся по своей дѣятельности. Такъ, напримѣръ, личность Грознаго какъ нельзя болѣе вѣрно въ понятіи народа отождествляется съ понятіемъ о безграничномъ самодержавіи. Надобно согласиться, что идея

самодержавія никѣмъ не проявлена до такой степени осязательно, сильно, какъ царемъ Иваномъ IV-мъ. Она составляла пунктъ его помѣшательства; во имя этой идеи приносились кровавыя жертвы. Въ одной пѣснѣ, Грозный говорить слѣдующимъ образомъ:

„Я повynesъ то царенъе изъ Царя-города,
Царскую порфиру на себя надѣлъ,
Царскій костыль я себѣ въ руки взялъ,
И выведу измѣну съ каменной Москвы.

Не укрылась отъ народа исторически вѣрная похвальба царя Ивана, что онъ происходитъ отъ греческихъ императоровъ. Народъ говоритъ въ пѣснѣ, какъ мы видѣли: „я повynesъ то царенъе изъ Царя-города“. Изъ словъ пѣсни ясно видно, что народъ вполне сознавалъ значеніе царской власти и признавалъ, что Грозный былъ царь въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Въ одной пѣснѣ о Грозномъ рассказывается, какъ Никитѣ Романовичу было дано село. Между прочимъ, мы здѣсь встрѣчаемъ первое указаніе—и очень замѣчательное, на существовавшее у насъ право убѣжища (*ius asili*). Въ пѣснѣ читаемъ:

„А ты дай-ко мнѣ Микитину да вотчину,
Что хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Только ушелъ бы въ Микитину вотчину,
Того добраго—то молодца да Богъ прости.“

Сколько намъ извѣстно, едвали гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ нашихъ историческихъ памятниковъ встрѣчается указаніе на упомянутое право убѣжища, которое, вѣроятно, съ запада, черезъ Новгородъ, перешло въ Москву. Историческія пѣсни и поговорки, доказывающія знаніе народомъ историческихъ судебъ родной земли, представляютъ полную возможность создать для нашихъ народныхъ школъ своеобразный учебникъ русской исторіи, а именно, по народнымъ историческимъ пѣснямъ и поговоркамъ, къ которымъ слѣдуетъ лишь приложить надлежащія объясненія, поправки въ именахъ, числахъ. Во всякомъ случаѣ, такая книга могла бы быть очень полезной книгой для чтенія. Безъ сомнѣнія, для подобнаго труда требуется немало знаній и немало литературныхъ способностей.

Въ числѣ пѣсней встрѣчаются такія, которыя можно смѣло назвать прекраснѣйшими конспектами, т. е. отлично сокращеннымъ изложеніемъ цѣлаго историческаго событія, напримѣръ, взятіе Казани. Для учениковъ народной школы болѣе отвѣчающаго ихъ требованіямъ изложенія не сочинить. Лучшимъ доказательствомъ способности народа вѣрно понимать значеніе историческихъ личностей, характеръ той или другой эпохи, служить одна извѣстная намъ легенда объ императорѣ Петрѣ, величіе котораго, его сознаніе своихъ силъ, сознаніе доходившее до гордости, были какъ нельзя болѣе понятны народу.

Мы говоримъ о легендѣ, относящейся къ памятнику Петра, находящемуся въ Петербургѣ.

Петръ окаменѣлъ на конѣ въ то мгновеніе, когда онъ, побѣдивъ шведовъ, построивъ Петербургъ, въ приливъ гордости произнесъ, простирая руку на все видимое пространство: „все мое и Божье“. Потому-то и окаменѣлъ, что поставилъ себя выше Бога, ибо въ упомянутыхъ словахъ прежде сказалъ о себѣ, а потомъ уже о Богѣ. Петръ, по народнымъ преданіямъ, укрощаетъ бурю на озерѣ ударами плети; онъ проклинаетъ сорокъ, и сороки навѣкъ исчезаютъ изъ Петербурга.

Развѣ подобныя легенды о Петрѣ не говорятъ о совершенномъ пониманіи народомъ отличительнаго свойства этого государя, т. е. его необыкновенной духовной силы? Народъ понялъ эту великую силу, созналъ, что естественнымъ послѣдствіемъ ея должна была явиться гордость, что и выражено въ легендѣ о памятникѣ. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что историческія пѣсни и легенды такого умнаго народа стоѣтъ большаго вниманія, большихъ знаній, чѣмъ имѣеть то и другое г. Воскресенскій, представившій одинъ, да и то далеко не богатый, мертвый матеріалъ. Можемъ увѣрить составителя сборника, что его трудъ ни малѣйшимъ образомъ не удовлетворяетъ требованіямъ пособия для классныхъ занятій словесностью, о каковой цѣли онъ говоритъ въ своемъ предисловіи.

Въ концѣ книги мы нашли отдѣлъ историческихъ пословицъ, или поговорокъ.

Этотъ отдѣлъ оказывается очень бѣднымъ, въ дѣйствительности же онъ очень обширенъ. Мы не нашли у г. Воскресенскаго, напримѣръ, слѣдующихъ поговорокъ: „Новгородъ, Новгородъ, а постарше старато“, „въ Мосеву идти—голову нести“, „Москва слезамъ не вѣрнѣтъ“, „кабы мы нижегородцы не поднялись да не встали, такъ всѣ бы поганую землю носомъ клевали“, „пришли казаки съ Дону, погнали ляховъ до дому“, „знать великъ, великъ городъ, что семь воеводъ“ (семи-болярщина въ Москвѣ), „орду прогребли, Казань прошли“, „отъ Холмогоръ до Колы 77 Николы“. (Цѣлая исторія бѣломорья. Особенное почитаніе св. Николая у поморцевъ, хранителя людей на водахъ).

Не приводимъ и многихъ другихъ.

Для ознакомленія съ духомъ народа, изученіе означенныхъ поговорокъ русскими дѣтьми и юношами необходимо, для народной же школы онѣ составляютъ полный курсъ исторіи; остается только дать имъ надлежащія объясненія. Существуетъ множество поговорокъ, имѣющихъ отношеніе къ географіи и статистикѣ Россіи, въ родѣ слѣдующихъ: „въ Астрахани и коровы рыбу ѣдятъ, у насъ же въ Ростовѣ, луку-то, луку, а навозъ-то все коневій.“

По этимъ поговоркамъ какъ нельзя болѣе легко характеризовать промыслы и занятія жителей различныхъ мѣстностей Россіи. Легко, безъ усилій, всякій ребенокъ, запомнивъ поговорку, запомнить и всѣ подробности, цѣлыя рассказы, которые ему передаются по поводу поговорки, что авторъ настоящей статьи и имѣеть случай, съ полнымъ успѣхомъ, прилагать къ дѣлу.

И. В—въ.

Архивъ князя Воронцова. Кнѣга двадцать первая. Москва, 1881. Бумаги княгини Дашковой.

Престранная судьба записокъ княгини Дашковой: почти полстолѣтія намъ не давали въ руки этихъ мемуаровъ, замѣчательныхъ во всѣхъ отношеніяхъ и притомъ ничего опаснаго въ себѣ не заключающихъ. Принципъ слишкомъ заботливаго охраненія общества отъ зловредныхъ идей и зловредныхъ сочиненій постоянно тѣснилъ эту книгу, можно сказать, съ ея рожденія вплоть до самаго послѣдняго времени. Вслѣдствіе этого, самая исторія злополучныхъ мемуаровъ въ высшей степени поучительна и интересна.

Начать съ того, что существованіемъ мемуаровъ княгини Дашковой мы обязаны англичанкѣ, миссъ Вильмотъ (въ замужествѣ Бредфордъ), которая убѣдила Дашкову написать свои записки и затѣмъ заботилась объ изданіи ихъ въ свѣтъ. Знаменателенъ тотъ фактъ, что среди русскихъ современниковъ княгини Дашковой не нашлось человѣка, способнаго и достойнаго подвигнуть ее на такое дѣло. Напротивъ, среди русскихъ людей нашелся человѣкъ, оговорившій записки и тѣмъ возбудившій противъ нихъ преслѣдованія. Въ запискахъ княгини Дашковой, въ силу этого оговора, видѣли непоозволительный пасквиль, и такой своей репутацией, по основательнымъ соображеніямъ г. Шугурова („Кн. Дашкова и миссъ Вильмотъ“. Русскій Архивъ. 1880 г., кн. III, стр. 214) онѣ обязаны были извѣстному въ свое время патриоту, гр. Ростопчину, который, пользуясь довѣріемъ и расположеніемъ княгини Дашковой, имѣлъ случай читать ея записки. Вышеупомянутыя преслѣдованія имѣли результатомъ то, что миссъ Вильмотъ не удалось вывезти изъ Россіи подлинника „Записокъ“, который былъ сожженъ ею передъ самымъ выѣздомъ миссъ Вильмотъ въ Англію, когда ей пришлось подвергнуться энергичному и неоднократному обыску. Но, къ счастью, старшая сестра Вильмотъ заблаговременно вывезла копию, писанную въ многихъ мѣстахъ рукой самой княгини Дашковой. Этотъ списокъ и по сей часъ хранится у наслѣдниковъ г-жи Бредфордъ, и подробное описаніе его недавно сдѣлано кн. А. В. Лобановымъ („Русскій Арх.“, 1881 г., кн. I, стр. 366). Согласно желанію княгини Дашковой, „Записки“ должны были появиться тотчасъ послѣ ея смерти, но изданы были г-жей Бредфордъ гораздо позднѣе, прежде всего потому, что ближайшій родственникъ княгини Дашковой, родной братъ ея, графъ С. Р. Воронцовъ, высказалъ свой протестъ противъ печатанія „Записокъ“. Въ письмахъ своихъ по этому поводу къ г-жѣ Бредфордъ, онъ отрицаетъ самую подлинность „Записокъ“, хотя ничѣмъ не подтверждаетъ такого своего мнѣнія. Какъ-бы то нибыло, „Записки“ кн. Дашковой были изданы въ англійскомъ переводѣ только въ 1840 году. Между тѣмъ, въ Россіи въ спискахъ онѣ ходили по рукамъ гораздо раньше этого времени. Какъ оказывается теперь, г-жа Вильмотъ сдѣлала еще и другой списокъ, оставшійся у кн. Дашковой. Списокъ этотъ, переданный душеприкащикомъ кн. Дашковой, графомъ Санти, князю Мих. Сем. Воронцову, и сохранился въ архивѣ послѣдняго; съ этого-то списка и сдѣлано настоящее изданіе „Записокъ“; въ немъ также сохранилась рука кн. Дашковой, что и подтверждаетъ его подлинность.

Въ 1859 году, „Записки“ кн. Дашковой переведены на русскій языкъ (еще раньше онѣ появились на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ: „Memorien der Fürstin Daschkoff“, Hamburg, 1857 и „Bibliothèque russe et polonaise“. Paris 1859, vol. IX), и изданы въ Лондонѣ, что еще болѣе загнало ихъ въ область запретныхъ книгъ такъ называемой потаенной литературы. Тѣмъ не менѣе, въ это именно время „Записки“ кн. Дашковой сдѣлались особенно популярны у насъ на Руси. Заговорили о Дашковой и въ нашей литературѣ. Г. Иловайскій напечаталъ пространное изложеніе „Записокъ“ („От. Зап.“ 1859 г., №№ 9—12); укажемъ также на статью г. Афанасьева—„Литературные труды кн. Дашковой“ („Отеч. Зап.“, 1860 г., № 3); даже въ журналахъ для юношества писалось о княгинѣ Дашковой („Разсвѣтъ“, 1860 г., 2, 3, 4, ст. Фирсова—„Княгиня Дашкова“). Самый лондонскій переводъ, не смотря на свою запретность, былъ значительно распространенъ въ обществѣ, и нельзя отчасти не пожалѣть объ этомъ обстоятельствѣ. Дѣло въ томъ, что переводъ былъ сдѣланъ очень

скверно; переводчикъ, очевидно, плохо зналъ языкъ, съ котораго взялся переводить, и совершенно исказилъ многія мѣста подлинника.

И вотъ, 30 лѣтъ мы должны были пользоваться этимъ плохимъ и запретнымъ переводомъ, не имѣя въ рукахъ драгоценнаго оригинала. Появившійся въ настоящее время XXI-й томъ „Архива князя Воронцова“ заключаетъ въ себѣ бумаги княгини Дашковой, между которыми первое мѣсто занимаютъ, конечно, ея мемуары, писанные по-французски. Тѣмъ не менѣе, это изданіе не составляетъ еще всего, чего вправѣ желать русская историческая литература по отношенію къ княгинѣ Дашковой. Кн. Дашкова во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ болѣе общаго и болѣе, такъ сказать, популярнаго изученія. Намъ кажется, что было-бы далеко не лишнимъ изданіе русскаго перевода „Записокъ“, съ присоединеніемъ перевода „Воспоминаній“ г-жи Бредфордъ и нѣкоторыхъ другихъ документовъ, (напр. писемъ А. Р. Воронцова къ кн. Дашковой и другихъ документовъ, драгоценныхъ для характеристики кн. Дашковой, напечатанныхъ въ „Архивѣ кн. Воронцова“ писемъ Дашковой къ Екатеринѣ II, помѣщенныхъ въ „Чт. въ Моск. Общ. Истор. др.“ 1862, кн. I). Все это составило бы матеріалъ для біографіи Дашковой, доступный для всякаго болѣе или менѣе интеллигентнаго читателя. Подобное изданіе матеріаловъ для біографіи кн. Дашковой было бы тѣмъ болѣе желательно, что фигура кн. Дашковой, равно какъ и ея „Записки“, представляютъ интересъ литературный еще болѣе, чѣмъ историческій. Обще-историческое значеніе „Записокъ“ кн. Дашковой заключается въ ея разсказѣ о переворотѣ 1762 г., но здѣсь она грѣшитъ крайней субъективностью, въ которой нельзя не упрекнуть ее. Какъ частный, но характерный эпизодъ, представляютъ историческій интересъ гоненія на Дашкову императора Павла, описанныя ею замѣчательно ярко, но въ высшей степени сдержанно и безпристрастно. Періодъ академической дѣятельности кн. Дашковой всецѣло принадлежитъ исторіи русской литературы и просвѣщенія, такъ какъ въ то время Дашкова политической роли не играла. Надо, впрочемъ, замѣтить, что за этотъ періодъ своей жизни Дашкова даетъ въ своей автобіографіи меньше, чѣмъ можно отъ нея ожидать. Поставленная волею государыни во главѣ русской науки и литературы, особенно по изданію „Собесѣдника любителей россійскаго слова“, она, конечно, находилась въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ лучшими тогдашними силами русской интеллигенціи. Къ сожалѣнію, кн. Дашкова о Державинѣ, Княжнинѣ, фонъ-Визинѣ и другихъ дѣятеляхъ на поприщѣ нашей словестности прошлаго столѣтія говоритъ слишкомъ мало и, конечно, не пускается въ такія подробности о нихъ, какъ о своихъ знакомствахъ съ владѣтельными особами, или такими царями европейской мысли, какъ Дидро и Вольтеръ. Но и помимо этого, записки Дашковой имѣютъ еще несомнѣнное литературное значеніе, какъ драгоценный памятникъ быта Екатерининскаго вѣка, особенно съ прибавленіемъ воспоминаній о ней дѣвѣ Вильмотъ. Не менѣе важно значеніе записокъ кн. Дашковой, если дѣло идетъ о выясненіи и изученіи характера русской женщины во всѣхъ проявленіяхъ ея самобытности, характера, который до сихъ поръ еще вырабатывается и не нашелъ для себя опредѣленныхъ и гармоническихъ формъ. Не смотря на всѣ недостатки княгини Дашковой, въ автобіографіи этого крупнаго характера всякая русская женщина найдетъ для себя много поучительнаго и вызывающаго на серьезные размышленія.

Е. Г.—нѣ.

Отечественная исторія въ картинахъ для школы и дома. Составилъ и издалъ С. Рождественскій примѣнительно къ своимъ учебникамъ. С.П.В. 1881.

Учебники г. Рождественскаго по русской исторіи, какъ извѣстно, въ большемъ ходу. Не считая ихъ безусловно отвѣчающими требованіямъ науки и школы, мы все-таки, по глубокому убѣжденію, признаемъ ихъ стоящими выше учебниковъ г. Иловайскаго, и именно потому, что они несравненно болѣе, чѣмъ учебники выше упомянутаго историка, рассматриваютъ внутреннюю жизнь народа, его вѣрованія, нравы, преданія, что составляетъ самый существенный вопросъ въ дѣлѣ преподаванія отечественной исторіи. Сухое, мертвое изложеніе г. Иловайскаго, перечисляющее лишь голые факты, положительно не выдерживаетъ критики. Книги г. Рождественскаго составлены не талантливо, но, во всякомъ случаѣ, очень обдуманно. Талантъ не есть обычное явленіе. Учебники и того и другаго автора мы знаемъ близко, ибо прилагали ихъ къ дѣлу, слѣдовательно, въ своихъ сужденіяхъ опираемся на хорошій опытъ.

Мысль издать картины для элементарныхъ занятій съ маленькими дѣтьми русской исторіей—вполнѣ хорошая. Безъ сомнѣнія, и самъ г. Рождественскій согласится, что его картины никакъ не могутъ служить пособіемъ при занятіяхъ упомянутымъ предметомъ, положимъ, въ среднихъ или старшихъ классахъ гимназій, или другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, ибо онѣ будутъ пособіемъ для нагляднаго обученія у мѣста только въ начальной школѣ; въ гимназій же должны висѣть на стѣнахъ, въ томъ предположеніи, что ученики, побуждаемые любопытствомъ, будутъ время отъ времени рассматривать картины, вслѣдствіе чего историческія событія и личности болѣе или менѣе могутъ укореняться въ памяти.

Теперь рождается другой вопросъ: въ какой степени онѣ отвѣчаютъ требованіямъ элементарнаго обученія, которое дѣйствительно должно, при всякомъ удобномъ случаѣ, сопровождаться наглядностью, и въ которомъ всякія картины играютъ очень важную роль? Самыя картины можно назвать, какъ художественныя произведенія, вполнѣ удовлетворительно исполненными. Но, кромѣ картинъ—если взглянуть на нихъ, какъ на пособіе при элементарномъ обученіи въ школѣ и дома (иначе и нельзя понимать ихъ назначенія)—очень важенъ текстъ при нихъ находящійся. Къ сожалѣнію, текстъ г. Рождественскаго очень мало отвѣчаетъ условіямъ начальнаго обученія. Изложеніе должно быть просто, какъ нельзя болѣе приравнено къ дѣтскому пониманію, чего въ упомянутомъ текстѣ мы не встрѣчаемъ; затѣмъ, при подобныхъ картинахъ необходимую принадлежность составляетъ книга, которая могла бы служить руководствомъ для учителя, или матери.

Въ элементарномъ обученіи вопросъ величайшей важности заключается въ томъ, чтобы умѣть вести бесѣды съ ребенкомъ, что возможно лишь при условіи, если учитель или мать въ состояніи надлежащимъ, педагогическимъ образомъ ставить вопросы, на которые дѣти должны давать ясныя, правильныя по логикѣ и языку отвѣты. Безъ подобнаго руководства рѣшительно пропадаетъ все значеніе картинъ, назначенныхъ для наглядныхъ бесѣдъ. Г. Рождественскій приложилъ къ своимъ картинамъ отдѣльный объяснительный листъ; но въ этомъ листѣ указываются лишь предметы и лица, находящіеся на картинахъ, что, конечно, понятно для всякаго учителя и безъ указанія.

Провести строго педагогическую бесѣду съ маленькими дѣтьми, бесѣду, которая принесла бы дѣйствительную пользу для всесторонняго духовнаго развитія ребенка, очень и очень не легко. Иначе является лишь одна пустая болтовня, вполнѣ безцѣльная, а занятія съ дѣтьми, безъ ясно сознанной самимъ учителемъ цѣли, не могутъ быть названы добромъ. Неменѣе нужна упомянутая книга, какъ руководство для занятій по картинамъ, и для народнаго учителя, который безъ нея совершенно потеряется въ массѣ историческихъ фактовъ и будетъ говорить не только о томъ, что имѣется на картинахъ, но, пожалуй, и о томъ, чего нѣтъ на нихъ. Въ передачѣ историческихъ событій очень легко, при неопытности, пересказывать отъ одного предмета къ другому и, наконецъ, совершенно потерять изъ вида нить разсказа. Высказывая откровенно свое мнѣніе объ изданіи г. Рождественскаго, мы всетаки признаемъ, что мысль, побудившая его выпустить въ свѣтъ вышеупомянутый трудъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія, тѣмъ болѣе, что самыя картины (числомъ 30), какъ мы уже замѣтили, исполнены очень удовлетворительно.

Мы не ставимъ въ упрекъ большую цѣну (20 руб. за экземпляръ), назначенную издателемъ, ибо очень хорошо знаемъ, насколько дорого обходится у насъ всякое подобное изданіе; но предсказываемъ, что такая цѣна запретъ ему дорогу въ народную школу, гдѣ по преимуществу было бы желательно видѣть картины почтеннаго издателя, конечно, при томъ условіи, если онъ современемъ приложитъ къ нимъ и объяснительную книгу, о которой мы говорили выше.

И. В—въ.

Послѣдній потомокъ Чингисъ-хана. — Леонидъ, или черты изъ жизни Наполеона I. — Тайнственный монахъ. — Историческіе романы Р. М. Зотова. Спб. 1881 г.

Въ началѣ нынѣшняго года, книгопродавецъ Тузовъ выпустилъ въ свѣтъ посмертный романъ Р. М. Зотова: „Послѣдній потомокъ Чингисъ-хана“. Въ настоящее время г. Тузовъ издалъ и два первые романа того же автора, пользовавшіеся, въ свое время, большою извѣстностью: „Леонидъ“ и „Тайнственный монахъ“. Р. Зотовъ, уступая по силѣ дарованія Лажечникову и Загоскину, занимается въ литературѣ мѣсто непосредственно за этими романистами и отличается отъ нихъ въ томъ отношеніи, что они брали свои сюжеты только изъ русской исторіи, тогда какъ онъ изображалъ лица, имѣющія всемірное значеніе, и проводилъ въ своихъ романахъ научные и прогрессивные принципы. Такъ, въ первомъ романѣ своемъ „Леонидъ“, вышедшемъ еще въ 1832 году, кромѣ кампаній Наполеона съ 1806 по 1814 годъ, дипломатическихъ интригъ, тайныхъ обществъ, заговоровъ и военныхъ дѣйствій той эпохи, изображены нравы нашего общества, бытъ помѣщиковъ, пользовавшихся всѣми возмутительными правами крѣпостничества, едва выносимое положеніе народа подъ гнетомъ вѣчнаго рабства, жизнь нашего солдата подъ тяжестью жестокихъ дисциплинарныхъ условій, доходившихъ до послѣднихъ крайностей бездушнаго, мертвящаго милитаризма. Все это обрисовано въ романѣ довольно ярко и рельефно. Четвертое изданіе „Леонида“ значительно разнится отъ предшест-

вовавшего ему изданія 1857 года, которое было сильно искажено Лажечниковымъ, промѣнявшимъ въ концѣ своей жизни славное поприще уважаемаго писателя на гораздо менѣ славную, хотя и болѣе прибыльную, должность цензора. Съ изданіемъ 1857 года произошло то, что не разъ случалось у насъ, при ненормальномъ положеніи нашей цензуры, основанной не на твердыхъ законахъ, а на личныхъ усмотрѣніяхъ составителей разныхъ временныхъ правилъ, циркуляровъ и предписаній: то, что, могло явиться въ печати въ 1832 году, черезъ четверть столѣтія сдѣлалось невозможнымъ—и Лажечниковъ выбросилъ цѣлыя сцены изъ романа, не говоря уже объ отдѣльныхъ фразахъ и мысляхъ, подвергшихся безошадному вычеркиванію со стороны лица, нѣкогда страдавшаго отъ бича цензуры, а потомъ вооружившагося этимъ же бичомъ, чтобы дать почувствовать всю тягость его своимъ же собратамъ-романистамъ.—„Ганиственный монахъ“, вышедшій нынѣ пятымъ изданіемъ, обнимаетъ собою эпоху русской исторіи отъ смерти царя Алексѣя Михайловича до Полтавской битвы. Здѣсь въ вѣрномъ историческомъ свѣтѣ являются всѣ главныя лица этой богатой событіями эпохи: Петръ Великій, Дорошенко, царевна Софія, Хованскій, Щегловитый, Карлъ XII съ его генералами, Мазена. Стрѣльцы и народъ изображены также безъ прикрасъ и преувеличеній. Наконецъ, „Послѣдній потомокъ Чингисъ-хана“, обнимая собою любопытную эпоху отъ послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины II до 1809 года, представляетъ жизнь отца Р. М. Зотова, сына Бату-Гирея, родного брата послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея. Очищенная отъ романтическихъ прикрасъ, жизнь эта чрезвычайно романтична сама по себѣ. Татарченокъ, привезенный въ Петербургъ по взятіи Бахчисарая, подаренный Ланскому, сдѣлавшійся крестникомъ Екатерины и воспитанникомъ шляхетнаго корпуса, онъ становится лично извѣстнымъ Павлу I, дежурить въ Михайловскомъ замкѣ, въ ночь скоростижной смерти государя высылается въ Псковъ, дѣлается тамъ капитанъ-исправникомъ, женится на крѣпостной дѣвушкѣ, чтобы спасти ее отъ сластолюбія помѣщика, отправляется потомъ за границу гувернеромъ дѣтей одного вельможи, входитъ тамъ въ сношенія съ историческими лицами, участвуетъ въ наполеоновскихъ войнахъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія и, прибывъ въ чинѣ полковника въ дунайскую армію князя Прозоровскаго, убиваетъ тамъ своего генерала, оскорбившаго его и отказавшагося драться съ нимъ на дуэли, потомъ бѣжитъ въ Турцію, но, переправляясь ночью черезъ Дунай, у Браилова, погибаетъ въ рѣкѣ—если не спасается и не остается жить въ Молдавіи, такъ какъ слѣды его встрѣчаются еще черезъ сорокъ лѣтъ послѣ извѣстія о его смерти. Всѣ эти три романа появляются теперь въ обновленной формѣ, такъ какъ издатель поступилъ весьма логично, поручивъ лицу, близкому къ покойному Зотову, исправить устарѣвшій языкъ его романовъ, ихъ обветшалыя выраженія, тяжелыя фразы и риторическія обороты.

М—въ.

Иоакимъ патріархъ московскій. Свящ. П. Смирнова. М. 1881 г.

Вышеназванное изслѣдованіе состоитъ изъ восьми главъ, изъ которыхъ двѣ первыя посвящены біографическимъ даннымъ и свѣдѣніямъ объ Иоакимѣ до возведенія его въ патріаршій санъ, а въ остальныхъ рассказывается о дѣя-

«истор. вѣстн.», годъ II, томъ VI.

тельности его, какъ патріарха, въ такомъ порядкѣ: въ третьей главѣ говорится о мѣрахъ, принятыхъ Іоакимомъ для улучшенія экономическаго и нравственнаго состоянія духовенства и монаховъ и для церковнаго благоустройства, причѣмъ авторъ касается отношеній его къ заточенному Никону; четвертая глава заключаетъ разсказъ о мѣрахъ Іоакима противъ раскола и о дѣйствіяхъ патріарха во время раскольническаго движенія въ Москвѣ въ 1682 году; здѣсь же говорится о „Цвѣтѣ духовномъ“; пятая имѣетъ своимъ предметомъ борьбу Іоакима съ латинствующими и литературную полемику Евѳимія и Лихудовъ съ Сильвестромъ Медвѣдевымъ; въ шестой излагается исторія учрежденія въ Москвѣ академіи и водворенія въ ней Лихудовъ; въ седьмой говорится о переходѣ южно-русской митрополіи подъ власть московскаго патріарха и о сношеніяхъ Іоакима съ южно-русскими іерархами по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ, и, наконецъ, восьмая посвящена участію Іоакима въ уничтоженіи мѣстничества и дѣятельности его во время стрѣльцовыхъ волненій и борьбы Петра Великаго съ царевной Софьей.

О. Смирновъ извлекъ матеріалъ изъ массы источниковъ какъ печатныхъ, такъ отчасти и рукописныхъ, и обработалъ его весьма добросовѣстно; тѣмъ не менѣе, трудъ его несвободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ.

Главный изъ нихъ—излишнее пристрастіе автора къ Іоакиму. Извѣстно, что, по распоряженію Іоакима, Никонъ былъ переведенъ изъ Оералпонта монастыря въ Кпримловъ-Бѣлозерскій и здѣсь подвергся разнымъ стѣсненіямъ; извѣстно, что, когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ пожелалъ помѣстить Никона въ любимомъ его Воскресенскомъ монастырѣ, Іоакимъ долгое время отказывался дать на это свое согласіе; извѣстно, наконецъ, что по смерти Никона Іоакимъ не хотѣлъ отпѣвать его, какъ патріарха, и по этой причинѣ даже не присутствовалъ на его похоронахъ. Очевидно, главная причина враждебныхъ отношеній Іоакима къ своему знаменитому предшественнику заключается въ томъ, что онъ боялся соперничества и всѣми силами старался унижить врага, чтобы сдѣлать его менѣе опаснымъ; можетъ быть, къ этому присоединились еще какіе нибудь старые личные счеты. Но о. Смирновъ никакъ не хочетъ согласиться съ этимъ. Онъ указываетъ, что Никонъ, своимъ нежеланіемъ признать совершившійся фактъ, самъ вызвалъ противъ себя крутыя мѣры высшей духовной власти и что если бы Іоакимъ, безъ согласія восточныхъ іерарховъ, подписавшихъ соборное опредѣленіе о низложеніи Никона, освободилъ его и возстановилъ въ патріаршемъ санѣ, то отъ этого могли бы произойти въ церкви смуты и пострадали бы интересы православія (стр. 59—64). Положимъ, что такъ; но отъ Іоакима никто не требовалъ, чтобы онъ возвратилъ Никону патріаршій санъ; отъ оказанія Никону, послѣ его смерти, патріаршихъ почестей смуть въ церкви произойти не могло, и отъ доставленія ему при жизни нѣкоторыхъ удобствъ не могло быть никому соблазна; этого авторъ не захотѣлъ принять въ соображеніе. Мѣры, принятія Іоакимомъ противъ распространенія раскола, кажутся о. Смирнову настолько цѣлесообразными, что отъ нихъ, по его мнѣнію, „расколу грозила большая бѣда“ (стр. 67). На самомъ дѣлѣ возобновеніе казней и ссылокъ раскольниковъ, почти прекратившихся въ патріаршество Іоасафа и Питирима, могло быть и было только причиною новаго взрыва раскольническаго фанатизма, который выразился въ движеніи 1682 г., и послужило не къ подавленію раскола, а напротивъ, къ еще большому его распространенію, какъ показываютъ факты, приводимые самимъ о. Смирновымъ (стр. 80—81); едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что и многіе пра-

вославыны были очень недовольны жестокимъ преслѣдованіемъ раскольниковъ. О. Смирновъ сильно преувеличиваетъ значеніе тѣхъ распоряженій, которыя сдѣланы были Іоакимомъ для улучшенія быта духовенства; онъ, напримѣръ, полагаетъ, что отнимая завѣдываніе сборомъ церковной дани у свѣтскихъ чиновниковъ и поручая его поповскимъ старостамъ, патриархъ „ограничивалъ произволъ своихъ свѣтскихъ чиновниковъ въ отношеніи къ духовенству, освобождая отъ поруганія священный санъ“ (стр. 25), „полагалъ предѣлъ подъячеству въ церковной администраціи“ (стр. 26). Между тѣмъ, это распоряженіе вовсе не измѣняло сущности дѣла, и поповскіе старосты, собирая дань съ низшаго духовенства, могли притѣснять его нисколько не меньше, чѣмъ архіерейскіе подъячіе.

Нельзя сказать, чтобы авторъ вовсе не прибѣгалъ къ критикѣ; нѣкоторыя критическія замѣчанія его имѣютъ цѣну (между прочимъ, онъ признаетъ бездоказательнымъ извѣстіе о томъ, что Іоакимъ обучался въ Кіево-Могилянскои коллегіи, и отвергаетъ принадлежность „Цвѣта духовнаго“ самому патриарху) но иногда онъ вѣрится извѣстіямъ довольно сомнительнаго достоинства. Такъ, онъ приводитъ извѣстіе Игнатія тобольскаго о томъ, будто бы Никита Пустосвятъ съ сообщниками имѣлъ намѣреніе убить Іоакима и всѣхъ архіереевъ (стр. 68); авторъ при этомъ не замѣчаетъ, что если бы такое намѣреніе дѣйствительно существовало, то о немъ не преминулъ бы упомянуть составитель „Цвѣта духовнаго“, или самъ Іоакимъ въ какомъ нибудь изъ своихъ „словъ“. О Сильвестрѣ Медвѣдевѣ онъ говоритъ со словъ статей о немъ въ „Остнѣ“ и „Щитѣ Вѣры“, составленныхъ его врагами, что онъ былъ „неукъ“, хотя и выдавалъ себя за мудраго, „остроглаголивъ и любопривъ“, имѣлъ „уста бездверна, языкъ же непремолчно будящъ“ и т. п. (стр. 119), и совершенно оставляетъ безъ вниманія тѣ данныя (правда, малочисленныя), которыя представляютъ Медвѣдева совершенно въ иномъ свѣтѣ. Сторонниковъ Медвѣдева, со словъ тѣхъ же статей о немъ, о. Смирновъ называетъ людьми недалекаго развитія, „ученія ничто же вѣдящими“, дѣятельность которыхъ заключалась единственно въ томъ, что они разносили „Манну“ Медвѣдева людямъ разныхъ чиновъ (стр. 121—122), и забываетъ о томъ, что къ числу ихъ принадлежалъ архимандритъ московскаго Симонова монастыря Гаврилъ Домецкій, человекъ безспорно образованный и впоследствии выступившій съ опроверженіемъ „Остна“.

Разносторонняя дѣятельность Іоакима описана о. Смирновымъ довольно подробно, но не безъ пробѣловъ; онъ, между прочимъ, забылъ упомянуть объ удаленіи имъ изъ Московскаго государства духовныхъ изъ малороссіянь (послѣ осужденія Сильвестра Медвѣдева), слишкомъ мало сказалъ объ Янѣ Бѣлободскомъ, почти не коснулся отношеній Іоакима къ иностранцамъ. Кромѣ того, у него мы вовсе не находимъ характеристики патриарха и личность его остается недостаточно освѣщенной.

Кое въ чемъ мы не можемъ согласиться съ авторомъ. Оставляя въ сторонѣ мелочи, укажемъ на одну очень крупную его ошибку. Ему кажется, что Іоакимъ вступилъ на первосвятительскій московскій престолъ „въ такой именно моментъ, когда этотъ престолъ поколебался послѣ вѣковой своей непоколебимости и уже не могъ служить лицу, занимающему его, достаточной опорой“ и авторитетъ патриарха находился въ прямой зависимости отъ его личныхъ качествъ (стр. 17—18). Это не болѣе, какъ фантазія о. Смирнова. Если могущество патриаршей власти въ то время, когда она перешла въ руки Іоакима, и было не таково, какимъ было оно при Филаретѣ и Никонѣ, все-таки значе-

ніе ея было нисколько не ниже значенія ни московскихъ митрополитовъ, ни первыхъ патріарховъ—Іова и Гермогена. Паденіе Никона не уронило патріаршаго достоинства и вовсе не было, какъ думаетъ авторъ, „однимъ изъ смѣлыхъ шаговъ, которые были сдѣланы русскимъ самосознаніемъ на пути освобожденія отъ прежнихъ обычаевъ“ (стр. 18); напротивъ, оно было шагомъ назадъ и вело къ возстановленію стараго положенія вещей.

Вообще, изслѣдованіе о. Смирнова читается не безъ интереса. Къ сожалѣнію, изложеніе его оставляетъ желать многого, а корректурная часть въ высшей степени неудовлетворительна.

А. С—скій.

Грузинскіе церковные гуджари (грамоты). Составилъ Д. П. Пурцеладзе. Тифлисъ. 1881 г.—Грузинскія дворянскія грамоты. Его же. Тифлисъ. 1881 г.

Кавказъ, богатый преданіями и письменными памятниками старины, относительно сохраненія послѣднихъ не представляетъ отраднаго исключенія: какъ въ Россіи, такъ и въ этой ея окраинѣ, письменные памятники, иногда глубокой старины, весьма часто уничтожаются, благодаря невѣжеству лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ они находятся, не сдѣлавшись такимъ образомъ достояніемъ науки. Разумѣется, нѣтъ никакой возможности опредѣлить потери отъ варварскаго уничтоженія рукописей и книгъ ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Сколько рукописей и книгъ, собранныхъ въ продолжительное время съ большими трудами и издержками бывшимъ тифлискимъ городскимъ головою, погибло во время бунта, бывшаго въ Тифлисѣ въ началѣ 60-хъ годовъ! Разъяренная толпа не оставила ни клочка отъ этого драгоценнаго книгохранилища... Сколько рукописей и старопечатныхъ книгъ и до сихъ поръ лежатъ подъ спудомъ въ церквахъ, монастыряхъ и другихъ мѣстахъ обширнаго Кавказа, ожидая опытной руки, которая могла бы разобрать эти драгоценности. Нельзя не отнестись съ глубокой благодарностью къ экзарху Грузіи, высокопреосвященному Іоанникію, за его заботу объ основаніи въ Тифлисѣ церковно-археологическаго музея, въ которомъ буду ть собраны, между прочимъ рукописи и книги, находящіяся въ церквахъ и монастыряхъ Грузіи. Высокопреосвященный Іоанникій уже вошелъ съ ходатайствомъ, куда слѣдуетъ, объ основаніи этого музея, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что его ходатайство будетъ удовлетворено. Какъ ни желательно возможно-скорое открытіе церковно-археологическаго музея въ Тифлисѣ, но, къ сожалѣнію, онъ будетъ обладать матеріалами, касающимися только Грузіи, Имеретіи и т. д. Но кромѣ грузинъ и народностей, имъ родственныхъ, на Кавказѣ обитаютъ армяне, мусульмане. У нихъ также имѣются многочисленныя памятники старины. Спрашивается: гдѣ будутъ сосредоточены эти памятники, теперь разбросанные тамъ и сямъ? Не лучше ли было бы, если бы въ Тифлисѣ основался одинъ музей, въ которомъ сосредоточились бы памятники старины всѣхъ народностей, обитающихъ на Кавказѣ?

Но обращусь къ книгамъ, заглавія которыхъ выписаны мною выше.

Пока нѣкоторые частныя лица безъ посторонней помощи отыскиваютъ, сохраняютъ, изучаютъ памятники старины, которые безъ ихъ участія без-

слѣдно пропали бы для исторіи. Къ числу любителей и знатоковъ старинны принадлежить и Д. П. Пурцеладзе.

Г. Пурцеладзе, знатокъ края и его исторіи, употребилъ немало самаго кропотливаго труда на отысканіе, прочтеніе и переводъ тѣхъ и другихъ грамотъ, т. е. дворянскихъ и церковныхъ. Самые древніе гуджари, найденные и разсмотрѣнные г. Пурцеладзе, восходятъ до 1024 года, самые же позднѣйшіе относятся къ 1815 году. Число разсмотрѣнныхъ имъ гуджаровъ простирается до 1000, но это еще не всѣ, какъ замѣчаетъ г. Пурцеладзе. Что же содержатъ въ себѣ эти гуджари? спросить читатель. Гуджари заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для уясненія вопросовъ объ отношеніи церкви къ государству въ историческомъ развитіи и измѣненіи, о происхожденіи церковной крѣпостной зависимости, объ отношеніи церкви къ своимъ крестьянамъ; по гуджарамъ можно составить понятіе объ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ состояніи грузинскаго народа въ прежнія времена; въ гуджарахъ заключаются данныя, касающіяся церкви, ея управленія, преемственности іерарховъ той или другой епархіи, настоятелей монастырей и т. п.; гуджари не лишены данныхъ касательно царствованія того или другаго царя, касательно разнаго рода повинностей и т. п.; въ гуджарахъ встрѣчаются описанія различныхъ историческихъ событій; наконецъ, гуджари даютъ возможность составить понятіе объ историческомъ развитіи формъ грузинской письменности съ начала XI столѣтія по начало XIX столѣтія. Какъ видитъ читатель, гуджари заключаютъ въ себѣ богатый и разносторонній матеріалъ для грузинской исторіи. Нужно употребить всѣ усилія, чтобы розыскать всѣ гуджари, изучить ихъ и сдѣлать достояніемъ науки. При тщательномъ розыскѣ найдутся, быть можетъ, гуджари болѣе древніе, чѣмъ тѣ, которые теперь найдены.

Значеніе дворянскихъ грузинскихъ грамотъ, часть которыхъ, могущая служить цѣннымъ приобрѣтеніемъ для науки, сгруппирована во второй книгѣ, г. Пурцеладзе опредѣляетъ такъ: „дворянскія грамоты выясняютъ до извѣстной степени поземельныя, правовыя, бытовыя и прочія положенія грузинскаго народа въ данную эпоху, равно какъ и взаимныя отношенія дворянства къ крестьянскому сословію. Изъ дворянскихъ грамотъ видно, какимъ образомъ въ Грузіи явилось высшее сословіе. Изъ грамотъ видно также, въ какомъ положеніи находилась въ извѣстную эпоху внутренняя и внѣшняя политика Грузіи, и какія отношенія существовали между западной и восточной Грузіей. Какія административныя должности существовали въ Грузіи и въ какой зависимости онѣ находились отъ правительственной власти,—вопросы, на которые до извѣстной степени также отвѣчаютъ дворянскія грамоты. Безъ нѣкоторой обрисовки не остаются въ нихъ и вопросы о бытовомъ положеніи грузинъ и о поземельной зависимости крѣпостныхъ отъ своихъ владѣльцевъ, точно такъ же, какъ въ нихъ объяснены права владѣтелей Гуріи и Мингретин и отношенія ихъ къ имеретинскимъ царямъ.“

Дворянскія грамоты восточной Грузіи, разсмотрѣнныя г. Пурцеладзе, начинаются 1455 годомъ и оканчиваются 1804 г., грамоты же западной Грузіи начинаются 1451 г. и оканчиваются 1846 г.

Окончу мою замѣтку справедливыми словами самого автора: „дворянскія грамоты Грузіи, въ связи съ церковными грузинскими грамотами, могутъ служить если не главными, то во всякомъ случаѣ далеко не лишними значенія матеріалами для изученія исторіи грузинскаго народа.“

В. В—овъ.

Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи вятскаго края, т. II. Вятка. 1881 г.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (апрѣль нынѣшняго года) помѣщенъ отзывъ о первомъ томѣ этого изданія. Второй томъ сборника вышелъ живѣе и интереснѣе перваго. Въ немъ помѣщены:

1) Вторая половина очень цѣнной лѣтописи событій и законоположеній, касающихся Вятской губерніи (Бехтерева), содержаніе которой, какъ мы уже сообщали, цѣликомъ извлечено изъ мѣстныхъ архивовъ. 2) Семь статей о крестьянскихъ бунтахъ: волненія крестьянъ Яковлева 1814, Дебрейскъ и Наумовой 1832, Запольскаго 1834, Дурново 1845, Озеровой 1855 г., волненіе крестьянъ бывшихъ Унжинскаго монастыря 1834 г. и картофельные бунты 1834—1842 г. Какъ матеріалъ для исторіи помѣщичьихъ крестьянъ Вятской губерніи, эти статьи имѣютъ цѣну, но, къ сожалѣнію, представляютъ изъ себя одно голое изложеніе канцелярскихъ „дѣлъ“, гдѣ истинная фізіономія бунта закрашена начальственной официальною. Между тѣмъ, на Вяткѣ до сихъ поръ можно слышать рассказы о бунтахъ и можно даже найти свидѣтелей ихъ; намъ, напр., удалось слышать кое-что о бунтѣ крестьянъ Яковлева, бывшемъ 67 л. тому назадъ. Положимъ, наши официальные изданія не могутъ вмѣститъ всего, что можно сказать на ту или иную тему, но все-таки предѣлы возможности неопредѣленны. Изложены „дѣла“ не вездѣ съ надлежащею полнотою, и довольно-таки запутанно. 3) Далѣе идутъ „дѣла о совершеніи языческихъ обрядовъ и жертвоприношеній крещеныхъ инородцевъ Вятской губерніи (Андріевскаго). Тема выбрана очень оригинальная и статья послужитъ хорошимъ матеріаломъ для исторіи инородцевъ, къ которымъ русские историки до сихъ поръ остаются очень равнодушны. Помѣщены дѣла: о моленіи 3,000 черемисъ, собравшихся въ Уржумскій уѣздъ, вслѣдствіе видѣнія одному новокрещену, о секретномъ разрушеніи языческаго камня Чембулата, о различныхъ молебницахъ, объ обрядѣ „окашка“, о совершеніи идолопоклонническихъ жертвъ, о праздникѣ „ага-пуэра“. Въ статьѣ читатель найдетъ также свѣдѣнія о мѣрахъ, какія принимались духовною и гражданскою властью для распространенія среди инородцевъ христіанства. 4) Статья А. С. В.—на „Очеркъ исторіи вятской духовной семинаріи“ составляетъ сокращеніе статьи того же автора, помѣщенной въ „Вятск. Епарх. Вѣд.“ за 1868 г. 1, 2, 4, 12, 14 и 15 ¹⁾). 5) Статьи по исторіи вятской мужской и женской гимназій заключаютъ въ себѣ почти исключительно фактическія данныя; это, такъ сказать, формуляръ учебныхъ заведеній, не дающій никакого понятія объ ихъ внутренней жизни, впрочемъ, вполне пригодный для различныхъ справокъ. 6) Обширная и очень хорошая статья директора народныхъ школъ Нурминскаго о прошломъ народныхъ школъ въ Вятской губерніи цѣнна болѣе въ статистическомъ отношеніи. 7) Очень важна для исторіи крестьянскаго населенія Вятской губерніи трудолюбивая статья г. Романова: „Статист. очеркъ постеп. увеличенія населенія Вятской губерніи“. Далѣе въ сборникѣ помѣщена статья о высочайшихъ посѣщеніяхъ Вятской губерніи, болѣе интересная для чтенія, чѣмъ важная для историка, и окончаніе вятской хроники за послѣднее 25-ти-лѣтіе по мѣстнымъ вѣдомостямъ.

¹⁾ Статья г. Верещагина въ своемъ полномъ видѣ составляетъ прекрасную монографію и служитъ украшеніемъ мѣстной литературы. Къ сожалѣнію, она мало извѣстна, такъ какъ отдѣльно не была напечатана, а въ „Епарх. Вѣд.“ затерялась.

Въ дополненіе къ сборнику, изданы под редакціею г. Верещагина доку-
менты, касающіеся вятскаго края,—выборъ изъ различныхъ изданій, преиму-
щественно изданій „Археографической комиссіи“, съ добавленіемъ новыхъ 22
актовъ. Доставляя въ руки мѣстныхъ историковъ цѣнный матеріалъ для исторіи
вятскаго края, разбросанный прежде въ малодоступныхъ изданіяхъ, это собраніе
актовъ побуждаетъ ихъ къ тщательной разработкѣ мѣстной исторіи, которой
мы до сихъ поръ не имѣемъ.

А. С.

**Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе
управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ 1-й. I—XXIV,
1—124, I—VIII и 1—60. Тифлисъ. 1881 года.**

Изданіемъ перваго выпуска матеріаловъ для описанія мѣстностей и пле-
менъ Кавказа управленіе кавказскаго учебнаго округа положило начало хо-
рошему дѣлу. Безъ сомнѣнія, въ округѣ найдется немало лицъ, которыя безъ
всякаго ущерба своимъ педагогическимъ занятіямъ могутъ посвятить досуги
изученію той мѣстности, гдѣ имъ приходится жить и работать. Разрозненные
и разбросанныя на значительныя разстоянія другъ отъ друга, не имѣющія
центра, куда могли бы направлять свои труды и откуда могли бы получать
поддержку къ дальнѣйшему ихъ продолженію, эти силы—иногда богатая и
много общающія—пропадаютъ, къ сожалѣнію, даромъ, безъ всякаго прило-
женія къ животрепещущему вопросу изученія края вообще и отдѣльныхъ его
мѣстностей въ частности. Явленіе печальное, но поправимое. Управленіе кав-
казскаго учебнаго округа, составивъ подробную программу для изученія мѣст-
ностей и племенъ Кавказа, разослало его по округу въ началѣ прошлаго года,
пригласивъ подвѣдомыхъ ему учителей и учительницъ посвятить свои досуги этому
дѣлу. Управленіе округа вполне основательно считаетъ работы по изученію мѣст-
ностей и племенъ Кавказа однимъ изъ средствъ къ поддержанію духовной
дѣятельности учителей. Такимъ образомъ, центромъ, о которомъ упомянуто
выше, явилось управленіе кавказскаго учебнаго округа. Меньше чѣмъ въ годъ,
получено отъ нѣсколькихъ учителей и даже отъ одного ученика-реалиста
рядъ статей, которыя вошли въ составъ разсматриваемой нами книги. Не слу-
жить ли это доказательствомъ, что, при разумной постановкѣ вопроса объ изу-
ченіи родины и отечества, дѣятели для этого всегда найдутся? Нельзя не от-
мѣтить того обстоятельства, что управленіе кавказскаго учебнаго округа обра-
щаетъ вниманіе учителей и учительницъ не на педагогическія и дидактиче-
скія тонкости преподаванія, а на живое дѣло, дѣло первостепенной важ-
ности,—дѣло изученія мѣстности, гдѣ они живутъ, и племенъ, съ которыми они
живутъ.

Разсматриваемая нами книга раздѣлена на 2 отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ,
кромѣ статьи отъ управленія округа, сообщающей программу и указывающей
различные источники, содержатся 2 статьи г. Зелинскаго (городъ Эриванъ и
Дарачичагъ), одна статья, посвященная состоянію промышленности въ Ахал-
цхскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, и 3 статьи, въ которыхъ описываются
села Прасковей, Алты-агачъ и Чернолѣское. Во 2-мъ отдѣлѣ помѣщены сказа-
нія о нарскихъ богатыхъ у татаръ-горцевъ, Пятигорскаго округа, Терской

области, собранныя ученикомъ владикавказскаго реальнаго училища г. Урусбиевымъ, и татарскія пословицы, поговорки, загадки и имена женщинъ, записанныя въ Эривани тѣмъ же г. Зелинскимъ, которому принадлежатъ двѣ статьи перваго отдѣла. Лучшими статьями въ книгѣ являются статьи гг. Зелинскаго и Урусбиева. Г. Зелинскій мастерски обрисовываетъ Эривань со всѣхъ сторонъ. Онъ немало положилъ труда на изученіе исторіи этого города. Городъ, время основанія котораго неизвѣстно (въ началѣ VII столѣтія по Р. Х. въ немъ была уже крѣпость), до 1441 года находившійся во власти армянь, съ этого года сдѣлался игрушкою въ рукахъ персовъ и турокъ, переходя изъ подъ власти турокъ во власть персовъ и обратно четырнадцать разъ. Такъ продолжалось это до 1827 года, когда Эривань присоединена была къ Россіи. Въ какихъ гигиеническихъ условіяхъ находится городъ, можно видѣть изъ слѣдующей выдержки изъ статьи г. Зелинскаго. „Эриванскій старый базаръ есть громадная помойная яма: на огромномъ пространствѣ лежатъ развалины сотенъ лавокъ и въ этихъ развалинахъ, а также на открытыхъ мѣстахъ, находятся чудовищныя груды мусора, грязи, гнили, человѣческихъ экскрементовъ, кожи, шерсти, корокъ арбуза и дыни, кусковъ всякаго рода матерій, костей всевозможныхъ животныхъ и пр. Понятно, что эти вещества постепенно гниютъ и трухнутъ и наполняютъ воздухъ такимъ зловоніемъ, какого безнаказанно не можетъ выносить даже привычный организмъ туземца“. Климатическими условіями объясняетъ г. Зелинскій незначительность прироста населенія въ Эривани втеченіе послѣднихъ 50 лѣтъ. Въ 1829 году въ Эривани было жителей 11463, а въ 1880 году 12449 душъ. Приростъ совершенно ничтожный. Въ статьѣ г. Зелинскаго находятся таблицы наблюденій надъ атмосферическими осадками, числа умершихъ, браковъ, родившихся за послѣдніе 10 лѣтъ, таблицы торговцевъ, мастерскихъ и мастеровыхъ, смѣты доходовъ и расходовъ эриванской городской думы, число жителей по сословіямъ, по національностямъ, по профессіямъ. Въ заключеніе своей статьи, г. Зелинскій сообщаетъ весьма интересный краткій очеркъ народнаго образованія въ Эривани. Оказывается, что въ Эривани 8 школъ при мечетяхъ съ 153 учениками, 5 армянскихъ училищъ, гимназія, городское училище и одно женское училище. Кромѣ этого, въ Эривани существуютъ 3 частныя школы. Менѣе всего учится мусульманъ и мусульманокъ. Къ статьѣ объ Эривани приложенъ планъ этого города. Къ сожалѣнію, мы не можемъ останавливаться на всѣхъ подробностяхъ этой прекрасной статьи, составленной по архивнымъ даннымъ и по личнымъ наблюденіямъ автора.

Во второй статьѣ, г. Зелинскій знакомитъ читателей съ Дарачичагомъ. Дарачичагъ—небольшая долина, лежащая въ 57 верстахъ отъ Эривани. На этой долини расположена молоканская деревня Константиновка и развалины древняго монастыря въ Дарачичагѣ, рисунокъ котораго представленъ на виньетѣ. Авторъ приводитъ нѣсколько надписей, сохранившихся на стѣнахъ церкви этого монастыря.

Г. Урусбиевъ сообщилъ интересныя сказанія о 4 нартскихъ богатыряхъ: Урызбекѣ, Шауаѣ, Рачикау и Сосруко. Всѣхъ нартскихъ богатырей, про которыхъ сложены пѣсни, насчитывается 11. Пѣсни про нартскихъ богатырей пѣлись бродячими въ Кабардѣ пѣвцами-поэтами, извѣстными подъ именемъ геуако. Послѣдній изъ этихъ бродячихъ пѣвцовъ, Таяиръ, умеръ въ малой Кабардѣ въ 50 годахъ настоящаго столѣтія. Съ исчезновеніемъ со сцены этихъ геуако и пѣсни ихъ про нартскихъ богатырей стали забываться. По-

этому нельзя не порадоваться, что нашелся человек, который, самъ происходя изъ кабардинцевъ, рѣшился собрать сказанія. Вѣдь могло случиться, что пѣсни о нартскихъ богатыряхъ, не будучи никѣмъ записаны, при отсутствіи бродячихъ пѣвцовъ, стѣрлись бы совершенно въ памяти народной. Вѣроятно, г. Урусбиевъ сообщитъ сказанія и объ остальныхъ 7 нартскихъ богатыряхъ. „Пѣсни гегуако, — говоритъ г. Урусбиевъ, — заключающія въ себѣ сказанія о нартахъ, кажутся на первый взглядъ не имѣющими ничего общаго между собою, но при ближайшемъ разсмотрѣніи нельзя не замѣтить внутренней связи между ними, какъ бы между частями одной эпической поэмы“.

На остальныхъ статьяхъ книги мы не останавливаемся по незначительности данныхъ, представляемыхъ ими.

Желательно, чтобы управленіе кавказскаго учебнаго округа продолжало свое изданіе, постепенно улучшая его и обогащая родиновѣденіе данными о Кавказѣ, большею частью лежащими теперь подъ спудомъ.

В. В—овъ.

Происхожденіе „Артикула воинскаго“ и изображеніе процессовъ Петра Великаго, по уставу воинскому 1716 г. Историческое изслѣдованіе П. О. Бобровскаго. Изд. 2-е. С.П.В. 1881.

Въ числѣ специальныхъ тѣмъ историческаго изслѣдованія, тѣма брошюры г. Бобровскаго—одна изъ самыхъ специальныхъ. „Артикулъ“ Петра Великаго давно отжилъ свое время и самъ въ настоящую эпоху является древнимъ юридическимъ памятникомъ, откуда уже повидно, какъ великъ и специаленъ долженъ быть интересъ, возбуждаемый трудомъ г. Бобровскаго. Между тѣмъ, брошюра выходитъ вторымъ изданіемъ, значитъ изслѣдованіе о происхожденіи нашего перваго военнаго уложенія почему либо нужно многимъ.

Брошюра г. Бобровскаго не пугаетъ своими размѣрами — въ ней всего 32 страницы текста, да 14-ть приложений, прочитавъ которыя, мы узнаемъ, что русскій законодатель взялъ свой „Артикулъ“ съ ново-шведскаго устава Карла XI, составляющаго новую редакцію уложенія Густава-Адольфа, изданнаго Петромъ Люціемъ въ 1643 году. Сравненіе заглавій параграфовъ нашего „Артикула“ и шведскаго закона ясно это доказываетъ. Но, такъ какъ въ это время въ Западной Европѣ царствовалъ инквизиторскій (тайный) порядокъ процесса и наказанія были крайне жестокиа, то и Петръ не могъ вполнѣ держаться сравнительной гуманности Густава-Адольфа, но предпочелъ послѣдовать въ назначеніи наказаній за французскими и саксонскими юристами. Личную же самостоятельность русскій законодатель показалъ въ толкованіяхъ на параграфы устава, которые отличаются простотой и удобопонятностью, тогда какъ комментарий нѣмецкихъ юристовъ, находящіеся въ другихъ кодексахъ, напротивъ, туманны и необыкновенно многословны.

Вотъ результатъ изслѣдованія г. Бобровскаго, при условіи, что оно правильно понято, а послѣднее не легко, такъ какъ въ „толкованіяхъ“ своихъ почтенный авторъ болѣе слѣдуетъ многословной и туманной манерѣ нѣмецкихъ юристовъ, нежели категоричной ясности великаго преобразователя Россіи. Въ смыслѣ ясности, изложеніе его оставляетъ желать многоаго.

В. П.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Письмо графа Я. А. Брюса къ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому о кончинѣ его матери ¹⁾.

МАТЬ РУМЯНЦЕВА, графиня Марья Андреевна, урожденная графиня Матвѣева, внука известнаго боярина Артамона Сергѣевича, родилась въ 1698. Есть преданіе, что въ юности она была замѣчена Петромъ I и что Петръ однажды изъ ревности собственно ручно высѣкъ ее въ Екатерингофскомъ дворцѣ на чердакѣ, а вскорѣ затѣмъ (въ 1718 г.) выдалъ, противъ ея желанія, за своего деньщика, бѣднаго дворянина Александра Ивановича Румянцева, сдѣлавшагося впоследствии графомъ, сенаторомъ, генераль-аншефомъ, подполковникомъ Преображенскаго полка. Императрица Елисавета Петровна пожаловала графиню Марью Андреевну званіемъ своей статсъ-дамы, а императрица Екатерина II возвела ее въ званіе оберъ-гофмейстерины. Она скончалась на 90 году своей жизни.

„Милостивой государь мой

„Графъ Петръ Александровичъ!

„Съ чувствительною прискорбностію вынужденнымъ себя нахожу поновить рану, нанесенную уже сердцу вашему. Матушка графиня Марья Андрѣевна, приходя со дня на день въ большую слабость, наконецъ вчерашняго числа поутру въ 10 часовъ къ совершенному всѣхъ сокрушенію скончалась. Я былъ дежурнымъ въ Царскомъ селѣ, и приехалъ въ городъ для совѣта; ко мнѣ въ самой часъ пріезда моего прислали сказать, что ей здѣлалось хуже; я, не теряя ни минуты времени, сѣлъ въ карету и спешилъ къ ней; но столько былъ несчастливъ, что нашелъ ее уже представльшеюся. Княгиня Дарья Александровна ²⁾ въ крайней грусти, такъ какъ и всѣ родственники; а я занимаюсь

¹⁾ Генераль-аншефъ графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, главнокомандующій въ Петербургѣ, приходился родственникомъ графу Румянцеву-Задунайскому, такъ какъ былъ женатъ на его родной сестрѣ, Прасковѣ Александровнѣ, умершей въ 1786 г.

²⁾ Сестра графа Румянцева, бывшая за-мужемъ за княземъ Вальдштейномъ.

теперь разпоряженіями къ достойному и приличному ея имяни и характеру погребенію. Но, не входя въ подробное онаго описанія, спешу токмо сіи строки къ вашему сіятельству съ отъѣзжающимъ сего числа контръ-адмираломъ Поль-Жонсомъ отправить, которой обнадежилъ мѣня, что онъ ихъ вѣрно безмалѣйшій медленности до рукъ вашихъ доставитъ. Заключаю сіе прошеніемъ всевышняго утешителя сердець, печалію удрученныхъ, да подкрѣпитъ васъ въ семъ горестномъ положеніи и да подастъ вамъ довольную силу къ перенесенію сего чувствительнаго удара; пребывая съ совершеннымъ почитаніемъ и безпрерывною преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

„Графъ Брюсъ.“

С.-Петербургъ, мая 5 дня, 1788 г.

PS. По кончинѣ матушки, писалъ я тотчасъ къ Александру Матвѣвичу Мамонову для донесенія о семъ ея величеству, а равно и къ ихъ императорскимъ высочествамъ; и какія получилъ я въ отвѣтъ письма, съ оныхъ провождаю у сего къ вашему сіятельству копін.

Сообщено Г. В. Есиповымъ.

Записка канцлера графа Н. П. Румянцова о евреяхъ.

„Состояніе евреевъ въ Россійскомъ государствѣ почитаю за заслуживающимъ вниманія правительства по двумъ обстоятельствамъ противоборствующимъ, и которыя въ согласіе привести неотмѣнно должно:

„1) то, что у насъ издревле пребываніе въ государствѣ снмъ вреднымъ бродягамъ рѣшительно воспрещено было, а 2) что со времени приобрѣтенія польскихъ губерній, уваженіе великаго числа жидовъ, тамъ найденныхъ, подвигло уже и на допущеніе ихъ въ тѣхъ мѣстахъ ко всѣмъ преимуществамъ торговыхъ у насъ состояній.

„Вышло изъ сего, если смѣю сказать, что ни перваго закона сохранить нельзя ужъ строго было, ни отъ втораго потворства ожидать какого существеннаго въ нравственности сего народа поправленія; почему и сужу я, что приступить должно непосредственно къ обдуманному объ нихъ положенію, заимствуя во многомъ отъ благоразумныхъ правилъ, введенныхъ Іосифомъ II въ Цесарскихъ владѣніяхъ. Пачеже прочаго должно стараться истребить въ нихъ гнусное къ школьническому торгу расположеніе, и согласно съ самымъ Моисеевымъ закономъ обратитъ ихъ къ отправленію хлѣбопашества и всякихъ обществу полезныхъ ремеслъ. По усмотрѣнію же благоуслѣшности сихъ правилъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ жительствоуютъ уже евреи, можно будетъ съ надлежащими предосторожностями допустить ихъ даже и до повсемѣстнаго въ Россіи обитанія. Но до тѣхъ поръ, пока они пребудутъ, каковы суть, прежній законъ, возбраняющій имъ въездъ въ древніе государства предѣлы, строго по мнѣнію моему наблюдаемъ быть долженъ, и не почитаю я отнюдь безвреднымъ дозволить имъ и подъ предлогомъ нужды пребываніе въ столицахъ, сколь бы ни было впрочемъ надъ ними бдительно надзираніе гражданскихъ начальствъ. Еслибы мѣры таковыя нѣсколько строгими почестья могли и въ справедливости моихъ заключеній оставалось еще сомнѣніе, то

приведу я въ доказательство то прискорбное положеніе, въ которомъ нашелся самъ сенатъ сознать предъ государемъ императоромъ, что отъ происковъ здѣсь сплетающихъ евреевъ вовлеченъ онъ былъ въ составленіе двухъ въ пользу ихъ, а государству вредныхъ, опредѣленій, къ чему прибавлю я и то, что всякое послабленіе въ разсужденіи ихъ у насъ и вездѣ, гдѣ только ни было оно оказываемо, требовало въ скоромъ времени не только возвращенія, но и усиленія прежнихъ строгостей. Въ 41 году высланы они изъ малороссійскихъ повѣтовъ, но дозволенъ однако жъ имъ еще пріѣздъ на ярмонки, а въ 42 году видимъ мы уже правительство принужденнымъ ихъ и къ тому недопустить.

„Что жъ послѣдовало въ Англии въ 53 году, небызвѣстно. Едва лишь только законъ, утверждающій ихъ въ согражданствѣ, былъ въ полномъ дѣйствіи, то безпокойныя и свойственныя жидамъ пронырства возбудили такой въ народѣ ропоть, что правительство поснѣшило уничтожить всѣ имъ уже дарованныя преимущества.

„Впрочемъ, соглашаюсь я, что въ разсужденіи ихъ дѣлъ и нуждъ не могутъ они быть оставлены безъ всякаго призрѣнія, но мѣшаетъ ли что причислить ихъ у насъ къ тѣмъ состояніямъ, о которыхъ по правиламъ учрежденій стряпчіе различныхъ присутственныхъ мѣстъ законными ходатаями быть должны? Заключаю я надеждою, что мною здѣсь о нихъ сказанное не будетъ приписано новому горячему извѣрству, ибо святость нашего закона не терпитъ и къ самимъ жидамъ таковыхъ расположеній, а что жъ касается до того, что принадлежитъ всеконечно имъ, какъ и прочимъ, пользованіе правъ челоувѣчества, то сузу я, что благоразумная осмотрительность и обстоятельства государствъ нерѣдко требуютъ справедливыхъ ограниченій. Небызвѣстно, какія строгія противъ панитовъ въ землѣ самой вольности существуютъ, такъ сказать, узаконенія; да и въ тѣхъ даже странахъ, гдѣ въ монашескихъ лицахъ привыкли обожать святительскія, подвиглися безъ всякаго отвращенія на уничтоженіе и самого знаменитаго іезуитскаго чина“.

Сообщено А. П. Коломнинимъ.

Собственнооручная записка Потемкина къ неизвѣстному лицу.

„По запискѣ объ опредѣленіи ко мнѣ по званію генераль-инспектора камеръ-юнкера князя Михаилу Голицына ¹⁾, я прошу покорно доложить: онъ челоувѣкъ честный и за собою имѣетъ 12 тысячъ душъ, сего и было бы довольно для его рекомендаціи, но, оставя все, главный резонъ есть, что сія милость будетъ собственно мнѣ, которая столь меня интересуетъ, что я поѣду съ веселымъ духомъ, ежели ея императорское величество осыпала меня полезными милостями, то тутъ будетъ пріятная. Повергните мою просьбу съ изъясненіемъ, что я буду чувствовать“.

Іюнь, 1791 г.

Сообщено П. Я. Дашковымъ.

¹⁾ Вѣроятно, дѣло идетъ о князѣ Михаилѣ Андреевичѣ Голицынѣ, впоследствии тайномъ совѣтникѣ и дѣйствительномъ камергерѣ.

Письмо А. П. Вибикова къ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому.

„Сіятельнѣйшій графъ
„Милостивый Государь!

„Нося въ себѣ вашего сіятельства милости, трепещу, чтобъ по дерзости сей не лишиться оныхъ навсегда; но въ надеждѣ великодушія вашего сіятельства осмѣливаюсь доложить: если я не противенъ буду Настасьѣ Петровнѣ, увѣнчать мое благополучіе принятіемъ меня въ отеческое ваше покровительство. Пребывая между страхомъ и надеждою, съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ

„Сіятельнѣйшій графъ
„Милостивый государь
„вашему Сіятельству
„всепокорнѣйшій вручитель ‘)“.

Сообщено Г. В. Есиповымъ.

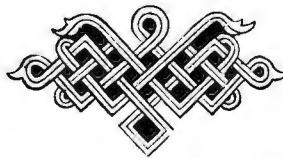
Сумма пенсій, отпускавшихся въ 1799 году.

По высочайшимъ указамъ, опредѣлены къ ежегодному отпуску въ 1799 г. на статныя пенсіи слѣдующія суммы:

1) Въ воинской департаментъ, на служившихъ въ воинской сухопутной службѣ, на вдовъ и сиротъ и на инвалидные дома	360000 р.
2) Въ морской департаментъ, на служившихъ въ воинской морской службѣ	80000 „
3) Въ иностранный департаментъ	11810 „
4) Въ ассигнаціонный и заемный банки	20000 „
5) Въ медицинскую коллегію на медицинскихъ чиновъ	10000 „
6) На чиновъ, служившихъ въ гражданской службѣ	120000 „

Итого 601810 р.

Изъ бумагъ М. Д. Хшырова.

‘) Бракъ генералъ-маіора Александра Петровича Вибикова съ единственною дочерью графа Румянцева-Задунайскаго, Настасьей Петровной, состоялся въ 1788 г. и былъ очень счастливъ.

СМѢСЬ.

ПУШКИНСКАЯ библиотѣка. 19-е октября 1879 года, при Александровскомъ лицѣѣ была основана Пушкинская библиотѣка. Начинаніе лицейское имѣло столь счастливый успѣхъ, что уже къ концу перваго года библиотѣка могла съ честію явиться на Пушкинской выставкѣ. Второю годъ былъ не менѣе счастливъ. Число названій дошло до 500, не считая огромной коллекціи газетъ и журналовъ за прошлый годъ. Между изданіями, поступившими въ библиотѣку, есть весьма рѣдкія и драгоцѣнныя. Начальство лицея считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить свою искреннюю признательность лицамъ, содѣйствовавшимъ своими приношеніями обогащенію библиотѣки. Отдѣлъ сочиненій Пушкина, вышедшихъ отдѣльными изданіями при его жизни, можно считать законченнымъ. Для идеальной его полноты недостаетъ проблематическаго (перваго или втораго?) изданія „Братьевъ-разбойниковъ“ 1827 г., брошюры „Для немногихъ“ 1832 г. и такъ называемыхъ авторскихъ оттисковъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ и другихъ повременныхъ изданіяхъ. Но это такія рѣдкости, что нѣкоторыхъ не видали самые записные библиографы. Въ ожиданіи счастливаго случая, который доставилъ бы обладаніе и этими сокровищами, Пушкинская библиотѣка желала бы замѣнить лучшими экземплярами нѣкоторые изъ существующихъ (особенно желательны экземпляры не переплетенные, въ первоначальной обложкѣ), а именно: „Евгеній Онѣгинъ“, гл. I, изд. 1-е, 1825 г. и 2-е, 1829 г.; „Евгеній Онѣгинъ“, гл. II, изд. 2-е, 1830 г.; „Русланъ и Людмила“, 1828; „Полтава“, 1829; „Евгеній Онѣгинъ“, 1833. Особенно обогатился въ минувшемъ году отдѣлъ переводовъ, благодаря усердію В. К. Шульца, который частію приобрѣлъ для лицея, частію пожертвовалъ, 60 названій, собранныхъ имъ во время поѣздки за-границу. Но этотъ отдѣлъ весьма еще далекъ отъ желаемой полноты. Ближайшимъ образомъ хотѣлось бы получить: *Minne af Kaukasien*. Abo. 1825. *Der Trauerquell*, übersetzt von Wullfert. St.P. 1826. *La fontaine des pleurs*, par J. M. Chopin. Paris. 1826. *Fontana w Bakcyzerain*. Wilno. 1826. *La Bala-lauka*, par Paul de Julvécourt. Paris. 1837. „Бахчисарайскій фонтанъ“, на турецкомъ языкѣ (1868), „Цыгане“—на молдавскомъ, стихотворенія—на армянскомъ (М. 1843). Забота библиотѣки послѣдовательно обращается въ настоящее время на пополненіе отдѣла повременныхъ изданій: альманаховъ, журналовъ и газетъ, въ которыхъ были помѣщены произведенія Пушкина и статьи о немъ, хотя бы самыя краткія, за время его жизни (1816—1837). 1815 годъ представленъ уже вполне. Теперь на очереди: „Сѣверный Наблюдатель“. 1817. „Сынъ Отечества“. 1818. „Благонамѣренный“. 1818. „Полярная Звѣзда“. 1824. „Нев-

скій альманахъ“. 1827, 1828. „Сѣверная лира“. 1827. „Альбомъ сѣверныхъ музъ“. 1827. „Эвтерпа“. 1828. „Сѣверные цвѣты“. 1830. „Царское Село“. 1830. „Карманная книжка Олина“. 1830. „Альціона“. 1832. „Новоселье“, 2-е изданіе. 1845. Пачальство лица надѣется, что предпріятіе, такъ сочувственно встрѣченное на первыхъ порахъ, найдетъ поддержку и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи.

Заявленіе комиссіи для изданія писемъ и бумагъ Петра Великаго. Высочайше учрежденная при министерствѣ народнаго просвѣщенія комиссія для изданія въ свѣтъ писемъ и бумагъ императора Петра Великаго обращалась чрезъ посредство повременныхъ изданій, къ частнымъ лицамъ съ просьбою сообщить ей хранящіяся у нихъ письма преобразователя Россіи, для снятія съ нихъ копій. Многія лица, вълѣдствіе этого вызова, поспѣшили доставить въ комиссію имѣвшіеся у нихъ документы.

При разсмотрѣніи въ настоящее время собранныхъ въ значительномъ числѣ матеріаловъ, оказывается, что весьма многихъ писемъ Петра Великаго, на которыя имѣются указанія, въ рукахъ комиссіи не находится. Приступая въ настоящемъ году къ печатанію собранія писемъ и озабочиваясь возможною его полнотою, комиссія считаетъ своею обязанностью вновь обратиться къ лицамъ, владѣющимъ указами, письмами и другими бумагами, писанными или подписанными Петромъ Великимъ, сообщить ихъ, адресуя или въ министерство народнаго просвѣщенія, въ комиссію для изданія писемъ и бумагъ императора Петра Великаго, или въ императорскую публичную бібліотеку, на имя академика А. Ѳ. Бычкова. По снятіи съ нихъ копій, документы немедленно будутъ въ сохранности возвращены ихъ владѣльцамъ. Всѣ лица, сообщившія комиссіи хранящіеся у нихъ письма и другія бумаги Петра Великаго, получить по печатному экземпляру предпріятого изданія.

Пушкинская премія. Остатокъ отъ сбора на памятникъ А. С. Пушкина, въ количествѣ 20313 руб., въ настоящее время переданъ въ академію наукъ, для учрежденія премій имени поэта: „1) за ученые сочиненія по исторіи русской литературы и русскаго языка; 2) за оригинальныя произведенія русскихъ авторовъ изящной словесности, а также за переводныя въ стихахъ и 3) за критическіе разборы выдающихся произведеній по русской „изящной словесности“.

Присужденіе премій графа Уварова. Въ нынѣшнемъ году, академія наукъ присудила слѣдующимъ лицамъ премій графа Уварова:

Большую премію, въ 1500 руб., профессору московской духовной академіи Е. Е. Голубинскому за сочиненіе—„Исторія русской церкви; томъ I; періодъ кievскій, или домонгольскій“. Меньшія преміи, по 500 руб. каждая, полковнику генеральнаго штаба А. П. Петрову за сочиненіе—„Вторая турецкая война въ царствованіе императрицы Екатерины II, съ 1787 по 1791 г. 2 тома“, и статскому совѣтнику Иверсену за сочиненіе—„Медали въ честь русскихъ государственныхъ лицъ и частныхъ дѣятелей“. Сверхъ того, академія присудила особую, поощрительную награду въ 500 руб. преподавателю Николаевской гимназіи въ Царскомъ Селѣ, Н. А. Тихомирову за рукописное сочиненіе—„О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ, литовскихъ лѣтописей“, служащее отвѣтомъ на одну изъ задачъ, предложенныхъ академіей.

Въ извѣщеніи признательности ученымъ, оказавшимъ академіи содѣйствіе составленіемъ рецензій на сочиненія нынѣшняго конкурса, присуждены установленныя для того золотыя Уваровскія медали: профессору кievской духовной академіи Мальшевскому, генераль-маіору Дубровину, помощнику директора московской Оружейной палаты Филлимонову и генераль-маіору Краснову.

† **А. А. Котляревскій.** Въ прошломъ октябрѣ мѣсяцѣ, скончался въ Пизѣ профессоръ университета св. Владимира А. А. Котляревскій. Въ лицѣ его русская филологическая наука и въ частности славистика понесла незамѣнимую утрату талантливаго преподавателя, живого популяриста филологическихъ знаній и строгаго изслѣдователя. Покойный учился въ московскомъ университетѣ, по всѣ свои ученые степенни, кончая докторскою, получить въ петербургскомъ. Его магистерскій трудъ—„О погребальныхъ обычаяхъ славянъ“ пользуется такою извѣстностью въ средѣ образованной публики, какая рѣдко выпадаетъ у на долю ученыхъ диссертацій. Живость въ изложеніи, умѣнье обобщать въ доступной всѣмъ формѣ—свойство рѣдкое въ нашей ученой литературѣ—со-

ставляютъ отличительную сторону какъ этого труда, такъ и другихъ его позднѣйшихъ изслѣдованій, изъ которыхъ монографія о древнемъ правѣ у польскихъ славянъ доставила ему докторскую степень. Но прежде чѣмъ довелось А. А. Котляревскому достигнуть мирнаго пристанища, на которомъ онъ получилъ возможность служить русскому обществу и русской наукѣ своими дарованиями, ему пришлось пережить тяжелый эпизодъ, который, разумѣется, долженъ былъ отозваться на его здоровьѣ. Въ бытность его преподавателемъ русскаго языка и словесности въ московскомъ Александровскомъ корпусѣ, А. А. Котляревскій былъ подвергнутъ шестимѣсячному одиночному заключенію сначала въ Петропавловской крѣпости, потомъ при III Отдѣленіи. Поводомъ къ этому послужило то, что тогдашній эмигрантъ Кельсіевъ, пробравшись въ Москву подъ чужимъ именемъ, видѣлся съ Котляревскимъ. Кромѣ этого заключенія, Котляревскому запрещено было вступать на государственную службу. Только въ 1867 г., снятъ былъ съ него этотъ запретъ, хотя право служить по учебному вѣдомству ограничивалось все-таки лишь дерптскимъ округомъ. Пробывъ въ тамошнемъ университетѣ экстраординарнымъ профессоромъ до 1872 г., онъ черезъ два года получилъ ваедру славяновѣднія въ кievскомъ университетѣ, гдѣ и былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Въ Кіевѣ же онъ былъ душою мѣстнаго историческаго „Общества Лѣтописца Нестора“, отзываясь на всѣ сколько-нибудь достойныя вниманія и серьезныя научныя предпріятія. Покойный собралъ прекрасную бібліотеку по своему предмету.

Замѣтка о портретѣ князя Г. А. Потемкина.

Князь Потемкинъ умеръ, какъ извѣстно, 5 октября 1791 года, въ степи, на дорогѣ изъ Яссы въ Николаевъ. Тѣло его было привезено въ тотъ же день обратно въ Яссы. Племянница Потемкина, графиня Браницкая, поручила тогда же, находившемуся при князѣ, академику М. Иванову срисовать съ покойнаго портретъ, который и былъ награвированъ граверомъ Скородумовымъ. Гравюра эта составляетъ въ настоящее время большую рѣдкость и единственный извѣстный намъ экземпляръ ея, съ котораго мы прилагаемъ при настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ точную копію, находится въ богатомъ собраніи русскихъ портретовъ П. Я. Дашкова.

Ред.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Къ сентябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ мы приложили два пробныхъ листа издаваемаго А. С. Суворянимъ, въ переводѣ на русскій языкъ, обширнаго иллюстрированнаго сочиненія „Нашъ вѣкъ“, а къ настоящей книжкѣ прилагаемъ пробный листъ другаго подобнаго же изданія его—„Естественная исторія племенъ и народовъ“.

ПОПРАВКА.

Въ октябрьской книжкѣ, въ статьѣ „Матеріалы для біографіи Бѣлинскаго и Лермонтова“, на стр. 375, въ акростихѣ М. М. Лермонтовой три послѣдніе стиха напечатаны неправильно. Ихъ нужно читать слѣдующимъ образомъ:

„Toi seule porte en nos cœurs cette puissante flamme
Inconnue aux mortels, qui vivent sans amis
Epuisent tristement des jours sémés d'ennuis“.

Дороги въ окрестностяхъ Парижа настолько многолюдны въ теплое время года и на нихъ такая ѣзда, что онѣ безопаснѣе многихъ улицъ столицъ.

Графъ Эрбахъ, сложивъ руки на колѣняхъ, сидѣлъ неподвижно въ креслѣ, погруженный въ грустное раздумье. Кругомъ царилъ глубокая тишина; комната освѣщалась отблескомъ потухавшей вечерней зари. Мысли его терялись въ какомъ-то безконечномъ лабиринтѣ. Внѣшній міръ потерялъ для него значеніе; онъ былъ весь поглощенъ занимавшими его вопросами, которые быстро слѣдовали въ его головѣ одни за другими.

Онъ не слышалъ, какъ отворилась дверь и за его спиной зашепело шелковое платье, и только тогда опомнился, когда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него раздался женскій голосъ, который при мягкихъ, ласкающихъ нотахъ имѣлъ въ себѣ нѣчто повелительное.

— Вы желали говорить со мной, милостивый государь? спросила она.

Графъ Эрбахъ всталъ съ своего мѣста и поклонился дамѣ, которая остановилась у другой стороны стола. Это была стройная женщина, съ бѣлокурными волосами, посыпанными пудрой, которые рассыпались легкими локонами по ея плечамъ и затылку, съ томными глазами, полузакрытыми длинными рѣсницами, нѣжнымъ цвѣтомъ лица и небольшимъ красивымъ ротомъ. Несмотря на свой тридцатитрехъ-лѣтній возрастъ, Жанна Дюбарри все еще была необыкновенно хороша собой и могла съ успѣхомъ поспорить въ красотѣ съ Маріей Антуанетой, которая была гораздо моложе ея. Люди, знавшіе Жанну по превосходному портрету Друэ, сравнивали ее съ лебедемъ и лиліей. Вѣрность этого сравненія поразила графа Эрбаха, который впервые увидѣлъ вблизи графиню Дюбарри при красноватыхъ лучахъ заходящаго солнца. Во всей ей фигурѣ было нѣчто горделивое и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжное и необыкновенно граціозное. На ней было легкое бѣлое платье, на голубой шелковой подкладкѣ, плечи и грудь были тщательно закрыты кружевной косынкой. Въ ея манерѣ держать себя не было ни тѣни важности или холодности; она дружелюбно поздоровалась съ незнакомцемъ, хотя съ нѣкоторою гордостью.

— Многоуважаемая графиня, сказалъ графъ Эрбахъ,—простите великодушно, если я обезпокоилъ васъ своимъ несвоевременнымъ посѣщеніемъ.

— Не знаю, такъ-ли я поняла Клемана, но я заключила изъ его словъ, что, по вашимъ соображеніямъ, несчастный юноша, котораго я пріютила въ своемъ домѣ—вашъ близкій пріятель. Я нахожу вполне естественнымъ ваше желаніе видѣть его, такъ что вы напрасно извиняетесь предо мною, милостивый государь.

— Я не нахожу словъ, чтобы выразить мою благодарность. Но прежде чѣмъ просить васъ о дозволеніи взглянуть на раненаго, чтобы убѣдиться въ справедливости моей догадки, позвольте мнѣ сдѣлать небольшое признаніе...

Она пригласила его граціознымъ движеніемъ руки сѣсть на кресло, съ котораго онъ всталъ при ея приходѣ.

— Въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ, продолжалъ графъ,—я не хотѣлъ никому сообщать моей настоящей фамиліи, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, но относительно васъ, графиня, я нахожу это совершенно неумѣстнымъ. Вы должны знать имя человѣка, который пользуется вашимъ великодушіемъ.

— Вы напрасно считаете меня такой любопытной! Клеманъ сообщилъ мнѣ, что вы соотечественникъ нашей королевы. Этого совершенно достаточно, чтобы вы могли рассчитывать на радушный пріемъ въ Люсьеннѣ.

— Но если васъ ожидаетъ не совсѣмъ пріятное открытіе?..

Она подняла свои длинныя рѣсницы и съ удивленіемъ взглянула на него; но въ слѣдующую секунду глаза ея приняли прежнее выраженіе.

— Во всякомъ случаѣ я не ошиблась въ одномъ—что вы дворянинъ и благовоспитанный человѣкъ.

— Я графъ Эрбахъ, отвѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

— Вы графъ Эрбахъ! воскликнула графиня Дюбарри съ живостью, которая представляла рѣзкій контрастъ съ ея медленными движеніями.—Не мужъ ли вы графини Шварценбергъ, которая живетъ въ Версалѣ и пользуется особенною милостью королевы?

— Да, я мужъ Ренаты Шварценбергъ.

Друзья графини привыкли къ быстрымъ переходамъ въ ея расположеніи духа и не удивлялись, когда серьезное настроеніе, безъ всякой видимой причины, смѣнялось у ней шумной веселостью, такъ что она даже подчасъ принималась пѣть народныя пѣсни, которымъ выучилась въ молодости. Но графъ Эрбахъ, никогда не бывавшій прежде въ ея обществѣ, былъ совершенно озадаченъ внезапной перемѣной въ ея обращеніи.

Она громко расхохоталась и посмотрѣла на него.

— Теперь моя очередь просить у васъ извиненія! воскликнула она.—Но я никогда не воображала, чтобы мужъ графини Шварценбергъ, какъ васъ всѣ называютъ здѣсь, имѣлъ такую наружность!

— Могу ли я спросить васъ, какимъ же вы представляли себѣ его?

Она не отвѣтила на этотъ вопросъ и захопала въ ладоши съ видомъ злобнаго торжества.

— Графъ Эрбахъ въ замкѣ Люсьеннѣ! воскликнула она.—Я не могу прійти въ себя отъ удовольствія, и навѣрное бросилась бы къ вамъ на шею, еслибы это случилось въ доброе старое время, когда люди готовы были идти въ огонь и воду изъ-за поцѣлуя Жанны Дюбарри! Но это было такъ давно, что съ тѣхъ поръ у меня появились морщины на лицѣ. Говорятъ, что всего прошло три года со смерти моего короля, но я увѣрена, что это ошибка, потому что послѣдніе годы

показались мнѣ цѣлымъ столѣтіемъ... Графъ Эрбахъ въ гостяхъ у Жанны Дюбарри! Вы, вѣроятно, не подозреваете, какъ разгнѣвается ваша благочестивая супруга, когда узнаетъ объ этомъ!

— Къ сожалѣнію, каждый мой шагъ раздражаетъ ее и служитъ поводомъ къ огорченію.

— Говорятъ, что у нашей королевы двѣ души: одна веселая и непостоянная, какъ бабочка, другая серьезная и задумчивая, какъ ночная птица. Если между статсъ-дамами, которыя пользуются особенно милостью ея величества, принцесса Ламбаль и графиня Полиньякъ похожи на бабочекъ, то ваша жена, по общему отзыву, напоминаетъ ночную птицу. Я знаю все это по слухамъ. Версаль для меня закрытый рай, охраняемый добрыми геніями, хотя недалеко то время, когда судьба столькихъ людей зависѣла отъ меня, и одного моего слова было достаточно, чтобы отправить любого изъ министровъ въ изгнаніе. Такъ было съ Шуазелемъ. Герцогини и графини не могутъ простить мнѣ, что я, дочь народа, взятая чуть ли не съ улицы, сдѣлалась любовницей великаго короля... Но мы знаемъ, насколько онѣ всѣ добродѣтельны!

Съ этими словами она сдѣлала презрительный жестъ рукою и злобно засмѣялась.

— Вашу жену, продолжала она,—въ особенности расхваливаютъ за ея добродѣтели въ укоръ мнѣ; я въ глазахъ ихъ служу воплощеніемъ всевозможныхъ пороковъ. Поэтому, вы можете себя представить, мой дорогой графъ, насколько мнѣ пріятенъ вашъ визитъ.

У графа Эрбаха не хватало рѣшимости прервать этотъ потокъ рѣчи, который лился такъ плавно и какъ-бы поддразнивалъ его. Красивая женщина употребляла, повидимому, всѣ усилія, чтобы очаровать его своей любезностью и нѣжнымъ, кроткимъ голосомъ. Она наклонилась къ нему и, положивъ обѣ руки на столъ, сказала съ веселой улыбкой:

— Какая я глупая! занимаю васъ пустой болтовней, между тѣмъ какъ вы пришли сюда съ единственною цѣлью видѣть вашего друга.

— Потому что я тогда не имѣлъ удовольствія знать хозяйки дома.

— Я ловлю васъ на словѣ, сказала она, протягивая руку графу Эрбаху.—Вы увидите своего друга, который настолько поправился, что свиданіе съ вами не можетъ повредить ему. Но послѣ этого, вы должны провести со мною вечеръ. Я жду гостей; мы займемся музыкой и потолкуемъ о суетѣ мірской, прошлой и настоящей Франціи! Вы смѣетесь надо мной, но я, какъ Люциферъ, пережила паденіе съ неба и могу причислить себя къ философамъ.

— Мнѣ остается только поблагодарить новую Аспазію за ея любезное приглашеніе. Вы общаете мнѣ, что я услышу музыку. Не будетъ ли нывѣшній вечеръ повтореніемъ одной чудной ночи въ моей жизни? сказалъ графъ Эрбахъ, невольно вспомнивъ часы, проведен-

ные имъ въ Таннбургѣ, когда онъ, Корона и Иосифъ II играли трио Гайдена въ лунную осеннюю ночь, и шелестъ деревьевъ смѣшивался съ звуками волшебной музыки.

— Развѣ сирены вездѣ поютъ ту же пѣсню? возразила графиня Дюбарри улыбаясь.—Я убѣждена, что мы будемъ друзьями. Судя по тѣмъ примѣрамъ, какіе мнѣ приходилось видѣть, дружба между мужчиной и женщиной всего прочнѣе, когда сердца ихъ заняты посторонними симпатіями.

— Какъ будто время не мѣняетъ нашихъ привязанностей, подумалъ графъ Эрбахъ и сказалъ вслухъ:

— Пусть будетъ по вашему, графиня; я готовъ провести у васъ вечеръ, но подѣ однимъ условіемъ...

— Что я стану называть васъ m-eur Поль, не такъ-ли? Само собою разумѣется, что я не нарушу вашего инкогнито. Во времена моей молодости, я также не носила никакого титула и меня звали всѣ мадмуазель Жаннѣ; я была тогда швеей въ одномъ магазинѣ на улицѣ La Ferronnerie. Вашъ другъ не вѣритъ этому. Но у каждаго человѣка своя судьба...

Она взяла подѣ руку графа Эрбаха и, пройдя корридоръ, повела его по лѣстницѣ въ уединенную комнату.

— Это я, m-eur Фрицъ, сказала она, постучавъ тихонько въ дверь. У васъ ли Клеманъ?

Старый камердинеръ отворилъ дверь.

— Я привела къ вамъ друга, о которомъ вы столько разъ говорили мнѣ, сказала графиня Дюбарри.—Вотъ онъ.

Бухгольцъ поднялся съ нѣкоторымъ усиленіемъ съ мягкаго кресла, на которомъ онъ сидѣлъ у окна и, не помня себя отъ радости, бросился въ объятія графа Эрбаха.

Оба друга остались на-единѣ, такъ какъ хозяйка дома, не желая мѣшать ихъ бесѣдѣ, незамѣтно удалилась и увела съ собой стараго камердинера.

Бухгольцъ имѣлъ болѣзненный и истощенный видъ не столько отъ ранъ, которыя оказались незначительными, сколько отъ потери крови и мучившей его лихорадки. Графъ Эрбахъ тщательно избѣгалъ разговоры, которые могли разстроить больнаго; онъ рассказалъ ему въ короткихъ словахъ, что привело его въ Версаль и какимъ образомъ, при посредствѣ Клемана, онъ попалъ въ Люсьеннѣ. Тѣмъ не менѣе, послѣ первыхъ изліяній радости, полу-вопросовъ и отвѣтовъ, они незамѣтно договорились до послѣдняго несчастнаго случая, который едва не стоилъ жизни молодому бюргеру.

— Вы расскажете мнѣ это завтра, упрасивалъ графъ Эрбахъ, но Бухгольцъ стоялъ на своемъ.

— Это такое странное происшествіе, сказалъ онъ,—что я не желаю откладывать моего рассказа, тѣмъ болѣе, что я, кажется, попалъ на слѣдъ графини Coronы.

Графъ Эрбахъ измѣнился въ лицѣ и еще ближе придвинулъ свой стулъ къ креслу больнаго. Теперь онъ самъ началъ упрашивать его скорѣе начать рассказъ, такъ какъ желаніе узнать судьбу любимой дѣвушки пересилило въ немъ всѣ другія соображенія.

Фрицъ Бухгольцъ, получивъ письмо графа, рѣшился послѣдовать его совѣту и предпринялъ вторично давно задуманное путешествіе. Онъ посѣтилъ Лионъ, Провансъ и Лангедокъ и, окончивъ свои дѣла ранѣе назначеннаго имъ срока, отправился въ обратный путь черезъ Парижъ. Наступавшая весна и теплые солнечные дни побудили его познакомиться съ окрестностями французской столицы, которыя не даромъ славятся разнообразіемъ и красотой природы. Прогулки свои онъ болѣею частью совершалъ пѣшкомъ и однажды дошелъ до Буживаля, остроконечная башня котораго, виднѣвшаяся издали, служила ему путеводной точкой. Здѣсь особенно привлекъ его вниманіе сельскій домъ, стоявшій въ сторонѣ отъ дороги и полузакрытый высокой каменной стѣной, снабженной острыми желѣзными зубцами. Небольшая калитка, сдѣланная въ стѣнѣ, была открыта, такъ какъ рабочіе возили песокъ на дорожки сада. Бухгольцъ, предполагая въ виду ранней весны, что хозяева въ отсутствіи, вошелъ въ садъ. Деревья были тщательно подстрижены, какъ въ Версалѣ; подъ ними стояли мраморныя, гипсовыя и бронзовыя статуи, изображающія греческихъ боговъ. Переходя изъ одной аллеи въ другую, онъ незамѣтно очутился передъ небольшимъ павильономъ, у открытыхъ дверей котораго сидѣла молодая дѣвушка и пожилой господинъ.

Бухгольцъ не сомнѣвался, что это была Корона Турмъ, хотя онъ видѣлъ ее только мелькомъ, потому что старикъ бросился на него какъ безумный, осыпая бранью и проклятіями на французскомъ и итальянскомъ языкахъ, громко звалъ слугъ и поднималъ такой шумъ, что ему ничего не оставалось дѣлать, какъ обратиться въ бѣгство. На другой день онъ опять подошелъ къ дому въ надеждѣ увидѣть Корону, но на этотъ разъ калитка въ стѣнѣ была заперта желѣзнымъ засовомъ; ворота были также наглухо закрыты. Эти мѣры предосторожности убѣдили его, что молодую дѣвушку удерживаютъ въ домѣ противъ ея воли. Тогда онъ вернулся въ гостинницу, въ которой остановился, чтобы собрать какія-нибудь свѣдѣнія объ обитателяхъ таинственнаго дома. Въ этомъ онъ не встрѣтилъ никакого затрудненія, потому что хозяйка была болтлива и тотчасъ-же сообщила ему, что въ домѣ живетъ старый маркизъ ди Валь д'Омбронне изъ Рима, помѣшавшійся на музыкѣ чудака, котораго всѣ знаютъ въ окрестностяхъ. Онъ купилъ этотъ домъ не болѣе какъ десять лѣтъ тому назадъ, и хотя часто бываетъ въ отлучкѣ, но извѣстное время года постоянно проводитъ въ Буживалѣ. Хозяйка также нѣсколько разъ видѣла молодую дѣвушку; она—племянница маркиза, какая-то итальянская принцесса. О самомъ старикѣ, за исключеніемъ его дурачества и причудъ, она не могла сказать ничего дурнаго...

Бухгольцъ былъ окончательно сбить съ толку, и такъ какъ онъ не имѣлъ никакой побудительной причины оставаться долѣе въ Буживалѣ, то отправился въ обратный путь. Когда онъ проходилъ мимо сада маркиза д'Омбронне, со стѣны упалъ маленькій камень, завернутый въ бумагу. Это была записка на нѣмецкомъ языкѣ, состоящая изъ нѣсколькихъ словъ:

„Если вы Фрицъ Бухгольцъ, то приходите сюда завтра вечеромъ въ десять часовъ“.

Хотя онъ никогда не видалъ почерка Короны, но былъ убѣжденъ, что она написала ему, нуждаясь въ его помощи. Въ назначенный часъ онъ былъ на мѣстѣ. Но, къ несчастью, ночь была лунная; его тотчасъ же замѣтили; двое людей бросились на него изъ за кустовъ, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ поднять руку для своей защиты, его ранили; онъ упалъ на землю, истекая кровью. Убійцы скрылись; ему показалось, что они говорили между собою по-итальянски. Онъ потерялъ сознание и, когда опомнился, услышалъ, что на церковныхъ часахъ Буживала пробило одиннадцать часовъ. Онъ поднялся на ноги, чтобы дотащиться до деревни, но это не удалось ему и онъ опять опустился на землю. Въ это время подъѣхала карета графини Дюбарри...

Разсказъ менѣе утомилъ Бухгольца, нежели ожидалъ графъ Эрбахъ, который въ виду этого рѣшился сдѣлать ему еще нѣсколько вопросовъ. Но ихъ дальнѣйшей бесѣдѣ помѣшала приходъ Клема на, явившагося за графомъ, чтобы проводить его въ павильонъ, гдѣ графиня ждала его съ своими гостями, которые уже почти всѣ собрались.

— А вы, милостивый государь, добавилъ старый камердинеръ, обращаясь къ Бухгольцу,—ложитесь скорѣе въ постель—это необходимо больному человѣку. Не забывайте, что докторъ запретилъ вамъ засиживаться до поздней ночи!

Клеманъ былъ въ своей роли. Онъ тщательно вычистилъ платье графа Эрбаха и осмотрѣлъ его съ головы до ногъ, чтобы онъ могъ явиться достойнымъ образомъ въ общество графини.

Въ то время какъ графъ Эрбахъ шелъ за своимъ провожатымъ къ ярко-освѣщенному павильону, по террасѣ обсаженной липами, Заморъ стоялъ у рѣшетчатыхъ воротъ и принималъ гостей. Долгое ожиданіе на одномъ мѣстѣ привело его въ дурное расположеніе духа, потому что въ это время онъ охотнѣе шнырилъ бы по корридорамъ замка и по саду, подслушивая у дверей и подсматривая изъ-за кустовъ.

Завидя издали всадника, скакавшаго во весь опоръ по большой дорогѣ изъ Версаля, онъ сердито закричалъ ему:

— Убирайтесь прочь! слугъ не велѣно пропускать здѣсь.

— Я посланъ сюда съ порученіемъ! возразилъ всадникъ, осаживая свою лошадь у воротъ. Онъ былъ въ ливреѣ егеря и говорилъ по-французски съ швейцарскимъ акцентомъ.—Могу ли я обратиться къ вамъ съ вопросомъ, милостивый государь?

Заморъ выпрямился во весь ростъ и посмотрѣлъ на него съ важностью.

— Знаете ли вы, кто я? Если нѣтъ, то примите къ свѣдѣнiю, что я губернаторъ Люсьенна въ силу документа, даннаго мнѣ христіанскимъ государемъ. На этомъ пергаментѣ восковая печать и подпись канцлера Франціи.

Всадникъ не понялъ этой рѣчи, но сообразивъ, что, вѣроятно, имѣеть дѣло съ важной особой, снялъ шляпу и сказалъ:

— Моя госпожа послала меня сюда, чтобы спросить васъ...

Лицо Замора ослабилось.

— Вы служите дамѣ? Въ такомъ случаѣ я готовъ побесѣдовать съ вами. Что желаетъ знать ваша госпожа?

— Не пришелъ ли сюда въ замокъ полчаса тому назадъ знатный господинъ въ круглой шляпѣ, въ сопровожденiи старика? отвѣтилъ егеръ, и при этомъ довольно подробно описалъ наружность незнакомца.

Заморъ прищурилъ глаза и пригладилъ волосы, дѣлая видъ, что этотъ вопросъ затрудняетъ его.

— Я получилъ приказъ отъ моей госпожи въ Версалѣ слѣдить за этимъ господиномъ, сказалъ егеръ, въ надеждѣ заслужить своей болтовней довѣріе губернатора Люсьенна.—Когда онъ ушелъ изъ Версаля съ своимъ провожатымъ и я доложилъ объ этомъ моей госпожѣ, то она велѣла мнѣ сѣсть на лошадь и ѣхать за нимъ, пока я не узнаю его мѣста жительства. Но, къ несчастью, я потерялъ его изъ виду за полмили отсюда.

— Развѣ онъ не могъ свернуть въ другую сторону? Можетъ быть, онъ направился въ Марли...

— Значитъ его нѣтъ въ замкѣ?

— Это очень щекотливый вопросъ. Я такъ-же какъ и вы нахожусь въ услуженiи у дамы, а если мужчина очутится между двумя женщинами, то изъ этого можетъ произойти скандалъ... Я желалъ бы узнать, дорого ли заплатитъ ваша госпожа тому человѣку, который сообщитъ ей свѣдѣнiя о господинѣ въ круглой шляпѣ.

Егеръ ожидалъ этотъ вопросъ.

— Два луидора, отвѣтилъ онъ нерѣшительно.

— Я нахожу такую плату слишкомъ скудною, хотя всегда готовъ оказать услугу дамѣ и, вообще, поклонникъ прекраснаго пола... Знаете ли вы, почему меня зовутъ Заморомъ? Слышали ли вы когданибудь это имя? Заморъ—герой одной божественной трагедiи Вольтера и сынъ короля; слѣдовательно, онъ не можетъ принять менѣе трехъ луидуровъ.

Три луидора исчезли въ карманѣ красныхъ бархатныхъ шароваръ. Вслѣдъ затѣмъ „губернаторъ“ сообщилъ егерю, что господинъ въ круглой шляпѣ въ Люсьеннѣ и приметъ участіе въ празднествѣ, которое устраиваетъ сегодня вечеромъ графиня Дюбарри.

Егеръ не могъ сомнѣваться въ справедливости этихъ словъ, такъ какъ сквозь деревья виднѣлся ярко освѣщенный павильонъ. Онъ сошелъ съ лошади и медленно водилъ ее взадъ и впередъ передъ рѣшетчатыми воротами.

Въ это время подъѣхала старомодная богато расписанная карета; слуга въ ливреѣ съ трудомъ открылъ туго отпирившіяся дверцы и помогъ выйти пожилому господину и дамѣ, лицо которой было покрыто маской.

— Добрый вечеръ, многоуважаемый маркизь, воскликнулъ Заморъ съ низкимъ поклономъ.—Какая честь для нашей графини! Вы можете рассказать это въ Версалѣ, добавилъ онъ, обращаясь къ егерю,—Люсьеннъ не совсѣмъ забытъ; знатные и титулованные иностранцы все еще посѣщаютъ его. Доложите объ этомъ вашей госпожѣ...

— Г. губернаторъ, прервалъ его пожилой господинъ рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ,—удержите свой языкъ! Вы не должны болтать о томъ, что вамъ приходится видѣть и слышать... Кто ваша госпожа? спросилъ онъ егеря.

Женевецъ, не ожидавшій этого вопроса, поспѣшно отвѣтилъ:

— Графиня Эрбахъ, урожденная княгиня Шварценбергъ.

Дама въ маскѣ быстро оглянулась и хотѣла подойти къ егерю, но пожилой господинъ схватилъ ее за руку и почти насильно увлекъ за собою въ садъ.

Это былъ послѣдній гость, котораго ожидалъ Заморъ; онъ заперъ ворота на ключъ и поспѣшно удалился.

Павильонъ, въ которомъ графиня Дюбарри принимала своихъ гостей, былъ ярко освѣщенъ сотнями восковыхъ свѣчъ. Пестрые фонари висѣли на ближайшихъ деревьяхъ и на четырехъ іоническихъ колоннахъ, украшавшихъ входъ въ это волшебное жилище, по сторонамъ котораго стояли двѣ статуи: Діана и купающаяся нимфа работы знаменитаго Аллегрена. Павильонъ представлялъ собою небольшое въ высшей степени изящное зданіе, въ родѣ греческаго храма, построенное на холмѣ. Со стороны сада подъемъ былъ постепенный и едва замѣтный, но на другой сторонѣ начинался крутой обрывъ; въ недалекомъ разстояніи отъ него извивалась Сена, образуя въ этомъ мѣстѣ изгибъ. Теплый весенній воздухъ, свѣтлая звѣздная ночь, яркое освѣщеніе, блестящія колонны, статуи, окруженныя зеленью,—все это имѣло въ себѣ нѣчто сказочное и походило на чудный сонъ.

Графъ Эрбахъ задумчиво шелъ по террасѣ, ведущей къ павильону. Но его не столько занималъ видъ изящнаго освѣщеннаго зданія и образъ красивой графини, который пронеслся передъ нимъ, сколько воспоминаніе о Коронѣ, вызванное торжественною тишиною ночи. Въ его воображеніи воскресли немногіе счастливые часы, которые онъ провелъ съ нею, ихъ разговоры по поводу ея рѣшимости пріобрѣсти славу пѣвицы. Къ тоскѣ разлуки примѣшивалась мучительная неиз-

вѣстность; онъ не зналъ, радоваться ли тѣмъ извѣстіямъ, которыя сообщилъ ему Бухгольцъ, и невольно спрашивалъ себя—не былъ ли обманутъ молодой бюргеръ случайнымъ сходствомъ?..

Графъ засталъ все общество въ круглой богато убранной залѣ. Голубые бархатные обои покрывали стѣны; на ярко расписанномъ потолкѣ изображены были сельскія и идиллическія сцены. Въ глубинѣ комнаты висѣли на стѣнѣ два большихъ портрета королей Людовика XV и Карла I работы Ванъ-Дика. Недоброжелатели графини утверждали, что это странное сопоставленіе было сдѣлано ею съ тою цѣлью, чтобы ежедневно напоминать Людовику XV объ ожидавшей его участи, если онъ вздумаетъ дѣлать уступки парламенту.

Надъ мраморнымъ каминомъ висѣло зеркало въ изящной позолоченной рамкѣ, которая представляла вѣнокъ изъ розъ и лавровыхъ листьевъ. Въ зеркалѣ отражался мраморный бюстъ графини работы извѣстнаго Пажу, стоявшій у противоположной стѣны на постаментѣ изъ краснаго шлифованнаго порфира. Талантливый художникъ сумѣлъ передать вмѣстѣ съ красотой линий и то дѣтски миловидное выраженіе, которымъ отличалась Жанна Дюбарри въ молодости.

Графъ Эрбахъ былъ не столько пораженъ художественными произведеніями, которыми такъ гордилась хозяйка дома, сколько гармонической законченностью цѣлаго и необыкновеннымъ изяществомъ каждой даже незначительной вещи, на которой останавливались его глаза. Единство впечатлѣнія не нарушалось чрезмѣрнымъ богатствомъ обстановки. Кресла и столы, часы и фортепьяно, были искусно подобраны и подходили одно къ другому, къ дорогимъ занавѣсамъ картинъ, маленькимъ статуямъ изъ бронзы и мрамора и красивымъ бездѣлущкамъ изъ слоновой кости и перламутра, которыя стояли и лежали на карнизахъ, консоляхъ, каминѣ и на маленькихъ столахъ.

Хозяйка дома, согласно данному обѣщанію, представила графа Эрбаха своимъ гостямъ подъ именемъ m-eur Поля изъ Германіи. Отсутствие титула и простой костюмъ иностранца не произвели особеннаго впечатлѣнія на дворянъ и ученыхъ, составлявшихъ въ этотъ вечеръ общество графини. Благодаря Франклину и другимъ американцамъ,—которые были усердными посѣтителями тогдашнихъ столичныхъ салоновъ, съ цѣлью побудить французское правительство къ борьбѣ съ англичанами,—въ Версалѣ и Парижѣ привыкли къ извѣстной пуританской простотѣ одежды. Круглая шляпа и длиннополый сюртукъ стали даже входить въ моду, особенно между либералами и философами, какъ признакъ республиканскаго образа мыслей. О простотѣ обращенія и „бюргерскомъ сердцѣ“ императора Иосифа, приѣзда котораго ожидали со дня на день, ходили самые преувеличенные слухи. Никому не показалось страннымъ, что m-eur Поль, вѣроятно принадлежащій къ свитѣ германскаго императора, явился на праздникъ въ такомъ простомъ костюмѣ, такъ что едва ли нужна

была просьба графини, чтобы ее гости встрѣтили незнакомца самымъ любезнымъ и дружелюбнымъ образомъ.

Сначала разговоръ шелъ о послѣднихъ политическихъ новостяхъ, о проектахъ, представленныхъ Тюрго молодому королю Людовику XVI, объ освобожденіи народа отъ чрезмѣрныхъ повинностей и налоговъ, американской войнѣ, пріѣздѣ германскаго императора и т. п. Хотя хозяйка дома не выказывала ни малѣйшаго нетерпѣнія или скуки, но гости, вѣроятно считая бесѣду о такихъ серьезныхъ вещахъ не совсемъ умѣстною въ павильонѣ Люсьенна, скоро прекратили ее и заговорили о музыкѣ. Каждый спѣшилъ высказать свои предположенія относительно новой оперы Глюка—„Армида“, представленіе которой было отложено до слѣдующей осени.

Графъ Эрбахъ убѣдился съ первыхъ словъ, что онъ находится среди ярыхъ противниковъ великаго маэстро. Графиня Дюбарри никогда не сочувствовала Глюку и во времена своего владѣчества надъ Франціей выказывала явное предпочтеніе Пиччини, которое объясняли ея ненавистью ко всему австрійскому, даже къ музыкѣ. Между ею и Маріей Антуанетой существовало постоянное соперничество, которое не кончилось даже въ то время, когда одна сдѣлалась королевой Франціи, а другая должна была удалиться въ изгнаніе. Обѣ женщины съ одинаковымъ упорствомъ продолжали свою тайную борьбу. Въ то время какъ Марія Антуанета готовила торжественный пріемъ Глюку въ Версалѣ, Люсьеннъ долженъ былъ неминуемо сдѣлаться убѣжищемъ для поклонниковъ итальянской музыки.

Въ числѣ собравшихся гостей былъ одинъ неаполитанскій графъ, который при имени Пиччини всякій разъ называлъ его „божественнымъ“, и считалъ нужнымъ громко выразить свой восторгъ. Больше всѣхъ говорилъ литераторъ и критикъ Лагарпъ, который бранилъ музыку Глюка, называя ее скучнымъ, монотоннымъ воемъ. Нѣсколько снисходительнѣе выражался о ней герцогъ Коссе-Брисакъ, статный и красивый мужчина, другъ и возлюбленный графини Дюбарри, который стоялъ въ граціозной позѣ у камина. Онъ сдѣлалъ попытку защитить „Орфея“ и доказывалъ, что эта опера представляетъ счастливое исключеніе между всѣми остальными произведеніями Глюка. Въ отвѣтъ на это, хозяйка дома, сидѣвшій рядомъ съ нею молодой господинъ съ высокомѣрнымъ выраженіемъ лица, по фамиліи Арембергъ, и Мармонтель, прославленный авторъ „Contes mogaux“, принявшій на себя роль basso buffo, пропѣли, утрируя, хоръ фурій изъ „Орфея“.

Графъ Эрбахъ не въ состояніи былъ присоединиться къ веселому смѣху, вызванному комическимъ пѣніемъ. Сердце его болѣзненно сжалось. Сколько разъ въ Таннбургѣ слышалъ онъ звучный голосъ Короны, которая пѣла арію Орфея, умоляющаго фурій о выдачѣ Евридики!

Что случилось теперь съ этой талантливой дѣвушкой? Неужели немолчаливая судьба не сжалилась надъ ней и она до сихъ поръ не нашла себѣ надежнаго убѣжища!

— Этотъ Глюкъ производитъ на меня впечатлѣніе помѣшаннаго, сказалъ Лагарпъ увѣреннымъ тономъ.—Всѣ его сюжеты заимствованы изъ преисподней—Альсестъ, Евридика, Ифигенія; вездѣ на заднемъ планѣ Харонъ и трехголовый Церберъ. Его музыка напоминаетъ бурный потокъ Стикса.

— Я не знатокъ, но большой любитель музыки, сказалъ графъ Эрбахъ, задѣтый за-живое несправедливыми нападками на своего соотечественника.—Мнѣ кажется, что музыканту, какъ и художнику, дозволено брать тѣ сюжеты, какіе вдохновляютъ его. Развѣ Глюкъ, изображая подземный міръ, не уноситъ насъ на небо дивными переживаниями звуковъ, не заставляетъ забывать всѣ наши страданія и горе...

— Такъ говорятъ одни влюбленные, замѣтилъ улыбаясь герцогъ Брисахъ.

— Или мечтатели, увлеченные нѣмецкой поэзіей, замѣтилъ Арембергъ.

— Почему вы называете поэзію нѣмецкой? возразилъ графъ Эрбахъ.—Развѣ чувство изящнаго не составляетъ общаго достоянія всѣхъ людей? Вся разница въ его силѣ и въ большей или меньшей способности воспринимать впечатлѣнія. Въ области искусства мы перестаемъ быть нѣмцами или французами, республиканцами или монархистами. Музыка болѣе чѣмъ всякое другое искусство подчиняется у всѣхъ народовъ однимъ и тѣмъ же законамъ и даже на дикаря производить извѣстное впечатлѣніе. Въ тѣ минуты, когда мы подъ влияніемъ музыки отрѣшаемся отъ нашего земнаго существованія и испытываемъ высшее наслажденіе, какое дано человѣку, не все ли намъ равно, кто очаровалъ насъ—Перголезе или Глюкъ, Гендель или Рамо?..

На лицѣ Аремберга выразилось нетерпѣніе; онъ съ видимой досадою поправилъ свое кружевное жабо, между тѣмъ какъ другіе гости согласились съ мнѣніемъ, высказаннымъ графомъ Эрбахомъ. Они были польщены, что нѣмецъ сопоставилъ ихъ соотечественника Рамо съ великими музыкальными знаменитостями, и готовы были простить ему его увлеченіе авторомъ „Орфея“.

— Онъ повидимому лично знакомъ съ Глюкомъ, сказалъ шепотомъ Лагарпъ сидѣвшему возлѣ него господину.

— Не мѣшаетъ заручиться его дружбой. Я убѣжденъ, что графиня знаетъ его настоящую фамилію...

— Ваше замѣчаніе относительно воспримчивости дикарей къ музыкѣ совершенно вѣрно, m-sieur Поль! сказалъ неожиданно рѣзкій голосъ.—Я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на проказахъ у озера Эріо.

Всѣ съ любопытствомъ оглянулись на говорившаго. Это былъ приземистый широкоплечій господинъ съ орлинымъ носомъ и впалыми блѣдноглубокими глазами. Графу Эрбаху сообщили, что его зовутъ виконтъ Рошфоръ, что онъ изъ обѣднѣвшихъ дворянъ, замѣчательно уменъ и образованъ, много путешествовалъ и въ настоящее время

служить у министра Верженна, который часто пользуется имъ для тайныхъ дипломатическихъ порученій.

- Вы были въ Америкѣ, виконтъ?
- Въ лагерѣ инсургентовъ?
- Видѣли вы генерала Вашингтона?
- Въ какомъ положеніи дѣла республиканцевъ?

Рошфоръ спокойно выслушалъ слышавшіеся на него вопросы, не спуская глазъ съ графа Эрбаха, который невольно смутился отъ пристального взгляда, устремленнаго на него. Тѣмъ же испытующимъ, пристальнымъ взглядомъ смотрѣлъ на него иногда патеръ Ротганъ.

— Къ сожалѣнію, я не могу отвѣтить на всѣ ваши вопросы, господа, сказалъ наконецъ Рошфоръ.—Я дѣйствительно недавно вернулся изъ Америки, хотя не изъ лагеря инсургентовъ, но изъ вигвама ирокезскаго вождя, который охотился на берегу озера съ своими храбрцами.

— Не хотите ли вы увѣрить насъ, виконтъ, замѣтила улыбаясь графиня, что вы ѣздили въ Америку, чтобы свести знакомство съ ирокезами? Между нами нѣтъ англичанъ, которые могли бы выдать васъ...

— Я уже говорилъ вамъ, графиня, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до республиканцевъ. Политика всего менѣе интересуетъ меня... Но не въ этомъ дѣло! Я хотѣлъ рассказать вамъ о томъ впечатлѣніи, какое производитъ музыка на дикарей. Мы отправились цѣлою компаніей на озеро Эріо для изслѣдованія его береговъ и взяли съ собой двѣ скрипки и флейту. Во время нашихъ экскурсій, мы встрѣтили шайку ирокезовъ и такъ подружились съ ея вождемъ, что онъ сдѣлался нашимъ неизмѣннымъ гостемъ на импровизированныхъ концертахъ, которыя мы устраивали подъ открытымъ небомъ. Игра на скрипкѣ дѣйствовала обаятельно на этихъ дикихъ охотниковъ, а самаго мудраго изъ нихъ, котораго они считали любимцемъ „Великаго Духа“, мы даже услышали нашей музыкой и на него нашло ясновидѣніе. Онъ предсказалъ изгнаніе ирокезскаго племени изъ родныхъ лѣсовъ, которые, по его словамъ, скоро будутъ превращены въ поля, засѣянные пшеницей; всюду видѣлъ онъ господство блѣднолицыхъ людей, огромные города, воздвигнутые на берегахъ рѣкъ, и т. п. Въ настоящее время трудно рѣшить, насколько вѣрны эти предсказанія, но, тѣмъ не менѣе, всякій кому приходилось наблюдать подобное дѣйствіе музыки, не назоветъ сказкой исторію греческаго пѣвца Орфея.

— Развѣ кто нибудь изъ васъ, господа, можетъ сомнѣваться въ правдивости этой исторіи? Il divino Orfeo! воскликнулъ крикливымъ голосомъ пожилой господинъ, который неожиданно появился въ дверяхъ.—Это нашъ первый учитель музыки... Что случилось бы съ нами, если бы не существовало Орфея, Амфіона и Аріона, этихъ трехъ свѣтилъ мира,—lume del mondo!

Разговаривая такимъ образомъ и расшаркиваясь на-право и на-лѣво, онъ дошелъ до середины залы и послалъ воздушный поцѣлуй хозяйкѣ дома.

— Цѣлую ручки прелестнѣйшей изъ кра савицъ! воскликнулъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— Вы одни, маркизъ? Что это значитъ? Развѣ вы забыли ваше обѣщаніе? спросила графиня Дюбарри съ неудовольствіемъ.

Онъ наклонился къ ней и сказалъ на ухо нѣсколько словъ, которыя видимо успокоили ее.

Графъ Эрбахъ имѣлъ достаточно времени, чтобы разглядѣть стараго маркиза. Его морщинистое лицо оживлялось темными, безпкойно блѣстѣвшими, глазами; большой горбатый носъ представлялъ рѣзкій контрастъ съ тонко очерченнымъ ртомъ. Костюмъ его состоялъ изъ бархатнаго богато вышитаго камзола съ длинными кружевными манжетами, короткихъ панталонъ и парчеваго жилета съ брилліантовыми пуговицами; на груди висѣлъ крестъ, осыпанный брилліантами, на красной орденской лентѣ. Этотъ вычурный нарядъ, въ связи съ натянутыми манерами и плохо скрываеваемой претензіей блистать въ обществѣ, произвели крайне непріятное впечатлѣніе на графа Эрбаха. Онъ присоединился къ остальнымъ гостямъ, которые раздѣлились на группы и громко разговаривали между собою. Нѣсколько человѣкъ осталось съ Рошфоромъ въ надеждѣ услышать отъ него новые рассказы объ индѣйцахъ. Но онъ упорно молчалъ и только изрѣдка кивалъ головой въ подтвержденіе чужихъ словъ. Еслибы графъ Эрбахъ былъ менѣе занятъ своими мыслями, то, вѣроятно, замѣтилъ бы, что Рошфоръ не спускаетъ съ него глазъ и съ подозрительнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣми его движеніями. Онъ самъ чувствовалъ странное влеченіе къ этому загадочному человѣку и воспользовался случаемъ, когда они очутились лицомъ къ лицу въ дверяхъ, чтобы обратиться къ нему съ вопросамъ:

— Простите мое любопытство, виконтъ, но я желалъ бы знать, бывали-ли вы когда-нибудь въ Германіи.

— Несомнѣнно! Вы предполагаете, милостивый государь, что мы уже встрѣчались съ вами прежде?

— Нѣтъ, я не имѣлъ чести видѣть васъ, виконтъ, до настоящаго вечера. Но меня смутилъ вашъ взглядъ...

— Мой взглядъ! Я много скитался по свѣту, но никогда не слышалъ, что у меня дурной глазъ, отвѣтилъ съ улыбкой Рошфоръ.

— Я не говорю этого. Вашъ взглядъ, напротивъ, напомнилъ мнѣ одного почтеннаго человѣка, который пользуется довольно громкою извѣстностью за свою ученость.

— Позволено ли мнѣ будетъ спросить объ имени моего двойника?

— Это бывший иезуитъ, патеръ Ротганъ.

— Патеръ Ротганъ? Какое удивительное совпаденіе! Я познако-

мился съ нимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Прагѣ и даже вмѣстѣ съ нимъ изучалъ минералогію.

На лицѣ графа Эрбаха выразилось удивленіе, между тѣмъ какъ Рошфоръ оставался такъ же невозмутимъ, какъ и прежде.

Тсс! пронеслось по залѣ, и вслѣдъ за тѣмъ отворились створчатыя двери сосѣдней комнаты. На небольшомъ возвышеніи, устроенномъ въ видѣ эстрады, сидѣла хозяйка дома передъ открытымъ фортепіано; за ея кресломъ стояла стройная женская фигура въ бѣломъ атласномъ платьѣ; ея темныя волосы были слегка завиты и убраны цвѣтами.

— Наконецъ-то мы услышимъ ее! воскликнулъ одинъ изъ гостей.

— Говорятъ, маркизь привезъ ее изъ Италіи, сказала другой.

— Какъ зовутъ этого маркиза? спросилъ вполголоса графъ Эрбахъ, обращаясь къ Рошфору.

— Развѣ вы не знаете его? Впрочемъ, вамъ это простительно, какъ иностранцу. Маркиза зовутъ Валь д'Омбронне; онъ большой чудакъ и страстный любитель музыки...

Въ этотъ моментъ пѣвица повернула голову къ зрителямъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ авансценѣ.

Это была Корона Турмъ.

Графъ Эрбахъ едва не вскрикнулъ отъ удивленія, но тотчасъ-же овладѣлъ собой. Малѣйшая неосторожность съ его стороны могла отнять у него всякую возможность приблизиться къ ней. Онъ не хотѣлъ, чтобы она увидѣла его преждевременно, и удалился въ нишу окна, откуда могъ слѣдить за каждымъ ея движеніемъ.

Она запѣла. Это былъ тотъ-же звучный, прекрасный голосъ, который приводилъ его въ восхищеніе въ Таннбургѣ и не разъ доставлялъ ему минуты полного блаженства.

Въ ея манерахъ не замѣтно было никакого принужденія; она едва обращала вниманіе на зрителей. Легкіе аккорды фортепіано покрывались могучими звуками молодого голоса, въ которыхъ она изливала радость, наполнявшую ея душу. Въ туманной дали представлялось ей тяжелое прошлое; будущее сулило ей счастье и свободу. Первый шагъ сдѣланъ; она добьется цѣли своихъ завѣтныхъ желаній...

Въ залѣ послышался одобрительный шепотъ; хвалили рѣдкій талантъ молодой пѣвицы и совершенство исполненія трудной итальянской аріи, выбранной ею для дебюта. Но въ то время, когда всѣ слышали въ ней только жалобы и упоеніе любви, пѣніе Короны казалось графу Эрбаху ликованіемъ невольницы, освобожденной отъ оковъ. Такъ поетъ соловей, улетѣвъ изъ вѣтки въ солнечный лѣтній день.

Громкія рукоплесканія съ возгласами благодарности и восторга прервали на время пѣвицу, которая, повидимому, не намѣревалась такъ скоро сойти со сцены. Для нея было, слишкомъ ново читать на столькихъ лицахъ впечатлѣніе, произведенное ея пѣніемъ, чтобы не

желать продлить то наслажденіе, какое доставилъ ей первый успѣхъ. Она сказала нѣсколько словъ графинѣ, которая улыбаясь открыла другія ноты.

Въ залѣ водворилась мертвая тишина. Съ первыми аккордами лицо пѣвицы приняло задумчивое и грустное выраженіе. Она запѣла арію изъ оперы Глюка, гдѣ Орфей оплакивая потерю Евридики.

Хотя эта опера пользовалась уже заслуженной извѣстностью въ разныхъ странахъ Европы, но врядъ ли она имѣла когда либо такой успѣхъ, какъ въ этотъ вечеръ въ павильонѣ Люсьеннѣ.

Всѣ эти люди, враждебно настроенные противъ великаго композитора вслѣдствіе національнаго соперничества, и готовые за часъ, передъ тѣмъ произнести приговоръ надъ всѣми его произведениями, такъ увлеклись его музыкой, что были согласны торжественно отказаться отъ своихъ словъ.

— Пусть эта музыка будетъ противъ всѣхъ правилъ искусства, сказалъ герцогъ Брисакъ,—но я чистосердечно сознаюсь, что тронуть ею до глубины души!..

Эти слова встрѣтили единогласное одобреніе собравшагося общества.

Хозяйка дома ласково взяла молодую пѣвицу за руку и свела съ эстрады въ залу.

Гости подходили къ ней одинъ за другимъ и изъявляли свое удовольствіе; никакія выраженія благодарности и похвалы не казались имъ неумѣренными. Всѣ предсказывали ей славу и счастливую будущность.

— Если она исполняетъ съ такимъ совершенствомъ произведенія Глюка, то можно себѣ представить, какъ она будетъ исполнять пьесы Пиччини! замѣтилъ неаполитанецъ.

— Скоро вамъ предстоитъ новое наслажденіе, господа! воскликнулъ маркизъ д'Омброне своимъ рѣзкимъ голосомъ. — Надняхъ пріѣдетъ сюда изъ Дрездена замѣчательный теноръ—Антоніо Росси, а съ такими артистами, господа... Да здравствуетъ итальянская музыка, эта *regina del mondo!*

Графъ Эрбахъ вздрогнулъ при имени Антоніо Росси. До этого момента онъ спокойно оставался на своемъ мѣстѣ, наслаждаясь не менѣе Короны ея успѣхомъ. Ему казалось, что передъ нею разстилается путь, усыянный цвѣтами, который долженъ привести ее къ храму славы; на ступеняхъ его стоитъ богиня счастья и протягиваетъ молодой дѣвушкѣ лавровый вѣнокъ. Корона идетъ беззаботно навстрѣчу богинѣ... но вотъ въ травѣ у ея ногъ зашипѣла змѣя и подняла голову... Это—Антоніо Росси; старый маркизъ произнесъ его ненавистное для него имя...

Графъ Эрбахъ вышелъ изъ оконной ниши съ мыслью, что онъ долженъ защитить молодую дѣвушку отъ грозившей ей опасности. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился.—Противъ кого онъ

станеть защищать Корону въ этомъ блестящемъ обществѣ, которое, повидимому, такъ искренно поклоняется ей? невольно спросилъ онъ себя.— Антонио Росси, быть можетъ, до сихъ поръ въ Дрезденѣ и не думаетъ о поѣздкѣ въ Парижъ...

Онъ взглянулъ на Корону. Она разсѣянно выслушивала любезности Аремберга, который разсыпался въ похвалахъ ея пѣнію.

Хозяйка дома, замѣтивъ издали графа Эрбаха, подозвала его.

— Наконецъ-то и вы, *mon* Поль, собрались поздравить мою *protégée*! Зная ваше поклоненіе Глюку, я была увѣрена, что вы первый будете у ногъ сеньоры!

Яркая краска покрыла щеки Короны, когда она увидѣла своего возлюбленнаго. Ей хотѣлось вскрикнуть и броситься ему въ объятія, и только присутствіе многочисленнаго общества удержало ее.

Графъ Эрбахъ взялъ ея руку и сказалъ:

— Надѣюсь, сеньора, вы, какъ истинная артистка, поймете, что можно наслаждаться музыкой молча; если я позже всѣхъ являюсь къ вамъ, то это не можетъ служить доказательствомъ того, что я менѣе другихъ восхищаюсь вашимъ талантомъ.

Онъ поднесъ ея дрожащую руку къ своимъ губамъ и добавилъ шепотомъ:

— Вѣрьте, Корона, что вы всегда можете обратиться къ моей помощи, если она нужна вамъ!

— Какъ я счастлива, что снова увидѣла васъ!..

Графъ Эрбахъ опустилъ ея руку съ официальнымъ поклономъ. Онъ не рѣшился продолжать разговоръ изъ боязни привлечь вниманіе маркиза, который слѣдилъ за своимъ сокровищемъ глазами Аргуса.

Корона отошла отъ него съ графиней Дюбарри.

— Это великая артистка, сказалъ Рошфоръ, обращаясь къ графу Эрбаху,—но въ ея пѣніи слышатся грустныя ноты.

Графъ Эрбахъ едва не измѣнилъ себѣ при этихъ словахъ, и долженъ былъ сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы не выразить своей досады.

Зачѣмъ этотъ человекъ, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни, осмѣливается сообщать ему свои замѣчанія! Онъ знакомъ съ патеромъ Ротганомъ и могъ узнать отъ него нѣкоторыя подробности о Коронѣ, ея путешествіи и внезапномъ исчезновеніи... Можетъ быть, въ дѣйствительности существуютъ тайныя сношенія между іезуитами, живущими въ различныхъ городахъ Европы, о которыхъ ходили такіе преувеличенные слухи въ протестантской Германіи...

Отъѣздъ Короны послужилъ для графа Эрбаха удобнымъ предлогомъ удалиться отъ назойливаго собесѣдника. Старый маркизъ нашелъ слишкомъ опаснымъ для пѣвицы присутствіе такого множества молодыхъ мужчинъ, которые отъ восхищенія ея пѣніемъ могли легко перейти къ поклоненію ея красотѣ. Онъ хотѣлъ быстрымъ отъѣздомъ предупредить то, что могло причинить ему лишнія заботы и помѣшать его планамъ; онъ почти насильно увлекъ съ собою Корону.

Оставшихся гостей ожидалъ роскошный ужинъ, приготовленный въ той самой комнатѣ, гдѣ Людовикъ XV такъ часто ужиналъ съ Жанной Дюбарри въ тѣ счастливые дни, когда изъ Америки еще не долетали въ Европу отголоски революціонной пѣсни свободы. Графиня Дюбарри тогда, какъ и теперь, превосходно исполняла роль милой и привѣтливой хозяйки. Она указала графу Эрбаху мѣсто около себя, зная, что это никому не покажется оскорбительнымъ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что иностранецъ — другъ и любитель германскаго императора. Только одинъ изъ гостей былъ видимо задѣтъ такимъ предпочтеніемъ; это былъ графъ Робертъ Арембергъ, потомокъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Брабанта, высококріе котораго равнялось его огромному богатству. Хотя графъ Эрбахъ и Арембергъ никогда не встрѣчались прежде и въ этотъ вечеръ обмѣнялись только нѣсколькими словами, но они съ перваго взгляда почувствовали другъ къ другу ту странную, но тѣмъ не менѣе сильную антипатію, которую нельзя объяснить никакими опредѣленными причинами. Было ли это своего рода предчувствіе, что со временемъ ихъ вражда кончится роковымъ образомъ для одного изъ нихъ, но враждебное настроеніе особенно сильно проявлялось въ молодомъ Арембергѣ, который становился все угрюмѣе и даже разъ невольно схватился за рукоятку шпаги.

Графъ Эрбахъ, съ своей стороны, тщательно избѣгалъ его взглядовъ и обратилъ все свое вниманіе на Рошфора, который представлялъ для него интересъ загадочной личности. Но врядъ ли самъ Лафатеръ взялся бы вывести заключеніе о характерѣ этого человѣка по его наружности и подмѣтить что либо, кромѣ грубой чувственности, которая проглядывала по временамъ въ рѣзкихъ, некрасивыхъ чертахъ, выдающихся скулахъ и толстой верхней губѣ. Графъ Эрбахъ напрасно старался уловить какое нибудь постоянное выраженіе на этомъ лицѣ, которое мѣнялось безпрестанно,—изъ добродушнаго становилось лукавымъ, или же задумчивымъ и глубокомысленнымъ. По морщинамъ около бровей и рта ему можно было дать за пятьдесятъ лѣтъ. Былъ ли это обманъ глазъ, или виконтъ принялъ неловкую позу, но Эрбаху показалось, что его правое плечо значительно выше лѣваго.

Сначала разговоръ шелъ о маркизѣ и прекрасной сеньорѣ Коронѣ, которая должна была осенью поступить на сцену и пѣть въ операхъ Пиччини, такъ какъ старый маркизъ былъ другъ и поклонникъ итальянскаго композитора. Многіе высказывали свои предположенія относительно происхожденія пѣвицы и ожидавшей ее будущности. Хозяйка дома горячо расхваливала ея красоту и прекрасныя манеры. При этомъ графъ Эрбахъ невольно взглянулъ на Аремберга, который отвѣтилъ ему насмѣшливой улыбкой.

Мнѣніе, высказанное Мармонтелемъ, придало болѣе общій интересъ разговору.

— Отъ внимательнаго наблюдателя не можетъ ускользнуть, сказалъ онъ,—что мы не дѣлаемъ болѣе успѣховъ въ области искусствъ. За послѣдніе годы Франція не сдѣлала ничего замѣчательнаго въ архитектурѣ, скульптурѣ и живописи. Статуя Спартака въ тюльерійскомъ саду едва ли не послѣднее выдающееся произведение французской скульптуры. То же явленіе наблюдается въ Италіи и Англии. Драматическое искусство также въ упадкѣ: кто теперь сочиняетъ трагедіи и гдѣ онѣ находятъ отголосокъ? Одной музыкѣ предстоитъ великая будущность.

Многіе возстали противъ этого мнѣнія изъ національнаго самолюбія, которое не могло допустить, чтобы французы отстали отъ другихъ народовъ въ какой бы то ни было отрасли искусства. Напрасно графъ Эрбахъ убѣждалъ ихъ, что Мармонтель не отнимаетъ у нихъ роли руководителей въ музыкѣ и что за эпохой великихъ поэтовъ и художниковъ можетъ слѣдовать эпоха великихъ музыкантовъ.

Большинство присутствующихъ не вѣрило въ музыкальный геній своего народа. Они находили, что французы въ этомъ отношеніи походятъ на римлянъ и не имѣютъ склонности къ музыкѣ, которая у нихъ скорѣе является результатомъ теоретическаго изученія и упражненія, нежели прирожденнаго таланта. Лагарпъ доказывалъ примѣрами изъ исторіи, что музыка достигаетъ наибольшаго развитія у угнетенныхъ и слабыхъ народовъ, лишенныхъ свободы и политической дѣятельности, какъ, на примѣръ, у грековъ во времена Александра Македонскаго, или у позднѣйшихъ итальянцевъ.

— У музыки двоякій характеръ, замѣтилъ съ удареніемъ Рошфоръ:—съ одной стороны она является серьезною и торжественною, именно при началѣ культуры; съ пѣніемъ и литаврами народы проходятъ моря и пустыни въ обѣтованную землю; подъ звуки лиры Амфіона складываются квадратные камни Оивъ. Съ другой стороны, музыка носитъ характеръ игривый и раздражающій, напоминая вакханку съ распушенными волосами; на ней красная фригійская шапка; она направляетъ людей къ уничтоженію государствъ и отжившей цивилизаціи. Съ улыбкою приглашаетъ она ихъ на веселый танецъ, а въ слѣдующую минуту изъ разгульной уличной пѣсни можетъ перейти въ гимнъ свободы и уничтожить власть, установленную вѣками.

Въ послѣднихъ словахъ заключался намекъ, понятный и тяжелый для большинства присутствующихъ. Водворилась глубокая тишина.

Герцогъ Брисакъ первый прервалъ общее молчаніе.

— Вы все еще находитесь подъ впечатлѣніемъ вашихъ американскихъ воспоминаній, многоуважаемый виконтъ. Вамъ представляется, что вездѣ можетъ повториться битва при Бункерсгиллѣ?

— Почему вы считаете это невозможнымъ? возразилъ Рошфоръ.— Развѣ въ Европѣ нѣтъ людей, которые неменѣе американцевъ жаждутъ сбросить свои цѣпи?

— Желаніе и исполненіе—двѣ вещи разныя, сухо замѣтилъ Арембергъ.

— Разумѣется, но если двадцать пять милліоновъ бѣдняковъ и крѣпостныхъ начнутъ гремѣть цѣпами, то неужели эта музыка будетъ слабѣе трубныхъ звуковъ, отъ которыхъ пали стѣны Іерихона!

— Вы, вѣроятно, хотите сказать этимъ, виконтъ, что человекъ, обладающій тонкимъ слухомъ, долженъ внимательно прислушиваться къ этому бряцанью цѣпей, пока оно раздается вдали? спросилъ Лагарпъ.

— Да, я убѣжденъ въ этомъ! отвѣтилъ Рошфоръ; — и мнѣ кажется, что не мѣшаетъ принять заранѣе мѣры, чтобы отклонить грозящую бѣду.

— На наше несчастіе—замѣтилъ язвительно маркизъ Дюрфоръ— философы и разные искатели приключеній уже нѣсколько лѣтъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы возмутить нашъ добрый, терпѣливый французскій народъ. Они проповѣдуютъ ему недостижимыя утопіи въ родѣ того, что всякій нищій долженъ сдѣлаться такимъ же богатымъ, какъ царь Франціи. Благодаря имъ, всякій буржуа съ своими тяжелыми сапогами хочетъ наступить на ногу дворянину. Однако, дѣла не такъ плохи, какъ увѣряютъ англomаны и друзья американцевъ. По ихъ словамъ, мы можемъ ежечасно ожидать взрыва и чуть ли не голоднаго истребленія, хотя еще не замѣтно ни малѣйшаго колебанія въ воздухѣ. Мы должны были бы обнажить наши шпаги противъ этихъ бунтовщиковъ и масоновъ. Да здравствуетъ старый порядокъ вещей и нашъ король!

Предметъ разговора былъ настолько интересенъ для всѣхъ, что нѣкоторые встали съ своихъ мѣстъ; у стола начали образовываться группы. Горячіе политическіе споры видимо нравились хозяйкѣ дома, которая старалась еще болѣе оживлять ихъ.

— Вотъ благодарность, какую заслужилъ нашъ добрый король за свои нововведенія! сказала она обращаясь къ графу Эрбаху.—Я, какъ женщина, по своему невѣжеству, не могу разсуждать о такихъ серьезныхъ вещахъ, но меня увѣряли свѣдушіе люди, что Людовикъ XVI въ три года больше сдѣлалъ для благосостоянія и счастья своего народа, нежели его дѣдъ въ продолженіе всего царствованія. Но это не успокаиваетъ ихъ, и каждая новая реформа еще больше усиливаетъ ихъ недовольство. Я желала бы знать, неужели у васъ въ Вѣнѣ каждый лавочникъ такъ же интересуется тѣмъ, что дѣлается въ государствѣ, какъ въ нашемъ безпокойномъ Парижѣ?

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ ничего подобнаго! Но я не считаю добродѣтельно такое равнодушіе народа къ тому, что составляетъ его счастье или несчастіе, и приписываю это недостатку образованія и умственной лѣни. Живое участіе, какое принимаютъ французы въ государственныхъ дѣлахъ, говоритъ въ ихъ пользу. Позвольте мнѣ, какъ иностранцу, выразить свое мнѣніе о настоящемъ политическомъ дви-

женіи во Франціи. Я жду отъ него много пользы, если ваша страна останется умѣренной въ своихъ требованіяхъ и будетъ стремиться къ постепенной отмѣнѣ злоупотребленій и освобожденію отъ устарѣлыхъ формъ. Если она изберетъ этотъ путь, то не только доставитъ счастье своему народу, но произведетъ переворотъ во всей Европѣ, для которой наступитъ новая эпоха—царство мира и справедливости. Республиканскій идеаль американцевъ не удовлетворяетъ меня. Я приверженець королевской власти какъ по принципу, такъ и по личной симпатіи. Но я желалъ бы, чтобы королевская власть менѣе руководствовалась личнымъ произволомъ и болѣе обращала вниманія на нужды и потребности народа. Законъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ, и каждый подданный имѣетъ право пользоваться извѣстной свободой. Если я не ошибаюсь, то правленіе вашего монарха всего ближе подходитъ къ этому идеалу.

— Вы говорите, какъ честный и разумный человекъ, сказалъ герцогъ Брисакъ, пожимая руку Эрбаху.—Дворянство съ своей стороны обязано поддержать благія начинанія короля, отказаться отъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, пользованіе которыми несовмѣстимо съ духомъ времени, и показать въ своихъ помѣстьяхъ первый примѣръ уменьшенія податей. Зачѣмъ станемъ мы проливать кровь за американцевъ, если не будемъ на дѣлѣ проводить ихъ принципы? Такое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ не можетъ болѣе продолжаться. Я убѣжденъ, что всѣ порядочные люди примѣнутъ къ партіи Тюрго, и что переходъ отъ стараго порядка къ новому совершится безъ всякихъ колебаній.

— И наступитъ торжество разума, добавилъ графъ Эрбахъ, прислушиваясь къ возрастающему шуму голосовъ, среди котораго слышались отдѣльныя восклицанія:

— Нужно уничтожить инквизицію и пытку!—Давно пора закрыть монастыри!—Созвать государственные чины и учредить парламентъ, какъ въ Англіи! Да здравствуетъ король и представительное правленіе!..

— Наши внуки отдадутъ должную справедливость нынѣшнему столѣтію и назовутъ его самой славной эпохой въ исторіи человечества! воскликнулъ Мармонтель.—Всѣ наши стремленія направлены къ осуществленію высшаго нравственнаго идеала; мы живемъ и трудимся не для себя, а для великаго будущаго!..

— Пью за здоровье моихъ современниковъ! сказала графиня Дюбарри, поднимая бокаль шампанскаго.

— Да здравствуетъ нравственность и золотой вѣкъ, который ожидаетъ насъ!

— Все это въ высшей степени комично и напоминаетъ дѣтскій лепетъ! Что за наивная игра въ аркадскіе пастушки, гдѣ овцы прогуливаются по лугу съ серебряными колокольчиками на розовыхъ лентахъ! замѣтилъ Рошфоръ съ рѣзкимъ хриплымъ смѣхомъ.—Скоро

взамѣнъ всего этого вы услышите колоколъ, который призоветъ грѣшниковъ къ покаянію. Тогда для многихъ изъ васъ настанетъ время расплаты...

Онъ выпилъ залпомъ стаканъ вина и всталъ. Глаза его были неподвижно устремлены въ пространство съ выраженіемъ ужаса.

— Онъ пьянъ! нужно его вывести! послышалось въ толпѣ гостей.

— Нѣтъ, оставьте его! сказалъ одинъ господинъ, близко знавшій Рошфора.—Съ нимъ начался нервный припадокъ.

Нѣкоторые боязливо отшатнулись отъ Рошфора, другіе хотѣли его усадить въ кресло, но онъ отталкнулъ ихъ отъ себя. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ, чтобы убѣдиться, былъ ли онъ ясновидящій, душевно больной, или одинъ изъ тѣхъ обманщиковъ, которые пользовались для своихъ цѣлей господствовавшими въ то время суевѣріями и вѣрою въ чудесное.

— Не считайте меня сумасшедшимъ! сказалъ онъ медленно, проводя рукой по лбу;—васъ скорѣе можно упрекнуть въ безуміи! Вы напрасно воображаете, что голодный народъ, котораго вы видите изъ оконъ вашихъ дворцовъ, будетъ всегда довольствоваться крохами, падающими съ вашего стола. Вы глухи и слѣпы! Ревъ бури изъ Америки слышится все ближе; она разразится надъ вашими головами, выбьетъ окна и двери вашихъ домовъ, разрушитъ королевскій дворецъ... Какой странный танецъ! Уличные нищіе въ красныхъ плащахъ пляшутъ на обнаженныхъ трупахъ дворянъ. Головы надѣты на пики; ихъ носятъ по улицамъ... Они везутъ короля и королеву...

— Я не хочу слышать такихъ ужасовъ!.. Перестаньте ради Бога! воскликнула съ испугомъ графиня Дюбарри.

— И ты тутъ, несчастная! продолжалъ Рошфоръ, обращаясь въ ту сторону, гдѣ стояла Жанна.—Ты всю жизнь занималась пустяками, пѣла и веселилась, и никогда не думала о днѣ расплаты. Ты одна струсилъ передъ казнью, другіе со смѣхомъ войдутъ на эшафотъ и скажутъ палачу: „*bonjour compère!*“ а ты встанешь на колѣни и будешь молить его о пощадѣ...

Испуганная женщина, не помня себя отъ ужаса, громко вскрикнула и закрыла лицо руками.

Чувство невольнаго страха охватило всѣхъ присутствующихъ.

Поблѣднѣли лица людей, которые считали себя выше предразсудковъ и не разъ спокойно шли на встрѣчу смерти. Они съ недоумѣніемъ спрашивали себя — заключалось ли въ словахъ Рошфора дѣйствительное пророчество, или вся эта комедія устроена имъ съ цѣлью позабавиться общимъ испугомъ?

— Вы не вѣрите мнѣ, продолжалъ Рошфоръ.—Но вспомните, какъ вы и отцы ваши поступали съ бѣднымъ народомъ... Смѣйся, маркизъ Дюрфоръ, это та же комедія, которую ты разыгрывалъ всю жизнь, только роли перемѣнятся. Уличные мальчишки будутъ издѣваться надъ твоимъ обезглавленнымъ трупомъ... Какъ удивятся философы, когда

увидать лицомъ къ лицу прославленную богиню раума съ босыми ногами, забрызганными кровью и грязью, окруженную горами тѣлъ священниковъ, дворянъ, королей... Горять замки, слышится грохотъ битвъ...

— Пора положить конецъ этому фиглярству! воскликнулъ герцогъ Брисакъ.— Не забывайте, виконтъ, что этотъ домъ—подарокъ короля, и вы должны относиться къ нему съ уваженіемъ...

— Съ уваженіемъ! Ты говоришь о неприкосновенности этого дома, герцогъ Брисакъ... Но знай, что наступитъ день, когда они принекутъ твою голову въ этотъ самый павильонъ и бросятъ къ ногамъ твоей возлюбленной. Посмотри, кто стоитъ за твоей спиной!..

Герцогъ Брисакъ помертвѣлъ отъ ужаса. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ быстро поднялъ портьеру. Въ сосѣдней комнатѣ стоялъ негръ Заморъ; лицо его ослабилось; онъ съ трудомъ удерживался отъ хохота. Подслушиваніе у дверей на этотъ разъ доставило ему, повидимому, особенное удовольствіе.

Рошфоръ незамѣтно удалился; остальные гости послѣдовали его примѣру. Эрбахъ старался привести въ чувство графиню Дюбарри, съ которой сдѣлался обморокъ.

ГЛАВА III.

Въ то самое время, когда Корона Турмъ пѣла арію изъ „Орфея“ въ павильонѣ Люсеннъ, кончился домашній концертъ у королевы Маріи Антуанеты, въ музыкальной залѣ Трианона.

Концерты эти бывали разъ или два въ недѣлю и продолжались отъ шести до девяти часовъ вечера. Въ нихъ принимала участіе сама Марія Антуанета и тѣ изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, которые, помимо своихъ музыкальныхъ дарованій, пользовались ея особенной дружбой. „Наши домашніе концерты“—писала она графу Розенбергу — „доставляютъ намъ большое удовольствіе и никому не кажутся слишкомъ продолжительными“.

Но въ этотъ вечеръ молодая королева, противъ своего обыкновенія, торопилась скорѣе кончить пѣніе и фортепианную игру. Ей было слишкомъ трудно поддерживать свое королевское достоинство во время большихъ празднествъ и торжественныхъ пріемовъ въ Версаль, и она не считала нужнымъ стѣснять себя въ кругу близкихъ людей. Въ это время она находилась еще въ самомъ радостномъ настроеніи духа; сердце ея было переполнено гордымъ сознаніемъ, что она королева большого государства и что немногія женщины могутъ сравниться съ ней по красотѣ. Всѣ восхищались ею, когда она по-

являлась въ публикѣ въ своей оригинальной прическѣ съ перьями, цвѣтами, жемчугомъ и драгоценными камнями; но она была еще привлекательнѣе въ маленькихъ, уютныхъ комнатахъ Трианона, гдѣ безъ стѣсненія проявлялась ея живость и веселость характера. Она была молода и любила окружать себя людьми одного съ нею возраста, слушать шутки и смѣхъ и приходила въ дурное расположеніе духа только въ тѣ минуты, когда получала письмо отъ матери изъ Шенбрунна съ выговорами за ея неумѣстную безпечность. Она спрашивала себя съ досадой, какое значеніе могли имѣть для нея чужія заботы, нужда народа, нелѣпное броженіе умовъ въ странѣ и гроза, которая собиралась вдали? Это были пустыя слова для нея, лишеныя всякаго значенія. Въ ея саду и въ замкѣ было вѣчное солнечное сіяніе; никто не думалъ нападать на нее и близкихъ ей людей; имъ незачѣмъ было вооружаться для защиты. Здѣсь пѣли и танцовали музы, летали золотыя стрѣлы амура. Любовь и наслажденіе были единственныя задачи жизни, которыя могли занимать привилегированныхъ смертныхъ Трианона.

— Слышали ли вы, какія хорошія извѣстія получены о вашемъ мужѣ? спросила Марія Антуанета, обращаясь къ молодой дамѣ, которую она взяла подъ руку.—Развѣ такъ поступаютъ порядочные люди? вмѣсто того, чтобы просить у васъ прощенія по прїѣздѣ въ Версаль, онъ дѣлаетъ визитъ этой развратной женщинѣ.

Онѣ вошли въ небольшую богато убранную комнату. Марія Антуанета сѣла на кресло, дама по ея приглашенію помѣстилась на скамѣйкѣ у ея ногъ. Остальное общество осталось въ музыкальной залѣ, чтобы не мѣшать бесѣдѣ королевы съ ея подругой.

— Я не считаю себя виновной въ томъ, что поведеніе графа Эрбаха дошло до свѣдѣнія вашего величества, отвѣтила дама короткимъ печальнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, ея величество беретъ всю вину на себя! замѣтила съ живостью Марія Антуанета.—Когда мы вѣхали во дворецъ замка, королева тотчасъ же замѣтила, что молодая дама, которая сидѣла съ нею въ коляскѣ, неожиданно поблѣднѣла и какъ заколдованная не спускала глазъ съ одного красиваго господина, стоявшаго у воротъ... Королева вообще очень любопытна; она стала допрашивать свою прїятельницу, и та, по ея желанію, послала слугу вслѣдъ за этимъ господиномъ... Теперь мы узнали, гдѣ онъ; но въ этомъ мало утѣшительнаго.

Дама опустила голову; на ея лицѣ появилась печальная усмѣшка.

— Могу ли я просить ваше величество—сказала она—не дѣлать упрековъ графу Эрбаху за его неприличное поведеніе, какъ бы оно ни было оскорбительно для меня?

— Я далеко не такъ снисходительна, какъ вы, и постараюсь выказать ему свое неудовольствіе, если онъ вздумаетъ явиться къ намъ.

— Чѣмъ имѣлъ онъ несчастіе прогнѣвать ваше величество?

— Я не люблю, когда подданные моего брата и моей матери не оказывают мнѣ должнаго уваженія, отвѣтила Марія Антуанета.— Всѣмъ извѣстно, что люди, которые позволяютъ себѣ ухаживать за Жанной Дюбарри, не пользуются моей милостью... Простите, если мои слова огорчаютъ васъ, но вы можете быть совершенно покойны относительно этого измѣнника. Я должна щадить его, такъ какъ онъ другъ и любимецъ моего брата.

— Императора Иосифа?..

— Да, онъ пользуется его полнымъ довѣріемъ. Императрица Марія Терезія въ высшей степени недовольна этой дружбой, потому что вашъ мужъ масонъ и безбожникъ, и въ своихъ помѣстьяхъ ввелъ небывалые порядки, вопреки всѣмъ существующимъ законамъ. Я считаю это тѣмъ болѣе возможнымъ, что онъ остановился у Бланшара, извѣстнаго новатора и безпокойнаго человѣка, у котораго бывають сборища недовольныхъ... Вы удивляетесь, моя дорагая Рената?

— Все это такъ неожиданно для меня... Но я надѣюсь, что графъ оправдается въ обвиненій, взводимыхъ на него недоброжелательными людьми. Меня всего болѣе огорчаетъ, что противъ него возстановили ваше величество и что онъ, съ своей стороны, не дѣлаетъ никакой попытки, чтобы изгладить въ васъ это впечатлѣніе.

— Мнѣ остается только удивляться вашей добротѣ, Рената! воскликнула королева.—Къ несчастію, мы, женщины, слишкомъ великодушны и снисходительны и всегда готовы простить мужчинамъ ихъ недостойное обращеніе съ нами. Выходимъ ли мы замужъ по собственному выбору, или отдаемъ руку нелюбимому человѣку изъ чувства долга, или по какому либо другому побужденію,—результатъ одинаковъ. Рано или поздно мы всегда бываемъ обмануты. Француженки умнѣ насъ: онѣ никому не отдаютъ вполнѣ своего сердца!

— Врядъ ли это приносить какую либо пользу. Мнѣ кажется, что счастье возможно только въ томъ случаѣ, если нѣтъ разлада между головой и сердцемъ. Въ этомъ отношеніи мужчины всегда будутъ имѣть надъ нами перевѣсъ; ихъ чувства болѣе равномѣрны; даже въ минуты величайшаго увлеченія, они никогда не теряютъ разсудка, между тѣмъ какъ мы, женщины, всегда дѣйствуемъ подъ впечатлѣніемъ минуты, и наши ощущенія такъ же непостоянны и капризны, какъ вѣтеръ...

— Надѣюсь, не въ такой степени, чтобы вы пожелали вернуться къ вашему невѣрному и безбожному мужу?

— Любовь не можетъ умереть безслѣдно. Отъ пламени всегда остается хотя небольшая искра. Я вышла замужъ за графа Эрбаха противъ воли моихъ родителей, и потому считаю себя вдвойнѣ связанной съ нимъ.

— Неужели вы, Рената, способны опять броситься ему на шею,

если онъ у васъ попроситъ прощенья? воскликнула съ досадою Марія Антуанета. — Въ такомъ случаѣ поручите мнѣ позаботиться о васъ. Я сама буду хлопотать о вашемъ разводѣ. Это необходимо, потому что иначе вы не перестанете думать объ человѣкѣ, который вовсе не заслуживаетъ вашей любви. Вы еще молоды и красивы; неужели вы хотите отказаться отъ жизни, вслѣдствіе неудавшейся привязанности! Кто изъ насъ не испытывалъ горькихъ разочарованій?..

Голосъ Маріи Антуанеты задрожалъ при этихъ словахъ.

Въ сосѣдней залѣ послышались тяжелые шаги короля; она встала, чтобы идти ему навстрѣчу.

Рената осталась одна въ уединенной комнатѣ.

Это была стройная, красиво сложенная женщина съ смуглымъ оттѣнкомъ кожи и карими задумчивыми глазами. Въ ея скромныхъ и сдержанныхъ манерахъ замѣтно было какъ бы затаенное желаніе поддержать репутацію святости и самоотреченія, которая утвердилась за нею при французскомъ дворѣ. Во всей ея фигурѣ было нѣчто монашеское, чѣмъ она рѣзко отличалась отъ веселыхъ и легкомысленныхъ французенокъ, окружавшихъ королеву. Когда она въ прошломъ году явилась въ Версаль съ своимъ дядей Адамомъ Лобковичемъ, то встрѣтила самый милостивый пріемъ. Марія Антуанета была очень рада имѣть около себя соотечественницу, съ которой она могла говорить о своей родинѣ и о своихъ затаенныхъ думахъ безъ опасенія, что ея слова будутъ переданы съ различными комментаріями. Молодая, красивая женщина, съ печальнымъ выраженіемъ лица, возбудила въ ней любопытство и участіе. Въ придворныхъ кружкахъ Версаля разсказывали, что когда графиня, разставшись съ мужемъ, выѣхала изъ Венеціи, то дядя ея, Лобковичъ, хотѣлъ просить папу о разводѣ, но она воспротивилась этому, въ надеждѣ на возвращеніе своего мужа. Но онъ не пріѣзжалъ. Графиня Рената не хотѣла признавать свой бракъ расторгнутымъ; одни объясняли это ея любовью къ мужу, другіе—мученіями совѣсти. Всѣ попытки узнать ея тайну оказались напрасными. Тѣмъ не менѣе, дамы въ Версалѣ и Трианонѣ были убѣждены, что подъ этими опущенными рѣсницами, холодностью, съ какой она принимала ухаживанье придворныхъ кавалеровъ и дѣйствительнымъ или мнимымъ равнодушіемъ къ шуму и блеску празднествъ, должна скрываться какая нибудь таинственная исторія. Къ зависти и злословію праздныхъ людей скоро присоединилась неприязнь, вслѣдствіе явнаго предпочтенія, которое королева оказывала иностранкѣ. У придворныхъ дамъ явилось сомнѣніе въ ея невинности. Не убѣжала ли она изъ Венеціи изъ боязни мщенія оскорбленнаго мужа?.. Но эти толки не производили, повидимому, никакого впечатлѣнія на Ренату. Она со всѣми обращалась одинаково вротко и дружелюбно и никто не могъ похвалиться близостью съ нею.

Королева удивлялась благочестію, сдержанности и серьезному ха-

рактору молодой графини, который составлялъ такую противоположность съ ея собственнымъ легкомысліемъ. Тайна, связанная съ жизнью ея новой пріятельницы, занимала Марію Антуанету и усиливала ея дружбу къ ней.

Между тѣмъ, Рената въ послѣднее время болѣе чѣмъ когда нибудь тяготилась своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, она получила послѣднее извѣстіе о своемъ мужѣ отъ старой графини Турмъ, которая написала ей письмо, полное негодованія, гдѣ распространялась въ рѣзкихъ выраженіяхъ о похищеніи ея внучки графомъ Эрбахомъ. Но въ письмѣ среди брани и проклятій, которыми старуха осыпала виновныхъ, довольно ясно высказывалось желаніе, чтобы ея внукъ Прокопъ женился на Ренатѣ. Она добавляла, что это было ея завѣтной мечтой втеченіе многихъ лѣтъ и что исполненіе этого желанія заставитъ ее забыть всѣ несчастія, какія она испытала въ жизни. Главная цѣль была настолько очевидна, что у Ренаты явилось сомнѣніе относительно правдивости обвиненій, взводимыхъ старой графиней на Эрбаха и Корону. Тѣмъ не менѣе, фактъ бѣгства Короны и ея пребыванія въ Таннбургѣ былъ на лицо. Неужели ласковое обращеніе, изящная наружность и выдающийся умъ графа Эрбаха, которымъ она такъ увлекалась въ былое время, плѣнили молодую неопытную дѣвушку?

Сердце Ренаты болѣзненно сжалось при этой мысли. Если она не имѣла больше правъ на любовь своего мужа, то она все-таки не могла себѣ представить, что онъ такъ скоро утѣшится въ разлукѣ съ ней и сойдется съ ея бывшей подругой!.. Послѣ перваго взрыва горя, она нашла успокоеніе въ религіи и рѣшилась простить виновнымъ и безропотно покориться своей участи. Въ этомъ смыслѣ она написала старой графинѣ и приложила письмо къ Коронѣ, въ которомъ увѣщевала ее раскаяться и вернуться къ роднымъ, и только вскользь упомянула о себѣ и нанесенномъ ей оскорбленіи.

Она не получила отвѣта на это письмо, и хотя Гасликъ былъ въ дѣятельной перепискѣ съ ея дядей, но ее не интересовали извѣстія, сообщаемыя священникомъ, такъ какъ они большею частью имѣли одинъ и тотъ же характеръ. Она всегда прекращала разговоры на эту тему, но, тѣмъ не менѣе, узнала мимоходомъ отъ своего дяди, что Корону свезли въ монастырь урсудинокъ въ Прагѣ и что графъ Эрбахъ получилъ богатое наслѣдство. При этомъ Лобковичъ добавилъ съ презрительной усмѣшкой, что „никакое богатство долго не удержится у такого мота...“

Какъ она была встревожена сегодня утромъ, когда увидѣла своего мужа у главныхъ воротъ! У него была та же непринужденная, горделивая осанка, которая такъ нравилась ей, только лицо какъ будто сдѣлалось серьезнѣе, нежели прежде. Онъ, вѣроятно, не замѣтилъ ея, потому что въ это время разговаривалъ съ кѣмъ-то изъ толпы. Но она была убѣждена, что видѣла его; если глаза ея могли оши-

биться, то не обмануло усиленное бѣненіе сердца. Неужели опять произошло въ ней прежнее, несовсѣмъ угасшее, чувство!.. Въ эту минуту она не могла отдать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, тѣмъ болѣе, что должна была отвѣчать на настоятельные вопросы королевы и, по ея требованію, отправить слугу съ приказомъ собрать самыя точныя свѣдѣнія о графѣ Эрбахѣ. Она тѣмъ охотнѣе исполнила приказаніе Маріи Антуанеты, что оно согласовалось съ ея собственнымъ желаніемъ.

Собранныя свѣдѣнія были далеко не утѣшительнаго свойства; но она узнала, въ какомъ домѣ живетъ ея мужъ и могла приготовиться къ встрѣчѣ, которая казалась ей неизбѣжной. Поступки и рѣшенія самыхъ разумныхъ людей бывають иногда настолько странны и противорѣчивы, что, быть можетъ, онъ пріѣхалъ сюда съ единственною цѣлью примириться съ нею. Наконецъ, она сама дѣйствительно ли чувствуетъ къ нему такое непреодолимое отвращеніе, какъ хочетъ представить ея дядя? Румянецъ, вспыхнувшій на ея щекахъ, убѣждалъ ее въ противномъ. Сколько людей послѣ долгой разлуки встрѣчаются довѣрчивѣе и искреннѣе и въ состояніи сдѣлать другъ другу болѣе правильную оцѣнку, нежели въ началѣ сближенія. Развѣ она не можетъ умѣрить свое горячее желаніе обратить его въ католичество, тѣмъ болѣе, что онъ самъ теперь будетъ, вѣроятно, относиться съ большею терпимостью къ ея благочестію, сдѣлается снова ласковъ и нѣженъ съ нею...

Невольная дрожь пробѣжала по ея тѣлу при этой мысли; она боязливо оглянулась... Ей показалось, что какая-то тѣнь двигается вдоль стѣны, та самая тѣнь, которая встала между нею и мужемъ въ Венеци и была причиной ихъ разрыва. Въ своихъ мечтахъ о будущемъ она забыла это темное пятно, которое лежало на ея прошломъ. Теперь оно выросло передъ нею и приняло гигантскіе размѣры. Все тревожнѣе и печальнѣе становились ея думы. Королева сказала, что Эрбахъ любимецъ Іосифа II. Какъ могла произойти эта дружба? Развѣ они не знали и не догадывались, что уже встрѣчались прежде, и далеко не дружелюбнымъ образомъ? Или, быть можетъ, они откровенно объяснились другъ съ другомъ относительно прошлаго?.. Какъ тяжело ей будетъ видѣть ихъ вмѣстѣ!.. Неопредѣленный страхъ, стыдъ и раскаяніе овладѣли ею. Еще въ Венеци она хотѣла во всемъ признаться своему мужу, но благоразуміе и совѣты дяди удержали ее. Теперь она опять дала себѣ слово не скрывать правды...

Она поспѣшно встала и пошла къ открытой двери, ведущей въ залу, гдѣ собралось все общество.

— Куда вы дѣлись, графиня Рената? воскликнула съ живостью королева, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ ей на встрѣчу и взявъ за обѣ руки. — Я должна сообщить вамъ важную государственную тайну! Въ Люсьеннѣ составили противъ насъ заговоръ...

— Да, настоящій музыкальнй заговоръ! добавилъ шепеляви король, который шелъ за своей супругой и едва удерживался отъ смѣха. — Но, къ счастью, наша полиція настолькоъ бдительна, что открыла во-время тайны павильона въ Люсьеннѣ. Заговорщики намѣреваются затмить концерты Трианона лучшимъ музыкальнымъ исполненіемъ... Сегодня вечеромъ тамъ дебютировала пѣвица съ неподражаемымъ голосомъ, какъ сообщилъ негръ Заморъ полицейскому шпиону...

— Вы испытываете мое терпѣніе, ваше величество! воскликнула королева, — и, вѣроятно, еще не все рассказали намъ! Не мучьте насъ..!

Король, по своей природной лѣни и болѣзненности, рѣдко бывалъ въ веселомъ обществѣ, которое собиралось у его супруги, и тяготился имъ. Но въ этотъ вечеръ ему видимо нравилась первенствующая роль, вынавшая на его долю, благодаря свѣдѣніямъ, которыя сообщилъ ему министръ полиціи Сартинъ. На его широкомъ добродушномъ лицѣ появилась лукавая улыбка.

— Говорятъ, что эта пѣвица — продолжалъ онъ — почти такъ-же красива, какъ королева Марія Антуанета. Будущую зиму она будетъ пѣть въ операхъ...

Король остановился въ смущеніи, потому что забылъ имя композитора.

— Надѣюсь, не Пиччини? поспѣшно спросила Марія Антуанетта, чтобы вывести изъ затрудненія своего супруга.

— Именно Пиччини! отвѣтилъ Людовикъ XVI, поблагодаривъ королеву ласковымъ взглядомъ. — Нашъ protégé Глюкъ потерпитъ полное пораженіе благодаря этой пѣвицѣ.

— Это будетъ вопіющая несправедливость! Надѣюсь, что ваше величество не допуститъ до этого! замѣтила королева шутливымъ тономъ, въ которомъ слышалась досада.

— Я властвую надъ сердцами французовъ, какъ увѣряютъ эти господа, сказала Людовикъ, указывая на придворныхъ, — но не надъ ихъ ушами.

— Кто отыскалъ эту пѣвицу и привезъ ее въ Люсьеннѣ? спросила принцесса Ламбаль. — Не явилась ли она съ неба въ колесницѣ изъ облаковъ?

— Нѣтъ, принцесса, она обыкновенная смертная, и все произошло самымъ простымъ образомъ. Можетъ быть, кто изъ васъ помнитъ стараго итальянскаго маркиза...

Король опять остановился.

— Валь д'Омбронне, подсказала Марія Антуанета съ веселымъ смѣхомъ. — Неужели этотъ чудакъ отыскалъ великую пѣвицу?

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вы такъ насмѣхались надъ нимъ въ Трианонѣ, что онъ рѣшился отомстить вамъ

и добылъ пѣвицу изъ владѣній вашей августѣйшей матери, императрицы Маріи Терезіи, а именно изъ Ломбардіи.

— Можно ли забыть этого смѣшнаго старика! Прошлой весной я ему сказала шутя, что только на моей родинѣ можно встрѣтить хорошіе женскіе голоса. Онъ повѣрилъ мнѣ на-слово. Изъ всѣхъ чудачковъ самые опасные тѣ, которые помѣшались на музыкѣ. Но меня всего болѣе удивляетъ, какъ могли вы запомнить всѣ эти пустяки.

— Все то, что касается королевы, не кажется мнѣ пустяками, отвѣтилъ Людовикъ съ легкимъ поползновеніемъ связать любезность, но тотчасъ же сконфузился и пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ словъ. Въ это время взглядъ его случайно остановился на Ренатѣ, но въ головѣ составила фраза, которой онъ воспользовался, чтобы выйти изъ замѣшательства.

— Нашъ министръ полиціи все знаетъ и все видитъ, моя прекрасная графиня! сказалъ онъ.—Одинъ умный человѣкъ, или даже кто-то изъ господъ философовъ, сказалъ, что королевская власть во Франціи не можетъ существовать безъ Бастиліи и безъ полиціи.

— Это не справедливо! замѣтилъ баронъ Безенваль, офицеръ швейцарской гвардіи.—Развѣ ваше величество не доказываетъ ежедневно, что Франція можетъ существовать и быть счастливой помимо Бастиліи и полиціи?

Слова эти были встрѣчены одобрительнымъ шепотомъ всѣхъ присутствующихъ, но привели короля въ дурное расположеніе духа.

— Мы дѣлаемъ, что можемъ, милостивый государь, сказалъ онъ сухо,—и заботимся о счастьи Франціи!

Королева сдѣлала знакъ Ренатѣ, чтобы она переимѣнила тему разговора, но та не въ состояніи была соображать что либо въ эту минуту. Она слышала отрывочныя фразы, видѣла, что дѣлалось вокругъ нея, но мысли ея упорно возвращались къ прошлому. Если бы ее не удерживала боязнь, что ея отсутствіе будетъ замѣчено, и она имѣла бы право распоряжаться своими дѣйствіями, то навѣрно отправилась бы въ домъ Бланшара, пользующійся дурной славой, и бросилась бы въ объятія своего мужа. Она спрашивала себя съ недоумѣніемъ: судьба, или воля Всевышняго мѣшала выполненію ея намѣренія?..

Блѣдная и смущенная стояла она у дверей, не понимая, почему король, обращаясь къ ней, упомянулъ о Бастиліи и чего требуетъ отъ нея Марія Антуанета.

— Развѣ я имѣла несчастіе обратить на себя вниманія министра полиціи? спросила она взволнованнымъ голосомъ.

Людовикъ XVI подалъ ей руку съ добродушной улыбкой, довольный тѣмъ, что не онъ одинъ робѣетъ въ этомъ обществѣ.

— Вы, вѣроятно, шутите, графиня! сказалъ онъ.—Какъ могла явиться у васъ подобная мысль? Мы говорили о заговорѣ въ Люсеннѣ, который я хотѣлъ скрыть отъ всѣхъ васъ, но не сумѣлъ,

такъ какъ не могу хранить тайны. Теперь у меня въ запасѣ еще одинъ секретъ.

— Позвольте мнѣ угадать его, сказала королева. Вы хотите сообщить графинѣ Эрбахъ о прїѣздѣ ея мужа?

— Графъ Эрбахъ въ Версалѣ! воскликнулъ съ удивленіемъ старый господинъ съ серьезнымъ и строгимъ выраженіемъ лица. Это былъ Адамъ Лобковичъ. Несмотря на шестидесятилѣтній возрастъ, онъ держался прямо и сохранилъ почти юношескую бодрость.

— Вы ошиблись, отвѣтилъ Людовикъ, обращаясь къ своей супругѣ,—я ничего не слыхалъ о графѣ Эрбахѣ.

— Вы злоупотребляете нашимъ терпѣніемъ, ваше величество, и хотите, чтобы мы всѣ умерли отъ любопытства! воскликнула одна изъ придворныхъ дамъ.

— Скажитесь надъ ними, сказалъ высокомернымъ тономъ младшій братъ короля, графъ д'Артуа;—дамы сознаются въ своей слабости и не хвастаютъ стоицизмомъ, какъ философы.

— Я готовъ удовлетворить ихъ любопытство, но подѣ условіемъ, что онѣ не будутъ разглашать тайны, которую я сообщу имъ, отвѣтилъ улыбаясь король. Затѣмъ, обращаясь къ своей супругѣ, онъ сказалъ:—завтра мы будемъ имѣть счастье видѣть у насъ германскаго императора, вашего августѣйшаго брата.

Онъ произнесъ эти слова съ достоинствомъ; въ голосѣ его было столько задушевности и ласки, когда онъ наклонился къ королевѣ, чтобы сообщить ей прїятную новость, что это придадо привлекательность его неуклюжей, мужиковатой фигурѣ.

Марія Антуанета покраснѣла отъ удовольствія подѣ румянами, покрывавшими ея щеки, и, движимая чувствомъ благодарности за извѣстіе, котораго она ожидала съ такимъ нетерпѣніемъ, поцѣловала руку короля.

— Что вы дѣлаете, madame! воскликнулъ сконфуженный король.

— Мой братъ прїѣдетъ въ Парижъ! Я жду его цѣлый годъ! сказала Марія Антуанета, обращаясь къ своимъ придворнымъ дамамъ.—Неожиданныя прїятствія мѣшали ему предпринять это путешествіе, о которомъ меня извѣщали столько разъ. Вы навѣрно знаете, ваше величество, что онъ завтра будетъ здѣсь?

— Я жду ежеминутно гонца изъ Парижа, который долженъ извѣстить насъ о прїѣздѣ императора.

— Какъ я счастлива, что мнѣ удастся опять увидѣть его! я такъ увѣрена въ его дружбѣ! продолжала королева, которая надѣялась на посредничество своего брата, чтобы встать въ болѣе искреннія отношенія къ Людовику XVI.—Наконецъ-то онъ познакомится съ моимъ новымъ отечествомъ!.. Да радуйтесь же, графиня Рената! добавила она съ веселымъ смѣхамъ, обращаясь къ своей любимицѣ.—Вы, какъ наша соотечественница, должны также интересоваться прїѣздомъ императора...

Но Рената не въ состояніи была ни отвѣчать на эти слова, ни принимать участіе въ общемъ разговорѣ. Она незамѣтно отошла отъ кружка, собравшагося около кресла королевы, и сѣла вдали у одного изъ широкихъ оконъ, гдѣ надѣялась остаться незамѣченною. Изъ окна виднѣлся разцвѣтающій садъ, слабо освѣщенный луной, въ эту минуту закрытой облаками.—Если люди должны разцвѣтать и умирать, какъ цвѣты, думала Рената, то зачѣмъ дано имъ сознаніе перемѣнъ, совершающихся въ ихъ жизни, и мучительныя думы? Для чего страдаемъ мы не только отъ общихъ, неизбѣжныхъ, естественныхъ причинъ, но отъ представлений, созданныхъ нашей фантазіей? Неужели человѣкъ—существо одаренное всѣми преимуществами—долженъ быть самымъ несчастнымъ созданіемъ въ цѣломъ мірѣ!..

Эти печальныя размышленія еще болѣе усилили грусть, наполнившую сердце бѣдной женщины. Она не чувствовала себя достаточно сильной передъ событіями, которыя могли произойти въ слѣдующіе дни, и хотѣла искать спасенія въ бѣгствѣ. Какъ завидовала она Куронѣ, предполагая, что ея бывшая подруга все еще находится въ монастырѣ. Ей казалось, что она не рождена для свѣта и для брачной жизни и что уединеніе монастыря дастъ ей то удовлетвореніе, которое она думала найти въ любви.

Знакомый голосъ тихо назвалъ ее по имени. Она оглянулась. За ея спиной стоялъ князь Лобковичъ.

— Что скажешь ты о сегодняшнихъ новостяхъ, моя дорогая племянница? спросилъ онъ ее по-нѣмецки.

— Королева такъ давно ожидаетъ пріѣзда своего брата, что эта новость нисколько не удивила меня, отвѣтила уклончиво Рената.

— Но ты, вѣроятно, удивилась, узнавъ, что графъ Эрбахъ въ Версалѣ? продолжалъ Лобковичъ, вопросительно взглянувъ на племянницу своими большими сѣрыми глазами. Онъ слишкомъ хорошо зналъ слабость ея сердца и шаткость воли и былъ заранѣе увѣренъ въ своей побѣдѣ, но, какъ опытный дипломатъ, привыкъ осторожно приступать къ дѣлу.

— Васъ, кажется, очень интересуеть предстоящая встрѣча императора и графа Эрбаха? спросила въ свою очередь Рената, чтобы прекратить непріятный допросъ.

— Да, потому что ихъ одновременный пріѣздъ показываетъ, что между ними существуютъ очень близкія отношенія, которыя не могутъ быть особенно пріятны для насъ обоихъ и полезны для Австріи.

— Я несовсѣмъ понимаю, что вы хотите сказать этимъ. Мнѣ кажется, что ихъ дружба служитъ доказательствомъ, что у нихъ произошло объясненіе, и мнѣ ничего не остается, какъ откровенно признаться во всемъ графу Эрбаху.

— И опять соединиться съ нимъ, добавилъ многозначительно князь Лобковичъ.—Ты, разумѣется, можешь поступать, какъ хочешь. Но не забудь, что это примиреніе будетъ стоять тебѣ новыхъ и даже,

быть можетъ, напрасныхъ униженій. Что касается меня лично, то я долженъ высказать свое мнѣніе человѣку, котораго я считаю самымъ опаснымъ врагомъ нашей церкви и который причинилъ тебѣ столько горя и слезъ.

— Въ томъ положеніи, въ какомъ я нахожусь теперь, у меня нѣтъ иного исхода, какъ вернуться къ мужу, хотя бы цѣной униженія, или навсегда запереться въ монастырь. Вы знаете, что я не придаю никакой цѣны мірскимъ удовольствіямъ и наслажденіямъ... Весь вопросъ въ томъ, чтобы вы дали свое согласіе.

— Мы не должны принимать никакого рѣшенія подъ вліяніемъ страсти. Само собою разумѣется, что свѣтъ не можетъ привлекать тебя въ томъ печальномъ настроеніи, въ какомъ ты находишься теперь. Свѣтъ остается все тотъ же, но наше настроеніе духа безпрестанно мѣняется. Никогда не слѣдуетъ рѣшаться на крайности и сжигать разомъ всѣ корабли... Однако, прекратимъ этотъ разговоръ: королева наблюдаетъ за нами...

Марія Антуанета давно уже не чувствовала себя такой счастливой, какъ въ этотъ вечеръ. При томъ радостномъ настроеніи, въ какомъ она находилась, ей казалось, что свѣчи въ залѣ горятъ свѣтлѣе обыкновеннаго; еще великолѣпнѣе и роскошнѣе представлялась ей вся окружающая ее обстановка:—мебель, драгоценности, блестящіе наряды дамъ, фресковая живопись съ группами цвѣтовъ, арабесокъ и символами искусствъ и мира, которая окаймляла потолокъ въ видѣ изящнаго бордюра.

Весело смѣялась и шутила молодая королева; ее окружали беззаботныя улыбающіяся лица придворныхъ дамъ и кавалеровъ, очарованныхъ ея любезностью. Воображеніе не рисовало имъ ни одной изъ тѣхъ ужасныхъ картинъ, которыя были вызваны въ Люсьеннѣ дикой фантазіей Рошфора, возбужденной виномъ.

Въ десять часовъ вечеръ кончился. Королевская чета удалилась въ свои покои.

Рената уже нѣсколько дней жила въ верхнемъ этажѣ Трианона, куда она должна была переѣхать изъ своей парижской квартиры въ Chaussée d'Antin, по просьбѣ королевы, которая скучала въ ея отсутствіе. По окончаніи вечера, князь Лобковичъ проводилъ свою племянницу въ ея комнаты, такъ что Ренатѣ не удалось остаться одной, несмотря на все ея желаніе.

Нѣкоторое время дядя занималъ ее разсказами и анекдотами и, казалось, совершенно забылъ о цѣли своего посѣщенія. Молча слушала его Рената съ опущенными рѣсницами, и руками, сложенными на груди. Она сняла всѣ украшенія съ своего лиловаго шелковаго платья, убранныаго черными кружевами и бархатными бантами. Небрежно сброшенные нити жемчуга и золотыя цѣпочки лежали на столѣ, браслетъ упалъ на полъ; она машинально оттолкнула его отъ себя ногой. Всякій, кто увидалъ бы ее со стороны въ этой печальной

позѣ съ блѣднымъ взволнованнымъ лицомъ, нашелъ бы, что она можетъ служить превосходною моделью для художественнаго изображенія кающейся грѣшницы. Вѣроятно, подобная же мысль промелькнула въ головѣ князя Лобковича, хотя онъ вообще не былъ поклонникомъ изящныхъ искусствъ и, по своему практическому уму, рѣдко бралъ сюжеты для сравненій изъ этой области.

— Ты положительно напоминаешь мнѣ изображеніе кающейся Магдалины, которое я видѣлъ на картинѣ одного знаменитаго художника! сказалъ онъ, прерывая неожиданно начатый разговоръ. — Я вижу, что напрасно трачу свое краснорѣчіе въ надеждѣ развлечь тебя! Самыя смѣшныя исторіи не могли вызвать улыбки на твоемъ лицѣ. Но вернемся къ разговору, который мы начали въ залѣ. Неужели ты считаешь возможнымъ исполнить твое намѣреніе—поступить въ монастырь? Твои родные врядъ ли дадутъ свое согласіе, не говоря уже о твоемъ мужѣ, который не замедлитъ заявить протестъ, когда узнаетъ, что ты горячо желаешь этого. Теперь не время служить Богу въ монастырѣ. Мы несравненно больше приносимъ пользы нашей церкви, оставаясь въ свѣтѣ. Кромѣ того, я позволю себѣ сдѣлать еще одинъ вопросъ: что станетъ съ одинокимъ старикомъ, у котораго нѣтъ иного утѣшенія, какъ видѣть тебя и быть съ тобой?..

Слова эти, сказанныя дрожащимъ голосомъ, произвели свое дѣйствіе. Рената вопросительно взглянула на своего собесѣдника, какъ бы желая прочесть на его лицѣ—дѣйствительно ли онъ убѣжденъ, что на ней лежатъ еще извѣстныя нравственныя обязанности?

— Если монастырь недоступенъ для меня, то позвольте мнѣ, покрайней мѣрѣ, удалиться изъ Парижа. Увезите меня въ самый уединенный изъ вашихъ замковъ. Вы, вѣроятно, не пожелаете, чтобы весь свѣтъ узналъ о моемъ позорѣ!

— Что скажутъ въ Версалѣ, если я соглашусь исполнить просьбу? Какъ приметъ королева твой внезапный отъѣздъ? Онъ оскорбитъ ее, а враги твои воспользуются имъ, чтобы распустить самыя недѣльные слухи. Съ другой стороны, я положительно не вижу никакой серьезной причины, которая побуждала бы тебя къ такому рѣшенію.

Рената молчала, недоумѣвая—играетъ ли онъ передъ нею комедію, или въ самомъ дѣлѣ не догадывается, что собственно заставляетъ ее бѣжать изъ Версаля.

— Наконецъ, продолжалъ Лобковичъ спокойнымъ голосомъ,—взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я нахожу, что тебѣ нѣчего бояться встрѣчи съ твоимъ мужемъ. Ты окружена друзьями и есть кому защитить тебя. Я, напротивъ, хочу извлечь пользу изъ его пріѣзда.

— Пользу? повторила съ удивленіемъ Рената.

— Да, мое дитя. Вы не можете долѣе оставаться въ такихъ отношеніяхъ, какъ теперь. Графъ Эрбахъ долженъ прямо объявить, согласенъ ли онъ на разводъ. Послѣ всѣхъ странныхъ исторій, которыя я слышалъ о немъ, ему самому будетъ пріятно опять пользоваться

свободой. Я убѣжденъ, что до сихъ поръ только гордость мѣшала ему сдѣлать первый шагъ.

— А теперь онъ рѣшился? спросила она недовѣрчиво и съ горькой усмѣшкой.

— Я не могу утверждать этого, но если онъ дѣйствительно такъ страстно любить Корону Турмъ, какъ пишетъ старая графиня и наши друзья изъ Таннбурга, и если вѣренъ слухъ, что онъ обратился къ посредничеству императора, чтобы освободить ее изъ монастыря... Что съ тобой, ты блѣднѣешь?

— Ничего, я немного устала...

— Оставимъ этотъ непріятный разговоръ. Я только хотѣлъ сказать, что, по моему мнѣнію, онъ самъ будетъ доволенъ, если это дѣло кончится миролюбивымъ образомъ. Два года прошли со времени нашего выѣзда изъ Венеціи, такъ что рана, нанесенная разлукой, вѣроятно давно зажила какъ у того, такъ и другого. Съ обѣихъ сторонъ чувство оскорбленія не можетъ быть такъ сильно, какъ прежде; разумъ и нравственность заставили умолкнуть страсть. Въ этомъ смыслѣ я намѣренъ вести переговоры съ графомъ Эрбахомъ. Твое душевное спокойствіе не должно быть болѣе нарушено.

Трудно было возражать что либо противъ этой ясной и разумной рѣчи, тѣмъ болѣе, что Рената была убѣждена въ нѣжной заботливости старика объ ея счастья и спокойствіи. Только любовь могла дать ей силы для противодѣйствія. Но въ ней заговорило чувство ревности, и она почти ненавидѣла своего мужа въ эту минуту.

— Дѣлайте то, что считаете нужнымъ, отвѣтила она беззвучнымъ голосомъ.—Только попросите королеву, чтобы она позволила мнѣ не участвовать на праздникахъ, которые будутъ устроены въ честь императора.

— Что за безумная фантазія! Неужели ты окончательно утратила сознание о своемъ положеніи и чувство собственнаго достоинства! Зачѣмъ станешь ты избѣгать встрѣчи съ императоромъ? Развѣ ты не можешь занять при Вѣнскомъ дворѣ такое же почетное мѣсто, какъ въ Версалѣ? Сколько разъ я повторялъ тебѣ, что, не сдѣлавъ грѣха, ты напрасно осуждаешь себя на роль кающейся Магдалины. Ты не виновата въ томъ, что твоя красота привлекла взгляды молодого властелина. Благотворное вліяніе женщины на впечатлительную натуру этого человѣка могло бы быть спасительнымъ для нашей родины...

Она сидѣла какъ присужденная къ смерти и слышала отдѣльные слова, не понимая ихъ смысла.

Лобковичу самому показалось, что онъ зашелъ слишкомъ далеко. Онъ осторожно добавилъ:

— Мои слова не относятся къ тебѣ лично... Во всякомъ случаѣ ты не должна стѣсняться присутствіемъ императора. Посмотримъ, захочетъ ли онъ признать свое тождество съ маской, которая два года тому назадъ преслѣдовала тебя на площади св. Марка и говорила

съ тобой въ церкви. Если да, то ты можешь отвѣтить точно такъ же, какъ и тогда.

— Какъ и тогда!.. повторила машинально Рената, поднимаясь съ мѣста. Она была близка къ обмороку.

— Покойной ночи, дядя! добавила она и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Адамъ Лобковичъ задумчиво потеръ себѣ руки; онъ былъ не совсемъ доволенъ результатомъ разговора.

— Она не любитъ Иосифа, пробормоталъ онъ вполголоса,—и недоступна со стороны честолюбія. Одна надежда на ея ревность къ Коронѣ, на новое домогательство со стороны императора и равнодушіе Эрбаха... Но все-таки у ней пылкая фантазія, и она любитъ эффекты. Если возможно вырвать императора изъ рукъ новаторовъ и безбожниковъ, то женщина всего скорѣе можетъ совершить это чудо. Ротганъ правъ, хотя я рѣшительно не могу угадать, на кого онъ мѣтитъ въ своихъ письмахъ. Онъ, повидимому, ничего не ожидаетъ отъ встрѣчи Ренаты съ императоромъ; но я во всякомъ случаѣ не намѣренъ готовить путь другому и уступать то вліяніе, какое надѣюсь пріобрѣсти въ государствѣ.

На сегодняшній вечеръ онъ долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго разговора съ племянницей.

— Прощай, желаю тебѣ видѣть хорошіе сны, сказалъ онъ громко, чтобы Рената могла слышать его въ сосѣдней комнатѣ.

Заливаясь слезами, она стояла на колѣняхъ передъ распятіемъ. Лунный свѣтъ, проникавшій въ окна, ярко освѣщаль ликъ Спасителя, сдѣланный изъ слоновой кости.

ГЛАВА IV.

Пять дней, какъ императоръ Иосифъ былъ предметомъ разговоровъ въ Парижѣ и Версалѣ. Не только въ королевскомъ дворцѣ, но и въ частныхъ домахъ, и на улицахъ, шли о немъ оживленные толки. Простота его одежды, общительность, остроумные отвѣты, вниманіе, которое онъ оказывалъ ученымъ и людямъ, выдающимся по своимъ заслугамъ,—все это служило неизсякаемымъ источникомъ самыхъ разнообразныхъ разсказовъ. Во всѣхъ кафе можно было услышать панегирики императору, не исключая Café de la Regence, куда онъ зашелъ однажды утромъ, избѣгая слѣдовавшей за нимъ толпы, и выпилъ чашку кофе. Болѣе серьезные люди, ожидавшіе съ безпокойствомъ переворота, который долженъ былъ ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, слѣдили съ искреннимъ участіемъ за каждымъ сло-

вомъ и поступкомъ Иосифа II. Видя, что онъ посвящаетъ цѣлыя дни на осмотръ учебныхъ заведеній, фабрикъ и арсеналовъ, они восхищались его неутомимою дѣятельностью и невольно сравнивали ее съ лѣтностью и равнодушіемъ ихъ молодаго короля. Они придавали особенное значеніе каждому великодушному порыву будущаго императора и, не зная положенія дѣлъ въ Австріи, завидовали счастью тѣхъ народовъ, надъ которыми будетъ властвовать мудрый, челоуѣколюбивый монархъ, сочувствующій идеаламъ передовыхъ людей вѣка.

Графъ Эрбахъ искренно радовался, слушая восторженныя похвалы, которыя французы расточали германскому императору. — Наконецъ-то люди поняли и оцѣнили надлежащимъ образомъ этого челоуѣка! думалъ онъ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія. — Здѣсь Иосифъ не окруженъ недоброжелателями, которые даютъ ложное толкованіе каждому его побужденію и голословно осуждаютъ всякое высказанное имъ мнѣніе. Весь народъ восторженно привѣтствуетъ его, преклоняясь передъ его воззрѣніями и благими намѣреніями. Графъ Эрбахъ живо представлялъ себѣ, какъ это поклоненіе должно благодѣтельно дѣйствовать на Иосифа, непризнаннаго въ собственномъ отечествѣ и лишеннаго всякой свободы дѣйствій. Развѣ въ Австріи онъ не долженъ былъ во всемъ подчиняться волѣ матери, устарѣлымъ, выжившимъ предразсудкамъ и обычаямъ и въ то же время вести тяжелую борьбу съ явнымъ сопротивленіемъ дворянства и тайными кознями католическаго духовенства? Восторженный приѣмъ великой націи, которая впервые видѣла его у себя въ качествѣ гостя, долженъ былъ убѣдить его, что онъ можетъ рассчитывать на сочувствіе Европы въ предстоящемъ ему великомъ дѣлѣ преобразованія государства. Австрія — это мумія, повторялъ мысленно графъ Эрбахъ, — а Иосифъ II мудрый магъ, которому суждено вызвать ее къ жизни. Развѣ мы не приобретаемъ къ разнымъ цѣлебнымъ средствамъ, чтобы продлить нашу жизнь и поддержать разстроенный организмъ? Такими же цѣлебными средствами для страждущаго государства будутъ реформы, задуманныя Иосифомъ — религіозная свобода и образованіе.

Мечтая такимъ образомъ о преобразованіи Австрійскаго государства, графъ Эрбахъ надѣялся съ своей стороны принести извѣстную пользу. Если въ разговорѣ съ патеромъ Ротганомъ онъ такъ рѣшительно отказывался отъ государственной службы, то причина этого заключалась въ томъ, что онъ имѣлъ совершенно иное мнѣніе о характерѣ императора, и тогда еще общественное зло не коснулось его личной жизни. Съ тѣхъ поръ онъ на многое сталъ смотрѣть иными глазами. Развѣ противники, съ которыми онъ боролся на собственной землѣ, не были въ то же время врагами свободы и справедливости?

Если церковная власть позволяла себѣ относительно него разныя несправедливости, то тѣмъ безнаказаннѣе могла она себѣ позволять ихъ надъ людьми, занимавшими менѣе видное положеніе въ свѣтѣ.

Развѣ, помимо него, мало людей страдаютъ отъ несправедливаго суда, насилія, произвола чиновниковъ и преслѣдованій духовной власти? Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ болѣе его собственная судьба связывалась въ его умѣ съ участью многихъ тысячъ соотечественниковъ, и онъ ясно видѣлъ, что существующее зло представляетъ собой прямое послѣдствіе порядковъ, господствовавшихъ въ Австріи.

Политическое воодушевленіе, охватившее парижанъ съ пріѣздомъ германскаго императора и американскихъ уполномоченныхъ, обаятельно дѣйствовало на графа Эрбаха. Его всецѣло увлекалъ потокъ общественной жизни, отголоски которой едва доходили до него, пока онъ жилъ въ своемъ уединенномъ замкѣ, скрытомъ въ сосновомъ лѣсу.

До сихъ поръ онъ видѣлъ только мелькомъ императора. Рано утромъ посѣтилъ онъ графа Фалькенштейна въ наемномъ отелѣ на улицѣ Tougnon, потому что Іосифъ отказался отъ помѣщенія, предложеннаго ему въ королевскомъ дворцѣ. Императоръ дружески пожалъ ему руку, но они обмѣнялись другъ съ другомъ только нѣсколькими словами, такъ какъ разговоръ ихъ имѣлъ непрошеннаго свидѣтеля въ лицѣ Адама Лобковича. Послѣ этого свиданія, графъ Эрбахъ ожидалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, что Іосифъ пошлетъ за нимъ. Онъ узналъ такъ много новаго, столько мыслей накопилось въ его головѣ, что чувствовалъ потребность подѣлиться ими. Съ другой стороны, онъ рассчитывалъ на императора для разъясненія нѣкоторыхъ интересовавшихъ его вопросовъ.

Наконецъ, сегодня утромъ, онъ получилъ собственноручное письмо Іосифа, который приглашалъ его придти въ шесть часовъ вечера въ садъ Трианона и ожидать его у скалы, гдѣ королева намѣревалась устроить искусственный гротъ. „Тамъ никто не можетъ подслушать насъ, мой дорогой графъ“, писалъ Іосифъ. „Я не подозрѣвалъ, что моя сестра ненавидитъ васъ; она, такъ же какъ и императрица, увѣрена, что знакомство съ вами совратитъ меня съ пути истины. Но это не можетъ особенно огорчать васъ по старинной нѣмецкой поговоркѣ: „чѣмъ больше враговъ, тѣмъ больше чести“. Нашу дружбу не могутъ поколебать чьи либо наговоры. Вѣрьте, что Іосифъ никогда не измѣнитъ вамъ“.

Ласковый тонъ письма глубоко тронулъ графа Эрбаха и наполнилъ его сердце радостью; но, перечитывая письмо, онъ обратилъ вниманіе на отдѣльныя фразы, которымъ сначала не придавалъ никакого значенія. Тѣ же люди, которые преслѣдовали его въ Вѣнѣ и Прагѣ, не оставляютъ его и здѣсь въ покоѣ. Въ уединенномъ богемскомъ замкѣ сидитъ старая злая женщина и заодно съ честолюбивымъ священникомъ, живущимъ въ Танибургѣ, разставляетъ ему сѣти. Императрица Марія-Терезія въ Шенбруннѣ, молодая королева въ Версалѣ, повторяютъ то, что имъ подсказываютъ его враги. Къ ихъ услугамъ солдаты, епископы, шпіоны, убійцы...

— Кто могъ очернить меня, кромѣ моей жены? спрашивалъ себя съ горечью графъ Эрбахъ.—Что могла знать обо мнѣ королева? Но въ чемъ я, собственно, провинился передъ Ренатой? Неужели таковъ долженъ быть конецъ нашей страстной любви!.. При этой мысли въ немъ проснулся остатокъ прежней нѣжности; сердце его болѣзненно сжалось. Неужели онъ долженъ смотрѣть на свою бывшую возлюбленную, какъ на врага, и даже ненавидѣть ее? Сердце его возмущалось противъ этого, но улики были на-лицо.

Мало-по-малу фантазія перенесла его отъ этихъ печальныхъ думъ къ болѣе отраднмъ картинамъ. Видъ разцвѣтающаго сада, освѣщеннаго солнцемъ, наполнялъ его сердце радостной надеждой. Связь между нимъ и Ренатой была порвана; что мѣшаетъ ему уничтожить ее въ глазахъ свѣта? Была ли эта игра воображенія, но ему показалось, что мраморная нимфа въ кустарникѣ, искусно обстриженномъ въ видѣ ниши, имѣетъ поразительное сходство съ Короной. Онъ чувствовалъ невыразимое блаженство, что она близка къ нему. Пройдетъ еще нѣкоторое время и, быть можетъ, онъ навсегда соединится съ нею. Онъ извѣстилъ Корону о приѣздѣ императора черезъ графиню Дюбарри и просилъ ее еще нѣкоторое время остаться у маркиза и вооружиться терпѣніемъ. Увѣренный въ привязанности Короны, онъ не боялся ея встрѣчи съ Антоніо Росси и считалъ ее обезпеченной отъ новаго искушенія.

Въ томъ же радостномъ настроеніи духа шелъ онъ черезъ садъ къ мѣсту, назначенному Іосифомъ для свиданія. Въ шумѣ фонтановъ ему слышался какой-то таинственный шепотъ; изъ кустарниковъ ласково глядѣли на него статуи; до него доносился запахъ фіалокъ, мягкій южный вѣтеръ шелестилъ листьями деревьевъ и колебалъ цвѣты. Весь міръ представлялся ему теперь въ иномъ свѣтѣ, нежели въ послѣдніе мѣсяцы. Жизнь со всѣми ея бѣдствіями и мимолетными наслаженіями, наполнявшими его сердце горечью, получила неожиданно цѣну въ его глазахъ. Какимъ дикимъ казалось ему его недавнее намѣреніе удалиться въ уединенный замокъ и жить тамъ вдаль отъ людей до послѣдняго часа жизни! Сегодня онъ чувствовалъ, какъ будто у него выросли крылья; на душѣ было легко и весело. Онъ видѣлъ передъ собой долгіе годы труда, но это не пугало его; даже испытанныя имъ разочарованія имѣли для него свою прелесть. Онъ вспомнилъ одну печальную ночь въ Венеціи, когда онъ убѣдился въ невѣрности Ренаты... но развѣ и эта ночь не была полна поэзіи и очарованія? всюду слышалось пѣніе, музыка, веселые голоса; какъ волшебю свѣтилъ мѣсяць! Что значать страданія людскія передъ вѣчной красотой природы...

Графъ Эрбахъ, погруженный въ свои размышленія, шелъ быстрымъ шагомъ по гладкимъ дорожкамъ, которые были пусты въ этой части сада. Большинство гуляющихъ толпилось около дворцовъ большого и малаго Трианона, у бассейна Нептуна и храма Амура, гдѣ шли

приготовленія къ большому празднеству съ иллюминаціей и фейерверкомъ, которое королева устраивала въ этотъ вечеръ въ честь своего брата. Каждый заблаговременно спѣшилъ занять себѣ мѣсто на пространствѣ, отведенномъ для посторонней публики. Графъ Эрбахъ тщательно избѣгалъ толпы, шума и говора рабочихъ, которые окончивали свое дѣло. Онъ хотѣлъ сосредоточиться и на свободѣ обдумать предстоящій разговоръ съ императоромъ. Нечасто бываютъ такія минуты, когда сердцемъ монарха овладѣваетъ дружба, и онъ, отрѣшавшяся отъ обычной сдержанности, жаждетъ услышать правду отъ преданнаго ему человѣка. Тѣмъ болѣе важно было свободно и вовремя сказанное слово въ данномъ случаѣ, при томъ упорствѣ, съ какимъ духовенство и важнѣйшіе представители дворянства старались пріобрѣсти вліяніе на умъ Іосифа и запугать его ужасающими картинами грозящей ему будущности.

Графъ Эрбахъ дошелъ до конца аллеи. Передъ нимъ было маленькое вырытое озеро; разбросанныя глыбы скаль фантастически возвышались на берегу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого мѣста виднѣлся высовій вязъ, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли плакучія ивы. Шумъ тростника, колеблемаго вѣтромъ, и плескъ воды едва нарушали торжественную тишину наступающаго вечера; на гладкой поверхности озера отражался красноватый отблескъ заходящаго солнца.

Графъ Эрбахъ задумчиво остановился на берегу, сложивъ руки на груди. Фигура его ясно отражалась въ тихой водѣ.

Шумъ шаговъ заставилъ его оглянуться. По аллеѣ шелъ императоръ; легкій плащъ былъ накинутъ на его плечи.

— Я сдержалъ слово, сказалъ онъ, пожимая руку графу Эрбаху. — Я торопился сюда, какъ на любовное свиданіе; господа придворные, вѣроятно, не повѣрили бы, что дѣло идетъ о встрѣчѣ съ другомъ, если бы видѣли, какъ я пробирался по саду уединенными аллеями. Наконецъ-то у меня выбралась удобная минута, чтобы побесѣдовать съ вами. Прежде всего скажите мнѣ, тотъ ли вы, какимъ были въ Таннбургѣ?

— Въ моемъ образѣ мыслей съ тѣхъ поръ не произошло никакой перемѣны, ваше величество.

— Я уоѣжденъ въ этомъ, и потому мнѣ вдвойнѣ пріятно видѣться съ вами. Но не смѣшно ли, что я, государь значительной имперіи, не смѣю открыто выказать вамъ моего расположенія, хотя дѣлаю это изъ осторожности, чтобы не увеличить число вашихъ враговъ! Милость монарха бываетъ иногда опасна, и моя тѣмъ болѣе, потому что я даже не въ состояніи защитить моихъ друзей, какъ вы это испытали на себѣ горькимъ опытомъ.

— Я тронуть вниманіемъ вашего величества. Но судьба разрушила планы моихъ враговъ, которые только отчасти удались имъ.

При этомъ графъ Эрбахъ подробно описалъ свою встрѣчу съ Бухгольцемъ и Короной Турмъ, высказавъ предположеніе, что въ Прагѣ, въ монастырѣ урсулинокъ, заперта Гедвига Рехбергеръ, которую привезли туда вмѣсто молодой графини и теперь не рѣшаются освободить, изъ боязни скандала.

Иосифъ внимательно выслушалъ рассказъ графа и, считая заточеніе Гедвиги весьма вѣроятнымъ, былъ глубоко возмущенъ этимъ. Онъ хорошо помнилъ бѣлокурую дѣвушку, съ которой разговаривалъ у стѣны Таннбурга и подарилъ золотой крестъ.

— Все это дѣлается безнаказанно въ мое правленіе! сказалъ онъ съ горькой усмѣшкой.—Если бы эта несчастная дѣвушка совершила какое нибудь преступленіе, то она должна была бы явиться передъ судомъ. Но быть запертой въ монастырѣ по ошибкѣ... Трудно даже придумать болѣе возмутительный поступокъ!.. Имѣемъ ли мы послѣ этого право обижаться на то, что прусскій король позволяетъ себѣ злые шутки относительно бабьяго и поповскаго управленія Австріи? Печальная будущность ожидаетъ это государство. Моя мать—великая женщина, я считаю за честь называться ея сыномъ, но искренно жалѣю, что долженъ царствовать вмѣстѣ съ нею и наслѣдовать ей. Меня глубоко возмущаетъ та опека, въ какой ее держитъ духовенство. Она находитъ руководство католической церкви необходимымъ для блага народа и, не сознавая этого, преслѣдуетъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей. При такихъ условіяхъ не можетъ процвѣтать никакое государство. Мнѣ приходится поневолѣ переносить настоящій порядокъ вещей, потому что я не въ силахъ измѣнить его, но съ каждымъ днемъ усиливается мое раздраженіе вслѣдствіе существующихъ злоупотребленій... Роль разрушителя не въ моемъ характерѣ, но она неизбѣжна.

— Можетъ быть, мнѣ неприлично говорить о дурномъ управленіи Австріи, потому что я испыталъ на себѣ всѣ его несправедливости, возразилъ Эрбахъ; но развѣ мы не видимъ тотъ же гнетъ во Франціи, и развѣ печальное политическое положеніе по ту сторону океана не побудило американцевъ возстать противъ англійскаго короля? Я лично не считаю народное возстаніе нормальнымъ явленіемъ и думаю, что только необходимость могла заставить американцевъ разорвать цѣпи, отъ которыхъ ихъ долженъ былъ освободить король.

— Жаль, что моя сестра не слышитъ этихъ словъ! Она описала мнѣ васъ, какъ яраго республиканца. Вѣроятно, такимъ и считаютъ васъ французы, которые въ безумномъ ослѣпленіи поддерживаютъ возставшихъ американцевъ, видятъ въ нихъ героевъ и считаютъ ихъ гибельное ученіе воплощеніемъ высшей мудрости и нравственности. Но само собою разумѣется, что визитъ, сдѣланный вами графинѣ Дюбарри, въ значительной мѣрѣ способствовалъ неудовольствію королевы противъ васъ.

— Вамъ извѣстно, ваше величество, что этотъ визитъ былъ совершенно случайный.

— Знаю, отвѣтилъ улыбаясь Іосифъ.

— Но молодой графъ Арембергъ рассказывалъ вчера въ присутствіи королевы невѣроятныя вещи объ обществѣ, которое собралось тогда въ Люсьеннѣ; онъ увѣрялъ, что слышалъ всѣ эти подробности отъ очевидца.

— Онъ самъ былъ въ числѣ гостей графини Дюбарри.

— Очень радъ, что узналъ это, сказалъ Іосифъ.—Это одинъ изъ фаворитовъ моей сестры. Я почувствовалъ съ перваго взгляда недобріе къ этому красивому кавалеру, изворотливому, какъ угорь. Онъ воспитанныкъ іезуитовъ и достойный представитель ненавистнаго для меня бельгійскаго дворянства. При всякомъ возстаніи въ этихъ провинціяхъ противъ нашей монархической власти, дворянство принимаетъ въ немъ самое дѣятельное участіе.

— Вѣроятно, я навлекъ на себя гнѣвъ г-на Аремберга тѣмъ, что доказывалъ необходимость освобожденія крестьянъ.

— Можетъ быть! Но во всякомъ случаѣ онъ обрисовалъ васъ при дворѣ самыми черными красками. Хотя моя сестра свыклась съ французскими нравами, но она въ душѣ—габсбургская принцесса и чувствуетъ прирожденное отвращеніе къ республиканцамъ. Наконецъ, въ силу нашего положенія, мы съ ней должны быть приверженцами королевской власти.

— Только крайніе идеалисты могутъ мечтать объ учрежденіи республики въ старыхъ государствахъ Европы, возразилъ графъ Эрбахъ.— У насъ, въ Австріи, есть также довольно сильная партія, которая желаетъ уничтоженія монархизма, но подъ условіемъ усиленія власти дворянства и духовенства. По моему мнѣнію, это будетъ шагъ назадъ, къ варварству, къ угнетенію средняго сословія и порабоженію крестьянъ. Дворяне будутъ управлять государствомъ, издавать законы по своему усмотрѣнію и дѣлить добычу съ духовенствомъ, какъ это было въ средніе вѣка. Для человѣчества было величайшимъ благомъ, когда монархи смирили упорныхъ дворянъ, разорили замки, открыли свободный проѣздъ по дорогамъ и поклялись заботиться одинаково о всѣхъ подданныхъ, собранныхъ подъ ихъ скипетромъ. Отчасти эта задача исполнена; остальное должны выполнить просвѣщенные монархи нынѣшняго столѣтія. Они могутъ распространить свѣтъ правды и справедливости до самыхъ темныхъ вертеповъ нищеты и невѣжества, уничтоживъ послѣдніе остатки среднихъ вѣковъ: крѣпостное право и монастыри. Имъ стоитъ произнести одно слово, чтобы устранить все то, что служитъ препятствіемъ просвѣщенію и свободному проявленію разума. Въ настоящее время нравственные достоинства и мудрость больше цѣнятся въ государѣ, нежели слава побѣдителя. Но онъ долженъ имѣть мужество — снести старыя развалины, чтобы увидѣть

зеленѣющія плодородныя поля, благоденствіе и счастье своихъ подданныхъ...

Графъ Эрбахъ остановился, ожидая отвѣта; но императоръ задумчиво смотрѣлъ на него.

— Я желалъ бы, мой дорогой графъ, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — сохранить навсегда въ моей памяти ваше лицо съ тѣмъ выраженіемъ, какое оно имѣетъ въ эту минуту...

Они прошли нѣсколько разъ молча по берегу.

— Когда я вступлю на престолъ, продолжалъ императоръ, — то у меня будетъ по крайней мѣрѣ вѣрный другъ, который пойметъ меня даже въ томъ случаѣ, если мнѣ придется остановиться на половинѣ пути...

— Общественный дѣятель долженъ имѣть въ виду высшую цѣль, не заботясь о мнѣніи свѣта; онъ осторожно идетъ впередъ, взвѣшивая каждый шагъ, а при этомъ условіи временныя неудачи не должны пугать его, сказалъ графъ Эрбахъ.

— Но если его старанія просвѣтить народъ и облегчить его участь, вмѣсто ожидаемыхъ благихъ результатовъ, вызовутъ только сцены ужаса, подобныя тѣмъ, которыя мы видимъ теперь въ Америкѣ — неповиновеніе властямъ, уничтоженіе общественнаго порядка, гражданская война... Здѣсь, во Франціи, замѣтно сильное броженіе умовъ. Можетъ быть, оно особенно поражаетъ меня, потому что я не привыкъ къ подобнымъ вещамъ; меня пугаютъ легкомысленныя рѣчи, неуваженіе къ самымъ святымъ вещамъ. Народъ поетъ на улицахъ пѣсни, сочиненныя дворянами въ посмѣяніе своихъ властелиновъ. Господа въ Версалѣ живутъ своей жизнью, между тѣмъ всюду поднимается ропотъ недовольнаго народа, который долженъ служить для нихъ предостереженіемъ. Я уже слышалъ его однажды въ одномъ чешскомъ городѣ во время страшнаго голода. Горе имъ, если это недовольство увеличится еще болѣе!..

Я вполне согласенъ съ вашимъ величествомъ и позволю себѣ замѣтить, что только слѣпота и упорство монарха и его совѣтниковъ можетъ довести государство до гибели. Но я не вижу пока никакого серьезнаго основанія для такихъ мрачныхъ предположеній. Посмотрите, съ какой любовью французскій народъ привѣтствуетъ Людовика XVI-го и его супругу при ихъ появленіи. Во всей Франціи вы слышите одно восклицаніе: „Господь да благословитъ ихъ и продлитъ имъ жизнь!“ Что касается Австріи, то о ней и говорить нечего! Сколько разъ вы сами, ваше величество, имѣли случай убѣдиться въ искренней любви и преданности вашихъ подданныхъ. Если они имѣютъ свои желанія и требованія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они посягали на ваши священныя права.

— Мнѣ кажется, мой дорогой графъ, что весенній блескъ солнца, освѣщающій этотъ садъ, слишкомъ сильно дѣйствуетъ на васъ: вы готовы видѣть весь міръ въ розовомъ свѣтѣ. Я возлагаю большія на-

дежды на человечество вообще, но принимаю въ расчетъ невѣжество и себялюбіе отдѣльныхъ личностей. Не судите о другихъ по себѣ. Не у всѣхъ намѣренія такъ чисты и безкорыстны, какъ у васъ, мой дорогой другъ. Неужели печальный опытъ недостаточно убѣдилъ васъ въ этомъ! Но вернемся къ началу нашего разговора. Вы сказали, что, по вашему предположенію, Гедвига Рехбергеръ заперта въ монастырѣ урсулинокъ въ Прагѣ?

— Да, я убѣжденъ въ этомъ.

— Первымъ нашимъ дѣломъ, по возвращеніи на родину, должно быть освобожденіе несчастной дѣвушки, сказалъ Іосифъ. — Я знаю этихъ монахинь и ихъ медоточивыя рѣчи: онѣ, вѣроятно, уговорили ее постричься, пользуясь ея беззащитнымъ положеніемъ.

— Надѣюсь, что Гедвига не поддастся имъ; она всегда была твердой и ревностной лютеранкой, а теперь тѣмъ болѣе она не рѣшится на это, зная, что Бухгольцъ любитъ ее.

— Бѣдный малый! воскликнулъ Іосифъ. — Женщина, побывавшая въ монастырѣ, перестаетъ понимать многія вещи. Напишите скорѣе патеру Ротгану, чтобы онъ принялъ эту дѣвушку подъ свое покровительство, что я желаю этого. Къ несчастію, добавилъ онъ съ досадой, — я долженъ просить тамъ, гдѣ могу приказывать...

Наступила минута молчанія; но Іосифъ съ свойственнымъ ему самообладаніемъ подавилъ свое негодованіе.

— Нужно вооружиться терпѣніемъ, сказалъ онъ. — Когда нибудь взойдетъ и моя звѣзда... Во всякомъ случаѣ мы выручимъ изъ бѣды несчастную дѣвушку на зло нашимъ врагамъ. Но, кажется, намъ придется пожертвовать прекрасной фрейлейнъ.

Графъ Эрбахъ вздрогнулъ при этихъ словахъ.

— Короной Турмъ? спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

Іосифъ погрозилъ ему пальцемъ.

— Какъ долженъ я объяснить ваше волненіе, мой дорогой другъ? Но трудно идти противъ судьбы; Корона Турмъ должна посвятить себя искусству...

— Какъ хотите вы распорядиться ея участію, ваше величество?

— Я не составилъ себѣ никакого опредѣленнаго плана. Одно, въ чемъ я убѣжденъ—это, что она не должна пока возвращаться въ Австрію. Отецъ и бабушка будутъ дурно обращаться съ ней и выдадутъ насильно замужъ за перваго встрѣчнаго. Пусть она попробуетъ встать на свои ноги. Можетъ быть, ей суждено сдѣлаться знаменитой пѣвицей. Неужели вы хотите помѣшать ей пуститься въ открытое море, боясь воображаемой опасности?

— Разумѣется, нѣтъ. Я думаю даже, что ваше величество совершенно правы въ томъ отношеніи, что только одно искусство можетъ вывести Корону изъ ея ложнаго положенія.

— Королева по моей просьбѣ пригласила на сегодняшний праздник маркиза Валь д'Омбронне, продолжалъ Иосифъ. — Мнѣ очень интересно познакомиться съ покровителемъ Короны и узнать, какимъ образомъ онъ встрѣтился съ нею. Но почему вы не бываете въ Версалѣ? Вамъ стоило только обратиться къ нашему посланнику; онъ представилъ бы васъ королевѣ.

— Прошу ваше величество великодушно извинить меня. Но я слышалъ со всѣхъ сторонъ, что моя жена пользуется особенной милостью королевы, и потому не могу рассчитывать на безпристрастное отношеніе ея величества къ моей особѣ. Отказываясь добровольно отъ чести быть представленнымъ при дворѣ, я хотѣлъ только избавить королеву отъ неприятности, а жену мою отъ напраснаго смущенія.

— Смущенія? повторилъ Иосифъ, пристально взглянувъ на собеседника своими пронизательными голубыми глазами. Сегодня вечеромъ я увижу вашу жену...

Графъ Эрбахъ молча поклонился.

— Вы не хотите поручить мнѣ... вашему другу... передать ей нѣсколько словъ?

— Мнѣ нечего сказать ей.

— Неужели вы серьезно говорите это? Вы когда-то любили вашу жену... по крайней мѣрѣ меня увѣряли въ этомъ, добавилъ торопливо Иосифъ. — Неужели искренняя любовь можетъ пройти безслѣдно отъ каприза, или безумной вспышки ревности?

— Вы очень милостивы ко мнѣ, ваше величество, возразилъ нерѣшительно графъ Эрбахъ. — Не ревность и не мимолетное огорченіе были причиной нашей разлуки; корень разлада лежалъ глубже...

— Я не считаю себя вправѣ спрашивать васъ, но желалъ бы видѣть васъ счастливымъ. Не другіе, а большею частью мы сами разрушаемъ наше счастье...

Иосифъ остановился. Хотѣлъ ли онъ скрыть свое смущеніе, или дѣйствительно ему послышался шумъ, но онъ спросилъ, понизивъ голосъ:

— Неужели кто нибудь подслушивалъ насъ?..

Графу Эрбаху также показалось, какъ будто что-то зашевелилось въ густомъ кустарникѣ за скалой, у которой они стояли.

Сумерки увеличились; солнце скрылось за сѣрыми облаками. Въ аллеяхъ маленькаго Трианона начали зажигать пестрые фонари, которые тянулись гирляндами отъ дерева къ дереву и казались издали блестящими точками.

— Если въ этомъ, продолжалъ Иосифъ, — кроется какое нибудь недоразумѣніе — въ чемъ я убѣжденъ, потому-что любовь не переходитъ такъ скоро въ противоположное чувство, — то я постараюсь, чтобы вы объяснились другъ съ другомъ...

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскіе и иностранные (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель-редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ГОДЪ ВТОРОЙ.
ДЕКАБРЬ, 1881.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ДЕКАВРЬ, 1881 г.

	Стр.
I. ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ВЫШНІЙ-ВОЛОЧЕКЪ И МОСКВУ ВЪ 1785 ГОДУ. А. Г. Брикнера	681
II. СТАРЫЯ БЫЛИ. Вс. С. Соловьева	703
III. ЖИВЫЕ ПОКОЙНИКИ. В. Н. Майнова	747
IV. БУНТЪ ВЪ КАНДЕВКЪ ВЪ 1861 ГОДУ. С. Н. Худкова	773
V. ЕЛИСАВЕТА ДМИТРИЕВНА БЕЗОБРАЗОВА. (Некрологъ). Н. Д. Ахшарумова	794
VI. КНЯЗЬ А. И. ВАСИЛЬЧИКОВЪ. Очеркъ вмѣсто некролога. Ф. Ф. Миллера	798
VII. ВОСПОМИНАНІЯ О РОССИИ АРМАНА ДОМЕРГА. Гл. XI. (Окончаніе)	807
VIII. АНГЛІЙСКІЙ ТУРИСТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1774 ГОДУ. Е. М. Л.	822
IX. ВЪ ЗАЩИТУ ИСТОРИИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РОМАНЪ. (Письмо въ редакцію). Ф. Н. Булгакова	835
X. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ: 1) Историческія изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядцевъ. В. М. К. Москва. 1881 г. Н. Л. —2) О сущности и значеніи раскола въ Россіи. Н. С. Напечатано по распоряженію оберъ-прокурора святаѣйшаго синода въ синодальной типографіи. Спб., 1881 г., Н. Л. — 3) „Русскій Архивъ“, 1881. Книга III. Ф. Б. — 4) Словарь писателей древняго періода русской литературы XI—XVII вв. (862—1700 гг.), составилъ А. В. Арсеньевъ, подъ редакціею О. Ф. Миллера. Приложеніе къ картѣ для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы. Спб. 1882 г. Н. С. Лѣскова .—5) Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II. А. П. Заблоцкаго-Делятовскаго. 4 тома. С.П.Б. 1882 г. Ф. Б. —6) <i>Zywot Ksieia Adama Jerzego Czartoryskiego. Scześlie Bronisław Zaleski. Tom. I. Poznań. 1881.</i> Н. С. К. — 7) <i>Russia, by W. K. Morfill. London. 1881 г.</i> Д. И. Лебедева	838
XI. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Распоряженіе императрицы Анны Ивановны о приѣмахъ въ Петергофъ. Изъ бумагъ М. Д. Хмырова .—Всеподданнѣйшій докладъ о раздѣлѣ имущества послѣ великой княгини Ольги Павловны. Сообщ. Г. В. Есиповымъ .—Любопытная резолюція шефа жандармовъ графа Орлова по поводу одной статьи. Сообщ. Н. С. Усовымъ .—Неприличное сану и званію состояніе съ Евреями. Сообщ. И. Д. Павловскимъ	856
XII. СМѢСЬ: Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ.	862
XIII. Замѣтка о портретѣ императрицы Екатерины II.	872
<p>ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Въ золотомъ вѣкѣ. Историческій романъ К. Френцеля. Части II (конецъ), III и IV. Окончаніе. — 2) Портретъ императрицы Екатерины II. — 3) Объявленіе отъ центральной конторы Э. Гоппе.— 4) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1881 года.</p>	

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ увеличеніемъ нашихъ знаній въ землевѣденіи, должны были неизбѣжно расширяться и наши этнографическія свѣдѣнія. Еще не-

далеко то время, когда предполагали, что наша планета населена нѣсколькими единичными племенами, которыя обыкновенно соединяли въ большія группы подъ общими собирательными именами. Но съ открытіемъ новыхъ невѣдомыхъ странъ приходилось все болѣе и болѣе убѣждаться, что эти страны служатъ мѣстомъ жительства

значительнаго множества народовъ, отличныхъ другъ отъ друга по физическимъ свойствамъ, языку, вѣрованіямъ и нравамъ.

Введеніе порядка и ясности въ этомъ калейдоскопѣ составляетъ главную задачу народовѣдѣнія, или этнологіи, которая издавна выработалась въ отдѣльную и самостоятельную отрасль знанія; не смотря на сравнительную молодость этнологіи и всѣ тѣ затрудненія, съ которыми ей приходится бороться, ея важное значеніе всѣмъ

Индійскій факиръ.

ми признано въ настоящее время, особенно съ тѣхъ поръ, какъ около сорока лѣтъ тому назадъ англичанинъ Джемсъ Коулесъ Прикардъ издалъ свое знаменитое сочиненіе „Natural history of man“, составляющее эпоху въ исторіи изученія народовъ, такъ какъ здѣсь впервые наглядно объяснено, въ чемъ заключается сущность этнологіи. Само собою разумѣется, что въ послѣднія десятилѣтія этнологія не только обогати-

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Съ весьма рѣдкой современной гравюры рѣз. на деревѣ
Панемакеръ въ Парижѣ.

Даяки на охотѣ за черепами.

Крестьянка изъ Сеговіи.

лась фактическими данными, но обратила вниманіе и на тѣ стороны народной жизни, которыя прежде ускользали отъ ея наблюденій. Въ настоящее время она обладаетъ такой массой разнороднаго матеріала,

Сборъ финиковъ въ Аликанте.

охватывающаго столько сторонъ повседневной жизни, что этнографическія свѣдѣнія сдѣлались необходимыми для всякаго образованнаго человѣка. Не зная этнологіи, мы не можемъ сдѣлать разумной оцѣнки политическихъ событій; безъ этнологіи не мыслимо пониманіе историческаго развитія націй и здравая историческая критика; одна этнологія даетъ намъ возможность понять особенности того или другаго народа и уловить идеальныя стремленія въ исторіи человѣчества.

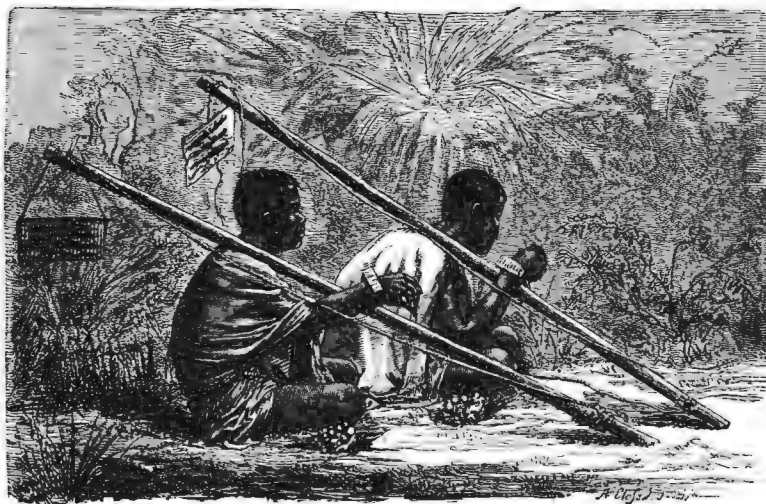
Этнологія находится еще въ первоначальномъ періодѣ своего раз-

витія, что и служить лучшимъ объясненіемъ, почему мы до сихъ поръ не имѣемъ вполне установленной этнологической системы. При несовершенствѣ человѣческихъ знаній вообще, умъ нашъ часто оказывается безпомощнымъ передъ великой задачей классификаціи, съ

Дѣвушка изъ Осака.

какою бы областью естественныхъ явленій намъ не приходилось имѣть дѣло. Чѣмъ глубже погружаемся мы въ бездну науки, тѣмъ болѣе сглаживаются и исчезаютъ для насъ характерные признаки, которые при болѣе поверхностномъ знаніи, повидимому, отдѣляютъ прошлое отъ настоящаго и служатъ для наблюдателя отличіемъ одного объекта отъ другого. Всѣми признано, что въ необъятныхъ рамкахъ природы

Сіамскіе узніки, сосланные въ колоніи.

вообще нѣтъ никакихъ рѣзкихъ границъ и что скорѣе по времени, нежели по пространству, существуютъ безконечные переходы отъ низшихъ формъ къ высшимъ и обратно. При этомъ нужно замѣтить, что все тѣ явленія, которыя признаются несомнѣнными въ органической природѣ, вполне примѣнимы къ человѣку, хотя и самому благородному, но все-же созданію природы. Какъ между отдѣльными личностями, такъ и между народами и племенами, господствуютъ такіа пестрыя разновидности и вмѣстѣ съ тѣмъ такое тѣсное сродство, что ни одна изъ попытокъ классификаціи, или, лучше сказать, научнаго раздѣленія, не могла имѣть прочнаго успѣха и достигнуть значенія общепринятой научной системы.

Рука знатнаго анимата.

Японская знатная дама.

Знатная дама изъ Боды и ея дочь.

Мы считали не лишнимъ познакомить заранѣе нашихъ читателей съ основными положеніями новаго сочиненія Фридриха Гельвальда, которое онъ, подобно книгѣ своего предшественника, англичанина Прихарда, назвалъ „Естественной исторіей племенъ и народовъ“. Здѣсь равнымъ образомъ чловѣкъ является, какъ высшее и самое значительное созданіе природы въ своихъ различныхъ видоизмѣненіяхъ. Авторъ не считаетъ возможнымъ въ своемъ изложеніи придерживаться какого-либо особеннаго научно-этнологическаго построенія, при которомъ не остается другого выбора, какъ примкнуть къ одной изъ существующихъ теорій, или создать новую, настолько же неудобную и нецѣлесообразную. Но само собою разумѣется, что это ни въ какомъ случаѣ не должно служить препятствіемъ къ изученію въ высшей степени важныхъ отношеній сродства и связи на почвѣ существующихъ наблюденій, во главѣ которыхъ стоятъ такіе извѣстные изслѣдователи, какъ Фр. Миллеръ и Оскаръ Пешель. Послѣдній въ своей „Этнологіи“ провелъ во всей строгости ученіе о происхожденіи видовъ, которое съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе усиливающееся значеніе въ естественныхъ наукахъ; на тѣхъ же основаніяхъ построена и „Общая Этнологія“ Фр. Миллера, такъ что мы въ правѣ ожидать не менѣе строгаго и послѣдовательнаго изложенія теоріи развитія видовъ у автора, который извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ новаго ученія. Книга Гельвальда „Естественная исторія племенъ и народовъ“ составитъ два большихъ тома, приблизительно пятьдесятъ печатныхъ листовъ. Авторъ преимущественно обращаетъ вниманіе на степень развитія культуры отдѣльныхъ народовъ и племенъ, начиная отъ низшихъ, до высшихъ и самыхъ развитыхъ. Желая при этомъ по возможности придать характеръ единства своей книгѣ, онъ придерживается географической группировки народовъ. Такимъ образомъ, онъ прежде всего описываетъ Австралію съ ея дикими обитателями, стоящими на самой низкой степени цивилизациі, а Европа, съ ея богатой культурной жизнью высоко развитыхъ націй, составляетъ заключеніе книги. Авторъ послѣдовательно ведетъ читателя изъ Австраліи черезъ океаническіе острова въ Америку, къ арктическимъ эскимосамъ, затѣмъ, черезъ Атлантическій океанъ къ негритянскимъ обитателямъ „черной части свѣта“ (Африки). Этнологія Азіи и Европы, которыя имѣютъ между собою наиболѣе тѣсную связь, занимаетъ собою вторую часть сочиненія. При этомъ авторъ поставилъ себѣ главной задачей примѣненіе сравнительнаго метода, такъ какъ всякое знаніе только тогда плодотворно, когда путемъ сравненія однородныхъ предметовъ получаютъ

Живца изъ Орловской губериц.

Людмила знаетца дэма.

Арабскій нищій.

въ результатѣ извѣстныхъ научныхъ выводовъ. Въ заключеніи онъ дѣлаетъ общій историческій обзоръ изслѣдованій въ области этнологіи, благодаря которымъ наука эта доведена до ея современнаго состоянія.

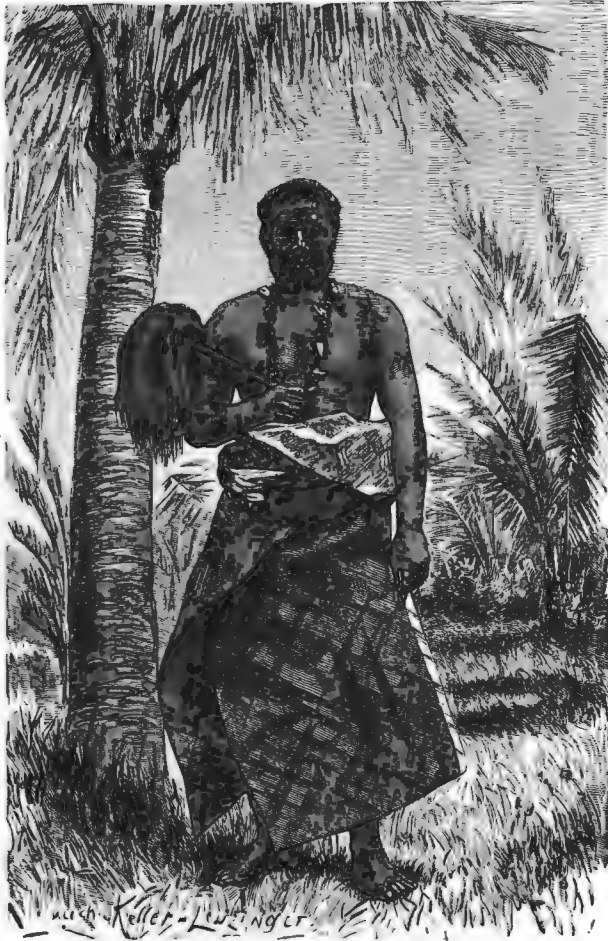
Крестьянка изъ окрестностей Аликанте.

Книга Фр. Гельвальда написана съ свойственной ему ясностью изложенія. Какъ и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, онъ ссылается здѣсь на источники, которыми ему приходилось пользоваться, что значительно облегчаетъ трудъ дальнѣйшаго изученія этого любопытнаго матеріала для лицъ, интересующихся наукой. Считаемо также нелишнимъ замѣтить, что авторъ въ продолженіи многихъ лѣтъ занимался тщательнымъ изученіемъ этнографіи; поэтому мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что въ его книгѣ описано большее количество племенъ и народовъ, нежели въ любомъ изъ немногихъ

изданныхъ до сихъ поръ сочиненій этого рода. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о вполнѣ законченномъ описаніи, что понятно всякому, кто имѣетъ хотя поверхностное понятіе объ этнологіи.

Талантливый авторъ нашель достойнаго иллюстратора для своей „Естественной исторіи племенъ и народовъ“ въ лицѣ художника Келлера-Лейцингера, который взялся сдѣлать рисунки, необходимые для нагляднаго объясненія этнологіи,

и отсутствіе которыхъ составляетъ существенный недостатокъ большинства подобныхъ сочиненій. Г. Келлеръ-Лейцингеръ изобразилъ не только типы расъ по самымъ вѣрнымъ источникамъ, преимущественно по фотографическимъ снимкамъ съ натуры, но и предметы домашней жизни, о которыхъ нельзя составить себѣ полнаго представленія безъ соответствующихъ рисунковъ.

Глава племени съ острововъ Самоа.

Погощникъ быковъ изъ Сеговіа.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ВЫШНІЙ ВОЛОЧЕКЪ И МОСКВУ ВЪ 1785 ГОДУ.

ЕКАТЕРИНА II путешествовала часто, хотя, послѣ пріѣзда въ Россію, никогда не бывала за-границею. Въ этомъ отношеніи ея путешествія отличаются отъ поѣздокъ Петра Великаго, весьма часто посѣщавшаго западную Европу. Петръ отправлялся нѣсколько разъ за-границу для ученія, для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, для свиданій съ коронованными особами и для леченія на водахъ въ Карлсбадѣ, Цирмонтѣ, Спа и пр., императрица же Екатерина II ограничивалась путешествіями по Россіи. Что касается свиданій съ коронованными особами, то она умѣла устраивать такія встрѣчи у себя дома. Къ ней пріѣзжали король Густавъ III, императоръ Іосифъ II, принцъ Генрихъ, братъ короля Фридриха II, Фридрихъ Вильгельмъ, кронпринцъ прусскій, племянникъ Фридриха II, вступившій на престолъ послѣ кончины послѣдняго, графъ д'Артуа, братъ королей Людовика XVI и Людовика XVIII, впоследствии сдѣлавшійся королемъ Карломъ X. Петръ встрѣчался съ знаменитыми учеными за-границею; къ императрицѣ пріѣзжали въ гости знаменитости тогдашняго времени: Дидро, Фальконетъ, баронъ Гриммъ и др. Петръ устроилъ свадьбу сына въ Торгау; императрица приглашала невѣсть своего сына и своихъ внуковъ въ Россію. Свадьбы Павла, Александра, Константина, были отпразднованы въ Петербургѣ.

Впрочемъ, и относительно путешествій по самой Россіи Екатерина отличалась отъ Петра Великаго, постоянно мѣнявшаго свое мѣстопробываніе и занятого то военными дѣйствіями, то корабельными постройками, то разными административными дѣлами, въ самыхъ отдаленныхъ одно отъ другаго мѣстахъ имперіи. Мы встрѣчаемъ его то въ Воронежѣ, то въ Азовѣ, то въ Архангельскѣ, то на польской, то

на шведской, то на турецкой границахъ, то на пути въ Персію и пр. Въ сравненіи съ такою предприимчивостью и подвижностью Петра, поѣздки Екатерины II оказываются скромными прогулками.

При всемъ томъ, однако, и путешествія Екатерины II имѣютъ довольно важное историческое значеніе. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ считаться достойными особеннаго вниманія фактами въ политической исторіи. Свиданіе съ императоромъ Іосифомъ II въ Могилевѣ, въ 1780 году, было весьма важнымъ событіемъ въ исторіи восточнаго вопроса; встрѣча съ королемъ Густавомъ III въ Фридрихсгамѣ, въ 1783 году, можетъ считаться довольно любопытнымъ эпизодомъ въ исторіи балтійскаго вопроса; бесѣда императрицы съ королемъ Станиславомъ Августомъ въ Каневѣ, въ 1787 году, имѣла нѣкоторое значеніе въ исторіи вопроса о раздѣлахъ Польши.

Нѣкоторыя изъ путешествій Екатерины II соотвѣтствуютъ завоеваніямъ разныхъ пограничныхъ областей. При Петрѣ Великомъ была присоединена прибалтійскій край—въ 1764 году она совершила поѣздку въ Ригу; при Иванѣ Грозномъ завоевана Казань—въ 1767 г. императрица совершила свое путешествіе по Волгѣ; послѣ присоединенія нѣкоторой части Финляндіи къ Россіи при Елизаветѣ, Екатерина была во Фридрихсгамѣ (въ 1783 году); скоро послѣ перваго раздѣла Польши она была въ Бѣлоруссіи (въ 1780); четыре года спустя послѣ присоединенія Крымскаго полуострова, она была въ Бахчисараѣ.

Императрица Елизавета не разъ путешествовала съ религіозными цѣлями, и Екатерина, бывши великою княгиней, участвовала иногда въ таковыхъ путешествіяхъ. Сдѣлавшись императрицею, она считала нужнымъ предпринимать разныя поѣздки съ административными цѣлями. Путешествіе въ южную Россію, въ 1787 году, имѣло отчасти значеніе контроля надъ дѣйствіями князя Потемкина.

И то неособенно важное въ политическомъ отношеніи, но вообще довольно любопытное путешествіе императрицы Екатерины II, на которое мы желаемъ обратить вниманіе читателей, имѣло поводомъ вопросы администраціи. Мы говоримъ о поѣздкѣ, въ 1785 году, къ Вышневолоцкому каналу, съ которою было соединено недолгое пребываніе въ Москвѣ.

Къ сожалѣнію, для изученія исторіи этого путешествія мы лишены того пособия, которое служитъ чрезвычайно богатымъ источникомъ при изслѣдованіи таковыхъ событій, а именно камеръ-фурьерскихъ журналовъ. Изданіе послѣднихъ пока не доведено до 1785 г. Зато мы старались собрать, гдѣ было можно, разнородныя свѣдѣнія, проливающія свѣтъ на этотъ эпизодъ въ исторіи царствованія императрицы Екатерины II. Французскій посланникъ Сегуръ, участвовавшій въ этой поѣздкѣ, рассказываетъ о ней въ своихъ запискахъ (*Mémoires, souvenirs et anecdotes*); сама императрица сообщила нѣкоторыя любопытныя подробности объ этомъ эпизодѣ въ своихъ пись-

махъ къ барону Гримму; здѣсь и тамъ случайно встрѣчаются въ разныхъ изданіяхъ дѣловыя бумаги и анекдотическія черты, относящіяся къ этому факту.

Наибольшее вниманіе Петра Великаго при устройствѣ системы каналовъ было обращено на Вышневолоцкую систему, которая, послѣ предварительныхъ работъ, произведенныхъ въ началѣ XVIII вѣка, отдана была, въ 1719 году, съ разными привиллегіями въ собственность купца Сердюкова. Сердюковъ привелъ въ исполненіе первоначальное искусственное устройство системы. По смерти Сердюкова, Вышневолоцкій каналъ перешелъ къ его наслѣдникамъ, но они не захотѣли управлять имъ, и въ 1774 году правительство приобрѣло его въ казну за 170.000 руб. со всѣми привиллегіями, данными Сердюкову ¹⁾.

Съ этого времени начались значительныя усовершенствованія системы, а въ 1785 году работы были окончены попеченіями Я. Е. Сиверса, и государыня лично пожелала осмотрѣть ихъ. Работы эти заключались главнымъ образомъ въ разчисткѣ какъ Боровицкихъ пороговъ, такъ и вообще судоходныхъ рѣкъ Вышневолоцкой системы, въ приспособленіи Тверцы съ помощью резервныхъ водъ къ судоходству, въ перестройкѣ и устроеніи вновь такъ называемыхъ „бейшлотовъ“ и пр.

Въ концѣ 1784 года, главное управленіе водяными коммуникаціями было передано тверскому и новгородскому губернатору, генералъ-поручику Архарову, который вскорѣ представилъ проектъ о разныхъ, предполагаемыхъ имъ, преобразованіяхъ ²⁾. Эти предположенія Архарова, быть можетъ, состояли въ связи съ намѣреніемъ Екатерины осмотрѣть самолично систему Вышневолоцкаго канала.

Въ г. Боровичахъ для государыни было приготовлено крытое судно, а для ея свиты до 30 особыхъ судовъ устроено въ Вышнемт-Волочкѣ, Боровичахъ и на Потерпѣлицкой пристани. Надзоръ надъ постройкою судовъ былъ порученъ нарочно для того командированному изъ Петербурга вице-адмиралу генералъ-интенданту Пущину. Суда были оснащены, снабжены лоцманами и рабочими, одѣтыми въ новые зеленые кафтаны съ серебряными галунами, съ красными кушаками и въ шляпахъ съ красными лентами ³⁾.

Въ письмѣ къ новгородскому намѣстнику Н. П. Архарову, 7-го мая 1785 года, Безбородко, сообщая ему о днѣ, назначенномъ для отъѣзда, въ то же время писалъ: „Кромѣ дежурныхъ чиновъ, состоя-

¹⁾ См. „Судоходный дорожникъ Европейской Россіи“, Спб. 1855, ч. II, отд. 1, стр. CXLVIII.

²⁾ Тамъ же, II, 1, стр. CLXXIV.

³⁾ Тамъ же, II, 1, стр. CLXXVI—CLXXVII.

щихъ при государынь, изъ прочихъ поѣдутъ: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ, я, и генераль-маіоръ Левашевъ⁴. Въ концѣ письма Безбородко просилъ Архарова назначить для себя, „ежели не можно съ моею канцеляріею особое судно, то по крайней мѣрѣ, присоединя на оное развѣ г. Стрекалова и кабинетнаго расходчика“¹).

Кромѣ того, Екатерина пожелала пригласить къ участию въ этой поѣздкѣ нѣкоторыхъ дипломатовъ, а именно, австрійскаго посла графа Кобенцеля, англійскаго дипломата Фицгерберта и французскаго—графа Сегюра.

Для послѣдняго предложеніе, сдѣланное ему, какъ кажется, не задолго до самаго путешествія, было особенно лестнымъ. Графъ Сегюръ лишь въ мартѣ 1785 г. пріѣхалъ въ С.-Петербургъ²). При нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ въ то время между Россіею и Франціею, положеніе французскаго посла сначала было довольно труднымъ, даже неловкимъ. Его старанія склонить с.-петербургскій кабинетъ къ заключенію съ Франціею торговаго трактата пока оставались тщетными. Однако, необычныя дипломатическія способности, умѣніе обращаться съ людьми, его остроуміе и любезность, обнаруживавшіяся въ бесѣдахъ съ императрицею, доставили ему, наконецъ, возможность занять при дворѣ чрезвычайно выгодное положеніе. Сегюръ сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ императрицы. Въ эрмитажныхъ собраніяхъ Екатерины онъ вскорѣ началъ играть важнѣйшую роль. Онъ сочинялъ стихи, умѣлъ разсказывать анекдоты, шутилъ съ извѣстнымъ весельчакомъ Нарышкинымъ, умѣлъ сдерживать пылкій нравъ Потемкина, сблизился съ англійскимъ дипломатомъ Фицгербертомъ, пользовавшимся также довольно выгоднымъ положеніемъ въ кругу лицъ, почти ежедневно бывавшихъ въ обществѣ Екатерины. Не смотря на все это, предложеніе, сдѣланное Сегюру императрицею—участвовать въ поѣздкѣ въ Вышній-Волочекъ, столько же обрадовало французскаго посла, сколько было для него неожиданнымъ. Такое предложеніе должно было считаться знакомъ особеннаго расположенія³).

Приглашая Сегюра, императрица въ то же время замѣтила, что во время путешествія, въ которомъ примутъ участіе немногія лица, правила придворнаго этикета не должны быть соблюдаемы⁴). Такое совершенно свободное обращеніе всѣхъ спутниковъ другъ съ другомъ должно было содѣйствовать большому веселію и удовольствію въ дорогѣ. Екатерина желала быть какъ бы равная между равными, окружить себя тѣми самыми лицами, которыя въ Эрмитажѣ или въ Цар-

¹) „Сб. И. Общ.“, XXVI, 106—107.

²) Mémoires, II, 186.

³) Ibid., II, 313. „Je reçus de l'impératrice une marque de faveur à laquelle j'étais loin de m'attendre“.

⁴) Ibid., II, 312. „Que toute étiquette serait prosrite dans ce voyage“.

скомъ Селѣ составляли ея компанію. Тутъ любили въ шутиломъ тонѣ бесѣдовать о всевозможныхъ предметахъ, слегка касаясь иногда и политическихъ вопросовъ. Екатерина особенно высоко ставила такихъ лицъ, которыя, какъ графъ Сегюръ, были замѣчательными виртуозами салонной болтовни, выдающимися представителями того дореволюціоннаго французскаго „esprit“, который царствовалъ въ Парижѣ въ кружкахъ барона Гольбаха, г-жи дю-Дефанъ или г-жи Жоффренъ. Всѣ спутники императрицы были гораздо моложе ея. Сегюру было 32 года, Кобенцелю также 32 года; Фицгербертъ былъ также молодымъ человѣкомъ. Оберъ-штальмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, „послѣдній шпынь“, хотя и былъ гораздо старше иностранныхъ дипломатовъ, умѣлъ рѣзвиться и паясничать какъ ребенокъ. Кромѣ того, къ компаніи Екатерины въ этой поѣздкѣ принадлежали Протасова, Потемкинъ, Ермоловъ и др.

Послѣдніе дни до отправленія въ дорогу путешественники провели въ Царскомъ Селѣ. Сегюръ подробно говоритъ о житьѣ-бытьѣ при дворѣ въ это время. По утрамъ Екатерина была занята дѣлами; ежедневно всѣ обѣдали вмѣстѣ, послѣ обѣда бесѣдовали, забавлялись; вечеромъ Екатерина обыкновенно довольно рано удалялась въ свои покои, между тѣмъ какъ иностранные дипломаты собирались другъ у друга, или у Потемкина. Сегюръ былъ въ восхищеніи отъ непринужденности, господствовавшей въ этомъ кружкѣ ¹⁾.

Въ это время околѣла любимая собачка императрицы, Земира. Сегюръ тотчасъ сочинилъ для нея надгробную эпитафію, которая очень понравилась Екатеринѣ, такъ что она сообщила эти стихи въ приложеніи къ одному изъ своихъ писемъ къ барону Гримму ²⁾.

24-го мая началось путешествіе ³⁾. Екатерина сидѣла въ большой шестимѣстной каретѣ; съ нею ѣхали, смотря потому кого она приглашала, кромѣ постоянно бывшихъ при ней фрейлины Протасовой, графини Ростопчиной и фаворита Ермолова, то Потемкинъ и Кобенцель, то Фицгербертъ и Сегюръ, то Нарышкинъ и пр. Поѣздъ обыкновенно трогался утромъ въ 8 часовъ, въ 2 часа останавливались къ заранѣе приготовленному на извѣстныхъ станціяхъ обѣду. Всѣ спутники обѣдали вмѣстѣ. Затѣмъ продолжали путь до восьми часовъ вечера. Послѣ этого, совершенно какъ дома, играли въ карты, или забавлялись бесѣдою. По утрамъ, до отправленія въ дорогу, импера-

¹⁾ Mémoires, II, 316. „La liberté complete, la gaité de la conversation, l'absence de tout ennui et de toute gêne, auraient pu me faire croire, en détournant mes regards de la majesté imposante du palais de Czarsko Zelo, que j'étais à la campagne chez la particulière la plus aimable“. Затѣмъ слѣдуютъ замѣтки о Кобенцелѣ, Фицгербертѣ, Потемкинѣ и пр.

²⁾ См. „Mémoires“ Сегюра. II, 317—318. „Сб. Ист. Общ.“ XXIII, 357.

³⁾ Дневникъ Храповицкаго, стр. 5.

трица давала аудіенціи, принимала депутаціи. Въ городахъ, чрезъ которые ѣхали путешественники, императрица обыкновенно посѣщала церкви и присутствовала при богослуженіи ¹⁾).

О веселомъ расположеніи духа туристовъ свидѣтельствуеъ слѣдующій эпизодъ, относящійся къ началу путешествія. Проѣзжая Чудово, императрица вспомнила, что день воскресный, и вздумала идти къ обѣднѣ въ приходскую деревянную церковь; престарѣлый священникъ встрѣтилъ ее съ крестомъ, но церковниковъ нигдѣ отыскать не могли и на клиросѣ поставленъ былъ школьникъ-недоросль, который отъ страха чуть шевелилъ губами. Левъ Александровичъ Нарышкинъ началъ на клиросѣ подпѣвать и проказничать; императрица, подозвавъ исправника Рыкачева, приказала напомнить ему, что здѣсь не мѣсто шутить; но когда единственный пѣвецъ ушелъ ударять къ „достоинно“ и пѣніе остановилось, то сама государыня, всегда смѣшливая, очень расхохоталась. По окончаніи обѣдни, она сказала исправнику: „Сообщить начальству, что такіе безпорядки въ церкви Божіей не должны быть терпимы“ ²⁾).

До Вышняго-Волочка путешествіе продолжалось, по свидѣтельству Сегюра, четыре или пять дней. Подробности этой поѣздки не сдѣлались извѣстными. До Вышняго-Волочка ѣхали въ экипажахъ, минуя Боровичи, гдѣ были приготовлены суда. Сегюръ относительно путешествія до Вышняго-Волочка ограничивается краткими замѣтками. Онъ рассказываетъ, что были осмотрѣны шлюзы канала, соединявшаго Мсту съ Тверцою, что впечатлѣніе, произведенное на путешественниковъ окрестностями этого водянаго пути, было чрезвычайно благопріятно; во многихъ мѣстахъ были видны новыя деревни, строящіеся города, и что всюду собирався народъ толпами, чтобы привѣтствовать государыню ³⁾).

Не окончивъ, однако, осмотра всей водяной коммуникаціи, императрица вдругъ, измѣнивъ маршрутъ, отправилась въ Москву. Сегюръ замѣчаетъ, что Екатеринѣ вздумалось посѣтить Москву и что такое рѣшеніе не только для спутниковъ ея, но также и для представителей власти, было совершенно неожиданнымъ ⁴⁾).

Изъ Москвы, 5-го іюня, Безбородко писалъ къ своей матери: „Пріѣхавъ въ Вышній-Волочекъ, откуда уже до Москвы оставалось менѣе

¹⁾ Въ эти подробности у Сегюра. II. 319 — 320. Рассказывая о депутаціяхъ, онъ пишетъ: „Elle donnait à tous sa main à baiser, et embrassait toutes les femmes, ce qui l'obligeait après à une sorte de seconde toilette; car, à la fin de ses audiences, comme l'usage du fard était universel dans les provinces, chez toutes les femmes, même celle des bourgeois et des paysans, le visage de l'imperatrice se trouvait couvert de rouge et de blanc“.

²⁾ Рассказы, записанные П. О. Карabanовымъ „Русская Старина“, 1872 г., т. V, стр. 130.

³⁾ Сегюръ, II, 321—322.

⁴⁾ „Le gouverneur ne fut instruit que quelques heures avant notre arrivée“.

трехъ сотъ верстъ, угодно было ея императорскому величеству воспріять путь въ сію старинную столицу. Мы въ ней прожили четыре дня, и завтра поутру отправляемся въ Вышній-Волочекъ, откуда водою будемъ въ Петербургъ къ 20-му іюня“¹⁾).

Сама императрица объ этой внезапно совершившейся поѣздкѣ въ Москву въ письмѣ къ барону Гримму сообщаетъ слѣдующее: „Мы ѣхали по большой Московской дорогѣ, чтобы затѣмъ отправиться въ Боровичи, гдѣ мы должны были пересѣсть на суда. Какъ только мы пріѣхали въ Вышній-Волочекъ, туда же прибылъ графъ Брюсъ и началъ уговаривать насъ ѣхать дальше и побывать у него въ гостяхъ въ Москвѣ; сначала никто не хотѣлъ и слышать объ этомъ; но онъ не отставалъ. „Гдѣ же мы найдемъ лошадей?“ спросили мы. — Это уже мое дѣло. — Наша компанія возразила: „Мы хотимъ обѣдать, ужинать“. Но онъ:—Вы все это найдете готовымъ.—Тогда мысль эта казалась соблазнительною; всѣ, наконецъ, находили ее прекрасною; такимъ образомъ, мы рѣшились“ и пр.²⁾).

Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ тотчасъ же принялъ надлежачія мѣры для встрѣчи путешественниковъ.

На пути императрица нѣсколько разъ писала къ великому князю Павлу Петровичу и къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Такъ, напримѣръ, въ Вышнемъ-Волочкѣ она въ краткомъ письмѣ хвалила прекрасную погоду и изъявляла сожалѣніе, что не имѣетъ писемъ отъ сына и невѣстки. Изъ Новоторжка она писала, 31-го мая: „Я получила ваши письма, любезныя дѣти, отъ 26-го мая, уѣзжая изъ Вышняго-Волочка—куда? какъ видите, письмо мое помѣчено Торжкомъ. Всѣ городки по пути стали такъ красивы, что приходитъ охота посѣтить одинъ за другимъ; вотъ я ужъ въ 70 верстахъ отъ Твери, которая всегда была моею игрушкой (mon joujou); оттуда путь можетъ повести въ Петровскій дворецъ, а оттуда чрезъ Москву въ Коломенскій дворецъ, откуда, какъ вамъ извѣстно, остается лишь 4 версты до Царицына; оттуда въ Екатерининскій дворецъ—всего 17 верстъ, откуда чрезъ Москву прямой путь въ Петровскій дворецъ; изъ всего же этого слѣдуетъ, что въ будущую среду я снова направлюсь въ Вышній-Волочекъ, а оттуда я буду продолжать путь въ Петербургъ, какъ было опредѣлено до моего отъѣзда. Путешествіе мое доставляетъ мнѣ удовольствіе“ и пр.³⁾).

Въ какой степени путешествіе доставляло удовольствіе Екатеринѣ, видно изъ ея письма къ Гримму изъ Твери, отъ 1-го іюня. Тутъ она съ восхищеніемъ говоритъ о хорошей погодѣ, о мѣстностяхъ, чрезъ которыя она проѣхала, о веселости Сегюра и Фицгерберта и о томъ, какъ Потемкинъ, Чернышевъ, Нарышкинъ и пр. содѣйствовали своимъ

¹⁾ „Сб. Ист. Общ.“, XXVI, 107.

²⁾ Ibid., XXIII, 341.

³⁾ Ibid., XV, 21 и 22.

веселымъ расположеніемъ духа общему удовольствію. „Что обо всемъ этомъ“, спрашиваетъ Екатерина, „скажете вы и скажутъ газетчики и тѣ люди, которые всегда говорятъ, что я умираю?“ ¹⁾).

Екатерина скоро сдѣлала распоряженіе о томъ, какъ она намѣревалась провести два-три дня въ Москвѣ. Безбородко писалъ, 30-го мая, къ графу Брюсу: „Сейчасъ, позвавъ меня, ея величество указала послать къ вашему сіятельству, что она изволить изъ обѣда на Черной Грязи приѣхать ночевать въ Петровскій дворецъ, оттуда, во вторникъ, къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, а потомъ обѣдать въ Коломенское; въ среду, изъ Коломенскаго, послѣ обѣда, въ Екатеринингофскій садъ. Тутъ позволяетъ ея величество всѣмъ желающимъ ее видѣть съѣзжаться, буде время хорошо будетъ; но ежели дождь будетъ, то какъ ея величество намѣрена къ вамъ заѣхать по дорогѣ, въ такомъ случаѣ и собраніе можетъ быть у васъ. Государыня проситъ васъ извинить ее, что она не будетъ у васъ обѣдать“ ²⁾).

О путешествіи изъ Вышняго-Волочка въ Москву сохранились нѣкоторыя анекдотическія черты.

„Директоръ капеллы, Маркъ Ѳедоровичъ Полторацкій, изъ малороссійскихъ пѣвчихъ, взысканный императрицею Екатериною, обще съ женою Агаѳоклеей Александровной, просилъ монархиню осчастливить присутствіемъ извѣстное ихъ село „Грузины“, близъ Торжка находящееся, нѣкогда удостоенное посѣщеніемъ Елизаветы. На вопросъ о разстояніи было указано на ближнюю дорогу, которая была неисправна, а повезли по дальней. Императрица, замѣтя сіе, была уже въ скучномъ расположеніи; войдя въ домъ, полюбопытствовала узнать объ одномъ селеніи и тотчасъ припомнила о поданной отъ крестьянъ жалобѣ по спорному о землѣ дѣлу; къ тому же забыли приготовить свѣжаго молока, которое она лѣтомъ въ жажду употребляла, и котораго не дождавшись, скоро уѣхала. Въ шестимѣстной каретѣ сидѣлъ съ государыней генераль-губернаторъ Архаровъ; не любя Полторацкихъ и желая развеселить монархиню, началъ шутить на ихъ счетъ; когда она сказала, что услуга не соответствуетъ прочему, Архаровъ подхватилъ, что помѣщица, по склонности къ малороссійскимъ воламъ, находитъ выгодиѣе при винокуренномъ заводѣ содержать ихъ, нежели коровъ; но и ихъ немного и всѣ стельны. Государыня развеселилась и во всю дорогу не могла воздержаться отъ смѣха, а войдя въ подъѣздный дворецъ въ Торжкѣ, спросила: „Николай Петровичъ! есть ли у твоихъ коровъ молоко?“ На другой день чрезъ камеръ-фрейлину Протасову объявлено Полторацкимъ, приѣхавшимъ благодарить, что государыня, по причинѣ усталости, принять ихъ не можетъ“ ³⁾).

¹⁾ „Сб. Ист. Общ.“, XXIII, 342. „Que dites vous de cette escapade, et que diront les gazettes et les boutonnes qui me disent mourante?“

²⁾ Ibid., XXVI, 107.

³⁾ Карбановъ слышалъ этотъ рассказъ отъ Барятинскаго, сидѣвшаго тогда вмѣстѣ съ императрицею, Архаровымъ, Протасовою, Ермоловымъ и Нарышкинымъ въ каретѣ. „Р. Старина“, 1872, V, стр. 140.

Мы увидимъ ниже, какъ спутники императрицы, въ особенности же Сегюръ, умѣли шутить надъ разными случаями, встрѣчавшимися на дорогѣ. Сочинялись мнимыя газетныя статьи о всевозможныхъ приключеніяхъ. Въ одной изъ этихъ статей сказано: „Изъ достовѣрнаго источника мы знаемъ, что надежда путешественниковъ достать на дорогѣ молока, яицъ и т. п. во многихъ мѣстахъ оказалась тщетною; особеннымъ такимъ случаемъ былъ эпизодъ, происходившій между Мѣднымъ и Торжкомъ; дворяне здѣшнихъ имѣній большею частью принадлежали къ числу заговорщиковъ“; объ этой довольно мило задуманной баснѣ о заговорѣ мы будемъ говорить ниже—„такъ, напримѣръ, между недовольными крамольниками находился нѣкто г. Un-et-demi (Полторацкій); онъ сказалъ, что фрукты у него еще не поспѣли, хотя онъ на другой день хвастался, что послѣ отъѣзда императрицы онъ со своими знакомыми ужиналъ плотно до четырехъ часовъ утра“¹⁾.

За обѣденнымъ столомъ въ селѣ Городнѣ, между Тверью и Клиномъ, императрица спросила у губернскаго предводителя Ѳедора Леонтьевича Карабанова о разстояніи до вновь созданнаго ею, изъ казенной волости, города „Корчевы“ и пожелала узнать подробности; на отвѣтъ, что положеніе города выгодное и полезное для торговли, но что по новости не можетъ еще придти въ цвѣтущее состояніе, Екатерина сказала: „припомните, и Москва была деревня²⁾“.

Какъ видно, осмотръ водяной коммуникаціи — настоящая цѣль путешествія—былъ отложенъ до обратнаго пути изъ Москвы. Сперва Екатерина хотѣла провести нѣсколько дней въ древней столицѣ. Быть можетъ, она желала показать Москву особенно графу Сегюру, недавно пріѣхавшему въ Россію.

Въ своихъ запискахъ Сегюръ говоритъ съ восхищеніемъ объ этомъ краткомъ пребываніи въ Москвѣ. Ему понравился чрезвычайно и самый городъ, и красивое мѣстоположеніе его, стѣны и башни, множество церквей, дворцовъ, смѣсь разныхъ народностей и пр. Екатерина показала своимъ спутникамъ дворцы въ Петровскомъ, въ Коломенскомъ, въ Царицынѣ, Ростовкинскій водопроводъ и пр.³⁾

Къ сыну и невѣсткѣ Екатерина писала о своемъ пребываніи въ Москвѣ слѣдующее: „Петровскій домъ очень хорошенькая временная квартира, два другіе же, т. е. новые дворцы Московскій и Царицынскій, не окончены; послѣдній внутри долженъ быть измѣненъ, ибо

¹⁾ „Сб. Ист. Общ.“, XXIII, 351.

²⁾ Карабановъ слышалъ этотъ разсказъ отъ своего отца; см. „Русск. Старина“, V, 140. Въ Корчевѣ нынѣ, сто лѣтъ послѣ этого разговора, считается около 2000 жителей.

³⁾ Mémoires, II, 322—323.

такъ въ немъ было бы невозможно жить; Коломенскій же такой, какимъ я его оставила. Москва улучшается; строить много и весьма хорошо; водопроводъ большое предпріятіе, надъ которымъ теперь работаютъ“. Немного позже, въ другомъ письмѣ, сказано: „Самая лучшая постройка въ Москвѣ, несомнѣнно,—Ростокинскій водопроводъ; онъ съ виду легокъ, какъ перо, между тѣмъ длина его 190 сажень, а высота отъ 4 до 5; къ тому же онъ весьма проченъ ¹⁾“. А къ своему внуку Константину Павловичу императрица писала, послѣ пребыванія въ Москвѣ: „Москва противъ прежняго многимъ лучше стала ²⁾“.

На возвратномъ пути изъ Москвы, Екатерина писала къ Гримму между прочимъ: „О настроеніи общества, ѣдущаго со мною, можете судить по прилагаемому прекрасному литературному произведенію, которое родилось подъ вліяніемъ настроенія. Надобно отдать справедливость господину Сегюру: трудно быть любезнѣе и остроумнѣе; ему, кажется, пріятно съ нами, и онъ весель, какъ зябликъ. Онъ для насъ сочиняетъ стихи и пѣсни, а мы ему платимъ плохой прозой. Князь Потемкинъ всю дорогу моритъ насъ со смѣху и, повидимому, всѣ изъ кожи лѣзутъ помогать ему ³⁾“.

О трехдневномъ пребываніи въ Москвѣ почти никакихъ подробныхъ данныхъ не сохранилось. Мы знаемъ только, что это путешествіе императрицы надѣлало довольно много шуму въ иностранныхъ газетахъ и что Екатерина, узнавъ объ этомъ, забавлялась этою болтовнею на ея счетъ въ кругу своихъ спутниковъ. Во-первыхъ, сочинялись разныя выдумки о разстройствѣ здоровья Екатерины; во-вторыхъ, въ газетахъ, какъ кажется, говорилось о какихъ-то беспорядкахъ, будто происходившихъ въ Москвѣ въ это время. Въ письмахъ къ Гримму говорится въ самомъ веселомъ тонѣ объ этихъ выдумкахъ. Рассказывая о разныхъ подробностяхъ поѣздки и о другихъ предметахъ, Екатерина замѣчаетъ: „Посмотрите, пожалуйста, до какихъ дурачествъ эта поѣздка взбудоражила мою голову; письмо это лучше отправить съ курьеромъ: иначе всѣ почтамтскіе чиновники, особенно въ Германіи, будутъ соблазняться этимъ легкомысленнымъ тономъ. Впродолженіе всего путешествія, мы читаемъ въ газетахъ о состояніи моего слабаго здоровья. Я думаю, что люди, распускающіе подобные слухи, сами больны и очень заняты своимъ собственнымъ здоровьемъ, ибо людямъ въ добромъ здоровьѣ и въ голову не придетъ предполагать болѣзни у людей здоровыхъ. Я думаю, что „les bontonnés“ бѣсятся отъ злости по поводу этого путешествія, которое доказываетъ, какъ дважды два четыре, ихъ лживость и черноту ихъ желчныхъ изліяній“.

¹⁾ „Сб. Ист. Общ.“, XV, 23.

²⁾ Письма и бумаги Екатерины, изд. А. О. Бычковымъ. Спб. 1873. 29.

³⁾ „Сб. Ист. Общ.“, 342.

При всемъ томъ однако, императрицу интересовало въ высшій степени все, что о ней говорили на Западѣ. Она писала къ Гримму: „Сообщите мнѣ, какіе будутъ толки о самой веселой поѣздкѣ, какая, думается мнѣ, когда либо бывала на свѣтѣ ¹⁾“.

И правда, поѣздка была веселая. Безчисленныя шутки императрицы и ея спутниковъ особенно относились къ ея пребыванію въ Москвѣ. Въ подражаніе нелѣпнымъ извѣстіямъ, иногда являвшимся въ иностранныхъ газетахъ о Россіи, веселою компаніею было составлено нѣсколько шуточныхъ статей, въ которыхъ говорилось о какой-то революціи, случившейся въ Москвѣ во время пребыванія тамъ императрицы. Можно думать, что самая большая доля этихъ литературныхъ произведеній, переписанныхъ Екатериною собственноручно для барона Гримма, принадлежала графу Сегюру.

Мы сообщаемъ краткое извлеченіе изъ этихъ статей.

„Въ древней столицѣ господствовало волненіе. 1 іюня было замѣтно броженіе умовъ не только въ народѣ, но и въ дворянствѣ. На улицахъ было движеніе, не предвѣщавшее ничего хорошаго. Вечеромъ того же дня люди осторожныя—мѣщане, купцы, ремесленники и другія лица уже довольно рано скрылись въ своихъ домахъ; болѣе зажиточныя особенно тщательно заперли двери и окна. Многія знатныя лица ложились спать весьма поздно, другія бодрствовали всю ночь. Авторъ этого донесенія принадлежитъ къ числу послѣднихъ; онъ постоянно имѣлъ при себѣ свою шагу. Вечеромъ всѣ городскія ворота были заперты. Графъ Брюсъ, генераль-губернаторъ этой провинціи, предпринявшій нѣкоторую поѣздку, спѣшилъ возвратиться на свой постъ. 2 іюня волненіе усиливалось. Было замѣчено, что въ этотъ день правительство, при помощи большого числа рабочихъ, спѣшило привести въ надлежащее состояніе всѣ мосты, улицы и дороги. Говорятъ, что при этомъ случаѣ никто не получилъ трудовой платы, такъ какъ казна не располагала ни деньгами, ни кредитомъ, что впрочемъ можетъ считаться совершенно естественнымъ слѣдствіемъ плохой администраціи. Люди болѣе дальновидныя не сомнѣвались въ намѣреніи правительства сосредоточить нѣкоторыя войска въ городѣ для укрощенія ожидаемаго мятежа. И дѣйствительно, бунтъ начался въ этотъ день. Народъ вышелъ изъ своихъ лачужекъ, толпился на улицахъ и пошелъ по направленію къ Тверскимъ воротамъ. Разнесся слухъ, что бунтовщики требуютъ, по примѣру римлянъ, учрежденія народныхъ трибуновъ. Люди мыслящіе полагаютъ, что поводомъ къ возстанію послужили необдуманные указы императрицы. Пока неизвѣстно, кто находится во главѣ предпріятія; нельзя, однако, сомнѣваться въ участіи въ заговорѣ большей части самыхъ знатныхъ фамилій и многихъ дворянъ, потому что видѣли многихъ лицъ съ голубыми и красными лентами и даже генераловъ, скакавшихъ во всю

¹⁾ „Сб. Ист. Общ.“, XXIII, 343.

прыть по улицамъ подь предлогомъ успокоенія народа, на дѣлѣ разжигавшихъ страсти народа двусмысленными рѣчами. Къ тому же было замѣчено, что предводитель дворянства, первый богачъ во всемъ государствѣ, вдругъ будто захворалъ, хотя всегда казался совсѣмъ здоровымъ. Это обстоятельство приписывается его нерѣшимости. Въ этотъ день было отправлено множество курьеровъ.

„Вечеромъ 2 іюня узнали, что императрица изъ Вышняго-Волочка прибыла въ Петровское, очевидно для укрощенія своимъ присутствіемъ мятежа. Узнавъ, однако, о происшедшихъ въ городѣ событіяхъ, ея императорское величество нашла неудобнымъ побывать въ самомъ городѣ; изъ этого обстоятельства видно, какъ велика была опасность. Наглость толпы вслѣдствіе этого росла; узнавъ о пріѣздѣ государыни, народъ отправился къ Петровской дачѣ, окружилъ ее со всѣхъ сторонъ и, увидѣвъ, что домъ укрѣпленъ, началъ роптать громко. На вопросъ императрицы объ этомъ шумѣ царедворцы и льстецы отвѣчали императрицѣ (здоровье которой, какъ извѣстно, совершенно разстроилось), что это ничто иное, какъ радостные крики привѣтствія; такъ какъ вопли народа усилились, лица приближенные сказали императрицѣ, что народъ, обрадованный пріѣздомъ ея, поетъ пѣсни для ея развлечения и увеселенія; итакъ, ея величество милостиво улыбалась при этомъ гулѣ. Однако, императрица не показывалась въ окнахъ своего дворца: тѣ лица ея свиты, которыя пользовались ея особеннымъ довѣріемъ, ни на шагъ не отходили отъ нея; оберъ-штальмейстеръ (Л. А. Нарышкинъ) держалъ императрицу подь руку; она казалась печальною, блѣдною, упавшею духомъ; на ея лицѣ былъ замѣтенъ страхъ. Императорскій посолъ, пріѣхавшій съ нею (Кобенцель) нѣсколько разъ подходилъ къ ней, и шепча ей на ухо, давалъ совѣты. Посланники Франціи и Англій также участвуютъ въ этомъ путешествіи. Можно было замѣтить, какъ послѣдній (Фицгербертъ) весьма долго разговаривалъ на греческомъ языкѣ съ архіепископомъ московскимъ, о которомъ извѣстно, что онъ участвуетъ въ заговорѣ; было слышно, что англійскій посланникъ, очевидно для поддержанія своей аргументаціи, привелъ цитату изъ евангелія св. Іоанна; отсюда заключили, что эти дипломаты играютъ роль посредниковъ, но едва ли можно надѣяться на успѣхъ въ этомъ дѣлѣ. Все это, однако, еще ничего не значило въ сравненіи съ ужаснымъ днемъ 3 іюня.

„Ночью была нѣкоторая надежда на восстановленіе порядка, потому что нѣкоторыя группы народа удалились въ городъ. Утромъ рано, однако, еще болѣе густая толпа окружила дворецъ и осаждала всѣ окрестности Петровскаго. Императрицу увели оттуда; пыль, крики, общій страхъ, не давали возможности скоро узнать о случившемся; въ 9 часовъ наконецъ насъ извѣстили о томъ, что императрицѣ удалось найти убѣжище въ соборѣ. Черезъ полтора часа мы узнали, что императрица, и тутъ преслѣдованная народомъ, перешла въ другую церковь, отсюда въ монастырь; здѣсь она сѣла въ экипажъ и поска-

кала въ Коломенское. Тутъ вся свита покинула ея величество; при ней остался только императорскій посолъ. Послѣ объѣда императрица, считая свое положеніе и въ этомъ мѣстѣ небезопаснымъ, удалилась въ Царицынъ, гдѣ она легко могла защищаться въ случаѣ надобности.

„На бѣду, однако, изъ Петербурга были получены также неутѣшительныя извѣстія. Императрица ничего не сообщила объ этомъ при ней оставшимся еще лицамъ. Она возвратилась въ Коломенское и тамъ приняла мѣры для скорѣйшаго отъѣзда. На пути въ окрестностяхъ города, гдѣ строился новый дворецъ, застали толпу, поджидавшую императрицу. Нужно было выдти изъ каретъ и спастись въ строящемся дворцѣ. При этомъ было необходимо пройти мимо толпившагося народа. Всѣ упали духомъ. Императрица кланялась направо и на-лѣво; наконецъ, ей удалось опять дойти до своей кареты. Къ счастью, при проѣздѣ чрезъ городъ послѣдній оказался безлюднымъ. Говорятъ, что у дверей предводителя дворянства императрица попросила напиться и что предводитель, по обычной ему учтивости въ обращеніи съ дамами, не отказалъ въ исполненіи ея просьбы. Немного позже разнесся слухъ, что дворъ ужинаетъ у генералъ-губернатора; народъ повалилъ туда, но было темно и только были слышны пушечные выстрѣлы. Схватка была, какъ полагали не безъ основанія, весьма оживленною; подробности этого дѣла еще неизвѣстны; сообщаютъ, что императрица теперь находится въ Петровскомъ, откуда она отправится или въ С.-Петербургъ, или въ Оренбургъ, для укрощенія новыхъ бунтовъ. Можно отсюда заключить, что здоровье ея величества поправилось, потому что изъ газетъ извѣстно слѣдующее: когда императрица хвораетъ—все остается въ Россіи въ полномъ спокойствіи, какъ скоро она выздоравливаетъ—бунты повторяются ежедневно“ и пр.

Въ другомъ донесеніи такого же рода, имѣвшемъ также видъ газетной статьи, сказано между прочимъ: „Говорятъ, что экипажи англійскаго посла и оберъ-штабмейстера сильно пострадали въ тѣснотѣ и что даже они были разграблены. На пути въ разныхъ мѣстахъ были мятежныя собранія толпы, такъ что путешественники должны были ѣздить иногда окольными дорогами. Наконецъ, по недостатку въ лошадяхъ, нужно было сѣсть на барки. Тутъ опасались нападенія разбойниковъ, которыхъ очень много водится въ этихъ мѣстахъ. Князь Потемкинъ отправился впередъ—доказательство, что опасность была ужасная. Съ нимъ находятся послы англійскій и французскій. Очевидно, они продолжаютъ вести переговоры съ мятежниками. Разнесся слухъ, что графъ Сегюръ раненъ корсарами. Сама императрица сдѣлала рекогносцировку“. Затѣмъ говорится о слухахъ, будто и въ Петербургѣ вспыхнулъ мятежъ; рассказывается подробно о стараніяхъ Кобенцеля обо всемъ случившемся составить донесеніе и т. п.¹⁾

¹⁾ „Сб. Ист. Общ.“, XXIII. 347—352“.

Такимъ образомъ, пребываніе императрицы и ея спутниковъ въ Москвѣ, радостныя встрѣчи толпившагося около нея народа, а далѣе нелѣпыя слухи, распространяемые въ тогдашнихъ газетахъ, давали поводъ къ литературнымъ шуткамъ, представляющимъ намъ точное понятіе о веселости путешественниковъ, о ихъ умѣнии забавляться и забавлять другъ друга, въ особенности же, какъ намъ кажется, о литературныхъ способностяхъ Екатерины и графа Сегюра. Мы ниже укажемъ еще на другіе примѣры такого веселья, такихъ острогъ и шутокъ, тѣсно связанныхъ съ исторіею этой поѣздки.

Пробывъ три дня въ Москвѣ, путешественники отправились въ Вышній-Волочекъ. На пути особенно Тверь понравилась графу Сегюру. Въ своихъ замѣткахъ онъ хвалилъ и красивое мѣстоположеніе города, и костюмъ жителей ¹⁾.

И самой императрицѣ все видѣнное ею на пути представлялось въ особенно выгодномъ свѣтѣ. Къ тому же вообще ея отзывы о состояніи Россіи въ письмахъ къ иностранцамъ отличались нѣкоторымъ оптимизмомъ. Въ ея письмѣ къ Гримму, послѣ окончанія путешествія, сказано: „Впродолженіе всего моего путешествія, около 1200 верстъ сухимъ путемъ и 600 верстъ по водѣ, я нашла удивительную перемену во всемъ краѣ, который частію видѣла прежде. Тамъ, гдѣ были убогія деревни, мнѣ представились прекрасные города съ кирпичными и каменными постройками; гдѣ не было и деревушекъ, тамъ я встрѣтила большія села, и вообще благосостояніе и торговое движеніе, далеко превысившія мои ожиданія. Мнѣ говорятъ, что это послѣдствія сдѣланныхъ мною распоряженій, которыя уже десять лѣтъ какъ исполняются буквально; а я, глядя на это, говорю: очень рада. Это не особенно остроумно, за то правдиво“ ²⁾.

Объ осмотрѣ императрицею на возвратномъ пути въ Петербургъ Вышняго-Волочка и вообще водяной коммуникаціи мы имѣемъ слѣдующія данныя, помѣщенные въ „Судоходномъ дорожникѣ“:

„Государыня изволила сухопутьемъ прибыть со свитою въ Вышній-Волочекъ 6-го іюня. На другой день ея величество обозрѣвала ввѣдь судовъ въ Тверецкій шлюзъ, вышневолоцкіе каналы съ ихъ сооруженіями, новоустроенный Заводскій гранитный бейшлотъ и выпускъ судовъ изъ Цнинскаго шлюза въ озеро Мстино. Затѣмъ государыня отправилась изъ Вышняго-Волочка по береговой дорогѣ, идущей отъ Цнинскаго канала по лѣвому берегу Цны, озера Мстина и Мсты. Сплавъ судовъ по озеру Мстину государыня обозрѣвала съ высокаго

¹⁾ „Les bonnets de perles, les longs voiles blancs, galonnés d'or des femmes, leurs riches ceintures, leurs anneaux et leurs boucles dorées, auraient pu faire croire, en voyant leur foule rénuie, qu'on se trouvait présent à quelque ancienne fête de l'Asie“. Мém. II, 324.

²⁾ „Сб. Ист. Общ.“, XXIII, 343“.

берега, на которомъ устроенъ былъ павильонъ, а выпускъ судовъ изъ озера въ Мсту она смотрѣла съ галереи при мстинскомъ шлюзѣ. При этомъ Екатерина лично указала мѣсто для постройки новаго гранитнаго мстинскаго шлюза.

Затѣмъ путешественники отправились далѣе по Боровицкой береговой дорогѣ, чрезъ пристани Ношкинскую и Басутинскую. На Опеченскую пристань они прибыли вечеромъ 7-го іюня и ночевали въ нарочно приготовленномъ для этого домѣ Боровицкой конторы.

8-го іюня, императрица смотрѣла сплавъ судовъ чрезъ Боровицкіе пороги, находясь въ нарочно для этого устроенномъ красивомъ кавильонѣ на высокомъ холмѣ, на правомъ берегу порога Выль.

При этомъ случаѣ Потемкинъ, Сегюръ и Архаровъ, не испросивъ на то дозволенія императрицы, въ небольшомъ суднѣ спустились чрезъ пороги. Предпріятіе это считалось нѣсколько опаснымъ, такъ какъ не разъ лодки опрокидывались при подобныхъ попыткахъ. Хотя императрица, рассказывая о Сегюрѣ, побранила его, Потемкина и Архарова за такую неосторожность, все-таки ей понравилась отвага ¹⁾. Впрочемъ, изъ „Судоходнаго дорожника“ мы узнаемъ, что въ самомъ дѣлѣ была нѣкоторая опасность. Тамъ сказано: „Во время прохода порогами барка, на которой они ѣхали, дала течь; распоряженіемъ генерала Архарова, лоцманъ немедленно исправили ее и достигли благополучно берега“.

Отсюда до Новой Ладоги путешественники отправились водою. Флотилія, для этой цѣли приготовленная, состояла изъ 30 разныхъ судовъ.

Сегюръ замѣчаетъ, что судно императрицы отличалось особеннымъ великолѣпіемъ. На суднѣ, назначенномъ для него и Фицгерберта, было три комнаты, весьма изящно меблированныя; на немъ находился цѣлый оркестръ, который игралъ по утрамъ и по вечерамъ. Видъ флотиліи представлялъ въ особенности великолѣпное зрѣлище, когда путешественники достигли Ильменскаго озера, чрезвычайно понравившагося Сегюру и покрытаго множествомъ украшенныхъ цвѣтами и лентами судовъ и лодокъ. Раздавалось пѣніе, играла музыка; крестьяне и крестьянки въ нарядномъ платьѣ приближались къ флотиліи императрицы, радостно привѣтствуя государыню ²⁾.

Въ „Судоходномъ дорожникѣ“ напечатанъ списокъ станціямъ для ночлеговъ и обѣденнаго стола, куда „заблаговременно развезены придворные служители“, а именно:

По Мстѣ.

Ниже Боровичей, въ сельцѣ Березицахъ, въ домѣ подпоручика Бачманова, для ночлега.

¹⁾ „Mém.“ II, 324.

²⁾ Ibid., II, 325.

Въ селѣцѣ Малиновѣцѣ, гдѣ устроена была особая галлерей для обѣденнаго стола.

Въ селѣ Бѣломѣ, въ домѣ подпоручика Лупандина, для ночлега.

Въ селѣцѣ Сорочинахъ, въ домѣ премьеръ-маіора Мартынова, для обѣденнаго стола.

Въ селѣцѣ Лызи, въ домѣ капитана Мартынова, для ночлега.

Въ селѣцѣ Злогѣ, въ домѣ подполковницы Третьяковой, для обѣденнаго стола.

Въ селѣцѣ Морозовичахъ, въ домѣ надворнаго совѣтника Козлянинова, для ночлега.

Въ селѣ Песошнѣ, въ домѣ надворнаго совѣтника Манкошева, для обѣденнаго стола.

Въ Бронницахъ, въ путевомъ дворцѣ, для ночлега.

Въ Новгородѣ, во дворцѣ, для обѣденнаго стола.

По Волхову:

На 33-й верстѣ отъ Новгорода, въ домѣ дѣвицы Кучинской, для ночлега.

Въ селѣцѣ Званкѣ, въ домѣ статскаго совѣтника Дьякова, для обѣденнаго стола.

Въ селѣ Водосѣ, въ домѣ подполковника князя Несвицкаго, для ночлега.

Въ селѣ Сольцѣ, въ домѣ подпоручика Чертова, для обѣденнаго стола.

Въ деревнѣ Городищѣ построена была временная галлерей, для ночлега.

Въ Гостинопольской пристани, въ смотрительскомъ домѣ, для обѣденнаго стола.

Въ Новой Ладогѣ, близъ устья стараго Ладожскаго канала, устроена была удобная пристань.

Весь путь отъ Вышняго-Волочка до Новой Ладогои продолжался 10 дней.

По прибытіи въ Новую Ладогоу, императрица пожаловала награды: 28 лоцманамъ, сверхъ обыкновенной платы по 18 рублей на человѣка, еще по 30 р. на каждого; 39 концевымъ, сверхъ обыкновенной платы по 12 руб. на человѣка, еще по 25 руб. на каждого; 639 гребцамъ, сверхъ обыкновенной платы по 9 руб. на человѣка, по 15 руб. на каждого. Бывшимъ на суднѣ императрицы, старшему лоцману 100 р., 6 младшимъ лоцманамъ по 75 руб. Сверхъ того, было прислано изъ кабинета ея величества за простой въ пути рабочихъ на ихъ прокормъ въ пути и награжденія 6253 руб. Во время пребыванія въ Новой Ладогѣ, императрица въ именномъ указѣ предложила Архарову принять мѣры для окончанія работъ водяной коммуникаціи ¹⁾.

¹⁾ „Судох. дорожникъ“, II, 1. CLXXXII—CLXXXIX.

За день до прїѣзда въ Новую Ладогу, Екатерина на Волховѣ писала къ своему внуку Константину Павловичу: „Много бы у васъ бѣганія и кричанія было, если бы вы со мною на баркѣ находились; всякую минуту мы видимъ что ни на есть новое по берегамъ. Скоро увидимся съ вами“ и пр. ¹⁾.

Судя по росписанію станцій въ „Судоходномъ дорожникѣ“, можно бы думать, что путешественники обѣдали не на судахъ, а на берегу. Сегюръ однако рассказываетъ: „Однажды, когда я ушелъ съ галеры, на которой мы только что отобѣдали съ императрицею, я отправился на галеру князя Потемкина“ и пр. ²⁾.

Изъ разсказа Сегюра мы видимъ, что въ продолженіе всего путешествія, императрица не переставала заниматься дѣлами, что ее заботилъ образъ дѣйствій англійскаго правительства, что Потемкинъ бесѣдовалъ съ Сегюромъ о предположеніи заключенія торговаго договора между Россією и Францією и пр. Сегюръ старался исполнить данное ему французскимъ правительствомъ порученіе—склонить русское правительство къ нѣкоторому сближенію съ Францією. Довольно любопытно воспроизведеніе въ запискахъ Сегюра подробныхъ бесѣдъ его съ Потемкинымъ. Говорили объ Англии, о Фридрихѣ Великомъ, и пр. Потемкинъ былъ недоволенъ англійскимъ министромъ Питтомъ; Сегюръ умѣлъ воспользоваться этимъ раздраженіемъ князя, предложившаго наконецъ французскому послу въ особенной запискѣ изложить выгоды сближенія Россіи и Франціи посредствомъ заключенія торговаго договора.

Эта бесѣда происходила во время путешествія по Волхову на суднѣ Потемкина. Возвратившись на судно, занимаемое Фицгербертомъ и имъ самимъ, Сегюръ тотчасъ же хотѣлъ приняться за дѣло и приступить къ сочиненію дипломатической ноты. Вошедши въ свою каюту, Сегюръ не могъ найти чернильницы; она была спрятана въ комодъ, а ключъ къ послѣднему находился у одного служителя, только что отправившагося прогуляться въ лодкѣ. Поэтому Сегюръ отправился въ каюту англійскаго посла, гдѣ онъ засталъ Фицгерберта занятымъ вмѣстѣ съ Кобенцелемъ карточною игрою. Сегюръ замѣтилъ Фицгерберту, что желаетъ, имѣя свободное время, написать нѣсколько писемъ, но что, по отсутствію лакея, онъ не имѣетъ ни чернилъ, ни бумаги, ни пера. Фицгербертъ предложилъ ему тотчасъ же свой письменный приборъ и, такимъ образомъ, самъ англійскій посоль, хотя не зная объ этомъ и лишь косвенно, содѣйствовалъ нѣкоторымъ образомъ составленію той „*Note confidentielle*“, въ которой Сегюръ, въ ущербъ интересамъ Англии, излагалъ выгоды сближенія Россіи съ Францією.

Тотчасъ же послѣ окончанія редакціи этой записки, Сегюръ доставилъ ее князю Потемкину, который, по прочтеніи ея, былъ весьма

¹⁾ Письма и бумаги взд. Бычковымъ, стр. 30.

²⁾ „*Mém.*“ II. 325—326.

«истор. вѣстн.», годъ II, томъ VI.

доволенъ ею, и такимъ образомъ Сегюръ началъ успѣвать въ своемъ предпріятіи. Потемкинъ сообщилъ записку императрицѣ, которая на другой день весьма благосклонно бесѣдовала съ Сегюромъ объ этомъ предметѣ ¹⁾.

Какъ видно, путешественники были заняты не только шутками, болтовнею и сатирическими-литературными произведеніями, но и политическими дѣлами. Эта поѣздка, давая императрицѣ возможность короче познакомиться съ французскимъ посломъ, содѣйствовала тому сближенію съ Франціею, цѣлю котораго было отправленіе Сегюра въ Россію. Сегюръ прямо говоритъ, что написанная имъ на рѣкѣ Волховѣ записка значительно подвинула впередъ переговоры о торговомъ трактатѣ, заключеніе котораго состоялось, впрочемъ, не ранѣе какъ въ первыхъ числахъ 1787 года, наканунѣ знаменитаго путешествія въ Крымъ.

Этотъ эпизодъ характеризуетъ отношенія между путешественниками. Во время самаго разгара веселья, при всей непринужденности салонной бесѣды, въ каретѣ императрицы, или въ какомъ либо изъ московскихъ дворцовъ, или на судахъ во время плаванія по Мстѣ и по Волхову, тѣ самыя лица, которыя казались занятыми исключительно удовольствіемъ поѣздки, въ сущности постоянно мечтали о ввѣренныхъ имъ политическихъ интересахъ. Хотя и серьезныя бесѣды такого рода могли казаться чѣмъ-то въ родѣ „hors d'oeuvre“, но въ душѣ такія личности, какъ Екатерина, Потемкинъ, Безбородко, Фицгербертъ, Сегюръ и Кобенцель, и во время такой поѣздки оставались главнымъ образомъ политическими дѣятелями. Замѣчая, напр., однажды, что императрица, противъ своего обыкновенія, казалась недовольною, была въ нѣсколько мрачномъ расположеніи духа, Сегюръ старался узнать о причинѣ такой перемѣны и, наконецъ, могъ убѣдиться въ томъ, что причиною разстройства были неблагопріятныя вѣсти объ образѣ дѣйствій англійскаго правительства. Все это затрогивало самыя важныя интересы многихъ государствъ; все это могло повліять на дальнѣйшій ходъ восточнаго вопроса; все это могло сдѣлаться роковымъ для торговыхъ отношеній между различными странами и пр.

О дальнѣйшемъ ходѣ путешествія мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Мы только случайно узнаемъ, что путешественники отправились и изъ Новой Ладogi до Петербурга водою ²⁾. Храповицкій въ своемъ дневникѣ замѣтилъ, 24-го мая: „Походъ въ Боровичи и Москву“, а 19-го іюня: „Возвращеніе въ Петербургъ“ ³⁾.

¹⁾ „Mémoires“, II, 325—338.

²⁾ Сегюръ замѣчаетъ: „Peu de jours après, étant cutrés dans le canal de Ladoga, nous arrivâmes à Pétersbourg le 28 juin, ayant ainsi terminé en moins d'un mois le voyage le plus curieux et le plus agréable“. „Mém.“ II, 338. См. „Сб. II. О.“, XXIII, 342.—„Nous sommes revenus avant-hier par la rivière Néva en bateau jusqu'à Pétersbourg“.

³⁾ По письму Екатерины къ Гримму, она возвратилась въ Петербургъ уже 18 іюня.

Чѣмъ важнѣе были нѣкоторыя бесѣды о настоящихъ политическихъ дѣлахъ во время этой поѣздки, тѣмъ болѣе забавными кажутся нѣкоторыя шутки, имѣвшія форму дипломатической переписки между русскимъ правительствомъ и дипломатами, провожавшими императрицу въ этой поѣздкѣ. И тутъ, какъ при сочиненіи шуточныхъ разсказовъ о мнимомъ московскомъ бунтѣ, во время пребыванія императрицы въ древней столицѣ, обнаруживаются главнымъ образомъ необычайныя литературныя способности Екатерины и Сегюра, умѣнье веселиться, утонченность салонныхъ шутокъ этихъ туристовъ вообще.

Основаніемъ остроумной выдумки, на которую въ заключение нашего очерка мы желаемъ обратить вниманіе читателей, служила мысль, что русское правительство, принудивъ пословъ Англій, Франціи и Австріи къ участию въ этой поѣздкѣ, нарушило главныя основанія международнаго права. Варварскіе поступки Россіи при этомъ случаѣ даютъ поводъ къ составленію съ разныхъ сторонъ дипломатическихъ записокъ. Эти шуточные документы лишь отчасти сохранились. Сегюръ въ своихъ запискахъ не упоминаетъ объ этой забавѣ. Зато Екатерина была до того довольна этою выдумкою, что она собственно ручно переписала для барона Гримма нѣкоторые изъ относящихся къ этому эпизоду документы. Таковъ, напр., слѣдующій „Тайный бюллетень“:

„Разсказываютъ въ видѣ глубочайшей тайны, что международное право плохо соблюдалось въ отношеніи къ иностраннымъ министрамъ, участвовавшимъ въ этой злосчастной поѣздкѣ императрицы сухимъ путемъ и водою. Говорятъ, что cadaго изъ этихъ дипломатовъ держали въ тѣсномъ заключеніи въ маленькой кабинѣ, что ихъ оттуда выпускали развѣ только для обѣда и ужина и что тотчасъ же послѣ окончанія трапезы они должны были возвращаться въ свою тюрьму. Къ этому прибавляютъ, что стражею къ нимъ былъ приставленъ арапъ, не упускавшій ихъ изъ виду ни на одну минуту“ и пр. ¹⁾

Какъ кажется, шуточная дипломатическая переписка была составлена только послѣ возвращенія въ Царское Село. Оттуда писала императрица къ Гримму, 5-го августа 1785: „Нѣтъ конца нашимъ затѣямъ и шуткамъ (badinages), относящимся къ нашему путешествію. Прилагаю при семъ прекрасное возраженіе, написанное мною на записку г. Сегюра, и отвѣтъ послѣдняго“ ²⁾. Значитъ, были три записки—двѣ, составленныя Сегюромъ, и одна, написанная Екатериною. Приложеній этихъ не оказалось при изданіи писемъ къ Гримму. Двѣ послѣднія записки, однако, были изданы. Онѣ напечатаны А. О. Бычковымъ въ его изданіи писемъ и бумагъ Екатерины, хранящихся въ императорской публичной библиотекѣ. Мы передаемъ содержаніе этихъ документовъ въ извлеченіи.

¹⁾ „Сб. Н. О.“ XXIII, 357.

²⁾ Ibid., XXIII, 357.

Императрица пишетъ, въ іюль 1785 г., что Сегюръ 16-го іюля обратился къ вице-канцлеру графу Остерману съ запискою, которую прочитала и императрица, на которую, однако, она сначала не возражала, потому что разстройство ея здоровья не допускаетъ занятій, хотя сколько нибудь требующихъ напряженія умственныхъ способностей. Немного позже, однако, императрица считала необходимымъ сообщить содержаніе ноты Сегюра нѣкоторымъ изъ своихъ министровъ. Послѣдніе большею частью не могли вовсе понять содержанія этой записки; другіе отказывались судить обо всемъ этомъ дѣлѣ, такъ какъ они не участвовали въ путешествіи; почти всѣ были того мнѣнія, что не должно спѣшить отвѣтомъ. Одинъ изъ нихъ, назвать котораго считаемъ лишнимъ, потребовалъ болѣе точнаго изслѣдованія фактовъ, о которыхъ говорилось въ запискѣ. Мнѣніе это было принято всѣми. Было сдѣлано предложеніе разсуждать особо о жалобахъ, объ обвиненіяхъ, объ угрозахъ; даже было высказано мнѣніе, не лучше ли отдать оберъ-штальмейстера (Нарышкина) и г. Бертена (метръ д'отеля) подъ судъ. Пригласили послѣдняго сначала къ объясненію. Онъ объявилъ, что не можетъ понять взведенныхъ на него обвиненій, что онъ во время путешествія исполнялъ лишь свой долгъ. Левъ Александровичъ явился предъ нарочно созванной комиссіею со слезами, сильно упрекая своихъ судей за лишенное всякаго основанія обвиненіе; при этомъ онъ обратилъ вниманіе собранія на свое положеніе, указывая на то обстоятельство, что онъ отецъ семейства, что у него есть и внуки и внучки, что онъ состоитъ владѣльцемъ 1200 крестьянъ, что онъ не разъ угощалъ обѣдами и ужинами злостныхъ клеветниковъ, что онъ считаетъ себя не въ состояніи совершить какой бы то ни было дурной поступокъ и пр. Совѣтъ министровъ поэтому не могъ не признать обвиненныхъ совершенно невиновными и сообщилъ объ этомъ чрезъ вице-канцлера иностраннымъ дипломатамъ, подавшимъ жалобу. При этомъ было рѣшено просить иностранныхъ дипломатовъ не печалиться чрезмѣрно, такъ какъ такое волненіе можетъ быть вреднымъ для здоровья. Допуская, впрочемъ, что международное право во время чрезвычайно быстрога путешествія было немного нарушаемо, нельзя не замѣтить, что, если пожалуй и Европа оказалась бы недовольною такимъ образомъ дѣйствій Россіи, послѣдняя могла бы во всякомъ случаѣ разсчитывать на сочувствіе въ этомъ дѣлѣ Азіи и Африки. Гг. иностранные министры въ громкихъ фразахъ жалуются на разныя опасности, которыя будто грозилъ имъ во время этой поѣздки, на разныя покушенія на ихъ жизнь, на лишеніе ихъ свободы и т. п. Всѣмъ этимъ нельзя привести въ замѣшательство или трепеть русское правительство. Все это основано развѣ только на недоразумѣніяхъ. Что касается до лишенія иностранныхъ дипломатовъ свободы, то въ этомъ отношеніи Россія слѣдовала лишь правиламъ международнаго права, соблюдаемымъ столь великими и образцовыми государствами, каковы

Китай и Турція, въ которыхъ послы и посланники довольно часто заключаются въ тюрьму; императрица поэтому имѣетъ основаніе разсчитывать на полнѣйшее одобреніе своего образа дѣйствій со стороны Азии и Африки. Гг. министры Фицгербертъ, Сегюръ и Кобенцель, утверждаютъ, что они чуть-чуть не были убиты во время московскаго бунта, что они едва не умерли съ голоду, вслѣдствіе совершеннаго недостатка съѣсныхъ припасовъ въ дорогѣ, и что ихъ, какъ арестантовъ, увезли въ Новгородъ, въ Вышній-Волочекъ и Москву. Г. вице-канцлеръ на все это считаетъ своимъ долгомъ возразить, что бунты и возстанія могутъ вообще считаться бездѣлицею, на которую не должно обращать вниманія, и что такіе факты совершались всегда во всѣхъ государствахъ. Допуская возможность голодной смерти и при четырехъ трапезахъ въ день, г. вице-канцлеръ полагаетъ, что это зависитъ отъ мѣры аппетита, и что поэтому весь этотъ вопросъ не состоитъ ни въ какой связи съ политикою и что поэтому обсужденіе этого вопроса не относится къ кругу его обязанностей. Обвиненіе самой императрицы въ несправедливости должно считаться самымъ щекотливымъ дѣломъ. На оное можно возразить развѣ только, что у каждаго человѣка встрѣчаются и добродѣтели и пороки и что людей не скоро передѣлаешь: это не то, что пирогъ испечь такъ или иначе. Что касается до негра, то нельзя не признать, что это весьма достойная особа, которая когда-то играла весьма важную роль въ сералѣ султана Абдуль-Гамида. Исторія о суднѣ съ подвижнымъ дномъ, чрезъ которое будто хотѣли утопить иностранныхъ министровъ на порогахъ Мсты, можетъ быть такою же выдумкою, какія разсказываются объ ужасныхъ преступленіяхъ императора Нерона. Намекъ же о намѣреніи ихъ превосходительство (Сегюра, Фицгерберта и Кобенцеля) собственноручно задушить турецкаго посла оказывается до того ужаснымъ и столь мало правдоподобнымъ, что объ этомъ нельзя и говорить подробнѣе, и пр.

Сегюръ, Фицгербертъ и Кобенцель возразили на эту записку, что они случайно узнали о содержаніи ея чрезъ одного изъ помощниковъ помощника графа Безбородки, подкупивъ этого человѣка громадною суммою одного червонца, что они втроемъ обсудили самымъ тщательнымъ образомъ свое положеніе и что они рѣшились настаивать на правѣ *uti possidetis* всего счастья и удовольствій, сопряженнаго съ этимъ путешествіемъ, включая сюда насиліе, похищеніе, арестъ, стражу, состоявшую изъ негровъ, интриги и покушенія разнаго рода, ядъ, котормъ ихъ угощаль г. Бертенъ, и всѣ адскія начертанія г-на Льва Нарышкина. При этомъ нижеподписавшіеся министры предлагаютъ свои услуги, въ случаѣ надобности, задушить хотя бы какаго либо посла, или другую личность, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы театромъ дѣйствій были комнаты императрицы въ Царскомъ Селѣ или въ другомъ таковомъ мѣстѣ и пр. ¹⁾.

¹⁾ Письма и бумаги, стр. 149—160.

Въ этомъ родѣ составлены эти записки на чисто-дипломатическомъ французскомъ языкѣ, при чемъ на каждомъ шагу употребляются технические термины, въ родѣ „statu quo“, „ultimatum“, „mezzo termine“ и т. под.

Не даромъ императрица была чрезвычайно довольна своими спутниками, въ особенности же Сегюромъ. Безбородко писалъ, 8 юля 1785 года, къ А. Р. Воронцову: „Вамъ можетъ быть извѣстно, что сопутники наши иностранные вели себя отъѣнно хорошо, податливы были на всѣ рѣзвости и забавы, умѣли всѣмъ понравиться и были всегда отъѣнно приняты. Сегюръ весьма много имѣетъ въ себѣ пріятнаго при отличныхъ знаніяхъ и способностяхъ ¹⁾“.

Екатерина 20 юля писала къ барону Гримму: „Третьяго дня мы доплыли на судахъ по Невѣ до Петербурга, а вчера я пріѣхала сюда сухимъ путемъ. Посоль и французскій съ англійскимъ посланники были доставлены каждый до своего дома въ городѣ. Ей-ей, пожелаи я только, они, кажется, были бы готовы ѣхать со мной хоть на край свѣта. Можно поздравить Францію, если у нея много такихъ людей, какъ Сегюръ: съ личными достоинствами, съ умомъ, съ талантами и образованіемъ, онъ соединяетъ благородство чувствъ и любезность; надобно отдать ему эту справедливость... Замѣтите, пожалуйста, что англійскаго посланника мы увезли изъ Петербурга больнаго, что онъ передъ тѣмъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не ѣлъ и не пилъ; опасались даже, что онъ совсѣмъ впадетъ въ мрачную меланхолію; назадъ же мы доставили его совершенно выздоровѣвшимъ: онъ ѣстъ, пьетъ, хочеть во все горло и думаетъ о томъ, какъ бы размѣшить другихъ, у него появился хорошій цвѣтъ лица и онъ пополнилъ ²⁾“.

А. Брикнеръ.

¹⁾ См. „Сб. И. Общ.“ XXVI. 377. Между шутками, относящимися къ путешествію, была и мысль написать шуточный рассказъ обо всемъ путешествіи. Между приложеніями къ письмамъ къ барону Гримму мы находимъ („Сб. Ист. Общ.“ XXIII“) программу, такъ называемую „Prospectus“ этого сочиненія. Тутъ говорится о раздѣленіи всего труда на главы, о причинахъ и выгодахъ такого раздѣленія, о значенія подробнаго описанія погоды и пр.

²⁾ „Сб. И. О.“ XXIII. 342—343.

СТАРЫЯ БЫЛИ.

ОДНО ИЗЪ ЛУЧШИХЪ воспоминаній моего дѣтства—воскресенье. Начать съ того, что въ этотъ день я не долженъ былъ рано вставать и садиться за повтореніе уроковъ, очень часто плохо приготовленныхъ съ вечера. Я могъ подремать лишній часъ-другой — и въ этой утренней дремотѣ являлись всегда такія радужныя и блаженныя видѣнія. Потомъ мало-по-малу видѣнія эти блѣднѣли, все больше и больше перепутываясь съ окружавшей обстановкой и, наконецъ, совсѣмъ переходили въ дѣйствительность. Я раскрывалъ глаза, выглядывалъ изъ-за полога моея кровати, вспоминалъ, что сегодня воскресенье — и радостное, широкое чувство наполняло меня. Я снова скрывался за занавѣской и наблюдалъ: наша крѣпостная няня, Анна Тимофеевна, только что вынула изъ кровати моего младшаго брата и съ хорошо знакомымъ мнѣ хохлацкимъ ворчаніемъ (она была изъ Малороссіи) натягивала чулки на его маленькія толстыя ноги. Онъ барахтался, брыкался и, очевидно, никакъ не могъ совсѣмъ разгуляться; большіе сѣрые глаза его то раскрывались во всю ширину, то опять смыкались; выраженіе круглой какъ шарикъ мордочки было самое уморительное. Хорошенькая нянина дочка Ариша въ дальнемъ углу нашей большой дѣтской умывала черненькую, худенькую сестру мою; а другая сестра, толстая, бѣлая, румяная дѣвочка, стояла уже совсѣмъ готовая, въ пышно накрахмаленныхъ юбкахъ, въ нарядномъ платьѣ, и тщательно и кокетливо причесывала передъ зеркаломъ свои бѣлокурые волосы.

Насмотрѣвшись на все это и чувствуя съ каждой секундой возрастающій приливъ радости и любви ко всѣмъ и ко всему, я вскакивалъ съ кровати, не дожидаясь няни начиналъ самъ поспѣшно одѣваться, переговариваясь и пересмѣиваясь съ сестрами и братомъ.

Вотъ я и готовъ, и сиѣшу въ столовую, гдѣ за чаемъ, очевидно уже давно, сидятъ отецъ и мать. Крѣпко и громко цѣлую я бѣлую и нѣжную руку отца. Спокойный взглядъ его ясныхъ голубыхъ глазъ нѣсколько сдерживаетъ мою рѣзвость, но на губахъ его я подмѣчаю добродушную улыбку. Онъ слегка хлопаетъ меня по плечу, а потомъ поднимается съ кресла и надѣваетъ очки въ золотой оправѣ,—признакъ, что сейчасъ выйдетъ изъ дому. Я подбѣгаю къ матери и начинаю цѣловать ее въ руки, губы, глаза; она говоритъ что-то о томъ, что я растреплю ее и сомну, но въ то же время сама крѣпко обнимаетъ меня и цѣлуетъ. Я замѣчаю на блестящихъ черныхъ волосахъ ея нарядную наклку, замѣчаю ея шелковое, стальнаго цвѣта, въ розовыхъ букетникахъ платье и накиннутую поверхъ него мѣховую мантилью.

— Что это, какъ дѣти запаздываютъ,—вѣдь ужъ пора бы вамъ и ѣхать!—обращается къ матери отецъ, беретъ шляпу и уходитъ.

Мы быстро выпиваемъ свой чай, молоко, съѣдаемъ булки и бѣжимъ вслѣдъ за матерью въ переднюю. Та же няня Анна, та же Ариша и лакей Николай въ сѣрой ливреѣ съ собачьимъ воротникомъ закутываютъ насъ въ зимніе кафтанчики и салопчики. Какъ-то особенно весело распахиваются двери; себя не помня мы слетаемъ съ лѣстницы. У подъѣзда дожидается наша просторная низенькая карета, внутри обитая яркожелтымъ бархатомъ, съ козель которой, ласково ухмыляясь и подмигивая, глядитъ на насъ, и въ особенности на меня, другой Николай, нашъ кучеръ, закадычный мой другъ и пріятель. Я отвѣчаю ему такими же улыбками и подмигиваніями, и въ то время какъ усаживаются мать и сестры, въ то время какъ лакей на рукахъ подноситъ къ каретѣ маленькаго брата, я сосредоточиваю все свое вниманіе на лошадяхъ—на Копчикѣ и Пайкѣ, изъ которыхъ послѣдній, несмотря на свое прозвище, ведетъ себя не особенно прилично. Онъ все какъ-то дергаетъ и то силится приподняться на дыбы, то тянется укусить за ухо товарища.

— Шалишь! отрываясь отъ перемигиванія со мною, грознымъ голосомъ восклицаетъ Николай и бьетъ его возжею.

Пайка успокоивается, лакей подсаживаетъ меня въ карету, захлопываетъ дверцы и, подобравъ полы своей длинной ливреи, вскакиваетъ на козлы. Слышится веселый скрипъ колесъ по твердому снѣгу, лошади трогаются — мы ѣдемъ въ церковь.

Обѣдня уже началась. Отецъ, пріѣхавшій гораздо раньше насъ, стоитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ у клироса; на лицѣ его благоговѣйное вниманіе, время отъ времени онъ закрываетъ глаза и медленно крестится. Сначала я стараюсь подражать ему, тоже вслѣдъ за нимъ закрываю глаза и крещусь, повторяю про себя то, что говорится и поется. Но скоро вниманіе мое начинаетъ развлекаться, слова священнослужителей и хора исчезаютъ, не достигая моего слуха; я разглядываю знакомые лики иконостаса, потомъ переносу свои наблюденія на окружающихъ меня, по преимуществу дамъ и

дѣтей, и стараюсь угадать, что въ эту минуту думаетъ вотъ этотъ прилизанный, затянутый въ гимназическій мундиръ мальчикъ, вотъ эта завитая нарядная дѣвочка, которая то и дѣло смотритъ на кончики своихъ свѣтлосѣрыхъ ботинокъ, вотъ эта толстая дама, занявшая своимъ кринолиномъ чуть не квадратную сажень. Наконецъ, я обращаю вниманіе на стоящаго передо мною младшаго брата и начинаю дуть ему въ маковку. Онъ оборачивается ко мнѣ, улыбается, а потомъ вдругъ опускается на колѣни на коврикъ. Но я хорошо вижу, что онъ всталъ вовсе не на колѣни, не для того, чтобы молиться,—а присѣлъ отъ усталости и черезъ минуту даже покачнулся и совсѣмъ задремалъ. Я тихонько подталкиваю его сзади—онъ вскакиваетъ и начинаетъ креститься. Я стараюсь снова сосредоточить все вниманіе на службѣ и въ то же время чувствую въ ногахъ и во всемъ тѣлѣ не то усталость, не то томленіе — хочется походить, немного размяться; кажется, что обѣдня какъ-то особенно на этотъ разъ тянется. Я опять отвлекаюсь, ухожу въ свои мысли, а мысли перескакиваютъ съ одного предмета на другой, перегоняютъ другъ друга, мелькаютъ отрывочно, беспорядочно. Я едва поспѣваю за этой бѣготней ихъ, совсѣмъ ужъ не сознаю окружающаго, и только прикосновеніе матери заставляетъ меня очнуться.

„Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго...“ раздается по церкви. Томленья и усталости — какъ не бывало. Бодро и радостно прикладываюсь я ко кресту и выхожу вслѣдъ за своими.

Мы отправляемся къ дѣдушкѣ и бабушкѣ.

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; я совсѣмъ позабылъ многія мѣстности, многіе дома, въ которыхъ проводилъ и веселыя и скучныя минуты своей жизни; но каждый малѣйшій завитокъ на обояхъ дѣдушкина дома, каждый узоръ тюлевыхъ занавѣсокъ на его окнахъ — мнѣ памятенъ. Это былъ такой домъ, какихъ теперь мнѣ ужъ никогда не приходится видѣть. Онъ былъ далеко не обширенъ и крайне простъ въ своемъ убранствѣ. Вся прелесть его заключалась главнымъ образомъ въ необыкновенной чистотѣ и какомъ-то странномъ, никогда потомъ не слыханномъ мною, ароматѣ, носившимся по всѣмъ его комнатамъ. Полы всюду были некрашеные, но гладкіе и блестящіе какъ слоновою кость; веселенькіе обои съ кой-гдѣ развѣшанными портретами и старинными гравюрами; по угламъ большія иконы съ зажженными лампадками; въ залѣ красныя кумачныя шторы, старая заркала съ массивными подзеркальниками красного дерева, такіе же массивные ломберные столы и рядъ стульевъ съ прямыми квадратными спинками, съ мягкими красными подушками, привязанными къ ихъ сидѣньямъ. Въ гостиной опять тяжеловѣсная неуклюжая мебель красного дерева съ голубой обивкой бѣлыми разводами, подъ овальнымъ столомъ большой коверъ работы прабабушки; у оконъ зеленыя горки со всевозможными цвѣтами и растениями, изъ которыхъ особенно я помню одно: внутренняя сторона листьевъ была ярко

красная, наружная—блѣднозеленая съ разсыпанными по ней совершенно серебряными правильными кружечками. Столовая была не велика и вовсе не приспособлена къ большимъ и параднымъ обѣдамъ; но это была самая милая комната въ домѣ, потому что въ ней уничтожались такія кулебяки и прочія кушанья, какими потомъ меня ужъ нигдѣ и никогда не кормили. Бабушка была величайшая мастерица во всѣхъ дѣлахъ хозяйственныхъ, а дѣдушка былъ такой человекъ, о которомъ начать рѣчь слѣдовало бы вовсе не по поводу кулебякъ; но если ужъ такъ пришлось, то бѣда не велика, тѣмъ болѣе, что до кулебякъ и вообще вкусныхъ обѣдовъ онъ былъ охотникъ, хотя никогда не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ.

Дѣдушку въ свое время знали въ Москвѣ очень многіе, да и теперь, вѣроятно, его еще несовсѣмъ забыли. Это былъ человекъ многоучившійся, много читавшій, размышлявшій и въ то же время человекъ съ дѣтски чистымъ сердцемъ, которое никогда не могло примириться съ житейскою злобою и неправдой, никогда не могло допустить даже ихъ существованія. Если же ему приходилось натолкнуться на какое нибудь проявленіе безнравственности, или злобы человѣческой, то онъ долго отказывался повѣрить свидѣтельству собственныхъ чувствъ своихъ, старался все объяснить какой нибудь ошибкой, недоразумѣніемъ; а если этого никакъ нельзя было сдѣлать, тогда онъ начиналъ жалѣть погибшаго человека, но ужъ не искалъ ему оправданія, не являлся его защитникомъ передъ людьми, а замолкалъ, глубоко потрясенный и взволнованный. При первой возможности онъ уходилъ куда нибудь, гдѣ думалъ, что его никто не увидитъ, и начиналъ горячо и со слезами молиться. Дѣти вообще наблюдательны, а я въ дѣтствѣ былъ еще болѣе наблюдателенъ, чѣмъ впоследствии; я очень хорошо понималъ почти все меня окружавшее, а за дѣдушкой слѣдилъ постоянно, потому что онъ возбуждалъ во мнѣ благоговѣйное чувство, и я много разъ былъ притаившимся свидѣтелемъ его молитвы, послѣ которой онъ обыкновенно появлялся какъ-то особенно просвѣтленнымъ. И я тогда, затаивая въ себѣ благоговѣйный трепетъ, всегда сравнивалъ его съ Моисеемъ на старой гравюрѣ, съ Моисеемъ, сходящимъ къ народу послѣ бесѣды съ Богомъ. Мое живое дѣтское воображеніе работало быстро; я всегда былъ увѣренъ, что и дѣдушка бесѣдовалъ съ Богомъ, что самъ Богъ говорилъ ему. Да и не одинъ я, маленький мечтательный мальчикъ, смотрѣлъ на дѣдушку какъ на особеннаго человека, способнаго лицомъ къ лицу бесѣдовать съ Богомъ,—такъ на него смотрѣли многіе, и въ особенности женщины—разныя московскія благочестивыя дамы, которыя обращались къ нему во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни за совѣтами и нравственной помощью, считая его и святымъ, и разумнымъ человекомъ. Онъ всегда бывалъ готовъ всѣмъ помочь, во всѣхъ принять участіе; и кажется, вся тайна той помощи, какую въ немъ находили, заключалась именно въ томъ,

что онъ дѣйствительно во всѣхъ принималъ участіе. Достаточно было взглянуть на его прекрасное старческое лицо, обрамленное длинной шелковистой бѣлой бородой, на его ярко-голубые глаза, до послѣднихъ дней жизни сохранившіе чистоту и ясность; достаточно было увидѣть его дѣтски добродушную улыбку, услышать ласковый голосъ, чтобы сразу понять, что передъ этимъ человѣкомъ нечего скрываться, что онъ имѣетъ право войти какъ другъ и совѣтникъ въ чѣмъ либо смущенную душу ближняго.

И что въ немъ было особенно мило и дорого,—это, рядомъ съ серьезными качествами ума и сердца, неизмѣнная веселость нрава, шутливость, умѣнье радоваться жизнью и брать отъ нея полной чашею всѣ невинныя удовольствія, какія только можетъ дать она. Дѣдушка, этотъ молитвенникъ и совѣтникъ, одинаково любилъ и отвлеченную бесѣду, и серьезную книгу, и стихи, и музыку, и шутливый разговоръ, пересыпаемый громкимъ смѣхомъ и остроумными выходками, и вкусный обильный обѣдъ, приготовленный подъ верховнымъ наблюденіемъ бабушки, и игру съ нами, дѣтьми. Очень часто, распалившись, мы обступали этого патріарха, этого Моисея, лазили къ нему на колѣни, на спину, на плечи и кричали:

— Дѣдушка, полай! дѣдушка, будь медвѣдемъ!

И дѣдушка начиналъ удивительно подражать всевозможному собачьему лаю, и превращался въ медвѣдя; а мы съ визгомъ и крикомъ разсыпались отъ него во всѣ стороны.

Не менѣе игръ съ нами, вучатами, любилъ онъ веселое общество молодежи, которая глядѣла на него съ обожаніемъ. Юноши и молоденькія дѣвушки несли къ нему свои альбомы, бывшіе тогда еще въ большой модѣ. Юношамъ онъ вписывалъ своимъ твердымъ, красивымъ почеркомъ изрѣченія изъ латинскихъ и греческихъ классиковъ, которыхъ зналъ чуть ли не наизусть, и тутъ же заставлялъ переводить имъ написанное. Бывало, юноша начинаетъ переводить бойко, но вдругъ спотыкается, путается, краснѣетъ. Добродушная, лукавая усмѣшка играетъ на губахъ дѣдушки.

— А зачѣмъ же альбомъ подставляешь, говоритъ онъ,—если понять не можешь того, что тебѣ пишутъ?!. Поучись, голубчикъ, поучись хорошенько, а я вотъ тебѣ и задачу задамъ...

И онъ снова беретъ перо и выписываетъ такую фразу, которая ужъ совсѣмъ непонятна для смущеннаго и робко заглядывающаго черезъ его плечо владѣльца альбома.

Если же юноша оказывался знатокомъ древнихъ языковъ, то дѣдушка оставался очень доволенъ, называлъ его умницей и молодецомъ и вступала съ нимъ въ разговоръ на древне-греческомъ или латинскомъ языкѣ. До этихъ разговоровъ онъ былъ большой охотникъ, только, конечно, черезчуръ рѣдко ему удавалось вести ихъ.

Молоденькимъ дѣвушкамъ дѣдушка обыкновенно вписывалъ въ альбомъ французскія четверостишія, чрезвычайно граціозныя и не-

винныя, и всегда заключавшія въ себѣ намеки на обязанности доброй дочери, жены или матери. Вообще, въ своихъ сношеніяхъ съ женщинами, и по преимуществу молодыми, дѣдушка любилъ щегольнуть знаніемъ самыхъ изящныхъ и правильныхъ оборотовъ французской рѣчи.

Была въ дѣдушкѣ и одна странность, которая очень изумляла и забавляла меня, ребенка: въ отрочествѣ онъ былъ какъ то напуганъ мышью и съ тѣхъ поръ до конца жизни слово „мышь“ производило на него самое болѣзненное впечатлѣніе. Если при немъ кто нибудь выговаривалъ это слово, онъ мгновенно блѣднѣлъ, начиналъ трястись всѣмъ тѣломъ и, не смотря на свои годы и значительную полноту, стремительно выбѣгалъ изъ комнаты. И странно то, что названіе „мышь“ на него дѣйствовало гораздо больше, чѣмъ само это животное. Мыши водились въ его домѣ и иногда изрядно скреблись подъ поломъ и за обоями, особенно во время тихихъ зимнихъ вечеровъ. Тогда дѣдушка становился посреди комнаты и начиналъ топать.

— Дѣдушка! съ видомъ наивности, но въ сущности очень ехидно спрашивалъ я въ такихъ случаяхъ,—что это ты такое дѣлаешь?

— Таракановъ пугаю! отвѣчалъ онъ и продолжалъ еще громче топать, пока мыши не умолкали...

Но, увлекшись воспоминаніями о дѣдушкѣ, я не могу обойти молчаніемъ и мою бабушку, которую тоже я очень любилъ.

Дѣдушка былъ большого роста и отличался красотой,—бабушка была мала и дурна собою; впрочемъ, ничего непріятнаго не было въ ея наружности, напротивъ, ея дурнота скоро забывалась. Въ ея небольшихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилось всегда столько ума и проницательности; она иногда такъ ласково и привѣтливо улыбалась, она держала себя съ такимъ чувствомъ собственного достоинства, была о себѣ такого высокаго мнѣнія и такъ умѣла всѣхъ осаживать (ея любимое выраженіе), что внушала къ себѣ уваженіе, заставляла людей очень осторожно и предупредительно къ себѣ относиться. Она была бесспорно хорошей женой и матерью; но, можетъ быть, одна изъ всѣхъ, знавшихъ дѣдушку, не чувствовала къ нему благоговѣйнаго уваженія, не признавала его замѣчательныхъ достоинствъ,—ихъ природы поражали своей противоположностью и никогда не могли сойтись и понять другъ друга.

Бабушка вышла замужъ чуть ли не четырнадцати-лѣтней дѣвочкой по приказу своихъ старшихъ родственниковъ. Она рассказывала, какъ и многія старушки, что въ числѣ ея приданаго находились и любимыя ея куклы, которыми она продолжала играть послѣ свадьбы. Получить хорошаго образованія ей не было времени до замужества, а въ первые годы семейной жизни, вѣроятно, не было охоты,—ей никогда не приходило въ голову, что для замѣчательно образованнаго и даже ученаго мужа необразованная жена можетъ показаться скучной; этой мысли она допустить не могла, ибо

мужъ представлялся ей, не смотря на всю свою ученость и способности, непрактическимъ и черезчуръ простымъ, несмыслящимъ очень многого въ жизни. Ну, а она въ жизни все очень хорошо смыслила, не учителя и не книжки обучили ее,—сама жизнь обучила. Ея практическому уму, мѣткости и вѣрности ея сужденій удивлялись многіе. Мужъ оставался до семидесяти лѣтъ чистымъ ребенкомъ, упорно отстаивая свою вѣру во все прекрасное и благородное,—жена видѣла обратную сторону жизни, подмѣчала всѣ слабости, всѣ грѣхи своихъ ближнихъ и являлась ихъ строгимъ судьей, ядовито краснорѣчивымъ сатирикомъ. Ничто достойное осужденія не укрывалось отъ ея наблюдательности. Она любила нѣкоторыхъ родныхъ своихъ, любила и даже почитала своего сына, отца моего, любила и баловала внучатъ; но чужихъ людей, вообще людей, за весьма немногими исключеніями, была склонна не любить и не уважать. Ея разговоры, ея разсужденія, безопадная ясность ея выводовъ, способны были довести до отчаянія всякаго энтузіаста и человѣколюбца, всякаго искателя правды и свѣта на землѣ, среди земныхъ созданій.

Но съ ея характеромъ и взглядами, съ ея яснымъ и холоднымъ умомъ, я познакомился гораздо позже, въ послѣдніе годы ея жизни, когда она, послѣ смерти дѣдушки, жила съ нами. Тогда же, въ тѣ блаженные воскресенья моего дѣтства, я зналъ ее только какъ бабушку-баловницу, какъ добрую хозяйку, у которой все въ домѣ шло какъ по маслу. Мнѣ было такъ уютно и привольно подъ ея крылышкомъ, я помню нѣжныя ласки этого строгаго судьи и сатирика, помню ея разсказы, по длиннымъ зимнимъ вечерамъ, объ ея дѣтствѣ, о двѣнадцатомъ годѣ (первомъ годѣ ея супружества), о холерѣ, во время которой на долю дѣдушки выпала большая и самоотверженная дѣятельность; объ ея первыхъ внучатахъ—умершихъ дѣтяхъ ея любимой умершей дочери. Я помню душистые цвѣтки жасмина въ ея красивой табакеркѣ, помню тщательно перемыаемыя ею старинныя чашечки, изъ которыхъ она поила меня чаемъ съ жирными сливками и съ теплыми сдобными булками; помню ея пироги и паштеты, ея вкусныя пирожныя. Я любилъ съ утра слѣдить за ея хозяйской дѣятельностью, хорошо зная, какія наслажденія готовятъ мнѣ результаты этой дѣятельности. Я находилъ исполнѣ естественнымъ и должнымъ даже и то, что она иногда разъ по десяти въ день умывалась, и въ особенности каждый разъ возвращаясь изъ кухни, что она доводила свою чистоплотность даже до того, что, желая отворить дверь, сначала обертывала руку въ свою черную шелковую мантілю или турецкій платокъ, а потомъ уже, обернутой рукою, прикасалась къ дверной ручкѣ...

Рядомъ съ дѣдушкой и бабушкой мнѣ вспоминаются и другія лица, съ которыми я встрѣчался по воскресеньямъ въ ихъ домѣ. Это было самое разнообразное общество, начиная съ тонныхъ московскихъ барынь и кончая старомодными старичками и старушками. Моя память хранитъ цѣлую коллекцію курьезныхъ типовъ, нынѣ

совсѣмъ исчезнувшихъ остатковъ старины московской. Но одна постоянная гостья дѣдушкинаго дома мнѣ чаще всѣхъ вспоминается и о ней-то я думалъ, когда заговорилъ про воскресеня моего дѣтства. про дѣдушку и бабушку и ихъ чистенькій домикъ.

Эта гостья была тоже старушка и звали ее Марьей Семеновной. Ей было далеко за семьдесятъ, но она еще сохраняла и бодрость и живость, полную силу разсудка. Маленькая, сухая, съ блѣднымъ и нѣжнымъ личикомъ, съ темными кроткими глазами, она одѣвалась всегда въ черное, носила на головѣ кружевной чепчикъ съ черными лентами, изъ подъ котораго виднѣлись сѣдые букли старинной прически. Она прѣзжала послѣ обѣдни въ огромной неклюжей каретѣ, запряженной старыми откормленными лошадьми, съ сѣдобородымъ кучеромъ на козлахъ и сторбленнымъ, но все еще представительнымъ лакеемъ на-запяткахъ. Когда въ дверяхъ залы появлялась маленькая фигурка Марьи Семеновны, я даже забывалъ о бабушкиной кулебякѣ и стремительно бросался ей на встрѣчу. Она входила, привѣтливо раскланиваясь и здороваясь со всѣми, усаживалась въ голубой гостинной постоянно на одно и то же мѣсто, а я прятался за спинкой ея кресла и наблюдалъ. Вотъ она кладетъ къ себѣ на колѣни неизмѣнный вышитый ридикюль, тихонько снимаетъ перчатки со своихъ крошечныхъ сухихъ рукъ, сверкающихъ дорогими кольцами, бережно укладываетъ перчатки въ ридикюль, а изъ него вынимаетъ вышиванье. Я замираю отъ восторга—это значитъ, что Марья Семеновна прѣехала не съ короткимъ визитомъ, а останется, пожалуй, и обѣдать, это значитъ, что вотъ скоро, скоро начнутся ея разсказы.

И дѣйствительно, проходитъ нѣсколько минутъ, въ гостинной ведется оживленный разговоръ; но вотъ чье нибудь слово, чье нибудь сообщеніе, новость дня или слухъ, наводятъ Марью Семеновну на какое нибудь воспоминаніе—и она ужъ разсказываетъ. И разговоръ стихаетъ, и всѣ ее слушаютъ. Умѣнье разсказывать, завладевая всеобщимъ вниманіемъ—это особый талантъ, и такимъ талантомъ Марья Семеновна обладала въ высшей степени.

Не отрываясь отъ своей работы, отъ какой-то вѣчной прошивки, и только изрѣдка поднимая спокойные темные глаза на окружающихъ, она тихимъ, пріятнымъ голосомъ начинала обыкновенно не съ факта, а съ обстановки въ которой случилось происшествіе, объясняла характеры дѣйствующихъ лицъ, рисовала цѣльную картину, въ которой всѣ малѣйшія подробности были на своемъ мѣстѣ и являлись полными интереса.

Если бы записывать за Марьей Семеновной, то это вышли бы прекрасные художественные разсказы; если бы Марья Семеновна вздумала писать сама то, что разсказывала, и писала бы такъ же хорошо, какъ разсказывала, то она, конечно, оставила бы по себѣ большое литературное имя; но она, насколько я знаю, никогда ничего не писала; да и вообще замѣчательные разсказчики въ большинствѣ слу-

чаевъ бывають плохими писателями. И что очень важно, и что большая рѣдкость—Марья Семеновна никогда не повторялась,—ея память хранила въ себѣ неисчерпаемый запасъ всевозможныхъ эпизодовъ. приключеній: это была живая хроника старой русской жизни конца XVIII и начала XIX столѣтій.

Марья Семеновна принадлежала къ старому роду, членовъ котораго и теперь можно встрѣтить во всевозможныхъ углахъ Россіи; ея жизнь была разнообразна въ высшей степени, разнообразна и печальна. Она пережила мужа, всѣхъ дѣтей, внучатъ, и осталась одна въ своемъ старомъ московскомъ домѣ. Постоянное горе, тяжкія сердечныя утраты, не сломили ея крѣпкаго здоровья; но что онѣ имѣли на нее огромное вліяніе—это несомнѣнно. Только искренняя вѣра, только дѣйствительное душевное смиреніе, помогли ей примириться съ тяжелой жизнью.

Оставшись одна, она посвятила себя молитвѣ и добрымъ дѣламъ и вотъ тутъ-то близко сошлась съ дѣдушкой, который былъ ея руководителемъ и совѣтникомъ. Но, тратя всѣ свои средства на ближнихъ, она никогда ни однимъ словомъ не заикалась о томъ постороннимъ: молясь неустанно, она никогда не выставялась своимъ благочестіемъ. Ее знали и встрѣчали не какъ извѣстную богомолку и благодѣтельницу, а какъ милую и интересную старушку—и только. Никто даже не жалѣлъ ее за понесенныя ею утраты, за ея одиночество; многіе не знали даже объ обстоятельствахъ ея жизни, потому что она тщательно ото всѣхъ ихъ скрывала, потому что, говоря обо всемъ и обо всѣхъ, трогательно передавая чужіи несчастія, чужіи приключенія,—она ни словомъ не заикалась о своихъ несчастіяхъ, о своихъ собственныхъ приключеніяхъ. Въ разнообразныхъ разказахъ, передаваемыхъ ею, она никогда не являлась дѣятельнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а проходила только простою зрительницею. Ея тяжело прожитая жизнь, ея горькое горе и утраты были для нея слишкомъ священнымъ крестомъ, и этотъ крестъ она рѣшительно и твердо ото всѣхъ скрывала и всегда умѣла такъ держать себя, что никто не рѣшался прикоснуться къ ея святынѣ...

Давно умерла Марья Семеновна, какъ и очень многіе изъ тѣхъ, кто такъ мирно и весело бесѣдовалъ съ нею и внимательно слушалъ ея разнообразные разказы въ голубой гостинной дѣдушкинаго дома. Когда ее хоронили, за ея гробомъ не тянулся длинный рядъ экипажей, не много свѣтскихъ знакомыхъ проводило добрую и интересную старушку въ послѣднее жилище; но вся улица буквально запружена была другого рода знакомыми, никому неизвѣстными ея друзьями, которые вдругъ объявились. Эти друзья, пѣшіе и плохо обутые, заливались горькими слезами, прощаясь со своей скромной благодѣтельницей, и тутъ только стало извѣстно тѣмъ, кто интересовался подобными дѣлами, все добро, какое успѣла совершить въ жизни одинокая старушка...

Но ужъ и это добро, видно, позабылось—уныло стоитъ и кривится на сторону небогатый памятникъ, поставленный надъ ея могилой; никто не приноситъ свѣжихъ вѣнковъ, не осыпаетъ его цвѣтами, мало-по-малу стираются буквы ея имени...

Только не умерла она и совсѣмъ живая сохранилась въ памяти одного изъ ея слушателей. Будто сейчасъ я ее вижу, будто слышу еще ея тихій и ласковый голосъ. Не записывалъ я тогда своими дѣтскими каракулями ея разсказовъ; но они мнѣ и такъ хорошо памятли. Конечно, не сумѣю я передать ихъ съ той оригинальной живостью, съ какою, бывало, разсказывала Марья Семеновна, забылись и многія подробности, такъ что придется пополнять ихъ по другимъ источникамъ; но ужъ и одно содержаніе этихъ разсказовъ само по себѣ интересно и хватить его на цѣлую книгу. Задумавъ воспроизвести эти памятные мнѣ разсказы, я невольно вспомнилъ о самой разсказщицѣ и той обстановкѣ, среди которой съ нею познакомился; я вспомнилъ манеру старушки—начинать съ самаго начала, начинать издалека, а потому, вмѣсто предисловія къ моимъ разсказамъ, позволилъ себѣ эту страничку дѣтскихъ воспоминаній.

Нежданное богатство ¹⁾.

I.

„Одна голова не бѣдна, а и бѣдна—такъ одна“; но плохо той головѣ, за которой, при крайней бѣдности, стоитъ еще двадцать три головы! Эту печальную истину пришлось слишкомъ хорошо узнать Степану Егоровичу Кильдѣеву. Потомокъ стараго рода, ведшаго свое происхожденіе отъ одного изъ князей татарскихъ и когда-то владѣвшаго огромными помѣстьями по берегамъ Волги, Степанъ Егоровичъ получилъ въ наслѣдство послѣ родителей своихъ всего-на-всего маленькую деревушку въ Симбирской губерніи. Въ первой молодости, еще при императрицѣ Елизаветѣ, служилъ онъ въ гвардіи; но дальше сержантскаго чина не пошелъ, такъ какъ смерть родителей заставила его выйти въ отставку и заняться хозяйствомъ—безъ хозяйскаго глаза и постоянной работы маленькое имѣніице не приносило никакого дохода.

Очнулся Степанъ Егоровичъ, въ своемъ гвардейскомъ мундирѣ и пышной прическѣ, среди родного Симбирскаго убожества и долго вздыхалъ по прекрасному „парадизу“, то есть Петербургу. Однако заботы и нужда заставляли забывать о покинутыхъ радостяхъ, заставляли измѣнить всѣ привычки и начать новую жизнь. Оказалось, что ста-

¹⁾ Одинъ изъ этихъ разсказовъ былъ уже напечатанъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 г., № 4, подъ заглавіемъ: „Монахъ по неволѣ“.

рики Кильдѣевы, не желая отказывать сыну и надѣясь на его будущіе успѣхи въ столицѣ, продали часть имѣнья, да еще и сосѣду помѣщику задолжали. Молодому сержанту пришлось совсѣмъ круто; но онъ не сталъ унывать, принялся за работу—и года черезъ два отъ петербургскаго франта и слѣда не осталось. Степанъ Егоровичъ превратился въ дѣльнаго хозяина, часто отказывая себѣ въ необходимости, выплатилъ долгъ сосѣду и совсѣмъ позабылъ о „парадизѣ“.

Небольшая и довольно ветхая усадьба требовала починокъ,—Степанъ Егоровичъ, съ помощью двухъ своихъ крестьянъ, самъ исправилъ усадьбу—оказался не только хозяиномъ, но и плотникомъ хорошимъ. Пришла зима; въ горницахъ уже не дуло, тепло и уютно стало въ старомъ родительскомъ домикѣ; но особенно зимою, въ долгіе вечера, при затишьи хозяйской работы, тоска-скука начала нападать на Степана Егоровича; да и мысль одна не давала покою: больно жалко ему было старой, съ дѣтства памятной рощи, проданной родителями. Выкупить ее не было никакой возможности. Но у сосѣда помѣщика, купившаго Кильдѣевскую рощу, оказалась дочка, Анна Ивановна, дѣвушка лѣтъ семнадцати, и собой даже недурная. Задумалъ Степанъ Егоровичъ посватать Анну Ивановну, но только съ тѣмъ, чтобы въ приданое за нею получить рощу. Задумано—исполнено: не успѣла весна стать, какъ Степанъ Егоровичъ оказался обладателемъ и Анны Ивановны, и своей любимой рощи.

Имѣнье снова округлено, въ длинныя зимніе вечера не предвидится больше одиночества и скуки. Хорошо было въ первое время женитьбы на душѣ у Степана Егоровича: молоденькая жена пришла ему совсѣмъ по нраву—скромная и тихая, не бѣлоручка, а такая же работница, какъ и онъ. Съ ея появленіемъ въ Кильдѣевской усадьбѣ все пошло по новому: какъ хорошо устроилъ свое мужское хозяйство Степанъ Егоровичъ, точно такъ же хорошо устроила и Анна Ивановна женское хозяйство, которое было очень запущено послѣ смерти старухи Кильдѣевой. Въ маленькомъ домикѣ все чисто и исправно, на скотномъ дворѣ и коровы, и овцы, и птицы всякой домашней—тоже немало. Степанъ Егоровичъ время отъ времени посылаетъ въ городъ на продажу и яйца, и масло, и битую птицу, гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде. Доходъ прибавляется,—радуется сердце хозяйское. А тутъ еще и другая радость: въ усадьбѣ—жилица новая; какъ разъ черезъ девять мѣсяцевъ послѣ свадьбы, даровалъ Господь Кильдѣевымъ дочку Аришеньку. Жизнь ключемъ бьетъ, совсѣмъ молодцомъ сталъ Степанъ Егоровичъ: даже со стороны смотрѣть весело, полное довольство въ лицѣ свѣтится, бодрости и силы на двоихъ хватить,—есть для кого работать, есть о комъ заботиться; все идетъ какъ по маслу...

Такъ счастливо и благополучно началась семейная жизнь Степана Егоровича; но скоро все стало измѣняться въ Кильдѣевской усадьбѣ. Анна Ивановна, оставаясь примѣрной женой и хозяйкой, оказалась

въ то же время и замѣчательной матерью: уже на второмъ году супружества, и менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ рожденія Аришеньки, она снова родила — и на этотъ разъ, ко всеобщему изумленію сосѣдей, — родила тройней: двухъ мальчиковъ и одну дѣвочку. И всѣ трое не только остались живы, но оказались такъ же крѣпкими и здоровыми, какъ и ихъ сестрица Аришенька. Родственники и сосѣди, присутствовашіе на крестинахъ, поздравляли Кильдѣевыхъ съ такимъ особливимъ знакомъ Божьяго благословенія. Степанъ Егоровичъ, принимая поздравленія, улыбался, но въ то же время ему было какъ-то неловко, какъ будто даже нѣсколько совѣстно. Къ тому же скоро стали оказываться для него нѣкоторые домашнія неудобства: домикъ-то маленькій, дѣти пищать въ четыре голоса, молодая мать сама троихъ выкормить какъ слѣдуетъ не можетъ — изъ деревни мамку взяли; тѣсноты отъ этого въ домикѣ прибавилось: нѣтъ уже прежняго отдыха послѣ работы, прежняго спокойствія.

Прошло полтора года — еще ребенокъ, да такъ и пошло... Не успѣли посѣдѣть волосы на головѣ Степана Егоровича, не успѣла потерять своей миловидности всегда здоровая и дѣятельная Анна Ивановна, какъ у нихъ оказалось двадцать два человекъ дѣтей — и всѣ дѣти были живы и здоровы, на удивленіе цѣлой Симбирской губерніи. Имя Кильдѣева, человекъ незнатнаго и небогатаго, стало извѣстно всѣмъ и каждому на сотни верстъ въ окружности, единственно благодаря необыкновенной многочисленности его семейства.

„Это другіе Кильдѣевы!“ говорили про тѣхъ, у кого дѣтей было много.

Когда Степанъ Егоровичъ пріѣзжалъ по дѣламъ своимъ въ Симбирскъ, то всѣ высшіе начальствующіе люди зывали его къ себѣ, обходились съ нимъ ласково и милостиво, и непременно каждый разъ заставляли его рассказывать, когда и какой изъ дѣтей его родился и какъ ихъ всѣхъ зовутъ. Степанъ Егоровичъ иногда путался въ своихъ отвѣтахъ и это доставляло большое удовольствіе его собесѣдникамъ.

II.

Интересно было теперь заглянуть въ Кильдѣевку. Усадьба была не узнаваема; къ прежнему домику было сдѣлано нѣсколько пристроекъ по мѣрѣ надобности. Онъ являлся теперь съ виду до крайности страннымъ зданіемъ, откуда вѣчно неслись разнородные голоса, гдѣ происходила вѣчная возня.

Возвращаясь, бывало, съ рапней хозяйской прогулки, Степанъ Егоровичъ остановится, поглядитъ на свою усадьбу, улыбнется не то насмѣшливо, не то печально — и покачаетъ головой.

— Ну, заужжалъ ужъ мой улей, повысыпали пчелы!

А пчелы бѣгутъ къ нему на встрѣчу — мальчики и дѣвочки, большіе и маленькіе, обсыпаютъ его со всѣхъ сторонъ; здороваются; каж-

дый снѣшить сообщить что нибудь папенькѣ, ввести его въ мірокъ своихъ интересовъ. Иногда Степанъ Егоровичъ не въ духѣ, заботы разныя не даютъ покою, да взглянетъ на своихъ пчелокъ; радостно и довѣрчиво жужжащихъ, — и умилится духомъ, каждаго и каждую приласкаетъ, по головкѣ погладитъ, старается никого не обидѣть.

„Охъ, умучился я совсѣмъ“, думалось ему, „передъ каждымъ-то кланяйся, каждаго ублажай, бейся какъ рыба объ лёдъ, о своемъ спокойствіи и не подумай — и все-то для нихъ, чтобы имъ было тепло и сытно!.. Да они-то чѣмъ виноваты? не просились вѣдь на свѣтъ Божій, на этакую-то горькую долю!.. такъ какъ же объ нихъ не позаботиться... Но вотъ коли всѣхъ нашихъ заботъ не попомнить—тогда другое дѣло, тогда грѣхъ имъ будетъ великій“...

И вдругъ жалко станеть ему своихъ пчелокъ, подумается о томъ, какъ живутъ другія дѣти—богатыхъ родителей, и еще ласковѣе глядитъ онъ на нихъ, и еще внимательнѣе выслушиваетъ ихъ розказни. Въ домъ войдетъ — тамъ жена съ старшими дочерьми по хозяйству возится, приготовленіями къ скудному обѣду распоряжается, на всякіе недостатки плачется... И съ каждымъ годомъ все больше и больше эти недостатки зоркому хозяйскому глазу представляются. Съ большими средствами, съ изряднымъ богатствомъ, такъ и то вѣдь не легко прокормить такое семейство, а Кильдѣевскіе доходы всѣмъ извѣстны; еще на удивленье, что голодомъ не сидятъ. Ну, а ужъ о дворянскомъ воспитаніи гдѣ думать—вонъ отецъ Матвѣй еле-еле согласился обучать дѣтишекъ грамотѣ; пристроить старшихъ сыновей въ заведеніе казенное хотѣлось бы, да какъ выбратся въ столицу? на поѣздку деньги большія нужны, времени тоже немало потерять придется, а время—охъ, какъ дорого!

Нашлись, однако, въ Симбирскѣ благодѣтели — пристроили двухъ старшихъ Кильдѣевскихъ мальчиковъ. Возблагодарили Господа Степанъ Егоровичъ и Анна Ивановна: „хоть эти, авось, въ люди выйдутъ! А ужъ о дочкахъ старшихъ лучше и не думать—гдѣ ихъ пристроить съ такими достатками; безъ приданого кто возьметъ невѣсту. Въ добавокъ же Аришенька, хоть и умница она и первая помощница матери, только собой вышла некрасивой и плечо одно выше другого—въ дѣтствѣ не углядѣли, свалилась она какъ-то съ вышки, да съ тѣхъ поръ и не выпрямилась. Оленька, вторая дочка, собою хороша, да вотъ къ шестнадцати годамъ стала что-то прихварывать, блѣдная такая, худенькая. Третья—Машенька, и хороша и здорова, да на что, при такой бѣдности, пригодится красота ея? Дай только, Господи, чтобы не на погибель ей была красота эта... Остальныя дѣти еще подростаютъ, что-то изъ нихъ будетъ? Охъ, что-то будетъ съ ними со всѣми?!.“

Этотъ вопросъ и днемъ и ночью стоитъ передъ Степаномъ Егоровичемъ и Анной Ивановной; съ этимъ вопросомъ они нерѣдко обращаются другъ къ другу, но отвѣта на него дать не могутъ. Лучше

ужь и не думать—и помимо этихъ думъ тяжелыхъ каждый день приносить свою заботу. Весь-то улей обшить, одѣть, обушь и накормить надо, и такъ вонъ дѣти въ лѣтнюю пору босикомъ бѣгаютъ, потому что рѣдко на всѣхъ обуви хватаетъ; платышки тоже, какъ ни бейся, дранья. Поповскія дочери то и дѣло надъ Кильдѣевскими барышнями смѣются, такъ „босоногими барышнями“ ихъ и называютъ.

III.

Среди такихъ бѣдъ и заботъ Кильдѣевыхъ застало новое великое бѣдствие, охватившее все приволжскія страны. Прикащикъ Степана Егоровича и самый довѣренный его человекъ, Наумъ, какъ-то ѣздилъ въ городъ для продажи деревенскихъ продуктовъ и закупки всего нужнаго по хозяйству. Вернувшись и представивъ господину отчетъ въ возложенныхъ на него порученіяхъ, Наумъ не уходилъ, мня шпанку въ рукахъ, очевидно собирався сообщить что-то важное.

Степанъ Егоровичъ замѣтилъ это.

— Что ты, Наумушка? озабоченно спросилъ онъ; — али неладное что случилось? — такъ говори, не мнись, ради Бога!

Наумъ таинственно повелъ глазами на присутствовавшихъ въ комнатѣ трехъ дочерей и двухъ сыновей Кильдѣева и, наклонясь къ самому уху господина, прошепталъ:

— А прикажи ты, батюшка Степанъ Егоровичъ, барчатамъ-то выйти, такое вишь ты дѣло, что негоже при нихъ рассказывать — искупаются...

Кильдѣевъ зналъ своего Наума за мужика разумнаго и степеннаго; коли такъ пугаетъ — видно и впрямь бѣда какая стряслась. Онъ велѣлъ дѣтямъ выйти и заперся самъ-другъ съ прикащикомъ.

— Да говори, не томи—чума, что-ли, али черная смерть у насъ показала?

Наумъ перекрестился.

— Нѣту, батюшка, отъ этого горя Богъ миловалъ; а прослышалъ я въ городѣ про другое: за Волгою неладное творится... Царь Петръ Федоричъ живъ объявился, съ большущимъ войскомъ идетъ, много тамъ крѣпостей да городовъ забралъ, царицыныхъ генераловъ на-голову разбилъ, и чудное про него баютъ: баръ, вишь ты, всѣхъ вѣшаетъ, да съ живыхъ кожу сдираетъ, а крестьянство не трогаетъ, мало того — вольную всѣмъ даетъ, землями надѣляетъ. Народъ къ нему валомъ валить, и опять тоже съ нимъ и нехристи: башкирцы, калмыки и мордва — видимо ихъ невидимо, баютъ...

Степанъ Егоровичъ слушалъ, широко раскрывъ глаза, и въ первую минуту даже никакъ не могъ повѣрить такому дѣлу.

— Да отъ кого ты слышалъ, кто это болтаетъ?! Какойнибудь разбойникъ вздорную сказку пустилъ, другой повторилъ, а ты и уши развѣсилъ!

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ, Степанъ Егоровичъ, съ убѣжденнымъ и важнымъ видомъ проговорилъ Наумъ, — то не сказка, весь городъ знаетъ, да и войско царицыно, вишь ты, идетъ ужъ. Начальство толкуетъ — то не царь Петръ Ѳедорычъ, то, моль, бѣглый казакъ Емелька Пугачевъ...

Степанъ Егоровичъ опустился на стулъ и совсѣмъ растерянно глядѣлъ на Наума. Онъ все еще никакъ не могъ взять въ толкъ невѣроятную и страшную новость.

— Да вѣдь государь Петръ Ѳедорычъ померъ — кто же того не знаетъ?! проговорилъ онъ.

Наумъ какъ-то загадочно ухмыльнулся.

— Это точно, сказалъ онъ, — да вишь ты, тотъ, Емелька-то, самозванщикъ, вишь ты, онъ крестьянству волю сулитъ, да землю...

И замолчалъ.

Степанъ Егоровичъ наконецъ все понялъ. Онъ чувствовалъ, какъ блѣднѣетъ, какъ морозъ подираетъ его по кожѣ.

Наумъ заговорилъ опять:

— Меня-то не обманешь, мнѣ воли да земли не надо, я за твоею милостью, батюшка ты нашъ, живу какъ у Господа за пазухой (при этихъ словахъ онъ почти земно поклонился Степану Егоровичу). Ну, а самъ тоже вѣдь знаешь—иные-то господа съ нашимъ братомъ что дѣлаютъ. Вонъ хошь Юрловскихъ взять для примѣра—все село волкомъ воетъ, раззорились въ конецъ, чуть съ голоду не помираютъ, а тутъ баринъ съ нагайкой да съ охотничками своими по избамъ рыщетъ; дѣвки-то по амбарамъ, да по хлѣвамъ прячутся, да не спрячешься—гдѣ ужъ тутъ... всѣхъ какъ есть на барскій дворъ гонять... всѣхъ перепортилъ... страсть! Такъ не токмо что Емелька, а самъ чортъ, прости Господи, приди къ нимъ да скажи про волю, такъ они и чорта царемъ величать учнутъ...

Долго толковалъ Степанъ Егоровичъ со своимъ разумнымъ прикащикомъ и тяжело было у него на сердцѣ.

Однако, заботы да работы скоро ослабили впечатлѣніе страшной новости, забылись многозначительныя слова Наума, все стало представляться въ иномъ свѣтѣ. Казаки взбунтовались за Волгой, бѣглый Емелька шайку набралъ!—и прежде то же бывало. Придетъ царицыно войско, переловятъ воровъ — бунтъ утихнетъ; да и далеко вѣдь это—за Волгой.

Совсѣмъ было успокоился Степанъ Егоровичъ, только не надолго: пріѣхалъ сосѣдъ помѣщикъ, да и опять про Емельку—такія страсти рассказываетъ, что не дай Богъ.

И пошло день ото дня все хуже и хуже. На всѣхъ паника началась, всѣ съ вытянутыми лицами. Говорятъ уже не про одного Емельку—то тамъ, то здѣсь мужики бунтоваться начинаютъ. Въ городѣ полная тревога: начальство не знаетъ, что дѣлать, одни кабатчики торжествуютъ, народъ пьянствуетъ какъ никогда, по улицамъ

безобразіе, крики, драки, и то тамъ, то здѣсь раздаются фразы: „вотъ постойте, пождите малость — наѣдетъ батюшка Петръ Ѳеодорычъ, пожалуетъ намъ волюшку, а съ господъ живьемъ кожу сдеретъ себѣ на барабаны!“

Ходитъ Степанъ Егоровичъ съ опущенной головою, тошно жить становится; въ домѣ, среди женскаго населенія, да между дѣтьми, только и разговоръ что про Емельку. И откуда это только разныя новости являются—совсѣмъ непонятно, а каждый день что нибудь новое приходится слышать. Дѣти жмутся другъ къ другу и толкуютъ о томъ, какъ Емелька поймалъ десять генераловъ, повѣсилъ ихъ всѣхъ на одной висѣлицѣ, потомъ содралъ съ нихъ кожу, кожу эту набилъ соломой, сдѣлалъ чучело, одѣлъ въ мундиры и отправилъ прямо къ царицѣ.

Кильдѣевскіе крестьяне хоть и не бунтуютъ и не грозятся, но все уже не тѣ, что были. Замѣчаетъ Степанъ Егоровичъ, что и работа идетъ вяло, и почтенія прежняго къ нему нѣтъ; слышитъ онъ разговоры о томъ, какъ царя батюшку Петра Ѳеодорыча встрѣчаетъ людъ православный съ хлѣбомъ да солью.

— Ну что, Наумъ? спрашиваетъ Кильдѣевъ прикащика и со страхомъ ждетъ его отвѣта.

Наумъ медленно качаетъ головой.

— А то, батюшка, что коли онъ теперечи черезъ Волгу перемахнетъ, такъ и пиши пропало — того только и ждутъ, океаннныя... ждутъ не дождутся!..

IV.

Стояло лѣто 1774 года. Пугачевъ, совсѣмъ было загнанный и раздавленный, послѣ погрома Казани, Михельсономъ, вдругъ переправился на западную сторону Волги. Народъ, давно его поджидавшій, взбунтовался и валилъ къ нему со всѣхъ сторонъ. Воеводы покидали свои мѣста и бѣжали, дворяне прятались, кто куда могъ; но Пугачевская сволочь ловила ихъ и умерщвляла звѣрскимъ образомъ. Путь самозванца обозначался висѣлицами, разграбленными и сожженными деревнями и селами; города одинъ за другимъ падали; духовенство и купечество выходили на встрѣчу безобразной ордѣ съ крестами и хоругвями, съ хлѣбомъ и солью. Сообщение между Нижнимъ и Казанью было прервано, Москва трепетала, въ Петербургѣ принимались послѣднія мѣры. Наконецъ, одного Пугачева стало мало: собирались безчисленныя шайки и во главѣ каждой оказывался свой Пугачевъ—свой императоръ Петръ Ѳеодорычъ.

Вокругъ Кильдѣевки пылали церкви и барскія усадьбы. Почти всѣ помѣщики бѣжали со своими семьями по направленію къ Москвѣ, но рѣдко кому удавалось спастись: почти всѣ сдѣлались жертвами или собственныхъ крестьянъ, или всюду рыскавшихъ разбойничьихъ шайкъ. Одинъ Степанъ Егоровичъ не трогался съ мѣста и терпѣливо

ожидалъ своей участи. Наумъ чуть не каждый часъ приносилъ ужасныя вѣсти, и послѣдняя его вѣсть была самая страшная: родной братъ Анны Ивановны Кильдѣевой, жившій верстахъ въ четырнадцать, былъ умерщвленъ крестьянами у себя въ домѣ. Онъ былъ вдовъ и жилъ съ взрослой дочерью. Убивъ отца и разграбивъ всю усадьбу злодѣи схватили дочь, безбожно надругались надъ нею, а такъ какъ она пробовала защищаться и выказала много смѣлости и силы, то они связали ее и удавили.

Кильдѣевскіе крестьяне еще не нападали на Степана Егоровича; но, конечно, всѣ работы уже давно были брошены и деревня почти вся опустѣла—мужики ушли къ Фирскѣ, одному изъ Пугачевыхъ, или пугачей, какъ тогда называли этихъ второстепенныхъ самозванцевъ. Фирска въ то время уже набралъ себѣ большую шайку и успѣлъ ограбить и выжечь два уѣзда...

Въ первыхъ числахъ іюля, въ послѣобѣденную пору, Анна Ивановна, страшно постарѣвшая и измѣнившаяся въ послѣднее время, съ помощью дрожащихъ, заплаканныхъ дочерей и оставшейся въ домѣ женской прислуги, собирала кой какіе цѣнные пожитки въ узелки; младшія дѣти кричали и метались изъ угла въ уголь какъ полоумныя. Степанъ Егоровичъ съ потемнѣвшимъ, осунувшимся лицомъ, сидѣлъ не сходя съ мѣста на крылечкѣ своего дома. Вдругъ, замѣтивъ жену, несшую какіе-то узелки, онъ закричалъ ей:

— Анна, чего ты?! сейчасъ все развяжи... Куда укладываешься?.. все, слышь ты, все поставь, гдѣ стояло... ничего не прячь!..

Онъ вошелъ было въ домъ, но при видѣ перепуганныхъ, полураздѣтыхъ дѣтей, едва удержался отъ рыданій и выбѣжалъ снова на крыльцо, а оттуда черезъ огородъ къ церкви. Церковь была отперта. Степанъ Егоровичъ вошелъ въ нее; онъ увидѣлъ отца Матвѣя съ дьячкомъ: они вынимали въ алтарѣ изъ шкафа праздничныя ризы.

— Батюшка, ты что же дѣлаешь? спросилъ Кильдѣевъ, обращаясь къ священнику,—али церковное добро прятать хочешь отъ разбойниковъ, да гдѣ спрячешь—всюду розыщутъ?!

Отецъ Матвѣй, очень сухо поклонившись Кильдѣеву, какъ-то странно и недоброжелательно взглянулъ на него.

— О какихъ разбойникахъ изволишь говорить, Степанъ Егоровичъ? сказалъ онъ.—А вотъ не нынче-завтра я государя Петра Ѳеодоровича ожидаю—такъ приготавлиюсь достойно встрѣтить его.

Кильдѣевъ хотѣлъ было говорить, но вдругъ замолчалъ и быстро вышелъ изъ церкви.

„Петръ Ѳеодоровичъ“, думалось ему, „это Фирска-то, можетъ бѣглый холопъ какой, а то и того хуже—колодникъ, душегубецъ!.. это его-то онъ будетъ встрѣчать облекшись въ ризы, съ крестомъ... Ну, а мнѣ какъ его встрѣтить?“

Онъ вспомнилъ всѣ рассказы одинъ другого страшнѣе, одинъ другого безобразнѣе; вспомнилъ, какъ изверги пытаютъ дворянъ, сди-

рають съ живыхъ кожу, безчестягъ дочерей на глазахъ у родителей. Ему ярко, ярко представилось, что вотъ, можетъ, черезъ нѣсколько часовъ, можетъ, сейчасъ и съ нимъ будетъ то же самое. Онъ схватилъ себя за голову и побѣжалъ домой. На порогѣ стояла его третья дочь, красивая Маша. Онъ взглянулъ на ея поблѣднѣвшее, заплаканное милое лицо, обнялъ ее крѣпко, будто ужъ ее у него вырывали, и зашепталъ прерывающимся хриплымъ голосомъ:

— Машуна, пойди, пойди съ сестрами въ кладовую... спрячьтесь тамъ... не выходите... молитесь!..

Она громко взвизгнула. Сбѣжались другія дѣти, поднялся вошь во всемъ домѣ. Степанъ Егоровичъ стоялъ совсѣмъ растерявшійся, всѣ мысли вдругъ пошли въ рознь, и онъ никакъ не могъ собрать ихъ.

А въ это время къ крыльцу со всѣхъ ногъ бѣжалъ Наумъ и издали махалъ руками. Степанъ Егоровичъ взглянулъ на него и сразу все понялъ.

— Подходятъ! крикнулъ Наумъ,—и конные, и пѣшіе... и наши съ ними... ужъ въ рошѣ... самъ видѣлъ...

Анна Ивановна, взрослыя дочери и всѣ дѣти страшно заголосили, но вдругъ замолкли и, тѣсясь и толкаясь, бросились во внутренніе покои. Степанъ Егоровичъ опустился на ступеньки крылечка и сидѣлъ неподвижно, съ искаженнымъ лицомъ, съ трясущимися руками. Наумъ стоялъ подлѣ своего господина спокойно и серьезно.

Ясный июльскій закатъ заливалъ горячимъ свѣтомъ весь дворъ, огородъ и старую любимую Кильдѣвскую рошу, изъ которой доносились крики и дикія ноты нестройной пѣсни.

V.

Не прошло и десяти минутъ, какъ во дворъ нахлынула полупьяная толпа, состоявшая изъ самаго разнообразнаго люда, одѣтаго во всевозможные костюмы. Здѣсь были и крестьяне, и бѣглецы дворовые, и городскіе приказные, и купцы, и какіе-то проходимцы, прежнее званіе которыхъ опредѣлить было очень трудно. Всякій былъ одѣтъ въ награбленное платье; на сиволапой мужицкой фигурѣ виднѣлась богатая шапка, небритый пьяный лакей оказывался въ бархатномъ расшитомъ камзолѣ. Вооруженье тоже было самое разнообразное: виднѣлись ружья, пистолеты, но все больше топоры да дубины. И вся эта разнородная толпа кричала и ругалась. По дорогѣ она разбила два кабака и многие были уже совсѣмъ пьяны. Какой-то приземистый, несовсѣмъ твердый на ногахъ старикашка въ собольей шапкѣ и длинномъ плащѣ кричалъ и жестикулировалъ больше всѣхъ. Его называли полковникомъ.

Онъ выдѣлился изъ толпы и подошелъ, то и дѣло путаясь въ своемъ плащѣ, къ крылечку.

— Эй, кто тутъ хозяйинъ?

Степанъ Егоровичъ поднялъ на него сухіе горячіе глаза и, не тронувшись съ мѣста, не шевельнувшись, глухимъ голосомъ проговорилъ:

— Я хозяйинъ.

— Ну, такъ чего же ты, господинъ честной, такой неласковый. Вставай, встрѣчай гостей — видишь царское войско къ тебѣ пожаловало, да и самъ государь Петръ Ѳеодоровичъ сейчасъ будетъ.

Степанъ Егоровичъ хотѣлъ было встать, да и опять оцустился на ступеньки. Наумъ, все по прежнему спокойный и серьезный, снялъ шапку и низко поклонился говорившему. Старикашка не обратилъ на него никакого вниманія и опять заговорилъ Кильдѣву:

— Да постой-ка, голубчикъ, сперва на-перво скажи-ка ты мнѣ: кому вѣруешь—Петру Ѳеодоровичу, или Екатеринѣ Алексѣевнѣ?

Вдругъ страшная злоба подступила къ сердцу Степана Егоровича; его руки неволько сжались въ кулаки; ему безумно захотѣлось на мѣстѣ уложить этого плюгаваго старикашку; ему захотѣлось громко прокричать имя императрицы, а этого Петра Ѳеодоровича обозвать его настоящимъ именемъ. Но мысль о томъ, что тамъ, сзади, въ комнатахъ, жена и огромное семейство, дѣти малъ-мала-меньше, — эта мысль удержала его. Однако увѣровать въ „Петра Ѳеодоровича“ онъ все же не могъ и продолжалъ упорно молчать, глядя на кривлявшася передъ нимъ старикашку.

— Э! да ты видно упрямецъ! — ухмыляясь произнесъ „полковникъ“. — Ну, тамъ государь самъ тебя разберетъ — передъ нимъ не отмолчишься. А теперь пока подавай-ка свою казну, да смотри ничего не утаивать — хуже будетъ!

— Нѣтъ у меня казны, тихо проговорилъ Степанъ Егоровичъ. — Вонъ мои крестьяне тутъ съ вами... такъ спросите ихъ, какая у меня казна...

И замолчалъ.

— Чего съ нимъ разговаривать, крикнулъ старикашка, — эй, въ домъ, на осмотръ, а его вжите!

Мигомъ нѣсколько человѣкъ кинулись на Степана Егоровича. Онъ не сопротивлялся. Ему связали руки назадъ веревкой. Онъ видѣлъ, какъ толпа разбойниковъ бросилась въ домъ; онъ чутко прислушивался почти съ остановившимся сердцемъ — женскихъ и дѣтскихъ визговъ не было слышно, видно всѣ успѣли выбратъся изъ дома, попрягаться. Но вѣдь гдѣ бы ни спрятались — всюду найдутъ разбойники, послѣдній часъ пришелъ.

Между тѣмъ, Наумъ, увидя, что Степана Егоровича вяжутъ, не бросился защищать его, а отошелъ тихонько, замѣшался въ толпу и переговаривался то съ тѣмъ, то съ другимъ мужикомъ.

— Вѣстимо, обидь отъ него не было, говорили ему въ отвѣтъ, — да и взять съ него нечего, семья его одолѣла... ну, а все жъ таки баринъ онъ, да и не наша тутъ воля...

Въ это время гдѣ-то вблизи раздался звонъ бубенчиковъ, и вотъ лихая тройка въѣхала во дворъ. Въ покойной и дорогой коляскѣ, очевидно недавно еще принадлежавшей какому нибудь богатому помѣщику, сидѣлъ развалился высокій и плотный человѣкъ лѣтъ сорока пяти, въ треуголкѣ на головѣ, въ бархатномъ камзолѣ и длинныхъ ботфортахъ. Въ толпѣ произошло движеніе, нѣкоторые сняли шапки.

— А вотъ и самъ государь! прошамкалъ „полковникъ“, приближаясь къ коляскѣ.

Сидѣвшій въ ней человѣкъ проворно выскочилъ безъ посторонней помощи и обратился къ „полковнику“.

— Гдѣ же хозяинъ? спросилъ онъ.

— Здѣсь, государь батюшка, да больно плохъ хозяинъ, — дорогихъ гостей встрѣчать не умѣетъ.

Приѣхавшій пристально взглянулъ въ Степана Егоровича; какая-то неудовимая улыбка мелькнула на красномъ, когда-то видно красивомъ, но теперь уже обрюзгшемъ лицѣ его. И Степанъ Егоровичъ взглянулъ на него, но тотчасъ же отвелъ глаза свои въ сторону.

„Это Фирска, это тотъ самый злодѣй, который жжетъ, грабитъ и вѣшаетъ... значитъ, теперь уже скоро“...

Между тѣмъ старикашка полковникъ наклонился къ Фирскѣ и шепталъ ему:

— Тутъ невелика пожива, вѣдь я говорилъ — бѣднякъ онъ какъ есть, дѣтей народилъ на удивленье всей губерніи—двадцать два человѣка. Развѣ что твоей милости, али изъ насъ кому, дѣвченки его приглянутся — ну, такъ можно будетъ забрать съ собой, а съ нимъ и толковать нечего—коли чтѣ, такъ вздернуть—и вся не долга.

Фирска повелъ на полковника своими большими, воспаленными глазами.

— Это тамъ видно будетъ, сказалъ онъ, — я самъ съ нимъ потолкую, а нашимъ кому бы на деревню идти, кому тутъ остаться, да въ погребахъ пошарить—можетъ, что хмѣльное и найдется; только чуръ, безъ моего приказа и вѣдома никого не обижать и не трогать—самъ учиню и судъ и расправу! Веди меня въ домъ, да и хозяина за мною.

Скоро въ маленькомъ покойчикѣ Степана Егоровича, передъ столомъ, на которомъ уже красовалась закуска и водка, неизвѣстно откуда добытыя, сидѣлъ Фирска, а передъ нимъ стоялъ приведенный двумя мужиками Кильдѣвъ.

— Развяжите ему руки, приказалъ Фирска, — да ступайте—я самъ съ него допросъ сниму.

Совсѣмъ почти безчувственное состояніе нашло на Степана Егоровича; онъ ясно видѣлъ все и всѣхъ, только какъ-то пересталъ соображать. Когда его развязали и оставили одного съ Фирской, онъ почти упалъ на стулъ, опустилъ голову и остался неподвижнымъ. Фирска приперъ дверь, подошелъ къ нему и грубымъ, нѣсколько охрипшимъ голосомъ повторилъ вопросъ старикашки:

— Кому вѣруешь, Петру Ѳедоровичу, или Екатеринѣ Алексѣевнѣ? Степанъ Егоровичъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, его снова охватило бѣшенство отчаянія. Онъ рванулся со стула и крѣпко схватилъ за плечи Фирску.

— Это ты-то Петръ Ѳедоровичъ?.. это тебѣ-то вѣровать? крикнулъ онъ,—разбойникъ проклятый!

Фирска отстранилъ его своими сильными руками.

— Тихе, хозяинъ, тихе—не равно услышать, тогда будетъ плохо, да и ничего еще не видя и не слѣдъ ругаться. А ты лучше поуспокойся, да посмотри на меня попристальнѣе—можетъ и признаешь.

Степанъ Егоровичъ никакъ не ожидалъ подобной рѣчи; въ голосѣ разбойника прозвучала какая-то мягкая, ласковая нота. Съ изумленіемъ онъ взглянулъ на него—и вотъ красное и пьяное лицо этого Фирски, этого страшилища, наводившаго ужасъ на всю окрестность, ему дѣйствительно показалось знакомымъ. Онъ глядѣлъ, глядѣлъ, припоминалъ что-то...

— Али не признаешь, Степанъ Егоровичъ, али ужъ такъ я измѣнился? Да и не мудрено, лѣтъ болѣе двадцати не видались. Я самъ бы тебя не призналъ, кабы не вѣдомо мнѣ было, къ кому въ гости ѣду.

И говоря это, онъ улыбался.

На его лицо изъ окошка падали послѣдніе отблески заката. Степанъ Егоровичъ вздрогнулъ, отшатнулся и вдругъ крикнулъ:

— Фирсъ Иванычъ, ты ли?! можно ли быть тому?!..

— Ну, вотъ и призналъ, старый пріятель... такъ-то лучше, теперь и потолкуемъ.

Степану Егоровичу казалось, что онъ спитъ и грезить; но ему некогда было изумляться, одна мысль, одно чувство наполняли его всего. Онъ кинулся къ разбойнику, слезы выступили на глазахъ его:

— Фирсъ Иванычъ! захлебываясь говорилъ онъ, — тамъ у меня жена, дѣти,—дочери спрятались... ихъ сейчасъ същутъ твои люди... погубять... защити... помилуй!..

Это страшилище, этотъ извергъ, упивавшійся кровью, былъ для Степана Егоровича теперь уже не страшилищемъ и не извергомъ,—на него была одна надежда, онъ являлся единственнымъ заступникомъ и спасителемъ.

— Будь спокоенъ, пріятель, никто твоихъ не тронетъ—я ужъ распорядился. А теперь поидемъ, покажи мнѣ, гдѣ онѣ спрятались—познакомь съ женой, съ дочками, пускай сюда вернутся въ домъ... нечего имъ прятаться, я караулъ у дверей поставлю и, пока я твой гость, никто и пальцемъ тебя и твоихъ не тронетъ.

Фирсъ отворилъ дверь и вышелъ, обнявъ и увлекая за собою шагающагося, будто совсѣмъ пьянаго, хозяина.

VI.

Двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ, конечно, никому изъ товарищей и однополчанъ Фирса Ивановича не могло прійти въ голову, что онъ когда нибудь будетъ фигурировать въ роли атамана разбойничьей шайки, что его имя будетъ повторяться съ ужасомъ тысячами народа и останется заклеяннымъ самыми звѣрскими злодѣйствами. Тогда это былъ красавецъ юноша, милый и добрый товарищъ, шалунъ, всегда готовый на самыя смѣлыя выходки, часто попадавшійся и охотно выручаемый товарищами. Дружнѣе всѣхъ онъ былъ съ Кильдѣевымъ, жили они душа въ душу, и даже на одной квартирѣ. Фирсъ былъ года на два—на три моложе Кильдѣева, а потому тотъ относился къ нему, какъ старшій братъ, выручалъ его всячески, дѣлился съ нимъ послѣдней копѣйкой. Выйдя въ отставку и переселившись въ симбирскую глушь, Кильдѣевъ очень горевалъ о пріятелѣ, но сношенія ихъ прекратились; переписка тогда, въ особенности между молодыми офицерами, была дѣломъ непривычнымъ. Года черезъ два, при случайной встрѣчѣ съ однимъ изъ петербургскихъ знакомыхъ, Кильдѣевъ первымъ долгомъ спросилъ про Фирса и тутъ узналъ, что Фирсъ пропалъ безъ вѣсти. Случилась у него драка съ кѣмъ-то изъ товарищей; Фирсъ обладалъ громадной силой и въ бѣшенствѣ себя не помнилъ,—драка окончилась нечаяннымъ убійствомъ. Исторія выходила скверная, молодому сержанту приходилось тяжело расплачиваться — и вотъ онъ бѣжалъ изъ Петербурга, и никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Конечно, не будь этой пьяной драки, не будь шального удара, попавшаго прямо въ високъ товарищу, можетъ быть, Фирсъ, красивый и ловкій, любимый всѣми, сумѣлъ бы достигъ въ войскѣ большого чина и теперь, пожалуй, былъ бы однимъ изъ военачальниковъ, высланныхъ противъ самозванца.

Но шальной ударъ рѣшилъ иначе. Молодой сержантъ, превратившійся въ бродягу, безъ всякихъ средствъ, обязанный скрывать свое имя, принужденный сходитья съ людьми темными и бѣжать отъ общества, къ которому принадлежалъ и по происхожденію, и по воспитанію, при этомъ обладая легкомысленнымъ, увлекающимся характеромъ, безъ силы воли, безъ нравственныхъ понятій, онъ съ каждымъ годомъ падалъ все ниже и ниже. Гдѣ только, гдѣ въ эти двадцать пять лѣтъ не прожигалъ онъ жизнь свою; вся Россія вдоль и поперекъ была ему знакома; и въ особенности знакомы были ему стени приволжскія, куда онъ не разъ уходилъ скрываться послѣ какой нибудь крупной исторіи. Исторій же у него было много: гдѣ ярмарка, тамъ ужъ и Фирсъ—маклячить, обманываетъ.

Не разъ набиралъ онъ шайку и задумывалъ и исполнялъ очень смѣлыя грабежи. Съ прошлымъ своимъ онъ давно уже покончилъ, у него ничего не осталось отъ прежнихъ склонностей и привычекъ: это былъ настоящій типъ разбойничьяго атамана, который ни передъ

чѣмъ не останавливался, который думалъ только объ удовлетвореніи страстей своихъ, продолжавшихъ кипѣть въ немъ, несмотря на молодые годы, несмотря на тревожную и распутную жизнь, немогшую, однако, никакъ сломить его крѣпкаго организма.

Такой человѣкъ, какъ Фирсъ, не могъ, конечно, пропустить Пугачевского времени, не могъ не сыграть своей роли, къ которой онъ былъ такъ хорошо подготовленъ. Онъ не присоединился къ самозванцу, потому что не терпѣлъ никакого подчиненія. Ему стоило только перемолвиться съ двумя-тремя подходящими людьми, стоило только съ ними показаться въ первомъ большомъ селѣ и назвать себя Петромъ Федоровичемъ, какъ за нимъ повалила толпа народа.

У Фирса были административныя способности и даже нѣкоторый военный талантъ, благодаря которому, со своею отрепанной, разношерстной шайкой онъ уже побѣдоносно выдержалъ стычку съ небольшимъ отрядомъ. Онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, грабя все по пути и съ каждымъ днемъ увеличивая свое войско, главныя силы котораго, вмѣстѣ съ большимъ обозомъ награбленнаго добра, расположены были теперь въ глухомъ лѣсу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кильдѣвки.

Фирсъ не заглядывалъ ни въ далекое, ни даже въ близкое будущее, какъ не заглядывалъ въ него и втеченіе всей своей жизни. Онъ жилъ настоящимъ днемъ — „день мой—вѣкъ мой!“ говорилъ онъ, какъ и всѣ ему подобныя люди. Но у него было свое самолюбіе—ему теперь уже мало было этихъ грабежей по беззащитнымъ усадьбамъ, этой награбленной добычи; удачная стычка съ отрядомъ настоящаго войска его раззадорила,—онъ замышлялъ идти на Симбирскъ, а потому готовился, посылалъ въ Симбирскъ шпионовъ, заготовлялъ запасы оружія, подучалъ свое войско. Его посланные рыскали во всѣ стороны, поднимая окрестныхъ крестьянъ и приводя ихъ къ нему въ ставку десятками.

Такъ, нѣсколько дней тому назадъ, были приведены и нѣкоторые изъ кильдѣвскихъ мужиковъ, которые и рассказали Фирсу о житѣй-бытѣ его стараго пріятеля.

Задумался Фирсъ, вспомнилась молодость и закадычный другъ „старшій братецъ“, какъ онъ тогда называлъ его. Можетъ быть, воспоминаніе этой искренней молодой дружбы было единственное, что сохранилось въ сердцѣ Фирса отъ прежняго времени, отъ свѣжей и чистой когда-то юности — не все вѣдь умираетъ въ человѣческомъ сердцѣ. Захотѣлось страшному „дугачу“ повидать Степана Егоровича и быть ему полезнымъ въ такое тяжелое время; да и всѣ обстоятельства такъ сложились, что оба они другъ другу могли пригодиться. Въ лѣсу стоянка была неудобная, а укромная усадьба, съ селешіемъ подъ бокомъ, при рѣчкѣ, среди рощъ и лѣсовъ, была куда лучше. Въ этой усадьбѣ безъ большихъ хлопотъ и построекъ можно было сдѣлать и складъ награбленныхъ богатствъ, однимъ словомъ,

устроить свою резиденцію, да еще и съ единственнымъ другомъ пожить послѣ такой долгой разлуки. Такая мысль пришла вдругъ въ голову Фирсу, а разъ ему приходила какая нибудь мысль, онъ имѣлъ обычай тотчасъ же и исполнять ее.

Отрядивъ нѣсколько десятковъ челоѣкъ изъ своей шайки со старымъ приказнымъ, переименованнымъ въ „полковника“, онъ приказалъ имъ идти въ Кильдѣвку, но ничего не грабить и отнюдь никого не трогать до его прибытія. Онъ не удержался, чтобы не устроить маленькой комедіи, чтобы не пошутить, не поугагать пріятеля, конечно, не соображая, что такія шутки иногда очень плохо кончаются. Бѣдный Степанъ Егоровичъ чуть съ ума не сошелъ отъ пріятельской шутки; но когда нѣсколько успокоился, когда убѣдился, что пьяная шайка хотя относится къ Фирсу и не какъ къ государю Петру Ѳеодоровичу, но все же находится у него въ полномъ повиновеніи — почувствовалъ себя почти совсѣмъ счастливымъ. Вѣдь ужъ такъ и считалъ, что всѣмъ смертный часъ пришелъ, а тутъ вдругъ всѣ живы остались и близкой опасности не предвидится; такъ какъ же не радоваться, какъ же не благодарить Бога. О дальнѣйшемъ же, конечно, еще не было времени подумать.

Странное явилось тоже у Степана Егоровича отношеніе къ Фирсу; онъ хорошо сознавалъ, что это разбойникъ, убійца, погибшій и страшный челоѣкъ, но въ то же время онъ не могъ не видѣть въ немъ и прежняго друга Фирса, не могъ не быть ему благодарнымъ за сегодняшнее спасеніе его семейства. Вѣдь не явился самъ Фирсъ, не сдѣлай должныхъ распоряженій—люди его шайки сами собой нагрянули бы не сегодня, такъ завтра, и всѣхъ бы перебили. Но къ этому чувству благодарности присоединилось все-таки и сознаніе, что съ разбойникомъ и самозванцемъ Фирской нужно держать себя иначе, чѣмъ съ другомъ Фирсомъ Ивановичемъ.

„Кто его знаетъ, каковъ онъ теперь,—вотъ про старое вспоминаетъ, а вдругъ что нибудь не по праву ему покажется, и вмѣсто благодарителя сдѣлается убійцей“.

Тяжело, странно, неловко становилось Степану Егоровичу; но мысль о спасеніи своихъ близкихъ, кровныхъ, своего дорогого „улья“, царила надъ всѣми другими мыслями и ощущеніями и заставляла его бережно относиться къ Фирсу, всячески стараться ничѣмъ не раздражить его.

Съ сердечнымъ замираніемъ указалъ онъ своему другу-разбойнику то мѣсто, гдѣ скрывались Анна Ивановна и дѣти. Перепуганная и изумленная, онѣ, по приказу отца, стали мало-по-малу выходить изъ своей засады. Анна Ивановна, чуть не помѣшавшаяся отъ страха и отчаянія, какъ увидела, что ихъ не хотятъ казнить, что Степанъ Егоровичъ не боится очевидно страшнаго атамана и обращается съ нимъ довольно свободно, даже не задумалась надъ тѣмъ, что все это значитъ. Она кинулась Фирсу въ ноги и стала умолять его сжалиться

надъ ея дѣтми и не давать ихъ въ обиду. Фирсь собралъ всю любезность, на какую былъ еще способенъ, увѣрилъ ее, что ей нечего бояться, и въ свою очередь просилъ ее быть доброй хозяйкой, не гнать незваныхъ гостей. Она нѣсколько успокоилась, но въ то же время ослабѣла и сидѣла какъ-то безмысленно смотря передъ собою и по временамъ вздрагивая.

Глядя на нее, Фирсь прямо почелъ ее душой и, конечно, не сообразилъ того, что это его пріятельская шутка ее душой сдѣлала.

Фирсь былъ въ отличномъ настроеніи духа. Онъ съ интересомъ разглядывалъ всѣхъ дѣтей Степана Егоровича.

— Вотъ ужъ и видно, что тебѣ благодать Божья! обратился онъ къ хозяйну. — Сказывали мнѣ твои мужики, что у тебя дѣтокъ двадцать два человѣка, да я было имъ не повѣрилъ. А дочки-то вѣдь уже невѣсты... да и какая у тебя эта красавица, братецъ... Какъ зовутъ-то? прибавилъ онъ, указывая на Машеньку, бывшую посмѣлье прочихъ и хотя съ большимъ страхомъ, но и не безъ интереса на него посматривавшую.

— Марьей зовутъ, отвѣтилъ Степанъ Егоровичъ дрогнувшимъ голосомъ.

У него явилось новое опасеніе:

„А ну какъ пріятель захочетъ воспользоваться своею силой?! вѣдь говорятъ про него, что онъ отовсюду дѣвокъ къ себѣ въ ставку таскаетъ“.

А пріятель въ это время подходилъ уже къ Машенькѣ, которая трусливо пятилась отъ него, пока не наткнулась на стѣну.

— Не пугайтесь меня, сударыня Марья Степановна, проговорилъ Фирсь, стараясь изобразить на своемъ красномъ, но все еще красивомъ лицѣ, ласковую улыбку, — прошу любить да жаловать.

Онъ вспомнилъ совсѣмъ почти позабытое имъ петербургское обращеніе и звонко поцѣловалъ у Машеньки руку. Она вскрикнула и бросилась бѣжать изъ комнаты.

Фирсь смѣялся.

— Не-ужъ-то же я такой страшный, Степанъ Егоровичъ, что красныя дѣвицы отъ меня бѣгаютъ? Ну, да вотъ стойте, познакомимся поближе — тогда авось Марья Степановна перестанетъ меня бояться.

Защемило сердце у Степана Егоровича. Въ это время вошелъ разбойничій полковникъ и съ видимымъ изумленіемъ и подозрительно оглядѣлъ всѣхъ и cadaго. Онъ не былъ посвященъ въ тайну Фирсовой шутки и не могъ понять, что все это значить, какимъ образомъ помѣщичьему семейству удалось избѣгнуть казни и почему свирѣпый Фирска въ такомъ благодушномъ и веселомъ настроеніи духа. Онъ нашелъ нужнымъ продолжать свою роль и, низко поклонившись атаману, хриплымъ и дребезжащимъ голосомъ произнесъ:

— Какое приказаніе изволишь дать, государь?

— А это вотъ нужно потолковать съ хозяиномъ да съ хозяйкой, отвѣтилъ Фирсъ,—и какъ они укажутъ, такъ намъ и размѣститься.

VII.

Черезъ недѣлю невозможно было и узнать Кильдѣвскую усадьбу. Совсѣмъ новая дѣятельность закипѣла въ „ульѣ“ Степана Егоровича. Появился новый шмель—шумливый, грубый и страшный и заставилъ приумолкнуть и попрятаться прежнихъ маленькихъ пчелокъ. Фирсъ остался вѣренъ внезапно пришедшей ему мысли. Кильдѣвка пришлося ему по нраву.

На просторномъ, заросшемъ густою травой дворѣ Степана Егоровича появились плотники изъ шайки „пугача“, навезли бревенъ и стали строить разные сараи и вышки. Работа кипѣла и, по мѣрѣ того какъ поспѣвала та или другая постройка, изъ глухого лѣса, изъ прежней стоянки, появлялись обозы за обозомъ. Приходили эти обозы по большей части ночью, и Степанъ Егоровичъ не зналъ, что именно привозится и складывается въ сарай; но хорошо все таки зналъ, что это добро, награбленное шайкой Фирса.

Положеніе Степана Егоровича было таково, что онъ не могъ рѣшить, слѣдуетъ ли ему благодарить Бога за свое спасеніе, или ожидать, безъ всякой вины съ своей стороны, скорой кары.

„Не можетъ же это безъ конца продолжаться, думалъ онъ,— не вѣчно же будутъ торжествовать разбойники. Вышлетъ государыня большое войско, переловятъ всѣхъ, начиная съ атамана, узнаютъ, конечно, гдѣ его ставка... выслѣдятъ... придутъ сюда, въ усадьбу, и тогда что же? Улики будутъ на лицо, кто повѣритъ, что онъ, Степанъ Егоровичъ, тутъ непричемъ. Онъ будетъ уличенъ по меньшей мѣрѣ въ близкихъ отношеніяхъ къ самозванцу-разбойнику, въ укрывательствѣ его и добра, имъ награбленнаго. Но что же ему дѣлать? Если бы можно было убѣжать съ семействомъ куда нибудь, конечно, онъ воспользовался бы первой минутой, но бѣжать ему некуда. Вонъ Фирсъ уже прямо въ первый же день сказалъ ему:

— Ты, братъ, не подумай, что я выживать тебя съ семьею нагрянулъ, говорю—будь покоенъ... За мною да за моими людьми всѣ вы въ охранѣ. А кабы до моего прихода, либо теперь съ глупаго страха, который, сдается мнѣ, сидитъ въ тебѣ, да вздумалъ ты бѣжать, то тутъ бы и была твоя погибель. Ты вотъ сидишь здѣсь у себя и ничего не знаешь, а я, братъ, хорошо знаю, что на свѣтѣ нонѣ дѣлается; бѣжать нынче некуда—кругомъ версть на пятьдесятъ мои владѣнія, а дальше другіе орудуютъ. Нигдѣ нельзя тебѣ будетъ пробраться—задаромъ только погубишь и себя и дѣтокъ.

Степанъ Егоровичъ хорошо зналъ, что Фирсъ говоритъ правду, и на возможность побѣга не рассчитывалъ. Единственное его утѣшеніе было въ первый день, когда Фирсъ отправился со своими въ набѣги—

это бесѣда съ Наумомъ. Въ противоположность своему господину, Наумъ нисколько не тревожился и былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи. Когда Степанъ Егоровичъ повѣрялъ ему свой страхъ относительно предстоящей кары за укрывательство разбойничьей шайки, онъ покачивалъ головою и улыбался.

— За что же это ты отвѣчать будешь, батюшка Степанъ Егоровичъ? говорилъ онъ ему.—Ужь коли разбойникъ и душегубецъ, и то свою правду имѣеть—такъ не-ужь-то царскаго войска бояться? Какой ты укрыватель, а тягаться съ такою оравой гдѣ же! Нишкни только, молчи—не супротивничай Фирскѣ, то бишь Петру Ѳедоровичу, да Господа Бога благодари, что все такъ повернулось... страху-то что было, страху!—а теперечи нечего гнѣвить Господа—совсѣмъ отлегло!.. А вотъ что лучше, батюшка Степанъ Егоровичъ, нонѣ-то они всѣ схлынули, всѣ какъ есть, самъ-то призывалъ меня и говорить: „раньше трехъ дней назадъ не буду, такъ ужъ ты береги мои сараи—коли что, такъ съ тебя и отвѣтъ. А въ новый-то сарай вчерашней ночью, прижѣтилъ я, много добра понавезли—пойдемъ-ка, сударь батюшка, обойдемъ дворъ-то, можетъ не все позаперли.

Степанъ Егоровичъ бралъ шапку и отправлялся съ Наумомъ на осмотръ.

Однако разбойники, оставляя Кильдѣвку, имѣли обыкновеніе все запираеть крѣпкими засовами да замками, и Степану Егоровичу съ Наумомъ не приходилось разсмотрѣть добра, которое теперь вмѣщала въ себѣ изъ поконъ вѣковъ бѣдная Кильдѣвка.

— Эхъ, да кабы ихъ переловили, а добро бы это тебѣ осталось! весело ухмыляясь говорилъ Наумъ.

Онъ и всегда-то былъ почти за-панибрата со своимъ невзыскательнымъ, неменѣе его самого работавшимъ всякую не барскую работу господиномъ, а ужъ теперь они окончателно позабыли разницу своего положенія. Господинъ и крѣпостной слуга были друзьями, да еще слуга имѣлъ очевидно перевѣсъ надъ господиномъ, имѣлъ на него вліяніе—ободрялъ его и успокаивалъ. Не будь Наума, Степанъ Егоровичъ, конечно, несравненно больше мучился бы душою; да пожалуй съ этихъ мученій рѣшился бы на какойнибудь шагъ необдуманный, въ которомъ потомъ пришлось бы горько раскаиваться. И не на одного Степана Егоровича дѣйствовалъ Наумъ успокаивающимъ образомъ—ободрялъ онъ и Анну Ивановну, и молодыхъ барышень, и малыхъ дѣтокъ.

Анна Ивановна очень измѣнилась за это послѣднее время, какъ-то вдругъ осунулась и состарѣлась. Тяжелые дни Пугачевщины, а главнымъ образомъ шутка Фирски, не прошли ей даромъ; роль хозяйки разбойничьяго гнѣзда была ей тяжела; она не могла не дрожать денно и ночью за молоденькихъ дочерей своихъ. Степанъ Егоровичъ не въ силахъ былъ успокоить ее, потому что раздѣлялъ ея

страхи, а Наумъ успокаивалъ, онъ отвлекалъ ея мысли отъ всего мрачнаго, толковалъ о скоромъ избавленіи отъ всей этой оравы.

— Вотъ постой, матушка барыня, убѣжденнымъ тономъ повторялъ онъ,—склннетъ эта негодница, и заживемъ мы какъ у Христа за пазухой, а пока пускай себѣ у насъ напиваются да нажираются—вари имъ щей, наливаи имъ водку, чеки блины да пироги, жарь поросятъ да телятъ, благо всего этого добра у насъ теперь вдоволь.

Добра было, дѣйствительно, вдоволь: возвращаясь со своихъ набѣговъ, Фирсъ волочилъ за собою въ Кильдѣевку всякую провизію и сдавалъ все это на руки Аннѣ Ивановнѣ. Старой стряпухѣ Кильдѣевской, да и самой Аннѣ Ивановнѣ съ дочками, была въ кухнѣ теперь большая работа.

Вообще благосостояніе усадьбы росло съ каждымъ днемъ. Фирсъ, конечно, сразу замѣтилъ бѣдность своего стараго друга, замѣтилъ, что многочисленныя дѣтки его, и въ томъ числѣ хорошенькая Машенька, были очень плохо одѣты и обуты. Послѣ первой же отлучки своей изъ Кильдѣевки, онъ навезъ всему семейству разныхъ нарядовъ и требовалъ, чтобы дѣти и дѣвицы тотчасъ же нарядились въ обновки. Младшія дѣти, уже переставшія бояться Фирса, обрадовались несказанно; но старшія дочки Степана Егоровича, какъ и онъ самъ съ женою, Богъ знаетъ сколько дали бы, чтобы избавиться отъ любезностей и подарковъ своего безцеремоннаго гостя. Всѣ они хорошо знали, до какой степени возмутительны эти подарки и до какой степени они страшны,—вѣдь всѣ эти наряды награблены по богатымъ барскимъ усадьбамъ, эти наряды принадлежали несчастнымъ жертвамъ разбойниковъ. Но съ Фирской толковать нечего, онъ требуетъ, и его требованіе должно быть исполнено. Кильдѣевскіи барышни босоножки разрядились франтихами, а сами дрожали—имъ казалось, что на платьяхъ ихъ кровь.

VIII.

Итакъ, Степанъ Егоровичъ и по собственному пониманію, и по совѣтамъ Наума, положилъ всячески ублажать своего страшнаго друга и ни въ чемъ ему не перечить. Но было, однако, обстоятельство, гдѣ онъ рѣшился пойти на переборъ Фирсу.

Проживъ около недѣли въ Кильдѣевкѣ послѣ послѣдняго набѣга, Фирсъ какъ-то получилъ благопріятное извѣстіе и рѣшился снова „выступить въ походъ“, какъ онъ выражался. Онъ сдѣлалъ смотръ своимъ главнымъ силамъ, расположеннымъ по избамъ въ деревнѣ (въ домѣ Кильдѣева жилъ только самъ онъ со своимъ деньщикомъ, очень глупымъ, но необыкновенно сильнымъ малымъ изъ башкирцевъ, да въ людскихъ и на дворѣ, въ одномъ изъ новопостроенныхъ сараевъ, помѣщалось десятеа полтора его людей; старый подъячій—„полковникъ“, помѣщался на деревнѣ, въ избѣ Наума, гдѣ онъ ужъ

завель для себя известнаго рода комфортъ). Вернувшись со смотра, Фирсъ вдругъ объявилъ Степану Егоровичу:

— А вотъ что я надумалъ—поѣдемъ-ка, братецъ, съ нами: что ты тутъ все киснешь, мы съ тобой славно попируемъ... Знаешь, чай. село Кирсаново, вѣдь это всего верстъ тридцать отсюда. Сидитъ тамъ старый воронъ въ своихъ каменныхъ палатахъ, добра, баютъ люди, видимо не видимо, ну, такъ этого стараго ворона мы спихнемъ и знатно попируемъ... Ёдемъ, братъ, ёдемъ—тутъ и толковать нечего...

Степанъ Егоровичъ поблѣднѣлъ, но все же твердымъ голосомъ отвѣчалъ Фирсу:

— Никуда я съ тобой не поѣду.

Фирсъ поморщился и какъ-то криво усмѣхнулся.

— Зачѣмъ такъ? проговорилъ онъ.

— А затѣмъ, что не подобаетъ мнѣ съ тобой ѣздить... Я тебѣ не указчикъ и не судья—Богъ тебѣ судьей будетъ, передъ нимъ ты и отвѣтишь. Я вотъ смерти отъ тебя себѣ и своимъ ожидалъ—ты насъ въ живыхъ оставилъ, зла намъ не сдѣлалъ, ну, и спасибо тебѣ великое... Полюбилась тебѣ Кильдѣвка—и живи въ ней, дѣлай, что знаешь. А душу мою не трожь... оставь: въ твоей власти убить меня—это такъ... кликни, коли хочешь, башкирца своего, прикажи ему связать меня по рукамъ и по ногамъ и тащи меня куда знаешь, а доброй волей никуда я съ тобой не поѣду...

Степанъ Егоровичъ замолчалъ, тяжело переводя дыханіе и быстро шагая по маленькой комнаткѣ, своей прежней рабочей комнаткѣ, теперь превращенной въ обиталище „Петра Ѳедоровича“, усталой и обвѣшанной дорогими коврами, наполненной всякимъ оружіемъ и вещами.

— И это твое послѣднее слово? Такъ-таки и не поѣдешь?

— Не поѣду—хоть сейчасъ же на висѣлицу тащи—не поѣду!..

— Зачѣмъ на висѣлицу, а что стараго друга потѣшить не хочешь—это неладно. Ну, да что съ тобой дѣлать, коли нѣтъ—такъ нѣтъ.

Видимо раздраженный, Фирсъ вышелъ изъ комнатки, на весь домъ гаркнулъ, чтобы ему запрягали его коляску, и скоро уѣхалъ непростившись съ хозяиномъ.

Всѣ въ домѣ вздохнули свободно, барышни сняли съ себя даренные наряды, надѣли свои старенькія платьица и вышли на крылечко, дѣти разсыпались по огороду. Степанъ Егоровичъ тоже вышелъ изъ дому и пошелъ отыскивать своего Наума, безъ котораго не могъ теперь прожить часу. А Наумъ и самъ идетъ къ нему на встрѣчу.

— Улетѣли вѣроны! въ одинъ голосъ сказали другъ другу и господинъ и приказчикъ.

Степанъ Егоровичъ, конечно, сейчасъ же повѣдалъ Науму о своемъ разговорѣ съ Фирсомъ. Наумъ нѣсколько заинтересовался.

— Ну, и что же онъ—не неволилъ?

— Нѣтъ, только непонутру это ему было.

— Вотъ это ладно, сударь, что съ нимъ не поѣхаль—это не слѣдъ, да нонѣ и опасно. А я къ твоей милости шель—хощь диковинку покажу? Тутъ не далече—пойдемъ-ка!

— Что такое?

— А вотъ самъ увидишь, потерпи малость.

Степанъ Егоровичъ послѣдовалъ за Наумомъ. Они вышли со двора и направились въ маленькую рощу, которая доходила до самой церкви. Наумъ велъ Степана Егоровича по тропинкѣ, нѣсколько разъ останавливался прислушиваясь; но ничего не было слышно, тишина окрестъ стояла невозмутимая. Тропинка заворачивала и выходила въ поле, а на самомъ ея поворотѣ стоялъ старый дубъ. Наумъ вдругъ остановился и указалъ на этотъ дубъ рукою.

— Глянька-сь! сказалъ онъ.

Степанъ Егоровичъ глянулъ, да такъ и обмеръ: на дубѣ, на толстомъ суку виситъ человекъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, взглянулъ и крикнулъ:

— Господи! да это отецъ Матвѣй... это его они, разбойники, повѣсили... и не шелохнется... померъ!..

Ужасъ охватилъ Степана Егоровича при этомъ, никогда еще не виданномъ имъ, зрѣлищѣ. Онъ перекрестился и стоялъ не шевелясь, невольно глазъ не отрывая отъ страшнаго дерева.

— Да когда же это было? Неужь-то Фирсь?

— А на зарѣ еще, отвѣчалъ Наумъ;—и Фирсь, надо сказать, тутъ непричемъ, а это башкирцы да татарва проклятая. Много вѣдь у него этихъ нехристей въ шайкѣ—и страсть они поповъ не любятъ. Какъ тамъ отецъ Матвѣй ни увизался передъ ними, какъ ни ублажалъ ихъ—не могъ потрафить. Домишко-то его они на-чисто ограбили. Еще намеренны на деревнѣ слышалъ я, галдѣли промежь собой: „доберемся до попа, выволокли его, сердечнаго, нието и не слыхалъ; а дочекъ. поповень-то, обѣихъ связали, платки въ ротъ, чтобы въ усадьбѣ крику не слышно было, да на деревню. Онѣ и посейчасъ тамъ воютъ—ажно смотрѣть жалко... и ужъ надругались же надъ ними разбойники—охъ, горькаго сраму!..

Наумъ замолчалъ. Молчалъ и Степанъ Егоровичъ, опустивъ голову и чувствуя, какъ на глаза набѣгаютъ слезы.

— Вотъ и отецъ Матвѣй, думалось ему,—съ крестомъ да хоругвами встрѣтилъ „Петра Ѳедоровича“ и только грѣхъ взялъ на душу, а не избѣгъ погибели, а дѣвочки, чѣмъ же онѣ-то виноваты? Старшая вонъ и невѣстой ужъ была.

— Ну, что же теперь, Наумъ? очнувшись сказалъ онъ,—вѣдь благо нѣту разбойниковъ, отца-то Матвѣя съ честью похоронить надо бы!

— Затѣмъ и привелъ тебя, сударь. Какъ теперь прикажешь?

Степанъ Егоровичъ съ тяжелымъ чувствомъ распорядился похоронами, а самъ поспѣшилъ на деревню, чтобы поскорѣе увести не-

счастливых поповенъ къ себѣ и сдать ихъ на попеченіе Анны Ивановны и дочекъ. На бѣдныхъ дѣвушекъ безъ тоски глядѣть было невозможно. Онѣ ужъ знали объ участи, постигшей отца ихъ, но отца онѣ не особенно горячо любили,—у нихъ было другое, болѣе тяжкое горе: ихъ юность была поругана самымъ жестокимъ, самымъ отвратительнымъ образомъ.

Весь этотъ день въ кильдѣевскомъ домикѣ слышались стоны и рыданія.

IX.

Фирсъ на этотъ разъ пробылъ въ отлучкѣ двѣ недѣли и вернулся окруженный своей ватагой, съ шумомъ и гамомъ, на лихой тройкѣ, изукрашенной лентами и бубенчиками. Онъ былъ уже полупьянъ, очень веселъ, и очевидно совсѣмъ позабылъ размолвку, происшедшую между нимъ и Степаномъ Егоровичемъ передъ отъѣздомъ. Онъ шумно съ нимъ разцѣловался, объявилъ Аннѣ Ивановнѣ и домочадцамъ, что все это время скучалъ по нимъ и теперь радъ отдохнуть въ тишинѣ и съ милыми людьми.

— А вы, ребятки, что смотрите? обратился онъ къ дѣтямъ,— думаете, съ пустыми я руками?—Анъ нѣтъ, всѣмъ гостинцевъ навезъ, никого не забылъ. Теперь вотъ поздно, поужинать да и спать пора, а пождите, завтра утромъ увидите...

Онъ пристально, пристально взглянулъ на Машеньку, такъ что она вся покраснѣлась подъ его взглядомъ и не знала, куда дѣваться. Ужъ не въ первый разъ такъ глядитъ онъ на нее и ей неловко, ей страшно, а теперь, послѣ всѣхъ ужасовъ съ дочерьми отца Матвѣя, она сама не своя, жметя къ матери. Но Фирсъ повидимому не обратилъ никакого вниманія на ея смущеніе и продолжалъ, разговаривая съ Степаномъ Егоровичемъ, время отъ времени на нее поглядывать. Послѣ ужина, за которымъ Фирсъ выпилъ изрядно вина и окончательно развеселился, рассказывая подвиги своей шайки, всѣ разошлись спать. Фирсъ затворился въ своей комнатѣ, а Машенька, думая что она въ безопасности отъ его страшныхъ взглядовъ, вышла на крылечко немного подышать воздухомъ. Но не успѣла она полюбоваться на темное звѣздное небо, съ котораго то и дѣло отрывались и скатывались падучія звѣзды, какъ вдругъ почувствовала возлѣ себя чье-то дыханіе. Она обернулась. Въ полусумракѣ передъ нею обрисовалась фигура Фирса. Она хотѣла крикнуть, но будто онѣмѣла, будто окаменѣла отъ страха и стояла неподвижно, какъ несчастный звѣрокъ, заколдованный присутствіемъ страшнаго, громаднаго врага, приготовляющагося проглотить его.

— Это ты, Машенька? у самаго уха ея раздался голосъ Фирса.

Она не отвѣчала.

— Ну и хорошо, голубушка, продолжалъ онъ,—что мы еще встрѣтились нынче, а то я совсѣмъ запамятовалъ, вѣдь у меня въ кар-

манѣ подарочекъ тебѣ припасенъ,—миленькая ты моя! На вотъ, возьми, жемчугъ это, ожерелье... славный жемчугъ, крупныя такія зерна—одно къ одному...

Машенька дрожала всѣмъ тѣломъ, но не шевелилась, будто приросла къ мѣсту. А онъ продолжалъ:

— Да постой-ка, я самъ на твою шейку его надѣну.

Своей крѣпкой, будто желѣзной рукой онъ охватилъ ея станъ. Она почувствовала прикосновеніе чего-то будто холоднаго къ своей шеѣ. Ей подумалось, что это ножъ, либо топоръ, что вотъ сейчасъ онъ зарубитъ ее. У нея начинала голова кружиться, въ глазахъ ходили какіе-то красныя круги, но не было силъ вырваться, убѣжать. Онъ крѣпко, крѣпко ее обнялъ, прижалъ къ своей груди и сталъ осыпать горячими поцѣлуями ея помертвѣвшее, похолодѣвшее лицо. Тутъ только она слабо вскрикнула и стала отъ него отбиваться.

— Пусти, пусти! отчаянно прошптала она и зарыдала.

Онъ нѣсколько изумился и выпустилъ ее.

— Ахъ, Машенька! Да какая ты еще дурочка! проговорилъ онъ, и пошатываясь прошелъ въ свою комнату.

А она съ громкими рыданіями кинулась къ матери и сестрамъ.

Фирсъ растянулся на постели, хмѣль еще не совсѣмъ разобралъ его, встрѣча съ Машенькой прогнала его сонливость. Онъ лежалъ и мечталъ:

— Чортъ возьми! славная дѣвка, давно такая не подвертывалась.

Машенька съ перваго дня его появленія въ Кильдѣевѣ произвела на него сильное впечатлѣніе, и если онъ до сихъ поръ сдерживался, то единственно потому, что она была дочерью Степана Егоровича и что отнести къ ней такъ, какъ онъ всегда относился къ встрѣчавшимся ему женщинамъ, ему все же было неловко. Но чѣмъ онъ больше себя сдерживалъ, тѣмъ, естественно, Машенька казалась ему привлекательнѣе. Въ эти послѣднія двѣ недѣли, несмотря на все буйство и развратъ, которому онъ предавался, онъ то и дѣло вспоминалъ о ней. Онъ привезъ ей прекрасный жемчугъ, добытый при разгромѣ богатаго помѣстья въ укладкѣ старой боярыни, онъ считывалъ на дѣйствіе этого жемчуга; но теперь, не смотря на свое опынѣніе, не могъ не замѣтить, что внушаетъ Машенькѣ большой страхъ.

„Э-эхъ, дурочка!“ самъ себѣ улыбаясь прошпталъ онъ. „Ну, да перестанетъ бояться, и ужъ какъ тамъ ни на есть, а завтра же это дѣло надо будетъ кончить—ужъ я ее не выпущу...“

И съ этимъ рѣшеніемъ онъ захрапѣлъ.

Х.

Кильдѣевы проснулись рано на слѣдующее утро, да и всю ночь имъ плохо спалось. Разсказъ перепуганной Машеньки произвелъ на всѣхъ ужасное впечатлѣніе.

Какъ теперь быть? Что дѣлать?

Первою мыслью было спрятать Машеньку, удалить куда нибудь изъ дому; но тутъ же сейчасъ всё и поняли, что это немислимо.

— Но не отдавать же ее на погибель?! ломая руки и плача повторяла Анна Ивановна.

— Авось я какъ нибудь удержу его, авось въ немъ хоть настолько совѣсти осталось! мрачно говорилъ Степанъ Егоровичъ. — А ты, жена, ни на шагъ не отпускаяй ее отъ себя.

Только-что Фирсъ проснулся, какъ Степанъ Егоровичъ уже былъ передъ нимъ и держалъ въ рукѣ жемчужное ожерелье. Фирсъ изумленно взглянулъ на мрачное лице стараго пріятеля, потомъ перевелъ взглядъ на жемчугъ и усмѣхнулся.

— Это ты что же, Степанушка, никакъ мой подарокъ назадъ мнѣ тащишь? этакъ-то вѣдь не годится... этакъ мнѣ въ обиду будетъ. Я для твоей доченьки самъ его выбралъ, хотѣлъ побаловать... съ чего же это ты?..

— Моя дочь не привыкла къ такимъ подаркамъ, отвѣтилъ Степанъ Егоровичъ, и горькая тоска изобразилась на лицѣ его. — Ты знаешь—мы бѣдные люди... были бы сыты, и за то благодарны Богу... Моимъ дочерямъ не носить жемчуговъ, мы съ женой въ страхъ Божиёмъ, да въ чистотѣ ихъ выростали — такъ грѣхъ тебѣ такъ порочить моего ребенка...

— Да развѣ я что нибудь... развѣ я... перебилъ его Фирсъ.

— Да, ты тоже побаловать ее вздумалъ и своими поцѣлуями!.. А еще про нашу старую дружбу говорилъ мнѣ... Э-эхъ, мало тебѣ, что-ли, другихъ? моя дочка понадобилась... на вѣки опозорить всѣхъ насъ хочешь... другъ тоже... надумайся, будь человѣкомъ, а не звѣремъ... ну, вотъ, ну, хочешь, я на колѣняхъ буду молить тебя... не губи моего дѣтища!..

Фирсъ поднялся съ мѣста и сверкнулъ глазами; но вдругъ опять улыбка набѣжала на лицо его.

— Степушка, чего ты причитаешь, какъ баба? не къ лицу это старому солдату... съ чего ты взялъ, что я позорить тебя хочу, стараго друга? у меня и въ мысляхъ того не было, а что я дочку твою вчера подъ хмѣлькомъ поцѣловалъ — въ этомъ еще бѣды большой нѣту. Будемъ говорить напрямивъ — полюбилась мнѣ твоя дочка... ну, самъ знаю, не молодъ я ужъ, да вѣдь и не старъ твое... за себя постою... Ты думаешь, я что? такъ, для баловства? анъ нѣтъ, ты мнѣ отдай свою Марью Степановну въ законное супружество, пусть попъ насъ обвѣнчаетъ, справимъ мы свадьбу на славу. Это не ты мнѣ, а я тебѣ въ ножки поклонюсь, да Аннѣ Ивановнѣ... Такъ какъ же, отдаешь?.. по рукамъ, что-ли, дружище?

Къ такой развязкѣ Степанъ Егоровичъ совсѣмъ не былъ приготовленъ. Но она нисколько не прекращала его муки: дѣло запутывалось.

„Фирсъ—женихъ, мужъ Машеньки! разбойникъ, котораго вотъ-вотъ схватятъ и повѣсятъ — и честный, старый Кильдѣевскій родъ будетъ на вѣки опозоренъ. А между тѣмъ, отказать ему—онъ оскорбится, онъ изъ себя выйдетъ. Теперь онъ еще нѣтъ-нѣтъ да и прежнимъ Фирсомъ кажется, а тогда ужъ Фирса совсѣмъ не станетъ — останется только злодѣй и убійца, и онъ не пощадить... никого не пощадить“.

Степанъ Егоровичъ молчалъ. А между тѣмъ Фирсъ стоялъ и ждалъ отвѣта.

— Ну, такъ какъ же—наконецъ сказалъ онъ — или ты мнѣ отказываешь? Видно плохой я женихъ... почище когонибудь надо. Да ты слушай-ка, разбери по ряду — ты можетъ думаешь, что я такую жизнь всегда буду вести? нѣтъ, братъ, мнѣ вотъ только до Симбирска добраться—и тогда я забастую. У меня ужъ и мѣстечко есть напимѣтъ, куда на первое время скрыться можно будетъ. Пожди только, еще какъ заживемъ-то — всему міру на удивленіе! Жена-то моя, хоть я и не Петръ Ѳедоровичъ, а не хуже заправской царицы роскошествовать будетъ. Эхъ, Степушка, не отказывай мнѣ, не носи кровной обиды—боюсь, не снесу!..

И Степанъ Егоровичъ видѣлъ, что онъ дѣйствительно не снесетъ, видѣлъ еще разъ, что этому человѣку нельзя перечить.

Тамъ, что еще будетъ, можетъ Господь спасетъ, а теперь, на словахъ, нужно согласиться — вѣдь не сейчасъ же свадьба, не сейчасъ вѣнчанье, можетъ удастся протянуть время, можетъ придетъ помощь.

— Чего же мнѣ тебѣ отказывать, сказалъ Степанъ Егоровичъ, — только вѣдь никакъ я не ждалъ этого. Дай мнѣ придти въ себя, дай оглядѣться, такое дѣло нельзя въ одну минуту покончить. Пускай все будетъ по-человѣчески, дай приготовить дѣвцу... молода вѣдь, почти ребенокъ... ее вразумить надо.

Фирсъ подумалъ съ минуту.

— Ну, ладно, Степушка, дѣлай какъ знаешь. Только чуръ, не долго тани ты — говорю, больно мнѣ полюбилась Марья Степановна, такъ ждать-то, да тянуть, мнѣ совсѣмъ неохота.

XI.

Хотя Степанъ Егоровичъ и выпросилъ у Фирса отсрочку для того, чтобы приготовить Машеньку, но это приготовленіе было довольно странное: Анна Ивановна заперлась съ дочкой въ своей комнатѣ, крѣпко обняла ее и, заливаясь слезами, причитала, но тихо, чтобы Фирсъ или его башкирецъ какънибудь не подслушали:

— Лучше ужъ въ гробъ всѣмъ намъ лечь, чѣмъ тебя, золотое наше дитятко, выдать замужъ за разбойника!

Отъ такихъ уговариваній Машенька дошла до полнаго отчаянiя, и если она до сихъ поръ боялась Фирса, то теперь онъ представлялся ей ужъ истымъ страшилищемъ. Хорошо еще, что Фирсъ былъ занятъ у себя какими-то переговорами со своимъ „полковникомъ“ и пока не имѣлъ времени выразить желанiя видѣть невѣсту.

Наумъ крѣпко призадумался, когда Степанъ Егоровичъ, улучивъ удобную минуту, повѣдалъ ему о своемъ горѣ.

— Ишь вѣдь, разбойникъ, что выдумалъ, сказалъ онъ, — ишь до чего добирается! Нагрнулъ не званый не прошенный, напугалъ всѣхъ до смерти, все въ домъ вверхъ дномъ поставилъ, живетъ себѣ и въ усь не дуетъ, словно такъ и быть должно... Такъ, вишь ты, ему еще и барышня понадобилась... Это чтобы нашей барышнѣ красавицѣ да выйти за разбойника — нѣтъ, того не можетъ статься! Правда — теперь его воля, да сдастся мнѣ, — не надолго, и какъ ни-на-есть, а его перехитритъ надуть.

— Самъ я это знаю, отвѣчалъ Степанъ Егоровичъ, — да какая тутъ хитрость — никакой хитрости не придумаешь, только и можно, что тянуть время.

— А какой же попъ ихъ вѣнчать станетъ? вдругъ оживившись спросилъ Наумъ. — Отца-то Матвѣя вонъ вздернули. Изъ ближнихъ сель, про то я доподлинно знаю, ни одного попа не уцѣлѣло. Ну, вотъ это — разъ будетъ, пускай еще попа отыщешь, а попъ найдется — такъ у насъ Марья Степановна прихворнетъ изрядно, это — два будетъ. Хоть годочковъ ей и немного, а барышня она смышленная: чай ради своего спасенiя, умѣетъ хворую прикинуться. Такъ мы пока и оттянемъ время, а тамъ — что Богъ дастъ.

Отлегло немного у Степана Егоровича отъ сердца при этихъ словахъ разумнаго приказчика.

— Золотой ты человекъ, Наумъ, сказалъ онъ и потрепалъ его по плечу. — Коли живы останемся, никогда я этой службы твоей во все это тяжелое время не забуду.

Наумъ поклонился въ поясъ господину.

— Эхъ, сударь-батюшка Степанъ Егоровичъ, не велика моя служба, да кому же мнѣ служить, какъ не тебѣ — ты нашъ кормилецъ. А ужъ чувствуетъ, чувствуетъ мое сердце, что всѣ бѣды да напасти отойдутъ отъ насъ и будетъ на нашей улицѣ праздникъ... не даромъ говорится: сердце вѣщунъ! я своему сердцу вѣрю и съ каждымъ-то днемъ мнѣ спокойнѣе и спокойнѣе становится; не спроста это говорю: быть на нашей улицѣ празднику!..

Все такъ и сдѣлалось, по совѣту разумнаго Наума. Покричалъ, побурлилъ „Петръ Федоровичъ“, узнавъ, что вздернули безъ его приказа отца Матвѣя; но дѣлать было нечего, да и не могъ же онъ очень взыскивать со своихъ башкирцевъ да киргизовъ, раздражать ихъ, особливо теперь, передъ задуманнымъ походомъ на Симбирскъ,

никакъ не приходилось. Оставалось искать попа. И для этого Фирсь отрядилъ нѣсколько человѣкъ и разослалъ ихъ въ разныя стороны.

Однако прошло съ недѣлю, а попп не являлся. Страстный женихъ долженъ былъ ограничиваться свиданьями съ невѣстой при постороннихъ, при Аннѣ Ивановнѣ и сестрахъ, отъ которыхъ Машенька не отходила. Фирсь немного утѣшался тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, прежняго страха онъ не видитъ въ невѣстѣ, что съ каждымъ днемъ она становится спокойнѣе, даже улыбается иной разъ, видимо привыкаетъ къ мысли о предстоящей свадьбѣ.

Дѣйствительно, въ Машенькѣ была замѣтна большая переменѣна. Наумъ успокоилъ Степана Егоровича, а Степанъ Егоровичъ въ свою очередь успокоилъ домашнихъ, уговорилъ Машеньку, объяснилъ ей все, сказалъ, что отъ ея поступковъ зависитъ не только ея, но и всѣхъ ихъ спасеніе. И Машенька хорошо поняла это и выказала гораздо больше присутствія духа и сообразительности, чѣмъ даже можно было ожидать. А когда, наконецъ, притащили откуда-то священника, то она сыграла свою роль больной какъ нельзя лучше.

Фирсь сначала совсѣмъ не повѣрилъ ея болѣзни, но, взглянувъ на нее, онъ не могъ не убѣдиться въ дѣйствительности ея страданій.

— Эхъ ты, горе какое! говорилъ онъ, — времени-то сколько ушло. Авось болѣзнь не Богъ вѣсть какаѣ, денька три-четыре, и поправится Машенька, да со свадьбой теперь поневолѣ подождать надо—послѣ-завтра въ походъ выступаемъ, такого удобнаго времени никакъ упустить невозможно. Ну, дѣлать нечего, потерплю недѣльку-другую и ужъ привезу же я моей государынѣ невѣстѣ подарочекъ—поклонюсь я ей городомъ Симбирскомъ.

XII.

Вѣсть о выступленіи Фирса въ походъ была принята у Кильдѣевыхъ съ несказанной радостью, только конечно всѣ тщательно скрывали эту радость отъ разбойника. А Машенька, все еще окутанная, обвязанная и лежавшая въ постели, такъ даже съ радости особенно ласково съ нимъ попрощалась, позволила поцѣловать себя и пожелала ему добраго пути.

— Только чуръ, когда вернусь, чтобы ужъ никакихъ отговорокъ не было, сказалъ Фирсь,—свадьбу ни на одинъ день нельзя будетъ больше откладывать.

Лихая тройка уже позвякивала бубенчиками, вся шайка была въ сборѣ, всѣ нужныя распоряженія сдѣланы. Фирсь вострепнулся.

— Прощайте, прощайте... Пора! Прощай, Степушка...

И вдругъ онъ запнулся и даже какъ будто вадрогнулъ.

— Ну, а коли неладное что со мною случится, коли не вернусь... не поминайте лихомя!

Онъ еще разъ взглянулъ на Машеньку, улыбнулся ей и быстро вышелъ.

Въ немъ заговорила другая страсть, которая увлекала его теперь въ самое рискованное предпріятіе. Онъ чувствовалъ, какъ каждая жилка въ немъ заиграла.

Впередь, впередь съ безшабашными удалцами—нагрянуть на богатый городъ, расхитить все, захлебнуться, охмѣлѣть въ горячей схваткѣ съ непріятелями, заставить всѣхъ разбѣжаться или склониться передъ собою и потѣшить свою волю, исполнить всякое безумство, какое только придетъ въ охмѣлѣвшую голову. А что будетъ дальше—о томъ нѣтъ и мысли. Пусть будетъ, что будетъ.

И лихая тройка вынесла его на мягкую, пыльную дорогу. За нимъ неслась разношерстная конница, изъ лѣсу приставали къ нему поджидавшіе его тамъ сотни, а впереди, по дорогѣ къ Симбирску, въ каждомъ селѣ, черезъ которое будетъ проѣзжать онъ, его грязное воинство станеть пополняться еще десятками и сотнями новаго люду, точно такъ же какъ и онъ жаждущаго похмѣлья и крови, добычи и дикой воли...

Уѣхаль Фирсѣ, и снова оживилась Кильдѣвка. Поднялась съ постели Машенька, сбросила повязки съ головы и оказалась здоровою. Наумъ торжествовалъ—хитрость, имъ придуманная, удалась какъ нельзя лучше, да, видно, и Господь Богъ смилостивился.

— Такъ-то такъ, говорилъ Степанъ Егоровичъ,—только дальше-то что будетъ? не впервой вѣдь уѣзжаетъ и опять возвращается. Пройдетъ недѣля-другая—вернется, тогда отъ него ужъ не отвертишься.

— Не вернется, упрямо повторялъ Наумъ. — Не попуститъ Господь такого дѣла. Тоже вѣдь разсудить надо, сколько онъ зла понадѣлалъ, сколько крови пролил—не вѣкъ же такъ будетъ. Куда онъ до сей поры метался-то?—все по селамъ, да барскимъ усадьбамъ... Ну, оно и немудрено, что ему удавалось—некому его удержать было. А теперь не то. Видно Господь Богъ у него разумъ попуталъ—ишь вѣдь, легко сказать!—на Симбирскъ идетъ, а про то не знаетъ, что царицинаго войска видимо-невидимо подходитъ стало—вѣрные люди мнѣ говорили; да и посмотрѣлъ я на его-то воинство. Оно, конечно, коли грабить, да убивать, да на висѣлицы вздергивать—годится, ну, а въ битву выступить—это еще бабушка на двое сказала. Я такъ думаю, что коли зарядить пушку, да навести ее на Фирсовскихъ, такъ она еще не выпалить, а они ужъ дадутъ тягу.

Такъ разсуждалъ Наумъ и оставался совершенно спокойнымъ.

Проходили дни, долгіе дни ожиданій и тревога для Степана Егоровича и его семейства; прошла недѣля, другая—о Фирсѣ ни слуху ни духу, прошелъ почти мѣсяцъ, а женихъ все не подаетъ о себѣ вѣсточки. Тогда Степанъ Егоровичъ призывалъ Наума и далъ ему такое порученіе:

— Отправляйся-ка ты по дорогѣ къ Симбирску, да узнай, что и какъ. Тебѣ опасаться нечего—ни за дворянина, ни за попа тебя не

примуть, а коли и наткнешься на кого, тебя не учить стать—самъ изъ бѣды выпутаешься.

Наумъ почесалъ въ затылкѣ и усмѣхнулся.

— Вотъ вѣдь оно дѣло какое, сказалъ онъ. — Я-то и самъ ужъ давно объ этомъ думаю и все собирался отпроситься у твоей милости. Оно, конечно, неладно мнѣ въ такія времена оставлять Кильдѣвку, да Богъ милостивъ, ничего безъ меня не случится. А ужъ ждать у моря погоды больно надоѣло. Дозволь, батюшка Степанъ Егоровичъ, взять Гнѣдка съ конюшни, онъ лошадь добрая, сильная, устали ему нѣту, съ нимъ я живо это дѣло обдѣлаю и вернусь съ вѣрнымъ извѣстіемъ.

— Бери Гнѣдка, отвѣтилъ ему Степанъ Егоровичъ, — да и не мѣшай, замаялись мы тутъ всѣ, дожидаясь. Вонъ Анну Ивановну не узнать, просто совсѣмъ ее наше горькое горе иссушило.

Наумъ отправился и черезъ нѣсколько дней вернулся веселый, сіяющій.

— Что я говорилъ! не обмануло вѣщунъ-сердце, кончились наши бѣды, слава тебѣ Господи!

Всѣ кинулись къ нему, окружили его, въ ротъ ему смотрѣли, какъ и что онъ говорить будетъ.

И онъ повѣдалъ о многихъ важныхъ событіяхъ.

Оказалось, что Наумъ составилъ себѣ несовсѣмъ вѣрное понятіе о шайкѣ Фирса. Въ первое время эта шайка большихъ бѣдъ надѣлала. Подошелъ Фирсъ къ самому Симбирску. Полковникъ Рычковъ, вышедшій противъ него съ гарнизономъ, завязалъ сраженіе, но Фирсовцы не испугались выстрѣловъ и кончилось это дѣло, какъ обыкновенно въ тѣ времена оканчивались приступы Пугачева и его сподвижниковъ: симбирскій гарнизонъ измѣнилъ; Фирсъ изъ своихъ рукъ убилъ полковника Рычкова и ужъ торжественно вступалъ въ Симбирскъ. Но тутъ совсѣмъ неожиданно дѣло приняло иной оборотъ. На защиту Симбирска подоспѣлъ полковникъ Обернибцовъ. Завязалась отчаянная рѣзня; передавшійся на сторону Фирса симбирскій гарнизонъ, увидя, что перевѣсъ на сторонѣ новоприбывшаго полковника, тоже ударилъ на разбойниковъ. Они не устояли и побѣжали. Разсказывали, что Фирсъ выказалъ чудеса храбрости. Окруженный со всѣхъ сторонъ и уже раненый, онъ отбивался какъ чортъ и крошилъ всѣхъ къ нему подступавшихъ. Но вотъ просвистѣла пуля и ударила ему въ голову; онъ пошатнулся, опустилъ руки и рухнулся на трупы убитыхъ имъ солдатъ...

— Нѣтъ больше Фирса, да и могилы его нѣту! проговорилъ Наумъ,—миновало наше горе, свободна наша барышня...

Нѣсколько минутъ никто не могъ произнести слова, не могъ пошевелиться. Наконецъ, всѣ, какъ одинъ человекъ, даже старшіе изъ дѣтей, набожно перекрестились. Всѣ неволью забыли многое страшное и вспомнили только то, что этотъ человекъ такъ долго былъ

съ ними, что онъ по своему ко всѣмъ былъ ласковъ, что попадись они въ руки не къ нему, а къ кому нибудь другому, то навѣрно теперь всѣхъ ихъ не было бы на свѣтѣ. Тяжело стало на душѣ Степана Егоровича, — онъ больше всѣхъ другихъ забылъ разбойника Фирску, страшнаго „пугача“, и думая теперь о немъ, думалъ о Фирсѣ Ивановичѣ—старомъ другѣ далекой молодости.

Но извѣстiemъ о гибели Фирса не кончились новости, привезенныя Наумомъ. Онъ сообщилъ слухъ о томъ, что „самъ“, то есть настоящій Пугачевъ, схваченъ.

— Да вѣрно ли? спросилъ Степанъ Егоровичъ.

— Надо полагать, вѣрно, отвѣтилъ Наумъ. — Я дорогой-то приглядывался: у всѣхъ что-то совсѣмъ другія лица и глядятъ и говорить по новому. Нѣтъ, должно вѣрно... А коли и не схваченъ еще, такъ ужъ теперь скоро ему карачунъ—по всему, какъ есть по всему видно.

Этотъ день въ Кильдѣевкѣ былъ какъ-то особенно тихъ и торжественъ. Шумной радости никто не выражалъ, даже дѣти присмирѣли, а старшіе сидѣли задумавшись. Задуматься было о чемъ,—много пережилось въ послѣднее время; въ эти два-три мѣсяца будто десятокъ лѣтъ прошелъ. Вонъ Машенька—сидѣла, сидѣла, да вдругъ кинулась къ матери, крѣпко обвила ея шею руками и заплакала.

— О чемъ ты, о чемъ? спрашивала Анна Ивановна.—Теперь, Богъ дастъ, плакать ужъ не будемъ.

— Да сама не знаю, сквозь рыданія проговорила Машенька,—какъ-то странно мнѣ, и чудится, будто сама не узнаю себя, будто стала совсѣмъ другая, все другое, ничего прежняго, и прежнее будто далеко, далеко, такъ что даже трудно вспомнить, когда оно было...

XIII.

На слѣдующее утро раннимъ - рано вышелъ Степанъ Егоровичъ изъ дому, кликнулъ Наума и сказалъ ему:

— Ну, теперь надо намъ обойти сараи и посмотрѣть, что тамъ сложено.

Наумъ, себя не помня отъ радости, сбѣгалъ за нужными инструментами. Подошли они къ самому большому сараю. Живо выломали двери. Почти весь сарай полонъ наваленными другъ на друга тюками, узлами. Каждый тюкъ, каждый узелъ завязанъ толстыми веревками. Развязали они первый попавшійся узелъ, да такъ и ахнули—тамъ было нѣсколько иконъ въ драгоценныхъ окладахъ, серебряныя чаши, дароносицы, кадила и всякая утварь церковная.

— Ахъ, разбойники, разбойники! это они по церквямъ да по монастырямъ награбили, проворчалъ Наумъ.—Какъ у нихъ только руки не поотсохли, какъ ихъ Господь Богъ не убилъ на мѣстѣ? Вотъ, батюшка баринъ, нонѣ времена какія—люди-то хуже звѣрей стали...

— Да, тяжкія времена, печально отвѣтилъ Степанъ Егоровичъ,— не скоро тѣ бѣды забудутся, что Емелька Пугачевъ натворилъ... Сирыхъ-то сколько, горемычныхъ!.. Да ужъ что теперь толковать объ этомъ, завязывай-ка опять бережно узелъ, да тащи другой—все пересмотрѣть нужно.

Въ другомъ узлѣ оказалось еще больше иконъ и церковной утвари. Въ третьемъ были связаны мѣха дорогіе: собольи, куньи, горностаевые; бархаты, наряды богатые. Чѣмъ дольше разглядывали Степанъ Егоровичъ съ Наумомъ, тѣмъ больше изумлялись, глаза у нихъ разбѣгались отъ никогда невиданнаго богатства.

Разглядѣвъ все въ большомъ сараѣ и заперѣвъ его, пошли они по остальнымъ клѣтушкамъ и ужъ глазамъ своимъ не вѣрили—столько тамъ было всякаго оружія, серебряной посуды. Стояло тамъ также нѣсколько большихъ боченковъ.

— Это что же? и вино они тутъ же вмѣстѣ съ серебромъ прятать вздумали! сказалъ Наумъ.—Нѣтъ, это не вино, продолжалъ онъ, открывая одинъ изъ боченковъ. Глянь-ка, сударь, деньги!.. Да, такъ и есть, деньги, полный боченокъ!.. серебряныя деньги!..

Но Степанъ Егоровичъ не слышалъ Наума. Онъ самъ открылъ другой боченокъ и, пораженный, пересыпалъ въ немъ червонцами.

Наконецъ, очнувшись, онъ проговорилъ:

— О! да тутъ у насъ въ Кильдѣевѣ такое богатство, такое богатство, что и счесть его трудно. На это богатство болѣе сотни Кильдѣевовъ купить можно... Какъ же теперь быть со всѣмъ этимъ, чье все это,—кто хозяева?

— Чье, кто хозяева?! повторилъ Наумъ, — извѣстно кто—ты, сударь, твое все это теперичи! Видно Господь не безъ милости. Ну, не говорилъ я, что и на нашей улицѣ будетъ праздникъ.. Вотъ такъ когда пожить можно будетъ, батюшка Степанъ Егоровичъ! Да и то сказать, натерпѣлся ты въ жизни. Нужды-то твои да заботы намъ вѣдомы, иной разъ такъ жалостно было смотрѣть, какъ ты маешься... да вотъ и миновало горе. Помнится, какъ-то ты жалился, что дѣтокъ больно много, какъ вскормить ихъ, вырастить, какъ жить будутъ? а я, по своему холопъему разуму, отвѣчалъ тебѣ: Господь даровалъ ихъ — Господь о нихъ и промыслить,—ну вотъ, оно такъ и сталося. Теперичи хоть еще столько дѣтокъ—на всѣхъ ихъ хватить... Э-эхъ!.

Вдругъ голосъ Наума оборвался, на глазахъ его показались слезы. И этотъ спокойный, разсудительный человѣкъ, весь въ волненіи и радости, сталъ цѣловать руки своего господина.

Но Степанъ Егоровичъ стоялъ смущенный.

— Не мое, не мое! повторилъ онъ, — воротить надо хозяевамъ... Утаю воровское богатство—въ-прокъ не пойдетъ... это, можетъ, Господь испытаніе посылаетъ. Нѣтъ, Наумъ, не смущай ты мою душу, выйдемъ отсюда, скроемъ все до времени; пусть оно лежитъ, какъ было, а тамъ, какъ утихнетъ народъ, такъ ужъ, конечно, начальство

распорядится. Въ Симбирскѣ бы нужно ѣхать, да объявить, что у меня награбленное добро оказалось...

— Степанъ Егоровичъ, господишь ты мой милостивый, послушай моего холопьяго слова, перебилъ его Наумъ.— Не ѣзди въ Симбирскѣ, нишкни, время-то теперъ не такое, неравно еще безъ вины въ бѣду попадешь. А что скрывать все это пока, это точно надобно. Боченки мы тихомолкомъ въ домъ перенесемъ, въ твой покойчикъ, гдѣ жилъ Фирсъ, и держи ты тотъ покойчикъ на запорѣ; а тюки всѣ мы въ одномъ большомъ сараѣ сложимъ—мѣста тамъ довольно, да и запремъ хорошенько. Тамъ по времени видно будетъ... Вѣстимо, коли хозяинъ своему добру объявится доподлинный—вернуть будетъ надо; да гдѣ тѣ козьева? въ сырой землѣ давно. Фирсъ-то со своими людьми не больно щадилъ, можетъ, теперъ до самаго Симбирска ни одной и усадьбы цѣлой нѣту, ни одного барина; развѣ которые въ Питерѣ да въ Москвѣ проживаютъ...

Степанъ Егоровичъ послушался Наума, съ мнѣніемъ котораго оказалась согласной и Анна Ивановна; въ Симбирскѣ онъ не поѣхалъ, боченки съ золотомъ и серебромъ перенесли въ домъ, тюки всѣ сложили въ сарай и вѣрѣтко заперли. Старшія дѣти знали, что въ сараѣ этомъ добро разное, но сколько его и какое оно—про то имъ не говорили; а младшія дѣти глядѣли на этотъ сарай съ ужасомъ, зная, что въ немъ разбойники что-то спрятали и полагая, что это что-то — очень страшное.

XIV.

Между тѣмъ, вотъ и ноябрь наступилъ, свѣгу навалило, установилась санная дорога. Собрался Степанъ Егоровичъ въ Симбирскѣ узнать о томъ, что на свѣтѣ дѣлается: казнили ли Емельку Пугачева, смирно ли за Волгой, а главное хотѣлось ему провѣдать, не говорятъ ли чего о разбойничьихъ награбленныхъ богатствахъ, не приказано ли чего относительно этихъ богатствъ, въ случаѣ еслибы онѣ гдѣ оказались.

Тревога душевная не прекратилась для Степана Егоровича съ освобожденіемъ Кильдѣевки отъ владычества Фирса и его шайки; правда, теперешняя тревога была далеко не прежняго свойства, но все же настолько сильна, что Степанъ Егоровичъ по цѣлымъ ночамъ не спалъ, все свои думы думалъ.

„Вѣдь вотъ они, тутъ подъ бокомъ, эти боченки съ золотомъ и серебромъ, а въ сараѣ десятки лудовъ посуды серебряной, мѣха дорогіе, оружіе, двѣ большія уклады съ камнями самоцвѣтными... Тутъ все это, и никто пока про то не знаетъ. Въ рукахъ богатства неисчислимыя, какія и во свѣ-то никогда не грезились, а бѣдность въ домѣ по прежнему — все разорено, съ крестьянъ взять нечего, почти весь скотъ домашній уничтоженъ разбойниками“.

Не разъ входилъ Степанъ Егоровичъ въ запертой покойчикъ, не разъ открывалъ боченки; сильно хотѣлось ему попользоваться хоть горстью денегъ, но ни разу онъ не рѣшился на это,—онъ боялся и ответственности, и страшными казались ему эти деньги, добытыя грабежомъ и убійствомъ. А между тѣмъ, такъ и тянуло, такъ и тянуло къ этимъ проклятымъ деньгамъ, да и Наумъ въ искусителя превратился: почти каждый день толкуеть, что еще потерпѣть немного—да и заживетъ Степанъ Егоровичъ всей губерніи на удивленіе и зависть. Нѣтъ-нѣтъ, да и начинаютъ рисоваться Кильдѣеву самыя соблазнительныя картины.

„Вся-то жизнь въ черной работѣ прошла, въ нуждѣ да заботахъ, ужасы всякіе пережиты... охъ, кабы отдохнуть!—Вѣдь на эти деньги теперь кругомъ всё имѣнья закупить можно... всё раззорены, всёмъ деньги нужны... слышно, продаютъ за безпѣнокъ... Дочки невѣсты, вѣдь только узнаютъ—лучшіе женихи въ губерніи явятся, отбою не будетъ, выбирай любого!“

Даже дрожь пробираетъ Степана Егоровича, но онъ все крѣпится. Что-то вотъ въ Симбирскѣ скажутъ?

А въ Симбирскѣ, въ канцеляріи, говорятъ ему, что отъ правительства указъ вышелъ. Все оставленное бунтовщиками и разбойниками въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ они притоны свои держали и склады имѣли—все это поступаетъ въ собственность владѣльцевъ имѣній.

У Степана Егоровича шибко забилось сердце.

— Да точно ли это, заправду ли есть такой указъ? запинаясь спрашивалъ онъ всѣхъ и каждого.

Нѣкоторые изъ чиновниковъ были ему и прежде того знакомы; они окружили его, принесли бумагу, прочитали. Но онъ все еще не вѣрилъ, пока самъ, своими глазами, не прочелъ той бумаги, а какъ прочелъ, то бросился всѣхъ обнимать, руки трясутся, на глазахъ слезы, самъ крестится.

— Да что, или у тебя, Степанъ Егоровичъ, въ Кильдѣевкѣ много воровскаго осталось?

— Много, государи мои, много!..

— Какъ? что?

— Всего много, и вещами дорогими, и деньгами... боченки съ деньгами... сколько—не знаю еще доподлинно, не считалъ, а не меньше какъ тысячъ на триста, четыреста будетъ.

— Вотъ такъ счастье!.. Кому горе, раззореніе... а вотъ людямъ такое счастье!..

И произошла тутъ сцена, обыкновенная въ подобныхъ случаяхъ.

Вѣсть о томъ, что у Кильдѣева оказалось громадное богатство, мигомъ облетѣла всю канцелярію и пошла дальше по городу. Люди, до сихъ поръ относившіеся къ Степану Егоровичу высококѣрно и съ пренебреженіемъ, вдругъ стали выказывать ему знаки искренной дружбы и почтенія; незнакомые съ нимъ спѣшили познакомиться, на-

говорили ему кучу пріятныхъ вещей. Всѣ его распрашивали, тормошили, завидовали ему и уже злословили. Но онъ, съ копіей драгоцѣннаго указа, слѣшилъ скорѣе домой, въ Кильдѣвку.

XV.

Можно себѣ представить, какъ принята была въ Кильдѣвскомъ ульѣ привезенная Степаномъ Егоровичемъ новость. Одинъ только Наумъ оставался торжественно спокойнымъ; онъ давно уже ожидалъ всего этого, давно приготовился къ наступающей перемѣнѣ.

Счастливый и словно помолодѣвшій, принялся теперь Степанъ Егоровичъ за окончательный осмотръ такъ чудесно доставшихся ему сокровищъ. Сталъ считать и пересчитывать свои богатства, и оказалось, что у него не на триста, не на четыреста тысячъ рублей, а на цѣлыхъ семьсотъ хватить,—сумма въ то дешевое время огромная.

Но у Анны Ивановны вырвалась фраза:

— Охъ, боюсь я, боюсь — пойдеть ли намъ въ-прокъ воровское богатство?!

Услышавъ эти слова вѣрной жены своей, которыя были только повтореніемъ того, что и самому ему нѣтъ-нѣтъ, да и приходило въ голову, Степанъ Егоровичъ снова крѣпко задумался. Однако онъ скоро нашелъ способъ успокоить свою совѣсть, избавиться отъ опасенія за будущее и въ то же время воспользоваться счастливымъ настоящимъ. Онъ тотчасъ же сталъ разузнавать по окрестнымъ монастырямъ да церквамъ, гдѣ и что было похищено, и все это возвратилъ по принадлежности. Затѣмъ началъ онъ скупать имѣнія, переселился въ просторныя каменные хоромы, верстахъ въ десяти отъ Кильдѣвки, и началъ строить церковь, съ тѣмъ чтобы пожертвовать въ нее все церковное имущество, какое у него еще осталось и происхождение котораго ему бы неизвѣстно.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и вѣроятно теперь въ Степанѣ Егоровичѣ никто бы не узналъ прежняго скромнаго труженика—совсѣмъ другой видъ у него, совсѣмъ другія манеры. Да и все кругомъ него измѣнилось—не одно счастье привалило, пережилось немало и горя. Начать съ того, что Степанъ Егоровичъ лишился своей Анны Ивановны; прежде такая здоровая и бодрая, она, послѣ всѣхъ приключеній Фирсова нашествія, стала хирѣть и года черезъ два умерла. Хвора Оленька и нѣкоторыя изъ младшихъ дѣтей тоже умерли, несмотря на то, что теперь уходъ за ними былъ не прежній, что они ужъ не бѣгали босоножками по двору. Машенька вышла замужъ за богатаго сосѣда, но за нею долго еще сохранилось въ Симбирскѣ прозвище „разбойничьей невѣсты“. Старшіе сыновья уже служили въ Петербургѣ въ гвардейскихъ полкахъ. Дома подросли новыя невѣсты. Заправляла всѣмъ старшая, горбатенькая Аришенька. Не смотря на свой печальный недостатокъ и некрасивое лицо, она вышла такой

разумной, веселой и доброй, что вполне замѣнила покойницу мать и была истинной матерью для своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ. Она хорошо понимала, что ея жизнь должна принадлежать другимъ, что для себя самой ей нечего мечтать о счастьи, и величайшимъ удовольствіемъ ея было устраивать всякія свадьбы. Такъ, успѣла она выдать замужъ за хорошихъ людей и двухъ несчастныхъ дочекъ отца Матвѣя, которыя жили у нихъ въ домѣ. Степанъ Егоровичъ далъ имъ порядочное приданое.

Наумъ, въ качествѣ главнаго управителя и совѣтника Степана Егоровича, благоденствовалъ со всею своею семьею. Онъ давно уже получилъ вольную и при этомъ Степанъ Егоровичъ пожаловалъ ему цѣлыхъ десять тысячъ. Ни отъ вольной, ни отъ десяти тысячъ, Наумъ не сталъ отказываться, но для себя не хотѣлъ ничѣмъ воспользоваться. Оставшись у Степана Егоровича, онъ до конца считалъ себя его крѣпостнымъ слугою, но зато всѣ усилія употреблялъ, чтобы образовать и вывести изъ люди дѣтей своихъ. Его дѣти воспитывались вмѣстѣ съ младшими дѣтьми Степана Егоровича и одинъ изъ нихъ впоследствии перещеголялъ всѣхъ Кильдѣевыхъ, дослужился до большихъ чиновъ и сталъ въ ряду видныхъ дѣятелей позднѣйшаго времени.

Всеволодъ Соловьевъ.

ЖИВЫЕ ПОКОЙНИКИ.

„Да будетъ прощень предвѣчно наказанный!“

ГОВОРИТЬ о значеніи раскола было бы совершенно излишнимъ, но въ то же время не можемъ не сказать нѣсколько словъ, могущихъ служить разъясненіемъ того почти невѣроятнаго факта, который описанъ въ предлагаемомъ очеркѣ. Прежде нежели трактовать извѣстное явленіе такъ или иначе, необходимо изучить его прошедшее, т. е. причины, его вызвавшія, его настоящее, т. е. точно описать, въ какомъ видѣ и при какихъ обстоятельствахъ представляется оно современному наблюдателю, и наконецъ, выяснитъ тѣ задатки будущаго, которые присущи ему. Къ сожалѣнію, грандіозное явленіе раскола подвергалось до самаго послѣдняго времени лишь крайне поверхностному изслѣдованію: или его изучали официальные лица, отъ которыхъ, по выраженію самихъ раскольниковъ, имъ приходилось всячески отлынивать и скрываться, „страха ради іудейска“; или все вниманіе наблюдателей обращалось на догматическую сторону раскола, тогда какъ социальная сторона его оставалась необслѣдованною, также точно, какъ и причины, вызвавшія появленіе, и главное—постоянное усиленіе раскола; или люди брались за изученіе раскола съ предвзятою мыслью—найти въ немъ одно лишь дурное; или же, наконецъ, нѣкоторые фантасты думали найти въ немъ поддержку своимъ личнымъ социально-политическимъ вождельніямъ. Ясно, что, прежде чѣмъ говорить о расколѣ, надо его изучить на мѣстѣ и изъ устъ самихъ раскольниковъ таковымъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ есть, со всеми его крайностями, несообразностями, недостатками и задатками дальнѣйшаго развитія; должно знать хо-

рошее и дурное, живое и живучее, мертвящее и уже мертвое. Только когда выяснится расколъ во всѣхъ подробностяхъ своихъ, возможно будетъ знать, нужно ли вообще и, если нужно, то противъ какихъ его догматовъ и положеній бороться, знать также и оружіе, съ которымъ придется выйти на борьбу съ нимъ. Положимъ,—оружіе это извѣстно уже а priori, и состоятъ въ образованіи народа, но вопросъ въ томъ, чему предстоитъ учить и какъ. Для борьбы съ скопчествомъ и хлыстовщиной достаточно удовольствоваться обычнымъ образованіемъ, тогда какъ такая секта, каковы „живые покойники“, потребуетъ уже иного.

Всѣ эти соображенія заставили насъ сообщить здѣсь возможно полное вѣрученіе „живыхъ покойниковъ“ и показать, до какой степени можетъ заблуждаться, безъ надлежащей подготовки и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, пытливый умъ, не нашедшій удовлетворенія и жаждущій найти „истину“.

Одинъ изъ героевъ Достоевскаго, пьяненькій чиновникъ Мармаладовъ, утверждаетъ, что самое ужасное положеніе того человѣка, которому „некуда идти“. У господъ на этотъ случай припасенъ бываетъ револьверъ Смита и Вессона, или же, за неразрѣшеніемъ полиціею „имѣнія при себѣ огнестрѣльнаго оружія“, на худой конецъ—Нева можетъ сослужить добрую службу, кусокъ синеродистаго калия и даже нашатырь—когда человѣку не только „некуда“, но и не хочется идти поискать болѣе пристойнаго яда, головки отъ спичекъ, окно въ квартирѣ пятаго этажа, уголья—все является на помощь „заскучавшему“ и „порѣшившему покончить“ барину. Иное дѣло, когда „некуда идти“ крестьянину! Тутъ и конецъ-то все некрасивый: возжи, прорубь, туникъ,—кишки вылѣзутъ, весь синій станешь, а главное—грѣхъ, не похоронятъ, царствія небеснаго лишишься, семьѣ дожука, самого потрошить стануть, ангель хранитель семь дней за крыло привѣшенъ будетъ, при второпришествіи не воскреснешъ. Куда тутъ дѣваться? что тутъ дѣлать?

Исходы есть, однако, и здѣсь: кабакъ, монастырь, раскольничій скитъ.

Попалъ я разъ въ такія палестины нашей „обширной“ родины, что ни одинъ становой туда носа не показывалъ; обрѣлъ я, наконецъ, тотъ Щедринскій уголокъ, куда „не успѣли еще прислать окладнаго листа“. Гдѣ это было—говорить незначѣтъ, а то окладной листъ пришлютъ, и начнутъ тогда для этого таинственнаго уголка „историческія времена“. Скажу лишь одно: было все это на сѣверѣ, но не на томъ, что понимаютъ подъ „сѣверомъ петербургскимъ“. Сѣверъ сказанъ тутъ новгородскою старою рѣчью, стариннымъ обличемъ новгородскимъ, отсутствіемъ помѣщиковъ въ былое время, неиспорченностью народа и истовымъ восьмиконечнымъ крестомъ, который, что ни говори, а все коренной нашъ, русскій, древній крестъ, когда-то со стяга Дмитрія Донскаго взиравшій на полчища Мамая, крестъ

Владимира Святого и Ольги. Лошадей мы давно уже бросили; долго, дней пять уже, какъ шли сухопутьемъ, наволокомъ, побросавши и лодки; шли, какъ подобаетъ настоящимъ путешественникамъ: я да Артамонъ Васильевичъ, съ топоромъ за поясомъ, съ пудьюю винтовкою на плечѣ, съ торбою за спиною, да еще собаченка Артамонова, изъ породы лаекъ—длинная такая, неказистая, а собака преумная и привычекъ самыхъ пріятныхъ и благородныхъ. Звали пса этого странно: „Никашкою“—не вытерпѣлъ, звать, хозяинъ, чтобы не надругаться надъ ненавистнымъ ему патриархомъ Никономъ; тѣмъ не менѣе, песь видимо обижался, когда его звали данною ему кличкою—рычалъ, и охотно откликался и хвостомъ юлилъ на простой крикъ: „песь!“ Самъ Артамонъ мужикъ былъ ражій, лѣтъ 45, и мнѣ за нимъ идти было нежутко, такъ какъ и онъ не долженъ былъ по записи давать меня въ обиду, да и самъ-то я снабженъ былъ ремингтонкою, да револьверомъ,—благо на все это въ этихъ краяхъ запрета отъ полиціи по счастью не вышло.

— Скоро ли же, Артамонъ, твои „покойники-то“ будутъ? спросилъ я, наскучивъ прыганьемъ по кочкарнику и хожденіемъ по болотинѣ, яко по суху.

— Пятка три осталось! не больше.

И то славу Богу! цѣлыхъ двѣсти верстъ ушли мы даже отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живетъ настоящій человѣкъ, т. е. обложенный разными податями; пять дней, кромѣ лѣса и ржаваго, желѣзистаго болота, я ничего не видѣлъ; пять дней, что настрѣляемъ, то и съѣдимъ—надоѣло; захотѣлось избы, человѣка, говора людскаго.

Къ вечеру, часу въ седьмомъ, изъ-за лѣса показалась прогалинка, а на прогалинкѣ не то село, не то деревня, напоминавшая одну изъ картинъ, приложенныхъ къ описанію путешествій Олеарія и Герберштейна. Посреди прогалины возвышались высокіе двухъ и даже трех-стройные дома изъ здороваго, хозяйственнаго—благо не занимать его стать—лѣса, а за домами серебрилась широкая, многоводная, да и многорыбная рѣка. Видно, живутъ здѣсь люди не въ нуждишкахъ повседневныхъ, не „изголоду въ недоядь“, а словно какіе тузоватые хозяева, у которыхъ закрома отъ хлѣба-зерна ломаются. А зерна-то и въ поминѣ нѣтъ! такъ, по привычкѣ своей старорусской—грѣхъ де землю матушку въ пустѣ пускать, пусть де она мать матерью и въ доподлину будетъ, хоть и тяжело ей тутъ матушкѣ разрожаться, —сѣють люди четверикъ, другой, овсеца, да ржицы, словно морозу на пожраніе. Вся тутъ ѣда, все довольство не въ хлѣбѣ, не въ зернушкѣ задачливомъ, а въ тѣхъ лѣсахъ и рѣкахъ непроѣзжихъ и непроходныхъ, гдѣ не только еще не слышится „мерзкаго свистанія бѣсовскаго“, но даже и погикиванія земскаго ямщика, гдѣ звонъ колокольный никогда еще не раздавался. Въ лѣсу дичи и звѣря напасено на охочаго человѣка вволю, а въ рѣкѣ Т., да въ плѣсахъ по ней и въ ламбахъ, рыбы—дѣвать некуда! Дѣвать-то, положимъ, и есть куда, такъ

какъ давно завелось, что добрыя люди являются сюда за товаромъ и по первопуткѣ свозятъ его въ тѣ мѣста, гдѣ давно уже завелись и окладные листы, и ярмарки. А на спросъ: „гдѣ товаръ достали и почему?“—одинъ отвѣтъ, одинъ побытъ: „гдѣ куповали, тамъ теперь насъ нѣтъ, а почему?—по деньгамъ“. Дѣло торговое—дѣло темное, и повелось у насъ еще изстари съ нимъ отъ всѣхъ людей таиться, да хорониться, а потому люди добрые такой отвѣтъ выслушаютъ, а сказать—ничего не скажутъ. Пробовали было, старались—виномъ поить думали, такъ не пьютъ, а безъ вина и вѣкъ не добьешься. Послѣ уже мнѣ и не вѣсть что толковали: лѣшаго де къ этому дѣлу приспособили, чтобы рябцовъ, да копалъ въ силки ловить, бѣлку бить и иного звѣря; набьетъ, набьетъ, да имъ и предоставитъ, потому слово такое знаютъ—„можайское“. Какъ ни какъ, а только въ ближайшихъ селахъ знаютъ кое-кто, да кое-что, а въ „центрахъ“ полагаютъ, что тутъ „однѣ лишь дебри и топи“. Удавалось бывалымъ въ тѣхъ мѣстахъ людямъ записать на мѣстѣ такой сказъ: „полѣсоваль я въ тапоры тамъ-то и вышли мнѣ изъ лѣсу невѣдомые люди, кои словъ со мною никакихъ не говорили и, помедля мало, въ лѣсу же скрылись“. Спасибо, вошло у насъ на Руси въ обычай сваливать такія кажущіяся встрѣчи на зеленое вино, а потому и становой лишь избранить, обыкновенно, такого разказчика и посовѣтуетъ ему въ другой разъ „зѣньки-то свои не въ конецъ заливать“, до того, что въ неуказанномъ мѣстѣ ему люди кажутся. Былъ и такой, говорятъ, случай: попалъ въ тѣ мѣста новенькій становой или лѣсовикъ, да и ну казенное имущество оглядывать; сунуло его, будто, и на далекую Т.; недолго однако тотъ становой или лѣсовикъ послѣ того на мѣстѣ просидѣлъ—уѣхалъ къ себѣ въ Польшу, землю купилъ и еталь жить настоящимъ паномъ.

А я, признаться, еще въ Петербургѣ наслушался разказовъ о какой-то новой сектѣ, которую кто называлъ „нѣтчиками“, кто „нѣтовцами“, прибавляя для пуцаго страха эпитетъ „глухая“, а кто и прямо-таки—„сжигальщиками“. Чтò это за секта, во что вѣрить и что именно отрицаетъ—никакъ довѣдаться я въ нашемъ невѣдущемъ Петербургѣ не могъ и принужденъ былъ выждать того времени, когда самому привелось побывать въ тѣхъ мѣстахъ. Спросишь, бывало: — Да гдѣ же искать то ихъ? въ уѣздѣ какомъ? „Тамъ тѣ укажутъ... тамъ узнаешь...“ только бывало и добьешься! И вовсе уже близко къ этимъ чудакамъ подѣхалъ, а все говорятъ знающіе люди: „это, братъ, дальше развѣ, а у насъ что-то не слыхать“. И вотъ случайно наталкиваюсь я на Артамона Васильевича, который по счастью скоро облюбилъ меня и „раскрылся по душѣ“, что „онъ де самый ихній сбытчикъ и есть“. Слово за слово, разказъ за разказомъ, дошли до подробностей и порѣшили, что Васильичъ сводитъ меня къ „покойникамъ“, какъ самъ онъ ихъ называетъ—„потому-де живутъ въ покоѣ, и о покоѣ Бога молятъ“.

Не прошло и получаса, какъ я уже сидѣлъ въ просторной, но далеко не свѣтлой избѣ и самоварился съ хозяиномъ, „старцемъ Абрахимомъ“—главнымъ начальникомъ и верховою „покойниковъ“. Артамонъ Васильевичъ такъ прямо и привелъ меня сюда, словно къ хозяину, который не скрывается отъ „рассейскаго мира“, на большой дорогѣ живетъ, а не хоронится въ лѣсу и болотинѣ отъ нескромнаго глаза докучнаго посѣтителя. Потолковали мы съ нимъ часочекъ времени и пошла у насъ „игра въ открытую“, а то было сначала, несмотря на самую лестную для меня рекомендацію Артамона, старикъ все приглядывался, да прислушивался, нѣтъ-ли во мнѣ какого подвоха. Страшенная ворона и куста боится—дѣло понятное!

— Такъ, сказываешь, въ Питерѣ еще объ насъ слыхалъ?

— Въ Питерѣ, старче, въ Питерѣ! только все что-то странное рассказываютъ... Даже и прозвища-то вашего не знаютъ... толкуютъ, что самосожигатели, нѣтчики, нѣтовцы, а вонъ Артамонъ такъ за просто васъ „покойниками“ величаетъ.

— И то воистину! живые мы покойники — вѣрное это слово! Самъ ты знаешь, небось, что не въ шесть же въ самомъ дѣлѣ дней Господь сотворилъ поселенную; ваши церковники и такъ и этакъ примѣряли, да все не ладно выходитъ... не днями тутъ пахнетъ, а можетъ сотнями и тысящами лѣтъ... такъ-то! и по наукѣ-то такъ выходитъ: Котта—господинъ, книжку написалъ: шесть, говоритъ, пластовъ, шесть эпохъ мірозданія, землестроенія... тоже и мы вѣдь читали! ты думаешь, у меня книжки этой нѣтъ? хочешь принесу?

Конечно, я успокоилъ своего собесѣдника и постарался убѣдить его, что я не сомнѣваюсь въ томъ, что есть у него „Котта“.

— Потворивши шесть дней, Господь—что? какъ сказано? „почи отъ дѣлъ своихъ“. А „почи“ что значить? Аль ты, когда почиваешь, работаешь? Почему же для тебя „почи“ — одно, а для Бога — иное? Умничали, умничали своими куриными мозгами, а того и не видятъ, что между глазъ у нихъ носъ болтается. И отчего это глады пошли, и моры, и труссы, и потоппы, и святымъ поруганіе, и проти брата возстаніе? Да не-ужъ-то же коли бы Богъ-то бдѣлъ, такъ все это было? неужели вы того разобрать не можете, что онъ бы не попустилъ всего этого? А вы-то хлопчете, а вы-то разныя машины выдумываете! вотъ, ономнясь, газета кака-то попалась—тифъ проявился! Ну, что же? рѣшили тифъ этотъ, или все еще думаете, отчего бы это напастъ приключилась? Что же, Богъ-то у васъ — злодѣй, что-ли, роду человѣческому? наготовилъ, наготовилъ людей, да и ну надъ ними куражиться? А вотъ, кабы вы писаніе-то читали, такъ и увидали-бы истину... Богъ-то и радъ бы, да никакъ ему невозможно — потому „почи отъ дѣлъ;“ пока строкъ не пройдетъ, осьмой день не настанетъ, такъ и будетъ почить... А вы-то ему вопите, а вы-то орете, а вы-то его свѣчами подпаливаете—авось-де услышитъ... Нѣтъ ему закона бдѣть и бодрствовать — ну, и не можетъ...“

— Ты постой, перебилъ я старика,—многое ты мнѣ сказалъ такое, что съ полуслова не схватишь... говори не сразу — дай и мнѣ въ словахъ твоихъ разобраться. Ты вонъ толкуешь: почилъ Богъ, а зачѣмъ почилъ, не сказываешь?

— На что почилъ? а законъ!

— Какой же законъ, говорю, — Господь выше закона, онъ самъ законъ.

— Да Богъ-то откуда вышелъ? полагать надо не съ неба свалился? онъ-то что? наука прямо говорить: (sic) сила силъ. Ну, а ты погляди-ка-сь: разѣ вода можетъ мельничное колесо не ворочать, или паръ чугунокъ не гнать? а выпусти паръ, спусти воду — ну, и стала и мельница, и чугунокъ. Такъ-то и Богъ! ты вотъ читалъ, видно, Бибелью, да плохо, а то бы эту самую зачѣпку бы запримѣтилъ... Какъ сотворилъ Богъ человѣка, онъ что сдѣлалъ? Нука-сь, припомни... душу-то вдунулъ—ею оживилъ, а самъ и ослабѣлъ... Ты ослабѣешь, что сдѣлаешь? почишь? ну, понялъ?

— Чудны дѣла твои, Господи! подумалъ я; сидитъ передо мною человѣкъ, который въ жизнь свою ничему не учился и даже самого „Котту“ читаетъ съ азами и буквами; сколько же долженъ былъ онъ вытерпѣть, прежде нежели дойти до этой рѣжущей, рубящей заживо „логики“.

Стало меня подмывать сбить старика съ его „нелогической логики“; думаю—не можетъ же быть, чтобы этотъ человѣкъ на всякій спросъ и на всякую уловку изготовилъ отпоръ и свою спохватливую замашечку, въ которой не разобраться отъ смѣшенія непонятыхъ научно-философскихъ мыслей и доморощенныхъ додумокъ и догадокъ. Мнѣ все хотѣлось знать, самъ-то старикъ истинно-ли вѣрить въ то, что проповѣдуетъ, или же надуваетъ своихъ однологовниковъ (чтобы не сказать односельчанъ).

— Да развѣ, говорю, — сила силъ можетъ уменьшиться или увеличиться?

— А ты какъ думаешь, солнце такъ, всегда во всю лучъ пускаетъ? или не знаешь, что на немъ пятна есть, и теплоты и свѣта то больше, то меньше отъ него бываетъ. Тоже вѣдь, коли хочешь, силы его не уменьшается, а свѣту-то поменьше и побольше быть можетъ.

— Такъ вѣдь, старче милый, говорю, — въ такомъ разѣ, если доброе-то спать, такъ зло царствовать будетъ на землѣ всецѣло?

— А по твоему не „царствуетъ“ оно? по твоему очень много ужъ правды, да благополучія? дѣвать некуда! Какъ первый грѣхъ совершился, такъ началось царство зла и неправды; кабы люди-то не грѣшили, скорѣе бы наступилъ осьмой день, а тутъ съ Адама да Евы и пошло, и пошло!.. чуть что не за разъ братъ брата убилъ... отецъ съ дочерьми спалъ... виданное-ли дѣло? гдѣ же тутъ надѣяться на Божию благодать, на Божию заступу!

— Да вѣдь коли теперь царство зла, такъ и царить, значить, царь зла и отецъ лжи?

— Э, эхъ! человѣче, человѣче! Куда скоры вы на осуду! куда за поповскими недоумками бѣгать любите! Ну, царствуетъ! да и царствовать будетъ до самого осьмаго дня! такъ поэтому и отрицаться его, и чураться, и ругать, какъ вы дѣлаете... А ты, коли узрѣлъ, что его нынче держава наступила, такъ къ нему припади, моли его, ублажай слезно...

— Старче, старче! это чорту молиться?

— А коли понимаешь ты, что не годится, такъ ты иначе пойми! какъ твоему разуму способно... Что же? въ самомъ дѣлѣ, что ли, я говорю, чтобы чорту люди молились? могій вмѣстити, да вмѣстить, а не могій — слова самого да слушается. Не вѣрю же я въ самомъ дѣлѣ въ того чорта, что у васъ да и у староправыхъ изображаютъ — все ложь одна... разѣ онъ такой. Легкое дѣло! чуть что — чортъ попуталъ! а поищи-ка-сь этого чорта, такъ, глядишь—онъ въ самомъ человѣкѣ попрятавшись. Какъ разберешь ты дѣла, да какъ вникнешь хорошенько въ то, что отецъ-то лжи да царь тьмы не иной кто, какъ самъ человѣкъ, такъ и поймешь ты мои слова о томъ, что припасть къ нему надо, молить его и ублажать, чтобы не загубилъ онъ въ конецъ свою нетлѣнную, вѣчную душу, а соблюлъ ее, благо не трудно ему отъ самого же себя блюсти ее.

— Вотъ этакъ-то, говорю, — лучше, старче, людей не морочишь!

— И чудакъ ты только, посмотрю я на тебя! ей-ей чудакъ! Какъ думаешь? кабы Христось власи по-назирейски не носилъ, да сыномъ Давида, сирѣчь царемъ іудейскимъ, не назвался, народъ-то за нимъ очень пошелъ-бы? да на что ему ходить, да противу властей языческихъ мутиться, кабы Исусъ-то только и проповѣдовалъ: подставилъ другую щеку, любилъ ближняго, какъ себя самого, раздавалъ имущество... а иному и раздавать нечего? Или много-ли христіанъ-то безъ креста бы набралось? Много бы Люторь безъ обоехъ видовъ подѣлалъ? Много бы нашъ Аввакумъ да Никита безъ бородъ, да двуперстія? Только флахтъ одинъ и держитъ! тебѣ флахтъ не нуженъ, а тысящи его только и ждуть, только за нимъ и идутъ...

— Какой флахтъ? спрашиваю.

— Какъ какой? Да ты на войнѣ-то бывалъ-ли? Вотъ и видно тотчасъ, что не бывалъ... Ты за вѣру идешь, другой за правду, а за что же Ванька съ Прошкой на врага лѣзуть? этимъ чего требуется? тебя правое дѣло, вѣра гонить да подталкиваетъ, а ихъ что? Ты имъ хошь недѣлю недѣльскую о правомъ дѣлѣ передъ боемъ толкуй—стоитъ, ровно центюхъ какой... а покажи-ка-сь ему флахтъ, а распусти-ка-сь его по вѣтру, да чтобы съ золотымъ крестомъ, да красочекъ пусти поярчѣе... словно его кто палкой погонить — знай „уру“ кричить, да прѣтъ за флахтомъ, словно и не вѣсть какую святыню оборонить, словно тутъ-то, во флахтѣ, и истина вся и все до-

стояніе. Руку даетъ себѣ отсѣчь, кишки даетъ себѣ выпустить, а флахтъ—тряпицу негодную—оборветъ, да на груди и сохранить, коли спасти не удастся. Вотъ ты и понимай, что онъ, флахтъ-отъ, значить! безъ него ни Васька, ни Прошка на турку не пойдутъ, потому тотъ ихъ ничѣмъ не изобидѣлъ и неизубытчилъ. Ты безъ флахту обойдешься, а ему видимость нужна... дай ты ему, аки древле Өомѣ, ощупать, да перстъ вложить! потомъ-то для него перстъ этотъ дороже жизни дѣлается, а до поры не ворохнется...

— Да вѣдь ложь это? чертями-то запугивать, когда самъ въ нихъ не вѣришь?

— Это ты, человѣче, не вѣришь, а я-то какъ еще чудесно вѣрю! что же, по-твоему, тѣлесный-то человѣкъ лучше, что-ли, того козлоногаго, что у васъ пишутъ? нѣтъ, чуть ли еще не похуже будетъ. Гдѣ же тутъ ложь, когда я своимъ денно и ноцно толкую: вы есте жилище діавола, измените его изъ себя и оставите онъ міръ сей, и наступите блаженное время осьмага дня! гдѣ же тутъ ложь, человѣче? одна лишь чистая правда.

Замѣчу кстати, что всѣ рѣчи старца Абросима я тутъ же намѣчалъ у себя въ записной книжкѣ; говорилъ онъ медленно и записывать не составляло особеннаго труда, поймавши и усвоивши себѣ его манеру говорить. Чуть не на первой же записи онъ усмѣхнулся и спросилъ: „Поди, чай, въ газету свою снесешь? повремени, пообожди, теперь не носи, а вотъ помру я, тогда можно; дѣло-то я наладить уже успѣю, такъ хошь и разбичуть—ничего! скажемъ бѣгуны, да и только! кое-кто и такъ насъ бѣгунами обзываетъ—спроси тамъ, въ городу-то“.

Въ прошломъ году, какъ разъ на память Амвросія епископа Медіолаанскаго, декабря 7-го, и притомъ въ недѣлю святыхъ праотець, почтенный старикъ наконецъ обрѣлъ покой и радостно былъ похороненъ своими адептами, говорю—радостно, такъ какъ изъ послѣдующаго разсказа читатель увидитъ, какъ смотрять „нѣтовцы“ или „живые мертвецы“ на смерть.

— Да вотъ, снова заговорилъ старикъ, — недалеко ходитъ: слыхалъ, небось, что насъ кое-какіе невѣгласи именуютъ самосожигаателями... И по-твоему, и по-моему такое дѣло выходитъ неладно, будто и зазорно... Такіе люди—что твои сумасшедшіе, а вѣдь таковыхъ во всякихъ мѣстахъ, и у насъ, и въ чужихъ земляхъ на цѣпуру сажаютъ. А погляди-ка-сь, что наши толкуютъ... Юдоля плача, говорятъ, здѣсь на землѣ, и чѣмъ скорѣе отъ оболочки грѣховной освободиться, тѣмъ лучше... и Богу, толкуютъ, угодно, и для души полезно! Я и такъ, и этакъ: нельзя, говорю, въ пути Божіи вступаться, нельзя наказаніе Божіе уменьшать, такъ вѣдь ничего неподѣлаешь... очень ужъ разгорятся рвеніемъ духовнымъ,—глядишь, или гдѣ потаенно сожгутся, или голодомъ себя изведутъ. Нѣтъ, человѣче, тутъ безъ флахта ничего не подѣлаешь, когда люди еще въ

огонь лѣзутъ по своей охотѣ; не дай-ка-сь имъ знамени, флахта, такъ они завтра же свое придумаютъ, да въ срубяхъ съизнова и зачадятъ. Тоже вѣдь выше печки не прыгнешь, а коли нѣтъ пониманія на духовное, такъ надо давать имъ видимость; пройдетъ время, дойдутъ умомъ, тогда и безъ флахта обойдутся. Такъ-то!

Этотъ „флахтъ“ мнѣ сильно понравился, и я понялъ, что старецъ Абросимъ не зря ведетъ свое дѣло, а вполне сознательно и толково. Въ этотъ вечеръ мы сидѣли въ его просторной и чистой избѣ за столомъ, покрытымъ чистою скатертью, и попивали всероссійскій напитокъ, который служитъ такую неоцѣненную службу для всѣхъ собирателей всевозможныхъ свѣдѣній. Просидѣли мы такимъ образомъ довольно долго и успѣли уже перепрокинуть стакановъ по восьми моего привознаго чая, съ легкою прибавкою настоящаго норвежскаго рома, который, можетъ, и плохъ бываетъ вообще, а на этотъ разъ ничего, кромѣ высокаго наслажденія, намъ не доставилъ. Жилъ старикъ хорошо, хозяйственно и, повидимому, домъ его былъ полною чашею; во всемъ была видна заботливая и умѣлая рука и притомъ рука отнюдь не мужская, а именно женская, придающая всему въ домѣ какой-то особый отпечатокъ привлекательности, чистоты и аккуратности. Мы все еще сидѣли, когда въ горницу вошла статная и видимо красивая когда-то старушка, которая поклонилась мнѣ и спросила:

— Что-же, мірсніе-то гдѣ лягутъ?

— Имъ-то здѣсь постели, а Артамонъ гдѣ ни на есть свернется. Вотъ и старуха моя—Игнатовна по мірскому будетъ, ну, а по нашему, по общежительному, старица Марина; такъ ты ее и почитай либо по мірскому, либо по общежительному. Да, какъ ни какъ, а все же прожили мы съ нею не много, не мало, а 38 лѣтъ, и грѣха на душу не взяли, не обрели душу на мученіе житейское...

— Что-же, дѣтокъ, старче, такъ у васъ и не было?

— Быть-то... да нѣтъ, такъ и не было! спохватился какъ-то наскоро старецъ.

Дѣло показалось мнѣ интереснымъ и достойнымъ разъясненія, такъ какъ въ этомъ отвѣтѣ мнѣ являлось кое-что неяснымъ, и даже, пожалуй, неладнымъ. Старушка, посидѣвши немного съ нами и поговоривъ со мною „по женскому своему положенію“ о Петербургѣ и даже о томъ, носятъ ли все еще „карнолины“, наконецъ встала, собрала мнѣ прекрасную постель и, попрощавшись, удалилась въ „полога“, гдѣ обыкновенно спятъ въ теплую погоду козьева. Налили мы себѣ со старикомъ еще по стаканчику и снова въ разговоръ вступили...

— Какъ же, старче, изъ этой бѣды ты выходишь? спросилъ я, спѣша разъяснить себѣ темный, но интересный и даже жгучій во-

прось. Женщинъ вы, я вижу, не чуждаетесь, всякое дѣло справляете, какъ велитъ природа... ребятеноеъ видалъ я тамъ на улицѣ кучку... а вѣдь по вашему-то выходитъ, сколько дѣтей человѣкъ народилъ, столько онъ душъ въ темницу облекъ тѣлесную... И дѣтей-то нельзя не имѣть, да и имѣть-то ихъ грѣхъ великій?..

— Рѣдко Господь черезъ насъ наказываетъ, а тоже бываетъ и у насъ это несчастье... только рѣдко: какъ-то у насъ бабы не плодливы; кто сказываетъ—климатъ такой, а я полагаю—отъ трудовъ и отъ кормовой скудости дѣтей у насъ не рождается. Услышишь небось разные на насъ наговоры: будто мы спорынью даемъ и другія лекарства, такъ это все пустое—ничего мы такого не дѣлаемъ, а выходить все къ добру помимо воли нашей.

Ужъ не знаю, право, какъ это случается, а видѣть мнѣ дѣтей у „покойниковъ“ привелось очень немного, всего человѣка четыре—небольше. Скудость ли, при которой дня не проходитъ, чтобы „покойники“ не ѣли два раза въ день либо мясо, либо рыбу, неизмѣримые ли труды ихъ, которые вислолько не отличаются отъ трудовъ, переносимыхъ любимъ крестьяниномъ любой русской губернии, или же наконецъ „климатъ“, который вовсе однако не дѣлаетъ безплодными женщинъ самоѣдскихъ и лопарскихъ, а только дѣтей у „покойниковъ“, правда, родится очень и очень мало; ходятъ слухи о спорыньѣ, толкуютъ люди и о нѣкоторыхъ иныхъ ухищреніяхъ, но провѣрить все это рѣшительно не представляется никакой возможности, такъ какъ ни одинъ „покойникъ“ и ни одна „покойница“ не сознаются въ своихъ грѣшкахъ по поводу оказываемой ими помощи неудачливому „климату“. Толковалъ разъ Артамонъ о какомъ-то „порошкѣ“, который, ежели принимать его съ молитвою, по милости Божіей соблюдаетъ безродіе, но, какъ я ни старался вызвать старца на то, чтобы онъ разъяснилъ мнѣ сущность „порошечка“, кромѣ „полно болтать-то!“ да — „окромѣ благословенныхъ крошечекъ ничего нѣтъ!“, я такъ и не могъ ничего добиться путнаго, хотя и видно было у старика нѣкоторое неудовольствіе по отношенію къ болтливому Артамону. Хотѣлось мнѣ, однако, разъяснить себѣ нѣкоторые темные вопросы въ этомъ дѣлѣ, а потому я и обратился разъ къ старику съ вопросомъ, что же будетъ, если Божья благодать распространится на весь родъ людской и бабы окончательно рожать перестанутъ?

— Ну, этого, человѣче, бояться нечего! небось! не оскудѣетъ міръ грѣховнымъ человѣчествомъ! на что же вы-то останетесь и другіе разные? нѣтъ, друже, немного найдется народа такого, чтобы въ нашу вѣру идти! Тутъ вѣдь тебѣ мало утѣшенія да радости! Всѣ христіане привыкли либо берега кисельные да рѣки медвяныя ожидать, либо на какую-либо утѣху въ жизни надѣяться — тоже вѣдь нельзя, чтобы не думали—авось по головкѣ поглядятъ, вина поднесутъ, сладенькимъ поподчуютъ, а у насъ вѣдь нѣтъ этого: у насъ юдоль плача одна, свержетъ зубовный; для кого жизнь-то одно ве-

селье, а для насъ—горе горькое. Ты знаешь ли, какъ у насъ встрѣчаютъ нарождающагося человѣка? у насъ вѣдь по всему поселку плачь такой идетъ, такое горе разлитое, что свѣжій человѣкъ надумается—моръ посѣтилъ, или оспица-матушка пошла по хоромамъ. Нѣтъ ты попробуй-ка, дойди-ка-сь до того, чтобы у тебя слезы горючія „воистину“ изъ глазъ текли при видѣ нарождающагося человѣка, да чтобы ты воистину радовался и ликовалъ при послѣднемъ вздыханіи дорогихъ твоему сердцу и близкихъ? тоже не скоро такого достукаешься! надо горькаго-то воистину до слезъ хлебнуть. Нѣтъ, на нашу вѣру тоже, доложу тебѣ, охотниковъ немного сыщется! Блага наши не велики—только что съ голоду не умираемъ, а вмѣстить нашего житія—не всякій вмѣститъ.

Странное дѣло! старикъ видимо, горевалъ о томъ, что ученію его не суждено распространиться, но въ то же время былъ доволенъ, что въ его „вертоградъ“ не успѣли еще вторгнуться разные не могущіе „вмѣстить“ люди, такъ какъ задерживать таковыхъ въ поселеніи являлось невыносимымъ, а въ случаѣ ихъ выхода изъ общегитія, они могли весьма легко разнести по міру вѣсть о существованіи поселка „живыхъ покойниковъ“, и слѣдовательно навести на это тихое пристанище разныя власти. Говорятъ, что до сихъ поръ не было еще ни одного случая ухода въ міръ и только двое изъ „покойниковъ“ пошли искать по свѣту „свѣточа истины“, въ видѣ вѣчныхъ, бездомныхъ и убогихъ странниковъ, которыми переполнены и дворы, и задворки монастырскіе, и церкви „объиконныя“, т. е. обладающія какою нибудь явленною иконою, и церкви „субазарныя“, подлѣ которыхъ охочій на поживу причтъ ухитрился выстроить такъ называемые „номера“, гдѣ торгуютъ въ праздники дегтемъ, казанскимъ мыломъ и другимъ краснымъ товаромъ, не считая супоней сыромятныхъ, табаку и калгана.

Съ каждымъ днемъ все ближе и ближе сходились мы со старцемъ и все подробнѣе и лучше ознакомливался я съ этою чрезвычайно богато одаренною натурою. Сначала разговоры наши имѣли характеръ нѣкоторой случайности, поминутно обрывались; старецъ постоянно перескакивалъ съ одного предмета на другой, словно боялся, что не успеетъ договорить всего до конца моего пребыванія у нихъ; но затѣмъ, мало-по-малу, мнѣ удалось установить съ нимъ совершенно правильныя бесѣды, гдѣ онъ уже отвѣчалъ прямо на предлагаемые ему вопросы, лишь по временамъ увлекаясь предметомъ и отклоняясь нѣсколько въ сторону. Я не стану передавать здѣсь все, что говорилъ мнѣ старецъ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко, а сообщу лишь главное содержаніе нашихъ разговоровъ, приводя иногда собственныя слова моего собесѣдника, включая ихъ въ скобки.

Богъ жилъ предвѣчно, даже тогда, когда ничего не было; „а и

такое время было, что ничего не было, хотя и могло все быть; вотъ, гляди, и туча есть, и дождемъ она напоена, а дождя все нѣтъ какъ нѣтъ!“ Все было готово къ бытію и ждало лишь окончательнаго, могучаго толчка, который призвалъ бы все къ жизни, къ дѣятельности, — „вѣдь зерно давно проросло, а безъ дождя наружу не выйдетъ! ударить дождичекъ — и полѣзло все наружу“. Этотъ-то жизненный толчекъ былъ данъ природѣ Богомъ, который, созидая и творя, самъ не зналъ, „ладно ли ему все удастся, или нѣтъ?“ Однако по природѣ своей Богъ не могъ ни въ какомъ случаѣ создать что нибудь „неладное“ — „это вы только толкуете — всемогущъ, всемогущъ, а развѣ онъ дурное что сдѣлать можетъ? развѣ въ его власти зло творить? Коли можетъ, да властенъ, такъ какой же онъ всеблагій? все-то вы вокругъ да около вертитесь, а самой сути понять не можете“. Такимъ образомъ, все, что выходило изъ рукъ Божіихъ, носило на себѣ отпечатокъ добра и пригодности или полезности, а потому и понятно, что все вредное, дурное, злое, должно было имѣть своего создателя. такъ какъ Богъ не могъ создать всего этого. Все злое, темное и вредное пошло отъ отца тьмы — дьявола, который творилъ въ одно время съ Богомъ, имѣлъ совершенно равное съ послѣднимъ могущество, не будучи въ состояніи сдѣлать что нибудь доброе и полезное. „И никакой въ немъ гордыни не было, и никогда его Богъ съ небесъ не изгонялъ, а все это люди выдумали для того, чтобы себѣ дать поблажку — это-де не мы, а дьяволъ насъ смутилъ. Развѣ вошь виновата, что она вошь, а не бабочка многоцвѣтная? Развѣ волкъ виноватъ, что ему суждено только вередить людямъ? А какая такая заслуга у коровы, что она человѣка кормить, или у пафлина-птицы, что перо у него красивое? Такъ и зло не виновно, что создано духомъ зла, и корить его за это — все одно, что косякъ бить кулаками, коли лбомъ на него наткнешься, да зашибешься по нечаянности. Тоже и Бога благодарить за то, что онъ такъ, а не иначе сдѣлалъ, безумно; такъ и лещамъ кланяться придется, что они въ неводъ попались и оставили тебя съ ущицей. Да вѣдь въ томъ-то и дѣло, что вы понятія всего не имѣете! знай кланяйтесь: Господи, отведи! Господи, спаси! Господи, подай! Коли бы могъ онъ твою молитву услышать, такъ давно бы и самъ подалъ, безъ твоего гомону, а въ томъ-то и дѣло, что ему наложенъ покой и, какъ ты ни надрывайся, ничего, онъ не услышитъ, и въ дѣло твое, повѣрь, не вступится. Коли молиться, такъ молись тому, кто теперь, въ 7-й день, настоящую силу имѣетъ, такъ и то молитва твоя пропадетъ даромъ, такъ какъ и онъ сдѣлаетъ такъ, какъ ему предѣлъ положенъ, и хоть ты ему сто берковцевъ воску сожги, а мольбы онъ твоей не исполнитъ, потому что ничего по мольбѣ исполнить не можетъ и дѣлаетъ лишь вредоносное и злое“.

— Но кто же наконецъ, старче, изъ нихъ сильнѣе, могущественнѣе? Богъ или дьяволъ?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ! отвѣчалъ старикъ по привычкѣ, и отъ души посмѣялся, когда я поймалъ его на словѣ. „Вотъ ты тутъ, на этомъ моемъ словѣ и подумай! ну гдѣ намъ дуракамъ новую вѣру просвѣщать, гдѣ намъ взять легионы вѣрныхъ? Какъ намъ безъ флахта обойтись, когда я, самъ видишь, мужикъ не глупый, а все же не могу отстать отъ своихъ прежнихъ привычекъ? Какъ же съ народомъ-то быть, коли не держать передъ нимъ вѣчно флахта, видимость, подъ которую онъ бы, аки подъ сѣнь укрому и пріятну, собирался? А у васъ развѣ этого самага флахта нѣтъ? а крестъ-отъ?

Самъ Богъ однажды ошибся въ наступленіи періода своей дѣятельности. Цѣлымъ рядомъ святыхъ дѣятелей, умиравшихъ за правду, повидимому, достаточно былъ „возбужденъ осьмый день“; черезъ своего посланника и помазанника Иисуса Христа Господь хотѣлъ было виѣшаться въ судьбы міра и спасти родъ людской отъ тяжелой обузы грѣховной плоти, которая заявила на человѣкѣ лишь послѣ „перваго грѣха“; пришествіе Иисуса Христа неудалось, такъ какъ посланникъ Божій остался непризнаннымъ и былъ истязуемъ и распятъ на крестѣ. Смерть Иисуса заставила многихъ, истинно проникнутыхъ вѣрою, людей искать спасенія и примиренія въ смерти, причемъ лютость этой смерти лишь увеличивала спасительность ихъ подвига. Понятное дѣло, что всѣ мученики являются для „покойниковъ“ идеалами, которымъ непремѣнно слѣдуетъ подражать до малѣйшихъ подробностей; намъ не разъ приходилось слышать отъ нихъ, что „нигдѣ горе! ни пилы деревянны, ни ножи булатны, людей не казнятъ, а заладили одну Сибирь да Сибирь, а въ Сибири въ этой только марвы набираешь (толстѣешь), а помирать—не помрешь“.

Разъ какъ-то, распарившись хорошенько чайкомъ съ постными сливками, т. е. съ ромомъ, мы сидѣли со старцемъ одни одинешеньки, и потому, видя, что онъ благодушествуетъ, я рискнулъ спросить его, не слѣдуетъ ли и теперь искать смерти, напримѣръ, сожигаться и т. п.

— Какъ тебѣ на это отвѣтить, человѣче? и самъ не знаю, потому дѣло это трудное и замысловатое. Кабы дурно это было, такъ вѣдь святыхъ мучениковъ надо бы дураками почитать, а то, пожалуй, и просто въ больницу отдать на излеченіе; однако, сколько миллионовъ народа ихъ почитали, да и теперь почитаютъ — не все же вѣдь дураки эти почитатели, въ самомъ дѣлѣ! Ну, вотъ ты теперь и думай! Гусь Иванъ былъ и противъ римскаго папы училъ, противъ его сребролюбія и противъ прилѣбленія къ марвѣ своей (плоти)... что же съ нимъ случилось? самъ вѣдь знаешь—съ восторгомъ смерть мученическую пріялъ сожженный... Ну, а Галилей? вѣдь тоже знаешь? Много народа за истину, за правду и за свой флахта умирали, да какъ еще умирали-то! будто шутку шутили! Да вотъ хоть бы Поликарпъ свя-

той: переворачивайте, говорить, съ этой стороны уже поджарилось! Вотъ это такъ умеръ! Опять и у насъ тоже много праведныхъ душъ отъ марвы освободилось, благодаря самосожженію; многіе тогда сожженіемъ тѣла своего приблизили наступленіе восьмага дня. Скажу я тебѣ такъ: если позналъ ты, что можешь угодить Богу, воспріавъ смерть,—сожигайся, умирай какъ хочешь—добро сдѣлаешь. Авраамъ сына роднаго не пожалѣлъ, а Богъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы духомъ къ нему стремились. Вотъ что, друже! нѣтъ во мнѣ силы той духовной, да и полагаю, что здѣсь еще, въ сей юдоли грѣшной, могу я прейти не безъ пользы, а потому я и не стану осьмый день возбуждать и ускорять, а кто снести сіе можетъ и знаетъ, что въ послѣднюю тяжкую минуту не струситъ, тому подобаетъ предать свою марву на пропятіе, на сожженіе, на уничтоженіе и искупить свою божественную душу, которая, какъ штичка небесная, ждетъ не дождется, чтобы ее выпустили на волю. Ино дѣло, если придутъ на насъ съ дреколіемъ,—тогда поневолѣ придется воспѣть снова преславный стихъ о женѣ Аллилуевой; вѣдь знаешь небось? только не такъ его по вашему пишутъ, а пѣли его святые отцы палеостровскіе такъ-то:

„Какъ въ томъ ли во градѣ Ерусалимѣ,
Въ Ерусалимѣ градѣ богатымъ,
Поднималася туча грозная,
Туча грозная, неминучая;
Отъ Ирода царя туча шла,
Отъ его ли отъ буйной головушки.
Понадумалъ тутъ Иродъ царь
Погубить Христа Бога нашего,
Бога нашего, молодѣнчика,
Молодѣнчика страсотерпнаго“,

Ну, потомъ-то почитай все то же, что и у васъ сказывается. То мы теперь отъ огня бережемся, а коли придутъ насъ брать, такъ поневолѣ придется въ огонь броситься и погорѣть въ нашихъ срубяхъ, какъ изстари завелось еще у нашихъ отцовъ и дѣдовъ.

Святыхъ нашей церкви „покойники“ признаютъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ новѣйшихъ, прославившихся, какъ гонители раскола. Дмитрій Ростовскій, Питиримъ Нижегородскій, Тихонъ Задонскій, представляются имъ далеко не святыми людьми, а, напротивъ того, исчадіемъ діавола, который, однако, самъ того не зная, посредствомъ ихъ гналъ и преслѣдовалъ правовѣрныхъ, мучилъ послѣднихъ и самъ, слѣдовательно, незавѣдомо „возбуждалъ пришествіе осьмага дня“. Есть и свои святые у „покойниковъ“, въ числу которыхъ причисляются, между прочимъ: священномученикъ Аввакумъ, мученики кончезерскіе, иргизскіе, чернораменскіе, вѣтковскіе, поморскіе, выговскіе и другіе.

— Ну, а имъ? спросилъ я разъ старца,—молитесь?

— И чудакъ ты только, погляжу я, отвѣчалъ онъ съ добродуш-

ною своею улыбкою. — На что же и имъ-то молиться стану, когда сами они, увидавъ, что вскую молились, похотѣли воспріять смерть? да что же я, смѣяться что ли надъ ними стану? Авось либо Господу самому извѣстно, что сдѣлать и чего не дѣлать! Чего же я приста- вать-то къ нему буду, да еще и другихъ стану подговаривать на то, чтобы они не въ свое дѣло совались? Нѣтъ, не годится все это дѣлать!

Понятное дѣло, что, не признавая необходимости и даже пользы молиться, „покойники“ не могутъ признавать храмовъ, таинствъ и т. п. „Какой тамъ храмъ, когда сами мы храмы Бога жива, только храмъ-то загаженный, запакощенный, такъ что и не откопашь изъ-подъ грѣховнаго навоза адамантъ сей! Какой тамъ храмъ, когда молиться въ немъ некому? Какія таинства? Передъ кѣмъ? Зачѣмъ? когда тайное давно уже сдѣлалось явнымъ, когда вся тайна лишь въ томъ, какъ бы скорѣе освободиться изъ темницы плотской и воссоединиться съ Богомъ“.

По мнѣнію „покойниковъ“, нѣтъ ничего грѣховнаго въ употребле- ніи въ пищу тѣхъ предметовъ, которыхъ чураются старообрядцы и поморы, и вся суть лишь въ томъ, что питье чая, куреніе табака и употребленіе вина и пива есть ничто иное, какъ поблажка „марвѣ“, которую заповѣдано, напротивъ того, распинать со страстями и по- хотями, а не ублажать всячески. „Какая же будетъ темница, если у тебя въ зубахъ трубка, а на столикѣ косушка стоитъ, да еще кипятъ и самоварчикъ; въ такую темницу охотниковъ попасть найдется не- мало — получше будущихъ вашихъ медвяныхъ рѣкъ съ кисельными берегами будетъ! Не грѣхъ, потому грѣшить тебѣ не передъ кѣмъ, а такъ... слабость одна, неуготованность къ жизни духовной... Я вотъ теперѣ съ тобою чайкомъ и ромкомъ балуюсь, такъ вѣдь это что значить? какъ это понимать надо? Ну, какой я руководитель, какой я вождь, когда самъ позволяю себѣ такую слабость, такую поблажку?“

Уже раньше было говорено, какъ происходило, по мнѣнію „по- койниковъ“, твореніе. Они твердо убѣждены, что подъ „днями“ рѣ- шительно нѣтъ возможности понимать тотъ день, который знаемъ мы, такъ какъ „и солнца-то еще не было настоящаго, да и считать-то было некому“. Старецъ Абросимъ не разъ говаривалъ мнѣ, что „не даромъ же католическіе попы, не въ примѣръ поумнѣ нашихъ, за умъ взялись и давно уже стали подъ науку подъяфериваться и толковать, что день дню рознь и что тотъ день можетъ и цѣлую тысячу лѣтъ тянулъ... Тамъ вѣдь какъ сказано? и бысть утро, и бысть вечеръ — день первый! а когда утро настало, да сколько оно времени тянулось? Или опять тоже хоть бы и вечеръ... тамъ вѣдь объ этомъ ничего нѣтъ и нигдѣ ты толкованія путнаго на эту статью не найдешь, потому человѣкъ норовитъ все на свою человѣческую мѣрку наладить, а то и позабылъ, что дѣлами-то тогда не какой нибудь Антропка, да и не Гумбольтъ ворочалъ, а самъ Господь Богъ;

гдѣ слонъ одну ступень сдѣлаеть, тамъ черепаха годъ промучается, гдѣ нитка проскочить, тамъ велбуди не проникнуть“. По своему, и притомъ зачастую крайне замысловато, переводилъ мнѣ старецъ книгу Бытія, на которой зиждется, такъ сказать, вся ихъ вѣра въ наступленіе осьмага дня и которая, пожалуй, для нихъ дороже, нежели для евреевъ; нерѣдко указывалъ онъ мнѣ на нѣкоторыя неточности перевода, которыя у насъ почему-то получили полныя права гражданства и даже вошли въ учебники, какъ напримѣръ: твердь и т. п. Когда міросозиданіе было окончено, то сама собою должна была прекратиться дѣятельность творца: Господь является въ міровоззрѣніи „покойниковъ“ прежде всего въ роли „творца и зиждителя“, какъ поется въ одномъ изъ панаѳидныхъ пѣснопѣній, и только современемъ онъ возьметъ на себя роль „правителя“; прежде всего, до начала временъ, Богъ былъ „вседержителемъ“, т. е. все въ себѣ содержалъ, затѣмъ сталъ творить и изнемогъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго потребленія творческой силы; насталь седьмой день: Богу нечего было уже творить, да и нечѣмъ. Тогда-то „почи Осподь отъ дѣлъ своихъ“, и тшетно взываетъ къ нему человекъ, воображающій, что, при посредствѣ молитвъ и приношеній, ему удастся заставить Бога услышать его и отряхнуть покой; ничто въ мірѣ не можетъ побудить Бога покинуть состояніе покоя и невмѣшательства, такъ какъ „и на него законъ положенъ“; кто создалъ этотъ законъ, управляющій Богомъ, — такъ и не удалось мнѣ дознаться. Но вотъ однажды, когда массы людей не успѣли еще сбросить съ себя тлѣнную и грѣховную оболочку, а была ихъ всего лишь одна пара, позабыла эта пара, что всѣ помыслы людей должны быть направлены къ тому, чтобы освободиться отъ своей грѣховной оболочки и „похотѣла дѣторожденія ради“; если бы этого не случилось, если бы Адамъ и Ева продолжали наслаждаться своимъ почти богоподобнымъ проживаніемъ въ раю, то не было бы у людей грѣховной оболочки, не было бы и нынѣшней грѣшной и слезной юдоли; какимъ бы образомъ происходило въ такомъ случаѣ размноженіе, „покойники“, видимо, не знаютъ, такъ какъ, сколько я ни старался выпытать у старика ихъ взгляды на это дѣло, онъ вѣчно какъ-то отлынивалъ и путался... „А ты почему знаешь! если ужъ двоихъ безъ грѣха создалъ, такъ могъ создать и сотни, и тысячи, и миллионы“; иногда старикъ прямо уклонялся отъ категорическаго отвѣта и старался перейти вообще ко всемогуществу Божію по части всего добраго и полезнаго. Тутъ обыкновенно я старался поймать его на томъ, что Богъ не могъ бы въ настоящее время творить безплотныхъ людей, такъ какъ нынѣ онъ почилъ отъ дѣлъ своихъ и не въ состояніи сотворить хотя что либо, но на это старецъ вдавался обыкновенно въ свою таинственную, полную мистицизма философію и замѣчалъ, что „а развѣ земля каждый разъ грибъ рождаетъ? вѣдь не на каждую же сыроѣжку она свои силы тратитъ, а создала она разъ гнѣздо, а оно уже и пускаеть

изъ себя все новыя и новыя сыроѣжки. Ты разрѣжь когда курицу, да погляди-ка-сь въ нутро-то къ ней—у нея тамъ видимо-невидимо яицъ и зародышевъ заготовлено; засыпка заразъ сдѣлана, а тамъ наляй себѣ курица хоть десять лѣтъ по сотнѣ циплять — новой заготовки не потребуется“. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ разговоровъ я могъ заключить, что, по понятіямъ „покойниковъ“, Богъ сотворилъ зародыши или, вѣрнѣе, зародышевыя души всѣхъ грядущихъ поколѣній людей, и поколѣнія эти должны были впослѣдствіи появляться совершенно свободно, безъ дальнѣйшаго участія въ ихъ появленіи на свѣтъ Божій божества, и если съ грѣхонаденіемъ первыхъ людей прекратилась возможность нарожденія новыхъ безплотныхъ людей, то виновны въ томъ Адамъ и Ева. Понятно, съ какою ненавистью относятся „покойники“ къ праотцамъ; назвать мужчину Адамомъ, а женщину Евою, представляется наивысшею обидою, которую можно нанести человѣку. Говорятъ, между „покойниками“ никогда не бываетъ драки, ругани, и въ особенности нашей, столь излюбленной, всероссійской ругани я ни разу не слышалъ, но приводилось и мнѣ слышать, какъ въ пылу самаго сильнаго гнѣва какой нибудь „покойникъ“ ругаетъ своего односельца Адамомъ; другихъ ругательскихъ словъ слышать мнѣ не приходилось.

Продолжителенъ былъ покой Божій; долго тянулся уже седьмой день когда одному изъ величайшихъ людей тогдашняго времени, по имени Иисусу, пришло на мысль „возбудить осьмый день“, т. е. такъ или иначе приблизить моментъ его наступленія. Всею жизнью своею и наконецъ мученическою смертью, вполне сознательною и добровольною, онъ на нѣсколько столѣтій приблизилъ наступленіе желаннаго момента и заповѣдалъ подражать ему во всемъ, какъ въ жизни, такъ и въ смерти. Понятное дѣло, что Иисусъ Христосъ былъ „Сынъ Бога живаго“, самъ „живый“ и „сый“, по той простой причинѣ, что вполне не дорожилъ своею „марвою“ и жилъ духовною жизнью, а не „тѣлесною“. „Такъ и надо понимать слова „Сынъ Божій“, говоритъ Абрисимъ—„а не такъ, какъ вы понимаете! живи по Христову, такъ и ты Сыномъ Божиимъ наречешься, и ты, пожалуй, про голубя рассказывай. Развѣ тотъ же Христосъ, котораго одного вы Сыномъ Божиимъ полагаете, не сказалъ при цѣлой толпѣ народа, что достигъ Божія усновленія вовсе не трудно, такъ какъ „блаженни миротворцы, яко тѣ Сынове Божіи нарекутся“. Что же вы хлопочете, что же вы, какъ рыба въ икрометѣ, толчетесь, когда вамъ давно уже путь къ Божію усновленію указанъ: творите миръ на земли, не только не ссорьтесь, но даже не допускайте ссоры между ближними вашими, уступайте во всемъ, своими благами поступайте и жертвуйте, и будете вы такими же Сынами Божиими, какимъ былъ древле Иисусъ Христосъ. Ящикъ-то только крышкой накрытъ, а ты сто ключей перебралъ, его отпирая“.

Когда Иисусъ умеръ на крестѣ за свои убѣжденія, то понятно, что примѣру его должны были послѣдовать многіе люди, добившіеся того презрѣнія къ жизни, которое составляетъ верхъ и цѣль стремленій для „покойниковъ“. Мученики первыхъ вѣковъ христіанства, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежали къ числу „покойниковъ“, хотя и не вполне исповѣдовали ихъ вѣроученіе и не успѣли еще додуматься до нѣкоторыхъ догматовъ, крайне важныхъ въ настоящее время, но тогда еще не выяснившихся. Когда я спрашивалъ, какъ относятся „покойники“ къ чудесамъ Иисуса Христа и главное къ его воскресенію изъ мертвыхъ, то старецъ отвѣчалъ какъ-то неохотно и видимо всячески старался уклониться отъ прямого и категорическаго отвѣта. „Кабы онъ самъ свою жизнь написалъ—ну, иное дѣло, а то вѣдь люди же писали, да и къ тому же люди такіе, что его превыше всего любили и въ его свѣтѣ во тмѣ бродили. Ты погляди: спроси у стариковъ про нашихъ мучениковъ и учителей—и чудесь отъ нихъ наслышишься и всего такого, что имъ въ голову никогда не вступало; такъ-то и здѣсь! можетъ и подобія того не было, а имъ казалось, что „и ложь во спасеніе“; да можетъ и лжи-то самой не было, а была одна любовь и духовное восхищеніе, а, самъ знаешь, человекъ еще молодой, что любовнице-то глаза восхищенные открываются! иной и вѣкъ того не увидитъ, что ты восхищенными очесами своими сразу провидишь. А что воскресъ онъ, такъ отчего же ему и не воскреснуть, когда и всѣ мы воскреснемъ и всѣ со Отцемъ соединимся, да только жизнь-то ужъ будетъ тамъ не та, что мы жизнью называемъ, а жизнь въ Богѣ, Духѣ и истинѣ“.

— Такъ значить, старче, хорошо поступали мученики, отдавая свою жизнь за Бога? и теперь, пожалуй, хорошо бы было пріять вѣнецъ мученической?

— Да вѣдь вотъ эти самые фармазоны не наши были, а ваши же, которыхъ вы презрѣли и угнели, а чему они учили? аль не помнишь? Семь ступеней ко храму, по ихъ ученію, значитъ, семь ступеней — семь добродѣтелей. И первая добродѣтель — скромность, а вторая — повиновеніе, третья — добронравіе, четвертая — любовь къ человѣчеству, пятая — мужество, шестая — щедрость, а седьмая и самая трудная — любовь къ смерти. Бывало, какъ начнутъ приводить новаго брата, перескажутъ ему всѣ ступени до седьмой, а тамъ и говорить пріемщикъ—риторъ: „и въ седьмыхъ, брате, старайся частнымъ помышленіемъ о смерти довести себя до того, что бы она не казалась тебѣ болѣе страшнымъ врагомъ, но другомъ... который освобождаетъ отъ бѣдственной сей жизни въ трудахъ добродѣтели томившуюся душу, для введенія ея въ мѣсто награды и успокоенія. Видишь, куда пошло! Ну, и по-вашему, по православному, какъ долженъ праведный смерть встрѣтить? какъ награду отъ Господа ему посылаемую. Ну, а у невѣрныхъ? тоже опять: живи такъ, чтобы вокругъ тебя всѣ смѣялись, а ты бы одинъ плакалъ, а умирай такъ, чтобы ты смѣялся... Дойди

до того, чтобы ее, матушку, сь улыбкою благодарности и радости встрѣтить — вотъ тебѣ и вся задача. Да ты знаешь ли, что все сдѣлано смертью и безъ нея въ родѣ какъ ничто же не бысть, еже бысть? Мы и поемъ о томъ въ своей стихирѣ, каждодневно поемъ, и твердо вѣруемъ, что безъ смерти ничего бы не было на землѣ чистаго, праваго, добраго, ибо Богъ есть покоище вѣчное, еже есть смерть. Смерть есть начало всему, а не конецъ, да вотъ прислушай!“

И старикъ дрожащимъ, но торжественнымъ голосомъ загѣлъ:

Христось родися—отроцы убieni быша,
Христось крестися—Иванъ главы лишися,
Христось постися—дiаволь удавися,
Христось въ Офениани молися—кровiю персть оросися,
Христось духомъ оживися—смерть ему отърыся,
Христось предадеса—Иуда умертвися,
Христось пострада—Пилать помре посрамленъ,
Христось распнеся—воинъ помре пораженъ,
Христось мертвъ бысть—смертiю жизнь оживися,
Христось вознесеса—смертiю сь Отцемъ совокупися!

„Разбери-ка ты эту стихиру, да подумай-ка-сь потолковитѣе надъ ея правдою, такъ ты и поймешь, что:

Нѣсть спасенья въ мирѣ, нѣсть!
Лестъ одна лишь править, лестъ!
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!

Нѣсть и Бога въ мирѣ, нѣсть!
Счестъ нельзя безумства, счестъ!
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!

Нѣсть и жизни въ мирѣ, нѣсть!
Местъ одна лишь братьямъ, местъ!
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!

Признаюсь, у меня мурашки по спинѣ забѣгали, когда, совершенно неожиданно для меня, старикъ, покончивши первую стихиру, поднялся во весь свой ростъ и восторженнымъ голосомъ, сь горящими какимъ-то неестественнымъ огнемъ глазами, тяжело перевода духъ, громко вывода первую часть стиха на голосъ „Тебѣ Бога хвалимъ“, и вдругъ отрывая повторительное конечное слово, словно рубя топоромъ, спѣлъ этотъ хвалебный гимнъ смерти, это глубоко прочувствованное и тѣмъ болѣе страшное воззванiе къ смерти, какъ къ спасительницѣ всего живущаго. Чтò долженъ былъ пережить и перечувствовать этотъ человѣкъ прежде, нежели онъ дошелъ до составленiя этой послѣдней стихиры, которая видимо не была изныванiемъ какого-нибудь нашего скорбящаго среди сытныхъ обѣдовъ и ужиновъ поэта, а вырвалась, какъ одинъ крикъ, изъ этой потрясенной людскимъ и своимъ свобственнымъ горемъ души, вырвалась, быть можетъ, и нескладно... но развѣ крикъ боли, крикъ безпомощности, крикъ погибающаго, можетъ быть складенъ?

Я сидѣлъ передъ старцемъ совершенно подавленный; глаза мои какъ-то бессознательно уставились на него; онъ тотчасъ же подошелъ ко мнѣ, взялъ мою голову обѣими руками и, поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ: „Что? не вмѣстишь? да гдѣ же! Нашему брату, двухильному, и то въ самую пору! Живи только по Христову примѣру, да къ марвѣ больно не прилѣпляйся—и то ладно! Съ тебя больше и не спросится“.

Если жизнь представляется „испытаніемъ“, „наказаніемъ“, то понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ „покойники“ наступленія того „осьмаго дня“, когда „Осподъ“ выйдетъ изъ состоянія покоя и „снова вселится въ міръ, вселя въ себя міръ“. Понятно, что наступленіе осьмаго дня не совершится внезапно и на это найдется цѣлая масса указаній, которыя дадутъ человѣчеству возможность достойно приготовиться къ „принятію Бога и къ воссоединенію съ нимъ“. Кромѣ „брани звѣрской, егда братъ пойдетъ на брата“ и т. п. признаковъ, которые у нашего буквеннаго раскола обозначаютъ собою наступленіе такъ называемаго конца міра, у „покойниковъ“ признаются и нѣкоторыя другія указанія, которыхъ мы нигдѣ, ни у раскольниковъ, ни у православныхъ не встрѣчали. Къ числу этихъ особенныхъ признаковъ прежде всего мы отнесемъ „великую благодать Божію“, которая выразится въ томъ, что всѣ, успѣвшіе уже примириться съ Богомъ, получатъ давно ожидаемое ими успокоеніе, т. е. умрутъ отъ „Божьей смерти“. Божья смерть будетъ происходить такимъ образомъ: на лбу у отмѣченныхъ избранниковъ появится „печать благодати Божіей“, которая обыкновеннымъ людямъ будетъ казаться язвою; безъ мученій и притомъ чрезвычайно быстро будутъ умирать отмѣченные перстомъ Божиимъ, и хотя грѣшники и будутъ всячески стараться сами или черезъ врачей изцѣлить ихъ отъ кажущейся болѣзни, но печать благодати не поддастся леченію и избранники все же вернуться „въ лоно Отчее“. Когда я спросилъ у старца, чѣмъ же будетъ отличаться Божья смерть отъ обычныхъ заболѣваній, и замѣтилъ, что бѣда въдѣ, если ее лечить стануть, то онъ подумалъ нѣсколько времени и затѣмъ порѣшилъ, что тутъ уже самому человеку видно будетъ, „хворость ли съ нимъ, или же спасеніе“. Между прочимъ, передъ наступленіемъ осьмаго дня прекратится всякое гоненіе за вѣру и настанетъ то время, когда „всякъ безъ утайки своему Богу молиться станеть, какъ его съизмалѣтства учили и какъ его Осподъ на то надуумилъ“. Вслѣдствіе такихъ воззрѣній, всякое облегченіе, которое предпринимается правительствомъ по отношенію къ расколу, усиливаетъ въ покойникахъ убѣжденіе близости осьмаго дня; понятно, что они не думаютъ, чтобы правительство отнеслось такъ же благосклонно и къ нимъ, такъ какъ прежде всего они ему неизвѣстны, да къ тому же очень они уже выступили изъ общаго ряда.

Въ послѣдній вечеръ, при самомъ закатѣ послѣдняго, грѣховнаго солнца, весь міръ почувствуетъ, что „времена“ настали. Праведники тотчасъ же „успокоятся“, тогда какъ неправедные, не усидѣвшіе еще примириться съ божествомъ, хотя и умрутъ, но умрутъ въ мученіяхъ, и лишь для того, чтобы возродиться снова для новыхъ испытаній тѣлеснаго бытія; быть можетъ, эта новая жизнь возродится на землѣ, а быть можетъ, и гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ—вѣрнѣе послѣднее, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, выстрадавшую свой тяжкій срокъ землю Богъ возьметъ въ свое уже прямое и непосредственное завѣдываніе, поселивши на ней выдержавшихъ свой искусь праведниковъ. „Вѣдь слыхалъ, небось, что въ книжкахъ пишутъ о людяхъ на лунѣ и иныхъ планетахъ!“ говорилъ мнѣ старецъ—„да и въ писаніи не въ противность тому сказано, а прямо свидѣтельствуется въ 10-й главѣ отъ Іоанна, что „и ины овцы имаамъ, яже не суть отъ двора сего“,—тамъ-то вотъ жизнь и возродится, тамъ-то и настанетъ новая юдоль плача и стенанія, такъ какъ земля-матушка свое время изстрадала и избыла. И вотъ настанетъ заря осьмага дня и такъ эта заря будетъ пламенна, что огонь, изъ нея исходящъ, проникнетъ все на земли и очиститъ все, какъ очищаетъ металлъ отъ ненужныхъ примѣсей; и воды земныя не зальютъ того огня, какъ не могутъ залить пламени горъ огнедышащихъ, а сами извергаются тѣмъ огнемъ и дѣлаются не только чисты, но и полезительны для здоровья и цѣлительны; и когда все на землѣ пройдетъ сквозь этотъ огонь очищенія, и огонь пройдетъ сквозь все на землѣ, то Господь возстанетъ съ одра покоя и впервые послѣ долгаго седьмага дня воззритъ на землю и тотчасъ же отъ того взора одного сдѣлается земля и все что на ней, прекрасны. Тутъ-то, по указанію Божію, возстанутъ къ новой жизни праведники и населятъ освященную землю—волость Божію. Настанетъ тогда вѣчное блаженство, которому конца не будетъ“. Вѣчное блаженство будетъ состоять именно въ томъ, что правда, свѣтъ, добро и польза воцарятся на землѣ и каждый шагъ человѣка, вслѣдствіе постоянной отеческой заботливости о немъ Бога, будетъ направленъ только къ его пользѣ и выгодѣ; и выгода человѣка не будетъ уже въ томъ, чтобы гнести другихъ людей, а будетъ лишь во всеобщемъ добрѣ и всеобщей пользѣ. Зло будетъ тогда вполнѣ уже невысказано, такъ какъ міръ будетъ управляться самимъ Богомъ, а Богъ по природѣ своей не въ состояніи сотворить что либо злое. „Даже и предвѣчно наказанный будетъ тогда прощенъ и возвратится въ сонмъ ангеловъ“, говорилъ мнѣ Абрисимъ,—„а потому мы и привѣтствуемъ другъ друга не такъ, какъ вы: „здравствуй“, точно въ здравствованіи все и дѣло, а говоримъ только: „да будетъ прощенъ предвѣчно наказанный“, такъ какъ онъ простится лишь въ осьмый день, и желаемъ мы другъ другу лишь скорѣйшаго наступленія этого самаго осьмага дня“.

— А вѣдь это, старче, не твоей выдумки? спросилъ я.

— Нѣтъ, не моей. И до насъ стучали люди у вратъ истины. да врата имъ не вполне отверзлись. Ты человѣкъ бывалый и слыхалъ, полагать надо, о томъ, какъ еще много раньше Лютора проявился Иванъ Гусь, а отъ него пошли праведные люди, которыхъ именовали „таборитами“; вотъ они-то и дошли раньше нашего почитай до всего того, чему мы учимъ, а встати и здоровались, какъ мы теперь здороваемся.

И откуда, думаю, узналъ Абросимъ все это? Неужели же онъ читалъ когданибудь...

— Вотъ ты молчишь, а я знаю, о чемъ ты теперь думаешь. И откуда это, откуда, думаешь, онъ, сиволаный, узналъ все это? Ну, не ломай головы-то—я и такъ тебѣ скажу: дѣло-то просто—небось, и самъ даже догадался бы. Привѣтствие у насъ это не всегда было и ввелось недавно... Есть душеполезная такая книжка, да къ тому же и занятая, сочиненіе, какъ мнѣ одинъ добрый человѣкъ сказалъ, богопріятной женщины, а зовется та книга „Консуэла“, еже есть сказаемо: благая совѣтчица, и весь тамъ ихній обиходъ таборитскій описанъ, какъ и что у нихъ дѣлалось; давалъ ту книжку мнѣ, когда я еще въ міру былъ, торговый одинъ человѣкъ духовной жизни и самъ читалъ ее со слезами, да и меня до слезъ доводилъ ею“.

Что сказала бы Жоржъ Зандъ, если бы знала, куда попала и что сдѣлала ея книга?—Положимъ, дико все это, но развѣ это не ясный признакъ того, что русскій человѣкъ усиленно ищетъ истины... а виновать ли онъ въ томъ, что истина ему въ руки не дается?

Хотя время наступленія осьмага дня и не открыто человѣку, но отъ послѣдняго зависитъ, какъ выражаются покойники, „возбудить наступленіе осьмага дня“. Христось указалъ намъ своимъ примѣромъ, какъ достигнуть этого приближенія всеобщей радости и спасенія, такъ какъ въ немъ сосредоточены были всѣ три главныхъ добродѣтели, которыя могутъ „возбудить“ желанное время: спасительный трудъ, проповѣдь и полное презрѣніе къ жизни и исканіе смерти — вотъ что требуется отъ человѣка, желающаго приблизить время всеобщаго освобожденія и блаженства; Христось съ самаго начала своей жизни помогалъ Іосифу въ древодѣланіи, которымъ занимался до тѣхъ поръ, пока, по его убѣжденію, не настало ему время предпринять другой трудъ, гораздо болѣе тяжкій, но за то и больше плодотворный, а именно проповѣдь. Во всемъ должны мы слѣдовать примѣру Христа, а потому и должны работать въ потѣ лица, такъ какъ „въ трудѣ спасеніе“ и только „трудивыйся да ястъ“. Эта проповѣдь „спасительнаго труда“, существующая у молоканъ и проникшая даже въ нѣкоторые корабли христовщины, составляетъ совершенно своеобразное явленіе въ жизни нашего русскаго разновѣрія и объясняетъ зажиточность нашихъ разновѣровъ. Ни одинъ юный покой-

никъ не можетъ принять на себя обязанностей проповѣдника или мѣстнаго начетчика, пока ему не минеть „Христовъ возрастъ“, т. е. тотъ возрастъ, по наступленіи котораго Христось выступилъ на проповѣдь; до тридцати лѣтъ всѣ обязаны трудиться или на себя, или на общину, и при томъ трудиться, что называется, не покладывая рукъ. Когда наступитъ требуемое время и когда по обычаю человекъ можетъ предпринять проповѣдничество, то его подвергаютъ сначала особому искусу; испытаніе совершается самимъ старцемъ Абросимомъ, который бесѣдуетъ съ будущимъ проповѣдникомъ и провѣряетъ его знаніе и мысли; если испытаніе оказывается успѣшнымъ, то Абросимъ, смотря по „братскимъ нуждамъ“, или благословляетъ миссіонера, или же оставляетъ его своимъ подручнымъ, такъ какъ, по его словамъ, „такой народъ и дома не безъ дѣла, потому старъ становлюсь“. Научивъ будущаго проповѣдника, что онъ долженъ быть отнынѣ „кротокъ, аки заяцъ, и хитеръ, аки змѣй“, Абросимъ снабжаетъ его тетрадошкою своихъ стиховъ и отправляетъ „въ міръ“. И вотъ такимъ образомъ въ нашемъ, попавшемъ въ окладъ, мірѣ появляется новый „Иванъ Безродный“ или „Непомнящій“, который бродитъ по всей сѣверной и восточной Россіи, пока не спохватится начальство, что онъ или вовсе не имѣющій права жить человекъ, т. е. безпаспортный, или же „незаконно“ живущій, т. е. разгуливающій съ поддѣльнымъ паспортомъ; начинаются для попавшагося проповѣдника, успѣвшаго уже кое-гдѣ заронить „Божескую искру“ и не разъ дававшего боголюбивымъ старцамъ и старицамъ выписывать стихиры изъ Абросимовой тетради,—мытарства, разсылка по острогамъ, гдѣ не безъ пользы опять проповѣдуетъ онъ „угнетеннымъ и обиженнымъ“, что въ осьмый день простится даже и предвѣчно наказанный, пока не вздумаетъ онъ бѣжать „на новыя подвиги“, или же вернуться во свояси. По словамъ старца, такихъ странствующихъ миссіонеровъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ безразличнымъ прозвищемъ „странниковъ“, куда попалъ и тотъ лодыръ, который изъ-за неохоты работать шляется по святымъ мѣстамъ, и настоящій „странникъ“, принадлежащій къ такъ называемому „Спасову согласію“, да кстати и нашъ „покойникъ“, отличить котораго отъ другихъ не достало прити ни у народа, ни у начальства,—такихъ-то миссіонеровъ выпустилъ Абросимъ на святую Русь цѣлыхъ двадцать шесть человекъ, а вернулось изъ нихъ всего лишь двое, да и то одинъ по болѣзни, а другой изъ бѣговъ.

Живутъ „покойники“ такъ исправно, что даже диву даешься, какъ это можно было такъ ладно и хозяйственно обставиться и устроиться при вѣчной боязни прихода съ окладнымъ листомъ, при вѣчномъ страхѣ какъ нибудь ублажить „марву“ и тѣмъ выказать привязанность къ грѣховной, тѣлесной оболочкѣ божественной души; тѣмъ не менѣе, всѣ избы здѣсь и просторныя, и свѣтлыя, и чистыя,

и ѣда на столѣ хорошая, и видно, что люди, отказавшись отъ всѣхъ утѣхъ жизни, все же не думаютъ, что могутъ и должны жить, какъ нечистоплотныя животныя. Кто хочетъ—ведетъ свое, отдѣльное хозяйство, а кому не въ мочь или не въ охоту—тѣ собрались въ артель и ѣдятъ сообща и хозяйство ведутъ общее. Посѣвовъ „покойники“ вовсе не дѣлаютъ, такъ какъ что ни посѣй—побьетъ заморозками и ни синь пороха не соберешь.

При мнѣ, почти уже передъ моимъ уходомъ, случилось, что одинъ изъ „покойниковъ“ наконецъ сбросилъ съ себя грѣховную оболочку и отправился „въ лоно Отчее“. Сталъ я присматриваться къ тому, что дѣлали „покойники“, но ничего, кромѣ нашихъ стародавнихъ похоронныхъ обычаевъ не замѣтилъ. Правда, что никто при сей важной оказіи не всплакнулъ по русскому обычаю, а напротивъ того, всѣ ходили съ какими-то радостными лицами, по нѣскольку разъ въ день являлись въ хату умершаго и цѣловали его „братскимъ цѣлованіемъ“ чуть не по десяти разъ въ день. На вопросъ мой Абросиму, зачѣмъ они цѣлуютъ „марву“, онъ замѣтилъ, что „отъ этого, какъ ни бейся, не отучишь! ужъ сколько разъ говорилъ и училъ, а все никакимъ способомъ не отучишь. Да опитъ же, какъ и отучать-то, самъ подумай, коли сподобился онъ Божіей благодати, коли освобождаетъ его Господь, такъ ужъ навѣрное за что нибудъ, а не такъ, зря, такъ какъ же не почитать хотя и грѣховное, но все-же блаженное вмѣстилище божественнаго духа, сподобившагося воссоединенія съ Богомъ?“ Утромъ пошли мы съ Абросимомъ въ хату усопшаго; почти всѣ „покойники“ были тутъ въ сборѣ и у всѣхъ лица такія веселыя, только бабенка одна все что-то отворачивалась и почаству уходила за перегородку; сказали—„евоная хозяйка“. Абросимъ раскрылъ евангеліе и прочелъ ровнымъ, торжественнымъ голосомъ рассказъ о воскресеніи Лазаря; всѣ слушали чрезвычайно внимательно, видимо вполне понимая то, что читалъ старецъ; окончивши чтеніе, Абросимъ обратилъ вниманіе своихъ слушателей на то, что „марва“ Лазаря успѣла уже загнить, а Христосъ все-же воскресилъ его. „Иносказательно подобаетъ разумѣть сей рассказъ евангельскій“, замѣтилъ старецъ,—„и не думать, что Христосъ возстановилъ грѣховнаго чело-вѣка, а низвелъ лишь духъ Лазаря, который пребывалъ во гробѣ, на всѣхъ его семейскихъ. И съ нами бываетъ, что говоримъ мы: на насъ почиетъ духъ Божій, духъ мира вселился въ сердца наши, а вѣдь что духъ Божій, что духъ Лазаря все едино, такъ какъ духъ единъ, какъ единъ Богъ“. Затѣмъ порадовалъ наставникъ своихъ слушателей тѣмъ, что скоро и имъ предстоитъ, быть можетъ, воссоединеніе съ Богомъ и, приказавъ заколотить крышку гроба, взялся вмѣстѣ съ тремя другими носильщиками за концы холстовъ, на которыхъ и вынесли усопшаго изъ его родной хаты. Всю дорогу до самаго кладбища, гдѣ я не нашелъ ни одного креста, ни одного вышенница въ видѣ могилки, „покойники“ пѣли подобающую такому

лучаю стихиру, въ сочиненіи которой признался мнѣ самъ Абросимъ; немного въ носъ и притомъ въ униссонъ провожающіе пѣли:

Ты нашель еси миръ и покой
Послѣ жизни грѣховной такой;
Ты покинулъ одежду грѣховну,
Получилъ же награду верховну!
Ты дождался смертной свободы,
Пострадавъ на земли многи годы.
Ты готовъ еси встати
Въ Божіей рати,
Егда вострубитъ Гавріилъ
И мечъ опояшетъ Михаилъ,
Егда смерти живое подчинится,
Отъ плоти міръ свободится,
Егда возсіяетъ природа
Отъ зрѣлища Божія народа,
Егда день осьмый настанетъ
И Основъ почити престанетъ,
Егда наступитъ Божіе царство—
Не плоти, а духа властво.

Оказалось, что на родинахъ поется другая стихира, сочиненная какимъ-то Николаемъ, и притомъ поется въ моментъ крещенія новаго грѣховнаго человѣка „въ слезахъ мірскихъ“, т. е. когда вся община оплакиваетъ его рожденіе

Народился еси ты на грѣхъ,
Пренесчастный ты человѣкъ!
Свою жизнь пройдеши со страданьемъ,
Съ непомѣрнымъ тебѣ наказаньемъ,
Люта жизнь тебѣ пзьяснится,
Сладка смерть отъ тебя удалится!
Ублажай свою Бога возможно,
Провождай ты стезю претревожно!
Ожидай своего ты спасеня,
Своего тихаго успленя,
Когда глазъ твой закроется...
Чу! могила ужъ тебѣ роется!
Славь же Бога всемогущаго,
Смерть тебѣ подающаго,
Тебѣ въ награжденье—
Намъ въ утѣшенье!

На шестой день моего пребыванія у „покойниковъ“, мы „слезно“ распрощались со старцемъ Абросимомъ и я двинулся въ обратный путь. Верстъ, пожалуй, уже съ 6—7 отошли мы отъ обиталища „покойниковъ“, и ни разу ни я, ни Артамонъ не проронили другъ съ другомъ ни слова; даже „Никашка“ шелъ какъ-то понуривъ голову и опустивъ хвостъ... Лѣсъ былъ густой и неудобный. Вдругъ гдѣ-то въ сторонѣ раздалось пѣніе... Оба мы сразу остановились и опѣшили отъ неожиданности...

Сына еси не пожалѣла,
 Спасти его похотѣла,
 Взяла его въ рамя,
 Ввергла его въ пламя.
 Плоть грѣховна съ него снала
 И жизнь духовна возсѣла:
 Живеть въюношь въ печи жаркой
 Кругомъ блещетъ огнь яркій!
 О жена! благодатна твоя вѣра!
 Преполнилась терпѣнія мѣра!
 Смерти жажду и алкаю—
 Жизни въ смерти ожидаю!

Знать же „некуда идти“ стало человѣку, если додумался онъ до этой пѣсни! Знать же обуяла его „скука жизни“ и „жажда смерти“, если измыслилъ онъ себѣ тотъ мрачный, таинственный нравственный и умственный „запой“, который облекся у него въ форму такъ называемой „глухой нѣтовщины“ и сдѣлалъ изъ него „живаго покойника“...

А тутъ еще Артамонъ дорѣзалъ:

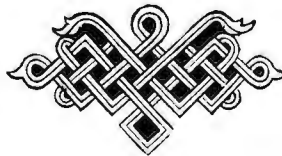
— Не сказывалъ старецъ-то про вчерашнее ничего? спросилъ онъ меня.—Вѣдь малый-то самъ въ гробъ полѣзъ!

— Какъ такъ?

— Да больно ужъ увѣровалъ! Увѣровалъ, разгорѣлся, да самъ себя и прикончилъ! Ино дрожь даже беретъ! Кабы не семья—не сталъ бы съ ними короводиться!..

Что-же это такое, какъ не то, что человѣку болѣе уже „некуда идти?“

Владимиръ Майновъ.

БУНТЪ ВЪ КАНДЕВКЪ ВЪ 1861 ГОДУ.

РУССКІЙ крестьянинъ по природѣ своей—добрякъ и до крайности терпѣливъ. Выносливость русской природы преимущественнѣ всего выказалась во время долгаго гнета крѣпостнаго права. Рѣдко, рѣдко бывали вспышки неудовольствія, возникавшія только вслѣдствіе черезъ мѣру разгулявашагося самодурства руссака-помѣщика съ его неизмѣннымъ лозунгомъ „своя рука владыка“. И гуляла эта рука по спинѣ мужичка, который кряхтѣлъ, ежился, но все выносилъ, ожидая терпѣливо улучшенія своей участи.

Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что во времена самаго тяжкаго крѣпостнаго права, русскіе рабы очень добродушно относились къ своему владѣльцу-барину. Гдѣ жилъ самъ баринъ, тамъ все шло какъ по маслу. Явится проруха въ чемъ нибудь—накажетъ баринъ, и крестьянинъ охотно „по закону“ свосилъ наказаніе; зато явится нужда и къ мужичку приходилъ на помощь тотъ же баринъ. Дѣло ладилось, благодаря этой яко-бы „круговой поруки“.

— Баринъ, дескать, и накажетъ, за то и помирволить!

Но въ тѣхъ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ не жилъ „баринъ“, тамъ дѣло шло иначе. Отношенія между крестьянами и управителями обострялись чаще. Полномочные кулаки нѣмцы-управляющіе, или же бурмистры-прикащики, дѣйствуя вдалекѣ отъ глазъ помѣщика, возбуждали къ себѣ едва ли не общую неприязнь. Это были безконтрольныя шіявки, распорядившіяся именемъ барина, и всегда въ ущербъ мужицкой спинѣ и мужицкому карману.

Въ такихъ-то медвѣжьихъ углахъ крѣпостное право получало чрезмѣрное развитіе. Рано или поздно, но чаша терпѣнія должна была переполниться. Нуженъ былъ только случай и благоприятный моментъ.

Такимъ благопріятнымъ моментомъ для медвѣжьихъ угловъ, гдѣ царилъ произволъ „управляющихъ“, радѣвшихъ не столько о „барскихъ“, сколько о своихъ собственныхъ выгодахъ, оказалось 19-е февраля 1861 года.

На одной изъ окраинъ Пензенской губерніи, куда конечно съ сотворенія міра не проникалъ ни разу губернаторскій глазъ, крестьяне, какъ евреи манны, ждали дня объявленія манифеста объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Люди темные, безграмотные готовы были слушать всякаго встрѣчнаго, лишь бы онъ явился толкователемъ манифеста въ крестьянскую пользу. Оно и не могло быть иначе: изогнутыя мужицкія спины жаждали освѣжительнаго бальзама. Прибавивъ къ этому еще всеобщую нелюбовь къ полицейскимъ чинамъ, которымъ было далеко не чуждо самое наглое взяточничество, дѣлается понятнымъ, почему въ медвѣжьемъ углу Пензенской губерніи крестьяне не повѣрили объявленному имъ мѣстными властями высочайшему манифесту, а согласились съ милымъ ихъ сердцу толкованіемъ манифеста. Нужна была только одна искра; почва для пожара была уже давно готова. Дѣйствительно, такая искра была брошена и пламя сразу охватило три смежныхъ уѣзда—Керенскій, Чембарскій и небольшую часть Моршанскаго.

Крестьянское движеніе въ этой мѣстности началось по нежеланію понять манифестъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ былъ написанъ. Отставные солдатики-грамотѣ перетолковывали его на сходахъ по своему, дѣлая своеобразные комментаріи, идущіе на руку мужичкамъ. А мужичкамъ только того и надо было. Они безпрекословно слушались своихъ новыхъ пророковъ и не довѣряли мѣстнымъ становымъ приставамъ, разбѣзжавшимъ по селамъ съ листами манифеста.

На бѣду крестьянскую явился еще одинъ изъ священнослужителей с. Высокаго, который самъ, вѣроятно, не понялъ смысла „Положенія 19-го февраля“ и имѣлъ неосторожность пришедшимъ къ нему за совѣтомъ крестьянамъ заявить, что „работать больше на помѣщиковъ не слѣдуетъ“.

Крестьяне такъ и сдѣлали—на работу не пошли. А въ это время наступала весенняя пахота и посѣвы яровыхъ. Вызовы бурмистровъ, управляющихъ и старостъ оказывались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Работы стали. Грозило то, что поля могли остаться не засѣянными. Изъ с. Высокаго неповиновеніе перешло въ деревню Ильинское (г. Охотникова); крестьяне и тамъ на барщину не пошли. Управляющій тотчасъ обратился къ становому приставу г. Кандагарову, который немедленно и явился на мѣсто происшествія. Собрали сходку.

— Вотъ, ребята, вамъ новое положеніе! Слушайте, я вамъ его прочитаю! началъ было становой.

Но толпа не дала ему договорить. „Громада“ загладѣла въ одинъ голосъ:

— Не тотъ указъ читаешь!.. Знаемъ мы васъ... Тебя господа под-

купили... Земля теперь вся наша!.. Самъ царь отдалъ... работать больше не пойдёмъ!..

Такъ становому и не удалось образумить толпу. Онъ уѣхалъ и полетѣло отъ него донесеніе исправнику о „бунтѣ“.

А между тѣмъ, молва о томъ, что отъ крестьянъ скрываютъ настоящую „царскую волю“, росла быстро, подобно волнѣ, перекатываясь изъ одного селенія въ другое.

— Оближннй указъ намъ читаютъ! а настоящую золотую царскую грамоту скрываютъ отъ насъ! уже въ одинъ голосъ говорили по разнымъ деревнямъ.

Крестьяне с. Высокаго Коровиковъ, Егоровъ и Кошелевъ взялись быть миссіонерами для распространенія настоящей „воли“. Такъ какъ у нихъ никакой „грамоты“ въ дѣйствительности не было, то они явились устными истолкователями „Положенія 19-го февраля“. Толкованіе это было построено на томъ, что „землю, молъ, царь всю отдалъ намъ, а работать больше на барина не слѣдуетъ“.

Переходъ названныхъ крестьянъ изъ одного села въ другое имѣлъ видъ триумфальнаго шествія. На высокій шестъ, изображавшій знамя, былъ привѣшенъ красный большой платокъ; шестъ вставили въ колесо, колесо положили въ телѣгу, и въ такомъ видѣ этотъ символъ крестьянской неурядицы развозили по селеніямъ. За этимъ оригинальнымъ поѣздомъ шли массы крестьянъ, бабъ и дѣтей.

Едва они вступали въ околицу, какъ имъ на встрѣчу, съ крикомъ „воля, воля!“ высыпало изъ курныхъ избъ все крестьянство отъ мала до велика.

Барщина и хозяйство бросались. Начальство въ образѣ старостъ, сотскихъ и десятскихъ болѣе не признавалось. У всѣхъ въ умѣ было одно только слово: воля! воля!..

Такимъ образомъ, выросшая уже до многихъ сотенъ толпа пришла и въ с. Троицкое (гр. Вьелегорскаго). Сельчане высыпали на встрѣчу триумфальному шествію. Выдвинулись мѣстные воротилы, горлопаны.

— Ребята! пойдёмъ въ церковь волю выбивать отъ попа!

— Скрываетъ попъ настоящую царскую волю! Идёмъ!..

Зашумѣли и направились къ дому мѣстнаго священника, о. Сперанскаго.

— Выходи, батюшка! требовала толпа.

Отецъ Сперанскій, конечно смущенный, вышелъ къ народу.

— Читай намъ новую волю!

— Вамъ манифестъ уже читали! пробовалъ было урезонивать крестьянъ священникъ.

— Не ты, та поддѣльная! А настоящую читай; въ ней сказано, что земля, значить, вся наша!

— Нѣтъ у меня такой воли! отвѣчалъ растерявшійся о. Сперанскій.

— Скрываешь ее отъ насъ! шумѣла толпа. — И ты подкушленъ

„господами“! Мы вѣдь знаемъ, что настоящая воля лежитъ въ церкви на престолѣ съ Егорьевскимъ крестомъ и со знаменемъ Пресвятыя Богородицы...

— Увѣрю васъ!.. клянусь вамъ!..

Но священнику не дали говорить.

— Врешь! Помни: если мы найдемъ ее въ церкви, то тебѣ не одобровать; повѣсимъ вверхъ ногами.

Вышла жена священника, которая насильно увела батюшку въ комнаты. Толпа пыталась было войти въ домъ, но затѣмъ раздумала. Нашлись старики болѣе благоразумные, которые остановили расходившихся молодцовъ и не дали имъ привести въ исполненіе приговора о „повѣшеніи попа“.

Необузданность отношенія крестьянъ къ своему духовному пастырю объясняется очень просто. Въ средѣ бунтовавшихъ находилась масса раскольниковъ, секты „молоканъ“, не признававшихъ православной духовной власти.

Подобная же сцена разыгралась и съ священникомъ въ с. Покровскомъ, но тутъ батюшка отдѣлался не такъ легко. Толпа ворвалась къ нему въ домъ и, какъ утверждаютъ, „потрепала“ маленько отца духовнаго, оказавшагося безсильнымъ для вразумленія толпы, по-прежнему безсмысленно требовавшей „царской воли съ Егорьевскимъ крестомъ“.

Такимъ образомъ, крестьянское волненіе стало принимать все болѣе и болѣе грозные размѣры. Оно охватило обширный районъ трехъ уѣздовъ—Керенскаго, Чембарскаго и Моршанскаго. Районъ этотъ заключалъ въ себѣ около 15000 душъ крестьянъ; въ однихъ имѣніяхъ гр. Вьелегорскаго числилось до 4000 душъ. Полицейскіе чины невольно призадумались. И было дѣйствительно отъ чего. Надо было принять быстрыя и энергичныя мѣры, а то стали происходить факты угрожающіе, въ родѣ, наиримѣръ, слѣдующаго:

9-го апрѣля вдова священника Студенцова ѣхала по большой дорогѣ изъ Чембара въ Керенскъ. Ее остановили десятокъ пѣшиходовъ крестьянъ.

— Кто ты такая будешь?

Вдова назвала себя по имени.

— Коли вдова, значитъ, Божій человекъ! Ну, и ступай съ Богомъ, по добру да по здорову...

— А вы, ребята, откуда идете? поинтересовалась Студенцова.

— Мы-то? Изъ села Поима! (гр. Шереметева). Вольную тамъ читалъ намъ солдатикъ.

— Слыхала!.. по всѣмъ церквамъ эту царскую милость читали!

— Читали, да не ту! А въ Поимѣ намъ прочли настоящую. Тамъ какъ на ладони все росписано! Значитъ, помѣщиковъ не приказано больше слушаться, а гдѣ исправникъ, али становой попадется — того бить надо; а ортачиться будетъ, то въ землю живьемъ закапывать.

— Ой, такъ ли? усумнилась вдова.

— Значитъ такъ, коли читали! А господь тоже щадить не велѣно, потому барское добро все намъ приписано!.. Барамъ, значитъ, шабашъ!

— Не вѣрится что-то!..

— Ну, не разговаривай! Ступай своей дорогой, пока цѣла...

Вдова дѣйствительно предпочла ударить кнутомъ по лошади и быстро отдѣлилась отъ пѣшиходовъ.

Слухи объ этихъ эпизодахъ разносились быстро по уѣзду. Земская полиція растерялась, не зная куда ей направить путь для „водворенія порядка“. Районъ волненія былъ слишкомъ обширенъ. Опасность была, дѣйствительно, немаловажная. Бунтовавшіе начали переходить уже отъ словъ къ дѣлу. Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ, за вѣдываемыхъ управляющими, крестьяне начали растаскивать скирды на гумнахъ, выходить же на полевые работы они совершенно отказались.

Чернышевскій управляющій ¹⁾, не пользовавшійся любовью крестьянъ, отзывавшихся объ немъ не иначе какъ объ „Антихристѣ“ и „разорителѣ“, первый испыталъ на себѣ „мужицкое неповиновеніе“.

— Знать тебя не хотимъ! твердили крестьяне, столь долгое время угнетаемые этимъ управителемъ.

— Если на работу не пойдете, то я вамъ покажу!

— Ничего не покажешь!.. не боимся мы тебя, потому—мы теперь вольные...

— Всѣхъ васъ въ Сибирь, на каторгу упеку!..

— А пока упеешь, мы сами съ тобой справимся...

Собравшіеся мужички начали напирать къ крыльцу дома управляющаго. Видя, что дѣло плохо, что одному съ толпой не совладать, управитель благоразумно отретировался и немедленно полетѣлъ заявить мѣстному чембарскому исправнику о бунтѣ, требуя скорѣйшаго приѣзда для укрощенія крестьянъ.

Вѣсть о поѣздѣ управителя въ городъ за властями и начальниками быстро разнеслась не только по селу, но и по окружнымъ деревнямъ. Вездѣ стали собираться сходки. Начали судить и рать, что дѣлать, что предпринять. Рѣшили собраться всѣмъ въ центральномъ селеніи Черногаѣ, собраться и не расходиться оттуда въ ожиданіи развязки.

— На міру и смерть красна! Погибать, такъ погибать всѣмъ вмѣстѣ! рѣшили крестьяне.

И дѣйствительно, въ Черногаѣ быстро стали стекаться со всѣхъ сторонъ мужской полъ, принадлежавшій до манифеста разнымъ владѣльцамъ. Въ этотъ пунктъ шли какъ въ сборное мѣсто одни крестьяне съ желаніемъ „послухать“, что произойдетъ, другіе торопились

¹⁾ Къ сожалѣнію, фамилію его я не могу припомнить.

Авт.

«истор. вѣстн.», годъ II, томъ VI.

узнать про новую настоящую волю, третьи шли „постоять за своихъ“; были наконецъ и такіе, которые спѣшили въ Черногай, сами не сознавая для какой цѣли.

Между тѣмъ, исправникъ, доложивши предводителю дворянства, г. Ранцеву, о происшедшемъ, поспѣшилъ направиться въ центръ волненія. Онъ пріѣхалъ въ Черногай въ сопровожденіи Чернышевскаго управляющаго и разсмыльнаго при земскомъ судѣ, отставнаго солдата.

Толпа крестьянъ точно ожидала пріѣзда властей. Она не расходилась съ улицы ни днемъ, ни ночью; питались всѣ на счетъ черногаевскихъ крестьянъ, которые хотя и не рады были непрошенымъ гостямъ, но вынуждены были кормить нѣсколько тысячъ собравшагося къ нимъ народа.

— Совсѣмъ объѣли насъ, говорили послѣ черногаевскіе, — да, еще въ сумлѣніе ввели.

Исправникъ остановился въ домѣ сотскаго. Не дожидаясь призыва, крестьяне сами направились къ начальству. Исправникъ съ сіяющимъ управителемъ Чернышевскимъ, жаждавшимъ быстрой и скорой расправы, вышелъ къ сходеѣ.

— Чего вы собрались? обратился исправникъ къ толпѣ.

— Да вотъ, новую волю отъ тебя послушать хотимъ.

— Но ее вамъ уже читали!

— Читали, да не ту.

Какъ ни пытался представитель власти разъяснить крестьянамъ смыслъ „Положенія 19 февраля“, но никто не слушалъ исправника.

— Пока дѣло уладится, пока вамъ будутъ поставлены новые начальники, мировые посредники, до тѣхъ поръ я прошу васъ работать по старому...

— То есть, какъ это? на помѣщика, значить?..

— Да...

— Ни въ жизнь!..

— Но вѣдь законъ приказываетъ... Самъ царь приказалъ...

— Не вѣримъ!.. Помѣщику мы больше не подневольные... Мы теперь государевы...

Говорилъ въ толпѣ уже не одинъ, а всѣ. Шумъ и крикъ были невообразимые...

— Худо вамъ будетъ за ослушаніе!.. началъ было стращать исправникъ, видя, что никакія мирныя увѣщанія не дѣйствуютъ...

— Хотъ вѣшай насъ, говорили возмущившіеся крестьяне. — За Бога и за царя умираемъ! А какой будетъ слѣдовать оброкъ за землю, мы заплатимъ не „господамъ“, а самому государю. И работать на помѣщиковъ два года тоже не будемъ, потому срокъ этой работѣ давно прошелъ...

— Какой срокъ? пытался было снова исправникъ.

— Извѣстно какой!.. Начало этому сроку было еще въ 1857 году... Давно прошелъ...

Сумбуръ въ понятіяхъ крестьянъ былъ такой, что привести въ порядокъ разгоряченные мозги оказалось для исправника дѣломъ непосильнымъ...

Онъ рѣшился прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Обратился къ своему разсылному:

— Кандалы съ тобой?

— Какъ же-съ, захватилъ ихъ съ собой про всякій случай.

— Вяжи вотъ этихъ, что впереди, горлопановъ, и въ холодную... Завтра съ вами будетъ расправа!..

Эти слова послужили какъ бы сигналомъ къ общему неудовольствію. По толпѣ сначала пронесся неопредѣленный шепотъ, перешедшій въ гулъ. Масса воодушевлялась.

— Не выдадимъ никого изъ нашихъ!.. Ребята! невыдавай!.. Что на нихъ смотрѣть!.. Не выдавай!..

Между тѣмъ, дрихлый ветеранъ солдатъ вышелъ изъ избы съ кандалами въ рукахъ и хотѣлъ уже приступить къ наложенію „желѣзъ“ на руки стоявшимъ впереди „горлопанамъ“.

— Бери ихъ! еще разъ скомандовалъ исправникъ.

Этотъ приказъ произвелъ совершенно неожиданное дѣйствіе. Превжній гулъ превратился въ ураганъ. Кто-то изъ толпы крикнулъ:

— Да вяжите ихъ самихъ!.. Они сами царскіе ослушники... баррами подкуплены...

Толпа ринулась впередъ. Разсылный былъ сбить съ ногъ. Кандалы были у него вырваны. Начался дикій самосудъ и крестьянская расправа.

Исправникъ и управляющій быстро скрылись въ избу. Толпа за ними. Мѣстный администраторъ не зналъ, что предпринять. Голосъ его заглушался крикомъ крестьянъ:

— Вяжи ихъ!.. Куй ихъ самихъ въ кандалы!.. Для себя принесли...

Принесены были тяжелыя цѣпи; представитель администраціи вмѣстѣ съ управляющимъ безпрекословно отдались въ руки крестьянъ. Обоихъ положили на скамейки и въ лежачемъ видѣ приковали кандалами. Несчастные, ожидая дальнѣйшей, худшей участи, лежали безъ движенія и безъ помощи.

— А гдѣ солдатъ-то разсылный? кто-то полюбопытствовалъ изъ толпы.

— Давай и его сюда!.. Хотѣлъ на насъ „бруслеты“ надѣть, такъ мы сами теперь его поподчумемъ.

И разсылнаго приволокли въ избу.

— Клади его на скамейку!.. приковывай! командовали горлопаны.

— Неприсстойно! замѣтилъ кто-то,—солдату да на одной линіи съ господами!.. Тѣ пускай на скамеечкѣ, а этому и на полу будетъ покойно и вольготно.

Сказано—сдѣлано. И разсылнаго, скованнаго по рукамъ и но-

гамъ, положили на полъ, крѣпко на крѣпко приковавъ къ нему неповиннаго солдатика.

Въ это время на дворѣ уже смеркалось. Крестьяне вышли изъ избы, оставивши своихъ плѣнныхъ совершенно однихъ.

— Теперь не вывернутся! оповѣстили они толпѣ, изъ которой каждый считалъ обязанностью подойти къ окнамъ избы и посмотреть на недвижимо лежавшихъ „властей“.

— А что же, ребята, мы съ ними теперь дѣлать будемъ?.. кто-то спросилъ изъ толпы.

Послѣдовало молчаніе. Мужички задумались. Предстояло рѣшить мудреный вопросъ.

— А вотъ стариковъ поспросать надо! Да теперь и время-то ужъ позднее, а утро вечера мудренѣе.

— Какъ бы намъ за нихъ не отвѣтить! попытался было кто-то образумить „горчиченькихъ“.

Но всѣ накинулись на непростеннаго защитника. Голосъ благоразумія уступилъ мѣсто безшабашной разнузданности. Для нея былъ широкій просторъ.

— А вотъ ночью покалякаемъ, поотдохнемъ, да и порѣшимъ съ ними...

— А какъ порѣшить?

— Знамо, какъ. На ворота перекладину, а на перекладину и повѣсимъ; пускай болтаются, воронамъ на потѣху...

— Сначала намъ глаза клевали, а теперь пушай имъ самимъ воронѣ глаза выпотрошить!.. поддакнула толпа.

Такъ и было рѣшено. Для „вѣрности“ къ избѣ былъ приставленъ караулъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ того же сотскаго, которому было строго наказано „беречь ихъ пуце глаза, а если чуть что, то ты намъ своей шкурой за нихъ отвѣтишь!“

Вооружившись дубинами, караульные оцѣпили избу и всю ночь обходили ее, зорко слѣдя изъ оконъ за каждымъ движеніемъ плѣнныхъ.

Улица опустѣла. Усталые крестьяне разошлись по деревнѣ. Избы оказались слишкомъ тѣсными для вмѣщенія массы пришлецовъ; поэтому размѣстились на гумнахъ и дворахъ, гдѣ все спало вповалку, въ ожиданіи утренней расправы.

Между тѣмъ, мѣстный предводитель дворянства г. Ранцевъ, уже успѣлъ распорядиться. Отправивши исправника въ Черногай, онъ командировалъ въ Кирсановъ нарочнаго съ просьбой немедленно и безостановочно направить въ Черногай военную команду. Кирсановъ хотя и былъ уѣзднымъ городомъ Тамбовской, а не Пензенской губерніи, гдѣ происходило волненіе, но это былъ ближайшій пунктъ, гдѣ квартировали полевая войска, и потому въ данномъ случаѣ г. Ранцевъ поступилъ очень благоразумно, обратившись за помощью прямо въ Кирсановъ.

Воинская команда, состоявшая изъ одной роты Тарутинскаго пѣ-

хотнаго полка, подъ начальствомъ поручика Линденбаума, немедленно тронулась на-легкѣ къ Черногаю. Она шла безостановочно всю ночь, направляемая становымъ приставомъ прямо въ Черногай. О взятіи въ плѣнъ исправника никому еще не было извѣстно.

На разсвѣтѣ, 9-го апрѣля, тарутинцы вступили въ Черногай. Крестьяне, усталые отъ событій предыдущаго дня, еще спали. Улица была пуста; только одни караульные мужички ходили дозоромъ около избы, гдѣ томились прикованные заключенные.

Этотъ „дозоръ“ сразу обратилъ на себя вниманіе станового, который въ сопровожденіи солдатъ немедленно вошелъ въ избу. Несчастные исправникъ, Чернышевскій управляющій и разсылный были тотчасъ же освобождены. Кандалы были сняты и приговоренные уже не думали болѣе о возмездіи. Не принявши никакихъ мѣръ для „водворенія порядка“, они не теряя времени запрягли свои тарантасы и укатили въ уѣздный городъ составлять подробное о бывшихъ проишествіяхъ донесеніе пензенскому губернатору, гр. Толстому.

Въ Черногаѣ остались становой приставъ и рота тарутинцевъ, подъ начальствомъ поручика Линденбаума. Чтò нужно было предпринять и какъ дѣйствовать—никто не зналъ. Инструкцій точныхъ никто не имѣлъ. Ротный командиръ былъ предоставленъ собственному его усмотрѣнію. Онъ конечно не предвидѣлъ печальныхъ сценъ, которыя должны были разыгратъ въ тотъ же день. Дальнѣйшихъ событій онъ безъ сомнѣнія также не могъ предусмотрѣть, а тѣмъ болѣе предотвратить.

Прежде всего, заботясь объ обеспеченіи пищею усталыхъ солдатиковъ, прошедшихъ пѣшкомъ всю ночь, поручикъ Линденбаумъ распорядился разставить ихъ, не вводя въ избы, по дворамъ группами по 5—10 человекъ. А между тѣмъ, вѣсть о прибытіи воинской команды быстро разнеслась по селенію. Съ гуменъ, изъ амбаровъ, сбѣгались крестьяне толпами. Они, въ полномъ смыслѣ слова, запрудили всю улицу. Всѣ говорили, галдѣли и вельзя было разобрать, чего кто хотѣлъ. А время шло въ бездѣйствіи. Солнце показывало уже полдень. Поручикъ Линденбаумъ находился среди толпы около одной избы.

— Расходитесь, ребята, по домамъ! началъ было онъ уговаривать крестьянъ. Его никто не слушалъ, и толпа шумѣла все болѣе и болѣе.

— Да это войско не царское! слышался голосъ въ толгѣ.

— Это не царскіе слуги! Это дворянское войско; а настоящее войско только еще идетъ къ намъ на выручку...

— Извѣстно такъ! войско на войско идетъ!..

— Чего же на нихъ смотрѣть!..

Поручикъ Линденбаумъ оглядывался по сторонамъ, попавши точно въ ловушку. Не облеченный никакою самостоятельною властью, онъ только прислушивался и придумывалъ мѣры для обеспеченія какъ себя, такъ и вѣренной ему команды солдатъ.

— Да бей ихъ! чего на нихъ смотрѣть! подстрекнулъ кто-то изъ толпы.

Это было сигналомъ общей свалки.

— Солдатъ-то не трогай! Это свои! а вотъ бей тѣхъ, что со звѣздочками на шапкахъ.

Крестьяне указывали на офицерскія кокарды.

По причинѣ тѣсноты на улицѣ, любопытствующіе крестьяне взгромоздились даже на крыши избъ, глядя на происходившее. Одинъ старикъ съ сѣдою бородою, пріютившійся на крышѣ той избы, около которой стоялъ поручикъ Линденбаумъ, стащилъ толстую жердь, придерживавшую солому на крышѣ, и съ высоты занесъ свое импровизированное оружіе надъ головой ротнаго командира. Обернувшись, поручикъ Линденбаумъ, притиснутый толпою, быстро сообразилъ, что ему не избѣжать можетъ быть смертельнаго удара. Моментально выхватилъ онъ изъ кабура револьверъ и прицѣлился въ старика. Раздался выстрѣлъ и сѣдобородый крестьянинъ какъ снопъ покотился съ крыши.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поручикъ Линденбаумъ немедленно приказалъ стоявшему около него барабанщику „бить сборъ“. По барабанной трели солдатики, съ ружьями въ рукахъ и очищая себѣ дорогу прикладами, быстро собрались около своего командира.

Выстрѣлъ изъ револьвера послужилъ какъ бы сигналомъ къ общей свалкѣ.

— Нашего убили!.. кричала толпа.—Ребята, не выдавай! Напирай!

Нѣсколько тысячъ крестьянъ, дѣйствительно, начали напирать на незначительную команду. Солдаты отбивались прикладами. Крестьяне силились вырвать ружья. Нѣсколько ружей было уже вырвано; они такъ и остались въ рукахъ у крестьянъ.

Видя, что дѣло плохо, поручикъ Линденбаумъ приказалъ солдаткамъ отступать по улицѣ. Шагъ за шагомъ горсть команды, отбиваясь прикладами отъ толпы, двигалась по деревнѣ, направляясь внизъ по спуску горки къ мостику, перекинутому черезъ небольшой ручей, за которымъ уже начинались поля. Въ такомъ порядкѣ рота дошла до мостика, лишившись нѣсколькихъ ружей. Во время этого медленнаго отступленія, поручикъ Линденбаумъ приказалъ на ходу заряжать ружья кому возможно.

Толпа же не отставала отъ удаляющихся солдатъ, которые вступили уже на мостикъ.

— Напирай на нихъ сильнѣе! Ребята, дружка! а то уйдутъ вѣдь! начали поддускивать крестьяне.

Мужицкая масса съ страшнымъ крикомъ бѣгомъ двинулась съ горки на солдатъ, стоявшихъ уже на мосту.

— Кладь, пли! раздалась команда поручика Линденбаума.

Послѣдовали выстрѣлы. Нѣсколько крестьянъ, пронзенныхъ пулями, упали. Толпа дрогнула и остановилась.

— Ну-ка еще разъ, ребята, не выдавай! видишь, нашихъ бьютъ!..

Крестьяне еще разъ двинулись было впередъ. Поручикъ Линденбаумъ приказалъ стрѣлять вверхъ, для острастки; раздались новые выстрѣлы и вся толпа не посмѣла уже болѣе вступать въ бой съ воинской командой. Тогда рота гарутинцевъ перешла черезъ мостъ и поставила ружья въ козлы; ротный командиръ сдѣлалъ переличку солдатамъ, которые оказались всѣ на лицо; нѣсколько изъ нихъ, въ томъ числѣ и одинъ юнкеръ, оказались побитыми; но нанесенные имъ удары не имѣли никакихъ для ихъ здоровья дурныхъ послѣдствій. Затѣмъ, не зная что дѣлать, поручикъ Линденбаумъ рѣшилъ отправиться на ночлегъ въ ближайшую деревню, дать солдатикамъ столь необходимый для нихъ отдыхъ. Вся рота, цѣлыя сутки остававшаяся безъ пищи, подкрѣпила себя и затѣмъ, такъ неудачно окончивши свою экспедицію, отправилась обратно въ мѣсто расположенія своего полка, въ Кирсановъ. По уходѣ воинской команды въ Черногаѣ на спускѣ горы оказались лежавшими въ разныхъ положеніяхъ четыре убитыхъ крестьянина и восемь раненыхъ.

Донесеніе о столкновеніи крестьянъ съ воинскою командою и объ оказаніи сопротивленія вооруженной силѣ было немедленно отправлено исправникомъ пензенскому губернатору, графу Толстому.

Въ это время находился въ Пензѣ свиты его императорскаго величества генераль-маіоръ Дренякинъ, командированный для объявленія высочайшаго манифеста 19 февраля объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и для принятія мѣръ на случай могущихъ возникнуть беспорядковъ.

Графъ Толстой немедленно передалъ генералу Дренякину сказанное донесеніе о кровавомъ столкновеніи. Надо было дѣйствовать энергически и не терять времени. Въ Пензу доходили слухи одинъ другого сбивчивѣе. Мѣстное населеніе, а преимущественно дворянство, старалось раздуть эти слухи, опасаясь за себя и за свое имущество. Въ тотъ же день отъ керенскаго уѣзднаго предводителя дворянства получено было донесеніе, что изъ Черногая крестьяне въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ собрались въ с. Кандевкѣ (г. Волкова) и что Кандевка сдѣлалась центромъ волненія.

Генераль-маіоръ Дренякинъ, по соглашенію съ квартировавшимъ въ Пензѣ начальникомъ 16-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантомъ Астафьевымъ, распорядился о командированіи въ Кандевку двухъ баталіоновъ Казанскаго пѣхотнаго полка; самъ же немедленно съ мѣстнымъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, полковникомъ Лаксомъ, и въ сопровожденіи двухъ жандармскихъ нижнихъ чиновъ отправился на мѣсто происшествія.

Въ полдень, 15-го апрѣля, генералу Дренякину пришлось проѣзжать черезъ деревню Черногаѣ. Селеніе какъ будто вымерло. На улицѣ не было ни одного человѣка. Генераль приказалъ экипажу остановиться. Сидѣвшій на козлахъ жандармъ слѣзъ и постучался въ окно одной избы — отвѣта не послѣдовало; изба была пуста. Опъ

въ другую, третью; наконецъ, вышла какая-то баба. Испуганная, она съ недоумѣніемъ поглядывала на прибывшихъ гостей.

— Гдѣ же ваши мужики? спросилъ генералъ Дренякинъ.

Баба только туло озиралась по сторонамъ. Долго отъ нея не могли добиться никакого отвѣта; наконецъ, она объяснила, что послѣ „побоища“ всѣ мужики разбѣжались изъ деревни въ Кандевку, за „новую волю“.

— А гдѣ же было побоище?

— Убивство-то?

— Да!.. Гдѣ? укажи!

Баба рукою указала по направленію къ крайней избѣ, стоявшей на пригоркѣ. Экипажъ тронулся и при выѣздѣ изъ деревни снова остановился. Глазамъ генерала представилась крайне неприглядная картина; на пригоркѣ, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, лежали четыре трупа: положеніе ихъ было различно; одинъ лежалъ навзничъ, два же—совершенно скорчившись отъ предсмертныхъ судорогъ; лица ихъ были прикрыты грязными тряпичами, изъ подъ которыхъ только торчали клочки бородъ. Трупы издавали зловоніе.

Не успѣлъ генералъ выйти изъ экипажа, какъ къ нему подбѣжалъ крестьянинъ съ непокрытой головой.

— Ты кто такой?

— Я-то?.. Я сотскій... караулю мертвыя тѣла...

— Почему же они не погребены?

— Да поцъ, вишь, хоронить не хочетъ.

— Это почему?

— Говорить, что кто ихъ убилъ, пускай тѣ и хоронять!..

Послали за священникомъ и сдѣлано было распоряженіе о немедленномъ преданіи землѣ убитыхъ крестьянъ.

Наступалъ уже вечеръ, когда генералъ Дренякинъ подбѣхалъ къ Кандевкѣ. У околицы, на выгонѣ, стояла тысячная толпа мужиковъ, которые точно поджидали генеральскаго приѣзда. Подбѣхавши къ толпѣ, генералъ вышелъ изъ экипажа; крестьяне обнажили головы.

— Для чего вы здѣсь собрались? обратился генералъ къ толпѣ. Крестьяне молчали, посматривая въ недоумѣніи на прибывшаго.

— Вы здѣшніе, Кандевскіе?

— Всякіе! мы изъ разныхъ мѣстъ будемъ.

— Такъ для чего же вы сюда пришли?

— А вотъ, новую волю послушать!

— Да вѣдь вамъ уже читали царскій манифестъ?

— Читать-то читали, да что-то не „тово!“

— Вѣроятно вы понимаете царскую милость не такъ, какъ слѣдуетъ!

— Понять-то поняли, да все-таки „не тово“!..

— Ну, такъ я долженъ вамъ сказать, что я присланъ къ вамъ

самимъ царемъ; присланъ для того, чтобы объяснить вамъ царскую милость...

— Что-же? намъ того и надо!.. Мы тебя, батюшка, и ждали!.. Объясни, а мы послушаемъ!..

— Помните, ребята, только одно: надо исполнять въ точности все, что я вамъ скажу...

— Коли отъ самого царя, то конечно исполнимъ.

Тутъ генераль Дренякинъ, вооружившись полнымъ терпѣніемъ, началъ объяснять крестьянамъ точный смыслъ высочайшаго манифеста 19-го февраля. Генераль говорилъ языкомъ вполне доступнымъ для народнаго пониманія. Онъ разжевывалъ и просто въ ротъ клалъ мужикамъ дарованныя имъ льготы, не упуская изъ виду и тѣхъ обязанностей, которыя они должны были нести на основаніи „Положенія 19-го февраля“. Крестьяне слушали молча и не перебивали генерала; только изрѣдка изъ толпы слышенъ былъ какой либо воцросный пунктъ, на который слѣдовало немедленное объясненіе.

— Какъ же это будетъ? мы, значитъ, теперь вольные, стало быть и земля вся наша и барское добро наше? спрашивали крестьяне.

— Нѣтъ, не такъ вы понимаете волю, которую даровалъ вамъ царь! пояснялъ генераль Дренякинъ.—Земля вся барская, потому господа за нее либо деньги платили, покупали, либо она имъ отъ отцевъ и дѣдовъ досталась; стало быть отнять ее — незаконно, и несправедливо...

— Н-да!.. Это точно!.. но какъ же мы-то будемъ, при чемъ мы останемся?

— А это все въ положеніи объяснено... Царь даетъ вамъ въ помощь ссуду на много лѣтъ, чтобы вы могли выкупить тѣ надѣлы, которые вамъ отрѣжутъ по уставнымъ грамотамъ.

Крестьяне слушали, но дѣлали видъ, что не понимали объясненія.

— Что это за воля? сказалъ кто-то изъ толпы.

— А вотъ что за воля! началъ снова генераль Дренякинъ.—Вы, ребята, должны знать, что вольные только птицы небесныя бываютъ, а человѣкъ всегда долженъ жить по закону, Богомъ и царемъ установленному. Прежде у тебя никакой ровно свободы не было; тобой распоряжался твой баринъ. Не понравился ты своему господину, провинился ты въ чемъ—баринъ могъ тебя и розгами наказать, и на поселеніе сослать, да и въ солдаты не въ очередь отдать, а теперь нѣтъ! Ты ему не подневолень: за каждую твою вину судить тебя будутъ судьи по закону. Прежде, на примѣръ, полюбилась тебѣ дѣвка Наташка, захотѣлъ ты на ней жениться; ну, и приходишь къ барину: „позволь, молю, повѣнчаться съ Наташкой“, а баринъ тебѣ указываетъ на другую.—Нѣтъ, говоритъ онъ, женись на Машкѣ. А Машка-то эта, охъ, какъ не любя тебѣ. Какъ ты ни ортачься, а все-таки женять тебя на немилрой и коротай съ нею весь твой вѣтъ! Ну, а

теперь ты свободенъ! Выбирай кого хочешь! благословятъ тебя родители, и женись на милой! Вотъ, ребята, въ чемъ воля! Это не то, что прежде!.. А пока вамъ землю нарѣжутъ, нельзя оставлять полей не засѣянными. Земля-то, которую вамъ дадутъ, все-таки барская, за нее вамъ и слѣдуетъ платить господину или оброкъ, или же работою своею выплачивать... Поняли?

— Все это мы поняли, а на работу все-таки больше не пойдѣмъ. Потому, довольно!.. Земля вся наша!

Генераль Дренякинъ началъ было снова урезонивать крестьянъ, но всѣ его старанія были напрасны. Крестьяне упорно стояли на своемъ и никакъ не хотѣли отрѣшиться отъ неправильно втолкованнаго имъ смысла „Положенія 19-го февраля“. Изъ толпы начали раздаваться угрожающіе возгласы, вскорѣ перешедшіе въ неопредѣленный гулъ. Слово генерала за шумомъ не было уже болѣе слышно; крестьяне не обращали вниманія на увѣщеванія, потому генераль Дренякинъ, увидѣвши, что съ неразумной толпой ему одному не справиться, предпочелъ благоразумно удалиться; онъ сѣлъ въ коляску и отправился въ усадьбу Кандевки.

Усадьба расположена на полугоркѣ, въ полуверстномъ разстояніи отъ селенія. По прїѣздѣ въ нее, генераль Дренякинъ засталъ передъ домою помѣщика г. Волкова два баталіона Казанскаго полка, которые прибыли по вызову изъ мѣста своего расположенія, изъ Нижняго Ломова. Тутъ же ожидали мѣстный исправникъ, становой, предводитель дворянства и жандармскій штабъ-офицеръ.

Совсѣмъ уже свечерѣло, потому тотчасъ же нельзя было принять никакихъ мѣръ для вразумленія крестьянъ. Положеніе во всякомъ случаѣ было затруднительное. Оно осложнилось еще донесеніемъ исправника, который представлялъ дѣло въ весьма мрачныхъ краскахъ! По его словамъ, крестьяне рѣшили оказать вооруженное сопротивленіе войскамъ. Исправникъ доложилъ генералу, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, на нѣкоторыхъ дворахъ Кандевки были заготовлены склады самаго разнообразнаго оружія. Тутъ, по его словамъ, были сложены топоры, косы, укрѣпленныя къ шестамъ, ножи на длинныхъ древкахъ и вообще разные предметы домашняго крестьянскаго обихода, обращенные въ холодное оружіе.

Въ виду предшествовавшихъ событій, по неволѣ пришлось повѣрить этимъ слухамъ, которые впоследствии оказались совершенно невѣрными; никакого оружія нигдѣ не найдено; но прежде принятія крутыхъ мѣръ, генераль Дренякинъ рѣшился испытать еще послѣднее средство, имѣющее вполне миролюбивый характеръ. Въ деревню былъ отправленъ нарочный заявить крестьянамъ, чтобы они избрали изъ своей среды челоуѣкъ 10—20 депутатовъ и прислали бы ихъ въ усадьбу къ посланному царемъ генералу. Посыльному приказано было объяснить толпѣ, что генераль не можетъ говорить съ тысячею че-

ловѣкъ заразы, а что съ уполномоченными стариками онъ охотно побесѣдуетъ и объяснитъ высочайшій манифестъ.

Миссія эта не достигла цѣли. Крестьяне никого не выбрали и не прислали, изъ опасенія, чтобы съ ихъ выборными „не сдѣлали худа“.

— Коли отвѣчать, такъ будемъ отвѣчать все вмѣстѣ! На людяхъ и смерть красна! такъ былъ отвѣтъ толпы.

Вся ночь была проведена безъ сна въ томительномъ ожиданіи. Никто не зналъ, что будетъ предпринято на слѣдующій день, но все ожидали чего-то грознаго. Солдатики Казанскаго полка расположились бивуакомъ передъ домомъ, гдѣ помѣщался генераль Дренякинъ, такъ что Кандевка приняла видъ „военнаго времени“. Съ одной стороны, по деревнѣ и около нее, вокругъ зажженныхъ костровъ расхаживали крестьяне, представлявшіе собою непріятеля, а съ другой—вся усадьба изображала другой лагерь съ правильно организованной аванпостной службой и патрулями.

На ночь были приняты мѣры противъ всякихъ случайностей. Наступило утро 16 апрѣля. Погода была великолѣпная, весеннее солнце свѣтило очень ярко, и казалось ничто не предвѣщало той страшной драмы, которая должна была разыгратъся въ этотъ памятный день.

Рано утромъ, одѣвшись въ полную парадную форму, въ свитскомъ мундирѣ, генераль Дренякинъ вышелъ къ войскамъ, стоявшимъ уже подъ ружьемъ на дворѣ усадьбы. Послѣ обычнаго привѣтствія, генераль обратился къ солдатамъ съ краткою рѣчью, въ которой объяснилъ имъ обязанности повиновенія долгу службы; затѣмъ былъ отданъ приказъ зарядить ружья, и съ барабаннымъ боемъ войска, имѣя во главѣ шедшаго пѣшкомъ генерала Дренякина, двинулись подъ горку къ селенію Кандевкѣ.

Селеніе это представляло одну широкую улицу, по обѣимъ сторонамъ которой ютились крытыя соломой избы. Вся улица была буквально запружена народомъ, который съ любопытствомъ и въ какомъ-то недоумѣніи глядѣлъ на приближающіяся войска, представлявшія для крестьянъ невиданное зрѣлище.

Баталіоны Казанскаго полка остановились въ ротныхъ колоннахъ передъ самымъ входомъ въ деревенскую улицу. Скомандовали къ ногѣ.

Толпа крестьянъ находилась не болѣе какъ въ 40—50 шагахъ отъ остановившихся казанцевъ. Она обнажила головы и молча приглядывалась къ военнымъ эволюціямъ. Изъ толпы выдѣлялся только одинъ коренастый, широкоплечій паренъ съ небольшою бородкой; онъ держалъ въ рукахъ ополченскую съ крестомъ шапку. Повидимому, это былъ одинъ изъ вожаковъ, коноводовъ; онъ то и дѣло помакивалъ своей шапкой, оборачиваясь къ стоявшей позади его толпѣ.

Генераль Дренякинъ вышелъ впередъ. Воцарилась мертвая тишина. Все ожидали, что скажетъ генераль. Онъ обратился къ кре-

стьянамъ и голосъ его звонко раздавался, долетая до всѣхъ присутствовавшихъ. Слова его приблизительно были таковы:

— Еще разъ обращаюсь къ вамъ и къ вашему благоразумію. Увѣряю васъ, что я присланъ самимъ царемъ, чтобы возвѣстить вамъ вашу новую свободу и объяснить ваши права и обязанности! Пока высочайшая воля будетъ приводиться въ исполненіе, именемъ царя я прошу васъ безпрекословно повиноваться властямъ и идти теперь же на работу. За землю, которую вамъ дадутъ, царь приказалъ вамъ отработывать помѣщикамъ, какъ указано въ положеніи...

Ни грозный видъ стоявшихъ впереди войскъ, ни ласковое обращеніе генерала Дренякина—ничто не дѣйствовало на крестьянъ. Едва только они услышали приказъ о томъ, что слѣдуетъ имъ идти на помѣщичью работу, какъ раздался возгласъ стоявшаго впереди ратника съ ополченской шапкой.

— За Бога да за царя умираемъ, а на работу къ господамъ не поидемъ.

Этотъ возгласъ, какъ будто по заранѣ условленному знаку, подхватила и вся толпа.

— За Бога да за царя умираемъ! кричали уже всѣ. Эта формула была крестьянскимъ лозунгомъ.

— Я въ васъ стрѣлять буду, если вы не образумитесь! Вы должны мнѣ вѣрить! Отвѣчайте! Вѣрите-ли вы моимъ словамъ!.. обратился снова генералъ къ нѣскольکو утихнувшей толпѣ.

— За Бога да за царя умираемъ! послѣдовалъ отвѣтъ.

Другихъ словъ отъ толпы нельзя было добиться; всѣ повторяли одну эту фразу.

— Слышите ли, еще разъ прошу васъ мирно разойтись по домамъ и приняться за работу. Если же меня не послушаетесь, то я пулями разгоню васъ!

Но и эти слова не произвели никакого дѣйствія на упорствующихъ крестьянъ, не перестававшихъ кричать: „За Бога да за Царя умираемъ!“ Терпѣніе у генерала Дренякина повидимому истощилось.

— Первая шеренга кладь! Пли! скомандовалъ онъ.

Раздались выстрѣлы. Нѣскольکو крестьянъ изъ стоявшихъ впереди ушли, пронзенные пулями. Толпа же отъ выстрѣловъ и не дрогнула; она стояла по прежнему неподвижно и только закрывала лицо своими шапками, какъ бы защищаясь отъ пуль. Впереди стоялъ тотъ же ратникъ, который помахивалъ руками и ободрялъ толпу своимъ неизмѣннымъ возгласомъ:

— За Бога да за царя умираемъ!

Наступило минутное затишье. Затѣмъ генералъ Дренякинъ взволнованнымъ голосомъ снова пытался образумить крестьянъ:

— Вы видите, что я не шучу! Именемъ царя я требую, чтобы вы разошлись по своимъ деревнямъ и спокойно продолжали бы свои работы!

— За Бога и за царя умираемъ! въ одинъ голосъ отвѣчали крестьяне, въ недоумѣннн поглядывая на лежавшіе около нихъ трупы.

— Вторая шеренга кладсь! Пли! раздалась снова начальническая команда.

Послѣдовали новыя выстрѣлы. Попадали и новыя жертвы, а толпа стояла неподвижно.

Тогда генералъ Дренякинъ совершенно отдѣлился отъ воинской команды, снялъ съ головы каску, растегнулъ сюртукъ и съ груди своей снялъ крестъ и образокъ Божіей Матери.

— Видите ребята этотъ образъ! Это благословеніе моей матери. Это—святыня для меня. При васъ цѣлую эту святыню и клянусь Спасителемъ, что я говорю вамъ правду. Клянусь, что я присланъ къ вамъ нашимъ милостивымъ царемъ для того, чтобы объяснить и растолковать манифестъ. Не вѣрьте злымъ людямъ, которые толкуютъ вкривь и вкось и ведутъ васъ въ пропасть!.. Надо повиноваться властямъ!..

При этомъ генералъ приложился къ образу и еще разъ повторилъ:

— Клянусь, что говорю вамъ правду! Прошу со слезами на глазахъ, умоляю васъ, разоидитесь...

У генерала и у многихъ изъ присутствующихъ на глазахъ дѣйствительно были непритворныя слѣзы.

Вмѣсто отвѣта толпа повторяла свое неизмѣнное: „За Бога да за царя умираемъ!“

Тогда, по командѣ генерала Дренякина, послѣдовалъ еще третій залпъ. Крестьяне валились какъ снопы; остальные же стояли стѣбно неподвижно, какъ бы не сознавая того, что эти залпы унесли много жизней.

Присутствовавшіе при этомъ офицеры, участники севастопольской обороны, люди закаленные въ бояхъ, утверждали, что храбрость и стойкость крестьянъ не имѣютъ подобнаго примѣра въ лѣтописяхъ военной исторіи. Во время боя, если въ какую либо часть войскъ стрѣляютъ на близкомъ разстояніи, то обстрѣливаемая часть никогда не можетъ устоять на мѣстѣ: она или бросается впередъ, или же въ паническомъ страхѣ рассыпается по сторонамъ. Кандевскіе же крестьяне выдержали три залпа чуть ли не въ упоръ и все-таки не дрогнули; они стояли неподвижно, глядя смѣло впередъ, какъ бы ожидая смерти. Они слѣпо и безповоротно выполняли свой пароль и лозунгъ— „за Бога да за царя умираемъ“.

И дѣйствительно, крестьяне безропотно умирали, не издавая ни одного вопля. Раненые не стонали, какъ бы сознавая, что они принимаютъ мученической вѣнецъ.

— Всѣмъ бы этимъ мужичкамъ за ихъ стойкость по Георгію поѣсать на кафтанъ! перешептывались между собою офицеры.

А время между тѣмъ шло. Разстрѣливаніе ни на одинъ шагъ не

подвинуло дѣла усмиренія. Пули не произвели желаемого дѣйствія. Крестьяне и не думали оказывать повиновенія. Видя, что этимъ путемъ можно только разстрѣлять всю толпу, а не образумить ее и не направить на путь истины, генераль Дренякинъ сначала было растерялся, не ожидая такого упорства.

Выстрѣлами онъ хотѣлъ сразу покончить дѣло съ возмущившимися неразумными мужиками; но ему пришлось горько разочароваться въ цѣлесообразности принятой имъ черезъ-чуръ энергичной мѣры. Лицо его было блѣдно; онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, не рѣшаясь, что предпринять далѣе. Повидимому, его назойливо преслѣдовала мысль о могущемъ быть вооруженномъ сопротивленіи крестьянъ, чему было уже опасный прецедентъ въ Черногаѣ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ соображенія, казавшихся для всѣхъ присутствовавшихъ вѣчностью, генераль Дренякинъ измѣнилъ систему своихъ дѣйствій и приказалъ какъ можно быстрѣе окружить толпу солдатами.

— Справа—слѣва заходи, бѣгомъ! послѣдовала команда.

Казанцы, съ ружьями на перевѣсѣ, кинулись къ неподвижной толпѣ, которая при видѣ дружнаго на нее натиска бросилась въ разсыпную. Поднялся хаосъ невообразимый. Бѣжали стремглавъ, кто куда попало. Съ пригорка было видно, какъ по полямъ въ разныхъ направленіяхъ опрометью бѣжали крестьяне. Казанцы, тѣмъ не менѣе, успѣли отрѣзать отъ общей массы и оцѣпить значительную кучку народа.

Эту кучку подъ конвоемъ повели къ барскому дому. Такимъ образомъ, улица деревни сдѣлалась свободною; тысячи разбѣжались, а подъ прикрытіемъ военной команды оказалось 411 человѣкъ. Самая же улица представляла крайне мрачную картину. На ней въ разныхъ положеніяхъ лежало 39 крестьянъ; изъ нихъ 11 были убиты на-поваль, а 28 человѣкъ были ранены. Въ числѣ убитыхъ былъ 90-лѣтній старикъ Фимушкинъ. Раненные, однако, не подавали ни малѣйшаго признака жизни; не было слышно ни воплей, ни стоновъ. Надо удивляться упорству, съ какимъ переносили эти люди свои страданія. Немедленно было сдѣлано распоряженіе о преданіи землѣ убитыхъ, смерть которыхъ была констатирована врачомъ Казанскаго полка; раненыхъ же бережно перевезли къ усадьбѣ, гдѣ имъ была оказана медицинская помощь. Тутъ происходили сцены поистинѣ назидательныя. Одному крестьянину пришлось сдѣлать ампутацію ноги. Къ операциі приступили, конечно, безъ хлороформа. Въ то время, когда медицинскій ножъ скользилъ по живому мясу, у раненаго спрашивали:

— Ну, вотъ теперь ты видишь, что надо слушаться начальства и исполнять царскую волю!

Раненый отъ боли только кряхтѣлъ, но не стоналъ и твердо отвѣчалъ излюбленную фразу:

— Рѣжьте меня, но на барскую работу не пойду... а за Бога и царя умираю!..

Это былъ какой-то роковой фанатизмъ, это была безусловная вѣра въ правоту своей мысли, не допускавшей никакого поворота.

Для раненныхъ былъ немедленно устроенъ временной лазаретъ, гдѣ нѣсколько человекъ умерли; даже испуская духъ, они не хотѣли отрѣшиться отъ идеи, что дѣло ихъ „правое“.

Между тѣмъ, генералъ Дренякинъ, видя такое безпримѣрное упорство, телеграфировалъ въ Петербургъ просьбу о дозволеніи судить ему виновныхъ на мѣстѣ, не наполняя остроговъ. Утвердительный отвѣтъ не замедлилъ послѣдовать.

Приведенные на дворъ усадьбы были переписаны. Эти 411 человекъ оказались пришедшими изъ-за десятковъ верстъ; они принадлежали почти къ сотнѣ селъ и деревень; принявши же во вниманіе число разбѣжавшихся, можно составить себѣ понятіе о величинѣ района возмущенія.

Началась процедура допроса, передъ которымъ генералъ Дренякинъ снова обратился къ толпѣ съ просьбою повиниться.

Слова его не привели ни къ чему. Попавшійся ратникъ, подумскивавшій народъ подъ выстрѣлами, оказался крестьяниномъ Будановымъ. Онъ по-прежнему стоялъ впереди и твердилъ свое:

— Помремъ, а на барина работать не будемъ! Прошли барскія времена.

Изъ числа наиболѣе горлавившихъ выдѣлялся временно-отпущенный солдатъ Горячевъ, 26-ти лѣтъ. Это былъ, повидимому, одинъ изъ главныхъ воротиль. На него же указалъ и уѣздный исправникъ какъ на лицо, оказавшее ему полное неповиновеніе во время чтенія высочайшаго манифеста.

Допросъ былъ очень коротокъ. Вынесли на дворъ небольшой столикъ, за который усѣлся комиссія изъ офицеровъ. Къ столу подзывались по одному крестьянину, сначала наиболѣе замѣченные по ихъ упорству, а также и тѣ, на которыхъ указывала мѣстная полиція.

— Имя и отчество! такъ начинался допросъ.

— Изъ какой деревни?

— Кто тебя подучалъ не повиноваться властямъ?

— Будешь ли повиноваться и слушаться царской воли?

На послѣдніе вопросы крестьяне или рѣшительно отказывались отвѣчать, или же давали отрицательные отвѣты, съ добавленіемъ своего пароля: „за Бога и за царя умираемъ“.

Краткое дознаніе это немедленно посылалось въ домъ къ генералу Дренякину, который тутъ же и тотчасъ же клалъ краткую резолюцію, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей—противъ Горячева значилась такая конфирмація: „лишается военнаго званія и медали и, по наказаніи шпицрутенами черезъ 100 человекъ 7 разъ, ссылается въ отдаленные рудники на 15 лѣтъ“.

Приговоры начали приводить въ исполненіе на мѣстѣ. Казанцы были поставлены шпалерами; имъ дали въ руки шпицрутены, и въ присутствіи безмолвной толпы оцѣвленныхъ крестьянъ начали гнать сквозь строй по два и по три человѣка заразъ.

Спины крестьянъ были обнажены; руки ихъ крестъ-на-крестъ были привязаны къ ружейному прикладу; за дуло же ружья держали два солдата, которые и вели приговореннаго по „зеленой рощѣ“ подъ звуки унылаго барабаннаго боя.

Начался второй актъ трагедіи. Картина была за душу хватающая и невольно вызывала слезы у всѣхъ присутствовавшихъ. Ключьями летѣло живое мясо отъ гибкихъ хлыстовъ, обвивавшихъ словно змѣи грудь и спины мужичковъ. Звонко раздавался мѣрный свистъ и визгъ шпицрутеновъ; но казалось, что эти несчастные фанатики и не чувствовали боли; они шли по „зеленой рощѣ“ точно на праздникъ и только глухо повторяли: „за Бога да за царя помираемъ!“

Просвистятъ двѣ сотни хлыстовъ—и нарочно остановятъ печальную процессію.

— Ну, что? каешься ли? пойдешь ли теперь на работу? спросятъ мужичка, спина котораго представляла одну безформенную массу, изъ которой торчали куски прутьевъ, врѣзавшихся въ тѣло.

Несчастный во время пріостановки только вздохнетъ какъ будто посвободнѣе и произнесетъ:

— На работу не пойду! Дорѣзываютъ меня!

И снова льется кровь, безъ стона, безъ вопля. Точно и не люди, а какіе-то каменные истуканы. Въ точности, согласно съ конфирмаціей, были прогнаны сквозь строй десятка два человѣкъ.

Казалось бы, при видѣ этой страшной, душу раздирающей картины, должны были содрогнуться и стоявшіе въ толпѣ крестьяне. Но нѣтъ! Они безмолвно ожидали своей очереди и шли къ допросу, спокойно и безмолвно ожидая дальнѣйшей участи.

И ихъ гнали сквозь строй съ тѣми же пріостановками и съ тѣми же вопросами, на которые они, подобно уже потерпѣвшимъ товарищамъ по несчастію, отвѣчали:

— На барскую работу не поидемъ.

Такимъ образомъ, сквозь строй шпицрутеновъ прошло слишкомъ двадцать человѣкъ, повинovenія же и раскаянія никто не высказывалъ. Отъ такого безпримѣрнаго упорства, властямъ было, дѣйствительно, „отъ чего въ отчаяніе придти“.

Наступили уже сумерки. Вечерѣло. Дѣла нельзя было откладывать. Генераль Дренякинъ приказалъ пріостановить допросъ и экзекуцію. Всѣ ожидали, что будетъ, но ожиданія эти были непродолжительны. На дворъ усадьбы привезли нѣсколько возовъ съ свѣжими прутьями.

Наступилъ третій актъ трагедіи. Изъ стоявшей толпы, безъ всякаго допроса, взяли десятокъ крестьянъ, съ приказаніемъ имъ раз-

дѣваться и ложиться. Крестьяне безпрекословно повиновались. По сторонамъ cadaго изъ разложенныхъ мужичковъ поставили по два солдата съ пучками розогъ и началось сѣченіе по десяти.

Послѣ первыхъ двухъ-трехъ ударовъ произошло то, чего не могли сдѣлать ни пули, ни шницрутены.

Вся толпа, услышавъ крики наказуемыхъ, пала на колѣна.

— Помилосердуйте! завопили всѣ.

Этотъ первый приступъ къ раскаянію былъ доложенъ генералу Дреникину, который немедленно вышелъ къ бунтовщикамъ.

— Ну, что? каетесь ли? Вѣрите ли, что я вамъ правду говорилъ? Пойдете теперь на работу? Будете ли отбывать повинности взамѣнъ той земли, которую отдають въ ваше вѣчное пользованіе?

— Помилосердуйте! другу и недругу закажемъ! дѣтямъ и внукамъ... Попутали насъ лиходѣи! раздавалось въ толпѣ...

Удостоверившись еще разъ въ томъ, что раскаяніе крестьянъ было непритворное, генералъ Дреникинъ снова обратился къ толпѣ съ разными разъясненіями смысла высочайше дарованной воли и затѣмъ дозволилъ всѣмъ разойтись по домамъ.

— Расскажите односельчанамъ, что вы видѣли, и передайте имъ, чтобы они повиновались царемъ поставленнымъ властямъ...

— Дѣтямъ и внукамъ закажемъ!.. твердили, крестясь, крестьяне.

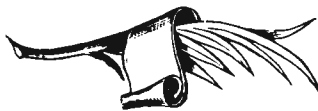
Такимъ образомъ, было покончено кандевское усмирение. Для болѣе же прочнаго завершения этого дѣла, генералъ Дреникинъ на другой же день предпринялъ объѣздъ по окружнымъ деревнямъ, гдѣ были дѣланы краткіе допросы собраннымъ сходкамъ. Впечатлѣніе произведенной экзекуціи было такъ сильно, что сами крестьяне указывали на своихъ же, которые „мутили“.

Главныхъ виновниковъ оказалось 47 человекъ; изъ нихъ 19 было сослано въ каторжныя работы въ рудники и 28 въ Сибирь на поселеніе. Кромѣ того, одинъ священнослужитель, оказавшійся виновнымъ въ превратномъ толкованіи и неправильномъ разъясненіи смысла манифеста, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь.

Въ 1864 году всѣ сосланные, по ходатайству генерала Дреникина, были прощены и возвратились изъ Сибири на прежнія мѣста ихъ жительства.

Описавъ исключительно фактическую сторону дѣла, я считаю излишнимъ и преждевременнымъ дѣлать какіе либо комментаріи къ разсказанному мною способу усмирения, гдѣ розги оказались дѣйствительнѣе пуль.

С. Худековъ.

ЕЛИСАВЕТА ДМИТРИЕВНА БЕЗОБРАЗОВА.

В ВЕСНЫ 1876 года и до недавняго времени, на столбцах фельетона „Journal de St.-Petersbourg“ два раза въ мѣсяцъ печатались небольшіе, но высоко талантливые этюды, подъ общимъ заглавіемъ „Хроника“ и за подписью двухъ заглавныхъ буквъ „Т. С.“¹⁾. Чужой языкъ и глухое мѣсто, избранные ихъ авторомъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ полемической рѣзкости, до которой такъ лакома наша публика, разумѣется, не могли дать извѣстности, да авторъ и не искалъ ея. Напротивъ, какъ мы узнаемъ изъ той же газеты, почтившей память сотрудника глубоко прочувствованными строками, всѣ средства были имъ пущены въ ходъ, чтобы избѣжать огласки. Но даже и при такихъ условіяхъ, яркій свѣтъ, который этюды эти бросаютъ на все, чего они касаются, въ общемъ итогѣ не могъ пройти незамѣченнымъ, и успѣвшіе оцѣнить его пожалѣютъ, конечно, съ нами, что онъ былъ такъ мало распространенъ и такъ неожиданно рано угасъ. Предметъ „Хроники“, какъ обѣщала ея авторъ въ первомъ своемъ фельетонѣ (17-го апрѣля 1876 г.), должны были составлять текущіе интересы дня и впечатлѣнія—то мимолетныя, то глубокія, производимыя на столичное общество выдающимися событіями, или литературной обновкой, исходомъ особенно замѣчательнаго процесса, или народившимся вновь политическимъ, религіознымъ, социальнымъ ученіемъ; но на дѣлѣ планъ этотъ былъ, съ одной стороны, значительно сжатъ, съ другой—далеко расширенъ, и въ рамки его вошла почти вся наша интеллектуальная жизнь за послѣднія пять-шесть лѣтъ,

¹⁾ Chronique. T. S. Заглавныя буквы Татьяна Свѣтовой—псевдонимъ, подъ которымъ корреспонденціи и статьи Е. Д. Безобразовой печатались въ Rivista Europea и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ.

или, по меньшей мѣрѣ, все, что имѣло въ ней общественный и общедоступный смыслъ. Размѣръ некролога не позволяетъ намъ перечестъ всего замѣчательнаго, что появлялось въ разную пору въ этихъ бесѣдахъ; но стоить прочестъ хоть нѣкоторыя, чтобы составить себѣ понятіе о высокомъ критическомъ дарованіи, которое въ нихъ высказывается. Стоить прочестъ, напримѣръ, характеристику русскаго общества (въ фельетонѣ 17-го апрѣля 1876 года), или исполненный тонкаго юмора, но при этомъ безукоризненно вѣжливый и изящный отчетъ о политическихъ выходкахъ князя Мещерскаго (въ фельетонѣ 15-го іюня 1880 года), или мастерской разборъ этюдовъ о землевладѣніи и о сельскомъ хозяйствѣ князя Васильчикова (фельетонъ января 1877, 31-го іюля 1878 и 31-го мая 1881 года), или правдивыя и живыя бесѣды автора о трудахъ Рождественскаго (9-го февраля 1879 года), Оршанскаго (22-го апрѣля 1879 г.), Трирогова (1878 и 17-го іюня 1879 г.), Ковалевскаго (2-го декабря 1879 г.), или, наконецъ, этюды, касающіеся ученій и идеаловъ такихъ представителей славянофильской доктрины, какъ Юрій Самаринъ (февраль 1877 г.) и Ѳедоръ Достоевскій (15-го мая, 13-го октября 1876 и 1-го сентября 1880 г.).

Что поражаетъ насъ прежде всего въ этихъ свободныхъ отъ всякой самолюбивой претензіи очеркахъ и этюдахъ,—это неподражаемая способность ихъ автора сосредоточить въ немногихъ столбцахъ фельетона, какъ въ спектрѣ могущественнаго оптического стекла, разсѣяныя на сотняхъ страницъ черты изучаемаго предмета,—способность, еще удвоенная разительной вѣрностью и отчетливостью изображенія. А между тѣмъ, съ начала и до конца бесѣды вы чувствуете, что, не взирая на сжатый объемъ, это отнюдь не сухой библиографическій отчетъ и не летучій очеркъ фельетониста, а критика въ самомъ серьезномъ ея значеніи. Только мы уже давно какъ-то отвыкли отъ этого рода критики, или, вѣрнѣе, насъ отучили отъ нея тѣ бойкіе и заносчивые, но прежде всего занятые собой рецензенты, которымъ обыкновенно дѣла нѣтъ до разбираемаго труда и для которыхъ онъ служить не болѣе какъ предлогомъ, чтобы порисоваться собственнымъ, въ ихъ понятіи далеко превосходнѣйшимъ, если и не единственно вѣрнымъ воззрѣніемъ. Въ „Хроникахъ“ Е. Д. Безобразовой мы, напротивъ, едва ощущаемъ вмѣшательство критики—такъ свободно и безпристрастно онѣ позволяютъ намъ ознакомиться съ ихъ предметомъ; и если впоследствии, собирая свои впечатлѣнія, мы находимъ, что мы не увязли въ немъ слѣпо и безотчетно, если изъ массы его нерѣдко противорѣчивыхъ и сбивчивыхъ частныхъ въ нашемъ понятіи возникаетъ цѣльный и просвѣтленный образъ, въ которомъ сами собой, наряду съ достоинствами, сказываются и недостатки,—то намъ сдается, что критика тутъ непричемъ, что ее какъ будто бы даже совсѣмъ и не было и что это мы сами сумѣли такъ хорошо понять изложенное. И эта-то скромность, это самозабвеніе

критики, уходящей, повидимому, всѣмъ существомъ своимъ въ свой объектъ, но тѣмъ самымъ овладѣвающей имъ всецѣло, принадлежали въ высокой степени Елизаветѣ Дмитриевнѣ.

Дѣятельность ея однако не ограничивалась столбцами „С.-Петербургской“ французской газеты и началась значительно ранѣе ея перваго фельетона въ этомъ изданіи. Лѣтъ десять уже, какъ мы находимъ корреспонденціи ея и статьи, подѣ псевдонимомъ Татьяны Свѣтовой, или подѣ первыми его буквами, просто Т. S., по меньшей мѣрѣ въ шести иностранныхъ журналахъ. „Journal des Economistes“, „Journal des Débats“, „La Nouvelle Revue“, „Revue Suisse“, „Contemporary Review“ и „Rivista Europea“ отводили почетное мѣсто ея трудамъ; да и не даромъ. Вѣрныя свѣдѣнія, трезвый взглядъ, правдивыя объясненія фактовъ, и при горячемъ патріотизмѣ великодушныя примирительныя стремленія, внушали даже отъявленнымъ нашимъ врагамъ, во время послѣдней турецкой войны, невольное уваженіе. Изъ отдѣльныхъ статей, по своему изяществу и по ясному взгляду на вещи, особеннаго вниманія заслуживаютъ: „Les allemands en Russie“ („Rivista Europea“, 10 Febbraio 1872), „Le spiritisme en Russie“ (тамъ же, 1 Marzo 1876), и „La femme russe“ („Nouvelle Revue“, 1 Aout 1880).

Краткія свѣдѣнія объ Е. Д. Безобразовой мы находимъ въ № 246 „Journal de St.-Petersbourg“.

— „Послѣднее воскресеніе“, гласитъ некрологъ, „6-го сентября, въ тотъ самый день, когда на нашихъ столбцахъ появился послѣдній двухнедѣльный фельетонъ, подѣ заглавіемъ „Chronique“ и за подписью Т. S., авторъ этого фельетона умиралъ въ Царскомъ Селѣ. Писатель, скрывавшійся подѣ означенными заглавными буквами, не хотѣлъ быть извѣстнымъ не только при жизни, но и по смерти, и мы считали долгомъ своимъ уважать такую скромность, до тѣхъ поръ повуда семейство не разрѣшило намъ измѣнить нашему вынужденному молчанію. Сотрудникъ, котораго мы потеряли, была г-жа Елизавета Безобразова, урожденная Маслоva. Солидное образованіе, вмѣстѣ съ прекраснымъ сердцемъ, сдѣлали ее одною изъ замѣчательныхъ женщинъ нашего времени; но вслѣдствіе ея скромности, очень немногіе даже изъ самыхъ близкихъ ей людей, не исключая и ея семейства, знали что нибудь о ея литературномъ талантѣ, скрываемомъ съ такою же ревнивою заботливостью, съ какою другіе стремятся выставить его напоказъ. Когда, лѣтъ пять или шесть назадъ, давно посѣщая гостепріимный домъ академика Безобразова, мы не могли уже долѣе сомнѣваться въ существованіи этого таланта, намъ еще долго надо было настаивать, чтобы добиться признанія въ немъ для пользы нашихъ читателей. Но даже и эта уступка сдѣлана была только въ обмѣнъ за данное слово не выдавать никогда инкогнито автора.

„Назадъ тому съ годъ, она уѣхала на зиму въ Ниццу съ цѣлью

поправить здоровье одной из своих дочерей, для которой климат нашъ былъ найденъ неудобнымъ. Она возвратилась въ юнѣ. Дѣвица Безобразова успѣла вполнѣ оправиться; но ея мать вернулась съ зачатками тяжелой грудной болѣзни, которая и унесла ее черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, безъ всякихъ предвѣстниковъ такой скорой кончины. За нѣсколько дней до смерти, она доставила еще намъ свою послѣднюю „Хронику“. Какъ ни усердно была занята покойная общественными и литературными вопросами, но она, прежде всего, была прекрасной женою и матерью, что называютъ такъ вѣрно—*une femme d'intérieur*, и она была ею до такой степени, что, какъ мы говорили уже, лишь очень немногіе догадавались о ея интеллектуальныхъ занятіяхъ. Потеря, которую мы въ ней оплакиваемъ, не есть простая потеря сотрудника. Мы потеряли въ ней главнымъ образомъ женщину высокаго ума и дарованія, съ сердцемъ исполненнымъ кротости, снисходительности и доброты. Достигнувъ едва 45 лѣтъ, она обѣщала еще продолжительную карьеру, и самый талантъ ея, безъ сомнѣнія, не получилъ еще окончательнаго развитія въ тотъ моментъ, когда смерть отняла ее у родныхъ и у всѣхъ, кто цѣня, уважая ее, имѣлъ честь быть къ ней приближенъ“.

Къ этому мы можемъ прибавить немного. И мы тоже имѣли счастье знать Елизавету Дмитріевну, и мы можемъ здѣсь засвидѣтельствовать, что впечатлѣніе, которое она производила въ тѣсномъ кругу друзей, дѣйствительно было прежде всего—впечатлѣніе истинной и высокой женственности. При всемъ ея свѣтломъ умѣ, который даже великая скромность ея не въ состояніи была скрыть, отъ нея вѣяло кротостью и теплотою сердца. Но, не взирая на безграничное уваженіе къ ней, мы должны сказать правду. Великой ошибкой въ жизни ея было именно то обстоятельство, что она устрашилась извѣстности. Чувство это, хотя само въ себѣ и почтенное, заставило ее скрыть свое дарованіе, выбравъ для главной дѣятельности своей чужой языкъ и не русскую, мало читаемую газету. Послѣдствіемъ было то, что наша и такъ небогатая критика потеряла еще одно крупное дарованіе. Больно теперь подумать, какое широкое, благотѣльное вліяніе имѣло бы слово такой высоко-талантливой женщины, еслибъ она не страшась—чего даже и лучшая женщина не имѣетъ причины страшиться—сказала его всеуслышаніе. Но эта потеря неисправима, и намъ остается только отъ всей души пожелать, чтобы жертвы подобнаго рода не повторялись. Не въ укоръ мнѣнію нашей французской газеты: идолъ, которому приносятся эти жертвы, не стоитъ того, что общество черезъ нихъ теряетъ.

Н. Ахшарумовъ.

КНЯЗЬ А. И. ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

Очеркъ вмѣсто некролога.

КОГДА отходить отъ насъ выдающійся общественный дѣятель, то лучшая дань, какую можемъ мы принести на его могилу—это возстановить въ сознаниі общества основныя черты его образа мыслей.

Попробуемъ принести эту дань на могилу автора „Самоуправленія“.

„Современной Россіи нѣтъ другаго исхода, какъ примѣненіе и развитіе тѣхъ началъ, которыя провозглашены въ началѣ настоящаго царствованія“ — писалъ князь Васильчиковъ въ 1869 г. Теперь это славное царствованіе—уже прошедшее; но исповѣданіе его основныхъ началъ для дальнѣйшаго ихъ развитія прозвучало надъ нами при самомъ началѣ новаго царствованія.

Трудъ о „Самоуправленіи“, откуда взяты только что приведенныя слова, служилъ глубоко продуманною попыткою выяснитъ обществу настоящій смьслъ земскихъ учреждений.

Помимо полнаго развитія земскихъ учреждений, какъ органа мѣстнаго самоуправленія, князь Васильчиковъ считалъ невозможнымъ достиженіе настоящей гражданской свободы. „Формы правленія, говорилъ онъ, независимы отъ формъ управленія, и какія бы ни были первыя—самодержавныя или представительныя, монархическія или республиканскія— вторыя, т. е. формы управленія принимаютъ во всякомъ случаѣ одинъ изъ двухъ видовъ: или земскій, общественный, если мѣстное управленіе поручается мѣстнымъ обывателямъ, или бюрократическій, приказный—если мѣстное управленіе завѣдывается людьми сторонними“ (I, 4.)¹⁾. Покойный хорошо понималъ, до какой

¹⁾ Выдержки приводятся по 3-му изданію (1872 г.).

степени необходимо выяснитъ эти понятія нашему обществу, „мало приготовленному, по его выраженію, къ политическимъ соображеніямъ“, а потому и воображающему, „будто мѣстное самоуправленіе немислимо безъ всенароднаго представительства“. „Справедливо и вѣрно, говорилъ онъ, что самоуправленіе, при постоянномъ и благоразумномъ развитіи, ведетъ неминуемо къ народному представительству; и какъ ручьи, слѣдующаго естественному склону почвы, сливаются въ рѣки и моря, такъ отдѣльныя мѣстныя учрежденія, слѣдующаго естественному ходу событій, стекаются въ общія представительныя собранія“. „Но невѣрно“, продолжалъ князь Васильчиковъ, „будто народное представительство замѣняетъ мѣстное самоуправленіе и будто оно, безъ помощи мѣстныхъ учреждений, обезпечиваетъ благосостояніе и свободу народа“. Нагляднымъ историческимъ примѣромъ послужила для него Франція. „Съ первыхъ дней революціи, говорилъ онъ, уже претекло 80 лѣтъ. Такой періодъ испытаній достаточно длиненъ, чтобы судить по немъ объ успѣхѣхъ этого знаменитаго, на всѣхъ языкахъ и тонахъ прославленнаго опыта. Втеченіе 80 лѣтъ всѣ усилія французской націи были посвящены исключительно... отысканію лучшей формы для выраженія всенародныхъ нуждъ... но въ омутѣ всевозможныхъ конституцій, хартій и декретовъ — самоуправленіе не нашло себѣ мѣста, и всѣ политическія партіи, поочередно достигая временнаго владычества, направляли свои усилія къ подавленію самостоятельности мѣстныхъ учреждений“. Примѣръ Франціи, по мнѣнію князя Васильчикова, долженъ бы предостерегать отъ чрезмѣрныхъ надеждъ на представительную форму правленія. „Она, говорилъ онъ, прочна и сильна въ связи съ твердой земскою и судебною организаціей, но одна, въ видѣ простаго центральнаго собранія или двухъ палатъ, созываемыхъ въ столицѣ для сужденія и рѣшенія государственныхъ дѣлъ, эта форма тѣмъ недостаточнѣе, чѣмъ обширнѣе государство, чѣмъ разнороднѣе пользы и нужды разныхъ мѣстностей“.

„Народное представительство, утверждалъ онъ, уклоняется съ пути истины, если поглощаетъ въ самовластіи центральныхъ собраній (все равно—одного или двухъ) всѣ дѣла и должности мѣстныхъ учреждений... Оно точно также ошибается, какъ и самодержавіе, полагаясь на собственныя свои силы для завѣдыванія всѣми отраслями внутренняго управленія, и точно также, какъ и вѣнчаные самодержцы, подпадаетъ подъ владычество приказныхъ людей, какъ скоро отвергаетъ содѣйствіе людей земскихъ“.

Ссылаясь въ отрицательномъ смыслѣ на Францію, князь Васильчиковъ въ положительномъ смыслѣ указывалъ намъ на Англію, гдѣ „самоуправленіе получило свое основаніе прежде народнаго представительства. Не конвенты, не національное собраніе, говорилъ онъ, организовали земское общественное управленіе, а напротивъ общины основали народное представительство и слились въ собраніе, получившее и названіе палаты общинъ“ (I, 24—28).

Понятно послѣ всего этого, что покойный менѣе всѣхъ могъ проникнуться тѣмъ негодованіемъ, какое въ ближайшее къ намъ время было возбуждено у насъ мнѣніемъ, что вмѣсто „увѣнчанія зданія“ надо пока хорошенько заняться уѣздомъ и мѣстными крестьянскими учрежденіями.

Но, ссылаясь на Англію, князь Васильчиковъ былъ далекъ отъ того, чтобы считать и ее положительнымъ образцомъ во всемъ.

Такой европейски образованный человѣкъ, какъ онъ, и не могъ, конечно, высказываться за слѣпую и тупую подражательность. Высоко цѣня англійскій строй, отдавая справедливость его „командующимъ классамъ“ за то, что, пользуясь избыткомъ правъ, они не избѣгаютъ и тяготы обязанностей, онъ съ другой стороны былъ далекъ отъ того, чтобы считать благомъ отсутствіе въ Англіи крестьянской поземельной собственности, полнѣйшую разобщенность землевладѣнія съ земледѣліемъ.

„Изученіе англійскихъ учреждений, говорилъ онъ, должно быть положено въ основаніе общественнаго воспитанія нашего времени, хотя въ строгомъ смыслѣ едва ли какое либо изъ этихъ учреждений можетъ быть приспособлено слово въ слово къ быту другихъ народовъ“ (II, 518). Что касается средне-европейскихъ государствъ, то они, по мнѣнію князя Васильчикова, могутъ скорѣе служить для насъ предостереженіемъ, чѣмъ наставленіемъ. „Цивилизація ихъ шла слишкомъ быстро, выгонялась мѣрами слишкомъ насильственными“ (II, 542). „Требованія современнаго прогресса, государственнаго устроенія и полицейскаго благоустройства вездѣ превосходили силы и средства обывателей, въ особенности сельскихъ“... „Отъ этого произошло самое печальное и многознаменательное явленіе современнаго міра, то именно, что мѣстности, отдаленныя отъ центральныхъ городовъ и учреждений, не извлекая никакой пользы отъ прогресса... и ихъ жители, составляющіе огромное большинство народа, вовсе отклонились отъ общаго движенія столично-городской цивилизаціи и получили не только недовѣріе къ ней, но и отвращеніе отъ представленій либерализма и социализма, разыгрываемыхъ на ихъ счетъ, но не въ ихъ пользу, разными политическими партіями, консервативными и радикальными“ (538—39).

Невыгодныя стороны западно-европейскаго строя ярко выставлены и во второмъ большомъ трудѣ князя Васильчикова — „О землевладѣніи и земледѣліи ¹⁾“. „Въ однихъ государствахъ, замѣчаетъ онъ тутъ, часть народа, обезземеленная въ пользу другихъ сословій, была больше, въ другихъ меньше... но въ средней сложности можно принять, что болѣе половины всѣхъ сельскихъ жителей Европы были постепенно обезземелены и изгнаны изъ своихъ сельскихъ дворовъ и домовъ въ города, на фабрики и заводы, на такъ называемые вольные промыслы“ (I, стр. II—III). Заложенное въ темную пору феодализма ни мало не пошат-

¹⁾ Появилось въ 1876 г.

нулось, а еще закрѣпилось подъ просвѣтительнымъ вліяніемъ возрожденія классической древности, или такъ называемаго гуманизма, вызвавшаго у Ульриха фонъ-Гуттена его знаменитый восторженный кличъ: „теперь весело жить!“— „Изъ исторіи не видно—замѣчаетъ князь Васильчиковъ — чтобы классическая цивилизація, какъ ее понимали древніе и приспособляли новѣйшіе народы, чтобы эта цивилизація, которую намъ выдаютъ за образцовую, гдѣ либо способствовала благосостоянію народовъ; напротивъ, она вездѣ устроивалась на счетъ низшихъ классовъ въ пользу среднихъ и высшихъ, и преданія Греціи и Рима, по коимъ учились новѣйшіе реформаторы, выучили ихъ только подражать этимъ примѣрамъ, погубившимъ древнія общества и угрожающимъ такой же гибелью и новѣйшимъ“ (XXIII) ¹⁾. Понятно послѣ этого, что издавній процессъ обезземеленія могъ усиленно и ускоренно довершиться при свѣтѣ „просвѣтительной философіи“, какъ ее называютъ. „Въ средней Европѣ — говоритъ князь Васильчиковъ—первыя мѣропріятія къ освобожденію крестьянъ относятся къ началу XVIII столѣтія, а послѣднія и самыя дѣйствительныя законоположенія о выкупѣ вѣрстныхъ повинностей послѣдовали только въ 1848 и послѣдующихъ годахъ; но во многихъ государствахъ выкупная операція и по сіе время еще продолжается. Этими долгими операціями воспользовалась, разумѣется, та сторона, которая во все это время располагала властью, и покуда шли философскія пренія о правахъ человѣка, о равенствѣ и братствѣ, о социальномъ контрактѣ и тому подобныхъ благотворныхъ началахъ, покуда публицисты, энциклопедисты и государственные люди сочиняли и поправляли проекты эмансипаціи рода человѣческаго—половина этого рода была обобрава другой“ (XXI).

Отъ Запада обращаясь къ намъ, князь Васильчиковъ замѣчаетъ, что организація крупнаго землевладѣнія и богатаго дворянства въ Россіи собственно и принадлежитъ этому просвѣтительному и для насъ XVIII в.—вѣбу вольности, дворянства и неволи крестьянъ, какъ онъ выражается (I, 408). „Чтобы основать, по примѣру другихъ странъ, по образцу цивилизованныхъ европейскихъ государствъ, прочное право собственности въ знатныхъ фамиліяхъ, оставалось снять съ благороднаго дворянства обязанность служить своему отечеству, перенести все государственное тягло на низшій классъ народа“. Это и было сдѣлано при Петрѣ III. Дворяне получили даже право принимать службу и въ европейскихъ союзныхъ намъ державахъ, а ихъ имѣнія конфисковались только въ томъ случаѣ, если они по вызову изъ чужихъ краевъ на службу не явятся (431). „Такимъ образомъ, дворянинъ російскій — „этотъ гражданинъ вселенныя“, по одобри-

¹⁾ Это глубокомысленное воззрѣніе на руководящія начала классической образованности отразилось, конечно, и на извѣстномъ открытомъ письмѣ князя Васильчикова къ графу Толстому по поводу введенія у насъ учебнаго классицизма (1875 г.).

тельному выраженію Карамзина, могъ, не только пребывая, но и служа внѣ Россіи, „жить Россією“ (т. е. крѣпостнымъ трудомъ русскаго мужика). При Екатеринѣ, по исчисленію князя Васильчикова, у благороднаго російскаго дворянства прибыло цѣлыхъ 800,000 раздаренныхъ ею въ разное время въ крѣпостную собственность крестьянъ; всего же втеченіе XVIII вѣка ихъ было пожаловано до 1,304,000 душъ, т. е. „безъ малаго половина крѣпостныхъ людей происходятъ изъ источника всемиловѣйшаго пожалованія“ (483). „Всѣ эти мѣропріятія — заключаетъ князь Васильчиковъ — относятся не къ древнимъ временамъ варварства и злодѣйства московскихъ царей, а къ тому образованному вѣку, когда европейская цивилизація проникла въ высшія сферы русскаго общества... къ тому времени, когда наше правительство сроднилось съ Европой и наше старинное боярство успѣло уже выучиться у польскаго шляхетства, у нѣмецкаго баронства, искусству округлять свои владѣнія и расширять свою власть въ качествѣ благороднаго сословія—опоры престола и для вѣщшаго упроченія монархической власти и священныхъ правъ собственности“ (I, 456).

Но вотъ, наконецъ, наступила пора, когда сама верховная власть, на которую не переставалъ уповать народъ, не захотѣла видѣть свою опору въ „вольности дворянства, соединенной съ неволей крестьянъ“. Но именно эта пора—вовсе не къ удивленію князя Васильчикова — положеннымъ въ основаніе освобожденію крестьянъ принципомъ подушнаго земельного надѣла „вызвала въ европейской интеллигенціи такую единодушную вражду противъ Россіи, съ какою въ прежнія времена не преслѣдовалась ни одна изъ національностей Европы“. „Знамя противодѣйствія было поднято польскими панами и остзейскими баронами... Но и вся либеральная Европа стала на сторону этихъ двухъ сословій: демократическая Франція на сторону польскаго панства, передовые дѣятели Германіи на сторону остзейскаго баронства, и такимъ образомъ вышло, что радикальная реформа, произведенная въ Россіи, имѣла противъ себя въ Европѣ почти всѣ органы не только консервативной, но и прогрессивной партіи“... (XLI). „Съ своей точки зрѣнія,—готовъ безпристрастно заключить князь Васильчиковъ—съ своего соціального положенія, иноземцы правы: для остзейскаго барона, для польскаго пана, для нѣмецкаго ригертутсбезитцера, поголовный надѣлъ землей есть прямое отрицаніе его правъ собственности, основанныхъ на первобытномъ завоеваніи, послѣдующихъ захватахъ и окончательной экспроприаціи народныхъ массъ. Но это не значитъ, чтобы мы должны были отречься отъ началъ, на коихъ основана была наша гражданственность; какава она ни есть, выросла и укрѣпилась она не столько силой оружія, сколько работой черныхъ людей. Они, черные люди, собрали подъ скипетръ великихъ своихъ государей новыя земли; бродяги, казаки, старовѣры, присоединили къ русской державѣ болѣе областей, чѣмъ всѣ наши арміи и флоты“... (XLIV).

Да, мы не должны забывать нашихъ „черныхъ людей“, должны, напротивъ того, всё наши старанія направить на пользу имъ — особенно послѣ того, какъ искушительной жертвою палъ ихъ Освободитель. Исторія раскроетъ со временемъ, насколько въ принесеніи этой жертвы участвовали тѣ чуждыя, по принципу намъ враждебныя силы, о которыхъ говоритъ князь Васильчиковъ, и насколько слѣпымъ орудіемъ тутъ оказались свои—подъ лукаво надъ ними распущеннымъ знаменемъ яко бы народолюбиваго социализма. Чѣмъ выше, чѣмъ драгоцѣннѣе павшая у насъ жертва, тѣмъ живѣе, тѣмъ настоятельнѣе должны быть наши старанія о томъ, чтобы вышло все же на зло нашимъ недругамъ по принципу, чтобы великое дѣло Освободителя продолжалось!

Но намъ не грѣхъ призадуматься и надъ тѣмъ, что бы вышло, если бъ панство, баронство—и еще третья, неотмѣченная у князя Васильчикова, но все болѣе и болѣе выдающаяся сила—капиталистическое жидовство получили законную возможность сплотиться у насъ въ обязательное для другихъ большинство, перетянувъ часть этихъ другихъ, т. е. русскихъ на свою сторону, остальныхъ же роздробивъ, при помощи нашей недалковидной розни, на множество враждебныхъ другъ другу партій? Каково бы пришлось при такомъ обязательномъ большинствѣ тому черному люду, которому великій актъ 19 февраля достался благодаря тому, что самодержавная власть согласилась тогда съ меньшинствомъ?

Князь Васильчиковъ до конца своей жизни съ глубокимъ убѣжденіемъ стоялъ за основныя начала 19 февраля и земской реформы, вполнѣ сознавая съ другой стороны многія несовершенства въ ихъ осуществленіи. На раздраженные голоса своей же братіи—аристократовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, онъ настоятельно утверждалъ, что „крестьянство занимаетъ въ Россіи первенствующее мѣсто въ общественномъ и земскомъ строѣ, первенствующее не только по своей многочисленности... но и потому, что оно... тѣснѣе связано и среди всякихъ внѣшнихъ, свѣше исходящихъ притѣсненій и невзгодъ, окрѣпло во внутреннемъ, униженномъ своемъ составѣ“. Онъ продолжалъ также утверждать, что „то вліяніе или нравственное преобладаніе образованныхъ классовъ надъ народными массами, которое мы называемъ позимствованнымъ изъ Польши именемъ интеллигенція, всегда было и будетъ въ Россіи слабѣе, чѣмъ у прочихъ народовъ, потому что тѣ слои общества, на которые у насъ должна дѣйствовать интеллигенція, въ Россіи тверже, чѣмъ въ Западной Европѣ, менѣе доступны внѣшнимъ вліяніямъ и имѣютъ свои особыя воззрѣнія, свои отдѣльные интересы, замкнутыя въ кругъ крестьянскихъ сельскихъ общинъ“.

Утверждая все это, князь Васильчиковъ былъ готовъ съ другой стороны признать, что въ преобладаніи крестьянства „кроется явная, осязательная опасность для нравственного прогресса и цивилизаціи

нашего отечества“, какъ въ свою очередь и въ общинномъ земледѣльнѣи заключается „главнѣйшее препятствіе къ улучшенію земледѣльской культуры“. Онъ признавалъ превосходство этой послѣдней на Западѣ, достигнутое при помощи личной и притомъ крупной поземельной собственности,—но признавалъ также, что такая высокая культура досталась Западной Европѣ слишкомъ дорогою цѣною—цѣною обезземеленія свыше половины земледѣльческаго класса. Становясь на сравнительно-историческую точку зрѣнія, онъ не видѣлъ возможности „разстраивать вѣковой ходъ нашего общественнаго построенія“ и полагалъ, „что съ нимъ надо помириться, точно такъ, какъ мы миримся съ суровостью нашего климата и съ другими преградами, воздвигнутыми историческими и естественными явленіями, независящими отъ человѣческой воли“. Онъ полагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что „препятствія эти не непреодолимы“, и что наши наслѣдственныя историческія неудобства „скорѣе могутъ быть исправлены, чѣмъ другіе неизлечимые недуги, коими болѣютъ другія общества“... „Наше общественное развитіе“, заключалъ онъ, „вполнѣ зависитъ отъ той степени умственнаго и нравственнаго образованія, до котораго возвысится у насъ низшій классъ народа“. („О самоупр.“ I, XXXVI—XXXVIII).

Отсюда необходимость самой широкой постановки именно у насъ народной школы, вмѣсто усиленныхъ заботъ объ аристократическомъ элассицизмѣ, въ пользу котораго еще недавно одно изъ земствъ отглаго 100000 изъ тощей народной сумы.

Историческая точка зрѣнія князя Васильчикова, полная безпристрастія и спокойствія, но въ то же время чуждая сухости и безсердечія, должна бы служить у насъ школою многимъ и очень многимъ, между прочимъ и тѣмъ, кто читалъ о немъ рѣчи или писалъ статьи послѣ его смерти. Усердные поклонники князя Васильчикова должны бы прежде всего поработать надъ нимъ и понять его. Изученіе его сочиненій могло бы, между прочимъ, оградить насъ отъ окончательнаго упроченія у насъ замашки—писать историческія статьи языкомъ того почтеннаго архиваріуса, которымъ сочинена „Исторія одного города“. Мы не мало начитались такихъ статей за послѣднее время.

Князь Васильчиковъ понималъ не хуже другихъ, что послѣдствія 19-го февраля соединились у насъ съ своего рода экономическимъ кризисомъ. Онъ думалъ однако, что кризисъ этотъ отчасти преувеличенъ и что мѣры противъ него могли бы оказаться не за горами. Этому вопросу посвящена его послѣдняя книга—„Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи 1)“. Причину кризиса онъ тутъ усматриваетъ въ томъ, что въ былое крѣпостническое время „земледѣльцы и землевладѣльцы безсознательно растрчивали самый капиталъ имѣній, истощали производительныя силы природы и хищнической культурой поддерживали свои хозяйства“. „Освобожденіе крестьянъ и ликви-

1) Вышла въ нынѣшнемъ 1881 году.

дація прежняго землевладѣнія, утверждалъ онъ, совпали въ Россіи съ тѣмъ моментомъ, когда естественное богатство страны, растроченное грубыми культурами, начало склоняться къ упадку“. Значить, по мнѣнію кн. Васильчикова, уничтоженіе крѣпостнаго права не только не было преждевременно, какъ думали многіе, но напротивъ того—запоздало. Пусть же историческая отвѣтственность падеть на всѣхъ тѣхъ, кто, не смотря на свою европейскую образованность, или даже при помощи цитатъ изъ самого Руссо, заставляли все откладывать и откладывать роковой неотложный вопросъ! Другую не менѣе важную причину нашего кризиса кн. Васильчиковъ видѣлъ въ томъ, что „пропорція между экономическими нашими силами и трудомъ, требуемымъ для устроенія государства, для введенія новыхъ порядковъ и всякихъ улучшеній,—что пропорція эта была нарушена, что напряженіе было слишкомъ сильное и внезапное, и что во имя будущихъ благъ, среди высокихъ порывовъ къ прогрессу, забыто одно—„тотъ источникъ, изъ коего черпаются всѣ ресурсы общественнаго и государственнаго преуспѣянія—хозяйственные интересы страны и народа“.. „Какъ бы ни были, заключаетъ онъ, высоки цѣли—надо прежде подумать о средствахъ и укротить порывы къ гражданскому и государственному благоустройству, покуда не обезпечено и не упрочено народное благосостояніе“ (140—145).

Но эти ошибки нашей поры находятся въ своего рода преемственной связи съ тою издавнѣю ошибочною системою, о которой князь Васильчиковъ говорилъ еще въ концѣ своей книгѣ о „Самоуправленіи“: „Русская земля бѣдна потому, что она, т. е. земля, почва въ буквальномъ смыслѣ слова, платитъ сверхъ силъ, сверхъ того, что производитъ... потому что тягло частное, земское и казенное, испоконъ вѣку лежало и продолжаетъ лежать въ Россіи на земледѣліи, угнетая трудъ и преимущественно трудъ хлѣбопашества, т. е. ту самую вѣтвь народной производительности, которая наиболѣе требуется для воздѣлыванія и оплодотворенія необъятной площади Русской имперіи“.

Такова сущность мыслей князя Васильчикова, — крупнаго землевладѣльца и аристократа (если эта западно-европейская кличка имѣетъ смыслъ у насъ на Руси; онъ же самъ полагалъ, что она его не имѣетъ). Грѣшно было бы не признать, что онъ своимъ направленіемъ искупаетъ отчасти грѣхи нашего барства и нашей интеллигенціи (если и она у насъ есть въ европейскомъ смыслѣ)—начиная съ тѣхъ бояръ, которые условіемъ передачи русской земли королевичу Владиславу ставили сохраненіе за ними крѣпостнаго права, и доходя хоть до Карамзина, утѣшавшагося тѣмъ, что наши доморожденные маркизы Пози могутъ „въ Россіи жить Россією“. Если русское выраженіе „лучшіе люди“ имѣетъ у насъ право на существованіе, то однимъ изъ нихъ безъ грѣха можно будетъ признать князя А. И. Васильчикова.

Враги покойнаго — а у всякой выдающейся личности ихъ всегда не мало — утверждали, будто его направленіе усвоено имъ только ради оппозиціи, вслѣдствіе какихъ-то неосуществившихся честолюбивыхъ стремленій и видовъ. Оппозиція, фрондёрство, въ самомъ дѣлѣ явились у насъ на другой же день послѣ освобожденія крестьянъ. Вчерашніе крѣпостники забредили вдругъ парламентомъ. Но кто же рѣшится отнести въ этотъ лагерь князя Васильчикова? Да и какъ же можно усмотрѣть фрондёрство въ направленіи, заявляющемъ не что иное, какъ спасительность тѣхъ началъ, которыя были провозглашены самимъ государемъ?

Оставивъ на долю врагамъ и завистникамъ ихъ бессильную злобу, не стихающую у нѣкоторыхъ натуръ и передъ свѣжей могилой, соединимся съ покойнымъ въ его задушевномъ желаніи, чтобы начала, провозглашенныя Александромъ II, въ мирѣ и благоденствіи примѣнялись и развивались при его державномъ преемникѣ!

Ор. Миллеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ О РОССИИ АРМАНА ДОМЕРГА ¹⁾.

XI.

Великодушіе моего хозяина.—Поѣздка въ Макарьевъ.—Возвращеніе въ Нижній-Новгородъ.—Русское общество.—Стихотворенія.—Русскія дамы.—Освобожденіе.—Модный романсъ.—Отѣздъ.—Казакъ и французженки.—Владимірь.—Разговоръ съ казакомъ.—Видъ Москвы.—Кремль.—Французская амуниція.—Разсужденія русскаго.—Смертная казнь за изнасилованіе.—Вѣжливость французскихъ солдатъ.—Смерть аббата Сюрюга.—Аббатъ Перренъ.—Мнѣнія о пожарѣ Москвы.—Позднее раскаяніе императора Александра.—Опала Ростопчина.—Вексель графа Толстого.—Мое бѣдственное положеніе.—Неисполненіе императорскихъ повелѣній.—Графъ Шатовъ.—Паспортъ.—Отѣздъ.—Станный попутчикъ.

КОНЧИВЪ чтеніе разсказа моей жены, который часто прерывался моими слезами, я побѣжалъ подѣлиться радостью съ г. Крюковымъ и его семействомъ. Счастливыя извѣстія, полученныя мною, доставили всѣмъ имъ искреннее удовольствіе. Это былъ настоящій праздникъ въ домѣ вице-губернатора, который выразилъ желаніе быть съ этихъ поръ единственнымъ посредникомъ въ моей перепискѣ съ женою. Ничего лучше не могло быть для меня. Высокое положеніе моего хозяина обезпечивало корреспонденцію отъ всякой опасности. Отнынѣ намъ не надо было уже прибѣгать къ окольнымъ путямъ.

Благодѣянія моего покровителя не остановились на этомъ. Узнавъ, что вексель въ 3000 рублей, выданный мнѣ г. Толстымъ, подвергся участи остального моего имущества въ пожарѣ Москвы, вице-губернаторъ секретно написалъ письмо казанскому генералъ-губернатору. Если г. Крюкову и не удалось добиться у своего собрата уплаты, по крайней мѣрѣ онъ возобновилъ мой документъ.

¹⁾ Окончаніе. См. „Истор. Вѣств.“, т. VI, стр. 620.

Представьте себѣ мое удивленіе и признательность, когда однажды г. Брюковъ вручилъ мнѣ этотъ вексель вновь, совершенно правильно написанный, сказавъ при этомъ:

— Вотъ видите: вамъ внушили неосновательныя предубѣжденія относительно честности графа Толстого.

Дѣйствительно, русскіе бары не скупы на подобныя обязательства, но немногіе исполняютъ ихъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, я имѣлъ съ вице-губернаторомъ разговоръ, начало котораго испугало меня.

— Желали бы вы возвратиться въ Макарьевъ? сказалъ онъ мнѣ.

— Боже сохрани! отвѣчалъ я съ ужасомъ.

— Какъ! даже отъ того, чтобы только взглянуть на ярмарку, хотя вы уже видѣли ее?

— Видѣлъ, насколько это возможно, черезъ рѣшетку тюрьмы.

— Понимаю. Вы боитесь городничаго. Но если я вамъ предложу сопровождать меня?..

— Это другое дѣло: съ вашимъ превосходительствомъ я пойду на край свѣта.

— Въ такомъ случаѣ приготовьтесь отправиться со мною завтра по утру...

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ вице-губернаторъ разстался со мною, я увидѣлъ его сына, молодаго Николая Александровича. Онъ бѣжалъ ко мнѣ вприспѣху. „Какъ я радъ“, сказалъ онъ мнѣ, „что поѣду въ Макарьевъ“. Затѣмъ, какъ бы не смѣя окончить свою мысль, онъ остановился. Веселость его прекратилась и все поведеніе его обнаруживало ребенка, незнающаго, какъ приступить къ дѣлу. Не сомнѣваясь въ томъ, что привело его ко мнѣ, я ободрялъ его и просилъ говорить не стѣсняясь.

— Мой добрый другъ, сказалъ онъ мнѣ тогда съ робостью, — если ярмарка хороша для тѣхъ, у кого есть деньги, чтобы на ней тратить ихъ, то очень скучно ходить мимо безчисленнаго множества прекрасныхъ лавокъ, не имѣя возможности удовлетворить малѣйшей прихоти, а чтобы вы не были въ подобномъ положеніи, мой отецъ велѣлъ мнѣ отнести вамъ это...

При этихъ словахъ, произнесенныхъ весьма быстро, онъ сунулъ мнѣ бумажный свертокъ и стремительно убѣжалъ, какъ бы для того, чтобы избавиться отъ моей благодарности. Въ свертѣхъ, присланномъ г. Брюковымъ, я нашелъ полтора рубля. Достойный человѣкъ! Какая изысканная деликатность въ благотвореніи! Онъ не только помогалъ несчастному, но, чтобы его благодѣянія не имѣли въ себѣ ничего унизительнаго, онъ расточалъ ихъ рукою дитяти.

На другой день мы были уже на пути въ Макарьевъ. Извѣстно, въ какомъ несчастномъ положеніи я проѣзжалъ этотъ путь прежде. Я чувствовалъ тайное удовольствіе, сравнивая тогдашнія свои страданія съ теперешнимъ положеніемъ. Теперь я уже не въ качествѣ

сильнаго, лежа замертво на саяхъ и предоставленный глупымъ караульнымъ, проѣзжалъ эти поля, но окруженный покровителями и друзьями, въ блестящемъ экипажѣ, предъ которымъ всѣ преклоняли свои головы. Я увидѣлъ ту самую избу, гдѣ когда-то мнѣ чуть было не отказали въ гостепріимствѣ. Теперь хозяинъ ея, дрожа, рабски подбѣжалъ къ порогу своей хижины, не смѣя его перешагнуть.

Въ то время, когда еще ничто не облегчало моего ужаснаго положенія, четырехъ дней едва было достаточно для этого переѣзда въ сто верстъ. Съ вице-губернаторомъ мы проѣхали тоже самое разстояніе менѣе чѣмъ въ десять часовъ. Къ вечеру мы достигли берега Волги, черезъ которую переправились на легкомъ суднѣ, приплывшемъ съ противоположнаго берега, чтобы перевезти насъ вмѣстѣ съ экипажемъ. Во время переправы, г. Крюковъ, обращаясь ко мнѣ, спросилъ, знаю ли я, гдѣ мы остановимся. На отрицательный отвѣтъ мой собесѣдникъ посовѣтовалъ мнѣ справиться въ моей памяти, чтобы угадать это.

— Въ тюрьмѣ-госпиталѣ, можетъ быть? сказалъ я.

— Нѣтъ. Но помѣщеніе, назначенное намъ, можетъ быть, не лучше на вашъ вкусъ.

— Каково бы оно ни было, оно покажется мнѣ прекраснымъ, если это только не тюрьма.

— Можетъ быть... Мы остановимся у вашего пріятеля, городничаго.

При этихъ словахъ я выразилъ удивленіе, которое заставило засмѣяться г. Крюкова.

Городничаго, котораго читатель, подобно мнѣ, безъ сомнѣнія, не ожидалъ снова увидѣть на сценѣ, не оказалось дома, когда мы пріѣхали. Узнавъ о пріѣздѣ вице-губернатора, „его дородность“ прибѣжалъ вскорѣ совѣмъ запыхавшись. Я, по примѣру Крюкова, нарочно не всталъ, когда вошелъ городничій. Надо было видѣть, какъ эта смѣшная личность разсыпалась въ извиненіяхъ о своемъ отсутствіи и расточала поклоны, многіе изъ которыхъ пришлось и на мою долю: темнота не позволяла видѣть моего лица. Когда же при свѣчахъ, которыя не замедлили принести, городничій могъ признать во мнѣ одного изъ сорока арестантовъ, то ему потребовалось все его умѣнье, чтобы скрыть свое неудовольствіе. Такъ какъ вице-губернаторъ обращался со мною съ уваженіемъ, то я раздѣлялъ вмѣстѣ съ нимъ почетъ, воздаваемый его власти. Забавно было видѣть, какъ городничій расточалъ предо мною знаки уваженія, кусая себѣ губы. Въ душѣ я радовался тѣмъ усилямъ, которыя онъ долженъ былъ дѣлать надъ собою, но этимъ и ограничилось все мое мщеніе ему. Давно извѣстная истина, что чѣмъ высокомѣриѣе и грубѣе чиновникъ обращается съ низшими, тѣмъ болѣе онъ пресмыкается и гнется предъ высшими.

Наступилъ день, назначенный для возвращенія въ Нижній Новгородъ, и мы простились съ городничимъ. Съ нашимъ пребываніемъ окон-

чилась продолжительная мистификація, предметомъ которой дѣлало его наше путешествіе въ Макарьевъ. Но если нашъ отъѣздъ прекращалъ комическое положеніе, которое было своего рода наказаніемъ для нашего хозяина, то минута, предшествовавшая отъѣзду, была смертельнымъ ударомъ для самолюбія городничаго. Онъ, однако, выдержалъ мужественно до конца, и изъ уваженія къ присутствію вице-губернатора приторная вѣжливость его не измѣнилась въ отношеніи меня. Съ улыбкою и всѣми знаками услужливой предупредительности, онъ проводилъ меня до кареты и, снявъ шляпу, пособилъ мнѣ сѣсть въ нее, мнѣ, бывшему когда-то его подчиненнымъ, прежнему арестанту... Стоя около экипажа въ самой почтительной позѣ, городничій еще разъ пожелалъ мнѣ благополучія и успѣха. Лошади пошли галопомъ и мы взаимно избавились—онъ отъ моего присутствія, а я отъ его притворныхъ благопожеланій.

Мы проѣхали разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ Нижняго, съ замѣчательною быстротою. Возвратясь домой, я нашелъ небольшую посылку, присланную мнѣ изъ Вильно. Эта посылка была знакомъ вниманія моей жены и заключала въ себѣ нѣкоторые предметы для моего употребленія; но въ приложенномъ при этомъ письмѣ одна фраза оставалась для меня непонятна: жена благодарила меня за сто рублей, которые я ей послалъ... „Сто рублей! шутка сказать!“ подумалъ я про себя. До поѣздки въ Макарьевъ, у меня не было ни гроша, а на ярмаркѣ я истратилъ до послѣдней копейки ту небольшую сумму, которою былъ обязанъ щедрости вице-губернатора.

Я сказалъ о своемъ недоумѣніи моему благодѣтелю. Онъ, повидимому, затруднился, также какъ и я, объяснить загадку, но хотя онъ и увеличивалъ цѣну своего благороднаго поступка тѣмъ, что отказывался отъ него, читатель, безъ сомнѣнія, узналъ уже въ этомъ дѣлѣ добрѣйшаго г. Крюкова. Черезъ его руки, какъ уже сказано, шла наша корреспонденція, и онъ рѣшился вскрыть мое посланіе, чтобы вложить туда деньги. Такимъ образомъ, не ограничиваясь помощью мнѣ, онъ удѣлялъ отъ своихъ щедротъ и моей семьѣ, чтобы облегчить ея несчастное положеніе.

Между тѣмъ, для меня началась новая эра. Я снова вступилъ въ свѣтъ. Опираясь на покровительство моего благороднаго патрона, я по его рекомендаціи вошелъ въ высшее нижегородское общество. Въ Нижнемъ, точно также какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, дворянство составляетъ весьма замкнутый кругъ, и на первыхъ порахъ меня принимали вѣжливо, но нѣсколько холодно. Прилагая, однако, на практикѣ то правило, что во всякомъ положеніи, если хочешь добиться успѣха, надо обезпечить себѣ благосклонность женщинъ, я увидѣлъ, что сдержанность уступила мало-по-малу мѣсто предупредительности и ласковому обращенію. Такъ какъ я немного занимался поэзіею, то и сочинилъ нѣсколько куплетовъ и четверостишій въ честь благородныхъ дамъ. Въ этомъ обществѣ еще были въ ходу стихи Филисамъ

и Хлорисамъ. Эта поэзія во вкусѣ Дора и нѣкоторыя остроумныя стихотворныя бездѣлушки приобрѣли мнѣ такое значеніе, что приглашенія градомъ посыпались на изгнанника. Я сдѣлался необходимымъ человѣкомъ на всѣхъ собраніяхъ. Пребываніе въ Нижнемѣ было одною изъ самыхъ пріятныхъ эпохъ въ моей жизни, не столько благодаря маленькимъ триумфамъ моего самолюбія, которые выпадали мнѣ тамъ на долю, сколько по причинѣ весьма пріятныхъ знакомствъ съ княгинею Грузинскою, съ госпожами Ульяниною, Салмановою, Голицыною и многими другими. Эти дамы были весьма любезны, но семейство Крюковыхъ избаловало меня въ отношеніи благосклонности.

Но какъ ни пріятны были тѣ ласки, которыми меня осыпали въ Нижнемѣ, я все пламенно желалъ свободы. Давно разлученный съ самыми дорогими мнѣ предметами, я не могъ безъ нѣкотораго сердечнаго трепета помышлять о той минутѣ, которая должна возвратити мнѣ ихъ. Семья, отечество! Какое счастье можетъ сравняться съ этими благами? Военноплѣнные, обмѣненные сейчасъ же послѣ заключенія мира, находились уже на пути въ свое отечество, а о насъ, гражданскихъ плѣнникахъ, казалось, забыли. Наконецъ, настала столь нетерпѣливо ожидаемый день освобожденія. Это случилось въ половинѣ октября 1814 года, полгода спустя послѣ заключенія мира. Нашъ плѣнъ продолжался двадцать шесть мѣсявъ.

При извѣстіи о моемъ скоромъ отъѣздѣ, дома, гдѣ я былъ такъ любезно принятъ, и въ особенности семейство Крюковыхъ, выражали искреннее сожалѣніе по поводу предстоящей разлуки. Вице-губернаторъ простеръ свою доброту до того, что приглашалъ меня поселиться у него и выписать мое семейство... Въ качествѣ поэта, я счелъ долгомъ отвѣчать на столь трогательныя заявленія куплетами, достоинство которыхъ состояло въ томъ только, что они были кстати. Одинъ маэстро, жившій въ Нижнемѣ, положилъ ихъ на музуку и „Adieux de l'exilé“, распѣваемыя во всѣхъ салонахъ, вошли на нѣкое время въ моду.

Если графъ Ростопчинъ оказался безчеловѣчнымъ, изгнавъ насъ изъ столицы, не подумавъ объ опасностяхъ нашего пути, то его собратья, нижегородскій губернаторъ, выказалъ не болѣе участія въ доставленіи намъ средствъ для возвращенія. Не имѣя ничего, я, правду сказать, не зналъ, какъ устроить свой отъѣздъ. Но, въ то время какъ я находился въ сильномъ затрудненіи, мой благородный покровитель съ обычною своею деликатностью снова оказалъ мнѣ помощь черезъ своего сына. Его попеченія не ограничились только тѣмъ, что онъ далъ денегъ на дорогу, но въ моментъ отъѣзда я нашелъ свою кибитку наполненною провизіею всякаго рода, которую я раздѣлилъ съ нѣсколькими товарищами по ссылкѣ и путешествію. Я забылъ сказать объ услугѣ другаго барина, г. Ульянина, который за нѣкоторыя пустыя одолженія, оказанныя ему мною, подарилъ мнѣ полный

костюмъ и потребовалъ, чтобы я сейчасъ же и одѣлъ его, такъ какъ уже наступило холодное время года. Я выѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода 18-го октября. Явившись туда плѣнниковъ, отверженнымъ, оскорбляемымъ жителями, я уѣзжалъ оттуда свободнымъ, любимымъ, возбуждая своимъ удаленіемъ сожалѣніе всѣхъ порядочныхъ людей въ городѣ.

Съ первыхъ дней нашего путешествія мы встрѣчали безчисленныя шайки казаковъ, принадлежащихъ къ различнымъ отраслямъ этого обширнаго племени варваровъ. Мы видѣли казаковъ донскихъ, волжскихъ, уральскихъ, сибирскихъ, украинскихъ, черниговскихъ и т. д. Всѣ они возвращались изъ „Барыша“ (т. е. Парижа), какъ говорили они на своемъ почти непонятномъ нарѣчій. Они успѣли сдѣлать около 800 лье съ тѣхъ поръ, какъ объявленъ былъ миръ, а наше освобожденіе совершилось всего нѣсколько дней тому назадъ! Ничѣмъ другимъ нельзя было объяснить эту забывчивость въ отношеніи гражданскихъ плѣнниковъ, кромѣ желанія вытянуть новую взятку, пользуясь ихъ нетерпѣніемъ.

Множество нѣмокъ и француженокъ шло съ казаками, сопровождая ихъ подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами. Отказавшись отъ обычаевъ Европы, онѣ связали себя съ участіемъ этихъ воинственныхъ кочевниковъ, не зная даже ихъ языка. Иныя изъ нихъ, быть можетъ, покинули плодоносныя равнины Эльзаса, или веселые холмы Бургундіи, чтобы слѣдовать за варварами на дикіе берега Иртыша, Яика или Оби! Кто объяснить такую странную прихоть?

Прибывши 19-го октября во Владиміръ, мы провели ночь въ домѣ, гдѣ остановился отрядъ казаковъ. Какъ ни мала была наша поклажа, мы все-таки опасались, чтобы она не возбудила ихъ жадности, и поочередно сторожили наши экипажи. Такія же опасенія, но болѣе основательныя въ отношеніи громадной добычи, которую они везли съ собою, мы вызвали и въ япихъ сосѣдяхъ: они приняли съ своей стороны предосторожности относительно насъ. Съ обѣихъ сторонъ на ночь была выставлена сильная и бдительная стража. Съ наступленіемъ дня возстановилось довѣріе и утромъ насъ посѣтили гости изъ непріятельскаго лагеря.

— Товарищи! сказалъ намъ входя одинъ изъ казацкихъ начальниковъ, за которымъ шло нѣсколько солдатъ, неся огромные сосуды съ водкою. — Товарищи! наши ведеты пили вино съ вашими во время войны; поэтому вы не откажетесь сдѣлать съ нами то же во время мира...

Эта рѣчь, обращенная къ намъ на довольно чистомъ французскомъ языкѣ, показала намъ очень хорошою для казака. Мы отъ всего сердца побратались съ ними и между нами установилась нѣкоторая близость.

— Хороша ваша сторона, сказалъ мнѣ начальникъ казаковъ. — Намъ говорили, что у васъ нѣтъ хлѣба, а мы зарылись въ немъ...

Ваши крестьяне живутъ хорошо: пьютъ вино, ѣдятъ бѣлый хлѣбъ, спятъ на постеляхъ, одѣваются не хуже иного нашего барина. Во многихъ мѣстностяхъ мужики умѣютъ читать и писать; они свободны!.. Что, въ самомъ дѣлѣ, могло заставить васъ идти въ Россію, гдѣ нѣтъ ничего этого?..

— Вотъ, однако, женщины, отвѣчалъ я моему собесѣднику, оставившія всѣ блага, о которыхъ вы говорите, для того, чтобы сопровождать васъ...

— Это совсѣмъ другое, живо возразилъ онъ по-русски и съ сатанинскою улыбкою.

Послѣ разныхъ вопросовъ о великихъ событіяхъ, происшедшихъ во Франціи, подробности которыхъ были намъ неизвѣстны, мы разстались съ нашими друзьями казаками.

24-го октября мы издали увидѣли „сорокъ сороковъ“ московскихъ колоколенъ, сферическія и пирамидальныя формы которыхъ рисовались на лазурномъ небѣ. Какая великолѣпная панорама! Какъ согласить эту живописную картину съ тѣмъ печальнымъ зрѣлищемъ, какое представляла внутренность древней столицы?

Понятіе, составленное мною о погромѣ на основаніи доходившихъ до насъ разсказовъ, оказалось гораздо ниже дѣйствительности. Двадцать шесть мѣсяцевъ, истекшихъ съ тѣхъ поръ, не произвели почти никакой перемѣны въ картинѣ разрушенія. На сто домовъ приходилось едва десять вновь выстроенныхъ. Трудно сказать, куда дѣвалось на ночь и въ холодное время громадное населеніе, снова возвратившееся въ Москву. Большое количество обывателей жило въ погребкахъ. Нѣкоторые, поднявъ обломки на высоту человѣческаго роста, накрыли ихъ досками и кусками листового желѣза на подобіе крыши и тутъ находили себѣ убѣжище. Всюду видна была нищета и свѣжіе еще слѣды пожара. Мусоръ, обломки кирпича, раздробленные и обратившіеся въ пыль подъ колесами экипажей, поднимались красноватымъ облакомъ, которое вѣтеръ безпрестанно крутилъ въ воздухѣ. На улицѣ нельзя было оставаться: бѣлье и свѣтлая одежда покрывалась этою красною пылью.

Я еще разъ опишу зрѣлище, которое представлялъ Кремль, на основаніи личнаго обзора развалинъ, происшедшихъ отъ разрушительнаго дѣйствія взрыва. Ужаснѣе этого ничего не можетъ быть. Тесанные камни, въ нѣсколько тысячъ фунтовъ вѣсомъ, лежали отброшенные шаговъ на 500. Двери и окна сосѣднихъ домовъ были разбиты; обломки стеколъ еще сохранялись въ рамахъ. Ударъ, подобный сильному землетрясенію, поколебалъ многіе дома, капитальныя стѣны которыхъ дали трещины. Ни одинъ изъ нихъ не былъ разрушенъ совершенно, потому что незначительное число зданій, которыя въ этой части города сохранились отъ пожара, находились на довольно большомъ разстояніи отъ Кремля. Приближаясь къ крѣпости, я съ удивленіемъ замѣтилъ сквозной паранетъ, тянувшійся отъ каменнаго моста

до деревяннаго. Огромныя полосы желѣза, изъ которыхъ онъ состоялъ, были сломаны или согнуты и не предохраняли болѣе прохожаго отъ паденія въ воду Москвы-рѣки. Царскія палаты и часть стѣнъ были разрушены, и все представляло бы изъ себя одну громадную кучу развалинъ, если бы изумительная прочность нѣкоторыхъ изъ этихъ древнихъ татарскихъ построекъ не устояла противъ силы пороха. Къ числу ихъ принадлежала колокольня Ивана Великаго. Она пользовалась у народа большимъ уваженіемъ. Треснувши сверху до низу, она все-таки пережила разрушеніе. Возвышаясь среди развалинъ, она казалась великимъ аллегорическимъ изображеніемъ Русской имперіи, которая, будучи сначала потрясена ужаснымъ ударомъ Наполеона, въ концѣ концовъ восторжествовала надъ его могуществомъ.

Выходя изъ Кремля, я увидаль на рыночныхъ ларяхъ среди всякой ветоши военную одежду, кивера и эполеты, форма которыхъ была мнѣ хорошо извѣстна. Это были французскіе мундиры. Кровь, которою они были пропитаны, краснорѣчиво говорила о печальной судьбѣ храбрецовъ, носившихъ ихъ. Въ этомъ несчастномъ городѣ я переходилъ отъ одного волненія къ другому.

Побуждаемый желаніемъ, которое легко понять, я отправился въ ту часть города, гдѣ я прежде жилъ. Сначала я не узналъ ни улицы, ни окрестностей дома, который былъ свидѣтелемъ моего прошедшаго счастья. Этомъ домъ, стоявшій посреди обширнаго двора, садъ и окружающія стѣны—все исчезло. Новое зданіе, построенное на улицу, замѣнило ихъ.

Сѣвъ на полусгорѣвшія доски прямо противъ дома, я печально смотрѣлъ на эту перемѣну. Въ то время, какъ мой взоръ напрасно искалъ предметовъ, которые воображеніе рисовало—увъ! слишкомъ вѣрно—чувство скорби овладѣло мною и слезы полились изъ глазъ подъ вліяніемъ печальныхъ воспоминаній. И дѣйствительно, никакое горе не могло быть болѣе искренне и глубоко. Въ этихъ мѣстахъ, которыя еще недавно видѣли мое семейное счастье, въ этихъ мѣстахъ, гдѣ я оставилъ, уѣзжал, семью, друзей и слугъ, никто не шелъ мнѣ навстрѣчу. Кругомъ были все чужія лица, я встрѣчалъ только равнодушныя взоры. Я былъ чужой на мѣстѣ моего стараго очага.

Въ это время одинъ русскій, почтеннаго вида человѣкъ, проходилъ мимо меня. Я рѣшился заговорить съ нимъ. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти. Кроткое и почтенное лицо говорило въ его пользу. Обращеніе его было привѣтливое и ласковое. Онъ не уѣзжалъ изъ Москвы во время вступленія въ нее Наполеона. Я передамъ часть нашего разговора тѣмъ охотнѣе, что это послужитъ въ пользу французской арміи противъ гнусныхъ обвиненій, неосновательно принятыхъ нѣкоторыми историками.

„Обвиняютъ французовъ“, говорилъ мнѣ старикъ, „въ томъ, что они дѣлали много насилій. Я по совѣсти говорю, что это ложь. Одна справедливость вызываетъ у меня это признаніе. Оно принадлежитъ

человѣку, глубоко чувствующему все зло, которое ваши соотечественники причинили моей родинѣ, но который прежде всего долженъ сказать правду. Вотъ чему я былъ свидѣтелемъ во время самага разгара грабежа:

„Утра были холодныя и женщины носили войлочную обувь. Разъ поутру вижу я, нѣсколько солдатъ тащить молодыхъ дѣвокъ въ уголь одной церкви. Не рассчитывая на успѣхъ, я все-таки пошелъ, чтобы уговорить безумцевъ, но каково было мое удивленіе,—они только сняли съ дѣвушекъ ихъ обувь, и то съ подобающею скромностью. Тѣ, идучи, смѣялись и говорили:— „Кабы мы знали, что имъ надобны только наши войлоки, мы и такъ бы ихъ отдали“...

„Приказъ по арміи объявлялъ за изнасилованіе смертную казнь безъ пощады. Даже въ деревняхъ женщины, которыя скрылись при приближеніи непріятеля, возвратились назадъ при оффиціальномъ заявленіи, что имъ нечего бояться. То же самое было и съ семействами, которыя жили на землѣ князя Голицына. Возвратясь въ свои жилища гораздо раньше ухода французовъ, ни женщины, ни дѣвушки не потерпѣли никакого насилія.

„Единственный случай, бывшій на моихъ глазахъ, только подтверждаетъ ту неумолимую строгость, съ какою производились наказанія. Это было нѣсколько дней спустя послѣ пожара. Изъ одного дома на Мясницкой послышались крики. Мой пріятель побѣжалъ туда и нашелъ двухъ французскихъ солдатъ, которые насильовали дѣвушку лѣтъ 14-ти. Онъ сталъ звать на помощь. Явился офицеръ и ударивъ саблею одного изъ солдатъ, который его не послушался, арестовалъ обоихъ виновныхъ. Мой пріятель явился въ качествѣ обвинителя предъ военнымъ судомъ. Черезъ полчаса оба солдата были разстрѣляны. Повторяю, это единственный случай, который я знаю а между тѣмъ никто болѣе моего не занимался наблюденіями за поведеніемъ непріятельской арміи“.

„Надо отдать справедливость французамъ еще и въ томъ, что изъ всѣхъ націй, составлявшихъ вторгнувшуюся армію, они менѣе другихъ выказали жадности во время грабежа. Никогда не производили они безцѣльныхъ истребленій. Ихъ вѣжливость простиралась даже до излишествъ и представляла нерѣдко странные контрасты. Простые солдаты вошли ночью въ домъ одного профессора, жена котораго мучилась въ это время въ родахъ. Ихъ просили не тревожить больную, что они и обѣщали. И дѣйствительно, приближась осторожно къ постели, чтобы удостовериться, не обманываютъ ли ихъ, солдаты заслонили рукою слишкомъ сильный свѣтъ свѣчи. Имъ открыли комоды и другую мебель. Они обѣщали не трогать того, что принадлежало дамѣ, и сдержали слово, но не обнаружили такой же добросовѣстности относительно вещей мужа. Одинъ французскій офицеръ, находя, что диванъ, изъ котораго онъ сдѣлалъ себѣ походную кровать, слишкомъ коротокъ, велѣлъ столяру снять одинъ изъ боковъ

его, но при своемъ отъѣздѣ приказалъ привести мебель въ прежнее состояніе и не вышелъ изъ дому, пока не кончили починку. Никто не упрекаетъ также ни генераловъ, ни маршаловъ, ни самаго Наполеона въ томъ, что они воспользовались хотя чѣмънибудь. Многіе изъ нихъ покупали и платили наличными деньгами за мѣха, въ которыхъ имѣли нужду. Маршалу Мортъе была продана однимъ грекомъ шуба изъ чернаго медвѣдя за 2000 рублей. Что касается до Наполеона, который въ этомъ случаѣ, казалось, хотѣлъ превзойти въ роскоши своихъ генераловъ, то онъ заказалъ себѣ и щедро заплатилъ за плащъ изъ черной лисицы. Баварцы, поляки, виртембергцы, далеко не были такъ гуманны, какъ французы. Солдаты этихъ націй выказали свой вандализмъ, разбивая статуи, разрушая китайскіе мостики въ императорскомъ саду. Въ своей жадности они сдирали сукно, которымъ обивалась внутренность каретъ, сукно съ биліардовъ и матерію съ мебели. Виртембергцы въ своей святотатственной жадности придумали вырывать изъ земли трупы!...

„До того времени, какъ появился голодъ, французы брали только французскія вина: испанскія и португальскія были слишкомъ крѣпки для нихъ; донскія и молдавскія казались или слишкомъ слабыми, или кислыми. Французы не любили также соленого мяса; они не брали ни икры, ни крупной соленой рыбы, которая идетъ изъ Каспійскаго моря въ Москву по Волгѣ. Руководимые жадностью, грабители бросились прежде всего на золото, серебро и другія драгоценности. Только впоследствии они стали брать существенное, постоянно отдавая до тѣхъ поръ преимущество предметамъ роскоши. Все это происходило въ первые дни грабежа. Огромное количество мѣшковъ съ мукою было спасено и тѣмъ предупреждены ужасы голода. Французы и вообще солдаты всѣхъ націй, входившихъ въ составъ арміи, исключая поляковъ и баварцевъ, въ первое время дѣлились даже охотно тѣмъ, что сами имѣли въ изобилии.

„Я самъ, три дня не ѣвши и не пивши, получилъ отъ одного человѣка, возвращавшагося съ грабежа, бутылку медака, хлѣбъ и часть копченой ветчины. Затѣмъ, въ продолженіи 15 дней, меня великодушно кормилъ одинъ солдатъ, котораго мнѣ дали въ охранители.

„Труднѣе было утолить мученія жажды, потому что дождей не было, источники иссохли отъ пожара, или были заражены трупами людей и животныхъ. Все вино, которое находили впоследствии, берегли для госпиталей.

„Грабежъ давалъ поводъ къ сценамъ то ужаснымъ, то смѣшнымъ, такъ что даже тѣ, которые были жертвою его, не могли не смѣяться. Тамъ видишь богатаго человѣка, прекрасно одѣтаго, но въ обуви изъ лыка, какъ у русскихъ крестьянъ, потому что какому-то французу понравились его сапоги. Въ другомъ мѣстѣ какойнибудь обыватель, лишившись всей своей одежды, принужденъ былъ надѣть женское

платье. Можно было видѣть мужчинъ, плеча которыхъ были покрыты соболями, а ноги обуты въ женскіе башмаки. Иные выходили изъ какого нибудь моднаго магазина, надѣвъ изящныя шляпы съ перьями и цвѣтами“.

„Сами французскіе офицеры принимали участіе въ этомъ смѣшномъ маскарадѣ. Какъ я уже сказалъ, холодъ давалъ себя чувствовать. Атласные салопы съ украшеніями были очень удобны для защиты отъ холода; нѣкоторые носили даже, сидя на конѣ, женскіе наряды поверхъ военнаго мундира и вооруженія“.

Этотъ русскій, въ которомъ столько патріотизма соединялось съ просвѣщеннымъ умомъ, сообщилъ мнѣ еще нѣкоторыя подробности о пожарѣ, о пребываніи французовъ въ Москвѣ и о самомъ Наполеонѣ, котораго онъ видалъ во время частыхъ смотровъ; императоръ, по его словамъ, носилъ свою шляпу, сурово надвинувъ ее на глаза. Но такъ какъ этотъ рассказъ не содержитъ ничего важнаго, ни одного событія, которое уже не было бы нами передано, то мы окончимъ здѣсь наши цитаты.

Дѣла принуждали меня пробить нѣкоторое время въ Москвѣ. Незная, куда приклонить голову, я вспомнилъ о почтенномъ священникѣ французской католической церкви, аббатѣ Сюрюгѣ. Но—увы! ставъ жертвою своей заботливости о плѣнникахъ и варварства нѣкоторыхъ негодяевъ, онъ сошелъ уже въ могилу. Онъ не потерпѣлъ отъ грабежа и пожара во время занятія города французами,—напротивъ, его домъ особенно охранялся ими и былъ застрахованъ отъ всякаго нападенія; но черезъ нѣсколько времени послѣ ухода французовъ, въ его жилище ворвалась шайка казаковъ, сопровождаемая крестьянами. Довольно значительное количество серебра, деньги, бѣлье, припасы, сдѣлались добычею грабителей, а съ аббатомъ было поступлено самымъ недостойнымъ образомъ. Его здоровье, уже истощенное постоянными заботами о несчастныхъ, не устояло противъ новаго испытанія. Черезъ нѣсколько дней послѣ роковаго случая, онъ умеръ. Я узналъ всѣ эти подробности изъ устъ аббата Перрена, преемника Сюрюга въ должности священника французской католической церкви. Слѣдуя по стопамъ своего предшественника, Перренъ принялъ меня съ чисто евангельскимъ милосердіемъ, и домъ Сюрюга сталъ моимъ убѣжищемъ.

Въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Москву, т. е. въ октябрѣ 1814 года, правда о пожарѣ этой столицы, сдѣлавшаяся извѣстною, раздѣляла высшее общество на два противоположные лагеря, въ которыхъ каждое лицо смотрѣло на эту катастрофу по своему, совершенно своимъ впечатлѣніямъ и интересамъ. Одна партія, заключавшая въ себѣ членовъ англійскаго клуба, состояла изъ той части русской аристократіи, которая поклялась въ непримиримой ненависти къ Франціи. Это была партія торжествующая. Старые москвичи съ консервативными понятіями кричали въ фанатическомъ энтузіазмѣ:

„Что за дѣло до громадности жертвы! Она спасла государство... Такіе подвиги патріотизма оживляютъ народъ!“

Противоположная партія считала въ своихъ рядахъ все, что было въ Россіи образованнаго. Не видя въ истребленіи прекрасной и богатой столицы ничего, кромѣ результата крайняго честолюбія, или безразсуднаго патріотизма, люди этой партіи ссылались на общественное негодованіе, на судъ цѣлой Европы, чтобы заклеить этотъ поступокъ дикаго вандализма. „Одно изъ двухъ, говорили они: или хотѣли лишить солдатъ и лошадей непріятельской арміи всякихъ средствъ къ существованію, или надѣялись поставить французъ въ невозможность занять въ Москвѣ зимнія квартиры. Въ первомъ случаѣ отчего было не сжечь или не уничтожить общественные запасы, которыхъ было такъ немного въ это время? Муки, оставшейся въ распоряженіи обывателей, не хватило бы на содержаніе французской арміи въ продолженіе и 15 дней. Терпя недостатокъ во всемъ, она принуждена была бы оставить завоеванный городъ гораздо скорѣе. Что же, напротивъ, сдѣлали, и къ чему послужилъ пожаръ? Третья часть казенныхъ магазиновъ стала добычей пламени, а въ остальныхъ непріятель нашель средства къ существованію болѣе чѣмъ на шесть недѣль.“

Таковы были упреки, которые дѣлала часть дворянства—и надо сказать, большинство націи—человѣку, обвиняемому вдобавокъ въ томъ, что онъ былъ слѣпымъ орудіемъ англійской партіи; человѣку, который, соединяя съ дикою энергіею ненасытное честолюбіе, осмѣлился не бояться своего гусадаря и принять на свою голову отвѣтственность за подобную катастрофу.

Ропотъ общественнаго мнѣнія достигъ трона. Императоръ Александръ раскаялся, но слишкомъ поздно, что далъ московскому губернатору неограниченную власть и роковое полномочіе. Но государь еще раньше общественнаго мнѣнія не одобрялъ поведенія Ростопчина. Опала послѣдняго, случившаяся вскорѣ послѣ пожара, служить тому доказательствомъ.

Какъ уже сказано, нѣкоторыя важныя дѣла удерживали меня въ Москвѣ. Я пріѣхалъ сюда въ надеждѣ дисконтировать вексель графа Толстого, но трудность, даже невозможность исполнить это, задержала меня здѣсь на неопредѣленное время. Напрасно предлагалъ я 25, 50, даже 60 процентовъ скидки: никто не хотѣлъ брать векселя благороднаго губернатора Казани. Пусть это послужитъ предостереженіемъ тѣмъ иностранцамъ, которыхъ приведетъ въ Россію случай, или мысль составить себѣ фортуна. Пусть они знаютъ, что громкій титулъ не всегда бываетъ здѣсь ручательствомъ кредита и даже вѣжливости.

Живя у аббата Перрена, я видалъ, что каждый день приходили другіе несчастные, которые просили пріюта и денегъ. Въ такихъ обстоятельствахъ я счелъ своимъ долгомъ не злоупотреблять госте-

примствомъ, которое было мнѣ предложено на время. Поэтому я оставилъ пріорство и вѣрнулся Провидѣнію, чтобы найти новое убѣжище. Бродя со своею маленькою котомкою, я послѣ многихъ поисковъ нашель, наконецъ, лачугу, которую съ величайшею готовностію предложили мнѣ раздѣлить съ собою нѣсколько нѣмцевъ.

Здѣсь-то, обратившись спиною къ стѣнѣ, съ которой капало, лишенный огня, лежа поперекъ окна, не имѣвшаго зимней рамы и совершенно обмерзлаго изнутри, я провелъ самую суровую зиму, какую только можно себѣ представить. Моя собака, вѣрный товарищъ и въ счастья и въ несчастія, была мнѣ здѣсь очень полезна. Она всегда спала въ концѣ моего ложа и ей-то, безъ сомнѣнія, былъ я обязанъ тѣмъ, что не отморозилъ ногъ. Это было самое трудное время въ моей жизни. Положеніе мое стало до того невыносимо, что приходилось жалѣть не только о плѣнѣ въ Макарьевѣ, но даже о нашей плавучей тюрьмѣ со всѣми ея неудобствами и скукою долгаго плаванія.

Мнѣ совѣтовали обратиться съ просьбою о помощи къ русскому правительству; но я остерегся послѣдовать этому совѣту. Кромѣ того, что я ничего бы не получилъ, меня удерживало другое соображеніе: надо было жить, не привлекая вниманія полиціи, до того времени, когда можно будетъ выѣхать съ честью изъ страны, гдѣ меня столько преслѣдовали. Какое нибудь ничтожное обстоятельство могло возбудить опасенія подозрительнаго надзора. Мой страхъ былъ основателенъ: одинъ изъ нашихъ товарищей по изгнанію, Этьенъ, нѣсколько дней тому назадъ былъ схваченъ по приказу властей. По какимъ-то неяснымъ и, навѣрно, неосновательнымъ обвиненіямъ, его, не выслушавъ даже, посадили въ кибитку и выслали за-границу.

Среди новыхъ напастей, Крюковъ не переставалъ мнѣ писать. Его письма, наполненныя задушевными воспоминаніями, прибавляли ко всему еще сожалѣніе о томъ, что я не воспользовался его приглашеніемъ продолжать у него мое пребываніе. Потому онъ опять возобновилъ предложеніе своихъ услугъ, но я скрылъ свои затрудненія и страданія. Сказать о нихъ—значило вызывать вице-губернатора на новыя благодѣянія, а я не могъ, не нарушая деликатности, подвергать его доброту дальнѣйшему испытанію.

Между тѣмъ, всѣ мои усилія возвратить часть долга не привели ни къ чему и только безъ пользы продлили мое пребываніе въ Москвѣ. Не могло быть затруднительнѣе моего положенія: не оставалось, кажется, никакого средства вырваться изъ этой страны преслѣдованій и бѣдствій.

Я не забылъ, что управленіе императорскихъ театровъ было мнѣ должно около тысячи рублей. Эта сумма, о возвращеніи которой я не заботился во время своего благополучія, была бы теперь для меня богатствомъ. Вслѣдствіе этого я попытался предъявить требованіе г. Майкову. Это былъ, какъ извѣстно, тотъ же самый директоръ, что и

прежде. Хлопоча о столь законной уплатѣ, я не былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ, не имѣлъ никакой надежды на него, и это вполнѣ оправдалось: мнѣ отвѣчали, что теперешнее правленіе не можетъ платить долги прежняго. Получивъ и здѣсь отказъ, я удалился, повторяя вмѣстѣ съ Фигаро: „Они всѣ на одинъ покрой“.

Оставался у меня еще должникъ. Это былъ одинъ изъ нашихъ сильныхъ, г. Ламираль. Но какъ рѣшиться напомнить ему объ этомъ, когда самъ онъ былъ въ нищетѣ? Подобно мнѣ, и онъ всего лишился, а домомъ, который оставался у него, случайно упѣлѣвъ отъ пожара, завладѣли полицейскіе и не хотѣли очистить. Указъ императора Александра былъ очень ясенъ на этотъ счетъ. Въ немъ было сказано, что никто не можетъ быть лишенъ своего владѣнія, если не покинулъ русскую территорію. Но губернаторъ и московскія власти должны были лучше, чѣмъ кто либо знать, что мы не подходимъ подъ условія конфискаціи. Наше невольное пребываніе въ Россіи вслѣдствіе ссылки и тюремнаго заключенія было, по моему мнѣнію, мотивомъ, достаточно говорившимъ въ нашу пользу. Но объ этомъ ничего и слышать не хотѣли. Мы были французы, безъ поддержки, безъ протекціи. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы оправдать произволъ всемогущей полиціи, той полиціи, злоупотребленіямъ которой втайнѣ сочувствовала старая московская партія. Невѣроятная вещь! Три указа, одинъ за другимъ изданные Александромъ о возвращеніи имущества его владѣльцамъ, три императорскихъ указа, кромѣ того, о которомъ я сказалъ, остались безъ исполненія! Полиція, или, лучше сказать, таинственная сила извѣстной части дворянства, перевѣшивала столь законныя требованія и даже волю самого государя!

Протекція графа Платова и вліяніе, которымъ онъ пользовался у московскихъ властей, имѣли больше значенія, чѣмъ законы и правосудіе Александра. Только когда Платовъ, казачій атаманъ, принялъ участіе въ дѣлѣ Ламирала, возвратили, наконецъ, домъ моему должнику, который, послѣ многихъ затрудненій, успѣлъ заложить его и отдалъ мнѣ почти третью часть долга. Это было, разумѣется, бездѣлица, но все же лучше, чѣмъ постушокъ графа Толстого, кредиторомъ котораго я, вѣроятно, останусь до втораго пришествія.

Послѣ расплаты съ добрымъ старикомъ Жиле и расчета за три мѣсяца, которые я понапрасну потерялъ, у меня едва осталось на что ѣхать къ женѣ, ожидавшей меня въ Вильнѣ.

Но я еще не получилъ до сихъ поръ паспорта, и мое безпокойство возрастало. Боясь, чтобы, наконецъ, не истощились и послѣднія средства, я рѣшился прибѣгнуть къ г. Ноейлю, который, послѣ заключенія мира, былъ нашимъ посланникомъ въ Петербургъ. Надежда меня не обманула: почти тотчасъ же послѣ моей просьбы было сдѣлано распоряженіе выдать паспортъ. Правда, что для ускоренія хода формальностей мнѣ пришлось удовлетворить лихоимство секретаря по-

лиціи, нѣкоего г. Дасторга, француза по рожденію, но который былъ хуже всякаго русскаго. Онъ не посовѣстился ограбить на чужой сторонѣ несчастнаго соотечественника, у котораго едва оставалось съ чѣмъ возвратиться къ своей семьѣ. Я принесъ эту жертву безъ ропота: я отдалъ бы на отсѣченіе свою руку, лишь бы только вырваться изъ этой страны, гдѣ я столько страдалъ.

Привыкнувъ съ давняго времени къ лишеніямъ и недостаткамъ, я уговорился за небольшую плату съ однимъ извозчикомъ, который взялся доставить меня на саняхъ въ Вильно.

Заручившись русскимъ паспортомъ и еще другимъ, выданнымъ мнѣ г. Ноейлемъ, взявши сверхъ того установленныя закономъ свидѣтельства, я все еще боялся встрѣтить на первомъ же шагу новое препятствіе, которое могло бы помѣшать моему отъѣзду. Въ тотъ же вечеръ, ни съ кѣмъ не простясь, я потихоньку отнесъ свои вещи на постоянный дворъ, гдѣ находился мой проводникъ. Проведя тутъ ночь на лавкѣ, я утромъ 20-го января 1815 года выѣхалъ нищимъ изъ того города, куда нѣкогда привела меня судьба.

Невесело и трудно было мое путешествіе. Все, казалось, способствовало этому. Во-первыхъ, ужаснѣйшій холодъ, во-вторыхъ, сани, на которыхъ я ѣхалъ, были нагружены механическими желѣзными приборами, выдающіяся части которыхъ кололи меня при каждомъ толчкѣ. Эта мука не прекращалась ни на минуту. На привалахъ я питался мерзлою говядиною, которую надо было рубить топоромъ и ѣсть полусырою.

Воспоминанія, сопровождавшія мой путь, не могли быть пріятны сердцу француза: я ѣхалъ по слѣдамъ нашей отступавшей арміи. Въ одномъ мѣстѣ встрѣчались деревни, заново выстроенныя, въ другомъ—города, лежащіе еще въ развалинахъ; повсюду слѣды нашихъ бѣдствій. Но ежечаснымъ моимъ мученіемъ, настоящимъ кошмаромъ, который преслѣдовалъ меня отъ одной станціи до другой, было то, что я постоянно слышалъ имя Ростопчина. Оно должно было раздаваться въ моихъ ушахъ до послѣдняго предѣла Россіи. Неумолимая судьба, словно желая продлить и усилить мою казнь, послала мнѣ въ спутники молодаго солдата, который возвращался къ своему полку въ Вильно. Этотъ солдатъ былъ никто иной, какъ незаконный сынъ моего гонителя.

Но всѣ невзгоды, признаюсь, были забыты съ той минуты, какъ я пріѣхалъ на мѣсто. Я ничего не помнилъ, ничего не чувствовалъ, кромѣ радости и признательности къ Промыслу, который соединилъ меня съ тѣмъ, кто былъ мнѣ дорогъ. Слезы жены и ласки сына изгладили все тяжелое прошлое, которое уже осталось позади.

АНГЛІЙСКІЙ ТУРИСТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1774 ГОДУ.

ПЕРВЫМИ туристами, какъ извѣстно, были англичане. Въ то время, когда нѣмцы, французы, итальянцы, голландцы, предпринимали путешествія только по какимъ либо чрезвычайнымъ обстоятельствамъ—по порученію ли своихъ правительствъ, по торговымъ дѣламъ, или ради цѣлей ученыхъ и вообще образовательныхъ, англичане странствовали уже по Европѣ просто въ качествѣ любознательныхъ людей. Такъ было еще съ первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка, а во второй половинѣ прошлаго столѣтія множество англичанъ посѣщало уже Парижъ, Голландію, Германію и Италію; это называлось *to make the great tour* и считалось признакомъ хорошаго тона и интеллигентныхъ потребностей. Правда, еще Стернъ раздѣлялъ странствующихъ соотечественниковъ на такихъ, чтѣ отправляются въ путешествіе по болѣзни, по слабоумію и по необходимости, и повидимому относятъ простыхъ туристовъ-англичанъ ко второму изъ этихъ разрядовъ, но все же нельзя сказать, что эти диллетанты путешествій были совершенно бесполезными людьми для своего отечества: имъ, между прочимъ, англійская литература обязана богатствомъ своего отдѣла путевыхъ записокъ, богатствомъ, которымъ не обладаетъ ни одна изъ прочихъ европейскихъ литературъ.

„Россія начинаетъ входить въ районъ нашего *great tour*: посѣтить ее и любопытно, и не бесполезно“. Такъ писалъ въ 1780-хъ годахъ одинъ изъ англійскихъ туристовъ, пріѣхавшихъ тогда въ Россію, Свинтонъ. И дѣйствительно, въ исходѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго, немалое количество англичанъ пребывало въ Россіи просто изъ любопытства; ихъ видѣли и при дворѣ Екатерины, и въ Михайловскомъ дворцѣ, въ царствованіе Павла, и въ Москвѣ, во время коронаціи Александра I; пріѣзжали въ Россію и англійскія дамы-путешественницы — герцогиня Кингстонъ, леди Кравенъ; въ

двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, почтенный лордъ Кокренъ предпринялъ даже пройти Россію Европейскую и Азіатскую пѣшкомъ, и съ упорствомъ кровнаго англичанина осуществилъ свое намѣреніе. Лишь со второй четверти нынѣшняго вѣка слабѣетъ вниманіе англійскихъ туристовъ къ нашему отечеству; вмѣсто того они направляются на Балканскій полуостровъ, въ Малую Азію, Палестину и Египетъ, а позже, съ устройствомъ правильныхъ пароходныхъ сообщений по Атлантическому, Индѣйскому и Великому океанамъ, англичане-путешественники рассыпаются по всему свѣту.

Но возвратимся къ нашему отечеству. Многіе изъ посѣщавшихъ его англичанъ оставили описанія своихъ странствованій, не лишеныя интереса. Однимъ изъ болѣе раннихъ англійскихъ туристовъ былъ нѣкто Натаніель Рэксолъ, пріѣзжавшій въ Россію въ 1774 году и уже въ слѣдующемъ издавшій въ свѣтъ свои путевыя замѣтки. Небольшая книжка его пользовалась въ свое время довольно значительнымъ успѣхомъ: въ 1770-хъ же годахъ она выдержала нѣсколько изданій въ подлинникѣ и была переведена на французскій, нѣмецкій и голландскій языки ¹⁾. Съ теченіемъ времени, однако, записки Рэксоля были забыты, такъ что, напримѣръ, въ русской литературѣ на нихъ есть, кажется, всего только одно указаніе, и то сдѣланное мимоходомъ. Забвеніе это во всякомъ случаѣ не заслуженное: нѣкоторыя страницы записокъ Рэксоля настолько интересны, что ради ихъ однѣхъ не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія эту небольшую книжку.

Рэксолю было всего двадцать три года, когда онъ посѣтилъ Россію; но уже за два года передъ тѣмъ онъ успѣлъ побывать въ Португаліи, а въ 1774 году предпринялъ путешествіе по государствамъ сѣверной Европы. Посѣтивъ Копенгагенъ и Стокгольмъ, онъ чрезъ Финляндію направился въ Россію.

Первое письмо его изъ Петербурга помѣчено 11-мъ іюля по новому стилю. Едва пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ представился британскому посланнику при русскомъ дворѣ, сэру Роберту Гуннингу и получилъ отъ него приглашеніе ѣхать съ нимъ въ Петергофъ на 27-е іюня. Благодаря этому обстоятельству, мы находимъ въ запискахъ Рэксоля подробный рассказъ о томъ, какъ справлялся въ Екатерининскія времена тотъ самый „Петергофскій праздникъ“, который

¹⁾ Первое изданіе путевыхъ записокъ Рэксоля носитъ заглавіе: „Cursory remarks made in a tour through some of the northern parts of Europe, particularly Copenhagen, Stockholm and Petersburg“; позднѣйшія изданія озаглавлены: „A tour through some of the northern parts of Europe. In a series of letters by Nl. Wrahall, jun.“ Перечень всѣхъ изданій подлинника и переводовъ см. въ „Catalogue des Russica“, т. II, стр. 548. Рэксолъ написалъ впоследствии еще нѣсколько сочиненій и въ одномъ изъ нихъ, 1818 года: „Historical memoirs of my own time“, онъ также говоритъ о нѣкоторыхъ русскихъ историческихъ дѣятеляхъ своего времени, но не сообщаетъ о нихъ ничего такого, что не было бы извѣстно изъ другихъ источниковъ.

отличался такимъ блескомъ въ царствованіе Николая и еще недавно пользовался особенною популярностью среди петербургскихъ жителей. Нынѣ заброшенная Петергофская дорога въ исходѣ прошлаго вѣка уже была застроена барскими дачами, и „Красный Кабачекъ“ уже славился своимъ гостепримствомъ. Итакъ, 27 іюня, Рэксолъ былъ въ Петергофѣ.

„Въ эту субботу“, пишетъ нашъ путешественникъ, — „я имѣлъ удовольствіе сопровождать сэра Роберта Гуннинга въ Петергофъ, гдѣ теперь пребываетъ императрица. Это былъ день ея восшествія на престолъ, и по этому случаю здѣсь обыкновенно бываетъ чрезвычайно блестящій съѣздъ. Такъ какъ мы прибыли рано, то до появленія ея величества я имѣлъ случай осмотрѣть сады. Они очень обширны, тянутся по берегу Финскаго залива и омываются его водами. Самый дворецъ стоитъ въ серединѣ на возвышенности, съ которой открывается прекрасный видъ. Дворецъ былъ начатъ постройкой при Петрѣ I, но увеличенъ и улучшенъ императрицами его преемницами, такъ что теперь онъ очень обширенъ. Прямо передъ нимъ идетъ каналъ длиною въ нѣсколько сотъ ярдовъ, впадающій въ заливъ и снабжающій три фонтана, которые бьютъ ежедневно, а не такъ, какъ въ Версалѣ, только во время большихъ праздниковъ. Покои всѣ великолѣпны; но мое вниманіе особенно привлекала зала, гдѣ висѣли пять неподобныхъ портретовъ русскихъ государей. Всѣ они писаны во весь ростъ, но какимъ художникомъ—не могу сказать. Первый портретъ изображаетъ Петра, а напротивъ него—ливонская крестьянка, которую онъ возвысилъ отъ хижины до самой неограниченной власти. Я нѣсколько минутъ стоялъ передъ этою картиной въ нѣмомъ удивленіи къ женщинѣ, которая изъ самаго смиреннаго положенія перешла къ императорской коронѣ, сдѣлалась достойною ея, благодаря своимъ дарованіямъ, вѣрности и добродѣтели. Художникъ изобразилъ ее уже въ среднихъ лѣтахъ; глаза и волосы черные, лицо открытое, улыбающееся и милостивое, ростъ не выше средняго.

„Императрицы Анна и Елисавета занимаютъ въ этой комнатѣ принадлежащія имъ мѣста, но онѣ не надолго отвлекли меня отъ чрезвычайно страннаго портрета царствующей государыни. Она одѣта въ русскій военный мундиръ, въ высокихъ сапогахъ и сидитъ верхомъ на бѣлой лошади. На ея шляпѣ—дубовая вѣтвь, какую она—какъ и всѣ ея приверженцы—имѣла въ день достопамятнаго переворота. Ея длинные волосы ниспадаютъ въ беспорядкѣ, и краска въ ея лицѣ, естественное слѣдствіе жары и усталости, которой она подвергалась, передана прекрасно. Вѣрно и точно изображенъ тотъ костюмъ и вообще вся ея наружность, какъ она была двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда императрица прибыла въ Петергофъ и овладѣла русскимъ трономъ.

„Глаза мои еще были прикованы къ этой картинѣ, а мысли заняты грустною катастрофой, постигшею вскорѣ затѣмъ несчастнаго

императора, когда возвѣщенъ былъ выходъ императрицы. Ей предшествовалъ длинный рядъ вельможъ и придворныхъ. Я ощутилъ удовольствіе, смѣшанное съ нѣкоторымъ страхомъ, когда взглянулъ на эту необыкновенную женщину, которая, благодаря своей энергіи и ловкости, взошла на престолъ и держалась на немъ, хотя и не имѣла на то правъ по наслѣдію. Не смотря на то, что она теперь поповѣла, однако въ ней была величавость, смягчаемая пріятностью въ обхожденіи и манерахъ, и это производило поразительное впечатлѣніе. Одѣта она была въ темно-голубое шелковое съ золотыми полосами платье, а волосы ея были убраны брилліантами. Послѣ того, какъ иностранные послы произнесли свои обычныя привѣтствія, я удостоился чести быть ей представленнымъ и подойти къ ея рукѣ, Великій князь и княгиня слѣдовали за императрицей, которая съ минутой продолжала обходить, а потомъ сѣла за карточный столъ. Я послѣдовалъ за толпой на другой конецъ комнаты, гдѣ владычица иного рода, и быть можетъ не менѣе деспотическая и неограниченная въ своемъ царствѣ, привлекала чарами своего голоса другой кружокъ поклонниковъ и принимала чествованія своимъ личнымъ совершенствамъ, быть можетъ, еще болѣе лестныя, чѣмъ тѣ, кои воздаются величію, ибо они шли отъ сердца. То была Габріэлли, которую Брайдонъ ¹⁾ видѣлъ въ Палермо, а мнѣ суждено было встрѣтить въ Петербургѣ...“

Здѣсь мы должны прервать разсказъ Рэксоля, чтобы напомнить читателю, что Габріэлли была одною изъ знаменитѣйшихъ пѣвицъ того времени, вмѣстѣ съ тѣмъ славившаяся своею красотой и причудливостью своего характера. Послѣ большихъ успѣховъ въ Италіи и въ Вѣнѣ, она получила приглашеніе въ Петербургъ, и пѣніе ея очень понравилось Екатеринѣ; вообще здѣсь успѣхъ пѣвицы былъ чрезвычайный: пріѣзжавшій въ то время въ Россію баронъ Гриммъ плакалъ, слушая ее, а многочисленные русскіе поклонники сходили съ ума и отъ ея красоты, не смотря на то, что ей было тогда уже за сорокъ лѣтъ. Почтенный толстякъ, статсъ-секретарь Елагинъ, такъ увлекся ею, что однажды, подчиняясь капризу пѣвицы, пустился вальсировать съ нею, но при этомъ упалъ и повредилъ себѣ ногу ²⁾. Неудивительно, стало быть, что и молодой англичанинъ смотрѣлъ на Габріэлли и слушалъ ее съ восторгомъ.

„Габріэлли“ — разсказываетъ онъ— „только начала арію, когда я подошелъ, и съ глубокимъ вниманіемъ нѣсколько минутъ слушалъ, пока она пѣла. Когда она кончила, я продолжалъ смотрѣть на нее до тѣхъ поръ, пока графъ Ржевусскій, молодой польскій дворянинъ, не подошелъ ко мнѣ и не спросилъ меня, не желаю ли я быть ей представленнымъ. Я увѣрилъ его, что онъ не можетъ доставить мнѣ

¹⁾ Англійскій путешественникъ, издавшій очень извѣстное въ свое время описаніе Сициліи и Мальты.

²⁾ См. „Историческіе очерки и разсказы“ С. Шубинскаго, стр. 264, и „Письма императрицы Екатерины II къ барону Гримму“, стр. 111

«истор. вѣстн.», годъ II, томъ VI.

большаго одолженія. Она очень вѣжливо встала, когда графъ представилъ ей меня, какъ англійскаго джентльмена, только что сюда прибывшаго, и я не пропустилъ случая вступить съ нею въ разговоръ. Она была очень свободна и откровенна въ своихъ отвѣтахъ на множество мелкихъ вопросовъ, которые я ей сдѣлалъ. Она говорила, что хотя и привыкла къ болѣе теплomu климату Италіи и Сициліи, однако здоровье ея не разстроивается отъ суровости здѣшняго климата, что императрица—щедрая хозяйка и что у нея нѣтъ причинъ быть недовольной своимъ настоящимъ положеніемъ; но что, не смотря на это, она испытываетъ страстное желаніе посѣтить Англію и уже нѣсколько разъ намѣревалась предпринять это путешествіе, но никакъ не удавалось его осуществить. Я увѣрялъ ее, что англичане будутъ очень счастливы, увидя въ своей средѣ женщину такого выдающагося ума, и что они всегда оказываютъ щедрое покровительство людямъ, посвятившимъ себя изящнымъ искусствамъ. Я указалъ ей на mademoiselle Гейнелъ, какъ бы въ подтвержденіе моихъ увѣреній, и сказалъ, что имя la belle Gabrielli слишкомъ извѣстно у насъ, чтобъ обезпечить ей самый радушный приемъ. Я воспользовался минутой, чтобы спросить ее, не знаетъ ли она и не встрѣчала ли нѣкоего мистера Брайдона, который очень недавно былъ въ Палермо и далъ намъ описаніе ея наружности и голоса. Она отвѣчала, что не имѣла удовольствія знать его и не помнить, слышала ли когда нибудь его имя, но назвала сэра Вильяма Гамильтона и лорда Коупера, какъ людей, съ которыми хорошо была знакома. Нашъ разговоръ былъ пріятно прерванъ тѣмъ, что она приготовилась пѣть. Долженъ сознаться, что никогда не слышалъ я голоса столь нѣжнаго, тающаго, до такой степени овладѣвающаго душой; точно также ничто не могло превзойти кажущейся безпечной небрежности во всѣхъ ея движеніяхъ въ то время, когда она пѣла, какъ будто она презирала всякое желаніе нравиться. Однако я убѣжденъ, что могущество ея дарованія нѣсколько пошатнулось съ тѣхъ поръ, какъ она прибыла сюда, и что теперь она уже не обладаетъ имъ въ той степени, какъ это было два года тому назадъ. Она не отказалась и здѣсь отъ своихъ причудъ, которыми отличалась на югѣ Европы, а говорятъ, что капризностью она обладаетъ въ высшей степени. Она была въ Миланѣ, когда императрица пригласила ее къ своему двору. Габріэлли потребовала жалованье въ 7000 руб. въ годъ, при этомъ квартиру и экипажъ, и ни за что не хотѣла ничего уступить изъ этой суммы. Ей стали доказывать все неблагоуразуміе такихъ чрезмѣрныхъ требованій и, чтобы заставить ее уменьшить сумму, сказали ей, что въ Россіи фельдмаршалъ получаетъ не больше. „Въ такомъ случаѣ“, отвѣчала она, „я бы посоветовала ея величеству заставить пѣть одного изъ ея фельдмаршаловъ“.

„Если разбирать строго, то наружность Габріэлли вовсе не неотразима; ростомъ она никакъ не выше средняго; черты лица мелкія,

глаза голубые; но шея ея удивительно бѣла, а такъ какъ платье ея обыкновенно бываетъ очень вырѣзано, то и безнаказанно любоваться ею не совсѣмъ-то легко. Ея красота не преминула доставить ей много поклонниковъ здѣсь, и у нея былъ московскій фаворитъ точно также, какъ возлюбленный въ Сициліи. Не смотря на то, что содержаніе ея такъ велико, она поетъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и во время большихъ празднествъ, такъ что очень можетъ быть, мнѣ не придется болѣе услышать ее во все время моего пребыванія здѣсь.

„Куртагъ окончился между восьмью и девятью часами вечера, и я возвратился въ Петербургъ. Впрочемъ, вчера я снова ѣздилъ въ Петергофъ, такъ какъ тамъ были маскарадъ и иллюминація въ садахъ. Маскарадъ этотъ скорѣе *bal paré en domino*, такъ какъ или очень немного, или вовсе нѣтъ фантастическихъ костюмовъ, да и характерные не приняты. Всѣ безъ различія допускались по этому случаю во дворецъ, и народу было не менѣе 4 или 5 тысячъ. Ея величество одѣта была въ голубое домино и большую часть ночи играла въ карты. Иллюминація превосходила всѣ, которыя я до сихъ поръ видывалъ. Въ устройствѣ иллюминацій, какъ и фейерверковъ всевозможныхъ родовъ, русскіе перещеголяли всѣ европейскіе народы. Двѣ чудесныя огненные арки расширялись передъ фасадомъ дворца; каналъ, впадающій въ Финскій заливъ, былъ иллюминированъ по обѣимъ сторонамъ, и перспектива его окончивалась скалой, освѣщенною съ внутренней стороны, что производило необыкновенный эффектъ. Съ каждой стороны канала шли длинныя крытыя иллюминированныя аллеи, а за ними по деревьямъ были развѣшаны фестонами разноцвѣтные фонари. Всѣ фонтаны были спущены. Искусственные каскады, въ которыхъ вода струилась съ уступа на уступъ, при чемъ подъ каждымъ изъ нихъ былъ искусно расположенъ свѣтъ, въ одно и то же время удивляли и увеселяли зрителя. Кромѣ того, тамъ были огненные храмы и пирамиды, и ко всему этому еще появились на водѣ императорскія яхты въ такомъ-же блестящемъ и ослѣпительномъ убранствѣ. Ничто не могло скорѣе вызвать именно то ошеломляющее чувство смѣшаннаго съ восторгомъ удивленія, которое, не исходя ни изъ разума, ни отъ сердца, подчиняетъ однако-же и то, и другое, своему могущественному влиянію. Плѣнены лишь одни чувства, и нѣтъ ни времени, ни способности, рассуждать о свойствѣ вкушаемаго удовольствія,—словно мчишься куда-то съ непреодолимою быстротой. Если прибавить ко всему этому обаяніе музыки, танцевъ и всякихъ шутокъ, да еще присутствіе множества особъ обоого пола, одѣтыхъ въ костюмы, уравнивающіе всякія различія и именно къ этой цѣли приспособленные, то, чтобы не заризиться хотя немного веселостью и любезностью, нужно или быть черезъ-чуръ мизантропомъ, или имѣть крайне нечувствительное сердце.

„Здѣсь такъ мало темноты въ это время года (совсѣмъ нѣтъ ночи), что если бы небо не было такъ облачно, иллюминація не могла

бы произвести своего полного эффекта. Это благоприятное обстоятельство, еще сопровождаемое чернымъ дымомъ, подымавшимся отъ множества фонарей и нависшимъ надъ садами, образовало нѣкоторый мракъ, который подъ сѣнью деревьевъ походилъ на ночь и держался часа два — отъ одиннадцати до часу пополуночи; но около трехъ часовъ завистливый дневной свѣтъ ворвался въ эту ослѣпительную сцену, для блеска которой былъ необходимъ покровъ ночи. Утомленіе и изнеможеніе, которыхъ я прежде не чувствовалъ, теперь напомнили мнѣ о необходимости отдыха. Фонари гасли со всѣхъ сторонъ; общество начинало рѣдѣть и разѣзжаться; каждое мгновеніе уносило съ собою чары, которыя плѣняли до той поры, и мимолетное обаяніе исчезло. Я радъ былъ уѣхать, пока оно еще не совершенно покинуло меня; въ пятомъ часу я сѣлъ въ экипажъ и тотчасъ же крѣпко заснулъ. Было восемь часовъ, когда я пріѣхалъ въ городъ, и солнце начало уже сильно жечь. Я бросился на постель совершенно истомленный рядомъ развлеченій и довольный возможностью отдаться отдыху и спокойствію. Какъ ни великолѣпна и ни царственна была эта иллюминація, однако меня увѣряютъ, что она ничто въ сравненіи съ тою, которую императрица устраивала во время пребыванія здѣсь наследнаго принца прусскаго, два года тому назадъ. Ея величество изволила выѣхать ему навстрѣчу на значительное разстояніе, и такъ уже все было устроено, что они должны были встрѣтиться при наступленіи темноты. Пока они ѣхали вмѣстѣ, дорога была иллюминирована самымъ роскошнымъ образомъ, какой только можно себѣ представить "...

Револьсоль пробылъ въ Петербургѣ около мѣсяца; онъ собирался съѣздить также въ Москву, но поѣздка эта не состоялась, и кромѣ новой столицы, онъ ограничился только осмотромъ нѣкоторыхъ окрестностей ея—Петергофа, Царскаго Села, Гатчины. При такомъ ограниченномъ періодѣ пребыванія его въ Россіи, понятно, нельзя и ожидать, чтобы его наблюденія могли проникнуть въ глубь русской жизни, и потому въ очеркахъ своихъ онъ ограничивается описаніемъ только того, что само бросалось ему въ глаза: онъ говоритъ о разныхъ осмотрахъ имъ петербургскихъ достопримѣчательностяхъ, каковы Александровская лавра, Смольный монастырь, Эрмитажъ, академіи наукъ и художествъ и т. д.; обращаетъ вниманіе на особенную огромность общественныхъ сооружений въ Петербургѣ и высказываетъ мысль, что пристрастіе къ грандіозному есть національная русская черта; описываетъ красоту Невы и ея береговъ; не упускаетъ случая, подобно большей части иностранцевъ, распространиться о русскихъ баняхъ и о простонародномъ обычаяхъ, чтобы оба пола мылись вмѣстѣ; дѣлаетъ нѣсколько замѣтокъ о наружности и физическихъ свойствахъ русскихъ женщинъ и пытается опредѣлить—въ чемъ русскіе видятъ женскую красоту. „Мнѣ говорили“—замѣчаетъ онъ по этому случаю,—„что понятіе о красотѣ здѣсь значительно отличается отъ нашего, и что только та женщина признается за красавицу, которая вѣситъ сотни двѣ фун-

товъ... Покойная императрица Елисавета была одною изъ этихъ тяжелыхъсныхъ и массивныхъ красавицъ, и такую именно изображена она на портретахъ, которые мнѣ удалось видѣть“. Въ этомъ опредѣленіи, высказанномъ слишкомъ абсолютно, есть однако доля правды: дѣйствительно, такъ называемыя „воздушныя красавицы“ были не во вкусъ нашего XVIII вѣка, и Пушкинъ имѣлъ въ виду именно этотъ вкусъ, когда не въ томной, блѣдной Татьянѣ, а въ рѣзвой, цвѣтущей здоровьемъ, полной и румяной Ольгѣ изображалъ настоящую русскую красу.

Посѣщеніе Гатчины даетъ Рэксолю случай сказать нѣсколько словъ о наслѣдникѣ престола, великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, и о первой его супругѣ, великой княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Мало сохранилось извѣстій о Павлѣ Петровичѣ при жизни его матери, и въ особенности о его первыхъ годахъ по достиженіи совершеннолѣтія. Тѣмъ любопытнѣе слѣдующія слова Рэксоля: „Весьма трудно узнать, какими качествами или дарованіями онъ дѣйствительно обладаетъ, такъ какъ при здѣшнемъ деспотическомъ и ревнивомъ правительствѣ онъ, будучи вторымъ лицомъ въ государствѣ, облеченъ, однако, едва ли не меньшею властью, чѣмъ сотое лицо. Онъ не проявилъ никакой яркой или отличительной черты характера. Знающіе его говорятъ, что онъ добръ, привѣтливъ и ласковъ; но какъ общи и неопредѣленны эти черты, и какъ мало, можетъ быть, найдемъ мы ихъ въ будущемъ императорѣ Павлѣ I. Онъ вступилъ въ бракъ около одиннадцати мѣсяцевъ тому назадъ. Великая княгиня, нѣмецкая принцесса изъ Гессенъ-Дармштадскаго дома, имѣетъ очень обыкновенную наружность, но въ ея фигурѣ и обращеніи—если судить по внѣшнимъ признакамъ—есть нѣчто свидѣтельствующее о добротѣ ея сердца и хорошемъ нравѣ. Меня увѣрили, что она пользуется общимъ расположеніемъ и что великій князь очень къ ней привязанъ“. Въ другомъ, позднѣйшемъ своемъ сочиненіи—„Historical memoirs of my own time“ Рэксоль также вспоминаетъ объ этой рано скончавшейся принцессѣ, но выражается о ней съ большею жесткостью: „Я видѣлъ великую княгиню въ 1774 году, въ одной изъ залъ петергофскаго дворца, вскорѣ послѣ ея вступленія въ бракъ. Она была предпочтена двумъ своимъ сестрамъ, которыя сопровождали ее въ путешествіи изъ Германіи въ Россію. Если выборъ Павла обусловленъ былъ превосходствомъ наружности его будущей супруги надъ ея сестрами, то надобно думать, что эти принцессы были очень мало привлекательны въ этомъ отношеніи. Я рѣдко видалъ молодую особу, менѣе одаренную отъ природы. Въ лицѣ ея видно было расположеніе къ цинготной болѣзни, а вообще въ наружности не замѣчалось ни ума, ни достоинствъ. Но мнѣ говорили, что она добра и пріятна въ обращеніи“.

Мы не считаемъ нужнымъ входить въ подробную оцѣнку этихъ отзывовъ; замѣтимъ только, что даже баронъ Ассбургъ, который по

порученію Екатерины прискивалъ въ Германіи невѣсту для Павла Петровича, представляя, въ письмѣ къ графу Н. И. Панину (въ апрѣлѣ 1773 года) подробную характеристику трехъ гессенъ-дармштадскихъ принцессъ, не нашелъ возможнымъ много распространяться о наружности принцессы Вильгельмины ¹⁾. Что же касается опредѣленія ея характера, то въ этомъ отношеніи отзывъ Рэксоля можетъ имѣть только относительное значеніе: англійскій путешественникъ судилъ о принцессѣ не по продолжительному знакомству съ нею, а лишь по мимолетному впечатлѣнію, да еще развѣ по отзывамъ графа Андрея Кир. Разумовскаго, который находился въ числѣ близкихъ къ принцессѣ лицъ съ самаго пріѣзда ея въ Россію и съ которымъ Рэксоля имѣлъ случай впоследствии познакомиться въ Вѣнѣ, гдѣ Разумовскій былъ посломъ.

Къ числу интереснѣйшихъ страницъ въ запискахъ Рэксоля принадлежитъ описаніе его знакомства съ ваятелемъ Фальконетомъ, изготовлявшимъ въ то время свою знаменитую статую Петра Великаго. Извѣстно, что даровитый французскій скульпторъ еще въ 1766 году вызванъ былъ въ Россію; онъ пріѣхалъ уже съ готовымъ проектомъ памятника, и проектъ его вскорѣ уже былъ утвержденъ Екатериной, которая притомъ оцѣнила умъ и образованіе художника, часто переписывалась и бесѣдовала съ нимъ. Но своенравному Фальконету вскорѣ пришлось столкнуться съ И. И. Бецкимъ, которому поручено было главное наблюденіе за сооруженіемъ памятника. Бецкій сталъ дѣлать Фальконету всевозможныя затрудненія и вмѣшивался даже въ его художественные замыслы; такъ на примѣръ, онъ осуждалъ мысль ваятеля представить Петра попирающимъ змѣя, который изображаетъ собою аллегорію зависти. Еще прежде чѣмъ утвержденъ былъ проектъ Фальконета, Бецкій при помощи нѣкоего барона Билиштейна составилъ свой проектъ; по этимъ предположеніямъ имѣлось въ виду изобразить Петра также верхомъ на конѣ, но въ греческомъ одѣяніи и съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукѣ; правымъ глазомъ онъ долженъ былъ смотрѣть на Адмиралтейство, дворцы и вообще на Россію, а лѣвымъ на крѣпость, двѣнадцать коллегій, академіи и завоеванныя имъ Прибалтійскія провинціи. Съ точки зрѣнія этого, можно сказать, нелѣпаго и во всякомъ случаѣ пошлаго проекта, Бецкій и относился къ работѣ Фальконета и критиковалъ ее. Понятно, что ваятель не могъ не принимать близко къ сердцу чинимыхъ ему неприяностей и часто обращался къ суду Екатерины, чѣмъ, кажется, она не очень была довольна, но все-таки нерѣдко принимала его сторону; такъ, по поводу змѣи, она нѣсколько уклончиво писала ему, 1-го іюля 1768 года: „Аллегорическая змѣя ни нравится, ни не нравится мнѣ; о ней было говорено мнѣ просто, какъ о пришедшей вамъ

¹⁾ См. письмо Ассбургга въ интересной статьѣ барона Ф. А. Бюлера: „Два эпизода изъ царствованія Екатерины II“. „Русскій Вѣстникъ“, 1870 г., № 10.

въ голову мысли, но такъ какъ нерѣдко другому навязываютъ свое, то я повременила выраженіемъ своего согласія, покуда узнала отъ васъ ваше мнѣніе; мнѣ хотѣлось выяснитъ всевозможныя противъ змѣи возраженія, но теперь я ей не противлюсь“. При другомъ случаѣ, въ письмѣ отъ 15-го мая 1769 года, она прямо согласилась съ мнѣніемъ Фальконета: „Правый и лѣвый глазъ Петра Великаго меня очень насмѣшили; это болѣе нежели глупо“. Но наконецъ, императрицѣ, повидимому, сдѣлалась утомительна роль примирительницы, и мало-по-малу она охладѣла къ художнику. Среди такихъ-то обстоятельствъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ Россіи, Фальконетъ, всѣми недовольный, оставилъ Петербургъ прежде, чѣмъ памятникъ былъ воздвигнутъ на своемъ мѣстѣ ¹⁾. Это случилось уже въ 1778 году, а въ 1774, когда мастерскую его посѣтилъ Рэксолъ, дѣло было въ такомъ положеніи: Фальконетъ окончилъ лѣпку статуи и готовился принять на себя отливку ея изъ бронзы, отъ чего прежде долго отказывался. Итакъ, послушаемъ же, какъ Рэксолъ описываетъ свои впечатлѣнія при видѣ этого превосходнаго произведенія искусства.

„Памятникъ Петру Великому — конная статуя, и г. Фальконетъ уже нѣсколько лѣтъ какъ работаетъ надъ нею. Нѣсколько дней тому назадъ, я былъ представленъ этому великому ваятелю и имѣлъ удовольствіе видѣть модель, которая теперь уже окончена. Въ этомъ произведеніи онъ соединилъ величайшую простоту съ истиннымъ величіемъ замысла. Никакая другая статуя, ни изъ новыхъ, ни изъ древнихъ, не могла дать ему мысли, которая единственна въ своемъ родѣ и превосходно выражаетъ характеръ какъ человѣка, такъ и народа, надъ которымъ онъ властвовалъ. вмѣсто подножія, украшеннаго надписями, или окруженнаго изображеніями рабовъ, Петръ является на скалѣ, или камнѣ огромной величины, на который старается взобраться его конь и какъ бы только что достигъ вершины. Это положеніе дало художнику возможность выказать много анатомической красоты и ловкости въ мускулахъ заднихъ бедръ лошади, гдѣ необходимо сосредоточивается вся тяжесть тѣла. Фигура царя исполнена огня и вдохновенія; онъ сидитъ на медвѣжьей шкурѣ и одѣтъ въ простое платье, не имѣющее никакого отпечатка какойнибудь особой національности, но могущее принадлежать, безъ нарушенія приличія, жителю всякой страны. Его взоръ устремленъ по направленію къ предмету, находящемуся въ отдаленіи, повидимому — къ крѣпости; въ чертахъ его чрезвычайно рѣзко отпечатлѣно выра-

¹⁾ „Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества“, т. XVII, пр. 49, 71, 262, 265, 342, 343 и 364; см. также статью В. В. Стасова: „Три французскихъ скульптора въ Россіи“. „Древняя и Новая Россія“, 1877 г., № 4. Въ этой статьѣ и находится то единственное въ русской литературѣ указаніе на записки Рэксола, о которыхъ мы упомянули выше; г. Стасовъ однако весьма мало воспользовался извѣстіями англійскаго путешественника.

женіе „размышленія и общественной заботы“: его лѣвая рука держит поводья, а правая простерта, какъ выразился самъ художникъ— en père et en maître. Подъ статуей на скалѣ слѣдующая надпись: Petro Primo, Catherina Secunda posuit, 177. „Я старался—сказалъ Фальконетъ — пока работалъ надъ этою моделью, схватить, насколько возможно ближе, гениальныя чувствованія московскаго законодателя и придать ему такое выраженіе, которое было бы имъ самимъ одобрено. Я не украсилъ его особу знаками римскаго консульства и не вложилъ ему въ руку жезла полководца: древній костюмъ былъ бы неестественъ, а русское платье онъ самъ желалъ уничтожить. Медвѣжья шкура, на которой онъ сидитъ, служить эмблемой народа, который онъ преобразовалъ“. „Возможно—продолжалъ Фальконетъ — что царь спросилъ бы меня, почему я не вложилъ ему въ руку сабли; но, быть можетъ, онъ слишкомъ много дѣйствовалъ ею при жизни, а скульпторъ долженъ выдвигать только тѣ стороны характера героя, въ коихъ запечатлѣно благородство, и скорѣе набрасывать завѣсу на ошибки и пороки, его пятнающіе. Изысканный панегирикъ былъ бы также безразсуденъ и неумѣстенъ съ тѣхъ поръ, какъ исторія уже исполнила эту обязанность съ справедливымъ безпристрастіемъ и окружила его имя всеобщимъ уваженіемъ; и я долженъ отдать справедливость нынѣ царствующей императрицѣ: она имѣла вкусъ и прозорливости именно настолько, чтобы понять это и предпочесть настоящую краткую надпись всякой другой“.

Этому сообщенію Рэксоля мы придаемъ большую цѣну какъ для исторіи Петрова монумента, такъ и для исторіи самого художника, который изваялъ его. Рэксолъ вѣрно передалъ мысль ваятеля, и его сообщеніе вполне подтверждается словами самого Фальконета въ письмѣ его къ Дидро; знаменитый писатель, близкій пріятель Фальконета, предлагалъ окружить изображеніе великаго государя эмблематическими фигурами варварства, народной любви и благоденствующаго народа. „Монументъ мой будетъ простъ — отвѣчалъ ему Фальконетъ; — тамъ не будетъ ни варварства, ни любви народовъ, ни олицетворенія народа. Можетъ быть, эти фигуры прибавили бы больше поэзіи въ мое произведеніе, но въ моемъ ремеслѣ, когда минуло 50 лѣтъ отъ роду, надо затѣвать попроще, если хочешь дожить до послѣдняго акта. Прибавьте къ этому, что Петръ Великій—самъ себя сюжетъ и атрибутъ; довольно показать его. Итакъ, я ограничусь одною статуей героя, котораго я не трактую ни какъ великаго полководца, ни какъ побѣдителя, хотя онъ, конечно, былъ и тѣмъ, и другимъ. Гораздо выше личность создателя, законодателя, благодѣтеля своей страны, и вотъ ее-то и надо показать людямъ. Мой царь не держитъ никакого жезла; онъ простираетъ свою благодѣтельную десницу надъ объѣзжаемою имъ страной. Онъ поднимается на верхъ скалы, служащей ему пьедесталомъ—эмблема побѣжденныхъ имъ трудностей. Итакъ, эта отеческая рука, эта скачка по крутой скалѣ — вотъ сю-

жегъ, данный мнѣ Петромъ Великимъ. Природа и люди противоположали ему самыя отпугивающія трудности; сила и упорство его генія преодолѣли ихъ, онъ быстро совершилъ то добро, котораго никто не хотѣлъ... Вы знаете, что я не одѣну его по-римски, точно такъ же, какъ не одѣлъ бы Юлія Цезаря и Сципіона по-русски“¹⁾.

Свое описаніе Фальконетова созданія Рэксолъ заключаетъ замѣткой, что статуя эта будетъ неоспоримо „самымъ выдающимся произведеніемъ этого рода въ Европѣ“, и затѣмъ тутъ же помѣщаетъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній о художникѣ: „Кромѣ дара художественнаго творчества, Фальконетъ обладаетъ необыкновенными способностями, ученостью и экспансивностью чувствъ: онъ—гражданинъ міра и совершенно свободенъ отъ разныхъ мелкихъ различій климата и страны, которыя умаляютъ доброту сердца и полагаютъ предѣлы любви къ человѣчеству. Говорятъ, однако же, что онъ обладаетъ въ значительной степени тою впечатлительностью (какъ выразился Попъ), тою неспособностью выносить незаслуженное порицаніе и мелкое брюзжанье, столь часто проявляющееся въ художникахъ вслѣдствіе того, что толпа составляетъ ложное сужденіе о ихъ способностяхъ и дѣйствіяхъ. Онъ много хвалилъ нашихъ теперешнихъ живописцевъ, въ особенности сэра Джошуа Рейнольдса, съ которымъ, сказалъ онъ, постоянно переписывается и обмѣнивается произведеніями. „Графъ Уголино въ темницѣ“ виситъ у него надъ каминомъ; эта картина только что подарена ему кавалеромъ Рейнольдсомъ и, по его словамъ, на необыкновенную экспрессію этого произведенія онъ не можетъ смотрѣть безъ смѣшаннаго чувства ужаса и восторга. Онъ спросилъ меня, знаю ли я Анджелику Кауфманъ, произведенія которой онъ почти всѣ имѣетъ и высоко цѣнитъ. Однимъ словомъ, знакомство съ нимъ доставило мнѣ много удовольствія, и онъ позволилъ мнѣ продолжать мои посѣщенія во все время моего пребыванія здѣсь... Такъ какъ онъ уже перешагнулъ зрѣлый возрастъ и уже восемь лѣтъ какъ находится въ Петербургѣ, я не могъ не спросить его, нѣсколько дней тому назадъ, имѣетъ ли онъ намѣреніе возвратиться въ свое отечество, въ особенности теперь, когда молодой государь съ такою славой начинаетъ свое царствованіе и могъ бы привлечь его къ сооруженію какого нибудь произведенія, могущаго служить къ украшенію его государства? „Увы, сэръ.—сказалъ художникъ,—я уже такъ долго живу на свѣтѣ, что знаю, что всякій монархъ, въ особенности молодой, начинаетъ поприще съ честью и при общемъ одобреніи, но время обыкновенно уничтожаетъ эти ранніе и незрѣлые трофеи. Что касается меня, то мнѣ, когда я вернусь въ отечество, нечего просить у него, кромѣ нѣсколькихъ футовъ земли для моей могилы, въ чемъ, конечно, онъ мнѣ не откажетъ“...

¹⁾ „Древняя и Новая Россія“, 1877 г., № 4, стр. 334.

И въ самомъ дѣлѣ, Фальконетъ не ошибся, говоря, что съ выполненіемъ памятника Петру Великому, его художественная карьера будетъ кончена: по возвращеніи въ отечество, онъ не создалъ уже ничего особенно замѣчательнаго и послѣдніе девять лѣтъ жизни провель пораженный параличемъ.

На этомъ мы можемъ закончить нашъ очеркъ, такъ какъ—если не ошибаемся—изчерпали изъ книжки Рэксоля все, что въ ней можетъ заинтересовать русскаго читателя нашего времени.

Е. М. Л.

ВЪ ЗАЩИТУ ИСТОРИИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РОМАНѢ.

(Письмо въ редакцію).

ОШИБАТЬСЯ такъ же свойственно романистамъ, — какъ и историкамъ — сказано въ письмѣ г. Мордовцева — „Объ историческомъ романѣ и его критикѣ“ (см. „Историческій Вѣстникъ“, ноябрь, стр. 641). Это, разумѣется, безспорно; но только ошибка ошибокъ рознь, и бываютъ такія ошибки, которыхъ пропускать молчаньемъ не приходится, особенно если стараются ихъ узаконить и возвести на степень аксіомы. Г. Мордовцевъ не избѣжалъ подобнаго рода ошибки. Вотъ въ чемъ дѣло.

Раскрывая привычный ему способъ пользованія историческими матеріалами для своихъ художественныхъ произведеній, г. Мордовцевъ утверждаетъ, что только его тенденціозное, или, какъ выражается самъ авторъ, „принципіальное отношеніе къ прошлому даетъ историческому роману силу воспитательнаго фактора въ жизни общества“. Обобщеніе тѣмъ болѣе опасное и тѣмъ легче способное ввести другихъ въ заблужденіе, что оно касается такой области, гдѣ и безъ того трудно стать выше всѣхъ человѣческихъ пристрастій. Если строгій изслѣдователь не въ силахъ бываетъ нерѣдко отказываться отъ предвзятыхъ принциповъ при объясненіи историческихъ событій, то фантазія романиста и подавно можетъ найти въ историческомъ матеріалѣ данныя для подтвержденія какого угодно принципа. Г. Мордовцеву безъизвѣстно, конечно, сколько вреда наукѣ и дѣлу общественнаго и литературнаго развитія принесла у насъ цѣлая школа писателей, не церемонившихся „подгонять“ наше прошлое къ „носимымъ въ душѣ тезисамъ“. Если бы понадобилось, можно на-

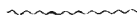
звать даже ученых диссертации, гдѣ предвзятость принципиальная увлекала авторовъ ихъ на вредный путь подтасовокъ и изображенія историческихъ фактовъ въ ложномъ свѣтѣ, единственно въ угоду „носимымъ въ душѣ тезисамъ“. Г. Мордовцевъ скажетъ, пожалуй,—какъ, впрочемъ, онъ и намекаетъ въ своемъ письмѣ,—что въ его произведеніяхъ быть не можетъ искаженія исторіи,—порукой тому его авторское чутье, вознагражденное успѣхомъ его историческихъ романовъ въ публикѣ и отзывами „людей, серьезно работавшихъ для науки“. Но такіе доводы, приведенные авторомъ, безъ сомнѣнія, въ отпоръ „зловѣщей недовѣрчивости“ газетной критики, имѣютъ силу только для него лично, для его авторскаго самолюбія — и, конечно, благо писателю, который судитъ о „зрѣлости общества“ по распространенности своихъ сочиненій и по симпатіямъ къ нему лицъ, обладающихъ одинаковымъ съ нимъ вкусомъ. Не всѣмъ же, однако, выпадаетъ на долю возможность заручиться такою самоувѣренностью въ собственномъ успѣхѣ, не каждый писатель удовольствуется мѣркой, какою измѣряетъ г. Мордовцевъ достоинства своихъ произведеній, стараясь доказать неоспоримость своего взгляда на отношеніе романиста къ историческому прошлому. Для многихъ недостаточно знать, въ какой средѣ пріобрѣтаютъ успѣхъ ихъ сочиненія, а надо еще убѣдиться, продолжителенъ ли будетъ этотъ успѣхъ. Значитъ, такая вполне произвольная мѣрка, какъ временной успѣхъ въ литературѣ, недостаточна для того, чтобы судить о требованіяхъ читателей отъ историческаго романа.

Допуская вполнѣ, что и потомство будетъ справедливо къ г. Мордовцеву не менѣе, какъ и „многія тысячи“ его современниковъ, мы не можемъ, однако, не упомянуть еще объ одномъ аргументѣ, приведенномъ въ письмѣ его въ защиту собственнаго „принципиальнаго“ отношенія къ историческимъ матеріаламъ. „Я“ — говоритъ г. Мордовцевъ — „не забываю всегда носимыхъ мною въ душѣ тезисовъ о свободномъ и насильственномъ ростѣ въ исторіи. Я всегда стоялъ и буду стоять за первый, и боюсь, что съ этой стороны никогда не буду понять критикою. Такъ, съ точки зрѣнія моихъ историческихъ тезисовъ, я относился и къ Петру, и къ Мазепѣ, и къ Никону, и къ Аввакуму, и къ Алексѣю Михайловичу, и ко всѣмъ прочимъ историческимъ дѣятелямъ, выводимымъ въ моихъ романахъ и повѣстяхъ“. Выходитъ, стало быть, что достоинство историческаго романа, построеннаго на предвзятомъ принципѣ, зависитъ отъ того, какой собственно принципъ положенъ въ основу произведенія. Но и эта условность мало измѣняетъ сущность вопроса. Примѣриваніе идеекъ къ фактамъ—будутъ ли онѣ либеральнаго закала, или проникнутыя смрадомъ гнилыхъ тенденцій,—одинаково можетъ лишитъ исторической добросовѣстности работу автора. Способъ, значить, во всякомъ случаѣ небезопасный. Понятно, что пользуясь имъ, авторъ историческаго романа невольно принимаетъ на себя роль строгаго экзаменатора, чинящаго испытаніе

историческимъ лицамъ и дѣятелямъ, выводимымъ въ романѣ, и отмѣчающаго имъ балы за поведеніе не по тому, какъ оно обрисовывается на фактахъ, а чисто по личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ къ идейкамъ, какія, по усмотрѣнію автора, должны воплощаться въ дѣйствія этихъ лицъ. Оттого-то, вѣроятно, г. Мордовцевъ самъ готовъ сознать дѣланность своихъ сужденій о нихъ; самъ склоненъ „примириться“ съ отзывомъ одного изъ газетныхъ рецензентовъ, заявившаго по поводу его „Раскола“, будто авторъ „маленько наклеветалъ“ на Петра. Не въ силу ли того же односторонняго взгляда на задачи историческаго романиста, г. Мордовцевъ и понимаетъ слишкомъ исключительно, чтобы не сказать фальшиво, назначеніе историческаго романа? „Историческій романъ имѣетъ своею задачею изображать російскихъ „предковъ“ и ихъ дѣянія въ силу того соображенія, что изображеніе ихъ „потомковъ“ „по нонѣшнимъ временамъ“ было бы неудобно“. Опредѣленіе нѣсколько туманное, а главное — весьма суживающее рамки историческаго романа. Съ этой точки зрѣнія романы, напр. въ жанрѣ Вальтеръ-Скотта или—ближе взять примѣръ—историческіе романы Пушкина должны, разумѣется, потерять историческое значеніе, ибо написаны они безъ всякаго отношенія къ „нонѣшнимъ временамъ“. Впрочемъ, и то сказать, истинное дарованіе не станетъ обдергивать исторію, чтобы производить нѣчто въ родѣ „*pièces de circonstances*“. Словомъ, съ какой стороны ни посмотрѣть на мнѣніе, которое г. Мордовцеву желалось бы узаконить относительно задачъ историческаго романа, оно представляется ошибочнымъ, невѣрнымъ и лишающимъ всякаго значенія самыя элементарныя требованія исторической критики, сужденія которой должны, безъ сомнѣнія, имѣть силу и для романистовъ-историковъ. Но о какой исторіи, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть рѣчь, если тенденція гнетъ и вкривь, и вкось, фактическую достовѣрность, если предвзятый принципъ замѣняетъ историческую истину? Допускаемъ, что насущные интересы дня могутъ приниматься въ расчетъ и пишущимъ историческій романъ, но служить только имъ однимъ, значить напередъ и завѣдомо обречь судьбу собственнаго произведенія на недолговѣчность. Измѣнятся обстоятельства, будутъ удовлетворены сегодняшніе интересы—и исчезнетъ всякая память о немъ. Нѣтъ, такой конецъ, а равно и соображенія, дѣлающія его неизбѣжнымъ, не должны удовлетворять романиста-историка, преслѣдующаго въ своихъ произведеніяхъ высшіе интересы, независимые отъ какихъ либо частныхъ соображеній.

Ө. Вулгаковъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Историческія изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядцевъ. В. М. К. Москва. 1881 г.

КНИГА эта, вышедшая въ свѣтъ въ Москвѣ, была продаваема втеченіе немногихъ дней и потомъ изъята изъ обращенія. Вслѣдствіе такого запретнаго положенія, репутація книги быстро возрасла, — всѣмъ захотѣлось съ нею во что бы то ни стало ознакомиться, и цѣна тѣхъ ея экземпляровъ, которые успѣли попасть въ частныя руки и потому избѣжали секвестра, возвысилась непомятно. Исключительное положеніе, въ какомъ теперь находится названное сочиненіе, дѣлають невозможнымъ его обстоятельный и подробный критическій разборъ, ибо съ одной стороны неловко касаться многихъ вопросовъ, которые изытіе книги изъ обращенія сдѣлало на этотъ разъ какъ бы неприкосновенными, а съ другой — это неловко и по отношенію къ автору, который, въ случаѣ ошибочности сужденій о его книгѣ, былъ бы поставленъ въ невозможность защитить свои мнѣнія. А потому, дабы избѣжать такой двойной неловкости, мы должны отказаться отъ желанія разбирать „Историческія изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядцевъ“, и ограничимся лишь краткимъ отчетомъ о томъ, что, по нашему пониманію — удобно и возможно. Прежде всего, мы считаемъ нужнымъ сказать, что книга эта судьбою своего изытія напрасно возбуждаетъ интересъ въ такомъ кругу читателей, которые, по всей вѣроятности, не стали бы ее читать, если бы пріобрѣтеніе книги не представляло нынѣшнихъ затрудненій. Она не содержитъ въ себѣ ничего общенинтереснаго въ историческомъ смыслѣ, а имѣетъ предметомъ разборъ дѣйствій св. синода по отношенію къ „Клятвамъ собора“ 1667 г. и къ такимъ обрядамъ, какъ двуперстіе, хожденіе по-солонь и сугубленіе аллилуйи. Для всѣхъ людей, которые не знакомы близко съ этими чисто церковными вопросами и не интересуются особенно исторіею борьбы старообрядства съ господствующею цер-

ковью, все это не может представлять живаго интереса. Затѣмъ способны развѣ возбуждать вниманіе полемической жаръ автора и рѣзкость нѣкоторыхъ его сужденій. Пикаантными мѣстами, которыя по всей вѣроятности не прошли безъ значенія въ судьбѣ книги, остаются горячія выходы противъ синода вообще и въ особенности противъ митрополитовъ Платона Левшина и Филарета Дроздова. Последнему за его благовнушенія „богато воздано мѣрою полною и утрясенною“, и среди злобныхъ выходовъ противъ „лукавствъ“ сего „мудрѣйшаго“ есть замѣчанія и выводы большой вѣрности. Характеръ и дѣятельность Филарета Дроздова, конечно, очень любопытны и ждуть для себя умнаго и тонкаго критика, которымъ однако никакъ не можетъ быть авторъ „Издѣдованія“, относящейся къ дѣлу слишкомъ прямолинейно и съ грубой простотою. Въ общемъ же, если можно выразить въ двухъ словахъ всю объемистую книгу,—смысль ея тотъ, чтобы показать „лукавства“, которыя расколъ видитъ во всѣхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ для водворенія мира въ церкви. По мнѣнію автора, дѣло велось „не къ примиренію съ старовѣрствомъ, а къ покоренію его“; но всѣ такія усилія расколъ считаетъ тщетными и ставитъ на видъ „опытъ двухъ вѣковъ, который показалъ, что рѣчь о последнемъ. (т. е. о покореніи) должна быть оставлена“. Старовѣрство ждетъ совсѣмъ иныхъ пріемовъ и восклицаетъ: „Вѣруемъ Господу, который рекъ „да будетъ едино стадо и единъ пастырь“—и мы убѣждены, что совершится примиреніе“.

Вотъ въ одной краткой чертѣ духъ и направленіе книги, заняться подробнымъ разборомъ которой было бы очень интересно, но неудобно. Для библиографической полноты остается еще сказать, что инициалы „В. М. К.“ отнюдь не слѣдуетъ принимать за инициалы имени „Владимира Мещерскаго князя“, какъ это принимаютъ нѣкоторые. Авторъ книги „Историческое изслѣдованіе“—есть совсѣмъ другое лицо, несомнѣнно владѣющее основательными свѣдѣніями по исторіи церкви и имѣющее взглядъ на дѣло твердый и непреклонный,—что называется настоящій раскольничій. Въ историческомъ же смыслѣ появленіе этой книги не выражаетъ ничего новаго въ настроеніи старовѣрчества. При энергической бодрости, съ какою расколъ тростію своего нынѣшняго скорописца и отповѣдника возвыщаетъ о своемъ согласіи „на примиреніе“, но „не на покореніе“, мы не видимъ, чтобы теперь примиреніе, на прежней почвѣ церковно-богословскихъ споровъ, было сколько нибудь благонадежныѣ, чѣмъ во всѣ протекшія два столѣтія. Расколъ прямо говоритъ, что на этой почвѣ онъ желаетъ разсуждать не иначе, какъ со всею церковью, (17) „не оподобляя съ нею однихъ церковныхъ администраторовъ“, а для этого въ жизни нашей, при существующихъ порядкахъ, какъ извѣстно, нельзя найти даже формулы. И потому, если можно думать и гадать о примиреніи, то оно по прежнему представляется возможнымъ развѣ совсѣмъ безъ споровъ,—въ видѣ упраздненія самыхъ поводовъ къ исключительному положенію диссидентовъ въ государствѣ; то есть, вопросъ снова ожидаетъ „умиренія“ силою государственныхъ законовъ, истекающихъ отъ верховной власти, которой и въ этой книгѣ жарко выражена глубокая покорность и надежда, что одною этою силою можетъ быть разсѣченъ двухвѣковой узелъ внутренней церковной путаницы. Въ этомъ, повидимому, и кроется корень того „убѣжденія“ въ возмозности мира, о которомъ говорить книга, не дѣлающая ни одной ноты уступокъ изъ того, на чемъ расколъ сталъ и стоитъ въ своемъ „непокореніи церковнымъ администраторамъ“. Книга эта только рѣзче и ярче обозначаетъ среду, посредничество которой дѣйствуетъ на раскольниковъ особенно раздражительно.

Н. Л.

О сущности и значеніи раскола въ Россіи. Н. С. Напечатано по распоряженію оберъ-прокурора святѣйшаго синода въ синодальной типографіи. Спб., 1881 г., 52 стр.

Брошюра г. Н. С., напечатанная по распоряженію оберъ-прокурора св. синода, вышла почти одновременно съ книгою, о которой мы сейчас вышледали короткій отчетъ, но эта послѣдняя брошюра конечно имѣетъ совсѣмъ другую цѣль и иное направленіе. Сочиненіе г. Н. С. имѣетъ болѣе характеръ записки, въ родѣ тѣхъ, какія изготовляются для ознакомленія мало знакомыхъ съ предметомъ членовъ какого либо многосоставнаго учрежденія, при постановкѣ на очередь извѣстнаго вопроса. Въ брошюрѣ въ сжатомъ видѣ приведена исторія раскола, съ объясненіемъ, что дѣло началось по поводу исправленія книгъ Никомомъ. Это, конечно, было бы совершенно излишне, если бы записка была составлена для старовѣровъ, или для русскихъ образованныхъ людей, которымъ начальная причина раскола извѣстна изъ учебниковъ. Затѣмъ начинаются доводы о необходимости держать расколъ въ стѣсненіи и ограждать общество „отъ прираженій раскола“ (3) „пресѣченіемъ для послѣдняго способовъ удобнаго дѣйствованія на православный народъ“. Доводы эти безъ исключенія всѣ стары и всѣ извѣстны, а также всѣ давно признаны несостоятельными, какъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, такъ и подъ взглядомъ простой справедливости. Выписывать ихъ здѣсь въ подробности значило бы повторять то, что давно извѣстно и что никого не пугаетъ и никого не разубѣждаетъ въ необходимости поставить вѣрныхъ престолу русскихъ людей стараго обряда въ положеніе, равное со всѣми иновѣрцами, свободно отправляющими въ Россіи свое богослуженіе. Препятствія, необходимые къ тому авторомъ брошюры, это — все тѣ же старыя опасенія, что при дозволеніи „оказательства“ старовѣрству, начнутся „прираженія“ къ нему отъ православнаго стада, и сіе послѣднее оскудѣетъ... Газеты, имѣвшія возможность ранѣе насъ оцѣнить достоинства брошюры г-на Н. С., отнеслись къ ней нетерпѣливо и свысока, какъ къ произведенію внушенному, или, по крайней мѣрѣ, тенденціозному, и при томъ столь слабому, что оно безсиліемъ своихъ доводовъ лучше всего работаетъ на пользу дѣла религіозной свободы, противъ которой оно направлено. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ее даже признали полезною для ищущихъ свободы диссидентовъ, и затѣмъ перестали обращать на нее дальнѣйшее вниманіе, какъ на явленіе весьма незначашее. Газеты, конечно, трудно винить въ томъ, что онѣ не остановились на этой брошюрѣ нѣсколько подольше и, поддавшись негодованію, которое во всякомъ человѣкѣ деликатной души возбуждаютъ мысли о насилуваніи религіозной совѣсти, не отмѣтили въ этой брошюрѣ того, что въ ней есть самого интереснаго въ историческомъ смыслѣ. По нашему мнѣнію, въ ней наибольшаго вниманія заслуживаютъ тѣ мѣста, гдѣ авторъ направляетъ свою ладью между Сциллою и Харибдой, т. е. между желаніемъ ни за что не освободить расколъ и въ то же время не оскорбить своею нетерпимостію какихъ-то важныхъ иновѣрцевъ, не русскаго происхожденія. Эти мѣста такъ характерны и такъ интересны, что ихъ стѣдуетъ отмѣтить. Брошюра необинуясь трактуетъ, что иностранцамъ возможно имѣть свои „оказательства“, а природнымъ русскимъ это невозможно, и вотъ каковы ея собственныя слова объ этомъ: „Раскольники совсѣмъ не то въ религіозномъ отношеніи, что живущіе въ Россіи иновѣрцы, и было бы противно праву и справедливости сравнять ихъ въ этомъ

отношеніи съ сими послѣдними. Существенное различіе между живущими въ Россіи иновѣрцами и русскими раскольниками, которое необходимо всегда имѣть въ виду, заключается въ томъ, что всѣ иновѣрцы, состоя вѣрными русскими подданными, не суть однако же по своему происхожденію и національности коренные русскіе люди, а по религіи никогда не были членами православной русской церкви; раскольники же, совершенно напротивъ, всѣ, безъ исключенія, люди русской крови и національности, и всѣ, безъ исключенія, принадлежали, одни раньше, другіе позднѣе, къ православной церкви "... Вотъ доводъ, съ которымъ брошюра убѣждаетъ освоиться и согласиться, главнымъ образомъ, кажется, тѣхъ же иновѣрцевъ, которыхъ она какъ бы заманиваетъ на свою сторону. Вѣроятно ихъ же она имѣетъ въ виду и далѣе, когда дѣлаетъ вѣское по теперешнему времени указаніе, что „возможность рѣшенія вопроса государственною властію признаютъ расплодившіеся въ наше время мнимо-интеллигентные люди“. Это и въ самомъ дѣлѣ можетъ подѣйствовать на людей не русскаго происхожденія, которые усвоили себѣ довольно призральное отношеніе къ „нашей мнимо интеллигенціи“. Затѣмъ, разумѣется, будетъ легче склонить ихъ слухъ и довѣріе къ истинной интеллигенціи, выразителемъ взглядовъ которой приходится считать автора брошюры, ибо онъ знаетъ, какія настоящіе мѣры надо принять, чтобы покончить съ докучнымъ упорствомъ раскола. Онъ говоритъ объ этомъ косвенно, но внятно, указывая одинъ моментъ въ исторіи, когда дѣло раскола понималось правительствомъ будто бы въ наилучшемъ смыслѣ и сопровождалось вполне цѣлесообразными мѣрами, которыя, однако, мнимые интеллигенты оуждаютъ. Радея эта изложена слѣдующимъ образомъ: (стр. 25): „О мѣропріятіяхъ противъ раскола, издававшихся въ царствованіе императора Николая, въ настоящее время такъ многими и такъ строго осуждаемыхъ, нужно вообще замѣтить, что они вѣрно и прямо вели къ своей доброй и столь желательной для православія цѣли: если бы императоръ Николай имѣлъ опытныхъ и искусныхъ, а главное вполне честныхъ и безкорыстныхъ исполнителей своихъ плановъ противъ раскола,—расколъ, можно съ увѣренностію сказать, теперь не существовалъ бы, или по крайней мѣрѣ влачилъ бы самымъ незамѣтнымъ и безвреднымъ для церкви образомъ свое жалкое существованіе, между немногими безвѣстными его представителями“. Милосердие и достойное положительно самой наилучшей страницы во всей нашей исторіи царствованіе недавно почившаго императора Александра Николаевича снова поставило дѣло въ иное положеніе, при которомъ на сторонѣ человѣчныхъ мѣръ этого прелестной души государя, значитъ, теперь стоять только какъ будто одни „мнимые интеллигенты“, а интеллигенты истинные стоятъ по ту сторону... Какая нелѣпость и въ то же время какая непростительная неловкость со стороны внутреннего писателя! Можно думать, что онъ ни мало не разсудилъ о томъ, чего хотѣлъ достигнуть, такъ грубо отгнѣвая эти двѣ эпохи, или онъ просто лишень способности чувствовать, какъ живо въ нашихъ сердцахъ и въ памяти все, что освѣщало зарю прекраснаго царствованія государя, кончину котораго страна еще не устала оплакивать... Приходится думать, что писатель гораздо болѣе страстенъ, чѣмъ образованъ и чутокъ, да притомъ еще онъ и не мастеръ своего дѣла. Такъ онъ, напримѣръ, чрезвычайно дурно пишетъ. Въ его злой брошюрѣ есть такіе неумѣжные протяженносложные періоды, что ихъ можно поставить въ примѣръ семинаристамъ, которыхъ надо научить, какъ не слѣдуетъ писать по-русски.

Московскіе корреспонденты „Новаго Времени“ и другихъ петербургскихъ газетъ, на какихъ-то, извѣстныхъ имъ, основаніяхъ, подъ инициалами автора брошюры Н. С. всѣми буквами читаютъ имя профессора московской духовной академіи Николая Субботина, и названный московскій ученый этого „приращенія“ не отражаетъ.

Н. Л.

„Русскій Архивъ“, 1881. Книга III.

Третья книга „Русскаго Архива“ любопытна во многихъ отношеніяхъ. Есть въ ней полныя живаго интереса воспоминанія извѣстнаго дипломата А. П. Бутенева, впрочемъ, еще не оконченныя; есть отрывки изъ дневника русскаго чиновника, подвизавшагося въ 1845—46 г. въ Прибалтійскомъ краѣ, графа Д. Н. Т.—Знаменскаго (очевидно, псевдонимъ). Характерны по мало-содержательности и, говоря словами г. Бартевева, по „необузданности исторіографическаго вымысла“ воспоминанія графа М. В. Толстого; не менѣе характерна замѣтка и самого издателя „Русскаго Архива“ объ историческихъ романахъ, какъ увидимъ это ниже. Съ большимъ интересомъ, разумѣется, прочтены будутъ новыя отрывки изъ „Мѣднаго Всадника“ Пушкина. Наконецъ, въ ту же книжку попало нѣсколько благополучно возвращенныхъ изъ архива III Отдѣленія бумагъ графа Ф. В. Ростопчина. О воспоминаніяхъ А. С. Норова упоминать не стоитъ—они перепечатаны изъ „Военнаго Сборника“ 1868 г.

Таково разнообразіе въ содержаніи „Русскаго Архива“. По немъ можно судить, какъ широко раскидывается здѣсь горизонтъ исторіографіи. Рядомъ съ документами, проливающими свѣтъ или на ходъ событій, или же на дѣятельность лицъ, дѣйствительно достойныхъ исторической памяти, область исторіографіи заваливаютъ реляціями какихъ-то невѣдомыхъ „чиновниковъ особыхъ порученій“ о ихъ поѣздкахъ и рукопожатіяхъ, причѣмъ подробности остановокъ, передвиженій съ мѣста на мѣсто, росписываются удивительно подробно, а объ дѣлѣ, по которому производятся подобныя развѣзды, обыкновенно выражаются очень кратко, въ видѣ категорическихъ резолюцій: „учредить“, „въврѣить надзоръ“ и т. д. Еще куда бы ни шло печатать эти реляціи, попадись въ нихъ хоть случайно та или иная черта, могущая характеризовать время, личность, или крупный фактъ изъ прошлаго. Ничего этого нѣтъ, однако, въ отрывкахъ „изъ дневника русскаго чиновника“, „представленныхъ вниманію читателей“ графомъ Д. Н. Т.—Знаменскимъ. „Вниманіе“ это, видно, не дорого цѣнится, ибо самъ комментаторъ не находитъ, что сказать въ оправданіе своего „представленія“. Правда, онъ отъ себя прибавилъ двѣ-три страницы вступительныхъ и заключительныхъ поясненій, гдѣ, что называется, однимъ взмахомъ пера расправился съ исторіей обрусѣнія Прибалтійскаго края. Но, къ сожалѣнію, ими нисколько не оправдывается интересъ „краткихъ записокъ“. Мало того, графъ Д. Н. Т.—Знаменскій совсѣмъ и не уясняетъ вопроса и не даетъ понятъ даже, какъ представляетъ его себѣ самъ онъ. „Прибалтійскій край“, по его словамъ, „представляетъ любопытную картину. Три провинціи не только не составляли никакой цѣловкупности, но были совершенно разъединены мѣстными интересами. Въ сословіяхъ каждой губерніи также не было единства (?). Stadt und Land (городъ и земля) рѣзко отдѣлялись одинъ отъ другаго... Духовенство въ городахъ отличалось рационализмомъ (?); въ деревняхъ

оно было почти все гернгуттерскимъ". Извольте по такому загадочному способу пояснить предметъ, составить себѣ понятіе о немъ. Единственно, чѣмъ обращаютъ на себя вниманіе подобныя комментаріи, это—нѣкоторый запахъ кваснаго патриотизма, сияющагося увѣрить, что прежніе русскіе правители въ краѣ не сумѣли сломить „нѣмецкую олигархію“ и допустили развиться онѣмеченіе до того, что судьба Балтійскаго края „извѣстна только Богу“. Чтобы придти къ такому заключенію, не было, конечно, надобности въ „краткихъ запискахъ“ „чиновника особыхъ порученій“, а просто достаточно было заявить то же самое въ двухъ словахъ. Авторитетность и убѣдительность мнѣнія графа не потеряли бы отъ того нисколько, но за то вышло бы кратче, и „вниманіе читателей“ пощажено было бы отъ напрасныхъ поисковъ въ „запискахъ“ чего нибудь дѣльнаго о Прибалтійскомъ краѣ.

Любопытна замѣтка издателя „Русскаго Архива“ „Объ историческихъ романахъ“. Просимъ г. Бартечева извинить насъ за перепечатку этой „статьи“ „въ дѣлошъ составѣ“ безъ его разрѣшенія. Намъ увлекаетъ къ тому чистосердечное желаніе уразумѣть въ ней скрытый отъ насъ смыслъ. Мы только чувствуемъ, что здѣсь должно заключаться что-то глубокое, зрѣло обдуманное и оригинальное, но рѣшительно не беремъ на себя смѣлости указать это, а умолчать вовсе о такой замѣткѣ было бы недобросовѣстно въ интересахъ „здраваго просвѣщенія“, служить успѣхамъ котораго она предвазначена. Остается положиться на снисходительность читателей. Замѣтка гласитъ буквально слѣдующее:

„Видно уже такъ суждено намъ не только повторять грѣхи Западной Европы, но и погрязать въ нихъ. Тамъ много пишется историческихъ романовъ; но въ Европѣ необузданность историографическаго вымысла гораздо менѣе вредна, нежели въ Россіи, потому что тамъ большинство читателей близко знакомо съ прошедшими судьбами роднаго края. У насъ же историческое изученіе началось со вчерашняго дня; мы только приступили къ великому дѣлу народнаго самосознанія и еще дѣльи области нашей протекшей жизни остаются въ потемкахъ: напримѣръ, не оглашено дѣло Никона, не прочитаны дѣльи груды важнѣйшихъ бумагъ Петра Великаго, не изданъ дневникъ князя А. Д. Меншикова; центральныя событія новой нашей исторіи, какъ воцаренія Екатерины II и Александра I, извѣстны только по анекдотамъ. Въ нашемъ образованномъ обществѣ легко встрѣтить вполне почтенныхъ людей, не умѣющихъ даже перечислить въ порядкѣ русскихъ государей. И при такомъ состояніи науки и появляется дѣльи рядъ романовъ, въ которыхъ читающему люду предлагаютъ полное извращеніе историческихъ характеровъ и событій. Поглядите, какъ изображенъ Никонъ, до чего истаскали пресловутую княжну Тараканову? Невольно приходятъ на память стихи князя Вяземскаго:

Литература наша—сѣтка
Для уловленія невѣждъ,
Чужихъ яиць она насѣдка.

„То, что прощается графу Л. Н. Толстому ради его необыкновеннаго дарованія, то неизвинительно во многихъ его подражателяхъ, писанія которыхъ наносятъ положительный вредъ успѣхамъ здраваго просвѣщенія“.

Поняли: писать историческіе романы—смертный грѣхъ. Это рѣшительное мнѣніе издателя „Русскаго Архива“? Нѣтъ, онъ позволяетъ писать и читать ихъ, когда „состояніе науки“ (исторической) будетъ таково, что „вполнѣ

почтенные люди“ будутъ „умѣть перечислять въ порядкѣ русскихъ государей“, а дѣло народнаго самосознанія подвинется впередъ. Тогда не бѣда положить „читающему люду“ историческіе романы, т. е. „полное извращеніе историческихъ характеровъ и событій“. А теперь такимъ „извращеніемъ“ разрѣшается заниматься только графу Л. Н. Толстому, да и то „ради его необыкновеннаго дарованія“. Выходитъ, что, какъ скоро прояснится наше „народное самосознаніе“, его и помрачать сейчасъ же можно начать. Выходитъ также, что „необыкновенное дарованіе“ пользуется привилегіей „наносить положительный вредъ успѣхамъ здраваго просвѣщенія“. А вопросъ „объ историческихъ романахъ“ все-таки остается открытымъ.

Не знаемъ, принимается, или нѣтъ, за „необыкновенное дарованіе“ издателемъ „Русскаго Архива“ графъ М. В. Толстой, но, во всякомъ случаѣ, графъ— не романистъ. А между тѣмъ его воспоминанія, помѣщенные въ 3-й книгѣ „Русскаго Архива“, могутъ служить образцомъ того, до чего иногда доходитъ „необузданность историографическаго вымысла“. Справедливость требуетъ замѣтить, что самъ авторъ этихъ воспоминаній хранилъ ихъ для дѣтей и потомковъ своихъ. Въ виду столь исключительнаго интереса ихъ, онъ и не думалъ, конечно, стѣсняться мелочными подробностями „счастливейшихъ“ обстоятельствъ въ его жизни, посвящая добрую половину „воспоминаній“ простодушному разсказу о своихъ снахъ, обѣдахъ, хожденіяхъ на богомолье, о женитьбахъ — собственной и родныхъ. Но читающему люду до впечатлѣній и ощущеній чисто личнаго свойства не можетъ быть дѣла, а тѣмъ болѣе трудно плѣнить ими читателей такого серьезнаго изданія, какимъ долженъ быть „Русскій Архивъ“. Съ какой осторожностью нужно относиться къ „воспоминаніямъ“ подобнаго сорта, объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій эпизодъ, сообщаемый графомъ М. В. Толстымъ. Графъ, разсказывая о своихъ посѣщеніяхъ разныхъ монастырей, сообщаетъ, между прочимъ, о молчальницѣ Вѣрѣ Александровнѣ, урожденной Буткевичъ, проживавшей въ Сырковѣ монастырѣ, близъ Новгорода. Читателей „Историческаго Вѣстника“ познакомилъ съ этой личностью племянникъ ея, г. Маевскій, въ своихъ „Семейныхъ воспоминаніяхъ“ (см. „Истор. Вѣстникъ“, томъ VI, стр. 336 — 362 и слѣд.). Исторія ея простая и незамысловатая. Но графа М. В. Толстого, вѣроятно, какъ откровеннаго человѣка, не могла не изумить молчаливость Вѣры Александровны. Должно быть, не просто наложила она на себя обѣтъ молчанія? И давай отбирать письменныя показанія отъ молчальницы, ничего не узнавъ—строить собственныя догадки, и въ результатѣ получилась цѣлая „историографическая“ сплетня. Вотъ самый процессъ, какимъ дошелъ почтенный графъ до своего „необузданнаго“ редакціей „Русскаго Архива“ вымысла. Сидя въ комнатѣ молчальницы, графъ М. В. Толстой сталъ предлагать ей вопросы, на которые она отвѣчала письменно: „Видя на стѣнѣ миниатюрный портретъ, я спросилъ: Чей это портретъ? Она: Это портретъ моей матери. Я: А кто она была? Она: Этому не скажу. Я: Это лицо мнѣ знакомо. Я видѣлъ точно такой портретъ у моей бабушки, княгини Екатерины Гавриловны Долгоруковой. Она: А развѣ княгиня Екатерина Гавриловна еще жива? Гдѣ она живетъ? Я: Она еще жива, хотя очень стара. Живетъ въ Москвѣ съ сыномъ и дочерью. Она: Спаси ее Господи! Я: Позвольте спросить, чьи тѣ четыре имени, которыя вписаны въ вашемъ поминикѣ за упокой: Павла, Анны, Александра, Маріи? Она: Первые два—моихъ родителей, а послѣднія—крестнаго отца и матери. Я: Гдѣ вы жили, пока не поселились здѣсь? Она: Я

ходила съ мѣста на мѣсто, больше по монастырямъ, питаюсь въ дорогѣ мирскимъ подаваемъ. За грѣхи мои и моихъ покойныхъ родителей, я, грѣшная, наложила на себя обѣтъ странничества и молчанія. Извините меня, я устала и больше бесѣдовать не могу... — Что можно было бы вывести изъ такой бесѣды? Графъ М. В. Толстой, хорошо знакомый съ генеалогіей своихъ и чужихъ родовъ, тотчасъ же примѣнилъ свои познанія. На портретѣ, о которомъ шла рѣчь, будто бы изображена княжна Анна Петровна Лопухина, вышедшая замужъ за князя П. Г. Гагарина. Сестра послѣдняго, княгиня Екатерина Гавриловна Долгорукова, много рассказывала графу о вниманіи императора Павла къ Лопухиной. Этого уже достаточно для генеалогической сообразительности графа. „Почему Сырковская молчальница знала княгиню и кто были родители Вѣры Александровны—Павель и Анна? Предоставляю угадывать читателю; но замѣчу, что послѣ князя П. Г. Гагарина не осталось законныхъ дѣтей“. Вотъ къ какимъ приемамъ прибѣгаютъ лѣтописцы въ родѣ графа М. В. Толстого, чтобы плѣнить читателя воспоминаніями о своихъ личныхъ знакомствахъ, встрѣчахъ и ощущеніяхъ, которымъ не должно быть мѣста въ ряду историческихъ матеріаловъ.

Но редакция „Русскаго Архива“ имѣетъ свой взглядъ не на одни мемуары. Въ разбираемой книжкѣ имѣется нѣкоторое указаніе, сдѣланное ею, по обыкновенію, докторальнымъ, недопускающимъ сомнѣнія, тономъ, на то, какою должна быть поэзія, берущая себѣ сюжетомъ историческое событіе. Дѣло идетъ о вновь найденномъ спискѣ стихотворенія „Мѣдный Всадникъ“ Пушкина. Г. Бартеневъ одобряетъ Пушкина за то, что свое повѣствованіе о пetersбургскомъ наводненіи поэтъ превратилъ въ

...вечерній лишь рассказъ
А не зловѣщее преданье.

„Пушкинъ“, говорятъ г. Бартеневъ, „передѣлалъ это окончаніе, и тутъ сказался въ немъ художественный его гений: поэзія не должна быть зловѣщею. Какъ ни тревожила Пушкина мысль о столицѣ, ежегодно угрожаемой гибельнымъ наводненіемъ, какъ ни мучили его нестройности жизни не по состоянію, онъ не нарушилъ ими поэтической гармоніи своего произведенія“. Точно, въ самомъ дѣлѣ, „поэтическая гармонія“ гениальнаго творенія можетъ нарушиться отъ того, если кошелекъ поэта въ плохомъ состояніи. Г. Бартеневу позволительно думать, что поэзія должна ограничиваться лишь очарованіями и надеждами, должна воспѣвать лишь розы и грезы и что, разъ обращается она къ общественнымъ несовершенствамъ и ранамъ, она теряетъ свою „гармонію“. Но не должно и не справедливо навязывать такую блажь Пушкину, который горячо вѣрилъ въ спасительную силу слова и, не нуждаясь въ „тремашей лирѣ“, отзывался объ ея поклонникахъ не особенно лестно,—

Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!

Чтобы покончить нашъ обзоръ, остается поименовать еще документы, помѣщенные въ рассматриваемой книжкѣ „Русскаго Архива“¹⁾. Къ нимъ относятся возвращенные III Отдѣленіемъ слѣдующія бумаги графа Ѳ. В. Ростопчина: письмо Ростопчина къ императору Александру Павловичу (1810 г.), съ

¹⁾ На интересныхъ „Воспоминаніяхъ“ А. П. Бутенева будетъ умѣстно остановиться тогда, когда появится ихъ окончаніе.

замѣчаніями о московскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ; затѣмъ письмо къ неизвѣстному лицу о тогдашнемъ денежномъ курсѣ; три письма къ С. К. Вязмитинову о Москвѣ послѣ французскаго нашествія и письмо къ министру полиціи А. Д. Балашову (20-го декабря 1812 г.).

Θ. В.

Словарь писателей древняго періода русской литературы XI—XVII вв. (862—1700 гг.), составилъ А. В. Арсеньевъ, подъ редакціею О. Θ. Миллера. Приложение къ картѣ для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы. Спб., 1882 г.

Въ отечествѣ нашемъ въ настоящее время параллельно идутъ два теченія: одно не новое, но свѣжее силами, влечетъ людей къ изученію родной литературы, въ которой еще Уваровъ чувствовалъ „весь смыслъ жизни народа“,— другое же новое и даже, пожалуй, по нынѣшней порѣ модное,—обдаетъ вышеупомянутое вниманіе къ литературѣ брезгливымъ презрѣніемъ. Но на всѣхъ судьбы, очевидно, безповоротнo рѣшено, что это презрѣніе бессильно, ибо ни какіе памятники бюрократіи не выражаютъ такъ полно и живо минувшія историческія событія, какъ произведенія литературныя. И вотъ почему,—не въ силу моды, а въ силу факта,—лучшіе мыслители нашего времени — недавно умершій Карлейль, и еще наслаждающійся всѣми благами просвѣщенной жизни Тэнъ—отводятъ литературѣ и литературамъ самое видное мѣсто среди дѣятелей извѣстной эпохи. Литература, это—какъ бы дыханіе, носящееся поверхъ хаоса, который она отражаетъ, но сама не пачкается въ его тинѣ. Эпохи, когда не было писателей, окутаны туманнымъ баснословіемъ и потому не представляютъ для трезваго и пытливаго ума ни интереса, ни поученія; но чуть появляется писатель—дѣло сразу измѣняется: время, отмѣченное его дѣятельностью, уже можетъ быть изучаемо, провѣряемо, критикуемо, и—что всего важнѣе—оно само становится поучительнымъ, ибо оно уже богато, по крайней мѣрѣ, „ошибками отцевъ и позднимъ ихъ умомъ“.

Такое первенствующей важности значеніе литературы признано первѣйшими авторитетами образованнаго міра и брезгливое пренебреженіе къ этому направленію, проявляемое гдѣ нибудь людьми, которые вотще „колотятъ себя сухими руками въ сухія перси“, представляетъ послѣднія предсмертныя корчи умирающей рутинѣ. А потому всякая попытка облегчить изученіе литературы достойна вниманія и, по возможности, обстоятельной оцѣнки. У насъ въ Россіи это тѣмъ важнѣе, что такихъ попытокъ до сихъ поръ было сдѣлано не много и наши средства къ изученію древней русской литературы ограничиваются почти однимъ капитальнымъ трудомъ покойнаго киевскаго митрополита Евгенія Болховитнинова. Мы говоримъ о его знаменитомъ „Словарѣ писателей свѣтскаго и духовнаго чина“¹⁾. Заслуга многоученаго и неутомимаго литературнаго труженика, митрополита Евгенія, по исторіи отечественной словесно-

¹⁾ Подлинное заглавіе этого знаменитаго труда есть слѣдующее: „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви“. Два тома. Спб., 1827 г. (Изд. 2) и „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ о Россіи. Изданіе „Москвитинна“. Москва, 1845 г., тоже въ двухъ томахъ.

сти—неопѣнима и несравненна: онъ, по справедливому опредѣленію М. П. Погодина ¹⁾, „сочиненіемъ двухъ словарей своихъ положилъ твердое основаніе исторіи русской и словено-русской словесности и вмѣстѣ открылъ передъ очами ученаго міра безчисленное множество ея сокровищъ, дотогдѣ совершенно неизвѣстное“. Но эта безцѣнная заслуга до сихъ поръ приносила пользу именно только одному „ученому міру“, тогда какъ ее не только желательно, но даже совершенно необходимо было давно усвоить и для міра учащагося. Къ этому пространно написанное твореніе митрополита (четыре тома) не назначалось, и „Словарь“ митрополита Евгенія имѣетъ характеръ справочной книги, въ которой всѣ писатели важные и менѣе значительные занесены не хронологически, по временамъ ихъ литературнаго подвижничества, а по алфавиту. При такомъ расположеніи, вполнѣ удобномъ для справокъ, изученіе систематическое совершенно неудобно, а потому приспособленіе „Словаря“ къ этой необходимой для учащихся цѣли было давно потребностью, которая замѣтно давала себя чувствовать. Нынѣ эта потребность удовлетворена и при томъ весьма основательно. Трудъ г. А. В. Арсеньева, заглавіе котораго выше выписано, представляетъ собою поясненіе къ таблицѣ, въ которой нашъ молодой писатель наглядно изобразилъ ходъ развитія умственной жизни въ Россіи, начиная съ устной литературы до самаго послѣдняго года XVII столѣтія. Писатели выходятъ на графахъ таблицы послѣдовательно, какъ ихъ выдвигала жизнь, и такимъ образомъ, всѣ въ стройномъ порядкѣ стоятъ на одномъ листѣ передъ глазами учащагося. Разсматривая эту таблицу, очень легко усвоиваешь послѣдовательность выхода лицъ на литературное поле и смѣну уходящихъ силъ новыми, а это, конечно, чрезвычайно облегчаетъ трудъ изученія и въ то же время просто и ясно раскрываетъ любопытную и отрадную картину наростанія литературныхъ силъ въ Россіи, съ періода древнѣйшаго до новаго періода, начинаемаго XVIII вѣкомъ.

Разсказывать, какъ изложены графическія таблицы—весьма трудно и мало полезно, такъ какъ никакой разсказъ не представляетъ вполнѣ понятно предмета, значеніе котораго заключается въ наглядности, но чтобы все-таки дать какое нибудь понятіе объ этой таблицѣ и въ то же время не навлечь на себя неудовольствія ея автора, мы скажемъ о таблицѣ его собственными словами.

„Составлена карта слѣдующимъ образомъ: все пространство времени отъ начала славянской письменности, т. е. отъ IX вѣка до XVIII, раздѣлено на столѣтія горизонтальными чертами и въ каждомъ столѣтіи цвѣтными вертикальными четырехугольниками обозначены важнѣйшіе писатели, причемъ на верху четырехугольника цифра указываетъ годъ рожденія, а внизу — годъ смерти“.—„Карта раздѣлена, кромѣ вѣковъ, на періоды языческой, христіанскій до-татарскій, періодъ татарскаго ига, и московскій, по сверженіи татарскаго ига“.—„Въ особомъ столбцѣ обозначены годы отъ Р. Х., а рядомъ помѣщена скала князей и царей“.—„Такимъ образомъ, карта представляетъ наглядный конспектъ исторіи литературы, имѣя который передъ глазами, преподавателю легче будетъ проходить съ учениками и общій обзоръ литературы, и разсматривать каждый вѣкъ отдѣльно, а ученикамъ будетъ несравненно легче усвоить связь и послѣдовательность литературныхъ явленій въ древнемъ періодѣ“ ²⁾.

¹⁾ См. предисловіе издателя къ „Словарю свѣтскихъ писателей“.

²⁾ „Объясненіе карты“ напечатано въ началѣ „Словаря“ А. В. Арсеньева.

На нашъ взглядъ этимъ опредѣленіемъ авторъ вѣрно высказалъ то, къ чему его полезная таблица дѣйствительно можетъ послужить, и мы вполне раздѣляемъ мнѣніе учебнаго комитета св. синода, который призналъ пользу таблицы и „Словаря“ г. Арсеньева и ввелъ ихъ какъ учебное пособие въ подвѣдомыя ему духовныя семинаріи и женскія школы.

Самый „Словарь“, составляющій небольшую, опрятно изданную книжку (въ 136 стр.), служитъ поясненіемъ къ картѣ. Источникъ, по которому составленъ „Словарь“ А. В. Арсеньева, не указанъ, но, кажется, слѣдуетъ думать, что если этимъ источникомъ не были профессорскія лекціи, построенныя на „твердомъ основаніи“, то г. Арсеньевъ, составляя свой „Словарь“, имѣлъ передъ собою само „твердое основаніе“, т. е. „Словарь“ митрополита Евгенія въ его неприкосновенности, и изъ него черпалъ, что ему казалось нужнымъ, а затѣмъ систематизировалъ почерпнутое сообразно своимъ цѣлямъ. Но при этомъ слѣдуетъ признать, что вся работа исполнена съ знаніемъ предмета и не безъ собственнаго сужденія о „важнѣйшихъ“ и о менѣе важныхъ писателяхъ (такъ какъ у митрополита Евгенія помѣщены всѣ писатели безъ выбора). Критическія замѣчанія, которыя, кажется, имѣли бы мѣсто, именно къ этому только и могутъ относиться, т. е. къ выбору „важнѣйшихъ писателей“. Въ этомъ выборѣ писателей по ихъ „важности“ какъ будто есть небольшія погрѣшности, какъ будто сбережено не все, что стоило бы уберечь для отбора. Такъ напр., у г. Арсеньева не показанъ Кальнофойскій, который, хотя и писалъ по обычаю своего времени на польскомъ языкѣ, но есть несомнѣнно русскій писатель и при томъ достовѣрный свидѣтель развитія иноческой жизни и пещерничества въ Кіевѣ. Г. Арсеньеву, конечно, должно быть извѣстно, какъ рѣдка въ наше время знаменитая „Тератургима“ Кальнофойскаго и какъ она, съ одной стороны, высоко цѣнится настоящими любителями отечественной старины, а съ другой—преступно манкируется составителями всѣхъ старыхъ и новыхъ описателей святыхъ Кіева. Пропущенъ Аеонасій монахъ, который первый перевелъ церемоніаль коронаціи подъ заглавіемъ „Чинъ и молитва на поручество царей“. Это документъ весьма интересный, котораго, повидимому не зналъ ни Катаевъ, ни оппоненты, слушавшіе его разсужденіе о священномъ помазаніи царей на царство. Нѣтъ троїцкаго монаха Георгія, собирателя лѣтописей, Герасима Даниловича, написавшаго замѣчательное предисловіе къ Острожской библии; нѣтъ Глазатаго, перваго сочинителя казанской исторіи; нѣтъ Шушерина, составившаго описаніе житія Никона (сочиненіе это хотя напечатано Козодавцевымъ въ 1784 году, но авторъ его принадлежитъ къ писателямъ XVII вѣка); нѣтъ также Захаріи Колыстенскаго, искуснаго полемизатора противъ униі, автора „Палинодіи“, и Павла Высокаго (XIV в.) „ниже бѣ книженъ весьма и философъ велій, многоразсуденъ и полезенъ зѣло и слово его солию божественною растворено, и писалъ книги учительныя многи“. Нѣтъ и еще многихъ изъ тѣхъ, о которыхъ, хотя вкратцѣ, упомянуть казалось бы не излишне.

Правда, что г. Арсеньевъ, составляя свой словарь, примѣнялся къ требованію нашихъ учебныхъ программъ, назначающихъ тѣсныя рамки отечественной словесности, но онъ также имѣлъ бы достаточное основаніе примѣняться и къ хрестоматіямъ Ф. И. Буслева и А. Д. Галахова, такъ какъ обѣ эти хрестоматіи употребляются въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ учебныхъ пособій, а въ нихъ объемъ литературныхъ образцовъ значительно шире узкихъ рамокъ программы.

Кромѣ того, возможны и нынѣ замѣчанія,—напр., изложивъ нѣчто по-

своему, съ отступленіемъ отъ „твердаго основанія“, положеннаго митрополитомъ Евгеніемъ, авторъ нанесъ этимъ ущербъ полнотѣ представленій о данномъ лицѣ сравнительно съ представленіемъ, какое даетъ „Словарь“ высокопреосвященнаго Евгенія, и вотъ тому доказательство. А. В. Арсеньевъ на 16 стр. касается весьма важнаго литературнаго имени XIV вѣка, суздальскаго монаха Лаврентія, „писателя“ лѣтописи Нестора, и что же авторъ говоритъ о немъ? „Подлинной рукописи Нестора не дошло до насъ, но зато дошло много списковъ ея съ дополненіями и измѣненіями переписчиковъ; древнѣйшій списокъ — Лаврентьевскій, писанный въ 1377 году монахомъ Лаврентіемъ для суздальскаго князя Дмитрія Константиновича“. Но о монахѣ Лаврентіи стоило добавить, что онъ „самъ можетъ быть и продолжалъ Несторову лѣтопись“⁴⁾. При нынѣшнемъ оживленномъ положеніи церковной исторіи, которая, послѣ долголѣтняго застоя, благодаря высокодостойнымъ трудамъ митрополита Макарія Булгакова и художественно проищательнымъ наведеніямъ профессоровъ П. Знаменскаго и Е. Голубинскаго, вышла изъ своего мертвеннаго и схоластическаго окаменѣнія, вопросъ о Несторовой лѣтописи сталъ вопросомъ очень живымъ и интереснымъ, и все, что касается лицъ, коимъ приписывается участіе въ этомъ, кажется, несомнѣнно сборномъ трудѣ, получаетъ любопытное значеніе. А потому опущенія въ этомъ занимательномъ вопросѣ едва-ли можно считать позволительными.

Впрочемъ, все это, конечно, относится болѣе къ области желательнаго, чѣмъ необходимаго для учениковъ, въ пользахъ которыхъ задуманъ и въ объемѣ программъ удовлетворительно выполненъ многополезный трудъ г. А. В. Арсеньева. Его карта и словарь несомнѣнно должны принести большое облегченіе при изученіи древняго періода русской словесности, и помимо того, терпѣливый трудъ этотъ самъ по себѣ дѣлаетъ честь какъ молодому писателю, исполнившему сложную, систематическую работу, такъ и профессору Миллеру, который помогъ ему своею редакціею представить разсмотрѣнное нами историческое пособіе въ состояніи, способномъ удовлетворять довольно взыскательнымъ требованіямъ.

Н. Лѣсковъ.

Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II. А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. 4 тома. СПб., 1882 г.

Г. Заблоцкій-Десятовскій оказалъ большую услугу исторической литературѣ, приведя въ стройность и единство массу разнообразныхъ архивныхъ документовъ о жизни и дѣятельности графа Павла Дмитріевича Киселева. Издатель скромно назвалъ свой капитальный трудъ „матеріалами“; но на самомъ дѣлѣ это—живое и яркое воспроизведеніе цѣльной личности одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ государственныхъ людей, это — ясное и полное представленіе многихъ явленій нашей общественной жизни, доселѣ оставшихся скрытыми, или выставившихся не въ настоящемъ свѣтѣ въ періодъ

---

⁴⁾ См. „Словарь историческій о писателяхъ духовнаго чина“. Томъ 2, изданіе 1827 г., стр. 1.

минувшихъ трехъ царствованій. Графъ Киселевъ имѣеть всѣ права на уваженіе потомства и какъ человѣкъ, и какъ государственный дѣятель. Въ немъ мы видимъ личность, содержащую въ себѣ множество привлекательныхъ чертъ, между которыми особенно выдаются простота и мягкость въ характерѣ и способность увлекаться всѣмъ прекраснымъ. Его долговременная государственная дѣятельность была не службой, не стремленіемъ оправдать только надежды своихъ меценатовъ, какъ то зачастую случается, а вызывалась сознательнымъ желаніемъ принести пользу согражданамъ. Вотъ почему, конечно, такъ обаятельно дѣйствуетъ чтеніе „матеріаловъ“, собранныхъ г. Заблоцкимъ-Десятковскимъ. Вотъ почему также издатель, обозрѣвая результаты своей восьми лѣтней работы въ окончательномъ видѣ, въ правѣ сказать бытъ, что графъ П. Д. Киселевъ былъ изъ тѣхъ избранныхъ натуръ, опустѣвшее мѣсто которыхъ въ обществѣ не замѣщается скоро и воспоминаніе о которыхъ не изглаживается никогда. Жизнь такихъ людей не есть скопленіе безцѣльныхъ случайностей; въ ней проходитъ подлинное стремленіе къ достиженію нравственныхъ идеаловъ“. Каковы эти идеалы, въ какихъ проявленіяхъ выразилось стремленіе къ нимъ Киселева, мы постараемся прослѣдить это въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ въ особой статьѣ, пользуясь вышеприведеннымъ изданіемъ. Пока же позволяемъ себѣ выразить увѣренность въ томъ, что каждый изъ русскихъ образованныхъ людей не преминетъ прочесть эту прекрасную біографію, которая, смѣло можемъ сказать, вполне достойна славной памяти П. Д. Киселева.

Ө. В.

Żywot Księcia Adama Jerzego Czartoryskiego. Skreślie Bronisław Zaleski. Tom 1. Poznań. 1881.

Сочиненіе г. Бронислава Залескаго, представляющее собою добросовѣстный, хотя и малоцѣнный, историческій трудъ, осталось неоконченнымъ за смертью автора. Біографію князя Адама-Юрія Чарторьскаго предполагалось, по мысли автора, издать въ трехъ томахъ; но вышелъ одинъ только первый томъ, составляющій, по словамъ издателей, отдѣльное цѣлое. Хотя это не совсемъ такъ, потому что разсказъ прерывается на самомъ интересномъ для русскаго читателя мѣстѣ, но до нѣкоторой степени можно придать вышедшему тому значеніе вступленія къ дѣйствительной біографіи лица, во всякомъ случаѣ игравшаго замѣтную роль въ исторіи польской эмиграціи за текущее столѣтіе и даже въ русской исторіи первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра I. Такимъ образомъ, настоящая біографія Адама Чарторьскаго еще ждетъ себѣ автора или продолжателя, какъ хотятъ увѣрнить издатели перваго тома.

Вышедшій въ Познани томъ, по внутреннему характеру и по степени историческаго интереса, распадается на двѣ неравныя части: исторію рода князей Чарторьскихъ съ многочисленными фамиліными подробностями и съ довольно живой картиной шляхетскихъ неурядицъ, и начало личной исторіи князя Адама-Юрія, доведенное только до вступленія на престолъ Александра I-го, и потому „очень еще немного знакомящее“ съ дѣятельностью этого знаменитаго въ своемъ родѣ польскаго „короля“ *in partibus*, но интересное по отрывкамъ изъ записокъ Чарторьскаго, которыми онъ пи-

саль уже въ старости. Отрывки эти касаются придворной жизни въ Петербургѣ, при императрицѣ Екатеринѣ, знакомства и сближенія молодого еще Адама Чарторьскаго съ юношей-внукомъ императрицы, рисуютъ начало царствованія Павла, до отъѣзда Чарторьскаго въ Сардинію, гдѣ онъ былъ короткое время посланникомъ, и затѣмъ, по возвращеніи Чарторьскаго въ Петербургъ, вслѣдствіе личнаго приглашенія только что воцарившагося Александра Павловича, заканчиваются разговоромъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ кончинѣ императора Павла. Вся эта часть, сама по себѣ наиболѣе занимательная для русскаго читателя, не отличается ни новизной подробностей, достаточно извѣстныхъ по различнымъ опубликованнымъ мемуарамъ современниковъ, ни особою достовѣрностью свѣдѣній, такъ какъ память видимо измѣняла старику, писавшему мемуары. (Въ примѣръ неточностей приводимъ сказаніе записокъ о томъ, что, при воцареніи Павла, тѣла обоихъ его родителей, выставленныя нѣкоторое время для поклоненія въ Петропавловскомъ соборѣ, были будто бы потомъ погребены въ Невскомъ монастырѣ, при чемъ описывается даже и слѣдовавшая по Невскому проспекту погребальная процессія). Но еще важнѣе недостатокъ безпристрастія, сквозящій въ авторѣ мемуаровъ, когда дѣло касается характеристики тѣхъ русскихъ государей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Качества нравственныя у нихъ измѣряются ихъ отношеніемъ къ Польшѣ. Къ императрицѣ Екатеринѣ Чарторьскій такъ и пишетъ ненавистью; каждый ея поступокъ истолковывается въ дурномъ смыслѣ, а для скандальныхъ подробностей тогдашней придворной жизни открыто широкое поле; впрочемъ, мѣстами автору нельзя отказать въ неподдѣльномъ юморѣ, при характеристикѣ, напримѣръ, Платона Зубова и его времяпрепровожденія, или тогдашнихъ петербургскихъ знатныхъ домовъ—Нарышкиныхъ, Строгановыхъ, и имъ подобныхъ. Къ императору Павлу Чарторьскій относится съ неожиданною для читателя теплотою, подробно описывая участіе государя къ Косцюшкѣ, пріютъ, данный при русскомъ дворѣ несчастному Понятовскому и т. п., хотя, гдѣ можетъ, не скупится на комическія страницы.

Самой интересной стороною исповѣди престарѣлаго автора мемуаровъ было бы его знакомство съ императоромъ Александромъ и характеристика послѣдняго съ точки зрѣнія поляка, одушевленнаго пріязнью къ русскому монарху. Къ сожалѣнію, мы находимъ въ напечатанныхъ у г. Залескаго отрывкахъ только начало и ходъ сближенія молодыхъ людей, относящагося къ послѣдней порѣ царствованія императрицы Екатерины; видимъ, какъ бесѣдовалъ 18-лѣтній великій князь съ 25 лѣтнимъ польскимъ аристократомъ въ саду Таврическаго дворца, излагая свои политико-общественные взгляды, проникнутые крайними, по словамъ Чарторьскаго, тенденціями, такъ что послѣдній долженъ былъ умѣрять ихъ своимъ благоразуміемъ. Мечтательно-философскіе взгляды юноши, ученика Лагарпа, должны были встрѣтить холодную оцѣнку въ душѣ практическаго поляка, и это сказывается въ томъ нѣсколько высокомерномъ тонѣ, какимъ Чарторьскій говоритъ о дурномъ воспитаніи Александра, о своихъ несбывшихся надеждахъ, какія онъ на него возлагалъ для блага отчизны, и т. п. Но полный характеристики отношеній двухъ друзей эти записки все-таки не даютъ, хотя бы потому, что Александръ въ ту пору еще не былъ вполне самостоятельнымъ человѣкомъ. Самъ Чарторьскій постоянно повторяетъ о своей благодарности и пріязни къ императору, и въ общей характеристикѣ послѣдняго, при вступленіи его на тронъ, слышится

какъ бы нотка нѣкотораго участія къ душевному разладу и даже нѣкоторой трагичности положенія, навшимъ на долю этого государя; но нѣтъ ни намекъ на отношеніе самого Адама къ тогдашнимъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ Россіи.

Въ другомъ родѣ первая половина книги. Нѣкоторые польскіе рецензенты именно ей и придаютъ значеніе, и дѣйствительно здѣсь только и видѣнъ самостоятельный историческій трудъ изслѣдователя. Правда, г. Залескій, пользовавшійся семейными архивами, очень много посвящаетъ мѣста чисто семейнымъ подробностямъ рода Чарторыскихъ, вѣроятно, интереснымъ для польскихъ читателей, но не для европейской и тѣмъ менѣе русской публики. Но, помимо этого, здѣсь мы находимъ обстоятельную, хотя и одностороннюю картину гибели Польши, упадка ея учреждений и характеровъ. Эта картина служитъ фономъ, на которомъ рельефно высятся энергическія старопольскія личности—Михаилъ и Августъ Чарторыскіе (послѣдній — дѣдъ героя книги). На политикѣ этихъ Чарторыскихъ лежитъ, какъ извѣстно, въ глазахъ польскихъ историковъ, ужасающее пятно, это — опора ихъ и ихъ партія въ русской помощи; благодаря послѣдней, „фамилія“ и посадила на колебавшіяся тронъ Станислава Понятовскаго, племянника двухъ названныхъ величавыхъ старцевъ по матери. Добрыя отношенія къ Россіи были непродолжительны со стороны Чарторыскихъ, нѣсколько разочарованныхъ тѣмъ, что тронъ миновалъ все-таки прямаго члена ихъ фамиліи. „Понятовскій, хотя и родственникъ, но худшаго противъ насъ рода“, говорилъ одинъ изъ дядей новаго короля. Эти слова, сказанныя однимъ изъ умнѣйшихъ представителей старой Польши, характеризуютъ уровень тогдашнихъ понятій въ польскомъ интеллигентномъ обществѣ, основанныхъ на глухой спеси родовой знатностью и ставившихъ чуть-ли не лучшимъ своимъ политическимъ идеаломъ—одолѣть противника въ междоусобной борьбѣ. Не лишено характерности, что и самъ авторъ, писатель XIX столѣтія, высказываетъ крайне снисходительное сужденіе о значеніи междоусобицъ для государства, дѣлая сопоставленіе ихъ съ иностраннымъ вѣшательствомъ. „Ужасна, конечно, внутренняя война, и кто же хотѣлъ бы навлечь ее на свою страну? Однако жъ, это зло еще мимолетное,—оно даже иногда будитъ силы и создаетъ характеры; внутреннюю войну можно уподобить страшной бурѣ, которая уничтожаетъ жатву и покрываетъ землю обломками, но утучняетъ почву и очищаетъ воздухъ... Англія и Франція вышли изъ ужаснѣйшихъ междоусобныхъ войнъ какъ бы возрожденными и сильными, а ни одинъ еще народъ не оставался безнаказанно подъ чуждымъ господствомъ“. Авторъ не замѣчаетъ того, что иноземное господство составляетъ чаще всего именно результатъ междоусобицъ, отрицающихъ у народа силу, замѣняющихъ высокія государственныя цѣли мелочными, личными удовлетвореніями самолюбію на счетъ ближайшихъ сосѣдей, подрывающими чувство національнаго единства. Старинныя междоусобія въ Англіи и во Франціи не составляютъ никакого аргумента, потому что въ тѣ эпохи политическая жизнь Европы была проще, — средства близкаго знакомства съ внутренними дѣлами государства и самые пути сообщенія были далеко не столь совершенны, какъ въ новѣйшую эпоху. Мы знаемъ, что эпизодъ съ парижской коммуной и постоянная борьба партій много обезсиливали новѣйшую Францію въ виду вѣшняго врага и одно время даже заставляли опасаться за ея жизнность. Съ другой стороны, напримѣръ, Венгрія, послѣ нѣскольковѣковаго чужеземнаго господства, не утратила ни національной особенности, ни условій благосостоянія.

Къ подобнымъ особенностямъ политическихъ взглядовъ поляковъ, не исчезнувшимъ и доселѣ, должно присоединить еще наиболѣе пагубную форму правленія. Избирательная пожизненная монархія представляетъ худшую изъ всѣхъ извѣстныхъ правительственныхъ формъ, тѣмъ болѣе, что она соединялась съ крайними ограниченіями власти короля—до того, что самая страна называлась республикой. Наслѣдственная монархія имѣетъ свои достоинства, особенно по отношенію къ сохраненію спокойствія въ странѣ, но нельзя не признать для противоположной формы правленія наиболѣе цѣлесообразнымъ періодическій выборъ главы исполнительной власти, и притомъ на срокъ не слишкомъ краткій, чтобъ не такъ часто волновать страну избирательной горячкой. Четырехлѣтній періодъ президентства, какъ въ Америкѣ, признается авторитетами слишкомъ короткимъ и, вѣроятно, подъ влияніемъ такого взгляда, отложившіяся было, двадцать лѣтъ назадъ, южные штаты установили у себя срокъ президентства шестилѣтній. Такъ или иначе, срочность является необходимымъ условіемъ избирательности представителя монархическаго начала въ странѣ, какое бы онъ званіе ни носилъ. Избираемое лице является, такимъ образомъ, просто первымъ должностнымъ, служащимъ человѣкомъ въ государствѣ и по минованіи срока удаляется въ частный бытъ. Въ Польшѣ же политическія страсти должны были ожесточаться тѣмъ сильнѣе, что королевскій санъ достигался на всю жизнь избранника; лицо, получившее этотъ санъ, не имѣло тѣхъ побужденій хорошо управлять, какія обыкновенно предполагаются у наслѣдственнаго монарха: долгое время правленіе дурнаго, но пожизненнаго короля могло безпрещатвенно вести страну по пути упадка, какъ и было съ Польшей при Августѣ III. Присоедините сюда неслыханныя своеволія шляхты и пагубное учрежденіе „liberum veto“, справедливо осуждаемое авторомъ, и незначѣмъ будетъ чрезмѣрно нападать на происки иностранныхъ державъ, будто бы поддерживавшихъ всѣми силами анархію въ Польшѣ, какъ старается доказать авторъ. Старики Чарторьскіе были безсильны устранить зло, хотя и дѣлали къ тому попытки: такъ, они совѣтовали Понятовскому содѣйствовать поднятію среднихъ родовъ шляхетскихъ и противиться претензіямъ и дальнѣйшему росту тѣхъ, которые и такъ уже считались первѣйшими въ странѣ. Понятовскій, вначалѣ своего правленія, вносилъ даже въ сеймъ предложеніе, клонившееся къ замѣнѣ „liberum veto“ большинствомъ голосовъ, но тѣмъ вызвалъ сильное неудовольствіе со стороны шляхты, видѣвшей въ томъ посягательство на свою вольность. Благоразумныя, хотя крайне робкія мѣры Чарторьскихъ вызывали среди недовольныхъ возгласы о „деспотизмѣ фамиліи“. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что положеніе умныхъ стариковъ, сознававшихъ гибельность пути, по которому шла ихъ родина, имѣло въ себѣ нѣчто трагическое или, по крайней мѣрѣ, достойное сожалѣнія. Въ письмахъ Михаила Чарторьскаго къ племяннику находимъ много умныхъ совѣтовъ и, между прочимъ, слѣдующую сентенцію, особенно горькую и ироническую по отношенію къ судьбамъ Польши: „только путемъ сердечнаго и полнаго довѣрія и согласія короля съ народомъ, при мудромъ пользованіи всѣми благоприятными обстоятельствами, можетъ возникнуть и разцвѣсти новая, соответствующая Польшѣ роль между государствами!“ А между тѣмъ, этого короля подданные упорно называли „стольникомъ литовскимъ!“

Картина разстройства и замиранія Польши набросана у г. Залескаго хорошо, но далеко не полно: собственно общественнаго строя онъ вовсе не касается, ограничиваясь политической стороною дѣла, а въ экономической под-

кладѣ, въ приниженіи крестьянскаго сословія, и заключалась коренная причина слабости Польши, не разъ съ горечью констатируемой въ книгѣ г. Залескаго.

Н. С. К.

Russia, by W. K. Morfill. London. 1880 г.

Въ послѣднее время въ разныхъ литературахъ Европы начинаютъ появляться весьма дѣльными, основательными сочиненіями, знакомящими европейскую публику съ разными сторонами политической и общественной жизни нашего отечества. Такіе ученые, какъ Леруа-Болье, Рамбо, Леже, даютъ возможность основательно узнать Россію съ разныхъ сторонъ французамъ; Макензи Уоллесъ представляетъ въ англійской литературѣ сочиненіе, которое по обширности изученія предмета и многосторонности взгляда превосходитъ все, написанное о Россіи до сихъ поръ не только на иностранныхъ языкахъ, но даже и по-русски. Къ числу серьезныхъ и основательныхъ знатоковъ русской жизни принадлежатъ въ современной англійской литературѣ и авторъ сочиненія, заглавіе котораго мы привели въ началѣ статьи. Г. Морфилъ, извѣстный уже трудами, посвященными Россіи, напечаталъ недавно новый. Давши своей книгѣ общее заглавіе „Russia“, онъ въ сжатомъ, но законченномъ очеркѣ знакомитъ своихъ читателей съ Россіею со многихъ сторонъ. Первая глава его сочиненія заключаетъ въ себѣ физическую географію Россіи, вторая — этнологию, третья посвящена русскому языку, литературѣ и искусству. Въ слѣдующей за тѣми главѣ мы находимъ описаніе главнѣйшихъ русскихъ городовъ съ краткой характеристикой каждаго; далѣе идетъ изложеніе всего, что касается образа правленія, политической и религіозной жизни русскаго народа. Шестая посвящена земледѣлію и торговлѣ, обзору источниковъ народнаго богатства и промысловъ. Въ предпоследней, седьмой главѣ авторъ даетъ очеркъ соціальной жизни русскаго народа и дѣлаетъ краткую національную характеристику. Заключительная восьмая глава содержитъ въ себѣ краткій очеркъ русской исторіи. Мы назвали эту главу заключительною, такъ какъ ею собственно оканчивается изложеніе того, что касается Россіи. Но у автора есть еще двѣ главы — IX и X, посвященные Польшѣ: первая — исторіи, а вторая — польской литературѣ. Къ сочиненію, въ самомъ началѣ книги, приложены двѣ карты Россіи — политическая и физическая; а въ самомъ сочиненіи находимъ нѣсколько весьма отчетливо исполненныхъ гравюръ. Въ коротенькомъ предисловіи авторъ объявляетъ намъ цѣль и основную идею своего труда — представить „въ сжатомъ очеркѣ картину современнаго положенія Россіи“. „Я старался“, говоритъ авторъ, „судить безпристрастно, а не просто съ англійской точки зрѣнія“. И дѣйствительно, взгляды г. Морфиля чужды духа пристрастія и заранѣе составленныхъ предубѣжденій. Авторъ произноситъ свои сужденія на основаніи фактовъ, которые тщательно изучалъ. Нельзя не отнести также къ числу существенныхъ достоинствъ книги англійскаго ученаго той полноты, съ которою онъ касается своего предмета. Задавшись цѣлью — познакомить своихъ соотечественниковъ съ современною Россіею, авторъ не ограничивается топографіей или статистикою страны, а старается начертать, такъ сказать, ея нравственную физиономію, представивъ духъ и характеръ ея учреждений. Такое основательное знакомство автора со всѣмъ касающимся Россіи объяс-

няется между прочимъ обиліемъ и разнообразіемъ тѣхъ источниковъ, которыми онъ пользовался при изученіи своего предмета. Въ концѣ своего сочиненія г. Морфиль приводитъ списокъ ученыхъ трудовъ, которые рекомендуетъ каждому, желающему изучить Россію съ разныхъ сторонъ ея прошлаго и настоящаго быта, и которыми онъ пользовался самъ для своего труда. Книга г. Морфиля составляетъ, по нашему мнѣнію, весьма полезное во многихъ отношеніяхъ пріобрѣтеніе въ литературѣ иностранныхъ сочиненій, касающихся современной Россіи.

Д. Лебедевъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Распоряженіе императрицы Анны Ивановны о приемахъ въ Петергофѣ.

„1735 г. іюня 28 дня. Для вѣдома, какъ въ Петергофѣ поступать.

„Приѣзжать всѣмъ вольно въ воскресенье и въ четвергъ, а кромѣ тѣхъ дней никому не быть, развѣ самал крайня кому до насъ будетъ нужда, тѣмъ и въ прочіе дни, или когда за нужными дѣлами туда приѣзжать будутъ, тѣхъ кормить при дворѣ, а людямъ ихъ никакой порціи, такъ же на собственныхъ ихъ лошадей фуражу, кромѣ нашихъ, не давать и не ѣздить; квартиры придворнымъ кавалерамъ—двумъ двѣ комнаты, а имъ всякому кавалеру изъ людей своихъ за собою не брать больше, какъ по два человѣка.

„Никому въ квартиры не отпускать ни кушанья, ни вина, ни кофе, ни чаю, и однимъ словомъ ничего, а кофе пить по утру, а послѣ обѣда, кто хочетъ, при дворѣ.

Изъ бумагъ М. Д. Хмырова.

Всеподданнѣйшій докладъ о раздѣлѣ имущества послѣ великой княгини Ольги Павловны.

„Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія отъ вашего императорскаго величества, намъ даннаго о раздѣлѣ оставшихся послѣ покойной государыни великой княжны Ольги Павловны денегъ и вещей, и о роздачѣ бѣлья и платья, имѣемъ честь донести всеподданнѣйше:

„Бѣлье, платье, и въ томъ числѣ разныя шелковыя матеріи, по волѣ вашего величества, находящеяся при нихъ императорскихъ высочествахъ государыняхъ великихъ княжнахъ штатсъ-дамою Шарлотою Карловною Ливенъ раз-

дѣлены и розданы находившимся при комнатѣ покойной великой княжны, новыя же кружева приняты въ распоряженіе помянутой штатсъ-дамы для надлежащаго употребленія.

„Крестъ и звѣзда ордена св. Екатерины возвращаются въ комнату вашего императорскаго величества.

„Изъ денегъ послѣ покойной великой княжны, оставшихся въ размѣрѣ 33.541 р. и 82 коп. произведется обыкновенная дача передъ праздникомъ св. Пасхи, бываемая людямъ обоого пола при покойной великой княжнѣ находившимся, на которую потребно 1794 руб. Затѣмъ осталось къ раздѣлу денегъ 31.747 руб., 82 коп., да вещи алмазныя въ приложенной росписи означенныя.

„Приступая къ росписанію оныхъ по вашему соизволенію, изъ нихъ генералъ графъ Салтыковъ объявилъ, что его императорское высочество, государь великій князь Александръ Павловичъ, не желаетъ себѣ никакой части и что его императорское высочество государь великій князь Константинъ Павловичъ объявляетъ алмазныя вещи въ пользу государынь сестеръ своихъ, почему и представляемъ на утверженіе вашего императорскаго величества слѣдующее росписаніе:

„Первая часть въ пользу его императорскаго высочества великаго князя Константина Павловича составитъ изъ однихъ 5.500 руб. денегъ.

„Вторая, эпюлетъ брилліантовый въ 3.800 руб. да денегъ 5.000 руб. и того на 8.800 руб.

„Третья, серги брилліантовыя въ 3.700 руб., да денегъ 5.000 руб. итого на 8.700 руб.

„Четвертая, нитка брилліантовая въ 2.600 руб., медальонъ, осыпанный брилліантами въ 750 руб., да денегъ 5.000 руб., и того на 8.350 руб.

„Пятая, нитка брилліантовая въ 2,600 руб., двѣ астры аметистовыя въ 550 руб., два перстня съ осыпкою въ 130 руб., да денегъ 5.000 руб. итого на 8.280 руб.

„Шестая, перстень съ однимъ камнемъ въ 2.400 руб. да денегъ 6.000 руб. итого на 8.400 руб.

„На семь основаніи, не благоугодно ли будетъ повелѣть помянутыхъ второй, третьей, четвертой, пятой и шестой частей, по вынимаемымъ номерамъ произвести раздѣлъ въ пользу государынь великихъ княженъ. Остальныя же затѣмъ 247 руб. причислить къ раздачѣ нижнимъ служителямъ, при комнатѣ покойной великой княжны находившимся.

На подлинной написано собственною рукою ея императорскаго величества такъ:

„Быть по сему“.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 15, 1795 г.

Сообщено Г. В. Есиповымъ.

Любопытная резолюція шефа жандармовъ графа Орлова по поводу одной статьи.

Въ № 22 „Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1851 года, былъ сообщенъ трагическій случай разрушенія деревяннаго моста въ Владимірѣ, при чемъ погубило очень много народа. Н. И. Гречъ, редакторъ „Сѣверной Пчелы“, «истор. вѣстн.», годъ II, томъ VI.

препроводилъ эту статью, 14-го іюня, въ подлинникѣ управлявшему Третьимъ Отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, генераль-лейтенанту Дубельту, и просилъ дозволить перепечатать описаніе несчастнаго случая въ „Сѣверной Пчелѣ“. Статья возвратилась въ редакцію этой газеты съ слѣдующими резолюціями:

„По моему мнѣнію, эту статью не должно было печатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ, которыя не для сего учреждены; но какъ она уже напечатана, то, кажется, нѣтъ препятствія печатать ее въ „Сѣверной Пчелѣ“. Какъ прикажете?“

(Мнѣніе Л. В. Дубельта, собственноручно писанное).

Графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ (тогда еще не князь) жилъ на своей дачѣ, въ Стрѣльнѣ, куда послана была статья. Онъ положилъ слѣдующую собственноручную резолюцію:

„Я нахожу печатаніе этой статьи въ „Сѣверной Пчелѣ“ совсѣмъ не нужнымъ. Губернскихъ вѣдомостей никто почти не читаетъ, а „Сѣверная Пчела“ по всей имперіи и въ чужихъ краяхъ читается. Зачѣмъ возобновлять общую скорбь о семъ несчастномъ происшествіи? Поблагодарить Николая Ивановича Греча за его осторожность и объявить ему мое мнѣніе.

„Гр. Орловъ.“

Стрѣльна, 16-го іюня.

Сообщено П. С. Усовымъ.

Неприличное сану и званію состязаніе съ евреями.

Ни въ одной изъ областныхъ мѣстностей Россіи нѣтъ такого значительнаго количества ярмарокъ, какъ въ Малороссіи. Въ Украинѣ нигдѣ съ такою полнотою и выразительностью не высказывается излюбленная староказацкая „слабость“—выпивка, какъ на ярмаркахъ. Ни одна, даже грошовая, дпящаяся не болѣе шести, десяти часовъ—глухо-деревенская ярмарка не обходится безъ такъ называемой „выставки“—временной продажи крѣпкихъ питей въ „яткѣ“—въ шалашикѣ, сколоченномъ на скорую руку. Евреи, патентованные водочные коммерсанты, подъ ярморочный шумокъ, когда малорусскій крестьянинъ пьетъ магарычи за совершеніемъ покупокъ, пьетъ и ради компанства, и во имя „лихой години“,—эти водкопродавцы въ достаточной степени упражняются въ специально-жидовскомъ мошенничествѣ—„прицепѣ“, недолива до краевъ кабацкой казенно-клейменной посуды. Рѣдка малорусская ярмарка обходится безъ приключенія; несмотря на внушительное присутствіе на ярмаркахъ агентовъ „благочинія“—урядниковъ-полицейскихъ, перепившіеся „сваты“ или зададутъ отиѣнную потасовку другъ-другу, или перебьютъ свудельный товаръ у горшечника, или же, наконецъ, переругаются, пустивъ въ оборотъ запасъ тѣхъ русскихъ злокачественныхъ словъ, которыя иностранцами, и преимущественно нѣмцами, прежде всего постигаются на россійской почвѣ. Въ былое время, за-полвѣка тому назадъ, когда въ Малороссіи продажа крѣпкихъ питей не была стѣснена различными акцизами, разгулъ на ярмаркахъ былъ значительно ходче, чѣмъ теперь; дешевизна горѣлки, безошлинность торговли, такъ что по мѣстамъ бабы продавали водку изъ макортеговъ чашками,—эти условія не могли не имѣть вліянія на количество потребляемаго на ярмаркахъ

алкоголя. Къ тому же, въ старыя годы въ водочныя ятки учащало не одно сѣрое крестьянство,—пить за однимъ столомъ съ нимъ или „одностойне“ не считали для себя предосудительнымъ и представители тогдашняго малороссійскаго духовенства. Ярмарочное бражничанье іереевъ не всегда оканчивалось благополучно: отъ переполненной чарки до скандала меньше линіи... Мы имѣемъ передать, на основаніи архивныхъ свѣдѣній ¹⁾, одно довольно выдающееся іерейское пьяно-ярмарочное злоключеніе, окончательное опредѣленіе по которому дано императоромъ Николаемъ.

Дѣло было въ 1829 году, іюня 29, на праздникъ апостоловъ Петра и Павла. Стояла ярмарка въ селѣ Великомъ Хуторѣ, Золотоношскаго уѣзда (тогда повѣта), Полтавской губерніи. На эту ярмарку въ числѣ прочаго люда явился „священнонамѣстникъ“ ²⁾ села Дробова ³⁾, нѣкто Даниилъ Позняковскій. Не преминулъ и онъ заглянуть на ярмаркѣ въ „выставку“. Хмѣль одолѣлъ его. Виѣсто того, чтобы проспаться, нетрезвый священникъ сталъ выписывать зигзаги по ярмаркѣ. Подвернулись ему на бѣду „гебри“; вступилъ онъ съ ними въ разговоръ, который скоро принялъ полемико-вѣроисповѣдныя характеръ, на тему—чья вѣра совершеннѣе, христіанская или іудейская? Диспутантъ-пастырь и его оппоненты въ ермолкахъ вели свои пренія съ сильнымъ увлеченіемъ: съ одной стороны—голова, отуманенная винными парами, а съ другой—восточно-горячій складъ натуры, пропитанный заскорузло-неуступчивыми тенденціями талмудизма. Диковинный диспутъ подъ открытымъ небомъ привлекъ, какъ водится, толпу зѣвакъ, которая *semper ubique* не прочь воспользоваться даровымъ спектаклемъ. Іерей, не имѣя возможности осилить своихъ оппонентовъ, перешелъ отъ одного безобразія къ другому, горшему; диспутъ, профанирующій свой предметъ, превратился въ полный монологъ — „неприличны, — по документальному выраженію — неумѣстныя и соблазнительныя сужденія о Богѣ и о законѣ“. Сужденія эти завершились въ концѣ концовъ такимъ изреченіемъ: „нѣтъ Бога, а человекъ и весь свѣтъ созданъ натурою“. Бѣда не приходитъ одна. Оповѣстивъ свою дикую космогонію, Позняковскій не замедлилъ вслѣдъ затѣмъ выступить на ярмарочной площади въ качествѣ кулачника, „производилъ съ мѣщаниномъ Байшею драку въ виду множества бывшаго на ярмаркѣ народа, къ соблазну онаго и поношенію духовнаго сана“. Побитый священнонамѣстникъ свалился на землю; ярмарочная публика стала потѣшаться надъ несчастнымъ: посыпались на него градомъ линки, щелчки, крѣпкія остроты. „Позняковскаго, гласитъ консисторскій указъ, били и издѣвались надъ нимъ совершенно къ униженію чести духовнаго сана“.

На слѣдующій день послѣ побойца, 30-го іюня, въ воскресенье, Позняковскій служитъ уже въ своей приходской церкви обѣдню, „безъ должнаго о содѣянномъ преступленіи раскаяніи“ и безъ предварительнаго совершенія вечерни и заутрени, которыя были отиѣты причетниками.

¹⁾ Изъ „Архива Благочинія“ третьяго участка Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Указы полтавскаго духовнаго правленія благочинному Воблomu, отъ 18-го сентября 1830 г., № 1210, и отъ 20-го января 1831 г., № 141.

²⁾ Мѣстный духовный титуль, теперь вышедшій изъ употребленія. Онъ усоволялся священникамъ отличеннымъ, имѣвшимъ хотя бы первую награду.

³⁾ Дробовъ—бывшее помѣстье графа П. В. Завядовскаго (1739—1812 гг.), одного изъ случайныхъ людей Екатерининской поры и перваго по времени министра народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Прошло пѣсколько времени. Въ золотовошское духовное правленіе вступилъ „извѣтъ г. Пириятина, мѣщанина Петра Байши, села Драбова, Михайловской церкви, на священнонаѣстника Даніила Позняковскаго, о произнесенныхъ имъ, Позняковскимъ, на ярмаркѣ въ селѣ Великомъ Хуторѣ промежду разговоромъ съ евреями въ нетрезвомъ его видѣ вредныхъ внушеніяхъ, о бытіи Божіемъ словахъ, къ народному соблазну, и о приченной имъ ему, Байшѣ, терзаніемъ обидѣ и о другихъ неблаговидныхъ поступкахъ его, Позняковскаго“. Извѣту подѣ такимъ семимильнымъ заголовкомъ дано надлежащее движеніе. Досконально „неукоснительное“ слѣдствіе, давшее сознаніе Позняковскаго, подкрѣпленное свидѣтельскими показаніями, удостовѣрило дѣйствительность извѣта мѣщанина. Полтавская консисторія дала такое опредѣленіе поэтому дѣлу: „дабы удержатъ его, Позняковскаго, отъ подобныхъ неистовствъ и ложныхъ чувствованій и сужденій о Богѣ, поселить въ немъ страхъ Божій и дать почувствовать важность учиненнаго имъ неприличнаго званію его поступка,—на основаніи указовъ 1828 г., марта 17-го и ноября 29-го, отрѣшивъ его навсегда отъ настоящаго священническаго мѣста и запретивъ ему священнослуженіе, опредѣлитъ въ полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь на годъ, съ тѣмъ, ежели покажетъ плоды исправленія, то можетъ просить себѣ мѣста, гдѣ прихожане принять его пожелаютъ. А дабы и прочіе священно и церковно-служители здѣшней епархіи, бывая на ярмаркахъ по хозяйственнымъ своимъ надобностямъ, не заводили подобно Позняковскому неприличныхъ сану и званію ихъ состязаній съ евреями и другими лицами, удалались отъ подобныхъ соблазнительныхъ и предосудительныхъ дѣяній и отнюдь не ходили бы въ шалаша, выставляемые на ярмаркахъ для питья горячаго вина подѣ опасеніемъ за то строгого взысканія по законамъ,—о томъ предписать всѣмъ духовнымъ правленіямъ указами“. Опредѣленіе это утверждено епископомъ полтавскимъ, Георгіемъ Ящуржинскимъ ¹⁾.

Между тѣмъ, дѣло Позняковскаго имѣло поступить чрезъ св. синодъ на высочайшее усмотрѣніе. Первые годы царствованія императора Николая— время особенно грозное для духовенства. Государь, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, обратилъ вниманіе на нравственную распущенность духовенства и приказалъ синодальному оберъ-прокурору немедленно доводить до высочайшаго свѣдѣнія о всѣхъ поступкахъ, которые будутъ происходить отъ нетрезвости и буйства священно и церковно-служителей; о положенныхъ же по этимъ

¹⁾ Сынъ священника подольской области; родился 1778 г.; учился въ базиліанскихъ училищахъ въ Барѣ и Винницѣ, въ кіевской академіи и въ шаргородской семинаріи. Затѣмъ былъ священникомъ кафедральнаго собора въ Каменцѣ и учителемъ тамошней семинаріи. Съ 1810 года монахъ-префектъ той же семинаріи, съ 1813 г.—ректоръ. Епископомъ полтавскимъ назначенъ 1824 г.; въ 1830 переведенъ въ Архангельскъ; въ 1845 г. назначенъ тобольскимъ архіепископомъ. Умеръ въ 1852 г. Оставилъ послѣ себя память, какъ монахъ церковнаго цѣнія и какъ любитель „приносовъ“. Въ г. Переяславѣ, бывшемъ мѣстопробываніи полтавскихъ епископовъ, приносы производились въ довольно оригинальной формѣ. При монастырѣ, гдѣ жилъ Георгій, была заведена кафедральная лавка, достаточно снабженная разною бакалеей и колониально. Желющій сдѣлать приносъ пріобрѣталъ непременно въ этой лавкѣ, примѣромъ, фунтъ чаю, сахаръ, вино и т. п. и отправлялся въ „пріемную“. Поступившій сюда приносъ возвращался обратно въ лавку, оиять продавался и оиять возвращался... На переяславщинѣ есть старожилы, помнящіе эти нескончаемыя путешествія кафедральныхъ товаровъ туда и обратно. Въ бібліотекѣ московскаго общества сельскаго хозяйства находилось въ 1853 году, по свидѣтельству „Сѣверной Пчелы“ (№ 12), рукописное сочиненіе Георгія—„Предварительное понятіе о потномъ церковномъ обиходѣ“. Цѣло ли оно?

дѣламъ наказаніяхъ дѣлать докладъ особо. Св. синодъ съ своей стороны распорядился, чтобы епархіальные архіереи непременно и немедленно доносили ему о „пьянственности и буйственности“ духовенства; секретарямъ консисторій, независимо отъ этого, вѣнено въ обязанность дѣлать сообщенія по сказаннымъ дѣламъ непосредственно отъ себя синодальному оберъ-прокурору. „Упущенія“ на сей счетъ, такимъ образомъ, были заботливо предотвращены...

Св. синодъ посмотрѣлъ на поступокъ священнонаѣстника гораздо строже, чѣмъ епархіальная власть: тамъ, гдѣ архіерей и консисторія видѣли „ложное чувство и сужденіе о Богѣ“, „неприличное сану и званію состязаніе съ евреями“, „предсудительное и соблазнительное дѣяніе“,—тамъ св. синодъ нашелъ богохульство. Рѣшеніе консисторіи оказалось несоответственнымъ важности противусмыслицъ, допущенныхъ Позняковскимъ. Св. синодъ своимъ мнѣніемъ положилъ: „Позняковскаго, какъ нетерпимаго въ духовномъ вѣдомствѣ по развращенной его нравственности, обнаруженной имъ предсудительными и богохульными поступками, лишить, по 27 и 42 апостольскимъ правиламъ и указамъ 17-го марта и 19-го ноября 1828 года, священническаго сана и отослать въ губернское правленіе“.

Оберъ-прокуроръ св. синода, князь П. С. Мещерскій, мнѣніе св. синода представилъ на высочайшее усмотрѣніе. 14-го октября 1830 года, государь собственноручно начерталъ на докладѣ Мещерскаго: Совершенно справедливо; а епископу сдѣлать строжайшій выговоръ за ни съ чѣмъ несообразный приговоръ, съ тѣмъ, что при первомъ подобномъ случаѣ лишень будетъ епархіи и званій; а прочимъ сіе сдѣлать извѣстнымъ.

Высочайшій выговоръ не засталъ преосвященнаго Георгія на полтавской кафедрѣ—онъ былъ переведенъ въ Архангельскъ. Полагать надо, что дѣло Позняковскаго нескоро было забыто: первую архіерейскую награду, Анненскую звѣзду, которая обыкновенно дается на пятомъ-шестомъ году службы, епископъ Георгій получилъ чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ дѣла Позняковскаго, на оснадцатомъ году епископскаго служенія.

Что случилось съ злополучнымъ эскъ-священнонаѣстникомъ—имѣющіеся у насъ документы не даютъ свѣдѣній; вѣроятно, онъ не миновалъ торной владимірки.

Тяжела эта мрачная страница изъ пастырскаго быта отжитыхъ временъ; но въ консисторскихъ архивахъ немало хранится за семью замками еще болѣе безотрадныхъ данныхъ, относящихся къ этой сторонѣ нашего историческаго прошлаго. Пора бы уже сдѣлать ихъ предметомъ научной разработки для уясненія религіознаго положенія страны въ ея неособенно отдаленномъ прошломъ. Глумленію здѣсь не можетъ быть мѣста; предполагающей таковое заявить съ своей стороны кастовую недалковидность и ничего больше.

Сообщено И. Д. Павловскимъ.

С М Ъ С Ъ.

Пятый археологический съездъ въ Тифлисѣ.

Открытие съезда.—Кавказскій музей.—Руссы арабскихъ писателей.—Раскопки на мѣстѣ города Бердаа.—Географическія распредѣленія наименованій потомковъ Ноя.—Разводъ въ Абхазіи.—Могила каменнаго періода въ Иркутской губ.—Нефритовые топоры въ дерптскомъ музеѣ.—Раскопки у Кисловодска и Пятигорска.—Легенда о Семирамидѣ.—Византійскія сказанія о 12-ти трысавицахъ.—Понтійская эра.—Грузинскіе церковные памятники въ Кіевѣ.—Вѣнцы и вѣнки.—Секта тондракскихъ армянъ.—Матеріалы для исторіи Сибири въ XVII в.—Грузинскій алфавитъ.—Изъ исторіи археологическаго института въ Римѣ.—Изысканія на Таманскомъ полуостровѣ.—Спеціальныя рефераты.—Славянскій списокъ Георгія Амартола изъ бібліотеки московской духовной академіи.—Русскія шатровыя церкви.—Г. Праховъ—о промываніи фресокъ.—Изъ кавказской археологіи.—Погребальныя обычаи древлянъ и тиверцевъ.—Курганные жители сѣверянской земли.—Раскопки графа Платера.—Общій выводъ.—„Дорогая“ археологія.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ время болѣе, чѣмъ когда либо, археологи-ислѣдователи не довольствуются изученіемъ древнѣйшихъ памятниковъ, которые сами собою представляются ихъ взорамъ. Въ послѣдніе годы, напротивъ, вошло въ обыкновеніе производить раскопки, извлекать памятники изъ самыхъ нѣдръ земли, общающей раскрыть намъ съ давнихъ временъ схороненныя въ ней тайны и такимъ образомъ освѣтить множество невѣдомыхъ слѣдовъ древняго міра, а равно и пополнить нѣмнѣющія у насъ свѣдѣнія о бытовыхъ условіяхъ различныхъ народовъ въ различныя эпохи ихъ существованія. Кавказъ въ этомъ отношеніи неочайный родникъ любопытныхъ и важныхъ археологическихъ матеріаловъ, по которымъ, независимо отъ спеціальнаго интереса, представляется возможнымъ провѣрить цѣнность раскопокъ, произведенныхъ въ другихъ мѣстахъ. Всѣ націи одна за другой прошли черезъ Кавказъ, оставивъ здѣсь, среди костей и развалинъ, тысячи слѣдовъ бурной исторіи этой страны, такъ щедро надѣленной дарами природы и столько разъ бывшей театромъ борьбы различныхъ націй. Здѣсь можно найти типы племенъ, населяющихъ двѣ трети земнаго шара; здѣсь же сохранились самыя древнѣйшія надписи. Индійская, еги-

петская, греческая, римская, византийская и арабская культуры оставили по себѣ документальныя свидѣтельства. Каждая квадратная сажень земли по динамъ рѣкъ Куры, Ріона, Чароха и Аракса скрываютъ подъ собою въ глубоко зарытыхъ гробницахъ остатки трехъ-четырехъ эпохъ цивилизаціи. Въ разныхъ еще неизслѣдованныхъ пещерахъ, монастыряхъ и древнихъ замкахъ, гніютъ драгоценныя рукописи по исторіи Кавказа и всего Востока. Понятно, археологамъ, съѣхавшимся на тифлисскій съѣздъ, открывалось обширное поле ознакомиться на мѣстѣ съ драгоценными памятниками съдой старины. Понятно, съ другой стороны, что дѣятельность тифлискаго съѣзда не можетъ не возбуждать интереса, и потому ниже мы прослѣдимъ ее въ главнѣйшихъ чертахъ по явившимся въ печати отчетамъ самихъ участниковъ съѣзда.

8-го сентября послѣдовало открытіе археологическаго съѣзда въ Тифлисі. Г. Иловайскій въ краткой рѣчи коснулся отношеній Россіи къ Кавказу. Привѣтствуя Кавказъ и его жителей отъ лица пріѣзжихъ членовъ, г. Иловайскій сказалъ, что Россія издавна находилась въ сношеніяхъ съ Кавказомъ, то дружественныхъ, то враждебныхъ, особенно до основанія Золотой Орды. Нельзя сказать, чтобъ и послѣ этого времени прекратились всякія сношенія Россіи съ Кавказомъ. Въ концѣ XVIII в., когда Россія завершила кругъ своего политическаго развитія, съ новою силой возобновляются связи ея съ Кавказомъ. Грузія, раздираемая внутренними смутами и тревожимая нападеніями вѣйшихъ враговъ, подчиняется единовѣрной, могущественной Россіи. Въ послѣдующія затѣмъ десятилѣтія, русскія войска, при помощи піонеровъ русской цивилизаціи—терскихъ и кубанскихъ казаковъ, подчиняютъ храбрыя кавказскія племена, одно за другимъ, русской державѣ. Теперь процессъ этого подчиненія уже законченъ и настала пора дружной научной разработки общими силами древнихъ памятниковъ Кавказа, представляющаго высокой научный интересъ по всѣмъ отраслямъ знанія.

Тотчасъ по открытіи съѣзда, послѣдовало открытіе кавказскаго музея. Музей получилъ начало еще при бывшемъ намѣстникѣ кавказскомъ, князѣ Воронцовѣ, но разросся и перестроился благодаря щедротамъ великаго князя Михаила Николаевича. Съ содержаніемъ музея можно познакомиться при помощи „Краткаго Путеводителя“, вышедшаго въ настоящемъ году третьимъ изданіемъ. По словамъ этого „Путеводителя“, въ музей сосредоточены всѣ почти существовавшія въ Тифлисі коллекціи. „Благодаря такой централизаціи, посѣтитель музея, при ближайшемъ ознакомленіи съ предметами, можетъ составить себѣ весьма вѣрное представленіе о Кавказскомъ перешейкѣ, о его естественныхъ произведеніяхъ, о людяхъ, населяющихъ его въ настоящее время, и объ ихъ прошлой исторіи“. Обстановка музея, можно сказать, роскошная. Вечеромъ, 8-го сентября, было засѣданіе отдѣленія исторической географіи и этнографіи, въ которомъ прочитаны рефераты: 1) Н. Я. Аристова—„О руссахъ арабскихъ писателей“, В. В. Стасова; 2) Н. О. Цилюсани—„Раскопки на мѣстѣ города Бердаа“; 3) А. Я. Гаркави—„Новыя соображенія о географическомъ распредѣленіи наименованій въ генеалогической таблицѣ потомковъ Ноевыхъ“; 4) Ю. П. Проценко—„Въ чемъ состоитъ обрядъ развода въ Абхазіи“; 5) Бѣленькаго—„Какія имѣются данныя объ исторіи переселенія армявъ въ юго-западную Русь.“

1) Г. Стасовъ, извѣстный у насъ своею смѣлою теоріей о происхожденіи русскаго народнаго эпоса отъ тюркскихъ племенъ Сибири, въ новой брошюрѣ своей, присланной на V археологическій съѣздъ, доказываетъ, что описываемые арабскими писателями Ибнъ-Фодланомъ руссы — не славяне. Что это за народъ, — авторъ не говоритъ рѣшительно, но полагаетъ однако же, что онъ представлялъ изъ себя смѣсь финскихъ и другихъ элементовъ. Предполагая брошюру г. Стасова доступною для читателей, мы не будемъ излагать ея содержанія. На съѣздѣ она вызвала рядъ разъясненій и возраженій.

2) Г. Цилюсани сообщилъ о произведенныхъ имъ раскопкахъ близъ деревни Бердаа, въ 20 верстахъ отъ рѣки Куры, на предполагаемомъ мѣстѣ древняго города Бердаа. Руссы, опустошая берега Каспійскаго моря, поднялись вверхъ по рѣкѣ Курѣ и дѣлали нападенія на городъ Бердаа, основанный будто бы персами. Подъ 944 годомъ Ибнъ-Элесида Дже-дель упоминаетъ о руссахъ и нападеніи ихъ на Бердаа. На существованіе и мѣстоположеніе его близъ нынѣшней деревни Берда указываютъ и мѣстныя преданія, и па-

мятники древности. Въ описаніи этихъ памятниковъ преимущественно и состоялъ рефератъ Циолсани.

3) Г. Гаркави резюмировалъ свою монографію, изданную Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ о географическомъ распредѣленіи потомковъ сыновей Ноевыхъ—Сима, Хама, Іафета. Потомки Ноя сначала жили въ окрестностяхъ нынѣшняго Арарата и отсюда постепенно выселились на югъ тремя группами: къ озеру Ванъ, въ Таврскія горы и на западъ. Референту возражали профессоръ Паткановъ и генераль Стебницкій.

4) Послѣдній рефератъ г. Проценко о разводѣ въ Абхазіи уклонялся въ сторону отъ своего предмета, о которомъ сказано весьма мало. Несогласные между собою супруги разводились такимъ образомъ: жена удалялась къ своимъ родителямъ или родственникамъ, которые требовали отъ бывшаго мужа обезпеченія для разводимой. Затѣмъ слѣдовала торжественная публичная клятва со стороны родителей разводящихся супруговъ въ томъ, что они, родители, не считаютъ для себя оскорбительнымъ разводъ ихъ сына или дочери, сдѣланный при настоящихъ условіяхъ. Послѣ того разведенная жена могла выйти замужъ за другаго.

9-го сентября, утромъ, на засѣданіи I отдѣленія сѣзда предложены были рефераты: 1) Н. И. Витковского — „Могилы каменнаго періода въ Иркутской губерніи“; 2) г. Штида — „О двухъ нефритовыхъ топорахъ, хранящихся въ дерптскомъ музеѣ“; 3) Н. Я. Самоквасова — „Раскопки у Кисловодска и Пятигорска въ 1881 году“.

Раскопки и находки г. Витковского приводятъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) нефритовыя орудія относятся къ эпохѣ неолитической, къ послѣднимъ ея вѣкамъ; 2) при сохранности остововъ нѣкоторые черепа оказались сплюснутыми, вѣроятно потому, что подъ нихъ подложены были подушечки, съ теченіемъ времени сгнившія, вслѣдствіе чего обвалилась земля; 3) въ могилахъ замѣчается полнѣйшее отсутствіе гробовъ; тѣла прямо зарывались въ землю; 4) костяки окружены какъ бы красноватымъ пескомъ, въ которомъ, по химическомъ изслѣдованіи, оказалась окись желѣза; 5) направленіе остововъ двоякое: на югъ и юго-западъ; 6) погребальные обычаи наблюдаются слѣдующіе: костяки лежатъ въ горизонтальномъ положеніи, лицомъ къ верху, руки протянуты вдоль туловища, положеніе кисти не одинаково, рядомъ съ однимъ изъ костяковъ лежитъ другой. Въ положеніи остововъ нѣтъ особаго порядка. Орудія вкаланы по обѣимъ сторонамъ черепа: при кистяхъ рукъ и пр. Находимыя вещи сдѣланы изъ камня и кости; употребленія металловъ не было. Въ послѣднее время г. Витковскій снова разрылъ двѣнадцать могилъ съ двѣнадцатью скелетами и нашелъ въ нихъ 225 предметовъ каменныхъ, костяныхъ и глиняныхъ; между каменными два топора яшмовые, остальные орудія изъ нефрита и пр.

Г. Штида сообщилъ о двухъ нефритовыхъ топорахъ дерптскаго музея, сѣрозеленаго цвѣта, изъ коихъ одинъ неизвѣстнаго происхожденія, вѣроятно изъ Сибири. Здѣсь даже въ прошломъ вѣкѣ чукчи пользовались нефритовыми орудіями.

Г. Самоквасовъ, извѣстный еще прежде своими раскопками кургановъ, сообщилъ о результатахъ своихъ раскопокъ, произведенныхъ предъ самымъ сѣздомъ въ окрестностяхъ Пятигорска, Кисловодска и Желѣзноводска. Онъ нашелъ и открылъ множество могилъ и гробницъ каменныхъ въ видѣ ящика, иногда въ нѣсколько ярусовъ или этажей, и въ нихъ скелеты, каменные, костяные и бронзовыя орудія и пр.

Того же числа вечеромъ, на засѣданіи II отдѣленія, предложены были рефераты: 1) Н. О. Эмина — „Легенда о Семирамидѣ по армянскимъ источникамъ и особенностяхъ этой легенды въ сравненіи съ разказомъ Геродота и др.“; 2) В. Э. Миллера — „Въ какомъ отношеніи находятся кавказскія сказанія о прикованныхъ къ горамъ великанамъ къ классическому мѣру о Прометѣѣ“; 3) И. Д. Мансветова — „Византійскія сказанія о двѣнадцати трасавицахъ“, и 4) К. А. Байера — „Отчетъ о раскопкѣ кургановъ около города Петровска, Дагестанской области“.

Содержаніе легенды о Семирамидѣ слѣдующее: въ Арменіи царствовалъ прекрасный Арай, находившійся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Ассиріи, гдѣ тогда царствовала сладострастная Шамирамъ (Семирамида). Услышавъ о красотѣ Арая, она приглашала его къ себѣ въ Ниневію для удовлетворенія

своей страсти, и получивъ отказъ, пошла на него войной. Произошло сраженіе, и Арай палъ смертію героя, хотя Шамирамъ и приказала падить его жизнь и привести къ ней плѣнникомъ. Шамирамъ велѣла отыскать трупъ Арая и принести его въ свои горницы и надѣялась оживить его. Но когда трупъ сталъ разлагаться, сладострастная царица нашла себѣ новаго любовника и распустила слухъ, что то былъ оживленный Арай. Успокоивъ такимъ образомъ армянскій народъ, опечаленный смертію Арая, Шамирамъ отправилась путешествовать на югъ Арменіи, облюбовала ее и порѣшила каждый годъ проживать въ Арменіи четверть года, а остальное время въ Ниневіи. На берегу Соленаго озера она нашла роскошную долину и студеныя воды и рѣшила основать здѣсь городъ, для чего вызвала 12000 работниковъ и 6000 мастеровъ. Здѣсь она проживала по лѣтамъ. Однажды, когда она была въ Арменіи, возсталъ противъ нея одинъ изъ ея вельможъ и захватилъ въ свои руки власть. Шамирамъ поспѣшила въ Ниневію, но была побѣждена и спасалась въ Арменію пѣшкомъ. Однажды стала ее мучить жажда. Шамирамъ подошла къ морю, бросила въ него свое ожерелье-талисманъ и превратилась въ камень. Объ этомъ ожерельѣ существуетъ такое сказаніе. На берегу озера Ванъ, дѣти нашли ожерелье и разсматривали его. Въ это время подошла къ нимъ царица, поняла цѣну ожерелья, взяла его себѣ и наградила дѣтей. При помощи этого ожерелья-талисмана, она сдѣлалась волшебницей, привораживала къ себѣ любовниковъ и изводила кого хотѣла. Одинъ только старикъ изъ окружающихъ царицу зналъ силу ея ожерелья. Онъ отнял у нея ожерелье и побѣждалъ; царица распустила свою косу, вплела въ нее скалу и бросила вслѣдъ за старикомъ, который между тѣмъ добѣждалъ до озера Ванъ и бросилъ въ него ожерелье.

Въ дополненіе къ этому реферату, А. Д. Эрицовъ сообщилъ, что Шамирамъ есть отчасти историческая, отчасти мифическая личность. По сказанію Моисея Хоренскаго, она доходила до Арарата и возвратилась къ озеру Ванъ. И доселѣ въ Арменіи многія горы, крѣпости и мѣстности носятъ названіе Арая прекраснаго и Шамирамъ. Есть и такія крѣпости, которыя приписываются влюбленнымъ другъ въ друга царю и царицѣ, соперничавшихъ между собою въ сооруженіяхъ.

В. Ө. Миллеръ, указавъ на греческихъ писателей, связывавшихъ мифъ о Прометѣ съ Кавказскимъ хребтомъ (Аполлодоръ и др.), или съ Азіей, сосѣднею со скиеами и сарматами (Эсхилъ), задался вопросомъ, какое основаніе имѣли греки для своего мифа. Въ отвѣтъ на это онъ указалъ на цѣлый рядъ кавказскихъ преданій о прикованныхъ къ горамъ великанахъ.

И. Д. Мансветовъ производилъ наши народныя сказанія изъ астрологическихъ и мистическихъ бредней гностическихъ сектъ первыхъ временъ христіанства и особенно ереси Вардеса, которыя впоследствии смѣшались съ еврейскими элементами и выразились въ книгѣ „Testamentum Solomonis“, представляющей иногда разительное сходство съ русскими сказаніями о двѣнадцати трасавицахъ и укротителѣ ихъ св. Сиеніи. Что этотъ астральный культъ имѣлъ бытовое значеніе еще въ Византіи, въ подтвержденіе этого референтъ привелъ свидѣтельство Михаила Пселла, Георгія Пахимера и друг.

Рефератъ г. Байера, прочитанный г. Ивановскимъ, состоялъ изъ перечня и описанія предметовъ, найденныхъ въ курганахъ около города Петровска.

10-го сентября, утромъ, на засѣданіи III-го отдѣленія сѣзда предложены были слѣдующіе рефераты: 1) Д. И. Чубинова — „О Понтигской эрѣ по грузинскимъ источникамъ; 2) Д. И. Пурцеладзе — „О грузинскихъ церковныхъ памятникахъ, находящихся въ Кіевѣ“; 3) Н. В. Покровскаго — „Въ какомъ отношеніи стоятъ древнехристіанскіе брачныя вѣнцы къ вѣнкамъ языческимъ. Каковы ихъ древнѣйшія формы въ Россіи и на Кавказѣ. Изъ какого матеріала приготовлялись они и какія имѣли украшенія“; 4) А. Д. Эрицова — „О сектѣ тондракскихъ армянъ.“

Грузины, по словамъ г. Чубинова, въ древности раздѣлялись на два племени: иберовъ, жившихъ въ центрѣ Кавказа и по берегамъ Чернаго моря, и мингреловъ, занимавшихъ пространство отъ р. Кодоры до р. Ріона; но оба племени были родственны между собою. О нихъ свидѣлствуютъ древніе греческіе писатели—Ксенофонтъ, Страбонъ и др. Они входили въ составъ Понтийскаго государства, или Каппадокіи, которая раздѣлялась на континентальную и приморскую. Въ составъ континентальной Каппадокіи входили и гру-

зины, по свидѣтельству Страбона, которому нужно вѣрить, такъ какъ онъ самъ родился въ Каппадокіи. Его свидѣтельство подтверждается и грузинскими именами, доселѣ сохранившимися въ названіяхъ городовъ и урочищъ на мѣстѣ древней Каппадокіи. Когда въ Понтѣ образовалась въ послѣдствіи Трапезундская имперія, то императоры ея назывались вмѣстѣ и государями Иберовъ. Такимъ образомъ, народъ грузинскій имѣетъ глубокую древность. Онъ имѣлъ и свою эру понтіійскую, которую большею частію опредѣляютъ неодинаково и, по мнѣнію референта, невѣрно. Съ своей стороны онъ предлагаетъ 284 г. до Р. Х. считать началомъ этой эры.

Г. Пурцеладзе прочиталъ списокъ грузинскихъ и армянскихъ памятниковъ, находящихся въ городѣ Кіевѣ, составленный студентомъ кіевской академіи Сулхановымъ. Изъ перечисленныхъ имъ предметовъ вызвали замѣчанія: шитая золотомъ архіерейская палица XVII вѣка, съ грузинскою надписью, выданная, будто бы, по царскому указу, св. Иннокентію Иркутскому при отправленіи его въ Китай, и синайскіе иконописные святцы, изъ коллекціи покойнаго А. Н. Муравьева, за декабрь, январь и февраль мѣсяцы, съ греческими и грузинскими надписями, относимые А. Н. Муравьевымъ къ X—XI вѣку. Приписывая имъ болѣе позднее происхождение, г. Петровъ замѣтилъ, что пока они представляютъ единственный матеріалъ для рѣшенія поставленнаго въ программѣ съѣзда вопроса о томъ, существовали ли на Кавказѣ иконописные подлинники, и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ подлинникамъ византійскимъ и русскимъ. Такъ какъ синайскіе святцы изображаютъ только святыхъ византійскихъ, а грузинскія надписи представляютъ только подстрочный переводъ греческихъ надписей, то поставленный вопросъ слѣдуетъ отрицательно, т. е., что не было въ Грузіи иконописныхъ подлинниковъ, имѣвшихъ національное развитіе.

Г. Покровскій сообщилъ, что въ Петербургѣ и Москвѣ, въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, онъ рассмотрѣлъ 55 экземпляровъ брачныхъ вѣнцовъ русскихъ и грузинскихъ, изъ коихъ три деревянные, три бумажные, а остальные металлическіе. Задачей своего реферата онъ поставилъ: 1) объяснить первоначальное происхождение христіанскихъ брачныхъ вѣнцовъ языческими вѣнками и 2) указать и объяснить разнообразіе формъ встрѣчающихся въ Россіи. Происхожденіе вѣнцовъ предположительно производятъ отъ вѣнковъ Сатурна, Бахуса и др. Въ Римѣ вѣнки имѣли различное значеніе, какъ вѣнки пиршественные, брачные, дѣвственныя и т. п., но, несмотря на различное значеніе, форма ихъ была та же: это вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ. Вслѣдствіе близости первоначальной жизни христіанъ съ языческою, вѣнки перешли и къ христіанамъ. Тертуліанъ порицаетъ надѣваніе вѣнцовъ, какъ идолослуженіе. Впрочемъ, онъ вооружался не столько противъ вѣнковъ изъ цвѣтовъ, сколько противъ ношеній ихъ на головѣ. Тѣмъ не менѣе вѣнки были усвоены христіанами; языческія формы вѣнковъ превратились въ христіанскія и получили внутреннее, духовно-нравственное значеніе. Они стали служить теперь наградою за подвиги мученичества, символомъ радости и т. п. Въ подобномъ значеніи они являются и принадлежностію брака, и въ византійской церкви состояли изъ искусственныхъ вѣнковъ. Русскіе брачныя вѣнцы, соответственно суровости климата, состояли не изъ цвѣтовъ, а изъ дерева и металла. По формѣ они представляютъ подражаніе царскимъ коронамъ или діадемамъ и съ теченіемъ времени измѣняются параллельно съ измѣненіемъ формъ короны. Это доказывается сличеніемъ изображеній коронъ на миниатюрахъ и монетахъ съ брачными вѣнками. Иногда они представляли подобіе головнаго убора русскихъ боярышень. Древнѣйшіе вѣнцы сдѣланы изъ дуба. На вѣнкахъ обыкновенно писались священныя изображенія, чаще всего деисусъ (Спаситель съ Богоматерью и Претечею), причемъ Спаситель и Богоматерь изображались въ коронахъ; затѣмъ Іоакимъ и Анна, Константинъ и Елена.

Г. Эрицовъ, указавъ на русскихъ сектантовъ на Кавказѣ, какъ-то: духоворцевъ, молочанъ, прыгуновъ и т. п., секты которыхъ образовались будто бы подъ вліяніемъ западнаго протестантизма, утверждалъ, что въ образованіи или развитіи этихъ сектъ принималъ немаловажное участіе и Востокъ. Въ доказательство этого онъ остановился на армянской тондракской сектѣ. Въ Арменіи издавна были колоніи индійцевъ, персіанъ, сирійцевъ, евреевъ и др., отъ которыхъ армяне принимали иногда божества. Съ принятіемъ Арменіей христіанства, всѣ эти иноплеменники считаются армянами. Имъ-то, вѣроятно, и

принадлежитъ начало сектантства въ Арменіи. Здѣсь являются послѣдователи Манеса, учителемъ которыхъ былъ Павелъ Армянинъ, глава Павликейской ереси. Въ VII вѣкѣ они были изгнаны изъ Арменіи и отправлены въ Византію. При магометанскомъ владычествѣ явился нѣкто Самбатъ, который поселился въ 840 году въ селѣ Тондракъ, откуда получила название его ересь. Онъ отличался видимымъ благочестіемъ, отвергалъ Промыслъ, благодать Божію, будущую жизнь и проч., совѣтовалъ своимъ послѣдователямъ принаравляться къ православнымъ христіанамъ, ходить въ ихъ храмы и открывать свое учение только избраннымъ. Особенность секты ихъ составляла то, что въ тайныхъ собраніяхъ своихъ они предавались свальному грѣху. Въ 847 году, армянскій католикосъ узналъ о ереси и проклялъ Самбата, а ученики Самбата подверглись различнымъ преслѣдованіямъ и казнямъ. Въ X вѣкѣ сектанты имѣли такую силу, что для борьбы съ ними составлено было особое руководство. Въ XI вѣкѣ послѣдователемъ этой секты является даже архіепископъ Іаковъ, предписавшій священникамъ служить литургію только три раза въ годъ. Въ 1004 году, вслѣдствіе доноса католикосу, Іаковъ бѣжалъ въ Константинополь. Въ XI вѣкѣ секта эта какъ будто исчезла навсегда; но въ настоящемъ вѣкѣ опять обнаруживается нѣчто подобное, послѣ переселенія турецкихъ армянъ въ русскую Арменію. Въ 1837 г., обнаружена какаля-то секта, которая отвергала таинства, признавала Іисуса Христа не Сыномъ Божіимъ, а человѣкомъ, отвергала непорочность Богоматери, не признавала первороднаго грѣха, отвергала почитаніе святыхъ и иконъ, и проч. Свѣдѣнія объ этой сектѣ заключаются въ „катикизисѣ тондракскаго ученія“, рукопись котораго хранится теперь въ эчмиадзинскомъ синодѣ. Съ присоединеніемъ къ Россіи Карской области, становится извѣстною новая секта, такъ-называемыхъ туркменовъ, подобнаго характера. Одни изъ теперешнихъ тондракцевъ суть не что иное какъ армянскіе протестанты, а другіе сближаются съ русскими сектантами. У прыгуновъ часто пресвитерами бывають армяне; армянскіе сектанты усваиваютъ себѣ обычаи и одежду русскихъ сектантовъ. Вообще, тѣ и другіе питають взаимныя симпатіи другъ къ другу. Теперь молokane и прыгуны переселяются въ Карскую область и вѣроятно сойдутся съ такъ называемыми туркменами. Еще одна общая черта соединяетъ русскихъ и армянскихъ сектантовъ: внѣшніе обряды и молитвы у нихъ одинаковы—это круженіе, изступленіе, свальный грѣхъ и проч.

Того-же 10-го сентября, вечеромъ, на засѣданіи IV отдѣленія сѣзда, предложены были рефераты: 1) А. И. Стоянова — „О развалинахъ храма въ Кутансѣ“; 2) Н. И. Петрова — „О миниатюрахъ греческаго никомидійскаго Евангелія (XI—XII в.) въ сравненіи съ миниатюрами Евангелія Гелатскаго монастыря“; 3) Д. И. Пурцеладзе — „По поводу замѣчанія г. Петрова (на утреннемъ засѣданіи) о синайскихъ иконописныхъ святцахъ“; 4) Н. Н. Муракевича — „О возстановленіи Пицундскаго храма въ первоначальномъ видѣ“, и 5) архимандрита Антонина — „О грузинскихъ и армянскихъ памятникахъ въ Іерусалимѣ“, доложенный Д. З. Бакрадзе и А. Д. Эрпцовымъ.

Рефератъ г. Стоянова состоялъ въ описаніи развалинъ и остатковъ древняго кутанскаго храма, который начатъ въ XI вѣкѣ Багратомъ III и оконченъ Багратомъ IV. Описаніе это, иллюстрированное рисунками, имѣло въ виду показать нынѣшнее состояніе храма, въ сравненіи съ описаніемъ Дюбуа, и предварить членовъ сѣзда, имѣющихъ отправиться въ Кутансѣ для осмотра храма.

Г. Петровъ обратилъ вниманіе на приобрѣтенное въ прошломъ году кievскимъ церковно-археологическимъ обществомъ греческое никомидійское Евангеліе XI—XII в., съ 24 миниатюрами и заставками, которыя съ одной стороны имѣють отношеніе къ мозаическимъ изображеніямъ Кіево-Софійскаго собора, съ другой—къ миниатюрамъ гелатскаго Евангелія XI вѣка и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ грузинскихъ рукописей. Живописные типы этихъ миниатюръ, развиваясь въ Византіи и Римѣ съ III вѣка по P. X., постепенно получаютъ разнообразіе и полноту, воспроизводятся одинаково въ Россіи и Грузіи и соединяють эти двѣ страны единствомъ не только вѣронсповѣданія, но и художественныхъ стремленій.

Г. Пурцеладзе, по поводу замѣчанія г. Петрова объ отсутствіи иконописныхъ подлинниковъ въ Грузіи, старался доказать самостоятельность грузинской иконописи, для чего указалъ на существовавшія въ Грузіи школы ико-

нописи и на изображенія грузинскихъ святыхъ и царей, отличающіеся особымъ стилемъ и колоритомъ. Г. Петровъ отвѣтилъ на это, что въ своемъ замѣчаніи онъ имѣлъ въ виду только иконописные подлинники, а не портретную или другую какую-либо живопись, которая, не стѣняясь мелочными правилами подлинниковъ, могла получить въ Грузіи значительное развитіе.

Записка архимандрита Антонина состояла въ описаніи предметовъ Крестнаго монастыря и святогробской сосудохранильницы въ Иерусалимѣ, имѣющихъ отношеніе къ Грузіи и Арменіи.

11-го сентября, утромъ, на засѣданіи V отдѣленія съѣзда, предложены были рефераты: 1) К. П. Патканова — „Краткій очеркъ исторіи разбора клинообразныхъ надписей“; 2) Г. Лихачева — „О серебряномъ сасанидскомъ блюдѣ, найденномъ въ Оренбургской губерніи“; 3) В. Г. Тизенгаузена — „Эпизодъ изъ дипломатическихъ сношеній хановъ Золотой Орды съ султанами мамелюковъ“, и 4) Д. А. Хвольсона — „О надгробныхъ еврейскихъ надписяхъ въ Чуфутъ-Кале.“

11-го сентября вечеромъ, на засѣданіи VI отдѣленія, предложены были рефераты: 1) Г. Мейчика — „Матеріалы для исторіи и археологіи Сибири въ XVII вѣкѣ“; 2) А. А. Цагарели — „Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности“; 3) Д. А. Хвольсона — „О надгробномъ камнѣ съ еврейскою надписью, найденномъ въ Микетѣ“; 4) Д. З. Бакрадзе — „Свѣдѣнія о недавно найденномъ грузинскомъ четвероевангеліи“, и 5) г. Окрочделова-Серебрякова — „О грузинскомъ алфавитѣ“.

Г. Мейчикъ обратилъ вниманіе на нѣкоторые документы, касающіеся Сибири, начиная съ 1626 года, какъ-то: указы воеводамъ, отписки, „памяти“, разныя записныя книги, пастырскія посланія и т. п., проливающіе новый свѣтъ на колонизацію Сибири, финансовое ея положеніе, построеніе городовъ, селъ и проч. Между ними замѣчательна отписка одного архипастыря, съ обличеніемъ недостатковъ разныхъ должностныхъ лицъ въ Сибири; архипастырь заступался не только за христіанъ, но и за невѣрныхъ инородцевъ. Заслуживаетъ также вниманія роспись наказаній за проступки, 1635 года, воеводы князя Петра Ивановича Пронскаго, представляющая матеріалъ для исторіи уголовного права въ Россіи. Есть тутъ наказанія и за такія преступленія, которыя не были предусмотрѣны тогдашнимъ закономъ.

По сообщенію г. Цагарели, изученіе грузинской литературы представляетъ двоякій интересъ: 1) прослѣдить литературныя формы, проникшія въ Грузію съ Запада и Востока, изъ Византіи и Персіи, и 2) указать, въ чемъ выразилась самобытность грузинской литературы, и когда это будетъ сдѣлано, тогда обозначится мѣсто грузинской литературы въ ряду другихъ литературъ. Но, чтобы достигнуть этого, нужно собирать и приводить въ извѣстность памятники грузинской литературы. Въ послѣдніе годы референтъ самъ занимался этимъ дѣломъ и теперь представляетъ результаты своихъ занятій.

Въ дополненіе къ реферату Цагарели, г. Эрицовъ сообщилъ, что первые начатки книгопечатанія на грузинскомъ языкѣ относятся къ XVI вѣку. Въ 1540 годахъ издана была въ Западной Европѣ грамматика многихъ восточныхъ языковъ и между прочимъ грузинскаго. Въ XVI вѣкѣ армянскія книги печатались въ Арменіи. Въ началѣ XVII вѣка изданы были Псалтирь и другія книги на грузинскомъ языкѣ, въ видахъ миссіонерскихъ. Переходя къ рукописямъ, г. Эрицовъ замѣтилъ, что Грузія жила пятнадцатъ столѣтій и имѣетъ довольно богатую историческую литературу. Вѣкъ Тамары имѣлъ своихъ лѣтописцевъ. Правда, въ исторической грузинской литературѣ есть пробѣлы, но они восполняются изъ армянскихъ источниковъ. Кромѣ того, армянскіе монахи въ Венеціи имѣютъ много грузинскихъ рукописей.

Г. Окрочделовъ-Серебряковъ доказывалъ въ своемъ рефератѣ древность происхожденія грузинскаго алфавита.

Слишкомъ смѣло возводитъ начало грузинскаго письма ко времени до Рождества Христова. Правда, и армянскій и грузинскій алфавиты имѣютъ общее сходство съ зендскимъ, финикійскимъ и другими восточными алфавитами и представляютъ изъ себя видоизмѣненіе клинообразнаго письма, но это видоизмѣненіе могло явиться сначала въ Арменіи, гдѣ есть памятники клинообразнаго письма, а не въ Грузіи, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ.

12-го сентября, на утреннемъ и вечернемъ засѣданіяхъ, были предложены рефераты или на иностранныхъ языкахъ, или же очень спеціальныя, касаю-

шіеся мѣстныхъ нарѣчій и малодоступные для неспеціалистовъ. Мы приводимъ здѣсь только перечень этихъ рефератовъ, съ краткимъ указаніемъ содержания лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ.

12-го сентября, утромъ, на засѣданіи внѣ очереди (seance libre), предсѣдательствовалъ профессоръ Рудольфъ Вирховъ, а секретаремъ былъ Г. И. Радде. Читали рефераты: 1) Dr. Obst—„Ueber die Farbe der Augen und Haare der Sachsen“; 2) M. Smirnoff—„De la couleur des yeux et des cheveux des peuples de Caucase“; 3) Professor L. Stieda—„Ueber anthropologische Tabellen“; 4) Professor R. Virchow—„Zur Anthropologie des Kaukasus“; 5) Dr. G. Radde—„Noah, der Weinstock und der Oelbaum, am Ararat“; 6) Comte A. Ouwarov et M. Baron Tiesenhausen—„Ueber die Spuren der Handelsverbindungen zwischen Russland und Indien“.

12-го сентября, вечеромъ, на засѣданіи VII отдѣленія, реферировали: 1) г. Пурцеладзе—„О грузинскомъ алфавитѣ, по поводу реферата г. Окромчедлова-Серебрякова“; 2) Л. П. Загурскій—„Значеніе лингвистики для этнологии и изученія прежняго быта кавказскихъ народовъ“; 3) В. Э. Миллеръ—„О фонетическихъ особенностяхъ осетинскаго языка по діалектамъ и о мѣстѣ, занимаемомъ этимъ языкомъ въ иранской группѣ“; 4) А. И. Стояновъ—„Материалы для изслѣдованія сванетскаго языка (пѣсни)“. Изъ нихъ г. Пурцеладзе доказывалъ, что начатки образованія гражданскаго грузинскаго шрифта не восходятъ ранѣе XI вѣка, и что гражданскій шрифтъ выродился изъ церковнаго. Г. Загурскій, показавъ разнообразіе языковъ кавказскихъ горцевъ, пытался объяснить нѣкоторые черты прежняго быта этихъ горцевъ изъ ихъ языка. Г. Миллеръ считаетъ осетинъ отраслью зендскаго племени, которое, пробираясь въ Европу, очутилось на пути великаго передвиженія народовъ, было смято ими и сохранило свои остатки на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ.

13-го, 14-го и 15-го сентября, многие изъ пріѣзжихъ и мѣстныхъ членовъ съѣзда путешествовали для осмотра древностей въ Мцхетѣ, Упличихъ, Кутансѣ и Гелатѣ. Въ Мцхетѣ осмотрѣны были соборъ и женскій монастырь и разрыты три гробницы до-христіанскаго времени. Въ Упличихъ осмотрѣна была пещерная церковь. Жители Кутанса устроили членамъ съѣзда торжественную встрѣчу и на другой день предложили обѣдъ, во время котораго провозглашено было множество тостовъ за хозяевъ и гостей, за учрежденіе желаемаго мѣстными жителями мѣстнаго университета и проч. Въ самомъ Кутансѣ осмотрѣны были развалины древняго храма XI вѣка, а въ Гелатскомъ монастырѣ, близъ Кутанса, древній храмъ, иконы и утварь. Въ Тифлисъ путешественники возвратились 15-го сентября, ночью.

16-го сентября, утромъ, въ общемъ собраніи съѣзда, выслушаны были привѣтствія археологическому съѣзду изъ Англии, Вѣны и отъ исовскаго археологическаго общества и сообщены рефераты: 1) проф. Брикнера—„Воспоминаніе объ умершихъ дѣтеляхъ прежнихъ археологическихъ съѣздовъ въ Россіи“; 2) „Докладъ программъ изученія Кавказа въ археологическомъ отношеніи“; 3) Н. В. Цвѣтаева—„Нѣкоторые эпизоды изъ исторіи археологическаго института въ Римѣ“; 4) Письма: попечителя кавказскаго учебнаго округа Яновскаго, съ предложеніемъ гостямъ-членамъ съѣзда посѣтить учебныя заведенія его округа, и генераль-адъютанта Свистунова—съ изъявленіемъ готовности содѣйствовать членамъ съѣзда при осмотрѣ пятигорской группъ минеральныхъ водъ“; 5) графа А. С. Уварова—„О принятіи мѣръ къ скорѣйшему изданію трудовъ съѣзда“; 6) г. Фелицына—„Объ археологическихъ изысканіяхъ на Таманскомъ полуостровѣ“, доложенный г. Самокасовымъ, и 7) А. В. Комарова—„Описаніе Тифлиса и Кутанса изъ путешествія академика Гильденштедта по Кавказу“, доложенный г. Смирновымъ.

Г. Брикнеръ помянулъ добрымъ словомъ ученыхъ дѣтелей, участвовавшихъ въ прежнихъ археологическихъ съѣздахъ въ Россіи, а именно—покойныхъ В. И. Григоровича, Из. Ив. Срезневскаго и Ф. К. Бруна, перечисливъ болѣе важные ихъ труды. Ф. К. Брунъ, умершій въ юнѣ 1881 года, намѣревался быть и на тифлисскомъ съѣздѣ и переписывался съ предсѣдателемъ ученаго комитета съѣзда, графомъ Уваровымъ. Специальностью г. Бруна была историческая географія въ связи съ археологіей. Въ дополненіе къ сказанному г. Брикнеромъ, г. Эрицовъ припомнилъ дѣятельность покойнаго С. А. Талызина, бывшаго организатора и предсѣдателя „Общества Любителей Кавказской

археологиче­скаго, а г. Загурскаго—дѣятельность барона Услара, почти четверть вѣка посвятившаго на изученіе данныхъ для археологиче­ской и лингвистиче­ской Кавказа, и дѣятельность г. Ханькова, вызвавшаго къ жизни „Кавказское Географическое Общество“.

По вопросу о программахъ для изученія Кавказа въ археологическомъ отношеніи, тутъ же были переданы предсѣдателю программы по нѣкоторымъ отраслямъ кавказской археологиче­ской, въ томъ числѣ барона Тизенгаузена и В. Миллера. Для разсмотрѣнія ихъ и составленія новыхъ программъ по другимъ отраслямъ археологиче­ской составлена была особая коммисія.

16-го сентября, вечеромъ, на засѣданіи VIII отдѣленія предложены были: 1) пріивѣтственная рѣчь почетнаго предсѣдателя академика Я. К. Грота V археологическому съѣзду въ Тифлисѣ; 2) рефераты: Д. Ф. Жаренцова:—„Археологическая топографія Таманскаго полуострова“; А. И. Никитскаго: „О слѣдахъ Востока въ новгородской торговлѣ“ и Д. И. Иловайскаго—„О народности гунновъ.“

17-го сентября утромъ, въ засѣданіи V отдѣленія, предложены были рефераты: 1) И. Д. Мансветова — „Художественныя и бытовыя данныя въ славянскомъ спискѣ лѣтописи Георгія Амартола изъ библиотеки московской духовной академіи“; 2) А. В. Комарова — „О нѣкоторыхъ неизданныхъ грузинскихъ монетахъ“; 3) Н. В. Султанова — „Русскія шатровыя церкви и ихъ отношеніе къ грузино-армянскимъ пирамидальнымъ постройкамъ“; 4) Г. С. Хатисова—„О фотографическихъ снимкахъ И. А. Кюричанда въ развалинахъ города Ани и о нѣкоторыхъ достопримѣчательностяхъ этихъ развалинъ“, и 5) А. В. Прахова—„О Кирилловскихъ фрескахъ въ Кіевѣ“, доложенный Н. И. Петровымъ.

Славянский списокъ лѣтописи Амартола, изслѣдованный г. Мансветовымъ, относится къ XIII вѣку. Хроника оканчивается 862 годомъ по Рождествѣ Христовѣ. Переводъ списка отличенъ отъ списка синодальной библиотеки XIV вѣка, часто замѣняетъ техническія выраженія послѣдними словами, заимствованными изъ житейскаго быта; напримѣръ, вмѣсто со обычными—съ боярями, вмѣсто исполнивъ—полнивъ, ножницы мѣдiani на ногу его и т. д. Художественная сторона представляется въ воспроизведеніи миниатюръ греческаго подлинника. На первомъ листѣ изображенъ императоръ Михаилъ съ супругой, на второмъ самъ лѣтописецъ Амартолъ. Личное участіе славянскаго копировальщика было незначительное. Оно выражалось только въ деталяхъ: въ изображеніи русскихъ саней, новозокъ и т. п. Въ одномъ мѣстѣ изображенъ храмъ во вкусѣ сусдальскороманскомъ, въ другомъ шатровая церковь, въ третьемъ теремъ. Референтъ съ особенною подробностію остановился на изображеніяхъ шатровой церкви и терема и сравнилъ ихъ съ другими, древними параллельными изображеніями.

А. В. Комаровъ, сдѣлавъ краткій очеркъ грузинской нумизматики, сказать, что эта нумизматика далеко еще неполна, что объясняется не только ея молодостью, но и трудностью собиранія и изслѣдованія монетъ. Рѣдко можно найти хорошіе экземпляры. Да и вообще грузинскія монеты отличаются дурною чеканкой и грубою подражательностью.

Рефератъ Н. В. Султанова состоялъ въ рѣшеніи двухъ вопросовъ: 1) существуетъ ли различіе между конической или пирамидальной формой грузино-армянскихъ покрывтій и русскими шатровыми церквами и 2) можно ли производить, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, русскія шатровыя церкви отъ грузино-армянскихъ? На первый вопросъ онъ отвѣчалъ очеркомъ исторіи зодчества въ Россіи, въ которомъ доказывалъ, что шатровыя церкви чисто русское произведеніе.

Въ рефератѣ г. Прахова шла рѣчь болѣе о техническихъ приѣмахъ очистки и промывки фресокъ, чѣмъ о сдѣланныхъ имъ новыхъ открытіяхъ въ Кирилловскомъ монастырѣ. Да и какія могли быть сдѣланы особенно важныя открытія послѣ изысканій, не разъ производившихся въ Кирилловскомъ храмѣ корифеями русской археологическаго науки.

Того же числа, вечеромъ, въ засѣданіи I отдѣленія предложены были рефераты: 1) докладъ письма графа Завиши о мамонтовой шерсть въ Келецкой губерніи, сдѣланный графомъ А. С. Уваровымъ; 2) Д. Н. Анучина — „О породахъ собакъ каменнаго періода на побережьи Ладожскаго озера“; 3) Князя П. А. Путятина—„О чашечныхъ камняхъ“, и 4) К. А. Шапошникова — „Объ

орудійныхъ и фигурныхъ издѣлійхъ изъ кремня, найденныхъ въ Валдайскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи.

18-го сентября, утромъ, на засѣданіи XI отдѣленія предложены были рефераты: 1) графа А. С. Уварова — „О дербентскихъ курганахъ“; 2) В. В. Антоновича — „Погребальные обычаи по раскопкамъ, произведеннымъ въ Осетіи и Кабардѣ“ и 3) Н. Е. Бранденбурга — „О погребальныхъ обычаяхъ въ курганахъ съ трупосожеженіемъ на южномъ побережьѣ Ладожскаго озера.“

19-го сентября, утромъ, на засѣданіи II отдѣленія предложены были: 1) рѣчь почетнаго предсѣдателя засѣданія Ю. Д. Филимонова, и рефераты; 2) В. В. Антоновича — „Погребальные обычаи древлянъ и тиверцевъ по раскопкамъ доселѣ произведеннымъ“; 3) Л. К. Ивановскаго — „О раскопкахъ въ Петербургской губерніи и объ остаткахъ домашнихъ животныхъ, встрѣчающихся въ нихъ“; 4) А. Б. Богданова: а) „Курганные жители Сѣверянской земли“; б) „Жители древнихъ болгаръ по краниологическимъ признакамъ“, и в) „Доисторическіе тиверитяне“, и 5) Л. Х. Штиды — „Раскопки графа фонъ-деръ-Броель-Платера въ Ковенской губерніи.“

Г. Филимоновъ остановился на главныхъ пунктахъ кавказской археологии изъ доисторическаго и христіанскаго періода Кавказа. Памятники доисторической культуры ему извѣстны были раньше, по произведеннымъ имъ раскопкамъ на Кавказѣ. Изученіе найденныхъ памятниковъ съ другими, параллельными, привело его къ убѣжденію, что культура здѣшняя — древнеосетинская, разумѣя это слово въ географическомъ смыслѣ. Памятники ея прежде всего найдены въ Кубани: это — фибулы; затѣмъ на Казбекѣ фибулы, идолы фаллическаго свойства и принадлежности культа и культуры. Нѣкоторыя части этой культуры доселѣ попадались и въ другихъ мѣстахъ, именно въ Чечнѣ и на Самтаврскомъ кладбищѣ. Но эта культура простиралась еще далѣе. Она открыта г. Комаровымъ въ Ксанскомъ ущельѣ, гдѣ найдены были изображенія животныхъ, оленей, фаллическія божества, бронзовая спираль, служащая признакомъ перехода отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному. Г. Филимоновъ еще раньше изложилъ свою теорію происхожденія этой культуры, считая ее подпочвой древне-итальянской культуры. Теперь эта теорія находитъ еще больше подтвержденія. Въ сѣверной Италиі найдена была фибула осетинскаго образца. На настоящей выставкѣ есть фибула съ волнистою дугою, подобная той, какая находилась на парижской выставкѣ изъ Савойи. Тамъ онѣ попадаются рѣдко; слѣдовательно, теченіе ихъ шло отсюда, вѣроятно, путемъ торговли. Осетинская культура восходитъ за 1000 лѣтъ до Р. Х. и относится къ бронзовому вѣку, а конецъ ея можетъ быть отнесенъ къ IV—VI вѣкамъ по Р. Х. и принадлежитъ уже къ исторической эпохѣ. Между памятниками этой культуры попадалась г. Филимонову серебряная чаша VI вѣка съ неразобранною надписью и затѣмъ въ кобанской могилѣ одна ваза, похожая на стаканъ, очень близкая къ этрусскимъ вазамъ въ Италиі, что опять сближаетъ кавказскую культуру съ итальянскою. По христіанской археологіи также есть на Кавказѣ много драгоценныхъ памятниковъ, какъ-то: прекрасные образцы армянской живописи, развалины храмовъ XI—XII в., гелатское евангеліе XI в., михетскій храмъ съ его ризницей и утварью, самтаврская церковь съ иконостасомъ въ видѣ алтарной преграды, икона Богородицы въ Гелатскомъ монастырѣ, вся усѣянная драгоценными эмальями, съ изображеніями императоровъ византійскихъ, и проч. Съ ними можетъ сравниться только извѣстный Палеандръ въ Венеціи, гдѣ за осмотръ его берутъ до 16 талеровъ. Есть много и другихъ предметовъ, которые требуютъ тщательнаго труда и научной разработки. Съ своей стороны г. Филимоновъ изъявилъ готовность содѣйствовать этой разработкѣ.

Такимъ признаніемъ многого неизслѣдованнаго въ кавказской археологіи завершились занятія съѣзда. Перечисленныя работы, изъ которыхъ однѣ касаются узко-спеціальныхъ подробностей предмета, другія же имѣютъ слишкомъ отдаленное отношеніе къ нему, а третьи вовсе не имѣютъ никакого отношенія къ вопросамъ, поставленнымъ на разрѣшеніе съѣзда, показываютъ, что изученіе Кавказа еще только начато и что все болѣе или менѣе важные вопросы, связанные съ этимъ изученіемъ, должны оставаться пока открытыми. Выводъ, безъ сомнѣнія, скромный, но поучительный, особенно если принять во вниманіе, что это извѣстно было и до открытія съѣзда, на устройство котораго затра-

чено болѣе сорока тысячъ, исключая отдѣльных командировки представителей отъ разныхъ правительственныхъ учреждений, потребовавшія, вѣроятно, солидную сумму. По крайней мѣрѣ, окупаются ли подобныя издержки? Сказать вообще мы не можемъ, за неимѣніемъ всѣхъ данныхъ подъ рукою, но, судя по нѣкоторымъ уже приведеннымъ въ извѣстность примѣрамъ, позволяемъ себѣ усомниться.

Замѣтка о портретѣ императрицы Екатерины II.

Приложенный къ настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ портретъ императрицы Екатерины II есть точное воспроизведеніе рѣдчайшей гравюры, находящейся въ собраніи русскихъ портретовъ П. Я. Дашкова и приобретенной имъ отъ покойнаго собирателя рѣдкостей Иванчина-Писарева. По объясненію послѣдняго, портретъ этотъ гравированъ съ наброска, сдѣланнаго съ натуры состоявшимъ при англійскомъ посольствѣ г. Уейнсомъ (Waynes) во время представленія его Екатеринѣ II въ Царскомъ Селѣ.

Ред.

Графъ Эрбахъ ничего не возражалъ, потому что въ это время ясно можно было слышать шумъ приближавшихся шаговъ по аллеѣ. Иосифъ пожалъ ему руку и, закрывъ лицо плащомъ, пошелъ быстрыми шагами навстрѣчу незнакомому, который, поравнявшись съ нимъ, почтительно поклонился и отошелъ въ сторону.

У Эрбаха пробудилось любопытство. Онъ невольно спрашивалъ себя: узналъ-ли этотъ человѣкъ императора? и что могло привести его въ сумерки въ такое уединенное мѣсто, которое казалось еще мрачнѣе отъ темной воды и массы скалъ, осѣненныхъ плакучими ивами?

Его недоумѣніе было непродолжительно, потому что незнакомецъ подошелъ къ нему.

Это былъ Жоселенъ Рошфоръ.

Событія послѣднихъ дней такъ быстро слѣдовали одни за другими для графа Эрбаха и вызвали въ немъ столько различныхъ думъ, что воспоминаніе о сценѣ въ павильонѣ Люсьеннъ почти совершенно изгладилось изъ его памяти. Сама графиня Дюбарри готова была на другой день объяснить ее дерзкой выходкой со стороны Рошфора, прибѣгавшаго, по ея мнѣнію, ко всякимъ средствамъ, чтобы придать себѣ значеніе, котораго онъ не могъ пріобрѣсти, несмотря на свои дарованія.

Недостаточность этого объясненія была особенно очевидна для графа Эрбаха въ ту минуту, когда Рошфоръ вышелъ изъ-за деревьевъ. У него явилось подозрѣніе, что этотъ человѣкъ съ какой нибудь особенной цѣлью безъ устали слѣдитъ за каждымъ его шагомъ съ зоркостью хищной птицы. Развѣ виконтъ не могъ принадлежать къ числу его многочисленныхъ враговъ? Знакомство Рошфора съ патеромъ Ротганомъ давало поводъ предполагать, что онъ имѣетъ сношенія съ орденомъ іезуитовъ, который втайнѣ продолжалъ свою дѣятельность, несмотря на буллу Ганганелли.

Графъ Эрбахъ рѣшился во чтобы то ни стало вызвать на открытость назойливаго шпіона, чтобы избавиться отъ его преслѣдованій; но его смущалъ робкій и угнетенный видъ Рошфора, который стоялъ передъ нимъ съ поникшей головой и опущенными руками. Онъ видѣлъ его совсѣмъ другимъ человѣкомъ на вечерѣ въ павильонѣ Люсьеннъ... Можетъ быть, это новая роль, которую онъ принялъ на себя...

— Я не ожидалъ, графъ Эрбахъ, что встрѣчу васъ сегодня въ этомъ печальномъ мѣстѣ, гдѣ было пролито столько слезъ!

Графъ Эрбахъ нерѣшительно подалъ руку виконту и былъ очень удивленъ, когда тотъ отвѣтилъ ему условнымъ рукопожатіемъ масоновъ.

— Неужели этотъ человѣкъ посвященъ въ тайны нашего братства! Нужно остерегаться его! подумалъ онъ и добавилъ вслухъ:

— Я ничего не слыхалъ о пролитыхъ здѣсь слезахъ.

— Если я не ошибаюсь, вы разговаривали съ...

— Съ графомъ Фалькенштейнъ! Почему вы боитесь назвать его?

— Я тотчасъ узналъ его. Кто разъ видѣлъ этого человѣка, тотъ никогда не забудетъ его. Мнѣ досадно, что мой приходъ помѣшалъ вашей бесѣдѣ, но, благодаря темнотѣ, я слишкомъ поздно замѣтилъ васъ.

— Вы напрасно извиняетесь, виконтъ, такъ какъ вовсе не помѣшали намъ. Теперь позвольте проститься съ вами. Если вы явились сюда одни въ эту пору, то, вѣроятно, не желаете, чтобы посторонніе люди мѣшали вашимъ размышленіямъ.

— Мои мысли не заняты ничѣмъ особеннымъ въ эту минуту, возразилъ Рошфоръ.—Вѣроятно, и васъ поражаетъ контрастъ этого уединеннаго мѣста и вечера съ яркимъ освѣщеніемъ, громкими возгласами удовольствія пестрой толпы, которая собралась около замка. Посмотрите на эту темную неподвижную воду, плакучія ивы, гранитную стѣну съ черной пещерой, — развѣ все это не носитъ своеобразный печальный колоритъ? Это мѣсто какъ будто нарочно создано для того, чтобы оплакивать утраченное счастье, или раскаляться въ совершенномъ проступкѣ.

Рошфоръ произнесъ послѣднія слова съ видимымъ усиліемъ и, помолчавъ немного, продолжалъ.—Впрочемъ, кто изъ насъ не испыталъ горя и раскаянія? Въ большинствѣ случаевъ даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ мы не избавлены отъ ошибокъ. Наше желаніе сдѣлать добро часто приводитъ насъ къ противоположнымъ результатамъ.

— Вамъ особенно нравятся мрачныя картины, виконтъ. Мы уже разъ имѣли случай убѣдиться, до чего можетъ дойти ваша фантазія въ этомъ направленіи.

— Я не знаю, чтò я говорилъ въ тотъ вечеръ у графини Дюбарри, но смутно помню ужасъ, который я испытывалъ тогда. Вѣроятно, вы сочли меня за сумасшедшаго; но я не могу отвѣчать за мою нервную систему. По временамъ на меня находить какъ бы ясно-видѣніе; то, что другимъ людямъ представляется въ туманѣ, то я вижу совершенно отчетливо, въ живыхъ картинахъ; передъ моими глазами совершаются цѣлыя событія со всѣми ихъ подробностями. Этотъ несчастный даръ составляетъ мое прирожденное свойство и я не въ силахъ избавиться отъ него.

— Вы совершенно правы, выражаясь такимъ образомъ, потому что этотъ даръ самъ по себѣ составляетъ болѣзненное явленіе и навлекаетъ на васъ подозрѣніе и насмѣшки въ обществѣ.

— Какое мнѣ дѣло до подозрѣній и насмѣшекъ, если я не въ состояніи устранить ихъ! Моя воля подчиняется въ эти минуты вліянію высшей силы. Наши философы не вѣрятъ видѣніямъ и экстазу, но они...

— Я принадлежу къ числу невѣрующихъ, замѣтилъ съ ироніей графъ Эрбахъ, — и надѣюсь, что мое невѣріе отгонитъ отъ васъ демоновъ, пока мы находимся въ этомъ таинственномъ мѣстѣ.

— Какое видѣніе можетъ явиться здѣсь, кромѣ призрака несчастной молодой дѣвушки, которая утопилась въ этомъ пруду, возразилъ Рошфоръ печальнымъ тономъ.

— Молодая дѣвушка утопилась въ этомъ пруду... въ саду королевы! воскликнулъ графъ Эрбахъ, который, несмотря на овладѣвшее имъ волненіе, чувствовалъ недовѣріе къ своему собесѣднику и надѣялся уличить его во лжи.

Рошфоръ ничего не отвѣтилъ и задумчиво смотрѣлъ на воду, сложивъ руки на груди. Но вслѣдъ затѣмъ онъ оглянулся и сказалъ:

— Я иду въ Версаль; вы, вѣроятно, останетесь здѣсь, чтобы посмотрѣть на фейерверкъ у храма Амура.

— Онъ намѣревается ускользнуть отъ меня! подумалъ Эрбахъ, желая дѣйствительно остаться нѣкоторое время въ саду въ толпѣ зрителей. Но теперь онъ перемѣнилъ намѣреніе, и несмотря на свою обычную вѣжливость, рѣшился идти за Рошфоромъ, хотя бы противъ его желанія.

— Я слишкомъ просто одѣтъ, сказалъ онъ, — и потому думаю послѣдовать вашему примѣру, тѣмъ болѣе, что не нахожу никакого удовольствія въ подобныхъ увеселеніяхъ.

Они прошли молча часть аллеи, которая вела отъ утеса къ замку, носившему названіе малаго Трианона. Изрѣдка встрѣчали они прохожихъ. На перекресткахъ аллеи блестяли издали пестрые фонари; на открытыхъ мѣстахъ горѣли костры, бросая отъ себя на значительное пространство яркій, почти дневной свѣтъ. Бѣлыя мраморныя статуи въ зеленыхъ нишахъ, освѣщенныя красноватымъ отраженіемъ огня, казались живыми фигурами.

Черезъ нѣсколько шаговъ молчаливые собесѣдники опять очутились въ темнотѣ, такъ что быстрый переходъ отъ мрака къ свѣту былъ для нихъ еще разительнѣе.

— Такъ проходитъ наша жизнь — между блескомъ солнца и мракомъ ночи, горемъ и радостью! сказалъ Рошфоръ. — Какъ счастливы тѣ, которые видятъ въ этихъ рѣзкихъ переходахъ пріятное разнообразіе жизни и въ состояніи забыть пережитыя ими страданія подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній. Я не принадлежу къ числу такихъ счастливицевъ; меня всюду преслѣдуетъ печальная тѣнь съ мокрыми волосами, блѣднымъ лицомъ и руками, поднятыми къ небу...

— Если вы говорите о несчастной утопленницѣ, то я желалъ бы знать ея имя. Своими намеками вы только возбудили мое любопытство, не удовлетворивъ его.

— Простите меня, если я надоѣдаю вамъ!.. Но сегодня годовщина этого печальнаго событія. Я не могу отрѣшиться отъ мрачныхъ картинъ, которыя представляются моему воображенію. Если бы вы

знали, что это было за прелестное существо, то навѣрно поняли бы мое горе...

— Правда это, или только ловко разыгранная комедія? спрашивалъ себя графъ Эрбахъ и молча шелъ впередъ.

Рошфоръ не отставалъ отъ него.

— Васъ, вѣроятно, удивляетъ назойливость, съ какой я искалъ вашего знакомства, графъ Эрбахъ? спросилъ онъ нерѣшительнымъ тономъ.

— Признаюсь откровенно, что я не зналъ, чему приписать то вниманіе, которымъ вы удостоивали меня..

— Вы должны приписать это тому обстоятельству, что вы живете у Бланшара. Это была магическая цѣпь, которая привязала меня къ вамъ съ первой встрѣчи и побудила слѣдовать за вами... Неужели вы никогда не слыхали отъ Бланшара имени его любимой сестры, и не замѣтили сегодня болѣе глубокой грусти на его лицѣ и слезъ на глазахъ матери? Развѣ вы не знаете, что онъ уѣхалъ тогда изъ вашего богемскаго замка ради своей сестры?

— Нѣтъ, я не зналъ этого, и положительно не помню, чтобы Бланшаръ говорилъ мнѣ когда нибудь о своей сестрѣ. Въ моемъ замкѣ мы почти исключительно занимались физическими опытами и были поглощены ими. Его семейныя дѣла казались мнѣ въ наилучшемъ положеніи, или вѣрнѣе сказать — я никогда не спрашивалъ его объ этомъ, потому что въ разговорахъ съ друзьями не имѣю обыкновенія вызывать ихъ на откровенность, изъ боязни затронуть какую нибудь сердечную рану. Бланшаръ уѣхалъ тогда отъ меня подъ тѣмъ предлогомъ, что получилъ извѣстіе объ опасной болѣзни матери. Теперь мы видимся съ нимъ ежедневно, но онъ по прежнему хранитъ глубокое молчаніе относительно своихъ семейныхъ обстоятельствъ. До сихъ поръ я не имѣлъ никакого повода подозрѣвать что либо, такъ какъ, повидимому, ничто не нарушало его душевнаго спокойствія и онъ пользуется полнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Во всякомъ случаѣ вы, вѣроятно, находитесь въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ этому семейству, нежели я...

— Эти близкія отношенія въ высшей степени тягостны для меня. Мать и самъ Бланшаръ считаютъ меня виновникомъ несчастной судьбы бѣдной Софи.

— Васъ? спросилъ съ недоумѣніемъ графъ Эрбахъ, взглянувъ на виконта. Неужели этототъ кривобокій, некрасивый человѣкъ могъ внушить къ себѣ любовь молодой дѣвушки! подумалъ онъ.

— Они глубоко ненавидятъ меня, продолжалъ Рошфоръ, — и не могутъ окончательно избавиться отъ моего присутствія. Неотразимая сила притягиваетъ меня къ этому дому, гдѣ я провелъ счастливейшіе часы моей жизни. Все, что связано съ нимъ, получаетъ цѣну въ моихъ глазахъ, — какъ люди такъ и вещи... Я калѣка, нищій! меня считаютъ смуасшедшимъ! но когда я прохожу ночью мимо этого дома.

и смотрю на окна, у которыхъ мы такъ часто сидѣли съ нею, то чувствую невыразимое блаженство; у меня какъ будто вырастаютъ крылья; мнѣ кажется, что опять вернулась беззаботная молодость... Ничто на землѣ не можетъ замѣнить мнѣ прошлаго счастья, ни отнять у меня воспоминаній! Зачѣмъ я, несчастный, не бросился вслѣдъ за нею въ воду!.. Но я поклялся отмстить за нее.

Они проходили въ это время мимо костра. Красноватое пламя освѣтило на минуту лицо Рошфора, искаженное горемъ и безсильнымъ гнѣвомъ.

— Я отомщу за нее! продолжалъ онъ глухимъ голосомъ.—Волна новаго всемірнаго потопа снесетъ всѣхъ ихъ...

— Мнѣ кажется страннымъ, что вы говорите о мести, замѣтилъ графъ Эрбахъ.—Вы только что сказали, что васъ считаютъ виновникомъ ея смерти..

— Я расскажу вамъ эту исторію въ короткихъ словахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я познакомился съ Бланшаромъ... Я раздѣлялъ его страсть къ физическимъ и химическимъ изслѣдованіямъ и до сихъ поръ еще не совсѣмъ отсталъ отъ нихъ. У меня было порядочное состояніе; я поселился по сосѣдству съ нимъ въ Версалѣ и мы работали вмѣстѣ въ моемъ кабинетѣ. У Бланшара впервые явилась тогда мысль о воздухоплаваніи, которая очень занимала меня, такъ какъ я видѣлъ въ этомъ торжество человѣческаго ума. Общія занятія настолько сблизили насъ, что мы сдѣлались неразлучными друзьями. Бланшаръ часто приглашалъ меня къ себѣ и я всякій разъ съ большимъ удовольствіемъ переступалъ порогъ его дома. Здѣсь обаятельно дѣйствовало на меня спокойствіе тихаго домашняго очага, тѣмъ болѣе, что я выросъ среди испорченнаго парижскаго общества и чувствовалъ пресыщеніе отъ его удовольствій. Не думайте, чтобы я сталъ рассказывать вамъ трогательную исторію обращенія на путь истины развратника, прельщеннаго дѣвической чистотой и парой хорошенькихъ глазъ. Я былъ слишкомъ старъ для такой идилліи и при моей наружности не могъ рассчитывать на счастье въ любви. Тѣмъ не менѣе, веселость, красота и невинность сестры Бланшара приводили меня въ восхищеніе. Она только что вышла изъ монастырской школы, но ея образованіе было крайне неудовлетворительно. Мнѣ доставляло большое удовольствіе заниматься съ нею, рассказывать о моихъ путешествіяхъ и жизни высшаго общества. Послѣднее было непростительно съ моей стороны. Я долженъ былъ сообразить, что эти рассказы вредно подѣйствуютъ на фантазію неопытной дѣвушки, поддерживая въ ней несбыточныя надежды, и мечты и что цѣлая пропасть отдѣляетъ ее отъ такъ называемаго большого свѣта. Хотя я и въ то время видѣлъ всѣ недостатки и пороки французской знати, но, вслѣдствіе предразсудковъ, привитыхъ воспитаніемъ, невольно идеализировалъ эту среду и только въ ней находилъ утонченныя нравы и умѣнье придать блескъ жизни. Мнѣ казалось, что

Софи по своимъ нравственнымъ качествамъ и красотѣ вполне достойна занять почетное мѣсто во всякомъ обществѣ. Самолюбію матери льстило, что виконтъ даетъ уроки ея дочери, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ опасенъ для сердца молодой дѣвушки. Что же касается Франсуа, то онъ исключительно жилъ въ области мечтаній и не могъ замѣтить опаснаго переворота, который совершился въ сердцѣ его сестры. Онъ скоро отправился путешествовать, поручивъ мнѣ заботиться объ его домашнихъ во время его отсутствія. Но къ несчастію, госпожа Бланшаръ была довольно корыстолюбива, и такъ какъ съ отвѣздомъ сына верхній этажъ оказался свободнымъ, то она отдала его внаймы противъ моего желанія...

— Маркизу Пьерфонъ? спросилъ графъ Эрбахъ.

— Кто вамъ сказалъ это?

— Я случайно узналъ, что маркизъ жилъ въ домѣ Бланшара. Вѣроятно, онъ былъ причиной несчастія сестры Франсуа.

— Нѣтъ. Пьерфонъ былъ пожилой человекъ; онъ пріѣхалъ изъ провинціи послѣ смерти Людовика XV, чтобы представиться молодому королю. Госпожа Бланшаръ не хотѣла, чтобы я переѣхалъ въ ихъ домъ, изъ боязни, что это повредитъ репутаціи ея дочери, и изъ всѣхъ, желающихъ нанять у ней квартиру, маркизъ показался ей наиболѣе подходящимъ по своимъ преклоннымъ годамъ и ласковому обхожденію. Въ это время въ Версалѣ былъ большой съѣздъ; собрались молодые дворяне изъ цѣлой Франціи, чтобы привѣтствовать короля, въ надеждѣ получить отъ него разныя милости, подарки, ордена и почетныя мѣста. Молва о предстоящихъ празднествахъ по случаю вступленія на престолъ Людовика XVI привлекла также многихъ иностранцевъ изъ Англіи, Бельгіи, Германіи и Италіи. Скоро около стараго маркиза, благодаря его любезности и гостепримству, собрался кружокъ веселыхъ и легкомысленныхъ молодыхъ людей, которые въ большей или меньшей степени гордились своимъ происхожденіемъ и богатствомъ. Тихій домъ моихъ друзей огласился шумнымъ говоромъ, громкими возгласами и пѣснями. Старуха Бланшаръ очутилась въ самомъ безпомощномъ положеніи, потому что маркизъ со смѣхомъ отклонялъ ея просьбы выѣхать изъ ея дома. Ничего не произошло такого, что могло дать ей поводъ къ серьезной жалобѣ на него. Жители Версаля привыкли къ тому, чтобы молодые дворяне всюду производили шумъ и суетню. Старуха Бланшаръ, вѣроятно, безропотно выносила бы подобную жизнь маркиза, еслибы не боялась за свою дочь. Само собою разумѣется, что я вполне раздѣлялъ ея опасенія. У меня темнѣло въ глазахъ при мысли, что Софи находится подъ одной кровлей со всѣми этими развратниками. Я проводилъ безпокойные дни и безсонныя ночи; въ это время начались мои предчувствія, сны и видѣнія. Я поддался имъ не безъ тяжелой борьбы; но силы мои истощались съ каждымъ днемъ. Наконецъ, госпожа Бланшаръ отыскала въ Пасси одно скромное семейство, гдѣ дочь ея

должна была оставаться, пока маркизъ будетъ жить въ ихъ домѣ. Этимъ способомъ мятъ думала отвратить грозившее ей несчастье, и благословляла день, когда Софи уѣхала изъ Версаля.

— А вы? спросилъ графъ Эрбахъ съ живымъ участіемъ, тронутый безыскусственнымъ разказомъ Рошфора, составлявшимъ противоположность съ его обычнымъ напыщеннымъ тономъ.

— У меня болѣло сердце, какъ у рыбака, который ожидаетъ бури и знаетъ, что она достигнетъ его въ открытомъ моря. Я былъ убѣжденъ въ печальномъ исходѣ всей этой исторіи, но стоялъ безоруженный передъ невидимымъ непріателемъ и долженъ былъ терпеливо ожидать удара. Часто приходило мнѣ тогда въ голову посягаться къ Софи, какъ будто женщину легче оградить отъ соблазна, нежели дѣвushку... Но меня удерживало сознание моего безобразія и боязнь, что отказъ со стороны Софи поведетъ къ разрыву нашей дружбы. При болѣе спокойномъ отношеніи къ дѣлу, я вѣроятно пришелъ бы къ заключенію, что мая робость происходила отъ печальной увѣренности, что молодая дѣвushка никогда не любила меня. Впрочемъ, я опоздалъ бы во всякомъ случаѣ съ своимъ сватовствомъ, потому что, уѣзжая въ Пасси, она уже была влюблена другого...

Рошфоръ прервалъ свой разказъ горькимъ смѣхомъ и прибавилъ шагу, такъ что они скоро дошли до воротъ сада, ведущихъ въ городъ.

— Васъ, вѣроятно, неособенно интересуеетъ продолженіе моей исторіи? сказалъ онъ насмѣшливымъ тономъ.—Можетъ ли быть что комичнѣе обманутаго любовника, въ родѣ Бартоло въ веселой комедіи Бомарше!.. Конецъ извѣстенъ вамъ; плакучія ивы у пруда Триана были свидѣтелями трагической смерти несчастной сестры Бланшара...

— Благодарю васъ за оказанное мнѣ довѣріе, сказалъ графъ Эрбахъ.—Я не считаю себя вправѣ спрашивать о какихъ либо подробностяхъ; догадываюсь о томъ, что произошло... Но позвольте только спросить имя негодяя, обманувшаго бѣдную дѣвushку.

— Вы желаете знать, кто онъ такой?.. Мы должны радоваться, графъ Эрбахъ! Это человекъ, принадлежащій къ нашему сословію. Да здравствуетъ благородное дворянство! Оно обладаетъ утонченными манерами и искусствомъ нравиться прекрасному полу. Простой народъ едва достоинъ развязывать ремни у его сапоговъ. Топчите эту чернь, если вы честный дворянинъ...

— Назовите мнѣ его! настойчиво повторялъ графъ Эрбахъ, предполагая, что съ его собесѣдникомъ начинается нервный припадокъ отъ сильнаго возбужденія.

Рошфоръ остановился и, скрестивъ руки на груди, сказалъ:

— Такимъ тономъ говорятъ ревнивыцы... Неужели чувство ревности можетъ быть знакомо графу Эрбаху? Мнѣ говорили, что онъ женатъ на благочестивой женщинѣ... Свѣтъ ничто иное, какъ коме-

дія!.. Любопытно было бы знать, кому пришло въ голову соблазнить ее.

— Рѣчь идетъ не обо мнѣ, замѣтилъ съ неудовольствіемъ графъ Эрбахъ.—Я просилъ васъ назвать того господина.

— Я не въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ, возразилъ Рошфоръ.—Неужели вы думаете, что еслибы я зналъ имя этого человѣка, то оставилъ бы его въ живыхъ! Вы имѣете полное право презирать меня, потому что видите передъ собой дурака и подлаго труса. Инстинктъ ревности не помогъ мнѣ найти его. Вотъ уже два года, какъ я напрасно ищу его. Если бы у меня было чутье собаки, то я давно напалъ бы на слѣдъ злодѣя. Но я—человѣкъ, одаренный разумомъ... Неужели разумъ данъ мнѣ для того, чтобы сознать все мое безсиліе!..

Рошфоръ громко захохоталъ при этихъ словахъ и, оставивъ своего спутника среди улицы, пошелъ обратно къ саду, освѣщенному слабымъ отблескомъ фонарей, мелькавшихъ между деревьями.

ГЛАВА V.

Медленно шель графъ Эрбахъ по улицамъ Версаля; сердце его болѣзненно сжалось, когда онъ увидѣлъ издали домъ Бланшара. Кругомъ царил мертвая тишина, такъ какъ все населеніе отправилось въ королевскій садъ, чтобы насладиться празднествомъ, устроеннымъ королевою въ честь своего брата. Но полное уединеніе, которое обыкновенно такъ благотворно дѣйствовало на графа Эрбаха, теперь казалось ему какимъ-то зловѣщимъ и тяготило его. Воображеніе рисовало ему печальную картину трагической смерти сестры Бланшара. Она не вынесла ожидавшаго ее позора и рѣшилась на самоубійство, между тѣмъ какъ виновникъ ея несчастья, быть можетъ, занимаетъ видное мѣсто среди приближенныхъ короля и съ гордо поднятой головой проходитъ мимо униженно кланяющейся ему толпы. Романъ, вѣроятно, начался въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ онъ живетъ въ настоящее время... Онъ невольно вспомнилъ взглядъ, брошенный старымъ Клеманомъ на окна этого дома; неужели первая нить грустной исторіи закинута рукой ловкаго камердинера? Имъ овладѣлъ суевѣрный страхъ при этой мысли; онъ не рѣшался войти въ домъ. Развѣ онъ не услышитъ тамъ жалобы и вздохи несчастной и ея блѣдная тѣнь не будетъ преслѣдовать его въ ту ночь? Ему казалось, что кто-то стоитъ возлѣ него и нашептываетъ ему слово за слово разсказъ Рошфора.

— Умопомѣшательство заразительно, пробормоталъ графъ Эрбахъ,

сдѣлавъ усиліе, чтобы овладѣть собою. — Мудрено ли, что этотъ человекъ, послѣ всѣхъ вынесенныхъ имъ страданій и напрасныхъ усилій отыскать преступника, дошелъ почти до умспомѣшательства. Но съ другой стороны, развѣ это не служитъ доказательствомъ чрезмѣрной впечатлительности и страстности темперамента? Развѣ я самъ не испытывалъ то же душевное разстройство и не блуждалъ цѣлыми часами по Венеціи? Развѣ я не терзался тогда дни и ночи однимъ и тѣмъ же вопросомъ: кто такой былъ эта навязчивая маска, слѣдившая всюду за моею женой?.. Все это прошло безслѣдно! Но почему, со времени моего приѣзда въ Версаль, всѣ, и даже Рошфордъ, считаютъ своимъ долгомъ напомнить мнѣ о Ренатѣ? Неужели нѣтъ никакой возможности покончить навсегда съ прошлымъ...

Изъ оконъ нижняго этажа виднѣлся свѣтъ. Это были комнаты хозяевъ дома. Графъ Эрбахъ надѣялся встрѣтить тамъ Бланшара и найти развлеченіе отъ мучившихъ его впечатлѣній въ научной бесѣдѣ. Онъ вошелъ въ домъ и, пройдя мрачный корридоръ, освѣщенный маленькой лампой, постучался въ дверь.

— Войдите! отвѣтилъ ему старческій женскій голосъ.

Госпожа Бланшаръ сидѣла одна въ большой полутемной комнатѣ. Лампа, горѣвшая на кругломъ столѣ орѣховаго дерева, не могла разсвѣять тѣней и освѣтить всѣ углы и ниши. На стѣнахъ, выкрашенныхъ коричневою краскою, висѣло нѣсколько картинъ и двѣ гравюры; кругомъ стола были разставлены старыя кожанныя кресла. Шкапы съ ихъ накладной рѣзбой и блестящими мѣдными ручками, фарфоровая посуда, серебряныя канделябры и маленькіе позолоченныя кубки, разставленные на дубовыхъ этажеркахъ, — все это указывало на извѣстный комфортъ и свидѣтельствовало о томъ, что бѣдность не играла никакой роли въ преждевременной смерти Софи.

— Добрый вечеръ, м-ше Бланшаръ! сказалъ графъ, подходя къ столу.

Старая женщина вопросительно взглянула на него. Она была занята шитьемъ; на ея колѣняхъ лежалъ длинный кусокъ бѣлаго полотна, свѣсившійся однимъ концомъ на полъ. Было ли это впечатлѣніе отъ разсказа Рошфора, но вся обстановка комнаты произвела тяжелое впечатлѣніе на графа Эрбаха. Какимъ-то неподвижнымъ и угрожающимъ показалось ему строгое, морщинистое лицо Маделены; окаймленное высокимъ нормандскимъ чепцомъ съ многочисленными складками. Оно точно окаменѣло отъ горя съ своими крѣпко сжатыми губами.

— Добрый вечеръ, г-нъ графъ, отвѣтила она, вставая съ кресла. — Если угодно, то я могу посвѣтить вамъ... Всѣ слуги убожали въ замокъ. Дурачества привлекаютъ дураковъ!

— Не безпокойтесь, м-ше Бланшаръ. Я самъ вернулся не вовремя. Если мое присутствіе не мѣшаетъ вамъ, то я попросилъ бы позволенія провести съ вами нѣсколько минутъ.

— Развѣ ктонибудь можетъ отказать вамъ въ подобной просьбѣ, сказала она, указывая ему на кресло.

Эрбахъ сѣлъ у стола и произнесъ съ печальной улыбкой:

— Вы, вѣроятно, не сказали бы этого, если бы знали, что многіе домà навсегда закрыты для меня.

— Для васъ! воскликнула старуха съ удивленіемъ.—Вы вѣдь знатный господинъ, а знатные люди могутъ дѣлать все, что имъ вздумается. Если не уступаютъ ихъ просьбамъ, то они прибѣгаютъ къ насилію. Свѣтъ устроенъ самымъ страннымъ образомъ. Объясните мнѣ, зачѣмъ Господь наградилъ одновременно дворянъ привлекательными манерами, властью и богатствомъ!

— Если бы они были достойны этихъ преимуществъ и пользовались ими для общей пользы, то, вѣроятно, никто не возставалъ бы противъ такого распредѣленія земныхъ благъ, сказалъ графъ Эрбахъ.—Люди отличаются другъ отъ друга какъ строеніемъ тѣла и лицомъ, такъ и душевными свойствами; почему вы хотите, чтобы они были одинаково надѣлены дарами счастья?

— Люди говорятъ, что такой порядокъ учрежденъ Богомъ, отвѣтила Маделена, не отрываясь отъ работы;—если онъ будетъ разрушенъ, то они скажутъ, что это дѣло діавола. Красива была вавилонская башня, когда она во всемъ великолѣпіи и несокрушимости возвышалась къ небу; но ударила въ нее Божія молнія и она превратилась въ груды камней и мусора... Не обращайте вниманія на мои слова, графъ; у меня свой взглядъ на то, что дѣлается въ мірѣ. Вы не нашъ соотечественникъ; въ вашей странѣ лучше живется... Франсуа много рассказывалъ мнѣ о вашей добротѣ.

— Онъ, вѣроятно, недоволенъ мной. Въ послѣдніе дни я почти не говорилъ съ нимъ. Гдѣ онъ теперь?

— Что значить старость! воскликнула она съ досадой.—Я забыла передать вамъ, что сюда приходилъ молодой человѣкъ изъ Люсьенна и спрашивалъ о васъ.

— Фрицъ Бухгольцъ?

— Кажется, такъ. У него трудная нѣмецкая фамилія. Онъ былъ очень огорченъ, что не засталъ васъ; Франсуа предложилъ ему отправиться въ Трианонъ, предполагая, что вы тамъ, и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Я, дѣйствительно, былъ въ саду; но мнѣ не хотѣлось оставаться болѣе на праздникѣ...

Маделена пристально устремила на него свои черные, все еще блестящіе глаза, въ которыхъ выразилось удивленіе.

— Если бы я не знала отъ Франсуа, что вы дѣйствительно графъ, я ни за что не повѣрила бы этому, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія.—Вы не пьете, не играете въ карты и не участвуете въ придворныхъ празднествахъ...

Эрбахъ засмѣялся.

— Должно быть, нѣмецкіе графы совсѣмъ другіе, нежели у васъ во Франціи, замѣтилъ онъ.

— Вы не увѣрите меня въ этомъ, возразила она рѣзко.—Ястребъ всегда останется хищной птицей. Онъ издали чуетъ добычу!..

— Вѣроятно, дворяне сдѣлали вамъ много дурного? замѣтилъ графъ Эрбахъ нерѣшительнымъ голосомъ.

Она пробормотала что-то сквозь зубы и послѣшно схватила работу, выпавшую изъ ея рукъ. Лицо ея казалось еще неподвижнымъ, только глаза неприятно блестя.

Разговоръ былъ прерванъ такъ внезапно, что прошло нѣсколько минутъ, пока графъ Эрбахъ могъ возобновить его.

— Что вы шьете такъ прилежно? спросилъ онъ.—У васъ могутъ заболѣть глаза отъ усиленной работы.

— У меня замѣчательно крѣпкіе глаза, если я до сихъ поръ не ослѣпла отъ слезъ. Вы спрашиваете, что я шью... я готовлю себѣ саванъ.

— Неужели у васъ нѣтъ другой, болѣе пріятной работы?

— Я не способна сегодня ни на какую другую работу; моя бѣдная голова идетъ кругомъ; мнѣ представляется, что эта комната все болѣе и болѣе наполняется тѣнями. Я не гожусь для вашего общества, графъ... сегодня годовщина...

— Бѣдная мать! воскликнулъ графъ Эрбахъ, глубоко тронутый ея горемъ и чувствуя, что не въ состояніи болѣе скрывать отъ нея, что онъ знаетъ объ ея несчастьи.

Маделеной овладѣла сильная душевная борьба; она хотѣла изъ упрямства принять равнодушный видъ; но въ голосѣ Эрбаха было столько сердечности и искренняго желанія утѣшить ее, что она не выдержала и залилась горькими слезами.

— Несчастное дитя! проговорила она рыдая,—но еще несчастнѣе мать, которая должна была пережить ее.

— Я узналъ эту печальную исторію отъ виконта Рошфора, сказалъ Эрбахъ, не находя словъ утѣшенія для такого горя.

— Какъ она была добра и хороша собой! продолжала старуха, прижимая руки къ сердцу, между тѣмъ какъ крупныя слезы текли по ея щекамъ, покрытымъ глубокими морщинами. Она была красива, какъ ангель, даже тогда, когда ее вытащили изъ воды... Ее не захотѣли похоронить на кладбищѣ, хотя она была лучше многихъ и никогда не отказывала бѣдняку въ милостынь... Виконтъ черезъ своихъ друзей выхлопоталъ намъ позволеніе похоронить ее въ нашемъ саду... На ея могилѣ цвѣтутъ теперь розы...

Графъ Эрбахъ сидѣлъ молча и задумчиво слушалъ рассказъ Маделены.

— Услуга, которую оказалъ намъ виконтъ въ этомъ случаѣ, добавила она,—отчасти примирила меня съ нимъ. Но онъ злой и неприятный человѣкъ. Я убѣждена, что его появленіе въ нашемъ домѣ

принесло намъ несчастіе. Онъ одурачилъ Софи своими сладкими рѣчами и меня, стараго ребенка. Онъ строилъ намъ на словахъ воздушныя замки; моя дочь была принцессой, къ которой долженъ былъ посвататься королевскій сынъ; мы уносились подъ облака на какомъ-то удивительномъ шарѣ... Но мы скоро слетѣли съ неба въ пропасть, уничтоженныя, съ разбитымъ сердцемъ... Она умерла, моя ненаглядная!..

Несчастливая женщина была довольна, что можетъ передъ кѣмъ нибудь излить свое горе; голосъ ея сдѣлался мягче; на суровомъ, морщинистомъ лицѣ явилось выраженіе кроткой покорности судьбѣ.

— Она уѣхала въ Пасси съ тайной любовью въ сердцѣ. Скоро она исчезла оттуда, но съ кѣмъ и куда—мы не могли этого узнать. Много слезъ пролила я тогда; но не браните ее; она была молода и красива; вся ея вина заключалась въ томъ, что она полюбила всѣмъ сердцемъ негоднаго человѣка, который воспользовался ея неопытностью... Что это было за милое, ласковое существо! Всѣ восхищались ею. Когда она улыбалась, то у всякаго становилось легко на сердцѣ... Однако, нашелся такой человѣкъ, который соблазнилъ и бросилъ ее.

Голосъ старухи задрожалъ отъ гнѣва при этихъ словахъ; надъ сѣдыми бровями появилась глубокая морщина и придала суровое выраженіе ея лицу.

— Какого наказанія заслуживаетъ подобное преступленіе? проговорила она съ усиленіемъ. — Когда четверговали Даміэна за его покушеніе на жизнь Людовика XV-го, я также отправилась на мѣсто казни, но не могла вынести ужаснаго зрѣлища... Но къ этому злодѣю я не почувствовала бы никакой жалости, если бы онъ попалъ мнѣ въ руки!..

На ея лицѣ Эрбахъ прочелъ ту же жажду мести, которая овладѣла Рошфоромъ и доводила до галлюцинацій. Это была не злоба противъ отдѣльнаго лица, а непримиримая ненависть къ цѣлому словію.

— Такія преступленія никогда не остаются безъ послѣдствій! сказалъ графъ Эрбахъ.—Вы можете быть увѣрены, что виновника рано или поздно постигнетъ достойная кара...

— Будь онъ проклятъ до конца своей жизни! сказала Маделена торжественнымъ тономъ.—Вы только тогда поняли бы, что я должна чувствовать къ нему, если бы видѣли мою несчастную дочь въ то время, когда она вернулась къ намъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія — съ босыми ногами, окровавленными отъ непривычной ходьбы, полупомѣшанная, нищая, и съ новорожденнымъ ребенкомъ на рукахъ!.. Когда я думаю объ этомъ, то у меня является желаніе, чтобы каждый волосъ на моей головѣ обратился въ острый ножъ и пронзилъ бы сердце измѣнника... Она сидѣла тутъ, въ этомъ углу, молча, безъ слезъ... Ребенокъ умеръ, и она... Говорятъ, что суще-

ствуешь высшее милосердіе и премудрость; но я не вѣрю этому, потому что подобныя дѣла не совершались бы тогда на свѣтѣ...

— Неужели вамъ не удалось до сихъ поръ напасть на слѣдъ этого господина? спросилъ графъ Эрбахъ.

— Нѣтъ, потому что онъ сумѣлъ все покрыть глубокой тайной, а Софи упорно отказывалась отвѣчать на наши вопросы. Теперь стучитесь о могилу и требуйте отвѣта... Я часто думаю: большое счастье, что я не знаю его имени. Я убила бы его и въ королевскомъ замкѣ. Если онъ умеръ, то мнѣ нечего дѣлать на землѣ! Только ненависть поддерживаетъ меня. Немало женщинъ въ нашей бѣдной странѣ, у которыхъ похитили дочерей и выбросили потомъ въ кучу сора, какъ ненужную тряпку. Мы не болѣе, какъ черви въ глазахъ дворянъ; но имъ еще не удалось окончательно раздавить насъ...

— Успокойся, жалобы ни къ чему не ведутъ, сказалъ твердый и ласковый голосъ за спиной старухи.

Это былъ Бланшаръ, который незамѣтно вошелъ въ комнату.

— Какъ я радъ, что вижу васъ! воскликнулъ графъ Эрбахъ, подавая ему руку.

Приходъ Бланшара былъ особенно пріятенъ для него въ эту минуту, потому что слова Рошфора и Маделены звучали въ его ушахъ, какъ карканье вороновъ надъ могилой несчастной дѣвушки, и вызвали мрачныя картины будущаго.

Но Маделена не обращала вниманія на слова сына и продолжала свои проклятія; вставъ съ мѣста, она подняла исхудалыя руки, какъ будто молила небо о мщеніи.

— Они думаютъ заглушить стоны бѣднаго народа своимъ ликованьемъ! проговорила она глухимъ голосомъ, — но голодъ и нищета поднимутся противъ нихъ и сотрутъ съ лица земли. Матери, у которыхъ они отняли дочерей, женщины, которыхъ они лишили чести, соберутся шумной толпой передъ Версальскимъ дворцомъ и потрутъ воздухъ своими бѣшенными криками...

Издали послышался глухой шумъ, какъ бы въ отвѣтъ на слова старухи.

Бланшаръ отворилъ окно. Изъ сада Трианона поднимались ракеты и огненные шары и разлетались разноцвѣтными звѣздами въ тихомъ вечернемъ воздухѣ.

— Ты слышишь, они кричатъ: „да здравствуетъ король и королева!“ сказалъ Бланшаръ, обращаясь къ своей матери.

Старуха поправила свои сѣдые волосы, выбившіеся изъ-подъ чепца, и молча сѣла въ свое кресло.

— Я оставилъ вашего друга въ саду, многоуважаемый графъ, продолжалъ Бланшаръ.—Мое общество было для него лишнимъ, потому что онъ встрѣтилъ тамъ даму въ маскѣ, которая, сказавъ ему нѣсколько словъ, взяла его подъ руку. Впрочемъ, онъ обѣщалъ зайти къ вамъ, прежде чѣмъ отправиться въ Люсьеннъ.

— Я подожду его.

— Давно не бывало здѣсь такого блестящаго праздника. Говорили, что королева сама поведетъ своего брата по нѣкоторымъ освѣщеннымъ аллеямъ. Тѣмъ не менѣе, иностранцы, хотя и восхищаются всѣмъ этимъ великолѣпіемъ, но, повидимому, не одобряютъ его.

— Почему вы такъ думаете?

— Я вывелъ это заключеніе изъ словъ г-на Бухгольца. „Вы, французы“, сказалъ онъ мнѣ, „должно быть очень богаты, если вашъ король можетъ сжечь въ одинъ день столько денегъ. Нашъ старый Фридрихъ никогда бы не устроилъ такой иллюминаціи въ видахъ экономіи! Мы—бѣдный народъ“. Говорятъ, вашъ императоръ выразился въ томъ же духѣ.

— Вы не должны удивляться этому: нашъ императоръ философъ, онъ равнодушно относится къ удовольствіямъ и мечтаетъ о томъ, чтобы заслужить хорошую славу въ потомствѣ. Что же касается Бухгольца, то онъ во всемъ подражаетъ своему королю и десять разъ повернетъ каждый талеръ, прежде чѣмъ истратитъ его. По моему мнѣнію, нельзя строго осуждать вашу молодую королеву—кто не веселится въ ея годы! Помните ли вы, Бланшаръ, ту осень, которую мы провели съ вами въ Таннбургѣ? Какія веселія празднества устраивали тогда, какія иллюминаціи! Но это не мѣшало и серьезнымъ занятіямъ: мы дѣлали наблюденія надъ неподвижными звѣздами, обращеніемъ планетъ, собирались летать по воздуху...

— Но чѣмъ все это кончилось? спросилъ Бланшаръ, и въ его задумчивыхъ глазахъ, обращенныхъ къ ночному небу, блеснули слезы.

— Насъ постигла почти та же участь, какъ знаменитаго Икара, который хотѣлъ подняться къ солнцу на восковыхъ крыльяхъ! возразилъ графъ Эрбахъ, подходя къ открытому окну, у котораго стоялъ Бланшаръ.—Икаръ представляетъ собою наглядный примѣръ смѣлаго изобрѣтателя, сброшеннаго съ высоты въ тотъ самый моментъ, когда онъ надѣялся достигнуть цѣли своихъ стремленій. Но у насъ крылья только помяты, а не сломаны. Я убѣжденъ, что умъ человѣческой долженъ одержать верхъ надъ суевѣріемъ и подчинить себѣ силы природы. Многое, что кажется теперь несбыточной мечтой, станетъ въ послѣдствіи дѣломъ обыкновеннымъ. Развѣ вы сами не увѣрены въ этомъ, Бланшаръ? Неужели вы отказались отъ своей любимой мысли и, употребивъ столько усилій и труда на осуществленіе ея, пришли къ печальному выводу, что человѣкъ будетъ вѣчно прикованъ къ землѣ?

— Нѣтъ, я не думаю этого; но я почти потерялъ надежду открыть силу, которая подняла бы насъ на воздухъ и удержала отъ паденія. Откуда взять крылья, которыя могли бы противостоять тяженію земли, разсѣкать воздухъ и идти противъ вѣтра? Я не болѣе какъ труженикъ, графъ Эрбахъ; у меня нѣтъ даже предпримчивости Фаэтона или Икара. Мнѣ недостаетъ божественной искры и полета

мысли; мой умъ слишкомъ прикованъ къ землѣ, какъ у всѣхъ ограниченныхъ людей...

— Не приходите въ отчаяніе, Бланшаръ. Вы еще молоды. То, что сегодня не удастся вамъ, можетъ быть найдено завтра, благодаря новымъ изысканіямъ. Только путемъ долгихъ опытовъ изобрѣтатель достигаетъ цѣли...

— Если бы это изобрѣтеніе удалось мнѣ, проговорилъ съ живостью Бланшаръ,—то оно произвело бы переворотъ въ мірѣ, уничтожило границы государствъ и сдѣлало бы человѣка полнымъ властелиномъ надъ моремъ, землей и небомъ! Если бы мы научились плавать по воздуху, то развѣ могла бы существовать война, насиліе надъ отдѣльными людьми?.. Вы смѣетесь, но эти мечты поддерживаютъ меня въ тяжелыя минуты жизни. Подчасъ я завидую моей бѣдной сестрѣ, что ея душа, освобожденная отъ земныхъ оковъ, можетъ свободно переноситься отъ звѣзды къ звѣздѣ. Неужели эти свѣтящіеся шары всегда останутся для насъ необъяснимой загадкой и мы напрасно будемъ стремиться къ нимъ!..

Старая Маделена, сложивъ руки, слушала своего сына съ напряженнымъ вниманіемъ, изъ боязни проронить одно слово, хотя многое было непонятно ей.

Бланшаръ и графъ Эрбахъ стояли въ это время у открытаго окна и смотрѣли на безоблачное звѣздное небо, въ необъятной глубинѣ котораго блестяли звѣзды. Оба они переживали одну изъ тѣхъ минутъ высокаго нравственнаго наслажденія, когда человѣкъ отрѣшается отъ всего земнаго и мысленно уносится въ другой, лучшій міръ, чуждый мелкихъ заботъ и волненій. Только люди идеи, поэты и изобрѣтатели могутъ испытывать подобныя минуты; онѣ съ избыткомъ вознаграждаютъ ихъ за всѣ не осуществившіяся надежды и попытки...

Въ это время Фрицъ Бухгольцъ находился въ толпѣ, наполнявшей главныя аллеи сада Трианона. Онъ чувствовалъ себя въ нѣсколько возбужденномъ состояніи, которое составляло рѣзкую противоположность съ его обычной разсудительностью.

Съ нимъ были двѣ дамы—графиня Дюбарри и Корона Турмъ онъ шелъ съ ними подъ руку и долженъ былъ, по требованію графини, называть ихъ вымышленными именами—Жанетой и Манонъ. Разговоръ неособенно затруднялъ его, потому что онъ и прежде былъ знакомъ съ французскимъ языкомъ, а теперь еще больше освоился съ нимъ, послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ странѣ. Но его приводила въ смущеніе бѣглость, съ какой графиня Дюбарри объяснялась на простонародномъ парижскомъ жаргонѣ. Она громко хохотала надъ стараніями Бухгольца употреблять самыя изысканныя выраженія и обороты и прерывала его утонченныя рѣчи словами, которыя явно показывали ея близкое знакомство съ уличной жизнью Парижа. Хотя графиня Дюбарри рассказывала ему въ общихъ чертахъ о своей молодости, но онъ считалъ это басней и не могъ понять, откуда она

могла узнать такіа грубыя выраженія и почему употребляла ихъ съ такимъ удовольствіемъ.

Ему и въ голову не приходило, что графиня прогуливается съ нимъ по запрещеннымъ ей аллеямъ. Когда король и королева позволили ей вернуться въ Люсьеннъ изъ монастыря, куда она была сослана послѣ смерти Людовика XV, то эта милость была оказана съ условіемъ, чтобы она никогда не являлась въ Версаль. Но тѣмъ сильнѣе было желаніе Жанны Дюбарри увидѣть снова ея потерянный рай, гдѣ она столько лѣтъ была божествомъ. Слухи о блестящихъ празднествахъ, которыя устраивала молодая королева, объ улучшеніяхъ въ саду Трианона и новыхъ постройкахъ подстрекали ея любопытство. До сихъ поръ боязнъ изгнанія удерживала ее въ границахъ благоразумія; но не побывать на праздникѣ, который давался въ честь императора, было выше ея силъ. Она рѣшилась переодѣться въ костюмъ дѣвушки изъ мѣщанскаго сословія, надѣть на лицо полумаску и побывать въ Версалѣ, несмотря на запрещеніе. Старый Клеманъ, которому она сообщила о своемъ опасномъ намѣреніи, посоветовалъ ей взять съ собой какую нибудь молодую дѣвушку, незнакомую съ Версалемъ и дворомъ, которая своими наивными вопросами и замѣчаніями отвлекла бы отъ нея вниманіе толпы. Это предложеніе навело графиню на мысль обратиться къ пѣвицѣ, представленной ей маркизомъ Валь д'Омброне, тѣмъ болѣе, что Корона произвела на нее самое пріятное впечатлѣніе послѣ перваго вечера и еще больше понравилась ей при ближайшемъ знакомствѣ.

Жанна Дюбарри, проводившая время почти исключительно въ обществѣ мужчинъ, была очень довольна встрѣчей съ молодой дѣвушкой, которая ничего не знала объ ея прошломъ, и сердечно привязалась къ ней. Склонность Короны къ романическимъ приключеніямъ встрѣтила полную симпатію въ Жаннѣ; онѣ сошлись въ стремленіи выйти изъ тѣсныхъ рамокъ, полагаемыхъ общественной жизнью. Молодая дѣвушка съ радостью приняла предложеніе своей новой знакомой отправиться въ садъ Трианона, такъ какъ жаждала вырваться изъ заключенія, въ которомъ держалъ ее маркизь, несмотря на свою дружбу и отеческую заботливость о ней. Она надѣялась, что скоро наступитъ для нея давно желанная свобода, но ей не хотѣлось упустить праздникъ, о которомъ было столько толковъ.

При другихъ обстоятельствахъ, маркизь, вѣроятно, отказалъ бы наотрѣвъ въ просьбѣ графини отпустить къ ней на день Корону. Но теперь онъ почти безпрекословно далъ свое согласіе, не подозревая, что онѣ намѣрены отправиться въ Версаль, и вдобавокъ, находился въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Онъ не только получилъ приглашеніе на праздникъ, но еще Марія Антуанета собственноручно написала ему нѣсколько словъ. Это обстоятельство настолько польстило его самолюбію, что онъ рѣшился отступить отъ своей обычной осторожности. Въ этотъ вечеръ онъ не могъ самъ оберегать свое сокро-

вище и нашелъ всего удобнѣе поручить его графинѣ Дюбарри, въ надеждѣ, что всѣ придворные кавалеры будутъ на праздникъ и павильонъ Люсьеннъ будетъ пустъ.

Такимъ образомъ, маркизъ, утопая въ океанѣ восторга и`удовлетвореннаго тщеславія, отправился въ Трианонъ. Ему и въ голову не приходило, что въ тотъ самый моментъ, когда Марія Антуанета съ улыбкой представила его въ пріемной залѣ дворца своему августѣйшему брату какъ одного изъ первыхъ знатоковъ музыки, покровительствуемая имъ пѣвица прогуливалась внизу по саду. Какъ ужаснулся бы онъ, если бы увидѣлъ, что она идетъ подъ руку съ честнымъ бюргеромъ, котораго слуги его поколотили нѣсколько недѣль тому назадъ, принявъ за вора!

Обѣ дамы вошли въ садъ, весело разговаривая между собой. За ними слѣдовалъ въ нѣкоторомъ разстояніи Клеманъ съ другимъ слугой. Толпа стояла сплошной массой передъ дворцомъ и храмомъ Амура, сдерживаемая тѣлохранителями. Никто не рѣшался ослушаться ихъ, такъ какъ королевская власть еще не потеряла тогда своего обаянія. Бѣдняки и плохо одѣтые люди не были допускаемы въ рѣшетчатые ворота и могли любоваться издали отраженіемъ фейерверка и взлетающими ракетами. Молодая королевская чета считала достаточной милостью съ своей стороны, что позволяла наряднымъ буржуа, ихъ женамъ и дочерямъ смотрѣть на свой праздникъ. Старые придворные находили даже эту уступку народу совершенно лишнею.

Въ саду было столько новаго и любопытнаго для публики, что никто не обратилъ вниманія на двухъ прилично одѣтыхъ женщинъ, пробравшихся въ толпу. Но по мѣрѣ того какъ сгущались сумерки, все сильнѣе становилась давка въ тѣнистыхъ аллеяхъ и на лужайкахъ около замка. Появились непрошеные посѣтители въ лохмотьяхъ; одни, пользуясь темнотой, проскользнули въ ворота, другіе перелѣзли черезъ стѣну. Напряженное ожиданіе толпы увеличивалось съ каждой минутой; говоръ и крики становились все громче. Пронесся слухъ, что скоро ихъ величества въ сопровожденіи придворныхъ выдутъ въ садъ, чтобы провести августѣйшаго гостя по главнымъ ярко освѣщеннымъ аллеямъ. Каждый хотѣлъ выдвинуться впередъ, чтобы лучше видѣть шествіе и заявить свои вѣрноподданническія чувства. Произошла сильная давка; хлынувшая толпа отдѣлила графиню Дюбарри и Корону отъ слугъ и увлекла ихъ съ собою. Это обстоятельство неособенно обезпокоило ихъ и само по себѣ не имѣло бы никакого значенія, если бы не подѣйствовало на расположеніе духа Жанны Дюбарри. Какъ странно устроилась вся ея жизнь! Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она властвовала въ этомъ самомъ замкѣ; всѣ ея прихоти исполнялись; придворные внимательно слѣдили за выраженіемъ ея лица, изъ боязни навлечь на себя высочайшую немилость. Теперь она сама принадлежала къ числу отверженныхъ. Униженная, въ простомъ платьѣ, стояла она въ толпѣ, чтобы увидѣть счастливецевъ, занявшихъ

ея мѣсто. Взятая съ улицы, она опять очутилась на ней! Горькое сознание своего паденія и ненависть противъ людей, ухаживавшихъ за нею, пока она была на высотѣ своего величія, и ставшихъ ея злѣйшими врагами въ несчастіи, злоба противъ королевы и придворныхъ дамъ,—все это возбудило въ ней глубокое уныніе и гнѣвъ. Но вслѣдъ затѣмъ, по какому то странному противорѣчію, ея овладѣла неожиданно та необузданная и бѣшеная веселость, которая увлекала и отуманивала даже усталого, равнодушнаго и оступѣвшаго Людовика XV. Дерзко закинувъ назадъ голову, она вмѣшивалась въ разговоръ стоявшихъ возлѣ нея людей, отвѣчала на всѣ шутки и насмѣхалась надъ придворными, возбуждая общій хохотъ своими остротами и мѣткими замѣчаніями.

Сначала шутки графини Дюбарри казались очень забавными Коронѣ, но скоро ея овладѣлъ инстинктивный страхъ, такъ какъ поведение ея спутницы шло въ разрѣзъ со всѣми ея понятіями о приличіяхъ. Она сильно покраснѣла подъ маской, когда графиня ударила по плечу какого-то молодаго человѣка, стоявшаго рядомъ съ нею.

— Добрый вечеръ, г-нъ пруссакъ. Дайте руку и будьте моимъ кавалеромъ. Сегодняшній праздникъ устроенъ въ честь иностранцевъ. Если бы вы были прусскимъ королемъ, а я маркизою Помпадуръ, изъ насъ вышла бы славная пара.

Однако, выходка графини на этотъ разъ оказалась гораздо невиннѣе, нежели предполагала Корона. Когда молодой человѣкъ оглянулся, то она сама едва не вскрикнула отъ удовольствія, узнавъ знакомое лицо Фрица Бухгольца. Но она едва успѣла обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами, потому что графиня Дюбарри болтала безъ умолку, и имъ стоило большого труда не отстать другъ отъ друга среди громадной, двигавшейся взадъ и впередъ, толпы. Но тутъ всѣ какъ будто замерли на мѣстѣ отъ ожиданія. Ихъ королевскіи величества вышли изъ залы и намѣревались сойти въ садъ по широкой мраморной лѣстницѣ.

Стража принялась еще усерднѣе отгонять народъ, чтобы очистить дорогу для высокопоставленныхъ лицъ.

— Надѣюсь, прекрасный тѣлохранитель, что вы не сгоните съ мѣста двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ и скромнаго буржуа! сказала графиня Дюбарри.—Мы не затмимъ гашей королевы; она навѣрно больше обратитъ на себя вниманіе, нежели мы.

Тѣлохранитель засмѣялся и позволилъ графинѣ Дюбарри остаться на мѣстѣ съ ея спутниками.

— Это императоръ Іосифъ, сказала Корона Бухгольцу.— Онъ идетъ подъ руку съ королевой. Какая у нея величественная осанка и какое привѣтливое лицо! Я охотно преклонила бы передъ ней колѣна, если бы меня представили ей.

Графиня Дюбарри пожала плечами и, наклонившись къ молодой

дѣвушка, шепнула ей на ухо:—наружность обманчива; я имѣла случай убѣдиться, что она высокомерная и злая женщина!

Но Корона не слушала ее и вся превратилась въ зрѣніе. Никогда въ своей жизни не видала она столько блеска, красоты и великолѣпія, такихъ нарядныхъ дамъ и кавалеровъ. Лицо ее разгорѣлось отъ волненія; она не могла долѣе выносить маски и, забывъ всякую предосторожность, сняла ее. Развѣ недостаточно, что она стоитъ въ толпѣ и не выдвинулась впередъ, чтобы привѣтствовать императора? По происхожденію она также принадлежитъ къ этому избранному обществу и могла бы идти въ свитѣ королевы, какъ всѣ эти дамы съ высокой, величественной прической и уборами изъ цвѣтовъ, перьевъ и пестрыхъ птицъ. Она съ особеннымъ вниманіемъ, вглядывалась въ лица придворныхъ кавалеровъ, въ надеждѣ увидѣть между ними графа Эрбаха. Неожиданная встрѣча съ нимъ въ павильонѣ Люсьеннѣ наполнила радостью ее сердце и разсѣяла всѣ заботы. Она знала, что ей будетъ неудобно говорить съ нимъ и хотѣла только издали поклониться ему. Но ей не удалось увидѣть его. Шествіе не достигло того мѣста, гдѣ она стояла, а направилось въ противоположную сторону, къ аллеѣ изъ вязовъ, украшенной статуями, бесѣдками, искусственными гротами, на концѣ которой видѣлся ярко освѣщенный храмъ Амура. Придворные шли сначала попарно, но отъ того-ли, что самъ король нарушалъ порядокъ частыми остановками и расхаживаніемъ взадъ и впередъ, только группа дамъ и кавалеровъ отдѣлилась отъ шествія и осталась на лужайкѣ, смѣясь и разговаривая между собой.

Корона стояла ослѣпленная и отуманенная.

Ее охватило то же ощущеніе, какое она испытывала въ Люсьеннѣ, когда все общество встрѣтило ее пѣніе громкимъ и единодушнымъ одобреніемъ. Всѣ огорченія, какія ей пришлось испытать въ прошломъ, были забыты; свѣтъ казался ей въ эту минуту такимъ блестящимъ и радостнымъ, какъ освѣщенный садъ, сверкавшій передъ ее глазами; она видѣла вокругъ себя только беззаботныя и веселыя лица. Сердце ее усиленно забилося, когда она услышала вдали стройныя аккорды музыки. Это былъ оркестръ, скрытый за колоннами храма Амура, который привѣтствовалъ приближеніе королевы и ее гостей.

Совсѣмъ иныя чувства вызвала эта музыка въ душѣ Жанны Дюбарри. Развѣ въ былыя времена ее не встрѣчали такимъ же образомъ? Воспоминанія о прошлыхъ счастливыхъ дняхъ наполнили ее душу: куда дѣвалось веселье—танцы, пѣніе, тѣ люди, которые поклонялись ей? Все это исчезло безслѣдно въ какой-то мрачной бездонной пропасти... Она закрыла лицо рукой, чтобы не видѣть всего, что дѣлалось теперь передъ ее глазами. Все сильнѣе поднималось горестное чувство въ ее душѣ; она прикусила губы, чтобы не заплакать. Никогда въ своей жизни она не желала такъ искренно смерти, какъ въ эту минуту.

— Уйдемте отсюда! сказала она Коронѣ. — Въ саду становится сыро; я озябла...

Корона не слышала этихъ словъ, потому что все ея вниманіе было поглощено дамой, фигура которой показалась ей знакомой. Чѣмъ больше она вглядывалась, тѣмъ сильнѣе становилась ея увѣренность, что это Рената, хотя дама стояла въ тѣни и трудно было различить черты ея лица. Она говорила съ молодымъ человѣкомъ, или вѣрнѣе — слушала его, потому что почти не удостаивала отвѣчать на его слова. Въ это время къ ней подошелъ камергеръ съ докладомъ, что королева желаетъ видѣть ее. Молодой человѣкъ съ неудовольствіемъ отступилъ отъ своей дамы, которая, проходя мимо него, оглянулась въ ту сторону, гдѣ стояла Корона. Былъ ли это обманъ воображенія, или причина заключалась въ своеобразномъ освѣщеніи, только молодая графиня никогда не была такъ поражена идеальной красотой своей бывшей подруги. Она почувствовала къ ней приливъ прежней нѣжности и невольно протянула ей обѣ руки.

Рената не видѣла этого движенія и скоро исчезла въ тѣнистой аллеѣ; но кавалеръ, который такъ долго разговаривалъ съ нею, остался на прежнемъ мѣстѣ и презрительно разглядывалъ стоявшую передъ нимъ толпу. Глаза его остановились на Коронѣ, которая видимо привлекла его вниманіе; онъ быстро перешелъ на другую сторону аллеи, чтобы приблизиться къ ней. Но графиня Дюбарри замѣтила во-время грозившую имъ опасность и, взявъ Корону за руку, увлекла ее съ собой.

— Надѣньте маску, уйдемте скорѣе; мы пропали! сказала она.

Корона безсознательно повиновалась. Обѣ женщины слѣдовали за Бухгольцемъ, который шелъ впередъ, чтобы очистить имъ дорогу сквозь толпу. Графиня Дюбарри, не объясняя причины своего испуга, умоляла его скорѣе вывести ихъ изъ сада, такъ какъ у воротъ она надѣялась найти наемный экипажъ, въ которомъ онѣ пріѣхали изъ Люсьенна. Она знала каждую тропинку сада и могла безошибочно указать дорогу, по которой имъ нужно было идти; но давка была такъ велика, что они медленно подвигались впередъ. Нѣсколько разъ толпа увлекла ихъ за собой въ противоположную сторону. Бухгольцъ воспользовался минутной остановкой, чтобы спросить графиню Дюбарри о причинѣ ея безпокойства.

— Насъ преслѣдуютъ! отвѣтила она, робко оглядываясь.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ стоялъ господинъ въ придворномъ костюмѣ и смотрѣлъ въ ихъ сторону.

— Кто это? спросила Корона.

— Графъ Арембергъ. Онъ видѣлъ васъ въ Люсьеннѣ. Всѣ придворные боятся его злого языка...

Бухгольцу удалось опять пробраться сквозь толпу съ своими дамами. Наконецъ, послѣ многихъ усилій, они выбрались изъ сада. Но тутъ ихъ ожидало новое препятствіе: всѣ экипажи стояли у другихъ

воротъ. Графиня Дюбарри отказалась наотрѣзъ отъ предложенія Бухгольца отыскать ихъ карету, такъ какъ это отняло бы слишкомъ много времени, и притомъ она боялась остаться одна съ Короной. Между тѣмъ, нужно было рѣшиться на что нибудь; каждая лишняя минута могла имѣть печальныя послѣдствія для графини.

— Мнѣ кажется, сказалъ Бухголецъ, что намъ ничего не остается, какъ отправиться къ Эрбаху; онъ живетъ на площади и навѣрно не откажетъ въ своей помощи, если вы обратитесь къ нему.

— Ведите насъ куда хотите, только уйдемте отсюда, сказала графиня. — Я рада буду отдохнуть немного и избавиться отъ этого господина... Смотрите, онъ стоитъ у воротъ и, вѣроятно, послѣдуетъ за нами, какъ только мы двинемся съ мѣста.

Корона молча пошла за своими спутниками. Они прошли ускореннымъ шагомъ нѣсколько улицъ и достигли площади. Неуклонно, какъ тѣнь, слѣдовалъ за ними Арембергъ.

— Мы скоро будемъ въ безопасности! сказалъ Бухголецъ, указывая на сосѣдній домъ, гдѣ изъ открытаго окна виднѣлся свѣтъ.

— Остановитесь, молодой человѣкъ! крикнулъ Арембергъ, положивъ ему руку на плечо. — Вы можете отправиться домой и предоставить этихъ дамъ моему попеченію; мнѣ нужно сказать имъ нѣсколько словъ.

Онъ говорилъ высокомернымъ, повелительнымъ тономъ и, казалось, не ожидалъ противорѣчія. Но Бухголецъ, выведенный изъ терпѣнія упорнымъ преслѣдованіемъ и наглостью молодого графа, грубо оттолкнулъ его руку и замахнулся на него длинной шпагой, которая была спрятана въ его пальцѣ и съ которой онъ не разставался со времени своего послѣдняго приключенія у дома маркиза д'Омброне.

— Убирайся прочь! крикнулъ съ негодованіемъ Арембергъ. — Съ которыхъ поръ всякій буржуа позволяетъ себѣ носить оружіе?

— Съ тѣхъ поръ, какъ приходится имѣть дѣло съ такими людьми, какъ вы, отвѣтилъ Бухголецъ тѣмъ же дерзкимъ тономъ.

— Я тебя проучу, негодяй! воскликнулъ Арембергъ, бросаясь на своего противника съ обнаженной шпагой.

Бухгольцу, вѣроятно, пришлось бы проститься съ жизнью, если бы на крики испуганныхъ женщинъ не явился Эрбахъ. Узнавъ голоса обоихъ противниковъ, онъ бросился между ними.

— Сюда, графъ Арембергъ! воскликнулъ онъ. — Можетъ быть, вы найдете меня болѣе достойнымъ чести сразиться съ вами...

— Это вы, m-eur Поль? замѣтилъ Арембергъ, пожимая плечами съ видомъ удивленія.

— Передъ вами имперскій графъ Павелъ Эрбахъ; онъ желаетъ знать, по какому праву вы позволяете себѣ преслѣдовать по улицамъ прилично одѣтыхъ женщинъ?..

Въ это время старуха Бланшаръ, встревоженная шумомъ, сошла съ крыльца, чтобы пригласить къ себѣ обѣихъ дамъ. Франсуа Блан-

шаръ шелъ за нею съ фонаремъ въ рукѣ; отблескъ его освѣтилъ фасадъ дома.

Арембергъ опустилъ шпагу и точно пробужденный отъ сна смотрѣлъ на приближавшуюся группу, на домъ и на своихъ противниковъ; смертельная блѣдность покрыла его лицо. Но черезъ секунду онъ овладѣлъ собой и, обращаясь къ Эрбаху, сказалъ вѣжливымъ тономъ:

— Прошу у васъ прощенья, графъ... Я не подозрѣвалъ, что эти дамы и сопровождавшій ихъ молодой человекъ пользуются вашимъ особеннымъ покровительствомъ... Надѣюсь, что вы признаете себя удовлетвореннымъ этимъ объясненіемъ.

Графъ молча кивнулъ ему въ знакъ согласія.

Арембергъ еще разъ взглянулъ на домъ, на морщинистое лицо старухи Бланшаръ, освѣщенное мерцающимъ свѣтомъ фонаря, и поспѣшно свернулъ въ сосѣднюю улицу. Въ его походкѣ не было обычной увѣренности; онъ шелъ торопливымъ шагомъ, задумчиво опустивъ голову.

ГЛАВА VI.

Маркизь Валь д'Омбронне переживалъ самый счастливый день въ своей жизни. Всѣ были такъ предупредительны и любезны съ нимъ, что минутами ему казалось, что праздникъ устроенъ въ честь его особы. Онъ снисходительно улыбался на вопросы придворныхъ о прекрасной пѣвицѣ, которая, по слухамъ, была привезена имъ изъ Венеціи, и не считалъ нужнымъ давать имъ какія либо объясненія. Тщеславіе его было удовлетворено. Королева передъ цѣлымъ дворомъ назвала его однимъ изъ первыхъ знатоковъ музыки. Приверженцы Глюка потерпѣли поражение, такъ какъ ихъ высокая покровительница, преклоняясь передъ музыкальнымъ вкусомъ маркиза, который былъ поклонникомъ итальянской музыки, признала открыто первенство послѣдней. Но, къ стыду маркиза, мы должны сказать, что въ этотъ знаменательный для него вечеръ онъ былъ довольно равнодушенъ къ славѣ своего соотечественника Пиччини и не колеблясь измѣнилъ бы ему, если бы эта жертва доставила ему доступъ въ концерты Трианона въ числѣ приближенныхъ Маріи-Антуанеты. Ему было все равно, какія пьесы исполняли на этихъ вечерахъ — итальянскія или нѣмецкія, лишь бы по окончаніи какой нибудь пьесы королева или принцесса Ламбаль спросили его: „что вы думаете объ этомъ, маркизь д'Омбронне?“ Чтобы добиться такой чести, онъ готовъ былъ восхищаться турецкой музыкой и находить въ ней извѣстныя красоты.

Несмотря на свои знанія, богатство и знатное происхожденіе, дававшее ему право занять видное мѣсто среди французскаго дворянства, ему до сихъ поръ не удавалось играть никакой роли при французскомъ дворѣ. Теперь ему помогъ случай и онъ старался воспользоваться имъ. Хотя онъ поражалъ придворныхъ своимъ чудачествомъ, и они насмѣхались надъ его напыщенными фразами и странными манерами, но всѣ считали его умнымъ и недоженнымъ человѣкомъ. Онъ скоро сообразилъ, что причина оказаннаго ему почета заключается въ томъ, что кто нибудь расхвалилъ его пѣвицу въ присутствіи ихъ величествъ и королева желаетъ услышать ее.

— Господь все-таки награждаетъ за добрыя дѣла! подумалъ маркизъ.— Можно ли было ожидать, что бѣдная дѣвушка, найденная мною въ лѣсу, доставитъ мнѣ милость королевы! *Согро ді Вассо!* Я не даромъ разыгралъ роль сострадательнаго самарянина.

Императоръ Іосифъ былъ также въ наилучшемъ настроеніи духа. Противъ своего обыкновенія, онъ уклонялся отъ всякихъ серьезныхъ разговоровъ о политикѣ и государственныхъ дѣлахъ, такъ какъ они видимо раздражали Марію Антуанету. Она не любила ихъ не потому, чтобы они не интересовали ее, но находила ихъ неумѣстными въ присутствіи своего супруга. Что могъ отвѣчать молодой король на вопросы, которыми осмѣлывалъ его Іосифъ, при своей неопытности въ дѣлахъ и полномъ невѣдѣніи того, что дѣлалось въ его государствѣ? Живость и энергія германскаго императора смущали флегматическаго, лѣниваго Людовика. При одинаковомъ желаніи добра и даже большой заботливости о счастіи отдѣльныхъ лицъ, Людовикъ былъ врагъ всякихъ нововведеній и реформъ, которыми такъ увлекался его зять. Безцеремонное обращеніе Іосифа, его насмѣшки надъ стариной, освященной вѣковымъ обычаемъ, приводили въ смущеніе придворныхъ. Они внимательно слѣдили за выраженіемъ его лица, когда онъ молчалъ и слушалъ другихъ, что случалось съ нимъ довольно часто, и дѣлали свои заключенія.

— Сегодня вулканъ выбрасываетъ только пепель! замѣтилъ баронъ Безенваль, указывая на императора, ходившаго поръ руку съ маркизомъ д'Омброне по главной аллеѣ сада.

— Онъ не расстаётся съ этимъ чудакомъ! сказалъ со вздохомъ старый камергеръ, котораго императоръ не удостоилъ пока ни единымъ словомъ.

Князь Лобковичъ смотрѣлъ совершенно иными глазами на милость императора къ маркизу. Онъ находилъ болѣе приличнымъ, чтобы будущій властелинъ Австріи, по примѣру своихъ предковъ, занимался музыкой, нежели разсуждалъ о переустройствѣ міра съ французскими естествоиспытателями, философами и фантазерами. Лобковичъ уже много лѣтъ пользовался довѣріемъ Маріи Терезіи за услуги, оказанныя имъ государству, и получилъ отъ ея величества почетное порученіе слѣдить за ея сыномъ при версальскомъ дворѣ. Оба они не

теряли надежду обуздать страсть Иосифа къ нововеденіямъ и направить его умъ на болѣе невинныя занятія.

— Если бы моя племянница была болѣе веселаго и живого характера, думалъ Лобковичъ,—то она легко могла бы имѣть на него вліяніе. Но женщина, которая ходитъ съ потупленными глазами и имѣетъ видъ монахини, не можетъ привлечь вниманіе молодаго властелина. Нужно воспользоваться временемъ, пока императоръ занятъ бесѣдой съ этимъ чудакомъ, и поговорить съ Ренатой...

Между тѣмъ, бесѣда императора съ маркизомъ была далеко не такого невиннаго свойства, какъ воображалъ Лобковичъ. Императоръ, сказавъ нѣсколько словъ о знаменитомъ соотечественникѣ маркиза, поэтѣ Метастазіо, который жилъ тогда на покоѣ въ австрійской столицѣ, окруженный почестями, незамѣтно свелъ разговоръ на необыкновенную пѣвицу, которая недавно пѣла въ Люсьеннѣ.

— Я сдѣлаю на-дняхъ визитъ графинѣ Дюбарри, продолжалъ Иосифъ,—такъ какъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла до мнѣнія версальскаго двора. Можетъ быть, они имѣютъ право сердиться на графиню; но я все-таки считаю ее красивой и знаменитой женщиной. Говоря откровенно, знакомство съ нею несравненно больше интересуетъ меня, нежели съ американскимъ типографщикомъ.

— Ваше императорское величество, по своему уму и положенію, можетъ не обращать вниманія на предрасудки и пустую болтовню. Но мы, маленькіе люди, должны поневолѣ подчиняться общественному мнѣнію, которое крайне деспотично въ этой странѣ, хотя здѣсь никто не имѣетъ малѣйшаго понятія о музыкѣ. Одна королева составляетъ счастливое исключеніе, потому что она родомъ изъ божественной Вѣны. Римъ, Флоренція, Венеція, императорская Вѣна—единственные цивилизованные города въ цѣломъ мірѣ! Въ нихъ день и ночь раздается музыка и пѣніе...

— Тѣмъ не менѣе, сказалъ улыбаясь Иосифъ,—наша императорская Вѣна не могла привлечь васъ—вы предпочли ей королевскій Парижъ. Или вы, быть можетъ, потому избѣгаете насъ, что, по слухамъ, увезли изъ нашей страны сокровище и чувствуете себя виноватымъ передъ нами?

— Онъ намекаетъ на мою пѣвицу, нужно воспользоваться этимъ случаемъ! подумалъ маркизъ и добавилъ вслухъ:—тотъ, кто находитъ драгоценный камень на дорогѣ, очищаетъ отъ пыли и тщательно шлифуетъ его, не можетъ быть названъ похитителемъ...

— Надѣюсь, вы не намѣрены запереть навсегда найденную вами пѣвицу подъ замокъ.

— Разумѣется, нѣтъ. Я воспиталъ эту дѣвушку не для себя, а для свѣта. Она—жрица Аполлона. Мои предки приобрѣли славу въ битвахъ; я ищу безсмертія въ другой области. Современемъ скажутъ, что послѣдній потомокъ фамиліи Валь д'Омбронне отдалъ все свое состояніе музею Ганганелли, а свѣту подарилъ величайшую пѣвицу.

— Все это дѣлаетъ вамъ честь, мой дорогой маркизь, но сознайтесь, что свѣтъ слишкомъ долго ждетъ отъ васъ этого подарка.

— Въ этомъ виноваты обстоятельства... Если бы я не боялся утомить вниманіе вашего величества своимъ разсказомъ...

— Вы не знаете меня,—я любопытнѣ всякой женщины! возразилъ съ живостью Іосифъ, свернувъ въ полуосвѣщенную аллею, гдѣ никто не могъ подслушать ихъ. Маркизь шелъ около него съ сіяющимъ лицомъ, поднимаясь на носки сапогъ, чтобы казаться выше ростомъ.

— Если я говорилъ о драгоценномъ камнѣ, найденномъ на дорогѣ, началъ онъ,—то это былъ намекъ на мѣстность, гдѣ я нашель пѣвицу: Она сидѣла подъ деревомъ въ мрачномъ богемскомъ лѣсу, окруженная скалами, и горько плакала. Когда моя карета поравнялась съ нею, она закричала моему кучеру, чтобы онъ остановился, и спросила его о дорогѣ, такъ какъ заблудилась и не знала, въ какую сторону идти. Услыхавъ ея голосъ, я выглянулъ изъ окна кареты; лицо мое внушило ей довѣріе, а ея безпомощное положеніе глубоко тронуло меня. Я пригласилъ ее сѣсть со мною въ экипажъ, тѣмъ болѣе, что она собиралась въ Нюренбергъ, а мнѣ это было по дорогѣ.

— Значить, слухи было справедливы, замѣтилъ Іосифъ,—и вы дѣйствительно увезли ее изъ моего государства.

— Я нашель ее на значительномъ разстояніи отъ австрійской границы, отвѣтилъ съ смущеніемъ маркизь,—а въ Германіи никогда не знаешь, въ чьемъ государствѣ находишься. Моя протегее до сихъ поръ не сказала мнѣ, откуда она родомъ. На ней была одежда бургерской дѣвушки, но я, глядя на ея изящныя руки и нѣжный цвѣтъ лица, сразу догадался, что она принадлежитъ къ высшему обществу. Какъ честный человекъ, я не рѣшился распрашивать ее. По моимъ соображеніямъ, она, вѣроятно, покинула родительскій кровъ изъ-за того, что ее хотѣли принудить къ замужеству. Можетъ ли быть что ужаснѣе этого! Выдать замужъ такую дѣвушку и лишиться ея голоса! Всѣ друзья искусства должны вѣчно благодарить меня, что я помѣшалъ этому преступленію...

— Какъ вы узнали, что ваша протегее такая великая пѣвица?

— Дорогой мы разговорились съ нею, и она сказала мнѣ, что знаетъ итальянскій языкъ и что пѣла иногда итальянскія пѣсни; но я не придалъ этому никакого значенія. Мы приѣхали въ Нюренбергъ. Отдохнувъ съ дороги, я сидѣлъ въ раздумьѣ и не могъ рѣшить, что я буду дѣлать съ молодой дѣвушкой, которую навязалъ себѣ на шею, — взять ли ее съ собой въ Парижъ, или отправить, куда она пожелаетъ. Крона — такъ зовутъ пѣвицу—оставалась въ это время въ своей комнатѣ. Она, вѣроятно, думала, что я вышелъ изъ дому, потому что кругомъ было тихо, и начала пѣть. Сердце мое затрепетало отъ ея божественнаго пѣнія и душа моя, отрѣшившись отъ земной оболочки, улетѣла на небо. Я отворилъ дверь въ ея комнату и

стоялъ передъ нею, не помня себя отъ восторга. Слезы текли по моимъ щекамъ; я не могъ выговорить ни одного слова. „Что съ вами, маркизь?“ спросила она съ испугомъ. Я и самъ не зналъ, что было со мной въ эту минуту, и вмѣсто отвѣта, я обнялъ ее и нѣжно прижалъ къ своему сердцу.—Хочешь ли ты быть моей дочерью? проговорилъ я наконецъ съ трудомъ.—Мы поѣдемъ въ Парижъ и ты научишься такъ пѣть, что ангелы на небѣ позавидуютъ твоему голосу... „Везите меня, куда хотите, только позвольте мнѣ остаться у васъ подъ вашей защитой“, отвѣтила она мнѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ осчастливила она меня этими словами... Да, это былъ славный день въ жизни Ипполита Валь д'Омброне!

Иосифъ пожалъ руку своему собесѣднику.—Законъ можетъ осудить васъ, мой дорогой маркизь, сказалъ онъ; но вы поступили какъ честный и благородный человѣкъ.

Маркизь поблагодарилъ императора низкимъ поклономъ и продолжалъ свой разсказъ:

— Это случилось въ сентябрѣ прошлаго года. Изъ Нюрнберга мы отправились на курьерскихъ, потому что Корона боялась, что ее будутъ преслѣдовать, а я спѣшилъ увезти свое сокровище въ безопасное мѣсто. Мы поселились въ моемъ загородномъ домѣ, который я купилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ окрестностяхъ Парижа. Съ этого времени я ежедневно давалъ ей уроки пѣнія и посвятилъ ее во всѣ музыкальныя тонкости. Теперь у ней нѣтъ соперницы въ цѣломъ свѣтѣ. Я скрывалъ ее отъ всѣхъ, пока она не достигла совершенства въ пѣніи. Красота и талантъ—дѣло природы, но искусствомъ она обязана мнѣ, потому что я окончилъ ея музыкальное образованіе...

— Неужели вамъ не приходило въ голову, что родные пѣвицы могутъ вытребовать ее отъ васъ?

— Эта мысль постоянно беспокоила меня; но я не уступилъ бы ее безъ борьбы. Теперь всѣ мои опасенія исчезли, такъ какъ вамъ извѣстна исторія пѣвицы, и ваше величество, вѣроятно, не откажетъ ей въ своемъ высокомъ покровительствѣ.

— Вы можете смѣло разсчитывать на меня, сказалъ Иосифъ. Но во всякомъ случаѣ я долженъ услышать вашу пѣвицу.

Съ этими словами онъ повернулъ въ аллею, гдѣ было все придворное общество, и громко сказалъ, обращаясь къ маркизу:

— Послѣ завтра графъ Фалькенштейнъ надѣется застать васъ дома, многоуважаемый маркизь.

Валь д'Омброне онѣмѣлъ отъ радости при этихъ словахъ и принялъ позу, исполненную величія и достоинства. Ни одинъ римскій полководецъ во время триумфа не смотрѣлъ горделивѣе на толпу, нежели онъ на придворныхъ, которые съ удивленіемъ разступались передъ нимъ. Въ самыхъ смѣлыхъ своихъ мечтахъ онъ не ожидалъ

такого вознагражденія за свои попеченія о Коронѣ. Неужели и послѣ этого Марія Антуанета не пригласитъ его на свои концерты!..

Иосифъ подошелъ къ королевѣ, стоявшей среди своихъ придворныхъ дамъ на террасѣ, окружавшей храмъ Амура.

— Вы долго бесѣдовали съ маркизомъ, сказала Марія Антуанета, обращаясь къ своему брату.— Не замышляете ли вы съ нимъ новый римскій походъ съ завоевательными цѣлями?

— Нѣтъ, мы, нѣмцы, слишкомъ умны и бѣдны для такого похода. Мы дѣйствительно говорили съ маркизомъ о приобрѣтеніи, которымъ воспользуются дамы.

— Слѣдовательно, мы должны благодарить графа Фалькенштейна за его долгое отсутствіе, замѣтила улыбаясь принцесса Ламбалль.

— Я не ожидалъ, что мое отсутствіе будетъ замѣчено...

— Вы не сказали намъ, въ чемъ будетъ состоять приобрѣтеніе, которымъ мы воспользуемся, замѣтила королева.

— Вы можете услышать на своихъ концертахъ пѣвицу маркиза д'Омброне.

— Пѣвицу!.. воскликнула Діана Полиньякъ насмѣшливымъ тономъ.

— Да, и при этомъ замѣчательную музыкантшу! Въ прошломъ году я случайно встрѣтилъ ее въ одномъ богемскомъ замкѣ и даже участвовалъ съ нею въ тріо...

Говоря это, Иосифъ бросилъ задумчивый взглядъ на Ренату, стоящую въ сторонѣ, между тѣмъ какъ остальные дамы окружили его, въ надеждѣ узнать нѣкоторыя подробности о таинственной пѣвицѣ, уже нѣсколько дней занимавшей умы празднаго придворнаго общества. Нужна была вся свѣтская находчивость Иосифа, чтобы отклонить вѣжливымъ образомъ сыпавшіеся на него вопросы. Наконецъ, королева вывела его изъ затрудненія, подавъ знакъ церемоніймейстеру, чтобы онъ велъ общество въ малый Трианонъ. Пока устанавливалось шествіе, Марія Антуанета спросила вполголоса своего брата:

— Вы сказали, что участвовали въ тріо съ прекрасной незнакомкой... Кто былъ третій?..

— Графъ Эрбахъ, сказалъ Иосифъ, подавая ей руку.— Это человекъ, богато одаренный отъ природы и съ благороднымъ сердцемъ...

Марія Антуанета нахмурила брови. Она шла молча около своего брата. Сколько разъ онъ читалъ ей наставленія за ея желаніе нравиться, за расточительность, любовь къ нарядамъ и равнодушіе къ серьезнымъ дѣламъ! Развѣ ея веселое легкомысліе было опаснѣе для блага государства, чѣмъ дружба Иосифа съ вольнодумцами въ родѣ графа Эрбаха, которые, по словамъ благочестивой Маріи Терезіи, мечтали о низверженіи церкви и распространяли въ вѣрующей Австріи ересь и масонство.

Марія Антуанета хотѣла все это высказать своему брату, но не

находила словъ, чтобы выразить свои мысли, тѣмъ болѣе, что вниманіе ея было отвлечено въ другую сторону. Величественное спокойствіе, съ какимъ процессія сходила съ террасы, было нарушено. Толпа зрителей хлынула въ аллею, несмотря на сопротивленіе стражи; рядомъ съ великолѣпно одѣтыми придворными дамами можно было видѣть дѣвушекъ изъ низшаго сословія въ ихъ маленькихъ чепчикахъ; около вышитыхъ бархатныхъ и шелковыхъ кафтановъ дворянъ появились буржуа въ суконномъ платьѣ. Само собою разумѣется, что „всѣ эти твари“, какъ ихъ назвала одна герцогиня въ разговорѣ съ своимъ кавалеромъ, почтительно уступали дорогу придворному обществу, но одно прикосновеніе ихъ платья приводило знатныхъ людей въ дурное расположеніе духа. Съ другой стороны, вѣтеръ настолько усилился, что дальнѣйшее пребываніе въ саду не могло доставить никакого удовольствія. Всѣ спѣшили въ замокъ, насколько позволялъ этикетъ. Тамъ въ теплыхъ, ярко освѣщенныхъ комнатахъ, они были въ безопасности отъ вечерней сырости и близости народа. Пренная веселость и оживленіе тотчасъ же вернулись къ обществу, какъ только оно очутилось въ знакомой сферѣ вишняго блеска, красоты, образованія и аристократическаго происхожденія. У оконныхъ нишъ и у мраморныхъ каминовъ образовались группы; одни подвергали строгой критикѣ праздникъ королевы и осуждали ея снисхожденіе къ народу; другіе защищали ее, доказывая, что нельзя было отказать толпѣ въ ея естественномъ желаніи увидѣть австрійскаго императора. Простота манеръ Іосифа, его человѣколюбіе и дружеское обращеніе съ простымъ народомъ также находили порицателей и защитниковъ въ придворныхъ кружкахъ. Но скоро всѣ эти разговоры замѣнились толками по поводу неожиданной новости, которая быстро разнеслась по заламъ, хотя никто не зналъ, кто первый сообщилъ ее. Слухъ, что Жанна Дюбарри находится въ саду среди зрителей, одинаково поразилъ всѣхъ, и такъ какъ праздные люди бывають обыкновенно весьма изобрѣтательны, то всякій, передавая своему сосѣду странное извѣстіе, дѣлалъ свои добавленія. Скоро узнали и всѣ подробности, описывали нарядъ Дюбарри, ея неприличное поведеніе въ толпѣ; толковали о томъ, что ее сопровождалъ какой-то кавалеръ. Дамы были убѣждены, что это былъ графъ Эрбахъ, невѣрный мужъ, деспотъ и атеистъ, отъ котораго набожная Рената должна была искать защиты у королевы. По приѣздѣ въ Версаль, онъ прежде всего сдѣлалъ визитъ графинѣ Дюбарри, несмотря на ея дурную репутацію, проводить время съ заговорщиками и масонами, избѣгая общества людей, занимающихъ равное съ нимъ положеніе въ свѣтѣ. Недаромъ князь Лобковичъ рассказывалъ о немъ такія дурныя вещи!

Особенно перешептывались и перемигивались между собою дамы, произнося вполголоса имя графа Эрбаха и его жены, многозначительно пожимая плечами. Въ этомъ не было ничего новаго для Ре-

наты, но она хорошо знала придворные нравы, чтобы не видѣть въ этомъ рядъ новыхъ неприятностей. Лицо ея еще болѣе поблѣднѣло подѣ легкими румянами, покрывавшими ея щеки сообразно придворной французской модѣ. Въ это время къ ней подошелъ императоръ Іосифъ. Стоявшія кругомъ дамы отступили отъ нихъ, но на такое незначительное разстояніе, что могли слышать весь разговоръ.

— Сядьте, графиня; вы очень блѣдны, сказалъ Іосифъ, взявъ ее за руку и подводя къ креслу. — Если вы ничего не имѣете противъ этого, то позвольте мнѣ быть вашимъ собесѣдникомъ на нѣсколько минутъ.

Въ душѣ Ренаты происходила борьба самыхъ разнообразныхъ ощущеній. Она чувствовала такую слабость, что не въ состояніи была выговорить ни одного слова, хотя онъ стоялъ передъ нею и видимо ждалъ отвѣта.

Лобковичъ наблюдалъ за ними издали и торжествовалъ, въ убѣжденіи, что Іосифъ вновь увлечется красотой его племянницы, а она не въ состояніи будетъ противиться ему по своей безхарактерности.

Въ сосѣдней комнатѣ заиграла музыка. По желанію королевы, сестра короля Елизавета должна была протанцовать минуэтъ съ юнымъ герцогомъ Ноалль. Слуги ходили неслышными шагами между рядами зрителей, разнося десертъ.

Въ залѣ водворилась такая тишина, что придворныя дамы надѣялись не проронить ни одного слова изъ разговора императора съ Ренатой. Но ожиданіе ихъ было обмануто, потому что Іосифъ обратился къ своей соотечественницѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

— Я желалъ бы знать, сказалъ онъ, — вспоминаете ли вы когда нибудь о нашей милой Австріи?

— Могу-ли я забыть ее! возразила Рената. — Съ нею связано воспоминаніе о веселой молодости. Мы можемъ видѣть много красоту природы, наслаждаться счастьемъ, но у каждаго человѣка одна молодость и одно отечество; ничто не замѣнитъ ихъ.

— Но вы, тѣмъ не менѣе, разстались съ своимъ отечествомъ!

— Это случилось не по моей волѣ, отвѣтила она, печально опустивъ голову.

— Простите меня; я, кажется, неосторожно прикоснулся къ незажившей еще ранѣ... Нравится ли вамъ жизнь при французскомъ дворѣ?

— Ея величество королева такъ милостива ко мнѣ, что я постоянно спрашиваю себя, чѣмъ я заслужила ея благоволеніе. Я приѣхала въ Парижъ въ такомъ тяжеломъ нравственномъ состояніи, что явилась ко двору только для того, чтобы исполнить свою обязанность, какъ подданная вашего императорскаго дома. Королева привѣтливо встрѣтила меня и пожелала, чтобы я осталась при ней, хотя мое общество ничего не можетъ доставить ей, кромѣ скуки.

— Королевѣ, при ея живомъ и непостоянномъ характерѣ, очень

важно имѣть при себѣ существо, которое никогда не теряет спокойствія и присутствія духа и во всѣхъ своихъ поступкахъ показываетъ примѣръ приличія и нравственности.

— Ваше величество слишкомъ мало знаете меня и потому превеличиваете мои достоинства. Если на солнцѣ находятъ пятна при внимательномъ наблюденіи, то тѣмъ болѣе люди должны имѣть свои слабости.

— Вы совершенно правы. Мнѣ, напримѣръ, несомнѣнно понятна грусть, которую я вижу на вашемъ лицѣ, многоуважаемая графиня. Я невольно спрашиваю себя: возможно ли при красотѣ и молодости отказаться отъ всякихъ надеждъ и дойти до состоянія полнаго самоотреченія? Если вы приходите въ отчаяніе потому, что не исполнилось извѣстное желаніе, или порвалась какая нибудь душевная струна отъ неосторожнаго прикосновенія, то что должны испытывать люди въ бѣдности и старости? Королева представляетъ съ вами полный контрастъ по своему веселому и беззаботному характеру и можетъ въ свою очередь оказать на васъ благотворное вліяніе. Вы видите, я не льщу вамъ. Я знаю по собственному опыту, какъ иногда бываетъ полезна откровенная рѣчь честнаго человѣка. Вашъ мужъ особенно привязалъ меня къ себѣ своею искренностью.

— Мой мужъ! пробормотала Рената беззвучнымъ голосомъ.

— Простите, что я осмѣливаюсь упоминать о немъ. Одно имя графа Эрбаха приводитъ здѣсь всѣхъ въ негодованіе. Причина—самая простая: они знаютъ по слухамъ половину того, что было въ дѣйствительности, а остальное дополняютъ ложью.

Яркій румянецъ выступилъ на щекахъ Ренаты при этихъ словахъ; она съ живостью повернула голову къ своему собесѣднику.

Иосифъ улыбнулся.—Какъ вы ни стараетесь скрывать это, сказалъ онъ,—но вы все-таки относитесь съ сердечнымъ участіемъ къ вашему мужу... Я знаю, что онъ навлекъ на себя немилость моей сестры своимъ визитомъ въ Люсьеннъ къ графинѣ Дюбарри; но никто не потрудился узнать причины этого посѣщенія. Графиня привезла къ себѣ въ домъ безпомощнаго раненаго человѣка, котораго она нашла лежащимъ на большой дорогѣ, и ухаживала за нимъ, какъ родная сестра. Этотъ господинъ другъ графа Эрбаха, который отправился въ Люсьеннъ, чтобы видѣться съ нимъ. Неужели онъ не долженъ былъ поблагодарить графиню за ея великодушный поступокъ! Мнѣ кажется, что каждый сдѣлалъ-бы то же самое на его мѣстѣ... Я рассказываю это вовсе не съ тою цѣлью, чтобы оправдать графа въ вашихъ глазахъ. Вы имѣете, вѣроятно, болѣе серьезныя причины къ неудовольствію, и я не смѣю касаться ихъ. Но этотъ незначительный фактъ достаточно показываетъ, какъ ложно судимъ мы о людяхъ и, обращая вниманіе на внѣшнюю сторону ихъ дѣйствій, не считаемъ нужнымъ доискиваться ихъ причинъ.

— Можетъ быть, меня особенно сблизило съ графомъ то обстоя-

тельство, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей никто болѣе его не подвергался клеветѣ и несправедливымъ нареканіямъ. Въ этомъ наша судьба имѣетъ много общаго. Конечно, мы оба одинаково неправы, прокладывая насильственно новую дорогу и зажигая огонь тамъ, гдѣ люди привыкли къ ночной тьмѣ. Но тьмѣ естественнѣе должны мы искать поддержки другъ въ другѣ. Я благославляю странный случай, который свелъ меня съ нимъ...

Рената измѣнилась въ лицѣ. Не намѣренъ ли императоръ упомянуть о карнавалѣ въ Венеціи и о встрѣчѣ съ нею въ церкви Santa Maria? Тогда, въ бессонную ночь, поссорившись съ мужемъ, она не рѣшилась назвать ему имя чловѣка, образъ котораго такъ упорно преслѣдовалъ ее, дѣйствуя на ея разгоряченную фантазію. Шумъ шпагъ подъ ея окномъ пробудилъ ее отъ легкой дремоты; приподнявъ завѣсъ окна, она увидѣла двухъ мужчинъ на ступеняхъ, ведущихъ къ каналу, съ оружіемъ въ рукахъ. Обезумѣвъ отъ ужаса, она бросилась на балконъ и наклонилась надъ мраморной балюстрадой. Но все было тихо; по водѣ скользила одинокая гондола, которая быстро удалялась отъ берега. Она успокоила себя тѣмъ, что все это не имѣло никакого отношенія къ ней. Но теперь сердце ея замерло отъ страха: не встрѣтилъ ли императоръ ея мужа въ Венеціи? Не объяснить ли онъ ей значеніе этого поединка, прерваннаго безъ всякой видимой причины?

Но Иосифъ не коснулся этихъ тяжелыхъ для нея событій и она могла спокойно выслушать его разсказъ. Бѣгство Короны, о которомъ она знала со словъ дяди, представилось ей въ совершенно иномъ свѣтѣ; никогда личность ея мужа не казалась ей такой благородной и великодушной, какъ въ эту минуту. Воображеніе рисовало ей знакомый замокъ на высокой горѣ, скрытый въ темной зелени вѣковыхъ сосенъ. Неужели ей никогда не суждено болѣе увидѣть его и она должна навсегда проститься съ счастьемъ? думала она съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Въ это время музыка въ сосѣдней залѣ неожиданно замолкла; молодая принцесса окончила минуэтъ.

— Если я разскажалъ вамъ такъ подробно эту исторію, добавиль— Иосифъ, то съ единственною цѣлью побудить васъ принять участіе въ вашей родственницѣ, Коронѣ Турмъ.

— Развѣ она не въ монастырѣ урсулинокъ въ Прагѣ?

— Нѣтъ! вмѣсто Короны заперли другую дѣвушку, Гедвигу Рехбергеръ. Отецъ ея измѣнически убитъ; ее держать въ тяжеломъ заточеніи изъ упрямства и боязни, что ошибка будетъ открыта. Эта исторія еще больше сблизила меня съ графомъ Эрбахомъ; я считаю себя оскорбленнымъ въ его лицѣ; причиняя ему сердечное огорченіе, задѣваютъ и меня.

— Надѣюсь, что графъ Эрбахъ не считаетъ меня причастной къ этому дѣлу? произнесла Рената глухимъ голосомъ.

— Разумѣется, нѣтъ! Я могу поручиться въ этомъ! возразилъ съ живостью Іосифъ, довольный тѣмъ, что ему удалось разсѣять недо-разумѣніе, существовавшее между супругами.

Рената встала, чтобы перейти въ сосѣдную залу изъ боязни, что королева замѣтитъ ея долгое отсутствіе.

Іосифъ задумчиво смотрѣлъ на нее.

— Вы не можете видѣть себя, графиня Рената; но въ эту минуту вы имѣете такое-же выраженіе лица, какъ тогда въ церкви de'Frari. У васъ глаза моей Изабеллы... Зачѣмъ суждено вамъ напоминать мнѣ о невозвратно потерянномъ счастьи!..

Королева появилась въ дверяхъ; Іосифъ пошелъ ей на встрѣчу, сдѣлавъ легкій поклонъ Ренатѣ.

ГЛАВА VII.

Давно уже праздные и любопытные люди въ Версалѣ не имѣли столько пищи для безконечныхъ разсказовъ и предположеній. Театральныя новости, фернейскій философъ, американцы, отошли на задній планъ и уступили мѣсто толкамъ о загадочномъ появленіи графини Дюбарри, которые тѣмъ болѣе усилились, что королева отдала строгій приказъ не касаться этого непріятнаго для нея происшествія. Придворные перешептывались и переговаривались между собою, какъ будто дѣло шло о тайномъ заговорѣ или вооруженной помощи американцамъ, которая должна была остаться тайной для англійскаго посланника, лорда Сеймура. Одинъ графъ Арембергъ исполнилъ приказаніе королевы и былъ молчаливѣе всѣхъ, хотя могъ сообщить самыя вѣрныя извѣстія о случившемся. У него былъ такой пасмурный и недовольный видъ, что его друзья единогласно рѣшили, будто онъ проигралъ большую сумму въ карты или потерпѣлъ неудачу въ любви. Между тѣмъ, причина его угрюмости была совсѣмъ иная. Уходя съ площади, онъ твердо рѣшился послать на слѣдующее утро вызовъ графу Эрбаху. Какое значеніе могла имѣть для него дуэль? до сихъ подъ онъ выходилъ на поединокъ въ такомъ-же веселомъ настроеніи духа, какъ на праздникъ, и на всѣхъ, въ которыхъ ему приходилось участвовать, счастье было постоянно на его сторонѣ. Но теперь онъ впервые испыталъ незнакомое для него чувство страха; пугало ли его новое свиданіе съ графомъ Эрбахомъ, или ему представлялось нѣчто другое, чтò наводило его на мысль о смерти? Онъ провелъ бессонную ночь и рѣшилъ отказаться отъ поединка, чтобы найти другіе способы мести. Только мучительныя страданія и медленная гибель ненавистнаго человѣка могли удовлетворить его. Онъ не давалъ себѣ вопроса о причинахъ своей ненависти, но у него на

сердцѣ лежалъ тяжелый гнетъ и онъ думалъ отдѣлаться отъ него уничтоженіемъ графа Эрбаха.

Въ это время въ Версалѣ праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ; веселыя аркадскія игры костюмированныхъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ не могли быть нарушены злобой единичной личности. Никто не думалъ о печальной будущности; если иногда и слышался голосъ Кассандры, какъ нѣкогда въ Троѣ, и Жоселень Рошфоръ изрекалъ свои пророчества, то они не производили никакого впечатлѣнія, потому что въ Версалѣ всѣ считали виконта сумасшедшимъ.

Въ небольшомъ замкѣ маркиза Валь д'Омброне, въ окрестностяхъ Буживаля, шли дѣятельныя приготовленія къ ожидаемому посѣщенію германскаго императора. Хотя замокъ по своей оригинальной архитектурѣ и изящному убранству могъ удовлетворить самый прихотливый вкусъ, но дворецкій тѣмъ не менѣе былъ заваленъ работой, такъ какъ все нужно было вычистить и исправить заново. Всѣмъ было извѣстно, что императоръ желаетъ сохранить строгое инкогнито и что почетъ, который ему оказывали при посѣщеніи публичныхъ зданій, скорѣе раздражалъ его, нежели доставлялъ удовольствіе. Въ виду этого маркизь, не смотря на свою любовь къ роскоши и тщеславное желаніе блеснуть своими архитектурными познаніями, долженъ былъ поневолѣ отказаться отъ своей первоначальной мысли построить большую триумфальную арку у входа въ замокъ. Послѣ долгихъ колебаній, онъ рѣшилъ только украсить ворота гирляндой изъ листьевъ, среди которой подъ лавровой вѣткой была сдѣлана надпись изъ цвѣтовъ: „Josepho secundo, principi optimo maximo“.

Эта надпись потребовала глубокихъ соображеній со стороны маркиза, который былъ такъ занятъ ею и разными другими заботами, что въ сущности былъ очень доволенъ, что Корона пожелала провести утро въ Люсьеннѣ. Ея отсутствіе избавляло его отъ лишней помѣхи; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ надѣялся, что неожиданность благодѣтельно подѣйствуетъ на ея талантъ и что она будетъ цѣть съ такимъ же неподражаемымъ совершенствомъ, какъ въ Нюренбергѣ.

Эта надежда могла не осуществиться, но маркизь оказывалъ большую услугу Коронѣ, оставляя ее въ Люсьеннѣ, гдѣ она могла на свободѣ предаться своимъ воспоминаніямъ о прошломъ вечерѣ. Праздникъ королевы, бѣгство изъ сада, неожиданное свиданіе съ графомъ Эрбахомъ—такъ занимали ее, что въ разговорахъ съ своей новой пріятельницей она постоянно говорила объ этомъ, припоминая разныя подробности.

Графъ Эрбахъ и Бухгольцъ проводили ихъ изъ дома Бланшара въ Люсьеннѣ. Обѣ женщины едва обмѣнялись съ ними нѣсколькими словами во время дороги, такъ какъ все еще находились подъ впечатлѣніемъ грозившей имъ опасности, которая могла имѣть печальныя послѣдствія для графини Дюбарри. Эрбахъ не могъ подавить въ себѣ непріятнаго ощущенія при видѣ усилившейся дружбы Ко-

роны съ графиней. Онъ заботился не о себѣ и былъ чуждъ всякихъ предразсудковъ, когда дѣло касалось его лично, но его беспокоила судьба молодой дѣвушки. Если случай или страсть заставятъ женщину выйти изъ тѣсныхъ рамокъ ея положенія, то въ большинствѣ случаевъ возвратъ къ прошлому становится для нея невозможнымъ. Пройдетъ много времени, прежде чѣмъ она найдетъ необходимое равновѣсіе въ круговоротѣ свободной жизни, избранной ею. До сихъ поръ всѣ попытки графа вывести Корону на торный путь и доставить ей приличное положеніе въ свѣтѣ кончались полной неудачей. Онъ не зналъ, какого рода помощь можетъ оказать императоръ въ данномъ случаѣ и угодно ли будетъ королевѣ принять молодую дѣвушку подъ свое покровительство...

Корона была слишкомъ неопытна, чтобы предаваться подобнымъ размышленіямъ. До этого она никогда не слыхала имени графини Дюбарри, а маркизь д'Омбронне отзывался о ней съ уваженіемъ. Поведеніе Жанны въ саду оскорбило ее, но подъ вліяніемъ искренней симпатіи, которую она чувствовала къ своей новой знакомой, ей удалось увѣрить себя, что графиня должна была вести себя такимъ образомъ, чтобы обмануть шпионовъ. Приключеніе съ Арембергомъ еще болѣе сблизило ихъ. Сколько поводовъ къ откровенности, сердечнымъ изліяніямъ, клятвамъ въ вѣчной дружбѣ, на которыя такъ щедро беззаботная молодежь! Графиня съ своей стороны, изъ боязни, что какое нибудь случайное обстоятельство или неосторожно сказанное слово можетъ набросить на нее тѣнь въ глазахъ Короны, отдала строгій приказъ прислугѣ не впускать никого въ этотъ день за порогъ Люсьенна.

Вечеромъ пріѣхала карета, посланная маркизомъ, и отвезла Корону въ Буживаль. Перемѣны въ домѣ и растерянный видъ маркиза не ускользнули отъ ея вниманія; но она не рѣшилась разспрашивать о причинѣ, такъ какъ ея покровитель приложилъ палецъ ко рту въ знакъ молчанія при первомъ ея возгласѣ удивленія.

На слѣдующее утро тайна обнаружилась. Яркое весеннее солнце разбудило Корону ранѣе обыкновеннаго и привлекло въ садъ. Она знала, что маркизь никогда не выходилъ утромъ изъ своей комнаты, и потому очень удивилась, когда увидѣла его передъ разукрашенными воротами.

— Превосходно! восхитительно! бормоталъ онъ вполголоса, прижимая руку къ сердцу и дѣлая театральныя жесты къ небу другой рукой.—Что значатъ земныя наслажденія и почести передъ радостнымъ сознаніемъ художника, довольнаго своимъ произведеніемъ!

— Что съ вами, маэстро? спросила Корона, подходя сзади и закрывая ему глаза руками.—Не видите ли вы богиню, сходящую съ облаковъ, какъ тогда въ Нюрнбергѣ? Для кого повѣсили вы эти прекрасныя вѣнки? Не ожидаете ли вы Антоніо Росси?.. Помните, что вы можете возбудить мою зависть...

— Или, вѣрнѣе сказать, любопытство! возразилъ улыбаясь маркизь, польщенный именованьемъ маэстро и освобождаясь отъ ея рукъ.—Что за странное стеченіе обстоятельствъ! Впрочемъ, можно ли удивляться чему нибудь, когда дѣло касается такой божественной пѣвицы, какъ вы, Корона, и ея учителя, маркиза Валь д'Омброне. Подойдите сюда, чтобы солнце не мѣшало вамъ, и почитайте это!

Корона съ удивленіемъ прочла латинскую надпись.

— „Josepho secundo“, повторилъ за нею маркизь.—Не лучше ли было написать: „Josepho ordine imperatorum secundo, humanitate primo?“

— Оставимъ это! возразила Корона.—Къ нашему императору можно было бы скорѣе примѣнить стихи Расина:

„Dans quelqu' obscurité que le sort l'eût fait naître,
Le monde en le voyant, eût reconnu son maître“...

— Bravo! воскликнулъ съ восхищеніемъ маркизь.—Вы должны сказать ему эти стихи, когда онъ перейдетъ порогъ нашего дома. Только въ позѣ музы, моя дорогая, и съ вѣнкомъ на головѣ. Я видѣлъ въ папскомъ музеѣ статую, которая поразительно похожа на васъ, Корона. Но эти варвары готы отбили ей носъ. Вы будете еще прекраснѣе, потому что вы живое существо и можете пѣть...

Маркизь остановился, смущенный веселымъ смѣхомъ Короны.

— Не сердитесь! сказала она наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, чтобы казаться серьезной.—Объясните мнѣ, что все это значить. Развѣ императоръ обѣщалъ вамъ быть у васъ и разговаривать съ вами?

— Очень долго! Онъ назвалъ меня первымъ знатокомъ музыки въ Европѣ, распрашивалъ о васъ и возбудилъ этимъ зависть гордыхъ дамъ Трианона. Сегодня монархъ будетъ отдыхать отъ заботъ правленія подъ деревьями нашего сада, а вы, Корона, пропоете ему пѣсню мелодичнѣе той, какую пѣли нимфы Виргилія...

— Вы хотите, чтобы я пѣла при императорѣ?

— Его присутствіе не должно стѣснять васъ. Онъ заранѣе очарованъ вами! Если бы вы знали, съ какимъ интересомъ онъ слушалъ меня.

— Неужели вы все рассказали ему, маэстро?

— Онъ потребовалъ этого и я долженъ былъ исполнить его желаніе. Но что съ вами, вы чѣмъ-то встревожены?

— Вы сдѣлали нелѣпость, маэстро... Дай Богъ, чтобы вамъ не пришлось раскаяться. Однако, я пойду одѣнусь, чтобы вы могли похвастаться вашей ученицей! Можетъ быть, въ послѣдній разъ...

Съ этими словами она поспѣшила въ домъ; маркизь съ удивленіемъ смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Не думаетъ ли она, что императоръ увезетъ ее съ собой въ Вѣну? пробормоталъ онъ съ усмѣшкой. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ отдѣлаться отъ опасенія, когда карета Иосифа остановилась у воротъ

Императоръ пріѣхалъ не одинъ; съ нимъ былъ графъ Эрбахъ.

— Что мы будемъ дѣлать съ дѣвушкой? спросилъ онъ Эрбаха, когда они подъѣзжали къ дому.—Мнѣ пишутъ изъ Вѣны, что старый графъ Турмъ лежитъ на смертномъ одрѣ въ Миланѣ. Смерть отца дастъ нѣкоторую свободу Коронѣ и я буду имѣть больше правъ вмѣшаться въ ея дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и моя отвѣтственность.

Графъ Эрбахъ возразилъ, что въ данную минуту онъ не можетъ дать никакого совѣта, такъ какъ вопросъ этотъ требуетъ серьезнаго обсужденія.

Если бы его сердце было менѣ затронуто, то разумъ посоветовалъ бы ему поручить Корону покровительству его жены, которая пользовалась безупречной репутаціей. Она лучше чѣмъ кто нибудь могла бы оградить неосторожную, увлекающуюся дѣвушку отъ новаго искушенія и поддержать ее. Но графъ Эрбахъ не напомнилъ императору о своемъ прежнемъ намѣреніи и былъ радъ въ душѣ, что тотъ, повидимому, забылъ о немъ. Его любовь къ Коронѣ приняла эгоистичный характеръ и всѣ другія соображенія отступили на задній планъ передъ страхомъ потерять любимую дѣвушку.

Маркизь встрѣтилъ своего гостя въ одеждѣ римскаго патриція, въ которой итальянская знать обыкновенно представлялась палѣ въ высокаторжественные дни. Странный садъ въ стилѣ Людовика XV и еще болѣе вычурныя манеры хозяина и гирлянды цвѣтовъ съ ихъ высокопарною надписью скоро возвратили Іосифу его хорошее расположение духа.

— Богинѣ этого волшебнаго жилища, сказалъ онъ,—трудно будетъ превзойти васъ въ любезности, мой дорогой маркизь. Она можетъ только усладить нашъ слухъ пѣніемъ. Въ этомъ саду не достаетъ соловья...

Они прошли мимо длиннаго ряда богато одѣтыхъ лакеевъ и вошли въ залу нижняго этажа. Здѣсь Корона должна была торжественно встрѣтить императора, по желанію маркиза, сказать рѣчь и подать лавровый вѣнокъ. Но, увидя графа Эрбаха, она забыла свою роль и, преклонивъ колѣна передъ Іосифомъ, проговорила шутливымъ, умоляющимъ тономъ:

— Простите меня, ваше величество.

— Наконецъ-то мы поймали эту дикарку, возразилъ улыбаясь императоръ, поднимая молодую дѣвушку.—Вы надѣлали намъ немало хлопотъ, фрейлейнъ. Графы Турмъ всегда отличались упрямствомъ; вы не представляете собой исключенія.

Маркизь онѣмѣлъ отъ удивленія. Императоръ знакомъ съ его пѣвицей и обращается съ нею, какъ съ знатной дѣвушкой!..

Если бы Ипполитъ Валь д'Омбронне могъ взглянуть на себя въ зеркало въ эту минуту, то былъ бы пораженъ сходствомъ своей особы съ классическимъ героемъ венеціанскихъ комедій, осмѣяннымъ и одуроченнымъ Панталоне.

Графъ Эрбахъ, видя его смущеніе, взялъ его подъ руку и рассказъ ему въ короткихъ словахъ исторію Короны, поблагодаривъ за участіе, выказанное имъ молодой дѣвушкѣ.

— Да, онъ спасъ меня! воскликнула Корона, бросаясь неожиданно на шею маркиза.—Вы вправѣ благодарить его, кузенъ. Когда я очутилась въ самомъ несчастномъ положеніи и молила небо о помощи, Господь послалъ мнѣ покровителя изъ глубины лѣса. Я не забуду того, что онъ сдѣлалъ для меня, и никогда не разстанусь съ нимъ!

Маркизь, всегда строго соблюдавшій кодексъ придворныхъ приличій, въ первую минуту сдѣлалъ надъ собой невѣроятное усиліе, чтобы сохранить присутствіе духа, но слова Короны настолько тронули его, что слезы полились по его морщинистымъ щекамъ.

— Моя дорогая дочь, проговорилъ онъ сквозь слезы, прижимая Корону къ своему сердцу,—не покидай меня! Какъ отлично устроимъ мы нашу жизнь! Ты будешь пѣть изъ всѣхъ оперъ, отъ *Clemenza di Tito* и кончая Арמידой, и всѣ аріи этого нѣмецкаго варвара Глюка. Я готовъ со всѣмъ помириться, только не лишай меня счастья слышать твой серебристый голосъ и видѣть тебя.

Маркизь въ эту минуту совершенно забылъ о присутствіи императора. Только теперь, когда ему представилась возможность потерять Корону, онъ почувствовалъ, насколько привязанъ къ ней; одна мысль о разлукѣ казалась ему ужаснѣе смерти. Развѣ она не была его ребенкомъ? Кто имѣлъ на нее болѣе правъ, нежели онъ? Развѣ родители и близкіе своей строгостью не вынудили ее къ бѣгству? Неужели кто нибудь можетъ заставить ее опять вернуться къ нимъ? Онъ считалъ это невозможнымъ и чувствовалъ въ себѣ мужество львицы, готовой защищать свое дѣтище съ опасностью жизни.

Корона успѣшила прервать трогательную сцену и, выравшись изъ объятій маркиза, напомнила ему о присутствіи императора.

Валь д'Омбронне окончательно растерялся и, не находя иного средства выйти изъ затрудненія, судорожно схватился за рукоятку своей шпаги.

— Успокойтесь, мой дорогой маркизь! сказала Іосифъ.—Вы сердечно порадовали меня. Мы привыкли видѣть только маски, а не людей, такъ что намъ приходится благодарить тѣхъ, которые являются передъ нами такими, какіе они есть въ дѣйствительности. Позвольте обнять васъ и выразить то глубокое уваженіе, которое я чувствую къ вамъ.

Затѣмъ Іосифъ, чтобы дать маркизу время успокоиться, изъявилъ желаніе осмотрѣть его домъ. Когда они вошли въ музыкальную залу, Корона должна была пропѣть нѣсколько арій; маркизь аккомпанировалъ ей съ большимъ искусствомъ на фортепьяно. Если она, по его мнѣнію, недостаточно хорошо пѣла, то онъ гнѣвно качалъ головой и бормоталъ сквозь зубы итальянскія проклятія; при болѣе удачныхъ

потахъ онъ бросалъ торжествующій взглядъ на императора и называлъ Корону какимъ нибудь нѣжнымъ эпитетомъ.

Когда кончилась послѣдняя арія и маркизъ всталъ съ своего мѣста, Иосифъ подошелъ къ Коронѣ и взялъ ее за руку.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, — что не можетъ быть и рѣчи о томъ, какой путь должна избрать графиня. Кто обладаетъ такимъ талантомъ, тотъ стоитъ внѣ обыкновенныхъ обязанностей, а мы, простые смертные, должны по мѣрѣ возможности уравнивать ему путь, чтобы онъ, не сдерживаемый обычными заботами, могъ достичь своей высокой цѣли. Мой дорогой маркизъ, я поручаю вашему покровительству графиню Корону фонъ-Турмъ. Вы были добры къ ней, какъ отецъ, вы заботились о развитіи ея таланта, и поэтому лучше всѣхъ можете вести ее на новомъ избранномъ ею пути. Пусть молодая графиня разовьетъ свои необыкновенныя дарованія; но я позволяю себѣ посовѣтовать ей не задѣвать слишкомъ рѣзко чувства и взгляды людей, близкихъ ей по крови. Въ данномъ случаѣ опять оправдывается мое давнишнее убѣжденіе, что для артистовъ было бы всего лучше, если бы они были совершенно одиноки на землѣ, потому что семейныя узы и отношенія мѣшаютъ свободному развитію таланта. Но все это одніи мечты. Мы всѣ связаны извѣстными обязательствами. Во всякомъ случаѣ, первое, что мы должны сдѣлать, это ввести молодую дѣвушку въ приличное общество, къ которому она принадлежитъ по рожденію. Если вы ничего не имѣете противъ этого, маркизъ, то я желалъ бы сегодня же представить вашу пріемную дочь королевѣ.

— Королевѣ! проговорила Корона съ смущеніемъ. Она не могла дать себѣ отчета, какое чувство было въ ней сильнѣе въ эту минуту — радость или испугъ.

Она осталась наединѣ съ графомъ Эрбахомъ, такъ какъ императоръ и маркизъ вышли въ сосѣдную комнату.

— Довольны ли вы? спросилъ графъ Эрбахъ.

Лицо его было настолько мрачно, что она, взглянувъ на него, хотѣла отвѣтить: — но вы недовольны этимъ, графъ! но не рѣшилась высказать своей мысли и молча протянула ему обѣ руки.

Онъ заключилъ ее въ объятія и проговорилъ съ усиліемъ:

— Теперь вы увидите Ренату?

— Я разлюбила ее за то горе, которое она причинила вамъ...

Графъ Эрбахъ измѣнился въ лицѣ.

— Что съ вами? спросила Корона.

— Я не могу помириться съ мыслью, что прекрасная звѣзда, которой я поклонялся, опять исчезнетъ изъ моихъ глазъ.

— Но она, быть можетъ, навсегда вышла изъ мрака.

— Вы забываете, Корона, что не мракъ, а солнечное сіяніе дѣлаютъ звѣзды невидимыми.

Между ними было опять нѣчто не досказанное. Рядомъ съ често-

любіемъ и надеждами на блестящую будущность, въ ея душѣ говорило другое чувство, въ которомъ она не могла дать себѣ яснаго отчета. Онъ молчалъ, изъ боязни сказать какое нибудь неосторожное слово, въ которомъ бы ему пришлось раскаяться.

— Графъ Эрбахъ! крикнулъ Іосифъ изъ сосѣдней комнаты.

Они торопливо пожали другъ другу руки и разстались.

Двѣ кареты одновременно выѣхали изъ замка. Въ одной изъ нихъ былъ императоръ съ графомъ Эрбахомъ, въ другой маркизь и Корона. Передъ ними тянулась большая дорога, освѣщенная яркими лучами весенняго солнца.

Въ это же утро графиня Рената, послѣ продолжительнаго разговора, простилась съ Маріей Антуанетой и уѣхала изъ Версаля. Королева съ трудомъ удерживалась отъ слезъ при неожиданной разлукѣ съ любимой подругой, но должна была признать важность причинъ, побуждавшихъ Ренату къ отъѣзду.

Разговоръ съ императоромъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на молодую женщину при ея тревожномъ нравственномъ состояніи. Душевное спокойствіе, къ которому она стремилась, было окончательно нарушено въ продолженіе послѣднихъ дней. Обвиненія, которыя со всѣхъ сторонъ сыпались на ея мужа подъ видомъ состраданія къ ней, злобныя замѣчанія Лобковича, постоянно доставляли ей новыя мученія. Какъ охотно заступилась бы она за своего мужа, но ее удерживала мысль, что всякій могъ сказать ей: „зачѣмъ ушла ты отъ него, если онъ обладаетъ такими рѣдкими качествами?“ Слишкомъ поздно поняла она планы своего дяди. Онъ уговорилъ ее бросить мужа въ Венеціи и не подвергать себя оскорбительнымъ подозрѣніямъ въ невѣрности. Она повиновалась, хотя считала себя тогда виноватой, потому что личность императора произвела на нее болѣе глубокое впечатлѣніе, нежели могла позволить ея совѣсть. Это замѣтилъ и Лобковичъ, и теперь, очевидно, хотѣлъ воспользоваться ея прежнимъ увлеченіемъ для своихъ цѣлей. Но старый дипломатъ ошибся въ расчетѣ и слишкомъ поспѣшно открылъ передъ нею свои карты. Онъ надѣялся ослѣпить ее блестящей ролью, которую она можетъ играть при дворѣ императора, но только возбудилъ въ ней глубокое недовѣріе и отвращеніе къ своимъ корыстнымъ цѣлямъ. Она должна была сказать себѣ: не для твоего счастья и душевнаго спокойствія, а ради своей личной выгоды, онъ оторвалъ тебя отъ мужа. Какъ осмѣливается онъ отождествлять ея вѣру и преданность церкви съ своими личными желаніями? Она принесла въ жертву свою любовь къ мужу въ интересахъ церкви, но не могла помириться съ мыслью, что она должна выказывать лицемерную любовь къ императору, къ которому въ данную минуту ничего не чувствовала, кромѣ уваженія.

Іосифъ разоблачилъ передъ нею планы враговъ ея мужа. Она убѣдилась изъ его словъ, что ея собственная репутація сильно пострадала въ послѣдніе мѣсяцы. Ея дружба съ дядей давала поводъ

думать, что она одобряетъ тѣ мѣры, какія были приняты противъ графа Эрбаха. Она не протестовала противъ нихъ и сама должна была считать себя виноватой передъ судомъ высшей нравственности. Но развѣ причины, которыя заставили ее разстаться съ графомъ Эрбахомъ, давали право другимъ нападать на него! Она съ ужасомъ пришла къ сознанию, что побужденія ея сердца были невѣрно объяснены людьми, мнѣніемъ которыхъ она дорожила болѣе всего на свѣтѣ. Факты были на-лицо, и могла ли она удивляться, если графъ Эрбахъ ненавидитъ ее, какъ своего врага, и презираетъ, какъ женщину, которая ради мести не останавливается передъ насиліемъ. Какъ должна была огорчить его печальная участь Гедвиги, смерть Рехбергера!.. Между тѣмъ, она не выказала ни малѣйшаго участія къ его горю, не написала ни одного слова утѣшенія. Графиня Дюбарри приняла къ себѣ въ домъ несчастнаго раненаго, найденнаго на улицѣ, даже не спрашивая его имени, а она, благочестивая, добродѣтельная Рената, не сдѣлала ни одного шага, чтобы защитить человѣка, котораго она нѣкогда любила всѣми силами своей души и продолжаетъ любить и до сихъ поръ. Неужели она, которая такъ гордилась своей высокой нравственностью, должна признать надъ собой превосходство падшей, всѣми презираемой женщины!

Первою ея мыслью было отправиться въ Прагу, чтобы освободить изъ заточенія несчастную Гедвигу. Въ ней проснулась такая лихорадочная энергія, что ея дядя, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ отговорить ее, сказалъ ей съ сардонической улыбкой: „Дѣлай, какъ хочешь, дитя мое! Считаю лишнимъ давать тебѣ какіе либо совѣты, такъ какъ знаю заранѣе, что ты не слушаешь меня!“ Дѣйствительно, противорѣчить ей значило потерять всякое вліяніе на нее, а князь Лобковичъ былъ слишкомъ опытенъ, чтобы сдѣлать такой промахъ. Внезапная рѣшимость Ренаты доказывала отсутствіе твердой воли; онъ видѣлъ немало примѣровъ подобныхъ порывовъ у людей съ слабымъ характеромъ, которые тотчасъ же исчезали и кончались ничѣмъ. Въ этомъ убѣждалъ его и ея поспѣшный отъѣздъ изъ Версаля. Лобковичъ былъ увѣренъ, что присутствіе императора смущаетъ Ренату и что она избѣгаетъ его; это давало ему надежду, что наступитъ день, когда она неожиданно для самой себя очутится въ его объятіяхъ.

Болѣе сильное противодѣйствіе встрѣтила Рената со стороны королевы, которая не хотѣла разстаться съ своей любимицей. Весь гнѣвъ ея обрушился на графа Эрбаха, котораго императрица Марія Терезія называла злымъ гениемъ Іосифа. Его пріѣздъ былъ причиной того горя, какое ей приходилось испытывать теперь. Напрасно Рената старалась опровергнуть эти обвиненія; она принуждена была замолчать, чтобы еще болѣе не разгнѣвать королевы. Наконецъ, мало-помалу, когда прошелъ первый порывъ гнѣва, настойчивость графини Эрбахъ заставила Марію Антуанету уступить ея желанію.

Но придворнымъ дамамъ пришлось много вынести въ это утро отъ дурнаго расположенія духа ея величества, такъ какъ онѣ ничѣмъ не могли угодить ей. Подойдя къ зеркалу, она нашла безобразнымъ платье, которое сама выбрала за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ; букетъ цвѣтовъ, поднесенный ей графиней Ламбалль, показался ей безцвѣтнымъ и некрасивымъ. Она замѣтила съ досадою, что если приколетъ его къ груди и надѣнетъ на голову соломенную шляпу, то будетъ имѣть видъ молочницы. Но вслѣдъ затѣмъ она приказала подать себѣ соломенную шляпу съ тремя павлиными перьями, и выбравъ нѣсколько цвѣтовъ изъ буката, приколола ихъ къ своему поясу. Дурное расположеніе духа навело ее на мысль сдѣлать прогулку по саду съ своими придворными дамами.

Солнечные лучи просвѣчивали золотистыми искрами сквозь листья кустарниковъ; въ красивыхъ куртинахъ благоухали цвѣты въ пестромъ великолѣпнѣй красокъ; съ безоблачнаго неба дулъ теплый вѣтеръ и колебалъ вѣтви деревьевъ. Стройныя женскія фигуры появлялись въ одной аллеѣ и исчезали въ другой; время отъ времени слышался веселый смѣхъ и нарушалъ тишину величественнаго королевскаго сада.

— Полюбуйтесь на нимфъ этого волшебнаго жилища, сказала Іосифъ, обращаясь къ графу Эрбаху, когда они сошли съ площадки передъ дворцомъ и повернули въ аллею, гдѣ королева сѣла на скамейку у статуи Аполлона.

— Но между ними есть и жестокія нимфы! подумалъ графъ Эрбахъ, взвѣсивъ съ участіемъ на Корону, которая шла подъ руку съ маркизомъ. Онъ боялся суровой встрѣчи со стороны королевы не за себя лично, а за беззаботную дѣвушку, ожидавшую этого свиданія съ такимъ радостнымъ нетерпѣніемъ.

Сопровождавшій ихъ камергеръ подошелъ къ группѣ придворныхъ дамъ и обмѣнялся нѣсколькими словами съ принцессой Ламбалль, которая успѣшила передать его докладъ королевѣ. Марія Антуанета поднялась со скамейки и сдѣлала шагъ на встрѣчу своему брату. На ней было одѣто зеленое платье съ бѣлыми полосками, богато убранное кружевами; къ груди былъ приколотъ зеленый шелковый бантъ, затканный золотыми лиліями, концы котораго развѣвались отъ вѣтра.

Корона, графъ Эрбахъ и маркизъ д'Омбронне остановились въ почетельномъ отдаленіи, въ ожиданіи, пока ея величеству угодно будетъ обратить на нихъ вниманіе.

— Я никакъ не ожидалъ, что застану васъ въ саду въ такой ранній часъ—сказалъ Іосифъ, поздоровавшись съ сестрой.

Марія Антуанета цѣлое утро отыскивала предлогъ, чтобы излить на комънибудь свое дурное расположеніе духа. Іосифъ явился очень встать съ своими спутниками. Сердце подсказало ей, что красивая дѣвушка, стоящая подъ деревомъ,—Корона Турмъ, а графа Эрбаха она

уже видѣла въ Версалѣ и помнила его наружность. Оба были одинаково ненавистны ей въ эту минуту, потому что изъ-за нихъ ей пришлось разстаться съ Ренатой. Кто приглашалъ ихъ въ Парижъ? Зачѣмъ нарушили они спокойствіе двора своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ?—Теперь они явились въ Трианонъ, въ надеждѣ, что я удостою ихъ милостивымъ взглядомъ, подумала Марія Антуанета съ чувствомъ гордаго самодовольства и рѣшила разыграть передъ ними роль недовольной и оскорбленной королевы.

— Насъ огорчили сегодня, и мы отправились въ садъ для развлечения, сказала она, обращаясь къ Іосифу. Философы совѣтуютъ искать утѣшенія въ природѣ, если люди сдѣлали намъ зло.

— Разумѣется! но они не совѣтуютъ являться къ алтарю богини съ гнѣвомъ въ сердцѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ природа не доставитъ намъ никакого утѣшенія. Только тотъ способенъ цѣнить уединеніе, кто отказался отъ всѣхъ радостей жизни. Зная веселый характеръ моей сестрицы, я увѣренъ, что бесѣда съ хорошими людьми скорѣе можетъ развлечь ее, нежели таинственный шепотъ листьевъ.

— Вы хотите доставить мнѣ удовольствіе вашимъ обществомъ, Іосифъ. Мнѣ остается только поблагодарить васъ за любезность.

Съ этими словами она бросила высокоумный взглядъ на группу, стоявшую подъ кленомъ.

— Я вижу, вы не одинъ. Но, по моему мнѣнію, не стоитъ знакомиться съ новыми людьми.

— Такую же фразу я слышалъ отъ нашего великаго противника, прусскаго короля Фридриха; но я не ожидалъ, что моя сестра, несмотря на молодость, обладаетъ печальною мудростью его лѣтъ. Прошу прощенія у французской королевы, что я на минуту нарушилъ ея мизантропическое настроеніе духа. Господа, которымъ я покровительствую, можетъ быть найдутъ болѣе благоприятный случай представиться ея величеству.

— Я желаю видѣть ихъ, сказала она, съ досадой вставая съ мѣста и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ дереву, подъ которымъ стояла Корона съ графомъ Эрбахомъ и маркизомъ.

Іосифъ шелъ съ нею рядомъ.

— Я покровительствую этимъ людямъ! сказалъ онъ тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

Камергеръ сдѣлалъ знакъ, чтобы они подошли ближе.

Марія Антуанета остановилась; она держала себя величественно, какъ всегда, но въ ея лицѣ не было и тѣни доброты и благоволенія; она прищурила глаза отъ солнца, что придавало ей еще болѣе суровый и строгій видъ.

— Не робѣйте! шепнулъ Іосифъ Коронѣ; затѣмъ, обращаясь къ своей сестрѣ, добавилъ:—позвольте представить вашему величеству талантливую пѣвицу, графиню Корону фонъ-Турмъ. Надѣюсь, что вы не откажете ей въ своемъ высокомъ покровительствѣ.

Марія Антуанета, не отвѣчая на низкій поклонъ Короны, смѣряла ее взглядомъ съ головы до ногъ. Такъ вотъ соперница ея любимицы! Сравнительно съ Ренатой, Корона показалась ей невзрачна и дурна собой.

— Мы много слышали похвалъ вашему пѣнію, сказала она, — но также много дурнаго о вашихъ приключеніяхъ. Надѣюсь, что находясь при нашемъ дворѣ, вы позаботитесь о возстановленіи вашей репутаціи.

— Я не ожидала, что мои враги успѣли очернить меня въ глазахъ вашего величества, отвѣтила Корона.

— У васъ нѣтъ враговъ между нашими приближенными, графиня, возразила королева высокомернымъ тономъ, и повернувшись къ маркизу, поздоровалась съ нимъ ласковымъ жестомъ руки.

— Кто этотъ господинъ? спросила она вполголоса Іосифа, указывая глазами на Эрбаха.

— Позвольте представить вамъ моего друга, графа Эрбаха, сказалъ Іосифъ.

— Графъ Эрбахъ! воскликнула Марія Антуанета съ видомъ удивленія.—Насъ постоянно увѣряютъ, что Трианонъ лучше Люсьенна, но графъ повидимому не раздѣляетъ этого мнѣнія.

— Люсьеннъ занялъ меня, какъ любопытная страница изъ исторіи прошлаго; здѣсь я поклоняюсь настоящему и вижу въ немъ всѣ зачатки великой будущности.

— Развѣ графъ Эрбахъ такой любитель старины? замѣтила улыбаясь королева.

— Когда солнце будущаго недоступно намъ и ослѣпляетъ своимъ блескомъ, мы невольно обращаемся къ мраку прошлаго.

— Браво! воскликнулъ со смѣхомъ Іосифъ.—Васъ можно поздравить, сестра! Вы превратили этого угрюмаго чешскаго дворянина въ льстиваго придворнаго.

Королева обратилась къ Коронѣ:

— Что вы намѣрены дѣлать съ собой, графиня? спросила она.

— Если ваше величество не измѣнитъ рѣшеніе императора, то я просила бы дозволенія остаться у моего пріемнаго отца, маркиза Валь д'Омброне.

— Я ничего не имѣю противъ этого въ данную минуту. Императоръ между тѣмъ переговоритъ съ вашими родными, чтобы вы имѣли возможность вернуться къ нимъ.

— Она желаетъ вернуться въ Вѣну знаменитой пѣвицей, отвѣтилъ Іосифъ,—и надѣется получить первый лавровый вѣнокъ въ Парижѣ. Она сочла бы его пріобрѣтеннымъ на-половину, если бы вы обѣщали ей свое покровительство.

— Я не знаю, насколько оно можетъ помочь графинѣ; но ради васъ мы готовы забыть прошлое и будемъ милостивы къ ней.

— Позвольте выразить вамъ мою благодарность, ваше величество,

отвѣтила Корона. — Если вы будете милостивы ко мнѣ, то это всего скорѣ побудитъ моихъ родныхъ помириться со мною.

— О какихъ родныхъ говорите вы? спросила королева, бросивъ строгій взглядъ на Эрбаха. — Если вы намекаете на графиню Ренату, то эта благородная женщина глубоко огорчена вашимъ поведеніемъ, но, по своей безконечной добротѣ, готова простить всѣмъ, причинившимъ ей горе... Два часа тому назадъ она уѣхала отъ насъ съ твердымъ намѣреніемъ вернуться въ Австрію.

Съ этими словами королева, сдѣлавъ легкій поклонъ посѣтителемъ, направилась къ своему прежнему мѣсту у статуи Аполлона. Она шла медленнымъ шагомъ, какъ бы ожидая, что императоръ пойдетъ за нею; но Іосифъ, подозвавъ къ себѣ маркиза д'Омброне, разговаривалъ съ нимъ вполголоса.

Корона едва удерживалась отъ слезъ, между тѣмъ какъ лицо графа Эрбаха казалось веселѣе обыкновеннаго. Онъ подалъ руку Коронѣ и повелъ ее обратно по аллеѣ, по которой они пришли. За ними шелъ маркизъ и мысленно благословлялъ судьбу, что она избавила его приемную дочь отъ свиданія съ „богомолкой“, какъ онъ называлъ Ренату.

Конецъ второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

В ДЕНЬ поминовенія всѣхъ усопшихъ, Григорій Гасликъ, отслуживъ обѣдню, обратился къ своей паствѣ съ грозной проповѣдью, изображая въ яркихъ краскахъ ужасы ада и мученія чистилища, отъ которыхъ обѣднны души могли быть избавлены только молитвами церкви и заступничествомъ святыхъ. Прихожане Таннбурга были глубоко потрясены пламеннымъ краснорѣчіемъ священника; лица женщинъ приняли печальное и сосредоточенное выраженіе; мужчины молча разошлись по домамъ, не останавливаясь на маленькой площади передъ церковью, гдѣ они обыкновенно собирались послѣ обѣдни для дружеской бесѣды.

Кладбище мало-по-малу опустѣло; только мѣстами стояли группы женщинъ и дѣтей и съ любопытствомъ смотрѣли на Зденко, который сидѣлъ на свѣжей могилѣ своего отца, закрывъ лицо своими широкими руками.

Была поздняя осень. Быстро падали желтые и красноватые листья съ деревьевъ; чернѣе казалась зелень сосенъ, покрывавшихъ холмъ, на которомъ стоялъ замокъ. По временамъ ярко золотистый лучъ послѣобѣденнаго солнца прорывалъ мглу осенняго воздуха и освѣщаль деревья, верхнія окна и крышу замка.

Зденко отнялъ руки отъ лица и бросилъ мрачный взглядъ на шиферную крышу замка, которая виднѣлась между вершинами сосенъ, затѣмъ на высокую башню изъ желтовато-сѣраго песчаника, добытаго изъ саксонскихъ горъ. Башня была почти окончена. Не смотря на пророчество священника, ни буря, ни молнія не разрушили ее, и черезъ двѣ-три недѣли графъ Эрбахъ намѣревался праздновать окончаніе постройки. Зденко долго смотрѣлъ на нее мрачнымъ неподвиж-

нымъ взглядомъ. Гнѣвъ и страхъ наполняли его душу. Гдѣ была Гедвига Рехбергеръ? Никто въ замкѣ и въ домѣ священника не могъ дать ему отвѣта на этотъ вопросъ. Когда шли переговоры о поимкѣ бѣглецовъ, дѣвушка была почти обѣщана ему; Гасликъ краснорѣчиво доказывалъ ему, что въ случаѣ смерти отца, Гедвига очутится въ такомъ безпомощномъ положеніи, что не колеблясь приметъ католичество и согласится выйти замужъ за него, какъ самаго богатаго крестьянина въ деревнѣ. Онъ приходилъ въ бѣшенство при одномъ воспоминаніи объ этой исторіи, такъ какъ ему казалось несомнѣннымъ, что онъ разыгралъ роль дурака; пока нуждались въ немъ, за нимъ ухаживали и водили за носъ всевозможными обѣщаніями.

Старикъ Рехбергеръ умеръ, а Гедвига не сдѣлалась его женой; Гасликъ солгалъ, увѣряя его, что графъ держитъ дѣвушку въ своихъ франконскихъ помѣстьяхъ въ качествѣ своей любовницы. Въ концѣ октября графъ Эрбахъ вернулся въ Таннбургъ, но безъ Гедвиги. Сколько ни спрашивалъ Зденко слугъ, сопровождавшихъ графа въ путешествіи, онъ ничего не могъ узнать о дѣвушкѣ, исчезнувшей такимъ таинственнымъ образомъ.

Въ мрачной и запуганной душѣ крестьянина, Гедвига являлась единственной свѣтлой точкой въ окружавшемъ его туманѣ. Богу угодно было отнять ее у него. Какую пользу принесли его молитвы, посѣщенія церкви, сдѣланныя имъ пожертвованія! Святые приняли его восковыя свѣчи, но не исполнили его просьбы. Страхъ, который онъ чувствовалъ къ невидимому божеству, еще больше усилился; воображеніе рисовало ему ужасающую картину мученій, ожидавшихъ его въ будущей жизни; въ настоящей онъ видѣлъ только разрушеніе всѣхъ своихъ плановъ и надеждъ. Все это увеличивало его ожесточеніе и доводило до бѣшенства. Смерть отца сдѣлала его самымъ богатымъ крестьяниномъ Таннбурга. Услужливая молва приписывала ему еще большее богатство, нежели то, какое ему досталось въ дѣйствительности; между прочимъ, ходили слухи, что у него скрытъ кладъ подъ яблоней. Когда говорили объ этомъ Зденко, онъ пожималъ плечами и бормоталъ проклятія, называя своихъ сосѣдей завистливыми дураками. Но тѣ же мысли о скрытыхъ горшкахъ съ золотыми и серебряными гульденами приходили ему въ голову, когда онъ сиживалъ цѣлые часы на могилѣ отца, предаваясь мрачному раздумью. Ему казалось, что земля раскрывается и передъ нимъ блеститъ золото, но вслѣдъ затѣмъ наступало печальное разочарованіе. Когда онъ присматривался ближе, то золото исчезало безслѣдно. Немевѣ мучило его то обстоятельство, что графъ, вернувшись въ замокъ, въ тотъ же день посѣтилъ его умирающаго отца и долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Зденко не хотѣлъ видѣть въ этомъ фактѣ проявленія челоуѣколюбія и былъ убѣжденъ, какъ и всѣ другіе крестьяне въ деревнѣ, что между графомъ и старикомъ существуетъ какая-нибудь особенная тайна. Священникъ при своемъ ре-

лигіозномъ усердіи готовъ былъ отказать умирающему въ миропомазаніи за его близкія сношенія съ еретикомъ, и только мысль лишиться нѣсколькихъ обѣденъ, которыя Зденко закажетъ по своемъ грѣшномъ отцѣ, привела его въ болѣе миролюбивое настроеніе.

Въ деревнѣ давно смотрѣли на Зденко, какъ на угрюмаго и упрямаго человѣка, жестокаго къ бѣднымъ и къ своимъ работникамъ, но послѣ смерти стараго Непомука его стали считать немного помѣшаннымъ. Сосѣди предполагали, что онъ сдѣлался искателемъ клада; молодыя дѣвушки, все еще мечтавшія выйти за него замужъ ради его денегъ, завидовали Гедвигѣ и утверждали, что она свела его съ ума своимъ кокетствомъ. Между тѣмъ, Зденко, не находя нигдѣ покоя, проводилъ цѣлыя дни въ лѣсу и на могилѣ своего отца и тщательно избѣгалъ людскаго общества.

Когда кладбище окончательно опустѣло, онъ поспѣшно всталъ съ могилы, застегнулъ на всѣ пугвицы длиннополое воскресное платье и, нахлобучивъ шляпу на взъерошенные волосы, вышелъ изъ ограды.

Между тѣмъ, крестьяне, опомнившись отъ впечатлѣнія утренней проповѣди, мало-по-малу собрались въ шинкѣ и шумно бесѣдовали за стаканомъ вина. Ихъ громкій говоръ и крики неприятно раздавались въ ушахъ Зденко и заставили его ускорить шагъ. Благодаря этому, онъ скоро очутился на большой дорогѣ, ведущей въ сосѣднюю деревню вдоль опушки лѣса, лежащаго въ сторонѣ и отдѣленнаго ровомъ и полемъ. Солнце стояло низко на горизонтѣ; его красноватые лучи просвѣчивали сквозь деревья, лишенные листьевъ, и казались особенно яркими среди сѣроватаго колорита наступившихъ сумерекъ.

— Это отраженіе пламени чистилища! подумалъ съ ужасомъ Зденко, свернувъ съ дороги съ такой быстротой, что едва не спихъ съ ногъ пѣшехода, попавшагося ему на встрѣчу. Это былъ Григорій Гасликъ.

— Что ты, ослѣпъ, дуралей? крикнулъ приходскій священникъ сердитымъ голосомъ, схвативъ его за руку.— Налетаетъ на людей, какъ дикій быкъ! Зачѣмъ только Господь даетъ глаза такимъ людямъ! о разумъ и говорить нечего: его никогда и не было.

— Ваше преподобіе!.. пробормоталъ испуганный Зденко дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ будто его поймали на мѣстѣ преступленія.

— Очень радъ, что мнѣ удалось наконецъ увидѣть тебя наединѣ! продолжалъ священникъ тѣмъ же гнѣвнымъ тономъ.— Ты, пріятель, не былъ у меня на исповѣди съ самой Пасхи!.. Ты, вѣроятно, хочешь прямо отправиться въ геенну огненную, съ душой обремененной смертными грѣхами, завистью, гнѣвомъ и лѣнью! Но я, какъ добрый пастырь, отыскиваю пропавшую овцу, чтобы вернуть ее въ стадо. Отвѣчай мнѣ: развѣ такъ ведетъ себя хорошій католикъ, человѣкъ съ порядочнымъ состояніемъ, который долженъ служить для другихъ примѣромъ благочестія, страха Божія и трудолюбія? а ты вмѣсто

этого шатаешься безъ дѣла съ утра до ночи! Неужели ты воображаешь, что Господь не можетъ отнять у тебя гульденъ, которые накопилъ твой отецъ? Говорятъ, что ты ведешь богохульные рѣчи противъ святыхъ и хочешь предаться дѣволу... Пойми, осель, что ты уже давно въ его власти!

Гасликъ остановился, чтобы перевести духъ и выслушать отвѣтъ крестьянина. Но Зденко упорно молчалъ и только сильнѣе надвинулъ на глаза свою шляпу.

— Что ты, оглохъ, что ли? разразился вновь священникъ.—Погоди немного, трубный звукъ страшнаго суда скоро откроетъ тебѣ уши. Или твое сердце настолько покрылось плѣсенью грѣха, что ни одна искра благочестія не можетъ проникнуть въ него? А хочешь ли знать причину временной и вѣчной гибели, на которую ты добровольно обрекаешь себя? Вся причина въ томъ, что тебя соблазняетъ развратная жизнь! Изъ-за нея ты готовъ забыть святую церковь, всемогущаго Бога, твоего отца, который мучится въ чистилищѣ, и наконецъ самого себя! Тебя свела съ ума Гедвига Рехбергеръ, безстыдная женщина съ наглыми глазами, невѣста сатаны, которая не разъ помогала графу въ его чародѣйствахъ.

— Не браните ее! возразилъ крестьянинъ глухимъ голосомъ, сдвигая шляпу на затылокъ.

Гасликъ не былъ трусливъ, но онъ невольно смутился передъ свирѣпымъ взглядомъ черныхъ глазъ, которые были устремлены на него.

— Не браните Гедвигу! повторилъ Зденко.—Вспомните, святой отецъ, что вы общали мнѣ ее передъ распятіемъ въ вашей комнатѣ... Если бы не я, то вашъ калѣка писарь...

Онъ замолчалъ изъ боязни раздражить священника.

— Глухая болтовня! возразилъ Гасликъ, приходя въ себя.—Я не хочу больше слышать этой старой исторіи. Если я принялъ твои услуги, то потому, что считалъ тебя за искренняго поборника церкви. Но Господь отвергъ тебя, потому что видѣлъ твое сердце, исполненное гнѣва, высокомерія, грѣховной похоти, и наказалъ въ томъ, что для тебя дороже всего на свѣтѣ.

— Лицемеръ! обманщикъ! крикнулъ Зденко, схвативъ священника за плечи въ порывѣ ярости.—Куда дѣвали вы ее? Гдѣ она? Вы спрятали ее въ монастырь? Всѣхъ васъ нужно переколотить и сжечь ваши монастыри...

— Удержи свой языкъ, безбожникъ! крикнулъ Гасликъ въ свою очередь, собравъ все свое присутствіе духа.—Еще новый еретикъ въ нашемъ приходѣ! Будь ты проклятъ за твои богохульства! Анаѡема! *Filius perditionis, anathema sit in aeternum!* Чаша небеснаго терпѣнія переполнилась! Мечъ правосудія поразить тебя на этомъ свѣтѣ, а въ будущемъ ты будешь горѣть на вѣчномъ огнѣ...

Оживленная рѣчь Гаслика, страхъ церковнаго провлятія и ла-

тинскія непонятныя слова подѣйствовали потрясающимъ образомъ на суетнаго крестьянина. Руки его опустились; онъ робко оглянулся, услыхавъ за собой стукъ колесъ.

По дорогѣ ѣхалъ почтовый экипажъ. Гасликъ отошелъ въ сторону и сѣлъ на камень, недовольный тѣмъ, что помѣшали его рѣчи, и въ то же время любопытствуя узнать, кто ѣдетъ въ замокъ. Зденко хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и обратиться въ бѣгство, но увидя издали графа Эрбаха съ охотничьей собакой и ружьемъ на плечѣ, остановился въ нерѣшимости посреди дороги.

Графъ, замѣтивъ экипажъ, ускорилъ шагъ; собака бросилась къ лошадямъ съ громкимъ лаемъ.

Изъ опущеннаго окна кареты выглянула мужская голова. Это былъ патеръ Ротганъ. Гасликъ очень удивился, когда увидѣлъ его, такъ какъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій. Онъ зналъ только, что патеру поручили привести въ порядокъ библіотеку Клементинума въ Прагѣ и что онъ окончательно предался сатанѣ въ образѣ свѣтскаго правительства. Что могло привести его назадъ въ Таннбургъ? Не приглашеніе ли графа Эрбаха?..

Лошади остановились. Патеръ Ротганъ вышелъ и помогъ выйти молодой женщинѣ, сидѣвшей въ каретѣ.

Священникъ всталъ съ мѣста. Любопытство его было возбуждено въ высшей степени.

Онъ увидѣлъ стройную женскую фигуру съ роскошными бѣлокурыми волосами, на которые былъ надѣтъ чепчикъ съ розовыми развѣвающимися лентами.

Зденко хотѣлъ вскрикнуть: „Гедвига“! но слово это замерло у него въ горлѣ. Онъ упалъ на колѣни, помертвѣвъ отъ испуга, какъ будто увидѣлъ передъ собою привидѣніе.

Послѣдній лучъ заходящаго солнца освѣтилъ серьезное лицо молодой дѣвушки, которое казалось такимъ же цвѣтущимъ, какъ и прежде; только губы были крѣпче сжаты и надъ бровями обозначилась рѣзкая морщина.

Она молча поцѣловала руку подошедшаго къ ней графа, обливаясь горячими слезами.

— Успокойся, дитя мое! сказалъ графъ, бросивъ недовѣрчивый взглядъ на священника, который оставался въ почтительномъ разстояніи, но весь превратился въ слухъ и зрѣніе.

Графъ пожалъ руку патеру. Гасликъ не могъ понять, что они говорили между собой, но вслѣдъ затѣмъ онъ ясно слышалъ слова патера:

— Ваше сіятельство, сказалъ онъ, — графиня Рената приказала мнѣ передать вамъ свой сердечный привѣтъ. Она намѣревалась сама привезти въ Таннбургъ бѣдную дѣвушку, на долю которой выпало столько тяжелыхъ испытаній; но ея болѣзненное состояніе...

Гасликъ не дослышалъ конца фразы благодаря топоту лошадей.

— Вы остановитесь у меня въ замкѣ, сказалъ графъ Эрбахъ, — только знайте, что я васъ не отпущу изъ Таннбурга раньше недѣли.

Гедвига и патерь Ротганъ сѣли въ карету, которая быстро покатилась къ замку. Графъ Эрбахъ остался на дорогѣ и пошелъ медленнымъ шагомъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ священникъ.

— Какова честь! подумалъ Гасликъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ сердце его безпокойно забилось. — Графиня хочетъ вернуться къ мужу!.. Неужели они помирились! Можно ли разсчитывать на постоянство великихъ міра сего, подумалъ онъ съ досадой. — Если Лобковичъ и старуха Турмъ измѣнили мнѣ, то я пропалъ!.. Святой Непомукъ, помоги мнѣ!

Гасликъ вынулъ табакерку и взялъ щепотку табаку, чтобы придать себѣ бодрости. При этомъ онъ вопросительно взглянулъ на крестьянина. — Не призвать ли его въ свидѣтели? спрашивалъ онъ себя. — Кто знаетъ, о чемъ графъ намѣренъ бесѣдовать со мной!..

Зденко стоялъ на колѣняхъ у дороги передъ деревянной статуей Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ и усердно молился. Когда карета поравнялась съ нимъ, онъ бросилъ робкій взглядъ на свою возлюбленную, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли она живой человѣкъ, а не привидѣніе. „Да, это Гедвига!“ пробормоталъ онъ. „День суда скоро наступитъ для меня!..“ За полчаса передъ тѣмъ онъ ронталъ на Бога и святыхъ, называлъ священника обманщикомъ, а теперь стоялъ у образа Богородицы, въ надеждѣ найти душевный покой.

— Добрый вечеръ, г-нъ Гасликъ! сказалъ графъ, подходя къ священнику и отвѣчая на его подобострастный поклонъ едва замѣтнымъ движеніемъ головы.

Хотя Гасликъ считалъ себя великимъ поборникомъ церкви и гордилъ съ каедры богатства и привилегіи дворянъ, бессмертную душу которыхъ разбѣдаетъ грѣхъ и невѣріе, но тѣмъ не менѣе робѣлъ при встрѣчѣ съ знатными людьми; гордость его переходила въ униженіе и рабскую угодливость. Въ подобныхъ случаяхъ, возвращаясь домой, онъ обыкновенно называлъ себя трусомъ и рабомъ тщеславія и говорилъ себѣ въ утѣшеніе, что „духъ бодръ, а плоть немощна“. Сегодня же эта слабая сторона его природы проявилась тѣмъ сильнѣе, что онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ графомъ.

— Честь имѣю засвидѣтельствовать мое почтеніе вашему сіятельству! проговорилъ торопливо Гасликъ. — Вы изволили прогуливаться въ лѣсу? У насъ отличная погода, несмотря на позднюю осень.

Графъ Эрбахъ не счелъ нужнымъ отвѣтить на послѣднія слова.

— Вы видите, пріѣхала Гедвига Рехбергеръ, сказалъ онъ. — Благодаря стараніямъ моей жены и почтеннаго патера Ротгана, намъ удалось, наконецъ, вырвать бѣдную дѣвушку изъ монастыря урсулинокъ, гдѣ она томила въ заточеніи.

Холодный потъ выступилъ на лбу Гаслика отъ страха. Иди ря-

домъ съ графомъ, онъ тяжело ступалъ своими высокими неуклюжими сапогами. Онъ уже три раза вынималъ табакерку изъ своего кармана и, не сознавая того, что дѣлаетъ, снова пряталъ ее.

— Да, Гедвига Рехбергеръ... началъ онъ заикаясь, — ваша благочестивая супруга... почтенный патеръ Ротганъ...

— Я считалъ нужнымъ заявить вамъ объ этомъ, сказалъ графъ Эрбахъ, прерывая его, — потому что счастливый исходъ этой печальной исторіи, вѣроятно, такъ же желателенъ для васъ, какъ и для меня.

— Я желаю всего, что можетъ доставить удовольствіе вашему сіятельству.

— Подобная уступчивость съ вашей стороны кажется мнѣ совершенно лишнею. Но вамъ, вѣроятно, извѣстно, что исчезновеніе Гедвиги бросило на васъ неблагоприятную тѣнь.

— На меня! воскликнулъ Гасликъ, проводя рукою по лбу. — Вамъ извѣстно, ваше сіятельство, что я скромный служитель церкви и жизнь свѣтскихъ людей далека отъ меня.

— Но въ данномъ случаѣ церковные интересы тѣсно связаны со свѣтскими. Говоря откровенно, я твердо убѣжденъ, что вы содѣйствовали заточенію Гедвиги въ монастырѣ урсулинокъ.

— Я не ожидалъ, что мои враги до такой степени очернили меня впередъ вашимъ сіятельствомъ...

— Одна сторона этого темнаго дѣла выяснилась; теперь можно надѣяться, что и другая не долго останется покрытой мракомъ неизвѣстности.

— Другая?

— Она вамъ также извѣстна. Я говорю о смерти моего вѣрнаго Рехбергера.

— Онъ, вѣроятно, убитъ венгерскими гусарами! сказалъ Гасликъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, чтобы придать своему голосу увѣренный тонъ убѣжденного человѣка. Но въ душѣ онъ чувствовалъ сильнѣйшее безпокойство. Онъ вспомнилъ объ одной исповѣди, на которой ему сдѣлано было признаніе въ предполагаемомъ убійствѣ. Онъ не зналъ, приведено ли оно въ исполненіе; но намѣреніе было ему извѣстно; онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки остановить преступленіе и успокоилъ свою совѣсть тѣмъ доводомъ, что дѣло касалось еретика.

Графъ Эрбахъ ничего не возразилъ священнику и опять заговорилъ съ нимъ, когда они подошли къ деревнѣ.

— Пока не найдено никакихъ слѣдовъ преступленія, но я разсчитываю на небесное правосудіе.

— Аминь! добавилъ священникъ.

Графъ остановился, такъ какъ они дошли до мѣста, гдѣ начинался подъемъ къ замку.

— Мы уже не разъ имѣли столкновенія съ вами, г-нъ Гасликъ, сказалъ графъ. — Но я надѣюсь, что мое присутствіе въ замкѣ больше

не подасть вамъ повода изощрять свое краснорѣчіе. Я человѣкъ мирный и прежде всего желаю спокойствія на моей землѣ. Если же вамъ необходима борьба, то ведите ее съ суевѣрными мечтателями, которые поселились у насъ въ сосѣдствѣ.

Гасликъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на графа, недоумѣвая, что онъ хочетъ сказать этимъ.

— Дѣло само по себѣ настолько важно, что я совѣтую вамъ серьезно заняться имъ. Власти желаютъ имѣть свѣдѣнія о религиозной сектѣ гуситовъ, которая распространилась въ Богеміи изъ Моравіи. Говорятъ, что около Пардубица она имѣетъ болѣе тысячи приверженцевъ. Они повсемѣстно посылаютъ своихъ проповѣдниковъ; одинъ изъ этихъ мнимыхъ апостоловъ поселился въ нашемъ сосѣдствѣ. Мой управляющій встрѣтилъ его на пограничной межѣ, отдѣляющей мой лѣсъ отъ пардубицкаго. Неужели вы ничего не слыхали объ этомъ религиозномъ движеніи?

Къ стыду своему, священникъ долженъ былъ сознаться, что хотя до него и доходили кое-какіе слухи, но онъ не придавалъ имъ никакого значенія.

— Въ моей паствѣ, добавилъ онъ, — нѣтъ ни одной заблудшей овцы. Я принялъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы оградить мое стадо отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ.

— Тѣмъ лучше! Что касается меня лично, то я не преслѣдовалъ бы ни гуситскаго апостола, ни его приверженцевъ, и позволилъ бы ему проповѣдывать, гдѣ ему угодно! Разумъ мало-по-малу преодолѣетъ всѣ эти безумныя бредни. Но высшія власти считаютъ ихъ вредными, и мы съ вами, г-нъ Гасликъ, обязаны оградить отъ нихъ бѣдныхъ неразвитыхъ людей. Я не желаю, чтобы мои крестьяне были отправлены въ тюрьму и подверглись пыткѣ или палочнымъ ударамъ за то, что слушали безумныя рѣчи о Богѣ и другихъ отвлеченныхъ предметахъ. Своевременное предостереженіе съ вашей стороны, краснорѣчивая проповѣдь, могли бы принести большую пользу. Однимъ словомъ, я рассчитываю на васъ и убѣжденъ, что вы выполите сорную траву прежде, нежели явятся къ намъ полицейскіе.

— Вы можете положиться на меня, ваше сіятельство. Я не слошу оружіе до тѣхъ поръ, пока не одолѣю врага. Онъ не совертитъ у меня ни одной овцы, потому что я буду сторожить свое стадо какъ зѣнцу ока.

— Будьте готовы! Я сообщилъ вамъ все, что считалъ нужнымъ. Желаю вамъ успѣха!

Было уже совершенно темно, когда они разстались. Священникъ пошелъ быстрыми шагами къ своему дому. Воображеніе рисовало ему церковь, наполненную народомъ, и рѣчь, произнесенную имъ противъ новой ереси. Но холодный вѣтеръ, дувшій ему въ лицо, нѣсколько охладилъ его фантазію. Онъ сталъ припоминать свой разговоръ съ графомъ и неожиданную встрѣчу съ Зденко. При этомъ ему невольно

пришло въ голову, что Зденко набрался храбрости изъ словъ лжеучителя и что онъ самъ отчасти виноватъ въ этомъ, упустивъ изъ виду свое духовное чадо.

Съ этой мыслью священникъ вошелъ въ свой домъ. До сихъ поръ онъ видѣлъ опасность только со стороны лютеранскаго графа и его рабочихъ, вызванныхъ изъ Саксоніи для постройки башни. Но теперь онъ долженъ былъ убѣдиться, что ересь проявилась въ народѣ, хотя онъ всего менѣе ожидалъ этого. Сознавая свое нерадѣніе въ исполненіи прямой обязанности и движимый желаніемъ исправить потеряннаго, онъ началъ говорить рѣчь о гуситской ереси своей кухаркѣ, которая, расхаживая взадъ и впередъ по комнатамъ, накрывала ему ужинъ.

Между тѣмъ тотъ, который, по его мнѣнію, всосалъ въ себя ядъ гуситской ереси, былъ дѣйствительно на пути къ гибели.

Зденко видѣлъ, какъ графъ и священникъ прошли мимо него, какъ усилились сумерки, но не двигался съ мѣста. Его окружалъ мракъ и тишина, онъ слышалъ только усиленное бѣненіе своего сердца и однообразное завываніе вѣтра. Сознаніе дѣйствительности мало-помалу исчезло для него; онъ видѣлъ вокругъ себя однихъ мертвецовъ. Отецъ, мать, окровавленный Рехбергеръ, безчисленные фигуры въ бѣлыхъ длинныхъ саванахъ, все ближе и ближе подступали къ нему и указывали на него пальцами. Онъ закрылъ глаза отъ ужаса, и когда снова открылъ ихъ, то бѣлыя фигуры доросли до гигантскихъ размѣровъ. Губы его шевелились, но онъ не могъ выговорить ни одного слова молитвы. Не помня себя отъ страха и не вставая съ колѣнъ, онъ доползъ до статуи и судорожно обнялъ подножіе каменной ниши. Въ завываніяхъ вѣтра, который пронесился по полю и наклонялъ верхушки деревьевъ, ему слышался грозный голосъ, проклинавшій его.

Зденко видѣлъ, что небесныя силы не помогаютъ ему, и мысленно рѣшилъ, что его можетъ спасти только тотъ человекъ, котораго онъ встрѣтилъ недавно въ лѣсу, одѣтаго въ длинный бѣлый плащъ. Онъ одаренъ сверхъестественной силой и сумѣетъ избавить его отъ мучительнаго безпокойства и страха. Развѣ онъ не предсказалъ возвращеніе бѣлой дѣвы, и Гедвига не вернулась въ Таннбургъ? Отъ кого слышалъ онъ такія кроткія слова утѣшенія и такія блестящія обѣщанія!.. Если для него еще существуетъ спасеніе, то онъ нигдѣ не найдетъ помощи, какъ только у этого человека...

Размышляя такимъ образомъ, Зденко поднялся съ земли и бросился бѣгомъ черезъ поле въ лѣсъ. Вѣтеръ какъ будто подгонялъ его; съ неба, покрытаго темными тучами, выглядывалъ по временамъ мѣсяць. При этомъ слабомъ освѣщеніи всѣ предметы принимали фантастическій угрожающій видъ; деревья протягивали къ нему свои суковатыя вѣтви, точно гигантскія мохнатыя руки; въ ревѣ начинающейся бури слышались дикіе вопли и крики. Зденко казалось, что злые духи гонятся за нимъ и какъ будто кругомъ него что-то шу-

мѣло, шептало, двигалось. Сегодня былъ день всѣхъ святыхъ, и души умершихъ, освобожденныя отъ своихъ оковъ, блуждали въ пространствѣ между небомъ и землей. Тѣни, похожія на человѣческія фигуры, бѣлѣли въ прогалинахъ лѣса. Когда Зденко остановился, чтобы перевести духъ, онъ ясно услышалъ шумъ шаговъ въ лѣсу и кто-то такъ близко прошелъ около него, что онъ почувствовалъ прикосновеніе женскаго платья. Онъ едва не вскрикнулъ отъ ужаса и снова бросился бѣжать къ тому мѣсту, гдѣ впервые увидѣлъ страннаго чело-вѣка, занявшаго всѣ его помыслы.

Это случилось въ день похоронъ его отца. Онъ оставилъ своихъ сосѣдей за погребальнымъ обѣдомъ и ушелъ въ лѣсъ, гдѣ бродилъ безцѣльно нѣсколько часовъ, пока не дошелъ до опушки лѣса, отдѣ-леннаго отъ сосѣднихъ полей узкимъ безводнымъ рвомъ и деревян-ной рѣшеткой. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, отецъ графа Эрбаха имѣлъ продолжительный процессъ съ жителями Дубница изъ-за вла-дѣнія смежнымъ полемъ, который кончился въ его пользу, послѣ чего онъ построилъ здѣсь небольшой охотничій домъ. Крестьяне Дуб-ница не разъ дѣлали попытки поджечь его, но это не удавалось имъ, пока не началась война съ Пруссіей. Одинъ изъ передовыхъ непріятель-скихъ отрядовъ переночевалъ въ домѣ и уходя разграбилъ его, выломалъ окна и двери, сжегъ шкафы и столы, такъ что егерямъ графа стоило большого труда остановить пожаръ, уничтожившій половину зданія. Въ замкѣ и у крестьянъ Таннбурга составилось твердое убѣжденіе, что жители Дубница принимали дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе фактъ совершился, а графъ Эрбахъ, занятый другими дѣлами, не счелъ нужнымъ возобновлять разоренное зданіе, о кото-ромъ ходили разные суевѣрные расказы въ народѣ. Во время семи-лѣтней войны, стѣны бывшаго охотничьяго дома нерѣдко служили убѣжищемъ для дезертировъ, разбойниковъ и всякаго сброда. Не разъ среди ночи виднѣлся свѣтъ изъ выбитыхъ оконъ и дверей. Поэтому крестьяне большею частью выбирали дальнюю дорогу, чтобы не пройти мимо таинственныхъ развалинъ.

Въ этомъ самомъ мѣстѣ Зденко встрѣтилъ незнакомца, который съ перваго взгляда поразилъ его своей странной одеждой. На немъ былъ длинный бѣлый плащъ изъ толстой шерсти; голыя ноги были обуты въ сандалии, привязанныя красными ремнями. Онъ стоялъ на порогѣ, освѣщенный лучами заходящаго солнца; сѣдые волосы раз-вѣвались отъ вѣтра; длинная густая борода опускалась на грудь. Зденко остановился подъ влияніемъ суевѣрнаго страха. Явленіе было такъ неожиданно и величественно, что въ душѣ простодушнаго кре-стьянина невольно возникла мысль: это Божій посланникъ; такой видъ имѣютъ одни святые.

Старикъ поднялъ сложенные руки и, казалось, молился заходящему солнцу. Вдали раздался колоколъ; звуки его, медленно замирая, раз-носились по пустому полю...

Зденко видѣлъ незнакомца только нѣсколько минутъ; онъ сказалъ ему звучнымъ голосомъ: „завтра при закатѣ солнца ты найдешь меня опять на этомъ мѣстѣ“, и вслѣдъ за тѣмъ исчезъ куда-то въ сѣроватомъ туманѣ сумерекъ. На слѣдующій день Зденко пришелъ къ развалинамъ въ назначенное время. Старикъ сидѣлъ на камнѣ возлѣ обгорѣвшей стѣны дома и ласково поздоровался съ нимъ, какъ будто съ старымъ знакомымъ. Зденко почувствовалъ такой страхъ, что хотѣлъ тотчасъ же уйти, но не могъ сдвинуться съ мѣста. Старикъ сказалъ ему, что онъ посланъ не на погибель душъ, а для изцѣленія ихъ. Всѣ призваны къ священству и новому царствію Божию; но для людей единственный путь къ спасенію—вѣра въ единого Бога, братская любовь къ ближнему, отреченіе отъ папы. Скоро явится святая дѣва Марія въ блестящемъ одѣяніи изъ пурпура, изъ золота, съ вѣнками изъ цвѣтовъ и пальмовыми вѣтвями, и даруетъ миръ и свободу вѣрующимъ...

Зденко не понималъ и половины того, что говорилъ незнакомецъ, но тѣмъ не менѣе, на него неотразимо дѣйствовалъ пророческій тонъ его рѣчи, величественная фигура, блестящіе глаза при торжественной тишинѣ осенняго вечера и мрачныхъ развалинахъ.

Послѣ этого вторичнаго свиданія, Зденко не разъ приходило въ голову, что старикъ, называвшій себя Мракотиномъ и уроженцемъ Моравіи, быть можетъ принадлежитъ къ числу еретиковъ и выходцевъ ада. Но это не могло удержать его, хотя священникъ много разъ говорилъ ему, что за всѣ грѣхи можно получить прощеніе, кромѣ отреченія отъ церкви. Святые не приняли его молитвы, не угѣшили въ горѣ и не успокоили его совѣсти. Все побуждало его идти впередъ, тѣмъ болѣе, что отступленіе было невозможно.

Онъ достигъ опушки лѣса. Небольшая рѣшетчатая калитка была отворена настежь, черезъ ровъ положена доска. Впереди чернѣли стѣны обгорѣшаго дома. Въ одномъ окнѣ былъ поставленъ факель; его красноватое пламя двигалось назадъ и впередъ, раздуваемое вѣтромъ.

Зденко нерѣшительнымъ шагомъ шагнулъ на доску. По его пятамъ шелъ кто-то другой и, наклонившись къ нему, спросилъ вполголоса: куда?

— Къ бѣлой дѣвѣ, отвѣтилъ наугадъ Зденко.

— Проходи! отвѣтили ему.

На башенныхъ часахъ Дубница пробило восемь часовъ.

Изъ дома доносился смѣшанный гулъ голосовъ и тихое пѣніе, которое мало-по-малу становилось все громче. Зденко казалось, что невидимыя руки подталкиваютъ его; онъ вошелъ на ступени и, пройдя темный корридоръ, очутился въ единственной уцѣлѣвшей комнатѣ охотничьяго дома, которая была мрачно освѣщена факелами. Это была большая зала, служившая нѣкогда столовой для веселыхъ охотниковъ. Кожаные обои, изображавшіе сцены изъ мифологіи и охот-

ничьей жизни, были сорваны со стѣнъ вмѣстѣ съ оленьими рогами, чучелами волчьихъ головъ и другими украшеніями. Только на потолкѣ мѣстами сохранилась живопись; въ одномъ углу при мерцающемъ свѣтѣ факеловъ можно было разглядѣть Діану съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ, за которой слѣдовала толпа нимфъ. Время отъ времени вѣтеръ дулъ въ открытыя окна и наполнялъ комнату чадомъ горѣвшихъ факеловъ.

Зденко, опомнившись отъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него странной обстановкой комнаты, робко оглянулся и съ удивленіемъ увидѣлъ, что она переполнена народомъ. Онъ узвалъ много знакомыхъ ему лицъ: тутъ были старики, молодые парни, женщины и дѣвушки изъ сосѣднихъ деревень и Танибурга, три или четыре челоуѣка саксонскихъ рабочихъ, выписанныхъ графомъ для постройки башни и двое прилично одѣтыхъ господъ изъ Течена или Лейтмерица. У нихъ были, повидимому, особые условные знаки, слова, рукопожатія и поцѣлуй; никого не называли по имени, а всѣ величали другъ друга братомъ или сестрой.

— Ты здѣсь непрошенный гость; они могутъ убить тебя, подумалъ Зденко и боязливо удалился въ самый темный уголъ комнаты. Онъ стоялъ вдали отъ всѣхъ, опустивъ голову и дѣлая видъ, что молится.

Когда собраніе оказалось въ полномъ составѣ, съ окна сняли факель, заложили всѣ окна досками и дверь заперли на замокъ. Общество собиралось, повидимому, не въ первый разъ и тщательно заботилось о томъ, чтобы его сборища оставались неизвѣстными.

Пѣніе, прекращенное на нѣсколько минутъ, опять возобновилось. Это былъ старинный гуситскій гимнъ, призывающій къ борьбѣ и исполненный ненависти къ католическому духовенству. Зденко пришелъ слишкомъ поздно и слышалъ только послѣднія строфы:

„Изъ святаго золатаго кубка течетъ широкая волна крови; она оплодотворяетъ бесплодную землю; разцвѣтаетъ новый божественный градъ. Святые входятъ въ него въ бѣломъ чистомъ одѣяніи; міръ освободился отъ грѣховъ и сталъ Господнимъ вертоградомъ...“

Когда пѣніе кончилось, старикъ, называвшій себя Мракотиномъ, всталъ съ мѣста и взощель на возвышеніе, устроенное въ углубленіи залы, по сторонамъ котораго горѣли факелы.

— Воздѣньте руки къ небу, началъ проповѣдникъ, — и молитесь единому, нераздѣльному, вѣчному Богу! Онъ создалъ воду, огонь, землю и наполнилъ ее камнями, растеніями, звѣрами и людьми. Небесная разноцвѣтная радуга твореніе его рукъ. Мы всѣ его дѣти! Онъ послалъ многихъ пророковъ, чтобы указать намъ путь правды: Адама, Моисея, Иисуса... Его славу возвѣщали апостолы и мученики, пока опять не наступилъ мракъ на землѣ. Великій Гусъ разсѣялъ его и зажегъ неугасимый свѣтильникъ правды. Тѣло Гуса сожгли въ Костницѣ, пепель разсѣяли по вѣтру, но духъ его пребываетъ съ

нами и понижѣ. Созрѣли виноградныя лозы, не смотря на бурю и непогоду; время жатвы приближается. Отрекийтесь отъ папы, отъ вѣрованія въ чистилище и адъ! Зачѣмъ преклоняетесь вы передъ деревомъ и камнемъ! Предвѣчный Богъ не обитаетъ въ зданіяхъ, сооруженныхъ руками человѣческими. Никто кромѣ Бога не творилъ чудесъ на землѣ. Наши учрежденія не отъ него получили свое начало, а отъ сатаны. Неужели всеблагій Богъ могъ обречь большинство своихъ дѣтей на бѣдность и несчастье и предоставить немногимъ избраннымъ блага земныя? Неужели тысячи должны голодать, чтобы эти избранные могли покоиться на лонѣ Лота? Развѣ Господь указалъ намъ платить десятину католическому духовенству, или работать на дворянъ?.. Все это изобрѣтено сатаной. Братья и сестры, поднимитесь на борьбу съ нимъ! По свѣту раздастся первый глухой звукъ трубы вѣчнаго суда. Возстаньте, гуситы, спѣшите къ вашимъ знаменамъ! Достаточно поклонялись вы идоламъ и слушали бредни католическаго духовенства; хлѣбъ и вино должны быть общимъ достояніемъ. Блага земныя принадлежать всѣмъ, какъ солнечное сіяніе и свѣтъ! Не должно быть ни бѣдныхъ, ни богатыхъ! Вѣрующіе въ Бога всѣ равны; священное писаніе предписываетъ намъ, чтобы все было общее у людей. Тѣ, которые питаютъ братскую любовь къ своему ближнему, избавлены отъ козней сатаны и не слѣдуютъ обычаямъ язычниковъ. Они не предаются праздности, несправедливости и злобѣ, но созидаютъ своимъ единодушіемъ и братскою любовью царство Божіе, владычество котораго будетъ вѣчно до конца свѣта! Да будетъ миръ между вами и да соединитъ васъ братское лобзаніе. Идите рука объ руку по трудному жизненному пути. Чѣмъ сильнѣе возбудите вы противъ себя непріязнь католическаго духовенства и высокомернаго дворянства, тѣмъ пріятнѣе будете вы единому Богу и ангелы небесныя будутъ вашими ходатаями...

Глубокое молчаніе царило въ собраніи. Тускло просвѣчивалъ огонь сквозь сѣроватую массу дыма. Тяжело дышалось въ жарѣ среди расстроганной плачущей толпы. Изъ полумрака рѣзко выдѣлялся пророкъ въ своемъ бѣломъ плащѣ, освѣщенный факелами и какъ бы парящій въ облакѣ красноватаго дыма съ своими сѣдыми, развѣвающимися волосами и бородой. Его могучій торжественный голосъ, въ которомъ слышалась глубокая душевная тоска, неотразимо дѣйствовалъ на простодушныхъ слушателей, которымъ онъ казался какимъ-то высшимъ, сверхъестественнымъ существомъ изъ другаго міра.

— Господь да благословитъ васъ! продолжалъ Мракотинъ. — Не смущайтесь, если люди будутъ преслѣдовать васъ, бросать въ тюрьмы, или осуждать на каторжную работу. Потерпите нѣкоторое время. Величіе Божіе восторжествуетъ. Будьте вѣрны до смерти, и я обѣщаю вамъ вѣнецъ въ будущей жизни.

Волненіе все болѣе и болѣе овладѣвало слушателями и сообщилось даже самымъ холоднымъ и безучастнымъ изъ нихъ. Зденко съ

искреннимъ душевнымъ раскаяніемъ билъ себя въ грудь и говорилъ со слезами: „сжался надо мной грѣшникомъ, Боже милостивый!“

Въ это время со стороны поля раздался рѣзкій свистъ.

— Мы въ опасности! Намъ измѣнили... Отворяйте двери! гасите огонь! слышалось въ толпѣ.

— Враги еще далеко! сказалъ спокойнымъ голосомъ Мракотинъ, все еще имѣвшій власть надъ толпой.— Не теряйте присутствія духа, разсѣйтесь по полю. Ночныя тѣни покроютъ и охранять васъ, какъ крылья ангела!..

Общество вѣроятно послѣдовало бы благоразумному совѣту пророка и безъ шума удалилось изъ моельни, тѣмъ болѣе, что близость лѣса представляла всѣ шансы къ спасенію отъ преслѣдователей; но къ несчастію, кто-то изъ толпы замѣтилъ Зденко, котораго прежде не видали на собраніяхъ, и громко крикнулъ, указывая на него:

— Мы погибли! между нами измѣнникъ!..

Все перемѣнилось; страхъ заставилъ забыть всѣ другія соображенія; чувство самосохраненія пересилило любовь къ ближнему, которая за минуту передъ тѣмъ наполняла ихъ сердца. Каждый искалъ спасенія въ ущербъ брату. Преждевременное гашеніе факеловъ увеличивало общее смятеніе. Произошла давка, такъ какъ всѣ разомъ устремились къ выходу. Крики, жалобы, вопли ярости, наполнили домъ. Нѣсколько человѣкъ бросились къ Зденко, чтобы наказать его за измѣну, но темнота, гибельная для другихъ, послужила ему спасеніемъ. Толпа вынесла его съ собой изъ дверей на свободу. Буря бушевала на дворѣ съ прежней силой.

Со стороны Дубница виднѣлся огонь и слышенъ былъ лошадиный топотъ.—Это окружной начальникъ изъ Лейтмерица съ ландрейтерами. Онъ не пощадитъ вѣрующихся! сказалъ кто-то въ толпѣ. Это замѣчаніе еще болѣе усилило страхъ Зденко, такъ какъ ему грозила еще болѣшая опасность, нежели другимъ сектантамъ. При мысли попасть въ руки правосудія, онъ бросился стремглавъ со двора и съ безумной смѣлостью отчаянія перескочилъ черезъ ровъ. Всадники окружили его со всѣхъ сторонъ; онъ чувствовалъ себя въ положеніи звѣря, преслѣдуемаго охотниками.

— Боже милостивый, помоги мнѣ! молился онъ мысленно и, пользуясь темнотой, въ нѣсколько прыжковъ очутился на опушкѣ лѣса. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся.

Всадники разсѣялись по полю и ловили бѣжавшихъ сектантовъ. Нѣсколько человѣкъ вломились въ домъ.

Зденко опять пустился бѣжать среди непроницаемаго лѣснаго мрака.

ГЛАВА II.

Графъ Эрбахъ сидѣлъ за ужиномъ, не подозрѣвая, что его предостереженіе слишкомъ опоздало и не могло спасти отъ вѣрной гибели столькихъ ослѣпленныхъ и одураченныхъ людей, которые, вступая въ секту, не понимали сущности ея ученія, а увлекались одной внѣшностью.

Во время ужина патеръ Ротганъ подробно разсказалъ исторію Гедвиги. Графъ слушалъ его съ удвоеннымъ вниманіемъ, такъ какъ помимо интереса, который возбуждало въ немъ само событіе, онъ былъ глубоко тронутъ тѣмъ участіемъ, какое принимала его жена въ освобожденіи молодой дѣвушки.

— Въ первыхъ числахъ іюня, началъ свой разсказъ патеръ,— я узналъ случайно о пріѣздѣ графини Эрбахъ въ Прагу...

— Неужели графиня только въ іюнѣ пріѣхала въ Прагу? спросилъ графъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.— Она выѣхала изъ Версаля въ концѣ апрѣля.

— Дорогой съ ея сїятельствомъ сдѣлалась лихорадка, которая принудила ее провести нѣсколько недѣль въ Франкфуртѣ. Въ данную минуту графиня опять заболѣла и лежитъ въ постели. Она остановилась во дворцѣ князя Лобковича, хотя при томъ разладѣ, какой существуетъ между княземъ и вами, ей несовсѣмъ пріятно оставаться въ его домѣ.

— Я очень благодаренъ графинѣ за ея заботливость обо мнѣ.

— Но она считала неудобнымъ отказаться отъ любезнаго приглашенія князя, тѣмъ болѣе, что дворецъ находится въ тихомъ и уединенномъ мѣстѣ и въ близкомъ разстояніи отъ монастыря урсулинокъ, гдѣ находилась Гедвига... Что касается меня лично, то вамъ болѣе чѣмъ кому нибудь извѣстно, что привело меня въ Прагу. Вамъ, графъ, я обязанъ тѣмъ почетнымъ порученіемъ, которое было возложено на меня, добавилъ Ротганъ, вставая съ мѣста и отвѣсивъ низкій поклонъ графу.

— Не мнѣ, а императору, возразилъ хозяинъ дома, усаживая вновь патера въ кресло.

— Какъ вамъ извѣстно, ваше сїятельство, продолжалъ патеръ,— я не чувствовалъ себя несчастнымъ въ изгнаніи; можно вездѣ изучать природу, стоитъ только не пренебрегать мелочами. Но признаюсь откровенно, что я ожилъ душой, когда для меня открылась возможность болѣе широкой дѣятельности. Правительство поручило мнѣ составить новый каталогъ для библіотеки Клементинума въ Прагѣ. При уничтоженіи ордена іезуитовъ, библіотека сдѣлалась собственностью государства. Такія передачи имѣютъ всегда болѣе или менѣе дурныя послѣдствія: утрачено было много драгоцѣнныхъ книгъ, приходилось пополнять ихъ. По этому поводу мнѣ пришлось пересмо-

трѣть бібліотеку урсулинскаго монастыря, такъ какъ, по слухамъ, тамъ находились нѣкоторыя книги, принадлежавшія прежде Клементинуму. Мои поиски въ этомъ направленіи оказались напрасными; но съ другой стороны меня ожидалъ неожиданный успѣхъ: мнѣ удалось напасть на слѣдъ Гедвиги...

Здѣсь патеръ немного отступилъ отъ истины, такъ какъ задолго до его пріѣзда въ Прагу старая графиня Турмъ сообщила ему о непростительной ошибкѣ, сдѣланной солдатами при арестѣ бѣглецовъ въ Егерѣ, вслѣдствіе которой Гедвига была привезена въ монастырь вмѣсто Короны.

— Въ одномъ изъ дворовъ урсулинскаго монастыря я встрѣтилъ молодую дѣвушку, фигура которой показалась мнѣ знакомой, сказала патеръ.— Она также узнала меня и хотѣла подойти ко мнѣ, но появленіе какой-то монахини помѣшало нашему свиданію. Вслѣдъ затѣмъ я получилъ письмо отъ вашего сіятельства, разрѣшившее всѣ мои сомнѣнія, и отправился къ настоятельницѣ монастыря. У насъ было съ нею длинное объясненіе; но вѣроятно всѣ мои доводы оказались бы напрасными, если бы въ письмѣ не было упомянуто одно имя, которое произвело магическое дѣйствіе...

— Еще бы! сказала графъ.— Если бы императоръ дѣйствительно желалъ этого, то я убѣжденъ, что онъ рано или поздно сломилъ бы упорство нашего духовенства. Для будущей Австріи нужна новая церковь, на иныхъ началахъ. Не догматы, а нравственность возвышаетъ христіанство надъ всѣми другими религіями, и въ этомъ заключается его міровое и вѣчное значеніе.

Графъ остановился, изъ боязни задѣтъ патера смѣлостью своихъ взглядовъ и добавилъ уклончиво:— Впрочемъ, всѣ эти вопросы тѣсно связаны съ ходомъ развитія человѣческой культуры и мы не можемъ предвидѣть ихъ окончательнаго разрѣшенія... Лучше расскажите мнѣ, какъ вы справились съ настоятельницей?

— Не такъ легко, какъ предполагаетъ ваше сіятельство. Настоятельница не видѣла никакого зла въ заточеніи Гедвиги, тѣмъ болѣе, что монахини были неучастны въ этомъ.

Имъ дали знать заранѣе о прибытіи Короны, что вовсе не удивило ихъ. Графиня Турмъ имѣла полное право отправить свою внучку въ монастырь, гдѣ послѣдняя провела нѣсколько лѣтъ въ качествѣ ученицы и пенсіонерки. При этомъ монастырь урсулинокъ въ Прагѣ считается лучшимъ убѣжищемъ для легкомысленныхъ фрейлейнъ изъ высшаго дворянства. Но монахини дѣйствительно были поставлены въ затруднительное положеніе, когда, подъ именемъ Короны Турмъ, къ нимъ привезли совершенно незнакомую дѣвушку, которая на всѣ вопросы отвѣчала упорнымъ молчаніемъ, чтобы выиграть время и обезпечить бѣгство молодой графини.

— Мужественное, великодушное существо! проговорилъ съ восхищеніемъ графъ Эрбахъ.

— Я виолнѣ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, отвѣчалъ патерь.— Но это упорство въ значительной мѣрѣ способствовало ожесточенію настоятельницы и ухудшило положеніе Гедвиги. Запутанное приключеніе понемногу выяснилось, но у монахинь было много причинъ, побуждавшихъ ихъ хранить тайну и удержать Гедвигу въ монастырѣ. Одной изъ нихъ было тщеславное желаніе обратить въ католическую вѣру ревностную лютеранку. Мнѣ оставалось два пути: или прибѣгнуть къ помощи свѣтской власти, или же дѣйствовать на настоятельницу посредствомъ убѣжденія и упросить ее добровольно отпустить несчастную дѣвушку. Я выбралъ послѣднее, изъ боязни, чтобы не вздумали отправить Гедвигу въ какой нибудь отдаленный монастырь, гдѣ бы она пропала безслѣдно. Въ Австріи власть духовенства еще долго будетъ брать верхъ надъ гражданскими законами. Но прежде чѣмъ думать объ освобожденіи Гедвиги, я долженъ былъ позаботиться объ ея нравственномъ успокоеніи послѣ всѣхъ мученій, вынесенныхъ ею въ монастырѣ. Я расскажу вамъ о нихъ въ короткихъ словахъ. Нѣкоторое время ее оставили въ полной неизвѣстности и лишили всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Затѣмъ, видя, что она осталась непоколебима въ своей вѣрѣ, рѣшили дѣйствовать на нее иными мѣрами и объявили ей неожиданно о смерти отца.

— Бѣдная дѣвушка! сказалъ графъ.

— Положеніе ея было тѣмъ затруднительнѣе, что она, не имѣя никакихъ извѣстій о васъ и фрейлейнѣ Коронѣ, имѣла полное основаніе думать, что вы оба бросили ее на произволь судьбы. Ею овладѣло тяжелое чувство одиночества и тоски по дому, которое доводило ее до полнаго отчаянія. Такое настроеніе духа радовало монахинь, которыя видѣли въ этомъ небесное знаменіе,— что Господу угодно спасти душу молодой лютеранки отъ временной и вѣчной гибели. Онѣ украсили ея келью изображеніями святыхъ, розовыми вѣнками и Agnus Dei, щедро снабдили молитвенниками и церковными книгами. Но вообще съ Гедвигой обходились кротко и дружелюбно, и когда она заявила свое желаніе быть полезной монастырю, настоятельница, послѣ предварительнаго испытанія, дозволила ей обучать руководѣлію монастырскихъ ученицъ. Хотя эта дѣятельность была очень незначительна, но она оказалась спасительной для Гедвиги, такъ какъ теперь у ней стало менѣе свободнаго времени для мрачныхъ размышленій и бесѣдъ съ монахинями, которыя надѣлали ей своими поучительными разказами и попытками обращенія въ католичество... Неизвѣстно, долго ли бы молодая дѣвушка выдержала такую жизнь и чѣмъ кончился бы составленный ею планъ бѣгства, но во всякомъ случаѣ ее нельзя было долѣе оставлять въ этомъ положеніи. Прежде всего я употребилъ всѣ усилія, чтобы добиться свиданія съ нею. Увѣренность, что ея самоотверженіе спасло графиню Турмъ отъ преслѣдованій и что вы и императоръ поручили мнѣ хлопотать объ ея освобожденіи благодѣтельно подѣйствовала на ея настроеніе духа. Послѣ

этого мы видѣлись нѣсколько разъ. При своей разсудительности, она признавала необходимость медленнаго способа дѣйствій, чтобы не раздражить тѣхъ, въ чьей власти она еще находилась. Но прїѣздъ графини Ренаты побудилъ меня перейти изъ выжидательнаго положенія къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ.

Графъ Эрбахъ бросилъ полѣно въ каминъ и, наклонившись впередъ, смотрѣлъ на вспыхнувшее пламя полу-закрытыми глазами.

— Какъ легко и мило умѣетъ умная женщина распутать нити и отклонить трудности, передъ которыми остановится каждый изъ насъ, продолжалъ патерь.— Въ данномъ случаѣ я вполне оцѣнилъ рѣдкій умъ, образованіе и безконечную доброту графини Ренаты. Она можетъ всякаго очаровать своей любезностью; одного ея слова достаточно, чтобы заставить людей идти въ огонь и воду... Простите меня, ваше сіятельство; я вполне сознаю, что не имѣю никакого права восхвалять достоинства такой высокопоставленной женщины, а особенно вамъ, графъ; но я не могу забыть того ласковаго пріема, которымъ удостоила меня графиня... Однако перехожу къ фактамъ. Ея сіятельство хотѣла тотчасъ-же отправиться въ монастырь и вытребовать Гедвигу. Но, принимая во вниманіе болѣзненное состояніе графини, я совѣтовалъ ей успокоится и отдохнуть съ дороги, изъ боязни, что волненіе можетъ вредно подѣйствовать на ея здоровье. вмѣстѣ съ тѣмъ я хотѣлъ предварительно переговорить съ Гедвигой, такъ какъ замѣтилъ, что она несовсѣмъ дружелюбно относится къ своей прежней госпожѣ.

— Не извѣстно ли вамъ, что послужило поводомъ къ этому нерасположенію? спросилъ графъ.

— Я объясняю его религіозными предразсудками. При ихъ кратковременной совмѣстной жизни въ замкѣ, Гедвига видѣла, съ какою возможностью госпожа ея исполняла осѣ обряды католической церкви, и какъ лютеранка съ недовѣріемъ отнеслась къ такому благочестію, которое казалось ей ханжествомъ. Къ этому, вѣроятно, примѣшалась также значительная разница въ характерахъ. Но во всякомъ случаѣ Гедвига съ первыхъ же словъ объявила, что не имѣетъ никакого желанія жить съ графиней Ренатой и предпочитаетъ остаться въ монастырѣ, такъ что мнѣ стоило большого труда разубѣдить ее. Что касается настоятельницы, то я прямо пригрозилъ ей отвѣтственности передъ правосудіемъ, если она будетъ сопротивляться требованію графини и не возвратитъ ей служанки, неправильно задержанной въ монастырѣ. Въ заключеніе, я намекнулъ на благодарность графини и ея родныхъ и обѣщалъ отъ имени вашего сіятельства, что вы щедро вознаградите бѣдныхъ урсулинокъ за ихъ заботливость о Гедвигѣ...

— Bravo, многоуважаемый патерь, замѣтилъ со смѣхомъ графъ;— я не ожидалъ отъ васъ такихъ дипломатическихъ способностей, въ особенности съ женщинами, и мнѣ остается только удивляться вашему искусству. Однако простите, что я прервалъ васъ и продолжайте

свой разсказъ. Хотя мнѣ лично не приходилось имѣть дѣла съ католическими монахинями, но я столько слышалъ объ ихъ фанатизмѣ и упорствѣ, что ничѣмъ инымъ не могу объяснить ихъ уступчивость, какъ только вашимъ необычайнымъ краснорѣчіемъ.

— Очень благодаренъ вамъ, графъ, за лестное мнѣніе о моей особѣ, возразилъ патерь, — но я долженъ добавить, что мнѣ только отчасти удалось убѣдить настоятельницу, потому что вслѣдъ затѣмъ у ней явились сомнѣнія — можетъ ли она возвратить заблужденіямъ свѣта спасенную душу и не согрѣшитъ ли она передъ Господомъ. Но, къ счастью, графиня Рената избавила меня отъ новыхъ объясненій и успокоила ея совѣсть. Съ самаго начала появленія въ монастырѣ, графиня такъ очаровала всѣхъ своею любезностью, добротой и ласковымъ обхожденіемъ, что настоятельница почти безпрекословно согласилась отпустить Гедвигу. Такимъ образомъ, событіе, которое, по моему мнѣнію, должно было послужить поводомъ къ ссорѣ и взаимному раздраженію, получило характеръ трогательнаго и нѣжнаго прощанія. Монахини торжественно проводили Гедвигу, щедро наградивъ ее слезами, поцѣлуями и объятіями, такъ что молодая дѣвушка послѣ того нѣсколько разъ добровольно навѣщала ихъ...

— Отъ души благодарю васъ за ваши хлопоты, многоуважаемый патерь, сказалъ графъ, пожимая ему руку. — Я также весьма обязанъ графинѣ за ея содѣйствіе, и тѣмъ болѣе цѣню это, что Гедвига никогда не нравилась ей, потому что она не нашла въ дочери Рехбергера того подобоострастія, къ которому приучила ее чешская прислуга. Что касается меня лично, то я поставленъ въ исключительныя условія относительно этой молодой дѣвушки. Отецъ ея погибъ на моей службѣ; она сама была заключена въ монастырь, въ лучшую пору своей жизни и, быть можетъ, навсегда утратила беззаботную веселость молодости. Я никогда не видалъ въ ней прежде такого грустнаго выраженія лица, какое у ней было сегодня, когда она вышла изъ кареты, чтобы поздороваться со мной. Если бы здѣсь былъ Фрицъ Бухгольцъ, то онъ, быть можетъ, помогъ бы мнѣ развлечь ее. Онъ хотѣлъ объясниться съ ней во время путешествія, но это не удалось ему; теперь онъ въ Ломбардіи, и я не знаю, найдетъ ли его имя отголосокъ въ ея сердцѣ.

— Я не имѣю права выражать свое мнѣніе въ любовныхъ дѣлахъ, сказалъ патерь; — но мнѣ кажется, что вы, графъ, придаете слишкомъ много значенія тревожному состоянію дѣвушки. Она слишкомъ молода, чтобы долго предаваться печальнымъ размышленіямъ, когда нѣтъ прямого повода къ нимъ, а тѣмъ болѣе среди знакомой обстановки. Въ виду этого я посоветовалъ графинѣ послать ее сюда; свѣжій воздухъ и деревенская тишина благотвительно подѣйствуютъ на нее.

— Я желаю этого отъ всего сердца; она вынесла столько горя изъ-за меня, что я считаю себя ея должникомъ на всю жизнь.

— Теперь, когда разговоръ нашъ принялъ такой оборотъ, не по-

зволить ли мнѣ ваше сіятельство сказать нѣсколько словъ о другой, болѣе близкой вамъ, особѣ? спросилъ Ротганъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Говорите, пожалуйста.

— Это касается супруги вашего сіятельства.

— Надѣюсь, что съ нею не случилось ничего дурнаго? спросилъ графъ Эрбахъ, пристально взглянувъ на своего собесѣдника.

— Здоровье графини Ренаты сильно потрясено; но, по моимъ наблюденіямъ, причина болѣзни заключается въ ненормальномъ душевномъ состояніи. Перемѣна мѣста и счастливая жизнь скорѣе всего успокоятъ ея нервы... Однако, прошу извиненія, графъ: я увлекаюсь своими медицинскими соображеніями...

Графъ Эрбахъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Я просилъ бы васъ окончить то, что вы намѣрены были сообщить мнѣ! сказалъ онъ.

— Ваше сіятельство вѣроятно пойметъ причину моего смущенія... Если я рѣшаюсь говорить, то потому только, что разсчитываю на ваше снисхожденіе, графъ, и отсутствіе предразсудковъ. Хотя со времени уничтоженія нашего ордена я долженъ былъ привыкнуть къ объективной точкѣ зрѣнія, но тѣмъ не менѣе я остался. въ глазахъ свѣта, католическимъ священникомъ. По странному совпаденію случайностей, судьба приводитъ меня въ столкновеніе съ супружествомъ, гдѣ католичка замужемъ за протестантомъ. При этомъ условіи, мое посредничество между двумя супругами, хотя бы ради самой честной цѣли, можетъ показаться крайне двусмысленнымъ.

— Только не мнѣ! Я всегда считалъ васъ умнымъ человѣкомъ и почтеннымъ ученымъ. Поэтому вы можете смѣло высказать мнѣ все, что находите нужнымъ.

— Извѣстіе, которое я долженъ сообщить вамъ, настолько поразительно, что оно покажется совершенно невѣроятнымъ вашему сіятельству... На-дняхъ графиня объявила мнѣ о своемъ твердомъ намѣреніи поступить въ монастырь.

— Рената хочетъ поступить въ монастырь! воскликнулъ графъ Эрбахъ взволнованнымъ голосомъ, ударивъ ногой объ уголъ камина. А вы, патеръ, что сказали ей на это?

— Я привелъ всевозможные доводы, чтобы остановить ее отъ этого безумнаго шага, такъ какъ, по моему глубокому убѣжденію, мы обязаны служить Богу, живя въ свѣтѣ, а не за монастырскими стѣнами. Для мужчины въ монастырь существуетъ еще исходъ въ научныхъ занятіяхъ, но если вы лишите женщину всякой возможности выразить свое благочестіе дѣлами благотворительности, то она осуждена на полную праздность и рано или поздно будетъ неизбежно тяготиться бесплодностью своего существованія.

— Что отвѣтила вамъ Рената?

— Мысль поступить въ монастырь особенно овладѣла графиней

во время ея болѣзни. Освобожденіе Гедвиги кажется ей вопіющимъ преступленіемъ; она убѣждена, что на ней лежитъ обязанность замѣнить невѣсту, похищенную у неба. Подобныя мечты конечно разсѣялись бы безслѣдно, если бы физическія страданія, горе и недовольство жизнью постоянно не возобновляли ихъ. Тамъ, гдѣ говоритъ страсть, доводы разсудка безсильны...

— Я не былъ счастливъ въ супружествѣ, сказалъ графъ Эрбахъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ.—Но имѣла ли она достаточный поводъ, чтобы покинуть мой домъ, это извѣстно только ей и Богу, потому что въ то время я ничѣмъ не провинился вередъ нею...

— Я не слыхалъ отъ графини ни единой жалобы противъ васъ.

— Она всегда была склонна къ мечтательности! продолжалъ графъ.—Мы соединились съ нею по любви, но вмѣсто того, чтобы наслаждаться жизнью, она занималась исполненіемъ разныхъ обрядовъ и чтеніемъ сочиненій св. Терезіи... Вотъ послѣдствія ея религіознаго увлеченія!... Неужели она рѣшится поступить въ монастырь, несмотря на красоту и молодость... Нѣтъ, это невозможно!.. Вы должны отговорить ее!

— Невозможно, пока она не получила формальнаго развода съ вами.

— Кто хлопочетъ о разводѣ? Я никогда не выражалъ подобнаго желанія.

— Какъ я могъ замѣтить, сказалъ патерь съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—графиня, повидимому, убѣждена, что расторженіе брака будетъ пріятно вашему сіятельству.

— Вы скрываете отъ меня какую-то тайну, патерь Ротганъ! Если эта несчастная исторія должна кончиться такъ или иначе, то во всякомъ случаѣ здѣсь необходима полная откровенность.

— Ваше сіятельство, я не повѣренный графини, и нахожу неудобнымъ дѣлать какіе либо выводы изъ отрывочныхъ фразъ, но не скрою отъ васъ, что графиня считаетъ себя помѣхой вашему счастью.

Эрбахъ на минуту закрылъ себѣ лицо обѣими руками, чтобы патерь не могъ замѣтить румянца, выступившаго на его щекахъ. Онъ вспомнилъ о Коронѣ. Въ эту минуту, быть можетъ, она ушивается поклоненіемъ толпы въ блестящей, ярко-освѣщенной залѣ. Зачѣмъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не объяснился съ нею и уѣхалъ изъ Парижа, хотя воспоминаніе о ней неотступно преслѣдуетъ его. Тогда онъ сказалъ себѣ:—задача твоя окончена; она избавлена отъ нужды и опасности; у ней есть пріемный отецъ, который поддержитъ ее въ трудныя минуты жязни. Помни, что ты не кара ей по годамъ, и не составишь ея счастья; имѣй мужество отрѣшиться отъ юношескихъ мечтаній. Неужели безумная любовь къ красивой талантливой дѣвочкѣ настолько ослѣпила тебя, что ты будешь сидѣть безъ дѣла въ Парижѣ и забудешь свои обязанности относительно дочери Рехбергера, свои планы о благосостояніи крестьянъ, помощь, которую ты обѣщалъ императору?..

Съ этими мыслями вернулся онъ въ Австрію. Но зачѣмъ станеть онъ лгать передъ самимъ собой? Разставаясь съ Короной, онъ еще не окончательно отрѣшился отъ любви къ ней. Въ глубинѣ его сердца оставалась надежда, что онъ снова увидится съ нею. Мысль о Ренатѣ не приходила ему тогда въ голову. Но теперь образъ ея опять скользнулъ между нимъ и Короной; всѣ его мечты о лучшей будущности должны были разсѣяться какъ дымъ. Гдѣ найти исходъ изъ противоположныхъ ощущеній, наполнявшихъ его душу?

Хотя Ротганъ, повидимому, не смотрѣлъ въ его сторону, но ему казалось, что пытливые глаза патера устремлены на него и что онъ находится въ положеніи обвиненнаго.

Онъ всталъ съ мѣста и поднялъ занавѣсъ окна.

Передъ нимъ поднималось массивное зданіе новой башни и бросало гигантскую тѣнь на дворъ, освѣщенный луной. Вѣтеръ бушевалъ въ саду, наклоняя верхушки деревьевъ, съ свистомъ и воемъ проносился надъ трубами и фронтонами замка. Въ угловомъ окнѣ нижняго этажа башни видѣлся ровный свѣтъ лампы.

— Бланшаръ все еще сидитъ за работой, сказалъ графъ, обращаясь къ патеру. — Завтра я познакомлю васъ съ нимъ; онъ также, какъ и вы, занимается естественными науками.

— Я много слышалъ объ его учености и смѣлыхъ попыткахъ... Это напоминаетъ мнѣ, что я не долженъ долѣе утруждать ваше сіятельство своимъ присутствіемъ, и поэтому прошу позволенія удалиться.

— Надѣюсь, вы не оставите меня при той мучительной неизвѣстности, въ какой и нахожусь теперь! сказалъ графъ. — Неужели нѣтъ никакой возможности отклонить графиню отъ ея рѣшенія?

— Графиня находится подъ вліяніемъ глубокаго и сильнаго чувства, а при этомъ условіи всѣ убѣжденія напрасны. Ея рѣшимости поступить въ монастырь, вѣроятно, немало способствуютъ внѣшнія впечатлѣнія. Въ Прагѣ одинъ видъ мрачнаго величественнаго города можетъ наполнить ея воображеніе печальными картинами и навести на мысль о бренности всего земнаго. Тяжесть горя и тайны...

— Какой тайны? спросилъ съ живостью графъ Эрбахъ.

— Графиня разъ едва не призналась мнѣ въ ней.

— Вамъ?

— Но мнѣ удалось во-время прекратить этотъ разговоръ. Роль посредника въ счастливомъ супружествѣ кажется мнѣ крайне затруднительной, а тѣмъ болѣе...

— Въ несчастномъ, хотите вы сказать, добавилъ графъ.

— Я не считаю ваше супружество настолько несчастнымъ, чтобы сомнѣваться въ благодѣтельной перемѣнѣ.

— Вы убѣждены въ этомъ?

— Порядочные люди очень часто расходятся не вслѣдствіе виновности котораго либо изъ супруговъ, а по недоразумѣнію, такъ что примиреніе всегда возможно для нихъ.

Эрбахъ провелъ рукою по лбу; хорошенькое личико Короны еще разъ предстало передъ нимъ, но дорогой образъ, вставшій въ его памяти, становился все блѣднѣе и мало по-малу совершенно исчезъ.—Ты пережилъ пору беззаботной молодости, сказалъ онъ себѣ;—разсудокъ долженъ вступить въ свои права! Тебя призываетъ долгъ; покорись ему...

— Я напишу графинѣ сегодня ночью, отвѣтилъ онъ, положивъ руку на плечо патеру.—Каковъ бы ни былъ исходъ этой несчастной исторіи, но во всякомъ случаѣ отношенія наши должны окончательно выясниться...

— Могу я передать графинѣ пашъ разговоръ? спросилъ, патерь.

— Какъ хотите! Мы возобновимъ его при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, возразилъ графъ взволнованнымъ голосомъ.—Однако, не смѣю долѣе задерживать васъ... Покойной ночи!

Ротганъ вышелъ изъ комнаты. Но на лицѣ его не видно было улыбки торжества, хотя онъ одержалъ полную побѣду и незамѣтно, шагъ за шагомъ, убѣдилъ графа въ необходимости сближенія съ Речатой.

Г Л А В А Ш.

Наступило безпокойное время для Таннбурга и его окрестностей. По полямъ, лѣсамъ, горнымъ тропинкамъ и деревнямъ рыскали солдаты и отыскивали бѣглыхъ еретиковъ. Капитанъ, командовавшій отрядомъ, согласно приказу, полученному изъ Праги, всего болѣе хлопоталъ о поимкѣ Мракотина. Тѣ изъ виновныхъ, которые выкажутъ раскаяніе, должны были быть подвергнуты тѣлесному наказанію и отданы подъ надзоръ мѣстнаго священника; болѣе упорныхъ слѣдовало записывать въ солдаты и употреблять на работы при мощеніи улицъ. Когда начальникъ отряда явился въ замокъ съ представителями правосудія, то графъ Эрбахъ выразилъ желаніе присутствовать при допросѣ своей прислуги и сообщилъ все, что было ему извѣстно объ ученіи деистовъ, какъ названы были еретики въ бумагахъ оберъ-бургграфа. При этомъ онъ счелъ нужнымъ замѣтить, что находить назначенную кару слишкомъ тяжелой для бѣдныхъ одураченныхъ людей, не понимавшихъ значенія своего проступка.

Изъ допроса прислуги нельзя было вывести заключенія, чтобы кто нибудь изъ нихъ бывалъ на тайныхъ сборищахъ въ охотничьемъ домѣ, или зналъ что либо о мѣстопребываніи проповѣдника. При этомъ графъ заявилъ, что если у властей имѣются какія либо сомнѣнія относительно его саксонскихъ рабочихъ, то онъ беретъ ихъ подъ свою отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что башня его окончена, и онъ думаетъ отпустить ихъ черезъ нѣсколько дней на родину.

Переговоры съ священникомъ доставили гораздо больше хлопотъ начальнику отряда. Григорій Гасликъ такъ растерялся при видѣ его, что сначала давалъ самые сбивчивые отвѣты. Онъ не могъ простить себѣ, что допустилъ подобное идолопоклонство чуть ли не на своихъ глазахъ, и немного пришелъ въ себя, когда услышалъ, что между захваченными не оказалось никого изъ Таннбурга. Трудно было рѣшить, дѣйствительно ли никто изъ его прихожанъ не присутствовалъ на сборищѣ, или они были только счастливые своихъ товарищей и спаслись въ лѣсу, куда за ними не могли послѣдовать всадники.

— Вы видите, сказалъ по этому поводу Гасликъ хвастливымъ тономъ, — ересь не перешла далѣе этого лѣса! Я знаю свою паству, потому что воспиталъ ее въ страхѣ Господнемъ и въ вѣрѣ въ Матерь Божію и всѣхъ святыхъ. Со стороны начальства было бы бесполезною жестокостью преслѣдовать или наказывать этихъ благочестивыхъ агнецевъ. Я ручаюсь за ихъ невинность!

Тѣмъ не менѣе, у Григорія Гаслика снова замерло сердце отъ страха, когда, согласно полученному приказу, начался обыскъ во всѣхъ деревенскихъ домахъ. Священникъ былъ убѣжденъ, что Зденко знаетъ всѣ тайны ереси и мѣсто, гдѣ скрывается проповѣдникъ; онъ съ безпокойствомъ думалъ о томъ, что простодушный крестьянинъ можетъ выдать себя передъ сыщиками. Эта забота лежала горой на спинѣ Гаслика. Кто могъ предвидѣть, какой оборотъ приметъ дѣло и къ какимъ открытіямъ оно можетъ привести, если Зденко попадетъ въ руки правосудія...

Въ прежнія времена ряса священника была неприкосновенна для свѣтскихъ людей, и такой человекъ, какъ Зденко, напрасно извергалъ бы свою злобу противъ духовной особы. Но теперь это время прошло безвозвратно. Развѣ императоръ не объявилъ публично, что онъ запретъ въ тюрьму любаго изъ епископовъ, если онъ не будетъ повиноваться законамъ? А что значить приходскій священникъ въ сравненіи съ епископомъ?..

Однако, страхъ Гаслика оказался напраснымъ. Черезъ сутки, которыя показались ему цѣлою вѣчностью, начальникъ отряда уѣхалъ со своими солдатами и судейскими чиновниками, оставивъ въ Дубницѣ вахмистра съ четырьмя ландрейтерами для поимки Мраготина.

Людмила тотчасъ же сообщила эту вѣсть своему господину, вбѣжавъ въ комнату съ громкимъ крикомъ: — Они уѣхали, ваше преподобіе! Я видѣла это собственными глазами!..

Гасликъ, не помня себя отъ радости, поднялъ обѣ руки къ небу. — Я далъ обѣтъ поставить двѣ свѣчи Венцелю и три Непомуку и завтра же исполню это! сказалъ онъ. — Какое счастье, что въ нашемъ приходѣ не нашлось ни одного деиста!.. Сдѣлай одолженіе, Людмила, пойди въ домъ Зденко и прикажи ему немедленно явиться ко мнѣ. Сорная трава должна быть вырвана съ корнемъ и уничтожена серпомъ или огнемъ!

Служанка въ точности исполнила возложенное на нее порученіе; но Зденко имѣлъ много поводовъ избѣгать бесѣды съ священникомъ; онъ отказался наотрѣвъ идти къ нему и объявилъ, что боленъ и ложится въ постели.

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу его преподобіе прійти къ вамъ на домъ со св. дарами! возразила Людмила. — У васъ дѣйствительно больной видъ; каждый изъ насъ можетъ ежеминутно ожидать смерти.

Слова эти по дѣйствовали на суетвѣрнаго крестьянина; онъ отвѣтилъ угрюмо, что сейчасъ придетъ, и ушелъ въ садъ подъ яблоню, гдѣ у него, по слухамъ, былъ скрытъ кладъ.

Недаромъ гласитъ старинная поговорка, что „нужда и безпокойство—навязчивые гости, и если они поселятся въ домѣ, такъ ихъ не скоро выживешь“.

Такъ случилось и съ Гасликомъ. Едва прошла одна тревога, какъ онъ испыталъ другую. Въмѣсто Зденко, котораго онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, въ его комнату вошелъ писарь Венцель Свобода съ низкими поклонами и извиненіемъ, что мѣшаетъ глубокомысленнымъ размышленіямъ г-на священника.

На лицѣ Гаслика выразилась такая досада, что гость не могъ сомнѣваться въ томъ, что явился не во-время; но это обстоятельство, повидимому, вовсе не смутило его.

— Давно я не имѣлъ чести видѣть васъ, г. Венцель, пробормоталъ хозяинъ дома, стараясь скрыть свое замѣшательство. — Милости просимъ садиться. Людмила, подай бутылочку токайскаго. Не набить ли вамъ трубочку табаку?

— Нѣтъ, благодарю васъ! но не откажусь выпить стаканчикъ вина. Это всего лучше согрѣваетъ желудокъ при холодной осенней погодѣ. Приходится дорожить каждой минутой, такъ какъ у меня дѣла по-горло. А тутъ еще эти безпорядки, отъ которыхъ голова идетъ кругомъ! Вѣрный подданный и католикъ не можетъ сдѣлать шагу, чтобы не встрѣтиться со всякаго рода плутами и негодяями, которыхъ величаютъ громкимъ названіемъ деистовъ. Во что превратилась теперь наша бѣдная Богемія! Господь да сжалится надъ нею. А откуда все зло? Если голова больна, то страдаетъ все тѣло. Какойнибудь безумецъ въ родѣ графа...

— Г. Венцель, я не хочу больше слышать объ этомъ и закрываю уши! воскликнулъ съ испугомъ священникъ.

— Кто могъ ожидать, что и вы измѣните намъ! замѣтилъ ядовито писать.

— Если бы вы были на моемъ мѣстѣ, то поневолѣ сдѣлались бы осторожнѣе. Мнѣ довольно возни съ глупымъ закоснѣлымъ народомъ, и я не имѣю никакого желанія вмѣшиваться въ дѣла господь.

— Недавно у васъ былъ совершенно иной образъ мыслей! Если бы графиня могла предполагать, что вы отступитесь отъ дѣла святой церкви, то она вѣроятно не написала бы вамъ этого письма, доба-

вилъ писарь, вынимая изъ кармана своего сюртука красиво сложенный пакетъ, запечатанный гербовой печатью графовъ Турмъ.

Въ былыя времена подобная почеть привела бы въ полный восторгъ честолюбиваго священника, но теперь онъ отнесся къ ней съ безпокойствомъ и боязнью и посмотрѣлъ на письмо съ такимъ нерѣшительнымъ видомъ, какъ будто обдумывалъ: взять ли его, или нѣтъ?

Домашній секретарь графини Турмъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ лицѣ своей госпожи и воскликнулъ съ гнѣвомъ:—Это что значить? Развѣ такъ принимаютъ письмо высокопоставленной особы! Чего вы испугались? Вамъ хотять оказать небывалую честь...

— Очень благодаренъ! То же самое говорено было мнѣ годъ тому назадъ, во время исторіи съ молодой графиней. Меня увѣряли, что душа ея въ опасности, что ее нужно спасать отъ еретика!.. Чѣмъ же это кончилось? графиня въ Парижѣ, и никто не можетъ сомнѣваться въ ея гибели!

— Какъ осмѣливаетесь вы говорить подобныя вещи о графскомъ семействѣ?

— Я говорю правду. Вспомните нашу бесѣду въ этой самой комнатѣ. Мнѣ обѣщанъ былъ приходъ въ городъ, а графа Эрбаха должны были, по вашимъ словамъ, засадить въ крѣпость, между тѣмъ какъ онъ и теперь спокойно проживаетъ въ своемъ замкѣ и веселится съ друзьями.

— Вы забываете, ваше преподобіе, замѣтилъ съ усмѣшкой писарь,—что мы съ вами не послѣдній вечеръ живемъ на свѣтѣ и что въ Австріи найдутся тюрьмы и для такихъ господъ.

— А для насъ съ вами и подавно! возразилъ Гасликъ. — Графъ не забылъ смерти Рехбергера.

— Развѣ я застрѣлилъ его? сказалъ писарь, бросивъ злобный взглядъ на своего собесѣдника.—Всѣмъ извѣстно, что онъ былъ убитъ въ лѣсу за сопротивленіе властямъ. Солдаты должны были доставить его въ Прагу живаго или мертваго. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о преднамѣренномъ убійствѣ.

Говоря это, писарь поблѣднѣлъ и робко оглянулся, такъ какъ услышалъ за собой скрипъ двери.

Вошелъ Зденко.

— Apage Satanas! вскрикнулъ священникъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.—Св. Марія и Іосифъ, помогите намъ!.. Что ему нужно?..

Зденко стоялъ неподвижно и вертѣлъ шляпу въ рукахъ, поглядывая съ недоумѣніемъ на испуганныхъ собесѣдниковъ.

— Что ты, съ ума сошелъ? крикнулъ священникъ, приходя въ себя и обращаясь къ крестьянину.—Развѣ врываются такимъ образомъ въ домъ къ порядочнымъ людямъ?.. Нѣтъ, г-нъ Венцель, я умываю руки... Меня уже не проведутъ во второй разъ!..

— Возмите по крайней мѣрѣ письмо, настаивалъ писарь, который все болѣе и болѣе ощущалъ страхъ и спѣшилъ выполнить порученіе

старой графини, чтобы имѣть возможность удалиться.—Ея сіятельство приглашаетъ васъ къ себѣ въ гости; вы увидите блестящее собраніе... Будутъ обсуждать важное дѣло, *Secreta imperii*... Князь Лобковичъ также обѣщаль быть на этомъ вечерѣ...

— Ну, давайте письмо, воскликнулъ съ нетерпѣніемъ Гасликъ, чтобы отдѣлаться отъ назойливаго посѣтителя, и вырвавъ пакетъ изъ его рукъ, бросилъ его на столъ.

— Честь имѣю кланяться! проговорилъ послѣшно Свобода, и не оглядываясь проскользнулъ въ дверь за спиной крестьянина.

— Онъ дѣлаетъ видъ, что не узналъ меня, замѣтилъ угрюмо Зденко, подходя къ столу.

Гасликъ многозначительно кашлянулъ, и быстро подоидя къ двери, заперъ ее на ключъ, чтобы отнять у Зденко возможность обратиться въ бѣгство отъ его назидательной рѣчи.

Заложивъ руки за спину, онъ остановился передъ крестьяниномъ и молча, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ, сказалъ:

— Писарь Свобода не хотѣлъ узнать тебя, несчастный! Кто прикасается къ смолѣ, тотъ пачкаетъ себѣ руки, а всякій еретикъ, другъ чародѣевъ и колдуновъ, хуже смолы! Всѣ сторонятся отъ него...

— Что вамъ нужно отъ меня? спросилъ съ бѣшенствомъ Зденко.
— Говорите скорѣе!

— Изволь! я тебѣ скажу коротко и ясно, что ты напрасно воображаешь, будто никто не знаетъ твоихъ козней! Я прямо говорю тебѣ, что ты былъ на проклятомъ еретическомъ собраніи въ домѣ привидѣній и тебѣ извѣстно, гдѣ скрывается колдунъ и лжеучитель!

Зденко выронилъ шляпу изъ рукъ и сказалъ дерзкимъ тономъ:

— Значитъ, ваше преподобіе знаетъ объ этомъ дѣлѣ больше, нежели судейскіе чиновники!

— Всѣ они ослы! воскликнулъ Гасликъ въ порывѣ увлеченія. — Если бы у нихъ было побольше ума, то они изловили бы всю нечестивую шайку въ одну ночь и не безпокоили бы потомъ честныхъ людей своими допросами и обысками!..

— Они были и на моемъ дворѣ...

— Что-же изъ этого! но ты не заставишь меня считать черное бѣлымъ... Тѣмъ не менѣе я отъ души жалѣю тебя! продолжалъ Гасликъ растроганнымъ голосомъ. — Ты погибъ безвозвратно! Теперь, сколько бы ты ни молился, святые не услышатъ тебя.

Зденко съ смущеніемъ смотрѣлъ въ лицо священнику и какъ будто не совсѣмъ понималъ его.

— Что ты, насмѣхаешься надо мной? крикнулъ на него Гасликъ, который, вообще не отличался кротостью.—Уставился на меня какъ быкъ, надъ которымъ поднять топоры! погоди, пытка развяжетъ тебѣ языкъ. Развѣ ты не видѣлъ висѣлицы въ Лейтмерицѣ? Или ты воображаешь, что нѣтъ такой крѣпкой веревки, чтобы повѣсить тебя?

— Я нисколько не боюсь этого. Вѣшать меня не за что! возразилъ крестьянинъ.

— Святой Непомукъ, скалься надъ нимъ! Неужели ты, Зденко, настолько глупъ, или сатана такъ опуталъ твое сердце, что не понимаешь опасности, какая грозитъ тебѣ. Твои сообщники выдадутъ тебя, и ты первый попадешь въ руки правосудія!..

— Я не былъ на этомъ сборищѣ, возразилъ Зденко.

— Ты погибнешь первый! продолжалъ Гасликъ, не обращая вниманія на возраженіе крестьянина.—Если они тебя поймають, то пѣсня твоя пропѣта. Удирай отсюда, братъ, пока есть время, и вдобавокъ, куда нибудь подальше.

— Куда мнѣ бѣжать?

— За-границу, въ Саксонію къ еретикамъ! Тамъ ты можешь молиться своимъ идоламъ, и никто не будетъ преслѣдовать тебя!

— Неужели я долженъ покинуть свой домъ и дворъ?

— Ты все равно покинешь ихъ, если попадешь на висѣлицу! Стоитъ сказать одно слово графу—онъ купитъ ихъ, такъ какъ самъ лютеранинъ, и будетъ очень радъ, когда услышитъ, что ты, сатанинское отродіе, отрекся отъ религіи!.. Я увѣренъ, что онъ даже поможетъ тебѣ бѣжать за-границу.

Зденко поднялъ голову; равнодушное лицо его приняло злое выраженіе, зрачки глазъ расширились и заискрились, какъ у кошки, которая собирается сдѣлать прыжокъ.—Что побуждало священника хлопотать объ его удаленіи изъ деревни? спрашивалъ онъ себя съ недоувѣріемъ.—Онъ хочетъ выжить тебя отсюда изъ боязни, чтобы ты не выдалъ его, рѣшилъ мысленно Зденко;—но это не удастся ему!..

Между тѣмъ, Гасликъ объяснилъ молчаніе крестьянина въ свою пользу.

— Мы продадимъ твой дворъ, продолжалъ онъ.—Ты и такъ богатъ. Собери только всѣ золотые талеры и гульдены, которые ты нашелъ въ желѣзномъ ящикѣ подъ смертнымъ одромъ твоего отца.

— У меня нѣтъ денегъ, грубо прервалъ его Зденко.—Я бѣдный человѣкъ! Развѣ вы видѣли желѣзный сундукъ? или хотите, чтобы на мой домъ напали воры...

При этихъ словахъ онъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ схватить за горло оторопѣвшаго священника.

— Чортъ тебя побери съ твоими деньгами! воскликнулъ Гасликъ, отскакивая отъ него.—Я послѣдній разъ говорилъ тебѣ добромъ. Ты неисправимый грѣшникъ! Убирайся сегодня-же изъ деревни, или завтра я донесу на тебя.

— Зачѣмъ стану я выселяться отсюда? спросилъ Зденко равнодушнымъ голосомъ. Лицо его приняло прежнее тупое и апатичное выраженіе.

— Зачѣмъ? Оглянись, и ты увидишь за собою тѣнь! Если ты не узнаешь ее, я назову имя.

Зденко бросился къ двери и, отодвинувъ задвижку, выбѣжалъ на улицу.

— Парень связался съ сатаной, проговорилъ священникъ, задумчиво опускаясь въ кресло и не находя выхода изъ лабиринта, въ который онъ впутался по собственной неосторожности.

Между тѣмъ, Зденко бѣжалъ безъ оглядки по мрачному лѣсу ведущему къ развалинамъ.

Темный полуразрушенный домъ, стоявшій одиноко среди пустаго поля, имѣлъ теперь еще болѣе печальный видъ при блѣдномъ свѣтѣ холоднаго ноябрьскаго солнца, выглянувшаго изъ сѣрой массы тучъ.

Зденко, дойдя до опушки лѣса, остановился, такъ какъ хотѣлъ пробраться въ домъ незамѣченнмъ; но тутъ увидѣлъ къ своему ужасу, что двѣ фигуры медленно прохаживались взадъ и впередъ по полю.

Женщину онъ тотчасъ же узналъ. Это была Гедвига; но ему никогда не приходилось встрѣчать пожилаго господина, который разговаривалъ съ нею.

Если бы Зденко былъ немного сообщительнѣе, то онъ, вѣроятно, узналъ бы отъ своихъ сосѣдей, что еще вчера вечеромъ графъ Эрбахъ осматривалъ разрушенный домъ съ своимъ управляющимъ и выразилъ желаніе возобновить его въ самомъ непродолжительномъ времени.

Эта мысль такъ заняла графа, что онъ на слѣдующее утро поручилъ Бланшару и архитектору, строившему башню, осмотрѣть развалины и затѣмъ сообщить ему свое мнѣніе относительно способа возстановленія ихъ. Гедвига отправилась вмѣстѣ съ ними по совѣту графа, который старался всѣми способами развлечь дѣвушку и вывести изъ того тяжелаго состоянія духа, въ какомъ она находилась.

Спутники Гедвиги, придя на мѣсто, настолько увлеклись своимъ дѣломъ, что совершенно забыли объ ея существованіи. Бланшаръ хотѣлъ воспользоваться остатками зданія для новой постройки и сохранить прежній стиль; архитекторъ былъ противоположнаго мнѣнія и доказывалъ, что необходимо срыть прежній домъ и построить новый, сообразно требованіямъ времени. Между обоими противниками завязался горячій споръ и они принялись вновь осматривать развалины и вымѣривать ихъ.

Гедвига, считая свое присутствіе лишнимъ, вышла въ поле и безъ всякой опредѣленной цѣли направилась въ Дубницъ. Продолжительное пребываніе въ монастырѣ оставило неизгладимый слѣдъ въ душѣ дѣвушки. Прежняя ея веселость исчезла и замѣнилась суровымъ благочестіемъ. Мысли ея были постоянно заняты молитвой Иисусу Христу и угодникамъ, размышленіями о будущей жизни, такъ что настоящая женщина несомнѣнно ошиблась, возлагая на нее такія блестящія надежды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Гедвига неволью заразилась тщеславіемъ монахинь. Ей казалось, что она приблизилась къ божеству и что невидимый покровъ отдѣляетъ ее отъ простыхъ смертныхъ. Къ прежнему поэтическому чувству, которое внушалъ ей императоръ, примѣ-

шалась значительная доля честолюбія; она съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминала о томъ, что онъ разговаривалъ съ нею и подарилъ золотой крестъ; глаза его всюду мерещились ей. Патеръ Ротганъ еще болѣе утвердилъ ее въ этомъ чувствѣ; она поняла изъ его намековъ, что императоръ нѣсколько разъ вспоминалъ о ней и желаетъ ее видѣть.

Но со времени прибытія въ Таннбургъ, тоскливое воспоминаніе объ отцѣ еще болѣе усилило грусть, наполнявшую ея сердце. Когда она проходила черезъ поле, осенній колоритъ ландшафта возбудилъ въ ней печальныя размышленія. Она съ сожалѣніемъ думала о прошломъ; будущность казалась ей такой же мрачной и холодной, какъ окружавшее ее поле.

Она шла не останавливаясь до кузницы, стоящей на полдорогѣ между Дубницомъ и Таннбургомъ. Здѣсь она увидѣла тяжелую дорожную карету съ золотымъ гербомъ на дверцахъ. Кузнецъ и его помощникъ были заняты починкой колеса, поврежденнаго ударомъ о камень. Путешественникъ вышелъ изъ кареты и прогуливался передъ кузницей. Это былъ пожилой господинъ въ длинномъ голубомъ плащѣ и высокихъ дорожныхъ сапогахъ, съ горделивой осанкой человѣка, занимающаго высокое положеніе въ свѣтѣ. При скукѣ, какую онъ испытывалъ въ эту минуту, появленіе молодой дѣвушки доставило ему особенное удовольствіе.

— Честь имѣю засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, фрейлейнъ, сказалъ онъ, подходя къ Гедвигѣ.—Простите любопытство празднаго путешественника; но мнѣ показалось, что вы вышли изъ этихъ развалинъ...

— Вы не ошиблись, милостивый государь. Онѣ принадлежать графу Эрбаху изъ Таннбурга; я живу въ его замкѣ.

Незнакомецъ взглянулъ на Гедвигу съ странной улыбкой и подумалъ:—у графа недурной вкусъ! Но вслѣдъ затѣмъ лицо его приняло прежнее серьезное выраженіе, и онъ спросилъ равнодушнымъ голосомъ:

— Развѣ его сіятельство въ замкѣ?

— Онъ вернулся сюда нѣсколько недѣль тому назадъ.

— А вы давно служите... я хотѣлъ сказать, живете въ Таннбургѣ?

— Мой отецъ былъ управляющимъ у графа.

— Вы говорите: „былъ“, развѣ онъ умеръ?

— Его застрѣлили.

— Какъ это случилось?.. Я начинаю припоминать... Его звали Рехбергеръ... Значитъ, вы Гедвига, которая случайно попала въ монастырь урсулинокъ?

Гедвига утвердительно кивнула головой и намѣревалась уйти, такъ какъ вопросы и обращеніе незнакомца произвели на нее непріятное впечатлѣніе. Онъ тотчасъ же замѣтилъ это и сказалъ:

— Вы не должны удивляться, что мнѣ извѣстна эта печальная

исторія. Я служу въ императорской канцеляріи. Мнѣ попались бумаги по дѣлу графа Эрбаха, который обвинялся въ похищеніи графини Короны фонъ-Турмъ. Самъ императоръ очень интересовался этимъ дѣломъ и вашей судьбой, фрейлейнъ...

Лицо Гедвиги просіяло при этихъ словахъ.

— Императоръ интересовался моей судьбой? пробормотала она краснѣя.

— Онъ одинаково милостивъ ко всѣмъ своимъ подданнымъ. Ваше печальное положеніе тронуло его.

— Я имѣла счастье видѣть его величество. Онъ даже разговаривалъ со мной и подарилъ мнѣ этотъ крестъ! сказала Гедвига хвастливымъ тономъ, но тотчасъ же остановилась, такъ какъ на лицѣ незнакомца опять появилась та же странная улыбка, которая уже разъ привела ее въ смущеніе.

— Я не забуду напомнить о васъ императору, сказалъ незнакомецъ. — Его величеству будетъ пріятно узнать, что вы уже не въ монастырѣ.

— Моя госпожа, графиня Эрбахъ, выхлопотала мое освобожденіе.

— Вы называете это освобожденіемъ!.. Извините, я забылъ, что вы еретичка... Впрочемъ, у его величества ересь не на дурномъ счету... Вы такая хорошенькая, что напрасно остаетесь въ деревнѣ. Переѣзжайте въ Вѣну, тамъ вы составите свое счастье.

— Вы, вѣроятно, шутите, милостивый государь. Я бѣдная, простая дѣвушка!

— Это не имѣетъ никакого значенія. Изъ бѣдной можно легко сдѣлаться богатой...

Разговаривая такимъ образомъ, они удалились отъ кузницы и незамѣтно подошли къ опушкѣ лѣса, гдѣ стоялъ Зденко и наблюдалъ за ними.

Незнакомецъ оглянулся; экипажъ его былъ починенъ и кучеръ сѣлъ на козла.

— Гдѣ ваша госпожа? спросилъ онъ Гедвигу.

— Она въ Прагѣ; но графъ ожидаетъ сюда надняхъ свою супругу.

Это извѣстіе было такъ неожиданно, что на лицѣ пожилаго господина выразилось безпокойство.—Еще этого не доставало! подумалъ онъ съ досадой. Въ Вѣнѣ мнѣ объявили, что скоро начнется процессъ между супругами, а здѣсь я узнаю, что они воркуютъ, какъ голуби! Положительно люди часто лгутъ изъ любви къ искусству.

— Графъ приказалъ уже приготовить комнаты для своей супруги въ Таннбургѣ, продолжала Гедвига.

— Очень радъ слышать это! сказалъ незнакомецъ, овладѣвъ собой. — Вотъ ѣдетъ моя карета!.. Не въ этихъ ли развалинахъ была молежня еретиковъ? Я слышалъ объ этомъ въ Лейтмерицѣ.

— Да, здѣсь! отвѣтила Гедвига.

— Благодарю васъ!.. Итакъ, до свиданія. Не забудьте мой совѣтъ и прїѣзжайте въ Вѣну. Тамъ люди умѣютъ жить и веселиться, а хорошенькая женщина всегда желанная гостя. Надѣюсь опять встрѣтиться съ вами...

Подъѣхала карета. Лакей отворилъ дверцы и усадилъ своего господина, который еще разъ поклонился Гедвигѣ съ улыбкой на тонкихъ губахъ.

Кучеръ ударилъ по лошадамъ, которыя быстро помчались по каменистой дорогѣ.

Глаза Гедвиги слѣдили машинально за экипажемъ, но мысли ея унеслись далеко.—Господинъ этотъ служить при дворѣ, думала она.— Кто знаетъ, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести ее это случайное знакомство!.. Въ жизни Гедвиги произошло столько страннаго, что она не считала невозможнымъ очутиться опять вблизи императора. Ей казалось, что она видитъ въ вечернихъ облакахъ большой столичный городъ съ императорскимъ дворцомъ и башней св. Стефана, о которомъ ей столько рассказывали знатныя дѣвушки, воспитывавшіяся въ монастырѣ.

Мечты ея были внезапно прерваны, такъ какъ она услышала за собой хриплый боязливый голосъ, звавшій ее по имени. Она оглянулась и увидѣла Зденко, который стоялъ передъ нею, опустивъ голову, съ видомъ тупаго отчаянія.

— Не пугайся, сказалъ онъ съ усиленіемъ, — я не сдѣлаю тебѣ зла! Люди постоянно сердятъ меня... Но если бы ты была ласкова со мной...

— Оставь меня въ покоѣ! Я не желаю разговаривать съ тобой! отвѣтила съ досадою Гедвига.

Отвращеніе, которое она всегда чувствовала къ нему, было сильнѣе въ эту минуту, чѣмъ когда либо. Судьба какъ будто нарочно послала его для контраста съ свѣтлыми картинами, созданными ея воображеніемъ.

— Ты ненавидишь меня! Въ этомъ главная причина всѣхъ моихъ несчастій... Тебѣ хотѣлось бы стереть меня съ лица земли... Отецъ твой даже прибилъ меня...

— Не смѣй произносить имени моего отца. Убирайся прочь! Если ты не отстанешь отъ меня, я позову господъ; они тамъ, въ домѣ.

— Господь! повторилъ Зденко, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.—Я со всѣмъ забылъ о нихъ. Когда я вижу тебя, я забываю все на свѣтѣ!.. Кто это? Что они дѣлаютъ тамъ?

— Графъ послалъ ихъ осмотрѣть развалины; онъ хочетъ построить новый домъ.

— Господи! воскликнулъ Зденко, хватаясь за голову обѣими руками.—Они найдутъ его! Онъ погибнетъ.

— Кто погибнетъ? Говори прямо, иначе я все скажу графу.

— Спаси его! Онъ добрый и мудрый старикъ! Если они найдутъ

его, то бросать въ тюрьму. Но онъ никому не сдѣлалъ зла и всегда хорошо отзывался о графѣ и лютеранахъ... Сжался надъ нимъ!

— Прежде всего ты долженъ сказать: кто онъ и куда ты спря- талъ его?

— А если ты мнѣ измѣнишь! Нѣтъ, я говорю вздоръ... Прости меня! Ты бѣлая дѣва, о которой говорилъ намъ старикъ. Писарь и Гасликъ дѣйствительно лицемѣры и измѣнники... не ты...

Съ этими словами Зденко такъ близко наклонился къ молодой дѣвушкѣ, что она чувствовала его дыханіе на своей щекѣ и съ невольнымъ отвращеніемъ отвернула свое лицо.—Въ домѣ Мракотинъ, котораго они ищутъ, прошепталъ онъ.—Онъ знаетъ будущее и всѣ тайны; за это они и злятся на него... Онъ скрылся при обыскѣ въ самый нижній погребъ дома и уже два дня, какъ лежитъ тамъ.

— Несчастный!

— Я принесъ ему ночью ѣды и питья; но Гасликъ подозрѣваетъ меня и можетъ напасть на слѣдъ. Я хотѣлъ и теперь навѣстить его, но увидѣлъ двухъ мужчинъ на дворѣ и тебя въ полѣ. Тайный голосъ подсказалъ мнѣ, что я долженъ обратиться къ твоей помощи.

— Я ничего не могу сдѣлать помимо графа. Онъ добръ и великодушенъ и лучше насъ придумаетъ, какъ устроить это дѣло. Приведи старика сегодня вечеромъ къ стѣнѣ сада за насыпью; я буду ждать васъ тамъ и сообщу волю графа. Уходи скорѣе, тебя могутъ увидѣть.

Бланшаръ и архитекторъ въ это время вышли изъ дому и еще разъ обошли развалины. Оба были настолько заняты своимъ споромъ, что Зденко могъ удалиться незамѣченнымъ, а Гедвига успѣла оправиться отъ волненія. На обратномъ пути вѣжливый французъ извинился передъ молодой дѣвушкой за свое невольное невниманіе къ ней. Гедвига возразила, что она была не одна и рассказала свою встрѣчу съ знатнымъ незнакомцемъ у кузницы.

Прійди въ замокъ, она поспѣшила сообщить графу просьбу Зденко, добавивъ, что вполне понимаетъ, насколько опасно подобное укрывательство и что отказъ въ данномъ случаѣ нисколько не удивитъ ее.

Графъ Эрбахъ былъ сильно озадаченъ и не сразу рѣшился принять къ себѣ человѣка, преслѣдуемаго свѣтскими и духовными властями, такъ какъ подобный поступокъ могъ повести къ крайне не-приятнымъ послѣдствіямъ. Съ другой стороны, мечтательность Мрако-тина и сущность его ученія не привлекали его; будущность чело-вѣческаго рода никогда не представлялась ему въ видѣ идеальной Аркадіи; онъ не считалъ желательнымъ, чтобы когда нибудь наступило господство бѣдниковъ, несчастныхъ и неучей. Но чувство со-страданія мало-по-малу переселило всѣ другія соображенія; онъ рѣшилъ пріютить на нѣкоторое время Мракотина въ замкѣ и сообщилъ объ этомъ молодой дѣвушкѣ.

— Что же касается Зденко, добавилъ онъ, то я совѣтовалъ бы

тебѣ, моя дорогая Гедвига, остерегаться его. Мнѣ парень этотъ не нравится; да и отецъ твой не былъ расположенъ къ нему и говорилъ, что никогда не позволитъ ему жениться на тебѣ.

— Я ненавижу его и не могу хладнокровно встрѣчаться съ нимъ!..

— Тебѣ нечего беспокоиться. Никто не заставитъ тебя выходить за него замужъ. Но тѣмъ хуже для насъ, что мы будемъ въ зависимости отъ него. Мнѣ кажется, что этотъ человѣкъ способенъ совершить преступленіе подъ вліяніемъ страсти.

— Что-же дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Я буду слѣдить за нимъ... Скажи, пожалуйста, въ которомъ часу ты приказала придти ему?

— Поздно вечеромъ.

— Я встрѣчу его съ Бланшаромъ и избавлю тебя отъ новаго свиданія съ твоимъ назойливымъ поклонникомъ. Покойной ночи! Надѣюсь, что графиня скоро пріѣдетъ изъ Праги, и тогда твоя жизнь устроится болѣе нормальнымъ образомъ.

Гедвига молча поцѣловала руку графа и удалилась.

Въ девятомъ часу вечера графъ Эрбахъ и Бланшаръ отправились на свиданіе. Къ счастью, Ротганъ еще утромъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Прагу, такъ что графу не было никакой необходимости скрывать свои дѣйствія отъ непрошеннаго наблюдателя. Относительно Бланшара онъ могъ быть совершенно покоенъ, потому что этотъ искренно сочувствовалъ всякому несчастному, который подвергался преслѣдованіямъ за свои убѣжденія, и видѣлъ въ немъ товарища своей судьбы. Развѣ его самого не считали въ Версалѣ сумасшедшимъ и врагомъ государства? Развѣ у него не была одинаковая цѣль съ Мракогиномъ—избавить людей отъ гнета бѣдности и нищеты, хотя каждый изъ нихъ шелъ своимъ путемъ? Такимъ образомъ, если бы даже графъ Эрбахъ сталъ колебаться въ своемъ рѣшеніи, то Бланшаръ употребилъ бы все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить его дать убѣжище бѣглецу.

Графъ и Бланшаръ молча подошли къ насыпи у садовой стѣны, гдѣ Корона и Гедвига впервые увидѣли императора. Былъ ясный и холодный вечеръ. Мѣсяцъ свѣтилъ на безоблачномъ небѣ среди безчисленныхъ звѣздъ. Все пространство отъ садовой стѣны до деревьевъ противоположнаго лѣса и дорога, спускающаяся внизъ по ложбинѣ, были такъ освѣщены луннымъ свѣтомъ, что графъ, хорошо знакомый съ мѣстностью, тотчасъ же замѣтилъ темную фигуру, стоявшую, подъ сосной, и махнулъ ей носовымъ платкомъ.

Минуту спустя изъ-за группы деревьевъ вышелъ человѣкъ и, осторожно пробираясь вдоль кустарниковъ, остановился на нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣны.

— Это я, Зденко! сказалъ графъ Эрбахъ, узнавъ его. Подойди ближе!

Крестьянинъ не двигался съ мѣста, но вслѣдъ затѣмъ привычка повиноваться господину пересилила недовѣріе.

— Я пришелъ къ вашей милости, сказалъ Зденко. Вамъ все извѣстно. Дѣлайте что хотите со мной.

— Привелъ ты этого человѣка?

— Онъ лежитъ подъ деревомъ. У него зубъ на зубъ не попадаетъ отъ холода; мы должны были пробираться по лѣсу дальней дорогой.

— Видѣлъ васъ кто нибудь? спросилъ графъ.

— Господь былъ съ нами! говоритъ Мракотинъ. Мы никого не встрѣтили въ лѣсу.

— Пойди за этимъ человѣкомъ и приведи его сюда. Я отопру вамъ старыя ворота въ стѣнѣ. Ты знаешь, гдѣ они?

— Знаю, ваша милость.

— Еще одно слово, Зденко. Я желалъ-бы знать, почему ты такъ хлопчешь объ этомъ человѣкѣ?

— Онъ не похожъ на другихъ людей. Всякій, кто приближается къ нему, слушаетъ его... Ему все извѣстно, даже будущность!..

— Веди его сюда! сказалъ графъ.

Бланшаръ видѣлъ въ самоотверженіи крестьянина и его преданности Мракотину неизбѣжное вліяніе, какое всегда оказываетъ высшая натура на низшую. Онъ помнилъ Зденко съ той ночи, когда горѣла башня въ Таннбургѣ. Непріятное лицо этого человѣка съ черными блестящими глазами тогда же обратило на себя его вниманіе среди огромной собравшейся толпы; онъ смотрѣлъ ослабившись на пламя и не принималъ никакого участія въ тушеніи пожара.

— Замѣчательно какъ дѣйствуетъ воодушевленіе даже на тупой умъ и себялюбивое сердце! сказалъ съ увлеченіемъ Бланшаръ, когда они сошли съ холма и графъ вложилъ ключъ въ заржавленный замокъ старыхъ воротъ. Посмотрите на этого крестьянина, голова котораго до сихъ поръ была, вѣроятно, занята только заботами о полѣ и скотѣ. Личность пророка настолько воодушевляетъ его, что онъ становится способнымъ на великодушный поступокъ и готовъ жертвовать собственной жизнью...

— Наконецъ-то! сказалъ графъ Эрбахъ, отворяя съ трудомъ ворота.—Я долженъ немного охладить вашъ восторгъ, Бланшаръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что поступокъ Зденко исполнѣ благородный; но поводъ къ нему далеко не тотъ, какой вы предполагаете; если не ошибаюсь, парень надѣется открыть кладъ съ помощью заговоровъ Мракотина. Я даже считаю исполнѣ возможнымъ, что мы съ вами сыграемъ самую глупую роль; мы ожидаемъ чего-то необыкновеннаго, и вмѣсто этого встрѣтимъ, вѣроятно, простаго невѣжественнаго пастуха, помѣшавшагося на чтеніи священныхъ книгъ. Но вотъ и они!..

Мракотинъ шель невѣрными шагами, опираясь на плечо Зденко. Его бѣлый плащъ развѣваемый вѣтромъ казался издали при лунномъ освѣщеніи какимъ-то блестящимъ туманнымъ облакомъ.

— Входи! сказалъ графъ, подавая руку старику. Ты будешь здѣсь въ безопасности!

— Ты—зватный господинъ, возразилъ старикъ; я—нищій, котораго ты приказалъ привести къ себѣ изъ мрака и бѣдности... Благословеніе Божіе нисходитъ со мной на домъ твой!..

Голосъ его дрожалъ отъ лихорадки; глаза были неподвижно устремлены въ пространство.—Вѣлый голубь опустится на кровлю! продолжалъ Мракотинъ,—коршунъ преслѣдуетъ его...

Дальше ничего нельзя было слышать; губы его бормотали безсвязныя слова.

— Уведите его! сказалъ графъ, обращаясь къ Бланшару.—Съ нимъ начинается бредъ...

Зденко хотѣлъ удалиться, но графъ удержалъ его.

— Я исполнилъ просьбу, съ которой ты обратился къ Гедвигѣ Рехбергеръ! сказалъ онъ.—Человѣкъ этотъ въ безопасности; теперь постарайся загладить прошлое и устрой свои дѣла такимъ образомъ, чтобы приходскій священникъ не имѣлъ поводовъ жаловаться на тебя. Если я до сихъ поръ щадилъ тебя, то ради твоего отца. Мой вѣрный Рехбергеръ нѣсколько разъ предостерегалъ меня... Чего ты испугался?

— Мнѣ показалось, что за вами стоитъ тѣнь... отвѣтилъ Зденко глухимъ голосомъ. Лицо его было покрыто мертвенной блѣдностью.

— Выкинь изъ головы всѣ эти пустяки и выслушай меня. Советую тебѣ оставить въ покоѣ Гедвигу. Не смѣй больше разговаривать съ ней. Я не хочу этого! Слышишь ли? Она никогда не будетъ твоей!

Съ этими словами графъ заперъ ворота на ключъ и удался.

Зденко стоялъ у садовой стѣны. Ему казалось, что онъ слышитъ стукъ молота о наковальню; съ каждымъ ударомъ раздавались въ ушахъ его все тѣ же слова: она никогда не будетъ твоей!

Но вотъ изъ-за стѣны опять поднялась знакомая тѣнь. Зденко отскочилъ въ ужасѣ и бросился опрометью внизъ по ложбинѣ.

ГЛАВА IV.

Въ замкѣ Турмъ молодой графъ Прокопъ давалъ парадный обѣдъ по случаю своего пріѣзда въ жилище предковъ и дня своего рожденія; за столомъ присутствовали его двоюродные братья, друзья, близкіе сосѣди и даже старыя слуги, сидѣвшіе на дальнемъ концѣ стола; всѣ желали ему здоровья, долгой жизни и всякаго благополучія. Графъ поблагодарилъ гостей краснорѣчивой рѣчью, въ которой

отнесся съ большимъ чувствомъ къ покойному отцу и провозгласилъ тостъ за здоровье своей бабушки, единственной дамы, находившейся за столомъ. Всѣ сочли своимъ долгомъ отвѣтить на тостъ и, поднявъ стаканы, поклонились пожилой, красиво причесаной дамѣ, между тѣмъ какъ внукъ почтительно поцѣловалъ у ней руку.

Когда кончился обѣдъ, графиня, одѣтая въ темно-красное парчевое платье, затканное золотыми цвѣтами, простилась съ обществомъ и ушла въ сосѣднюю комнату. Нѣкоторые изъ пожилыхъ мужчинъ послѣдовали за нею, а молодой графъ остался въ залѣ съ остальными гостями и старался разыграть передъ ними роль любезнаго и общительнаго хозяина. Вступая во владѣніе наслѣдственными имѣніями, онъ хотѣлъ внушить людямъ хорошее мнѣніе о себѣ и загладить своей любезностью дурную репутацію развратника и мота, которую онъ заслужилъ своимъ поведеніемъ въ Вѣнѣ и Миланѣ.

По завѣщанію своего отца, онъ былъ назначенъ единственнымъ наслѣдникомъ громаднхъ родовыхъ имѣній, такъ какъ Корона была лишена наслѣдства. Только по просьбѣ брата и духовника, находившагося при послѣднихъ минутахъ умирающаго, сдѣлана была оговорка, что несчастный отецъ оставляетъ дочери извѣстную сумму денегъ, если она опомнится отъ грѣховъ и поступитъ въ монастырь. Такимъ образомъ, графъ Прокопъ сдѣлался единственнымъ владѣльцемъ всѣхъ отцовскихъ имѣній; но это кажущееся благополучіе имѣло свою темную сторону. Молодой графъ былъ обремененъ большими долгами. Гораздо легче было занимать деньги, пользуясь кредитомъ отца, нежели самому отвѣчать за свою расточительность. Онъ долженъ былъ скоро убѣдиться, что безъ помощи своей богатой и скупой бабушки онъ не въ состояніи будетъ не только продолжать прежнюю жизнь, но и удовлетворить наиболѣе неумолимыхъ кредиторовъ. Съ тайнымъ отвращеніемъ въ сердцѣ пріѣхалъ Прокопъ въ уединенный замокъ, чтобы прожить въ немъ скучную осень въ обществѣ старой женщины, которая всегда чувствовала къ нему особенную привязанность, но, при своемъ властолюбивомъ характерѣ, слѣдила за каждымъ его шагомъ и во всемъ, что онъ дѣлалъ безъ ея согласія, видѣла нарушеніе своихъ правъ. Между тѣмъ, задавшись цѣлью найти доступъ къ кошельку старой графини посредствомъ ласки, лицемѣрія, бурныхъ сценъ и льстивыхъ увѣреній, онъ съ каждымъ днемъ становился въ бѣольшую зависимость отъ ея воли и мысленно сравнивалъ себя съ комаромъ, попавшимъ въ сѣти длинноногого паука.

Въ залѣ все еще звенѣли стаканы, тогда какъ въ сосѣдней комнатѣ пожилые представители стариннаго чешскаго дворянства разсуждали о политикѣ. Изъ нихъ всѣхъ больше ораторствовалъ князь Лобковичъ; другіе молча выслушивали его, признавая за нимъ преимущество опытности и знанія свѣта.

Въ кружкахъ австрійскаго дворянства давно замѣтили тотъ неблагоприятный оборотъ, какой приняли общественныя дѣла со вре-

мени соправительства Иосифа, и многіе съ ужасомъ думали о будущемъ, когда онъ одинъ будетъ управлять государствомъ. Эти опасенія вызывали у консервативной партіи искреннее желаніе протеста; но она была бессильна, такъ какъ ея представители не составили себѣ никакого опредѣленнаго плана дѣйствій.

— Мы дошли до такой апатіи, сказалъ Лобковичъ въ заключеніе своей рѣчи, — что смотримъ равнодушно, какъ распадается самая старая имперія въ Европѣ. Вначалѣ нововведенія казались намъ слишкомъ ничтожными; мы не придавали никакого значенія различнымъ перемѣнамъ въ придворномъ этикетѣ, простотѣ одежды его величества, преобразованію правительственныхъ канцелярій и т. п. Между тѣмъ, у гидры еженедѣльно вырастаетъ новая голова; опасность увеличивается съ каждымъ днемъ. Права и прерогативы духовенства и австрійскихъ дворянъ висятъ на волоскѣ, благодаря любви нашего императора къ черни и мнимой заботливости о благѣ подданныхъ! Я долженъ сказать вамъ, господа, что я съ глубокимъ огорченіемъ наблюдалъ за Иосифомъ въ Парижѣ. Онъ какъ будто нарочно избѣгалъ людей изъ высшаго общества и проводилъ время съ философами и представителями народа.

— Что онъ нашелъ въ нихъ? Кажется, онъ не можетъ считать насъ измѣнниками! сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, истолковавъ по-своему рѣчь Лобковича.

— Вы спрашиваете, чѣмъ онъ недоволенъ, *mon cher prince*? Всѣмъ! Онъ хочетъ перевернуть свѣтъ вверхъ дномъ и взять себѣ за образецъ прусскаго короля. Онъ намѣренъ уничтожить права владѣтельныхъ князей и составить единое государство. Въ Венгріи будутъ тѣ же законы, что въ Австріи, Богеміи, Моравіи и Штиріи. Онъ одинъ станетъ управлять государственнымъ механизмомъ. Прежнее судопроизводство будетъ уничтожено, равно и крѣпостное право!

— Вѣдь это вопіющая несправедливость! замѣтилъ одинъ.

— Дневной грабегъ! Беззаконная конфискація имуществъ! добавили другіе.

— Говорятъ, что приближается золотой вѣкъ для человѣчества, сказалъ съ усмѣшкой Лобковичъ. — Кто изъ насъ изобразить изъ себя Нептуна и остановить грозный напоръ волнъ, крикнувъ имъ: *Quos ego!*

— Къ счастью, императрица еще жива!..

— Читали вы ея послѣдній эдиктъ противъ моравскихъ еретиковъ? Что за сила выражений!

— Когда я проѣзжалъ Лейтмерицъ, продолжалъ князь Лобковичъ, — туда привели около десятка этихъ сумасбродовъ съ связанными руками. Секта распространилась до нашихъ мѣстъ!

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, злобно замѣтила старая графиня, которая до этого момента упорно молчала. — Злодѣи, вѣроятно, находятъ поддержку въ графѣ Эрбахѣ!

— Это богатый и высокопородный господинъ. Говорятъ, что онъ другъ его императорскаго величества.

— Вы выражаетесь очень умѣренно, графъ Мартиницъ! замѣтилъ съ удареніемъ Лобковичъ. — Не только другъ, но его неразлучный товарищъ и повѣренный. Въ Парижѣ они вмѣстѣ странствовали по фабрикамъ и мастерскимъ и даже одновременно сдѣлали визитъ Жаннѣ Дюбарри!

Графиня Турмъ открыла табакерку и взяла щепотку табаку.

— Можно ли было ожидать подобнаго поступка отъ сына Маріи Терезіи, сказала она. — Дѣлать визитъ Дюбарри! За ея наглое появленіе на праздникѣ королевы ее слѣдовало бы заставить мести улицы! Я еще скорѣе поняла бы это, если бы она была дворянской крови!

— Тѣмъ не менѣе, она носитъ титулъ графини... Куда дѣвались религиозные и нравственные принципы!

Князь Лобковичъ посмѣшилъ перемѣнить тему разговора.

— Этотъ графъ Эрбахъ пришелецъ на нашей землѣ и не принадлежитъ къ стариннымъ фамиліямъ Богеміи; между тѣмъ, онъ сдѣлался *spiritus familiaris* его величества. Къ несчастію, Иосифъ постоянно окружаетъ себя подобными людьми, безъ вѣры и традицій, которые наводятъ его на все дурное. Намъ, вѣрнымъ защитникамъ правъ нашей родины, сословной свободы и привилегій, ничего не остается, какъ составить тѣсный союзъ и употребить всѣ усилія, чтобы удержать дворъ отъ нововведеній, пока жива наша августѣйшая императрица.

— Да здравствуетъ Марія Терезія! воскликнулъ одинъ изъ присутствующихъ, который чувствовалъ сильное утомленіе отъ серьезнаго разговора и съ завистью прислушивался къ веселому смѣху, раздававшемуся въ залѣ. — Зачѣмъ станемъ мы тревожить себя преждевременными опасеніями? Предоставимъ это дѣло почтенному князю Лобковичу, — *c'est un homme superieur!* Мы всѣ знаемъ больше толку въ охотѣ, нежели въ политикѣ, и любимъ выпить; не такъ ли, Лихтенштейнъ?

Общій хохотъ былъ отвѣтомъ на это замѣчаніе, вызвавшее улыбку пренебреженія на лицѣ Лобковича, который въ эту минуту почувствовалъ полное пренебреженіе ко всѣмъ этимъ знатымъ, но тугоголовымъ господамъ.

— *Quels imbéciles!* шепнулъ онъ графинѣ, которая слегка кивнула ему головой въ знакъ согласія.

— Какъ вы думаете, господа, не перейти ли намъ въ залу, сказалъ одинъ изъ дворянъ. — Вѣроятно, у графа Прокопа найдется и на нашу долю немного вина.

Это предложеніе встрѣтило полное одобреніе со стороны большинства присутствующихъ, которые одинъ за другимъ перешли въ залу.

Князь Лобковичъ и графиня остались наединѣ.

— Если бы не крайняя необходимость составить партію, сказалъ Лобковичъ,—то нужно быть круглымъ дуракомъ, чтобы толковать съ этими людьми о политикѣ!

— Они всё умѣютъ только проживать деньги, возразила графиня.— Къ несчастію, такой умъ, какъ у васъ, mon cher prince, составляетъ рѣдкость!

— Охота, карточная игра, пирушки и деревенскія красавицы— вотъ міръ этихъ тупоголовыхъ господъ! Они не подозрѣваютъ, что огонь тлѣетъ подъ ихъ ногами.

— Неужели вы серьезно предполагаете, что существуетъ опасность?

Слуга принесъ свѣчи и, по приказанію графини, заперъ дверь, ведущую въ залу.

— Сядьте покойнѣе, князь, сказала она, указывая ему на кресло и лежавшую передъ нимъ подушку для ногъ.

— Вы все та же милая и любезная женщина! сказалъ Лобковичъ, цѣлуя ея руку съ вѣжливымъ поклономъ и покойно усаживаясь въ мягкое кресло.—Вы знаете и щадите слабости своихъ друзей, какъ въ молодости, такъ и въ старости. Ah le bon vieux temps! Помните ли вы его графиня? Ma foi, съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ. Мы сидѣли другъ противъ друга...

— Quel souvenir! произнесла со вздохомъ старая дама, разглаживая костлявой рукой складки своего шелковаго платья.

— Это было также въ ноябрскій вечеръ. Мы сидѣли въ уютной комнатѣ; я помню даже, что на потолокъ была изображена Аврора. Вы улыбаетесь, дорогая моя! Такія вещи никогда не забываются...

Графиня въ смущеніи открыла крышку своей золотой табакерки и отвернулась.

— Felicité passée! продолжалъ князь, поправляя свой кружевной жабо.—Огонь, пробѣгавшій тогда по нашимъ жиламъ, былъ сильнѣе того, о которомъ я только что упоминалъ... Аврора благосклонно улыбалась намъ; все обѣщало намъ въ будущемъ такіе же хорошіе дни...

— Hélas! Зачѣмъ наступаетъ скучная старость! La vieillesse des hommes est une bêtise du sort!

— Я всегда былъ того же мнѣнія. Вдобавокъ, намъ съ вами, можетъ быть, придется пережить новый всемірный потопъ, который маркиза Помпадуръ предсказывала Франціи. Но тамъ движеніе начинается съ низшихъ слоевъ, у насъ—сверху. Императоръ самый опасный новаторъ. Примѣръ прусскаго короля сбиль его съ толку. Онъ ненавидитъ дворянство и духовенство, потому что они могутъ оказать активное сопротивленіе его ученію о равенствѣ. Онъ хочетъ все захватить въ свои руки. Я считаю ребячествомъ возлагать большія надежды на нашу добрую государыню. Императоръ и герцогъ Тосканскій придерживаются однихъ и тѣхъ же принциповъ; намъ предстоитъ многолѣтняя борьба.

— Развѣ вы отказались отъ своего прежняго плана? спросила графиня;—патеръ Ротганъ былъ увѣренъ въ его усиѣхѣ.

— Я не слыхалъ о патерѣ со времени несчастной исторіи съ Гедвигой Рехбергеръ.

— Надѣюсь, князь, вы не станете упрекать меня ею?

— Разумѣется, нѣтъ! Вамъ она доставила всего больше непріятностей. Я упомянулъ объ этой исторіи только потому, что она возстановила противъ насъ императора. Патеръ очень ловко велъ себя въ монастырѣ и сумѣлъ удержать мою племянницу отъ сентиментальныхъ выходокъ.

— Мнѣ кажется, *mon cher prince*, что мы ошиблись въ этомъ человѣкѣ; милость правительства отуманила его. Онъ равнодушенъ къ деньгамъ, но дорожитъ вліяніемъ и властью. Я считаю его очень хитрымъ. Il a une tête de renard.

— Какое намъ дѣло до этого, если мы сумѣемъ воспользоваться его происками и обратимъ ихъ въ нашу пользу...

— Развѣ вы можете поручиться, что онъ не измѣнитъ намъ? спросила графиня.—Неблагодарный плутъ живетъ теперь у графа Эрбаха. Вчера онъ явился сюда и и выразилъ желаніе переговорить со мной, но я не приняла его.

— Значить, онъ еще въ городѣ! Очень радъ этому. Простите, если я осмѣлюсь замѣтить вамъ, моя дорогая, что вы не должны были задѣвать самолюбіе патера. Впрочемъ, это дѣло можно легко поправить!

— Едва не забыла сообщить вамъ, *mon cher prince*, что Прокопъ былъ въ Прагѣ и видѣлъ Ренату. Онъ все еще любитъ ее. *C'est un sœur de flamme! Il adore votre niece!* Изъ нихъ вышла бы прекрасная пара.

— Къ несчастію, она предпочла графа Эрбаха, въ надеждѣ возвратить его на лоно церкви, хотя это не удалось ей! Моя племянница, какъ вамъ извѣстно, прекрасная женщина, но не отъ міра сего.

— Поэтому я нахожу, что разводъ былъ бы всего цѣлесообразнѣе въ данномъ случаѣ. Вы сами подавали мнѣ надежду на это, *mon prince*. А теперь! Если бы вы знали, какъ она приняла моего бѣднаго Прокопа! Она объявила, что болѣе чѣмъ когда нибудь любитъ этого безбожника Эрбаха, что мы оклеветали его, прибѣгли къ лжи, обману и насилію! Развѣ Прокопъ виноватъ въ этомъ? Она также наговорила ему много непріятнаго по поводу заключенія какой-то дѣвчонки въ монастырь, о которой было столько толковъ, какъ будто она принцесса. А кто настроилъ такимъ образомъ Ренату и посовѣтовалъ ей помириться съ мужемъ? Клянусь св. Дѣвой, что вашъ *protégé*, отецъ Ротганъ!..

Старая дама говорила съ запальчивостью, не спуская глазъ съ князя Лобковича, въ надеждѣ проникнуть сквозь маску покойнаго

равнодушія, покрывавшую его лицо, и узнать его затаенную мысль. Она не напрасно подозрѣвала своего бывшего возлюбленнаго, что онъ противодѣйствовалъ браку своей племянницы съ Прокопомъ и даже теперь готовъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы помѣшать ему, если бы представилась возможность его осуществленія.

— Я не думаю защищать патера, вѣжливо замѣтилъ Лобковичъ, — но вы напрасно обвиняете его! Другой возбудилъ въ сердцѣ Ренаты мысль примириться съ графомъ, и вдобавокъ не простой смертный...

Извѣстіе это было настолько неожиданно, что графиня встала съ кресла и выпрямилась.

— Императоръ очень долго бесѣдовалъ съ Ренатой на версальскомъ праздникѣ, продолжалъ Лобковичъ. — Прямымъ послѣдствіемъ ихъ разговора было то, что она на слѣдующій день объявила мнѣ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Прагу. Остальное объясняется само собою. Патеръ Ротганъ не счелъ нужнымъ вмѣшаться въ такое щекотливое дѣло. Я самъ не заѣхалъ въ Прагу, чтобы не видѣться съ Ренатой и не быть свидѣтелемъ ея жалобъ, слезъ и обмороковъ, такъ какъ все это слишкомъ мучительно дѣйствуетъ на меня. А сегодня я совршенно случайно узналъ дорогой, что ее ждутъ на-дняхъ въ Таннбургъ.

На минуту графиня потеряла самообладаніе знатной дамы и съ гнѣвомъ схватилась за голову.

— Значитъ, это примиреніе по всей формѣ! Можетъ ли урожденная Шварценбергъ дойти до такого униженія! Я удивляюсь, что вы, князь, могли допустить этотъ союзъ, какъ бы въ посмѣяніе нравственности и христіанской религіи!

— Позвольте вамъ замѣтить, графиня, что этотъ союзъ давно заключенъ и только возобновляются старыя отношенія. Графу посчастливилось заслужить вновь расположеніе своей супруги, если можно назвать счастіемъ случайную милость женщины.

— Если не ошибаюсь, вы рассчитывали имѣть вліяніе на императора черезъ вашу племянницу, замѣтила ядовито графиня.

— Vous êtes bien cruelle! возразилъ Лобковичъ съ принужденной улыбкой. — Дѣйствительно, у меня были всѣ данныя, чтобы рассчитывать на нѣжныя дружескія отношенія между Ренатой и императоромъ. На этомъ стремленіи двухъ возвышенныхъ душъ я построилъ свой планъ. Что дѣлать! мы оба потерпѣли пораженіе. Теперь Прокопъ долженъ будетъ также навсегда отказаться отъ мысли жениться на Ренатѣ.

— Навсегда?

— Если только графъ Эрбахъ не умретъ внезапно въ угоду одной моей хорошей знакомой.

— Вы смѣтаете надо мной! возразила съ яростью графиня. — Вамъ кажется страннымъ, что я желаю смерти этому человѣку. Но я ненавижу его всѣми силами моей души! Онъ помѣшалъ исполненію

моего завѣтнаго желанія, женившись на Ренатѣ. Онъ увезъ мою внучку и навлекъ позоръ на мою сѣдую голову. Если съ нимъ случится несчастье, то я не стану оплакивать его!.

— Я увѣренъ въ этомъ! Но во всякомъ случаѣ я совѣтовалъ бы вамъ успокоиться, потому что въ наши годы гнѣвъ разрушительно дѣйствуетъ на здоровье, сказалъ Лобковичъ, заботливо усаживая въ кресло старую графиню.—Что касается меня лично, то я не ожидаю ничего хорошаго отъ сближенія графа съ женой. Моя племянница и ваша внучка хотя и не спровадятъ его на тотъ свѣтъ, но сдѣлаютъ ему жизнь невыносимой.

— Моя внучка?

— Безумная дѣвочка влюбилась въ графа tout bonnement! Неизвѣстно, было ли у нихъ какое нибудь объясненіе, или она почему-то возлагала на него надежды, только она назвала его измѣнникомъ, когда онъ уѣхалъ изъ Парижа, и проливала слезы досады.

— Она вполне заслужила ихъ; это развратная дѣвчонка, хотя ея горе вѣроятно не будетъ продолжительно!

— Вы совершенно правы, графиня. Она уже нашла себѣ утѣшителя въ лицѣ графа Аремберга. C'est un bel homme et un aimable gopé. Это одинъ изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ бельгійскихъ дворянъ. Говорятъ, что онъ даже хочетъ жениться на Коронѣ.

— Я жалѣю глупца, который попадетъ въ эту ловушку! замѣтила графиня съ рѣзкимъ неприятнымъ смѣхомъ.

— Если Арембергъ женится на Коронѣ, никто въ Версалѣ не назоветъ его глупцомъ. Веселый характеръ молодой дѣвушки и покровительство императора скоро расположили къ ней королеву, которая сначала относилась къ ней недружелюбно, считая ее искательницей приключеній. Но когда вслѣдъ затѣмъ Корону пригласили участвовать въ концертахъ Трианона, то ея рѣдкое музыкальное дарованіе измѣнило дѣло, и Марія Антуанета окончательно подружилась съ нею...

— Я никакъ не ожидала, что князь Лобковичъ присоединится къ числу поклонниковъ моей внучки!

— Если я интересуюсь Короной, то потому, что это ваша кровь, графиня, и она вдобавокъ наслѣдовала отъ васъ умъ и изящно и мило держать себя въ обществѣ. Въ Трианонѣ всѣ въ одинъ голосъ хвалятъ ея умъ и непринужденное обращеніе. Старый чудакъ маркизъ боготворитъ ее и намѣренъ оставить ей свое огромное состояніе. Такимъ образомъ, вы видите, что она далеко не дурная партія.

— Но вы все-таки не сказали мнѣ, чѣмъ она можетъ испортить жизнь графу.

— Ревностью къ Ренатѣ и желаніемъ отомстить за его мнимую или дѣйствительную измѣну.

Старая графиня съ гнѣвомъ отодвинула скамейку отъ своихъ ногъ и пробормотала проклятіе.

Лобковичъ нахмурилъ свои сѣдыя брови.—Я прихожу въ отчаяніе,

графиня, потому что ничѣмъ не могу угодить вамъ сегодня! сказалъ онъ. Къ сожалѣнію, не въ моей власти приказать моимъ вассаламъ напасть на Таинбургъ, какъ это дѣлалось въ старыя варварскія времена, убить графа, а затѣмъ насильственно выдать замужъ его вдову за вашего внука...

— Я ничего не хочу и не заявляю никакихъ требованій; но если бы я была мужчиной, то нашла бы способъ избавиться отъ этого человѣка!..

— Другими словами, вы хотите, чтобы мы вызвали его на дуэль. Но я не имѣю никакого желанія быть убитымъ; съ другой стороны врядъ ли вы сами рѣшились бы подвергнуть опасности жизнь Проккопа. Дождитесь войны; можетъ быть она избавитъ васъ отъ ненавистнаго сосѣда.

— Съ кѣмъ же будемъ мы воевать? Съ турками?

— Нѣтъ, съ Пруссіей.

— Неужели Фридрихъ опять затѣваетъ войну?

— На этотъ разъ самъ императоръ думаетъ начать ее, такъ какъ Австрія много потеряла en puissance et consideration со времени семилѣтней войны и на сѣверѣ образовалось новое государство вандаловъ, крайне опасное для насъ. Императоръ слѣлъ только относительно внутреннихъ дѣлъ государства, а не внѣшней политики; онъ ясно видитъ, что Австрія должна во-время занять прочное положеніе въ Германіи, чтобы Пруссія со временемъ не заняла ея мѣсто, хотя, разумѣется, исходъ войны неизвѣстенъ...

— Вы говорите это такимъ тономъ, какъ будто желаете, чтобы насъ побили.

— Я дѣйствительно желаю этого, потому что самовластію Іосифа былъ бы нанесенъ сильный ударъ; онъ увидѣлъ бы своихъ настоящихъ друзей и убѣдился бы нагляднымъ образомъ, что единственная опора наслѣдственной монархіи—дворянство и духовенство...

Старая графиня съ большимъ вниманіемъ слушала своего собесѣдника и мысленно рѣшила, что князь такъ уменъ, что ему можно простить его злыя выходки, и только ждала удобной минуты, чтобы выразить уваженіе, какое она чувствовала къ нему.

Но въ это время шумъ въ залѣ, усилившійся съ нѣкотораго времени, достигъ такихъ размѣровъ, что Лобковичъ всталъ съ своего кресла и отворилъ дверь.

— Что случилось? спросила съ безпокойствомъ графиня.

Въ залѣ, ярко освѣщенной восковыми свѣчами, горѣвшими въ канделябрахъ, раздавался дикій гулъ пьяныхъ голосовъ, въ которомъ едва можно было различить отдѣльныя слова. Казалось, что мужчины о чемъ-то спорили, но вслѣдъ затѣмъ послышался громкій хохотъ необузданнаго веселья. Всѣ служащіе у графа заблаговременно удалились; изъ лицъ незнатнаго происхожденія оставались только Венцель Свобода и священникъ Гасликъ, которые служили мишенью для

грубыхъ шутокъ высококрѣпныхъ дворянъ. Маленькій писарь съ раскраснѣвшимся лицомъ стоялъ шатаясь на столѣ, окруженный молодыми дворянами. Напрасно умолялъ онъ то одного, то другаго изъ этихъ господъ позволить ему сойти со стола. Безумный смѣхъ былъ единственнымъ отвѣтомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стола сидѣлъ Гасликъ, размахивалъ руками и, обращаясь къ Свобождѣ, нараспѣвъ произносилъ заклинанія, употребляемыя католическимъ духовенствомъ при изгнаніи злыхъ духовъ. Несмотря на дикость этой сцены, всѣ остальные гости, бросивъ карты и шахматную игру, со стаканами въ рукахъ собрались шумной толпой около стола. Лобковичъ нѣкоторое время съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на жалкую фигуру писаря, подпрыгивающаго на столѣ, и на всѣхъ этихъ богато одѣтыхъ дворянъ, въ вышитыхъ бархатныхъ и шелковыхъ камзолахъ, которые, повидимому, были совершенно поглощены зрѣлищемъ.

— Что за пошлость! пробормоталъ Лобковичъ, но тѣмъ не менѣе невольно улыбнулся.

— Гасликъ охрипъ отъ крика, дайте ему вина! воскликнулъ одинъ изъ гостей.

— Господа, не мучьте меня, позвольте сойти со стола, умолялъ писарь.—Я никогда больше...

— Дай те-ка сюда бутылку краснаго. Пей, Свобода; вино придастъ тебѣ мужества. Расправь свои крылья, летучая мышь!

— Покажи намъ, какъ ты умѣешь летать, Свобода?

— Вельзевулъ, перейди въ стадо свиней! кричалъ представитель католическаго духовенства, указывая на дворянъ.

Въ отвѣтъ на это послышался новый взрывъ хохота.

— Тихе! идетъ Лобковичъ.

Князь подошелъ къ двумъ господамъ, которые держали себя приличнѣе другихъ, и спросилъ: что значитъ вся эта сцена?

— Писарь хвастался, что можетъ летать по воздуху и что этому научилъ его французъ, живущій въ Танибургѣ. Тогда эти господа подняли его на столъ и потребовали, чтобы онъ показалъ имъ свое искусство. Гасликъ считаетъ летаніе по воздуху дьявольскимъ навожденіемъ и заклинаетъ злыхъ духовъ, которые, по его мнѣнію, сидятъ въ тѣлѣ писаря.

— Неправда ли, какая глупая забава! замѣтилъ другой господинъ.

Въ это время общее веселье было внезапно прервано паденіемъ писаря, который сватился со стола и лежа на полу громко стоналъ и жаловался на ушибъ.

Слуги, по приказанію молодаго графа, подняли его на руки и унесли изъ залы.

— Летучая мышь сломала себѣ крылья! говорили со смѣхомъ дворяне.

— Судь Божій совершился надъ нимъ! проговорилъ испуганный Гасликъ.

— Что за дурачества! замѣтилъ князь Лобковичъ раздраженнымъ голосомъ.— Неужели, господа, у васъ нѣтъ лучшаго развлечения?

— Если бы вы видѣли, до чего онъ былъ смѣшенъ! возразилъ графъ Прокопъ.

— Должно быть бѣдняга сильно расшибъ себя голову!

— Кто? Венцель Свобода? Не безпокойтесь! Онъ живучъ какъ кошка. Завтра онъ; проспится съ похмѣлья и будетъ смотрѣть на свѣтъ божій тѣми же плутовскими глазами.

— Правда ли то, что рассказываютъ объ этомъ французѣ? говорили между собою дворяне.

— Графъ Эрбахъ давно уже занимается съ нимъ попытками воздухоплаванія. Онъ наслѣдовалъ эту страсть отъ отца, который также увлекался естественными науками.

— Говорятъ, что французъ жилъ въ Таннбургѣ три года тому назадъ.

— Если бы Гасликъ пришелъ въ себя, то отъ него можно было бы узнать нѣкоторыя подробности.

— Облейте ему голову холодной водой!

— Впрочемъ, мы сами можемъ убѣдиться въ правдивости слуховъ и распросить самого француза. Если не ошибаюсь, то всѣ мы получили приглашеніе отъ графа Эрбаха на день св. Мартина.

— Разумѣется, и вдобавокъ въ самой вѣжливой формѣ. Едва ли будетъ прилично отказаться отъ него.

— Я не понимаю, почему мы не можемъ принять приглашенія! Въ былые годы мы очень весело проводили время въ Таннбургѣ.

— Графъ Эрбахъ любезный хозяинъ и умѣетъ занять гостей. На этотъ разъ вѣроятно не будетъ недостатка въ хорошемъ угощеніи.

— Любопытно будетъ потолковать съ французомъ. Я убѣжденъ, что есть доля правды въ болтовнѣ писаря... Машина для летанія по воздуху! Какая смѣлая и прекрасная мысль!

— Надѣюсь, господа, что вы избавите меня отъ этого посѣщенія, сказалъ графъ Прокопъ съ гнѣвнымъ выраженіемъ на своемъ красивомъ лицѣ.

— Вы составляете исключеніе, графъ Турмъ, такъ какъ имѣете поводъ жаловаться на графа Эрбаха. Женщины всегда умудрятся поссорить между собой даже самыхъ порядочныхъ людей.

— Оставьте эти старыя исторіи! сказалъ князь Лобковичъ, молчавшій до сихъ поръ.— Графъ Эрбахъ далъ подробное объясненіе покойному Турму по поводу исторіи съ его дочерью, насколько этого потребовала дворянская честь. Значитъ, дѣло нужно считать поконченнымъ, хотя приличіе не позволяетъ, чтобы Прокопъ сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію. Но во всякомъ случаѣ я раздѣляю ваше мнѣніе господа, и всегда придерживался того правила, что нужно дорожить хорошими отношеніями съ сосѣдами!..

Разговаривая такимъ образомъ, гости мало-по-малу вернулись къ

карточнымъ столамъ и шахматамъ; другіе опять наполнили свои стаканы.

Графъ Прокопъ взялъ подъ руку князя Лобковича и отвелъ его къ оконной нишѣ.

— Вы произнесли, князь, хвалебную рѣчь графу Эрбаху, сказалъ онъ,—и поощряете этихъ господъ возобновить съ нимъ знакомство?

— Потому что они сдѣлали бы это помимо моего совѣта. У всѣхъ Турмовъ течетъ горячая кровь въ жилахъ. Вы хотите проломить стѣну головой и выходите изъ себя, когда это не удастся вамъ. Повѣрьте моей опытности, что эти господа только и ждали какой-нибудь гнѣвной выходки отъ меня или васъ, чтобы разсказать о ней графу Эрбаху. Теперь они могутъ засвидѣтельствовать, что мы отзывались о немъ вѣжливо и не прочь примириться съ нимъ.

— Я вовсе не желаю этого примиренія!

— Напрасно! Никто въ этомъ случаѣ не требуетъ отъ васъ искренности. Но если мы желаемъ погубить врага, то прежде всего должны усыпить его бдительность.

Съ этими словами князь Лобковичъ отошелъ отъ разгнѣваннаго Прокопа и приблизился къ священнику.

Гасликъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ и тяжело вздыхалъ. Туманъ винныхъ паровъ немного разсѣялся въ его головѣ; у него явилось сознание дѣйствительности. Онъ чувствовалъ ломоту во всемъ тѣлѣ и нѣкотораго рода стыдъ отъ той унижительной роли, которую онъ разыгралъ въ предъидущемъ сценѣ. Увидя передъ собой Лобковича, онъ съ смущеніемъ поднялся на ноги, но долженъ былъ ухватиться за спинку кресла, чтобы не упасть, и пробормоталъ извиненіе. Лобковичъ пригласилъ его сѣсть жестомъ руки и занялъ мѣсто около него. Достаточно было нѣсколькихъ словъ князя, общавшаго свое покровительство, чтобы протрезвить священника. Хотя его надежды уже много разъ оказывались ложными, но онъ должны были когда нибудь осуществиться. Онъ упивался каждой фразой, которую произносилъ князь, и въ далекомъ будущемъ ему мерещился епископскій посохъ.

Послѣ долгаго разговора оба собесѣдника разстались взаимно довольные другъ другомъ.

ГЛАВА V.

Былъ ясный осенній день безъ малѣйшаго вѣтра. Изъ-за сѣрыхъ облаковъ, выглядывало тусклое осеннее солнце; въ саду Таннбурга осыпались послѣдніе листья съ деревьевъ; однѣ темныя сосны сохраняли свой прежній величественный видъ. На лугу за желѣзной рѣшеткой, отдѣлявшей садъ отъ двора замка, сновали взадъ и впередъ

слуги. Работники молча исполняли приказанія, которыя отдавалъ имъ Бланшаръ съ видимымъ волненіемъ. Сегодня долженъ былъ быть произведенъ первый опытъ надъ изобрѣтеннымъ имъ аэростатомъ. Графъ слѣдилъ за работами въ нѣкоторомъ отдаленіи и сообщалъ патеру свои надежды и опасенія. Между двумя низкими деревянными столбами висѣлъ привязанный веревками большой безформенный мѣшокъ изъ плотной бумаги, пропитанной масломъ, который мало-помалу сталъ наполняться нагрѣтымъ воздухомъ съ помощью особаго аппарата, и принялъ форму шара. Несмотря на удерживавшія его веревки, онъ колебался во всѣ стороны къ ужасу слугъ, которые видѣли въ этомъ дѣйствіе нечистой силы. Только присутствіе графа мѣшало имъ выразить свой ужасъ громкими возгласами или обратиться въ бѣгство.

Наконецъ шаръ былъ окончательно наполненъ и закрытъ; къ нему прикрѣпили небольшую корзину изъ ивовыхъ прутьевъ, съ привязаннымъ къ ней котенкомъ. По знаку Бланшара, работники отвязали веревки, кромѣ длиннаго каната, конецъ котораго онъ держалъ въ рукѣ. У зрителей замерло дыханіе; они съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за шаромъ, который постепенно поднялся вверхъ, освѣщенный солнечными лучами. Бланшаръ выпустилъ конецъ каната; онъ весь превратился въ зрѣніе; онъ не чувствовалъ, какъ графъ Эрбахъ взялъ его за руку, не слышалъ ликующихъ возгласовъ окружавшихъ его людей. Онъ видѣлъ, что шаръ его поднялся выше крыши замка и гонимый легкимъ вѣтромъ понесся къ югу надъ вершинами деревьевъ. Чудо совершилось: бумажный шаръ поплылъ въ необъятномъ небесномъ пространствѣ! Легкая ивовая корзина, которую онъ унесъ съ собой, могла быть замѣнена болѣе тяжелымъ баластомъ; стоило только увеличить размѣры шара.—Пройдетъ, быть можетъ, немного времени, думалъ Бланшаръ,—и на шарѣ полетитъ человекъ и будетъ властвовать надъ небомъ, какъ теперь надъ землею и моремъ! Ты разрушилъ проклятіе, которое привязывало его къ землѣ, и даровалъ ему свободу въ недалекомъ будущемъ...

Шаръ все еще держался на высотѣ; вѣтеръ гналъ его къ лѣсу. Графъ и Бланшаръ въ сопровожденіи слугъ побѣжали черезъ садъ къ земляной насыпи, такъ какъ отсюда было всего удобнѣе наблюдать—исчезнетъ ли аэростатъ въ пространствѣ, или упадетъ на землю. Между тѣмъ вѣтеръ усилился и шаръ сталъ мало-помалу опускаться надъ обнаженной верхушкой дуба... еще минута—и шаръ разорвался въ куски.

— Кончено! сказалъ Бланшаръ, закрывая себѣ лицо руками.

Слуги бросились къ дереву, въ надеждѣ спасти падающій шаръ, но это не удалось имъ; на землѣ лежали клочки бумаги и корзинка, въ которой жалобно мяукалъ котенокъ, дѣлая напрасныя усилія, чтобы освободиться отъ веревки. Кругомъ стояли съ поднятыми руками и разинувъ рты отъ удивленія деревенскіе ребятишки, собиравшіе хворостъ въ лѣсу.

— Удача, Бланшарь! воскликнулъ графъ Эрбахъ, заключая въ объятія изобрѣтателя.—Паденіе шара не должно огорчать васъ; бумага можетъ быть замѣнена болѣе плотной матеріей, которая лучше устоитъ противъ вѣтра и разныхъ случайностей. Не теряйте мужества! самое главное сдѣлано; мы видѣли, какъ вашъ аэростатъ поднялся на воздухъ съ извѣстной тяжестью.

— Вѣроятно многіе изъ моихъ собратій, глядя на эту безформенную массу, сочли бы своимъ долгомъ напомнить вамъ паденіе Люцифера и разрушеніе Вавилонской башни, сказалъ патеръ Ротганъ. — Но я не въ состояніи раздѣлить этого взгляда и повторю слова графа: не теряйте мужества, Бланшарь! *Macte nova virtute puer, sic itur ad astra!*

Но Бланшаръ едва замѣчалъ, что дѣлалось вокругъ него; онъ задумчиво смотрѣлъ на небо, гдѣ за минуту передъ тѣмъ проносился его шаръ въ солнечномъ сіяніи. Тяжелыя тучи заволокли его и набросили темный покровъ на окружающій ландшафтъ.

Радость побѣды боролась въ душѣ Бланшара съ чувствомъ недовольства собой и своимъ изобрѣтеніемъ. Какими незначительными казались ему полученные результаты сравнительно съ годами усиленныхъ думъ и работы! Рушились гордыя мечты, наполнявшія его голову, въ тотъ моментъ, когда его аэростатъ поднялся къ облакамъ съ неудержимой силой. Пройдетъ много лѣтъ, прежде чѣмъ его изобрѣтеніе получитъ какое либо значеніе, и потребуетъ немало усовершенствованій, чтобы человѣчество могло воспользоваться имъ...

Между тѣмъ, никакія сомнѣнія не тревожили графа Эрбаха. Онъ былъ полонъ самыхъ радостныхъ надеждъ; годами желѣялъ онъ смѣлую мысль, зерно которой посеялъ въ немъ Бланшаръ. Мысль эта осуществилась послѣ долгихъ и напрасныхъ лѣтъ ожиданія. Удачная попытка доставила ему такую сердечную радость, что онъ давно не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ. Онъ сознавалъ, что могъ отчасти приписать себѣ успѣхъ предпріятія; сколько разъ воодушевлялъ онъ Бланшара своей энергіей и побуждалъ его продолжать дѣло, когда тотъ въ минуты отчаянія хотѣлъ бросить его.

Ротганъ раздѣлялъ радостное настроеніе графа и съ такою же горячностью доказывалъ Бланшару великое значеніе его изобрѣтенія.

Разговаривая такимъ образомъ, они незамѣтно дошли до башни и остановились передъ нею. При томъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ они находились, самыя фантастическія мечты казались имъ возможными; въ ихъ воображеніи проносились свѣтлыя картины далекаго будущаго, когда для человѣчества долженъ наступить вѣкъ разума и свободы. Тѣ же мечты, хотя въ другой формѣ, наполняли и сердце Мракотина, который въ это время сидѣлъ въ башнѣ на своей постели и бормоталъ молитвы; передъ нимъ также открывался новый свѣтъ любви и братства.

Тайна его пребыванія въ замкѣ до сихъ поръ не была открыта,

такъ какъ ни одинъ изъ слугъ не былъ допущенъ въ башню, и только Гедвига и Бланшаръ ухаживали за больнымъ старикомъ. Здоровье его скоро поправилось, благодаря хорошему питанію и полному душевному спокойствію; но онъ вообще мало говорилъ и съ удивленіемъ разсматривалъ высокую комнату со сводами, въ окно которой по утрамъ заглядывало осеннее солнце, и на молодую дѣвушку, приносившую ему пищу. Ему казалось минутами, что онъ находится не на землѣ, а гдѣ-то въ царствѣ блаженныхъ. Какъ всѣ мечтатели, онъ жилъ полусознательной, двойственной жизнью, при которой человекъ не можетъ дать себѣ отчета, гдѣ кончается дѣйствительность и начинается область фантазій.

Графъ Эрбахъ, Бланшаръ и патеръ Ротганъ, стоя на дворѣ, настолько увлеклись своей бесѣдой, что не обратили никакого вниманія на бѣготню и перешептываніе слугъ, столпившихся у главныхъ воротъ.

Между тѣмъ, по аллѣ, ведущей къ замку, скакалъ всадникъ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него поднималась на гору тяжелая дорожная карета.

— Это онъ! я сразу узналъ его, сказалъ одинъ изъ слугъ.—Нѣтъ, это невозможно; графъ еще недавно говорилъ патеру, что онъ гдѣ-то въ чужихъ краяхъ, возразилъ графскій камердинеръ.—Разумѣется, это г-нъ Бухгольцъ! воскликнулъ конюхъ; смотрите, онъ совѣтъ нагнулся на лѣвую сторону сѣдла! Видно, до сихъ поръ онъ не выучился ѣздить какъ слѣдуетъ!

Графъ Эрбахъ, услыхавъ это восклицаніе, невольно оглянулся и и увидѣлъ всадника, вѣхавшаго въ ворота.

Это былъ дѣйствительно Фрицъ Бухгольцъ, немного загорѣлый отъ южнаго солнца; но его добрые сѣрые глаза смотрѣли такъ же довѣрчиво, какъ и прежде. Онъ весело размахивалъ шляпой и, обращаясь къ слугамъ, громко сказалъ:

— Вотъ я опять явился къ вамъ! Какъ вы поживаете, мои друзья? Узнали ли меня? Одного только почтеннаго Рехбергера нѣтъ между вами! Дай Богъ ему царствіе небесное! Надѣюсь, его сіятельство въ замкѣ? продолжалъ Бухгольцъ, между тѣмъ какъ глаза его были обращены на окна верхняго этажа, гдѣ онъ прежде такъ часто видѣлъ Гедвигу.

— Я здѣсь! крикнулъ ему графъ Эрбахъ съ веселымъ смѣхомъ. Вы нисколько не измѣнились, мой добрый Фрицъ. Но странно, что вы смотрите вверхъ и ищите меня подъ крышей. Не думаете ли вы, что я превратился въ воробья!.. Тѣмъ не менѣе, мнѣ очень пріятно видѣть васъ опять въ Таннбургѣ!..

Радость и смущеніе выразилось на лицѣ молодаго бюргера, который почувствовалъ себя въ положеніи пойманнаго школьника.

— Если бы вы знали, съ какимъ нетрпѣніемъ я стремился сюда! возразилъ онъ, соскочивъ съ лошади и пожимая руку графа.—Вотъ и

патеръ Ротганъ! Честь имѣю засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе... Мнѣ кажется, что я проснулся отъ долгаго сна и ничто не измѣнилось здѣсь съ того незабвеннаго вечера!.. Однако, прошу великодушно извинить меня. Я увлекся воспоминаніями и не сообщаю вамъ важнаго извѣстія. Графиня прибудетъ сюда черезъ нѣсколько минутъ! Я имѣлъ счастье познакомиться съ нею въ Прагѣ... Ея сіятельству угодно было, чтобы я сопутствовалъ ей въ Таннбургъ...

Графъ Эрбахъ, не смотря на все свое самообладаніе, поблѣднѣлъ при этихъ словахъ, но тотчасъ же справился съ собой и, обращаясь къ слугамъ, сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Отворите ворота и извѣстите Гедвигу о пріѣздѣ графини!.. Я пойду ей на встрѣчу; надѣюсь, что вы не откажетесь сопроводити меня, г-нъ патеръ!

Ротганъ молча поклонился.

Графъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ воротамъ. Походка его была такая же увѣренная, какъ всегда; никто, глядя на него, не могъ замѣтить той душевной борьбы, какая въ эту минуту происходила въ его сердцѣ. Онъ взглянулъ на заходящее солнце и машинально кивнулъ головой. — Можетъ быть, Корона также смотритъ теперь на эти облака въ Буживалѣ, подумалъ онъ, мысленно навѣки прощаясь съ нею.

Стукъ колесъ вывелъ его изъ задумчивости. Онъ послѣшно подошелъ къ остановившейся каретѣ и отворилъ дверцы.

— Примите мое привѣтствіе, графиня, сказалъ онъ съ вѣжливымъ поклономъ, снимая шляпу съ головы.—Я хотѣлъ первый встрѣтить васъ и выразить мою глубокую благодарность...

— Это - вы, Поль! пробормотала съ смущеніемъ Рената, едва удерживаясь отъ слезъ.

Онъ поцѣловалъ ей руку и помогъ выйти изъ кареты.

На Ренатѣ было одѣто сѣрое шелковое платье, подобранное красными бархатными бантами, которое очень шло къ ея изящной фигурѣ и блѣдному задумчивому лицу. Она робко взяла своего мужа подъ руку.

— Господь да благословитъ васъ! сказалъ патеръ, когда оба супруга проходили мимо него.

Рената чувствовала сильное волненіе и не рѣшалась заговорить съ графомъ.—Могла ли она забыть тѣ страданія, какія она вынесла со времени ихъ разлуки? Любитъ ли онъ ее по прежнему? спрашивала она себя съ замираніемъ сердца.—Быть можетъ обстоятельства болѣе, чѣмъ душевная потребность, вызвали это примиреніе?... Развѣ она сама не приходила въ ужасъ при одной мысли, что ей придется рассказать мужу исторію своего увлеченія въ Венеціи?..

Они взошли на высокое крыльцо стараго замка, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли въ нишахъ Геркулесъ и Самсонъ, обитые плющемъ. Рената оглянулась и невольно вспомнила тотъ день, когда

она впервые вступила въ этотъ замокъ съ сердцемъ, полнымъ радостныхъ надеждъ. Какъ старые знакомые, привѣтливо смотрѣли на нее обновленныя фізіономіи трехъ чудаковъ надъ дверями новой башни. Какъ тогда, такъ и теперь прислуга и рабочіе, столпившись у крыльца, громко привѣтствовали ее радостными возгласами.

Въ сѣняхъ Гедвига встрѣтила графиню и поцѣловала у ней руку, а графъ представилъ Бланшара, выражая сожалѣніе, что ей не удалось видѣть величайшее его изобрѣтеніе.

Рената привѣтливо улыбулась Бланшару, и точно во снѣ бессознательно дошла до своихъ комнатъ подъ руку съ своимъ мужемъ.

Долго супруги сидѣли вдвоемъ въ маленькой гостиной, которая была давно приготовлена къ пріѣзду хозяйки дома.

— Благодарю васъ, моя дорогая Рената, сказалъ графъ Эрбахъ, — что вы дѣйствовали подъ вліяніемъ прежней вашей привязанности ко мнѣ и не послушались совѣтовъ моихъ враговъ. Еще въ Версалѣ они лишили меня возможности если не помириться, то по крайней мѣрѣ видѣться съ вами. Теперь мы одни здѣсь и можемъ спокойно объяснить другъ другу наше прошлое, безъ посредничества постороннихъ лицъ. Я особенно желаю этого, потому что болѣ виновать передъ вами, нежели вы думаете. Окружающіе васъ набросили тѣнь на вашу личность; я не узнавалъ моей прежней кроткой Ренаты. Смиритесь надо мной, или лучше—побраните меня; я настолько былъ озлобленъ противъ васъ, что находилъ сходство между вами и старой графиней Турмъ...

Вслѣдъ затѣмъ, какъ бы желая избавить ея на этотъ день отъ неприятной необходимости объяснять ему причины ея внезапнаго удаленія изъ Венеціи, онъ заговорилъ о неожиданномъ посѣщеніи, которымъ удостоилъ его императоръ, о своихъ постройкахъ и добавилъ улыбаясь:

— Я воображаю себѣ, какія уморительныя фізіономіи будутъ у нашихъ сосѣдей, когда они явятся сюда на новоселье въ мою башню и увидятъ васъ, Рената!..

Такимъ образомъ, графъ Эрбахъ разсѣялъ послѣднюю тѣнь сомнѣній, мучившихъ ее въ Прагѣ въ мрачномъ дворцѣ Лобковича. Ей казалось, что въ немъ произошла благодѣтельная перемена, что онъ сдѣлался серьезнѣе и на многое взглянулъ иными глазами, и что теперь ей нечего бояться насмѣшекъ съ его стороны по поводу ея мрачнаго взгляда на жизнь.

Она заговорила съ нимъ о впечатлѣніи, какое произвело на нее его письмо, написанное въ Прагу.

— Ваше письмо настолько тронуло меня, добавила она, — что я рѣшилась тотчасъ же отправиться въ Таннбургъ. Какъ бы ни сложились наши отношенія въ будущемъ, но желаніе видѣть васъ взяло верхъ надъ всѣми другими соображеніями. Пусть свѣтъ называетъ меня легкомысленной и безхарактерной женщиной, которая безъ вся-

кой видимой причины бросила своего мужа и опять вернулась къ нему; но я не раскаиваюсь, что послѣдовала влеченію своего сердца, тѣмъ болѣе, что я не могла спокойно оставаться въ Прагѣ. Прокопъ Турмъ сдѣлалъ мнѣ визитъ и откровенно признался, что ненавидитъ васъ, а старая графиня всегда старалась вредить вамъ. Кто знаетъ, что у нихъ на умѣ. Можетъ быть, мой страхъ не имѣлъ никакого основанія, но вдали отъ васъ я не имѣла ни одной минуты покоя. Тутъ только я почувствовала, какъ горячо я привязана къ вамъ...

Онъ не далъ договорить ей, такъ какъ не вѣрилъ въ ея постоянство и хотѣлъ вступить съ нею въ дружескія отношенія.

— Намъ нечего бояться какихъ либо опасностей, моя дорогая Рената, сказалъ онъ, — кромѣ тѣхъ, какія мы сами создадимъ себѣ, желая достичь невозможнаго. Мы ведемъ здѣсь тихую трудолюбивую жизнь, какъ можетъ засвидѣтельствовать мой постоянный гость, патеръ Ротганъ. Развалины, которыя казались вамъ такими уродливыми, превращены теперь въ красивую башню. Постройка доставила многимъ бѣднягамъ хорошій заработокъ, такъ что, благодаря моимъ деньгамъ, мнѣ удалось заслужить порядочную репутацію у народа. Вокругъ меня мало-по-малу составляется кружокъ порядочныхъ и дѣятельныхъ людей, и мнѣ остается только жалѣть, что я лишена общества лучшаго человѣка, какого мнѣ приходилось встрѣчать въ жизни. Не удивляйтесь моимъ восторженнымъ отзывамъ о молодомъ императорѣ; я считаю себя его ученикомъ, потому что его примѣръ превратилъ меня изъ мечтателя и лѣнниваца въ дѣятельнаго человѣка...

Когда зажгли свѣчи и всѣ собрались въ большой гостиной, Фрицъ Бухгольцъ началъ разсказъ о своихъ путешествіяхъ. Гедвига, по желанію графини, заняла мѣсто за столомъ, хотя она только изрѣдка поднимала голову отъ работы, которая, повидимому, поглощала все ея вниманіе.

Бухгольцъ вскорѣ послѣ встрѣчи съ графомъ Эрбахомъ въ Люсьеннѣ отправился въ Ломбардію. Извѣстіе, что Гедвига жива и что приняты всѣ мѣры для ея освобожденія, настолько ободрило его, что онъ съ новымъ рвеніемъ рѣшился посвятить себя изученію шелководства, въ которомъ итальянцы превосходили тогда всѣ другіе народы. Любимое дѣло настолько заинтересовало его, что онъ очень мало обращалъ вниманія на классическія древности, дворцы, картины и статуи. Сообщая своимъ слушателямъ впечатлѣніе, произведенное на него природой Италіи, онъ откровенно сознался, что не промѣняетъ равнины и сосновые лѣса своей родины на окрестности Милана или Вероны. Изъ всего видѣннаго имъ во время путешествія наиболѣе понравились ему озеро Комо, Парижъ и Версальскій садъ.

При этихъ словахъ Рената и патеръ Ротганъ молча переглянулись, а графъ Эрбахъ въ оправданіе своего пріятели замѣтилъ, что подобное сужденіе вполне естественно со стороны дѣловаго человѣка, который вмѣсто того, чтобы наслаждаться природой, думалъ только

о своей далекой родинѣ. Затѣмъ, желая переимѣнить разговоръ, онъ спросилъ:

— Долго ли, Бухгольцъ, вы оставались въ Вѣнѣ?

— Я пробылъ тамъ нѣсколько дней, отвѣтилъ Бухгольцъ.—Весь городъ въ сильномъ волненіи, такъ какъ ожидаютъ скоро новой войны съ Пруссіей. Говорятъ, императрица желаетъ сохранить миръ, но Иосифъ мечтаетъ о военной славѣ и имѣетъ виды на Баварію. Народъ, повидимому, не совсемъ доволенъ этимъ, потому что до сихъ поръ не успѣлъ отдохнуть отъ послѣдствій семилѣтней войны. Что касается меня лично, добавилъ Бухгольцъ,—то я рѣшительно не понимаю, изъ-за чего ссорятся австрійскій императоръ и прусскій король; они самые могущественные государи въ Германіи и могли бы раздѣлить между собою всю страну. На сѣверѣ, гдѣ населеніе большею частью протестантское, долженъ царствовать прусскій король, а на югѣ, гдѣ католики—вашъ императоръ. Только при этомъ условіи можно рассчитывать на прочный миръ, съ которымъ тѣсно связано благосостояніе народа, процвѣтаніе торговли и промышленности...

— Не подлежитъ сомнѣнію, что это было бы наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса, возразилъ графъ Эрбахъ,—но врядъ ли это удобно-исполнимо на практикѣ. Неужели вы предполагаете, мой милый Фрицъ, что мелкія государства позволяютъ поглотить себя безъ борьбы двумъ властелинамъ и не употребятъ всѣ средства, чтобы поддержать раздоръ между ними... Однако, прекратимъ этотъ разговоръ — онъ можетъ наскучить графинѣ. Мы возобновимъ его, когда останемся одни. Само собою разумѣется, что вы проживете у насъ нѣкоторое время...

Бухгольцъ возразилъ, что врядъ ли ему удастся принять любезное приглашеніе графа, такъ какъ его отсутствіе было слишкомъ продолжительно, и онъ долженъ торопиться домой. Говоря это, онъ взглянулъ на Гедвигу, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нее его отказъ. Но онъ ошибся въ расчетѣ, потому что молодая дѣвушка едва ли слышала его слова. Она встала съ мѣста и молча вышла изъ комнаты.

Въ этотъ вечеръ она больше не возвращалась въ гостиную.

Графъ такъ часто говорилъ ей о Бухгольцѣ, что она не могла сомнѣваться въ его намѣреніи сблизить ихъ. Повидимому, онъ также желалъ ея брака съ этимъ человѣкомъ, какъ и ея покойный отецъ. Былъ ли это капризъ со стороны графа, или увѣренность, что она ни съ кѣмъ не будетъ такъ счастлива, какъ съ Бухгольцемъ,—но онъ, вѣроятно, будетъ упорно настаивать на этомъ. Съ какимъ страхомъ ожидала она возвращенія молодого бюргера и сколько разъ спрашивала себя, имѣетъ ли она право распоряжаться собой, или должна покориться волѣ тѣхъ, въ чьей власти она находилась? Этотъ вопросъ, разрѣшеніе котораго она постоянно откладывала, опять настойчиво предсталъ передъ нею. Бухгольцъ въ замкѣ; графинѣ, вѣроятно, все

извѣстно; она также будетъ на его сторонѣ. Съ какою нѣжностью смотрѣлъ онъ на нее сегодня! — долгая разлука не охладила его любви. Что мѣшало ей принять его руку, которая такъ робко протягивалась къ ней? Почему у ней такая тяжесть на сердцѣ?.. Куда унеслись ея мысли?.. Сколько разъ монахини восхваляли ей блаженство безбрачной жизни... не останется ли ей монахиней, хотя и не въ церковномъ значеніи этого слова, и посвятить себя дорогому воспоминанію? Надъ ея постелью висѣлъ небольшой портретъ императора, подаренный ей графомъ. Онъ будетъ неразлученъ съ нею...

Она покраснѣла и закрыла лицо руками, хотя въ ея комнатѣ было темно и только слабый лунный свѣтъ, проникая черезъ оконныя рамы, скользилъ по ея бѣлокурымъ волосамъ. Долго сидѣла она неподвижно на деревянной скамьѣ, погруженная въ свои думы. Она стояла на перепутьѣ жизни и могла выбрать въ будущемъ мирный домъ, или бездомное странствованіе. Не одна боязнь отказаться отъ любимой мечты заставляла ее колебаться въ своемъ рѣшеніи; сердце ея возмущалось противъ сознательной лжи. Она не хотѣла дать обѣтъ человѣку въ любви и вѣрности въ то время, когда ея душа принадлежала другому. Монастырь настроилъ ея умъ на размышленія о вопросахъ совѣсти; она съ отчаяніемъ спрашивала себя: кто можетъ дать ей совѣтъ въ данномъ случаѣ и направить ея волю? Если она признается кому нибудь, что любитъ императора, то ее оттолкнуть съ презрѣніемъ, или примутъ за сумасшедшую. Но чѣмъ объяснить она отказъ выйти замужъ за человѣка, который, по всѣмъ соображеніямъ, долженъ составить ея счастье?..

Лунный свѣтъ все болѣе и болѣе освѣщаль ея комнату. Она услышала знакомый голосъ, который тихо назвалъ ее по имени.

Въ дверяхъ стоялъ патеръ Ротганъ. Гедвига сняла руки съ лица и съ испугомъ взглянула на него.

— Дитя мое, сказалъ Ротганъ вполголоса. — Свиданіе съ этимъ человѣкомъ взволновало тебя; твое сердце полно заботъ и безпокойства; ты не знаешь, на что рѣшиться.

— Вамъ извѣстно, г. патеръ, что графъ...

— Я знаю, что графъ хочетъ, чтобы ты вышла замужъ за Бухгольца. Твой покойный отецъ также желалъ этого.

— Если бы онъ былъ живъ, то не отдалъ бы меня противъ воли незнакомцу.

— И теперь никто не принуждаетъ тебя. Но что можешь ты сказать противъ этого юноши?..

— Я не люблю его! воскликнула Гедвига, бросаясь къ ногамъ патера.— Научите меня, что мнѣ дѣлать! Вамъ понятны мои сомнѣнія. Господь посылаетъ мнѣ слишкомъ тяжелыя испытанія!.. Хочетъ ли онъ возвысить меня, или наказатъ за гордость?..

— Успокойся, дитя мое! Я хотѣлъ тайно испытать тебя: будешь ли ты имѣть мужество послѣдовать влеченію твоего сердца? Пути Бо-

жіи неісповѣдими... Не бойся! Твоя звѣзда восходитъ на небѣ! Ты поѣдешъ въ Вѣну и увидишь императора...

— Императора! повторила машинально Гедвига, поднимаясь на ноги. Она протянула руки, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли передъ ней стоялъ патеръ Ротганъ, или это былъ обманъ ея воображенія? Но онъ исчезъ безслѣдно.

Она подошла къ окну и задумчиво смотрѣла на ночное небо, усѣянное звѣздами, какъ будто хотѣла прочесть въ нихъ ожидающую ея будущность.

ГЛАВА VII.

Гости весело проводили время въ Таннбургѣ. Казалось, снова вернулись тѣ счастливые дни, когда графъ Эрбахъ ухаживалъ за прекрасной Ренатой и добивался ея руки. Окна и двери замка, по случаю праздника новоселья, были украшены сосновыми вѣтками; Бланшаръ опять развѣсилъ на башнѣ разноцвѣтные фонари для блестящаго вечерняго освѣщенія. Графъ привѣтливо принималъ гостей и былъ въ наилучшемъ настроеніи духа. Присутствіе Ренаты заставило умолкнуть всѣ прежніе толки.

— Если жена помирилась съ нимъ, говорили между собой его сосѣди, то намъ и подавно нечего вспоминать прошлое!

Тѣмъ не менѣе, въ первую минуту многіе окончательно растерялись, когда увидѣли графиню, встрѣчавшую гостей на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы, и не нашли, что сказать ей.

— Каковъ хитрецъ этотъ графъ! говорили одни.

— Въ цѣлой Австріи не найти человѣка любезнѣе его! замѣчали другіе.

— Никто лучше его не умѣетъ устроить праздника!..

Сосѣди, расхваливая графа, отдавали только должную справедливость его любезности и находчивости. Осмотръ башни, рѣдкія коллекціи минераловъ и гербаріи, рассказы объ изобрѣтеніи Бланшара, настолько заняли все общество, что оно скоро оправилось отъ неловкости, которая неизбѣжна при всякомъ возобновленіи знакомства. Присутствіе Бланшара, молодого бюргера и архитектора среди дворянъ никому не казалось оскорбительнымъ, потому что праздникъ новоселья не могъ имѣть исключительно аристократическій характеръ.

Саксонскіе рабочіе также не были забыты. Передъ замкомъ красовалась большая деревянная галлерей, гдѣ для нихъ были приготовлены обѣды и должны были устроиться танцы. Графскіе крестьяне охотно приняли посланное имъ приглашеніе и только немногіе ревностные католики отказались участвовать на праздникъ ерегиковъ.

Самъ Гасликъ счелъ долгомъ явиться въ замокъ и поздравить графа съ новосельемъ, такъ какъ, не смотря на свой аскетизмъ, онъ зналъ цѣну хорошему вину и дорожилъ милостью высокопоставленныхъ особъ. При этомъ онъ надѣялся сдѣлать нѣкоторыя наблюденія и узнать кое-что отъ прислуги, чтобы доставить самыя подробныя свѣдѣнія князю Лобковичу. Но Бахусъ разстроилъ его планы, потому что онъ скоро отдалъ должную дань этому веселому богу, и ему пришлось ограничиться немногими наблюденіями. Графиня сказала ему только нѣсколько словъ, изъ которыхъ онъ вывелъ заключеніе, что она чувствуетъ себя счастливой и жалѣетъ, что разставалась съ мужемъ. Еще труднѣе было узнать что либо отъ молодаго бюргера, который былъ такъ занятъ своей любовью, что рѣшительно не обращалъ никакого вниманія на то, что дѣлалось вокругъ него. Онъ такъ убѣдительно доказывалъ, что примиреніе Ренаты съ графомъ не имѣло другого повода, кромѣ стремленія къ тихой семейной жизни, что опьянѣвшій Гасликъ почти повѣрилъ этому.

— Тутъ нечего искать какихъ нибудь особенныхъ причинъ, сказалъ онъ самому себѣ.—Графиня влюблена въ своего супруга. De gustibus non est disputandum. Если князь убѣжденъ въ противномъ, то это не моя вина.

Такъ же неудачны были розыски священника относительно главы сектантовъ. Въ окрестностяхъ пронесся слухъ, которому вѣрилъ и Лобковичъ, что Мракотинъ нашелъ убѣжище въ Таннбургѣ. Но каждый изъ гостей, къ которому Гасликъ обращался съ этимъ вопросомъ, поднималъ его на смѣхъ, такъ что онъ, наконецъ, потерявъ терпѣніе, рѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшихъ поисковъ и съ добродушной улыбкой чокнулся съ Ротганомъ, который крикнулъ ему черезъ столъ: „саге діем!“

Гости были въ самомъ праздничномъ настроеніи духа. Не было конца остроумъ и веселымъ разговорамъ; всякій разговоръ, касавшійся политики, тотчасъ же прекращался, какъ бы по общему соглашенію. Послѣ обѣда все общество въ экипажахъ, верхами и пѣшкомъ сдѣлало прогулку по лѣсу къ разрушенному охотничьему дому, который получилъ извѣстность, какъ мѣсто сборища еретиковъ. Большинство не придавало особеннаго значенія религиозному движенію въ странѣ; говорили, что церковь настолько сильна, что ей нечего опасаться какихъ либо сектъ и, вѣроятно, изъ вѣжливости къ графу, хвалили Іосифа за его религиозную терпимость. Отсюда разговоръ перешелъ къ неудовлетворительному состоянію Австріи, которая далеко отстала отъ другихъ европейскихъ государствъ относительно образованія и благосостоянія народа. Національное чувство было глубоко оскорблено превосходствомъ маленькой, полудикой Пруссіи надъ Австрійской имперіей. Но въ то время, какъ одни видѣли спасеніе въ внутреннемъ преобразованіи государства, другіе доказывали необхо-

димось расширить его извнѣ пріобрѣтеніемъ Баваріи, которое могло бы вознаграждать потерю Шлезвига.

Но и здѣсь серьезный разговоръ былъ постоянно прерываемъ смѣхомъ и шутками. Когда общество вышло изъ развалинъ съ наступленіемъ сумерекъ, то всѣхъ занималъ одинъ вопросъ: какой сюрпризъ приготовить французъ къ вечеру?

Бланшаръ, дѣйствительно, остался въ замкѣ, чтобы заняться освѣщеніемъ башни. Бухгольцъ вызвался помогать ему, но въ сущности онъ хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы переговорить съ Гедвигой.

Между тѣмъ, у молодой дѣвушки было столько работы въ этотъ день, что она не имѣла времени предаться своимъ мечтамъ и не ожидала, чтобы который либо изъ ея поклонниковъ вздумалъ объясниться съ нею. Тѣмъ сильнѣе былъ ея испугъ, когда, проходя черезъ дворъ, она увидѣла Зденко. Онъ стоялъ прислонившись къ деревянному столбу; когда она узнала его, то было слишкомъ поздно, чтобы обратиться въ бѣгство.

— Остановись! сказалъ онъ, удерживая ее за платье. — Ты не ожидала меня... Этотъ проклятый нѣмецъ опять въ замкѣ, и ты хочешь ухъать съ нимъ, какъ въ прошломъ году!

Вино развязало ему языкъ; иначе онъ не рѣшился бы говорить съ Гедвигой послѣ запрещенія графа.

— Оставь меня и выпусти платье!.. я позову слугъ.

— Развѣ я собака, что мнѣ постоянно грозятъ палкой? Твой отецъ также обѣщалъ поколотить меня, и ты знаешь, чѣмъ онъ кончилъ...

— Молчи! не смѣй произносить его имени.

— Высокомѣрная дѣвчонка! крикнулъ онъ съ бѣшенствомъ. — Я отомщу всѣмъ вамъ! Куда дѣвался святой человѣкъ, котораго я привелъ къ тебѣ? Вы бросили его въ башню... замуравили въ стѣнѣ... Но Господь и Зденко спасутъ его. Вы всѣ сгорите въ пожарѣ, а онъ выйдетъ невредимъ черезъ пламя.

Голосъ Зденко при послѣднихъ словахъ перешелъ въ хриплый шепотъ; глаза его сдѣлались мутными; онъ размахивалъ руками по воздуху.

Проходившіе мимо крестьяне оттащили его въ сторону и избавили Гедвигу отъ непріятнаго объясненія.

Нѣкоторое время она слышала, какъ шумѣлъ опьянѣвшій Зденко; но вслѣдъ затѣмъ его крики были заглушены пѣніемъ толпы, собравшейся въ галлерей, и музыкантами на эстрадѣ, которые начали настраивать свои инструменты.

Гедвига сѣла отдохнуть на каменную скамейку у стѣны замка. Она была въ сильномъ волненіи не столько отъ испуга, какъ отъ чувства глубокаго отвращенія къ назойливому крестьянину. Еще будучи ребенкомъ, она боялась его и отказывалась отъ цвѣтовъ, при-

чьихъ гнѣздъ и кошекъ, которые онъ приносилъ ей въ подарокъ. Съ годами привязанность его еще болѣе усилилась, не смотря на ея равнодушіе, угрозы Рехбергера и запрещеніе графа говорить съ ней, и сдѣлалась своего рода помѣшательствомъ. Мистическія рѣчи Мрако-тина о Божьемъ царствѣ и бѣлой дѣвѣ тѣсно слились въ его воображеніи съ личностью любимой дѣвушки.

Гедвига, сидя на каменной скамьѣ, задумчиво смотрѣла на осенній ландшафтъ, на который уже начали спускаться вечернія сумерки. Не смотря на холодъ, ей было жарко и она чувствовала стѣсненіе въ груди. Слова Зденко неотступно преслѣдовали ее. Дѣйствительно ли онъ намѣревался совершить преступленіе, или это были только пустыя угрозы пьянаго человѣка? Въ яркихъ краскахъ выступила передъ ней картина большого пожара, истребившаго прежнюю башню. Бланшаръ и тогда устроилъ великолѣпную иллюминацію и фейерверкъ. Послѣ этого наступила страшная ночь, когда графъ съ опасностью жизни спасъ ея отца... Кто знаетъ, можетъ и тогда Зденко поджегъ башню? Эта мысль пришла ей внезапно и она больше не могла отдѣлаться отъ нея. Чѣмъ больше хотѣла она увѣрить себя въ неосновательности своего предположенія, тѣмъ сильнѣе росло ея безпокойство.—Куда дѣвался графъ? думала она.—Его присутствіе можетъ удержать Зденко...

— Наконецъ-то я нашелъ васъ! сказалъ Бухгольцъ, подходя къ своей возлюбленной.— Вы можете простудиться на такомъ холодѣ... Что это у васъ такой озабоченный видъ?

— Меня безпокоитъ, почему господа такъ долго не возвращаются домой, возразила Гедвига.

— Имъ торопиться нечего, а Бланшаръ очень доволенъ ихъ продолжительнымъ отсутствіемъ, потому что у него останется больше времени для приготовленій. Но мы съ Бланшаромъ огорчены, что вы ушли отъ насъ! Неужели вамъ больше нравится оставаться здѣсь, среди этой толпы, нежели съ нами?

— Развѣ мое присутствіе необходимо комунибудь?

— Разумѣется! Бланшаръ велѣлъ вамъ сказать, что у больного сдѣлался сильный приступъ лихорадки и что онъ требуетъ васъ. Я не могъ понять, о комъ онъ говоритъ.

— Это бѣдный старикъ, котораго графъ принялъ въ замокъ изъ состраданія. Я сейчасъ пойду къ нему.

— Я не стану мѣшать вамъ. Помощь ближнему должна быть на первомъ планѣ!

— Вы говорите такимъ тономъ, какъ будто...

Гедвига остановилась и покраснѣла. Своей неосторожной фразой она сама вызвала его на объясненіе. Удастся ли ей выйти изъ затрудненія?..

— Я хотѣлъ поговорить съ вами... но дѣло не имѣетъ такой важ-

ности! возразилъ Фрицъ съ смущеніемъ.—У меня къ вамъ маленькая просьба...

— Просьба? спросила Гедвига съ замѣтнымъ безпокойствомъ.

— Позвольте пригласить васъ на первый танецъ. Сегодня многіе будутъ добиваться этой чести!

— Охотно принимаю ваше приглашеніе. Но вы напрасно думаете, что графы и бароны захотятъ танцевать съ бѣдной дѣвушкой.

— Знаете ли, Гедвига, что я во время моего путешествія часто думалъ объ васъ. Мы предполагали тогда вмѣстѣ доѣхать до Парижа... Помните ли вы это?

Она молча, кивнула ему головой въ видѣ отвѣта и протянула ему руку.

— Вышло иначе! продолжалъ Бухгольцъ взволнованнымъ голосомъ.—Но мы еще оба молоды. Не предпринять ли намъ новое путешествіе?

Она ничего не отвѣтила, только рука ея задрожала въ его рукѣ

— Это будетъ длинное путешествіе, моя добрая, милая Гедвига, и на всю жизнь! добавилъ Бухгольцъ, тяжело вздохнувъ.

Онъ былъ такъ доволенъ, что ему удалось объясниться съ нею, какъ будто сдѣлалъ признаніе въ тяжеломъ преступленіи. Ожидая отвѣта, онъ вопросительно посмотрѣлъ на нее своими добрыми глазами, но сумерки мѣшали ему разглядѣть выраженіе ея лица. Она на-половину отвернулась отъ него, стараясь придумать наименѣе оскорбительный отказъ.

Но тѣ, которые видѣли ихъ въ эту минуту, какъ они стояли другъ около друга въ нѣжной позѣ, могли думать, что между ними все рѣшено. Благодаря этому, прежде чѣмъ Гедвига успѣла дать какой либо отвѣтъ, она услышала за собой голосъ Зденко, который пробормоталъ вполголоса:

— Безпутная дѣвченка! ты опять сошла съ твоимъ нѣмцемъ. Убью тебя на мѣстѣ!.. Вы всѣ коварны какъ змѣи!..

— Не слушайте этого пьяницу! воскликнула Гедвига, оглядываясь съ испугомъ.

Она побѣжала къ замку и сдѣлала знакъ Бухгольцу, чтобы онъ слѣдовалъ за нею.

Но этотъ былъ настолько взбѣшенъ неожиданной помѣхой и оскорбленіемъ, нанесеннымъ любимой дѣвушкѣ, что однимъ прыжкомъ очутился около Зденко и схватилъ его за руку. Крестьянинъ дѣлалъ напрасныя усилія, чтобы освободиться, и неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта борьба, если бы Бухгольцъ, взглянувъ ему въ лицо, не выпустилъ его изъ руки.

— Что это значить? воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.—Я видѣлъ тебя въ Егерскомъ лѣсу между солдатами, которые посланы были за нами въ погоню...

При этихъ словахъ Зденко почувствовалъ, какъ будто всѣ волосы

поднялись на его головѣ, и не помня себя отъ ужаса, бросился бѣжать.

Въ это время гости вернулись съ прогулки. На нѣсколько минутъ площадка передъ замкомъ наполнилась толпой людей и лошадьми; слуги спѣшили открывать двери экипажей и принимали верховыхъ лошадей, между тѣмъ какъ одинъ за другимъ зажигались огоньки вдоль карнизовъ башни, у оконъ и дверей. Массивное зданіе въ своемъ пестромъ освѣщеніи имѣло видъ какого-то заколдованнаго замка среди темной зелени сосенъ. Тихая погода благопріятствовала искусству Бланшара; ярко горѣло пламя въ красивыхъ шкаливахъ, отливаясь всевозможными цвѣтами. Гости громко выражали свое удовольствіе; народъ кричалъ „ура“ ихъ сіятельствамъ и желалъ имъ „многія лѣта“. Давно уже Рената не переживала такихъ счастливыхъ минутъ, какъ въ этотъ вечеръ. Въ душѣ ея проснулось невольное сожалѣніе, что она по собственной винѣ лишила себя цѣлаго ряда подобныхъ часовъ радости и веселья.—Но ты опять съ нимъ, говорила она себѣ;—если на его душѣ есть что либо противъ тебя, то твоя любовь можетъ устранить и эту тѣнь. Въ былыя времена она упрекала графа за его общительность съ простымъ народомъ, но теперь крики привѣтствія, съ которыми встрѣтила ихъ толпа, произвели на нее такое отрадное впечатлѣніе, что она охотно осталась бы еще нѣкоторое время на крыльцѣ.

Между тѣмъ Бухгольцъ, попавъ въ толпу, скоро потерялъ слѣдъ человѣка, напомниваго ему таинственное приключеніе въ Егерскомъ лѣсу. Покойный Рехбергеръ много разъ говорилъ ему о молодомъ крестьянинѣ, который добивался руки Гедвиги, не придавая никакого значенія этому сватовству. Между тѣмъ Зденко могъ убить изъ мести старика подъ прикрытіемъ лѣса, пользуясь сумерками и смятеніемъ, произведеннымъ бѣгствомъ Короны. Никто не зналъ его въ Егерѣ и онъ могъ безпрепятственно вернуться въ свою деревню, гдѣ также не замѣтили его отсутствія, потому что слухъ о смерти управляющаго не скоро достигъ Таннбурга. Чѣмъ болѣе думалъ объ этомъ Бухгольцъ, тѣмъ сильнѣе утверждался въ своихъ догадкахъ, и рѣшилъ на слѣдующее утро сообщить ихъ графу Эрбаху.

Тотъ, протѣивъ котораго возникали такія подозрѣнія, въ это время блуждалъ по лѣсу, отуманенный ревностью и виномъ. Услыхавъ возгласъ Бухгольца, онъ бросился внизъ по холму, чтобы спастись бѣгствомъ; но пни, о которые онъ спотыкался, безпрестанно задерживали его. Онъ оглянулся. Никто не преслѣдовалъ его. Отраженіе иллюминаціи, музыка, шумъ и говоръ толпы побудили его опять вернуться къ замку. Все потеряно для него; чего ему трусить и колебаться, когда представляется возможность отдѣлаться отъ ненавистнаго соперника! Ощупавъ ножъ въ карманѣ, онъ сталъ осторожно взбираться на холмъ вдоль садовой стѣны.

Въ это время все общество собралось въ столовой, гдѣ былъ по-

данъ роскошный ужинъ. Завязался оживленный разговоръ; каждый хотѣлъ подѣлиться впечатлѣніями пережитаго дня; вспомнили и ордѣдкихъ коллекціяхъ по естественной исторіи, которыя были собраны въ замкѣ. Графъ Эрбахъ всталъ съ своего мѣста и вызвался принести двѣ окаменѣлости, имѣвшія, по его словамъ, большое научное значеніе. Въ сущности это былъ только предлогъ, чтобы уйти изъ залы и остаться нѣсколько минутъ одному.

За полчаса передъ тѣмъ, когда онъ увидѣлъ башню, освѣщенную разноцвѣтными огнями, воспоминаніе о прошломъ невольно проснулось въ его сердцѣ; ему почудилось, что Корона стоитъ на зубчатой стѣнѣ и дѣлаетъ ему какіе-то знаки. Онъ хотѣлъ удалиться, но не могъ сдвинуться съ мѣста. Видѣніе сошло къ нему въ туманномъ облакѣ; онъ чувствовалъ, какъ ея рука опустилась на его плечо; развѣвающіяся локоны коснулись его лица...

Въ библиотечной залѣ было темно и холодно. На столѣ стояла одинокая лампа; огонь потухалъ въ каминѣ. Графъ Эрбахъ раздулъ его и, бросивъ нѣсколько полѣнъ, задумчиво смотрѣлъ, какъ разгорались дрова, разсыпая искры. — Развѣ не можетъ быть сообщенія между душами людей, раздѣленныхъ пространствомъ? спрашивалъ онъ себя. — Не думала ли Корона о немъ въ этотъ вечеръ? Но не безумно ли задаваться подобными вопросами, когда они вызваны мыслями и желаніями, въ которыхъ онъ не хотѣлъ признаться даже самому себѣ. Зачѣмъ судьба еще болѣе увеличиваетъ страданія и тягость жизни? Какъ хорошо было бы жить на свѣтѣ, если бы никогда не разлучались любящія сердца...

Онъ подошелъ къ шкафу, чтобы взять окаменѣлости, но не могъ отыскать ихъ и зажегъ одну изъ восковыхъ свѣчей, стоявшихъ на столѣ. Взглядъ его упалъ на запечатанное письмо, адресованное на его имя. Онъ сломалъ печать и пробѣжалъ глазами нѣсколько строкъ.

„Помнить ли графъ ту маску, которая такъ назойливо преслѣдовала его жену въ Венеціи? Хотя маска приняла всѣ мѣры, чтобы остаться неизвѣстной, но мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что: это былъ императоръ Іосифъ“.

— Іосифъ! повторилъ графъ Эрбахъ, вздрогнувъ отъ звука собственнаго голоса. — Знала ли объ этомъ Рената, или изъ боязни ссоры скрыла отъ него таинственное приключеніе, не подозревая, что этимъ она еще болѣе возбудила его ревность? Влюбленъ ли по прежнему императоръ въ его жену и не хочетъ ли онъ милостью и дружбой загладить свою вину передъ нимъ? Одна Рената можетъ вывести его изъ этого лабиринта сомнѣній...

Онъ взялъ изъ шкафа окаменѣлости и вышелъ изъ библиотечки. Если бы въ эту минуту онъ взглянулъ на себя въ зеркало, то вѣроятно испугался бы мертвенной блѣдности, покрывавшей его лицо.

Въ корридорѣ ему показалось, что его зовутъ по имени; затѣмъ.

онъ услышалъ смѣшанный гулъ голосовъ и крики: пожаръ! разнимите ихъ!

Онъ ускорилъ шаги и вошелъ въ столовую.

— Слава Богу, что вы наконецъ пришли!—заговорило разомъ нѣсколько голосовъ. — Гдѣ вы пропадали такъ долго? Ваши крестьяне поссорились съ саксонцами и затѣяли драку!.. Кто-то поджегъ галерею... Мы послали слугъ разогнать ихъ...

Графъ Эрбахъ взглянулъ въ окно, въ которомъ видно было отраженіе пламени. Но благодаря далекому разстоянію отъ замка и отсутствію вѣтра, нечего было опасаться, чтобы огонь распространился.

— Успокойтесь, господа, сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ гостямъ,—это почти такой же фейерверкъ, какъ тотъ, который готовить намъ Бланшаръ. Хотя, разумѣется, необходимо принять мѣры, чтобы прекратить пожаръ. Не угодно ли вамъ послѣдовать за мной! Наше присутствіе будетъ не лишнее.

Съ этими словами графъ послѣшно вышелъ изъ столовой. Все общество двинулось за нимъ; нѣсколько человѣкъ осталось съ Ренатой.

Весело начался праздникъ въ деревянной галереѣ, убранной флагами и сосновыми вѣтками. Всѣ были въ самомъ миролюбивомъ настроеніи духа и наперерывъ хвалили щедрость графа; въ изобиліи поданы были кушанья и вино; музыканты играли безъ усталы. Присутствіе архитектора и управляющаго удерживало рабочихъ и крестьянъ въ границахъ приличія.

Когда Бланшаръ и Бухгольцъ вошли въ залу съ Гедвигой, чтобы принять участіе въ танцахъ, веселье было въ полномъ разгарѣ. Но мало-по-малу вино разгорячило головы и развязало языки; между саксонскими рабочими и крестьянами началась перебранка. Образовались группы недовольныхъ. Крестьянинъ чехъ подставилъ ногу одному изъ рабочихъ; тотъ упалъ съ своей дамой. Танцующіе остановились.

Съ одной стороны послышался хохотъ, съ другой—угрозы.

— Прочь саксонцевъ! еретики! лютеране! кричали въ углу залы.

— Тише, успокойтесь! упрашивалъ архитекторъ, но голосъ его былъ заглушенъ бранью и проклятіями разсвирѣпѣвшей толпы.

— Играйте громче! крикнулъ управляющій музыкантамъ, въ надеждѣ, что часть публики опять примется за танцы.

Между тѣмъ шумъ усиливался; нѣкоторые пустили въ ходъ кулаки. Бланшаръ увелъ Гедвигу; Бухгольцъ принялся разнимать дерущихся и, пользуясь своей силой и высокимъ ростомъ, оттащилъ самаго буйнаго изъ нихъ; другіе остановились въ недоумѣніи. Но это продолжалось нѣсколько секундъ. Въ заднихъ рядахъ раздались опять крики и вслѣдъ затѣмъ начался рукопашный бой!

— Убейте его! Чего вы смотрите! воскликнулъ Зденко, протал-

киваясь впередъ и бросаясь на Бухгольца, который во-время замѣтилъ ножъ, спрятанный въ рукавъ крестьянина, и схватилъ его за руку; но тотъ вырвался отъ него и скрылся въ толпѣ.

Примѣръ бываетъ заразителенъ въ подобныхъ случаяхъ; многіе вынули ножи, другіе вооружились табуретами, ножками столовъ; пустыя бутылки летѣли въ головы. Все перемѣшалось въ общей свалкѣ; визгъ женщинъ сливался съ воплями ярости и боли, бранью и проклятіями.

Внезапно раздавшійся крикъ: горимъ! пожаръ! еще болѣе усилилъ шумъ и сумятицу. Чувство страха заставило умолкнуть другія страсти. Побоище прекратилось; толпа устремила къ выходу. Приходилось дорожить каждой минутой, такъ какъ деревянная галлерей, построенная изъ досокъ, въ нѣсколько минутъ была охвачена пламенемъ.

Появленіе графа и другихъ дворянъ способствовало водворенію порядка. Сознаніе избѣгнутой опасности протрезвило самыхъ буйныхъ; всѣ бросились тушить пожаръ, желая загладить этимъ свое неприличное поведеніе и умилостивить разгнѣваннаго графа. Одни носили ведра съ водой, другіе побѣжали въ деревню за пожарными трубами. Но пламя слишкомъ распространилось и не было никакой возможности остановить его.

— Не трудитесь напрасно! крикнулъ графъ суетившейся толпѣ. — Вамъ не затушить пожара. Пусть догораютъ эти доски. Вы сами лишили себя удовольствія, благодаря вашей страсти къ ссорамъ и дракамъ.

Деревянная галлерей мало-по-малу превратилась въ большой догорающій костеръ. Зарево было такъ велико, что замокъ былъ освѣщенъ какъ бы дневнымъ свѣтомъ; тускло горѣли пестрые огни на башнѣ сквозь красноватое облако дыма. Толпа молча смотрѣла на зрѣлище, изрѣдка обмѣниваясь полусловами и возгласами. Суевѣрные люди, предсказывавшіе печальный конецъ нечестивому празднеству, оказались правы: башня трехъ дураковъ, какъ ее называли въ народѣ, еще разъ освѣтилась заревомъ пожара.

Но тутъ въ толпѣ пронесся шепотъ удивленія, который мало-помалу перешелъ въ шумный говоръ. Вниманіе всѣхъ было обращено на верхнюю платформу башни, гдѣ появилась человѣческая фигура въ бѣломъ плащѣ, съ сѣдыми волосами и бородой. Старики протянули руки къ небу и какъ будто говорили что-то, но словъ нельзя было слышать. Нѣкоторые тотчасъ же узнали Мракотина, такъ какъ не разъ слышали его проповѣди. Но никто не могъ понять, какимъ образомъ вошелъ онъ на башню. Не упалъ ли онъ съ неба, или поднялся на такую высоту съ помощью нечистой силы?..

— Это больной старикъ, котораго я принялъ въ домъ изъ состраданія! сказалъ графъ Эрбахъ, обращаясь къ своимъ гостямъ, которые съ любопытствомъ спрашивали его. — Вѣроятно, его оставили

одного, и онъ подъ вліяніемъ лихорадочнаго бреда вышелъ изъ своей комнаты...

Графъ не ошибся. Мракотинъ, видя зарево пожара и слыша дикіе крики толпы, вообразилъ, что наступилъ конецъ міра, которымъ такъ долго была занята его фантазія. Поднявшись на башню по винтовой лѣстницѣ, онъ обратился съ заклинаніемъ къ небеснымъ силамъ, ожидая появленія бѣлой дѣвы. Онъ подошелъ къ самому краю платформы, не подозрѣвая грозившей ему опасности, и опустился на колѣни. Губы его бормотали молитву.

Бланшаръ поспѣшилъ къ нему, чтобы увести его, и тихо вошелъ на платформу изъ боязни испугать больнаго старика, который могъ слетѣть на каменную мостовую двора. Въ толпѣ зрителей водворилось мертвое молчаніе; всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали, чѣмъ кончится эта сцена. Еще моментъ—и старикъ упалъ навзничъ, какъ будто пораженный громомъ, голова его опустилась на грудь. Бланшаръ хотѣлъ приподнять его, но передъ нимъ лежалъ безжизненный трупъ.

Теперь ничто не могло удержать толпу, которая разсѣялась по двору; самые смѣлые ворвались въ башню.

Графъ Эрбахъ стоялъ одинъ на крыльцѣ, погруженный въ глубокую задумчивость. Гости одинъ за другимъ отошли отъ него. Хотя большинство ихъ намѣревалось провести ночь въ замкѣ, но теперь всѣ хлопотали объ отъѣздѣ и велѣли немедленно подавать верховыхъ лошадей и экипажи. Графъ послѣ всего случившагося не старался ихъ удерживать.

Струсившіе дворяне не только опасались, что ихъ сочтутъ сообщниками графа въ укрывательствѣ такого важнаго преступника, какъ Мракотинъ, но и помимо этого на всѣхъ въ большей или меньшей степени дѣйствовало народное суевѣріе, что „плохое предзнаменованіе для новаго дома, если въ немъ такъ скоро окажется покойникъ“.

Между тѣмъ, по распоряженію графа, тѣло главы деистовъ было снесено на дворъ, чтобы каждый могъ убѣдиться, что онъ умеръ естественной смертью.

Боязливо пробирались гости мимо мертваго тѣла въ замокъ, чтобы проститься съ графиней, слабое здоровье которой послужило предлогомъ для внезапнаго отъѣзда. Весьма немногіе рѣшились остаться въ замкѣ.

Графъ Эрбахъ почти съ завистью смотрѣлъ на худошавую фигуру еретика, завернутую въ бѣлый плащъ. Онъ такъ спокойно лежалъ на носилкахъ; улыбка еще не успѣла сойти съ его блѣднаго старческаго лица. Гедвига закрыла ему глаза и поправила сѣдые волосы, спутавшіяся на лбу. Бѣлая холодная голова, освѣщенная красноватымъ свѣтомъ догоравшаго пожара, съ своими правильными чертами была какъ будто высѣчена изъ мрамора.

— Я считалъ бы себя счастливымъ, подумалъ Эрбахъ, если бы пережилъ жизнь со всѣми ея заботами и мученіями и умеръ такъ же мирно, какъ этотъ фанатикъ,—съ взглядомъ обращеннымъ на небо, и вѣрой въ новый Иерусалимъ и будущій золотой вѣкъ. Но мнѣ предстоитъ еще долгая борьба. Надъ моею головою уже собираются тучи; меня подвергнуть строгой отвѣтственности за то, что я осмѣлился дать убѣжище больному, несчастному старику и не предалъ его въ руки правосудія!..

Конюхи торопливо запрягали легкіе охотничьи экипажи дворянъ, живущихъ по сосѣдству, и тяжелую карету Лихтенштейна, который вовсе не предполагалъ, что ему придется совершить ночное путешествіе; но теперь онъ готовъ былъ скорѣе проѣхать четыре часа по сѣверной дорогѣ, нежели переночевать въ домѣ, гдѣ былъ покойникъ.

Графъ провожалъ своихъ гостей до воротъ, такъ какъ экипажи не могли подъѣхать къ крыльцу, благодаря толпѣ, занявшей весь дворъ.

Красивая праздничная галерея превратилась въ огромный потухающій костеръ, изъ котораго время отъ времени появлялось пламя.

Десятый часъ вечера. Между тѣмъ, по аллеѣ, ведущей къ замку, ясно можно слышать стукъ копытъ. Всадникъ поднимается на холмъ. Такъ поздно! Кто могъ ѣхать къ графу въ такое время? Но послѣ того, что случилось сегодня вечеромъ, все можетъ имѣть значеніе. Гости, которые за минуту передъ тѣмъ такъ торопились отъѣздомъ, какъ будто земля горѣла у нихъ подъ ногами, нашли возможнымъ еще побесѣдовать съ графомъ, чтобы узнать, съ какими вѣстями ѣдетъ всадникъ.

Онъ поднялся на холмъ и приблизился къ воротамъ. Лошадь попятилась назадъ отъ свѣта факеловъ и множества экипажей; но всадникъ съ ловкостью опытнаго наѣздника осадилъ ее. При этомъ движеніи раскрылся плащъ и блеснули пуговицы мундира.

— Офицеръ императорскаго драгунскаго полка! воскликнулъ одинъ изъ гостей.

Незнакомецъ соскочилъ съ лошади и приложилъ руку къ козырку въ видѣ поклона.

— Bon soir, messieurs! Я привезъ собственноручное письмо императора къ его сіятельству графу Эрбаху въ Таннбургъ!

— Вы можете передать его мнѣ, г-нъ рейтмейстеръ! возразилъ Эрбахъ, принимая съ поклономъ письмо, которое тотъ вынулъ изъ кожаной сумки.

Съ этими словами онъ подошелъ къ фонарю и пробѣжалъ глазами письмо.—Благодарю васъ, сказалъ онъ, обращаясь къ посланному;—надѣюсь, что вы не откажетесь принять мое гостепрѣимство. Императоръ приказываетъ мнѣ немедленно явиться къ нему въ Вѣну. Черезъ два часа я буду къ вашимъ услугамъ и мы можемъ двинуться въ путь.

— Знакъ ли это особенной милости, или дѣло идетъ о какомъ нибудь важномъ проступкѣ графа? спрашивали себя съ недоумѣніемъ дворяне.—Можетъ быть рейтмейстеру отданъ приказъ привести его арестованнымъ и графъ разыгрываетъ ловкую комедію?

Но подобные вопросы можно было еще удобнѣе обдумать у себя дома, и поэтому большинство рѣшило скорѣе отправиться во-свояси.

Гости еще разъ простились съ хозяиномъ замка. Послышались отрывочные возгласы:

— Счастливаго пути! Извѣстите насъ о себѣ, графы!

— Какой странный день!

— Поклонитесь императору отъ Богеміи и его вѣрныхъ дворянъ!

— Держу пари, что васъ зовутъ для переговоровъ о предстоящей войнѣ. Смотрите, не подливайте масла въ огонь.

— До свиданія!

Раздались удары бича; нѣсколько скороходовъ бѣжали передъ экипажами съ факелами въ рукахъ, чтобы освѣтить крутой спускъ съ холма. Мало-по-малу затихъ топотъ лошадиныхъ копытъ и стукъ колесъ.

Рейтмейстера провели въ столовую, чтобы онъ могъ подкрѣпить свои силы послѣ продолжительной верховой ѣзды. Здѣсь онъ засталъ четырехъ господъ, которые собирались переночевать въ замкѣ и приступили къ нему съ вопросами.

— Мнѣ отданъ былъ приказъ немедленно вручить письмо графу—отвѣтилъ лаконически рейтмейстеръ и пережѣнилъ разговоръ.

Въ это время хозяинъ замка ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, занятый своими мыслями.

„Дорогой графъ, писалъ ему императоръ;—ваши враги хотятъ подать на васъ жалобу. Обвиненіе состоитъ въ томъ, что вы будто бы оказываете содѣйствіе бунтовщикамъ и деистамъ и что вы масонъ и государственный измѣнникъ. Уничтожьте эти клеветы вашимъ появленіемъ. Пріѣзжайте немедленно ко двору. Я переживаю ту же борьбу, что и вы. Мое положеніе невыносимо: я не властелинъ и не подданный! Мы наканунѣ великихъ событій! Пріѣзжайте! побѣдимъ вмѣстѣ, или раздѣлимъ изгнаніе“.

Императоръ относится къ нему съ такимъ довѣріемъ—почему онъ медлитъ предстать передъ своимъ судьей? спрашивалъ онъ себя. Бояться ему нечего! онъ не считаетъ себя виновнымъ и можетъ оправдаться во всѣхъ своихъ поступкахъ...

Переговоривъ съ Бухгольцемъ и Бланшаромъ, онъ послалъ за патеромъ и попросилъ его остаться нѣкоторое время въ Таннбургѣ, пока Рената не свыкнется съ своимъ положеніемъ.

— Котѣлики—мои злѣйшіе враги, добавилъ онъ улыбаясь;—тѣмъ не менѣе я поручаю вамъ мою жену и надѣюсь, что вы не обманете моего довѣрія!

Патеръ приложилъ руку къ своему сердцу вмѣсто отвѣта и скромно

удалился. Онъ лично не имѣлъ никакого повода ненавидѣть графа, или вредить ему.—Императрица приближается къ могилѣ, думалъ онъ, возвращаясь въ свою комнату,—а сынъ ея въ цвѣтѣ лѣтъ! Какой смыслъ исчезнуть съ заходящей звѣздой, когда есть возможность связать свою судьбу съ восходящимъ свѣтиломъ?..

По уходѣ патера, вошелъ управляющій. Графъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія по дому, замѣтивъ, что вѣроятно его отсутствіе будетъ не продолжительно, и потому онъ считаетъ лишнимъ входить въ дальнѣйшія подробности.

Отпустивъ управляющаго, онъ посмотрѣлъ на часы. Оставалось еще полчаса до отъѣзда. Онъ долженъ еще проститься съ Ренатой... Но вмѣсто того, чтобы идти къ ней, онъ безпокойно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Мысль о таинственномъ письмѣ упорно преслѣдовала его.—Имѣетъ ли любовь Іосифа къ Ренатѣ какое нибудь отношеніе съ его желаніемъ видѣться со мной? спрашивалъ онъ себя.

Кто-то тихо отворилъ дверь. Вошла Рената съ блѣднымъ и разстроеннымъ лицомъ; она не могла выговорить ни одного слова отъ слезъ и молча бросилась ему на шею.

Онъ наклонился и поцѣловалъ ее въ лобъ.—Едва соединилась ты со мной, сказалъ онъ,—и тебѣ опять предстоитъ одиночество и новыя мученія!

Она опустила передъ нимъ на колѣни и проговорила съ усиліемъ:—я не хочу, чтобы ты узналъ это отъ другихъ...

— Успокойся, мнѣ все извѣстно! сказалъ онъ, поднимая ее съ колѣнъ.—Прачти это письмо...

— Поль, вѣришь ли ты мнѣ...

— Я вѣрю обоимъ вамъ!

— Позволь мнѣ все рассказать тебѣ...

— Не сегодня! Это и его тайна. Но я желалъ бы, чтобы твое сердце нераздѣльно принадлежало мнѣ!

Она обняла его съ громкимъ рыданіемъ. Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги лакея, который выносилъ дорожныя вещи.

— Прощай, Рената! сказалъ графъ, цѣлуя ее въ голову. — Не плачь, мы скоро увидимся...

Конецъ третьей части.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

АЛЯ МОГУЩЕСТВЕННОЙ императрицы Маріи Терезіи наступилъ тяжелый годъ, полный заботъ и волненій. Іосифъ II, несмотря на ея предостереженія и совѣты, увлеченный честолюбіемъ, заявилъ свои права на часть наслѣдства баварскаго курфирста Максимилиана, умершаго 30 декабря 1777 года. Этотъ случай еще болѣе усилилъ раздоръ, существовавшій между матерью и сыномъ. „Если бы наши притязанія на Баварію были болѣе основательны, нежели они оказываются на дѣлѣ, писала она ему, то и тогда не слѣдовало бы безъ особенныхъ причинъ начинать войну, обременительную для народа, и подрывать только что возстановленный кредитъ...“ Но Іосифъ, какъ всегда, утѣшалъ себя несбыточными надеждами, и былъ увѣренъ, что достаточно будетъ казущейся войны, чтобы воспользоваться плодами побѣды и запугать непріятеля. Какъ всѣ утописты, онъ упустилъ изъ виду самое главное и долженъ былъ скоро убѣдиться въ ошибочности своихъ расчетовъ. Прусскій король Фридрихъ не хотѣлъ допустить безъ борьбы усиленія Австріи и возстановленія Германской имперіи, давно уже не существовавшей въ дѣйствительности и за которой остался только одинъ титулъ. Въ союзѣ съ Саксоніею онъ собралъ свои войска и окружилъ ими Богемію съ сѣверо-востока. Принцъ Гейнрихъ долженъ былъ изъ Лаузитца пройти въ Лейтмерицъ и Прагу черезъ Саксонскую границу, между тѣмъ какъ самъ Фридрихъ сосредоточилъ свои силы близъ Шлезвига, чтобы быть на готовѣ и имѣть возможность въ случаѣ надобности двинуть войска къ Моравіи на Ольмютцъ, или въ Богемію между Арнау и Кенигцеомъ. Австрійцы съ своей стороны

расположились хорошо укрѣпленнымъ лагеремъ. Тѣмъ не менѣе, въ продолженіе всего лѣта и осени 1778 года, небольшія перестрѣлки, стычки и канонады слѣдовали одни за другими; но дѣло не доходило до настоящаго сраженія. Болѣзни свирѣпствовали въ обоихъ войскахъ. Несмотря на все желаніе Іосифа заслужить военную славу, старые, опытные генералы семилѣтней войны постоянно умѣряли его пылъ. Они считали безуміемъ покинуть выгодную позицію и вступить въ битву, которой такъ добивался противникъ. Ни Іосифу, ни его приближеннымъ не приходило въ голову, что во все время войны шли тайные переговоры между императрицей и прусскимъ королемъ. Марія Терезія не могла помѣшать началу военныхъ дѣйствій, но она приняла всѣ мѣры чтобы дѣло не приняло серьезный оборотъ. Въ продолженіе своей долгой жизни она видѣла слишкомъ много бѣдствій, вызываемыхъ войной, убѣдилась собственнымъ опытомъ, отъ какихъ разнообразныхъ случайностей зависитъ исходъ битвъ и хотѣла оградить отъ нихъ своего сына и своихъ поданныхъ. Въ такомъ же миролюбивомъ настроеніи находился и Фридрихъ; онъ чувствовалъ, что рука его слишкомъ ослабѣла для шпаги и не желалъ рисковать дорогою прибрѣтенной славой. Мало-по-малу исчезъ воинственный духъ, воодушевлявшій солдатъ; колебаніе военачальниковъ дали могущественнымъ сосѣдямъ удобный случай вмѣшаться въ дипломатическіе переговоры. Угроза Екатерины II—послать свои войска на помощь Фридриху Великому принудила Австрію къ миру. Франція, на которую рассчитывала Марія Терезія, была поглощена американскимъ возстаніемъ. Въ моментъ образованія величайшей республики въ мірѣ, какое значеніе могъ имѣть для нея споръ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ изъ-за владѣнія ничтожнымъ клочкомъ земли!

Но этотъ споръ представлялся совершенно въ иномъ свѣтѣ озаченной матери и правительницѣ. Помимо огорченія, какое доставляло ей разстроенное состояніе имперіи, и безпокойства за жизнь сына, Марія Терезія мучилась горькимъ сознаніемъ наступившей старости и безпомощности. Она ясно видѣла, что бразды правленія, которыя она сорокъ лѣтъ держала въ своихъ рукахъ, медленно, но съ неудержимой силой ускользаютъ отъ нея и что она напрасно стремится подтянуть ихъ. Ей суждено было еще разъ достигнуть цѣли своихъ желаній; но она смотрѣла на миръ, водворенный ея усиліями, какъ на свое послѣднее правительственное дѣяніе. Она стояла одинокая на высотѣ, окруженная утреннимъ туманомъ новаго времени. Ей мерещились лица и событія, наполнявшія ея сердце ужасомъ, но у ней не хватало силъ для борьбы съ ними. Принявъ наслѣдственную власть отъ отца, она не оставила имперію безъ преобразованій: введены были реформы и улучшенія въ законодательствѣ, а также въ гражданскомъ и военномъ управленіи. Она не безусловно любила и защищала старину и надѣялась, что сынъ ея пойдетъ по начертанному ею пути. Но Іосифъ съ упорствомъ философа, убѣжденнаго въ истинѣ

и превосходствѣ своихъ возрѣній, видѣлъ спасеніе имперіи въ полномъ уничтоженіи старинныхъ обычаевъ и учрежденій, созданныхъ варварствомъ среднихъ вѣковъ. Вѣротерпимость, которую онъ общалъ иновѣрцамъ, по мнѣнію его матери должна была нарушить миръ и потрясти основы государства. Разрывъ съ старыми преданіями вѣры казался началомъ хаоса благочестивой императрицѣ при ея безусловной преданности католической церкви.

Всякій разъ, какъ Марія Терезія возвращалась изъ столицы въ свой загородный Шенбруннскій дворецъ по мосту, переброшенному черезъ Дунай, она могла видѣть изъ окна кареты влѣво отъ дороги крышу небольшого дома, скрытаго за деревьями, гдѣ Рената проводила лѣто, по желанію своего мужа. Графъ Эрбахъ въ виду ея слабости здоровья считалъ своимъ долгомъ немедленно удалить ее изъ Таннбурга, такъ какъ появленіе саксонцевъ и пруссаковъ у богемской границы подѣ предводительствомъ принца Гейнриха давало поводъ думать, что долины Эльбы по близости Лейтмерица будутъ мѣстомъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ, какъ это было въ началѣ семилѣтней войны.

Пребываніе графа Эрбаха въ Вѣнѣ затянулось долѣе, нежели онъ предполагалъ. Хотя ему удалось довольно скоро оправдаться въ обвиненіяхъ своихъ тайныхъ и явныхъ враговъ, но, попавъ въ водоворотъ столичной жизни, онъ долженъ былъ противъ воли остаться здѣсь нѣкоторое время по просьбѣ императора и своихъ прежнихъ друзей. Онъ откладывалъ со дня на день свой отъѣздъ; между тѣмъ началась война, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ всякой мысли вернуться въ Таннбургъ. Лихорадочная дѣятельность, овладѣвшая Иосифомъ, сообщилась и его приближеннымъ. Всѣ они въ большей или меньшей степени чувствовали потребность доказать свои дипломатическія способности или отличиться на полѣ битвы. Тѣ изъ нихъ, которые, подобно графу Эрбаху, стояли выше личныхъ честолюбивыхъ желаній и надеждъ, воображали, что въ жизни нѣмецкой націи совершается многозначительный поворотъ. Имъ казалось, что двуглавый императорскій орелъ расправляетъ свои крылья къ такому же смѣлому полету, какъ въ славные дни Карла V, и что Иосифъ призванъ водворить свое господство отъ Рима до береговъ Эльбы. Давно забытая идея объединенія священной Римско-германской имперіи опять шевельнулась въ душѣ имперскаго графа. Хотя онъ несовсѣмъ раздѣлялъ иллюзіи императора и не считалъ возможнымъ перешагнуть глубокую пропасть, которую реформація образовала между нѣмецкими племенами, но возстановленіе австрійскаго владычества на югѣ и прусскаго на сѣверѣ могло обезпечить, по его мнѣнію, религіозную свободу обоихъ вѣроисповѣданій.

Приготовленія къ походу и хлопоты по устройству помѣщенія для Ренаты заставили графа Эрбаха отрѣшиться на нѣкоторое время отъ думъ о благѣ своего отечества и обратиться къ дѣйствительной жизни.

Принимая во вниманіе вкус своей жены, которая любила цвѣты, тѣнистыя аллеи и луга, онъ остановился на мысли купить небольшой домъ по близости Marienhilfer'a, который продавался въ это время. Обширный тѣнистый садъ, прилегавшій къ китайской бесѣдкѣ, построенной на холмѣ, куда едва достигалъ шумъ оживленныхъ улицъ, открытый видъ съ высоты на городъ, поля и лѣса съ изогнутой линіей горъ на горизонтѣ, показались настолько привлекательными графу Эрбаху, что онъ, осмотрѣвъ еще разъ свое будущее владѣніе, заплатилъ деньги. Въ послѣднихъ числахъ марта 1778 года, Рената въ первый разъ переступила порогъ блѣдно-желтаго дома съ остроконечной крышей, въ которомъ ей суждено было прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ разлукѣ съ мужемъ.

Кромѣ нѣсколькихъ слугъ ее сопровождали Гедвига и Бланшаръ. Фрицъ Бухгольцъ въ виду наступившей войны отправился на родину къ своимъ озерамъ и сосновымъ рощамъ. Съ глубокимъ огорченіемъ покинулъ онъ замокъ, гдѣ прожилъ лучшіе часы своей жизни, не заручившись даже надеждами на будущее... Гедвита, по совѣту опытнаго патера, не дала рѣшительнаго отвѣта влюбленному юношѣ. Она сослалась на везанный отъѣздъ графа Эрбаха и заявила, что не считаетъ себя въ правѣ покинуть свою госпожу въ такое время, когда она всего больше нуждается въ вѣрной служанкѣ.

Патеръ Ротганъ, придумавъ такой отвѣтъ, зналъ заранѣе, какое впечатлѣніе онъ долженъ произвести на честнаго человѣка, придававшего такое высокое значеніе долгу. Бухгольцъ не позволилъ себѣ ни малѣйшаго возраженія или жалобы, и этимъ глубоко тронулъ сердце Гедвиги, которая въ данную минуту ни въ какомъ случаѣ не рѣшилась бы оскорбить его отказомъ. Печаленъ былъ часъ ихъ разлуки, и на душѣ у нихъ было холодно и мрачно. Надежды бѣднаго юноши отцвѣли безслѣдно, какъ лѣтніе цвѣты; у Гедвиги впервые проснулось сомнѣніе относительно ожидавшей ее будущности.

Война мѣшала частому обмѣну писемъ; Рената считала себя счастливой, если послѣ долгихъ промежутковъ времени получала какія-либо извѣстія отъ своего мужа. Она чувствовала себя гораздо лучше въ своемъ уединенномъ домѣ вѣнскаго предмѣстья, чѣмъ въ богемскомъ замкѣ, съ которымъ было связано столько тяжелыхъ воспоминаній.—Таннбургъ приноситъ мнѣ несчастія! сказала она себѣ на другой день послѣ отъѣзда графа Эрбаха. Едва успѣла она сойтись съ нимъ, какъ судьба опять разлучила ихъ. Ей даже не удалось объясниться съ нимъ, несмотря на все ея желаніе. Забота о жизни и счастіи любимаго человѣка заставила умолкнуть въ ея сердцѣ всѣ другія ощущенія. Наступитъ ли время, когда они будутъ исключительно принадлежать другъ другу? Кто могъ сказать это заранѣе! Она даже не была увѣрена, увидитъ-ли его когда-нибудь...

Въ подобныя минуты отчаянія Рената находила большое утѣшеніе въ обществѣ Гедвиги, которая, благодаря природному уму и пере-

житымъ страданіямъ, никогда не вносила тревоги въ ея душевное настроеніе. Она часто сидѣла съ нею въ бесѣдкѣ и съ высоты холма смотрѣла на ландшафтъ, освѣщенный вечернимъ солнцемъ. Онѣ мало разговаривали между собой; каждая предавалась собственнымъ мыслямъ; но имъ было пріятно оставаться вмѣстѣ и видѣть другъ друга. Одиѣвъ Бланшаръ оживлялъ ихъ своимъ присутвіемъ, являясь къ обѣду и по вечерамъ. Онъ читалъ графинѣ французскихъ поэтовъ, или рассказывалъ имъ о своихъ странствованіяхъ по городу. Онъ не придавалъ серьезнаго значенія войнѣ и всего охотнѣе распространялся о своемъ изобрѣтеніи, или же въ порывѣ увлеченія рисовалъ передъ своими внимательными слушательницами фантастическую теорію будущности, ожидавшую человѣчество. Рената не возражала и соглашалась съ нимъ въ принципѣ, хотя не вѣрила въ возможность осуществленія его свѣтлыхъ надеждъ.

Мирно проходили дни за днями въ уединенномъ домѣ. Въ душѣ Ренаты мало-по-малу совершился переворотъ; она строже отнеслась къ себѣ и своимъ чувствамъ и съ болью въ сердцѣ сознала, сколько было эгоизма въ ея любви къ мужу, и что она изъ мнимаго благочестія доставила ему больше горя, нежели дѣйствительнаго счастья. Теперь она отъ всей души желала загладить прошлое своей дальнѣйшей жизнью.

Годъ былъ на исходѣ. Непріятельскія войска удалились на зимнія квартиры. У Ренаты явилась надежда, что графъ проведетъ съ нею, по крайней мѣрѣ, нѣсколько мѣсяцевъ и отдохнетъ отъ утомительной походной жизни.

Тихое утреннее сіяніе ноябрскаго солнца привлекло ее въ садъ Шенбрунна. Замѣтивъ издали карету, въ которой обыкновенно ѣздила императрица Марія Терезія, она хотѣла удалиться, но вслѣдъ затѣмъ забыла о своемъ намѣреніи. Высокіе вязы, окрашенные немногими желтыми и красными листьями, окружавшіе цвѣточный партеръ, уединенныя аллеи, освѣщенныя солнцемъ, бесѣдка, видѣвшаяся на холму, имѣли для нея такую притягательную силу, что она задумчиво пошла впередъ, склонивъ голову. Услышавъ за собою голоса, она оглянулась и увидѣла слугу въ дворцовой ливреѣ, который долженъ былъ охранять ея величество отъ всякихъ встрѣчъ. Рената поспѣшно повернула въ боковую аллею, но уже было поздно, потому что императрица была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и замѣтила ее.

— Подождите, графиня! сказала она. — Зачѣмъ бѣжите вы отъ насъ?

Рената сдѣлала нѣсколько шаговъ и церемонно поклонилась сообразно придворному этикету.

Марія Терезія казалась въ хорошемъ настроеніи духа; на ея старческомъ, морщинистомъ лицѣ появилась привѣтливая улыбка.

Это была видная женщина въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, убранномъ черными кружевами, съ степенными и тяжеловатыми движе-

ніями, въ которыхъ не осталось и слѣда граціи, отличавшей ее въ молодости.

Она протянула руку Ренатѣ для поцѣлуя и продолжала:

— Я могу сообщить вамъ пріятную новость! Іосифъ на-дняхъ вернется въ Вѣну вмѣстѣ съ вашимъ мужемъ, который цѣль и невредимъ. Во всѣхъ стычкахъ графъ выказалъ столько храбрости, что императоръ не нахвалится имъ. Я рада этому! Ваша мать была превосходная женщина и я искренно любила ее... Мнѣ было очень непріятно, когда вы вышли замужъ за этого вольнодумца; но онъ оказался храбрымъ человѣкомъ и ловкимъ дипломатомъ. Императоръ сумѣлъ лучше воспользоваться его услугами, нежели я... Мужчины умнѣ насъ, бѣдныхъ женщинъ, и несравненно счастливѣе...

Марія Терезія не окончила своей мысли и, помолчавъ немного, сказала:

— Не желаете ли пройти со мной немного? Кстати, я хотѣла спросить васъ, нравится ли вамъ у насъ?

Рената отвѣтила утвердительно и добавила, что она не можетъ дурно себя чувствовать, живя вблизи императрицы, и жалѣеть о наступленіи осени, тѣмъ болѣе, что лѣтомъ она имѣла счастье ежедневно видѣть ея величество.

— Мы знаемъ, что вы умѣете льстить, графиня, замѣтила съ улыбкой Марія Терезія. — Но во всякомъ случаѣ мы должны радоваться окончанію войны. Мы пережили тяжелое время! Вы беспокоились о своемъ мужѣ, я о сынѣ... Но теперь все кончено. Я не потерплю новаго похода! Что получается въ результатъ отъ этихъ вѣчныхъ войнъ? Ничего, кромѣ слезъ и кровопролитія! Я желала бы лучше окончить жизнь въ уединеніи, въ горахъ Тироля, нежели жить опять вблизи военныхъ дѣйствій и со дня на день ожидать битвы...

— Ваши подданные будутъ благословлять ваше величество за дарованный имъ миръ.

— Свѣтъ называетъ меня великой государыней, но вы видѣли, что я страдала, какъ самая простая смертная. Говорятъ, что послѣ горя наступаетъ радость. Дай Богъ, чтобы это изреченіе оправдалось. Въ мои годы приходится дорожить всякой минутой счастья и малѣйшимъ лучомъ солнечнаго свѣта.

— Здоровье вашего величества еще въ такомъ цвѣтущемъ состояніи...

— На это не слѣдуетъ рассчитывать. Какой бодрый видъ имѣлъ король Францъ—и его не стало въ нѣсколько часовъ! Что это было за ужасное зрѣлище!.. Но сегодня такое прекрасное утро, что я не хочу нарушать впечатлѣніе пріятной прогулки такими воспоминаніями... Извѣстно ли вамъ, что ваша кузина, Корона Турмъ, пріѣхала въ Вѣну дня три тому назадъ?

— Корона Турмъ!

— Она пріѣхала съ своимъ пріемнымъ отцомъ, какимъ-то итальян-

скимъ маркизомъ. Говорятъ, что у ней голосъ лучше, нежели у Кавальери. Мы услышимъ ее во время благодарственного молебна по случаю заключенія мира. Однако, прощайте, моя милая графиня! Мы дошли за замка.

Рената осталась одна въ саду. Она машинально смотрѣла, какъ императрица съ трудомъ поднималась по ступенямъ лѣстницы и скрылась за большой дверью нижняго этажа. Мысли ея въ эту минуту были исключительно заняты Короной. Изъ всего, что говорила Марія Терезія, только это и осталось въ ея памяти. Она послѣдно отошла отъ замка въ одну изъ боковыхъ аллей и сѣла на скамейку. Несмотря на теплый солнечный день, съ ней сдѣлалась дрожь. Она боялась свиданія съ Короной. Всего одинъ разъ графъ Эрбахъ упомянулъ о ней по поводу ея бѣгства и пребыванія въ Таннбургѣ. Сегодня ей казалось, что онъ тогда слишкомъ торопился окончить этотъ разговоръ, и съ тѣхъ поръ всегда избѣгалъ его. Она спрашивала себя, какого рода встрѣча произойдетъ между ея мужемъ и Короной, и будетъ ли онъ также увлекаться ея пѣніемъ, какъ прежде?..

Но вслѣдъ затѣмъ у ней явилось раскаяніе въ томъ злобномъ чувствѣ, какое проснулось въ ея сердцѣ.—Ты дурная женщина, сказала она себѣ.—Что даетъ тебѣ право подозрѣвать твоего мужа и подругу юности и приписывать имъ чувства, которыя, быть можетъ, только существуютъ въ твоемъ воображеніи? Если онъ охладѣлъ къ тебѣ, то ты сама виновата въ этомъ; неужели ты хочешь еще больше испортить свою супружескую жизнь недоброжелательствомъ и завистью!..

Мысли эти были неожиданно прерваны стукомъ колесъ императорской кареты, выѣхавшей изъ замка Шенбрунна, и громкими словами команды дежурнаго офицера, который маршировалъ по двору съ своими солдатами. Рената подняла голову и съ безпокойствомъ оглянулась. Изъ бесѣдки вдоль холма шли двое мужчинъ и вели между собою оживленный разговоръ. Въ одномъ изъ нихъ она узнала патера Ротгана; другой былъ совершенно незнакомъ ей.

Когда они подошли ближе, патеръ почтительно поклонился графинѣ и выразилъ радостное изумленіе, въ которомъ проглядывало нѣкоторое замѣшательство.

— Честь имѣю кланяться вашему сіятельству! сказалъ онъ торопливо.—Я никакъ не ожидалъ, что встрѣчу васъ въ этомъ саду въ такое позднее время года! Какой у васъ цвѣтушій и здоровый видъ... Я пріѣхалъ сюда нѣсколько дней тому назадъ и только неотложныя дѣла помѣшали мнѣ явиться къ вашему сіятельству, чтобы засвидѣтельствовать мое почтеніе и передать поклоны отъ вашего супруга.

— Я вполне увѣрена въ вашей дружбѣ, г-нъ патеръ. Какъ здоровье графа?

— Онъ здоровъ тѣломъ, но упалъ духомъ. Походъ не осуществилъ

надежды императора и его приближенных... Я видѣлъ въ послѣдній разъ графа въ Прагѣ. Онъ хотѣлъ захватить въ Таннбургъ, чтобы узнать, насколько пострадали его владѣнія отъ прохода войскъ, а затѣмъ онъ немедленно явится къ вамъ.

— Надѣюсь, г-нъ патеръ, что вы не пройдете мимо моего дома, не посѣтивъ меня. Но вашъ спутникъ выражаетъ нетерпѣніе...

— Позвольте представить вамъ этого молодого человѣка. Ея сіятельство графиня Эрбахъ выразила желаніе... Сеньоръ Антонио Росси, первый теноръ нашей оперы... Надѣюсь, что ваше сіятельство не откажетъ ему въ своемъ покровительствѣ. Я познакомился съ г. Росси во времена моего изгнанія.

Печальное выраженіе блѣднаго лица Антонио возбудило къ нему участіе графини. Она не замѣтила густой краски, покрывшей его щеки, когда патеръ произнесъ ея имя, и видѣла въ немъ скромнаго артиста, смущеннаго присутствіемъ знатной дамы. Она обратилась къ нему съ пріятливой улыбкой и сказала:

— Отъ души желаю, чтобы Вѣна понравилась вамъ, сеньоръ. Мой мужъ будетъ очень радъ видѣть васъ въ своемъ домѣ. Онъ большой любитель и знатокъ музыки. Я буду на вашемъ первомъ дебютѣ, и увѣрена заранѣе, что ваше пѣніе доставитъ мнѣ истинное наслажденіе.

— Если только графиня не встрѣтитъ меня съ предубѣжденіемъ... пробормоталъ Антонио, который чувствовалъ сильное смущеніе, очутившись неожиданно передъ женой ненавистнаго для него человѣка.

Рената съ удивленіемъ посмотрѣла на пѣвца.

Патеръ поспѣшилъ вывести изъ затрудненія своего пріятеля.

— Этотъ молодой человѣкъ только что вернулся изъ Парижа, сказалъ онъ;— французская королева и ея дамы настолько увлечены музыкой Глюка, что онъ не имѣлъ у нихъ никакого успѣха съ своими итальянскими аріями. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ пріѣхалъ сюда, и теперь ему вездѣ чудятся враги итальянской музыки.

Рената улыбнулась.—Относительно меня вы можете быть совершенно покойны, сеньоръ, замѣтила она.—Я слишкомъ впечатлительна, чтобы не чувствовать очарованія итальянской музыки. Я увлекалась ею въ Венеціи и не разъ едва удерживалась отъ слезъ при пѣніи гондолеровъ; глубокая грусть, которая слышалась въ этихъ жалобныхъ, ласкающихъ звукахъ всегда находила отголосокъ въ моемъ сердцѣ.

— Будемъ надѣяться, что и для меня опять разцвѣтутъ лавры, сказалъ Антонио съ легкой усмѣшкой.—Во всякомъ случаѣ примите мою глубокую благодарность. Ваше покровительство, графиня, будетъ для меня путеводной звѣздой въ этомъ незнакомомъ городѣ, гдѣ я чувствую себя совершенно одинокимъ.

Съ этими словами Антонио слегка приподнял шляпу въ видѣ поклона и торопливо удалился.

Патеръ вызвался проводить Ренату до ея дома и, пользуясь удобнымъ случаемъ, старался оправдать въ ея глазахъ странное поведеніе пѣвца:

— Я не рѣшился бы рекомендовать вамъ моего пріятеля, если бы вы сами, графиня, не пожелали этого. Онъ, вѣроятно, показался вамъ довольно страннымъ, но это можно объяснить превратностями его судьбы. Онъ былъ нѣкогда учителемъ пѣнія молодой графини Турмъ и занималъ видное мѣсто въ Дрезденѣ, при тамошней оперѣ. Весной онъ отказался отъ своего мѣста, такъ какъ получилъ лестныя предложенія отъ парижскихъ друзей Пиччини. Маркизь Валь д'Омбрене писалъ ему, что онъ нашелъ феникса въ лицѣ одной пѣвицы и что они вдвоемъ будутъ приводить въ восторгъ французскій дворъ и столичное общество. Но въ Парижѣ его ждало горькое разочарованіе; пѣвица, о которой писалъ ему маркизь, оказалась графиней Турмъ и не думала поступать на сцену; при этомъ партія Глюка была всесильной при дворѣ. Я не могу судить, заключалась ли причина неуспѣха въ слабомъ талантѣ Антоніо, или дѣйствительно противъ него составились козни, только при первомъ дебютѣ его осмистали. Вторая его попытка также была неособенно удачна. Огорченный и недовольный уѣхалъ онъ изъ Парижа и хочетъ попробовать счастья въ Вѣнѣ.

— Но здѣсь онъ опять встрѣтитъ Корону Турмъ и будетъ пѣть почти при тѣхъ-же условіяхъ, какъ въ Парижѣ! возразила графиня тономъ, въ которомъ проглядывало желаніе прекратить этотъ разговоръ.

Когда они вошли въ домъ, патеръ началъ длинный разговоръ о войнѣ, такъ какъ онъ почти все время провелъ въ Прагѣ въ самомъ центрѣ движенія и былъ очевидцемъ испуга и смятенія жителей при передвиженіи войскъ. Онъ описалъ яркими красками полное раззореніе и бѣдствія крестьянскаго населенія, замѣтивъ мимоходомъ, что удостоился длинной бесѣды съ его величествомъ.

— Прямые послѣдствія войны—страданія больныхъ и раненныхъ, зрѣлище разграбленныхъ и сожженныхъ деревень, произвели глубокое впечатлѣніе на челоуколюбивое сердце императора, продолжалъ патеръ.

— Я не думаю, чтобы онъ когда-нибудь рѣшился опять обнажить шпагу безъ крайней необходимости. Неудача его смѣлаго плана настолько раздражила его, что онъ почувствовалъ недовѣріе и презрѣніе къ людямъ за малыми исключеніями, къ числу которыхъ принадлежитъ и вашъ супругъ. Іосифъ всего болѣе обвиняетъ старыхъ со-вѣтниковъ императрицы, которые если не обманули его въ тѣсномъ значеніи этого слова, то во всякомъ случаѣ очень дурно служили ему по нерадѣнію, лѣни, или злему умыслу...

— Судя по вашимъ словамъ, многоуважаемый патеръ, замѣтила графиня,—эта война, неудачная во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ отразиться и на будущности Австріи, такъ какъ она имѣла весьма дурное вліяніе на характеръ императора.

— При живости и впечатлительности Иосифа его дурное настроеніе духа не можетъ продолжаться слишкомъ долго, возразилъ патерь.—Я убѣжденъ, что теперь, когда ему не удалось примѣнить свою дѣятельность къ внѣшней борьбѣ и завоеваніямъ, онъ обратитъ всѣ свои силы на внутреннее устройство государства и постарается создать нѣчто болѣе новое и славное, нежели его предки...

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ слуги, который принесъ графинѣ письмо отъ князя Лобковича. Въ этомъ письмѣ князь просилъ свою дорогую племянницу посѣтить его, такъ какъ подагра приковывала его къ креслу, при чемъ добавлялось, что при общемъ миролюбивомъ настроеніи онъ также желаетъ помириться съ ея мужемъ и разсчитываетъ на ея содѣйствіе.

Рената сѣла къ письменному столу, чтобы написать отвѣтъ, а патерь вышелъ въ садъ, подъ предлогомъ прогулки, но съ затаенною цѣлью переговорить съ Гедвигой. Онъ зналъ, гдѣ найти ее, и прямо направился къ китайской бесѣдкѣ на холмѣ, такъ какъ еще наканунѣ, проходя мимо, видѣлъ ее въ этомъ мѣстѣ.

Гедвига стояла у входа бесѣдки и задумчиво смотрѣла на ландшафтъ, который открывался передъ нею въ сѣроватомъ туманѣ. Сумерки уже начали смѣняться темнотой осенняго вечера.

— Ты все еще ожидаешь восхода твоей звѣзды? сказалъ онъ, подходя къ ней, и взялъ ее за руку.

— Она навсегда исчезла для меня, возразила Гедвига, печально опустивъ голову.—Съ того времени, когда я видѣла васъ въ послѣдній разъ, г-нъ патерь, я убѣдилась въ преступности моихъ безумныхъ мыслей и во всемъ этомъ вижу только свое высокомеріе, а не волю Божию...

— Въ какомъ грѣхѣ обвиняешь ты себя, дитя мое? Я не вижу ничего дурнаго въ томъ, что ты желаешь еще разъ видѣть императора. Съ твоей стороны было бы величайшей неблагодарностью, если бы ты забыла его милость къ тебѣ.

— Я никогда не забуду этого! воскликнула съ живостью Гедвига.

— Останься всегда такой же доброй и нравственной, какой ты была до сихъ поръ, чтобы быть угодной Богу, возразилъ патерь.— Придетъ часъ, когда ты узнаешь его волю. Не теряй терпѣнія... Давно ли ты получила извѣстіе о твоемъ... Фрицѣ Бухгольцѣ?

— Онъ не написалъ мнѣ ни одного письма.

— Господу угодно было послать эту войну, которая во-время разлучила васъ. Гдѣ Зденко?

— Онъ пропалъ безъ вѣсти. Его видѣли въ послѣдній разъ на похоронахъ Мракотина.

— Было бы большимъ счастьемъ для тебя и графа, если бы смерть избавила васъ отъ этого безумца. Но на все воля Божія! Онъ соединяетъ однихъ и разлучаетъ другихъ. Кстати, помнишь ли ты пожилаго господина, котораго ты встрѣтила разъ на большой дорогѣ

около Дубницы? Онъ говорилъ съ тобой объ императорѣ. Теперь этотъ господинъ въ Вѣнѣ и желаетъ видѣть тебя.

— Князь Лобковичъ?.. Вы, кажется, насмѣхаетесь надо мной, г-нъ патеръ!

— Скажи пожалуйста, откуда ты узнала его фамилію?

— Я рассказала графинѣ нашу встрѣчу и она догадалась, что это былъ ея дядя, судя по моему описанію.

На лицѣ Ротгана появилась легкая тѣнь неудовольствія и тотчасъ-же исчезла.

— Тѣмъ лучше, если графиня знаетъ объ этомъ! На дняхъ она навѣрно посѣтитъ князя. Ты можешь отправиться къ нему вмѣстѣ съ графиней. Странныя случайности твоей жизни еще не кончились. Ты не должна падать духомъ; никто не знаетъ—избранникъ ли онъ Божій, или отверженный. Нашъ долгъ быть всегда готовымъ послѣдовать голосу, призывающему насъ свыше.

ГЛАВА II.

— Вы совершенно правы, многоуважаемый патеръ; надъ Австріей скоро разразится буря, и преимущественно надъ дворянствомъ и церковью! сказалъ князь Лобковичъ, обращаясь къ патеру Ротгану.

Въ большой полутемной комнатѣ водворилась мертвая тишина. Князь сидѣлъ въ мягкомъ креслѣ съ ногами, укутанными въ теплое одѣяло. Онъ былъ въ печальномъ настроеніи и гораздо нездоровѣе, нежели ожидалъ этого его собесѣдникъ.

— Какая польза въ умѣ, если ноги отказываются служить! продолжалъ князь послѣ нѣкотораго молчанія.— Какъ скучно жить на свѣтѣ!

— Ваше сіятельство снисходительнѣе взглянетъ на міръ, какъ только почувствуетъ себя немного лучше, возразилъ патеръ, глядя на огонь, пылавшій въ каминѣ.—Поговоримъ лучше о болѣе приятныхъ вещахъ.

— О чемъ? Хорошіе дни безвозвратно прошли для меня. Я ненавижу карты, а размышлять о смерти считаю лишнимъ, потому что еще не собираюсь умирать. Политика—единственная дама, которая можетъ занимать помыслы пожилаго человѣка. Но сегодня она нисколько не интересуется меня. Чортъ бы побралъ эту несносную болѣзнь.

— Развѣ мы видѣли мало примѣровъ, когда великіе люди, несмотря на болѣзнь, управляли дѣлами міра. Шведскій генераль Торстенонъ лежалъ въ носилкахъ управлять ходомъ битвы, Рихелье...

— Это старыя исторіи, патеръ; онѣ нисколько не утѣшаютъ меня! Какъ бы вы ни старались позолотить пилюлю, но я тѣмъ не менѣе чувствую свое безсиліе и вмѣстѣ съ тѣмъ не могу помириться съ той пассивной ролю, которую предлагаютъ намъ. Никто не откажется добровольно отъ своей давнишней и законной собственности. Многіе ссылаются на „силу вещей“, но это слово слишкомъ растяжимо, и можетъ быть объяснено различными способами...

— Я не болѣе какъ зритель, возразилъ патеръ,—и для меня безразлично, кто останется побѣдителемъ—императоръ, или дворянство совмѣстно съ церковью; но я считаю весьма желательнымъ, чтобы борьба кончилась какъ можно скорѣе, благодаря уступчивости однихъ и умѣренности другихъ. Годъ тому назадъ, я осмѣлился замѣтить вашему сіятельству во время одного разговора въ замкѣ Турмъ, что нельзя ожидать никакихъ результатовъ отъ явнаго сопротивленія волѣ императора и что это нисколько не остановитъ тѣхъ реформъ, какія онѣ думаетъ провести. Духъ времени и общественное мнѣніе на его сторонѣ. Монархическая власть имѣетъ большія преимущества передъ дворянствомъ и духовенствомъ въ глазахъ большинства развитыхъ людей.

— Вы повторяете фразы парижскихъ философовъ! Къ счастью, первый крикунъ изъ нихъ—Вольтеръ—отправился къ праотцамъ. Впрочемъ, нужно отдать справедливость его остроумію; онѣ написалъ много забавныхъ вещей... Однако позвольте спросить васъ, кого собственно называете вы развитыми людьми въ Австріи? Толпа наша идетъ слѣпо за священникомъ или господиномъ, смотря по тому, кто изъ нихъ потянетъ ее за собою.

— Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ она ожидаетъ втихомолку, что монархъ облегчитъ ея участь. Не упускайте также изъ виду и другое обстоятельство. Развѣ существуетъ единодушіе между нашими дворянами? Вспомните, удалось ли вамъ побудить ихъ къ протесту противъ нововведеній въ государствѣ, которыя такъ возмущали ихъ.

— Разумѣется, нѣтъ! Эти лягушичы головы ничѣмъ не интересуются, кромѣ своихъ личныхъ дѣлъ. Одна надежда на венгерцевъ и бельгійцевъ...

— Но и протестъ будетъ безсиленъ въ первые годы царствованія. Когда монархъ вступаетъ на престоль, то блескъ его ослѣпляетъ толпу, какъ восходящее солнце. Свѣтлыя надежды, связанныя съ нимъ, окружаютъ его ореоломъ недосягаемаго величія и уничтожаютъ въ зародышѣ всякое желаніе противодѣйствовать ему. Недовольство и разочарованіе является гораздо позже; онѣ можетъ встрѣтить непреодолимыя препятствія на своемъ пути, но во всякомъ случаѣ не будетъ возврата для тѣхъ реформъ, которыя ему удастся провести въ началѣ царствованія. Развѣ вы можете устроить вновь монастыри, если онѣ уничтожитъ ихъ, отнять у протестантовъ дарованныя имъ льготы, или снова обложить крестьянъ оброками, отъ которыхъ онѣ

избавилъ ихъ? Я не могу допустить, князь, чтобы вы могли мечтать о подобныхъ вещахъ.

— Преклоняюсь передъ вашимъ умомъ, многоуважаемый патеръ. Дѣйствительно, въ настоящее время протестъ немислимъ послѣ всѣхъ сдѣланныхъ нами ошибокъ; но мы можемъ поправить ихъ въ будущемъ, если только большому старику возможно говорить о будущемъ... Что вы намѣрены дѣлать теперь?

— Что касается меня лично, сказалъ патеръ,—то я предполагаю вернуться въ Прагу, въ мою возлюбленную бібліотеку, съ которой думаю не разставаться больше. Когда книги будутъ приведены въ надлежащій порядокъ и у меня останется болѣе свободнаго времени, я займусь по прежнему изученіемъ вѣчныхъ законовъ природы.

— Неужели у васъ вовсе нѣтъ честолюбія, патеръ!

— У меня? воскликнулъ Ротганъ тономъ ловко разыграннаго удивленія.—Къ какой цѣли можетъ быть направлено мое честолюбіе? Ученая карьера закрыта для меня; я долженъ скрывать открытія, сдѣланныя мною въ естественныхъ наукахъ. Прошли старыя блаженныя времена; нынѣшнее католическое духовенство такъ же невѣжественно въ физикѣ и химіи, какъ наши крестьяне. Затѣмъ, что же остается мнѣ? Не сдѣлаться ли главой несуществующаго ордена, или же духовникомъ молодаго императора? Но при живомъ и веселомъ характерѣ Іосифа, дамы, пожалуй, скоро возьмутъ на себя эту роль и мнѣ придется подать въ отставку.

— Нѣкогда я мечталъ, что эту роль можетъ съ успѣхомъ выполнить Рената. Она была бы добрымъ гениемъ Іосифа; какія существенныя услуги могла она оказать церкви и государству! Но теперь все кончено...

— Конечно? повторилъ патеръ, вставъ съ мѣста и подходя къ креслу князя.—Императоръ вѣроятно будетъ часто посѣщать домъ графа Эрбаха. Говорятъ, онъ не любитъ шумныхъ придворныхъ сборищъ и предпочитаетъ небольшой кружокъ друзей, гдѣ онъ можетъ свободно высказывать свои мысли и наслаждаться разговоромъ. Здѣсь онъ именно найдетъ то, что ему нужно: съ графомъ онъ будетъ философствовать, заниматься музыкой и бесѣдовать о политикѣ. Если же на него найдетъ печальное настроеніе духа, то графиня, при своей живой фантази, сумѣетъ увлечь его въ міръ идеальныхъ стремленій. Если она разлюбила его, то все-таки никогда не забудетъ, что былъ моментъ, когда они оба увлеклись другъ другомъ.

— А за кулисами будетъ стоять патеръ Ротганъ и направлять ихъ въ ту сторону, какою сочтетъ нужнымъ? замѣтилъ съ усмѣшкой князь.

Патеръ низко поклонился къ креслу больнаго и шепнулъ ему на ухо:—За кулисами будетъ стоять красивая бѣлокурая дѣвушка; я желалъ бы обратить на нее вниманіе вашего сіятельства, такъ какъ она гораздо привлекательнѣе моей невзрачной личности.

— Кто она такая?

— Простая служанка.

— Что это значитъ, патеръ? Неужели вы можете серьезно говорить о подобныхъ вещахъ?

— А васъ, князь, я просилъ бы не дѣлать слишкомъ поспѣшныхъ заключеній. Дѣло гораздо серьезнѣе, нежели вы думаете. Вы вѣроятно слышали объ этой дѣвушкѣ. Ея имя Гедвига Рехбергеръ.

— Гедвига! Я даже говорилъ съ нею; Красивая дѣвочка съ кроткими глазами... Развѣ она въ Вѣнѣ?

— Ваше сіятельство черезъ часъ увидитъ ее, потому что она пріѣдетъ сюда вмѣстѣ съ вашей племянницей, графиней Эрбахъ.

— Bravo, патеръ! вы не только знатокъ въ естественныхъ наукахъ и политикѣ, но даже въ амурныхъ дѣлахъ! Последняго я всего менѣе ожидалъ отъ васъ. Дѣвочка нравится мнѣ, но вы забыли о моей подагрѣ. Ахъ, если бы я былъ помоложе! У насъ также бывали хорошіе деньки...

Ротганъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и поспѣшилъ прервать князя изъ боязни, чтобы онъ не отправился въ дебри своихъ любовныхъ воспоминаній.—Эта дѣвушка, сказалъ онъ,—любитъ императора первой, мечтательной любовью. Онъ видѣлъ ее и, быть можетъ, досихъ поръ помнить о ней. Она даже болѣе образована, чѣмъ слѣдуетъ въ ея положеніи, и имѣтъ приличныя манеры. Тѣмъ не менѣе, добавилъ патеръ шепотомъ,—она будетъ послушнымъ орудіемъ въ той рукѣ, которая сумѣетъ направить ее надлежащимъ образомъ.

Князь Лобковичъ съ удивленіемъ взглянулъ на своего собесѣдника.

— Жаль, что вы, патеръ, не были начальникомъ ордена вмѣсто Лоренцо-Риччи! сказалъ онъ. Вы вѣроятно придумали бы какія нибудь средства, чтобы оградить орденъ отъ буллы Ганганелли!

— Разумѣется, трудно предвидѣть всѣ случайности, продолжалъ Ротганъ, занятый своими мыслями.—Быть можетъ императоръ пройдетъ мимо, не замѣтивъ ее, и дѣло кончится ничѣмъ. Но я рѣдко ошибаюсь въ расчетахъ и не особенно надѣюсь на то, что люди называютъ счастьемъ, но стараюсь принять всѣ мѣры, чтобы обезпечить успѣхъ.

— Развѣ дѣвушка не лютеранка?

— Да, но она провела полтора года въ монастырѣ и теперѣ вполнѣ годится въ любовницы императора католика...

— Но какой у васъ собственно планъ дѣйствій?

— Вы не поняли меня, князь. Тутъ не можетъ быть рѣчи о какомъ либо планѣ! Намъ попалась въ руки молодая дѣвушка, влюбленная до глупости въ императора. Онъ знаетъ ее лично. Стоитъ ему сказать одно слово этой дурочкѣ въ извѣстномъ смыслѣ, и она очутится въ его объятіяхъ... Если не ошибаюсь, его величество будетъ сегодня вечеромъ въ театрѣ?

— Да, онъ желаетъ показаться народу послѣ долгаго отсутствія.

Народъ, вѣроятно, будетъ шумно привѣтствовать его... Но я не понимаю, какое это имѣетъ отношеніе къ нашему дѣлу?

— Императоръ пройдетъ мимо вашего дворца. Ваши слуги выдутъ на крыльцо, чтобы увидѣть его; Гедвига будетъ въ числѣ ихъ... Предоставимъ все случаю; наше вмѣшательство совершенно излишне. Однако мнѣ пора идти.

— Вы такъ заинтересовали меня, что я съ нетерпѣніемъ буду ждать результатовъ нынѣшняго вечера. Мнѣ досадно, что вы уходите, но вы наотрѣзъ объявили мнѣ, что не хотите, чтобы дамы видѣли васъ. Покоряюсь вашему рѣшенію. Никто не можетъ превзойти васъ въ мудрости; мы всѣ должны признать себя вашими учениками.

— Мы еще не знаемъ, что выдетъ изъ всего этого. *Respicite finem!* сказалъ патеръ, выходя изъ комнаты.

Неизвѣстно, утихла ли боль сама по себѣ, или волненіе, которое чувствовалъ Лобковичъ, было сильнѣе физическихъ страданій, но черезъ часъ послѣ этого разговора онъ стоялъ изящно одѣтый въ приемной залѣ дворца въ ожиданіи своей племянницы. Онъ внимательно посмотрѣлъ на себя въ большое зеркало, въ которомъ отчетливо отражалась его фигура при яркомъ освѣщеніи восковыхъ свѣчей, зажженныхъ въ канделябрахъ и подсвѣчникахъ, и видимо остался доволенъ собой. Хотя въ обыкновенное время князь, въ противоположность своему тайному врагу, Кауницу, щеголялъ простотою одежды и не обращалъ никакого вниманія на свою наружность, но сегодня лицо его показалось ему такимъ изнуреннымъ послѣ болѣзни, что онъ рѣшился прибѣгнуть къ искусству своего камердинера. Онъ бранилъ себя старымъ дуракомъ, который хочетъ играть роль молодого селадона, но тѣмъ не менѣе, глядя на себя въ зеркало, онъ самодовольно улыбнулся и нашелъ, что его камердинеръ былъ правъ до извѣстной степени, сказавъ, что „князь помолодѣлъ на десять лѣтъ“.

Когда ему доложили о приѣздѣ графини Эрбахъ, онъ вышелъ къ ней на встрѣчу до первыхъ ступеней лѣстницы, частью изъ любви, отчасти же съ тою цѣлью, чтобы убѣдиться собственными глазами въ присутствіи Гедвиги. Патеръ не обманулъ его: молодая дѣвушка была тутъ съ щеками, разгорѣвшимися отъ волненія, и скромно опущенными рѣсницами.

— Очень радъ, что вы посѣтили меня, племянница, и повидимому, хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ! сказалъ князь въ присутствіи двухъ слугъ, стоявшихъ у открытыхъ дверей.—Подойдите сюда, фрейлейнъ! Мы познакомились съ нею на большой дорогѣ около Танибургъ.

— Гедвига рассказала мнѣ объ этомъ, ваше сіятельство возразила Рената.

— Это вѣрная служанка, добавилъ вполголоса князь, обращаясь къ своей племянницѣ.—Она столько выстрадала изъ-за насъ, что мы обязаны оказывать ей предпочтеніе передъ другими слугами, чтобы показать, что мы умѣемъ цѣнить вѣрную службу.

Съ этими словами онъ подалъ руку Гедвигѣ, отвернувъ немного голову, изъ боязни уронить свое достоинство.

Затѣмъ князь удалился съ своей племянницей въ кабинетъ и заперъ за собою двери.

Сдержанность Ренаты не долго устояла противъ свѣтской любезности Лобковича.

— Не будемъ больше говорить о прошломъ, дитя мое, сказалъ онъ. Всѣ мы до извѣстной степени виноваты другъ передъ другомъ. Но тѣмъ не менѣе, разлука съ тобой глубоко огорчила меня. Слава Богу, теперь все пойдетъ опять по старому. Ты помирилась съ мужемъ. Говорятъ, вы ведете между собой нѣжную переписку. Тебѣ нечего краснѣть! графъ всегда слылъ за любезнаго кавалера. Что же касается нашихъ отношеній, то я надѣюсь, что мнѣ удастся помириться съ нимъ. Я буду скоро выключенъ изъ списка дѣйствующихъ лицъ; вѣяніе новаго времени нездорово для моихъ старыхъ легкихъ. Я выступилъ на поприще дѣятельности съ моей августѣйшей государыней и вмѣстѣ съ нею хочу сойти со сцены. Старики должны уступить мѣсто молодымъ. Этотъ порядокъ установленъ самимъ Богомъ.

Рената обняла старика, тронутая грустью, которая звучала въ его словахъ. При ея чувствительномъ сердцѣ нужно было затронуть только эти струны, чтобы вновь приобрести ея довѣріе. Она была очень довольна желаніемъ князя помириться съ ея мужемъ и отвѣтила, что графъ Эрбахъ, вѣроятно, не откажется отъ дружески прогнанной ему руки.

— Кстати, я долженъ приготовить тебя къ встрѣчѣ съ людьми, къ которымъ ты не чувствуешь особеннаго расположенія. Да будетъ тебѣ извѣстно, что я ожидаю сегодня вечеромъ Корону Турмъ и ея брата Прокопа. Ты поблѣднѣла, моя дорогая Рената! Если тебѣ такъ непріятно видѣть твоихъ родственниковъ, то ты можешь уѣхать, не дожидаясь ихъ. Но я думалъ, что ты давно простила своей кузинѣ ея невинныя проказы; что же касается любовныхъ объясненій Прокопа, то этотъ леденецъ можно глотать изрѣдка безъ вреда для сердца и желудка.

Князь принялъ на себя обязанность примирить Корону съ ея родственниками и былъ бы очень недоволенъ, если бы ктонибудь помѣшалъ ему въ этомъ.

Рената не рѣшилась противорѣчить старику и робко замѣтила, что очень рада увидѣть подругу своей юности, хотя боится, что время измѣнило ихъ обихъ и онѣ не поймутъ другъ друга.

Лобковичъ хотѣлъ возражать, но ему помѣшалъ приходъ слуги, который явился съ докладомъ, что пріѣхали гости.

Минуту спустя, вошла Корона, въ сопровожденіи своего брата Прокопа и маркиза д'Омброне. Увидя Ренату, она бросилась къ ней на шею съ радостнымъ возгласомъ, не обращая вниманія на пріѣтствія хозяина дома.

Въ послѣдніе годы Корона развилась и еще болѣе похорошѣла. Ростомъ она была выше графини Эрбахъ и несравненно эффектнѣе, благодаря бѣлоснѣжному цвѣту лица и нѣжному румянцу, покрывавшему ея щеки. Глаза ея блестяли лихорадочнымъ блескомъ, но въ манерахъ была свободная грація движеній, въ которой сказывалось сознание своей красоты и пребываніе при французскомъ дворѣ. По-здоровавшись съ Ренатой, она подошла къ Лобковичу и любезно извинилась передъ нимъ за свое минутное невниманіе къ нему. Неизвѣстно, какая борьба происходила въ ея сердцѣ въ этотъ вечеръ, но она была неуловима для постороннихъ наблюдателей. Если бы ея бабушка, которая умерла нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, могла бы видѣть въ эту минуту свою внучку безукоризненной великосвѣтской дамой, она, вѣроятно, воскликнула бы съ невольнымъ чувствомъ удовольствія: „кровь Турмовъ все-таки видна въ ней!“ По крайней мѣрѣ Прокопъ былъ убѣжденъ въ этомъ и не скрывалъ того восхищенія, которое возбуждала въ немъ Корона. Онъ старался загладить любезностью и лестью несправедливость отца и бабушки, которые лишили ее наслѣдства, и теперь разсыпался въ благодарности князю Лобковичу, который помирилъ его съ сестрой. Онъ увѣрялъ, что самъ давно желалъ этого, и только его бабушка—впрочемъ, превосходнѣйшая и бережливая женщина—своей горячностью усиливала печальный семейный раздоръ. Корона съ спокойной улыбкой выслушивала эти увѣренія. Неизвѣстно, была ли это своего рода тактика, или она дѣйствительно сдѣлалась равнодушна къ тому, что такъ сильно огорчало ее прежде.

— Когда я слышу всѣ эти имена и старыя исторіи, сказала Корона, то моя прошлая жизнь представляется мнѣ какимъ-то сномъ. Можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ не жила до того момента, когда встрѣтила моего втораго отца, или впечатлѣніе, какое произвелъ на меня Парижъ, настолько сильно, что передъ нимъ блѣднѣютъ другія картины... Кстати, князь, когда я входила къ вамъ на лѣстницу, то по залѣ прошла молодая дѣвушка, лицо которой показалось мнѣ знакомой.

— Это Гедвига Рехбергеръ; она сидѣла за тебя въ монастырѣ, отвѣтила Рената тономъ, въ которомъ слышался легкій упрекъ.

— Гедвига? Я хорошо помню ее. Графъ Эрбахъ пожелалъ тогда, чтобы я взяла ее съ собой въ Парижъ. Надѣюсь увидѣть ее у тебя, моя дорогая Рената. Она выказала столько вѣрности и мужества, что вполне заслуживаетъ мою благодарность. Не смѣшно ли, князь, что господа солдаты приняли простую служанку за меня. Какой отличный сюжетъ для комедіи!

Вслѣдствіе ли природной живости, или изъ желанія скрыть свое смущеніе, но Корона рѣзко перемѣнила тему разговора и принялась рассказывать анекдоты изъ жизни Маріи-Терезіи, слышанные ею въ Парижѣ, и представила въ каррикатурномъ видѣ придворныхъ дамъ

старой императрицы. Рената была глубоко возмущена этимъ. Она увидѣла въ словахъ Короны крайнее легкомысліе, отрицаніе высшихъ задачъ жизни и всякихъ принциповъ. То, чего она боялась, оправдалось на дѣлѣ; онѣ уже не понимали другъ друга и отъ прежней дружбы осталось только горькое чувство разочарованія.

Сердечность, съ какой ее встрѣтила Корона, скоро перешла въ холодную вѣжливость и остроумную свѣтскую болтовню, такъ что Рената пришла къ убѣжденію, что сцена встрѣчи была не болѣе какъ ловко разыгранная комедія. Ея сердце, которое такъ спокойно билось въ ожиданіи любимой подруги ея молодости, совсѣмъ замолкло; даже ревность перестала волновать ее. Эта холодная, гордая красавица не могла увлечь ея мужа... Но почему рѣзкая перемена, которая произошла въ молодой дѣвушкѣ и избавляла ее отъ безпокойства и страданій, производила на нее такое тяжелое впечатлѣніе? спрашивала себя Рената. Почему проснулось въ ней чувство глубокаго состраданія къ прежней подругѣ?

На лицѣ Короны нельзя было замѣтить ни одной морщинки или легкой тѣни, которую можно было бы принять за слѣдъ неудовольствія, мучительныхъ заботъ, или неудовлетворенныхъ желаній. Съ тѣхъ поръ какъ она явилась при дворѣ свѣтской дамой, возбуждавшей общее удивленіе въ Версалѣ, никакія волненія, повидимому, не тревожили ее. Все дѣлалось по ея желанію. Старый маркизь д'Омбронне боготворилъ свою пріемную дочь и исполнялъ ея малѣйшіе капризы. Онѣ не сдѣлалъ никакого возраженія, когда Корона послѣ отъѣзда графа Эрбаха, жалуясь на скуку, вздумала открыть салонъ и окружила себя шумнымъ и веселымъ обществомъ. На зиму маркизь долженъ былъ переѣхать изъ Буживала въ Парижъ, чтобы Корона могла пользоваться всѣми столичными удовольствіями. Она уже не думала болѣе поступить на сцену и пѣла только въ концертахъ Трианона, или у принцессы королевскаго дома, довольствуясь восторженнымъ поклоненіемъ тѣснаго придворнаго кружка. Изрѣдка можно было ее слышать въ церквахъ въ особенно торжественныхъ случаяхъ. Трудовая жизнь артистки, исполненная радостныхъ и мучительныхъ волненій больше не прельщала ее. Стоя на границѣ двухъ міровъ—искусства и придворной жизни, она отдала предпочтеніе послѣдней и видимо довольствовалась гордымъ сознаніемъ своего богатства, знатности и красоты. Мужчины ухаживали за нею, женщины завидовали ей. Одна только Жанна Дюбарри чувствовала къ ней искреннюю привязанность. Онѣ часто видѣлись, но всегда тайно, потому что графиня Дюбарри не хотѣла, чтобы Корона изъ-за нея лишилась милости королевы. Мало-по-малу молодая дѣвушка изъ разсказовъ бывшей любовницы Людовика XV и по собственному опыту узнала во всей наготѣ такъ называемый „высшій свѣтъ“ съ его крайнимъ эгоизмомъ, ложью и непостоянствомъ. Дѣйствительность предстала передъ нею безъ обманчиваго покрыва добра и кра-

соты, которымъ свѣтскіе люди прикрываютъ свои пороки. Этому, разумѣется, не мало способствовало ея личное горе. Она разочаровалась въ человѣкъ, который былъ олицетвореніемъ ея идеала, потеряла вѣру въ искренность его любви. Изъ глубины ея огорченного сердца вырвалось горькое слово отчаянія:—вездѣ ложь! онъ не лучше другихъ, и такая же тряпка, какъ всѣ мужчины!..

Благодаря неистощимой веселости Короны и чудачеству маркиза, который въ итальянскому и французскому языку примѣшивалъ нѣмецкій и употреблялъ самыя смѣшныя выраженія, разговоръ не прекращался ни на одну минуту.

За ужиномъ князь Лобковичъ съ большимъ успѣхомъ исполнялъ роль любезнаго хозяина и главы семьи.

— Одного не достаетъ между нами въ этотъ счастливый вечеръ, сказалъ онъ, поднимая стаканъ.—Онъ дорогъ всѣмъ намъ, особенно тебѣ, Рената. Пью за здоровье графа Эрбаха и желаю, чтобы онъ скорѣе вернулся сюда!

Яркая краска покрыла щеки Ренаты, когда она чокнулась своимъ стаканомъ съ Короной. Она не рѣшилась взглянуть на нее.

— О, il conte d'Erbach! воскликнулъ маркизь.—Это превосходный человѣкъ! Я былъ очень доволенъ, когда онъ посѣтилъ меня въ Вуживалѣ. Le meilleur ami de sa majesté impériale. Онъ знатокъ музыки и изящныхъ искусствъ!..

Корона сидѣла облокотившись на столъ; въ рукахъ ея былъ ножъ, которымъ она стучала по фарфоровой тарелкѣ, стоявшей передъ нею.

— Прошла цѣлая вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣла моего кузена, сказала она задумчиво.—Насъ какъ будто раздѣлилъ темный непроходимый лѣсъ...

Ножъ съ шумомъ выпалъ изъ ея рукъ на тарелку. Она пристально посмотрѣла на Ренату и спросила:

— Правда ли, что твой мужъ сдѣлался въ послѣднее время великимъ архитекторомъ и другомъ крестьянъ?

Тонъ, которымъ были сказаны эти слова, болѣе оскорбилъ Ренату, нежели смыслъ ихъ.

— Мой мужъ, отвѣтила она съ усмѣшкой,—дѣйствительно построилъ новую башню въ Таннбургѣ.

— Графъ Эрбахъ, сказалъ хозяинъ дома,—одинъ изъ самыхъ храбрыхъ офицеровъ нашей арміи, и при этомъ онъ заботится какъ отецъ о своихъ крѣпостныхъ крестьянахъ. Да, милая Корона, было бы весьма желательно, чтобы всѣ наши дворяне раздѣляли его образъ мыслей. Тогда мы могли бы смотрѣть на будущее болѣе смѣлыми глазами.

— Вы опять заговорили о политикѣ, князь! Къ сожалѣнію, эта мудрость недоступна для меня.

— Но мы, мужчины, должны поневолѣ заниматься ею. На долю прекраснаго пола выпала любовь и искусство, а всякаго рода дѣла—

нашей братьѣ. Только при этомъ условіи можетъ существовать міръ.

— Я ненавижу дѣловыхъ людей и предпочитаю кавалеровъ, которые вѣрны своимъ дамамъ и рыцарски почтительны къ нимъ. Я не понимаю тѣхъ, которымъ приходится фантазія заботиться о благосостояніи и просвѣщеніи народа...

Ренатъ показалось, что Корона ищетъ предлогъ, чтобы вызвать ее на ссору, и рѣшилась вооружиться терпѣніемъ и быть на-сторожѣ.

— Какъ часто жалѣлъ я во время войны, что мнѣ не пришлось встрѣтиться съ графомъ, сказалъ Проконъ, который считъ нужнымъ выказать сочувствіе своему счастливому сопернику.—Но графъ постоянно находился при императорѣ и ни разу не пріѣзжалъ къ намъ. Въ лагерѣ мы очень скоро подружились бы съ нимъ.

— Что не удалось въ походѣ, можетъ быть исполнено въ танцевальной залѣ, сказала Лобковичъ.

Это замѣчаніе дало удобный поводъ маркизу вмѣшаться въ разговоръ. Онъ подробно распространился объ удовольствіяхъ, ожидающихъ столичныхъ жителей послѣ заключенія мира и, переходя по своему обыкновенію отъ предмета къ предмету безъ всякой послѣдовательности, неожиданно ударилъ себя по лбу.

— Прости, дочь моя! сказалъ онъ торжественнымъ тономъ,—я хотѣлъ сообщить тебѣ это за обѣдомъ и совсѣмъ забылъ. Неправда ли, мой принце, когда смотришь на нее, то поневолѣ становишься разсѣяннымъ. Сегодня утромъ сижу я у окна и вижу, что на другой сторонѣ улицы останавливается человекъ, черный какъ воронъ. Присмотрѣвшись внимательнѣе, я тотчасъ узналъ въ немъ нашего жалкаго пѣвца, Антоніо Росси.

Брови Короны сдвинулись съ выраженіемъ неудовольствія. Она бросила вопросительный взглядъ на Ренату и, не замѣтивъ никакой перемѣны въ ея лицѣ, сказала:

— Мнѣ кажется, что объ этомъ и рассказывать не стоитъ! Неужели этому господину мало той неудачи, которую онъ потерпѣлъ въ Парижѣ? Говорятъ, у жителей Вѣны слухъ еще тоньше, нежели у французовъ.

— Я слышала, что онъ былъ твоимъ первымъ учителемъ пѣнія, замѣтила графиня Эрбахъ.—Тебѣ слѣдовало бы дружелюбнѣе относиться къ нему.

— Дружелюбнѣе! повторила Корона съ презрительной усмѣшкой.— Ты можешь разсуждать такимъ образомъ, не зная въ чемъ дѣло. Если бы этотъ господинъ сдѣлалъ тебѣ столько вреда, какъ онъ мнѣ, и былъ бы причиной твоего несчастія, то врядъ ли стала бы ты относиться къ нему съ такимъ благодушіемъ... Что касается меня лично, то я не особенно высоко ставлю Росси какъ пѣвца, а какъ человекъ онъ не настолько привлекателенъ, чтобы простить ему не-

достатокъ таланта. Послѣ вынесеннаго имъ пораженія, ему слѣдовало бы идти въ монастырь, или искать смерти на полѣ битвы.

— Вы всегда любили крайности! замѣтилъ съ улыбкой князь Лобковичъ.—Бурная молодость предпочитаетъ объѣзжать дикаго коня, вмѣсто того, чтобы придерживаться золотой середины. Я совѣтовалъ бы вамъ, фрейлейнъ, взять примѣръ съ Ренаты; она нашла счастье въ спокойствіи тихой семейной жизни.

— Въ спокойствіи! возразила Корона пожавъ плечами.— Оно не существуетъ для меня. Вѣчное движеніе, шумъ, веселье... только при этомъ условіи я понимаю жизнь! Если кто стремится къ спокойствію, тотъ можетъ найти его у капуциновъ, сказалъ однажды императоръ Іосифъ...

— Зачѣмъ повторяете вы подобныя выраженія? сказалъ Лобковичъ, на котораго слова Короны произвели такое-же непріятное впечатлѣніе, какъ и на его гостей.

Въ это время послышался шумъ многолюдной толпы, которая медленно приближалась отъ воротъ Kärnthner'a къ улицѣ Augustiner, примыкавшей къ дворцу Лобковича.

Прокopf торопливо подошелъ къ окну.

— Свѣтятся факелы, сказалъ онъ. Улица переполнена народомъ. Не видно больше ни одной кареты...

Князь Лобковичъ не могъ выговорить ни одного слова отъ волненія и машинально схватилъ руку Ренаты, чтобы не упасть. Онъ вспомнилъ слова патера—императоръ проѣдетъ мимо вашего дворца... Гедвига будетъ на улицѣ...

Въ головѣ князя блеснула неожиданная мысль:—Ставьте свѣчи на окна! крикнулъ онъ слугамъ.—Отворите двери параднаго входа и встаньте всѣ на крыльцѣ! Въ случаѣ несчастія при этой давкѣ вы можете оказать помощь...

Вошелъ слуга съ докладомъ, что въ народѣ пронесся слухъ, будто на театральной площади случилось несчастіе. Лошади опрокинули коляску императора.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ! давайте сюда свѣчей! воскликнулъ Лобковичъ, взявъ поспѣшно со стола тяжелый канделябръ, который онъ поставилъ на окно залы. Графъ Турмъ и маркизь послѣдовали его примѣру и освѣтили другія окна.

Толпа, стоявшая на улицѣ, увидя освѣщенныя окна, громко выразила свое одобреніе. Вдали раздались крики:—Да здравствуетъ императоръ!.. Ура!.. Императоръ!.. Одни подбрасывали свои шапки, другіе махали ими по воздуху.

— Императоръ спасенъ и идетъ сюда! сказалъ князь.

Прокopf отворилъ среднее окно залы, къ которому Корона и Рената подошли одновременно, движимыя невольнымъ любопытствомъ.

Мужчины встали у сосѣдняго окна.

— Ты смотришь на меня съ недоувѣріемъ, Рената! сказала шепотомъ

томъ молодая дѣвушка.— Не осуждай меня. Когда мы будемъ однѣ, я все расскажу тебѣ.

— Намъ не слѣдовало бы встрѣчаться въ первый разъ при постороннихъ людяхъ.

— Я не рѣшалась придти къ тебѣ... твой мужъ...

— Ты напрасно избѣгаешь его. Вѣрь мнѣ, что у тебя нѣтъ болѣе преданнаго друга, нежели онъ.

— Я знаю, вы будете бранить и проклинять меня! проговорила съ усиленіемъ Корона.— Я сама ненавижу себя.

— Мы будемъ любить тебя и ты забудешь свои прошлыя огорченія. Суета и блескъ придворной жизни увлекли тебя; постарайся снова полюбить родину и тихую жизнь; тогда ты опять пріобрѣтешь душевное спокойствіе.

— Ты не знаешь, зачѣмъ я пріѣхала сюда?

— Я рада, что ты опять съ нами! сказала Рената.

— Мой женихъ послѣдовалъ за мной въ Вѣну... Графъ Робертъ Арембергъ... Мнѣ нужно получить согласіе брата.

— Развѣ ты уже дала слово?

Шумъ и крики на улицѣ настолько усилились, что Рената не могла слышать отвѣта молодой дѣвушки.

Трудно было освѣтить въ такое короткое время всѣ окна обширнаго дворца; но первый этажъ блестѣлъ огнями, а на верхнихъ ступеняхъ высокаго крыльца стояли два рослыхъ гайдука съ факелами, отблескъ которыхъ распространялся по площади.

Князь Лобковичъ, желая убѣдиться, исполнены ли его приказанія, осторожно выглянулъ изъ окна, такъ какъ боялся рѣзкаго ноябрьскаго вѣтра.

На лицѣ его появилась улыбка удовольствія; онъ увидѣлъ Гедвигу на крыльцѣ въ полномъ освѣщеніи факеловъ, которые придавали своеобразное выраженіе ея взволнованному лицу. Лобковичъ былъ увѣренъ, что императоръ не можетъ не замѣтить красивой бѣлокурой дѣвушки при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она находилась.

Иосифъ шелъ отъ театральной площади по улицѣ Augustiner. Народъ очистилъ широкую дорогу для него и его свиты. Четверо гайдуковъ по два съ каждой стороны освѣщали ему путь. Около него шелъ человекъ въ черномъ плащѣ съ непокрытой головой; лицо его было обращено къ императору, такъ что изъ оконъ княжескаго дворца трудно было узнать его. Сзади шелъ графъ Гаррахъ, одинъ изъ адъютантовъ императора.

Иосифъ привѣтливо улыбался, прикладывая руку къ своей шляпѣ, и время отъ времени кивалъ головой толпѣ, которая безъ устали кричала ему: Да здравствуетъ Иосифъ!..

Новый наплывъ толпы изъ боковыхъ улицъ остановилъ на нѣскольکو минутъ шестіе.

— Зачѣмъ вы называете только мое имя? Привѣтствуйте и бла-

годарите графа Эрбаха! Онъ остановилъ лошадей и спасъ мнѣ жизнь! сказалъ добродушно Іосифъ, обращаясь къ стоявшимъ возлѣ него людямъ.

— Да здравствуетъ графъ Эрбахъ! раздалось въ толпѣ.—Императоръ Іосифъ!.. Эрбахъ!

Корона вздрогнула и поспѣшно отвернулась. Рената покраснѣла отъ удовольствія и сдѣлала невольное движеніе, чтобы отойти въ глубину комнаты.

Но уже было слишкомъ поздно. Освѣщенный домъ и группа, стоявшая у окна, привлекли вниманіе Іосифа. Онъ привоснулъ къ рукамъ Эрбаха, который также поднялъ голову.

Въ этотъ моментъ въ толпѣ раздались новые крики восторга. Императоръ кланялся на всѣ стороны и благодарилъ, видимо польщенный тѣмъ расположеніемъ, какое выказывалъ ему народъ.

Когда крики умоляли, Іосифъ сказалъ вполголоса графу Эрбаху:— Вотъ ваша жена! Я не смѣю долѣе удерживать васъ. Идите къ ней и передайте мой поклонъ. Отъ души благодарю васъ за услугу, которую вы оказали мнѣ...

Іосифъ еще разъ взглянулъ на открытое окно дворца и на крыльцо въ то время, какъ графъ пробирался сквозь толпу. Узналъ ли онъ Гедвигу? Ей показалось, что взглядъ его одну минуту былъ устремленъ на нее. Исполнилось ожиданіе нѣсколькихъ лѣтъ! Было ли это вѣяніе холодной осенней ночи, или трепетъ безконечнаго блаженства, но она почувствовала дрожь во всемъ тѣлѣ. Вслѣдъ затѣмъ видѣніе исчезло. Императоръ, освѣщенный факелами и окруженный ликующей толпой, направился ко дворцу и церкви св. Михаила. Но улица и площадь все еще были заняты народомъ; въ ушахъ Гедвиги раздавались крики и шаги нѣсколькихъ тысячъ людей, освѣщенныхъ мерцающимъ отблескомъ удалявшихся факеловъ.

Опасность, грозившая императору, побудила народную массу отрѣшиться отъ ея обычной сдержанности и вызвала невольный порывъ, въ которомъ выразилась ея любовь и уваженіе къ будущему властелину. Неожиданно устроилось блестящее триумфальное шествіе. Если Іосифъ и не вернулся побѣдителемъ изъ борьбы съ Фридрихомъ, то народъ тѣмъ не менѣе хотѣлъ ему показать, что не считаетъ его виновникомъ неудачи и возлагаетъ на него всѣ свои надежды какъ на государя, который проложитъ путь къ новому и лучшему времени.

Въ это время графъ Эрбахъ торопливо поднимался по ступенямъ дворца князя Лобковича. Онъ не думалъ о томъ, что входитъ въ домъ своего недавняго врага и что ему предстоитъ свиданіе съ нимъ. Бодрый и веселый вбѣжалъ онъ на лѣстницу, опередивъ слугъ, которые вызвались проводить его. Въ дверяхъ залы онъ встрѣтилъ Ренату и ласково поздоровался съ нею.

— Вотъ я опять явился къ тебѣ, хотя безъ шляпы и въ разор-

ванномъ плащѣ! сказалъ онъ съ улыбкой и, взявъ ее подъ руку, пошелъ къ хозяину дома.

— Очень радъ видѣть васъ, князь! Честь имѣю засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, графъ Турмъ! продолжалъ Эрбахъ съ вѣжливымъ поклономъ.

Корона стояла неподвижно на противоположномъ концѣ залы. Лицо ея было покрыто мертвенной блѣдностью.

— Корона! воскликнулъ графъ Эрбахъ, подходя къ ней.

Изъ груди ея вырвался тяжелый вздохъ. Взглянувъ на него, она заплакала.

При другихъ условіяхъ онъ, вѣроятно, былъ бы глубоко тронуть подобной встрѣчей; но при томъ радостномъ настроеніи, въ какомъ онъ находился, ея слезы не произвели на него никакого впечатлѣнія.

— Наконецъ-то вы опять съ нами, мое милое, рѣзвое дитя! сказалъ онъ.—Посмотри, Рената, какъ она похорошѣла! Теперь мы будемъ охранять ее общими силами. *Cospetto*, г-нъ маркизь, поетъ ли она еще! Какой удивительный вечеръ провели мы тогда въ Люсьеннѣ! Пѣніе, вино, веселый говоръ и смѣхъ; все кружилось около насъ въ бѣшеномъ вихрѣ... На мое счастье было еще нѣчто, что связывало меня съ остальнымъ міромъ.

При этихъ словахъ Эрбахъ поцѣловалъ руку своей жены.

Корона овладѣла собой. Глаза ея смотрѣли холодно и насмѣшливо.

Зачѣмъ обходится онъ съ ней, какъ съ ребенкомъ? Развѣ онъ забылъ, что послѣ того вечера въ Люсьеннѣ она пережила цѣлую жизнь среди блестящаго придворнаго общества, что она не прежняя наивная дѣвочка? Если онъ не доступенъ очарованію ея красоты, то она также выкажетъ ему полное равнодушіе.

Пока Корона предавалась своимъ печальнымъ размышленіямъ, остальное общество съ живымъ интересомъ слушало рассказъ Эрбаха. Онъ пріѣхалъ въ Вѣну раньше, нежели предполагалъ. Въ домѣ онъ никого не засталъ, кромѣ прислуги, и узнавъ, что жена его у князя Лобковича, отправился къ ней. У воротъ *Kärnthner*'а онъ долженъ былъ выйти изъ экипажа, такъ какъ площадь была переполнена народомъ. Всѣ съ радостнымъ нетерпѣніемъ ожидали выхода императора изъ театра. У подъѣзда стояла легкая коляска его величества. Едва появился онъ, какъ раздались громкіе крики восторга. Толпа разомъ хлынула впередъ и, помимо воли Эрбаха, увлекла его съ собой, и графъ неожиданно очутился у экипажа, въ который только что сѣлъ Иосифъ. Масса народа была такъ велика, что кучеръ долженъ былъ ѣхать шагомъ. Лошади, испуганныя неистовыми криками, нетерпѣливо рвались впередъ; но тутъ еще около нихъ внезапно взлетѣла петарда, неизвѣстно кѣмъ приготовленная и съ какой цѣлью; они бросились въ сторону и поднялись на дыбы; кучеръ, потерявъ равновѣсіе, упалъ съ козелъ, машинально сжимая возжи въ рукахъ. Толпа отшатнулась; Эрбахъ подоспѣлъ во-время, чтобы схватить ло-

шадей, и на минуту остановилъ ихъ. Иосифъ въ это время выскочилъ изъ коляски. Тогда всѣ поспѣшили на помощь; всякій хотѣлъ выказать теперь свое усердіе. Кучеръ самъ поднялся на ноги, отдѣлавшись легкимъ ушибомъ.

Подобные случаи представляютъ въ большихъ городахъ самое обыкновенное явленіе, но получаютъ большое значеніе, когда касаются высокопоставленныхъ лицъ. Смѣлый поступокъ Эрбаха, спасшій жизнь императору, казался чѣмъ-то особеннымъ его слушателямъ. Маркизь сравнивалъ его съ героями Виргилія и Тассо; даже Прокопъ, равнодушный ко всему, что не касалось его личныхъ дѣлъ, почувствовалъ зависть къ своему сопернику. Князь Лобковичъ видѣлъ въ этомъ событіи предопредѣленіе судьбы, такъ какъ оно должно было еще болѣе сблизить императора съ графомъ. Ротганъ былъ правъ, говоря, что бесполезно бороться противъ дружбы этихъ людей.

Эрбахъ хотѣлъ подойти къ Коронѣ и поговорить съ нею; но она взяла подъ руку своего брата и не отходила отъ него. Когда онъ прошался съ нею, то она сказала ему „до свиданія“ такимъ тономъ, что ему показалось, какъ будто онъ навѣки разлучается съ нею.

— Онъ навсегда потерянъ для меня! подумала съ отчаяніемъ Корона, когда Эрбахъ вышелъ изъ залы съ Ренатой.—Покорись этому, мое бѣдное сердце!..

ГЛАВА III.

Предчувствіе Эрбаха оправдалось. Превнія дружескія отношенія уже не могли быть восстановлены между нимъ и Коропой. Она съ недовѣріемъ относилась къ нему, онъ чувствовалъ себя неловко въ ея присутствіи. Прошло юношеское увлеченіе очаровательнымъ ребенкомъ, съ которымъ случайно свела его судьба. Онъ любилъ романтической любовью безумную дѣвочку, убѣжавшую отъ бабушки, талантливую пѣвицу, протягивающую руку къ лавровому вѣнку, и радовался ея первому успѣху; но знатная, гордая красавица требовала болѣе сильной и серьезной любви. Онъ могъ только издали поклоняться ей.

Корона, съ своей стороны, избѣгала всякаго сближенія съ нимъ.— Онъ отказался отъ тебя въ Версалѣ, говорила она себѣ,—гдѣ стоило ему сказать одно слово, чтобы обладать тобой! Онъ чувствуетъ себя счастливымъ съ Ренатой; его сердце не создано для болѣе страстной любви... Внѣшнія обстоятельства еще болѣе усиливали ихъ отчужденіе. Корона вся предалась празднествамъ, танцамъ, концертамъ и выѣздамъ. Цѣлая толпа молодежи окружала ее, образуя собой живую стѣну между нею и Эрбахомъ, когда онъ порывался начать съ нею

серьезный разговор. Робертъ Арембергъ игралъ не послѣднюю роль между поклонниками Короны и при встрѣчѣ съ Эрбахомъ бросалъ на него высокомерный, вызывающій взглядъ, едва удостоивая отвѣчать на его поклонъ. Онъ не скрывалъ, что пріѣхалъ въ Вѣну для Короны и намѣренъ просить руки фрейлейнъ у ея родственниковъ. Ему не пришлось разочароваться въ увѣренности, что никто не можетъ устоять противъ его любезности. Князь Лобковичъ былъ въ восторгѣ отъ его ума и прекрасныхъ манеръ. Прокопъ не разставался съ нимъ; даже Корона, которая по пріѣздѣ въ Вѣну была крайне сдержанна съ нимъ, начала мало-по-малу находить удовольствіе въ его обществѣ. Но тѣмъ не менѣе ничто не могло понудить ее дать рѣшительное слово. Она сдѣлала большіе успѣхи въ искусствѣ правиться мужчинамъ и властвовать надъ ними. Постоянно увеличивая нетерпѣніе Аремберга, она никогда не отнимала у него послѣдней надежды и обезоруживала своимъ ласковымъ и своевольнымъ обращеніемъ.

Графъ Эрбахъ не сочувствовалъ такому препровожденію времени и находилъ въ немъ крайнюю пустоту. Даже въ болѣе молодые годы онъ всегда стремился къ какой нибудь дѣятельности, а тѣмъ болѣе теперь, когда серьезная сторона жизни и трудъ всецѣло заняли его умъ. Онъ видѣлъ печальныя послѣдствія войны—опустошенныя поля, сожженныя деревни, тысячи больныхъ и раненныхъ въ душныхъ, жалкихъ лазаретахъ. Новое царство свободы и разума не было утопій; но нужно было завоевать его, оспорить каждую пядь шаткой почвы у темныхъ силъ. Во время мирныхъ переговоровъ въ Теченѣ, между уполномоченными нѣсколько разъ начинались раздоры, и въ то время, какъ Марія Терезія употребляла всѣ усилія, чтобы привести ихъ къ желанному концу, гордость и впечатлительность Иосифа затемняли иногда ясность его взгляда и побуждали къ необдуманнѣмъ рѣшеніямъ. Въ подобныхъ случаяхъ Эрбахъ всегда старался умѣрнить пылъ молодого императора и вывести его на истинный путь. Походъ окончательно убѣдилъ ихъ обоихъ, что Австрія безъ радикальныхъ реформъ не можетъ отважиться на новую войну съ Пруссіей. Необходимость мира была очевидна для нихъ, такъ какъ только при этомъ условіи возможно было начать и совершить преобразование государства. Иосифъ посвящалъ своего друга во всѣ свои планы и предполагаемыя имъ перемѣны; въ нихъ долженъ была заключаться зародышъ будущаго золотаго вѣка, о которомъ мечталъ императоръ и лучшіе люди его времени.

Рядомъ съ общественными дѣлами графъ не упускалъ изъ виду и своихъ личныхъ дѣлъ. Весною, по заключеніи мира, онъ хотѣлъ вернуться въ Таннбургъ. Они предполагали съ Бланшаромъ заняться постройками и возобновить опыты съ воздушнымъ шаромъ. Рената принимала непосредственное участіе въ этихъ разговорахъ. Хотя она была далеко не такъ умна, какъ Корона, и не обладала ея быстротой

мысли, но у ней былъ природный тактъ и воспріимчивость любящей жены, которые дѣлали ее способной къ пониманію многихъ вещей, недоступныхъ для ея бывшей соперницы. Легкомысленный тонъ, которымъ Эрбахъ говорилъ иногда о религіи и католической церкви, возмущавшій его жену въ былыя времена, пересталъ оскорблять ее съ тѣхъ поръ, какъ она убѣдилась въ его благородствѣ, великодушіи и искренномъ стремленіи къ добру. Патеръ Ротганъ принадлежалъ къ числу самыхъ желанныхъ гостей въ домѣ графа Эрбаха, благодаря своему уму и обширнымъ свѣдѣніямъ во всемъ, что касалось природы, ея явленій и тайныхъ силъ. Теперь болѣе чѣмъ въ Таннбургѣ онъ обращалъ вниманіе на Гедвигу и проводилъ цѣлыя часы въ разговорахъ съ нею, такъ что графъ шутя спрашивалъ патера, не думаетъ ли онъ обратить ее въ католичество?

Между тѣмъ, Корона по прежнему вела свѣтскую разсѣянную жизнь. Она говорила себѣ въ оправданіе, что пріѣхала въ Вѣну не для того, чтобы умирать со скуки, и если наступающій день ничѣмъ не отличается отъ предъидущаго, то не стоитъ вставать съ постели. По ея мнѣнію, которое она не стѣсняясь высказывала своимъ поклонникамъ, одинъ только графъ Эрбахъ былъ способенъ проводить время такимъ глупымъ и скучнымъ способомъ. Если онъ въ его годы играетъ роль строгаго Катона, то вѣроятно изъ честолюбія, чтобы имѣть успѣхъ на государственной службѣ, а если Рената также хочетъ казаться серьезной, то она дѣлаетъ это изъ любви къ мужу, или по глупости.

Въ душѣ Короны не осталось и тѣни привязанности къ прежней подругѣ. Она откладывала со дня на день обѣщанное признаніе. Втеченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, отъ ноября до конца апрѣля, которые прошли для Короны среди всевозможныхъ развлеченій, она ни разу не дала себѣ труда сосредоточиться и серьезно подумать о своей будущности. Между тѣмъ, Арембергъ настойчиво требовалъ отъ нея рѣшительнаго отвѣта. Она уже не находила болѣе никакихъ отговорокъ тянуть дѣло; но въ то же время не рѣшалась я произнести отказъ. Въ городѣ и при дворѣ всѣ говорили съ такой увѣренностью объ ея помолвкѣ, что это могло подать удобный поводъ къ злословію. Но въ сущности Корона не заботилась ни о болтовнѣ праздныхъ людей, ни о гнѣвѣ своихъ родственниковъ и обманутаго поклонника, и боялась только насмѣшки со стороны графа Эрбаха. Она живо представляла себѣ, какъ онъ скажетъ съ сострадательной улыбкой: „бѣдное дитя! она не рѣшается выйти замужъ, такъ какъ все еще любить меня“.

Тѣмъ не менѣе Арембергъ и сегодня не могъ добиться никакого отвѣта. Онъ вернулся въ самомъ дурномъ расположеніи духа въ гостиницу „Römischen Kaiser“, гдѣ его ожидалъ Прокопъ, и приказалъ подать вина. Но венгерское не произвело на него никакого дѣйствія,

и такъ какъ запасъ мыслей и анекдотовъ у Провопа былъ не изъ самыхъ богатыхъ, то разговоръ скоро прекратился.

Въ это время въ верхнемъ этажѣ надъ ихъ головами безъ устали рассказывалъ взадъ и впередъ какой-то прїѣзжій въ тяжелыхъ ботфортахъ. Онъ отодвигалъ столы и стулья, съ шумомъ отворялъ шкафы, громко разговаривалъ самъ съ собой и, наконецъ, началъ свистать.

Арембергъ позвонилъ слугу.—Кто это возится тамъ? спросилъ онъ съ гнѣвомъ.—Зачѣмъ отдали вы эту комнату такому безпкойному господину? Если это будетъ продолжаться, я переѣду въ другую гостиницу!..

Слуга отвѣтилъ въ оправданіе своего хозяина, что это французскій дворянинъ, который прїѣхалъ на курьерскихъ лошадяхъ изъ Парижа, и пробудетъ всего три дня; но что, къ сожалѣнію, онъ не знаетъ его фамиліи.

— Французскій дворянинъ, сказалъ Арембергъ зѣвая.—Что ты скажешь на это, Проконъ?

— Онъ изъ Парижа и могъ бы сообщить намъ какія нибудь новости, отвѣтилъ графъ Турмъ, зѣвая въ свою очередь.

— Что мы будемъ дѣлать сегодня вечеромъ?

— Право не знаю! Твое дурное расположеніе духа перешло ко мнѣ. Какъ ты думаешь, Робертъ, не пригласить ли этого господина провести съ нами вочеръ?

— Я ничего не имѣю противъ этого, если онъ баронъ или графъ. Можетъ быть онъ играетъ въ карты, и такъ какъ сегодня я былъ несчастливъ въ любви...

— Ты надѣешься, что червонная дама будетъ благосклонна къ тебѣ...

Слугѣ былъ отданъ приказъ передать приглашеніе, послѣ чего оба собесѣдника опять погрузились въ молчаніе.

— Я не понимаю, что мѣшаетъ Коронѣ выйти за меня замужъ? сказалъ наконецъ Арембергъ съ досадой.—Мнѣ кажется иногда, что у меня есть врагъ между окружающими ее, который однимъ словомъ разрушаетъ всѣ мои старанія. Она стремится въ мои объятія, но ее какъ будто удерживаетъ какая-то невидимая сила.

— У насъ въ Богеміи существуетъ повѣрье, что если кто нибудь измѣнилъ дѣвушкѣ и ухаживаетъ за другой, то тѣнь первой возлюбленной держитъ за платѣе вторую возлюбленную и мѣшаетъ приблизиться къ ея бывшему любовнику. Ну, а за тобой водится не мале грѣховъ, добавилъ Проконъ съ лукавой улыбкой.

— Бабы сказки! возразилъ запальчиво Арембергъ, вскочивъ съ мѣста.—Первая любовница...

— Ты, вѣроятно, хочешь сказать, что нѣтъ мужчины, у котораго бы не было любовницы до женитьбы. Противъ этого я не стану спорить.

— Все это глупая болтовня, продолжалъ Арембергъ.—Вы, чехи, замѣчательно суевѣрный народъ!

— Во всякомъ случаѣ это повѣрье относится къ простому народу, а не къ намъ, возразилъ Прокопъ.—Но у тебя такія странныя отношенія съ моей сестрой, что я теряюсь въ догадкахъ.

Арембергъ досадовалъ на себя за неумѣстную откровенность съ пріятелемъ и сказалъ:— Дѣло не во мнѣ и не въ моихъ любовныхъ похожденияхъ. Я, напротивъ того, убѣжденъ, что Корона не рѣшается дать мнѣ слово, потому что у ней есть тайная страсть...

— У Короны? Вы забываете, что она моя сестра и что говорите это графу Турмъ!

— Я не позволю себѣ сказать ничего дурнаго о ней, такъ какъ ищу ея руки. Но развѣ она не могла полюбить кого нибудь въ своей ранней молодости...

— Не пѣвца ли? Я проколю его шпагой на улицѣ, если онъ осмѣливается питать какія нибуда надежды.

— Оставь въ покоѣ несчастнаго Антоніо. Всѣ родственники Короны преслѣдуютъ его. Говорятъ, князь Лобковичъ обратился даже къ помощи полиціи, чтобы его выслали изъ Вѣны. Стоитъ ли обращать вниманіе на ребяческую выходку!

— Я не ожидалъ отъ тебя такого философскаго спокойствія.

— Неужели я буду считать своимъ соперникомъ человѣка, котораго можетъ поколотить лакей по моему приказанію. Въ Парижѣ мы освистали его и доставили этимъ большое удовольствіе твоей сестрѣ. Вы напрасно имѣете о немъ такое дурное мнѣніе. Мнѣ жаль этого бѣдняка, за которымъ вы гонитесь, какъ за подстрѣленной дичью, тогда какъ все его преступленіе заключается въ томъ, что онъ нѣкогда помогалъ бѣгству своевольной дѣвочки. Я, напротивъ, долженъ быть благодаренъ ему, потому что этотъ эпизодъ доставилъ мнѣ возможность познакомиться съ Коронай.

Прокопъ, не ожидавшій такого отвѣта, молча пожалъ плечами.

— Меня поражаетъ ваша недогадливость! Корона любитъ не пѣвца, а графа Эрбаха, продолжалъ Арембергъ, пристально взглянувъ на своего собесѣдника и какъ бы ожидая отъ него подтвержденія своей догадки. Онъ самъ не былъ убѣжденъ въ этомъ и повѣрилъ бы на слово брату Короны, если бы тотъ сталъ насмѣхаться надъ нимъ.

Но Прокопъ не могъ произнести ни одного звука отъ удивленія и долженъ былъ выпить глотокъ вина, прежде чѣмъ даръ слова снова вернулся къ нему.

— Графъ Эрбахъ! проговорилъ онъ заикаясь.—Это была бы скверная исторія. Кажется... это невѣроятно!.. Она всегда дурно отзывалась о немъ.

— Однако, въ Версалѣ они были очень дружны.

— Меня не было тамъ! Неужели ты серьезно думаешь, что она влюблена въ Эрбаха? А онъ? Какъ онъ держалъ себя съ нею?

— Въ Версалѣ онъ открыто ухаживалъ за нею, такъ что я почувствовалъ большое облегченіе, когда мнѣ удалось добиться благосклонности твоей сестры, а онъ уѣхалъ въ Богемію. Мнѣ показалось тогда, что онъ сдѣлалъ это отъ отчаянія.

— Отъ отчаянія? Вотъ они каковы, чехи! Онъ послѣ того сошелся съ своей женой. Вотъ я, напримѣръ, семь лѣтъ люблю безнадежно Ренату и, какъ видишь, не умеръ отъ огорченія.

— Ты—другое дѣло! замѣтилъ Арембергъ, насмѣшливо пожимая плечами.—Но я убѣжденъ, что для Эрбаха будетъ большимъ ударомъ, если я получу согласіе Короны. Этимъ я нанесу глубокую и неизлечимую рану его сердцу. Да будетъ тебѣ извѣстно, что мы смертельные враги и возненавидѣли другъ друга съ первой встрѣчи. Если бы я узналъ навѣрно, что Корона любитъ его, то ничто не спасетъ его отъ моей ревности...

— Я вполне сочувствую тебѣ, потому что не особенно люблю его. Но съ нимъ не такъ легко справиться; онъ уменъ и судьба положительно покровительствуетъ ему. Онъ любитъ свою жену. Если бы можно было...

— Соблазнить Ренату, подсказалъ Арембергъ, который былъ далеко не лестнаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ своего будущаго зятя.—Если это удастся тебѣ, то подобная побѣда сдѣлаетъ тебѣ большую честь.

— Нѣтъ, объ этомъ и думать нечего. Ты не знаешь, до чего доходитъ ея чопорность и добродѣтель! У меня въ виду другая красавица. Обратилъ ли ты вниманіе на служанку Ренаты? Она часто бывала у Лобковича, который и показалъ мнѣ ее.

— Старый грѣховодникъ! И ты думаешь соблазнить служанку, чтобы досадить графу? Стыдись!

— Ты не видѣлъ ее и разсуждаешь какъ слѣпой о солнцѣ. Такую дѣвушку не скоро сыщешь. Вдобавокъ тутъ замѣшана какая-то тайна. Я замѣтилъ это изъ словъ старой лисицы, какъ я называю всегда князя.

— Дѣлай, что хочешь, только помни, что это не имѣетъ никакого отношенія ко мнѣ. Если я вздумаю мстить Эрбаху, то придумаю иной способъ.

— Этотъ Эрбахъ у меня какъ бѣльмо на глазу, пробормоталъ Прокопъ, отуманенный винными парами.—Я хочу имѣть ее!.. Говорятъ, она часто ходитъ къ гадалщицѣ...

— Какое тебѣ дѣло до этого? Ты, кажется, такъ пьянъ, что потерялъ всякій здравый смыслъ.

Безсвязный лепетъ молодаго графа и блуждающіе глаза подтвердили справедливость предположенія Аремберга.

— Виконтъ Жоселенъ Рошфоръ! доложилъ слуга, отворяя дверь.

— Рошфоръ? воскликнулъ съ испугомъ Арембергъ, вскакивая съ мѣста.

— Что случилось? спросилъ Прокопъ, протирая глаза рукой.— Кто этотъ господинъ?

— Я принялъ ваше любезное приглашеніе, господа, сказалъ Рошфоръ спокойнымъ голосомъ.—Я вполне согласенъ съ вами, что пріятнѣе быть въ обществѣ, нежели предаваться печальнымъ размышленіямъ...

— Принесите еще свѣчей и вина! сказалъ Арембергъ слугѣ, пересиливъ свое волненіе.—Позвольте познакомить васъ: графъ Прокопъ Турмъ... виконтъ Рошфоръ...

Виконтъ любезно поклонился Прокопу и сказалъ, что никогда не забудетъ тотъ чудный вечеръ въ Люсьеннѣ, когда онъ впервые увидѣлъ графиню Корону Турмъ и имѣлъ счастье услышать ея удивительный голосъ.

— Вы, дѣйствительно, должны помнить этотъ вечеръ! сказалъ Арембергъ, стараясь перейти въ шуточный тонъ.—Вы тогда напугали до обморока бѣдную Дюбарри своими страшными предсказаніями.

— Предсказанія... Дюбарри... пробормоталъ Прокопъ, дѣлая усилія, чтобы понять слова своего пріятеля.

— Всѣ устремили тогда глаза на одну точку, воображая, что ваши предсказанія написаны на стѣнѣ Люсьенна. Вы ловкій человекъ, виконтъ, и вѣроятно смѣялись въ душѣ надъ легковѣріемъ людей...

Болтая такимъ образомъ, Арембергъ чувствовалъ неудержимое желаніе вызвать на поединокъ этого человека, который всегда внушалъ ему тайный ужасъ. Во мракѣ прошлаго былъ скрытъ его старый грѣхъ—могила обманутой имъ дѣвушки. Изъ этой могилы опять внезапно является передъ нимъ грозная тѣнь. Сердце его сжималось отъ безотчетнаго страха. Ему хотѣлось сказать Рошфору:—Говорите, что извѣстно вамъ, виконтъ! зачѣмъ вы и графъ Эрбахъ преслѣдуете меня своими странными взглядами? Обвиняйте меня сколько хотите, только не подкрадывайтесь какъ воры къ роковой тайнѣ моего прошлаго...

Но слова замерли на его губахъ. Онъ машинально смотрѣлъ на Рошфора, который спокойно усѣлся въ кресло, скрестивъ ноги и, по видимому, не обращалъ на него никакого вниманія.

— Многое кажется намъ невѣроятнымъ, когда намъ говорить о событіяхъ, которыя могутъ совершиться въ будущемъ, сказалъ Рошфоръ, обращаясь къ Арембергу.—Но мы равнодушно выслушиваемъ рассказы о всевозможныхъ ужасахъ изъ прошлой жизни народовъ. Люди намѣренно стараются не думать о томъ, что можетъ нарушить обычный строй ихъ жизни и помѣшать ихъ планамъ...

— Что хочетъ онъ сказать этимъ? подумалъ съ безпокойствомъ Арембергъ. Онъ налилъ венгерскаго въ стаканъ Прокопа и сказалъ:

— Пей, пріятель! Ты найдешь въ винѣ разрѣшеніе всѣхъ задачъ жизни и философіи.

— Но не въ водѣ, возразилъ Прокопъ, которому надоѣло слушать серьезный разговоръ.

— Позвольте мнѣ, господа, провозгласить тостъ за миръ и празднество, которое будетъ устроено по этому поводу! сказалъ Рошфоръ.

— Надѣюсь, вы останетесь здѣсь до этого времени?

— Можетъ быть мнѣ удастся пріѣхать въ Вѣну ко дню молебна. Графъ Верженъ посылаетъ меня теперь въ Теченъ съ депешами къ нашему уполномоченному де-Бретѣль. Если меня не задержатъ...

— Жаль, что вы только пробѣздомъ въ Вѣнѣ! замѣтилъ Прокопъ, поднявъ съ усиленіемъ отяжелѣвшую голову.—Я очень люблю рассказы о привидѣніяхъ... Что же касается предсказаній...

— Поживите еще съ нами! сказалъ Арембергъ, прерывая болтовню своего пріятеля. Онъ подозрѣвалъ, что депеши отъ министра—выдумка Рошфора и служили ему только предлогомъ, чтобы объяснить его пріѣздъ въ Вѣну.

— Сегодня у насъ 21-е апрѣля, возразилъ виконтъ.—Къ сожалѣнію, князь Кауницъ не можетъ принять меня раньше 23-го, такъ что я только на слѣдующее утро выѣду отсюда.

— Двадцать третье апрѣля! пробормоталъ Прокопъ, потирая лобъ рукой.—Я намѣревался въ этотъ вечеръ отправиться къ гадалщицѣ... Онъ наклонился къ Арембергу и шепнулъ ему:—у насъ устроится свиданіе... понимаешь ли ты, дружище?

— Чортъ бы тебя побралъ! подумалъ Арембергъ и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

Но графъ Турмъ не обратилъ на это никакого вниманія и продолжалъ:

— Ты не вѣришь гаданіямъ, предчувствіямъ и привидѣніямъ, Робертъ. Ты вольнодумецъ; но вы, милостивый государь...

Онъ забылъ имя и указалъ рукой на Рошфора.

— Вы правы, графъ. Вѣроятно, это особенность моей природы; но царство тѣней всегда представляло для меня особенный интересъ.

— Царство тѣней... Мнѣ очень нравится это выраженіе! сказалъ Прокопъ.—Если вы еще будете здѣсь 23-го апрѣля, то позвольте мнѣ сопровождать васъ...

— Къ гадалщицѣ? спросилъ Рошфоръ.

— Не придавайте большаго значенія словамъ моего пріятеля, виконтъ, сказалъ Арембергъ, сдѣлавъ многозначительный жестъ, изъ котораго можно было понять: вы видите, онъ пьянъ!

— Тебѣ незачѣмъ идти съ нами, Робертъ, продолжалъ Прокопъ.—Кто не вѣритъ въ Бога, тотъ не боится и чорта. Какая у тебя странная фізіономія! Держу пари, что ты боишься старой Урсулы. Поэтому я рассчитываю на васъ, милостивый государь, и надѣюсь, что вы обличите колдунью, если она вздумаетъ дурачить насъ.

— Что мы будемъ обмануты, графъ, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнiя! возразилъ Рошфоръ съ громкимъ смѣхомъ. — Гадальщица въ Вѣнѣ! Это такъ любопытно, что я непременно отправолюсь съ вами, графъ Турмъ.

— Значить, по рукамъ! Послѣ завтра въ девять часовъ вечера я зайду за вами въ эту гостинницу. Я убѣжденъ, что намъ будетъ очень весело. Знатные посѣтители явятся къ старой Урсулѣ... Ей будетъ не легко представить намъ полный списокъ нашихъ старыхъ грѣховъ.

Арембергъ всталъ и открылъ окно. При теплой весенней погодѣ въ комнатѣ сдѣлалась невыносимая духота. Сердце его усиленно билось. Присутствiе ненавистнаго для него человѣка тяготило его. Съ какимъ удовольствiемъ выбросилъ бы онъ его на улицу изъ этого окна! Онъ почувствовалъ руку на своемъ плечѣ и съ досадой оглянулся. Возлѣ него, пошатываясь, стоялъ Прокопъ.

— Ты какъ будто сердиться на меня, мой будущiй зять! сказалъ онъ. — Клянусь святымъ Венцелемъ, мы не станемъ спрашивать колдунью о твоихъ секретахъ. Мы убѣждены въ твоей невинности, безупречный Робертъ Арембергъ, образецъ будущаго супруга! Чѣмъ ты недоволенъ? Развѣ ты не понимаешь шутки? Голосъ Прокопа понизился и онъ добавилъ шепотомъ:—пока этотъ дуракъ будетъ занятъ гаданьемъ старухи, я переговорю съ дѣвочкой.

Арембергъ, несмотря на свое тревожное состоянiе духа, невольно улыбнулся, слушая своего недалёковиднаго прiятеля, который намѣревался перехитрить такого умнаго и ловкаго человѣка, какъ виконтъ.

— Вы отлично придумали, мой милый графъ, сказалъ Рошфоръ, прерывая размышленiя Аремберга.—Прежде чѣмъ справляться о будущемъ, мы заставимъ колдунью описать нашу прошлую жизнь. Это будетъ для нея пробнымъ камнемъ. Пусть она расскажетъ все, что мы дѣлали до сихъ поръ.

Графъ Турмъ громко расхохотался.

— Что мы дѣлали? Когда я вспомню о моихъ похижденiяхъ въ Миланѣ!..

Арембергъ стоялъ въ полумракѣ, прислонившись къ косяку окна, и молча слушалъ разговоръ.

— Какъ вы думаете, графъ, что скажетъ колдунья, если я, напримѣръ, спрошу ее: что случилось 23-го апрѣля? сказалъ Рошфоръ, возвысивъ голосъ.

— Право, не знаю! отвѣтилъ чистосердечно Прокопъ.

— Можетъ быть, вашъ прiятель будетъ догадливъе васъ. Ему, вѣроятно, извѣстно, что произошло въ этотъ день, продолжалъ Рошфоръ, вставъ съ кресла и подходя къ Арембергу.

— Онъ сумасшедшiй! подумалъ Арембергъ, не двигаясь съ мѣста.

Тѣмъ не менѣе, онъ старался припомнить какое нибудь происшествiе, которое могло свести его въ этотъ день съ Рошфоромъ.

— Извините меня, виконтъ! сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Но мнѣ кажется, вы ошибаетесь—я рѣшительно не помню...

— Замѣчательно, до чего коротка память у людей и какъ они непостоянны! Если вы послушаете ихъ, то у нихъ всегда одна пѣсня—вѣчная дружба, вѣчный миръ, вѣчная любовь. На дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иное. Вотъ, напримѣръ, графъ Арембергъ увѣряетъ, что съ днемъ 23-го апрѣля у него не связано никакихъ воспоминаній. Между тѣмъ, въ этотъ самый день онъ встрѣтилъ графиню Корону въ саду Трианона и гнался за ней по улицамъ Версаля до площади, пока графиня не нашла убѣжища въ одномъ домѣ...

При этихъ словахъ Рошфоръ громко захохоталъ своимъ хриплымъ, неприятнымъ смѣхомъ.

Арембергъ вздрогнулъ. Какой мучительный часъ въ его жизни напоминаетъ ему этотъ человѣкъ!

— Какъ же, помню, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Изъ дому вышелъ графъ Эрбахъ...

— Наконецъ-то! возразилъ съ усмѣшкой Рошфоръ.—Я случайно проходилъ мимо и видѣлъ, какъ начался поединокъ между двумя господами...

— Довольно! сказалъ Арембергъ высокомернымъ тономъ, приходя въ себя.—Если нашъ поединокъ ничѣмъ не кончился тогда, то никто не мѣшаетъ намъ возобновить его, когда вздумается.

Рошфоръ подошелъ къ столу и вынулъ стаканъ вина.

— Кстати, мнѣ было бы очень приятно опять увидѣть графа Эрбаха, сказалъ онъ.—Что онъ, по-прежнему живетъ въ своемъ ботемскомъ помѣстьѣ?

— Нѣтъ, онъ въ Вѣнѣ; у него собственный домъ у Mariahilf'a, отвѣтилъ Прокопъ.

— Я тотчасъ же отправлюсь къ нему. До свиданія, господа! Еще одинъ вопросъ: не при немъ ли французъ по имени Бланшаръ?

— Бланшаръ! повторилъ блѣднѣя Арембергъ.

— Знаю. Онъ собирался ѣздить по небу въ мѣшахъ, надутыхъ вѣтромъ, возразилъ со смѣхомъ Прокопъ.—Вы встрѣтите его въ домѣ графа Эрбаха; они неразлучные друзья.

— Прошу извиненія, господа! Еще разъ до свиданія. Не забудьте 23 апрѣля, графъ Турмъ.

Съ этими словами Рошфоръ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Бланшаръ живетъ у графа Эрбаха! воскликнулъ съ яростью Арембергъ, схвативъ за руку своего пріятеля.—Почему ты мнѣ раньше не сказалъ этого?

— Что съ тобой, Робертъ? Вино ударило тебѣ въ голову, или тебя укусила тарантулъ, какъ говорятъ въ Италіи? Сначала этотъ французъ присталъ съ своими глупостями, какъ будто въ каждомъ году не бываетъ 23 апрѣля. Теперь ты бѣснуешься отъ того, что Эрбахъ держитъ въ домѣ какого-то фокусника. Развѣ я дворецкій

графа Эрбаха, что долженъ знать списокъ его слугъ? Отстань отъ меня. Клянусь всѣми святыми, что я трезвѣ васъ обоихъ!

Графъ Турмъ дѣйствительно нѣсколько протрезвился подѣ вліаніемъ досады; но теперь онъ опять налилъ себѣ новый стаканъ.

Слова Прокопа привели Аремберга къ сознанію дѣйствительности. Хладнокровіе вернулось къ нему.—Я веду себя сегодня какъ ребенокъ, подумалъ онъ, — и пугаюсь привидѣній. Это старая исторія! Какъ они ни стараются, но до сихъ поръ имъ не удалось попасть на слѣдъ. Если бы даже они все узнали, то бѣда не велика. Что такое Бланшары, сравнительно со мной? Неужели какіе-нибудь буржуа могутъ быть опасны для графа Аремберга!

Онъ подошелъ къ своему пріятелю, сидѣвшему за столомъ передъ бутылкой вина.

— Извини меня, Прокопъ! Я погорячился. Присутствіе этого несноснаго человѣка всегда смущаетъ меня. Говорятъ, сумасшествіе заразительно. Эрбахъ жилъ тогда въ домѣ Бланшара. Онъ и его мать были непрошеными свидѣтелями моей стычки съ графомъ. У меня поднимается жолчь всякій разъ, когда я вспоминаю объ этомъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ нужно разсчитаться съ графомъ Эрбахомъ.

— Знаешь ли что, Робертъ? Увеземъ отъ него дѣвочку.

— Что за бессмыслица! Кто вбилъ тебѣ въ голову такую глупость!

— Не насмѣхайся, не узнавъ въ чемъ дѣло. Лобковичъ подаль мнѣ эту мысль. Не въ обиду будь тебѣ сказано — онъ умѣе насъ обоихъ вмѣстѣ. Такого пройдохи не найдешь въ цѣлой Вѣнѣ!

— Дай мнѣ слово, Прокопъ, что ты не пойдешь одинъ съ этимъ французомъ къ гадалщицѣ. Ты не знаешь его.

— Пойдемъ вмѣстѣ! Намъ будетъ веселѣе втроемъ.

Арембергъ ходилъ изъ угла въ уголъ и, останавливаясь по временамъ, внимательно прислушивался.

Наверху въ комнатѣ Рошфора была мертвая тишина.

— Прокопъ, хочешь идти со мной къ твоей сестрѣ? спросилъ неожиданно Арембергъ.

— Сегодня? Я не ожидалъ отъ тебя такой нѣжности. Не желаешь ли ты пройтъ ей серенаду?

— Въ подобную минуту!

— У тебя такой торжественный тонъ, что видно дѣло серьезное. Что ты придумалъ?

— Я хочу окончательно объясниться съ твоей сестрой. Она можетъ располагать собой, какъ хочетъ, но должна сказать — да, или нѣтъ!

— Не торопись! Ты всегда успѣешь это сдѣлать.

— Если ты не желаешь идти со мной, то можешь остаться. Я пойду одинъ и узнаю рѣшеніе своей участи.

Прокопъ со вздохомъ поднялся съ мѣста.—Я попалъ въ домъ умышленныхъ, бормоталъ онъ сквозъ зубы.—Если я начну его уговари-

вать—онъ все равно не послушаетъ! Пусть ударится головой объ стѣну. Если онъ воображаетъ, что Корона испугается его гнѣва, то ошибется въ расчетѣ.

Отъ гостинницы Römischer Kaiser до площади, гдѣ жилъ маркизь д'Омбронне съ своей приѣмной дочерью, было довольно близко. Оба пріятели шли молча. Прокопъ еще болѣе охмѣлѣлъ отъ вечерняго воздуха послѣ комнатной духоты, и шатался довольно сильно. Арембергъ шелъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ. На площади не видно было ни одной души; монотонно шумѣли фонтаны по обѣимъ сторонамъ.

Послѣ безмолвія, царившаго на улицѣ, обоимъ пріятелей еще болѣе поразила суета, которую они застали въ домѣ маркиза, и озадаченныя лица лакеевъ. Старый маркизь безпокойно ходилъ взадъ и впередъ по залѣ съ парикомъ, съѣхавшимъ на сторону, и изрекалъ проклятія на итальянскомъ и французскомъ языкахъ.

Арембергъ долго не могъ ничего добиться отъ него, кромѣ безсвязныхъ словъ и восклицаній.

— Бѣдное дитя! сказалъ наконецъ маркизь, опускаясь въ кресло.— Дайте мнѣ шпагу; я собственноручно убью его... Впрочемъ, не стоитъ трудиться! Все кончено для него! Голосъ его пропалъ. Слышали мы не мало такихъ теноровъ, какъ онъ!..

— Вы говорите о Росси? спросилъ Арембергъ.

— Какъ мнѣ надоѣлъ этотъ проклятый пѣвецъ! пробормоталъ Прокопъ, опускаясь въ кресло, потому что ноги отказывались служить ему.

— Да, о Росси! отвѣтилъ задыхаясь маркизь.—Въ былыя времена всѣ восхищались его голосомъ, называли его чудомъ свѣта!..

— Гдѣ же онъ теперь? спросилъ съ нетерпѣніемъ Арембергъ.

— Гдѣ? у Короны! Въ этомъ-то все и несчастіе. Четверть часа тому назадъ онъ ворвался къ намъ въ домъ... лакеи не могли удержать его.

— Значить, онъ позволилъ себѣ насиліе! воскликнулъ Арембергъ, нахмуривъ брови.

— Нѣтъ, Корона сама вышла къ нему, услыхавъ шумъ въ передней, отвѣтилъ заикаясь маркизь.—Около минуты они молча стояли другъ противъ друга, какъ двѣ статуи... Онъ попросилъ у ней дозволенія поговорить съ ней... Она кивнула ему головой, какъ королева, въ знакъ согласія... Теперь онъ въ ея комнатѣ и бесѣдуетъ съ нею!..

— Намъ придется подождать, пока кончится ихъ разговоръ, сказалъ равнодушно Арембергъ, садясь въ кресло. Пѣвецъ казался ему настолько ничтожнымъ, что онъ ничего не чувствовалъ къ нему, кромѣ презрѣнія. Несмотря на свое мрачное настроеніе духа, онъ не могъ удержаться отъ улыбки, слушая дальнѣйшій рассказъ маркиза, который при этомъ безпрестанно вскакивалъ съ мѣста и принималъ самыя трагическія позы.

Маркизь былъ въ оперѣ съ Коронной. Теноръ опять оказался боль-

нымъ и, чтобы не испортить голоса, долженъ былъ пропустить лучшія аріи. Маркизь хотѣлъ уѣхать домой, чтобы не быть свидѣтелемъ новаго пораженія Росси. Но Корона съ какимъ-то злорадствомъ рѣшила остаться до конца и даже наклонилась впередъ, чтобы лучше видѣть, что дѣлалось на сценѣ. Пѣвецъ былъ въ такомъ жалкомъ состояніи, что ему не слѣдовало вовсе являться передъ публикой. Онъ пробовалъ пѣть, но не могъ взять почти ни одной ноты. Зрители начали выказывать нетерпѣніе, одни сердились, другіе жалѣли несчастнаго пѣвца. Внезапно онъ поднялъ голову и, окинувъ глазами ложи, увидѣлъ Корону. Вѣроятно ея насмѣшливая улыбка побудила его сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе. На этотъ разъ ему посчастливилось. Тонъ его голоса былъ совершенно чистый и становился все полнѣе и лучше. Занавѣсъ упалъ среди бурныхъ рукоплесканій. Когда кончилось представленіе, публикѣ объявили, что Росси упалъ въ обморокъ...

— Можетъ быть онъ пришелъ благодарить графиню за усиліе, который она ему доставила, хотя, разумѣется, онъ могъ явиться въ домъ болѣе приличнымъ образомъ.

Валь д'Омбронне вмѣсто отвѣта опять разразился проклятіями, бѣгая назадъ и впередъ по комнатѣ. Графъ Прокопъ дремалъ, развалившись въ креслѣ.

Между тѣмъ встрѣча Короны съ пѣвцомъ была далеко не такъ безопасна для него, какъ предполагалъ высокобѣрный бельгіецъ.

Корона вернулась изъ театра пристыженная и съ чувствомъ глубокаго недовольства собой. Она горько упрекала себя за свое поведеніе относительно несчастнаго Росси.—Рената не поступила бы такъ на моемъ мѣстѣ! подумала она, сравнивая мысленно свои поступки и побужденія со всей жизнью своей бывшей подруги.—Эрбахъ былъ правъ, что предпочелъ ее! говорила она себѣ съ отчаяніемъ, заливаясь слезами.—Зачѣмъ я тогда скрылась въ дѣсу? Было бы гораздо лучше, если бы они свезли меня вмѣсто Гедвиги въ монастырь и я исчезла бы за его стѣнами или лежала въ могилѣ, чѣмъ испытывать такія мученія!..

Неожиданный шумъ въ передней прервалъ ея печальныя размышленія. Она отворила дверь и увидѣла передъ собой Росси. Маркизь не даромъ сравнилъ ее съ статуей; но если бы онъ былъ въ болѣе хладнокровномъ состояніи духа, то вѣроятно его не менѣе поразили бы рѣзкій контрастъ ея неподвижнаго лица и широко раскрытыхъ глазъ съ богатымъ нарядомъ и красиво причесанными волосами, посыпанными пудрой.

Она никогда не любила этого человѣка. Его рассказы о свободной жизни артистовъ воодушевили ея дѣтскую фантазію и побудили бѣжать изъ скучнаго уединеннаго замка, хотя самъ Росси старался всѣми силами отклонить ее отъ этого смѣлаго предпріятія. За этимъ послѣднимъ рѣшеніемъ слѣдовало такое же быстрое отрешеніе. Ненависть скоро смѣнила въ сердцѣ Короны ея кратковременную привя-

занность въ Антонио. Чѣмъ болѣе она была недовольна собой, тѣмъ сильнѣе дѣлалось ея отвращеніе къ злополучному пѣвцу. Ей было непріятно, когда говорили о немъ въ ея присутствіи, потому что его имя напоминало ей исторію ея страннаго бѣгства. Еще въ Парижѣ она считала невыносимою наглостью, что онъ осмѣлился явиться туда, зная, какое почетное мѣсто она занимаетъ при французскомъ дворѣ, тѣмъ болѣе, что не было недостатка въ небывалыхъ исторіяхъ, въ которыхъ ея имя связывали съ именемъ Росси. Съ торжествомъ узнала она объ его неудачѣ на парижской сценѣ. Въ Вѣнѣ ей опять пришлось встрѣтиться съ нимъ. Неужели онъ вѣчно будетъ преслѣдовать ее?..

— Вы ненавидите меня, сеньора, сказалъ онъ ей, какъ бы угадывая ея мысли,—но звѣзды сильнѣе насъ! Онѣ опять привели меня къ вамъ, на ваши глаза, которыхъ я не могу забыть, хотя они леденятъ меня. Я читаю въ нихъ мое несчастіе и осужденіе.

— Я не желаю вашего несчастія, сеньоръ; но не хотѣла бы болѣе встрѣчать васъ! Развѣ вы не знаете, что это чувство вполне естественно? Избѣгайте тѣхъ мѣстностей, гдѣ я буду жить. Маркизь еще въ Парижѣ передалъ вамъ мое желаніе; зачѣмъ вы не исполнили его? Вы ссылаетесь на звѣзды; но такъ говорятъ только слабохарактерные люди, неспособные ни къ какой дѣятельности.

Рѣзкій тонъ ея голоса еще болѣе поразилъ его, нежели строгое выраженіе ея лица.

— Я уйду, сеньора, и освобождаю васъ навсегда отъ своей особы. На моей родинѣ буду я искать уединенія и смерти, если она будетъ милостива ко мнѣ и поразитъ меня однимъ ударомъ.

— Прощайте, сеньоръ, будьте счастливы; желаю вамъ всего хорошаго.

— Примите послѣдній привѣтъ умирающаго. Силы мои истощены; сегодня имъ нанесенъ окончательный ударъ... Но прежде чѣмъ я уйду отъ васъ, позвольте передать вамъ одно порученіе.

— Отъ кого? спросила она съ удивленіемъ.

— На этотъ разъ вы не можете упрекнуть меня въ себялюбіи, такъ какъ все кончено для меня и я исполняю только обязанность честнаго человѣка. Было время, когда я отъ всей души ненавидѣлъ графа Эрбаха за то, что онъ разлучилъ меня съ вами. До сихъ поръ на моей рукѣ слѣдъ его шпаги. Но онъ только хотѣлъ показать мнѣ, что бѣдный артистъ не можетъ имѣть ничего общаго съ знатной графиней. Теперь я также окажу услугу графу и посоветую ему остерегаться Роберта Аремберга. Впрочемъ, это касается и васъ, сеньора, если вы намѣрены выйти за него замужъ. Я узналъ отъ одного человѣка...

— Если вы не назовете его, то я буду считать васъ наглымъ клеветникомъ!

— Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ портретъ... Вы можете показать его графу Арембергу.

Съ этими словами Росси подалъ Коронѣ небольшой медальонъ.

— Вы можете думать обо мнѣ, что вамъ угодно, сеньора, сказалъ онъ,—но я готовъ вынести вашу гнѣвъ, если только это можетъ оградить васъ отъ опасности.

— Я привыкла сама защищать себя, возразила Корона высоко-мѣрнымъ тономъ.

— Прощайте, да хранить васъ Господь! проговорилъ Росси, бросивъ на нее послѣдній взглядъ.

Корона холодно кивнула ему головой, когда онъ выходилъ изъ комнаты; только рука ея крѣпче сжала медальонъ.

— Это портретъ какой нибудь прежней возлюбленной, подумала она.—Одинъ изъ враговъ Аремберга вѣроятно воспользовался болѣзненнымъ состояніемъ пѣвца и употребилъ его своимъ орудіемъ, чтобы помѣшать моему браку и самому остаться въ неизвѣстности.

Цѣль была слишкомъ очевидна; она считала несомнѣннымъ съ своимъ достоинствомъ требовать какого либо объясненія отъ графа.

Между тѣмъ, нетерпѣніе Аремберга перешло всѣ границы; онъ отворилъ дверь.

— Моя божественная Корона, сказалъ онъ.—Простите, что я врываюсь къ вамъ, какъ этотъ наглый человѣкъ. Вы дрожите... Развѣ онъ позволилъ себѣ что нибудь относительно васъ? Вы отворачиваетесь отъ меня?.. Что у васъ въ рукѣ?

— Ничего, кромѣ портрета.

— Какова дерзость! воскликнулъ съ гнѣвомъ Арембергъ.—Этотъ нищій осмѣливается дать вамъ свой портретъ! И вы приняли его! Бросьте его изъ окна.

— Я не имѣю никакого права сдѣлать это, потому что этотъ портретъ предназначенъ вамъ... Посмотрите сами!

Она показала ему портретъ.

Арембергъ вздрогнулъ и измѣнился въ лицѣ.

— Не сонъ ли это? Безформенная тѣнь, которая преслѣдовала его, получила краски и обликъ жизни. Какъ попалъ этотъ портретъ въ руки Росси? Никто не могъ дать ему подобнаго порученія, кромѣ графа Эрбаха, мысленно рѣшилъ Арембергъ.—Враги втайнѣ сковали противъ него оружіе и теперь наносятъ ему ударъ.

— Этотъ портретъ испугалъ васъ, графъ! Вы знаете эту дѣвушку? спрашивала настойчиво Корона дерзкимъ, вызывающимъ тономъ.

— Все пропало! подумалъ Арембергъ съ мучительнымъ безпокойствомъ.—Я знаю эту дѣвушку, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—ее звали Софи Бланшаръ.

— Вы говорите „звали“. Она умерла, и вы, вѣроятно, были причиною ея смерти? Я убѣждена въ этомъ...

— Корона!

— Я узнаю все до малѣйшихъ подробностей!

— Хотите, я самъ расскажу вамъ всю эту исторію?

— Я не желаю слышать ее отъ васъ. Вы можете идти!

— Вы хотите обратиться къ графу Эрбаху? Не спрашивайте его объ этомъ, Корона! Умоляю васъ во имя моей любви къ вамъ, тѣхъ надеждъ, которыя вы подавали мнѣ. Это можетъ повести къ несчастію!

— Вы говорите о своихъ надеждахъ!.. Если вы имѣли ихъ, то это доказываетъ только ваше тщеславіе. Я еще свободна, милостивый государь! Вы не можете помѣшать мнѣ говорить съ нимъ.

— Вы любите его! воскликнулъ съ гнѣвомъ Арембергъ.— Скажите всю правду! Меня трудно обмануть... Вы любите его?..

— Да, я люблю его! отвѣтила она, высокомернымъ тономъ, укаывая ему на дверь.

Жестъ Короны возвратилъ Арембергу его обычное хладнокровіе.

— Ты сама произнесла его смертный приговоръ! сказалъ онъ сквозь зубы, выходя изъ комнаты.

Корона осталась одна.

— Да, я люблю его! думала она.— Неужели на мое несчастіе я буду вѣчно любить его?..

ГЛАВА IV.

Графъ Эрбахъ ходилъ безпокойными шагами вдоль длинной аллеи подстриженныхъ деревьевъ и мимо площадокъ съ вазами изъ сѣраго песчаника на высокихъ подставкахъ, украшенныхъ красивыми бордюрами цвѣтовъ. Время отъ времени онъ останавливался и бросалъ озабоченный взглядъ на окно, выходившее на террасу. Лѣтомъ это окно было закрыто густой липой, но теперь, благодаря рѣдкой весенней зелени, ничто не мѣшало графу дѣлать свои наблюденія. Наконецъ онъ увидѣлъ Бланшара, который торопливо спускался съ ступеней террасы, и пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Ну что, нашли вы его? спросилъ графъ.

Французъ пожалъ плечами.

— Я не засталъ виконта въ гостинницѣ, отвѣтилъ онъ.— Слуги говорятъ, что онъ ушелъ рано утромъ и съ тѣхъ поръ не возвращался.

— Какая неприятная исторія, Бланшаръ!

— Какъ здоровье графини Короны?

— Ей лучше. Докторъ говоритъ, что опасность прошла; онъ даже позволилъ ей встать съ постели на короткое время. Но графъ Арембергъ не проститъ Рошфору его безумную выходку, и дѣло, вѣроятно,

кончится дуэлью. Хотя я отъ души жалѣю вашу сестру, но я нахожу поведеніе виконта крайне неприличнымъ. Нападая на виновнаго, онъ растравляетъ старую рану въ вашемъ сердцѣ и придаетъ огласку исторіи, которая должна остаться тайною.

— Вы не видали Рошфора, графъ, иначе вы не судили бы его такъ строго. Онъ прибѣжалъ ко мнѣ третьяго дня ночью какъ сумасшедшій, и совершенно озадачилъ меня своимъ неожиданнымъ появленіемъ, такъ какъ мнѣ говорили, что онъ уѣхалъ въ Америку. Я поймалъ его, знаю его имя! кричалъ онъ, бѣгая по комнатамъ и швыряя вещи, которыя попадались ему подъ руку, такъ что я поспѣшилъ убрать свои инструменты. Изъ страха, что онъ перебудитъ весь домъ, я увелъ его въ поле. Понемногу онъ успокоился и сообщилъ мнѣ, что ему удалось, наконецъ, узнать имя соблазнителя моей сестры. Онъ хотѣлъ только окончательно удостовѣриться въ этомъ...

— И онъ рѣшилъ выбрать своимъ орудіемъ Корону, не соображая, какъ подѣйствуетъ на нее подобное открытіе... Но во всякомъ случаѣ виконтъ достигъ своей цѣли—обличилъ виновнаго и разстроилъ его бракъ. Что онъ намѣренъ дѣлать теперь? Говорятъ, Арембергъ въ совершенствѣ владѣетъ оружіемъ...

— Вы знаете, графъ, что я давно отказался отъ мести. Если бы соблазнитель попался мнѣ на глаза въ пору перваго порыва гори, то, разумѣется, я убилъ бы его безъ малѣйшаго сожалѣнія. Но время излечиваетъ всѣ раны и заставляетъ трезво смотрѣть на вещи въ виду общечеловѣческихъ слабостей. Все это я говорилъ Рошфору; но его ничѣмъ нельзя убѣдить,—вы знаете его, графъ.

— Я никогда не забуду встрѣчи съ виконтомъ въ саду Трианона въ день годовщины несчастнаго событія. Говоря откровенно, я считаю его вполне способнымъ на убійство, когда на него найдеть припадокъ бѣшенства.

— На убійство! воскликнулъ Бланшаръ.

— Мнѣ кажется, онъ съ этой цѣлью пріѣхалъ въ Вѣну и остановился въ той же гостинницѣ, что и Арембергъ. Сегодня 23-го апрѣля; нужно было бы зорко слѣдить за Рошфоромъ.

— Безпокойство заразительно, сказалъ Бланшаръ послѣ нѣкотораго молчанія.—Теперь я припоминаю одно обстоятельство, которое до извѣстной степени подтверждаетъ ваши подозрѣнія. Когда мы шли тогда по полю съ виконтомъ и дошли до пустыннаго мѣста близъ Гумпендорфа, гдѣ находятся дровяные склады и строится какой-то домъ, окруженный лѣсами, около котораго навалены доски, бревна и каменья, съ нами поравнялся человѣкъ въ шляпѣ съ большими полями. Я тотчасъ же узналъ, что это Зденко, и назвалъ его по имени.

— Неужели этотъ негодай, поджигатель, осмѣлился явиться сюда?

— Я видѣлъ его при пожарѣ башни и затѣмъ на похоронахъ Мракотина и хорошо запомнилъ его лицо.

— Рассказывайте дальше!

— Когда онъ услыхалъ мой голосъ, то бросился бѣжать. Рошфоръ вообразилъ, что это Арембергъ, и пустился за нимъ въ погоню, не обращая вниманія на камни, рвы, низкіе заборы, которые задерживали насъ на каждомъ шагу. Наконецъ тотъ, за которымъ мы гнались, исчезъ безслѣдно, и мы остановились. Въ недалекомъ разстояніи отъ насъ былъ старинный домъ съ маленькими рѣшетчатыми окнами, изъ которыхъ виднѣлся свѣтъ. Присмотрѣвшись внимательнѣе, я тотчасъ узналъ этотъ домъ, такъ какъ въ немъ живетъ старая гадальщица Урсула. Передъ воротами стояло нѣсколько каретъ; виконтъ вступилъ въ бесѣду съ кучерами; я долженъ былъ играть роль переводчика. Онъ слушалъ ихъ болтовню съ большимъ вниманіемъ, затѣмъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „Помни, Бланшаръ, что въ этомъ домѣ я вызову тѣбѣ твоей сестры. Воображаю, какъ струситъ старая вѣдьма! Графъ Арембергъ, я и привидѣніе будемъ ужинать у ней!“

— Что за безмыслица! Но во всякомъ случаѣ я очень радъ, что вы сообщили мнѣ все это. Вѣроятно, виконтъ намѣревается заманить Аремберга въ этотъ домъ подъ какимъ нибудь предлогомъ. Я не совсѣмъ довѣряю ему; онъ злой и хитрый человѣкъ.

— Что вы намѣреваетесь сдѣлать, графъ?

— Я напишу Прокопу, чтобы онъ не разставался сегодня съ своимъ пріятелемъ, а съ наступленіемъ сумерекъ самъ пойду въ домъ колдуньи.

— Зачѣмъ вы станете добровольно подвергать себя опасности? замѣтилъ Бланшаръ.

— Дѣло слишкомъ серьезно, чтобы не обратить на него вниманія. Но вы не должны беспокоиться обо мнѣ, мой милый другъ. Я дорожу жизнью и не стану рисковать ею безъ крайней необходимости.

Съ этими словами Эрбахъ вошелъ въ домъ, чтобы написать Прокопу. Едва успѣлъ онъ окончить письмо, какъ появилась Рената.

— Не случилось ли чего нибудь съ Короной? спросилъ онъ съ живостью.

— Нѣтъ, она спитъ! сказала Рената.—Сонъ всего лучше подкрѣпитъ ея силы послѣ всѣхъ вынесенныхъ ею волненій. Я воображаю себѣ, какія мученія она должна была испытать, если рѣшилась пріѣхать сюда ночью для объясненія съ Бланшаромъ. Она настойчиво хотѣла вернуться домой, но силы измѣнили бѣдняжкѣ. Въ какомъ страшномъ бреду была она всю ночь! я никакъ не ожидала, что выздоровленіе наступитъ такъ быстро.

— Какъ странно сложилась ея жизнь! сказалъ графъ Эрбахъ, рассказывая по комнатѣ, чтобы скрыть свое волненіе.—Чѣмъ больше думаю я о ней, тѣмъ болѣе удивляюсь, что, несмотря на всѣ соблазны, какимъ она подвергалась, благодаря своей красотѣ, ничто не могло повліять на ея нравственную чистоту. Я убѣжденъ, что она

обязана этимъ своему рѣдкому уму и богато одаренной, хотя слишкомъ порывистой и измѣнчивой натурѣ.

— Мнѣ кажется, что ты, Поль, не совсемъ понимаешь ее. При всемъ своемъ легкомысліи и капризной фантазіи, которая побуждаетъ ее страстно стремиться къ какой нибудь цѣли и вслѣдъ затѣмъ забывать о ней, она отличается замѣчательнымъ постоянствомъ въ нѣкоторыхъ вещахъ.

— Что хочетъ она сказать этимъ? подумалъ съ безпокойствомъ графъ Эрбахъ, и добавилъ вслухъ: — Я не стану спорить противъ этого. Она несомнѣнно чувствуетъ призваніе къ искусству и рано или поздно посвятить ему свою жизнь...

— Но прежде съ желаніемъ сдѣлаться великой пѣвицей у ней связывалось нѣчто другое... Прости, Поль, я никогда не рѣшилась бы заговорить объ этомъ, если бы меня не интересовала дальнѣйшая судьба этой дѣвушки.

— Говори все, что хочешь, Рената. Я люблю ее какъ сестру.

— Какъ сестру? Но въ этомъ заключается главная причина ея горя. Она любитъ тебя такъ же горячо, какъ и я, хотя и не такой безкорыстной, безотвѣтной любовью.

— Милая моя, добрая! сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ и, поцѣловавъ свою жену, усадилъ рядомъ съ собою на диванъ.—Я не знаю, какъ тебѣ объяснить это... мнѣ не хотѣлось бы оскорбить тебя, даже невольно...

— Мнѣ не нужно никакихъ объясненій!.. Скажи только, любишь ли ты меня теперь.

— Я люблю тебя отъ всей души, Рената! Фантазія могла временно увлечь меня... Я бросился за блестящей бабочкой, которая промелькнула передъ моими глазами. Но и тутъ воспоминаніе о тебѣ никогда не оставляло меня и удерживало отъ рѣшительнаго шага, а когда у меня явилось серьезное опасеніе...

— Ты не поддался искушенію изъ сожалѣнія ко мнѣ, сказала она, обнимая его.

— Меня испугала возможность новой страсти; я не вѣрю въ прочность внезапныхъ порывовъ сердца, и рѣшилъ уѣхать изъ Парижа, въ надеждѣ, что Корона забудетъ меня.

— Но привязанность молодой дѣвушки оказалась сильнѣе, нежели ты предполагалъ; она не простила тебѣ насильственной разлуки и, подъ влияніемъ оскорбленнаго самолюбія и горя, бросилась въ потокъ свѣтскихъ удовольствій. Все, что напоминало ей тебя, сдѣлалось ей ненавистнымъ, даже искусство, къ которому она чувствовала такое сильное влеченіе. Она приняла, между прочимъ, ухаживанье Аремберга въ видѣ развлеченія и главнымъ образомъ, чтобы огорчить тебя.

— Меня? спросилъ графъ.

— Она узнала отъ кого-то, быть можетъ даже отъ Рошфора, что ты ненавидишь Аремберга.

— Значить, принимая его ухаживанія, она не любила его? Откуда ты знаешь всё эти подробности?

— Этотъ вопросъ, кажется, очень интересуетъ тебя? сказала съ улыбкой Рената, и добавила болѣе серьезнымъ тономъ: — Все это я узнала отъ Короны во время ея бреда и вчера ночью, когда я сидѣла около ея постели; она во всемъ призналась мнѣ. Впрочемъ, почему ей не любить тебя—ты благородно поступилъ съ нею; другой на твоёмъ мѣстѣ воспользовался бы ея увлеченіемъ и неопытностью.

Онъ закрылъ себѣ лицо руками, чтобы скрыть яркую краску, выступившую на его лицѣ.

— Ты думаешь, что она не въ состояніи забыть меня? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Кто знаетъ, можетъ быть и ты самъ опять обратишь свои взоры на блестящую звѣзду! Она красивѣе, моложе, живѣе меня!.. Жаль, что это не случилось въ то время, когда я хотѣла поступить въ монастырь и отказаться отъ тебя. Жизнь не имѣла тогда для меня никакой цѣны, и мнѣ легко было бы принести эту жертву, если можно назвать такимъ именемъ добровольный поступокъ; но вы оба могли быть счастливы.

— Не думаю! Все напоминало бы на каждомъ шагу, какой цѣной куплено наше счастье; твое самоотреченіе было бы для насъ постояннымъ упрекомъ совѣсти.

— Но теперь слишкомъ поздно, продолжала она, бросаясь къ нему на шею съ страстнымъ порывомъ,—я никому не могу уступить тебя; ты все для меня: весь міръ и все блаженство заключаются въ тебѣ. Я не понимаю, какъ я могла жить въ разлукѣ съ тобой? Какъ могла я хотя минуту увлечься другимъ! Ты простилъ меня; я ни разу не слышала отъ тебя слова упрёка.

— Довольно; не станемъ больше вспоминать прошлое. Я былъ еще больше виноватъ передъ тобой. Передъ нами долгая счастливая жизнь; но она не должна поглощать насъ; если мы изъ-за личныхъ интересовъ забудемъ общее благо, то мы недостойны, чтобы солнце свѣтило намъ. Только тотъ имѣетъ право на жизнь, кто работаетъ и борется за свое счастье...

— Бѣдная Корона! сказала графиня, — слушая тебя, я невольно думаю о ней. Чѣмъ счастливѣе чувствую я себя, тѣмъ ближе принимаю я къ сердцу ея участь. Если вы, мужчины, потерпите неудачу въ любви, то вы находите спасеніе въ умственномъ трудѣ, или общественной дѣятельности. Но что остается намъ, женщинамъ, послѣ потери возлюбленнаго!..

— У Короны осталась молодость и искусство. Весь міръ открытъ передъ нею. Я перешелъ средину жизни, а она только начала жить. Я смотрю иначе на страданія, нежели ты; горе и борьба облагораживаютъ того, кто въ состояніи вынести ихъ. Корона не можетъ пожаловаться на недостатокъ нравственныхъ и физическихъ силъ!..

— Но мнѣ кажется, испытанія слишкомъ рано начались для нея!

— Годы не имѣють тутъ никакого значенія. Развѣ каждый новый фазисъ нашего существованія не приноситъ намъ извѣстныхъ мученій и не влечетъ за собой разочарованія...

Они провели еще нѣкоторое время въ дружеской бесѣдѣ, которая мало-по-малу приняла болѣе реальный характеръ. Графъ не скрылъ отъ своей жены, что боится опаснаго столкновенія между Арембергомъ и Рошфоромъ и выразилъ желаніе, чтобы она ничего не говорила объ этомъ Коронѣ до ея полнаго выздоровленія. Рената отвѣтила, что она сама считаетъ это необходимымъ и думаетъ пока удерживать у себя молодую дѣвушку, чтобы оградить ее отъ болтовни слугъ и стараго маркиза.

Внезапная болѣзнь Короны окончателно лишила Валь д'Омбрене присутствія духа; онъ посылалъ гонца за гонцомъ, чтобы узнать объ ея здоровьѣ; самъ онъ чувствовалъ себя настолько изнуреннымъ, что не въ состояніи былъ сдвинуться съ мѣста. На третій день больной стало лучше; она попросила графиню послать Гедвигу къ ея пріемному отцу, чтобы успокоить старика и сообщить ему, что она скоро вернется домой.

Гедвига съ радостью взяла на себя это порученіе, которое давало ей возможность уйти изъ дому на болѣе продолжительное время. Она была въ такомъ возбужденномъ состояніи, что почти не разслышала наставленій своей госпожи и торопливо вышла въ переднюю, гдѣ совершенно неожиданно очутилась передъ императоромъ. Лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ; она едва могла устоять на ногахъ отъ волненія.

Иосифъ пришелъ запросто въ сопровожденіи одного слуги. Онъ любилъ такимъ образомъ ходить по городу и удивлять друзей своимъ внезапнымъ посѣщеніемъ. Онъ бывалъ довольно часто у графа Эрбахъ и всегда удостоивалъ Гедвигу милостивымъ словомъ, и даже однажды подробно разспрашивалъ ее въ присутствіи графини объ ея пребываніи въ монастырѣ, хотя уже не тѣмъ дружескимъ тономъ, какимъ онъ разговаривалъ съ нею въ Таннбургѣ. Сегодня онъ особенно пріятливо отвѣтилъ на ея низкій поклонъ и сказалъ:

— Ты уходишь? Желаю тебѣ счастливаго пути. Мнѣ нужно будетъ на-дняхъ переговорить съ тобой объ одномъ дѣлѣ; но пока никому не сообщай объ этомъ.

Онъ приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія и поспѣшно отвернулся отъ нея, чтобы поздороваться съ графомъ Эрбахомъ, который вышелъ къ нему навстрѣчу.

Гедвига была такъ озадачена, что не знала, дѣйствительность это, или сонъ. Императоръ хочетъ о чемъ-то тайно говорить съ ней. Неужели случится то, о чемъ ей столько разъ намекалъ Ротганъ, хотя неясно и полусловами? Неужели она—новая Есѣирь, обратившая на себя вниманіе властелина? Смущенная вышла она изъ дому, мечтая

о блестящей будущности, ожидавшей ее, и шла своей ровной увѣренной походкой по уединенной улицѣ, между тѣмъ какъ сумерки все болѣе и болѣе сгущались надъ городомъ.

— На этотъ разъ я приношу вамъ вѣсть о мирѣ, сказалъ Іосифъ, входя въ гостиную. — Часъ тому назадъ, Кауницъ послалъ курьера въ Течень. Получены хорошія извѣстія изъ Парижа. Нѣкто Рошфоръ, отъ котораго князь Кауницъ въ полномъ восторгѣ, лично передалъ ему письмо отъ графа Верженнъ.

— Неужели? воскликнулъ Эрбахъ съ удивленіемъ.

— Вамъ не должно это казаться страннымъ, мой дорогой графъ; министры только на половину исполняютъ приказанія своихъ государей и большею частью дѣлаютъ то, что имъ вздумается. Но во всякомъ случаѣ договоры будутъ подписаны и императрица можетъ спокойно праздновать день своего рожденія. Я надѣялся на другой исходъ войны, но судьбѣ не угодно было исполнить мое завѣтное желаніе.

— Вашъ великій соперникъ Фридрихъ имѣетъ надъ вами то преимущество, что подвластные ему народы уже успѣли сплотиться въ одну массу. Это придаетъ имъ силу. У насъ же населеніе раздѣлено на множество племенъ—у cadaго свой языкъ, особые законы и нравы; вся Австрія скроена изъ отдѣльныхъ лоскутковъ.

— Вы совершенно правы, графъ, и тѣмъ труднѣе будетъ мнѣ достигнуть государственнаго единства и учредить центральную власть. Хватитъ ли на это человѣческой жизни? Лучшіе годы и силы будутъ потрачены на бесплодныя попытки. Можетъ ли кого удовлетворять кажущееся могущество, когда даже нѣтъ никакой надежды на исполненіе самыхъ завѣтныхъ желаній.

— Если вашему величеству удастся положить начало новому государственному устройству, то дальнѣйшее развитіе его слѣдуетъ предоставить будущности. Долгій миръ заживитъ много внутреннихъ язвъ; откроются новые источники народнаго благосостоянія. Уничтоженіе сословныхъ привиллегій, равенство всѣхъ передъ закономъ и всякія другія реформы, сообразныя духу времени, будутъ съ восторгомъ приняты вашими подданными. Трудъ и торговля освободятся отъ вѣковыхъ оковъ; бесплодныя пространства мало-по-малу превратятся въ хлѣбныя поля; богатства всего міра будутъ стекаться на наши рынки...

— Если мы достигнемъ десятой доли того, что вы предсказываете намъ, мой милый графъ, замѣтилъ съ улыбкою Іосифъ, — то намъ нечего завидовать древнимъ людямъ, которыя были свидѣтелями чудесъ, совершавшихся въ ихъ время на землѣ и на небѣ. Но пока ничто не даетъ права надѣяться на блестящую будущность, которую вы рисуете намъ. Однако, обратимся къ дѣйствительной жизни. Я хочу устроить въ вашемъ сосѣдствѣ фабрику и выписать рабочихъ изъ Пруссіи, чтобы воспользоваться ихъ искусствомъ. Я уже давно мечтаю о томъ, чтобы ввести у насъ шелковое производство.

— Мнѣ кажется, что нашъ Фрицъ Бухгольцъ могъ бы быть полезенъ вашему величеству въ этомъ дѣлѣ.

— Я самъ убѣжденъ въ этомъ. Онъ умный малый и произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Я пригласилъ его пріѣхать сюда; если нельзя будетъ уговорить его поселиться у насъ, то онъ во всякомъ случаѣ можетъ дать хорошей совѣтъ. Къ тому же, я надѣюсь, что съ его помощью мнѣ удастся вознаградить вашу служанку за ея самоотверженіе. Кстати, что подѣлываетъ графиня Корона? Мнѣ не удалось видѣть ее послѣ моего возвращенія.

Графъ Эрбахъ разсказалъ въ короткихъ словахъ исторію съ портеромъ и выразилъ досаду на неумѣстное вмѣшательство Рошфора.

Іосифъ, который никогда не чувствовалъ расположенія къ Арембергу, нашелъ совершенно естественнымъ, что Корона порвала всѣ сношенія съ нимъ, узнавъ объ его возмутительномъ поступкѣ съ сестрой Бланшара.

— Тѣмъ не менѣе, добавилъ онъ улыбаясь, — я убѣжденъ, что императрица воспользуется удобнымъ случаемъ, чтобы прочитать наставленіе молодой графинѣ и напомнить ей при этомъ объ ея прежнихъ прегрѣшеніяхъ, послѣ чего послѣдуетъ трогательная сцена милостиваго прощенія. Меня лично гораздо болѣе занимаетъ самъ Рошфоръ. Кауницъ съ большою похвалою отзывается объ его дипломатическихъ способностяхъ и находитъ, что у него замѣчательно вѣрный взглядъ на взаимное положеніе европейскихъ государствъ, между тѣмъ какъ, по вашимъ словамъ, онъ оказывается искателемъ приключеній и шарлатаномъ.

— Я убѣжденъ, что онъ играетъ роль ясновидящаго изъ тщеславія и хитрости. Впрочемъ, вы уже встрѣтились съ нимъ однажды.

— Этого быть не можетъ. Трудно забыть подобнаго человѣка!

— Помните ли вы господина, который своимъ неожиданнымъ появленіемъ помѣшалъ нашему разговору въ саду Трианона? Это былъ виконтъ Рошфоръ.

— Какъ бы я хотѣлъ увидѣть его вблизи. Нельзя ли устроить такимъ образомъ, чтобы я могъ гдѣ нибудь встрѣтиться съ нимъ?

— Передъ приходомъ вашего величества, я собирался идти въ одинъ домъ, гдѣ надѣюсь увидѣть его.

— Возмите меня съ собою...

— Я не знаю, удобно ли это будетъ, сказалъ нерѣшительно Эрбахъ.

— Если дѣло идетъ о моемъ императорскомъ достоинствѣ, то позвольте мнѣ самому заботиться объ этомъ, возразилъ Іосифъ съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Рошфоръ будетъ сегодня вечеромъ у старой гадалщицы Урсулы, которая живетъ за городомъ близъ Гумпендорфа; я случайно узналъ, что онъ назначилъ тамъ свиданіе графу Арембергу. Мнѣ необходимо видѣть виконта, и такъ какъ онъ ушелъ съ утра изъ гостинницы и

съ тѣхъ поръ не возвращался, то я хотѣлъ идти къ гадалщицѣ. Не знаю, угодно ли будетъ вашему величеству отправиться къ женщицѣ, которая пользуется дурной репутаціей!..

— Развѣ Саулъ не сдѣлалъ визита аэндорской колдунѣ? Почему мнѣ не послѣдовать его примѣру?

Графъ Эрбахъ, видя настойчивое желаніе Іосифа, не рѣшился противорѣчить ему, хотя чувствовалъ въ душѣ сильное безпокойство. Онъ не считалъ себя вправѣ сообщать его величеству своихъ подозрѣній относительно Рошфора, которыя были главнымъ мотивомъ, побуждавшимъ его идти къ старой Урсулѣ, такъ какъ онъ долженъ былъ заранѣе обвинять человѣка въ преднамѣренномъ убійствѣ, не имѣя на то достаточныхъ данныхъ.

Но тамъ, гдѣ графу Эрбаху представлялась трагедія и пролітіе крови, Іосифъ видѣлъ только веселое препровожденіе времени. Извѣстіе о близкомъ заключеніи мира и надежда на благополучное окончаніе неудачной войны привели его въ хорошее настроеніе духа.

Когда Рената вошла въ гостиную онъ тотчасъ же сообщилъ ей о своемъ намѣреніи отправиться съ ея мужемъ къ гадалщицѣ. Онъ не находилъ въ этомъ ничего страннаго, и удивился, когда графиня стала отговаривать его.

— Я надѣялся, что по крайней мѣрѣ вы, графиня, будете на моей сторонѣ! замѣтилъ онъ съ улыбкой. — Но вы, кажется, также заразились его предразсудками. Неужели коронованныя особы представляютъ собою какія-то особыя существа, и всякій естественный порывъ съ ихъ стороны встрѣчаетъ неодобреніе? Я признаю, что отъ меня, какъ императора, могутъ требовать соблюденія чувства собственнаго достоинства, извѣстной сдержанности и умѣренности въ словахъ и поступкахъ; но вѣдь бываютъ же минуты, когда я складываю скипетръ и становлюсь простымъ смертнымъ. Если монархъ долженъ прервать всѣ человѣческія отношенія, то можетъ ли быть что ужаснѣе его положенія. Я чувствую себя счастливымъ, смѣшиваясь съ толпой, и быть можетъ послѣ моей смерти бѣдняки скажутъ обо мнѣ: „онъ не чуждался насъ“.

— Не думайте, чтобы я не признавала законность подобныхъ стремленій, сказала Рената. — Но коронованныя особы и женщины не должны ставить себя въ такія условія, гдѣ ихъ лучшія чувства могутъ быть оскорблены и истолкованы въ обратномъ смыслѣ, потому что это большею частью ведетъ къ другой крайности и заставляетъ ихъ относиться подозрительно къ людямъ, которые искренно преданы имъ.

— До сихъ поръ мнѣ не приходилось раскаяваться въ тѣхъ минутахъ, когда я жилъ жизнью обыкновенныхъ людей. Я никогда не забуду то счастливое время, которое я провелъ въ Венеціи во время карнавала.

— Ваше величество... проговорила со смущеніемъ Рената.

— Никто изъ насъ не долженъ стыдиться того времени, ни жалѣть о немъ, потому что оно способствовало нашему сближенію, а горе, которое оно причинило намъ, прошло безслѣдно... Эта исторія могла бы служить хорошимъ сюжетомъ для оперы *Метастазіо*, если бы онъ, какъ всѣ поэты, не увлекался мифологическими героями. Одинъ господинъ во время путешествія встрѣчаетъ женщину, которая своей идеальной красотой живо напоминаетъ ему предметъ его первой юношеской любви, похищенный преждевременной смертью. Онъ всюду слѣдуетъ за этой женщиной и наконецъ знакомится съ нею, считая ее за дѣвушку, а ея супруга, благодаря его холодности и недовольной фізіономіи, онъ принимаетъ за отвергнутаго поклонника. Это недоразумѣніе, вѣроятно, объяснилось бы въ самомъ непродолжительномъ времени, если бы путешествующій господинъ не долженъ былъ соблюдать строжайшаго инкогнито. Наступаетъ время отъѣзда; въ его распоряженіи одна только ночь, чудная венеціанская ночь, полная нѣги и безумнаго веселья... Вы вправѣ осудить этого господина, графиня, потому что тогда ему и въ голову не приходило, что онъ потомокъ Карла Великаго... Онъ садится въ гондолу и ѣдетъ къ палаццо обожаемой имъ красавицы. Вы спросите: съ какой цѣлю? Но этотъ господинъ и самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ своемъ поступкѣ и слѣдовалъ только влеченію своего сердца... Когда онъ вошелъ на первыя ступени мраморной лѣстницы, то увидѣлъ передъ собой господина въ плащѣ, который, при встрѣчѣ съ нимъ, схватился за рукоятку своей шпаги...

— Простите... забудьте объ этомъ, ваше величество!— сказала графъ Эрбахъ взволнованнымъ голосомъ, цѣлуя руку Іосифа.

— Вы всегда являетесь не кстати, графъ, благодаря своей горячности! возразилъ улыбаясь Іосифъ;— тогда вы помѣшали романтическому приключенію, теперь мѣшаете кончить мой рассказъ... Когда я увидѣлъ его стоящимъ на-готовѣ, у меня тотчасъ же мелькнула мысль, что передо мной ревнивый мужъ. Не желая показаться трусомъ, я вынулъ на половину шпагу изъ ноженъ, но вслѣдъ затѣмъ, отвѣсивъ вѣжливый поклонъ моему противнику, сѣлъ въ гондолу и поплылъ въ обратный путь подъ звуки серенады, устроенной какимъ-то счастливымъ любовникомъ дамъ своего сердца... Дайте мнѣ вашу руку, Эрбахъ. Все это перешло въ область воспоминаній и не должно болѣе волновать насъ. Теперь мы можемъ отправиться къ старой колдунѣ. Я больше не боюсь ея картъ...

Они вышли изъ дому. Графъ Эрбахъ изъ предосторожности надѣлъ на себя шпагу; слуга императора слѣдовалъ за ними на нѣкоторомъ разстояніи.

На башнѣ приходской церкви Гумпендорфа пробило восемь часовъ, когда они увидѣли издали старинный домъ съ рѣшетчатыми окнами, въ которомъ жила гадалщица.

ГЛАВА V.

Часть тому назад Гедвига проходила той-же дорогой, свернувъ съ улицы, ведущей въ городъ. Надежды, наполнявшія ея сердце, не удовлетворяли ее; она искала подтвержденія имъ у невидимыхъ силъ и обратилась къ гадальщицѣ. Чудо, которое предсказывалъ ей патерь въ видѣ неясныхъ намековъ, возвѣщено ей было и картами. Урсула постоянно пророчила ей хорошаго жениха и большое счастье.

Гедвига совершенно случайно познакомилась съ гадальщицей, которая, проходя однажды мимо дома графа Эрбаха, упала около садовой стѣны и не въ состояннн была подняться на ноги. Гедвига въ это время поливала цвѣты и, услыжавъ ея стоны, поспѣшила на помощь и проводила ее домой. Съ этого момента старуха, изъ чувства благодарности, или въ надеждѣ извлечь выгоду изъ своего знакомства съ молодой дѣвушкой, выказывала ей особенное покровительство и даже до извѣстной степени посвятила ее въ тайны своего искусства. Урсула, какъ большинство подобныхъ ей людей, принялась за свое ремесло съ цѣлью наживы, не придавая ему никакого значенія; но мало-по-малу, обманывая другихъ, сама начала вѣрять картамъ.

Предсказанія старухи съ перваго же раза произвели неотразимое впечатлѣннн на сердце Гедвиги, такъ какъ они были также неясны, какъ ея собственныя желанія. Она скрыла отъ домашнихъ это знакомство и сообщила о немъ только патеру Ротгану, который сперва возсталъ противъ такого безбожнаго препровожденія времени, но скоро совсѣмъ пересталъ упоминать объ этомъ, убѣдившись, что карты еще болѣе утвердили Гедвигу въ ея безумныхъ надеждахъ.

Сердце Гедвиги безпокойно билось, когда она проскользнула въ домъ гадальщицы черезъ полуоткрытую дверь и вошла въ длинныя сѣни, освѣщенныя сверху небольшимъ ночникомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго красовались чучела крокодиловъ, купленныя Урсулой у продавца рѣдкостей. Въ глубинѣ сѣней виднѣлась темная, крутая лѣстница съ высокими ступенями, ведущая въ верхннй этажъ, гдѣ жила старая гадальщица, которая, благодаря своему уму и знанню людей, сумѣла внушить къ себѣ общую боязнь. Народъ былъ убѣжденъ, что она имѣетъ сообщенія съ духами; какъ знатные, такъ и простые люди прибѣгали къ ея искусству, въ надеждѣ узнать будущее. Доступъ къ ней былъ не легокъ. У нижнихъ ступеней лѣстницы, на деревянной скамейкѣ, неизмѣнно сидѣлъ угрюмый сторожъ и вазалъ нескончаемый чулокъ изъ черной шерсти. Онъ казался сторбленнымъ и хилымъ; но никто изъ входившихъ на лѣстницу не могъ избѣгнуть злобнаго взгляда его рыснхъ глазъ; онъ зорко слѣдилъ за каждымъ, кто проходилъ мимо него. Но скоро обычные посѣтители

Урсулы съ удивленіемъ замѣтили, что тотъ, котораго они принимали за слѣпаго старика, оказался широкоплечимъ парнемъ съ грубымъ лицомъ, покрытымъ морщинами, но все еще довольно молодымъ. Возрастъ его трудно было опредѣлить въ точности, потому что шляпа съ широкими полями закрывала ему лобъ. Никому также не удавалось завести съ нимъ сколько нибудь продолжительный разговоръ. Многіе считали его нѣмымъ, другіе предполагали, что онъ моравскій пастухъ и знаетъ только нѣсколько нѣмецкихъ словъ.

— Дома ли г-жа Урсула? спрашивали посѣтители, подходя къ лѣстницѣ. Сторожъ при этомъ вопросѣ протягивалъ руку и, получивъ деньги, указывалъ на лѣстницу болѣе или менѣе любезно, смотря по щедрости посѣтителя.

Гедвига молча прошла мимо сторожа; она такъ спѣшила, что даже не поклонилась ему, только платье ея слегка коснулось его колѣнъ. Онъ сидѣлъ сгорбившись; длинныя спицы двигались въ его рукахъ съ лихорадочной быстротой. Когда Гедвига скрылась изъ виду, онъ бросилъ свою работу и съ тяжелымъ вздохомъ поднялся на ноги.

Это былъ Зденко.

Смерть Мракотина лишила его единственнаго человѣка, который, по его мнѣнію, могъ поддержать его. Онъ почувствовалъ тотъ ужасъ, о которомъ такъ часто говорилъ ему священникъ. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, онъ не задумывался поджечь галерею и способенъ былъ совершить убійство, чтобы избавиться отъ ненавистнаго соперника, но теперь ноги и руки отказывались служить ему. Съ трудомъ дотащился онъ до своего дома и легъ около желѣзнаго сундука, который достался ему послѣ смерти отца. Но безпокойство подняло его съ утренней зарей. Слишкомъ много людей видѣли его въ галереѣ; онъ былъ главнымъ зачинщикомъ драки; на него падало подозрѣніе въ поджогѣ; если онъ попадетъ въ руки правосудія, то ему не избѣгнуть висѣлицы. Онъ убѣдился, что священникъ правъ и что его единственное спасеніе въ бѣгствѣ.

Быль седьмой часъ утра; густой туманъ покрывалъ землю, когда Зденко ворвался въ домъ священника и, не обращая никакого вниманія на отчаянные крики Людмилы, пробѣжалъ въ спальню Гаслика, который, услыжавъ шумъ и не помня себя отъ суга, сидѣлъ на постели съ вытаращенными глазами.

— Я ухожу; вы знаете причину, сказалъ Зденко хриплымъ голосомъ, наклоняясь къ уху священника.—Позаботьтесь о моемъ домѣ.

Зденко исчезъ послѣ этихъ словъ. Священникъ легъ опять въ постель и закрылъ голову одѣяломъ.

Слуги увѣряли, что они видѣли Зденко на погребеніи Мракотина, могила котораго была вырыта, по приказанію графа, около садовой стѣны; но съ тѣхъ поръ Зденко пропалъ безслѣдно. Всѣ были убѣждены, что онъ скрылся изъ боязни заслуженнаго наказанія. Наступившая вслѣдъ затѣмъ война поглотила вниманіе какъ высихъ со-

словій, такъ и простаго народа. Никто не жалѣлъ объ исчезновеніи Зденко. „Если онъ умеръ, — говорили сосѣди, — туда ему и дорога! Однимъ негодяемъ стало меньше на бѣломъ свѣтѣ“. Священникъ радовался отъ души, что отвязался отъ „этого адскаго отродья“, какъ онъ называлъ Зденко, такъ какъ теперь ничто не нарушало его душевнаго спокойствія. Въ порывѣ благодарности онъ даже поставилъ двѣ толстыхъ свѣчи св. Непомуку, и всякій разъ, проходя мимо его статуи, бросалъ на нее умиленный взглядъ.

Между тѣмъ тотъ, чья смерть была такъ желательна для всѣхъ, спокойно проживалъ въ Вѣнѣ. Сначала Зденко намѣревался идти въ Саксонію; но его удержала боязнь встрѣчи съ графскими рабочими, которые могли узнать его и убить за участіе въ дракѣ во время праздника. Въ виду этого онъ рѣшилъ отправиться въ Моравію, такъ какъ слышалъ отъ Мракотина, что тамъ живетъ много братьевъ и сестеръ новаго Іерусалима, и надѣялся найти у нихъ убѣжище и покровительство. Онъ зналъ условные знаки, по которымъ приверженцы пророка узнавали другъ друга, и смѣло явился къ нимъ. Они ласково встрѣтили его и помогли пробраться въ Вѣну, снабдивъ рекомендательнымъ письмомъ къ старому сторожу Урсулы, бывшему моравскому пастуху, который пользовался большимъ уваженіемъ въ общинѣ. Старикъ былъ болѣнъ, когда Зденко пришелъ къ нему; Урсула ничего не имѣла противъ того чтобы онъ временно замѣнилъ больного. Зденко скоро заслужилъ милость гадалщицы своей аккуратностью и молчаливымъ характеромъ; его геркулесовская сила казалась ей надежной охраной отъ воровъ или какого нибудь случайнаго нападенія. Старикъ съ этихъ поръ долженъ былъ исполнять работы въ домѣ и въ саду, между тѣмъ какъ должность сторожа окончательно осталась за Зденко.

Онъ наслаждался сознаниемъ безопасности послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ волненій. Съ одной стороны его охранялъ страхъ, который народъ чувствовалъ къ его госпожѣ, съ другой—блжстители порядка, благодаря милости, которой пользовалась Урсула у господъ, смотрѣли сквозь пальцы на то, что дѣлалось въ ея домѣ. Однако, несмотря на эту благодѣтельную перемѣну въ его жизни, Зденко оставался такимъ же мрачнымъ и необщительнымъ, какъ и прежде. Со старымъ моравскимъ пастухомъ бесѣдовалъ онъ о Мракотинѣ и концѣ міра, когда церкви и замки будутъ уничтожены огнемъ, который сойдетъ съ неба, а бѣдники займутъ мѣсто богатыхъ. Свообразная дѣятельность Урсулы, ея странныя рѣчи, тайныя посѣщенія знати, видѣ людей, которые осторожно прокрадывались мимо него, ихъ таинственный шепотъ,—все это наполняло душу Зденко радостнымъ трепетомъ. Теперь онъ могъ безнаказанно предаваться своей склонности къ праздной и созерцательной жизни. Даже привидѣнія, пугавшія его въ Таннбургѣ, добродушнѣе относились къ нему, нежели въ лѣсу и на кладбищѣ при ночномъ вѣтрѣ. Когда онъ поднималъ глаза отъ своего

чулка (занятія, перенятаго имъ у стараго пастуха) и смотрѣлъ въ темный уголь сѣней, то ему представлялся Рехбергеръ, танцующій съ его отцомъ подъ звуки какой-то необыкновенной музыки, или онъ видѣлъ бѣлую фигуру Гедвиги подъ руку съ сѣдымъ Мравотиномъ.— Духи больше не сердятся на тебя,—говорилъ онъ самому себѣ.—Они такъ долго предслѣдовали тебя, что рѣшили, наконецъ, оставить тебя въ покоѣ!

Благодаря этой пріятной увѣренности, у него бывали минуты, когда жизнь у старой Урсулы казалась ему предвкушеніемъ блаженства, ожидавшаго его въ новомъ Іерусалимѣ, тѣмъ болѣе, что ничто не принуждало его къ работѣ и онъ богатѣлъ съ каждымъ днемъ вслѣдствіе щедрости посѣтителей.

Но къ его несчастію, Гедвига вошла однажды въ домъ вмѣстѣ съ Урсулой. Онъ спрятался въ самый темный уголь, когда увидѣлъ ее, но съ этой минуты исчезло обманчивое спокойствіе и прежняя страсть проснулась въ его сердцѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мерещившіяся ему тѣни приняли опять угрожающій видъ, скалили зубы и указывали на него пальцами. Съ каждымъ днемъ росло въ немъ желаніе овладѣть Гедвигой и побуждало его къ самымъ безумнымъ рѣшеніямъ. Она не удостоила его ни однимъ взглядомъ, а онъ, съ своей стороны, не посмѣлъ заявить ей о своемъ присутствіи. Онъ съеживался какъ улитка въ раковинѣ, когда слышалъ приближеніе ея легкихъ шаговъ, изъ боязни, что она упрекнетъ его въ убійствѣ ея отца.

Сегодня въ домѣ Урсулы должно было произойти нѣчто необыкновенное.

Старуха позвала его къ себѣ и, называя по обыкновенію именемъ своего прежняго привратника, сказала:

— Будь на сторожѣ, Михалъ! Сегодня твои глаза и уши должны слышать и видѣть все, что будетъ дѣлаться вокругъ тебя. Сначала придетъ молодая дѣвушка, а послѣ того двое или трое господъ. Когда они войдутъ на лѣстницу, ты запрешь двери и больше никого непустишь сюда, кто бы ни стучался. Затѣмъ ты пойдешь черезъ садъ къ воротамъ и спросишь кучера, который будетъ стоять тамъ, куда онъ нанятъ? Все это ты устроишь умно и осторожно...

— Что это значитъ? подумалъ съ безпокойствомъ Зденко. — Не хотятъ ли они увезти Гедвигу? Не занимается ли Урсула, помимо гаданія, сводничествомъ, и онъ долженъ помогать этому, между тѣмъ какъ ради Гедвиги онъ готовъ пожертвовать собственною жизнью!

Появленіе молодой дѣвушки прервало его размышленія. Онъ хотѣлъ подойти къ ней и предупредить ее объ опасности, но не могъ сдвинуться съ мѣста.

Гедвига поднялась на лѣстницу; каждая минута казалась безконечною несчастному Зденко. Онъ вздыхалъ, охалъ, но ни на что не рѣшался, хотя ярость его все болѣе и болѣе увеличивалась.—Сотру съ лица земли все, что встанетъ между мной и Гедвигой! Если мнѣ

не суждено обладать ею, то не уступлю ее никому другому! бормоталъ онъ сквозь зубы.

Прошло около часа съ тѣхъ поръ, какъ Гедвига поднялась на лѣстницу къ старухѣ. — Можетъ быть кавалеры вовсе не придутъ, подумалъ Зденко.

Въ эту минуту дверь отворилась настежь и вошли двое господъ.

— Тутъ такъ темно, какъ будто входишь въ царство тѣней! воскликнулъ одинъ изъ нихъ съ громкимъ смѣхомъ.—Эй, Харонъ, гдѣ ты? освѣти намъ!

Зденко обомлѣлъ отъ ужаса. При мерцающемъ свѣтѣ ночника онъ узналъ въ одномъ изъ господъ графа Эрбахъ. Онъ всего менѣе ожидалъ встрѣтить его здѣсь.—Не пришелъ ли графъ, чтобы застать врасплохъ женщинъ и увести Гедвигу? Нужно предупредить ихъ!

Съ этой мыслью Зденко бросился на другой конецъ сѣней съ громкимъ крикомъ, который раздался по всему дому.

Графъ Эрбахъ остановился въ недоумѣннн.

— Пойдемте! торопилъ его Юсифъ.—Мы не должны удивляться, что бѣсноватый стережетъ входъ у колдуньи. Вотъ лѣстница; это вѣроятно путь къ Писии.

Онъ бросилъ на полъ золотую монету и пошелъ впередъ, распахнувъ плащъ, чтобы взяться за шпагу въ случаѣ надобности. Эрбахъ слѣдовалъ за нимъ.

Когда они скрылись изъ виду, Зденко, стоя въ углу, прислушивался нѣкоторое время; но наверху все было тихо.—Неужели старуха рада видѣть ихъ? спрашивалъ онъ себя съ удивленіемъ.—Но куда дѣвалась Гедвига?

Тутъ онъ увидѣлъ золотой, лежавшій на полу. Жадность перебила въ немъ всѣ другія соображенія. Онъ прокрался къ своему обычному мѣсту и, поднявъ монету, сталъ внимательно разглядывать ее.

Неожиданный шумъ въ дверяхъ отвлекъ его отъ этого пріятнаго занятія. Опять вошли двое мужчинъ и послышался стукъ подѣхавшей кареты.

— Горе ему! Это вѣроятно тѣ, которыхъ ждала Урсула, а онъ уже встрѣтилъ двухъ другихъ. Теперь старуха прогонитъ его со стыдомъ за недогадливость и еще наколдуетъ ему всякихъ бѣдъ. Онъ долженъ будетъ опять блуждать по свѣту, не находя нигдѣ покоя...

Едва успѣлъ онъ спрятать въ карманъ свой золотой, какъ одинъ изъ господъ подошелъ къ нему.

Это былъ графъ Прокопъ.

— Мимо тебя прошли двое господъ? спросилъ онъ шепотомъ.— Не отрекайся, мы видѣли ихъ на улицѣ. Ты знаешь ихъ!..

— Да, знаю, отвѣтилъ нерѣшительно Зденко.—Одинъ изъ нихъ графъ Эрбахъ.

— Чортъ бы его побралъ! пробормоталъ Прокопъ.—А другой кто?

— Я вижу его въ первый разъ, возразилъ Зденко, дрожа всѣмъ тѣломъ. Онъ боялся попасть въ ловушку и въ то же время не рѣшался солгать, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ господъ.

Графъ Турмъ подошелъ къ своему спутнику, стоявшему у стѣны, и сообщилъ ему свѣдѣнія, собранныя у привратника.

— Я такъ и думалъ! воскликнулъ Арембергъ.—Онъ вѣроятно пришелъ сюда съ Рошфоромъ. Можетъ быть у нихъ здѣсь масонское сборище. Императрица не любитъ этихъ вещей. Уйдемъ скорѣе отсюда. Впрочемъ подожди немного. Я долженъ сказать нѣсколько словъ этому человѣку.

Въ головѣ Аремберга составился планъ.—Сама судьба сводить его съ графомъ Эрбахомъ! онъ не долженъ упустить такой удобный случай для мести. Вѣроятно не трудно будетъ подкупить этого деревенскаго парня, чтобы онъ свелъ его за уголь дома, откуда они могутъ вдвоемъ напасть на графа и убить его... или не дать ли ему кошелькъ съ деньгами и кинжалъ, чтобы онъ однимъ ударомъ избавилъ его отъ ненавистнаго человѣка?..

Увлеченный этой мыслью и не слушая Прокопа, убѣждавшаго его скорѣе отправиться домой, онъ подошелъ къ Зденко, который при этомъ робко попытался къ стѣнѣ, изъ боязни новыхъ распросовъ.

— Да выслушай же меня! воскликнулъ нетерпѣливо Арембергъ.— Ты можешь заработать деньги. Чего ты таращишь на меня глаза?

Запальчивость молодого господина и его иностранный выговоръ окончательно смутили Зденко, который погрузился въ упорное молчаніе, токъ что всѣ старанія Аремберга вызвать его на разговоръ оказались напрасными.

Графъ Турмъ выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнія и въ третій разъ крикнулъ своему другу: *Ne perdez pas votre temps, laissez cette bête!*

Въ эту минуту неожиданно отворилась дверь, выходившая на дворъ, и въ сѣняхъ появилась молодая дѣвушка. Увидя господъ, она на минуту остановилась въ нерѣшительности, но вслѣдъ затѣмъ бросилась бѣгомъ къ выходной двери.

Прокопъ загородилъ ей дорогу.

— Подымите головку, моя красавица. Чего вы боитесь? Дайте намъ взглянуть на себя.

— Ахъ, оставьте меня, графъ Турмъ, сказала она умоляющимъ голосомъ.—Я не хочу больше оставаться здѣсь!

— Ты вѣрно убѣжала отъ своего господина! Я не считалъ его способнымъ гоняться за дѣвухами. Дай мнѣ тою руку. Я всегда готовъ защищать невинность.

Съ этими словами онъ взялъ руку Гедвиги и вывелъ ее изъ сѣней на улицу.

Зденко молча наблюдалъ за этой сценой, но когда Гедвига скрылась изъ его глазъ, онъ машинально схватилъ топоръ, лежавшій въ углу, и бросился за нею.

Прокопъ въ это время отворилъ дверцы кареты и почти насильно посадилъ въ нее молодую дѣвушку, которая дрожала всѣмъ тѣломъ и казалась въ полусознательномъ состояніи.

— Прочь! крикнулъ Зденко, подступая къ Прокопу, который готовился сѣсть въ карету.

Этотъ невольно остановился, увидя надъ собой топоръ, и машинально захлопнулъ дверцы. Кучерь погналъ лошадей.

— Что это значитъ? крикнулъ Прокопъ, приходя въ себя. Онъ хотѣлъ броситься на дерзкаго крестьянина и наказать за неумѣстное вмѣшательство. Но Зденко ускользнулъ отъ него и съ дикимъ воплемъ бѣжалъ за каретой, которая быстро спускалась съ холма; онъ зналъ, что на поворотѣ дороги брошены камни и лошади пойдутъ шагомъ, такъ что ему не трудно будетъ догнать ихъ.

Графъ Турмъ стоялъ въ нерѣшимости передъ мрачнымъ домомъ гадалыщицы, который казался ему какимъ-то зловѣщимъ.

— Что ты скажешь на это, братъ? Однако ловко провели они тебя! поддразнивалъ Арембергъ, который также вышелъ на улицу.—Надѣюсь, ты теперь убѣдился, что графъ Эрбахъ играетъ главную роль въ этой комедіи, а Рошфордъ не болѣе какъ подставное лицо. Пойдемъ наверхъ къ колдунѣ и потребуемъ отъ него удовлетворенія. У насъ съ нимъ давнишніе счеты...

Прокопъ неохотно послѣдовалъ за своимъ пріятелемъ. Онъ мысленно бранилъ себя за то, что выпустилъ изъ рукъ Гедвигу и попалъ въ такое глупое положеніе.

Комната, въ которой гадалыщица принимала своихъ посѣтителей, была обращена окнами въ садъ, такъ какъ ея ремесло требовало тайны и она должна была обезпечить себя отъ постороннихъ глазъ.

Сегодня она особенно старалась задержать Гедвигу подъ разными предлогами, и нѣсколько разъ вновь раскладывала карты, увѣряя ее, что онѣ недостаточно ясно предсказываютъ будущее. Услыхавъ внизу крикъ Зденко, она посовѣтовала молодой дѣвушкѣ спрятаться въ соседнюю комнату, гдѣ былъ ходъ на черную лѣстницу.—Если это незнакомые люди, то ты можешь сойти на дворъ и черезъ сѣни выбраться на улицу, добавила старуха, которая не потеряла присутствія духа. Ея комната была отдѣлена отъ лѣстницы небольшой прихожей, гдѣ неотлучно находилась служанка—красивая, здоровая дѣвушка съ смѣлымъ вызывающимъ взглядомъ, главная обязанность, которой состояла въ томъ, чтобы затруднять входъ въ святилище. Она обыкновенно задерживала посѣтителей подъ разными предлогами, чтобы ея госпожа имѣла время приготовиться и скрыть то, чего не должны были видѣть простые смертные.

Но на этотъ разъ ей удалось занять разговоромъ одного Эрбаха, который, изъ боязни подвергнуть императора какой либо непріятности, сталъ подробно расирасивать дѣвушку—нѣтъ ли кого у гадалыщицы и не могутъ ли явиться къ ней неожиданные посѣтители?

Иосифъ не раздѣляялъ безпокойства своего спутника и со смѣхомъ замѣтилъ ему:

— У васъ, мой милый графъ, положительно всѣ задатки полицейскаго шпиона или ментора новѣйшаго Телемака. Вы такъ внимательно осматриваете эту прихожую, какъ будто надѣетесь сдѣлать необыкновенное открытіе.

Съ этими словами онъ поднялъ занавѣсъ и, отворивъ настежь дверь, вошелъ къ гадальщицѣ.

— Добрый вечеръ, Пиеія! Ты вѣроятно не ожидала насъ, сказала онъ съ веселой улыбкой, но вслѣдъ затѣмъ нахмурилъ брови, такъ какъ увидѣлъ въ углу Гедвигу, которая не успѣла уйти въ другую комнату, и услыжавъ его голосъ, упала на колѣни. Хотя она низко наклонила голову, но ее выдали длинные бѣлокурые волосы.

— Какъ ты очутилась здѣсь? воскликнулъ Иосифъ недовольнымъ голосомъ.— Не думала-ли ты встрѣтить у этой колдуньи Фрица Бухгольца? Скромной дѣвушкѣ не слѣдовало бы являться въ подобныя мѣста.

Гедвига поспѣшно поднялась съ колѣнъ и исчезла за дверью.

— Все благополучно! сказалъ графъ Эрбахъ входя въ комнату.

— Жаль, что вы не пришли минутой раньше, возразилъ Иосифъ, указывая на старинные столовые часы, на которыхъ только что пробило половина девятаго.

— „Grata superveniet quae non sperabitur hora“, сказалъ онъ, подходя ближе и читая надпись на циферблатѣ.— Я желалъ бы знать, Пиеія, въ какомъ магазинѣ рѣдкостей купила ты эту драгоценную вещь?

Урсула сидѣла неподвижно на своемъ креслѣ, обтянутомъ пестрой матеріей съ большими цвѣтами. Она не могла опомниться отъ удивленія при видѣ свободнаго обращенія двухъ господъ, которые чувствовали себя какъ дома въ ея святилищѣ.— Кто этотъ гордый человекъ? спрашивала она себя, напрасно стараясь разглядѣть лицо Иосифа, такъ какъ онъ намѣренно или случайно оставался въ тѣни.

— Что вамъ нужно, господа, отъ бѣдной старой женщины? сказала она, дѣлая усиліе, чтобы казаться спокойной.— Вы, кажется, принимаете мой домъ за гостиницу!

Это была шестидесятилѣтняя старуха съ сѣдыми волосами и полнымъ скулистымъ лицомъ; на ней было сѣрое платье, бѣлый чепецъ съ красивыми складками и шелковый небольшой платокъ, приколотый къ груди. Какъ ея нарядъ, такъ и убранство комнаты, показывало довольство и нѣкоторый вкусъ. Все было опрятно и просто. На кругломъ столѣ, покрытомъ клеенчатой скатертью, стояла небольшая лампа съ зеленымъ абажуромъ. Около кресла, на которомъ она сидѣла, былъ поставленъ табуретъ.

— Ты ожидаешь гостей, Урсула, отвѣтилъ Иосифъ на ея вопросъ;— намъ нужно видѣть этихъ господъ. Ты можешь быть совершенно покойна; ничего особеннаго не случится. Они почему-то не являются,

и чтобы не терять времени, ты предскажешь мнѣ судьбу по картамъ или по рукѣ.

Онъ снялъ перчатку и протянулъ ей правую руку. Гадальщица отодвинула лампу, но, взглянувъ на лицо Иосифа, отшатнулась отъ него въ испугѣ.

— Господи Иисусе Христе! воскликнула она—это...

Онъ положилъ руку на столъ.—Я желаю знать свою судьбу! сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ.

Въ прихожей послышался шумъ. Вошли Прокопъ и Арембергъ.

— Тише, господа! здѣсь графъ Фалькенштейнъ! сказалъ Эрбахъ, отворяя дверь.

— Пустиki! возразилъ Прокопъ и вошелъ комнату съ Арембергомъ.

Увидя императора, они почтительно поклонились.

Наступило гробовое молчаніе.

— Чего ты ждешь, Урсула? сказалъ Иосифъ.—Предскажи мнѣ будущее.

У старухи выступили крупныя капли пота на лбу.

— Нѣтъ, не могу! сказала она дрожащимъ голосомъ. — Будущее мнѣ неизвѣстно... возьмите вашу руку... сжалътеся надо мной!

— Попробуй! Я приказываю тебѣ! сказалъ Иосифъ.—Если ты не можешь ничего прочитать на моей рукѣ, то можешь погадать мнѣ на картахъ.—Онъ взялъ колоду, лежащую на столѣ, и добавилъ:—Научи меня, какъ раскладывать карты.

Старуха сдѣлала надъ собой усилие, чтобы собраться съ духомъ, и отвѣтила:—Разложите карты въ видѣ креста; одну сюда наверхъ, затѣмъ по три въ два ряда; теперь семь въ рядъ, а остальные восемнадцать въ шесть рядовъ...

Иосифъ медленно разложилъ карты, какъ ему подсказывала старуха.

Любопытство заставило присутствующихъ забыть уваженіе къ императору и свои личныя дѣла. Графъ Эрбахъ и его враги одновременно подошли къ столу, ожидая съ нетерпѣніемъ, что скажетъ старуха.

Урсула низко наклонилась къ картамъ. Лицо ея все болѣе и болѣе принимало испуганное выраженіе, придавшее ея наружности сходство съ тѣми отвратительными колдуньями, которыя рисуетъ народная фантазія.

— Нѣтъ, избавьте меня!... проговорила она со стономъ, закрывъ лицо рукой.—Сжалътеся!..

— Что за фиглярство! сказалъ съ досадой Иосифъ.

Въ передней послышались шаги, и вслѣдъ затѣмъ вошелъ Рошфоръ, напѣвая своимъ хриплымъ голосомъ какую-то арію.

— Добрый вечеръ, господа! сказалъ онъ снимая шляпу.—Вы видите, графъ Прокопъ, я не забылъ нашего rendez-vous!

— Значить, карты останутся неразгаданными! сказалъ Иосифъ. — Вѣроятно никто изъ васъ, господа, не возьметъ на себя роль Пиѳіа.

— Почему же нѣтъ?.. Если графу Фалькенштейну угодно, то я къ его услугамъ. Позвольте взглянуть! сказалъ Рошфоръ.

Онъ подошелъ къ столу и наклонился надъ картами.

— Вы беретесь предсказать мою судьбу, милостивый государь? спросилъ съ удивленіемъ Іосифъ.—Карты разложены мною.

— Да, это настоящая королевская игра, сказалъ виконтъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Король червей въ головахъ; тузъ пикъ средняя карта послѣдняго ряда; направо червонная дама, на лѣво трефовая... Старуха не могла разобрать эти іероглифы! Это вполне естественно... Аполлонъ, богъ солнца, подгоняетъ своего быстроногого коня къ скорѣйшему бѣгу. Онъ совершаетъ блестящій, но кратковременный путь... Весь родъ человѣческой проливаетъ слезы у его могилы, а богиня славы украшаетъ ее вѣнцомъ безсмертія... Онъ разсѣялъ мракъ своимъ золотымъ мечемъ. Но опять сгущаются тучи на западѣ и тянутся по горизонту на востокъ. Слышны звуки барабановъ и трубъ... это венгерцы! Все замолкло. Медленнѣ движется колесница Аполлона; она исчезаетъ изъ глазъ... Но въ утѣшеніе народамъ онъ оставилъ на небѣ неизгладимый слѣдъ; далеко разлетѣлись огненные искры. Non omnis moriоr—было его прощальнымъ словомъ...

Рошфоръ опустилъ голову въ глубокой задумчивости.

Всѣ молчали, ожидая, что скажетъ императоръ.

На лицѣ Іосифа не видно было ни малѣйшаго волненія, но онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ словомъ и движеніемъ Рошфора.

— Все это пустословіе, но ему удалось ловко выпутаться изъ своего затруднительнаго положенія, сказалъ онъ на ухо графу Эрбаху; затѣмъ, обращаясь къ виконту, добавилъ вслухъ, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи:—Благодарю васъ, милостивый государь, за ваши предсказанія; но я не подозрѣвалъ, что карты говорятъ такимъ цвѣтистымъ языкомъ.

— Я внимательно слушалъ странную рѣчь этого господина, сказалъ Арембергъ высокомернымъ тономъ,—и нахожу неслыханною дерзостью съ его стороны, что онъ позволилъ себѣ какія-то намеки на венгерское дворянство.

— Почему вы думаете, что вопросъ заключается только въ одномъ дворянствѣ? сухо замѣтилъ Іосифъ.—Вы забываете, что на свѣтѣ существуютъ еще бюргеры и крестьяне. Въ словахъ виконта не было ничего оскорбительнаго для кого либо изъ присутствующихъ. Вашъ гнѣвъ, графъ, былъ бы вполне понятенъ, если бы онъ вздумалъ предостеречь меня противъ львовскаго университета или бельгійской знати.

Арембергъ замолчалъ. Выговоръ императора за его неумѣстное замѣчаніе былъ вдвойнѣ неприятенъ ему въ присутствіи Эрбаха. Неужели часъ мести никогда не наступитъ для него!..

— Меня удивляетъ обидчивость „этого господина“, сказалъ Рошфоръ, поднимаясь съ мѣста и бросивъ на Аремберга взглядъ, испол-

ненный ненависти. — Я могъ бы напомнить ему одинъ эпизодъ изъ его прошлаго... Вотъ идетъ несчастная дѣвушка съ распущенными волосами и мертвенно-блѣднымъ лицомъ... Платье ея въ лохмотьяхъ; босыя ноги изрѣзаны камнями... Расскажи свое горе, блѣдная тѣнь! ты скрыла его отъ насъ въ тихихъ водахъ пруда... О Боже!..

Рошфору сдѣлалось дурно. Урсула поспѣшила ему на помощь и стала растирать ему виски какой-то эссенціей. Онъ скоро опомнился; графъ Эрбахъ усадилъ его въ кресло старухи.

— Однако, мнѣ пора идти, замѣтилъ Иосифъ, бросивъ презрительный взглядъ на Аремберга. Затѣмъ, обращаясь къ гадалщицѣ, которая стояла передъ нимъ съ опущенной головой, онъ сказалъ внушительнымъ тономъ:

— Ты должна молчать о томъ, что ты видѣла и слышала сегодня. Совѣтую тебѣ бросить твое ремесло; оно доводитъ людей до безумія или преступленія. Я не желаю твоего знакомства съ той дѣвушкой, которую я встрѣтилъ здѣсь. Иначе тебѣ придется плохо! Помни мои слова!..

Графъ Эрбахъ и Прокопъ вызвались проводить императора, но онъ отказался, говоря, что на улицѣ его ждетъ слуга и что онъ чувствуетъ себя въ полной безопасности въ своемъ государствѣ.

— До свиданія, господа! сказалъ онъ выходя изъ комнаты.

Наступила минута томительнаго молчанія. Всѣ стояли у стола, на которомъ лежали разложенныя карты. Рошфоръ также поднялся на ноги, опираясь на спинку кресла. Урсула сѣла у печки и бормотала молитву. Было ли это раскаяніе, или чувство благодарности Богу за свое чудесное спасеніе?

Арембергъ медленно подошелъ къ графу Эрбаху.

— Вы, вѣроятно, догадываетесь, какова должна быть развязка этой исторіи? спросилъ онъ.

— Вы хотите вызвать меня на дуэль?

— По моему глубокому убѣжденію, вы устроили эту глупую комедію, которой мы всѣ были свидѣтелями сегодня; кромѣ того, я обязанъ вамъ тѣмъ, что одинъ портретъ былъ переданъ извѣстной особѣ. Надѣюсь, вы не захотите сложить всю отвѣтственность на этого дурака? добавилъ Арембергъ, указывая на Рошфора.

— Разумѣется, нѣтъ!

— Значить, вы принимаете мой вызовъ?

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Мы будемъ драться на шпагахъ. Будьте завтра въ восемь часовъ утра въ зоологическомъ саду у семи дубовъ, недалеко отъ фонтановъ...

— Я знаю это мѣсто. Эти господа, вѣроятно, не откажутся быть свидѣтелями.

— Вы можете рассчитывать на насъ, отвѣтили Прокопъ и Рошфоръ.

Затѣмъ обѣ стороны молча поклонились другъ другу.

Арембергъ взялъ Прокопа подъ руку и направился къ двери, но, входя въ прихожую, запутался въ портьерѣ и едва не упалъ.

— Дурной знакъ! сказалъ виконтъ, обращаясь къ графу. — Онъ долженъ умереть!

— Только бы не отъ моей шпаги! Избави меня Богъ отъ этого, сказалъ графъ Эрбахъ, взглянувъ на блѣдное лицо Рошфора, искаженное ненавистью. Мысль объ убійствѣ опять мелькнула въ его головѣ. — Арембергъ достаточно наказанъ, замѣтилъ графъ. — Если онъ въ послѣдствіи будетъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, то все-таки не забудетъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ, которыя онъ долженъ былъ пережить въ послѣднее время, особенно сегодня.

— Достаточно наказанъ! повторилъ Рошфоръ. — Не тѣмъ ли, что потерялъ богатую невѣсту и на минуту навлекъ на себя немилость императора? Замѣчательно, какъ вы, знатные люди, легко относитесь къ нравственности, если подобная кара кажется вамъ достаточной.

Слова виконта еще болѣе усилили подозрѣнія Эрбаха. Онъ рѣшилъ не упускать изъ виду Рошфора, по крайней мѣрѣ, на эту ночь.

— У меня къ вамъ просьба, виконтъ, сказалъ онъ. — Завтра вы будете сопровождать меня на прогулку къ семи дубамъ, поэтому я желалъ бы, чтобы вы ночевали въ моемъ домѣ. Тогда мы первые явимся на rendez-vous.

Рошфоръ безпрекословно согласился.

Они молча вышли изъ комнаты гадальщицы. Каждый изъ нихъ былъ занятъ своими мыслями. Несмотря на предстоящій поединокъ, у графа Эрбаха было легко на сердцѣ послѣ всѣхъ волненій, испытанныхъ имъ въ этотъ вечеръ. Ненависть между имъ и Арембергомъ возникла съ первой встрѣчи, но онъ не чувствовалъ себя виноватымъ передъ нимъ и только по неволѣ взялъ на себя роль мстителя, которая была случайно навязана ему судьбой.

На дворѣ лилъ дождь и свирѣпствовала буря. Рошфоръ, выйдя изъ душевой комнаты, скоро опомнился и рассказалъ графу, какимъ образомъ послѣ долгихъ поисковъ ему удалось открыть виновника смерти несчастной Софи.

Два года тому назадъ онъ былъ случайнымъ свидѣтелемъ столкновенія Эрбаха съ его непримиримымъ врагомъ и видѣлъ испугъ Аремберга, когда онъ узналъ домъ Бланшаровъ. У Рошфора явилось тогда первое подозрѣніе, которое скоро подтвердилось другими фактами. Арембергъ жилъ нѣкоторое время въ Версалѣ, въ 1774 году, хотя рѣдко посѣщалъ маркиза Пьерфона, такъ что это еще не давало повода выводить какія либо заключенія. Но къ счастью, у него почему-то явилась боязнь, что узнаютъ о его поступкѣ и онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Пасси у той женщины, гдѣ жила Софи,

чтобы заручиться ея молчаніемъ. Она была повѣренной обоихъ любовниковъ. Рошфоръ вынудилъ у ней признаніе съ помощью угрозъ и получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ письма, которыя Софи писала ей изъ уединеннаго замка Аремберга.

Изъ этихъ писемъ можно было видѣть, что удовлетвореніе страсти скоро охладило любовниковъ и заставило ихъ опутить всю разницу ихъ характеровъ и взглядовъ. Когда Софи сдѣлалась матерью и потребовала, чтобы Арембергъ обвинчался съ нею, или открыто призналъ ихъ связь, то онъ пришелъ въ ярость и вмѣсто прежней привязанности почувствовалъ къ ней ненависть и отвращеніе. Въ одну ночь онъ исчезъ изъ замка и предоставилъ ее власти своего управляющаго, который началъ вслѣски притѣснять ее. Оскорбленная грубымъ обращеніемъ этого человѣка, не помня себя отъ горя, она убѣжала изъ замка съ своимъ ребенкомъ и, собирая милостыню, добралась до Версаля, чтобы еще разъ увидѣть мать и умереть на родинѣ...

Рошфоръ, окончивъ свой рассказъ, глубоко вздохнулъ и погрузился въ свои размышленія. Они молча продолжали свой путь; но подходя къ дому, увидѣли издали толпу народа и нѣсколько городскихъ сторожей, что служило доказательствомъ какого нибудь несчастія. Графъ Эрбахъ ускорилъ шагъ и встрѣтилъ у воротъ своего дворцаго, который бросился къ нему со словами:

— Слава Богу, что вы пришли, ваше сіятельство! Графиня очень безпоится; у насъ въ домѣ умирающій...

— Это какой-то чешскій крестьянинъ, сказалъ начальникъ городской стражи, прерывая дворцаго.— Съ нимъ случилось несчастіе на улицѣ; когда его подняли, онъ объявилъ, что онъ вашъ крѣпостной, и потребовалъ, чтобы его снесли въ домъ вашего сіятельства, такъ какъ ему необходимо видѣть васъ.

— Хорошо, я сейчасъ приду.

Послышался звонъ колокольчика, возвѣщавшій приближеніе священника со св. дарами. Слуга съ факеломъ въ рукѣ освѣщаль ему путь. Толпа преклонила колѣна; графъ Эрбахъ снялъ шляпу и проводилъ священника въ свой домъ.

Зденко лежалъ въ одной изъ комнатъ нижняго этажа съ пробитымъ черепомъ и поврежденной грудью. Докторъ объявилъ, что можно съ минуты на минуту ожидать его смерти. Рената заботливо ухаживала за умирающимъ.

Когда вошелъ священникъ, голову Зденки подняли на подушкахъ, чтобы онъ могъ видѣть св. дары. Всѣ вышли въ сосѣднюю комнату, гдѣ начальникъ стражи подробно рассказалъ графу Эрбаху о несчастномъ происшествіи.

Въ девятомъ часу вечера, стража замѣтила карету, которая неслась къ воротамъ Kärnthner'a съ такой быстротой, что обращала на себя вниманіе прохожихъ. На запяткахъ вмѣсто лакея стоялъ чело-

вѣкъ безъ шляпы въ бѣломъ кафтанѣ, который развѣвался по вѣтру; одной рукой онъ держался за ремень, а другой размахивалъ топоромъ. Мало-по-малу собралась большая толпа; одни бѣжали за экипажемъ, другіе кричали кучеру, чтобы онъ остановился. Но все было напрасно. Кучеръ гналъ лошадей и, вѣроятно, карета скоро бы исчезла изъ глазъ толпы, если бы не попался на встрѣчу почтовый дилижансъ. Колеса сцѣпились и оба экипажа остановились одновременно. Раздались крики испуга; изъ окна кареты выглянула молодая дѣвушка; сидящіе въ дилижансѣ тотчасъ же вышли изъ него. Между ними былъ молодой господинъ, который подошелъ къ каретѣ и заговорилъ съ дѣвушкой. При этомъ человекъ, стоящій на запяткахъ, вѣроятно, напуганный криками и говоромъ толпы, ругательствами кучеровъ, которые силились разцѣпить колеса,—пришелъ въ совершенное неистовство и, размахивая топоромъ, вздумалъ соскочить съ своего мѣста. Въ эту минуту лошади подхватили, онъ потерялъ равновѣсіе и упалъ на мостовую; на несчастіе, при развѣздѣ экипажей онъ вдобавокъ попалъ подъ колеса. Сначала его стащили въ ближайшую цирюльню и перевязали ему голову; но онъ настойчиво требовалъ, чтобы его перенесли въ домъ его господина...

Едва начальникъ стражи успѣлъ кончить свой рассказъ, какъ вошелъ священникъ и, обращаясь къ графу Эрбаху, сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Умиращій желаетъ видѣть васъ. Я слышалъ, графъ, что вы гуманный и великодушный человекъ. Не осудите бѣдняка и простите его, какъ бы ни была велика его вина.

Графъ молча послѣдовалъ за священникомъ.

Зденко лежалъ съ открытыми глазами; наступающая смерть придала имъ ровный отблескъ стекла.

— Я здѣсь, Зденко! сказалъ графъ, положивъ руку на его лобъ.

— Господь да благословитъ вашу милость... Я буду горѣть въ аду... простите... О, Боже!.. Гедвига!

— Я не сержусь на тебя; Гедвига также проститъ тебя.

— Лѣсь... Солдаты ведутъ стараго Рехбергера... Но Гедвиги нѣтъ съ ними... старикъ насмѣхается надо мной... Я нажимаю курокъ... онъ падаетъ мертвый, льется кровь...

— Бѣдный мой Рехбергеръ, пробормоталъ графъ съ слезами на глазахъ. Рука его дрогнула на лбу Зденко.

Священникъ стоялъ на колѣняхъ и громко читалъ молитву.

— Богъ милостивъ, Зденко! Онъ проститъ тебѣ зло, которое ты сдѣлалъ людямъ.

Понялъ ли его умирающій? Лицо его передернуло судорога; онъ глухо захрипѣлъ; еще минута и тѣло его вытянулось и сдѣлалось неподвижнымъ. Смерть дала ему спокойствіе, которое ему не суждено было испытать при жизни.

Вошелъ Рошфоръ и съ глубокимъ участіемъ взглянулъ на покой-

ника.—И тебѣ любовь не дала ничего, кромѣ горя и страданій! сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — Счастливы тотъ, кто можетъ безмятежно наслаждаться ею и кого она не довела до безумія и преступленія, какъ этого бѣдняка!..

Эрбахъ молча выслушалъ Рошфора. Слова его живо воскресили въ немъ воспоминаніе о прошломъ.—Развѣ та же страсть не отуманила временно и мой бѣдный умъ? спрашивалъ онъ себя.—Кто знаетъ, къ чему привела бы она меня, если бы обстоятельства сложились иначе? Развѣ я не разрушилъ счастье Короны и не былъ причиной ея первыхъ горькихъ слезъ разочарованія?..

ГЛАВА VII.

Солнце взошло надъ пратеромъ, подернутое легкими облаками. Воздухъ былъ свѣжій послѣ дождя, который шелъ всю ночь; съ земли поднимались влажныя испаренія. Деревья и луга замѣтно позеленѣли со вчерашняго дня. Былъ ранній часъ утра; одни звѣри прогуливались въ паркѣ; птицы перелетали съ вѣтки на вѣтку; лани боязливо выглядывали изъ-за изгородей и опять уходили въ чащу.

Въ обширномъ зоологическомъ саду не было другихъ гуляющихъ кромѣ Рошфора. Онъ медленно ходилъ взадъ и впередъ подъ семью дубами, которые живописно раскинули свои узловатыя вѣтви передъ входомъ въ отдѣленіе фазановъ и, образуя полукругъ, походили издали на массивныя колонны древняго храма. Мѣсто это по своему уединенію представляло полную безопасность для тѣхъ, которые хотѣли встрѣтиться здѣсь съ оружіемъ въ рукахъ, и если бы даже кто либо изъ сторожей зашелъ сюда, то господа могли всегда заставить его молчать.

Къ тому же всякій, кто встрѣтилъ бы Рошфора въ это утро, не заподозрилъ бы его ни въ какихъ дурныхъ намѣреніяхъ и принялъ бы за любителя природы, который пришелъ въ садъ, чтобы насладиться весеннимъ утромъ. Онъ былъ одѣтъ въ черное съ головы до ногъ; платье его противъ обыкновенія было тщательно вычищено, даже лицо имѣло какое-то праздничное и веселое выраженіе.

Рошфоръ посмотрѣлъ на часы.—Только половина восьмага! подумалъ онъ. — Бѣдное сердце, ты ждало цѣлые годы, зачѣмъ ты такъ нетерпѣливо сегодня, когда, быть можетъ, осталось всего нѣсколько минутъ. Какъ удивится графъ, когда узнаетъ, что я вышелъ изъ дому въ пять часовъ. Впрочемъ, нужно ему отдать справедливость—онъ спитъ какъ праведникъ. Глядя на него, никто бы не подумалъ, что ему предстоитъ поединокъ. Неужели Арембергъ предполагаетъ,

что я допущу его до поединка съ графомъ Эрбахомъ, который по своей безконечной добротѣ способенъ считать достаточнымъ, если этотъ негодай получить шрамъ или царапину на лицѣ! Нѣтъ, этому не бывать! Я повлялся отомстить злодѣю, и только смерть его можетъ удовлетворить меня... Чего они медлятъ... Приведутъ ли они доктора?.. Но развѣ докторъ можетъ спасти отъ смерти?.. Накопецъ-то!..

Послышался стукъ колесъ.—Они пріѣхали въ экипажѣ, подумалъ виконтъ; они, вѣроятно, ожидаютъ, что имъ придется увезти отсюда умирающаго или раненаго...

Вскорѣ явился Арембергъ съ своими секундантами; одинъ изъ нихъ былъ Прокопъ Турмъ.

— Графъ Эрбахъ, вѣроятно, заставитъ себя ждать, сказалъ онъ съ насмѣшливой улыбкой, обращаясь къ своимъ спутникамъ.

— Графъ Эрбахъ долженъ быть здѣсь въ восемь часовъ, а теперь всего половина восьмага, возразилъ Рошфоръ.—Впрочемъ, если вамъ угодно сократить время, то я предлагаю вашему сіятельству покончить со мной старые счеты.

— Съ вами? воскликнулъ Арембергъ презрительнымъ тономъ.— Развѣ вы заплатили вчера за меня старой колдуньѣ?

— Вы можете оставить ваши остроты, графъ Арембергъ! Вамъ хорошо извѣстны причины нашей давнишней вражды. Не будемъ терять времени, если вы не хотите, чтобы я счелъ васъ за труса.

— Если это вызовъ, то я могу принять его только въ томъ случаѣ, когда шпага графа Эрбаха пощадитъ меня.

— Это не болѣе какъ предлогъ! Выходите! сказалъ виконтъ повелительнымъ тономъ.

— Я не буду драться съ вами, отвѣтилъ Арембергъ блѣднѣя.

— Меня удивляетъ ваше поведеніе, виконтъ! вмѣшался Прокопъ.— Кто даетъ вамъ право...

— Оставьте насъ! воскликнулъ Рошфоръ и съ этими словами бросилъ перчатку въ лицо бельгійцу.— Теперь честь заставить васъ драться со мною, графъ.

Перчатка коснулась щеки Аремберга и упала у его ногъ. Начался поединокъ противъ всѣхъ принятыхъ правилъ. Напрасно секунданты старались разнять разсвирѣтѣвшихъ противниковъ. Арембергъ, сражаясь съ мужествомъ отчаянія, пустилъ въ ходъ всю свою силу и ловкость и нанесъ Рошфору незначительную рану.—Довольно! Довольно! кричалъ Прокопъ; но въ отвѣтъ на его крикъ слѣдовали новые и болѣе ожесточенные удары. Еще минута — и шпага выпала изъ рукъ Аремберга; онъ склонился на руки Прокопа, смертельно раненый.

Въ разорванномъ платьѣ, съ неподвижными глазами, стоялъ Рошфоръ передъ умирающимъ врагомъ и полусознательно смотрѣлъ на него.

Арембергъ прислонился къ дереву; изъ глубокой раны около сердца струилась кровь; одинъ изъ секундантовъ побѣждалъ за докторомъ, который оставался въ каретѣ.

Послышались торопливые шаги; вслѣдъ затѣмъ къ группѣ, стоявшей подъ деревомъ, подошелъ Эрбахъ съ графомъ Гаррахомъ, котораго онъ пригласилъ вторымъ секундантомъ.

— Это что значить?!.. воскликнулъ Эрбахъ, всплеснувъ руками при видѣ зрѣлища, которое представилось его глазамъ.—Какъ могли вы позволить себѣ это? добавилъ онъ, бросивъ строгій взглядъ на Рошфора.—Какой демонъ натолкнулъ васъ на подобное злодѣяніе?

— Не демонъ, а Немезида! возразилъ виконтъ, приходя въ себя.— Но горе несчастному, котораго она избрала орудіемъ своего правосудія!..

Съ этими словами онъ медленно отошелъ отъ нихъ и исчезъ за деревьями парка. Никто не удерживалъ его, такъ какъ вниманіе всѣхъ было сосредоточено на умирающемъ.

Нѣсколько сторожей, привлеченные шумомъ, явились съ предложеніемъ своихъ услугъ; принесли воды и одѣяла. На влажную траву льются капли крови; проходятъ послѣднія секунды жизни Аремберга.

Онъ сохранилъ все присутствіе духа, но взглядъ его отуманенъ. Сдѣлавъ послѣднее усиліе, онъ выпилъ нѣсколько глотковъ изъ деревяннаго ковша, который подаль ему Прокопъ. Губы его шевелились, но не могли произнести ни одного слова; голова опустилась на грудь.

Кончилась комедія жизни свѣтскаго человѣка; онъ умеръ спокойно, не измѣнивъ чувству собственнаго достоинства.

Всѣ сняли шляпы. Утреннее солнце разогнало тучи и ярко сіяло на безоблачномъ небѣ.

Вмѣстѣ съ докторомъ, помощь котораго оказалась лишнею, явился, запыхавшись отъ быстрой ходьбы, капитанъ дворцовой стражи.

— Именемъ ея величества! сказалъ онъ прерывающимся голосомъ.— Я получилъ приказъ отъ императрицы остановить дуэль... Но, къ несчастію, я, кажется, пришелъ слишкомъ поздно...

— Нѣтъ, г. капитанъ, вы не виноваты въ этомъ, сказалъ Эрбахъ.— Вы успѣли бы прервать поединокъ, въ которомъ я долженъ былъ принять участіе. Но меня предупредили. Другой человѣкъ занялъ мое мѣсто...

— Господа, прошу васъ слѣдовать за мною по приказу ея величества. Солдаты мои стоятъ у дороги. Но если вы дадите мнѣ честное слово, что немедленно явитесь во дворецъ, то я избавлю васъ отъ проводовъ.

— Вы можете положиться на насъ...

— Кто изъ васъ совершилъ это убійство? спросилъ капитанъ.

— Его нѣтъ здѣсь. Графъ Арембергъ палъ на дуэли отъ шпаги виконта Рошфора.

Сторожа понесли тѣло въ карету. Остальные слѣдовали за ними съ непокрытыми головами. Прокопъ отдалъ приказаніе кучеру. Карета уѣхала.

Всѣ пошли молча во дворецъ.

Императрица Марія Терезія занимала второй этажъ такъ называемаго Leopoldinischen Tract der Burg—длиннаго сѣраго зданія, отличавшагося своей простотой отъ противоположнаго имперскаго дворца. Въ первомъ этажѣ жилъ Іосифъ; внизу, на одномъ уровнѣ съ землей, были устроены комнаты для дворцовой стражи, окна которыхъ были обращены на большой четырехугольный дворъ.

Не было еще восьми часовъ утра, когда молодого императора потребовали въ комнаты ея величества. Марія Терезія всегда вставала рано и любила заниматься по утрамъ; тѣмъ не менѣе, Іосифъ былъ сильно встревоженъ.

— Не прерваны ли снова мирные переговоры въ Теченѣ? думалъ онъ съ безпокойствомъ, поднимаясь на лѣстницу.—Во всякомъ случаѣ произошло, вѣроятно, что нибудь важное.

Онъ нашелъ императрицу въ сильномъ волненіи; она ходила взадъ и впередъ по комнатамъ, двери которыхъ были открыты настежь, и безпрестанно посматривала на часы. Іосифъ почтительно поцѣловалъ ея руку и спросилъ съ нѣжною заботливостью:

— Какъ здоровье вашего величества? Надѣюсь, что съ вами не случилось ничего непріятнаго?

— Можетъ быть, теперь все кончено! У насъ происходятъ самыя невѣроятныя вещи и, что еще хуже, все это дѣлается на вашихъ глазахъ!

— На моихъ глазахъ? спросилъ съ удивленіемъ Іосифъ.

— Два часа тому назадъ, я узнала объ этой возмутительной исторіи. Право, можно подумать, что мы живемъ въ языческія времена. Вотъ уже восемь часовъ. Надѣюсь, что Арко исполнитъ мое приказаніе и притащитъ ихъ сюда, хотя бы ему пришлось употребить силу.

— Арко? капитанъ дворцовой стражи? Сдѣлайте одолженіе, объясните же мнѣ, наконецъ, въ чемъ дѣло!

Марія Терезія подошла къ открытому окну, выходившему на дворцовую площадь. Съ высоты открывался прекрасный видъ на Bastei и южныя предмѣстья города. Вдали обрисовывались башни Шёнбрунна, лѣсистые холмы, поднимающіеся за Гитцингомъ, и линія горъ, подернутыхъ утреннимъ туманомъ.

— Имъ нѣтъ дѣла до меня! продолжала съ гнѣвомъ Марія Терезія, дѣлая видъ, что не слышитъ вопроса, который сдѣлалъ Іосифъ.— Я старая женщина—не стоитъ обращать вниманія на мои предрасудки! Новые люди управляютъ государствомъ. Но какъ? это еще вопросъ... Я была въ постели, когда моя каммерфрау рассказала мнѣ эту глупую исторію. Я приняла мѣры, но еще неизвѣстно, что выйдетъ изъ этого!..

— Если вашему величеству не угодно будетъ удостоить меня объясненіемъ, то я долженъ буду обратиться къ всевѣдущей камерфрау; можетъ быть я узнаю отъ нея, въ чемъ дѣло.

— Вы должны быть благодарны этой женщинѣ! Если бы не она, то вашъ любимецъ, графъ Эрбахъ, былъ бы на томъ свѣтѣ, или совершилъ убійство.

Иосифъ вздрогнулъ.

— Графъ Эрбахъ! воскликнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Да, онъ! Ему пришла фантазія драться сегодня на дуэли съ графомъ Арембергомъ въ восемь часовъ утра, въ пратерѣ. Я приказала Арко привести все общество на дворцовую гауптвахту. Надѣюсь, что мой сынъ поможетъ мнѣ образумить этихъ господъ. Если путешествія въ Парижъ приводятъ къ такимъ результатамъ, то ихъ нужно запретить для общаго блага! Если такъ будетъ продолжаться, то моя благочестивая Вѣна скоро превратится въ Содомъ и Гоморру.

— Я не могу придти въ себя отъ удивленія! Я оставилъ вчера этихъ господъ въ самомъ миролюбивомъ настроеніи...

— Въ домѣ колдуньи! возразила императрица, закрывая съ шумомъ окно.—Новые люди называютъ себя философами и насмѣваются надъ служителями церкви. Они не вѣрятъ въ Бога и Святую Богородицу и ищутъ правды у нечистой силы. По ихъ словамъ, разумъ долженъ управлять міромъ. Не находите ли вы разумнымъ гаданіе на картахъ, или на кофейной гущѣ? Вы надѣетесь этимъ способомъ узнать будущее?

Иосифъ молчалъ, сознавая, что самъ подалъ поводъ къ проповѣди, которую ему приходилось теперь выслушивать.

— Я не придавала бы этому никакого значенія, если бы дѣло шло только объ еретикѣ Эрбахѣ, или плутоватомъ питомцѣ львовскаго университета, Арембергѣ, продолжала императрица, останавливаясь передъ сыномъ и пристально взглянувъ на него своими большими глазами, въ которыхъ вмѣстѣ съ гнѣвомъ проглядывала нѣжная заботливость. — Но меня огорчаетъ, что мой старшій сынъ привязанъ къ этимъ людямъ и раздѣляетъ ихъ невѣріе. Чѣмъ все это кончится? Не хотите ли вы уничтожить святую церковь и замѣнить ее колдовствомъ?

— Напрасно ваше величество придаетъ этому такое важное значеніе, сказала Иосифъ.—Вы знаете, я любитель всякихъ приключеній, и только съ этой цѣлью отправился къ колдуньѣ. Вы можете бранить меня за необдуманный поступокъ, но онъ не имѣетъ никакого отношенія къ моему образу мыслей.

— Вы не видите въ этомъ ничего дурнаго, какъ будто Господь не воспретилъ намъ изслѣдовать тайны его творенія и не поставилъ непреодолимыхъ преграды дерзкому любопытству и современной страсти прикасаться до всего нечестивыми руками! Эти господа вошли въ домъ колдуньи глупцами, а вышли преступниками!

— Врядъ ли карты старухи повліяли на этихъ господъ. Вѣроятно, у нихъ былъ болѣе серьезный поводъ для раздора.

— Графы поссорились тотчасъ послѣ вашего ухода. Къ счастью, старая Уреула оказалась умнѣе господъ философъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, поспѣшила во дворецъ и рассказала все моей камерффрау. Добрая женщина не захотѣла нарушить мой покой и дождалась утра. Разумѣется, для васъ это печальная случайность или роковая судьба, но мы во всемъ видимъ перстъ Божій и преклоняемся передъ нимъ.

— Я признаю совершенно естественнымъ неудовольствіе вашего величества противъ этихъ господъ, возразилъ Іосифъ. — У меня такое же отвращеніе, какъ и у васъ ко всякаго рода дуэлямъ. Благодарю васъ за сдѣланныя вами распоряженія, и вѣрьте, что я не имѣю никакого желанія избавлять ихъ отъ наказанія, которому вамъ угодно будетъ подвергнуть ихъ.

— Но этого мало, Іосифъ! Пойми, что всякое дѣло начинается съ мелочей и не сразу принимаетъ грандіозные размѣры. Неужели ты не хочешь видѣть, что благочестіе и религія—главныя основы государства? Алтари и троны взаимно поддерживаютъ другъ друга. Если духовенство сойдетъ со сцены, то оно увлечетъ за собою и монархическую власть. Не считай меня слѣпой: я вижу, что многое могло бы быть иначе и требуетъ улучшеній. Тебѣ отърывается широкое поле для нововведеній. Постарайся добиться льготъ для крестьянъ и благосостоянія для гражданъ; но не касайся фундамента, на которомъ твои предки воздвигли государство. Пусть церковь и ея служители будутъ неприкосновенны для тебя...

— Но только до извѣстной степени. Если бы только одно духовенство поддерживало государство, то Пруссія и Англія не могли бы достигнуть своего теперешняго значенія. Времена перемѣнились; старое государство имѣло свои основы—новое должно быть построено на иныхъ началахъ. Я не знаю, на чемъ остановится броженіе умовъ; но увѣренъ въ одномъ, что католическое духовенство не можетъ возвратить челоуѣчество къ средневѣковому варварству и обскурантизму. Каждый обязанъ повиноваться власти, но каждому должна быть предоставлена свобода вѣры и мысли. Служители церкви должны подчиняться законамъ страны, въ которой они живутъ, а не приказаніямъ, получаемымъ изъ Рима.

— Все это однѣ фантазіи! Но какими средствами думаешь ты подчинить своей власти католическую церковь? Развѣ ты сомнѣваешься въ ея могуществѣ?

— Вы спрашиваете, какими средствами? Стоитъ только усилить права государства, которыя могли бы ограждать его отъ высокомерія и притязаній духовенства. Говорятъ, во Франціи серьезно поднять вопросъ о конфискаціи церковныхъ имуществъ и уничтоженіи монастырей.

— Неужели они рѣшатся на такое святотатство! воскликнула

Марія Терезія, хватаясь за голову обѣими руками.—Примѣръ этого безбожника Фридриха сводитъ всѣхъ съ ума! Неужели мнѣ придется дожить до такихъ ужасовъ!..

— Простите меня, ваше величество! сказалъ Иосифъ, видя какъ была озадачена старая императрица и раскаиваясь въ своей поспѣшности.—Несмотря на различіе нашихъ взглядовъ, я всегда останусь вашимъ вѣрнымъ сыномъ и подданнымъ. Сколько разъ я просилъ ваше величество избавить меня отъ сопровительства, при которомъ я мало приношу пользу и только навлекаю на себя ваше неудовольствіе. Для чего намъ спорить о вещахъ, гдѣ наши мнѣнія непримиримы? Позвольте мнѣ удалиться отъ дѣлъ, чтобы я могъ на свободѣ предаться моимъ любимымъ занятіямъ...

— Ты опять разсердился на меня и хочешь отказаться отъ правленія, потому что встрѣтилъ съ моей стороны противорѣчіе. Твоя впечатлительность заставляетъ меня всего болѣе опасаться за твою будущность. Зачѣмъ не хочешь ты понять, что каждое мое слово подсказано материнской любовью? Дай Богъ, чтобы ты ни отъ кого не встрѣтилъ сопротивленія, кромѣ твоей матери. У меня много дѣтей, но ты дороже всѣхъ. Моя единственная молитва о томъ, чтобы Господь даровалъ тебѣ счастье и благословилъ твое царствованіе!

Иосифъ былъ тронутъ и съ нѣжностью поцѣловалъ руку матери.

Вошелъ слуга съ докладомъ, что капитанъ Арко ждетъ въ прихожей. Императрица приняла его и внимательно выслушала рассказъ о внезапной смерти Аремберга. Капитанъ добавилъ, что господа послѣдовали за нимъ безъ всякаго сопротивленія, и теперь ожидаютъ приказанія императрицы въ караульной комнатѣ.

— Пусть графъ Эрбахъ придетъ сюда, сказала Марія Терезія. Она стояла у своего письменнаго стола, спиной къ двери, въ которую вошелъ Эрбахъ.

— Зачѣмъ приняли вы его вызовъ? сказалъ вполголоса Иосифъ, подходя къ нему.

— Простите, ваше императорское величество! я былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи...

— Вы слышите! сказала императрица, обращаясь къ своему сыну.— Посѣщеніе дурныхъ домовъ всегда приводятъ людей въ ненормальное состояніе духа. Какой вы беспокойный человѣкъ, графъ Эрбахъ! Вотъ уже второй разъ, какъ мнѣ приходится читать вамъ наставленіе. Если увлекающіеся юноши хватаются за оружіе при всякомъ случаѣ, то это объясняется тѣмъ, что они не дозрѣли до сознанія того, что дѣлаютъ. Но я не ожидала ничего подобнаго отъ такого умнаго и разсудительнаго человѣка, какъ вы. Если вы не подумали о томъ, что дуэли строго запрещены закономъ, то какъ могли вы забыть своихъ друзей и молодую жену, которая вѣроятно беспокоится о васъ?

— Я вполне заслуживаю упреки вашего величества, но я былъ достаточно наказанъ, когда увидѣлъ умирающаго Арембергера. Моимъ

единственнымъ оправданіемъ можетъ служить то, что я отправился въ домъ гадалщицы и принялъ вызовъ Арембергъ съ цѣлью помѣшать преднамѣренному убійству.

Затѣмъ графъ Эрбахъ разсказалъ въ короткихъ словахъ о своей первой встрѣчѣ съ Арембергомъ и Рошфоромъ и печальную исторію сестры Бланшара, имѣвшую такую трагическую развязку.

Императрица была тронута.

— Я прощаю васъ, графъ Эрбахъ, хотя вы и не заслуживаете этого, сказала она, протягивая ему руку для поцѣлуя.—Вы можете идти и объявить своимъ товарищамъ, что на этотъ разъ я освобождаю ихъ отъ ареста; но пусть они не рассчитываютъ на мою снисходительность на будущее время.

Графъ Эрбахъ удалился съ почтительнымъ поклономъ и посѣдѣлъ въ караульную комнату къ своимъ товарищамъ, чтобы сообщить имъ о милостивомъ рѣшеніи императрицы. Здѣсь онъ узналъ отъ капитана Арко, что по свѣдѣніямъ, доставленнымъ полиціей, вивонтъ уѣхалъ въ Течень полчаса тому назадъ.

Едва Іосифъ успѣлъ войти въ свои покои, какъ ему доложили о приходѣ патера Ротгана.

Это былъ день, назначенный императоромъ для частныхъ аудіенцій, и каждый имѣлъ къ нему доступъ. Предполагая, что патеръ явился къ нему такъ рано по случаю дуэли и, быть можетъ, отъ имени Ренаты, Іосифъ встрѣтилъ его словами, что „Эрбахъ не обнажалъ своей шпаги и императрица простила виновныхъ“.

Ротганъ откровенно сознался, что ничего не зналъ о дуэли и даже не слыхалъ, что графъ поссорился съ кѣмъ либо.

— Я пришелъ къ вашему величеству съ просьбой отъ одной бѣдной дѣвушки, а именно отъ Гедвиги Рехбергеръ, въ которой вы до сихъ поръ принимали такое милостивое участіе...

Патеръ остановился и низко склонилъ голову. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, который проходитъ черезъ рѣку по тонкому льду и боится каждую минуту, что ледъ проломится подъ его ногами. Онъ считалъ дѣло на половину проиграннымъ, благодаря легкомыслію князя Лобковича, который, несмотря на всѣ его убѣжденія, помогъ своему племяннику въ похищеніи Гедвиги, не придавая этому никакого значенія. Нелѣпное предпріятіе получило огласку вслѣдствіе несчастной случайности и теперь патеръ рассчитывалъ только на свое краснорѣчіе, чтобы исправить дѣло.

— Гедвига Рехгергеръ? Что могу я сдѣлать для ея? По какому случаю она обратилась къ вамъ? спросилъ съ участіемъ императоръ.

Ротганъ былъ озадаченъ. Въ голосѣ императора былъ особенный оттѣнокъ.—Можетъ быть Гедвиги и въ самомъ дѣлѣ удостоилась обратить на себя вниманіе его величества! подумалъ онъ съ радостнымъ замираніемъ сердца, и продолжалъ болѣе снокойнымъ голосомъ:

— Бѣдная дѣвочка въ большомъ смущеніи; она отправилась вчера

къ гадалицѣ въ надеждѣ узнать свою дальнѣйшую судьбу, и съ нею случилось что-то особенное...

— Въ чемъ же дѣло?

— Я не могу отвѣтить на вопросъ вашего величества, такъ какъ она хранить относительно этого упорное молчаніе. Она вышла изъ дома гадалицы въ такомъ волненіи, что графъ Турмъ, встрѣтивъ ее, предложилъ ей свой экипажъ.

Иосифъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Что это значить? Не проявленіе ли ревности? подумалъ патеръ и медленно продолжалъ придуманный имъ разговоръ.

— Кучеру данъ былъ приказъ отвезти дѣвушку въ домъ князя Лобковича. Я случайно зашелъ къ князю и видѣлъ ее. Мнѣ показалось, что она близка къ сумасшествію, и если мнѣ будетъ дозволено высказать мои предположенія...

— Сдѣлайте одолженіе, говорите!

— По странному стеченію обстоятельствъ, трое господъ явились совершенно неожиданно къ гадалицѣ въ то время, когда тамъ находилась Гедвига. Когда она увидѣла своего господина, то не помня себя отъ испуга бросилась на улицу. Здѣсь ее увидѣлъ графъ Турмъ... Она красивая дѣвушка и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что графъ Прокопъ предложилъ свои услуги, чтобы вывести ее изъ затруднительнаго положенія; онъ отправилъ ее къ своему дядѣ въ надеждѣ, что онъ оправдаетъ дѣвушку передъ ея господами. Вамъ извѣстно, ваше величество, что Турмы многимъ обязаны ей...

— Ваше предположеніе почти вѣрно, замѣтилъ Иосифъ.—Она встрѣтила у гадалицы одного человѣка, который вѣроятно еще болѣе испугалъ ее своимъ появленіемъ, нежели графъ Эрбахъ. Однако продолжайте! Вы говорили, что видѣли ее у князя Лобковича?

— Она пріѣхала къ князю въ полномъ отчаяніи отъ своего небдуманнаго поступка. Ей казалось, что она навсегда потеряла расположеніе своего господина и милость императора. Мнѣ несомнѣнно понятно, какимъ образомъ она, при своемъ нелѣпомъ тщеславіи...

— Я не нахожу въ этомъ ничего страннаго, отвѣтилъ Иосифъ.

Это замѣчаніе привело въ полное недоумѣніе патера, но онъ рѣшилъ не складывать оружія.—Лучше потерпѣть пораженіе, нежели оставаться въ неизвѣстности, подумалъ онъ, и продолжалъ:

— По дорогѣ во дворецъ Лобковича съ экипажемъ случилось несчастіе, которое кончилось ничѣмъ, но еще болѣе увеличило волненіе несчастной дѣвушки. Ваше величество должны принять во вниманіе, что она была почти въ бреду; но если признанія бѣднаго ребенка могутъ возбудить неудовольствіе вашего величества...

— Я не люблю никакихъ намековъ; Говорите прямо!

— Я не знаю, удастся ли мнѣ подобрать подходящія выраженія, чтобы передать то, что происходитъ въ душѣ бѣдной дѣвушки. Чувство глубокаго уваженія и преданности, которое вы внушаете всѣмъ

своимъ подданнымъ, особенно усилилось въ ней вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ и довело ее до безумія, или, другими словами, до страстной любви къ вашему величеству.

Говоря это, патеръ вопросительно взглянулъ на императора и въ ту же секунду опять опустилъ глаза.

— Гедвига Рехбергеръ влюблена въ меня! воскликнулъ Іосифъ съ громкимъ смѣхомъ.—Вы правы, патеръ Ротганъ—она дѣйствительно не въ полномъ разсудкѣ. Надѣюсь, что вы постарались образумить ее?

Патеръ немного смутился, услыхавъ смѣхъ его величества, но овладѣлъ собой и, не выказавъ ни малѣйшаго удивленія или досады, спокойно сказалъ:

— Я долженъ замѣтить вашему величеству...

— Извините меня, г. патеръ, возразилъ Іосифъ, прерывая его.— Но я не могу придти въ себя отъ удивленія, что вы при вашемъ санѣ, разсудительности и ясномъ умѣ... Впрочемъ, мудрость философа безсильна противъ упорства страсти!

— И тѣмъ болѣе при моей неопытности въ подобныхъ дѣлахъ. Я совсѣмъ растерялся отъ ея слезъ и безсвязныхъ рѣчей. Подарки, милостивыя слова, сказанныя вашимъ величествомъ, подѣйствовали на ея фантазію и пробудили безумныя надежды въ душѣ мечтательной дѣвушки.

— Вы, вѣроятно, пережили несовсѣмъ пріятныя минуты, г. патеръ?

— Нѣтъ, ваше величество. Эта несчастная вполне заслуживаетъ участія по своей высокой нравственности и способности къ самопожертвованію. Я считалъ достойной задачей моего духовнаго призванія поселить миръ и спокойствіе въ этой прекрасной душѣ. Но, къ несчастію, всѣ мои старанія оказались напрасными!

Іосифъ нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; при послѣднихъ словахъ патера онъ остановился передъ нимъ.

— Этой исторіи нужно положить конецъ, сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ.—Гдѣ дѣвушка?

— Сегодня день, когда всѣмъ вашимъ подданнымъ открытъ доступъ къ вашему величеству. Она здѣсь; я привелъ ее съ собой...

Въ душѣ Іосифа проснулось подозрѣніе.

— Не подготовленная ли это комедія? подумалъ онъ, взглянувъ на Ротгана; но на лицѣ послѣдняго не видно было ни малѣйшаго волненія.

— Само собой разумѣется, г-нъ патеръ, что на васъ не можетъ падать отвѣтственность за причуды глупой дѣвочки, сказалъ онъ.—Но я рѣшительно не могу понять, какъ могла придти ей въ голову подобная фантазія! Гедвига хорошо знакома съ библіей. Это отличная книга, но опасная для непосвященныхъ. Исторія Эсеири могла настроить ея воображеніе... Древніе азіатскіе цари давно сошли со сцены. Теперь наступили другія времена. Я надѣюсь, что она опомнится, когда сдѣлается женой порядочнаго человѣка. Впрочемъ, религіозная

мечтательность, какъ повѣтріе, время отъ времени охватываетъ Богемію. Тамъ всѣ единогласно жалуются на сильное распространеніе секты деистовъ. Я приписываю это недостатку школъ въ странѣ и бездѣтельности мѣстнаго духовенства.

Ротганъ вздохнулъ свободнѣе, видя, что разговоръ переходитъ на общіе вопросы. Я вполне согласенъ съ вашимъ величествомъ относительно школъ, сказалъ онъ.—Что же касается духовенства, то мнѣ кажется, что все зло происходитъ не отъ его небрежности, а отъ непониманія. По моему убѣжденію, нужно прежде позаботиться о нравственности народа, а потомъ уже учить его догматамъ. Религіозные вопросы, изслѣдованія и споры потеряли значеніе даже для образованныхъ людей и могутъ занимать только головы монаховъ, монахинь и праздныхъ мечтателей.

— Г-нъ патеръ, вы разсуждаете какъ вольнодумецъ, замѣтилъ съ улыбкой императоръ.

— Нѣтъ, ваше величество, я покорный слуга католической церкви; но развѣ она изъята изъ общаго закона обновленія всего существующаго на землѣ? Благодаря своей неподвижности и упорству, она такъ пала, что монархи могли предписать папѣ уничтоженіе іезуитскаго ордена—главнаго орудія защиты, которымъ обладалъ Римъ. Только разумною податливостью можетъ она пріобрѣсти снова утраченное могущество.

— Я вполне раздѣляю этотъ образъ мыслей, сказалъ Іосифъ.—Но все это вопросы будущаго... Надѣюсь, что я не послѣдній разъ вижу васъ, патеръ Ротганъ.

— Срокъ моего отпуска кончается на-дняхъ. Я долженъ буду вернуться въ Прагу.

— Мы найдемъ для васъ занятіе въ нашей столицѣ. Я дорожу людьми, которые преданы наукѣ и чужды предрасудковъ. До свиданія!

Іосифъ позвонилъ слугу и приказалъ позвать дѣвушку, ожидавшую въ пріемной.

Ротганъ встрѣтилъ Гедвигу у дверей; она едва держалась на ногахъ. Заливаясь слезами, она бросилась на колѣни и не могла выговорить ни слова.

Іосифъ хотѣлъ принять строгій тонъ, но мертвенная блѣдность, покрывавшая лицо молодой дѣвушки, и ея взволнованный видъ настолько тронули его, что онъ ласково сказалъ:

— Встань, Гедвига, и не приходи въ отчаяніе. Ты скоро забудешь свое горе. Я не сержусь на тебя; но ты должна быть благоразумна и не предаваться празднымъ мечтамъ. Патеръ проводитъ тебя въ домъ твоихъ господъ; они дружески примутъ тебя. Я жду сюда Фрица Бухгольца; онъ давно любитъ тебя; ты будешь счастлива съ нимъ. Будь умѣренна въ своихъ желаніяхъ и довольствуйся скромной долей, въ которую поставила тебя судьба. Тебѣ не придется расказываться, если послушаешь меня.

Патеръ понялъ по тону, которымъ были сказаны эти слова, что Иосифъ желаетъ прекратить тягостную для него сцену. Онъ поднялъ съ колѣнъ плачущую дѣвушку и увелъ съ собой.

— Этотъ человекъ не способенъ больше на сердечныя увлеченія, думалъ патеръ, выходя изъ дворца.—Голова его переполнена честолюбіемъ, стремленіемъ къ славѣ и философскими идеями. Его мечты неосуществимы; но если онъ встрѣтитъ серьезное сопротивленіе, то это будетъ трагическое зрѣлище. Я надѣюсь дожить до этого. На мою долю выпадетъ также извѣстная роль. Онъ, вѣроятно, не забудетъ своего обѣщанія и вызоветъ меня изъ Праги. Это подастъ новый поводъ моимъ врагамъ бранить меня. Но наша церковь не могла бы существовать, если бы она имѣла своими служителями однихъ фанатиковъ, мечтателей и легендарныхъ святыхъ!...

На дворцовой площади ихъ ждала карета князя Лобковича. Патеръ отворилъ дверцы и усадилъ Гедвигу. — Поѣзжай домой, дитя мое! сказалъ онъ;—скажи князю, что я сейчасъ явлюсь къ нему. До свиданія!

При этихъ словахъ онъ бросилъ многозначительный взглядъ на молодую дѣвушку и на лицѣ его промелькнула улыбка.

— Какая красавица! подумалъ онъ,—Какъ легко могъ онъ осчастливить ее! Эти добродѣтельные герои—странный народъ. Судя по описаніямъ, Маркъ Аврелій и Юліанъ Отступникъ были люди того-же пошиба...

Отсутствіе графа Эрбаха не беспокоило его домашнихъ, потому что Рената была убѣждена, что онъ вышелъ такъ рано изъ дому, чтобы ускорить, по возможности, похороны Зденко. Но неожиданное появленіе маркиза д'Омброне встревожило всѣхъ. Онъ приближалъ внѣ себя отъ волненія и долго отъ него нельзя было добиться ни одного связаннаго слова, и только появленіе Короны заставило его немного опомниться.

Гедвига не зашла къ маркизу наканунѣ вечеромъ и оставила его въ мучительной неизвѣстности относительно здоровья Короны. Онъ не спалъ всю ночь и въ седьмомъ часу утра отправился собирать извѣстія. Онъ не рѣшился идти прямо въ домъ графа Эрбаха, изъ боязни узнать о смерти Короны, и предварительно отправился къ князю Лобковичу, къ графу Турмъ и Арембергу. Но слуги встрѣчали его съ испуганными лицами и давали странные отвѣты.

— Нѣтъ, Корона, мы должны поскорѣе уѣхать изъ Вѣны—это домъ сумасшедшихъ! кричалъ маркизь, разхаживая по комнатѣ быстрыми шагами. Можетъ ли быть иначе въ городѣ, гдѣ всѣ поклоняются Глюку! Неужели я, какъ Агамемнонь, поведу на закланіе собственную дочь!

Напрасно хозяйка дома уговаривала его успокоиться, доказывая, что Корона чувствуетъ себя хорошо и скоро вернется къ нему. Маркизь продолжалъ свой монологъ, размахивая руками.

— Вы представьте мой испугъ, Корона: я сперва отправился къ вашему дядѣ и брату, но тутъ я не могъ добиться никакихъ извѣстій о васъ; слуги только перешептывались и смотрѣли на меня съ вытаращенными глазами, точно я говорилъ на арабскомъ языкѣ. Въ гостинницѣ Römischen Kaiser мнѣ сказали, что Арембергъ съ вашимъ братомъ и еще съ какими-то двумя господами уѣхали въ зоологическій садъ. Тогда я рѣшился прямо отправиться сюда... Одна мысль, что я могу остаться единокимъ, приводила меня въ отчаяніе..

Волненіе маркиза при дальнѣйшихъ разспросахъ перешло къ обѣимъ женщинамъ. Лицо Ренаты покрылось мертвенной блѣдностью; Корона бросилась рыдая на ея шею:

— Прости меня! говорила она сквозь слезы.—Они поссорились изъ-за меня! Я поощряла ухаживанье Аремберга, не чувствуя къ нему никакой привязанности, и возбудила въ немъ ревность къ графу Эрбаху... Когда-то я мечтала помирить васъ, а теперь довела твоего мужа до дуэли... Вотъ моя любовь, она приноситъ несчастье... Прости меня!..

— Зачѣмъ ты рисуешь себѣ такія ужасныя картины? сказала Рената, стараясь успокоить взволнованную дѣвушку.—Дуэли очень часто кончаются ничѣмъ.

— Какъ я хотѣла-бы броситься между ними! продолжала Корона вѣя себя отъ отчаянія.—Неужели онъ погибнетъ изъ-за меня! Отчего я не могу умереть вмѣсто него! Что можетъ дать мнѣ жизнь!.. Какъ была бы я счастлива, если бы лежала теперь въ землѣ подъ соснами Таннбурга!..

— Я здѣсь, Корона! вы напрасно оплакиваете меня, сказалъ графъ Эрбахъ, прерывая горькія жалобы молодой дѣвушки.—Какъ видите, судьба пощадила меня.

Онъ съ нѣжностью обнялъ жену и подошелъ къ растерявшейся Коронѣ, которая едва рѣшилась подать ему руку.

Несмотря на все умѣнье владѣть собой, онъ съ трудомъ скрывалъ свое смущеніе, такъ какъ чувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ этими дорогими для него существами, которымъ онъ доставилъ такія тяжелыя минуты своимъ непростительнымъ легкомысліемъ. Не менѣе тяготила его непріятная обязанность сообщить Коронѣ о смерти Аремберга; онъ зналъ, что, несмотря на всѣ усилія смягчить краски, ему все-таки придется нанести ея сердцу новую неизлечимую рану. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ долѣе скрывать истины, потому что Рената обратилась къ нему съ просьбой сообщить подробности дуэли.

Корона сидѣла у ногъ Ренаты съ сложенными руками и молча слушала рассказъ, не спуская глазъ съ графа Эрбаха, который въ свою очередь невольно смотрѣлъ на нее съ чувствомъ глубокаго состраданія. Никогда не казалась она ему такой прекрасной, какъ въ эту минуту. Съ ея лица исчезла послѣдняя тѣнь холодности и высокомерія, которыя такъ непріятно поразили его при ея пріѣздѣ въ

Вѣну. Глубокое горе наложило на него свою неизгладимую печать; она мысленно просталась съ своей первой любовью, которая еще разъ освѣтила радужнымъ свѣтомъ любимаго человѣка, Ренату, садъ, уютную знакомую комнату. Она знала, что какъ бы ни сложилась ея дальнѣйшая жизнь, что бы ни случилось съ нею въ будущемъ,—молодость ея всегда будетъ представляться ей въ томъ же радужномъ свѣтѣ.

— Я знала, что этимъ кончится, сказала она, выслушавъ рассказъ Эрбаха и поднимаясь съ своего мѣста. — Сама судьба рѣшила мою дальнѣйшую участь. Я не должна была бы измѣнять искусству. Зачѣмъ помѣшали вы мнѣ тогда уѣхать въ Дрезденъ, кузень Эрбахъ? Надѣюсь, что теперь я достаточно испытала горя и превратностей судьбы, чтобы имѣть право располагать собою. Я поѣду въ Италію и попробую тамъ свои силы; быть можетъ, на этомъ новомъ поприщѣ жизнь моя сложится удачнѣе и служеніе искусству заставитъ меня забыть напрасныя мечты о личномъ счастіи.

— Превосходно, дитя мое! воскликнулъ съ восхищеніемъ маркизь. — Поѣдемъ въ Италію, на родину солнца и пѣнія, подальше изъ этого царства тѣней, тумановъ и колдовства. Мы поселимся во Флоренціи; ты будешь пѣть въ присутствіи великаго герцога; всѣ будутъ восхищаться твоимъ пѣніемъ и поднесутъ тебѣ лавровый вѣнокъ. Мы уѣдемъ завтра-же. Господь да благословитъ тебя за такую счастливую мысль.

Корона подошла къ своей бывшей подругѣ и протянула ей руку. — Прости меня, Рената, сказала она—за тѣ огорченія, которыя я доставила тебѣ; теперь вы опять вмѣстѣ; съ моимъ отъѣздомъ никакая тѣнь не будетъ омрачать вашего супружескаго счастья.

— Останься съ нами! воскликнула Рената, бросаясь со слезами на шею молодой дѣвушки. — Мы будемъ любить тебя, какъ родную сестру. Уговори ее, Поль, не покидать насъ!

Онъ молча пожалъ ей руку; она отвѣтила ему тѣмъ-же молчаливымъ пожатіемъ; на лицѣ ея мелькнула грустная улыбка.

Ярко свѣтило сквозь стекла весеннее солнце, придавая золотистый отблескъ темнымъ волнистымъ волосамъ Ренаты.

Весной 1779 года, въ день св. Терези, подписанъ былъ въ Тенчѣ мирный договоръ между Австріей и Пруссіей. Десять дней спустя, по поводу этого важнаго событія назначено было торжественное богослуженіе во всѣхъ церквахъ австрійской столицы. Корона, по желанію императрицы, явилась на молебствіе въ дворцовую капеллу одѣтая въ глубокой трауръ по Арембергѣ, котораго всѣ считали ея женихомъ, и привела въ восторгъ присутствующихъ своимъ прекраснымъ пѣніемъ. Императрица была тронута до слезъ и съ сердечнымъ умиленіемъ благодарила Бога за дарованный имъ миръ. Въ этомъ настроеніи духа она вернулась въ свои покои и написала Кауницу: „Сегодня я со славой кончила мою правительственную дѣятельность молебствіемъ;

съ Божьей помощью мнѣ удалось привести къ благополучному окончанію трудное дѣло, предпринятое мною для блага и спокойствія моего государства; всему остальному я не придаю такого важнаго значенія“...

Между тѣмъ, дѣла приняли такой оборотъ, какъ будто правленіе дѣйствительно должно было перейти въ руки Іосифа. Свѣтло занималась заря будущаго, озаренная розовыми лучами радостныхъ надеждъ. Никто не могъ сказать заранѣе, было ли имъ суждено осуществиться; но тѣмъ не менѣе недовольство настоящимъ возрастало съ каждымъ днемъ, и только тѣ удовлетворялись существующимъ порядкомъ вещей, чья личная жизнь находилась тогда въ особенно счастливыхъ условіяхъ.

Къ числу такихъ немногихъ счастливицевъ принадлежалъ Фрицъ Бухгольцъ. Всѣ пережитыя имъ неудачи и огорченія были забыты; онъ чувствовалъ себя на верху блаженства, такъ какъ получилъ наконецъ достойную награду за свою вѣрную любовь. Гедвига ласково встрѣтила его и безпрекословно дала ему свое согласіе на бракъ. Слова императора подѣйствовали на нее отрезвляющимъ образомъ и заставили обратиться къ дѣйствительной жизни. Золотой воздушный замокъ ея обрушился безслѣдно и остался тихій домъ и маленькій садъ изъ необъятнаго міра, о которомъ она такъ долго мечтала; но въ этомъ уголкѣ ее ожидало полное душевное спокойствіе. Немало способствовало этой перемѣнѣ въ настроеніи Гедвиги тотъ миръ и полное спокойствіе, которые воцарились въ домѣ графа Эрбаха съ отъѣздомъ Короны. Когда въ душѣ молодой дѣвушки возникало сомнѣніе—достойна ли она человѣка, который всецѣло основывалъ свое счастье на ея любви, то Рената всегда находила всевозможные доводы, чтобы успокоить ее.

Самыя выгодныя условія, предложенныя императоромъ, не могли заставить Бухгольца разстаться навсегда съ родиной; онъ согласился прожить всего одинъ годъ въ Вѣнѣ и обѣщаль принять самое дѣятельное участіе въ устройствѣ шелковыхъ фабрикъ, а по истеченіи этого срока надѣялся пріискать знающаго и добросовѣстнаго человѣка, который могъ бы замѣнить его. Свадьба была назначена въ концѣ мая; графъ хотѣлъ непременно отпраздновать ее въ своемъ домѣ. Рената дѣятельно занялась приданымъ. Наканунѣ свадьбы было получено письмо отъ графини Дюбарри, которая, узнавъ отъ Рошфора о предстоящемъ бракѣ своего любимца Бухгольца, поспѣшила поздравить его. Она прислала молодой четѣ богатые подарки и между прочимъ чайный сервизъ изъ севрскаго фарфора; на одной чашкѣ былъ нарисованъ ея портретъ.—„Пусть эти хрупкія вещи—писала она молодому бюргеру—напоминають вамъ хозяйку Люсьенна и непрочность всего земнаго. Грустный опытъ научилъ меня, что умѣренность въ желаніяхъ — главное условіе счастливой жизни. Я часто думаю о томъ, что было бы гораздо лучше, если бы я

вышла замужъ за такого честнаго человѣка, какъ вы, и жила въ маленькомъ городѣ, довольствуясь скромной ролью вѣрной жены и заботливой матери. Одному Богу извѣстно, почему онъ иначе распорядился моей судьбой. Если вы когда нибудь расскажете своей женѣ сказку о Жаннѣ Дюбарри, дочери народа, которая сдѣлалась любовницей великаго короля, то напомните ей пословицу, что „не все то золото, что блеститъ“... Затѣмъ, графиня остроумно рассказывала въ своемъ письмѣ разные придворные анекдоты и новости, распространялась о Франклинѣ, приключеніяхъ Лафайета въ Америкѣ и о Ропфорѣ, который, по ея словамъ, бокѣ прежняго мучился страшными видѣніями и воскресилъ въ своемъ лицѣ плачущаго пророка Іеремію. „Но такъ какъ съ виконтомъ всегда очутишься въ царствѣ тѣней—добавляла она—то я прямо приписываю его вліянію то обстоятельство, что мой милый и дорогой другъ Корона намѣрена спуститься въ подземный міръ къ Альесту и Эвридикѣ. Надѣюсь, что она напишетъ мнѣ изъ Флоренціи. Неужели она въ самомъ дѣлѣ думаетъ серьезно посвятить себя искусству? Что могло побудить ее къ такому рѣшенію?.. Вѣроятно, ее такъ же какъ и прежде тяготятъ узкія рамки, въ которыя поставлена наша жизнь. Онѣ, дѣйствительно, невыносимы для тѣхъ женщинъ, которыя, на свое несчастіе, одарены умомъ, сердцемъ и пылкой фантазіей, и имъ по-неволѣ приходится искать какого нибудь спасенія отъ скуки повседневной жизни и деспотизма мужчинъ. Но такой порядокъ вещей долженъ измѣниться въ недалекомъ будущемъ. Что случилось бы съ разумомъ и справедливостью, если бы половина человѣческаго рода была осуждена на вѣчное рабство!.. Если графъ Эрбахъ не окончательно забылъ меня и вздумаетъ прочесть мое письмо, то онъ, вѣроятно, улыбнется, читая эти строки. Но что дѣлать бѣдной одинокой женщинѣ, пережившей лучшую пору жизни, какъ не философствовать? Я слишкомъ лѣнива и стара, чтобы заняться исправленіемъ своей особы, и нахожу, что нѣтъ болѣе пріятнаго препровожденія времени, какъ рисовать въ мечтахъ планъ лучшаго устройства міра и представлять себѣ ту прекрасную роль, которую я могла бы играть въ немъ“...

Конецъ четвертой и послѣдней части.

О ПОДПИСКѢ НА ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
ВЪ 1882 ГОДУ.
(ТРЕТІЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1882 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе два года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Въ виду постоянно увеличивающагося объема журнала, годовое изданіе его будетъ раздѣлено не на три, а на **четыре тома**, каждый объемомъ до **50 печатныхъ листовъ**.

Къ „Историческому Вѣстнику“ 1882 г. будутъ прилагаться **портреты** русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, **картины** историческаго содержанія, и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Изъ числа разнообразнаго матеріала, находящагося въ распоряженіи редакціи, въ первыхъ книжкахъ 1882 года будутъ, между прочимъ, напечатаны:

Жизнь и сочиненія Афанасія Прокофьевича Шапова. **И. Я. Аристова**.— Историческое значеніе сочиненій Гоголя. **Его-же**.— Дневникъ **В. И. Аскоченскаго** *).— Самосудъ. Историческая повѣсть. **А. В.**

---

*) Дневникъ этотъ, по разнымъ причинамъ, не могъ быть помѣщенъ въ 1881 году; печатаніе его начнется съ январской книжки 1882 г.

Арсеньева. — Василий Львович Пушкинъ. Биографическій очеркъ.
В. П. Авенариуса. — Жизнь Петра III. **А. Г. Брикнера.** — Жертва
россійской схоластики. **Ф. И. Булгакова.** — Русский государственный чело-
вѣкъ трехъ прошлыхъ царствованій. **Его же.** — Картина изъ исторіи фран-
цузскаго террора. **В. И. Герье.** — Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо.
Д. Ф. Кобеко. — Историческіе очерки и рассказы. **Н. И. Костома-
рова.** — Иезуитъ Антоній Коньяшъ, литературный инвизиторъ. **А. А. Ко-
чубинскаго.** — Нѣсколько зимнихъ дней въ Чешскомъ селѣ. **Его же.** —
Отрывки изъ воспоминаній генераль-лейтенанта **В. Д. Кренке.** — Пере-
гудинскій пустошлясъ. Рассказъ. **Н. С. Лѣскова.** — Во славу Божию. Раз-
сказъ. **В. Н. Майнова.** — Плавня. Рассказъ. **С. В. Максимова.** —
Лихолѣтіе. (Смутное время). Историческій романъ. **В. Л. Маркова.** —
Отрывки изъ воспоминаній петербургскаго старожила. **П. Медвѣдов-
скаго.** — Отрывки изъ литературныхъ воспоминаній. **А. П. Милю-
кова.** — Женское правленіе и его противники. (Характеристическая подро-
бность въ русской исторіи XVIII столѣтія). **В. О. Михневича.** — Очерки
прошлаго. **Его же.** — Соціалистъ прошлаго вѣка. Историческая повѣсть.
Д. Л. Мордовцева. — Бытовые эскизы XVIII столѣтія. **Его же.** —
Н. И. Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости (по неизданнымъ докумен-
тамъ). **А. И. Незеленова.** — Рѣка лѣсныхъ пустынь. (Изъ поѣздки на
Ураль). **В. И. Немировича-Данченко.** — По тюрьмамъ. Дневникъ
заключеннаго. **О-ва.** — Очерки изъ Украинской литературы вѣднѣшняго сто-
лѣтія. **Н. И. Петрова.** — Записки ссыльнаго **Алоизія Песляка.** —
Воспоминанія о Н. Д. Мизю. **Д. Д. Рябинина.** — Художникъ Каравакъ.
Н. П. Собко. — Старья были. Историческіе рассказы. **В. С. Со-
ловьева.** — Консерваторъ сороковыхъ годовъ. **В. Я. Стоюнина.** —
Александръ I и русская партія въ Польшѣ. **Ф. М. Уманца.** — Отрывки
изъ воспоминаній. **П. С. Усова.** — Закулисная исторія Парижской ком-
муны. **В. Р. Э-ва.** — Торквато Тассо и его вѣкъ **М. С. Корелина.** —
Женщины профессора Болонскаго университета. **С. А. Тэнко.** — Суевѣрія
человѣчества. **М. К. Цебриковой,** и др.

Въ приложеніи, съ январской книжки, начнется печатаніе запи-
сокъ **А. Ешероль,** подъ заглавіемъ: **Судьба одной дворянской
семьи во время террора.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ:
книжный магазинъ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 58; въ
Москвѣ: московское отдѣленіе книжнаго магазина „Новаго Времени“,
Никольская, домъ Ремесленной управы.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТАГО ТОМА.

(СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ, 1881).

	СТР.
Русскій путешественникъ за-границей въ прошломъ вѣкѣ (1771—1773 гг.). А. П. Милюкова	5
Очерки изъ Украинской литературы. Н. И. Петрова	28, 299
Малороссіяне въ Польшѣ XVII вѣка. Ө. М. Уманца	55
Князь Курбскій на Волыни Ю. Вартошевича	65
Раскопки на островѣ Кипрѣ.	86
Умственный и нравственный прогрессъ европейскаго общества въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. (1848 — 1878). Ц. Канту . Переводъ съ французскаго съ очеркомъ жизни Канту. Д. П. Лебедева	97, 393
Прусское посольство въ Крымъ въ семилѣтнюю войну	125
Иностранная путешественница по Россіи. Д. А.	137
Талейранъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Ө. В.	148
Воспоминанія о Россіи Армана Домерга (1805—1813). Гл. VIII—XI. Окончаніе.	158, 620, 807
Князь М. М. Щербатовъ какъ членъ „Большой Комиссіи“ 1767 года. А. Г. Врикнера	217
Поѣздка въ Іерусалимъ. Наброски дорожныхъ впечатлѣній. Д. Л. Мордовцева	250, 457

	стр.
Изъ семейныхъ воспоминаній. Н. С. Маевского	324, 548
Воспитаніе императора Александра II. Д. П. Лебедева	341
Матеріалы къ біографіи Бѣлинскаго и Лермонтова. Н. Рыб-кина	365
Заказная литература. (Нѣсколько замѣчаній по поводу образ-цовой народной книжки). Н. С. Лѣскова	379
Неудачный карьеристъ. (Мнимый заговоръ на жизнь импера-тора Александра I). А. В. Арсеньева	531
Край гибели. Н. С. Лѣскова	568
Сибирь и ея значеніе для всемірной торговли. Н. П. Усть-янцева	586
Русское общество и нигилизмъ. Д. П. Лебедева	604
Къ слову объ историческомъ романѣ и его критикѣ. (Письмо въ редакцію). Д. Л. Мордовцева	642
Благонамѣренная безтактность. Н. С. Лѣскова	652
Путешествіе императрицы Екатерины II въ Вышній-Волочекъ и Москву въ 1785 году. А. Г. Вриенера	681
Старья были. Вс. С. Соловьева	703
Живые покойники. В. Н. Майнова	747
Бунтъ въ Кандевкѣ въ 1861 году. С. Н. Худекова	773
Елисавета Дмитріевна Безобразова. (Некрологъ). Н. Д. Ахша-румова	794
Князь А. И. Васильчиковъ. Очеркъ вмѣсто некролога. О. Ф. Мил-лера	798
Англійскій туристъ въ Петербургѣ въ 1774 году. Е. М. Л.	822
Въ защиту исторіи въ историческомъ романѣ. (Письмо въ ре-дакцію). Ф. И. Вулгакова	835
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	185, 423, 656, 838

Князь Н. Н. Голицынъ. Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ. Корректурное изданіе, не предназна-ченное для продажи. Кіевъ. 1880 г. I т. in 4°. V + 244 стр.— А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Книга 1-я. Спб., 1881 г., in 4°. VIII + 545 стр., съ приложеніемъ герба Шереметевыхъ и 33 литограф. и хромофотограф. снимковъ съ рисунковъ изъ лѣто-писныхъ сборниковъ XVI вѣка и съ грамотъ и актовъ того же вѣка. **Д. И—ова.**—Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. Сочиненіе П. Знаменскаго. Казань. 1881 года. **Д. П. Лебедева.**—Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. Спб. 1881. **Ив. Е. Забѣлина.**—Архивъ князя Вяземскаго. Князь Андрей Ивановичъ Вяземскій. Изданіе графа С. Д. Шереметева.

1881 г. Спб. **Б—ова.**—Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Лекціи читанныя въ копенгагенскомъ университетѣ Г. Брандесомъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе В. Невѣдомскаго. Москва, 1881. **А. М.** — „Русскій Архивъ“. 1881 г. II книга. **А.**—Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владимира. Выпуски I, II, III. Киевъ. 1881 **А.**—Русская народная поэзія. Сборникъ сказаній, былинъ, историческихъ и бытовыхъ пѣсенъ, обрядовъ, пословицъ и загадокъ и др. Составилъ В. Воскресенскій. Спб. 1881. **И. Б—ва.**—Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать первая. Москва, 1881. Бумаги княгини Дашковой. **Е. Г—на.**—Отечественная исторія въ картинахъ для школы и дома. Составилъ и издалъ С. Рождественскій примѣнительно къ своимъ учебникамъ. Спб. 1881. **И. Б—ва.**—Послѣдній потомокъ Чингисъ-хана.—Леонидъ, или чѣрты изъ жизни Наполеона I.—Таинственный монахъ. Историческіе романы Р. М. Зотова. Спб. 1881 г. **М—ва.**—Иоакимъ патріархъ московскій. Свящ. П. Смирнова. М. 1881 г. **А. С—наго.**—Грузинскіе церковныя гуджари (грамоты). Составилъ Д. Пурцеладзе. Тифлисъ. 1881 г.—Грузинскія дворянскія грамоты. Его же. Тифлисъ 1881 г. **В. В—ва.** — Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края, т. II. Вятка. 1881 г. **А. С.** — Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ I. Тифлисъ. 1881 года. **В. В—ва.**—Происхождение „Артикула воинскаго“ и изображеніе процессовъ Петра Великаго, по уставу воинскому 1716 г. Историческое изслѣдованіе П. О. Бобровскаго. Изданіе 2-е. Спб. 1881. **В. П.**—Историческія изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядцевъ. В. М. К. Москва. 1881 г. **Н. Л.**—О сущности и значеніи раскола въ Россіи. П. С. Напечатано по распоряженію оберъ-прокурора святѣйшаго синода въ синодальной типографіи. Спб., 1881 г., 52 стр. **Н. Л.** — „Русскій Архивъ“, 1881. Книга III. **Ф. Б.**—Словарь писателей древняго періода русской литературы XI—XVII вв. (862—1700 гг.), составилъ А. В. Арсеньевъ, подъ редакціею О. Ф. Миллера. Приложение къ картѣ для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы. Спб., 1882 г. **Н. С. Лѣскова.** — Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II. А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. 4 тома. С.П.Б. 1882 г. **Ф. Б.**—Ziwoť Ksiecía Adama Jerzego Czartoryskiego Skreślie Bronisław Zaleski. Tom 1. Poznań. 1881. **Н. С. Н.**—Russia, by W. K. Morfill. London. 1880 г. **Д. П. Лебедева.**

ИЗЪ ПРОШЛАГО. 203, 441, 674, 856

Именные указы императора Павла I. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.**—Любопытная житейская записъ 1706 года. Сообщ. **А. В. Арсеньевымъ.**—Грамота царя Федора Алексѣевича чарондскому воеводѣ Данилову, 1679 года, о розсылѣ бѣглою крестьянни Аграфенни. Сообщ. **А. Е. Мерцаловымъ.**—Письмо генераль-прокурора Оболяни-

нова тамбовскому губернатору Литвинову. Сообщ. **И. И. Дубасовымъ**.—Встрѣча епископа Лаврентія вятскимъ духовенствомъ въ 1733 г. Сообщ. **И. В. Добролюбовымъ**. — Разбои въ Тамбовской губерніи въ 1798 году. Сообщ. **И. И. Дубасовымъ**.—Непріятное, только не литературное приключеніе съ **Ө. В. Булгаринымъ**. Сообщ. **Д. Л. Мордовцевымъ**.—Письмо графа Я. А. Брюса къ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому о кончинѣ его матери. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ**. — Записка канцлера графа Н. П. Румянцева о евреяхъ. Сообщ. **А. П. Коломиннымъ**.—Собственноручная записка Потемкина къ неизвѣстному лицу. Сообщ. **П. Я. Дашковымъ**.—Письмо А. П. Бибикова къ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ**.—Сумма пенсій, отпускавшихся въ 1799 году. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова**. — Распоряженіе императрицы Анны Ивановны о приемахъ въ Петергофѣ. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова**.—Всеподданнѣйшій докладъ о раздѣлѣ имущества послѣ великой княгини Ольги Павловны. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ**.—Любопытная резолюція шефа жандармовъ графа Орлова по поводу одной статьи. Сообщ. **П. С. Усовымъ**.—Неприличное сану и званію состязаніе съ евреями. Сообщ. **И. Д. Павловскимъ**.

СМѢСЬ 208, 448, 678, 862

Трехсотлѣтній юбилей Сибири.—Память о Ермакѣ въ Пермскомъ краѣ.—Столѣтіе Пермской губерніи.—Рукописное четвероевангеліе XVII вѣка.—Кавказскій музей.—Воспоминанія о Лермонтовѣ.—Открытіе памятника Гоголю въ Нѣжинѣ.—Памятникъ на Могилѣ А. Ө. Погоссаго.—Памятникъ на могилѣ Н. А. Некрасова.—Справочный и объяснительный словарь къ новому заводу. — Императорское Русское Географическое общество въ 1880 году.—Пушкинская бібліотека.—Заявленіе комиссіи для изданія писемъ и бумагъ Петра Великаго. — Присужденіе премій графа Уварова.—Некрологъ А. А. Котляревскаго.—Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 456, 680, 872

Замѣтка о портретѣ Бѣлинскаго.—Замѣтка о портретѣ князя Г. А. Потемкина.—Поправка.—Замѣтка о портретѣ императрицы Екатерины II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. 216, 680

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Въ золотомъ вѣкѣ. Историческій романъ **К. Френцеля**. Части I (окончаніе), II, III и IV (послѣдняя).— 2) Портреты: **Н. А. Демидова**, **В. Г. Вѣлинскаго**, князя **Г. А. Потемкина**, императрицы **Екатерины II**.—3) Пробныя

листы иллюстрированного сочинения „Нашъ вѣкъ“.—
4) Пробный листъ иллюстрированного сочинения „Естественная исторія племенъ и народовъ“.—5) Указатель личныхъ именъ упоминаемыхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1881 года.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ
„Историческаго Вѣстника“

1881 года.

А.

Ааронштейнъ, содержатель отеля въ Иерусалимѣ, т. VI, 461, 462, 478.

Абанумовъ, Андрей Ив., сенаторъ, т. VI, 333.

Абиль-Огива, султанъ кульджинскій, т. V, 924.

Аблесимовъ, Александръ Онисимовичъ, писатель XVIII вѣка, т. IV, 676, 679.

Абросимъ, старецъ, учитель секты „живыхъ покойниковъ“, т. VI, 751—772.

Августинъ (Виноградскій), московскій митрополитъ, т. V, 3, 21, 22.

Августъ:

— Герцогъ Брауншвейгскій, т. V, 122.

— Курфюрстъ Саксонскій, т. V, 374, 376.

Аверкинъ, добрыинскій старшина, Кромскаго у., Орловской губ., т. IV, 376, 379, 383.

Авраимъ:

— (Низкій), игумень ростовскій, т. IV, 926.

— Проповѣдникъ земли Ростовской, основатель Боголюбскаго монастыря, т. IV, 926.

Австенко, В. Г., писатель. Отрывки изъ воспоминаній его. Т. IV, 707—734.

Ага-Садыкъ, слоновщикъ, т. V, 494—496.

Агавангель (Соловьевъ), волынскій архіепископъ, т. IV, 388.

Ададуровы:

— Дворяне Кромскаго у., Орловской губ., т. IV, 357.

— Н. Г., помѣщикъ Кромскаго у., Орловск. губ., т. IV, 366.

Адашевъ, Алексѣй Федор., государственный человекъ, т. VI, 67.

Адрианъ, московскій патриархъ, т. V, 484; т. VI, 200.

Ажіе, парикмахеръ баронессы Строгоновой, т. IV, 465.

Азоровъ, Христофоръ, зинovieвскій крестьянинъ, Кромск. у., Орловск. губ., т. IV, 379.

Акинфѣева, Наталья, рожденная Корсакова, т. V, 21.

Акинѣвъ, бояринъ городецкай, т. IV, 498.

Аксановы:

— Иванъ Серг., редакторъ журнала „Русь“, т. VI, 653.

— Серг. Тимоф., писатель, т. IV, 453; т. V, 702, 703.

Аксень Ульяновичъ, раскольничій начетчикъ, т. VI, 556.

Албенскій, Борисъ, настоятель покровской церкви въ Петербургѣ, т. VI, 332, 338, 553, 559.

Александра Александровна, великая княжна, т. IV, 416.

Александра Юсифовна (Фредерика-Генриетта - Паулина - Маріанна - Елисавета, принцесса Саксенъ-Альтенбургская), великая княгиня, т. V, 686.

Александра Федоровна (Шарлотта-Фредерика-Луиза-Вильгельмина, принцесса прусская), императрица, т. V, 6, 13; т. VI, 346—348.

Александровы:
 — Васса, крестьянка с. Аннина, Моршанского у., молочанка, т. V, 790.
 — Н. А. Замѣтка объ издаваемомъ имъ „Художественномъ журналѣ“. Т. V, 178—181.
 — Степ. Вас., малороссийскій писатель. Біографія его. Т. V, 726, 727.
 — Яковъ, протодіаконъ, членъ слободско-украинской консисторіи, т. V, 567, 568.

Александръ:
 — Епископъ вятскій и великопермскій, т. V, 55, 56, 65.
 — (Кара-Георгіевичъ), князь сербскій, V, 223.

Александръ I Павловичъ, императоръ. Собственноручныя записки его къ Д. П. Троицкому. Т. IV, 223. Рескриптъ его рязанскому губернатору Шишкосу. Т. IV, 467. Мнимый заговоръ на его жизнь. Т. VI, 531—547. Упомян. т. IV, 154, 159, 225, 455, 584, 835, 855; т. V, 4, 7, 8, 11—15, 102, 103, 105—107, 109, 112, 138, 209, 211—215, 217, 219, 284, 292, 323—327, 329, 332, 349, 354, 359—363, 533, 534, 540, 541, 597, 601, 603, 690; т. VI, 150, 151, 154, 165, 177, 339, 340, 553, 638—640, 681, 818, 851, 857.

Александръ II Николаевичъ, императоръ. Событіе 1-го марта 1881 года: „Ужасная логика“, т. IV, 854—857. „Общественное броженіе и русская школа“, т. IV, 858—865. „Цареубійство 1-го марта“, т. IV, 893—909. „Заграничная печать о цареубійствѣ 1-го марта“, т. IV, 910—921. „Къ вопросу о правѣ убѣжища“, т. IV, 937—940. — Черты изъ жизни его: Прѣбываніе въ Калугѣ въ 1837 г., т. IV, 866—868. Разговоръ съ гр. А. Замойскимъ, т. IV, 869—872. Посѣщеніе Житнаго рыболовнаго промысла въ 1871 г., т. IV, 872—880. На боевомъ полѣ, т. IV, 881—892. — О рожденіи, т. V, 6, 8, 9, 15. Прѣбываніе въ Римѣ, т. V, 312—320. Воспитаніе его, т. VI, 341—364. Упомян. т. IV, 633; т. V, 14, 85, 201, 292, 477, 669, 695, 696, 920—928; т. VI, 384, 388, 389, 452, 841, 845.

Александръ III Александровичъ, императоръ, т. IV, 913, 919, 920; т. VI, 582.

Александръ Васильевичъ, князь сувальскій, а потомъ владимірскій, т. IV, 508, 755.

Александръ Михайловичъ, князь тверской, а потомъ владимірскій, т. IV, 503—505, 507, 508, 510—515.

Александръ Ярославовичъ Невскій Святый, великій князь владимірскій, т. IV, 262—268. 489, 516.

Аленскій:
 — Митрополитъ московскій, т. IV, 738—740, 742.

— (Титовъ), архіепископъ вятскій и великопермскій, т. V, 57, 58, 65, 424; т. VI, 444.

Аленстевы:
 — Алексій, бѣглый дворовый человекъ помѣщика Андреева. Доносъ его. Т. IV, 823, 824.

— Дѣйствит. стат. совѣтникъ, петербургскій губернаторъ. Указъ Павла I на его имя. Т. VI, 206, 207.

— Марья, крестьянка с. Падовъ, Тамбовскаго у., молочанка, т. V, 790.

— Петръ Петр., ординарный профессоръ кievскаго университета, т. IV, 423.

— Семень, дьяконъ, ученикъ скопческаго ересіарха Селиванова, т. V, 786.

Аленскій Аленстевичъ, царевичъ, т. VI, 430.

Аленскій Михайловичъ, московскій царь, т. IV, 578; т. V, 934; т. VI, 430.

Аленниковъ, казацкій сотникъ Лабинскаго полка, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 833, 839.

Али-паша, владѣтель Янины, т. V, 111, 112.

Алихановъ, корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“, т. IV, 622.

Алларъ, французъ, т. V, 607, 609, 624.

Алфимовъ, курмышскій дворянскій депутатъ въ „Большой Комисіи“, т. VI, 248.

Альбани, римскій папа. См. Климентъ.

Альбрехтъ, эрцгерцогъ, т. V, 480.

Альгимунты, литовскій дворянскій домъ, т. VI, 72.

Альгіу, румынскій капитанъ, т. IV, 813, 814.

Альдрингенъ, австрійскій маршалъ, т. V, 388.

Альфри, преподаватель англійскаго языка императору Александру II, т. VI, 347.

Алябьевы:
 — Антонъ, т. V, 15.
 — Васил. Ан., т. V, 15.

Амалунгъ, саксонецъ, т. V, 155.

Амвросій:
 — (Зертисъ-Каменскій), крутицкій, а потомъ московскій архіепископъ. Письмо его къ графу А. П. Бестужеву-Рюмину. Т. IV, 931—933.

— (Юшкевичъ), архіепископъ новгородскій, т. V, 269, 273, 518—520.

Амуратъ, ордынскій ханъ, т. IV, 740.

Анастасевичъ, Вас. Григор., переводчикъ антикварій и бібліографъ, т. V, 199.

Анастасій:
 — (Дирахтъ), византійскій императоръ, т. VI, 581.

— (Романенко-Братановскій), архіепископъ

- скопъ астраханскій и кавказскій, т. V, 528.
- Анатолій** (Тихай), архимандритъ, японскій миссіонеръ, т. V, 421.
- Ангеловъ**, Григорій, колонистъ прусской колоніи Александровка, т. V, 219.
- Ангулемскій**, герцогъ Людовикъ-Антонъ де-Бурбонъ, т. V, 323.
- Андраши**, гр., австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. V, 475, 481.
- Андре**, французская актриса въ Москвѣ, т. V, 884.
- Андревы:**
— Священникъ с. Татарщины, Тамбовскаго уѣзда, т. V, 796, 797.
— Участникъ Пугачевского мятежа, т. V, 678.
- Андрей**, тверской епископъ XIII вѣка, т. IV, 500.
- Андрей Александровичъ**, великій князь Городецкій, т. IV, 491—498.
- Андрей Даниловичъ**, князь, т. IV, 499.
- Андрей Константиновичъ**, суздальскій князь, т. IV, 737.
- Андрей Юрьевичъ Боголюбскій**, великій князь суздальскій, т. IV, 245, 246—250, 254—256, 258.
- Андрей Ярославичъ**, князь суздальскій, т. IV, 262—265, 489, 515.
- Андріанова**, дворянка, молоканка, т. V, 804.
- Андріевскій**, А. А. Ст. его: Картофельный бунтъ въ Вятской губерніи въ 1842 году. Т. V, 556 — 565. Упомян. т. IV, 929.
- Андромовъ** (Ондромовъ). Федоръ, купецъ, предлагавъ Владиславу москов. престолъ, т. IV, 197.
- Андрюшиновичъ**, главный начальникъ польскихъ повстанцевъ Августовской губерніи, т. IV, 104.
- Аниита** (кн. Ширинскій-Шахматовъ), іеромонахъ новгородскаго Юрьева монастыря, т. VI, 563.
- Анна:**
— Загадочная монахиня (Анна Ивановна Степанова). Замѣтка объ ней. Т. IV, 691—694.
— (Стюартъ), королева Великобританіи и Ирландіи, т. IV, 183, 672, 673.
- Анна Ивановна**, императрица. Замѣтки: О воцареніи ея. Т. IV, 196 — 205. Объ оскорбленіи ея. Т. IV, 588 — 593. Росписка ея въ займъ у оберъ-гофмейстера Бестужева денегъ подъ залогъ имѣнія. Т. V, 414. Распоряженіе ея о пріемахъ въ Петергофѣ. Т. VI, 856. Упомян. т. IV, 824, 932; т. V, 60, 182, 235, 246, 250—254, 256—266, 270, 275, 276, 278, 487—489, 491, 492, 497, 504, 508—521.
- Анна Леопольдовна** (Елизавета-Екатерина-Христина, принцесса Брауншвейгъ-Люненбургская), правительница, т. V, 237, 240, 243, 246, 251, 257, 260, 262, 265, 268—271, 275, 276, 487, 489, 491, 495, 499, 500, 502, 506, 507, 509, 511, 517, 520.
- Анноновы:**
— М. Н., генералъ, участникъ ахалтекинскаго похода, т. V, 580, 581, 836, 856, 858, 861.
— Москвитъ, т. V, 31.
— Н. Н., кievскій генералъ-губернаторъ, т. IV, 723.
— П. В., писатель, т. IV, 484.
- Анофріевъ**, Иванъ, писецъ, т. IV, 165, 166.
- Антони**, француженка, т. VI, 626.
- Антонинъ**, архимандритъ, т. VI, 867, 868.
- Антоній** (Ильишевичъ), епископъ вятскій и великопермскій, т. V, 61, 62, 64, 66.
- Антоновичъ**, Влад. В., профессоръ кievскаго университета, т. IV, 942; т. VI, 871.
- Антоновскій**, Стефанъ, протоіерей, членъ слободско-украинской консисторіи, т. V, 567, 568, 571.
- Антонъ-Ульрихъ**, принцъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, супругъ правительницы Анны Леопольдовны, т. V, 240, 257, 262, 265, 268, 269, 271, 491, 506, 509, 510, 517.
- Антуфьевы:**
— Демидъ Григор., крестьянинъ Тульской губерніи, родоначальникъ дворянъ Демидовыхъ, т. V, 663, 664; т. VI, 9.
— Никита Демидовичъ, т. V, 663; т. VI, 9, 213.
- Анучины:**
— Д. Н., т. VI, 869.
— Доцентъ московскаго университета, т. VI, 209.
- Анциферовъ**, Петръ Николаев., коллеж. ассес., эксплуататоръ чугунной руды въ Кромскомъ у., Орловск. губ., т. IV, 373—375, 377, 380—384, 386, 389.
- Апраксины:**
— Владим., т. V, 22.
— Генералъ-лейтенантъ. Указъ Павла I на его вѣд. Т. VI, 204.
— Маіоръ гвардіи, т. V, 272.
— П. И., графъ, т. V, 25.
— Русскій дворянскій домъ, т. V, 19, 20, 22.
— Степ. Степ., смоленскій военный губернаторъ, т. V, 12.
- Аранчевъ**, гр. Алексій Андреев., генералъ отъ артиллеріи, военный министръ, т. IV, 123; т. VI, 555, 556.
- Арбузовъ**, Алексій Афанас., поручикъ, т. IV, 591—593.

- Аргирь**, греческій императоръ. См. Романъ.
- Арди**, артистъ императорскихъ театровъ, т. IV, 230.
- Ардишвили**, поручикъ лейбъ-гвардіи Эриванскаго полка, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 592.
- Арендъ**, польскій революціонеръ, т. IV, 108.
- Аристарховъ**, крестьянинъ с. Крюкова, Тамбовской губ., скопецъ, т. V, 788.
- Аристовъ**, Н. Я., профессоръ, т. VI, 863.
- Арнольдъ**, Фед. Карл., дѣйствит. стат. совѣтникъ, директоръ петровской академіи, т. V, 686.
- Арульфъ**, маркграфъ, т. V, 149.
- Арсеній:**
— (Московинъ II), кievскій митрополитъ, т. V, 788, 790, 803, 804.
— Римскій дьяконъ, воспитатель дѣтей византійскаго императора Феодосія, т. VI, 584.
- Арсеньевы:**
— А. В. Ст. его: Первые русскіе студенты за границей. Т. V, 544—555. Старинная дѣла объ оскорбленіи величества, изъ нравовъ XVIII вѣка. Т. IV, 578 — 601, 822 — 838. Любопытная житейская записка 1706 г. Т. VI, 441, 442. Неудачный карьеристъ, мнимый заговоръ на жизнь императора Александра I. Т. VI, 531—547. Библиографическая замѣтка о его „Словарѣ писателей древняго періода русской литературы“. Т. VI, 846—849.
— Елизавета Алексѣевна, рожденная Столыпина, бабушка и воспитательница поэта М. Ю. Лермонтова, т. VI, 374—376.
— К. А., т. IV, 825.
— К. И., наставникъ императора Александра II, т. IV, 868; т. VI, 347.
- Артлебенъ**, редакторъ „Владимірскаго Ежегодника“, т. IV, 461, 685, 686.
- д'Артуа**, графъ. См. Карль X.
- Архаровъ**, Никол. Петр., московскій губернаторъ, а потомъ петербургскій генералъ-губернаторъ. Указъ Павла I на его имя. Т. VI, 203, 683, 684, 688, 695, 696.
- Арцишевскій**, полковникъ, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 828.
- Асатій**, словенный мастеръ, т. V, 495.
- Ассбургъ**, баронъ, т. VI, 830.
- Астафьевы:**
— Владиміръ, капитанъ, депутатъ воронежскаго дворянства, т. IV, 218.
— Генералъ-лейтенантъ, начальникъ 16 пѣхот. дивизіи, т. VI, 783.
- Афросимовъ**, т. V, 32.
- Ахвердова**, И. Н., т. V, 408.
- Ахметъ-Хювзи**, турецкій паша, т. IV, 867.
- Ахмыль**, татарскій посолъ, т. IV, 503.
- Ахшарумовъ**, Н. Д. Сообщ. некрологъ Е. Д. Безобразовой. Т. VI, 794—797.
- Аюадъ**, Жанъ, іерусалимскій драгоманъ, т. VI, 478.
- Аванасій:**
— Монахъ, переводчикъ „Чина и молитвы на поручество царей“, т. VI, 848.
— (Телятевъ), тамбовскій, впоследствии донской, епископъ, т. V, 802.
— Холмогорскій архіепископъ, т. V, 409.
- Аванасій Даниловичъ**, князь московскій, а потомъ монахъ, т. IV, 500.
- Аванасьевы:**
— Александръ Степ. (Чужбинскій), мажороссійскій писатель, т. VI, 33, 319 — 323.
— Исследователь русскаго язычества, т. IV, 927.
— Никита, крестьянинъ д. Сорочьи Горы, Ланшевскаго уѣзда, владѣлецъ Панаевой, т. IV, 699.

В.

- Багратионъ**, князь, сенаторъ, т. V, 27.
- Багратионъ-Имеретинскіе**, князья:
— Д. Г., командиръ Гродненскаго гусарскаго полка, т. VI, 338, 339.
— Ольга Валеріан., рожденная граф. Стройновская, т. VI, 338, 339.
- Банановъ**, Василій Борисов., протопресвитеръ и главный священникъ главнаго штаба Е. И. В. и гвард. и гренад. корпусовъ, т. IV, 898; т. VI, 345, 355—358.
- Баженовъ**, А. А., т. V, 408.
- Байеръ**, К. А., т. VI, 864, 865.
- Банрадзо**, Дм. Зах., стат. совѣтн., цензоръ кавказскаго цензурнаго комитета, т. VI, 867, 868.
- Бакунинны:**
— Мих. Александр., русскій агитаторъ, т. IV, 94—97, 99, 101, 102; т. VI, 616.
— Свитскій офицеръ, т. V, 27.
- Балабанъ**, епископъ. См. Геденъ.
- Балабинъ**, русскій посолъ при вѣнскомъ дворѣ, т. V, 471.
- Балкъ:**
— Екат. Алексѣев. См. Болтина.
— Тат. Алексѣев. См. Буткевичъ.
- Баллиго-де-Бень**, (Balligot de Beune), секретарь князя Куца, т. IV, 817.
- Баранова**, молоканка с. Бокіяна, Тамбовскаго уѣзда, т. V, 790.
- Барановичъ**, епископъ. См. Лаурентій.
- Барановскій**, Андрей, московскій выходецъ, т. VI, 85.
- Баратынскій**, Левъ Евгеніев., русскій доброволецъ въ Герцеговинѣ, т. V, 481.

- Бардовскій**, Вас. Степ., инспекторъ петербургской первой гимназіи, т. IV, 708—710.
- Барилей-де-Толли**, кн. Мих. Богдан., русский генераль-фельдмаршалъ и военный министр, т. V, 605, 613.
- Барминъ**, сельскій голова, т. V, 561.
- Барнсъ**, докторъ-еретикъ, т. IV, 664.
- Барсовъ**, профессоръ, т. IV, 685; т. VI, 209.
- Барсуновы:**
— Анна, скопчиха, т. V, 787.
— А. П. Библиографическая замѣтка о книгѣ его: „Родъ Шереметевыхъ“. Т. VI, 185—193.
- Бартеновы:**
— Всевол. Никит., флотскій офицеръ, дядя А. О. Писемскаго, т. IV, 700.
— Петръ Ив., редакторъ журн. „Русскій Архивъ“, т. VI, 842—846.
- Бартошевичъ**, Юліанъ, польскій писатель. Переводъ статьи его: Князь Курбскій на Волыни. Т. VI, 65—85.
- Бартъ**, слушательница Бестужевскихъ курсовъ, т. IV, 482.
- Бартинскіе**, князья:
— Александръ Иван., генераль-фельдмаршалъ, т. IV, 158.
— Степанъ, т. IV, 829, 831.
- Басенно**, Федоръ, новгородецъ, т. IV, 768.
- Батенковъ**, Г. С., декабристъ, т. VI, 438.
- Батуричъ**, Алексій Ив., т. IV, 229.
- Батѣвскій**, капитанъ, эскадронный командиръ нижегородскаго драгунскаго полка, т. VI, 551.
- Батюшковъ**, Констант. Никол., поэтъ, т. V, 15.
- Батый**, Батуханъ, татарскій ханъ, т. IV, 260, 261, 263, 264, 267.
- Бахиревъ**, Яковъ Исаев., кабинетъ-секретарь. Письмо къ нему слб. оберъ-полиціймейстера Татищева, т. V, 681.
- Бахметевъ**, Алексій Никол., генераль отъ инфантеріи, нижегородскій и казанскій генераль-губернаторъ, т. V, 11.
- Бачмановъ**, подпоручикъ, т. VI, 695.
- Башиловъ**, Семень, академическій переводчикъ, т. IV, 127.
- Бегеймъ-Шварцбахъ**, М., прусскій историкъ, т. V, 649.
- Беръ**, Карлъ Эрнстъ, академикъ, натуралистъ, т. VI, 601.
- Безбородко**, Александръ Александр., свѣтлѣйшій князь, дѣйстви. тайный совѣтникъ, государственн. канцлеръ, т. VI, 683, 684, 686, 688, 698, 702.
- Беззубовы:**
— Констант. Александр., т. VI, 191, 192.
- Русскіе дворяне, т. VI, 190.
- Безобразова**, Елис. Дмитр., рожденная Маслова, писательница. Некрологъ ея. Т. VI, 794—797.
- Бейльштейнъ**, гр. Антонія. См. кн. Меттернихъ.
- Бейсъ**, гр., Фридрихъ - Фердинандъ, австрійскій министр, т. V, 475.
- Беневъ**, Николай Ив., учитель, т. IV, 700.
- Бенетовы:**
— Андрей Николаев., тайный совѣтн., ректоръ петербургскаго университета, т. V, 686.
— Никол. Никол., дѣйстви. стат. совѣтникъ, профессоръ харьковскаго университета, т. IV, 423.
- Бенкария**, Чезаре, англійскій писатель, т. IV, 194, 210.
- Беннеръ**, К. А., т. V, 690.
- Белами**, французскій полковникъ, т. VI, 623—625.
- Белецкій-Носенко**, Пав. Павл., малороссійскій писатель, т. V, 712; т. VI, 33, 34.
- Беллини**, артистъ, т. V, 891—893.
- Беллюстинъ**, П. С., священникъ, т. V, 671.
- Бель**, Пьеръ, скептикъ, т. V, 165.
- де-Бельдмюйозо**, Христина (рожденная Тривульче), княгиня, т. V, 890—892, 896, 907, 909.
- де-Бельфонъ**, французскій маршалъ, т. VI, 8.
- Бемъ**, придворный оберъ-егерь, т. V, 258.
- Бенцичъ**, поручикъ, т. V, 674.
- Бенкендорфъ**, гр. Александръ Христофоровичъ, генераль-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ, т. IV, 341, 342, 408.
- Бентковский**, редакторъ „Варшавскихъ Записокъ“, т. V, 140, 142.
- Бергъ:**
— Никол. Вас. Статьи его: Морская экспедиція повстанцевъ 1863 года. Т. IV, 75—116. Повстанская экспедиція Сягизмунда Милковскаго въ 1863 году. Т. IV, 783—821. Императоръ Александръ II и графъ А. Замоискій. Т. IV, 869—872.
— О. Н., т. V, 419.
- Берда-Мурадъ-ханъ**, предводитель ахальтекинцевъ, т. V, 589.
- Бердовъ**, Иванъ, колодникъ, т. IV, 825—827.
- Бередниковъ**, Яковъ Иван., членъ академіи наукъ, т. IV, 133.
- Березовскій**, государственн. преступникъ, т. VI, 388, 389.
- Бернай**, (Берге или Береке), ханъ Большой или Золотой Орды, т. IV, 267.
- Берль**, Андрей, переславскій окружной протопопъ, т. IV, 696.

- Бернгардъ**, главнокомандующій протестантской коалиціи, т. V, 388, 389.
- Бернигова**, т. IV, 867.
- Берсонъ**, т. IV, 778—775.
- Бертонъ**, метръ д'отель, т. VI, 700, 701.
- Бертонъ**, Гизль, англійскій издатель, т. IV, 659.
- Бертъ**, Александръ, князь Невшателъскій и Ваграмскій, французскій маршалъ, т. VI, 631.
- Берхманъ**, симбирскій помѣщикъ, т. V, 17.
- Беръ**, Мартинъ, проповѣдникъ лютеранской церкви въ Москвѣ, т. V, 548.
- Бестумевы-Рюмины**:
— Гр. Алексѣй Петр., государственный канцлеръ. Докладная записка его Екатеринѣ II. Т. IV, 931, 932. Упомян. т. IV, 203; т. V, 503.
— Константинъ. Никол., дѣйств. ст. совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета. Ст. его: Августъ-Людвигъ Шлецеръ. Т. IV, 117—134.
— Петръ Мих., тайный совѣтн., обер-гофмейстеръ. Росписка, данная ему Анною Ивановною въ займъ денегъ подъ залогъ имѣнія. Т. V, 414.
- Бетлень Габоръ**, семиградскій князь, т. V, 379—381.
- Бехтольсгеймъ**, баронъ, австрійскій военный агентъ, т. IV, 882.
- Бецие**:
— Ив. Ив., дѣйств. тайный совѣтникъ, президентъ академіи художествъ, т. V, 445, 446, 448; т. VI, 830.
— И., издатель альманаха „Молодикъ“, т. V, 199.
- Бець**, Владим. Алексѣев., профессоръ кievскаго университета, т. V, 686; т. VI, 450.
- Бибиновы**:
Александръ Ильичъ, генераль-аншефъ, т. VI, 220, 223, 237.
— Александръ Петров., генер.-маіоръ. Письмо его къ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Т. VI, 677.
— Дмитрій Гавр., кievскій генераль-губернаторъ, т. IV, 721; т. V, 68.
— Настасья Петр., рожденная гр. Румянцева-Задунайская, т. VI, 677.
- Бисіо**, полковникъ, агентъ Джузеппо Гарибальди, т. VI, 794.
- Биландъ**, графъ, бригадиръ русской морской службы. Дуэль его съ гр. Робассомъ. Т. V, 185—187.
- Билинская**, графиня, т. V, 25.
- Билиштейнъ**, баронъ, т. VI, 830.
- Бильбасовъ**, редакторъ газеты „Голосъ“, т. V, 696.
- Биневичъ**, Марья Семен. См. Буткевичъ.
- Б—инъ**, Василій, священникъ села Добрыни, Кромскаго уѣзда, Орловской г., т. IV, 358—364.
- Б—ни**, губернёръ петербургской первой гимназіи, т. IV, 709, 711.
- Бипень**, Никол. Никол., тайный совѣтникъ, астраханскій губернаторъ, т. IV, 875.
- фонъ-Биронъ**:
— Густавъ, гвардіи подполковн., генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, т. V, 272, 503, 505, 506.
— Иоганъ-Эрнстъ, герцогъ курляндскій, т. IV, 203; т. V, 60, 237, 258, 270, 276, 492, 505.
— Карлъ, генералъ, т. V, 497.
- Бисмаркъ-Шенгаузенъ**, кн. Отто, прусскій государственный человѣкъ, т. IV, 938; т. V, 477, 479, 482.
- Біанин**, т. IV, 90, 91.
- Благонаровъ**, тамбовскій священникъ, миссіонеръ, т. V, 797.
- Ближнецовъ-Платоновъ**, нижегородскій епископъ. См. Моисей.
- Бобачинскій**, революціонеръ, т. IV, 92.
- Бобринская**, графиня, т. V, 32, 33.
- Бобровскіе**:
— П. О. Библиографическая замѣтка объ изслѣдованіи его: Происхождение „Артикула воинскаго“. Т. VI, 673.
— Стефанъ, членъ жонда народоваго, т. IV, 786.
- Богдановичи**:
— Игнатій, членъ польской комисіи единства, т. IV, 85.
— Модестъ Иг., генераль-лейтен., русскій военный историкъ. Замѣтка его: Дѣло при Дембе-Вельке 19 (31) марта 1831 года. Т. V, 279—282. Упомян. т. IV, 157; т. V, 460.
- Богдановскій**, Евст. Ив., дѣйствит. ст. совѣтникъ, профессоръ медико-хирургической академіи, т. V, 686.
- Богдановы**:
— А. Б., т. VI, 871.
— Поручикъ, молочанъ, т. V, 804.
- Богшичъ**, Балъг. Влас., профессоръ одесскаго университета, т. V, 202.
- Боголюбова**, Н. Г., гувернантка писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 301, 302.
- Боголюбскій**. См. Андрей Юрьевичъ.
- Богомоловъ**, Самойло, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 677.
- Богословскій**, М. И., законоучитель училища правовѣдѣнія, т. VI, 564.
- Богуславскіе**:
— Войтѣхъ, писатель, т. V, 731.
— Офицеръ, т. V, 281.

- Польскій актеръ и антрепренеръ, т. V, 148.
- Бодянский**, Осипъ Максим., профессоръ московскаго университета, т. V, 694, 710.
- Боллингброу**, виконтъ, англійскій государ. человекъ, т. IV, 181, 182, 185.
- Болоньетти**, графъ, т. V, 318.
- Болтины:**
- А. А., рожденная Скалонъ, т. VI, 549.
- Александръ Никол., т. VI, 335.
- Илья Александр., гвард. офицеръ, впоследствии совѣтникъ конюшеннаго правленія, т. VI, 548, 549.
- И. И., русскій историкъ, т. V, 164—166.
- Екат. Алексѣев., т. VI, 325.
- Болховитиновъ**, кievскій митрополитъ. См. Евгеній.
- Болънъ**, Анна, вторая супруга англійскаго короля Генриха VIII, т. IV, 661, 662.
- Бонамарше**, (Beaumarchaix), Пьеръ Огюстенъ Каронъ, французскій поэтъ, т. IV, 354—356.
- Бонапарты:**
- Французская династія, т. IV, 933.
- См. Наполеонъ и Геронимъ.
- Бондарскій**, Иаковъ, священникъ тамбовской епархіи, т. V, 804.
- Бонтивольо**, генералъ, помощникъ коменданта замка Св. Ангела въ Римѣ, т. V, 318.
- Боргезе**, Камилло, римскій папа. См. Павелъ.
- Борзцовскій**, I. M., протоіерей, т. IV, 229.
- Борзобогаты**, дворянскій домъ въ Польшѣ, т. VI, 75.
- Борисовъ**, поручикъ, т. V, 674.
- Борисъ:**
- (Годуновъ), царь московскій, т. V, 546—548, 664, 665.
- Князь ростовскій, т. IV, 265.
- Борисъ Андреевичъ**, князь, т. IV, 497.
- Борисъ Даниловичъ**, князь костромской, т. IV, 497, 499.
- Борисъ Константиновичъ**, князь суздальскій, нижегородскій и городецкій, т. IV, 740, 755—757.
- Боровиковскіе:**
- А. Л., т. V, 192.
- Левъ И., малороссійскій писателъ. Письма его къ М. А. Максимовичу. Т. V, 190—192. Упомян. т. VI, 33, 299—304, 307.
- Бородинъ**, Александръ Порф., действ. статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ медико-хирургической академіи, т. IV, 423.
- Бороздинъ**, Василій, драгунскій подполковникъ, т. IV, 219.
- Борхъ**, графъ, свиты Е. В. генералъ, майоръ, участникъ ахаль-текинской экспедиціи т. IV, 618, 619, 621, 622; т. V 584, 587, 588.
- Боснампъ**, голландецъ, т. VI, 127—131, 133—135.
- Боссюэтъ**, Иаковъ Беннигъ, авторъ книги „Politique tirée des progres paroles de l'écriture sainte“, т. VI, 384, 385.
- Ботнины:**
- В. П., т. V, 690.
- Сер. Петр., тайный совѣтн., докторъ медицины, лейбъ-медикъ, профессоръ медико-хирургической академіи, т. IV, 882, 883, 885, 897, 898.
- Боттъ**, скульпторъ, т. V, 422.
- Браддонъ**, англійскій генералъ, т. V, 47.
- Брайдонъ**, англійскій путешественникъ, т. VI, 825, 826.
- Бранденбургъ**, Н. Е., т. VI, 871.
- Брандесъ**, Г., профессоръ копенгагенскаго университета. Замятка по поводу лекціи его. Т. VI, 436—438.
- Браниціе:**
- Графиня, племянница кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго, т. VI, 680.
- Ксаверій, вождь польской эмиграціи, т. IV, 80, 81, 88, 791.
- Браниони**, графиня, фаворитка герцога Брауншвейгскаго Карла, т. V, 123.
- Брауншвейгскій**, герцогъ, т. IV, 80, 88.
- Брахманъ**, докторъ, т. IV, 459.
- фонъ-Бревернъ:**
- Действит. стат. совѣтникъ, т. V, 275.
- Статсъ-дама, рожденная баронесса фонъ-Кейзерлингъ, т. V, 275.
- Бредфордъ**, рожденная Вильмотъ, англичанка, т. VI, 661, 662.
- Бреслау**, нѣмецкій ученый, т. V, 634, 635.
- Бржозовскій**, польскій революціонеръ, т. IV, 806, 808.
- Бриннеръ**, Алекс. Густавов., действит. стат. совѣтникъ, профессоръ дерптскаго университета. Ст. его: Князь М. М. Щербатовъ, какъ членъ „Большой Коммисіи“ 1767 г. Т. VI, 217—249. Путешествіе императрицы Екатерины II въ Вышній - Волочекъ и Москву въ 1785 году. Т. VI, 681—702. Упомян. т. VI, 869.
- фонъ-дёръ-Бриннонъ**, Туснезда, т. IV, 403.
- Брисноръ**, статсъ-секретарь у принцата прошеній, т. IV, 216.
- Бромъцъ**, Севастьянъ, совѣтникъ адмиралтейской коллегіи, т. IV, 217.
- Бродзинскій**, польскій поэтъ, т. V, 140.
- Брозіусъ**, римско-католическій священникъ-миссіонеръ, т. V, 39.

- Бронеръ**, московскій полиціймейстеръ, т. V, 21, 25.
- де-Брольи**, Викторъ-Франс., маршалъ Франціи, т. VI, 126.
- Бруни**, Федоръ Антон., художникъ, т. V, 807.
- Брунновъ**, баронъ Эрнстъ-Филиппъ, русскій дипломатъ, т. V, 461, 462.
- Брунь**, Ф. К., т. VI, 869.
- Брюлловъ**, Карлъ Павлов., художникъ, т. IV, 136—138; т. V, 807, 808.
- Брюнины**:
— Крестьянинъ с. Кржкова, Тамбовской губ., скопецъ, т. V, 787.
— Анна, крестьянка, скопчиха, т. V, 787.
- Брюсь**, графиня:
— Прасковья Александр., рожденная Румянцева, статсъ-дама. Письма ея къ ея брату гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому. Т. IV, 606, 696.
— Яковъ Александр., генералъ-аншефъ, петербургскій главнокомандующій. Письмо его къ гр. Румянцеву-Задунайскому. Т. VI, 674, 675. Упомян. т. IV, 695; т. VI, 687, 688, 691.
— Яковъ Вилим., генералъ-фельдцейхмейстеръ, президентъ бергъ-коллегіи и сенаторъ, т. IV, 579.
- Буасье**, Густавъ. Библиографическая записка о сочинении его: Цицеронъ и его друзья. Т. IV, 922—924⁴.
- Будановъ**, крестьянинъ Пензенской губ., ратникъ, возмутитель крестьянъ, т. VI, 791.
- Будбергъ**, камеръ-юнкеръ, вполнѣдствіи ревельскій губернаторъ, т. IV, 466, 467.
- Буженинова**, калмычка, невѣста кн. Голицына, т. V, 277.
- Булатовъ**, кирсановскій засѣдатель, т. VI, 445.
- Булгановъ-Гѣлица**, кн. Ив. Мих., родоначальникъ князей Голицыныхъ, т. VI, 186.
- Булгановы**:
— Александръ Яков., московскій почтъ-директоръ. Изъ писемъ его къ князю П. А. Вяземскому. Т. V, 1—33. Упомян. т. V, 423, 424.
— Константинъ Яков., московскій, а потомъ петербургскій почтъ-директоръ, т. V, 4, 20, 22.
— Крестьянинъ, молокоанъ, т. V, 790.
— Михаилъ. См. Макарій.
- Ф. И. Ст. его: Тенденціозный взглядъ на преподаваніе исторіи. Т. IV, 168—176. Нѣмецкая партія въ русской академіи. Т. IV, 421—431. Томасъ Карлейль. Т. IV, 631—636. Общественное броженіе и русская школа. Т. IV, 858—865. Календоскопъ московской жизни, изъ писемъ А. Я. Булгакова къ князю П. А. Вяземскому. Т. V, 1—33. Оригинальное народничанье. Т. V, 337—342. Письмо его въ редакцію: Въ защиту исторіи въ историческомъ романѣ. Т. VI, 835—837.
- Булгаринъ**, Фаддей Венедиктов., литераторъ и журналистъ. Донесеніе его въ нарвскую городовую полицію. Т. VI, 446, 447. Упомян. т. V, 167, 170.
- Буличъ**, Никита Ив., правитель канцеляріи начальника казанскаго жандармскаго округа, т. IV, 698.
- Булыга**, Дмитрій, князь, т. VI, 84.
- Булыгинъ**, майоръ, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 839.
- Бунге**:
— Никол. Андр., ординарный профессоръ кievскаго университета, т. IV, 423.
— Никол. Христіан., тайн. совѣт., профессоръ и ректоръ кievскаго университета, а потомъ управляющій мин. финансовъ, т. IV, 716—718, 721, 723, 725, 726.
- Бурбоны**, династія, т. V, 103, 111; т. VI, 150.
- Бурбье**, французъ, гувернеръ дѣтей К. Г. Разумовскаго, т. IV, 124.
- Бургондію**, пѣвица, т. V, 27—30.
- Бурдуинъ**, Василій, скопецъ, т. V, 788.
- Буренинъ**, В. П., писатель. Экспромтъ его на вечерѣ въ честь Горбунова. Т. IV, 231, 232.
- Бурнинъ**, одинъ изъ крупныхъ представителей московскихъ торговцевъ, т. IV, 159.
- Буташевичъ-Петрашевскій**. См. Петрашевскій.
- Бутеновъ**, А. П., русскій дипломатъ, т. VI, 842.
- Бутневичи**:
— Александръ Дмитр., генералъ, т. VI, 325—328, 554—561.
— Алексѣй Александр., подполковникъ, т. VI, 335.
— Анна Ив., рожденная фонъ-Моллеръ, т. VI, 326, 327, 335.
— Варвара Александр. См. Татищева.
— Вѣра Александр., т. VI, 336, 565—567, 844, 845.
— Дмитр. Мих., генералъ-поручикъ, т. VI, 324.
— Екатер. Александр. См. Зурова.
— Екат. Александр., рожденная Кошелева, т. VI, 326.
— Любовь Александр., См. Маевская.
— Марья Семен., рожденная Бинкевичъ, т. VI, 329.
— Мих. Ив., полковникъ, а потомъ схимникъ Кіево-Печерской лавры, т. VI, 324.
— Никол. Александр., т. VI, 335.
— Софья Александр., т. VI, 336.
— Татьяна Алексѣев., рожденная Балкъ, т. VI, 324.

Бутковъ, Яковъ Петр., писатель-самоучка. Воспоминанія о немъ А. П. Милюкова. Т. IV, 391—400.

Бутлеровъ, Александръ Мих., дѣйств. стат. совѣт., академикъ, т. IV, 421, 424.

Бутурлинъ, Дм. Петр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, членъ государств. совѣта, сенаторъ, т. IV, 227.

Быновъ, полковой адъютантъ Образцоваго полка, т. IV, 403.

Бычковъ, Аванасій Федор., тайный совѣтникъ, ординарный академикъ и помощникъ директора публичной бібліотеки, т. VI, 699.

Бѣленькій, т. VI, 863.

Бѣлинскіе:

— Виссар. Григ. Материалы къ его біографіи. Т. VI, 365—378. Замятка о портретѣ его. Т. VI, 456. Упомян. Т. IV, 454, 483, 484, 607, 608, 683, 684; т. V, 690, 708.

Братъ предыдущаго, т. VI, 369—371.

— Чембарскій врачъ, т. VI, 368.

Бѣлгородовъ, полковникъ, участникъ Пугачевскаго мѣтежа, т. V, 673, 674.

Бѣловы:

— Евг. Алекс. Библиографическая замятка его: Воцареніе Анны Ивановны—Корсакова. Т. IV, 196—205.

— И. Д. Библиографическая замятка его: Названіе московскихъ улицъ и переулковъ—Мартынова, т. V, 913—920.

Бѣльскій, священникъ с. Ольховки, Борисоглебскаго уѣзда, т. V, 793.

Безюсфильдъ, гр. Веніамънъ (Дизраэли), виконтъ Югенденъ, англійскій государственный человѣкъ. Некрологъ. Т. V, 196—198. Упомян. т. IV, 183, 184.

Бэнонъ, англійскій писатель, т. IV, 191.

Бэнь (Ваупе), Петръ, т. IV, 665.

Бюноа, командующій римско-германскими войсками, т. V, 379, 380.

Бюлеръ, бар. Фед. Андр., гофмейстеръ, директоръ главнаго московскаго архива мин. иностр. дѣлъ, т. IV, 451, 453.

Бюлозъ, редакторъ „Revue des Deux Mondes“, т. V, 897.

Бурсе, Аврора, рожденная Домергъ, директриса французскаго театра въ Брауншвейгѣ, т. V, 345, 354, 884; т. VI, 165, 166.

В.

Вавиловъ, Иванъ, фельдфебель, комендантъ прусской колоніи Александровка, т. V, 218.

Вайтингъ, аббатъ, т. IV, 662.

Вайцъ (Waitz), Георгъ, германскій историкъ, т. V, 144—146, 150.

Валевскій, гр. Флоріанъ-Алексѣй-Жозефъ-Колонна, французскій министръ, сенаторъ и дипломатъ, т. V, 461, 467.

Валигурскій, Александръ, членъ польской коммисіи единства, т. IV, 85.

Валленштейнъ, Альбрехтъ, герцога фридрихландскій, т. V, 384—391.

Валуевы:

— Гр. Петръ Александръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, министръ внутрен. дѣлъ, а впоследствии председатель комитета министровъ, т. VI, 382.

— Петръ Степанъ, тайный совѣтникъ, главноуправляющій кремлевскою экспедиціею и мастерскою оружейной палаты, т. IV, 418—420.

Валь, Эдуар. Карл., дѣйствит. стат. совѣтникъ, профессоръ деритскаго университета, т. V, 686.

Вальдштейнъ, кн. Дарья Александр., рожденная Румянцова, т. VI, 674.

Вальполь:

— Генри, т. IV, 664.

— Горась, т. IV, 190.

— Робертъ, графъ Оксфордскій, англійскій государств. человѣкъ, т. IV, 185, 191, 194; т. V, 492.

Вандинъ, Антоновъ, нидерландскій живописецъ-портретистъ, т. V, 195, 196.

Варночъ, Николай, цесарскій посланникъ въ Москвѣ, т. V, 549.

Варлаамъ:

— Архимандритъ, духовникъ императрицы Анны Ивановны, т. V, 240.

— Григорій (Шимадскій), архіепископъ могилевскій. Растрженіе его. Т. V, 522—543.

— (Скамницкій), епископъ вятскій и великопермскій, т. V, 60, 61, 66.

Варлендъ, иноземецъ, т. V, 257.

Варрандъ, преподаватель англійскаго языка императору Александру II, т. VI, 348.

Варрентрапъ, Германъ, ученый, т. V, 365.

Варроломей (Любарскій), епископъ вятскій и великопермскій, т. V, 62, 63, 66.

Василій Александровичъ, князь новгородскій, т. IV, 264, 266.

Василій Васильевичъ Тенинъ, великій князь московскій, т. IV, 242, 740—763, 766—769, 771.

Василій Дмитріевичъ, великій князь московскій, т. IV, 755, 758—760.

Василій Дмитріевичъ Нирдякъ, князь, родоначальникъ Шуйскихъ и Скопинныхъ, т. IV, 756.

Василій Ивановичъ, первый царь московскій, т. IV, 774, 776, 780—782; т. V, 855.

- Василій Юрьевич Косой**, князь, т. IV, 761, 762.
- Василій Ярославич Мизинный**, князь костромской, т. IV, 262, 490, 491.
- Васильевские**:
— В. Г., профессор петербургск. университета. Записка по поводу изданнаго имъ документа: „Совѣты и рассказы византийскаго боярина XI вѣка“. Т. VI, 568—585.
— Тамбовскій епископъ. См. Иона.
- Васильевы**:
— Герасимъ, заштатный церковникъ Шацкого уѣзда, т. VI, 445.
— И., лебеданскій соборный пономарь, т. V, 796.
— Левъ, дьячекъ Кочетовской слободы, Козловскаго уѣзда, т. V, 801.
— Поручикъ, участн. ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 833.
- Васильчиновы**, князья:
— Александръ Илларионов., дѣйствит. стат. совѣтникъ. Его некрологъ. Т. VI, 798—806. Упом. т. VI, 449.
— Киевскій генераль-губернаторъ, т. IV, 720.
- Вассіанъ** (Топорковъ), епископъ ростовскій, т. IV, 685.
- Ватерлей** (Weatherley), капитанъ парохода польскихъ повстанцевъ Вардъ-Джаксонъ, т. IV, 89, 94—97, 100.
- Веберъ**, московскій купецъ, т. V, 606.
- Веймаръ**, генераль-адъютантъ, начальникъ гвардейскаго штаба, т. IV, 412, 413.
- Вейтбрехтъ**, петербургскій книгопродавецъ, т. IV, 224.
- Велепольскій**, графъ, т. V, 73.
- Велеслей**, англійскій военный агентъ, т. IV, 882.
- Велеурскій**, камеръ-юнкеръ, т. IV, 223.
- Веллингтонъ**, Артуръ-Веллеслей, т. V, 325, 332.
- Вельяминовъ**, Ив. Вас., московскій тысящій, т. IV, 745, 747.
- Венгрнецій**, авторъ юридическихъ сочиненій, т. V, 137.
- Веніаміновъ**, Иванъ, московскій митрополитъ. См. Иннокентій.
- Веніаминъ**:
— Подляскій римско-католическ. епископъ, т. V, 84.
— (Сахновскій), епископъ вятскій и великопермскій, т. V, 60, 66.
- Вердеръ**, прусскій генераль, т. IV, 877.
- Верещагинъ**:
— Московскій купецъ, т. V, 602.
— Писатель, т. VI, 670, 671.
- Вериго**, Алекс. Андр., ординарный профессоръ вovorоссійскаго университета, т. IV, 423.
- Вертейль**, московская актриса, т. VI, 165.
- Веселитские**:
— Генераль-лейтенантъ, т. IV, 402, т. V, 73.
- Веселовские**:
— Александр. Никол., академикъ, т. IV, 212, 214.
— Константин. Степан., тайн. совѣтн., непремѣнный секретарь петербургской академіи, т. IV, 422.
- Весинъ**, С. Библиографическая записка о его „Очеркахъ исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ“. Т. V, 166—171.
- Вестфаленъ**, датскій посолъ въ Петербургъ, т. IV, 203.
- Вивить**, Францъ, учитель, т. IV, 218.
- Видау**, графъ, путешественникъ, т. V, 24.
- фонъ-Видъ**, Германъ, архіепископъ кельнскій, т. V, 365.
- Визауръ**, князь, т. V, 885—887.
- фонъ-Визинъ**. См. Фонвизинъ.
- Викторія I** (Александрина), королева Великобританіи и Ирландіи, т. IV, 633.
- Викторовъ**, бібліотекаръ руминцевскаго музея, т. VI, 209.
- Викторъ** (Садковскій), мянскій архіепископъ, т. V, 526, 527.
- Виландъ**, Христофоръ-Мартинъ, поэтъ и журналистъ, т. IV, 131.
- Вильсонъ**, англичанинъ, т. V, 27.
- Виллель**, Иосифъ, графъ, первый министръ Франціи, т. V, 325.
- Виллерсъ**, учитель въ Москвѣ, т. VI, 164.
- Виллисъ**, англійскій докторъ, т. V, 546.
- Вильбуа**:
— Никвта Петр., морякъ. Письма его къ сестрѣ У. П. Гринвальдъ. Т. V, 937, 938.
— Устинья Петр. См. Гринвальдъ.
- Вильгельмъ**:
— I, король Нидерландскій, т. V, 39, 45.
— I (Фридрихъ-Людвигъ), германскій императоръ, т. V, 477.
— III, король Англіи, Шотландіи и Ирландіи, т. IV, 181, 671.
- Вилде**, подполковн., участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 841.
- Вилдъ**, Генр. Нв., дѣйствит. стат. совѣтн., академикъ, т. IV, 422.
- Вилькенсъ**, капитанъ паруснаго судна „Эмилія“, т. IV, 105.
- Вильмотъ**, миссъ. См. Бредфорлъ.
- Виноградскій**, московскій митрополитъ. См. Августинъ.
- Вингеймъ**, академикъ, т. IV, 427.
- Винценгероде**, Фердинандъ Федоров., генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи, т. VI, 160.

- Вирховъ**, Рудольфъ, профессоръ, т. VI, 869.
- Висноватовъ**, П. А., профессоръ, т. VI, 449.
- Витвортъ (Withworth)**, фабрикантъ оружія и пороха въ Лондонѣ, т. IV, 84 793.
- Витгенштейнъ-Зейнъ фонъ-Беглербургъ**:
— Графъ, прусскій государственный министръ, т. V, 104.
— Кн. Эмиль, генералъ-адъютантъ, генералъ-маіоръ, т. IV, 881, 890.
— Князь, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 584, 587.
— Петръ Христіановъ, свѣтлѣйш. князь, русскій генералъ-фельдмаршалъ, т. V, 220.
- Витновскій**, Н. И., т. VI, 864.
- Витовскій**, Альбертъ Осиповичъ, становой приставъ Кромскаго уѣзда, Орловской губ., т. IV, 370.
- Витовтовъ**, Алексѣй, московскій дьякъ, т. V, 550—554.
- Витте**, Ѳеодоръ Ѳеодор., тайн. совѣтн., сенаторъ, попечитель варшавскаго учебнаго округа, т. IV, 722.
фонъ-Витте, подполковница, взятая въ плѣнъ Пугачевымъ, т. V, 676.
- Вишневскіе**:
— Гедеонъ, т. IV, 458.
— Подполковникъ, сербъ, т. V, 502.
- Владиміровы**:
— Маіоръ, т. V, 785.
— Елатомскій засѣдатель, т. V, 800.
- Владиміръ Александровичъ**, великій князь, т. IV, 875; 880; т. V, 421.
- Владиміръ Андреевичъ Храбрый**, князь серпуховскій, т. IV, 744.
- Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ**, великій князь кievскій, т. IV, 243.
- Влайковичъ**, Георгій, севастиопольскій капитанъ и предводитель войскъ въ Босніи, т. V, 482.
- Власовъ**, Харлампій, священникъ тамбовской епархіи, т. V, 799.
- Водовозовъ**, Вас. Иван., учитель петербургской первой гимназіи, т. IV, 713, 715.
- Войновы**:
— Александръ Ѳеодор., профес., писатель и журналистъ, т. V, 167, 170, 171.
— Н. Н., адъютантъ А. П. Ермолова, т. IV, 151.
- Возницкая**, Марья Александр. См. Маевская.
- Возницынъ**, Прокопій Богдановичъ, русскій дипломатъ, т. V, 202—204, 219.
- Войнова**, Лидія Антонова. См. Перовская Софья.
- Войццидій**, К. В. Замятка по поводу книги его: „Варшава, ея умственная жизнь и литературное движеніе съ 1800 по 1830 г.“. Т. V, 134—143.
- Волгинъ**, Иванъ, колонистъ прусской колоніи Александровка, т. V, 218.
- Волковы**:
— Александръ Александр., генералъ-лейтенантъ, московскій окружный начальникъ, т. V, 6, 20, 22.
— Дм. Вас., членъ „Дирекціонной комисіи“, т. VI, 223.
— Московскій полиціймейстеръ, т. V, 607, 608, 610.
- Волконскіе**:
— Кн. Григорій Петр., предсѣдат. цензурнаго комитета, т. IV, 350.
— М., депутатъ „Большой Коммисіи“, т. VI, 223.
— Наталья, т. V, 32.
— Кн. Никита, т. V, 257.
— Петръ Мих., свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, министръ двора, т. V, 11, 14; т. VI, 543.
- Воловичъ**, Евстафій, польскій подканцлеръ, т. VI, 67.
- Вологдинъ**, Иванъ, т. V, 690.
- Вольнскіе**:
— Артемій Петр., оберъ-егермейстеръ и кабинетъ-министръ, т. V, 489—492, 497.
— Дворянинъ, т. V, 554.
фонъ-Вольденъ, прусскій тайный совѣтникъ, т. V, 648.
- Вольскіе**:
— Адольфъ Вас., директоръ кievскаго кадетскаго корпуса, т. IV, 402.
— Польскій королевскій посланецъ, т. VI, 75.
- Вольтеръ**, Франсуа-Мари, французскій писатель и энциклопедистъ, т. IV, 124, 188, 189, 228, 455; т. V, 36, 165, 654.
- Вольфъ**, католическій патеръ, т. V, 637.
- Вороничъ**, Янъ-Павель, римско-католическій варшавскій архіепископъ, пріамась и поэтъ, т. V, 140.
- Вороновскій**, Петръ, московскій выходецъ, т. VI, 85.
- Воронцовы**:
— Гр. Александръ Роман., государственный канцлеръ, т. V, 758, 761; т. VI, 702.
— Гр. Анна Карловна, рожденная Скавронская, оберъ-гофмейстерина, т. IV, 696.
— Гр. Анна Михайл. См. гр. Строганова.
— Гр. Екатер. Роман. См. кн. Дашкова.
— Гр. Мих. Иларіон., государственный канцлеръ, т. IV, 696.
— Кн. Мих. Семен., фельдмарш., кав-

казский намѣстникъ, генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ, т. IV, 148, 158, 457, 458, 460, 463; т. V, 661; т. VI, 863.

— Гр. Семень Роман., посолъ при Великобританскомъ дворѣ т. IV, 696; т. V, 408; т. VI, 661.

Воронцовы-Дашковы:

— Графиня, т. V, 304.

— Графъ, т. IV, 882.

Воропановъ, поручикъ, начальникъ охотничьей команды ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 847.

Воротынскіе, русскій княжескій домъ, т. IV, 197.

Воскресенскіе:

— А. А., попечитель харьковского учебнаго округа, т. V, 133.

— В. Библиографическая замѣтка о его „Сборникъ сказаній, быливъ, пѣсень, обрядовъ и пр.“ Т. VI, 656—660.

Востоновъ, Александръ Христофор., основатель русской грамматики, т. V, 115.

Вота, католическій паптеръ, т. V, 637.

Всеволодъ Юрьевичъ, Большое Гнѣздо, князь ростовскій и суздальскій (род. 1154 года), т. IV, 245, 249, 251—258.

Всеволодъ Ярославичъ, суздальскій и ростовскій князь, т. IV, 243.

Всеволожскій, великожа, т. V, 601.

Вульзей, кардиналъ, т. IV, 663.

Вульфъ, Анна Григ. См. Квятка.

Выводцевъ, Дав. Ил., докторъ медицины, т. V, 686.

Выговскіе:

— Давило, т. VI, 63.

— Иванъ, польскій сенаторъ, т. VI, 62, 63.

Высокій, Павелъ, писатель, т. VI, 848.

Высоцій, польскій революціонеръ, т. IV, 784—791, 793.

Вяземскіе, князья:

— Александръ Алексѣевъ, дѣйствит. тайный совѣтн., генералъ-прокуроръ. Собственноручный указъ ему Екатерины II. Т. V, 938. Упомян. т. V, 761.

— Андрей Ив., тайный совѣтникъ, сенаторъ, т. V, 690, 691; т. VI, 434, 435.

— Ив., т. VI, 224.

— Петръ Андр., поэтъ и критикъ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіяхъ. Т. IV, 679—681. Письма къ нему московскаго почтъ-директора А. Я. Булгакова. Т. V, 1—33. Упомян. т. IV, 152, 175, 354, 356; т. V, 300, 303, 304, 423, 424, 658—662.

— П. П., т. V, 2, 419, 421; т. VI, 484.

Вязмитиновъ, генералъ, петербургскій главнокомандующій, т. V, 801.

Г.

Габашиъ, Габріель, іерусалимскій драгоманъ, т. VI, 466—511.

Габріелли, Катерина, пѣвица, т. VI, 825, 826.

Гавриловы:

— Учитель писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 301, 302.

— Членъ археологическаго института, т. IV, 685; т. V, 199.

Гавриль:

— (Домецкій), архимандритъ московскаго Симонова монастыря, т. VI, 667.

— (Петровъ), митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій. Указъ Павла I на его имя. Т. VI, 205.

Гагарины:

— Княгиня, рожденная Бобринская, т. V, 32.

— Княж. Дарья Вас. См. Голицына.

— Кн. Матвій, первый сибирскій губернаторъ, т. VI, 208.

— Кн. Серг. Серг., т. VI, 15.

Гадолинъ, Алекс. Вильг., генералъ-лейтенантъ, академикъ, т. IV, 422.

Газениампфъ:

— Госпожа, агентъ тайной полиціи, т. IV, 407, 408.

— Поручикъ Азовскаго пѣхотн. полка, т. IV, 405, 407, 408, 412, 413.

Газъ, французъ, учитель писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 302.

Гай, Людевитъ (Степанъ Ивановичъ), иллириецъ, ученый, т. V, 228, 229.

Гайдаровъ, подполковникъ, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 847.

Галаховъ, Алексій Дм., писатель и преподаватель русск. словесности. Замѣтки о его „Исторіи словесности“. Т. IV, 212—215.

Галензовскій, Северинъ, докторъ, директоръ польской эмиграціонной школы въ Батиньогъ, т. IV, 81, 88.

Галченновъ, надворный совѣтникъ, т. VI, 334, 335.

Гальвицъ, Германъ, историкъ, т. V, 385, 390.

Гальпертъ, подпоручикъ, комендантъ въ Горномъ-Студенѣ, т. IV, 886.

Гамальтъ, тамбовскій губернаторъ, т. V, 803.

Ганганелли, Лоренцо, римскій папа. См. Климентъ.

Ганзель, агентъ пароходства, т. IV, 96, 97, 105, 111.

Ганецкій, Ив. Степан., генералъ отъ инфантеріи, комендантъ петербургской крѣпости, т. IV, 890.

Ганкинъ, Рахманкулъ, татаринъ, участникъ пугачевского мятежа, т. V, 678.

- Гансенъ, вѣнскій археологъ. т. IV, 943.
 Ганъ, А. Ф., генераль. т. V, 73, 74.
 Гардвинъ, лордъ, т. IV, 188.
 Гарденбергъ, кн. Карль-Августъ, прусскій государственный канцлеръ, т. VI, 152.
 Гардеггъ, содержатель отеля въ Яффѣ, т. VI, 277—279.
 Гарнави, А. Я., т. VI, 863, 864.
 Гарпсфильдъ, профессоръ греческаго языка въ Оксфордѣ, архидиаконъ Кантерберійскій, т. IV, 657, 658, 661, 662.
 Гарригъ, англичанка, т. IV, 191.
 Гартунгъ, владѣлецъ первой частной типографіи въ Петербургѣ, т. IV, 224.
 Гаттереръ, Иоганъ-Христофоръ, ученый, т. IV, 127, 131.
 Гвановъ, Григорій, священникъ, т. VI, 442.
 Гегій (Гегіусъ или Гекъ), вестфальскій педагогъ, т. IV, 434.
 Гедеоиъ (Балабанъ), епископъ галицкій, львовскій и каменецъ-подольскій, отвергнувшій унию, т. V, 665.
 Гедиминовичи, литовскій родъ, т. VI, 190.
 Гедиминовичи-Патриковъ, русскій дворянскій домъ, т. IV, 197.
 Гедроицъ, кн. А. Э., путешественникъ, т. VI, 455.
 Гейде, частный приставъ петербургской полиціи, т. VI, 544—547.
 Гейльфедеръ, врачъ, участникъ ахальтекинской экспедиціи, т. V, 851.
 Гейне:
 — Генрихъ, поэтъ. Воспоминанія о немъ г-жи Жоверъ. Т. V, 888—912. Упомян. т. IV, 119.
 — Жюльета, жена поэта, т. V, 895, 898, 899, 904, 905, 911.
 Гейсмаръ, генераль, т. V, 280, 281.
 Гельзъ, Джонъ, т. IV, 665.
 Гельмерсенъ, Григ. Петр., горный инженеръ, генераль-лейтенантъ, академикъ, т. IV, 422.
 Гельфманъ, Геся Мирова, мѣшанка, царевубійца, т. IV, 902.
 Гемиліанъ, Валер. Алекс., и. д. доцента варшавскаго университета, т. IV, 423.
 Генингеръ, совѣтникъ, т. V, 508.
 Генингъ, горнозаводскій промышленникъ, т. VI, 596.
 Геннади, Григ. Никол., библиографъ, т. IV, 675.
 Генрихъ:
 — IV, нѣмецкій императоръ, т. V, 364.
 — VIII, англійскій король, т. IV, 657, 660—664.
 Генрихъ - Фридрихъ - Людвигъ, принцъ прусскій, т. VI, 681.
 Генцъ, Фридрихъ, германскій дипломатъ. т. V, 103, 104, 106, 210, 329, 335; т. VI, 153, 156.
 Георги, Иоганъ-Готлибъ, путешественникъ, академикъ, т. VI, 212, 213.
 Георгій, монахъ Троицко-Сергіевской лавры, т. VI, 848.
 Георгъ:
 — II (Августъ), король Великобританіи, курфирстъ ганноверскій, т. VI, 126, 127.
 — IV (Фридрихъ-Августъ), король Великобританіи и Ганновера, т. V, 110, 325.
 Георгъ-Вильгельмъ, ганноверскій принцъ, т. V, 633.
 Гервей, лордъ, т. IV, 186.
 Гервинусъ, Георгъ-Готфридъ, нѣмецкій историкъ, т. V, 116.
 Гердеръ, Иоганъ - Готфридъ, нѣмецкій писатель, т. IV, 210; т. V, 116.
 Геро, французъ, т. V, 603.
 Герольтъ, Иоганнъ, доминиканецъ, проповѣдникъ, т. IV, 434.
 Геруа, генераль-адъютантъ, начальникъ инженернаго штаба, т. IV, 412.
 Герцбергъ, Г. Ф., докторъ. Библиографическая замѣтка о его „Исторіи Греціи“. Т. V, 398—402.
 Герценъ, Александръ Ив., т. IV, 75—80, 83, 85, 86, 88, 91, 107, 339; т. VI, 616.
 Герцъ, К. В., ученый, т. IV, 944.
 Гессе, Екат. Мих., т. VI, 450.
 Гессенъ-Гомбургскій, принцъ, т. V, 14.
 Гёте, Иоганъ - Вольфгангъ, нѣмецкій ученый, т. V, 119.
 Гецель, варшавскій книжникъ, а потомъ зеркальннй фабрикантъ, т. V, 142.
 Гидди, саксонскій графъ, колонизаторъ, т. V, 155.
 Гина, Леонъ, галацкій префектъ, т. IV, 812, 813, 818, 819, 821.
 Гильденштедтъ, академикъ, т. VI, 869.
 Гильтебрандъ, Петръ Андр. Замѣтка о его справочномъ словарѣ въ новому завѣту. Т. VI, 452—454. Упомян. т. V, 419, 420, 524, 540.
 Гинглятъ, офицеръ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, т. IV, 888, 889.
 Гиндели, А. (Gindely), чешскій историкъ, т. V, 378, 393, 394.
 Гирсъ, Ник. Карл., дѣйств. тайн. сов., статсъ-секретарь, товарищъ министра иностр. дѣлъ, т. IV, 920, 921.
 Гитнотъ, ольдерманъ, т. IV, 188.
 Гладстонъ, Вильямъ-Эвартъ, англійскій министръ, т. IV, 911, 919; т. V, 198.
 Глазатый, первый сочинитель казанской исторіи. т. VI, 848.
 Глазовъ, Андрей, поручикъ, т. V, 675.
 Глазовъ, М., депутатъ отъ дворянъ Оболянскаго уѣзда въ „Большой Комисіи“, т. VI, 225, 236.
 Глазуновъ, петербургскій книгопродавецъ, т. V, 754, 755, 757, 758, 763.

- Гласно, офицеръ сапернаго баталіона, т. IV, 409.
- Глинна:
— М. Н., композиторъ, т. VI, 314, 315.
— Серг. Никол., литераторъ, т. V, 428, 431, 753.
- Глинновъ, Родионъ, серпейскій городской депутатъ въ „Большой Коммисіи“, т. VI, 246.
- Глосторъ, герцогъ, т. IV, 672.
- Глѣбовъ, секунданта поета М. Ю. Лермонтова, т. VI, 449.
- Глѣбъ Владимировичъ, князь рязанскій, т. IV, 248, 249, 251—253.
- Гмелинъ, ученый, т. IV, 426.
- Гнутовъ, Иванъ, петербургскій купецъ, т. IV, 219.
- Гнѣдичъ, протоіакопъ, т. V, 568, 570.
- Гоблюсъ, лейденскій врачъ, т. VI, 11—13, 15.
- Гогенемусъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ, варшавская ходячая газета, т. V, 136.
- Гогенлоо, графъ, предводитель чешскихъ войскъ, т. V, 380, 381.
- Гогоберидзе, подполковникъ, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 839.
- Гоголь, Никол. Вас., писатель. Встрѣча съ нимъ А. П. Милукова. Т. IV, 135—138. Появленіе въ печати его сочиненій. Т. IV, 330—356. Памятникъ ему въ Иѣжинѣ. Т. V, 422. Открытіе этого памятника. Т. VI, 450, 451. Упомин. т. IV, 152; т. V, 171, 690, 702, 705.
- Гогоціи, Сильвестръ Сильвестр., профессоръ кievскаго университета, т. IV, 728.
- Годобскій, адвокатъ, а потомъ издатель варшавской газеты „Развлеченіе“, т. V, 135.
- Годлевскій, Францъ, польскій революціонеръ, т. IV, 87.
- Гобъ-фонъ-Гобникъ, придворный германскій проповѣдникъ, т. V, 382.
- Голенищевъ - Кутузовъ - Смоленскій, вн. Михаилъ Ларион., генералъ - фельдмаршалъ, т. IV, 157, 158, 173; т. V, 23, 605, 618, 867; т. VI, 158, 544.
- Голыцины, князья:
— Русскій княжескій домъ, т. IV, 196, 197; т. V, 34; т. VI, 185—193.
— Александръ Никол., министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, а потомъ канцлеръ російскихъ орденовъ. Посмертное распоряженіе его. Т. V, 189, 190.
— Алексѣй Ив., т. V, 36, 497.
— Амалия, рожденная фонъ-Шметау, т. V, 36—38, 40, 42, 43.
— Андрей Вас., воевода, т. IV, 197.
— Борисъ Алексѣев., воевода царствъ Казанскаго и Астраханскаго, воспитатель Петра Великаго, т. IV, 197; т. V, 36.
- Вас. Вас. Старшій, т. IV, 196, 197.
— Вас. Вас. Второй, т. IV, 197.
— Вас. Сергѣев., флигель-адъютантъ, т. V, 44.
— Дарья Вас., рожденная вн. Гагарина, т. V, 36.
— Дмитрій-Августинъ Дмитр. (Смитъ), римско-католическій священникъ-миссіонеръ. Биографія его. Т. V, 34—52.
— Дмитр. Алексѣев., чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Гаагу, т. V, 36—39, 44.
— Дмитр. Владимір., московскій генералъ-губернаторъ, т. V, 12, 28, 30, 31.
— Дмитр. Мих., стольникъ, а потомъ дѣйстви. тайный совѣтникъ, т. IV, 197—205; т. V, 50.
— Ив. Алексѣев., т. V, 36.
— Княжна, въ супружествѣ Донаурова, фрейлина, т. IV, 867.
— Марія-Анна (Маріамна - Доротея) Дмитріевна. См. вн. Сальмъ-Краутгеймъ.
— Мих. Андреев., тайный совѣтникъ и дѣйствительный камергеръ, т. VI, 676.
— Н. Н., издатель родословной князей Голицыныхъ. Библиографическая замѣтка объ этомъ изданіи. Т. VI, 185—193.
— Н. С. Сообщ. биографію католическаго священника Дмитрія-Августина Голицына. Т. V, 34—52.
— Сергій Ив., т. V, 36.
— Сергій Мих., т. V, 11, 14.
— Участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 44.
— Ф. Ар., т. V, 4.
— Федоръ, т. V, 18.
— Флигель адъютантъ императора Александра I, т. V, 44.
- Головановъ, Иванъ, янцкій казакъ, участникъ Пугачевского мятежа, т. V, 677.
- Головина, боровская помѣщица, т. VI, 203.
- Головинъ, русскій посолъ въ Вѣнѣ, т. V, 215, 217.
- Головщиковъ, Констант. Дмитр., секретаръ совѣта ярославскаго Демидовскаго лицея. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“. Т. V, 662—664.
- Голтвеи:
— Марія Федор., т. VI, 190.
— Русскіе дворяне, т. VI, 190.
- Голубевъ, С. Т., профессоръ, т. IV, 942; т. V, 421.
- Голубинскій, Евг. Евсиг., профессоръ московской духовной академіи. Библиографическая замѣтка о его „Исторіи русско-перскаго церковнаго права“. Т. IV, 924—928. Упомин. т. IV, 942; т. VI, 679, 849.
- Голубцовъ, Серг. Платон., тайн. совѣт.,

- почетитель кievскаго учебнаго округа, т. IV, 941, 942.
- Гольшевъ, И. А.**, почетный гражданинъ, археологъ и литографъ, т. IV, 461.
- Гольбернъ, Франсиъ**, т. IV, 191.
- Гольдбахъ, Христианъ**, юстицъ-совѣтникъ, т. V, 267, 269.
- Гольцъ**, прусскій офицеръ, т. VI, 129—133, 135.
- Гольцевъ**, крестьянинъ, молоканъ, т. V, 790.
- Гольшанскіе, князья:**
— Южно-русскій княжескій домъ, т. VI, 82.
— Анна. См. Олизаръ-Кирдей-Мылъская.
- Марія, по первому браку Монтольтъ, по второму Тышкевичъ-Козинская. См. кн. Курбская.
- Марія, рожденная кн. Сангушко, т. VI, 72.
- Юрій, т. VI, 72, 73.
- Гончаровъ, И. А.**, русскій писатель. Библиографическая замѣтка о его сочиненіяхъ. Т. IV, 683, 684.
- Горавицъ (Hogawitz)**, вiенскій ученый, т. V, 365.
- Горбуновъ, Ив. Ѳеодор.** актеръ-разсказчикъ. Драматическій вечеръ въ честь его. Т. IV, 230—232.
- Горелинъ**, составитель „Описанія села Иваново“, т. IV, 461.
- Горна, епископъ**. См. Лаврентій.
- Горленко**, бѣлгородскій епископъ. См. Юсафъ.
- Горностаевъ**, архитекторъ, т. VI, 452.
- Горсиестеръ, А. Е.**, гувернантка, т. V, 303.
- Горчаковы:**
— Кн. Дм., писатель, т. IV, 679.
— Мих. Ив., профессоръ петербургск. университета, т. V, 569.
— Кн. Мих. Дмитр., генералъ отъ артиллеріи, генералъ-адъютантъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ. Письмо его къ А. П. Хрущову. Т. V, 70—72. Упомян. т. V, 75, 282, 307, 457—460, 463, 465—467, 469, 474.
— Свѣтлѣйшій князь Александръ Мих., государств. канцлеръ, т. IV, 871; т. V, 478.
- Горячевъ**, временно-отпущенный солдатъ, крестьянинъ Пензенской губ., т. VI, 791.
- Гохстратонъ, доминиканецъ**, т. IV, 441.
- Грановскій, Тимоѳ. Никол.**, профессоръ московскаго университета, т. IV, 720.
- Графтонъ**, герцогъ, т. IV, 661.
- Граціоли**, баронъ, владѣлецъ Кистель-Порціано, т. V, 315.
- Гребенна, Евгеній Павл.**, писатель, т. VI, 319, 322.
- Грековичъ, Антоній**, официалъ греко-уніатскаго митрополита, т. V, 665.
- Гречъ, Никол. Ив.**, писатель и журналистъ, т. V, 170; т. VI, 857, 858.
- Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣев.** русскій писатель и дипломатъ, т. IV, 356, 683, 684; т. V, 408, 690.
- Григорій XVI (Моро Капеллара)**, римскій папа, т. V, 313.
- Григоровичъ, В. И.**, славистъ, т. V, 230, 231, 473; т. VI, 869.
- Григорьевы:**
— А. В., путешественникъ, т. VI, 455.
— Никиф. Олфер., англиканскій пасторъ, т. V, 547, 550—555.
— Прапорщикъ, погибшій при Геокъ-Тепе, т. V, 593.
— Федоръ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 678.
- Гриммъ:**
— Баронъ, т. VI, 681, 683, 685, 687, 690, 691, 694, 699, 702, 825.
— Яковъ - Людвигъ - Карлъ, нѣмецкій филологъ, геттингенскій профессоръ, т. V, 445.
- Гринвальдъ, Устинья Петр.**, рожденная Вильбуа, камеръ-юнгфера. Письма къ ней ея брата. Т. V, 937, 938.
- Гринъ**, англійскій историкъ. Обзоръ его „Исторія англійскаго народа“. Т. IV, 668—670.
- Громовъ**, ташкентскій подрядчикъ, т. V, 826, 833.
- Гротъ:**
— Н. Я., т. VI, 451.
— Придворный живописецъ, т. V, 239.
— Яковъ Карл., тайный совѣтникъ, академикъ. Замѣтка о сочиненіи его „Жизнь Державина“. Т. IV, 453—456. Упомян. т. VI, 870.
- Грубе, Вильг. Ѳед.** тайный совѣтникъ, профессоръ харьковскаго университета, т. V, 686.
- Груберъ, Венцес. Леоп.** дѣйств. стат. совѣтникъ, профессоръ медико-хирургической академіи, т. V, 685.
- Грязновы:**
— Николай. См. Рысаковъ.
— Петръ, помехонскійхъ крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщикъ, т. VI, 442.
- Гудимъ**, полковникъ, т. V, 563.
- Гудовичи, графы:**
— Мих. Вас., т. V, 4.
— Ив. Вас., генералъ-фельдмаршалъ, т. V, 597.
- Гулякъ-Артемовскій, П. П.**, профессоръ, малороссійскій писатель, т. V, 700, 701, 710; т. VI, 32.
- Гуляевъ, С. И.** Сообщ. замѣтку „Къ исторіи пугачевщины“. Т. V, 673—679.

Гумилевскій, черниговскій архієпископъ. См. Филаретъ.

Гуннингъ, Робертъ, британскій посланникъ при русскомъ дворѣ, т. VI, 823, 824.

Гуртеръ, исторіографъ, т. V, 385.

Гурьевъ, гр. Дмитр. Александр., дѣйствительный тайный совѣтникъ, министр финансовъ, т. V, 19, 27.

Густавсонъ, Гав. Гав., ординарный профессоръ Петровской академіи, т. IV, 423.

Густавъ III, шведскій король, т. V, 38; т. VI, 681, 682.

Гусъ, Іоаннъ, чешскій реформаторъ католической церкви, т. IV, 209, 443, 448.

Гусатиновъ, Ів. Кирил., иконописецъ, т. IV, 229.

фонъ - Гуттенъ. Ульрихъ, сотрудникъ Лютера, т. IV, 440, 441, 443—445.

Гюбиеръ, баронъ, Іосифъ-Алексѣй, австрійскій дипломатъ и министръ, т. V, 469.

Гюльенсоръ, танцовщица московскаго театра, танцовальная учительница писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 302.

Гюльенъ, Пьеръ-Огюстъ, генераль-адъютантъ Наполеона I, т. V, 362.

Д.

Давентъ, англійскій поэтъ, т. IV, 667.

Даву, Люи Никола, французскій маршалъ, т. V, 528.

Давыдовы:

— Васил. Денисов., т. IV, 151.

— Денисъ Вас., генераль-лейтенантъ, партизанъ и поэтъ, т. V, 424.

— Денисъ Денисов., т. IV, 151, т. V, 16.

— М., депутатъ отъ однодворцевъ Елецкаго уѣзда въ „Большой Коммисіи“, т. VI, 225.

— Москвичъ, т. V, 32.

— Кн. Николай, романовскій дворянскій депутатъ въ „Большой Коммисіи“, т. VI, 232.

— Петербургскій актеръ, т. IV, 230, 231.

Дадіаны, князья:

— Зять главнокомандующаго на Кавказѣ барона Розена, т. IV, 151.

— Офицеръ 1812 года, т. VI, 183.

Далматовъ, русскій доброволецъ въ Босніи, т. V, 481, 482.

Даль:

— Гвардіи унтеръ-офицеръ, т. IV, 218. (Луганскій), Владим. Ів., писатель, т. V, 707.

Данзасъ, тамбовскій губернаторъ, т. V, 418.

Данилевскій, Григ. Петр., дѣйств. ст. совѣтн. Заграничныя изданія его сочиненій, т. IV, 941, 942.

Даниловичъ, Герасимъ, авторъ предисловія къ острожской библіи, т. VI, 848.

Даниловы:

— Денисъ Иван., чарондскій воевода. Грамота ему царя Ѳеодора Алексѣевича о розыскѣ бѣглой крестьянки Аграфенки, т. VI, 442, 443.

— Евдокія, крестьянка с. Аннина, Моршанскаго у., молочанка, т. V, 790.

— Крестьянинъ с. Татарщины, Тамбовскаго у., т. V, 796.

— Членъ археологическаго института, т. VI, 685, т. V, 199.

Даниль:

— Игумень, пилигримъ, т. VI, 5.

— Митрополитъ московскій, т. IV, 775.

Даниль Александровичъ, Святой, князь московскій, сынъ Александра Невскаго, т. IV, 237, 238, 490, 492, 493, 494, 499, 506.

Даниль Борисовичъ, князь, т. IV, 756.

Данильманъ, Эбергардъ-Кристофъ-Бальтазаръ, баронъ, первый министръ прусскій, т. V, 634.

Данновскій, псевдонимъ писателя Е. П. Новикова, т. VI, 529.

Даннеръ, гр. Луиза-Христина, морганатическая супруга датскаго короля Фридриха VII, т. IV, 105.

Данцель, Теодоръ-Вильгельмъ, нѣмецкій эстетикъ и историкъ литературы, т. V, 116.

Данцова, Марья, вдова пранорщика, т. IV, 219, 220.

Дасторгъ, секретаръ московской полиціи, т. VI, 821.

Даунъ, гр. Леопольдъ-Іосифъ-Марія, австрійскій маршалъ, т. VI, 126.

Дашневичъ, Никол. Павлов., профессоръ кievскаго университета, т. IV, 942.

Дашновы:

— Княгиня Екатер. Романов., рожденная гр. Воронцова, президентъ російской академіи. Забѣтка объ изданныхъ бумагахъ ея. Т. VI, 660—662. Упомян. т. V, 445, 449, 757—763.

— П. Я. Сообщилъ: Двѣ собственноручныя записки Александра I къ Д. П. Троицкому. Т. IV, 223. Анекдотъ объ императрицѣ Екатеринѣ II. Т. IV, 466, 467. Прошеніе кн. А. А. Меншикова къ императрицѣ Екатеринѣ II. Т. V, 187, 188. Письмо гр. П. И. Шувалова къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Т. V, 415. Собственноручную записку Потемкина къ неизвѣстному лицу. Т. VI, 676. Упомян. т. VI, 680, 872.

— Русскій посланникъ въ Вашингтонѣ, т. V, 46.

Дворецкій, московскій старообрядецъ,

- распространитель раскола въ г. Спасскъ, т. V, 793.
- Дворничій**, полковникъ, петербургскій полиціймейстеръ, т. IV, 894, 895.
- Дворянинъ**, докторъ 4 стрѣлковаго батальона императорской фамилии, т. IV, 897.
- Девильленевъ**, томскій комендантъ, т. V, 678.
- Дедевинъ**, Ив. Алексѣев., драгунъ Преображенскаго полка, т. VI, 442.
- Дедлей**, Робертъ, (графъ Лестеръ), женихъ английской королевы Маріи, т. IV, 665.
- Деймунъ**, предсѣдатель комитета по сооруженію памятника Гоголю, т. VI, 451.
- Денастро-Лацерда**, гр. генераль-лейтенантъ, т. VI, 204.
- Деоломигъ**, Иванъ, (Кланпье), генераль-поручикъ, т. V, 673—675, 677.
- Делиль**, академикъ, т. IV, 427.
- Дилемъ**, Александръ Карл., профессоръ кievскаго университета, т. IV, 728, 729.
- Делювье**, (Delviver), французскій вице-консулъ, т. IV, 797, 802.
- Дембровскіе**:
— Владѣльцы имѣнія Шуранъ, или Христорожественское, т. IV, 623.
— Гр. Гр., помѣщикъ им. Ш уранъ, т. IV, 629.
— К. Г., землевладѣлецъ, т. IV, 624, 630.
- Демертъ**:
— Дворянскій родъ, т. IV, 626.
— Никол. Александр., писатель, т. IV, 627.
- Демидовы**:
— Русскій дворянскій домъ, т. V, 662—664; т. VI, 213.
— Акиной Демид., дѣйств. стат. совѣтникъ, т. V, 662; т. VI, 213.
— Акиной Никит., уральскій заводчикъ, т. VI, 10.
— Александра Евтихiev., рожденная Сафонова, т. VI, 10—27.
— Демидъ Григор. (Антуфьевъ), крестьянинъ Тульской губернии, родоначальникъ дворянъ Демидовыхъ, т. V, 663, 664; т. VI, 9.
— Никита Акино., стат. совѣтникъ, уральскій заводчикъ. Путешествіе его по Европѣ. Т. VI, 5—27. Упомян. т. V, 690, 691.
— Никита Демид., дворянинъ, т. V, 663; т. VI, 9, 213, 596.
— Павелъ Григор., т. V 663.
— Прокофій Акиноев., т. V, 663.
- Демонтовичъ**, комиссаръ польскаго жонда народоваго, т. IV, 78, 81—89, 91, 92, 99—103, 105, 115, 116.
- Демуровъ**, Гр. З. Статья его: Бой съ текинцами при Деугиль-Тѣне, 28 августа 1879 г., т. IV, 617—622. Упомян. т. V, 587, 589—591.
- Демьяновичъ**, секретарь могилевской духовной консисторіи, т. V, 528, 529.
- Денанте**, французскій генераль, т. V, 345—347, 352.
- Дени**, Э., историкъ, т. IV, 209.
- Денисова**, Агриппина, петербургская жѣщанка, т. IV, 692.
- Денонъ**, баронъ Доминикъ-Виванъ, французскій дипломатъ, артистъ и ученый, т. V, 354, 355.
- Дерби**:
— Гр. Эдваръ-Джозефъ-Смитъ Станлей, первый министръ Англіи, т. V, 197, 198.
— Лордъ, т. VI, 144.
- Державинъ**, Гавр. Роман., поэтъ и министръ юстиціи. Замѣтка по поводу издавія его сочиненій. Т. IV, 453—456. Упомян. т. IV, 467; т. V, 444.
- Деревягинъ**, Ив., саратовскій казакъ, участникъ Пугачевскаго бунта, т. V, 678.
- Дерфельденъ**, поручикъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, т. IV, 890.
- Десницкіе**:
— Петербургскій митрополитъ. См. Михаилъ.
— Сем. Ефим., юристъ, профессоръ московскаго университета, т. V, 164.
- Джансонъ**, англійскій ученый, т. IV, 665.
- Джанибекъ**, ханъ Золотой орды, т. IV, 736.
- Джемсъ**, Джонъ, основатель католическаго поселенія въ Америкѣ—Конневаго, т. V, 40.
- Дженинсонъ**, Антонъ, англійскій путешественникъ, т. V, 855.
- Джесси** (Jassy), италіанскій вице-консулъ въ Сулнѣ, т. IV, 798.
- Джессопъ**, англичанецъ, т. IV, 664.
- Джонсонъ**, знаменитый англійскій докторъ, т. IV, 183, 192, 194.
- Джонсъ**, Франкъ, т. IV, 665.
- Дзѣдушицкій**, Александръ, польскій революціонеръ, т. IV, 789.
- Дзьялинскій**, польскій графъ, собиратель древностей, т. V, 143.
- Дибичъ-Забалканскій**, гр. Ив. Ив., генераль-фельдмаршалъ, т. IV, 376, 377; т. V, 15, 279, 280.
- Дивова**, госпожа, т. V, 624; 625.
- Дидеро**, (Diderot), Дени, французскій энциклопедистъ, т. V, 36; т. VI, 681, 832.
- Дизраэли**, см. Бэконфильдъ.
- Динсонъ**, Ватсонъ, англійканскій священникъ, т. IV, 663, 664.
- Димитрашино-Райчъ**, малороссійскій писатель, т. VI, 33.

- Дирахитъ**, византийскій императоръ. См. Анастасій.
- Дионисій:**
— Архіепископъ вятскій и великопермскій, т. V, 56, 57, 65.
— Архіепископъ суздальскій, т. IV, 926.
— Московскій митрополитъ, т. V, 664.
- Дмитревскій**, Ив. Анонасьев., основатель русскаго театра, придворный актеръ и членъ российской академіи, т. IV, 676, 678.
- Дмитріевы:**
— Ив. Ив., дѣйствит. тайн. совѣтн., министръ юстиціи и писатель, т. V, 1, 3, 7, 10, 15, 18.
— Лаврентій, священникъ с. Рамзы, Кирсановскаго уѣзда, т. V, 795, 796.
— Священникъ с. Новоспаскаго, Козловскаго уѣзда, т. V, 797.
- Дмитрій:**
— Митрополитъ ростовскій и ярославскій, т. VI, 200.
— (Сѣченовъ), митрополитъ петербургскій и новгородскій, т. VI, 223.
- Дмитрій Александровичъ**, князь новгородскій, т. IV, 266, 489—493, 495, 516.
- Дмитрій Ивановичъ Донской**, великій князь московскій, т. IV, 240, 737, 740, 741, 744, 749, 750, 754, 755, 760.
- Дмитрій Константиновичъ**, князь владимірскій, т. IV, 737, 739, 740.
- Дмитрій Михайловичъ** (Грозный очи), князь галицкій, т. IV, 500, 503, 504.
- Дмитрій Юрьевичъ Шемяка**, князь, т. IV, 762, 763, 768, 769.
- Дмуховскій**, издатель газеты „Варшавскій Вѣстникъ“, т. V, 135.
- Добровольскій** Андрей, могилевскій священникъ, т. V, 529.
- Добролюбовы:**
— В. И. Сообщ. замѣтку о встрѣчѣ епископа Лаврентія вятскимъ духовенствомъ въ 1733 г. т. VI, 443, 444.
— Н. А., критикъ, т. IV, 703.
- Добронравовъ**, темниковскій протоіерей, т. V, 796.
- Добронья**, греческій топархъ, т. VI, 577, 578.
- Добрынины:**
— Составитель географическо-статистическаго описанія Муромскаго уѣзда, т. IV, 461.
— Собирательница дѣтскихъ народныхъ пѣсень, т. IV, 461.
- Додунъ-Перье** (Dodun de Perrier), французъ, т. IV, 814.
- Долгій**, Федоръ Лар., вологодскій помещикъ. Челобитная его о жалованьи за рану въ бою. Т. V, 934.
- Долгорукіе**, князья:
— Русскій княжескій домъ, т. IV, 196, 197, 203, 204, 827.
— Алексѣй Григ., дѣйств. тайный совѣтн., т. IV, 197.
— Владим. Мих., сибирскій губернаторъ, т. V, 196.
— Екатерина Алексѣевна, т. IV, 203.
— Екатерина Гавриловна, т. VI, 844, 845.
— Иванъ Алексѣев., оберъ-камергеръ, другъ Петра II, т. IV, 197.
— Мих. Юрьев., стольникъ, т. IV, 197.
— П. И., т. V, 22, 23.
— Полковникъ, флигель-адъютантъ, командиръ кабардинскаго полка, т. IV, 618, 621; т. V, 583—587.
— Юрій Алексѣев., начальникъ сысканаго приказа, т. IV, 197.
— Юрій Владиміров. См. Юрій.
- Домергъ:**
— Аврора. См. Бюрс.
— (St. Armand), Луи-Антуанъ, режиссеръ французскаго театра въ Москвѣ. Воспоминанія его о Россіи. Т. V, 343—363, 596—628, 562—887; т. VI, 158—184, 620—641, 807—821.
— Жена его, т. VI, 620—641.
- Домещій**, архимандритъ. См. Гавриилъ.
- Донауровы:**
— Фрейлина, рожденная княжна Голицына, т. IV, 867.
— Чиновникъ собственной его величества канцеляріи, т. IV, 868.
- Донской**. См. Дмитрій Ивановичъ.
- Донъ**, придворный золотыхъ дѣлъ мастеръ, т. V, 240, 247.
- Дорія**, маркизъ, путешествен., т. V, 24.
- Дороевъ** (Короткевичъ), митрополитъ, т. VI, 201.
- Достоевскіе:**
— Мих. Мих., писатель, т. IV, 392, 703.
— Федоръ Мих., писатель. Къ портрету его, т. IV, 481—488. Воспоминанія о немъ В. С. Соловьева, т. IV, 602—616, 839—853. Некрологъ, т. IV, 703, 704. Упомян. т. IV, 854.
- Дохтуровъ**, Дмитр. Сергѣев., генералъ отъ инфантеріи, т. IV, 157.
- Дрингенбергъ**, вестфальскій педагогъ, т. IV, 434.
- Дроздовскій**, подпоручикъ гренадерскаго сапернаго баталіона, вѣдущій генералъ-маіоръ, т. IV, 408—414.
- Дроздовъ**, московскій митрополитъ. См. Филаретъ.
- Дорошенко**, Петръ Дорошевъ, малороссійскій гетманъ, т. VI, 61—63.
- Дренининъ**, генералъ-маіоръ, т. V, 416; т. VI, 783—793.
- Дройзенъ**, нѣмецкій историкъ, т. V, 656.

Дронинъ, К. А., секретарь владѣльцевъ Житнаго рыболовнаго промысла Сапожниковыхъ. Разсказъ его о посѣщеніи этого промысла императоромъ Александромъ II. т. IV, 872—880.

Дружининъ, А. В., писатель, т. IV, 701.

Дубасовъ, И. И. Ст. его: противоцерковныя движенія въ Тамбовской губерніи. Т. V, 783—805. Сообщилъ: Письмо генераль-прокурора Оболянинава тамбовскому губернатору Литвинову. Т. VI, 443. Замѣтки: Загадочная монахиня. Т. IV, 691—694. Разбой въ Тамбовской губерніи въ 1798 году. Т. VI, 444—446.

Дубельтъ, Леонтій Васильевъ, ген.-лейт., управляющій III отдѣленіемъ собств. Е. В. канцеляріи, т. IV, 351, 354; т. V, 199; т. VI, 858.

Дубовскій, Анисимъ Герасимовъ, участникъ пугачевского мятежа. т. V, 678.

Дубровинъ, генераль-майоръ, т. VI, 679.

Дубровицкіе:

— Южно-русскіе князья, т. VI, 82.

— Кн. Марія Юрьев. См. кн. Курбская.

— Кн. Юрій, т. VI, 82.

— Кн. Янушъ, т. VI, 82.

Дудзинскій, польскій революціонеръ, т. IV, 108.

Дудикъ, моравскій писатель, т. V, 392, 393.

Думитрашна-Райчъ, переяславскій полковникъ, т. V, 200.

Дункель, придворный золотыхъ дѣлъ мастеръ, т. V, 247.

Дурасовы:

— Губернаторъ, т. V, 10.

— Николай Алексѣевъ, дѣйств. стат. совѣтн., т. 4, 10, 16.

Дьяновъ, статскій совѣтн., т. VI, 696.

Дѣвочна, митрополитъ. См. Онисифоръ.

Дюдень, ордынскій царевичъ, т. IV, 492.

Дюмурье, французскій генераль, т. IV, 201.

Дюпанлу, римско-католическій епископъ, т. V, 691, 692.

Дюронель, французскій генераль, т. V, 883.

Дядинъ, генераль отъ артиллеріи, т. IV, 406.

Е.

Евгеній (Болховитиновъ), кievскій митрополитъ, т. V, 248, 428; т. VI, 846—849.

Евгеній Виртембергскій, принцъ, т. IV, 158; т. VI, 634.

Евгенія, игуменья тамбовскаго монастыря, т. IV, 692, 698.

Евдоія Дмитріевна, супруга великаго князя Дмитрія Донскаго, т. IV, 740.

Егоровы:

— Крестыяннъ с. Высоваго, Пензенск. губ., толкователь Положенія 19 февраля 1861 г., т. VI, 775.

— Никифоръ, унтеръ-офиц. экспедиціи Н. М. Пржевальскаго, т. IV, 469.

Едигей, татарскій вождь, т. IV, 759, 760.

Езеранскій, Антоновъ, начальникъ польской банды, т. IV, 789, 790.

Екатерина I Алексѣевна, императрица, т. IV, 198, 202, 203; т. V, 298, 414.

Екатерина II Алексѣевна, императрица. Шуточныя стихотворенія ея, т. IV, 222, 223. Собственноручныя записочки ея къ Н. П. Рылѣву, т. IV, 464—466. Анекдотъ, т. IV, 466, 467. Записка ея о докторѣ Санхецѣ. Т. IV, 694, 695. Докладная записка гр. Вестушева-Рюмина, т. IV, 931—933. Докладъ кн. Потемкина-Таврическаго, т. V, 185—187. Всеподданнѣйшее прошеніе кн. А. А. Меншикова, т. V, 187, 188. Письмо гр. П. И. Панина, т. V, 188. Собственноручная записка объ одномъ изъ первыхъ засѣданій ея въ сенатѣ, т. V, 412—414. Проектъ ея объ учрежденіи приютища для вдовъ и сиротъ, т. V, 681—683. Собственноручный указъ ея генераль-прокурору кн. Вяземскому, т. V, 938. Путешествіе ея въ Вышній-Волочекъ и Москву въ 1785 г. т. VI, 681—702. Докладъ о раздѣлѣ имущества послѣ великой княгини Ольги Павловны, т. VI, 856, 857. Замѣтка о портретѣ, рисованномъ Уейнсомъ, т. VI, 872. Упомян. т. IV, 121, 128, 173, 174, 220, 221, 224, 225, 454—456, 583, 626, 831, 855; т. V, 36, 234, 327, 415, 436—438, 443—446, 448, 757, 760—764; т. VI, 214, 217—219, 225, 236, 244, 825, 827, 828, 830—832, 851.

Екатерина Антоновна, великая княжна, т. V, 240, 247, 260, 262.

Екатерина Арагонская, супруга англійскаго короля Генриха VIII, т. IV, 657, 663.

Екатерина Ивановна, герцогиня Мекленбургъ-Швернская, т. V, 237.

Екатерина Павловна, королева виртембергская, т. V, 362.

Елагины:

— Авдотья Петр., т. VI, 347.

— Нв. Перфильевъ, статсъ-секрет., т. VI, 825.

Елена Михайловна, великая княгиня, т. V, 686.

Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-

Марія, принцесса Виртембергская), великая княгиня, т. V, 689.

Елизавета:

— (Ствартъ), королева богемская, т. IV, 665.

— (Тюдоръ), английская королева, т. IV, 665; т. V, 546.

Елизавета Алексѣевна (Луиза-Марія-Августа, принцесса Баденская), императрица, т. V, 10, 14.

Елизавета Петровна, императрица. Донесенія лейбъ-медика Кондойди о здоровьѣ Павла Петровича. Т. IV, 933—936. Письмо къ ней гр. П. И. Шувалова. Т. V, 415. Упомин. т. IV, 173, 202, 203, 219, 581, 694, 695, 932; т. V, 5, 60, 234, 260, 262, 264, 268, 270, 276, 413, 414, 489, 509, 511, 517; т. VI, 132, 682, 688, 829.

Елизарьевъ, Ларіонъ, стрѣлцкій пятисотенный. Пожалованная ему Петромъ I денежная награда. Т. IV, 930.

Ермей, князь тверской, т. IV, 741.

Ерманъ Тимоѣевичъ, покоритель Сибири. Замятка о трехсотѣтнемъ юбилей Сибири. Т. VI, 208—210. Память о немъ въ Пермскомъ краѣ. Т. VI, 210—212. Упомин. т. VI, 213.

Еромоловы:

— **Алексѣй Петр.**, генералъ отъ инфантерій, членъ государственнаго совѣта. Воспоминанія о немъ А. В. Фигнера: Т. IV, 147—163. Упомин. т. IV, 374, т. V, 3, 17, 216; т. VI, 328, 329.

— **Северъ Алексѣев.**, т. IV, 149, 151.

— **Викторъ Алексѣев.**, т. IV, 151.

— **Клавдій Алексѣев.**, т. IV, 151.

— **Николай Алексѣев.**, т. IV, 151, 162.

— **Фаворитъ императрицы Екатерины II**, т. VI, 685.

Есмантовскій, поручикъ 2 сапернаго баталіона, т. IV, 402, 404, 407, 408, 412—414.

Есиповъ, Григ. Васил. Сообщилъ замѣтки: Суданское письмо. Т. IV, 164—167. Архитекторское придворное меню въ XVIII столѣтіи. Т. IV, 220, 221. Шуточныя стихотворенія императрицы Екатерины II. Т. IV, 222, 223. Набатный колоколъ. Т. IV, 418—420. Собственно-ручныя записочки Екатерины II къ Н. И. Рылѣву. Т. IV, 464—466. Записка Екатерины II о докторѣ Санхецѣ. Т. IV, 694, 695. Письма графини Брюсъ къ ея брату Румянцеву-Задунайскому. Т. IV, 695, 696. Необыкновенная денежная награда въ XVII столѣтіи. Т. IV, 930. Къ исторіи дѣтства императора Павла I. Т. IV, 933—936. Выписка изъ памятныхъ книжекъ Петра Великаго. Т. V, 182—185. Собственно-ручная записка Екате-

рины II объ одномъ изъ первыхъ засѣданій ея въ сенатѣ. Т. V, 412—414. Проектъ Екатерины II объ учрежденіи убѣжища для вдовъ и сиротъ. Т. V, 681—683. Письма Н. П. Вильбуа къ сестрѣ. Т. V, 937, 938. Два письма Суворова къ Румянцеву. Т. V, 938, 939. Именные указы императора Павла I. Т. IV, 203—207. Письмо А. П. Бибикова къ гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому. Т. VI, 677. Докладъ императрицѣ Екатерины II о раздѣлѣ имущества послѣ великой княжны Ольги Павловны. Т. VI, 856, 857. Упомин. т. IV, 825.

Ефименно, П. С., т. V, 200.

Еф—сій, П., авторъ повѣсти „Гувернантка“, т. IV, 341, 342.

Ж.

Жаренцовъ, Д. Ф., т. VI, 870.

Жвирдовскій, польскій революціонеръ, т. IV, 796.

Жельзновъ, М. И., ученый-художникъ, т. IV, 637.

Желябовъ, Андрей Ив., крестьянинъ с. Николаевки, Ѳедосійск. у., Таврич. губ., царубійца, т. IV, 902.

Жемчужниковъ, А. М., т. V, 407, 408.

Жерновъ, Александръ Васильевъ, генералъ-майоръ, командиръ Образцоваго полка, т. IV, 402, 404, 405, 414—417.

Жидиславичъ, Борисъ, бояринъ великаго князя Андрея Боголюбскаго. т. IV, 253.

Жиле, французъ, т. VI, 178, 179.

Жилье, Флоріанъ Антоновъ, преподаватель французскаго языка и географіи императору Александру II, т. VI, 347.

Жихаревъ, Степ. Петр., тайн. совѣтн., сенаторъ и писатель, т. V, 4.

Жоберъ, госпожа. Воспоминанія ея о Гейне. Т. V, 888—912.

Жозефина (Марія-Роза Ташеръ де ля Пажери), императрица французская, т. V, 599.

Ждоловъ, премьеръ-майоръ, т. V, 675.

Жуновскіе:

— **Дѣйств. ст. сов.** калужскій гражд. губернаторъ, т. IV, 865, 868.

— **Васил. Андреев.**, поэтъ, т. V, 1, 2, 4, 5, 8—10, 15, 304, 698, 701, 703, 705; т. VI, 345—352, 359—363.

Жулковскій—старшій, польскій комическій актеръ, т. V, 138.

Жундѣвъ, Иванъ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 676.

Журавцевъ, Петръ Мих., тамбовскій молоканъ-наставникъ, т. V, 791.

Журановскій, епископъ. См. **Иродіонъ**

В.

- Заблочный-Десятовский**, Андрей Пареев, дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Графъ П. Д. Киселевъ. Т. VI, 849, 850.
- Забѣлинь**, Ив. Егор. Ст. его: Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія. Т. IV, 233—268, 489—523, 735—782. Библиографическая замѣтка: Русскія народныя картинки, собранныя Д. Ровинскимъ. Т. VI, 423—433. Упомин. т. IV, 117, 684; т. V, 236.
- Забѣлла**:
— Викторъ, малороссійскій писатель, т. VI, 33, 314—318.
— Художникъ, т. VI, 451.
- Завадзкій**, варшавскій книгопродавецъ, т. V, 139.
- Завиша**, графъ, т. VI, 871.
- Загосинъ**, Мих. Никол., дѣйств. стат. совѣтникъ, директоръ московской оружейной палаты, писатель, т. V, 170.
- Загурскій**, Л. П., т. VI, 869, 870.
- Зайцевъ**, Алекс. Мих., дѣйств. статск. совѣтн., ординарный профессоръ казанскаго университета, т. IV, 423.
- Запревскій**, гр. Арсеній Андреев., генераль-адъютантъ, московскій генераль-губернаторъ, т. IV, 149, 159, 160; т. V, 14.
- Залесскій**, Брониславъ. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Біографія кн. Адама-Юрія Чарторьскаго. Т. VI, 850—854.
- Залышнинъ**, московскій актеръ, т. IV, 676.
- Зальца**, баронъ, флигель-адъютантъ, плацъ-маюръ, т. IV, 405, 408—414.
- Замойскіе**, графы:
— Владиславъ, генераль, т. IV, 77, 79, 85, 116.
— Андрей, польскій магнатъ. Представленный вмѣ адресъ. Т. IV, 869—873. Упомин. т. V, 73.
- Замятинъ**, Дмитр. Никол., дѣйствит. тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, т. V, 235.
- Зандъ**, Карлъ, студентъ мангеймскаго университета, убійца Августа Коцебу, т. V, 106.
- Заремба**, польскій революціонеръ, т. IV, 794.
- Зарубинъ**, Ив. Кондрат., дѣйств. стат. совѣтникъ, деканъ и профессоръ харьковскаго университета, т. V, 686.
- Зарудный**, Иванъ, взюмскій дворянскій депутатъ въ „Большой Коммисіи“, т. VI, 232, 234, 236.
- Заславскіе**, князья, т. IV, 461.
- Захарій** (Копыстенскій), архимандритъ Кіево-Печерской лавры, писатель, т. VI, 848.
- Захаровскій**, Василій, вастелянъ брацлавскій, т. VI, 84.
- Збарамскіе**:
— Варвара, рожденная Тышкевичъ-Козинская, т. VI, 73.
— Юрій, староста пинскій и сокольскій, т. VI, 73.
- Зедлеръ**, баронъ, генераль-маюръ, командиръ бригады 2 гвардейской пѣхотной дивизіи, т. IV, 887.
- фонъ-Земанъ** (Зейкинъ), венгерець, учитель Петра II, т. IV, 220.
- фонъ-Зенендорфъ**, австрійскій посланникъ, т. V, 644.
- Зелинскій**, писатель, т. VI, 671, 672.
- Земляновскій**, Флоріанъ, польскій повстанецъ 1848 и 1863 г., возведенный въ 1880 г. въ бароны Австріи, т. IV, 789.
- Зенковичъ**, членъ лондонской централизаціи, т. IV, 99.
- Зертисъ-Наменскій**, московскій архіепископъ. См. Амвросій.
- Зибель**, Ф., германскій историкъ, т. V, 629, 630.
- Зизаній**, Стефанъ, іеромонахъ, т. V, 665.
- Зинкингенъ**. См. Сиквингенъ.
- Зима**, Францискъ, польскій революціонеръ, т. IV, 795, 798, 799, 806, 811, 813.
- Зиновьевъ**, русскій посланникъ въ Испанію, т. IV, 452.
- Знаменскіе**:
— Гр. Дмитр. Т., т. V, 408.
— П., профессоръ. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г.“ Т. VI, 193—202. Упомин. т. VI, 849.
- Зноу**, учитель петербургской первой гимназіи, т. IV, 715.
- Зотовъ**, Р. М. Библиографическая замѣтка о его романахъ. Т. VI, 664, 665.
- Зоя**, жена греческаго императора Романа Аргира, т. VI, 577, 578.
- Зубовы**:
— Гр. Платонъ Алекс., генер.-адъютантъ, генераль-фельдцейхмейстеръ, членъ государств. совѣта, т. IV, 454, т. VI, 851.
— Капитанъ-лейтенантъ, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 840.
— Князь, т. VI, 203.
- Зубцовскіе**:
— Марія, рожденная кн. Полубенская, т. VI, 84.
— Кирилль, пріятель и слуга кн. А. М. Курбскаго, чучкій городничій, т. VI, 75, 80, 84.
- Зурова**, Екатер. Александр., рожденная Буткевичъ, по первому браку гр. Стройновская, т. VI, 329, 330, 336—340, 557.

Зыбелитъ, С. Г., медикъ, профессоръ московскаго университета, т. V, 164.

Зюзинъ, Алексѣй Ив., шацкій намѣстникъ, т. V, 550—554.

Зязяновъ, вятскій засѣдатель, т. V, 562, 564.

И.

Иванецъ, убійца Михаила Ярославича Святослава, т. IV, 502.

Иванишевъ, Николай Дмитр., ректоръ кievскаго университета и вице-предсѣдатель кievской археографической коммисіи, т. VI, 65.

Ивановскій, Левъ Констант., VI, 865, 871.

Ивановы:

— Автономъ, лебедянскій дьяконъ, т. V, 796.

— Александръ Андреев., историческій живописецъ. Значеніе его для русскаго искусства. Т. V, 806—820.

— Алексѣй, моршанскій мѣщанинъ, молоканъ, т. V, 804.

— Василий, школьникъ, т. IV, 166.

— Григорій, мнимый государственный преступникъ, т. VI, 536, 537, 543, 544, 546.

— Дворяне Кромскаго у., Орловской губ., т. IV, 357, 362.

— Дьяконъ с. Татарщины, Тамбовскаго у., т. V, 796, 797.

— И., морякъ, т. VI, 297.

— М., академикъ, т. VI, 680.

— Матвѣй, елатомскій священникъ, т. V, 797.

— Миронъ, священникъ с. Рамзы, Кирсановскаго у., т. V, 795, 796.

— Михайло, преображенскій гренадеръ, мятежникъ, т. V, 679.

— Московскій гонецъ, т. V, 549.

— Настасья Сергѣевна, рожденная Масальская, кромская пошвица, т. IV, 357, 358, 361—363, 371, 372.

— Николай Алексѣев., кромской уѣздный предводитель дворянства, т. IV, 357, 371.

— Смотритель чембарскаго училища. т. VI, 366, 370.

— Темниковскій протоіерей, т. V, 796.

— Тимофей, священникъ с. Флоровскаго, тамбовской епархіи, т. V, 799.

— Унтеръ офицеръ, колонистъ прусской колоніи Александровка, т. V, 218.

— Эсауль, участникъ ахаль-текинской экспед., т. V, 839.

Иванчикъ Писаревъ, собиратель рѣдкостей, т. VI, 872.

Иванъ Алексѣевичъ, московскій царь, т. IV, 627; т. V, 298.

Иванъ III Антоновичъ, императоръ, т. IV, 823, 824; т. V, 234, 237, 241, 257, 259, 260, 262, 265—271, 491, 493, 498, 500, 508, 512, 520, 521.

Иванъ III Васильевичъ, великій князь московскій, т. IV, 242, 514, 767—776; т. VI, 190, 212.

Иванъ IV Васильевичъ Грозный, царь московскій, т. IV, 203, 777; т. V, 484; т. VI, 65—68, 79, 190, 193, 209, 212, 585, 659.

Иванъ Даниловичъ Налита, великій князь московскій, внукъ Александра Невскаго, т. IV, 237—239, 242, 497, 498, 503, 505, 507—517, 520, 521, 736, 755, 759, 778.

Иванъ Дмитріевичъ, князь переяславльскій, т. IV, 493, 494, 497.

Иванъ Ивановичъ, великій князь московскій, т. IV, 735—737, 739.

Иванъ Михайловичъ, князь тверской, т. IV, 744.

Иванъ Ярославовичъ, князь, т. IV, 504.

Иванычъ, капитанъ, т. V, 621.

Ивашинъ, начальникъ московской полиціи, т. V, 598.

Иверсенъ, статскій совѣтникъ, т. VI, 679.

Ивличъ, графы:

— Екат. Марк., т. VI, 333.

— Марк., генераль-лейтенантъ, т. VI, 332—334.

Игнатій, епископъ тамбовскій, т. V, 784.

Игнатовичъ, Викентій Вас., директоръ петербургской первой гимназіи, т. IV, 710, 711.

Игнатьевы:

— Гр. Николай Павл., генераль-адъютантъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. V, 473, 482; т. VI, 139.

— Дворянинъ, т. VI, 446, 447.

Изанзонъ, нѣмецкій историкъ, т. V, 656.

Измайловъ, генераль, т. V, 613.

Иконниковы:

— Владиміръ Степан., профессоръ кievскаго университета, т. IV, 942, 943.

— Трофимъ, духоворецъ, т. V, 788.

Иларіонъ (Кондратовскій), новгородсѣверскій епископъ, т. V, 526.

Иловайскій, Дмитр. Ив., профессоръ, историкъ, т. IV, 726; т. VI, 863, 870.

Ильинъ, крестьянинъ, молоканъ, т. V, 790.

Ильяшевичъ, епископъ. См. Антоній.

Илясовъ, молоканъ с. Пахатнаго Угла, Тамбовской губ., т. V, 789.

Инама - Штернеггъ (Inama - Sternegg), вiнспрукскій профессоръ, т. V, 149—163.

Инноентій:

— (Иванъ Веніаміновъ), московскій митрополитъ, т. V, 408; т. VI, 438, 439.

— (Кульчицкій), епископъ иркутскій, т. VI, 856.

— (Смирновъ), епископъ пензенскій, VI, 562.

Иноземцовы:

— А. П., учитель петербургской первой гимназии, т. IV, 716.

— Федоръ Ив., докторъ медицины, т. IV, 161; т. V, 685.

Иноходцевъ, Петръ Борисов., академикъ, профессоръ астрономіи, т. IV, 127.

Ипатій (Адамъ Потѣй); греко-уніатскій митрополитъ, т. V, 665.

Иринеи (Нестеровичъ), епископъ пензенскій и саранскій, впоследствии иркутскій, т. VI, 330—332.

Иродіонъ (Жураковскій), епископъ черниговскій и новгородсѣверскій, т. IV, 696.

Истоминны:

— Рязанскій городской голова, т. IV, 467.

— Членъ общества Нестора летописца, т. IV, 942.

Истонъ, Чарльзъ, т. IV, 658.

Иф...ль. Статьи его: „Современная историографія“. Т. IV, 177—195, 657—673; т. V, 144—163, 364—394, 629—657.

И.**Іаковъ:**

— II, король шотландскій, т. IV, 183.

— III, претендентъ англійскаго престола, т. IV, 181.

Іеронимъ Бонапартъ, вестфальскій король, т. V, 343, 357; т. VI, 99.

Іерусалемъ, аббатъ, придворный проповѣдникъ, т. V, 121.

Іоанимъ:

— Антиохійскій патріархъ, т. V, 664.

— 9-й патріархъ всероссійскій, т. VI, 665—668.

— (Струковъ), епископъ переяславскій, а потомъ воронежскій, т. IV, 696, 697.

Іоанинфій, іеромонахъ при ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 854.

Іоанинній, экзархъ Грузіи, т. VI, 668.

Іоаннъ:

— (Калинскій), холмскій греко-уніатскій епископъ, т. V, 84.

— (Максимовичъ), черниговскій архіепископъ, т. VI, 200.

Іоакимъ-Наполеонъ I (Мюратъ), король Обѣихъ Сицилій, т. V, 870, 874.

Іовъ, митрополитъ новгородскій, т. VI, 201.

Іогель, московскій танцмейстеръ, танцевальный учитель писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 302.

Іона:

— Архіепископъ вятскій и великопермскій, т. V, 56, 57, 65.

— (Васильевскій), тамбовскій епископъ, т. V, 795—799.

— Митрополитъ, т. IV, 768, 769.

Іорданъ, Владиславъ, революціонный агентъ кн. Владис. Чарторьскаго, т. IV, 793, 797.

Іосафъ (Торленко), бѣлгородскій епископъ, т. V, 699.

Іосифовъ, Василій, лебедянскій священникъ, т. V, 796.

Іосифъ:

— II, императоръ германскій, т. IV, 131; т. VI, 681, 682.

— Могилевскій архимандритъ, т. V, 535.

К.

Кавгадый, татарскій полководецъ, т. IV, 501, 502.

Кавна, капитанъ польскихъ войскъ, революціонеръ, т. IV, 87, 108.

Кавуръ, гр. Камилъ-Бенсо, итальянскій государственный человекъ, т. V, 466—469.

Казанскій, П. А. Сообщилъ замѣтку: Образецъ помѣщичьяго краснорѣчія, т. IV, 698, 699.

Казаринъ-Давыдовъ, т. V, 547.

Калачевъ, Никол. Вас., тайный совѣтникъ, сенаторъ, управляющій московскимъ архивомъ министерства юстиціи, т. V, 235; т. VI, 209.

Калашниковъ, П. Сообщ. замѣтки: Память о Ермакѣ въ Пермскомъ краѣ. Т. VI, 210. Столѣтіе Пермской губерніи. Т. VI, 212.

Калинеску, румынскій полковникъ, т. IV, 802, 804—813.

Калининъ, Ефимъ, крестьянинъ д. Калининской, вятск. губ., т. V, 559.

Калинина, Валеріанъ, секретарь кн. Констан. Чарторьскаго, а потомъ настоятель ксендзовъ воскресниковъ въ Галиціи, т. IV, 101, 102, 115.

Калинскій, греко-уніатскій епископъ. См. Іоаннъ.

Калита. См. Иванъ Давидовичъ.

Калыметы:

— Екатерина, рожденная Трушковская, т. VI, 84.

— Иванъ, товарищъ и пріятель кн. А. М. Курбскаго, т. VI, 83.

— Михайлъ, т. VI, 82.

- Кальнофойский, Аванасій, инокъ Кіево-Печерскаго монастыря, писатель, т. VI, 848.**
- Каменскій, гр. Мих. Ѳедот., генераль-фельдмаршалъ, т. VI, 543.**
- Кампенгаузенъ, баронъ, тайный совѣтникъ, рижскій губернаторъ. Именной указъ Павла I, т. VI, 203.**
- Кампіонъ, англійскій священникъ, т. IV, 664.**
- Камская. Псевдонимъ писательницы Е. Д. Словоцовой. См. Словоцова.**
- Кандагаровъ, становой приставъ Пензенской губерніи, т. VI, 774.**
- Каммингъ, Джорджъ, англійскій министръ, т. V, 324, 325, 328, 329, 331.**
- Кантеміръ, кн. Антіохъ Дмитр., русскій дипломатъ и сатирикъ, т. V, 492.**
- Канту, Цезарь, итальянскій историкъ. Отрывокъ изъ его сочиненія: „Тридцать послѣднихъ лѣтъ“. Т. VI, 97—124; 393—422.**
- Караванъ, Людовикъ, придворный живописецъ, т. V, 239, 514, 515.**
- Каранозовъ, государственнй преступникъ, т. VI, 388.**
- Карамзины:**
— Никол. Мих., исторіографъ, т. IV, 134, 236, 237; т. V, 693, 713, 751.
— Семейство исторіографа, т. V, 304.
- Кардо-Сысоевъ, В. В., редакторъ и издатель „Сельской Бесѣды“, т. VI, 383, 384.**
- Каринъ, петербургскій богачъ, т. V, 431.**
- Карлейль, Томасъ, англійскій писатель. Биографія. Т. IV, 631—636. Упомян. т. VI, 846.**
- Карль:**
— Князь румынскій, т. IV, 887.
— I, англійскій король, т. IV, 669, 670.
— I (Великій), нѣмецкій императоръ, т. V, 149, 154—156, 159, 160.
— I, герцогъ Брауншвейгскій, т. V, 121—123.
— II (Вильгельмъ-Фердинандъ), герцогъ Брауншвейгскій, т. V, 121—124, 349, 354.
— III, испанскій король, т. IV, 452.
— X (Филиппъ, гр. д'Артуа), король французскій, т. V, 324, 325; т. VI, 681.
— XII, шведскій король, т. IV, 452.
- Карль-Людвигъ, курфирстъ пфальцскій, т. V, 632, 633.**
- Карль-Эдуардъ (Стюартъ), такъ назыв. претендентъ, т. IV, 188.**
- Кармьеръ, баронъ, прусскій министръ, т. V, 656.**
- Карновичъ, Е. П. Ст. его: Очерки русскаго придворнаго быта въ XVIII столѣтіи. Т. V, 233—278, 487—521. Упомян. т. V, 662.**
- Манусевичъ, усманскій аптекарь, т. IV, 693.**
- Маподистрія, гр. Ив. Антонов., русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ президентъ въ Греціи, т. V, 106, 107, 109, 111, 112, 214, 215, 229.**
- Нарабановъ, Ѳедоръ Леонтьев., тверской губернскій предводитель дворянства, т. VI, 689.**
- Нарітѣвъ, дѣйствит. стат. совѣтникъ, минскій губернаторъ. Указы Павла I на его имя. Т. VI, 205, 206.**
- Нароль (Caroll), римско-католическій епископъ балтморскій и Соединенныхъ Штатовъ, т. V, 40, 42.**
- Нарпенни, Степанъ и Григорій Даниловичи, мажороссійскіе писатели, т. V, 734.**
- Нарповы:**
— Купеческая дочь, т. V, 568.
— Подполковникъ, т. IV, 104.
— Ѳедотъ, харьковскій купецъ, т. V, 563, 571.
- Нартеретъ, англійскій государственный человекъ, т. IV, 185, 186.**
- Насимовъ, Юсупъ, татаринъ, т. V, 855.**
- Наскартъ (Cathcart), англійскій посланникъ въ Петербургъ, т. VI, 237.**
- Настельригъ (Castlereagh), представитель Англій на Вѣнскомъ конгрессѣ, т. VI, 154, 156.**
- Настельригъ, леда, т. V, 103.**
- Настнеръ, Карль-Вильгельмъ-Готлибъ, профессоръ химіи и физики, т. IV, 127, 134.**
- Каталани, пѣвица, т. V, 29, 30.**
- Катасановъ, Перфиль, крестьянинъ с. Перевоза, Кирсановскаго у., хлѣбостовскій наставникъ, т. V, 792.**
- Каттернамтъ, голландскій писатель, т. V, 38, 39, 42.**
- Кауфманы:**
— Анджелика, художникъ, т. VI, 733.
— Поручикъ, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 831.
— фонъ-Кауфманъ, Конст. Петр., ген.-адъют., инженеръ-генералъ, туркестанскій генераль-губернаторъ, т. V, 924, 925.
- Каченозскій, Мих. Трофимов., профессоръ, т. IV, 134; т. V, 167.**
- Качновскій, революционеръ, т. IV, 92, 93, 103, 111.**
- Кашимины:**
— Евг., генераль-поручикъ, пермскій генераль-губернаторъ, т. VI, 214.
— Ник. Ев., т. V, 4.
- Кашменскій, П. С., т. VI, 215.**
- Кашцевъ, Николай, зинovieвскій крестьянинъ, Кром. у., Орлов. губ., т. IV, 376, 379, 383.**
- Квасиниъ-Голицинъ, шутъ импер. Аяны Цвановны, т. V, 277.**

- Кватернинъ**, Евгений, хорватскій патриотъ, т. V, 472.
- Квитка**:
— Андрей Федор., харьковскій губернский предводитель дворянства, братъ писателя, т. V, 699.
— Анна Григор., рожденная Вульфъ, супруга писателя, т. V, 700, 701, 714.
— Архимандритъ. См. Палладій.
— (Основьяненко), Григ. Федор., предсѣдатель харьковской палаты уголовного суда, малороссійскій писатель. Биографія его. Т. V, 697—718.
фонъ-Нейзерлингъ, баронесса. См. фонъ-Бревернъ.
- Кйлеръ**, представитель нѣмецкаго археологическаго института въ Афинахъ, т. IV, 943.
- Кельсиевъ**, писатель, т. VI, 680.
- Кемнеръ**, вестфальскій педагогъ, т. IV, 434.
- Кемпбелль** (Campbell). Тома, англійскій поэтъ, первый предсѣдатель литературнаго общества друзей Польши, т. IV, 79.
- Кендель**, герцогиня, фаворитка англійскаго короля Георга I, т. IV, 185, 186.
- Кенигъ**:
— Вдова гамбургскаго фабриканта, жена Лессинга, т. V, 123, 124.
— Историкъ нѣмецкой литературы, т. V, 125.
Кентршинскій, польскій революціонеръ, т. IV, 799.
- Керимъ-Гирей**, крымскій ханъ, т. VI, 127—136.
- Кибальчичъ**, Т. В., членъ археологическаго института. Сообщилъ: Письмо Б. П. Хруцова о пребываніи цесаревича Александра Николаевича въ Калугѣ. Т. IV, 866—868. Отрывки изъ дневника А. П. Хруцова. Т. V, 70—78. Упомян. т. V, 420.
- Кидаровъ**, Спиридонъ, священникъ с. Коутева, Тамбовскаго уѣзда, т. V, 794.
- Кингстонъ**, Елисавета Чудля, герцогиня, путешественница, т. VI, 822.
- Киприанъ**, Святой, митрополитъ всей Россіи, т. IV, 750, 751, 925.
- Кирдякъ**. См. Василій Дмитріевичъ.
- Кирилль**:
— Митрополитъ всея Руси, т. IV, 267.
— (Терлецкій), луцкій греко-уніатскій епископъ, т. V, 665.
— (Шумлянскій), епископъ переяславскій, т. IV, 696.
— (Ярошевичъ), іеромонахъ, учитель риторики смоленской семинаріи, т. V, 62, 63.
- Кирпичниковъ**, профессоръ, т. IV, 212.
- Кирпишиниковъ**, Михайлъ, елатежскій ку-
- пецъ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 678.
- Кирѣевскій**, Ив. Вас., русскій писатель и журналистъ, т. V, 163, 170.
- Киселевъ**, гр. Пав. Дмитр., русскій дипломатъ и государственный человѣкъ, т. V, 14, 23, 24; т. VI, 849, 850.
- Китаевъ**, И., русскій ученый, т. V, 284.
- Китъ**, Александръ, англійскій пасторъ, т. IV, 190.
- Кицинскій**, основатель газеты „Курьеръ Варшавскій“, т. V, 142.
- Кишинскій**, генераль-лейтенантъ, т. IV, 802.
- Клапаредъ**, графъ, французскій генераль, т. VI, 632.
- Клапка**, австрійскій генераль, т. V, 475.
- Клейникхоль**, гр. Петръ Андреев., генераль-адъютантъ, главноуправляющій путями сообщенія, т. IV, 342, 471.
- Клей**, Генри (Henry Clay), американскій коммисаръ, т. V, 46.
- Клеопинъ**, Никифоръ, горный офицеръ, т. VI, 210.
- Клименко**, Еф. Фялим., доцентъ новороссійскаго университета, т. IV, 423.
- Климентъ**:
— XI (Іоаннъ-Францискъ Альбани), римскій папа, т. V, 637.
— XIV (Лоренцо Ганганелли), римскій папа, т. VI, 19.
- Клингенбергъ**. См. Шанъ-Гирей.
- Клопъ**, Онно, т. IV, 671, 672.
- Клунгонъ** (Kluckhohn), нѣмецкій историкъ, т. V, 367, 368.
- Ключевскій**, Вас. Осипов., профессоръ московской духовн. академіи, т. IV, 213.
- Книперъ**, содержатель вольнаго театра, т. IV, 676.
- Княжичины**:
— Александръ Яков., т. V, 763.
— Борисъ Ив., дѣйстви. стат. совѣтникъ, т. V, 429.
— Борисъ Яков., т. V, 763.
— Яковъ Борисов., членъ россійской академіи, писатель. Биографія его. Т. V, 425—554, 735—764.
- Князининъ**, поэтъ, т. V, 135, 136.
- Кобенцель**, гр. Людовикъ, австрійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, впоследствии австрійскій канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, т. VI, 684, 635, 692, 693, 697, 693, 701.
- Кобозевъ**, государственный преступникъ, т. IV, 903—909.
- Кобыла**, Андрей Ив., бояринъ, предокъ Шереметевыхъ, т. VI, 186, 190, 191.
- Ковнацкій**, польскій писатель, т. V, 141.
- Кодрингтонъ**, Эдвардъ, англійскій адмираль, т. V, 330.
- Комуковъ**, Сафояъ Мих., т. V, 547, 554.

- Козельскъ**, полковникъ, участникъ ахальтекинской экспедиціи, т. V, 837, 840, 842, 846.
- Козельскій**, Яковъ, депутатъ Дѣпровскаго полка въ „Большой Коммисіи“, т. VI, 232, 234, 236.
- Козлинь**, Архистархъ, лебединскій соборный протоіерей, т. V, 796.
- Козловскіе**, князья:
- Полковникъ, т. V, 22, 23.
  - Павелъ Дмитр., чиновникъ почтоваго департамента, т. V, 189, 190.
  - П. Д., инспекторъ межеваго института, т. VI, 456.
- Козловъ**, рекетмейстеръ, т. IV, 126.
- Козляниновъ**, надворн. совѣтникъ, т. VI, 696.
- Козодавлевъ**, Осипъ Петр., сенаторъ, дѣйств. тайн. совѣт., министръ внутрен. дѣлъ и писатель, т. V, 3, 758.
- Кокренъ**, лордъ Джонъ Дундасъ, путешественникъ, т. VI, 823.
- Кокшаровъ**, Никол. Ів., генераль-майоръ, академикъ, горный инженеръ, т. IV, 421, 424.
- Коленкуръ**, Арманъ-Августинъ-Людвигъ, герцогъ Виченскій, министръ иностранныхъ дѣлъ и перъ Франціи, т. V, 362, 597.
- Колли**, А. А., профессоръ московскаго техническаго училища, т. IV, 423.
- Коллинсъ**, Эдуардъ Давидов., академикъ, преподаватель ариѳметики и физики императору Александру II, т. VI, 347.
- Колобова**. См. Івскова.
- Коломнинны**:
- А. П. Сообщилъ: Указъ синода о неродажѣ въ монастыряхъ и церквахъ чудотворнаго меда и масла и о присяжкѣ веригъ. Т. IV, 697, 698. Докладъ кн. Потемкина Екатеринѣ II о дуэли гр. Робасса съ гр. Биландомъ. Т. V, 185—187. Письмо слб. оберъ-полиціймейстера Татищева къ каб.-секретарю Бахиреву о запрещеніи частныхъ маскерадовъ. Т. V, 681. Записку канцлера гр. Н. П. Румянцева о евреяхъ. Т. VI, 675, 676.
  - Серг. Петр., профессоръ, т. V, 686.
- Колонтай**, Гуго, римско-католическій священникъ, политическій писатель, т. V, 138.
- Молосовъ**, Митроф. Алексѣев., профессоръ варшавскаго университета. Некрологъ. Т. IV, 940, 941.
- Молотошинъ**, Алексѣй, писарь полицейской конторы, т. IV, 594—596.
- Мольшно**, Болеславъ, предводитель польской банды, т. IV, 78, 115.
- Молычевы**:
- Ів. А., намѣстникъ новгородскій, т. VI, 192.
  - Степанъ Алексѣев., вице-канцлеръ, т. IV, 201; т. VI, 191.
  - Степ. П., т. VI, 192.
  - Фѣдоръ Степ. См. Филиппъ.
- Кольцо**, Иванъ, посолъ отъ Ермака къ Ивану Грозному, т. VI, 209.
- Комаровскій**, гр. Е. Ф., начальникъ петербургской полиціи, т. VI, 543—546.
- Комаровъ**, А. В., т. VI, 869—871.
- Комисаровъ-Ностромской**, Осипъ Ів., т. VI, 388.
- Кондоиди**, Павелъ, лейбъ-медикъ. Донесенія его императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о здоровьѣ Павла Петровича. Т. IV, 933—936.
- Кондратковскій**, повгородскѣверскій епископъ. См. Иларіонъ.
- Кондратьевъ**, Иванъ, крестьянинъ вижегородской благовѣщенской слободы, т. IV, 166.
- Константинъ Борисовичъ**, князь ростовскій, т. IV, 493.
- Константинъ Васильевичъ**, суздальскій князь, т. IV, 514, 735.
- Константинъ Великій** (Кай-Флавій-Валерій-Аврелій Клавдій), римскій императоръ, т. V, 671, 672.
- Константинъ Всеволодовичъ**, великій князь владимірскій и суздальскій, т. IV, 256—259.
- Константинъ Дмитриевичъ**, князь угличскій, т. IV, 760.
- Константинъ Михайловичъ**, князь тверской, т. IV, 239, 502, 503, 508, 512, 513.
- Константинъ Мономахъ**, византійскій императоръ, т. VI, 578.
- Константинъ Николаевичъ**, великій князь, т. IV, 869; т. VI, 320.
- Константинъ Павловичъ**, великій князь, т. IV, 154, 158, 806, 835; т. V, 326, 358, 360; т. VI, 638, 681, 690, 697, 857.
- Константинъ Романовичъ**, рязанскій князь, т. IV, 499.
- Константинъ Ярославовичъ**, галичскій князь, т. IV, 262.
- Константиновъ**, Лукіанъ Ильичъ, предсѣдатель орловской уголовной палаты, т. IV, 374.
- Конценъ**, баварскій историкъ, т. V, 147.
- Кончана**, супруга московскаго князя Юрія Даниловича, т. IV, 501—503.
- Копыловы**:
- Кирсановскій однодворецъ, прошагандистъ молоканства, т. V, 804.
  - Ксенія, крестьянка с. Перевоза, Кирсановск. у., хлыстова, т. V, 792.
- Копыстенскій**, архимандритъ. См. Захарій.
- Кореницкій**, Порфирій, малороссійскій писатель, т. VI, 33, 304—307.

- Корнинъ**, Алекс. Никол., профессоръ, т. IV, 424.
- Корниловъ**, тамбовскій губернаторъ, т. V, 803.
- Коровяновъ**, крестьянинъ с. Высокаго, Пензенской губ., толкователь Положенія 19 февр. 1861 г., т. VI, 775.
- Коротевичъ**, митрополитъ. См. Дороев.
- Корсаковы:**
— Григорій, т. V, 27.
— Д. А. Замѣтка о его сочиненіи: Воцареніе Анны Ивановны. Т. IV, 196—205.
— П. Н., т. V, 25.
— Марья Пв., т. V, 21, 27, 29.
— Наталья. См. Акинфіева.
- Корсанъ**, Марія, переводчица, т. IV, 922—924.
- Корсунъ**, Александръ, малороссійскій писатель, т. VI, 33, 47—50.
- Косановская**, бабка революционерки Путовойвой, т. V, 77, 78.
- Косаревъ**, волостной голова, т. V, 562.
- Космынинъ**, донской казакъ. Донось его. Т. IV, 834—838.
- Костомаровы:**
— Никол. Пв., дѣйствит. стат. совѣтн., членъ археографической комисіи. Повѣсть его: Черниговка, былъ второй половины XVII вѣка. Т. IV, 46—74, 269—329, 524—577. Предисловіе къ выпискамъ изъ памятныхъ книжекъ Петра Великаго. Т. V, 182, 183. Библиографическая замѣтка. Т. IV, 451—453. Упомян. т. IV, 726; т. V, 706, 707—709, 714, 732; т. VI, 42.
— Федоръ, т. V, 547, 551.
- Кость**, капельмейстеръ, т. V, 29, 30.
- Костылевъ**, П. И., предсѣдатель елецкаго окружн. суда. Сообщ. рескриптъ Александра I рязанскому губернатору Шишкову. Т. IV, 467.
- Котельниковъ**, академическій цензоръ, т. V, 761.
- Котляревскіе:**
— Александръ, профессоръ кіевскаго университета. Некрологъ его. Т. VI, 679, 680. Упомян. т. IV, 942, 943.
— Ив. Петр., писатель, т. V, 698, 710.
— Морякъ, т. VI, 296, 297.
- Котовъ**, Григорій, зинovieвскій крестьянинъ, Кром. у., Орлов. губ., т. IV, 376, 379, 383.
- Коты**, знатная дама, пріютившая Мартина Лютера, т. IV, 442.
- Кохановскіе:**
— Бригитта Григ., т. VI, 336.
— Левъ Ив., сенатскій оберъ-секретарь, т. VI, 336, 339.
— Писательница, т. IV, 613.
- Кохно**, Тимоф. Григ., полковникъ, т. VI, 551—553.
- Коцебу:**
— Августъ-Фридрихъ-Фердинандъ, нѣмецкій писатель, т. V, 106.
— Гр. Павелъ Евстафьев., генераль-адъютантъ, варшавскій генераль-губернаторъ, т. IV, 802.
- Кочетовъ**, костромской губернаторъ, т. VI, 444.
- Кочубей:**
— Гр. Викт. Павлов., министръ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ государ. канцлеръ, т. V, 408.
— П. А., т. VI, 450.
- Кочубинскій**, Александръ Александров., профессоръ новороссійскаго университета. Сообщилъ некрологъ профессора М. А. Колосова. Т. IV, 941. Ст. его: Наши двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ. Т. V, 201—232, 455—486.
- Кошелевы:**
— Екат. Александр. См. Буткевичъ.
— Крестьянинъ с. Высокаго, Пензенской губ., толкователь Положенія 19 февр. 1861 г., т. VI, 775.
- Кошкины**, русскіе дворяне, т. VI, 190.
- Кошутъ**, Людвигъ, австрійскій государственный человѣкъ, т. V, 469, 475; т. VI, 99.
- Краевскій**, А. А., журналистъ, т. IV, 392; т. VI, 456.
- Кравень**, леди, путешественница, т. VI, 822.
- Крамской**, П. Н., художникъ-портретистъ. Ст. его: Художникъ А. А. Ивановъ и его значеніе для русскаго искусства, т. V, 806—820. Упомян. т. IV, 487, 488; т. V, 181.
- Красинскіе:**
— Дворянскій домъ въ Польшѣ, т. VI, 75.
— Гр. Сигизмундъ, польскій поэтъ, т. IV, 208, 210.
- Красновъ**, генераль-майоръ, т. VI, 679.
- Красносельцевъ**, Иванъ, нижегородскій лямщикъ, т. IV, 166.
- Красовскій**, Антонъ Яковл., тайный совѣтникъ, докторъ медицины, лейбъ-акушеръ, т. V, 686.
- Крафтъ**, ученый, т. IV, 427.
- Краузе**, прапорщикъ. Указъ Павла I на его имя. Т. VI, 203.
- Креншинъ**, Петръ, біографъ Петра Великаго, т. V, 132.
- Крение**, В. Д., генераль-лейтенантъ. Воспоминанія его: Мой арестъ и освобожденіе въ 1839 году. Т. IV, 401—417.
- Крестовскій**, Всевол. В., писатель, т. IV, 714.
- Крижицкой**, Станиславъ, польскій революціонеръ, т. V, 72.

Кривцовы:

— Владѣльцы сел. Кривцова, Кромскаго уѣзда, Орловск. губ., т. IV, 357.

— Илья Ив., владѣлец с. Косарева, Кромскаго у., Орловск. губ., т. IV, 357, 358, 362, 364, 371.

— Поручикъ егерскаго гвардейскаго полка, т. VI, 162, 163.

Кринаничъ, Юрій, т. V, 928, 929.

Критонъ, Луиза, т. IV, 665.

Кромвель:

— Оливеръ, протекторъ соединенныхъ республикъ: Англіи, Шотландіи и Ирландіи, т. IV, 665—668.

— Томасть, т. IV, 661.

Круглевскій, хирургъ, т. IV, 897.

Крузенштеръ, Адамъ Іоган., адмиралъ русской морскаго флота, т. VI, 599.

Крутойрочно, малороссійскій писатель, т. VI, 33.

Крымановскій, ген.-лейт. начальникъ главнаго штаба, т. V, 74, 76.

Крыловы:

— Александръ, священникъ с. Пахатнаго-Угла, Тамбовской губ., т. V, 789.

— Ив. Андр., баснописецъ, т. VI, 333.

Крюднеръ, Юліанна, баронесса, т. V, 102.

Крюковскій, гвардіи поручикъ, т. V, 196.

Крюковъ, Александръ, нижегородскій вице-губернаторъ, т. VI, 179—183, 807—811, 819.

Кубаревъ, А. М., преподаватель, т. IV, 483.

Кубышинъ, крестьянинъ, молоканъ, т. V, 790.

Кудрявцевы, дворянскій родъ, т. VI, 626.

Куземскій, греко-уніатскій епископъ. См. Михайлъ.

Кузень, Викторъ, французскій философъ и министръ народнаго просвѣщенія, т. V, 891, 909.

Кузнецовы:

— Иванъ, крестьянинъ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 678.

— Иванъ, мензелинскій городскій депутатъ въ „Большой Коммисіи“, т. VI, 235, 236.

— Лаврентій, зинovieвскій крестьянинъ Кром. у., Орлов. губ., т. IV, 379.

— Семеновъ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 678.

Кузьменко, Петръ, казакъ лейбъ-гвардіи Терскаго эскадрона собств. Е. И. В. конвоя, раненый во время событія 1 марта 1881 г., т. IV, 897.

Куинье-Дарбель, комедіантъ французскаго двора, т. IV, 465.

Кульничинъ, Несторъ Васильев., писатель и журналистъ, т. IV, 472.

Кулебакинъ, ротмистръ, командиръ лейбъ-

гвардіи Терскаго эскадрона собств. Е. И. В. конвоя, раненый во время событія 1 марта 1881 г., т. IV, 895, 897.

Кулжинскій, П. Г., т. V, 523, 524, 538.

Куликовъ, Семеновъ, крестьянинъ с. Русскаго, Моршанскаго уѣзда, скопецъ, т. V, 786.

Кулишъ, Пательеймонъ Александр., писатель, т. V, 704, 707, 713, 714, 716—718; т. VI, 51.

Кульчицкій, иркутскій епископъ. См. Пинокентій.

Куницкій, воспитанникъ петербургской первой гимназіи, т. IV, 714, 715.

Кунцевичи:

— Марина Андр., рожденная кн. Курбская, т. VI, 79, 82.

— Михайлъ, т. VI, 82.

Куракинъ, кн. Алексій Борисов., дѣйствит. тайный совѣтъ, сенаторъ, членъ государств. совѣта и канцлеръ російскихъ орденовъ. Указъ Павла I на его имя, т. VI, 205, 206. Упомянутъ т. IV, 837, 838; т. V, 18.

Курбскіе, князья:

— Русскій княжескій домъ, т. VI, 66.

— Александра Петровна, рожденная Симашко, т. VI, 78, 83.

— Александръ (Яковъ) Каспаръ, т. VI, 83.

— Андрей Андр., т. VI, 82.

— Андрей Михайл., русскій воевода, эмигрантъ. Статья о немъ. Т. VI, 65—85. Упомянутъ т. VI, 191.

— Дмитрій Андр., т. VI, 82.

— Каспаръ Дм., т. VI, 83.

— Марина Андр., см. Кунцевичъ.

— Марія Юрьевна, рожденная княж. Гольшанская, по первому браку Монтольтъ, по второму Тышкевичъ-Козинская, т. VI, 72—74, 76—78, 80, 82.

— Яковъ Каспаръ, т. VI, 83.

Курнина, секретаръ польскаго революціонера Мирославскаго, т. IV, 785, 786.

Куропатинъ, полковникъ, начальникъ туркестанскаго отряда въ ахаль-текинскій экспедиціи, т. V, 834, 837, 840, 841, 846.

Кусновъ, Аполлонъ, т. IV, 714.

Куторга, Степанъ Семеновъ, профессоръ петербург. универс. и цензоръ, т. IV, 341, 350.

Куца, князь, правитель Румыніи, т. IV, 813—818.

Кучинская, дѣвица, т. VI, 696.

Кучиновичи, бояре-владѣльцы Москвы, т. IV, 245, 248.

Кюинджи, А. И., современный художникъ-пейзажистъ, т. V, 108, 181.

Кюричанецъ, П. А., т. VI, 870.

Кюхельбекеръ, В. К., преподаватель частнаго пансіона въ г. Прилукъ, т. VI, 34.

Л.

- Лаваль**, т. V, 8.
- Лаво**, французъ, т. V, 624.
- Лаврентій**:
— (Барановичъ), епископъ вятскій и великопермскій, т. V, 64.
— (Горка), епископъ вятскій и великопермскій. Встрѣча его духовенствомъ. т. VI, 443, 444. Упомян. т. V, 58—60, 65, 66, 424.
— Суздальскій инокъ, т. VI, 849.
- Лавровскіе**:
— Директоръ пѣжинскаго филологическаго института, т. VI, 451.
— Петръ Алексѣев., тайн. сов., попечитель оренбургскаго учебнаго округа, т. IV, 941.
де-Лагарль, Фредерикъ-Сезарь (Петръ Ив.), воспитатель императора Александра I, т. IV, 455, 855; т. V, 324.
- Лагермакъ**, Герм. Ив., ординарный профессоръ харьковскаго университета, т. IV, 423.
- Лазаревы**:
— Иванъ Давид., генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ, т. IV, 622; т. V, 583, 584, 586.
— Придворный комедіантъ „персидскаго манера“, т. V, 255.
- Лазуревичъ**, настоятель прихода Яблонь, сѣдлецкой губ., т. V, 91.
- Лансъ**, полковникъ, пензенскій жандармскій штабъ-офицеръ, т. VI, 783.
- Ламанскій**, В. И., профессоръ, т. IV, 425; т. VI, 642.
- Ламздорфъ**, тайный совѣтникъ, курляндскій губернаторъ. Указы Павла I на его имя. Т. VI, 204.
- Ламираль**, балетмейстеръ московскаго театра, т. VI, 168, 820.
- Лангевичъ**, польскій революціонеръ, т. V, 78.
- Лангенъ**, вестфальскій педагогъ, т. IV, 434.
- Лангъ**, директоръ англійскаго банка, т. VI, 93.
- Ланде**, танцмейстеръ итальянской компаніи, т. V, 256.
- Ланжеронъ**, графъ Александръ Ѳеодор., генераль отъ инфантеріи, новороссійскій генераль-губернаторъ, т. V, 11.
- Ланской**, молодой человѣкъ, убитый на дуэли, т. V, 31.
- Лапинскій**, начальникъ морской экспедиціи польскихъ повстанцевъ 1863 года, т. IV, 75—116, 792.
- Латуръ-Мобуръ**, Мари-Викторъ де-Фэ, маркизъ, французскій генераль, т. VI, 632.
- Латышъ**, Гейнрихъ, т. IV, 459.
- Лаудонъ**, баронъ Гедеонъ-Эрнстъ, австрійскій генераль, т. VI, 126.
- Лафлешъ**, оберъ-гофмаршалъ, т. V, 357.
- Лачиновъ**, Пав. Александр., профессоръ гѣснаго института, т. IV, 423.
- Лашнаревъ**, П. А., т. V, 421.
- Лебедевы**:
— Географъ, т. V, 80, 93.
— Дм. П. Библиографическія замѣтки: Эллада и Римъ — Фальке, т. IV, 681—683. Цицеронъ и его друзья — Гастона Буассе, т. IV, 922—924. Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы—Михайловскаго, т. V, 395—398. Земельная пріобрѣтенія Россіи въ царствованіе Александра II—Стрѣльбицкаго, т. V, 920—928. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. П. Знаменскаго, т. VI, 193—202. Russia, by W. K. Morfill, т. VI, 854, 855. Переводъ ст. Умственный и нравственный прогрессъ европейскаго общества въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, т. VI, 97—124, 393—422. Ст. его Воспитаніе Императора Александра II, т. VI, 341—364. Русское общество и нигилизмъ, т. VI, 604—619.
— Спутникъ академика Георгія, т. VI, 212.
- Лебедилицевы**:
— П. Г., протоіерей кievской епархіи, т. V, 421.
— Ѳеоф. Гавр., дѣйствит. стат. совѣтникъ, начальникъ радомской учебной дирекціи, т. IV, 942.
- Лебцельтнеръ**, австрійскій посолъ въ Петербургъ, т. V, 101, 326.
- Леванда**, Иванъ Васильев., протоіерей кievскаго софійскаго собора, т. V, 575.
- Левандовскіе**:
— Валентинъ, членъ польской коммисіи единства, т. IV, 85.
— Польскій генераль, т. V, 282.
- Левашовы**:
— Гр. Никол. Вас., генераль-лейтенантъ, орловскій губернаторъ, а потомъ помощникъ шефа жандармовъ, т. IV, 374, 381—387, 389.
— Генераль-маіоръ, т. VI, 684.
фонъ-Левенвольдъ, графъ, оберъ-гофмаршалъ, предсѣдатель камеръ-пальмейстерской конторы, т. V, 255, 276, 499, 520.
- Левенштернъ**, Владим. Ив., т. IV, 460.
- Левичій**, членъ общества Несторальтописца, т. IV, 942.
- Левшинъ**, митрополитъ московскій. См. Платонъ.
- Ледрю-Ролленъ**, Филиппъ, французскій адвокатъ и революціонеръ, т. IV, 79, 80, 89.

- Лемаль**, учитель нижегородской гимназии, т. VI, 176.
- Лейбниц**, Готфридъ, Вильгельмъ, баронъ, философъ, т. IV, 672; т. V, 632.
- Лейнаумъ**, Антонія. См. кн. Меттернихъ.
- Лейчестерскій**, графъ. См. Монфоръ.
- Лени** (Lesku), англійскій историографъ. Обзоръ его „Исторія Англіи“ въ XVIII в. т. IV, 177—195, 671.
- Лелевель**, Иоакимъ, профессоръ виленагского университета. т. V, 141.
- Леляновскій**, т. VI, 339.
- Леманъ**, Максъ, нѣмецкій историкъ, т. V, 635.
- Ленковскій**, польскій революціонеръ, т. IV, 793, 795.
- Леонова**, Д. М., артистка, т. IV, 230.
- Леонтій**, епископъ тамбовскій, т. V, 784.
- Леонтьевы**:
— Журналистъ, т. V, 337—342.
— Прасковья, вдова священника, пропагандистка молоканства, т. V, 804.
- Леопольдина**, австрійская эрцгерцогиня, наследная принцесса португальская, т. V, 101.
- Леопольдъ II**, нѣмецкій императоръ, т. V, 38.
- Леопольдъ-Максимиліанъ-Юлій**, принцъ Брауншвейгскій, т. V, 123, 124.
- Лермонтовы**:
— Мих. Юрьев., поэтъ. Матеріалы къ его биографіи, т. VI, 365—378. Воспоминанія о немъ, т. VI, 448—450. Упомян. т. VI, 32.
— Марья Мих., мать поэта. т. VI, 374—376, 378.
- Леруа-Болье**, Анатолий. Замѣтка по поводу статьи его о Россіи, т. VI, 604—619.
- Лесгафтъ**, П. Ф., т. V, 686.
- Лессепсъ**, французскій генеральный интендантъ, т. V, 883; т. VI, 161.
- Лессингъ**, Готтольдъ-Эфраимъ, нѣмецкій писатель. Статья по поводу столѣтней годовщины дня его смерти, т. V, 114—126.
- Лестеръ**, графъ. См. Деллей.
- Лестокъ**, графъ Германъ, дѣйств. тайн. совѣтъ, лейбъ-медикъ и президентъ медиц. коллегіи. Письмо къ нему гр. П. И. Шувалова, т. IV, 930, 931.
- Лефортъ**, саксонскій посланникъ въ Петербургъ, т. IV, 205.
- Луццано**, Борисъ, членъ военной коллегіи, т. IV, 219.
- Леченно**, командиръ Замостьскаго полка, т. IV, 802.
- Лещковъ**, Васил. Никол., заслуженный профессоръ московскаго университета. Некрологъ, т. IV, 702.
- Лещинскій**, тобольскій архіерей. См. Филофей.
- Ли**, Ф. Д. (Fr. G. Lee), англиканскій священникъ-историкъ. Обзоръ его Историческихъ очерковъ реформація, т. IV, 659—662.
- Либенау**, врачъ, т. VI, 340, 558.
- Ливень**:
— Баронъ Вильгельмъ Карлов, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, т. V, 223.
— Шарлота Карлов., статсъ-дама, т. VI, 856.
- Лидерсъ**, генералъ, т. V, 686.
- фонъ-Лиліену**, австрійскій генералъ, т. V, 38.
- фонъ-Лиліенфельдъ**:
— Баронесса, статсъ-дама, рожденная княж. Одоевская, т. V, 276.
— Баронъ, камергеръ, т. V, 276.
- Линарь**, графъ, польско-саксонскій посланникъ въ Петербургъ, т. V, 245, 268, 276.
- Линденбаумъ**, поручикъ Тарутинскаго пѣх. полка, т. VI, 781—783.
- Линней**, Карлъ, знаменитый естествоиспытатель, т. IV, 119.
- Линниченко**, Андрей Ив. дѣйств. стат. совѣтъ., профессоръ кievскаго университета, т. IV, 728.
- Липманъ**, Федоръ Ив., преподаватель исторіи императора Александра II, т. VI, 348.
- Липранди**, т. IV, 485.
- Литвиновъ**, И. С., тамбовскій губернаторъ. Письмо къ нему генералъ-прокурора Оболянина, т. VI, 443. Упомян. т. VI, 445.
- Литке**, гр. Фед. Петр., генералъ-адъютантъ, адмиралъ, президентъ петербургской академіи наукъ, т. IV, 422.
- Литтре**, Максимилиенъ-Поль-Эмиль, французскій публицистъ и филологъ. Некрологъ его, т. V, 691, 692.
- Лихачевы**:
— Археологъ, т. VI, 868.
— Дворянинъ, посолъ XVII вѣка во Флоренцію, т. VI, 6.
- Лихуды**, Иоанникій и Софроній, греческіе іеромонахи, т. VI, 200, 201.
- Лобановъ**, М. Е., т. IV, 466.
- Лобановъ-Ростовскій**, кн. Алекс. Борис., тайн. совѣтъ., орловскій губернаторъ, а потомъ товарищъ м-ра вв. дѣлъ и посланникъ въ Лондонъ, т. IV, 389.
- Лобордъ**, графъ, французскій генералъ, т. VI, 627—629.
- Л-овъ**, учитель петербургской первой гимназіи, т. IV, 715.
- Логоветъ**. См. Пахомій.
- Ломанинъ**, генералъ-майоръ, начальникъ

- отряда ахаль-текинской экспедиции, т. IV, 619; т. V, 584—589, 591, 593.
- Ломоносовъ, Михаилъ Вас., академикъ, писатель,** т. IV, 125, 126, 213, 426—428; т. V, 434, 930.
- Лонгиновъ, Мих. Никол., орловскій губернаторъ, а потомъ начальникъ главн. управленія по дѣламъ печати,** т. IV, 389.
- Лопатинскій, Теофилактъ,** т. IV, 458.
- Лопухины:**
— Русскій дворянскій домъ, т. IV, 202.
— Анна Петров., княжна, т. VI, 845.
— Калужскій губернаторъ, т. IV, 454, 455.
- Лористонъ, Александръ - Жакъ - Бернардъ-Лау, маркизь, французскій маршалъ,** т. V, 597.
- Лошкаревы:**
— П. Библиографическая замѣтка о сочин. его: „Отношеніе римскаго государства къ религіи“. Т. V, 671, 672.
— Родіонъ, участникъ Пугачевского мятежа, т. V, 677.
- Лубенскій, польскій министръ юстиціи,** т. V, 138.
- Луганскій, казакъ, псевдонимъ писателя Дала. См. Дала.**
- Лудольфъ, графъ, неаполитанскій по- соль въ Римѣ,** т. V, 314.
- Лукашевичъ, Ив. Яков., полтавскій помѣщикъ,** т. VI, 35.
- Лунинь, Владиміръ, драматическій пи- сатель,** т. V, 432, 439.
- Лупандинъ, подпоручикъ,** т. VI, 696.
- Лучицкій, Н. В., профессоръ,** т. VI, 450.
- Лысковскій, Николай, кастелянъ холм- скій,** т. VI, 84.
- Лысогорскій, Тимофей, тамбовскій свя- щенникъ, лѣтописецъ,** т. V, 797.
- Львовы:**
— Авдотья Максим., жительница гор. Шлиссельбурга, т. IV, 593—598.
— Е., см. Хрушова.
— Михаилъ, житель г. Шлиссельбурга, т. IV, 593.
— П. Н., племянница поэта Держави- на, т. IV, 456.
- Лѣсковы:**
— Александра (Акилина) Вас., рож- денная Колобова, кромская помѣщица, т. IV, 371.
— Никол. Семен., писатель. Статья его: Императоръ Францъ - Іосифъ безъ этикета. Т. IV, 139 — 146. Дворянскій бунтъ въ добрынскомъ приходѣ. Т. IV, 357—390. Святительскія гѣни, любопыт- ное сказаніе архіерея объ архіереяхъ. Т. V, 53—69. Царская коронація. Т. V, 283—299. Дополненіе къ статьѣ „Святи- тельскія гѣни“. Т. V, 424. Заказная ли- тература. Т. VI, 379—392. Край поги- бели. Т. VI, 568—585. Благонамѣренная безтактность. Т. IV, 652—655. Библио- графическая замѣтка о словарѣ писате- лей древняго періода русской литерату- ры—А. В. Арсеньева. Т. VI, 846—849. Упомян. т. IV, 231.
- Любарскіе:**
— Варооломей, епископъ. См. Варео- ломей
— Петръ, епископъ. См. Платонъ.
фонъ-Люберастъ, баронъ, генералъ-лей- тенантъ, т. V, 508.
- Люби-Радзиминскій, членъ общества Не- стора лѣтописца,** т. IV, 942.
- Людювинъ:**
— XIV, король французскій, т. IV, 181, 467.
— XVI (Августъ), король французскій, т. IV, 355.
— XVIII (Филиппъ), король француз- скій, т. V, 324, 332; т. VI, 148, 151, 153.
— Принцъ Брауншвейгскій т. V, 506, 507.
- Лютеръ, Мартинъ, реформаторъ и осно- ватель церкви его имени,** т. IV, 442 — 450.
- Люценко, Михей, казакъ лейбъ-гвардіи Терскаго эскадрона собств. Е. И. В. кон- воя, раненый во время событія 1 марта 1881 г.,** т. IV, 897.
- Лядовъ, составитель описанія фабрикъ въ г. Шуѣ и его уѣздѣ,** т. IV, 461.
- Лялинъ,** т. IV, 685.

М.

- Магницкій, Мих. Леонт., дѣйствит. стат. совѣт.,** т. IV, 168; т. V, 16.
- Магнусскій, капитанъ польскихъ войскъ, революціонеръ,** т. IV, 87, 103, 105, 108, 115.
- Магонъ, Филипъ-Генрихъ-Стангопъ, ви- контъ, англійскій госуд. человекъ и ис- торикъ,** т. IV, 177, 179, 185.
- Мадонъ, англійскій писатель,** т. IV, 194.
- Маевскіе:**
— Анна, т. VI, 550.
— Иванъ, ротмистръ польской наро- довой гвардіи, вносльствіи маіоръ рус- ской службы, т. VI, 550.
— Ксендзь, т. V, 535.
— Любовь Александр., рожденная Бут- кевичъ, т. VI, 329, 330, 548, 553, 555, 557, 559, 564—567.
— Марья Александр., рожденная Воз- ницкая, т. VI, 549, 553.
— Никол. Серг. Изъ семейныхъ вос- поминаній его, т. VI, 324—340, 548— 567.

- Польскій дворянскій родъ, т. VI, 549, 550.
- Сергѣй Ив., генералъ-маіоръ, начальникъ старорусскаго отряда военныхъ поселеній, впоследствии начальникъ дивизіи въ окупац. корпусѣ гр. Киселева, т. VI, 549—556, 559—561.
- Сергѣй Серг., т. VI, 557.
- Маевъ, Н. А.**, путешественникъ, т. VI, 455.
- Мазановскіе:**
- Иосифъ Людвиновичъ, православный священникъ прихода Яблонь, сѣдлецкой губ., т. V, 91.
- Людвигъ, греко-уніатскій священникъ прихода Яблонь, Сѣдлецкой губ., т. V, 91.
- Мазепа, Иванъ Степан.**, малороссійскій гетманъ, т. VI, 58—64.
- Мазуркевичи:**
- Викентій, членъ революціоннаго комитета польской эмиграціи, т. IV, 784.
- Леонъ, секретарь польской комиссіи единства, т. IV, 85, 99, 101, 103.
- Май, Иоаннъ,** протоспафорій и стражникъ т. VI, 571.
- Майеръ,** мячманъ, участникъ ахальтекинской экспедиціи, т. V, 846.
- Майковы:**
- Аполлонъ Александр., директоръ театровъ, т. V, 17, 18, 344, 597, 598, 600; т. VI, 819.
- Аполлонъ Николаев., дѣйствит. стат. совѣтн., цензоръ петербургскаго цензурнаго комитета, поэтъ, т. IV, 614.
- Нилъ, преподобный сорскій. См. Нилъ.
- Майновъ, Владим. Н. Ст.** его: Живые покойники. Т. VI, 747—772.
- Манарій (Михаилъ Булгаковъ),** митрополитъ московскій. Библиографическая замѣтка о его „Исторіи русской церкви“, т. V, 664—666. Упомян. т. IV, 213, 388, 926; т. VI, 849.
- Манаровскій, Мих. Мих.,** коллеж. ассесоръ, штатный смотритель гадячскаго уѣзднаго училища, малороссійскій писатель. Біографія его, т. V, 727—730. Упомян. т. VI, 39.
- Манаровъ-Юневъ,** петербургскій актеръ, т. IV, 230.
- Манаровы:**
- Алексѣй Вас., тайный кабинетный секретарь Петра Вслякаго и президентъ камеръ-коллегіи, т. V, 182.
- Капитанъ 2 ранга, участникъ ахальтекинской экспедиціи, т. V, 831.
- М. А., архитекторъ-академикъ, т. IV, 879.
- Сенаторъ, т. VI, 543.
- Макашинъ, Дм. Ив.,** мѣщанинъ, сектанта, т. V, 792.
- Маниавели, Николо-ди-Бернардо,** флоренційскій канцлеръ и секретарь республики, т. IV, 774.
- Мановъ, Левъ Саввичъ,** статсъ-секретарь, дѣйствит. тайный совѣтникъ, министръ внутр. дѣлъ, а потомъ почтъ и телеграфовъ, т. VI, 382, 383.
- Максимовичи:**
- Архіепископъ черниговскій. См. Иоаннъ.
- Карлъ Ив., дѣйств. стат. совѣтн., академикъ, т. IV, 422.
- Мих. Александр., ректоръ кіевскаго университета. Письма къ нему Л. П. Боровиковскаго. т. V, 190—192. Упомян. т. IV, 462.
- Мановскій, В.,** художникъ-жанристъ, т. V, 181.
- Максимиліанъ:**
- I, курфюрстъ баварскій, т. V, 382, 384, 388.
- II, нѣмецкій императоръ, т. V, 371, 376.
- Максимовы:**
- А. М., петербургскій актеръ, т. V, 304.
- Петръ, нижегородскій подъячій, т. IV, 164—166.
- Ротмистръ, участникъ ахальтекинской экспедиціи, т. V, 852, 853.
- С. В., писатель, т. IV, 230, 687.
- Максимъ, владимірскій митрополитъ,** т. IV, 497.
- Максимъ Грень,** ученый, монахъ благовѣщенской обители Афонской горы, т. IV, 773—775; т. V, 666—668.
- Максимъ Максимовичъ,** денщикъ, мѣтръ-дотель и управляющій А. П. Ермолова, т. IV, 150, 151, 155, 158, 159.
- Мануринъ,** нижегородскій крестьянинъ, т. IV, 166.
- Малама,** полковникъ, участникъ ахальтекинской экспедиціи, т. V, 823.
- Малаховскій,** офицеръ. т. V, 281.
- Малаховъ,** путешественникъ, т. VI, 455.
- Малгинъ, Т. С.,** литераторъ, т. V, 164.
- Маленькій, Семень,** купецъ, т. V, 856.
- Малижѣ,** графъ, камергеръ римскаго папы, т. V, 690.
- Малиновскіе:**
- Алексѣй Фѣдор., тайный совѣтн. и сенаторъ, членъ государств. совѣта и управляющій москв. главн. архивомъ иностран. дѣлъ, т. IV, 452; т. V, 14, 15, 27.
- Докторъ, участникъ ахальтекинской экспедиціи, т. V, 851, 852, 854.
- Подпоручикъ, революціонеръ, т. IV, 108, 110.

- Малины:**
 — М., тамбовскій мѣщанинъ, молоканъ, т. V, 804.
 — Ф., тамбовскій купецъ, пропогандистъ жолованства, т. V, 804.
Малофѣевъ, Ясень Изв., полковникъ, баталіонный командиръ, т. IV, 410, 417.
Малышева, т. V, 18.
Малышевскій, профессоръ кievской духовной академіи, т. VI, 679.
Мальчевскій, варшавскій римско-католическій архіепископъ, т. V, 142.
Мамай, татарскій темникъ, ханъ Золотой Орды, т. IV, 736, 740, 744, 746—749.
Мамоновы:
 — Графиня, т. V, 17.
 — Александръ Матв., т. VI, 675.
Мандерштернъ, графъ, шведскій министр иностранныхъ дѣлъ, т. IV, 102, 103.
Манжосъ, полиціимейстеръ г. Русы, т. VI, 556.
Манюшевъ, надворный совѣтникъ, т. VI, 696.
Манингъ, кардиналъ, т. IV, 664.
Мансѣтовъ, Изв. Дан., профессоръ московской духовной академіи, т. VI, 864, 865, 870.
Мансфельдъ, графъ, предводитель чешскихъ войскъ, т. V, 381.
Ману, румынскій полковникъ, т. IV, 802.
Маньянъ, французскій дипломатъ, т. IV, 202.
Мардефельдъ, прусскій посланникъ въ Петербургъ, т. IV, 199.
Марина, старца, сектанка, т. VI, 755.
Мариновичъ, капитанъ парохода „Saturno“, т. VI, 253, 257, 258, 268, 269.
Марія, англійская королева (1553—1558), т. IV, 657, 665.
Марія-Антуанета, французская королева, т. V, 322.
Марія-Луиза, вторая супруга Наполеона I, французская королева т. V, 101, 207, 208, 362.
Марія Терезія, австрійская императрица и королева Венгрии и Богеміи, т. IV, 131.
Марія Федоровна (Доротея - Софія - Августа-Луиза, принцесса Виртембергская), императрица, т. V, 9, 11, 14—16; т. VI, 346, 352, 687, 689.
Мариновичъ, Никол. Андреев., малоросскій писатель, т. VI, 33—39, 314.
Маркеллъ (Онупріевичъ Понель), администраторъ холмской греко-уніатской епархіи, нынѣ подольскій православный епископъ, т. V, 88.
Марновы:
 — Графъ, т. V, 23.
 — Евгенийъ Изв., генералъ отъ инфантеріи, командиръ 2 армейскаго корпуса, т. V, 13.
Марнозовъ, полковн., участникъ ахальтекинской экспедиціи, т. V, 834.
Марисъ, революціонеръ, т. IV, 79—81, 86, 89.
Марнусъ, Фед. Фед., статск. совѣтн., докторъ, гофъ-медикъ, т. IV, 897.
Маркъ, Антоній, т. V, 227.
Мартосъ, Изв. Петр., дѣйств. статск. совѣтн., русскій скульпторъ, т. V, 3.
Мартыновы:
 — А. Библиографическая замѣтка о книгѣ его: „Названіе московскихъ улицъ и переулковъ“. Т. V, 913—920.
 — Кирсановскій уѣздный предводитель дворянства, т. VI, 445.
 — Филиппъ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 678.
Мартыановъ, премьеръ-маіоръ, т. VI, 696.
Мармонтъ, англійскій графъ, т. IV, 188.
Маршевскій, римско-католическій епископъ куявско-брежской епархіи. Пребываніе его въ Ленчицѣ. Т. V, 306—311.
Масальская. См. Иванова.
Масловы:
 — А. Н., инженеръ-капитанъ, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V 830, 838, 842, 847.
 — Елиз. Дмитр. См. Безобразова.
Матвѣевы:
 — Гр. Марья Андреев. См. Румянцова.
 — Марья Федор., т. VI, 441, 442.
 — Михайло, вольтный человекъ. Записки его, т. VI, 441, 442.
 — Тамбовскій помѣщикъ, т. VI, 445.
Матвѣй, принцъ тосканскій, т. V, 386.
Матинскій, авторъ комической оперы, т. IV, 676.
Маттз, Вас. Вас., граверъ, ученикъ Сѣракова, т. IV, 472.
Матушининъ, вятскій засѣдатель, т. V, 559.
Матюшина, графиня, т. IV, 223.
Махмедъ, турецкій султанъ. Письмо его къ римскому цесарю Леопанду (Леопольду), т. IV, 164—167.
Маццини, Джузеппе, италіанскій революціонеръ, т. IV, 79, 80, 86, 87, 89—91.
Машенсинъ, подручникъ, убитый пугачевцами, т. V, 678.
Медвѣдовы:
 — Актриса, т. V, 33.
 — Симеонъ. См. Сильвестръ.
Медемъ, графъ, русскій посолъ въ Вѣннѣ, т. V, 229.
Медешинъ, ханъ хивинскій, т. V, 822.
Мѣдушевскій, поручикъ польск. войскъ, революціонеръ, т. IV, 87, 108.

- Мейнардусъ, Отто**, т. IV, 671, 672.
Мейсъ, Фердинандъ, т. V, 690.
Мейчинъ, т. IV, 685; т. VI, 867.
Мейленбургъ-Стрелмицкій, привѣць, т. V, 14.
Мелсино, Петръ Ив., генераль отъ артиллеріи, директоръ артилер. и инженер. кадет. корпуса, т. IV, 217.
Мельниковъ, П. И., этнографъ, т. V, 176.
фонъ-Менгденъ, Юліанна, баронесса, статсъ-фрейлина, т. V, 245, 268, 276, 500, 502.
Менделѣвъ, Дмитр. Ив., дѣйств. стат. совѣтн., профессоръ петербургскаго университета. Замѣтка по поводу заболотирования его нѣмецкой партией въ академіи, т. IV, 118, 421—423.
Меншиковы, князья:
 — Александръ Александр., сенаторъ, генераль-аншефъ. Прошение его къ Екагеринѣ II, т. V, 187, 188.
 — Александръ Данил., генералиссимусъ. Подложный портретъ его, т. V, 193—196. Упомян. т. IV, 220, 586.
 — Александръ Серг., членъ государственнаго совѣта и адмираль, т. V, 203, 456, 461, 465.
 — Марья Александр., т. IV, 220.
Меншуткинъ, Никол. Александр., дѣйств. статск. совѣтн., ординарный профессоръ петербургскаго университета, т. IV, 424.
Мердеръ:
 — Карлъ Карлов., генераль-адъютантъ, генераль-майоръ, воспитатель императора Александра II, т. V, 317; т. VI, 348.
 — П. К., сенаторъ, т. IV, 151.
Мережковскій, путешественникъ, т. VI, 455.
Меринъ, Джонъ. См. Ульяновъ.
Мерлини, капитанъ, т. VI, 334.
Мерль д'Обинье (Merle d'Hubigné), жевекскій историкъ, т. V, 365—367.
Мѣррей, лондонскій книгопродавецъ, т. V, 196.
Мерсье, Люи-Себастьянъ, французскій профессоръ и писатель, т. V, 165.
Мерцаловъ, А. Е. Сообщ. челобитную вологодскаго помѣщика Ѳ. Л. Долгаго о жалованьи за рану, т. V, 934. Грамоту царя Ѳедора Алексѣевича воеводѣ Данилову о розсылѣ крестьянки Аграфенки, т. VI, 442, 443.
Метелягинъ, смельный колодникъ, рассказчикъ легенды о Петрѣ II, т. IV, 825—827.
Метлинскій, Амвросій Лукьян., профессоръ кievскаго университета, т. V, 191, 728; т. VI, 33, 39—46, 51.
Меттернихъ, князь:
 — Антонія, гр. Бейльштейнъ, рожден-
- ная Лейкамъ, супруга австрійскаго государственнаго челоѡка, т. V, 328.
 — Викторъ, дипломатъ, т. V, 332, 334.
 — Клеменсъ-Венцель-Непомукъ-Лотаръ, герцогъ Портелла, австрійскій государственный челоѡкъ. Изъ записокъ его, т. V, 100—113, 321—336. Упомян. т. IV, 154; т. V, 206—223, 226—229, 455, 465; т. VI, 152, 156.
Мещерскій, кн., казанскій губернаторъ, т. V, 677, 678; т. VI, 214.
Мигуель, донъ Марія Эваристъ, король португальскій, т. V, 314.
Миддендорфъ, Алексій Ѳедор., академикъ, натуралистъ и путешественникъ, т. VI, 592, 594.
Мизинный. См. Василій Ярославовичъ.
Минлашевскій, капитанъ сибирскаго гарнизона, т. V, 196.
Милетичъ, сербскій патриотъ, т. V, 480.
Миллеры:
 — В. Ѳ., т. VI, 864, 865, 870.
 — Герардъ-Фридрихъ, академикъ, русскій исторіографъ, т. IV, 120—123, 126, 127, 234, 426.
 — Юганъ, историкъ Швейцаріи и государственный дѣятель XIX вѣка, т. IV, 129.
 — Ор. Ѳедор., профессоръ петербургскаго университета. Ст. его: Ужасная логика (1 марта 1881 г.), т. IV, 854—857. Кн. А. И. Васильчиковъ, очеркъ вмѣсто некролога, т. VI, 798—806. Библиографическія замѣтки: Исторія славянскихъ литературъ—Пыпина и Спасовича, т. IV, 206—212. Жизнь Державина, т. IV, 453—456. Исторія русской словесности—Порфирьева, т. V, 928—932. Упомян. т. IV, 704; т. VI, 849.
 — Ф. Г., т. IV, 426.
 — Ѳедоръ Богданов., издатель журнала "Развлеченіе". Некрологъ, т. IV, 702, 703.
Милорадовичи, графы:
 — Флигель-адъютантъ, т. IV, 889.
 — Мих. Андреевъ, петербургскій военный генераль-губернаторъ, т. V, 870.
Милочковъ, А. П. Изъ воспоминаній его: Встрѣча съ Н. В. Гоголемъ, т. IV, 135—138. Яковъ Петровичъ Бутковъ, т. IV, 391—400. Ст. его: Русскій путешественникъ за-границей въ прошломъ вѣкѣ, т. VI, 5—27.
Милутины:
 — Графиня, т. V, 851.
 — Гр. Дмитр. Алексѣев., генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантеріи, военный министръ, т. IV, 890.
Милковскій, Сигизмундъ, начальникъ

- повстанской экспедиции въ 1863 г., т. IV, 783—821.
- Мильтонъ**, Джонъ, англійскій поэтъ, т. IV, 665—668.
- Минаевъ**, И. П., проф., ориенталистъ, т. VI, 456.
- фонъ-Минихъ**:
— Графскій домъ, т. V, 507.
— Гр. Бурхардъ - Христофоръ, генералъ-фельдмаршалъ, т. V, 268, 269, 505, 507.
— Гр. Эрнстъ Бурхардов., т. VI, 224.
- Миноръ**, московскій раввинъ, т. V, 687.
- Мирабо**, графъ, т. V, 349.
- Мирславскій**, Людвигъ, польскій революціонеръ, т. IV, 78, 86, 785, 786, 792; т. V, 71.
- Митрофановъ**, Евдокимъ, скопецъ, т. V, 787.
- Митусовъ**, дѣйств. стат. совѣтникъ, новгородскій губернаторъ. Указъ Павла I на его имя. Т. VI, 207. Упомян. т. VI, 329.
- Митхадъ-паша**, турецкій государственн. чинъ, т. V, 482.
- Михайловичъ**, Семень, посадникъ, т. IV, 491, 492.
- Михайловскіе**:
— Юлій, членъ польской комисіи единства, т. IV, 85.
— Я. Т. Библиографическая замѣтка о его „Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы“. т. V, 395—398.
- Михайловы**:
— Борисъ, т. IV, 166.
— Тимофей, крестьянинъ д. Гавриловки, Ивановск. волости, Сычевск. у., Смоленской губ., царевійца, т. IV, 903.
— Фѣдоръ, дьячекъ нижегородск. епархіи, т. IV, 166.
- Михаилъ**:
— (Десницкій), петербургскій митрополитъ, т. V, 538, 539.
— (Кузешскій), холмскій греко-уніатскій епископъ, т. V, 85, 88.
— (Обреновичъ), князь сербскій, т. V, 223.
— (Рагоза), греко-уніатскій митрополитъ, т. V, 665.
- Михаилъ Александровичъ**, великій князь тверской, въ иночествѣ Матвѣй, т. IV, 741—748.
- Михаилъ Андреевичъ**, князь, т. IV, 495, 499.
- Михаилъ Николаевичъ**, великій князь, т. IV, 895, 897; т. VI, 863.
- Михаилъ Павловичъ**, великій князь, т. IV, 158, 159; т. V, 314, 324, 359.
- Михаилъ Юрьевичъ**, князь ростовскій и суздальскій, а потомъ владимірскій, т. IV, 245, 249—252.
- Михаилъ Ярославичъ Святой**, великій князь тверской, а потомъ владимірскій, т. IV, 236, 238, 490, 492—505, 514, 515, 520.
- Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ**, князь московскій, т. IV, 262, 263.
- Михаилъ Фѣдоровичъ Романовъ**, московскій царь, т. V, 548, 550; т. VI, 192.
- Михаилъ**, Іоганъ-Давидъ, профессоръ богословія въ Геттингенѣ, т. IV, 119, 120.
- Михельсонъ**, Ив. Ив., генералъ отъ кавалеріи, т. V, 673, 675.
- Михневичъ**, Вл. Ос. Библиографическая замѣтка о соч. его: Варшава и варшавяне, т. V, 668—671.
- Мицневичъ**, Адамъ, польскій поэтъ, т. IV, 208; т. V, 140, 143; т. VI, 28, 30.
- Мищенко**, Ф. Г., профессоръ, т. VI, 450.
- Миошъ**, петербургскій купецъ, т. IV, 465.
- Могила**, кievскій митрополитъ. См. Петръ.
- Модерахъ**, профессоръ академіи наукъ, т. V, 429.
- Модестъ**, люблинскій епископъ, викарій холмско-варшавской епархіи, т. V, 91, 98.
- Моисѣй** (Близнецовъ-Платоновъ), нижегородскій епископъ, т. V, 16.
- Моисѣевъ**, Дмитрій, нижегородск. ящикъ, т. IV, 166.
- Моисеевъ**, Фѣдоръ, преображенскій гренадеръ, мятежникъ, т. V, 679.
- Моллеръ**, О. А., т. V, 690.
- фонъ-Моллеръ**, Анна Ив. См. Буткевичъ.
- Молли-Зичи-Феррарисъ**, графиня, т. V, 334.
- Моллиеръ**, французскій комикъ, т. IV, 676.
- Мольскій**, Мартинъ, варшавскій странствующій рюмачъ, т. V, 136.
- Мономахъ**. См. Владиміръ Всеволодовичъ и Константинъ.
- Монтесень**, Шарль де Секонда, баронъ де ла Бредъ, писатель, т. IV, 188, 189; т. V, 165.
- Монтольты**:
— Андрей, т. VI, 72.
— Андрей Андр., т. VI, 72, 74, 76—78.
— Марія, рожденная кн. Гольшанская, по второму браку Ташкевичъ-Козинская. См. кн. Курбская.
— Янъ Андр., т. VI, 72, 74, 76—78.
- Монфоръ**, Симонъ, графъ Лейчестерскій, герцогъ, т. IV, 201.
- Моравень**, Павелъ Густавовичъ. Сообщ. посмертное письмо кн. А. Н. Голицына къ кн. П. Д. Козловскому, т. V, 189, 190. Портретъ В. Г. Бѣлянского, т. VI, 456.

- Моравскій**, полковникъ, помощникъ коменданта квартиры главнокомандующаго русскою арміею въ Болгаріи, т. IV, 890.
- Морачевскій**, Ф. С., малороссійскій писатель, VI, 33.
- Мордвиновъ**, гр. Никол. Семен., членъ государств. совѣта, адмиралъ, вице-президентъ адмиралт. коллегіи и морской министръ, т. V, 68.
- Мордовцевъ**, Д. Л., писатель. Ст. его: Поѣздка въ Іерусалимъ. Т. VI, 250—298, 457—530. Сообщ. Донесеніе Ф. В. Булгарина къ нарвскую городовую полицію. Т. VI, 446, 447. Письмо его въ редакцію: Къ слову объ историческомъ романѣ и его критикѣ. Т. VI, 642—651. Отвѣтъ на это письмо: Въ защиту исторіи въ историческомъ романѣ, т. VI, 835—837.
- Моржичній**, магистръ дрезденскаго университета, польскій мятежникъ, т. V, 679.
- Моріно**, фаворитка гр. Прованскаго (Людовика XVIII), гувернантка писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 301.
- Морицъ**, прапорщикъ, участникъ ахальтекинскій экспедиціи, т. V, 841, 848.
- Морковниковъ**, Влад. Вас., ординарный профессоръ московскаго университета, т. IV, 424.
- Морлей**, англійскій священникъ, т. IV, 662, 663.
- Морозовы**:
— Пав. Ів., доцентъ харьковскаго университета, т. V, 686.
— Петръ. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Феофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, т. IV, 456—458.
— Русскій боярскій домъ, т. IV, 769.
— Этнографъ, т. IV, 212.
- Моронъ**, кардиналъ, т. V, 377.
- Мортъ**, Эдуардъ-Адольфъ-Казиміръ-Жозефъ, герцогъ Тревизскій, французскій маршалъ, т. VI, 158, 161.
- Морфиль**, англійскій писатель. Библиографическая замѣтка о его книгѣ „Russia“, т. VI, 854, 855.
- Москвинъ II**, кievскій митрополитъ. См. Арсеній.
- Москвинъ**, Василій, крестьянинъ д. Хвастовки, Кромскаго уѣзда, Орловск. губ., т. IV, 371, 372.
- Мотонисъ**, Николай, депутатъ въ „Большой Коммисіи“, т. VI, 231.
- Мрозинскій**, писатель, т. V, 141.
- Мрозовицкій**, Михаилъ, уполномоченный комиссаръ польскаго жонда, т. IV, 816, 819, 821.
- Мстиславскіе**, русскій княжескій домъ, т. IV, 197.
- Мстиславъ Романовичъ**, князь кievскій, т. IV, 259.
- Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый** или **Удалой**, князь кievскій, т. IV, 247, 249—252, 257, 259.
- Муравьевы**:
— Андрей Николаевъ, путешественникъ, т. VI, 866.
— Генералъ, участникъ ахальтекинскій экспедиціи, т. V, 824.
— Гр. Мих. Никол., генералъ отъ инфантеріи, виленскій генералъ-губернаторъ, т. IV, 109.
— Н., членъ „Большой Коммисіи“, т. VI, 223.
— Никифоръ, столарь адмиралтейской коллегіи. Объ оскорбленіи имъ величества. Т. IV, 588—590.
- Мурадъ-ханъ**, ахальтекинскій вождь, т. V, 843.
- Мурашовъ**, Петръ, солдатъ, мятежникъ, т. V, 679.
- Мурзаневичъ**, Н. Н., т. VI, 867.
- Муромцевъ**, И. М., адъютантъ А. П. Ермолова, т. IV, 151.
- Мусины-Пушкины**:
— Гр. Алексій Ів., дѣйст. тайн. совѣтн., президентъ академіи художествъ, т. V, 1.
— Гр. Платонъ Ів., сенаторъ, т. IV, 201.
- Мусоргскій**, композ., т. IV, 230.
- Мустафа-Ага**, крымскій посолъ къ прусскому кор. Фридриху II, т. VI, 128—131, 135.
- Муторчина**, Екат. Михайлов., т. V, 501.
- Мухановы**:
— Оберъ-штальмейстеръ, т. V, 14.
— Помѣщикъ Шацкаго уѣзда, т. V, 416.
- Муціанъ** (Муціо), Джироламо, т. IV, 443.
- Мюнгаузенъ**, Александръ, ганноверскій государственный человѣкъ, т. IV, 119.
- Мюнцеръ**, Тома, релігіозный и политическій мечтатель, т. IV, 448.
- Мюрать**. См. Іоаннъ-Наполеонъ I.
- Мягковъ**, подрядчикъ при ахальтекинскій экспедиціи, т. V, 826.

Н.

- Наго** (Nagot), аббатъ, ректоръ римско-католической семинаріи, т. V, 40, 42.
- Нагуновичъ**, дѣйств. стат. сов., военный докторъ, т. IV, 410.
- Надежда**, игуменья пензенскаго монастыря, т. IV, 694.
- Надеждинъ**, Никол. Ів., профессоръ, писатель и журналистъ, т. V, 167, 170, 171.
- Надиръ**, шахъ персидскій, т. V, 494.

- Надтигъ, Акинфій**, копіистъ вотчинной коллегіи. Доносъ на него. Т. IV, 823, 824.
- Назаровъ**, учитель елатомскаго народнаго училища, т. V, 800.
- Навроцій**, полковникъ, участникъ ахалтекинской экспедиціи, т. V, 822, 828.
- Наполеонъ:**
— I, Бонапартъ, императоръ французъ, т. IV, 157, 280; т. V, 108, 137, 138, 143, 206, 209, 210, 213, 214, 216, 332, 349, 350, 353, 355, 361, 362, 522, 528—537, 540, 541, 597—601, 603, 613, 616, 619, 871, 872, 876—879, 882, 884, 885, 887; т. VI, 99, 150, 156, 158—160, 621, 623—625, 629, 631, 633—636.
— III, (Людовикъ), императоръ французъ, т. IV, 77; т. V, 143, 466, 467, 469, 471—478; т. VI, 99, 100.
- Нарбоннъ-Лара, Людовикъ**, графъ, французскій генералъ, т. V, 533.
- Нарбутъ**, польскій революціонеръ, т. IV, 108.
- Нармаціе:**
— Андрей Петр., капитанъ, владѣлецъ имѣнія Шуранъ, потомокъ нормандскихъ герцоговъ. Статья о немъ. Т. IV, 623—630.
— Лаврентій Юрьев., землевладѣлецъ, т. IV, 627.
— Марья Андреевна, т. IV, 626, 628.
— Наумъ Васильев., т. IV, 627.
— Петръ Андр., поручикъ, владѣлецъ имѣнія Шуранъ, т. IV, 626, 628.
— Петръ Лаврент., землевладѣлецъ, т. IV, 627.
— Юрій Вас., прапорщикъ, т. IV, 627.
— Фѣдоръ Гаврил., полу-полковникъ, судья татарскаго приказа, т. IV, 627.
- Нартовъ, Андрей Андр.**, дѣйств. тайный совѣтъ, президентъ академіи наукъ, т. IV, 427.
- Нарушевичъ**, римско-католическій епископъ, польскій поэтъ и историкъ, т. V, 135.
- Нарышкины:**
— Александръ Львов., т. V, 11, 13, 14, 27, 359, 360.
— Вас. Ник., т. V, 25.
— Дмитр. Львов., оберъ-камергеръ, т. V, 359, 360.
— Ив. Алексѣев., т. V, 8.
— Левъ Александр., оберъ-штальмейстеръ, т. IV, 222; т. V, 350; т. VI, 684—687, 692, 700, 701.
— Марья Антонов., т. V, 7.
— Алекс. Львов., т. V, 349—351, 357.
— П. П., т. V, 12.
— Сементъ, т. VI, 224.
- Наталія Алексѣвна** (Августа-Вильгельмина, принцесса Гессенъ-Дармштадтская), первая супруга цесаревича Павла Петровича, т. VI, 829, 830.
- Наталія Алексѣвна**, царевна, т. IV, 463.
- Науменко**, членъ общества Нестора хѣтописца, т. IV, 943.
- Наурусь**, ханъ Золотой орды, т. IV, 737.
- Неарюй**, татарскій царевичъ, т. IV, 264, 493.
- Негри**, секретарь главнаго директора петербургскихъ театровъ, т. V, 356, 357.
- Ней**, Мишель, герцогъ Эльхингенскій, князь Московскій, маршалъ и перъ Франціи, т. VI, 621, 625, 633, 634, 637.
- Нейберъ**, содержатель нѣмецкой труппы, т. V, 255.
- Нейзеръ**, пфальцскій священникъ, т. V, 375, 376.
- Неймиръ**, профессоръ кіевскаго университета, т. IV, 728, 729.
- Немлюдовъ**, Иванъ, преображенскій солдатъ, т. IV, 463.
- Некомать**, сурожанинъ, т. IV, 745.
- Некрасовы:**
— Никол. Алексѣев., поэтъ. Памятникъ на его могилѣ. Т. VI, 452.
— Священникъ с. Добрини, Кром. у., Орлов. г., т. IV, 385.
— Ученый, т. IV, 213.
- Неладинскіе-Мелодице:**
— Госпожа, т. IV, 867.
— Юрій Александр., сенаторъ, писатель, т. IV, 216, 836.
- Немировичъ-Данченко**, В. И., писатель и этнографъ, т. V, 825.
- Ненадовичъ**, М., сербскій протоіерей, т. V, 214.
- Неплюевы:**
— Ив. Ив., намѣстникъ въ Кіевѣ и Оренбургѣ, а потомъ петербургскій главнокомандующій, т. IV, 453.
— Секретарь русскаго посольства въ Константинополь, т. V, 273.
- де-Нерваль**, Жераръ, т. V, 901.
- Несвицій**, князь, подполковникъ, т. VI, 696.
- Неслуховскій**, Ф. К. Ст. его: Тридцать лѣтъ въ жизни Варшавы. Т. V, 134—143.
- Нессельроде**, гр. Карлъ Васильев., министръ иностранныхъ дѣлъ, т. V, 15, 102, 214, 216, 225, 226, 229, 326, 331, 460, 463, 465.
- Нестеровичъ**, епископъ. См. Иринеѣ.
- Нестціій**, авторъ „Гербовника“, т. VI, 66, 82, 85.
- Неумытые:**
— Дьячекъ с. Романова, т. V, 63.
— Пляцъ-адъютантъ, т. V, 64.
- Неустровъ**, Вас. Степан., т. VI, 442, Низкій, нгумень ростовскій. См. Авраамій.
- Нижаноръ**, настоятель Нижне-Воскресен-

- скаго старообрядческаго монастыря, т. V, 793.
- Никита**, ключарь вятскаго собора, т. VI, 444.
- Никитенно**, Александр Васильев., русский ученый, профессоръ и цензоръ, т. IV, 341, 343, 350.
- Никитины**:
— Анастасій, тверской купецъ XV вѣка, т. V, 856; т. VI, 5.
- В. Н., литераторъ, т. V, 164.
- Дмитрій, скопецъ, т. V, 787.
- Ермилъ, елатомскій протоіерей, т. V, 800.
- Иванъ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 677.
- Никитскій**, А. И., т. VI, 870.
- Никифоровъ**, генераль-лейтенантъ и генералъ крѣпостно-коммисаръ, т. IV, 411.
- Николаевскій**, священникъ, т. V, 664.
- Николдзевъ**, Афанасій, лебедянскій пономарь, т. V, 796.
- Николай**, (Соколовъ), калужскій епископъ, т. IV, 868.
- Николай Павловичъ**, императоръ, т. IV, 159, 160, 175, 472, 804, 917; т. V, 6, 9—11, 14, 168, 189, 201, 220—224, 226, 229, 232, 284, 292, 326, 327, 329, 332—334, 408, 455—460, 466, 471, 660, 785; т. VI, 345—348, 351, 355, 363, 366—369, 841.
- Николевъ**, писатель, т. V, 759.
- Ниноль**, аббатъ, педагогъ, т. V, 11.
- Николю**, 6-й патріархъ московскій и всея Россіи, т. V, 173, 175, 919; т. VI, 666—668.
- Никотинъ**, московскій купецъ, т. V, 883.
- Никулунъ**, отставной солдатъ, скопецъ, т. V, 786, 787.
- Ниль**, (Майковъ), преподобный Сорскій, т. V, 59; т. VI, 192, 193.
- Нинулица**, грекъ, т. VI, 574.
- де-Нино**, Антонио, итальянскій ученый. Замѣтка о его сочиненіи: „Usi Abruzzesi descritti“. Т. IV, 637—656.
- Ніемштедтъ**, Францъ, т. IV, 459.
- Ниродъ**, графъ, начальникъ 2-й кавалерійской дивизіи, т. V, 76.
- Новиновы**:
— Евген. Петр., тайный совѣтникъ, русскій посолъ въ Константинополь, т. VI, 529.
- Никол. Ив., русскій писатель и журналистъ, т. IV, 355; т. V, 436; т. VI, 238.
- Штабсъ-капитанъ кадроваго баталіона лейбъ-гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка, очевидецъ событія 1-го марта 1881 г., т. IV, 895.
- Новосильцевъ**, Никол. Никол., предсѣдатель государств. совѣта и комитета министровъ, т. IV, 428.
- Нойель**, французскій посланникъ въ Петербургъ, т. VI, 820.
- Ноксъ**, Франсисъ, т. IV, 664.
- Норденшильдъ**, Адольфъ-Эрикъ, путешественникъ, т. VI, 455, 586, 587, 599, 602.
- Норовъ**, Авраамъ Сергѣев., министръ народнаго просвѣщ., путешественникъ, т. IV, 356, 710.
- Ноянскій**, гр. Людвикъ, адъютантъ неаполитанскаго короля Іоахима I, т. V, 872.
- Нумсентъ**, генераль-лейтенантъ. Указы Павла I на его имя. Т. VI, 204, 207.
- Нуръ-Верды-ханъ**, предводитель ахальтекинцевъ, т. V, 593, 822.
- Ньюнастль**, Томасъ-Пельгемъ-Голль, герцогъ, первый министръ Англіи, т. IV, 186.
- Нѣмцевичъ**, Юліанъ-Урсонъ, адъютантъ Костюшки, писатель, т. V, 139, 140, 143.

О.

- Обермиллеръ**, Александръ Леонт., докторъ медицины, т. V, 686.
- Оболенскіе**:
— Русский княжескій домъ, т. IV, 769.
- Иларіонъ, священникъ с. Добрыни, Кромскаго уѣзда, Орловской губ., т. IV, 368—372, 375, 376, 380—387, 389.
- князь Михаилъ, эмигрантъ, т. VI, 76.
- Обольяниновъ**, Петръ Хрисанфов., генераль-прокуроръ. Письмо его тамбовскому губернатору Литвинову. Т. VI, 443, 445. Упомян. т. V, 20.
- Обреновичъ**, сербскій князь. См. Михайлъ.
- Обрескова**, т. V, 8.
- Овербергъ**, Бернгардъ, римско-католическій священникъ въ Мюнстерѣ, т. V, 37, 44.
- Овсянниковъ**, Филиппъ Васильев., дѣйствительный стат. совѣтникъ, академикъ, т. IV, 421, 424.
- Овцына**, помѣщица Малмыжскаго уѣзда, т. V, 557.
- Огаревъ**, русскій эмигрантъ, т. IV, 79, 80, 88, 107.
- Огинскіе**:
— Бѣлорусскій помѣщикъ, т. IV, 455.
- Русский дворянскій домъ, т. VI, 85.
- Оглоблинъ**, ученый, т. IV, 635.
- Одоевскіе**, князья:
— Владим. Федор., сенаторъ и литераторъ, т. IV, 471; т. V, 304; т. VI, 438, 439.
- Статсъ-фрейлина. См. баронесса фонъ-Лиліенфельдъ.
- Сенаторъ, т. V, 413, 414.
- Омаровскій**, генераль-адъютантъ, т. V, 9, 536.

- Озеровъ, Владисл. Александр.** писатель, т. V, 753.
- Окромчаделовъ-Серебряновъ, Ил. Лаз.** преподаватель лазаревскаго института восточн. яз., т. VI, 868, 869.
- Оисфордъ, гр. Робертъ Гарлей,** лордъ, англійскій государств. человекъ, т. IV, 181, 182.
- Окунева, актриса,** т. V, 33.
- Олешинская, Аграф. Ив.,** крестьянка. Грамота царя Ѳедора Алексѣевича о ея розсыскъ. Т. VI, 442, 443.
- Д'Ольбрезъ, Элеонора,** супруга ганноверскаго принца Георга-Вильгельма, т. V, 633.
- Ольга Павловна, великая княжна.** Докладъ императрицъ Екатерины II о раздѣлѣ имущества послѣ нея, т. VI, 856, 857.
- Олеги Ивановичъ, великій князь яванскій,** т. IV, 748, 750, 754, 755.
- Олмзаръ-Ирдеи-Мыльские:**
— Анна, рожденная кн. Гольшанская, т. VI, 74, 78.
— Польскій вельможа, т. VI, 74, 78.
- Ольгердъ, великій князь литовскій,** т. IV, 522, 523, 736, 742—745, 747.
- Ольшанскій, ветеранъ польскихъ войскъ,** т. IV, 733, 734.
- Онисифоръ (Дѣвочка), южно-русскій митрополитъ,** т. VI, 80.
- Опель, историкъ,** т. V, 383.
- Органовъ, Иванъ, дьячекъ с. Перезова, Кярсановскаго уѣзда,** т. V, 792.
- Орденга, Иосифъ, членъ революціоннаго комитета польской эмиграціи,** т. IV, 784.
- Орестъ, игумень,** т. V, 523, 528, 530—533, 536, 539.
- Орловъ-Денисовъ, гр., участникъ ахальтекинской экспедиціи,** т. V, 837, 848.
- Орловы:**
— Кн. Алексій Ѳедор., шефъ жандармовъ. Любопытная резолюція его по поводу одной газетной статьи, т. IV, 692; т. VI, 857, 858.
— Графиня, Анна Алекс., т. V, 4.
— Гр. В, президентъ академіи наукъ, т. IV, 128.
— Гр. Григ. Григ., генералъ-фельдцейхмейстеръ, т. VI, 223.
— Гр. Иванъ, депутатъ „Большой Комиссіи“, т. VI, 223.
— Князь, т. IV, 213.
— Гр. Ѳедоръ Григ., т. IV, 218; т. VI, 223.
— Ѳедоръ Григ., морякъ, т. V, 446.
- Орловы-Чесменскіе, графы:**
— Алексій Григ., генералъ, т. VI, 561—564.
— Анна Алексѣевна, т. VI, 561—564, 566.
- Орсини, княгиня, супруга римскаго сенатора,** т. V, 315.
- Осиповъ, Аванасій, пономарь нижегородской Николаевской церкви,** т. IV, 166.
- Османъ-паша, главнокомандующій турецкою арміею,** т. IV, 890.
- Остей, литовскій князь,** т. IV, 750.
- Остерманъ, гр., Иванъ Андреев., канцлеръ, начальникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ,** т. VI, 700.
- Остолоповъ, поручикъ, участникъ ахальтекинской экспедиціи,** т. V, 846.
- Островскій, дѣйств. стат. совѣтникъ, костромской губернаторъ. Указъ Павла I на его имя.** Т. VI, 204.
- Остромские:**
— Княжескій домъ, т. IV, 461, 462.
— Кн. Константин. Ив., гетманъ литовскій, т. IV, 462.
— Кн. Константин. Константин., воевода кievскій и маршалъ волинскій, т. V, 665; т. VI, 75, 80, 84.
- Отере, мореплаватель,** т. VI, 586.
- Отроченко, маіоръ,** т. VI, 558.
- Охотникова, супруга конно-гвардейскаго офицера,** т. IV, 867.
- Очановская, Елизавета, крестница императрицы Елизаветы Петровны,** т. IV, 217.

II.

- Павель:**
— V (Камилло Боргезе), римскій папа, т. V, 381.
— (Саббатовскій), астраханскій архіепископъ, т. V, 567, 570—574.
- Павель I Петровичъ, императоръ.** Первые просители въ его царствованіе, т. IV, 216—220. Хохлы просители, т. V., 834—838. Къ исторіи дѣтства его, т. IV. 933—936. Именные указы, т. VI, 203—207. Упомян. т. IV, 152, 153, 225, 331, 454; т. V, 327; т. VI, 327—329, 332, 443, 445, 550, 681, 687, 689, 829, 830, 845, 851.
- Павель Александровичъ, великій князь,** т. VI, 272.
- Павловскіе:**
— Ив. Данил. Сообщилъ замѣтку: Симонія въ украинскомъ духовенствѣ первой четверти XVIII вѣка, т. IV, 696, 697. Ст. его: Консисторско-судныя мытарства, къ биографіи протоіерея Андрея Прокоповича. т. V, 566—576. Некрологъ его, т. V, 943, 944. Упомян. т. V, 524; т. VI, 380.
— Секретарь черниговской консисторіи, т. V, 539.

- Павловы:**
 — А. С., профессоръ, т. IV, 213.
 — Пл. Вас., профессоръ кievскаго университета, т. IV, 716, 721, 723 — 726; т. VI, 450.
- Павсий, Герасимъ Петр.,** протоіерей, докторъ богословія, законоучитель императора Александра II, т. VI, 345, 348, 352—358.
- Пазухимъ,** путешественникъ въ Индію, т. V, 855.
- Пакошь,** польскій графъ, т. V, 528.
- Палладій (Квитка),** архимандритъ, настоятель Куражскаго монастыря, т. V, 699.
- Палласъ, Симонъ,** путешественникъ, естествоиспытатель и академикъ, т. VI, 211.
- Пальмерстонъ, Генри-Джонъ-Темплъ,** англійскій министръ, т. IV, 76; т. V, 197, 198.
- Пальмъ:**
 — А. И., писатель, т. IV, 231.
 — Людвигъ (изъ Чеснолы), американскій консулъ на островѣ Кипрѣ. Раскопки его на этомъ островѣ. Т. VI, 86—96.
- Панаевы:**
 — Владим. Ив., дѣйств. стат. совѣтъ, писатель, т. IV, 698.
 — Прасковья, казанская помѣщица. Приказъ ея сорочинскимъ крестьянамъ, т. IV, 698, 699.
- Панины:**
 — Гр. Никита Ив., оберъ-гофмейстеръ, т. IV, 428; т. VI, 830.
 — Гр. Петръ Ив., генер. - аншефъ. Письмо его къ Екатеринѣ II. Т. V, 188. Упомян. т. VI, 223.
 — Полковница, т. VI, 203.
- Панковъ,** крестьянинъ с. Вяжля, Кирсановскаго у., распространитель молоканской секты, т. V, 789, 804.
- Папарригопуло,** греческій историкъ, т. IV, 942.
- Пармень,** священникъ села Добрыни, Кромскаго уѣзда, Орловск. губ., т. IV, 365—367.
- Пасень, Янъ-Хризостомъ,** шляхтичъ изъ Гославницъ, авторъ замѣчательныхъ записокъ, т. IV, 86; т. VI, 55—64.
- Пасевичъ, Ив. Ѳеодоров.,** свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Эриванскій, генералъ-фельдмаршалъ, т. V, 224.
- Пасинъ,** капитанъ, ротный командиръ, т. IV, 402.
- Паткановъ, Керопъ Петров.,** дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета, т. VI, 864, 868.
- Патрикёвы:**
 — Русскій княжескій домъ, т. VI, 186.
- Кн. Вас. Ив., въ монастырѣ Васіанъ, т. VI, 192.
- Пауль,** докторъ-папистъ, т. IV, 664.
- Пафлагонъ, Михаилъ,** т. VI, 577, 578.
- Пахомій (Логоветъ),** сербъ, авторъ житій многихъ русскихъ святыхъ, т. IV, 213.
- Пашневичъ,** шляхтичъ изъ волынской губерніи, т. IV, 791.
- Пашновы.**
 — Дворянская фамилія, т. V, 300, 301, 303.
 — А. Н., т. V, 424.
 — Дарья Ив. См. Сущкова.
 — Ив. Александр., т. V, 300.
- Педрилло,** итальянецъ, придворный шутъ и музыкантъ, т. V, 256, 258.
- Паллегрини,** капитанъ, т. IV, 108, 111.
- Пеллэнь, Жоржъ,** т. VI, 148.
- Пельтъ,** учитель писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 302.
- Первовъ, Михаилъ,** сержантъ, т. IV, 598—601.
- Первошниковъ, Д. М.,** т. IV, 483.
- Перовскіе:**
 — Гр. Левъ Алексѣев., министръ внутреннихъ дѣлъ, т. V, 6, 8, 9.
 — Софья Львова, дворянка, цареубійца, т. IV, 899.
- Перовъ, Вас. Григор.,** художникъ, т. V, 193—196.
- Перрэнъ,** аббатъ, священникъ французской католической церкви въ Москвѣ, т. VI, 817.
- Перротъ, Джонъ,** ирландскій намѣстникъ (1583—1588), т. IV, 658.
- Пестель, т. V, 24.**
- Пето,** англійскій священникъ, т. IV, 662.
- Петрашевскій (Бутаевичъ - Петрашевскій), М. В.,** т. IV, 483.
- Петренко, Мих. Никол.,** малороссійскій писатель, т. VI, 33, 307—311.
- Петріевъ, Вас. Мойс.,** доцентъ новороссійскаго университета, т. IV, 424.
- Петровскій, Руфинъ,** кассиръ польской комисіи еднства, т. IV, 85.
- Петровы:**
 — А. Н., полковникъ генеральнаго штаба, т. VI, 679.
 — Генералъ - лейтенантъ, командиръ 21-й пѣхотной дивизіи, т. VI, 551.
 — Мих. Назар., дѣйств. стат. совѣтникъ, ординарный профессоръ харьковскаго университета. Замятка по поводу изданной имъ брошюры: Историческая подготовка, т. V, 127—133.
 — Н., т. V, 421.
 — Н. И., профессоръ кievской духовной академіи. Статьи его: Очерки изъ украинской литературы, т. V, 697—734;

т. VI, 28—54, 299—323. Упомян. т. VI, 866—868, 870.

— Павелъ, священникъ с. Несвицкаго, кирсановскаго у., т. V, 793.

— Павелъ, священникъ Вознесенскаго завода, Темниковскаго у., т. V, 804.

— Петербургскій митрополитъ. См. Гавриилъ.

— П. Н., ученый, т. VI, 190.

— Шацкiй мѣщанинъ, молочанъ, т. V, 789.

Петрусевичъ, генералъ, участникъ ахалтекинскои экспедици, т. V, 831, 838—840.

Петръ:

— Владимiрскiй митрополитъ XIII в., т. IV, 500, 504, 517.

— (Могила), митрополитъ кievскiй, т. VI, 199.

Петръ I Алексiевичъ, императоръ. Легенда о немъ, т. IV, 598—601. Необыкновенная денежная награда, т. IV, 930. Выписки изъ памятныхъ книжекъ его, т. V, 182—185. Упомян. т. IV, 174, 197, 198, 202, 204, 205, 331, 425—427, 451—453, 457, 458, 460, 463, 579, 584—587, 627; т. V, 202—204, 218, 229, 298, 327, 414, 484, 632, 640, 661, 663, 856, 914, 928, 929; т. VI, 199—202, 213, 227, 231, 239, 611, 612, 659, 673, 674, 679, 681, 683, 830—833.

Петръ II Алексiевичъ, императоръ. Легенда о немъ, т. IV, 825—827. Упомян. т. IV, 198, 220; т. V, 57, 298.

Петръ III Федоровичъ (Карлъ-Петръ-Ульрихъ, герцогъ Голштейнъ-Готторпскiй), императоръ. Затрудненiя при поминовенiи его, т. IV, 931—933. Упомян. т. IV, 203, 217, 219, 581; т. V, 234, 296, 413; т. VI, 132, 133.

Пивоваровъ, молочанъ, т. V, 790.

Пиколомини, монсеньоръ, т. V, 318.

Пиль, Робертъ, англiйскiй политикъ, т. V, 197.

Пименовъ, Сергiй, крестьянинъ с. Матчерки, Моршанскаго у., т. V, 794.

Пироговъ, Никол. Ив., тайн. сов., профессоръ медико-хирургической академiи. Юбилей 50-ти лѣтней дѣятельности его, т. V, 684—689. Упомян. т. IV, 727, 731—733.

Писаревскiе:

— Петръ, малороссiйскiй писатель, т. V, 718, 723—726.

— Степанъ (Стецько Шерепери), харьковскiй протопопъ, малороссiйскiй писатель, т. V, 718—723.

Писаревы:

— Андрей, вятскiй воевода, т. V, 61, 62.

— С. П. Сообщ. Путешествiе Людвигъ

римлянина по Африкѣ и Азiа 1493 г. т. V, 935, 936.

Писемскiе:

— Алексiй Теофилакт., писатель. Некрологъ, т. IV, 700—702. Упомян. т. IV, 605.

— Екатер. Павл., рожденная Свинина, супруга писателя, т. IV, 701.

Питтъ, Вильямъ (младшiй), англiйскiй министръ, т. IV, 184, 186; т. VI, 697.

Пихно, Д. И., профессоръ, т. VI, 450.

Пичевскiй, священникъ могилевскаго собора, т. II, 529, 534.

Плаанеръ, Д. И., т. VI, 214.

Плано-Карпини, Жанъ, францисканскiй монахъ, т. IV, 261, 262.

фонъ-Платонъ, графиня, фаворитка англiйскаго короля Георга I, т. IV, 186.

Платовъ, гр. Матв. Ив., атаманъ войска донскаго, т. VI, 820.

Платонъ:

— (Лешинъ), законоучитель великаго князя Павла Петровича, впоследствии митрополитъ московскiй, т. VI, 839.

— Петръ (Любарскiй), епископъ екатеринославскiй. Извлеченiе изъ статьи его „Любопытное извѣстiе“. Т. V, 53—69.

Плетневъ, Петръ Александр., академикъ, ректоръ петербургскаго университета, а потомъ редакторъ „Современника“, т. V, 304.

Плещевы:

— Костромской воевода, т. IV, 753.

— Орловскiй помѣщикъ, т. V, 601.

Плотичинъ, Егоръ, моршанскiй купецъ, школьскiй наставникъ, т. V, 788.

Побирохинъ, крестьянинъ с. Горьваго, главный проповѣдникъ духоворческой секты въ Тамбовской губ., т. V, 788.

Погодинъ, Мих. Петр., профессоръ, историкъ и публицистъ, т. IV, 117, 134; т. V, 456.

Погосскiй, Александръ Фом., народный писатель. Памятникъ на могилѣ его. Т. VI, 451, 452.

Подевилъ, графъ, прусскiй министръ, т. V, 655.

Подымовъ, майоръ, т. V, 407, 408.

Пожарскiй, Данило, каменщикъ, т. IV, 594—597.

Поздѣвъ, Маркъ, московскiй дьякъ, т. V, 554.

Познеръ, нѣмецкiй историкъ, т. V, 653—655.

Понокъ, англiйскiй издатель, т. IV, 657, 658, 663.

Покровскiе:

— Е. Г., внука экзарха Грузiи Теофилакта, т. V, 690.

— Никол. Вас., профессоръ петерб.

- духов. академія, т. IV, 684; т. VI, 865, 866.
- Половой, Никол. Алексѣев.**, историкъ, писатель и журналистъ, т. V, 170, 171.
- Поликарпъ (Радкевичъ)**, епископъ орловскій и сѣвскій, т. IV, 373, 380—387, 389.
- Полиновскій**, адъюнктъ казанскаго университета, т. IV, 623.
- Полесь, Стефанъ.** См. Тугендбольдъ.
- Полонскій, Яковъ Петров.**, дѣйств. ст. совѣтн., цензоръ петербургскаго цензурнаго комитета, поэтъ, т. IV, 843.
- Полтораціе:**
- Агапоклея Александр., т. VI, 688.
  - Константин. Марк., полковой адъютантъ Семеновскаго полка, впоследствии ярославскій губернаторъ, т. VI, 534—543, 545, 547.
  - Маркъ Фѣдоров., директоръ придворной капеллы, т. VI, 688, 689.
- Полубенская, княж. Марія.** См. Зубцовская.
- Поль, кардиналъ,** т. IV, 663.
- Поль-Жонсъ,** контръ-адмиралъ, т. VI, 675.
- Поляновы:**
- Андрей Петр., священникъ, т. IV, 460.
  - Крестьянинъ с. Кирилова, Спасскаго уѣзда, т. V., 798.
- Пономаревы:**
- П. А. Ст. его: Потомокъ нормандскихъ герцоговъ на Камѣ. Т. IV, 623—630.
  - С. И. Сообщилъ письма Л. И. Боровиковскаго къ М. А. Максимовичу. Т. V, 190—192. Упомян. т. V, 575.
- Понятовскіе:**
- Иосифъ-Антонъ, военный министръ герцогства Варшавскаго, т. V, 135, 138, 141.
  - Король польскій. См. Станиславъ-Августъ II.
- Попель, епископъ.** См. Маркеллъ.
- Попинковъ,** погарскій купецъ, т. IV, 837, 838.
- Поповы:**
- Алексѣй, рыбнскій купеческій депутатъ въ „Большой Коммисіи“, т. VI, 239, 240.
  - Алекс. Никол., ординарный профессоръ варшавскаго университета, т. IV, 424.
  - Андрей Никол., ученый и писатель. Некрологъ его. Т. V, 693—695.
  - Владиміръ, авторъ изслѣдованія о св. синодѣ, т. V, 57.
  - Купцы, ученики скопческаго ересіарха Селиванова, т. V, 786.
  - Митроф., полковникъ, крестникъ Елизаветы Петровны, т. IV, 220.
  - Полковникъ генеральнаго штаба, т. IV, 471.
  - Статскій совѣтникъ. Указъ Павла I на его имя. Т. VI, 207.
  - Статсъ-секретарь, т. V, 759—761.
  - Т., тамбовскій мѣщанинъ, пропагандистъ молоканства, т. V, 804.
- Порошинъ, Семень Андреев.,** воспитатель великаго князя Павла Петровича. т. IV, 428, 933.
- Порфирій, (Успенскій),** епископъ, викарій чигиринскій, т. IV, 942.
- Порфирьевъ, П.,** профессоръ. Биографическая замѣтка о его исторіи русской словесности, т. V, 928—932.
- Поснигъ-Туровиціе:**
- Иванъ, т. VI, 85.
  - Фѣодора, т. VI, 85.
- Посошковъ, Иванъ,** крестьянинъ, писатель, т. IV, 458; т. V, 929.
- Потанинъ, Г. Н.,** путешественникъ, т. VI, 455.
- Потаповъ, А. Л.** начальникъ Шотдѣленія Собственной Е. В. канцелярія, т. VI, 143.
- Потемкинъ - Тавричскій,** кн. Григорій Александр., фельдмаршалъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ. Три записочки къ нему отъ неизвѣстныхъ дамъ, т. IV, 221. Разсказъ двороваго человѣка о фальшивыхъ бумажкахъ, т. IV, 828—831. Докладъ его императрицѣ Екатеринѣ II, т. V, 185—187. Собственнооручная записка его къ неизвѣстному лицу, т. VI, 676. Замѣтка о его портретѣ, т. VI, 680. Упомян. т. IV, 454; т. V, 445; т. VI, 682, 684, 685, 687, 690, 693, 695, 697, 698.
- Потемкины:**
- Посолъ въ Мадридъ и Парижъ, т. VI, 7, 8.
  - Гр. Прасковья, супруга Пав. Серг. Потемкина, т. IV, 217, 218.
  - Гр., русскій посланникъ въ Римъ, т. V, 312—315.
- Потоціе:**
- Станиславъ, т. V, 14.
  - Гр. Станиславъ-Костка, министръ просвѣщенія и исповѣданій, т. V, 141, 142.
  - Староста каневскій, т. V, 139.
  - Янъ, т. V, 141.
- Потѣй, Адамъ,** греко-уніатскій митрополитъ. См. Шатій.
- Потѣхины:**
- А. А., писатель, т. IV, 231.
  - Н. А., писатель, т. IV, 231.
- Прадтъ, Доминикъ-Двѣфуръ,** миланскій архіепископъ, французскій писатель и дипломатъ, т. VI, 153.

Праховъ, Адр. Викт., доцентъ петербургскаго университета. Библиографическая замѣтка о переводѣ его исторіи Греціи—Герцберга, т. V, 398—402. Упомн. т. VI, 870.

Преображенскій, Ив. Библиографическая замѣтка о соч. его: Нравственное состояние русскаго общества въ XVI вѣкѣ. т. V, 666—668.

Претро, купоросный фабрикантъ въ Москвѣ, т. V, 601.

Пржевальскій, Никол. Михайл., полковникъ, ученый путешественникъ. Возвращеніе его изъ экспедиціи, т. IV, 468—471. Упомн. т. VI, 455.

Пріори, французъ, т. V, 624, 626.

Прозоровскіе:

— Д. И., знатокъ русской метрологіи, т. IV, 685; т. V, 421, 422.

— Князь, московскій главнокомандующій, т. V, 754.

Проноповичи:

— Андрей Семен., протоіерей, ректоръ харьковскаго коллегіума и настоятель Успенскаго собора. Біографія, т. V, 566—576.

— Архіепископъ. См. Теофанъ.

— Степанъ, харьковскій священникъ, т. V, 568.

Прокофьевы:

— Дарья, раскольница с. Сосова, елатомскаго уѣзда, т. V, 795.

— Иванъ, слуга А. П. Ермолова, т. IV, 150.

Пронскій, кн. Петръ Ив., воевода, т. VI, 868.

Протасій, московскій тысяцкій, т. IV, 517.

Протасова, камеръ-фрейлина императрицы Екатерины II, т. VI, 685, 688.

Прохоровъ, Осипъ, участникъ пугачевскаго мятежа, т. V, 678.

Прохоръ, епископъ ростовскій, т. IV, 502, 503.

Проценно, Ю. П., т. VI, 863, 864.

Пршевлочій, комисаръ жонда народоваго, т. IV, 792, 806, 807, 811, 815—819,

Прядильниковъ, Ѳ. А., пермскій лѣтописецъ, т. V, 765.

Пти, французъ, т. VI, 621, 623.

Птицынъ, Василій, протоіерей кромскаго успенскаго собора, благодѣтельный, т. IV, 373, 382, 385, 386.

Пугачевъ, Емельянъ, (лже-Петръ III). Къ исторіи его, т. V, 673—679.

Пудрѣ, швейцарка, гувернантка писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 302.

Пузины, русскій дворянскій домъ, т. VI, 85.

де-Пуле. М. Ѳ., т. VI, 51, 52.

Пурцеладзе, Дм. Петр., дѣйстви. статскій совѣтникъ, предсѣдатель кавказскаго цензурнаго комитета. Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Грузинскіе церковные гуджари, т. VI, 668, 669. Упомн. т. VI, 865—867, 869.

Пустовойтова, Анна, адъютантъ польскаго революціонера Лангевича, т. V, 76—78.

Пустосвятъ, Никита, т. VI, 667.

Путята, писатель, т. IV, 452.

Путятинъ, кн. П. А., т. VI, 869.

Пуццлло, С., т. IV, 452; т. VI, 209.

Пучковъ, Гаврила, капитанъ, т. V, 677.

Пушкины:

— Александр. Серг., поэтъ. Замѣтка по поводу неизданныхъ сочиненій его, т. IV, 944—946. Упомн. т. IV, 152, 680, 683, 690; т. V, 167—171, 304, 408, 433, 690, 698, 702, 930; т. VI, 32, 339, 829, 845.

— Вас. Львов., дядя поэта, т. V, 4, 20, 24—26, 28, 30, 32.

— Владиміръ, т. V, 15.

Пуцкинъ, вице-адмиралъ, генераль-адъютантъ, т. VI, 683.

Пфеффенкорнъ, крещеный жидъ, т. IV, 441.

Пыпинъ, А. Н. Замѣтка о его Исторіи славянскихъ литературъ, т. IV, 206—211.

Пѣцовъ, М. В., путешественникъ, т. VI, 455.

Р.

Рагоза, митрополитъ. См. Михаилъ.

Радде, Г. И., докторъ, т. VI, 869.

Радзивиль:

— Карлъ, польскій магнатъ (Панекоханку), т. V, 139.

— Кн. Николай, гетманъ, т. VI, 67.

Радзиминскій, З. Л. Замѣтка о его сочиненіи: „Князья и шляхта“, т. IV, 461, 462.

Радищевъ, Александр. Николаев., управляющій петербург. таможеню, т. IV, 456; т. V, 761, 763.

Радневичъ, епископъ. См. Полякарпъ.

Раевская, Евдогья Марковна, прапорщица, т. IV, 217.

Раевъ, тамбовскій епископъ. См. Теофилъ.

Разигъ, Стенька, донской козацъ, самозванецъ, т. IV, 873.

Разумовскіе:

— Гр. Алексѣй Григор., фельдмаршалъ, т. IV, 203; т. V, 239.

— Кн. Андрей Кирил., дипломатъ, т. VI, 830.

- Дѣти гетмана гр. Кирилы Григорьевича, т. IV, 123, 124.
- Гр. Кирилы Григорьев., гетманъ Малороссіи, т. IV, 123, 228; т. V, 431.
- М. Г., графиня, т. V, 17.
- Н. Б., графъ, т. V, 194.
- Рачъ,** учитель писательницы, гр. Е. П. Ростоичиной, т. V, 301, 302.
- Рановецкій,** авторъ сочиненія о Русской Правдѣ Ярослава, т. V, 139.
- Рановицъ,** румынскій майоръ, т. IV, 810.
- Раноци,** См. Францъ II.
- Ралея,** Вальтеръ, морякъ, т. IV, 665.
- Рамбелинскій,** Раймундъ, префектъ, т. V, 139.
- Рамбо,** шталмейстеръ Наполеонъ III, т. VI, 389.
- Рамбургъ,** капитанъ при камеръ-дальмейстерской конторѣ, т. V, 255.
- Ранке,** историкъ, т. V, 385, 391, 634, 635.
- Ранцевъ,** предводитель дворянства Пензенской губерніи, т. VI, 778, 780.
- Раппъ,** Жанъ, французскій генералъ, перъ Франціи, т. VI, 630, 633, 637.
- Ратиборъ,** новгородскій тысяцкій, т. IV, 489.
- Раутенфельдъ,** поручикъ гренадерскаго сапернаго баталіона, нынѣ арендаторъ им. Бушгофъ, т. IV, 408, 410—414.
- Рачинскіе:**
- Графъ, т. VI, 55.
  - Писатель, т. IV, 452.
- Рашидъ-паша,** т. IV, 795, 819.
- Редклифъ,** лордъ, англійскій дипломатъ, т. V, 456.
- Реймарусъ,** Германъ-Самуилъ, гамбургскій профессоръ, т. V, 124.
- Рейнольдъ,** Джошуа, англійскій живописецъ, т. VI, 833.
- Рейхлинъ,** Иоганнъ, философъ, т. IV, 441, 443.
- Реклю,** Элизэ, географъ, т. IV, 939.
- Рексинъ,** прусскій дипломатъ, т. VI, 127.
- Ренненкампфъ,** Никол. Карлов., дѣйстви. статскій совѣтникъ, профессоръ кievскаго университета, т. VI, 450.
- Репинской,** генералъ, т. V, 23.
- Ретивой,** крестьянинъ, ученикъ скопечскаго ересіарха Селиванова, т. V, 786.
- Рехбергъ,** Альбрехтъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. V, 471.
- Рневускіе,** графы, т. V, 690; т. VI, 825.
- Ридлей,** Маркъ, англійскій докторъ въ Россіи, т. V, 546.
- Ринальди,** придворный архитекторъ. Мему его, т. IV, 220, 221.
- Рименъ,** Александръ Христіан., профессоръ кievскаго университета, т. V, 686.
- Рись,** компаньонъ французской книжной торговли въ Москвѣ, т. V, 872.
- Рихтгофенъ,** Фердинандъ, мореплавателъ, т. VI, 587, 588, 590.
- Рицлеръ,** Сигмундъ, германскій историкъ, т. V, 146—149.
- Ришелье,** Жерменъ Эммануэль, герцогъ, французскій эмигрантъ, одесскій генерал-губернаторъ, т. V, 11; т. VI, 126.
- Робассомъ,** графъ. Дуэль его съ гр. Биландомъ, т. V, 185—187.
- Робертсонъ,** ученый, т. IV, 124.
- Роборовскій,** Всеволодъ Ив., подпоручикъ Новочеркасскаго полка, участникъ экспедиціи Н. М. Пржевальскаго, т. IV, 468.
- Робсартъ,** Эми, т. IV, 665.
- Ровинскій,** Дмит. Александр., тайный совѣтн., сенаторъ. Библиографическая замѣтка о собранныхъ и описанныхъ имъ русскихъ народныхъ картинахъ, т. VI, 423—433.
- Родионовъ,** Алексій, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 678.
- Родина,** С. М., малороссійскій писатель, т. VI, 33, 312—314.
- Ромбартъ,** Антонъ, придворный „краватный“ мастеръ, т. V, 242, 512.
- Рождественскій,** С. Библиографическая замѣтка о его Отечественной исторіи въ картинахъ, т. VI, 663, 664.
- Ромновы:**
- Василій, путивльскій городской депутатъ въ „Большой Коммисіи“, т. VI, 235.
  - Евген. Петр., генералъ-лейтенантъ, варшавскій губернаторъ, а потомъ сенаторъ, т. V, 73, 75.
- Розенбахъ,** генералъ-майоръ, бригадный командиръ 2 гвардейской пѣхот. дивизіи, т. IV, 887.
- Розень,** генералъ, т. V, 280—282.
- фонъ-Розень,** баронъ, генералъ, директоръ дворцовыхъ волостей, т. V, 490.
- Романенко-Братановскій,** архіепископъ астраханскій и кавказскій. См. Анастасій.
- Романецъ,** убійца Михаила Ярославича Святаго, т. IV, 502.
- Романовскіе:**
- К. М., преподаватель, т. IV, 483.
  - Мечиславъ, членъ польскаго революціоннаго общества, т. IV, 788.
- Романовы,** русская царствующая династія, т. IV, 197; т. V, 237.
- Романъ:**
- III (Аргаръ), греческій императоръ, т. VI, 577, 578.
  - IV (Диогенъ), греческій императоръ, т. VI, 574.
  - Митрополитъ югозападной Руси, т. IV, 739.

- Ромильи**, Самюэль, англійскій юристъ, т. IV, 194, 195.
- Ромодановскій**, кн. Ѳеодоръ Юрьевичъ, князь-кесарь, начальникъ преображенскаго приказа, т. IV, 463, 579, 586, 587.
- Росиниъ**, Антонъ, погарскій купецъ, т. IV, 837, 838.
- Россини**, Джіакомо, оперный компози-торъ, т. V, 895.
- Ростиславичи**, русскій княжескій домъ, т. IV, 247, 249, 250, 253.
- Ростовцевы**:
— Ив. Я., учитель кievской первой гимназіи, т. IV, 729.
— Яковъ Ив., начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній и предсѣдатель комитета объ устройствѣ крестьянъ, т. IV, 409, 412.
- Ростолчини**, графы:
— Андрей Ѳеодор., мужъ писательни-цы, т. V, 303.
— Викторъ Андр., офицеръ, т. V, 305.
— Евдокія Петр., рожденная Сушко-ва, писательница. Къ біографіи ея, т. V, 300—305. Упомян. т. IV, 151, 152.
— Лидія Андр., писательница, т. V, 305.
— Ольга Андр. См. гр. Торніели-ди-Брузати.
- Ѳеодоръ Вас., главнокомандующій Москвы и оберъ-камергеръ, т. V, 28, 305, 343, 344, 597, 599—609, 622, 623, 625, 867—869, 872; т. VI, 162—164, 179, 628, 818, 821, 842, 845.
- Роттердамскій**. См. Эразмъ.
- Рошебрюнъ**, полковникъ французской службы, начальникъ польскихъ бандъ, т. IV, 797.
- Рошиновичъ**, Авраамъ, бахмутскій дво-рянскій депутатъ въ „Большой Комми-сіи“, т. VI, 231.
- Рудановскій**, ассесоръ коммерц-колле-гіи, т. IV, 589, 590.
- Рудгартъ**, Игнатій, баварскій государ-ственный человекъ, профессоръ исторіи въ Вюрцбургѣ, т. V, 147.
- Рудзевичъ**, генераль-лейтен., т. V, 74.
- Рудовскій**, подполковникъ, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 838, 844—846, 848.
- Рукавишниковъ**, самарскій купецъ, т. V, 856.
- Рулиновскій**, В. Замѣтка о его сочи-неніи: „Князья и шляхта“, т. IV, 461, 462.
- Рулье**, К. Ф., профессоръ московскаго университета, т. V, 918.
- Румовскій**, Степ. Яковл., профессоръ астрономіи, т. IV, 124.
- Румянцевы**, графы:
— Александръ Ив., сенаторъ, гене-раль-аншефъ, т. VI, 674.
— Дарья Александр. См. Вальдштейнъ.
— Марья Андреев., рожденная гр. Матвѣева, оберъ-гофмейстерина. Письмо гр. Я. А. Брюса къ гр. П. А. Румянце-ву-Задунайскому о ея смерти, т. VI, 674, 675.
— Никол. Петр., министръ иностран-ныхъ дѣлъ и предсѣдатель государствен-наго совѣта, т. IV, 467; т. V, 208.
— Прасковья Александр. См. Брюсъ.
Румянцевы-Задунайскіе, графы:
— Настасья Петров. См. Бибикова.
— Николай Петр., государственный канцлеръ. Записка его о евреяхъ, т. VI, 675, 676.
— Петръ Александр., фельдмаршалъ, малороссійскій генераль - губернаторъ. Письма къ нему его сестры гр. П. А. Брюсъ, т. IV, 695, 696. Два письма къ нему Суворова, т. V, 938, 939. Письмо къ нему гр. Я. А. Брюсъ, т. VI, 674, 675. Письмо къ нему А. П. Бибикова, т. VI, 677.
- Русановъ**, Ѳ. Г., экзархъ Грузіи. См. Ѳеофилактъ.
- Руссо**, Жанъ-Жакъ, энциклопедистъ, т. IV, 455; т. V, 165.
- Рыбинъ**, Николай. Ст. его: Матеріалы къ біографіи Бѣлинскаго и Лермонтова, т. VI, 365—378.
- Рыбиновъ**, Иванъ, кронштадскій город-ской депутатъ въ „Большой Комми-сіи“, т. VI, 243, 244.
- Рыбушинъ**, адъюнктъ казанскаго уни-верситета, т. IV, 623.
- Рыначевъ**, исправникъ, т. VI, 686.
- Рыльскій**, студентъ кievскаго универси-тета, т. IV, 733.
- Рылътовъ**, Никита Ив., генераль, петер-бургскій оберъ-полицеймейстеръ. Запис-очки къ нему Екатерины II, т. IV, 464—466.
- Рынковъ**, Максимъ, яцкій казакъ, участникъ Пугачевского мятежа, т. V, 677.
- Рысановъ**, Николай Ив., мѣщанинъ г. Тихвина, царевубійца, т. IV, 898, 899, 902.
- Рѣпинны**:
— Русскій посолъ при вестфальскомъ дворѣ, т. V, 356, 357.
— Князь, т. VI, 450.
- Рансоль**, Натаніель, англійскій туристъ, т. VI, 823—834.
- Рюриновичи**, князья, т. VI, 189.
- Рюриновичи-Ряполовскіе**, русскій кня-жескій домъ, т. IV, 197.
- Рюссовъ**, Бальтазаръ, т. IV, 459.
- Рюстанъ**, мамелюкъ Наполеона I, т. VI, 631, 636.

С.

Саббатовскій, архіепископъ. См. Павель.

Саблинъ, Никол. Алексѣев., дворянинъ, государственный преступникъ, т. IV, 902.

Савельевъ, Федоръ, молоканъ с. Бокина, Тамбовской губ., т. V, 789.

Савченковъ, Ив., крестьянинъ с. Соловьевки, Радомисльск. у., авторъ книги: „Святость царскаго имени“, т. VI, 383—392.

Садновскій, минскій архіепископъ. См. Викторъ.

Саегіу, румынскій маіоръ, т. IV, 808.

Сазоновы:

— Антонъ, крестьянинъ с. Бокина, Тамбовскаго у., молоканъ, т. V, 790.

— Жандармскій полковникъ въ Тамбовѣ, т. V, 418.

Санень, князь, баронъ, фельдмаршалъ, т. IV, 158; т. V, 12, 15.

Салтыковы:

— Мих. Глѣбов., русскій бояринъ и воевода, сторонникъ поляковъ, т. IV, 197.

— Гр., московскій главнокомандующій, т. IV, 419, 420.

— М. Е., писатель-сатирикъ, т. IV, 701.

— Гр. Ив. Пет., генераль, т. V, 759.

— Гр. Петръ Семен., генераль, т. VI, 126, 132, 133.

— Гр. Никол. Ив., генераль, воспитатель императора Александра I, т. VI, 857.

Сальмъ-Краутгеймъ:

— Княгиня Марія-Анна (Маріамна-Доротей), рожденная княжна Голицына, т. V, 37, 43, 44.

— Князь, бывшій графъ Сальмъ-Рейфершейдъ-Бребургъ, т. V, 43, 44.

Самаринъ, Юрій Федор., т. IV, 456; т. V, 930.

Самойловы:

— Гр., генераль прокуроръ, т. V, 753, 754, 761, 763.

— Степанъ, енисейскій депутатъ въ „Большой Комисіи“, т. VI, 229, 230.

Самонасовъ, Н. И., т. VI, 864, 869.

Санве, французскій актеръ въ Москвѣ, т. V, 884.

Сангушо, кн. Марія. См. княг. Гольшанская.

Санхець (Саншешъ), Рибейро, дѣйств. дѣйств. стат. совѣтн., второй лейбъ-медикъ. Записка о немъ Екатерины II. Т. IV, 694, 695.

Ряполовскіе, русскій княжескій домъ. т. IV, 769.

Саншешъ. См. Санхець.

Сапожниковы, владѣльцы Житнаго рыболовнаго промысла:

— Александръ Александр. т. IV, 873, 874, 879.

— Александръ Петр., т. IV, 879.

— Алексѣй Александр., т. IV, 873—880.

— Петръ Семен., родоначальникъ, т. IV, 874.

Сапожниковъ, астраханскій коммерсантъ, т. IV, 162.

Сапѣга, кн. Адамъ, начальникъ польскаго революціоннаго отряда, т. IV, 789, 790, 792.

Сараджеевъ, начальникъ отряда Краснаго Креста въ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 583.

де-Сасси, баронъ Антуанъ-Исаакъ-Сильвестръ, профессоръ-ориенталистъ, т. IV, 119.

Сафонова, Александра Евтих. См. Демидова.

Сафоновичъ, Валеріанъ Иван., орловскій граждан. губернаторъ, т. IV, 374.

Сахновскій, епископъ. См. Веніаминъ.

Сверчковъ, капитанъ линейнаго баталіона, т. IV, 415.

Свидзинскій, собиратель древностей, т. V, 143.

Свнтонъ, англійскій туристъ, т. VI, 822.

Свинцовъ, кирсановскій помѣщикъ, т. V, 802.

Свиньина, Екатер. Павл. См. Писемская.

Свистуновъ, Александръ Павл., генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ, начальникъ терской области, т. VI, 869.

Свѣнциій, польскій писатель, т. V, 141.

Свѣтова, Татьяна. Псевдонимъ писательницы Е. Д. Безобразовой. Т. VI, 794, 796.

Святославъ, князь можайскій, т. IV, 506.

Святославъ Владиміровичъ, тверской князь, т. IV, 262, 263, 493.

Себастиани, гр. Горась-Франсуа Деляпорта, французскій маршалъ, т. V, 870.

Севастьяновъ, комендантъ въ царствѣ польскомъ, т. V, 73.

Сегюръ-д'Агессо, гр. Луи-Филиппъ, французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, т. VI, 682, 684—686, 689—691, 693—695, 697—702.

Сеймуръ, Иоанна, третья супруга англійскаго короля Генриха VIII, т. IV, 661.

Сейнебъ, бахчисарайская красавица,

- фаворитка хава Керимъ-Гирея, т. VI, 134—136.
- Селивановы:**
— Кондратій, скопческій ересіархъ, т. V, 786.
— Моршанскій дворянскій засѣдатель, т. V, 802.
- Селивъ, Александръ Ив.,** профессоръ кievскаго университета, т. IV, 721, 723, 727.
- Сельскій, воръ,** обокравшій Ф. В. Булгарина, т. VI, 446, 447.
- Семевскіе:**
— В. И., т. IV, 455; т. V, 931.
— Мих. Ив., дѣйствит. стат. совѣтн., помощникъ статсъекретаря государств. совѣта и редакторъ „Русской Старинѣ“, т. V, 686.
- Семеновы:**
— Актриса, т. V, 17—19.
— Андрей, священникъ г. Сошки, Тамбовскаго у., т. V, 798.
— Василій, священникъ с. Кирилова, спасскаго у., т. V, 798.
— Кирсановскій священникъ, т. V, 802.
— Крестьянинъ с. Колтева, Тамбовскаго у., т. V, 794.
— Священникъ с. Шаморги, тамбовской епархіи, т. V, 789, 791.
- Сементовскій, писатель,** т. V, 706.
- Семилѣтовъ, крестьянинъ, молочанъ,** т. V, 790.
- Сенев, русскій придворный актеръ,** т. V, 625.
- Сендерландъ, англійскій государствен. человекъ,** т. IV, 185.
- Сенковскій, Осипъ Ив., писатель,** т. V, 706.
- Сербиновичъ, Конст. Степ.,** бывш. редакторъ журнала минист. народн. просвѣщ., т. IV, 170—175.
- Сергій, святой, игуменъ радонежскій, основатель Троицко-Сергіевской лавры,** т. IV, 740, 749, 755.
- Сергій Александровичъ, великій князь,** т. VI, 272.
- Сергѣевы:**
— Дмитрій, колонистъ прусской колоніи Александровка, т. V, 218.
— Учитель петербургской первой гимназіи, т. IV, 709.
— Фролъ, вольнонаемный кучеръ двора Е. И. В., т. IV, 894.
- Седюновъ, Михаилъ Матв.,** рыбакъ, а потомъ новгородскій купецъ, т. VI, 683.
- Серена, Карла,** иностранная путешественница по Россіи. Записка о ея путешествіи, т. VI, 137—147.
- Сермпутовскій, ротмистръ, адъютантъ** намѣстника царства польскаго, т. IV, 870, 871.
- Серно-Соловьевичъ, М. К.** Записка его: Бискупъ Маршевскій въ Ленчицѣ, т. V, 306—311.
- Серюгъ, аббатъ, священникъ французской католической церкви въ Москвѣ,** т. VI, 817.
- Сиверсъ, гр. Яковъ Ефимов.,** новгородскій губернаторъ, впоследствии посолъ въ Польшу, т. VI, 683.
- Сигизмундъ, король польскій,** т. V, 381.
- Сигизмундъ II Августъ, король польскій,** т. VI, 67, 69—72, 79, 81.
- Сидоренко, Ю. Д., профессоръ.** т. VI, 450.
- Сидоровы:**
— Священникъ тамбовской епархіи, т. V, 793.
— Промышленникъ, т. VI, 599.
- Синингенъ (Зиккингенъ), Францъ,** рейнпфальцскій рыцарь, т. IV, 443—445, 447.
- Сильванъ, пфальцскій священникъ,** т. V, 375, 376.
- Сильвестръ:**
— Монахъ еретикъ, въ мірѣ Симеонъ, т. VI, 666.
— Священникъ московскаго Благовѣщенскаго собора, наставникъ царя Ивана IV, т. IV, 213.
- Симашко, Александра Петров.** См. кн. Курбская.
- Симеонъ:**
— Владимірскій епископъ XIII вѣка, т. IV, 493.
— Князь болгарскій, т. VI, 571.
— Суздальскій іеромонахъ, т. IV, 213.
- Симеонъ Дмитріевичъ, князь суздальскій,** т. IV, 756, 757.
- Симеонъ Ивановичъ Гордый, великій князь московскій,** т. IV, 242, 522, 523, 735, 736.
- Снавронская, Анна Карловна.** См. гр. Воронцова.
- Сналонъ:**
— А. А. См. Болтина.
— Генералъ-маіоръ, т. V, 673.
- Снамницкій, епископъ.** См. Варлаамъ.
- Снарбенъ, гр. Фридрихъ-Флоріанъ,** польскій писатель, профессоръ варшавскаго университета, т. V, 140.
- Снаржинскій, польскій генералъ,** т. V, 281, 282.
- Снилетти, румынскій маіоръ,** т. IV, 805.
- Склифасовскій, Николай Вас.,** дѣйств. стат. совѣтникъ, профессоръ медико-хирургической академіи, т. V, 686.
- Снобелевъ, Мих. Дмит.,** генералъ-адъютантъ

- тантъ, генералъ отъ кавалеріи, т. V, 577, 578, 824—830, 833, 834, 836—838, 840, 841, 843—855.
- Скородода, Григ. Саввичъ, т. V, 690.**
- Снолювъ, Ив. Григ., генералъ-адъютантъ, эскадръ-маіоръ при императорѣ Александрѣ II, т. IV, 879.**
- Снородумовъ, граверъ, т. VI, 680.**
- Скрипицкій, польскій главнокомандующій во время революціи 1831 г., т. V, 280, 281.**
- Скородумовъ, священникъ с. Устья, моршанскаго уѣзда, т. V, 804.**
- Славинскій, Кр. Фед., профессоръ medico-хирургической акад., т. V, 687.**
- Сланичану, румынскій ваятанъ, т. IV, 810.**
- Слатвинскій, Николай Ив. См. Желябовъ.**
- Словацкій, Юлій, польскій поэтъ, т. IV, 208.**
- Словцовы:**
— Александръ Степан., чиновникъ особыхъ порученій пермской казенной палаты, отецъ писательницы, т. V, 765, 766.
— (Камская), Екатерина Александр., писательница. Незданная статья ея: „Женщина въ семьѣ и обществѣ“, т. V, 765—782.
— Мих. Александр., братъ писательницы, т. V, 766.
— Петръ Андреев., авторъ „Историческаго обозрѣнія Сибири“, т. V, 764.
- Слонскій, протоіерей петербургскаго петропавловскаго собора, т. V, 520.**
- Слопцовы, родоначальники Словцовыхъ, т. V, 765.**
- Случевскій, К. К. Экспромптъ его на вечерѣ въ честь Горбунова, т. IV, 231.**
- Слозы:**
— Владѣльцы села Юсковцы-Сенчанскія, Лохвицкаго уѣзда, т. V, 568.
— Дворянинъ, т. V, 568, 570.
- Слямзинъ, Василій, колодникъ, разскащикъ легенды о Петрѣ II, т. IV, 825—827.**
- Смирновы:**
— А. О., т. V, 304.
— Епископъ пензенскій. См. Иннокентій.
— Ив., русскій городской депутатъ въ „Большой Коммисіи“, т. VI, 235.
— М., т. VI, 869.
— Н. И. Ст. его: Клерикальная нѣмецкая историографія, т. IV, 432—450.
— П., священникъ. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: „Іоакимъ, патріархъ московскій“, т. VI, 665—668.
- Смитъ:**
— Англичанинъ, т. V, 601, 868.
- Дмитрій-Августинъ. См. кн. Голицынъ.
- Уильямъ, епископальный пасторъ въ Филадельфіи и владѣлецъ города Хунтингдона, т. V, 47.
- Смолеттъ, Тобіасъ, англійскій романистъ и докторъ, т. IV, 192.**
- Смола, Францискъ, членъ польскаго революціоннаго комитета, нынѣ предсѣдатель австрійской палаты депутатовъ, т. IV, 789.**
- Смотрицкій, Мелетій, ученый, т. IV, 942.**
- Смышляевъ, Д. Д. Сообщ. неизданную статью Е. А. Словцовой-Камской: „Женщина въ семьѣ и обществѣ“, т. V, 765—782.**
- Собакинъ, капиталистъ, т. V, 25.**
- Собанскій, Александръ, подольскій помѣщикъ, польскій революціонеръ, т. IV, 788.**
- Собескій, Янъ, король польскій, т. V, 139.**
- Собичевскій, Вас. Тар., дѣйствит. стат. совѣтникъ, профессоръ петровской академіи, т. V, 686.**
- Соболевскій, А. И. Библиографическія замѣтки его: Теофанъ Прокоповичъ. Т. IV, 456—458. Четыре очерка И. А. Гончарова. Т. IV, 683, 684. Исторія русской церкви—Е. Голубинскаго. Т. IV, 924—928. Очерки исторіи русской журналистики—С. Весина. Т. V, 166—171. Русскіе простонародные травники и лечебники—В. М. Флоринскаго. Т. V, 409—411. Исторія русской церкви—Макарія. Т. V, 664—666. Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ—И. Преображенскаго. Т. V, 666—668. Матеріалы для исторіи раскола—Н. Субботина. Т. V, 932, 933. Іоакимъ, патріархъ московскій—П. Смирнова. Т. VI, 665—668.**
- Совинъ, Яковъ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 678.**
- Соколовскій, музыкантъ московскаго театра, т. IV, 676.**
- Соколовы:**
— Калужскій епископъ. См. Николай.
— Писатель, т. IV, 678.
— Священникъ-миссіонеръ тамбовской епархіи, т. V, 802.
- Сонувскій, комиссаръ жонда народоваго, т. IV, 791, 792, 795.**
- Соловьевы:**
— Волынскій архіепископъ. См. Агаевъ.
— Всеволодъ Серг., писатель. Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ, т. IV, 602—616, 839—853. Ст. его: Старня были, т. VI, 703—746.

- Государственный преступникъ, т. VI, 618.
- Егоръ Петр., декабристъ. Некрологъ, т. IV, 944.
- Профессоръ нѣжинской гимназiи высшихъ наукъ, т. VI, 319.
- Серг. Мих., исторiографъ, профессоръ, т. IV, 117, 121, 424.
- Солодовниковъ, купецъ, депутатъ въ „Большой Коммисiи“, т. VI, 243.
- Сольскiй, С. М., т. V, 421.
- Сомовъ, офицеръ, т. V, 27.
- Сорель, Альбертъ, французскiй публицистъ-историкъ, т. VI, 149.
- Сорокины:
- Екатерина, вдова гардеробмейстера Петра III, т. IV, 217.
- Фeдоръ, гардеробмейстеръ Петра III, т. IV, 217.
- Сосе, компаньонъ французской книжной торговли въ Москвѣ, т. V, 872.
- Софія:
- Греческая царевна, супруга московскаго князя Ивана Васильевича, т. IV, 772—776.
- Ганноверская курфюрстина, т. IV, 671—673; т. V, 632—634.
- Софія Алексѣевна, царевна, соправительница, въ иночествѣ Сусанна, т. IV, 197, 627, 930.
- Софія Витовтовна, супруга великаго князя московскаго Василiя Дмитриевича, т. IV, 756, 761; т. VI, 580.
- Софія-Шарлотта, прусская королева, т. V, 632, 634, 635, 637.
- Софья Юрьевна, супруга тверскаго князя Константина Михайловича, т. IV, 503.
- Спасовичъ, Владим. Данил., адвокатъ и литераторъ. Замѣтка о его „Исторiи славянскихъ литературъ“, т. IV, 206—211.
- Спасскіе:
- Григорій, т. V, 662.
- Н. Т., врачъ, пользовавшій А. С. Пушкина, т. V, 690.
- Петръ. См. Фотiй,
- Секретарь вятскаго статистическаго комитета, т. IV, 929.
- Сперанскіе:
- Гр. Мих. Мих., государственный секретарь, т. V, 24; т. VI, 208; 346, 439.
- Священникъ с. Троицкаго, пензенской губ., т. VI, 775.
- Срезневскiй, Измаилъ Ив., тайный совѣтникъ, заслуженный профессоръ, академикъ, деканъ и ординарный профессоръ петербургскаго университета, т. V, 707; т. VI, 869.
- Ставровскiй, Алексiй Ив., профессоръ кievскаго университета, т. IV, 720—723.
- Стадiонъ, гр. Іоаннъ-Филиппъ, австрiйскiй министръ, т. V, 208, 209.
- Стайновскiй, товарищъ А. Ф. Писемскаго по гимназiи, т. IV, 700.
- Станголь. См. Магонъ.
- Станиславскiй, чашникъ варшавскiй, т. VI, 58.
- Станиславъ-Августъ II (Понятовскiй), послѣднiй король польскiй, т. VI, 682, 852, 853.
- Стариновъ, Иванъ, колонистъ прусской колонiи Александровка, т. V, 219.
- Старкевичъ, греко-унiатскiй священникъ, т. V, 90.
- Старчевичъ, Антунъ, хорватскiй патриотъ, т. V, 472, 473.
- Стасовъ, Владим. Вас., дѣйстви. статскiй совѣтникъ, бібліотекаръ императорской публичной бібліотеки, т. VI, 863.
- Стаффордъ, леди, т. V, 319.
- Стахорскiй, надворный совѣтникъ, могилевскiй стряпчій. Т. VI, 206.
- Стебницкiй, генераль, т. VI, 864.
- Степановы:
- Анна Ив., монахиня. См. Анна.
- М., членъ „коммисiи о среднемъ родѣ людей“, т. VI, 224.
- Стернь, Альфредъ, нѣмецкiй профессоръ, т. IV, 665, 666, 668.
- Стефановичъ, царевубица, т. IV, 902.
- Стефанъ:
- Пермскiй проповѣдникъ христіанства, т. VI, 212.
- Псковскiй епископъ, т. V, 518.
- (Семень Яворскiй), митрополитъ, т. V, 930; т. VI, 200, 201.
- Стефанъ Баторiй, польскiй король, т. VI, 79—81, 84.
- Стеценко, хорунжій таманскаго казачьяго полка, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 834.
- Столыпина, Елизав. Алексѣев. См. Арсеньева.
- Столѣтовъ, полковникъ, т. V, 577, 578.
- Стоюнинъ, В. И. Ст. его: Княжнинъ-писатель, т. V, 425 — 554, 735 — 764. Упомн. т. IV, 169.
- Стояновъ, Александръ Ильичъ, т. VI, 867, 869.
- Стратановичъ, ключарь, каедральнаго могилевскаго собора, т. V, 529, 535.
- Стратоновъ, директоръ ршешельской гимназiи, т. IV, 941.
- Страфордъ, гр. Томасъ Вентвортъ, англiйскiй государственный челоувѣкъ, т. IV, 669.
- Стреловъ, Степ. Фeдор., директоръ придворнаго театра, т. V, 757; т. VI, 684.
- Стриттеръ, Ив. Мих., хранитель московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, т. IV, 128.

Строгиновы:
 — Гр. Александръ Серг., оберъ-камергеръ и президентъ академіи художествъ, т. IV, 696, 684.
 — Аника (Иоанникій), сольвычегодскій купецъ, т. VI, 212, 213.
 — Гр. Анна Михайл., рожденная гр. Воронцова, т. IV, 696.
 — Григ. Иоанник., пермскій колонизаторъ, т. VI, 212.
 — Докторъ, т. V, 687.
 — Колонизаторы велико-пермской земли, т. VI, 209, 212, 213.
 — Гр. С. Г., попечитель московскаго учебнаго округа, т. IV, 175, 176; т. V, 302.
 — Гр. Ю. П. статсъ-дама, т. IV, 476.

Стройновскіе, графы:
 — Валеріанъ, сенаторъ, т. VI, 336—340, 559, 561.
 — Екатер. Александр., рожденная Буткевичъ. См. Зурова.
 — Ольга Валеріан. См. кн. Багратионъ-Имеретинская.

Стромиловъ, составитель описанія села Борисоглѣбскаго-Волохова, т. IV, 461.

Струковы:
 — Д., художникъ, т. V, 421.
 — Епископъ. См. Іоакимъ.

Стрѣльбицкій, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Земельныя приобрѣтенія Россіи въ царствованіе Александра II, т. V, 920—928.

Стрѣшневъ, маіоръ гвардіи, т. V, 272.

Стрякова, т. V, 851.

Студенцова, вдова священника, т. VI, 776, 777.

Студицкій, докторъ, участникъ ахальтеинской экспедиціи, т. V, 832, 833.

Ступишинъ, полковникъ, верхоицкій комендантъ, т. V, 674.

Стюартъ:
 — Англійская династія, т. IV, 181, 666, 667; т. V, 632.
 — Анна. См. это слово.
 — Елизавета. См. это слово.

Субботины:
 — Авторъ описанія г. Владиміра, т. IV, 461.
 — Ник. Ив., профессоръ московской духовной академіи. Библиографическая замѣтка о его „Матеріалахъ для исторіи раскола.“ Т. V, 932, 933. Упомян. т. VI, 643, 842.

Суворинъ, Алексій Сергѣев., Вечеръ, устроенный имъ въ честь И. О. Горбунова, т. IV, 230—232.

Суворовъ, П. И., литераторъ, т. V, 164.

Суворовы-Рыминскіе, графы:
 — Александръ Вас., князь Италійскій, генералиссимусъ. Два письма его къ Румянцеву, т. V, 938, 939. Упомян. т. VI, 657, 658.
 — Аркадій Александр., князь Италійскій, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, т. IV, 701, 887, 891.

Судовщиковъ, Николай Родіоновичъ, драматическій писатель, т. IV, 217.

Султановъ, Н. В., т. VI, 870.

Сулхановъ, студентъ кievской духовной академіи, т. VI, 866.

Сумароковы:
 — Александръ Петров., писатель, т. IV, 428, 677; т. V, 435, 438, 931, 932.
 — Павелъ Ив., писатель, т. V, 4.

Сундлеръ, шведскій консулъ въ Москвѣ, т. V, 604.

Суровицкій, Лаврентій, польскій ученый, т. V, 138, 139.

Суссексъ (Sussex), лордъ, дядя англійской королевы Викторіи, т. IV, 79.

Сухарева, Дмитрій, т. IV, 217.

Сухожанецъ, Никол. Онуфр., генералъ-адъютантъ, т. V, 73, 74, 76, 77.

Сухомлиновъ, Мих. Иван., дѣйствит. стат. совѣтн., академикъ. Статья его: Изъ литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Появленіе въ печати сочиненій Гоголя. Т. IV, 330—356. Библиографическая замѣтка объ его Исторіи російской академіи, т. V, 164—166. Упомян. т. IV, 455.

Сучновъ, Петръ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 678.

Сушинъ, И. С., художникъ, т. IV, 229.

Сушковы:
 — Андр. Васил., т. V, 18, 19, 423, 424.
 — Дарья Ив., рожденная Сушкова, т. V, 300, 301.
 — Дмитр. Петр., писатель. Сообщ. біографію писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 300—305. Поправка. т. V, 423, 424.
 — Евдокія Петр. См. гр. Ростопчина.
 — Марья Вас., рожденная Храповицкая, т. V, 303.
 — Мих. Вас., т. V, 303.
 — Никол. Вас., т. V, 303.
 — Петръ Вас., дѣйствит. стат. совѣтникъ, т. V, 300, 303.
 — Сергій Петр., дѣйствит. стат. совѣтникъ, главный редакторъ газеты „Правительственный Вѣстникъ“, т. V, 303.

Страновскій (Доланго), предводитель польскихъ повстанцевъ въ Литвѣ, т. IV, 78, 83, 115.

Стряковы:
— Лаврентій Аксент., академикъ, знаменитый граверъ. Некрологъ, т. IV, 471, 472.
— Любовь Александровна, рожденная Тицъ, вторая жена гравера, т. IV, 472.
Стъченowy:
— Ив. Мих., дѣйствит. стат. совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета, т. IV, 424.
— Митрополитъ петербургскій и новгородскій. См. Дмитрій.

Т.

фонъ-Тайзенъ, майоръ прусскаго главнаго генеральнаго штаба, т. V, 652.
Талызинъ, С. А., предсѣдатель общества любителей кавказской археологій, т. VI, 869.
Тарасій, епископъ ростовскій (1293 г.), т. IV, 492.
Тарновскій, В. В., пѣжинскій предводитель дворянства, т. VI, 450, 451.
Тарновскій, Григ. Степ., помѣщикъ Борзенскаго уѣзда, т. VI, 314.
де-Талейранъ, кн. Перигоръ, Шарль-Морисъ, отенскій епископъ, а потомъ французскій министръ иностран. дѣлъ. Пробываніе его въ Вѣнѣ на конгрессѣ, т. VI, 148—157.
Тарвиніо, италіанскій пѣвецъ въ Москвѣ, т. VI, 166.
Татищевы:
— Гр. Александръ Ив., генераль отъ инфантеріи, военный министръ, т. VI, 326.
— Гр. Александръ Никол., т. VI, 336.
— Алексій Данил., дѣйствит. камергеръ, генераль-полиціймейстеръ. Письмо его къ каб.-секретарю Бихиреву, т. V, 681. Упомян. т. IV, 201; т. V, 506.
— Алексій Евграф., т. V, 5.
— Гр. Варв. Александр., рожденная Буткевичъ, т. VI, 326.
— Горный начальникъ на Уралѣ, т. V, 690.
— Дмитрій Павлов., оберъ-камергеръ, посланникъ въ Австрію, т. IV, 220; т. V, 28, 220—222, 326, 329, 331, 335.
— Гр. Никол. Алексѣев., генераль-аншефъ, т. VI, 330.
Таубертъ, Іоганъ, членъ петербургской академіи, т. IV, 122, 124, 125, 126, 128.
Таунсендъ, хордъ, т. IV, 185.
Тахтамышъ, ординскій ханъ, т. IV, 749—752, 756.
Теляновскій, греко-униатскій священникъ, т. V, 90.

Телятевъ, тамбовскій, вполнѣдствіи донской епископъ. См. Аѳонасіи.
Темряевъ, Клем. Арк., профессоръ петровской академіи, т. V, 686.
Теловъ, Григор. Никол., статсъ-секретарь, т. IV, 228.
Тергукасовъ, Арзасъ Артемьев., генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ, т. IV, 621; т. V, 591, 594, 824, 825.
Терлецкій, епископъ. См. Кирилль.
Терновскій, Фил. Алексѣев., профессоръ кievскаго университета, т. IV, 942, 943; т. VI, 568, 582.
фонъ-Тизенгаузенъ, Владиміръ Густав., археологъ, т. VI, 868—870.
Тили, графъ, т. V, 383.
Тимофѣевъ, колонистъ прусской колоніи Александровка, т. V, 218.
Титовъ, архіепископъ. См. Алексій.
Тихай, архимандритъ. См. Антоній.
Тихоміровъ, И. А., преподаватель николаевской царскосельской гимназіи, т. VI, 679.
Тихоновъ, Прохоръ, крестьянинъ села Богородицкаго, лебедянскаго уѣзда, т. V, 795.
Тихонравовы:
— К. Н., бывшій секретарь владимірскаго губ. статистическаго комитета, т. IV, 461, 685, 686.
— Никол. Саввичъ, дѣйств. стат. совѣтникъ, ректоръ московскаго университета, т. IV, 212, 213; т. V, 685.
Тицъ, См. Сврякова.
Тишкинъ, Яковъ, виновьевскій крестьянинъ, Кромск. уѣзда, Орловск. губ., т. IV, 376, 379, 381, 383.
Тлуциновскій, вятскій ассесоръ, т. V, 564.
Тодвель, революціонеръ, т. IV, 108.
Тонаревъ, молокоанъ, т. V, 791.
Тонта, ордынскій царь, т. IV, 500.
Толбухинъ, т. V, 24.
Толгнѣвичъ, Семень, бояринъ, т. IV, 491, 499.
Толмачевъ, депутатъ въ „Большой Комисіи“, т. VI, 248.
Толстые:
— Русскій графскій домъ, т. IV, 203.
— Гр. Дмитрій Андр., дѣйств. тайный совѣтникъ, сенаторъ, министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, т. IV, 388, 944; т. V, 54, 68, 128; т. VI, 801.
— Гр., казанскій губернаторъ, т. VI, 177, 807, 808, 818, 820.
— Гр. Левъ Никол., писатель, т. IV, 839.
— Марья Алексѣевна, т. V, 9.
— Гр. М. В., т. V, 407; т. VI, 842, 844, 845.

— Гр., моголевскій губернаторъ, т. V, 538.
 — Гр. Николай Александр., обер-гофмаршалъ, т. VI, 542.
 — Гр., пензенскій губернаторъ, т. VI, 781, 783.
 — Гр. русскій посланникъ въ Парижѣ, т. V, 208, 209, 213.
 — Гр. Федоръ Андреев., т. V, 4, 22.
 Тольскій, Никол. Алексѣев., профессоръ московскаго университета, т. V, 636.
 Томачичъ или Томасео (Tomaseo), Николай, сербъ, итальянскій и славянскій поэтъ, т. V, 230, 231.
 Тополя, Кирилъ, малороссійскій писатель, т. V, 730—733.
 Топорновъ, епископъ ростовскій. См. Вассианъ.
 Торлонія, довъ Александро, т. V, 316, 318.
 Томасовъ, гр. Александръ Петр., московскій военный генераль-губернаторъ, т. V, 11, 16—18, 21, 25; т. VI, 164.
 Торниели-ди-Брузати, гр. Ольга Андреевна, рожденная гр. Ростовчина, т. V, 305.
 Тороповъ, Никол. Ив., дѣйствит. стат. совѣтн., докторъ медицины, гофъ-медикъ, т. V, 686.
 Торстенсонъ, Леннартъ, гр. Орталъскій, шведскій полководецъ, т. V, 392.
 Траханиоты:
 — Дмитрій, грекъ, т. IV, 774.
 — Юрій, грекъ, т. IV, 774, 777.

У.

Уаргамъ, англійскій архіепископъ, т. IV, 363.
 Убранцевъ, тамбовскій священникъ, миссионеръ, т. V, 797.
 Убри, Екатерина, т. IV, 219.
 Уваровы:
 — Гр. Алексѣй Серг., дѣйств. статск. совѣтникъ, камергеръ, т. VI, 869, 871.
 — Вас. Мих., прапорщикъ, т. IV, 591—593.
 — Гр. Серг. Семен., дѣйствит. тайн. совѣтн., членъ государственнаго совѣта, министръ народн. просвѣщенія, т. IV, 170, 171, 173, 175, 341, 429, 685, 712; т. V, 228, 229.
 — Гр. Фѣдоръ Петр., генераль-адъютантъ, т. VI, 543.
 Удино:
 — Гр. Шарль-Николай, герцогъ Реджю, перъ и маршалъ Франціи, т. IV, 156.
 — Коженикъ, отецъ маршала, т. IV, 156.

Уейнсъ, членъ англійскаго посольства, т. VI, 872.
 Узбень, татарскій ханъ (1312—1340 г.), т. IV, 237, 500, 503, 505, 508, 510, 512, 516, 736.
 Улеинъ, Семень, распространитель молочанской секты въ Тамбовской губерни., т. V, 788.
 Улу-Махметъ, ординскій ханъ, т. IV, 762.
 Ульфовъ, Платъ, стрѣлцекій пятисоптенный. Пожалованная ему Петромъ I денежная награда, т. IV, 930.
 Ульяновскій, Ефимъ, шляхтичъ, т. IV, 219.
 Ульяновъ, Иванъ, (Джонъ Мерикъ), англійскій гость, т. V, 547, 548, 553, 554.
 Уманецъ, Фѣдоръ Михайл. Замятка его: Малороссіяне въ Польшѣ XVII вѣка, т. VI, 55—64.
 Унгебауэръ, командиръ 50-го егерскаго полка, т. V, 281.
 Урусбиевъ, писатель, т. VI, 672, 673.
 Усковъ, крестьянинъ Шацкой слободы, сектантъ, т. V, 793, 794.
 Усларъ, баронъ, археологъ, т. VI, 870.
 Усовы:
 — Инженеръ, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 831.
 — П. С. Сообщ. революцію гр. Орлова по поводу одной статьи, т. VI, 857, 858.
 Успенскіе:
 — Епископъ. См. Порфирій.
 — Профессоръ, т. IV, 942.
 Устряловы:
 — Никол. Герасимов., историкъ, т. IV, 170—173, 175.
 — О. Н., сынъ историка, т. IV, 170.
 Устьянцевъ, Н. Ст. его: Торговое значеніе Сибири, т. VI, 586—603.
 Ушаковъ, гр. Андрей Ив., генераль-аншефъ, сенаторъ, начальникъ тайной розыскной канцеляріи, т. IV, 581, 589, 590, 593, 596, 597; т. V, 497.
 Ушаровъ, Петръ, колонистъ прусской колоніи Александровка, т. V, 218.

Ф.

Фавръ, Жюль, французскій государственный человѣкъ, т. IV, 938.
 Фальберъ-Фальбриджъ, Шарль-Жоржъ, французскій драматическій писатель, т. IV, 678.
 Фальковъ, Яковъ, знатокъ классической древности. Библиографическая замѣтка о его книгѣ „Эллада и Римъ“, т. IV, 681—683.
 Фалькометъ, Этьенъ-Морисъ, французскій скульпторъ, т. VI, 681; т. VI, 880—834.

- Фаціоли**, Бартоломію, танцовщикъ, т. IV, 217.
- Федотовы:**
— Акулина, крестьянка с. Падовъ, гамбовскаго у., т. V, 790.
— Ксенія, крестьянка с. Аннина, моршанскаго у., молоканка, т. V, 790.
— Художникъ, т. V, 807.
- Фелицинь**, т. VI, 869.
- Фердинандъ:**
— II, римско-германскій императоръ, т. V, 378—391.
— VI, король испанскій, т. V, 31.
— Принцъ прусскій, т. V, 36.
- Фесенно-Навроцкій**, Ив. Петр. См. Саблинъ, Николай.
- Фигнеръ:**
— Александръ Самойловъ, гвардейскій полковникъ, флигель-адъютантъ, партизанъ въ войну 1812 г., т. IV, 147, 148, 157.
— Аполлонъ В. Воспоминанія его объ А. П. Ермоловѣ, т. IV, 147—163.
- Фидій**, Аенскій скульпторъ. Открытіе его статуи, т. IV, 943, 944.
- фонъ-Финельмонъ**, гр. Карлъ-Людвигъ, австрійскій посланникъ въ Петербургъ, а потомъ глава австрійскаго кабинета. т. V, 222, 335.
- Филаретъ:**
— (Гумилевскій), черниговскій архіепископъ, т. V, 575.
— (Дроздовъ), московскій митрополитъ, т. V, 284, 408; т. VI, 839.
- Филевичъ**, Ив. Порф. Ст. его: Забытый уголь, т. V, 79—99.
- Филимоновы:**
— Помощникъ директора московской оружейной палаты, т. VI, 679.
— Ю. Д., т. VI, 871.
- Филимовъ**, Григорій, крестьянинъ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 678.
- Филиповы:**
— Алексѣй, преображенскій гренадеръ, мятежникъ, т. V, 679.
— Андрей, священникъ с. Архангельскаго, Борисоглѣбскаго у., т. V, 798.
— Иванъ, слуга А. П. Ермолова, т. IV, 150.
— Никита, слуга А. П. Ермолова, т. IV, 150.
— Т. И., т. IV, 231.
- Филиппъ:**
— III, король испанскій, т. V, 381.
— IV, король испанскій, т. V, 388.
— (Федоръ Степ. Колычевъ), московскій митрополитъ, т. VI, 192, 193.
- Филлипъ**, Робертъ, вождь оппозиціи въ англ. парламентѣ, т. IV, 669.
- Философовъ**, генералъ отъ инфантерій, смоленскій военный губернаторъ. Указъ Павла I на его имя, т. VI, 204.
- Филофей**, (Лещинскій), тобольскій архіерей, т. VI, 200.
- Фильдингъ**, англійскій писатель, т. IV, 191, 194.
- Фильдъ**, французенка-гадалка, т. IV, 848—850.
- Фимушинъ**, крестьянинъ Пензенской губ., т. VI, 790.
- Финарди**, агропатъ, т. V, 17, 18, 21.
- Финоменовъ**, священникъ с. Новоспасскаго, Козловскаго у., т. V, 797.
- Фичъ**, королевскій судья, т. IV, 670.
- фонъ-Фитингофъ-Шаль**, прапорщикъ л.-гв. сапернаго баталіона, т. IV, 407, 412, 413.
- Фицгербертъ**, англійскій дипломатъ, т. VI, 684, 685, 687, 692, 695, 697, 698, 701.
- Фишеръ**, англійскій прелатъ, т. IV, 663.
- Флавицій**, Ф. М., доцентъ казанскаго университета, т. IV, 424.
- Флемингъ**, Изабелла. См. Чарторыская.
- Флиммингъ**, ученый, т. IV, 229.
- Флоринскій**, Вас. Марков., дѣйстви- ст. совѣтникъ, профессоръ казанскаго университета. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: „Русскіе простанородны, травники и лечебники“, т. V, 409—411.
- Фляге**, танцовальный учитель писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 302.
- Фонины**: Василій и Григорій, колонисты прусской колоніи Александровка, т. V, 218.
- Фоскъ**, Генри, т. IV, 190.
- Фолей**, Генри, иезуитъ-мірянинъ, т. IV, 664.
- Фонвизинъ**, Денисъ Иван., русскій писатель, т. IV, 356, 676, 679—681.
- Форстенбургъ**, графъ, сынъ герцога Брауншвейгскаго Карла и графини Бранкони, т. V, 123.
- Фортинскій**, Фед. Яков., профессоръ кievскаго университета, т. IV, 942.
- Фотій:**
— Митрополитъ, т. IV, 458.
— (Петръ Спасскій), архимандритъ, настоятель новгородскаго Юрьева монастыря, т. VI, 562—564.
- Франковскій**, Леонъ, начальникъ польской банды, т. IV, 786.
- Франкъ**, штабъ-капитанъ кадроваго баталіона лейбъ-гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка, очевидецъ событія 1 марта 1881 г., т. IV, 895.
- Францъ:**
— I, императоръ австрійскій, т. V, 101—103, 105, 211, 212, 216, 220, 323, 325, 330, 332.
— II (Ракоци), князь трансильванскій, т. V, 204, 218, 219.

- Принц тосканскій, т. V, 386.
Францъ-Юсифъ, австрійскій императоръ. замѣтка о немъ Н. С. Лѣскова, т. IV, 139—146. Упомян. т. V, 480.
Фраудъ, англійскій историкъ, т. IV, 660, 663.
Фридерикъ, т. V, 6.
Фридрихъ:
 — I, первый король прусскій, т. V, 631, 635, 643.
 — II, прусскій король, т. V, 647, 648; т. VI, 125—134.
 — III, курфюрстъ пфальцскій, т. V, 367—378.
 — V, король чешскій, т. V, 380, 381.
 — Великій, германскій императоръ, т. V, 632, 657.
Фридрихъ-Вильгельмъ:
 — Король прусскій, т. IV, 452; т. V, 635, 637—657.
 — III, король прусскій, т. V, 11—15, 212, 213, 349, 361; т. VI, 681.
 — Великій курфюрстъ (бранденбургскій), т. V, 603, 634—638.
Фридь, Альтбергъ, т. V, 414.
Фробень, Леон. Фед., докторъ, т. V, 686.
Фробишеръ, Мартинъ, морякъ, т. VI, 665.
Фрокъ, Карлъ Ив., живописецъ, т. V, 194—196.
Фроловы:
 — Однодворецъ Кочетовской слободы, Козловскаго у., т. V, 801.
 — Полковникъ, баталіонный командиръ, т. IV, 402.
 — Филиппъ, однодворецъ с. Архангельскаго, Борисоглѣбскаго уѣзда, т. V, 798.
Фроссаръ, швейцарецъ, учитель писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 302.
Фрудъ, Джемъ, т. IV, 636.
Фуадъ-паша, великій визирь, т. IV, 793, 820, 821.
Фуатовъ, полковникъ, воевода близерской провинціи, т. IV, 590.
Фуше-де-Карель, графъ, издатель сочиненій Лейбница, т. V, 632.
фонъ-Фюрстенбергъ, римско-католическій епископъ въ Мюнстерѣ, т. V, 37, 42.
Фюрстъ, прусскій канцлеръ и министръ юстиціи, т. V, 655, 656.
- Х.**
- Хагатуръ-Ага-Тохбазовъ**, шуминскій купецъ, т. V, 822.
Ханъмовъ, т. VI, 870.
Хатисовъ, Г. С., т. VI, 870.
- Хвольсонъ**, Дан. Авраамовъ, дѣйствител. статск. совѣтъ, профессоръ петербургскихъ университета и духовной академіи, т. VI, 868.
Хвостовы, графы:
 — А. С., т. VI, 330.
 — Дмитр. Ив., писатель, т. VI, 330.
Хейденъ, Томасъ, римско-католическій священникъ, т. V, 35, 51.
Хельчицкій, Петръ, чешскій ученый, т. IV, 210, 211.
Хилновы, князья:
 — Ст., т. V, 25.
 — Участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 831.
Хлудоновъ, Ив., т. VI, 442, 443.
Хмыровъ, М. Д., писатель. Сообщилъ: первая просьба въ царствованіе императора Павла I. Т. IV, 216—220. Три записочки къ кн. Потемкину отъ неизвѣстныхъ дамъ. Т. IV, 221. Привидѣніе въ Преображенскомъ дворцѣ. Т. IV, 463. Затрудненія при поминаніи Петра III. Т. IV, 931—933. Росписка Анны Ивановной въ займѣ у оберъ-гофмейстера Бестужева-Рюмина денегъ подъ залогъ имѣнія. Т. V, 414. Свѣдѣнія о пенсіяхъ, отпущавшихся въ 1799 году. Т. VI, 677. Распоряженіе Анны Ивановны о пріемахъ въ Петергофѣ. Т. VI, 856.
Хованскій, кн. Вас. Васильев., т. V, 5.
Ховень, баронъ Х. Х., сенаторъ, т. IV, 151.
Ходзьно, капитанъ, революціонеръ, т. IV, 108.
Ходневичъ, графъ, полковникъ польскихъ войскъ, т. V, 139, 140.
Хойнацкій, А. Ѳ. Ст. его: Варлаамъ Шишацкій, бывшій архіепископъ могилевскій, т. V, 522—543.
Холевинскій, польскій революціонеръ, т. IV, 794, 819.
Хоментовскій, генералъ-маіоръ, т. V, 528, 535.
Хомяковъ, Алексій Степан., писатель, т. V, 408.
Хоперскій, Антонъ, однодворецъ с. Ольховки, Борисоглѣбскаго у., сектантъ, т. V, 793.
Хорини, Марья и Матрена, раскольницы с. Сосова, Елатомскаго уѣзда, т. V, 795.
Хоробрить. См. Михаилъ Ярославовичъ.
Храповицкіе:
 — Ив. Семен., петербургскій губернаторъ, т. IV, 151.
 — Марья Вас. См. Сущкова.
Хмановскій, Адальбертъ, польскій генералъ, т. V, 281.
Христіановичъ, С. Ф., т. IV, 290, 281.

Христианъ IV, король датскій, т. V, 383.
Христофоръ, герцогъ вюртембергскій, т. V, 370.

Хруцовъ-Сокольниковъ, племянникъ севастопольскаго героя А. П. Хруцова, т. V, 70.

Хруцовы:

— Александръ Петр., генералъ-адъютантъ, сибирскій генералъ-губернаторъ. Отрывки изъ его дневника, т. V, 70—78.

— Б. П., управляющій калужск. каз. палатой. Письмо его о пребываніи цесаревича Александра Николаевича въ Калугѣ въ 1837 г., т. IV, 866—868.

— Е., рожденная Львова, т. IV, 219.

Худеновъ, С. Н. Ст. его: Бунтъ въ Кандевѣ въ 1861 году, т. VI, 778—793. Сообщ. замѣтку: Умирненіе крестьянъ въ Черной слободѣ, Шацкаго уѣзда, въ 1861 году, т. V, 415—418.

Ц.

Цагарели, Александръ Антон., доцентъ петербургскаго университета, т. VI, 867.
Цвейнгофъ, придворный „статуиныхъ дѣлъ“ мастеръ, т. V, 274.

Цѣтряневичъ, комиссаръ польскаго жонда народоваго, т. IV, 77—82, 84, 85, 90, 91, 101, 116.

Цѣтлаевы:

— И. В. Ст. его: Народные обычаи Аbruццъ (Antonio de-Nino Usi Abruzzesi, 1879), т. IV, 637—656.

— Н. В., т. VI, 869.

Ценкеръ, московскій любитель картинъ, т. V, 194, 195.

Циосани, Н. О., т. VI, 863, 864.

Цитовскій, секретарь тамбовской духовной консисторіи, т. V, 799.

Ч.

Чаадаевъ, муромскій депутатъ въ „Большой Комиссіи“, т. VI, 229, 236.

Чайновскій, (Садыкъ-паша), т. IV, 793.

Чаповъ, Андрей, яницкій казакъ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 677.

Чапскій, графъ, т. VI, 340.

Чарнецкій, Стефанъ, польскій воевода, т. VI, 56—60.

Чарноцкій, Адамъ, собиратель памятниковъ древностей, т. V, 141.

Чарторыскіе, князья:

— Августъ, т. VI, 852.

— Адамъ-Юрій, министръ иностранныхъ дѣлъ. Библиографическая замѣтка

объ изданной биографіи его, т. VI, 850—854. Упомян. т. IV, 79, 164.

— Владиславъ, членъ польской комиссіи единства, т. IV, 85, 783.

— Изабелла, рожденная Флемингъ, т. V, 140.

— Константинъ, стокгольмскій агентъ польскихъ повстанцевъ, т. IV, 101.

— Романъ, генералъ, т. IV, 77.

— Михаилъ, т. VI, 852, 853.

Чарыновъ, Н. В., т. V, 419.

Чеботаревскій, помощникъ окружнаго начальника Вятской губ., т. V, 563.

Чебышевъ, Паф. Львов., тайн. сов., академикъ, т. IV, 421, 424.

Чеглоновъ, Наужъ, т. VI, 207.

Челановскій, Францискъ, чешскій поэтъ, руссофилъ, т. V, 227.

Челищевъ, командиръ Лублинскаго полка, т. IV, 802.

Чемодановъ, стольникъ, т. VI, 6.

Чентуріоне, Паоло, генуэзецъ, т. V, 855.

Черласовы:

— Т. IV, 685.

— Елизавета, баронесса, т. IV, 218.

Чернасскій, князь:

— Нижегородскій помѣщикъ, т. VI, 180, 183.

— Яковъ Куденетовъ, бояринъ, т. V, 934.

Чернасскій-Нурочинскій, кн. Ив. Мих., капитанъ-поручикъ л.-гв. Семеновскаго полка, т. V, 918.

Чермакъ, содержатель пансіона въ Москвѣ, т. IV, 483.

Чернышевы:

— Кн. Александръ Ив., генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, военный министръ, предсѣдатель государственнаго совѣта, т. IV, 472, т. V, 9, 24.

— Гр. Захаръ Григ., генералъ-фельдмаршалъ, т. VI, 223.

— Гр. Ив. Григор., генералъ-фельдмаршалъ, т. IV, 696.

— Гр. тайный совѣтникъ, т. VI, 206, 207.

Чернявскій, археологъ, т. V, 199.

Черныевы:

— Мих. Григ., генералъ-майоръ, главнокомандующій сербскою арміею, т. V, 924.

— Учитель писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 302.

Чернякъ, поручикъ, участникъ ахальтекинской экспедиціи, т. V, 847.

Чертковы:

— А. А., т. V, 408.

— Ив. Вас., т. V, 20.

Чертовъ, подпоручикъ, т. VI, 696.

дд-Чеснола. См. Пальмъ Людвигъ.

Честерфильдъ, Филиппъ-Дормеръ-Стивенсънъ.

Гопъ, англійскій государствен. человекъ, ораторъ и писатель, т. IV, 186.
 Чеховскій, Леонъ, председатель польской комисіи единства и начальникъ польской банды, т. IV, 85.
 Чижевскій, П. А., землевладѣлецъ с. Сорочихъ Горь, т. IV, 627, 628.
 Чиневъ, художникъ-скульпторъ, т. VI, 452.
 Чилаевъ, В. И. пятигорскій предводитель дворянства, т. VI, 449.
 Чин-Сой-Менг-Чунъ, губернаторъ Хами, т. IV, 469.
 Чихачевы:
 — Ассесоръ російской академіи, т. V, 758, 761, 763.
 — Псковскій помѣщикъ, т. V, 757.
 Чичеринъ, Денисъ Ив., генералъ-поручекъ, сибирскій губернаторъ, т. IV, 628; т. V, 678, 679.
 Човгаръ-Тупальскій, Зенько, шляхтичъ, т. VI, 85.
 Чопъ, казакскій полковникъ, т. VI, 61.
 Чубиновъ, Д. И., т. VI, 865.
 Чужбинскій, писатель. См. Аванасевъ.
 Чухинъ, извозчикъ, везшій съ дуэли тѣло М. Ю. Лермонтова, т. VI, 449.

III.

Шамбо, Иванъ Павлов, преподаватель нѣмецкаго языка императору Александру II, т. VI, 347.
 Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, т. IV, 158.
 Шанъ-Гирей:
 — Акимъ Павлов., полковникъ, родственникъ поэта М. Ю. Лермонтова, т. VI, 373, 374, 448.
 — Супруга его, рожденная Клингенбергъ, т. VI, 448—450.
 Шаповаленно, тамбовскій епископъ. См. Θεодосій.
 Шапошниковъ, К. А., т. VI, 869.
 Шарыгинъ, прапорщикъ л.-гв. сапернаго баталіона, впоследствии генералъ и вологодскій губ. предводит. дворянства, т. IV, 407, 408, 412, 413.
 Шатиловъ, т. V, 15.
 Шауманъ, историкъ, т. IV, 672.
 Шаумбургъ, рыцарь, т. IV, 444.
 Шаховскіе:
 — Княжна, внучка поэта Пушкина, т. V, 4.
 — Князь, т. V, 16.
 — Кн. Алекс. Алексѣев. драматургъ, т. V, 361.
 — Кн., черниговскій губернаторъ, т. VI, 450.

Шейновскій, полякъ-арендаторъ д. Константиновки, т. IV, 810, 817.

Шецовы:

— Крестьянинъ, молоканъ, т. V, 789, 790.
 — Тихонъ, шацкій купецъ, пропагандистъ молоканства, т. V, 804.
 Шесбюри, графъ, т. V, 318, 319.
 Шевченко, Тарасъ Григорьев., поэтъ и художникъ. Неизданная повѣсть его: Несчастный, т. IV, 1—45. Упом. т. V, 709, 715, 727; т. VI, 32, 323.
 Шевыревъ, Степанъ Петров., профессоръ, т. IV, 351; т. V, 337.
 Шейновскій, К., писатель, т. V, 709.
 Шеміотъ, флигель-адъютантъ, т. VI, 549.
 Шемьяна. См. Дмитрій Юрьевичъ.
 Шепингъ, т. V, 14.
 Шерверіа (Charvèriat), французскій писатель, т. V, 393, 394.

Шереметевы:

— Гр. А. Д., т. V, 419.
 — Вас. Борис., воевода и бояринъ, т. V, 199, 200.
 — Ив. Вас., бояринъ, т. VI, 193.
 — Петръ Вас., бояринъ, т. VI, 191.
 — Русскій дворянскій домъ т. VI, 185—193.
 — Гр. Сергій Дмитр., издатель сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Библиографическія замѣтки, т. IV, 679—681; т. V, 658—662; т. VI, 434, 435. Упомян. т. V, 419; т. VI, 187.
 Шереметь-бей, военачальникъ султана Магомета II, т. VI, 192.
 Шереметь, Андрей Констант., родоначальникъ Шереметевыхъ, т. VI, 186, 191, 192.
 Шерепери, Стецько, псевдонимъ писателя С. Писаревскаго. См. Писаревскій.
 Шереръ, Вильгельмъ, историкъ нѣмецкой литературы, т. V, 116.
 Шестакова, Л. И., т. VI, 315.
 де-Шетарди, Жакъ-Тротти, маркизъ, французскій посланникъ въ Петербургъ, т. V, 262.
 Шешновскій, т. V, 763.
 Шибановъ, Василій, вѣрный слуга кн. Андр. Мих. Курбскаго, т. VI, 68.
 Шидловскій, т. IV, 608.
 Шимановскій, Я. М., кавказскій гражданскій чиновникъ, т. IV, 151.
 Шипуновъ, Д. П. Сообщ. собственноручный указъ Екатерины II кн. Вяземскому, т. V, 938.
 Ширинскій-Шахматовъ, князь. См. Анны.
 Шишаевъ, совѣтникъ лифляндской юстицъ-коллегіи, т. IV, 123.

Шишацкіе:
— Могилевскій архіепаскопъ. См. Варлаамъ.
— Вас. Ильичъ священникъ, т. V, 525.
Шишацкій-Ильичъ, малороссійскій писатель, т. VI, 33.

Шиховы:
— Александръ Семен., президентъ россійской академіи, т. IV, 455.
— Дѣйств. статск. совѣтникъ, рязанскій гражданскій губернаторъ. Рескриптъ къ нему Александра I, т. IV, 467.

Шноръ, петербургскій книгопродавецъ, т. IV, 224.

Шлейденъ, Матиасъ-Іакобъ, нѣмецкій ученый и писатель. Некрологъ, т. V, 692.

Шлецеръ, Августъ-Людвигъ, профессоръ, исторіографъ. Статья о немъ профессора Бестужева-Рюмина, т. IV, 117—134. Упомян. т. IV, 428.

Шлиманъ, изслѣдователь классической древности, т. IV, 681.

Шлоссеръ, Фридрихъ-Кристофъ, нѣмецкій историкъ, т. V, 639, 640.

фонъ-Шлубугъ, прусскій совѣтникъ, т. V, 650.

Шляпкинъ, Н. Сообщ. замѣтку: Изъ народной литературы XVIII вѣка, т. V, 679—681.

фонъ-Шметау, графы:
— Амалия. См. кня. Голицына.
— Католическій рейхсграфъ и прусскій генералъ-лейтенантъ, т. V, 36.

Шмидтъ, Фед. Богд., экстра-ординарный академикъ, т. IV, 422.

Шреннъ, Леопольдъ Иван., дѣйств. стат. совѣтн., академикъ, т. IV, 422.

Штадельманъ, Р., нѣмецкій историкъ, т. V, 638, 641, 647.

Штегельманъ, полковникъ, баталіонный командиръ, т. IV, 402, 403.

Штейнъ, баронъ, ученый, т. IV, 129.

Штелины:
— Вдова дѣйствит. статск. совѣтника, т. IV, 218.
— Профессоръ аллегорій, т. V, 267, 269.

Штернъ, Людвигъ, ученый, т. VI, 87.

Штыве, ученый, т. V, 364.

Штида, Л. Х., т. VI, 864, 869, 871.

Штикель, начальникъ частнаго пансіона въ Перми, т. V, 766.

Штольбергъ, графъ, т. V, 42.

Штраухъ, Александръ Александр., экстра-ординарный академикъ, т. IV, 422.

Штырской, Федоръ, бѣглый гусаръ. Дѣло о немъ, т. IV, 827, 828.

Шубинскій, Сергій Никол. Замѣтка его: Газета „Голосъ“ и опечатки, т. V, 695, 696.

Шубины:
— Алексѣй Петр., поручикъ Семеновскаго полка, т. VI, 531—547.
— Петръ, помѣщикъ, т. VI, 532.
— Прапорщикъ, фаворитъ императрицы Елизаветы Петровны, т. IV, 203.
— Федотъ Ив., профессоръ скульптуры, т. VI, 17.

Шуваловы:
— Ив. Ив., дѣйств. тайн. совѣтн., оберъ-камергеръ, попечитель московскаго университета, т. V, 444; т. VI, 19, 684.
— Гр. Петръ Андреев., генер.-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, т. V, 924.
— Гр. Петръ Ив., генералъ-фельдмаршалъ. Письмо его къ лейбъ-медіку гр. Лестоку, т. IV, 930, 931. Письмо его къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, т. V, 415.

Шуйскіе, русскій княжескій домъ, т. IV, 197; т. VI, 66.

Шульга, унтеръ-офицеръ, участникъ въ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 847.

Шульгинъ:
— Виталій Яков., профессоръ кіевскаго университета и редакторъ газеты „Кіевлянинъ“, т. IV, 716—723, 726.
— Макарь, участникъ Пугачевскаго бунта, т. V, 678.
— Московскій оберъ-полицеймейстеръ, т. V, 3, 5, 15, 19, 21, 24, 423.

Шульць:
— В. К., т. VI, 678.
— Начальникъ школы въ Вертгеймѣ, т. IV, 118.

Шульчевскій, майоръ, секретарь литературнаго общества друзей Польши, т. IV, 79.

Шуляченко, Александръ Роман., адъютантъ-профессоръ николаевской инженерной академіи, т. IV, 424.

Шумахеръ, академикъ, т. IV, 426, 427.

Шумлянскій, епископъ. См. Кирилль.

Шумскій, Фома, польскій писатель и профессоръ берлинской военной академіи, т. V, 137.

Шумской, придворный актеръ, т. IV, 677.

Шученко, т. IV, 452, 453.

Щ.

Щебальскій, П. К. русскій историческій писатель, т. V, 193—195.

Щелиановъ, Василій, московскій дьякъ, т. V, 546.

Щеманъ Дуденовичъ, племянникъ ордннскаго царя, т. IV, 507, 515.

Щербановъ, Федоръ, нижегородскій солдатъ, т. IV, 164, 165.

Щербанъ, докторъ, участникъ ахаль-

текинской экспедиціи, т. V, 851, 852, 854.

Щербатовы, князья:

— Алексій Григ., генераль-адъютантъ, московскій генералъ-губернаторъ, т. V, 12.

— Ив. Андреев., дѣйствит. тайный совѣтникъ, сенаторъ, т. V, 492.

— Мих. Мих., тайный совѣтникъ, сенаторъ, президентъ камеръ-коллегіи. Ст. о немъ, т. VI, 217—249.

Щербина, Н. Ф., писатель, т. VI, 51, 52.

Щоголевъ, Я., мажороссійскій писатель, т. VI, 33, 51—54.

Щуровскій, Григ. Ефимов., тайный совѣтникъ, профессоръ московскаго университета, т. V, 687.

Э.

Эберманъ, Александр. Леон., дѣйствит. стат. совѣтникъ, докторъ медицины, т. V, 686.

Эберсъ, Георгъ, ученый, т. VI, 87.

Эбертъ, профессоръ англійскаго языка въ Каролинумъ и наставникъ герцога Брауншвейгскаго Карла II, т. V, 121, 122.

Эвенсъ, Пель, англійскій купеч. сынъ, т. IV, 588—590.

Эверсъ, Иоганъ-Филиппъ-Густавъ, профессоръ исторіи и географіи; т. IV, 118. Эйхвальдъ, Эдуар. Эдуар., докторъ медицины, т. V, 686.

Эйхгорнъ, Иоганъ Готфридъ, нѣмецкій ученый, геттингенскій профессоръ, т. V, 145.

Эилювъ, Федоръ Леонт., подпоручикъ Самогитскаго полка, участникъ экспедиціи Н. М. Пржевальскаго, т. IV, 468.

Экстремъ, учитель писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 302.

Эльвудъ, Томасъ, т. IV, 668.

Эльмановскій, Северянъ, польскій литераторъ и революціонеръ, т. IV, 784.

Эмиль, Никита Осипов., дѣйствительный статскій совѣтникъ, профессоръ лазаревскаго института вост. яз., т. VI, 864.

Эмме, совѣтникъ, т. V, 508.

фонъ-Эндювъ, Пет. Петр., полковникъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, флигель-адъютантъ, т. IV, 891.

Эненемъ, учитель писательницы гр. Е. П. Ростопчиной, т. V, 302.

Эразмъ Роттердамскій (Дезидерій), защитникъ реформациі, т. IV, 439, 440, 443.

Эрдеди, графъ, австрійскій губернаторъ, т. V, 230.

Эрстовъ, кн., полковникъ, командиръ Полтавскаго казацкаго полка, т. V, 839.

Эрццовъ, А. Д., т. VI, 865—869.

Эрнстъ-Августъ, ганноверскій принцъ, т. V, 633.

Эртель:

— Преподаватель нѣмецкаго языка императору Александру II, т. VI, 348.

— Федоръ Федор., московскій, а потомъ петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, т. VI, 639, 640.

Эссень, чиновникъ особнхъ порученій вятскаго губернатора, т. V, 562.

Эстергази, кн. Павель-Антонъ, австрійскій дипломатъ, т. V, 324, 325.

Этьемъ, французъ, домашній учитель, т. V, 603; т. VI, 819.

Эфрамъ, директоръ монетнаго двора въ Берлинѣ, т. VI, 127.

Ю.

Юзовъ, I. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Русскіе дессиденты, т. V, 171—178.

Юмудскій, подполковникъ, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 843.

Юнгбемъ, датскій сенаторъ, т. IV, 97.

Юнгманъ, Иосифъ-Яковъ, славянскій филологъ, ректоръ пражскаго университета, т. V, 227.

Юни, московскій антикварій, т. V, 193, 195.

Юрій Владиміровичъ Долгоруиі, сынъ Мономаха, князь ростовскій и суздальскій, а потомъ кіевскій, т. IV, 243—246, 258, 686.

Юрій Всеволодовичъ, князь владимірскій и суздальскій, т. IV, 256—259.

Юрій Даниловичъ, великій князь московскій, внукъ Александра Невскаго, т. IV, 236—238, 494—506, 514, 518, 520.

Юрій Дмитріевичъ, князь галицкій, т. IV, 760, 761.

Юрій Шимановичъ, сынъ варяга Шимона, тысяцкій Суздальской области, т. IV, 243.

Юришь, Иванъ, яцкій казакъ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 677.

Юрвичъ, учитель польскаго языка императора Александра II, т. VI, 347.

Юсуповы, князья:

— Борисъ, т. V, 32.

— Никол. Борисов., дѣйствит. тайн. совѣтн., главноуправляющій экспедиціею кремлевскихъ строеній, т. V, 11, 15, 16, 19, 20, 22, 27, 29, 33.

Юшневичъ, архіепископъ. См. Амвросій. Юшковы:

— Анна Федоров., состоявшая при ребенкѣ-государѣ Иванѣ Антоновичѣ, т. V, 244.

— Капитанъ преображенскаго полка, т. V, 276.

Я.

Яблоновъ, Иванъ, унтеръ-офицеръ, колонистъ прусской колоніи Александровка, т. V, 218.

Яблочковъ, военно-инженерный капитанъ, участникъ ахаль-текинской экспедиціи, т. V, 841, 842.

Яворскій, Семенъ, митрополитъ. См. Стефанъ.

Ягйло-Ольгердовичъ, великій князь литовскій, а потомъ король польскій, основатель династіи Ягеллоновъ, т. IV, 748.

Ягминъ, Іосифъ, польскій революціонеръ, т. IV, 812, 819, 821.

Ягуминскіе, русскій дворянскій домъ, т. IV, 203.

Ядрищевъ, Н. М., изслѣдователь Алтая, т. IV, 228, 229.

Языковы:

— Григ. Петр., т. VI, 441, 442.

— Д. Д. Сообщ. Некрологъ ученаго и писателя А. Н. Полова, т. V, 693—695.

— Федоръ, ростовскій дворянскій депутатъ въ „Большой Коммисіи“, т. VI, 231, 236.

Якимовичъ, греко-униатскій священникъ, т. V, 85.

Якобій, докторъ, т. IV, 472.

Якобсонъ, вице-губернаторъ, т. IV, 449.

Яновлевъ, священникъ с. Богородицкаго. Лебедянскаго уѣзда, т. V, 795.

Яновъ:

— Цъ Стржибра, послѣдователь мученика Яна Гуса, т. IV, 209.

— I (Стюартъ), англійскій король, т. V, 382, 548, 549.

— II, англійскій король, т. IV, 671, 672.

Януковъ, Ренмъ, участникъ Пугачевскаго мятежа, т. V, 679.

Яновскіе:

— Кирилль Петр., дѣйств. статскій совѣтникъ, попечитель кавказскаго учебнаго округа, т. VI, 869.

— Феодоръ, священникъ с. Вишенекъ, Остерскаго у., т. V, 420.

Янсенъ (Janssen). Замятка о его Исторіи нѣмецкаго народа, т. IV, 432—450.

Янсонъ, Ю. Э., учитель петербургской первой гимназіи, т. IV, 716.

Янь-Назміръ, польскій король, т. VI, 59.

Ярмутъ, герцогиня, т. IV, 186.

Ярополъ III Ростиславичъ, князь суздальскій, т. IV, 249—252.

Ярославъ (Федоръ) Владиміровичъ, князь новгородскій, потомъ великій князь владимірскій, т. IV, 257, 258, 260—262.

Ярославъ Ярославовичъ, тверской князь, потомъ великій князь владимірскій, тверской и новгородскій, т. IV, 262, 264, 483, 490.

Ярошевичъ, іеромонахъ. См. Кирилль.

Яруновичъ, Феодоръ, т. IV, 262.

Ястребовъ, Алексѣй, священникъ с. Падоль, тамбовской епархіи, т. V, 788.

Яценко, Александръ Степан., доцентъ кievскаго университета, т. V, 686.

Ө.

Өодоровы:

— Петръ, дьячекъ Шацкой слободы, т. V, 794.

— Прасковья, дѣвочка-убійца, т. IV, 581.

Өодорчюкъ, воевода, т. IV, 508.

Өедоръ:

— Князь ярославскій, а потомъ переславскій, т. IV, 493.

— Тверской владыка, т. IV, 735.

Өедоръ Алексѣевичъ, московскій царь. Грамота его чарондскому воеводѣ Данилову, 1679 г. о розыскѣ бѣглой крестьянки Аграфенки, т. VI, 442, 443. Упомян. т. VI, 666.

Өедоръ Васильевичъ, срътенскій князь, т. IV, 514.

Өедоръ Ивановичъ, московскій царь, т. IV, 242.

Өедоръ Ростиславичъ, ярославскій князь, т. IV, 506.

Өеогность, митрополитъ всея Руси, т. IV, 510, 511, 738.

Өеодосій:

— Владимірскій епископъ, т. VI, 78.

— Греческій императоръ, т. VI, 584.

— (Шановаленко), тамбовскій епископъ, т. V, 792.

Өеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ новгородскій. Биографическая замятка о соч. Морозова: „Өеофанъ Прокоповичъ какъ писатель“, т. IV, 456—458. Упомян. т. V, 424; т. VI, 201, 202.

Өеофилаитъ (Ө. Г. Русановъ), рязанскій архіепископъ, а потомъ первый экзархъ Грузіи, т. V, 690.

Өеофиловъ, Ефимъ, воронежскій однодворческій депутатъ въ „Большой Коммисіи“, т. VI, 236.

Өеофилъ (Раевъ), тамбовскій епископъ, т. V, 799—802.

Өирсовъ, Никол. Алекс., дѣйств. стат. совѣт., деканъ и профессоръ казанскаго университета, т. IV, 627.

Өотій, митрополитъ московскій, т. IV, 761, 769.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскіе и иностранные (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель-редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

